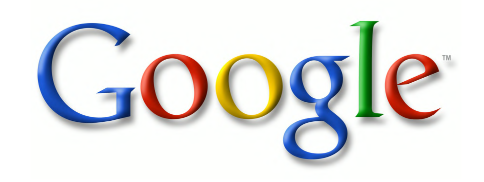
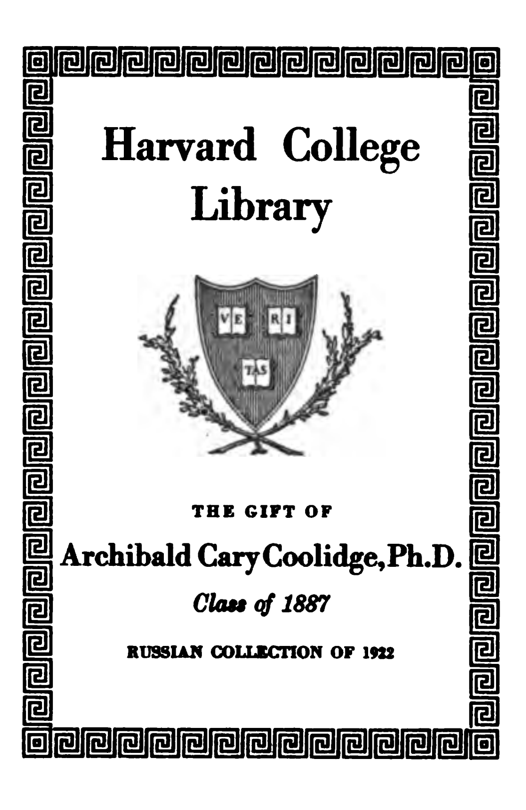

Harvard College
Library
VE
RI
TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
RUSSIAN COLLECTION OF 1922

ГРАФИНЯ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА БРАНИЦКАЯ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 22 ДЕКАБРЯ 1899 Г. СПБ.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"
въ 1900 году
(ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" издается въ 1900 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и предшествовавшія двадцать лѣтъ (1880—1899).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ,** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени".**

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXIX.

1*

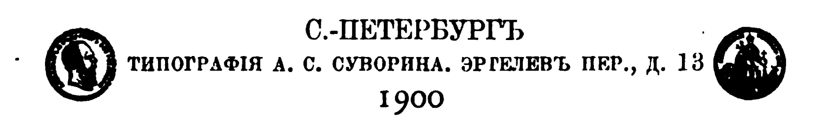
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXIX

1900

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ЯНВАРЬ, 1900

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1900 г.

См. слѣд. стр.

ВЪ ГОДИНУ БѢДСТВІЙ [1].

РОДИЛАСЬ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ дворянской семьѣ, нѣкогда знатной и богатой.

Имя наше, съ самаго основанія государства, было тѣсно связано почти со всѣми историческими событіями въ Россіи. Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, отъ причинъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, фамилія наша стала приходить въ упадокъ. Однако, въ то время, когда я появилась на свѣтъ, дѣдъ мой съ отцовской стороны, князь Романъ Васильевичъ Б—скій, слылъ еще богачемъ. У него былъ большой домъ въ Москвѣ, про обстановку котораго разсказывали чудеса, и гдѣ онъ жилъ одинъ послѣ смерти жены, а также богатое имѣніе верстахъ въ пятидесяти отъ города, которымъ управлялъ его старшій сынъ Левъ Романовичъ, человѣкъ съ большими странностями, и, по всеобщему мнѣнію, ни на что, кромѣ занятій сельскимъ хозяйствомъ, неспособный. Его строгій и взыскательный отецъ, слывшій и въ то жестокое время за человѣка крутого нрава, давно махнулъ на него рукой, какъ на продолжителя своего рода и какъ на государственнаго дѣятеля: прервавъ блестящее воспита-

[1]) Въ 1874 г. я познакомилась и близко сошлась въ Парижѣ съ Елисаветой Борисовной де-Сабри, русской по происхожденію, но на девятнадцатомъ году покинувшей, вмѣстѣ съ мужемъ, Россію и поселившейся во Франціи. Въ это время ей было уже слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ, она никуда не выѣзжала, и я проводила у нея иногда цѣлые дни, съ интересомъ слушая ея разсказы о злоключеніяхъ, испытанныхъ ею въ молодости. Эти разсказы я тогда же набрасывала на бумагу и теперь, приведя ихъ въ порядокъ, считаю болѣе удобнымъ изложить повѣсть жизни покойной де-Сабри, ведя разсказъ отъ ея имени.

ніе, которое ему давалось отчасти за границей, отчасти дома, съ помощью иностранныхъ учителей и гувернеровъ, онъ отправилъ его двадцати лѣтъ въ деревню, управлять мужиками и собирать доходы, а всѣ свои надежды и любовь перенесъ на меньшаго сына.

Это случилось задолго до моего рожденія.

Въ раннемъ дѣтствѣ я помню себя въ маленькомъ деревянномъ домѣ съ мезониномъ, скромно ютившемся между широкимъ дворомъ и садомъ, очень старымъ и запущеннымъ, выходившимъ въ одинъ изъ переулковъ, близъ Басманной.

Въ домѣ этомъ, доставшемся папенькѣ по наслѣдству отъ какой-то бездѣтной родственницы, и которому мы раньше не придавали никакой цѣны, намъ, дѣтямъ, невзирая на скромность обстановки и на отсутствіе даже и намека на роскошь, жилось такъ хорошо, что время это мы, по истинѣ, могли считать единственно свѣтлымъ и счастливымъ въ нашемъ дѣтствѣ и отрочествѣ. Мы были окружены попеченіемъ нѣжной и любящей матери, наслаждались ласками обожаемаго отца, у насъ былъ густой и тѣнистый садъ, изъ котораго мы лѣтомъ почти не выходили, обширный дворъ для прогулокъ зимой и множество дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, принимавшихъ участіе въ нашихъ затѣяхъ; прошлое было отъ насъ сокрыто, а въ будущее намъ и въ голову не приходило заглядывать, чего же больше желать?

Насъ было трое: два брата и я. Сережа былъ на два года меня старше, а Рома на пять лѣтъ моложе. Домъ нашъ, считавшійся, по тогдашнимъ понятіямъ, очень малымъ и убогимъ, былъ помѣстителенъ и занималъ со службами пространство земли, достаточное для постройки пяти домовъ современной архитектуры. Онъ состоялъ изъ десяти—двѣнадцати комнатъ, свѣтлыхъ и просторныхъ, со множествомъ чулановъ и кладовыхъ, изъ длиннаго, свѣтлаго коридора и двухъ сѣней, парадныхъ и черныхъ, такихъ обширныхъ, что въ настоящее время, столь экономное на пространство, изъ нихъ непремѣнно сдѣлали бы нѣсколько комнатъ, въ которыхъ съ большимъ удовольствіемъ помѣстилось бы семейство изъ такъ называемаго, хорошаго общества. Но въ то время жизненныя условія были не тѣ, что теперь, и я помню, какъ папенька сокрушался, что не можетъ предоставить намъ лучшаго помѣщенія.

— Къ намъ и принять никого нельзя!

Фразу эту мы такъ часто слышали, что привыкли приписывать затворническую жизнь маменьки исключительно тѣснотѣ нашего помѣщенія, тогда какъ на это были еще другія причины, тщательно отъ насъ, дѣтей, скрываемыя.

Въ то время, кромѣ дяденьки Льва Романовича да пожилой дамы, родственницы нашего отца, которую мы звали тетенькой Екатериной Ивановной, никто у насъ не бывалъ. Дядя пріѣзжалъ точно украдкой, торопливо проходилъ въ спальню маменьки и все время,

что онъ у насъ оставался, мы не смѣли выходить изъ дѣтской, чтобъ не мѣшать имъ разговаривать. Иногда онъ про насъ спрашивалъ, и когда насъ къ нему приводили, онъ давалъ намъ цѣловать свою руку и предлагалъ намъ вопросы о томъ, чему мы учимся, такимъ серьезнымъ тономъ, что, отвѣтивъ, какъ умѣли, мы рады были, когда маменька приказывала намъ знакомъ удалиться.

Другимъ звеномъ, соединявшимъ насъ съ родственнымъ міромъ, отъ котораго мы, по волѣ дѣдушки Романа Васильевича, были отстранены, служила вышеупомянутая тетенька Катерина Ивановна, считавшая своимъ долгомъ навѣщать насъ разъ пять-шесть въ годъ. Особа эта, невзирая на свою тучность, замѣчательно живая и словоохотливая, вносила въ нашу мирную жизнь много шума, тревоги и горя. Сыпала она вопросами, на которые, вѣроятно, было очень тяжело отвѣчать, и разсказами, безъ сомнѣнія, непріятнаго свойства, если судить по тому, какъ разстроена была маменька послѣ каждаго посѣщенія, а также какъ ворчала на нее няня.

Впослѣдствіи мы узнали, что тетенька Катерина Ивановна встрѣчалась съ нашимъ отцомъ въ обществѣ, гдѣ, надо въ томъ сознаться, поведеніе его подавало поводъ къ безконечнымъ сплетнямъ. Сплетни эти тетенька считала своимъ долгомъ передавать маменькѣ, съ добрымъ намѣреніемъ, можетъ быть, такъ какъ она была, кажется, не злая женщина, но не даромъ же говорится, что адъ вымощенъ добрыми намѣреніями.

Каждый годъ, съ первымъ саннымъ путемъ, пріѣзжала къ намъ еще гостья изъ маменькинаго хутора въ Малороссіи, Варвара Петровна, съ обозомъ домашней птицы, окороками, масломъ, мукой и тому подобными деревенскими продуктами, которыми мы продовольствовались почти круглый годъ.

Особа эта представляла полнѣйшій контрастъ съ тетенькой: маленькая, худенькая, съ добрымъ сморщеннымъ лицомъ и умными ласковыми глазами, она способна была однимъ своимъ присутствіемъ разогнать самую злую тоску и умѣла представить всякую бѣду въ такомъ свѣтѣ, что она переставала казаться бѣдой. Всѣ въ домѣ, начиная отъ послѣдняго двороваго мальчишки и кончая нашими родителями, называли ее бабушкой, хотя она никому родней не доводилась и была вывезена родителями нашей матери изъ-подъ Вологды.

Варвара Петровна была крѣпостная. Умирая, господа поручили ей единственную свою дочь, и то, что эта простая, безграмотная женщина сдѣлала для сироты, отданной на ея попеченіе, покажется нынѣшнимъ людямъ невѣроятнымъ и невозможнымъ. Начала она съ того, что, похоронивъ барыню, скончавшуюся съ годъ послѣ мужа, она поѣхала съ трехлѣтней своей барышней въ губернскій городъ къ воеводѣ и, объяснивъ ему, въ какомъ она затруднительномъ положеніи относительно дитяти, котораго надо воспитывать

по-барски, стала ему доказывать, что онъ обязанъ взять эту обузу на себя. Но, что покажется еще невѣроятнѣе, это то, что совершенно посторонній человѣкъ, какимъ былъ воевода для этого ребенка, обремененный къ тому же собственной большой семьей, не нашелъ возможнымъ отказаться отъ навязываемой ему отвѣтственности и хлопотливой обязанности и оставилъ дѣвочку въ своей семьѣ.

О томъ, какъ воспитывалась сирота въ домѣ своихъ благодѣтелей и какая женщина изъ нея вышла, будетъ видно изъ послѣдующаго.

Каждый годъ Варвара Петровна пріѣзжала изъ хутора, которымъ она управляла безконтрольно, въ городъ навѣстить свою барышню и собственными глазами убѣдиться, что она растетъ, хорошѣетъ и набирается ума на-диво.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она отдавала ей отчетъ въ управленіи ея состояніемъ и привозила ей деньги, вырученныя отъ продажи пшеницы, овса и прочаго, зорко слѣдя за тѣмъ, чтобъ она ничѣмъ не обязывалась чужимъ людямъ, кромѣ ласки, которую, какъ сиротѣ, положено ей было оказывать самимъ Богомъ.

Уговорить Варвару Петровну взять вольную удалось только послѣ свадьбы барышни и когда ее заставили понять, что въ званіи крѣпостной ей не такъ будетъ удобно управлять имѣньицемъ своей питомицы, какъ свободнымъ человѣкомъ.

Не думали воспитатели маменьки, благословляя ее подъ вѣнецъ съ блестящимъ красавцемъ изъ знатной и богатой семьи, что ей съ дѣтьми придется существовать исключительно на доходы съ хутора, управляемаго Варварой Петровной, а между тѣмъ такъ именно и вышло: князь Б-скій такъ безумно влюбился въ сироту Сонюшку, что, не надѣясь получить согласія на бракъ съ нею отъ отца, рѣшился обойтись безъ этого согласія.

Знали ли объ этомъ маменькины воспитатели? Очень можетъ быть, что и знали, но не рѣшились препятствовать тому, что всѣми считалось для нея великимъ счастіемъ. А можетъ быть, папенька, со свойственнымъ ему легкомысліемъ и восторженностью, всѣхъ, и въ томъ числѣ невѣсту, ввелъ въ заблужденіе относительно правилъ и характера своего родителя. Такъ или иначе, но молодую ждало жестокое разочарованіе по пріѣздѣ ея въ Москву: отецъ мужа наотрѣзъ отказался ее видѣть.

Женитьба любимаго сына на бѣдной сиротѣ изъ незнатной дворянской семьи, безъ связей и приданаго, привела старика въ такую ярость, что съ нимъ сдѣлался нервный ударъ, отъ котораго онъ хотя и оправился, но до конца жизни сохранилъ болѣзненную раздражительность. Никто не осмѣливался въ его присутствіи упоминать имени нашего отца, а матери нашей и того менѣе.

Съ каждымъ годомъ надежда на примиреніе становилась сла-

бѣе. Напрасно ѣздилъ къ нему сынъ послѣ рожденія каждаго ребенка, чтобъ испросить благословеніе новорожденному внуку, дальше первой залы ему не удавалось проникнуть: каждый разъ старый камердинеръ, Иванъ Дмитріевичъ, со слезами ему объявлялъ, что его сіятельство не желаютъ его видѣть.

Можно себѣ представить, какъ терзалась наша мать такимъ семейнымъ положеніемъ! Какъ она упрекала себя въ томъ, что была, хотя невольно, его причиной!

Надо было знать ея чувствительную душу, чтобы это понимать.

Что же касается насъ, мы знали о существованіи дѣда только потому, что каждое утро и каждый вечеръ поминали его имя во время молитвы, вслѣдъ за именами нашихъ родителей. На вопросъ: «почему мы никогда его не видимъ?» намъ отвѣчали, что онъ не любитъ дѣтей. И долго объясненіе это насъ удовлетворяло.

Что было несравненно труднѣе — это примириться съ частыми отлучками отца нашего изъ дома. Мы его обожали. При немъ было такъ весело, что бо̀льшаго счастья, какъ быть съ нимъ, мы не могли себѣ даже представить. Но у него было такое множество друзей въ городѣ, и онъ такъ привыкъ къ разсѣянной, свѣтской жизни, что рѣдко доставлялъ намъ это счастье.

За то маменька никуда безъ насъ не выѣзжала, и я не помню, чтобъ она хоть разъ воспользовалась нашей каретой, чтобъ ѣхать куда бы то ни было, кромѣ какъ въ нашу приходскую церковь или кататься. Все свое время посвящала она дѣтямъ и заботамъ по дому. Жили мы только доходами съ ея хутора, а отецъ, которому дѣдушка ничего не давалъ, тратилъ безъ счета на свои удовольствія деньги, занимаемыя у ростовщиковъ, но, невзирая на это, мы держали многочисленную дворню, въ числѣ которой было множество бѣлошвеекъ. Впрочемъ, эти послѣднія съ избыткомъ окупали свое содержаніе прелестными работами по батисту и кисеѣ, которыя маменька продавала черезъ пріятельницу няни, попадью, московскимъ щеголихамъ.

Папенька, конечно, про это ничего не зналъ. Онъ пришелъ бы въ ужасъ и отчаяніе, еслибъ ему сказали, что его красавица, Сонюшка, занимается коммерціей, чтобъ собрать нѣсколько сотенъ рублей ему же на изящное бѣлье, на одежду дѣтямъ и на ливреи прислугѣ.

Бѣдный папенька, его такъ легко было обмануть!

Да, у него было множество недостатковъ и даже пороковъ, причинявшихъ какъ ему, такъ и близкимъ его, непоправимое зло, а между тѣмъ обаятельнѣе человѣка трудно было найти. Въ этомъ сознавались всѣ, кто его зналъ, и странно было бы удивляться, что влюбленная въ него до безумія жена покоряется всѣмъ его требованіямъ и причудамъ, считая себя счастливой, когда онъ

былъ доволенъ. До конца своей короткой жизни находилась она подъ обаяніемъ его ума, красоты и блестящей талантливой натуры.

И не она одна, а весь домъ, можно сказать, былъ въ него влюбленъ. Не было у насъ такого горя, которое не превратилось бы въ радость отъ его поцѣлуя, ласковаго слова или даже взгляда. Когда онъ появлялся передъ нами блестящимъ метеоромъ, всегда щегольски разодѣтый, надушенный, жизнерадостный, съ милою улыбкой на губахъ и съ восторженно сверкающимъ взглядомъ красивыхъ, выразительныхъ глазъ, всѣ ощущали какой-то особенный подъемъ духа, точно дождались того, чего давно желали, и все непріятное позабывалось. Хотѣлось только имъ любоваться и слушать его чудный, хватающій за душу голосъ, когда онъ пѣлъ модныя въ то время аріи или разсказывалъ, со свойственнымъ ему тонкимъ и добродушнымъ юморомъ, анекдоты изъ большого свѣта, гдѣ его продолжали принимать съ распростертыми объятіями, невзирая на то, что онъ былъ въ опалѣ у отца.

Благодаря ростовщикамъ, папенька цѣлыхъ десять лѣтъ продолжалъ вести жизнь богача, не задумываясь о завтрашнемъ днѣ и избѣгая въ разговорахъ съ женой всякаго намека на денежныя затрудненія, какъ вдругъ, въ одно прескверное утро разразилась буря, ужъ давно съ трепетомъ ожидаемая маменькой и преданными ей людьми: няней, Варварой Петровной и старѣйшими изъ нашихъ слугъ. Явился незнакомецъ съ извѣстіемъ, что за какой-то неоплаченный долгъ, нашему отцу грозитъ исключеніе изъ членовъ англійскаго клуба.

Надо было, во что бы то ни стало спасти его отъ такого страшнаго позора, а для этого оставалось одно средство: отдать маменькинъ хуторъ въ обезпеченіе долга.

Разумѣется, она ни минуты не задумалась принести требуемую жертву и тотчасъ послѣ того, какъ бумага была подписана, папенька уже рыдалъ у ея ногъ, моля о прощеніи и завѣряя всѣми святыми, что посвятитъ всю свою жизнь семьѣ.

Это былъ счастливый для насъ день, и я помню, какъ мы досадовали на няню и на Варвару Петровну (которая въ то время у насъ гостила), что онѣ вмѣсто того, чтобъ радоваться счастливому случаю, вернувшему папеньку въ семью, сокрушались о томъ, что у насъ совсѣмъ могутъ отнять нашъ хуторокъ.

Впрочемъ, повидимому, и папенька раздѣлялъ эти опасенія; никогда не видѣли мы его такимъ смущеннымъ и озабоченнымъ нашей судьбой, какъ въ первые дни послѣ согласія маменьки пожертвовать послѣднимъ достояніемъ, чтобъ спасти его честь. Онъ не выходилъ изъ дома, старался нами заниматься и увѣрялъ, что лучше и воспитаннѣе насъ нѣтъ дѣтей во всей Москвѣ.

— Увѣряю тебя, что у Бутурлиныхъ и у Голицыныхъ дѣти не говорятъ такъ свободно пофранцузски, какъ наши, а въ музыкѣ

ты съ ними достигла поразительныхъ результатовъ! Лиза играетъ на клавикордахъ не хуже княжны Мещерской, которая старше ея на три года и ученица Пучини,—повторялъ онъ нашей восхищенной матери, осыпая насъ ласками.

Со свойственнымъ ему восторженнымъ оживленіемъ, толковалъ онъ о будущности братьевъ, о своей поѣздкѣ въ Петербургъ, чтобъ хлопотать о зачисленіи ихъ въ только что открытый Царскосельскій лицей, или въ школу колонновожатыхъ, а также для пріисканія себѣ службы. Съ его способностями, умомъ и связями это казалось такъ легко!

Маменька ожила. Упорный кашель, часто по цѣлымъ ночамъ не дававшій ей заснуть, совсѣмъ пересталъ ее мучить. Подъ вліяніемъ ласкъ и обѣщаній обожаемаго мужа она хорошѣла, какъ цвѣтокъ подъ живительными лучами солнца, ея серебристый смѣхъ раздавался по всему дому. Но однажды вечеромъ, папенька попросилъ ее спѣть съ нимъ тотъ самый дуэтъ, который они пѣли въ первый годъ послѣ свадьбы. Она уступила его просьбамъ и начала довольно смѣло, но продолжать не смогла: голосъ ея оборвался въ припадкѣ сильнаго кашля и, увидавъ кровь на платкѣ, который она прижала къ губамъ, отецъ, внѣ себя отъ испуга, сталъ рвать на себѣ волосы и упрекать себя въ томъ, что онъ ее убиваетъ.

Напрасно увѣряли его, что такіе припадки кашля съ кровью не въ первый разъ съ нею случались, онъ въ отчаяніи своемъ ничего не хотѣлъ слушать и тогда только немного успокоился, когда сама больная стала его просить не пугать дѣтей шумнымъ горемъ. Всю ночь, не раздѣваясь, провелъ онъ у ея постели. А она, между тѣмъ, пользуясь тѣмъ, что онъ на слѣдующее утро высыпался, поднялась въ обычный часъ съ постели и, объявивъ намъ, что пора приниматься за дѣло, занялась съ нами уроками, прерванными папенькинымъ возвращеніемъ къ семейному очагу.

Съ этого дня, невзирая на его присутствіе, началась снова наша обычная жизнь. Съ восьми часовъ утра до двухъ, т.-е. до обѣда, мы занимались музыкой, рисованіемъ и науками, по строго выдержанной системѣ. Другой учительницы, кромѣ маменьки, у насъ не было. Все утро переходила она изъ диванной, гдѣ я съ Сережей упражнялась на стареньких клавикордахъ, въ классную, гдѣ мы зубрили грамматику, географію, исторію и миѳологію по маленькимъ книжечкамъ, по которымъ она сама училась, а въ промежуткахъ она заглядывала въ дѣвичью на антресоляхъ, гдѣ бѣлошвейки вышивали по узорамъ, ею же сочиненнымъ и нарисованнымъ. Въ занятіяхъ по хозяйству ей помогала няня, но только въ мелочахъ; верховной своей власти воспитательницы дѣтей и хозяйки дома, она никому не уступала.

Когда во время занятій она посылала котораго нибудь изъ насъ съ порученіемъ къ нянѣ, мы, пробѣгая черезъ залу, видѣли папеньку,

прохаживавшагося большими шагами взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину. Какой у него былъ несчастный, удрученный видъ! Какъ онъ долженъ былъ скучать, прислушиваясь къ монотоннымъ гаммамъ и этюдамъ, безъ перерыва разносившимся по всему дому изъ диванной, покрывая отдаленный грохотъ экипажей, катившихся по улицѣ, въ которую упирался нашъ переулокъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ той минуты, когда накроютъ на столъ, и магическія слова «кушать подано» вызовутъ маменьку со всѣми нами въ столовую.

Вечеръ принадлежалъ ему. Онъ съ нами игралъ, заставлялъ насъ пѣть хоромъ, самъ пѣлъ, декламировалъ, представляя цѣлыя сцены изъ видѣнныхъ трагедій и комедій, читалъ монологи. И какъ искусно! Ему ничего не стоило заставлять насъ хохотать, дрожать отъ страха или плакать. Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждали наступленія вечера!

Но, увы, счастье наше было непродолжительно! Отецъ нашъ многимъ въ Москвѣ былъ нуженъ, и его надолго у насъ не оставили. Съ первыхъ дней его добровольнаго заточенія въ семьѣ, стали подъѣзжать къ запертымъ воротамъ нашего дома кареты, съ запятокъ соскакивали ливрейные лакеи, которые прибѣгали съ докладомъ о желаніи такого-то или такого-то повидать Бориса Романовича. Но, должно быть, папенька серьезно рѣшился остепениться и порвать сношенія съ прежними друзьями: всѣмъ приказано было отвѣчать, что барыня больна, и баринъ никого не принимаетъ. Однако, друзья не унимались, продолжали о немъ освѣдомляться и, наконецъ, одинъ изъ нихъ, тотъ самый князь, для котораго года два тому назадъ отецъ нашъ выкралъ изъ купеческаго дома красавицу, соскучившись кутить безъ обычнаго товарища, рѣшился на отчаянное средство, чтобъ извлечь пріятеля изъ заточенія: безъ доклада проникъ въ прихожую, ни слова не говоря, сбросилъ плащъ на руки оторопѣвшаго казачка и вошелъ въ залу, гдѣ пріятель его совершалъ свою ежедневную, тоскливую, одинокую прогулку, въ ожиданіи обѣда.

Радостныя восклицанія друзей раскатились по всему дому, заглушая даже гулъ гаммъ, а минуту спустя, папенька съ сіяющимъ лицомъ вошелъ въ классную, увелъ маменьку знакомиться съ незванымъ гостемъ, а за тѣмъ уѣхалъ съ нимъ на какую-то репетицію, обѣщая непремѣнно вернуться къ обѣду.

Но онъ не пріѣхалъ обѣдать ни въ этотъ день, ни въ послѣдующіе, и какъ бывало раньше, часто не возвращался и на ночь, и маменька выходила къ намъ утромъ съ распухшими отъ слезъ глазами.

А тутъ явилась къ намъ вскорѣ и тетенька, которую мы ужъ давно не видали, и посыпались разсказы объ успѣхахъ нашего отца въ томъ обществѣ, къ которому мы не принадлежали, и гдѣ все намъ было такъ чудно, какъ еслибъ мы жили на другой планетѣ.

— Просто рвутъ твоего Бориса Романыча на части, такъ онъ всѣмъ милъ и нуженъ,—затараторила она еще въ прихожей, не дождавшись, чтобъ лакей снялъ съ нея салопъ и теплые сапоги.— Спектакль у Голицыныхъ, живыя картины у Обрѣзковыхъ, пастораль у Титовыхъ, и къ довершенію всего,—маскарадъ у свѣтлѣйшаго! И твой благовѣрный вездѣ дирижируетъ, во всемъ участвуетъ, всѣхъ учитъ, одѣваетъ, ну, однимъ словомъ, нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ... Да что! даже Матаваеву манерамъ учитъ! И съ успѣхомъ, говорятъ! Брюхомъ впередъ, какъ бывало прежде, ужъ теперь не претъ... Вотъ онъ какой у тебя мастеръ... на все, что не нужно...

И невзирая на смущеніе маменьки, умолявшей ее знаками прекратить этотъ неприличный разговоръ при людяхъ и при дѣтяхъ, она вдругъ спросила: — А неужели это правда, что ты хуторишко свой заложила, чтобы долгъ его уплатить? Ну, ужъ это, матушка, позволь тебѣ сказать, совсѣмъ глупо! они тебя въ семью не хотятъ принимать изъ-за бѣдности, а ты за нихъ долги платишь!

Прежде чѣмъ возражать своей непрошенной заступницѣ, маменька отослала насъ въ классную съ запрещеніемъ выходить оттуда, пока насъ не позовутъ, а потому продолженія разговора мы не слышали, однако онъ не остался безъ послѣдствій: тетенька такъ усердно звонила по всему городу про великодушный поступокъ нашей матери, что слухъ объ этомъ дошелъ до дѣдушки; но если тетенька разсчитывала этимъ тронуть его сердце въ пользу невѣстки, то она ошиблась: онъ объявилъ, что еслибъ эта послѣдняя пошла милостыню просить съ дѣтьми по Москвѣ, то онъ и тогда не подалъ бы ей даже ломтя хлѣба.

— Вотъ какимъ звѣремъ сталъ!—негодовала наша покровительница.

Но маменька ничѣмъ не возмущалась. Она ужъ сознавала близость смерти и относилась ко всему земному равнодушно. За мученическую жизнь и безропотную покорность Его волѣ Господь ее такъ возлюбилъ, что даровалъ ей способность прозрѣвать еще при жизни то, что доступно однимъ безплотнымъ духамъ. Всѣмъ она прощала, всѣхъ она любила и увѣщевала насъ не ждать благъ отъ земной жизни и искать сокровище свое тамъ, гдѣ никто отнять его не можетъ.

Но къ послѣднимъ ея минутамъ мнѣ придется еще вернуться, а теперь, чтобъ послѣдующія событія были понятны, надо разсказать, что произошло послѣ того, какъ нашъ отецъ временно вернулся въ семью.

Послѣ этого событія маменька прожила еще годъ. И годъ этотъ можно назвать, по истинѣ, роковымъ для меня съ братьями: злой духъ, въ образѣ Дарьи Алексѣевны Матаваевой, началъ ужъ парить надъ нашей семьей, отравляя духовную атмосферу, окружающую насъ.

Явнаго столкновенія между нами и этой женщиной еще не

происходило, мы никогда ея не видѣли, но о существованіи ея уже знали. Про нее, украдкой и таинственно понижая голосъ, много говорили у насъ въ домѣ.

И она про насъ знала и такъ нами интересовалась, что познакомилась съ докторомъ, лѣчившимъ нашу мать, съ исключительною цѣлью узнавать про успѣхи болѣзни, которая должна была привести ее къ смерти, а люди ея, по ея приказу, безъ сомнѣнія, всячески старались завязать сношенія съ нашею дворнею, чтобъ разузнавать о томъ, что у насъ дѣлается.

Отецъ нашъ былъ давно знакомъ съ этою загадочною личностью. Достаточно прославилась она по всей Москвѣ красотою, богатствомъ, распущенностью и грубыми, дикими выходками, чтобъ такой любитель эксцентричности во всѣхъ видахъ, какимъ онъ былъ всю свою жизнь, обратилъ на нее вниманіе даже въ такомъ случаѣ, еслибъ они не принадлежали къ одному и тому же обществу свѣтскихъ прожигателей жизни.

Но замѣчательно, что сближеніе ихъ началось съ такой ненависти другъ къ другу, что когда они сталкивались у общихъ знакомыхъ, что случалось почти ежедневно, хозяева были въ страхѣ, чтобъ не произошло скандала.

И не безъ основанія. Оскорблять и ставить другъ друга въ непріятное или смѣшное положеніе было ихъ любимымъ развлеченіемъ. Папенька преслѣдовалъ свою «антипатію», какъ онъ называлъ г-жу Матаваеву, остроумными серказмами ловко и не нарушая правилъ порядочности, заставляя ее запутываться въ сѣтяхъ собственнаго невѣжества, пошлости и наглости, а она мстила ему по-своему, не останавливаясь передъ клеветой, чтобъ повредить ему въ мнѣніи людей, которые, по его милости, иначе какъ съ насмѣшливой улыбкой съ нею не говорили. Въ ярости своей она все забывала: и темное свое происхожденіе, и недостатокъ воспитанія (она еле умѣла читать), и то, что, ворвавшись въ общество, только благодаря замужеству со старикомъ, оставившимъ ей послѣ смерти, вмѣстѣ съ именемъ, огромное состояніе, она не могла ни съ кѣмъ изъ этого общества стать на равную ногу и еще менѣе поколебать обаяніе человѣка, котораго тутъ знали съ дѣтства, любили и продолжали любить, какъ своего, невзирая на его недостатки и размолвку съ отцомъ.

Но Матаваева ничего этого не желала брать въ соображеніе и долго бы еще продолжала забавлять общество своими враждебными выходками противъ всеобщаго любимца, еслибъ не перешла границы того, что можно называть шуткой, и не придала бы сразу серьезный характеръ этой забавѣ: она какими-то путями познакомилась съ дѣдушкой, и послѣдствіемъ этого знакомства оказалась запродажная запись, совершенная старикомъ на домъ, который долженъ былъ достаться старшему его сыну послѣ его смерти.

Когда про это узнали, всѣ испугались за папеньку и не безъ основанія: она громко хвасталась, что и родовое имѣніе подъ Москвой, принадлежавшее князьямъ Б-мъ съ незапамятныхъ временъ, перейдетъ въ ея руки.

Это казалось вполнѣ возможнымъ. Она сумѣла такъ подбиться къ старику, что онъ жить безъ нея не могъ, и про ихъ отношенія стали ходить странные слухи. Онъ не скрывалъ, что помолодѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ она его навѣщаетъ, и дѣйствительно всѣ находили его за послѣднее время бодрѣе и живѣе прежняго, а она всѣмъ повторяла, что не промѣняетъ дружбу съ такимъ умнѣйшимъ человѣкомъ, какъ князь Романъ Васильевичъ, на ухаживаніе самыхъ блестящихъ молодыхъ кавалеровъ, и что дружба эта имѣетъ на нее самое благотворное вліяніе.

Въ послѣднемъ, если судить по наружному виду, она была права: встрѣчаясь съ нею, прежніе знакомые не узнавали ея, такъ скромно и прилично она старалась себя держать.

— Вотъ увидите, что она женитъ на себя старика,—говорили въ городѣ.

Всѣхъ предположеніе это смѣшило, но невозможнымъ его не считали. Развѣ первый ея мужъ не былъ тоже богатый и родовитый человѣкъ? Находили только, что ей надо торопиться, того и гляди, старикъ умретъ, не успѣвъ сдѣлать ее княгиней.

II.

Одно изъ послѣдствій маменькиной смерти было знакомство наше съ дѣдушкой.

Маменька въ бѣломъ атласномъ, подвѣнечномъ платьѣ, немного пожелтѣвшемъ отъ времени (оно хранилось болѣе двѣнадцати лѣтъ въ большомъ сундукѣ въ кладовой), лежала на столѣ въ залѣ, спокойная и холодная, съ закрытыми глазами. Длинныя, неподвижныя рѣсницы оттѣняли блѣдность милаго молодого лица, съ сомкнутыми губами, казавшагося вылѣпленнымъ изъ воска, такъ были тонки и прозрачны черты его. Въ сложенныхъ на груди рукахъ былъ вложенъ тотъ самый золотой съ мощами крестъ, который она такъ страстно прижимала къ губамъ до послѣдняго издыханія. У изголовья и въ ногахъ ея послѣдняго земного ложа стояли высокіе, мѣдные, позолоченные подсвѣчники съ зажженными восковыми свѣчами, принесенными изъ нашей приходской церкви, а въ перемѣну съ монахиней изъ сосѣдняго монастыря, дьячокъ Потапычъ, нашъ хорошій знакомый (онъ всегда приходилъ съ батюшкой служить молебны и всеночныя у насъ въ домѣ), въ сѣромъ нанковомъ подрясникѣ, съ рыжеватой косичкой и добрымъ, бабьимъ лицомъ, гнусаво и на распѣвъ, съ вздохами и придыханіями, читалъ книгу въ замасленномъ переплетѣ съ мѣдными застежками, въ

которой такъ краснорѣчиво говорится о суетѣ и преходимости всего мірскаго и повелѣвается ежечасно готовиться къ переходу въ вѣчность.

Въ дверяхъ и вдоль стѣнъ тѣснились люди въ скромныхъ одеждахъ, съ скорбными лицами и заплаканными, испуганными глазами. Между ними были не одни наши дворовые, а также и такіе, которыхъ мы видѣли въ первый разъ, но насъ не удивляло, что они тутъ, мы не спрашивали себя, для чего они пришли и почему ихъ пустили. Не такое было время, чтобъ чему бы то ни было удивляться. На насъ всѣ смотрѣли съ состраданіемъ и любопытствомъ, но мы были въ такомъ оцѣпенѣніи отъ поразившаго насъ удара, что не могли еще вполнѣ понимать, что именно съ нами случилось.

Мы знали, что маменьки съ нами больше нѣтъ. Она насъ благословила, поцѣловала и уснула, чтобъ никогда больше не проснуться на землѣ. Передъ нами лежало ея тѣло, а сама она ушла туда, откуда никогда не возвращаются.

Никогда!

Сознаніе такого ужаса не вмѣщалось въ нашемъ дѣтскомъ умѣ и съ упорствомъ отчаянія отталкивалось сердцемъ, а душа хотя и изнывала въ тоскѣ, но еще безсознательно, отъ смутнаго предчувствія холода, мрака и одиночества, ожидавшихъ насъ въ будущемъ. Съ жуткимъ страхомъ передъ наступающею неизвѣстностью прижимались мы другъ другу, ища опоры въ любви, какъ въ единственномъ убѣжищѣ отъ всѣхъ напастей. Кромѣ этой любви другъ къ другу, та, которая была для насъ все, ничего не могла намъ оставить. Какъ брошенные на произволъ судьбы птенцы, стояли мы особнякомъ отъ всѣхъ передъ покойницей, не спуская глазъ съ дорогого лица и невольно ожидая чуда: что она откроетъ глаза, улыбнется намъ своей милой улыбкой и любовно протянетъ намъ руки.

Но ожиданія наши не сбылись, чудо не свершилось, и того, что было при ней, намъ ужъ никогда не пришлось испытывать. Для насъ, въ полномъ смыслѣ слова, началась новая жизнь, съ новыми людьми и въ новой обстановкѣ.

Папенька былъ въ отчаяніи. Онъ громко и истерично рыдалъ, порывисто прижималъ насъ къ своей груди, а затѣмъ отталкивалъ, чтобъ кинуться къ маменькѣ и прильнуть губами къ ея холоднымъ, мертвымъ рукамъ. Глаза его дико блуждали, и онъ безумно бился въ рукахъ людей, пытавшихся оторвать его отъ покойницы. Его шумное отчаяніе насъ пугало, и мы отстранялись отъ него, смутно сознавая, что никакой отрады намъ отъ него нельзя ждать.

Ошеломленный неожиданнымъ ударомъ (такіе люди, какъ онъ, ждутъ отъ жизни однѣхъ только радостей и удачъ, и горе является для нихъ неожиданностью, противъ которой все существо ихъ

возмущается, какъ противъ чудовищной несправедливости судьбы), онъ не въ силахъ былъ ничего сообразить и обмыслить. Его оставляли въ покоѣ, и всѣмъ распоряжалась Варвара Петровна, пріѣхавшая по вызову маменьки, наканунѣ ея смерти.

Наше тихое, замкнутое жилище преобразилось. Всегда запертыя ворота стояли день и ночь растворенными настежь; въ нихъ въѣзжали кареты, изъ которыхъ выходили, никогда не бывавшіе у насъ раньше, дамы и мужчины. Они входили въ залу, останавливались на нѣсколько мгновеній передъ маменькой, крестились, съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на папеньку, который, весь поглощенный въ свое горе, ни на кого не обращалъ вниманія, и уѣзжали. Но были и такіе, которые выражали желаніе познакомиться съ сиротами, и насъ къ нимъ подводили. Тогда лица ихъ складывались въ гримасу состраданія, они обмѣнивались шопотомъ замѣчаніями насчетъ нашего сходства съ отцомъ, считали своимъ долгомъ насъ приласкать, съ обиднымъ любопытствомъ всматриваясь въ наши лица, точно отыскивая на нихъ отраженіе томившей насъ душевной муки и, безъ сомнѣнія, недоумѣвая передъ нашимъ спокойствіемъ.

Страданіе наше было слишкомъ глубоко, чтобъ прорываться наружу; то, что мы испытывали, такъ мало походило на обычныя дѣтскія горести, что мы даже и плакать не могли.

Вечеромъ второго дня, когда настолько стемнѣло, что огоньки въ высокихъ подсвѣчникахъ, теплившіеся красными, едва замѣтными язычками, засверкали въ темнотѣ вокругъ покойницы, переливаясь въ серебристыхъ складкахъ ея послѣдняго земного наряда, по двору раздался стукъ колесъ, и не успѣла въѣхавшая карета остановиться у крыльца, какъ по всему дому разнеслось: «Старый князь пріѣхалъ!»

Всѣ встрепенулись, покойница была забыта, и глаза съ жгучимъ любопытствомъ устремились на дверь въ прихожую, куда входилъ въ богатой шубѣ и поддерживаемый двумя лакеями, высокій и тучный старикъ, съ густыми и курчавыми сѣдыми волосами.

Мы невольно повернулись къ папенькѣ и увидали, что онъ испугался не меньше насъ: растерянно озирался онъ по сторонамъ, какъ бы ища поддержки въ комъ нибудь изъ присутствующихъ. Но комната, до сихъ поръ полная народомъ, внезапно опустѣла, всѣ затѣснились у стѣнъ и въ темныхъ углахъ, чтобъ оттуда слѣдить съ лихорадочнымъ любопытствомъ за тѣмъ, что произойдетъ.

Убѣдившись, что ни въ комъ ему поддержки не найти, папенька, безпомощно понуривъ голову, торопливой походкой направился на встрѣчу къ отцу, остановился, не дойдя до него, и, съ низкимъ поклономъ указавъ рукой на покойницу, хотѣлъ при этомъ что-то сказать, но разрыдался. Дѣдушка молча и съ какимъ-то страннымъ

выраженіемъ посмотрѣлъ на него и пошелъ дальше, махнувъ рукой сопровождавшимъ его лакеямъ, чтобъ они оставили его одного.

Дьячекъ прекратилъ чтеніе, всѣ притаили дыханіе, и въ залѣ стало такъ тихо, что дѣдушка могъ вообразить себя наединѣ съ мертвой невѣсткой, которую онъ столько лѣтъ преслѣдовалъ своею неумолимой враждой.

Она умерла, эта женщина, причинившая ему столько досады, гнѣва и горя и которой онъ сдѣлалъ столько зла, сколько былъ въ силахъ сдѣлать.

Она умерла, и онъ могъ смотрѣть на нее, не нарушая обѣта никогда ея не видѣть, даннаго имъ въ припадкѣ гнѣва при извѣстіи о томъ, что сынъ его женился безъ его позволенія. Смерть разрѣшила этотъ обѣтъ.

А, должно быть, не малаго труда стоило ему его сдержать. Окружающіе его разсказывали, что при извѣстіи о смерти маменьки первыя его слова были: «Надо на нее посмотрѣть!»

Слова эти были, безъ сомнѣнія, плодомъ досужей фантазіи разсказчика; врядъ ли произнесъ онъ ихъ въ слухъ, но что они были у него на умѣ въ ту минуту, это болѣе чѣмъ вѣроятно; не могъ онъ, думая о ней постоянно впродолженіе столькихъ лѣтъ, не пожелать ее видѣть, хотя бы для того, чтобъ собственными глазами судить, чѣмъ сумѣла она такъ прельстить его сына, что онъ рѣшился изъ-за нея подвергнуться его гнѣву.

И вотъ онъ теперь могъ удовлетворить свое любопытство и смотрѣлъ на нее долго и пристально, точно стремясь по мертвому лицу представить себѣ, какова она была живая.

Что думалъ онъ при этомъ и что чувствовалъ? Раскаяніе? Жалость? Или все еще злобу и ненависть? Упрекалъ ли онъ ее мысленно? Оправдывался ли передъ нею или молилъ о прощеніи?— это такъ и осталось навсегда тайной между нимъ и ею. Но тѣмъ, кому извѣстна была драма, разыгравшаяся въ нашей семьѣ (а кому она была неизвѣстна? даже и мы, дѣти, знали, что дѣдушка не хочетъ знать нашу мать), жутко было присутствовать при ея развязкѣ, и всѣ, одинъ за другимъ, выходили на цыпочкахъ изъ залы, чтобъ своимъ присутствіемъ не нарушать торжественнаго настроенія, воцарившагося здѣсь.

Намъ тоже было страшно, мы тоже чувствовали, что передъ нами свершается нѣчто важное, таинственное и не отъ міра сего, но мы не въ силахъ были двинуться съ мѣста и оторвать глаза отъ дѣда, невольно прислушиваясь къ его тяжелому дыханію, которое съ минуты на минуту становилось отрывистѣе. Его густыя, сѣдыя брови все ближе и ближе сдвигались надъ крупнымъ носомъ, а нижняя челюсть дрожала.

И вдругъ изъ его широкой груди вырвался глухой стонъ, онъ перекрестился и, какъ подкошенный, грохнувшись на колѣни, ударился лбомъ объ полъ.

Папенька кинулся его поднимать, и, минуту спустя, они выходили обнявшись въ сосѣднюю комнату. По блѣдному, энергичному лицу дѣда катились крупныя слезы, а папенька, поддерживая его одной рукой, прижимался лицомъ къ его плечу, безпомощно повторяя сквозь рыданія: — Батюшка... батюшка... зачѣмъ?.. зачѣмъ?..

Дверь за ними затворилась, и зала стала мало-помалу принимать прежній видъ. Опять наполнилась она народомъ, и гнусавое, тягучее пѣніе дьячка раздалось среди вздоховъ, всхлипываній и причитаній присутствующихъ.

Въ тотъ вечеръ мы больше дѣдушку не видѣли; онъ прошелъ въ переднюю черезъ коридоръ, вѣроятно, не желая показываться людямъ, нахлынувшимъ въ залу послѣ его ухода. Не до насъ ему было и во время похоронъ, на которыхъ онъ присутствовалъ, слѣдуя пѣшкомъ за печальной колесницей до монастыря, гдѣ былъ нашъ фамильный склепъ, первый подошелъ проститься съ покойницей, долго стоялъ, прижавшись губами къ ея рукѣ и блѣдный, съ разсѣяннымъ взглядомъ, сошелъ со ступенекъ катафалка, опираясь на обоихъ сыновей.

Прямо изъ монастыря насъ повезли въ дѣдушкиной каретѣ къ нему въ домъ.

Сидѣвшая съ нами няня, обливаясь горькими слезами, объявила намъ, что домой мы больше не вернемся.

— У дѣдушки будете жить. Онъ приказалъ, чтобъ съ похоронъ васъ прямо къ нему привезли.

Можно себѣ представить, въ какое волненіе привели насъ эти слова! Мы закидали няню разспросами, но изъ боязни ли сказать что либо лишнее, или ей и въ правду ничего не было извѣстно, кромѣ того, что она намъ сообщила, она на вопросы наши отвѣчала уклончиво. Ей даже было неизвѣстно, оставятъ ли ее при насъ.

Скорѣе, что нѣтъ. Она была изъ крѣпостныхъ маменьки, какъ и прочіе люди, составлявшіе нашу дворню, уроженцы той мѣстности, изъ которой папенька вывезъ жену, и врядъ ли старый князь потерпитъ у себя въ домѣ людей, которымъ хорошо извѣстны всѣ подробности скорбной жизни его покойной невѣстки.

Чтобъ насъ не разстраивать, она намъ этого не говорила, но, безъ сомнѣнія, мысль о разлукѣ съ нами и была отчасти причиной горькихъ слезъ, которыми она обливалась, сопровождая насъ къ мѣсту нашего новаго жительства.

— А папенька? Онъ тоже будетъ жить у дѣдушки?—спросилъ Сережа.

— Вѣстимо, соколикъ, гдѣ же ему жить, какъ не съ дѣтьми. Одно у него теперь утѣшеніе осталось на свѣтѣ,—прибавила она со вздохомъ.

Это насъ немного успокоило, съ отцомъ намъ нечего было бояться, онъ насъ въ обиду не дастъ.

Встрѣтили насъ на крыльцѣ дѣдушкинаго дома старый камердинеръ, Иванъ Дмитричъ, и домоправительница, Авдотья Ивановна. Первый былъ высокій, сухопарый, съ длиннымъ носомъ и острыми глазами, довольно страшный человѣкъ, всегда серьезный и молчаливый, въ напудренномъ парикѣ и французскомъ кафтанѣ, въ короткомъ кюлотѣ, бѣлыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ серебряными пряжками, у второй былъ тоже степенный видъ, и улыбалась она натянутой улыбкой. Оба относились къ намъ съ изысканной и холодной вѣжливостью, которой мы въ близкихъ къ намъ людяхъ до сихъ поръ не привыкли встрѣчать и которая насъ порядкомъ таки смущала.

Новая обстановка, въ которой мы очутились, была чрезвычайна роскошна. Никогда, даже и во снѣ, не видѣли мы ничего подобнаго. Чудная мебель, стѣны, обитыя штофомъ и увѣшанныя картинами, мраморныя изваянія, драгоцѣнный фарфоръ и бронза, расписные потолки, узорчатые паркеты, а въ нѣкоторыхъ комнатахъ великолѣпные ковры, высокіе съ бронзовыми украшеніями шкапы съ книгами въ золотообрѣзныхъ переплетахъ, и все это во множествѣ, въ огромныхъ комнатахъ, слѣдовавшихъ амфиладой одна за другой, отражаясь въ высокихъ зеркалахъ, всѣ эти принадлежности старинной, богатой обстановки барскаго дома, собираемыя въ теченіе ста лѣтъ если не больше, просвѣщенными, съ тонкимъ развитымъ вкусомъ, хозяевами, такъ насъ поразили, что мы на время даже забыли про наше горе.

Какъ очарованные, переходили мы за нашей спутницей, изъ одной комнаты въ другую, не вѣря глазамъ, какъ во снѣ. Въ одной изъ залъ, называемой бальной, съ хорами и въ два свѣта, было такъ гулко, что при первомъ произнесенномъ нами словѣ, мы съ испугомъ переглянулись, такъ громко раскатился въ пространствѣ звукъ нашихъ голосовъ.

Но комната рядомъ, хотя и много меньше этой, была еще интереснѣе: въ ней стояли всевозможные музыкальные инструменты и между прочимъ огромный органъ, вывезенный дѣдомъ изъ Гейдельберга, гдѣ онъ въ молодости учился.

Это было въ царствованіе императрицы Елисаветы, портреты которой висѣли почти во всѣхъ комнатахъ.

Домъ былъ построенъ со всѣми удобствами для жилья какъ зимой, такъ и лѣтомъ, съ большимъ садомъ, оранжереями, гротами, прудомъ, кіосками и тому подобными затѣями, о которыхъ теперь и понятія не имѣютъ. Со службами, дворами и садомъ онъ занималъ цѣлый кварталъ. Его ужъ теперь не существуетъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, понастроено съ десятокъ домовъ, съ довольно широкимъ переулкомъ между ними. И переулокъ этотъ называется нашимъ именемъ.

Когда насъ привезли въ этотъ домъ, онъ содержался ужъ не

такъ, какъ прежде, и, невзирая на то, что владѣлецъ жилъ въ немъ безвыѣздно зимой и лѣтомъ, начиналъ приходить въ упадокъ; садъ не весь расчищался, а только тѣ аллеи, по которымъ прогуливался изрѣдка старый князь, мебель въ парадныхъ покояхъ стояла въ чехлахъ, и по вечерамъ далеко не всѣ комнаты освѣщались. Кое-гдѣ показывалась сырость, все, что могло обветшать и потускнѣть, потерлось и потемнѣло, а объ ремонтѣ родного гнѣзда старый князь и не помышлялъ съ тѣхъ поръ, какъ остался одинъ въ немъ жить.

Разумѣется, изъяновъ этихъ, о которыхъ много толковали въ городѣ, и которые приводили въ досаду нашего отца, мы не могли замѣтить; того, что осталось отъ прежняго великолѣпія, было болѣе чѣмъ достаточно, чтобъ привести насъ въ восторгъ и изумленіе. Обѣдать насъ повели въ столовую, находившуюся по другую сторону комнаты съ музыкальными инструментами и которую называли органной, сервировка показалась намъ верхомъ роскоши и красоты; кушанья, весьма изысканныя, подавали намъ лакеи въ ливрейныхъ кафтанахъ, напудренные, въ чулкахъ и башмакахъ.

Все это казалось намъ столь необычайно, что во время дессерта Рома, внѣ себя отъ восхищенія, вскричалъ:—мы у волшебника!

Сравненіе это было тѣмъ болѣе удачно, что, какъ и въ сказкѣ, хозяинъ не показывался, и домъ былъ такъ великъ, въ немъ было столько комнатъ, что мы даже и представить себѣ не могли, гдѣ онъ находится.

Однако, съ наступленіемъ сумерекъ, мы устали удивляться и восхищаться. Рѣдкости, которыя намъ продолжали показывать, перестали насъ занимать, намъ становилось и скучно, и жутко въ чуждой обстановкѣ и съ чужими людьми, насъ потянуло домой, и мы все чаще и чаще оглядывались на дверь въ ожиданіи няни, или котораго нибудь изъ окружавшихъ насъ, до этого дня, людей, но никто изъ нихъ не показывался; съ минуты на минуту становилось труднѣе не думать про маменьку, сдерживать слезы, подступавшія къ горлу, и наконецъ, мы дружно, въ одинъ голосъ и безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, разревѣлись.

Бѣдная Авдотья Ивановна, радовавшаяся, что ей такъ хорошо удалось насъ разсѣять и занять, совсѣмъ растерялась; никогда не видывала она такихъ странныхъ дѣтей. Правда, что насъ привезли въ домъ прямо съ похоронъ матери, но вѣдь мы нѣсколько часовъ сряду спокойно и даже съ восхищеніемъ все здѣсь разсматривали, и всѣмъ забавлялись, и вдругъ, когда всего меньше можно было этого ожидать, ревъ, крикъ! Того и гляди, старый князь услышитъ!

А онъ, какъ нарочно, заперся въ кабинетѣ съ сыновьями и, безъ сомнѣнія, занявшись важными разговорами, никого не велѣлъ принимать.

Истощивъ напрасно всѣ средства, чтобы насъ унять, начиная съ ласкъ и уговоровъ и кончая угрозой пожаловаться дѣдушкѣ, если мы не перестанемъ плакать, она рѣшилась на отчаянное средство, позвала дежурнаго казачка и что-то такое шопотомъ приказала ему. Мальчуганъ опрометью побѣжалъ исполнять приказаніе, а вскорѣ затѣмъ раздались знакомые шаги, и передъ нами очутился папенька.

— Чего вы тутъ, мелюзга, взбунтовались? что случилось?—обращался онъ то къ намъ, то къ нашей новой надзирательницѣ, ласково вглядываясь въ наши заплаканныя и взволнованныя лица.

— Мы домой хотимъ,—безсвязно, сквозь рыданія, объявили мы.

— Домой? Зачѣмъ? Тамъ никого нѣтъ... Маменька...

Голосъ его оборвался, и, чтобъ не разрыдаться, онъ насъ обънялъ и долго цѣловалъ, до тѣхъ поръ, пока не совладалъ съ приступомъ отчаянія, сдавившаго ему грудь. Но слезъ онъ сдержать не могъ, и онѣ сливались съ тѣми, что текли по нашимъ щекамъ.

Эти слезы утѣшили насъ и успокоили больше всякихъ словъ: въ его мощныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжныхъ объятіяхъ мы ужъ не чувствовали себя ни одинокими, ни несчастными.

— А я думалъ, вы молодцами будете себя вести у дѣдушки,— началъ онъ, немного погодя, съ милой своей улыбкой заглядывая намъ въ глаза и одной этой улыбкой вызывая веселое выраженіе на нашихъ лицахъ. — Пойдемте спать. Дѣдушка желалъ, чтобъ я васъ ему сегодня представилъ, но мнѣ кажется, не лучше ли это отложить дозавтра? — прибавилъ онъ, взглянувъ на Авдотью Ивановну, которая поспѣшила согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

И она тоже находила, что мы слишкомъ утомлены и взволнованы, чтобъ явиться на глаза нашего будущаго покровителя.

— Князь отъ дѣтей отвыкъ, ему можетъ показаться безпокойнымъ...

Что именно? Ей не дали договорить: папенька насъ обнялъ и отправился съ нами въ комнату, приготовленную для насъ. Онъ присутствовалъ при нашемъ раздѣваніи, и пробылъ съ нами до тѣхъ поръ, пока мы не заснули.

День этотъ можно было съ полною справедливостью назвать роковымъ въ нашей жизни: съ нимъ кончилось навсегда наше свѣтлое, счастливое и беззаботное дѣтство.

III.

Мы и на слѣдующій день дѣдушку не видали.

Въ девятомъ часу утра, когда мы сидѣли за утреннимъ чаемъ, Авдотья Ивановна ввела къ намъ красивую даму, которая намъ объявила, что, по приказанію князя (просто княземъ звали дѣдушку, говоря же про его сыновей, къ титулу прибавляли собственное

имя), она будетъ съ нами заниматься до пріѣзда выписанныхъ для насъ гувернантки и гувернера.

Ее звали Люси, она была француженка, но хорошо говорила по-русски и съ перваго раза намъ понравилась. Она не должна была жить при насъ, а только пріѣзжать каждый день на нѣсколько часовъ, но по всему было видно, что она была здѣсь, какъ дома; люди обращались съ нею фамильярно, но почтительно, какъ съ особой, пользующейся довѣріемъ господъ. Отца нашего и дядю она называла по именамъ, Борисъ и Леонъ.

Съ первыхъ же словъ заинтересовала она насъ разсказами про дѣдушку, про его покойную жену и про нашего отца и его брата, когда они были еще маленькими.

Разсказывала она также и про себя. Родилась она въ Парижѣ. Нашъ дѣдушка познакомился съ ея родителями задолго до ея рожденія, когда онъ въ первый разъ ѣздилъ за границу при посольствѣ, совсѣмъ еще юношей, лѣтъ пятнадцати. Тогда царствовалъ Людовикъ XV, и о революціи во Франціи никто не помышлялъ. Люси тогда еще не было на свѣтѣ, но въ семьѣ ея такъ много говорили про молодого русскаго князя, прожившаго цѣлыхъ два года въ домѣ родителей ея матери и обѣщавшаго непремѣнно пріѣхать въ Парижъ, когда онъ сдѣлается совершеннолѣтнимъ и будетъ имѣть больше свободы дѣйствовать какъ ему угодно, что и она тоже, совсѣмъ крошкой, съ нетерпѣніемъ ждала свиданія съ «русскимъ другомъ». Онъ сдержалъ свое обѣщаніе и пріѣхалъ въ Парижъ уже женатымъ человѣкомъ, и когда во Франціи начинались уже смуты. И по старой памяти остановился въ ихъ домѣ. Ей было тогда лѣтъ семь, и русскій князь такъ ей понравился, что когда онъ у нея спросилъ: «согласна ли она ѣхать съ нимъ въ Москву, чтобъ тамъ воспитываться съ его дѣтьми?» она не задумываясь отвѣчала согласіемъ. Разумѣется, она тогда не могла себѣ представить, что ей предстоитъ разлука съ родителями и съ отечествомъ на всю жизнь, да и родные ея думали, отпуская ее, что скоро за нею послѣдуютъ: князь предлагалъ имъ продать имущество и переждать у него въ домѣ, или въ которомъ нибудь изъ его имѣній, пока во Франціи не водворится прежній порядокъ. Но вышло иначе. Революція разгоралась все больше и больше, покидать Францію людямъ зажиточнымъ становилось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе; можно было, вернувшись, ничего не найти. Первое время письма приходили оттуда довольно акуратно и можно было судить о происходившихъ тамъ событіяхъ по корреспонденціи съ близкими людьми, но потомъ вдругъ все смолкло, съ годъ не было извѣстій, и наконецъ Люси узнала о смерти своихъ родителей совершенно случайно, черезъ одного изъ безчисленныхъ эмигрантомъ, наводнившихъ Россію. Первые года эмигрировали почти исключительно аристократы, но потомъ стали толпами бѣжать и другіе, комерсанты, художники,

мелкіе землевладѣльцы, разоренные революціей и не находившіе себѣ занятій въ отечествѣ, объятомъ пламенемъ новыхъ идей.

А тѣмъ временемъ скончалась княгиня. Молодымъ князьямъ было пятнадцать и шестнадцать лѣтъ, а Люси—тринадцать. Воспитаніе имъ давали блестящее, и заботы о сиротѣ князь продолжалъ и послѣ смерти жены также внимательно, какъ и при ея жизни. Когда ей минуло пятнадцать лѣтъ, онъ отправилъ ее учиться музыкѣ въ Италію, гдѣ она провела два года, объ одномъ только мечтая—вернуться въ Россію къ своему благодѣтелю.

Она нашла большія перемѣны въ домѣ, когда въ него вернулась: князь Леонъ былъ ужъ сосланъ въ деревню, а братъ его, на котораго отецъ перенесъ всю свою любовь и надежды, посланъ въ Саратовскую губернію ревизовать и знакомиться съ имѣніемъ, принадлежавшимъ ихъ матери и которое должно было ему достаться послѣ смерти отца.

Что произошло вслѣдствіе этой поѣздки, читателю извѣстно, но надо было, какъ Люси, быть свидѣтельницей катастрофы, чтобъ судить о томъ, какъ она повліяла на здоровье и нравъ дѣда. Когда его сразилъ нервный ударъ, Люси была при немъ, и только благодаря ей, онъ не проклялъ сына.

Все время, что онъ былъ боленъ, цѣлыхъ десять мѣсяцевъ, она отъ него не отходила и спала въ комнатѣ, смежной съ его спальней, чтобъ каждую минуту быть готовой бѣжать на его зовъ. Только съ нею могъ онъ вполнѣ откровенно говорить про свое несчастіе, она одна была настолько близка къ его семьѣ, что могла понимать его горе и обиду. И вмѣстѣ съ тѣмъ она любила, какъ братьевъ, оскорбившихъ его сыновей и онъ могъ, какъ родной дочери, ей на нихъ жаловаться, вслухъ при ней думать, въ полной увѣренности, что все останется между ними.

Все это мы узнали только впослѣдствіи, разумѣется; у нея было слишкомъ много такта, чтобъ довѣрять такимъ ребятамъ, какими мы были въ то время, семейныя тайны, превыше нашего пониманія; но изъ всего, что она сочла возможнымъ намъ сказать, мы не могли не убѣдиться, что въ семьѣ нашей къ ней питали неограниченное довѣріе. Она знала и про болѣзнь маменьки и про то, какъ мы съ нею жили въ маленькомъ домѣ близъ Басманной. Она, по порученію дѣда, ѣздила узнавать про здоровье маменьки передъ ея смертью. Все, что у насъ дѣлалось, ей было извѣстно, и она насъ приводила въ изумленіе разсказами о такихъ происшествіяхъ, о которыхъ мы думали, что они, кромѣ нашихъ домашнихъ, никому не извѣстны: про болѣзнь Ромы два года тому назадъ, про то, что, катаясь съ ледяной горы, Сережа упалъ и вывихнулъ себѣ ногу, и множество тому подобныхъ подробностей.

Все это, безъ сомнѣнія, передавалъ ей папенька.

И про него она сообщила намъ много интересныхъ подробно-

стей. Отъ нея мы въ первый разъ узнали, что онъ живетъ у своего пріятеля, Варжаева, племянника графа Рамовскаго, во флигелѣ, прилегавшемъ къ великолѣпному дому этого вельможи. Знала ли про это маменька, неизвѣстно, но мы никогда не слышали раньше ни про этого графа, ни про Варжаева.

Но чѣмъ она особенно завоевала наши сердца—это участіемъ къ нашему горю и восторженнымъ изумленіемъ, которое она проявляла къ характеру нашей матери. По ея мнѣнію, дѣдушка уважалъ ее гораздо больше, чѣмъ самъ это сознавалъ, и еслибъ она не скончалась, примиреніе должно было между ними состояться гораздо раньше, чѣмъ предполагали недальновидные люди. Можетъ быть, отъ этого онъ былъ такъ пораженъ ея кончиной?

Послѣднее время онъ не только не избѣгалъ про нее слышать, но даже самъ про нее заговаривалъ съ Люси и эта послѣдняя передавала о такой счастливой перемѣнѣ нашему отцу, который совѣтовался съ нею, какъ бы сдѣлать, чтобъ представить старику хотя бы старшаго внука, такъ на него похожаго лицомъ? Но причиной тому, что это не свершилось, была особа, про которую иначе, какъ съ гримасой отвращенія, Люси не могла вспомнить. Нѣсколько разъ упоминала она про нее, ожидая, безъ сомнѣнія, чтобъ мы спросили: «Кто же этотъ злой геній нашей семьи?» Но мы были слишкомъ поглощены другими вопросами, чтобъ останавливаться на этомъ.

Въ этотъ день мы узнали про дѣдушку и про нашего отца больше, чѣмъ въ продолженіе всей жизни отъ нашей осторожной и воспитанной въ патріархальныхъ нравахъ маменьки. Я помню, какъ робко предлагали мы вначалѣ вопросы про отца и дѣда, съ жуткимъ волненіемъ сознавая, что мы поступаемъ нехорошо, и стыдясь нашего любопытства, какъ преступнаго чувства, но намъ отвѣчали такъ охотно, что совѣсть наша смолкла, и мало-по-малу отъ сдержанности, въ которой мы были воспитаны, не осталось и слѣда.

Особенно увлекался вопросами о дѣдушкѣ и папенькѣ Сережа. Онъ, должно быть, ужъ давно задумывался надъ странностью нашего семейнаго положенія, потому что особенно настаивалъ на вопросѣ, почему дѣдушка не хотѣлъ насъ видѣть при жизни маменьки?

Люси отвѣчала, что онъ про это узнастъ, когда будетъ старше.

— Когда же? Мнѣ ужъ тринадцать лѣтъ?—возразилъ онъ.

Она улыбнулась и посовѣтовала ему подождать, по крайней мѣрѣ, года два. А на вопросъ мой:—правда ли, что папенька будетъ теперь постоянно съ нами жить? посовѣтовала намъ на это не разсчитывать.

— Онъ теперь навѣрное поселится у своего пріятеля Варжаева, гдѣ всегда для него готово помѣщеніе.

— Значитъ онъ у него ночевалъ, когда не пріѣзжалъ домой?—спросилъ Сережа.

— Чаще всего у него. Они друзья съ дѣтства. Было время, когда и графъ Рамовскій былъ друженъ съ княземъ, но потомъ они поссорились и перестали видѣться... Однако это не мѣшало его племяннику у насъ бывать, и наши молодые князья всегда желанные гости въ домѣ графа. Графъ—человѣкъ съ большими странностями...

Она могла бы къ этому прибавить, что и дѣдушка ему въ этомъ не уступаетъ, но къ особенностямъ своего благодѣтеля она относилась крайне снисходительно и, кажется, находила прекраснымъ все, что онъ дѣлалъ.

Когда я спросила, увидимъ ли мы сегодня дѣдушку?—она отвѣчала, что никто этого знать не можетъ, такъ какъ князь не имѣетъ привычки сообщать кому бы то ни было про свои намѣренія.

— Развѣ только Ивану Дмитричу, но это все равно, что никому, потому что скрытнѣе человѣка трудно найти на свѣтѣ...

И вдругъ, вернувшись къ занимавшему ее больше всего предмету, она спросила, пытливо на насъ посматривая: — вы знаете Матаваеву?

Мы отвѣчали, что никогда ея не видѣли.

— Вы скоро ее увидите. Она бываетъ здѣсь очень часто... Она навѣрное захочетъ съ вами познакомиться... будетъ у васъ про все допытываться... Если вы хотите, чтобъ я осталась вашимъ другомъ, не говорите ей, пожалуйста, про меня, –прибавила она съ волненіемъ.

Мы дали ей слово исполнить ея желаніе и тутъ же рѣшили про себя, что Люси не меньше нашего боится этой Матаваевой, про которую мы слышали такъ много нехорошаго отъ тетеньки Екатерины Ивановны.

— А увидимъ мы когда нибудь тетеньку?—спросилъ Сережа.

Люси была такого мнѣнія, что дѣдушка не позволитъ намъ ее принимать.—Онъ не желаетъ, чтобъ вы видѣлись съ вашими прежними знакомыми.

— Неужели къ намъ и Варвару Петровну не пустятъ?—спросилъ, съ трудомъ сдерживая слезы, Рома.

— А кто это такая?—спросила Люси.

Весьма удивленные тѣмъ, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который не знаетъ Варвары Петровны, мы стали наперерывъ объяснять, какую роль она играла до сихъ поръ въ нашей жизни, и какъ для насъ будетъ ужасно никогда ея не видѣть.

— Припоминаю теперь! -- вскричала наша новая покровительница, — это та женщина, которая управляетъ хуторомъ вашей маменьки...

— Вамъ про нее дѣдушка говорилъ?

Вопросъ этотъ ее разсмѣшилъ.

— Дѣдушка не интересуется личностями такого низкаго званія, и врядъ ли онъ знаетъ про ея существованіе... Впрочемъ, — спо-

хватилась она,—Иванъ Дмитричъ, ему, можетъ быть, и говорилъ про нее... Во всякомъ случаѣ, такъ какъ она будетъ приходить сюда съ задняго крыльца, то впустить ее къ вамъ будетъ зависѣть отъ Авдотьи Ивановны и отъ Ивана Дмитрича, и вы будете имѣть возможность съ нею видѣться... конечно, когда нельзя будетъ ожидать, чтобъ князь ее у васъ встрѣтилъ... Вообще, до пріѣзда вашихъ наставниковъ, у васъ будетъ гораздо больше свободы, чѣмъ когда они будутъ здѣсь. И учиться вы будете меньше. Со мной вы будете проходить только старое, и заниматься съ вами я буду только до обѣда, такъ какъ я не могу неглижировать уроками, которые даю въ городѣ. Это и князь понялъ; онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я учила васъ не столько наукамъ, сколько музыкѣ и манерамъ. Но манеры у васъ прекрасныя, и когда вы будете знать, какъ вамъ себя вести, чтобъ дѣдушку не безпокоить, вы будете здѣсь очень счастливы, увѣряю васъ, — прибавила она, замѣтивъ печальное недовѣріе, съ которымъ мы ее слушали.—Однако,—продолжала она,—я васъ сегодня же должна проэкзаменовать, чтобы сообщить князю про то, что вы знаете, и если хотите, мы для этого воспользуемся временемъ до обѣда.

Она намъ задала нѣсколько вопросовъ изъ географіи, исторіи, миѳологіи, заставила насъ написать нѣсколько строкъ подъ диктовку и осталась такъ довольна нашими познаніями, что съ удивленіемъ спросила: —неужели вы, кромѣ какъ у маменьки, ни у кого не учились? Да вы знаете больше всѣхъ знакомыхъ мнѣ дѣтей въ Москвѣ!—дивилась она.—Ваша мать была замѣчательная женщина, никогда не воображала я, чтобъ она была такъ хорошо воспитана,—сознавалась она, не замѣчая, какъ она насъ оскорбляетъ своимъ изумленіемъ.

— Наша мать была лучше всѣхъ на свѣтѣ!—вскричалъ запальчиво Сережа.

— Это по всему видно,—наивно согласилась она.

Люси не жила у нашего дѣда, у нея былъ свой маленькій домикъ и довольно отъ насъ далеко, подаренный ей два года тому назадъ дѣдушкой, вѣроятно, въ знакъ благодарности за ея ухаживаніе во время его болѣзни. А лѣто она проводила въ деревнѣ у дяди Льва Романовича. У нея былъ маленькій капиталъ, тоже, вѣроятно, подаренный ей нашимъ дѣдомъ, и много уроковъ въ городѣ, хорошо оплачиваемыхъ. Слыла она за прекрасную учительницу пѣнія и клавесина, и вообще была хорошая музыкантша. Когда дѣдушка выразилъ ей желаніе, чтобъ она нами занялась до пріѣзда наставниковъ, выписанныхъ для насъ, она съ радостью согласилась и каждый день оставалась у насъ съ утра до сумерекъ. Передъ вечернимъ чаемъ ей подавали карету, и она разставалась съ нами до слѣдующаго дня. До нашего появленія она тоже каждый день бывала въ домѣ, но только къ обѣду, дѣдушка одинъ кушать не

любилъ, она также нужна ему была, чтобъ слушать ея игру на органѣ. Раньше онъ заставлялъ ее пѣть, но съ тѣхъ поръ какъ сблизился съ Матаваевой, честь эта, ублажать князя пѣніемъ, все рѣже и рѣже выпадала на ея долю, и бѣдная Люси была отъ этого въ отчаяніи.

Ея любовь и благодарность къ нашему дѣду доходили до обожанія. Для нея не было бо́льшаго счастья, какъ чѣмъ нибудь ему услужить. Ревновала она его ко всѣмъ и ко всему, а потому можно себѣ представить, что она должна была переносить, когда такая во всѣхъ отношеніяхъ пошлая женщина, какъ Матаваева, стала мало-помалу вытѣснять ее изъ дома человѣка, для котораго она изучала музыку, читала книги и газеты, и вращалась въ такихъ обществахъ, гдѣ всегда можно было узнать что нибудь интересное, чтобъ развлекать разсказами, музыкой и новостями старика, который велъ уединенную жизнь отчасти по нездоровью, а еще больше потому, что, будучи всегда крутого и надменнаго нрава, онъ сдѣлался такъ раздражителенъ отъ семейныхъ неудачъ и несчастій, что раззнакомился почти со всѣми старыми друзьями и проводилъ время одинъ среди своихъ книгъ, которыя не могли замѣнить ему живую рѣчь съ живыми людьми. И долго была для него единственной отрадой милая, веселая, умная и красивая дѣвушка, преданная ему, какъ собака, и которую онъ зналъ съ дѣтства. Ей такъ хорошо были извѣстны его вкусы и странности, что́ можно ему сказать, и что̀ нѣтъ, что́ заинтересуетъ его или заставитъ зѣвать, она такъ тонко умѣла ему льстить, сама того не сознавая, ибо сама видѣла его въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ, что чистосердечно вѣрила его превосходству надъ другими, одного съ нимъ положенія и происхожденія, людьми. Въ городѣ ходили про нее грязныя сплетни, злые языки увѣряли, что она въ него влюблена. Теперь, когда я вспоминаю то время съ безпристрастіемъ старости, мнѣ кажется, что въ сплетняхъ этихъ была доля правды. Примѣры восторженной любви дѣвушекъ къ старикамъ, годящимся имъ въ отцы, встрѣчаются много чаще, чѣмъ думаютъ, и по большей части чувство это такого идеальнаго характера, что, кромѣ умиленія, ничего не вызываетъ, даже и въ такомъ случаѣ, если оно не платоническаго свойства. Но Люси никогда не была любовницей дѣдушки и любила его совершенно безкорыстно. Она не вышла замужъ, чтобъ продолжать ему служить, и готова была для него на жертвы еще больше этой; я увѣрена, что, еслибъ они жили въ такое время, когда его могла бы постигнуть ссылка въ отдаленнѣйшую мѣстность Сибири съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, она почла бы за счастіе за нимъ послѣдовать, чтобъ по мѣрѣ силъ и возможности облегчать его участь, и ничего бы ей больше не надо было. Вотъ это какая была любовь. Онъ былъ старъ и разбитъ болѣзнью, умъ его помрачился, а характеръ испортился до такой степени, что собственныя дѣти съ трудомъ переносили его при-

чуды, а она все продолжала видѣть его молодымъ и красивымъ, блестяще, остроумнымъ и великодушнымъ, какимъ онъ былъ, когда пріѣхалъ за нею въ Парижъ, и какимъ оставался до отъѣзда ея за границу.

Извиняюсь за это отступленіе, но оно необходимо для уясненія многихъ изъ послѣдующихъ событій и для характеристики той среды, въ которую насъ забросила судьба въ такомъ возрастѣ, когда сердце особенно воспріимчиво къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ.

Возвращаюсь къ моему разсказу.

Обѣдали мы и въ этотъ день въ столовой съ хорами, рядомъ съ концертной, при той же пышной обстановкѣ, какъ и наканунѣ, при свѣтѣ восковыхъ свѣчъ въ серебряныхъ канделябрахъ и съ лакеями въ ливреяхъ, подававшими намъ такія вкусныя кушанья, какихъ мы раньше никогда не пробовали.

Передъ дессертомъ одна изъ дверей въ сосѣдній покой осторожно растворилась, и вошелъ Иванъ Дмитричъ. Онъ подошелъ къ Люси и, нагнувшись къ ней, что-то ей шепнулъ. Она вся зардѣлась отъ удовольствія, немедленно поднялась съ мѣста и торопливо направилась въ концертную. Прислуживавшіе намъ лакеи поставили передъ нами дессертъ и удалились, но не успѣла дверь за ними затвориться, какъ музыка, раздавшаяся изъ концертной, привела насъ въ такой восторгъ, что мы забыли про сласти, стоявшія на столѣ.

Люси мастерски играла на органѣ. Надо и то сказать, что для насъ, никогда ничего не слышавшихъ, кромѣ арфы, человѣческаго голоса и клавесина, такой инструментъ, въ которомъ, какъ въ оркестрѣ, соединялись, сливаясь въ чудную гармонію, человѣческіе голоса, арфы и флейты, не могъ не произвести чарующаго дѣйствія. Торжественная мелодія, переливаясь подъ гулкими сводами, захватывала душу до упоенія и уносила ее такъ далеко отъ земли, что все забывалось. Хотѣлось плакать и молиться. Взглянувъ на Сережу, чтобъ подѣлиться впечатлѣніями, я увидала его такимъ блѣднымъ, съ такими восторженно горѣвшими глазами, что слова замерли у меня на губахъ.

Долго ли длился концертъ, я не могла бы сказать, время перестало для насъ существовать. Безостановочно переходила артистка отъ Баха къ Гайдну, отъ Моцарта къ Бетговену. Иногда намъ удавалось улавливать знакомый мотивъ, но насколько богаче, полнѣе и гармоничнѣе выходилъ онъ, передаваемый чуднымъ органомъ! Мы боялись дышать, чтобъ не проронить звука. По временамъ, маленькая потайная дверь изъ аппартамента дѣдушки растворялась, Иванъ Дмитріевичъ неслышными шагами проходилъ въ концертную и тотчасъ же возвращался обратно, а исполнительница переходила искусной прелюдіей къ другому произведенію. Комната съ органомъ освѣщалась только свѣтомъ изъ столовой, и полумракъ, изъ котораго лились звуки, усиливалъ впечатлѣніе.

Мы потомъ узнали, что дѣдушка имѣлъ обыкновеніе слушать музыку въ совершенно темной комнатѣ, рядомъ съ оранжереей, наполненной во всякое время года цвѣтущими растеніями.

Да, у него было много странностей, какъ и у всѣхъ, впрочемъ, вельможъ вѣка Екатерины, въ которыхъ изысканная и усиленная культура въ избранномъ и узкомъ кругу, выдвигая ихъ изъ остального общества и заставляя жить особнякомъ, развивала увлеченіе фантазіями, переходившее часто въ маніи.

Концертъ кончился, и Люси къ намъ вернулась.

— Однако вы хорошо умѣете слушать музыку,—сказала она, усаживаясь за столъ и принимаясь чистить грушу. Она вся раскраснѣлась, глаза ея сверкали, и, посматривая на потайную дверь, она весело улыбалась.—Я вамъ не надоѣла? Вы сидѣли такъ смирно, что я подъ конецъ совсѣмъ забыла про ваше присутствіе.

— Вы часто будете играть на органѣ?—спросилъ Сережа.

— Не знаю, это будетъ зависѣть отъ князя. Было время, когда онъ дня не могъ прожить, не послушавъ меня. Онъ увѣрялъ, что игра моя успокоиваетъ ему нервы, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ слушаетъ пѣніе Матаваевой, я ему ужъ не такъ нужна, какъ бывало прежде, — прибавила она съ горечью. — Правда, что мой голосъ нельзя сравнить съ ея, и что слушать ее чистое наслажденіе, особенно когда она поетъ съ Борисомъ.

Озабоченность ея съ минуты на минуту усиливалась, она какъ будто чего-то ждала, все чаще и чаще взглядывая на маленькую дверь.

Но это не мѣшало ей лакомиться фруктами и дивиться, что мы, все еще подъ впечатлѣніемъ ея игры, до нихъ не дотрогивались.

— Вы не кушаете фруктовъ? Странно! Можно подумать, что вамъ дома каждый день подавали роскошный дессертъ, а вѣдь въ Москвѣ у одного только графа Рамовскаго да у графа Червленнаго подаютъ такой дессертъ каждый день. Знаете, откуда эти груши и виноградъ? Прямо изъ Франціи! да! Князь выписываетъ оттуда и фрукты и вина... Что вамъ?—съ живостью спросила она у появившагося въ дверяхъ лакея.

— Карета у крыльца.

Люси заволновалась.

— Карета? Для меня? Кто жъ это распорядился? Я ничего не приказывала...

— Иванъ Дмитріевичъ приказали вамъ доложить. Г-жа Матаваева пріѣхала.

Она, должно быть, поняла, что это значитъ, потому что измѣнилась въ лицѣ и проговорила упавшимъ голосомъ:

— Хорошо; скажите, что я сейчасъ уѣду.

Но вмѣсто того, чтобъ встать съ мѣста, она повернулась къ по-

тайной двери и долго смотрѣла на нее выжидающимъ и тоскливымъ взглядомъ. Но дверь не растворялась, и она со вздохомъ стала собираться уѣзжать.

— Завтра я васъ проэкзаменую изъ музыки,—обратилась она къ намъ измѣнившимся отъ душевнаго волненія голосомъ и дѣлая усилія, чтобъ сдержать слезы, подступавшія къ горлу.—Въ диванной стоятъ бабушкины клавикорды и арфа, на которыхъ и я когда-то училась играть...

— Лиза хорошо играетъ на арфѣ,—не утерпѣлъ, чтобъ не похвастаться, Рома.

— Вотъ какъ? Прекрасно! Здѣсь и флейты, и скрипки, и віолончели найдутся. Князь одно время имѣлъ страсть учиться играть на всевозможныхъ инструментахъ... Изъ этого ничего не вышло, у него слишкомъ мало терпѣнія...

Голосъ ея обрывался все чаще и чаще и, собирая всѣ свои принадлежности, складывая въ ридикюль флакончикъ съ солями, складной вѣеръ, лорнетку и надѣвая перчатки, она не переставала оглядываться по сторонамъ, все еще въ надеждѣ, что ее позовутъ къ хозяину дома, но убѣдившись, наконецъ, что ожиданія ея напрасны, она рѣшилась съ нами распроститься.

Лакей плотно притворилъ за нею дверь, и мы остались одни въ столовой, не зная, что дѣлать и куда идти. Къ той комнатѣ, гдѣ мы провели ночь, насъ не тянуло, тамъ все намъ было также чуждо, какъ и здѣсь. Кромѣ платья, которое на насъ было, мы не нашли въ нашемъ новомъ и великолѣпномъ жилищѣ ничего, что напоминало бы намъ покинутый домъ. Всѣ наши вещи, все, съ чѣмъ мы сжились со дня рожденія, осталось тамъ, гдѣ мы родились, и гдѣ умерла наша мать. Не было у насъ здѣсь ни нашихъ игрушекъ, ни книгъ, ни нашихъ любимыхъ картинокъ, на которыхъ каждая точка намъ была знакома и мила. Хоть бы папенька скорѣе пріѣхалъ! Отъ него мы, можетъ быть, узнаемъ про людей, съ которыми мы выросли, про нашу милую няню, про Варвару Петровну...

О, какъ обрадовались бы мы, еслибъ вдругъ кто нибудь изъ нихъ явился передъ нами!

Но никто не шелъ. Люси сказала, что здѣсь все есть для дѣтей, клавесинъ, арфа, книги... Но кто намъ все это покажетъ? Гдѣ все это найти? Домъ такъ великъ! Мы здѣсь второй день и половины его не обошли. Вчера насъ провели въ столовую другими комнатами, чѣмъ сегодня. Мы ужъ не видѣли той длинной галлереи съ портретами во весь ростъ по стѣнамъ, но, проходя мимо полурастворенной двери, намъ удалось увидѣть чудный зимній садъ. Остановиться передъ нимъ намъ не дали; когда Сережа съ Ромой подбѣжали къ стеклянной двери, за которой виднѣлись широколиственныя пальмы, освѣщенныя разноцвѣтными лампочками, Люси взяла ихъ за руку и увлекла дальше, повторяя съ улыбкой:

— Здѣсь нельзя любопытничать, помните это, если хотите быть счастливыми.

И, невзирая на ея улыбку, мы поняли по ея тону, что она говоритъ очень серіозно.

Я это напомнила Сережѣ, когда онъ намъ предложилъ самимъ поискать выхода изъ затруднительнаго положенія, но онъ, не обращая вниманія на мои слова, выбѣжалъ съ братомъ въ коридоръ.

— А если намъ встрѣтится дѣдушка?—спросила я, слѣдуя за ними.

— Такъ чтожъ? мы ему скажемъ, что кончили обѣдать, что Люси уѣхала, и что намъ однимъ въ столовой скучно, что намъ тамъ нечѣмъ ни играть, ни заниматься, и что мы тамъ даже боимся громко разговаривать, чтобъ его не безпокоить,—храбро объявилъ онъ, растворяя тяжелую черную съ бронзовыми инкрустаціями, дверь, черезъ которую мы всѣ трое проникли въ очень длинный коридоръ, съ запертою дверью въ концѣ.

По сторонамъ тоже были двери, но растворять ихъ мы не осмѣливались. Въ одну изъ нихъ Сережа постучался, но никто не отвѣтилъ. И съ другою рядомъ попытка не удалась, тоже произошло у третьей, и у четвертой.

— Здѣсь, какъ видно, никто не живетъ,—прошепталъ онъ чуть слышно, озадаченный больше, чѣмъ ему хотѣлось показать, мертвой тишиной, царившей вокругъ насъ.

Постоявъ въ нерѣшительности нѣсколько минутъ, присматриваясь и прислушиваясь, мы вернулись назадъ въ столовую. Приходилось ждать, чтобъ про насъ вспомнили, а до тѣхъ поръ вооружиться терпѣніемъ.

Въ столовой, большой четырехъ-угольной комнатѣ съ огромнымъ каминомъ, расписными потолками и разноцвѣтными стеклами въ окнахъ, высокихъ и узкихъ, кромѣ поставцевъ съ драгоцѣнною утварью вдоль стѣнъ да тяжелаго стола со стульями посреди, ничего не было, и уютнѣе мѣстечка, какъ у этого стола съ остатками дессерта, мы найти не могли. Ничего тутъ нельзя было сдвинуть съ мѣста. Стулья съ высокими спинками стояли, какъ вкопанные. Взгромоздившись на нихъ, мы стали ждать. Время тянулось нестерпимо медленно. Отъ необычной обстановки и душевнаго напряженія, а, можетъ быть, и отъ игры Люси, не перестававшей звенѣть въ нашихъ ушахъ, навѣвая тоску и мрачныя представленія, нервы наши такъ развинтились, что мы не въ силахъ были дольше сдерживаться и какъ ни крѣпились, а въ концѣ концовъ всѣ трое заплакали, и плакали бы долго, если бъ за дверью не раздались шаги и шуршанье шолка, которое заставило насъ повернуть голову къ шумно растворившейся двери.

— Гдѣ они? Въ столовой? Что они тамъ дѣлаютъ? Время обѣда давно прошло, скоро ужинъ...

Звонкій и громкій голосъ, произносившій эти слова, принадлежалъ замѣчательно красивой и нарядной дамѣ, остановившейся на порогѣ и обращавшей свою рѣчь къ кому-то въ коридорѣ.

Мы такъ растерялись отъ неожиданнаго явленія, что забыли поклониться и стояли, какъ вкопанные, впиваясь взглядомъ въ блестящую, шумную и красивую особу, оглядывавшую насъ съ любопытствомъ съ ногъ до головы.

Какъ сейчасъ, вижу ея платье изъ серебристаго бархата, открывавшагося на розовой атласной юбкѣ, расшитой разноцвѣтными шелками съ дорогими бѣлыми кружевами. На низко обнаженной бѣлой шеѣ сверкало брилліантовое колье, а надъ затѣйливой высокой прической, среди напудренныхъ локоновъ, покачивалась птица съ серебристо розовыми перьями. Въ рукахъ она держала множество красивыхъ вещей: вѣеръ, букетъ изъ живыхъ розъ въ золотомъ, ажурномъ портбуке, комочекъ дорогихъ кружевъ, долженствовавшихъ изображать носовой платокъ; изъ-подъ юбки выставлялась нога въ серебристомъ башмачкѣ на высокомъ каблукѣ.

По тогдашней модѣ, она была сильно нарумянена, и изъ-подъ высоко приподнятыхъ тонкихъ и темныхъ бровей весело смотрѣли чудные каріе глаза, полные огня и страсти. Такой дамы мы въ натурѣ никогда не видѣли. Наша бѣдная маменька очень просто одѣвалась, весь ея незатѣйливый гардеробъ не стоилъ одного изъ брильянтовъ въ колье незнакомки. Если бъ намъ не показали наканунѣ портретной галлереи дѣдушки, мы и не подозрѣвали бы, чтобъ могли существовать на свѣтѣ такія дамы, какъ та, что стояла теперь передъ нами. Въ первую минуту она намъ такъ живо напомнила ту красавицу темноокую въ бѣломъ платьѣ, съ красной шалью на плечахъ, изображеніе которой висѣло на почетнѣйшемъ мѣстѣ въ тяжелой золотой рамѣ, съ короной, что мы подумали: «ужъ не она ли вышла изъ рамы, чтобъ съ нами познакомиться?» Такъ она насъ поразила своими брильянтами, звучнымъ голосомъ, очаровательной улыбкой и жгучимъ властнымъ взглядомъ, что мы въ первую минуту не замѣтили капризнаго изгиба своевольнаго рта и жестокости во взглядѣ, когда она, забывшись, останавливала его слишкомъ долго на комъ нибудь.

Впрочемъ, ей хотѣлось намъ понравиться при первомъ свиданіи, а ей это всегда удавалось, даже и не съ такими малышами, неопытными и съ чистымъ сердцемъ, какими мы тогда были.

Съ полминуты стояли мы передъ нею неподвижно, дозволяя ей безпрепятственно насъ разсматривать, пока, наконецъ, она не повернулась къ своему спутнику и не вскричала, съ восхищеніемъ на насъ указывая:

— Да они всѣ красавцы! Вы мнѣ этого не говорили, дѣдушка!

Послѣднее слово заставило насъ оторвать отъ нея глаза, и мы увидали дѣдушку. Но при этой блестящей особѣ онъ стушевывался

и не внушалъ намъ того чувства почтительнаго страха и уваженія, котороѐ мы питали къ нему съ тѣхъ поръ, какъ стали себя помнить. Теперь онъ казался намъ только красивымъ старикомъ съ добродушной улыбкой и насмѣшливымъ взглядомъ, который онъ только изрѣдка отрывалъ отъ своей спутницы, чтобъ взглянуть на насъ.

А она, между тѣмъ, подошла къ намъ ближе и, поочередно протягивая намъ свою выхоленную руку, унизанную сверкающими браслетами и кольцами, которую мы поднесли къ губамъ, какъ старая знакомая, начала насъ называть по именамъ.

— Это Сережа? А это маленькая пѣвунья Лиза? А это синеокій Рома? О, какъ они похожи на Бориса! Особенно Сережа! И какъ милы! Какъ милы! Дѣдушка, вы должны ихъ непремѣнно полюбить... особенно этого черноглазаго рыцаря...

Съ этими словами она толкала насъ къ дѣду, которому, повидимому, не совсѣмъ пріятно было слышать ея замѣчанія, но, тѣмъ не менѣе, онъ съ сдержанной усмѣшкой далъ намъ поцѣловать руку, а Сережу довольно ласково потрепалъ по щекѣ.

— Кто же ихъ будетъ воспитывать?—спросила она.

— Ужъ, конечно не вы,—возразилъ онъ, пожимая плечами.—Я для нихъ выписалъ наставниковъ,—прибавилъ онъ.

— Надѣюсь, не въ родѣ наглой Люсишки?

Онъ сдвинулъ брови и взглянулъ на нее такъ строго, что она вспыхнула.

— А пока? Съ кѣмъ они будутъ пока?—продолжала она, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его гнѣва. — Однимъ имъ, должно быть, ужасно скучно... Посмотрите, ужъ больше часа, какъ они отобѣдали, и никому въ голову не приходитъ увести ихъ. А гдѣ вы ихъ поселили?

— Пока въ спальнѣ покойной княгини,—отрывисто отвѣчалъ онъ, видимо скучая разговоромъ.

— Имъ, я думаю, отъ скуки захотѣлось спать! Цѣлый день провели они одни въ незнакомомъ домѣ... безъ игрушекъ, безъ книгъ! Бѣдныя дѣти! Жестокій дѣдушка! — продолжала она.

— Мы не были одни,—вырвалось у Сережи, который былъ отъ природы такъ правдивъ, что не могъ переносить лжи, въ какой бы формѣ она ни являлась. Тамъ, въ переулкѣ, близъ Басманной, съ маменькой, въ немъ одобряли это пристрастіе къ правдѣ и ставили намъ его въ примѣръ, но здѣсь дѣло другое, и не успѣло опроверженіе сорваться съ его губъ, какъ мы убѣдились, что онъ сдѣлалъ промахъ, такъ исказилось лицо дѣда отъ гнѣва, и такимъ зловѣщимъ огонькомъ засверкали глаза г-жи Матаваевой.

— Съ кѣмъ же вы были?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ, устремляя повелительный взглядъ на мальчика, который въ смущеніи опустилъ глаза.

— Оставьте его, что за допросы!—попытался было вмѣшаться дѣдушка, но она только передернула плечами и настойчивѣе прежняго повторила:

— Съ кѣмъ провели вы день?

— Съ дамой, которую зовутъ Люси,—храбро отвѣчалъ Сережа.

— Я это знала, мнѣ только хотѣлось, чтобъ онъ это повторилъ при васъ, чтобъ вы убѣдились, что меня нельзя обмануть,—процѣдила она сквозь зубы, обращаясь къ дѣдушкѣ.

— Перестаньте... это наконецъ становится смѣшно... пойдемте въ мой кабинетъ, я вамъ все объясню,—началъ онъ въ примирительномъ тонѣ, подавая ей руку, отъ которой она, надувъ сердито губы, отвернулась.

— Никакихъ объясненій я слушать не желаю! Вы мнѣ дали слово, что она не переступитъ порога вашего дома, и не сдержали его; для человѣка такого именитаго рода, какъ князь Б—й, это довольно стыдно...

— Да перестаньте же, вамъ говорятъ!—вскричалъ онъ съ притворною запальчивостью:—я вамъ предлагаю все это выяснить... нельзя же говорить при дѣтяхъ,—прибавилъ онъ, понижая голосъ до шопота, и, взявъ ея руку, продѣлъ ее силой подъ свою и повлекъ ее къ выходу, невзирая на ея сопротивленіе и на то, что она, повертываясь въ нашу сторону, повторяла тономъ капризнаго ребенка:—Оставьте меня... я хочу съ ними побыть... они не умѣютъ обманывать и будутъ меня любить такъ, какъ я хочу, чтобъ меня любили...

Но она ужъ не сердилась, это было замѣтно и по голосу ея и по улыбкѣ, съ которой она намъ кивала головой.

Когда они удалились, мы съ изумленіемъ переглянулись.

— А вѣдь Люси правду сказала, что она ее терпѣть не можетъ. замѣтилъ ты, какъ она обозлилась, когда ты сказалъ, что она съ нами провела весь день?—сказала я Сережѣ.

— Еслибъ я не сказалъ, она все равно узнала бы,—подхватилъ онъ.—И, наконецъ, надо всегда говорить правду.

— Я все ждалъ, что они намъ скажутъ, какъ пройти въ нашу комнату,—вмѣшался въ разговоръ Рома.—Я думалъ, что у насъ спросятъ, есть ли у насъ здѣсь книжки съ картинками и игрушки, а они только ссорились и ни о чемъ насъ не спросили. И, должно быть, намъ придется здѣсь ночевать потому, что всѣ про насъ забыли,—продолжалъ онъ, карабкаясь на стулъ, съ котораго слѣзъ для встрѣчи посѣтителей и, положивъ голову на сложенныя рученки, печально прибавилъ:—Всѣ про насъ забыли, и когда свѣчи догорятъ, мы останемся въ темнотѣ, и будетъ очень страшно.

Говоря такимъ образомъ, онъ боязливо озирался на хоры, чернѣвшіе въ глубинѣ, и на потолокъ съ нимфами и амурами, начи-

навшими принимать фантастическія очертанія, далеко неуспокоительнаго свойства.

Однако Рома ошибся; не прошло и пяти минутъ, какъ явилась Авдотья Ивановна и пригласила насъ идти въ нашу комнату, поужинать и лечь спать.

Ей, вѣроятно, досталось за то, что она такъ долго оставляла насъ однихъ. Она указала намъ на сонетку, висѣвшую за дверью, пеняя намъ за то, что мы не послали за нею, когда кончили кушать.

— Я думала, что вы съ мамзель Люси. Дуракъ Петрушка не сказалъ намъ, что она уѣхала, а потомъ Иванъ Дмитріевичъ говоритъ: «Князь съ Дарьей Алексѣевной изволили пройти въ столовую къ дѣтямъ»... Дѣдушка приказали вамъ завтра игрушекъ накупить и всѣ книги, что въ шкапахъ дѣтскихъ, вамъ подать. Они также приказали маленькую каретку исправить, чтобъ вамъ кататься ѣздить въ хорошую погоду. Все у васъ завтра будетъ, чтобъ вы не изволили на скуку жаловаться,—прибавила она угрюмо.

Мы могли бы ей на это отвѣтить, что мы и не жаловались, но предпочли промолчать. Инстинктивно понимая, что здѣсь не слѣдуетъ спрашивать все, что придетъ въ голову, мы воздержались и отъ вопроса про Люси: пріѣдетъ ли она къ намъ завтра, какъ обѣщала, или нѣтъ?

Накормивъ насъ почти насильно,—ѣли мы только, чтобъ ее не разсердить,—она уложила насъ спать: братьевъ на диванъ, а меня на широкую кровать подъ балдахиномъ изъ тяжелаго штофа съ бахромой и кистями, засвѣтила лампадку передъ образами въ кіотѣ и напомнивъ, чтобъ мы ее позвали, если намъ будетъ что нибудь нужно, ушла въ сосѣднюю комнату, оставивъ дверь полуотворенной.

Рома заснулъ почти тотчасъ же, и я тоже начинала засыпать, когда почувствовала, что драпировка зашевелилась, и при свѣтѣ лампадки увидала Сережу, подкрадывавшагося въ одной рубашенкѣ къ моей постели.

— Что тебѣ?—спросила я, приподнимаясь съ подушекъ и радушно очищая ему мѣсто возлѣ себя.

— Я хотѣлъ у тебя спросить про эту Матаваеву,—началъ онъ, усаживаясь съ ногами на указанное мѣсто,—ты ее будешь любить?

— Нѣтъ,—стремительно отвѣчала я.

— Ну, я очень радъ, мы значитъ вмѣстѣ... Рома слишкомъ малъ, чтобъ понимать...

Понимать что? Вопросъ этотъ привелъ бы его въ большое затрудненіе, но мнѣ и въ голову не пришло ему его предлагать. Мы понимали другъ друга безъ словъ, и формулировать въ болѣе ясныхъ выраженіяхъ волновавшія насъ новыя чувства и мысли намъ не было надобности, насъ вполнѣ удовлетворяло сознаніе, что мы и думаемъ и чувствуемъ одинаково.

— Рома совсѣмъ еще маленькій, намъ надо его жалѣть,—продолжалъ Сережа:—и надо его беречь, потому что здѣсь очень страшно...

— Это еще ничего,—вырвалось у меня.

— Разумѣется, ничего,—съ живостью подхватилъ онъ,—и мы должны ждать, что будетъ еще хуже... Маменька умерла, намъ надо всего ждать, и только не падать духомъ, вотъ что главное.

— Она намъ велѣла молиться.

— Я молюсь, но только не такъ, какъ прежде, — поспѣшилъ онъ пояснить,—а про себя, особенно, безъ словъ... Мнѣ легче стало послѣ этой молитвы. И ты попробуй, увидишь, какъ хорошо! Словъ я не могу тебѣ сказать, ихъ нѣтъ, я сердцемъ молюсь, потому что многое не понимаю изъ того, что дѣлается вокругъ насъ, ну, а Богъ, Онъ все знаетъ и видитъ... Мнѣ хотѣлось бы быть такимъ, какъ маменька... Она удивительно была хороша, даже представить себѣ невозможно, чтобъ можно было быть такой... Ей вѣрно Богъ помогалъ... Ты понимаешь, про что я говорю?—прибавилъ онъ, понижая голосъ.

Я понимала. До этой минуты мы никогда не задумывались надъ тяжелымъ положеніемъ нашей матери, и на все, что происходило въ нашемъ домѣ, смотрѣли, какъ на естественное и должное. Она никогда не жаловалась. Люди, которыми мы были окружены, сочли бы за грѣхъ разсуждать въ нашемъ присутствіи про неурядицы въ жизни господъ, доходить же собственнымъ умомъ до разгадки этихъ тайнъ мы сочли бы преступленіемъ, на которое намъ бы и въ голову не пришло покуситься. И вотъ нѣсколько часовъ полнаго одиночества въ чуждой намъ средѣ, гдѣ все было не такъ, какъ у насъ дома, настолько насъ состарило, что мы внезапно поняли многое изъ того, что во дни счастья было недоступно ни уму нашему, ни сердцу. Но какой нравственной ломки намъ стоила эта преждевременная зрѣлость! Сережа не въ силахъ былъ договорить начатой фразы, голосъ его дрогнулъ, и, чтобъ не расплакаться, онъ закусилъ себѣ губы и прижалъ къ груди стиснутые кулаки.

Глаза мои привыкли въ темнотѣ, и я видѣла, какъ онъ поблѣднѣлъ отъ волненія и уставился широко раскрытыми глазами въ пространство. Сколько разъ впослѣдствіи видѣла я его въ той же позѣ и съ тѣмъ же выраженіемъ безконечной тоски во взглядѣ, когда въ печальные дни разлуки я вызывала его образъ въ моемъ воображеніи!

— Если ужъ она, такая добрая, чистая, терпѣла, то намъ и подавно надо терпѣть, значитъ такъ надо,—началъ онъ, помолчавъ.—Хорошо еще, что мы всѣ вмѣстѣ... Ты мнѣ всегда будешь вѣрить, и я тебѣ тоже... У меня другого друга, кромѣ тебя, никогда не будетъ.

— И у меня тоже,—поспѣшила я заявить, понижая голосъ до шопота и боязливо косясь на дверь въ сосѣднюю комнату, которую

мы не смѣли затворить, догадываясь, что она съ умысломъ оставлена растворенною.

Онъ меня обнялъ, и мы долго сидѣли, прижавшись другъ къ другу, на большой бабушкиной кровати подъ балдахиномъ, съ смѣющимися бронзовыми амурами.

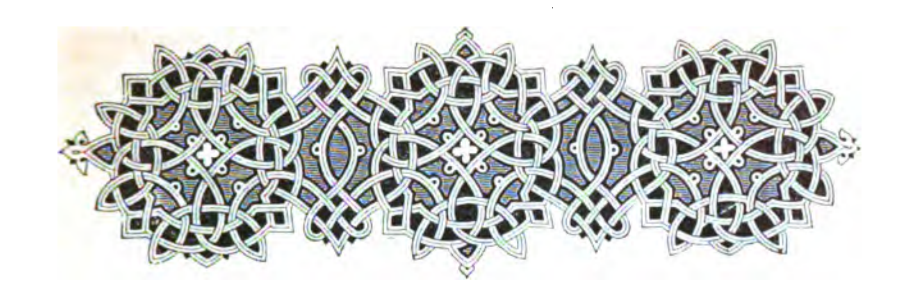
Много видѣли на своемъ вѣку эти амуры съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ мастерской итальянскаго художника, чтобъ украсить брачную кровать русскаго вельможи! Много разнообразныхъ и таинственныхъ сценъ, смѣшныхъ, ужасныхъ и умилительныхъ! Многое могли бы они разсказать, эти амуры, въ назиданіе потомству, еслибъ могли говорить!

Съ этой достопамятной ночи завязалась между мною и старшимъ братомъ духовная связь, которую даже смерти не удалось расторгнуть. Я имѣла несчастіе на много лѣтъ его пережить, но мертвый онъ остался для меня такимъ же, какимъ былъ при жизни, самымъ близкимъ существомъ, къ которому я прибѣгаю въ тяжелыя минуты съ любовью и надеждой, какъ тогда, когда мы искали другъ въ другѣ опору на большой бабушкиной кровати, и когда я прижимала похолодѣвшія отъ страха и волненія губы къ его мокрой отъ горькихъ слезъ щекѣ.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА.

ВТОРЪ печатаемыхъ «Воспоминаній», Сергѣй Михайловичъ Загоскинъ, былъ третій, младшій, сынъ извѣстнаго нашего романиста, автора «Юрія Милославскаго», Михаила Николаевича Загоскина.

Сергѣй Михайловичъ родился въ Москвѣ 15-го мая 1833 г. и получилъ домашнее воспитаніе; въ 1849 году онъ выдержалъ установленное испытаніе и опредѣлился на государственную службу въ Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Крымская война привлекла молодого человѣка въ ряды войскъ, и въ 1855 году онъ поступилъ въ Московское ополченіе, а по расформированіи послѣдняго возвратился къ гражданской службѣ, именно опредѣлился въ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора.

Въ 1857 году, Сергѣю Михайловичу представилась возможность переселиться въ Петербургъ, и вслѣдъ затѣмъ высочайшимъ приказомъ отъ 19 марта 1857 г. онъ былъ назначенъ состоять при статсъ-секретарѣ баронѣ М. А. Корфѣ для занятій по собиранію матеріаловъ къ біографіи императора Николая I. Этими работами Сергѣй Михайловичъ занимался одновременно съ А. Ө. Бычковымъ, В. В. Стасовымъ, К. Ө. Феттерлейномъ и другими лицами въ теченіе 29 лѣтъ, сперва подъ наблюденіемъ барона Корфа, затѣмъ князя С. Н. Урусова и наконецъ графа И. Д. Делянова. Какъ извѣстно, результатомъ этихъ занятій было составленіе 32 рукописныхъ томовъ матеріаловъ, которые впослѣдствіи, по волѣ въ Бозѣ почившаго императора Александра III, поступили въ распоряженіе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Въ 1886 году, когда прекращены были эти работы, Сергѣй Михайловичъ оставилъ государственную службу. Въ теченіе ея онъ неоднократно получалъ высочайшія награды, какъ орденами, такъ и подарками изъ Кабинета Его Величества; сверхъ того, онъ былъ пожалованъ въ званіе камергера высочайшаго двора; при отставкѣ же, въ 1886 году, получилъ чинъ тайнаго совѣтника.

Съ 1886 года здоровье Сергѣя Михайловича Загоскина стало приходить въ разстройство, такъ что, оставивъ службу, онъ принужденъ былъ переселиться за границу; такому рѣшенію содѣйствовало и состояніе здоровья его супруги, Анны Семеновны, дочери генералъ-адъютанта С. А. Юркевича, съ которою Сергѣй Ми-

хайловичъ вступилъ въ бракъ въ 1865 году. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ, среди своихъ болѣзней, находилъ удовольствіе въ составленіи «Воспоминаній» о своей жизни, которыя, къ сожалѣнію, довелъ только до 1857 года, но въ которыхъ успѣлъ намѣтить многія характерныя черты московскаго и петербургскаго общественнаго быта въ срединѣ текущаго вѣка. Сергѣй Михайловичъ скончался въ Парижѣ 25-го февраля 1897 года. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено въ семейномъ склепѣ въ Сергіевой пустыни, въ нижней Воскресенской церкви.

Покойный наслѣдовалъ отъ своего отца необыкновенную доброту, веселый нравъ, снисходительность къ людямъ: эти черты его характера отражаются и въ его «Воспоминаніяхъ», въ которыхъ очень много добродушія, и не найдется ни одного слишкомъ рѣзкаго отзыва. Всѣ знавшіе покойнаго Сергѣя Михайловича цѣнили его прекрасныя душевныя качества и сохранили самую лучшую память объ этомъ достойномъ человѣкѣ.

Проживъ болѣе полвѣка, я нашелъ не безъ интереса набросать воспоминанія хотя о части пройденной мною жизни. Жизнь моя, какъ жизнь всякаго частнаго человѣка, ничѣмъ не ознаменовавшаго себя на жизненномъ пути, не представляетъ ни для кого ни малѣйшаго интереса, но, родившись сыномъ русскаго писателя, пользовавшагося въ свое время большою извѣстностью среди читающей публики и даже среди всего русскаго грамотнаго народа, я считаю не излишнимъ разсказать о томъ, что было мнѣ извѣстно о жизни отца, съ которымъ я ни на одинъ день не разлучался по самую его смерть, послѣдовавшую, когда мнѣ минуло 19-ть лѣтъ. Характеръ, образъ мыслей и самыя привычки выдающагося писателя представляютъ несомнѣнный интересъ не только для его біографовъ, но и для всѣхъ читателей, такъ какъ мельчайшія подробности о его жизни, извѣстныя лишь лицамъ, бывшимъ въ постоянномъ съ нимъ прикосновеніи, могутъ немало способствовать къ опредѣленію и оцѣнкѣ его произведеній, истекавшихъ прямо изъ личныхъ убѣжденій характера и кругозора самого автора.

Позднѣе, послѣ кончины отца, мнѣ въ молодости удалось вращаться въ московскомъ обществѣ и затѣмъ принимать участіе въ Крымской кампаніи, и наконецъ поступить на службу въ Петербургѣ. За всѣ юные годы московской и петербургской жизни мнѣ случалось видѣть и знать множество людей, пользовавшихся въ свое время извѣстностью и игравшихъ большую роль въ нашей администраціи. Вообще же, въ моихъ воспоминаніяхъ я не касаюсь ни политическихъ событій, ни историческихъ происшествій, я описываю только всѣ случаи и приключенія моей собственной жизни, какъ жизни, которая всякаго можетъ навести на поучительныя наставленія для дальнѣйшей собственной жизни.

С. З.

I.

Мои предки.—Дѣдушка и бабушка.—Мой отецъ.—Его дѣтство и юность.—Служба въ Петербургѣ.—1812-й годъ.—Литературныя занятія.—Женитьба.—Моя мать.—Д. А. Новосильцевъ.—Переѣздъ въ Москву.—Князь Д. В. Голицынъ.—Юрій Милославскій.—Перемѣна въ жизни отца.—Болѣзнь матери.—Мое рожденіе.—Новая болѣзнь матери.—Кончина Новосильцева.

Родъ Загоскиныхъ принадлежитъ къ одной изъ древнихъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Родоначальникъ ихъ Шевкалъ Загорь прибылъ въ 1472 году изъ Золотой Орды къ великому князю Іоанну III и, наименованный во св. крещеніи Александромъ Акбулатовичемъ съ прозваніемъ Загоска, былъ жалованъ помѣстьями въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Обонежской пятинѣ. Изъ потомковъ его, называвшихся Загоскиными, многіе служили воеводами и стольниками, а нѣкоторые находились при разныхъ посольствахъ. Въ началѣ, родъ Загоскиныхъ былъ весьма малочисленъ, такъ что, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, представителемъ его остался одинъ Дмитрій Ѳеодоровичъ, стольникъ и воевода на Нерехтѣ. Впослѣдствіи у него былъ сынъ Алексѣй, служившій тоже стольникомъ и убитый подъ Смоленскомъ. Единственный сынъ Алексѣя, мой прапрадѣдъ, Лаврентій Алексѣевичъ, находился въ военной службѣ, но гдѣ именно—мнѣ неизвѣстно; повидимому, онъ былъ въ числѣ лицъ, приближенныхъ къ царицѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ, такъ какъ она выдала за него свою крестницу, дочь шведскаго генерала Эссенъ, взятую въ плѣнъ подъ Полтавою и подаренную Петромъ I. Самъ государь былъ посаженымъ отцомъ новобрачной и благословилъ ее образомъ, хранящимся и понынѣ въ потомствѣ старшаго изъ двухъ сыновей Лаврентія Алексѣевича—Николая, оставившаго отъ брака съ дѣвицею Масловою многочисленное потомство, проживающее донынѣ, большею частью, въ г. Пензѣ и въ родовыхъ своихъ имѣніяхъ этой губерніи. Другой сынъ Лаврентія Алексѣевича, Михаилъ, былъ женатъ на богатой дѣвицѣ изъ древняго рода Бѣльскихъ и имѣлъ единственнаго сына Николая, моего дѣда, родившагося 24-го октября 1761 года.

О жизни и службѣ моего прадѣда я не имѣю никакихъ свѣдѣній; мнѣ только извѣстно, что онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, вскорѣ послѣ рожденія своего единственнаго сына. Вслѣдъ за прадѣдомъ скончалась и его вдова, оставивъ своему малолѣтнему сыну большія и значительныя имѣнія въ Пензенской губерніи. Осиротѣвшій ребенокъ былъ взятъ на воспитаніе своимъ родственникомъ Засѣцкимъ, проживавшимъ въ своихъ помѣстьяхъ Пензенской губерніи, и у котораго онъ оставался до 16 лѣтняго возраста. Воспитаніе дѣда шло болѣе чѣмъ плохо: отсутствіе всякаго надзора,

безотчетная свобода дѣйствій, шалости и игры въ обществѣ многочисленной дворни, имѣли пагубное вліяніе на его нравственное развитіе, такъ что, поступивъ 16 лѣтъ на службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, онъ немедленно предался полнѣйшему разгулу въ кругу молодыхъ петербургскихъ кутилъ того времени. Разгулъ, по собственымъ его словамъ, былъ столь великъ, что долго продолжаться не могъ. Будучи характера крайне своеобразнаго и самовольнаго, но, къ счастью, обладая здравымъ умомъ и сильною волею, дѣдъ вскорѣ почувствовалъ всю непригядность своей безнравственной жизни и, возгнушавшись всего, что незадолго передъ тѣмъ составляло ея прелесть, рѣшилъ разомъ навсегда покончить съ своею обстановкою, посвятивъ себя уединенію и молитвѣ... рѣшеніе было круто и энергично: онъ вышелъ въ отставку, роздалъ большую часть своего состоянія небогатымъ своимъ родственникамъ и отправился на жительство въ Саровскую пустынь, гдѣ въ то время находился извѣстный строгій подвижникъ, отецъ Серафимъ. Построивъ собственноручно, вмѣстѣ съ Серафимомъ, келью и сдѣлавшись неразлучнымъ его товарищемъ, молодой отшельникъ вполнѣ подчинился строгому монастырскому уставу. Препровождая время въ молитвѣ и постѣ и ревностно исполняя тяжелыя, возлагавшіяся на него послушанія, онъ вскорѣ пріобрѣлъ искреннюю дружбу и уваженіе Серафима. Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ дѣдомъ въ Саровской пустынѣ, совершенно согласовались съ тогдашнимъ его душевнымъ настроеніемъ и, казалось, служили ему подготовленіемъ къ дальнѣйшимъ отшельническимъ подвигамъ... но молодость взяла свое! Получивъ письмо отъ своихъ родственниковъ Засѣцкихъ, приглашавшихъ его къ себѣ въ деревню для какихъ-то необходимыхъ денежныхъ расчетовъ, Николай Михайловичъ съ стѣсненнымъ сердцемъ и великою грустью покинулъ на время обитель и поѣхалъ къ нимъ въ Пензенскую губернію. Прогостивъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, молодой послушникъ грустилъ по своей уединенной келіи и по своемъ товарищѣ Серафимѣ, но, мало-помалу, привыкнувъ къ новой обстановкѣ, среди сельскихъ развлеченій, сталъ забывать пустынь, келью и Серафима... наконецъ, въ сердце его запала искра теплой и нѣжной любви! — онъ полюбилъ молодую дѣвицу, воспитанную въ правилахъ высокаго благочестія, Наталью Михайловну Мартынову. Любовь эта рѣшила дальнѣйшую его службу: онъ сбросилъ монашескую ряску, покинулъ навсегда Саровскую пустынь и женился на Мартыновой[1]).

---

[1]) Отецъ Натальи Михайловны, Михаилъ Ильичъ Мартыновъ, довольно богатый помѣщикъ Пензенской губерніи, имѣлъ отъ трехъ браковъ двадцать пять человѣкъ дѣтей. Изъ сыновей его были извѣстны: въ московскомъ обществѣ — Соломонъ Михайловичъ, а въ петербургскомъ — Савва Михайловичъ. Первый проживалъ въ Москвѣ и составилъ себѣ, черезъ откупа, значительное состояніе. Онъ

Послѣ женитьбы Николай Михайловичъ поселился въ Пензѣ, проживая по лѣтамъ въ родовомъ помѣстіи Пензенскаго уѣзда, с. Рамзаѣ. Несмотря на свой причудливый и нѣсколько деспотическій характеръ, онъ до конца жизни былъ хорошимъ мужемъ и добрымъ попечительнымъ отцемъ. Семейство его состояло изъ семи сыновей и двухъ дочерей [1]).

Вскорѣ послѣ отечественной войны дѣдъ мой переѣхалъ изъ Пензы на жительство въ Петербургъ, гдѣ въ то время сыновья его находились на службѣ или въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Петербургѣ онъ нанялъ, на Невскомъ проспектѣ, близъ Надеждинской, обширный бельэтажъ въ домѣ Яковлева (находящемся и понынѣ за потомками того же владѣльца и той же фамиліи) и хоть не имѣлъ прежняго значительнаго состоянія, но зажилъ, однако, довольно широко, принимая гостей и нерѣдко устраивая у себя домашніе спектакли. Проживая съ 1815 по 1820 годъ, вмѣстѣ съ старшимъ своимъ сыномъ Михаиломъ Николаевичемъ, въ то время, уже начинавшимъ вращаться въ кругу литераторовъ, дѣдъ мой составилъ себѣ общество преимущественно изъ сихъ послѣднихъ. Въ домашнихъ его спектакляхъ принимали участіе Крыловъ, Гнѣдичъ, Жуковскій и другіе, а декораціи для сцены писалъ юноша,

---

былъ женатъ на Елизаветѣ Михайловнѣ Тарновской и имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Сыновья его были Михаилъ, женатый на Ушаковой, Николай (убившій на дуэли Лермонтова)—на Проскуровой и Дмитрій—на Демидовой. Дочери, Елизавета—за Шереметевымъ, Екатерина—за Ржевскимъ, Юлія—за княземъ Гагаринымъ, Наталья—за французомъ графомъ Турдонэ и Марія—за англійскимъ банкиромъ Берингомъ.

Савва Михайловичъ, проведшій всю жизнь въ Петербургѣ, былъ женатъ на Маріи Степановнѣ Поскочиной и извѣстенъ своею крупною, карточною игрою. Сынъ его Николай, офицеръ гвардейской артиллеріи, пользовался большою извѣстностью своею замѣчательною игрою на фортепіано. Дочери Саввы Михайловича были въ замужествѣ: Марія—за Бемомъ, Анна—за княземъ Багратіономъ и одна (не помню, какъ звали) за генераломъ Анненковымъ. О бабушкѣ моей Натальѣ Михайловнѣ, родившейся 26-го декабря 1770 г., люди, близко ее знавшіе, отзывались, какъ о женщинѣ умной, любезной и добродѣтельной, что и подтвердили въ своихъ воспоминаніяхъ извѣстный поэтъ князь И. М. Долгорукій и Ф. Ф. Вигель, хорошо знавшіе ее во время своего пребыванія въ Пензѣ.

[1]) Сыновья: 1) Михаилъ, мой отецъ. 2) Маркелъ, женатый на Любови Сергѣевнѣ Олсуфьевой, офицеръ лейбъ-гвардія Семеновскаго полка, а потомъ пензенскій уѣздный предводитель дворянства. 3) Василій, офицеръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, а затѣмъ умершій въ должности командира Азовскаго полка. 4) Павелъ, офицеръ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, умершій юношею. 5) Николай, женатый на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Мертваго (дочери сенатора). 6) Алексѣй, женатый на Александрѣ Ивановнѣ Эмме (дочери рижскаго коменданта) и 7) Иллiодоръ, женатый на дворянкѣ польскаго происхожденія Эмиліи Александровнѣ Изеншмидтъ. Три послѣдніе служили въ корпусѣ путей сообщенія. Дочери: Софія въ замужествѣ за пензенскимъ помѣщикомъ Ступишинымъ и Варвара въ первомъ бракѣ за Охлябининымъ, а во второмъ за Александромъ Алексѣевичемъ Панчулидзевымъ, бывшимъ болѣе двадцати пяти лѣтъ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

обладавшій уже тогда значительнымъ талантомъ; фамилія его была Брюло [1]).

Въ 1820 году, Николай Михайловичъ, послѣ женитьбы двухъ старшихъ сыновей, снова возвратился въ любимую имъ Пензу и скончался тамъ 24-го апрѣля 1824 года, а бабушка умерла тамъ же 17-го марта 1833 года.

Отецъ мой, Михаилъ Николаевичъ, родился въ с. Рамзаѣ 14-го іюля 1789 года. Воспитаніе онъ получилъ дома и большею частью въ деревнѣ; но образованіе его шло такъ же плохо, какъ и образованіе его отца; за то все вниманіе родителей было обращено на развитіе нравственной стороны ребенка. Съ дѣтскихъ лѣтъ, чувствуя не только влеченіе, но просто страсть къ чтенію, Михаилъ Николаевичъ посвящалъ все свое время чтенію книгъ изъ довольно обширной библіотеки своего отца, состоявшей большею частью изъ книгъ серьезнаго направленія. Такимъ образомъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, не получая никакого научнаго образованія, онъ, по собственному влеченію, постояннымъ чтеніемъ нѣсколько пополнялъ недостатокъ своихъ познаній и, притомъ, обладая замѣчательною памятью, помнилъ все прочитанное. Изъ иностранныхъ языковъ его учили лишь французскому и то поверхностно; впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, онъ зналъ основательно этотъ языкъ, но въ разговорѣ дѣлалъ часто ошибки.

Одиннадцати лѣтъ, онъ въ первый разъ попробовалъ написать разсказъ подъ названіемъ «Пустынникъ». Это дѣтское произведеніе было настолько хорошо написано, что родители автора и всѣ ихъ знакомые не хотѣли вѣрить, чтобы подобное сочиненіе могло выйти изъ-подъ пера одиннадцатилѣтняго ребенка.

Въ маѣ 1802 года, Михаилъ Николаевичъ, не достигнувъ еще и тринадцатилѣтняго возраста, былъ отправленъ въ Петербургъ для поступленія на гражданскую службу. Въ спутники ему, сверхъ дядьки его, Прохора Кондратьевича [2]), былъ данъ уѣзжавшій одновременно съ нимъ изъ Пензы въ Петербургъ, внучатный братъ его, юный Филиппъ Филипповичъ Вигель, впослѣдствіи извѣстный своимъ просвѣщеннымъ, но ѣдкимъ умомъ, авторъ весьма интересныхъ записокъ. Съ раннихъ лѣтъ, отецъ мой, здоровый, крѣпкій и замѣчательно сильный мальчикъ, чувствовалъ особое влеченіе къ военной службѣ и неотступно просилъ своихъ родителей опредѣлить его въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, но они, неизвѣстно почему, не исполнили его желанія, хотя нѣкоторые изъ братьевъ его, изъ

---

[1]) Подробности эти извѣстны мнѣ изъ краткихъ записокъ Николая Михайловича, писанныхъ изрѣдка на маленькихъ листкахъ бумаги и хранившихся у дочери его Панчулидзевой. Впрочемъ, записки эти не представляютъ особаго интереса, касаясь преимущественно семейныхъ дѣлъ.

[2]) Этотъ дядька выведенъ Михаиломъ Николаевичемъ въ его романѣ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ».

которыхъ одинъ даже пользовался слабымъ здоровьемъ, были опредѣлены въ военную службу, а прочіе отданы въ корпусъ путей сообщенія.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Михаилъ Николаевичъ, по ходатайству стараго знакомаго его родителей, богатаго откупщика Злобина (свояка Сперанскаго), былъ опредѣленъ въ канцелярію государственнаго казначея канцеляристомъ, откуда, по производствѣ въ сенатскіе регистраторы, переведенъ въ горный департаментъ, а потомъ въ государственный заемный банкъ и, затѣмъ, передъ отечественною войною, перешелъ снова въ департаментъ горныхъ дѣлъ съ чиномъ губернскаго секретаря.

Про эти первые годы петербургской жизни моего отца я ничего не знаю; онъ мало о нихъ вспоминалъ и только иногда разсказывалъ, что жилъ тогда болѣе чѣмъ скромно, имѣлъ мало знакомыхъ, усердно трудился на службѣ, много писалъ маленькихъ разсказовъ и повѣстей и постоянно нуждался въ средствахъ къ жизни.

Получая отъ своего родителя всего 300 р. ассигнаціями въ годъ и нѣсколько десятковъ рублей казеннаго содержанія, онъ, въ сильные морозы, не разъ оставался въ неотопленной квартирѣ и даже, однажды, изнемогая отъ холода, рѣшился, за неимѣніемъ денегъ, истопить печи деревянными стульями, составлявшими часть мебели его неприхотливой квартиры.

Въ 1812 году, при формированіи ополченій, Михаилъ Николаевичъ, въ чинѣ коллежскаго секретаря, поступилъ въ ополченіе С.-Петербургской губерніи подпоручикомъ и принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Полоцкомъ и другихъ мѣстахъ. Подъ Полоцкомъ, получивъ сильную контузію въ ногу, онъ былъ пожалованъ, за храбрость, орденомъ св. Анны на шпагу. Контузія лишила его надолго возможности участвовать въ дальнѣйшихъ, военныхъ дѣйствіяхъ.

Приведу, при семъ, случай, доказывающій огромную память отца въ молодыхъ его лѣтахъ. Во время продолжительнаго лѣченія контузіи въ лазаретѣ онъ какъ-то сказалъ одному изъ своихъ раненыхъ товарищей, что можетъ въ короткое время выучить наизусть весь лексиконъ французскихъ словъ. Товарищъ не повѣрилъ, заспорилъ, побился о какой-то закладъ и проигралъ его: отецъ выучилъ въ назначенный срокъ весь лексиконъ и, заставивъ проэкзаменовать себя, блистательно выдержалъ экзаменъ [1]).

Послѣ сдачи Данцига, по распущеніи ополченія, Михаилъ Николаевичъ возвратился въ Россію и прожилъ нѣкоторое время у

---

[1]) И. И. Панаевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ, но не вѣрно: онъ говоритъ, что М. Н., не знавъ въ дѣтствѣ французскаго языка, изучилъ для сего французскій лексиконъ вскорѣ послѣ своего назначенія директоромъ Московскихъ театровъ. Это ошибочно: дѣло было, какъ мною разсказано со словъ самого Михаила Николаевича.

своихъ родителей въ с. Рамзаѣ, гдѣ и написалъ комедію подъ названіемъ «Комедія противъ комедіи» или «Урокъ волокитамъ».

Піеса эта, игранная въ Петербургѣ, понравилась публикѣ, имѣла большой успѣхъ, долго не сходила съ репертуара и доставила автору нѣкоторую извѣстность среди драматическихъ писателей того времени, но, будучи написана въ защиту «Липецкихъ водъ», комедіи князя А. А. Шаховскаго, принадлежавшаго къ литературному кружку Шишкова, враждебному знаменитому кружку «Арзамасцевъ», пріобрѣла ему немало враговъ изъ послѣдняго кружка.

Всѣ члены «Арзамаса», за исключеніемъ Жуковскаго и Вигеля, сдѣлались сильными порицателями драматическаго таланта отца, и въ особенности ожесточался противъ него Грибоѣдовъ, который, однако, позднѣе, познакомившись съ нимъ, полюбилъ его и остался въ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ вплоть до своей трагической кончины [1]).

Въ 1815 году, Михаилъ Николаевичъ былъ помолвленъ на пятнадцатилѣтней дочери стараго знакомаго своего отца, богатаго помѣщика Чихачева. Молодые люди не чувствовали къ другъ другу никакого влеченія и должны были вступить въ бракъ единственно въ угоду и по приказанію своихъ родителей. Къ счастію, бракъ этотъ, по настоянію жениха, не состоялся, и въ слѣдующемъ году Михаилъ Николаевичъ, по собственному влеченію и выбору своего сердца, женился на незабвенной моей матери, память о которой для меня сохранилась не только, какъ о женщинѣ умной, просвѣщенной, но и рѣдкой христіанкѣ, заслуживающей, безъ малѣйшаго преувеличенія, названія святой женщины.

Мать моя, обязанная бытіемъ своимъ бригадиру Дмитрію Александровичу Новосильцову, была возведена, въ младенчествѣ, въ дворянское достоинство съ фамиліей Васильцовской [2]) и со дня своего рожденья (26-го іюня 1792 года), находясь безотлучно при отцѣ, получила тщательное воспитаніе: она прекрасно владѣла француз-

[1]) Въ Императорской Публичной библіотекѣ хранится переданное мною туда нижеслѣдующее стихотвореніе Грибоѣдова, писанное имъ въ формѣ письма къ моему отцу, служившему въ то время при Московскомъ театрѣ:

«Бичъ пороковъ и блиновъ!
Нынѣ Щепкинъ угощаетъ
И пріятельскій свой зовъ
Чрезъ меня онъ посылаетъ.
Пріѣзжай насъ позабавить,
Аппетиту намъ прибавить
И съѣстного поубавить!»

[2]) У Новосильцова былъ еще сынъ, родной братъ Анны Дмитріевны, Александръ Дмитріевичъ Васильцовскій, служившій въ молодости въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а впослѣдствіи бывшій камергеромъ высочайшаго двора и преемникомъ моего отца по управленію имъ Московскими театрами.

скимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками, отлично пѣла, играла на фортепіано и рисовала, какъ артистъ.

При глубокомъ умѣ, обладая рѣдкими душевными качествами и замѣчательною красотою, она была до крайности застѣнчива, вслѣдствіе чего казалась нѣсколько необщительною, и только люди, бизкол

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ.

знавшіе ее, могли оцѣнить рѣдкое сердце и безконечную чисто христіанскую любовь ея къ ближнему. Отецъ мой нѣсколько разъ сватался за Анну Дмитріевну и, несмотря на то, что Новосильцовъ былъ старый пріятель и товарищъ по полку съ дѣдушкою Николаемъ Михайловичемъ, онъ ни за что не соглашался выдать ее за

его сына, и лишь по настоятельному и непреклонному желанію Анны Дмитріевны бракъ состоялся [1]). Невзирая на данное согласіе, гордый, богатый и своенравный Новосильцовъ, желавшій выдать свою дочь за человѣка съ вѣсомъ и положеніемъ, не могъ, въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ ея свадьды, побѣдить въ себѣ чувство непріязни къ ея мужу, не признавая въ немъ ни ума, ни таланта, ни даже какихъ либо душевныхъ качествъ и считая его ничтожнымъ молодымъ человѣкомъ безъ состоянія и общественнаго положенія. Непріязнь эта сильно и долго отравляла семейное счастіе моихъ родителей.

Чтобы имѣть понятіе о характерѣ Д. А Новосильцова, приведу слѣдующій анекдотъ, разсказанный мнѣ крестнымъ сыномъ его, княземъ Сергіемъ Николаевичемъ Урусовымъ [2]). Дмитрій Александровичъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, будучи офицеромъ Измайловскаго полка и находясь, однажды, съ своею ротою въ караулѣ на дворцовой гауптвахтѣ, остался крайне недоволенъ поданнымъ ему обѣдомъ съ царской кухни, тѣмъ самымъ, который подавался государынѣ. Пригласивъ на гауптвахту гофъ-фурьера, распоряжавшагося царскимъ обѣдомъ, и сдѣлавъ ему выговоръ за дурное будто бы кушанье, которое онъ осмѣливался подавать императрицѣ, Новосильцовъ приказалъ солдатамъ своей роты высѣчь его, что ими и было немедленно исполнено. За этотъ поступокъ онъ былъ уволенъ отъ службы, но, позднѣе принятый снова въ оную, дослужился до бригадирскаго чина.

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ супружества моихъ родителей у нихъ родились: въ 1817 г. дочь Наталья (умершая вскорѣ послѣ своего рожденія), въ 1818 г. сынъ Дмитрій и въ 1819 г. сынъ Николай. Оба сына, впослѣдствіи, были очень красивы собою; старшій, похожій на отца, былъ всегда ненавистенъ Новосильцову, а второй, схожій съ матушкою, пользовался постоянною его любовью.

Передъ свадьбою, Михаилъ Николаевичъ, оставивъ службу въ горномъ департаментѣ, былъ опредѣленъ въ дирекцію императорскихъ театровъ помощникомъ члена по репертуарной части. Опредѣленію этому способствовала дружба его со всемогущимъ въ то время въ театральномъ мірѣ княземъ А. А. Шаховскимъ, искренно полюбившимъ его за защиту «Липецкихъ водъ».

Въ 1818 г. отецъ оставилъ службу при театрѣ и опредѣленъ помощникомъ библіотекаря при императорской публичной библіотекѣ, а въ 1820 г. получилъ орденъ св. Анны 3-й степени, въ награду за составленіе каталога русскихъ книгъ, и назначенъ почетнымъ библіотекаремъ.

---

[1]) Вѣнчаніе моихъ родителей происходило въ Петербургѣ въ маѣ (не знаю, какого числа) 1816 года въ церкви Знаменія на Невскомъ проспектѣ.

[2]) Въ царствованіе императора Александра II онъ былъ главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи и съ 1876 по 1882 годъ моимъ начальникомъ.

Служба его при библіотекѣ пріобрѣла ему искреннее расположеніе директора ея, Алексѣя Николаевича Оленина, извѣстнаго покровителя литераторовъ и художниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріязнь и дружбу двухъ знаменитыхъ библіотекарей: Ивана Андреевича Крылова и Николая Ивановича Гнѣдича. Къ этому времени относятся двѣ комедіи Михаила Николаевича: «Богатоновъ, или столичный житель въ провинціи» и «Романъ на большой дорогѣ».

Въ 1820 г., дѣдъ мой, Загоскинъ, какъ я уже выше упомянулъ, возвратился на жительство въ Пензу, а Новосильцовъ собрался переѣзжать въ Москву, гдѣ до 1812 года онъ имѣлъ постоянное жительство и собственный домъ. Не желая разставаться съ своею дочерью, которую, несмотря на ненавистный для него бракъ, продолжалъ горячо любить, онъ предложилъ моему отцу перейти на службу въ Москву и поселиться съ нимъ на жительство въ его домѣ. Предложеніе это привело въ ужасъ Михаила Николаевича, жившаго до того времени спокойно съ своимъ семействомъ въ квартирѣ своихъ родителей и пользовавшагося даровою квартирою и обѣдомъ, что было для него весьма важно, такъ какъ доходы его ограничивались небольшимъ казеннымъ жалованіемъ, незначительными литературными трудами и весьма скромнымъ содержаніемъ, получаемымъ его женою отъ Новосильцова, и только послѣ долгихъ колебаній боязнь лишить нѣжно любимую имъ жену удобствъ въ жизни, къ которымъ она съ дѣтства привыкла, заставила его рѣшиться на такое, можно сказать, самопожертвованіе и принять предложеніе Дмитрія Александровича.

Въ іюнѣ того же года, мои родители переѣхали въ Москву, гдѣ вскорѣ отецъ, по милости своего рѣдкаго сердца и неисчерпаемаго веселаго добродушія, пріобрѣлъ много новыхъ пріятелей изъ среды московскихъ литераторовъ и близко сошелся съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, С. Т. Аксаковымъ и М. А. Дмитріевымъ. Въ Москвѣ онъ поступилъ на должность чиновника по особымъ порученіямъ при тогдашнемъ московскомъ главнокомандующемъ князѣ Дмитріи Владиміровичѣ Голицынѣ, подъ начальствомъ котораго находились въ то время и московскіе театры.

Князь Голицынъ, какъ извѣстно, былъ добрый, благородный и, въ полномъ смыслѣ слова, прекраснѣйшій человѣкъ. Воспитанный за границею, онъ присвоилъ себѣ утонченныя манеры французскаго маркиза, сохранивъ при томъ осанку русскаго вельможи. Обращаясь со всѣми, а съ своими подчиненными въ особенности, вѣжливо и привѣтливо, Голицынъ, однако, нерѣдко выказывалъ, какъ будто и самъ того не подозрѣвая, важность своего сана и происхожденія, хотя въ душѣ глубоко презиралъ людей заискивающихъ, льстивыхъ и подобострастныхъ. Считаю не лишнимъ привести эпизодъ изъ перваго свиданія моего отца съ своимъ новымъ начальникомъ, хорошо обрисовывающій характеръ того и другого.

При первомъ представленіи князю, отецъ, явившись въ мундирѣ, вошелъ къ нему въ кабинетъ. Князь принялъ его, сидя за письменнымъ столомъ, и, не протянувъ руки, сталъ любезно съ нимъ разговаривать. Разговоръ, продолжавшійся нѣсколько минутъ, затянулся, съ офиціальнаго перешелъ въ чисто интимный. Тогда отецъ, считая себя уже не подчиненнымъ, а гостемъ князя, началъ разсѣянно оборачиваться и, какъ будто, чего-то искать. На вопросъ князя: «что съ вами и что вы ищете?»—онъ отвѣтилъ: «кресло, чтобы сѣсть». Князь улыбнулся, позвонилъ и приказалъ вошедшему слугѣ подать кресло. Съ тѣхъ поръ, при всякомъ свиданіи начальника съ своимъ подчиненнымъ, рука протягивалась и кресло придвигалось.

Въ скоромъ времени Голицынъ очень полюбилъ своего новаго чиновника и до конца жизни оказывалъ ему знаки уваженія и душевной пріязни.

При такомъ начальникѣ, служба Михаила Николаевича шла весьма успѣшно: въ 1823 г. онъ былъ назначенъ членомъ конторы дирекціи московскихъ театровъ, а со времени своего пріѣзда въ Москву по 1829 годъ получилъ ордена св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й и чины коллежскаго ассессора и надворнаго совѣтника. По тогдашнимъ правиламъ, онъ не могъ получить чина коллежскаго ассессора безъ выдержанія особо установленнаго для этого чина экзамена, а потому долго приготовлялся къ нему и выдержалъ его отличнымъ образомъ. При испытаніи его въ русскомъ языкѣ профессоръ отечественной словесности предложилъ отцу, уже пользовавшемуся извѣстностью, какъ драматическій писатель, слѣдующій, довольно наивный вопросъ: «кто былъ Ломоносовъ?»—отецъ, неоднократно разсказывая объ этомъ, всегда прибавлялъ: «мнѣ хотѣлось отвѣтить, что Ломоносовъ былъ сапожникъ».

Продолжая усердно заниматься службою при театрѣ и не оставляя своихъ литературныхъ занятій, Михаилъ Николаевичъ, за время съ 1820 по 1828 годъ, написалъ комедіи: «Урокъ холостымъ», «Благородный театръ» и водевиль «Деревенскій философъ». Первыя двѣ пьесы были написаны стихами, что стоило ихъ автору не малаго труда, такъ какъ, не имѣя музыкальнаго уха, онъ каждый стихъ раздѣлялъ на слоги и на стопы и надъ каждымъ слогомъ ставилъ удареніе. Ранѣе этихъ двухъ комедій онъ написалъ посланіе въ стихахъ къ Гнѣдичу подъ названіемъ «Авторская клятва» и стихотвореніе «Выборъ невѣсты». Эти стихотворные его опыты, заслужившіе полное одобреніе Гнѣдича и особенно Крылова, дали ему нѣкоторую смѣлость написать стихами вышеупомянутыя двѣ комедіи, которыя и были играны съ большимъ успѣхомъ на московской сценѣ.

До 1830 года, отецъ съ своимъ семействомъ проживалъ въ Старой Конюшенной въ домѣ Новосильцова, часто испытывая на себѣ

странныя придирки и выходки хозяина дома, настоящаго деспота стараго закала, вызывавшія немало обоюдныхъ бурныхъ вспышекъ, и вслѣдствіе которыхъ жизнь моихъ родителей въ его домѣ становилась все болѣе и болѣе невыносимѣе, и мысль отдѣлиться отъ Новосильцова не покидала отца ни на минуту. Въ то время, матеріальныя средства его нѣсколько улучшились, однако, не настолько, чтобы онъ имѣлъ возможность, какъ онъ самъ выражался, «опериться» и жить самостоятельно.

Вскорѣ счастье улыбнулось ему: въ 1828 году онъ задумалъ написать историческій романъ. Въ теченіе почти цѣлаго года, онъ усердно рылся въ древнихъ актахъ, изучалъ русскую исторію и нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи за перомъ. Плодомъ этого усидчиваго труда явился, наконецъ, въ декабрѣ слѣдующаго года, его первый историческій романъ «Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году».

Появленіе этого романа, какъ извѣстно, составило эпоху въ русской литературѣ, доставивъ автору его громкую извѣстность не только въ Россіи, но и за границею. Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, Гнѣдичъ, Шаховской, однимъ словомъ, всѣ лучшіе писатели и поэты того времени громко привѣтствовали появленіе этого романа и разсыпались передъ отцомъ въ похвалахъ. Однимъ изъ первыхъ поспѣшилъ поздравить его съ блистательнымъ успѣхомъ «Юрія Милославскаго» князь Шаховской: онъ прислалъ длинное письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «я уже совсѣмъ одѣлся, чтобы ѣхать на свиданіе съ нашими первоклассными писателями на литературный обѣдъ къ графу Ѳ. П. Толстому, какъ вдругъ принесли мнѣ твой романъ, я ему обрадовался и повезъ мою радость къ графу Толстому. Но тамъ меня ею же встрѣтили. Первое дѣйствующее лицо авторскаго обѣда, явившееся на сцену, былъ Пушкинъ и тотчасъ заговорилъ о тебѣ. Пушкинъ восхищался отрывками твоего романа, которые онъ читалъ въ журналѣ. Входитъ Крыловъ изъ дворца; разспросы о тебѣ и улыбательныя одобренія твоему роману. Входитъ Гнѣдичъ—въ восхищеніи отъ прекраснаго твоего романа; наконецъ, является Жуковскій и, сказавъ два слова, объявляетъ, что не спалъ вчера всю ночь—отчего же?—все-таки отъ твоего романа, который онъ получилъ, развернулъ, хотѣлъ прочесть кое-что и, не сходя съ мѣста и не ложась спать, не могъ не прочесть всѣхъ трехъ томовъ; а это самая лучшая похвала, какую онъ могъ сдѣлать твоему сочиненію. Онъ просилъ меня тотчасъ къ тебѣ написать о дѣйствіи, которое ты надъ нимъ произвелъ, о своей благодарности и о томъ, что, хотя онъ еще не успѣлъ поднести твоего романа императрицѣ, но предварилъ ее, что она увидитъ диво на нашемъ языкѣ».

Затѣмъ А. С. Пушкинъ писалъ моему отцу: «Перерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобы сердечно поблагодарить васъ

за присылку «Юрія Милославскаго»—лестный знакъ вашего ко мнѣ расположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ «Литературной Газетѣ» будетъ о немъ статья Погорѣльскаго [1]). Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите, дай Богъ вамъ многія лѣта, т.-е. дай Богъ намъ многіе романы».

Московское общество, съ своей стороны, не осталось равнодушнымъ къ автору «Юрія Милославскаго» и, наперерывъ, стало съ нимъ знакомиться, а отъ дамъ и особенно великосвѣтскихъ львицъ ему просто не было отбоя... одинъ только старикъ Новосильцовъ нашелъ романъ никуда негоднымъ и узнавъ, что отецъ продалъ его за 30.000 рублей ассигнаціями, съ негодованіемъ воскликнулъ: «неужели я дожилъ до того, что русскіе даютъ такія деньги за такую дрянь!» [2]).

Какъ ни лестны были для Михаила Николаевича всѣ расточаемыя ему общія похвалы, весь внезапно окружившій его почетъ, но главное, душевная радость заключалась въ томъ, что давнишняя завѣтная мысль его «опериться» могла уже осуществиться. Получивъ за свой романъ значительную для того времени сумму, онъ немедленно купилъ въ Москвѣ прекрасный домъ (въ Денежномъ переулкѣ, въ приходѣ Покрова, что въ Левшинѣ), переселился въ него съ своимъ семействомъ и зажилъ, хотя не богато, но полнымъ самостоятельнымъ хозяиномъ.

Впереди его ожидало еще большее...

Въ 1830 году, императоръ Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву и пожелалъ видѣть отца.

При входѣ его въ царскій кабинетъ въ маломъ Николаевскомъ дворцѣ, его величество, подавъ ему руку, осчастливилъ его слѣдующими словами: «будучи въ Москвѣ, я никогда не простилъ бы себѣ, если бы не познакомился съ авторомъ «Юрія Милославскаго» [3]). Свиданіе это запечатлѣлось на всю жизнь въ сердцѣ Михаила Николаевича и было началомъ той глубокой любви и безпредѣльной преданности, которыя онъ питалъ къ Николаю Павловичу до конца своей жизни.

Опредѣленный въ этомъ году управляющимъ конторою московскихъ театровъ, отецъ въ короткое время былъ пожалованъ въ камергеры и назначенъ въ должность директора тѣхъ же театровъ.

Въ день пожалованія придворнымъ званіемъ онъ былъ несказанно удивленъ присылкою отъ Новосильцова подарка: то былъ

---

[1]) Псевдонимъ Перовскаго, автора «Монастырки».

[2]) Кромѣ Новосильцова, романомъ остался недоволенъ и Булгаринъ.

[3]) Слова эти были записаны моимъ отцомъ въ его записной книжкѣ.

первый подарокъ, полученный имъ отъ него со дня своей свадьбы—золотой камергерскій ключъ!.. съ самаго этого дня камергеръ Загоскинъ вступаетъ въ глазахъ гордаго старика во всѣ принадлежавшія ему человѣческія и литературныя права: онъ сдѣлался для него прекраснымъ человѣкомъ и талантливымъ писателемъ...

Новосильцовъ торжествовалъ!.. Къ счастью, торжество это не ограничилось присылкою одного золотого ключа; вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ болѣе существенный даръ: онъ подарилъ моей матери имѣніе во Владимірской губерніи съ 600-ми крестьянами и значительную сумму денегъ, на которую она пріобрѣла имѣніе въ Тамбовской губерніи съ коннымъ заводомъ.

Въ слѣдующемъ году отецъ написалъ свой второй романъ «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году», доставившій ему 40.000 рублей ассигнаціями, на которые онъ купилъ небольшое имѣніе въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губерніи.

По поводу этого романа, Жуковскій написалъ ему слѣдующее письмо: «Благодарю васъ и за подарокъ и за «Рославлева», почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ,—и съ нимъ то же случилось, что съ его старшимъ братомъ; я прочиталъ его почти въ одинъ присѣстъ. Признаюсь вамъ только въ одномъ: по прочтеніи первыхъ листовъ, я долженъ былъ отложить чтеніе, и эти первые листы произвели было во мнѣ нѣкоторое предубѣжденіе противъ всего романа, и я побоялся, что онъ не пойдетъ на ряду съ «Милославскимъ». Описаніе большого свѣта мнѣ показалось невѣрнымъ, и въ гостиной княгини Радугиной я не узналъ свѣтскаго языка. Но все остальное прекрасно, и Рославлевъ столько же приманчивъ, какъ старшій братъ его.

«Благословляю васъ обѣими руками на романы. Это ваше дѣло, а предметовъ бездна. Стою на томъ, чтобы вы написали Дмитрія Самозванца; лучше сюжета нѣтъ, а Булгаринъ его ужасно изуродовалъ. Потомъ, примитесь описывать времена Петра; потомъ бытъ нашихъ провинціаловъ: описывая истину, смѣшное смѣшнымъ, дурное дурнымъ, прекрасное прекраснымъ, вы произведете не только пріятное, но и полезное.

«Доселѣ никто еще не писалъ у насъ вѣрно съ натуры. Болѣе карикатуры, для коихъ образчики были не наши.

«Трогая описаніемъ прекраснаго, противопоставляя высокіе характеры, изъ натуры взятые, смѣшному или дурному, также изъ натуры взятому, вы дадите умамъ надлежащее направленіе. Безъ истины нѣтъ убѣжденья, а вы можете (ибо на это имѣете талантъ) изобразить истину. Главная критика на оба ваши романа можетъ относиться только къ правильности языка. Много ошибокъ, которыя бы замѣтилъ вамъ послѣдній ребенокъ, который знаетъ грамматику. Этихъ ошибокъ у васъ быть не должно; но вы, имѣя истинный талантъ, должны непремѣнно обратить вниманіе и на мелочи, не

вредящія главному, но такого рода, что вы уже теперь обязаны не дѣлать подобныхъ проступковъ. Извините, что такъ искренно изъясняюсь: это доказательство живого участія, принимаемаго мною въ вашихъ успѣхахъ, а бывшіе ваши успѣхи даютъ мнѣ надежду на будущіе, и въ этомъ случаѣ я не боюсь быть лжепророкомъ. Экземпляръ вашего Рославлева представленъ мною государынѣ императрицѣ и принятъ ея величествомъ съ благосклонностью. Простите, будьте только здоровы—остальное все будетъ».

Съ начала 30-го года, все въ жизни моихъ родителей измѣнилось: настало полное матеріальное довольство и водворился нравственный покой. Отецъ мой отдохнулъ и тѣломъ и душой!..

Но не долго продолжался его душевный отдыхъ: мать моя, никогда не отличавшаяся хорошимъ здоровьемъ, стала чувствовать, въ 1832-мъ году, внутреннія боли, въ началѣ не обращавшія ея особеннаго вниманія, но вскорѣ до того усилившіяся, что она должна была прибѣгнуть къ совѣту лучшихъ московскихъ врачей и, несмотря на всѣ ихъ старанія, состояніе ея быстро ухудшалось. Врачи, предположивъ существованіе внутренней болѣзни, могущей окончиться ракомъ, объявили, что, если есть какая либо надежда на ея выздоровленіе, то оно можетъ послѣдовать только въ случаѣ новаго приращенія семейства. Матери моей было сорокъ лѣтъ, а младшему сыну—тринадцать, слѣдовательно, подобной надежды представлялось мало или, вѣрнѣе сказать, никакой...

Скорбь моихъ родителей была велика!..

Приступаю теперь къ описанію случая, который послужилъ къ большему укрѣпленію ихъ вѣры, и разсказъ о которомъ, слышанный мною впервые въ дѣтствѣ, имѣлъ большое вліяніе на духовную сторону всей моей послѣдующей жизни.

Вотъ этотъ чудный и только для истинно вѣрующихъ понятный случай: мать моя, какъ я уже сказалъ, была женщина глубоконабожная и всегда, во всѣхъ радостныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, прибѣгала къ молитвѣ. Смущенная рѣшеніемъ докторовъ, она стала молиться объ избавленіи ея отъ страшнаго недуга. Однажды, стоя на вечерней молитвѣ, передъ иконами, она поражена была какими-то звуками, какъ будто пронесшимися около ея ушей, стала прислушиваться и довольно ясно услыхала слова: «молись св. Митрофану».

Озадаченная подобнымъ явленіемъ, она разсказала о немъ моему отцу, который, однако, не придалъ особаго значенія ея разсказу, предполагая, что это ей «такъ показалось». На другой день, во время подобной, вечерней молитвы, матушка снова услыхала тѣ же слова, но болѣе явственно, болѣе отчетливо. Сомнѣнье разсѣялось; начались поиски о томъ, кто былъ св. Митрофанъ и когда существовалъ. Каково же было удивленіе моихъ родителей, когда, вскорѣ послѣ означеннаго явленія, они узнали, что въ Воронежѣ обрѣтены мощи епископа воронежскаго Митрофана! Отецъ немедленно отпра-

вилъ письмо къ епископу Антонію съ подробнымъ описаніемъ случившагося и просилъ его прислать какую либо святыню съ мощей новоявленнаго угодника Божія.

Антоній исполнилъ желаніе родителей и прислалъ имъ серебряный крестъ съ частицею мощей святителя и бархатную шапочку съ его св. мощей, а матушка заказала образъ св. Митрофана и непрестанно стала просить ходатайства его о совершенномъ ея исцѣленіи [1]).

15-го мая 1833-го года, исцѣленіе совершилось: она разрѣшилась отъ бремени сыномъ Сергіемъ, пишущимъ эти строки.

Съ моимъ появленіемъ на свѣтъ, прежняя болѣзнь ея, согласно предвѣщанію докторовъ, исчезла, но въ томъ же году она занемогла какою-то новою внутреннею болѣзнью совершенно другого рода, которая и продолжалась во всю остальную жизнь ея, т. е. почти двадцать лѣтъ. Болѣзнь эта не дозволяла ей дѣлать сильныхъ движеній и выносить тряски экипажа, вслѣдствіе чего она никуда не выѣзжала, ограничивая свои выходы изъ дома продолжительными прогулками въ собственномъ саду.

Осенью 1836 года, матушка была очень огорчена внезапною кончиною своего отца, который, какъ я выше сказалъ, сталъ, съ 1830-го года, не только вѣжливъ и любезенъ къ моему отцу, но и чрезвычайно ласковъ, а батюшка, по своему рѣдкому незлобію и сердечной добротѣ, забывъ всѣ перенесенныя имъ отъ старика непріятности, началъ платить ему взаимностью. Послѣ смерти Новосильцева, матушка получила, по духовному его завѣщанію, принадлежавшій ему въ Москвѣ домъ и нѣкоторую сумму денегъ.

II.

Мое младенчество, болѣзнь. — Гувернеръ. — Петровскій паркъ. — Императоръ Николай I-й. — Мое воспитаніе. — Свѣтлый праздникъ. — Мое образованіе. — Служба отца при театрѣ. — Князь П. М. Волконскій. — Милость императора къ отцу. — Назначеніе отца директоромъ оружейной палаты. — Его служба, литературные труды, образъ жизни и привычки.

Воспоминанія о моемъ младенчествѣ совершенно изгладились изъ моей памяти; я начинаю помнить себя съ восьмилѣтняго возраста. До того времени смутно помню какой-то дѣтскій маскарадъ, въ которомъ я былъ наряженъ пѣтухомъ, также смутно помню моихъ родителей, а отца не иначе, какъ въ камергерскомъ мундирѣ. Мундиръ этотъ остался въ моей памяти, вѣроятно, потому, что, по разсказамъ

---

[1]) Сей образъ находится нынѣ съ 1897 г. въ склепѣ Загоскиныхъ Троицко-Сергіев. пустыни близъ Петербурга въ Воскресенскомъ храмѣ, на могилѣ Сергія Михайловича Загоскина, автора сихъ записокъ.

моей няни, для меня, въ раннемъ дѣтствѣ, было величайшимъ удовольствіемъ присутствовать при одѣваніи отца въ придворный мундиръ и обнюхивать золотое шитье, при чемъ я всѣхъ увѣрялъ, что «папенька пахнетъ парадомъ».

Я былъ слабымъ и хилымъ ребенкомъ и часто хворалъ. Для приданія мнѣ силъ, я находился у кормилицы до трехлѣтняго возраста, а затѣмъ, по совѣту врачей, мнѣ давали ежедневно по рюмкѣ малаги или другого испанскаго вина, которое впослѣдствіи было замѣнено краснымъ виномъ и, кажется, въ весьма почтенномъ количествѣ, такъ что, когда мнѣ было лѣтъ 13-ть или 14-ть, то мнѣ предоставлялось во время обѣда выпивать цѣлую полубутылку такого вина. Способъ укрѣпленія моего здоровья, казавшійся многимъ знакомымъ непонятнымъ и даже вреднымъ, имѣлъ, однако же, хорошія послѣдствія: вступивъ въ отроческій возрастъ, я былъ уже крѣпкимъ, полнымъ и здоровымъ мальчикомъ.

Первыя воспоминанія о моемъ дѣтствѣ относятся къ зимѣ 1841 года, и именно когда я заболѣлъ тифозною горячкою; помню даже самое начало болѣзни. Въ эту зиму, несмотря ни на какую погоду, меня по утрамъ катали въ возкѣ, въ сопровожденіи моей няни Анны Петровны, при чемъ кутали меня жестоко: надѣвали шубу, большіе, вязанные сапоги и шапку съ наушниками. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, въ сильный морозъ мы ѣхали по Красной площади,—вдругъ няня говоритъ: «смотрите, ѣдутъ царскія дѣти»,—то были маленькіе великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, — я высунулся въ окно и долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ.

Не видавъ до того времени никого изъ членовъ царскаго семейства, я, по всему вѣроятію, заинтересовался видѣть дѣтей, которыхъ называли «царскими».

Вернувшись домой, я почувствовалъ сильный ознобъ, слегъ въ кровать, и у меня открылся бредъ. Сколько времени я находился въ этомъ положеніи — не знаю, но хорошо помню два момента въ началѣ болѣзни: первый, когда матушка хотѣла дать мнѣ выпить съ ложки какую-то микстуру, и я сильно воспротивился и началъ кричать; всѣ уговоры ни къ чему не повели, и я не принялъ лѣкарства.

Надобно при этомъ замѣтить, что до того, какъ мнѣ сказывали позднѣе, я принималъ спокойно и послушно всѣ прописываемыя докторами лѣкарства, и потому внезапное мое сопротивленіе немало удивило матушку.

Вскорѣ пріѣхалъ докторъ и, узнавъ о случившемся, осмотрѣлъ лѣкарство, попробовалъ его и объявилъ, что если бы я принялъ эту микстуру, то была бы бѣда, потому что, прописавъ одновременно два лѣкарства, одно для внутренняго пріема, а другое, весьма сильное, для наружнаго втиранія, докторъ нашелъ ярлычки перепутанными аптекою: ярлычекъ отъ спирта наклеили на стклянку

съ микстурою и, конечно, еслибы я не закапризничалъ и принялъ лѣкарство, то легко бы могъ поплатиться жизнью.

Второй моментъ, оставшійся у меня въ памяти, относится къ тому времени, когда болѣзнь моя значительно ухудшилась, и меня пріобщили св. тайнъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ моя крестная мать, Елена Ивановна Полугарская, привезла ко мнѣ собственный образъ св. Варлаама, считавшійся въ ея семействѣ чудотворнымъ, и поставила его около моей кровати. Затѣмъ, все, что происходило вокругъ меня, вплоть до моего выздоровленія, совершенно изгладилось изъ моей памяти. Въ продолженіе шести недѣль, мать моя и няня неотлучно находились днемъ и ночью при мнѣ, а отецъ, пользуясь свободными отъ службы минутами, посвящалъ ихъ мнѣ и часто, далеко за полночь, сидѣлъ у моего изголовья. Однажды поздно вечеромъ, когда прибывшіе доктора, изъ которыхъ докторъ Смѣльскій жилъ во флигелѣ нашего дома, признали положеніе мое безнадежнымъ и сомнѣвались въ продленіи моей жизни до утра, отецъ мой, по ихъ удаленіи, перекрестивъ и крѣпко поцѣловавъ меня, сказалъ матушкѣ: «я иду къ себѣ въ кабинетъ и лягу спать; прошу не тревожить меня и не будить до утра, если бы даже что и случилось съ Сережею, то и тогда не будить меня». Подобныя слова до крайности удивили мать, которая никакъ не могла представить себѣ, чтобы отецъ, нѣжно любившій своего ребенка и нерѣдко проводившій при немъ часть ночи, вдругъ, когда часы его жизни сочтены, могъ спокойно идти ко сну. Она не промолвила ни слова, и отецъ удалился. Что произошло со мною за ночь—мнѣ неизвѣстно, но только докторъ Смѣльскій, придя въ 6 часовъ утра взглянуть на меня, по тщательномъ осмотрѣ, объявилъ, что опасность миновала, и явилась надежда на мое выздоровленіе. Матушка, не помня себя отъ радости и позабывъ приказаніе отца не тревожить его, побѣжала объявить ему о великой милости Божіей. Войдя въ кабинетъ, она не нашла отца и, подумавъ, что онъ ушелъ спать въ свой рабочій кабинетъ, находившійся въ антресоляхъ нашего дома, поднялась на верхъ и нашла его не тамъ, а рядомъ, въ маленькой комнатѣ, стоящаго на колѣнахъ, передъ иконами. Сообщивъ радостную вѣсть, они оба усердно возблагодарили Господа Бога, и тогда только матушка поняла причину, заставившую отца удалиться къ себѣ съ просьбою не тревожить его: онъ всю ночь провелъ на молитвѣ. За эту ночь, у него появилась первая сѣдина въ волосахъ.

Съ этого дня началось мое постепенное выздоровленіе, и я хорошо помню, какъ батюшка ежедневно приносилъ мнѣ, для развлеченія, разныя книги съ картинками, изъ которыхъ особенно занимала меня первая книга «Сто русскихъ литераторовъ» съ ея портретами и картинками.

Въ это же время съ моею матерью, вслѣдствіе нравственнаго и физическаго утомленія, случился нервный припадокъ съ удушіемъ до того сильный, что ее пріобщили св. тайнъ и ожидали ея кончины. Но Богу угодно было продлить жизнь ея еще на двѣнадцать лѣтъ и тѣмъ дать мнѣ возможность неотлучно, до двадцатилѣтняго возраста, находиться при ней, пользоваться ея глубоко назидательными совѣтами и постоянно имѣть передъ собою примѣръ истинной христіанской жизни.

Когда я оправился отъ болѣзни, занемогла тифомъ моя няня, единственный человѣкъ въ нашемъ домѣ, заразившійся отъ меня. Я очень былъ привязанъ къ нянѣ, находившейся при мнѣ со дня моего рожденія, но, такъ какъ она прохворала до весны, то къ великому моему горю, я не видалъ ея въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Весною, мои родители взяли ко мнѣ гувернера-француза m-r Poulain. Его выписали изъ Пензы, гдѣ онъ находился у кого-то изъ нашихъ родственниковъ, а за десять лѣтъ передъ тѣмъ, былъ гувернеромъ моихъ братьевъ. Когда m-r Poulain пріѣхалъ къ намъ, то въ самое короткое время овладѣлъ моею любовью, и думаю, не столько своею сердечною добротою, сколько неисчерпаемою веселостью и придумываніемъ всякаго рода для меня забавъ, изъ числа которыхъ, на первомъ планѣ, была гимнастика, доходившая даже до хожденія на канатѣ. M-r Poulain, человѣкъ уже пожилой, служилъ въ молодости офицеромъ въ войскахъ Наполеона, котораго любилъ до обожанія и часто, со вздохомъ, повторялъ: «oh, le grand empereur! oh, la grande armée! où sont-ils?»

Пріѣхавъ въ Москву въ началѣ 20-хъ годовъ, французъ этотъ до того полюбилъ Россію и въ особенности Москву, что, несмотря на свою страсть къ своему «grand empereur», нерѣдко негодовалъ на него за войну 1812 года и въ особенности за пожаръ Москвы.

Одновременно съ пріѣздомъ гувернера, ко мнѣ взяли, для изученія нѣмецкаго языка, мальчика моихъ лѣтъ, нѣмца, по фамиліи Мейеръ. Онъ былъ сынъ знаменитаго въ то время фокусника, извѣстнаго подъ именемъ Молдуано и впослѣдствіи оказался некрещеннымъ евреемъ. Мальчикъ былъ хорошій, умный и нравственный, пробылъ у меня лѣтъ пять и, принявъ православіе, поступилъ въ одну изъ московскихъ гимназій. Позднѣе, я потерялъ его изъ вида и не знаю, что съ нимъ сталось. По милости этого еврейчика, я сталъ отлично говорить по-нѣмецки.

Въ маѣ того же года, мы переѣхали въ Петровскій паркъ, гдѣ батюшка только что построилъ прекрасную дачу. Паркъ былъ тогдашнимъ, любимымъ мѣстомъ гулянья высшаго московскаго общества. Въ немъ находилось немного дачъ—всего тридцать или сорокъ, не болѣе, изъ которыхъ большая часть принадлежала извѣстнымъ

и зажиточнымъ москвичамъ; тамъ были дачи: Хитрово [1]), Нарышкиной [2]), князя Трубецкого [3]), князя Долгорукова [4]), Наумова [5]), Мартынова [6]), Башилова [7]), Тона [8]), Мерлина [9]), купцовъ Лухманова, Монигетти и проч. У Башилова было нѣсколько дачъ. Онъ же построилъ въ паркѣ огромное, деревянное зданіе, названное имъ «вокзаломъ». Въ этомъ вокзалѣ пѣли цыганы, играла музыка и давались танцовальные вечера, а въ саду, гдѣ по воскресеньямъ пускали фейерверки, были устроены для дѣтей: качели, деревянныя горы и разныя игры. Одна изъ улицъ парка была названа, въ честь устроителя вокзала «Башиловкою». Въ Петровскомъ паркѣ находился театръ (понынѣ существующій), построенный моимъ отцомъ, въ бытность его директоромъ московскихъ театровъ. Главная аллея парка, ведущая отъ театра къ дворцу и, затѣмъ, въ село Зыково, была почти единственная, застроенная дачами; въ остальныхъ аллеяхъ лишь кое-гдѣ попадались дома. Мало населенный паркъ былъ, въ то время, дѣйствительно пріятнымъ и спокойнымъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія семейныхъ москвичей.

Въ это лѣто, многіе пріѣзжавшіе въ Москву иностранцы посѣщали отца; изъ нихъ — раза два французскій писатель виконтъ д'Арленкуръ; но я его мало помню. Онъ представляется мнѣ пожилымъ элегантнымъ мужчиною, всегда во фракѣ съ свѣтлыми пуговицами и множествомъ орденовъ на цѣпочкѣ, въ петлицѣ. Если

---

[1]) Настасьи Николаевны, рожденной Каковинской, извѣстной и всѣми уважаемой московской старожилки. Она была матерью княгини Ирины Никитичны Урусовой, сынъ которой князь Сергій Николаевичъ былъ въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, а дочь ея Анастасія Николаевна Мальцова имѣла счастіе пользоваться дружбою императрицы Маріи Александровны.

[2]) Анны Дмитріевны, рожденной Нарышкиной, матери извѣстнаго въ Москвѣ Константина Павловича, женатаго на Софіи Петровнѣ Ушаковой.

[3]) Ивана Петровича, женатаго на княжнѣ Натальѣ Сергѣевнѣ Мещерской, отца князя Николая Ивановича, бывшаго президента Московской дворцовой конторы.

[4]) Отца княгини Юрьевской. Эта дача была самая красивая и самая роскошная во всемъ паркѣ.

[5]) Николая Павловича, женатаго на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Голицыной, сестрѣ князя Василія Петровича, извѣстнаго подъ названіемъ «рябчикъ». У Наумова было нѣсколько дачъ и обширный лѣсъ у самаго парка, по дорогѣ, ведущей въ Петровское-Разумовское.

[6]) Соломона Михайловича, брата моей бабушки Натальи Михайловны Загоскиной.

[7]) Александра Александровича, сенатора. Башиловъ былъ остроумный, веселый и добрѣйшій старикъ-холостякъ. Своими шутками и забавными разсказами онъ пріобрѣлъ расположеніе великаго князя Михаила Павловича и, въ послѣдніе годы своей жизни, проживалъ въ его дворцѣ на Остоженкѣ, гдѣ и умеръ.

[8]) Отца извѣстнаго архитектора, строителя Храма Спасителя.

[9]) Павла Евграфовича, богатаго москвича, женатаго на Богдановой.

я мало помню д'Арленкура, то въ моей памяти отлично сохранился другой французскій писатель Меримэ [1]), часто посѣщавшій насъ въ паркѣ. Онъ былъ премилый французъ и всегда старался чѣмъ либо позабавить меня, вслѣдствіе чего я полюбилъ его, и когда онъ проводилъ у насъ вечера, то почти не отходилъ отъ него. Въ первый разъ, когда Меримэ пріѣхалъ къ намъ на дачу обѣдать и просидѣлъ часовъ до 11-ти, то батюшка предложилъ ему свою карету, чтобы отвезти его въ Москву, но онъ отвѣтилъ: «il ne me faut pas de voiture, j'attends le passage d'un omnibus». Наивный парижанинъ воображалъ, что въ Москвѣ, подобно Парижу, ходили всюду омнибусы, хотя, передъ тѣмъ, онъ провелъ въ нашей древней столицѣ нѣсколько дней и могъ бы замѣтить, что, въ то время, къ услугамъ публики, разъѣзжали по ея улицамъ лишь возницы съ дрожками, называвшимися гитарами. Въ это лѣто я въ первый разъ увидалъ императора Николай Павловича.Онъ ѣхалъ верхомъ, возвращаясь въ Петровскій дворецъ со смотра войскъ на Ходынскомъ полѣ. Его красивая осанка, колоссальный ростъ и орлиный взглядъ такъ поразили меня, что съ того момента и навсегда въ моей памяти врѣзалась величественная, чисто рыцарская фигура Николая I, а мой гувернеръ m-r Poulain пришелъ въ такой восторгъ, что выскочилъ изъ толпы народа, стоявшей на пути государя, подскочилъ къ нему и, размахивая у самой лошади шляпой, закричалъ: «Vive l'empereur».

Государь милостиво улыбнулся и приложилъ руку къ своей шляпѣ. Въ то время, какъ мой французъ изливалъ въ радостныхъ крикахъ свой восторгъ, а я стоялъ, разинувъ ротъ, кто-то изъ толпы мгновенно выхватилъ изъ моихъ рукъ тросточку съ серебрянымъ набалдашникомъ и скрылся съ нею. Ловкій воръ воспользовался моимъ возрастомъ и толпою народа, чтобы познакомить меня, на дѣлѣ, съ поступкомъ, который до тѣхъ поръ былъ извѣстенъ мнѣ только по наслышкѣ. Казалось бы, что такой ранній опытъ могъ бы тогда же научить меня тому, какъ вредно стоять съ разинутымъ ртомъ, не оберегая своей собственности, но, къ сожалѣнію, урокъ этотъ не послужилъ мнѣ въ пользу, и я почти всю жизнь провелъ, разинувъ ротъ и не стоя на стражѣ своихъ интересовъ.

Ихъ величества провели нѣсколько дней въ Петровскомъ дворцѣ и часто катались по тѣнистымъ аллеямъ парка. Однажды, государь съ государынею, проѣзжая мимо насъ, приказалъ остановить экипажъ и довольно долго любовался нашею дачею, напоминавшей, по своей архитектурѣ, петербургскій, каменноостровскій дворецъ принца Ольденбургскаго. Дача очень понравилась государю, о чемъ его величество заявилъ отцу.

---

[1]) Генрихъ, братъ извѣстнаго Проспера Меримэ, написавшій книгу о своемъ путешествіи по Россіи.

Въ это же лѣто я въ первый разъ побывалъ въ театрѣ парка, и затѣмъ нѣсколько разъ посѣтилъ его съ моимъ гувернеромъ, сидя въ директорской ложѣ. Изъ всѣхъ піесъ, мною виданныхъ, остались въ моей памяти только: балетъ «Волшебная флейта» и оперетка «Москаль Чаровникъ», въ которой особенно плѣнилъ меня знаменитый Щепкинъ, напѣвая малороссійскіе куплеты. Но съ этого времени вплоть до семнадцатилѣтняго возраста я ни разу не былъ въ театрѣ; вѣроятно, потому, что въ началѣ слѣдующаго года отецъ оставилъ директорскую должность и, за неимѣніемъ уже собственной ложи, считалъ, безъ сомнѣнія, излишнимъ покупать таковую для меня, такъ какъ матушка, по болѣзни, не выходила изъ дома, а онъ самъ не посѣщалъ болѣе театра, несмотря на то, что по оставленіи имъ упомянутой должности императоръ Николай Павловичъ предоставилъ ему во всѣхъ театрахъ кресло, носившее названіе «авторскаго». Осенью, мы переѣхали въ Москву и нашли нашъ домъ заново отдѣланнымъ: стѣны во всѣхъ комнатахъ, окрашенныя обычною въ то время клеевою краскою, были уже оклеены обоями, старинная мебель замѣнена новою болѣе моднаго фасона, а прежняя ея обивка въ гостиныхъ «бомбою» превратилась въ штофную; на окнахъ явились новомодныя, тюлевыя занавѣси. Особенно понравилась мнѣ одна гостиная, прежде выкрашенная желтою краскою и вдругъ принявшая весьма оригинальный видъ: стѣны ея были сплошь покрыты множествомъ гравюръ, портретовъ, небольшихъ картинокъ, географическихъ и игральныхъ картъ, конвертовъ съ адресами, книжныхъ обертокъ, театральныхъ афишъ и разнородныхъ рисунковъ. Все это, наклеенное на холстѣ и разбросанное въ величайшемъ безпорядкѣ—прямо, бокомъ и вверхъ ногами, представляло съ перваго взгляда что-то пестрое, необычайное и нигдѣ не виданное, но вмѣстѣ съ тѣмъ красивое и занятное. Наклейка эта была совершена по мысли отца и имъ самимъ. Онъ употребилъ немало времени, чтобы собрать большую коллекцію всякой бумажной смѣси и, затѣмъ, въ теченіе лѣта, занялся наклейкою ея на холстѣ, окаймленномъ, отдѣльно для каждой стѣны, зеленою суконною рамою съ золотымъ бортомъ. Комната эта постоянно привлекала вниманіе всѣхъ знакомыхъ, а для меня долго служила забавнымъ и интереснымъ развлеченіемъ въ минуты моего дѣтскаго досуга.

Дѣтство мое съ восьмилѣтняго возраста до четырнадцати лѣтъ прошло тихо, спокойно и однообразно, а потому считаю излишнимъ много о немъ распространяться; скажу только, что воспитаніе мое шло нѣсколько иначе, чѣмъ воспитаніе другихъ мальчиковъ, жившихъ, подобно мнѣ, подъ кровомъ родительскимъ. Отецъ мой не входилъ ни въ какія подробности относительно моего образованія; на гувернерѣ лежала преимущественно учебная часть, а всѣмъ остальнымъ занималась моя добрая, нѣжная мать. Воспитывая меня почти такъ, какъ воспитываютъ не сына, а дочь, она

старалась развить во мнѣ кротость, чувствительность, крайнюю деликатность и любовь не только къ ближнему, но и ко всей земной твари. Общество мальчиковъ для меня не существовало: матушка считала его излишнимъ и даже вреднымъ; дѣвицъ тоже я мало видалъ. За исключеніемъ маленькаго нѣмца и еще одного пріятеля, пріѣзжавшаго ко мнѣ по праздникамъ, Андрюши Кислинскаго [1]), я внѣ часовъ уроковъ и прогулокъ проводилъ время съ матушкою и нянею, или съ нѣсколькими старыми приживалками, часто у насъ гостившими. Иногда, по вечерамъ, приходилъ ко мнѣ жившій у насъ въ домѣ гимназистъ, гораздо старѣе меня, сынъ управляющаго нашимъ тамбовскимъ имѣніемъ, Митя Кожанчиковъ. Я очень любилъ его и всегда радовался его приходу, такъ какъ онъ мастерски строилъ изъ картона домики и дарилъ ихъ мнѣ. Впослѣдствіи, Кожанчиковъ женился на сестрѣ моей няни и былъ извѣстнымъ въ Петербургѣ книгопродавцемъ.

Удаленный такимъ образомъ отъ общества моихъ сверстниковъ, я былъ застѣнчивъ, черезчуръ тихъ, не умѣлъ рѣзвиться, а няня и приживалки немало способствовали къ развитію во мнѣ разныхъ предразсудковъ и значительной доли трусости. Я боялся темной комнаты, боялся лошадей, боялся ружья.

Кромѣ гимнастическихъ упражненій, я не предавался никакимъ забавамъ, свойственнымъ мальчикамъ моихъ лѣтъ: я не игралъ ни въ солдатики, ни въ лошадки, а иногда только въ куклы! За то былъ великій мастеръ въ карточной игрѣ, играя лѣтъ съ десяти до четырнадцати, почти ежедневно, зимою, съ матушкою и m-r Poulain въ «преферансъ», «дурачки», «свои козыри» и «короли».

Мать моя, страдая сильными головными болями, разстройствомъ нервовъ и внутреннею болѣзнью, проводила всю зиму дома, выходя изъ него только разъ въ церковь для принятія Св. Тайнъ, но, утромъ и вечеромъ гуляла по расчищеннымъ дорожкамъ нашего обширнаго сада и всегда, послѣ вечерней прогулки, любила играть со мною въ карты. Страдая безсонницею, она поздно шла ко сну, а такъ какъ я имѣлъ помѣщеніе въ спальнѣ, то ложился тоже поздно, что, впрочемъ, нисколько не дѣйствовало въ ущербъ моего здоровья. Родители мои были, какъ я уже сказалъ, очень набожны; подъ всѣ

---

[1]) Андрей Николаевичъ, сынъ тогдашняго секретаря директора московскихъ театровъ Николая Васильевича Кислинскаго, женатаго на Аннѣ Александровнѣ Ушаковой, былъ очень умный, начитанный и благонравный мальчикъ. Позднѣе, онъ прекрасно окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, но гдѣ потомъ служилъ, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что, подъ конецъ своей жизни, онъ находился предсѣдателемъ тульской земской управы и умеръ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ. Я сохранилъ о немъ самое пріятное воспоминаніе, какъ о миломъ, добромъ и лучшемъ товарищѣ моего дѣтства, но котораго, потерявъ еще въ юности совершенно изъ вида, я никогда болѣе не встрѣчалъ. Родители его были весьма почтенные и искренніе пріятели моихъ родителей.

большіе праздники и наканунѣ дня св. Митрофана (23-го ноября), нашъ приходскій священникъ Лука Ивановичъ служилъ у матушки всенощную, а батюшка, вслѣдствіе обѣта, по причинѣ, оставшейся мнѣ неизвѣстною, ходилъ сверхъ праздниковъ по средамъ и пятницамъ къ обѣднѣ. По субботамъ—ко всенощной, а по воскресеньямъ къ обѣдни я всегда ходилъ съ нянею.

Посты строго соблюдались моими родителями и вмѣстѣ съ ними мною.

Никогда не забуду, какъ въ дѣтствѣ я встрѣчалъ великій праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья! Къ заутренѣ меня не пускали; ходили туда только отецъ съ братьями, а я съ матерью отправлялся, около 12-ти часовъ, на крылечко, и тамъ мы оба сидѣли въ нетерпѣливомъ ожиданіи перваго удара въ праздничный колоколъ Ивана Великаго.

Минуты казались часами... ждешь, не дождешься! Вотъ, наконецъ, прогремитъ вѣстовая пушка, прогудитъ съ Ивановской колокольни первый торжественный ударъ, возвѣщавшій Воскресеніе Христа и черезъ нѣсколько секундъ разнесется и стонетъ по всей Москвѣ нескончаемый, потрясающій гулъ съ трехсотъ церквей!.. о, какая это была торжественная минута! Какъ бывало бьется мое дѣтское сердце при этомъ радостномъ звонѣ, при этомъ неизмѣримомъ торжествѣ! Казалось мнѣ, что сама природа и самый воздухъ гудятъ, ликуютъ и празднуютъ воскресшаго Искупителя рода человѣческаго... съ какою особою, дѣтскою, неземною радостью, я обнималъ мою мать и говорилъ ей «Христосъ Воскресе!». Послѣ обоюдныхъ поцѣлуевъ мы возвращались въ комнаты, гдѣ встрѣчала насъ остававшаяся дома прислуга (остальные люди уходили къ заутренѣ), христосовались съ нами и получали яица и подарки. Послѣ того, матушка, по старинному обычаю, отворяла на всю святую недѣлю кивотъ съ иконами, зажигала передъ нимъ свѣчи и читала мнѣ вслухъ пасхальную заутреню. По возвращеніи изъ церкви отца и братьевъ и послѣ общаго христосованія мы всѣ шли ко сну. Розговѣнъ въ эту ночь у насъ не бывало, а утромъ въ первый день праздника подавались яица, пасха и куличи. То же самое дѣлалось и для прислуги, а къ обѣду непремѣнно подавались зеленыя щи и ветчина съ горошкомъ. Въ этотъ же день, по принятому въ Москвѣ обычаю, къ намъ пріѣзжали и приходили знакомые священники съ причтомъ изъ разныхъ церквей для краткаго пѣнія пасхальнаго канона и христосованія.

Въ теченіе всей свѣтлой недѣли я ежедневно забавлялся катаніемъ яицъ и всякое утро ходилъ съ гувернеромъ гулять подъ Новинское «на балаганы», но въ самые балаганы меня не пускали.

Теперь скажу нѣсколько словъ о моемъ образованіи; преподаваніе разныхъ наукъ было возложено на два лица: на m-r Poulain и на Александра Семеновича Спепинскаго (бывшаго учителя моихъ

братьевъ). Первый преподавалъ мнѣ французскій языкъ, географію и древнюю исторію (конечно, оба предмета на французскомъ языкѣ), а послѣдній—Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметику, новѣйшую исторію и латинскій языкъ. Сверхъ того, такъ какъ я чувствовалъ большое влеченіе къ живописи, то ко мнѣ приходилъ три раза въ недѣлю учитель рисованія Галактіоновъ [1]).

Съ двѣнадцати-лѣтняго возраста я сталъ готовиться для предстоявшаго мнѣ поступленія въ Московскій университетъ, но долженъ сознаться, что ученіе шло дурно: у моего француза я коечему еще учился, но у Сцепинскаго—ровно ничему. M-r Poulain обращалъ преимущественно вниманіе на мой французскій выговоръ и, надобно отдать ему справедливость, добился хорошихъ успѣховъ. Добрѣйшій Сцепинскій, человѣкъ пожилой, лѣнивый, тучный, увалень въ родѣ медвѣдя, преподавалъ мнѣ всѣ предметы по устарѣлому, даже и для 40-хъ годовъ, методу, т. е., какъ говорилось, въ долбяжку, заставляя учить заданные имъ уроки наизусть, слово въ слово съ печатнымъ, а какъ память моя была прекрасная, то мнѣ стоило раза два, три, прочесть урокъ, чтобы моментально его запомнить и, затѣмъ, какъ попугай, повторить его передъ учителемъ, но, конечно, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ совершенно позабыть столь безтолково и наскоро вызубренное. Несмотря на то, лѣнивый учитель и не менѣе лѣнивый ученикъ оставались очень довольные другъ другомъ—Сцепинскій тѣмъ, что я быстро изучалъ все мнѣ преподаваемое, а я—что учитель, отзываясь о мнѣ, какъ о прилежномъ и понятливомъ ученикѣ, доставлялъ мнѣ явныя проявленія постепенно увеличивающейся привязанности ко мнѣ моихъ родителей.

До 1845 года, зимы мы проводили въ Москвѣ, а лѣто въ Петровскомъ паркѣ. Съ этого года, вслѣдствіе усилившейся болѣзни матушки, мы стали круглый годъ жить въ Москвѣ, а дачу, къ великому моему огорченію, отдавать въ наемъ. Я распростился съ любимымъ мною паркомъ и въ замѣнъ привольнаго лѣтняго житья среди роскошной зелени вблизи лѣсовъ ограничивалъ мои прогулки хожденіемъ по пыльнымъ московскимъ улицамъ да гуляньемъ по воскресеньямъ въ Кремлевскомъ саду.

Къ счастью, у насъ былъ собственный тѣнистый садъ, и я часто сиживалъ въ немъ, занимаясь долбленіемъ уроковъ.

Такъ какъ до 1847 года въ моей однообразной дѣтской жизни не произошло никакихъ перемѣнъ, и дни текли почти одинаково: «сегодня, какъ вчера, а завтра, какъ сегодня», то воспользуюсь этимъ промежуткомъ, чтобы обратиться назадъ и разсказать все, что мнѣ было извѣстно относительно службы, литературныхъ занятій и образа жизни автора «Юрія Милославскаго».

---

[1]) Крѣпостной человѣкъ дяди Маркела Николаевича Загоскина, обучавшійся въ то время въ Московскомъ художественномъ училищѣ.

Въ 1830 году, какъ я выше сказалъ, отецъ былъ назначенъ директоромъ московскихъ театровъ и оставался имъ до февраля 1842 года. Театръ, по разсказамъ его современниковъ, никогда еще не находился въ столь цвѣтущемъ состояніи, какъ подъ его начальствомъ; особенно хороша была русская труппа, представителями которой были Щепкинъ, Мочаловъ, Живокини, Васильевъ, Рѣпина, Сабурова и многіе другіе.

Несмотря на прекрасное состояніе театра, нѣкоторая часть публики была не совсѣмъ довольна имъ, въ чемъ я убѣдился изъ разсказа одного изъ пріятелей батюшки, Петра Петровича Новосильцева [1], сообщившаго мнѣ, что однажды, сидя въ директорской ложѣ, вмѣстѣ съ тогдашнимъ московскимъ оберъ-полицмейстеромъ Цынскимъ, онъ былъ свидѣтелемъ вспыльчивости моего отца, вызванной неоднократнымъ замѣчаніемъ начальника полиціи о томъ, что выборъ дирекціею театральныхъ піесъ дуренъ и большинству москвичей не нравится.

Выведенный изъ терпѣнія этими замѣчаніями, Михаилъ Николаевичъ сдѣлалъ вопросъ: «да, кто же это говоритъ!» «Публика», отвѣтилъ оберъ-полицмейстеръ. — «Публика?—а вы вѣрите ей?» «Еще бы!»—«А я не вѣрю»,—сказалъ отецъ,—«и вотъ почему: та же публика говоритъ, что Москва плохо освѣщена, потому что оберъполицмейстеръ воруетъ масло! Согласитесь сами, что послѣ такого вздора можно ли вѣрить нашей публикѣ?» — Разговоръ этотъ, по словамъ Новосильцева, тѣмъ и прекратился при общемъ смѣхѣ всѣхъ присутствующихъ и особенно самого оберъ-полицмейстера, однако слова послѣдняго, конечно, имъ не выдуманныя, служили доказательствомъ, что въ то время было немало москвичей, недовольныхъ театромъ, а былъ ли Цынскій дѣйствительно не чистъ на руку или человѣкъ честный,—мнѣ неизвѣстно, но думаю, что батюшка, вспыльчивый отъ природы и легко выводимый изъ терпѣнія, сказалъ ему эти остроумныя, но непріятныя слова, безъ малѣйшаго желанія оскорбить его и единственно съ цѣлью доказать справедливость пословицы: «не всякому слуху вѣрь».

Актеры, какъ русскіе, такъ и французскіе, любили своего директора и искренно сожалѣли о немъ по оставленіи имъ службы при театрѣ. Какъ директоръ, онъ отличался самою строгою экономіею

---

[1]) Петръ Петровичъ, тогдашній вице-губернаторъ, а впослѣдствіи рязанскій губернаторъ, человѣкъ умный, любезный и высокообразованный. Въ московскомъ обществѣ его называли «casse-noisette» вслѣдствіе сильно выдававшейся нижней его челюсти. Онъ былъ женатъ два раза: отъ перваго брака съ Мансуровой у него была дочь за княземъ Вяземскимъ и сынъ Иванъ Петровичъ, бывшій шталмейстеромъ высочайшаго двора и пользовавшійся до конца своей жизни общею любовью высшаго петербургскаго общества и особымъ милостивымъ расположеніемъ императора Александра III. Отъ второго брака съ Меропою Александровною Берингъ Петръ Петровичъ имѣлъ дочь Софію въ замужествѣ за французскимъ офицеромъ де-Шангранъ, нынѣ умершимъ.

во всѣхъ театральныхъ расходахъ, особенно при постановкѣ новыхъ оперъ и балетовъ, требовавшихъ иногда значительныхъ издержекъ. Можно утвердительно сказать, что едва ли до него и послѣ него денежныя средства московскаго театра были въ такомъ блистательномъ положеніи, какъ во время его директорства и по милости которыхъ онъ могъ, безъ малѣйшаго денежнаго пособія отъ министерства императорскаго двора, построить два театра: одинъ въ Москвѣ, такъ называемый «малый», и другой въ Петровскомъ паркѣ. За соблюденіе значительной экономіи отецъ, втеченіе двѣнадцатилѣтняго управленія театрами, восемь разъ удостоился получить высочайшее благоволеніе. Обращая вниманіе на хозяйственную часть, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, усердно занимался и репертуарною, въ чемъ немало помогалъ ему тогдашній инспекторъ репертуара, Алексѣй Николаевичъ Верстовскій, извѣстный композиторъ, для котораго отецъ написалъ нѣсколько либретто оперъ. Ежедневно, утромъ съ 12-ти до 2-хъ часовъ, директоръ находился въ театральной конторѣ, а вечера проводилъ въ театрѣ, большею частью въ своей ложѣ, наблюдая за игрою актеровъ. Въ этой ложѣ постоянно собирались его пріятели и, во время антрактовъ, пили чай. Бывалъ въ ней и безсмертный нашъ поэтъ Пушкинъ, часто пріѣзжавшій погостить въ Москву.

Невзирая на добросовѣстную и усердную службу, отецъ не пользовался расположеніемъ своего начальника, министра императорскаго двора, князя Петра Михайловича Волконскаго, который мало цѣнилъ его и даже дѣлалъ ему замѣчанія за самые ничтожные промахи по управленію театрами, какъ, напримѣръ, за нѣсколько позднее представленіе отчетовъ, за частое разрѣшеніе артистамъ отпусковъ въ Петербургъ и, наконецъ, за врожденную разсѣянность его [1]), по милости которой онъ иногда не могъ вспомнить фамиліи незначительныхъ артистовъ и кордебалетныхъ танцовщицъ, на которыхъ указывалъ министръ, ежегодно посѣщавшій театръ во время своихъ пріѣздовъ въ Москву. При личныхъ же свиданіяхъ съ отцемъ, князь Волконскій былъ всегда вѣжливъ и привѣтливъ и, только по возвращеніи его въ Петербургъ, начинались замѣчанія черезъ посредство директора его канцеляріи В. И. Панаева, передававшаго ихъ Михаилу Николаевичу въ своихъ какъ будто частныхъ и пріятельскихъ письмахъ.

По мнѣнію отца, придирки эти имѣли совершенно другое основаніе, и суть дѣла была въ слѣдующемъ. Князь Волконскій, чело-

---

[1]) Про разсѣянность и, прибавлю, забывчивость, отца, доходившія до того, что онъ иногда не могъ вспомнить имена своихъ сыновей, упоминаетъ С. Т. Аксаковъ въ составленной имъ его біографіи. Аксаковъ, между прочимъ, разсказываетъ, что однажды Михаилъ Николаевичъ, вмѣсто отчета по театру, подалъ министру счетъ своего портного, и что министръ нисколько на то не разсердился. Это дѣйствительно было такъ, и на этотъ разъ князь Волконскій только улыбнулся.

вѣкъ честный, благородный и добрый, имѣлъ одинъ недостатокъ, преобладавшій надъ всѣми его прекрасными качествами: это была неимовѣрная скупость, доходившая до абсурда, когда дѣло касалось выдачи казенныхъ денегъ. Скорбя отъ всего сердца, что казна должна выплачивать пенсіоны актерамъ, безпорочно выслужившимъ опредѣленный для сего срокъ, министръ, въ интересахъ казны, придумалъ слѣдующую мѣру: онъ далъ приказаніе московскому театру, чтобы, въ случаѣ, если актеръ, выслуживающій свою пенсію, будетъ замѣченъ въ какомъ либо даже ничтожномъ проступкѣ, увольнять его отъ службы до срока, безъ пенсіона; а какъ подобные поступки случались не рѣдко и косвенными, неизвѣстными путями доходили до министра, то упомянутыя приказанія повторялись довольно часто, но подъ разными предлогами не приводились въ исполненіе директоромъ, не считавшимъ возможнымъ изъ-за пустяковъ лишать артиста заработаннаго имъ куска хлѣба. Вотъ причина, которая, по мнѣнію отца, навлекала на него неудовольствіе своего начальника, выражавшееся не только мелочными придирками, но и въ оставленіи непокорнаго директора московскихъ театровъ по долгу, въ сравненіи съ петербургскимъ, безъ награды. Невзирая на такія отношенія министра, Михаилъ Николаевичъ не питалъ къ нему никакихъ враждебныхъ чувствъ, а, напротивъ, отзывался о немъ, какъ о прекраснѣйшемъ человѣкѣ, считая себя вполнѣ вознагражденнымъ неизмѣннымъ, милостивымъ вниманіемъ императора Николая Павловича, оказываемымъ ему не только во время пребыванія его величества въ Москвѣ, но и во время пріѣздовъ отца въ С.-Петербургъ.

Въ доказательство особой милости государя къ нему, какъ къ русскому писателю, приведу случай, прекрасно обрисовавшій рыцарскій, благородный характеръ Николая Павловича.

Вскорѣ послѣ назначенія отца директоромъ московскихъ театровъ императоръ съ императрицею прибыли въ Москву. При первомъ посѣщеніи ими театра министръ двора и директоръ находились близъ царскаго подъѣзда, въ коридорѣ, для встрѣчи ихъ величествъ, какъ вдругъ вбѣгаетъ капельдинеръ и докладываетъ, что государь съ государынею уже въ театрѣ, пріѣхали съ бутафорскаго подъѣзда и ходятъ по коридорамъ, отыскивая свою ложу. Пораженные этимъ извѣстіемъ, князь Волконскій и отецъ побѣжали къ ихъ величествамъ и вскорѣ встрѣтили ихъ. Государь, ведя подъ руку императрицу, не обращая вниманія на директора, гнѣвнымъ голосомъ сказалъ министру, что недоволенъ порядками въ московскомъ театрѣ, такъ какъ директоръ не потрудился встрѣтить императрицу, и, бросивъ грозный взглядъ на отца, пошелъ съ государынею далѣе къ своей ложѣ, въ сопровожденіи одного только князя Волконскаго, такъ какъ отецъ, считая себя совершенно правымъ, ожидая, вмѣстѣ съ министромъ, августѣйшую чету именно съ того подъѣзда, съ

котораго царская фамилія всегда пріѣзжала, не пошелъ, какъ того требовали этикетъ и его обязанность, проводить ихъ величества до царской ложи, а поспѣшно удалился въ свою. Просидѣвъ цѣлый актъ въ сильномъ волненіи, ожидая плачевныхъ послѣдствій отъ своего неумѣстнаго и необдуманнаго поступка, онъ успокоивалъ себя лишь сознаніемъ своей невинности и еще болѣе рыцарскимъ характеромъ государя, всегда готоваго признать малѣйшую, случайную свою несправедливость. Но, только что наступилъ первый антрактъ, какъ въ ложу вошелъ дежурный флигель-адъютантъ съ повелѣніемъ отцу явиться въ царскую ложу. Въ сильномъ страхѣ, не зная, что ожидать, гнѣва или милости, отецъ пошелъ въ ложу; войдя въ нее и остановясь въ почтительномъ разстояніи, онъ увидалъ обернувшагося къ нему государя съ веселою улыбкою на устахъ, приказывающаго ему приблизиться. Затѣмъ, его величество, обратившись къ императрицѣ, сказалъ по-французски, что представляетъ ей Загоскина, какъ отличнаго русскаго писателя, но плохого директора театра, не потрудившагося встрѣтить его при входѣ. Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ съ еще большею очаровательною улыбкою, государь, указавъ отцу на стулъ, стоявшій около императрицы, приказалъ ему сѣсть и постараться быть любезнымъ съ ея величествомъ, дабы загладить свой проступокъ [1]).

Послѣ этого спектакля, въ продолженіе котораго отецъ сидѣлъ между ихъ величествъ, онъ часто удостоивался быть приглашеннымъ на большіе и малые вечера императрицы въ Николаевскомъ дворцѣ, во все время пребыванія царской фамиліи въ Москвѣ. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ. государь еще разъ доказалъ ему свое милостивое расположеніе слѣдующимъ образомъ. На вечерѣ было немного приглашенныхъ, и всѣ играли «aux petits jeux», и между прочимъ въ «туалетъ». Въ одной игрѣ, какъ извѣстно, по командѣ распорядителя: «весь туалетъ!»—играющіе должны вскакивать съ своихъ мѣстъ и мѣнять ихъ, при чемъ съ того, кто останется безъ мѣста, берется фантъ. Императоръ былъ распорядителемъ игры и, стоя на стулѣ, скомандовалъ «весь туалетъ!»—всѣ вскочили съ своихъ стульевъ и начали искать другіе; въ концѣ зала оставался лишь одинъ порожній стулъ, къ которому стремглавъ побѣжала императрица, но отецъ опередилъ ее и такъ быстро сѣлъ на стулъ на свободное мѣсто, что государыня чуть не упала на его колѣна. По окончаніи игры, министръ двора подошелъ къ Михаилу Николаевиву и замѣтилъ ему, что не слѣдовало опережать императрицу, а еще менѣе отнимать у нея стулъ. Замѣчаніе это было сдѣлано настолько громко и съ такимъ недовольнымъ лицомъ, что не скры-

---

[1]) Подлинныя слова государя я не могу привести здѣсь буквально, такъ какъ они не были записаны отцомъ, а только приблизительно переданы мнѣ во время неоднократныхъ его разсказовъ объ этомъ великодушномъ поступкѣ его величества.

лось отъ Николая Павловича, который, подозвавъ отца, пожелалъ узнать, о чемъ съ нимъ такъ горячо разговаривалъ министръ. Отецъ передалъ его величеству, слово въ слово, замѣчаніе князя Волконскаго, на что государь отвѣтилъ, что снова начнетъ ту же игру и приказываетъ ему опять отнять мѣсто у императицы. Игра началась, и когда высочайшее повелѣніе было исполнено, то его величество, захлопавъ въ ладоши, громко вскрикнулъ: «браво, браво, Загоскинъ!»

Прослуживъ довольно долго директоромъ театровъ, батюшка сталъ тяготиться этою должностью и сопряженными съ нею мелкими, но частыми непріятностями, а еще болѣе обязательнымъ, ежедневнымъ посѣщеніемъ спектаклей, и потому, въ 1840 году, рѣшился всеподданнѣйшимъ письмомъ просить государя объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности и о назначеніи его почетнымъ опекуномъ московскаго опекунскаго совѣта. На это письмо послѣдовалъ отъ министра двора отзывъ, что «государь императоръ, оставаясь доволенъ его службою при театрѣ, желаетъ, чтобы онъ продолжалъ оную, тѣмъ болѣе, что строящійся въ Москвѣ театръ (малый) долженъ быть оконченъ при немъ». Ходатайство отца не прошло, однако, ему даромъ: министръ и тутъ нашелъ нужнымъ сдѣлать ему замѣчаніе за то, что онъ осмѣлился обратиться съ своимъ прошеніемъ прямо къ государю, помимо своего начальства.

Обрадованный милостивымъ одобреніемъ монарха и мало огорченный выговоромъ министра, Михаилъ Николаевичъ остался въ своей должности до окончанія постройки въ 1842-мъ г. малаго театра и тогда уже, въ виду открывшейся вакансіи директора оружейной палаты, немедленно вошелъ съ прошеніемъ и, конечно, на этотъ разъ черезъ министра двора, о перемѣщеніи его на означенную должность или же объ увольненіи вовсе отъ службы. Несмотря на ходатайство многихъ лицъ, добивавшихся этого спокойнаго и почетнаго мѣста, государь милостиво исполнилъ желаніе отца и назначилъ его директоромъ оружейной палаты.

Такимъ образомъ, въ февралѣ 1842-го года, отецъ, покинувъ надоѣвшую ему донельзя службу при театрѣ, занялъ мѣсто не административное, почти безъ всякихъ занятій, но доставившее ему, кромѣ желаннаго отдыха, и много свободнаго времени для литературныхъ его работъ. При увольненіи изъ театра, государь предоставилъ ему, какъ я выше сказалъ, кресло во всѣхъ театрахъ, но театръ до того опротивѣлъ ему, что онъ въ теченіе всей остальной своей жизни воспользовался этимъ правомъ всего разъ—въ день представленія піесы Константина Аксакова «Освобожденная Москва», и то только вслѣдствіе усиленной просьбы самого автора и, затѣмъ, былъ еще два раза въ маломъ театрѣ, но въ директорской ложѣ, во дни представленій собственныхъ его двухъ комедій: «Поѣздка за границу» и «Женатый женихъ». Авторское же кресло онъ пере-

далъ въ распоряженіе моихъ братьевъ, но они не столько пользовались имъ сами, какъ давали его въ пользованіе своихъ знакомыхъ.

За службу при театрѣ Михаилъ Николаевичъ получилъ, кромѣ вышеупомянутыхъ высочайшихъ благоволеній, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 3-й степени, а за постройку малаго театра—табакерку, осыпанную брильянтами съ вензелевымъ изображеніемъ имени его величества.

Въ должности директора оружейной палаты онъ оставался до конца своей жизни подъ начальствомъ того же князя Волконскаго, но уже не получалъ отъ него ни выговоровъ, ни замѣчаній и то, вѣроятно, только потому, что оружіе и драгоцѣнности палаты мирно лежали на своихъ мѣстахъ, а стоявшіе въ ней восковые всадники въ старинныхъ, русскихъ доспѣхахъ не требовали ни отпусковъ, ни пенсій.

Служба отца состояла лишь въ томъ, что онъ, два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, т. е. въ дни, назначенные для обозрѣнія публикою оружейной палаты, и оводилъ въ ней утро съ 12-ти до 2-хъ часовъ, а такъ какъ объясненія публикѣ давались имъ лично, то популярность его въ Москвѣ стала съ этого времени сильно возростать; прежде знали его тамъ только, какъ автора «Юрія Милославскаго», а со времени назначенія его директоромъ оружейной палаты, можно утвердительно сказать, что всѣ москвичи знали его въ лицо и многіе считали даже долгомъ, при встрѣчѣ на улицѣ кланяться ему. Въ помощники ему былъ опредѣленъ извѣстный въ то время писатель Александръ Ѳомичъ Вельтманъ (авторъ «Кащея Безсмертнаго» и другихъ романовъ), знатокъ и любитель русской сторины, составившій, впослѣдствіи, печатный «обзоръ оружейной палаты». Въ числѣ чиновниковъ, находился также чрезвычайно образованный, трудолюбивый и умный молодой человѣкъ, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, нынѣ заслужившій своими замѣчательными историческимм трудами г омкую и почетную извѣстность во всей Россіи. Всѣ чиновники пользовались казенными квартирами, а директоръ имѣлъ прекрасное, большое помѣщеніе въ кавалерскомъ корпусѣ въ Кремлѣ, но отецъ отказался отъ квартиры, не желая лишать матушку своего сада, а также предпочитая всѣмъ казеннымъ квартирамъ свободную и ничѣмъ не стѣсняемую жизнь въ собственномъ домѣ.

Новая служба Михаила Николаевича шла весьма однообразно, не представляя никакого особаго интереса, и потому мнѣ остается только сказать, что государь, во всѣ пріѣзды въ Москву, постоянно посѣщалъ оружейную палату и попрежнему былъ къ нему милостивъ, а въ 1845 г. пожаловалъ ему орденъ св. Станислава 1-й степени. Эта первая лента, полученная отцомъ, не столько, безъ сомнѣнія, порадовала его, какъ меня. Не знаю почему, но мнѣ было обидно видѣть отца безъ ленты, и я пришелъ въ великій восторгъ,

узнавъ, что онъ будетъ ходить со звѣздою, подобно своимъ знакомымъ, занимавшимъ въ Москвѣ какой либо начальническій постъ и уже давнымъ давно со звѣздою путешествующимъ.

Разсказавъ почти все, что я припомню о службѣ отца до 1847 года, я не могу не упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, слышанномъ мною отъ него самого, а именно, что въ 30 годахъ (въ какомъ году, не помню) тогдашній шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ, бывшій съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, предлагалъ ему занять одинъ важный постъ въ III Отдѣленіи, съ переименованіемъ его въ военный чинъ. Отецъ, поблагодаривъ графа за довѣріе, отвѣчалъ, что не чувствуетъ себя способнымъ къ исполненію такой должности и, сверхъ того, не желаетъ удивить публику извѣстіемъ, что авторъ «Юрія Милославскаго» надѣлъ голубой мундиръ! Предложеніе это было, конечно, сдѣлано не безъ вѣдома государя, всегда желавшаго имѣть въ числѣ высшихъ лицъ созданнаго имъ III Отдѣленія людей вполнѣ честныхъ и благородныхъ и каковымъ, по всей справедливости, его величество считалъ моего отца.

Переходя теперь къ литературнымъ занятіямъ батюшки за періодъ времени съ появленія «Рославлева» до моего отрочества, я ограничусь лишь спискомъ всего имъ написаннаго и изданнаго по 1847 годъ, такъ какъ каждое его произведеніе давно уже оцѣнено не только критиками, но и публикою.

Послѣ «Юрія Милославскаго» и «Рославлева» Михаилъ Николаевичъ написалъ въ 1833 г. романъ «Аскольдова могила», а въ 1835 г. сдѣлалъ изъ него либретто для оперы Верстовскаго подъ тѣмъ же названіемъ и въ томъ же году написалъ два тома повѣстей; затѣмъ, въ 1838 г., издалъ романъ «Искуситель». Этотъ романъ онъ считалъ самымъ слабымъ своимъ произведеніемъ, увѣряя, что писалъ его единственно съ цѣлью позабавить себя описаніемъ своего дѣтства и мѣстности, въ которой провелъ первые года своей жизни. Въ 1839 г., вышло новое его произведеніе—романъ «Тоска по одинѣ», изъ котораго онъ сдѣлалъ, въ томъ же году, либретто для оперы Верстовскаго; но опера эта не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Съ 1837 по 1842 годъ, отецъ написалъ комедіи «Недовольные» (въ стихахъ) и «Урокъ матушкамъ», а въ 1842 г. романъ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ». Романъ этотъ хотя и былъ однимъ изъ лучшихъ его произведеній, однако не заслужилъ особаго вниманія публики; зато чрезвычайно понравился императору Николаю Павловичу, который повелѣлъ министру двора объявить Мих. Ник—чу, что его величество находитъ этотъ романъ лучшимъ его произведеніэмъ, не исключая даже и «Юрія Милославскаго». Въ томъ же году, онъ издалъ первый выпускъ «Москвы и москвичей», а въ 1844 г. второй выпускъ той же книги и, наконецъ, въ 1846 г. романъ «Брынскій лѣсъ».

Вотъ, кажется, перечень всѣхъ произведеній отца, изданныхъ имъ по 1847 годъ.

Что касается домашней жизни батюшки, то разскажу все, что мнѣ стало извѣстнымъ съ тѣхъ поръ, что я началъ часто видѣть его т. е. со времени назначенія его директоромъ оружейной палаты. До того, вслѣдствіе постоянныхъ его служебныхъ занятій и ежедневнихъ вечернихъ выѣздовъ, я мало видалъ его; притомъ, мой ребяческій возрастъ не давалъ мнѣ возможности ни запомнить, ни даже узнать всѣхъ мелочей его домашней жизни.

День отца распредѣленъ былъ чрезвычайно аккуратно: онъ вставалъ часовъ въ восемь, бралъ ежедневно холодный душъ и, затѣмъ, отправлялся въ свою молельню, гдѣ оставался около часа. Молельня его, находившаяся въ антресоляхъ нашего дома, походила на маленькую часовню. Всѣ стѣны были покрыты образами въ ризахъ и въ особыхъ кивотахъ, передъ которыми теплились лампады. Въ одномъ углу стоялъ аналой съ евангеліемъ и крестомъ и столикъ съ молитвенными книгами. Въ эту комнату онъ удалялся не только утромъ и вечеромъ, но нерѣдко и днемъ. Послѣ молитвы онъ пилъ чай. Не могу не упомянуть объ этомъ чаѣ, — думаю, что никогда и никто не пилъ такого страннаго напитка, приготовлявшагося самимъ отцомъ: онъ клалъ въ небольшой металлическій чайникъ огромное количество дешеваго, чернаго чая и кипятилъ его до тѣхъ поръ, пока чай начиналъ самъ выливаться изъ чайника въ чашку. Этотъ напитокъ, имѣвшій запахъ пареннаго сѣна, такъ нравился отцу, что въ гостяхъ онъ не могъ пить другого чая, находя его безвкуснымъ. Выпивъ двѣ чашки такого ужаснаго настоя, онъ занимался ежедневно приготовленіемъ себѣ, тоже особымъ способомъ, дневной порціи нюхательнаго, французскаго табака, растирая его съ прибавленіемъ нашатырнаго спирта и трюфельнаго сока; табакъ этотъ такъ прельщалъ его пріятелей, табаконюхателей, что, при встрѣчѣ ихъ съ батюшкою, они съ жадностью набивали свои носы этимъ, по ихъ выраженію, «нектаромъ», способъ приготовленія котораго онъ тщательно отъ всѣхъ скрывалъ. Окончивъ операціи съ табакомъ, отецъ шелъ въ свой рабочій кабинетъ, гдѣ и занимался до двухъ часовъ дня, и тогда никто изъ семьи не смѣлъ тревожить его. Занятія его прерывались только пріѣздомъ какого либо гостя-писателя или пріятеля-москвича. Въ два часа онъ выѣзжалъ съ визитами и, возвращаясь всегда къ четыремъ, садился за обѣдъ, одинъ, въ своемъ кабинетѣ. Онъ рѣдко обѣдалъ съ семействомъ, потому что кушалъ позднѣе всѣхъ и любилъ, во время обѣда, надѣвать халатъ, а между блюдами читать газеты и журналы. Кушанья подавались преимущественно русскія, жирныя и тяжелыя; водки онъ совсѣмъ не употреблялъ и пилъ мало иностраннаго вина, но за то много воды со льдомъ, считая ледяную воду самымъ пріятнымъ и здоровымъ

напиткомъ. Когда же появились въ продажѣ крымскія воронцовскія вина, то они не сходили съ его стола. Отецъ радовался, что, наконецъ, русскіе могутъ пить свое собственное вино и, хотя многіе находили вино это невкуснымъ, но онъ съ удовольствіемъ пилъ какое нибудь рублевое «Ай-Данило», предпочитая его всякому дорогому французскому «Шато д'Икему». Послѣ обѣда онъ отдыхалъ не болѣе часа и потомъ занимался чтеніемъ и, въ девять часовъ, уѣзжалъ на вечеръ, балъ или въ англійскій клубъ, гдѣ игралъ, по маленькой, въ вистъ, преферансъ или мушку. Въ промежутокъ времени, между занятіями, и до и послѣ выѣздовъ, онъ заходилъ къ матушкѣ и проводилъ съ нею нѣсколько времени, а по возвращеніи домой съ вечера или изъ клуба сидѣлъ у нея до двухъ часовъ ночи, разсказывая о всемъ, что слышалъ и видѣлъ въ теченіе дня, при чемъ часто присутствовали мои братья и я.

Такой образъ жизни нѣсколько измѣнялся въ лѣтнее время, когда мы стали проводить лѣто въ Москвѣ, такъ какъ тогда, если погода дозволяла, батюшка посвящалъ все послѣобѣденное время верховой ѣздѣ или прогулкамъ въ кабріолетѣ по окрестностямъ Москвы. Онъ правилъ самъ, хотя былъ весьма близорукимъ; кабріолетная лошадь его была пріучена останавливаться, по собственному ея усмотрѣнію, передъ каждою канавкою или рытвиною, что она весьма прилежно исполняла. Любимыми прогулками его были: Воробьевы горы, Петровскій паркъ, Сокольники и дача «Студенецъ», на послѣднюю онъ ѣздилъ единственно съ цѣлью напиться холодной, знаменитой, ключевой, трехгорной воды. Зимою отецъ иногда устраивалъ въ своемъ кабинетѣ литературные вечера, на которые въ то время я еще не допускался, и знаю только по наслышкѣ, что у него бывали: Гоголь, Аксаковы, Дмитріевъ, Сушковъ, Павловъ, Погодинъ, Вельтманъ и другіе, а изрѣдка и какой нибудь пріѣзжій изъ Петербурга писатель или журналистъ. Послѣ чтенія, нѣкоторые гости садились играть въ карты, и затѣмъ вся компанія угощалась сытнымъ ужиномъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ произошелъ забавный случай съ Константиномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Какъ извѣстно, этотъ въ то время еще совсѣмъ молодой человѣкъ былъ восторженнымъ славянофиломъ и ненавидѣлъ все иностранное, отдавая во всемъ преимущество родному, русскому. Въ этотъ вечеръ въ сильнѣйшій морозъ у батюшки собралось нѣсколько литераторовъ и Константинъ Сергѣевичъ. Кто-то изъ присутствующихъ имѣлъ неосторожность сказать, что холода стоятъ ужасные, и было бы пріятнѣе находиться гдѣ нибудь въ Италіи, а не въ Москвѣ. Аксаковъ вспыхнулъ, началъ превозносить московскій морозъ и, въ доказательство, что холодъ для русскаго человѣка пріятенъ, здоровъ и живителенъ, отворилъ форточку, высунулъ въ нее голову и сталъ вдыхать холодный воздухъ. На замѣчаніе моего отца, что въ такой жестокій

морозъ легко можно простудиться, Аксаковъ не обратилъ никакого вниманія, продолжая оставаться въ томъ же положеніи и громко восхваляя прелесть россійскаго мороза. Наконецъ, минутъ черезъ десять, по настоянію гостей онъ вылѣзъ изъ форточки и, къ великому своему удивленію и общему смѣху, почувствовалъ и увидалъ, что кончикъ его носа отмороженъ!..

Когда у батюшки бывали литературные вечера, то до пріѣзда гостей я любилъ сидѣть въ его большомъ кабинетѣ, освѣщенномъ лампами и множествомъ свѣчей, и любоваться яркимъ его освѣщеніемъ, такъ какъ въ другіе дни кабинетъ освѣщался лишь двумя восковыми свѣчами и темнотою своею наводилъ на меня великій страхъ: во мракѣ, какъ-то страшно выглядывали съ верхушекъ книжныхъ шкафовъ большіе, окрашенные въ черную краску бюсты Гомера, Сократа и другихъ мудрецовъ...

При появленіи перваго гостя, меня отсылали къ матушкѣ, но вскорѣ я отъ нея уходилъ и, пробравшись потихоньку къ запертымъ дверямъ кабинета, подолгу стоялъ, подслушивая чтеніе писателей, хотя, въ сущности, ничего не могъ разслышать, а еще менѣе понять.

Одинъ день въ году, 8-е ноября, именины отца, я всегда ожидалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Къ этому дню всѣ пріемныя комнаты особенно тщательно чистились и прибирались, а въ самыя именины кабинетъ батюшки переполнялся гостями, которыхъ въ это утро пріѣзжало иногда болѣе ста человѣкъ. Въ 4 часа подавался обѣдъ; къ нему приглашались только родственники и близкіе знакомые, а какъ, по случаю семейнаго праздника, я допускался во всѣ комнаты и за обѣдомъ сидѣлъ со всѣми, то день этотъ доставлялъ мнѣ невыразимое удовольствіе при видѣ множества гостей, изъ которыхъ большая часть считала долгомъ потрепать меня по щекѣ или поцѣловать въ лобъ.

У батюшки были нѣкоторые предразсудки, свойственные, впрочемъ, многимъ людямъ: онъ никогда не зажигалъ трехъ свѣчей, не терпѣлъ за столомъ тринадцати человѣкъ и не любилъ начинать какое либо дѣло въ пятницу. Сверхъ того, не носилъ платья изъ чернаго сукна; всѣ его фраки, сюртуки и шубы были темно-зеленаго, синяго или вишневаго цвѣта. Черный цвѣтъ онъ ненавидѣлъ, увѣряя всѣхъ, что въ молодости, когда ему случалось сдѣлать черное платье, то вслѣдъ за тѣмъ всякій разъ слѣдовалъ для него трауръ. Вообще, онъ одѣвался, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ его помнить, по-стариковски и любилъ носить платья, свободно сшитыя, не стѣснявшія его движеній, заказывая ихъ у русскаго портного, а отнюдь не у иностранца. Шляпа его была оригинальная и единственная во всей Москвѣ: она была съ крайне низенькою тульею и огромными полями, зимою—черная, а лѣтомъ сѣрая или соломенная. Шляпа эта такъ бросалась всѣмъ въ глаза, что однажды, въ

1851 г., государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, при посѣщеніи оружейной палаты, замѣтивъ ее въ рукахъ отца, обратился къ нему съ вопросомъ, зачѣмъ онъ носитъ шляпу въ родѣ карбонарской,—отецъ отвѣтилъ: «моя шляпа, ваше высочество, полезна: лѣтомъ защищаетъ лице отъ солнца, а зимою отъ снѣга», и, указывая на сопровождавшаго великаго князя, гофмаршала его двора В. Д. Олсуфьева, державшаго въ рукахъ обыкновенный, высокій цилиндръ, прибавилъ,—«а вотъ шляпа у Василья Дмитріевича точно каланча, годная только для вывѣшиванія пожарныхъ знаковъ». Наслѣдникъ очень смѣялся этому сравненію.

Въ описываемое мною время родители мои не были богаты, но имѣли совершенно достаточное состояніе, дозволявшее имъ жить прилично. Изъ получаемыхъ съ имѣній доходовъ и изъ своего жалованья батюшка не тратилъ на себя ни единой копейки, а ограничивался, для своихъ личныхъ расходовъ, заработываемыми имъ деньгами, изъ которыхъ нѣкоторая часть шла на заказы разныхъ шкатулокъ, бауловъ, погребцовъ и, особенно, лукутинскихъ табакерокъ; до послѣднихъ онъ былъ страстный охотникъ и имѣлъ значительную ихъ коллекцію. Можно положительно сказать, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ москвичей, пустившихъ въ ходъ лукутинскія издѣлія, сдѣлавшіяся, впослѣдствіи, столь знаменитыми, тѣмъ болѣе что почти всегда придумывалъ самъ рисунки и формы для табакерокъ. Значительная же часть его собственныхъ доходовъ шла на помощь бѣднымъ: каждую субботу дворъ нашего дома наполнялся нищими, которымъ камердинеръ отца раздавалъ мѣдныя деньги, по пятаку каждому, а передъ большими праздниками отецъ самъ, лично, раздавалъ милостыню всѣмъ нищимъ и убогимъ, попадавшимся ему на улицахъ или во множествѣ всегда стоявшимъ у папертей кремлевскихъ соборовъ и приходскихъ церквей.

Раздача эта происходила совершенно особымъ и необычнымъ образомъ: выходя изъ дома, онъ бралъ порядочную сумму денегъ, размѣненную на разную серебряную монету, начиная съ пятачка и кончая полтинникомъ, и, перемѣшавъ ее съ нѣсколькими золотыми, клалъ въ разные карманы по горсточкѣ смѣшанныхъ монетъ. Встрѣчая нищаго, онъ вынималъ изъ кармана первую попавшуюся монету и отдавалъ ее, продолжая эту выдачу до послѣдней копейки. Оказываемую такимъ образомъ помощь бѣднымъ батюшка тщательно отъ всѣхъ скрывалъ, и только когда я, случайно узнавъ о томъ, спросилъ, почему онъ раздаетъ милостыню, не зная, кому достанется пятачекъ, а кому золотой, то отецъ отвѣтилъ: «я хочу помочь бѣднымъ, встрѣчаемымъ мною на улицѣ, но не знаю, кто нуждается въ большей или меньшей помощи, и потому, перемѣшавъ монеты вмѣстѣ, предоставляю самой судьбѣ распредѣлить ихъ, какъ ей заблагоразсудится, въ полной увѣренности, что Богъ подастъ всякому, сколько слѣдуетъ».

Любя ближняго и помогая ему своими трудовыми деньгами, батюшка всегда нравственно страдалъ, когда не могъ дать въ займы просимую кѣмъ либо у него сумму и всячески извинялся передъ просителемъ, какъ бы считая себя передъ нимъ виноватымъ. Будучи высоко честенъ и дѣтски довѣрчивъ, онъ никакъ не могъ допустить, чтобы, взявъ деньги въ займы, можно не отдать ихъ. Однажды, ссудивъ одного ловкаго господина десятью тысячами рублей ассигнаціями, безъ всякой расписки, подъ честное слово, что деньги черезъ годъ будутъ возвращены, отецъ, хотя и не получилъ ихъ обратно, однако постоянно старался обѣлить этого господина, увѣряя, что, если онъ не отдалъ долга, то потому, что не могъ отдать его; а между тѣмъ было извѣстно, что кредиторъ его имѣлъ состояніе и ловко воспользовался добротою отца, чтобы выманить, подъ видомъ крайности, значительную сумму денегъ и, затѣмъ, конечно, подобно всѣмъ свѣтскимъ мазурикамъ, не разъ посмѣяться надъ добротою честнаго человѣка. Совершенно правъ С. Т. Аксаковъ, сказавъ объ отцѣ въ составленной имъ біографіи его, что, «дѣлая много добра, онъ никогда не помнилъ о томъ; ему пріятно было, если помнили другіе, и пріятно только потому, что онъ радовался душою, находя въ людяхъ добрыя качества».

С. Загоскинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

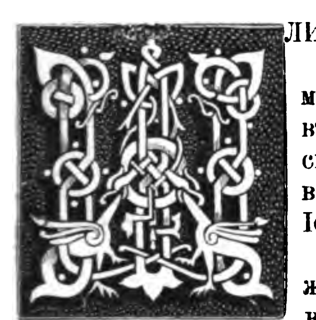

МАШКЕРАДЪ.

(Историческій разсказъ).

I.

ЛИ девяностые годы XVIII вѣка.

Въ одномъ изъ глухихъ приволжскихъ намѣстничествъ хорошо была извѣстна всѣмъ въ округѣ большая вотчина князей Можайскихъ, именитыхъ и старинныхъ дворянъ, ведущихъ свой родъ чуть ли не со временъ Іоанна Калиты.

Столѣтнія, барскія палаты, огромныя, окруженныя красивыми каменными службами, были выстроены еще во времена Годунова, и князья всегда жили въ своей вотчинѣ, но теперь за все долголѣтнее царствованіе императрицы Екатерины Алексѣевны палаты стояли пустыя, и во всей усадьбѣ было мертво-тихо, а всѣмъ распоряжался управляющій изъ княжихъ крѣпостныхъ.

Но въ день смерти знаменитаго князя Таврическаго его любимецъ князь Можайскій вдругъ появился въ давно забытой вотчинѣ съ женой, двадцатилѣтнимъ сыномъ и семнадцатилѣтней дочерью, а съ ними, конечно, цѣлый штатъ приживальщиковъ обоего пола. Домъ полный, какъ чаша, былъ все-таки наскоро снаружи подновленъ, а внутри отдѣланъ заново.

Усадьба и большое село, по прозвищу Сакмарское, ожили и казались люднымъ уѣзднымъ городкомъ.

Явились владѣльцы внезапно, нежданно для себя и поневолѣ. Причина была «пустяковская», но особенная...

Князь Павелъ Павловичъ Можайскій, потерявъ своего покровителя и друга въ лицѣ Потемкина и будучи видною личностью Петербурга и въ обществѣ, и при дворѣ, продолжалъ относиться къ одному очень молодому человѣку, внезапно возвысившемуся, такъ же, какъ относились къ нему всѣ приближенные покойнаго князя, т. е. недружелюбно и строптиво.

Этотъ молодой человѣкъ былъ недавній графъ Платонъ Зубовъ.

Но что при жизни князя Таврическаго и сходило имъ всѣмъ съ рукъ теперь становилось опаснымъ.

Однажды при простой встрѣчѣ и краткомъ разговорѣ всемогущаго фаворита съ княземъ Можайскимъ, старикъ повелъ себя по-старому и пострадалъ тотчасъ же.

Дѣло было вечеромъ, послѣ ужина, но было во дворцѣ. У шестидесятилѣтняго князя водился маленькій грѣшокъ — выпивать лишнее за ѣдой. Когда всѣ гости царицы поднялись послѣ ужина, графъ Зубовъ, проходя мимо слегка повеселѣвшаго князя, усмѣхнулся и спросилъ безъ всякаго, однако, худого умысла: «доволенъ ли онъ ужиномъ?»

Князь окрысился и хватилъ въ отвѣтъ при многихъ придворныхъ, что спрашивать объ этомъ—дѣло хозяевъ дома, а не гостей.

Кое-кто злорадно ухмыльнулся... Зубовъ вспыхнулъ, объяснивъ, что исправляетъ свою должность генеральсъ-адъютанта государыни, и затѣмъ выговорилъ, смѣясь ехидно:

— Каковы были кушанья, я не знаю. А вотъ вина, по всему вижу, что были хорошія, и ими иные не погнушались, даже до забвенія благоприличій.

Князь вспылилъ въ свою очередь, сказалъ нѣсколько дерзкихъ словъ, титулуя Зубова «ваше новосіятельство», а затѣмъ добавилъ:

— Если во мнѣ вино заговорило, то только потому, что у васъ винъ много!

— Вы сами сейчасъ замѣтили, что они не мои, а государынины. Къ ней ваши рѣчи, стало быть, прямо и относятся, и я почту моей обязанностью ихъ до свѣдѣнія ея величества довести. Пускай государыня сама отвѣтъ дастъ.

Князь Можайскій на другой же день отправился къ государынѣ, но она уже была предупреждена и приняла старика сухо. Объяснивъ ему совершенное неприличіе его поведенія, она посовѣтовала идти просить извиненія у Зубова, а до тѣхъ поръ не бывать во дворцѣ.

Князь заявилъ, что при такихъ условіяхъ оставаться ему въ Петербургѣ и при дворѣ не слѣдъ, и что онъ предпочитаетъ уѣхать изъ столицы. Государыня разсмѣялась и отвѣтила, что это самое лучшее, что князю остается сдѣлать. И чрезъ три мѣсяца село Сакмарское и усадьба увидѣли своихъ владѣльцевъ послѣ тридцатилѣтняго отсутствія. Строптивое поведеніе и отъѣздъ князя, конечно,

кромѣ толковъ, ничего особеннаго не произвели, такъ какъ онъ не былъ виднымъ государственнымъ сановникомъ, а только придворнымъ и богатымъ обывателемъ.

— Вотъ кабы князь мой Григорій Александровичъ этотъ «зубъ» вовремя выдернулъ, то и мы бы теперь не подверглись изгнанію,— бурчалъ Можайскій.

Поселившись въ глуши деревни, князь, конечно, зажилъ, какъ подобало вельможѣ, однако въ его житьѣ-бытьѣ была одна особенность. Проживъ около года, онъ ни съ кѣмъ изъ дворянъ, помѣщиковъ своего округа, не познакомился, ни у кого не бывалъ и къ себѣ не позвалъ. А нѣкоторыхъ изъ дворянъ, которые явились сами съ поклономъ въ Сакмарское, принялъ,вмѣсто князя, его дальній родственникъ, дряхлый старикъ, тоже князь Можайскій, но бѣдный, жившій у него на хлѣбахъ.

Разумѣется, все намѣстничество, весь округъ— и дворяне и чиновники,—всѣ были обижены и злобствовали на гордеца.

Князю, конечно, было скучно въ деревнѣ, молодому князю еще скучнѣе, хотя отецъ и позволялъ ему отлучаться и ѣздить изрѣдка и не надолго въ обѣ столицы. Княгиня была рада спокойной жизни. За то всего скучнѣе было молодой княжнѣ, которая въ ея годы могла бы веселиться въ Петербургѣ, а теперь была обречена сновать по пустымъ аппартаментамъ большого дома.

II.

Однако, все Сакмарское, барскій домъ и усадьба, отъ зари до зари гудѣли отъ люда и копошились, какъ большой муравейникъ, такъ какъ князь Павелъ Павловичъ, отлично понимая, что его дѣтямъ эта жизнь въ глуши будетъ тяжела и даже не въ моготу старался, насколько можно было, облегчить ихъ положеніе.

Прежде всего онъ устроилъ такъ, что у него завелись нахлѣбники и приживальщики. Кромѣ того, онъ постоянно приглашалъ къ себѣ на побывку знакомыхъ изъ обѣихъ столицъ и всячески удерживалъ гостей елико возможно долѣе. Пріѣзжавшіе на мѣсяцъ жили и три мѣсяца. Гости изъ небогатыхъ оставались на неопредѣленное время и становились какъ бы тоже приживальщиками.

Въ усадьбѣ было поэтому столько народу, что за столъ садилось ежедневно до тридцати человѣкъ. Но главное развлеченіе въ Сакмарскомъ былъ свой домашій театръ въ отдѣльномъ зданіи и, конечно, свой оркестръ музыки. Музыканты, а равно и актеры,были на половину вольнонаемные и на половину свои крѣпостные. Главный актеръ, Захаръ Полушкинъ, игравшій всякія роли одинаково хорошо, человѣкъ съ истиннымъ дарованьемъ, былъ поваръ князя. Онъ страстно любилъ театръ и любилъ трагическія роли. Онъ готовъ бы былъ всего себя посвятить одному „актерничанью“,

но, къ его несчастью, онъ былъ слишкомъ большимъ искусникомъ въ поварскомъ дѣлѣ... Князь не могъ замѣнить его другимъ, хотя и пробовалъ. Ставя свою любовь къ яствамъ гораздо выше любви къ «свободнымъ художествамъ», князь говорилъ Захару:

— Будь ты первый актеръ на всю крещеную Русь, и все-таки я тебя изъ стряпуновъ своихъ не выпущу.

Главная актриса тоже даровитая, игравшая и молодыхъ и старухъ, при чемъ хорошо танцовала всякіе танцы послѣ двухъ, трехъ уроковъ, была главной горничной, но равно чуть не первымъ другомъ самой княжны. Пелагея или Палаша была просто наперсницей княжны, которая не имѣла отъ любимицы тайнъ.

Если молодая княжна скучала въ глуши, то молодой князь за послѣднее время нашелъ себѣ утѣшенье — быть можетъ, съ тоски. Но все-таки онъ былъ поглощенъ теперь тѣмъ, что приключилось съ нимъ.

Покуда княжна проводила дни, кочуя по дому, ея братъ все чаще исчезалъ изъ усадьбы.

Княжна Елизавета Павловна проводила время въ обществѣ двухъ-трехъ пріятельницъ, дворянокъ изъ семей новыхъ приживальщиковъ, но большей частью предпочитала общество своихъ сѣнныхъ и горничныхъ дѣвушекъ. Эти были умнѣе тѣхъ. Онѣ пѣли пѣсни и лихо плясали, особенно послѣ угощенія наливкой, выдумывали разныя игры, разсказывали страшныя сказки. Дворянки подруги умѣли только щелкать орѣхи, ѣсть пряники и смоквы и молчать.

Князь Александръ Павловичъ, насколько могъ чаще, уѣзжалъ изъ дома въ гости къ сосѣду, премьеръ-майору Руцкому, ветерану турецкихъ войнъ, и, разумѣется, дѣлалъ это съ вѣдома и разрѣшенія отца. Это былъ единственный дворянинъ всего округа, котораго князь разрѣшилъ сыну навѣщать, но не звать къ себѣ. Руцкой былъ небогатый помѣщикъ въ десяти верстахъ отъ Сакмарскаго, съ которымъ молодой князь познакомился по особой и важной причинѣ, что, однако, скрылъ отъ отца. Случилось такъ... Однажды, отправляясь въ городъ, князь Александръ наткнулся на обычное явленье. Среди дороги большой рыдванъ застрялъ въ трясинѣ. Четверка лошадей выбилась изъ силъ и не брала тяжелый экипажъ. Князь хотѣлъ уже проѣхать мимо, когда увидѣлъ въ окно кареты такое прелестное женское личико, что тотчасъ, остановивъ свою коляску, вышелъ и заговорилъ съ проѣзжими.

Въ рыдванѣ была молодая дѣвушка съ мамушкой, а на козлахъ и кучеръ и лакей были старики. Всѣ стали просить незнакомаго молодого барина помочь имъ въ бѣдѣ.

Простое дѣло, случавшееся чуть не ежедневно по всей Руси, благодаря двумъ причинамъ, плохимъ проселкамъ и огромнымъ дворянскимъ экипажамъ, всегда разрѣшалось на одинъ ладъ. Един-

ственное спасенье было въ томъ, чтобы вызвать крестьянъ изъ сосѣдней деревни, иногда за десять верстъ и высвободить экипажъ изъ трясины и веревками, и просто руками.

Князь, прельщенный незнакомкой, радостно отозвался и тотчасъ отрядилъ своего лакея верхомъ на своей же пристяжной въ сосѣднюю деревню за народомъ. Черезъ часъ рыдванъ былъ вытащенъ и двинулся. Но за этотъ часъ князь, бесѣдовавшій съ молодой дѣвушкой, былъ въ нее уже по уши влюбленъ. И случилось такое, несмотря на то, что онъ всю юность провелъ въ Петербургѣ и слѣдовательно не былъ захолустнымъ, ничего на свѣтѣ не видавшимъ, юношей.

Узнавъ изъ разговоровъ, что молодая дѣвушка ѣдетъ гостить на недѣлю къ подругѣ, дочери премьеръ-майора Руцкаго, ихъ ближайшаго сосѣда, князь, разумѣется, нашелъ предлогъ и чрезъ два дня былъ тоже въ гостяхъ у этого сосѣда. Старикъ ветеранъ и его семья оказались простыми и милыми людьми, а гостившая у нихъ барышня, Ольга Тулупьева, спасенная княземъ изъ трясины, его очаровала совсѣмъ. И онъ сталъ бывать у сосѣда ежедневно, влюбляясь все болѣе.

Однако, увы, вскорѣ свиданія прекратились. Красавица уѣхала домой, обѣщаясь снова пріѣхать къ подругѣ черезъ недѣлю. Князь былъ, однако, при прощаніи озабоченъ... Во-первыхъ, когда онъ, уже надѣявшійся на взаимность, попросилъ у очаровавшей его «Оленьки» позволенія явиться и представиться ея отцу, то дѣвица Тулупьева наотрѣзъ отказала въ разрѣшеніи и даже смутилась очень сильно.

Во-вторыхъ, на разспросы князя у Руцкихъ, гдѣ усадьба Тулупьевыхъ, они путали, противорѣчили и, видимо, не хотѣли ни за что сказать правду.

Наконецъ, въ-третьихъ, когда князь поручилъ одному изъ своихъ конторщиковъ разузнать и разыскать, гдѣ живутъ помѣщики Тулупьевы, то получилъ свѣдѣнія, что таковыхъ не только въ ихъ округѣ, но и во всемъ намѣстничествѣ нѣтъ. Есть Толбины, Потуловы и Туполдовы... Есть даже Тулупьевъ, но безъ семьи, одинокій и несовершеннолѣтній подъ опекой дяди и находящійся уже съ полгода въ отсутствіи въ Москвѣ.

Все это вмѣстѣ было загадочно...

И князь, продолжая видаться съ своимъ предметомъ лишь изрѣдка и только у премьеръ-майора, былъ совершенно поглощенъ уже окрѣпшими чувствами. То обстоятельство, что «Оленька» являлась къ сосѣдямъ, какъ сказочная царевна, не вѣдомо откуда, и затѣмъ исчезала невѣдомо куда,—быть можетъ, тоже немало повліяло на молодого человѣка, постепенно преобразивъ любовную вспышку въ глубокое чувство.

Разумѣется, чтобы облегчить душу признаніемъ, князь Але-

ксандръ повѣдалъ всю исторію любви и ея загадочную обстановку своей сестрѣ... Княжна Елисавета отвѣчала тѣмъ же и покаялась брату въ своемъ грѣхѣ... Но ея грѣхъ былъ куда меньше...

Побывавъ однажды съ матерью уже давно въ губернскомъ городѣ, она зашла въ городской садъ и видѣла тамъ такого красавца!.. Такого!? Ну, ни перомъ описать, ни кистью намалевать, ни въ сказкѣ разсказать! Въ Петербургѣ такихъ нѣтъ! онъ всякій-то день послѣ полудня гуляетъ въ этомъ городскомъ саду... И она съ тѣхъ поръ уже два раза отпрашивалась у родителей въ городъ съ гувернанткой, якобы въ лавки, и была, конечно, въ саду и оба раза опять его видѣла... А онъ,—не простой какой дворянинъ, а губернаторскій товарищъ! Это все разузнала Палаша... Нарочно для этого ѣздила въ городъ...

— Но онъ на меня и глазъ не поворотитъ!—печально закончила княжна признанье.—Будто меня и нѣту!

III.

Но, живя въ трущобѣ, князь постоянно имѣлъ всякія свѣдѣнія изъ Петербурга, гдѣ остался близкій его другъ и кумъ, тоже вельможа и тоже придворный. И друзья неизмѣнно переписывались. Однажды князь получилъ отъ этого друга и «всезнайки» большое письмо, которое заключало въ себѣ много вѣстей изъ столицы, придворныхъ новостей, а равно и городскихъ слуховъ. Изъ него князь узналъ, между прочимъ, одну новость крупную... Тотъ же врагъ его, графъ Платонъ Александровичъ, уже сталъ, въ отличіе отъ своихъ братьевъ, княземъ Зубовымъ.

Но главное было не это... Было нѣчто еще болѣе непріятное. Въ длинномъ письмѣ подробно доводилась до свѣдѣнія князя всякая вѣячина, письменно и устно достигшая Петербурга изъ его глуши. Другъ сокрушался, почему князя такъ сугубо не взлюбили въ его захолустьи, и почему весь край, гдѣ онъ поселился, измышляетъ на него всякія небылицы, не только измывается надъ нимъ и его семьей, не только лжетъ, но даже и злостно клевещетъ.

И при этомъ пищущій подробно передавалъ все, что говорилось о князѣ въ Петербургѣ на основаніи свѣдѣній, дошедшихъ изъ края. А говорилось Богъ вѣсть что!.. Говорилось, что у князя цѣлый гаремъ, а самъ онъ во хмелю съ утра, сильно веселъ среди дня и мертво пьянъ къ вечеру. Говорилось, что княгиня «безъ зазрѣнія, а вьявь махается» за ихъ молодымъ и красивымъ дьячкомъ. А молодой князь Александръ Павловичъ собирается жениться или уже тайно обвѣнчанъ и давно съ дочерью мѣстнаго фармазона, сосланнаго изъ Москвы за вольнодумство, что же касается до дочери-княжны, то покуда князь разыскиваетъ по заморскимъ странамъ какого нибудь знаменитаго принца ей въ мужья, въ родѣ

Бовы Королевича, она сама, княжна, съ горничными и дворовыми дѣвушками ведетъ «озорную» жизнь. Про нее ходятъ въ намѣстничествѣ такіе слухи, что не только принцъ заморскій, а никакой молодой человѣкъ изъ простой дворянской семьи на ней не женится.

Вообще письмо было большое, пространное и наполненное всякаго рода сплетнями и клеветами. Прочитавъ письмо, князь бросилъ его на полъ, но на другой день взялъ снова и снова прочелъ. И затѣмъ нѣсколько дней подрядъ онъ былъ страшно, какъ никогда еще, раздраженъ и разгнѣванъ. Наконецъ, онъ позвалъ на совѣтъ жену и сына, чтобы рѣшить, что имъ дѣлать, такъ какъ «оставлять этакого нельзя».

И на семейномъ совѣтѣ было положено, что все, разумѣется, произошло отъ ихъ излишней гордости. Слѣдовало тотчасъ по пріѣздѣ перезнакомиться со всѣми ближними и дальними сосѣдями, приглашать ихъ, кормить, поить и веселить... Тогда все мѣстное дворянство только бы превозносило да восхваляло ихъ.

Однако, никакого рѣшенія принято не было, на совѣты жены и сына князь отвѣчалъ одно:

— Глупство! Я вотъ по-своему эту мордву угощу!

Чрезъ два дня князь, послѣ размышленія, позвалъ сына и объяснилъ.

— Дамъ я тебѣ, Александръ, порученіе и важнѣйшее, труднѣйшее. Боюсь даже, что ты не сумѣешь его исполнить.

— Что прикажете, батюшка? Постараюсь,—отвѣчалъ Александръ, и лицо его оживилось.

— Чему обрадовался?—замѣтилъ отецъ.

— Обрадовался? Правда!..—отвѣчалъ сынъ. Я обрадовался тому, что если вы собрались дать мнѣ какое либо порученіе, то, стало, быть, порѣшили, какую перемѣну въ нашемъ житье сдѣлать... Ну, и слава Богу!

— Вотъ и ошибся. Никакой перемѣны я не желаю. Какъ жили такъ и будемъ жить. Но все-таки я хочу изслѣдовать обстоятельства. Слушай и мотай на усъ.

И князь объяснилъ сыну, что онъ уже мало довѣряетъ письму изъ Петербурга. Быть можетъ, все преувеличено и въ намѣстничествѣ вовсе нѣтъ такого къ нимъ якобы озлобленія, доведшаго якобы дворянъ и чиновниковъ губернскихъ до безобразнѣйшихъ измышленій на нихъ и до грубо оскорбительныхъ клеветъ на всю семью.

— Мнѣ надо знать, Александръ, правда ли это или петербург ская выдумка.

— Что собственно, батюшка?—не понялъ молодой князь.

— Правда ли, что насъ здѣсь всѣ не взлюбили. Можетъ быть—и нѣтъ. Я хочу предпринять нѣкое дѣло. Хочу «воздать коемуждо по

дѣломъ его». И вотъ мнѣ надо знать навѣрное, возненавидѣли насъ дворяне здѣшніе за нежеланіе мое съ ними якшаться, или все это вздоръ, вымыселъ столичный. Если же точно завелось вокругъ насъ здѣсь ненавистничество къ намъ, то я хочу знать, кто собственно наши заклятые враги, кто недруги только, кто равнодушные благоразумцы, кто, наконецъ, относится къ намъ и дружелюбно, разумѣя, что мы ему не пара... Такъ вотъ сдѣлай что хочешь, но узнай мнѣ это и представь свой обстоятельный и точный докладъ.

— Да какъ же я это сдѣлаю, батюшка!

— А вотъ... Придумай, умная голова.

— Ей-Богу, не знаю. Позвольте ѣхать перезнакомиться со всѣми и увидѣть, кто меня какъ приметъ. Но вѣдь иной и вовсе не пожелаетъ принять, чтобы сорвать свое зло.

— Да. Инако мудрено... Но это можно тебѣ сдѣлать не попросту, а по особому образу... Такъ сказать машкераднымъ образомъ и способомъ. Подъ личиною, а не открыто.

Александръ опять не понялъ отца, и князь объяснилъ, что сынъ долженъ ѣхать въ губернскій городъ на недѣлю, двѣ, затѣмъ объѣхать главнѣйшихъ помѣщиковъ и перезнакомиться съ ними, но при этомъ не подъ своимъ именемъ, а подъ другимъ.

— Какъ князь Александръ Можайскій, ты ничего не узнаешь, да къ тому же наскочишь на оскорбленіе меня и всей нашей фамиліи. Вдругъ иной тебя и въ самомъ дѣлѣ не приметъ, или приметъ надменно... Этого допустить мы не можемъ, чтобы здѣшняя мелюзга дворянская князей Можайскихъ оскорбляла.

— Такъ какъ же тогда быть, батюшка?

— Отправляйся, объѣзжай округу всю и знакомься, назвавшись инымъ какимъ именемъ.

Молодой человѣкъ удивился.

— Не знаю, родитель. Право, не знаю,—отвѣтилъ онъ:—хорошо ли это будетъ? Приличествуетъ ли князю Можайскому самозванствовать, или укрываться подъ чужимъ именемъ.

— Ну, сынъ, яица курицу не учатъ!—сурово отозвался князь.

— Какъ прикажете,—отвѣтилъ сынъ.

— Назовися вновь прибывшимъ изъ Москвы дворяниномъ, ищущимъ купить себѣ имѣніе. Ну, хоть бы по дѣвическому имени твоей матери. Рекомендуйся: князь Александръ Тенищевъ.

— А потомъ, послѣ когда обманъ откроется,—замѣтилъ Александръ... Что тогда мы скажемъ? Зачѣмъ я таковымъ, какъ вы сказывать изволите, машкераднымъ способомъ поступилъ?

— Это не твоя забота. Это я ужъ, сынокъ, на себя беру. Собирайся.

— Слушаю-съ.

Чрезъ два дня, молодой человѣкъ, подъ именемъ князя Тени-

щева, уже былъ въ разъѣздахъ и объяснялъ всюду, что пріѣхалъ знакомиться и посовѣтоваться, собираясь купить имѣніе, чтобы навсегда остаться въ краѣ.

Путешествіе изъ вотчины въ вотчину, а равно пребываніе въ губернскомъ городѣ, продолжалось болѣе мѣсяца. Разумѣется, молодого человѣка красиваго, умнаго, благовоспитаннаго, да еще вдобавокъ не женатаго, стало быть, завиднаго жениха, встрѣчали всюду съ распростертыми объятіями.

Однако на первой же недѣлѣ странствованій князя случилось маленькое происшествіе.

Будучи въ гостяхъ у одного мелкаго помѣщика, князь попалъ наканунѣ именинъ хозяина, и его упросили остаться на слѣдующій день ради празднества. Князь остался, не предвидя бѣды.

На утро домикъ помѣщика наполнился гостями сосѣдями, и въ числѣ другихъ князь увидѣлъ свой «предметъ», т. е. молодую Тулупьеву, но съ отцемъ. Его представили...

Онъ смутился и рѣшилъ просить Оленьку не выдавать его самозванства.

Но дѣвушка такъ невѣроятно страшно смутилась и обомлѣла сама при представленіи князя, что, ни слова ему не сказавъ, отошла и всячески избѣгала съ нимъ заговорить. А чрезъ часъ она вмѣстѣ съ отцемъ незамѣтно для гостей скрылась, т. е. уѣхала, не дождавшись именининнаго обѣда.

Когда удивленный князь спросилъ хозяина, гдѣ Тулупьевъ съ дочерью, этотъ удивился въ свой чередь и заявилъ, что таковыхъ не знаетъ.

— А вотъ же этотъ самый почтенный господинъ съ владимірскимъ крестомъ, что былъ у васъ съ дочерью, — объяснилъ Александръ.

— Это господинъ статскій совѣтникъ Лунинъ, — заявилъ хозяинъ.

— Лунинъ? Не Тулупьевъ?—воскликнулъ князь.

— Лунинъ, Владиміръ Андреевичъ. Тулупьевыхъ у насъ во всей губерніи нѣтъ.

— Она его родная дочь?

— Родная вѣстимо.

— Не воспитанница или племянница?—допрашивалъ князь.

— Да, что вы? Христосъ съ вами?—удивился и разсмѣялся хозяинъ и сталъ разспрашивать гостя о причинѣ такихъ диковинныхъ вопросовъ.

Разумѣется, князь не захотѣлъ ничего объяснить, но невольно задалъ себѣ самому вопросъ.

— Что же это? Впрямь машкерадъ! Онъ подъ вымышленнымъ именемъ ѣздитъ. И она, его «Оленька», оказывается—не Тулупьева. Зачѣмъ же она-то самозванничаетъ? Какая у ней нужда это дѣ-

лать? Какая цѣль? Но и этого мало! Удивительно еще и то, что она ни слова не сказала хозяину о томъ, кто у него въ домѣ подъ именемъ князя Тенищева. Сама будучи, стало быть, виновата въ принятіи чужого имени, она предпочла скрыться, не изобличая князя Можайскаго.

Что же теперь будетъ? Что дѣлать?

И Александръ тотчасъ рѣшилъ на время отложить свои разъѣзды «князя Тенищева», а ѣхать подъ своимъ собственнымъ именемъ къ премьеръ-майору за объясненіямъ невѣроятнаго приключенія.

Добродушный Руцкой повинился тотчасъ же, но вину на себя не бралъ.

Дѣвица «Тулупьева» оказывалась дѣйствительно Ольгой Луниной, единственной дочерью всѣми уважаемаго помѣщика. А назвалась она чужимъ именемъ по особымъ причинамъ.

— Я въ сіе разбирательство входить не буду. Коли увидитесь вы съ ней у насъ, то она сама вамъ все объяснитъ,— сказалъ Руцкой.—Но полагательно, что вы ее у насъ уже больше не увидите послѣ сего происшествія, то-есть вашей съ ней встрѣчи и раскрытія ея тайны.

И никакого объясненія загадки князь Александръ отъ майора не добился.

IV.

Владиміръ Андреевичъ Лунинъ, помѣщикъ средней руки, поселившійся у себя въ вотчинѣ всего лѣтъ съ пять назадъ, былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ и почитаемыхъ дворянъ губерніи. Всю свою жизнь съ молодыхъ лѣтъ провелъ онъ въ Москвѣ, служа въ сенатѣ, но, внезапно потерявъ жену, тотчасъ же бросилъ службу и, выйдя въ отставку, вернулся въ родовое имѣніе. Онъ объяснялъ, что бросилъ Москву, якобы ради того исключительно, чтобы поправить въ деревнѣ свои дѣла и скорѣе начать увеличивать приданое своей единственной дочери.

Лунинъ былъ очень умный и образованный человѣкъ, что свидѣтельствовала цѣлая комната, уставленная шкафами съ книгами русскими и французскими и даже латинскими. Но главнымъ образомъ его долголѣтняя дружба съ знаменитымъ издателемъ «Трутня» доказывала, какого рода человѣкъ былъ этотъ маленькій старичекъ, тихій и скромный на видъ, но съ твердымъ характеромъ, рѣдко начитанный, потому и съ готовымъ яснымъ и дѣльнымъ отвѣтомъ на всякій вопросъ. И дѣйствительно, онъ могъ почесться теперь самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ не только въ своемъ намѣстничествѣ, но и во всемъ Приволжскомъ краѣ.

Причина ухода изъ сената, на самомъ дѣлѣ, была особая.. Пріятельскія отношенія съ знаменитымъ Новиковымъ именно и

повліяли на судьбу Лунина, на его положеніе въ Москвѣ и на службу. Внезапно арестованный и обвиненный Новиковъ, уже какъ узникъ, а затѣмъ какъ ссыльный, многихъ знакомыхъ, не только пріятелей, погубилъ своей дружбой и близкими сношеніями. На всѣхъ пала тѣнь отъ государственнаго преступника.

Лунинъ, почти въ числѣ первыхъ, почувствовалъ на себѣ отголосокъ кары, свалившейся на невиннаго писателя и журналиста. Всѣ стали Лунина опасаться, избѣгать и отъ него открещиваться: Лучшіе друзья и тѣ покинули его, ожидая, что и онъ, несмотря на видную должность въ московскомъ сенатѣ, тоже можетъ быть не нынче, завтра арестованъ и заключенъ въ крѣпость.

Лунинъ, однако, все-таки колебался долго подать въ отставку и уѣхать подальше отъ подозрительныхъ властей, забиться въ трущобу и заняться хозяйствомъ и чтеніемъ. Неожиданная смерть жены ускорила рѣшеніе и облегчила его исполненіе.

И теперь умный и жаждущій образованія старикъ былъ вполнѣ доволенъ, что бросилъ служебную карьеру. Онъ жилъ тихо, мирно и скромно въ своемъ имѣніи, откладывалъ ежегодно половину доходовъ, увеличивая будущее состояніе дочери, и позволялъ себѣ одну роскошь — выписываніе книгъ изъ обѣихъ столицъ и даже изъ-за границы.

И живя въ средѣ такихъ дворянъ, которые знали только псовыя охоты, азартныя игры, разгулъ, пиры и пьянство, Лунинъ былъ въ пріятельской перепискѣ съ знаменитымъ поэтомъ и государственнымъ мужемъ Державинымъ, трактуя съ нимъ о многихъ важныхъ вопросахъ. Но на первомъ мѣстѣ въ умѣ и сердцѣ старика была его единственная дочь, хотя онъ и постоянно жалѣлъ, что Господь не захотѣлъ послать ему сына. Но если сожалѣніе это основывалось у большинства дворянъ соображеніемъ о продолженіи рода и фамиліи, то у Лунина мотивы были совершенно иные. Онъ сожалѣлъ, что не можетъ воспитать такого же просвѣщеннаго дворянина, какимъ былъ самъ. Ему доставило бы истинное наслажденіе учить сына всѣмъ наукамъ, затѣмъ свезти или послать его за границу.

— И былъ бы на Руси знаменитый ученый Лунинъ! — мечталъ онъ.

Разумѣется, по отношенію къ дочери нельзя было предаваться такимъ же мечтамъ. Дѣвицѣ и грамоту знать, то-есть читать Часословъ, не полагалось, не только заниматься науками. Тѣмъ не менѣе старикъ, невольно и незамѣтно для самого себя, все-таки началъ было упорно стремиться просвѣтить и дочь... Но его Оленька далѣе чтенія и письма не пошла. Въ ариѳметикѣ она одолѣла четыре правила и остановилась передъ дробями, какъ предъ какими чудищами, которыя наводили на нее робость. Да, кромѣ того, и голова часто стала болѣть. Нянюшка ея, Власьевна, прямо заявила

барину, что онъ отвѣтъ передъ Богомъ отдастъ за терзаніе своего единственнаго ребенка бѣсовскими выдумками. А ужъ уморить-то ее — онъ непремѣнно уморитъ. И онъ уступилъ... Однако Оля, несмотря на то, что была не прытка разумомъ, все-таки, поневолѣ, кой-что отъ отца заимствовала. Вѣроятно, потому, что дождевая капля и камень долбитъ. Дѣвица Лунина часто удивляла многихъ своими замѣчаніями по поводу самыхъ мудреныхъ вопросовъ, которые были подстать только мужчинамъ, да еще и ученымъ. Такъ однажды въ гостяхъ за столомъ она заявила, что «теперь въ Америкѣ всѣ спятъ, потому что у нихъ теперь ночь!» И она объяснила, какъ и почему.

Разумѣется, во всемъ округѣ Ольга Владиміровна Лунина считалась ученѣйшей.

— Премудрая! —назвалъ ее однажды архіерей послѣ получасовой бесѣды, однако потомъ попрекнулъ ея отца:

— Дѣвица ваша многое про великаго императора знаетъ, про Плутарха слыхала, а вотъ Авраама съ Моисеемъ чуть не спутала. Стихосложеніе господина Державина на Господа Бога въ точію мнѣ изъ памяти проговорила, а въ Символѣ Вѣры два раза застряла. Да еще выразила третій членъ: «Насъ ради христіанъ и нашего ради избавленія»... Архіерей не зналъ, что Владиміръ Андреевичъ Лунинъ благоговѣлъ предъ «французскимъ гражданиномъ» Вольтеромъ и не разъ перечелъ всѣ его сочиненія. Конечно, и теперь были они у него, но не въ шкафахъ съ другими книгами, а скрыты въ спальнѣ подъ половицей. Въ случаѣ доноса и обыска, власти запретное вольнодумное сочиненіе никогда бы не нашли.

Появленье въ округѣ князя Можайскаго обрадовало Лунина. Онъ предвидѣлъ, что князь, слывшій за умного и отчасти просвѣщеннаго человѣка, тотчасъ явится съ нимъ знакомиться, какъ съ самымъ почтеннымъ человѣкомъ округа.

— Да и сынокъ еще не женатъ! А пріѣхали надолго, чуть не сосланные. А изъ всѣхъ дѣвицъ этой глуши самая благовоспитанная да къ тому же и самая красивая — моя Оля.

Вотъ что невольно думалъ Лунинъ и былъ совершенно правъ. Такихъ дѣвушекъ, какъ его «Оленька», и въ столицахъ «днемъ съ огнемъ поискать»!

Но долго и напрасно ждалъ онъ появленья князя. Затѣмъ стало извѣстно, что вельможа и не собирается знакомиться съ дворянствомъ своего намѣстничества, прозвавъ его мордвой.

Конечно, отзывы князя о сосѣдяхъ становились извѣстны всему мѣстному дворянству. Послѣ медвѣдей пробѣжало по всѣмъ усадьбамъ прозвище «Простаковы», а тамъ «Мордва», а тамъ всѣ помѣщики со словъ надменнаго петербургскаго вельможи уже стали: краснокожіе.

Послѣдняго прозвища никто и не понялъ, кромѣ Лунина. Дворяне

разсуждая рѣшили, что у нихъ кожа какъ кожа и не краснѣе княжеской, а особо красное лицо развѣ только у помѣщика Лупалдина отъ его чрезвычайно многаго возліянія ямайскаго рома.

Лунинъ былъ гордъ по-своему своей ученостью, а не дворянствомъ, и пренебреженье къ себѣ онъ простить князю не могъ. Онъ тайно соглашался, что князь правъ, и сосѣди дворяне не далеко ушли въ просвѣщеніи отъ господъ Простаковыхъ, но себя онъ исключалъ и ставилъ неизмѣримо выше всѣхъ. Для него князь Можайскій долженъ былъ, по его убѣжденію, сдѣлать исключеніе и искать знакомства.

И часто, почти ежедневно, Лунинъ говорилъ дочери, что и самъ не желаетъ знакомиться съ княземъ.

— Чванливый глупецъ! Вотъ что онъ!—говорилъ Лунинъ.—А когда соскучится сидѣть одинъ и явится знакомиться,—я его приму такъ, что въ другой разъ не пріѣдетъ, а ужъ къ себѣ вѣстимо не позоветъ.

Когда иной изъ гостей заговаривалъ у нихъ въ домѣ о Можайскихъ, о слухахъ про ихъ житье-бытье, то Лунинъ останавливалъ собесѣдника словами:

— Увольте отъ разговоровъ про этого нашего «принца», сирѣчь про этого гордеца и глупца. Чѣмъ онъ гордъ? Князей на Руси много. Богачи есть и изъ купцовъ. А что былъ царедворцемъ, то вѣдь теперь онъ, такъ сказать, на заднiй дворъ опредѣленъ. Тотъ же ссыльный. Да не за просвѣтительство согражданъ и сочинительство книгъ, а за дерзостное поведеніе при особѣ монарха.

Оля, лучше всѣхъ зная про недружелюбное чувство отца къ Можайскимъ, почти ненависть... невольно удивлялась и не понимала, почему именно отецъ, человѣкъ сердечный, пуще всѣхъ другихъ дворянъ «вскидывается» на князя. Когда Оля встрѣтилась на большой дорогѣ съ красивымъ молодымъ человѣкомъ и при его любезной помощи высвободилась изъ трясины, она много и долго думала объ немъ. Не похожъ онъ былъ на ихъ молодежь. Поговорка «отмѣтный соболь» какъ нельзя больше шла къ нему. И внѣшностью и манерами и даже взглядомъ и улыбкой—онъ былъ не то, что «эти всѣ наши».

Чрезъ нѣсколько дней она внезапно встрѣтила его у Руцкаго и узнала, что это самъ молодой князь Можайскій. Оля перепугалась и собралась тотчасъ уѣзжать, объявляя хозяину, что отецъ страшно разсердится узнавъ, что она познакомилась съ Можайскимъ.

— Родитель знаетъ, что какой-то неизвѣстный молодой дворянинъ услужилъ мнѣ,—сказала она.—Онъ сожалѣлъ, что нельзя узнать, кто поступилъ такъ вѣжливо. Но если онъ узнаетъ, что это Можайскій, то только разгнѣвается.

Руцкой, человѣкъ дальновидный, сообразилъ между тѣмъ, что молодой князь явился къ нему и упрямо напросился на знакомство исключительно ради Оли. Дѣло, стало быть, казалось не простымъ,

а важнымъ. И премьеръ-майоръ, любившій Лунина и еще болѣе его дочь, рѣшился схитрить.

— Беру все на себя,—сказалъ онъ. Будешь ты у насъ съ княземъ встрѣчаться, сколько онъ захочетъ. А величать мы тебя будемъ дѣвицей... ну, хоть Тулупьевой. Скажемъ—такой у насъ есть сосѣдъ и благопріятель. А что изъ этого выйдетъ—увидимъ.

V.

Князь Александръ, объѣздивъ все намѣстничество и поживъ въ губернскомъ городѣ, только два раза было узнанъ случайно, однако искусно выбрался изъ затруднительнаго положенія.

Онъ привезъ отцу свѣдѣнія, что ихъ семью дѣйствительно сильно не долюбливаютъ въ краѣ, и что онъ слышалъ иногда такія клеветы на отца и себя, а равно на мать и сестру, что ему бывало «хоть сквозь землю провалиться».

За то сестрѣ князь привезъ извѣстіе, что познакомился и сошелся съ губернаторскимъ товарищемъ, и что тотъ оказался прелестнымъ человѣкомъ.

— Умница! Добрая душа!—говорилъ онъ.—Къ тому же онъ всегда жилъ въ Москвѣ и совсѣмъ не здѣшній.

Затѣмъ два раза оба князя обстоятельно обсуждали вопросъ: какъ быть? Что сдѣлать? Молодой князь справедливо утверждалъ, что все злобство на нихъ и «хаянье» въ одинъ мѣсяцъ исчезнутъ послѣ двухъ—трехъ обѣдовъ или баловъ, а съ другой стороны и имъ съ сестрой станетъ веселѣе.

Князь Павелъ Павловичъ обѣщалъ сыну подумать, перемѣнить ли жизнь или нѣтъ, уступить ли этимъ «долгоязычникамъ», какъ онъ звалъ теперь дворянъ, или не уступать?

Между тѣмъ, былъ декабрь, и уже скоро наступали праздники и святки — время, въ которое было всего удобнѣе начать веселиться и веселить сосѣдей.

И князь однажды заявилъ, что двинуться съ мѣста, отправиться лично знакомиться со всѣми дворянами губернскаго города и разныхъ вотчинъ, онъ не чувствуетъ въ себѣ силы. Пришлось бы сдѣлать нѣсколько сотъ верстъ. Сказаться же нездоровымъ и заставить снова объѣздить всѣхъ сына совершенно, конечно, возможно при условіи, что онъ повсюду извинится за свое самозванство. Однако, Александръ напрасно ежедневно ожидалъ разрѣшенія отца — на лихой тройкѣ обскакать весь округъ. И много разъ было рѣшено даже въ подробностяхъ, какъ онъ со всѣми полюбезничаетъ, извинится за отца и будетъ всѣхъ звать къ себѣ, намекая, что за все время праздниковъ — съ Рождества до Крещенья — будетъ пиръ горой въ Сакмарскомъ, обѣды и балы и всякія увеселенія до потѣшныхъ игръ включительно.

И между тѣмъ, старикъ князь все откладывалъ рѣшеніе, а затѣмъ, вмѣсто ожидаемаго всѣми согласія, каждый разъ, что вновь заходила рѣчь о томъ, что надо уступить, на него сталъ нападать сильный гнѣвъ. Онъ начиналъ кипятиться, браниться и говорить, что этихъ долгоязычныхъ дикарей слѣдовало бы не звать въ гости, а проучить, каждаго по очереди отхватать на какой нибудь особый ладъ.

Но вдругъ, однажды, князь позвалъ сына и, весело улыбаясь, объяснилъ, что окончательно рѣшился положить гнѣвъ на милость—помириться, простить клеветниковъ и постараться расположить въ свою пользу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ князь объявилъ, что рѣшилъ сдѣлать это совершенно иначе. Онъ не соглашался на то, чтобы его сынъ ѣхалъ ко всѣмъ съ приглашеніями.

— Послѣ твоего самозванства — не ловко! — сказалъ онъ, — да и много чести. Все-таки мы и они — разница великая. Всѣ здѣшніе дворяне были и остались все-таки для насъ — мордва!

И Александръ узналъ, что отецъ рѣшилъ обратиться къ помощи писарей, которые были на лицо въ вотчинѣ, да достать въ городѣ еще съ полдюжины другихъ писарей и всѣхъ засадить за писаніе большихъ писемъ или, вѣрнѣе, копій съ одного большаго письма, имъ написаннаго.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней закипѣла въ конторѣ работа. Дюжина писарей подъ наблюденіемъ главнаго конторщика, умницы Авдѣя, грамотея и даровитаго актера, засѣла писать посланія князя съ приглашеніемъ на парадный обѣдъ и балъ на третій день праздника.

Въ этомъ письмѣ князь Можайскій всячески извинялся, что, проживъ такъ долго въ краѣ, не побывалъ ни у кого и не познакомился, и, объясняя «сіе прискорбное обстоятельство» разными причинами, онъ теперь просилъ не гнѣваться на него, простить старика и сдѣлать честь пожаловать къ столу и на святочный балъ съ ряжеными, именуемый «машкерадъ».

Одновременно, конечно, начались и приготовленія къ празднеству. Молодой князь и княжна занялись измышленіемъ всякихъ затѣй и распоряжались приготовленіями.

Письма были развезены конными гонцами, и не было ни единаго дворянина, хотя бы и мелкопомѣстнаго, ни единаго чиновника въ губернскомъ и своемъ уѣздномъ городахъ, который бы не получилъ любезнаго приглашенія съ извиненіемъ.

Слухи обо всемъ, что творилось въ вотчинѣ князя, тоже побѣжали во всѣ стороны. По всему видно было, что долго сидѣвшій нелюдимомъ князь хочетъ удивить всѣхъ своимъ хлѣбосольствомъ. Разумѣется, черезъ нѣсколько дней князь сталъ уже получать отовсюду отвѣты, всѣ, какъ бы сговорившись, отвѣчали одно и то же: благодарятъ за честь и съ удовольствіемъ явятся—кто одинъ, а кто со всѣмъ семействомъ, если таковое было.

И во всемъ округѣ нашлось не болѣе дюжины дворянъ помѣщиковъ, которые отвѣчали князю, что благодарятъ за честь, но быть не могутъ. Это были люди повиднѣе, побогаче, погорделивѣе, которые нашли, что князь долженъ былъ послать съ приглашеніемъ сына, если самъ не можетъ пріѣхать.

VI.

На третій день праздника село Сакмарское, казалось, изображало людный уѣздный городъ: цѣлая вереница экипажей появилась въ село и во дворъ усадьбы. Народу наѣхало видимо-невидимо, и огромный домъ сплошь переполнился гостями со всѣхъ концовъ округа. Старики, пожилые, молодежь, — все двинулось и явилось на приглашеніе къ вельможѣ.

Князь и княгиня любезно принимали всѣхъ въ самой большой гостиной. Молодой князь занималъ молодежь, княжна старалась всячески занять своихъ ровесницъ барышень. Разумѣется, всѣ гости были вскорѣ очарованы предупредительностью и ласковостью милыхъ хозяевъ.

Рѣдкая, великолѣпная обстановка дома, конечно, увеличивала всеобщее довольство и очарованіе. На все, чѣмъ былъ полонъ домъ, поневолѣ глаза разбѣгались. Иные изъ дворянъ за всю свою жизнь не видѣли того, что увидѣли въ палатахъ князей Можайскихъ. Но было нѣчто, однако, что многихъ, стариковъ и пожилыхъ, удивляло...

Князь своей повадкой то и дѣло озадачивалъ многихъ. Онъ былъ не только вѣжливъ, но даже будто почтителенъ со всѣми, но все у него выходило какъ-то диковинно. Повѣрить было нельзя, чтобы онъ былъ придворнымъ сановникомъ... Нѣтъ-нѣтъ, и князь сдѣлаетъ такой жестъ, или скажетъ такое словцо, что такъ гости и ахнутъ. Слухъ о томъ, что князь часто бывалъ во хмелю, какъ бы оправдывался и теперь являлся объясненіемъ и извиненіемъ, что онъ, принимая гостей, тоже черезъ мѣру хватилъ, вѣроятно, еще съ утра. Только хмельной человѣкъ могъ себя этакъ вести...

Слухи о томъ, что князь былъ якобы красивый старикъ, совсѣмъ не оправдывались, потому что у хозяина лицо было пухлое, красноватое, какъ у пьяницъ, далеко непріятное, а повадка и совсѣмъ не изящная.

Княгиня, небольшого роста, толстая, грузная, тоже походила на мужа, но казалась еще неотесаннѣе, чѣмъ самъ князь.

Зато молодой князь Александръ Павловичъ всѣхъ быстро очаровалъ и веселымъ нравомъ своимъ, чудачествомъ и простодушіемъ. Сестра его, княжна, довольно миловидная, немножко какъ бы дичилась гостей, была молчалива, ничего сама не говорила и только отвѣчала робко на вопросы сверстницъ и молодежи.

Впрочемъ, всѣ гости хорошо зарубили себѣ на носу еще заранѣе одно главное обстоятельство, что молодой князь не женатъ, а состояніе у отца громадное. А княжна тоже невѣста и тоже съ страшнымъ приданымъ. И мысль объ этомъ какъ бы вытѣснила въ головахъ гостей всѣ остальныя мысли, особенно у отцевъ взрослыхъ дочерей и сыновей.

Еще не успѣли всѣ гости съѣхаться, какъ уже былъ накрытъ въ залѣ большой столъ на сто слишкомъ кувертовъ. Разумѣется, обѣдъ продолжался довольно долго, кушаньямъ не было числа. Вино лилось рѣкой. Хозяева угощали гостей на славу, но самъ князь угостился, казалось, не въ мѣру и началъ гостямъ «отпускать шпильки». Послѣ обѣда все поднялось и разбрелось по дому. Многіе вышли на воздухъ въ садъ по расчищеннымъ среди сугробовъ дорожкамъ, кто по обычаю отправился на конюшню и на псовый дворъ смотрѣть великолѣпныхъ коней и собакъ, которыхъ показывалъ молодой князь.

Въ числѣ прочихъ гостей былъ и Лунинъ. Въ первый разъ въ жизни поступилъ онъ вопреки своему разуму и совѣсти и уступилъ горячимъ мольбамъ и слезамъ дочери... И поѣхалъ, но негодовалъ на себя.

Послѣ обѣда Владиміръ Андреевичъ и его Оля очутились въ одной изъ комнатъ, предназначавшихся для гостей, для отдыха или для переодѣванья, а равно и для ночлега, когда гости пріѣзжали надолго.

Лунинъ сталъ сумраченъ и задумчивъ... Все время онъ наблюдалъ сначала за княземъ и княгиней и дивился ихъ совсѣмъ не княжескимъ фигурамъ и повадкѣ. Но затѣмъ его вниманіе сосредоточилось на молодомъ князѣ, который неотступно былъ около его Оли, ухаживалъ и любезничалъ съ нею гораздо больше, чѣмъ съ другими дѣвицами. Лунинъ видѣлъ, однако, при этомъ, что его Оля крайне смущена... Она охотно и много говорила съ молодымъ княземъ, не избѣгала его, а напротивъ будто сама къ нему подвертывалась. Пожалуй, даже она сама и виновата была, что молодой князь сѣлъ за столомъ около нея и все время бесѣдовалъ съ ней одной, а не съ другими... Однако, въ ихъ бесѣдахъ умный, наблюдательный Лунинъ замѣтилъ одно, что его удивило и даже озадачило. Его Оля не просто разговаривала съ княземъ, а будто все выспрашивала его, даже цѣлый допросъ чинила ему, какъ судья, дѣло какое разслѣдующій до малѣйшихъ подробностей. И въ концѣ концевъ Оля была смущена и даже печальна. Личико ея выражало тревогу, горе, растерянность... Что же это?

Теперь, очутившись наконецъ съ глазу на глазъ въ отдѣльной комнатѣ, Лунинъ тотчасъ же взялся за допросъ дочери.

— Что съ тобой? Ты на себя не похожа?

— Ничего, батюшка.

— Не лги. Вижу.

— Нездоровится, батюшка.

И Лунинъ буквально ничего не добился отъ дочери. Оля стояла на своемъ, что ей не здоровится. На вопросъ отца, что она такое будто все допрашивала молодого князя за цѣлый обѣдъ, Оля отвѣтила, что онъ ей загадку загадалъ, а она все отгадывала, да неудачно.

И дѣвушка не лгала. Загадка была трудная... Она узнала и полюбила князя Можайскаго, а онъ оказался потомъ княземъ Тенищевымъ! А конторщикъ, пріѣзжавшій къ помѣщику Руцкому получать деньги за купленную лошадь съ княжескаго завода и котораго она два раза видѣла, теперь оказался княземъ Можайскимъ.

Было отчего ума рѣшиться.

Въ восьмомъ часу уже грянула на хорахъ залы музыка, и начался балъ, открывшись, какъ водится, польскимъ. Князь сильно, даже черезчуръ въ хмелю, подалъ руку предводительшѣ своего уѣзда, за нимъ самый видный мѣстный дворянинъ князь Арнаутовъ, родомъ изъ кавказскихъ выходцевъ, подалъ руку княгинѣ. Молодой князь пригласилъ, конечно, Олю Лунину, и когда она отказалась, повелъ дочь предсѣдателя уголовной и гражданской палатъ, а княжна пошла съ красивымъ губернаторскимъ чиновникомъ. За ними попарно двинулись всѣ гости.

Но едва начался балъ, какъ распространился слухъ о почти невѣроятномъ событіи. Увѣряли, что въ домѣ уже пахнетъ двумя свадьбами.

Молодой князь якобы уже успѣлъ влюбиться въ дѣвицу Лунину, и будто бы уже прямо объяснился съ ея родителемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, совсѣмъ молодой губернаторскій чиновникъ уже якобы сдѣлалъ формальное предложеніе княжнѣ и получилъ согласіе князя.

Слухъ, распространившійся въ домѣ среди всѣхъ гостей, всполошилъ всѣхъ и казался невѣроятнымъ. Самые смѣлые изъ гостей рѣшились даже обратиться къ князю или къ княгинѣ, чтобы убѣдиться, точно ли подобное могло такъ быстро совершиться. И не прошло часу, какъ въ самомъ разгарѣ бала, среди всеобщаго веселья, гости уже знали, что дѣйствительно слухи про двѣ свадьбы, которыя состоятся,—не выдумка.

Князь, пошатываясь и мыча, объяснялъ направо и налѣво, какъ онъ счастливъ, что въ одинъ день, въ нѣсколько часовъ ему посчастливилось женить сына и выдать дочь замужъ. Мнѣніе княгини нельзя было узнать, такъ какъ ея послѣ польскаго уже было не видно. Говорили, что она почувствовала себя хворой и ушла отдохнуть.

VII.

Около десяти часовъ, въ самый разгаръ танцевъ, среди одной изъ фигуръ минуета, въ дверяхъ бальной залы, ведущей изъ прихожей, появилось двое мужчинъ въ дорожномъ платьѣ, въ теплыхъ кафтанахъ, съ шапками на головахъ, а за ними двѣ дамы. Вошедшій впереди всѣхъ, по виду старикъ, окинувъ всю залу, вдругъ крикнулъ властно и грозно:

— Это что?!. По сю пору!

Вошедшіе были хозяева.

Еще утромъ князь Павелъ Павловичъ сурово приказалъ женѣ и дѣтямъ собираться въ дорогу. Удивленная семья безпрекословно повиновалась, ничего не понимая.

Пробывъ день на хуторѣ и пообѣдавъ тамъ, теперь князь съ семьей вернулся.

Окрикъ новаго и неизвѣстнаго гостя ошеломилъ всѣхъ.

Все стало, стихло... Музыка и танцы оборвались. Все смолкло. Наступила послѣ гула голосовъ, смѣха и толкотни, чуть не волшебная тишина. Всѣ остолбенѣвъ уставились на прибывшихъ и вошедшихъ въ яркій залъ въ дорожномъ платьѣ. Врядъ ли кто изъ присутствующихъ соображалъ, «что сей сонъ значитъ».

— Должно быть, просто двѣ пары ряженыхъ. Такая затѣя. Для потѣхи!—думали нѣкоторые.

Но передній «ряженый» крикнулъ еще грознѣе:

— Захарка!

Толстый и неуклюжій «князь Можайскій» выступилъ робко впередъ изъ толпы гостей. Хмель его сразу прошелъ.

— Что же это, Захаръ? Ослушался? А?

— Виноваты, ваше сіятельство. Запоздали. Но безъ вины виноваты.

— Поясни болванъ.

— Сами господа гости виноваты, ваше сіятельство. Ужъ очень они насъ за истинныхъ васъ приняли. Мы и не знали, какъ вывернуться и скоморошество прекратить. Пересолили мы что ли? Или господа перевѣрили... Не знаю.

— Какъ перевѣрили? Что ты врешь?

— Простота. А мы не виноваты.

И подложный князь Можайскій повалился въ ноги настоящему. Его примѣру послѣдовали конторщикъ Авдѣй и горничная Палаша.

Князь молчалъ, будто выжидая, но толпа гостей тоже молчала. Тишина въ залѣ стала какая-то страшная, будто предъ грозой.

— Князь Павелъ Павловичъ!—раздался громовый голосъ.—Поступокъ сей не дворянскій. Обморочить никого не трудно. На всякого мудреца довольно простоты.

Негодующій гость былъ Лунинъ.

— Простите, господа,—громко заговорилъ князь.—Я ни въ чемъ не повиненъ. Тутъ произошло недоразумѣніе. Имѣя настоятельную необходимость отлучиться съ семьей изъ дома, я приказалъ моимъ людямъ позабавить васъ ради святочныхъ дней, полагая, что потѣха продлится часъ времени, а вы посмѣетесь и повеселитесь. А покуда и я подъѣду... А вышло... вышло, что вы всѣ господа меня и семью мою кровно обидѣли, принявъ въ заправду этихъ чучелъ за княжескую семью Можайскихъ. Вмѣсто потѣхи вышла обида. А холоповъ я своихъ не виню. Они все-таки холопы... Размахались, какъ дурни... А когда вы ихъ допустили съ собой за столъ сѣсть, они ракаліи совсѣмъ одурѣли, да затѣмъ еще и подгуляли... И приказъ мой забыли... Но обида, господа, остается обидой. И я не знаю, право, что могло заставить васъ такъ обмануться и повѣрить, что я, жена и дѣти, можемъ быть таковыми... Это шуты гороховые... Ихъ обращенье и повадка должны были разъяснить вамъ съ перваго мгновенья, что тутъ одна святочная потѣха. Однимъ могу я все пояснить: про насъ ходило въ округѣ не вѣсть какое клеветничество. И вотъ послѣ всего, что бѣгало объ насъ изъ устъ въ уста, вы холоповъ и приняли за княжескую семью. Ну-съ... Я не злобивъ. Прощаю обиду, но если вы желаете продолжать знакомство съ княземъ Можайскимъ и его фамиліей, то ужъ продолжайте, какъ начали. А насъ увольте. Гдѣ намъ послѣ Захарки и Палашки вамъ понравиться? Мы имъ не пара.

Гробовое молчаніе было отвѣтомъ на рѣчь хозяина. Видно, вся толпа гостей была не на шутку «огорошена».

Князь съ женой и дѣтьми прошли къ себѣ въ приватныя комнаты, а гости такъ и остались, какъ вкопанные... И, несмотря на многолюдство, тишина стояла полная.

Остолбенѣли же господа дворяне и отъ неожиданнаго сюрприза, да равно и отъ кровнаго афронта.

Наконецъ кой-кто двинулся, заговорилъ. Поднялись голоса.

— Такъ оставить нельзя!

— Не слыханное надругательство!

— Долгъ платежемъ красенъ!

— Надо жаловаться намѣстнику!

— Надо писать въ столицу!

Но всѣ снова смолкли вдругъ, такъ какъ раздался всѣмъ знакомый и властный голосъ дворянина Лунина, вышедшаго на средину зала и обратившагося ко всѣмъ.

— Господа дворяне. Оставить безъ отместки подобное дерзостное поступленіе, конечно, нельзя. Но жаловаться тоже не подобаетъ, такъ какъ поступленіе господина князя закономъ не наказуется. Законоположеніе такого казуса не предвидѣло. Виновенъ всемѣрно нашъ оскорбитель, который отъ самовозвеличенія впалъ въ безу-

міе, отъ чванства и фонаберіи дошелъ до юродства и паясничества... Но виновны и сами оскорбленные! Своимъ легкомысліемъ, своей простотой и добродушіемъ. Не слѣдовало намъ пріѣзжать къ человѣку, коего мы въ глаза никогда не видали. Теперь намъ не слѣдуетъ, да и мало... требовать отъ него простого извиненія и тѣмъ паче не жаловаться начальству, не уподобляться младенцамъ, которые въ безсиліи своемъ жалуются родителямъ и мамушкамъ, прося о защищеніи. Нѣтъ, господа доблестные дворяне, мы сами за себя постоимъ. Мы получили афронтъ, мы на него и отвѣтимъ тѣмъ же. Насъ посрамили. Ну, и мы посрамимъ. Насъ въ семъ машкерадѣ въ шуты нарядили... Ну, и мы наряжателя въ шуты вырядимъ безъ всякихъ святокъ. Это будетъ не въ примѣръ увеселительнѣе и поучительнѣе. А теперь скорѣе отсюда вонъ и по домамъ.

Лунинъ смолкъ, подозвалъ Олю и двинулся къ дверямъ прихожей.

Гости снова заговорили, зашумѣли, но всѣ стали собираться. Тотчасъ же начался разъѣздъ. По мѣрѣ того, что на дворѣ являлись запрягаемые на спѣхъ экипажи, лакеи докладывали, и господа одѣваясь садились и быстро съѣзжали со двора, будто обращенные въ бѣгство срамомъ.

VIII.

Прошелъ мѣсяцъ.

Все намѣстничество только и говорило, что объ оскорбленіи, нанесенномъ всему мѣстному дворянству. Всѣ уже знали теперь, кто были лицедѣями, кто исполнялъ какого персонажа комедіи. Всѣ уже равно знали, что и поваръ Захаръ, и Авдѣй конторщикъ, и любимица княжны Палаша—всѣ давно искусились въ скоморошествѣ, играя на домашнемъ театрѣ. Если они мастерски изображали въ разныхъ трагедіяхъ всякихъ принцевъ и принцессъ и даже древнихъ царей и лыцарей, то совсѣмъ уже понятно, что они смогли, комедіянтствуя, изобразить своихъ господъ князей, княгиню и княжну. Обида казалась теперь легче, княжескіе комедіанты хоть кого бы обморочили...

— Иной дворовый холопъ можетъ такъ изобразить самого царя персидскаго, что диву даешься и забываешь, что въ театрѣ сидишь. А когда иная дѣвка актёрка несчастную жертву чувствительно изображаетъ, развѣ не случается прослезиться, позабывъ, что она комедь ломаетъ, притворствуетъ, прикидывается...

Такъ разсуждали, извиняя себя, многіе дворяне. Другіе просто по добротѣ сердечной простили князю говоря:

— А Богъ съ нимъ совсѣмъ. Отъ насъ не убыло.

Третьи никакъ не могли простить издѣвательства и, видаясь

между собой, толковали о возмездіи. Но какъ отомстить?—оставалось вопросомъ. Не стеречь же его съ молодцами на дорогѣ и захвативъ жесточайше избить? Это не по-дворянски. За глупую шутку увѣчьемъ нельзя отплачивать.

Всѣ надѣялись на Владиміра Андреевича Лунина, какъ на самаго умнаго. Но черезъ недѣлю послѣ княжескаго «машкерада» старикъ, сначала злобствовавшій чуть не пуще всѣхъ, неожиданно вдругъ заявилъ, что перемѣнилъ, мнѣніе. Не желая лично имѣть дѣло съ княземъ Можайскимъ, онъ написалъ въ Петербургъ высоко стоящему лицу обо всемъ этомъ оскорбительномъ приключеніи, прося довести его до свѣдѣнія государыни и просить заступленія...

Разумѣется, самъ князь Павелъ Павловичъ тотчасъ послѣ «машкерада» написалъ тоже своему другу и уже получилъ отъ него отвѣтъ, что его шутка:

«...Достигла письменно на брега Невы и извѣстною высокою особою не похвалена, но послѣдствій худыхъ, по всей видимости, можно не ожидать».

Однако, чрезъ три дня послѣ этого письма пришло второе, краткое, гдѣ князя увѣдомляли, что одинъ изъ дворянъ явился лично въ Петербургъ и, будучи свойственникомъ князя Зубова, жаловался ему самолично и просилъ вступиться. И тѣмъ паче, что якобы князь Можайскій достигъ въ своемъ самовозвеличеніи до той дерзости, что повѣсилъ въ домѣ въ передней, гдѣ одни лакеи лишь пребываніе имѣютъ, портретъ князя Зубова съ надписью: «Примѣръ берите, како, служа вѣрно, благополучіе свое получите».

Разумѣется, князь Павелъ Павловичъ нѣсколько взволновался и сказалъ сыну:

— Не пришло на умъ, что въ этой трущобѣ могла сказаться родня фаворитова. А этотъ «Зубъ» давно на меня, поди, зубы точитъ и ждетъ, гдѣ зацѣпиться. И вотъ приспѣло теперь ему придраться, чтобы отплатить мнѣ за мое съ нимъ обхожденіе. Увидимъ. Все же таки—я не преступникъ и не фармазонъ и не вольтерьянецъ. А вотъ ябедничества этакого я тоже не ожидалъ. Вѣдь выдумалъ же ехида крючекъ. Портретъ якобы его въ примѣръ холопамъ въ передней повѣсилъ. Да не знаетъ ябедникъ, что мнѣ эта Зубова дѣвичья рожа и по памяти противна, а стану я еще его малеванье у себя держать на глазахъ, хотя бы и въ передней. Найдись здѣсь въ домѣ его живописный портретъ, я бы его тотчасъ въ печи сжегъ.

— А эта клевета, батюшка, хуже машкерада,—замѣтилъ Александръ.

— Во сто разъ!—воскликнулъ князь.

И въ Сакмарскомъ вдругъ стало какъ-то тише... Князь сильно тревожился, боясь мести царскаго фаворита, а семья оробѣла, увидя

его озабоченнымъ. Случалось теперь, что гордый и самолюбивый князь, но при этомъ умный и добрый, начиналъ втайнѣ раскаиваться и осуждать самого себя за свою насмѣшку надъ людьми, которые ему прямо лично собственно никакого худа не сдѣлали. Все якобы ихъ клеветничество на него могло быть и выдумкой. Онъ повѣрилъ письму изъ столицы. А если это были однѣ сплетни. А на слова и пересуды онъ отвѣтилъ дѣломъ и оскорбленіемъ.

Молодой князь продолжалъ между тѣмъ ѣздить къ Руцкому, но ни разу не встрѣтилъ тамъ Олю. И молодой человѣкъ началъ скучать, даже будто прихварывать. Онъ уже ясно сознавалъ, что его чувство къ молодой дѣвушкѣ серьезно настолько, что онъ почти не можетъ обойтись безъ того, чтобы не видѣться съ ней.

И ему стало приходить на умъ, не поѣхать ли къ самому Лунину и объясниться. Сказать всю правду. Сказать и ей и отцу ея, что его чувство глубоко и искренне, и что онъ готовъ на все... Готовъ идти даже противъ воли отца, если онъ не согласится на его бракъ. А о согласіи князя ничего было и мечтать, потому что князь Павелъ Павловичъ сто разъ говорилъ сыну, что покуда они будутъ жить въ этомъ медвѣжьемъ углу, ему придется оставаться холостымъ. Въ этихъ дикихъ краяхъ среди мордвы дворянской ему нѣтъ пары въ числѣ молодыхъ дѣвицъ.

— Князь Можайскій не можетъ жениться на трущобной барышнѣ,—говорилъ онъ всегда.

Разумѣется, князь Александръ горевалъ, но ни на что не рѣшался, какъ изъ боязни гнѣва отца, такъ равно и потому, что не зналъ, приметъ ли его оскорбленный Лунинъ.

Съ горя и тоски молодой человѣкъ отпросился у отца въ Москву на побывку, но отпущенный доѣхалъ до губернскаго города и въ немъ застрялъ.

Сестра, которую онъ любилъ, дала ему порученіе, молила его со слезами на глазахъ, разузнать всю подноготную о человѣкѣ, который заставилъ ея сердце впервые забиться сильнѣе. Вѣроятно, отъ унылой жизни въ Сакмарскомъ заплатила княжна ту же дань, что и ея братъ.

Князь обѣщалъ сестрѣ, если возможно, даже познакомиться съ ея «очарователемъ» и исполнилъ обѣщаніе. Но губернаторскій товарищъ, по фамиліи Полозовъ, очень молодой человѣкъ сравнительно съ важной должностью, имъ занимаемой, оказался такимъ рѣдко пріятнымъ человѣкомъ, что сразу сталъ очарователемъ и для Александра. Послѣ знакомства завязалась пріязнь и тотчасъ перешла въ дружбу. И князь прожилъ въ городѣ болѣе трехъ недѣль, а затѣмъ вернулся домой и солгалъ отцу, что прохворалъ въ дорогѣ и дальше не поѣхалъ.

Князь не повѣрилъ, но промолчалъ...

«Молодость! Свои молодыя дѣла. Пускай!»—подумалъ онъ.

Зато княжна запрыгала отъ радости, что ея очарователь сталъ другомъ брата, оказавшись «дивомъ дивнымъ», какъ говорилъ князь.

— Братецъ, я тебѣ все скажу!—таинственно заявила, наконецъ, княжна.—Онъ мой суженый. Я на святкахъ въ пустой банѣ одна сидѣла... И онъ пришелъ! Спроси Палашу... Она меня въ чувствія приводила и снѣгомъ оттирала!

IX.

Прошелъ еще мѣсяцъ... Наступила масляница. Однажды утромъ въ Сакмарское пріѣхалъ верховой нарочный съ письмомъ на имя князя. Явился онъ изъ усадьбы помѣщика Лунина. Князь Павелъ Павловичъ, еще не сломавъ печати и не взглянувъ на письмо, досадливо поглядѣлъ въ глаза сыну, тотчасъ пришедшему къ отцу, смутясь извѣстіемъ, что нарочный отъ Лунина.

— «Чтой-то это?—думалось ему тревожно.—Навѣрное, дѣло касается меня и Оли».

А князь Павелъ Панловичъ, поглядѣвъ, улыбнулся презрительно и вымолвилъ:

— О чемъ можетъ мнѣ писать этотъ грубіянъ и фармазонъ? Не отправить ли ему его посланіе обратно безъ прочтенія?

— Зачѣмъ же, батюшка?..—отозвался сынъ нерѣшительно, самъ не зная, что лучше для него самого.—Быть можетъ, этакъ бы и лучше было.

— А? Какъ ты полагаешь? Отправить назадъ съ цѣльной печатью и только надписать: «Не имѣю, молъ, досуга читать пустяковыя сочинительства!» А? Какъ полагаешь?

— Отошлите!—вдругъ выпалилъ Александръ, рѣшивъ сразу, что какое бы содержаніе письма Лунина ни было, все лучше оттянуть дѣло. А тамъ послѣ видно будетъ. И хуже-то не будетъ.

Но сынъ забылъ, что его родитель, своенравный князь Павелъ Павловичъ, обладалъ особой чертой характера, которой, однако, за всю свою жизнь не примѣтилъ.

Когда ему говорили, что на дворѣ морозно, ему казалось тепло. Когда всѣ жаловались на жару, князь чувствовалъ себя свѣжо.

Однажды зимой въ Петербургѣ онъ всѣхъ заморозилъ, а однажды въ іюнѣ приказалъ отапливать весь домъ. Случалось ему тоже доказывать собесѣдникамъ, что напрасно про траву и дерева говорить «зеленъ». Все, что растетъ на землѣ, имѣетъ цвѣтъ желтовато голубоватый.

Одинъ умный человѣкъ въ Петербургѣ по поводу князя Можайскаго сказалъ, что когда люди спорятъ, то ихъ можно примирить, потому что съ извѣстной точки зрѣнія самыя серіозныя противорѣчія въ самомъ серіозномъ вопросѣ все-таки сводятся къ тому,

что одинъ вѣритъ и говоритъ bonnet blanc, а другой—blanc bonnet. Но къ князю Можайскому, одному на всю столицу, это не примѣнимо, потому что для него bonnet blanc всегда chapeau noir. А если начать ему доказывать, что онъ не о томъ говоритъ, о чемъ говорятъ, то князь уже начнетъ доказывать, что съ сотворенія міра bonnet blanc и blanc bonnet означали «кукурику».

Поэтому едва только князь услыхалъ отъ сына совѣтъ, что можно письмо возвратить не читая, какъ онъ уже сломалъ гербовую печать и началъ читать титулъ. Но затѣмъ, прочтя три строчки, перевернулъ листъ и поглядѣлъ на подпись.

Стояло: «дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Николай Егоровичъ Наказовъ, секретарь его сіятельства князя Платона Александровича Зубова».

— Это что?—вскрикнулъ князь.—Это почему? Мнѣ какое до него дѣло?

— До кого, батюшка?—спросилъ сынъ.

Князь не отвѣтилъ и снова крикнулъ:

— Такого секретаря у него прежде не было. Новый, стало быть. Но что же ему до меня?.. Если... и князь запнулся.

— Если это изъ-за машкерада онъ ко мнѣ привязывается, то оное не его дѣло... Да. Не его ума дѣло. Преступленія закона тутъ никакого не было, и стало судить нельзя.

— Да вы, батюшка, прочтите прежде,—рѣшился сказать молодой князь, на душѣ котораго сразу стало легче.

«Не Лунинъ! Не Оля! А какой-то секретарь Зубова».

Князь сталъ читать письмо, и по мѣрѣ чтенія лице его становилось все сумрачнѣе... Наконецъ, онъ скомкалъ большой листъ, надорвалъ и бросилъ на полъ.

— Врете!—вскричалъ онъ.

И, поднявшись съ кресла, онъ началъ взволнованно ходить по комнатѣ.

— Врете! Врете! Не поѣду. Пріѣзжай сюда. Нѣтъ! И сюда не пущу... Поворачивай оглобли и ступай восвояси. Съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣдешь. Да. Спроста не дамся, какъ куръ въ Зубовы щи. Я знаю, что не преступленіе. Это шутка. А обидѣлись, то ищи они сами смыть обиду... Поединкомъ, тяжбой, хоть дракой на дорогѣ, хоть засадами въ лѣсу и сраженьями.

И, вдругъ остановясь, князь выговорилъ:

— Прочти.

Молодой человѣкъ, поднявъ скомканное и надорванно письмо, разгладилъ его и началъ читать.

«Государь мой, досточтимый князь Павелъ Павловичъ, по препорученной мнѣ должности, имѣю я»...

Но князь перебилъ сына.

— Къ чорту! Буде! Читай себѣ самому.

И покуда сынъ читалъ письмо, князь отошелъ къ окну и постепенно сталъ успокоиваться и холодно, здраво соображать и разсуждать. Всегда послѣ вспышки гнѣва князь становился особенно разсудителенъ, и въ эти мгновенья онъ всегда согласился бы, что bonnet blanc и blanc bonnet—то же самое.

Изъ письма оказывалось, что пріѣзжій изъ Петербурга въ намѣстничество въ качествѣ ревизора господинъ Наказовъ имѣетъ «приватную и конфиденціальную нужду» до князя, такъ какъ ему «препоручено въ числѣ разныхъ происхожденій дѣлъ» въ намѣстничествѣ за прошлый годъ «разслѣдить и отрепортовать съ мѣста все касаемое до скоморошескаго учиненія афронта въ домѣ князя многому числу дворянъ». На основаніи этого «вышняго препоручительства» г. Наказовъ просилъ князя пріѣхать для разъясненія дѣла въ усадьбу г. Лунина, гдѣ онъ по дружеству остановился. Причину того, что онъ не вызываетъ князя въ городъ и не пріѣхалъ самъ въ его вотчину, Наказовъ объяснялъ тѣмъ, что ему указано все сдѣлать келейно, безъ огласки, дабы никто во всемъ округѣ ничего не зналъ, и «тѣмъ не было бы дано оказіи плодить пустые разговоры охочимъ до онаго людямъ», что можетъ, конечно, быть для князя съ его фамиліей досадливымъ и стыдливымъ. Пишущій назначалъ князю пріѣхать въ домъ г. Лунина, когда ему «вольно разсудится за благо» всего на одинъ часъ времени, но не позднѣе, какъ въ эти три дня, такъ какъ, прогостивъ у друга своего Лунина, онъ собирается въ обратный путь прямо въ Петербургъ.

Князь Александръ, дочитавъ письмо, выговорилъ:

— Что же, батюшка! Я тутъ еще особливо худого ничего не вижу. Поручено ему узнать, какъ все дѣло было.

— Не поѣду я!—выговорилъ князь, оборачиваясь отъ окна. И въ то же время онъ думалъ уже рѣшенное про себя: «Надо ѣхать».

— Какъ изволишь,—отвѣтилъ сынъ всегдашнее слово въ разговорахъ съ отцемъ.

— Пускай самъ сюда пріѣзжаетъ!

— Это, батюшка, много хуже. Онъ дѣло сказываетъ... Если онъ сюда пріѣдетъ, будучи правительскимъ ревизоромъ, то, понятно, шумъ пойдетъ по всему намѣстничеству. И нашимъ всѣмъ, несмотря на ихъ опасенья вашего гнѣва, все-таки глотки не заткнешь. А ваше посѣщеніе господина Лунина можно будетъ отъ всѣхъ скрыть. Кучеръ, форейторъ да два лакея только одни и будутъ знать, гдѣ вы въ отсутствіи находились. Четверыхъ можно заставить молчать.

Князь подумалъ и наконецъ вымолвилъ спокойно.

— Нѣтъ. Зачѣмъ этакъ... Мы вмѣстѣ поѣдемъ съ тобой и просто въ берлинкѣ съ однимъ кучеромъ и безъ лакеевъ.

— Я?!—выговорилъ молодой князь такимъ голосомъ и съ такимъ лицомъ, что отецъ отвѣтилъ вопросомъ:

— Что съ тобой? Чему?

— Мнѣ съ вами ѣхать?!

— Не хочешь со мной ѣхать—тогда не надо,—сказалъ князь. уже улыбаясь.—Тогда я съ тобой поѣду. И все къ Лунину же, Что? Боишься ты что ли его?

— Нѣтъ, батюшка. Я... я съ охотой. Съ большой охотой!—уже радостно произнесъ молодой человѣкъ, взвѣсившій всѣ послѣдствія нечаянного предложенія отца.

Онъ увидитъ «ее», объяснится съ ней и уговоритъ видаться опять у Руцкаго. Онъ скажетъ, онъ и поклянется, что его намѣреніе прямое: назвать ее своей супругой. Но надо ждать и приготовить отца къ этому... Надо будетъ, быть можетъ, долго ждать. И годъ и два... Но надо видаться.

И Александръ настолько просіялъ лицомъ, что князь снова спросилъ:

— Чему?

— Что-съ?

— Чему теперь радуешься? Вотъ парень уродился у меня. Швыряется, какъ бѣсъ передъ заутреней.

— Я не швыряюсь,—смущенно отозвался молодой человѣкъ.

— Мыслями и пожеланьями швыряешься. Хочу—не хочу; попробую, боюсь. Тотчасъ,—не въ сей часъ! Послѣ дождика въ четвергъ, пропустя пятницу, середи середы. Ахъ, ты, гусь...

И князь, добродушно погладивъ сына по головѣ, прибавилъ:

— Давай купно сочинительствовать, хоть отъ тебя пособія великаго не жди. Ты не далеко отъ Митрофана Простакова въ грамотѣ ушелъ. Надо этому ревизору и кавалеру отвѣтъ начертать.

И князь, сѣвъ за письменный столъ, началъ писать отвѣтъ, тихо водя скрипучимъ перомъ.

— Эка бестія, этотъ Авдей, всѣ у него перья, что тебѣ сапоги подмоченые.

X.

На другой же день, около полудня, оба князя Можайскіе выѣхали въ небольшомъ возкѣ тройкой, не взявъ лакеевъ. Отъѣзжая отъ крыльца князь крикнулъ кучеру: Трогай! Съ Богомъ!

— Куда прикажете?—отозвался кучеръ.

— Куда глаза глядятъ. Пошелъ!

Кучеръ пустилъ лошадей, но изъ воротъ догадался вправо, то-есть на дорогу въ городъ.

Передъ выѣздомъ изъ села князь Павелъ Павловичъ остановилъ его.

— Стой! Слушай. Поѣдешь въ усадьбу помѣщика Лунина. Если завтра станетъ извѣстно въ Сакмарскомъ, гдѣ мы побывали, то послѣзавтра лобъ.

— Ни въ жизнь... Какъ можно!—отвѣтилъ кучеръ, знавшій, что князь слово сдержитъ, и за болтовню ему дѣйствительно тотчасъ лобъ забреютъ, то-есть сдадутъ въ солдаты.

Менѣе чѣмъ чрезъ часъ ѣзды князья въѣхали во дворъ небольшой усадьбы дворянина Лунина.

Молодой князь волновался настолько, что отецъ замѣтилъ это и удивленно глянулъ сыну въ лицо.

— Что ты? Очумѣлъ! Робѣешь? Чего?

— Никакъ нѣтъ-съ, батюшка.

— Что нѣтъ? Вижу. Глазами стрѣляешь, ртомъ пыхтишь, какъ самоваръ, даже носомъ поводишь, какъ тараканъ усами.

Молодой человѣкъ промолчалъ, но подумалъ:

— «Да. Кабы отецъ зналъ, къ кому мы ѣдемъ! Кто такая для меня та, что здѣсь живетъ»!

И онъ тяжело вздохнулъ.

При въѣздѣ во дворъ первое, что бросилось въ глаза князей, былъ большой дорожный возокъ съ важами, стоявшій у подъѣзда, и около него похаживалъ солдатъ съ ружьемъ на плечѣ.

— Это что за колѣно? Часовой у возка?—проворчалъ князь.— Куражится питерскій сановникъ изъ стрикулистовъ.

Когда пріѣзжіе подъѣхали къ крыльцу, къ нимъ на встрѣчу тотчасъ вышло два лакея, но съ ними и солдатъ въ мундирѣ Преображенскаго полка.

Они вошли въ переднюю, и здѣсь оказались сидящими на нарахъ еще три молодца преображенца.

— Не пойму,—шепнулъ князь сыну.—Права онъ не имѣетъ таскать съ собой гвардейцевъ. Все то произволъ, умничанье. Баловничество съ законами.

Въ маленькой залѣ появился хозяинъ и быстро шелъ навстрѣчу гостямъ.

— Добро пожаловать... Хотя вы и не ко мнѣ, но почитаю долгомъ встрѣтить на порогѣ моего домашняго очага,—выговорилъ Лунинъ холодно любезно.

«Вона? Таганъ еще припуталъ! Ученый!»—презрительно подумалъ князь.

— Я пріѣхалъ по вызову господина Наказова!—отвѣчалъ онъ.— Да вотъ и сына захватилъ.

— Пожалуйте въ гостиную. Отдохните. Я сейчасъ его превосходительству доложу... что вы...

— Вы же и доложите?..—перебилъ князь.

Лунинъ не отвѣтилъ и провелъ князей въ сосѣднюю комнату, обставленную простой мебелью, но съ двумя большими картинами на стѣнахъ. Одна изъ нихъ изображала поклоненіе волхвовъ, а другая была очевидно семейнымъ портретомъ, изображая сановника

съ крестомъ и звѣздой. Лунинъ, попросивъ гостей сѣсть, собирался выйти, но князь остановилъ его вопросомъ:

— Извините, если я полюбопытствую у васъ спросить. Преображенцы при господинѣ ревизорѣ прибыли?... Или вы своихъ холоповъ рядите въ гвардейскую аммуницію, какъ вотъ иные дворяне лакеевъ гайдуками и арапами наряжаютъ?

— Солдаты состоятъ при его превосходительствѣ въ видѣ конвоя,—отвѣтилъ Лунинъ.

— Зачѣмъ же это? Разбойниковъ и подорожниковъ господинъ Наказовъ боится,—усмѣхнулся князь.

— Сіе обстоятельство станетъ вамъ ясно, князь, послѣ объясненья вашего съ его превосходительствомъ, — сухо отвѣтилъ Лунинъ, но въ звукѣ его голоса почудилось князю что-то прямо нравоучительное.

Во всякомъ случаѣ отвѣтъ былъ не объясненіемъ, а загадкой. Лунинъ вышелъ. Князья остались и молчали. Старикъ ухмылялся презрительно насмѣшливо, а молодой человѣкъ какъ бы продолжалъ волноваться, но сталъ угрюмѣе.

«И уѣдешь, не повидавшись,—думалось ему.—Онъ не считаетъ насъ гостями, и она поэтому не выйдетъ къ намъ. Что надумать, какъ схитрить, чтобы повидать?»

Лунинъ вернулся и попросилъ князя къ «его превосходительству».

— А сына не проситъ?—спросилъ князь.

— Нѣтъ-съ. Потомъ, вѣроятно... А теперь просятъ васъ...

Князь двинулся и предшествуемый хозяиномъ прошелъ коридоръ и вошелъ въ рабочую горницу, уставленную шкафами съ книгами. Лунинъ остался передъ порогомъ и, затворивъ за княземъ дверь, вернулся въ гостиную.

— Ну, дорогой гость,—сказалъ онъ,—чтобы вамъ было не скучно, я сейчасъ позову хозяйку васъ занять бесѣдой. А самъ, извините, отлучусь на малое время. Объясненіе вашего батюшки съ его превосходительствомъ затянется часика на два.

Молодой князь вспыхнулъ и зардѣлся, какъ маковъ цвѣтъ. Даже духъ захватило ему при мысли, что онъ увидитъ свою Олю послѣ столь долгой разлуки.

Лунинъ ушелъ... Чрезъ нѣсколько минутъ противоположныя двери отворились, и въ гостиной появилась Оля, смущенная и розовая отъ волненія. Не подымая глазъ на князя, вошла она, что-то пролепетала едва слышно въ видѣ привѣтствія и сѣла на диванѣ.

Князь Александръ при видѣ ея преобразился. Дѣвушка краше, чѣмъ когда либо, дороже ему теперь, чѣмъ когда либо, своей близостью она дѣйствовала на него непостижимо и будто сразу какъ бы заколдовала его. Случилось, какъ въ сказкахъ. Жезломъ, даннымъ ей волшебницей, коснулась она его.

«Безъ тебя мнѣ и не жизнь!—мысленно воскликнулъ князь, будто теперь только, въ эту минуту, понявъ всю глубину своего чувства къ этой дѣвушкѣ.

— Знаете ли вы, что я Можайскій, а не Тенищевъ?—тотчасъ выговорилъ онъ взволновано.

— Знаю,—тихо пролепетала Оля, не подымая глазъ.

— Знаете ли вы, Ольга Владиміровна, что я безъ васъ жить не могу, что я на сихъ дняхъ буду говорить съ батюшкой? Пожелаете ли вы меня въ супруги. Скажите.

Оля молчала, но яркій румянецъ залилъ все лице, и слезы повисли на рѣсницахъ, а затѣмъ блеснувъ скатились по румянымъ щекамъ.

Князь заговорилъ порывисто, страстно, но съ замираніемъ сердца, какъ трусъ, сразу кинувшійся въ самую свалку смертельнаго боя.

Какъ онъ рѣшился на это вдругъ?.. Какъ все это внезапно произошло? Онъ самъ не зналъ и не понималъ. Все, что терпѣлъ и таилъ онъ отъ всѣхъ и такъ долго, сразу теперь рванулось со дна души. И въ эти минуты онъ твердо чувствовалъ, что на все пойдетъ, противъ всего и всѣхъ. Не только воля отца, но ничто не устоитъ предъ его рѣшеніемъ.

«А нѣтъ, то руки на себя! Безъ нея смерть краше жизни!»

XI.

Въ то же время князь сидѣлъ въ кабинетѣ на диванѣ, какъ почетный гость, а предъ нимъ на большомъ креслѣ, но черезчуръ откинувшись на спинку, въ непринужденной, но важной позѣ, полусидѣлъ, полуразвалился пожилой смуглый человѣкъ.

Онъ былъ въ темно-коричневомъ полу-фракѣ съ гладкими золотыми пуговицами, на груди его, на длинной лентѣ, выпущенной по кружеву сорочки, висѣлъ орденъ св. Владиміра. Это и былъ правительственный ревизоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Наказовъ.

Онъ говорилъ медленно, но рѣзко, отчеканивая каждое слово, и рѣчь его звучала непрерывно и однозвучно, какъ журчащая струя воды... Князь пробовалъ было прерывать его, протестуя и собираясь высказать свое... Но господинъ Наказовъ, какъ бы не слыша или не слушая и не обращая вниманія на противорѣчіе, продолжалъ цѣдить тонкими губами слово за словомъ длинную, гладкую, обстоятельную и холодно-спокойную рѣчь... Онъ какъ бы читалъ книгу.

И князь въ малѣйшихъ подробностяхъ узналъ слѣдующее.

По приказу князя Зубова и, вѣроятно, съ соизволенія государыни императрицы господинъ Наказовъ присланъ въ здѣшній край якобы для ревизіи намѣстническихъ дѣлъ. Но это только «для видимости», а въ дѣйстоительности онъ присланъ «нарочито ради замѣшательства князя съ дворянствомъ». Но дабы не было обидной

для князя огласки и посрамленія его съ его фамиліей, Наказовъ прибылъ подъ личиною ревизора.

Разслѣдовать «замѣшательство» ему не приходилось, такъ какъ князю Зубову по рапортамъ и промеморіямъ, пришедшимъ въ Петербургъ отъ нѣкоторыхъ здѣшнихъ дворянъ, все «приключительство Рождественскаго скоморошества» въ вотчинѣ князя доподлинно и достовѣрно извѣстно.

Наказовъ посланъ только затѣмъ, чтобы уговорить князя дать дворянству «сатисфакцію». Оная сатисфакція, по мнѣнію князя Зубова, можетъ быть только одна. Дабы князь воочію, яснѣйше доказалъ всему дворянству, что почитаетъ его не ниже себя, онъ долженствуетъ породниться съ кѣмъ либо изъ дворянъ и равно съ кѣмъ либо изъ правительственныхъ лицъ губерніи.

Тогда скоморошеское происхожденіе дѣла и обманное сватовство дѣтей обратится въ дѣло «сущее», не измышленное, а истинное. Издѣвательство сразу превратится въ явь, въ правду, въ событіе, станетъ дѣйствительностью, переставъ быть комедіантскимъ или святочнымъ ряженьемъ.

Если же князь не пожелаетъ выбрать кого либо изъ мѣстныхъ дворянъ и правительственныхъ лицъ себѣ въ зятья и въ невѣстки, а будетъ упорствовать, то въ силу строжайшаго приказа, даннаго посланцу, г. Наказову, онъ долженъ будетъ, подспудно, нешумно, а конфиденціально взять подъ стражу покуда одного князя и увезти съ собой въ столицу, для дальнѣйшаго обсужденія, какъ сему дѣлу быть... Съ предупрежденіемъ, однако, что покуда въ виду имѣется «въ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ» двоякое рѣшеніе: отправленіе князя съ фамиліей въ ссылочное проживательство, на крайнихъ предѣлахъ Россійской имперіи предположительно около границы Сибирской, или же вольное и не отяготительное, но безотлучное задержаніе всей княжей семьи въ Шлюссельбургской крѣпости.

— Вотъ-съ, досточтимый, сіятельный князь, все, что я по препорученной мнѣ должности имѣю честь пояснительно изложить на ваше собственное благорасположеніе и благоусмотрѣніе!—кончилъ господинъ Наказовъ и глубоко вздохнулъ, какъ бы сочувствуя горестному положенію князя, вытекающему изъ всего сказаннаго.

Князь Павелъ Павловичъ, давно переставшій пробовать прерывать Наказова своими объясненіями дѣла, сидѣлъ, какъ истуканъ.

Дѣло было ясно—месть Зубова. Иного объясненія нельзя было найти.

Но ссылка или заключеніе со всей семьей изъ-за шутки, хотя и грубой, и хотя и оскорбительной для цѣлаго намѣстничества, но все-таки же шутки... а не преступленія,—была въ глазахъ князя неслыханнымъ издѣвательствомъ надъ законами и его княжескимъ и придворнымъ состояніемъ.

— При Биронѣ таковаго не бывало!—прервалъ князь молчаніе, наступившее за рѣчью Наказова.

— Биронъ за россіянъ не заступничалъ!—отозвался сухо Наказовъ.—А князь Платонъ Александровичъ россійскій, а не курляндскій дворянинъ и честь доблестнаго дворянства тщится ограждать отъ посмѣянія. И такъ, сіятельный князь, что услышу я отъ васъ?

Князь молчалъ, но слегка понурился, какъ сраженный. Прошло нѣсколько минутъ въ полной тишинѣ. Наконецъ князь какъ бы очнулся отъ глубокаго раздумья и вымолвилъ:

— Губить дѣтей изъ-за злобной прихоти человѣка, потерявшаго разумъ и сердце въ фаворѣ, я не могу. Насильно бракосочетать сына или дочь съ первымъ попавшимъ подъ руку—и неразуміе, и грѣхъ.

— Можетъ быть, князь,—отвѣтилъ Наказовъ улыбаясь,—и найдутся въ здѣшнемъ краѣ молодой человѣкъ и молодая дѣвица, которые оказались бы по душѣ вашимъ дѣтямъ.

— Никогда. Здѣсь мордва одна. Все дворянство омордовилось.

— Есть такіе же пріѣзжіе не издавна, какъ и вы... Вотъ хоть бы хозяинъ сего дома, господинъ Лунинъ.

— Умникъ. Спятившій отъ книжничества.

— Начитанный и умный человѣкъ онъ, а не умникъ.

— Онъ не умствуетъ, а умничаетъ.

— Вы злобствуете, князь, за его отповѣдь вамъ въ вашемъ домѣ на ваше потѣшное измышленіе.

Снова наступило молчаніе, и князь первый прервалъ его словами.

— Мнѣ надо посовѣщаться съ женой и дѣтьми.

— Простите, князь,—отвѣтилъ Наказовъ холоднѣе,—но я не могу васъ отпустить восвояси иначе, какъ послѣ вашей клятвы, что вы исполните приказаніе, вамъ переданное. Я полагаю, что совѣщаться вамъ съ вашей супругой княгиней не есть обязательно. Жена всегда согласна на то, что мужъ порѣшитъ. Дѣвица дочь и подавно на совѣтъ не призывается. А сынъ... сынъ вашъ здѣсь... Позовите его тотчасъ сюда, и мы ему все объяснимъ. Взрослый сынъ для отца — часто самый лучшій совѣтникъ.

Князь замоталъ головой и произнесъ сердито:

— Это, сударь, правиламъ моимъ противно. У меня сынъ воспитанъ въ страхѣ родительскомъ и въ повиновеніи законамъ Божескимъ и человѣческимъ. Яица курицу не учатъ. Что касается до клятвы, которую вы требуете, то я ее, конечно, не даю и не дамъ. Повторяю, что изъ-за такого примѣрнаго, даже рѣдчайшаго прихотничества господина князя Зубова, я вздорную затѣю исполнять...

— Ну-съ... Такъ тогда нечего и время тратить, сіятельный князь. Пошлите вашего сына съѣздить къ себѣ въ вотчину и привезти вамъ все необходимое для пути, такъ какъ вы пожаловали сюда безъ пожитковъ, не ожидая странствовать. Къ вечеру молодой князь уже вернется, и мы поѣдемъ.

— Поѣдемъ?—вытаращилъ глаза князь.

— Да-съ?

— Куда?

— Въ столицу. Вмѣстѣ. Въ моемъ рыдванѣ. И съ почетной охраной,—какъ-то просто объяснилъ Наказовъ.

— Изволите шутить, сударь!—вскрикнулъ князь.—Что же вы меня силой посадите въ вашъ рыдванъ?

— Точно такъ-съ. Затѣмъ мнѣ и команда изъ Петербурга дана!

— Да это на сказку похоже... Это разбойничество! Вы, стало быть, мнѣ западню подставили.

— Точно такъ-съ. Извините. Исполняю приказанiе свыше и самъ ни при чемъ. Только соболѣзную.

— Да что же это на Руси наступило? Хуже теперешнихъ французскихъ порядковъ. Тамъ короля и королеву обезглавили, а у насъ...

Князь не договорилъ и снова задумался.

XII.

Князь сдался, однако, на мягкое, дружеское увѣщанiе Наказова и позвалъ сына на совѣтъ, а чиновникъ оставилъ ихъ съ глазу на глазъ.

Александръ былъ пораженъ объявленiемъ отца и даже измѣнился въ лицѣ...

— Господи!—съ ужасомъ воскликнулъ онъ.

Но когда князь объяснилъ сыну, какой цѣной онъ можетъ искупить свою вину и спастись отъ кары, молодой человѣкъ какъ бы окаменѣлъ и стоялъ истуканомъ, но лицо его изъ тревожнаго становилось все яснѣе и, наконецъ, стало радостнымъ.

— Чего же это ты?—изумился князь.

— Батюшка! — почти закричалъ молодой человѣкъ и бросился цѣловать отца.

— Ума ты рѣшился? Чего цѣлуешься? Аль отъ страха спятилъ?

— Батюшка, родитель! Коль скоро такъ, то я... Я не смѣлъ сказаться вамъ... Но теперь...

И молодой князь не успѣлъ объясниться подробно, какъ отецъ уже понялъ все...

— Кто же она такая?...

— Здѣсь. Здѣсь она... Лунина!

Князь развелъ руками. И водворилось молчанiе, тягостное для Александра. Онъ ждалъ ежеминутно услыхать жестокое рѣшенiе своей участи.

— Ну, а сестренку за кого же намъ выдать замужъ?

— Батюшка, сестра тоже... тоже.

— Зазнобило и ее?

— Да-съ... Не очень, но все же таки...

— Кто же такой?

— Губернаторскій товарищъ Полозовъ.

— Чудеса въ рѣшетѣ!—вскрикнулъ князь.—Все готово! Испечено и только въ ротъ клади!—почти растерянно прибавилъ онъ.

И снова, въ который уже разъ, наступало молчаніе.

— Ну, зови этого Зубовскаго гонца-посланца,—выговорилъ Можайскій тихо.

Александръ чуя, что все принимаетъ хорошій оборотъ, выскочилъ въ двери.

Черезъ минуту Наказовъ уже входилъ въ комнату, но за нимъ слѣдомъ вошелъ и сталъ у порога самъ Лунинъ.

— Я согласенъ дать вамъ требуемую вами клятву,—сказалъ князь сурово.—Даю мое слово, коему всегда неизмѣнно былъ вѣренъ, что все будетъ по желанію князя Зубова.

— Вы уступили, стало быть?—спросилъ подходя Лунинъ. Князь, не замѣтившій сначала его присутствія, обернулся на его голосъ и выговорилъ:

— Нѣтъ-съ, я не уступилъ... Я собрался исполнить волю Божью, а не фаворитову.

— Суть не въ причинахъ, а въ самомъ дѣлѣ! Вы исполняете приказаніе, привезенное г. Наказовымъ.

— Да-съ. Потому что...

— Почему... Не мое дѣло!—сказалъ Лунинъ.—Въ такомъ случаѣ позвольте, князь, познакомить васъ съ моимъ другомъ Егоромъ Дмитріевичемъ Замазовымъ, бывшимъ засѣдателемъ нашего суда, который осенью просился къ вамъ помочь въ игрѣ актерской на вашемъ театрѣ. А вы все отказывали, разсуждая, что онъ не умѣетъ лицедѣйствовать. Теперь вы этого, полагаю, не скажете. Замазовъ Наказова отхватилъ не хуже, чѣмъ поваръ Захарка князя Можайскаго.

Князь вытаращилъ глаза на всѣхъ...

— То было ради святокъ, а это вотъ ради масляницы!—продолжалъ Лунинъ.—А зачѣмъ мой пріятель показалъ вамъ свое искусство?.. Затѣмъ, князь, что долгъ платежемъ красенъ. Вы на себѣ испробовали, что не мудрено обморочить всякаго, только надо умѣть взяться. Мы повара и ключницу, принимая за князя и княгиню Можайскихъ, все-таки дивились, головами качали и руками разводили... А вы приняли засѣдателя земскаго суда за превосходительнаго посланца отъ Зубова изъ столицы, въ коей мой дорогой Егоръ Дмитричъ никогда отродясь и не бывалъ. Теперь мы квиты, князь. Не про себя одного сказываю я, а про все здѣшнее дворянство, такъ какъ всѣмъ извѣстно, какая комедія долженствуетъ произойти у меня въ домѣ. И, конечно, завтра же будетъ извѣстно всѣмъ, какъ второй уже мой машкерадъ окончился.

И опять въ комнатѣ наступила удивительная, гробовая тишина...

Наконецъ, князь поднялся и выговорилъ глухимъ голосомъ, обращаясь къ сыну.

— Поѣдемъ...

— Батюшка! — воскликнулъ Александръ. — Одно ваше слово... и все обернется хорошо, радостно. Вспомните, что я говорилъ вамъ.

Князь, двигавшійся къ дверямъ, остановился и провелъ рукой по лицу и какъ бы послѣ минутнаго колебанья произнесъ мягко:

— Владиміръ Андреевичъ, гдѣ ваша дочка? Негодно гостю быть въ домѣ, а хозяйки, хоть и молодой, не видѣть и не знать.

— Если вамъ угодно познакомиться съ моей Олей, то это для меня большая честь,—выговорилъ Лунинъ съ чувствомъ. — Пожалуйте, она въ гостиной.

Всѣ двинулись, молча прошли коридоръ и вышли въ гостиную.

— Оля! — позвалъ Лунинъ. — Князь желаетъ съ тобой познакомиться.

Молодая дѣвушка, поднявшаяся съ мѣста навстрѣчу къ гостямъ, оробѣвшая, взволнованная, какъ виноватая, подошла къ князю, поникнувъ головой и опустивъ глаза.

— Подыми глазки на меня, моя касатка, — кротко и ласково вымолвилъ князь.

Дѣвушка робко глянула въ лицо старика.

— Всѣмъ взяла!—произнесъ князь тихо.—Да, мой молодецъ не дуракъ... Ну, поцѣлуй меня. Скажи мнѣ, желаешь ли ты быть моей дочерью?

Оля понурилась и заплакала.

— Вотъ эти слезы, моя дорогая,—воскликнулъ князь,—слезы вмѣсто радостнаго прыганья, всю тебя пояснили мнѣ! И теперь я будто годъ тебя знаю и всю насквозь вижу. Владиміръ Андреевичъ, отдадите ли вы сыну ваше сокровище?

— Князь, я сегодня только узналъ отъ дочери и вашего сына...— началъ Лунинъ.

— Отдадите ли?—перебилъ князь.

— Я опасаюсь, что вы подумаете, что я подстраивалъ счастье своей дочери,—разстерянно отозвался Лунинъ.—А я вамъ мстилъ за себя и друзей. Повторяю вамъ, что я опасаюсь... Я не знаю...

— Ну, такъ, женихъ и невѣста, поцѣлуйтесь. А мы съ тобой, Владиміръ Андреевичъ, давай, тоже облобызаемся.

И князь прослезился.

— Видно, на все воля Божія, даже на потѣшничество и машкерады. Не измысли я глупой потѣхи, не было бы, пожалуй, и того, изъ-за чего я теперь слезы утираю... А я не изъ ревуновъ... Ну, а дворяне всѣ узнаютъ завтра, какъ вы меня здѣсь сугубо въ шуты вырядили.

— Всячески постараюсь, да не знаю...—отвѣтилъ Лунинъ.

— Какъ не знаете? Ну, такъ, слушай ты... будущая княгиня

Ольга Владиміровна Можайская. Возбрани отцу срамить свекра!— вскрикнулъ князь шутливо-торжественно.—А ты, Александръ, скачи въ городъ, тащи ко мнѣ, охотой ли, силой ли, жениха для сестры своей. По щучьему велѣнью предоставь мнѣ гуаернаторскаго товарища... Вѣдь и ты по этакому велѣнью въ женихи попалъ... Ей-Богу, все сдается точно, какъ во снѣ! Или какъ въ сказкѣ сказывается: «По щучьему велѣнью, по моему прошенью, стань передо мной, какъ листъ передъ травой!»

Графъ Саліасъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И. А. МИЛЮТИНА ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ III.

ВАНЪ Андреевичъ Милютинъ, извѣстный своей плодотворной дѣятельностью по всему нашему обширному сѣверу, прослужившій около сорока лѣтъ городскимъ головою маленькаго города Череповца, прозваннаго по справедливости, благодаря своему относительному количеству учебныхъ заведеній, Лейпцигомъ въ миньятюрѣ, любезно предоставилъ въ наше распоряженіе свои воспоминанія о почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III, а также сообщилъ не менѣе дорогія воспоминанія, связанныя съ нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ, когда Его Величество былъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Передаемъ эти воспоминанія въ той безыскусственной, но мѣткими штрихами начерченной формѣ, со всей своеобразностью слога, какъ непосредственно мы получили ихъ отъ почтеннаго И. А. Милютина.

Н. В. Подвысоцкій.

Въ 1881 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, пролетѣла въ нашемъ краѣ радостная вѣсть, что Императоръ Александръ III, со своей августѣйшей семьей, изволитъ держать путь на Рыбинскъ изъ Костромы. И вотъ, пользуясь близостью и удобствомъ сообщенія между Череповцемъ и Рыбинскомъ по р. Шекснѣ, мы воспрянули духомъ, чтобы отдать дань-дань, честь-честь возлюбленному царю и августѣйшему покровителю нашего Череповецкаго техническаго училища, учрежденнаго мною еще въ 1867 году, въ которомъ ужъ набралось учащихся къ 1881 году болѣе 200, изъ 19-ти разныхъ губерній. Нарядили депутацію и отъ города, и отъ училища, въ числѣ послѣдней было 6 учениковъ и съ ними я, директоръ, и два депутата отъ города, которые взяли съ собой отъ училища массу

разнаго рода мелкихъ образцовъ механическихъ издѣлій, для представленія государю въ видѣ выставки. Кромѣ этого, захватили съ собою маленькую машину системы Уата, въ двѣ индикаторскихъ силы, но она не была закончена въ нѣкоторыхъ частяхъ. Постройку этой машинки училище, за годъ до сего, предприняло спеціально для поднесенія великому князю Николаю Александровичу. По пріѣздѣ въ Рыбинскъ, машинку эту, по случаю неготовности ея, оставили мы на пароходѣ у Рыбинской пристани, а издѣлія велѣно было министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Игнатьевымъ, по телеграммѣ изъ Ярославля, выставить въ вокзалѣ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги.

Пароходъ царскій подошелъ изъ Костромы въ Рыбинскъ къ пристани, гдѣ выставлены были ряды мѣстныхъ депутацій, а насъ, черепанъ, поставили на краю. Проходя мимо, сначала великіе князья подали мнѣ руку, потомъ и государь.

Его величество изволилъ сказать мнѣ, что «выставку вашу увидимъ въ вокзалѣ».

Пока государь, августѣйшая семья и свита были въ соборѣ, мы прискакали въ вокзалъ, гдѣ уже выставка вещей была установлена довольно красиво посланными заранѣе воспитанниками. Государь и государыня съ большимъ интересомъ разсматривали издѣлія и много спрашивали, съ ними и молодые великіе князья, во главѣ съ первенцемъ царскимъ, наслѣдникомъ цесаревичемъ. Я попросилъ позволенія у государыни одарить августѣйшихъ дѣтей нѣкоторыми издѣліями. Тутъ были: молотки, линейки, угольники стальные и прочее, я поднесъ по нѣсколько штукъ каждому. При этомъ государю объяснилъ, что есть у насъ, приготовленная еще для цесаревича, машинка съ жерновкомъ, но не отдѣлана, и потому, я сказалъ: «Позвольте, ваше величество, представить машинку въ Александрію». Государь милостиво изволилъ сказать: «Пожалуйста».

Поѣздъ, на которомъ должны были отправиться августѣйшіе путешественники, стоялъ еще около получаса у вокзала, и всѣ, оффиціально провожающіе, вмѣстѣ съ рыбинцами, въ это время созерцали царя и царскую семью. Иду я мимо вагона, гдѣ находились великіе князья, слышу, какъ будто идетъ споръ между ними. Одинъ говоритъ: «Это далъ мнѣ голова». А другой: «Нѣтъ, мнѣ». Я подошелъ къ воспитателю, генералу Даниловичу, попросилъ позволенія дополнить еще металлическихъ издѣлій, но генералъ сказалъ: «Зачѣмъ, довольно; это ничего, что дѣлятъ великіе князья между собою ваши подарки, значитъ они нравятся». Иду дальше, государь изволилъ стоять на площадкѣ вагона. При поклонѣ моемъ его величество спросилъ меня: «Когда же вы надѣетесь доставить машинку»? Я отвѣтилъ: «машинка будетъ представлена въ Александрію около 1-го августа». «Для меня, объяснилъ государь, все равно, но дѣти,—присовокупилъ онъ,—услышавъ о вашемъ подаркѣ,

пристаютъ ко мнѣ, спрашиваютъ, когда голова привезетъ машинку».

Приходитъ августъ; я въ хлопотахъ по дѣламъ, и не тороплю училище съ машинкой. Вдругъ получаю телеграмму отъ Н. А. Ермакова, директора департамента торговли и мануфактуръ, имѣвшаго личные доклады государю по училищу цесаревича Николая, съ вопросомъ: «когда привезете машинку?» Я хотя училище поторопилъ, но отвѣтъ оставилъ до болѣе вѣрнаго выясненія готовности ея. Между тѣмъ, директоромъ училища получается вторая телеграмма: «Когда машинка? Спрашиваютъ свыше». Тогда я могъ отвѣтить положительно: 15-го августа.

Машинка около 10-го августа была уже готова, оказался вѣсъ около 30 пудовъ со стойками. Пошла экстренно. Но изъ Петербурга съ петербургской желѣзной дороги не было соединительной вѣтви, пришлось ночью везти на рессорныхъ дрогахъ. Передъ прибытіемъ машинки, ѣду къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Игнатьеву, который сказалъ: «Поѣзжайте сами въ Александрію и обратитесь къ графу Воронцову-Дашкову». Ѣду утромъ рано. Являюсь къ графу, который сообщилъ мнѣ, что машинка пришла утромъ и уже въ саду устанавливается сопровождавшими ее учениками Череповецкаго техническаго училища. Тотчасъ для сопровожденія меня былъ командированъ полковникъ Ширинкинъ, и я очутился скоро въ саду, у поставленной на ходъ машинки, возлѣ флигеля, гдѣ классныя комнаты великихъ князей. Тутъ мнѣ сказано было, что государь выйдетъ послѣ завтрака, въ часъ или около. Въ промежутокъ этого времени, въ минуты перерыва, то и дѣло, что выбѣгали изъ классной августѣйшіе ученики къ машинкѣ, любопытствуя и стремясь осмотрѣть части устройства: гайки, краны и проч. Боясь, чтобы не обожглись великіе князья, я и классный наблюдатель слѣдили, прося касаться осторожнѣе.

Наступаетъ 1½ часа. Вижу, подходитъ государь, государыня, королева датская и нѣсколько другихъ членовъ царской семьи. Государь и государыня милостиво подали мнѣ руку. Государь подошелъ къ машинкѣ и, окинувъ ее общимъ взглядомъ, изволилъ замѣтить: «А, это системы Уата? Отчего это вы избрали этотъ типъ?»—Я отвѣтилъ: «онъ красивѣе, какъ первообразъ, и притомъ проще для исполненія». «Однако, она даетъ много воды,—замѣтилъ государь,—а я думалъ,—продолжалъ онъ,—поставить къ дѣтямъ въ комнату при классахъ, но теперь, оказывается, нельзя: разведетъ сырость». Затѣмъ государь обратился къ кому-то изъ адъютантовъ: «Пожалуй, нужно будетъ построить для нея вотъ тамъ особый павильончикъ». «Чѣмъ отапливается?» — спросилъ государь. Я сказалъ: «спиртомъ». «Ахъ, это неудобно; во-первыхъ, дорого, и, во-вторыхъ, пожалуй, кочегары будутъ напиваться»... Всѣ эти вопросы и замѣчанія меня внутренно поражали практичностью и вѣрностью взгляда великодушнаго монарха. Далѣе государь пред-

ложилъ пустить машину въ ходъ, съ приводами къ вертикальному жерновку, приспособленному для размола пшеницы, тутъ же привезенной съ мѣшечками и совочками, для набивки мукой. Къ радости учениковъ, машина работала превосходно, и жерновокъ дѣлалъ свое дѣло. Августѣйшія дѣти царя, съ позволенія, побѣжали быстро къ жерновку, взяли совочки и накладывали муку въ мѣшечки и порядочно таки замучнились. Государыня не отходила отъ нихъ, любуясь и улыбаясь, съ какимъ интересомъ они ухватились за дѣло мельника. Государыня, королева, принцъ и всѣ остальные, видимо, были довольны неожиданностью дѣйствія миніатюрной машинки, столь серіозно примѣненной къ дѣлу.

Всего времени прошло болѣе получаса, затѣмъ всѣ отправились группой по саду. Государыня, поблагодаривъ, изволила милостиво подать руку, и я радостно поцѣловалъ. Государь пріостановился и далъ мнѣ знакъ идти съ нимъ по саду, и тутъ, пользуясь счастливымъ случаемъ, я обратился къ государю съ слѣдующими словами: «Ваше величество изволили принять подъ свое покровительство, учрежденное мною въ Череповцѣ техническое училище, и оно, пользуясь этимъ счастьемъ и будучи въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, такъ развилось и окрѣпло, а теперь вами повелѣно передать въ другое вѣдомство—въ министерство народнаго просвѣщенія. Не соизволите ли, государь, оставить по-старому въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, такъ какъ оно тутъ началось, развилось и окрѣпло».

Государь на это съ самымъ сердечнымъ участіемъ изволилъ сказать: «Это такъ сдѣлалъ Абаза, включилъ и ваше училище въ общемъ докладѣ мнѣ. Я ничего не имѣю противъ желанія вашего; скажите министру финансовъ, или Ермакову, что я разрѣшаю войти съ докладомъ ко мнѣ объ оставленіи училища въ министерствѣ финансовъ». Затѣмъ я много говорилъ съ государемъ на счетъ поднятія благосостоянія крестьянъ, путемъ показательной образцовой обработки земли и вообще веденія сельскаго хозяйства, такъ какъ простой народъ вѣритъ не столько словамъ, наставленіямъ и книжкѣ, сколько опыту, своему глазу и осязанію чувствуемой пользы на себѣ или сосѣдѣ. Просилъ по этому вопросу представить записку. Государь похвалилъ такой способъ водворенія сельско-хозяйственной культуры и пожелалъ поскорѣе осуществить живые примѣры этого.

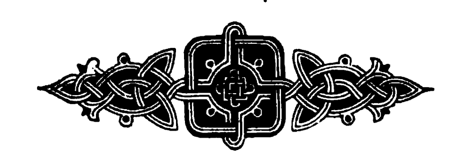
Потомъ августѣйшихъ мельниковъ въ царской семьѣ нѣсколько дней занималъ размолъ пшеницы. Они, какъ мнѣ сообщили, много разъ приказывали, съ разрѣшенія, изъ своей муки, своего размола, печь хлѣбъ для стола на пробу.

По возвращеніи изъ Александріи въ Петербургъ, я тотчасъ отправился къ Н. А. Ермакову, разсказалъ о царскомъ милостивомъ пріемѣ меня съ учениками и о повелѣніи его императорскаго

величества, чтобы сдѣланъ былъ докладъ министромъ финансовъ объ оставленіи училища по-старому въ министерствѣ финансовъ. На другой же день все это было исполнено, и училище осталось въ вѣдомствѣ министерства финансовъ.

Наслѣдникъ цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, при первомъ торжественномъ выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, послѣ вступленія на престолъ, гдѣ собрались со всей Россіи предводители и городскіе головы съ депутатами, въ числѣ до 600 лицъ, обходя всѣхъ стоявшихъ въ рядъ и поровнявшись съ мѣстомъ, гдѣ я стоялъ со своими ассистентами отъ города Череповца, милостиво изволилъ произнести слѣдующія драгоцѣнныя и незабвенныя для меня слова: «Я помню васъ съ 1881 года» [1]. Я до того былъ тронутъ, что растерялся, не нашелся воскликнуть: «Осанна! Благословенъ грядый на царскій подвигъ». Такъ по сихъ поръ и лежитъ у меня это и на душѣ, и на сердцѣ.

И. А. Милютинъ.

[1]) Это—годъ, въ которомъ я подносилъ разные предметы въ Рыбинскѣ—въ іюлѣ и машинку въ Александріи—въ августѣ.

НЕЗАМѢНИМЫЙ.

I.

РИ первомъ знакомствѣ онъ привелъ меня въ смущеніе.

Это было на маленькомъ вечерѣ у моего пріятеля, единственнаго человѣка, котораго я, тогда совершенно новый человѣкъ въ Петербургѣ, зналъ.

Семейство это имѣло косвенное отношеніе къ литературѣ, и у нихъ собиралось десятка два людей, прикосновенныхъ къ дѣлу, съ разнаго достоинства именами—малыми, средними и крупными.

Но его имя ничего не сказало мнѣ. Иванъ Петровичъ Урчаловъ,—нѣтъ, какъ ни напрягалъ я память, а все оказывалось, что ничего о немъ не слышалъ. Но такъ какъ въ этомъ домѣ совершенно простыхъ смертныхъ почти не принимали, то незнаніе имени Урчалова я приписалъ своему невѣжеству.

У него была странная голова. На самой макушкѣ необыкновенно правильный безволосый кружокъ, величиной съ бронзовую медаль, какая дается церковнымъ старостамъ за долголѣтнюю усердную службу, а отъ кружка во всѣ стороны шли довольно густые длинные, въ самомъ низу вьющіеся волосы, такіе свѣтлые, что издали казались сѣдыми.

Прозрачно розовое лицо свое онъ выбривалъ начисто, не оставляя даже усовъ, и, такъ какъ отъ благополучной жизни щеки у него были очень полныя и подбородокъ удвоенный, то онъ походилъ на бабу.

Къ этому еще присодинялись удивительно кроткіе свѣтлые глаза и мягкій нѣжный тенорокъ, который въ минуты паѳоса переходилъ почти въ дискантъ.

Когда ему назвали мое скромное имя, онъ сразу оживился, задвигался, началъ жать мои руки и, слегка захлебываясь, объявилъ, что вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ онъ мучится желаніемъ со мной познакомиться.

Я, конечно, принялъ это за обычную петербургскую манеру говорить любезности, которыя ничего не стоятъ и ни къ чему не обязываютъ, и думалъ, что этимъ наша трогательная встрѣча и кончится. Но вышло иначе.

Мы сидѣли на маленькомъ диванчикѣ въ сторонѣ отъ другихъ. Урчаловъ держалъ меня за руку и, очевидно, не хотѣлъ отпускать.

— Да, да,—говорилъ онъ,—это у меня былъ пробѣлъ... какъ же-съ, новая величина появилась, новая планета на литературномъ небѣ, и я ея не вижу, не знаю... какъ же, помилуйте!.. да меня за это просто можно къ суду притянуть... однако, какъ вы еще молоды... вѣдь вамъ, я думаю, не болѣе тридцати лѣтъ?

— Мнѣ тридцать два года,—отвѣтилъ я.

— А, однако... тридцать два года. Значитъ, вы родились въ тысяча восемьсотъ...

При этихъ словахъ онъ разстегнулъ свой черный, изрядно поношенный сюртукъ и вынулъ изъ кармана небольшую записную книжку.

— А гдѣ же собственно вы родились?—продолжалъ въ то же время спрашивать онъ меня.

Я отвѣтилъ, хотя рѣшительно не могъ понять, почему его интересуютъ такія подробности моей жизни; онъ между тѣмъ раскрылъ свою записную книжку, отыскалъ страницу и началъ что-то вписывать туда карандашемъ.

— А отецъ вашъ... онъ, вѣроятно, служилъ? А мать ваша урожденная...

Я отвѣтилъ объ отцѣ и матери, онъ и эти свѣдѣнія занесъ въ книжку.

— А на какомъ году, позвольте узнать, вы начали обучаться грамотѣ?

— Право, я этого не помню,—отвѣтилъ я, уже нѣсколько смущенный странными вопросами.—Кажется, на седьмомъ году...

— И въ дѣтствѣ обнаруживали большія способности, должно быть?—продолжалъ свой допросъ Иванъ Петровичъ Урчаловъ.

— Едва ли... кажется, напротивъ, былъ большимъ лѣнтяемъ.

— А знаете, вѣдь это часто бываетъ съ извѣстными людьми. Обыкновенно, по ихъ дѣтству заключаютъ, что изъ нихъ ничего не выйдетъ. Хорошія способности развиваются поздно. Эту мысль

я уже нѣсколько разъ проводилъ.—Въ какомъ учебномъ заведеніи воспитывались? Женаты? Давно женаты? Надѣюсь, что вы меня познакомите съ вашей супругой. А скажите, пожалуйста, когда вы почувствовали призваніе къ литературѣ? А ваше первое произведеніе было напечатано, кажется, въ прошломъ году?

Я довольно неохотно отвѣчалъ на всѣ его вопросы, а Урчаловъ все записывалъ.

— Но скажите, зачѣмъ это вамъ?—спросилъ я, наконецъ.

— А какъ же! у меня всѣ... вы спросите, есть ли на свѣтѣ такой человѣкъ съ мало-мальскимъ именемъ, котораго не было бы въ этой книжкѣ? Вы не безпокойтесь, это вѣдь такъ... все, что записано, въ этой книжкѣ, глубокая тайна; никто никогда не узнаетъ ни одного слова изъ записаннаго здѣсь до самой вашей смерти... А только у меня былъ пробѣлъ. Ужъ давно, давно тутъ у васъ заведенъ, такъ сказать, текущій счетъ... хе, хе, смотрите, видите?

Онъ показалъ страницу, гдѣ на верхушкѣ было четко, крупно написано мое имя, отчество и фамилія. Это было написано чернилами и, повидимому, давно, а потомъ шли какіе-то іероглифическіе знаки карандашемъ, которые онъ только что занесъ на страницу.

Въ другомъ концѣ комнаты шелъ литературный разговоръ. Тамъ заспорили на счетъ какихъ-то подробностей изъ жизни поэта N, и это спасло меня отъ дальнѣйшихъ, быть можетъ, болѣе глубокихъ изслѣдованій моей жизни.

— Иванъ Петровичъ,—позвали его,—идите сюда, разрѣшите споръ... вѣдь у васъ въ головѣ неистощимая энциклопедія.

Иванъ Петровичъ не торопясь досталъ изъ своей головы необходимыя свѣдѣнія и изложилъ ихъ основательно, точно, въ необыкновенно закругленныхъ выраженіяхъ, и всѣ ему повѣрили, и споръ самъ собою прекратился.

Но я былъ смущенъ; я никакъ не могъ догадаться, какое амплуа въ этомъ обществѣ принадлежитъ Ивану Петровичу Урчалову. И долженъ ли я почитать за счастіе занесеніе подробностей моей жизни въ его записную книжку или наоборотъ?

Я отыскалъ въ другой комнатѣ литератора, съ которымъ познакомился раньше.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ я:—кто такой этотъ Урчаловъ.

— Какъ? вы не знаете, кто такой Урчаловъ? Да кто же не знаетъ Урчалова? Да какъ же можно, наконецъ, не знать Урчалова?

— Я съ нимъ знакомъ, вотъ сейчасъ только познакомился, но не знаю, кто онъ.

— А, познакомились, значитъ, онъ уже покопался въ вашей душѣ?

— Вотъ именно это меня и занимаетъ. Онъ все записываетъ въ книжку. Зачѣмъ это ему?

— Какъ зачѣмъ? Для некролога.

— Какъ для некролога?

— Да, именно для некролога. Для того, чтобъ написать вашъ некрологъ.

— Но позвольте. Некрологи пишутъ по поводу умершихъ... А я, кажется, еще не умеръ, да и не собираюсь умирать.

— Это ничего не значитъ. Но вы можете умереть во всякое время. Не такъ ли?

Противъ этого я ничего не могъ возразить. Я дѣйствительно, въ качествѣ бреннаго смертнаго, могъ умереть во всякое время. Тѣмъ не менѣе это нисколько не успокоило мой изумленный умъ.

Вечеръ длился. Публики прибавлялось; я составилъ множество новыхъ самыхъ разнообразныхъ знакомствъ, но никто и ничто не могли вытѣснить изъ моей души впечатлѣнія, произведеннаго на меня Иваномъ Петровичемъ Урчаловымъ, обладателемъ оригинальной головы и роковой записной книжки.

Я именно думалъ объ этой записной книжкѣ, и она, несмотря на то, что я ее воочію видѣлъ, эта самая обыкновенная записная книжка въ веселенькой свѣтло-голубой папкѣ, на которой къ тому же еще золотомъ были вытѣснены какіе-то радостнаго вида цвѣты, казалась мнѣ черной, мрачной, страшной, чѣмъ-то въ родѣ могилы.

И мои взоры невольно искали Ивана Петровича и слѣдили за его поведеніемъ.

Съ своей стороны это, конечно, было глупо и вполнѣ провинціально думать, что Иванъ Петровичъ долженъ обладать мрачнымъ мистическимъ характеромъ, говорить не иначе, какъ цитатами изъ апокалипсиса, но все же я такъ думалъ.

А Иванъ Петровичъ въ это время игралъ въ винтъ, и ему страшно везло, и его тонкій теноровый смѣхъ раздавался каждую минуту и разлетался по всѣмъ комнатамъ. Я подошелъ къ зеленому столику въ тотъ моментъ, когда кончился шестой роберъ, и игроки разсчитывались. Иванъ Петровичъ выигралъ два съ полтиной, и я наблюдалъ, съ какимъ нескрываемымъ удовольствіемъ, почти съ жадностью, онъ подбиралъ эти деньги и тщательно укладывалъ ихъ въ своемъ кожаномъ кошелькѣ тоже голубого цвѣта. Очевидно, у него было пристрастіе къ деньгамъ и къ голубому цвѣту.

Потомъ былъ ужинъ, за которымъ судьбѣ было угодно посадить меня рядомъ съ Иваномъ Петровичемъ, и онъ оказался чрезвычайно веселымъ собесѣдникомъ. Онъ любилъ красное вино, и его стаканъ ежеминутно мѣнялъ свой видъ, превращаясь изъ полнаго въ пустой и затѣмъ опять въ полный, и опять въ пустой.

Иванъ Петровичъ становился все веселѣе, смѣхъ его дѣлался все болѣе дискантовымъ. Онъ часто клалъ руку на мое плечо и говорилъ, что я ему ужасно понравился, и что онъ непремѣнно, непремѣнно хочетъ познакомиться со мной поближе.

И всякій разъ, когда его небольшая и легкая рука прикасалась къ моему плечу, я вздрагивалъ, и у меня было такое ощущеніе, какъ будто костлявая рука смерти обнимаетъ меня.

Когда съѣли рыбу и подали что-то сладкое, Иванъ Петровичъ обратился ко мнѣ.

— Голубчикъ, положи-ка мнѣ сладенькаго! Я питаю большую слабость къ сладкому; сдѣлай милость!

Такимъ образомъ мы были съ нимъ уже на ты, но это пока еще не оффиціально, а минутъ черезъ двадцать онъ потребовалъ, чтобы я выпилъ съ нимъ брудершафтъ.

Такъ какъ я былъ совершенно трезвъ, то это мнѣ показалось не достаточно мотивированнымъ, но не могъ же я отказать въ этомъ человѣку, который обладалъ столь роковой записной книжкой. И вотъ я уже въ его объятіяхъ, къ моимъ губамъ прикасаются его толстыя губы, самыя обыкновенныя губы, мягкія, влажныя, пахнущія краснымъ виномъ, но мое воображеніе снабжаетъ ихъ мертвенно-блѣднымъ цвѣтомъ и температурой градусовъ въ десять ниже нуля, словомъ превращаетъ ихъ въ тѣ губы, какія должны быть у смерти.

Но и это еще не все. Такъ какъ мой новый другъ продолжалъ съ большой энергіей пить красное вино, то часа въ два ночи, когда гости стали разъѣзжаться, онъ былъ въ такомъ состояніи, которое не позволяло ему одному ѣхать домой, и я, въ качествѣ новаго друга, долженъ былъ помочь ему сойти внизъ по лѣстницѣ, усадилъ на извозчика и довезъ его до квартиры.

Тутъ я дотащилъ его до четвертаго этажа, позвонилъ и сдалъ его на руки какой-то заспанной женщинѣ, которая могла быть его женой, но, можетъ быть, кухаркой. Лицо у этой особы было очень злое, и въ заспанныхъ глазахъ свѣтился довольно свирѣпый огонь. Но это было совершенно понятно, если принять во вниманіе столь поздній часъ и то состояніе, въ какомъ я доставилъ домой моего страшнаго друга...

Само собой разумѣется, что я не только не услышалъ никакой благодарности, но былъ еще награжденъ грознымъ взглядомъ, такъ какъ очевидно былъ принятъ за участника въ преступленіи.

Прошло нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ я ни разу не встрѣчалъ Урчалова, но однажды, придя домой, нашелъ у себя его карточку. Онъ былъ у меня и оставилъ очень милую записку, которая начиналась такъ:

«Дружище, какъ тебѣ не стыдно не навѣстить болящаго? послѣ того пиршества, когда ты доставилъ на мою квартиру принадлежащее моей душѣ мертвое тѣло, я два дня былъ боленъ и думалъ даже, что умру, и меня страшно заботила мысль, что некому будетъ написать мой некрологъ»... и т. д.

Слѣдовалъ рядъ дружескихъ укоровъ и настойчивая просьба непремѣнно посѣтить его, при чемъ даже назначался мнѣ часъ.

Я на это рѣшился и въ назначенный часъ пошелъ къ нему. Всю дорогу я думалъ о томъ, какъ я буду совершенно незнакомому человѣку говорить ты, что, судя по запискѣ Ивана Петровича, было совершенно неизбѣжно. Урчаловъ забылъ все, но очевидно помнилъ очень твердо, что въ моемъ лицѣ пріобрѣлъ друга.

— А, наконецъ-то ты пришелъ! — воскликнулъ онъ, когда я явился къ нему, и вообще выразилъ искреннюю радость.

Начался разговоръ, вертѣвшійся на пиршествѣ у моего пріятеля. Я вначалѣ тщательно избѣгалъ употребленія личныхъ мѣстоименій и старался пользоваться безличными фразами. Когда мнѣ нужно было спросить его, много ли онъ выигралъ въ винтъ, я сказалъ: а великъ ли былъ выигрышъ? вмѣсто того, чтобы сказать: сколько ты платишь за квартиру? я спросилъ: какъ велика квартирная плата?

Но говорить такимъ обрѣзомъ было глупо и тяжело, и я мало-помалу пріучилъ себя говорить ему ты.

— Ахъ, милый, я забылъ спросить у тебя одну важную вещь!— вдругъ воскликнулъ Иванъ Петровичъ.—Скажи, пожалуйста, какое было твое первое произведеніе? Въ какомъ году и гдѣ ты его помѣстилъ?

Я отвѣтилъ. Иванъ Петровичъ отыскалъ свою записную книжку, а въ ней мою страницу, и вписалъ туда новое свѣдѣніе. Это дало мнѣ поводъ заговорить о его странной спеціальности, съ которой я до сихъ поръ никакъ не могъ свыкнуться.

— Скажи ради Бога,—спросилъ я,—зачѣмъ тебѣ все это?

— То есть, что именно?

— Ну, вотъ всѣ эти свѣдѣнія о томъ и другомъ.

— Какъ зачѣмъ? Да вѣдь, если ты умрешь, то къ кому же обратятся, какъ не ко мнѣ? Ты — имя, ты—общественный дѣятель, ты — величина... ну, и значитъ сейчасъ прибѣгутъ ко мнѣ: Иванъ Петровичъ, пожалуйте, молъ, некроложецъ. А Иванъ Петровичъ долженъ бѣгать и собирать справки у родственниковъ, а родственники, удрученные горемъ, будутъ посылать его къ чорту; ну, нѣтъ, братъ, покорно благодарю. Я это испыталъ. Первое время, когда я еще не былъ опытенъ, я именно такъ сдѣлалъ раза два. Умеръ извѣстный художникъ Липинскій. Надо некрологъ. Ну, раза два на выставкахъ видѣлъ его картины. Какъ тутъ быть? Бѣгу къ нему. Вижу: женщины въ траурѣ, дѣти съ заплаканными глазами, старшій сынъ ходитъ, какъ помѣшанный. Какъ тутъ обратиться къ людямъ съ разспросами? А нужно, понимаешь, хоть тресни! Редакторъ — я и тогда работалъ въ газетѣ «Надзвѣздый міръ» — былъ нынѣ благополучно скончавшійся мой другъ Антонъ Антоновичъ Бабунскій, человѣкъ требовательный. Такъ, братецъ ты мой, что я сдѣлалъ? Обратился къ лакею, поманилъ его пальцемъ, вытащилъ на лѣстницу, вручилъ рублевку и кое-что изъ него выцара-

палъ. Ну, разумѣется, онъ нагородилъ мнѣ совершенно не подходящей чепухи, но все же, пустивъ въ ходъ свое воображеніе, я кое-какъ нацарапалъ некрологъ. А въ другой разъ скончался генералъ, тоже весьма извѣстный на полѣ брани, такъ тамъ меня почти съ лѣстницы спустили. Ну, вотъ я и поумнѣлъ, и ужъ теперь не дожидаюсь смерти, а какъ только встрѣчу человѣка, сейчасъ же изъ него необходимыя свѣдѣнія и вытащу. Кто бы онъ ни былъ, это все равно. Можетъ, онъ сегодня ничѣмъ не извѣстенъ, а завтра совершитъ какую нибудь необыкновенную штуку, которая его прославитъ. И ты думаешь, что у меня только и есть что эта книжка? Хе, какъ бы не такъ: у меня, братъ, по книжкѣ на каждое званіе и состояніе. Вотъ смотри.

Онъ подвелъ меня къ шкафу, гдѣ оказалась цѣлая коллекція записныхъ книжекъ различныхъ цвѣтовъ и величинъ.

— Вотъ это для военныхъ,— пояснилъ Иванъ Петровичъ.— Тутъ все больше генералы. Вотъ для государственныхъ дѣятелей. Вотъ эта книжечка для особъ духовнаго званія. Тутъ инженеры, тутъ юристы и т. д.

— Да неужели же у тебя такія обширныя знакомства?

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Огромное большинство я, конечно, и въ глаза не видалъ, да ужъ такъ, разспрашиваешь сторонкой у знакомыхъ, а иной разъ и отъ прислуги поживишься. Въ этомъ дѣлѣ все, братъ, пригодится. Но зато всякій газетчикъ знаетъ, что если кого нибудь Господь приберетъ къ себѣ, то только у Ивана Петровича въ тотъ же день, въ ту же минуту, можно получить некрологъ, вѣдь вся суть въ этомъ. Другой пойдетъ біографическія свѣдѣнія разыскивать. Его двадцать разъ выгонятъ изъ разныхъ мѣстъ; самое неудобное, это—собирать свѣдѣнія о покойникахъ, когда всѣ потеряли голову, растерялись. А люди къ тому же еще имѣютъ привычку отправляться на тотъ свѣтъ ночью, когда и достать свѣдѣній нельзя, и пришлось бы отложить некрологъ на слѣдующій день. А у Ивана Петровича уже давно все готово. У меня многіе некрологи заранѣе написаны.

— Какъ заранѣе?

— Да такъ вотъ заранѣе: они уже готовы, и ихъ во всякое время можно тиснуть.

— Но позволь, Иванъ Петровичъ, почемъ же ты знаешь, что этотъ человѣкъ умретъ?

— Какъ почемъ знаю? А законъ природы? Есть такой законъ природы, согласно которому всѣ люди подвергаются смертному концу. И если человѣкъ старше, такъ у него и шансовъ больше подвергнуться этому закону. Вотъ и сообрази. А то еще стало извѣстнымъ, что такой-то, скажемъ, заболѣлъ, или такому-то предстоитъ трудная операція. Сейчасъ сажусь и пишу. Оставляю только мѣсто для мѣсяца и числа. Вотъ смотри, въ настоящую минуту у

меня полный портфель некрологовъ. Вотъ А., вотъ Б., вотъ Г. Они благополучно здравствуютъ еще; но А. шестьдесятъ восемь лѣтъ, у Б. ожирѣніе сердца, а Г. поѣхалъ въ долгосрочную командировку по желѣзнымъ дорогамъ, при чемъ ему еще предстоитъ ѣхать и на волжскихъ пароходахъ... значитъ, человѣкъ не проченъ.

Я пробѣжалъ глазами нѣсколько некрологовъ. Одинъ начинался такъ: «...(мѣсто для обозначенія мѣсяца и числа) русская наука понесла чувствительную, незамѣнимую утрату: скончался А., ученые труды котораго могли бы сдѣлать честь любой европейской академіи. А. родился въ 18... году, въ городѣ Тамбовѣ, гдѣ отецъ его занималъ мѣсто... Первые годы его дѣтства протекли въ мирной обстановкѣ глухого провинціальнаго города, но необыкновенныя способности обнаружились у него уже на седьмомъ году и давали право предвидѣть въ немъ будущее свѣтило науки»... и т. д. Шло подробное описаніе всей карьеры благополучно здравствующаго А., и въ заключеніе стояло патетическое восклицаніе: «каждый годъ уноситъ отъ насъ какого нибудь замѣчательнаго и, увы! незамѣнимаго дѣятеля. Миръ праху твоему, честный, неподкупный, талантливый труженикъ науки».

Въ другомъ значилось слѣдующее: «... въ своемъ имѣніи Новгородской губерніи скончался Б., имя котораго хорошо извѣстно всему педагогическому міру. Покойный уже за три года до смерти оставилъ педагогическое поприще, вслѣдствіе постигшей его, благодаря непосильнымъ усидчивымъ трудамъ, мучительной болѣзни, не позволявшей ему исполнять свое назначеніе такъ, какъ онъ считалъ достойнымъ своего призванія...» и пр.

И въ самомъ дѣлѣ, въ портфелѣ была цѣлая гора некрологовъ, касавшихся лицъ, благополучно здравствовавшихъ.

Въ то время, какъ я знакомился съ образчиками столь оригинальнаго рода искусства, раздался звонокъ. Иванъ Петровичъ самъ отправился въ переднюю и отворилъ дверь. Я услышалъ разговоръ.

— А, Семенъ Григорьевичъ. Какими судьбами? Такой рѣдкій гость...

— По дѣлу, Иванъ Петровичъ, меня послалъ къ вамъ Николай Алексѣевичъ...

— А что ему?

— Да вѣдь сегодня ночью умеръ сенаторъ К.

— Да неужели? А мнѣ никто не сообщилъ. Въ которомъ часу?

— Въ четыре часа утра, я тамъ сейчасъ былъ...

— И собирали свѣдѣнія? А? Хе, хе! Хотѣли помимо Ивана Петровича некроложецъ соорудить! — довольно ядовито говорилъ Урчаловъ.

Въ это время они вошли въ комнату, гдѣ былъ я, но Иванъ Петровичъ съ гостемъ меня не познакомилъ. Гость возражалъ:

— И не думалъ, Иванъ Петровичъ, вы же знаете, какъ я занятъ... да и не мое это дѣло. У васъ найдется?

— Сенаторъ К... сенаторъ К... ну, какъ же! онъ страдалъ нефритомъ... да, да, какъ же. Я давно его отмѣтилъ. Есть готовенькій. Я, вѣдь, со дня на день жду...

Онъ порылся въ портфелѣ и досталъ листъ бумаги съ тщательно исписанной страницей.

— Погодите только, вотъ число надо проставить. Да надо всетаки пробѣжать...

И онъ пробѣжалъ глазами, бормоча себѣ подъ носъ: «въ ночь съ 17 на 18 ноября въ Петербургѣ скончался сенаторъ К... Покойный началъ свою службу въ качествѣ мирового посредника въ тѣ памятныя времена, когда все русское общество, какъ одинъ человѣкъ, однимъ великимъ народнымъ сердцемъ вѣрило въ возрожденіе»... ну, и прочее. Великолѣпно! Передайте Николаю Алексѣевичу и скажите, что я всегда къ его услугамъ. Ахъ, да... чуть было не забылъ... Извѣстный инженеръ С. опасно заболѣлъ и, кажется, того... Скиксуетъ... Имѣйте въ виду, что у меня для него некроложецъ готовъ, передайте Николаю Алексѣевичу. Да самое лучшее вотъ что: у него, батюшка, крупозное воспаленіе легкаго. Въ его возрастѣ, а ему шестьдесятъ четыре года, эту марку почти не переносятъ... Я такъ и написалъ тутъ: скончался, молъ, отъ крупознаго воспаленія легкаго. Вы возьмите и отдайте въ наборъ. Что за бѣда, если полежитъ недѣльку-другую... А вдругъ ночью понадобится, вотъ оно и готово... только число проставите...

Гость съ благодарностію принялъ предложеніе, взялъ некрологъ еще не скончавшагося инженера и ушелъ.

Иванъ Петровичъ заволновался. Онъ открылъ другой ящикъ стола и началъ рыться въ немъ.

— Тутъ у меня дубликаты лежатъ, — пояснилъ онъ.

— Какіе дубликаты? — спросилъ я.

— А какъ же! Вѣдь я не въ одной газетѣ сотрудничаю. Надо и въ другую послать. Про сенатора С. вездѣ охотно помѣстятъ. А, вотъ, вотъ! — воскликнулъ онъ, найдя желанную бумажку. — Только тутъ придется кое-что перемѣнить.

— Почему?

— Направленіе, батюшка, направленіе! Та газета либеральнаго направленія, а эта консервативнаго. Приходится съ этимъ считаться.

— Что жъ ты можешь подѣлать?

— Какъ что? Во-первыхъ, исключить надо тираду насчетъ «памятнаго времени, когда все русское общество... и проч... вѣрило въ возрожденіе»... а вмѣсто этого мы такъ напишемъ: «... мировымъ посредникомъ въ ту смутную эпоху, результаты которой еще и до нашего времени не выяснились и развѣ только отдален-

ные наши потомки въ состояніи будутъ осмыслить всѣ ошибки и заблужденія...», ну, и прочее въ такомъ родѣ. Ахъ, батюшка, ничего не подѣлаешь, приходится вилять хвостомъ. Вѣдь подумай, дѣло-то совсѣмъ безобидное. Человѣкъ умеръ, что о немъ сказать? Ничего нельзя, кромѣ хорошаго. Съ одной стороны — de mortuis aut bene, aut nihil, съ другой стороны «мертвые сраму не имутъ». А межъ тѣмъ, и тутъ направленіе замѣшалось. Вотъ недавно умеръ одинъ государственный человѣкъ. Правда, онъ давно уже былъ не у дѣлъ, но когда-то имя его гремѣло, и память о немъ жива донынѣ... Человѣкъ онъ былъ крутой и рѣшительный... Но умеръ, что жъ тутъ скажешь? Я и пишу: еще, молъ, не настало время для безпристрастной оцѣнки его выдающейся общественной дѣятельности. Только отдаленное потомство (я вообще довольно часто ссылаюсь на отдаленное потомство) можетъ справедливо оцѣнить то, что онъ сдѣлалъ для Россіи... Ну, кажется, что тутъ? Вѣдь я не говорю, какъ потомство оцѣнитъ, можетъ быть, потомство скажетъ: экій онъ былъ негодяй! И въ одной газетѣ такъ оно и пошло, а въ другой редакторъ завопилъ: батюшка мой, что же это вы ему въ родѣ ѳиміана курите!.. Ну, и пришлось насчетъ потомства выбросить.

— И много приходится тебѣ писать некрологовъ?

— Да вѣдь я этимъ живу. Вотъ квартиру имѣю въ пять комнатъ—восемьсотъ съ дровами плачу, себя содержу, жену и двоихъ дѣтей. Только вотъ прикопить для своего собственнаго потомства никакъ не могу, развѣ въ винтъ выиграешь какъ нибудь... Вотъ тогда на вечерѣ выигралъ два съ полтиной, и на другой день жена отнесла въ сберегательную кассу.

— Неужели же этимъ можно столько заработать?

— Оказывается, что можно. Законъ природы, братъ, ничего не подѣлаешь. Люди живутъ, живутъ, да и умираютъ. При томъ же имѣй все-таки въ виду, что Урчаловъ въ области некрологической литературы—имя и, ежели некрологъ подписанъ моимъ именемъ, такъ и платятъ за строчку больше. Я даю, примѣрно, въ три газеты; въ одной подписываюсь, а въ другихъ нѣтъ! Такъ съ первой беру пятнадцать копеекъ за строчку, а съ другихъ по десяти.

— И во всѣхъ одинаковые некрологи?

— Ну, нѣтъ, какъ же можно одинаковые? Вотъ у меня есть кандидатъ, который не сегодня—завтра долженъ переселиться ad patres... Я заготовилъ для трехъ газетъ. Вотъ для одной: «вчера ночью скончался Н. Н. Н., имя котораго составляетъ цѣлую эпоху въ дѣлѣ развитія у насъ желѣзнодорожныхъ сообщеній. Покойный началъ свою службу въ скромномъ званіи...» и т. д., а кончается такъ: «при видѣ этой свѣжей могилы, невольно напрашивается мысль: каждый мѣсяцъ мы теряемъ крупнаго общественнаго дѣятеля, а кто приходитъ имъ на смѣну?» Ну, и затѣмъ обычное:

«миръ праху...» и прочее. А вотъ это самое для другой газеты: «смерть жатву жизни коситъ и каждый день и каждый часъ...» ну, это въ родѣ эпиграфа. «Еще одна жертва неутолимаго жнеца-смерти, которая вырвала изъ рядовъ полезныхъ общественныхъ дѣятелей Н. Н. Н. Покойный былъ то, что называется боецъ и при томъ боецъ за правду. Начавъ съ маленькой должности, онъ дошелъ до высокой ступени общественной лѣстницы...» и пр. «Миръ праху» и пр. А вотъ наконецъ для третьей газеты: «Съ чувствомъ глубочайшей скорби мы должны подѣлиться съ нашими читателями печальнымъ извѣстіемъ. Скончался Н. Н. Н., имя котораго связано...» и такъ дальше. Въ концѣ: «миръ праху...». Ну, безъ «миръ праху» никакъ нельзя обойтись. Это все равно, что обѣдня не бываетъ безъ аминь...

— Но неужели тебя не удручаетъ эта постоянная возня съ покойниками? Ты не только провожаешь ихъ на тотъ свѣтъ, а даже какъ будто упреждаешь и предвосхищаешь ихъ кончину.

— Какъ тебѣ сказать? Въ первое время это дѣйствительно было какъ-то не ловко... Не успѣлъ человѣкъ закрыть глаза, какъ ты его сейчасъ же по косточкамъ разбираешь... Ну, а потомъ привыкъ, ничего, и даже, я тебѣ скажу, иногда нахожу въ этомъ особый родъ поэзіи. Иной разъ вдохновишься и такія зажигательныя страницы напишешь, что читатель подпрыгнетъ на мѣстѣ... Ты не читалъ мой знаменитый некрологъ Виктора Гюго?..

— Не читалъ.

— О, онъ, можно сказать, сдѣлалъ мнѣ карьеру. До Виктора Гюго я работалъ, какъ всѣ, перебиваясь съ хлѣба на квасъ. А послѣ Виктора Гюго у меня вдругъ явилось имя, и уже имѣть отъ меня некрологъ сдѣлалось для газеты честью. Я тебѣ покажу... Весь читать не надо, а только нѣкоторыя строчки. Онѣ у меня отмѣчены краснымъ карандашомъ. Я храню его, какъ зѣницу ока. Вотъ онъ...

Онъ отыскалъ въ столѣ изящную темную папку, раскрылъ ее, и тамъ въ траурной рамкѣ помѣщалась вырѣзка изъ газеты.

Я прочиталъ мѣста, подчеркнутыя краснымъ карандашомъ: «угасло великое свѣтило міра, зашло міровое солнце, король поэзіи, могучій властитель думъ нашего вѣка, угасъ неисчерпаемый источникъ пламенныхъ звуковъ, замолкла дивная лира, глубокія струны которой чаровали и потрясали цѣлый рядъ поколѣній».

— А? Какъ находишь? Вѣдь это поэзія, это паѳосъ! А дальше читай. Ну, тутъ не стоитъ, читай конецъ.

«Въ Европѣ осталось еще много великихъ умовъ. Остались Бисмаркъ, Гладстонъ, Гамбетта, цѣлые сонмы ученыхъ, поэтовъ, государственныхъ дѣятелей... И будутъ они нарождаться во всѣ грядущіе вѣка. Но никогда не будетъ другого Виктора Гюго»...

— Да, этотъ некрологъ, можно сказать, вылился изъ глубины души.

— Но, однако, ты, значитъ, пишешь и о тѣхъ, кого не знаешь лично. Какимъ же образомъ ты достаешь свѣдѣнія?

— А ты думаешь, это легко? Гм... Это, братъ, цѣлая наука. Я слѣжу за человѣкомъ по пятамъ, я не пропускаю ни одного шага его по газетамъ и журналамъ, слѣжу за каждой мелочью его жизни и каждый пустякъ вношу въ свою книжку. За то ужъ за такіе некрологи я и деру съ господъ издателей. Ужъ тутъ пятнадцатью копейками за строчку не отдѣлаешься. За Виктора Гюго мнѣ «Надзвѣздный міръ» заплатилъ по тридцать копеекъ. Еще бы! Вѣдь приносили ему съ десятокъ некрологовъ, да все, знаешь, чепуха, одно легкомысліе, нѣтъ глубины, понимаешь—проникновенности.

Я уже собрался уходить отъ Ивана Петровича, какъ вошла прислуга и доложила, что какой-то незнакомый человѣкъ желаетъ его видѣть.

— Такъ проси его сюда,—сказалъ Урчаловъ.—Голубчикъ,—обратился онъ ко мнѣ,—ты посиди въ сторонкѣ одну минуту, я его скоро сплавлю. Это, должно быть, заказчикъ.

— Какой заказчикъ?

— Ну, какъ какой? Какой нибудь почтенный человѣкъ. У него родственникъ скончался, а родственника онъ уважалъ, ну, вотъ и хочетъ почтить его память...

Ужъ этого я окончательно не понялъ; но не успѣлъ разспросить, такъ какъ въ это время вошелъ необыкновенно громоздкій мужчина въ темномъ широкомъ пиджакѣ и цвѣтной рубашкѣ съ приставными бѣлыми воротниками.

— Извините,—густымъ, слегка сиповатымъ, голосомъ сказалъ онъ.—Безпокою васъ.

— Прошу васъ,—промолвилъ Иванъ Петровичъ, предлагая ему стулъ.

Они оба сѣли, я помѣстился въ отдаленномъ углу и сидѣлъ смирно.

— Чѣмъ могу быть полезенъ?—довольно важно спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Да вотъ-съ, былъ сейчасъ въ редакціи «Надзвѣзднаго міра».

— А позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь...

— Бабушкинъ, можетъ, слыхали? Тюфячная торговля есть братьевъ Бабушкиныхъ. Въ Апраксиномъ.

— Какъ же, слышалъ... Весьма почтенная фирма!

— Такъ вотъ-съ... Братъ мой старшій нынче ночью скончался. Я и пришелъ въ газету на счетъ этого самаго...

— Некролога?—облегчилъ его затрудненіе Урчаловъ.

— Это самое. Такъ, чтобы значитъ добрымъ словомъ помянуть... А меня оттуда сюда къ вамъ направили, сказали, что вы этимъ дѣломъ вѣдаете. Такъ уже будьте столь добры...

— Извольте. Вы хотѣли бы, чтобъ некрологъ завтра появился?

— Да ужъ лучше бы завтра. Завтра хоронимъ...

— Извольте, извольте... Это вамъ обойдется сто рублей.

Тюфячный торговецъ Бабушкинъ слегка покрутилъ носомъ.

— Дорогонько.

— Нѣтъ, это совсѣмъ недорого. Вѣдь я за эту работу изъ редакціи ничего не получу. Согласитесь сами, вашъ братъ несомнѣнно человѣкъ очень почтенный, но онъ же не былъ какой нибудь замѣчательный государственный дѣятель. Это, такъ сказать, ваше частное дѣло.

— Да оно такъ.

— Ну, такъ вотъ-съ... При томъ же, это плата обычная. У меня положеніе: за частный некрологъ сто рублей.

Бабушкинъ помялся, но согласился. Тогда Иванъ Петровичъ досталъ книжку, не ту, въ которую онъ вписалъ мое скромное имя, а другую—длинную и узкую, въ коричневой папкѣ и началъ производить допросъ посѣтителю.

— Когда родился вашъ братъ? Гдѣ воспитывался? Торговлю свою получилъ отъ отца или самъ создалъ ее? Есть ли отдѣленія въ провинціи, чему равняется годовой оборотъ, не состоялъ ли въ какой нибудь должности?.. Не былъ ли, напримѣръ, церковнымъ старостой гдѣ нибудь?

Итакъ далѣе — самый подробный допросъ. Бабушкинъ давалъ свѣдѣнія, а Урчаловъ заносилъ въ книгу.

— Ну, прекрасно, это все, что нужно!—сказалъ, наконецъ, Урчаловъ.—Вамъ остается только внести деньги.

— Дозвольте оставить половину, а другую половину потомъ, когда напечатаете,—сказалъ Бабушкинъ.

— Ахъ, нѣтъ! это нельзя. Вамъ придется внести всю сумму, у меня такой принципъ. Знаете, бывали случаи, что человѣкъ вотъ такъ закажетъ, напишешь некрологъ, появится, а потомъ отъ него ни слуху, ни духу.

Купецъ помялся и далъ полную сумму.

— Такъ ужъ будьте добры написать расписочку,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, расписокъ я не даю. Завтра прочитаете некрологъ, и это вамъ будетъ расписка.

Купецъ смутился, но настаивать не смѣлъ. Тонъ, которымъ говорилъ съ нимъ Иванъ Петровичъ, очевидно подавлялъ его.

Купецъ ушелъ. Я умышленно погрузился въ случайно найденную на столѣ книжку, хотя вовсе не читалъ ея. Мнѣ просто было неловко. Мнѣ казалось, что если я подыму голову, и мои глаза встрѣтятся съ глазами Ивана Петровича, то онъ смутится, покраснѣетъ и провалится сквозь землю.

— А знаешь, должно быть, у тебя легкая рука! — весело сказалъ между тѣмъ Иванъ Петровичъ.

Я поднялъ голову и съ удивленіемъ взглянулъ на него. Ни ма-

лѣйшаго смущенія. Лицо его сіяло. Онъ былъ доволенъ и аппетитно потиралъ руки.

— Да, у тебя легкая рука. Право. Вѣдь рѣдко выпадаютъ такіе удачные дни. Но ты какъ будто удивленъ?

— Да, немного...

— Но чѣмъ?

— Видишь ли, я не зналъ, что это... Практикуется...

— То-есть собственно что?

— Да вотъ такіе заказы.

— Но чтожъ тутъ удивительнаго? Дѣло самое простое. У почтеннаго купчины умеръ братъ, участникъ торговаго предпріятія. Никто изъ насъ его не знаетъ, но это не значитъ, что онъ ничтожество. Въ Апраксиномъ рынкѣ онъ, должно быть, не малая, а, можетъ быть, и очень большая спица. Желаніе купца почтить своего старшаго брата некрологомъ вполнѣ естественно. Но съ другой стороны, съ какой стати я буду писать этотъ некрологъ, а издатель будетъ печатать его? Единственное основаніе — общій интересъ. Ну, значитъ, надо, чтобы былъ этотъ интересъ и для насъ съ издателемъ.

— При чемъ же тутъ издатель?

— Какъ при чемъ? Онъ получитъ половину. Вѣдь этотъ некрологъ въ родѣ какъ бы объявленія, только не на четвертой страницѣ, а въ текстѣ, что́ стоитъ дороже. А для него, для купца, вѣдь это лучшая реклама. Гм... ты думаешь, купчина выбросилъ бы сто рублей ради одного почтенія къ покойнику? Какъ бы не такъ! Купецъ существо хитроумное. Онъ разсчиталъ, что ежели апраксинцы и прочіе торговцы прочитаютъ въ газетѣ некрологъ про его брата, то изъ этого заключатъ, что фирма Бабушкиныхъ не какая нибудь... И вообще это вліяетъ на умы... Особенно въ провинціи это повышаетъ довѣріе и увеличиваетъ заказы. Словомъ, тутъ прямой расчетъ и круговая порука. Не взятка же это въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь, я врать ничего не буду. Я напишу, что скончался, молъ, купецъ Бабушкинъ,—и вѣдь это же правда. Что торговалъ онъ тюфяками,— и это совершенная истина, и все прочее, что я о немъ пишу, тоже будетъ истина. Значитъ, это простая плата за трудъ. Издатель получитъ за мѣсто въ газетѣ, а купецъ большое удовольствіе и рекламу.

Объясненіе это меня не удовлетворило, но я не спорилъ, такъ какъ видѣлъ, что Урчаловъ слишкомъ твердо стоитъ на своей точкѣ зрѣнія, и его не собьешь. При томъ же это, кажется, было далеко не первымъ опытомъ.

Я взглянулъ на часы, ужаснулся позднему времени и сталъ прощаться. Скоро я ушелъ, любезно провожаемый хозяиномъ.

Потомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ я встрѣчался съ Иваномъ Петровичемъ Урчаловымъ, то у знакомыхъ, то въ театрѣ, то на раз-

ныхъ литературныхъ торжествахъ. Онъ былъ неизмѣнно милъ, называлъ меня другомъ и постоянно звалъ къ себѣ.

Его некрологическая дѣятельность съ каждымъ годомъ расширялась. Газеты считали для себя удачей, если въ нихъ появлялся некрологъ, подписанный его именемъ, и цѣна ему возвышалась.

Онъ началъ носить цилиндръ и пріобрѣлъ себѣ какую-то необыкновенную палку съ золотымъ зміемъ, обвивавшимся вокругъ ручки. Но въ послѣдніе годы онъ видимо началъ старѣть; его лысина, сохраняя столь же правильную форму, значительно расширилась, въ волосахъ, въ самомъ дѣлѣ, появилось множество сѣдинъ; они порѣдѣли и перестали виться.

Года полтора тому назадъ, я его однажды встрѣтилъ и не узналъ. Лицо его похудѣло и было изжелта-блѣдно, походка была неровная.

— Что съ тобой?—спросилъ я.

— Батюшка мой, конецъ приближается. Дѣло дрянь, совсѣмъ дрянь... Красное вино меня испортило. Очень ужъ я ему вѣренъ былъ всю жизнь.

Не знаю, дѣйствительно ли красное вино имѣло для него такое роковое значеніе, или были другія причины, но въ самомъ дѣлѣ онъ страшно подался и былъ неузнаваемъ.

Прошло еще два мѣсяца. Однажды въ утренній часъ за чайнымъ столомъ я развернулъ газету «Надзвѣздный міръ» и содрогнулся. На первой страницѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, крупными буквами возвѣщалось, что скончался Иванъ Петровичъ Урчаловъ послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни.

Пораженный неожиданностью, я почти машинально перевернулъ страницу и, самъ не знаю почему, сталъ искать некрологъ и нашелъ его.

Это былъ одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ, горячихъ и трогательныхъ некрологовъ, какіе я когда либо читалъ. Въ немъ разсказывалось о томъ, съ какими ничтожными шансами покойный началъ свою журнальную карьеру и какъ дошелъ до высокой ступени.

«Это былъ скромный, неопытный, запуганный провинціалъ, всего и всѣхъ боявшійся, не знавшій, какъ ступить и какъ подойти къ важному столичному человѣку». И потомъ, благодаря добросовѣстной работѣ и драгоцѣннымъ личнымъ качествамъ, онъ пріобрѣлъ вліяніе въ огромномъ литературномъ кругу. «Кто изъ людей, прикосновенныхъ къ печати, не зналъ Ивана Петровича Урчалова? Для кого это имя не было синомимомъ бездны фактовъ, подробностей, мелочей, касавшихся дѣятелей всевозможныхъ общественныхъ ступеней? Это была живая справочная книга, которою, благодаря необыкновенной любезности и предупредительности покойнаго, могъ пользоваться всякій, кто хотѣлъ. Вращаясь въ самыхъ разнообраз-

ныхъ кругахъ, покойный Иванъ Петровичъ умѣлъ сохранить со всѣми лучшія, дружескія отношенія. Во всякомъ направленіи онъ умѣлъ найти истину и цѣнилъ въ направленіи только искренность, съ которой оно исповѣдывалось. Глядя на его добродушное, всегда оживленное, всегда полное мысли и глубокаго интереса къ событіямъ, лицо, никто не подумалъ бы о томъ, сколькихъ замѣчательныхъ дѣятелей покойный напутствовалъ при переселеніи въ лучшій міръ своими сочувственными, но безпристрастными словами. А слово его было лучшей оцѣнкой для личности, потому что онъ умѣлъ взвѣшивать его съ такою осторожностью, какъ будто каждое его слово было крупицей золота. Міръ праху твоему, честный труженикъ на богатой нивѣ родной литературы! Съ глубокимъ горемъ мы провожаемъ тебя и въ виду твоей свѣжей могилы не можемъ не сознаться, что не знаемъ такого человѣка, который могъ бы тебя замѣнить».

Удивительно трогательно былъ написанъ этотъ некрологъ, и меня страшно интересовалъ вопросъ, кто могъ написать его. Очевидно, это былъ человѣкъ, который имѣлъ права унаслѣдовать амплуа Ивана Петровича.

И когда я отправился на похороны и принялъ участіе въ неособенно многолюдной процессіи за гробомъ Урчалова, то, встрѣтивъ редактора «Надзвѣзднаго міра», я поспѣшилъ обратиться къ нему съ вопросомъ:

— Ради Бога, скажите, кто у васъ написалъ такой чудный некрологъ Ивану Петровичу?

— Онъ самъ!—былъ отвѣтъ.

Я былъ огорошенъ.—Какъ онъ самъ? Онъ написалъ свой собственный некрологъ?

— Да, онъ самъ написалъ его. Три недѣли тому назадъ онъ слегъ въ постель, и доктора сказали, что онъ опасенъ. Тогда онъ и написалъ свой некрологъ. Онъ сказалъ: «никто лучше меня этого не сдѣлаетъ. При томъ же еще наврутъ и между строкъ пустятъ какую нибудь напраслину». Ему стоило это большихъ усилій, онъ еле водилъ перомъ, но все же написалъ. Три недѣли некрологъ лежалъ въ наборѣ, и вдругъ вчера ночью получаемъ извѣстіе: «скончался». Я вставилъ мѣсяцъ, число и тиснулъ.

Мы похоронили Ивана Петровича Урчалова. Конечно, никто не станетъ утверждать, что въ лицѣ его мы опустили въ могилу какую нибудь замѣчательную личность, и что литература понесла незамѣнимую утрату.

Замѣнить его можно, конечно. Но... говоря по совѣсти, теперь ужъ не пишутъ такихъ красивыхъ и трогательныхъ некрологовъ, какіе писалъ Иванъ Петровичъ Урчаловъ.

И. Потапенко.

НА НОВУЮ ЛИНІЮ.

(Посвящается князю Николаю Александровичу Ухтомскому).

I.

ЗАДУМАВЪ разсказать исторію переселенческаго движенія въ нашей мѣстности, представляющую едва ли не единственное послѣ освобожденія крестьянъ, выдающееся событіе въ сѣренькой жизни нашей мѣстности, я прежде всего желалъ, избѣгая всякаго сочинительства, передать свои личныя наблюденія, то, что пережилъ или же слышалъ отъ десятковъ возвратившихся изъ Сибири переселенцевъ, съ которыми приходилось бесѣдовать, то, что совершилось на глазахъ у всѣхъ, то, что каждый можетъ легко провѣрить, если пожелаетъ. Съ такой же неизмѣнной правдивостью относился я и къ выдающимся, взятымъ прямо изъ жизни, героямъ нашей своеобразной захолустной драмы, воздерживаясь отъ всякихъ прикрасъ и излишнихъ фантазій.

Дѣйствіе происходитъ въ одной изъ самыхъ хлѣбородныхъ губерній средняго Поволжья, гдѣ до настоящаго времени, казалось бы, все соединялось къ тому только, чтобы осчастливить человѣка, привыкшаго къ безмятежному, сытному прозябанію, при полномъ отсутствіи поэтическаго элемента и духовной жизни въ мѣстномъ населеніи. Даже раскольники, еще уцѣлѣвшіе въ нашемъ приходѣ, и тѣ не представляли ровно ничего интереснаго и глубокаго, и только старались извлечь кое-какія матеріальныя выгоды изъ сво-

его исключительнаго положенія, не платить за требы, не участвовать въ расходахъ по содержанію и ремонту приходской церкви, не отличаясь ни особенными добродѣтелями, ни примѣрной жизнью. О неурожаяхъ и голодовкахъ даже преклонные старцы и тѣ мало помнятъ. О крайней нуждѣ я почти не слыхалъ въ теченіе всей своей продолжительной жизни въ селѣ Никольскомъ, а сплошной черноземъ давалъ постоянные урожаи, возбуждая зависть сосѣднихъ волостей и уѣздовъ, съ давнихъ поръ считавшихъ нашу мѣстность какимъ-то неисчерпаемымъ золотымъ дномъ.

Самое село Никольское растянулось широкимъ квадратомъ по площади, постепенно склоняющейся къ тощей рѣченкѣ, текущей подъ самымъ селомъ. Кругомъ ни единаго деревца, ни садовъ, ни сносныхъ огородовъ — и только, какъ солдаты, выстроились ряды сѣрыхъ избъ, подъ соломенными и тесовыми крышами. На серединѣ площади красуется церковь; рядомъ помѣщается двухъэтажная школа, поражающая крестьянъ своей красной крышей; невдалекѣ волостное правленіе, противъ котораго, по положенію, на разстояніи 40 саженъ ютятся два кабака, а затѣмъ кругомъ—поля, поля и поля, съ рѣдкими бѣлыми пятнами церквей сосѣднихъ селеній.

Ни малѣйшаго признака красиваго мѣстоположенія... не на чемъ отдохнуть глазу. Природы нѣтъ и въ поминѣ, а вмѣсто нея вправо и влѣво тянутся правильно разбитыя сороковыя десятины. Однообразіе въ природѣ и въ людяхъ изумительное, а среди тучныхъ, безъ всякаго удобренія полей, нѣтъ и не можетъ быть мѣста какимъ либо поэтическимъ картинамъ и увлеченіямъ.

Обитатели Никольской волости—народъ крутой, потонувшій въ ежедневныхъ заботахъ и мелочахъ, отъ которыхъ имъ даже некогда опомниться. Земля, съ искони вѣковъ обезпечивавшая всѣмъ и каждому почти неизмѣнно сытное существованіе, поглощала весь лѣтній трудъ мужика; никакихъ отхожихъ промысловъ, фабричныхъ или кустарныхъ, нѣтъ и никогда не было. Самое общество села Никольскаго сидѣло на одной десятинѣ, но, благодаря достаточному количеству мелкихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, не знавшихъ, что дѣлать съ землей, особеннаго недостатка въ ней не ощущалось. «Исполу» бери, сколько хочешь и на весьма легкихъ условіяхъ, настбище ни почемъ, а арендныя цѣны не превышали 25—30 рублей за кругъ съ ничтожнымъ задаткомъ.

Лѣто, по разъ навсегда установившемуся порядку, какъ у землевладѣльцевъ, такъ и у крестьянъ, проходило въ постоянныхъ трудахъ и заботахъ; но съ приближеніемъ осени какъ тѣми, такъ и другими, овладѣвала лѣнь и спячка, обыкновенно кончавшаяся тѣмъ, что одни чувствовали неопредолимое желаніе «освѣжиться», переѣхать въ городъ, прокатиться въ столицу или за границу, а другіе насладиться полнѣйшимъ бездѣльемъ.

Народъ, столѣтіями воспитанный на несокрушимомъ недовѣріи къ начальству и помѣщикамъ, въ каждомъ ихъ словѣ видѣлъ только новый подвохъ и скрытую заднюю мысль, по старой привычкѣ величая ихъ въ глаза отцами и благодѣтелями, а за глаза грабителями и людоѣдами, а, при малѣйшимъ покушеніи осуществить хотя бы самую благодѣтельную мѣру, впадалъ въ уныніе и боязливо сторонился отъ непрошенныхъ благодѣтелей.

Производительна и успѣшна была только неутомимая дѣятельность интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ кулаковъ и аферистовъ, переполнившихъ наши веси, а вѣяніе самой легкой и безцеремонной наживы надолго, если не навсегда, водворилось, какъ въ Никольскомъ, такъ и во всѣхъ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Въ каждой крошечной деревушкѣ, спрятавшейся въ какомъ нибудь недосягаемомъ оврагѣ, засѣлъ свой помѣщикъ новаго типа, сознательно или безсознательно эксплоатировавшій народъ и, чѣмъ болѣе и краснорѣчивѣе говорилъ онъ вначалѣ о пользѣ, которую можетъ принести просвѣщенный и гуманный хозяинъ въ деревнѣ, тѣмъ болѣе увлекался непреоборимымъ желаніемъ расширить свои земли и зачастую безъ гроша въ карманѣ, благодаря одной ловкости и кредиту, превратиться изъ мелкаго землевладѣльца въ крупнаго. И, Боже мой, сколько душевныхъ драмъ, паденій и потери всякой способности различать зло отъ добра приходится наблюдать въ своеобразномъ деревенскомъ быту послѣдняго времени! Такимъ образомъ, благодаря такому установившемуся порядку вещей, одни дошли до послѣдней степени нищеты и стоическаго равнодушія къ собственному благу, тогда какъ другіе богатѣютъ не по днямъ, а по часамъ, и все болѣе и болѣе округляютъ свои владѣнія.

Скучный край, скучные, исключительно практическіе люди! А вмѣсто деревни, вмѣсто этой тихой пристани, вмѣсто бывшаго приволья, какая-то громадная фабрика для производства возможно большаго количества хлѣба.

Съ перваго, поверхностнаго взгляда казалось, что все обстоитъ благополучно, но при болѣе внимательномъ отношеніи къ окружающему безпристрастный наблюдатель давнымъ давно долженъ бы былъ прійти къ заключенію, что обитатели «золотого дна» безъ всякаго исключенія руководились правиломъ — «день прошелъ и слава Богу», а порядокъ былъ только внѣшній — формальный.

Во главѣ мѣстнаго управленія стоялъ кабинетный труженикъ, по-своему дѣятельный, безукоризненно честный, но въ то же время такъ же мало знакомый со своей губерніей, какъ иностранецъ, проживающій въ Лозаннѣ, — съ остальной Швейцаріей; мировые судьи, усмиривъ самодуровъ, вскормленныхъ крѣпостнымъ правомъ, на законномъ основаніи выпроваживали изъ своихъ камеръ крестьянъ, искавшихъ правосудія и недовольныхъ волостнымъ судомъ; брезг-

ливо относились къ массѣ безграмотныхъ актовъ, составляемыхъ урядниками; разбирали грошевые иски мѣстныхъ промышленниковъ, и въ концѣ концовъ, утративъ бывшую энергію, аккуратно получали незаслуженное жалованье, прежде всего стараясь поддерживать добрыя отношенія съ вліятельными гласными; непремѣнный членъ уѣзднаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ крѣпко и долго держался на мѣстѣ, единственно благодаря несокрушимому правилу, пережившему всякія вѣянія и реформы,—избирать и сажать на мѣста разорившихся дворянъ,—добродушнѣйшій толстякъ, тщетно боровшійся съ извѣстной слабостью, раза два въ теченіе года появлялся въ волостномъ правленіи и на всѣ обращенныя къ нему жалобы о бездѣйствіи сельскихъ властей и постоянныхъ правонарушеніяхъ только разводилъ руками и, покатываясь со смѣху, увѣрялъ, что у него въ имѣніи идетъ такая же неурядица, хоть бросай хозяйство. Домовитый мужикъ, попавшій въ сельскіе старосты, неминуемымъ образомъ спивался; волостные старшины то и дѣло попадали подъ судъ за утайку страховыхъ денегъ или другія болѣе или менѣе возмутительныя продѣлки; рѣдкій сборщикъ не растратилъ общественныхъ денегъ, а 8-го декабря ко мнѣ аккуратно являлся ямщикъ волостного правленія и, точно такъ же, какъ въ прошломъ году и три года тому назадъ, просилъ ссудить 50 рублей, которые ежегодно съ неизмѣнной аккуратностью пропивались волостнымъ сходомъ въ день сдачи волостной гоньбы. Мірская водка въ теченіе десятковъ лѣтъ была и еще надолго останется такимъ искушеніемъ, противъ котораго не устоять самому крѣпкому и степенному мужику. Непреодолимое, страстное желаніе выпить на даровщину, на мірской счетъ, хотя бы на время стряхнуть съ себя вѣчную обузу всякихъ заботъ—до такой степени овладѣваетъ мужикомъ, что въ такую минуту онъ способенъ на самую невозможную, нелѣпую выходку.

Точно наперекоръ всякимъ благимъ намѣреніямъ и измышленіямъ, мужикъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ жить по-своему, такъ, какъ ему желательно, а не такъ, какъ бы это хотѣлось его радѣтелямъ, то-есть, цѣною неимовѣрныхъ трудовъ въ страдную пору, когда, по народному выраженію, «день годъ кормитъ», завоевать себѣ право съ Покрова и до самаго ярового сѣва сложить руки, а при первомъ удобномъ случаѣ загулять во всю ширь.

Записные хозяева, въ большинствѣ случаевъ крайніе эгоисты, съ раздраженіемъ указываютъ на только что описанный нами складъ сельской жизни, при которомъ никто не знаетъ, да и не хочетъ знать, что можно и чего нельзя, никто никогда и не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, главнымъ образомъ, напирая на то, что рѣдкая вдова или келейница, проживающая на положеніи птицы небесной, пойдетъ въ услуженіе, и рѣдкій мужикъ, изъ мало-мальски зажиточной семьи, поставитъ въ работники своего изнываю-

щаго отъ бездѣлья сына. Но если только отрѣшиться отъ предвзятыхъ взглядовъ, то дѣло представляется въ другомъ свѣтѣ, а желаніе человѣка отдохнуть послѣ каторжной лѣтней работы и во что бы то ни стало, хотя бы на время, сохранить независимость представляется вполнѣ понятнымъ и законнымъ.

Благодаря постоянной вознѣ съ бреннымъ тѣломъ, мнѣ волей или неволей приходилось ѣздить за границу и подолгу проживать въ одномъ изъ цвѣтущихъ уголковъ Германіи. Тамъ, на чужбинѣ, покоряясь одной необходимости, не зная, куда дѣвать избытокъ свободнаго времени, изнывая отъ зависти, бродилъ я по окрестнымъ деревнямъ, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе знакомясь съ поразительнымъ для меня трудолюбіемъ, бережливостью крестьянъ и вообще какимъ-то сказочнымъ благоустройствомъ сельскаго быта, затѣмъ, вполнѣ насладившись плодами цивилизаціи, обыкновенно въ началѣ осени возвращался восвояси, чтобы при первомъ же столкновеніи съ родными порядками прійти въ совершенное отчаяніе: мнѣ было стыдно за настоящее и страшно за будущее.

Сюрпризъ слѣдовалъ за сюрпризомъ: въ первый же день пріѣзда сталкиваюсь съ нашимъ пастыремъ, въ блаженномъ видѣ возвращавшимся съ поминокъ и издали посылавшимъ мнѣ воздушные поцѣлуи; на моихъ озимяхъ появляется все деревенское стадо, оно бродитъ безъ пастуха; пастухъ ушелъ, поссорившись съ стариками, а старики загуляли и не подыскиваютъ другого; заѣхалъ становой приставъ и съ невозмутимѣйшимъ видомъ повѣствуетъ, что на Михайловъ день въ селѣ Красавинѣ опились три мужика; третій разъ возвращается арендаторъ моей земли изъ волостного правленія, гдѣ ему необходимо засвидѣтельствовать заключенное между нами условіе, и жалуется на то, что въ правленіи или ни души, или же всѣ чины его безъ ногъ; является чуфаровскій крестьянинъ, съ котораго мнѣ слѣдовало получить 180 рублей по исполнительному листу за порубку лѣса, и предлагаетъ мнѣ 3 рубля на мировую; завернулъ Василій Данилинъ, зажиточный мужикъ нашего села, съ цѣлью купить у меня большой ометъ скошеннаго, недоспѣвшаго овса, на время оставленный въ полѣ. Мы не сошлись въ цѣнѣ, и недовольный, долго пристававшій ко мнѣ покупатель садится на лошадь и скрывается въ ночномъ меракѣ. Ѣхать ему приходилось какъ разъ мимо моего омета; и не прошло четверти часа, какъ ометъ запылалъ, а на другой день мужики, пріѣзжавшіе на мельницу, добродушно посмѣиваясь, толковали о томъ, что это дѣло Данилина. Но этого мало,—самъ Данилинъ смотритъ какимъ-то побѣдителемъ, и въ его маленькихъ хитрыхъ глазахъ такъ и сквозило: ну, да, это мое дѣло, захотѣлось погрѣться около барскаго омета,—ну, вотъ и погрѣлся. Волостной старшина равнодушно выслушиваетъ заявленіе о поджогѣ и, вмѣсто того, чтобы принять какія нибудь мѣры, мнѣ же, точно своему ближайшему начальнику,

жалуется на то, что никому лишняго слова нельзя сказать; онъ тебѣ сейчасъ — молчи: вотъ онъ гдѣ красный-то кочетъ — въ карманѣ и т. д., и т. д.

Я окончательно падаю духомъ; мое раздраженіе не знаетъ границъ: собираюсь въ городъ искать защиты, открыть глаза кабинетному администратору, записываю десятки возмутительныхъ фактовъ, чтобы забить тревогу въ газетахъ, но, такъ какъ при всемъ этомъ я все-таки остаюсь кореннымъ русскимъ человѣкомъ, шаткимъ собственникомъ, способнымъ сомнѣваться даже въ своихъ личныхъ наблюденіяхъ и заключеніяхъ о народѣ, отъ котораго только что собирался бѣжать куда глаза глядятъ и безъ котораго не въ состояніи прожить двухъ дней, необходимаго не только, какъ рабочая сила, но какъ нѣчто болѣе, далеко болѣе дорогое, то крутые замыслы откладываются со дня на день, и не проходитъ мѣсяца, какъ мы уже мирно бесѣдуемъ съ злодѣемъ Данилинымъ, несомнѣнно спалившимъ мой ометъ; этого мало, — злодѣй относится ко мнѣ съ такимъ искреннимъ сочувствіемъ, то и дѣло навязываясь со всевозможными услугами, что мнѣ уже не вѣрится въ его злодѣйскія наклонности. Меня осаждаютъ должники за землю и, жалуясь на безденежье, честнѣйшимъ образомъ уплачиваютъ долги и даже, что десятки разъ повторялось со мной, напоминаютъ о забытомъ долгѣ, или исправляютъ мои ошибки и доказываютъ, что я обсчитался и получилъ менѣе, нежели слѣдовало.

Наступила зима, хлѣбъ обмолоченъ, проданъ извѣстному кулаку, по условію, написанному на клочкѣ бумаги и не имѣющему ровно никакого значенія, доставленъ въ городъ все тѣми же не признающими собственности мужиками, да къ тому же его оказалось больше, нежели предполагали, такъ какъ ссыпка производилась спустя рукава. Кулакъ знаетъ свое дѣло, то-есть, бракуетъ хлѣбъ, будто бы не сходный съ пробой, безцеремонно дѣлаетъ скидку съ каждаго воза, но при всемъ томъ, продѣлавши всякіе болѣе или менѣе неблаговидные маневры, уплачиваетъ деньги, и въ ваши руки противъ ожиданія попадаетъ крупная сумма, не только покрывающая расходы на дорогую заграничную поѣздку, но дающая полную возможность кое-что отложить въ оборотный капиталъ, безъ котораго, какъ говорится, но никогда не дѣлается, никакое хозяйство существовать не можетъ. Никакихъ работъ нѣтъ, а если и есть, то не важныхъ — около двора больше: прикрыть кое-гдѣ солому на крышахъ, раскидать снѣгъ около дома — вотъ и все. Благодушествуй и отдыхай, сколько душѣ угодно въ своемъ теплымъ и уютномъ кабинетѣ, почитывай газеты и послѣднія книжки журналовъ, а заболитъ голова отъ постояннаго чтенія, такъ можно развлечься: съѣздить въ школу, поговорить съ учительницей, на вашихъ глазахъ, около двадцати лѣтъ тому назадъ, юной, увлекающейся своимъ высокимъ призваніемъ, дѣвушкой, поступившей

на мѣсто, а теперь исхудалой, изнемогшей, безпріютной въ случаѣ болѣзни и похожей на брошенный, выжатый лимонъ. Мы вмѣстѣ радуемся замѣчательнымъ успѣхамъ младшаго отдѣленія и предстоящему открытію публичныхъ чтеній съ туманными картинами, а потомъ переходимъ къ послѣднимъ новостямъ: я узнаю, кто изъ числа сельскихъ тузовъ запилъ, а кто зарекся и покорилъ свои страсти, узнаю о необычайно выгодной покупкѣ крестьянскихъ озимей нашимъ интеллигентнѣйшимъ сосѣдомъ, съ ихъ же полной уборкой, въ то время, когда другой уже не интеллигентный сосѣдъ, большой шутникъ, только что вымазалъ желтой краской, приготовленной для половъ, десятки поденщиковъ, явившихся за полученіемъ слѣдующихъ за работу денегъ. По дорогѣ можно бы завернуть къ нашему старому, убѣленному сѣдинами пастырю, но онъ, навѣрное, спитъ, и, проѣзжая мимо его дома, я какъ будто слышу его сильный, угрожающій храпъ. Меня окружаютъ, безцѣльно слонявшіеся по улицѣ, мужики и жалуются на убытки, причиняемые имъ девятью волками, каждую ночь появляющимися въ селеніи. Отъ скуки и бездѣлья они готовы безъ конца разсказывать о волкахъ, истребляющихъ ихъ скотину, но я ограничиваюсь безплоднымъ сожалѣніемъ и спѣшу домой.

И вотъ я снова въ своемъ кабинетѣ, на своемъ мягкомъ и удобномъ диванѣ, съ неизбѣжной книгой въ рукахъ, не зная, какъ убить избытокъ свободнаго времени: продолжать ли чтеніе интересной статьи, или помечтать о благотворномъ вліяніи на мѣстныя права публичныхъ чтеній съ туманными картинами. Мысли путаются... я перехожу къ щекотливому вопросу о ловкой спекуляціи, совершенной интеллигентнымъ сосѣдомъ, и уже самъ не знаю, огорчаться или радоваться тому, что и въ нашей мертвой глуши наконецъ-то появились «смѣлые предприниматели». Въ глазахъ начинаютъ рябить волки и рядомъ съ ними физіономіи поденщиковъ и поденщицъ, вымазанныхъ желтой краской... Сладкая лѣнь смыкаетъ глаза, мысленно удивляюсь счастливой способности нашего батюшки, готоваго спать безмятежнымъ сномъ съ самаго начала зимы и вплоть до великаго поста, а между тѣмъ глаза смыкаются, все окружающее заволакивается густымъ туманомъ, я засыпаю, чтобы вдругъ ни съ того, ни съ другого почувствовать безвыходную пустоту и неурядицу всего окружающаго, вмѣстѣ съ очевиднымъ, мучительнымъ безсиліемъ хотя бы чѣмъ нибудь измѣнить къ лучшему или въ крайнемъ случаѣ хотя бы бѣжать, куда глаза глядятъ. Но всѣ эти неумѣстные порывы постепенно затихаютъ — никто не безпокоитъ, не воруетъ, не грабитъ, при полнѣйшемъ отсутствіи полиціи и власти вообще, и волей или неволей приходишь къ тому, что своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и всѣмъ благосостояніемъ вы прежде всего обязаны все тому же прославленному пьяницѣ мужику, способному доволь-

ствоваться чрезмѣрно малымъ и уже нисколько не виноватому въ его невольно полугодовомъ бездѣльи, а тутъ въ праздничные дни, а иногда и въ будни, изъ ближайшаго селенія слышатся неумолкаемыя, веселыя пѣсни, явно свидѣтельствующія о томъ, что никто изъ обывателей даже и не думаетъ тяготиться этимъ, сильно озабочивающимъ насъ бездѣльемъ, а моему хозяйственному старостѣ, въ теченіе осени и зимы зачастую, не безъ скрытаго удовольствія, приходится докладывать, что только понапрасну наряжать на молотьбу; народъ шибко загулялъ: мірского быка продали.

Къ довершенію благополучія длинная, непогожая осень, съ ея замерзшими кочками, въ видѣ кинжаловъ, кончена, выпалъ давно ожидаемый первый снѣгъ — дорога восхитительная. Залились колокольчики, загромыхали бубенцы и покатили въ городъ помѣщики и помѣщицы своего и сосѣдняго уѣзда, сгорая общимъ желаніемъ, какъ можно скорѣе заложить свой урожай въ государственномъ банкѣ и кстати освѣжиться въ опереткѣ и всесословномъ клубѣ. Они продѣлываютъ эту операцію съ такимъ завиднымъ наслажденіемъ, что васъ такъ и подмываетъ скакать вмѣстѣ съ ними и заложить свой хлѣбъ. Озабоченная, дѣловая скачка все усиливается, въ десятый разъ промчался нашъ образцовый хозяинъ, все существованіе коего держится на какихъ-то таинственныхъ учетахъ своихъ и чужихъ векселей. Вы весело встрѣчаете гостей, весело провожаете ихъ, ожидая, что они всѣ до единаго завернутъ на обратномъ пути и сообщатъ о послѣднемъ обѣдѣ, послѣ котораго не осталось ни одной бутылки шампанскаго въ городѣ, а именитымъ купцомъ Горшковымъ, въ обыкновенномъ разговорѣ называвшимъ тротуаръ «портуваромъ», была произнесена блестящая рѣчь, въ которой ораторъ коснулся даже историческихъ судебъ нашего края, а фабричный инспекторъ, весьма, впрочемъ, исправный чиновникъ по службѣ, съ рѣдкимъ шикомъ протанцовалъ канканъ въ любительскомъ спектаклѣ, прочтутъ послѣднее произведеніе мѣстнаго обличителя Уткина, въ которомъ онъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, воспѣлъ увеселительную поѣздку нашего сановника. Такимъ образомъ, не покидая своего хутора, вы узнаете тысячу забавнѣйшихъ вещей, а время бѣжитъ себѣ да бѣжитъ.

«Это ли не Эльдорадо въ своемъ родѣ!»—блаженно размышляете вы, упуская изъ виду, что еслибы въ этотъ земной рай случайно попалъ избалованный обитатель столицы, даже изъ числа самыхъ ярыхъ народниковъ, то онъ разбилъ бы себѣ голову объ стѣну.

Въ общемъ картина нашего благодатнаго когда-то края къ началу рокового 1892 года представлялась въ такомъ видѣ: крупные и мелкіе землевладѣльцы, а частью и земледѣльцы, достигли громадныхъ успѣховъ въ знаніи вексельнаго устава и способности занять тамъ и уплатить тутъ, занять тутъ и уплатить тамъ, а въ крайнемъ случаѣ не платить ни тутъ ни тамъ, предоставивъ имѣніе

тому изъ банковъ, который окажется болѣе довѣрчивымъ; во всемъ уѣздѣ, если не въ губерніи, два-три имѣнія, находящіяся въ блестящемъ состояніи, благодаря винокуреннымъ заводамъ, а главнымъ образомъ кабацкому хозяйству; какой нибудь десятокъ незаложенныхъ имѣній, отличившихся сносной обработкой земли, прочностью хозяйственныхъ построекъ, изобиліемъ скота; достаточное количество когда-то знаменитыхъ имѣній, съ которыхъ получены сотни тысячъ доходовъ, поражающихъ своимъ нищенскимъ видомъ, и многое множество мелкихъ земельныхъ участковъ (отъ 300 до 50, даже 20 десятинъ земли), арендованныхъ, но, чаще всего сгоряча, въ надеждѣ на цѣны и урожай, купленныхъ купцами, всякими разночинцами и крестьянами,—не представляющихъ даже малѣйшаго намека на желаніе владѣльца приложить хотя бы каплю заботливости и труда къ собственной землѣ, посадить хотя бы одно лишнее дерево, срѣзать кочки, покрывающія луга, устроить запруду,—наконецъ хотя бы чѣмъ нибудь проявить, казалось бы, весьма естественную въ деревенскомъ жителѣ любовь къ землѣ. Ко всему этому остается добавить постепенно увеличивающійся классъ крестьянъ новаго типа, окончательно отступившихся отъ земли, потерявшихъ всякое подобіе мужика, едва ли не съ самаго дня освобожденія обратившихъ свои надѣлы въ довольно выгодную въ первое время арендную статью, и небывалое развитіе крупнаго и грошеваго торгашества, если не ошибаюсь, все болѣе и болѣе захватывающаго наше захолустье и подталкивающаго самаго хозяйственнаго мужика выпродать свой урожай до послѣдняго зерна, не заботясь о сѣменахъ и запасахъ на черный день. Все это вмѣстѣ взятое ставитъ втупикъ безпристрастнаго наблюдателя нашего захолустья, не знающаго, какъ согласить несомнѣнную смѣтливость и даровитость русскаго человѣка вообще съ его чисто варварскимъ отношеніемъ къ землѣ, съ которой каждый, начиная съ дворянина, купца и кончая мужикомъ, видимымъ образомъ желаетъ вытянуть все, что можно, не удѣляя ей ни капли любви и заботливости.

Мнѣ остается добавить, что, изображая правдивую картину порядковъ, постепенно, но уже прочно водворившихся въ описанной мѣстности, я въ то же время ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы утверждать, что они представляютъ общее явленіе въ нашей глуши. Я уже имѣлъ достаточно времени, чтобы убѣдиться въ неумѣстности всякихъ обобщеній при поразительномъ разнообразіи мѣстныхъ условій нашего громаднаго отечества.

Много воды утекло за періодъ времени, быстро пролетѣвшаго со дня освобожденія крестьянъ; накопилось столько фактовъ, освѣщающихъ новыя стороны вопроса, измѣнились люди и взгляды,—то, что было дорого и свято для однихъ, становится для другихъ скучною непрактичною иллюзіей. Въ общинѣ видѣли олицетвореніе высшей справедливости, а въ мужикѣ хранителя исконныхъ

русскихъ началъ, образецъ трудолюбія и хозяйственности... И вдругъ крайній оптимизмъ замѣняется крайнимъ пессимизмомъ: міръ—дуракъ, міръ—пьяница, и не будь міра, не было бы и пьянства, отмѣна крѣпостной зависимости отдала мужика въ еще большую зависимость отъ міра. Сколько различныхъ, совершенно противорѣчивыхъ показаній о народѣ и совѣтовъ, какъ и чѣмъ поднять его благосостояніе и устранить видимое всюду пробивающееся оскудѣніе: крестьяне-общинники оскудѣли и упали духомъ, благодаря безчисленному множеству всякаго начальства.—Устраните эту опеку, и мы спасены; крестьянамъ было предоставлено столько правъ, какъ ни одному сословію, не исключая дворянства, и гдѣ же результаты такой широкой свободы?.. Все оскудѣло, благодаря конкурренціи новыхъ заокеанскихъ странъ, начавшихъ разработку дѣвственныхъ почвъ,—и съ этимъ пора примириться; поднимись только цѣна на хлѣбъ, и не останется даже слѣда оскудѣнія; крестьяне терпятъ недостатокъ въ землѣ и начинаютъ обращаться въ пролетаріатъ—слѣдовательно, прежде всего нужно воспользоваться очевидной наклонностью народа къ переселенію и всячески содѣйствовать этому движенію; вводите четырехполье съ чернымъ паромъ и обязательную вывозку навоза; обратите мужика въ фабричнаго рабочаго и т. д. безъ конца.

Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ и совѣтахъ, клонящихся къ народному благу, съ одной стороны многое походитъ на правду, а съ другой—далеко отъ нея. Да и гдѣ же взять столько смѣлости, чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ недоразумѣній, когда все старое вымираетъ или уже вымерло, а новое, молодое, не нарождается, когда мы не въ состояніи уяснить себѣ даже особенностей какой нибудь ничтожной деревушки той волости, гдѣ протекла вся жизнь, когда лично для меня такъ и остается загадкой, почему одно селеніе при надѣлѣ въ 8—10 десятинъ прекрасной земли представляетъ рядъ дрянныхъ избенокъ, въ которыхъ со дня на день перебивается безнадежно-обнищавшее, безлошадное скопище пропойцевъ, а рядомъ относительно процвѣтаетъ деревня, получившая одну, такъ называемую, сиротскую десятину на душу; почему съ крестьянами одного общества можно имѣть дѣло безъ всякихъ условій, тогда какъ съ крестьянами другого это немыслимо; почему общество села Хохловки окончательно ушло въ кабакъ, а крестьяне сосѣдняго общества отличаются деревенской порядочностью и трезвостью, по крайней мѣрѣ,—въ будничное время; почему одно селеніе ежегодно горитъ по нѣскольку разъ, а въ другомъ этого нѣтъ. Да мало ли неразрѣшимыхъ вопросовъ на каждомъ шагу представляетъ наша сельская жизнь, задумываясь надъ которыми, приходишь къ невольному заключенію, что мы до сихъ поръ еще мало знакомы съ ея порядками и обычаями, а община, если не ошибаюсь, даже открытая нѣмецкимъ экономистомъ Гакстгаузеномъ, обычное право и

всѣ порядки крестьянъ-общинниковъ еще долгое время будутъ terra incognita для нашего интеллигентнаго общества, для нашихъ дѣятелей по крестьянскому управленію, для городскихъ судей, волею судебъ поставленныхъ въ необходимость разбирать дѣла о наслѣдствахъ, раздѣлахъ и другихъ гражданскихъ сдѣлкахъ въ деревенскомъ быту, а, можетъ быть, и для нашихъ экономистовъ.

II.

Первымъ ударомъ, сразу пошатнувшимъ экономическое положеніе нашей благодатной мѣстности, былъ роковой 1891 годъ. Сколько безсонныхъ ночей прошло въ томительномъ ожиданіи, что будетъ завтра; а завтра все то же, что было вчера; безпощадное, нестерпимо-блестящее, какъ огненный шаръ, солнце на чистомъ, какъ стекло, небѣ; тянутся недѣли, мѣсяцы, не принося дождя, ни даже малѣйшей прохлады. Изсякли колодцы и степныя рѣчки, воздухъ сухъ и неподвиженъ,—на черныхъ, точно окаменѣвшихъ, поляхъ кое-гдѣ только виднѣются тощіе, едва замѣтные, колосья ржи; обезумѣвшія отъ страха бабы ползаютъ по горячему полю и дергаютъ ихъ съ корнемъ. Въ ушахъ то и дѣло, вблизи и вдали, гудятъ церковные колокола; а въ густой пыли тянется длинная вереница богомольцевъ, и слышится истомленный хоръ мужскихъ и визгливыхъ женскихъ голосовъ, поющихъ тропарь; изрѣдка изъ сплошной черной тучи блеснетъ золотая риза принесенной издалека чудотворной иконы, на которой въ эту минуту сосредоточились всѣ надежды и упованія.

Слышатся вздохи, стоны и неумолкаемыя причитанія жалобныхъ молящихъ и страдающихъ голосовъ: «Спаси, Царица Небесная,—защити отъ мора и глада!» Скорбящая обошла поля и близкія и далекія, сопровождавшій ее причтъ, наскоро подсчитавши полученный доходъ и оставшись доволенъ какъ доходомъ, такъ и обильной трапезой, устроенной на общественный счетъ, размѣстившись на мірскихъ подводахъ, скрылся въ пыльномъ облакѣ, а неутомимый, безпощадный огненный шаръ, казалось, еще съ большимъ ожесточеніемъ продолжалъ дѣлать свое опустошительное дѣло.

Но довольно объ этомъ, да и зачѣмъ вызывать удручающія картины, о которыхъ хотѣлось бы забыть и никогда болѣе не вспоминать.

Потянулась суровая зима, мучительно долгая и казавшаяся безконечной въ постоянномъ, напряженномъ ожиданіи подвоза и раздачи, такъ называемаго, «царскаго пайка», т. е. полученія хлѣба, не всегда аккуратно разсылаемаго управой.

Какъ ближайшій свидѣтель всего совершавшагося втеченіе этой каторжной зимы, какъ человѣкъ, завѣдывавшій сравнительно боль-

шимъ участкомъ и уже по тому самому обязанный постоянно слѣдить за раздачей хлѣба голодающимъ, я по совѣсти обязанъ сказать, что при этомъ, рядомъ съ трогательными сценами безропотной покорности и христіанскаго смиренія, мнѣ не разъ пришлось быть свидѣтелемъ безпримѣрной алчности крупныхъ виноторговцевъ, въ базарные дни безбожно пускавшихъ дешевку и спаивавшихъ обезсилѣвшій народъ; или наблюдать сельскихъ старостъ, злоупотреблявшихъ довѣріемъ общества при раздачѣ продовольствія, и агентовъ управы, прилагавшихъ все стараніе къ тому, чтобы какъ можно хуже и убыточнѣе для народа исполнять свои обязанности по продовольствію. Вмѣстѣ съ тѣмъ меня удивляло появленіе въ числѣ нуждающихся всѣхъ безъ исключенія мастеровыхъ и мелкихъ и крупныхъ промышленниковъ нашей волости, никогда не помышлявшихъ о черномъ днѣ и въ то же время умѣвшихъ съ изумительною ловкостью разыгрывать роль страдальцевъ. Явились даже сидѣльцы питейныхъ заведеній, туда же вслѣдъ за другими протягивавшіе руку за подаяніемъ и приходившіе въ ярость въ случаѣ отказа.

Кто изъ насъ, людей, обреченныхъ судьбой на постоянное проживаніе въ деревенской глуши, не приходилъ къ мысли, что одной изъ самыхъ существенныхъ причинъ, тормозящихъ всякую надежду на лучшее, было и будетъ вынужденное полугодовое бездѣлье мужика, поглощающее всѣ его лѣтніе заработки, способное деморализовать самаго устойчиваго человѣка и положившее начало своеобразному, втеченіе многихъ лѣтъ до мельчайшихъ подробностей изученному мною, складу осенней и зимней деревенской жизни. Дайте мужику возможность во всякое время года находить хотя бы скромный заработокъ на мѣстѣ, возможность не обязываться лѣтними работами, или, по крайней мѣрѣ, брать менѣе такихъ работъ, удѣляя болѣе труда на обработку собственной земли, и настоящее положеніе вещей должно измѣниться къ лучшему. Но если всегда безалаберная и пьяная деревенская осень и зима и прежде производили удручающее впечатлѣніе, то зима голоднаго года могла довести до отчаянія самаго равнодушнаго человѣка. Ни въ комъ ни малѣйшаго признака энергіи и желанія бороться съ наступившимъ бѣдствіемъ, ни у землевладѣльцевъ, ни у зажиточныхъ крестьянъ не оказалось никакихъ запасовъ, а мои единственные сосѣди-мужики, лишенные возможности справлять праздники и развернуться во всю ширь, проводили время въ безконечныхъ разговорахъ о своемъ безвыходномъ настоящемъ и будущемъ положеніи. Кстати и новыхъ матеріаловъ для праздныхъ толковъ оказалось достаточно. На сцену выступили земскіе начальники, замѣнившіе мировыхъ судей и долженствовавшіе немедленно, точно по заказу, упорядочить десятками лѣтъ сложившійся сельскій бытъ.

На первый разъ, какъ и слѣдовало ожидать, новые дѣятели,

облеченные небывалой властью, такъ энергично принялись за дѣло, что навели даже своего рода панику не только на сельскихъ властей, но и на всѣхъ крестьянъ вообще. Между помольцами моей мельницы шли оживленные разговоры о какой-то машинѣ, спеціально изобрѣтенной для успѣшнаго сѣченія, которую не сегодня, такъ завтра привезутъ въ волостное правленіе. Эта удивительная машина была на языкѣ у каждаго и вызывала нескончаемые толки, до тѣхъ поръ, пока вдругъ, точно соломенная крыша, мгновенно охваченная пламенемъ, все окружающее меня населеніе вспыхнуло и загорѣлось желаніемъ во что бы то ни стало покинуть опостылѣвшую родину, ненавистную, переставшую родить землю и переселиться въ Сибирь, «на новую линію», какъ выражались крестьяне.

Къ концу лютой зимы, пережитой мѣстнымъ населеніемъ, благодаря только заботливости правительства, земства и дружному содѣйствію частныхъ лицъ, старая легенда о привольяхъ сибирской жизни, о льготахъ, ожидающихъ переселенцевъ, выросла до такихъ громадныхъ размѣровъ, что на долгое время заслонила всѣ обычные интересы сельской жизни. Справедливость требуетъ сказать, что до рокового 1891 года наши губернскія власти, за немногимъ исключеніемъ, слишкомъ мало интересовались серьезнымъ переселенческимъ вопросомъ: одни изъ нихъ относились къ нему совершенно равнодушно, другіе съ явнымъ пренебреженіемъ, какъ къ несбыточной фантазіи, раздутой печатью, вызывающей только смуту и нелѣпые толки. Мѣстами циркуляры по переселенческому вопросу безслѣдно пропадали въ безпорядочной кучѣ всякаго бумажнаго хлама, скопляющагося въ волостныхъ правленіяхъ; мѣстами они выставлялись на видномъ мѣстѣ, значеніе ихъ разъяснялось при каждомъ удобномъ случаѣ и, благодаря такому порядку вещей, все обошлось благополучно, и никакого замѣтнаго волненія не обнаруживалось.

Между тѣмъ жизнь продолжала дѣлать свое дѣло, не справляясь съ циркулярами: ранней весной 1892 года крестьяне нѣсколькихъ волостей сосѣдняго уѣзда разомъ порѣшили не засѣвать яроваго поля и, распродавъ оставшееся послѣ голоднаго года имущество, двинуться въ Сибирь. Поднялась страшная суматоха — перья скрипѣли; телеграфъ работалъ; нарочные поскакали въ губернскій городъ. Нашъ генералъ строгій, вспыльчивый, но великодушный, тотчасъ же порѣшилъ какъ можно скорѣе потушить волненіе и во главѣ баталіона пѣхоты форсированнымъ маршемъ двинулся на усмиреніе, но, какъ и слѣдовало ожидать, все обошлось благополучно, и военныя дѣйствія оказались излишними. Покричалъ генералъ, покричалъ [illegible], и мужики, поблагодаривши заботливое начальство, [illegible] за соху и охотно пошли по указанной дорожкѣ, [illegible] ихъ благополучію.

Въ эту минуту никому изъ насъ, мирныхъ обитателей Никольской волости, не приходило въ голову, что только что подавленное волненie съ еще большей силой и въ самомъ непродолжительномъ времени обнаружится въ нашей мѣстности и будетъ вызвано не какими либо исключительными условiями, а, главнымъ образомъ, необычайной энергiей человѣка, настолько выдающагося и представляющаго до такой степени своеобразный типъ, что я позволю себѣ посвятить ему слѣдующую главу своихъ воспоминанiй.

III.

Съ дѣтства знакомый мнѣ, не сочиненный, а дѣйствительный герой Никольской волости, на моихъ глазахъ перемѣнилъ нѣсколько положенiй, не имѣвшихъ между собой ничего общаго, и нѣсколько различныхъ прозвищъ, рѣзко отличавшихся другъ отъ друга. Мужики называли его то «Лёской», то «Желѣзнымъ», то, почтительно преклоняясь передъ нимъ, какъ передъ своимъ благодѣтелемъ и ходокомъ Александромъ Ивановичемъ Засурскимъ; земскiй начальникъ Пѣтуховъ—«Пугачемъ», мѣстный священникъ—«Землепроходомъ».

Семья Засурскихъ, состоявшая изъ старика, дожившаго до послѣднихъ предѣловъ дряхлости, и двухъ сыновей, Александра и Тимоѳея, въ былое время принадлежала къ числу самыхъ зажиточныхъ въ селенiи и своимъ благосостоянiемъ была обязана исключительно старшему сыну «Лескѣ». Это былъ 32-хъ лѣтнiй, на первый взглядъ невзрачный, мужикъ, ниже средняго роста, коренастый, худощавый, необыкновенно широкоплечiй, безбородый, съ желтоватыми, наслѣдованными отъ отца, плоскими какъ щепки, волосами, длинными прядями падавшими по обѣимъ сторонамъ продолговатаго лица, и маленькими смѣлыми глазами, строго смотрѣвшими изъ-подъ нависшихъ бровей. Неграмотный, замкнутый въ себѣ самомъ, то молчаливый и какъ будто смиренный, то невѣроятно крикливый и дающiй полную волю своему рѣзкому непрiятному голосу, Засурскiй, при всемъ томъ, съ перваго же взгляда поражалъ своимъ самоувѣреннымъ властнымъ видомъ; казалось, что при взглядѣ на новаго, незнакомаго ему человѣка, его прежде всего занимала мысль, какъ бы захватить его въ свои руки, покорить и пригнуть хорошенько. Въ сношенiяхъ со своими ближайшими сосѣдями онъ былъ холоденъ и грубъ, съ помѣщиками, управляющими и начальствомъ всегда недовѣрчивъ, придирчивъ и дерзокъ. Мужики, какъ извѣстно, великiе мастера на то, чтобы однимъ словомъ опредѣлить человѣка, прозвали его «Желѣзнымъ», и точно только «желѣзный» человѣкъ могъ быть до такой степи выносливъ въ работѣ, чуждъ всякихъ слабостей, начиная съ пьян-

ства и проявленія малѣйшаго признака мягкости, за исключеніемъ горячей любви къ своей единственной пятилѣтней дочери, какъ Лёска Засурскій. Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе распадалось бывшее благосостояніе Засурскихъ. Выжившій изъ ума старикъ или, притаившись, лежалъ на печи, или же, воспользовавшись малѣйшей оплошностью домашнихъ, тащилъ въ кабакъ, что только попадалось подъ руку; жена нашего героя, некрасивая, ограниченная и какъ бы въ противоположность своему мужу, умиравшему на работѣ, лѣнивая, при первой размолвкѣ убѣгала къ своимъ родственникамъ, между тѣмъ какъ младшій сынъ, Тимошка, на рѣдкость красивый, кудрявый, краснощекій блондинъ и большой гуляка, мало помогалъ въ хозяйствѣ. Но «Желѣзный» не унывалъ, не опускалъ рукъ: онъ разыскивалъ жену, на веревкѣ приводилъ ее домой, безцеремонно понукалъ брата и зорко слѣдилъ за старикомъ, вслѣдъ за нимъ вторгался въ кабакъ, поднималъ, исторію съ сидѣльцемъ, отбиралъ заложенныя вещи и въ то же время всегда въ проголодь, всегда трезвый, одѣтый въ какія-то жалкія отребья, продолжалъ работать съ неутомимостью машины.

Однажды сельскіе старики, прямо изъ питейнаго, со свойственнымъ имъ достоинствомъ, опираясь на сучковатыя палки, подступили къ «Желѣзному» съ благимъ намѣреніемъ наставить его на путь истинный и домашнимъ образомъ постегать розгами за жестокое обращеніе съ отцомъ, но встрѣтили такой отпоръ, что едва спаслись бѣгствомъ. Вскорѣ послѣ этого въ домѣ Засурскихъ повторилась хорошо знакомая мнѣ сцена крестьянскаго раздѣла, сопровождавшаяся невообразимою, за версту слышною руганью, битьемъ всякой посуды, разрываніемъ по поламъ какихъ-то холстовъ, и Лёска позорнѣйшимъ образомъ былъ изгнанъ изъ родительскаго дома почти безъ всякаго надѣла.

Въ слѣдующемъ же году, на самомъ краю села, уже красовалась новая, едва ли не лучшая изба изъ толстаго сосноваго лѣса, крытая тесомъ, съ гребешкомъ на верху и расписными ставнями, съ просторнымъ дворомъ, обнесеннымъ плотнымъ заборомъ, безъ щелей между бревнами и крѣпкими тяжелыми воротами, изукрашенными звѣздами, изъ латуни, болѣе всего возбуждавшими зависть сосѣдей, начинавшихъ понимать, что за сила, что за настойчивость и неутомимость въ трудѣ таилась въ невзрачномъ, несообщительномъ Лёскѣ Засурскомъ. Старики и старухи объясняли даже зажиточность его помощью нечистой силы, съ которой онъ, какъ завѣдомый знахарь и колдунъ, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ. Здѣсь слѣдуетъ добавить, что быть первымъ богачемъ въ селѣ Никольскомъ значило еще не очень много. У Засурскаго было двѣ хорошихъ матки, двѣ коровы, до 50 штукъ овецъ. Были и деньженки, запасенныя еще до раздѣла, за которыя онъ крѣпко

держался. Были у него, какъ и у каждаго мужика нашей мѣстности, и торговыя замашки, всегда удачныя. Онъ охотно снималъ земельные надѣлы у своихъ же, бросившихъ соху, односельцевъ, скупалъ озими у нуждающихся. Построилъ обдирку, никогда не обучавшись плотничному мастерству, такъ же какъ и колесному, дававшему довольно значительный доходъ. Вообще, обладая необычайно острой смѣткой, онъ принадлежалъ къ разряду людей, которыхъ, безъ всякаго различія, принято теперь называть «кулаками».

Его не любили за чрезмѣрную бережливость, склонность къ скопидомству, за его несообщительность и упорный характеръ, но при всемъ томъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, въ цѣломъ селеніи не нашлось бы такого человѣка, который не обращался бы къ нему въ надеждѣ позаимствовать денегъ, что нибудь продать, а чаще всего получить разумный практическій совѣтъ. Совѣты давались охотно, но относительно денегъ Засурскій былъ настоящій кремень.

Такимъ образомъ, завоевавши себѣ почетное мѣсто въ обществѣ, Засурскій сосредоточилъ все свое вниманіе на извлеченіи возможно большаго количества рублей изъ кармановъ своихъ односельцевъ. Онъ, какъ и каждый умный мужикъ, смотрѣлъ на мірскія, общественныя деньги, какъ на свои собственныя, и всегда выходилъ сухъ изъ воды. На Засурскаго было много совершенно справедливыхъ навѣтовъ, и когда начинались на сходкахъ ссоры, то ему обыкновенно высчитывали и выставляли на видъ цѣлый рядъ темныхъ дѣлъ: церковь ограбилъ,—это было самое главное обвиненіе,—затѣмъ слѣдовалъ общественный амбаръ, ремонтъ волостного правленія, мірской быкъ, купленный обществомъ и вдругъ какимъ-то чудомъ оказавшійся собственностью Засурскаго, и т. д., но справедливость требуетъ сказать, что всѣ эти обвиненія никогда не вліяли на мірскихъ людей, все забывалось и извинялось: не онъ, такъ другой воспользуется—кто себѣ врагъ.

Всегда трезвый и находчивый Засурскій зналъ всѣ ходы и выходы, то и дѣло бывалъ въ городѣ по своимъ и общественнымъ нуждамъ, объяснялся съ исправникомъ, даже съ начальникомъ губерніи, а въ качествѣ довѣреннаго у земскаго начальника или на съѣздѣ, чего онъ особенно добивался, отличался грубостью и тотчасъ же послѣ разбирательства требовалъ «скопію», угрожая тѣмъ, что дойдетъ до высшаго начальства, а отдавая отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и расходахъ по дѣлу, громко жаловался на пристрастіе суда, по его мнѣнію, всегда подкупленнаго помѣщиками и вообще состоятельными людьми. Попавши въ церковные старосты, Засурскій, при всемъ наружномъ и напускномъ смиреніи и желаніи послужить храму Божьему, въ скоромъ времени принялся распоряжаться церковными деньгами, какъ своими собственными, пуская ихъ въ оборотъ, а при первой попыткѣ «батюшки» положить ко-

нецъ такимъ аферамъ наводнилъ консисторію своими доносами, смѣло шелъ къ архіерею и вообще держалъ весь причтъ въ постоянномъ ожиданіи новыхъ непріятностей.

Послѣ увольненія отъ званія церковнаго старосты, положеніе Засурскаго нѣсколько пошатнулось, тѣмъ болѣе, что при земскихъ начальникахъ ловля рыбы въ мутной водѣ часъ отъ часу становилась все болѣе и болѣе опаснымъ занятіемъ. Но какъ разъ въ это самое время обитатели Никольской волости, отъ мала до велика, заговорили о Сибири, съ этой минуты сдѣлавшейся завѣтной мечтой ихъ жизни.

Со своей обычной смѣтливостью Засурскій прежде всѣхъ сообразилъ значеніе руководителя народнаго движенія и смѣло выступилъ впередъ, въ одинаковой степени увлекаясь матеріальными выгодами и желаніемъ удовлетворить затаенную, но давно уже кипѣвшую въ немъ страсть къ власти и вліянію на окружающихъ. Неукротимый и смѣлый до наглости, всегда готовый дать самый рѣзкій отпоръ всякому начальству, точно пробуя, до какой черты можно довести эту рѣзкость и грубость, и тѣмъ самымъ пріобрѣтая все болѣе обаянія въ глазахъ своихъ смиренныхъ односельцевъ, онъ разомъ охладѣлъ ко всему остальному, кромѣ жгучаго желанія поднять какъ можно больше народу и вести его въ обѣтованную землю. Ему уже не сидѣлось на мѣстѣ, не спалось, ему опротивѣла муравьиная хозяйственная дѣятельность, и вотъ дни и ночи слоняясь по избамъ или толкаясь на базарахъ, онъ громко, на всѣхъ перекресткахъ, заговорилъ о милостяхъ и льготахъ, предоставленныхъ переселенцамъ и тщательно скрываемыхъ властями въ угоду помѣщикамъ, и во главѣ имъ же наэлектризованной толпы врывался въ волостное правленіе, настоятельно требуя будто бы скрытый указъ и какой-то маршрутъ до города Томска. Наступательныя дѣйствія Засурскаго встрѣтили сильный и неожиданный для него отпоръ со стороны земскаго начальника, единственнаго въ своемъ родѣ разносителя, не задумывавшагося ни передъ какими мѣрами, чтобы только остановить непонятное для него, а потому и ненавистное переселенческое движеніе, не замѣчая того, что своимъ вмѣшательствомъ только усиливалъ и раздувалъ броженіе.

Дѣло пошло на то, кто скорѣе утомится въ постоянной борьбѣ, то-есть наскучитъ ли «Пугачу», какъ обыкновенно называлъ Засурскаго земскій, сидѣть въ арестномъ домѣ, или земскому—то и дѣло примѣнять къ нему 61 ст. положенія о земскихъ начальникахъ.

То возвращаясь, то снова отправляясь на высидку, то-есть въ холодный хлѣвъ, находящійся при каждомъ волостномъ правленіи, Засурскій въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ описывалъ претерпѣнныя имъ гоненія и истязанія. Онъ говорилъ своимъ довѣрчи-

вымъ слушателямъ: «Ходу нигдѣ не даютъ! Его святая воля—претерплю до конца, а пропаду, такъ добрые люди, можетъ быть, попомнятъ мои заслуги и семью не оставятъ».

Жалкія слова вызывали общее сочувствіе, а окрестные жители въ глубинѣ своей мужицкой души были вполнѣ увѣрены, что Засурскій страдаетъ невинно, страдаетъ за міръ, что только возвышало его въ глазахъ народа, окружая ореоломъ мученика. При всемъ томъ Засурскій не унимался, «билъ на отчаянность», какъ выражались о немъ мужики, и ободряя себя тѣмъ, что дальше солнца не угонятъ, упорно продолжалъ свое дѣло и въ концѣ концовъ получилъ таки разрѣшеніе ѣхать въ Сибирь въ качествѣ «ходока».

Въ два-три дня были собраны деньги на путевые расходы, и нашъ «ходокъ», получивъ проходное свидѣтельство и кстати подавши десятокъ прошеній на притѣсненія и даже истязанія, будто бы претерпѣнныя имъ отъ земскаго, направился въ далекую Сибирь отыскивать участокъ земли на 1.400 душъ переселенцевъ. Онъ, какъ достовѣрно извѣстно, доѣхалъ только до Тюмени, откуда совершилъ нѣсколько экскурсій въ сосѣднія селенія, а, вернувшись домой, принялся разсказывать небылицы о видѣнныхъ имъ собственными глазами привольныхъ мѣстахъ:

«Былъ въ Барнаулѣ, въ Омскѣ, въ Томскѣ; есть казенные участки, есть кабинетные; рекрутчины не полагается, денежное пособіе каждому отъ 100 до 150 рублей и все прочее—по положенію: лошадь, корова, 25 десятинъ душевого надѣла; подати не платить до справы»,—бойко расписывалъ «ходокъ», усвоившій себѣ не поддающееся описанію презрительное отношеніе къ житью на старыхъ мѣстахъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что, сочиняя всякій вздоръ, выручаетъ и спасаетъ своихъ односельцевъ и вообще поступаетъ по совѣсти, заставляя ихъ расплачиваться за понесенные труды и заботы, а, можетъ быть, и самъ находился подъ обаяніемъ простора и приволья окрестностей Тюмени.

Трудно вообразить себѣ восторженное настроеніе народа, далеко превосходившее все то, что совершалось на нашихъ глазахъ въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ. Обыденная, трудовая деревенская жизнь была уже не мыслима при такомъ настроеніи Никто не помышлялъ о настоящемъ, и какъ на крыльяхъ полетѣло время въ нескончаемыхъ сходкахъ, толкахъ и предположеніяхъ. Обезумѣвшіе отъ радости мужики опрометью бѣжали къ сосѣднимъ землевладѣльцамъ и управляющимъ, чтобы отказаться отъ испольной или наемной, даже засѣянной земли и отъ всякихъ взятыхъ по условію работъ. Каждый изнывалъ отъ нетерпѣнія въ ожиданіи счастливаго момента, когда будетъ разрѣшена продажа строеній и движимости. Дошло до того, что крестьяне сосѣдняго села, чтобы навсегда уже покончить съ опостылѣвшей землей, порѣшили ра-

зомъ продать всѣ сошники и полицы и, сложивши на воза, привезли къ сельской кузницѣ и спустили за полъ-цѣны.

Въ эту минуту живо воскресаетъ въ моей памяти необычайное лѣто 1892 года. Бывшаго затишья какъ не бывало. Густой толпой окружалъ народъ избу своего вожака, издалека слышится неумолкаемый говоръ, никто уже не думаетъ ломать шапку передъ господами и управляющими, и только ученики нашей земской школы, чуждые всякой вражды и напускной злобы, стрѣлой мчались ко мнѣ на встрѣчу и, весело прыгая вокругъ полевыхъ дрожекъ, приглашали меня вмѣстѣ съ ними идти на «новую линію». Обыкновенно пустынная проселочная дорога, ведущая отъ моего хутора къ селенію, мгновенно оживилась постоянно двигавшимися по ней пѣшеходами, телѣгами и верховыми, спѣшившими къ вожаку, на глазахъ у всего начальства, въ двухъ шагахъ отъ волостного правленія, устроившаго въ своемъ домѣ что-то въ родѣ переселенческой конторы, всегда переполненной своими, а болѣе всего пришлыми издалека мужиками. Съ большимъ трудомъ, задыхаясь отъ духоты, пробивались они къ столу, за которымъ важно засѣдалъ Засурскій, рядомъ съ только что отбывшимъ наказаніе, по рѣшенію окружнаго суда, волостнымъ писаремъ, снова попавшимъ въ свою родную сферу настольныхъ, входящихъ, исходящихъ, посемейныхъ списковъ, жженаго сургуча и другихъ атрибутовъ письмоводства. Желающіе записывались въ ту или другую книгу, смотря по желанію получить большой или средній надѣлъ, и тутъ же безпрекословно уплачивали слѣдующія съ нихъ деньги сполна, получая даже квитанціи.

Какъ разъ во время одного изъ такихъ засѣданій къ отворенному окну протѣснился отставной унтеръ-офицеръ Евграфычъ, едва ли не единственный непреклонный противникъ Засурскаго, съ завистью слѣдившій за успѣхами «сиволапаго мужика», какъ онъ обыкновенно называлъ своего антагониста.

Евграфычъ заглянулъ въ избу и остолбенѣлъ, увидавши форменный, покрытый зеленымъ сукномъ столъ, форменныя книги, форменную чернильницу (онъ былъ величайшій поклонникъ всего форменнаго), а, главное, своего заклятаго врага, передъ которымъ, все увеличиваясь, лежала куча грязныхъ кредитныхъ бумажекъ и мѣшокъ для мелочи.

— Что скажешь?—спросилъ «ходокъ», нахмуривъ брови и слегка повернувъ голову въ сторону застывшаго отъ удивленія сосѣда.

— А вотъ что скажу я тебѣ, самозванный казначей,—нашелся Евграфычъ:—ты деньги собираешь, въ мѣшокъ сыплешь, а самъ и считать-то не умѣешь, дай-ка я пересчитаю,—но ему не дали продолжать, и онъ, этотъ исполненный чувства собственнаго достоинства, «умственный», можно сказать, первый человѣкъ въ волости, былъ моментально выброшенъ изъ толпы съ помятыми боками.

IV.

Прежде чѣмъ стану продолжать, я познакомлю читателей съ Васильемъ Евграфовичемъ Абрамовымъ, личностью, весьма любопытной какъ по своимъ индивидуальнымъ качествамъ, такъ и по выдающейся роли, которую ему суждено играть въ нашемъ разсказѣ.

Мы уже сказали выше, что это былъ отставной унтеръ, высокій блондинъ, съ круглыми, мягкими и привлекательными чертами лица, обросшаго курчавой бородкой, и большими выпуклыми сѣрыми глазами, свѣтившимися дѣтскимъ любопытствомъ и наивностью... Отъ нечего дѣлать онъ способенъ былъ цѣлые дни слоняться по селу, высматривая подходящаго человѣка, съ которымъ можно было бы покалякать часокъ—другой, но въ крайнемъ случаѣ охотно болталъ съ первой, попавшейся на глаза деревенской кумушкой, лишь бы она его слушала. Голосъ у него былъ очень пріятный, но неудержимо льющаяся рѣчь въ концѣ-концевъ сливалась въ какой-то неудержимый потокъ, въ которомъ ничего уже не возможно было разобрать. Ожидаешь, вотъ-вотъ конецъ, но конца никогда не было, и воды всегда доставало. При всемъ томъ между крестьянами онъ всегда пользовался большимъ почетомъ и репутаціей умственнаго человѣка и занимательнаго разсказчика. Онъ считалъ себя компетентнымъ лицомъ рѣшительно по всѣмъ вопросамъ жизни и отраслямъ знаній; до страсти любилъ почитать и съ одинаковой свободой и увѣренностью говорилъ о воздухоплаваніи, о Суворовѣ или Бисмаркѣ, всегда любопытствуя знать, до чего дошли теперь великіе умы.

Евграфычъ жилъ, что называется, въ свое удовольствіе, не скопидомствовалъ, любилъ угостить и угоститься и, постоянно переходя отъ одного угощенія къ другому, потерялъ всякую способность пьянѣть. Никто не видалъ его пьянымъ. Солдатскаго въ немъ осталось очень мало, только развѣ твердая увѣренность въ томъ, что между нимъ, видавшимъ виды артиллеристомъ, и «сиволапымъ мужикомъ» существуетъ громадная разница, да еще привычка держать шапку по формѣ лѣвой рукой, донышкомъ вверхъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить этого достойнаго человѣка, нужно было хоть разъ увидать его во время исполненія обязанности волостного судьи, къ которой онъ относился съ постояннымъ увлеченіемъ, поражая даже писарей знаніемъ законовъ, а главнымъ образомъ своими смѣлыми экскурсіями въ область, скорѣе въ пучину кассаціонныхъ рѣшеній сената. На судѣ онъ былъ первымъ лицомъ и, обладая могучими легкими, постоянно бралъ верхъ надъ своими товарищами, обыкновенно хранившими молчаніе, или сладко дремавшими подъ шумокъ рѣчей въ жарко натопленной комнатѣ присутствія.

— «Ты милый человѣкъ»,—съ нѣкоторой торжественностью приступалъ Евграфычъ къ обвиняемому,—«откройся намъ, какъ на духу, ничего не утаивая и не скрывая какъ законъ повелѣваетъ», и, внимательно выслушавъ стороны, прилагалъ все стараніе, чтобы какъ можно скорѣе примирить враждующихъ, и почти всегда достигалъ этого. Въ то же время онъ убѣждалъ своихъ товарищей не томить народъ и какъ можно скорѣе распускать по домамъ. Такимъ образомъ, заставивши большинство тяжущихся примириться, перецѣловаться, даже поклониться другъ другу въ ноги, Евграфычъ, съ сознаніемъ исполненнаго долга, выходилъ изъ волостного правленія и, окруженный старыми и новыми пріятелями, направлялся прямо въ питейный, а потомъ приглашалъ къ себѣ всю честную компанію,—всѣмъ было весело и привольно сидѣть въ его на рѣдкость опрятной и уютной избѣ съ множествомъ лубочныхъ картинъ на чистыхъ бревенчатыхъ стѣнахъ, съ тяжелыми, блестѣвшими фольгой, образами въ углу, бросавшейся въ глаза лампадой въ видѣ голубя, громаднымъ, свѣтлымъ, какъ солнце, самоваромъ, пыхтѣвшимъ на столѣ, покрытомъ красной скатертью, и до полуночи слушать всегда интересные и занимательные разсказы радушнаго, много видавшаго на своемъ вѣку, хозяина.

Когда въ нашей волости закипѣло переселенческое движеніе, Евграфычъ, какъ ярый консерваторъ и законникъ, всячески убѣждалъ народъ не трогаться съ мѣста и на всѣ уговоры пристать презрительно отвѣчалъ: «Знаемъ, знаемъ, давно знаемъ. Это вы на счетъ медовыхъ рѣкъ да кисельныхъ береговъ—доподлинно знаемъ: еще отъ покойной бабушки, царство ей небесное, слышалъ, да не на таковскаго напали,—не былъ, да и не буду такимъ дуракомъ, чтобы связаться съ вами, малодушными людьми». И самые горячіе поклонники Засурскаго поневолѣ умолкали и отходили прочь.

Для полной характеристики Евграфыча, безъ котораго, кстати сказать, не могли обойтись ни одна свадьба, ни однѣ крестины въ мало-мальски зажиточной семьѣ, остается добавить, что, при всей своей видимой обезпеченности, чему много способствовало судейское жалованье, вознагражденіе, получаемое отъ общества за лошадь, постоянно находившуюся при пожарномъ обозѣ, и другіе невинные доходы около міра, его рѣдко видали въ полѣ за сохой или съ серпомъ въ рукахъ, а всѣ лѣтнія работы совершались какъ-то сами собой, съ помощью безчисленнаго множества сватьевъ, кумовьевъ, кумушекъ и помочей, то-есть угощеній, на которыя Евграфычъ никогда не скупился.

Такъ вотъ каковъ былъ беззаботный и счастливый, какъ птица, Василій Евграфычъ Абрамовъ, этотъ едва ли не самый довольный и по своему развитой человѣкъ во всей Никольской волости.

Между тѣмъ, невзирая на оппозицію такого вліятельнаго чело-

вѣка, какъ Евграфычъ, переселенческое движеніе летѣло на всѣхъ парахъ, чему много способствовало отсутствіе высшаго начальства, по обыкновенію разъѣхавшагося въ отпуска отдыхать отъ зимнихъ трудовъ, понесенныхъ на пользу общества, и даже не пытавшагося серьезно подумать надъ вопросомъ о томъ, предоставить ли полную свободу переселенія, или во что бы то ни стало удерживать народъ на старыхъ мѣстахъ.

Городскіе чиновники аккуратнѣйшимъ образомъ собирались въ присутствіе, усаживались за длинный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, писали протоколы, что-то подписывали и предписывали, а когда обсуждался вопросъ первой важности, то даже вступали въ горячіе споры, впрочемъ, клонящіеся болѣе къ тому, чтобы доказать другъ другу, кто умнѣе и современнѣе, и въ заключеніе постановляли, казалось бы, блестящія резолюціи, при всемъ томъ, въ примѣненіи къ деревнѣ и ея быту оказавшіяся не настолько превосходными, какъ это предполагалось въ канцеляріи.

Въ самый разгаръ лѣтнихъ работъ волостные старшины, ихъ помощники, а, главное, писаря, спѣшили какъ можно скорѣе исполнить предписанія губернскаго начальства, задавленнаго массой прошеній о переселеніи, и только и дѣлали, что разъѣзжали по селамъ и деревнямъ для составленія описей, не имѣвшихъ ничего общаго съ дѣйствительностью, при чемъ оказывалось, что въ нашей мѣстности никакихъ заработковъ нѣтъ и быть не можетъ, арендныя цѣны на земли чрезмѣрно высоки, а денежныя средства переселенцевъ послѣ продажи ихъ въ сущности ничего не стоящей движимости будутъ вполнѣ достаточными для перваго обзаведенія въ Сибири. Само собою разумѣется, что всѣ попытки крестьянъ были направлены къ тому, чтобы попасть въ списки счастливцевъ и какъ можно выше оцѣнить свое имущество, не останавливаясь ни передъ какими приношеніями и угощеніями. Въ списки сплошь и рядомъ попадали или круглые бѣдняки, или крестьяне, давнымъ давно бросившіе соху и отставшіе отъ земли.

Въ то же время отуманенный своимъ успѣхомъ «ходокъ» самоувѣренно и безповоротно шелъ къ намѣченной цѣли, какъ можетъ только идти человѣкъ, проникнутый чувствомъ долга и повинующійся этому чувству, но въ то же время онъ никакъ не могъ справиться съ жгучимъ желаніемъ еще болѣе подняться въ глазахъ народа и удовлетворить самолюбіе и потому, время отъ времени, придумывалъ и распускалъ совсѣмъ уже невѣроятные слухи въ родѣ того, что полученъ указъ, чтобы помѣщики переселяли народъ на свой счетъ, или же, что крестьянамъ строго-настрого воспрещается работать у помѣщиковъ, подъ страхомъ снова быть закрѣпощенными. Озлобленные старосты и старшины тотчасъ же доносили по начальству о новыхъ подвигахъ «ходока», а пылкій начальникъ немедленно привлекалъ его къ суду за распространеніе

ложныхъ слуховъ, и опять начинались все болѣе и болѣе продолжительные аресты, кончившіеся тѣмъ, что противъ Засурскаго были приняты строжайшія мѣры.

— «Заѣли, заѣли, совсѣмъ заѣли»,—всѣмъ и каждому жаловался «ходокъ» и, только что давши подписку о невыѣздѣ изъ села Никольскаго, неожиданно исчезъ и на мірской счетъ укатилъ въ Питеръ съ жалобой на притѣсненія со стороны начальства и помѣщиковъ.

V.

Вотъ что разсказывалъ «ходокъ» по возвращеніи изъ столицы. «Пріѣхалъ въ Питеръ, хожу по улицамъ, точно въ лѣсу,—спрашиваю: гдѣ найти министра, а никто не указываетъ—всѣмъ некогда, всѣ бѣгутъ и скачутъ, точно на пожаръ; встрѣчаю милостиваго человѣка, поглядѣлъ, поглядѣлъ онъ на меня и спрашиваетъ: «откудова, зачѣмъ и по какому дѣлу?»— «Такъ и такъ говорю, житья нѣтъ отъ земскаго Пѣтухова, просимся цѣлой волостью въ Сибирь «на новую линію», а насъ силкомъ удерживаютъ и не пускаютъ». Тогда этотъ самый милосердный человѣкъ взялъ меня за руку, повелъ въ гостиницу и спросилъ вина. Я говорю—сроду не пью, спросилъ порцію чаю, заплатилъ 80 копеекъ, похвалилъ за то, что не пью водки, взялъ документы, почиталъ, подумалъ и показалъ дорогу къ министру. Вижу: дворецъ изъ цѣльнаго бѣлаго мрамора, перекрестился и пошелъ по золотой лѣстницѣ. Доложили, вышелъ дежурный и поступилъ со мной сурово, а прошеніе взялъ, положилъ подъ сукно и приказалъ навѣдаться черезъ недѣлю. Я оробѣлъ и сталъ собираться ко дворамъ, а тутъ, хвать, входитъ тотъ самый милосердный человѣкъ, что поилъ меня чаемъ, только въ расшитомъ мундирѣ, при саблѣ и звѣздахъ—сейчасъ затопалъ ногами и закричалъ: «гдѣ прошеніе?». Дежурный подаетъ прошеніе, а самъ дрожитъ, какъ листъ—такъ испугался. Тогда милосердный начальникъ обласкалъ меня и говоритъ: «Не тужи, Александръ Ивановичъ, все разберу и устрою къ лучшему, а ты поѣзжай домой, чтобы не проживаться попустому, на дорогихъ харчахъ, а ко мнѣ смѣло пиши и телеграммы посылай на мое имя».

Казалось бы, что можетъ быть нелѣпѣе приведеннаго разсказа, а между тѣмъ онъ переходилъ изъ устъ въ уста, возбуждалъ восторгъ и повторялся такъ часто, что его знали наизусть на 50 верстъ вокругъ села Никольскаго.

Вскорѣ мнѣ пришлось быть въ волостномъ правленіи и неожиданно столкнуться съ Пѣтуховымъ, прискакавшимъ для того, чтобы произвести строжайшее дознаніе по поводу самовольной отлучки «ходока» въ Петербургъ.

Задавшись мыслью въ точности воспроизвести картину переселенческаго движенія въ нашей глухой мѣстности, я, волей или не-

волей, вынужденъ коснуться личности Пѣтухова, бывшаго мирового судьи, долгое время занимавшаго эту должность въ одной изъ губерній верхняго Приволжья.

Прежде всего Пѣтуховъ, со своимъ моложавымъ не по лѣтамъ лицомъ, черными съ просѣдью, вьющимися волосами, ниспадавшими по обѣимъ сторонамъ всегда тщательно сдѣланнаго пробора, блестящими темными глазами и закрученными вверхъ усами, въ неизмѣнной синей поддевкѣ съ таліей на серединѣ спины, красной шелковой рубахѣ и широчайшихъ шароварахъ, спущенныхъ на высокія голенища сапогъ, могъ бы быть великолѣпной моделью для художника, задавшагося мыслью изобразить русскаго молодца, изъ числа широчайшихъ натуръ — къ нему даже шла русская удаль. Несомнѣнно, обладая добрымъ сердцемъ, онъ въ то же время менѣе всего былъ способенъ къ исполненію возложенной на него обязанности, и то безъ всякаго повода накидывался на всѣхъ присутствовавшихъ въ его камерѣ, помышлявшихъ единственно о томъ, чтобы, какъ можно скорѣе, съ помощью Господа, унести ноги, то вдругъ переходилъ къ крайней фамильярности и братался съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Мнѣ остается добавить, что Пѣтуховъ, какъ человѣкъ, сильно поломанный жизнью, какъ неудачникъ, постоянно боровшійся съ извѣстной слабостью, загубившей много даровитѣйшихъ русскихъ людей, въ общемъ внушалъ не только сожалѣніе, но даже невольную симпатію.

Я вошелъ въ волостное правленіе какъ разъ въ ту минуту, когда начальникъ, озадаченный смущеннымъ видомъ сельскихъ властей, безпокойно оглядываясь, спросилъ: «Что случилось? Я хочу знать, что случилось!» Наконецъ волостной писарь, собравшись съ духомъ, доложилъ, что Засурскій только-что при всемъ народѣ обѣщалъ переломать ноги всему начальству и даже...

— Сюда его!—не дослушавъ до конца, заревѣлъ земскій.

Все замерло въ ожиданіи чего-то страннаго. Я проклиналъ судьбу, поставившую меня свидѣтелемъ такой сцены. Лицо Пѣтухова сдѣлалось серіозно и гнѣвно; онъ быстро повернулся къ «ходоку» и точно изъ ружья выпалилъ: «обѣщалъ!»

— Обѣщалъ, — послышалось среди мертвой тишины.' Лицо, взглядъ, каждое движеніе «ходока» дышало отвагой и непомѣрной гордостью.

— Счастливъ твой Богъ, что не струсилъ,—неожиданно для всѣхъ продолжалъ мгновенно успокоившійся Пѣтуховъ,—а на прощанье вотъ что скажу тебѣ: я одной рукой шесть пудовъ поднимаю... Можетъ, слыхалъ, а не слыхалъ, такъ попытай, — я поѣду безъ провожатаго, ночью, такъ выходи на дорогу. А теперь уйди ты отъ меня, сдѣлай милость.

Присутствующіе были поражены, а наблюдательный, знающій мужика человѣкъ, тотчасъ бы понялъ, что всѣ безъ исключенія

были довольны такимъ неожиданнымъ рѣшеніемъ. Этого мало, самъ «ходокъ» съ уваженіемъ посмотрѣлъ на своего заклятаго врага, противъ обыкновенія поклонился ему въ поясъ и вышелъ.

При всемъ томъ «ходокъ», обладавшій большою твердостью духа и способностью съ философскимъ терпѣніемъ переносить удары злого рока, едва ли не съ большей энергіей продолжалъ свое дѣло и, почему-то придавая особенное таинственное значеніе телеграммамъ, то и дѣло посылалъ ихъ то въ Сибирь, то въ Петербургъ; а получивъ отвѣтъ, прямо съ телеграфной станціи, съ видомъ побѣдителя, поднимался по крутой лѣстницѣ, ведущей въ губернское присутствіе, чтобы, часъ спустя, положивши въ лоскъ гуманныхъ членовъ, съ помощью швейцара, быстро спуститься съ той же самой лѣстницы, съ телеграммой въ каждой рукѣ.

Наконецъ пришла бумага, въ которой, къ отчаянію «ходока», предписывалось: «объявить съ подписью, именующему себя уполномоченнымъ NN губерніи и уѣзда, Никольской волости, Александру Иванову Засурскому, что, по докладѣ всеподданнѣйшаго прошенія его о разрѣшеніи названнымъ крестьянамъ переселиться на казенныя земли въ Западной Сибири, соизволенія на означенное ходатайство не послѣдовало, такъ какъ изъ сообщенныхъ по настоящему дѣлу свѣдѣній усматривается, что изъ означенныхъ свободныхъ казенныхъ земель еще не приготовлены участки для водворенія переселенцевъ».

Послѣ полученія такой бумаги, обезкураженный «ходокъ» возвратился восвояси и, избѣгая людей, тайкомъ пробравшись въ свою избу, залегъ на лавку, укрывшись съ головой овчиннымъ тулупомъ и не отвѣчая на вопросы вскорѣ осадившей его толпы любопытныхъ. Проходятъ дни; миновала недѣля, а «ходокъ» пластомъ лежалъ подъ своимъ тулупомъ, не подавая признаковъ жизни.

Мужики тотчасъ же смекнули, что дѣло не ладно. На улицѣ толпился народъ: вездѣ шли оживленные толки. Жена «ходока», впопыхахъ накинувъ зипунишко, побѣжала къ извѣстной, жившей верстахъ въ пяти, знахаркѣ и, останавливая всѣхъ попадавшихся ей на дорогѣ, заливаясь слезами, объявляла, что мужъ ея вотъ уже седьмой день не ѣстъ, не пьетъ и лежитъ безъ языка. Деревенскія бабы пошли еще дальше: онѣ переполнили избу и, усѣвшись рядкомъ вокругъ больного, стали причитать надъ нимъ, какъ надъ покойникомъ. А между тѣмъ «ходокъ», лежа подъ тулупомъ, думалъ крѣпкую думу и съ свойственной ему проницательностью соображалъ, что при такомъ оборотѣ дѣла, когда переселеніе отложено на два года, мужики, пожалуй, сразу остынутъ и, чего добраго, потребуютъ обратно собранныя имъ деньги.

Выходъ нашелся: какъ человѣкъ убогій, разбитый параличемъ, безъ языка, онъ прежде всего продалъ лошадей и всю скотину, а затѣмъ, къ удивленію Евграфовича, зорко слѣдившаго за

своимъ заклятымъ врагомъ, на самой зарѣ, когда все еще спало въ деревнѣ, пріѣхали чуваши сосѣдняго селенія, живо сломали купленный домъ «ходока», а потомъ увезли и все надворное строеніе, за исключеніемъ одной только конюшни, куда поспѣшилъ перебраться страдалецъ, и гдѣ на скорую руку была сложена небольшая печь и прорублено окно. И вдругъ, моментально, «ходокъ» превратился изъ самаго зажиточнаго мужика въ голаго бобыля. Бѣдность, отчаянная бѣдность такъ и бросалась въ глаза каждаго: кафтанъ и полушубокъ въ дырьяхъ; дворъ загороженъ тонкими жердями; вмѣсто просторной избы—конюшня.

Около постели страдальца, на низкой скамеечкѣ, спиной къ окну постоянно сидѣла старая дѣвка-черничка и неторопливо, нараспѣвъ читала душеспасительныя книги.

«Ходокъ» неподвижно лежалъ все подъ тѣмъ же тулупомъ, съ полузакрытыми глазами и слушалъ съ большимъ вниманіемъ.

Возмущенный ловкой продѣлкой «ходока», въ порывѣ негодованія нагрянулъ земскій. Но и его, при видѣ такой трогательной сцены, схватило за сердце, и онъ остановился, какъ вкопанный, съ блѣднымъ лицомъ и влажными глазами.

— Александръ Ивановичъ! — вскрикнула испуганная чтица:— господинъ земскій начальникъ пришелъ.

Больной завозился, хотѣлъ подняться, но не могъ.

— Лежи, лежи, не безпокойся, вижу, что боленъ,—пробурчалъ земскій.—Не нужно ли чего?

Молчитъ.

— Не прислать ли тебѣ доктора?

«Ходокъ» упорно молчалъ. И не дождавшись отвѣта, взволнованный начальникъ вышелъ изъ темной избенки.

Когда все нѣсколько успокоилось, «ходокъ» видимымъ образомъ сталъ лучше; онъ уже произносилъ нѣкоторыя слова, хотя и съ большимъ трудомъ, а потомъ говорилъ, и, прежде всего, о томъ, чтобы мужики не сдавались и ждали. Одно малоземельное общество при помощи крестьянскаго банка соблазнилось купить по небывало дешевой цѣнѣ подходящій участокъ отличной земли, но вмѣшательство «ходока» разстроило выгодную сдѣлку, а когда, по распоряженію всегда не въ мѣру строгаго или не кстати слабаго начальства, примчался земскій и настоятельно потребовалъ подписку въ томъ, что переселенцамъ объявленъ и прочитанъ циркуляръ объ отсрочкѣ самаго переселенія на два года, онъ заметался въ своей клѣтушкѣ, какъ раненый звѣрь, настаивая на томъ, чтобы никакой подписки не давать.

Масса народа привлечена была къ отвѣтственности и приговорена къ мѣсячному заключенію въ городскомъ арестномъ домѣ. Услыхавши о такомъ строгомъ приговорѣ, мужики стали безропотно собираться въ дорогу, уложили кое-какое тряпье и кусочки

хлѣба въ сумочки и, закинувши ихъ за спину и взявши посохи въ руки, безпрекословно, длинной вереницей двинулись въ путь, точно на богомолье, испытывая сродное русскому человѣку радостное настроеніе добровольнаго мученичества.

Однѣ только бабы, провожая мужиковъ, сочли необходимымъ голосить источными голосами:

«Послѣдніе наши денечки пришли!»

Послѣ этого наступилъ двухъ-лѣтній періодъ полнаго затишья. Мужики напустили на себя какой-то слишкомъ уже безобразный видъ, прилагая все стараніе къ тому, чтобы казаться какъ можно равнодушнѣе къ землѣ и всякимъ, хотя бы и самымъ выгоднымъ, предложеніямъ помѣщиковъ, которыхъ считали единственными виновниками неожиданной задержки.

А между тѣмъ нашъ великолѣпный черноземъ продолжалъ дѣлать свое дѣло и давать хорошіе урожаи. Особеннымъ изобиліемъ отличался 1893 годъ, и мы давнымъ давно не видали такого урожая, какъ ржи, такъ и овса, что случается рѣдко даже въ нашей плодородной мѣстности. Въ былое время такой необычайный годъ могъ бы надолго поднять и упрочить благосостояніе тружениковъ земли, но, при существовавшемъ въ то время настроеніи, при явно враждебномъ отношеніи мужика къ землѣ, счастливѣйшій годъ только увеличилъ общія затрудненія и поставилъ насъ въ еще болѣе тяжелыя условія жизни. Потребовалась масса рабочихъ рукъ, понадобились жнецы, возчики безчисленнаго множества сноповъ, молотильщики; работы было пропасть. Еще не такъ давно до голоднаго года не было бы отбоя отъ желающихъ, но въ настоящее время мужикъ, считавшій себя какимъ-то подневольнымъ гостемъ, временно остающимся на мѣстѣ, или упорно отказывался отъ работы, просто изъ одного желанія насолить и поглумиться, или же заламывалъ такія цѣны, о которыхъ никто и не слыхивалъ въ нашихъ палестинахъ.

Нетерпѣливое, мучительное ожиданіе въ конецъ истомило народъ, но забытые, запущенные ключи народной жизни продолжали кипѣть подъ спудомъ и проситься наружу. На страстной недѣлѣ 1893 года въ одномъ изъ большихъ селеній нашего уѣзда открылась бойкая распродажа всякой движимости крестьянами, порѣшившими съ первыми же пароходами, не дожидаясь истеченія двухъ-лѣтняго срока—бѣжать въ Сибирь. Два-три мѣсяца тому назадъ, исправникъ закричалъ бы не своимъ голосомъ: «задержать, арестовать», но въ эту минуту власть уже перешла въ руки человѣка иного направленія, относившагося къ дѣйствительности съ очень благонамѣренной идиллической точки зрѣнія. Онъ былъ убѣжденнымъ врагомъ всякихъ крутыхъ мѣръ и потому посовѣтовалъ уже закипѣвшему негодованіемъ полицейскому чиновнику смотрѣть на самовольное переселеніе сквозь пальцы и даже добавилъ: «зачѣмъ мѣшать—чѣмъ больше уйдетъ народу, тѣмъ лучше».

Совѣтъ былъ ужасно простъ и удобоисполнимъ и—«чѣмъ больше уйдетъ народу, тѣмъ лучше!»—словно эхо, подхватилъ исправникъ и только что не поощрялъ самовольное переселеніе.

Находясь въ неизмѣнно хорошихъ отношеніяхъ съ сосѣдними крестьянами, я изнемогалъ отъ ежедневныхъ, неизбѣжныхъ и въ то же время безплодныхъ преній съ чающими движенія воды.

— Всѣ до единаго уйдемъ, и ничего не останется на старыхъ мѣстахъ, кромѣ церквей безъ прихожанъ, училищъ безъ учениковъ и господскихъ усадебъ безъ работниковъ,—утверждали мужики.

— Но куда же?—вѣдь сами не знаете, куда идете,—пробовалъ я возражать.

— Знаемъ... перебивали меня на первомъ же словѣ: — вотъ какъ знаемъ, что лучше и не надо знать: лѣсу, сколько хочешь; земли, сколько глазомъ окинешь; рыбы въ рѣкахъ—тьма тьмущая. На однихъ кедровыхъ орѣхахъ сколько выручишь!

Кедровые орѣхи не сходили съ языка переселенцевъ: бабы точно помѣшались на этихъ орѣхахъ.

— Все это прекрасно,—заходилъ я съ другой стороны,—только одного не понимаю: жалуешься ты на невозможное житье, а между тѣмъ скажи по совѣсти: откуда взялся у тебя такой дворъ, три матки по 100 руб. каждая, коровы, овцы? Откуда же взялось все это, если невозможно жить на нашей землѣ?

— А тамъ, въ Сибири-то... волнуясь наступалъ бородачъ: тамъ я табуны заведу, а домъ такой запалю—не хуже твоего. Завидно тебѣ—вотъ что, а если уже больно завидно, такъ пойдемъ съ нами на вольное житье.

Каждый изъ окружающихъ меня крестьянъ имѣлъ свой особенный взглядъ на переселеніе, свои поводы и причины: одинъ шелъ на «новую линію» отъ хорошаго житья, продавалъ свою крѣпостную землю, великолѣпныхъ, годами выращенныхъ лошадей и коровъ, съ единственной цѣлью еще пріумножить свое состояніе и разбогатѣть; у другого—ни зерна хлѣба, ни копейки за душой,—а потому все равно, во всякомъ случаѣ, хочешь не хочешь, а въ началѣ зимы придется запрячь свою клячу и ѣхать собирать милостыню; значитъ, какъ ни кинь,—все клинъ и терять нечего; третьему просто до смерти надоѣло полчище всякаго начальства, и ненавистная все болѣе и болѣе водворявшаяся законность—этого нельзя, этого не смѣй, а подати подай, на волостную, на училище, штрафы плати, въ кутузкѣ сиди, ѣзди, гдѣ показано; а тамъ на «новой линіи» я буду ни барскій ни царскій, а самъ по себѣ; четвертому тѣсно—до такой степени тѣсно, что курицу некуда выпустить, а скотину такъ на дворѣ и держи, ни попоить, ни попасти въ чужомъ полѣ, ни чужимъ лѣскомъ попользоваться—ничего этого нельзя, все подъ великимъ запретомъ; пятому, хозяйственному мужику, мало пашни, сѣнокосу, а, главное, лѣса, составляющаго предметъ его постоян-

ныхъ желаній; находились одинокіе дряхлые, безпомощные старики, тоже добивавшіеся попасть въ списки переселенцевъ на томъ основаніи, что и старому воробью и поклевать и полетать хочется; въ самомъ селѣ Никольскомъ нашелся даже такой умственный и степенный мужикъ, который, переселяясь, на всѣ мои предостереженія отвѣчалъ: «мы и здѣсь довольны, слава тебѣ, Господи, одна бѣда: праздники разоряютъ, а тамъ, можетъ, этого и не будетъ». Затѣмъ слѣдовало подробное перечисленіе праздничныхъ расходовъ, до такой степени значительныхъ, что иному бережливому нѣмцу ихъ хватило бы на цѣлый годъ; мой мельникъ, несообщительный и крѣпкій на языкъ человѣкъ, слѣдуя за другими, упорно повторялъ: «хоть вѣтромъ обдуетъ—все легче будетъ».

VI.

Наконецъ-то, 20-го февраля 1895 года, земскій отдѣлъ увѣдомилъ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, что съ его стороны по ходатайству отъ лица 68 семействъ крестьянина Александра Засурскаго о надѣленіи ихъ казенной землей въ Томской губерніи министерство внутреннихъ дѣлъ входило въ соглашеніе съ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, которое въ настоящее время увѣдомило, что съ его стороны не встрѣчается препятствій къ отводу казенной земли. При семъ отдѣлъ считаетъ долгомъ присовокупить, что, кромѣ тѣхъ просителей, ходатайство коихъ признано губернскимъ присутствіемъ заслуживающимъ уваженія, разрѣшено еще 22 семьямъ, обозначеннымъ подъ № 1, 3, 4 и т. д.

Съ этой бумагой въ рукахъ прискакалъ изъ города «ходокъ». Онъ точно выросъ, мгновенно переродившись изъ униженнаго и гонимаго въ настоящаго героя дня, только что почувствовавшаго свою силу. Стоя на телѣгѣ, безъ шапки, промчался онъ на ямскихъ съ колокольчикомъ къ своей юртѣ, уныло торчавшей на мѣстѣ бывшаго двора. День вышелъ праздничный... Ничего не понимая, но предчувствуя что-то необыкновенное, ринулась толпа и смиренно ожидала появленія своего «ходока», наскоро переодѣвшагося въ праздничный желтый кафтанъ.

Эффектъ вышелъ полный: Засурскій появился съ бумагой на головѣ—онъ несъ ее, какъ какую святую и драгоцѣнность; за нимъ раболѣпно выступилъ заштатный писарь. Среди общаго напряженнаго вниманія началось чтеніе, завершившееся такимъ шумнымъ взрывомъ восторга, какого никогда еще не слыхало село Никольское. «Ходока» обнимали, лобызали, между тѣмъ какъ онъ сіяющій, точно озаренный внезапнымъ свѣтомъ, какимъ-то смягченнымъ, умиленнымъ голосомъ говорилъ: «Богъ видитъ, какія муки пере-

несъ. Спозналъ, какъ въ «ходокахъ» ходить. Тотъ по шеѣ погонитъ, другой въ кутузку запретъ, и все-таки моя взяла: сказалъ— ждите милости, и дождались... Слава Христу Спасителю и Матери его Пресвятой Дѣвѣ»,—и онъ истово крестился на храмъ Божій.

То, что произошло послѣ этой сцены, не поддается описанію. Всѣ поздравляли другъ друга, точно въ день Свѣтлаго праздника, въ кабакахъ не осталось ни капли вина, никому не сидѣлось въ дому, народъ день и ночь толпился на улицѣ, работы остановились, всѣ мои работники чуть свѣтъ, не спрашиваясь, ушли въ село, чтобы поголовно записаться на «новую линію». Даже старикъ Яковъ и тотъ, бросивъ стадо, побѣжалъ записываться, и того подхватила внезапно нахлынувшая волна. Не выдержалъ и мельникъ, давно уже считавшій мою мельницу своей собственностью, и устремился вслѣдъ за пастухомъ. Изъ лѣсу, точно на пожаръ, прискакалъ лѣсной сторожъ Андрей Зарѣчный и неотступно потребовалъ расчетъ, такъ какъ ему необходимо сейчасъ же собираться въ Сибирь.

Чаша переполнилась, мой хуторъ опустѣлъ, и въ первое время я рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ брошеннымъ на произволъ судьбы стадомъ, съ лѣсомъ и мельницей, и готовъ былъ восклицать: «да куда же мы наконецъ идемъ?»

Канцелярія «ходока» работала въ нѣсколько перьевъ: деньги лились рѣкой... Въ нашемъ селеніи стали появляться депутаціи отъ крестьянъ не только своего уѣзда, но даже изъ Казанской и Нижегородской губерніи. «Ходокъ» принималъ ихъ въ торжественныхъ аудіенціяхъ и, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, бралъ по 25 рублей за сообщеніе всякаго вздора о сибирской жизни, считая себя вправѣ наврать чортову пропасть и въ то же время искренно убѣжденный въ томъ, что говорилъ сущую правду, или, выражаясь правильнѣе, что все, что говорилось имъ, должно быть именно такъ, какъ онъ описывалъ. Дошло до того, что священникъ сосѣдняго селенія, зоркій человѣкъ, остраго ума, просилъ похлопотать о назначеніи его пастыремъ въ огромномъ селеніи, мысленно уже распланированномъ «ходокомъ», съ широкими прямыми улицами, каменной церковью по серединѣ площади и высокими хоромами «ходока» напротивъ. Засурскій подумалъ, поломался и наконецъ обѣщалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ силу привычки онъ продолжалъ то и дѣло посылать прошенія и телеграммы. Только что подавъ ближайшему начальству просьбу о разрѣшеніи ему и его довѣрителямъ отправиться немедленно на заработки въ Томскую или Тобольскую губернію, по письменнымъ видамъ, «такъ какъ неурожайные годы поставили народъ въ такое положеніе, что всѣ должны безпремѣнно, не дождавшись своего счастья, помереть съ голода и лишиться жизни», какъ уже послалъ въ Петербургъ новое прошеніе слѣдующаго содержанія: «По уполномочію 540 домохозяевъ,

крестьянъ разныхъ обществъ Никольской волости, на исходатайствованіе о переселеніи ихъ на свободныя казенныя земли Томской и Тобольской губерній, получено мною надлежащее разрѣшеніе, а между тѣмъ мы по сіе время остаемся на мѣстахъ, и тѣмъ самымъ отнимается у насъ время на посторонніе заработки, чѣмъ вынуждаютъ меня съ довѣрителями волей или неволей заключать разныя обязательства и обременительныя условія съ помѣщиками и зажиточными крестьянами, какъ-то: брать испольную землю и круговую сдѣлку, и хлѣбный извозъ впередъ, что̀ составляетъ для насъ огромную тягость, вслѣдствіе чего я и желающіе, изъ числа 540 довѣрителей, нашлись вынужденными обратиться къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой, дать намъ знать о подробномъ, ясномъ и окончательномъ разрѣшеніи на переселеніе на свободныя казенныя земли Томской и Тобольской губерніи».

Между тѣмъ мѣсто скоропостижно умершаго Пѣтухова занялъ благодушный Голубковъ, при всѣхъ своихъ симпатичныхъ качествахъ и талантахъ, не чувствовавшій ни малѣйшаго позыва къ труду и въ то же время рѣшительно не способный хотя бы на мгновеніе оставаться наединѣ съ самимъ собой. Вотъ почему, слѣдуя непреодолимому душевному влеченію къ обществу, онъ остановился на роли вѣчнаго гостя и собесѣдника скучающихъ помѣщиковъ, какъ извѣстно, всегда готовыхъ встрѣтить съ распростертыми объятіями самаго ненавистнаго человѣка.

— Изволили отбыть, — всѣмъ и каждому говорилъ, одурѣвшій отъ скуки и постояннаго одиночества письмоводитель, а, если болѣе счастливому просителю и удавалось захватить Голубкова, то послѣдній, извиняясь, спѣшилъ сообщить, что собирается ѣхать на именины къ какой нибудь Аделаидѣ Карловнѣ, и дѣлалъ это съ такимъ добродушнымъ, ласковымъ видомъ, что каждому хотѣлось только расцѣловать его и пожелать счастливаго пути. При всемъ томъ и ему, всѣми любимому, хотя и неуловимому, Голубкову, волей или неволей пришлось познакомиться съ «ходокомъ». Пріѣхалъ старшина и донесъ, что тотъ обѣщалъ сослать его туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ; пріѣхалъ помощникъ старшины съ жалобой, что тотъ же «ходокъ» при полномъ сходѣ назвалъ его краснобровымъ тетеревомъ; пришли старики, богатые однодворцы нашего прихода, и, валяясь въ ногахъ, умоляли, чтобы начальство защитило ихъ все отъ того же Засурскаго, сманивавшаго ихъ сыновей на «новую линію» и, такимъ образомъ, явно возмущавшаго дѣтей противъ родителей.

Вызвали «ходока»; но его разсказы о привольяхъ сибирской жизни — многоводныхъ рѣкахъ, полныхъ всякой рыбы, дремучихъ лѣсахъ, изобилующихъ птицей и всякимъ звѣремъ, до такой степени восхитили начальника, прежде всего охотника въ душѣ, что тотъ, заслушавшись разсказа, даже забылъ, что̀ именно долженъ

былъ внушить нарушителю общественнаго спокойствія, и не на шутку возмечталъ о далекой Сибири, о томъ, что было бы очень недурно получить тамъ добрый кусокъ земли, въ двѣ-три тысячи десятинъ, и сдѣлаться однимъ изъ героевъ Купера.

Такое снисходительное отношеніе къ «ходоку» тотчасъ же отразилось на положеніи дѣлъ въ Никольской волости. Сельскія власти рѣшительно стали втупикъ и, сбитыя съ толку, не могли уже рѣшить, они ли должны наблюдать за «ходокомъ» и въ случаѣ надобности сажать его въ кутузку, или онъ возьметъ, да и лишитъ ихъ свободы при первомъ удобномъ случаѣ.

Между тѣмъ окончательное разрѣшеніе на переселеніе все еще не приходило, и потому «ходокъ», давно уже отставшій отъ всякой работы, задумалъ вторую поѣздку въ Сибирь, чтобы лично осмотрѣть уже отведенный участокъ, обозначить мѣста для построекъ, для церкви и вообще приготовить все какъ слѣдуетъ къ пріѣзду своихъ довѣрителей. Собрали уже въ третій разъ по 30 копеекъ съ души, и въ концѣ апрѣля 1895 года Засурскій съ первымъ пароходомъ отправился въ Томскую губернію.

Сильно порывался ѣхать вмѣстѣ съ «ходокомъ» извѣстный намъ «Евграфычъ», но, по его собственному выраженію, тотъ «пересѣкъ ему дорогу», и онъ остался дома, продолжая ратовать противъ жидомора и лапотника.

— Всѣ лѣзутъ, словно овцы... и пуще всего эти бабы; ничего не подѣлаешь, точно шальныя,— безъ умолку кричалъ Евграфычъ:— учить насъ надо, да некому, а учить слѣдуетъ, да какъ еще учить-то.

— Очевидно, мнѣніе міра уже успѣло окончательно сложиться и окрѣпнуть, и на единственнаго спорщика махнули рукой.

Село Никольское и его обычная жизнь были не узнаваемы. На выгонѣ шелъ постоянный базаръ. Въ одномъ кружкѣ какой нибудь краснобай горячо передавалъ послѣднюю новость о пятистѣнныхъ избахъ, къ постройкѣ которыхъ уже приступилъ Засурскій на новыхъ мѣстахъ; около него, покуривая самодѣльныя папиросы и безпечно растянувшись на травѣ, ничкомъ лежали слушатели. Рядомъ шелъ оживленный торгъ, и подвыпившій мужикъ, съ заспанными глазами и всклокоченными волосами, показывалъ лошадь барышникамъ, съѣхавшимся на дешевку. На разбросанныхъ по лужайкѣ пологахъ разложены были кучи всякихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ вещей, продаваемыхъ бабами: горшковъ, ведеръ, боченковъ, холстовъ и т. д., охотно покупаемыхъ своими и чужими поповнами. Въ нѣсколькихъ саженяхъ среди общаго смѣха и веселья ломали еще совершенно новую избу; черезъ два двора ломали уже три избы подъ рядъ; на углу слышался трескъ раскрываемой тесовой крыши. Изъ оконъ волостного правленія съ любопытствомъ и недоумѣніемъ выглядывали сельскія власти, на этотъ разъ ли-

шенныя возможности вмѣшиваться и препятствовать, а потому моливпіія Творца, чтобы переселенцы какъ можно скорѣе поднялись и двинулись въ путь.

VII.

Нашъ «ходокъ» возвратился въ концѣ мая. Завидѣвъ громадную толпу, вышедшую къ нему на встрѣчу, онъ вылѣзъ изъ телѣги и настоящимъ тріумфаторомъ вступилъ въ селеніе. Толпа гудѣла, осыпая его вопросами такъ, что онъ уже не зналъ, куда повернуть голову, кого слушать, кому отвѣчать. Народъ почтительно провожаетъ его, боясь проронить хоть бы одно сказанное имъ слово; раболѣпно слѣдитъ за каждымъ шагомъ и движеніемъ своего любимца, всматриваясь въ его загорѣлое лицо; не отстаетъ отъ него ни на шагъ, валитъ за нимъ въ волостное правленіе, куда направился «ходокъ» прямо съ дороги и не столько для того, чтобы отдать свой билетъ, сколько за тѣмъ, чтобы показаться сельскимъ властямъ во всей своей славѣ; народная толпа тѣснится на его дворѣ, окружаетъ мазанку, въ которой онъ скрывается, чтобы хоть на минуту прійти въ себя, наконецъ, рискуя задохнуться, проникаетъ въ его жилище, чтобы только уловить хотя бы что нибудь изъ его разсказовъ о Сибири. Вниманіе толпы напряглось до невозможности: всѣ стояли красные и потные отъ духоты.

— Лѣсу много, внучатамъ хватитъ, климатъ такой же, какъ и здѣсь,—раздается голосъ «ходока».

Въ избѣ, по двору, по всему выгону пронесся радостный трепетъ.

Онъ продолжалъ:

— Рожь въ ростъ человѣка, травы по поясъ, вода во всемъ участкѣ и рыбы тьма тьмущая.

Толпа заходила отъ радостнаго гула.

— Земля одинаковая съ нашей, кедровыми орѣхами можно засыпаться съ головой и безбѣдно прожить,—продолжалъ ходокъ:—вотъ вамъ, глядите сами.

И онъ подалъ ближайшимъ собесѣдникамъ нѣсколько кедровыхъ шишекъ, тщательно завязанную въ платокъ землю и пачку колосьевъ невѣроятно высокой ржи.

Эффектъ былъ полный: сибирскіе гостинцы переходили изъ рукъ въ руки, изъ избы на дворъ, со двора на выгонъ.

— Вотъ что скажу еще...—все болѣе и болѣе одушевлялся «ходокъ»,—много труда и горя принялъ, а дѣло довелъ до конца. Участокъ (который ходокъ видѣлъ только на планѣ, въ Томскомъ губернскомъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ) выбралъ первѣйшій... Новые сапоги разбилъ, пока обошелъ его... Собственными руками столбъ поставилъ и прибилъ доску съ надписью: участокъ Засурскаго.

— Столбъ поставилъ въ полторы сажени и доску прибилъ съ надписью,—повторяли мужики, бабы, старики, дѣти, повторяло волостное начальство, до котораго точно по телеграфу тотчасъ же доносились послѣднія слова «ходока».

Въ эту минуту Засурскій стоялъ на самой вершинѣ одуряющаго счастья, неожиданно выпавшаго на его долю.

Внѣ себя отъ волненія внималъ счастливцу его постоянный соперникъ Евграфычъ, и въ отуманенной головѣ его впервые зародилась мысль: «а что, если все это не сказки, а сущая правда, и тѣ приволья, о которыхъ говорилось, существуютъ въ дѣйствительности?» Сомнѣнія его становились все сильнѣе и явственнѣе. Онъ уже не могъ владѣть собой, точно лихорадка его колотила и, то и дѣло встряхивая волосами, съ унылымъ отчаяніемъ обратился онъ къ своему заклятому врагу, съ неотступной мольбой вывести его изъ сомнѣнія и сказать сущую правду.

— А ты бы самъ поискалъ ее, правду-то,—съ обычной суровостью процѣдилъ «ходокъ».

— Ну, побожись, что не врешь, сними образъ...—умолялъ окончательно растерявшійся Евграфычъ.

Ходокъ не дрогнулъ и съ высоты своего, въ эту минуту недосягаемаго, величія, оглядывая раболѣпную толпу, полѣзъ въ уголъ къ иконамъ, истово перекрестился, снялъ одну изъ нихъ со стѣны и поцѣловалъ, свидѣтельствуя передъ народомъ, что говоритъ сущую правду.

Съ этой минуты Евграфычъ сдѣлался самымъ ярымъ поклонникомъ ходока и переселенія на новую линію. Съ видомъ блаженнаго бѣгалъ онъ по селу, повторяя:

— Какія мѣста, вотъ такъ мѣста; спасибо Александру Ивановичу, во вѣки вѣчные не забудемъ его; село, гдѣ поселимся, безпремѣнно назовемъ «Засуровкой», храмъ Божій соорудимъ во имя Александра Невскаго.

Обуреваемый желаніемъ играть активную роль, хотя бы ближайшаго помощника ходока, онъ настаивалъ на томъ, чтобы переселенцы прежде всего запасались хорошей одеждой и не ударили лицомъ въ грязь передъ начальствомъ, чтобы все было форменно, какъ на смотру, и довѣрчивые люди безпрекословно слѣдовали его совѣту.

Популярность и слава «ходока» росла съ каждымъ днемъ. Всѣ были увѣрены, что его ожидаетъ не порицаніе, а одобреніе высшаго начальства, и что онъ получитъ большую награду за то, что замѣститъ и уведетъ въ Сибирь болѣе трехъ тысячъ душъ. Эту увѣренность раздѣляли даже землевладѣльцы средней руки и мѣстное духовенство.

Точно внезапно налетѣвшій ураганъ вдругъ подхватилъ массу зипуновъ, кушаковъ, рукавицъ, лаптей, лаптей безъ конца, и на

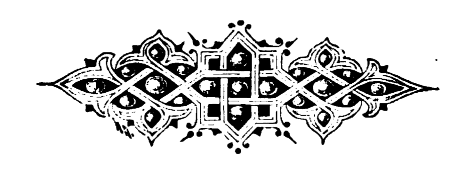
глазахъ у всѣхъ съ страшной силой завертѣлъ, закружилъ въ пространствѣ, готовый унести куда-то за тридевять земель, въ первое время вызывая настоящую панику между землевладѣльцами, почуявшими настоящую бѣду и возможность полнаго одиночества среди своихъ владѣній, безъ работниковъ, безъ всякаго спроса на землю, и вотъ когда въ нихъ впервые заговорила жгучая тоска по мужикѣ, на котораго еще вчера сваливались всѣ неудачи и собственные промахи и безъ помощи котораго не могли бы просуществовать однѣхъ сутокъ. При всемъ томъ зипуны и лапти продолжали крутиться все на одномъ и томъ же мѣстѣ до самаго начала іюля мѣсяца 1895 года въ нетерпѣливомъ, ежедневномъ ожиданіи проходныхъ свидѣтельствъ, и только 16-го іюня добродушный Голубковъ сообщилъ, что ходокъ, дѣйствительно, избралъ для водворенія своихъ довѣрителей свободный переселенческій участокъ казенной земли, такой-то волости Томской губерніи, въ количествѣ 2.040 десятинъ удобной земли, а 21-го сентября того же 1895 года все тотъ же благодушнѣйшій, но неуловимый Голубковъ, твердо державшійся правила «поспѣшишь, только людей насмѣшишь», увѣдомилъ губернское присутствіе, что всѣ переселенцы, крестьяне разныхъ селъ и деревень Никольской волости, вмѣстѣ съ ходокомъ своимъ Александромъ Ивановичемъ Засурскимъ, 6-го іюля 1895 года, благополучно отбыли на мѣсто, указанное имъ для переселенія.

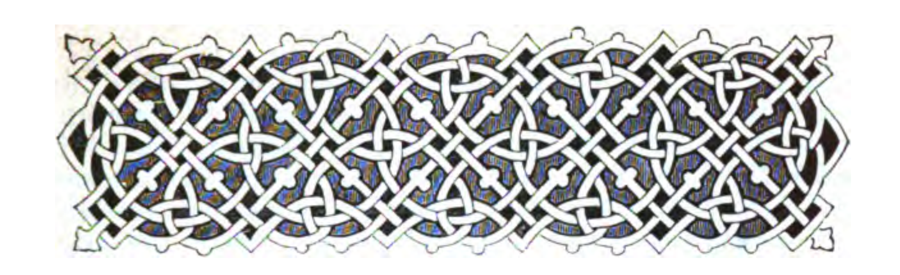
Бумагу записали во входящую и зачислили дѣло конченнымъ, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ такого событія, для многихъ сотенъ крестьянъ, ушедшихъ на новую линію.

Разъ заведенная машина продолжала неутомимо работать, выпуская ежедневно сотни нумеровъ бумагъ.

В. Назарьевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ГАЛЛЕРЕИ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СИЛУЕТОВЪ.

I.

Графиня А. В. Браницкая.

РОСМАТРИВАЯ недавно собраніе силуетовъ Сидо, изобразившаго намъ дворъ Екатерины, я внезапно почувствовалъ не извѣданную еще мною тоску: какимъ-то холодомъ повѣяло на меня вдругъ отъ этихъ черныхъ очертаній и фигуръ, безжизненныхъ, безкровныхъ; что-то жесткое, безнадежное, запечатлѣлось въ застывшихъ линіяхъ мертвыхъ лицъ, въ костюмѣ и прическѣ; хотѣлось бы оживить этихъ мертвецовъ, увидѣть ихъ взглядъ, уловить ихъ улыбку, создать себѣ ихъ образъ, ясный, отчетливый, вынести о нихъ опредѣленное, яркое впечатлѣніе... Увы, вы видите предъ собою лишь тѣнь лица, а оригинала ея, быть можетъ, не увидите никогда. И вспомнились мнѣ уже другія тѣни, тѣни въ исторіи—бездушныя, мертвыя изображенія историческихъ лицъ, душа которыхъ осталась для насъ загадкой, у которыхъ чрезъ ихъ внѣшнее не сказалось для насъ ихъ внутреннее. Хотѣлось бы, чтобы они заговорили о себѣ, объяснили бы намъ свои побужденія, свои дѣйствія, раскрыли бы свою душу, а, между тѣмъ, предъ нами—одно безстрастное изображеніе внѣшнихъ очертаній жизни человѣка, проходившаго такъ же, какъ и всѣ, чрезъ извѣстныя стадіи и такъ же, какъ и всѣ, умершаго чрезъ извѣстное число лѣтъ послѣ своего

рожденія. Если для историка, вообще, важно знать, чѣмъ люди живы были въ извѣстную эпоху, то, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ, это знаніе является необходимостью: безъ него трудъ біографа, какъ бы ни былъ онъ кропотливъ, есть лишь черченіе силуетовъ. Въ русской исторіи такихъ силуетовъ—безъ конца: мы не знаемъ и не хотимъ знать нашихъ предковъ, сожигая ихъ бумаги или продавая ихъ на пуды въ мелочныя лавки. Особенно много въ этомъ отношеніи потерпѣли русскія женщины, которыя въ исторіи не могли выразиться всѣми чертами своего духа и которыхъ поэтому оцѣниваютъ, главнымъ образомъ, съ спеціально женской точки зрѣнія, общей для нихъ всѣхъ. Мы попытаемся въ нѣсколькихъ очеркахъ оживить нѣкоторые женскіе силуэты нашей исторіи конца XVIII и начала XIX вѣковъ. Для начала возьмемъ силуетъ графини Александры Васильевны Браницкой, любимой племянницы Потемкина, подруги Екатерины II и создательницы огромнаго состоянія Браницкихъ и Воронцовыхъ. Печальна судьба этой исторической женщины: милліоны, ею собранные, частію еще хранятся у ея наслѣдниковъ, а ея бумаги, вѣроятно, съѣдены уже крысами въ фамильныхъ «архивахъ» Браницкихъ, или похоронены тамъ въ ожиданіи подобной участи.

Александра Васильевна Браницкая извѣстна въ исторіи, какъ первая изъ четырехъ красавицъ, родныхъ племянницъ Потемкина, которыя поочередно были его любовницами. Мать ея, старшая сестра Потемкина, Мароа Александровна [1]), выдана была замужъ, задолго до возвышенія своего знаменитаго брата, за смоленскаго дворянина Энгельгардта и умерла послѣ 1767 г., оставивъ мужу двухъ сыновей и шесть дочерей, изъ которыхъ пристроенной была одна лишь старшая, Анна Васильевна, при жизни матери вступившая въ бракъ съ дворяниномъ Жуковымъ, а остальныя пять были еще дѣвочками. Александрѣ Васильевнѣ было въ 1767 году всего 13 лѣтъ, а младшей, Татьянѣ, не было и года. Первое время сиротства племянницы Потемкина провели подъ надзоромъ его матери, своей бабушки, Дарьи Васильевны, проживавшей сначала въ смоленской своей деревнѣ, а затѣмъ, когда звѣзда Потемкина взошла, въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, у церкви Вознесенія, на Большой Никитской. Въ іюлѣ 1775 года, Екатерина и дворъ ея прибыли въ Москву для празднованія мира съ турками, и Потемкинъ, уже всемогущій фаворитъ императрицы, увидѣлъ у матери всѣхъ племянницъ своихъ, «Энгельгартшъ», изъ которыхъ двѣ старшія, Александра и Варвара Васильевны, были уже взрослыми красавицами. Красота Александры Васильевны, очевидно, отуманила голову ея еще молодому, 35-лѣт-

---

[1]) Такъ называетъ ее въ біографіи Потемкина племянникъ ея, гр. Самойловъ (Русск. Арх., 1867, 590). Кн. Лобановъ именуетъ ея Еленой Александровной (Русская родословная книга, II, 413).

нему, но властному дядѣ, который при своей распущенности не хотѣлъ знать препятствій и, пользуясь покровительствомъ императрицы, имѣлъ возможность удовлетворять всѣмъ своимъ страстямъ. Уваженіе къ матери заставило, однако, Потемкина сдержать себя на время. 10 іюля 1775 года, Александра Васильевна Энгельгардтъ пожалована была за заслуги своего дяди фрейлиною ко двору императрицы, а въ декабрѣ того же года вмѣстѣ съ дворомъ переѣхала въ Петербургъ; въ это время началась, вѣроятно, и связь ея съ дядей.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что любовь Потемкина къ Александрѣ Васильевнѣ, съ ея стороны, встрѣтила взаимность. Потемкинъ умѣлъ плѣнить воображеніе племянницы, и она, одна лишь изъ всѣхъ сестеръ своихъ, до глубокой старости вспоминала о немъ всегда съ чувствомъ любви и уваженія. Чувство это было несомнѣнно искреннее, такъ какъ Александра Васильевна вообще обнаруживала съ юныхъ лѣтъ нѣкоторую холодность натуры, соединенную съ домовитостью и разсчетливостію, пріобрѣтенными въ періодъ жизни ея при бабушкѣ, въ смоленской деревнѣ.

Современники признавали Александру Васильевну умнѣйшею изъ всѣхъ племянницъ Потемкина, вообще даровитыхъ. Получивъ обыкновенное провинціальное воспитаніе, говоритъ Вигель, она неспособна была уже къ принятію блестящей образованности Екатеринина двора, но, имѣя умъ, характеръ, облеклась въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія [1]). Эти качества помогли ей въ новой ея обстановкѣ быстро приспособиться къ придворной жизни и пріобрѣсти расположеніе самой Екатерины. Уже 24 ноября 1777 года она пожалована была камеръ-фрейлиной и «пребогатымъ портретомъ» [2]).

Легкость нравовъ двора Екатерины и русскаго общества того времени не давала чувствовать молодой Энгельгардтъ щекотливости ея положенія: большинство свѣтскихъ женщинъ того времени, увлекаемыя примѣромъ двора и «любострастіемъ» вліятельныхъ фаворитовъ, «гордились и старались ихъ любовницами учиниться и разрушенную уже приличную стыдливость при Петрѣ III... совсѣмъ погасили, тѣмъ наипаче, что сей былъ способъ получить и милость императрицы». Всѣ придворные преклонялись предъ молодой, «счастливой» камеръ-фрейлиной, и самъ Державинъ, уже воспѣвшій Фелицу, не постыдился въ 1780 году перевести съ французскаго надпись къ ея портрету:

«Героя древняго ты именемъ сіяешь,
Который свѣтъ себѣ войною покорилъ,
Но болѣ ты сердецъ красой своей плѣняешь,
Чѣмъ онъ оружіемъ народовъ побѣдилъ» [3]).

---

[1]) Вигель, «Записки», I, 44.

[2]) Карабановъ, «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка»—Русск. Стар., 1870, II, 449.

[3]) Гротъ, «Сочиненія Державина», I, 473—474.

Среди этого поклоненія, среди шумной и роскошной жизни, почти не достигалъ ушей Александры Васильевны строгій, укоряющій голосъ бабушки, Дарьи Васильевны, матери Потемкина: въ концѣ концовъ Потемкинъ не взлюбилъ матери за то, что она говорила ему правду въ этомъ отношеніи, и ея письма къ сыну бросались нераспечатанными въ пылающій каминъ. Мало того, лѣтомъ 1776 г. привезены были въ Петербургъ ко двору двѣ младшія сестры Александры Васильевны: Варвара и Екатерина, которыя, спустя нѣкоторое время, подверглись участи старшей сестры. По разсказамъ современниковъ, «всѣ онѣ были лица безподобнаго и во всѣхъ дядюшка изволилъ влюбиться. Влюбиться на языкѣ Потемкина значило насладиться плотью: любовныя его интриги оплачивались отъ казны милостію, отличіями и разными наградами, кои потомъ обольщали богатыхъ жениховъ и доставляли каждой племянницѣ, сошедшей съ ложа сатрапа, прочную фортуну на всю жизнь»...

Князь Потемкинъ изъ своихъ родственницъ «составилъ для себя гаремъ во дворцѣ, часть котораго онъ занималъ», и тамъ онѣ «по временамъ разрѣшались отъ бремени, не переставая называться demoiselles d'honneur» [1]). Мать Потемкина умерла въ Москвѣ въ 1780 году; семейныя печали, несомнѣнно, ускорили ея кончину.

Трудно сказать, съ какими чувствами пережила это время Александра Васильевна, но, кажется, холодность натуры помогла ей сравнительно легко перенести измѣну вельможнаго дяди; она за то успѣла пріобрѣсти особое расположеніе императрицы и сдѣлалась однимъ изъ ближайшихъ къ ней лицъ въ ея интимномъ кругу: въ умѣ и характерѣ Александры Васильевны были черты, сближавшія ее съ Екатериной. Во время путешествія Екатерины въ 1780 году въ Могилевѣ для свиданія съ императоромъ Іосифомъ, А. В. Энгельгардтъ сопровождала императрицу и ѣхала съ ней въ одной каретѣ. Между тѣмъ, Потемкинъ задумалъ выдать племянницу замужъ, чтобы обезпечить ея будущность. Въ женихахъ недостатка, конечно, не было, но счастливцемъ оказался полякъ, великій гетманъ коронный, графъ Ксаверій Браницкій, бывшій столпомъ оппозиціи противъ короля Станислава и, въ числѣ другихъ поляковъ, добивавшійся дружбы всемогущаго фаворита Екатерины [2]). Бракъ Браницкаго съ Александрой Васильевной отвѣчалъ политическимъ расчетамъ императрицы: она желала мирнаго возсоедине-

---

[1]) Князь И. М. Долгорукій: «Капище моего сердца». Архивъ кн. Воронцова, XI, 360, XXII, 497.

[2]) Онъ родился въ 1732 году и былъ уже въ Россіи въ царствованіе Елисаветы Петровны, сопровождая Станислава Понятовскаго въ его посольствѣ. Въ чинѣ генералъ-лейтенанта коронныхъ войскъ, онъ былъ въ 1765 году польскимъ посломъ въ Берлинѣ, въ 1771 году посломъ въ Петербургѣ, въ 1773 году — посломъ въ Парижѣ; въ 1774 году онъ былъ назначенъ великимъ короннымъ гетманомъ и старостой бѣлоцерковскимъ.

нія Польши съ Россіей и поощряла браки поляковъ съ дѣвушками изъ русскихъ фамилій; съ другой стороны, Потемкинъ думалъ чрезъ родственныя связи съ польскими магнатами усилить свое вліяніе въ Польшѣ. Графъ Ксаверій не отличался умомъ, былъ расточителенъ, но умѣлъ заслужить расположеніе невѣсты: свадьба Александры Васильевны съ графомъ Ксаверіемъ Браницкимъ отпразднована была 12-го ноября 1781 года, при чемъ новая графиня Браницкая объявлена была статсъ-дамой. По обычаю того времени, написанъ былъ гимнъ какимъ-то піитой Канторовскимъ, вѣроятно, полякомъ.

Со времени брака съ Браницкимъ въ жизни Александры Васильевны наступаетъ переломъ: страсти молодости утихаютъ, беретъ перевѣсъ ея разсудокъ, холодная, строгая разсчетливость, въ то «великолѣпное» время казавшаяся скупостію. Вышедши замужъ за человѣка расточительнаго, который былъ вдвое старше ея, въ такой вѣкъ, который нравственностію не отличался, она всю жизнь осталась примѣромъ вѣрности супругу, нѣсколько разъ спасала его отъ разоренія и бережливостію своею, а, можетъ быть, и скупостію удвоила огромное его состояніе [1]). Зиму Браницкая проводила обыкновенно въ Петербургѣ, надоѣдая императрицѣ, какъ разсказывали, своими жалобами и претензіями, при дворѣ, но весной она жила уже въ малороссійскихъ помѣстьяхъ мужа, центромъ которыхъ было мѣстечко Бѣлая Церковь, находившееся въ 80 верстахъ отъ русской границы, и сдѣлавшееся ея любимымъ мѣстопребываніемъ; въ 1784 году она получила это помѣстье, приносившее до 60 тыс. руб. въ годъ дохода, въ даръ отъ мужа и начала приводить его въ порядокъ [2]). Хозяйственныя распоряженія, строгій порядокъ и отчетность, доходившая до мелочей, сдѣлалась любимыми занятіями Браницкой: видно было, что придворная атмосфера не измѣнила привычекъ и наклонностей ранней ея молодости, а напротивъ, въ сущности, осталась чужда ея природѣ. Въ то же время Браницкая явилась первой піонеркой русскаго дѣла въ предѣлахъ Польской Руси, подготовляя мирнымъ образомъ послѣдовавшее въ концѣ царствованія Екатерины присоединеніе ея къ Россіи. Императрица поддерживала ее въ этомъ настроеніи, довольно тяжеломъ среди польской обстановки, и въ личныхъ сношеніяхъ, и въ письмахъ своихъ къ ней. Такъ, она писала ей однажды:

«Графиня Александра Васильевна! Бывъ увѣрена, что письмо ваше и поздравленіе со днемъ моего рожденія отъ чистосердечной вашей любви и привязанности ко мнѣ лично и къ вашему отечеству, гдѣ вы рождены и воспитаны, происходитъ, мнѣ оное не могло быть иначе, какъ весьма пріятно, видя, что вы, графиня,

---

[1]) Витель, I, 44.
[2]) Арх. кн. Вор., XIII, 86, XXI, 463.

нынѣ, среди Польши (курсивъ подлинника) еще не перемѣняете вашъ всегдашній образъ мыслей и стараетесь оной сообщить и ближнимъ вашимъ. По сему судя, не удивляюсь, что сынъ вашъ старшій донынѣ помнитъ, какъ онъ былъ со мною въ Кіевѣ и по дорогѣ. Скажите ему, что радуюсь его успѣхамъ и что учится хорошо погречески, пофранцузски и порусски. Его отечеству нужны люди здравомыслящіе, а пагубны тѣ, кои похожи на того соловья, который, сказываютъ, громогласно поетъ, закрывъ глаза, приближаясь отверстымъ всегда челюстямъ жабы, сидящей подъ деревомъ посреди цвѣтовъ, дондеже проглощенъ будетъ. Пребываю вамъ доброжелательна, Екатерина».

Въ другомъ письмѣ, отвѣчая на поздравленіе Браницкой съ побѣдой надъ шведами, Екатерина писала: «Участіе, которое вы въ благополучномъ для отечества происшествіи берете, доказываетъ вашу ненарушимую привязанность къ оному. Письмо ваше ко мнѣ, писанное съ поздравленіемъ, сіе засвидѣтельствуетъ. Мнѣ оно весьма пріятно. Вы присвоиваете ваши чувства и мужу, и дѣтямъ вашимъ. Пусть будутъ одного съ вами мнѣнія, а къ вамъ навсегда доброжелательна» [1]).

Въ это же время Потемкинъ, занятый тогда устройствомъ Новороссійскаго края, скупалъ крупныя имѣнія въ Польшѣ, въ пограничныхъ съ Россіей областяхъ, ходили слухи о намѣреніи его образовать себѣ владѣтельное княжество въ Польшѣ. Браницкій, всегда подчинявшійся волѣ жены и Потемкина, даже послѣ его смерти дѣйствовалъ въ Парижѣ постоянно въ интересахъ Россіи. Во время совѣщаній четырехлѣтняго сейма онъ находился въ оппозиціи, а въ 1792 году подписалъ протестъ противъ введенныхъ конституціей 3 мая ограниченій власти шляхты и заключилъ Тарговицкую конфедерацію, приведшую ко второму раздѣлу Польши; по этому раздѣлу Бѣлая Церковь и почти всѣ помѣстья графа Браницкаго вошли въ составъ русскихъ владѣній, и тогда онъ сложилъ съ себя гетманское достоинство и удалился въ бѣлоцерковскія свои помѣстья. Едва ли можно сомнѣваться, что во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ своихъ Браницкій руководился совѣтами жены.

Въ бракѣ съ графомъ Браницкимъ Александра Васильевна прижила двухъ сыновей: Владислава и Александра, и трехъ дочерей: Екатерину, Софію и Елисавету; всѣ они родились при жизни императрицы, близко принимавшей къ сердцу семейныя радости своей любимицы. Спустя слишкомъ годъ послѣ ея свадьбы, Екатерина писала ей: «Долго ли это будетъ, что ты, мой свѣтъ, не родишь?

---

[1]) Арх. кн. Воронц., XXV, 455—456. Первое изъ приведенныхъ писемъ, благодаря чьей-то нескромности, было тогда же напечатано въ «Гамбургской газетѣ» и возбудило негодованіе польскихъ патріотовъ. «Мое письмо къ графинѣ Браницкой», сообщала кому-то Екатерина, «сдѣлало великую сенсацію, о чемъ сама графиня сюда писала». «Сборн. Русск. Истор. Общ.», XLII, 69—71.

Кто слыхалъ, что цѣлый годъ брюхата! Знатно, это мода польская; а у насъ въ Руси болѣе девяти мѣсяцевъ на то не нужно. Опомнись, душа. Вѣдь, ты вовсе не полька; вѣдь, ты смолянка. Но, какъ бы то ни было, будь здорова и, буде можно, разстанься съ беременностію». Родившійся при такихъ обстоятельствахъ графъ Владиславъ Браницкій сдѣлался крестникомъ императрицы, а затѣмъ, ея любимцемъ. Радовало Екатерину, что Браницкая слѣдовала ея методѣ воспитанія: это очень льстило ея самолюбію. «Я здѣсь забавляюсь съ маленькимъ пятилѣтнимъ графомъ Браницкимъ»,—писала она изъ Кіева къ воспитателю своихъ внуковъ, графу Салтыкову, въ 1787 году, во время путешествія своего въ Крымъ.— «Мать, насмотрясь, какъ содержали великихъ князей, точно наблюдаетъ съ своимъ сыномъ мои правила, и то столь удачно, что сей мальчикъ не только прекрасенъ собою, но притомъ таковъ, какъ только по его лѣтамъ желать можно: здоровъ, неупрямъ, и такого свободнаго обращенія, какъ будто съ нами вѣкъ жилъ; отнюдь не дикъ, не боязливъ, но уменъ и веселъ, такъ что, кто его увидитъ, всякій къ нему привяжется. Константину Павловичу, чаю бы, по рукѣ пришелъ» [1]). Второго сына своего, умершаго въ молодыхъ годахъ, Браницкая назвала Александромъ въ честь любимаго внука Екатерины, и новорожденный былъ пожалованъ при самомъ рожденіи прапорщикомъ Преображенскаго полка; изъ дочерей Браницкой старшая носила имя государыни, младшая — получила имя молодой супруги великаго князя Александра Павловича — Елисаветы. Связанная узами дружбы съ Екатериной и Потемкинымъ, Браницкая, очевидно, усвоила себѣ культъ Александра: Потемкинъ звалъ его: «ange de mon coeur». Особенно радовалъ сначала графиню Александру Васильевну старшій сынъ ея, Владиславъ, тѣмъ болѣе, что онъ еще въ раннемъ дѣтствѣ своемъ снискалъ нѣжную привязанность Екатерины и тѣмъ самымъ упрочивалъ, безразсчетливо, но крѣпко, дружескую связь между своей матерью и государыней.

Дружба между Екатериной и Браницкой въ значительной степени основана была на общемъ для нихъ чувствѣ привязанности къ Потемкину; давно минули для обѣихъ дни увлеченія, а онъ оставался имъ дорогъ, какъ человѣкъ, со всѣми своими достоинствами и недостатками. Продолжительность пребыванія Браницкой въ Бѣлой Церкви и поѣздки ея въ Петербургъ зависѣли всегда отъ времени пребыванія Потемкина въ Новороссійскомъ краѣ: именно къ этому времени относится лихорадочная дѣятельность даровитаго любимца счастія по присоединенію Крыма къ Россіи и устройству и заселенію новороссійскихъ степей. Время отъ времени пріѣзжалъ онъ въ Бѣлую Церковь, гдѣ онъ отдыхалъ иногда въ обществѣ четвертой своей племянницы, графини Екатерины

[1]) Русск. Арх., 1864, 507.

Васильевны Скавронской, пріѣзжавшей погостить къ сестрѣ, очевидно, для свиданія съ дядюшкой, по его же приглашенію[1]). Роль Александры Васильевны является въ этомъ случаѣ весьма некрасивой; но Потемкинъ, какъ видно, не терпѣлъ противорѣчій, требовалъ безусловнаго подчиненія своей волѣ, и его деспотическимъ приказаніямъ приходилось уступать даже Екатеринѣ, не только Браницкой. Съ ней и мужемъ ея онъ не считалъ нужнымъ церемониться даже въ присутствіи двора и иностранныхъ посланниковъ. Когда однажды Браницкій, въ бесѣдѣ съ Петемкинымъ, въ чемъ-то заупрямился, Потемкинъ сталъ кричать на него и даже махалъ кулакомъ у него подъ носомъ. Въ другой разъ, когда однажды при Браницкихъ у Потемкина былъ нелюбимый Браницкимъ Штакельбергъ, и Александра Васильевна обошлась съ нимъ нелюбезно, то Потемкинъ схватилъ свою племянницу за носъ и подвелъ къ Штакельбергу[2]). Трудно было ладить съ такимъ дядюшкой. Существуетъ, однако, документъ, изъ котораго видно, что Браницкая даже лишена была возможности противодѣйствовать Потемкину, когда онъ обнаружилъ свои виды на младшую сестру ея, Татьяну Васильевну (р. въ 1767-мъ году). Изъ собственноручнаго письма Потемкина къ секретарю его В. С. Попову видно, что намѣренія его какъ бы были предугаданы и предупреждаемы гувернанткой молодой Татьяны Васильевны, г-жей Габиль, и она, несмотря на заступничество графини Браницкой, была уволена отъ своей воспитанницы:

«Сказать мамзелѣ Габилѣ, что я съ ней не дѣлалъ кондиціи, чтобы ей оставаться при моей племянницѣ вѣчно; а какъ я господинъ въ своемъ домѣ, то и тутъ хочу; что мнѣ нравится. Я не понимаю, какъ графиня Браницкая осмѣлилась унимать ее противъ моей воли, когда я ей сказалъ, что не хочу ее больше имѣть, за что я ей вымою голову.

«Я не хочу распространяться въ изъясненіяхъ, для чево я отпускаю, я скажу только то, что знатность моей роднѣ сообщается отъ меня; они обязаны всѣмъ мнѣ, и что они безъ меня въ худомъ были бы, конечно, состояніи; что я имъ отецъ, а потому и воспитаніе ихъ честь или безчестіе мнѣ приноситъ, то сіе воспитаніе и слѣдуетъ быть на моей апробаціи.

«Чтобы госпожа Габиль вспомнила, когда я полагалъ вывести въ публику мою племянницу, судя, что она уже не ребенокъ, и на что опричь другихъ резоновъ довольно было одной моей воли, она вмѣсто должнаго мнѣ уваженія моему приказанію вздумала находить резоны противные и писать къ сестрамъ ея, что это не кстати и рано. Ей хочется, чтобы племянница моя осталась ребенкомъ навсегда, а я не хочу ни сего, ниже быть у нея подъ су-

---

1) Арх. кн. Воронцова, XXI, 463.—Русск. Стар., 1895, IX, 192.

2) Брикнеръ, «Потемкинъ», 84—85.

домъ. Ежели она не знала другихъ правъ моихъ распоряжаться по моей волѣ, то бъ должна была знать хотя то, что отъ меня получаетъ плату сверхъ многихъ благодѣяній, ей Габилѣ оказанныхъ.

«Мнѣ грустно было видѣть, что я оставался во всемъ въ неизвѣстности. Успѣхи ли племянница моя оказываетъ, кому они должны быть открыты ближе, какъ мнѣ; пороки ли она имѣетъ, кто больше въ состояніи ее исправить какъ я? Но отъ меня утаено было все, а письмы госпожи Габиль къ сестрамъ ея наполнены жалобами, изъясняясь всегда о худой надеждѣ ожидать добраго и такими словами, qu'elle est disposé à des passions fortes, и что ее исправить она отчаивается, требуя отъ сестеръ писать къ Татьянѣ Васильевнѣ, чтобы она болѣе у нея была въ послушаніи; а я, въ четырехъ шагахъ живучи, не зналъ, что моя племянница столь страннаго сложенія.

«Вотъ такъ, резоновъ много изрядныхъ, но главный есть тотъ, что я хочу».

Рукою В. С. Попова помѣчено: «Объявлено 29 августа 1783 г.»[1]).

Браницкой нужно было часто вести себя вообще очень осторожно, чтобы не возбудить противъ себя неудовольствія всемогущаго дяди. Съ другой стороны, она имѣла возможность быть полезной для него въ сношеніяхъ своихъ съ императрицей, ограждая его отъ клеветъ и всякаго рода козней многочисленныхъ враговъ. Много пользы Потемкину оказала Браницкая во время путешествія императрицы въ Крымъ въ 1787 году; пятилѣтній сынъ ея, Владиславъ, былъ съ матерью, во время пребыванія въ Кіевѣ, неотлучно при Екатеринѣ. Въ Кіевѣ же 20 марта 1787 года Браницкая получила отъ императрицы орденъ св. великомученицы Екатерины. Эта награда была косвеннымъ отвѣтомъ королю польскому Станиславу-Августу, который жаловался Потемкину на интриги противъ себя графа Браницкаго. Открывшаяся, затѣмъ, война Россіи съ поляками побудила Браницкую поѣхать въ Елисаветградъ навѣстить дядю въ маѣ 1788 году. Въ это время она сильно заболѣла. По словамъ очевидцевъ, князь Тавриды часто ее посѣщалъ и весьма о ней безпокоился. Когда Браницкая оправилась отъ болѣзни, Потемкинъ отправился въ городъ и, садясь въ карету, сказалъ Браницкой на прощанье съ жалостнымъ видомъ: «Ну, что дѣлать, надобно идти противъ непріятеля». Осенью, въ лагерѣ подъ Очаковомъ, Браницкая снова навѣстила его, на этотъ разъ съ сестрой, граф. Скавронской. Онѣ пріѣхали 26 сентября, и въ одинъ день съ ними пріѣхали также двѣ другія краса-

---

[1]) Русск. Арх., 1865, 733—734. Мы полагаемъ, что документъ этотъ относится къ 1783 г., а не къ 1788 г., какъ прочиталъ его издатель, такъ какъ въ 1788 г. Татьянѣ Васильевнѣ было уже 21 годъ, и она, конечно, не нуждалась въ гувернанткѣ.

вицы, жены генераловъ П. С. Потемкина и Самойлова. «Толки сему..., —замѣчаетъ современникъ. Son Altesse Monseigneur le Prince, хотя и былъ весьма недоволенъ таковымъ не во время посѣщеніемъ, но скука да и единообразное житье довольно послужили къ превращенію его мыслей ропотныхъ въ пріятныя. Обѣдъ у него былъ почтенъ сими Венерами. Послѣ того онѣ вс̇ѣ удалились; но подъ вечерокъ, и, какъ говорится, путь недалекъ, генеральсъ-адъютантъ его Боверъ нѣжнѣйшимъ образомъ, подъ ручку, въ прелестномъ бѣломъ одѣяніи, графиню Скавронскую проводилъ паки къ князю свѣтлѣйшему,—конечно, чтобы проститься, ибо она ѣдетъ въ Италію, къ своему супругу...» [1]).

Что же заставляло Браницкую ѣздить къ Потемкину, играть тамъ унизительную роль? Любимый племянникъ Потемкина, Самойловъ, врагъ Браницкой, объяснялъ ея близость къ дядѣ тѣмъ, что она «уважаема была имъ болѣе всѣхъ кровныхъ во все теченіе его жизни, по горячности ея и по добродѣтелямъ, коими она отъ самой юности жизнь свою украсить старалась» [2]), тогда какъ другіе современники присоединяли къ тому и практическія соображенія покинутой, но расчетливой племянницы. Ей мало де было «выйти изъ худого состоянія»: у ней развилась страсть къ спекуляціямъ, жажда быстраго обогащенія. Изъ всѣхъ родственниковъ Потемкина, Браницкая дѣйствительно сумѣла извлечь изъ него наиболѣе пользы для себя и своего семейства. Главнымъ средствомъ обогащенія явились подряды на армію. «Магазейны по Бугу наполнены,—писалъ Безбородко Воронцову въ 1791 г.,—а прочее доставленіе все на подрядахъ. Графиня Браницкая, Энгельгардтъ, кн. Сергій Голицынъ, графъ Витъ и тому подобные, которые набрали еще множество прислужниковъ, дерутъ съ казны цѣны пребольшія; напр., графиня Браницкая подрядилась поставить хлѣбъ въ Таврическіе магазейны четверть по 7 р. 50 к.,—имѣла уже на семъ подрядѣ барыша до ста восьмидесяти тысячъ рублей, кромѣ что фуры ея на обратномъ пути должны были вывесть полный грузъ соли за обыкновенную тамъ цѣну, т.-е. за пудъ по 10 коп.; но симъ не удовольствовалась: требовала еще, чтобы платежъ учиненъ былъ за все червонными, полагая каждый по три рубля, когда они выше четырехъ рублей сюда изъ Варшавы приходятъ» [3]). Дѣло это не было кончено для Браницкой, когда неожиданно въ августѣ 1791 г. вызвали ее въ Яссы: тамъ умиралъ ея покровитель, великолѣпный князь Тавриды.

Здоровье Потемкина давно было подорвано излишествами, въ которыя онъ впадалъ, злоупотребляя крѣпкой своей организаціей Къ физическому недомоганію присоединились удары нравственные

---

[1]) Русск. Стар., 1895, IX, 146, 192.
[2]) Русск. Арх., 1867, 1558.
[3]) Арх. кн. Воронц., XIII, 223—224.

когда онъ достигъ апогея своей власти и значенія, нежданно явился ему счастливый соперникъ въ лицѣ Платона Зубова. Потемкинъ попытался «вырвать зубъ» личнымъ свиданіемъ съ Екатериной, но поѣздка его въ Петербургъ, предпринятая имъ съ этою цѣлью въ февралѣ 1791 г., не только не удалась ему, но только еще болѣе убѣдила его въ прочности положенія соперника. Возвратившись въ августѣ 1791 г. въ Яссы, Потемкинъ почувствовалъ первые припадки болѣзни, но отказывался лѣчиться, не соблюдалъ діеты. 31 августа, Завадовскій писалъ Воронцову: «Энгельгардтъ пишетъ, что Потемкинъ имѣетъ припадокъ лихорадочный, ничего не принимаетъ и никого не слушаетъ, потому и просилъ Браницкую, чтобы пріѣхала его на медицину уговаривать, считая, что долгъ родства и благодарности къ тому ее обязываетъ» [1]). Въ это время Браницкая была уже въ Яссахъ. 16 сентября, императрица, опечаленная болѣзнію Потемкина, писала ей: «Тревожитъ меня болѣзнь дядюшки вашего, князя Григорія Александровича. Пожалуй, графиня, напишите ко мнѣ, каковъ онъ, и постарайтесь, чтобы онъ берегся какъ возможно отъ рецидивы, кои хуже всего, когда кто отъ болѣзни уже слабъ. Я знаю, какъ онъ безпеченъ въ своемъ здоровьѣ». 3 октября Екатерина снова писала ей: «Изъ письма вашего отъ 27 сентября вижу я, что князю есть полегче; но совсѣмъ тѣмъ я весьма безпокойна о его состояніи. Пожалуй, останься съ нимъ, а пуще всего, чтобы во время продолжительнаго выздоровленія поберегся» [2]). Браницкая осталась при больномъ, но положеніе его ухудшалось съ каждымъ днемъ: открылась желчная горячка. Храповицкій записалъ о впечатлѣніи, произведенномъ этими извѣстіями на Екатерину, 3 октября: «Два курьера, что князь Потемкинъ опасно боленъ, и теперь еще лихорадка продолжается; онъ пріобщенъ Св. Таинъ. Прислано описаніе болѣзни отъ (докторовъ) Массо и Тимана. Слезы». 11 октября: «Въ обѣдъ пріѣхалъ курьеръ, что 1 октября князю Потемкину опять хуже. Слезы».

Въ это время Потемкина уже не было въ живыхъ. Въ предсмертной тоскѣ онъ искалъ спасенія въ перемѣнѣ климата и 4 октября выѣхалъ изъ Яссъ въ Николаевъ. Браницкая сопровождала его. На первомъ ночлегѣ Потемкинъ участвовалъ въ разговорѣ Браницкой съ окружающими и былъ такъ веселъ, что просидѣлъ съ ними до 12 часовъ ночи, говорилъ имъ, что онъ радъ, что гробъ свой въ Яссахъ оставилъ. Князю не спалось однако: ему было жарко и душно, и съ разсвѣтомъ онъ пожелалъ продолжать путь. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, Потемкинъ почувствовалъ себя дурно. Карета остановилась, онъ велѣлъ вынести себя изъ кареты и лечь на травѣ, на чистомъ утреннемъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ.

---

[1]) Арх. кн. Воронц., XII, 70.
[2]) Арх. кн. Воронц., XXV, 467.

Скоро затѣмъ, крѣпко и сильно вздохнувъ, отдалъ Богу душу. «Графиня Браницкая,—писалъ Безбородко секретарь Потемкина, Поповъ, — бросаясь на него, старалась увѣрить себя и всѣхъ, что онъ еще живъ, старалась дыханіемъ своимъ согрѣть охладѣвшія уста. Всѣ окружающіе въ ужасѣ и отчаяніи воздымали руки и били себя въ перси» [1]). Сцена эта изображена была на картинѣ Иванова, написанной по приказанію Попова [2]). На мѣстѣ кончины Потемкина воздвигнутъ былъ, по желанію Браницкой, каменный столбъ съ надписью:

Покровъ имѣя твердь
И землю одръ,
Средь поля оставилъ міръ
Какъ мятежную онъ юдоль [3]).

Близъ этого же столба былъ выстроенъ Браницкой домикъ, въ которомъ жилъ инвалидъ [4]).

Память князя Григорія Александровича Потемкина Браницкая почтила основаніемъ въ Бѣлой Церкви Григорьевской больницы для крестьянъ. По вызову гр. Браницкой, Державинъ сложилъ двѣ надписи для больницы. Одна изъ нихъ, при входѣ въ больницу, гласила:

Григорьевская больница
Отъ щедротъ
Екатерины Вторыя
Графинею Браницкой
Въ память
Заслугъ дяди ея
Князя Григорія Александровича
Потемкина-Таврическаго,
Возстановителя и повелителя
Черноморскаго флота,
И его къ ней неисчетныхъ благотвореній
Воздвигнута 1795 года.

Другая надпись находилась «надъ дверьми покоевъ, гдѣ лежатъ больные»:

О вы, нашедшіе здѣсь сѣнь и исцѣленье!
Пошлите къ Вышнему усердное моленье,
Да успокоится въ селеніяхъ святыхъ
Пролившій вамъ и мнѣ потокъ щедротъ своихъ [5]).

Смерть властнаго и любимаго дяди и друга должна была горестно поразить Браницкую уже потому, что съ нею она лиши-

---

[1]) Гротъ, Сочиненія Державина, I, 454.
[2]) Ровинскій: «Словарь гравированныхъ портретовъ», I, 1818 и сл.
[3]) Гротъ, Сочиненія Державина, I, 454.
[4]) Брикнеръ, 225.
[5]) Гротъ, Сочиненія Державина, I, 358—359.

лась и вліятельнаго своего положенія, и главнаго источника, изъ котораго она черпала средства для увеличенія громаднаго своего состоянія. Уже тотчасъ по кончинѣ свѣтлѣйшаго князя секретарь его, В. С. Поповъ, счелъ вполнѣ возможнымъ отклонить ея домогательства объ уплатѣ ей излишнихъ суммъ за поставки для арміи и не остановился даже предъ ссорой съ ней по этому поводу: тонкій секретарь зналъ, что жалобы и претензіи Александры Васильевны не будутъ уже имѣть той силы какъ прежде [1]). Съ другой стороны, наслѣдники князя Потемкина, даже родныя сестры Браницкой, также готовились вступить съ ней въ пререканія изъ-за наслѣдства послѣ покойнаго, а Браницкую уже обуялъ духъ жадности. «При пріуготовленіяхъ къ погребенію, писалъ Безбородко, жаловались Браницкая и Энгельгардтъ (братъ ея), что много издержано понапрасну». 17 ноября онъ же писалъ: «Энгельгардтъ и сестра его (Браницкая) теперь только и думаютъ, какъ побольше захватить имущества» [2]).

Браницкой оставалось препоручить себя покровительству императрицы, глубоко опечаленной смертью главнаго своего сподвижника, въ геній и преданность котораго она вѣрила. Долгое время воспоминаніе о Потемкинѣ вызывало у нея слезы, и долгое время она относилась къ дѣламъ и къ лицамъ, судя по тому, какъ отнесся бы къ нимъ Потемкинъ. На извѣщеніе о его смерти Екатерина отвѣчала Браницкой 19 октября: «Раздѣляя съ вами общую нашу горесть, прошу васъ несомнѣнную надежду положить сначала на Бога, потомъ увѣриться, что я непремѣнно, пока жива, пребуду къ вамъ отлично доброжелательна». На просьбу Браницкой о покровительствѣ императрица отвѣчала 11 ноября. «Я, надѣюсь» писала она, «что вы никакъ не сумнѣваетесь о моемъ благомъ и искренномъ расположеніи къ вамъ. И всегда и когда вздумаешь ко мнѣ пріѣхать, вы найдете во мнѣ тотъ же пріемъ, котораго всегда имѣли» [3]).

Александра Васильевна не замедлила въ широкихъ размѣрахъ воспользоваться гостепріимствомъ Екатерины. 13-го февраля 1792 года, Ростопчинъ извѣщалъ Воронцова: «графиня Браницкая здѣсь, въ сопровожденіи своихъ дѣтей; она живетъ во дворцѣ на всемъ готовомъ, выставляя на видъ свое горе и бѣдность» [4]). Вопросъ о наслѣдствѣ особенно волновалъ ея душу. Наслѣдство было громадное: однихъ драгоцѣнныхъ камней было на сумму болѣе милліона рублей; движимаго и недвижимаго имущества было на 7 милліоновъ, а долговъ на немъ 2 милліона. Казна купила отъ наслѣдниковъ дома, заводы, драгоцѣнныя вещи на сумму въ 2.600.000 руб. [5]). Образовались среди наслѣдниковъ двѣ партіи: во главѣ од-

---

[1]) Арх. кн. Воронц., XIII, 224.
[2]) Тамъ же, 222, 229.
[3]) Арх. кн. Воронцова, XXV, 467—468.
[4]) Арх. кн. Воронцова., VIII, 50.
[5]) Брикнеръ, 274.

ной, родныхъ племянниковъ, былъ гр. А. Н. Самойловъ, любимый племянникъ его отъ старшей сестры, а во главѣ другой—графиня Браницкая, бывшая представительницей интересовъ племянницъ Потемкина и прежде всего своихъ собственныхъ [1]), обѣ партіи сходились въ просьбахъ, чтобы съ имущества Потемкина сложены были казенные долги. Императрица сама входила въ разсмотрѣніе распри наслѣдниковъ Потемкина. Сенатъ рѣшилъ дѣло въ пользу Браницкой; сколько она именно получила—данныхъ нѣтъ [2]).

Но и послѣ рѣшенія дѣла о наслѣдствѣ послѣ дяди Александра Васильевна продолжала подолгу навѣщать изъ Бѣлой Церкви дворъ Екатерины, попрежнему живя во дворцѣ на всемъ готовомъ. Екатерина попрежнему допускала ее въ свой кругъ и дѣлала ее участницей своихъ семейныхъ радостей: въ слѣдующемъ 1793-мъ году, Браницкая встрѣчала вмѣстѣ съ императрицей будущую супругу великаго князя Александра, принцессу баденскую Луизу, въ обстановкѣ, которая доказывала особую близость ея къ государынѣ: въ первое свиданіе свое съ Екатериною, принцесса видѣла ее въ спальнѣ вмѣстѣ съ Зубовымъ и Браницкой, и даже приняла сначала Браницкую за императрицу [3]). Браницкая была слишкомъ умна и расчетлива, чтобы ссориться съ фаворитомъ, замѣнившимъ ея дядю въ значеніи при дворѣ, и слишкомъ хорошо знала императрицу, чтобы отъ времени до времени не напоминать ей о заслугахъ дяди и своихъ собственныхъ. Очевидно, ради этихъ именно заслугъ, послѣ окончательнаго раздѣла Польши, въ значительной степени подготовленнаго Потемкинымъ, графинямъ Браницкой и Скавронской, въ числѣ другихъ лицъ, пожаловано было 8.400 душъ [4]). Въ дѣйствіяхъ Браницкой, разумѣется, нѣтъ ничего идеальнаго: въ нихъ ярко выразился эгоизмъ и жажда наживы, обычная въ тотъ вѣкъ въ людяхъ, ближайшихъ къ престолу; но для объясненія благосклонности къ ней Екатерины нѣтъ никакихъ основаній вѣрить сплетнямъ, которыя сообщаетъ о Браницкой Массонъ [5]). Пребываніе Браницкой во дворцѣ напротивъ только стѣс-

---

[1]) Арх. кн. Воронц., VIII, 53.—«Раздѣлъ между княжими наслѣдниками еще не состоялся», писалъ В. С. Поповъ въ маѣ 1793 г., «и сумнительно, чтобы они скоро раздѣлились. Графиня Браницкая съ Самойловымъ въ непримиримой враждѣ, и мнѣ кажется, что онъ не правъ, забывъ, что она была его покровительницей»— Русск.. Арх., 1865, 775.—Подробности у Карновича: «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи», 269.

[2]) Записки Грибовскаго, 96. Указъ о раздѣлѣ, имъ упоминаемый, кажется, нигдѣ не напечатанъ.

[3]) Истор. Вѣстн., 1899, II, 403—404. Masson, Mémoires secrets, I, 86.

[4]) Арх. кн. Воронцова, XIII, 356.

[5]) Mémoires secrets, I, 163. — Catherime forma une autre assemblée plus restreinte et plus mystéricale, qu'on nommait la petite société. Les trois favoris, la Protassow et quelques femmes et valets de chambre de confiance en était seuls membres...

няло императрицу; по крайней мѣрѣ, она принимала мѣры къ тому, чтобы деликатно выселить ее изъ дворца. Въ концѣ царствованія Екатерины воровство въ придворной конторѣ дошло до крайнихъ предѣловъ, и расходы показывались вдесятеро противъ дѣйствительной потребности [1]). Для прекращенія этого воровства предположено было между прочимъ прекратить содержаніе во дворцѣ многимъ лицамъ, въ томъ числѣ и Браницкой, на расходъ которой выводилось въ годъ по отчетамъ придворной конторы до 200.000 руб. въ годъ. «Расходы двора безмѣрны», писалъ Безбородко Воронцову въ февралѣ 1795 г. «Одно содержаніе Браницкой до 200.000 руб. въ годъ простирается, а хотя по моему совѣту государыня и предлагала ей въ собственность на выборъ дома въ Петербургѣ или мой, или вашъ на Фонтанкѣ, или графини Шуваловой, или генерала-майора Попова, что былъ оберъ-маршала Голицына, вновь отдѣланный съ сервизомъ и прочимъ; но она всемѣрно отъ сего подарка отдѣлывается. Содержаніе графа Николая Ивановича Салтыкова столько же стоитъ; прибавьте къ этому разные другіе столы [2]). Возможно, что Браницкая «всемѣрно отъ подарка отдѣлывалась» не ради только скупости, но и изъ желанія не удаляться отъ государыни, чтобы не лишиться своего значенія при дворѣ. Въ концѣ концевъ ей, однако, пришлось уступить. 29 іюня, рескриптомъ на имя Безбородко статсъ-дамѣ графинѣ Браницкой пожалованъ былъ домъ, купленный у наслѣдниковъ графа Андрея Шувалова, на Мойкѣ, со всѣми уборами [3]). 3 февраля слѣдующаго года, тѣмъ же способомъ, выселенъ былъ изъ дворца и гр. Салтыковъ.

Пожалованіе домомъ было, сколько извѣстно, послѣднею милостью Екатерины къ Браницкой. 6 ноября 1796 г. императрица Екатерина внезапно скончалась. Браницкая узнала о смерти своей благодѣтельницы въ Бѣлой Церкви, гдѣ она не задолго предъ тѣмъ разрѣшилась отъ бремени дочерью Елисаветой, среди сборовъ къ поѣздкѣ въ Петербургъ. Разумѣется, она поняла, что для новаго государя она должна «умереть», какъ хотѣлъ тогда же «умереть» гр. Кириллъ Разумовскій, и, замѣчательно, мы нигдѣ не встрѣчали ея имени въ актахъ царствованія Павла Петровича. Графъ Ксаверій Браницкій, уже одряхлѣвшій, вышелъ въ отставку, съ переименованіемъ изъ генералъ-аншефовъ въ генералы-отъ-инфантеріи, и

---

[1]) Грибовскому, напримѣръ, на столъ назначено было отъ придворной конторы 50 руб. въ день, тогда какъ столъ этотъ, по его замѣчанію, «и пяти рублей не стоитъ». Грибовскій, Записки, 5.

[2]) Арх. кн. Воронцова, XIII, 331. — «Столъ гр. Зубова, гр. Салтыкова и гр. Браницкой стоилъ придворной конторѣ по 400 руб. въ день, кромѣ напитковъ, которые съ чаемъ, кофеемъ и шеколадомъ стоили не менѣе половинной противъ стола суммы». Грибовскій, 5.

[3]) Сб. Ист. Общ., XLII, 254.

затѣмъ Браницкая, вмѣстѣ съ мужемъ, заживо похоронила себя съ этого времени въ Бѣлой Церкви, лишь иногда пріѣзжая по дѣламъ въ Кіевъ, находившійся въ 80 верстахъ отъ ея помѣстья.

Мы тщательно собрали въ своемъ изложеніи встрѣчающіеся въ печати факты и свидѣтельства о роли Браницкой въ царствованіе Екатерины. Факты и свидѣтельства эти въ большинствѣ случаевъ сухи и отрывочны, тогда какъ, казалось бы, о лицѣ, двадцать лѣтъ вращавшемся среди екатерининскаго двора при особыхъ, исключительно-счастливыхъ условіяхъ, современники могли бы написать цѣлые томы. Намъ кажется, что именно это молчаніе современниковъ о Браницкой свидѣтельствуетъ о выдающейся чертѣ ея характера — умѣніи создать для себя свой кругъ интересовъ, не совпадавшихъ съ интересами другихъ, умѣніи жить для самой себя и не вмѣшиваться въ чужія дѣла: у нея не было того духа интриги, того политиканства, которымъ заражены были почти повально придворные мужчины и женщины XVIII в.; оттого и жизнь при дворѣ, очевидно, была для нея не цѣлью, а лишь средствомъ къ бо́льшему обезпеченію себя и семьи своей въ матеріальномъ отношеніи. Сама по себѣ, Браницкая не была дурною женщиной: страсть къ наживѣ явилась, вѣроятно, послѣдствіемъ сознанія погубленной молодости, подавленія другой страсти, надъ которой зло посмѣялся развращенный, но любимый человѣкъ. Браницкая сама по себѣ могла быть понята лишь внѣ придворной дѣловой атмосферы, у себя дома,—тамъ, гдѣ ей не зачѣмъ было себя ломать и сдерживать. Изображеніе Александры Васильевны Браницкой, за время царствованія Павла, въ ея будничной житейской обстановкѣ, рисующее ее, какъ человѣка, къ счастію для ея памяти, существуетъ, и въ его правдивости мы тѣмъ менѣе можемъ сомѣваться, что оно оставлено намъ Вигелемъ, человѣкомъ наблюдательнымъ, желчнымъ, для краснаго словца не жалѣвшимъ и отца.

«Всего памятнѣе мнѣ,—говоритъ Вигель,—одна вельможная дама, которая почти каждый годъ посѣщала Кіевъ, и коей пріѣздъ приводилъ въ движеніе, можно сказать, въ волненіе, весь домъ нашъ. Это была графиня Браницкая... Не знаю, гдѣ и какъ познакомились они съ моею матерью (отецъ Вигеля былъ въ это время кіевскимъ комендантомъ), но она ее полюбила и когда ѣзжала въ собственный городокъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлой Церкви.., то проѣздомъ всегда у насъ останавливалась и живала по недѣлѣ и по двѣ. Потемкина уже не было на свѣтѣ, но любимица его, принявшая его послѣдній вздохъ, какъ будто бы озарялась его славой. Умнѣйшая изъ сестеръ, урожденныхъ Энгельгардтовыхъ, она была ихъ и богаче. Императрица особенно благоволила къ ней. По всѣмъ симъ причинамъ знаки уваженія, ей оказываемые, были преувеличены, и чтобы посудить объ обычаяхъ тогдашняго вре-

мени, чему нынѣ съ трудомъ повѣрятъ, всѣ почетнѣйшія дамы и даже генеральши подходили къ ней къ рукѣ; а она, умная, добрая и совсѣмъ не гордая женщина, безъ всякаго затрудненія и преспокойно ее подавала имъ. Мать моя смотрѣла на это безъ удивленія, нимало не осуждала сего, но, вѣроятно, чувствуя все неприличіе такого раболѣпства, сама отъ него воздерживалась. Вообще обхожденіе ея съ графиней Браницкой было самое свободное, пріятное, и разницу во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно было только замѣтить изъ ты и вы, которыя они другъ другу говорили.

«Могущество Потемкина вызвало изъ смоленской деревни прекрасныхъ его племянницъ, гдѣ получили онѣ обыкновенное тогдашнее воспитаніе. Старшая изъ нихъ, Браницкая, уже не способна была къ принятію блестящей образованности Екатеринина двора. Но, имѣя умъ, характеръ, бывши въ самыхъ тѣсныхъ, иные гововорятъ, въ непозволительныхъ связяхъ со всемогущимъ своимъ дядею, она облеклась въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія. Вышла замужъ за человѣка расточительнаго, который былъ вдвое старѣе ея, въ такой вѣкъ, который нравственностью не отличался, она всю жизнь осталась примѣромъ вѣрности супругу, нѣсколько разъ спасала его отъ разоренія и бережливостью своею, можетъ быть, и скупостью, удвоила огромное его состояніе.

«Когда я началъ знать ее, она была ни стара, ни молода: станъ ея былъ стройный, хотя не гибкій, лицо отмѣнно пріятное, свѣжее и серьезно улыбающееся. Любимый нарядъ ея былъ подражаніе костюму императрицы: длинное нижнее платье, съ длинными и узкими рукавами, почти совсѣмъ закрывающее грудь; оно стягивалось узкимъ, почти непримѣтнымъ поясомъ съ одной огромной, широкою и длинной пряжкой а сверхъ его было другое платье, коротенькое безъ рукавовъ и спереди совсѣмъ открытое, которое называлось гречанкой. Все это напоминало Востокъ и романтическо-государственные виды на него Екатерины II.

«Портретъ сей чудотворной царицы... висѣлъ въ гостиной нашего казеннаго дома. Когда, бывало, кто взглянетъ на него, только что не перекрестится; я же рѣшительно почиталъ его иконой. Вдругъ онъ ожилъ предо мною: я увидалъ посреди комнаты женщину, которая показалась мнѣ столь же величавой, точно въ такомъ же нарядѣ, также съ лентой чрезъ плечо, и вокругъ ея стоящихъ съ подобострастіемъ... Я обмеръ, но скоро она подозвала меня къ себѣ и осыпала ласками; благосклонность ли ея къ матери моей, или дѣйствительно я ей такъ понравился,—я съ той минуты сдѣлался ея маленькимъ любимцемъ. Къ сожалѣнію, тщеславіе не чуждо иногда бываетъ и дѣтямъ: я пристрастился къ ней и, бывало, плакалъ, когда меня къ ней не пускали»...[1])

---

[1]) «Записки Вигеля», изд. Русск. Арх., I, 43—45.

Читая этотъ портретъ Браницкой, едва вѣришь, что онъ относится къ женщинѣ, о которой мы только что собрали массу нелестно-одностороннихъ свидѣтельствъ. Тамъ — голые, отрывочные факты, здѣсь — предъ нами живой человѣкъ, умная, простая, незлобная женщина. Въ портретѣ этомъ поражаетъ насъ одна черта, связанная съ стремленіемъ Браницкой къ бережливости и наживѣ. Вигель упоминаетъ о томъ, что Браницкая нѣсколько разъ спасала расточительнаго мужа отъ разоренія. Въ этомъ, вѣроятно, и таится разгадка ея спекуляцій, ея просьбъ денежнаго характера предъ дядей и императрицей, ея добровольнаго униженія. Все это дѣлалось, быть можетъ, не ради мужа только, но и ради дѣтей. Семья Вигелей, постоянно находившаяся въ сношеніяхъ съ Браницкой, знала о денежныхъ ея затрудненіяхъ; но свѣтъ могъ ли предполагать ихъ у любимицы императрицы, у любимой племянницы самаго богатаго человѣка въ имперіи? Выданная замужъ за стараго, недалекаго и расточительнаго поляка, Алаксандра Васильевна, быть можетъ, берегла и его честь, и честь своихъ дѣтей, ничего лично не желая для себя, кромѣ тихой, спокойной жизни въ деревнѣ. Было бы любопытно знать, подтвердятся ли слова Вигеля семейными бумагами Браницкихъ, если онѣ еще не уничтожены.

Тотъ же Вигель рисуетъ намъ и деревенскую обстановку Браницкой въ Павловское время. «Въ первый день (путешествія)», разсказываетъ онъ, «остановились мы въ Бѣлой Церкви, и весь слѣдующій день провели мы у графини Браницкой; я говорю у графини, потому что супругъ ея въ домѣ ничего не значилъ. Онъ былъ человѣкъ старый, но образованный и довольно еще любезный, ума весьма посредственнаго; славился же онъ безпримѣрнымъ аппетитомъ, вмѣстѣ съ утонченнымъ вкусомъ въ гастрономіи. Несмотря на свою скупость, графиня Браницкая нанимала изящнѣйшаго повара-француза и ничего не щадила для стола, дабы симъ пріятнымъ занятіемъ отвлечь супруга отъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ ничего не понималъ, и въ кои отъ скуки онъ захотѣлъ бы, можетъ быть, мѣшаться. Они жили въ обширномъ, деревянномъ домѣ, внутри оштукатуренномъ, коего стѣны были выкрашены просто, а потолки выбѣлены. Но главныя комнаты сего дома были наполнены драгоцѣнными вещами, бронзовыми, мраморными, фарфоровыми, хрустальными, изъ коихъ, какъ увѣряли, ни одна не была куплена графиней Браницкой: всѣ онѣ были даны дружбою и щедротами Екатерины, а иныя подарены или завѣщаны княземъ Потемкинымъ. Изъ всѣхъ мнѣ болѣе показалась примѣчательна одна высокая бронзовая гора, на вершинѣ коей сидѣлъ двухглавый русскій орелъ; изъ боковъ ея струились живоносные хрустальные ручьи, а внутри ея устроенный механизмъ производилъ музыку, которая подражала журчанію водъ. На полугорѣ сидѣлъ Сатурнъ съ косою за плечами, одной рукой опираясь о часы,

а другою держа миніатюрный портретъ Екатерины, на мѣди писанный, въ оправѣ изъ стразовъ, какъ бы забывая время свое и любуясь ея изображеніемъ. При двухъ сыновьяхъ и трехъ дочеряхъ находились учитель и гувернеръ съ гувернанткой, мужъ съ женой. Сверхъ того, жили въ семъ домѣ польскія и русскія дамы и барышни, иностранный медикъ и нѣсколько отставныхъ чиновныхъ людей, занимавшихъ должности домоправителей, приказчиковъ надъ деревнями, конюшихъ и т. п. Двѣ враждебныя націи жили тутъ въ совершенномъ согласіи. Домашняя прислуга состояла вся изъ шляхтичей, и въ семъ домѣ, безъ лишнихъ прихотей, все напоминало однако же феодальное могущество» [1]).

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Бѣлой Церкви жила сестра Браницкой, княгиня Варвара Васильевна Голицына, былая соперница Александры Васильевны въ любви дяди. Старыя отношенія поселили между сестрами холодность, которая въ это время обострилась. «Обѣ хотѣли купить Корсунь, помѣстье кн. Понятовскаго, которое вмѣстѣ съ окружавшими его деревнями имѣло до восьми тысячъ душъ. У Браницкой были огромные капиталы, а у Голицыной не было даже большого кредита; слѣдственно первая сторговала имѣніе. Павелъ I помирилъ ихъ, купивъ оное для П. В. Лопухина, отца своей любимицы»... «Мать моя», простодушно добавляетъ Вигель, «взялась довершить примиреніе, начатое императоромъ, и, кажется, въ томъ успѣла». Варвара Васильевна, по горячему характеру своему, была противоположностью спокойной, разсудительной Браницкой. Въ то время, какъ Браницкая видимо рада была жить съ семьею въ деревнѣ, ея сестра дышала еще честолюбіемъ. Узнавъ о внезапной отставкѣ мужа, высланнаго къ ней въ деревню, она предалась гнѣву. «Столь ужаснѣйшаго гнѣва я еще никогда не видывалъ», говоритъ Вигель: «онъ превратилъ ее въ фурію, исказилъ всѣ черты еще прекраснаго ея лица. Забывая, что свидѣтелями она имѣетъ дѣтей и слугъ, она проклинала царя, всѣхъ, народъ и войско, которые ему повинуются, и успокоилась только отъ изнеможенія силъ» [2]). У насъ нѣтъ данныхъ, чтобы судить, каковы были въ это время отношенія Александры Васильевны къ другимъ ея сестрамъ.

Такъ началась вторая половина жизни Браницкой, когда она сдѣлалась сама себѣ госпожой, и продолжалась въ теченіе 40 лѣтъ. Браницкая какъ будто переродилась: ничто не напоминало въ ней статсъ-даму, подругу Екатерины, стоявшую въ центрѣ важнѣйшихъ событій ея царствованія, привыкшую къ блеску и роскоши. Напротивъ, она явилась полной выразительницей типа старинной русской помѣщицы, которая твердо и умѣло вела свое хозяйство, не брезгая

---

[1]) «Записки Вигеля», изд. Русск. Арх., 118—119.

[2]) Тамъ же, 120.

никакими мелочами, просто и дружески относясь ко всѣмъ окружающимъ, и въ то же время въ самой своей простотѣ сохраняла отпечатокъ величаваго сознанія своего достоинства. Круглый годъ жила она, занятая въ своей Бѣлой Церкви управленіемъ обширныхъ своихъ имѣній и воспитаніемъ дѣтей своихъ, лишь иногда зимою или по дѣламъ проживая въ Кіевѣ. Она была въ это время единственной, быть можетъ, знатной русской дамой, которая нашла себѣ цѣль жизни въ деревнѣ, въ кругу своей семьи, а не при дворѣ и въ высшемъ свѣтѣ или въ обычныхъ тогда увлеченіяхъ заграничными вѣяніями всякаго рода, напримѣръ, католичествомъ и іезуитами; напротивъ, она сохранила свой русскій типъ неповрежденнымъ именно среди польскихъ и католическихъ вліяній, столь ему враждебныхъ. Даже вступленіе на престолъ любимаго внука Екатерины не вызвало Браницкой изъ Бѣлой Церкви, хотя въ 1807 г. дочери ея, графини Софія и Елизавета, пожалованы были во фрейлины, и Браницкая вынуждена была совершить съ ними поѣздку въ Петербургъ. Оттого и состояніе Браницкой увеличивалось съ каждымъ годомъ. Поставивъ себѣ за правило почти исключительно обходиться въ ежедневномъ своемъ обиходѣ продуктами и средствами собственныхъ имѣній, Браницкая не тратила своихъ доходовъ и умножала ими свои капиталы, которые росли при этихъ условіяхъ, какъ снѣжная лавина: она покупала новыя имѣнія, вводила, улучшала старыя статьи хозяйства, заводила новыя. Такой образъ жизни, такое отсутствіе стремленія къ роскоши, казалось современникамъ необычайнымъ, особенно въ племянницѣ роскошнаго князя Тавриды и статсъ-дамѣ блистательнаго двора Сѣверной Семирамиды, и они въ правѣ были объяснять это непостижимое явленіе одной лишь скупостію, постоянно посмѣиваясь въ этомъ отношеніи надъ Браницкой, хотя и относились къ ней съ искреннымъ уваженіемъ. Кутузовъ, напримѣръ, бывшій въ 1806—1807 г. кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, писалъ своей женѣ: «Александра Васильевна Браницкая все здѣсь живетъ. Мы съ нею въ дружбѣ, и я всякій вечеръ у нея; чаю напьюсь дома и не ужинаю, стало быть неубыточенъ, и можно меня хорошо принимать; только мнѣ съ ней очень весело» [1]). Кутузовъ былъ большой сибаритъ, и его шутки о скупости Браницкой не слѣдуетъ, конечно, понимать въ буквальномъ смыслѣ, но отзывъ этого тонкаго по уму человѣка о личности Александры Васильевны и завлекательности ея бесѣды является самъ по себѣ въ высшей степени характеристичнымъ. Около этого времени врагъ Браницкой, графъ Самойловъ, писалъ о ней въ своей «Жизни и дѣяніяхъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго», не предназначавшейся тогда для печати: «сія почтенная особа... по большей части пребываніе свое

---

[1]) Русск. Стар., 1871, I, 59.

имѣетъ въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви. По смерти князя Григорія Александровича, дяди своего и благотворителя, она употребила избытки наслѣдства, отъ него полученные, на богоугодныя приношенія и на облегченія страждущаго человѣчества; обязанная почтеннымъ семействомъ, утѣшается тѣмъ, что можетъ дѣлать добро и помогать требующимъ ея помощи, и потому отъ всей тамошней страны любима и уважаема»[1]). Мы не имѣемъ свѣдѣній о благотворительной дѣятельности Браницкой въ описываемое время (Самойловъ умеръ въ 1814 г.), но несомнѣнно она существовала въ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ за болѣе позднее время сохранились случайныя, офиціальныя данныя о ея пожертвованіяхъ на благотворительныя цѣли. Такъ, въ 1821 г. она представила императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ капиталъ въ 400.000 р. на содержаніе семи пансіонерокъ въ училищѣ ордена св. Екатерины «въ знакъ благодарности за безчисленныя благодѣянія, полученныя отъ благотворительницы ея, блаженныя памяти покойной императрицы Екатерины Алексѣевны», и съ тѣмъ, чтобы три пансіонерки были изъ Смоленской губерніи, фамиліи Энгельгардтовъ и Потемкиныхъ, и «чтобы онѣ молились Всевышнему за покойную благотворительницу, которой симъ обязаны будутъ»[2]). Крупныя пожертвованія, сдѣланныя Браницкой предъ смертію, для обезпеченія благосостоянія своихъ крестьянъ даже въ отдаленномъ будущемъ, свидѣтельствуютъ, что и при жизни своей она интересовалась ихъ нуждами и приходила имъ на помощь.

Воспитаніе дѣтей составляло главную задачу жизни Браницкой въ Бѣлой Церкви. Два сына: Владиславъ и Александръ, умершій въ молодости, и три дочери: Екатерина, Софія и Елизавета, получили домашнее воспитаніе и до поздней юности находились при матери: очевидно, личный опытъ графини Браницкой указывалъ ей, что чѣмъ долѣе будутъ ея дѣти вдали отъ шумной жизни двора и столицы, тѣмъ для нихъ будетъ лучше. Воспитаніе молодыхъ Браницкихъ дѣйствительно вызывало общія похвалы. Сама Екатерина, какъ мы видѣли, восхищалась старшимъ сыномъ Браницкой, Владиславомъ, приписывая успѣхъ его воспитанія тому, что Браницкая взяла себѣ за образецъ ея планъ воспитанія великаго князя Александра Павловича. Сколько можно судить по имѣющимся отрывочнымъ даннымъ, дѣти Браницкой были образованные, съ добрымъ, любящимъ сердцемъ и мягкимъ характеромъ; притомъ, какъ и слѣдовало ожидать, они не были проникнуты, вообще говоря, духомъ національной исключительности. Къ сожалѣнію, должно предположить, что долговременная материнская опека наложила на дѣтей Браницкой печать слабохарактерности, склонности поддаваться чуждымъ влія-

---

[1]) Русск. Арх., 1867, 1558—1559.

[2]) Лихачева: Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, II, 61—62.

ніямъ, а долгая жизнь въ деревнѣ привела къ недостаточному знанію людей и нѣкоторой неразборчивости въ этомъ отношеніи. Близкое сосѣдство съ владѣніями Браницкой не пользовавшейся тогда уваженіемъ семьи Потоцкихъ, владѣтелей Умани и Тульчина, привело къ нежелательнымъ для Браницкой бракамъ ея дѣтей: старшая дочь ея, Екатерина, вышла замужъ за графа Станислава Потоцкаго, а это родство повело къ тому, что сестра Потоцкаго, Роза, женила на себѣ любимаго сына Браницкой, Владислава, хотя мать его, не уважавшая Розы Станиславовны, не могла никакъ желать этого брака: если вѣрить Вигелю, Браницкая никогда не принимала къ себѣ невѣстки. Вѣроятно, это родство повело и къ браку второй ея дочери, Софіи, вышедшей замужъ за графа Артура Потоцкаго. Всѣ эти Потоцкіе были на службѣ въ Россіи, но едва ли Браницкая могла быть довольна этими браками, хотя къ внукамъ своимъ она видимо относилась съ любовью. Въ началѣ 1812 года, когда Наполеонъ грозилъ Россіи вторженіемъ, болѣзнь одного изъ внуковъ, находившагося вмѣстѣ съ родителями въ Вѣнѣ, заставила ее поѣхать туда. «Узнать, что онъ въ опасности, и отправиться въ путь было дѣломъ одной минуты»,—писала Браницкая императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ:—«вашей, государыня, душѣ, столь чистой и столь ангельской, облегчающей чужую бѣду и ей сочувствующей, понятны тревоги матери... Счастіе, большое счастіе быть подъ вашимъ покровительствомъ: оно объемлетъ и хранитъ и дѣтей, и мать» [1]. Оставшись въ концѣ концовъ съ одною лишь дочерью, Елизаветой Ксаверьевной, Браницкая, наученная опытомъ, тщательно оберегала ее отъ возможныхъ опасностей: Елисавета Ксаверьевна (род. 1796 г.), отличавшаяся граціею, тонкимъ умомъ и добрымъ сердцемъ, до 22-лѣтняго возраста почти безвыѣздно просидѣла у матери въ деревнѣ, а въ 1818 году, въ первую продолжительную заграничную поѣздку, приняла предложеніе графа Михаила Семеновича Воронцова, командовавшаго русскимъ оккупаціоннымъ корпусомъ во Франціи, и въ слѣдующемъ году вышла за него замужъ. Браницкая была довольна этимъ бракомъ дочери, тѣмъ болѣе, что новый ея зять получилъ вслѣдъ затѣмъ должность новороссійскаго генералъ-губернатора; такимъ образомъ, Елизавета Ксаверьевна могла часто видѣться съ матерью, испытывавшей въ это время чувство полнаго одиночества, такъ какъ въ 1819 году скончался въ преклонной старости мужъ ея, графъ Ксаверій Браницкій. Одѣляя всѣхъ своихъ дочерей богатымъ, царскимъ приданымъ, Браницкая много помогала и Воронцовымъ: собственно на ея средства устроены были воронцовскіе дома въ Петербургѣ, Одессѣ и Алупкѣ; чудный Алупкинскій дворецъ, говорятъ, построенъ былъ исключительно на ея средства. У себя, въ Бѣлой Церкви, Браницкая, вдали отъ жилого

---

[1] «Русск. Арх.», 1892, 4, 476—477.

дома, сохранившаго прежнюю простоту, начала разводить паркъ и садъ, названные въ честь императора Александра Павловича, посѣтившаго однажды графиню въ ея деревенскомъ уединеніи, Александріей.

Къ императору Александру Браницкая питала особое чувство обожанія, подогрѣваемое, вѣроятно, воспоминаніемъ, что онъ былъ «гатированное дитя» Екатерины, а также Потемкина: къ нему она питала, такъ сказать, тройное чувство. Въ перипетіяхъ борьбы Александра съ Наполеономъ, Браницкая не скрывала враждебныхъ чувствъ къ «чудовищу-корсиканцу», и велика была ея радость, когда любимый внукъ Екатерины закончилъ эпопею 1812 года «освобожденіемъ» Европы. Въ концѣ мая 1812 года, находясь въ Вѣнѣ, Браницкая писала императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Императрицы австрійская и французская (Марія-Луиза, дочь австрійскаго императора Франца) въ настоящее время въ Прагѣ... Вопреки моему желанію представиться первой изъ нихъ, я обязана отказаться отъ этой чести, такъ какъ она не одна. Общій голосъ о ней, государыня, что она ангелъ доброты и ума, и что она *понимаетъ происходящее въ истинномъ его значеніи* (курсивъ подлинника)... Вся моя надежда на Божеское правосудіе: оно охранитъ нашего добраго и возлюбленнаго государя и содѣлаетъ насъ счастливыми». 26-го декабря, уже по изгнаніи Наполеона изъ Россіи, она писала императрицѣ: «Пользуюсь возобновленіемъ почтовыхъ сообщеній, чтобы привести себя въ милостивую память вашего величества и представить мои поздравленія съ побѣдами нашихъ войскъ. Я желала бы у вашихъ, государыня, ногъ выразить всѣ чувства, которыми я проникнута, и въ то же время полюбоваться зрѣлищемъ образцовой изъ матерей, какъ она радуется, что августѣйшій сынъ ея властвуетъ народомъ, столь заслуживающимъ уваженія по любви своей къ отечеству и къ своему государю. О, какъ подобаетъ ему наша приверженность! Оттого-то и вознаграждало его Провидѣніе, освобождающее Россію и покровительствующее ей противъ несчастія этого чудовища. Она одна одолѣла Европу, которая, быть можетъ, обязана будетъ ей своимъ освобожденіемъ. Какое прекрасное время и какъ имъ не гордиться! Ваши милости, государыня, даютъ мнѣ смѣлость просить вашего позволенія о томъ, чтобы лучшій и возлюбленнѣйшій изъ государей усмотрѣлъ въ этихъ строкахъ выраженіе той вѣчной привязанности, которую мнѣ сладко питать къ нему съ самаго нѣжнаго младенчества его. Да благоволитъ онъ быть увѣренъ въ оной, и я буду счастлива» [1]).

Личность Браницкой за это время ярко выступаетъ въ воспоминаніяхъ Вигеля, посѣтившаго Бѣлую Церковь лѣтомъ 1823 года, проѣздомъ въ Одессу. «У меня было письмо отъ матери къ гра-

[1]) «Русск. Арх.», 1892, 4, 477, 479.

финѣ Браницкой»,—разсказываетъ онъ,—«и сперва я поѣхалъ въ Бѣлую Церковь, въ ночь съ 20-го на 21-е іюля. Ночи въ это время бываютъ еще коротки, да и путь былъ мнѣ не длиненъ; я совершилъ его до разсвѣта. Въ Бѣлой Церкви живала графиня только по зимамъ, лѣтомъ же — въ трехъ верстахъ оттуда, въ своей любезной Александріи, собственными ея стараніями возращенномъ огромномъ паркѣ. Тутъ я прямо поѣхалъ и остановился въ довольно чистой корчмѣ. Выспавшись, часу въ одиннадцатомъ, я принарядился и пошелъ являться.

«Проходя садомъ или паркомъ, я подивился его красотѣ; строенія, которыя я нашелъ въ концѣ его, меня удивить не могли. Надъ каменнымъ двухъ-этажнымъ домомъ, которому предназначено было вмѣщать въ себѣ гостиницу, большими буквами выставлено было слово Аустеріа, и въ немъ-то помѣщалась владѣтельница замка. Я нашелъ ее, послѣ чая или завтрака, одну съ дочерью, въ большой комнатѣ нижняго этажа, служащей ей и гостиной, и кабинетомъ, въ черномъ тафтяномъ, довольно поношенномъ капотѣ, въ бѣломъ довольно заношенномъ чепцѣ. Она не расточительна была на ласки и привѣтствія; зато простое, доброжелательное обхожденіе ея вселяло уваженіе и довѣренность. Поговоривъ со мною о матери моей, она сказала, что я долженъ сколько нибудь у нея погостить, а потомъ, позвонивъ, велѣла мнѣ во флигелѣ отвести двѣ или три весьма чистыя комнаты.

«Въ этой женщинѣ было такъ много оригинальнаго, что распространиться немного о ней считаю неизлишнимъ. При необъятномъ ея богатствѣ всѣ говорили, что она чрезмѣрно скупа, и я имѣлъ тутъ случай убѣдиться въ томъ; зато на доброе дѣло случалось ей бросать по сту и по двѣсти тысячъ рублей. Въ этой русской барынѣ, совершенно старинной помѣщицѣ, такъ много ума, важности и приличія, что ни одинъ полякъ, даже по заочности, не дерзалъ попрекать ее варварствомъ. Царствованіе Екатерины было на ней напечатано.

«За обѣдомъ, исключая хозяйки и меня, сидѣли четыре женщины и одинъ мужчина, и вотъ кто они были.

«Младшая дочь, графиня Елисавета Ксаверьевна Воронцова,— жена моего будущаго начальника. Ей было уже за тридцать (?) лѣтъ, а она имѣла все право казаться еще самой молоденькой. Долго, когда другимъ могъ надоѣсть бы свѣтъ, жила она дѣвочкой при строгой матери въ деревнѣ; во время перваго путешествія за границу вышла она за Воронцова, и всѣ удовольствія жизни разомъ предстали ей и окружили ее. Съ врожденнымъ польскимъ легкомысліемъ и кокетствомъ желала она нравиться, и никто лучше ея въ томъ не успѣвалъ. Молода она была душою, молода и наружностію. Въ ней не было того, что называютъ красотою; но быстрый, нѣжный взглядъ ея миленькихъ небольшихъ глазъ пронзалъ

насквозь; улыбка ея устъ, которой подобной я не видалъ, такъ и призываетъ поцѣлуи. Сіе изображеніе служитъ доказательствомъ моему безпристрастію, ибо впослѣдствіи она была ко мнѣ черезчуръ немилосердна, хотя на этотъ разъ была отмѣнно любезна. Какъ контрастъ, сидѣла подлѣ нея дочь генерала Раевскаго (героя 12-го года), Елена Николаевна, дѣва еще не старая, но мрачная и больная. Все семейство ея страдало полножелчіемъ и, смотря по сложенію каждаго изъ членовъ его, желчь болѣе или менѣе разливалась въ ихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Графиня Браницкая приходилась двоюродной теткой Николаю Николаевичу (по родству съ Самойловыми) и оттого покровительствовала и поддерживала его семейство, за что не весьма хорошо отблагодарила его. Третья особа была старая знакомка моя, Наталья Николаевна Ергольская, дочь кіевскаго совѣтника... Объ имени четвертой женщины, какой-то шляхтянки, паньи-экономки, я не только не спросилъ, но даже хорошенько не поглядѣлъ ей въ лицо...

«Предметомъ общаго, особаго вниманія гордо сидѣлъ тутъ англичанинъ-докторъ, длинный, худой, молчаливый и плѣшивый, которому Воронцовъ, какъ соотечественнику, поручилъ наблюденіе за здравіемъ жены и малолѣтней дочери: предъ нимъ только однимъ стояла бутылка краснаго вина. Обѣдъ былъ вкусный и обильный, но вина за нимъ не подавалось. Вдругъ графиня, подозвавъ слугу и глазами указывая ему на меня и на бутылку предъ англичаниномъ, сказала только: «гостю». Тотчасъ явилась предо мной другая бутылка; я выпилъ изъ нея рюмки двѣ; опорожнить же ее помогла мнѣ моя сосѣдка, полька. Замѣтно было, что она пользовалась не вседневнымъ случаемъ.

«Порядочно отдохнувъ послѣ обѣда, графиня предложила мнѣ показать сама свое прекрасное созданіе. Она не повезла и не повела меня съ собою. Съ ослабѣвшими и опухшими ногами она ходить не могла; два казака повезли ее въ креслахъ на колесахъ, а я сопутствовалъ ей пѣшкомъ. «Посмотри, батюшка», —сказала она мнѣ,— «двадцать пять лѣтъ тому назадъ здѣсь было голое поле, прутика не видать было а теперь мы гуляемъ въ густомъ лѣсу». Рѣчка Рось, въ иномъ мѣстѣ удержанная, въ другомъ вьющаяся по волѣ, протекаетъ весь этотъ садъ.

«Отъ палящаго зноя этимъ лѣтомъ вся трава пожелтѣла; близъ рѣки только сохраняла она свою свѣжесть, и большіе голубые цвѣты на высокихъ стебляхъ, по берегамъ ея посаженные, казались безконечно сапфирною цѣпью. Всѣхъ прелестей этого очаровательнаго мѣста описывать я не буду: ихъ было слишкомъ много. Графиня Браницкая сроднилась съ природой; деревья сдѣлались ея обществомъ и друзьями. Проѣзжая мимо иныхъ, приговаривала она: «голубчикъ, красавецъ ты мой!» — съ досадой отворачиваясь отъ другихъ, говорила мнѣ: «я этихъ терпѣть не могу», однако же

не лишала ихъ жизни, не велѣла рубить. Сперва я не чувствовалъ усталости, но, наконецъ, готовъ былъ признаться въ ней, моей вельможной путеводительницѣ, когда закатъ солнца заставилъ насъ воротиться.

«Слѣдующій день я провелъ почти такимъ же образомъ. Дѣлаясь довѣрчивѣе и смѣлѣе съ графиней, я заговорилъ ей про толки, которые идутъ о ея капиталахъ, и находилъ, что, по моему мнѣнію, счетъ имъ долженъ быть преувеличенъ. «Не знаю, право, батюшка; навѣрное не могу сказать, а кажется, у меня двадцать восемь милліоновъ»,—отвѣчала она. Потомъ прибавила: «Меня всѣ бранятъ, что я не строю дворца. Я люблю садить, а не строиться; одно потруднѣе другого и требуетъ гораздо больше времени. Послѣ меня, если сыну моему вздумается взгромоздить хотя мраморныя палаты, будетъ ему изъ чего» [1]).

Дополнимъ разсказъ Вигеля нѣсколькими замѣчаніями о любимой дочери Браницкой, Елизаветѣ Ксаверьевнѣ. Ее обвиняетъ Вигель во «врожденномъ польскомъ легкомысліи», а между тѣмъ именно въ описанное имъ время Елизавета Ксаверьевна была ангеломъ-хранителемъ, хотя тайнымъ, великаго пѣвца Русской земли, Пушкина. Было ли между ними одно чуткое пониманіе другъ друга или существовало чувство, болѣе нѣжное, хотя и невинное, но Елизавета Ксаверьевна высоко цѣнила Пушкина, узнавъ его во время пребыванія его въ Одессѣ, и въ тайнѣ оказывала ему нравственную поддержку, когда ея мужъ, графъ М. С. Воронцовъ, началъ преслѣдовать молодого поэта и добился высылки его въ 1824 г. изъ Одессы въ село Михайловское. Невольно возникаетъ вопросъ: не чувствовалъ ли Воронцовъ ревности къ геніальному изгнаннику, который съ своей стороны платилъ ему презрѣніемъ [2])? «Мысль Пушкина, — говоритъ Анненковъ, —постоянно жила не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ, далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становилось событіемъ въ уединенномъ Михайловскомъ. Послѣ XXXII строфы 3-й главы Онѣгина Пушкинъ дѣлаетъ приписку: «5-го сентября 1824 года— une lettre de ***». Сестра Пушкина, О. С. Павлищева, передавала, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата (извѣстный «талисманъ»),—послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого къ себѣ

[1]) Вигель, Записки, VI, 82—86.
[2]) Извѣстна его эпиграмма на Воронцова:

«Полумилордъ, полукупецъ,
Полумудрецъ, полуневѣжда,
Полуподлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ».

не принимать. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія въ такихъ случаяхъ и осталось его стихотвореніе: «Сожженное письмо», начинающееся строфами:

«Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!..
Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!»

«Особа,—прибавляетъ г. Бартеневъ,—къ которой относится это стихотвореніе, такъ же какъ и два позднѣйшихъ: «Ангелъ» и «Талисманъ», и портреты которой—строгій женскій профиль съ головой, нѣсколько наклоненной внизъ («Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный главой поникшею сіялъ»)—такъ часто набрасывались поэтомъ на страницахъ его тетрадей,—графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова. До конца долгой жизни своей († въ Одессѣ 15-го апрѣля 1881 г.)[1]) она сохраняла о Пушкинѣ теплое воспоминаніе и ежедневно читала его сочиненія. Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнило, она приказывала читать ихъ себѣ вслухъ и притомъ подъ рядъ, такъ что когда кончались всѣ томы, чтеніе возобновлялось съ перваго» [2]). Въ этомъ высокомъ чувствѣ Е. К. Воронцовой сказалось не «польское легкомысліе» ея отца, а русская вдумчивость, глубокое постоянство ея матери. Позволяемъ себѣ догадку: супружеская чета Греминыхъ, описанныхъ Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ», не есть ли чета Воронцовыхъ?

Декабрьскія событія, ознаменовавшія собою въ 1825 г. вступленіе на престолъ императора Николая Павловича, отразились неожиданно и на графинѣ Браницкой. 25-го декабря, въ день Рождества, подполковникъ С. И. Муравьевъ-Апостолъ возмутилъ черниговскій полкъ, стоявшій въ Васильковѣ, Кіевской губерніи, и двинулся на соединеніе съ другими войсковыми частями, гдѣ въ числѣ офицеровъ были многіе изъ членовъ южнаго общества. Дорогу себѣ Муравьевъ избралъ чрезъ Бѣлую Церковь. «Толковали, говоритъ одинъ современникъ, что ему хотѣлось добраться до денежныхъ сундуковъ графини Браницкой, но вѣроятнѣе, что онъ шелъ на соединеніе со своими» [3]). Другіе говорятъ объ этомъ болѣе положительно. «Подполковникъ Муравьевъ, разсказываетъ Веригинъ, съ нестройнымъ своимъ баталіономъ приближался къ имѣнію престарѣлой графини Браницкой, которая жила въ селѣ Бѣлая Церковь, гдѣ въ подвалахъ ея замка хранились, по увѣренію поляковъ (!), милліоны серебромъ и золотомъ, и эти милліоны Муравьевъ надѣялся захватить для своихъ конституціонныхъ дѣйствій. Впослѣдствіи

---

[1]) Въ цитатѣ—1880 г.—Мы дѣлаемъ эту поправку по «Родословію» Воронцовыхъ, приложенному къ «Росписи сорока книгамъ архива князя Воронцова» М., 1897, стр. 238.

[2]) Сочиненія Пушкина, изд. лит. фонда, I, 344.

[3]) Русск. Арх., 1871, 1724.

разсказывали, что находчивость одного гайдука графини спасла ея милліоны отъ нашествія Муравьева, а также о признательности владѣлицы громаднаго имѣнія къ спасителю своему. Гайдукъ былъ посланъ по какому-то случаю изъ Бѣлой Церкви и едва ли не для узнанія о шествіи Муравьева. Солдаты схватили гайдука, представили его Муравьеву, и на спросъ его: «есть ли солдаты въ Бѣлой Церкви», отвѣчалъ, что нашло разныхъ полковъ въ Бѣлую Церковь и окрестности селенія видимо-невидимо. Это показаніе гайдука, какъ увѣряли меня, было причиной, что Муравьевъ остановился верстъ за 20 отъ Бѣлой Церкви, когда еще въ селеніи не было ни одного солдата, и тѣмъ лишился громадныхъ денежныхъ средствъ, которыя во всѣхъ дѣлахъ большая сила. Сутки, потерянныя Муравьевымъ, сблизили полки 7-го корпуса въ Бѣлую Церковь, откуда направились на возмутившійся баталіонъ, и однимъ ударомъ павлоградскій гусарскій полкъ разсѣялъ конституціонистовъ, захвативъ раненаго ихъ начальника въ плѣнъ... Когда конституціонисты были уничтожены, то графиня Браницкая, узнавъ о заслугѣ своего гайдука, приказала позвать его къ себѣ, и, сказавъ ему спасибо за спасеніе ея замка отъ гребежа, пожаловала ему своеручно карбованецъ, т. е. цѣлковый. Многіе поляки и сами русскіе офицеры, знавшіе владѣлицу 120 тысячъ душъ крестьянъ и баснословныхъ наличныхъ милліоновъ, разсказывали о скупости графини, сидѣвшей по вечерамъ съ двумя сальными свѣчами» [1]). Этотъ характеристическій для личности Браницкой разсказъ нуждается, прежде всего, въ точной справкѣ, дѣйствительно ли она, какъ Скупой рыцарь, хранила свое золото въ подвалахъ своего замка, и не сходила ли она туда, чтобы насладиться его блескомъ.

Въ царствованіе императора Николая Павловича Браницкая доживала свой долгій вѣкъ въ полномъ забвеніи: императоръ Николай не относился къ памяти геніальной своей бабки съ должнымъ уваженіемъ, считалъ даже за несчастіе, что онъ похожъ былъ на нее въ профиль; не любилъ онъ и живого напоминанія о ней, Браницкой. Старая графиня, однако, мало интересовалась мнѣніемъ о себѣ свѣта и, достигнувъ даже 80-лѣтняго возраста, попрежнему крѣпко держала въ рукахъ бразды правленія своими имѣніями. Въ дополненіе къ разсказамъ Вигеля, рисовавшаго Браницкую въ въ будничной, домашней обстановкѣ, въ началѣ 20-хъ годовъ, при-

---

[1]) Русск. Стар., 1893, 3, 609—610.—Генералъ Ротъ также доносилъ, какъ передавали англійскія газеты того времени, что Муравьевъ шелъ на Бѣлую Церковь съ цѣлію ограбить Браницкую. «Quel misérable cela doit être que ce Mouravieff!» прибавлялъ по этому поводу въ письмѣ къ М. С. Воронцову отецъ его, С. Р. Воронцовъ, прежде такъ бранившій графиню, а теперь нѣжно относившійся къ ней и ея состоянію. «Comme votre bonne belle-mére a dû être effrayée de savoir tous ces troubles dans son village et le projet de ces coquins pour la piller!»—Арх. кн. Воронцова, XVII, 574.

ведемъ любопытный разсказъ о ней англійскаго доктора-туриста, бывшаго въ Бѣлой Церкви десять лѣтъ позже.

«Надо бы обладать перомъ Вальтеръ-Скотта, чтобъ описать эту женщину. Она была баловницей императрицы и теперь въ восемьдесятъ лѣтъ, съ такимъ же жаромъ и рвеніемъ заботится объ увеличеніи своего вліянія, какъ бы въ юности. Состояніе ея самое значительное во всей имперіи. Графиня является неограниченной повелительницей въ своихъ владѣніяхъ, которыя превосходятъ пространствомъ нѣсколько нѣмецкихъ княжествъ, вмѣстѣ взятыхъ. Я ожидалъ, конечно,—говоритъ онъ,—встрѣтить особу величественнаго и важнаго вида. Каково же было мое изумленіе, когда казачка-горничная ввела меня въ маленькую комнату, почти лишенную мебели. Стѣны комнаты были попросту вымазаны мѣломъ. Все убранство камина состояло изъ грубо раскрашеннаго гипсоваго бюста императрицы Екатерины. Въ каминѣ лежало нѣсколько полѣнъ дровъ. Дубовый столъ былъ заваленъ кипами бумагъ. Старая графиня занималась повѣркой счетовъ своего управляющаго. Она подписала нѣсколько бумагъ и отпустила его, давъ поцѣловать свою руку. Когда управляющій вышелъ изъ комнаты, она повернулась ко мнѣ. Это была женщина средняго роста и довольно полная. Черты ея лица сохранили слѣды былой красоты. Иногда это лицо оживлялось выраженіемъ. Глаза были еще блестящи и полны огня. На головѣ ея былъ надѣтъ чепецъ изъ муселина. Объ остальномъ костюмѣ нельзя было судить, такъ какъ вся она закутана была въ длинный турецкій шлафрокъ. Она нюхала въ большомъ количествѣ табакъ, просыпая двѣ трети его на свое платье. Сидя въ вольтеровскомъ креслѣ, она постоянно терла щеки пальцами. Я былъ прежде всего пораженъ красотою ея рукъ, маленькихъ и полныхъ, какъ руки восемнадцатилѣтней дѣвушки. Большая бирюза, украшавшая указательный палецъ, еще больше обнаруживала необыкновенную бѣлизну ихъ кожи.—Я чрезвычайно рада познакомиться съ вами,—сказала она мнѣ.—Какъ англичанинъ, вы видѣли, конечно, множество прекрасныхъ садовъ; но нигдѣ не найдете ничего похожаго на Александрію. Я поклонился въ знакъ согласія.—Это садъ Потемкина,—продолжала старая графиня, любившая говорить и неохотно уступавшая слово другому:—это садъ Потемкина, и онъ посвященъ его дружбѣ. Здѣсь вы увидите нѣсколько деревьевъ, посаженныхъ императоромъ Александромъ I въ послѣдній его пріѣздъ. Тутъ стоитъ и бюстъ его, окруженный желѣзной рѣшеткой. На этомъ мѣстѣ императоръ пилъ какъ-то чай. Бесѣдки и статуетки стоили мнѣ большихъ денегъ, но я купила все на наличныя деньги и воспользовалась скидкой, что составило не малую сумму. Этотъ садъ обошелся мнѣ въ четыре милліона рублей. Но знаете ли, что сказала мнѣ императрица? Она сказала: «Графиня, всѣ эти деньги остались здѣсь на мѣстѣ, а это что нибудь да зна-

читъ»... Гуляя, вы встрѣтите нѣсколько бесѣдокъ, въ окна которыхъ вставлены стекла. Въ этомъ виноватъ Бонапартъ. Я дала обѣтъ отпраздновать изгнаніе французовъ, затративъ десять тысячъ на украшеніе моей резиденціи, и эти стекла вошли также въ число украшеній... Въ большомъ павильонѣ вы замѣтите мраморный бюстъ императора, у подножія котораго на мѣдной доскѣ вырѣзаны слѣдующія слова... Вы, вѣроятно, понимаете по-русски... Вырѣзанныя слова были буквально произнесены императоромъ; они означаютъ: «Я до тѣхъ поръ не вложу сабли въ ножны, пока на Русской землѣ останется хоть одинъ непріятель». Графиня продолжала говорить такимъ образомъ, не давая мнѣ возможности вставить ни слова. Вдругъ она остановилась. Ея лицо болѣзненно сжалось, и она сказала упавшимъ голосомъ: «Докторъ, не знаете ли вы какого нибудь средства отъ судороги? Вотъ десять лѣтъ, какъ она не даетъ мнѣ покоя». Я понялъ тогда, почему она постоянно водила рукой по щекѣ: она разминала этимъ способомъ мускулы лица и останавливала ихъ сокращеніе. Въ эту минуту ударили въ колоколъ на обѣдъ. Графиня указала мнѣ пальцемъ на дверь столовой и просила меня быть безъ церемоніи. Она предложила мнѣ присоединиться къ другимъ гостямъ и занять мѣсто за столомъ. Что же касается ея, то она сейчасъ выйдетъ и сама. Я повиновался и вышелъ. Въ столовой было еще меньше мебели, чѣмъ въ комнатѣ, служившей пріемной. Стѣны ея были совершенно голы. Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, накрытый бѣлой скатертью, на которой, кромѣ тарелокъ, видна была только передъ приборомъ хозяйки дома бутылка шампанскаго, да бутылка донского вина на противоположномъ концѣ стола. Всѣхъ обѣдающихъ было пятнадцать человѣкъ. Сзади каждаго изъ насъ стоялъ лакей въ великолѣпной ливреѣ. Чрезвычайно изумленный уже этой обстановкой, я былъ удивленъ еще больше, когда поданъ былъ обѣдъ. Онъ начался съ холодной ветчины, нарѣзанной ломтиками, которую обносили вокругъ стола на большомъ блюдѣ. За ветчиной послѣдовалъ pâté froid, потомъ салатъ, потомъ кусокъ пармезанскаго сыра. Очень любя холодные обѣды, я радъ былъ поѣсть по своему вкусу и дѣлалъ честь подаваемымъ вещамъ. Я ѣлъ бы всего больше, еслибъ слушался только своего аппетита; но я замѣтилъ, что сосѣди мои по столу едва дотрагивались до подаваемыхъ блюдъ, и я не хотѣлъ отставать отъ нихъ; какъ вдругъ, къ неописанному моему удивленію, лакей принесъ на столъ вазу съ супомъ. Въ ту же минуту вошла графиня и сѣла на свое мѣсто. Какой же я былъ неучъ и какъ я ошибся! Ветчина, пирогъ, салатъ и сыръ, не говоря о шампанскомъ и донскомъ винѣ, не составляли обѣда, а только какъ бы прелюдію къ нему, предисловіе и прибавленіе къ работѣ болѣе серьезной. Я былъ немного сконфуженъ своей ошибкой, тѣмъ болѣе, что удовлетворилъ свой апетитъ на мелочахъ, которыя должны

были только его пробудить. Тѣмъ не менѣе я вооружился мужествомъ и рѣшилъ подражать во всемъ дѣйствіямъ графини. Я наскоро покончилъ съ тарелочкой раковаго супа, дѣйствительно превосходнаго, и такъ какъ графиня запила его стаканомъ вина, я схватилъ бутылку, стоявшую возлѣ меня и налилъ себѣ полный стаканъ, который и выпилъ. Вино, чертовски кислое, я не могъ скрыть легкой гримасы, не ускользнувшей отъ графини, но только стоявшій позади меня лакей получилъ приказаніе поставить возлѣ меня на столъ бутылку пива и бутылку квасу. Я довольствовался этими двумя напитками. Подали громадный кусокъ ростбифа. Графиня, при каждой перемѣнѣ блюда, накладывала себѣ очень много на тарелку, но отвѣдавши два-три раза, сейчасъ же приказывала убирать. Мнѣ объяснили, что любимой горничной предоставлено было преимущество кончать все, что оставалось на тарелкахъ госпожи, и что эти тарелки, еще на двѣ трети наполненныя, ей и предназначались. Послѣ мяса подали въ соусникѣ гречневую кашу съ холоднымъ масломъ. Я рѣшился пропустить это блюдо. Потомъ слѣдовала рыба—корюпа подъ соусомъ, и я отвѣдалъ кусочекъ. Но продолжать этотъ бой было рѣшительно не въ моихъ силахъ. Еслибъ вино было лучше или, еслибъ я его больше выпилъ, оно дало бы мнѣ силы быть болѣе выносливымъ, къ чему пиво не было пригодно. Къ счастью, мнѣ показалось, что обѣдъ приближался къ концу, и видъ жаркого изъ дичи далъ мнѣ знать, что скоро появится дессертъ. За дессертомъ я не замѣтилъ ничего рѣшительно чужеземнаго: графиня изгнала все покупное. Она принадлежала къ людямъ, полагающимъ, что каждая страна можетъ и должна сама себя довольствовать. Скатерть не сняли со стола, какъ принято въ Англіи. Я насчиталъ пятнадцать сортовъ фруктовъ. Всѣ они были изъ садовъ нашей хозяйки. Персики, дыни и яблоки превосходнаго вкуса. Маленькая сахарница, полная мелкимъ сахаромъ, была предложена графинѣ, которая взяла щепотку и посыпала кусокъ дыни, бывшей у нея въ рукахъ, но сейчасъ же отправила сахарницу, замѣтивъ, что дыня сама по себѣ сладка. Послѣ этого хозяйка дома, бросивъ вокругъ себя взглядъ, сопровождаемый любезной улыбкой, встала изъ-за стола: всѣ встали по ея примѣру, и многіе изъ обѣдавшихъ подошли поцѣловать ей руку. Мы перешли въ залу, гдѣ приготовлено было кофе. Нѣсколько минутъ спустя, графиня предложила мнѣ прогулку по садамъ. Эти сады оказались достойными своей славы. Массы зелени, бассейны, полные рыбой, партеры цвѣтовъ и проч., все однимъ словомъ было на степени самаго высшаго тона. Хозяйка дома, пила только шампанское. Ей позволено было пить одно это вино. Я упомянулъ уже, какъ она одна только посыпала сахаромъ дыню, и какъ послѣ этого тотчасъ же унесли сухарницу. Этотъ характерный эпизодъ рисуетъ лучше нравы страны, чѣмъ все, что можно бы сказать на эту тему. Для

нея не было ничего ни слишкомъ великаго, ни слишкомъ мелкаго. Обладательница царскаго богатства, она изощряла способности въ спекуляціяхъ и, взимая съ своихъ крестьянъ только самый легкій налогъ, была бы въ состояніи поставить на ноги армію или снарядить флотъ. Очень щедрая въ нѣкоторыхъ случаяхъ, она проявляла въ другихъ крайнюю скупость. Недостатки ея были слишкомъ преувеличиваемы. Что бы ни говорили по этому поводу, ея крестьяне не показались мнѣ болѣе несчастными, чѣмъ крестьяне сосѣднихъ владѣльцевъ. У нея были пріятныя манеры, способность вести интересную бесѣду и достаточно образованія, правда, оно преисполнено было предразсудковъ» (sic) [1]).

Александра Васильевна Браницкая скончалась 15-го августа 1838 г. Въ преклонной старости она готовилась къ смерти и заранѣе сдѣлала распоряженія о мѣстѣ своего погребенія. Сохранилась слѣдующая записка о ея желаніи быть похороненной съ мужемъ: «Оберъ-гофмейстерина графиня Браницкая, живъ весьма много лѣтъ въ душевной любви и безпрестанномъ согласіи съ покойнымъ ея мужемъ, генераломъ отъ инфантеріи графомъ Браницкимъ, имѣетъ усерднѣйшее желаніе, чтобы по кончинѣ ея прахъ ея соединенъ былъ съ прахомъ ея мужа и друга; а такъ какъ онъ похороненъ въ м. Бѣлой Церкви, въ католической церкви, то она адресовалась къ кіевскому митрополиту, который ей сказалъ, что были на то многіе примѣры, но всегда съ разрѣшенія высшей власти. Она всеподданнѣйше просила о томъ государя императора, и его величество благоволилъ позволить ей представить о желаніи ея записку на память» [2]). На поминъ души она пожертвовала 200.000 рублей для выкупа должниковъ изъ тюремъ и около 300.000 рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого послѣдняго капитала ежегодно употреблялись на поддержаніе благосостоянія крестьянъ, водворенныхъ въ числѣ 97.000 душъ въ бывшихъ ея 217 имѣніяхъ. Въ 1875 г. накопившіеся къ тому времени проценты (около 600.000 р.) переданы въ видѣ основного капитала «Сельскому банку графини Браницкой», учрежденному тогда въ Бѣлой Церкви, а изъ наростающихъ вновь ежегодно процентовъ половина предназначена для учрежденія въ этихъ селеніяхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Сельскому банку графини Браницкой предоставлены какъ общія банковыя операціи, такъ и спеціально касающіяся крестьянъ, водворенныхъ въ бывшихъ имѣніяхъ Браницкой [3]). Такимъ образомъ имя ея навсегда связано съ мѣстами, которыя она такъ любила при жизни.

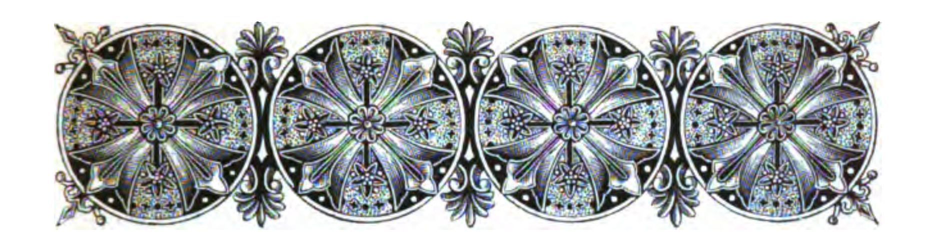
Евгеній Шумигорскій.

---

1) «Кіевская Старина», 1888, 4.

2) Арх. кн. Воронц., XXXV, 490.

3) «Энциклоп. Словарь», подъ ред. Андреевскаго, IV, 597.

ГЕРЦЕНЪ И ТУРГЕНЕВЪ.

I.

ЕРВАЯ половина 60-хъ годовъ является чуть ли не самымъ тяжелымъ временемъ въ жизни И. С. Тургенева. Въ мартѣ 1862 г. былъ напечатанъ знаменитый романъ «Отцы и дѣти»; какое впечатлѣніе произвело это новое произведеніе геніальнаго писателя, лучше всего можно судить по словамъ самого Тургенева: «Я замѣчалъ,—пишетъ онъ,—холодность, доходившую до негодованія во многихъ мнѣ близкихъ и симпатическихъ людяхъ; я получилъ поздравленія, чуть не лобзанія, отъ людей противнаго мнѣ качества, отъ враговъ». (Соч. Тургенева, т. XII, стр. 93, «Литературно-житейскія воспоминанія»).

На ряду съ неуспѣхомъ романа, Тургеневу въ эту эпоху приходилось переживать расхожденіе или даже прямой разрывъ съ нѣкоторыми друзьями молодости. Партійная борьба 60-хъ годовъ принимала такой рѣзкій характеръ, что положеніе «постепеновца», какимъ себя называлъ Тургеневъ, было очень затруднительно. Въ характерѣ Тургенева совершенно отсутствовала боевая политическая жилка, и въ сумятицѣ 60-хъ годовъ это свойство, вмѣстѣ съ благороднымъ отсутствіемъ желанія «плыть по теченію» и подлаживаться къ текущимъ настроеніямъ минуты, причинили Тургеневу немало огорченій. Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ огорченій этого рода былъ разрывъ Тургенева со старымъ другомъ юности

А. И. Герценомъ, выросшій на почвѣ идейныхъ разногласій, разногласій давнихъ, но особенно обострившихся въ эту кипучую эпоху.

Разногласія эти воспитались и выросли главнымъ образомъ на почвѣ своеобразнаго славянофильства Герцена, разочаровавшагося въ «странѣ святыхъ чудесъ» –Западѣ и съ жаждой отчаянія увѣровавшаго въ революціонное будущее Россіи. Въ цѣломъ рядѣ произведеній («Съ того берега», «Русскій народъ и соціализмъ», «Старый міръ и Россія») Герценъ развиваетъ ту идею, что старый западный міръ не можетъ освободиться изъ устарѣвшихъ буржуазныхъ формъ, и что обновленіе этого міра лежитъ въ крестьянской, народной Россіи, соціалистичной по духу, и которая внесетъ обновленіе на почвѣ соціализма въ обветшавшія формы европейскаго Запада. Съ особенной яркостью это противопоставленіе обветшавшаго Запада молодой Россіи было сдѣлано Герценомъ въ статьѣ «Mortuos plango» («Колоколъ», № 118, 1 янв. 1862 г.).

«Упорная живучесть всего существующаго въ Европѣ, — писалъ Герценъ,—прочно основана на всемъ быломъ ея. Ея многосложный бытъ сложился самъ по себѣ, выработался въ длинной и тяжелой борьбѣ; онъ ей естественъ, у ней есть другіе идеалы, но другого быта нѣтъ. Къ тому же, въ обветшалыхъ и узкихъ формахъ ея захвачена бездна изящнаго и хорошаго. Оно-то и утратилось при переложеніи на наши нравы, удивляться этому нельзя.

«Европейскій бытъ и цивилизація были надѣты на насъ въ томъ родѣ, какъ въ Лондонѣ мальчишки зашиваютъ, для продажи, плебейскаго происхожденія щенка въ волнистую шкуру аристократической собаченки; щенокъ, вымытый и расчесанный, бѣгаетъ въ своемъ болонскомъ кафтанѣ по гостинымъ, спитъ на диванахъ, но, увы, онъ растетъ, и чужая шубенка лопается по швамъ.

«Какъ бы то ни было, но теперь вопросъ собственно вотъ въ чемъ: имѣя западный фасадъ и формы безъ лучшей стороны содержанія, что намъ придется—разбить ли чужія формы или усвоить чужое содержаніе?

«То, что въ Европѣ есть общечеловѣческаго, т.-е. наука и больше ничего, само собой принадлежитъ всѣмъ, какъ воздухъ принадлежитъ каждому, имѣющему легкія. Стало быть, рѣчь не о наукѣ, а о томъ, могутъ ли другіе результаты западнаго развитія усвоиться нами, не мѣшая нашему собственному росту, или мы разовьемъ какіе нибудь иные историческіе элементы?

Далѣе Герценъ дѣлаетъ слѣдующее біологическое сравненіе:

«Переходъ отъ менѣе совершенныхъ видовъ къ болѣе совершеннымъ вообще не дѣлается развитіемъ наименѣе несовершеннаго вида въ болѣе развитый. Онъ и такъ хорошъ и такъ дорого стоитъ, пусть же онъ и остается самъ по себѣ, въ то время, какъ ряды другихъ попытокъ направо, налѣво, со всѣхъ сторонъ тянутся, гибнутъ, отстаютъ, обходятъ, забѣгаютъ существующій видъ.

«Каждый видъ представляетъ поступательное развитіе съ одной стороны, а съ другой предѣлъ, т.-е. препятствія, на которыя онъ натолкнулся съ стремленіемъ ихъ перейти. Это безсиліе нисколько не мѣшаетъ другому виду (Герценъ подразумѣваетъ Россію), можетъ, бѣднѣе организованному въ чемъ нибудь иномъ, перешагнуть именно это препятствіе».

Вскорѣ затѣмъ Герценъ спрашиваетъ: «Гдѣ же предѣлъ европейскаго развитія, гдѣ препятствія, за которыя оно запнулось?» и отвѣчаетъ:

«Во-первыхъ, въ сознаніи необходимости коренного переворота, въ сознаніи нелѣпости государственной, юридической и экономической жизни, отставшей вѣками отъ общественной и научной. Во-вторыхъ, въ немоготѣ не только совершить этотъ соціальный переворотъ, но даже формулировать его.

«Вотъ на чемъ оборвались реформаціи и революціи, республики и конституціи, вотъ порогъ, за который запнулся смѣлый бѣгъ Запада... Вотъ предѣлъ...»

Но предѣлъ ли это для насъ, пріемышей, пасынковъ западной цивилизаціи? — задаетъ вопросъ Герценъ.

«Прошедшее Запада,—отвѣчаетъ онъ,—обязываетъ его, не насъ.

«Его живыя силы скованы круговой порукой съ тѣнями прошедшаго, дорогими ему, не намъ. Свѣтлыя человѣческія стороны современной европейской жизни выросли въ тѣсныхъ средневѣковыхъ переулкахъ и учрежденіяхъ; онѣ срослись съ старыми доспѣхами, рясами и жильями, разсчитанными совсѣмъ для другого быта,—разнять ихъ опасно, тѣ же артеріи пробѣгаютъ по нимъ. Западъ въ неудобствахъ наслѣдственныхъ формъ уважаетъ свои воспоминанія, волю своихъ отцовъ. Ходу его впередъ мѣшаютъ камни, но камни эти—памятники гражданскихъ побѣдъ или надгробныя плиты.

«У насъ ничего подобнаго. Наши преданія впереди. На нашихъ старинныхъ зданіяхъ известь не обсохла, наши развалины состарѣлись не отъ лѣтъ, а оттого, что фундамента нѣтъ. Мы еще не обстраивались, и это превосходно. Военныя поселенія ужасно легко переходятъ опять въ деревню».

Тому же изображенію одряхлѣнія запада и противопоставленія ему Россіи, крестьянской и соціалистической по духу, помѣщены были въ 1862 г. статьи Герцена «Концы и Начала». Въ статьяхъ этихъ между прочимъ выражалась увѣренность, что Россія сможетъ развить кое-что сбереженное ею (напримѣръ, общину), «не продѣлывая всѣхъ старыхъ глупостей Запада (Герценъ разумѣлъ парламентаризмъ) на новый ладъ». Вѣра эта не только не раздѣлялась Тургеневымъ, но часто вызывала съ его стороны довольно ѣдкую критику. Опроверженію «Концовъ и Началъ» посвящено нѣсколько писемъ Тургенева къ Герцену. Такъ 8 октября 1862 г. Тургеневъ писалъ изъ Базена:

«Роль образованнаго класса въ Россіи быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать или принимать, это въ сущности скромная роль, въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ, хотя ее приводить въ дѣйствіе революція, эта роль по-моему еще не кончена. Вы же, господа, напротивъ, нѣмецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы) абстрагируя изъ едва понятной и понятой субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ и, что всего важнѣе, въ сущности отрекаетесь отъ революціи, потому что народъ, передъ которымъ вы преклоняетесь—консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставитъ за собою всѣ мѣтко-вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить—посмотри на нашихъ купцовъ. Я не даромъ употребилъ слово абстрагировать. Земство, о которомъ вы мнѣ въ Лондонѣ протрубили уши,—это пресловутое земство оказалось на дѣлѣ такой же кабинетной, высиженной штучкой, какъ родовой бытъ Кавелина и т. д. Въ теченіе лѣта я потрудился надъ Щаповымъ (истинно потрудился!), и ничто не измѣнитъ теперь моего убѣжденія. Земство либо значитъ то же самое, что значитъ любое одно сильное западное слово, либо ничего не значитъ и въ Щаповскомъ смыслѣ непонятно ровно ста мужикамъ изъ ста. (Тургеневъ говоритъ о брошюрѣ Щапова «Земство и Расколъ»).

«Приходится вамъ пріискивать другую троицу, чѣмъ найденная вами: «земство, артель и община», или сознаться, что тотъ особый строй, который придается государственнымъ и общественнымъ формамъ усиліями русскаго народа, еще не насколько выяснился, чтобы мы, люди рефлексіи, подвели его подъ категоріи. А не то предстоитъ опасность то низвергаться передъ народомъ, то коверкать его, то называть его убѣжденія святыми и высокими, то клеймить ихъ несчастными и безумными, какъ это сдѣлалъ чуть не на одной страницѣ Бакунинъ въ своей послѣдней брошюрѣ».

Письмо Тургенева отъ 4 ноября 1862 г. посвящено той же полемикѣ съ идеями Герцена. Тургеневъ пишетъ слѣдующее:

«Что касается твоего письма въ «Колоколѣ», оно, какъ всѣ прежнія, умно, тонко, красиво, но безъ вывода и примѣненія. Мнѣ начинаетъ сдаваться, что въ столь часто повторяемой антитезѣ Запада, прекраснаго снаружи и безобразнаго внутри,—и Востока, безобразнаго снаружи и прекраснаго внутри—лежитъ фальшь, которая потому еще держится даже въ замѣчательныхъ умахъ, что она, во-первыхъ, не сложна и удобопонятна, а, во-вторыхъ, а l'air d'être tres ingenieuse et neuve. Но уже на ней мнѣ видятся бѣлыя нитки

и истертые локти, и все твое краснорѣчіе не спасетъ ея отъ зіяющей могилы, гдѣ она будетъ лежать en très bonne compagnie вмѣстѣ съ философіей Гегеля и Шеллинга, французской республикой, родовымъ бытомъ славянъ и, дерзну прибавить, статьями великаго соціалиста Николая Платоновича (Огарева)».

Черезъ четыре дня [1]) Тургеневъ въ письмѣ къ Герцену опять возвращается къ той же темѣ: «Ты,—пишетъ онъ,—съ необыкновенной тонкостью и чуткостью произносишь діагнозу современнаго человѣчества, но почему же это непремѣнно западное человѣчество а не bipedes (двуногіе) вообще? Ты точно медикъ, который, разобравъ всѣ признаки хронической болѣзни, объявляешь, что вся бѣда происходитъ отъ того, что паціентъ—французъ. Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ-то видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ —das absolute, однимъ словомъ, то самое absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ философіи. Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя,—такъ давай воздвигать алтарь этому новому невѣдомому богу, благо о немъ почти ничего неизвѣстно—и опять можно молиться, и вѣрить, и ждать. Богъ этотъ дѣлаетъ совсѣмъ не то, что вы отъ него ждете,—это, по-вашему, временно, случайно, насильно привито ему внѣшней властью; богъ вашъ любитъ до обожанія то, что вы ненавидите, и ненавидитъ то, что вы любите,—богъ принимаетъ именно то, что вы за него отвергаете, вы отворачиваете глаза, затыкаете уши и съ экстазомъ, свойственнымъ всѣмъ скептикамъ, которымъ скептицизмъ надоѣлъ, твердите о «весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ и т. д.». Исторія, филологія, статистика—вамъ все ни по чемъ; ни по чемъ вамъ факты, хотя бы, напримѣръ, тотъ несомнѣнный фактъ, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, «genus europaeum» и, слѣдовательно, по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи, должны идти по той же дорогѣ. Я не слыхалъ еще объ уткѣ, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами, какъ рыба. А, между тѣмъ, въ силу вашей душевной боли, вашей усталости, вашей жажды положить свѣжую крупинку снѣга на изсохшій языкъ, вы бьете по всему, что каждому европейцу, а потому и намъ, должно быть дорого: по цивилизаціи, по законности, по самой революціи, наконецъ, и, наливъ молодыя головы вашей еще не перебродившей соціально-славянофильской брагой, пускаете ихъ хмельными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ предстоитъ споткнуться на первомъ шагу. Что вы все это дѣлаете добросовѣстно, честно, горестно, съ горячимъ и искреннимъ самоотверженіемъ,—въ этомъ я

[1]) Письмо отъ 8 ноября 1862 г.

не сомнѣваюсь, и ты увѣренъ, что я не сомнѣваюсь... Но отъ этого не легче. Одно изъ двухъ: либо служи революціи, европейскимъ идеаламъ попрежнему, — либо, если ужъ дошелъ до убѣжденія въ ихъ несостоятельности, имѣй духъ и смѣлость посмотрѣть чорту въ оба глаза, скажи: guilty (виновенъ) — въ лицо всему европейскому человѣчеству, и не дѣлай явныхъ или подразумѣваемыхъ исключеній въ пользу ново-долженствующаго пріити Россійскаго Мессіи, въ котораго, въ сущности, ты лично также мало вѣришь, какъ и въ еврейскаго. Ты скажешь: это страшно — и популярность можно потерять и возможность продолжать дѣятельность. Согласенъ, но съ одной стороны и такъ дѣйствовать, какъ ты теперь дѣйствуешь, — безплодно, а, съ другой стороны, я въ тебѣ на зло тебѣ предполагаю достаточно силы духа, чтобы не убояться никакихъ послѣдствій отъ высказыванія того, что ты считаешь истиной».

Письмо это, затрогивавшее «святое святыхъ» Герцена, его вѣру въ будущность Россіи въ розовой дымкѣ славянофильски-соціалистическихъ идеаловъ, вызвало со стороны Герцена раздражительный отвѣтъ, въ которомъ онъ, между прочимъ, по поводу «Отцовъ и Дѣтей» обвинилъ Тургенева въ несочувствіи къ молодому поколѣнію. Тургеневъ въ письмѣ отъ 25-го ноября 1862 года писалъ Герцену:

«Не могу принять твое обвиненіе въ нигилизмѣ. (Кстати вотъ судьба: я же швырнулъ этотъ камень — и меня же онъ бьетъ въ голову). Я не нигилистъ, потому только, что я, насколько хватаетъ моего пониманія, вижу трагическую сторону въ судьбахъ всей европейской семьи (включая, разумѣется, и Россію). Я все-таки европеусъ и люблю знамя, вѣрую въ знамя, подъ которое я всталъ съ молодости. Ты одной рукой рубишь его древко, а другой ловишь какое-то для насъ еще невидимое древко, — это твое дѣло, и, можетъ быть, ты правъ. Но ты менѣе правъ, когда приписываешь мнѣ какія-то побочныя цѣли или небывалыя чувства въ родѣ раздраженія противъ молодого поколѣнія... къ чему это?... Этого рода загадки и сплетни — скажу прямо — не достойны насъ съ тобою».

Не понравился Герцену и пренебрежительный отзывъ Тургенева о статьяхъ Н. П. Огарева въ «Колоколѣ», и онъ потребовалъ у Тургенева изложенія причинъ его нерасположенія къ Огареву, какъ къ писателю.

Тургеневъ въ письмѣ отъ 3-го декабря 1862 г. отвѣтилъ на вопросъ Герцена и кстати довольно рѣзко охарактеризовалъ тогдашнюю дѣятельность Огарева въ «Колоколѣ» и причины охлажденія публики въ Россіи къ «Колоколу».

«Ты требуешь, — пишетъ Тургеневъ, — чтобъ я тебѣ изложилъ причины моего нерасположенія къ Огареву, какъ писателю. Я готовъ тебѣ повиноваться, но не могу не замѣтить, что на письмѣ

это непремѣнно выйдетъ голословно. Ты самъ хорошо понимаешь, что приводить и пересчитывать на письмѣ доказательства — невозможно; прошу только тебя вѣрить, что они существуютъ для меня, и что я не подверженъ никакой беременности, ни физіологической, ни психологической. Итакъ, Огареву я не сочувствую, вопервыхъ, потому, что въ своихъ статьяхъ, письмахъ и разговорахъ онъ проповѣдуетъ старинныя соціалистическія теоріи объ общей собственности и т. д., съ которыми я не согласенъ (Бакстъ въ Гейдельбергѣ объявилъ мнѣ, что «Николай Платоновичъ не потому опровергаетъ «Положеніе», что оно несправедливо для крестьянъ, а потому, что оно освящаетъ принципъ частной собственности въ Россіи»). Во-вторыхъ, потому, что онъ въ вопросѣ освобожденія крестьянъ и тому подобныхъ показалъ значительное непониманіе народной жизни и современныхъ ея потребностей, а также и настоящаго положенія дѣлъ; въ-третьихъ, наконецъ, потому, что даже тамъ, гдѣ онъ почти правъ (какъ, напримѣръ, въ статьѣ о судебныхъ реформахъ), онъ излагаетъ свои воззрѣнія языкомъ тяжелымъ, вялымъ, сбивчивымъ, обличающимъ отсутствіе таланта, что, впрочемъ, ты, вѣроятно, самъ, если не чувствуешь, то подозрѣваешь изъ несомнѣннаго факта постепеннаго паденія «Колокола» и охлажденія къ нему публики. Правда до политическихъ изгнанниковъ также трудно доходить, какъ и до царей; обязанность друзей—доводить ее до нихъ. «Колоколъ» гораздо менѣе читается въ тѣхъ поръ, какъ въ немъ сталъ первенствовать Огаревъ», эта фраза стала въ Россіи тѣмъ, что въ Англіи называется «a truism». И это понятно: публикѣ, читающей въ Россіи «Колоколъ», не до соціализма: она нуждается въ той критикѣ, отъ которой ты отступилъ, самъ надломивъ свой мечъ. «Колоколъ», напечатавшій безъ протеста полъ-манифеста Бакунина («Русскимъ, польскимъ и всѣхъ славянскимъ друзьямъ» въ № 122 — 123 «Колокола») и соціалистическія статьи Огарева — уже не Герценовскій, не прежній «Колоколъ», какъ его понимала и любила Россія. Вотъ, пока все, что я могу тебѣ сказать».

Эта рѣзкая критика больно задѣла Герцена, и за весь 1863 годъ друзья обмѣнялись лишь двумя письмами. Въ письмѣ отъ 22 іюня 1863 года Тургеневъ самъ поясняетъ это прекращеніе переписки слѣдующимъ образомъ: «Я прекратилъ переписку съ тобою по причинамъ, хорошо тебѣ извѣстнымъ, да и какая была охота мѣняться такими письмами, каковы были послѣднія. Наши мнѣнія слишкомъ расходятся, къ чему безплодно дразнить другъ друга?»

Во всякомъ случаѣ дѣло еще не доходило до полнаго разрыва, и внѣшнія отношенія оставались дружескими. Лишь въ слѣдующемъ 1864 году произошелъ этотъ разрывъ, и вину его надо сложить на Герцена.

II.

Въ началѣ 1863 г. начали носиться слухи, что Тургеневъ вызывается въ Россію, и что противъ него возбуждено въ сенатѣ дѣло о сношеніяхъ съ Герценомъ. Самъ Тургеневъ сначала не довѣрялъ этимъ слухамъ, и, когда его извѣстилъ объ этомъ Анненковъ, онъ писалъ ему:

«Очень меня удивило, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ, извѣстіе, сообщенное вашимъ письмомъ. Я убѣжденъ, что этотъ слухъ не имѣетъ основанія, потому что онъ слишкомъ нелѣпъ. Вызывать меня теперь (въ сенатъ) послѣ «Отцовъ и Дѣтей», послѣ бранчивыхъ статей молодого поколѣнія, именно теперь, когда я окончательно — чуть не публично — разошелся съ лондонскими изгнанниками, т.-е. съ ихъ образомъ мыслей, — это совершенно непонятный фактъ. Здѣсь мнѣ никто объ этомъ не говорилъ,—никто, начиная съ нашего теперешняго посланника, Будберга, съ которымъ я познакомился въ новый годъ, и кончая прежнимъ посланникомъ, Киселевымъ, у котораго я обѣдалъ надняхъ. Разумѣется, если меня вызовутъ, я немедленно поѣду, смѣшно даже прибавлять— съ спокойною совѣстью; одно мнѣ будетъ непріятно — зимняя поѣздка, которая, при моемъ нездоровьѣ, не представляетъ ничего отраднаго; да и дочь мнѣ здѣсь оставить не совсѣмъ весело... А все-таки я имѣю самонадѣянность думать, что мой образъ мыслей, извѣстенъ и государю и правительственнымъ лицамъ у насъ.

«Неосмотрительнаго же или необдуманнаго поступка, какъ вы пишите, я за собой не знаю; вся моя жизнь, какъ на ладони, и скрывать мнѣ нечего» [1]).

Нѣсколько времени спустя [2]), Тургеневъ сообщаетъ Анненкову, что онъ обратился къ государю съ письмомъ, просилъ прислать ему «вопросные пункты» и обѣщалъ въ письмѣ отвѣтить на нихъ съ «совершеннымъ чистосердечіемъ». «Задача эта,—пишетъ онъ,— будетъ нетрудная, потому что скрывать мнѣ нечего. Я не въ состояніи себѣ представить, въ чемъ собственно меня обвиняютъ. Не могу же я думать, что на меня сердятся за сношенія съ товарищами молодости, которые находятся въ изгнаніи, и съ которыми мы давно и окончательно разошлись въ политическихъ убѣжденіяхъ. Да и какой я политическій человѣкъ? Я — писатель, какъ я это представилъ самому государю, — писатель независимый, но добросовѣстный и умѣренный писатель—и больше ничего. Правительству остается судить, насколько я полезенъ или вреденъ, но должно сознаться, что оно немилостиво поступаетъ съ своимъ

[1]) Письмо отъ 19 января 1863 г. «Вѣстн. Евр.» 1887 г., № 1.
[2]) Ibid. Письмо отъ 6 февр. 1863 г.

«тайнымъ приверженцемъ», какъ вы, помнится, меня называли. Впрочемъ, я совершенно спокоенъ и буду спокойно ждать отвѣта».

Наконецъ, объ этомъ же эпизодѣ Тургеневъ сообщаетъ Герцену [1]) слѣдующее:

«Можешь ты себѣ представить: меня, меня, твоего антагониста, требуютъ въ Россію, съ обычной угрозой конфискаціи и т. д., въ случаѣ неповиновенія. Каково? Я отвѣчалъ письмомъ государю, въ которомъ прошу его велѣть мнѣ выслать вопросные пункты».

Дѣло это тянулось цѣлый годъ. Тургеневу были высланы «допросные пункты», онъ отвѣтилъ на нихъ, но все же оказывалось, что ему необходимо поѣхать въ Россію для личныхъ объясненій. Анненковъ сообщаетъ по этому поводу: «Тургеневъ, наконецъ, явился въ Петербургъ и, какъ надобно было ожидать, дѣло въ сенатѣ весьма недолго задержало его, такъ что онъ могъ весною же снова возвратиться за границу» [2]).

Весной 1864 г. Тургеневъ возвратился изъ Россіи и узналъ, что въ «Колоколѣ» [3]) была помѣщена замѣтка, въ совершенно извращенномъ видѣ представляющая вышеизложенный эпизодъ. Замѣтка отличалась краткостью и вмѣстѣ съ тѣмъ свойственной Герцену язвительностью. Въ «Колоколѣ» было напечатано слѣдующее:

«Корреспондентъ нашъ говоритъ объ одной сѣдовласой Магдалинѣ (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, бѣлыхъ волосъ и зубовъ, мучась, что государь еще не знаетъ о постигнувшемъ ее раскаяніи, въ силу котораго «она прервала всѣ связи съ друзьями юности».

Понятно, какое удручающее впечатлѣніе должна была произвесть эта замѣтка на Тургенева, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ ударъ былъ направленъ дружеской рукой. Дружескія разногласія вылились у Герцена въ форму злостной политической сплетни, и Тургеневъ не могъ простить этого Герцену. Въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1864 г. онъ писалъ Герцену:

«Я долгое время колебался, вернувшись изъ Россіи, писать ли тебѣ по поводу замѣтки «въ Колоколѣ» о «сѣдой Магдалинѣ изъ мужчинъ, у которой отъ раскаянія выпали зубы и волосы» и т. д. Признаюсь, эта замѣтка, явно относившаяся ко мнѣ, огорчила меня. Что Бакунинъ, занявшій у меня деньги, и своей бабьей болтовней и легкомысліемъ поставившій меня въ непріятнѣйшее положеніе (другихъ онъ погубилъ вовсе),—что Бакунинъ, говорю, распространилъ обо мнѣ самыя пошлыя и гадкія клеветы, — это въ порядкѣ вещей, и я, зная его съ давнихъ поръ, другого отъ него не ожи-

---

[1]) Письмо отъ 12 февр. 1863 г.

[2]) «Вѣстн. Евр.» 1887 г., янв., стр. 9—10.

[3]) «Колоколъ» № 177 (25 янв. 1864 г.).

далъ. Но я не полагалъ, что ты точно также пустишь грязью въ человѣка, котораго зналъ чуть не двадцать лѣтъ, потому только, что онъ разошелся съ тобой въ убѣжденіяхъ... Еслибъ я могъ показать тебѣ отвѣтъ, который я написалъ на присланные вопросы, ты бы, вѣроятно, убѣдился, что, ничего не скрывая, я не только не оскорбилъ никого изъ друзей своихъ, но и не думалъ отъ нихъ отрекаться: я бы почелъ это недостойнымъ самого себя. Признаюсь, не безъ нѣкоторой гордости вспоминаю я эти отвѣты, которые, несмотря на тонъ, въ которомъ они написаны, внушили уваженіе и довѣріе ко мнѣ моихъ судей. Что же касается до письма къ государю, которое ты представилъ въ столь гнусномъ видѣ, то вотъ оно:

«Ваше Императорское Величество,

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Уже два раза имѣлъ я счастье обращаться письменно къ вашему величеству [1]), и оба раза мои просьбы были приняты благосклонно; удостойте меня, государь, и на этотъ разъ своего высокаго вниманія.

«Сегодня я получилъ черезъ здѣшнее посольство предписаніе немедленно вернуться въ Россію. Сознаюсь съ полной откровенностью, что не могу объяснить себѣ, чѣмъ я заслужилъ подобный знакъ недовѣрія. Образа мыслей своихъ я никогда не скрывалъ, дѣятельность моя извѣстна всѣмъ, предосудительнаго поступка я за собой не знаю. Я писатель, ваше величество, и больше ничего: вся моя жизнь выразилась въ моихъ произведеніяхъ, меня по нимъ судить должно. Смѣю думать, что всякій, кто только захочетъ обратить на нихъ вниманіе, отдастъ справедливость умѣренности моихъ убѣжденій, вполнѣ независимыхъ, но добросовѣстныхъ. Трудно понять, что въ то самое время, когда вы, государь, обезсмертили свое имя совершеніемъ великаго дѣла правосудія и человѣколюбія, трудно понять, говорю я, какъ можетъ быть подозрѣваемъ писатель, который въ своей скромной сферѣ старался, по мѣрѣ силъ, способствовать тѣмъ высокимъ предначертаніямъ. Состояніе моего здоровья и дѣла, не терпящія отлагательства, не позволяютъ мнѣ вернуться теперь въ Россію; а потому соблаговолите, всемилостивѣйшій государь, приказать выслать мнѣ запросные пункты: обѣщаюсь честнымъ словомъ отвѣчать на каждый изъ нихъ немедленно и съ полною откровенностью. Вѣрьте искренности моихъ словъ, государь; къ вѣрноподданническимъ чувствамъ, которыя мой долгъ заставляетъ меня питать къ особѣ вашего величества, присоединяется личная благодарность».

---

[1]) По дѣлу Огрызко и по собственному (Гоголевскому) дѣлу.

Примѣчаніе И. С. Тургенева.

Приведя текстъ своего письма къ государю, Тургеневъ съ горечью продолжаетъ:

«Да! Государь, который не знаетъ меня вовсе, понялъ, что имѣетъ дѣло съ честнымъ человѣкомъ, и за это моя благодарность къ нему еще увеличилась; а старинные друзья, которые, кажется, могли хорошо меня знать, не усомнились приписать мнѣ подлость и разгласить это печатно. Еслибъ я имѣлъ дѣло съ прежнимъ Герценомъ, я бы не сталъ тебя просить не употреблять моего довѣрія во зло и тотчасъ же уничтожить это письмо; но ты самъ спуталъ мои понятія о тебѣ, и я прошу тебя не надѣлать мнѣ новыхъ непріятностей: довольно и старыхъ».

Въ бумагахъ Герцена сохранилась черновая его отвѣта (отъ 10-го апрѣля 1864 г.) Тургеневу:

«Я тоже долго думалъ,— пишетъ Герценъ,— отвѣчать мнѣ или нѣтъ на твое письмо. И отвѣчаю больше изъ піэтета къ прошедшему, чѣмъ изъ желанія сблизиться въ настоящемъ...

«Въ твой послѣдній пріѣздъ я видѣлъ, что мы разошлись (хотя въ самомъ дѣлѣ мы никогда особенно близки не были)—я отнесъ это долею къ раздраженію, имѣвшему источникомъ неудачный романъ [1]), и остался въ прежнихъ отношеніяхъ. Ты прекратилъ переписку,—чтобъ это было изъ патріотизма, я не вѣрю, потому что у тебя никогда не было неистовыхъ политическихъ страстей... Вскорѣ твое имя явилось въ числѣ подписчиковъ на раненыхъ [2]). Не только дать два золотыхъ, но двѣсти не грѣхъ, но дать **имя** на демонстрацію въ то время, когда ясно обозначился періодъ Каткова—не изъ самыхъ цивическихъ поступковъ; особенно, когда это идетъ отъ человѣка, никогда (кромѣ двухъ недѣль на Isle of Wight) не мѣшавшагося въ политику.

«Что же такого удивительнаго, что я повѣрилъ, что ты письменно отрекался отъ прежнихъ связей, и это тѣмъ больше, что ты это сдѣлалъ на самомъ фактѣ, что въ послѣднемъ письмѣ твоемъ («поправка «Дню») ты прямо говоришь о прекращеніи переписки. Мнѣ говорили, что будто человѣкъ, которому ты **показывалъ** письмо, обратилъ твое вниманіе на эту фразу, но что ты ее оставилъ. Даю тебѣ честное слово, что мнѣ это было сказано, этого ручательства довольно, не могу же я называть именъ. Впрочемъ это было такъ распространено въ Парижѣ, что ты безъ меня доберешься. Если это **выдумка**,—мнѣ жаль нѣсколькихъ словъ напечатанныхъ, но я тебѣ объяснилъ, почему я не имѣлъ права (?!) отвергать этотъ слухъ».

Въ этомъ же письмѣ Герценъ отвѣчаетъ Тургеневу, по поводу его замѣчанія въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, что вліяніе

---

[1]) «Отцы и дѣти». В. Б.

[2]) Русскихъ солдатъ, раненыхъ во время польскаго возстанія. В. Б.

«Колокола» падаетъ въ Россіи. Герценъ даетъ этому своеобразное объясненіе:

«Что насъ оставили такіе вѣчные мастурбаторы идей, искусства, политики и проч., какъ Боткинъ (Василій),—это почти пріятно. Онъ смотритъ на міръ, какъ старики на скабрезныя изображенія и влекутся къ силѣ, какъ все слабое, дряблое. Ты объ немъ много разъ мнѣ говорилъ — и я знаю твое мнѣніе. Этотъ человѣкъ, ругавшій типографію въ началѣ, сдѣлался поклонникомъ ея во время полнаго успѣха. Этотъ патріотъ — со слезами на глазенкахъ — толковалъ о томъ, какъ онъ былъ тронутъ польской депутаціей ко мнѣ, которую онъ случайно засталъ въ Парижѣ.

«Желаю отъ души,—заканчиваетъ Герценъ свое письмо,—чтобъ ты сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ—независимымъ писателемъ и вовсе не тенденціознымъ, а просто писателемъ».

Послѣ этого письма Герцена переписка двухъ друзей прекращается, и разрывъ этотъ тянется почти три года (съ апрѣля 1864 г. до мая 1867 г.).

Можетъ быть, не безъ вліянія на отношенія Герцена и Тургенева остался и отзывъ Герцена объ «Отцахъ и Дѣтяхъ», напечатанный почти одновременно съ вышеприведеннымъ письмомъ Герцена (№ 181 «Колоколъ» отъ 15-го марта 1864 г.).

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» была напечатана замѣтка, въ которой между прочимъ говорилось:

«Г. Тургеневъ, желая выразить, до какой уродливости можетъ доходить эмансипація дѣвушки, вывелъ въ своемъ романѣ «Отцы и Дѣти» нѣкую Кукшину, занятую въ Гейдельбергѣ эмбріологіей. Онъ думалъ, что этимъ поразитъ на голову несвойственныя женщинамъ занятія. И однакожъ онъ рѣшительно не достигъ цѣли, сколько можемъ судить по существующимъ и процвѣтающимъ у насъ Кукшинымъ».

Герценъ, процитировавъ вышеприведенное мѣсто, пишетъ:

«Не смѣю сомнѣваться въ словахъ ученаго критика, но признаюсь откровенно—онъ не убѣдилъ меня. Я читалъ все, что писалъ Тургеневъ, не только хорошее, но и *дурное*. Тургеневъ очень умный человѣкъ, у него бездна образованія, такта и вкуса, какъ же я повѣрю, что онъ «думалъ Кукшиной поразить на голову *несвойственныя* занятія женщинъ», понимая подъ ними *физіологію*? Не вѣрю, да и только. Лицо Кукшиной вообще неудачно и *пошло*... Тургеневъ слабъ и даже плохъ тамъ, гдѣ онъ, насилуя свой талантъ, пишетъ на заданную политическую и полемическую тему; онъ впадаетъ въ шаржъ, и Кукшина такъ же не типъ, а карикатура, какъ «князь Луповицкій» Константина Аксакова. Особеннаго вреда въ этихъ *паясничествахъ* нѣтъ; назначаемыя для потѣхи извѣстнаго райка, намалеванныя яркими красками, иногда избалованной кистью зазнавшагося мастера, иногда памфлетистомъ

для того, чтобы пріударить противниковъ, они не имѣютъ серіознаго значенія и тѣмъ паче такого значенія, какъ господинъ критикъ приписалъ Тургеневу».

Этотъ небрежно-безапелляціонный отзывъ Герцена объ «Отцахъ и Дѣтяхъ» долженъ былъ уколоть Тургенева, въ особенности, если принять во вниманіе, что уже прошло два года со времени напечатанія романа, и Герценъ, не обмолвившись за все это время ни однимъ словомъ въ «Колоколѣ» о романѣ, счелъ нужнымъ и возможнымъ сдѣлать приведенный выше пренебрежительный отзывъ, какъ разъ тогда, когда между нимъ и Тургеневымъ пробѣжала черная кошка.

Какъ бы то ни было, послѣ приведеннаго выше письма Герцена переписка двухъ друзей прекращается, и разрывъ этотъ тянется почти три года (съ апрѣля 1864 г. до марта 1867 г.). Герценъ въ 1865 году былъ въ Парижѣ, но не видался съ Тургеневымъ, насколько можно судить по письму Тургенева къ Анненкову (отъ 12-го февраля 1865 г.)[1], въ которомъ слышится еще не утихшее раздраженіе:

«Я съ вами согласенъ,—пишетъ Тургеневъ,—дѣйствительно плохо писателю долго не видать своего отечества, но въ такомъ случаѣ есть одно вѣрное средство не провираться, а именно: молчать. Редакторъ упомянутой вами газеты, которая не молчитъ, находится здѣсь, но я не встрѣчался съ нимъ».

III.

Въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1867 годъ появился новый романъ Тургенева «Дымъ», въ которомъ онъ, съ одной стороны, въ лицѣ выведеннаго имъ западника Потугина, очень энергично напалъ на славянофиловъ, а, съ другой стороны, изображая кружокъ Губарева, вывелъ на свѣжую воду ту часть псевдо-прогрессивной молодежи, которая въ сущности представляла нездоровую накипь движенія 60-хъ годовъ и принесла дѣлу прогресса больше вреда, чѣмъ самые его ожесточенные враги.

Почти одновременно съ появленіемъ «Дыма» въ «Колоколѣ» были напечатаны двѣ замѣтки, относящіяся къ нему.

Первая изъ этихъ замѣтокъ, озаглавленная «Omne exit in fumo»[2], гласитъ слѣдующее:

«Нашъ дорогой гость И. С. Тургеневъ,—говорятъ «Московскія Вѣдомости»,—будетъ читать въ пользу галичанъ отрывокъ изъ своего «Дыма».

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1887 г., февраль, стр. 464.

[2]) «Колоколъ», № 239, 15 апр. 1867 г.

«Мы увѣрены, что И. С. Тургеневъ будетъ протестовать противъ титула «дорогого гостя» «Московскихъ Вѣдомостей». Его благородная и энергичная оцѣнка полицейской редакціи этого органа служитъ намъ залогомъ.

«Поздравляемъ знаменитаго «Охотника»,—продолжалъ Герценъ,—съ началомъ политической дѣятельности: агитація въ пользу Галицкаго возстанія, мы надѣемся, будетъ успѣшнѣе болгарской, и отъ души желаемъ, чтобъ, несмотря на отрывки «Дыма», она не кончилась, какъ Болгарская и Травіата—кашлемъ [1]), а здоровой грудью пошла бы впередъ».

Въ слѣдующемъ № «Колокола» [2]) появилась и вторая довольно ядовитая замѣтка:

«Новый романъ Тургенева,—пишетъ Герценъ,—«Дымъ» пріобрѣтенъ, говоритъ «Вѣсть», «Русскимъ Вѣстникомъ» за пять тысячъ рублей. Вотъ и награда Тургеневу за «Дымъ», а Каткову за то, что его чадъ доносительства проходитъ».

Несмотря на очевидную иронію вышеприведенныхъ замѣтокъ, Тургеневъ, жившій тогда въ Баденъ-Баденѣ, послалъ Герцену экземпляръ «Дыма» вмѣстѣ съ слѣдующимъ письмомъ [3]), служившимъ въ сущности отвѣтомъ на старое письмо Герцена, которое мы привели въ предыдущей главѣ [4]).

«Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ,—ты навѣрное удивишься, а, пожалуй, и вознегодуешь, получивъ отъ меня письмо. Но «alea jacta est», какъ говаривалъ безстыдный старецъ Ламартинъ. Мнѣ вздумалось послать тебѣ экземпляръ моего новаго произведенія да кстати сказать тебѣ два слова.

«Хотя ты совершенно справедливо замѣтилъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ, что мы никогда очень близки другъ къ другу не были, однако и особеннаго отчужденія между нами не произошло, такъ какъ великія вины мои до сихъ поръ ограничились (дай Богъ памяти!) тремя фактами:

«1) Мое имя было выставлено въ числѣ лицъ, подписавшихся въ пользу раненыхъ во время польской войны;

«2) Я не узналъ тебя, встрѣтившись съ тобою въ Парижѣ на улицѣ;

«и 3) «Московскія Вѣдомости» назвали меня «дорогимъ гостемъ».

«Больше ничего, при всѣхъ усиліяхъ, я пока припомнить не могу; ибо то, въ чемъ упрекаетъ меня республиканецъ князь Долгоруковъ, а именно: что я ему не отдалъ визита и, будто бы, умолялъ о спасеніи на горящемъ пароходѣ,—не можетъ, кажется, причитаться мнѣ въ политическій грѣхъ.

---

[1]) Намекъ на «Наканунѣ».

[2]) «Колоколъ», № 240, 1 мая 1867 г.

[3]) Отъ 17 мая 1867 г.

[4]) Отъ 10 апр. 1864 г.

«И такъ посылаю тебѣ свое новое произведеніе. Сколько мнѣ извѣстно, оно возстановило противъ меня въ Россіи людей религіозныхъ, придворныхъ, славянофиловъ и патріотовъ. Ты не религіозный человѣкъ и не придворный; но ты славянофилъ и патріотъ и, пожалуй, прогнѣваешься тоже; да, сверхъ того, и Гейдельбергскія арабески [1]) тебѣ, вѣроятно, не понравятся,—какъ бы то ни было, дѣло сдѣлано. Одно меня нѣсколько ободряетъ: вѣдь и тебя партія молодыхъ рефюжье пожаловала въ отсталые и въ реаки: разстояніе между нами и поуменьшилось. Если ты меня не считаешь пришедшимъ въ такое положеніе, что и переписываться со мною нельзя, то погроми меня или поперсифлируй, а главное, увѣдомь о себѣ и о твоемъ семействѣ: это меня интересуетъ. Если же сообщенія со мною ты считаешь невозможными, то прими отъ меня прощальный поклонъ и искреннее пожеланіе всего хорошаго и «наслажденій ею, сей легкой жизнью» и т. д.»

Тургеневъ былъ правъ, ожидая, что Герцену не понравятся его «Гейдельбергскія арабески». Дѣйствительно, въ 241 № «Колокола» появилась слѣдующая замѣтка Герцена о Тургеневскомъ «Дымѣ»:

«Отцы сдѣлались дѣдами... а дѣды болтаютъ себѣ, болтаютъ безъ конца и связи... да кальянъ покуриваютъ, а продымленную воду сливаютъ Каткову въ передникъ. Экой этотъ Иванъ Сергѣевичъ—лучшій, сказалъ бы я, изъ всѣхъ Иванъ Сергѣевичей въ мірѣ, еслибъ не боялся обидѣть Аксакова. И нужно ему этакіе дымы кольцами пускать. Вѣдь надѣлила же его природа всякими талантами—умѣетъ объ охотѣ писать, умѣетъ перомъ стрѣлять по всякимъ глухимъ тетеревамъ и куропаткамъ, живущимъ въ «Дворянскихъ Гнѣздахъ» да «Затишьяхъ». Нѣтъ, хочу, говоритъ, быть публицистомъ—ѣдкимъ, злымъ, желчнымъ, а самъ добрѣйшая душа, ни желчи, ни злобы, ни разъѣдающихъ «костиковъ», ничего такого. Но нельзя же взять совсѣмъ безличные и не очень новые мѣха, да въ нихъ налить продымленную воду, назвать ихъ Натугинымъ или Потугинымъ, заставить постоянно сочиться, какъ каучуковую грушу, и выдавать ихъ за живыхъ людей, да еще будто за такихъ, которые въ министерствѣ финансовъ служили и отличья получили... Читаешь, читаешь, что несетъ этотъ Натугинъ, да такъ и помянешь Кузьму Пруткова — «увидишь фонтанъ — заткни и фонтанъ, дай отдохнуть и водѣ...», особенно продымленной.

«Представьте себѣ эту куклу, постоянно говорящую не о томъ, о чемъ съ ней говорятъ: возлѣ нея поврежденный малый, безъ живота отъ любви, безпрестанно мечется въ траву, а кукла его донимаетъ слѣдующими сентенціями, напоминающими сковороду, да и то не ту, на которой варятъ блины, а малороссійскаго философа:

---

[1]) Тургеневъ подразумѣваетъ описаніе Губаревскаго кружка въ Гейдельбергѣ.

«Толковали мы съ однимъ изъ нашихъ нынѣшнихъ «вьюношей» о различныхъ, какъ они выражаются, вопросахъ. Ну-съ, гнѣвался онъ очень, какъ водится; бракъ, между прочимъ, отрицалъ съ истинно-дѣтскимъ ожесточеніемъ. Представлялъ я ему такіе резоны, сякіе... какъ объ стѣну! Вижу: подъѣхать ни съ какой стороны невозможно. И блесни мнѣ тутъ счастливая мысль! Позвольте доложить вамъ,—началъ я, съ «вьюношами» надо говорить почтительно,—я вамъ, милостивый государь, удивляюсь; вы занимаетесь естественными науками, и до сихъ поръ не обратили вниманія на тотъ фактъ, что всѣ плотоядныя и хищныя животныя, звѣри, птицы, всѣ тѣ, кому нужно отправляться на добычу, трудиться надъ доставленіемъ живой пищи и себѣ и своимъ дѣтямъ... а вы вѣдь человѣка причисляете къ разряду подобныхъ животныхъ?

— «Конечно причисляю,—подхватилъ «вьюноша»:—человѣкъ вообще не что иное, какъ животное плотоядное.—И хищное,—прибавилъ я.—И хищное,—подтвердилъ онъ.—Прекрасно сказано,—продолжалъ я.—Такъ вотъ я и удивляюсь тому, какъ вы не замѣтили, что всѣ подобныя животныя пребываютъ въ единобрачіи? Вьюноша дрогнулъ.—Какъ такъ?

— «Да такъ же. Вспомните льва, волка, лисицу, ястреба, коршуна; да и какъ же имъ поступать иначе, соблаговолите сообразить? И вдвоемъ-то дѣтей едва выкормишь. Задумался мой вьюноша.

— «Ну,—говоритъ,—въ этомъ случаѣ звѣрь человѣку не указъ.— Тутъ я обозвалъ его идеалистомъ, и ужъ огорчился же онъ! Чуть не заплакалъ. Я долженъ былъ его успокоить и обѣщать ему, что не выдамъ товарищамъ...

— «Но вы, кажется, не слушаете меня?—сказалъ Потугинъ».

«Увидишь фонтанъ—заткни и фонтанъ!

«Да и какъ же идти министерству финансовъ, когда тамъ служатъ люди съ такой потугой! Довольно, что и поэтъ Бенедиктовъ былъ по контрольной части».

Герценъ писалъ по поводу этого письма Бакунину [1]) о своемъ примиреніи съ Тургеневымъ: «Тургеневъ мнѣ писалъ mit Zärtlichkeit (съ нѣжностью) я отвѣтилъ mit Gemütlichkeit (съ благодушіемъ)—и это несмотря на злой отзывъ съ моей стороны о «Дымѣ».

То мѣсто вышеприведеннаго письма Тургенева, въ которомъ онъ говоритъ, что «молодые рефюжье пожаловали Герцена въ «отсталые и реаки», требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Дѣло въ томъ, что къ этому времени между Герценомъ и такъ называемой «молодой эмиграціей» образовались очень рѣзкія отношенія. Показателемъ этихъ отношеній со стороны «молодыхъ

[1]) Отъ 30 мая 1867 г.

рефюжье» можетъ служить брошюра Серно-Соловьевича «Unsere Russischen Angelegenheiten» (Наши русскія дѣла) [1]). Брошюра эта—открытое письмо къ Герцену — упрекаетъ Герцена въ риторствѣ, въ противорѣчіи между словомъ и жизнью и неоднократно ставитъ на видъ Герцену то обстоятельство, что онъ... пьетъ шампанское!

Какъ относился самъ Герценъ къ «молодымъ рефюжье» и какое впечатлѣніе производили на него эти новоявленные публицисты, пришедшіе смѣнить его и Огарева, можно судить по слѣдующей характеристикѣ молодой эмиграціи, сдѣланной Герценомъ:

«Заносчивые юноши эти,—писалъ Герценъ, — заслуживаютъ изученія, потому что они выражаютъ временный типъ, очень опредѣленно вышедшій, очень часто повторявшійся, переходную форму болѣзни нашего развитія изъ прежняго застоя.

«Большею частью они не имѣли той выправки, которую даетъ воспитаніе, и той выдержки, которая пріобрѣтается научными занятіями. Они торопились въ первомъ задорѣ освобожденія сбросить съ себя всѣ условныя формы и оттолкнуть всѣ каучуковыя подушки, мѣшающія жесткимъ столкновеніямъ. Это затрудняло всѣ простѣйшія отношенія съ ними.

«Снимая все до послѣдняго клочка, наши enfants terribles гордо являлись какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебелыми парными, а наслѣдниками дурной и нездоровой жизни низшихъ петербургскихъ слоевъ. Вмѣсто атлетическихъ мышцъ и юной наготы, обнаружились печальные слѣды наслѣдственнаго худосочія, слѣды застарѣлыхъ язвъ и разнаго рода колодокъ и ошейниковъ. Изъ народа было мало выходцевъ между ними. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, перегнувшись въ противоположное, сохранились въ крови и мозгѣ, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. На это, сколько мнѣ извѣстно, не обращали должнаго вниманія.

«Съ одной стороны реакція противъ стараго, узкаго, давившаго міра должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всяческое отрицаніе враждебной среды: тутъ нечего искать ни мѣры, ни справедливости. Напротивъ, тутъ дѣлается на зло, тутъ дѣлается въ отместку. Вы—лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ злодѣями; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь, не уважая, мы будемъ толкаться, не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ point d'honneur'овъ.

«Но съ другой стороны эта отрѣшенная отъ обыкновенныхъ

[1]) Помѣченная 9 марта 1867 г.

формъ общежительства личность была полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасывая съ себя, какъ мы сказали, всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ Гоголевскаго помѣщика Пѣтуха, и при томъ не сохраняя позы Венеры Медицiйской. Нагота не скрыла, а раскрыла—кто они. Она раскрыла, что мы—систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣетъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина, и очень много съ пріемами подьяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ такъ же мало счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мурмолкахъ. Для него они остались чужимъ, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, исхудалыми баричами, стрикулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ.

«Для полной свободы надобно забыть свое освобожденіе и то, изъ чего освободились, бросить привычки среды, изъ которой выросли. Пока этого не сдѣлано, мы невольно узнаемъ переднюю, казарму, канцелярію и семинарію по каждому ихъ движенію и по каждому слову.

«Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть Стюарта Милля ракальей, забывая всю службу его [1])—развѣ это не барская замашка, которыя «стараго Гаврилу за измятое жабо хлещетъ въ усъ да въ рыло». Развѣ въ этой и подобныхъ выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, становаго, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не ясно видите дерзость офицерщины временъ Николая I и въ позахъ, говорящихъ свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ,—внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго «дать фельдфебеля въ Вольтеры»?

«Самая проказа взятокъ уцѣлѣла въ домогательствѣ денегъ нахрапомъ, съ пристрастіемъ и угрозами, подъ предлогомъ общихъ дѣлъ, въ поползновеніи кормиться на счетъ службы и мстить кляузами и клеветами за отказъ.

«Все это переработается и перемелется, — заканчиваетъ Герценъ,—но... много дренажа требуютъ наши черноземы!..»

Еще болѣе рѣзко отозвался Герценъ объ этихъ представителяхъ тогдашней эмиграціи въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Бакунину [2]). «Страшно,—писалъ Герценъ,—что большинство молодежи такое, и что мы всѣ помогали ему такимъ быть... Тутъ всплыли на пустомъ мѣстѣ—халатъ, офицеръ, писецъ, попъ и мелкій помѣщикъ въ нигилистическомъ костюмѣ. Это—невѣжды, на которыхъ Катковъ,

---

[1]) Намекъ на статью Н. Соколова (сдѣлавшагося впослѣдствіи эмигрантомъ) въ «Русск. Словѣ», гдѣ Д. С. Милль именовался ракальей.

[2]) Отъ 30-го мая 1867 г.

Аксаковъ, Погодинъ etc. указываютъ пальцами. Это—люди, которые обратили на меня втрое больше ненависти, чѣмъ на Скарятина [1]). Ты и Огаревъ, вы этихъ скорпіоновъ откармливали млекомъ своимъ».

Бакунинъ, конечно, не сошелся съ Герценомъ въ оцѣнкѣ тогдашней эмиграціонной молодежи, находя, что Герценъ внесъ въ эту оцѣнку много личнаго раздраженія.

Сообщеніе Герцена о его примиреніи съ Тургеневымъ вызвало въ Бакунинѣ лишь подозрительный вопросъ: «Уже не потому ли Тургеневъ,—писалъ Бакунинъ Герцену,—дерзнулъ обратиться къ тебѣ съ Zärtlichkeit, что пронюхалъ твои раздоры съ молодымъ поколѣніемъ, послѣ разрыва съ которымъ онъ самъ одряхлѣлъ и изсякъ безвозвратно,—и не подумалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, что, такъ какъ одинаковыя причины производятъ одинаковыя дѣйствія, ты и онъ будете стоять отнынѣ на одномъ полѣ?»

Герценъ тѣмъ не менѣе немедленно [2]) отвѣтилъ Тургеневу, и такимъ образомъ между ними возстановились прежнія отношенія. Въ своемъ отвѣтѣ Герценъ, между прочимъ, освѣдомлялся, не «осерчалъ» ли на него Тургеневъ за отзывъ о «Дымѣ» [3]), находилъ, что одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа, западникъ Потугинъ, говоритъ черезчуръ много, и что половину его рѣчей слѣдовало бы выкинуть, а также пенялъ Тургеневу, что онъ печатается въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Тургеневъ подробно отвѣтилъ Герцену на всѣ указанные пункты [4]).

«Я послалъ тебѣ,—писалъ Тургеневъ,—мою повѣсть по прочтеніи твоей замѣтки въ «Колоколѣ», любезный Александръ Ивановичъ: изъ этого ты можешь видѣть, какъ мало я осерчалъ.

...«Единственная вещь, которая меня самого грызетъ, это—мои отношенія съ Катковымъ, какъ они ни поверхностны. Но я могу сказать слѣдующее: помѣщаю я свои вещи не въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»,—этакой бѣды со мной, надѣюсь, никогда не случится, а въ «Русскомъ Вѣстникѣ», который—не что иное, какъ сборникъ, и никакого политическаго колорита не имѣетъ, а въ теперешнее время «Русскій Вѣстникъ» есть единственный журналъ, который читается публикой и который платитъ. Не скрываю отъ тебя, что это извиненіе не совсѣмъ на ногахъ, но другого у меня нѣтъ. «Отечественныя Записки»—единственный соперникъ «Русскаго Вѣстника»—и половины денегъ дать не можетъ. А мнѣніе мое о «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и объ ихъ редакторѣ остается то же самое, которое я высказывалъ Авдѣеву.

---

[1]) Редактора «Вѣсти».
[2]) 20 мая 1867 г.
[3]) №№ 239—240 «Колокола».
[4]) 22 мая 1867 г.

«Тебѣ наскучилъ Потугинъ, и ты сожалѣешь, что я не выкинулъ половины его рѣчей. Но представь: я нахожу, что онъ еще не достаточно говоритъ, и въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня всеобщая ярость, которую возбудило противъ меня это лицо. Іосифъ II говорилъ Моцарту, что въ его операхъ слишкомъ много нотъ.— «Keine zu viel», — отвѣчалъ тотъ. Я — не Моцартъ, еще гораздо меньше, чѣмъ ты не Іосифъ II, но и я осмѣлюсь думать, что тутъ «Kein Wort zu viel». То, что за границей избито, какъ общее мѣсто, у насъ можетъ приводить въ бѣшенство своей новизной.

«Подъ гейдельбергскими арабесками я разумѣю сцены у Губарева».

Въ письмѣ, написанномъ день спустя [1]), Тургеневъ прибавляетъ по поводу «Дыма»:

«Критику «Голоса» я читалъ и, кромѣ того, знаю, что меня ругаютъ всѣ—и красные, и бѣлые, и сверху, и снизу, и сбоку—особенно сбоку. Даже негодующіе стихи появились. Но я что-то не конфужусь, и не потому, что воображаю себя непогрѣшимымъ, а такъ какъ-то—словно съ гуся вода. Представь себѣ, я даже радуюсь, что мой ограниченный западникъ Потугинъ появился въ самое время этой всеславянской пляски съ присядкой, гдѣ Погодинъ такъ лихо вывертываетъ па съ гармоникой [2]).

«Такъ какъ первый экземпляръ «Дыма» до тебя не дошелъ, то я хочу попытаться снова и посылаю тебѣ экземпляръ отдѣльнаго московскаго изданія, въ которомъ возстановлены всѣ пропуски Катковской цензуры. Сама книга тебѣ, разумѣется, не понравится, но на 97-й страницѣ находится біографія генерала Ратмирова, которая, быть можетъ, заставитъ тебя улыбнуться».

Говоря, что «Дымъ» Герцену «не понравится», Тургеневъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду своего западника Потугина, въ рѣчахъ котораго о значеніи европейской цивилизаціи и о вредѣ «къ чистой и ясной европейской логикѣ прицѣплять доморощенный хвостикъ», о стремленіи русскихъ, наряду съ презрѣніемъ къ Западу, «познать старый стоптанный башмакъ, давнымъ давно свалившійся съ ноги Сенъ-Симона или Фурье и, почтительно возложивъ его на голову, носиться съ нимъ, какъ съ святыней», и въ т. п. выходкахъ Потугина читатели найдутъ много общаго съ мыслями самого Тургенева, выраженными въ приведенныхъ выше письмахъ его къ Герцену, посвященныхъ критикѣ славянофильства.

---

[1]) 23 мая 1867 г.

[2]) Тургеневъ имѣлъ въ виду «Славянскій съѣздъ» во время московской выставки 1867 г.

IV.

Съ января 1868 г. Герценъ началъ издавать «Колоколъ» на французскомъ языкѣ и въ статьѣ «Prolegomenes» объяснилъ цѣль и задачи новаго изданія—ознакомленіе Западной Европы съ подлинной Россіей, не официальной, а Россіей общинной, артельной, долженствующей прійти на смѣну «старому міру».

Герценъ послалъ въ декабрѣ 1867 г. корректурные листы французскаго «Колокола» Тургеневу, и у нихъ снова завязался споръ на старую тему.

«Любезный Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ [1],—я получилъ и прочиталъ твой французскій «Колоколъ». Спасибо за память. Что касается до самой твоей статьи, то вѣдь это между нами старый споръ; по моему понятію, ни Европа не такъ стара, ни Россія не такъ молода, какъ ты ихъ представляешь: мы сидимъ въ одномъ мѣшкѣ, и никакого за нами «спеціально новаго» снова не предвидится. Но дай Богъ тебѣ прожить сто лѣтъ, и ты умрешь послѣднимъ славянофиломъ и будешь писать статьи умныя, забавныя, парадоксальныя, глубокія, которыхъ нельзя будетъ не дочитать до конца. Сожалѣю я только о томъ, что ты почелъ нужнымъ нарядиться въ платье, не совсѣмъ тебѣ подходящее. Вѣрь мнѣ, или не вѣрь, какъ угодно, но для такъ называемаго воздѣйствія на европейскую публику всѣ твои статьи безполезны...

«Явись, напримѣръ, великій русскій живописецъ, его картина будетъ лучшей пропагандой, чѣмъ тысячи разсужденій о способностяхъ нашего племени къ искусству. Люди вообще—порода грубая и нисколько не нуждающаяся ни въ справедливости, ни въ безпристрастіи, а ударь ихъ по глазамъ или по карману... Это другое дѣло. Но, впрочемъ, я, можетъ быть, ошибаюсь, а ты правъ: посмотримъ. Во всякомъ случаѣ моментъ едва ли хорошо выбранъ: теперь дѣйствительно поставленъ вопросъ о томъ, кому одолѣть: наукѣ или религіи? Съ какой тутъ стати Россія?»

Къ тому же вопросу Тургеневъ возвращается [2]) по поводу присланнаго ему Герценомъ сочиненія Герцена-сына (Александра Александровича, бывшаго тогда профессоромъ во Флоренціи), посвященнаго вопросу о «Физіологіи воли».

«Любезный Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ,—во-первыхъ, спасибо за отвѣтъ, а, во-вторыхъ, за брошюру твоего сына, которую я прочелъ съ великимъ удовольствіемъ: ясно, дѣльно, интересно. И представь себѣ, что вычиталъ изъ нея самое сильное тебѣ опроверженіе: сынъ твой, какъ человѣкъ положительный и

---

[1]) Отъ 12 декабря 1867 г.

[2]) Письмо отъ 25-го декабря 1867 г.

практическій, вѣритъ только въ науку, то-есть разсчитываетъ только на нее; а ты, романтикъ и художникъ... вѣришь въ народъ, въ особую породу людей, въ извѣстную расу... И все это по милости придуманныхъ господами и навязанныхъ этому народу совершенно чуждыхъ ему демократическихъ соціальныхъ тенденцій въ родѣ «общины» и «артели». Отъ общины Россія не знаетъ, какъ отчураться, а что до артели — я никогда не забуду выраженія лица, съ которымъ мнѣ сказалъ въ нынѣшнемъ году одинъ мѣщанинъ: «кто артели не знавалъ, не знаетъ петли». Не дай Богъ, чтобы безчеловѣчно эксплуататорскія начала, на которыхъ дѣйствуютъ наши артели, когда нибудь примѣнились въ болѣе широкихъ размѣрахъ! «Намъ въ артель его не надыть: человѣкъ онъ хоша не воръ,—безденежный и поручителевъ за себя не имѣетъ, да и здоровьемъ не надеженъ, — на кой его намъ лядъ!» Эти слова можно услыхать сплошь и рядомъ: далеко, какъ изволишь видѣть, до fraternité или хоть до Шульце-Деличевской ассоціаціи! Ты указываешь мнѣ на Петра, и говоришь—смотри: «Петръ-то умираетъ, едва дышитъ»; согласенъ, — да развѣ изъ этого слѣдуетъ, что Иванъ здоровъ? Особенно, если принять въ соображеніе, что Иванъ точно такой же комплекціи, какъ Петръ, и тою же болѣзнью боленъ. Нѣтъ братъ, какъ ни вертись, а старикъ Гете правъ: der Mensch (der Europäische Mensch) ist nicht geboren frei zu sein. Почему? Это вопросъ физіологическій, а общество рабовъ съ подраздѣленіемъ на классы попадается на каждомъ шагу въ природѣ (пчелы и т. д.)— и изо всѣхъ европейскихъ народовъ именно русскій менѣе всѣхъ другихъ нуждается въ свободѣ. Русскій человѣкъ, самому себѣ предоставленный, неминуемо выростаетъ въ старообрядца— вотъ куда его гнётъ, его прётъ, а вы сами лично достаточно обожглись на этомъ вопросѣ, чтобы не знать, какая тамъ глушь и темь и тиранія. Что же дѣлать? Я отвѣчаю, какъ Скрибъ: prenez mon ours — возьмите науку, а то, пожалуй, дойдешь до того, что будешь, какъ Иванъ Сергѣичъ Аксаковъ, рекомендовать Европѣ для совершеннаго исцѣленія обратиться въ православіе. Вѣра въ народность—есть тоже своего рода религія, а ты—непослѣдовательный славянофилъ, чему я лично, впрочемъ, очень радъ.

«И выходитъ, что мы оба удивляемся, каждый про себя, какъ это другой не видитъ того, что кажется такъ ясно! Но это не мѣшаетъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, искренно любить тебя».

Предсказанія Тургенева о безполезности французскаго «Колокола» въ смыслѣ воздѣйствія на европейскую публику оказались вполнѣ справедливыми. Французскій «Колоколъ» успѣха не имѣлъ, и въ № 14—15 [1]) этого изданія было помѣщено письмо Герцена къ Огареву о прекращеніи изданія. Письмо это было заглавлено:

[1]) 1-го декабря 1868 года.

«Adieux de Fontainebleau». Тургеневъ писалъ по этому поводу Герцену [1]):

«Я прочелъ твои «Adieux de Fontainebleau» въ Колоколѣ. Я всегда сожалѣлъ о томъ, что ты не кончилъ разомъ, а какъ Рейнъ, разбивающійся на множество мелкихъ ручьевъ при впаденіи въ море; и особенно мнѣ было досадно, что ты могъ вообразить, будто французамъ нужно знать о чемъ бы то ни было, не говоря уже о Россіи! Ваши дѣла и мы сами отнесены въ прошедшее: хоть бы тамъ остаться на время!»

Герценъ въ это время собирался отправиться въ Германію, но высказывалъ опасеніе насчетъ безопасности такой поѣздки. Тургеневъ успокоивалъ его:

«Не предвижу, — писалъ онъ [2]), — никакого затрудненія твоему вояжу въ Германію; я увѣренъ, что никому въ голову не придетъ тебя безпокоить. Если на возвратномъ пути изъ Карлсбада тебѣ бы вздумалось завернуть въ Баденъ, я надѣюсь, ты у меня остановишься, и я могу тебя посадить на самое то кресло, на которомъ возсѣдала прусская королева. Оно мягкое, ничего!»

Зимой 1869 года у Герцена тяжело заболѣла старшая дочь, пользовавшаяся большой симпатіей Тургенева. Онъ писалъ Герцену [3]), справляясь о ея здоровьѣ: «Пишу тебѣ въ надеждѣ, что ты сообщишь мнѣ болѣе благопріятныя извѣстія... Образъ ея остался въ моей памяти такимъ свѣтлымъ и прекраснымъ, что я не могу вѣрить, чтобы облако, набѣжавшее на него, не разсѣялось тотчасъ и навсегда. Искренно сочувствую тебѣ: какіе уже ты выдержалъ удары, а новые, еще болѣе жестокіе, падаютъ на тебя!»

Дочь Герцена вскорѣ оправилась, но самъ Герценъ, потрясенный ея болѣзнью и вообще тосковавшій за отсутствіемъ привычной его энергичной натурѣ живой дѣятельности, вскорѣ по переселеніи въ Парижъ, захворалъ. Отношенія его съ Тургеневымъ до самой смерти оставались дружескими, и Тургеневъ за три дня до смерти Герцена навѣстилъ его и очень оживленно разговаривалъ съ нимъ [4]).

20-го января 1870 г. Герценъ скончался.

Если Герценъ до конца дней своихъ остался непоколебимымъ въ своемъ славянофильствѣ, за то онъ сдѣлалъ крупный шагъ по направленію къ «постепеновцу» Тургеневу въ другомъ отношеніи. Въ немъ поколебалась вѣра въ революцію, какъ единственный путь развитія, и въ соціализмъ, какъ единственное разрѣшеніе глубокихъ противорѣчій современнаго строя.

Въ письмахъ къ старому товарищу (Бакунину) [5]) онъ писалъ:

---

[1]) 11-го марта 1869 г.
[2]) Ibid.
[3]) 25-го ноября 1868 г.
[4]) См. «Болѣзнь и кончина Герцена» Н. А. Тучковой-Огаревой, «Сѣв. Вѣстн.».
[5]) Помѣчены: «январь-августъ 1869 г.».

...«Мы видѣли грозный примѣръ кроваваго возстанія, въ минуту отчаянія и гнѣва сошедшаго на площадь и спохватившагося на баррикадахъ, что у него нѣтъ знамени. Сплоченный въ одну дружину, міръ консервативный побилъ его, вслѣдствіе этого было то ретроградное движеніе, котораго слѣдовало ожидать. Но что было бы, если бъ побѣда стала на сторону баррикадъ? Въ двадцать лѣтъ [1]) грозные бойцы высказали ли все, что у нихъ было за душой? Ни одной построяющей органической мысли мы не находимъ въ ихъ завѣтѣ, а вѣдь экономическіе промахи, не косвенно, какъ политическіе, а прямо и глубже ведутъ къ разоренію, къ застою, къ голодной смерти».

...«Общее постановленіе задачи (соціализма) не даетъ ни путей, ни средствъ, ни даже достаточной среды. Насиліемъ ихъ не завоюешь. Подорванный порохомъ весь міръ буржуазный, когда уляжется дымъ и расчистятъ развалины, снова начнетъ съ разными измѣненіями--какой нибудь буржуазный міръ... Ни одна основа изъ тѣхъ, на которыхъ покоится современный порядокъ, изъ тѣхъ, которыя должны рухнуть и пересоздаться, не настолько почата и расшатана, чтобъ ее достаточно было вырвать силой, чтобъ исключить изъ жизни. Государство, церковь, войско отрицаются точно такъ же логически, какъ метафизика и проч. Въ извѣстной научной сферѣ онѣ осуждены, но внѣ ея академическихъ стѣнъ онѣ владѣютъ всѣми нравственными силами.

«Пусть каждый добросовѣстный человѣкъ самъ себя спроситъ: готовъ ли онъ? Такъ ли ясна для него новая организація, къ которой мы идемъ, какъ общіе идеалы коллективной собственности, солидарности, и знаетъ ли онъ процессъ (кромѣ простого ломанья), которымъ должно совершиться превращеніе въ нее старыхъ формъ? И пусть, если онъ лично доволенъ собой, пусть скажетъ: готова ли та среда, которая по положенію должна первая ринуться въ дѣло?

«Противъ ложныхъ догматовъ, противъ вѣрованій, какъ бы они ни были безумны, однимъ отрицаніемъ, какъ бы оно ни было умно, бороться нельзя. Сказать: «не вѣрь!» такъ же авторитетно и въ сущности нелѣпо, какъ и сказать: «вѣрь?» Старый порядокъ вещей крѣпче признаніемъ его, чѣмъ матеріальной силой, его поддерживающей.

... «Я нисколько не боюсь слова «постепенность», опошленнаго шаткостью и невѣрнымъ шагомъ разныхъ реформирующихъ властей. Постепенность такъ, какъ непрерывность, не отъемлемы всякому процессу разумѣнія. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводы, мысли о соціологіи могутъ прививаться, какъ оспа, или вливаться въ мозги такъ, какъ вливаютъ лошадямъ сразу лѣкарство въ ротъ?»

---

[1]) Со времени 1848 года.

...«Мы знаемъ, что значитъ ошибаться въ возрастѣ и въ степени пониманія. Всеобщая подача голосовъ, навязанная неприготовленному народу, послужила для него бритвой, которой онъ чуть не зарѣзался.

«Но если понятія государства, суда—и славны и крѣпки, то еще крѣпче укоренены понятія о правѣ, о собственности, о наслѣдствѣ. Отрицаніе собственности само по себѣ безсмыслица: «собственность не погибнетъ», скажу я, парафразируя извѣстную фразу Людовика-Филиппа. Видоизмѣненіе ея, въ родѣ перехода изъ личной въ коллективную, неясно и неопредѣленно. Крестьянину на Западѣ также необходимо привилась его любовь къ своей землѣ, какъ въ Россіи легко понимается крестьянствомъ общинное владѣніе. Нелѣпаго тутъ ничего нѣтъ. Собственность, и особенно поземельная, для западнаго человѣка представляется освобожденіемъ, его самобытностью, его достоинствомъ и величайшимъ гражданскимъ значеніемъ. Можетъ быть, онъ убѣдится въ невыгодѣ безпрерывно крошащихся и дробимыхъ участковъ и въ выгодѣ свободнаго хозяйства, общинныхъ запашекъ полей; но какъ же его «безъ пристрастія» уломать, чтобы онъ спервоначала отказался отъ вѣками взлелѣянной мечты, которою онъ жилъ и тѣшился и которая дѣйствительно поставила его на ноги, прикрѣпила къ нему землю, къ которой онъ былъ прежде крѣпокъ.

«Вопросъ, прямо идущій за тѣмъ, вопросъ о наслѣдствѣ, еще труднѣе. Кромѣ холостыхъ фанатиковъ, никакая масса не согласится на безусловное отреченіе отъ права завѣщать какую нибудь часть своего состоянія своимъ наслѣдникамъ. Я не знаю довода, по которому было бы можно противодѣйствовать этой формѣ любви избирательной или кровной, передачѣ вмѣстѣ съ жизнью, съ чертами, даже съ болѣзнями, вещей, служившихъ мнѣ орудіемъ. Развѣ во имя обязательнаго братства и любви ко всѣмъ? Въ худшемъ человѣческомъ положеніи, у дворовыхъ крѣпостныхъ людей были койкакія тряпки, которыя они оставляли своимъ и которыя почти никогда не отбирались помѣщиками».

...«Ни ты, ни я—мы не измѣнники нашихъ убѣжденій, но розно стали къ вопросу. Ты рвешься впередъ попрежнему со страстью разрушенія, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ.

«Я не вѣрю въ прежніе революціонные пути и стараюсь понять шагъ людской въ быломъ и настоящемъ, для того, чтобъ знать, какъ идти съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мной, не могутъ идти».

Мы надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за длинную выписку изъ малоизвѣстной статьи Герцена. Она важна въ томъ отношеніи, что наглядно указываетъ, какъ «революціонеръ» Гер-

ценъ, бывшій однимъ изъ родоначальниковъ народничества, съ его «хожденіемъ въ народъ», описаннымъ впослѣдствіи въ «Нови», въ сущности близко стоялъ въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ къ «постепеновцу» Тургеневу, гораздо ближе, чѣмъ нѣкоторые тогдашніе (да, пожалуй, и нынѣшніе) «радикалы» стояли къ самому Герцену.

Остается пожалѣть, что до сихъ поръ не опубликованы письма Герцена къ Тургеневу. Тогда бы передъ нами была яркая картина изъ эпохи 60-хъ годовъ, до сихъ поръ не потерявшихъ глубокаго общественнаго значенія.

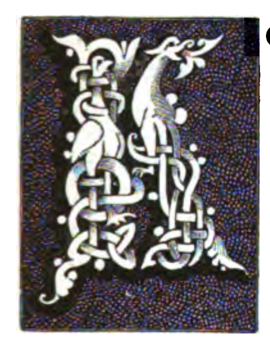
В. Батуринскій.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ АМЕРИКАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ РОССІИ, ВЪ 1866 ГОДУ.

(По американскимъ источникамъ).

ОГДА ВѢСТЬ объ извѣстномъ покушеніи Каракозова на жизнь императора Александра II достигла Новаго Свѣта, вожди республиканской партіи конгресса Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ то время вполнѣ всемогущей, пришли къ единогласному заключенію, что одного формальнаго поздравленія съ избавленіемъ отъ опасности, посланнаго въ Петербургъ президентомъ республики отъ имени Соединенныхъ Штатовъ чрезъ американскаго посланника въ столицѣ русскаго государства, совершенно недостаточно, и нѣчто болѣе серіозное должно быть сдѣлано для выраженія сочувствія императору, которому страна ихъ столь многимъ обязана, народу, который проявилъ столь горячія и искреннія къ ней симпатія въ годину рокового внутренняго ея кризиса, извѣстнаго подъ именемъ гражданской или междоусобной войны (1861—1865). Согласно такому заключенію, одинъ изъ наиболѣе выдающихся вождей вышеозначенной партіи въ палатѣ представителей, Ѳаддей Стивенсъ, представитель штата Пенсильваніи, 4 мая (н. с.) того же (1866) года внесъ въ палату проектъ нижеслѣдующей обѣихъ палатъ резолюціи: «Рѣшено сенатомъ и палатой представителей въ засѣданіи конгресса, что конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ Америки съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ о покушеніи

на жизнь императора Россіи, учиненномъ врагомъ эмансипаціи. Конгрессъ шлетъ свое привѣтствіе его императорскому величеству и русскому народу и поздравляетъ двадцать милліоновъ рабовъ съ избавленіемъ по волѣ Провидѣнія отъ опасности государя, уму и сердцу котораго они обязаны благодѣяніемъ свободы». Возраженій на проектъ этотъ не послѣдовало, и такимъ образомъ предложенная согласная обѣихъ палатъ резолюція тотчасъ же подверглась требуемому закономъ многократному чтенію, вслѣдъ за которымъ предсѣдатель палаты представителей пустилъ ее на голосованіе. За резолюцію оказалось 124 голоса и противъ нея ни единаго: такимъ образомъ она была принята палатой представителей единогласно. 8-го того же мая, предсѣдателемъ особой комиссіи сената по иностраннымъ дѣламъ резолюція эта была представлена на разсмотрѣніе этой высшей палаты конгресса Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, сопровождаясь сдѣланнымъ комиссіей добавленіемъ, которымъ поручается президенту республики копію таковой препроводить императору Россіи. Въ докладѣ своемъ сенату предсѣдатель особой его комиссіи по иностраннымъ дѣламъ высказался, что, по его мнѣнію, покушеніе на жизнь русскаго императора вызвано не столько самимъ освобожденіемъ, сколько той настойчивостью и послѣдовательностью, съ какимъ онъ воплощалъ въ жизнь логическіе результаты освобожденія, предоставляя гражданскія и политическія права освобожденному народу. Сенаторъ Сальсбюри предложилъ исключить изъ резолюціи слова «учиненномъ врагомъ эмансипаціи», ибо сенатъ не располагаетъ никакими по этому предмету свѣдѣніями. Не имѣется никакихъ положительно доказательствъ, чтобы покушавшійся на жизнь императора былъ врагомъ эмансипаціи, и еслибы это было справедливо, подобный фактъ могъ бы быть удостовѣренъ опросомъ русскаго посланника. По обще распространеннымъ свѣдѣніямъ, покушеніе учинено человѣкомъ низкаго происхожденія, который не имѣлъ рабовъ, и сверхъ того онъ (сенаторъ Сальсбюри) получилъ свѣдѣнія, что покушавшійся—это маньякъ. Онъ, сенаторъ, не располагаетъ точными свѣдѣніями по этому предмету, но во всякомъ случаѣ полагаетъ, что прежде чѣмъ утверждать подобную вещь, что покушеніе учинено врагомъ эмансипаціи, сенатъ обязанъ получить должныя свѣдѣнія по этому предмету. Сенатъ не согласился съ предложеніемъ, сенатора Сальсбюри, и резолюція прошла въ томъ видѣ, въ какомъ единогласно принята была палатой представителей съ добавленіемъ, сдѣланнымъ сенатской комиссіей по иностраннымъ дѣламъ 10-го того же мая; палатой представителей принято добавленіе, сдѣланное сенатской комиссіей, и такимъ образомъ согласная резолюція, принятая обѣими палатами конгресса, представлялась въ слѣдующемъ видѣ: «Рѣшено сенатомъ и палатой представителей Соединенныхъ Штатовъ Америки въ засѣданіи конгресса,

что конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ Америки съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ о покушеніи на жизнь императора Россіи, учиненномъ врагомъ эмансипаціи. Конгрессъ шлетъ свое привѣтствіе его императорскому величеству и русскому народу и поздравляетъ двадцать милліономъ рабовъ съ избавленіемъ по волѣ Провидѣнія отъ опасности государя, уму и сердцу котораго они обязаны благодѣяніемъ свободы.

«И рѣшено также, чтобы президенту Соединенныхъ Штатовъ поручить копію настоящей резолюціи препроводить императору Россіи».

16-го того же мая, вышеприведенная согласная резолюція обѣихъ палатъ конгресса утверждена была президентомъ республики г-номъ Johnson и вошла въ законную силу.

Дабы этому торжественному акту конгресса придать особое значеніе, рѣшено было этимъ послѣднимъ на предметъ представленія вышеприведенной его резолюціи императору Александру II снарядить особое чрезвычайное посольство и такимъ чрезвычайнымъ посланникомъ имъ же избранъ былъ капитанъ Густавъ Ваза Фоксъ. Капитанъ Фоксъ во время гражданской войны оказалъ весьма серіозныя услуги федеральному правительству Соединенныхъ Штатовъ и президентомъ Линкольномъ былъ опредѣленъ въ товарищи морского министра республики до окончанія таковой. Однако война едва успѣла закончиться, какъ онъ избранъ былъ конгрессомъ въ чрезвычайные посланники на предметъ представленія этой его резолюціи императору всеросiйскому, и на этотъ предметъ именно президентомъ республики былъ снова назначенъ товарищемъ морского министра республики Соединенныхъ Штатовъ. По собственному требованію этого чрезвычайнаго посланника рѣшено было отправить его съ мониторомъ, и съ этой цѣлью избранъ былъ морскимъ министерствомъ республики двухбашенный миниторъ Miantonomoh, въ сопровожденіе которому отряжены были два обыкновенныхъ военныхъ корабля Ashuelot и Augusta. Ни одинъ мониторъ до того времени еще не пересѣкалъ океана, и товарищъ морского министра республики Соединенныхъ Штатовъ Густавъ Ваза Фоксъ взялся впервые выполнить подобную задачу, которая въ то время признавалась невыполнимой. Необычайная преданность своему дѣлу и отсутствіе всякихъ заботъ о личной карьерѣ, столь рѣдкія въ американцѣ, какія достаточно наглядно проявлены были Фоксомъ втеченіе гражданской войны, сказались также и въ принятіи имъ назначенія чрезвычайнымъ посланникомъ въ Россію. На этотъ предметъ онъ могъ получить безъ всякихъ затрудненій высокое званіе и содержаніе адмирала, если бы не отказался о томъ ходатайствовать передъ правительствомъ республики. Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь также, что для отряженія капитана Фокса чрезвычайнымъ посланникомъ въ Рос-

сію, въ званіи товарища морского министра республики, понадобилось установленіе новой должности второго товарища морского министра, которое и было опредѣлено конгрессомъ въ обычномъ законодательномъ порядкѣ.

30-го того же мая, Густавъ Ваза Фоксъ въ сопровожденіи англійскаго капитана, John Bythesea, морского attaché британскаго посольства въ Вашингтонѣ, имъ приглашеннаго вмѣстѣ пересѣчь Атлантическій океанъ въ мониторѣ Miantonomoh, изъ Бостона отплыли въ г. St. John's на Ньюфаундлэндѣ, въ портѣ котораго въ то время находился означенный мониторъ, куда и прибыли 3-го іюня. Когда по городу разнеслась вѣсть, что американскій товарищъ морского министра и attaché британскаго посольства въ Вашингтонѣ должны отплыть въ мониторѣ, эта новость вызвала нѣкоторое изумленіе и немалыя опасенія, ибо хотя американскій мониторъ Monadnock такой же конструкціи, какой Miantonomoh, и достигъ благополучно мыса Горна, тѣмъ не менѣе однако мореходная способность мониторовъ въ открытомъ океанѣ, гдѣ не представляется возможности укрыться въ гавани въ случаѣ особо дурной погоды или бури, еще никогда не была испробована. 5-го іюня, Густавъ Ваза Фоксъ въ сопровожденіи капитана Bythesea взошли на капитанскую площадку Miantonomoh, и грозный мониторъ въ сопровожденіи военныхъ кораблей Augusta и Ashuelot вышли въ открытое море. Эта не большая, но грозная эскадра 16-го того же іюня прибыла въ г. Queenstown, извѣстный портъ на юго-восточномъ берегу Ирландіи. Когда Фоксъ и командиръ корабля Augusta, Alexander Murray, какъ старшій изъ командующихъ офицеровъ, по рангу являвшійся командиромъ всей эскадры, въ сопровожденіи консула республики Соединенныхъ Штатовъ въ г. Коркѣ, вслѣдъ за прибытіемъ своимъ въ Queenstown, сдѣлали официальный визитъ англійскому адмиралу командиру порта, они застали его разсматривающимъ мониторъ въ подзорную трубу со своей площадки. Miantonomoh сталъ на якорь между двумя превосходными британскими броненосцами Achilles и Black Prince. Это были два отборныхъ броненосца, и американскій мониторъ, помѣстившійся между ними выглядывалъ чѣмъ-то совершенно незначительнымъ, тѣмъ не менѣе однако этотъ послѣдній могъ безъ всякихъ затрудненій пустить ко дну ихъ обоихъ На извѣстномъ разстояніи видны были однѣ лишь его башни, между тѣмъ какъ британскіе броненосцы выглядывали трехпалубными гигантами. Послѣ обмѣна обычныхъ привѣтствій, британскій адмиралъ сразу спросилъ Фокса: «Неужели вы пересѣкли Атлантическій океанъ на этой штукѣ?» На утвердительный отвѣтъ Фокса адмиралъ воскликнулъ многозначительнымъ тономъ: «Я сомнѣваюсь, чтобы я могъ это продѣлать!» Оставивъ свою эскадру въ Queenstown, Густавъ Ваза Фоксъ посѣтилъ Дублинъ и, пересѣкши Британскій каналъ, направился въ Лондонъ, между

тѣмъ какъ Ashuelot, согласно первоначальнымъ распоряженіямъ морского министерства республики, отплылъ въ Лиссабонъ, а Miantonomoh въ сопровожденіи военнаго корабля Augusta прослѣдовали въ Портсмутъ. Въ Лондонѣ чрезвычайный посланникъ правительства Соединенныхъ Штатовъ въ Россію подвергся цѣлому ряду блестящихъ пріемовъ и на балу въ многоизвѣстномъ Букингемскомъ дворцѣ былъ спеціально представленъ членамъ королевской фамиліи. Между тѣмъ мониторъ Miantonomoh, въ сопровожде-Augusta преслѣдовавшій въ Portsmouth, неизмѣнно вызывалъ совершенное изумленіе англичанъ.

29-го того же іюня, Густавъ Ваза Фоксъ изъ Лондона прослѣдовалъ въ Портсмутъ и оттуда, въ сопровожденіи посла республики Соединенныхъ Штатовъ во Франціи, John Bigelow, отплылъ въ Шербургъ. 3-го іюля, чрезвычайный посланникъ этой республики въ Россію принятъ былъ въ частной аудіенціи императоромъ Наполеономъ III въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Въ теченіе аудіенціи императоръ получилъ депеши о пораженіи, нанесенномъ австрійской арміи пруссаками подъ Садовой, и выразилъ сожалѣніе, что это неожиданное обстоятельство мѣшаетъ ему лично посѣтить и обозрѣть мониторъ. Коснувшись съ нѣкоторой обстоятельностью своего итальянскаго похода, своей экспедиціи въ Мексику и большой жизнеспособности американскаго народа, императоръ спросилъ Фокса, каковы нынѣ, по его мнѣнію, чувства американскаго Юга послѣ пораженія, нанесеннаго ему Сѣверомъ. На отвѣтъ этого послѣдняго, что тѣ, кто ранѣе дрался на югѣ, нынѣ совершенно примирились съ результатами этой борьбы, императоръ замѣтилъ, что это всегда такъ бываетъ. 6-го іюля, Густавъ Ваза Фоксъ, въ присутствіи американскаго посла въ Парижѣ John Bigelow, имѣлъ свиданіе съ принцемъ Наполеономъ.

— «Не дружите черезчуръ съ Россіей!»—сказалъ принцъ въ теченіе ихъ разговора.

— «Россія и Америка не имѣютъ враждебныхъ интересовъ. Россія всегда была дружественна по отношенію къ Америкѣ, и мы цѣнимъ это чувство»,—отвѣтилъ Фоксъ.

— «Но вы можете стоять особнякомъ, вы не нуждаетесь въ друзьяхъ»,—возразилъ принцъ.

— «Хотя и представляется сомнительнымъ, будемъ ли мы съ Россіей когда либо снова стоять рука объ руку, тѣмъ не менѣе въ то время, какъ намъ угрожали наиболѣе могущественныя націи, Россія чувствовала и выразила намъ свои симпатіи, и Америка этого никогда не забудетъ».

— «Россія сама одинока»,—возразилъ принцъ послѣ нѣкотораго молчанія, и затѣмъ предметъ разговора былъ измѣненъ.

Какъ только офиціальныя посѣщенія монитора Miantonomoh представителями французскаго правительства закончились, Густавъ

Ваза Фоксъ, согласно обѣщанію, имъ данному принцу Уэльскому и герцогу Эдинбургскому предъ отбытіемъ изъ Лондона, отослалъ свою эскадру изъ Шербурга снова въ Англію, гдѣ она подверглась безпрерывнымъ массовымъ посѣщеніямъ и осмотрамъ въ водахъ Темзы, 16-го іюля снялась съ якоря и направилась къ Балтійскому морю. 20-го іюля, Фоксъ сухимъ путемъ прибылъ въ Кельнъ и, получивъ свѣдѣнія, что въ Берлинѣ и Штеттинѣ, куда онъ направлялся, свирѣпствуетъ холера, телеграфировалъ посланнику республики Соединенныхъ Штатовъ въ Даніи остановить суда въ Копенгагенѣ, когда онѣ будутъ проходить черезъ проливъ. 21-го іюля американская эскадра стала на якорѣ въ копенгагенской гавани, а на слѣдующій день прибылъ туда и Густавъ Ваза Фоксъ. Здѣсь же присоединились къ эскадрѣ E. H. Green изъ города Бостона и I. F. Loubat изъ г. Нью-Іорка, въ качествѣ секретарей этого чрезвычайнаго посольства, изъ которыхъ первый помѣстился на Augusta, а послѣдній на Miantonomoh. Первоначально Фоксъ имѣлъ намѣреніе немедленно отплыть въ Кронштадтъ, но, получивъ свѣдѣнія, что въ этомъ послѣднемъ точно также свирѣпствуетъ холера, онъ телеграфировалъ генералу Cassius Clay, посланнику Соединенныхъ Штатовъ въ Россіи, сообщить ему точныя свѣдѣнія по этому предмету, а въ ожиданіи отвѣта этого послѣдняго изъ Петербурга рѣшилъ оставаться въ Копенгагенѣ. 27-го іюля, чрезвычайный посланникъ правительства республики Соединенныхъ Штатовъ въ Россіи, секретари посольства, Green и Loubat, и командиры двухъ его судовъ, Murray и Beaumont, были представлены посломъ республики въ Даніи, Yeaman, датскому королю въ его копенгагенскомъ дворцѣ, и въ тотъ же день по полудни король Христіанъ IX въ сопровожденіи королевы, принцессы Дагмары, обрученной съ наслѣдникомъ русскаго престола, прочихъ членовъ королевской фамиліи и блестящей свиты, посѣтилъ американскій мониторъ. 29-го іюля, американское посольство обѣдало съ датской королевской фамиліей во дворцѣ Bernstorff, а 31-го іюля, Фоксъ, получивъ отъ американскаго посла въ Петербургѣ телеграмму, что холера въ этомъ послѣднемъ уменьшается, а равно отъ мѣстнаго русскаго консула почерпнувъ свѣдѣнія, что таковой вовсе не существуетъ въ Гельсингфорсѣ, рѣшилъ отплыть въ этотъ послѣдній и тамъ выжидать болѣе точныя свѣдѣнія по этому предмету. Онъ телеграфировалъ генералу Clay въ Петербургъ, что такъ какъ онъ опасается, какъ бы команды двухъ его судовъ не пострадали отъ холеры, то онъ предполагаетъ лишь самолично прибыть въ столицу Россіи. На телеграмму эту полученъ былъ отъ американскаго посланника при русскомъ дворѣ нижеслѣдующій отвѣтъ: «Прибудьте на судахъ, хотя бы для этого пришлось потратить цѣлое лѣто». Въ тотъ же день эскадра снялась съ якоря въ копенгагенской гавани и отплыла въ Балтійское море.

3-го августа (22-го іюля стар. ст.) американская эскадра бросила якорь въ гельсингфорсской гавани. Свиты его императорскаго величества генералъ-майоръ баронъ Воллинъ, гельсингфорсскій гражданскій губернаторъ, вицеадмиралъ Нордманъ и комендантъ Свеаборгской крѣпости капитанъ Рудаковъ, въ сопровожденіи своихъ свитъ, всѣ въ полной парадной формѣ, тотчасъ прибыли на Miantonomoh и отъ имени императора привѣтствовали чрезвычайное посольство республики Соединенныхъ Штатовъ съ его прибытіемъ въ Россію, поясняя, что по распоряженію его императорскаго величества они должны быть гостями города Гельсингфорса. Ихъ привѣтствіе и предложеніе встрѣчены были американскими офицерами самымъ дружественнымъ и сердечнымъ образомъ, ибо эти послѣдніе наравнѣ съ ихъ принимавшими искренне радовались тому, что послѣ столь продолжительнаго плаванія они достигли наконецъ благополучно русской территоріи. На слѣдующій день, 4-го августа (23-го іюля стар. ст.), гражданскимъ губернаторомъ Гельсингфорса, барономъ Воллинъ, данъ былъ въ честь американскаго чрезвычайнаго посольства блестящій банкетъ. На немъ присутствовали гражданскіе, военные и морскіе сановники, равно какъ и представители разныхъ правительственныхъ учрежденій Финляндіи, общимъ числомъ свыше полутораста лицъ. Между гостями находились между прочимъ и три англійскихъ артиллерійскихъ офицера, случайно пребывавшіе въ то время въ Гельсингфорсѣ. Залъ былъ украшенъ американскимъ и русскимъ флагами, цвѣтами и гирляндами изъ листьевъ. Въ исходѣ банкета баронъ Воллинъ произнесъ короткую рѣчь на французскомъ языкѣ, въ которой выразилъ свое удовольствіе, что Финляндія имѣетъ честь первая принимать американскаго посланника въ предѣлахъ Русской имперіи. Фоксъ отвѣчалъ на эту рѣчь также кратко, выражая свою благодарность за оказываемое ему гостепріимство и поясняя, что его посѣщеніе имѣетъ двоякую цѣль — поздравить его величество императора съ избавленіемъ отъ опасности и благодарить русскій народъ за дружественное расположеніе, какое онъ всегда оказывалъ по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ и въ особенности въ теченіе послѣдней борьбы въ ихъ странѣ (гражданская война). Закончивъ свою рѣчь, онъ провозгласилъ тостъ за здравіе императора, императрицы и императорской фамиліи. Баронъ Воллинъ провозгласилъ тогда тостъ за здравіе президента Соединенныхъ Штатовъ, на который Фоксъ отвѣтилъ соотвѣтственнымъ образомъ, заканчивая слѣдующимъ образомъ: «Послѣ того, какъ провозглашены тосты въ честь императора, президента и императорской фамиліи, я желаю, господа, выразить пожеланіе цесаревичу Александру Александровичу. Да наслѣдуетъ онъ рыцарское мужество Александра Невскаго, счастіе Александра I и сердце Александра II!» Адмиралъ Нордманъ провозгласилъ тосты въ честь командировъ обоихъ американскихъ су-

довъ—Murray и Beaumont и всѣхъ офицеровъ американской эскадры, пользуясь при этомъ случаемъ поблагодарить какъ ихъ, такъ и ихъ товарищей, пребывающихъ въ Америкѣ, за тотъ пріемъ, какой ими оказанъ былъ русскимъ флотамъ въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ и Санъ-Франциско въ 1863 г.

5 августа (24 іюля стар. ст.) утромъ, Augusta и Miantonomoh вышли изъ Гельсингфорсской гавани въ Кронштадтъ. Погода была пасмурная; шелъ мелкій дождь, и дулъ юго-восточный вѣтеръ. Едва американская эскадра минула входъ въ гавань, какъ нависшій съ ранняго утра туманъ разсѣялся, и предъ глазами американской эскадры предстала эскадра русскихъ броненосцевъ, собиравшаяся войти въ узкій и мало-доступный проходъ. Эскадра эта послана была изъ Транзунда, дабы сопровождать американскую эскадру въ Кронштадтъ, и разсчитывала присоединиться къ этой послѣдней въ Гельсингфорсѣ. Какъ только Augusta приблизилась къ русскому флоту, она выбросила на носу русскій флагъ и салютовала его двадцати однимъ пушечнымъ выстрѣломъ, на которые выстрѣлъ за выстрѣломъ отвѣчалъ «Севастополь», выбросившій въ свою очередь на носу американскій флагъ. Русская броненосная эскадра, находившаяся подъ командой вице-адмирала Лихачева, главнаго командира русскаго броненоснаго флота, выстроилась въ двѣ линіи, а Augusta и Miantonomoh составили центральную линію, слегка выдвигающуюся впередъ. Въ такомъ порядкѣ суда 6 августа (25 іюля стар. ст.) вошли въ Кронштадтскій портъ. При приближеніи къ фортамъ большого рейда Augusta выбросила на своей главной мачтѣ русскій флагъ и отдала національный салютъ въ двадцать одинъ выстрѣлъ. Такой же салютъ послѣдовалъ въ отвѣтъ съ коммерческой пристани, и на наблюдательномъ суднѣ 1 брандвахты взвился американскій флагъ. Второй салютъ послѣдовалъ съ пристани, въ честь адмиральскаго флага, и на него отвѣчалъ «Севастополь». По мѣрѣ того, какъ американскій военный корабль (Augusta) подвигался по направленію къ малому рейду, катера, яхты с.-петербургскаго рѣчного яхтъ-клуба стали окружать его, снуя во всѣхъ направленіяхъ. Съ ранняго утра особымъ приложеніемъ къ «Кронштадтскому Вѣстнику» мѣстная публика была увѣдомлена, что въ десять часовъ утра прибудетъ въ сопровожденіи русскихъ броненосцевъ американская эскадра, и что въ половинѣ девятаго ораніенбаумскій пароходъ, законтрактованный городомъ, выйдетъ ей на встрѣчу. Въ назначенное время пароходъ «Луна» появился на рейдѣ, наполненный публикой. Когда онъ сталъ приближаться къ «Августѣ», оркестръ, находившійся на кормѣ его, заигралъ «Hail Columbia»[1]), между тѣмъ какъ его пассажиры и несмѣтныя толпы народа, наполнявшія верфи, привѣтствовали

[1]) Одинъ изъ американскихъ національныхъ гимновъ.

американское судно громкими и продолжительными кликами, на которые офицеры и команда «Августы» отвѣчали самымъ сердечнымъ образомъ. Вслѣдъ затѣмъ «Луна» прослѣдовала далѣе и подобнымъ же образомъ привѣтствовала мониторъ Miantonomoh, слѣдовавшій также по направленію къ малому рейду. Пристани коммерческаго и средняго портовъ были биткомъ набиты зрителями, и казалось, оваціямъ не будетъ конца. Въ эту минуту Кронштадтская гавань представляла собой импонирующій видъ. Русская броненосная эскадра, грозныя укрѣпленія позади, малыя суда, снующія во всѣхъ направленіяхъ, берега и верфи, чернѣющіе народомъ, мониторъ Miantonomoh на первомъ планѣ, величественно подвигающійся впередъ на виду у всѣхъ,—все это въ общей сложности представляло собой поразительное зрѣлище.

Едва американскія суда бросили якорь, прибылъ лейтенантъ Рыкачевъ, адъютантъ адмирала Новосильскаго, военнаго губернатора Кронштадта, главнаго командира Кронштадтскаго порта, дабы привѣтствовать Фокса и командировъ Murray и Beaumont съ благополучнымъ прибытіемъ и предложилъ имъ свои услуги. Вслѣдъ затѣмъ вице-адмиралъ Лисовскій, изъ свиты его императорскаго величества, прибылъ поздравить американскаго чрезвычайнаго посланника отъ имени императора, съ его прибытіемъ въ Россію, въ то же время его увѣдомляя, что по распоряженію его величества, какъ посольство, такъ офицеры и команды эскадры являются гостями русскаго правительства, и обязанности ихъ пріема возложены на него и нѣсколькихъ офицеровъ, состоящихъ подъ его вѣдѣніемъ. Всѣ эти офицеры разныхъ ранговъ, начиная съ вице-адмираловъ Лисовскаго и Горковенко, принадлежавшихъ къ свитѣ его императорскаго величества, говорили по-англійски. Вслѣдъ за адмираломъ Лисовскимъ прибылъ ботъ подъ русскимъ коммерческимъ флагомъ съ кронштадтскимъ городскимъ головой Степановымъ и депутаціею отъ мѣстнаго городскаго общественнаго управленія, дабы предложить американской эскадрѣ гостепріимство города. Голова произнесъ соотвѣтственную рѣчь и принесъ сердечныя поздравленія. Какъ только всѣ эти лица отбыли, Густавъ Ваза Фоксъ, командиры Beaumont и Murray, въ сопровожденіи вице-адмирала Лисовскаго, отправились на берегъ, чтобы сдѣлать визитъ военному губернатору Кронштадта, генералъ-адъютанту его императорскаго величества адмиралу Новосильскому. По ихъ возвращеніи съ этого визита Фоксъ съ секретарями своими Green и Loubat, въ сопропровожденіи вице-адмирала Лисовскаго, отправились въ Петербургъ на пароходѣ морского вѣдомства «Нева». Какъ только вице-адмиралъ Лисовскій сошелъ съ Miantonomoh, съ Augusta данъ былъ салютъ въ девять пушечныхъ выстрѣловъ [1]), и едва

[1]) На который отвѣчалъ «Севастополь» такимъ же салютомъ.

Фоксъ взошелъ на пароходъ «Нева», этотъ послѣдній выбросилъ американскіе флаги, между тѣмъ какъ Augusta салютовала его, какъ товарища морского министра республики Соединенныхъ Штатовъ, двадцатью однимъ пушечнымъ выстрѣломъ и выбросила на своей главной мачтѣ американскій флагъ. По прибытіи въ С.-Петербургъ, Фоксъ сдѣлалъ визитъ американскому послу, генералу Clay, и вручилъ этому послѣднему письменный рапортъ о своемъ прибытіи, равно какъ копіи бумагъ, адресованныхъ на его (Фокса) имя министерствами морскимъ и иностранныхъ дѣлъ въ Вашингтонѣ, копію резолюціи конгресса и копію рѣчи, которую предполагалъ онъ произнесть при представленіи этой резолюціи императору. Въ качествѣ гостей русскаго правительства, чрезвычайный посланникъ правительства Соединенныхъ Штатовъ и его секретари заняли особые имъ отведенные аппартаменты въ Hôtel de France.

8 августа (27 іюля стар. ст.), въ 10 часовъ утра, Густавъ Ваза Фоксъ, въ сопровожденіи генерала Clay, командировъ Murray и Beaumont, секретарей своихъ Green и Loubat и г-на Joha Van Buren изъ Нью-Іорка, отправился по желѣзной дорогѣ изъ Петербурбурга въ Петергофъ, дабы выполнить цѣль своего посольства: представить его императорскому величеству резолюцію конгресса Соединенныхъ Штатовъ, ввѣренную его охраненію и попеченіямъ. По прибытіи посольства на станцію Петергофъ, оно встрѣчено было чинами придворнаго вѣдомства, и Фоксу предложена была придворная карета, запряженная чтетверкой, между тѣмъ какъ прочія прибывшія съ нимъ лица были размѣщены въ роскошныхъ экипажахъ. По прибытіи въ Петергофскій дворецъ, всѣмъ имъ были отведены особыя помѣщенія. Въ два часа по полудни американское чрезвычайное посольство имѣло честь быть принятымъ его императорскимъ величествомъ государемъ императоромъ. Князь Горчаковъ, государственный канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, стоялъ по правую руку императора въ теченіе этой аудіенціи. Густавъ Ваза Фоксъ представленъ былъ американскимъ посломъ генераломъ Clay безъ обычнаго участія церемоніймейстера и прочелъ ниже слѣдующую рѣчь государю императору на англійскомъ языкѣ:

«Государь! Резолюція, которую я имѣю честь представить вашему императорскому величеству, есть голосъ народа, который милліонами устъ своихъ говоритъ отъ единаго сердца.

«Многія узы, которыя долгое время связывали великую имперію Востока и великую республику Запада, умножены и усилены непоколебимой вѣрностью императорскаго правительства нашему правительству втеченіе едва истекшаго періода пережитыхъ этимъ послѣднимъ потрясеній.

«Слова симпатіи и дружбы, въ то время, по повелѣнію вашего императорскаго величества, обращенныя къ нашему правительству

въ Вашингтонѣ, запечатлѣны на вѣки въ памяти благодарной страны. Какъ одна изъ великой семьи земныхъ націй, мы возлагаемъ добровольную дань уваженія тому акту человѣчности, который упоминается специально въ резолюціи конгресса. Мирный эдиктъ просвѣщеннаго государя завершилъ собой побѣду надъ унаслѣдованнымъ варварствомъ, которой наша Западная республика достигла лишь послѣ многихъ лѣтъ кровопролитія.

«Поэтому отъ глубины души приношу вашему императорскому величеству, освобожденнымъ рабамъ и всему народу этого обширнаго царства, наши сердечныя поздравленія съ чудеснымъ избавленіемъ отъ опасности, которая вызвала столь серіозное выраженіе сожалѣнія о покушеніи и благодарность за его пресѣченіе и неудачу.

«Повѣствованіе объ опасности, отъ которой милость Провидѣнія спасла ваше императорское величество, воскрешаетъ въ памяти ту глубокую скорбь, которой было исполнено такъ недавно каждое вѣрное сердце въ нашей собственной странѣ, вслѣдствіе неожиданной потери нашего главы, нашего вождя, нашего отца.

«Мы приносимъ благодарность Всевышнему, что подобная скорбь миновала нашихъ друзей и союзниковъ — русскій народъ.

«Да защититъ, продлитъ и благословитъ Отецъ всѣхъ націй и всѣхъ правителей жизнь, которую Онъ столь многознаменательно сохранилъ, на служеніе тому народу, которому она принадлежитъ, на благо человѣчества и во славу Его святого имени!»

По прочтеніи своей рѣчи Густавъ Ваза Фоксъ вручилъ его императорскому величеству резолюцію конгресса, его поздравлявшую съ избавленіемъ отъ грозившей его жизни опасности.

Императоръ на рѣчь чрезвычайнаго посланника республики Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки отвѣчалъ нижеслѣдующимъ образомъ:

«Радуюсь тому, что между Россіею и Соединенными Штатами существуютъ столь дружественныя отношенія, и весьма доволенъ, что отношенія эти такъ хорошо оцѣнены въ Америкѣ. Я убѣжденъ, что эта національная дружба будетъ вѣчной, и я съ своей стороны употреблю всѣ усилія, чтобы ее поддержать и укрѣпить. Весьма тронутъ этими доказательствами личной ко мнѣ симпатіи и любви американскаго народа, нашедшими свое выраженіе въ резолюціи конгресса, и за нихъ весьма признателенъ. Желаю поблагодарить тѣхъ, кто прошелъ столь огромное разстояніе, дабы принести мнѣ эти доказательства, и увѣряю ихъ, что они являются желанными гостями на Русской землѣ. Сердечный пріемъ, какой оказанъ былъ моей эскадрѣ въ Соединенныхъ Штатахъ три года тому назадъ, никогда не изгладится изъ моей памяти».

Вслѣдъ за тѣмъ генералъ Clay имѣлъ честь представить императору командировъ Murray и Beaumont, а равно господъ Green,

Loubat и Van Buren. Императоръ обратился съ нѣсколькими словами къ Фоксу, задалъ нѣсколько вопросовъ прочимъ членамъ посольства, и аудіенція закончилась. Чрезвычайный посланникъ республики Соединенныхъ Штатовъ тотчасъ же послалъ министру иностранныхъ дѣлъ этой послѣдней William H. Seward телеграмму нижеслѣдующаго содержанія: «Резолюція конгресса представлена мной лично императору Россіи сегодня въ часъ по полудни». Это была первая телеграмма, посланная изъ Россіи въ Новый Свѣтъ по атлантическому подводному телеграфу, который былъ тогда только что проложенъ. Американское чрезвычайное посольство обѣдало съ министромъ двора и, осмотрѣвъ дворцы и окрестности Петергофа, возвратилось въ Петербургъ.

На слѣдующее утро, 9-го августа (28-го іюля стар. стиля), Густавъ Ваза Фоксъ, его секретари, командиры Murray и Beaumont, генералъ Clay и Іеремія Куртинъ, секретарь посольства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ [1]), отправились изъ Петербурга въ Кронштадтъ, дабы присоединиться къ американской эскадрѣ и участвовать въ пріемѣ его императорскаго величества, выразившаго желаніе посѣтить корабли. Въ одиннадцать часовъ, императорская яхта «Александрія», украшенная императорскимъ флагомъ, стала приближаться къ рейду по направленію отъ Ораніенбаума. Едва она приблизилась на сигнальное разстояніе, «Августа» отдала салютъ въ двадцать одинъ выстрѣлъ, на который послѣдовалъ отвѣтъ съ русскаго корвета «Гридень». Императоръ взошелъ на мониторъ Miantonomoh въ сопровожденіи его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича и ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Владиміра Александровича и Николая Николаевича (старшаго). По подробномъ осмотрѣ монитора императоръ въ сопровожденіи вышеозначенныхъ великихъ князей и своей свиты, состоявшей изъ наивысшихъ сановниковъ имперіи, прослѣдовалъ на «Августу», гдѣ былъ встрѣченъ Фоксомъ, генераломъ Clay, командирами Murray и Beaumont и всѣми прочими офицерами эскадры съ подобающими морскими почестями. Съ палубы «Августы» его величество принялъ императорскій салютъ, отданный чудовищными пушками Miantonomoh, первый и послѣдній салютъ, когда либо отданный пушками подобной силы и подобныхъ размѣровъ, ибо по распоряженію морского министерства республики Соединенныхъ Штатовъ ихъ употребленіе внѣ случаевъ военныхъ дѣйствій воспрещено. Послѣ короткаго пребыванія на «Августѣ» императоръ отбылъ. Когда онъ сошелъ съ этой послѣдней, былъ отданъ съ нея второй императорскій салютъ, и офицеры и команды американской эскадры провожали его величество

[1]) Впослѣдствіи извѣстный переводчикъ русскихъ писателей и Генриха Сенкевича.

восторженными кликами. Вслѣдъ за его отбытіемъ Густавъ Ваза Фоксъ, генералъ Clay, командиры Murray и Beaumont и г-нъ Van-Buren, согласно приглашенію, котораго удостоились они отъ самого императора предъ тѣмъ, какъ онъ сошелъ съ «Августы», послѣдовали за его величествомъ на броненосцѣ «Перунъ», дабы посѣтить русскій флотъ и присутствовать при практической стрѣльбѣ. Прослѣдивъ стрѣльбу съ «Перуна», они прослѣдовали затѣмъ на императорской яхтѣ «Александрія» на большой рейдъ, гдѣ стояла на якорѣ русская эскадра, и посѣтили огромный броненосецъ «Не тронь меня», который точно также тотчасъ приступилъ къ практической стрѣльбѣ. Артиллерійская практика обнаружила превосходное обученіе и прекрасную дисциплину, и императоръ остался столь доволенъ ею, что выразилъ свое удовольствіе вице-адмиралу Лихачеву и капитанамъ «Перуна» и «Не тронь меня», а равно назначилъ наградныя командамъ. Американцы имѣли честь кушать съ императоромъ на его яхтѣ, и втеченіе этого полуденнаго завтрака его величество предложилъ нижеслѣдующій тостъ: «Я пью за благополучіе вашей страны и за то, чтобы братскія чувства, какія нынѣ существуютъ между нами, остались незыблемыми на вѣки!» Въ два часа императорская яхта «Александрія» пристала къ Павловскому форту, и императоръ, его свита и его гости, войдя въ крѣпость, размѣстились на верхнемъ парапетѣ. Тотчасъ императорскій флагъ на яхтѣ былъ спущенъ: это былъ сигналъ дня начатія практической стрѣльбы. Таковая продолжалась до четырехъ часовъ и оказалась во всѣхъ отношеніяхъ превосходной. Императорская яхта возвратилась въ Петергофъ, и отсюда Густавъ Ваза Фоксъ вмѣстѣ съ прочими лицами американскаго посольства, сопровождавшими императора, на катерѣ возвратились въ Кронштадтъ, гдѣ въ пять часовъ по полудни назначенъ былъ въ честь ихъ большой званый обѣдъ въ морскомъ клубѣ.

Пригласительные на таковой билеты гласили нижеслѣдующее: «Милостивый государь! По случаю прибытія эскадры Соединенныхъ Штатовъ въ наши воды, члены кронштадтскаго морского клуба, желая выразить тѣ дружественныя чувства, какія питаютъ они въ отношеніи гражданъ этой республики, а равно отвѣтить взаимностью на ту пріязнь и сердечность, съ какой приняты были русскіе флоты въ городахъ Нью-Іоркѣ, Вашингтонѣ, Бостонѣ и Санъ-Франциско, имѣютъ честь пригласить васъ отъ имени всего русскаго флота къ обѣду, который имѣетъ быть данъ 28-го сего іюля (9-го августа) въ пять часовъ по полудни въ помѣщеніи означеннаго клуба». По прибытіи американскихъ гостей въ экипажахъ къ зданію клуба, они были встрѣчены восторженными кликами, между тѣмъ какъ блестящій морской оркестръ, помѣщенный у самаго входа, заигралъ «Hail Columbia». Большой залъ клуба, въ которомъ сервированъ былъ этотъ званый обѣдъ, представлялъ собой восхи-

тительный видъ. Стѣны, украшенныя картинами, флагами и знаменами; пьедесталы и ниши, уставленныя бюстами и экзотическими растеніями; блестящіе люстры и подсвѣчники, испускающіе мягкій свѣтъ; длинные столы, искрящіеся блескомъ серебра и хрусталя и украшенные цвѣтами; масса вѣнковъ изъ хвойныхъ растеній—все это сливалось въ чудную панораму, очарованіе которой усиливалось, благодаря превосходной музыкѣ. На изящномъ щитѣ, покрытомъ красной фланелью, красовались на одной изъ стѣнъ портреты Вашингтона, Линкольна и Джонсона, окаймленные вѣнками изъ цвѣтовъ и вѣтвей, а на противоположной стѣнѣ выступалъ среди драпировки и гирляндъ портретъ его императорскаго величества. Американское и прусское знамя, переплетенныя другъ съ другомъ, виднѣлись повсюду. Галлереи были сплошь наполнены дамами, жаждавшими поглазѣть на происходившее внизу торжество. Тамъ же помѣщались два превосходныхъ оркестра, игравшихъ поперемѣнно національные мотивы обѣихъ странъ и попури изъ разныхъ оперъ. Меню обѣда украшено была виньеткой, изображающей входъ Miantonomoh въ Кронштадтскую гавань и именами наиболѣе выдающихся историческихъ дѣятелей обѣихъ странъ: Владиміръ Равноапостольный, Димитрій Донской, Петръ Великій и Александръ II и «862» виднѣлись на лѣвой его сторонѣ и «1492» и Колумбъ, Вашингтонъ, Фультонъ и Линкольнъ—на правой. На обѣдѣ присутствовали всѣ наиболѣе высокопоставленные военные и гражданскіе сановники имперіи. Переводчикомъ явился вице-адмиралъ Лисовскій, въ 1863 г. посѣтившій со своей эскадрой Нью-Іоркъ. Первый тостъ провозглашенъ былъ за здравіе государя императора, и вслѣдъ за таковымъ Густавъ Ваза Фоксъ произнесъ короткую, но выразительную рѣчь, вызвавшую шумные аплодисменты. Онъ говорилъ о дружественныхъ отношеніяхъ между Россіей и Америкой, начавшихся еще со временъ вооруженнаго нейтралитета Екатерины II, и о томъ, насколько его страна обязана императору Александру II, который въ годину тягчайшихъ національныхъ испытаній, когда прочіе государи Европы сторонились народа Соединенныхъ Штатовъ, одинъ лишь послалъ федеральному правительству республики слова симпатіи и ободренія, которыя объединили эти два народа и связали ихъ узами неразрывной дружбы. Этотъ первый изъ цѣлаго ряда обѣдовъ и пріемовъ, данныхъ американскому посольству, произвелъ на него наибольшее впечатлѣніе и оставилъ по себѣ наилучшія воспоминанія. На слѣдующій день, 10-го августа (29-го іюля стар. ст.), вечеромъ данъ былъ въ честь американскаго чрезвычайнаго посольства блестящій банкетъ кронштадтскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Втеченіе этого послѣдняго, американскій посолъ при русскомъ дворѣ, генералъ Cassius Clay, отвѣчая на тостъ, предложенный за его здоровье, произнесъ нижеслѣдующую рѣчь: «Какъ представитель республики Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки,

я являюсь, конечно, республиканцемъ, и было бы трудно по обѣ стороны океана найти болѣе ревностнаго республиканца, нежели я. Однако же, поживъ въ странѣ, обладающей монархической формой правленія, я пришелъ къ убѣжденію, что монархическій образъ правленія можетъ быть самымъ лучшимъ, когда во главѣ его стоитъ человѣкъ самый лучшій и самый добродѣтельный на свѣтѣ. Уважаемый другъ мой, господинъ Фоксъ, также точно искренній демократъ, непреминетъ убѣдиться въ томъ же, послѣ того какъ онъ поживетъ подольше въ Россіи. Поэтому я считаю своей обязанностью провозгласить тостъ за всю Россію: за русское правительство, русскій флотъ, русскую армію и весь русскій народъ!» Іеремія Куртинъ, секретарь американскаго посольства въ Петербургѣ, достаточно владѣвшій русскимъ языкомъ, произнесъ слѣдующую рѣчь порусски: «Когда Петръ Великій открылъ окно въ Европу, онъ основалъ Кронштадтъ и создалъ здѣсь военный флотъ, дабы этотъ послѣдній охранялъ это окно. Балтійскій флотъ свято выполнялъ всегда обязанность, которую возложилъ на него великій преобразователь Россіи. Болѣе столѣтія Кронштадтъ и его флотъ ревниво охраняли ихъ священный постъ: ни одинъ изъ многочисленныхъ враговъ, которые нападали на Россію, не былъ въ состояніи затворить это окно, и я вполнѣ убѣжденъ, что ни одинъ изъ нихъ въ будущемъ этого сдѣлать не сможетъ. Поэтому я позволяю себѣ предложить нижеслѣдующій тостъ: «За городъ Кронштадтъ и его крѣпость, за всѣхъ русскихъ моряковъ вообще и за всѣхъ нынѣшнихъ обывателей Кронштадта!» Рѣчь эта вызвала среди участниковъ банкета бѣшеный взрывъ восторга и нескончаемую бурю аплодисментовъ.

14-го (2-го) августа, данъ былъ Кронштадтскимъ портомъ банкетъ командамъ американскихъ судовъ «Miantonomoh» и «Augusta». На одной изъ главныхъ аллей городского сада сооруженъ былъ парусиновый шатеръ въ сто двадцать пять футовъ длиной, внутренность котораго была украшена флагами обѣихъ націй и вѣтвями хвойныхъ деревьевъ. На фронтовой сторонѣ его развѣвались русскій и американскій флаги огромныхъ размѣровъ, скрещенные другъ съ другомъ, а на одной изъ боковыхъ сторонъ красовался огромный щитъ, разрисованный гербами республики Соединенныхъ Штатовъ и снабженный надписью «E Pluribus Unum» [1]). Столы и скамьи занимали весь шатеръ отъ одного конца до другого. Въ десять часовъ утра два русскихъ офицера, распоряжавшіеся этимъ обѣдомъ, въ сопровожденіи американскаго вице-консула въ Кронштадтѣ, господина Wilkins, на пароходѣ «Ижора» отправились къ мѣсту стоянки американскихъ судовъ и привезли съ собой сто шестьдесятъ человѣкъ матросовъ и прислуги, по 80 человѣкъ съ каждаго

[1]) Американская національная эмблема, выбиваемая на монетахъ и т. д.

судна. Высадившись на берегъ, партія эта, по 4 человѣка въ шеренгѣ, прослѣдовала въ городской садъ, гдѣ была встрѣчена привѣтствіями партіи русскихъ матросовъ. Значительная часть этой послѣдней принадлежала къ командѣ русскаго военнаго коробля «Свѣтлана», который въ составѣ особой эскадры русскихъ военныхъ судовъ подъ командой вице-адмирала Лисовскаго посѣтилъ Нью-Іоркъ въ 1863 году. Во время этой довольно продолжительной стоянки въ американскихъ водахъ многіе изъ русскихъ матросиковъ нѣсколько подучились англійскому языку, который и пригодился имъ, какъ нельзя болѣе, для этого обѣда, даваемаго нижнимъ чинамъ американской эскадры. Прежде чѣмъ усѣсться за обѣденные столы, обѣ партіи, русская и американская, были отведены на живописную полянку между деревьевъ, и изъ нихъ составлена была эффектная группа: кронштадтскій городской голова, вице-консулъ Вилькинсъ и русскіе и американскіе офицеры, командовавшіе обѣими партіями, осѣненные двумя скрещенными національными флагами, составили центръ ея, между тѣмъ какъ на обѣихъ крыльяхъ ея два рослыхъ матроса держали каждый свое національное знамя. Несмотря на различіе языковъ, эти нижніе чины двухъ флотовъ подъ звуки музыки двухъ оркестровъ, игравшихъ попеременно, дружно веселились до поздней ночи.

15-го (3-го) августа, данъ былъ въ честь американскаго чрезвычайнаго посольства большой званый обѣдъ с.-петербургскимъ купеческимъ обществомъ въ зданіи купеческаго клуба на Невскомъ проспектѣ. Независимо отъ меню, отпечатаннаго золотыми буквами на превосходномъ глазированномъ картонѣ, на такомъ же картонѣ отпечатанъ былъ также золотомъ, поанглійски и порусски, списокъ назначенныхъ тостовъ:

1) Президентъ и народъ Соединенныхъ Штатовъ.

2) Его величество государь императоръ.

3) Ея величество государыня императрица, наслѣдникъ цесаревичъ и императорская фамилія.

4) Уважаемый господинъ Фоксъ, товарищъ морского министра республики Соединенныхъ Штатовъ.

5) Генералъ Клей, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ.

6) Купечество Россіи.

7) Купечество Соединенныхъ Штатовъ.

8) Американскій флотъ.

9) Русскій флотъ.

Старшина клуба, Варгунинъ, провозгласилъ первый тостъ въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ: «Достоуважаемый Густавъ Ваза Фоксъ удостоилъ насъ принятіемъ единогласнаго приглашенія русскаго купеческаго общества г. С.-Петербурга къ настоящему обѣду. Не въ первый разъ уже общество наше выражаетъ свою искреннюю и горячую дружбу гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ. Я полагаю,

что многоуважаемый генералъ Клэй не забылъ того сердечнаго пріема, какой данъ былъ ему нашимъ обществомъ въ истекшемъ февралѣ, а равно и тѣхъ рѣчей, исполненныхъ дружественной пріязни, какія были здѣсь произнесены въ означенный день. Но въ настоящее время мы еще тѣснѣе связаны съ этой великой націей тѣмъ сочувствіемъ, какое она намъ оказала по поводу прискорбнаго событія 4-го апрѣля. Сердце каждаго русскаго забилось отъ радости, когда стало извѣстнымъ, что наши друзья по ту сторону океана послали депутацію отъ имени конгресса съ поздравленіями по поводу чудеснаго по волѣ Провидѣнія избавленія нашего возлюбленнаго и дорогого императора отъ грозившей ему опасности. Этотъ актъ ясно показываетъ намъ, что мы имѣемъ искреннихъ друзей, которые радуются каждому успѣху Россіи и сочувствуютъ намъ въ каждомъ испытаніи. Наша дружба основывается не на своекорыстныхъ политическихъ расчетахъ, либо на возможныхъ выгодахъ торговыхъ трактатовъ. Нѣтъ, это—узы любви и сознаніе мощи и независимости. Мы думаемъ, что узы, соединяющія двѣ великія державы, нерасторжимы, и что наша искренняя дружба останется неизмѣнной на вѣкъ, мы будемъ всегда, какъ и теперь, подымать наши стаканы за здоровье президента Соединенныхъ Штатовъ и всего американскаго народа».

Провозглашеніе тоста за здравіе президента республики Соединенныхъ Штатовъ, прежде таковаго же за здоровье государя императора, являлось любезностью, какой не удостоился до того времени ни одинъ изъ иностранныхъ правителей. Въ отвѣтъ на этотъ необычайный тостъ Густавъ Ваза Фоксъ провозгласилъ нижеслѣдующій краткій но выразительный тостъ: «За того, чье безстрашное сердце, ободряемое Господомъ Богомъ, уничтожило въ Россіи рабство и телѣсное наказаніе и даровало странѣ мѣстное самоуправленіе, судъ присяжныхъ и свободу печати—за императора Россіи». Кромѣ представителей с.-петербургскаго купечества, на обѣдѣ присутствовало немало высшихъ сановниковъ имперіи, и между этими послѣдними морской министръ адмиралъ Краббе и вице-адмиралъ Лисовскій, который, служа переводчикомъ съ русскаго на англійскій и съ англійскаго на русскій, искренне радовался представившейся ему возможности отблагодарить американцевъ за тотъ восторженный пріемъ, какой ими былъ оказанъ его эскадрѣ въ 1863 г. Чувство это выразилъ онъ въ краткой рѣчи, закончивъ таковую утвержденіемъ, что дружба между Россіей и Америкой можетъ быть лишь постоянной.

17-го (5-го) августа, въ девять часовъ утра, явилась къ американскому чрезвычайному посланнику депутація отъ С.-Петербургскаго городского управленія съ городскимъ головою во главѣ и объявила ему, что съ разрѣшенія императора онъ избранъ почетнымъ гражданиномъ русской столицы, при чемъ с.-петербургской губерніи предводитель

дворянства произнесъ соотвѣтственную рѣчь и вручилъ ему роскошную грамоту на означенное званіе. Вечеромъ того же дня данъ былъ обѣдъ въ Благородномъ собраніи. Бюстъ императора Александра II и портреты президентовъ республики Соединенныхъ Штатовъ: Вашингтона, Линкольна и Джонсона, украшали павильонъ среди сада, въ которомъ сервированъ былъ этотъ обѣдъ. Вслѣдъ за длинной рѣчью г. Домонтовича, старшина собранія г. Зубинскій провозгласилъ нижеслѣдующій первый тостъ: «За здравіе президента Соединенныхъ Штатовъ Америки и за преуспѣяніе и величіе американскаго народа. Дай Боже, чтобы эта безкорыстная, горячая и старая дружба между Америкой и Россіей была безконечной!» Вслѣдъ за этимъ тостомъ послана была президенту республики г. Джонсону въ Вашингтонъ нижеслѣдующая телеграмма: «Члены С.-Петербургскаго Благороднаго собранія на пріемѣ въ честь г. Фокса, чрезвычайнаго посланника американскаго конгресса, пьютъ здоровье вашего превосходительства и за счастье великаго американскаго народа. Дружба между Америкой и Россіей да утвердится навсегда».

19-го (7-го) августа, американское чрезвычайное посольство, Густавъ Ваза Фоксъ, секретари Green и Loubat и командиры Murray и Beaumont, имѣли честь быть представлены государынѣ императрицѣ въ Петергофѣ и въ тотъ же день вечеромъ, совмѣстно съ генераломъ Clay и секретаремъ обычнаго американскаго посольства въ С.-Петербургѣ Іереміей Куртинъ, присутствовали на обѣдѣ русскаго купеческаго общества взаимнаго вспомоществованія. Втеченіе этого послѣдняго извѣстный представитель московскаго купечества Кокоревъ произнесъ нижеслѣдующую рѣчь: «На обѣдѣ, данномъ нашимъ дорогимъ гостямъ с.-петербургскимъ купеческимъ клубомъ, мы осушили наши стаканы въ честь авторовъ національнаго посольства въ Россію—членовъ американскаго конгресса. Въ вихрѣ блестящихъ празднествъ мы не упомянули еще о происхожденіи этого посольства. Невозможно не быть тронутымъ этимъ событіемъ. Люди, отдѣленные отъ насъ безконечнымъ океаномъ, чувствовали потребность прійти къ намъ, дабы выразить намъ свою радость по поводу сохраненія безцѣнной жизни нашего императора. Откуда проистекаютъ эти взаимныя братскія чувства, эта возростающая дружба, которая оказывается столь прочною? На мониторъ, изобрѣтенный для уничтоженія рода человѣческаго, возложена была американскимъ конгрессомъ обязанность препроводить тѣхъ, кто несетъ святыя чувства братской любви. Вотще десять дней и десять ночей воды океанскія налетали на этотъ желѣзный ящикъ, несущій на себѣ посланника. Неустанное бѣшенство волнъ не могло воспрепятствовать перенесенію въ Россію этихъ чувствъ радости и дружбы къ императору и его народу. Дѣло, которое создало эти чувства, возникло одновременно въ обѣихъ странахъ: это было желаніе дать каждому право свободнаго труда. Въ чемъ именно заключается

сходство между американцами и русскими въ настоящую минуту? Первые не жалѣютъ крови своихъ благородныхъ сыновъ, пролитой, дабы достичь этого права, а въ Россіи дворянство, владѣвшее рабами, не жалѣетъ о матеріальныхъ жертвахъ, имъ принесенныхъ, дабы выполнить актъ человѣчности и желаніе императора. Подобное пожертвованіе интересами ради благого дѣла представляется большой и несомнѣнной прерогативой Россіи предъ прочими націями. Оцѣнка этихъ дѣяній въ Россіи и Америкѣ, хотя и различныхъ по своимъ результатамъ, но одинаковыхъ по своимъ мотивамъ, составляетъ задачу исторіи. На нашей обязанности лежитъ воздать должную честь этому дѣлу братскаго объединенія американцевъ и русскихъ. Поэтому предлагаю общій тостъ за здравіе и многолѣтіе всѣхъ тѣхъ, которые, какъ въ Америкѣ такъ и въ Россіи, пожертвовали своими интересами ради уничтоженія рабства и крѣпостничества».

22-го (10-го) августа, данъ былъ въ честь американскаго чрезвычайнаго посольства блестящій банкетъ его императорскимъ величествомъ государемъ императоромъ въ Петергофѣ. На банкетъ этотъ были приглашены: Густавъ Ваза Фоксъ, генералъ Clay, капитанъ Murray, командиръ Beaumont, секретарь постояннаго американскаго посольства Curtin, секретари чрезвычайнаго посольства Green и Loubat и гражданскіе чины американской эскадры: гг. Post, Adams, Latimer и Sawyer. Фоксъ занималъ мѣсто между великой княгиней Маріей Николаевной и великой княгиней Екатериной Михайловной, по правую руку отъ императора, генералъ Clay—между великой княгиней Александрой Іосифовной и княгиней Евгеніей Лейхтенбергской, по лѣвую руку отъ императора, а прочіе американцы—насупротивъ ихъ императорскихъ величествъ. Единственный тостъ, имѣвшій мѣсто въ теченіе этого банкета, провозглашенъ былъ въ исходѣ обѣда его императорскимъ величествомъ на французскомъ языкѣ: «Я пью за благоденствіе Соединенныхъ Штатовъ Америки и за безпрерывность дружественныхъ отношеній между этими двумя странами!» По приказанію императора, вице-адмиралъ Лисовскій, занимавшій мѣсто насупротивъ его величества, перевелъ тостъ этотъ на англійскій языкъ, между тѣмъ какъ всѣ присутствовавшіе во время его произнесенія встали съ своихъ мѣстъ, дабы воспринять эти пожеланія, нашедшія себѣ откликъ въ каждомъ сердцѣ.

23-го (11-го) августа, съ утра, американцы покинули Петергофъ и, возвратившись въ Петербургъ, по полудни прослѣдовали на станцію Николаевской желѣзной дороги, гдѣ дожидались уже ихъ депутаты отъ г. Москвы, гг. Бибиковъ и Кокоревъ. Компанія состояла изъ американскаго чрезвычайнаго посланника Густава Вазы Фокса и секретаря этого чрезвычайнаго посольства Loubat, американскаго посла при русскомъ дворѣ генерала Clay и секретаря постояннаго

американскаго посольства Curtin, командировъ Murray и Beaumont и около двадцати иныхъ американскихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновъ изъ состава эскадры. Къ компаніи этой присоединился также и г. Boreman, корреспондентъ газеты «New-York Tribune», считавшейся одно время органомъ министра иностранныхъ дѣлъ республики Соединенныхъ Штатовъ, William H. Seward. Вице-адмиралы Лисовскій и Горковенко, принадлежавшіе къ составу пріемнаго комитета, сопровождали американцевъ. Особыя депутаціи встрѣтили американское чрезвычайное посольство на станціяхъ Любань, Новгородъ и Тверь самымъ горячимъ и дружественнымъ образомъ: самые восторженные тосты провозглашаемы были въ честь Фокса и американскихъ друзей, на которые эти послѣдніе отвѣчали соотвѣтственнымъ образомъ. Американцы слѣдовали въ обыкновенномъ почтовомъ поѣздѣ, но къ этому послѣднему прицѣплены были два особыхъ вагона, снаряженныхъ городомъ Москвой и драпированныхъ американскими флагами. Когда на слѣдующее утро, 24-го (12-го) августа, поѣздъ подошелъ къ станціи своей въ Москвѣ, несмѣтная толпа народа встрѣтила гостей несмолкаемыми кликами, между тѣмъ какъ огромный оркестръ военной музыки игралъ «Hail Columbia». Московскій городской голова, князь Щербатовъ, члены городской управы, многочисленные представители разныхъ сословій и учрежденій, съ красными, бѣлыми и голубыми лентами въ петличкахъ, встрѣтили посольство самымъ сердечнымъ и лестнымъ образомъ, при чемъ первый объявилъ Фоксу, что онъ избранъ почетнымъ гражданиномъ города Москвы. Со станціи въ прекрасныхъ экипажахъ, лошади и кучера которыхъ разукрашены были американскими цвѣтами, американскіе гости прослѣдовали въ знаменитый въ то время отель Кокорева, напротивъ Кремля, точно также разукрашенный американскими и русскими флагами, гербами обѣихъ странъ и гербами г. Москвы. Кокоревъ отвелъ американцамъ цѣлыхъ тридцать шесть комнатъ, роскошно меблированныхъ и снабженныхъ всевозможными удобствами. Къ изумленію американцевъ, въ каждой изъ этихъ тридцати шести комнатъ оказались фотографическіе портреты гг. Fox, Murray и Beaumont, а въ покоѣ Фокса портреты Вашингтона, Линкольна и Джонсона, но изумленіе ихъ достигло крайнихъ предѣловъ, когда на стѣнахъ читальной комнаты увидали они портреты тѣхъ же гг. Fox, Murray и Beaumont, писанные масляными красками. Оказалось, что незадолго предъ тѣмъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Кокоревъ подрядилъ портретиста Тюрина и привелъ его съ собой на пріемъ, данный американскимъ гостямъ въ подгородной дачѣ купца Громова. Здѣсь Тюринъ набросалъ эскизы съ трехъ представителей американскаго чрезвычайнаго посольства совершенно незамѣтнымъ образомъ, а затѣмъ написалъ по нимъ прекрасные портреты. Несмотря на всю изобрѣтательность американцевъ, они

были положительно поражены находчивостью Кокорева, который между тѣмъ повторялъ, лукаво усмѣхаясь: «Когда оригиналы уѣдутъ, копіи эти останутся намъ, какъ пріятное воспоминаніе о нашихъ гостяхъ».

Вечеромъ того же дня (24-го), 12-го августа, данъ былъ въ честь американскихъ, гостей большой банкетъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Долгорукимъ. Послѣ обычныхъ тостовъ въ честь президента Соединенныхъ Штатовъ, государя императора, государыни императрицы и императорской фамиліи, встрѣченныхъ привѣтственными кликами и соотвѣтственной музыкой, князь Долгорукій въ краткомъ, но мѣткомъ спичѣ предложилъ тостъ за здравіе американскаго чрезвычайнаго посланника. Отвѣчая на этотъ послѣдній, Густавъ Ваза Фоксъ сказалъ: «Если бы тостъ, въ которомъ провозглашено мое имя, относился ко мнѣ лично, я нѣсколько затруднился бы на него отвѣтить, но онъ провозглашенъ собственно за всѣхъ американцевъ, какъ здѣсь присутствующихъ, такъ равно и тѣхъ, которые, хотя и обитаютъ на другой половинѣ земного шара, почувствовали, однако, живѣйшія къ вамъ симпатіи по поводу опасности, угрожавшей вашему государю. Это чувство нашло себѣ выраженіе въ резолюціи конгресса и въ особомъ въ страну вашу посольствѣ, посланномъ съ мониторомъ «Miantonomoh». Если бы сердца американцевъ, здѣсь присутствующихъ, были вскрыты, тамъ были бы найдены американскій и русскій флаги, переплетенные другъ съ другомъ. Да будутъ же флаги эти соединены въ мирныхъ объятіяхъ на вѣки!»

Вечеромъ слѣдующаго дня (25—13 августа), данъ былъ въ честь американскаго чрезвычайнаго посольства блестящій банкетъ городскимъ общественнымъ управленіемъ города Москвы въ зданіи городской думы. Иллюминація, убранство зала и роскошная сервировка обѣденнаго стола соотвѣтствовали вполнѣ богатству и достоинству древней столицы. Московскій городской голова, князь Щербатовъ, въ видахъ провозглашенія перваго изъ предназначенныхъ тостовъ произнесъ нижеслѣдующую рѣчь: «Великая нація другого полушарія шлетъ намъ свой привѣтъ, та нація, которая только что побѣдоносно вышла изъ тяжкихъ испытаній и изумила міръ новымъ проявленіемъ своей гигантской мощи. Мощная своими неисчерпаемыми ресурсами, еще болѣе своимъ безстрашнымъ духомъ, полная вѣры въ свое будущее, великая, сѣверо-американская нація въ нѣсколько лѣтъ достигла того, для чего инымъ націямъ понадобились бы цѣлыя столѣтія, и заняла свое мѣсто между первенствующими націями цивилизованнаго міра. Отдаленныя земли и океанъ раздѣляютъ насъ, но духъ человѣческій не знаетъ пространства, и наши два народа издавна объединены мыслью и чувствомъ. Съ любящимъ участіемъ слѣдимъ мы за успѣхами другъ друга, со взаимной симпатіей поддерживаемъ мы другъ друга въ

минуту опасности и объединяемся для восхваленія славныхъ именъ тѣхъ великихъ людей, которыхъ благое Провидѣніе ниспосылаетъ намъ въ дни великихъ народныхъ испытаній. Имя Линкольна есть одно изъ этихъ славныхъ именъ. Неутомимый борецъ за святое дѣло, онъ шелъ впередъ, никогда не теряя изъ виду руководящей звѣзды, и его смерть была послѣднимъ актомъ его вѣрнаго служенія своей странѣ и человѣчеству. Но великая безсмертная идея не погибла вмѣстѣ съ нимъ. Линкольнъ завѣщалъ завершеніе своего дѣла своему народу и своему преемнику, и его послѣдняя воля нынѣ уже почти исполнена. Всемогущій Господь да поможетъ вамъ пожать плоды вашихъ славныхъ трудовъ и начинаній; да укрѣпитъ Онъ узы, связующія обновленную федерацію съ нашей націей; пусть американскій народъ, осѣненный миромъ, твердо слѣдуетъ впередъ къ осуществленію его великаго историческаго призванія съ избраннымъ вождемъ во главѣ его! Мы пьемъ за благоденствіе Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и за здравіе президента Джонсона!»

Рѣчь эта принята была восторженными кликами и громомъ рукоплесканій, все снова и снова повторявшимися, между тѣмъ какъ оркестръ игралъ американскій національный маршъ: «Hail Columbia». Это былъ небывалый взрывъ энтузіазма, какого почти не приходилось еще встрѣчать американскому посольству со времени его вступленія на Русскую землю, почему участники его естественно вынесли впечатлѣніе, что населеніе Москвы было особо глубоко тронуто безпримѣрнымъ актомъ ихъ страны, выразившимся въ посылкѣ ею поздравленій императору. Едва рукоплесканія стихли, Густавъ Ваза Фоксъ всталъ и громогласно произнесъ: «За того, чья имперія простирается отъ Атлантическаго океана до Тихаго и отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до Средиземнаго моря, но который обладаетъ еще большей имперіей въ любви и преданности могучаго народа: за императора всероссійскаго!» Взрывъ рукоплесканій и звуки русскаго національнаго гимна послѣдовали за этимъ тостомъ. Предсѣдатель московскаго биржеваго комитета Ляминъ произнесъ нижеслѣдующую рѣчь: «Господа! Мы не только желали бы изгладить изъ человѣческой памяти, но и исключить вовсе изъ ряда событій то несчастіе, какое едва не случилось съ нами въ текущемъ году. Преступная рука убійцы была занесена надъ нашимъ государемъ, тѣмъ государемъ, который уничтожилъ рабство въ своей обширной имперіи, который сдѣлалъ цѣлью своего царствованія установленіе въ предѣлахъ своихъ владѣній полнаго безпристрастнаго правосудія, а равно и предоставленіе всѣмъ свободы мысли и слова, являющихся величайшими правами человѣка. На первыя извѣстія о его спасеніи пришли отовсюду поздравленія со счастливымъ избавленіемъ отъ опасности, грозившей жизни, столь для насъ неоцѣненной. Мы питаемъ твердую и непоколебимую вѣру

въ искренность этой радости, ибо само чудовищное звѣрство вотще стало бы искать даже тѣнь оправданія для столь отвратительнаго покушенія. Однако ни искренность, ни полнота этой радости не воздержали тѣхъ, кто поздравлялъ насъ, отъ употребленія обычныхъ дипломатическихъ формъ ея выраженія. Извините меня за, быть можетъ, чрезмѣрныя требованія русскаго сердца, но кажется ему, что величіе этого спасенія, невозможность не любить монарха-реформатора, громадность экстаза семидесяти милліоновъ людей, должны были бы найти себѣ откликъ помимо обычныхъ дипломатическихъ формъ поздравленія. Въ настоящую минуту, господа, предъ вами находится лицо, которое принесло этотъ необычный откликъ, ожидавшійся нашими сердцами, которое отвергло строгость дипломатическихъ пріемовъ и въ изліяніи своей симпатіи отбросило всѣ правила кодекса условныхъ привѣтствій. Не одно лицо, а весь конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ избралъ господина Фокса краснорѣчивымъ толкователемъ его поздравленій нашему государю и намъ всѣмъ—всему русскому народу. Цѣлая эскадра снаряжена и переправлена черезъ полсвѣта, дабы доставить намъ устами нашего дорогого гостя эти радостныя поздравленія. Мы видимъ здѣсь не одну лишь простую дипломатическую формальность, но открытое изліяніе изъ самаго сердца. Найдется ли послѣ этого хоть одинъ русскій, который не провозгласитъ громогласно вмѣстѣ со мною сердечнаго тоста представителю великаго конгресса, его посланнику — достоуважаемому господину Фоксу?» Послѣ цѣлаго ряда рѣчей, среди которыхъ особенно выдавалась своимъ мастерствомъ рѣчь Кокорева, посвященная памяти Линкольна, банкетъ затянулся до поздней ночи, отличаясь необычайнымъ воодушевленіемъ.

26-го (14-го) августа, по полудни компанія американцевъ отправилась въ село Кузьминское на празднество къ князю Голицыну. При ихъ появленіи въ паркѣ, депутація крестьянъ со старостой Ефимомъ Гвоздевымъ во главѣ, поднесла имъ хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, при чемъ Гвоздевъ произнесъ: «Мы желаемъ сказать посланнику, что мы пришли сюда, чтобы поздравить его съ прибытіемъ, преподнести ему хлѣбъ-соль и сказать ему, что мы любимъ его и будемъ помнить любовь его народа къ нашей странѣ и нашему государю». Хотя американское чрезвычайное посольство было уже ранѣе встрѣчаемо и привѣтствуемо крестьянскими депутаціями, тѣмъ не менѣе эта безыскусственная рѣчь представителя бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ князя Голицына въ связи съ совершенной неожиданностью ихъ появленія до такой степени поразила Фокса, что этотъ послѣдній едва подыскалъ соотвѣтственныя выраженія, дабы поблагодарить крестьянъ за поднесенные хлѣбъ-соль. Поздно вечеромъ зажжена была на озерѣ въ саду тріумфальная арка изъ искусственныхъ огней съ иниціалами именъ Вашингтона, Франклина и Линкольна и огненные лебеди покрыли

его блестящую поверхность, плывя въ разныхъ направленіяхъ, между тѣмъ какъ вслѣдъ затѣмъ весь вѣковой садъ былъ освѣщенъ бенгальскими огнями. Возвращаясь съ озера, компанія застала въ ротондѣ огромную толпу крестьянъ. Густавъ Ваза Фоксъ подарилъ американскій флагъ старостѣ Гвоздеву и при этомъ сказалъ ему: «Примите этотъ даръ моей страны. Цвѣта его — тѣ самые, что и въ русскомъ флагѣ, хотя они и расположены инымъ образомъ. Флагъ этотъ часто развѣвался во время битвъ, но нынѣ онъ является знаменемъ мира и любви. Сохраните его, дабы вы, освобожденные русскіе крестьяне, могли распознавать эмблему дружественной націи, которая всегда будетъ сочувствовать усиліямъ вашего класса подняться на уровень благъ цивилизаціи и свободы, вамъ дарованной вашимъ возлюбленнымъ государемъ». Слезы показались на глазахъ многихъ изъ этихъ крестьянъ, когда эти слова были переведены; староста Гвоздевъ принялъ изъ рукъ Фокса американскій флагъ, а, принявъ этотъ послѣдній, старикъ сказалъ: «Скажи своимъ соотечественникамъ, что мы цѣнимъ эту дружбу, и если одному изъ насъ будетъ грозить бѣда, оба народа сольются воедино противъ врага». Вслѣдъ затѣмъ эта партія подмосковныхъ крестьянъ выстроилась въ парадное шествіе и съ преднесеніемъ американскаго флага удалилась въ свою деревню.

28-го (16-го) августа, посѣтивъ Свято-Троицкій монастырь и митрополита Филарета, американское посольство на слѣдующій день 29-го (17-го) августа, стало собираться къ отъѣзду изъ Москвы въ Нижній Новгородъ, изъ котораго прибыла между тѣмъ депутація съ соотвѣтственными приглашеніями отъ имени города и нижегородскаго купечества. Цѣлая толпа наиболѣе выдающихся московскихъ гражданъ, съ генералъ-губернаторомъ княземъ Долгорукимъ и городскимъ головою княземъ Щербатовымъ во главѣ, окруженная несмѣтной толпой народа, подъ звуки американскихъ національныхъ гимновъ, провожала дорогихъ гостей на станцію московско-нижегородской желѣзной дороги. Здѣсь Густавъ Ваза Фоксъ распростился съ москвичами самымъ сердечнымъ образомъ и въ сопровожденіи одного изъ членовъ вышеозначенной депутаціи, г-на Корнилова, отбылъ въ Нижній, между тѣмъ какъ постоянный американскій посолъ при русскомъ дворѣ, генералъ Clay, возвратился въ Петербургъ. Несмотря на то, что поѣздъ съ американскимъ чрезвычайнымъ посольствомъ прибылъ въ Нижній около полуночи, оно было встрѣчено особымъ комитетомъ, состоящимъ изъ губернскаго предводителя дворянства, нижегородскаго городского головы и иныхъ должностныхъ лицъ, облаченныхъ въ полную парадную форму, именитымъ купечествомъ и несмѣтной толпой народа. Сдѣлавъ на слѣдующее утро, въ сопровожденія вице-адмираловъ Лисовскаго и Горковенко, офиціальные визиты ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ князьямъ наслѣднику цесаревичу Александру Алексан-

дровичу и Владиміру Александровичу, въ то время находившимся въ Нижнемъ по случаю ярмарки, Густавъ Ваза Фоксъ и командиры Murray и Beaumont сдѣлали вслѣдъ затѣмъ такіе же визиты нижегородскому губернатору генералъ-лейтенанту Одинцову и временному генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Огареву. Вечеромъ того же дня данъ былъ въ честь американскихъ гостей большой обѣдъ именитымъ купечествомъ въ одномъ изъ ярмарочныхъ зданій. Обѣденный залъ былъ по обыкновенію украшенъ вѣтвями хвойныхъ растеній, цвѣтами, русскими и американскими флагами, портретами императора Александра II, Вашингтона, Линкольна и Джонсона. Несмотря на утомленіе, какое какъ американцы, такъ и русскіе естественно чувствовали, оказавшись въ вихрѣ ярмарки въ знойный лѣтній день, обѣдъ этотъ прошелъ самымъ оживленнымъ образомъ, и среди произнесенныхъ рѣчей рѣчь предсѣдателя ярмарочнаго комитета Шипова, предшествовавшая первому изъ назначенныхъ тостовъ — въ честь президента Соединенныхъ Штатовъ, отличалась немалымъ мастерствомъ.

1-го сентября (20-го авг. стар. ст.) американское чрезвычайное посольство на пароходѣ «Сарапулецъ» отплыло изъ Нижняго въ Кострому. Большой оркестръ исполнялъ американскіе національные гимны съ пароходной пристани, пока «Сарапулецъ» скрылся изъ глазъ, между тѣмъ какъ несмѣтная толпа народа, среди которой еле виднѣлись офиціальныя лица и многочисленная депутація отъ именитаго купечества, провожавшія американцевъ, оглашали воздухъ несмолкаемыми «ура». По случаю мелководья подъ самымъ городомъ Костромой американское чрезвычайное посольство было пересажено на меньшій пароходъ «Депеша», на которомъ 2-го сентября (21-го августа стар. стиля), въ одиннадцать часовъ утра и прибыло въ означенный городъ. На пристани, украшенной флагами и устланной коврами, встрѣтилъ Фокса мѣстный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Рудзевичъ, въ полной формѣ и, взойдя на пароходъ, привѣтствовалъ его съ прибытіемъ въ качествѣ гостя города. Сопутствуемые губернаторомъ въ открытыхъ экипажахъ американцы сдѣлали обычные офиціальные визиты, посѣтивъ прежде всего резиденцію губернаторскую, а затѣмъ таковыя же губернскаго предводителя дворянства и городского головы. Побывавъ у памятника Сусанина и въ Ипатьевскомъ монастырѣ, американцы вечеромъ того же дня отправились къ парадному обѣду, данному въ честь ихъ городомъ Костромой въ залѣ мѣстнаго дворянскаго собранія. Во время этого обѣда рѣчь секретаря американскаго посольства въ Петербургѣ, Іереміи Куртина, произнесенная имъ на русскомъ языкѣ, привела всѣхъ присутствующихъ въ такой восторгъ, что его качали на рукахъ довольно долго. За обѣдомъ послѣдовалъ балъ, и въ исходѣ таковаго, уже за полночь, американцы, сопровождаемые губернаторомъ, прочими должностными

лицами и огромной толпой народа, распѣвавшей русскія народныя пѣсни, отбыли на тотъ же пароходъ «Депеша», ихъ дождавшійся у пристани, который тотчасъ же и двинулся въ путь.

Пройдя Ярославль, Рыбинскъ, Угличъ, Калязинъ, Кимру и Корчеву, при чемъ во всѣхъ мѣстахъ остановки парохода американское чрезвычайное посольство встрѣчаемо было депутаціями, оваціями и подношеніями Густаву Вазѣ Фоксу почетнаго гражданства, 5-го сентября (24-го августа стар. ст.) въ половинѣ шестого по полудни посольство прибыло въ Тверь. На пароходной пристани оно встрѣчено было губернскимъ предводителемъ дворянства, княземъ Мещерскимъ, губернаторомъ княземъ Багратіономъ, тверскимъ городскимъ головой, представителями сословій, учрежденій и именитыми гражданами. Послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленій американцы были въ экипажахъ провезены по городу и, осмотрѣвъ его достопримѣчательности, доставлены на станцію Николаевской жел. дор., богато разукрашенную флагами, гдѣ большой оркестръ игралъ между тѣмъ «Hail Columbia». Представители офиціальнаго міра съ губернаторомъ княземъ Багратіономъ во главѣ снова встрѣтили здѣсь Фокса и лицъ, его сопровождавшихъ, и въ честь ихъ данъ былъ здѣсь блестящій обѣдъ. На первый тостъ, предложенный губернаторомъ и за президента Соединеныхъ Штатовъ Америки, сопровождавшійся рукоплесканіями и американскимъ національнымъ гимномъ, Густавъ Ваза Фоксъ отвѣчалъ нижеслѣдующимъ тостомъ: «За того, кто принадлежитъ вполнѣ Россіи, но признается вождемъ вездѣ, гдѣ только водворяются принципы христіанства и цивилизаціи, за его императорское величество Александра II». Прибытіе московскаго поѣзда привело обѣдъ съ его быстро смѣнявшими другъ друга тостами къ наискорѣйшему окончанію, и на слѣдующее утро американское чрезвычайное посольство прибыло въ Петербургъ, гдѣ заняло свои роскошные аппартаменты въ Hôtel de France.

8-го сентября (27-го августа стар. стиля), подъ вечеръ, американскій чрезвычайный посланникъ Густавъ Ваза Фоксъ и секретарь чрезвычайнаго посольства Loubat, американскій посолъ при русскомъ дворѣ генералъ Clay и секретарь американскаго постояннаго посольства Curtin, капитанъ Murray, командиръ Beaumont и иные офицеры американской эскадры присутствовали на большомъ банкетѣ, данномъ въ честь сего чрезвычайнаго посольства с-петербурскимъ Англійскимъ клубомъ. Послѣ обѣда за пуншемъ, по приглашенію старшины клуба, генерала Толстого, князь А. М. Горчаковъ произнесъ нижеслѣдующую рѣчь на французскомъ языкѣ: «Господа! Наши друзья изъ-за океана понимаютъ тѣ чувства, какія ихъ присутствіе и цѣль ихъ къ намъ прибытія въ насъ возбуждаютъ. Эти чувства имъ выражены каждымъ классомъ въ нашей соціальной лѣстницѣ какъ тамъ, гдѣ мышленіе обозначаетъ мысль, такъ и тамъ, гдѣ сердце знакомо лишь съ языкомъ вполнѣ

элементарнымъ. Они были услышаны, точно отзвукъ одного голоса, и мой голосъ не можетъ многаго къ нимъ добавить.

«Исключительный актъ, единичный въ исторіи, посредствомъ котораго конгрессъ препроводилъ выраженіе любви нашему государю; выборъ личности, на которую возложено было доставленіе этого выраженія и которой высокое положеніе и достоинство, соединенные съ сердечной теплотой, мы вполнѣ оцѣниваемъ; искусство и мужество тѣхъ, кто переправилъ этотъ мониторъ черезъ океанъ, разрѣшивъ такимъ образомъ задачу, которая сбивала съ толку современную науку; наконецъ, самый фактъ, что между нами находится представитель націи, которая втеченіе многихъ лѣтъ и во всякихъ обстоятельствахъ давала намъ доказательства непоколебимаго съ ея стороны желанія сохранить хорошія отношенія между нашими двумя странами,—все это, господа, составляетъ полное и гармоническое цѣлое, безъ малѣйшаго разногласія.

«Я радуюсь присутствію этихъ лицъ, ибо я думаю, что Россія не теряетъ ничего, если поглядѣть на неё поближе. Разстояніе округляетъ линіи далекаго горизонта, но лишь разсмотрѣніе вблизи можетъ дать обстоятельное знаніе деталей.

«Я поздравляю себя съ тѣмъ, что умы практическіе, далекіе отъ предразсудковъ, пришли сюда судить о насъ, какъ мы есмы. Они будутъ въ состояніи оцѣнить, какъ государя, который составляетъ величайшею славу нашей страны, такъ и народъ, который составляетъ ея силу.

«Говорится, что и хорошія царствованія оставляютъ пустыя страницы для исторіи. Это изреченіе не совсѣмъ справедливо. Если существуетъ царствованіе, каждая страница котораго полна реформъ наивысшаго значенія въ интересахъ внутренняго благоустройства, если существуетъ царствованіе, посвященное заботамъ о настоящемъ ради великаго будущаго, такъ это то, которое объединяетъ въ настоящее время всѣ чувства любви и преданности нашего народа, и всѣ мы безусловно убѣждены, что каждый моментъ этого благороднаго существованія съ безпредѣльной преданностью посвященъ благоденствію нашего отечества.

«Между его многочисленными дѣяніями я укажу лишь на одно, изъ всѣхъ нихъ самое великое, освобожденіе крестьянъ, и въ этомъ пунктѣ я прошу у нашихъ американскихъ друзей разрѣшенія говорить открыто. Резолюція конгресса заключаетъ въ себѣ ошибку, которая можетъ быть объяснена лишь разстояніемъ, а именно въ той ея части, гдѣ она упоминаетъ о врагѣ эмансипаціи. Сумасшедшій, къ которому это упоминаніе относится, не принадлежитъ ни къ какой національности. Онъ не имѣлъ никакого интереса въ судьбахъ страны и представляютъ собой лишь слѣпую случайность рожденія.

«Въ Россіи, господа, не существуетъ не единаго врага эмансипаціи. Тотъ классъ, на который мѣра эта налагала тяжелыя жертвы, принялъ ее съ такой же радостью, какъ и тѣ, кто обязанъ ей своей свободой. Это признаніе государь нашъ первый долженъ былъ воздать его земельной знати, и я увѣренъ, господа, что въ этомъ кругу, который является представителемъ какъ просвѣщенія, такъ и собственности, ни одинъ голосъ не подымется съ возраженіями на мои слова.

«Нѣтъ надобности подчеркивать выраженія симпатіи между двумя странами. Таковыя сіяютъ среди бѣлаго дня. Это — самый назидательный фактъ нашего времени, фактъ, несомнѣнно создающій между двумя націями—я сказалъ бы скорѣе между двумя континентами — зачатки взаимныхъ доброжелательствъ и дружбы, которые принесутъ свои плоды, которые создаютъ традиціи, которыя ведутъ къ утвержденію между ними отношеній, основанныхъ на истинномъ духѣ христіанской цивилизаціи. Это взаимное сочувствіе другъ другу основывается не на географической близости — безпредѣльный океанъ раздѣляетъ насъ, ни на договорѣ—я не нашелъ ни малѣйшихъ слѣдовъ таковаго въ архивѣ ввѣреннаго мнѣ министерства. Оно является инстинктивнымъ, даже болѣе, я рѣшаюсь назвать его предопредѣленнымъ. Я радуюсь его существованію, я вѣрую въ его продолжительность. На моемъ политическомъ посту всѣ мои заботы будутъ клониться къ его упроченію. Я говорю заботы, а не усилія, ибо усилія не нужны тамъ, гдѣ влеченіе представляется серіознымъ и взаимнымъ.

«Иной мотивъ, который побуждаетъ меня объявить категорически мое признаніе этого сочувствія, заключается въ томъ, что оно не угрожаетъ ничѣмъ ни одной изъ сторонъ и не представляетъ для нихъ никакой опасности. Оно не проистекаетъ ни изъ любостяжанія, ни изъ какой либо задней мысли. Господь ниспослалъ обѣимъ странамъ такія условія существованія, что ихъ богатая внутренняя жизнь ихъ вполнѣ удовлетворяетъ.

«Соединенные Штаты Сѣверной Америки неуязвимы у себя дома. Подобное положеніе вещей основывается не только на томъ, что бездна океана гарантируетъ ихъ отъ европейскихъ осложненій, но также на томъ общественномъ духѣ, какой ими руководитъ, а равно личныхъ качествахъ ихъ гражданъ. Америка не можетъ испытывать никакого несчастія, какое она сама для себя не создала бы. Мы задрапировали крепомъ прискорбныя страницы ея позднѣйшихъ дней. Мы слѣдили съ глубокимъ прискорбіемъ за борьбой между братьями Сѣвера и Юга, но мы всегда вѣрили, что въ концѣ концовъ союзъ восторжествуетъ, и мы надѣемся на его постоянное укрѣпленіе, благодаря усиліямъ нынѣшняго президента, котораго образъ дѣйствій, диктуемый одновременно твердостью и умѣренностью, привлекаетъ всѣ наши симпатіи.

«Я нахожу также извѣстную аналогію между нашими двумя странами. Россія по ея географическому положенію можетъ быть вовлечена въ европейскія осложненія, военное счастье можетъ измѣнить намъ. Тѣмъ не менѣе, однако, я думаю, что Россія обладаетъ такой же неуязвимостью, которую она обнаружитъ, когда лишь ея честь и достоинство будутъ серіозно угрожаемы, ибо тогда, какъ и во всѣхъ кризисахъ нашей исторіи, скажется истинная сила Россіи. Эта послѣдняя не заключается лишь въ ея территоріальной обширности и въ численности ея населенія, а въ томъ внутреннемъ и неразрывномъ единеніи, которое соединяетъ націю съ ея государемъ, ввѣряетъ этому послѣднему всѣ матеріальныя и интеллектуальныя силы страны и сосредоточиваетъ въ немъ всеобщее чувство любви, преданности.

«Благодарю васъ, господа, за ту снисходительность, съ какой вы принимаете мои слова, хотя я и сожалѣю, что чувства, всѣхъ насъ воодушевляющія, нашли себѣ столь несовершенное выраженіе.

«Прежде чѣмъ кончить рѣчь мою, не желая оставить невысказаннымъ ни одного предмета, за пройденіе котораго молчаніемъ наши амеканскіе друзья могли бы осудить насъ, позвольте мнѣ не забыть посвятить нѣсколько словъ уваженія къ памяти президента Линкольна, этого великаго гражданина, который поплатился жизнью за исполненіе своей обязанности.

«Позвольте мнѣ теперь, возвращаясь къ пожеланіямъ, которыя были уже нами выражены, предложить тостъ за процвѣтаніе Соединенныхъ Штатовъ, за успѣшность работы ихъ внутренняго умиротворенія, за нынѣшняго президента, за г. Фокса, на котораго возложено было порученіе, какое не могло найти себѣ лучшаго исполнителя, за капитановъ Murray и Beaumont, безстрашіе и искусство которыхъ явилось залогомъ успѣха этого долгаго пути, и за всѣхъ тѣхъ вообще, кто въ немъ принималъ участіе. Я былъ бы виновенъ въ неблагодарности, если бы я забылъ о нынѣшнемъ представителѣ Соединенныхъ Штатовъ[1]), который въ настоящую минуту находится между нами, безпрерывно дававшемъ намъ доказательства своей любви къ Россіи.

«Когда наши друзья изъ Америки возвратятся домой, они, я тому вѣрю, унесутъ съ собой и сохранятъ тѣ же чувства, какія они оставятъ по себѣ у насъ; они скажутъ своимъ соотечественникамъ, что великая нація никогда не забудетъ этихъ выраженій сочувствія, преподнесенныхъ ея государю, а равно не забудетъ того, что былъ въ исторіи этихъ двухъ націй такой моментъ, когда мы и наши американскіе друзья жили одной и той же жизнью, когда они раздѣляли наши печали и наши радости».

---

[1]) Генералъ Clay.

На рѣчь эту, единственную рѣчь, произнесенную канцлеромъ имперіи, княземъ А. М. Горчаковымъ, въ теченіе пребыванія американскаго чрезвычайнаго посольства въ предѣлахъ Россіи, которую мы въ видахъ особаго современнаго и историческаго ея значенія привели цѣликомъ, со всевозможной точностью придерживаясь французскаго текста, Густавъ Ваза Фоксъ отвѣчалъ по-англійски нижеслѣдующимъ образомъ: «Въ присутствіи того, кто говорилъ отъ имени Россіи, я не долженъ бы раскрывать рта. Мое посольство было исполнено, когда я представилъ въ руки его величества резолюцію конгресса. Но существовала еще другая миссія, которую я долженъ былъ выполнить. Оставаясь въ предѣлахъ Россіи, дабы воспользоваться ея гостепріимствомъ, я принялъ на себя весьма трудную и щекотливую задачу: изо дня въ день являться представителемъ того духа, который диктовалъ означенную резолюцію. Пока я не возвращусь въ Вашингтонъ, гдѣ я долженъ получить одобреніе либо осужденіе отъ моего правительства, я не могу знать, выполнилъ ли я удовлетворительно эту обязанность. Въ чемъ я однако увѣренъ, такъ это то, что повсюду въ Россіи, съ самыхъ верховъ и до самыхъ низовъ, мы были приняты съ единодушной пріязнью. Въ теченіе нашего пріема, чему не было еще прецедента даже въ исторіи этой имперіи, великій народъ, на широкихъ плечахъ котораго зиждется національное единство, повергалъ предъ нами свои симпатіи подобно тому, какъ онъ бросалъ свое платье намъ подъ ноги по пути нашего слѣдованія. Если въ этихъ выраженіяхъ взаимныхъ чувствъ чего либо недоставало, то это моя вина а не вина кого либо изъ русскихъ.

«Нынѣ за встрѣчными привѣтствованіями и солнечнымъ сіяніемъ, какое имъ сопутствовало, наступили грустное прощанье и мрачныя зимнія тучи. Но надъ ними блещетъ вѣчное солнце. Страсти человѣческія могутъ въ будущемъ надвинуть мрачныя тучи между нашими двумя странами. Дай Боже, чтобы тѣ, кто будетъ въ то время руководить дѣлами обѣихъ націй, узрѣли бы, подобно св. Павлу, свѣтъ съ небесъ, сіяющій вокругъ нихъ боже-жественный свѣтъ, нисходящій отъ этой дружбы нашихъ дней. Когда темная ночь гражданской войны распростерлась надъ Америкой, былъ одинъ великій государственный человѣкъ въ Европѣ, пророческое око котораго прозрѣвало разсвѣтъ окончательной побѣды. Его сочувственныя слова упали на сердце наше и тамъ выросли, точно перлы. Онъ достигъ заката своихъ дней; сіяніе заходящаго солнца, являющагося эмблемой его жизни, окружаетъ его. Подобно тому, какъ солнце по Божьему попущенію остановилась ради Іисуса Навина, пусть также оно остановится, дабы очи обоихъ народовъ могли глядѣть на него. Америка провозглашаетъ здравіе князя Горчакова!»

Вслѣдъ за громкими кликами и русскимъ національнымъ гимномъ, г. Майковъ прочелъ прощальное по адресу американскаго чрезвычайнаго посольства стихотвореніе г-на Розенгейма, которое было ранѣе подстрочно переведено американцамъ.

9-го сентября (28-го августа стараго стиля), въ часъ по полудни, Густавъ Ваза Фоксъ, несмотря на воскресный день, отправился въ министерство иностранныхъ дѣлъ для условленнаго свиданія съ княземъ Горчаковымъ. Канцлеръ Россійской имперіи послѣ любезныхъ замѣчаній по поводу выполненія Фоксомъ щекотливыхъ обязанностей, на него возложенныхъ его правительствомъ, преподнесъ ему отъ имени императора въ подарокъ золотую табакерку съ миніатюрнымъ портретомъ его величества, окруженнымъ двадцатью пятью бриллiантами, а равно фотографическія карточки императора и императрицы, снабженныя автографами ихъ величествъ, изъ которыхъ карточка послѣдней предназначалась для г-жи Fox. Въ то же время князь Горчаковъ вручилъ Фоксу по кольцу для командировъ Murray и Beaumont, снабженному монограммой императора «А. II», окруженной небольшими бриллiантами. Каждый изъ офицеровъ эскадры получилъ впослѣдствіи черезъ вице-адмирала Лисовскаго по небольшому альбому, заключающему въ себѣ коллекцію малыхъ фотографическихъ карточекъ царей и императоровъ Россіи.

10-го сентября (29-го августа стараго стиля), Густавъ Ваза Фоксъ, въ сопровожденіи секретаря чрезвычайнаго посольства г-на Loubat и командировъ Murray и Beaumont въ десять часовъ утра отправился изъ Петербурга въ Царское Село, дабы откланяться императору и императрицѣ. Ровно въ полдень они были приняты ихъ императорскими величествами безъ всякаго церемоніала и въ высшей степени сердечно. Втеченіе аудіенціи, которая продолжалась около двадцати минутъ, императоръ говорилъ по-французски, при чемъ г-нъ Loubat переводилъ слова его величества на англійскій языкъ. Государь спросилъ Фокса, какъ ему понравилась Россія, на что этотъ послѣдній отвѣчалъ, что было бы совершенно невозможно въ надлежащихъ выраженіяхъ передать его соотечественникамъ то чувство расположенія къ Соединеннымъ Штатамъ, какое нашелъ онъ повсюду. Императоръ сказалъ затѣмъ, что онъ желалъ бы, чтобы президентъ республики и американскій народъ знали, насколько глубоко снаряженіе посольства его тронуло. Онъ видитъ въ резолюціи конгресса залогъ дружбы обѣихъ націй, и его желаніемъ является продолжать таковую. Онъ надѣется, что г. Фоксъ засвидѣтельствуетъ американскому народу тѣ чувства дружбы, какія онъ нашелъ между русскими, и что лично онъ увезетъ съ собой пріятныя воспоминанія объ этой странѣ. Императрица выразила сожалѣніе, что г-жа Фоксъ не сопровождала своего супруга въ его путешествіи въ Россію. Ихъ величества пожали руку Фоксу, государь императоръ неоднократно. Вечеромъ того же дня Густавъ

Ваза Фоксъ, генералъ Clay, гг. Loubat и Curtin, командиры Murray Beaumont и г. Sawyer обѣдали у князя Горчакова, въ обществѣ около сорока человѣкъ, при чемъ за обѣдомъ этимъ не было провозглашаемо никакихъ тостовъ и не произносилось никакихъ рѣчей.

13-го (1-го) сентября, въ четыре часа по полудни, Густавъ Ваза Фоксъ покинулъ С.-Петербургъ и отбылъ на американскія суда, стоявшія все это время на якорѣ въ Кронштадтской гавани. Въ ту же ночь данъ былъ адмираломъ Новосильскимъ блестящій балъ въ зданіи мѣстной городской думы, къ которому, кромѣ офицеровъ американской эскадры, приглашены были почти исключительно русскіе морскіе офицеры и ихъ семейства. На слѣдующій день 14-го (2-го) сентября, онъ на короткое время возвратился въ Петербургъ, дабы сдѣлать окончательныя приготовленія къ отъѣзду. Множество книгъ и разныхъ подарковъ отъ разныхъ лицъ оказались присланными въ отель на имя какъ его, такъ и прочихъ участниковъ эскадры. Несмотря на дурную погоду, пароходы и яхты, заполненные публикой, окружали Miantonomoh. Значительное число американскихъ гражданъ прибыло изъ Москвы и иныхъ внутреннихъ городовъ Россіи, дабы напутствовать свою эскадру и послать ей прощальный привѣтъ. По полудни большая депутація отъ кронштадтскаго городского общественнаго управленія поднесла Фоксу грамоту на званіе почетнаго гражданина города Кронштадта, а утромъ слѣдующаго дня (15—3 сентября) данъ былъ американскому посольству прощальный завтракъ морскимъ министромъ адмираломъ Краббе на яхтѣ «Рюрикъ». Со стороны американской на немъ присутствовали, кромѣ самого Фокса, капитанъ Murray, командиръ Beaumont и секретарь постояннаго американскаго посольства въ Петербургѣ Іеремія Куртинъ, для сего нарочито прибывшій изъ Петербурга, дабы вслѣдъ за тѣмъ присутствовать при отплытіи американскихъ судовъ, а со стороны русской — адмиралъ Новосильскій, генералъ-лейтенантъ Грейгъ, князь Голицынъ, вице-адмиралы баронъ Таубе, Поповъ, Изильментевъ и Лисовскій и наконецъ всѣ почти члены пріемнаго комитета. «Рюрикъ», равно какъ и оба американскихъ военныхъ судна были окружены пароходами, пароходиками и яхтами, набитыми публикой, сюда явившейся провожать дорогихъ гостей. Послѣ цѣлаго ряда рѣчей, Густавъ Ваза Фоксъ всталъ и произнесъ: «До этого момента я думалъ, что мое сердце также твердо, какъ тотъ ледъ, который зимой покрываетъ воды Невы и подобно этому послѣднему отражаетъ ту теплоту, которая на него ниспадаетъ. Однако сейчасъ, въ эти послѣднія минуты, восторженное ко мнѣ уваженіе моихъ русскихъ друзей преодолѣло меня. Языкъ прилипаетъ къ гортани моей. Сердечность, которая окружаетъ меня, растворяетъ мое сердце. За Россію и нашихъ русскихъ друзей! Прощайте!» Изъ уваженія къ тому глубокому душевному волненію, какое въ эту минуту овладѣло посланникомъ американскаго конгресса, пред-

ложенный имъ тостъ былъ выпитъ въ совершенномъ молчаніи. Въ этотъ моментъ небольшой ботикъ присталъ къ «Рюрику», и вышедшая изъ него депутація крестьянъ г. Черповца Новгородской губерніи преподнесла Фоксу хлѣбъ-соль въ богато разукрашенной деревянной мискѣ и букетъ цвѣтовъ, при чемъ глава депутаціи въ короткой рѣчи заявилъ ему, что Череповецъ, небольшой городъ Великой Россіи, благодаритъ его за тѣ слова сочувствія и уваженія, какія преподнесъ онъ государю благодѣтелю Россіи отъ имени великой республики по ту сторону океана. Густавъ Ваза Фоксъ на краткую рѣчь эту отвѣчалъ нижеслѣдующимъ образомъ: «Господа! Подобно тому, какъ океанъ составился изъ собранія капель, такъ и эта могучая имперія сложилась изъ объединенія отдѣльныхъ общинъ, крестьянскіе представители одной изъ которыхъ сейчасъ находятся предо мной. Какъ солнце, находясь въ центрѣ вселенной, является источникомъ свѣта и теплоты и сосредоточеніемъ силы, такъ и царственный благодѣтель Россіи является зиждительной силой для тѣхъ милліоновъ, которыхъ поднялъ онъ изъ уничиженія рабства на высоту человѣческаго достоинства». По окончаніи рѣчей, генералъ-лейтенантъ Грейгъ вручилъ Фоксу и командирамъ Murray и Beaumont по медали въ память манифеста объ освобожденіи крестьянъ: первая была изъ золота и вѣсомъ около трехъ четвертей фунта, а послѣднія двѣ — серебряныя, такихъ же почти вѣса и размѣровъ. Вслѣдъ затѣмъ, около четырехъ часовъ по полудни, Густавъ Ваза Фоксъ, напутствуемый семнадцатью пушечными выстрѣлами съ яхты «Рюрикъ», на которые отвѣчалъ американскій военный корабль «Августа», перешелъ съ первой на этотъ послѣдній. Американская эскадра тотчасъ же покинула Кронштадтскій портъ въ сопровожденіи пяти русскихъ военныхъ судовъ, въ числѣ которыхъ находилась и яхта морского министра адмирала Краббе. Пароходы, биткомъ набитые пассажирами, съ оркестрами на ихъ палубахъ и многочисленные боты и ботики сопровождали эту смѣшанную эскадру на значительное разстояніе отъ рейда. Національные салюты гремѣли съ фортовъ Кронштадтской крѣпости; американскія суда на нихъ отвѣчали такими же салютами; подняты были всѣ флаги; гремѣла музыка, и раздавалось несмолкавшее «ура». Напутствуемая этими послѣдними, эскадра вошла въ Финскій заливъ. Въ семь часовъ вслѣдъ за сожженіемъ разноцвѣтныхъ огней на русскихъ судахъ, на которое отвѣчала «Августа» такимъ же сожженіемъ, адмиралъ Краббе распростился съ американской эскадрой, приказавъ фрегатамъ «Свѣтлана» и «Храбрый» сопровождать эту послѣднюю до выхода изъ Финскаго залива.

Еще во время пребыванія американскаго чрезвычайнаго посольства въ предѣлахъ Россіи князь Горчаковъ писалъ русскому послу въ Вашингтонѣ г-ну Штекелю отъ 19—31-го августа: «Милостивый государь! Посольство, ввѣренное конгрессомъ Соединенныхъ Шта-

товъ Сѣверной Америки г-ну Фоксъ, товарищу морского министра республики, встрѣтило со стороны императорскаго двора, публики, можно сказать, всего русскаго народа, такой пріемъ, какой вы могли уже оцѣнить по сообщеніямъ въ газетахъ.

«Нѣтъ надобности подчеркивать эти проявленія взаимныхъ симпатій между двумя странами, ибо это ясно само собою. Они являются однимъ изъ наиболѣе достопримѣчательныхъ фактовъ нашего времени,—фактомъ, утѣшительнымъ въ виду позднѣйшихъ осложненій, которыя только что разбудили въ престарѣлой Европѣ чувства ненависти, зависти и соперничества, кровавыя столкновенія, обращенія къ силѣ, столь мало согласующіяся съ прогрессомъ человѣчества; фактомъ, который сѣетъ между двумя великими народами, почти между двумя континентами, сѣмена взаимныхъ пріязни и дружбы, которыя принесутъ свой плодъ, станутъ традиціонными и освятятъ между ними отношенія, основанныя на истинномъ духѣ христіанской цивилизаціи.

«Въ письмѣ, которое нашъ августѣйшій повелитель препровождаетъ президенту Соединенныхъ Штатовъ, и которое я поручаю вамъ передать по назначенію, его императорское величество проситъ господина Джонсона засвидѣтельствовать конгрессу тѣ чувства, какія имъ выражены уже господину Фоксъ.

«Я препровождаю при семъ вамъ копію этого письма для свѣдѣнія.

«Вы должны также, милостивый государь, выразить то же самое какъ президенту, такъ и членамъ федеральнаго правительства, равно какъ и инымъ вліятельнымъ особамъ.

«Предъ лицомъ проявленія національныхъ симпатій съ обѣихъ сторонъ, столь самостоятельнаго, задачей правительства является лишь итти на встрѣчу этому теченію, подвигать его и направлять его въ его практическомъ примѣненіи ко благу обѣихъ странъ.

«Въ этомъ отношеніи мы разсчитываемъ на содѣйствіе федеральнаго правительства, равно какъ это послѣднее можетъ разсчитывать на наше. На государя императора господинъ Фоксъ произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе. Тотъ тактъ, съ какимъ онъ справился со своей задачей, былъ высоко оцѣненъ какъ въ нашихъ офиціальныхъ кругахъ, такъ и публикой всѣхъ классовъ, съ какой онъ входилъ въ соприкосновеніе, и въ этомъ отношеніи онъ былъ искусно поддерживаемъ тѣмъ превосходнымъ персоналомъ, который его сопровождалъ. Было бы трудно найти лучшаго исполнителя этой мѣры сердечной пріязни, предписанной конгрессомъ.

«Вамъ поручается засвидѣтельствовать это чувство».

При приведенномъ письмѣ вице-канцлера князя Горчакова къ россійскому послу при правительствѣ республики Соединенныхъ Штатовъ г-ну Штекелю слѣдовало нижеслѣдующее письмо:

«Императоръ Всероссійскій президенту Соединенныхъ Штатовъ.

Петербургъ, августа 17—29, 1866 г.

«Я получилъ чрезъ г-на Фокса резолюцію конгресса Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки по случаю Божьей милости, въ отношеніи меня проявленной.

«Это выраженіе сочувствія меня глубоко тронуло. Оно не относится ко мнѣ лично, а является новымъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя соединяютъ американскій народъ съ Россіей.

«Оба народа не находятъ въ своемъ прошломъ никакихъ воспоминаній о старыхъ столкновеніяхъ, а напротивъ лишь памятники дружественнаго обращенія. Во всѣхъ случаяхъ они являютъ новыя доказательства взаимнаго расположенія. Эти сердечныя отношенія, которыя настолько же благопріятны для ихъ взаимныхъ интересовъ, насколько для интересовъ цивилизаціи и человѣчности, согласуются съ видами Божественнаго Провидѣнія, конечной цѣлью котораго являются миръ и согласіе между націями.

«Съ чувствомъ живѣйшаго удовлетворенія вижу я, что узы эти безпрерывно крѣпнутъ. Я сообщилъ мои чувства г-ну Фоксу. Я прошу васъ выразить таковыя конгрессу и американскому народу, котораго органомъ этотъ первый является. Скажите имъ, сколь дорого я, а со мной и весь русскій народъ, цѣнимъ эти свидѣтельства дружбы, ими мнѣ данныя, и насколько искренне буду я радоваться, видя, какъ американскій народъ возрастаетъ въ своемъ благосостояніи, благодаря единству и продолженію примѣненія тѣхъ гражданскихъ добродѣтелей, какими онъ отличается.

«Примите въ то же время увѣреніе въ высокомъ уваженіи, съ которымъ я пребываю.

«Вашъ истинный другъ

«Александръ».

Копіи обоихъ вышеприведенныхъ документовъ первостепенной исторической важности вручены были Фоксу княземъ А. М. Горчаковымъ незадолго предъ его отплытіемъ изъ Кронштадта домой. Независимо отъ сего американскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ вывезено изъ Россіи 179 томовъ книгъ, 16 атласовъ и альбомовъ, 72 карты и 16 брошюръ, преподнесенныхъ какъ ему, такъ и инымъ участникамъ эскадры, различными лицами, обществами и учрежденіями, независимо отъ книгъ, ему подаренныхъ государемъ императоромъ. Эти послѣднія онъ, на основаніи особой согласной резолюціи обѣихъ палатъ конгресса, удержалъ въ своемъ обладаніи, между тѣмъ, какъ первыя, общимъ числомъ 282 штуки, имъ чрезъ федеральное министерство иностранныхъ дѣлъ преподнесены въ даръ библіотекѣ извѣстнаго Smithsonian Institution, составившей впослѣдствіи часть знаменитой Библіо-

теки Конгресса, понынѣ существующей и являющейся вторымъ книгохранилищемъ на земномъ шарѣ. Засимъ, такъ какъ принятіе должностными лицами республики какихъ бы то ни было подарковъ, знаковъ отличія и званій отъ иностранныхъ государей и государствъ безъ особаго на то согласія конгресса конституціей республики Соединенныхъ Штатовъ воспрещается, то на удержаніе и сохраненіе Фоксомъ золотой табакерки, подаренной ему государемъ императоромъ, и званій почетнаго гражданина — городовъ Кронштадта, С.-Петербурга, Москвы, Костромы и Корчевы, а равно на предметъ удержанія капитанами Murray и Beaumont золотыхъ колецъ, имъ подаренныхъ государемъ императоромъ, пришлось испросить особое разрѣшеніе конгресса, которое и было ими получено.

Такова исторія американскаго чрезвычайнаго посольства въ Россію въ 1866 году. Сообразуясь съ отведеннымъ намъ для нея мѣстомъ, мы по необходимости должны были изложить ее лишь въ очертаніяхъ самыхъ общихъ, опустивъ многія интересныя и характерныя подробности. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что фактъ этотъ въ исторіи представляется совершенно исключительнымъ и безусловно единичнымъ. Немало покушеній на жизнь монарховъ и правителей разныхъ странъ записано въ лѣтописяхъ человѣчества, но не было и нѣтъ еще другого примѣра, чтобы народное представительство республики, въ особенности такой республики, какъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, являющейся наивысшимъ воплощеніемъ демократіи, доселѣ извѣстнымъ, слало бы кому либо изъ монарховъ поздравленія съ избавленіемъ отъ грозившей ему опасности, а въ особенности снаряжало бы съ этой цѣлью особую морскую экспедицію, сопряженную съ серіознымъ рискомъ и большими издержками. Для уразумѣнія этого историческаго событія, которое и понынѣ остается настолько же единичнымъ, насколько было оно тридцать три года тому назадъ, и изложено нами исключительно по американскимъ источникамъ, находящимся въ національныхъ книгохранилищахъ, необходимо возвратиться къ началу шестидесятыхъ годовъ. Эпоха эта явилась въ Соединенныхъ Штатахъ, равно какъ и въ Россіи, эпохой серіознѣйшихъ государственно-общественныхъ реформъ, главнѣйшей изъ которыхъ была эмансипація. Попытка президента Авраама Линкольна провести эту послѣднюю властью и авторитетомъ федеральнаго правительства вызвала, какъ извѣстно, возстаніе южныхъ штатовъ, составленіе ими особой конфедераціи, отложившейся отъ американскаго союза, и кровопролитную междоусобную или гражданскую войну (1861—1865). Вопросъ объ эмансипаціи осложнился, такимъ образомъ, гораздо болѣе важнымъ вопросомъ объ отношеніяхъ между правительствами отдѣльныхъ штатовъ и правительствомъ федеральнымъ, о степени власти, авторитета и компетенціи этого послѣдняго по отношенію къ первымъ и о

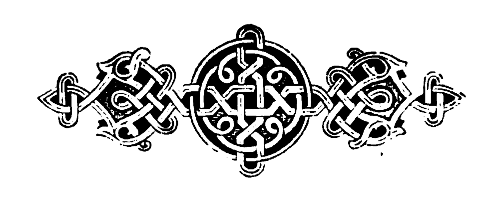
самомъ существованіи федеральной республики. Въ эту мрачную эпоху рокового національнаго кризиса державы, въ то время наиболѣе могущественныя, Англія и Франція, побуждаемыя отчасти фальшивымъ доктринерствомъ, отчасти своекорыстными расчетами, открыто выступили противъ Союза и заняли въ отношеніи его угрожающее положеніе. Великобританія признала конфедерацію южныхъ штатовъ воюющей стороной и собиралась даже приступить къ открытію военныхъ дѣйствій противъ Союза, между тѣмъ какъ конфедератскій военный корабль «Алабама», нанесшій неисчислимые убытки американской торговлѣ, былъ руководимъ и управляемъ почти исключительно англичанами; Франція собиралась присоединиться къ Англіи; остальныя первостепенныя державы сохраняли роль пассивнаго зрителя. Одна лишь Россія все время ободряла федеральное правительство республики, т.-е. Союзъ, въ 1862 году послала въ Санъ-Франциско особый флотъ, подъ командой вице-адмирала Попова, съ завѣдомо дружественными для республики намѣреніями, а въ 1863 году послала другой, болѣе сильный флотъ свой въ Нью-Іоркъ, подъ командой вице-адмирала Лисовскаго, слѣдовавшій съ запечатанными ордерами. Въ ордерахъ этихъ предписывалось командующему этимъ русскимъ флотомъ, въ случаѣ открытаго совмѣстнаго признанія Англіей и Франціей возставшихъ южныхъ штатовъ, или конфедераціи, воюющей стороной, предоставить состоящій подъ его командой флотъ въ распоряженіе федеральнаго правительства. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что извѣстность этихъ распоряженій русскаго правительства правительствамъ Великобританіи и Франціи воздержала эти послѣднія отъ активнаго вмѣшательства въ американскія дѣла въ пользу конфедераціи, а обстоятельство это дало союзу возможность съ нею справиться. Такимъ образомъ нынѣшняя республика Соединенныхъ Штатовъ самымъ существованіемъ своимъ обязана императору Александру II. Линкольнъ и его сподвижники, а равно и всѣ выдающіеся современники Царя-Освободителя вообще, въ особенности, конечно, изъ американцевъ, это отлично понимали. Какъ извѣстно, Линкольнъ, стремленія и начинанія котораго были во многомъ тождественны съ желаніями и начинаніями императора Александра II, палъ жертвой дѣла, имъ предпринятаго и въ значительной степени уже исполненнаго, т.-е. сохраненія путемъ усмиренія мятежниковъ государственнаго единства и осуществленія эмансипаціи. Поэтому, когда послѣдовало это первое покушеніе на жизнь Царя-Освободителя, то американцы естественно и неизбѣжно увидѣли въ таковомъ ударъ, направленный не только противъ представителя, выразителя и воплотителя государственнаго единства и центральной государственной власти Россійской имперіи, но также и противъ освободителя двадцати милліоновъ крѣпостныхъ отъ узъ рабства. Вотъ почему въ этой знаменитой резолюціи кон-

гресса, являющейся совершенно единичной въ исторіи парламентаризма, фигурируютъ слова «учиненномъ врагомъ эмансипаціи». Въ глазахъ американцевъ личность и дѣятельность императора Александра II, которому они столь многимъ обязаны, окружены ореоломъ неувядаемой славы и лучезарнымъ сіяніемъ недосягаемаго подвижничества.

И до тѣхъ поръ, пока сіяніе это изъ глубины временъ прошедшихъ будетъ бросать свой отблескъ на текущія событія, республика Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и американскій народъ будутъ сохранять чувства живѣйшей пріязни и искреннѣйшей дружбы по отношенію къ Россіи и русскому народу.

Е. Матросовъ.

Вашингтонъ.
23—11 сентября, 1899 г.

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ НА САХАЛИНѢ.

«Тюремныя учрежденія Сахалина въ отношеніи внутренняго порядка и дисциплины, въ отношеніи всѣхъ отраслей хозяйства и довольствія, въ отношеніи, наконецъ, постановки работъ, не выдержатъ даже снисходительнаго сравненія съ наименѣе благоустроенными изъ мѣстъ заключенія Европейской Россіи».

(Изъ прощальной рѣчи начальника главнаго тюремнаго управленія на о. Сахалинѣ; см. «Тюремный Вѣстникъ», 1899 г., № 6).

I [1]).

Первыя впечатлѣнія отъ сахалинскихъ береговъ. — Прибытіе парохода на рейдъ Александровскаго поста.—Перевозка каторжныхъ на пристань.—Арестантскій багажъ.—Видъ сахалинскихъ береговъ. — Первая встрѣча со смотрителемъ Л—ъ.— Ожиданіе обѣда.—По дорогѣ въ Александровскій постъ.—На тюремномъ дворѣ.— Размѣщеніе по казармамъ.

ВЪ НАЧАЛѢ августа 188* г., на пароходѣ Добровольнаго флота, наполненномъ ссыльно-каторжными, я подходилъ къ берегамъ Сахалина. Этотъ островъ всегда представлялся мнѣ не иначе, какъ угрюмымъ, пустыннымъ мѣстомъ ссылки. Въ молодые годы моему воображенію рисовались каменистыя скалы съ прослойками угля, голый берегъ, да безграничное холодное море. И какъ я обрадовался, когда черезъ иллюминаторъ арестантскаго отдѣленія мелькнули гористые берега острова, густо заросшіе зеленымъ лѣсомъ! Это первое впечатлѣніе отъ сахалинской зелени у меня вызвало ра-

---

[1]) Рисунки, которыми иллюстрирована настоящая статья, воспроизведены съ фотографій, снятыхъ съ натуры и любезно сообщенныхъ намъ гг. А. А. Суворовымъ, О. А. Поповымъ, В. Л. Комаровымъ и В. В. Сахаровымъ.

достную надежду, что, послѣ многолѣтняго тюремнаго заключенія, наконецъ-то я здѣсь найду и солнечный свѣтъ, и тепло, и непосредственное общеніе съ природою. Впрочемъ, не у меня одного видъ сахалинскихъ береговъ вызывалъ радостное настроеніе: многіе изъ ссыльныхъ, чрезвычайно истомившись тяжелымъ плаваніемъ на пароходѣ, съ нетерпѣніемъ ожидали его окончанія.

— Въ каторгѣ не такъ трудно, какъ здѣсь на пароходѣ,— говорили старые бродяги, уже побывавшіе на каторжныхъ работахъ.

Рано утромъ пароходъ подошелъ къ Александровскому посту, главному городу на Сахалинѣ. Не успѣли арестанты привести себя въ порядокъ послѣ сна, какъ имъ подали легкій завтракъ, а затѣмъ началась перевозка ихъ съ парохода на пристань.

Вмѣстѣ съ другими арестантами вызвали и меня на палубу парохода. Небо было ясно, и августовское солнце заливало яркимъ свѣтомъ многоголовую толпу на пароходѣ, далекое море и красивыя горы острова. Однако разсматривать было некогда. При подневольныхъ передвиженіяхъ, обыкновенно бываешь занятъ соображеніями: куда идти, гдѣ встать, куда положить вещи и пр. Въ этой арестантской сутолокѣ боишься получить незаслуженный пинёкъ или услышать грубое слово отъ какого нибудь солдата, а потому все вниманіе напрягаешь, чтобы избѣгнуть легко возможныхъ столкновеній.

У борта парохода уже стояли деревянныя баржи, и намъ приказали немедленно спускаться въ нихъ. Каждый изъ насъ несъ на себѣ сѣрый мѣшокъ съ казенными вещами. Мнѣ, обезсиленному казематной жизнью, трудно было сходить по трапу съ грузнымъ мѣшкомъ. Тюремное начальство посовѣтовало моимъ роднымъ дать мнѣ на дорогу только самыя необходимыя вещи и не тяжелыя, чтобы не стѣснить меня при передвиженіяхъ, а само надавало цѣлую кучу ненужныхъ вещей. По старому порядку, когда каторжные шли по «владиміркѣ», имъ выдавалось нѣсколько паръ чирковъ (кожаныя туфли), подкандальники и др. предметы для дальней дороги. Должно быть, по этому положенію и намъ насовали всѣ эти вещи въ нѣсколькихъ экземплярахъ, тогда какъ на пароходѣ совершенно довольно было и одной пары чирковъ. Притомъ мы обязаны были подъ угрозой строгаго наказанія беречь эти вещи во все время пути и сдать счетомъ тюремному начальству на Сахалинѣ.

Баржами управляли каторжные въ обычныхъ своихъ сѣрыхъ костюмахъ. Это были первые сахалинцы, съ которыми мы заговорили. Съ ихъ стороны чаще слышались вопросы: «Какой губерніи?» «На сколько лѣтъ?» А съ нашей—«Каковъ смотритель?» «Водки можно достать?» «А въ карты играютъ?» и т. п.

Море было тихо. Послѣ получасоваго плаванія мы вышли на длинную деревянную пристань. Сотни арестантовъ сѣрою полосою

растянулись на большое пространство. Я присоединился къ нимъ и усѣлся на свой мѣшокъ рядомъ съ молодымъ студентомъ, съ которымъ пріятельски сошелся въ дорогѣ.

Мы залюбовались картиною береговъ. Недалеко отъ пристани изъ воды красиво выступаютъ три высокихъ скалы, очень похожихъ одна на другую, а потому названныхъ «Тремя братьями». Далѣе виднѣется рядъ грандіозныхъ темныхъ мысовъ, закрывающихъ старѣйшій постъ Дуэ. По другую сторону пристани опять рядъ отлогихъ мысовъ съ мягкими очертаніями контуровъ перспективно растягиваются далеко къ сѣверу и теряются въ бѣловатомъ горизонтѣ моря. Нѣсколько отступя отъ берега, на холмахъ раскинулся городъ, а кругомъ его огромнымъ кольцомъ высятся горы. Извилистая рѣка блестящей лентою огибаетъ селеніе и, прежде чѣмъ броситься въ волны Татарскаго пролива, круто поворачиваетъ вдоль морского берега, образуя песчаную косу.

Для меня, четыре года имѣвшаго предъ своими глазами голую стѣну тюремнаго каземата, было неизъяснимымъ удовольствіемъ любоваться картинами природы. Каждая мелочь занимала и приковывала надолго мое вниманіе. Я не могъ оторвать глазъ отъ птички, прыгающей по периламъ пристани, или отъ случайно занесенной вѣтки дерева. Въ тюрьмѣ приходилось видѣть только желтоватые да сѣроватые тоны при слабомъ свѣтѣ маленькаго окна съ матовыми стеклами; а теперь подъ ослѣпительно яркимъ солнцемъ цѣлое море всевозможныхъ красокъ—синихъ, зеленыхъ, желтыхъ, съ ихъ безчисленными, едва уловимыми, переливами.

Уже полдень. Выгрузка все еще продолжается. Многіе выражаютъ нетерпѣніе, когда ихъ поведутъ на новыя квартиры да накормятъ обѣдомъ. Нѣкоторые вытащили припрятанные куски судовыхъ галетъ и ѣли.

По пристани медленно расхаживала маленькая сутуловатая фигура въ полицейской формѣ и зорко посматривала на арестантовъ. Вдругъ этотъ чиновникъ направляется прямо ко мнѣ.

— Какъ фамилія?

Я поднялся и сказалъ. Спросилъ онъ фамилію студента и также тихо удалился отъ насъ. Мы подивились его прозорливости. Хотя я и мой товарищъ костюмами не отличались отъ общей массы сѣрыхъ арестантовъ, онъ подошелъ только къ намъ, людямъ изъ привилегированнаго сословія.

Кто-то изъ кучи арестантовъ сказалъ намъ, что этотъ невзрачный на видъ человѣкъ есть смотритель здѣшней тюрьмы Л—ъ, страхъ и ужасъ всего Сахалина.

Еще дорогою я безпокоился вопросомъ, какого-то смотрителя пошлетъ мнѣ судьба. И теперь, слыша разговоры о грозномъ смотрителѣ, я сильно призадумался.

Группы арестантовъ о чемъ-то оживленно перебрасывались словами. Вѣроятно, на свѣжемъ морскомъ воздухѣ голодъ давалъ себя чувствовать сильнѣе. Но никто не осмѣлился попросить ѣсть. Жизнь въ пересыльныхъ тюрьмахъ и въ дорогѣ научила всѣхъ выжидать, но не просить.

— Начальство лучше знаетъ, что надо дѣлать, и обо всемъ позаботится въ свое время.—Обыкновенно съ ироніей говорили каторжники.

Наконецъ, къ вечеру скомандовали намъ выстроиться въ ряды, по одному стали пропускать мимо стола, за которымъ сидѣли смотритель и еще кто-то изъ тюремнаго начальства. По примѣру другихъ протащился и я мимо нихъ, безъ шапки и съ мѣшкомъ за плечами. Эта дефилировка заняла немало времени; и когда послѣдній арестантъ прошелъ въ общую кучу, солнце закатилось.

Отъ пристани до самаго города шелъ рельсовый путь по краю большой шоссейной дороги. По немъ ходили съ грузомъ вагонетки, подталкиваемыя рабочими. Предложено было слабымъ арестантамъ положить на нихъ свои вещи, а очень больнымъ разрѣшено и сѣсть на нихъ. Сразу бросилось впередъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ немало и здоровыхъ, и заняли всѣ мѣста на вагонеткахъ. Я не покушался сложить свой мѣшокъ на вагонетку и хорошо сдѣлалъ, потому что по приходѣ въ городъ нѣкоторые не нашли своихъ вещей.

Темно было, когда мы всей гурьбой въ полтысячи человѣкъ двинулись въ путь. Около маня шелъ высокій здоровый плотникъ, Егоръ Павловъ. Я его любилъ за кроткій нравъ и за множество услугъ, оказанныхъ имъ мнѣ на пароходѣ. Онъ понялъ, что я изнемогаю отъ своего мѣшка, схватилъ его сильною рукою и присоединилъ къ своему.

Дорога шла въ гору. Пройдя версты двѣ, мы вступили въ воворота двухъэтажнаго зданія съ башней. Это и была Александровская тюрьма. Насъ ввели въ большой дворъ, огражденный со всѣхъ четырехъ сторонъ деревянными одноэтажными строеніями. Тамъ опять мы выстроились въ длинные ряды. Арестанты побаивались, что сейчасъ начнется ихъ пріемъ, и придется всю ночь провести безъ сна подъ открытымъ небомъ; но, къ общей радости, этого не случилось. Смотритель сказалъ внушительную рѣчь; между прочимъ предлагалъ въ продолженіе трехъ дней не сообщаться со старокаторжными и не слушать ихъ ложныхъ слуховъ.

— Поживете,—сами увидите!—кричалъ онъ намъ рѣзкимъ голосомъ:—а теперь надзиратели покажутъ вамъ временно назначенныя для васъ казармы. Завтра съ утра начнется пріемъ.

А объ обѣдѣ или ужинѣ ни слова.

Всѣ бѣгомъ бросились къ указаннымъ зданіямъ. Я съ кружкомъ интеллигентныхъ ссыльныхъ вошелъ въ первую попавшуюся казарму, и мы заняли рядъ свободныхъ мѣстъ на нарахъ.

Казарма была чисто выметена и обставлена срубленными елками, распространявшими пріятный смолистый запахъ. Въ углу красовалась большая икона съ лампадой. На первый взглядъ, еще незараженный баракъ производилъ пріятное впечатлѣніе; но я тогда не имѣлъ понятія, что̀ онъ представляетъ изъ себя зимою, переполненный людьми, пришедшими съ работы изъ лѣса!

II.

Исканіе пищи.—Приглашеніе къ смотрителю.—Его любезный пріемъ.—Ужинъ.—Утреннія впечатлѣнія.—Наказаніе розгами.—Пріемъ каторжныхъ по списку.—Раздраженіе смотрителя.—Положеніе лишеннаго всѣхъ правъ.

У всѣхъ прибывшихъ стоялъ неотвязчиво вопросъ: гдѣ бы поѣсть? Это легко было бы исполнить, если бы у насъ съ собою были деньги, потому что въ каждой казармѣ у каторжныхъ есть майданы—лавки, гдѣ можно достать хлѣба, булокъ, молока, рыбы, сахару и табаку. Но деньги при отправкѣ въ дорогу отбираются отъ арестантовъ, и у моей группы товарищей не было ни одной копейки.

Я вышелъ на дворъ. Немного странно было чувствовать относительную свободу. Обыкновенно позади или впереди себя я привыкъ видѣть солдата или жандарма, которые своеобразно и направляли мой путь; а тутъ иди, куда хочешь! Можешь направо, можешь налѣво, можешь въ другую казарму зайти. Зашелъ. Тамъ стоитъ стонъ и гамъ, смѣхъ и ругань, и все затянуто, какъ туманомъ, табачнымъ дымомъ. Ищутъ земляковъ. Многіе уже собрались въ небольшія группы.

Узнавъ положительно, что до завтрашняго дня не дадутъ намъ ни куска хлѣба, я пошелъ къ своему мѣсту и сталъ было располагаться на ночлегъ, какъ вдругъ среди шума ясно пронеслась моя фамилія. Мои сосѣди указали на меня. Подходитъ ко мнѣ молодой человѣкъ въ пиджакѣ, съ небольшой претензіей на франтовство, и проситъ меня пройти съ нимъ къ смотрителю. Это былъ тюремный писарь изъ ссыльно-каторжныхъ. Вмѣстѣ со мной онъ пригласилъ еще одного офицера, кавказскаго героя турецкой войны, сосланнаго сюда за оскорбленіе начальника.

Въ длинныхъ сѣрыхъ халатахъ съ желтыми тузами на спинѣ, въ сѣрыхъ шапкахъ безъ козырьковъ, въ желтыхъ чиркахъ, некрасиво сидящихъ на ногахъ поверхъ сѣрыхъ подвертокъ, въ короткихъ курткахъ и грубыхъ штанахъ съ прорѣзями для кандаловъ, мы стѣсняемся пройти въ комнаты смотрителя и останавливаемся въ передней въ ожиданіи, что будетъ дальше.

— Господа, пожалуйте сюда!—зоветъ насъ самъ смотритель въ столовую.—Пожалуйста, поужинайте у меня; только извините, что не могу угостить васъ мясомъ. Солонина, вѣроятно, надоѣла вамъ и въ морѣ, а свѣжее мясо у насъ бываетъ случайно, когда убьютъ лишняго бычка или застарѣвшую корову. Пожалуйста, извините!

Я взглянулъ на длинный столъ. Онъ былъ весь уставленъ разнообразными блюдами. Видна рыба, напоминающая своимъ розовымъ мясомъ семгу или лососину.

— Ну, чего онъ извиняется?—подумалъ я.—Мы голодны, какъ собаки, и рады были бы куску хлѣба, а тутъ стоитъ полный столъ изысканныхъ блюдъ! Да я четыре года ничего подобнаго не ѣлъ.

— Вы меня извините, господа! — продолжаетъ смотритель:—я пойду соснуть немного. Уже поздно, а завтра мнѣ надо подняться въ три часа на раскомандировку.

Глядя на его тщедушную фигуру, я его искренно пожалѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ я,—онъ цѣлый день до глубокой ночи въ хлопотахъ около рабочихъ и въ заботѣ о ихъ чистотѣ и довольствѣ! Говорятъ, онъ гроза ссыльныхъ. Напротивъ! Я поражаюсь, какой онъ предупредительный, вѣжливый, любезный, добрый...

— Повѣрьте,—какъ бы угадывая мои мысли, говоритъ смотритель,—я иногда такъ устаю, что приду домой, стану около стола, да такъ и засну стоя... Пожалуйста, господа, садитесь и угощайтесь.

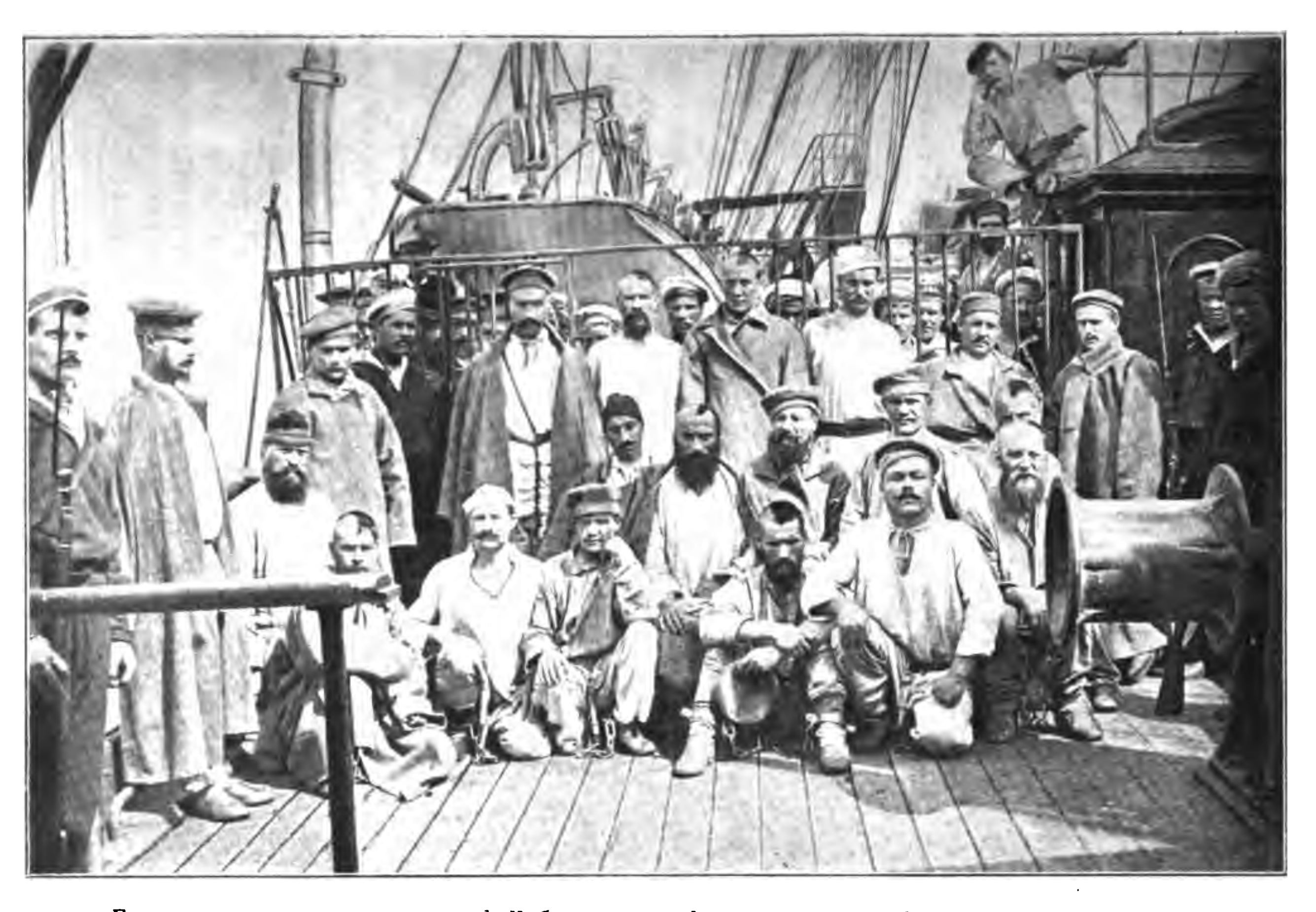
Онъ попрощался съ нами и ушелъ.

Мы были очень довольны не столько тѣмъ, что могли утолить свой голодъ, сколько вниманіемъ къ намъ смотрителя. Мучительный вопросъ — наше отношеніе къ сахалинскому начальству — до нѣкоторой степени разрѣшился. Будущее намъ представлялось не такимъ тяжелымъ.

За столомъ я вспомнилъ своихъ голодныхъ товарищей и предложилъ кавказскому герою взять для нихъ чего нибудь, хотя бы по куску хлѣба.

— Нѣтъ, ни за что! Еще увидитъ кто нибудь изъ слугъ, донесутъ смотрителю, сочтутъ насъ за воровъ, и всю репутацію мы сразу испортимъ.

Какъ я ни убѣждалъ его, что смотритель самъ съ удовольствіемъ послалъ бы имъ и хлѣба, и рыбы, если бы онъ узналъ о состояніи нашихъ товарищей, — кавказскій герой не соглашался. Я ему доказывалъ, что тутъ кроется недоразумѣніе: на суднѣ основательно не кормили насъ, полагая, что мы пообѣдаемъ на берегу. А здѣсь, вѣроятно, убѣждены, что насъ накормили на цѣлый день на пароходѣ, да, пожалуй, еще дали галетъ въ запасъ. Не тронулъ моего застольника и философскій афоризмъ, что безъ нарушенія закона не проявишь любви.

Группа арестантовъ на пароходѣ Добровольнаго флота во время слѣдованія на о. Сахалинъ.

Нашихъ товарищей очень заинтересовало, зачѣмъ насъ позвали къ смотрителю, а потому мы застали ихъ въ казармѣ не спящими. Они тоже закусили немного: какой-то рабочій досталъ имъ нѣсколько галетъ въ надеждѣ получить потомъ отъ «господъ» существенную благодарность.

Мнѣ не спалось всю ночь. Съ разсвѣтомъ я уже поднялся и сталъ наблюдать, глядя въ окно. По двору спѣшно ходили взадъ и впередъ старокаторжники. Раскомандировка ихъ на работы уже была въ три часа ночи. Вновь прибывшихъ не велѣно будить. По установившемуся обычаю имъ дается три дня отдыха по прибытіи на Сахалинъ. Издали доносились до меня слабые крики, правильно раздѣленные небольшими паузами:

— Ай!.. ай!.. ай!..

— Что это за странные звуки?—недоумѣвалъ я. Мнѣ казалось, они доносились съ противоположнаго конца двора.

— Что это такое?—спрашиваю вошедшаго въ казарму рабочаго.

— Это Л—ъ нашу кровь пьетъ! Каждый день онъ начинаетъ съ крови. Хватитъ ему сегодня: полная кандальная насажена нашимъ братомъ!

— Да за что же это?

— А вотъ увидите сегодня.

Теперь, внимательно прислушавшись, я понялъ, что эти отдаленные крики испускаетъ человѣкъ при каждомъ ударѣ розогъ. Невыносимое чувство охватило меня. Мнѣ хотѣлось бѣжать. Но куда убѣжишь? Я заметался, какъ въ кошмарѣ: какъ будто что-то тяжелое давитъ меня, я стараюсь освободиться и не могу... Тутъ только представился воочію весь ужасъ каторги.

— Боже мой, куда мы попали!—молился я.

Въ это время въ казармѣ всѣ поднялись съ наръ и стали быстро одѣваться. Черезъ часъ мы уже стояли на дворѣ съ мѣшками въ рукахъ. Смотритель спѣшно расхаживалъ по нашимъ рядамъ. Онъ былъ неузнаваемъ. Лицо его нервно передергивалось. Сѣрые глаза неумолимо смотрѣли, перебѣгая по лицамъ каторжныхъ. Несмотря на сотни народу, тишина стояла невозмутимая, какъ въ морѣ передъ бурею. Въ страшномъ угнетеніи стоялъ и я безъ шапки въ рядахъ каторжныхъ, инстинктивно ожидая чего-то ужаснаго отъ раздраженнаго смотрителя. Онъ, какъ хищный звѣрь, искалъ, на кого броситься; но всѣ замирали при его приближеніи. Наконецъ, онъ сѣлъ за столъ. Рядомъ съ нимъ усѣлись еще два чиновника. Писарь поочередно вызывалъ по фамиліямъ.

— Петръ Сморчукъ!

— Я!—откликался Сморчукъ и шелъ къ столу. Тамъ онъ вынималъ изъ мѣшка казенныя вещи и передавалъ ихъ счетомъ надзирателю. Одинъ изъ чиновниковъ дѣлалъ отмѣтку по статейному списку о пріемѣ ссыльно-каторжнаго и отпускалъ его.

Пристань Александровскаго поста на о. Сахалинѣ.

— Ну, вотъ опять придется стоять весь день на солнцѣ. Когда же накормятъ насъ?—уныло спрашивали каторжные другъ друга.

Писарь продолжалъ вызывать по списку:

— Семенъ Хоменко!.. Семенъ Хоменко!

— Я! я! — нѣсколько замѣшкавшись, выступалъ изъ заднихъ рядовъ толстый парень съ мѣшкомъ.

— Ахъ, ты, гадина!—вдругъ вскакиваетъ съ своего мѣста смотритель.—Ты что же не отзываешься? Я тебѣ уши раскрою! Взять его въ кандальную!.. Я вамъ уши раскрою! — обращается онъ ко всей массѣ каторжныхъ.

Хоменку надзиратели повели въ кандальную, гдѣ сидятъ провинившіеся и потому закованные каторжные. Это значитъ завтра утромъ онъ познакомится на кобылѣ съ розгами.

Смотритель съ раздраженнымъ лицомъ нервно прошелся по рядамъ каторжныхъ и гнѣвно покрикивалъ: «Я вамъ уши раскрою!..». Когда онъ усѣлся, писарь опять сталъ вызывать по списку. Всѣ стояли, напряженно прислушиваясь къ фамиліямъ. Нѣкоторые съ явнымъ трепетомъ подходили къ столу и спѣшили, по примѣру другихъ, скорѣй выкладывать изъ мѣшка чирки, подкандальники и прочее.

Но вотъ вызвали одного смирнаго деревенскаго парня. На пароходѣ я училъ его грамотѣ и успѣлъ хорошо познакомиться съ нимъ. Никогда до ареста не выѣзжавшій изъ своей волости, онъ не умѣлъ говорить съ господами или съ начальствомъ, а только боялся ихъ. Онъ тоже поспѣшилъ къ столу и дрожащими руками сталъ развязывать свой мѣшокъ. Смотритель о чемъ-то спросилъ его. Не отвѣчая ему, бѣдняга неуклюже спѣшилъ сперва выложить свои вещи. Можетъ быть, впопыхахъ онъ и не слышалъ вопроса смотрителя.

— Да ты что же мнѣ не отвѣчаешь, гадина?! Я тебя научу разговаривать! Взять въ кандальную!..

Повели и его мимо рядовъ каторжныхъ въ другой конецъ двора. На немъ лица нѣтъ, какъ говорится. А ужъ онъ-то навѣрно больше всѣхъ старался угодить начальству!

Вскорѣ повели въ кандальную еще и еще... Всѣхъ ихъ завтра будутъ наказывать розгами.

— Ну, чирки, — кто-то тихонько замѣтилъ въ толпѣ: — тяжело было васъ нести, а разставаться съ вами еще тяжелѣе!

— Да, это похуже кавказскихъ полушубковъ, — отвѣтилъ ему бывшій на турецкой войнѣ солдатъ:—когда за Кавказомъ мы зимою простуживались и умирали отъ тифа, у насъ не было полушубковъ, а лѣтомъ вдругъ приходитъ съ ними цѣлый транспортъ. Роздали намъ полушубки на походѣ и заставили нести ихъ на себѣ назадъ домой. А тутъ и безъ того отъ жары не знаешь, куда дѣваться...

Александровская тюрьма на о. Сахалинѣ.

— Однако, братцы, дадутъ ли намъ ѣсть сегодня? — перебиваетъ его молодой ярославецъ.

— Подика-ка, подступись къ нему. Онъ тебѣ дастъ поѣсть! Будешь сытъ!

Нѣкоторые, какъ сошли съ парохода, ничего еще не ѣли, а до конца переклички было далеко. Послѣ видѣнныхъ сценъ мнѣ было не до обѣда. Эта фраза «лишенный всѣхъ правъ» только теперь стала мнѣ понятна во всемъ ея ужасномъ значеніи. Предо мною возстали картины будущихъ непрерывныхъ сценъ насилія, страшныхъ казней и ежедневныхъ издѣвательствъ надъ человѣкомъ... Здѣсь, думалъ я, надо забыть свою личность, спрятать свое самолюбіе и, какъ скотина, покорно исполнять волю господина. Я въ какомъ-то отупѣніи стоялъ безъ шапки, не слушая замѣчаній своихъ товарищей.

III.

Обѣдъ.—Тревожный шумъ въ столовой.—Покушеніе на жизнь смотрителя Л.—Злорадство арестантовъ. — Смерть прострѣленнаго каторжника. — Прогулка внѣ тюрьмы.—Назначеніе въ Тымовскій округъ.—Мнѣніе чиновниковъ о раненомъ смотрителѣ Л.—Свиданіе съ нимъ.

— Пожалуйте наверхъ обѣдать!—зоветъ меня слуга смотрителя, выводя изъ тяжелаго раздумья.

— Обѣдать? Я не хочу ѣсть.

— Какъ же не обѣдать? Нельзя-съ! Пожалуйте!

Чтобы не раздражать смотрителя, я пошелъ за слугою. Меня онъ привелъ въ ту же комнату, гдѣ я вчера ужиналъ. Въ ней никого не было. Столъ былъ накрытъ. Не притронувшись къ поданному обѣду, я подошелъ къ окну, изъ котораго виденъ былъ весь дворъ съ толпою каторжныхъ, смотрителемъ и всѣми окружающими постройками. Звонили къ обѣду. Рабочіе потянулись вереницами изъ всѣхъ казармъ въ столовую, которая находилась на противоположномъ концѣ двора, какъ разъ противъ моего окна. Чрезъ нѣкоторое время смотритель поднялся изъ-за стола и тоже направился въ столовую. Съ его уходомъ сѣрая масса каторжныхъ нѣсколько оживилась. Я узналъ, что тѣмъ, которыхъ выкликали, позволено обѣдать въ столовой. Мои товарищи все еще стояли въ общей кучѣ.

Вдругъ раздался сильный трескъ и шумъ въ столовой.

— Ну, опять скандалъ какой нибудь!—подумалъ я:—Вѣроятно, своимъ издѣвательствомъ смотритель вывелъ изъ терпѣнія голодную толпу, и она взбунтовалась. Мнѣ послышался какъ бы трескъ отъ битой посуды. Но вскорѣ все объяснилось. На крыльцѣ столовой показался смотритель съ револьверомъ въ рукахъ, безъ шапки,

Заковка каторжника въ кандалы.

съ блуждающимися глазами. Къ нему побѣжали солдаты съ ружьями и надзиратели. Смотритель сдѣлалъ нѣсколько невѣрныхъ шаговъ впередъ и, хватая себя за бокъ, опустился на землю.

— «Очевидно его ранили,—мелькнуло у меня въ головѣ:—надо скорѣе остановить у него кровь».

Въ одно мгновеніе я уже былъ на дворѣ и направлялся къ смотрителю; но вспомнивъ, что на мнѣ арестантскій костюмъ, я остановился, не покушаясь пробраться сквозь толпу надзирателей къ раненому, а онъ безпомощно лежалъ на землѣ, пока не прибѣжали фельдшера и докторъ. Смотрителя перенесли въ его квартиру и тамъ ему сдѣлали перевязку.

Какъ молнія, облетѣла вѣсть по всему городу, что одинъ изъ старыхъ каторжниковъ бросился на смотрителя и нанесъ ему ударъ ножемъ. Когда же онъ хотѣлъ повторить свой ударъ, смотритель успѣлъ вынуть изъ кармана револьверъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ него. Тутъ подскочили солдаты и освободили раненаго.

Между тѣмъ каторжные на дворѣ сбились въ кучу и затихли, выжидая конца всѣхъ этихъ тяжелыхъ сценъ. Вскорѣ прибылъ генералъ—начальникъ острова. Онъ быстро прошелъ въ столовую, гдѣ только что разыгралась кровавая драма, взглянулъ на умирающаго каторжника, сказалъ что-то въ родѣ: «собакѣ собачья смерть», и вышелъ опять на дворъ, гдѣ выстроились въ линію новички арестанты. Онъ окинулъ всѣхъ грознымъ взглядомъ и, потрясая рукою, крикнулъ рѣзкимъ голосомъ:

— За такіе поступки вѣшать! Повѣшу! Повѣшу!.. и ушелъ.

Многіе въ душѣ ликовали, отдѣлавшись отъ такого смотрителя.

— Онъ, ребята, поправится, такъ еще злѣе будетъ,—говорилъ какой-то пророкъ.

— А Гурчевъ на что? У насъ еще Гурчевъ есть!—съ злораднымъ смѣхомъ отвѣчали ему.

Гурчева я зналъ на пароходѣ и не разъ наблюдалъ, какія страсти въ немъ бушуютъ. У всѣхъ составилось мнѣніе, что ему задавить человѣка такъ же просто, какъ курченка. Впрочемъ напрасно Гурчевъ хвастливо потряхивалъ головою. Такихъ извѣстныхъ субъектовъ, какъ онъ, обыкновенно переводятъ въ Воеводскую падь [1]), гдѣ они болѣе изолированы, и гдѣ за ними болѣе строгій присмотръ, чѣмъ въ Александровской тюрьмѣ. Тамъ можно встрѣтить особенно тяжкихъ преступниковъ, прикованныхъ къ тачкамъ.

Я прошелъ къ умирающему каторжнику. Онъ лежалъ на землѣ въ концѣ двора и дышалъ еще. Кромѣ смотрителя, въ него стрѣляли и солдаты, такъ что грудь несчастнаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ была пробита пулями. Около него я не видѣлъ ни священника, ни фельдшера. Покинутый всѣми, онъ къ вечеру скончался.

---

[1]) Описываемыя событія относятся къ тому времени, когда еще существовала тюрьма въ Воеводской пади.

Дворъ и столовая въ Александровской тюрьмѣ.

Боже мой, въ какой адъ попали мы!—подумалъ я.—Сколько здѣсь и нравственныхъ и физическихъ страданій! А у меня впечатлѣнія только одного дня. Что же дальше будетъ?!...

Вмѣсто раненаго Л—а временно назначили смотрителемъ тюрьмы добродушнаго старика. Мнѣ и моимъ товарищамъ онъ отвелъ въ казармѣ небольшую отдѣльную комнату, предназначенную для надзирателей. Намъ позволено было выходить со двора въ городъ, въ лѣсъ, на рѣчку. Пока присмотра не было никакого.

На другой день послѣ описанныхъ событій я воспользовался возможностью убѣжать отъ тяжелыхъ картинъ тюремной жизни и вышелъ чрезъ заднюю калитку ограды на берегъ небольшой рѣки.

Что за счастье быть хоть на минуту свободнымъ! Я, какъ ребенокъ, катался по травѣ, бѣгалъ по обрывамъ крутого берега, купался въ водѣ и жадно, жадно вдыхалъ душистый воздухъ лѣса. Я сразу забылъ всѣ невзгоды, и смотрителя Л—а, и крики наказываемыхъ людей, и цѣлодневное издѣвательство надъ ними. Вотъ она всеисцѣляющая мать-природа! Какъ я долго томился по тебѣ! Вѣдь я жилъ только мечтою. Бывало упрешься глазами въ сырую стѣну тюрьмы, а мысль летитъ далеко въ благоухающіе лѣса Кавказа или привольныя степи Малороссіи и съ любовью останавливается на каждой травкѣ, на каждой букашкѣ... Но вотъ теперь не мечта, а сама дѣйствительность. Можетъ быть, въ другое время сахалинская природа произвела бы совсѣмъ иное впечатлѣніе, но теперь она казалась удивительно привлекательною!..

Меня и другихъ интеллигентныхъ ссыльныхъ позвали къ генералу. Онъ сдѣлалъ намъ внушеніе вести себя хорошо и назначилъ мѣсто жительства въ Тымовскомъ округѣ, въ самой срединѣ острова.

— Значитъ, намъ предстоитъ еще дорога?

— Да, верстъ шестьдесятъ. Надо перевалить чрезъ хребетъ Пилингу.

Собственно мнѣ безразлично было, гдѣ бы ни жить, лишь бы оставили меня въ покоѣ. Объ одномъ я пожалѣлъ—придется разстаться съ моремъ, навѣвавшимъ мнѣ грезы о былой жизни, о свободѣ.

Встрѣчаю сосланнаго кавказскаго героя.

— Вы были у смотрителя Л—а?—спрашиваетъ онъ меня.

— Нѣтъ.

— Сходите! Надо навѣстить больного. Онъ будетъ очень радъ васъ видѣть. Не откладывайте, идите сейчасъ!

Послѣ видѣнныхъ мной грубыхъ сценъ расправы и слыша, кромѣ того, со всѣхъ сторонъ, какъ отъ каторжныхъ, такъ и отъ чиновниковъ, дурные отзывы о Л—ѣ, я отъ души желалъ, чтобы его здѣсь не было. Признаюсь, меня повергало въ недоумѣніе его, повидимому, безкорыстное вниманіе ко мнѣ и къ моему товарищу.

Наиболѣе тяжкіе преступники, прикованные къ тачкамъ.

— Это его хитрая политика—оказывать вниманіе и поддержку ссыльнымъ изъ привилегированнаго сословія,—объяснилъ мнѣ одинъ чиновникъ,—потому что они здѣсь очень нужные люди, да, кромѣ того, есть и другія причины.

Я попробовалъ найти резоны, извиняющіе раздражительность Л—а. Безсонныя ночи, переутомленіе, масса заботъ—все это должно

имѣть свое вліяніе на слабый организмъ уже посѣдѣвшаго смотрителя. Наконецъ, онъ, можетъ быть, только на первое время хочетъ казаться строгимъ, чтобы установить дисциплину среди всей этой массы отчаянныхъ людей.

Мнѣ горячо возражали, обвиняя его не только въ жестокости, хитрости, лицемѣріи, но и во многихъ другихъ порокахъ, такъ что я думалъ: однако, ты не только каторжнымъ, но, какъ видно, и чиновникамъ немало насолилъ!

Мнѣ пришла мысль подать ему благой совѣтъ выйти въ отставку, воспользовавшись только что происшедшимъ грустнымъ инцидентомъ, который давалъ ему, какъ раненному при исполненіи служебныхъ обязанностей, право на пенсію.

Онъ, повидимому, обрадовался моему приходу, но едва я заговорилъ объ отставкѣ, какъ пришелъ въ раздраженіе.

— Въ отставку?! Ни за что! Я имъ покажу, что я не боюсь ихъ... Я ихъ!..—задыхаясь закричалъ смотритель и гнѣвно посмотрѣлъ въ сторону казармъ.

Когда онъ успокоился, я ему разсказалъ о нашемъ свиданіи съ генераломъ и о назначеніи насъ въ Тымовскій округъ.

— Мнѣ хотя и жалко съ вами разстаться, но я радуюсь за васъ. Тамъ вамъ будетъ спокойнѣе, да и порядку больше, чѣмъ въ Александровкѣ. Жаль, что покидаете меня, а какъ бы вы были нужны мнѣ здѣсь!

Мы простились. Я полагалъ, что больше его никогда не увижу, но случилось иначе: мы не только встрѣтились, но и прожили вмѣстѣ въ одномъ селеніи долгое время.

IV.

Знакомство съ интеллигентными ссыльными. — Ихъ заботливость и вниманіе. — Примѣры столкновеній изъ-за шапочнаго вопроса. — Священникъ Георгій Сальниковъ. — Прошенія каторжныхъ. — Арестантскій обѣдъ. — Тяжелое положеніе хлѣбопековъ.

Прежде чѣмъ отправиться въ Тымовскій округъ, намъ пришлось прождать дней шесть въ Александровкѣ. За это время мы успѣли хорошо познакомиться съ интеллигентными ссыльными, прибывшими на Сахалинъ годомъ или двумя раньше насъ. Они спѣшили оказать намъ помощь и вниманіе, кто чѣмъ могъ: одинъ несъ полотняную рубашку, другой—носовой платокъ, третій—молока или хлѣба и т. п. Особенно памятенъ мнѣ низенькій коренастый полякъ съ угловатыми манерами, П. Д—ій. Его некрасивый, широкій лобъ, нескладно торчащіе усы и рыжесѣрые глаза не мѣшали ему быть для меня самымъ симпатичнымъ человѣкомъ изъ всей группы

Тюремная ограда на Сахалинѣ.

ссыльныхъ. Съ ранняго утра онъ первымъ появлялся къ намъ въ комнату, таща въ обѣихъ рукахъ всевозможные продукты и поздно вечеромъ послѣднимъ уходилъ отъ насъ. Добротѣ его, казалось, не было предѣла. Онъ какъ будто искалъ случая пожертвовать собою для товарища. Да такъ это и случилось впослѣдствіи.

Визиты ссыльныхъ держали насъ цѣлые дни въ камерѣ, и мы рѣдко выходили за ворота тюрьмы, да къ тому же и побаивались, услышавъ, сколько непріятныхъ столкновеній разыгралось въ послѣднее время изъ-за «шапочнаго вопроса». Интеллигентному ссыльному тяжело выполнять всѣ требованія, предъявляемыя сахалинскими чиковниками каторжнымъ, относительно внѣшняго почтенія. Обыкновенно при встрѣчѣ съ чиновникомъ, ссыльно-каторжный сходилъ съ тротуара и не за двѣнадцать шаговъ, какъ солдаты, а за двадцать и болѣе, снималъ шапку и съ обнаженной головой проходилъ мимо начальства со страхомъ и трепетомъ. Не всякій, однако, рисковалъ пройти такимъ образомъ на улицѣ мимо смотрителя Л—а. Многіе предпочитали уклоняться въ сторону и идти въ обходъ дальними проулками. Дошло до того, что стали проходить съ обнаженной головой не только мимо чиновниковъ, но даже и мимо домовъ ихъ.

— Неравно кто нибудь смотритъ въ окно. Нѣтъ, ужъ лучше снять шапку: цѣлѣе будешь!—замѣчали каторжные. На этомъ основаніи они снимали шапку передъ каждымъ незнакомымъ лицомъ, одѣтымъ въ приличный европейскій костюмъ, будь это купецъ, любопытствующій пассажиръ, или иностранецъ-морякъ съ парохода.

Пробовали иногда ссыльные изъ привилегированнаго сословія раскланиваться при встрѣчѣ съ чиновниками. Нѣкоторые снисходительно терпѣли такія привѣтствія, но другіе возмущались.

— Ровня что ли мнѣ, чтобы раскланиваться со мною, какъ со знакомымъ на Невскомъ проспектѣ?!—кричали такіе господа.

Еще тяжелѣе было для интеллигентныхъ каторжныхъ стоять на улицѣ безъ шапки, когда приходилось разговаривать съ начальствомъ. А какъ просто создаются цѣлыя исторіи изъ пустяковъ! Напримѣръ, стоитъ толпа рабочихъ (ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ обыкновенно зовутъ *рабочими*) у склада съ провизіей въ ожиданіи *пайка*. У всѣхъ руки заняты или мѣшками, или полученной провизіей (кто не пользуется готовой пищей въ тюрьмѣ, ежемѣсячно получаетъ на руки слишкомъ полтора пуда муки, нѣсколько рыбъ, иногда солонину и немного крупы для приварка). Завѣдующій складомъ чиновникъ дѣлаетъ карандашемъ отмѣтки въ книгѣ. По временамъ онъ обращается къ какому нибудь рабочему съ замѣчаніемъ или вопросомъ, при этомъ, конечно, не стѣсняется подборомъ словъ. И вотъ тутъ-то, среди этой сутолоки, вдругъ чиновникъ озлится на близъ стоящаго ссыльно-каторжнаго, занятаго процедурою пріема муки, и крикнетъ:

Ново-Михайловское поселеніе на Сахалинѣ.

— Шапку долой, такой-сякой!

И бѣда, если обиженный рабочій отвѣтитъ что нибудь: ему тогда не миновать розогъ.

Потомъ мнѣ случалось видѣть и слышать болѣе возмутительныя картины изъ-за шапочнаго вопроса, но и въ первые дни на Сахалинѣ у меня составилось рѣшеніе—лучше избѣгать встрѣчи съ чиновниками. Впрочемъ, я до нѣкоторой степени чувствовалъ себя свободнѣе въ арестантскомъ платьѣ. Правда, этотъ сѣрый халатъ уничтожалъ личность, званіе, имя, но за то гораздо легче снималась предъ начальствомъ круглая сѣрая шапка безъ козырька. Вотъ почему, хотя у меня съ собою было вольное платье, и мнѣ, вѣроятно, позволили бы его надѣть, я долго не снималъ казеннаго халата съ тузомъ на спинѣ. Здѣсь стѣсняться было некого. Чиновники и солдаты привыкли къ виду арестантскаго костюма, а всѣ остальные пришельцы Сахалина когда-то носили сами такой же халатъ.

Съ первымъ праздничнымъ днемъ нѣкоторые изъ вновь прибывшихъ поспѣшили въ маленькую деревянную церковь [1]) служить молебенъ. Священникъ о. Георгій Сальниковъ всѣмъ служилъ даромъ. Одинъ я едва могъ уговорить его принять отъ меня немного денегъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ въ мое время безпримѣрнымъ священникомъ на Сахалинѣ. Отецъ Георгій довольствовался своимъ жалованіемъ (1.000 руб. въ годъ) отъ тюремнаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, рано овдовѣвъ, онъ не могъ примириться съ здѣшней горемычной жизнью и ушелъ на Амуръ.

Въ эти дни нашего пребыванія въ Александровской тюрьмѣ мы мало имѣли общенія съ другими арестантами. Впрочемъ, меня еще они осаждали просьбами—написать имъ прошенія на имя государя или министра. Я охотно сочинялъ просьбы арестантовъ, а за неграмотныхъ не стѣснялся подписывать свою фамилію. Въ короткое время моими прошеніями наводнилась канцелярія. Узнавъ объ этомъ, меня позвалъ старичокъ-смотритель и довольно откровенно объяснилъ, что я даромъ тружусь, потому что этимъ прошеніямъ они не дадутъ хода. Только тѣ ссыльные, о которыхъ позаботится самъ начальникъ округа, могутъ разсчитывать, что ихъ прошенія пошлютъ въ Петербургъ.

Иногда я заходилъ въ общую столовую (она же и кухня) съѣсть порцію похлебки, а еще болѣе изъ любопытства. Каждому наливали одинъ черпакъ (кружка на длинной палкѣ) похлебки прямо изъ огромнаго котла. Это варево, или баланда, какъ здѣсь называютъ, чаще всего представляла густую сѣрую массу изъ кусковъ разваренной рыбы, костей, картофеля и лавроваго листа

---

[1]) Она сгорѣла 28 ноября 1890 года. Огонь уничтожилъ ее въ одинъ часъ. Въ золѣ нашли только обгорѣвшее евангеліе, а подъ нимъ антиминсъ.

Характеръ Сахалинской рѣки.

Если рыба была свѣжая или соленая, но не сильно попорченная, баланду кое-какъ еще можно есть съ голодухи, только надо помириться съ тою степенью чистоты, какая здѣсь допускается при приготовленіи этого кушанья. Нечищенный картофель обыкновенно мыли въ ушатахъ палками, а затѣмъ рубили сѣчками, какъ капусту. Впослѣдствіи придумали чистить картофель машиной (изъ деревянныхъ палокъ цилиндръ, вращающійся въ водѣ), но и она смывала только землю съ картофеля, но не сдирала шелухи.

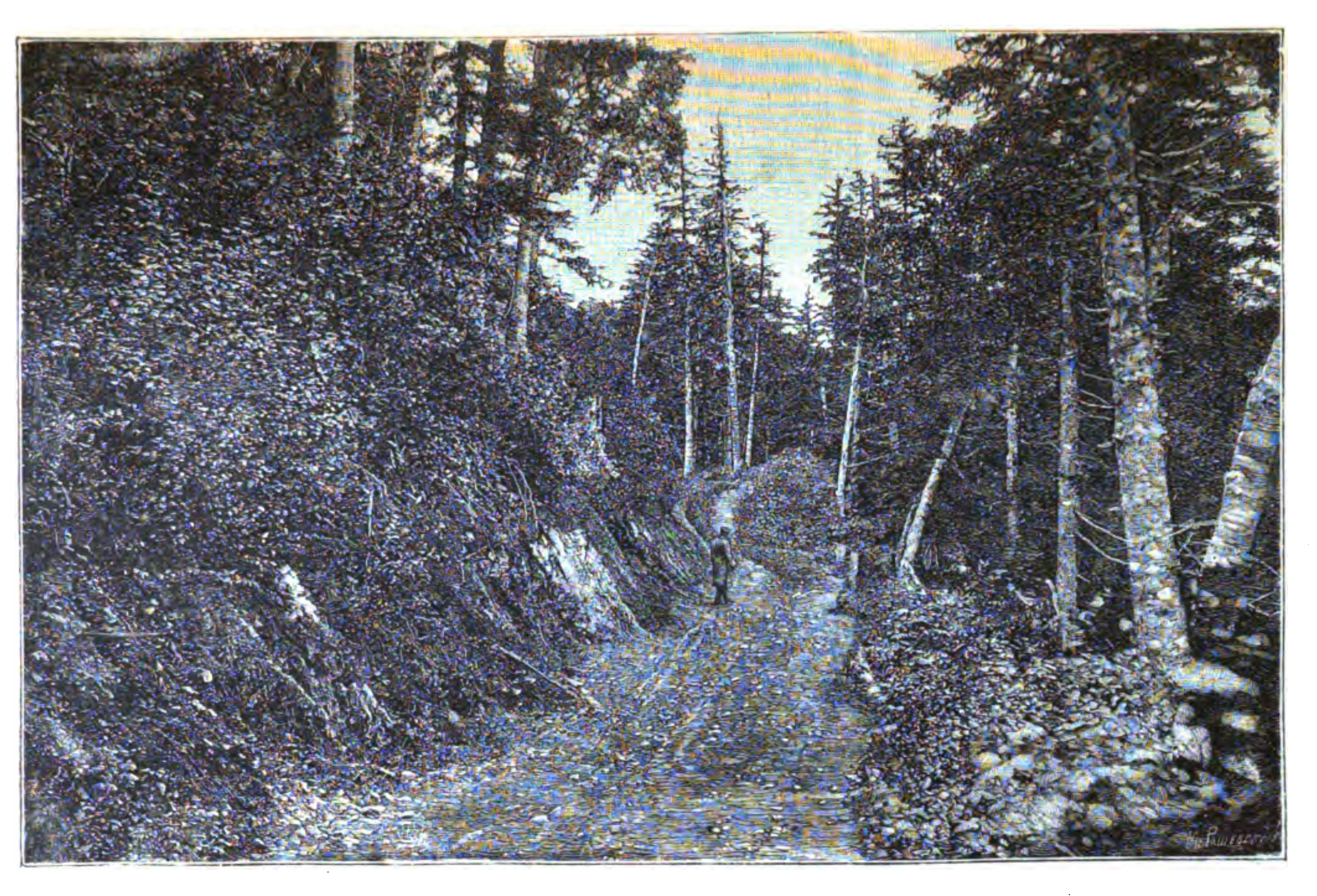
Собственно главную пищу для рабочаго составляла пайка, т.-е. три фунта ржаного хлѣба. Мнѣ рѣдко когда приходилось видѣть хорошій хлѣбъ въ тюрьмѣ. Обыкновенно онъ сырой, съ закаломъ, крайне тяжелый для желудка. И не мука въ этомъ виновата, которая доставлялась на пароходахъ изъ Одессы, и даже не пекари, запираемые на ключъ во время работы, чтобы не расхищали тѣста, а сами смотрители тюремъ, составляющіе экономію на чрезмѣрномъ припекѣ. Я очень жалѣлъ бѣдныхъ хлѣбопековъ. Помимо того, что они исполняли тяжелую работу, замѣшивая квашни на десятки пудовъ хлѣба, должны были еще выполнить два другъ друга отрицающія условія: чтобы и хлѣбъ былъ хорошъ, и припекъ былъ бы въ требуемомъ размѣрѣ. Исторія Сахалина имѣетъ нѣсколько примѣровъ, какъ пекарь, получая розги или за худой хлѣбъ или за малый припекъ, наконецъ не выдерживалъ и убивалъ смотрителя.

V.

Походъ каторжныхъ въ Тымовскій округъ.—Бивуакъ въ селеніи Ново-Михайловскомъ.—Непріятный урокъ.—Подъемъ на Пилингскія горы.—Сахалинская флора.—Перевалъ черезъ хребетъ.—Откровенность конвоировъ.—Начальникъ округа Бутаковъ.—Утомленіе.—Тымовская долина.

Въ воскресенье, утромъ, 9-го августа, былъ объявленъ походъ для ссыльно-каторжныхъ, отправляющихся въ Тымовскій округъ. Туда обыкновенно назначались малосрочные съ тѣмъ расчетомъ, чтобы они, окончивъ срокъ каторги, скорѣе заселяли долину р. Тыми. Такъ какъ я плылъ въ первомъ отдѣленіи парохода Добровольнаго флота, гдѣ сидѣли долгосрочные, то отправляемая партія для меня была совершенно незнакома. Всѣ поспѣшили запастись казенной провизіей на четыре дня и накупили жестяныхъ чайниковъ или котелковъ мѣстнаго издѣлія. Мнѣ и моимъ товарищамъ была назначена для вещей подвода, запряженная по-малороссійски волами.

Среди дня тронулись въ путь. Я съ товарищами шелъ въ хвостѣ сѣрой толпы, человѣкъ въ 200. Въ конвой назначенъ взводъ солдатъ мѣстной команды. Сзади всѣхъ верхомъ на лошади ѣхалъ мо-

Дорога черезъ хребетъ Пилинга.

лодой чиновникъ тюремнаго вѣдомства. Дорога ровная, шоссейная. День теплый, солнечный. Общее настроеніе было очень хорошее: съ одной стороны мы уходили отъ страшнаго смотрителя Л—а, съ другой—сравнительно мирная жизнь земледѣльческой колоніи Тымовскаго округа сулила намъ въ перспективѣ отдохновеніе послѣ всѣхъ перенесенныхъ мытарствъ.

Дорога шла къ югу, по прямому направленію, къ селенію Ново-Михайловскому, извѣстному у старожиловъ болѣе подъ названіемъ Пашни. Идя налегкѣ, я и мои товарищи имѣли громадныя преимущества предъ другими ссыльными. Вскорѣ чиновникъ слѣзъ съ лошади и сталъ съ нами разговаривать. Это былъ очень словоохотливый человѣкъ, но я ограничился только немногими разспросами о сахалинской жизни, предоставивъ бесѣдовать съ нимъ моимъ товарищамъ. Къ вечеру подошли къ Пашнѣ. По краю селенія протекала рѣка. Она имѣла общій характеръ сахалинскихъ рѣкъ: то суживалась въ тѣсныхъ густо-заросшихъ берегахъ, образуя быстрое теченіе, то шумно бурлила въ пѣнистыхъ порогахъ, то широко разливалась въ низменныхъ мѣстахъ и открывала большія отмели изъ чистаго голыша.

Намъ объявили ночевку на большой полянѣ у самой рѣки. Скоро запылали костры. Для экономіи топлива на каждомъ изъ нихъ кипятилось по десятку и болѣе котелковъ и чайниковъ, подпертыхъ для устойчивости кирпичами и камнями. Мнѣ нравились такіе общественные очаги. Кругомъ ихъ сидѣли на корточкахъ съ трубками въ зубахъ каторжные. Нѣкоторые подкладывали въ огонь хворостъ и щепки. Я тоже поусердствовалъ для своихъ товарищей, досталъ изъ рѣки воды, поставилъ на костеръ чайникъ и потянулся къ кучѣ тутъ же лежащихъ щепокъ, чтобы подложить въ огонь. Но одинъ изъ моихъ сосѣдей слегка стукнулъ щепкой по моей рукѣ. Я понялъ: это его собственность, онъ собралъ щепу, онъ и распоряжается ею. Кругомъ сидѣли все незнакомыя лица, и я молча принялъ урокъ. Этотъ случай, однако, заставилъ меня поосторожнѣе входить въ общее дѣло съ каторжными.

Въ первый разъ въ жизни пришлось мнѣ ночевать подъ открытымъ небомъ на разостланномъ полушубкѣ. Мы кое-какъ сбились въ кучу и закрылись халатами. Къ счастью, погода была хорошая, и я покойно заснулъ среди двухсотъ каторжныхъ.

На другой день изъ Ново-Михайловскаго направились къ востоку на Пилингскій хребетъ [1]). Дорога подымалась въ гору все выше и выше. Идти было очень тяжело, и я порядочно утомился. Мои товарищи поочередно присаживались къ мѣшкамъ на подводу. Нѣсколько поддерживала мою бодрость постоянная смѣна восхитительныхъ горныхъ картинъ. Особенно мнѣ нравилось слѣдить за

---

[1]) Тогда еще не было нынѣшней дороги въ Тымовскій округъ чрезъ Арково.

извивавшейся около дороги рѣкой, какъ она пряталась отъ насъ или въ зелени кустовъ и деревьевъ, или за изгибами горъ. Иногда она подойдетъ совсѣмъ близко со своими широколиственными лопухами, затѣмъ вдругъ скроется, а чрезъ пять минутъ уже далеко внизу поблескиваетъ по долинѣ среди тальника и ивъ.

Намъ давали часто останавливаться для отдыха. Утомившіеся путники спускали со своихъ плечъ мѣшки и курили табакъ. Здѣсь на Пилингѣ солдаты-конвоиры были не такъ строги, какъ въ долинѣ,

Начальникъ Тымовскаго округа А. М. Бутаковъ.

и позволяли каторжнымъ собирать ягоды по склонамъ горъ. На этомъ подъемѣ къ Пилингскому перевалу я познакомился съ интересными видами сахалинской флоры. Тогда лѣса еще не были уничтожены пожарами, и они красиво оттѣняли далекіе хребты въ 2000 футъ высотою. Въ долинахъ мы встрѣчали гигантскіе тополи и ильмы въ два-три обхвата толщиною. Иногда, какъ на подборъ, удивительно высокія и стройныя ивы растягивались вдоль рѣки красивой, точно искусственной аллеей. Выше смѣняли ихъ вязы,

осины, лиственницы и березы. Еще выше—ели, пихты, да иногда такъ называемая черная береза (Betula Ermani). Наконецъ, мы достигли самой верхней точки дороги. Здѣсь граница двухъ округовъ. Я оглядѣлъ горизонтъ: страшная высота! Но когда замѣтилъ надъ собою въ голубомъ небѣ, какъ маленькую точку, парящаго орла, я подумалъ: съ какимъ величіемъ ты смотришь съ недосягаемой высоты на насъ, пресмыкающихся на землѣ! Если мы видимъ воды Татарскаго пролива,—навѣрно, ты видишь и Охотское море!

Переночевавъ въ Ведерниковскомъ станкѣ, мы стали спускаться къ Тымовской долинѣ. Теперь охрана была нѣсколько слабѣе. Да, и кто убѣжитъ здѣсь въ горахъ! Солдаты не шли строго цѣпью по одному. Желаніе побесѣдовать сводило ихъ попарно. Около меня шло два бойкихъ рядовыхъ и не стѣсняясь вели громкій разговоръ о поимкѣ бѣглыхъ каторжныхъ, о денежной наградѣ за это, о производствѣ въ надзиратели. Сколько было зависти у нихъ къ другимъ, которымъ удалось поймать бродягъ, и сколько цинизма, когда они говорили объ убійствѣ ихъ въ лѣсу! Меня коробило отъ этихъ откровенныхъ разсказовъ.

Вечеромъ мы пришли въ Малое Тымово, небольшое, но старѣйшее въ округѣ селеніе. Здѣсь мы встрѣтили самого начальника округа, А. М. Бутакова. Въ его нѣсколько суровомъ лицѣ была замѣтна примѣсь азіатской крови, какъ и у многихъ уроженцовъ Забайкалья. Происходя изъ казаковъ, Бутаковъ былъ сначала писаремъ. Вскорѣ его произвели въ офицеры, а затѣмъ въ чинѣ сотника перевели на службу по тюремному вѣдомству. Заявивъ себя хорошимъ смотрителемъ Александровской тюрьмы, онъ получилъ въ 1885 году мѣсто начальника только-что открывшагося Тымовскаго округа. Бутаковъ считался на Сахалинѣ образцовымъ хозяиномъ и неусыпнымъ дѣятелемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ зналъ всѣхъ поселенцевъ каждаго по фамиліи, зналъ, сколько у кого дѣтей, какое хозяйство, сколько скота, его прилежаніе къ работѣ, поведеніе. Будучи прекраснымъ семьяниномъ, Арсеній Михайловичъ напоминалъ хорошаго помѣщика временъ крѣпостного права. Съ 7 часовъ утра онъ обыкновенно сидѣлъ въ канцеляріи и принималъ ежедневно толпу просителей. Каждому онъ умѣлъ помочь не однимъ только совѣтомъ. При такихъ отзывахъ о нашемъ начальникѣ мы довольно успокоительно смотрѣли на свое будущее.

Бутаковъ провѣрилъ насъ по списку, пропустилъ мимо себя каждаго арестанта по одиночкѣ и уѣхалъ. Мы не слышали отъ него ни одного слова.

Оставался послѣдній переходъ по хорошей грунтовой дорогѣ, постоянно спускающейся къ долинѣ рѣки Тыми. Погода намъ удивительно благопріятствовала. Бывали годы, когда насчитывали 20 дождливыхъ дней въ августѣ мѣсяцѣ, но вотъ уже четвертый день, какъ мы идемъ при ясномъ небѣ. Я порядочно усталъ. Тутъ только

понялъ, насколько я ослабѣлъ въ тюрьмѣ. То, что прежде прошелъ бы въ одинъ день, я иду четыре дня и изнемогаю. Только сознаніе, что скоро конецъ этому походу, давало мнѣ силы кое-какъ тащиться вмѣстѣ съ другими.

Довольно суровый пейзажъ горъ съ хвойнымъ лѣсомъ постепенно сталъ смягчаться. Высокіе хребты отодвинулись къ горизонту. Открылась широкая и длинная долина въ зелени лиственнаго лѣса. Широкая рѣка чрезвычайно извилистой лентой обхватывала Рыковское селеніе, мелькавшее своими избенками среди чащи ильмовъ, тополей, березъ и осинъ. Чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ трава выше и гуще. Толстыя **дудки** (зонтичное растеніе Angelophyllum ursinum Rup.) со своими удивительными зонтиками подымались на сажень отъ земли и болѣе. Кусты красныхъ піоновъ издали красовались, какъ садовыя махровыя розы. Попадались и ягодные кусты черники, голубики и смородины. У самой рѣки виднѣлись красивыя купы громадныхъ деревьевъ. Вся эта сверкающая на солнцѣ яркозеленая растительность мирила меня съ печальною мыслію жить здѣсь долгіе годы...

Переходя черезъ рѣку по большому деревянному мосту, мы встрѣтили нѣсколько поселенцевъ, женщинъ и ребятишекъ, занятыхъ ловлею рыбы. И эта встрѣча мнѣ понравилась. Красные ситцы ихъ напоминали русскую деревню, а не ожидаемую каторгу. Впрочемъ, у меня было своеобразное зрѣніе послѣ многолѣтнихъ стѣнъ каземата. На фонѣ природы все мнѣ казалось въ смягченномъ видѣ.

Я уже успѣлъ переброситься нѣсколькими словами съ ребятами и узналъ отъ нихъ, что въ этомъ году урожай на ягоды.

— А черемуха — во какая! Чуть-чуть не съ вишню... восторженно замѣчали они.

VI.

Рыковское селеніе.—Естественная ограда сахалинскихъ тюремъ.—Гостепріимство художника К.—Водвореніе въ его мастерской.—Баня.—Первыя каторжныя работы.

Незамѣтно для себя мы скоро вошли въ Рыковское селеніе. Вдали высился новый срубъ строящейся церкви. Кругомъ его стѣснились главныя казенныя зданія. Тымовская дорога, по которой мы шли, привела насъ къ самой тюрьмѣ, т. е. къ собранію деревянныхъ бараковъ для каторжныхъ. Тюрьма ничѣмъ не была огорожена. Здѣсь болѣе вѣрили въ естественную ограду: труднопроходимыя горы, лѣса, болота, рѣки, а кругомъ всего сердитое море. Дѣйствительно, куда убѣжишь?! Чаще всего соблазняются видимымъ привольемъ каторжные-новички и тотчасъ же по прибытіи на Сахалинъ бѣгутъ въ тайгу, не познакомившись хорошо

ни съ дорогой, ни съ условіями здѣшней жизни. Однако, рѣдко кому удается пробраться на материкъ; обыкновенно же они погибаютъ или съ голоду, или отъ пуль солдатъ и гиляковъ, или, что чаще всего, возвращаются назадъ въ тюрьму. Если каторжный недолго былъ въ отсутствіи, то и не дѣлаютъ помѣтки въ его статейномъ спискѣ о попыткѣ убѣжать, а ограничиваются обыкновенною порціею наказанія—25 розогъ.

Только что мы пришли на тюремный дворъ, какъ намъ указали казармы для нашего жительства. Всѣ бросились въ камеры занимать мѣста на нарахъ. Я со своими товарищами опоздалъ и не нашелъ свободныхъ наръ. Мы сложили свои вещи въ уголъ камеры прямо на полъ и стали дожидаться прихода смотрителя К--аго.

Еще входя въ камеру, я замѣтилъ на крыльцѣ молодого человѣка въ синей блузѣ. Онъ меня заинтересовалъ своимъ не совсѣмъ русскимъ лицомъ, и я вышелъ съ нимъ познакомиться. Это былъ ссыльный художникъ К., шведъ по матери. Здѣсь въ казармѣ ему отвели отдѣльную комнату (такъ называемую надзирательскую), гдѣ онъ занимался рисованіемъ и рѣзьбой деревяннаго иконостаса для здѣшней церкви. Узнавъ наше положеніе, онъ любезно пригласилъ къ себѣ меня и моихъ товарищей для совмѣстнаго сожительства. Конечно, мы съ благодарностью воспользовались его гостепріимствомъ и немедленно перебрались со своими мѣшками въ его комнату, заставленную большимъ столомъ съ работой и кусками ильмоваго дерева, приготовленными для рѣзьбы.

Вскорѣ посѣтилъ насъ смотритель тюрьмы, переведенный въ въ чиновники тюремнаго вѣдомства изъ фельдшеровъ.

— А, вы тутъ расположились? Ну, и прекрасно!

И ушелъ. Онъ былъ доволенъ, что вопросъ относительно нашего помѣщенія такъ скоро самъ собою разрѣшился безъ его участія.

Художникъ К., хорошо знакомый съ условіями здѣшней жизни, охотно помогалъ намъ устроиться поудобнѣе. Каждому изъ насъ сколотили изъ досокъ по койкѣ. Пищу взялся варить одинъ изъ товарищей К. на всю компанію въ шесть человѣкъ. Носить дрова для камина и воду изъ колодца, а также убирать комнату, согласились поочередно. Болѣе крупныя работы, напримѣръ, принести провизію изъ склада, производили совмѣстными усиліями.

Хотя мы и спѣшили предупреждать другъ друга во взаимныхъ услугахъ, все-таки жизнь при такихъ условіяхъ была очень неудобна: шесть человѣкъ постоянно на виду другъ у друга, въ тѣснотѣ, среди стружекъ и древесной пыли отъ работы рѣзчика. Одно было пріятно: мы отдѣлены были отъ остальной массы рабочихъ.

По обычаю, первые три дня каторжныхъ не тревожили и предоставили имъ свободу устраиваться и гулять по селенію. Была

открыта для всѣхъ тюремная баня. Вмѣстѣ съ другими поспѣшили и мы вымыться послѣ дороги. Нечистоплотность сосѣдей въ тѣсной раздѣвальной и едва выносимая жара умывальной немало насъ мучили. Одновременно баня служила рабочимъ и прачешной. Нѣкоторые, вымывшись и постиравши бѣлье, сейчасъ же его мокрое и надѣвали на себя. Но другіе ограничивались однимъ выжиганіемъ насѣкомыхъ изъ бѣлья, развѣшивая его передъ парильной печкой.

Въ моихъ товарищахъ мнѣ нравилась покорная выносливость. Говорить нечего, какъ тяжела была для нихъ, воспитанныхъ въ холѣ, вся эта грубая обстановка. Но я рѣдко слышалъ ихъ жалобы. Напротивъ, всѣ непріятности они старались прикрыть шуткой. Чѣмъ это объяснить? Молодостью ли ихъ, или подражаніемъ мнѣ, старшему изъ нихъ? А я тогда возвелъ въ принципъ: не жаловаться, терпѣть, выжидать и не просить, насколько возможно.

Наконецъ, подошло время и намъ выйти на каторжныя работы. Это было какъ-то неожиданно и ужъ очень просто, безъ всякой спеціальной обстановки, т. е. насъ не подымали въ 3—4 часа ночи, не выстраивали въ ночной полутьмѣ во фронтъ «на раскомандировку», не отсчитывали въ партіи подъ особое распоряженіе надзирателя, не назначали опредѣленнаго «урока». Случилось гораздо проще. Когда мы сидѣли въ своей камерѣ и мирно бесѣдовали, приходитъ надзиратель и говоритъ:

— Смотритель приказалъ и вамъ всѣмъ идти на корчевку деревьевъ на улицѣ.

Вышли. Недалеко отъ тюрьмы валятъ огромное дерево. Одни подкапываютъ рычагами подъ корень, другіе тянутъ за веревку, привязанную къ вершинѣ дерева. Мы тоже подошли къ веревкѣ. Распоряжались самъ смотритель и надзиратель. Крикнутъ: тяни! мы и тянемъ вмѣстѣ съ другими рабочими. Повалимъ одно дерево, идемъ къ другому.

Конечно, эта работа была не утомительна для насъ. Мы больше были зрителями, чѣмъ исполнителями ея. Наши слабыя усилія— среди толпы мужиковъ—капля въ морѣ. Я лично испытывалъ большую неловкость, чувствуя себя не на мѣстѣ. Привыкнувъ при производствѣ работъ распоряжаться другими, я теперь долженъ самъ изображать послушную физическую силу. Мои товарищи тоже недоумѣвали, зачѣмъ ихъ выгнали на общія работы. Обыкновенно интеллигентныхъ ссыльныхъ тотчасъ же по пріѣздѣ на Сахалинъ назначаютъ писарями, учителями, чертежниками и т. п. Предчувствуя, что это временная мѣра для испытанія нашего смиренія, мы успокоились и покорно отнеслись къ этимъ первымъ каторжнымъ работамъ.

Послѣ обѣда и небольшого отдыха снова насъ вызвали на улицу для другого вида работы. Надо было перетаскать наваленную кучу остатковъ бревенъ и досокъ на задній тюремный дворъ. Съ

нами былъ только одинъ надзиратель. Мы бодро принялись за работу. Каждый старался выбрать чурбанъ потяжелѣе, едва доступный слабымъ силамъ. Наша молодость умѣла скрасить шуткой и веселымъ смѣхомъ и эту подневольную работу.

VII.

Назначеніе плотникомъ. — Мое болѣзненное состояніе. — Сахалинская лососина-кэта. — Отравленіе рыбой. — Куриная слѣпота. — Плотничьи работы. — Аудиторія на церковной площади. — Сношенія съ рабочими. — Случай съ Масюкевичемъ. — Совѣсть ссыльныхъ.

На другой день мы опять ждемъ новаго назначенія на работы, но приходитъ смотритель и объявляетъ, что начальникъ округа предлагаетъ намъ самимъ выбрать опредѣленное занятіе въ мастерскихъ. Товарищи ратдѣлились: двое записались въ столяры, а другіе двое—въ слесари. Я не хотѣлъ идти въ душную комнату. Мнѣ надоѣли стѣны каземата, и я попросилъ назначить меня къ плотникамъ, которые строили церковь на площади среди селенія.

Товарищи мои были огорчены этимъ распоряженіемъ начальника округа. Они поняли его такъ, что ихъ будутъ держать въ черномъ тѣлѣ, на общемъ положеніи остальныхъ каторжныхъ. Надолго ли? Мы все-таки не могли допустить, чтобы новый округъ, совсѣмъ бѣдный интеллигентами, такъ легко отказался отъ нашихъ услугъ. Я утѣшалъ товарищей надеждою на скорое избавленіе и первый показалъ примѣръ подчиненія установившимся порядкамъ. Мнѣ даже нравилось, что я волей-неволей долженъ буду работать на чистомъ воздухѣ. Безъ такихъ принудительныхъ работъ я, вѣроятно, сидѣлъ бы въ комнатѣ за книгой или тетрадкой по 12-ти часовъ въ сутки и продолжалъ бы чахнуть, какъ чахнулъ въ заключеніи по тюрьмамъ. Острыхъ болей я не чувствовалъ, но весь организмъ былъ испорченъ, истощенъ. Я боялся взглянуть въ зеркало на свое блѣдное, страшно исхудалое лицо. Отъ малокровія часто кружилась голова. Слухъ и зрѣніе были значительно ослаблены. Даже челюсти, и тѣ отъ долгаго неупражненія настолько ослабли, что у меня болѣли связки ихъ, послѣ первыхъ разговоровъ по выходѣ изъ каземата. Къ довершенію всего не миновали и меня сахалинскія болѣзни, обычныя для всѣхъ ссыльныхъ, прибывающихъ сюда осенью: разстройство пищеваренія и куриная слѣпота. Оно и понятно: перемѣна воды и пищи должна отозваться. Я прибылъ въ Тымовскій округъ еще въ то время, когда невыпаханная земля давала удивительные урожаи крупнаго картофеля. Этотъ продуктъ да мѣстная рыба кэта изъ породы лососей составляли главную пищу ссыльныхъ. Въ августѣ мѣсяцѣ всѣ жители долины рѣки Тыми заняты ловлею кэты и запасаются ею на весь годъ. Но

странными свойствами обладаетъ эта рыба. Въ концѣ лѣта она бросается изъ моря въ рѣки невѣроятными массами и упорно идетъ для метанія икры все впередъ и впередъ противъ теченія, пока не выбьется окончательно изъ силъ и не погибнетъ гдѣ нибудь въ верховьяхъ рѣки. За этотъ переходъ она совершенно мѣняется: маленькая красивая голова превращается въ большую удлиненную съ оскаленными челюстями, розовое мясо становится блѣднымъ, а на кожѣ появляются сѣрыя пятна. Употребленіе кэты въ свѣжемъ видѣ иногда вызываетъ сильныя желудочно-кишечныя заболѣванія. Сразу наступаетъ рвота, поносъ и общая слабость. Нѣкоторые полагаютъ, что эти явленія происходятъ отъ отравленія фосфоромъ, которымъ такъ изобилуетъ эта рыба. Мясо кэты, и въ особенности икра ея, въ темнотѣ свѣтится фосфорическимъ блескомъ. Весьма вѣроятно, въ иныхъ экземплярахъ бываетъ мѣстное отложеніе фосфора въ большомъ количествѣ, которымъ и отравляются сахалинцы. Я всю осень не могъ примириться съ этой рыбой и страдалъ, какъ и другіе. Замѣнить же кэту мясомъ или молокомъ—не было средствъ. Деньги, взятыя на дорогу, приходили къ концу, а до новой получки отъ родныхъ по почтѣ надо ждать нѣсколько мѣсяцевъ.

Другая странная болѣзнь здѣсь—куриная слѣпота. Вечеромъ расширяется зрачекъ до такой степени, что перестаешь видѣть. Но почему эта болѣзнь бываетъ преимущественно у вновь прибывающихъ, я не находилъ удовлетворительнаго объясненія у мѣстныхъ врачей.

Старшему плотнику Шарикову, тоже ссыльно-каторжному, была дана тайная инструкція: поставить меня въ пару съ другимъ плотникомъ хорошаго поведенія; что захочу дѣлать — показывать, но отнюдь не требовать никакой урочной работы. Впослѣдствіи, когда я узналъ объ этой инструкціи, все равно я также прилежно работалъ, какъ и въ самомъ началѣ, нисколько не отставая отъ другихъ плотниковъ. Въ работѣ я видѣлъ свое здоровье и отвлеченіе отъ того развивающагося съ каждымъ годомъ гнетущаго состоянія, которое иныхъ моихъ товарищей привело къ преждевременной смерти, другихъ къ самоубійству.

Рано утромъ, съ топоромъ въ рукахъ, я выходилъ вмѣстѣ съ другими плотниками на раскомандировку. Послѣ переклички сейчасъ же шелъ къ церкви и принимался пилить и строгать. Топоромъ я не умѣлъ работать, да и мало было дѣла для топора: стѣны и куполъ церкви были выведены; нужны были доски для пола, потолка и обшивки стѣнъ. Въ пару мнѣ назначили симпатичнаго среднихъ лѣтъ плотника, изъ цыганъ. Низенькаго роста, немного лѣнивый, онъ не обладалъ большой физической силой, а потому мнѣ съ нимъ было удобно работать. Сами мы натаскаемъ досокъ изъ штабеля, усядемся на нихъ другъ противъ друга и

начнемъ строгать одну за другою. Какъ я ни уставалъ, какъ ни ныли руки, я никогда первый не подавалъ голоса объ отдыхѣ, предоставляя иниціативу во всемъ цыгану. Впрочемъ, желаніе покурить давало ему много поводовъ къ маленькимъ отдыхамъ. Глядя на него, закуривали и другіе плотники. Въ это время нѣкоторые изъ нихъ подходили ко мнѣ и съ любопытствомъ разспрашивали о чемъ нибудь. Ежедневно наша площадка передъ церковью обращалась въ маленькую аудиторію. Сначала мнѣ приходилось разсказывать о другихъ странахъ и народахъ, или эпизоды изъ русской исторіи и всеобщей, но потомъ стали преобладать философскія и религіозныя темы. Очень любили слушать мои повѣствованія объ устройствѣ вселенной, о солнцѣ, планетахъ и звѣздахъ. Сами же они разсказывали о сахалинской жизни, о бывшихъ смотрителяхъ, о наказаніяхъ, но никогда публично не поминали о своихъ преступленіяхъ, которыя привели ихъ на Сахалинъ. Мнѣ случалось много разъ выслушивать откровенную исповѣдь каторжныхъ, но это всегда было одинъ на одинъ.

Несмотря на общій арестантскій костюмъ, на общую обстановку жизни, на общее унизительное положеніе ссыльно-каторжнаго, всѣ плотники относились ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ, вѣжливо называя меня на «вы». Никто изъ нихъ никогда не позволялъ разсказать въ моемъ присутствіи что нибудь скабрезное или неприлично выругаться. Между тѣмъ я не окружалъ себя стѣною недоступности; напротивъ, готовъ былъ войти въ положеніе каждаго рабочаго и посильно помочь имъ совѣтомъ, составленіемъ прошенія, написаніемъ письма, а иногда и матеріальною подачкою.

Былъ, напримѣръ, такой незначительный случай, который оставилъ сильное впечатлѣніе на всю жизнь одного рабочаго, Ѳедота Масюкевича.

Вскорѣ по прибытіи въ Рыковское, приходитъ къ намъ въ камеру Масюкевичъ, высокій здоровый мужчина, и обращается ко мнѣ:

— Я замѣтилъ, кромѣ чирковъ, у васъ есть еще сапоги. Не можете ли на время одолжить чирочковъ? У меня украли, и вотъ приходится ходить босымъ.

Я далъ. Товарищи упрекнули меня, зачѣмъ я такъ легко вѣрю арестантамъ.

— Навѣрно онъ проигралъ въ карты. Подождите, они васъ допекутъ: совсѣмъ раздѣнутъ васъ! — замѣчали они.

Я забылъ объ этомъ фактѣ. Впослѣдствіи Масюкевичъ сдѣлался по-сахалински богатымъ человѣкомъ: имѣлъ большой домъ, отдавая часть его подъ сельскую школу, имѣлъ много скота, пахотной земли, держалъ работниковъ. Самъ онъ былъ примѣрнымъ хозяиномъ и занималъ должность псаломщика церкви. Онъ привязался ко мнѣ всей душой, и случай съ моими чирками не выходилъ у него изъ головы.

— Помилуйте,—часто онъ разсказывалъ своимъ товарищамъ,— никого знакомыхъ нѣтъ, денегъ нѣтъ, а я босой. Шлёпай по холоднымъ лужамъ! Да, еще того и гляди накажетъ смотритель за промотъ казенныхъ вещей... Просилъ я того, другого — никто не даетъ! Дай, попробую сходить къ этому господину. Ни слова не говоря, далъ. Такъ что-жъ вы думаете, теперь, какъ придетъ ко мнѣ кто нибудь изъ попрошаекъ, вспомню чирки, — не могу отказать! На, возьми, что нужно.

Кстати сказать, ссыльно-каторжные, случалось, меня обманывали на Сахалинѣ, но это было такъ рѣдко, и эти обманы были такъ ничтожны по своему значенію, что я никогда не раскаивался за свое довѣріе къ нимъ. Чѣмъ дольше жилъ на Сахалинѣ, тѣмъ болѣе убѣждался, что и здѣсь большинство людей не съ заснувшею совѣстью. Стоитъ лишь отнестись къ нимъ участливо, тепло, по-человѣчески, и они отзовутся всей душой на ваше вниманіе. Горе ссыльной жизни, принудительный трудъ съ ранняго утра до поздняго вечера и постоянное опасеніе наказанія дѣлаютъ существованіе здѣсь невыносимымъ, но не отнимаютъ совсѣмъ послѣднихъ проблесковъ золотыхъ частичекъ человѣческаго сердца.

И. П. Миролюбовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ЪЪ ЛЮБОПЫТНОМЪ историческомъ очеркѣ В. Е. Рудакова[1]) о студенческихъ научныхъ обществахъ приведены нѣкоторыя данныя, почерпнутыя изъ статьи г. Сыромятникова (Сигмы) въ «Новомъ Времени» отъ 7 іюля 1899 года, относительно общества, существовавшаго въ 1881 — 1887 гг. при С.-Петербургскомъ университетѣ и оставившаго, какъ говоритъ г. Рудаковъ, во многихъ участникахъ прекрасную по себѣ память. Свѣдѣнія эти не совсѣмъ точны и слишкомъ скудны, а потому я, какъ одинъ изъ членовъ-учредителей этого общества, считаю неизлишнимъ, въ дополненіе къ названному очерку, сообщить еще нѣкоторыя подробности объ этомъ дорогомъ для насъ учрежденіи, при чемъ, конечно, мнѣ придется охарактеризовать ту обстановку, при которой оно возникло, настроеніе и интересы нашей студенческой среды.

Не впадая пока еще въ старческую слабость хвалить непремѣнно свое время въ ущербъ послѣдующему и не желая нимало укорять въ чемъ либо теперешнюю молодежь, которая, что бы о ней ни говорили, и мыслитъ, и чувствуетъ въ огромномъ своемъ большинствѣ честно и благородно, я все-таки долженъ сказать, что, вступая въ университетъ, мы сильно отличались отъ нынѣшнихъ гимназистовъ и по степени нашей подготовки и по широтѣ и интенсивности нашихъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ. События предшествовавшихъ годовъ, начиная съ сербо-турецкой войны, въ сильнѣйшей степени возбудили въ насъ такіе запросы, о которыхъ теперь ученики средней школы почти никогда не по-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., № 12.

мышляютъ. Уже въ 3-мъ, 4-мъ классахъ гимназіи мы начали слѣдить за политикой: идя на уроки, запасаешься, бывало, газетой («Голосомъ» или особенно тогда популярнымъ «Новымъ Временемъ») или телеграммами съ театра войны, и какія оживленныя, страстныя пренія происходили по поводу всякихъ новыхъ вѣстей! Мальчуганы, конечно, повторяли весьма авторитетно сужденія своихъ родителей; много, конечно, тутъ было комичнаго политиканства; авторитетность и дѣтскій задоръ чрезвычайно напоминали Колю Красоткина (яркій образецъ дѣтей нашего времени, великолѣпно охарактеризованный Достоевскимъ), но, какъ и этотъ мальчикъ, мы приходили къ кое-какимъ положительнымъ результатамъ не говоря уже о томъ, что у насъ изъ чтенія газетъ, журналовъ и нѣкоторыхъ книжекъ накопился довольно порядочный запасъ свѣдѣній, какъ о Турціи и славянскихъ странахъ, такъ и политическихъ отношеніяхъ Россіи за царствованіе императора Александра II, не говоря о томъ, что у насъ значительно расширились свѣдѣнія по европейской исторіи XIX столѣтія; у насъ, что было особенно важно, явилась жажда самостоятельнаго пріобрѣтенія знаній, мы заинтересовались многимъ, что не входило въ обязательную учебную программу. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что подобныя самостоятельныя занятія нисколько не мѣшали, а, пожалуй, даже значительно помогли учебной работѣ; а работа эта была совсѣмъ не маленькая, такъ какъ въ тѣ времена еще ни о какомъ переутомленіи толковать не полагалось въ строгой толстовской системѣ, не подвергавшейся еще всяческимъ урѣзкамъ, требовалось отъ насъ очень много труда, и наша педагогика еще не увлеклась пагубнымъ пріемомъ разжевыванія преподаваемаго матеріала; кромѣ того, тогда не особенно боялись показывать въ отчетахъ большой процентъ не успѣвающихъ учениковъ, такъ что не вытягивали всѣми силами до послѣдняго класса отчаянныхъ тупицъ и лѣнтяевъ, не выпускали изъ гимназій такихъ юношей, которые на окончательныхъ испытаніяхъ по классическому отдѣленію историко-филологическаго факультета пишутъ hominorum или in litteraturibus, или же въ замѣткахъ по лингвистикѣ спокойно заносятъ «мѣстоимѣнный коринь». Еще однимъ существеннымъ результатомъ нашихъ мальчишескихъ занятій политикой былъ извѣстный подъемъ духа, идеалистическое настроеніе, но не въ смыслѣ нынѣшняго отвлеченнаго эстетизма, а въ направленіи альтруистическомъ: стали мы думать о защитѣ слабыхъ и угнетенныхъ, о служеніи родинѣ.

Кончилась война, но возбужденіе, вызванное ею въ нашей средѣ, не могло заглохнуть, — оно перенеслось на другіе предметы, а жизнь сравнительно съ нынѣшнимъ затишьемъ била ключемъ, и такихъ интересныхъ предметовъ оказывалось очень много. Стоитъ припомнить хотя бы литературную обстановку того вре-

мени и посравнить ее съ тѣмъ, что мы видимъ теперь: въ настоящее время передъ нами одинъ геніальный колоссъ, графъ Л. Н. Толстой, вокругъ котораго разстилается пустыня, а на ней кое-гдѣ мелькаютъ второстепенныя величины, талантики, подающіе надежды, которымъ, повидимому, такъ и суждено на вѣки остаться надеждами; а тогда рядомъ съ этимъ колоссомъ стояли такія силы, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Писемскій, Мельниковъ, Некрасовъ, Щедринъ, Островскій. Ихъ произведенія мы читали и перечитывали, и знакомство съ ними, не входившее тогда, какъ, къ сожалѣнію, и теперь, въ учебную программу, представлялось настолько необходимымъ, что въ гимназіяхъ преподаватели русскаго языка вполнѣ спокойно указывали своимъ ученикамъ, что они могли бы пользоваться для своихъ сочиненій типами изъ «Преступленія и наказанія», изъ комедій Островскаго и т. п. Читались и перечитывались нами также и произведенія лучшихъ нашихъ критиковъ, такъ что бывали у насъ кружки, изучавшіе спеціально Бѣлинскаго или Добролюбова. Для развитія нашихъ литературныхъ интересовъ благодѣтельнѣйшимъ толчкомъ было открытіе московскаго памятника Пушкину: вдохновенная, мессіаническая рѣчь Достоевскаго, его полемика съ Градовскимъ, рѣчи другихъ ораторовъ, собранныя въ книгѣ «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», все это волновало насъ и до крайности увлекало. Это событіе имѣло для насъ и другое значеніе: съ литературными вновь связались и политическіе вопросы, и уже въ гимназіяхъ у насъ были и западники, и страстные славянофилы, и даже ярые радикалы, мечтавшіе перевернуть весь міръ, возродить Россію, и, если не особенно читавшіе, то очень почитавшіе Лассаля, Прудона, Герцена и разную запрещенную литературу. Потрясающее событіе 1 марта 1881 года для многихъ изъ насъ явилось такимъ фактомъ, который заставилъ серіозно призадуматься и произвести основательнѣйшую провѣрку своего политическаго и нравственнаго міросозерцанія: одни утвердились въ прежнихъ взглядахъ, другіе кое-что признали необходимымъ измѣнить въ своихъ воззрѣніяхъ.

Въ такомъ настроеніи и съ такой подготовкой мы пришли осенью 1881 года въ университетъ: жажда знанія, жажда работы на благо народа—вотъ тѣ стремленія, которыми было проникнуто большинство юношей, съ радостнымъ трепетомъ переступавшихъ порогъ нашей alma mater; никакихъ помышленій о карьерѣ и о фортунѣ мы не знали. Чудное было настроеніе! Впереди казалось все такимъ свѣтлымъ, чарующимъ. Университетъ нашъ блисталъ по всѣмъ факультетамъ именами первоклассныхъ ученыхъ: на юридическомъ факультетѣ были: А. Д. Градовскій, Ю. Э. Янсонъ, И. Е. Андреевскій, В. И. Сергѣевичъ, Н. С. Таганцевъ, Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, И. Я. Фойницкій, математики стремились послушать П. Л.

Чебышева, А. Н. Коркина, К. А. Поссе; естественники знали, что имъ придется учиться у А. Н. Бекетова, А. С. Фаминцына, Н. П. Вагнера, Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, С. А. Меншуткина, А. М. Бутлерова, Д. И. Менделѣева; филологи шли къ И. В. Ягичу, В. И. Ламанскому, В. Г. Васильевскому, К. І. Люгебилю, И. П. Минаеву, А. Н. Веселовскому, К. Н. Бестужеву-Рюмину, О. Ѳ. Миллеру; на восточномъ факультетѣ были: К. А. Коссовичъ, В. П. Васильевъ, Д. А. Хвольсонъ. Всѣхъ не пересчитаешь, было много и другихъ хорошихъ профессоровъ, и вѣрилось, что у такихъ учителей можно многое узнать, что они откроютъ намъ пути къ самостоятельной научной и общественной работѣ.

Скоро мы между собой перезнакомились, узнали и старшихъ товарищей, вошли въ общую студенческую жизнь, разбились по тѣмъ кружкамъ, которые уже ранѣе сложились въ университетской средѣ. Мы увидѣли, что общее настроеніе студенчества не совсѣмъ совпадаетъ съ нашимъ оптимизмомъ, и что даже чувствуется нѣкоторая подавленность. Предшествующіе годы были въ жизни нашего университета чрезвычайно бурными. Кратковременное управленіе А. А. Сабурова и эпоха графа М. Т. Лорисъ-Меликова возбудили массу надеждъ, которымъ не суждено было осуществиться. Весь 1880—1881 учебный годъ прошелъ въ почти безпрерывныхъ сходкахъ, былъ поднятъ вопросъ о постоянной студенческой организаціи, о корпораціяхъ, научныхъ обществахъ, кружкахъ самообразованія и взаимной помощи, но все оборвалось, благодаря съ одной стороны прискорбному скандалу на актѣ 8 февраля 1881 года, а съ другой — вслѣдствіе событія 1 марта... Реакція начала уже обнаруживаться, и толки о преобразованіи университетскаго устава 1863 года, казалось, грозили чѣмъ-то тяжелымъ.

Тѣ старшіе товарищи, къ которымъ мы примкнули, раздѣлялись на нѣсколько большихъ группъ. Самой крупной по численному составу была группа либерально-западническая: нужно идти дальше по пути реформъ, нужно «увѣнчать зданіе», какъ тогда выражались, подразумѣвая конституцію; студенчеству также нужна либеральная организація. Къ западникамъ, называя ихъ, впрочемъ, пустозвонными либералами, ближе всего стояли немалочисленные въ то время революціонные элементы студенчества, хотя слѣдуетъ сказать, что почти всѣ страшныя ихъ революціонныя стремленія были большею частью чисто-теоретическія, и внѣшнее проявленіе ихъ ограничивалось всѣмъ извѣстными особенностями костюма, синими очками, малороссійскими рубашками, высокими сапогами, длинными волосами и т. п., а также чтеніемъ прокламацій, запрещенныхъ брошюръ, «Народной воли», пѣніемъ зажигательныхъ пѣсенокъ въ родѣ «Барки». Настоящіе агитаторы, подпольные дѣятели, подобными дѣлами не занимались. Меньше западнической,

хотя тоже очень многочисленной, была группа славянофильско-народническая: мессіаническая, проповѣдь Достоевскаго, созданный (собственно только намѣченный) имъ идеальный образъ Алеши Карамазова, пламенныя статьи такого восторженнаго трибуна и высоко-талантливаго «рыцаря безъ страха и упрека», какимъ былъ И. С. Аксаковъ, увлекали немало юныхъ головъ, тѣмъ болѣе, что и въ самой профессорской корпораціи славянофильство имѣло такихъ видныхъ представителей, какъ В. И. Ламанскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и О. Ѳ. Миллеръ, и мы знаемъ студентовъ, вступавшихъ даже въ личныя сношенія съ редакторомъ «Руси», но въ этой группѣ сильнѣе, пожалуй, было народничество, пропагандировавшееся только что возникшимъ тогда журналомъ Л. Е. Оболенскаго «Русское Богатство», и книжечка г. Юзова «Основы народничества» имѣла въ тѣ времена немалый кругъ читателей среди студенчества, не совсѣмъ правильно понимавшаго славянофильство, видѣвшаго въ немъ какое-то ретроградство и лучше мирившагося съ программой народниковъ. Наконецъ, совсѣмъ незначительна была группа людей, раздѣлявшихъ взгляды Каткова: угнетеніе мысли, которымъ грозилъ московскій публицистъ, никого не могло привлекать, и его сторонниками явились лишь нѣкоторые изъ студентовъ-аристократовъ или господа, помышлявшіе уже на студенческой скамьѣ о хорошей чиновной карьерѣ; къ послѣднимъ примыкали довольно многочисленные, какъ теперь, такъ и тогда безразличные люди, избравшіе своимъ девизомъ умѣренность и аккуратность, довольно аккуратно иногда посѣщавшіе лекціи, но мало сближавшіеся съ товарищами. Какъ ни были различны воззрѣнія всѣхъ этихъ кружковъ, они, за исключеніемъ безразличныхъ, сходились между собою въ одномъ указанномъ выше стремленіи служить народному благу. Въ этомъ отношеніи весьма характерной представляется рѣчь, принадлежащая одному изъ участниковъ сходки, изображенной почти съ фотографической вѣрностью въ повѣсти «Старый грѣховодникъ» въ журналѣ «Дѣло» 1880 года.

Такова была духовная атмосфера, въ которую мы попали въ нашемъ университетѣ въ 1881 году, и вотъ здѣсь-то зародилась мысль объ учрежденіи студенческаго общества саморазвитія и самопомощи. Иниціаторами явились студенты филологи, графъ А. Ѳ. Гейденъ и И. А. Шляпкинъ, съ небольшимъ кружкомъ ближайшихъ товарищей. Насколько мнѣ извѣстно, въ этомъ кружкѣ высказывалась и такая мысль: дружныя, общія занятія наукой и литературой такъ поднимутъ уровень интересовъ студенчества, такъ заполнятъ время молодыхъ людей, что явится естественнымъ, сильнѣйшимъ противовѣсомъ политическимъ увлеченіямъ, нигилистической, революціонной пропагандѣ; такимъ образомъ замышляемое общество, между прочимъ, получало какую-то политическую окраску,

хотя по самому существу не должно было бы имѣть никакого политическаго характера, оно оказывалось антиреволюціоннымъ, антинигилистическимъ. Мнѣ лично въ предварительныхъ совѣщаніяхъ кружка участвовать не привелось, и я объ этой части программы могу упомянуть только со словъ другихъ лицъ и на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто нѣсколько позже.

Въ началѣ 1882 года уставъ общества, выработанный въ этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ, былъ утвержденъ попечителемъ округа, Ѳ. М. Дмитріевымъ. По этому уставу общество имѣло цѣлью содѣйствовать научнымъ и литературнымъ занятіямъ студентовъ; для этого оно могло издавать свои труды въ видѣ сборниковъ или отдѣльныхъ книжекъ, устраивать научные рефераты и литературныя чтенія, какъ для своихъ членовъ, такъ и для всѣхъ студентовъ, выписывать журналы и пріобрѣтать книги для пользованія своихъ членовъ, пріискивать научно-литературныя занятія студентамъ. Такимъ образомъ взаимная помощь въ матеріальной формѣ исключалась изъ задачъ общества. Общество состояло подъ почетнымъ предсѣдательствомъ попечителя округа, а дѣйствительнымъ предсѣдателемъ назначался одинъ изъ профессоровъ; ректоръ университета считался непремѣннымъ членомъ общества. Дѣйствительными членами могли быть избираемы всѣ студенты и оставленные при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Этотъ пунктъ былъ очень важенъ, такъ какъ устанавливалъ связь между студентами и молодыми учеными, поддерживалъ научный элементъ въ обществѣ. Хозяйственными и административными дѣлами общества завѣдывалъ совѣтъ изъ его членовъ, а для руководства научно-литературными занятіями выбирался научный отдѣлъ, состоявшій изъ 20 представителей разныхъ спеціальностей: члены этого отдѣла должны были предварительно оцѣнивать научные рефераты и литературныя работы членовъ, и только послѣ такой оцѣнки работы студентовъ допускались къ чтенію.

Первое засѣданіе общества подъ предсѣдательствомъ О. Ѳ. Миллера состоялось, насколько мнѣ помнится, въ началѣ марта 1882 г. въ ботаническомъ кабинетѣ университета. Въ числѣ участвовавшихъ въ этомъ засѣданіи лицъ, получившихъ званіе членовъ учредителей (около 50 человѣкъ), назову нѣсколькихъ, которые впослѣдствіи заявили себя научными или литературными трудами: это были графъ А. Ѳ. Гейденъ, И. А. Шляпкинъ, В. Г. Дружининъ, В. Н. Латкинъ, Б. Б. Глинскій, В. П. Карповъ, С. Ѳ. Глинка и др. Выбраны были члены совѣта и научнаго отдѣла, намѣчены рефераты для будущихъ засѣданій и для чтенія студентамъ, предложены новые члены, и такимъ образомъ офиціально открылась дѣятельность общества. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого были прочтены въ университетскихъ аудиторіяхъ нѣкоторые рефераты, привлекшіе довольно большое число слушателей изъ студентовъ, не входив-

шихъ въ составъ общества; къ лѣту были напечатаны два выпуска «Трудовъ», содержавшіе въ себѣ «Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ» С. Ѳ. Платонова и медальное сочиненіе П. В. Безобразова «Боэмундъ Тарентскій».

Несмотря на индифферентное отношеніе нѣкоторой части студентовъ, общество имѣло замѣтный успѣхъ, возбуждало толки научнаго характера, и число его членовъ постепенно росло. Дѣло шло хорошо, но одинъ казусъ чуть было всего не испортилъ. Въ число членовъ общества вступилъ студентъ юридическаго факультета, Л., который среди своихъ однокурсниковъ сталъ объяснять мотивы своего вступленія такимъ образомъ: общество имѣетъ первою цѣлью борьбу съ революціонерами, а потому весьма выгодно быть его членомъ, такъ какъ аристократы-учредители впослѣдствіи помогутъ сдѣлать хорошую карьеру. Это объясненіе (къ слову сказать, совсѣмъ неправильное, такъ какъ изъ учредителей аристократомъ могъ считаться развѣ только графъ А. Ѳ. Гейденъ, борьба съ революціонерами никѣмъ не ставилась на первый планъ, а о карьерѣ никто не толковалъ) сильно взбудоражило всѣхъ членовъ общества. Большинство изъ насъ ничего не знало объ антинигилистическихъ предположеніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, а карьерные расчеты представились намъ чрезвычайною низостью, потому что мы всѣ, какъ я уже выше сказалъ, были одушевлены самыми идеалистическими стремленіями. Толки по этому поводу привели къ расколу: одна часть членовъ настаивала на антинигилистическомъ характерѣ общества, другіе же, составлявшіе большинство, рѣшительнѣйшимъ образомъ протестовали противъ всякаго внесенія въ общество политики, будетъ ли она красная, или бѣлая, и признавали своею цѣлью исключительно научно-литературныя занятія. Конечно, большинство побѣдило, и общество на первыхъ же порахъ лишилось довольно значительнаго числа членовъ; къ общему прискорбію, въ числѣ ушедшихъ былъ и графъ А. Ѳ. Гейденъ.

Съ осени 1882 года, при нѣсколько измѣненномъ уставѣ, дѣятельность общества возобновилась и безъ всякихъ волненій, если не считать одного чисто личнаго, мелочнаго столкновенія между нѣсколькими членами, продолжалась почти 6 лѣтъ. Число его членовъ постоянно росло и къ концу его существованія было уже болѣе 350. Сходились тутъ студенты всѣхъ факультетовъ, и это общеніе предохраняло ихъ отъ узкаго спеціализма: математикъ не считалъ для себя излишнимъ послушать иногда филолога, юристъ могъ воспользоваться какими нибудь указаніями естественника, филологъ совѣтовался съ юристомъ или естественникомъ, и въ результатѣ этого живого обмѣна знаній и мнѣній получилось расширеніе общаго образованія студентовъ, благодѣтельное научное возбужденіе, котораго не могли бы намъ дать самыя талантливыя лекціи профессоровъ, осуществлялось полнѣе идеальное представленіе объ universitas litterarum.

Каждыя двѣ недѣли мы собирались на засѣданія, въ которыхъ могли присутствовать только члены общества, а, сверхъ того, нѣсколько разъ въ годъ устраивались чтенія для всѣхъ студентовъ. Въ засѣданіяхъ происходили выборы новыхъ членовъ, которые по уставу предлагались двумя лицами, рѣшались нѣкоторыя административно-хозяйственныя дѣла (главнымъ образомъ относительно пополненія библіотеки общества) и читались небольшія научныя сообщенія или литературные опыты членовъ. Сообщенія обыкновенно касались какихъ нибудь новыхъ книгъ, при чемъ критика молодыхъ людей въ большинствѣ случаевъ бывала очень строгая: таково ужъ, вѣроятно, свойство юнаго русскаго ума,—тутъ въ насъ сказывался тотъ же духъ Коли Красоткина, который такъ силенъ былъ въ насъ въ гимназіи; но только теперь мы уже значительно расширили кругъ своихъ знаній, запасались иногда довольно солиднымъ научнымъ багажомъ, такъ что нашъ задоръ являлся уже болѣе обоснованнымъ. Нѣсколько сообщеній касались у насъ другихъ студенческихъ обществъ, существовавшихъ въ прежнее время въ Петербургскомъ или другихъ русскихъ и иностранныхъ университетахъ; такія сообщенія обыкновенно пріурочивались къ мартовскому собранію общества, когда мы справляли годовщину его основанія. Посвящались сообщенія нѣкоторымъ новымъ научнымъ открытіямъ или теоріямъ. Обыкновенно, въ засѣданіяхъ бывали горячія пренія, при чемъ вырабатывалась порой замѣчательная діалектика, а иногда высказывались весьма оригинальныя замѣчанія по тому или другому научному вопросу. Слѣдуетъ отмѣтить, что никогда споръ не переносился на личную почву, и неуваженія къ противнику **никогда** не проявлялось, что̀ положительно является крайней рѣдкостью во всѣхъ нашихъ обществахъ.

Что касается чтеній для всѣхъ студентовъ, то они посвящались большею частью какимъ нибудь крупнымъ вопросамъ и бывали значительно бо̀льшаго объема, чѣмъ сообщенія въ засѣданіяхъ. Брались такіе рефераты нерѣдко изъ сочиненій, представлявшихся членами общества на соисканіе университетской медали, такъ что уже самый фактъ присужденія награды являлся для насъ нѣкоторой гарантіей серіозности реферата, и роль научнаго отдѣла при его оцѣнкѣ сводилась къ опредѣленію степени интереса, имъ представляемаго, и къ отысканію оппонентовъ. Оппоненты же иногда выступали весьма опасные, и споры затягивались, бывало, далеко за полночь, такъ что отъ профессоровъ-спеціалистовъ, руководившихъ преніями, требовалась порядочная жертва времени; а бывало и такъ, что пренія переносились на другой день. Случалось, что рефераты соединялись вмѣстѣ: такъ, по поводу книги профессора Н. И. Карѣева «Основные вопросы философіи исторіи», только что вышедшей, были прочитаны сообщенія студентами Н. Д. Чечулинымъ и А. Брауномъ, при чемъ первый ограничился изложеніемъ содержа-

нія книги, а рано скончавшійся очень талантливый юноша Браунъ подвергъ ее довольно суровой критикѣ; въ память К. Д. Кавелина было прочтено три реферата, въ которыхъ характеризовались его историческіе, публицистическіе и философскіе труды.

Кромѣ этихъ сообщеній и рефератовъ, огромнымъ подспорьемъ въ нашихъ научно-литературныхъ занятіяхъ являлась наша библіотека, которой мы, какъ своимъ созданіемъ, по всей справедливости могли гордиться. Насчитывалось въ ней нѣсколько тысячъ названій книгъ и журналовъ по разнымъ спеціальностямъ: многое мы покупали на общественныя средства, составлявшіяся изъ членскихъ взносовъ, а самая главная часть библіотеки образовалась изъ пожертвованій: давали намъ дублеты и ненужныя имъ книги наши профессора, присылали многіе авторы и издатели, къ которымъ мы обращались съ просьбой, жертвовали и сами члены. Обогащеніе библіотеки каждый членъ общества ставилъ себѣ въ обязанность, которую выполнялъ весьма ревностно: ѣдетъ кто нибудь изъ насъ въ провинцію, беретъ съ собой бланки общества и двѣ упомянутыя выше брошюрки «Трудовъ»,—и смотришь, въ обмѣнъ на эти «Труды» присылаетъ всѣ свои монументальныя изданія какое нибудь земство, провинціальное ученое общество, университетъ, частное лицо.

Существенной стороной жизни нашего общества было то сближеніе, которое устанавливалось между нами и профессорами, а также и, какъ я уже сказалъ выше, съ оставленными при университетѣ. Изъ профессоровъ посѣщали наши засѣданія О. Ѳ. Миллеръ, В. И. Сергѣевичъ, И. Е. Андреевскій, В. В. Докучаевъ, Н. И. Карѣевъ, Е. Е. Замысловскій, М. И. Владиславлевъ и многіе другіе. Говоря о нихъ, конечно, съ особенною благодарностью, надо помянуть покойнаго О. Ѳ. Миллера. Этотъ незабвенный другъ нашихъ студентовъ былъ предсѣдателемъ нашего общества за все время его существованія, и лучшаго предсѣдателя мы не могли бы имѣть. Это былъ настоящій руководитель молодежи, никогда не искавшій популярности (хотя и находились нѣкоторые гнусные клеветники, обвинявшіе его въ такомъ искательствѣ), но всегда любимый студентами, которымъ онъ не стѣсняясь говорилъ правду, подчасъ и очень горькую. Всякій изъ насъ зналъ, что иначе, какъ «по совѣсти», Орестъ Ѳедоровичъ говорить не можетъ, что, наконецъ, дипломатическихъ увертокъ онъ не знаетъ, а, кромѣ того, мы были увѣрены въ его любви къ намъ, и сами мы безгранично любили добраго и безусловно-честнаго нашего учителя. Когда въ нашемъ обществѣ при началѣ его дѣятельности произошли описанныя выше разногласія, Орестъ Ѳедоровичъ въ засѣданіи 8-го апрѣля 1882 г. произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: «Помните, что ни въ какомъ направленіи не можетъ быть мѣста

политикѣ въ студенческомъ научно-литературномъ обществѣ, потому что политикѣ нѣтъ мѣста въ университетѣ. Университетская наука только готовитъ къ гражданской, то-есть политической дѣятельности въ будущемъ. Что же касается житейскаго успѣха, то-есть карьеры, то къ этому бы она и готовить не должна. Въ нормально поставленномъ университетѣ наука можетъ представляться студенчеству только цѣлью, а никакъ не средствомъ». Вотъ въ этомъ-то отношеніи, въ смыслѣ постояннаго содѣйствія научной работѣ нашего общества, Орестъ Ѳедоровичъ былъ не только предсѣдателемъ, но и незамѣнимымъ нашимъ воспитателемъ, и я увѣренъ, что всѣ мои прежніе товарищи по обществу въ этомъ со мною вполнѣ будутъ согласны.

Дорога для насъ память и другого человѣка, всегда съ самымъ живымъ сочувствіемъ относившагося къ нашему обществу, нашего популярнѣйшаго ректора, И. Е. Андреевскаго. Нѣкоторые люди называли его хитрецомъ, но хитрость его состояла въ мастерскомъ умѣньѣ говорить съ молодежью: какъ и Орестъ Ѳедоровичъ, онъ безусловно былъ правдивъ, и это качество, въ соединеніи съ рѣдкимъ ораторскимъ талантомъ и какимъ-то свѣтлымъ, ободряющимъ юморомъ, давало ему положительно безграничную власть надъ молодежью.

Съ благодарностью мы вспоминаемъ также и участіе въ нашемъ обществѣ В. И. Сергѣевича, бывшаго товарища предсѣдателя, и другихъ профессоровъ, руководившихъ нашими занятіями.

Въ 1887 году надъ нашимъ обществомъ разразилась гроза: послѣ покушенія на жизнь императора Александра III смѣнился ректоръ, въ университетѣ были введены нѣкоторыя новыя правила, и наше общество прекратило свое существованіе.

Но какіе же оно дало результаты? Мнѣ кажется, результаты эти представятся достаточно краснорѣчивыми, если я укажу, что теперь въ нашихъ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ около 50 профессоровъ и приватъ-доцентовъ—члены нашего общества, при чемъ изъ нихъ иные достигли уже весьма почетной извѣстности въ научной сферѣ. Ясно, что импульсъ къ научной работѣ былъ очень силенъ. Но, кромѣ того, въ насъ воспитались и общественные инстинкты, и мы можемъ безъ всякаго самообольщенія указать на нѣсколькихъ весьма почтенныхъ общественныхъ дѣятелей на поприщахъ литературы, земской и государственной службы, вышедшихъ изъ нашей среды.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ, чтобы суммировать тѣ положенія, истекающія изъ практики нашего общества, которыя могутъ быть, пожалуй, полезны для предположенныхъ въ послѣднее время студенческихъ кружковъ: 1) иниціатива студенческихъ обществъ должна исходить отъ самихъ студентовъ; 2) всякая по-

литика должна быть изгнана изъ общества; 3) общества не должны ограничиваться извѣстными факультетами, а напротивъ должны содѣйствовать научному сближенію студентовъ разныхъ факультетовъ; 4) необходимо участіе профессоровъ и оставленныхъ при университетѣ, и 5) должна быть предоставлена полная свобода преній, такъ какъ всякое ихъ стѣсненіе подорветъ довѣріе студентовъ и ослабитъ ихъ интересъ къ дѣлу.

А. Бороздинъ.

НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРІИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ [1].

УССКАЯ исторія, до конца XVII вѣка исторія плохо-заселенной, заросшей дремучими лѣсами, далекой европейской окраины, едва ли можетъ быть привлекательна для иностранца. «Не пойметъ и не оцѣнитъ гордый взоръ иноплеменный» той долгой и страшной борьбы, которую мы, русскіе, вели сначала съ лѣсомъ, отвоевывая у него жалкую и скудную ниву—этотъ первый этапъ человѣческой культуры; «не пойметъ и не оцѣнитъ» послѣдовавшей за этимъ многовѣковой борьбы со степью, отъ которой мы отстаивали начатки своей культуры и въ то же время косвенно служили твердымъ оплотомъ Европѣ и ея цивилизаціи противъ всякихъ набѣговъ и нашествій темной степной силы... Европейцы понимаютъ и даже «признаютъ» нашу исторію только съ того момента, когда мы открыто вступили въ семью европейскихъ народовъ и смѣло, сразу заняли видное, выдающееся мѣсто среди «великихъ державъ» Европы. Да, большинство европейскихъ ученыхъ начинаютъ исторію Россіи съ Петра и его реформъ и брезгливо относятся къ заманчивому мраку предшествующихъ вѣковъ, въ которомъ они не могутъ порядкомъ разобраться, въ которомъ не могутъ уловить связующую нить, не могутъ уразумѣть особую, своеобразную логику причинъ и слѣдствій.

---

[1]) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII в. (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время).

Отчасти также односторонне и (если смѣемъ выразиться) также пристрастно относятся къ изученію русской исторіи и наши отечественные ученые, занимающіеся разработкою отдѣльныхъ эпохъ нашего прошлаго. Никого изъ нихъ не манитъ туманная даль отдаленнаго XII—XIII вѣка, ни сумракъ XIV—XV вѣковъ, еще покрывавшій Русь, только что начинавшую пробуждаться отъ тяжкаго кошмара татарщины и внесеннаго ею въ нравы страшнаго огрубѣнія... Всѣхъ привлекаетъ болѣе поздняя эпоха—XVI вѣкъ, весь наполненный крупною, выдающеюся личностью Грознаго и дѣятелей, воспитавшихся подъ его желѣзною десницею, и начало XVII вѣка, охваченнаго Смутнымъ временемъ, взбаламутившимъ изъ края въ край все русское море. И дѣйствительно, если мы примемъ во вниманіе весь кругъ изслѣдованій, предпринятыхъ русскими учеными для изученія отдѣльныхъ эпохъ русской исторіи, то мы придемъ къ убѣжденію, что наибольшая доля этихъ изслѣдованій посвящена была изученію и описанію Смутнаго времени—этой эпохи броженія и борьбы самымъ противоположныхъ элементовъ,—эпохи, полной стихійныхъ порывовъ и дивныхъ подвиговъ гражданской доблести, проявленій дикаго произвола и неслыханнаго звѣрства и невольно изумляющихъ насъ фактовъ самоотверженной любви къ отечеству и стремленія къ тѣсному единенію всѣхъ русскихъ людей подъ знаменемъ единой вѣры и единой, всѣми признанной, власти...

Отчасти, мы вполнѣ понимаемъ это пристрастіе нашихъ ученыхъ (а вслѣдъ за ними и нашихъ художниковъ) къ эпохѣ XVI в. и, въ особенности, къ Смутному времени — эпохѣ, полной жизни, движеній, яркихъ красокъ и крайнихъ проявленій личности, вообще говоря, играющей незначительную роль въ предшествующихъ вѣкахъ нашей исторіи. Въ виду всѣхъ этихъ привлекательныхъ сторонъ, этой эпохѣ уже посвящали свои труды очень и очень многіе, посвящали—увы!—даже гораздо ранѣе того момента, когда къ изученію эпохи можно было приступить, и ранѣе, нежели доведены были до надлежащей полноты существеннѣйшія подготовительныя работы надъ сырымъ матеріаломъ, которымъ въ достаточной степени богата исторія Смутнаго времени. А между тѣмъ, нельзя не замѣтить, что едва ли найдется во всей русской исторіи другая эпоха, по которой сырой архивный матеріалъ нуждался бы въ такой строгой критической разработкѣ, какъ матеріалы по исторіи Смутнаго времени. Результаты такихъ спѣшныхъ и (если можно такъ выражаться) поверхностныхъ увлеченій внѣшнею стороною событій и типовъ Смутнаго времени были до сихъ поръ довольно безплодны... Писались толстыя книги, полныя громкихъ возгласовъ и болѣе или менѣе картинныхъ описаній, а насущнѣйшіе вопросы времени оставались не только не выясненными, но почти не тронутыми! Очень немногіе изъ новѣйшихъ

изслѣдователей пошли дальше Соловьева, по отношенію къ эпохѣ Смутнаго времени, можно почти сказать, что роковой вопросъ о томъ, «кто былъ первый Лжедимитрій», благодаря усиліямъ нашихъ историковъ, сталъ во второй половинѣ нашего вѣка едва ли не на одну степень съ пресловутымъ «норманнскимъ» вопросомъ, съ его неразрѣшимой путаницей противорѣчій и произвольныхъ подстановокъ и вымысловъ. Только въ очень недавнее время историческая наука избрала иной путь къ изученію любопытной эпохи Смутнаго времени и, до времени оставивъ въ сторонѣ попытки художественнаго изображенія эпохи, обратилась исключительно къ критикѣ матеріаловъ, къ пополненію пробѣловъ ихъ новыми архивными изысканіями и—что весьма важно—къ изученію бытовыхъ условій народной жизни XVI и XVII вѣковъ, въ которыхъ именно и кроется разрѣшеніе многихъ историческихъ домысловъ и догадокъ. Одинъ изъ самыхъ тонкихъ и въ то же время самыхъ талантливыхъ историковъ нашихъ, покойный К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, вполнѣ одобряя и поощряя это новое направленіе русской исторической науки, недаромъ писалъ одному изъ ревностныхъ изслѣдователей Смутнаго времени:

«Путь, избранный вами, самый надежный. Если до сихъ поръ Смутное время оставалось книгою подъ семью печатями, то причиною было отсутствіе детальной разработки, а въ такой разработкѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ взаимныя отношенія дѣятелей, разумѣется, на основаніи общихъ условій времени. Самыя же общія условія будутъ не ясны безъ детальной разработки...» [1]).

Эти прекрасныя слова незабвеннаго академика какъ бы послужили программою для трудовъ и изысканій ближайшаго и талантливѣйшаго изъ его учениковъ, С. Ѳ. Платонова, давно уже посвятившаго себя изученію Смутнаго времени, и онъ, занимаясь именно «детальной разработкой» эпохи, сумѣлъ постепенно подготовить свой нынѣшній трудъ, который въ настоящее время представляетъ собою капитальнѣйшій сводъ всего, что было писано, и почти всего, что было доселѣ извѣстно по Смутному времени. Со стороны этой «детальной разработки» матеріала именно и любопытенъ и важенъ новый трудъ г. Платонова. Этотъ новый трудъ—«Очерки по исторіи смуты»—стоитъ въ тѣсной связи не только съ извѣстною книгою того же автора, но и со всѣми послѣдующими его работами по исторіи смуты, которыя отъ времени до времени появлялись (въ теченіе 1897 и 1898 гг.) на страницахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» [2]). Тѣсная внутренняя связь этихъ работъ и

---

[1]) «Письма К. Н. Бестужева-Рюмина къ графу С. Д. Шереметеву о Смутномъ времени». Спб. 1898 г. См. тамъ письмо 10-е, отъ 27 іюня 1893 г., стр. 8.

[2]) «Къ исторіи опричнины» (въ 1897 г.); «Къ исторіи городовъ и путей на южной окраинѣ Московскаго государства (1898 г.)»; «Первые политическіе шаги

побудила г. Платонова собрать ихъ въ одинъ общій сводъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи смуты» и образовать изъ нихъ первую часть книги («Московское государство передъ смутой»), которой онъ напрасно придаетъ «значеніе служебное», называя ее «подготовительнымъ эпизодомъ»; на нашъ взглядъ, безъ этой первой части книги очень многое оставалось бы темнымъ и не вполнѣ понятнымъ во второй части той же книги.

Первая часть книги г. Платонова распадается на два большихъ отдѣла, которымъ онъ придаетъ названіе главъ, хотя въ составъ ихъ входитъ по пяти—семи подраздѣловъ, соотвѣтствующихъ главамъ. Въ первомъ отдѣлѣ, озаглавленномъ «Область Московскаго государства», авторъ даетъ подробный и весьма наглядный обзоръ различныхъ угловъ и украйнъ Руси XVI вѣка, насколько они успѣли сложиться въ опредѣленныя административныя единицы, и указываетъ на тѣ бытовыя и этнографическія особенности, которыми они между собою различались. Картина получается широкая и поражающая пестрымъ разнообразіемъ своего состава. Самый бѣглый взглядъ, брошенный на нее, уже убѣждаетъ насъ въ томъ, какого невѣроятнаго труда стоила административному центру государства хотя бы даже тѣнь объединенія этихъ разнородныхъ составныхъ частей Руси! И вдругъ, во второй половинѣ XVII в. наступаетъ кризисъ (ближайшему разсмотрѣнію его и посвящена вторая глава книги г. Платонова), подрывающій всю работу предшествующихъ вѣковъ и поколѣній, и производящій внезапно такой быстрый и неожиданный переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ и въ народномъ быту, который неминуемо долженъ былъ привести къ шатанію и смутамъ, къ борьбѣ и колебанію основъ государства. Какъ на главныя причины переворота, г. Платоновъ совершенно правильно указываетъ на борьбу центральной власти съ боярствомъ въ XVI вѣкѣ, которая привела къ опричинѣ [1]), а также и на различныя соціальныя противорѣчія въ московской жизни XVI вѣка, бывшія слѣдствіемъ шаткости самой политической системы правительства, вынужденнаго заискивать въ служиломъ классѣ и жертвовать для удовлетворенія его интересовъ насущнѣйшими нуждами народныхъ массъ. Ближайшими и весьма прискорбными послѣдствіями этой шаткой политики правительственной явились безчисленныя осложненія въ сословныхъ и земельныхъ отношеніяхъ,

---

Бориса Годунова» (1898); «Борьба за московскій престолъ въ 1698 г.» (1898) и т. д.

[1]) Замѣтимъ кстати, что мы здѣсь подъ названіемъ опричины разумѣемъ не извѣстное количество приближенныхъ къ царю лицъ, составляющихъ его дворцовую стражу, какъ это представляютъ себѣ многіе доселѣ, а главнымъ образомъ тотъ территоріальный передѣлъ, который сопряженъ былъ съ учрежденіемъ опричины, и, по изслѣдованію г. Платонова, простирался гораздо шире и имѣлъ гораздо болѣе важное значеніе, нежели можно было предположить.

и въ концѣ концовъ развитіе кабальныхъ отношеній и закладничества, которое неминуемо должно было привести (въ будущемъ) къ окончательному закрѣпощенію крестьянъ. Переходя отъ первой части своего изслѣдованія ко второй, наиболѣе важной, г. Платоновъ подводитъ итоги всего изложеннаго имъ въ первой части и въ сжатомъ очеркѣ знакомитъ насъ съ результатами громкаго и блестящаго царствованія Грознаго, которое привело только къ полному «экономическому» кризису, разсѣявшему населеніе и сокрушившему хозяйственную культуру въ срединныхъ областяхъ московскихъ, и къ «политическому» кризису, сорвавшему съ наслѣдственныхъ земель и погубившему въ государевой опалѣ всѣ подозрительные для царя элементы въ княжеской аристократіи. Ознакомившись съ первою частью труда г. Платонова и въ особенности съ его «заключеніемъ», вы уже видите передъ собою и представляете себѣ съ большою наглядностью ту почву, на которой должна была зародиться и процвѣсти смута. Приступая къ исторіи смуты во второй части труда, г. Платоновъ прежде всего спѣшитъ оговориться, что онъ, «совершенно обойдетъ много разъ описанныя, всѣмъ извѣстныя внѣшнія подробности событій и сосредоточитъ все свое вниманіе на изображеніи дѣятельности руководившихъ общественною жизнью кружковъ и на характеристикѣ московскихъ движеній въ смутное время».

Первая часть труда г. Платонова даетъ прекрасную этнографическую и соціально-экономическую канву, на которой автору очень удобно развивать отдѣльные вопросы всего изслѣдованія, составляющіе главную суть его книги (ея вторую часть): «Смута въ Московскомъ государствѣ». Онъ самъ называетъ эту часть «главною», а первую только «подготовительнымъ этюдомъ» къ ней, и, тѣмъ не менѣе, не отдѣляетъ эту главную часть въ особое цѣлое, а дѣлаетъ ее продолженіемъ первой («служебной») части; выходитъ, конечно, странно: вторая часть, къ нѣкоторому недоумѣнію читателя, начинается прямо съ третьей главы, и кончается на пятой главѣ. Но эти главы вовсе не главы, а огромные отдѣлы книги г. Платонова, подраздѣленные въ свою очередь на менѣе крупные отдѣлы, обозначенные римскими цифрами и соотвѣтствующіе настоящимъ главамъ, въ ихъ обыденномъ значеніи. Авторъ, однако же, не удовольствовался этимъ нѣсколько запутаннымъ раздѣленіемъ и, повидимому, изъ особаго пристрастія къ систематикѣ сверхъ большихъ и малыхъ главъ допустилъ и еще одно распредѣленіе матеріала, уже не по количеству, а по качеству и значенію. Это — раздѣленіе главъ на періоды и моменты. Вслѣдствіе этого выходитъ вотъ что: вторая часть начинается съ третьей главы, которая заключаетъ въ себѣ первый періодъ смуты, или первый и второй моменты этого движенія; слѣдующая — четвертая глава заключаетъ въ себѣ второй періодъ смуты, или третій, чет-

вертый и пятый моменты ея, и, наконецъ, глава пятая излагаетъ третій періодъ смуты, т. е. шестой, седьмой и восьмой моменты смуты[1]). Къ чему понадобилось автору такое запутанное распредѣленіе прекраснаго научнаго матеріала второй части его труда,— это рѣшить мудрено.

Первый періодъ смуты, по опредѣленію г. Платонова (глава третья), захватываетъ все время «борьбы за Московскій престолъ», подразумѣвая подъ этою борьбою и захватъ престола Борисомъ, который пытался его утвердить въ своемъ родѣ, и захватъ его Самозванцемъ, который тщетно пытался отстоять престолъ отъ притязаній боярскихъ родовъ, и, главнымъ образомъ, древнѣйшаго изъ уцѣлѣвшихъ — рода Шуйскихъ. По изложенію автора разбираемаго нами труда, этотъ періодъ заканчивается воцареніемъ В. И. Шуйскаго, и распадается на два момента: моментъ боярской (дворцовой) смуты — до появленія Самозванца, и моментъ перенесенія смуты въ воинскія массы — послѣ перехода Борисовой рати на сторону Лжедимитрія. Послѣднее подраздѣленіе представляется намъ какъ будто не совсѣмъ точнымъ, потому что смута и въ первомъ (боярскомъ) періодѣ переносилась не разъ на площадь и находила себѣ поддержку въ народной массѣ; а при торжествѣ Самозванца надъ московскимъ правительствомъ смута перешла въ массу служилыхъ людей, составлявшихъ среднее сословіе, и коснулась той же народной массы, насколько она участвовала въ войскѣ, не составлявшемъ сплоченной, обособленной массы.

Второй періодъ смуты (гл. четвертая) г. Платоновъ очень удачно раздѣляетъ на три момента: третій — начало открытой общественной борьбы; четвертый—раздѣленіе государства между тушинскою и московскою властью, и пятый — паденіе тушинскаго и московскаго правительствъ. Третій періодъ смуты (гл. пятая) авторъ дѣлитъ на три же момента, изъ которыхъ шестой получаетъ черезчуръ громкое и недостаточно выясненное наименованіе: установленіе королевской диктатуры (?): седьмой — обнимаетъ собою образованіе и разложеніе перваго земскаго правительства; а въ восьмомъ — излагается образованіе второго земскаго правительства и его торжество.

Вѣрный вышеуказанному характеру и направленію своего труда, г. Платоновъ всѣ эти «періоды» и «моменты» излагаетъ, тщательно соображая всѣ данныя современныхъ извѣстій, осторожно взвѣшивая мнѣнія и опредѣляя ту подкладку пристрастія, которая въ ту эпоху такъ сильно туманитъ очи каждаго ученаго изслѣдователя, невольно вводя его въ заблужденіе и даже увлеченіе... Нужна

[1]) Пристрастіе къ подраздѣленіямъ текста заводитъ автора даже и въ такія недоразумѣнія: въ VII подраздѣленіи пятой главы мы находимъ въ перечнѣ матеріала: «Второй періодъ Нижегородскихъ движеній», а о первомъ выше въ оглавленіи не помянуто.

именно такая обширная подготовка въ изученіи сырого матеріала и такая многолѣтняя опытность въ изученіи эпохи смуты, какими обладаетъ г. Платоновъ, чтобы представить такой прекрасный критическій разборъ различныхъ вліяній и вѣяній, которыя преобладали въ тотъ или другой періодъ смуты и нерѣдко давали ей иное, никѣмъ нежданное направленіе. Точно также мастерски, съ замѣчательнымъ критическимъ тактомъ и съ увѣренностью опытнаго анатома-изслѣдователя, г. Платоновъ вскрываетъ передъ нами весьма сложные характеры дѣятелей Смутнаго времени; и надо отдать ему справедливость — многихъ изъ нихъ, идеализованныхъ предшествующими изслѣдователями, разоблачаетъ и развѣнчиваетъ съ такою смѣлостью и увѣренностью, о какихъ не дерзали и помышлять предшественники г. Платонова въ той же исторической области. Какъ на превосходные образцы такого тонкаго разбора и опредѣленія характеровъ, мы можемъ указать въ книгѣ, разбираемой нами, въ особенности на характеры Филарета, Авраамія Палицына, Гермогена, Пожарскаго, В. Шуйскаго и тушинскихъ «перелетовъ»... Но страсть къ детальному изслѣдованію и разложенію отдѣльныхъ лицъ и руководящихъ ими побужденій на элементы, желаніе искать и находить всему разумныя и обоснованныя причины (качество весьма цѣнное въ историкѣ), заводитъ иногда г. Платонова уже слишкомъ далеко и мѣстами заставляетъ его забывать о такомъ важномъ элементѣ историческомъ, какъ случайность, какъ стадныя, инстинктивныя движенія народной массы, какъ обаяніе или внушеніе, которому такъ легко поддается толпа, и тѣмъ легче, чѣмъ она грубѣе и темнѣе... А между тѣмъ именно этотъ историческій элементъ — элементъ случайности и обаянія (если можно такъ выразиться) играетъ огромную роль въ исторіи нашего Смутнаго времени, въ особенности въ ту эпоху, когда «шатаніе» и «малодушество» еще не успѣли въ конецъ развратить и войско и русское общество. Съ этой именно стороны мы и позволимъ себѣ указать въ прекрасномъ трудѣ г. Платонова на нѣкоторыя недомолвки и (на нашъ взглядъ) противорѣчія.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что г. Платоновъ придаетъ уже слишкомъ большое значеніе боярскому сословію и той боярской интригѣ, которая дѣйствовала въ дворцовой средѣ; а между тѣмъ, онъ же весьма правдиво рисуетъ намъ картину Московскаго двора по смерти Грознаго, когда всѣ боярскіе роды были разметаны бурею страшнаго царствованія и разорены въ конецъ опричиною. Онъ по пальцамъ пересчитываетъ тѣ немногіе, старые роды, которые могли имѣть притязаніе на власть по смерти бездѣтнаго Өеодора, и выясняетъ преобладаніе и окончательное торжество Бориса Годунова именно крайнею слабостью и незначительностью боярской среды. И послѣ этого онъ же старается внушить читателю, что воцареніе Самозванца могло произойти исклю-

чительно потому, что этого желали «владѣвшіе положеніемъ бояре». Приводимъ цѣликомъ это мѣсто:

«Для нашей цѣли нѣтъ ни малѣйшей необходимости останавливаться на вопросѣ о личности перваго Самозванца... Однако, чтобы не оставаться передъ читателемъ съ закрытымъ забраломъ, мы не скроемъ нашего убѣжденія въ томъ, что Самозванецъ былъ дѣйствительно самозванецъ [1]), и при томъ московскаго происхожденія. Олицетворивъ собою идею, бродившую въ московскихъ умахъ уже во время царскаго избранія 1598 года и снабженный хорошими свѣдѣніями о прошломъ подлиннаго царевича, очевидно, изъ освѣдомленныхъ круговъ, Самозванецъ могъ достичь успѣха и пользоваться властью только потому, что его желали привлечь въ Москву владѣвшіе положеніемъ бояре» (стр. 251).

Но вѣдь бояре «овладѣли положеніемъ» только уже по смерти Бориса! А между тѣмъ, воеводы, посланные Борисомъ противъ Самозванца, встрѣтили въ войскѣ и народѣ такое шатанье, что увидѣли себя почти вынужденными перейти на сторону Самозванца, предпочитая рискъ этого перехода несомнѣнной гибели.

Точно также односторонно и ужъ черезчуръ догматично объясняетъ г. Платоновъ и причины первыхъ успѣховъ Самозванца на московской почвѣ.

«Приборный служилый людъ да отчасти мелкопомѣстныя дѣти боярскія украинной полосы составляли ту среду, въ которой Самозванецъ получилъ первое признаніе (?) на московской почвѣ. Передаваясь Самозванцу и становясь противъ Бориса, эти люди удовлетворили чувству недовольства своимъ положеніемъ и увлекались надеждою, что новый царь начнетъ, какъ обѣщалъ, «ихъ жаловати и въ чести держати, и учинитъ ихъ въ тишинѣ, и въ покоѣ, и въ благоденственномъ житіи». Незамѣтно, чтобы у нихъ были болѣе опредѣленные мотивы и планы; нельзя даже сказать, чтобы ихъ настроеніе въ пользу претендента было устойчиво и твердо» (стр. 261).

Что у этихъ людей, открыто перешедшихъ на сторону Самозванца, не было никакихъ плановъ и расчетовъ,—за это можно поручиться; но у нихъ были весьма опредѣленные мотивы въ томъ убѣжденіи, что они переходятъ на сторону законнаго и прирожденнаго государя,—въ этомъ не возможно сомнѣваться. И только именно изъ этого убѣжденія могли исходить ихъ надежды на государево жалованье и обѣщанное имъ «благоденственное житіе», которое въ понятіяхъ этихъ простыхъ людей не могло бы ужиться съ понятіемъ о Самозванцѣ, какъ обманщикѣ.

[1]) Не давая себѣ права оспаривать здѣсь такого знатока «Смуты», какъ г. Платоновъ, мы все же напомнимъ ему, что Бестужевъ-Рюминъ (см. его Письма къ графу С. Д. Шереметеву) приходилъ къ противоположному выводу о личности Самозванца.

Тѣмъ же самымъ догматизмомъ и желаніемъ всюду—во всѣхъ человѣческихъ побужденіяхъ и вожделѣніяхъ—видѣть непремѣнно разумную основу, отзывается и объясненіе неудачъ Самозванца въ Москвѣ, его неладовъ съ боярствомъ и его гибели, въ которой, опять таки, самыя невѣроятныя случайности играли видную выдающуюся роль.

«Рѣшая передать ему государство, они (бояре и княжата) ждали, что онъ воздастъ имъ за это подобающую честь и благодареніе, и что онъ пойметъ и соблюдетъ надлежащее положеніе въ странѣ титулованной знати [1]). Но они увидѣли съ первой же минуты, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, которому чужды политическія традиціи и житейскій тактъ. Самозванецъ не понималъ ни того, чѣмъ онъ обязанъ московскимъ князьямъ, ни того, какое положеніе они желаютъ себѣ создать или вѣрнѣе возвратить въ государствѣ» (стр. 287).

Не говоря уже о томъ, что бояре и княжата вовсе не рѣшали вопроса о передачѣ государства въ руки новаго правителя, мы очень сомнѣваемся въ томъ, чтобы они отшатнулись отъ него только потому, что онъ будто бы былъ человѣкомъ «безтактнымъ и чуждымъ политическихъ традицій». Эта среда ни при Іоаннѣ IV, ни при его предшественникахъ, ни даже при Борисѣ, не была избалована деликатностью своихъ правителей, которые нисколько не цѣнили человѣческаго достоинства бояръ, ни даже ихъ несомнѣнныхъ историческихъ заслугъ. Бояре и княжата, дѣйствительно, не ожидали встрѣтить въ Самозванцѣ человѣка умнаго, съ характеромъ и волею, а главное—способнаго къ кипучей, неутомимой дѣятельности и страстно стремившагося ко всякаго рода новшествамъ и преобразованіямъ. Вотъ въ чемъ, конечно, слѣдуетъ прежде всего искать повода къ враждебному отпору, встрѣченному Самозванцемъ въ средѣ бояръ; а никакъ не въ томъ, что онъ будто бы былъ человѣкъ, лишенный политическаго чутья и такта, или желавшій принизить боярское сословіе. Едва ли его желаніе обратить боярскую думу въ сенатъ, а бояръ—въ сенаторовъ, могло исходить изъ желанія отнять у бояръ ту долю значенія, какою они еще пользовались?

Не вполнѣ выясненнымъ представляется намъ въ книгѣ г. Платонова (стр. 287—288) движеніе Шуйскаго противъ Самозванца; а въ объясненіи «незадачи» Шуйскаго при воцареніи и послѣдовавшаго затѣмъ народнаго движенія мы опять встрѣчаемся только съ побужденіями самаго низкаго порядка, между тѣмъ какъ въ ропотѣ и непокорствѣ, возбужденныхъ воцареніемъ Шуйскаго, можно заподозрѣвать и совсѣмъ иныя нравственныя соображенія... Г. Пла-

[1]) Можно подумать, что дѣло идетъ объ Англіи или, по крайней мѣрѣ, о Польшѣ, а не о Московскомъ государствѣ начала XVII в., гдѣ въ то время вся «титулованная знать» была наперечетъ.

тоновъ говоритъ такъ: «такой исходъ борьбы (воцареніе Шуйскаго послѣ гибели Самозванца) долженъ былъ озадачить и озлобить народныя массы, принимавшія участіе въ предшествовавшихъ движеніяхъ. Они въ правѣ были ждать отъ Самозванца, какъ воздаянія за оказанную ему помощь, льготъ и облегченій, а вмѣсто того они увидали водвореніе въ государствѣ боярской власти, имъ очень мало пріятной...» (стр. 297).

Народныя массы были, несомнѣнно, озадачены «такимъ исходомъ борьбы», но совсѣмъ не со стороны своихъ обманутыхъ ожиданій корыстнаго свойства, а съ иной—болѣе имъ близкой и понятной... Въ замѣнѣ «прирожденнаго, законнаго государя» [1]) бояриномъ—замѣнѣ быстрой и никѣмъ неожиданный—они не могли не видѣть какого-то страшнаго рока, тяготѣющаго надъ Московскимъ государствомъ, а отъ перехода власти, въ короткое время, въ третьи-четвертыя руки, по всей справедливости, не могли ожидать ничего добраго. Притомъ же, эти народныя массы, по свойственному русскимъ людямъ воззрѣнію на смерть, никакъ не могли смѣшивать воцареніе Шуйскаго и гибель Самозванца въ одинъ фактъ «исхода борьбы»... Не только для народныхъ массъ, но даже и для массы московскаго населенія, фактъ внезапной гибели Самозванца, взятый самъ по себѣ, представлялся явленіемъ чрезвычайно сложнымъ и мало-понятнымъ. Это ясно выражается въ тѣхъ слухахъ и легендахъ о мнимомъ спасеніи Самозванца, которые тотчасъ возникли на московской городской почвѣ и вызвали дикія репресаліи противъ его праха... Внѣ стѣнъ Москвы фактъ гибели Самозванца и его превращенія изъ полновластнаго государя въ обманщика представлялся не только непонятнымъ, но даже невѣроятнымъ и невозможнымъ... И вотъ именно въ такомъ отношеніи «народныхъ массъ» къ гибели Самозванца, именно въ печальной необходимости трижды присягать тремъ разнымъ представителямъ власти въ теченіе одного года — слѣдуетъ искать первую и главную основу всѣхъ неудачъ Шуйскаго; а никакъ не въ тѣхъ корыстныхъ разочарованіяхъ, которыя г. Платоновъ старается приписать «народнымъ массамъ».

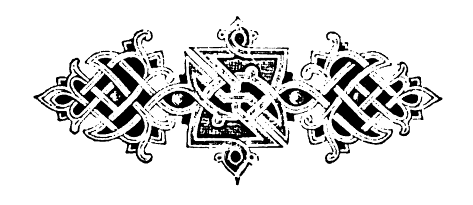
Въ заключеніе тѣхъ немногихъ замѣчаній и возраженій, которыя мы позволили себѣ высказать по отношенію къ прекрасной книгѣ г. Платонова, добавимъ еще одно слово. Мы никакъ не можемъ примириться съ излюбленною имъ манерою въ краткихъ словахъ характеризовать дѣятелей эпохи Смутнаго времени при посредствѣ сравненій съ политическими настроеніями и партіями нашего Смутнаго времени... Намъ припоминаются, два такихъ примѣра: характеристика Б. Бѣльскаго (стр. 233) и характеристика Фила-

[1]) Такимъ онъ и оставался еще и долго спустя послѣ воцаренія Шуйскаго на далекихъ окраинахъ государства.

рета (стр. 419). О первомъ изъ нихъ г. Платоновъ говоритъ: «Насколько можно судить о характерѣ этого человѣка, онъ представляется типичнымъ карьеристомъ, легко идущимъ на беззаконіе». О Филаретѣ даетъ такой отзывъ: «если только возможно вообще характеризовать поведеніе Филарета, оно скорѣе всего заслуживаетъ названіе оппортунизма и политики результатовъ»... Мы должны признаться, что насъ эти характеристики не удовлетворяютъ — онѣ намъ ничего не говорятъ вразумительно и ясно; а главное онѣ не соотвѣтствуютъ по достоинству и значенію своему тѣмъ богатымъ и разнообразнымъ матеріаламъ, которые собраны г. Платоновымъ для болѣе полной и болѣе основательной обрисовки тѣхъ же историческихъ дѣятелей.

Въ общемъ, книга г. Платонова производитъ внушительное впечатлѣніе труда, вполнѣ соотвѣтствующаго силамъ автора и выполненнаго имъ прекрасно, съ умѣніемъ знатока эпохи Смутнаго времени и безпристрастнаго критика. Въ изслѣдованіи своемъ— чего бы онъ ни касался: отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ событій—онъ всюду доходитъ до конца, всюду исчерпываетъ источники, самые разнообразные, не поддаваясь увлеченію тѣмъ или другимъ авторитетомъ. Въ пониманіе, въ изученіе, въ выясненіе Смутнаго времени онъ вноситъ много новаго и создаетъ новое, болѣе вѣрное и болѣе правильное освѣщеніе для давно извѣстнаго... Но изслѣдованіе г. Платонова побуждаетъ каждаго, преданнаго изученію нашего историческаго, прошлаго, желать, чтобы какой нибудь высоко-талантливый историкъ-художникъ набросалъ передъ нами яркую картину Смутнаго времени и создалъ плавное историческое повѣствованіе изъ отдѣльныхъ фактовъ, добытыхъ современною наукою и освѣщенныхъ критикою историка-изслѣдователя.

П. Полевой.

21*

УНИВЕРСИТЕТСКІЕ УСТАВЫ.

(1755—1884 гг.).

Ъ СТАТЬѢ, посвященной семидесятипяти-лѣтней годовщинѣ Петербургскаго университета [1]), мнѣ пришлось по ходу историческаго изложенія событій бѣгло коснуться и университетскихъ уставовъ, но при этомъ я имѣлъ въ виду разсмотрѣніе не столько этихъ уставовъ по существу или въ ихъ составныхъ частяхъ, сколько обрисовку ихъ вліянія на общій жизненный складъ того учебнаго заведенія, юбилей котораго я привѣтствовалъ. Въ настоящемъ очеркѣ мнѣ хочется ознакомить читателей съ судьбами всѣхъ дѣйствовавшихъ въ нашихъ университетахъ уставовъ болѣе обстоятельно и разсмотрѣть послѣдніе по ихъ составнымъ элементамъ, какъ опредѣленныя административныя организаціи и какъ источники просвѣщенія, которыми питались значительныя массы русской учащейся молодежи.

Моя историческая справка, или, правильнѣе, обозрѣніе будетъ, полагаю я, небезполезною въ нашей журналистикѣ: въ послѣдней, поскольку я ее знаю, нѣтъ цѣльнаго очерка, посвященнаго разсмотрѣнію этихъ уставовъ, съ самаго начала ихъ возникновенія еще въ прошломъ столѣтіи и до послѣднихъ дней. По поводу того или другого изъ уставовъ имѣется, правда, немалая литература, преимущественно газетнаго характера, характера полемическаго и болѣе или менѣе страстнаго, но эта литера-

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., № 2, а также «Очерки русскаго прогресса», гл. I.

тура по большей части публикѣ недоступна, и, кромѣ того, она до того разбросана, что розыскать ее и разобраться въ ней даже спеціалистамъ-библіографамъ очень трудно. Имѣются въ наличности и монографіи, посвященныя отдѣльнымъ университетамъ (Московскому—Шевырева, Петербургскому—Григорьева, Харьковскому—Багалѣя), но ихъ хронологическое изложеніе относится главнымъ образомъ къ былымъ временамъ, такъ что событія послѣдней четверти вѣка въ нихъ не могли быть затронуты авторами. Нѣкоторыя изъ этихъ почтенныхъ работъ носятъ на себѣ, кромѣ того, слишкомъ «юбилейный» характеръ, гдѣ обыкновенно критика и спокойное изложеніе исчезаютъ, предоставляя первенство славословію и оптимистическому настроенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ систематическое знакомство, что̀ именно представляли собою наши университетскіе уставы, и каковы были ихъ задачи и компетенціи, чуждо совершенно даже людямъ, стоящимъ близко къ университетской жизни. Четыре смѣны этихъ уставовъ, имѣвшія мѣсто въ столѣтіи ихъ существованія, нѣсколько затемнили историческую перспективу, и большинство публики не даетъ себѣ яснаго представленія, каковы, напримѣръ, отличительныя черты уставовъ 1804, 1835, 1863, 1884 годовъ. Съ большею или меньшею вѣроятностью я смѣю даже предположить, что нынѣ дѣйствующій уставъ мало кому вѣдомъ и тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя распоряженія министерства народнаго просвѣщенія послѣ 1884 года внесли въ этотъ уставъ столь существенныя видоизмѣненія, что намного отдалили его отъ первообраза, рожденнаго 15 лѣтъ тому назадъ. Эти видоизмѣненія, явившіяся на арену жизни, какъ необходимыя уступки времени и обстоятельствамъ, непреложно доказываютъ, что сама правительственная власть не считаетъ устава 1884 года вполнѣ удовлетворительнымъ и отвѣчающимъ совокупнымъ задачамъ государственной и общественной жизни.

Извѣстно, напримѣръ, что еще въ министерство покойнаго графа Делянова были опрошены профессорскія корпораціи по поводу гонорарной системы, т.-е. такой стороны университетской жизни, которая являлась отличительнымъ признакомъ устава 1884 года, по сравненіи съ предшествовавшимъ. Отвѣты въ большинствѣ случаевъ получились неблагопріятные для этой системы, такъ что изъ сдѣланной министерствомъ самой постановки вопроса и послѣдовавшихъ отсюда результатовъ можно было ожидать существеннѣйшихъ измѣненій этой стороны университетской жизни, но таковыя измѣненія не послѣдовали, хотя настроеніе профессорскихъ корпорацій, повидимому, осталось попрежнему отрицательное, и сама жизнь ежегодно обнаруживаетъ въ этой системѣ ея недостатки и даже тормазы для правильнаго развитія академическаго преподаванія. Очевидно, рано или поздно придется поставить вопросъ о гонорарахъ на очередь и ввести здѣсь радикальную ре-

форму. Рядомъ съ этимъ хорошо извѣстныя читателямъ весеннія событія въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній вызвали со стороны министерства просвѣщенія уже нѣкоторыя распоряженія, которыя явно показываютъ, что не далеко то время, когда уставъ 1884 года потребуетъ, въ интересахъ своей стройности и цѣлостности, серіознаго пересмотра съ тѣмъ, чтобы въ новомъ вѣкѣ воплотиться въ новый уставъ, куда бы вошли всѣ послѣднія распоряженія, въ качествѣ органическихъ составныхъ частей, и откуда бы уже признанныя негодными части были законодательнымъ порядкомъ изъяты. Весьма вѣроятно, когда часъ такого пересмотра настанетъ, въ текущей литературѣ потребуется справка о былыхъ дѣйствовавшихъ уставахъ, и отсутствіе такой справки послужитъ препятствіемъ къ всестороннему и спокойному обсужденію дѣла. Вотъ въ этихъ-то видахъ, смѣю надѣяться, моя настоящая работа и окажется пригодною и въ моемъ обозрѣніи найдется тотъ историческій матеріалъ, которому суждено будетъ дать нѣкоторые отвѣты вопросамъ насущнаго дня.

Ставя себѣ такую задачу, считаю долгомъ предупредить, что главнѣйшій матеріалъ для статьи мною почерпается изъ малодоступнаго и не знакомаго публикѣ правительственнаго изданія: «Сборника постановленій по министерству народнаго просвѣщенія», тт. I—X, гдѣ имѣются напечатанными всѣ университетскіе уставы и нѣкоторыя къ нимъ объяснительныя записки. Кромѣ того, мною принимаются во вниманіе и работы Шевырева, Григорьева и Багалѣя, гдѣ въ связныхъ историческихъ очеркахъ представлены судьбы Московскаго, Петербургскаго и Харьковскаго университетовъ. Сюда же, я присоединяю и любопытныя «Воспоминанія о студенческой жизни» (М., 1899 г.), изданныя «Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ», гдѣ имѣется нѣсколько характерныхъ иллюстрацій къ былымъ университетскимъ уставамъ, преимущественно 1835 и 1863 гг., принадлежащихъ такимъ виднымъ дѣятелямъ литературы и науки, каковы П. Обнинскій, Д. Свербеевъ, В. Ключевскій, С. Соловьевъ, Ѳ. Буслаевъ и др.

Но, прежде чѣмъ приступить къ изложенію судебъ уставовъ русскихъ университетовъ, я считаю полезнымъ, въ интересахъ сопоставленія, ознакомить читателей въ краткихъ чертахъ, что представляютъ собою высшіе разсадники просвѣщенія въ Германіи, которые и служили всегда прототипами для нашихъ университетовъ.

I.

Весною 1899 года, вышла любопытная компилятивная работа Л. А. Богдановича «Университеты Германіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей», работа изданная «Обществомъ распростра-

ненія полезныхъ книгъ» [1]). Трудъ автора, основанный на компетентныхъ иностранныхъ источникахъ, знакомитъ насъ вполнѣ обстоятельно, какъ развились университеты въ Германіи, каковъ ихъ строй, преподаваніе въ нихъ, и въ какихъ формахъ отливается жизнь нѣмецкаго учащагося юношества.

Извѣстный ученый Савиньи, говоря о значеніи университетовъ для нѣмецкаго народа, утверждалъ, что это значеніе придаетъ имъ «не совершенная ученость учителей, а также не зарождающаяся ученость учениковъ; если бы это захотѣли выставить ихъ отличительнымъ признакомъ, то часто бы краснѣли, взирая на дѣйствительность. Значитъ и характеръ имъ придаетъ то, что въ нихъ заложена форма, способствующая развитію всякаго выдающагося таланта къ преподаванію и дающая удовлетвореніе всякой живой воспріимчивости ученика; форма, способствующая быстрому и свободному развитію всякаго научнаго прогресса; форма, облегчающая распознаніе всякаго призванія выдающихся людей и надѣляющая высокимъ чувствомъ бытія даже болѣе худшую жизнь ограниченныхъ натуръ; мы имѣемъ право гордиться такой формой, и всякій, кто только знакомъ съ нашими университетами, согласится со мною, что въ этой похвалѣ заключается строгая правда и что въ ней нѣтъ преувеличенія». Эта форма, которую Савиньи ставитъ такъ высоко и которой придаетъ такое высокое культурное значеніе, заключается въ «единствѣ изслѣдованія и преподаванія».

Нѣмецкій типъ университета въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ онъ выработался въ Германіи и другихъ сосѣднихъ странахъ, выросшихъ на общей культурной почвѣ (Австрія, Швейцарія, Нидерланды, Скандинавскій сѣверъ, наконецъ, Россія), занимаетъ по своему внѣшнему устройству середину между англійскимъ и французскимъ типомъ. «Онъ болѣе сохранилъ первоначальный характеръ, чѣмъ французскій, и съ другой стороны больше уступилъ требованіямъ новаго времени, чѣмъ англійскій,—утверждаетъ г. Богдановичъ.—Нѣмецкій университетъ, также какъ французскій факультетъ,—государственное учрежденіе, государство его основываетъ и содержитъ, и онъ подчиненъ государственному управленію. Онъ, однако, получилъ въ наслѣдіе немаловажныя черты стараго корпоративнаго строя, онъ обладаетъ извѣстной мѣрой самоуправленія, онъ самъ избираетъ свое правленіе, ректора, сенатъ и декановъ и, наконецъ, имѣетъ значительное вліяніе на замѣщеніе каѳедръ, такъ какъ опредѣляетъ посредствомъ испытаній на докторскую степень и утвержденіе приватъ-доцентовъ, кругъ лицъ, изъ котораго преимущественно пополняетъ преподавательскій персоналъ, а также предла-

---

[1]) Тѣмъ же авторомъ изданъ и другой трудъ «Университеты въ Англіи», но такъ какъ я не имѣю въ виду проводить параллели между русскими и англійскими университетами, то и не считаю нужнымъ касаться здѣсь его содержанія.

гаетъ правительству замѣстителей на отдѣльныя каѳедры. Въ общемъ, какъ учебное учрежденіе, нѣмецкій университетъ въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, даже въ наиболѣе чистомъ видѣ, сохранилъ прежній характеръ; всѣ четыре факультета остались жизнедѣятельными учрежденіями, тогда какъ въ Англіи преподаваніе и жизнь по большей части замкнулись въ colleges; съ другой стороны здѣсь, въ противоположность Франціи, сохранилось объединеніе факультетовъ въ живое цѣлое—университетъ, въ общую высшую школу для всѣхъ учебныхъ профессій».

Отличительной чертой нѣмецкаго университета является то, что онъ одновременно служитъ и «лабораторіей научнаго изслѣдованія» и учрежденіемъ для полученія высшаго научнаго образованія (общаго такъ же, какъ и профессіонально-научнаго). Въ немъ такъ же, какъ въ англійскихъ университетахъ, получаютъ разностороннее и основательное общее образованіе, являющееся въ особенности спеціальностью философскаго факультета. Подобно французскимъ facultés, онъ даетъ профессіонально-научное образованіе, подготовляющее ученыхъ спеціалистовъ: священниковъ, судей и высшихъ чиновниковъ, администраторовъ, врачей и учителей гимназіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ наиболѣе важнымъ центромъ научной работы въ Германіи, а также разсадникомъ научнаго изслѣдованія, чего нельзя сказать ни про англійскія, ни про французскія высшія школы. Въ Германіи профессоръ университета одновременно и преподаватель и ученый, и даже прежде всего ученый, такъ что въ сущности правильнѣе было бы сказать, что въ Германіи научные работники являются также и преподавателями университетской молодежи; изъ чего можно вывести заключеніе, что и университетское образованіе чисто научное; первое мѣсто въ немъ занимаетъ не подготовка къ практической дѣятельности, но научное изслѣдованіе и занятіе наукой.

Обращаясь къ нѣмецкому университету, какъ учебно-воспитательному учрежденію, мы видимъ, что юридически онъ включенъ въ общую систему управленія народнымъ образованіемъ Германіи, но фактически онъ занимаетъ особое, можно сказать, исключительное положеніе. Онъ пользуется такой независимостью и самостоятельностью, какими не обладаютъ никакія другія государственныя учрежденія. Государственный надзоръ за преподавателями почти отсутствуетъ, а отъ средневѣковаго корпоративнаго самоуправленія сохранились самыя существенныя черты, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ свобода выбора академическаго начальства.

Главою германскаго университета является ректоръ, ежегодно избираемый общимъ собраніемъ ординарныхъ профессоровъ и являющійся представителемъ университета въ его внѣшнихъ сношеніяхъ. Ему подчинены низшіе служащіе, онъ разрѣшаетъ имматрикуляцію и надзираетъ за студенческими общественными собраніями

и сходками. Сенатъ, образующій комитетъ, завѣдывающій общимъ управленіемъ, также избирается изъ среды ординарныхъ профессоровъ и, сверхъ его выборныхъ членовъ, въ составъ сената входятъ ректоръ, какъ предсѣдатель, университетскій судья и деканъ. На обязанности ректора вмѣстѣ съ университетскимъ судьей и сенатомъ лежитъ также и завѣдываніе дисциплинарнымъ судомъ надъ студентами. Факультеты также обладаютъ не меньшей степенью самоуправленія, и весь строй ихъ основанъ на выборномъ началѣ. Они заботятся о полнотѣ преподаванія въ каждомъ семестрѣ, надзираютъ за студентами въ нравственномъ и научномъ отношеніи, распредѣляютъ стипендіи, производятъ требуемыя для этой цѣли испытанія, назначаютъ темы для соисканія премій и раздаютъ ихъ.

Германскій университетъ, по утвержденію г. Богдановича, «является существомъ живымъ и организованнымъ, движущимся самостоятельно. Въ немъ нѣтъ никакихъ программъ, наука свободна, методы свободны, выборъ предмета свободенъ, профессоръ свободенъ, даже студентъ свободенъ. Свобода оживляетъ, одушевляетъ все. Свобода ученія, какъ и свобода преподаванія безграничны въ нѣмецкихъ университетахъ. Студентъ избираетъ себѣ, какъ университетъ и науку, такъ и преподавателя и даже планъ занятій; отъ него вполнѣ зависитъ выборъ лекцій, которыя онъ хочетъ слушать, и работы, которыя онъ хочетъ сдѣлать. Главная цѣль научнаго преподаванія заключается въ томъ, чтобы учащійся пріучался научно думать, т. е. понимать, провѣрять научныя изслѣдованія и самостоятельно вести ихъ и затѣмъ также разрѣшать практическія задачи на основаніи научныхъ данныхъ. По этому предмету извѣстный германскій ученый Г. Ф. Зибель такъ формулировалъ свою точку зрѣнія: «Важно, чтобы студентъ получилъ ясное представленіе о цѣли науки и о методахъ, посредствомъ которыхъ она разрѣшаетъ эту задачу; необходимо, чтобы онъ самъ примѣнилъ нѣкоторые изъ этихъ методовъ хотя на одномъ какомъ нибудь вопросѣ, и чтобы онъ хотя нѣкоторыя проблемы прослѣдилъ до послѣднихъ слѣдствій, до такой точки, гдѣ бы онъ могъ себѣ сказать, что никто его не можетъ научить чему либо новому, что здѣсь онъ стоитъ твердо и увѣренно на собственныхъ ногахъ и имѣетъ право рѣшать по собственному разуму. Это сознаніе собственными средствами достигнутой самостоятельности—неоцѣненное пріобрѣтеніе. Самый предметъ, который подвергался изслѣдованію, не играетъ при этомъ роли: важно лишь, чтобы человѣкъ хотя на маленькомъ вопросѣ порвалъ зависимость отъ школы, чтобы онъ испробовалъ силы и средства, съ которыми онъ отнынѣ долженъ приступить къ подробному же разрѣшенію всякой новой задачи; чтобы эта работа въ разгарѣ счастливой молодости выработала изъ юноши взрослаго человѣка».

Передъ каждымъ семестромъ университетскій сенатъ опредѣ-

ляетъ предметы, которые должны трактоваться каждымъ профессоромъ, какъ и часы для лекцій; профессоръ же увѣдомляетъ объ этомъ студентовъ простой афишей, написанной и подписанной его рукой и вывѣшиваемой на черной доскѣ. Студентамъ лишь остается выбрать курсъ, которому они хотятъ слѣдовать. Они являются въ квестуру, записываются и уплачиваютъ слѣдуемыя за слушаніе лекцій деньги, платя такимъ образомъ гонораръ предпочитаемому профессору.

Молодой человѣкъ, по окончаніи курса въ гимназіи, на основаніи аттестата зрѣлости, принимается въ университетъ безъ экзамена и сразу становится свободнымъ членомъ единой великой и свободной университетской семьи. Въ ея нѣдрахъ онъ пребываетъ отъ 3 до $4^1/_2$ лѣтъ, гдѣ рядомъ съ широкимъ пріобрѣтеніемъ теоретической мудрости получаетъ возможность и основательныхъ практическихъ занятій. Въ первые семестры главное значеніе имѣетъ хорошій выборъ лекцій, посредствомъ которыхъ онъ ознакомляется съ отдѣлами своей будущей работы. Лекціи эти онъ обязательно записываетъ со словъ профессора, и эти записи побуждаютъ слушателей съ полнымъ вниманіемъ мысленно слѣдить за изложеніемъ и конспектировать содержаніе лекцій. Въ послѣдующіе семестры, сверхъ лекцій, существуютъ и практическія занятія. Ихъ цѣль именно выработка методовъ изслѣдованій и подробное изложеніе вопросовъ, относящихся къ лекціямъ. Эти практическія занятія-семинаріи являются главнымъ средствомъ сближенія преподавателя съ учащимися, и именно здѣсь завязываются между сторонами интимныя отношенія; здѣсь ученику оказывается индивидуальная личная помощь и здѣсь же учитель наблюдаетъ, какъ созрѣваютъ силы, которымъ суждено продолжать его работу. Важнымъ научнымъ пособіемъ къ университетскому образованію служитъ разумно организованное чтеніе. Одной изъ существенныхъ сторонъ этого образованія является обязательное знакомство съ нѣкоторыми важнѣйшими авторами по главнымъ отдѣламъ избранныхъ наукъ.

Заключеніемъ университетскаго образованія служатъ экзамены, которые различаются между собою существеннѣйшимъ образомъ и дѣлятся на экзамены—академическіе и государственные. Первые имѣютъ мѣсто въ присутствіи факультетовъ, гдѣ выдаются старыя академическія степени, а вторые производятся въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, назначаемыхъ правительствомъ по большей части на годъ и снабжаемыхъ особыми инструкціями; экзамены послѣдней категоріи обязательны для полученія правъ на занятіе спеціальныхъ жизненныхъ профессій, связанныхъ съ правами государственной службы.

Жизнь всякаго учащагося въ университетѣ юноши находится въ тѣсной зависимости отъ университета не только въ смыслѣ интеллектуальнаго образованія, но и въ смыслѣ общественнаго

поведенія. Юноша, получивъ званіе студента, получаетъ и кодексъ школьной дисциплины и, если онъ нравами своими позоритъ достоинство носимаго званія, то онъ является отвѣтственнымъ лицомъ передъ ректоромъ, синдикомъ и университетскимъ сенатомъ. Наказанія за проступки колеблются между простымъ замѣчаніемъ и формальнымъ исключеніемъ; въ промежуткѣ же между этими крайностями имѣются штрафы, достигающіе до 10 рублей, и заключеніе въ карцеръ. Пользуясь широкой свободой университетской науки, студенты пользуются также полной свободой корпоративныхъ организацій, гдѣ опредѣляются ихъ дружескія связи и образуются ихъ общественные взгляды и привычки. Этихъ корпорацій въ Германіи великое множество, но среди нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ «цвѣтные союзы», которые подраздѣляются на три основные типа: землячества, буршеншафты и христіанскіе союзы, между которыми находятся еще всякаго рода подгруппы. Всѣ эти безчисленныя ассоціаціи, которыя слѣдуетъ строго различать отъ такъ называемыхъ «политическихъ партій», такъ какъ имъ совершенно чужда политика, имѣютъ единственной цѣлью—сплоченность товарищества во имя культа чести, религіи, свободы и любви къ отечеству, а также въ интересахъ совмѣстнаго изученія разныхъ отрастей научнаго знанія. «Германія, къ счастію, не знаетъ еще 20-ти-лѣтнихъ политикановъ,—утверждаетъ г. Богдановичъ, — но зато среди нѣмецкой молодежи поистинѣ царитъ любовь къ родной землѣ, а нѣмецкое единство является настоящей страстью, оживляющей университетскій міръ. Это патріотизмъ во всей гордости, тщеславіи и горячности, рядомъ съ которымъ нѣтъ мѣста гуманитарному космополитизму. При одномъ намекѣ лишь на европейскіе соединенные штаты—нѣмецкіе студенты разражаются здоровымъ хохотомъ,—они видятъ непрестанную борьбу во всѣхъ странахъ свѣта, знаютъ, что въ мірѣ этомъ сила является однимъ изъ главныхъ элементовъ торжества, и культивируютъ силу эту, при чемъ культъ этотъ среди образованной молодежи выражается воинственными нравами, многочисленными дуэлями, привычкой къ грубымъ физическимъ упражненіямъ, ясно выраженнымъ расположеніемъ ко всему военному. Каждый нѣмецкій студентъ хочетъ быть и чувствуетъ себя солдатомъ. Врядъ ли есть страна, гдѣ милитаризмъ былъ бы жизненнѣе и универсальнѣе среди образованной молодежи. Философскія идеи мало волнуютъ молодые умы Германіи. Время «учителей» прошло, новыя школы не создаются, и ни одна не господствуетъ, какъ въ дни Канта, Вольфа, Гегеля, Фихте или Шлегеля».

Таковъ строй университетскихъ учрежденій въ Германіи. Въ заключеніе не лишне отмѣтить, что каждый университетъ имѣетъ своего куратора, канцлера и комиссара, высокопоставленную особу, избираемую обыкновенно среди выдающихся людей провинціи. Не

вмѣшиваясь никоимъ образомъ во внутреннюю администрацію университета, кураторъ является лишь защитникомъ передъ государствомъ университетскихъ интересовъ и привилегій и неизмѣнно предстательствуетъ передъ центральной властью за свой университетъ. Принцы королевскаго дома и сами короли охотно удостоиваютъ своимъ покровительствомъ университеты и даже занимаютъ въ нихъ почетныя должности. Такъ, по свидѣтельству г. Богдановича, великій герцогъ Карлъ-Александръ состоитъ ректоромъ Іенскаго университета, король саксонскій ректоромъ Лейпцигскаго университета, и таковымъ же Кенигсбергскаго, до восшествія на престолъ, состоялъ нынѣшній императоръ германскій Вильгельмъ II.

Посмотримъ же теперь, какъ трансформировался образъ германскаго университета на русской почвѣ, въ какой типъ вылился онъ, и каковы были главнѣйшіе моменты его перерожденія. Обозрѣніе организаціи Дерптскаго (Юрьевскаго) и Александровскаго (Гельсингфорсскаго) университетовъ не входитъ въ настоящую задачу, такъ какъ строй и жизнь этихъ учебныхъ заведеній до послѣдняго времени сложилась и развивалась внѣ общихъ условій русской государственности.

II.

Исторія русскихъ университетовъ дѣлится на пять главныхъ періодовъ, въ зависимости отъ дѣйствовавшихъ въ нихъ уставовъ. Первый періодъ—отъ учрежденія старѣйшаго отечественнаго университета, Московскаго, въ 1755 году, до начала XIX вѣка, второй періодъ—съ изданія въ 1804 г. особыхъ уставовъ трехъ университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго, изъ коихъ первый былъ распространенъ, съ 4-го января 1824 г., и на вновь учрежденный Петербургскій университетъ—до введенія устава 1835 г.; третій періодъ, обнимающій собою царствованіе Николая Павловича и длившійся съ 1835 г. по 1863 г.; четвертый—съ 1863 по 1884 г. и, наконецъ, пятый, относящійся къ послѣднимъ 15 годамъ.

Уставъ Московскаго университета 1755 г. былъ составленъ И. И. Шуваловымъ, по мысли Ломоносова и по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ университетовъ. Въ виду отсутствія въ тогдашнее время у насъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, университету грозила опасность остаться безъ слушателей, а потому вмѣстѣ съ университетомъ, на основаніи того же устава, возникли при немъ двѣ неразрывно съ нимъ связанныя и состоявшія въ его вѣдѣніи гимназіи, назначеніе которыхъ было именно готовить комплектъ университетскихъ воспитанниковъ. Явившійся на свѣтъ Божій, не какъ органическая потребность общества, а искусственно насажденный на русскую почву правительствомъ, Московскій университетъ былъ поставленъ въ чрезвычайно выгодныя условія и къ его инозем-

нымъ основаніямъ были присоединены, въ добавокъ, самыя широкія преимущества и привилегіи, которыя, съ одной стороны, должны были привлечь къ нему симпатіи преподаватателей изъ состава иностранцевъ, а съ другой—пріохотить къ нему русскихъ учащихся. Въ этихъ видахъ университетъ, во-первыхъ, былъ поставленъ въ совершенную независимость отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и властей, кромѣ сената, которому онъ подчинялся непосредственно, во-вторыхъ, былъ снабженъ своимъ особымъ привилегированнымъ судомъ, простиравшимся какъ на профессоровъ, такъ и на студендовъ, и, въ-третьихъ, былъ переданъ въ вѣдѣніе одного или двухъ кураторовъ, которые опредѣляемы были верховною властью изъ вельможъ, являвшихся заступниками и ходатаями о нуждахъ университета передъ престоломъ. Кромѣ того, всѣ чиновники университета были освобождены отъ постоевъ и всякихъ полицейскихъ повинностей, отъ вычетовъ изъ жалованія и всякихъ другихъ сборовъ. Приманками учащихся для поступленія въ университетъ служили: пожалованіе студентамъ шпаги, обѣщаніе покровительства кончившимъ курсъ, при поступленіи ихъ на службу, пожалованіе имъ при выпускѣ ранга оберъ-офицеровъ арміи, зачитаніе имъ времени бытности ихъ въ университетѣ въ дѣйствительную службу, содержаніе извѣстнаго числа студентовъ, живущихъ на вольныхъ квартирахъ, на жалованіи отъ казны, и учрежденіе казеннокоштныхъ студентовъ, проживающихъ въ самомъ университетѣ.

Составъ сословія преподавателей во вновь учрежденномъ разсадникѣ просвѣщенія былъ самый пестрый: по большей части это были иностранцы, не знавшіе русской жизни, не связанные нравственными интересами ни съ русскимъ обществомъ, ни между собою и согласившіеся поступить на русскую службу исключительно ради матеріальныхъ выгодъ и соціальныхъ привилегій, которыхъ были лишены на родинѣ. Такого состава преподавателямъ правительство Елисаветы Петровны не рѣшилось всецѣло предоставить управленіе дѣлами университета, почему надъ послѣдними, помимо куратора, былъ поставленъ еще директоръ, назначавшійся отъ правительства, который правилъ дѣлами университета одинъ, безъ совѣщанія съ профессорами, и, какъ хозяинъ, смотрѣлъ за благочиненіемъ и порядкомъ. Въ двухъ только отношеніяхъ совѣщался онъ съ профессорами на собиравшихся еженедѣльно конференціяхъ: по устройству учебной части и по суду надъ студентами. Въ случаяхъ разногласія на такихъ конференціяхъ, о нихъ ставился въ извѣстность кураторъ, который по своему усмотрѣнію и разрѣшалъ возникшее недоразумѣніе.

Въ отношеніи учебномъ университетъ дѣлился на три факультета—философскій, юридическій и медицинскій. Философскій факультетъ былъ своего рода приготовительной школой, черезъ ко-

торую, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто и въ Германіи, студентъ долженъ былъ предварительно пройти, прежде чѣмъ попасть на факультетъ спеціальный, юридическій или медицинскій. Всѣхъ профессоровъ утверждено было по штатамъ на университетъ десять человѣкъ, но бывали года, когда на спеціальныхъ факультетахъ всѣ отрасли знанія представлены были однимъ профессоромъ. Немногочисленъ былъ въ первое время и комплектъ слушателей, такъ что факультеты буквально спорили между собою изъ-за студентовъ и уступали ихъ одинъ другому. Профессора читали пять дней въ недѣлю, и по субботамъ сходились подъ предсѣдательствомъ директора на засѣданіе конференціи, гдѣ шла рѣчь о распорядкахъ ученія и о студентахъ. Преподаватель не имѣлъ права читать свой предметъ по своей системѣ, или по автору, имъ произвольно выбранному; онъ подчинялся въ этомъ отношеніи конференціи и куратору. На обязанности профессоровъ было читать безплатно не менѣе двухъ часовъ въ день, за исключеніемъ субботы; кромѣ того, имъ дозволялось давать приватные уроки за умѣренную плату. Безплатныя лекціи, читанныя преимущественно на латинскомъ языкѣ, назывались публичными, хотя публика, по причинѣ незнакомства съ этимъ древнимъ языкомъ, ихъ и не посѣщала.

Желающіе слушать лекціи въ университетѣ принимались, по выдержанія вступительнаго экзамена, въ студенты и получали право носить шпагу. Курсъ ученія былъ трехлѣтній, при чемъ въ концѣ каждаго мѣсяца, на послѣднюю субботу, студенты должны были держать между собою диспуты, подъ руководствомъ профессоровъ, на тезисы, объявленные за три дня до диспута. Въ концѣ каждаго полугодія, передъ вакаціями, такіе диспуты совершались въ присутствіи публики. За сочиненія, писанныя на заданныя темы, выдавалось ежегодно восемь медалей, золотыхъ и серебряныхъ. Эти раздачи наградъ сопровождались торжественными публичными актами, на которыхъ профессора произносили рѣчи, стараясь при этомъ «представлять учащемуся въ университетѣ россійскому юношеству съ достаточными похвалами высокомонаршее попеченіе ея императорскаго величества о благополучіи ея подданныхъ вообще и особливо неизреченныя щедроты къ университету». Окончившимъ курсъ ученія студентамъ выдавались за подписями директора и всѣхъ профессоровъ аттестаты, по которымъ они могли опредѣляться прямо на гражданскую службу и получали преимущество передъ прочими сослуживцами. Въ отношеніи административномъ студенты, какъ и профессора, исключительно были подчинены университетскому суду, который производился или конференціей, или тѣмъ изъ профессоровъ, преимущественно юристомъ, которому конференція поручала разбирательство даннаго дѣла. Наказанія состояли въ екключеніи въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, въ облаченіи въ стрзаьянскую одежду и въ исключеніи изъ университета. Студенты

не носили мундировъ и подчинялись особымъ правиламъ, въ соблюденіи которыхъ давали подписку и честное слово. За ихъ поведеніемъ наблюдали изъ среды ихъ же самые избранные цензоры и эфоры.

Если читатели дадутъ себѣ трудъ сопоставить организацію перваго русскаго университета, съ тѣмъ, что говорено выше, въ первой главѣ, объ университетахъ германскихъ, то они увидятъ, что въ главныхъ своихъ основаніяхъ Московскій университетъ 1755 г. являлся исключительно копіей таковыхъ. Онъ пользуется широкой автономіей, ему въ средѣ прочихъ государственныхъ учрежденій отводится почетное мѣсто, и его окружаютъ особыми заботами и попеченіями. Правительственная опека и регламентація касаются его не столько въ интересахъ политическихъ, сколько культурныхъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ полагается забота, чтобы поднять до него общественное сознаніе и общественный уровень. Съ теченіемъ времени непосредственными же заботами правительственной власти ему даруются вспомогательныя орудія просвѣщенія, такъ что въ концѣ вѣка мы видимъ уже, что университетъ является дѣйствительнымъ сосредоточіемъ русскихъ культурныхъ элементовъ, которые съ неимовѣрнымъ напряженіемъ силъ становятся руководителями отечественнаго прогресса. Русское книгоиздательство, русская періодическая печать, либеральныя вѣянія Екатерининской эпохи, такъ или иначе, но непосредственно берутъ свое происхожденіе изъ Московскаго университета, который въ этомъ отношеніи оказываетъ нашей родинѣ неисчислимыя услуги, значительно превышающія заслуги петербургской академіи наукъ. Мало-по-малу онъ изъ учрежденія полуиностраннаго, искусственно привитаго къ русской жизни, становится учрежденіемъ національнымъ, становится органической частью всего отечественнаго строя; иностранцы понемногу уступаютъ мѣсто природнымъ русскимъ ученымъ, которые значительно оживляютъ преподаваніе, связываютъ интересъ университета съ интересами общества и самымъ благодѣтельнымъ образомъ вліяютъ на послѣднее. Изъ нѣдръ университета выходитъ родъ талантливыхъ дѣятелей: Потемкинъ, Фонвизинъ, Муравьевъ, бр. Тургеневы, Новиковъ, Карамзинъ, Жуковскій и многіе другіе, которые на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ создаютъ себѣ громкія имена и являются истинными творцами русской культуры конца XVIII и начала XIX вѣковъ.

Въ своихъ основныхъ чертахъ, Московскій университетъ, какъ его создалъ Шуваловъ, остается неприкосновеннымъ до вступленія на престолъ Александра I, когда ему, совмѣстно со вновь учрежденными университетами, Харьковскимъ и Казанскимъ, даровано было новое устройство, въ силу котораго всѣ университеты вошли въ общую систему народнаго просвѣщенія.

III.

Съ воцареніемъ Александра I, государственный строй Россіи подвергся значительнымъ преобразованіямъ, въ числѣ которыхъ важнѣйшее мѣсто занимаетъ учрежденіе министерствъ и между прочимъ министерства народнаго просвѣщенія. Возникло оно въ 1801 г., а уже на слѣдующій годъ были опубликованы предварительныя правила народнаго просвѣщенія, долженствовавшія создать цѣлую систему среднихъ и низшихъ заведеній—гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Въ связи съ сими послѣдними въ 1804 г. опубликованы грамоты и уставы для университета Московскаго и вновь учрежденныхъ—Харьковскаго и Казанскаго. Всѣ уставы почти тождественны, но въ основаніи каждаго изъ нихъ въ отдѣльности положена мысль о необходимости предоставить каждому университету возможность развиваться своеобразно, примѣнительно къ мѣстнымъ требованіямъ и особенностямъ.

По уставу 1804 года къ каждому университету приписанъ цѣлый учебный округъ, коего онъ и становился центромъ управленія. Въ качествѣ послѣдняго, университетъ получалъ право назначенія и увольненія учителей, право представлять къ назначенію министромъ директоровъ гимназій, дѣлать черезъ посредство профессоровъ ревизіи и инспекціи. Для завѣдыванія училищами, при нихъ состоялъ особый училищный совѣтъ, въ составѣ ректора и выбранныхъ совѣтомъ ординарныхъ профессоровъ, который обязанъ былъ представлять ежегодно отчеты совѣту о состояніи учебной части въ округѣ.

Какъ заведеніе учебное, университетъ по уставу 1804 г. дѣлился на четыре факультета, независимые другъ отъ друга, но составлявшіе въ совокупности одно цѣлое; факультеты эти были—нравственно-политическій, физико-математическій, медицинскій и филологическій. Каждый факультетъ вмѣщалъ въ себя опредѣленное число профессоровъ (свыше 6 и 7), въ помощь которымъ, для преподаванія отдѣльныхъ частей науки и на случай замѣщенія назначалось 12 адъюнктовъ, 3 лектора или учителя языковъ—французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, 3 учителя пріятныхъ искусствъ и гимнастическихъ упражненій.

Въ отношеніи внутренняго устройства, университетамъ дарована была коллегіальная форма управленія и широкая автономія во всѣхъ дѣлахъ, касающихся быта университетской корпораціи. Это начало было проведено вполнѣ послѣдовательно по всѣмъ частямъ устава. Университеты состояли подъ высочайшимъ покровительствомъ и подъ главнымъ начальствомъ министра народнаго просвѣщенія и, хотя каждый изъ нихъ поручался особому вѣдѣнію одного изъ членовъ

главнаго правленія училищъ, подъ именованіемъ попечителя, но власть послѣдняго состояла главнымъ образомъ въ общемъ надзорѣ и попеченіи о процвѣтаніи университета, безъ непосредственнаго участія во всѣхъ мелочахъ университетской администраціи. Попечителю подлежали утвержденію далеко не всѣ постановленія совѣта, онъ не судилъ и не взыскивалъ за проступки лицъ, подвѣдомственныхъ университету, а также студентовъ: до его свѣдѣнія лишь доводили обо всемъ, что касалось жизни университета и то post factum, и только передъ началомъ академическаго года подносили къ утвержденію и подписанію роспись предположенныхъ занятій и лекцій. Попечитель, кромѣ того, разрѣшалъ университету сверхштатные расходы въ суммахъ не свыше 500 руб. и наблюдалъ за правильнымъ расходованіемъ штатныхъ средствъ и ассигнованій черезъ посредство особаго назначаемаго изъ ординарныхъ профессоровъ непремѣннаго засѣдателя правленія. Всѣ попечители первоначально имѣли жительство въ Петербургѣ и составляли изъ себя главное правленіе училищъ, докладывая, въ присутствіи другъ друга, по дѣламъ ввѣренныхъ округовъ министру народнаго просвѣщенія.

Сосредоточіемъ университетскаго самоуправленія являлся совѣтъ съ выборнымъ ректоромъ во главѣ и состоялъ изъ заслуженныхъ и ординарныхъ профессоровъ; адъюнкты могли здѣсь присутствовать, но подавали голоса лишь по учебной части: въ выборахъ они не участвовали. Совѣтъ комплектовался на основахъ выборнаго начала, но съ утвержденія министра; въ свою очередь, онъ же, т.-е. совѣтъ, избиралъ и ректора, сначала на одинъ годъ, а потомъ на три. Ректоръ обязанъ былъ собирать совѣтъ ежемѣсячно, предсѣдательствовалъ въ немъ, былъ хранителемъ большой университетской печати, представителемъ университетской корпораціи, лицомъ надзирающимъ, чтобъ всѣ и каждый надлежаще исполняли свои обязанности. Въ случаѣ его отсутствія, болѣзни или смерти, мѣсто его заступалъ со званіемъ проректора ближайшій его предмѣстникъ. Въ совѣтѣ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ открытою подачею таковыхъ; баллотированіе употреблялось лишь при выборахъ и при назначеніи преній. Собираясь изрѣдка и періодически, совѣтъ не могъ непосредственно завѣдывать всѣми дѣлами университетскаго управленія; для этихъ дѣлъ онъ составлялъ лишь высшую инстанцію, которой подчинялись низшіе органы сословной администраціи. Такими органами были: по части учебной — факультетское собраніе, по части полицейской, хозяйственной и судебной — правленіе. Первый органъ состоялъ изъ профессоровъ и адъюнктовъ подъ предсѣдательствомъ декана, избиравшагося общимъ совѣтомъ изъ ординарныхъ профессоровъ; должность секретаря факультета возлагалась на одного изъ адъюнктовъ; факультеты

вѣдали распредѣленіе лекцій, производили переходныя испытанія и раздавали ученыя степени кандидата, магистра и доктора.

Правленіе состояло изъ ректора, декановъ и непремѣннаго засѣдателя, являвшагося на засѣданіяхъ чѣмъ-то въ родѣ правительственнаго прокурора въ дѣлѣ сословнаго управленія. По части хозяйственной правленіе завѣдывало финансами университета, заключало договоры и подряды и представляло ежегодно совѣту свой годовой отчетъ, который, по утвержденіи его, поступалъ уже къ высшему начальству. По части полицейской правленіе опредѣляло нижнихъ служителей и вѣдало внутренній порядокъ и благочиніе. Въ случаяхъ чрезвычайной важности ректоръ имѣлъ право, помимо правленія, подъ свою личную отвѣтственность, принимать экстренныя мѣры до вытребованія военной и гражданской помощи у адми нистраціи, но объ означенныхъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ былъ давать объясненія правленію въ ближайшемъ его засѣданіи. Такіе случаи экстраординарныхъ мѣропріятій не могли быть частыми, такъ какъ задачи университетской полицейской компетенціи были достаточно легкими, ограничиваясь исключительно стѣнами самаго учебнаго заведенія. Студенты, за исключеніемъ казеннокоштныхъ, жили на вольныхъ квартирахъ и ходили въ партикулярномъ платьѣ, а «въ разсужденіи нравственности и поведенія должны были сообразоваться съ правилами благочинія, сочиненными университетскимъ совѣтомъ и на утвержденіе начальства взнесенными», за нарушеніе каковыхъ подлежали взысканіямъ университетскаго суда. Послѣдній, по уставу 1804 года, сохранилъ за университетами всѣ преимущества и особенности, которыя, по примѣру нѣмецкихъ университетовъ, были дарованы въ 1755 году университету Московскому. Судъ этотъ производился письменно и въ закрытомъ засѣданіи, при участіи, однако, особаго синдика, избираемаго совѣтомъ изъ числа членовъ ученаго сословія для приготовленія и доклада судебныхъ дѣлъ правленію, при чемъ этотъ синдикъ имѣлъ лишь совѣщательный голосъ.

Университетъ снабженъ былъ весьма обширною гражданскою и уголовною юрисдикціей надъ студентами и чинами, принадлежащими къ университетскому управленію. Въ дѣлахъ гражданскихъ университетъ разбиралъ всѣ тяжбы и иски со студентовъ, за исключеніемъ дѣлъ о недвижимыхъ имуществахъ; въ уголовныхъ дѣлахъ самъ производилъ слѣдствія и посылалъ своего синдика засѣдать въ судѣ, въ качествѣ депутата. Въ дѣлахъ дисциплинарныхъ, т.-е., о преступленіяхъ противъ университетскаго благочинія и порядка, университетъ самъ налагалъ на виновнаго разныя взысканія, при чемъ ректоръ имѣлъ право приговаривать студента къ трехдневному заключенію въ карцеръ, правленіе—къ 14-дневному, а совѣтъ составлялъ высшую и послѣднюю инстанцію, присуждавшую виновнаго даже къ исключенію изъ университета. Жалобы на университетскій судъ

подлежали въ апелляціонномъ порядкѣ внесенію въ сенатъ. Въ виду того, что, согласно уставу 1804 года, назначеніе университетовъ состояло въ «пріуготовленіи юношества для вступленія въ различныя званія государственной службы», то правительство въ интересахъ привлеченія учащагося юношества къ высшему образованію учредило при университетахъ интернаты, гдѣ содержались казеннокоштные пансіоны; надзоръ за поведеніемъ сихъ послѣднихъ былъ возложенъ на инспектора, избираемаго совѣтомъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ.

Рядомъ съ управленіемъ учебнаго округа, на университетъ возложена была также цензура книгъ, выходившихъ въ округѣ, при чемъ цензорами являлись профессора, отправлявшіе свои обязанности по настоящему предмету опять-таки на основахъ коллегіальности. Университетамъ же разрѣшено было имѣть свои типографіи, которыя можно было за плату отдавать въ аренду.

Изъ всего сказаннаго про уставъ 1804 года мы видимъ, что права его были очень широки, и онъ, по сравненію съ 1755 годомъ, никоимъ образомъ не составилъ регрессивнаго теченія. Законодатель заботливо снабдилъ его привилегіями, но рядомъ съ этимъ возложилъ на него и черезвычайно сложныя обязанности, при наличности которыхъ университетъ долженъ былъ явиться воистину очагомъ просвѣщенія, освѣщающимъ окружающую жизнь лучами знанія и научной истины. Его автономія была незыблема, и надъ нимъ установленъ лишь контроль постольку, поскольку это входило вообще въ задачи молодого министерства просвѣщенія съ его широкими культурными задачами начала текущаго столѣтія. Университетъ по духу остается родственнымъ своему германскому первообразу, но уже значительно приноровленъ къ условіямъ русской жизни. Полицейско-административная тенденція государства его не давитъ, и ему дается широкій просторъ развитію своихъ естественныхъ просвѣтительныхъ силъ и задачъ.

Обращаясь къ воспоминаніямъ современниковъ, напримѣръ, Д. Н. Свербеева, въ книгѣ «Воспоминанія о студенческой жизни», мы видимъ, что академическое преподаваніе стоитъ уже значительно выше того, о коемъ намъ даетъ понятіе, напримѣръ, Фонвизинъ въ своихъ извѣстныхъ воспоминаніяхъ о Московскомъ университетѣ прошлаго столѣтія. Жизнь учащагося юношества, его отношенія къ начальству и профессорамъ носятъ, правда, еще чисто-патріархальный характеръ, но уже явно наблюдается, что къ началу столѣтія народился составъ отечественныхъ профессоровъ, составъ русскихъ студентовъ, и университетская жизнь понемногу успѣла войти въ общій кругъ родной дѣйствительности. Вольныя права, дарованныя университетамъ, не наносятъ никакого ущерба государственности, не потрясаютъ основъ, но, напротивъ, являются тѣми свѣтлыми сторонами жизни, въ коихъ отечественная дѣйствительность очи-

щается и становится выше: университетъ, такъ сказать, подымаетъ до себя русскую жизнь и общественное сознаніе и въ этомъ культурномъ просвѣтительномъ процессѣ встрѣчаетъ мощную поддержку правительственной власти.

Но мирное поступательное движеніе научныхъ университетскихъ силъ длилось недолго. Этому движенію, съ одной стороны, былъ положенъ предѣлъ отечественною войною 1812—1813 годовъ, отвлекшею въ значительной мѣрѣ современниковъ отъ интересовъ науки и просвѣщенія и, во-вторыхъ, реакціоннымъ періодомъ царствованія Александра I, когда на первый планъ выступили мрачныя тѣни русской жизни, въ образѣ Аракчеева, Фотія, Серафима, Магницкаго и Рунича. Попечитель Магницкій первый разгромилъ Казанскій университетъ; его примѣру послѣдовалъ Руничъ, произведшій ту же операцію съ Петербургскимъ университетомъ. Въ уставахъ университетовъ сдѣланы были, безъ всякой къ тому побудительной причины, существенныя видоизмѣненія, лишавшія ихъ въ значительной степени ихъ автономій, а весь строй академической жизни отданъ, такъ сказать, подъ надзоръ администраціи, которая отнынѣ и становится во образѣ попечителя рѣшающею инстанціей судебъ университетскаго преподаванія. Такъ, по высочайшему повелѣнію, 14 іюня 1819 года повелѣно было: 1) ввести при Казанскомъ университетѣ преподаваніе Богопознанія и христіанскаго ученія (которое съ самаго начала въ предметъ университетскихъ преподаваній не было введено), опредѣливъ для сего наставника изъ духовныхъ; 2) нѣкоторыхъ профессоровъ совершенно уволить отъ занимаемыхъ ими должностей, другихъ перевести на такія каѳедры, которыя болѣе соотствуютъ ихъ способностямъ; 3) для экономической, полицейской и нравственной части опредѣлить при университетѣ особаго чиновника, подъ наименованіемъ директора, подобно тому, какъ назначено сіе при С.-Петербургскомъ университетѣ. Засимъ ученую и учебную часть поручить отдѣльно ректору, по уставу избранному. Все таковое преобразованіе предоставить учинить самому попечителю, съ тѣмъ, чтобы онъ предварительно представилъ объ ономъ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Новыя мѣропріятія были введены по соображеніямъ внѣшней благонамѣренности и не имѣли за собою никакихъ оправдательныхъ основаній ни по существу дѣйствовавшихъ уставовъ, ни въ какихъ либо неблагонамѣренныхъ теченіяхъ академической жизни. Пожаръ былъ произведенъ чисто-искусственно, и зарево его явилось на историческомъ фонѣ отечественной дѣйствительности тѣмъ грознымъ явленіемъ, которое, начиная съ 1819 г., непрерывно продолжало тревожить общественное настроеніе во все дальнѣйшее теченіе вѣка. Послѣдствія этого пожара были чрезвычайно печальныя: потерпѣвъ погромы, университеты лишились цѣлаго ряда научныхъ силъ; отечественные представители науки покинули свои профессіи, по-

святивъ себя иного рода дѣятельности, иностранные же простились навсегда съ Россіей. Университеты опустѣли, а замѣнить былыхъ дѣятелей новыми представилось, за неимѣніемъ таковыхъ въ наличности, невозможнымъ. Каѳедры были замѣщаемы или неспособными преподавателями, или мало подготовленными, не имѣвшими даже требуемыхъ по уставу 1804 г. ученыхъ степеней; наконецъ, случалось, что одному профессору поручалось сразу нѣсколько разнородныхъ каѳедръ, къ явному ущербу науки. Упадокъ университетовъ повелъ за собою ущербъ и всего научнаго дѣла въ округахъ: уровень среднихъ и низшихъ училищъ, подвѣдомственныхъ университетамъ, значительно понизился, и просвѣтительное ихъ вліяніе на населеніе сошло до minimum'а. Такое положеніе народнаго просвѣщенія побудило правительство императора Николая I предпринять рядъ реформъ, коснувшихся какъ университетовъ, такъ и гимназій, совмѣстно съ низшими училищами.

IV.

Въ 1826 году былъ учрежденъ особый комитетъ устройства учебныхъ заведеній, который и выработалъ сначала (1828 г.) уставъ гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ, а затѣмъ уставъ университетовъ, извѣстный подъ названіемъ «устава 1835 года». Кромѣ того, при Дерптскомъ университетѣ, по иниціативѣ академика Паррота, открытъ былъ въ 1828 году для приготовленія профессоровъ, особый профессорскій институтъ, просуществовавшій десять лѣтъ съ половиною, а въ Петербургѣ былъ основанъ главный педагогическій институтъ «для приготовленія учителей и профессоровъ въ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія».

Главнымъ моментомъ реформъ 1828 и 1835 годовъ былъ тотъ, что отъ вѣдомства университетовъ были отдѣлены среднія и низшія учебныя заведенія, въ силу чего университеты перестали быть реальными центрами учебныхъ округовъ, а слѣдовательно въ значительной мѣрѣ утратили свое просвѣтительно-воспитательное вліяніе на населеніе. Это было до извѣстной степени слабою стороною реформы, но это же дало возможность учебнымъ и ученымъ силамъ университетовъ сосредоточиться для работы своего ближайшаго вѣдѣнія и назначенія.

Согласно уставу 1835 года, организація совѣта и факультетскаго собранія сохранилась на прежнихъ основаніяхъ; но, по изъятіи изъ его вѣдомства суда, полиціи и хозяйственнаго управленія, совѣтъ былъ ограниченъ одними дѣлами технически-учебными, выборомъ ректора и профессоровъ для занятія вакантныхъ каѳедръ. Синдика съ прокурорскою властью изъ профессоровъ отнынѣ пред-

писано было назначать изъ лицъ, не принадлежащихъ къ университетской корпораціи, должность секретаря совѣта, которую прежде исполнялъ профессоръ, положено было замѣщать постороннимъ чиновникомъ. Правленіе по-старому осталось въ составѣ ректора, декановъ и синдика, который занялъ мѣсто бывшаго непремѣннаго засѣдателя, но изъ органа исполнительнаго по части хозяйственной, по полиціи и по суду, оно сдѣлалось установленіемъ исключительно экономическимъ и независящимъ отъ совѣта, который, не получая отъ него отчетовъ и не зная своего бюджета, не могъ имѣть никакого опредѣленнаго понятія о количествѣ своихъ матеріальныхъ средствъ и о правильномъ ихъ употребленіи.

Университетъ по уставу 1835 г. потерялъ и всѣ свои судебныя привилегіи, въ силу чего дѣла объ имуществахъ, подвѣдомственныхъ университету лицъ, перешли въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ установленій, безъ всякаго въ нихъ участія университетовъ; равнымъ образомъ и уголовныя преступленія стали достояніемъ общеимперскаго уголовнаго судопроизводства. Къ слѣдствіямъ, къ которымъ были прикосновенны студенты, попечитель или министерство народнаго просвѣщенія наряжали депутата отъ университета. Кромѣ того, университеты потеряли въ значительной степени и право самоуправленія, будучи поставлены въ значительно большую зависимость отъ попечителя округа, административная власть котораго явилась по новому уставу расширенною. Назначаемый именнымъ высочайшимъ указомъ, попечитель обязанъ былъ «употреблять всѣ средства къ приведенію въ цвѣтущее состояніе университета, строго наблюдая, чтобъ принадлежащія къ нему мѣста и лица исполняли неупустительно свои обязанности». Ему вмѣнялось обращать вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ, адъюнктовъ, учителей и чиновниковъ университета, исправлять нерадивыхъ замѣчаніями и принимать законныя мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ. Имѣя постоянное мѣстопребываніе въ одномъ городѣ съ университетомъ, попечитель являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и непремѣннымъ членомъ главнаго правленія училищъ. Въ важныхъ, нетерпящихъ отлагательствъ случаяхъ, онъ самъ собою имѣлъ право принимать надлежащія мѣры и доводить о нихъ до свѣдѣнія министра; онъ же, по своему усмотрѣнію, могъ предсѣдательствовать въ совѣтѣ и въ правленіи; на него же возложено было увольненіе въ отпускъ профессоровъ и университетскихъ чиновниковъ. Согласно §§ 54 и 55 новаго устава попечитель получилъ право разрѣшать единовременныя изъ экономическихъ суммъ университета издержки до 10.000 р. ассигнаціями, и ему же предоставлено утверждать контракты на подряды и поставки, по штатамъ и другимъ опредѣленнымъ расходамъ, суммою до 10.000 руб. ассигн. Для содѣйствія попечителю назначался особый помощникъ который замѣнялъ его на случай отсутствія.

Въ отношеніи учебномъ университетъ раздѣленъ былъ на три факультета: философскій, юридическій и медицинскій. Философскій факультетъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій; первое обнимало собою преподаваніе наукъ философскихъ, историческихъ, политическую экономію, статистику, восточную словесность: а) языки арабскій, турецкій и персидскій, б) языки монгольскій и татарскій и словесности античную, славянскую и отечественную. Второе отдѣленіе обнимало собою: 1) чистую и прикладную математику, 2) астрономію, 3) физику и физическую географію, 4) химію, 5) минералогію и геогнозію, 6) ботанику, 7) зоологію, 8) технологію, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектуру. Остальные два факультета не носили на себѣ, въ сравненіи съ нынѣшнимъ временемъ, особенно оригинальныхъ, типическихъ чертъ. Для догматическаго и нравоучительнаго богословія, церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія учреждена была особая, не принадлежащая ни къ какому факультету, каѳедра, обязательная для всѣхъ студентовъ греко-россійскаго исповѣданія. Кромѣ того, на каждый университетъ положено было по четыре лектора новыхъ языковъ—нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и итальянскаго. Сверхъ учителя рисованія, университетамъ разрѣшено было приглашать учителей искусствъ: 1) фехтованія, 2) музыки и 3) танцеванья, а въ Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ 4) учителя верховой ѣзды.

Предметами занятій факультетскихъ собраній намѣчены были (§ 20) по новому уставу: полугодичное распредѣленіе курсовъ и времени преподаванія наукъ, принадлежащихъ факультетамъ; разсмотрѣніе методовъ преподаванія и руководствъ, избираемыхъ профессорами; испытаніе студентовъ и всѣхъ желающихъ получить ученыя степени или право на вступленіе въ первый разрядъ чиновниковъ по гражданской службѣ. Испытаніе кандидатовъ на учительскія мѣста въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ округа, если они не снабжены надлежащими для того учеными аттестатами и свидѣтельствами, разсмотрѣніе сочиненій, предполагаемыхъ къ печатанію съ одобренія университета и его иждивеніемъ; цензура сочиненій и переводовъ ученаго содержанія, издаваемыхъ профессорами и адъюнктами; избраніе ежегодныхъ задачъ и сужденіе о присылаемыхъ на оныя рѣшеніяхъ; распоряженія по предписаніямъ совѣта и разсужденіе о томъ, что предлагаютъ деканы или члены факультета. Къ главѣ о факультетахъ въ уставѣ имѣется и любопытное примѣчаніе, которое гласитъ: «предметы преподаванія для каждаго факультета, выше сего означенные, могутъ, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, быть умножены или до времени сокращены, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ и по удобности пріисканія способныхъ преподавателей».

Дисциплинарная власть надъ учащимися была изъята изъ вѣдѣнія университета и предоставлена, помимо ректора и совѣта,

инспектору, избираемому непосредственно попечителемъ округа изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ. Отношенія инспектора къ студентамъ были чисто-патріархальныя, и учащіеся подвергались взысканіямъ безъ суда, административнымъ порядкомъ, за проступки, какъ въ стѣнахъ университета, такъ и внѣ его совершаемые. Принимались студенты въ университетъ по предварительному экзамену: при этомъ преимущество отдавалось тѣмъ, кто представлялъ одобрительныя свидѣтельства объ окончаніи гимназическаго курса, каковое могло даже совершенно избавить молодого человѣка отъ необходимости экзаменаціоннаго испытанія. Принятые въ университетъ студентами получили съ апрѣля 1837 года право, при прежней формѣ своей, носить шпаги, и обязанность являться въ публику въ треугольныхъ шляпахъ, при встрѣчѣ съ генералами отдавать имъ честь, а при встрѣчѣ съ особами императорской фамиліи становиться во фронтъ, въ обоихъ случаяхъ по-офицерски. Своекоштные студенты и вольные слушатели съ 1839 года были обложены платою за право слушанія лекцій по 100 рублей ассигнаціями, за исключеніемъ тѣхъ, которые представятъ свидѣтельство о бѣдности.

Уставъ 1835 года, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ распубликованъ въ министерство графа Уварова, дѣйствовалъ всего лишь лѣтъ десять съ небольшимъ, успѣвъ, однако, придать нашимъ университетамъ своеобразный отпечатокъ и создать опредѣленный классъ интеллигенціи, сыгравшей подъ именемъ «людей сороковыхъ годовъ» крупную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Лишенный въ значительной мѣрѣ своей прежней автономіи и нѣсколько заслоненный властью попечителя, уваровскій русскій университетъ, правда, значительно отошелъ отъ своего германскаго первообраза, но въ достаточной, однако, степени удовлетворилъ запросамъ отечественной жизни. Вліяніе его было безусловно просвѣтительное, и въ исторіи нашей культуры ему суждено было занять видное мѣсто, благодаря своей тѣсной связи съ тогдашней наукой и родной литературой.

Обращаясь воспоминаніями, напримѣръ, къ Петербургскому университету, В. Д. Спасовичъ въ собраніи своихъ сочиненій (т. IV) говоритъ, что университетъ временъ графа Уварова «былъ университетъ не нѣмецкій, не французскій, не англійскій, но свой оригинальный русскій, такой, какимъ его создали потребности общества. Устроенъ онъ былъ на довольно широкихъ основаніяхъ, несмотря на недостатки устава 1835 года, и имѣлъ свои особенности и преданія. Сама даже студенческая община, узаконенная распоряженіями князя Ширинскаго (попечителя), не была созданіемъ новымъ; я самъ помню, что элементы ея существовали еще въ 40-хъ годахъ». На юбилейномъ же актѣ 1869 года сказано было про С.-Петербургскій университетъ, что для него «вторая половина тридцатыхъ годовъ и начало сороковыхъ годовъ были самымъ поэти-

ческимъ временемъ его существованія, и, можно сказать, самымъ производительнымъ: ни въ какой періодъ не выпустилъ онъ столькихъ замѣчательныхъ людей и въ наукѣ и въ литературѣ; ни въ какую другую пору не процвѣтала въ немъ до такой степени студенческая жизнь въ ея средневѣковыхъ, усвоенныхъ нашею молодежью формахъ: тогда именно сложены были и распѣвались съ одушевленіемъ въ студенческихъ кружкахъ разныя, въ подражаніе gaudeamus igitur, пѣсни, которыхъ теперь, черезъ тридцать лѣтъ, никто не помнитъ». Тепло вспоминаютъ свой университетъ тѣхъ годовъ и многіе другіе почтенные дѣятели, какъ, напримѣръ, Ѳ. И. Буслаевъ, въ глазахъ котораго дорогой ему Московскій университетъ былъ всѣмъ хорошъ, и лишь угрозы солдатчиной отравляли жизнь довольныхъ и счастливыхъ студентовъ. «За большіе проступки наказывали тогда студентовъ солдатчиною, — говоритъ онъ.—На первый разъ, въ видѣ угрозы и для острастки другимъ, виновный только облекался вмѣсто вицмундира въ солдатскую сермягу и какъ бы выставлялся на показъ; если же потомъ снова провинится, ему брили лобъ... Тогда зачастую слышалась угроза солдатчиною, и спустя много лѣтъ послѣ того мерещилось мнѣ иногда во снѣ, что мнѣ бреютъ лобъ, и я надѣваю не себя солдатскую амуницію».

Счастливое время дѣйствія устава 1835 года было опять-таки, какъ нѣкогда въ 1819—1820 годахъ, искусственно прервано, и университетамъ пришлось пережить вторичный погромъ, для каковаго съ своей стороны они не давали, однако, никакого повода. Академическая жизнь текла совершенно правильно, наращиваніе интеллигенціи и научныхъ силъ совершалось безъ всякаго вреда для существовавшаго порядка вещей, но на несчастіе во Франціи и остальной Европѣ совершились извѣстныя событія 1848 года, въ предупрежденіе каковыхъ у насъ правительствомъ Николая I приняты были чрезвычайныя мѣры репрессіи въ отношеніи именно высшихъ разсадниковъ просвѣщенія. У университетовъ отняты были всѣ привилегіи и права самоуправленія—совѣтъ лишился права избирать ректора, число студентовъ ограничено комплектомъ въ 300 человѣкъ, преподаваніе ограничено неподвижными программами, нѣкоторые предметы совершенно изъяты, и отправленіе молодыхъ людей за границу для приготовленія къ профессорской дѣятельности прекращено. Г. Спасовичъ, примѣнительно къ Петербургскому университету, рисуетъ положеніе дѣлъ въ такомъ видѣ: «въ основѣ университета покоился уставъ 1835 года, но на дѣлѣ, во всѣхъ своихъ частностяхъ, онъ давно былъ отмѣненъ различными инструкціями, министерскими и попечительскими распоряженіями. Попечительство Мусина-Пушкина, занявшее собою десятилѣтіе 1845—1855 годовъ, расшатало окончательно силу устава: власть попечителя рѣшала и опредѣляла все, а отъ устава едва сохранилось нѣсколько параграфовъ въ

цѣлости». Сказанное про С.-Петербургскій университетъ, съ полнымъ правомъ, можетъ быть обобщено на положеніе дѣлъ и въ остальныхъ округахъ, гдѣ административное вмѣшательство, опека и мелкая регламентація окончательно задавили все созданное совокупными усиліями предшествовавшихъ поколѣній. Свободная наука была изгнана изъ университетовъ, знаніе взято подъ полицейскій надзоръ, и студенты обращены въ воспитанниковъ, связанныхъ строгой дисциплиной на военный образецъ, съ неизбѣжной маршировкой, строемъ и фронтомъ.

Такое положеніе дѣлъ длилось вплоть до 1855 года, когда, съ восшествіемъ на престолъ Александра II, университетамъ дарованы были прежнія права по уставу 1835 года и академическая жизнь очищена отъ всего случайнаго и наноснаго, никоимъ образомъ не вызваннаго дѣйствительной необходимостью, но явившагося тѣмъ не менѣе истиннымъ бичомъ для исторіи русскаго просвѣщенія. Освобожденные отъ репрессій университеты вступили на новый путь жизни, гдѣ имъ, однако, пришлось въ очень скоромъ времени столкнуться съ совершенно неожиданнымъ явленіемъ — студенческими безпорядками, явившимися, по свидѣтельству г. Спасовича, неминуемымъ слѣдствіемъ предшествовавшей реакціи. Эти безпорядки потрясли до основанія университетскую организацію и явились съ того момента тѣмъ зломъ академической жизни, которое продолжаетъ по тѣмъ или другимъ причинамъ періодически ее тревожить во всѣ послѣдующія десятилѣтія, достигая иногда до крайнихъ проявленій и чрезмѣрнаго обостренія отношеній между начальствомъ и учащимися. Студенческіе безпорядки побудили правительство къ пересмотру устава 1835 года, слѣдствіемъ каковаго пересмотра явилось дарованіе университетамъ новаго устава 1863 года, дѣйствовавшаго двадцать лѣтъ слишкомъ.

V.

Я не пишу здѣсь исторіи университетовъ, почему въ мою программу и не входитъ лѣтопись событій. Тѣмъ не менѣе не могу не отмѣтить, что изъ воспоминаній П. Обнинскаго, А. Кирпичникова и И. Деркачева, напечатанныхъ въ цитированной выше книжкѣ «Воспоминанія о студенческой жизни», университетскій строй и бытъ съ 1855 по 1861 годы рисуются въ очень привлекательныхъ краскахъ, и мы нигдѣ не видимъ, чтобы возрожденный къ новому существованію Уваровскій уставъ являлся тормазомъ для правильнаго теченія академическихъ занятій. И однако, это теченіе было скоро прервано, уступивъ мѣсто страшному хаосу и бурному взрыву страстей. «Здоровое общеніе университета съ жизнью скоро и круто поворачиваетъ направленіе отъ положительнаго къ отрицательному,— свидѣтельствуетъ г. Обнинскій:—наука забывается ради «политики»;

жизнь студента, дотолѣ замкнутая, получаетъ лихорадочное теченіе въ сходкахъ, протестахъ, адресахъ и уличныхъ потасовкахъ». Бурная эпоха начала шестидесятыхъ годовъ сконцетрировалась во многихъ своихъ крайнихъ проявленіяхъ въ стѣнахъ университетовъ, а отсюда, помимо частичныхъ фактовъ и конкретныхъ явленій академической жизни, явилось сознаніе необходимости пересмотра дѣйствовавшаго устава.

Свидѣтель и лѣтописецъ тогдашнихъ событій, г. Спасовичъ такъ рисуетъ роль профессорской корпораціи въ вопросѣ объ измѣненіи устава 1835 года: «Конецъ февраля и начало марта 1861 г. прошли въ новыхъ столкновеніяхъ между студентами и властью, принимавшихъ все болѣе крупные размѣры,—повѣствуетъ онъ. Профессора до того времени оставались совершенно въ сторонѣ, такъ какъ уставъ 1835 г. не давалъ совѣту никакого административнаго вліянія на студентовъ: въ попечительство Мусина-Пушкина... власть попечительская забрала къ себѣ всю администрацію. Но безпорядки въ мартѣ приняли такой характеръ, что дальнѣйшее устраненіе отъ дѣла для профессоровъ сдѣлалось нравственною невозможностью. Съ другой стороны, и сама власть сочла полезнымъ призвать профессоровъ къ содѣйствію. Вслѣдствіе письма попечителя (И. Д. Делянова) къ профессору Кавелину, въ мартѣ составлена была комиссія изъ 4 профессоровъ, которой предоставлено было упорядочить студенческую общину и составить проектъ устава или правилъ для студентовъ, которыя объяснили бы имъ ихъ права, а вмѣстѣ и обязанности. Желая впередъ внушить безусловное довѣріе къ этимъ правиламъ, комиссія пригласила къ себѣ для выслушанія желаній студентовъ 8 человѣкъ, которые были выбраны студенческимъ обществомъ. Со дня открытія комиссіи, всѣ безпорядки исчезли, и до конца апрѣля, когда проектъ правилъ былъ оконченъ, не было примѣра нарушеній порядка.

«Члены комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Кавелина, составляли проектъ по частямъ, читали составленное при студентахъ, дебатировали, исправляли, дополняли и, посредствомъ обоюдныхъ уступокъ, приходили къ результатамъ, которыми хотя и не удовлетворялись вполнѣ представители студентовъ, но которымъ они, однако же, изъявили совершенную готовность подчиниться. Роль, которую намъ пришлось играть при осуществленіи этой организаціи, все же была бы не легкая, не веселая; но дѣло выиграло бы много, такъ какъ всякіе дальнѣйшіе безпорядки были бы теперь нарушеніемъ правилъ, между тѣмъ какъ, до того времени, студенты видѣли передъ собою только волю и власть начальства. Главныя черты проекта заключались въ слѣдующемъ. Общая сходка подъ предсѣдательствомъ избираемаго на одинъ годъ профессора, обсуждающая дѣла, касающіяся общества студентовъ и выбирающая должностныхъ лицъ по студенческому самоуправленію. Тотъ же

профессоръ предсѣдательствуетъ въ комитетѣ изъ пяти выборныхъ студентовъ, завѣдующихъ кассою, библіотекою, изданіемъ «Сборника». Всякое предложеніе сходкѣ должно быть предварительно обсуждаемо комитетомъ, отъ котораго зависитъ допустить его или не допустить. Всякія иныя сходки строго запрещены. Судъ надъ студентами изъ трехъ профессоровъ долженъ рѣшать, безъ участія студентовъ, дѣло о проступкахъ, за которые полагаются арестъ или карцеръ, и съ участіемъ избираемыхъ по жребію студентовъ, въ родѣ присяжныхъ, дѣла о проступкахъ, влекущихъ за собою исключеніе изъ университета. Подробный уголовный уставъ грозилъ строгими взысканіями за всякія попытки не университетской агитаціи. Весь планъ предполагаемаго устройства разсчитанъ былъ на то, что его вынесетъ на своихъ плечахъ масса, состоящая изъ молодыхъ людей среднихъ, умѣренныхъ, болѣе пассивныхъ, нежели активныхъ; натуры же горячія, порывистыя, придется обуздать сильными домашними мѣрами, не прибѣгая къ публичной власти; наконецъ, въ виду новыхъ порядковъ, они и сами оставили бы университеты.

«Само собою разумѣется, что наши правила составлялись исключительно въ томъ предположеніи, что общій характеръ управленія университетомъ будетъ тотъ же, т. е. что будетъ продолжаться система возможно мягкихъ мѣръ и преобразованія не внезапнаго, но весьма постепеннаго, при чемъ сохранено будетъ изъ существующаго уже все, что только можно сохранить, а именно корпоративное устройство студентовъ. Мы понимали очень хорошо, что университетъ можетъ существовать безъ корпораціи студентовъ, но мы знали также, что корпорація студентовъ можетъ быть сдѣлана безвредною и можетъ приносить свою долю пользы, чему служатъ примѣромъ университеты германскіе и изъ русскихъ — Дерптскій. Извѣстно, что въ Германіи студенческія корпораціи даже совершенно отчуждаютъ студентовъ отъ всего, что лежитъ внѣ интереса ихъ студенческой жизни и совершенно охлаждаютъ ихъ къ политикѣ.

«Проектъ правилъ былъ представленъ на разсмотрѣніе попечителя, а отъ него пошелъ на утвержденіе министра. Между тѣмъ, въ концѣ мая и началѣ іюня 1861 г., внезапно перемѣнились и обстоятельства, и личный составъ управленія, и система. Вышеупомянутый проектъ правилъ былъ оставленъ въ сторонѣ и даже заподозрѣнъ, какъ нѣчто вредное; во всякомъ случаѣ ему не дали никакого движенія. Новое министерство рѣшило составить новый проектъ, въ основаніе котораго должны были лечь начала, утвержденныя 31 мая 1861 г. Эти новыя начала содержали отмѣну форменной одежды, что составляло издавна предметъ и нашихъ желаній и студенческихъ, запрещеніе всякихъ сходокъ и ограниченіе числа освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій двумя сту-

дентами на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ учебнаго округа».

Съ того момента, какъ тенденціи профессорской корпораціи относительно автономной организаціи студенческой общины не дано было осуществиться, и взялъ верхъ принципъ административно-полицейскаго управленія студентами, безпорядки участились и достигли своего крайняго напряженія въ Петербургскомъ университетѣ, вслѣдствіе чего послѣдній и былъ закрытъ. Открытіе его состоялось лишь въ іюнѣ 1863 г., когда въ министерство Головина былъ введенъ въ дѣйствіе новый «уставъ 1863 года», въ выработкѣ основныхъ положеній котораго принимали, однако, участіе даже тѣ изъ профессоровъ, которые послѣ безпорядковъ 1861 г. не сочли для себя удобнымъ оставаться долѣе на занимаемыхъ ими каѳедрахъ. Уставъ 1863 г., правда, далеко не осуществилъ тѣхъ желаній, которыя, какъ на то указываетъ г. Спасовичъ, были высказываемы и профессорами и студентами въ 1861 г., но во всякомъ случаѣ, съ одной стороны, онъ положилъ конецъ анархіи предшествовавшихъ лѣтъ въ университетской организаціи, а съ другой, далъ возможность университетамъ освободиться отъ кошмара угрозы преобразованія въ закрытыя учебныя заведенія, какъ-то замышлялъ сдѣлать министръ Путятинъ, на подобіе англійскихъ аристократическихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Офиціальная и внѣшняя исторія пересмотра университетскаго устава 1835 года такова. Проектъ новаго устава для Петербургскаго университета былъ намѣченъ еще въ 1858 г. и тогда же препровожденъ на разсмотрѣніе Московскаго университета, дабы знать мнѣніе послѣдняго, въ какой мѣрѣ этотъ уставъ удовлетворяетъ потребностямъ университетскаго преобразованія вообще, и въ какой мѣрѣ онъ можетъ быть примѣненъ къ особенностямъ Московскаго университета. Заключеніе этого университета было представлено въ 1859 г. въ министерство, а отсюда препровождено въ Харьковскій и Кіевскій университеты. Къ концу 1861 г. по настоящему предмету поступили требуемые отзывы, и все дѣло передано въ комиссію при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника фонъ-Брадке, каковою и былъ, на основаніи накопившагося матеріала, начертанъ новый проектъ устава. Этотъ послѣдній снова былъ препровожденъ въ 1862 г. для разсмотрѣнія одновременно во всѣ университетскіе совѣты и нѣкоторымъ лицамъ духовнаго и гражданскаго вѣдомства, а также переведенъ на языки англійскій, французскій и нѣмецкій и доставленъ многимъ иностраннымъ педагогамъ и ученымъ. Всѣ поступившіе многочисленные отзывы переданы были въ ученый комитетъ главнаго правленія училищъ, откуда уже исправленный и дополненный проектъ устава, въ концѣ 1862 г., препровожденъ въ особое совѣщаніе, подъ предсѣдатель-

ствомъ графа Строганова I. Заключеніе совѣщанія было доложено государю императору въ совѣтѣ министровъ, и тогда же состоялось высочайшее повелѣніе: проектъ университетскаго устава, составленный на утвержденныхъ уже основаніяхъ, внести на разсмотрѣніе государственнаго совѣта съ проектомъ штатовъ. Окончательно уставъ былъ утвержденъ 18 іюня 1863 г. для всѣхъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго.

Въ официіальныхъ мотивахъ, высказанныхъ по вопросу о необходимости университетской реформы, были отмѣчены слѣдующія причины упадка университетовъ въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ:

a) Недостатокъ въ хорошихъ профессорахъ. Послѣ закрытія профессорскаго института въ Дерптѣ и воспрещенія вызывать иностранныхъ ученыхъ къ занятію каѳедръ, при затрудненіяхъ, которыя противополагались отправленію молодыхъ ученыхъ для усовершенствованія за границу, при ограниченности профессорскихъ окладовъ и, наконецъ, при излишней сложности экзаменовъ на ученыя степени, число лицъ, способныхъ съ честью занять профессорскія каѳедры, чрезмѣрно уменьшилось. Не имѣя возможности пригласить заграничныхъ ученыхъ, университеты, по необходимости, должны были ограничиться кандидатами русскими; но таковыхъ не могло быть много, сколько потому, что ученый уровень университетовъ недостаточно возвысился, столько и потому, что большая часть общественныхъ и научныхъ поприщъ представляли болѣе средствъ къ обезпеченію жизни, при меньшихъ требованіяхъ специіальныхъ условій, нежели поприще ученое. Послѣдствіемъ этого было то, что каѳедры оставались незамѣщенными или что профессоры, занимающіе каѳедры, обращались къ разнымъ постороннимъ занятіямъ для увеличенія своихъ матеріальныхъ средствъ, и часто болѣе дорожили этими побочными занятіями, нежели своею службою при университетѣ.

b) Излишняя разнообразность обязательныхъ для студентовъ предметовъ научныхъ, которая влекла за собою необходимость жертвовать основательностью знанія и вводила большую снисходительность при испытаніяхъ.

c) Недостаточное приготовленіе поступающихъ въ университетъ къ слушанію лекцій часто заставляло профессоровъ обращаться болѣе въ гимназическихъ преподавателей, нежели въ университетскихъ профессоровъ. Это по преимуществу относится къ преподавателямъ древнихъ и новѣйшихъ языковъ.

d) Равнодушіе ученыхъ сословій къ интересамъ ихъ университетовъ и науки вообще, вызванное отчасти устраненіемъ ученыхъ коллегій отъ сужденій и распоряженій по дѣламъ, относящимся къ вопросамъ, связаннымъ съ жизнью университетовъ, отчасти равнодушіемъ самого общества къ интересамъ науки, отчасти и матеріальными заботами, гнетущими профессоровъ, наконецъ, не

всегда удовлетворительнымъ составомъ ученыхъ коллегій: не нося никакой отвѣтственности за внутреннее управленіе университетомъ, возложенное на попечителя, правленіе и инспектора студентовъ, университетскій совѣтъ, вмѣсто воздерживающаго нравственнаго и подвигающаго начала, являлся иногда, наоборотъ, страдающимъ научнымъ застоемъ и незрѣлымъ увлеченіемъ.

е) Скудость учебныхъ пособій университетовъ, не дозволявшая имъ идти въ уровень съ подобными учрежденіями Западной Европы.

«Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, — сказано было въ офиціальномъ представленіи при проектѣ новаго устава, — нынѣ оказывается, что ученая дѣятельность университетовъ незначительна; многія каѳедры, за отсутствіемъ системы постояннаго приготовленія профессоровъ, остаются вакантными, другія замѣщаются лицами, не имѣющими требуемыхъ по уставу ученыхъ степеней, и сама академическая жизнь студентовъ, будучи не вѣрно поставлена въ отношеніи къ университету, заключаетъ въ себѣ элементы безпорядковъ, обнаружившіеся, къ сожалѣнію, еще въ недавнее время прискорбными событіями почти во всѣхъ университетахъ». Дабы вывести университеты изъ этого положенія, и былъ утвержденъ новый уставъ 1863 года, или «Головинскій», какъ его принято было именовать по имени тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, Головина.

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ мотивовъ, послужившихъ основаніями для реформы, весь строй прежней университетской организаціи подвергнуть былъ очень строгой критикѣ, при чемъ къ отвѣтственности, такъ сказать, притянуты были всѣ общественные элементы предшествовавшей эпохи. Наиболѣе мягко указано на искусственныя мѣропріятія Николаевскаго времени, при помощи которыхъ значеніе университетовъ понижено до нельзя; наиболѣе рѣзко поставлены на видъ промахи профессорской корпораціи, въ лицѣ его существеннаго органа — «совѣта», которому брошенъ даже упрекъ въ «незрѣлости увлеченія». Въ чемъ заключалась эта «незрѣлость», изъ представленія не видно, но, если судить по лѣтописи г. Спасовича, то, пожалуй, ее придется отнести насчетъ тѣхъ автономныхъ стремленій, которыя высказывала профессорская корпорація въ 1861 г. и которыми нѣкогда университеты были одарены уставами 1755, 1804 и даже отчасти 1835 годовъ, а также которыя испоконъ вѣковъ являлись достояніемъ германскихъ университетовъ, благодаря чему послѣдніе и являлись всегда могучими рычагами европейской культуры.

Въ чемъ же заключались особенности и основанія устава 1863 года?

Б. Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КАПУСТИНЪ.

(Некрологъ).

Въ лицѣ скончавшагося 11 ноября 1899 года бывшаго попечителя учебнаго округа и почетнаго опекуна, Михаила Николаевича Капустина, русское общество понесло тяжкую утрату. Покойный былъ широко извѣстенъ въ ученомъ мірѣ, считался замѣчательнымъ педагогомъ и дѣйствительно былъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ.

Онъ происходилъ изъ дворянской семьи Екатеринославской губерніи; его отецъ, Николай Алексѣевичъ Капустинъ, служилъ въ полевой провіантской коллегіи и въ 1813 и 1814 гг., съ чиномъ подпоручика староингерманландскаго пѣхотнаго полка, участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и дѣлахъ, за которыя и получилъ ордена св. Анны 3 ст. и св. Владиміра 4 ст. Хотя и сказано въ его формулярномъ спискѣ, что онъ происходилъ изъ дворянъ, но впослѣдствіи вдова, жена Николая Алексѣевича, искала правъ потомственнаго дворянства для своихъ сыновей на основаніи полученныхъ ея мужемъ орденовъ.

Михаилъ Николаевичъ Капустинъ родился 11 января 1828 года и былъ вторымъ сыномъ изъ всѣхъ четырехъ (кромѣ него, были Александръ, Николай и Владиміръ)[1]).

По окончаніи Екатеринославской гимназіи, онъ поступилъ въ Московскій университетъ и, окончивъ послѣдній въ 1849 г., опредѣлился учителемъ законовѣдѣнія въ третью московскую гимназію. Въ 1852 году защитилъ магистерскую диссертацію, подъ заглавіемъ:

---

[1]) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ дѣла, хранящагося въ архивѣ департамента герольдіи правительствующаго сената, св. № 1248.

Михаилъ Николаевичъ Капустинъ.

«Дипломатическія сношенія съ Западной Европой во второй половинѣ XVII столѣтія», и съ этого года занялъ въ родномъ университетѣ каѳедру «общенароднаго», какъ тогда называли, или международнаго права. Тринадцать лѣтъ, проведенныя имъ здѣсь, оставили надолго память о немъ, какъ о талантливомъ ученомъ, увлекательномъ лекторѣ и лучшемъ товарищѣ, котораго особенно ува-

жали за прямой, чуждый всякой фальши, характеръ и доброе, отзывчивое сердце.

Сенаторъ А. Ѳ. Кони въ своихъ воспоминаніяхъ о М. Н. Капустинѣ [1]), относящихся къ шестидесятымъ годамъ, говоритъ, что на его каѳедрѣ вполнѣ отражалась жизнь со всѣми ея наболѣвшими запросами, что въ своихъ лекціяхъ, всегда блещущихъ «необычайной эрудиціей», онъ проповѣдывалъ слушателямъ «принципы правовой совѣсти, идеи справедливости», и что эти лекціи были тѣмъ увлекательнѣе, чѣмъ большею самостоятельностью и большею новизною отличались проводимые въ нихъ взгляды.

Кромѣ того, увлеченный общимъ потокомъ кипучей общественной дѣятельности шестидесятыхъ годовъ, М. Н. Капустинъ заявилъ себя и виднымъ общественнымъ дѣятелемъ. Среди многихъ другихъ занятій, онъ явился иниціаторомъ правильной постановки общественнаго призрѣнія и воспитанія порочныхъ дѣтей, устроивъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ А. Н. Стрекаловымъ въ 1864 г. первый въ Россіи исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Когда же этотъ пріютъ сгорѣлъ, М. Н. Капустинъ снова выступилъ защитникомъ подобныхъ учрежденій и успѣлъ склонить извѣстнаго Н. В. Рукавишникова къ основанію новаго исправительнаго пріюта, процвѣтающаго и донынѣ.

Наконецъ, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ редактировалъ «Московскія университетскія извѣстія», въ которыхъ писалъ университетскую лѣтопись, разборъ новыхъ книгъ и о «преподаваніи юридическихъ наукъ въ нѣмецкихъ университетахъ».

Въ іюнѣ 1870 года, М. Н. Капустинъ былъ призванъ графомъ Д. А. Толстымъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, на постъ директора Ярославскаго юридическаго лицея. Хотя послѣдній и былъ преобразованъ изъ Демидовскаго училища высшихъ наукъ еще въ 1868 г., но первый его директоръ, Митюковъ, пробылъ въ Ярославлѣ всего около года и почти ничего не сдѣлалъ для лицея; поэтому на долю М. Н. Капустина выпало полное и окончательное его устройство. И дѣйствительно, какъ справедливо говоритъ г. Головщиковъ [2]), съ именемъ покойнаго соединяются всѣ традиціи лицея. Онъ сумѣлъ сгруппировать около себя лучшія ученыя силы и поставить преподаваніе въ лицеѣ на уровень современныхъ научныхъ требованій. При его посредствѣ начали преподавательскую дѣятельность многіе, впослѣдствіи выдающіеся, ученые М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Н. Л. Дювернуа, Н. Д. Сергѣевскій, И. И. Дитятинъ, В. В. Сокольскій, Н. С. Суворовъ, А. А. Исаевъ и др. Имъ былъ основанъ и органъ лицея «Временникъ», въ ко-

---

[1]) См. «Новое Время», 1899 г., № 8541.

[2]) «П. Г. Демидовъ и основанное имъ училище высшихъ наукъ» (Ярославль, 1885 г.).

торомъ должны были печататься какъ труды профессоровъ, такъ и выдающіяся сочиненія студентовъ. Но предметомъ особой заботливости М. Н. Капустина была лицейская библіотека; онъ собственноручно велъ переписку со всѣми книгопрадавцами, самъ писалъ инвентарь библіотеки, самъ устанавливалъ получаемыя отъ книгопродавцевъ и переплетчиковъ книги и вообще зналъ библіотеку «во всѣхъ тонкостяхъ».

При массѣ занятій по администраціи лицея онъ находилъ возможность читать едва ли не всѣ юридическіе предметы въ случаѣ вакантныхъ каѳедръ. Основными его предметами были международное право и институціи римскаго права, но при этомъ онъ читалъ еще: энциклопедію права (1871—1883), государственное право (1875—1877), всеобщую исторію права (1871—1873), политическую экономію (1878—1879) и науку о финансахъ (1877—1878).

По отношенію къ студентамъ лицея покойный директоръ проявлялъ большую доброжелательность и даже «сердечность». Отзывчивый на ихъ духовныя нужды, снисходительный къ проступкамъ, онъ немало сдѣлалъ и для улучшенія ихъ матеріальнаго положенія. Кромѣ того, что постоянно отказывался въ пользу студентовъ отъ платы за лекціи по вакантнымъ каѳедрамъ, онъ въ разное время пожертвовалъ изъ своихъ средствъ свыше 2.000 рублей въ попечительство о недостаточныхъ студентахъ; наконецъ, по его мысли былъ устроенъ студенческій интернатъ, съ единственною цѣлью, какъ онъ выразился въ своей рѣчи во время открытія 1 декабря 1880 г., чтобы «поддержать все доброе, охранить отъ искушеній и житейской нужды, продлить молодость и устранить заботы о матеріальной обстановкѣ, подъ часъ очень тяжелыя».

Столь плодотворная дѣятельность М. Н. Капустина въ лицеѣ создала ему славу выдающагося администратора и была причиною къ новому, болѣе трудному и отвѣтственному его назначенію. Въ 1883 г. онъ былъ назначенъ попечителемъ Дерптскаго, нынѣ Рижскаго, учебнаго округа. Въ то время учебныя заведенія этого округа были совершенно чужды Россіи, могли назваться скорѣе разсадниками германизма и ограничивали свою связь съ министерствомъ народнаго просвѣщенія лишь полученіемъ отъ него денежной субсидіи. Осторожно, но твердо и послѣдовательно, началъ онъ преобразованіе этихъ учебныхъ заведеній въ духѣ русскихъ началъ и въ теченіе своего семилѣтняго управленія округомъ успѣлъ сдѣлать очень многое, такъ что его преемнику, недавно скончавшемуся Н. А. Лавровскому, оставалось лишь продолжать успѣшно начатое дѣло.

Перемѣщенный въ 1890 году попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, М. Н. Капустинъ обратилъ свое особое вниманіе на среднюю школу. Будучи горячимъ сторонникомъ облегченія отъ излишнихъ учебныхъ тягостей, онъ первый ввелъ переводъ уче-

никовъ въ слѣдующій классъ безъ экзамена, содѣйствовалъ устраненію излишняго балласта изъ учебныхъ плановъ и, вообще, старался установить болѣе правильныя отношенія между преподавателями и учениками. Самъ держа высоко знамя педагога, онъ требовалъ и отъ учителей педагогической подготовки, ради чего учредилъ институтъ сверхштатныхъ преподавателей и кандидатовъ на преподавательскія мѣста. Взгляды свои онъ проводилъ (большею частью, въ циркулярахъ по округу) чрезвычайно мягко и осторожно; къ мнѣніямъ другихъ относился съ уваженіемъ и поощрялъ коллективное обсужденіе вызываемыхъ жизнію вопросовъ; нерѣдко самъ являлся въ такія собранія педагоговъ, не какъ попечител округа, а какъ ихъ товарищъ, желающій прислушаться къ доводамъ другихъ; даже во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ онъ былъ въ высшей степени доступенъ и внимателенъ. Никто не усомнится, что все это было очень важно и для педагоговъ и для педагогическаго дѣла, и наоборотъ, всякій лишь пожалѣетъ о прошломъ, когда услышитъ отъ своего начальника такого рода лаконическія фразы: «что угодно вашему превосходительству?» — «Представьте докладъ!», «до свиданія!» или «мы обойдемся и безъ вашихъ совѣщаній».

Искренній сторонникъ распространенія просвѣщенія въ массѣ населенія, М. Н. Капустинъ много хлопоталъ объ открытіи народныхъ школъ, особенно, напримѣръ, въ Олонецкой губерніи и въ С.-Петербургѣ, гдѣ, по его настоянію, число министерскихъ 4-хъ классныхъ школъ удвоилось, и разрѣшилъ «курсы общеобразовательныхъ предметовъ» при С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ, закрытые новымъ министромъ народнаго просвѣщенія, за отсутствіемъ «офиціально утвержденныхъ программъ».

Насколько любилъ покойный педагогическое дѣло, видно уже изъ того, что онъ не покидалъ каѳедры даже въ бытность попечителемъ. Съ 1891 г. и до того момента, когда болѣзнь окончательно заставила его оставаться дома, онъ читалъ въ училищѣ правовѣдѣнія энциклопедію права и былъ въ немъ инспекторомъ классовъ и членомъ совѣта Маріинскаго института и членомъ совѣта Павловскаго института.

Въ заключеніе о педагогической и общественной дѣятельности М. Н. Капустина мы должны сказать, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ обществѣ вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ, гдѣ былъ предсѣдателемъ, и выполнилъ рядъ особыхъ и высочайшихъ порученій. Такъ, въ 1891 году былъ третейскимъ судьею въ спорѣ между Франціею и Голландіею по вопросу о Гвіанскихъ владѣніяхъ; въ 1892 году предсѣдательствовалъ въ высочайше учрежденной при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ комиссіи для разсмотрѣнія претензій великобританскаго правительства, по поводу задержанія нашими крейсерами канадскихъ промысло-

выхъ шхунъ за недозволенный бой морскихъ котиковъ въ русскихъ водахъ Берингова моря; въ томъ же году участвовалъ въ занятіяхъ комиссіи, разсматривавшей постановленія Парижскаго третейскаго суда по поводу спора между Англіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Затѣмъ читалъ лекціи по международному праву наслѣднику цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему государю императору, Николаю Александровичу, и наконецъ въ 1894 году былъ командированъ по высочайшему повелѣнію въ Абасъ-Туманъ для занятій съ недавно въ Бозѣ почившимъ наслѣдникомъ цесаревичемъ, великимъ княземъ Георгіемъ Александровичемъ.

Учено-литературная дѣктельность покойнаго выразилась въ цѣломъ рядѣ составленныхъ имъ книгъ и статей, изъ которыхъ, кромѣ упомянутой выше магистерской диссертаціи, мы назовемъ здѣсь слѣдующія: 1) «Указатель книгъ, статей по русской исторіи, географіи, статистикѣ и русскому праву» за 1848—51 гг. (въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, касающихся до Россіи», Н. И. Калачова, т. I—III); 2) Морскіе призы и англійскія призовыя рѣшенія 1854 и 1855 гг.» (М., 1855); 3) «Обозрѣніе предметовъ международнаго права. Выпуски II, III и IV. Консулы и трактаты» (М., 1856—1859 гг.); 4) «Естественное право или философія права. Соч. Ад. Фр. Шиллинга. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей М. Н. Капустина» (М., 1862 г.); 5) «О значеніи національности въ международномъ правѣ» (М., 1863 г.); 6) «Очеркъ исторіи права въ Западной Европѣ. (Общія явленія исторіи права въ Западной Европѣ» (М., 1866 г.); диссертація на степень доктора международнаго права); 7) «Этнографія и право» (М., 1868 г.); 8) «Международное вмѣшательство» (въ «Сборникѣ государственныхъ знаній», т. II); 9) «Юридическое образованіе въ Англіи» (во «Временникѣ Демидовскаго юридическаго лицея», т. II); 10) «Исторія права» (ibid., т. II—IV, и отд., Ярославль, 1872. г.); 11) «Международное право (конспектъ лекцій)» (ibid., т. IV и V, и отд. Ярославль, 1873 г.). Объ этой книгѣ въ свое время Ф. Мартенсъ далъ восторженный отзывъ во второмъ томѣ «Сборника государственныхъ знаній»; но впослѣдствіи проф. Даневскій, не соглашаясь съ его оцѣнкой, нашелъ нѣкоторые крупные недостатки [1]); 12) «Юридическое образованіе во Франціи» (ibid., т. VI); 13) «Чтенія о политической экономіи и о финансахъ» (ibid., т. XIX и XX, и отд. Ярославль, 1879); 14) «Институціи римскаго права» (ibid., т. XXIII, XXIV и XXV, и отд. Ярославль, 1880—1881 гг.), и 15) «Юридическая энциклопедія (догматика)» (Спб., 1893 г.); въ первомъ изданіи это сочиненіе появилось въ печати еще въ 1869 году [2]).

---

[1]) См. его «Обзоръ новѣйшей литературы по международному праву» (Спб., 1876 года).

[2]) Авторы газетныхъ некрологовъ приписывали М. Н. Капустину и «Древнерусское поручительство», на самомъ дѣлѣ принадлежащее С. Я. Капустину, ко-

Какъ ученый юристъ, М. Н. Капустинъ принадлежалъ къ школѣ такъ называемаго естественнаго права и именно къ той, значительно смягченной ея фракціи, представителями которой были Арндтсъ и другіе, сводившіе всю теорію къ началу справедливости, охраняемой государствомъ. Будучи послѣдователемъ этой школы, онъ на первый планъ ставилъ права личности въ государствѣ, былъ поборникомъ ея индивидуальности, свободы совѣсти и неприкосновенности ея духовнаго міра.

Въ области же изученія права покойный профессоръ держался строгаго историческаго метода.

«Область права», читаемъ въ одномъ изъ его трудовъ, «не допускаетъ произвольныхъ измышленій; метафизика и метаполитика должны быть чужды юристу». Основой юридическаго образованія онъ считалъ гражданское право; что же касается политическаго образованія юриста, то послѣднее по нему должно быть сведено до minimum'а. Наиболѣе характерными словами по отношенію къ теоретическимъ идеаламъ покойнаго юриста и его гуманности можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ его изслѣдованія: «О значеніи національности въ международномъ правѣ»: «Національности примиряются свободою и самоуправленіемъ, онѣ становятся во враждебное отношеніе вслѣдствіе гнета, преслѣдованія, униженія... Опытъ доказалъ, что свободныя учрежденія страны, политическая равноправность народностей всегда вѣрно ведутъ къ ихъ сближенію».

Признавая, что юридическая наука «суха, безжизненна, безстрастна», что «строгія и точныя ея начала и безъ всякой окраски соціальнаго и политическаго характера столь же привлекательны для юриста, какъ и числовыя формулы для математика» (см. актовую рѣчь 1882 г. во «Временникѣ Демидовскаго юридическаго лицея»), онъ въ то же время по отношенію практическаго примѣненія этой науки утверждалъ, что «юридическое положеніе не есть математическая формула; въ немъ слышится утѣшенное горе, обезпеченный трудъ, счастье семьи, сдержка произвола, ограниченіе кровопролитія» (см. актовую рѣчь 1876 г. въ томъ же «Временникѣ»). Въ своихъ взглядахъ М. Н. Капустинъ былъ въ высшей степени самостоятеленъ и твердо держался ихъ на всемъ своемъ жизненномъ пути.

Мы старались только вкратцѣ намѣтить разныя отрасли дѣйствительно многосторонней дѣятельности покойнаго попечителя; но будущій его біографъ, слѣдя шагъ за шагомъ за проявленіями поистинѣ кипучей и всеобъемлющей работы М. Н. Капустина, неопро-

---

торый издалъ свой названный трудъ въ извѣстномъ юридическомъ сборникѣ Мейера, въ Казани, въ 1855 г. Въ эту ошибку они впали, благодаря невѣрному сообщенію въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефрона, гдѣ на двухъ смежныхъ страницахъ упомянутое сочиненіе приписано обоимъ названнымъ авторамъ.

вержимыми доводами убѣдитъ читателя въ ея чрезвычайной плодотворности и несомнѣнно выведетъ изъ нея рядъ важныхъ уроковъ для будущихъ дѣятелей въ той же области. Насколько цѣнили всѣ знавшіе М. Н. Капустина, и какъ человѣка, съ его рѣдкой добротой, гуманностью и отзывчивостью, можно судить уже по однимъ недавнимъ чествованіямъ его, принявшимъ характеръ глубокой искренности и высокаго уваженія.

В. Рудаковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Пауль Бартъ. Философія исторіи, какъ соціологія. Переводъ съ нѣмецкаго. Часть 1-я. Введеніе и критическій обзоръ. XIV и 424. Спб. 1900.

ЩЕ ДО ПОЯВЛЕНІЯ въ 1897 году только что переведенной по-русски книги: «Die Philosophie der Geschichte, als Sociologie», П. Бартъ составилъ себѣ хорошую репутацію въ ученомъ мірѣ Германіи. Его перу принадлежатъ слѣдующія цѣнныя работы: «Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann»; «Die sogenannte materialistische Geschichtsphilosophie» (XI т. «Jahrbuch f. Nationalökon. und Statistik»); Zum 100 Geburtstage Comte's («Vierteljahrschrift f. wiss. Philosophie», 1898).

Всѣ указанныя работы Барта, вмѣстѣ съ I томомъ реферируемаго труда его, служатъ введеніемъ и подготовкой къ собственной оригинальной системѣ философіи исторіи, которую авторъ дастъ во II томѣ своего труда, ограничиваясь пока только «эскизомъ своего личнаго взгляда».

Уже во «Введеніи» г. Бартъ высказываетъ свой взглядъ, лежащій въ основѣ построенія всей работы: философія исторіи и соціологія — тожественны; исторія—конкретная соціологія (какъ драма—конкретная «характерологія»), а теорія исторіи покрывается абстрактной соціологіей. Это отожествленіе философіи исторіи и соціологіи обусловило раздѣленіе критическаго обзора на два отдѣла, изъ которыхъ первый (стр. 15—213) обнимаетъ соціо-

логическія системы, а второй (стр. 214—391)—односторонніія историческія теоріи; къ этимъ двумъ отдѣламъ примыкаетъ третій (стр. 391—424), гдѣ заключаются: а) мнимая невозможность философіи исторіи (В. Дильтей) и б) эскизъ личнаго взгляда автора.

Въ этихъ рамкахъ, естественно, вмѣщается громадный матеріалъ по исторіи философіи, увеличивающійся еще отъ стремленія автора не пропустить ничего, имѣющаго какое либо значеніе для поставленной имъ задачи.

Сжато представивъ развитіе соціологіи со временъ классической древности (Платонъ и Аристотель) до перваго настоящаго соціолога Сэнъ-Симона (24 стр.), Бартъ даетъ критическій очеркъ первой соціологической системы ученика С. Симона, Огюста, Конта (стр. 25—60). Въ этой системѣ переплетаются два основные принципа: поэтическій, выражающійся въ законѣ о трехъ стадіяхъ развитія и человѣческаго общества вообще и отдѣльныхъ наукъ въ частности, и біологическій, съ точки зрѣнія котораго Контъ смотритъ на человѣческое общество, какъ на продолженіе органическаго міра, хотя и хорошо знаетъ, что это общество нельзя прямо дедуцировать изъ этого міра. Оба эти принципа въ дальнѣйшемъ развитіи соціологіи у послѣдователей Конта разъединяются и разрабатываются самостоятельно. Прежде всего, возникаетъ 1) классифицирующая соціологія (Э. Литтре, де-Роберти, де-Греефъ, Лякомбъ, А. Вагнеръ, стр. 61—95), которая исходитъ изъ справедливой мысли классифицировать соціологическія явленія и путемъ классификаціи давать соціологическое объясненіе, но, тѣмъ не менѣе, ограничивая классификацію простою одновременностью явленій и оставляя безъ вниманія классификацію послѣдовательности, не объяснила развитія соціальной организаціи и не можетъ похвалиться значительными результатами. Другое направленіе соціологіи—біологическое (Герб. Спенсеръ, стр. 96—135; фонъ-Лиліенфельдъ, Шеффле, Фулье, Вормсъ—стр. 136—168), которое проводитъ параллель между жизнью (организмомъ) и человѣческимъ обществомъ часто до чрезмѣрныхъ подробностей, однако при этомъ часто уклоняется отъ методической дедукціи изъ этой основной аналогіи и устанавливаетъ положенія, добытыя инымъ путемъ и обычно мало доказательныя, и наконецъ не даетъ себѣ яснаго отчета относительно происхожденія и развитія такъ называемой «высшей жизни», приписываемой постоянно человѣческому обществу.

Оба означенныя направленія объединяются въ дуалистической соціологіи (стр. 178—207), которая, съ одной стороны, пользуется біологическимъ методомъ, съ другой стороны, на ряду съ природой и надъ ней, признаетъ и дѣйствіе духа и думаетъ обойтись безъ апріорныхъ предположеній.

Вслѣдъ за обозрѣніемъ соціологическихъ направленій идетъ отдѣлъ «односторонніія историческія теоріи», т. е. обозрѣніе различныхъ видовъ философіи исторіи. Для историковъ эта половина работы Барта особенно интересна.

Первая глава посвящена представителямъ «индивидуалистическаго» пониманія исторіи (стр. 214—239), т. е. тѣмъ, кто видитъ въ исторіи результатъ дѣятельности «великихъ людей» (представитель—Леманнъ), равно и ихъ противникамъ, «коллективистамъ» (Тэнъ, Бурдо, Бернгеймъ, Лампрехтъ). Слѣдующія главы отведены антропогеографическому воззрѣнію на исторію, этнологи-

скому, культурно-историческому, политическому, идеологическому (религіозные-католическіе и протестантскіе авторы, Ф. де-Кулянжъ, Ранке, Бокль и др., стр. 285—303) и, наконецъ, экономическому (стр. 303—391). Эта глава—самая обширная: здѣсь разобрано воззрѣніе Дюркгейма, будто исторія—прогрессъ раздѣленія труда, Паттена о томъ, что содержаніе исторіи—экономика страданія и наслажденія и, наконецъ, ученіе марксизма о томъ, будто исторія управляется производительными (производственными) силами. Особенное вниманіе удѣлено марксизму (стр. 323—391): происхожденіе и содержаніе такъ называемаго матеріалистическаго пониманія исторіи.

Въ третьемъ отдѣлѣ своего труда, Бартъ даетъ эскизъ своихъ собственныхъ воззрѣній. Эти воззрѣнія сводятся къ слѣдующему. Основу человѣческаго общества составляетъ среда, которая и должна служить точкой отправленія для изслѣдованія. Безпорядочное смѣшеніе половъ было, вѣроятно, формой брака; міровоззрѣніе выражалось въ вѣрованіи въ духовъ. Первая организація—племя, расчлененное на семьи. Одновременно возникаетъ анимизмъ. Вторая, непосредственно высшая организація, это — племя, организованное по родамъ; одновременно возникаетъ натуралистическій политеизмъ. Вслѣдствіе законодательствъ вездѣ изъ родового общества возникаетъ сословное общество. Религія природы превращается въ религію закона. Сословныя общества падаютъ у грековъ и римлянъ. Сословное общество среднихъ вѣковъ разрушается абсолютизмомъ. Несмотря на это, въ XVI в. замѣчается значительный подъемъ. Частью съ начала, частью съ середины настоящаго вѣка господствуетъ либерализмъ. Въ наше время замѣчается оскудѣніе творчества и индивидуальности.

Рабочее движеніе менѣе идеалистично въ настоящее время, чѣмъ при своемъ началѣ; оно не плодовито положительными идеями и не возбуждаетъ художественнаго творчества. Необходимо новое обращеніе къ нравственнымъ понятіямъ, которыя и вызовутъ къ жизни новый соціальный порядокъ и новое искусство.

Эти воззрѣнія, по собственному сообщенію Барта, очень напоминаютъ воззрѣнія Тённіеса, высказанныя въ работѣ: «Gemeinschaft und Gesellschaft», 1887. Подробное раскрытіе и обоснованіе своихъ воззрѣній, въ связи съ тённіесовскими, авторъ обѣщаетъ дать въ II томѣ своего труда, который еще не появился и по-нѣмецки.

Вообще говоря, книга Барта заслуживаетъ внимательнаго изученія по богатству собраннаго изъ первыхъ рукъ матеріала и отчасти—по своимъ критическимъ замѣчаніямъ. Можно, пожалуй, упрекнуть автора даже за излишнюю подробность, особенно въ изложеніи чисто философскихъ воззрѣній: самъ авторъ опасается, что его книга можетъ показаться историкамъ—слишкомъ философскою, а философамъ—слишкомъ историческою. Однако, можно отмѣтить, что книга встрѣчена сочувственно и философами: Фалькенбергъ въ 3-мъ изданіи своей исторіи новой философіи переработалъ по Барту почти весь отдѣлъ о Контѣ.

Стараясь не пропустить ничего значительнаго, Бартъ тѣмъ не менѣе кое-кого изъ авторовъ пропустилъ; напр.: Ляпужъ (біолог. направл.), Берне (дуалистъ),

Сорель, Ивъ Гюйо (марксистъ), Леруа-Болье, Лавернь и нѣкоторые другіе не упомянуты ни однимъ словомъ.

Слѣдуетъ кое-что возразить и противъ размѣщенія авторовъ по направленіямъ: напримѣръ, едва ли можно, строго говоря, включить Дюркгейма въ экономическую школу и Лоріа—въ марксистскую. Хорошій переводъ, указатель именъ, опрятная внѣшность и недорогая цѣна еще болѣе побуждаютъ насъ привѣтствовать изданіе Л. Ф. Пантелѣева. **Н. Я.**

Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ V-й. Спб. 1899.

Капитальный трудъ проф. Н. И. Карѣева по исторіи Западной Европы близится къ концу. Объемистый (886 стр.) пятый томъ доведенъ неутомимымъ нашимъ ученымъ до 71 года XIX вѣка и охватываетъ среднія десятилѣтія— отъ іюльской революціи до паденія второй имперіи. Въ нашей, небогатой трудами, исторической литературѣ пять томовъ «Исторіи Западной Европы» проф. Карѣева составляютъ прямо замѣчательное явленіе, и можно съ удовольствіемъ отмѣтить, что первые три тома вышли вторымъ изданіемъ, а вѣдь у насъ книги дороже трехъ рублей не особенно быстро расходятся. Содержаніе первой половины пятаго тома было предметомъ университетскихъ лекцій, какъ и содержаніе другихъ томовъ. Выдающійся, цѣнный трудъ проф. Карѣева заслуживаетъ самаго серіознаго отношенія къ нему и, конечно, другой оцѣнки, чѣмъ краткая библіографическая замѣтка. Здѣсь умѣстно лишь познакомить читателей съ общимъ характеромъ труда проф. Карѣева. Уже въ началѣ перваго тома своего труда (3-я глава 1-го тома, стр. 24—27, 2-го изд.) проф. Карѣевъ высказалъ свой взглядъ на содержаніе исторіи, который легъ въ основу его сочиненія. На общую исторію онъ смотритъ, не какъ на сумму или «механическое соединеніе спеціальныхъ исторій религіи, философіи, науки, литературы, права, народнаго хозяйства», а какъ на исторію самого общества, въ которомъ существуетъ все это, и исторію личности, «черезъ которую, въ которой и для которой равнымъ образомъ все это существуетъ». Такимъ образомъ, проф. Карѣевъ выдвигаетъ на первый планъ тѣ явленія, въ которыхъ выразились извѣстные принципы и интересы внутренней жизни западно-европейскихъ обществъ, т.-е. культурно-соціальные принципы и интересы въ связи съ идеями и учрежденіями. Все, что не имѣетъ принципіальнаго значенія въ духовномъ и общественномъ смыслахъ опущено въ его «Исторіи». Пятый томъ состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: іюльская революція (стр. 1—114), тридцатые и сороковые годы (стр. 114—422), революція 1848 года (422—620 стр.), пятидесятые и шестидесятые годы (620—886 стр.). Исторіи іюльской революціи Н. И. Карѣевъ предпосылаетъ общій взглядъ на состояніе Западной Европы передъ революціей, послѣ чего даетъ картину самой революціи и выясняетъ ея вліяніе на Европу. Іюльская революція, доставившая господство промышленной буржуазіи, имѣла связь и съ парламентской реформой въ Англіи, также содѣйствовавшей усиленію въ ней буржуазіи. Первый отдѣлъ разсматриваемаго нами труда заканчивается главами о парламентской реформѣ въ

Англіи въ 1832 году и о торжествѣ буржуазіи послѣ 1830 года, гдѣ авторомъ выдвинутъ важный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ буржуазіи и пролетаріата. Около трети всего тома занимаетъ второй отдѣлъ, прекрасный и богатый содержаніемъ—«Тридцатые и сороковые годы». Въ общихъ иностранныхъ трудахъ по исторіи XIX вѣка этого отдѣла нѣтъ, или онъ представленъ въ такомъ же видѣ, какъ успѣхи техники, военнаго дѣла и проч., т.-е. не разработанъ и невыдѣленъ въ самостоятельное цѣлое. Въ этомъ отношеніи «Исторія Западной Европы» проф. Карѣева занимаетъ среди европейскихъ трудовъ по исторіи XIX вѣка особое, совершенно самостоятельное мѣсто на первомъ планѣ. Онъ ставитъ соціальную исторію и культурное движеніе эпохи, а не исторію политическую, какъ это видимъ въ общей литературѣ по исторіи XIX вѣка. Достаточно сравнить всѣмъ извѣстныя исторіи XIX вѣка Файфа, Лейкснера («Нашъ вѣкъ»), Вебера (два послѣднихъ тома), Лоренца, Торсос, Сеньобоса и недавно переведенное «Историческое развитіе современной Европы» Ч. Эндрьюса—съ «Исторіей» проф. Карѣева, чтобы видѣть глубокую разницу, какъ въ самой постановкѣ вопросовъ, такъ и въ распредѣленіи матеріала. Оттого насъ не подавляютъ въ его трудѣ сложныя международныя дипломатическія отношенія, запутанные переговоры или подробности біографическаго характера. Выяснивъ успѣхъ реакціи противъ политическихъ движеній 1830 г. въ трехъ первыхъ главахъ отдѣла о тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, проф. Карѣевъ разсматриваетъ исторію политическихъ, соціальныхъ и національныхъ стремленій въ отдѣльныхъ странахъ. Эти стремленія тѣсно переплетались въ разныхъ странахъ Западной Европы. Цѣлью политическихъ движеній, отличавшихся своимъ антиклерикализмомъ, была политическая свобода въ формѣ конституціонной монархіи, а соціальнымъ вопросомъ, осложнявшимъ политическую борьбу того времени, былъ вопросъ рабочій и крестьянскій. Въ этомъ политическомъ движеніи, тѣсно связанномъ съ принципами французской революціи, проф. Карѣевъ различаетъ два направленія: одно—буржуазное, другое, игравшее оппозиціонную роль,—демократическое. Демократическія движенія во Франціи авторъ дѣлитъ на три группы — чисто политическое движеніе, чисто соціальное и соціально-политическое, въ которомъ слились оба движенія, и цѣлью стремленій котораго было преобразованіе, какъ политическаго, такъ и соціальнаго строя. Движенія демократическихъ партій происходили въ Англіи, Швейцаріи, Германіи, гдѣ демократическое движеніе принимало космополитическій характеръ. Въ то же время происходили и національныя движенія, выразившіяся въ литературѣ и политикѣ. Говоря въ отдѣльной главѣ объ англійскомъ законодательствѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, проф. Карѣевъ выдѣляетъ именно важнѣйшія реформы этого времени: подробно разбираетъ фабричное законодательство въ Англіи въ связи съ публицистикой того времени, агитаціей рабочихъ союзовъ и положеніемъ англійскихъ рабочихъ. Слѣдуетъ отмѣтить, далѣе, выдающуюся главу въ трудѣ проф. Карѣева о чартистскомъ движеніи въ Англіи (стр. 232—255). Исторія чартизма очень мало разработана, а въ общихъ трудахъ по исторіи Европы объ этомъ движеніи ничего нѣтъ. (У Эндрьюса, напримѣръ, даже не упоминается о немъ). Между тѣмъ, чартизмъ болѣе десяти лѣтъ (1838—1848) потрясалъ Англію. Н. И. Карѣевъ разсматриваетъ настроеніе

народной массы въ Англіи послѣ реформы 1832 г. и «Народную хартію», раздѣленіе чартистовъ на партіи, и останавливается на судьбѣ этого движенія. «На чартизмъ слѣдуетъ смотрѣть», говоритъ онъ, «какъ на первую попытку, сдѣланную современнымъ пролетаріатомъ для завоеванія политической власти, какъ орудія въ проведеніи этихъ интересовъ» (246 стр.). Чартизмъ окрасилъ собою и литературу, представителемъ которой былъ Карлейль. По словамъ проф. Карѣева, Карлейль «былъ прежде всего проповѣдникъ религіозной вѣры, нравственнаго достоинства человѣка». Онъ «гораздо болѣе дѣйствовалъ на настроеніе, чѣмъ на міросозерцаніе своихъ читателей». Его призваніемъ было «нравственно поучать современное ему общество, а не открывать передъ міромъ новые умственные горизонты». Три главы отведены въ сочиненіи Н. И. Карѣева французскому либерализму временъ іюльской монархіи (стр. 255—280), коммунизму и соціализму (280—313), а также идеямъ и настроенію французской демократіи временъ іюльской монархіи (313—340). Въ главѣ о французскомъ либерализмѣ даны превосходныя характеристики Тьера и Токвиля, выяснено политическое міросозерцаніе Тьера и разобраны на 10 страницахъ (270—280) политическіе взгляды Токвиля, въ его сочиненіи «Демократія въ Америкѣ». Двѣ слѣдующія главы посвящены исторіи соціальныхъ и политическихъ теченій демократическаго характера и ихъ взаимодѣйствія въ области мысли и литературы. Сначала разсмотрѣны судьбы сенъ-симонизма и фурьеризма, въ связи съ другими проявленіями утопическаго соціализма, выяснена сущность икарійскаго движенія и охарактеризованы соціальные взгляды Кабе. «Въ Икаріи», говоритъ авторъ, «французскій пролетаріатъ сталъ видѣть свой политическій и соціальный идеалъ, и наиболѣе горячіе головы вѣрили въ возможность его близкаго осуществленія. Коммунизмъ обѣщалъ ему равенство, и его послѣдователей не смущала общественная регламентація личной жизни, совершенно убивавшая индивидуальную свободу». (304).

Другимъ, и очень виднымъ дѣятелемъ соціальнаго движенія сороковыхъ годовъ былъ Луи Бланъ, основнымъ воззрѣніямъ котораго профес. Карѣевъ удѣляетъ серіозное вниманіе. Въ немъ онъ видитъ предшественника Маркса, такъ какъ онъ уже сумѣлъ разграничить понятія «капиталъ» и «капиталистъ». Съ другой стороны, Луи Бланъ близко подходилъ къ Ог. Конту, такъ какъ онъ требовалъ, чтобы общественная власть руководилась въ своей дѣятельности указаніями строгой науки. Глава, посвященная идеямъ и настроенію французской демократіи іюльской монархіи, даетъ рядъ интересныхъ, сжатыхъ страницъ о распространеніи республиканскихъ стремленій во французскомъ обществѣ; о возрожденіи якобинской традиціи въ исторіографіи французской революціи (Бюшезъ и Луи Бланъ), о Мишле и Ламартинѣ, какъ антиякобинскихъ историкахъ, о демократической проповѣди Ламеннэ и объ отраженіи общественнаго движенія въ романѣ (Эженъ Сю и Жоржъ-Зандъ). Слѣдующія двѣ главы переносятъ насъ въ Германію и разсматриваютъ нѣмецкій литературный и философскій радикализмъ (340 — 371), нѣмецкія экономическія и соціальныя ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ (371—395). Первое мѣсто въ эту эпоху занимали Берне и Гейне. Сравнивая ихъ, проф. Карѣевъ отдаетъ преимущество Берне, какъ нравственной личности и общественному дѣятелю. Его обществен-

ное міросозерцаніе онъ опредѣляетъ, какъ политическій радикализмъ. Эпикуреецъ-индивидуалистъ, Гейне была натура «боевая, и настроеніе оппозиціонное». «При этомъ», говорится дальше, «онъ былъ лишенъ строгаго политическаго міросозерцанія»... Въ нѣмецкомъ философскомъ движеніи, съ которымъ литературныя движенія были тѣсно связаны, авторъо станавливается на Штраусѣ, Фейербахѣ, Бруно, Бауерѣ и Штирнерѣ: предметомъ изслѣдованій ихъ сдѣлалась философія религіи и связанная съ нею мораль. Къ молодымъ гегельянцамъ примкнули Руге и знаменитый Карлъ Марксъ, съ философскими взглядами которыхъ мы знакомимся въ этой же главѣ. Марксу его біографіи, и характеристикѣ его экономической теоріи и философскихъ взглядовъ, въ сочиненіи проф. Карѣева отведено довольно много мѣста. Вообще, проф. Карѣевъ обратилъ большое вниманіе на соціальныя и экономическія ученія въ Германіи, на состояніе политической экономіи, на возникновеніе исторической школы и оцѣнку сочиненій Листа, Рошера, Родбертуса, Штейна, Маркса и Энгельса. Въ концѣ главы изложено содержаніе «коммунистическаго манифеста». Богатый отдѣлъ о тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ заканчивается главою о славянскомъ возрожденіи, панславизмѣ и мессіанизмѣ. Для насъ, русскихъ, эти вопросы особенно важны. «Можно сказать, говоритъ авторъ, что происходившая у насъ въ Россіи борьба между западниками и славянофилами была лишь отраженіемъ великой противоположности между соціально-политическимъ и націоналистическимъ направленіями, существовавшими на западѣ Европы. Первое было представлено преимущественно Франціей и Англіей, второе, главнымъ образомъ — славянами» (203—204 стр.). Третій отдѣлъ книги проф. Карѣева отведенъ для изображенія революціи 1848 года. Начинается онъ, какъ и отдѣлъ іюльской революціи, съ картины состоянія Западной Европы наканунѣ 1848 г. Далѣе идетъ, сильная, яркая характеристика состоянія Франціи, съ «ходячимъ мертвецомъ» Гизо, и живое описаніе катастрофы (475—484 стр.), давшей Франціи недолговѣчную, но бурную республику, въ которой соціализмъ и Луи Бланъ сыграли большую роль. Февральская революція была страшнымъ сигналомъ для ряда переворотовъ по всей Европѣ, поэтому, выдвигая ея общеевропейское значеніе, проф. Карѣевъ съ тою же объективностью излагаетъ исторію нѣмецкой революціи 1848 года и франкфуртскаго парламента до его крушенія (509 — 569 стр.) и дѣлаетъ обзоръ славянской, венгерской и итальянской революцій. Нѣмецкую революцію онъ разсматриваетъ, какъ очень сложное явленіе; она была революціей не только національной и политической, но и соціальной. Она оказалась неудачною, по мнѣнію Н. И. Карѣева, вслѣдствіе недостатка политическаго воспитанія у тогдашнихъ нѣмцевъ, вслѣдствіе несбыточныхъ плановъ, которые рисовали себѣ вожди возстанія, а также вслѣдствіе розни классовыхъ интересовъ. Послѣднему отдѣлу «Пятидесятые и шестидесятые годы», состоящему изъ 8-ми главъ (стр. 620—886), авторъ посвящаетъ меньше мѣста, чѣмъ временамъ іюльской монархіи. Это была эпоха реакціи. Послѣ пятидесятыхъ годовъ, острый ея періодъ прошелъ и начинается нѣкоторое оживленіе, но идейное содержаніе шестидесятыхъ годовъ «было менѣе оригинально и не такъ богато, какъ идейное содержаніе сороковыхъ годовъ» (622 стр.). И въ политическомъ, и въ національномъ, и въ соціальномъ движеніи 60-хъ годовъ,

говоритъ авторъ далѣе, «мы не обнаруживаемъ никакихъ новыхъ идейныхъ началъ сравнительно съ 1848 годомъ. Эти годы были временемъ практическаго осуществленія общественныхъ формулъ, выработанныхъ раньше, а не творчества новыхъ началъ» (651 стр.). И въ этомъ отдѣлѣ «Исторія» проф. Карѣева занимаетъ видное мѣсто: большое вниманіе удѣлено крестьянскимъ реформамъ середины XIX вѣка, соціальному движенію и умственному перевороту середины XIX вѣка. Говоря объ Англіи въ этотъ періодъ, авторъ останавливается на чартистскомъ и ирландскомъ движеніяхъ 1848 г., на движеніи трэдъ-юніоновъ и даетъ сжатый, но замѣчательно полный анализъ политическихъ (стр. 768—776) идей Милля, подчеркивая его индивидуалистическую защиту свободы, экономическихъ его воззрѣній (стр. 811—812) и философскихъ (866 стр.). Въ главѣ о крестьянскихъ реформахъ выдвинуты авторомъ крестьянскія реформы въ Пруссіи, Австріи, Венгріи, содѣйствовавшія «переходу Германіи отъ средневѣковаго-феодальнаго устройства общества къ новому», капиталистическому (799 стр.). Соціальное движеніе также испытало на себѣ общую реакцію. Въ исторію этого движенія (788—841) проф. Карѣевъ включилъ вопросъ о національныхъ различіяхъ въ рабочемъ движеніи, о дѣятельности французскихъ соціалистовъ послѣ 1848 г. и объ ученіи Прудона. Центральное мѣсто занимаетъ Лассаль, біографіи и взглядамъ котораго отведено цѣлыхъ 17 страницъ (821—838), особенно цѣнныхъ потому, что въ нихъ сжато и точно изложены всѣ выдающіяся рѣчи Лассаля. Послѣдняя глава соч. проф. Карѣева разсматриваетъ «умственный переворотъ середины XIX вѣка». Онъ состоитъ въ томъ, что метафизика съ половины XIX вѣка уступаетъ мѣсто наукѣ, поэтому вторая половина XIX вѣка въ исторіи развитія міросозерцанія стоитъ гораздо выше первой. Отмѣтивъ вліяніе успѣховъ естествознанія на матеріальную жизнь, паденіе гегельянства и матеріализмъ, эволюціонную исторію мірозданія и ученіе Дарвина, авторъ останавливается на позитивизмѣ О. Конта, разсматриваетъ первые труды Спенсера, историческіе взгляды Бокля и появленіе экономическаго матеріализма, заканчивая свою книгу разборомъ соч. Токвиля «Старый порядокъ», гдѣ впервые къ изученію французской революціи былъ примѣненъ критицизмъ. «Историческое пониманіе дѣйствительности, вырабатывающееся философіей и наукой XIX вѣка», говоритъ проф. Карѣевъ, «можно считать однимъ изъ важныхъ пріобрѣтеній нашего времени». Въ послѣднемъ отдѣлѣ мы находимъ превосходныя характеристики Наполеона III, Кавура, Вильгельма I и Бисмарка. Каждая глава снабжена богатой литературой вопроса, эволюція различныхъ партій современной Европы очерчена авторомъ замѣчательно ясно и съ достаточной полнотой. Заканчивая нашу замѣтку, чисто внѣшняго характера, мы не сомнѣваемся въ томъ, что выдающійся трудъ проф. Карѣева будетъ по достоинству оцѣненъ истинными представителями науки, и цѣнному сочиненію этому, какъ единственному въ своемъ родѣ, будетъ отведено почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Не разъ встрѣчая въ этой книгѣ указанія на то, что готовится и 6-й томъ. Пожелаемъ, чтобы онъ поскорѣе появился, а 5-й—поскорѣе бы разошелся.

П. А. К.

Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Общества вспомоществованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, основаннаго 4 ноября 1873 года. Отчетъ за 1897 годъ. Отчетъ за 1898 годъ. Спб. 1899.

Въ концѣ 1898 года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня основанія «Общества вспомоществованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета». Это юбилейное событіе вызвало въ свое время не мало сочувственныхъ статей и замѣтокъ въ нашей періодической печати и послужило поводомъ къ выходу въ свѣтъ историческаго очерка общества, который уже по своей задачѣ не можетъ не быть интереснымъ всѣмъ, кому дорога судьба нашего просвѣщенія. Широко задуманный, прекрасно исполненный, живо и увлекательно написанный, онъ не только знакомитъ съ исторіей общества, но въ общихъ чертахъ говоритъ и о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ развивалась русская университетская жизнь въ только что закончившемся столѣтіи.

Содержаніе книги шире, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе: она представляетъ изъ себя не только исторію общества, но и говоритъ о томъ, какъ поставлено было дѣло матеріальной поддержки студентовъ Петербургскаго университета задолго до образованія и утвержденія общества. Въ первые годы существованія университета студенты еще не нуждались въ такой поддержкѣ, во-первыхъ, потому, что большой контингентъ ихъ составляли своекоштные, а, во-вторыхъ, что слушаніе лекцій было безплатнымъ. Кромѣ того, получали высшее образованіе въ то время преимущественно дѣти состоятельныхъ родителей. Только съ сороковыхъ, а въ особенности съ шестидесятыхъ годовъ, когда двери университетовъ широко отворились для всѣхъ желающихъ учиться, нужда заявила о себѣ энергично. Къ тому же времени общество дошло до сознанія необходимости поддерживать учащуюся молодежь. Съ этой цѣлью сдѣлано было нѣсколько попытокъ, какъ среди настоящихъ, такъ и бывшихъ студентовъ, но онѣ по разнымъ причинамъ не могли привести къ желаемымъ результатамъ, пока въ 1873 г. не организовалось «Общество вспомоществованія студентамъ Императорскаго университета». Общество, было встрѣчено всеобщимъ и полнымъ сочувствіемъ. Число членовъ въ немъ съ каждымъ годомъ долгое время увеличивалось, но съ 1883 года стало падать. Составители очерка объясняютъ это отчасти тѣмъ, что лишь въ указанномъ году комитетъ началъ примѣнять § устава объ исключеніи лицъ, не платившихъ взносовъ, но самъ же сознается, что это не единственная причина упадка общества. Съ 1893 года общество стало вновь возростать количественно и расширять свою дѣятельность. Увеличеніе числа членовъ его, безъ сомнѣнія, было вызвано, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что при немъ былъ учрежденъ рядъ комиссій, давшихъ возможность большему числу членовъ принять активное участіе въ дѣлѣ поддержки учащейся молодежи. Комиссіи эти состоятъ при комитетѣ, избираемомъ на общемъ собраніи членовъ общества. Капиталъ, которымъ располагаетъ послѣднее, образуется путемъ уплаты членскихъ взносовъ и возвратомъ ссудъ. Кромѣ того, въ пользу общества ежегодно устраиваются концерты, спектакли, читаются лекціи и т. п. За двадцать пять лѣтъ существованія Общество выдало ссудъ на 372.437 рублей, при чемъ удовлетворило 40.580 требованій.

За послѣдніе годы половина, а нерѣдко бальшая часть денегъ, опредѣленныхъ на пособія, уплачивались въ университетъ за право слушанія лекцій. Въ 1895 году въ комитетѣ было подано нѣкоторыми изъ членовъ Общества заявленіе для внесенія въ общее собраніе о томъ, чтобы поручить окмитету ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ отмѣнѣ временной мѣры 1887 года, касающейся увеличенія платы за слушаніе лекцій въ университетѣ. Но, говорится въ очеркѣ (стр. 74), «Комитетъ, не располагалъ никакими данными, чтобы заключить, что такое ходатайство можетъ увѣнчаться успѣхомъ».

Занимаетъ Общество и другой подобный вопросъ, также требующій офиціальнаго разрѣшенія и также до сихъ поръ неразрѣшенный. Это вопросъ объ отношеніи студенчества къ Обществу. Уже въ отчетѣ за первый годъ существованія Общества, комитетъ жаловался, что вслѣдствіе отсутствія какой либо связи между студентами, собираніе справокъ объ имущественномъ положеніи лицъ, обращавшихся въ комитетъ за ссудой, было крайне затруднительнымъ.

Самымъ крупнымъ дѣломъ Общества за послѣдніе годы было открытіе студенческой столовой въ концѣ 1897 года. Рѣшено было на осуществленіе его употребить капиталъ, собранный учениками и почитателями О. Ѳ. Миллера. А такъ какъ капиталъ этотъ былъ очень ограниченъ, то комитетъ обратился съ воззваніемъ о пожертвованіяхъ черезъ редакціи періодическихъ изданій и другія общественныя учрежденія къ людямъ, сочувствующимъ учащейся молодежи. Успѣхъ былъ блистательный; скромная сумма, едва достигавшая полуторы тысячи, въ какой нибудь годъ обратилась въ 12½ тысячъ рублей. Такимъ образомъ, было осуществлено давно задуманное дѣло, явившееся на помощь не только бѣднякамъ, но и сравнительно обезпеченной части студенчества. Въ настоящее время это дѣло, чтобы стать крѣпко на ноги, нуждается въ энергичной поддержкѣ. Такая же поддержка въ данный моментъ необходима и «Обществу вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго университета». Столичная жизнь, дѣлающаяся съ каждымъ днемъ все труднѣе, тяжелымъ бременемъ ложится на учащуюся молодежь, которая, кромѣ потребности въ здоровой пищѣ, имѣетъ много другихъ нуждъ. Примѣры сборовъ въ пользу студенческой столовой и закрытаго въ настоящее время комитета грамотности краснорѣчиво говорятъ, насколько русское интеллигентное общество чутко и горячо отзывается на дѣйствительныя нужды своей родины. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно не останется въ сторонѣ, когда комитетъ и состоящія при немъ комиссіи выдвинутъ для осуществленія тѣ вопросы, которые принципіально рѣшены и для проведенія которыхъ въ жизнь потребны новыя силы. Пожелаемъ же, чтобы книга, о которой намъ приходилось говорить, распространилась какъ можно шире и привлекла въ Общество больше активныхъ участниковъ, однимъ изъ нихъ разъяснивъ, а другимъ напомнивъ, что «поддерживать университетскую молодежь въ тяжелыя минуты ея жизни побуждаетъ не одно человѣколюбіе, но и пополненіе потребности въ образованныхъ людяхъ для рѣшенія практическихъ задачъ, стоящихъ на очереди въ нашемъ отечествѣ».

О. Переселенковъ.

М. Дьяконовъ. 1. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (въ XVI—XVII вѣкахъ). Изданіе археографической комиссіи. Спб. 1899 г., III+344+IV.

2. Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Выпускъ I. Крестьянскія порядныя.

«Исторія тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ далека еще отъ своего завершенія. Самый выпуклый фактъ этой исторіи—закрѣпощеніе тяглыхъ людей до сихъ поръ раздѣляетъ изслѣдователей болѣе, чѣмъ на два лагеря. Вопросы о причинахъ, о времени, о степени и свойствахъ прикрѣпленія не находятъ согласнаго рѣшенія. Съ другой стороны, до сихъ поръ не выясненъ и самый составъ тяглаго населенія. Кто несъ государственное тягло въ Московскомъ государствѣ? Была ли группа тяглыхъ плательщиковъ въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій до петровскихъ преобразованій однородной или составъ ея измѣнялся?»—такими словами начинаетъ М. Дьяконовъ свой новый трудъ по русской исторіи. Какъ это ни печально, но необходимо сознаться, что г. Дьяконовъ вполнѣ правъ. Вопросъ о закрѣпощеніи крестьянъ, не говоря уже о крѣпости посадскаго населенія, до самаго послѣдняго времени очень мало подвинулся впередъ и та непроницаемая завѣса, которая закрывала великій фактъ прошедшихъ вѣковъ, не раскрывалась передъ пытливыми взорами изслѣдователей. Почему? На этотъ вопросъ легко найти отвѣтъ у того же Дьяконова. Въ изданной въ 1893 г. брошюрѣ «Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія» онъ говоритъ, что безрезультатность историческихъ изслѣдованій по вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ, появившихся за послѣднія 35 лѣтъ, была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что «всѣ... переработки данной темы построены на одномъ и томъ же старомъ матеріалѣ». Очевидно необходимо было прежде всего собрать новый матеріалъ, подвергнуть старый новому анализу сообразно съ новыми данными и только тогда приступить къ работѣ съ надеждою на успѣшное рѣшеніе вопроса: г. Дьяконовъ такъ и поступилъ. Но ученая осторожность, если такъ можно выразиться, помѣшала автору взяться за основное рѣшеніе вопроса о прикрѣпленіи: «Вслѣдствіе того, что многіе важные источники, относящіеся къ данной темѣ, не только остаются до сихъ поръ неизданными, но даже не приведены въ извѣстность, полная обработка всей темы едва ли возможна въ настоящее время. Во всякомъ случаѣ, такой задачи не могъ взять на себя авторъ». Поэтому г. Дьяконовъ (по его словамъ) ограничилъ свою задачу изслѣдованіемъ отдѣльныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ податного населенія, и отношеніемъ ихъ къ государственному тяглу. Но, анализируя составъ сельскаго населенія Московскаго государства въ XVI—XVII вѣкахъ, авторъ вынужденъ былъ затронуть такую массу вопросовъ собственно «закрѣпощенія», что рамки указанной задачи значительно расширились, и окончательное разрѣшеніе вопроса очень и очень подвинулось впередъ. Новый трудъ автора распадается на шесть отдѣльныхъ очерковъ, не связанныхъ между собой внѣшнимъ образомъ, но имѣющихъ глубокую внутреннюю связь. Очерки III-й о половникахъ, IV-й о бобыляхъ

и V-й о задворныхъ и дѣловыхъ людяхъ, а также часть I-го очерка «крестьяне старожильцы или старинные» были уже напечатаны въ разное время въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; II-й очеркъ — «крестьяне новопорядчики и условія поряда» и VI—«монастырскіе дѣтеныши» появляются въ печати впервые.

Цѣль изслѣдованія г. Дьяконова — анализъ тяглаго населенія, и форма труда — рядъ внѣшне не связанныхъ, напечатанныхъ въ разное время очерковъ, указываютъ на то, что авторъ не намѣренъ былъ построить свою работу дедуктивно, что задача его была другая. Въ этой особенности его работы и заключается ея успѣшность, но здѣсь же кроется и ея недостатокъ. Глубина анализа помогла автору разрѣшить самые запутанные вопросы, но боязнь синтеза не позволила автору сдѣлать окончательнаго вывода, гдѣ онъ самъ напрашивался, вслѣдствіе чего не рѣдко можетъ возникнуть недоумѣніе со стороны читателя. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, возьмемъ объясненіе, вѣрнѣе уклоненіе отъ объясненія, о происхожденіи «старины» въ концѣ I-го очерка и мнѣніе автора о прикрѣпленіи старожильцевъ въ началѣ II-го.

На стр. 74 читаемъ: «Отказываясь въ настоящее время отъ детальной провѣрки всѣхъ этихъ мнѣній за отсутствіемъ надлежащихъ данныхъ для Московской Руси, позволимъ лишь себѣ замѣтить, что возникновеніе старины въ связи съ потерей свободы выхода подъ вліяніемъ потребностей государственнаго хозяйства и финансовыхъ интересовъ представляется догадкой ничуть не болѣе основанной, чѣмъ догадка о возникновеніи старины подъ вліяніемъ долговой зависимости съемщиковъ земли отъ землевладѣльцевъ. Обѣ эти экономическія причины могли дѣйствовать и одновременно. Въ нашей исторіи, по крайней мѣрѣ, почти одновременно наблюдается прикрѣпленіе къ тяглу и крѣпость по старинѣ». Между тѣмъ, на стр. 79 и 80 авторъ говоритъ: «Между этими двумя крайностями—прощеніемъ долга и обращеніемъ должника въ рабство временное или вѣчное —оставался средній путь: эксплоатація должника въ качествѣ земледѣльца наложеніемъ на него новыхъ барщинныхъ повинностей или увеличеніемъ старыхъ... Повтореніе... этого явленія въ повседневной жизни, освященное болѣе или менѣе продолжительнымъ временемъ, могло дать начало обычаю, въ силу котораго крестьяне, лишенные возможности воспользоваться правомъ перехода, стали разсматриваться, какъ утратившіе это право въ силу давности или старины. Таковъ, полагаемъ, путь возниковенія обычнаго правила о прикрѣпленіи старожильцевъ».

Такимъ образомъ, авторъ, отказавшись отъ рѣшенія вопроса о возникновеніи старины на стр. 74, признавъ даже возможность двухъ противоположныхъ рѣшеній на стр. 90, рѣшаетъ его опредѣленно. Это не пустая придирка; это необходимо было отмѣтить, такъ какъ изъ-за этого возникаетъ среди нѣкоторыхъ историковъ невѣрный взглядъ на сущность «старины», объясненную г. Дьяконовымъ, и весь возможный выводъ изъ 1-го и 2-го очерковъ, наиболѣе интересныхъ по важности затронутыхъ здѣсь вопросовъ, можетъ пропасть даромъ; г. Дьяконовъ на основаніи богатаго матеріала рѣшаетъ, вѣрнѣе

наталкиваетъ на рѣшеніе, что во второй половинѣ XVI ст. землевладѣльцы, тяглыя общины и само правительство смотритъ на старожильцевъ, какъ на крѣпкихъ землѣ, потерявшихъ право выхода безъ всякаго отношенія къ тому, соблюдены ли правила о крестьянскомъ переходѣ, другими словами: старожильцы были закрѣпощены первыми по времени. Въ то время, когда юридическое право (да проститъ мнѣ читатель такое выраженіе) выхода, вѣрнѣе вывоза продолжало существовать для всѣхъ крестьянъ, старожильцы его уже потеряли. Далѣе, если согласиться съ мнѣніемъ автора, что утрата эта была обусловлена экономическимъ рабствомъ старожильца обычай, освященный продолжительнымъ временемъ невозможности для крестьянина расплатиться съ землевладѣльцами, то передъ нами раскроется картина дѣйствительнаго хода закрѣпощенія всего податного населенія; стоитъ только вспомнить, что въ доказательство своихъ правъ на старожильцевъ землевладѣльцы стали ссылаться на писцовыя книги (ссылка на писцовыя книги, какъ на документъ, была выработана частной практикой), которыя впослѣдствіи стали однимъ изъ главныхъ доказательствъ «крѣпости» въ глазахъ московскаго правительства. Скажемъ больше, г. Дьяконовъ доказалъ, что не только старинные крестьяне первыми по времени были закрѣпо щены, но и что сталъ возникать обычай закрѣпощенія по старинѣ дѣтей ихъ задолго до уложенія. Такимъ образомъ, институтъ старожильства (мы полагаемъ, что въ виду всего вышесказаннаго имѣемъ право такъ выразиться), возникшій на почвѣ экономическаго рабства, сыгралъ большую роль въ возникновеніи крѣпостничества, — мы бы выразились, согласно мнѣнію Ключевскаго, юридическаго рабства, хотя г. Дьяконовъ и не соглашается съ гипотезой знаменитаго историка. Конечно, правительственно-податная система имѣла большое вліяніе на сложеніе крѣпостного права: она натолкнула на этотъ путь землевладѣльцевъ. Требованіе службы со стороны правительства отъ служилыхъ классовъ заставила ихъ употреблять всѣ средства, чтобы обезпечить свое хозяйство крѣпостными руками, и правительство пошло навстрѣчу желаніямъ землевладѣльцевъ. Вотъ какой выводъ можемъ мы сдѣлать изъ труда г. Дьяконова.

Не мало и другихъ замѣчаній напрашивается при знакомствѣ съ этой прекрасной работой. Прежде всего теряетъ свое значеніе, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ глазахъ, мнѣніе историковъ, вѣрящихъ въ существованіе пресловутаго указа объ общемъ закрѣпощеніи крестьянъ, изданномъ въ царствованіе Θеодора Іоанновича. Главнымъ защитникомъ этого мнѣнія въ настоящее время, какъ извѣстно, является г. Сергѣевичъ. На стр. 246 «Русскихъ юридическихъ древностей» онъ опредѣляетъ даже годъ изданія этого указа, именно 1584 или 1585. Но на стр. 27-ой очерковъ приводится очень важная ссылка на документъ, гдѣ власти монастыря въ доказательство своихъ правъ на бѣглыхъ указываютъ, между прочимъ, на несоблюденіе правилъ восхода, установленныхъ Судебникомъ. «Такая ссылка», скажемъ словами самого автора, «предполагаетъ, что правила о выходѣ еще дѣйствуютъ, или, по крайней мѣрѣ, не отмѣнены еще и въ 1592 году», т.-е. спустя 8 — 7 лѣтъ, какъ былъ изданъ сказочный указъ. Въ примѣчаніи на стр. 26. г. Дьяконовъ опровергаетъ положеніе г. Сергѣевича, что только «вышедшіе съ конца XVI в.

(крестьяне) называются бѣглыми», т.-е. вышедшіе послѣ того же у каза. Въ дѣйствительности изъ грамоты 1538 года мы узнаемъ, что крестьяне корнильевской пустоши «бѣжать розно»... отъ долговъ, т.-е. мы узнаемъ, что термины «бѣжать», «бѣглые» существовали во 2-ой четверти XVI в., и что они примѣнялись къ крестьянамъ, оставившимъ своего хозяина по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ крѣпостью.

Много и другихъ цѣнныхъ замѣчаній (мы не говоримъ выводовъ, такъ какъ г. Дьяконовъ прямо боится дѣлать ихъ) найдетъ читатель въ первыхъ двухъ очеркахъ.

Изъ остальныхъ очерковъ наиболѣе интересны III, IV и VI. III очеркъ о бобыляхъ подвергся уже критикѣ г. Рожкова, который сдѣлалъ автору нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній. Поэтому мы не будемъ касаться его. Вопросъ о половинкахъ поморскихъ уѣздовъ впервые полно разработанъ авторомъ. Существовавшія до него работы К. А. Попова, В. И. Синевскаго, Лаппо-Данилевскаго, Ефименко и нѣкоторыхъ другихъ нерѣдко выставляли спорные тезисы. Авторъ умѣло разобрался въ матеріалѣ и доказалъ, что утвержденіе г-жи Ефименко о различіи юридическаго положенія половниковъ и крестьянъ-порядчиковъ невѣрно. Изученіе половничества въ поморскихъ уѣздахъ интересно главнымъ образомъ потому, что судьба его иначе, чѣмъ та, которая постигла остальное сельское населеніе и что многія бѣдствія крѣпостныхъ порядковъ не коснулись сѣвернаго крестьянина.

VI очеркъ посвященъ монастырскимъ дѣтенышамъ. Этотъ разрядъ сельскаго населенія, насколько намъ извѣстно, еще никѣмъ не былъ изученъ, такъ что г. Дьяконовъ первый сообщаетъ рядъ интересныхъ данныхъ объ этихъ монастырскихъ слугахъ.

Огромный новый матеріалъ, собранный г. Дьяконовымъ, тщательный мастерской анализъ его составляютъ важную заслугу автора. Отказавшись отъ перекраиванія прежнихъ обрывковъ, историческихъ документовъ и основываясь на новыхъ архивныхъ данныхъ, авторъ далъ и новое освѣщеніе трактуемому предмету. Непонятна только научная скромность г. Дьяконова, его боязнь широкихъ обобщеній и болѣе широкой постановки вопроса. При такомъ удивительномъ анализѣ, при богатствѣ матеріала, которымъ располагалъ авторъ, можно было смѣло вмѣсто ряда отдѣльныхъ очерковъ дать стройную гипотезу для объясненія всего явленія. Но авторъ съ предвзятымъ намѣреніемъ уклонился отъ такой задачи, не пожелалъ выйти изъ предѣловъ анализа сырого матеріала. Но данныя, добытыя авторомъ, послужатъ другимъ историкамъ основаніемъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи крѣпости, точно такъ же какъ изданіе извлеченныхъ изъ архивовъ «актовъ, относящихся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ», останется незамѣнимымъ матеріаломъ для всѣхъ изслѣдователей тяглаго населенія XVI — XVII вв.

Г. Галланинъ.

Monographien zur Weltgeschichte. Liebhuber-Ausgaben. (In Verbindung mit anderen herausgegeben von Ed. Heyck. Verlag von Velhagen und Klasing in Bielefeld und Zeipzig).

Подъ такимъ заглавіемъ предпринято съ 1897 г. профессоромъ Гейкомъ въ сотрудничествѣ съ другими учеными изданіе иллюстрированныхъ монографій по всемірной исторіи. Цѣль изданія—дать въ формѣ монографій изложеніе всемірной исторіи для тѣхъ читателей, которые не имѣютъ ни времени, ни возможности читать многотомныя всеобщія исторіи или спеціальныя научныя сочиненія по отдѣльнымъ историческимъ вопросамъ. До сихъ поръ вышло всего 8 монографій: 1) Die Mediceer, 2) Königin Elisabeth von England und ihre Zeit, 3) Wallenstein und die Zeit des dreissigjährigen Krieges, 4) Bismarck, 5) Kaiser Maximilian I, 6) Das ältere deutsche Städtewesen und Bürgertum, 7) Die Wiedertäufer, 8) Venedig als Weltmacht und Weltstadt. Изданіе это представляетъ выдающееся явленіе въ области популярной исторической литературы, какъ по замыслу, такъ и по исполненію, какъ со стороны содержанія, такъ и съ внѣшней стороны, почему мы и рѣшаемся познакомить съ нимъ русскую публику. Вышедшія до настоящаго времени монографіи представляютъ серіозную, основанную на новѣйшихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, строго продуманную работу [1]). Хотя каждая монографія является сама по себѣ самостоятельнымъ, законченнымъ цѣлымъ, всѣ онѣ въ то же время соединены между собою внутреннею связью: авторы выбрали сюжетами для своихъ работъ или такіе эпизоды и эпохи изъ исторіи отдѣльныхъ народовъ, которые имѣютъ всемірно-историческое значеніе, или дѣятельность такихъ лицъ, которыя были типическими представителями своего времени и оказывали вліяніе на ходъ политической и культурной исторіи. Изданы монографіи съ внѣшней стороны очень изящно: въ красивомъ переплетѣ, на хорошей бумагѣ, съ многочисленными (отъ 95—228 въ каждой книжкѣ) и прекрасно исполненными гравюрами, представляющими портреты историческихъ дѣятелей, бытовыя сцены, художественные памятники и т. п. Цѣна за каждую монографію назначена крайне дешевая: всего 3 марки (только монографія «Бисмаркъ», превосходящая остальныя и объемомъ и количествомъ гравюръ, стоитъ 4 марки).

Первою вышла монографія «Медичи», составленная самимъ стоящимъ во главѣ этого симпатичнаго предпріятія проф. Гейкомъ. Авторъ даетъ краткій очеркъ исторіи фамиліи Медичи и Флоренціи за ихъ время, останавливаясь главнымъ образомъ на самыхъ выдающихся представителяхъ этой фамиліи— Козимо Медичи и его внукѣ Лаврентіи Великолѣпномъ. Давая характеристику какъ политической дѣятельности этихъ двухъ Медичи, такъ и ихъ дѣятельности въ качествѣ покровителей искусства и наукъ, авторъ знакомитъ читателя также съ той политической и культурной обстановкой, среди которой они дѣйствовали, съ тѣми представителями гуманистическаго искусства и науки, ко-

---

[1]) Само собой разумѣется, что при этомъ должна быть сдѣлана оговорка относительно монографіи «Бисмаркъ», касающейся почти современной намъ эпохи и потому не могущей имѣть строго научнаго значенія.

торые жили въ эту эпоху во Флоренціи. Къ сожалѣнію, авторъ, стремясь къ краткости, или совсѣмъ не упоминаетъ, или только вскользь говоритъ о нѣкоторыхъ выдающихся гуманистахъ, имена которыхъ такъ или иначе связаны съ фамиліей Медичи и Флоренціей ихъ времени; такъ, напримѣръ, только мимоходомъ упоминается имя знаменитаго теоретика гуманистической политики Маккіавелли, хотя въ концѣ очерка и говорится о герцогѣ Урбинскомъ Лавренти Медичи (внукѣ Великолѣпнаго), которому Маккіавелли посвятилъ свой трактатъ «О государѣ». Многочисленныя изображенія художественныхъ памятниковъ эпохи возрожденія, которыми снабжена монографія, значительно способствуютъ тому, что, по прочтеніи монографіи, получается живое представленіе о Флоренціи, какъ объ одномъ изъ центровъ гуманистическаго движенія. Портитъ общее впечатлѣніе только нѣкоторая сухость и мѣстами тяжеловатость изложенія. Выгодно въ этомъ отношеніи отличается отъ первой вторая монографія «Королева Елизавета англійская», составленная проф. Э. Марксомъ. Въ сжатомъ, но живомъ изложеніи авторъ далъ блестящую характеристику Елисаветы и ея времени, отмѣчая какъ значеніе царствованія этой королевы для политическаго и экономическаго развитія Англіи, такъ и роль Елизаветы въ той имѣющей всемірно-историческое значеніе борьбѣ, которая началась во второй половинѣ XVI вѣка между протестантизмомъ и собравшеюся вновь съ силами католическою партіей. Не мало мѣста отведено въ этомъ небольшомъ очеркѣ изображенію соціальнаго, экономическаго и духовнаго состоянія Англіи временъ Елисаветы, при чемъ заслуживаетъ особеннаго вниманія характеристика Шекспира, какъ писателя, въ которомъ воплотился духъ англійскаго ренессанса. Вообще, эта монографія—одна изъ лучшихъ среди вышедшихъ до настоящаго времени. Третья монографія Валленштейнъ, написанная Г. Шульцемъ, заключаетъ въ себѣ исторію первой половины тридцатилѣтней войны, при чемъ авторъ останавливаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на Валленштейнѣ не только въ виду того интереса, какой представляетъ самъ по себѣ характеръ этого человѣка, но и въ виду того вліянія, какое онъ оказывалъ на ходъ событій своего времени. Личность этого типичнаго полководца и политика XVII столѣтія, руководившагося въ своей дѣятельности только эгоизмомъ и расчетомъ, очерчена ясно и хорошо.

Надѣясь въ ближайшемъ будущемъ познакомить читателей съ характеромъ остальныхъ монографій, мы уже теперь не можемъ не высказать пожеланія самаго широкаго распространенія этого изданія среди русской интересующейся исторіей и читающей по-нѣмецки публики; впрочемъ, даже и для лицъ только слегка владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ можно смѣло рекомендовать эти книжки въ виду того интереса, какой представляютъ сами по себѣ многочисленныя гравюры, наполняющія каждую монографію.

Р. Г.

Юліанъ Кулаковскій. Карта Европейской Сарматіи по Птолемею. Привѣтствіе XI Археологическому съѣзду. Кіевъ. 1899.

Въ первой главѣ названнаго труда профессора Ю. Кулаковскаго находимъ обзоръ общихъ свѣдѣній о географіи Птолемея и выясненіе основныхъ принциповъ его карты земли, а во второй—авторъ предлагаетъ «посильный комментарій къ одной изъ десяти таблицъ Европы Птолемея—Европейской Сарматіи».

Градусная сѣтка послѣдней вычерчена по первому изъ двухъ предложенныхъ у Птолемея способовъ проэкціи сферы на плоскости, то-есть параллели являются въ видѣ кривыхъ линій, а меридіаны въ видѣ прямыхъ, исходящихъ изъ одного центра. На этой картѣ Европейская Сарматія лежитъ между 63° и 43° широты и 42° и 73° долготы и имѣетъ лишь приблизительный видъ, вслѣдствіе чего погрѣшностей въ ней авторъ находитъ довольно много. Любопытны при этомъ его попытки пріурочить то или другое географическое названіе, встрѣчающееся на Птолемеевой картѣ, къ современнымъ географическимъ пунктамъ. Наконецъ, въ этой работѣ профессора Ю. Кулаковскаго читатели встрѣтятъ и указанія на недостатки и достоинства Птолемеева «Изложенія географіи».

В. Р—въ.

Т. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899.

Джемсъ Торольдъ Роджерсъ считается основателемъ англійской исторической школы, онъ—крупный экономическій историкъ. Его теоретическіе взгляды представляютъ ту особенность, что они сложились самостоятельно, безъ вліяніи—школы Маркса. Роджерсъ—страстный защитникъ рабочихъ коопераціи и «trade unions». Трудъ его «The history of English labour», нынѣ переведенный г. Катковымъ, появился въ 1883 г. Роджерсъ вложилъ въ него громадное количество матеріала, составленнаго изъ записей относительно заработной платы и покупательной силы заработка. Въ своемъ изслѣдованіи Роджерсъ возсоздалъ общественное положеніе Англіи за шесть вѣковъ. Первыя шесть главъ посвящены ранней исторіи Англіи до половины XIII вѣка, при чемъ главное вниманіе изслѣдователя обращено на земледѣліе, составлявшее профессію огромнаго большинства населенія. Остальныя главы говорятъ объ исторіи труда и заработной платы, въ связи съ общей политической исторіей страны. «Золотымъ вѣкомъ» англійскаго работника, какъ выясняетъ Роджерсъ, было XV ст. и первая четверть XVI. Никогда заработная плата не стояла такъ высоко, и никогда пища не была такъ дешева, какъ въ это время. Положеніе англійскаго рабочаго достигло самаго низшаго своего уровня передъ началомъ революціи, и лишь къ первой половинѣ XVIII вѣка снова поднялось, хотя и не достигло того благосостоянія, въ какомъ находилось въ XV вѣкѣ. Уже къ концу прошлаго вѣка рабочіе стали терпѣть страшныя бѣдствія, которыя, въ наше время, нѣсколько устранены. Важную роль, по мнѣнію Роджерса, въ измѣненіи къ лучшему положенія рабочаго играетъ освобожденіе промышленности отъ покровительственныхъ законовъ и проведеніе въ жизнь нѣкоторыхъ принциповъ для защиты рабочихъ отъ эксплоатаціи. Одной изъ самыхъ

дѣйствительныхъ мѣръ для борьбы противъ низкой заработной платы Роджерсъ считаетъ предоставленіе рабочимъ права устраивать союзы. Въ заключеніе, Роджерсъ разбираетъ разные проекты, предложенные для помощи рабочему классу: милосердіе и благотворительность, національзація земли и эмиграція, освобождающая страну отъ излишка населенія. Но всѣ эти проекты, если стать на историческую почву, какъ это дѣлаетъ Роджерсъ, оказываются лишь слабой попыткой или палліативнымъ средствомъ, въ сравненіи съ рабочими товариществами. Къ этой мысли его приводитъ и современная жизнь и примѣръ прошлаго. Сочиненіе Роджерса займетъ такое же видное мѣсто у насъ, какъ и другія, переведенныя на русскій языкъ, сочиненія по исторіи Англіи: Гнейста, Гиббинса, Грина, Эшли. **К.**

Основныя начала государственнаго права. Соч. А. Эсмена, профессора парижскаго юридическаго факультета. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. I и II. М. 1899.

Книга профессора Эсмена является такимъ же классическимъ сочиненіемъ по исторіи государственнаго права Франціи, какимъ является, напримѣръ, по исторіи англійскаго права знаменитый трактатъ проф. Дайси или для государственнаго права Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ — обширное сочиненіе Брайса. Въ первомъ томѣ своего труда, который появился въ русскомъ переводѣ еще въ прошломъ году, профессоръ Эсменъ, пользуясь историко-сравнительнымъ методомъ, подвергаетъ подробному анализу свободныя учрежденія западно-европейскихъ народовъ и выясняетъ природу и юридическую конструкцію тѣхъ верховныхъ учрежденій и основныхъ законовъ, которые неизмѣнно встрѣчаются въ большинствѣ западно-европейскихъ конституцій. Онъ видитъ источникъ этихъ учрежденій и законовъ съ одной стороны въ англійской конституціи, а съ другой — во французской революціи и подготовившемъ ее идейномъ движеніи. Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, авторъ весь первый томъ своего труда раздѣлилъ на два большихъ отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ разсматриваются учрежденія и принципы, заимствованные изъ англійскаго права, а во второмъ, авторъ останавливается на принципахъ, установленныхъ философіею XVIII вѣка и провозглашенныхъ французскою революціею. Второй томъ сочиненія профессора Эсмена, въ русскомъ переводѣ появившійся въ текущемъ году, посвященъ государственному праву французской республики, какою ее создали конституціонные законы 1875 года. Настоящій томъ, намъ кажется, можетъ представить серіозный интересъ не только для однихъ спеціалистовъ, но и вообще для широкой публики, вниманіе которой, благодаря извѣстнымъ событіямъ, уже нѣсколько лѣтъ приковано къ политической жизни французской республики. Такъ, напримѣръ, книга профессора Эсмена несомнѣнно поможетъ разобраться въ кажущихся противорѣчіяхъ между французской конституціей и тѣми мѣрами, которыя принимаются въ рѣшительную минуту французскими правительствами.

Переводъ очень хорошъ, и цѣна книги весьма умѣренная. **Д.**

И. Е. Тимошенко. Къ исторіи судебной пытки. I. Взгляды древнихъ на пытку. II. Пытка по римскому праву. Полтава. 1900.

Брошюра г. Тимошенка сильно разочаруетъ тѣхъ читателей, которые будутъ искать въ ней описанія разнаго рода мученій, производившихся при пыткѣ. Авторъ имѣетъ въ виду только изложить взгляды на пытку у древне-классическихъ писателей, а затѣмъ прослѣдить историческое развитіе примѣненія пытки у римлянъ. Въ первомъ отдѣлѣ г. Тимошенко приводитъ отзывы о пыткѣ аттическихъ ораторовъ и Аристотеля—изъ греческихъ писателей и Цицерона, Сенеки, Квинтиліана, Ульпіана, Тертулліана и Августина—изъ римлянъ. Авторъ наивно возмущается грубостью нравовъ тѣхъ писателей, которые рекомендовали пытку, и иногда даже полемизируетъ съ ними. Попутно достается отъ г. Тимошенка и всѣмъ филологамъ вообще за то, будто они изучаютъ рѣчи аттическихъ ораторовъ только со стороны стиля и языка и «ни слова не говорятъ намъ о той нравственной обстановкѣ, въ которой жили и дѣйствовали эти люди, и произносились эти красивыя рѣчи». Если г. Тимошенко не знаетъ сочиненій по исторіи древнегреческой культуры, то изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, чтобы такихъ сочиненій не было вовсе. Во второй главѣ авторъ говоритъ исключительно о римской пыткѣ. Изложеніе свое, за весьма немногими исключеніями, онъ основываетъ на одномъ нѣмецкомъ сочиненіи 1785 г. и 2 латинскихъ диссертаціяхъ 1822 и 1837 г.г.; ему неизвѣстно даже такое доступное пособіе, какъ книга Цумпта о римскомъ уголовномъ процессѣ въ періодъ республики, знакомство съ которой могло бы избавить г. Тимошенка отъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ взглядовъ, напр., что рабы у римлянъ пытались публично. Впрочемъ, недовольный направленіемъ новѣйшей филологіи, авторъ, вѣроятно, не считаетъ нужнымъ слѣдить за ея успѣхами, такъ, напримѣръ, онъ все еще считаетъ Цицерона за автора Риторики къ Гереннію, ошибочность чего была доказана, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 50 тому назадъ. Равнымъ образомъ невѣрно утвержденіе, что доносы рабовъ никогда не одобрялись у римлянъ. Неужели г. Тимошенко забылъ про времена Тиберія, Нерона (вторая половина царствованія) и Домиціана? Свидѣтельства о пыткѣ изъ источниковъ римскаго права исчерпаны авторомъ весьма полно, такъ что въ этомъ отношеніи брошюра его можетъ служить хорошимъ справочнымъ пособіемъ, хотя, къ сожалѣнію, г. Тимошенко цитуетъ древніе тексты въ большинствѣ случаевъ по устарѣлымъ изданіямъ.

А. М—нъ.

М. Леклеркъ. Воспитаніе и общество въ Англіи. Спб. 1899.

Французскій публицистъ Максъ Леклеркъ написалъ двѣ книги объ англичанахъ на основаніи непосредственнаго ознакомленія съ англійскимъ обществомъ и его воспитательно-образовательными учрежденіями. Обѣ эти книги, появившіяся одна за другой во Франціи подъ заглавіемъ: «Воспитаніе среднихъ и правящихъ классовъ въ Англіи» и «Профессіи и общество въ Англіи»,—въ русскомъ переводѣ соединены въ одну книгу. Книга М. Леклерка предста-

вляетъ глубокій интересъ. Изъ предисловія, написаннаго Э. Бутми, мы узнаемъ, что сочиненіе Макса Леклерка есть изслѣдованіе, произведенное имъ по порученію парижской школы политическихъ наукъ, отправившей его въ Англію, какъ бывшаго ученика этой школы по особому конкурсу, открытому въ 1889 г. Сущность порученія, даннаго школою, Э. Бутми резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: «Гдѣ обучаются и какъ формируются по ту сторону Ла-Манша высшіе и средніе классы? Гдѣ страна набираетъ своихъ парламентскихъ дѣятелей и своихъ дипломатовъ? Откуда беретъ администрація своихъ чиновниковъ, армія и флотъ—офицеровъ, промышленность—техниковъ-руководителей, торговля—своихъ агентовъ, философія—такихъ глубокихъ мыслителей, литература, исторія и наука—такую массу оригинальныхъ талантовъ? Какими средствами подготовки располагаетъ этотъ цвѣтъ націи, эти отборные, неутомимые работники—созидатели національнаго величія, которыхъ мы встрѣчаемъ на всѣхъ точкахъ земного шара, всегда въ достаточномъ количествѣ, всегда во всеоружіи своихъ знаній, всегда на высотѣ своихъ столь разнообразныхъ задачъ? Чѣмъ обязаны они семьѣ и національному духу, школѣ и педагогамъ? Что сдѣлали для нихъ государство и законъ?»

Максъ Леклеркъ очень удачно справился съ возложенной на него задачей, и, какъ результатъ его командировки, появились двѣ вышеуказанныя нами книги. Въ краткой рецензіи мы ограничимся тѣмъ, что сообщимъ только содержаніе отдѣльныхъ главъ его труда. Первая книга, трактующая о воспитаніи среднихъ и правящихъ классовъ въ Англіи, начинается съ краткаго историческаго очерка англійской школы. Затѣмъ авторъ переходитъ къ методамъ воспитанія, при чемъ сравниваетъ методы воспитанія англійскій и французскій, говоритъ о воспитаніи въ школѣ и семьѣ, о воспитаніи физическомъ, нравственномъ и умственномъ. Сравненіе системъ воспитанія англійской и французской приводитъ автора къ выводамъ далеко не въ пользу послѣдней. Чрезвычайно интересны главы, въ которыхъ авторъ знакомитъ съ цѣлымъ рядомъ существующихъ школъ въ различныхъ округахъ Англіи. Въ своей экскурсіи по англійскимъ школамъ авторъ повсюду имѣлъ дѣло съ отдѣльными лицами или ассоціаціями, независимыми и отвѣтственными, и ни разу не встрѣтилъ въ роли дѣятеля само государство. Тѣмъ не менѣе государство и его органы—графства, муниципалитеты, школьные комитеты—воздѣйствуютъ на школу. Но въ Англіи государство «не навязчиво и не деспотично: оно совѣтуетъ, подаетъ мысль, одобряетъ, контролируетъ, оказываетъ свою поддержку—и при томъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ само ее предлагаетъ—и никогда не повелѣваетъ». Этому вліянію государства авторъ посвятилъ цѣлыхъ пять главъ. Затѣмъ, М. Леклеркъ переходитъ къ университетамъ, знакомитъ съ внутренней жизнью Оксфорда и Кембриджа и отводитъ много мѣста такъ называемому университетскому движенію. Особая глава посвящена провинціальнымъ колледжамъ, Лондонскому университету и колледжу преподавателей. Печати отведено значительное мѣсто въ изслѣдованіи Леклерка. «Нѣтъ въ мірѣ страны, говоритъ Леклеркъ, гдѣ народъ—весь народъ—читалъ бы такъ много газетъ, журналовъ и книгъ...» «Въ Англіи газета и книга—два самыя могущественныя орудія воспитанія для всѣхъ слоевъ общества и для

всѣхъ возрастовъ. Англичанинъ читаетъ всю свою жизнь, и не только для развлеченія: читая, онъ учится, даже выйдя изъ школы, ибо онъ съ дѣтства сросся съ той мыслью, что для человѣка ученье никогда не кончается» (стр. 269). И англичанинъ любитъ книгу. На ряду съ великолѣпными и дорогими изданіями, вы можете пріобрѣсти всего Шекспира за 9 пенсовъ (35 коп.), за ту же цѣну всѣ поэмы Мильтона, а Диккенса по четыре съ половиной пенса за томъ (18 коп.)! Этотъ фактъ отмѣтилъ между прочимъ лордъ Розберри въ своей рѣчи на открытіи одной безплатной библіотеки. «Кто не мечтаетъ, говорилъ онъ, имѣть Пикквика? Пикквикъ за 18 копеекъ,—просто не вѣрится! А между тѣмъ это фактъ: за деньги, которыя стоитъ шляпа, вы можете пріобрѣсти цѣлую библіотеку, какой не могли бы составить себѣ никакіе денежные тузы среднихъ вѣковъ, хотя бы отдали всю свою кровь». Во второй книгѣ авторъ проводитъ передъ читателями цѣлый рядъ характеристикъ различныхъ дѣятелей въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ общественной и государственной службы. Здѣсь насъ поражаетъ количество блестящихъ самоучекъ, обязанныхъ всѣми своими успѣхами исключительно самимъ себѣ, а отнюдь не школѣ. Въ этомъ отношеніи англичане составляютъ прямую противоположность французамъ, которые цѣнятъ человѣка не по дѣйствительной его стоимости, а по его дипломамъ. Во второй части второй книги Леклеркъ знакомитъ съ экономической жизнью Англіи, съ нравами и идеями, культурой наконецъ, нравственностью, какъ общественной,—такъ и индивидуальной. Вообще изслѣдованіе М. Леклерка крайне богато содержаніемъ и заставляетъ невольно читателя задуматься надъ многими сторонами англійской жизни. Переводъ очень хорошъ, но цѣна книги (3 р.), несмотря на прекрасное изданіе,—все-таки слишкомъ высока. **Д.**

Спиридонъ Гопчевичъ. Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе. Перев. съ нѣм. М. Г. Петровичъ. Съ 38 оригин. рисунками и двумя планами въ текстѣ. Спб. 1899.

С. Гопчевичъ — австрійско-сербскій публицистъ, который извѣстенъ главнымъ образомъ своими сочиненіями о послѣдней войнѣ турокъ и черногорцевъ 1876—1878 гг.; онъ писалъ о Болгаріи и Восточной Румеліи, о Египтѣ, Испаніи, Португаліи и др. По словамъ переводчика, г. С. Гопчевичъ «въ теченіе 15 лѣтъ издалъ 18 большихъ трудовъ и брошюръ, одинъ романъ, пять новеллъ, 250 военныхъ и морскихъ, 30 ученыхъ, 80 беллетристическихъ и 1.300 политическихъ статей, которыя печатаны въ 70-ти различныхъ газетахъ и журналахъ» (стр. VII). При этомъ онъ знаетъ 27 различныхъ языковъ, изъ которыхъ на 13 свободно говоритъ (стр. V). Не легкій трудъ только пересчитать такую массу написаннаго, а каково было написать, и то въ продолженіе только 15-ти лѣтъ! Это—нѣчто феноменальное.

Мы ограничимся, однако, сочиненіемъ его о «Македоніи и Старой Сербіи», которое какъ разъ относится къ вопросу дня и, по словамъ переводчика, «окон-

чательно разсѣиваетъ туманъ, который до недавняго времени окутывалъ упомянутыя провинціи» (стр. VII).

Все сочиненіе распадается на двѣ главныя части: путешествіе (стр. 1—227) и отдѣльныя статьи по исторіи и этнографіи, на основаніи которыхъ авторъ рѣшаетъ вопросъ, прилагая при этомъ грамматику мѣстнаго языка, образцы его въ пѣсняхъ и статистическую табличку (стр. 227—365). Главное составляетъ первая часть, потому что всѣ данныя по исторіи и этнографіи онъ беретъ изъ другихъ сочиненій; равно какъ о состояніи школъ данныя почерпнуты имъ изъ какихъ нибудь современныхъ изданій, которыхъ, однако, не указываетъ.

Совершивши въ своей жизни массу путешествій по Европѣ, Азіи и Африкѣ, г. С. Гопчевичъ къ этому новому путешествію приготовлялся съ особенною заботливостью въ продолженіе 14-ти дней.

Прежде всего онъ старается дискредитировать своихъ предшественниковъ по путешествію: Гакъ, Мэкэнзи и Ирби, Бартъ «не заслуживаютъ никакого довѣрія» (стр. X); о картахъ тѣхъ странъ то же самое: Леженъ и Сожъ составили свои карты, «не побывавъ въ Македоніи и Старой Сербіи и совсѣмъ не зная тѣхъ краевъ»; а «Киперть составилъ свою карту по сообщеніямъ путешественниковъ, не знавшихъ ни сербскаго, ни болгарскаго языковъ, ни исторіи, ни обычаевъ, ни особенностей юго-славянскихъ народовъ».

Исходною точкою путешествія г. С. Гопчевича былъ Бѣлградъ въ Сербіи, откуда онъ, нигдѣ не останавливаясь, по желѣзной дорогѣ доѣхалъ до Солуна, гдѣ и остановился.

Отъ станціи до станціи онъ называетъ всѣ попадающіяся на пути населенныя мѣста съ точнымъ обозначеніемъ, сколько въ каждомъ исъ нихъ домовъ и жителей, какой народности и вѣры, впрочемъ, за весьма малыми исключеніями, всѣ они сербы, называющіе себя **болгарами** или **бугарами**, что одно и то же. Если есть горы, то также точно означается ихъ высота. Откуда же берутся у него всѣ эти цифры? Выходитъ такъ, какъ будто онъ ѣдетъ въ вагонѣ, и тутъ же получаетъ эти данныя относительно высоты горъ и числа жителей, какъ будто первыя онъ тутъ же измѣряетъ, а вторыя написаны на самыхъ селахъ. Первыя онъ, конечно, находилъ послѣ готовыми въ чужихъ сочиненіяхъ и на чужихъ картахъ, а вторыя онъ дѣйствительно получалъ въ вагонѣ и это происходило такимъ образомъ. «Чтобы ознакомиться ближе съ населеніемъ окрестностей,—говоритъ онъ,—я вышелъ изъ моего купэ и ходилъ по всему поѣзду. Въ вагонахъ третьяго класса я встрѣтилъ людей слѣдующихъ націй: албанцевъ, сербовъ и турокъ, съ которыми я велъ продолжительные разговоры» (стр. 22). Тутъ же онъ встрѣтилъ жителя села Биляча, который, кромѣ статистическихъ данныхъ относительно селъ Руяна-горы, описалъ ему и монастырь св. Прохора, не хуже Гана, у котораго тоже есть его описаніе, и сдѣлалъ еще другія интересныя сообщенія (стр. 22—25). Потомъ явился чиновникъ сербской государственной желѣзной дороги (стр. 25); затѣмъ очень образованный торговецъ, сербъ Николай Савичъ, жившій уже много лѣтъ въ Солунѣ и бывавшій въ большихъ городахъ этой страны (стр. 27), и такъ было на всемъ пути. А иногда извѣщенія являются безлично, и тогда онъ

употребляетъ выраженія «мнѣ сказали» или «если вѣрить разсказамъ». Самое важное и полезное открытіе автора составляетъ способъ изученія страны и народа, сидя въ вагонѣ желѣзной дороги и проводя время въ разговорахъ съ пассажирами. И дѣйствительно, все его путешествіе наполнено разговорами, при томъ на одну тему: Кто ты? — спрашиваетъ онъ встрѣчнаго. — Болгаринъ,—отвѣчаетъ тотъ. — Но ты говоришь по-сербски, держишься сербскаго праздника «крестнаго имени» или «славы», поешь пѣсни о сербскихъ короляхъ, о Маркѣ Кралевичѣ и т. д., значитъ ты сербъ. — Тотъ вѣруетъ и соглашается, и такимъ образомъ достигается двойная цѣль: ученое изслѣдованіе и обращеніе цѣлаго населенія въ настоящую сербскую вѣру.

Къ сожалѣнію, по свидѣтельству путешественниковъ, бывшихъ въ Македоніи послѣ того, какъ французъ Берарь, сербъ Нуцичъ и русскій П. Милюковъ, жители ея въ громадномъ большинствѣ принадлежатъ къ такъ называемымъ экзархистамъ (въ церковномъ отношеніи подчиняющіеся болгарскому экзарху) и опять считаютъ себя болгарами; такъ неглубоко проникла его пропаганда.

Нельзя, чтобы путешественникъ не обращалъ вниманія на красоты природы; но описаніе ихъ напоминаетъ намъ старые плохіе учебники географіи (см. стр. 45, 36, 55, 66).

Вообще не любитъ онъ самъ описывать видѣнное имъ, а предпочитаетъ этому готовыя описанія другихъ, и чаще всего пользуется Ганомъ, котораго въ то же время постоянно критикуетъ и даже поправляетъ на основаніи словъ какого нибудь билачанина. По Гану описываетъ онъ монастырь св. Димитрія подъ Велесомъ (стр. 34—35).

Все ему попадается случайно и кстати. Не выходя изъ вагона, онъ собираетъ цѣлую статистику; а въ Хуматовѣ одна женщина обратила его вниманіе своею красивою одеждою; и что же? «Въ Солунѣ,— продолжаетъ онъ,—я нашелъ случайно фотографію той же самой женщины, которую и помѣщаю здѣсь, чтобы дать читателю представленіе о ея костюмѣ» (стр. 49). И дѣйствительно фотографію эту мы находимъ въ книжкѣ и любуемся ею. Другія картинки, очевидно, совершенно того же характера, слѣдовательно сдѣланы съ фотографій, найденныхъ путешественникомъ въ Солунѣ же и другихъ мѣстахъ.

Нельзя также не познакомиться и съ полемическими пріемами г. С. Гопчевича.

Разсказавши, какъ «сербское ученое общество» въ Бѣлградѣ не хотѣло напечатать собранныя М. Милоевичемъ народныя пѣсни подъ названіемъ сербскихъ, не считая ихъ таковыми, онъ продолжаетъ:

«Читатель, вѣроятно, съ трудомъ вѣритъ написанному. Или тѣ члены «ученаго общества», которые тогда противодѣйствовали, были подкуплены болгарами, или были болгарофилами (такъ называемыми славянофилами), или же были совершенными дураками! Третьяго вывода здѣсь не можетъ быть!» (стр. 230).

А на другой страницѣ въ сноскѣ читаемъ слѣдующее по поводу его же путешествія по Старой Сербіи и Македоніи:

«Сочиненія Милоевича отличаются замѣчательной правдивостью и составляютъ богатый источникъ для сербской исторіи и для изслѣдованія сербскихъ древностей. Но, къ сожалѣнію, авторъ — не литераторъ, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы нашелся охотникъ дочитать до конца и понять сочиненія Милоевича. Автору незнакомы никакія правила. Въ цѣломъ его произведеніи нѣтъ абзацевъ («новой строки»), въ немъ чередуются или смѣшиваются безъ перерыва самыя рѣзкія противоположности, періоды безконечно длинны. Нѣтъ ни стиля, ни соотвѣтствующаго содержанію оглавленія; однимъ словомъ, читающій долженъ имѣть громадное терпѣніе, чтобы одолѣть, и особенный навыкъ и ловкость, чтобы понять прочитанное» (стр. 231).

Подчеркнуто нами; и больше нечего сказать о сочиненіи г. С. Гопчевича.

Z.

С. А. Рачинскій. Татевскій сборникъ. Спб. 1899.

«Во всякомъ деревенскомъ домѣ, издавна и постоянно обитаемомъ людьми, не чуждыми интересамъ умственнымъ и художественнымъ»,—говоритъ въ предисловіи составитель сборника,—«накопляется множество разнообразныхъ памятниковъ ближайшей и болѣе отдаленной старины—писемъ, семейныхъ записей, автографовъ, рисунковъ, летучихъ стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ, почему либо въ свое время не попавшихъ въ печать. Все это для постороннихъ имѣетъ мало цѣны, но нерѣдко среди этого лишь для семьи интереснаго хлама встрѣчаются вещи и для постороннихъ людей драгоцѣнныя». Нѣкоторыми изъ такихъ интересныхъ реликвій, хранящихся въ старинномъ домѣ села Татева, гдѣ безвыѣздно живетъ С. А. Рачинскій, ему и вздумалось подѣлиться съ публикой.

Большая часть сборника составлена изъ бумагъ и переписки И. В. Кирѣевскаго съ разными лицами, особенно съ Баратынскимъ. Любопытны отзывы послѣдняго о только что появившемся Евгеніи Онѣгинѣ. «Характеры его (Пушкина) блѣдны,—пишетъ Баратынскій Кирѣевскому,—Онѣгинъ развитъ, не глубоко. Татьяна не имѣетъ особенностей. Ленскій ничтоженъ. Мѣстныя описанія прекрасны, но только тамъ, гдѣ чистая пластика. Нѣтъ ничего такого, что бы рѣшительно характеризовало нашъ русскій бытъ».

Кромѣ писемъ, въ сборникѣ помѣщены 2 неизвѣстныхъ дѣтскихъ стихотворенія Баратынскаго, интересныя воспоминанія о К. К. Павловой, неизданное стихотвореніе Фета, нѣсколько писемъ Жуковскаго къ Зейдлицу, къ Кирѣевскому и кн. Д. В. Голицыну съ ходатайствомъ за издателя только что закрытаго «Европейца». Почти треть сборника занята неоконченной повѣстью гр. Е. В. Саліаса подъ названіемъ «Раздѣлъ».

Къ сборнику приложенъ портретъ Хомякова, рисованный карандашемъ Э. Д. Дмитріевымъ-Мамоновымъ. —въ.

Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Книга I. Владиміръ. 1899 г.

Съ величайшимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ первый выпускъ «Трудовъ» Владимірской архивной комиссіи: крайне интересный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне разнообразный по своему содержанію, превосходно изданный, снабженный многими весьма отчетливо исполненными рисунками, онъ оставляетъ у читателя самое благопріятное впечатлѣніе. Выпускъ распадается на три отдѣла: a) сообщенія, b) матеріалы и c) хроника.

Изъ статей, вошедшихъ въ первый отдѣлъ, особенно обращаютъ на себя вниманіе двѣ: «Св. Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій», принадлежащая почетному члену комиссіи архіепископу владимірскому Сергію (стр. 1—30), и «Житіе пр. Ефросиніи Суздальской, съ миніатюрами, по списку XVII в.», изданное членомъ комиссіи В. Т. Георгіевскимъ и снабженное имъ предисловіемъ, примѣчаніями и описаніемъ миніатюръ (стр. 73—172). Являясь уже не первымъ изданіемъ житія пр. Евфросиніи (изданіе общ. люб. древн. письменн.), памятникъ, опубликованный нынѣ г. Георгіевскимъ, замѣчателенъ миніатюрами, отличающимися изяществомъ и тонкостью своего выполненія. Общее число ихъ въ рукописи 57, издано же—15, прекрасно переданныхъ фотоцинкографическимъ способомъ; на миніатюрахъ, между прочимъ, изображены различныя историческія событія, имѣвшія отношеніе къ житію преподобной, какъ напримѣръ, взятіе татарами Владиміра и Суздаля, битва на р. Сити и друг.

Отдѣлъ «матеріаловъ» занятъ частью «описи дѣлъ архива Владимірскаго губернскаго правленія», составляемой товарищемъ предсѣдателя комиссіи А. В. Селивановымъ. Опись ведется весьма подробно; это можно видѣть изъ того, что на 48 стр. «матеріаловъ» описано всего 25 дѣлъ, т.-е. среднимъ числомъ на каждое дѣло приходится почти по двѣ страницы. Поэтому трудъ г. Селиванова можно считать скорѣе «описаніемъ», чѣмъ «описью» дѣлъ архива. Среди описанныхъ документовъ есть нѣсколько любопытныхъ дѣлъ о крестьянскихъ волненіяхъ въ 1797 году (дѣла №№ 18—20, 22—25).

Въ «Хроникѣ» помѣщенъ, среди другихъ замѣтокъ, отрывокъ реферата академика Н. П. Кондакова въ обществѣ любителей древней письменности—«о научныхъ задачахъ исторіи древне-русскаго искусства», касающійся памятниковъ Владиміро-Суздальской области—знаменитыхъ соборовъ Дмитріевскаго во Владимірѣ и Георгіевскаго въ Юрьевѣ Польскомъ (стр. 3—26). Текстъ отрывка иллюстрированъ 7 превосходными снимками съ барельефовъ, украшающихъ стѣны соборовъ.

Нами отмѣчено только въ книгѣ самое интересное. Не лишены значенія, конечно, и остальныя статьи, хотя не въ такой мѣрѣ, какъ указанныя.

Если послѣдующіе выпуски «Трудовъ» Владимірской архивной комиссіи будутъ также интересны по своему составу и превосходны по внѣшности, какъ настоящій, то, безъ сомнѣнія, они займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди провинціальныхъ историко-археологическихъ изданій.

В. В—въ.

Г. В. Гиббинсъ. Очеркъ исторіи англійской торговли и колоній. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899.

Эта книга, по словамъ автора, выпущена для пополненія пробѣловъ въ его сочиненіи: «Промышленная исторія» Англіи; въ ней онъ касается тѣхъ вопросовъ, которые были имъ раньше или «вовсе опущены, или только вскользь упомянуты». «Очеркъ» предназначается главнымъ образомъ для «высшихъ школъ и колледжей, въ курсахъ которыхъ обращено нѣкоторое вниманіе, помимо политической, и на экономическую исторію». Г. Гиббинсомъ прослѣжена шагъ за шагомъ исторія постепеннаго развитія торговли Англіи, которая создалась главнымъ образомъ впродолженіе двухъ столѣтій XVII и XVIII. Меркантильная система торговли замѣняется въ XVII вѣкѣ системой торговыхъ монополій, за которой наступаетъ въ 1815 г. эра свободной торговли, давшей блестящіе результаты, когда англійская торговля достигаетъ колоссальнаго прогресса въ своемъ развитіи. Въ 1820 г. цифра ввоза и вывоза достигала до 761.000.000 руб.,; въ 1890 же году доходитъ до 7.190 милліоновъ рублей.

Попутно въ книгѣ г. Гиббинса сообщаются въ сжатомъ видѣ черты и факты изъ исторіи Англіи, имѣющіе такъ или иначе отношеніе къ развитію промышленности и торговли страны, такъ, напримѣръ, финансовыя затрудненія Англіи, повлекшія за собой борьбу между королемъ и парламентомъ. Много мѣста удѣлено авторомъ на ростъ колоніальныхъ владѣній Англіи и на Индію. Между прочимъ, г. Гиббинсъ высказываетъ мнѣніе, что принятый нынѣшнимъ президентомъ Макъ-Кинлеемъ протекціонный тарифъ имѣлъ подавляющее вліяніе на многія изъ отраслей англійской промышленности, а также, что цѣлый рядъ коммерческихъ кризисовъ, повторявшихся черезъ регулярные промежутки въ теченіе всего XIX столѣтія, доказываетъ, что современная система англійской внутренней и внѣшней торговли покоится на шаткихъ основаніяхъ. Несмотря на это, авторъ неоднократно отмѣчаетъ лестный для національной гордости фактъ, что Англія каждый разъ выходила побѣдительницей изъ всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и продолжала шествовать по пути развитія торговаго могущества. Въ концѣ книги для справокъ приложенъ списокъ англійскихъ владѣній и колоній съ указаніемъ времени и способа ихъ пріобрѣтенія и ихъ торговыхъ продуктовъ.

Д. Е—въ.

Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Часть 4-ая. М. 1899.

О предыдущихъ выпускахъ этого изданія мы имѣли уже случай говорить, указывая на важное ихъ историческое значеніе. Точно также немало цѣннаго и любопытнаго матеріала для исторіи 1812 года заключаетъ и настоящая четвертая часть. Болѣе крупными и содержательными въ ней слѣдуетъ признать: 1) «копію съ дѣла о московскомъ купцѣ И. Г. Позняковѣ», вступившемъ въ сношенія съ французами (здѣсь сообщаются подробности бытового характера изъ жизни московскихъ торговыхъ людей и нѣкоторыя типи-

ческія черты тогдашняго судопроизводства); 2) «тетрадь» священника московскаго Успенскаго собора І. С. Божанова, сообщающаго, нерѣдко въ стихотворной формѣ, о видѣнномъ и испытанномъ имъ во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ; 3) копія съ дѣла о М. Н. Верещагинѣ; 4) копія съ дѣла о возмущеніи и грабежѣ, произведенныхъ ратниками ополченія въ г. Инсарѣ, 1812 г.; 5) вѣдомости перваго и второго отдѣленій о числѣ жителей въ Москвѣ за 1811 г.; 6) статистическая таблица о состояніи Москвы, 20 января 1812 г., изъ которой видно, что въ Москвѣ въ 1811 г. было 329 церквей, 24 монастыря, 9.151 домъ (изъ нихъ каменныхъ—2.567), 464 фабрики и завода, 20 аптекъ, 14 типографій, 1 университетъ, 3 академіи, 1 гимназія, 24 пансіона, 22 школы и 157.152 жителя мужскаго пола и 113.032—женскаго; 7) пять писемъ, подписанныхъ императрицей Маріей Ѳедоровной, отъ 4, 16 и 24 февраля и отъ 22 и 31 марта 1813 г., къ генералу А. М. Римскому-Корсакову, по поводу плѣнныхъ нѣмецкихъ офицеровъ; 8) копіи съ предписаній ген. Тормасова «о строеніи» Москвы; 9) отрывки изъ переписки по Кругдянскому имѣнію графа М. С. Воронцова, 1813 г.; 10) воспоминаніе о 1812 г. нѣкоего Н. И. Т—ва, и нѣкот. друг.

В. Р—въ.

Denkmünzen auf Personen, die in den Ostseeprovinzen geboren sind oder gewirkt haben. Herausgegeben von J. Iversen. St.-Petersburg u. Leipzig. 1899.

Почтенный изслѣдователь русскихъ медалей Юлій Богдановичъ Иверсенъ, знакомый читателямъ «Историческаго Вѣстника» по своей работѣ о сатирическихъ медаляхъ на Сѣверную войну («Историческій Вѣстникъ», 1890, № 11), слѣдующимъ образомъ объясняетъ назначеніе новаго труда своего, заглавіе котораго нами приведено выше:

«Большое количество медалей, описанныхъ мною ранѣе въ сочиненіи «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей», чеканены на имя лицъ, которыя родомъ изъ Остзейскихъ губерній, но дѣйствовали уже послѣ подчиненія этого края русскому скипетру. Однако, эти провинціи и раньше имѣли свою исторію и мужей, коихъ друзья, современники или потомство чеканили въ ихъ честь медали. Этимъ медалямъ и посвященъ настоящій трудъ. Если я включилъ въ него, въ порядкѣ алфавита, и описанныя уже медали и нѣкоторые жетоны, то это мною сдѣлано лишь для того, чтобы округлить сочиненіе и придать ему цѣлостность».

Новый трудъ Ю. Б. Иверсена дастъ въ своемъ текстѣ сто шестьдесятъ шесть короткихъ біографій остзейцевъ и другихъ лицъ, близкихъ Прибалтійскому краю, въ честь которыхъ были отчеканены медали. Каждая біографія сопровождается краткими указаніями на литературу о данномъ лицѣ или на архивныя дѣла, изъ которыхъ извлечены свѣдѣнія о немъ. За біографіею, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, слѣдуетъ описаніе медалей или жетоновъ въ честь того или другого дѣятеля, съ указаніемъ на то, была ли уже медаль описана. Алфавитный списокъ медальеровъ, приложенный въ концѣ текста,

сообщаетъ даты рожденія и смерти художниковъ и объясняетъ сокращенія и иниціалы, встрѣчающіеся на медаляхъ и жетонахъ. Таблицъ къ новой книгѣ Ю. Б. Иверсена приложено двадцать девять; на каждой изъ нихъ имѣется отъ 4 до 10 медалей, воспроизведенныхъ литографскимъ способомъ. Мы увѣрены, что книга Ю. Б. Иверсена найдетъ вполнѣ сочувственный пріемъ не только въ Остзейскомъ краѣ, но и въ болѣе обширныхъ кругахъ публики, интересующейся медальернымъ искусствомъ. Между перечисленными въ книгѣ лицами, «родившимися или дѣйствовавшими въ Остзейскомъ краѣ», не мало дѣятелей, игравшихъ видную роль въ русской исторіи. Отмѣтимъ изъ дѣятелей XVIII в.: графа М. С. Апраксина, герцоговъ Бироновъ, графа Миниха и др., изъ дѣятелей XIX в.: графа В. Ѳ. Адлерберга, князя М. Б. Барклая-де-Толли, графа Ѳ. Ѳ. Берга, Е. Ѳ. Брадке, графа И. И. Дибича-Забалканскаго, Л. П. и Ѳ. Л. Гейденовъ, А. А. Котляревскаго, И. Ѳ. Крузенштерна, Ѳ. П. Литке, В. Я. и О. В. Струве, графа А. А. Суворова, графа Э. И. Тотлебена, графа К. Ѳ. Толля и др.

Съ внѣшней стороны книга издана вполнѣ удовлетворительно; медали воспроизведены очень отчетливо. Цѣна (10 рублей), конечно, разсчитана на любителей. Слѣдуетъ замѣтить, что хотя на обложкѣ и значится: «С.-Петербургъ и Лейпцигъ», однако книга цензурована и печатана въ Юрьевѣ; таблицы изготовлены въ одной изъ петербургскихъ литографій.

А. М. Ловягинъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Древній Римъ.—Италія при франкахъ и въ средніе вѣка.—Происхожденіе Лондонскаго муниципалитета.—Возстанія крестьянъ въ Англіи и Германіи.—Былъ ли Петрарка вѣренъ Лаурѣ.—Окончаніе юбилея Кромвеля и новая его біографія.—Возстановленіе католицизма во времена консульства.—Столѣтняя годовщина смерти Вашингтона.—Клеберъ на службѣ у Австріи.—Послѣдніе годы генерала Моро.—Иностранцы о Россіи.—О президентѣ Крюгерѣ.—Смерть Морица Буша, Гранта Аллена, Софіи Торма, леди Сольсбери, баронессы Леветцовъ.

РЕВНІЙ РИМЪ. Въ осеннемъ общемъ собраніи пяти французскихъ академій, делегатъ академіи надписей и изящной литературы, патеръ Генри Тедена, прочелъ блестящій этюдъ о римскомъ форумѣ и недавнихъ раскопкахъ. Современный туристъ, по его словамъ, въ первую минуту смотритъ съ печалью на остатки этого знаменитѣйшаго уголка древняго Рима, но вскорѣ въ памяти его возстаютъ всѣ, связанныя съ нимъ, историческія событія, и эти развалины принимаютъ въ его глазахъ священный характеръ. Затѣмъ онъ начинаетъ медленно осматривать одинъ за другимъ всѣ остатки старины: храмъ «Согласія», воздвигнутый Камилломъ, храмы Веспасіана и Тита, портикъ двѣнадцати высшихъ языческихъ божествъ, возстановленный Агоріемъ Претекстатіемъ, храмъ Сатурна, трибуну Цезаря, гдѣ была выставлена голова Цицерона и арку Септимія Севера. Всѣ эти памятники древняго Рима находятся у подножія Капитолія. Со стороны Палатинскаго холма виднѣются остатки базилики Юліи, выстроенной Цезаремъ и Августомъ, трехколоннаго храма, означающаго то мѣсто, гдѣ Касторъ и Полуксъ объявили римлянамъ о побѣдѣ при Регильскомъ озерѣ, храма Весты, гдѣ двѣ тысячи лѣтъ горѣлъ священный огонь, символъ вѣчнаго господства Рима, и дома, въ которомъ жили шесть дѣвственныхъ весталокъ. Болѣе къ востоку находились Регія, жилище верховнаго жреца, основанное вторымъ римскимъ царемъ Нумой Помпиліемъ,

и храмы Антонина и Октавія, наконецъ тріумфальная арка Августа. Выйдя изъ предѣловъ Форума, туристъ осматриваетъ съ восхищеніемъ бронзовыя ворота базилики Константина и, возвратившись назадъ съ сѣвера, невольно сожалѣетъ, что еще не отрыты базилика Эмилія, храмъ Януса, Комиціи и древнія Куріи. Въ его воображеніи эта пустынная мѣстность оживляется прежней пламенной жизнью: онъ видитъ передъ собою борьбу плебеевъ за свободу, слышитъ рѣчи Цицерона и Гортензія, присутствуетъ при бурныхъ засѣданіяхъ сената, національныхъ празднествахъ, торжественныхъ похоронахъ, религіозныхъ процессіяхъ, пышныхъ тріумфахъ, народныхъ играхъ и т. д. Древняя жизнь со всѣми ея разнообразными фазами такъ всецѣло овладѣваетъ его умомъ, что онъ возвращается къ современной дѣйствительности, только увидавъ электрическую конку, проходящую мимо храмовъ Сатурна и Веспасіана. Вотъ въ какомъ видѣ является римскій форумъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ, благодаря археологическимъ раскопкамъ, которыя производятся по иниціативѣ итальянскаго министра народнаго просвѣщенія, Баччели, и подъ руководствомъ архитектора Бонни. Описавъ замѣчательнѣйшія изъ новѣйшихъ археологическихъ находокъ въ храмѣ Весты, въ предполагаемой гробницѣ Ромула, въ Регіи и въ храмѣ Цезаря, патеръ Тедена окончилъ свою любопытную рѣчь указаніемъ на то, что въ настоящее время идутъ дѣятельныя раскопки базилики Эмилія, одного изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ Рима, и что въ будущемъ Баччели намѣренъ продолжать эти раскопки на сѣверной сторонѣ форума до церкви св. Адріана. Постоянныя извѣстія объ этихъ археологическихъ трудахъ сообщаетъ итальянскій ученый Радольфо Ланчіани въ англійской газетѣ «Atheneum». Изъ послѣднихъ его писемъ видно, что, несмотря на всю спѣшность работъ, базилика Эмилія еще не отрыта такъ глубоко: она скрыта подъ многочисленными наслоеніями земли, но, благодаря раскопкамъ въ другихъ мѣстахъ форума, почти ежедневно происходятъ драгоцѣнныя находки. Такъ недавно открыта обезглавленная статуя одной изъ весталокъ, вѣроятно, перешедшей въ христіанскую вѣру, а надняхъ найдено въ остаткахъ древняго водопровода громадное количество римскихъ монетъ временъ имперіи. Несмотря на блестящіе результаты археологическихъ работъ, въ Римѣ находятся критики, которые одинаково возстаютъ за производство ихъ на правительство и археологовъ. Въ этомъ духѣ написана, надѣлавшая много шума въ ученомъ мірѣ, брошюра, подписанная псевдонимомъ Полифило и озаглавленная «Римъ конца вѣка» [1]). Неизвѣстный авторъ доказываетъ, что не только въ настоящее время, но уже тридцать лѣтъ римскіе археологи дѣлаютъ только глупости, такъ какъ раскопки производятся не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, драгоцѣнные остатки старины не откапываются, чтобы не повредить современнымъ церквамъ, а то, что вырывается изъ нѣдръ земли, не представляетъ ничего интереснаго.

Литература древняго міра обогатилась двумя трудами. Итальянскій профессоръ Паисъ выпустилъ вторую часть перваго тома своей «Исторіи древняго Рима» [2]), а англичанинъ Тэйлоръ напечаталъ «Конституціонную и политиче-

---

1) Roma finis secoli di Polifila. Roma. 1899.

2) Storia di Roma. Di Ellore Pais. Vol. 1, parte II. Critica della Tradizione dalla Caduta del Decemvirato all'Intervento di Pirro. Torino. 1899.

скую исторію Рима съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Домиціана [1]). Ученый авторъ первой книги продолжаетъ свое добросовѣстное изслѣдованіе римской исторіи въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Такъ вторая часть I тома заключаетъ въ себѣ только эпоху отъ Децемвировъ до нашествія Пирра. Мало этого, онъ еще заявляетъ, что въ видѣ добавленія къ 1-му тому онъ напечатаетъ особую книгу объ источникахъ и хронологіи древней римской исторіи. Задавшись цѣлью доказать, что римская исторія началась только въ первой половинѣ V вѣка до Р. Х., профессоръ Пансъ относится съ самой строгой критикой къ древним событіямъ исторіи Рима и, вполнѣ отвергая ихъ, доказываетъ, что это греческая подделка, основанная частью на греческихъ и частью на римскихъ матеріалахъ. Всѣ классическія легенды безжалостно имъ опровергаются, и онъ признаетъ историческими только тѣ факты, которые вполнѣ подтверждены безспорными доказательствами. Конечно, подобный трудъ не можетъ интересовать общихъ читателей, но имѣетъ серіозное значеніе для спеціалистовъ. Напротивъ, книга Тейлора служитъ полезнымъ пособіемъ для всякаго, кто желаетъ познакомиться съ римскими учрежденіями и политической исторіей Рима. Кратко, но основательно, авторъ знакомитъ не только съ предметомъ своего изслѣдованія, но представляетъ сводъ всего, что было ранѣе написано по всѣмъ разсматриваемымъ имъ вопросамъ, и освѣщаетъ ихъ своими собственными, чрезвычайно логичными взглядами. Надо еще отдать справедливость Тейлору, что онъ умѣло избѣгаетъ сухого, скучнаго изложенія, что̀ такъ часто портитъ подобные почтенные труды.

— Италія при франкахъ и въ средніе вѣка. Англійскій историкъ Томасъ Годжкинъ окончилъ свой двадцати-пятилѣтній громадный трудъ въ восьми томахъ «Италія и ея завоеватели» [2]). Квакеръ и банкиръ, онъ посвятилъ всю свою жизнь на это ученое изслѣдованіе, которое его ставитъ рядомъ съ Гиббономъ. Послѣдніе два тома заключаютъ въ себѣ подробное изложеніе завоеваній Италіи франками. Самыя интересныя въ нихъ главы относятся до императора Константина и Карла Великаго. Относительно перваго Годжкинъ опровергаетъ фактами легендарную исторію крещенія императора Константина и дарственной, написанной будто бы имъ въ пользу папы Сильвестра. Въ сущности Константинъ былъ обращенъ въ христіанство аріанскимъ епископомъ изъ Никеи на смертномъ одрѣ, а не въ Римѣ, и не вслѣдствіе того, что онъ видѣлъ во снѣ св. Петра и Павла, излѣчившихъ его отъ проказы, которою онъ страдалъ. Вслѣдствіе этого чуда Константинъ, по словамъ легенды, сталъ строить церковь св. Петра въ Римѣ и рѣшилъ перейти въ христіанскую вѣру, но, узнавъ объ этомъ, двѣнадцать еврейскихъ раввиновъ явились къ нему и стали уговаривать его принять іудейство. Тогда папа Сильвестръ вызвалъ ихъ на поединокъ, состоявшій въ томъ, кто сдѣлаетъ бо̀льшее чудо передъ императоромъ. Для этого привели вола: одинъ изъ раввиновъ произнесъ какое-то слово на ухо волу, и тотъ упалъ мертвымъ; въ свою очередь къ волу подошелъ папа

[1]) A constitutional and political History of Rome, from the Earliest Times to the Reign of Domitian. By T. Taylor. London. 1899.

[2]) «Italy and Her Invaders». Vols VII and VIII. The Frankish Invaders. By Thomas Hodgkin. London. 1899.

и тоже ему что-то шепнулъ. Волъ вскочилъ живой. Такимъ образомъ, по словамъ легенды, восторжествовало христіанство, и Константинъ не только крестился, но написалъ на имя Сильвестра дарственную, въ которой онъ отдавалъ въ даръ папѣ и его наслѣдникамъ свой дворецъ, городъ Римъ, всѣ провинціи, мѣста и города Италіи, а также западной области. Годжкинъ доказываетъ фактически ложность этой легенды и дарственной, которая, по его словамъ, составлена, по всей вѣроятности, въ VIII вѣкѣ. Только въ XI вѣкѣ папы стали основывать на этомъ болѣе чѣмъ странномъ документѣ, свои верховныя права на Италію, святую римскую имперію и весь свѣтъ. Но въ эпоху возрожденія окончательно была доказана его ложность Лаврентіемъ Валла въ его «Declamatio», а въ настоящее время даже самые ярые католики избѣгаютъ ссылаться на такой подозрительный документъ. Дворъ Карла Великаго въ Ахенѣ представлялъ блестящій умственный оазисъ среди мрачнаго невѣжественнаго вѣка, и Годжкинъ рисуетъ рельефно его картину. Самъ Карлъ, несмотря на многія чисто варварскія стороны его характера, глубоко уважалъ ученыхъ. Онъ молился по-латыни и понималъ, хотя не могъ читать, по-гречески. Во время обѣда ему всегда громко читали «Градъ Божій» или какое нибудь другое сочиненіе св. Августина. По ночамъ, страдая безсонницей, онъ учился писать, но никогда не достигъ въ этомъ успѣха. Онъ составилъ сборникъ національныхъ балладъ, но сынъ его Людовикъ Набожный потерялъ это драгоцѣнное наслѣдіе, и по остроумному замѣчанію Годжкина, «ему можно скорѣе простить потерю имперіи, основанную отцомъ, чѣмъ потерю этого сборника». Научными украшеніями двора Карла Великаго были Алькуинъ, Павелъ Дьяконъ, Теодульфъ, Петръ Пизанецъ и Ангильберъ, настоятель монастыря въ Сенъ-Рикье. Весь трудъ Годжкина обнимаетъ 500 лѣтъ, которыя служили переходомъ между двумя великими организаціями въ Европѣ: Римской имперіей и папскимъ Римомъ.

Исторіи Рима и папъ въ средніе вѣка посвященъ обширный трудъ на нѣмецкомъ языкѣ іезуитскаго пастора Гризара [1]). Онъ выходитъ выпусками, и недавно появившіеся четвертый и пятый выпуски заключаютъ въ себѣ первоначальную исторію папъ до паденія римской имперіи. Къ чести іезуитскаго патера надо сказать, что онъ критически относится къ легендамъ о пребываніи св. Петра въ Мамертинской тюрьмѣ, о свиданіи папы св. Льва съ Аттилой и т. д.

— Происхожденіе лондонскаго муниципалитета. Всѣмъ извѣстно, что первый лондонскій мэръ упоминается въ исторіи въ 1193 году, но какимъ образомъ онъ появился во главѣ лондонскаго городского управленія, и какъ возникло это городское управленіе, составляло до сихъ поръ загадку. По словамъ одного изъ самыхъ авторитетныхъ знатоковъ древняго Лондона, сэра Вальтера Безанта, который много писалъ объ этомъ предметѣ въ свободные часы своей романистской дѣятельности,—новая книга «Лондонская община» Д. Раунда впервые представляетъ разумную теорію для разрѣшенія трудныхъ вопро-

[1]) Geschichte Roms und der Papste im Mittelalter, von P. Grisar. Freiburg. 1899. 4—5.

совъ, возбуждаемыхъ исторіей возникновенія лондонскаго муниципалитета [1]). Хотя, собственно, древней лондонской общинѣ посвящена только одна статья въ книгѣ Раунда, которая представляетъ сборникъ статей о различныхъ вопросахъ въ первобытной исторіи Англіи, но эти немногія страницы бросаютъ новый свѣтъ на темный и мало извѣстный до сихъ поръ эпизодъ исторіи Лондона. Въ XII столѣтіи во всей Европѣ произошло движеніе въ пользу муниципальной свободы, и оно отразилось на Англіи. Въ 1141 году, граждане Лондона образовали «Conjuratio», т.-е. присяжную общину, и оксфордскій епископъ говоритъ, что «тогдашнее городское управленіе въ англійской столицѣ отличалось муниципальнымъ единствомъ, что̀ дозволяетъ заключить о преобладаніи общинной идеи, какъ основы гражданской организаціи». Но континентальныя городскія общины имѣли главу, называвшагося—мэромъ, а потому и лондонцы хотѣли дополнить такимъ же образомъ свое муниципальное устройство, но имъ пришлось долго ждать. Они тѣмъ болѣе были этимъ недовольны, что англосаксонская система приходовъ и сотенъ, пригодная для сельскихъ округовъ, не дѣйствовала успѣшно въ городахъ, и, кромѣ того, Лондонъ былъ тогда въ близкихъ отношеніяхъ съ Руаномъ, такъ какъ оба они были столицами англо-нормандскаго королевства, а въ Руанѣ существовало полное муниципальное устройство съ мэромъ во главѣ. Естественно поэтому, что Лондонъ желалъ управляться такъ же, какъ Руанъ. Однако ему пришлось этого добиться только въ 1191 году, когда, благодаря борьбѣ между братомъ короля Іоанномъ и представителемъ короля Лонгшаномъ, на долю Лондона выпалъ рѣшающій голосъ. Лондонскіе граждане воспользовались этимъ случаемъ и объявили, что поддержатъ короля въ лицѣ его брата, если онъ подъ клятвой утвердитъ ихъ городскую общину. Тогдашніе лѣтописцы описываютъ въ яркихъ краскахъ, какъ граждане, ночью, съ фонарями и факелами привѣтствовали въѣздъ Іоанна въ Лондонъ, а на другой день, 8-го октября, собрались подъ звуки колокола въ церкви св. Павла, чтобы выслушать присягу, принятую Іоанномъ въ вѣрномъ сохраненіи ихъ общины. Такимъ образомъ была установлена лондонская община, но хотя до сихъ поръ лордъ-мэръ выбирается 8-го октября въ память того дня, когда было подтверждено королевской властью существованіе муниципалитета, о лондонскомъ мэрѣ ничего неизвѣстно до 1193 года. Къ этому времени относится замѣчательная находка, сдѣланная Раундомъ въ Британскомъ музеѣ, подлиннаго документа присяги вѣрности лондонской общины въ царствованіе Ричарда I. Этотъ драгоцѣнный актъ, написанный по-латыни, не только обнаруживаетъ, въ чемъ заключалась присяга членовъ общины, но и доказываетъ, что тогда община существовала въ полномъ составѣ, какъ въ городѣ Руанѣ съ мэромъ, шерифами и «другими честными людьми», т.-е. совѣтниками. Раунду удалось еще найти въ томъ же британскомъ музеѣ второй документъ, подтверждающій первый. Это присяга двадцатичетырехъ въ царствованіе Іоанна. Означенный документъ помѣченъ 1203 годомъ и, по словамъ Раунда, изъ упоминаемыхъ имъ двадцатичетырехъ помощниковъ, двѣнадцать были шерифы, или, какъ тогда они назывались, «Skebenis», и двѣнадцать совѣтниковъ; замѣчательно,

[1]) The Commune of London and Other Studies, by J. Round. London. 1899.

что латинская присяга, принимаемая членами лондонской общины 700 лѣтъ тому назадъ, почти та же, которую принималъ въ прошедшемъ году лордъ Китченеръ, пожалованный Лондономъ за его суданскія побѣды въ почетные граждане столицы. Какъ они, такъ и онъ, одинаково клялись въ преданности государю, въ повиновеніи мэру и въ сохраненіи королевскаго мира. Хотя статья Раунда о лондонской общинѣ, изложенная на 40 страницахъ, не представляетъ историческаго труда, но она вноситъ драгоцѣнный вкладъ въ первобытную исторію Лондона и если, по словамъ одного изъ англійскихъ критиковъ, «судьбѣ будетъ угодно, чтобы когда нибудь безпозвоночная исторія величайшаго города въ свѣтѣ обнаружила основной позвоночный хребетъ, то имя Раунда будетъ помянуто съ благодарностью».

— Возстанія крестьянъ въ Англіи и Германіи. Хотя многіе историки Англіи говорили о знаменитомъ реформаторѣ XIV столѣтія Виклиффѣ и его послѣдователяхъ лолардахъ, но до сихъ поръ не было посвящено ни одного самостоятельнаго сочиненія на англійскомъ языкѣ исторіи этого духовнаго и политическаго движенія отъ Виклифа до крестьянскаго возстанія и конечнаго превращенія лолардовъ въ пуританъ въ Англіи и ковенантеровъ въ Шотландіи. Въ настоящее время Д. Тревильянъ и Е. Повель пополнили этотъ пробѣлъ въ двухъ отдѣльныхъ книгахъ. Первая составляетъ результатъ ихъ общихъ историческихъ изысканій, но написана однимъ Тревильяномъ подъ заглавіемъ «Англія въ эпоху Виклиффа [1]), а вторая представляетъ сборникъ новыхъ документовъ о возстаніи крестьянъ и лолардахъ, изданный обоими авторами [2]). Такимъ образомъ мы имѣемъ рядомъ невѣдомые до сихъ поръ историческіе матеріалы и основанный на нихъ живой, рельефный разсказъ, нѣкоторыя главы котораго по своему блестящему изложенію напоминаютъ, что авторъ недаромъ внукъ Маколея и сынъ сэра Джорджа Тревильяна, автора многихъ почтенныхъ историческихъ трудовъ. Центральнымъ предметомъ его монографіи служитъ не Виклиффъ, а возстаніе крестьянъ. Достойная фигура духовнаго реформатора и энергичнаго противника папства проходитъ чрезъ всю рисуемую имъ картину, но не она, а борьба рабовъ за свободу въ 1381 году сосредоточиваетъ на себѣ главнымъ образомъ вниманіе читателей. Въ происхожденіи этого христіанско-демократическаго движенія болѣе 500 лѣтъ тому назадъ много еще остается темнаго. Тревильянъ не признаетъ извѣстной легенды о томъ, что Уатъ Тайлеръ возбудилъ возстаніе для того, чтобы отомстить за оскорбленіе, нанесенное его дочери, такъ какъ не существуетъ никакихъ современныхъ доказательствъ, подтверждающихъ этотъ фактъ. Онъ основанъ только на словахъ одного изъ лѣтописцевъ временъ королевы Елисаветы, по имени Стоэ, но онъ относитъ свой разсказъ къ какому-то Джону Тайлеру, а лишь впослѣдствіи героемъ его сдѣлали знаменитаго Уата. «Причины возстанія крестьянъ были разнообразны, — замѣчаетъ Тревильянъ, — въ каждомъ графствѣ возставшіе крестьяне отстаивали свои не одинаковыя, но одинаково нарушенныя сильными

---

1) England in the age of Wicliffe, by Trevelyan. London. 1899.

2) The peasants rising and the Lollards a collection of unpublishd documents forming an appendix to «England in the age off Wicliffe, edited by E. Powell and D. Trevelyan. London. 1899.

міра сего права. Защищаемое ими дѣло было справедливое, а если оно было обрызгано кровью и омрачено насиліями, то подобныя возстанія въ другихъ странахъ были гораздо кровавѣе и жестокосерднѣе. Это движеніе было признакомъ существованія національной энергіи, независимости и самоуваженія въ средневѣковыхъ англійскихъ крестьянахъ, которые были предками трехчетвертей теперешней англійской расы всѣхъ классовъ и общественныхъ положеній. Неменьшимъ интересомъ отличается и глава, посвященная Тревильяномъ описанію религіознаго положенія Англіи въ эпоху Виклиффа. Рисуемая имъ картина поражаетъ мрачными красками. По словамъ автора, состояніе католической церкви въ то время было самое печальное, и она приносила лишь вредъ странѣ. Онъ даже отвергаетъ пользу отъ столь прославленнаго просвѣщенія монаховъ. «Какими важными литературными трудами обязаны мы монахамъ этого періода?—замѣчаетъ онъ.—Произведенія Чоссера, пахаря Пайерса и Фруассара принадлежатъ не монашескимъ досугамъ. Величайшіе писатели первой эпохи англійской литературы не были монахами. Чоссеръ былъ міряниномъ, Ланглаидъ—писцомъ духовнаго званія, но не монахомъ, а Виклиффъ—студентомъ Оксфордскаго университета. Единственными произведеніями монастырей были лѣтописи, но и онѣ велись по старинной рутинной формѣ, хотя Фруассаръ показалъ новый и лучшій способъ ихъ составленія. То, что говоритъ Тревильянъ о лоллардахъ, кромѣ историческаго значенія, очень любопытное, по тому странному сходству духовныхъ и политическихъ вопросовъ, которые волновали Англію 500 лѣтъ тому назадъ, съ подобными же вопросами, составляющими злобу настоящей минуты. Такъ лолларды въ своей знаменитой петиціи, представленной въ парламентъ, жалуются на многія злоупотребленія тогдашней католической церкви, которыя теперь повторяются въ англиканской церкви и составляютъ въ настоящее время предметъ борьбы между передовыми и отсталыми протестантами. Въ этой же петиціи лолларды горячо протестуютъ противъ войны и приводятъ тѣ же доводы, которые, если не практически, то теоретически восторжествовали, спустя пять вѣковъ, на Гаагской конференціи. Что касается до сборника матеріаловъ, послужившихъ основой къ монографіи Тревильяна, то они отличаются одинаково новизной и глубокимъ интересомъ, но нельзя не пожалѣть, что этимъ неизвѣстнымъ досслѣ документамъ, живо рисующимъ общественное положеніе Англіи при Ричардѣ II, отведено лишь 60 или 70 страницъ, тогда, какъ въ трудѣ Тревильяна ихъ 400. Почти полтораста лѣтъ потребовалось Германіи, чтобы послѣдовать примѣру Англіи, и тамъ крестьянская война, возникшая въ 1525 году, отличалась тѣмъ же духовно-соціальнымъ характеромъ. Подробной и обстоятельной исторіи этого движенія до сихъ поръ также не существовало на англійскомъ языкѣ. Теперь Бельфортъ-Баксъ посвятилъ ей второй томъ своего обширнаго труда о соціальной сторонѣ реформаціи въ Германіи [1]). Относясь очень сочувственно къ этому народному движенію, которое сначала было такъ успѣшно, что заставило многихъ рыцарей принять сторону крестьянъ, а затѣмъ было задушено въ крови, авторъ выставляетъ рядомъ гуманную увѣренность крестьянъ въ ихъ торжествѣ и жесто-

[1]) The peasants war in Germany, by Belfort-Bax. London. 1899.

косердіе ихъ побѣдителей. Соціальная сторона этого движенія ему болѣе симпатична, чѣмъ религіозная, и онъ выражаетъ свое презрѣніе къ теоретичнымъ духовнымъ реформаторамъ Лютеру и Малапкхтону, которые думали только о догматахъ, а не заботились о народной свободѣ, какъ герои крестьянской войны.

— Былъ ли Петрарка вѣренъ Лаурѣ. Какъ извѣстно, романтичныя легенды и трезвая исторія разсказывали до послѣдняго времени, что знаменитый итальянскій поэтъ XIV вѣка Франческо Петрарка любилъ во всю свою жизнь только одну женщину Лауру Садъ и то платонически. Съ нѣкоторыхъ поръ явились критики, которые стали подкапываться подъ эту славу великаго лирика, и если они не могли подвергнуть сомнѣнію платоническую любовь Петрарки къ Лаурѣ, то зато стали упорно отвергать, чтобы онъ любилъ только ее. Первымъ изъ этихъ итальянскихъ критиковъ былъ Местика, который старался доказать въ сочиненіи, посвященномъ этому вопросу, что Петрарка любилъ не болѣе и не менѣе, какъ трехъ женщинъ. Этой теоріи, которая нашла многихъ послѣдователей, можно противопоставить слова самого Петрарки, который прямо говоритъ, что его «canzoniete» написаны въ честь одной женщины, а въ извѣстной канцонѣ, сочиненной два года спустя послѣ смерти Лауры, онъ смѣется надъ Амуромъ, который не можетъ вдохновить его сердце второй любовью. Профессоръ Альфредо Чезарео пошелъ еще далѣе, и, по его мнѣнію, Петрарка уже любилъ не трехъ женщинъ, а безконечное количество и вообще былъ вульгарнымъ искателемъ любовныхъ приключеній. Наконецъ Вальпи превратилъ платоническаго поклонника Лауры въ уличнаго Донъ-Жуана съ подкладкой Тартюфа. По его словамъ, его канцоны были написаны въ честь различныхъ и многочисленныхъ предметовъ его любви, а если онъ посвятилъ огульно ихъ всѣ Лаурѣ, то лишь потому, что онъ тогда уже не былъ молодъ и нашелъ болѣе приличнымъ воспѣвать одну любовь, чѣмъ нѣсколько. Надняхъ Энрико Сикарди [1]), пламенный поклонникъ Петрарки, рѣшился смыть съ памяти своего любимаго поэта ту грязь, которою забросали его пристрастные критики. Въ книгѣ, написанной съ жаромъ и пламенной любовью, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ полнымъ безпристрастіемъ, онъ прежде всего опровергаетъ доказательными доводами съ психологической и филологической точекъ зрѣнія основательность аргументовъ петраркокластовъ. Затѣмъ онъ побѣдоносно указываетъ, что всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о жизни Петрарки вполнѣ противорѣчатъ тому, чтобъ онъ былъ, какъ увѣряютъ критики, легкомысленнымъ Донъ-Жуаномъ. Конечно, безпристрастіе обязываетъ Сикарди признать, что Петрарка иногда не былъ чуждъ земной страсти, что̀ подтверждается его двумя побочными дѣтьми, но эти эпизоды составляли случайные факты нравственнаго паденія геніальнаго поэта, постоянно витавшаго въ возвышенной области платонической любви. Со стыдомъ и раскаяніемъ онъ почти немедленно возвращался съ еще большимъ пыломъ и вѣрностію къ поклоненію Лаурѣ, которая была, какъ утверждаетъ Сикарди, предметомъ его единственной настоящей любви.

---

[1]) Enrico Sicardi—Gli Amori extravaganti etc. de Fraducesco Petrarca. Milano. 1900.

— Окончаніе юбилея Кромвеля и новая его біографія. Хотя трехсотлѣтній юбилей Кромвеля приходился 21 апрѣля прошедшаго года, но его празднованіе достигло своего апогея только 15 ноября. Въ этотъ день открыта колоссальная статуя Кромвеля въ Вестминстерѣ передъ зданіемъ парламента. Это открытіе совершилось фактически, т. е. работники сняли утромъ полотно, прикрывавшее статую, и она впервые явилась передъ глазами лондонцевъ, но при этомъ не было никакого торжества и никакихъ рѣчей. Только вечеромъ состоялся національный митингъ и бывшій либеральный премьеръ, лордъ Розбери, произнесъ рѣчь, въ которой представилъ блестящую характеристику лорда протектора. Но прежде этой характеристики ораторъ разсказалъ въ двухъ словахъ исторію воздвигнутаго памятника. Хотя прошло триста лѣтъ съ рожденія этого величайшаго государственнаго человѣка Англіи, но имя его такъ волнуетъ политическія страсти, что когда возникъ вопросъ поставить въ Лондонѣ статую Кромвелю, который не удостоенъ памятника въ Вестминстерѣ, то возникли пламенныя пререканія между либералами и консерваторами. Послѣднее либеральное министерство обѣщало внести въ парламентъ предложеніе о сооруженіи этой статуи, но это возбудило такую сильную опозицію среди членовъ палаты, что предложеніе было взято назадъ, и одно частное лицо вызвалось поставить памятникъ на свой счетъ. На это либеральное правительство согласилось, и нынѣшній консервативный кабинетъ подтвердилъ это рѣшеніе, несмотря на то, что въ палатѣ лордовъ, большинствомъ шести противъ четырехъ голосовъ, заявленъ протестъ. Такимъ образомъ статуя Кромвеля какъ бы насильно теперь красуется въ Лондонѣ передъ парламентомъ, хотя, по словамъ лорда Розбери, въ самомъ сердцѣ палаты общинъ поставленъ теперешнимъ правительствомъ бюстъ лорда-протектора. «Счастлива та династія, прибавилъ лордъ Розбери которая, твердо полагаясь на конституціонныя гарантіи и преданную любовь подданныхъ, смотритъ безъ страха и неудовольствія на прославленіе цареубійцы». Въ дальнѣйшей своей характеристикѣ Кромвеля ораторъ указалъ, что казнь Карла I не была преднамѣреннымъ актомъ Кромвеля, и что онъ старался послѣдней возможности дѣйствовать за одно съ королемъ и только тогда пошелъ противъ него, когда убѣдился, что Карлъ не хотѣлъ перейти изъ феодальнаго монарха въ конституціоннаго и тѣмъ сдѣлалъ неизбѣжнымъ его удаленіе съ престола. Конечно, по словамъ, лорда Розбери, можно было сдѣлать это болѣе мягкими средствами, и казнь была болѣе чѣмъ преступленіемъ, именно политической ошибкой, но она вызвана была не единичной волей Кромвеля, а силой обстоятельствъ. Что касается до самого лорда протектора, то ораторъ краснорѣчиво очертилъ его образъ, какъ одного изъ величайшихъ полководцевъ въ свѣтѣ, какъ величайшаго правителя Англіи, по выраженію Маколея, величайшаго распространителя могущества Англіи и, наконецъ, какъ одного изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ представителей англійскаго генія.

По случаю юбилея Кромвеля уже вышло много сочиненій, о которыхъ было упомянуто въ «Историческомъ Вѣстникѣ», но наиболѣе замѣчательное изъ нихъ только что началось печатаніемъ въ «Century magazine» съ ноябрьской книжки [1]).

---

[1]) Oliver Cromvell, by JohnMorley. Century magazine. november—december. 1899.

Это обстоятельная и подробная біографія Оливера Кромвеля, составленная Джономъ Морлеемъ, извѣстнымъ своими біографіями Борка и Кобдена, а также своей дружбой съ Гладстономъ и выдающейся политической дѣятельностью. Трудно придумать лучшаго біографа для Кромвеля, какъ Джонъ Морлей, и въ предисловіи къ своему почтенному труду, который будетъ печататься въ американскомъ журналѣ въ теченіе цѣлаго года, онъ прямо указываетъ, какъ вѣрно и безпристрастно онъ смотритъ на своего героя. Искренній радикалъ и защитникъ конституціонной свободы, Морлей не можетъ сочувственно смотрѣть на многія стороны политической дѣятельности великаго пуританина, именно на безцеремонное его обращеніе съ парламентомъ и на кровавую расправу съ ирландцами, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по совѣсти считаетъ себя обязаннымъ признать, что имя Кромвеля стоитъ первымъ въ календарѣ всякаго англійскаго демократа. «Хотя не въ Кромвелѣ, а въ Мильтонѣ, замѣчаетъ онъ, надо искать самое глубокое и возвышенное олицетвореніе пуританизма, все же широта взглядовъ Оливера, его свободный, свѣтлый умъ, искренность, мужество и преданность своей родинѣ сдѣлали его имя, несмотря на нѣкоторыя не сочувственныя его дѣйствія, оправдывать которыя невозможно, наиболѣе дорогимъ во всѣхъ странахъ, гдѣ говорятъ англійскимъ языкомъ. Величайшія имена въ исторіи принадлежатъ тѣмъ людямъ, которые среди водоворота политической жизни со всѣми ея соблазнами не забывали основныхъ, возвышенныхъ задачъ человѣчества, и къ небольшому числу этихъ людей, конечно, принадлежитъ Кромвель!» Вышедшія двѣ части важнаго историческаго труда Морлея, украшенныя многочисленными портретами и иллюстраціями, служатъ прологомъ къ политической дѣятельности Кромвеля. Въ краткомъ, сжатомъ очеркѣ авторъ разсказываетъ дѣтство и юность будущаго лорда-протектора, что вполнѣ понятно, такъ какъ объ этихъ періодахъ его жизни очень мало извѣстно. Принадлежа къ не бѣдной и не богатой дворянской семьѣ уэльскаго происхожденія, онъ воспитывался въ провинціальной школѣ своего родного города Гунтингтона, а затѣмъ пробылъ нѣсколько времени въ Кэмбриджскомъ университетѣ. Но окончилъ ли онъ университескій курсъ и дѣйствительно ли готовился потомъ въ адвокаты въ Линколь-Иннѣ, какъ предполагаютъ нѣкоторые изъ его біографовъ, фактически неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что, хотя онъ зналъ немного математики и классическихъ языковъ, но не былъ ни ученымъ, ни даже культурнымъ человѣкомъ. Для него вся литература состояла въ одной книгѣ, Библіи, такъ какъ онъ съ юности былъ пламеннымъ пуританиномъ. Что онъ дѣлалъ до двадцать второго года своей жизни, когда онъ женился на Елизаветѣ Бурчьеръ, простой, здравомыслящей, доброй и мягкосердечной женщинѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и Морлей признаетъ вполнѣ бездоказательными утвержденія роялистовъ, что онъ въ молодости велъ разгульную даже преступную жизнь. Послѣ женитьбы Кромвель поселился въ унаслѣдованномъ отъ отца помѣстьѣ и жилъ тамъ 11 лѣтъ, скромнымъ провинціальнымъ сквайеромъ. На тридцатомъ году своей жизни онъ впервые выступилъ на политическое поприще и былъ выбранъ своимъ городомъ въ депутаты. Третій парламентъ въ царствованіе Карла I, въ засѣданіяхъ котораго принялъ участіе Кромвель, прославилъ себя проведеніемъ петиціи о правахъ, подтвер-

дившей права англійскихъ гражданъ. Но хотя онъ сидѣлъ рядомъ съ великими бойцами парламентскихъ властей Гамденомъ, Вентвортомъ и Пимомъ, онъ самъ произнесъ только одну рѣчь въ пользу свободы совѣсти. Какъ извѣстно, этотъ парламентъ былъ распущенъ королемъ, и въ продолженіе одиннадцати лѣтъ не было созвано новаго. Въ это время Кромвель продолжалъ вести скромную помѣщичью жизнь, окруженный многочисленной семьей и продавъ родительское помѣстье, купилъ новое, также близъ Гунтингтона. Исполняя должность судьи и горячо отстаивая муниципальныя права своего города, онъ въ 1630 году былъ привлеченъ правительствомъ къ отвѣтственности за свои рѣзкія рѣчи, но, благодаря смѣлой защитѣ, сумѣлъ освободить себя отъ суда. Къ этому времени относится легенда, что онъ вмѣстѣ съ знаменитымъ Гамденомъ, который былъ его двоюроднымъ братомъ, рѣшили отправиться въ Америку, но судно, на которомъ они уже находились, было остановлено по королевскому приказу. Морлей отвергаетъ этотъ разсказъ и доказываетъ всю его баснословность. Между тѣмъ, тихими, медленными, но вѣрными шагами Англія подвигалась къ революціи. Борьба между неограниченною властью короля и парламентомъ становилась все болѣе и болѣе неизбѣжной, несмотря на то, что одинъ изъ самыхъ блестящихъ бойцевъ парламента, Вентвортъ, перешелъ на сторону короля и, сдѣлавшись лордомъ Страфордомъ, сталъ вмѣстѣ съ кантерберійскимъ архіепископомъ Лаудомъ поддерживать короля въ деспотическихъ его дѣйствіяхъ. Наконецъ въ 1640 г. король былъ вынужденъ созвать парламентъ, который извѣстенъ въ исторіи подъ названіемъ короткаго. Съ него собственно начинается эпоха революціи, которая окончилась черезъ двадцать лѣтъ, вступленіемъ на престолъ Карла II. Изъ этихъ двадцати лѣтъ, восемнадцать обнимаютъ всю политическую дѣятельность Кромвеля. На этотъ разъ онъ явился въ палату общинъ представителемъ Кэмбриджа, но такъ какъ парламентъ былъ распущенъ, несмотря на значительную умѣренность его требованій, черезъ три недѣли, то онъ не успѣлъ ничѣмъ проявить себя. Но когда вслѣдъ затѣмъ былъ созванъ такъ называемый долгій парламентъ, то Кромвель на 43 году своей жизни сталъ впервые играть видную политическую роль. Хотя онъ не отличался блестящимъ краснорѣчіемъ, но говорилъ съ такою убѣдительностью, такъ пламенно и съ такимъ авторитетомъ, подкрѣпляя свои слова цитатами изъ св. Писанія, что палата невольно подчинялась его могучему голосу. Всѣ его рѣчи, вся его дѣятельность сводилась къ двумъ стремленіямъ: къ служенію Богу и къ обезпеченію гражданской свободы, а также истинныхъ интересовъ націи. Первый шагъ въ неизбѣжной борьбѣ между парламентомъ и королемъ былъ судъ надъ Страфордомъ, котораго слабохарактерный Карлъ предалъ въ руки его враговъ, хотя Морлей не признаетъ, чтобы Страфордъ измѣнилъ народной партіи изъ самолюбія, и считаетъ, что онъ дѣйствовалъ искренно въ своей попыткѣ ввести въ Англіи сильное личное правительство. Судъ и казнь ненавистнаго деспотическаго министра не удовлетворили парламента, и нижняя палата не только представила королю протестъ подъ названіемъ Remons-trance, въ которомъ изложены всѣ его неудовольствія и желанія, но стала проводить цѣлый рядъ мѣръ для защиты парламента, въ томъ числѣ, по предложенію Кромвеля, милиція была подчинена парламенту, а не королю. Карлъ I отвѣчалъ на это

арестомъ пяти депутатовъ, въ томъ числѣ Гамдена и Пима, по обвиненію въ государственной измѣнѣ, но ни парламентъ, ни лондонская ратуша, куда они скрылись, не выдали ихъ, несмотря на то, что самъ король явился въ палату и требовалъ ихъ выдачи. Потерпѣвъ неудачу, король уѣхалъ изъ Лондона и 22-го августа 1642 г. поднялъ въ Нотингемѣ знамя междоусобной войны. Парламентъ образовалъ армію «для защиты короля, обѣихъ палатъ, истинной религіи, свободы, законовъ и мира въ королевствѣ». Главнокомандующимъ парламентской арміи былъ назначенъ лордъ Ессексъ, и Кромвель, на пятомъ десяткѣ, изъ мирнаго гражданина сдѣлался воиномъ во имя Бога и ради свободы своей родины.

— Возстановленіе католицизма во времена консульства. Въ одномъ изъ послѣднихъ очерковъ, посвященныхъ французскому обществу временъ консульства Наполеона Бонапарта, Жильберъ Станже разсказываетъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ первый консулъ возстановилъ въ своихъ правахъ католицизмъ, который революціонное правительство изгнало было изъ Франціи [1]). Консульство получило въ наслѣдіе отъ республики полнѣйшую церковную анархію. Опредѣленнаго богослуженія не существовало. Въ церквахъ одинъ день одна секта справляла церемоніи своего культа, другой день другая. Поклонники Сократа чередовались съ теофилантропами. У послѣднихъ было четыре храма въ Парижѣ. Богослуженіе ихъ заключалось въ томъ, что пѣлись гимны вокругъ алтаря, на которомъ стояла корзина, наполненная фруктами. Вѣрующіе католики избѣгали церквей, въ которыхъ служили такъ называемые «конституціонные священники», принесшіе присягу республикѣ. Когда гдѣ либо появлялся священникъ, вернувшійся изъ изгнанія, и читалъ молитвы въ сельской ригѣ или подъ навѣсомъ, то къ нему сбѣгалась громадная толпа народа, оставляя безлюдную церковь, гдѣ служилъ «присяжный» священникъ той же религіи. Первый, какова бы ни была его жизнь, принимался вѣрующими съ любовью; послѣдній, будь онъ хоть святой, избѣгался, какъ зачумленный. Крестьяне настойчиво требовали возобновленія прежняго культа. Они желали, чтобы дѣти ихъ получали крещеніе и были допущены къ первому причастію; они желали вступать въ бракъ съ благословенія священника и быть погребаемы съ церковнымъ напутствіемъ. Звонъ колоколовъ, празднованіе воскресенья, служеніе обѣденъ стали для нихъ неотложною необходимостью. Мѣщанство провинціальныхъ городовъ, дворяне, не успѣвшіе эмигрировать, высказывали то же нетерпѣніе видѣть своихъ прежнихъ духовниковъ и снова праздновать католическія празднества. Префекты, однако, продолжали еще исполнять республиканскіе законы и приказывали снимать возобновленные на церквахъ кресты; они также не допускали оставленія работъ въ воскресенье, вмѣсто установленнаго законами десятаго дня. Судьи присуждали къ штрафамъ лицъ, которыя слишкомъ открыто праздновали день Пасхи. Всѣ эти преслѣдованія, однако, лишь увеличивали число вѣрующихъ и при томъ не только въ провинціи, но и въ Парижѣ. Черезъ префектовъ и черезъ столичную полицію Бонапартъ

---

[1]) Gilb. Stenger, «La société fransaise pendant le Consulat».—«Rev. Bleue», nov.—déc. 1899.

зналъ о настроеніи народа. Онъ слышалъ жалобы на распущенность молодежи, выросшей безъ вѣры и правилъ нравственности. Онъ опасался, что недовольство населенія, которому не давалось свободы вѣроисповѣданія, растетъ. Онъ надѣялся, къ тому же, вернувъ духовенству его значеніе, найти себѣ такихъ же преданныхъ слугъ въ священникахъ, какихъ въ ихъ лицѣ имѣли прежніе короли. На запросъ, который сдѣланъ былъ имъ генеральнымъ совѣтамъ, эти послѣдніе отвѣтили всѣ въ одномъ и томъ же смыслѣ: «Религія необходима... Нужно возстановить католицизмъ». Въ воспоминаніяхъ, диктованныхъ на островѣ св. Елены, Бонапартъ сознается, что еще до избранія въ консулы онъ имѣлъ твердое намѣреніе возобновить католическій культъ, лишь только достигнетъ власти. Онъ поэтому исполнялъ лишь давнишнее свое намѣреніе, когда поручилъ де-Како, французскому посланнику въ Римѣ, подготовить римскій дворъ къ этому событію. Бонапартъ былъ знакомъ съ новымъ папою, когда тотъ еще былъ епископомъ Имолье, а позднѣйшій первый консулъ командовалъ республиканскою арміею въ Италіи. Пій VII, знавшій умѣренность молодого главнокомандующаго по отношенію къ священникамъ и эмигрантамъ, отвѣтилъ на желаніе перваго консула присылкою въ Парижъ монсиньора Спины, очень способнаго дипломата, но черезчуръ преданнаго свѣтскимъ интересамъ папства. Стремившійся, прежде всего, вернуть папскому престолу утерянныя имъ провинціи, прелатъ этотъ сильно надоѣлъ Бонапарту своими жалобами на бѣдность папы, на необходимость увеличить его доходы, вернуть его утерянныя владѣнія. Утомленный переговорами съ Спиною, не желавшимъ войти въ положеніе перваго консула, которому и безъ того было трудно привести на сторону своего проекта верхи парижскаго общества, Бонапартъ черезъ де-Како передалъ свой ультиматумъ римскому двору. Французскій посланникъ убѣдилъ папу отрядить въ Римъ уполномоченнаго, съ которымъ бы могъ быть заключенъ договоръ объ условіяхъ возстановленія католичества во Франціи. Для этой цѣли папа назначилъ кардинала Консальви. Этотъ послѣдній пользовался довѣріемъ Пія VII, былъ мягокъ и обходителенъ и, несмотря на множество спорныхъ пунктовъ, касавшихся свѣтской власти перваго консула и духовной власти папы, въ концѣ концовъ (15 іюля 1801 года), заключено было соглашеніе. Когда этотъ такъ называемый конкордатъ былъ заключенъ, кардиналъ Консальви сказалъ маркизѣ де-Бриньоль, у которой онъ былъ съ визитомъ: «Мы расквитались довольно дешево. У меня были полномочія, чтобы заключить договоръ на гораздо болѣе обременительныхъ для насъ условіяхъ». Бонапарту сообщили этотъ отзывъ. «Я это знаю,—возразилъ онъ.—Но я, тѣмъ не менѣе, хотѣлъ добиться добраго согласія. Такъ какъ я желалъ возстановить религію, то необходимо было, чтобы договоръ былъ почетенъ для нея». За этимъ религіознымъ миромъ послѣдовало успокоеніе всѣхъ тѣхъ, чью совѣсть возмущалъ прежній порядокъ. Довольные крестьяне могли въ волю звонить въ колокола въ своихъ деревняхъ, и приходскія церкви, отданныя общинамъ, скоро наполнились вѣрующими. Немедленно же были стерты республиканскія надписи, украшавшія порталы церквей. Годъ закончился среди всеобщей радости. На праздникѣ 14 іюля, чтобы придать больше торжественности этой годовщинѣ, мэры Парижа рѣшили въ каждомъ округѣ отпраздновать свадьбу молодой дѣвушки

съ молодымъ человѣкомъ, избраннымъ среди отличившихся какими либо подвигами храбрости; каждая невѣста получила изъ городскихъ суммъ приданое въ тысячу франковъ. Провинціалы массами съѣхались въ Парижъ на это празднество. Изъ одного лишь департамента Нижней Сены выдано было шесть тысячъ паспортовъ.

— Столѣтняя годовщина смерти Вашингтона. «Наконецъ наступила его смерть, къ которой онъ давно уже былъ готовъ. 12-го декабря 1799 года, обходя по обыкновенію свои фермы, онъ простудился отъ рѣзкаго вѣтра и холоднаго дождя. 13-го послали за докторами, но было уже поздно, всѣ ихъ усилія не привели ни къ чему, и 14-го декабря наступилъ конецъ. Вся страна знала, кто умеръ, знала его величіе, благородство и незапятнанную чистоту. Одного только не знала: печалиться ли ей или славить Бога. Онъ не могъ болѣе служить ей, но его звѣзда долженствовала освѣщать ея будущее, также какъ освѣщала ея прошедшее, и вся страна воздала славу Богу». Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ американскихъ біографовъ Вашингтона Вильсонъ, его смерть, столѣтняя годовщина которой только что достойно помянута созданной имъ великой республикой новаго свѣта. Если въ день смерти отца отечества американцы не печалились, а радовались его переходу въ безсмертіе, то тѣмъ болѣе причинъ они имѣли въ настоящее время устроить національный праздникъ въ его первый вѣковой юбилей. «Не только, —говоритъ «Century magazine» по этому поводу въ передовой статьѣ своего декабрьскаго номера, подъ заглавіемъ «Декабрь 1799—1899 г.» [1],—слава Вашингтона возросла въ продолженіе этого столѣтія, но за это время его стали лучше понимать и цѣнить. Конечно, онъ пользовался большой любовью и при своей жизни, но теперь болѣе чѣмъ когда культъ Вашингтона достигъ своего апогея. Мы не только признаемъ, что онъ высоко паритъ надъ такъ называемыми полубогами человѣчества, надъ прославленными завоевателями, но болѣе близкое изученіе его, какъ человѣка, вполнѣ сроднило всѣхъ американцевъ со своимъ отцомъ отечества. Настоящій Вашингтонъ не менѣе достойная фигура, а вмѣстѣ тѣмъ болѣе симпатичная, чѣмъ офиціальный его образъ. Если мы теперь знаемъ, что онъ былъ очень вспыльчивъ, но тѣмъ болѣе мы уважаемъ его способность сдерживать себя. Если намъ извѣстно, что онъ былъ очень привязанъ къ своей фермѣ, любилъ болѣе всего сельскую жизнь, то тѣмъ болѣе мы цѣнимъ ту жертву, которую онъ приносилъ чувству долга, покидая свой дорогой Вернонъ для войны и президентства. Никогда американцы такъ не цѣнили, какъ въ настоящую критическую минуту, оставленный Вашингтономъ завѣтъ, придерживаясь котораго они могутъ избѣгнуть опасныхъ увлеченій и удержаться на спасительномъ Вашингтонскомъ якорѣ». Въ продолженіе истекшаго столѣтія и англичане также научились уважать своего побѣдоноснаго врага» по словамъ анонимнаго автора юбилейной статьи въ «English illustrated magazine» подъ заглавіемъ «Успѣшный отщепенецъ» [2]). Нельзя не признать, что въ борьбѣ Ва-

---

[1]) December 1799—1899. Topics of the time, «Century magazine». 1899.

[2]) E successful seceder: Georg Washington.—English illustrated magazine. December. 1899.

шингтона съ Англіей первый былъ всегда правъ, а послѣдняя была почти всегда виновата. Мало того, англичанинъ признаетъ, что во всей англійской исторіи нѣтъ подобнаго образцоваго государственнаго человѣка, какъ Вашингтонъ, потому что одинъ Кромвель, котораго можно было бы поставить на ряду съ нимъ, не отличался ни безукоризненной чистотой Вашингтона, ни успѣхомъ созданной имъ республики. Въ этой англійской статьѣ, написанной очень симпатично и безпристрастно, указываются только главныя черты жизни и дѣятельности Вашингтона до его избранія въ президенты, и, вѣроятно, послѣдующимъ годамъ его существованія будетъ посвященъ второй очеркъ. Авторъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что когда Вашингтонъ, богатый землевладѣлецъ, съ аристократическими стремленіями и англійскими вкусами, былъ неожиданно назначенъ на 43 году своей жизни главнокомандующимъ арміями колоніи, возставшей противъ своей метрополіи, то никто не могъ бы предугадать въ этомъ мирномъ сельскомъ хозяинѣ великаго революціоннаго вождя. Правда, онъ въ юности служилъ въ милиціи и участвовалъ въ пограничныхъ войнахъ, но въ немъ не было ни малѣйшаго слѣда военнаго генія, и при его назначеніи въ главнокомандующіе, онъ скромно замѣтилъ конгрессу: «Прошу помнить, что я вполнѣ искренно чувствую себя недостойнымъ дѣла, которое мнѣ поручаютъ». Онъ далѣе прибавилъ, что если принимаетъ это назначеніе, то лишь потому, что оно рѣшено единогласно, и ставитъ непремѣннымъ условіемъ неполученіе никакого содержанія. Конечно, англійскій авторъ не можетъ не замѣтить съ нѣкоторымъ ехидствомъ, несмотря на все его сочувствіе къ Вашингтону, что онъ былъ не только богатымъ человѣкомъ, но даже, быть можетъ, самымъ богатымъ во всей странѣ. Но кромѣ этого единственнаго подозрительнаго замѣчанія, англичанинъ отдаетъ полную справедливость удивительнымъ качествамъ Вашингтона, которыя дозволили ему, не будучи блестящимъ военачальникомъ и не имѣя подъ своимъ начальствомъ настоящей арміи, успѣшно вести въ продолженіе девяти лѣтъ борьбу съ могущественнымъ врагомъ и наконецъ, побороть его. Эти качества, давшія ему побѣду и освободившія его родину, были стойкость, здравый смыслъ, патріотизмъ, которые онъ сумѣлъ передать всѣмъ своимъ соотечественникамъ. Когда былъ подписанъ миръ съ Англіей, и всѣми была признана новая республика, Вашингтонъ сложилъ полученныя отъ народа уполномочія и, какъ простой гражданинъ, вернулся на свою любимую ферму. «Наконецъ занавѣсъ опустился,—писалъ онъ къ своему другу, генералу Клоттону:—наканунѣ Рождества двери моего Вернонскаго дома отворились передо мною. Хотя я на девять лѣтъ постарѣлъ послѣ того, какъ покинулъ этотъ домъ, но я чувствую себя снова спокойнымъ и свободнымъ отъ всякихъ заботъ». Однако печальная нота слышалась въ другомъ его письмѣ, написанномъ вскорѣ послѣ этого Лафайсту, который тогда только что уѣхалъ изъ Америки. «Когда наши экипажи разъѣхались,—пишетъ Вашингтонъ своему вѣрному боевому товарищу;—то я спросилъ себя, въ послѣдній ли разъ я видѣлъ васъ. Мои сердечныя желанія говорили «нѣтъ», но разсудокъ шепталъ «да». Я вспомнилъ дни моей юности и долженъ былъ признать въ глубинѣ своей души, что они давно миновали, что я теперь сталъ опускаться подъ гору, на которую взбирался 52 года. Я знаю, что, несмотря на мою физическую силу,

я принадлежу къ семьѣ, которая долго не живетъ, и потому долженъ ожидать, что вскорѣ сойду въ могилу моихъ отцовъ. Эти мысли затмеваютъ мой горизонтъ и заволакиваютъ тучей мое будущее, уничтожая надежду снова увидѣть васъ. Но не печальтесь обо мнѣ: мой день прошелъ, но онъ былъ свѣтлый». Однако судьбѣ было угодно, чтобы тотъ свѣтлый день замѣнился еще болѣе свѣтлымъ передъ тѣмъ, какъ насталъ конецъ. Созданная имъ республика потребовала его новыхъ услугъ, и онъ, дважды избранный въ президенты, мужественно исполнилъ свой долгъ. Восемь лѣтъ онъ управлялъ страной, какъ диктаторъ въ критическую минуту, когда все надо было создавать сызнова въ юной республикѣ, и всѣ историки единогласно признаютъ, чта эта эпоха его жизни была самой славной. Наконецъ, пришла минута, когда онъ окончательно отказался отъ общественной дѣятельности и вернулся, хотя не надолго, въ свой любимый Вернонъ. «День передачи власти Вашингтономъ своему преемнику Адамсу, —говоритъ Вильсонъ въ своей книгѣ «Джорджъ Вашингтонъ»,—доказалъ всѣмъ и ему самому, что думалъ народъ о томъ вождѣ, которому онъ ввѣрялъ свою судьбу въ продолженіе двадцати лѣтъ. Громадная толпа собралась на это зрѣлище, но никто не смотрѣлъ на новаго президента. Глаза всѣхъ были устремлены на высокую, худощавую фигуру въ черномъ бархатѣ и со шпагой, которая стояла подлѣ него. Никто не двинулся съ мѣста, пока старый президентъ не пошелъ въ домъ новаго, чтобы привѣтствовать его. Тогда вся безчисленная толпа двинулась за нимъ, какъ одинъ человѣкъ, въ торжественномъ безмолвіи. Остановившись въ дверяхъ президентскаго дома, онъ оглянулся и пристально посмотрѣлъ послѣдній разъ на своихъ безыменныхъ, но дорогихъ его сердцу, друзей. Онъ никогда въ жизни не былъ такъ взволнованъ, и слезы струились по его щекамъ. Когда же онъ исчезъ за дверью, то весь народъ зарыдалъ, какъ бы прощаясь на вѣки со своимъ героемъ». Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого произошла, 100 лѣтъ тому назадъ уже описанная, сцена въ Вернонѣ.

-- Клеберъ на службѣ у Австріи. Поль Робике [1]) посвятилъ въ «Revue de Paris» особую статью первоначальной карьерѣ знаменитаго французскаго генерала временъ революціи, Клебера, о молодости котораго сложилось много легендъ: наиболѣе извѣстная изъ нихъ гласитъ, что молодой Клеберъ вышелъ въ люди, благодаря особой близости, въ которой онъ одно время находился къ императрицѣ Маріи-Терезіи. На основаніи документальныхъ данныхъ, собранныхъ П. Робике, Жанъ-Батистъ Клеберъ родился въ Страсбургѣ въ 1753 году, въ семьѣ монументальнаго мастера при дворѣ кардинала де-Рогана, епископа Страсбургскаго. Отца его лишили рано, а его мать вторично вышла замужъ за архитектора Бюрже. Мальчикомъ онъ занимался въ мастерскихъ кардинала чертежными работами, потомъ поступилъ въ обученіе къ архитектору въ Гагенау и наконецъ, сталъ самъ самостоятельно заниматься архитектурными работами. Однажды въ Страсбургѣ, находясь въ какомъ-то кафѐ, онъ заступился за двухъ баварцевъ, которыхъ оскорбляли, и вызвалъ оскорбителей на дуэль. Оба баварца оказались со связями, и они предложили ему устроить доступъ въ мюнхенское военное училище. Клеберъ, который

---

[1]) Paul Robiquet, «Kléber officier autrichien».—Rev. de Paris. dec. 1899.

жилъ архитектурою впроголодь, принялъ это предложеніе, но оставался въ училищѣ полгода. Генералъ князь Кауницъ, проѣздомъ остановившійся въ Мюнхенѣ, поразился способностями Клебера и предложилъ ему переѣхать въ Вѣну, гдѣ обѣщалъ заняться его будущностью. Въ 1777 году Клеберъ поступилъ въ полкъ князя; прослужилъ здѣсь два мѣсяца юнкеромъ, затѣмъ полгода прапорщикомъ и, наконецъ, былъ произведенъ въ поручики. Полкъ князя Кауница не былъ составленъ изъ нѣмцевъ; это былъ одинъ изъ четырехъ бельгійскихъ полковъ, скомплектованныхъ въ 1725 году; въ 1778 году онъ стоялъ гарнизономъ въ Монсѣ. Въ это время какъ разъ Австрія объявила Пруссіи войну изъ-за баварскаго наслѣдства, и два батальона полка Кауница были посланы въ Богемію. Клеберъ участвовалъ въ этомъ походѣ, въ качествѣ адъютанта. Эта «война перомъ», какъ ее прозвалъ Фридрихъ II, закончилась очень скоро тешенскимъ миромъ, и разочарованному Клеберу пришлось вернуться къ своему полку въ Люксембургъ. Въ мирное время на карьеру въ австрійской арміи было трудно надѣяться; всѣ лучшія мѣста занимались лицами изъ аристократическихъ семей. Принцъ Фердинандъ Вюртембергскій, смѣнившій Кауница, въ качествѣ шефа полка обѣщалъ Клеберу первую вакансію на должность поручика. Однако по протекціи мѣсто это досталось другому. Обиженный этимъ Клеберъ отпросился въ отпускъ, сначала кратковременный, а въ іюнѣ 1785 года и въ безсрочный. Перейдя на гражданскую службу, Клеберъ, по протекціи эльзасскаго интенданта де-ла-Галэсьера, получилъ должность инспектора строеній верхняго Эльзаса, при чемъ мѣстопребываніемъ его являлся Бельфоръ. Здѣсь онъ оставался до временъ революціи. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, документально завѣрено, что знаменитый впослѣдствіи французскій генералъ въ теченіе семи лѣтъ носилъ иностранный военный мундиръ. Упрекать его въ этомъ было бы несправедливо: нрава того времени допускали подобнаго рода поведеніе; къ тому же, съ 1770 года, дочь Маріи-Терезіи была супруга французскаго дофина, сдѣлавшагося четырьмя годами позже французскимъ королемъ. Лишь въ апрѣлѣ 1792 года оба государства стали во враждебныя другъ къ другу отношенія. Въ іюлѣ 1789 года Клеберъ сталъ служить Франціи, и когда онъ встрѣтился съ прежними товарищами по оружію, этимъ послѣднимъ не пришлось радоваться. Въ 1794 году, близъ города Монса, гдѣ онъ стоялъ въ гарнизонѣ, онъ трижды разбилъ князя Кауница, бывшаго своего покровителя; въ 1796 году, 4-го іюля, онъ согналъ съ позицій у Альтенкирхена тридцатитысячную армію принца Вюртембергскаго, бывшаго своего полкового командира, отнялъ у него четыре пушки, двѣнадцать знаменъ и большую часть обоза. «Ахъ, этотъ Клеберъ, этотъ Клеберъ!» —вздыхалъ несчастный принцъ, котораго императоръ лишилъ команды за то, что онъ далъ себя разбить бывшему австрійскому подпоручику. Къ разсказу объ австрійской карьерѣ Клебера примѣшивается легенда о томъ, что Клеберъ былъ интимнымъ другомъ Маріи-Терезіи, и что великая императрица, пораженная его красотою, сдѣлала его офицеромъ гвардіи, чтобы доставить ему доступъ во дворецъ во всякое время. Послѣ смерти императрицы, онъ будто бы оставилъ Вѣну изъ-за притѣсненій со стороны придворныхъ, успѣвъ однако передать своему единоутробному брату, Бюрже, значительные

денежные капиталы. Объ этой легендѣ говорятъ многіе историки, хотя большинство видѣли въ немъ лишь отголосокъ вѣнскихъ придворныхъ сплетень. Какъ оказывается изъ архивныхъ разысканій, основою легенды является разсказъ нѣкоего Крафта, рисовальщика и архитектора, который выдавалъ себя за друга молодости Клебера и сообщилъ о послѣднемъ цѣлый разсказъ, записанный позже барономъ Дефонтэномъ. По этому разсказу, Клеберъ кардиналомъ Роганомъ былъ отправленъ въ Германію для того, чтобы усовершенствоваться въ рисованіи; въ Вѣнѣ будто на него обратила вниманіе Марія-Терезія, замѣтившая, что этотъ высокій статный молодой человѣкъ всегда съ большимъ любопытствомъ слѣдитъ за всѣми войсковыми парадами. Она будто предложила ему поступить въ гвардію, сдѣлавъ его капитаномъ, потомъ майоромъ, приблизила его къ своей особѣ и даже по его совѣту производила реформы въ арміи. За нѣсколько часовъ до смерти государыни, Клеберъ, зная, что ему угрожаетъ пожизненное заключеніе, будто бѣжалъ, успѣвъ однако захватить съ собою большія суммы денегъ. Чтобы всѣ эти свѣдѣнія соотвѣтствовали истинѣ, было бы необходимо доказать пребываніе Клебера съ 1775 года по 1780 годъ въ Вѣнѣ. Судя по словамъ его брата Бюрже, Клеберу было двадцать два года, когда онъ въ Вѣнѣ былъ замѣченъ императрицею. Такъ какъ Клеберъ родился въ 1753 году, то встрѣча могла состояться въ 1775 году. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ мы знаемъ, что какъ разъ въ этомъ году Клеберъ, по совѣту Кауница, оставилъ мюнхенское училище и переѣхалъ въ Вѣну. Въ годахъ 1777 и 1779 Клеберъ упоминается въ спискахъ находившагося въ Монсѣ полка Кауница; возможно однако, что онъ лишь номинально числился тамъ и лишь разъ или два въ годъ выѣзжалъ изъ Вѣны въ Монсъ. Подъ 1779 годомъ имѣется офиціальная помѣтка, что Клеберъ состоялъ въ австрійской лейбъ-гвардіи въ Зенфтенбергѣ. Когда онъ именно вернулся въ Люксембургъ, въ точности неизвѣстно. Возможно, что онъ, по заключеніи мира, вернулся въ Вѣну и оставался тамъ до смерти императрицы въ 1780 году. Въ разсказѣ Крафта, такимъ образомъ, главная суть, можетъ быть, передана совершенно вѣрно. Замѣчательно, что Клеберъ лично терпѣть не могъ въ позднѣйшіе годы своей жизни упоминаній объ австрійской своей карьерѣ и особенно объ отношеніяхъ своихъ къ матери «австріячки» Маріи-Антуанетты. Военное вѣдомство, точно также какъ и комитетъ общественнаго спасенія, неоднократно обращались къ Клеберу съ запросами о началѣ его карьеры, но постоянно отвѣтъ получался уклончивымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ могъ Клеберъ сообщить якобинцамъ, что нѣкогда находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ кардиналомъ де-Роганомъ, съ княземъ Кауницомъ и принцемъ Виртембергскимъ и служилъ въ лейбъ-гвардіи Маріи-Терезіи?

— Послѣдніе годы генерала Моро. Леонсъ Пенго[1]) помѣстилъ въ «Revue de Paris» небольшую статью о судьбѣ одного изъ величайшихъ генераловъ французской революціонной эпохи, которому суждено было погибнуть отъ французскаго ядра въ рядахъ русскихъ войскъ. Извѣстно, что черезъ три недѣли послѣ провозглашенія имперіи Моро былъ осужденъ, какъ соучастникъ

---

[1]) Léonce Pingaud, «Le sdernié resannées de Moreau».—Revue de Paris, 15 déc. 1899.

Жоржа и Пишегрю, къ заключенію въ тюрьму на два года. Приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Для самого Наполеона было несовсѣмъ пріятно удерживать во Франціи, хотя бы въ темницѣ, человѣка, на котораго обращены были взоры всѣхъ недовольныхъ. Удалось уговорить мадамъ Моро, чтобы она написала достаточно униженное письмо на имя императора съ просьбою о замѣнѣ тюремнаго заключенія изгнаніемъ въ Соединенные Штаты. Въ тотъ же день, когда Жоржъ съ друзьями его были разстрѣляны, въ «Moniteur» появилось извѣщеніе объ отправленіи Моро въ Соединенные Штаты. Недвижимое имущество его было продано, при чемъ часть купилъ самъ Наполеонъ на имя Фуше, деньги, за вычетомъ извѣстной суммы за веденіе процесса, были ему переданы, и одновременно ему было сообщено, чтобы онъ сѣлъ на судно не въ Англіи, а въ Испаніи; путевые расходы до Барселоны правительство брало на себя. Въ Испаніи Моро нашелъ очень радушный пріемъ и остался тамъ до іюля 1805 года, когда по настояніямъ французскаго правительства ему пришлось отправиться въ путь. Американцы при высадкѣ въ Филадельфіи устроили грандіозную встрѣчу побѣдителю при Гогенлинденѣ. Моро пріобрѣлъ себѣ обширное помѣстье на берегахъ Делавэра, гдѣ проводилъ лѣто, занимаясь охотою и рыбною ловлею. Зимою онъ обыкновенно жилъ въ Нью-Іоркѣ или въ Филадельфіи. Онъ былъ желаннымъ гостемъ въ лучшихъ кругахъ американскаго общества, присутствовалъ на обѣдахъ и концертахъ, дававшихся въ его честь, а также и на балахъ, гдѣ г-жа Моро, еще молодая и элегантная, имѣла тотъ же успѣхъ, какъ и въ Парижѣ. По временамъ онъ принималъ участіе въ «работахъ» французско-масонской ложи въ Нью-Іоркѣ и былъ однимъ изъ членовъ небольшого общества французскихъ эмигрантовъ, которое взяло себѣ девизомъ слова Евангелія: «блаженны нищіе духомъ». Въ этомъ обществѣ игралъ нѣкоторую роль ярый романистъ де-Невилль, ранѣе бывшій тайнымъ агентомъ Бурбоновъ въ Парижѣ. Между тѣмъ и Моро мало-помалу завязалъ сношенія, приведшія къ нѣкоторому видоизмѣненію взглядовъ Моро: онъ сталъ склоняться къ роялизму и въ то же время обдумывать, какимъ бы образомъ онъ могъ отомстить своему врагу — Наполеону, при помощи союза съ роялистами. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Европѣ уже довольно рано стали думать о томъ, чтобы его противоставить Наполеону. Въ 1807 году, Годой выражалъ удивленіе, почему Россія и Пруссія не обращаются къ помощи этого достойнаго соперника Наполеона на поприщѣ стратегики. Около того же времени Наполеонъ писалъ Фуше, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, англичане намѣреваются воспользоваться Моро для своихъ цѣлей. Однако, не Англіи, но Россіи суждено было привлечь Моро снова на театръ борьбы въ Европѣ. Въ августѣ 1805 года, князь Чарторійскій писалъ послу въ Мадридѣ Строгонову, чтобы тотъ предложилъ Моро убѣжище въ Россіи, или же, если онъ того пожелаетъ, должность въ русской арміи; при этомъ въ депешѣ напоминалось, что Россія воюетъ не съ Франціею, а съ авантюристомъ, случайно оказавшимся у власти. Когда эта депеша получена была въ Испаніи, Моро уже былъ на пути въ Америку. Русскій посланецъ Паленъ посланъ былъ черезъ Англію въ догонку за изгнанникомъ и ему въ Нью-Іоркѣ дословно передалъ предложеніе русскаго правительства. Моро, желавшій воспользоваться своею полною свободою, отказался немедленно же

вновь приступить къ борьбѣ. Онъ отвѣчалъ письмомъ, которое получено было въ Петербургѣ лишь въ началѣ 1808 года. «Я не колебался бы,—писалъ онъ,—принять великодушныя предложенія его величества императора, если бы они были мнѣ доставлены до объявленія войны... Мнѣ кажется, что это не соотвѣтствовало бы ни достоинству его короны, ни моему личному, если бы я взялся служить въ его арміи въ теченіе настоящей войны». Эти переговоры не остались совершенно неизвѣстными для французскаго правительства. Посолъ Наполеона при ганзейскихъ городахъ Буррьенъ утверждалъ, что онъ зналъ о нихъ, и что по имѣвшимся у него свѣдѣніямъ Моро было предложено двѣнадцать тысячъ рублей на расходы въ случаѣ возвращенія въ Европу. Въ теченіе слѣдующихъ годовъ имя Моро упоминалось неоднократно въ Испаніи: одна партія видѣла въ немъ залогъ побѣды, другая — признакъ мятежа. Въ 1809 году въ лагерѣ Сульта, въ Португаліи, былъ разстрѣлянъ офицеръ д'Аржантонъ, обвинявшійся въ томъ, что онъ хотѣлъ содѣйствовать и низложенію Бонапарта и возведенію на его мѣсто Моро. Два года спустя, Фоше-Борель, съ согласія Людовика XVIII, предлагалъ англичанамъ пригласить въ Испанію Моро, чтобы одно имя его дезорганизовало французскую армію. Въ 1812 году начался конфликтъ между Соединенными Штатами и Англіею, и Моро уже предлагалъ свои услуги президенту Мадисону, какъ снова раздался призывъ къ нему съ той стороны океана. Въ Вашингтонъ прибылъ новый русскій посолъ Андрей Дашковъ съ молодымъ секретаремъ Свиньинымъ, которымъ было поручено взяться вновь за задачу, не удавшуюся Палену. Моро оказался на этотъ разъ сговорчивѣе. Онъ былъ возмущенъ тѣмъ, что Франція сама не въ состояніи сбросить ярмо имперіи, и готовъ былъ, въ интересахъ общей свободы, содѣйствовать успѣху иностранныхъ армій. Принявъ это рѣшеніе, онъ, по обыкновенію своему, медлилъ съ выполненіемъ и скрывалъ свои планы отъ всѣхъ. Весною 1812 года г-жа Моро съ дочерью отправилась въ Европу. Будучи больна, она хотѣла посовѣтоваться съ французскими врачами и запросила у Дарю позволенія высадиться во Франціи. Дарю донесъ объ этой просьбѣ Наполеону, находившемуся въ это время въ Москвѣ. Боясь интригъ, императоръ отказалъ наотрѣзъ, и г-жѣ Моро, высадившейся было въ Бордо, пришлось отправиться въ Англію. Моро не успѣлъ еще собраться въ путь, а уже на него возлагались большія надежды всѣми противниками Наполеона. Гайдъ-де-Невиль писалъ Людовику XVIII, что знаменитый генералъ окончательно пріобрѣтенъ для дѣла бурбоновъ и что теперь низложеніе Наполеона лишь вопросъ времени. Моро, льстившій себѣ надеждою, что ему теперь удастся отплатить противнику за всѣ его обиды, охотно принималъ всякія ходатайства и всякія просьбы. Для его самолюбія было въ высшей степени пріятно, видѣть какъ могущественныя державы соперничаютъ, стараясь добиться его поддержки. Бывшій генералъ былъ еще въ Америкѣ, когда до него дошло извѣстіе о несчастномъ отступленіи Наполеона, о заговорѣ Мале и др. событіяхъ, которыя еще болѣе возбудили въ немъ желаніе помочь покончить съ Наполеономъ, по его мнѣнію, виновникомъ величайшихъ бѣдъ Франціи. Въ концѣ 1812 года Моро послалъ Рапателя съ секретнымъ порученіемъ въ Стокгольмъ и въ Петербургъ. Немного позже, онъ черезъ посла Дашкова передалъ записку, излагавшую его взглядъ на современное положеніе вещей въ Европѣ. По словамъ Леонса Пенго,

неизвѣстно, какъ были приняты въ Россіи устныя и письменныя просьбы Рапателя и Моро. Во всякомъ случаѣ, время шло, враждебныя дѣйствія начались вновь въ Германіи, а между тѣмъ армія, во главѣ которой былъ принятъ французскій генералъ, желая начать кампанію, не была готова. Тѣмъ не менѣе, Моро рѣшилъ выѣхать изъ Америки. Тщательно скрывъ время своего отъѣзда, Моро обзавелся паспортомъ на имя Джона Каро, уроженца Луизіаны, и въ іюнѣ 1813 года выѣхалъ изъ Нью-Іорка. Въ концѣ іюля онъ былъ въ Швеціи, въ Гётеборгѣ. «Вы приносите намъ,—сказалъ ему принимавшій его шведскій генералъ,—въ лицѣ вашего содѣйствія сто тысячъ человѣкъ». Первая половина кампаніи 1813 года успѣла уже пройти, и русскіе и пруссаки оказались отбитыми отъ Эльбы къ Одеру; провозглашено было перемиріе, во время котораго привлекались къ коалиціи австрійцы. Привѣтствуемый по дорогѣ эмигрантами и прусскими патріотами, Моро направился въ Прагу, гдѣ милостиво и любезно былъ встрѣченъ императоромъ Александромъ I, австрійскимъ императоромъ и королемъ прусскимъ. Моро былъ ошеломленъ и ослѣпленъ этимъ пріемомъ. Онъ говорилъ про императора Александра: «Кто не согласится умереть за такого государя?» Положеніе его въ союзной арміи было тѣмъ не менѣе довольно неловкое. Многіе вполголоса называли его перебѣжчикомъ. Генералъ не имѣлъ никакого намѣренія подчиняться лицу, которое нѣкогда было ихъ побѣдоноснымъ врагомъ. У Моро не было притомъ тогда обходительности и тѣхъ манеръ, которыя заставляли прощать Бернадотту его прошлое. Меттернихъ писалъ Коленкуру, что его правительство не намѣрено поблажать «интригамъ Моро». Общее руководство операціями не могло быть предоставлено Моро, такъ какъ Австрія лишь на тѣхъ условіяхъ соглашалась на содѣйствіе, чтобы Шварценбергъ былъ генералиссимусомъ. Моро съ горечью писалъ женѣ: «Если бы я зналъ, что меня сдѣлаютъ помощникомъ австрійскаго генерала, я ни за что бы не пріѣхалъ изъ Америки». Его поддерживала однако мысль, что онъ мѣшаетъ содѣйствовать двумъ цѣлямъ одинаково честнымъ: освободить Францію отъ деспота и дать Европѣ миръ. Съ одобренія императора Александра, онъ составилъ прокламацію къ французамъ, въ которой имъ обѣщалось, если они освободятся отъ тирана, сохраненіе естественныхъ границъ Франціи. Выработка общаго плана военныхъ операцій не была ему поручена: зато, какъ говорятъ, ему принадлежитъ соблюдавшійся вождями коалиціонныхъ армій планъ: не принимать сраженій съ самимъ Наполеономъ, но нападать на его помощниковъ. Когда Шварценбергъ 26 августа не рѣшался предпринять аттаки на Дрезденъ, Моро указывалъ ему, что Наполеона нѣтъ въ городѣ; на это генералиссимусъ отвѣчалъ Моро грубымъ указаніемъ не вмѣшиваться въ распоряженія высшихъ. Моро вспылилъ, бросилъ шляпу на землю и вскричалъ: «Мнѣ нисколько теперь не удивительно, что васъ уже десять лѣтъ всегда бьютъ!» Когда на слѣдующій день атака на Дрезденъ поведена была усиленно, было уже поздно: Наполеонъ успѣлъ явиться съ подкрѣпленіями и въ свою очередь перешелъ къ наступленію. Около полудня битва была особенно ожесточенна; исполнялось уже отступленіе союзниковъ. Императоръ Александръ и его генеральный штабъ, стоявшій на высокомъ мѣстѣ, обратили на себя вниманіе французскихъ артиллеристовъ. Моро, который верхомъ на лошади, находился за прусскою батареею,

среди двухъ англійскихъ офицеровъ, Кэткарта и Уильсона, приблизился къ царю, прося его не подвергаться напрасно опасности. Императоръ сказалъ, поворачивая лошадь: «Проѣзжайте, фельдмаршалъ!». Въ этотъ моментъ ядро, пущенное съ близкой дистанціи, раздробило лѣвую ногу Моро выше колѣна, пробило сѣдло и сорвало все мясо съ праваго бедра до самой кости. Раненый упалъ и лишился чувствъ, проговоря лишь одно слово: «Смерть». На носилкахъ, составленныхъ изъ казацкихъ копій онъ былъ перенесенъ въ сосѣдній домъ: здѣсь сдѣлана была первая перевязка, подъ непріятельскимъ огнемъ; позже, близъ главной квартиры хирургъ императора ампутировалъ Моро обѣ ноги. Несчастный, придя въ себя, перенесъ эту операцію молча, съ сигарою во рту. Какъ говорятъ, онъ сказалъ въ это время императору: «Вамъ остается лишь мое туловище, но въ немъ есть сердце, и голова моя будетъ служить вамъ!» Тѣмъ временемъ союзники отступали черезъ проходъ въ Чехію. Моро несли въ открытыхъ носилкахъ, подъ плащами, которые плохо защищали его тѣло отъ проливного дождя. Императоръ Александръ нѣсколько разъ подходилъ къ нему и старался его утѣшить и обнадежить. 30 августа его положили въ небольшой деревнѣ въ Лаунѣ, гдѣ отступавшіе находились въ большей безопасности. На слѣдующее утро онъ попробовалъ написать письмо женѣ, но ему удалось начертать лишь немного словъ: «Этотъ мошенникъ Бонапартъ всегда счастливъ». Рапатель закончилъ это письмо, чтобы подготовить г-жу Моро. На пятый день послѣ полученія раны Моро умеръ. Какъ разсказываютъ, онъ говорилъ передъ смертью: «Мнѣ не въ чемъ упрекать себя, я желаю лишь пользы для своего отечества». Передаютъ, однако, и другія слова: «Какъ! я, Моро, умираю отъ французскаго ядра, окруженный русскими!»

— Иностранцы о Россіи. Въ ноябрьской книжкѣ «Deutsche Rundschau» началась печатаніемъ анонимная біографія, или, лучше сказать, психологическій анализъ баронессы Крюденеръ, игравшей такую важную роль на Вѣнскомъ конгрессѣ и въ послѣдующихъ затѣмъ событіяхъ [1]). Объ этой мистической эгеріи Александра I написано уже много, между прочимъ труды Бурдаха и Брецуіса на нѣмецкомъ языкѣ и Эйнара, а также Адели-Де-Ту, на французскомъ, всѣ прежніе ея біографы не имѣли въ своемъ распоряженіи напечатанныхъ въ послѣднее время архивныхъ документовъ, бросающихъ новый свѣтъ на вдохновительницу священнаго союза. Любопытную страницу о другой замѣчательной русской современницѣ баронессы Крюденеръ, именно княгинѣ Ливенъ, мы находимъ въ печатающемся въ «Revue des deux mondes» очеркѣ «Посольство герцога Деказа». Авторъ этого труда Эрнестъ Додэ недавно напечаталъ, какъ уже извѣстно читателямъ «Историческаго Вѣстника», переписку Метерниха съ незнакомкой и хотя привелъ всѣ доказательства, что незнакомкой была княгиня Ливенъ, однако нашелъ нужнымъ оставить этотъ вопросъ открытымъ, предоставляя читателямъ самимъ разрѣшить загадку. Но теперь въ своемъ новомъ сочиненіи онъ смѣло снимаетъ маску съ незнакомки [2]).

---

[1]) Frau von Krüdener.—Deutsche Rundschau. November. 1899.

[2]) L'ambassade du duc Decaze, par E. Daudet. Revue des deux mondes. 15 novembre. 1899.

«Прелестная и очаровательная графиня, а потомъ княгиня Ливенъ,—говоритъ онъ,—была женою русскаго посланника въ Англіи. По правдѣ сказать, она была настоящимъ посланникомъ, руководила своимъ мужемъ, пустѣйшимъ изъ людей, во всѣхъ трудныхъ вопросахъ, которые ему приходилось разрѣшать, и редактировала его депеши. Имѣя тогда 36 лѣтъ, она своимъ умомъ и врожденной граціей безгранично царила въ тогдашнемъ лондонскомъ обществѣ и дипломатическомъ корпусѣ. Конечно, злые языки не оставляли ее въ покоѣ и разсказывали, что англійскій король удостоивалъ ее своими милостями, но это очевидная ложь, такъ какъ со времени Вѣнскаго конгресса графиня Ливенъ всецѣло предалась пламенной любви, которую внушилъ ей князь Меттернихъ». Эти слова Эрнеста Додэ основаны на подлинномъ текстѣ писемъ Деказа къ королю Людовику XVIII въ 1820 году, и Деказъ свидѣтельствуетъ, что «въ то время ни года, ни преграды, ни разстоянія не ослабили пламенной любви графини Ливенъ къ австрійскому канцлеру».

Въ ноябрьской книжкѣ «Contemporary Rewiew» помѣщены воспоминанія о крымской войнѣ сэра Эдмонда Вернея [1]), который отгда былъ мичманомъ на англійскомъ кораблѣ «Terrible». Въ очень мрачныхъ краскахъ онъ описываетъ положеніе англійскаго войска въ Крыму. По его словамъ, не было принято никакихъ предварительныхъ мѣръ для ухода за ранеными, и страшно было смотрѣть, какъ, брошенные безъ всякаго присмотра на корабельныя койки, несчастные метались въ предсмертной агоніи. Тѣ изъ нихъ, которые прибывали живыми въ Константинополь, не находили тамъ лучшаго ухода, а валялись днями на полу безъ матрацевъ. Однако не всѣ воспоминанія Вернея отличаются такой мрачной нотой; напротивъ, онъ разсказываетъ много веселыхъ анекдотовъ о своихъ товарищахъ, въ особенности о командирѣ своего судна, который подъ свистомъ пуль и ядеръ сохранялъ равнодушное, хладнокровное, довольное выраженіе лица, скорѣе походившее на лондонскаго альдермана, уплетающаго супъ изъ черепахъ, чѣмъ на капитана корабля во время боя. Однако Верней считаетъ, что еще выше по мужеству былъ лейтенантъ Е., жирный толстякъ, который при первомъ выстрѣлѣ блѣднѣлъ, какъ полотно, но, несмотря на всѣ признаки физическаго, болѣзненнаго страха, оставался въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ до окончанія боя. Но, по словамъ англичанина, пальму первенства относительно храбрости надо было отдать гражданамъ Одессы во время бомбардировки англичанами этого города. «Какъ только полевая артиллерія отмѣтила береговой утесъ,—разсказываетъ онъ—показалось на немъ до тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей, пріѣхавшихъ въ экипажахъ изъ Одессы. Дамы въ зонтиками въ рукахъ хладнокровно смотрѣли, какъ ядра бороздили гору вблизи ихъ. Одно изъ этихъ ядеръ пролетѣло далѣе обыкновеннаго и ударилось въ землю подлѣ группы мальчиковъ, которые тотчасъ бросились къ нему и завели между собою драку изъ-за того, кому достанется ядро».

Англійская газета «Academy» подняла въ послѣднихъ номерахъ большой скандалъ по поводу появившейся въ Лондонѣ книги подъ заглавіемъ: «Снѣгъ

---

[1]) Old Crimean Days, by Sir Edmond Verney.—Contemporary Review. Novembre. 1899.

на Шахъ-Дагѣ и Амалатъ Бей. Посмертные романы Александра Дюма отца. Переводъ Г. Гордона»[1]). Предварительно до выхода въ свѣтъ книги, Гордонъ помѣстилъ въ газетахъ «Outlook» и «Sketch» статьи, въ которыхъ онъ повѣщалъ всему читающему міру, что богатый грекъ Стильянасъ Апостолидесъ гдѣ-то нашелъ подлинную рукопись двухъ невѣдомыхъ и не изданныхъ романовъ Дюма, въ чемъ его удостовѣрили парижскій издатель сочиненій Дюма, Кальманъ-Леви, и законный его наслѣдникъ. Въ удостовѣреніе этой любопытной находки Апостолидеса, который отдалъ ее Гордону для перевода, газеты напечатали маленькіе отрывки изъ рукописи, и они были признаны за безспорные автографы Дюма. Каково же было удивленіе англійскаго читающаго міра, когда «Academy», заявила, что эти оба романа уже напечатаны по-французски Алесандромъ Дюма, и составляютъ въ сущности переводъ извѣстныхъ сочиненій Марлинскаго: «Амалатъ-Бекъ» и «Мулла-Нуръ». Злополучный переводчикъ, наведя, какъ онъ увѣряетъ, справки, признался въ письмѣ къ редактору «Academy», что дѣйствительно романы, выданные имъ, какъ неизданныя посмертныя произведенія Дюма, написаны Марлинскимъ и даже напечатаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ переводѣ на англійскій языкъ съ перевода Дюма. При этомъ онъ взваливаетъ всю вину на Апостолидеса, который напечаталъ на свой счетъ его переводъ, и заявляетъ, что онъ присовокупитъ къ этому переводу печатное объявленіе, а его издатель вернетъ деньги покупателямъ, которые были введены въ заблужденіе. Что касается до грека, адресъ котораго въ Брайтонѣ сообщаетъ Гордонъ, то онъ до сихъ поръ благоразумно молчитъ.

— О трансваальскомъ президентѣ. М. Дронсаръ даетъ въ журналѣ «Correspondant»[2]) интересную біографію и характеристику престарѣлаго вождя южно-африканской республики, представляющаго собою одну изъ наиболѣе оригинальныхъ фигуръ нашего времени. Павелъ Крюгеръ, родившійся въ Капской колоніи, близъ Камберга, 25-го октября 1825 года, немного старше своей возлюбленной республики. Ему было около десяти лѣтъ, когда произошелъ великій «исходъ» голландцевъ на сѣверъ, давшій начало новымъ самостоятельнымъ голландскимъ государствамъ. Его семья приняла участіе въ исходѣ, изъ отвращенія къ англійской тираніи, бросивъ патріархальный очагъ свой, основанный еще въ 1713 году. Съ того момента началась воинственная жизнь, каковую, съ короткими перерывами, пришлось провести Крюгеру, какъ и всякому буру. Оставшіеся среди многочисленнаго каффрскаго населенія бурскіе поселенцы составили огромный укрѣпленный лагерь изъ своихъ повозокъ, запряженныхъ волами и связанныхъ одна съ другою. Внутри этого импровизированнаго лагеря помѣщены были женщины и дѣти и все движимое имущество переселенцевъ. Море чернокожихъ грозило поглотить ихъ, но ихъ спасли ихъ геройская храбрость и ихъ огнестрѣльное оружіе, которое было неизвѣстно африканскимъ дикарямъ. Они стрѣляли безпрерывно и увѣренно, женщины и

---

[1]) The Dumas Discoveries.—A mistayue.—The Academy.—25 november. 1899. Dumas in the Caucasus. The Story of the New Stories.—Academy.—2 december. 1899. The Damas translators statement, by H. Gordon.—Ibid. The Dumassomanus.

[2]) M. Dronsart, «Le president Kruger».—«Correspondant», 10 dec. 1899.

дѣти заряжали ружья и подавали ихъ сражавшимся мужчинамъ. Павелъ Крюгеръ, въ то время двѣнадцати лѣтъ отъ роду, уже тогда обратилъ на себя вниманіе своей физической силою, своею выносливостью и полнѣйшимъ презрѣніемъ къ физическимъ страданіямъ. Однажды, въ ранней молодости, онъ во время охоты раздробилъ себѣ палецъ; не долго думая, онъ самъ, при помощи ножа, ампутировалъ искалѣченный палецъ. Постоянными боями съ зулусами буры, наконецъ, завоевали себѣ все плоскогоріе отъ рѣки Вааль вплоть до Лимпопа. Страна эта, однако, не имѣла открытаго выхода въ море, а между тѣмъ буры, уже потому, что они голландцы, стремились къ соленой водѣ и понимали необходимость имѣть выходъ къ океану. Рано проникшись этой идеею, Павелъ Крюгеръ стремился къ осуществленію ея со всѣмъ упрямствомъ своей расы и своей индивидуальности. Англія ставила ему постоянно препятствія. Тѣмъ не менѣе, онъ сумѣлъ обойти своего противника и добиться отъ Португаліи концессіи, которая дала возможность голландской колоніи построить желѣзную дорогу къ заливу Делагоа. Это было побѣдою лишь относительною, но несомнѣнною и обязанною, на этотъ разъ, не силѣ, но той хитрости и ловкости, которою всегда отличался бурскій президентъ. Съ ранней молодости у него была возможность развить въ себѣ ту и другую. Постоянная, въ теченіе всей жизни, охота на людей и на животныхъ, постоянная борьба за существованіе, въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова, должны были развить въ этомъ человѣкѣ больше грубости, скрытности, чѣмъ искренности и мягкости. Что касается воспитанія, получаемаго молодыми бурами въ ихъ дѣтствѣ, то объ этомъ президентъ Крюгеръ и генералъ Жуберъ разсказывали слѣдующее во время своего пребыванія въ Европѣ: «Во всѣхъ семьяхъ усердно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы дѣти учились чтенію, такъ какъ это было необходимымъ условіемъ религіознаго обученія. Фермы были очень далеко отъ школъ и церквей; дикія животныя и враждебные кафры нарушали безопасность въ странѣ. А все-таки должно было идти въ школу. Къ счастью, буры, отъ отца къ сыну, превосходные стрѣлки. Каждый мальчикъ получалъ ружье и небольшой мѣшокъ съ боевыми запасами. Ему указывалось, чтобы онъ упражнялъ свой глазъ и свою руку и чтобы возвращался съ мѣшкомъ полнымъ дичи. Кафры очень боялись этихъ бѣлыхъ дѣтей, которымъ впрочемъ совѣтовали не нападать самимъ и не вести себя вызывающе». Послѣднее обстоятельство Крюгеръ пояснялъ такъ: «Мы хотѣли дать понять нашимъ дѣтямъ, что, по слову Писанія, кроткіе наслѣдуютъ землю». Молодой Павелъ извлекъ свою пользу изъ этого оригинальнаго способа обученія кротости; и силою и ловкостью онъ добился большой славы среди современниковъ. Въ 1839 году онъ усовершенствовалъ свою способность во время кровопролитной войны съ мотабелями и, несмотря на свои 14 лѣтъ, считался «великимъ воиномъ передъ Господомъ». Библейская фразеологія вообще у буровъ такъ же распространена, какъ у индепендентовъ Кромвелля. Библія—это совокупность всей ихъ литературы и, понятно, она оказала преобладающее вліяніе на все ихъ умственное развитіе. Увѣряютъ, что президентъ Крюгеръ, кромѣ Библіи, читалъ еще «Путешествіе странника» Буньяна и одну изъ «Исторій возстанія Нидерландовъ». Другихъ книгъ онъ не читалъ, а журналовъ и газетъ онъ, какъ увѣряютъ, не раскрываетъ. Романъ для него—

мерзость предъ Господомъ, а театръ—мѣсто гибели, которое не должно посѣщаться ни одною честною женщиною. Онъ ушелъ въ Лондонѣ со зрѣлища балета въ оперномъ театрѣ: его одинаково возмутили и короткія юбки балеринъ и обнаженныя плечи свѣтскихъ дамъ. Когда его пригласили на придворный балъ, дававшійся въ день рожденія королевы, онъ положительно отказался пойти туда, говоря, что балъ—это служеніе Ваалу въ родѣ тѣхъ, за которыя Господь, устами Моисея, назначилъ смертную казнь. Павелъ Крюгеръ, по своему, человѣкъ очень благочестивый, вѣра котораго глубока, искренна и дѣятельна; каждое воскресенье онъ лично проповѣдуетъ съ каѳедры, въ церкви одной изъ самыхъ строгихъ кальвинистическихъ сектъ, у такъ называемыхъ «doppers». Толкованіе Библіи у него самое примитивное. Онъ, напримѣръ, твердо вѣритъ въ проклятіе Хаму и Ханаану и, сообразно этому, поступаетъ съ чернымъ населеніемъ Африки. Вполнѣ понятно, что для исторіи африканскаго народа буровъ и для ихъ президента, «эйтландеры», привлеченные со всѣхъ странъ свѣта золотыми рудниками трансваальскаго Ранда, показались посланниками дьявола, а городъ ихъ Іоганнесбургъ—прямымъ наслѣдникомъ Содома и Гоморры. Правительство Трансвааля приняло всѣ мѣры, какія были въ его силахъ, чтобы не дать распространиться заразѣ новоявленныхъ «хананеянъ»—эйтландеровъ. Въ одной изъ рѣчей своихъ Крюгеръ пояснилъ свою политику слѣдующимъ образнымъ сравненіемъ. Онъ сравнивалъ независимое государство съ бассейномъ чистой воды, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ высокою дамбою; внѣ дамбы находится много влаги, грязной и мутной, но содержащей въ себѣ и годную для питья воду: чтобы вредная смѣсь не вошла въ чистую воду, необходимо, прежде допущенія внѣшней влаги внутрь бассейна, тщательно ее процѣживать и дистиллировать. Также точно,—пояснилъ Крюгеръ,—нельзя дѣлать эйтландеровъ гражданами, безъ продолжительнаго предварительнаго искуса. Эта рѣчь была сказана въ собраніи однихъ лишь буровъ, но въ другихъ случаяхъ Крюгеру приходилось выступать и передъ смѣшанною публикою, т. е. передъ эйтландерами. Въ такихъ случаяхъ рѣзкая откровенность президента выражалась со всей своей силою. Напримѣръ, на собраніи въ Крюгерсдерпѣ, гдѣ присутствовало много иностранцевъ, Крюгеръ началъ свою рѣчь такими словами: «Друзья! Но вѣдь вы не всѣ здѣсь друзья: есть между вами и убійцы, и воры! Поэтому я обращаюсь къ вамъ такъ: друзья, убійцы и воры!» И онъ спокойно продолжалъ свою рѣчь. Другой разъ, обязанный въ качествѣ президента республики открывать синагогу въ Іоганнесбургѣ, онъ открылъ торжество освященія слѣдующими словами: «Именемъ Господа Іисуса Христа объявляю эту синагогу открытою».

— Смерть Морица Буша, Гранта Аллена, Софіи Торма, лэди Сольсбери, баронессы Леветцовъ. Въ концѣ прошедшаго года сошло въ могилу нѣсколько выдающихся личностей, которыя въ томъ или другомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія. Докторъ Морицъ Бушъ, пресловутый alter ego и клевретъ Бисмарка, скончался въ Лейпцигѣ 16-го ноября на семьдесятъ девятомъ году своей жизни. Принадлежа по отцу къ саксонской крестьянской семьѣ, а по матери къ прусской буржуазіи, онъ въ юности готовился въ пасторы и, окончивъ свое образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, получилъ степень

доктора богословія. Но какъ только умеръ отецъ, желавшій сдѣлать изъ него новаго Лютера, онъ бросилъ пасторство и предался журналистикѣ. Сначала онъ писалъ газетныя статьи и редактировалъ литературный журналъ, гдѣ помѣщалъ свои переводы Диккенса и Теккерея; въ то время онъ былъ пламеннымъ республиканцемъ, и когда за событіями 1848 года наступила политическая реакція, то онъ отправился искать счастья въ Соединенныхъ Штатахъ. Посѣтивъ главнѣйшіе американскіе города, онъ поселился въ Сентъ-Луи и сдѣлался снова пасторомъ. Но совершеніе духовныхъ требъ и произнесенье проповѣдей не пришлись ему по сердцу, и спустя годъ онъ вернулся въ 1852 году въ Германію. Въ послѣдующія семь лѣтъ онъ исполнялъ различныя порученія австрійскаго Лойда на востокѣ и воспользовался собранными свѣдѣніями для напечатанія нѣсколькихъ путеводителей и описаній совершенныхъ имъ путешествій въ Іерусалимъ, Малую Азію и т. д. Въ 1859 году онъ поступилъ въ редакторы «Grenzboten» и сталъ писать патріотическія нѣмецкія статьи. Когда вспыхнула Шлезвигъ-Гольштинская война, онъ поступилъ на службу герцога Аугустенбургскаго и игралъ при немъ чуть не министерскую роль, но видя, что герцогъ не согласенъ быть ставленникомъ Бисмарка, онъ подалъ въ отставку и вернулся къ редактированію «Grenzboten», но, спустя нѣсколько лѣтъ, поссорился съ своимъ издателемъ, извѣстнымъ романистомъ Фрейтагомъ. Въ 1870 году онъ наконецъ выступилъ на прославившую его арену и сдѣлался клевретомъ желѣзнаго канцлера, который взялъ его съ собою во Францію. Съ тѣхъ поръ Бушъ предался душой и тѣломъ Бисмарку, былъ посредникомъ между нимъ и пресмыкающейся прессой, писалъ всѣмъ извѣстныя сочиненія о немъ и наконецъ послѣ его смерти издалъ знаменитый «Дневникъ». Въ послѣдніе годы онъ жилъ вдали отъ политической жизни въ Лейпцигѣ и горько оплакивалъ паденіе, а затѣмъ смерть своего кумира. Какъ самъ Бисмаркъ, онъ не признавалъ ничего святого и былъ достойнымъ холопомъ своего барина.

Совершенно инымъ писателемъ и человѣкомъ былъ недавно умершій англійскій романистъ, публицистъ и популяризаторъ естественныхъ наукъ, Грантъ Алленъ. Родомъ изъ Канады, онъ получилъ самое разношерстное воспитаніе въ Америкѣ, Франціи и Англіи. Окончивъ его въ Оксфордѣ, онъ находился учителемъ классическихъ языковъ въ Брайтонѣ, а затѣмъ профессоромъ логики въ коллегіи на Ямайкѣ. Затѣмъ онъ служилъ въ статистическомъ департаментѣ министерства по индійскимъ дѣламъ и, наконецъ, всецѣло посвятилъ себя литературѣ и журналистикѣ. Врядъ ли когда на свѣтѣ былъ такой плодовитый и разнообразный писатель, какъ Грантъ Алленъ; онъ въ одно и то же время писалъ книги по естественнымъ наукамъ, богословскіе трактаты, романы, безконечныя статьи по всевозможнымъ вопросамъ въ журналахъ и газетахъ, сотрудничалъ въ британской энциклопедіи, издавалъ путеводители по Европѣ и т. д. и т. д. При этой лихорадочной литературной дѣятельности, онъ не былъ литературнымъ торгашемъ, а во всемъ и всегда проводилъ либеральныя, прогрессивныя мысли. Никто болѣе его не популяризовалъ теоріи Дарвина, и никто пламеннѣе его не проводилъ систему эволюціи въ біологіи, психологіи, физіологіи, соціологіи, политикѣ, философіи и этикѣ. Никто честнѣе и разумнѣе его не проповѣдывалъ здравыя этическія идеи въ романахъ, какъ, напримѣръ, въ

его знаменитомъ «Она это сдѣлала», благородномъ процессѣ противъ брачныхъ предразсудковъ брачнаго рабства женщинъ. Искренній во всемъ, онъ между прочимъ съ жаромъ защищалъ превосходство сельской жизни надъ городской и, самъ живя въ деревнѣ, объяснялъ свое пристрастіе тѣмъ, «что города мертвы, и что слѣпы тѣ, которые видятъ въ городахъ жизнь, которая бьетъ ключемъ лишь въ деревнѣ, въ тысячахъ различныхъ, сельскихъ, лучезарныхъ, чудныхъ фермахъ». Къ лучшимъ его популярно-эстетико-научнымъ произведеніямъ принадлежатъ «Виньетки природы», «Эволюціонистъ на свободѣ», «Эволюція въ итальянскомъ искусствѣ» и «Послѣобѣденная философія». Онъ такъ много писалъ, что часто скрывалъ свое имя подъ псевдонимами: Ватсона, Райнера, Пауэра и т. д. Наконецъ физическія силы надломились у этого талантливаго энергичнаго человѣка, писавшаго обо всемъ одинаково честно, разумно, логично, основательно, и онъ умеръ на пятьдесятъ второмъ году своей жизни, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни.

Вся Венгрія оплакиваетъ кончину одного изъ выдающихся своихъ антропологовъ и археологовъ, Софію Торма, почетнаго доктора философіи Клаузенбургскаго университета. Происходя изъ ученой семьи, дочь историка и сестра археолога, она родилась въ 1840 г. и съ юности предалась изученію любимыхъ ею наукъ. Она дебютировала на ученомъ поприщѣ археологическими открытіями въ Гуніадскомъ комитетѣ, а затѣмъ въ Тардосѣ. Въ 1876 г. она предприняла путешествіе по Германіи съ ученою цѣлью и принимала участіе въ двухъ археологическихъ конгресахъ, на которыхъ обсуждала вмѣстѣ съ другими учеными интересный вопросъ о символическихъ украшеніяхъ керамики. Затѣмъ она читала лекціи въ Трансильванскомъ музеѣ и въ Гуніадскомъ историческомъ обществѣ по различнымъ вопросамъ археологіи и антропологіи, а въ прошедшемъ году напечатала книгу о восточныхъ символическихъ памятникахъ. Посвятивъ себя всецѣло наукѣ, Софія Торма вела одинокую, скромную жизнь въ трансильванскомъ городкѣ Браасѣ, гдѣ умерла на-дняхъ.

Жизнь только что умершей жены лорда Сольсбери представляетъ настоящій романъ. Дочь судьи барона Альдерсона и прекрасно воспитанная, она вышла замужъ очень молодая по любви. Теперешній премьеръ былъ тогда лордомъ Робертомъ Сесиль и, какъ второй сынъ маркиза Сольсбери, не имѣлъ передъ собой блестящей будущности. Несмотря на это, отецъ воспротивился его браку, который въ его глазахъ былъ недостоинъ кровнаго аристократа, и когда Сесиль, влюбленный по уши, поставилъ на своемъ, то онъ прекратилъ выдавать ему содержаніе. Юная чета восемь лѣтъ скромно жила тѣмъ, что вырабатывалъ мужъ перомъ. Онъ писалъ блестящія статьи въ «Saturday Review», «Standart» и «Gunrterly», а если вѣрить слухамъ, то его умная, образованная жена помогала ему въ этихъ литературныхъ трудахъ. Въ 1865 году умеръ старшій братъ Сесиля, и онъ сдѣлался виконтомъ Кранборномъ, а спустя три года послѣ кончины отца и маркизомъ Сольсбери. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ простого депутата онъ превратился въ министра, а съ теченіемъ времени и въ премьера. Но лэди Сольсбери, неожиданно достигнувъ перваго мѣста въ аристократіи и офиціальномъ мірѣ, продолжала вести прежнюю мирную счастливую семейную жизнь. Романъ ея продолжался до послѣдней минуты ея жизни, и она умерла, окру-

женная любовью мужа и дѣтей, а также всеобщимъ уваженіемъ. Хотя она никогда не играла политической роли, но была настоящей, вѣрной подругой жизни «перваго англичанина», какъ называютъ на его родинѣ лорда Сольсбери послѣ смерти Гладстона.

Въ концѣ ноября скончалась девяностопятилѣтняя баронесса Ульрика фонъ-Левецовъ. Она никогда не хотѣла выйти замужъ и жила тихо, скромно въ своемъ замкѣ, Траублицъ, который служилъ предметомъ постояннаго пилигримства литературнаго міра въ Германіи, такъ какъ почтенная старушка считалась послѣдней любовью Гете, воспѣтой имъ въ «Маріенбадской элегіи» и «Трилогіи страсти». Разсказывали, что эта старческая любовь началась въ Карлсбадѣ и Маріенбадѣ въ 1821 году, когда великому поэту было 72 года, и продолжалась три года, послѣ чего они уже болѣе не видались, но переписывались. Часть этой перепискиб ыла напечатана, — переписка съ Гете Ульрики, такъ и ея матери, бывшей прототипомъ Гетевской «Пандоры», что доказывается двумя записками въ его «Дневникѣ» отъ 27 и 31 іюля 1806 г., переданными Ульрикой не задолго до смерти въ Гетевскій и Шилеровскій архивъ въ Веймарѣ съ просьбой напечатать до ея смерти. Вся литературная Германія нетерпѣливо ждетъ появленія въ печати этихъ писемъ, тѣмъ болѣе, что надняхъ французскій докторъ Дидье, живущій въ Штутгартѣ, помѣстилъ въ газетѣ «Neuen Tageblaat» описаніе своей бесѣды съ баронессой Ульрикой фонъ-Левецовъ, которая отвергаетъ, чтобъ она была послѣдней любовью Гете. «Гете,— говорила она,—зналъ мою семью еще въ Лейпцигѣ, и когда онъ отыскалъ насъ осенью 1826 года въ Маріенбадѣ, то обошелся съ нами, какъ со старыми знакомыми. Мое первое свиданіе съ нимъ поэтому было вовсе не случайное. Онъ былъ тогда почтеннымъ тайнымъ совѣтникомъ и отличался гордымъ достоинствомъ. Всѣ черты его лица дышали аристократической надменностью, и онъ невольно внушалъ къ себѣ болѣе уваженія, чѣмъ кровный принцъ. Но утверждать, какъ дѣлали это нѣкоторые авторы, гоняющіеся за сенсаціонными исторіями, что я была влюблена въ этого милаго старика, какъ мнѣ тогда казался Гете нелѣпо, и вполнѣ вымышленно. Гете обращался со мною, какъ съ маленькою дѣвочкою, и всегда называлъ своей милой дочуркой. Онъ былъ прекрасный старикъ, съ удивительными глазами, изыскано одѣвался и былъ чрезвычайно любезенъ въ обществѣ. Даже тогда мнѣ казалось, что онъ болѣе ухаживалъ за моей матерью, чѣмъ за мной. Она была старше только на пятнадцать лѣтъ, и по словамъ Гете принадлежала къ числу самыхъ красивыхъ женщинъ на свѣтѣ. Онъ такъ былъ внимателенъ къ ней, что если бы я состояла его невѣстой, то, конечно, ревновала бы ее. Поэмы, которыя, по словамъ критиковъ, писалъ мнѣ Гете, были, по всей вѣроятности, посвящены матери. Гете переписывался съ ней очень часто, и мнѣ не входило никогда въ голову питать къ ней ревность, такъ какъ я была еще ребенкомъ. Онъ писалъ мнѣ только такіе стихи, какіе часто пишутъ молодымъ дѣвушкамъ. Впрочемъ, можетъ быть, Гете и питалъ ко мнѣ нѣжныя чувства, но я этого не знала, такъ какъ онъ мнѣ открыто въ нихъ не сознавался. Правда, въ слѣдующемъ году онъ сдѣлалъ предложеніе, но мать, тогда молодая вдова, приняла это предложеніе на свой счетъ. Тогда я уже прочла всѣ его сочиненія, но слышала, что онъ не пользуется популярностью.

Однажды, сидя у насъ въ саду, въ теплицѣ, Гете спросилъ мою мать, кого она предпочитаетъ, его или Шиллера. Она отвѣчала, что поэмы Шиллера болѣе говорятъ ея сердцу, и что она не понимаетъ всѣхъ произведеній Гете. Онъ улыбнулся и сказалъ: «Конечно, я никогда не былъ и не буду такимъ популярнымъ, какъ мой швабскій другъ». Въ это время Гете сошелся со мною ближе прежняго. Мы часто гуляли съ нимъ, и онъ училъ меня астрономіи и минералогіи, о которыхъ я не имѣла ни малѣйшаго понятія. Въ томъ же году мы снова свидѣлись въ Маріенбадѣ, и тамъ однажды Гете сказалъ мнѣ иронически, что я должна выйти замужъ и родить сына, которому онъ дастъ воспитаніе по своему усмотрѣнію. Я разсмѣялась, но онъ говорилъ искренно и вскорѣ потомъ написалъ объ этомъ моей матери, при чемъ упомянулъ о своихъ доходахъ, равнявшихся 10.000 гульденовъ. Въ слѣдующемъ году въ Страсбургѣ мнѣ сдѣлалъ предложеніе великій герцогъ Веймарскій, но изъ этого ничего не вышло. Означенное обстоятельство не нарушило моей дружбы съ Гете и не помѣшало еще пятнадцати молодымъ людямъ предложить мнѣ свою руку и сердце».

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Историческая справка о Гурьевской кашѣ.

ѢСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ, разбирая старыя, подлежащія уничтоженію дѣла Орловскаго губернскаго правленія, я, случайно натолкнулся на купчую крѣпость семьи, купленной въ 1822 году графомъ Гурьевымъ у болховскаго помѣщика П. Д. Юрасовскаго. Разговорившись объ этой купчей съ орловскими старожилами, мнѣ удалось собрать нѣсколько, не лишенныхъ интереса, свѣдѣній о знаменитой Гурьевской кашѣ и изобрѣтателѣ ея крѣпостномъ человѣкѣ Кузьмичѣ.

Прежде, чѣмъ сообщить записанныя мною свѣдѣнія, считаю не лишнимъ привести дословно найденную мною купчую:

«Лета тысяща восемь сотъ двадесятъ во второе марта въ 4 день отставной маэоръ Оренбургскаго драгунскаго полку Петръ Денисовичъ Юрасовскій продалъ я дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру графу Дмитрію Александровичу Гурьеву принадлежащую мнѣ, доставшуюся по наслѣдству отъ матери моей Татьяны Григорьевны Юрасовой, крѣпостную крестьянскую семью изъ деревни Сурьянино: Захара Кузмина сына Аксёнова 53 лѣтъ съ женою его Домной 49 лѣтъ, дочерьми: Акулиною 29-ти и Василисою 27-ми и сыномъ Сидоромъ 23 съ женою послѣдняго Матреной 21-го года и малолѣтнимъ сыномъ ихъ Карпушкой — всего 2 человѣка, 4 бабы и 1 ребенокъ. А оный мой вышеписанный крестьянинъ Захаръ Аксёновъ долго былъ въ Москвѣ, гдѣ и великолѣпно обученъ отъ московскихъ французовъ поварскому мастерству. А взялъ я съ него кавалера графа Гурьева за оную семью крѣпостныхъ людей ходячею россійскою манетою все, что полагается по уговору— все безъ остатку,

почему мнѣ Петру Юрасовскому съ него Дмитрія Гурьева получать уже больше нечего, и требовать я болѣе уже ничего не могу. А вышепоименованная въ сей продажной записи семья крѣпостныхъ людей (2 человѣка, 4 бабы и 1 ребенокъ) мною до сего никому иному, окромя его графа Гурьева, не продана, не заложена и никому иному не обѣщана, а буде и то, къ симъ проданнымъ мною людямъ учнетъ кто вступаться, убытки ему графу Гурьеву чинить станетъ и люди тѣ отъ него Гурьева паче всякаго чаянія отойдутъ, то взять ему, женѣ его или дѣтямъ на мнѣ, женѣ моей или дѣтяхъ двѣ тысячи рублей. Къ сей купчей Болховской помѣщикъ маэоръ Петръ Денисовичъ Юрасовскій въ продажѣ мною графу Димитрію Александрову сыну Гурьеву, а также въ томъ, что я съ него за вышеписанную семью все, что мнѣ приходится по рядѣ, получилъ, руку приложилъ. У сего дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ графъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ въ томъ, что я вышеписанную семью сполна отъ него Юрасовскаго получилъ и деньги, что приходится по рядѣ, уплатилъ, руку приложилъ. У сей купчей Мышкинскій уѣздный предводитель дворянства лейтенантъ Аѳанасій Михайловъ Башмаковъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей купчей Орловскій помѣщикъ полковникъ въ отставкѣ Михаилъ Петровичъ Бахтинъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сего дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Шредеръ свидѣтелемъ сей сдѣлки былъ и руку приложилъ. Сію купчую писалъ приказа общественнаго призрѣнія секретарь Логгинъ Лаврентьевъ Деканоръ. Запрещенія нѣтъ.

«1822 года марта въ 25 день сія купчая въ Орловской палатѣ гражданскаго суда явлена и въ книгу подлинникомъ записана. Пошлинъ шести копѣечныхъ сто двадцать рублей, за актъ пятьдесятъ рублей получено.

«Надсмотрщикъ Василій Смагинъ.

«По книгамъ: записной листъ 111 и 112, № 66».

Означенный въ этой купчей поваръ «Кузьмичъ», по словамъ слышавшаго о немъ бывшаго орловскаго губернскаго предводителя дворянства П. К. Ржевскаго, былъ большой мастеръ своего дѣла. Обѣдавшій какъ-то у П. Д. Юрасовскаго министръ финансовъ графъ Гурьевъ, знаменитый любовью хорошо поѣсть, пришелъ положительно въ восторгъ отъ приготовленной Кузьмичемъ какой-то превкусной кашицы. Не будучи въ состояніи удержать своего восторга, министръ бросился цѣловать повара, такъ угодившаго его избалованному вкусу. Послѣ этого П. Д. Юрасовскій не имѣлъ положительно покоя отъ упрашиванія Гурьева продать ему Кузьмича. Сначала П. Д. Юрасовскій отвѣчалъ полнымъ отказомъ, но потомъ, желая отдѣлаться, предложилъ три слѣдующихъ условія, которыя онъ, полагать должно, считалъ неисполнимыми. Первое условіе заключалось въ томъ, что на продажу Кузьмича требовалось его личное согласіе; второе: при исполненіи перваго Юрасовскій соглашался продать лишь всю семью полностью, и третье: за все это онъ, какъ говоритъ молва, запросилъ ни болѣе ни менѣе какъ всего только (бездѣлицу!) — мѣрку золота (червонцевъ). Послѣднее П. Д. Юрасовскій считалъ положительно не возможнымъ и думалъ, что на предложеніи этихъ условій торгъ окончится, но вышло иное. Что обык-

новенному смертному подъ часъ кажется невозможнымъ, для министра (особенно финансовъ) кажется пустяками. Въ результатѣ и явилась вышеприведенная купчая, въ слѣдъ за которою вскорѣ въ Петербургѣ, а затѣмъ и по всей Россіи, загремѣла слава знаменитой въ лѣтописяхъ кулинарнаго искусства «Гурьевской каши», изобрѣтателемъ которой является слѣдовательно крѣпостной человѣкъ Кузьмичъ, что же касается до графа Гурьева, имя котораго гремитъ нераздѣльно съ кашей, то онъ уничтожилъ неимовѣрное количество ея, и только.

Князь А. Л. Голицынъ.

СМѢСЬ.

Къ юбилею Суворова. Въ засѣданіи 26-го октября боровичская городская дума постановила: 1) ходатайствовать о разрѣшеніи поставить генералиссимуму князю Суворову памятникъ на одной изъ улицъ или площадей города Боровичъ. 2) Ассигновать изъ средствъ города на означенный предметъ 300 руб. 3) Ходатайствовать о разрѣшеніи открыть подписку по Новгородской губер. на сооруженіе памятника Суворову въ г. Боровичахъ. 4) Обратиться къ дворянскимъ обществамъ, земствамъ и городамъ Новгородской губерніи съ просьбою принять участіе въ расходахъ по сооруженію памятника Суворову. 5) О состоявшемся постановленіи думы сообщить всѣмъ волостнымъ правленіямъ Боровичскаго уѣзда, дабы дать большую возможность и крестьянскому населенію уѣзда принять участіе въ пожертвованіи на сооруженіе памятника великому народному герою. 6) Предоставить городской управѣ пригласить свѣдущихъ лицъ для прочтенія лекцій о Суворовѣ и сборъ отъ этихъ чтеній обратить на расходы по постройкѣ памятника Суворову. 7) Пріобрѣсти портретъ Суворова для украшенія имъ помѣщенія городской управы. 8) Ассигновать 200 руб. на пополненіе книгами городской безплатной библіотеки имени Суворова. 9) Ассигновать 100 руб. на устройство 6-го мая 1900 года дѣтскаго праздника. 10) Отслужить панихиду 7-го мая 1900 года. 11) Наименовать набережную р. Мсты на городской сторонѣ «Суворовскою».

С.-Петербургское археологическое общество. I. 6-го ноября, въ засѣданіи русскаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ С. Ө. Платонова, Н. К. Ре-

рихъ представилъ подробный отчетъ о произведенныхъ имъ лѣтомъ нынѣшняго года раскопкахъ невысокихъ кургановъ и жальниковъ въ части Старорусскаго уѣзда, между рѣками Шалонью и Ловатью, въ сосѣдней части Порховскаго уѣзда и немного въ Валдайскомъ. Раскопками этими положено начало цѣлому ряду систематическихъ раскопокъ на средства археологическаго общества. Работы г. Рериха, давшія сравнительно очень мало предметовъ, интересны, однако, въ научномъ отношеніи, выясняя типы курганныхъ и жальниковыхъ погребеній и давая возможность съ большей достовѣрностью установить вопросъ о населеніи Псковскаго и Новгородскаго края, на что и обратилъ вниманіе во время преній А. А. Спицынъ. Присутствовавшій въ засѣданіи членъ общества кн. П. А. Путятинъ принесъ въ даръ обществу всѣ тѣ предметы, которые были найдены Рерихомъ при раскопкѣ кургановъ въ его имѣніи. Кромѣ того, Н. К. Рерихъ подарилъ въ музей общества старинную пряжку, найденную въ пескѣ на берегу Дона при впаденіи въ него Хопра. II. Въ засѣданіи 9-го ноября А. К. Марковъ сдѣлалъ сообщеніе: «О монетномъ кладѣ, найденномъ въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1898 году». Кладъ былъ найденъ при реставраціи Успенской церкви на хорахъ въ нишѣ, и состоитъ онъ изъ 6.190 золотыхъ монетъ, вѣсомъ въ 1 пудъ 26 фун. 50 зол. и 9.887 монетъ серебряныхъ, вѣсомъ въ 16 пуд. 27³/₄ зол., заключавшихся въ четырехъ металлическихъ сосудахъ и одной деревянной кадкѣ. Кромѣ монетъ, въ сосудахъ этихъ найдено не мало хартій, изъ коихъ нѣкоторыя относятся къ самому кладу. Среди золотыхъ монетъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе золотой медальонъ Констанція II, сына Константина Великаго. Медальонъ этотъ, въ 10 зол. вѣсомъ, единственный извѣстный экземпляръ. На лицевой сторонѣ его изображенъ бюстъ Констанція, а на обратной — Констанцій съ братомъ своимъ Константомъ на тріумфальной колесницѣ въ шесть лошадей. По окончаніи чтенія было приступлено къ баллотировкѣ новыхъ членовъ—избранъ былъ В. С. Борзаковскій. III. 18-го ноября, подъ предсѣдательствомъ бар. В. Р. Розена, состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія. Проф. В. А. Жуковскій сдѣлалъ интересный докладъ: «Бесѣды съ дервишами современной Персіи». Проф. В. А. Жуковскій давно уже занимается изученіемъ дервишизма, и въ послѣднее пребываніе свое въ Персіи постарался ближе ознакомиться съ внутреннимъ устройствомъ ихъ орденовъ. Всѣхъ орденовъ восемь, но докладчикъ остановился на двухъ: Нимету-л-Ляхи и Джелали, какъ имѣющихъ наибольшее число послѣдователей. Первый орденъ отличается крайне симпатичными чертами; такъ, напримѣръ, членамъ его вмѣняется въ обязанность кротость въ обращеніи съ другими, кромѣ того, они обязаны заниматься ремеслами и трудами и, вообще, тунеядство ими порицается. Совсѣмъ другимъ характеромъ отличаются дервиши ордена Джелали: они лживы, податливы и образъ жизни ведутъ бродячій, нищенствующій, и въ послѣднее время нищенство это даже какъ бы узаконено, являясь извѣстнымъ налогомъ на общество. Представивъ картину внутренняго устройства орденовъ и ихъ ученіе, докладчикъ между прочимъ упомянулъ, что нищенствующіе дервиши пользуются иногда въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ особымъ условнымъ языкомъ, въ которомъ, повидимому, много словъ арабскихъ. Чтеніе свое докладчикъ иллюстрировалъ множествомъ фотографій. Въ преніяхъ по поводу доклада при-

няли участіе, между прочимъ, В. Р. Розенъ и г-нъ Клеменцъ, указавшій, что якуты во время поѣздокъ пользуются условнымъ языкомъ. IV. 27-го ноября состоялось подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова засѣданіе русскаго отдѣленія. Обсуждался вопросъ о томъ, куда направить на будущій годъ раскопки общества. Было выслушано три мнѣнія: 1) кн. П. А. Путятина, 2) проф Н. И. Веселовскаго и А. А. Спицына и 3) А. К. Рериха. Отдѣленіе склонилось къ проекту Н. И. Веселовскаго и А. А. Спицына и поручило первому изъ нихъ сдѣлать по этому вопросу докладъ въ общемъ собраніи общества. Затѣмъ И. А. Шляпкинъ представилъ отчетъ о своей поѣздкѣ на сѣверъ Россіи. Докладчикъ посѣтилъ Вологду, Устюгъ, Архангельскъ и Соловецкій монастырь. Наиболѣе подробно остановился онъ на своемъ пребываніи въ Вологдѣ и сообщилъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о Вологодскомъ епархіальномъ древлехранилищѣ. Это учрежденіе, возникшее въ концѣ 1896 года, поставило своей цѣлью по возможности собирать и охранять древности Сѣвернаго края. Несмотря на крайне скудныя средства (всего 60 руб. въ годъ), древлехранилищу, благодаря неусыпнымъ трудамъ преподавателя вологодской семинаріи И. Н. Сапунова, удалось собрать немало интереснаго, въ особенности для исторіи древней русской рѣзьбы по дереву. И было бы крайне желательно, чтобы небольшое и бѣдное сѣверное древлехранилище нашло себѣ матеріальную и нравственную поддержку въ нашемъ обществѣ. Затѣмъ А. И. Башкировъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе о хранящемся въ Краковѣ въ библіотекѣ кн. Чарторыйскихъ спискѣ русской лѣтописи, сдѣланномъ въ 1621 году въ Животовѣ по повелѣнію кн. Ад. Четвертинскаго. Списокъ этотъ ошибочно принятъ былъ И. А. Линниченко за копію Ипатьевскаго. Ближайшее съ нимъ знакомство показываетъ, что ближе всего онъ стоитъ къ списку Хлѣбниковскому, хотя нѣкоторые варіанты противъ послѣдняго заставляютъ скорѣе предположить, что Животовскій списокъ не представляетъ копіи съ какого либо извѣстнаго списка, а составленъ по нѣсколькимъ. Въ концѣ списка есть интересная бытовая запись, оставшаяся незамѣченною и И. А. Линниченко и І. Корженевскимъ, давшимъ краткое описаніе этой рукописи въ составленномъ имъ описаніи библіотеки кн. Чарторыйскихъ.

Археологическій институтъ. І. 28-го октября, были прочитаны два доклада: И. И. Крафта: «Уничтоженіе рабства въ Киргизской степи» и І. М. Балсунова «Доисторическія древности въ Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ». При пастушескомъ образѣ жизни, при патріархальности отношеній у киргизовъ не могло, конечно, создаться рабства, основаннаго на сословныхъ отношеніяхъ, или рабства аграрнаго, но оно у нихъ существовало; указанія на это мы можемъ найти въ ихъ старыхъ пословицахъ, какъ, напримѣръ: «толпа рабовъ не можетъ быть начальствомъ, а куча песчинокъ камнемъ». Архивные документы и наши законодательства прошлаго столѣтія подтверждаютъ существованіе рабства и даже законодательное его признаніе. Такъ, въ 1755 г. башкиры были объявлены бѣглыми, и киргизамъ за поимку каждаго изъ нихъ былъ обѣщанъ кафтанъ, а имущество, жены и дѣти ихъ отдавались въ собственность киргизовъ. При паденіи Джунгаріи многіе плѣнные бѣжали отъ звѣрства киргизовъ въ русскіе города; киргизы озлобились и стали плѣнять и порабощать русскихъ; выкупъ по 150 руб., который назначила Россія за такихъ плѣнныхъ, сталъ еще болѣе понуждать киргизовъ

сдѣлать изъ этого выгодное ремесло, и въ 1777 году въ Хивѣ и Бухарѣ число проданныхъ киргизами русскихъ достигало 5 тысячъ. Назначенный на выкупъ ихъ ежегодный отпускъ изъ казны въ 6 тыс. руб былъ далеко недостаточенъ. Въ 1822 году былъ изданъ законъ, утверждавшій существованіе киргизскихъ невольниковъ, существовавшихъ до этого года, а послѣдующихъ не допускавшій. У хановъ и султановъ образовался особый классъ вѣчныхъ слугъ-теленгутовъ по закону 1831 года, только за нихъ должны были вносить султаны ясакъ. Въ 1859 году султаны дали подписку освободить всѣхъ невольниковъ, но въ 1874 году въ Акмолинской области обнаружены были еще случаи невольничества, съ какого года и можно считать его прекращеніе. Существованію рабства и разнообразію его состава докладчикъ приписываетъ разнообразіе киргизскаго типа—ихъ голубые глаза, русую бороду, ихъ добродушіе, гостепріимство. Въ обильномъ присутствіи славянской крови видитъ докладчикъ причину ихъ невымиранія, ту свободу и легкость, съ которыми они переходятъ къ земледѣльческому быту, ихъ талантливость и умственную воспріимчивость. Г. Балсуновъ коснулся въ своемъ докладѣ трудовъ послѣдняго XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, заслуга котораго заключалась также въ утвержденіи мнѣнія существованія доисторическаго человѣка каменнаго вѣка на югѣ Россіи, еще когда сѣверъ былъ покрытъ льдомъ. Къ такому заключенію, что Кіевъ былъ мѣстомъ стоянки 20 тысячъ лѣтъ тому назадъ для доисторическаго человѣка, пришелъ проф. Армашевскій на основаніи послѣднихъ раскопокъ около Кіева, гдѣ на глубинѣ 8 саженъ были найдены кремневыя орудія, древесный уголь и кости мамонта. II. 18-го ноября состоялось общее собраніе членовъ и слушателей. Прочитаны были два реферата: г. Бодренкомъ—«Древнее знамя» и П. Левицкимъ—«Происхожденіе вопросовъ жениху и невѣстѣ при браковѣнчаніи». Первый референтъ описалъ и демонстрировалъ передъ слушателями найденное имъ въ 40 верстахъ отъ Полоцка древнее знамя 1667 года. Второй референтъ занялся вопросомъ, разработаннымъ уже съ канонической стороны проф. Павловымъ и Горчаковымъ, а именно—вопросомъ о свободѣ чувства и выбора въ бракѣ, гарантируемой вопросами священника во время обрядя вѣнчанія о свободномъ желаніи вступить въ бракъ. На основаніи греческихъ и латинскихъ рукописей референтъ полагаетъ, что вопросы эти впервые появились во Франціи въ XIII столѣтіи, утверждены были окончательно Тридентскимъ соборомъ въ XVI вѣкѣ. Въ XVI же вѣкѣ перешли въ Грецію, но встрѣтили реакцію, вслѣдствіе установившагося восточнаго взгляда на женщину и совершенно исчезли въ обрядѣ вѣнчанія въ XVII столѣтіи. Къ намъ изъ католическихъ требниковъ перенесъ эти вопросы въ XVII вѣкѣ Петръ Могила. Въ томъ же столѣтіи они вошли въ офиціальное изданіе Кормчей книги. Петръ Великій горячо взялся утвердить этотъ обрядъ, что доказываетъ нѣсколько его указовъ по этому вопросу. III. 25-го ноября состоялось общее собраніе членовъ и слушателей. Прочитаны были два реферата: П. А. Гусевымъ «Объ изображеніи Новгорода на иконѣ Хутынскаго монастыря» и художникомъ А. А. Карелинымъ «Основы реставраціи». Первый референтъ возстановилъ передъ слушателями планъ и видъ древняго Новгорода въ XVI столѣтіи, на основаніи изображеній на изслѣдованной имъ иконѣ. Сюжетъ изображенія иконы «Повѣсть о видѣніи

Варлаама Хутынскаго пономарю Тарасію». Кромѣ церквей и зданій города, на иконѣ изображены многія сцены изъ домашней и уличной жизни Новгорода. Относятъ эту икону къ XVI или началу XVII столѣтія. Художникъ А. А. Карелинъ продолжалъ свой рефератъ, незаконченный имъ въ одно изъ прошлыхъ засѣданій. На этотъ разъ онъ коснулся важнаго значенія «свѣтофильтровъ» въ дѣлѣ реставраціи рукописей. Свѣтофильтры—это жидкости, которыя при пропусканіи сквозь нихъ лучей выдѣляютъ по желанію отдѣльные цвѣта спектра или совокупность нѣсколькихъ цвѣтовъ.

Библіологическое общество. 13-го ноября, на общемъ собраніи, М. А. Поліевктовъ подѣлился своими впечатлѣніями, вынесенными изъ посѣщенія итальянскихъ архивовъ и библіотекъ. Оказывается, что въ Италіи пользованіе библіотеками обставлено гораздо меньшими стѣсненіями, нежели у насъ. Тамъ, напримѣръ, не существуетъ дѣленія библіотекъ на читальный залъ и «отдѣленія». Читатели имѣютъ возможность получить любую книгу очень быстро, имѣютъ даже возможность покурить, не выбѣгая на улицу. Указавъ затѣмъ на богатство итальянскихъ архивовъ, г. Поліевктовъ высказалъ сожалѣніе, что наши ученые ими очень мало пользовались. Интересныя дополненія къ реферату сдѣлалъ А. І. Малейнъ, также много работавшій въ Италіи и особенно въ Римѣ. Онъ сообщилъ, что въ ватиканскомъ архивѣ цѣлыя комнаты завалены еще неразобраннымъ матеріаломъ, крайне важнымъ для русскаго историка. Г. Малейнъ, также какъ и г. Поліевктовъ, указывалъ на отсутствіе стѣснительныхъ правилъ для занимающихся. Неудобно только, по его мнѣнію, то, что въ ватиканскомъ архивѣ, напримѣръ, не позволяютъ приводить своихъ переписчиковъ и заставляютъ платить большія деньги архивнымъ переписчикамъ. А. С. Раевскій высказалъ надежду, что въ скоромъ времени итальянскіе матеріалы сдѣлаются болѣе доступными русскимъ историкамъ, такъ какъ теперь обсуждается вопросъ объ учрежденіи въ Римѣ русской архивной комиссіи или же археологическаго института. По окончаніи преній г. Мальгремъ прочелъ имѣющіяся у него письма В. П. Межова и такимъ образомъ напомнилъ объ этомъ скромномъ, но до сихъ поръ никѣмъ незамѣченномъ труженикѣ. Н. М. Лисовскій, лично знавшій Межова болѣе 25 лѣтъ, сообщилъ нѣкоторые факты, обрисовывающіе эту замѣчательно оригинальную личность, и по просьбѣ собранія обѣщалъ въ одно изъ ближайшихъ засѣданій подѣлиться своими воспоминаніями о Межовѣ. Послѣ рефератовъ обсуждался вопросъ о содержаніи «Сборника», который выйдетъ въ началѣ будущаго года. Изъ числа намѣченныхъ изданій общества слѣдуетъ отмѣтить «Библіотеку русскихъ мемуаровъ». Въ первый томъ этого изданія войдутъ записки княгини Е. Р. Дашковой, которыя такимъ образомъ впервые появятся на русскомъ языкѣ. Каждый томъ этой «Библіотеки» будетъ снабженъ библіографическимъ указателемъ.

Географическое общество. I. 29-го октября, состоялось засѣданіе по отдѣленію этнографіи подъ предсѣдательствомъ профессора В. И. Ламанскаго. Была избрана комиссія для присужденія медалей въ текущемъ году; въ составъ ея вошли, кромѣ предсѣдателя отдѣленія и товарища его, многія лица по приглашенію: профессоръ Бартольдъ, Роннъ, Груммъ-Гржимайло и другіе. Въ нынѣшнемъ году отдѣленіе этнографіи располагаетъ правомъ присужденія выс-

шей награды — Константиновской медали. Затѣмъ В. Н. Іохельсономъ былъ сдѣланъ докладъ о бродячихъ народахъ тундры между рѣками Индигиркой и Калымой, въ мало изслѣдованной части Сибири на пространствѣ 60 квадратныхъ верстъ, гдѣ кочуютъ ламуты, юкагиры, тунгусы. Всѣ эти народности представляютъ изъ себя всего нѣсколько сотенъ человѣкъ, влачащихъ самое жалкое и иногда звѣроподобное существованіе. Живутъ они охотой, рыбной ловлей и отыскиваніемъ мамонтовыхъ клыковъ, сбываемыхъ ими отъ 15 до 25 рублей пудъ; эти деньги въ концѣ-концовъ полностью попадаютъ въ руки новыхъ промышленниковъ, обирающихъ туземцевъ и закабаляющихъ ихъ запродажей въ кредитъ по слишкомъ высокимъ цѣнамъ предметовъ первой необходимости. Всѣ указанныя выше народности, благодаря климатическимъ условіямъ и общему образу жизни, постепенно утрачиваютъ свои отличительныя особенности и сливаются въ одинъ родъ. Жители тундръ стоятъ на крайне низкой степени развитія: земледѣлія не существуетъ, скотоводство развито крайне слабо, обладаніе 3—4 оленями считается порядочнымъ уже достаткомъ. Орудія охоты примитивны, ружья, хотя бы кремневыя, не существуютъ, ихъ замѣняютъ лукъ и стрѣлы. Религіозныя вѣрованія очень неопредѣленны, хотя существуетъ нѣкоторое представленіе о загробной жизни, съ чѣмъ связанъ обычай анатомированія покойниковъ. Изъ обычаевъ характерны особенно свадебные, обставленные иногда сложными и длинными церемоніями. Половыя отношенія довольно просты—браки существуютъ между близкими родственниками и кровосмѣшеніе не считается противоестественнымъ. Такова несложная жизнь бѣднаго сына тундры, которую природа лѣтомъ погружаетъ въ безпредѣльныя топи, а зимою оковываетъ лютыми морозами. **II.** 10-го ноября, въ общемъ собраніи подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова, были избраны дѣйствительными членами общества слѣдующія лица: министръ иностранныхъ дѣлъ графъ М. Н. Муравьевъ, генералъ-лейтенантъ П. В. Сахаровъ, генералъ-лейтенантъ Н. К. Шильдеръ, сенаторъ Завадскій, Вильямъ Джексъ — членъ американскаго географическаго общества, А. А. Башмаковъ, С. Н. Велецкій, Б. А. Витмеръ, Н. Г. Волковъ, Н. П. Дамаскинъ, Сетеновъ Джордже, Серъ-Али-Ляпинъ, С. Д. Молчановъ, Р. Н. Савельевъ и В. Н. Тюшовъ. Затѣмъ секретаремъ общества А. В. Григорьевымъ сообщены были нѣкоторыя свѣдѣнія объ экспедиціи доктора Тюшова въ Камчатку и совершенныхъ имъ тамъ экскурсіяхъ, въ томъ числѣ въ Моржовую бухту, гдѣ имъ найдено желѣзо, и прочтено донесеніе П. К. Козлова, подъ начальствомъ котораго организована географическимъ обществомъ экспедиція въ Центральную Азію. Донесеніе отправлено изъ г. Кобдо отъ 24-го августа и содержитъ въ себѣ краткое изложеніе хода экспедиціи отъ ея исходнаго пункта, станицы Алтайской, до выше названнаго города, каковое пространство (около 400 верстъ) было пройдено отъ 14-го іюля до 12-го августа. П. К. Козлова сопровождаютъ А. Н. Казнаковъ и г. Ладыгинъ. Караванъ состоитъ изъ 18 человѣкъ, 54 верблюдовъ и 14 лошадей. Первый привалъ былъ сдѣланъ въ 7—8 верстъ отъ Алтайска, у Нарымскаго хребта, и изслѣдована близъ лежащая долина Бухтармы, населенная отчасти русскими крестьянами, отчасти киргизами; здѣсь была устроена охота на мараловъ (видъ оленя), весьма цѣнное животное по своимъ рогамъ, за ко-

торые китайцы платятъ огромныя деньги. Двигаясь далѣе на востокъ по мѣстности довольно холодной по климату и бѣдной по растительности и животнымъ, экспедиція достигла перехода Уланъ-Даба, мѣста русско-китайской границы. Здѣсь путешественники раздѣлились. Козловъ направился въ Кобдо прямымъ путемъ, а Казнаковъ и Ладыгинъ туда же въ обходъ, отклоняясь къ южному взгорью. Оба пути дали много интересныхъ свѣдѣній по флорѣ, фаунѣ и барометрическимъ измѣреніямъ и по этнографическому матеріалу. Главная часть экспедиціи, съ г. Козловымъ, 3-го августа достигла рѣки Кобдо, величайшаго водяного пути Монголіи: длина ея около 500 верстъ, ширина отъ 40 до 50 саженъ. Переправившись черезъ Кобдо, экспедиція по горной сѣро-желтой опаленной мѣстности достигла урочища Алтынъ-Чугуку; по этому пути какъ на перевалахъ, такъ и въ долинахъ на каждомъ шагу попадаются древніе памятники монголовъ—большія каменныя сооруженія конической формы. Въ Кобдо прибыла экспедиція 12-го августа, а 16 го августа подошелъ отрядъ Казнакова и Ладыгина, сдѣлавъ въ 20 дней 550 верстъ. Изъ наблюденій послѣднихъ интересны свѣдѣнія объ озерахъ Кобдо и этнографическій матеріалъ (о жизни урунхайцевъ). Верхнее и нижнее озера Кобдо лежатъ другъ отъ друга на разстояніи 7-ми верстъ, а не двухъ, какъ думали ранѣе. Длина озера Кобдо 15 верстъ, а ширина достигаетъ 8 верстъ; прежде наибольшую ширину считали въ 300 саженъ. Озеро покрыто островами, на которыхъ происходятъ зимовки киргизовъ; по берегамъ тучи комаровъ, исключительно самцовъ; въ озерѣ множество рыбы. Урунхайцы представляютъ изъ себя кочевой народъ до крайности бѣдный, живущій охотой и грабежомъ скота у сосѣдей. Они являются даровыми рабочими двухъ китайскихъ фирмъ, закабалившись у нихъ неоплатными долгами около 180 ланъ (360 тысячъ рублей). Управляются урунхайцы наслѣдственными амбанями. Главной охотой являются у нихъ сурки, шкурки которыхъ продаются по 25 коп. Всѣ расчеты ведутся на чай, при чемъ несмотря на свою бѣдность, урунхайцы въ расплатахъ крайне честны. По типу они монголы, по языку тюрки. Мужчины носятъ волосы заплетенными въ три косы. Изъ обрядовъ интересны —брачные и похоронные, бракъ сопровождается калымомъ. Покойниковъ отдаютъ на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ. Наслѣдство дѣлятъ поровну сыновья, дочери идетъ $^1/_3$. Судъ происходитъ по китайскимъ законамъ, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, гдѣ дѣйствуютъ мѣстные обычаи,—напримѣръ, при случаяхъ невѣрности жены. Изъ Кобдо экспедиція двинулась 25-го августа. Пока, по матеріалу, почерпнутому сравнительно на небольшомъ пространствѣ, экспедицію надо признать вполнѣ удачной.

Психологическое общество въ Москвѣ. 6-го ноября, происходило публичное засѣданіе психологическаго общества, посвященное памяти покойнаго предсѣдателя общества профессора Н. Я. Грота. Товарищъ предсѣдателя профессоръ Л. М. Лопатинъ открылъ засѣданіе вступительнымъ словомъ. «Нынѣшній годъ»,—сказалъ онъ,—«останется очень печальнымъ годомъ въ лѣтописяхъ московскаго психологическаго общества, схоронившаго за это время многихъ своихъ сочленовъ, видныхъ дѣятелей на научномъ и общественномъ поприщѣ. Но особенно была неожиданна, особенно поразила всѣхъ безвременная кончина предсѣдателя общества Н. Я. Грота. Извѣстіе о смерти его было

встрѣчено съ чрезвычайно горькимъ чувствомъ не только членами психологическаго общества, хорошо знавшими его и съ нимъ работавшими, но и всѣми образованными русскими людьми, любящими философію. Есть люди, значеніе которыхъ крайне трудно охарактеризовать, именно потому, что они чрезвычайно много сдѣлали; въ этомъ смыслѣ очень трудно дать краткую характеристику того, чѣмъ былъ Н. Я. Гротъ для психологическаго общества. Не онъ основалъ его,—онъ явился въ Москву, когда общество уже существовало и дѣйствовало, но несомнѣнно Н. Я. былъ создателемъ той роли, которую получило московское психологическое общество въ исторіи русскаго просвѣщенія,—онъ обратилъ его въ важную, для всѣхъ замѣтную, общественную силу, въ одинъ изъ видныхъ русскихъ просвѣтительныхъ центровъ. Н. Я. сообщилъ дѣятельности общества такой широкій размахъ, о которомъ никто не могъ и мечтать при его первомъ возникновеніи: спеціальное по своимъ задачамъ, оно сдѣлалось однимъ изъ популярнѣйшихъ ученыхъ обществъ Москвы, труды и изданія его получили широкое распространеніе, журналъ его «Вопросы Философіи и Психологіи» привлекъ общественное вниманіе, занялъ почетное мѣсто въ общей журналистикѣ—и все это совершилось необыкновенно быстро, въ какіе нибудь 2—3 года, едва во главѣ общества сталъ Н. Я. Гротъ. Прирожденный организаторъ и администраторъ, обладавшій огромной энергіей, неудержимо шедшій къ однажды намѣченной цѣли, покойный Н. Я. былъ въ то же время добрымъ, сердечнымъ, замѣчательно отзывчивымъ человѣкомъ. Онъ умѣлъ заставить и другихъ твердо и неуклонно дѣйствовать, умѣлъ сплотить людей въ одинъ дружескій кружокъ. Къ этому нужно прибавить принадлежавшій ему рѣдкій даръ популяризатора, благодаря которому Н. Я. умѣлъ всякій сухой, отвлеченный вопросъ сдѣлать живымъ, доступнымъ и интереснымъ для всѣхъ. Только такіе люди обладаютъ способностью обращать философію въ общественное достояніе». Заключилъ свое вступительное слово профессоръ Л. М. Лопатинъ сообщеніемъ, что для увѣковѣченія памяти Н. Я. Грота общество постановило учредить премію имени покойнаго за лучшія философскія сочиненія, а также принять участіе чрезъ особую комиссію въ веденіи изданія сочиненій Н. Я., задуманнаго вдовою покойнаго. Послѣ Л. М. Лопатина произнесъ рѣчь В. Н. Ивановскій, представившій подробный очеркъ жизни и личности Н. Я. Грота, его воспитанія, служенія, научной и общественной дѣятельности, а затѣмъ, послѣ небольшаго перерыва, Ю. И. Айхенвальдъ сдѣлалъ очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я., а П. П. Соколовъ охарактеризовалъ Н. Я. Грота, какъ мыслителя и человѣка.

Реймское евангеліе въ новомъ изданіи [1]). Только что вышло въ свѣтъ напечатанное въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ фототипическое воспроизведеніе одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ славянской письменности, знаменитаго реймскаго евангеліарія, т. е. книги евангельскихъ чтеній. Изданіе это принадлежитъ извѣстному французскому слависту, профессору Луи Леже; снабжено оно предисловіемъ и библіографическимъ указателемъ и выполнено съ замѣча-

---

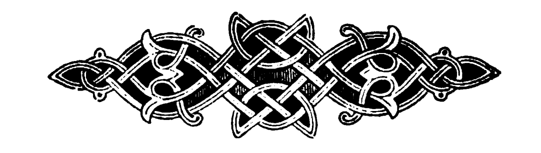
[1]) L'Evangéliaire Slavon de Reims, dit. Texte du Sacre, par Louis Léger, professeur au Collège de France. Reims, Michaud, éd. & Prague. 1899. 4°.

тельнымъ изяществомъ въ фототипической мастерской Дюжардена. Тревожная, исполненная перипетій исторія реймской рукописи тѣсно связана съ перемѣнчивыми судьбами славянскаго богослуженія въ Чешскомъ королевствѣ XIV вѣка. Въ началѣ XIV столѣтія только католикамъ-хорватамъ разрѣшалось употребленіе въ церкви славянскаго языка; но и этотъ свой лингвистическій либерализмъ Римъ, по своему обыкновенію, сумѣлъ значительно обезцвѣтить, строго предписавъ довольствоваться исключительно древнѣйшими церковными книгами, принятыми еще изъ Паннонiи или списанными въ самой Хорватiи не позднѣе XII вѣка. Заимствовать священныя книги у сосѣднихъ соплеменниковъ, — «схизматиковъ»-сербовъ и еретиковъ-болгаръ, разумѣется, запрещалось. Въ половинѣ XIV вѣка Карлъ IV, императоръ римскій и король богемскій, большой любитель славянскихъ нарѣчій, просилъ папу Климента VI дозволить славянское богослуженіе и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехiи. Въ Римѣ не хотѣли обидѣть отказомъ императора, но еще менѣе желали отмѣнять латинскую службу; поэтому, хотя дозволеніе и было дано (въ 1346 г.), но оно простиралось только на одно мѣсто. Этимъ мѣстомъ явился основанный въ слѣдующемъ же году въ Прагѣ монастырь въ честь св. Іеронима, Кирилла, Меѳодія, Войтѣха и Прокопія, «дѣдичей» (патроновъ) королевства Чешскаго. Въ этомъ монастырѣ богослуженіе отправлялось по-славянски сначала хорватскими бенедиктинцами, вызванными сюда изъ сеньской епархiи Приморской Хорватiи, а съ теченіемъ времени и вновь поступавшими въ число монаховъ чехами. Въ этотъ-то оплотъ славянизма и подарилъ его основатель, Карлъ IV, кирилловское евангеліе русско-болгарскаго извода. Когда, гдѣ и кѣмъ написано было это евангеліе, какъ досталось оно императору, это и до сихъ поръ остается невыясненнымъ. Современные ученые, не вдаваясь въ другія догадки, относятъ его къ XI или къ самому началу XII вѣка. Но среди тогдашней братiи пражскаго монастыря св. Іеронима сложилась легенда, по которой «русское письмо» приписывалось самому св. Прокопію, «опату» (игумену) сазавскому, чешскому дѣдичу. Въ концѣ XIV вѣка къ древней кириллицѣ присоединено было глаголическое евангеліе, написанное въ самомъ монастырѣ въ 1395 г., какъ свидѣтельствуетъ чешская приписка благочестиваго писца. Оба евангелія составили одну книгу и были заключены въ богато изукрашенный переплетъ. Наступило пятнадцатое столѣтіе, настала тяжелая для Богемiи эпоха гуситскихъ войнъ. Монастырь св. Іеронима, перешелъ въ руки утраквистовъ, вѣроятно благодаря этому уцѣлѣлъ, даже не подвергался разграбленію, благополучно пережилъ бурные годы и продолжаетъ существовать и донынѣ, оставаясь попрежнему въ рукахъ бенедиктинцевъ. Но славянское богослуженіе замолкло въ немъ навсегда, а вмѣстѣ съ нимъ исчезла и наша рукопись. Существуетъ предположеніе, высказанное еще Палацкимъ, что пражское евангеліе послано было въ Константинополь членами утраквистскаго совѣта, отвѣчавшими на обращенное къ нимъ изъ Грецiи приглашеніе вступить въ единеніе (унію) съ греческой церковью. Въ Константинополѣ, быть можетъ, нашелъ эту книгу столѣтіемъ позже нѣкто Константинъ Палеокаппа, списыватель и поставщикъ книгъ кардинала Лотарингiи, Карла. Какъ бы то ни было, въ концѣ XVI вѣка рукопись принадлежитъ этому кардиналу и передается имъ въ собственность реймскаго собора.

Но и въ этомъ относительно тихомъ прибѣжищѣ не суждено было успокоиться многостранствовавшей книгѣ. Въ Реймсѣ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, славянскому евангелію приходилось играть важную роль въ обрядѣ коронованія французскихъ королей: возлагая руку именно на это евангеліе, король давалъ торжественную клятву свято отправлять правосудіе. Отсюда явилось и французское прозвище нашего памятника: texte du Sacre. Но тогдашніе археологи не умѣли распознать настоящей національности загадочной книги: въ старинныхъ описяхъ XVII вѣка она значится, какъ написанная по-гречески, по-сирійски и даже по-индійски. Только въ началѣ прошлаго столѣтія славянское ея происхожденіе было твердо установлено, но не спеціалистами-палеографами, а проѣзжими русскими дипломатами, сопровождавшими царя Петра въ его поѣздкѣ во Францію. Позднѣе заинтересовалась любопытной книгой и императрица Екатерина II: по ея просьбѣ, французское правительство доставило ей подробный мемуаръ о реймской драгоцѣнности. Но началась великая революція, — и эта драгоцѣнность снова исчезаетъ. Ученые начала нынѣшняго столѣтія, какъ Шлецеръ или Сильвестръ де-Саси, считали ея безвозвратно потерянной. Первые представители зарождавшейся тогда славистики,—Добровскій, Шафарикъ, Копитаръ,— горько оплакивали невознаградимую утрату національнаго сокровища; поэтъ Колларъ въ пламенныхъ стихахъ предавалъ проклятію нечестивыхъ якобинцевъ, истребившихъ славянскую святыню. А въ это самое время оплакиваемая рукопись мирно стоитъ на полкѣ реймской городской библіотеки и постоянно и акуратно заносится въ ея рукописные каталоги: санкюлоты польстились только на богатыя украшенія переплета, но не коснулись самаго текста... Честь вторичной находки многострадальнаго манускрипта принадлежитъ французскому ученому Луи Парису. Эта счастливая находка справедливо сочтена была крупнымъ открытіемъ и возбудила восторженное ликованіе въ славянскомъ ученомъ мірѣ. Съ того времени и до послѣднихъ лѣтъ реймское евангеліе служило и служитъ предметомъ ученыхъ изслѣдованій, — его изучаютъ и С. Строевъ, Востоковъ, Погодинъ, Ганка,—и Первольфъ, Будиловичъ, Соболевскій. Въ 1845 году Сильвестръ на средства, дарованныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ, издаетъ литографическую, не совсѣмъ, впрочемъ, исправную копію оригинала; Ганка и Л. Парисъ въ болѣе дешевыхъ и доступныхъ изданіяхъ печатаютъ текстъ нашего памятника и лингвистическія особенности его входятъ такимъ образомъ въ научный оборотъ славянской филологіи. Наконецъ, въ Парижѣ министръ народнаго просвѣщенія г. Рамбо представляетъ на разсмотрѣніе государя императора нарочно выписанную изъ Реймса рукопись. Тогда же всѣ листы ея фотографируются, но снимки появляются только въ числѣ четырехъ экземпляровъ, не поступающихъ въ продажу. Но въ настоящемъ своемъ видѣ, можно сказать, знаменитое евангеліе появляется впервые только теперь, въ изданіи профессора Леже. Всѣ своеобразности начертанія и палеографическія особенности воспроизведены съ удивительной чистотой и отчетливостью, а роскошные, раскрашенные отъ руки экземпляры прекрасно передаютъ немногочисленныя, къ сожалѣнію, цвѣтныя заставки и миніатюры. Пространное предисловіе г. Леже отличается всѣми обычными качествами многочисленныхъ работъ этого плодовитаго ученаго. Библіографиче-

скій указатель, въ составленіи котораго принималъ участіе и В. И. Ламанскій, исчерпываетъ, вѣроятно, всю литературу предмета: мы не нашли въ немъ только статьи П. А. Лавровскаго, помѣщенной въ «Опытахъ филологическихъ трудовъ студентовъ главнаго педагогическаго института 6-го выпуска», Спб., 1852 г. По роскоши въ типографскомъ отношеніи [1]) къ настоящей книгѣ приближаются у насъ лишь нѣкоторыя изданія общества любителей древней письменности, а изъ частныхъ издателей развѣ только Д. А. Ровинскій съ такой любовью и съ такимъ вниманіемъ слѣдилъ за воспроизведеніемъ дорогихъ его сердцу старинныхъ гравюръ.

Избраніе въ члены Краковской академіи. Сотрудникъ нашего журнала Г. А. Воробьевъ, совѣтникъ ломжинскаго губернскаго правленія, за свои научные труды, касающіеся исторіи и археологіи царства Польскаго, изъ которыхъ многіе появлялись въ извлеченіи на страницахъ «Историческаго Вѣстника», избранъ Краковскою академіею наукъ (academia literarum Cracoviensis) своимъ членомъ-сотрудникомъ.

[1]) Въ предисловіи, къ сожалѣнію, вкралось нѣсколько опечатокъ.

НЕКРОЛОГИ.

ИЛИППОВЪ, Т. И. 29 ноября, скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни государственный контролеръ, сенаторъ, д. тайн. сов. Тертій Ивановичъ Филипповъ. Покойный принадлежалъ къ числу выдающихся государственныхъ дѣятелей. Имя его пользовалось большой извѣстностью и какъ литератора-славянофила и богослова. Т. И. родился въ Ржевѣ 24-го декабря 1825 года, воспитывался въ Тверской гимназіи, затѣмъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со званіемъ кандидата историко-филологическаго факультета. Свою служебную карьеру онъ началъ учителемъ русской словесности въ одной изъ московскихъ гимназій. Молодой педагогъ не довольствовался учительствомъ и занялся одновременно литературой, вступивъ въ составъ молодой редакціи «Москвитянина», имѣвшей во главѣ М. П. Погодина. Кромѣ того, статьи Т. И. печатались въ «Московскомъ Сборникѣ». Въ своихъ журнальныхъ работахъ покойный выступилъ горячимъ сторонникомъ славянофильскихъ теорій, и когда «Московскій Сборникъ» прекратился, онъ основалъ вмѣстѣ съ А. И. Кошелевымъ новый славянофильскій журналъ «Русскую Бесѣду», въ которомъ въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ принимали участіе Хомяковъ, Кирѣевскій, Аксаковъ и Самаринъ. Въ 1856 году Т. И. былъ командированъ морскимъ министерствомъ на Донъ и Азовское море для изслѣдованія и подробнаго описанія нравовъ и обычаевъ мѣстнаго населенія. Въ своей журнальной дѣятельности Т. И. проявилъ знаніе греческаго языка, богословскихъ наукъ и каноническаго права. Бывшій въ то время оберъ-прокуроръ св. Синода, гр. А. П. Толстой, пригласилъ его къ себѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. По новой должности покойный принялъ участіе въ разработкѣ многихъ церковныхъ вопросовъ и познакомился

съ литературою раскола и старообрядчества, а также съ бытомъ и нуждами православной церкви на Востокѣ. Съ 1864 года служебная дѣятельность покойнаго сосредочилась въ государственномъ контролѣ, куда онъ былъ приглашенъ организаторомъ дѣйствующей у насъ контрольной системы В. А. Татариновымъ. Въ 1878 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ государственнаго контролера и въ 1889 г. государственнымъ контролеромъ. Одновременно Т. И. продолжалъ работать и въ различныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Особенно видное участіе онъ принималъ въ Славянскомъ благотворительномъ комитетѣ. Въ теченіе 1870—1872 гг. Т. И. велъ горячую полемику съ Гильфердингомъ и др. по поводу греко-болгарской церковной распри и доказывалъ неканоничность учрежденія болгарскаго экзархата въ Константинополѣ. За защиту интересовъ единовѣрныхъ восточныхъ церквей вообще и Іерусалимской въ частности Т. И. былъ награжденъ почетнымъ званіемъ епитрона гроба Господня. Въ 70-хъ же годахъ Т. И. выступилъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія съ предложеніемъ созвать вселенскій соборъ для разрѣшенія различныхъ вопросовъ, касавшихся нуждъ единовѣрныхъ церквей. Весьма видное участіе принималъ покойный въ дѣятельности Императорскаго географическаго общества по собиранію русскихъ пѣсенныхъ напѣвовъ. По его почину возникла при Обществѣ въ 1884 году особая пѣсенная комиссія, предсѣдателемъ которой Т. И. былъ до конца своей жизни. Покойный еще въ студенческіе годы обратилъ вниманіе на вымираніе народной пѣсни и съ тѣхъ поръ не переставалъ думать о сохраненіи для родного искусства хранимыхъ въ народѣ сокровищъ. Т. И. былъ убѣжденъ, что наши русскіе художники найдутъ въ народныхъ напѣвахъ богатыя темы для художественныхъ созданій въ области русской самобытной музыки. По его ходатайству были дарованы пѣсенной комиссіи средства для снаряженія экспедицій съ цѣлью собиранія русскихъ пѣсенъ съ напѣвами. Экспедиціи эти, въ составѣ композиторовъ и этнографовъ, собрали въ настоящее время уже болѣе 1.000 пѣсенъ въ разныхъ губерніяхъ. Покойный Т. И. стремился также поддержать и въ нашей интеллигенціи любовь къ русской пѣснѣ и музыкѣ и съ этою цѣлью пріютилъ у себя въ Петербургѣ извѣстную «сказительницу» Олонецкой губерніи, поощрялъ балалаечниковъ и русскіе хоры. Какъ писатель, покойный, хотя въ его литературной манерѣ замѣчалось сильное вліяніе изученія отцовъ церкви и византійскихъ историковъ, былъ убѣжденнымъ противникомъ загрязненія русской рѣчи излишними иностранными словами и иностранными оборотами. Когда возникъ въ Петербургѣ союзъ ревнителей чистоты русскаго языка, Т. И. принялъ на себя въ первое время руководительство занятіями этого союза. Близкое участіе принималъ покойный также и въ дѣлѣ помощи недостаточнымъ сценическимъ дѣятелямъ: онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ почетнымъ предсѣдателемъ Общества вспомоществованія нуждающимся артистамъ, преобразованнаго впослѣдствіи въ Русское театральное общество. Перу покойнаго принадлежитъ, кромѣ многихъ статей, напечатанныхъ преимущественно въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Бесѣдѣ» и «Днѣ», нѣсколько крупныхъ сочиненій, изъ которыхъ назовемъ «Современные церковные вопросы» (1882 г.) и «Сборникъ Т. И. Филиппова». За свои научныя заслуги покойный былъ

избранъ въ почетные члены Императорской Академіи Наукъ, Московской духовной академіи, Императорскаго географическаго общества, Общества исторіи и древностей россійскихъ, константинопольскихъ филологическаго и средневѣковаго археологическаго обществъ археологическаго общества въ Аѳинахъ и др. За усердную же и полезную службу онъ имѣлъ всѣ русскіе ордена до св. Владиміра 1-й степени включительно.

П. Ѳ. Николаевскій. 17 ноября 1899 года, послѣ тяжкой болѣзни скончался заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургской духовный академіи, протоіерей, извѣстный своими изслѣдованіями въ области архивныхъ первоисточниковъ по русской церковной исторіи. Покойный родился въ 1841 году, воспитывался въ Новгородской семинаріи и С.-Петербургской духовной академіи. По окончаніи послѣдней, онъ шесть лѣтъ служилъ приходскимъ священникомъ въ Петербургѣ, при Владимірскомъ соборѣ. Въ 1871 г. Николаевскій былъ избранъ совѣтомъ петербургской академіи въ доценты по каѳедрѣ церковной исторіи, которую и занималъ до послѣднихъ дней своей жизни, будучи въ то же время священникомъ при Троицкой общинѣ сестеръ милосердія (съ 1874 г.). Учено-литературная дѣятельность покойнаго профессора началась еще на студенческой скамьѣ, когда онъ написалъ рецензію на изданіе Казанской академіи: «Истинное показаніе инока Зиновія Отенскаго», сообщивъ въ ней о найденномъ имъ обширномъ полемическомъ произведеніи—«Многословномъ посланіи» противъ ереси Косого, которое почти цѣликомъ заимствовано было преосвященнымъ Макаріемъ въ его «Исторію русской церкви». Въ 1868 г., въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» была напечатана Николаевскимъ магистерская диссертація — «Русская проповѣдь въ XV и XVI вв.», которая сразу же создала ея автору репутацію самостоятельнаго и серіознаго изслѣдователя. Покойный особенно любилъ работать надъ архивными матеріалами, для собиранія которыхъ онъ ѣздилъ въ московскіе архивы каждое лѣто въ теченіе 20 первыхъ годовъ своей профессорской дѣятельности, и которыхъ накопилъ нѣсколько богатѣйшихъ «портфелей», но изъ нихъ только часть нашла мѣсто въ печатныхъ его трудахъ. Изъ всѣхъ періодовъ русской церковной исторіи наибольшее вниманіе Николаевскаго привлекалъ семнадцатый вѣкъ, по исторіи котораго онъ оставилъ цѣлый рядъ изслѣдованій и статей: «Учрежденіе патріаршества въ Россіи» (въ «Христіанскомъ чтеніи» за 1879—1880 гг.); «Сношенія русскихъ съ востокомъ объ іерархической степени московскаго патріарха» (ib., 1880 г.); «Увѣщаніе московскаго патріарха Іоасафа II духовенству о выпискѣ книги св. Іоанна Златоуста о священствѣ и «жезла правленія» (ib., 1881 г.); «Изъ исторіи сношеній Россіи съ востокомъ въ половинѣ XVII в.» (ib., 1882 г.); «Обстоятельства и причины удаленія патріарха Никона съ престола» (ib., 1883 г.); «Путешествіе новгородскаго митрополита Никона въ Соловецкій монастырь за мощами святителя Филиппа» (ib., 1885 г.); «Матеріалы для исторіи русской церкви» (ibid.); «Жизнь патріарха Никона въ ссылкѣ и заточеніи послѣ осужденія его на московскомъ соборѣ 1666 г. Историческое изслѣдованіе по неизданнымъ документамъ, удостоенное преміи Макарія» (ib., 1886 г.); «Юника Микляевъ. Эпизодъ изъ исторіи церковно-бытовыхъ отношеній въ XVII в.» (въ «Странникѣ» за 1887 г.);

«Патріаршая область и русскія епархіи въ XVII в.» (въ «Христіанскомъ Чтеніи», за 1888 г.); «Московскій печатный дворъ при патріархѣ Никонѣ» (ib., 1890 и 1891 г.); «Матеріалы для исторіи раскола въ XVII в.» (ib., 1895 г.) и др. Изъ болѣе древняго періода имъ написаны: «Ученые труды Евгенія Болховитинова по предмету русской церковной исторіи» (ib., 1872 г.) и «Кіево-Печерскій монастырь въ древней Руси» (ib., 1876 г.), а изъ болѣе новаго — «Матеріалы по исторіи трехлѣтняго заключенія православнаго епископа Виктора Садковскаго въ польскихъ тюрьмахъ» (ib., въ 1892 г.), «Русская церковь при императорѣ Александрѣ III» (въ «Церковномъ Вѣстникѣ», за 1894 г.), и мн. др. Всѣ изслѣдованія и статьи покойнаго профессора отличались документальностью, фактическою полнотою и сжатымъ, но яснымъ изложеніемъ. Почти во всѣхъ изъ нихъ приводились новые матеріалы и факты, которые часто колебали общепринятые, установившіеся на извѣстный предметъ взгляды и пролагали путь къ новой точкѣ зрѣнія. Тѣмъ же характеромъ и достоинствами отличались и его академическія лекціи и многочисленныя рецензіи, исполненныя къ тому же удивительной объективности и рѣдкой библіографической полноты.

† **А. Д. Столыпинъ.** 17-го ноября, въ Москвѣ, скончался членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, завѣдующій дворцовою частью въ Москвѣ, оберъ-камергеръ двора его императорскаго величества, ген.-отъ-артилеріи, генералъ-адъютантъ Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ. Покойный принадлежалъ къ числу боевыхъ генераловъ, участвовавшихъ въ усмиреніи венгровъ, въ крымской кампаніи и въ послѣдней русско-турецкой войнѣ. А. Д. происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи; родился онъ 26-го декабря 1822 года и получилъ прекрасное домашнее образованіе. Шестнадцати лѣтъ покойный опредѣлился на службу вольноопредѣляющимся въ конную артилерію и, дослужившись до подпрапорщика, вышелъ въ отставку. Когда русскія войска отправились въ Венгрію, покойный вновь поступилъ на военную службу и участвовалъ въ усмиреніи венгровъ, неся обязанности офицера генеральнаго штаба въ партизанскомъ отрядѣ полковника Хрулева. За боевыя отличія въ этой кампаніи А. Д. былъ произведенъ въ поручики. При объявленіи войны Турціи, покойный былъ назначенъ адъютантомъ при начальникѣ артиллеріи дѣйствовавшей за Дунаемъ арміи. Когда же театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ на Крымскій полуостровъ, онъ состоялъ сперва въ распоряженіи начальника артиллеріи южной арміи, затѣмъ въ распоряженіи начальника артиллеріи крымской арміи. При оборонѣ Севастополя покойный находился въ рядахъ его славныхъ защитниковъ и показывалъ примѣръ неустрашимости и храбрости своимъ подчиненнымъ. Ни одна непріятельская пуля не тронула его. За боевыя заслуги въ крымской кампаніи и за оборону Севастополя А. Д. былъ награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость», званіемъ флигель-адъютанта и орденомъ святой Анны 2-й степени съ мечами. По окончаніи крымской войны, онъ состоялъ при оренбургскомъ и самарскомъ генералъ-губернаторѣ и командовалъ въ званіи атамана уральскимъ казачьимъ войскомъ. Съ 1869 по 1877 годъ А. Д. былъ шталмейстеромъ двора его величества. Объявленіе послѣдней войны Турціи вновь увлекло боевого генерала на

театръ военныхъ дѣйствій. Состоя въ распоряженіи августѣйшаго главнокомандующаго дунайской арміей, онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ непріятелемъ — и получилъ за отличія ордена святого Владиміра 2-й степени и Бѣлаго Орла—оба съ мечами—и званіе генералъ-адъютанта. Во время войны покойный былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Румеліи и Андріанопольскаго санджака. Послѣ войны онъ командовалъ 9-мъ армейскимъ и гренадерскимъ корпусами, въ 1889 году былъ назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ и въ 1892 году завѣдывающимъ придворною частью въ Москвѣ. Обѣ послѣднія должности покойный занималъ до конца своей жизни, получивъ въ награду за свою усердную и полезную дѣятельность бриллiантовые знаки ордена святого Александра Невскаго и орденъ святого Владиміра 1-й степени. Покойный занимался литературою, музыкой и скульптурой. Имъ составлена «Исторія Россіи для народнаго и солдатскаго чтенія». Его мелкія статьи и воспоминанія печатались въ разное время въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ, за подписью «Ст.». Изъ его скульптурныхъ произведеній назовемъ: «Голову Спасителя» (по описанію Флавія) къ проектированной статуѣ «Се женихъ грядетъ въ полунощи» и «Модель статуи Спасителя». Обѣ эти работы экспонировались покойнымъ на академической выставкѣ въ 1869 году. Какъ человѣкъ, А. Д. отличался разносторонними познаніями, энергіей и чуткимъ сердцемъ, всегда откликавшимся на призывы постоять за интересы родины и прійти на помощь ближнему. («Нов. Вр.» № 8524 и 8526; «Моск. Вѣд.» № 318).

† **В. Н. Невѣдомскій.** 12-го ноября, въ 3 часа дня, послѣ тяжкой болѣзни скончался на 72-мъ году жизни Василій Николаевичъ Невѣдомскій. Покойный происходилъ изъ извѣстной дворянской семьи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ извѣстномъ нѣкогда частномъ пансіонѣ Чермака, затѣмъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ. Вскорѣ послѣ окончанія университета В. Н. занялъ должность чиновника особыхъ порученій при московскомъ генералъ-губернаторѣ; въ 1854 году онъ перешелъ на службу въ сенатъ, гдѣ состоялъ помощникомъ секретаря, а затѣмъ исполнялъ должность оберъ-секретаря. Позднѣе покойный служилъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, но, вслѣдствіе развившейся грудной болѣзни, долженъ былъ оставить службу. Для поправленія здоровья онъ предпринялъ поѣздку за границу, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ. По возвращеніи въ Россію въ 1871 году В. Н. вступилъ въ число сотрудниковъ газеты «Голосъ», издававшейся А. А. Краевскимъ, а въ слѣдующемъ 1872 году былъ приглашенъ редакторомъ-издателемъ «Русскихъ Вѣдомостей» Н. С. Скворцовымъ для постоянныхъ занятій въ редакціи, гдѣ В. Н. непрерывно работалъ до 1878 года. Интересуясь главнымъ образомъ иностранной политикой, внутренней жизнью западно-европейскихъ государствъ и иностранной литературой, онъ за означенный періодъ времени помѣстилъ въ газетѣ много статей по этимъ предметамъ. В. Н. Невѣдомскій пріобрѣлъ большую извѣстность, какъ хорошій переводчикъ. Въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати послѣднихъ лѣтъ имъ переведены многія капитальныя произведенія европейской научной литературы, одно перечисленіе которыхъ заняло бы много мѣста. Это

были по преимуществу историческія сочиненія, переводы которыхъ изданы К. Т. Солдатенковымъ. Изъ сравнительно давнихъ переводовъ укажемъ Э. Гиббона «Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи», Морлея «Руссо», Морлея «Дидро», Гайма «Романтическая школа въ Германіи», Гайма «Гердеръ, его жизнь и сочиненія», Брайса «Американская республика»; изъ труда Моммсена «Римская исторія» имъ переведено нѣсколько періодовъ, составившихъ нѣсколько большихъ томовъ; сравнительно недавно появились его переводы сочиненій Генриха Париса «Пятьдесятъ лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи», Токвиля «Воспоминанія», Лависса и Рамбо «Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени». Въ послѣднемъ трудѣ В. Н. Невѣдомскому принадлежитъ переводъ 1-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го томовъ. Этотъ послѣдній томъ вышелъ на-дняхъ. («Русск. Вѣд.» № 315).

† **А. П. Цеге-фонъ-Мантейфель.** Въ первой половинѣ ноября скончался въ своемъ родовомъ имѣніи, сельцѣ Вихровѣ, Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи Александръ Петровичъ Цеге фонъ-Мантейфель. Потомственный дворянинъ, онъ дома подготовлялся къ поступленію въ Московскій университетъ, въ которомъ и кончилъ курсъ ученія въ 1856 году. При отличномъ знаніи почти всѣхъ европейскихъ языковъ, поступилъ на службу въ Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ изъ него вышелъ и рѣшилъ посвятить всю жизнь своему родному уѣзду. Въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ состоялъ въ званіяхъ участковаго и почетнаго мирового судьи, былъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, выбирался въ кандидаты къ предводителю дворянства и основалъ нѣсколько школъ въ уѣздѣ. При многостороннихъ дарованіяхъ, онъ чуть ли не первый изъ русскихъ писателей познакомилъ наше общество съ лучшими стихотвореніями Гейне. Переводъ послѣдняго фонъ-Мантейфелемъ, изданный, если не ошибаемся, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Мы знаемъ, что въ портфелѣ покойнаго осталась не одна рукопись, и между ними переводъ въ стихахъ «Гяура Байрона». Названная поэма извѣстна русскимъ читателямъ, кажется, болѣе по своему названію. Помимо того, онъ помѣщалъ не мало корреспонденцій въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» при М. Н. Катковѣ. Кромѣ дара къ стихотворству, покойный обладалъ громадною начитанностью и такою же памятью. Кромѣ того, онъ былъ и замѣчательнымъ піанистомъ: не любилъ выступать въ званіи артиста на большихъ столичныхъ концертахъ, но охотно игралъ у себя, въ уѣздѣ, на публичныхъ вечерахъ съ благотворительною цѣлью. Послѣдніе три года Александръ Петровичъ страдалъ прогрессивнымъ параличомъ мозга. Первые симптомы этой болѣзни произошли у покойнаго по слѣдующему любопытному и прискорбному случаю. Лѣтъ пять тому назадъ фонъ-Мантейфель напечаталъ въ одной изъ газетъ некрологъ опростившагося, бывшаго помѣщика Серпуховскаго уѣзда, князя В. В. Вяземскаго, обратившій на себя общее вниманіе. Вслѣдъ за некрологомъ о Вяземскомъ появился длинный рядъ печатныхъ статей и даже цѣлый романъ г. Боборыкина. У князя явились поклонники, ставившіе его по жизни выше Льва Толстого. Въ это же время, не совсѣмъ безызвѣстный въ литературѣ г. Меньшиковъ, знакомый по перепискѣ съ А. П., пріѣхалъ въ его имѣніе лѣтомъ 1895 года. Г. Меньшиковъ прого-

стилъ въ сельцѣ Вихровѣ цѣлый мѣсяцъ, собралъ свѣдѣнія, безъ всякаго разбора, отъ разныхъ лицъ о Вяземскомъ и въ одной изъ осеннихъ книжекъ, составляющихъ прибавленіе къ газетѣ «Недѣля», опубликовалъ безцеремонное обличеніе домашней жизни не только князя, но и владѣльца, гостепріимно пріютившаго писателя новѣйшей школы. Произведеніе г. Меньшикова произвело роковое дѣйствіе. Съ фонъ-Мантейфелемъ приключился первый нервный ударъ, приготовившій ему дальнѣйшую печальную участь. («Моск. Вѣд.» № 318).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ біографіи А. П. Кернъ.

Мнѣ только теперь удалось прочитать статью В. А. Тихонова «Анна Петровна Кернъ», помѣщенную въ майской книгѣ «Историческаго Вѣстника», въ которой необходимо сдѣлать слѣдующія поправки.

Госпожею Кернъ не только восхищались Пушкинъ и Глинка, какъ говоритъ Тихоновъ, но красотою ея былъ очарованъ даже императоръ Алексадръ I, о чемъ подробно разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Кернъ (см. «Рус. Старину» 1870 года, мартовская книжка), гдѣ, между прочимъ, она говоритъ, что государь сказалъ, «что я похожа на прусскую королеву (т. е. Луизу). Сходство съ королевой было въ самомъ дѣлѣ, потому что въ Петербургѣ одинъ офицеръ, бывшій камеръ-пажемъ во дворцѣ при пріѣздѣ королевы (въ 1809 г.) это говорилъ моей теткѣ, когда меня увидѣлъ. Можетъ быть, это сходство повліяло на расположеніе императора къ такой неловкой и робкой тогда провинціалкѣ». А расположеніе государя къ г-жѣ Кернъ было очень велико, такъ какъ, по словамъ самой Анны Петровны, «послѣ смотра въ Полтавѣ г. Кернъ былъ взысканъ монаршею милостью. Государь ему прислалъ 50.000 руб. за маневры». А затѣмъ, сообщая характеристику дивизіоннаго командира генерала Лаптева, она пишетъ: «Весьма суровая и непривлекательная личность, принявшій сначала мужа весьма неблагосклонно, потомъ сдѣлавшійся намъ пріятелемъ и даже доброжелателемъ такъ, что когда по командѣ присланъ былъ мнѣ великолѣпный фермуаръ, подарокъ кума-императора, то онъ привезъ мнѣ его самъ и выразился весьма фигурально о сіяніи отъ бриліантовъ около фермуара... Не припомню хорошенько выраженія, но тутъ былъ очень тонкій комплиментъ моей красотѣ. Увы! я не долго пользовалась этимъ дорогимъ украшеніемъ. Мнѣ говорили, что этотъ фермуаръ былъ сдѣланъ на заказъ въ Варшавѣ и стоилъ шесть тысячъ ассигнаціями».

Кромѣ того, въ приведенной статьѣ г. В. Д. Р—ва изъ «Сѣвера» 1892 года говорится, что М. И. Глинка, сидя въ квартирѣ М. П. Кернъ, сочинялъ свою извѣстную «балладу Финна» въ «Русланѣ»; это невѣрно, такъ какъ самъ

Глинка въ своихъ «Запискахъ» (см. «Русск. Старина» 1870 года, май, стр. 491) говорилъ: «Въ маѣ (1819 г.) я часто посѣщалъ барона Дельвига; кромѣ его милой и весьма любезной жены, жила тамъ также любезная и миловидная барыня Кернъ. Въ іюнѣ баронъ съ женою, г-жею Кернъ и Орестомъ Сомовымъ (литераторомъ весьма умнымъ и любезнымъ человѣкомъ), отправились въ четырехмѣстной линейкѣ на Иматру; мы съ Корсаковымъ поѣхали вслѣдъ за ними на телѣжкѣ. Съѣхавшись въ Выборгѣ, вмѣстѣ гуляли мы въ прекрасномъ саду барона Николаи. Вмѣстѣ видѣли Иматру и возвратились въ Петербургъ. Одинъ изъ чухонцевъ-ямщиковъ пѣлъ пѣсню, которая мнѣ очень понравилась; я заставилъ его неоднократно повторить и, затвердивъ ее, употребилъ потомъ главною темою баллады Финна въ оперѣ «Русланъ и Людмила».

Н. Божеряновъ.

II.

По поводу ископаемыхъ шаровъ.

Въ сентябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года напечатана замѣтка г. С...: «Къ вопросу объ ископаемыхъ стеклянныхъ шарахъ». Я самъ собиралъ всякіе ископаемые и вообще древніе предметы и позволяю себѣ сомнѣваться въ «ископаемости» этихъ шаровъ, лежащихъ въ данную минуту предо мной и въ количествѣ 5-ти штукъ.

Какъ извѣстно каждому, живущему въ Малороссіи, еще не такъ давно, у замужнихъ малороссіянокъ существовалъ обычай покрывать голову такъ называемыми «намитками». Намитка — это длинный, аршинъ 5—6 кусокъ льняной, домашняго производства матеріи, или скорѣе ткани, которымъ обвертывались головы, на подобіе чалмы, и затѣмъ концы спускались на спину. Эти «намитки» составляли особую гордость и предметъ особыхъ заботъ каждой женщины. Пышностью повязки и качествомъ матеріала «намитки» онѣ соперничали другъ съ другомъ; и вотъ для разглаживанія этихъ-то «намитокъ» и существовали у нихъ «ископаемые шары», покупаемые на мѣстныхъ ярмаркахъ въ желѣзныхъ и скобяныхъ торговляхъ, по 60—80 коп сер. за штуку.

Въ виду все-таки сравнительно высокой для крестьянина цѣны этихъ импровизированныхъ утюговъ, для ихъ пріобрѣтенія всегда нѣсколько женщинъ дѣлали складчину, внося каждая по 10—15 коп. Процессъ самаго разглаживанія у малороссіянокъ составлялъ чуть ли не какой-то религіозный обрядъ: въ «клунѣ» (ригѣ) собиралось 6—8 женщинъ; на полу постилался толстый слой свѣжей соломы, чтобы упавшій какъ нибудь случайно шаръ не разбился, и затѣмъ женщины становились другъ противъ друга, парами, брали въ руки концы «намитокъ», натягивали и перекатывали по нимъ одна къ другой эти шары, отъ чего «намитки» получали особый блескъ и волнистость. По окончаніи разглаживанія, шаръ, называемый въ Малороссіи просто «камнемъ», отдавался на храненіе какой нибудь особо старой женщинѣ и лежалъ у нея на днѣ «скрыни» (сундука) до новаго случая. Такихъ камней въ каждой деревнѣ, смотря по ея населенію, бывало 5—10 штукъ. Въ селѣ, гдѣ находится мое имѣніе и гдѣ я живу, такихъ камней нашелъ я 7 штукъ.

Наводя о нихъ справки, я всегда и вездѣ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что они куплены на ярмаркѣ, а привезены туда купцами отъ «майстріевъ». Въ силу этого обстоятельства и еще потому, что они находятся въ значительномъ количествѣ, я не могу допустить, чтобы они могли быть «исконаемыми», т. е. принадлежать глубокой древности, а если еще принять во вниманіе и ихъ дешевизну, то ихъ «исконаемость» становится совсѣмъ подозрительной.

Если признать, что производство этихъ шаровъ относится къ глубокой древности, то внѣ всякаго сомнѣнія, что они были бы находимы только въ древнихъ курганахъ и могилахъ; теперь же, хотя таковыхъ у насъ на югѣ и достаточно, но опять таки при ихъ раскопкахъ почти всегда присутствуютъ компетентныя лица, которыя ни въ какомъ случаѣ не упустили бы такихъ сокровищъ, какъ стеклянный шаръ, относимый чуть ли не къ временамъ язычества. Я же опять повторяю, что этихъ шаровъ можно при желаніи насобирать по селамъ Малороссіи десятки. Въ Могилевской же губерніи, гдѣ ихъ нашелъ г. С. . . . , они дѣйствительно, могли представлять рѣдкость, такъ какъ они туда занесены не иначе, какъ пришлыми малороссами-переселенцами и затѣмъ были выброшены за ненадобностью, какъ это встрѣчается уже и въ Полтавской губерніи тѣмъ болѣе, что обычай носить «намитки» теперь совсѣмъ исчезъ, а для какой либо другой цѣли шары эти не пригодны.

Когда я писалъ эту замѣтку, ко мнѣ принесли еще одинъ шаръ, отличающійся нѣсколько отъ уже у меня имѣющихся, и я позволяю себѣ его описать.

Формы онъ круглой, слегка сплюснутый у полюсовъ и сплошной, что замѣтно изъ его, сравнительно съ величиной, изряднаго вѣса—1⁷/₈ фунта. Въ діаметрѣ онъ 2¹/₄ дюйма, масса, его составляющая, напоминаетъ простое, зеленое бутылочное стекло, но безъ пузырьковъ воздуха; поставленный противъ огня, онъ просвѣчиваетъ, но не по всей своей массѣ, а только тамъ, гдѣ цвѣтъ его чисто зеленовато-голубой; нижняя его часть, — говорю нижняя, принимая за верхъ то мѣсто, гдѣ замѣтенъ слѣдъ отъ отверстія формы, въ которой онъ выливался,—бѣловато-зеленаго цвѣта, съ ясно замѣтными концентрическими кругами молочнаго цвѣта, которые произошли, по всей вѣроятности, отъ осажденія какого-то красящаго вещества бѣлаго цвѣта, попавшаго въ стеклянную массу при выливаніи. Скорѣе всего это свинецъ, прибавленный къ стеклу для большаго его вѣса. Какъ я сказалъ уже раньше, этотъ шаръ сплошной, между тѣмъ какъ другіе экземпляры имѣютъ внутри большую, или меньшую пустоту. Два такихъ шара, одинъ полый, другой же сплошной, пріобрѣтенные въ томъ же селѣ, переданы въ прошломъ мѣсяцѣ госпожей Т...ной харьковскому профессору г. Багалѣю.

Я надѣюсь, что мнѣ удастся найти мѣсто производства этихъ шаровъ, и думаю, что оно находится, или скорѣе находилось, гдѣ нибудь не такъ далеко, подъ фирмой ловкаго еврея спекулянта. Если кто нибудь обратитъ вниманіе на мою настоящую замѣтку и пожелаетъ заняться изслѣдованіемъ этихъ камней-шаровъ, то я готовъ передать таковому лицу имѣющіеся у меня экземпляры.

С. Охоньки, Полтавской губ., Прилукскаго уѣзда, попечитель училища

А. Д. Парасичъ.

СЫНЪ НАПОЛЕОНА

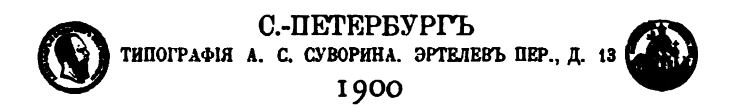
(Son fils)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ШАРЛЯ ЛОРАНА

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Тайные документы.

I.

Золотыя ножницы.

ВАДЦАТЬ пятаго іюля 1830 года, въ семь часовъ вечера, маленькій магазинъ французскаго бѣлья подъ вывѣской «Золотыя ножницы» въ улицѣ Дель-Орсо, въ Миланѣ, кишѣлъ блестящими посѣтительницами и модными франтами. Хозяйка магазина, старая дѣва, г-жа Лоливъ, сидѣла за высокой конторкой и, какъ будто не обращая вниманія на все окружавшее ее, занималась вышиваніемъ, но быстрымъ знакомъ руки она указывала суетившимся продавщицамъ, что та или другая покупательница нуждалась въ ихъ услугахъ. Ея племянница, Шарлотта, хорошенькая, живая, молоденькая, бѣлокурая дѣвушка, разрывалась на части, чтобъ угодить всѣмъ кліенткамъ и отвѣчать на всѣ вопросы о новыхъ парижскихъ модахъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ свѣтское общество Милана каждый вечеръ послѣ прогулки на Корсо собиралось въ этомъ магазинѣ, чтобъ себя показать и другихъ посмотрѣть, а также поболтать о новостяхъ. Много романовъ начиналось, развивалось и увѣнчивалось счастливой развязкой среди грудъ батиста, кисеи, кружевъ, вышивокъ, лентъ и перьевъ, валявшихся на столахъ и прилавкахъ магазина. Старая тетка очень строго наблюдала за влюбленными парочками, нимало не одобряя превращенія своего магазина въ мѣ-

сто свиданій, но Шарлотта не заботилась о томъ, что тетка называла честью фирмы, а весело порхала изъ угла въ уголъ и не умолкая болтала съ кліентами. Впрочемъ, несмотря на эту веселость, которою дышала вся ея прелестная фигура, глаза ея ясно обнаруживали, что она была способна думать и любить.

Въ означенный день общество, собравшееся въ магазинѣ «Золотыя ножницы», было особенно избраннымъ и блестящимъ.

Неожиданно въ дверяхъ показался ливрейный лакей и громко произнесъ:

— Княгиня Саріа приказала сказать, что она завтра отправляется въ Вѣну, а сегодня заѣдетъ, чтобъ посмотрѣть, готовы ли ея заказы.

— Хорошо,—отвѣтила Шарлотта:—все готово и уложено въ трехъ картонкахъ.

Имя княгини Саріа тотчасъ послужило предметомъ общаго разговора.

— Неужели красавица Полина насъ покидаетъ?—произнесъ чей-то голосъ, и со всѣхъ сторонъ посыпались замѣчанія, догадки, предположенія относительно отъѣзда одной изъ звѣздъ миланскаго свѣта.

Княгиня Полина Саріа была молодая, богатая аристократка. Три года тому назадъ, послѣ смерти мужа, она поселилась въ своемъ родномъ городѣ Миланѣ, благодаря тому, что ея мужъ, знатный венгерскій магнатъ, скомпрометировалъ себя участіемъ въ заговорѣ противъ австрійскаго правительства, и его крупныя помѣстья были секвестрованы, а слѣдовательно ей нельзя было оставаться въ Вѣнѣ. Несмотря на всю ея очаровательность, грацію и любезность, княгиня отличалась гордостью, и ее упрекали, что, вкусивъ прелестей вѣнскаго свѣта, она надменно презирала свое родное миланское общество. Но въ сущности удаленная изъ столицы за чужую вину и слишкомъ умная, чтобъ на это громко жаловаться, княгиня Саріа рѣшилась вести въ Миланѣ жизнь по своему желанію. Она посѣщала и приглашала кого хотѣла и отворачивалась отъ глупыхъ, скучныхъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтскія сплетни не могли набросить на нее ни малѣйшей тѣни какой нибудь скандальной исторіи. Поддерживая постоянную переписку съ княземъ Меттернихомъ и эрцгерцогиней Софіей, она въ то же время выражалась объ официальныхъ вѣнскихъ сферахъ такъ смѣло и независимо, что ее подозрѣвали въ двойной игрѣ. Но она не обращала никакого вниманія на всѣ толки, и какъ только появлялась въ свѣтскихъ гостиныхъ, то всѣ прикусывали языки передъ ея привлекательной красотой, любезнымъ обращеніемъ и остроумной рѣчью. Ея черные глаза такъ ярко сверкали, что, по словамъ графа Бальди, безуспѣшно ухаживавшаго за нею три года, его уродство стушевывалось подъ ея лучезарными взорами.

Неудивительно, что извѣстіе объ отъѣздѣ княгини Саріа всполошило сливки миланскаго общества.

— Увѣряютъ, что съ нея сняли опалу,—говорила одна изъ посѣтительницъ магазина «Золотыя ножницы».

— А развѣ она была въ опалѣ?—спрашивала другая.

— Я ничего не понимаю въ ея исторіи,—отвѣчала третья.

— Говорятъ, что она выходитъ замужъ,—замѣтила четвертая.

— И за князя Меттерниха,—воскликнула пятая:—онъ къ ея счастью овдовѣлъ.

— Я не люблю такихъ гордячекъ,—произнесла гнусливымъ голосомъ графиня Скатти:—разговаривая съ вами, она словно даритъ васъ милостью.

— Поэтому-то она такъ часто и говоритъ съ графомъ Бальди,—иронически замѣтила маркиза Руга.

— Это клевета,—неожиданно раздался мужской голосъ, и всѣ съ удивленіемъ взглянули на говорившаго.

Это былъ молодой, скромный юноша, который до тѣхъ поръ почти скрывался за пышными юбками пожилой аристократки, вокругъ которой онъ вертѣлся.

— Асканіо!—произнесла она строгимъ тономъ, но, повидимому, мнѣніе юноши раздѣлялось и другими.

— Княгиня Саріа слишкомъ умная и благородная женщина, чтобъ терять время на свѣтскія интриги,—сказалъ Луиджи Порта:—если она дѣйствительно возвращается въ Вѣну, то вы увидите, что весь міръ заговоритъ о ней.

— Какъ вы восторгаетесь ею!—промолвила маркиза Герарди тономъ выговора:—мнѣ пора ѣхать, а вы, вѣроятно, Луиджіо, будете ждать княгиню Саріа.

— Нисколько. Я провожу васъ, если позволите.

И маркиза удалилась со своимъ кавалеромъ.

Мало - помалу магазинъ началъ пустѣть, и вскорѣ остались только двѣ или три кліентки. Но зато явился новый посѣтитель—патеръ.

II.

Паспортъ.

Аббатъ Галотти былъ типичнымъ патеромъ: здоровый, полный, обходительный, онъ ничѣмъ не напоминалъ, кромѣ одежды, своего сана. Послѣ окончательнаго паденія Французской имперіи и возвращенія австрійцевъ въ Миланъ, многія изъ духовныхъ лицъ сдѣлались энергичными агентами австрійскаго правительства. Въ числѣ ихъ находился Галотти. Онъ не питалъ глубокой ненависти къ тѣмъ или другимъ чужестранцамъ, но находилъ, что лучше слу-

жить австрійцамъ и пользоваться ихъ милостями, чѣмъ компрометировать себя дружбой съ французами. Онъ добился офиціальной должности, хотя очень не важной, именно секретаря провинціальнаго совѣта, но умѣлъ оказывать услуги и въ этомъ скромномъ званіи. Онъ бывалъ всюду и зналъ всѣхъ. Ловкій, вкрадчивый, онъ доставлялъ необходимыя свѣдѣнія сильнымъ міра сего и производилъ поборы съ слабыхъ; но все это дѣлалъ мягко, нѣжно, не возбуждая непріятностей.

Онъ вошелъ въ магазинъ «Золотыя ножницы», когда всѣ посѣтительницы покидали его, и, обратившись къ Шарлоттѣ, задалъ ей цѣлый рядъ вопросовъ:

— Вы просили въ канцеляріи паспортъ? Вы отправляетесь въ Австрію по дѣламъ торговли или по семейнымъ обстоятельствамъ? Вы ѣдете однѣ или вдвоемъ? Надолго ли вы отправляетесь? Какой вы поѣдете дорогой? Въ какихъ городахъ вы остановитесь?

Молодая дѣвушка сначала смутилась, но потомъ воскликнула со смѣхомъ:

— Неужели надо отвѣчать на всѣ ваши вопросы? Еще не извѣстно, когда я поѣду. Я заранѣе попросила паспортъ, чтобъ онъ былъ готовъ на всякій случай.

Аббатъ былъ удивленъ, даже опечаленъ этимъ отвѣтомъ.

— Я очень сожалѣю,—произнесъ онъ:—но вы, кажется, не знаете, что императорское правительство не можетъ выдавать условныхъ паспортовъ. Конечно, такіе паспорты были бы очень удобны, но въ послѣднее время много паспортовъ затерялось, и потомъ они очутились въ чужихъ рукахъ. На этомъ основаніи его высочество вице-король приказалъ не выдавать иначе паспорты, какъ лицамъ извѣстнымъ и на извѣстную надобность.

Шарлотта снова смутилась.

— Однако,—отвѣтила она:—я не понимаю, какъ паспортъ, выданный на имя бѣлошвейки, г-жи Лоливъ, можетъ нарушить общественный порядокъ.

— Все возможно. Во всякомъ случаѣ вы получите паспортъ только подъ условіемъ, чтобы вы опредѣлили время, когда имъ воспользуетесь.

Молодая дѣвушка прикусила себѣ губу и послѣ минутнаго размышленія сказала:

— Хорошо; я постараюсь выѣхать въ семидневный срокъ, такъ какъ, повидимому, не паспорты выдаются для путешественниковъ, а путешественники созданы для паспортовъ.

— Я понимаю, что эти порядки удивляютъ чужестранцевъ,— замѣтилъ съ улыбкой патеръ:—вы, кажется, француженка.

— Парижанка.

— Прекрасно. Намъ извѣстно, что ваша семья уже давно содѣйствуетъ водворенію въ Ломбардіи вкуса къ парижскимъ модамъ.

Но что вы намѣрены дѣлать въ Вѣнѣ? Основать отдѣленіе вашего магазина?

— Можетъ быть. Но прежде постараюсь найти новыхъ заказчицъ, а потомъ увижу.

— Значитъ, ваше путешествіе дѣловое, а поѣдете вы однѣ?

— Нѣтъ, я возьму съ собой одну изъ продавщицъ.

— А долго ли продлится ваше отсутствіе?

— Мѣсяцъ, или шесть недѣль.

— Хорошо. Теперь не угодно ли вамъ зайти въ канцелярію, указать ваши примѣты и уплатить деньги, а затѣмъ, вѣроятно, вамъ выдадутъ паспортъ. Ахъ, да я и забылъ, вы не берете съ собой ни родственника, ни слуги, однимъ словомъ никакого мужчины?

— Конечно, нѣтъ, но зачѣмъ вы это спрашиваете?

— Зачѣмъ? Зачѣмъ? Это ужъ касается политики.

— Какъ политики?

— Да. Проклятые заговорщики постоянно нарушаютъ порядокъ въ нашихъ прекрасныхъ итальянскихъ провинціяхъ. Либералы, бонапартисты, карбонаріи, всѣ эти негодяи думаютъ только объ устройствѣ мятежей, и губернаторъ рѣшилъ, чтобъ помѣшать ихъ бѣгству... Впрочемъ, я заболтался, а время идетъ. Мнѣ остается только отвѣсить вамъ, сударыня, низкій поклонъ.

Шарлотта поняла, что если ей нуженъ былъ паспортъ, а въ немъ была крайняя необходимость и какъ можно скорѣе, то ей слѣдовало рѣшиться на смѣлый шагъ. Недолго думая, она громко сказала, обратясь къ одной изъ продавщицъ:

— Элиза, заверните и пошлите по адресу патера дюжину отборныхъ воротничковъ, какіе дѣлаютъ для монсиньора Дель-Сонцо.

Говоря это, она не покраснѣла; но аббатъ не измѣнился въ лицѣ, и хотя промолвилъ: «нѣтъ, не надо», но такимъ тономъ, который ясно выражалъ согласіе принять взятку.

— Оставьте, оставьте,—произнесла молодая дѣвушка:—вы увидите, что послѣ нашей работы вы не захотите носить другихъ воротничковъ, а мнѣ очень пріятно доказать вамъ мою благодарность за вашу любезность.

— Ну, хорошо,—отвѣчалъ патеръ,—а я и забылъ, что у меня въ карманѣ есть всегда готовые паспортные бланки. Губернаторъ мнѣ такъ довѣряетъ, что дозволяетъ выдавать ихъ лицамъ, мнѣ хорошо извѣстнымъ. Дайте мнѣ перо, и я впишу необходимыя свѣдѣнія.

Онъ вынулъ изъ кармана паспортный бланкъ, сѣлъ къ столу, вписалъ въ бумагу все, что было необходимо, и, подавая Шарлоттѣ, сказалъ:

— Вотъ и готово. Пожалуйте три дуката.

Получивъ деньги, онъ взялъ завернутые для него воротнички и сказалъ:

— Не безпокойтесь посылать, я и самъ снесу.

Потомъ, любезно поклонившись, онъ вышелъ изъ магазина съ спокойною совѣстью. Не даромъ онъ былъ патеръ и секретарь провинціальнаго совѣта.

III.

Тетка.

Не успѣлъ исчезнуть за дверью патеръ, какъ тетка Шарлотты вышла изъ-за своей конторки. Это была маленкая, толстенькая, сѣденькая старушка, въ сѣромъ шелковомъ платьѣ и старомодномъ чепцѣ съ длинными завязками. Ея золотыя очки, такая же золотая цѣпочка съ ключами и ажурные чулки, обрисовывавшіе маленькія ножки въ миніатюрныхъ туфляхъ, доказывали, что она принадлежала къ достаточной, буржуазной средѣ и еще не отказывалась отъ желанія нравиться.

— Что это за бумагу принесъ тебѣ, Шарлотта, этотъ негодяй патеръ?—спросила она.

— Паспортъ.

— Для тебя?

— Да.

— Ты уѣзжаешь? Куда? Отчего ты раньше мнѣ объ этомъ не сказала?

Въ тонѣ старухи слышались удивленіе, недовольство и печаль, въ особенности послѣдняя. Ее оскорбляла мысль, что племянница не довѣряетъ ей.

— Я хочу распространить наше дѣло и придумала эту поѣздку совершенно неожиданно. Къ тому же еще ничего не рѣшено.

— Хорошо. Но знаешь, Шарлотта, я вижу съ сожалѣніемъ, что ты хочешь вмѣшаться въ чужія дѣла. Иностранцы не должны принимать участія въ политическихъ дѣлахъ той страны, которая оказываетъ имъ гостепріимство. Мнѣ очень понравился твой женихъ; онъ серіозный и основательный молодой человѣкъ. Но меня пугаетъ то, что онъ развиваетъ опасныя идеи. Онъ просто заговорщикъ и принимаетъ участіе въ тайныхъ обществахъ. Несмотря на всю его доброту и честность, онъ въ состояніи забыть жену и дѣтей для исполненія того, что считаетъ своимъ долгомъ. Однимъ словомъ, онъ намѣренъ поднять Миланъ и всю Италію противъ Австріи. А ты хочешь ему въ этомъ помочь потому, что ты его любишь и восторгаешься имъ, а этотъ паспортъ ты взяла для него, на случай его бѣгства.

— Если-бъ такова была моя цѣль, — отвѣчала Шарлотта: — то плохо же я достигла ея. Вѣдь паспортъ-то женскій.

— Не издѣвайся, Шарлотта, надъ своей старой теткой. Развѣ женскій паспортъ не можетъ служить мужчинѣ? Нѣтъ, право, послушай меня. Не подобаетъ француженкамъ вмѣшиваться въ дѣла карбонаріевъ и жандармовъ. Если же Фабіо цѣнитъ свободу своей родины выше спокойствія жены, то не выходи за него замужъ. Вотъ и все.

— А если дѣло идетъ не объ Италіи,—воскликнула Шарлотта:— если люди, о которыхъ вы такого дурного мнѣнія, хотятъ спасти француза—несчастнаго французскаго принца, и возвратить его...

— О комъ же ты говоришь? Не о сынѣ ли Наполеона? Не о герцогѣ ли Рейхштадтскомъ?

— Именно о немъ.

— Онъ, должно быть, теперь большой. Ему лѣтъ двадцать. Я еще теперь вижу передъ собой праздники въ Парижѣ по случаю его крещенія. А какую ему колыбель подарилъ городъ Парижъ! Такъ вотъ о комъ идетъ рѣчь. Но я, право, не понимаю, зачѣмъ жертвовать своей жизнью, чтобъ вернуть въ Парижъ Римскаго короля. Да и намъ съ тобой лучше продавать шарфы, чѣмъ заниматься политикой.

— Да будемъ продавать шарфы, — воскликнула Шарлотта: — и отвернемся отъ молодыхъ людей, которые посвятили свою жизнь геройскому дѣлу.

— Бѣдное дитя мое, — отвѣчала тетка, смотря пристально на племянницу и теперь неожиданно понимая, какая нравственная перемѣна произошла въ сердцѣ и мысляхъ молодой дѣвушки:—значитъ, ты вполнѣ отдалась этому дѣлу. Но что же будетъ съ нами? Ты знаешь австрійскую полицію. Она все знаетъ, а чего не знаетъ, то сочиняетъ; въ концѣ концовъ у нея есть Шпильбергъ, крѣпость въ Моравіи. Туда сажаютъ всѣхъ недовольныхъ, а тамъ очень, очень худо. Пощади себя и меня, дитя мое. Положимъ, что благородно посвятить себя освобожденію бѣднаго, юнаго узника. Я уважаю отъ всего сердца Фабіо, но мы не можемъ ничего сдѣлать. Твои родственники перебрались сюда изъ Парижа, именно что-бъ избавиться отъ превратностей политики, а ты хочешь вовлечь насъ снова въ политическій водоворотъ. Одумайся, пока еще не поздно.

Въ эту минуту извнѣ послышался шумъ. Онъ быстро приближался, и съ каждой минутой становилось яснѣе, что невдалекѣ происходили уличные безпорядки.

Неожиданно наружная дверь магазина съ трескомъ отворилась, и вбѣжала продавщица Елиза съ крикомъ:

— Весь городъ возсталъ. Улица полна солдатами. Вокругъ театра Ла-Скала произведены аресты. Всѣ магазины запираются. Сосѣди совѣтуютъ и намъ сдѣлать то же.

Не успѣла она произнести этихъ словъ, какъ дверь снова отворилась, и на этотъ разъ осторожно, тихо прокрался въ нее Фабіо.

Но онъ теперь не походилъ на того серіознаго, мирнаго, буржуазнаго юношу, котораго любила Шарлотта. Одежда его была въ безпорядкѣ, черные волоса всклочены, и все въ его фигурѣ свидѣтельствовало, что онъ спасся отъ большой опасности.

— Простите меня, что взошелъ къ вамъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ испуганнымъ женщинамъ:—но за мной гнались полицейскіе агенты.

— Вы хорошо сдѣлали, что избрали своимъ убѣжищемъ нашъ домъ,—отвѣчала тетка, выходя впередъ и устраняя Шарлотту:—но мы двѣ беззащитныя женщины. Какую же помощь мы можемъ вамъ оказать?

Позвольте мнѣ только пройти черезъ вашу квартиру и спастись въ другую дверь, выходящую въ переулокъ.

Старуха побѣжала впередъ, чтобъ указать дорогу юношѣ, но онъ удержалъ ее.

— Нѣтъ,—воскликнулъ онъ,—не показывайтесь вмѣстѣ со мной, это можетъ васъ скомпрометировать. Благодарю васъ. Прощайте.

И, поцѣловавъ руку Шарлотты, слѣдовавшей за нимъ, Фабіо исчезъ за дверью.

— Берегите себя и помните, что у васъ здѣсь остался другъ,—крикнула Шарлотта.

— Два друга,—прибавила тетка.

Не успѣли обѣ женщины вернуться въ магазинъ, какъ на улицѣ послышался стукъ экипажа.

Спустя минуту, въ дверь вошла княгиня Саріа, въ сопровожденіи графа Бальди.

— Я думала, что никогда не доберусь сюда,—сказала она:—ну, здравствуйте.

IV.

Княгиня Саріа.

Онѣ совершенно забыли объ ожидаемомъ посѣщеніи знатной кліентки и теперь принялись ухаживать за нею съ тяжелымъ сердцемъ. Онѣ должны были говорить о тряпкахъ, а сами думали о той ужасной драмѣ, катораякоторая, быть можетъ, разыгрывалась въ двухъ шагахъ отъ ихъ дома.

— Благодарю васъ, графъ,—говорила между тѣмъ княгиня совершенно спокойно:—безъ васъ я не проникла бы сюда чрезъ всю эту массу полицейскихъ. А мнѣ необходимо посовѣтоваться съ

г-жей Лоливъ насчетъ кружевъ и перьевъ. Вѣдь я завтра ѣду въ Вѣну.

— Такъ это правда, княгиня, вы уѣзжаете?—спросилъ печально Бальди.

— Конечно, правда, но, пожалуйста, не вѣшайте носа. Вы очень милый человѣкъ, и я вамъ много благодарна за то, что вы и еще нѣсколько другихъ любезныхъ кавалеровъ сдѣлали для меня жизнь въ Миланѣ пріятной. Но нельзя всегда слушать изящныя разсужденія объ искусствѣ или любви и вдова не очень старая, не очень уродливая и не очень глупая, естественно желаетъ себяпоказать и людей посмотрѣть, какъ только ей дали свободу.

Графъ Бальди вмѣсто отвѣта покачалъ головой. Онъ принадлежалъ къ числу свѣтскихъ итальянскихъ франтовъ, для которыхъ вся жизнь заключалась въ томъ, чтобъ ухаживать за женщинами, декламировать знаменитые сонеты и распознавать съ перваго взгляда картины Леонарди или Больтрафіо. Ему льстило, что княгиня Саріа, самая гордая и недоступная красавица Милана, являлась всюду опираясь на его руку, и ея отъѣздъ потому его такъ печалилъ, что нарушалъ пріятно сложившуюся для него жизнь.

— Я должна отдать вамъ справедливость, — продолжала княгиня: — что вы менѣе эгоистъ, чѣмъ другіе. Вы очень преданно ухаживаете за женщиной, которая вамъ нравится, обходитесь съ нею очень почтительно, чрезвычайно услужливы и мало требовательны. Вотъ видите, я просто слагаю о васъ мадригалъ. Но довольно, до свиданія. Я высоко васъ цѣню, какъ cavalier servante, но вы не годитесь въ камеристки, а мнѣ надо здѣсь примѣрять туалеты.

Бальди протестовалъ и заявилъ, что онъ не оставитъ княгиню и проводитъ ее домой, такъ какъ въ городѣ не спокойно.

— Да, скажите, что происходитъ? — воскликнула княгиня:—я очень интересуюсь этими миніатюрными революціями, которыя отъ времени до времени переворачиваютъ вверхъ дномъ нашъ бѣдный Миланъ. Зачѣмъ дѣлаютъ обыски и аресты?

Пока Бальди въ полголоса объяснялъ княгинѣ, что совершалось въ городѣ, гдѣ произвели обыски, кого арестовали, и какія мѣры принимались, чтобъ успокоить взволновавшуюся молодежь, тетка и племянница съ ужасомъ прислушивались къ шуму, который теперь раздавался не только на улицѣ, но и въ переулкѣ. Спустя нѣсколько минутъ, Фабіо снова появился въ магазинѣ.

— Домъ окруженъ со всѣхъ сторонъ,—сказалъ онъ, подходя къ Шарлоттѣ.

— Значитъ, нѣтъ спасенія?—спросила молодая дѣвушка.

— Нѣтъ; въ концѣ переулка стоятъ солдаты, а въ домахъ всѣ двери и окна закрыты. Я не боюсь ареста, но на мнѣ бумаги, которыя могутъ компрометировать многихъ друзей. Пусть меня поса-

дятъ въ Шпильбергъ, но только бы эти бумаги не попали въ руки полиціи. Можете вы спрятать ихъ, Шарлотта?

Молодая дѣвушка еще болѣе поблѣднѣла, но она отвѣчала твердымъ голосомъ и съ лихорадочно сверкающими глазами:

— Мы не одни.

И она указала незамѣтнымъ движеніемъ головы на княгиню Саріа и графа Бальди, которые продолжали разговаривать въ полголоса.

— Я боюсь, что въ нашемъ домѣ сейчасъ сдѣлаютъ обыскъ, какъ въ сосѣднихъ,—предолжала Шарлотта:—но я васъ люблю, Фабіо, и согласилась сдѣлаться вашей женой; значитъ, я васъ не покину въ опасности. Я открою сейчасъ картонку, и вы бросите туда ваши бумаги. Я отвѣчаю за все остальное.

Она подошла къ столу, на которомъ стояли три картонки, приготовленныя для княгини, и приподняла крышку одной изъ нихъ, а Фабіо быстро спряталъ подъ кружевной шарфъ маленькій, плоскій, четыреугольный конвертъ, запечатанный сургучемъ.

Это движеніе не укрылось отъ вниманія княгини Саріа, которая, не переставая слушать графа Бальди, зорко слѣдила за молодыми людьми съ самаго появленія въ магазинѣ Фабіо, который поразилъ ее энергичнымъ выраженіемъ своего лица.

— Все это очень интересно, мой другъ, — перебила она графа на полусловѣ:—но неужели нашъ добрый губернаторъ придаетъ серіозное значеніе заговорамъ? Вѣдь это просто забава молодежи и больше ничего. Право, напрасно поднимаютъ на ноги столько солдатъ и полицейскихъ, чтобы схватить полдюжины дураковъ, которые въ концѣ концовъ сами прекратятъ свои комедіи. Не правда ли, я говорю разумно? — прибавила она, подходя къ Шарлоттѣ и открывая одну изъ картонокъ.

На эти слова отвѣчалъ Фабіо, который хотѣлъ отвлечь вниманіе княгини отъ картонокъ и дать время Шарлоттѣ спрятать конвертъ. Къ тому же его оскорбило сомнѣніе, выраженное гордой аристократкой въ неискренности его друзей, желавшихъ освободить родину.

— Княгиня Саріа, кажется, родилась итальянкой,—сказалъ онъ:— неужели она съ улыбкой взглянетъ на смерть своихъ соотечественниковъ, пожертвовавшихъ жизнью за освобожденіе Италіи?

— Княгиня Саріа видитъ и дѣлаетъ, что хочетъ, — произнесла она, не покраснѣвъ отъ нанесеннаго ей оскорбленія.

Въ глубинѣ своего сердца она почувствовала, что юноша былъ правъ. Ей не слѣдовало смѣяться надъ революціонерами, къ которымъ принадлежалъ ея мужъ, и пѣть въ унисонъ съ офиціальными дамами вице-королевскаго двора, выше которыхъ она всегда себя ставила.

— Это мои заказы,—прибавила она, обращаясь къ Шарлоттѣ, принимая совершенно иной тонъ.

Молодая дѣвушка, между тѣмъ, успѣла отодвинуться съ драгоцѣнными бумагами, хотя и не закрыла ея.

— Да, княгиня,—отвѣтила Шарлотта, до того смущенная, что она не могла сопровождать своихъ словъ улыбкой, обязательной въ разговорахъ съ кліентами.

— Бальди, посмотрите, что это шумятъ на улицѣ, — сказала княгиня:—право, этотъ шумъ становился нестерпимымъ.

Дѣйствительно, волненіе на улицѣ усиливалось, и Бальди, выйдя за дверь, вернулся черезъ минуту съ неблагопріятнымъ извѣстіемъ.

— Къ сожалѣнію, княгиня,—сказалъ онъ:—нельзя помѣшать людямъ исполнить свою обязанность. Они сдѣлали обыскъ во всѣхъ сосѣднихъ домахъ, и теперь наступила очередь этого магазина.

Хозяйка магазина выступила впередъ. Кокетливую старую дѣву теперь нельзя было узнать. Блѣдное лицо ея поражало выраженіемъ твердой рѣшимости, а глаза гнѣвно сверкали.

— Въ моемъ магазинѣ нѣтъ никого, кто бы не имѣлъ права находиться,—сказала она спокойно, и голосъ ея нимало не дрожалъ.

— Пусть войдутъ,—произнесла съ улыбкой княгиня:—посмотримъ, какъ полиція дѣлаетъ непріятности мирнымъ людямъ. Вы, графъ, поручитесь за насъ?

— Будьте, спокойны, — отвѣчалъ Бальди, принимая на себя важный видъ.

По незамѣтному знаку Шарлотты, Фабіо отошелъ въ ту сторону магазина, гдѣ было темнѣе. Спустя минуту, въ дверь вошло нѣсколько жандармовъ, которые стали по обѣ ея стороны. Затѣмъ явился офицеръ; приложивъ руку къ треугольной шляпѣ, онъ подошелъ къ конторкѣ и спросилъ:

— Сюда вошелъ кто нибудь?

— Сюда входило много людей,—началъ графъ Бальди, но Фабіо перебилъ его и, выступая впередъ, произнесъ:

— Я здѣсь.

Шарлотта вздрогнула отъ ужаса, а княгиня поблѣднѣла.

— Кто вы такой?—спросилъ офицеръ.

— Фабіо Гандони, гражданинъ Милана, адвокатъ.

Офицеръ взглянулъ на бумагу, которую держалъ въ рукахъ, и промолвилъ вполголоса:

— Это онъ. Опасный заговорщикъ. Одинъ изъ вожаковъ движенія.

Громко же онъ прибавилъ:

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Я шелъ по улицѣ,—отвѣчалъ Фабіо:—и, увидѣвъ безпорядки, завернулъ въ этотъ магазинъ. Я знаю этихъ дамъ, хотя очень мало.

И онъ бросилъ выразительный взглядъ на тетку и племянницу.

— Мы хорошо васъ знаемъ, Фабіо,—воскликнула Шарлотта:—и очень любимъ.

Юноша покраснѣлъ; тетка одобрительно кивнула головой, а княгиня Саріа, положивъ руку на плечо молодой дѣвушки, произнесла шепотомъ:

— Не поддавайтесь вліянію вашего добраго и благороднаго сердца, дитя мое. Чѣмъ меньше вы будите говорить, тѣмъ лучше.

— Это мой женихъ,—отвѣтила съ гордостью Шарлотта.

— Какое до этого дѣло жандармамъ!

Однако офицеръ обратилъ вниманіе на слова Шарлотты и подумалъ: «Если здѣсь знаютъ Фабіо Гальдони, то, можетъ быть, этимъ дамамъ извѣстны и его планы. Надо быть осторожнымъ».

И онъ громко произнесъ, обращаясь къ Фабіо:

— Хорошо. Подождите того, кому поручено васъ допросить. А кто же эти дамы?—прибавилъ онъ.

— Это княгиня, Саріа,—отвѣчалъ Бальди:—вы, вѣроятно, знаете ее по имени, а хозяйку магазина и ея племянницу зовутъ Лоливъ, и я за нихъ ручаюсь.

— Прекрасно, а вы кто?

— Развѣ вы меня не узнаете? Я графъ Цезарь Бальди, почетный камергеръ его высочества, вице-короля.

— Простите, ваше превосходительство,—отвѣчалъ офицеръ,—но я не здѣшній; я командую отрядомъ на дорогѣ въ Комо. Насъ вызвали сегодня въ городъ по случаю необходимыхъ арестовъ

Не зная, какъ выйти изъ непріятнаго положенія и какъ вести себя съ столь важными особами, онъ сталъ молча ходить взадъ и впередъ по магазину, очевидно дожидаясь кого-то.

— Однако Галлони не торопится,—произнесъ онъ, подходя къ жандармскому унтеръ-офицеру, стоявшему у дверей.

— Извините, господинъ офицеръ—воскликнулъ Фабіо, подходя къ нему:—вы, кажется, упомянули имя Галлони?

— Да. Онъ будетъ васъ допрашивать. Ему, повидимому, поручено произвести сегодняшніе аресты.

Юноша поблѣднѣлъ. Теперь все было для него ясно. Галлони былъ шпіонъ. Онъ предалъ его и другихъ товарищей. Этотъ гнусный человѣкъ поступилъ въ ихъ тайное общество, прикинулся патріотомъ и, узнавъ всѣ ихъ планы, донесъ полиціи. По счастью, ему не было извѣстно, что у Фабіо находились важныя бумаги, хотя онъ зналъ, что онѣ касались плана освобожденія узника коалиціи, герцога Рейхштадтскаго, который, вступивъ на французскую территорію, долженъ быть подать сигналъ къ освобожденію всѣхъ угнетенныхъ народовъ. Фабіо чувствовалъ, что онъ погибъ. Но онъ еще болѣе сожалѣлъ о неудачѣ смѣлаго предпріятія.

Шарлотта смотрѣла на него съ отчаяніемъ.

— Что съ нимъ?—думала она:—отчего это имя такъ страшно подѣйствовало на него?

Неожиданно ея глаза остановились на двери, и она вздрогнула. Въ магазинъ кто-то вошелъ.

— Какая отвратительная фигура!—промолвила невольно молодая дѣвушка.

V.

Галлони.

Дѣйствительно Галлони былъ отвратителенъ даже по внѣшности.

Средняго роста, худощавый, костлявый, онъ отличался блѣднымъ лицемъ, всѣ черты котораго выражали звѣрскую жестокость и низкіе инстинкты. Только большіе, живые глаза поражали бы красотой, еслибъ ихъ взглядъ не былъ хитрый, лицемѣрный, коварный. Одѣтъ онъ былъ весь въ черномъ, и такой же черный галстухъ, сжимавшій длинную шею, высоко поддерживалъ его голову.

— Ну, поручикъ,—сказалъ онъ:—вы поймали птицу. Да, это онъ. Ну, товарищъ, заставилъ же ты себя искать. Выходи къ отвѣту.

Фабіо не удостоилъ шпіона ни однимъ словомъ отвѣта, а, обратившись къ офицеру, произнесъ:

— Съ которыхъ поръ сообщникъ допрашиваетъ виновнаго? Признаюсь, я ненавижу австрійское правительство и часто говорилъ дурно о немъ, но этотъ человѣкъ подбивалъ насъ убивать по одиночкѣ солдатъ, стоящихъ на часахъ. Можетъ быть, мы безумцы, но онъ подлецъ.

Офицеръ, повидимому, раздѣлялъ мнѣніе Фабіо и презрительно взглянулъ на Галлони.

— Вашъ женихъ молодецъ, дитя мое,—сказала княгиня на ухо Шарлоттѣ.

— Ваши слова только доказываютъ, что я хорошо сыгралъ свою роль,—отвѣчалъ Галлони, нимало не смущенный обвиненіемъ въ шпіонствѣ и предательствѣ:—это мое ремесло, а всѣ вы были по обыкновенію дураками и болтунами. Впрочемъ, я долженъ сказать, что ваше предпріятіе было обставлено серіознѣе и основательнѣе, чѣмъ обыкновенно подобныя исторіи. Только вы не умѣли держать языкъ за зубами. Впрочемъ, я былъ не одинъ шпіонъ. Это тебя удивляетъ, Фабіо? Ну, поломай-ка себѣ голову и отгадай второго шпіона. Ну, гдѣ же его бумаги? — прибавилъ онъ, обращаясь къ офицеру.

— Какія бумаги?

— Вы еще не обыскали его! Эй, сюда!

Два полицейскіе агента, вошедшіе въ магазинъ, вмѣстѣ съ Галлони приблизились къ Фабіо и схватили его за плечо.

— Ну, говори, гдѣ бумаги, которыя ты долженъ былъ отвезти въ Вѣну,—продолжалъ сыщикъ:—ты этимъ освободишь меня отъ лишняго труда обыскивать твои карманы. А, ты не хочешь отвѣчать, хорошо.

Фабіо презрительно молчалъ, и Галлони сталъ его обыскивать, приговаривая:

— Это не человѣкъ, а колодезь всякихъ драгоцѣнныхъ документовъ. На немъ цѣлая масса писемъ представителей бонапартовской семьи къ Шенбрунскому юношѣ и еще другія бумаги, содержанія которыхъ я не знаю. Но все это касается бѣгства Римскаго короля.

Княгиня Саріа пристально посмотрѣла на Шарлотту и шепотомъ произнесла, бросая знаменательный взглядъ на картонки:

— А, понимаю.

Между тѣмъ Галлони вывернулъ всѣ карманы у Фабіо и ощупалъ его одежду сверху и снизу.

— Чортъ тебя возьми,—воскликнулъ онъ наконецъ,—куда ты спряталъ эти бумаги, вѣдь ихъ должна быть большая связка. Ну, молодцы, снимайте съ него сапоги.

Фабіо положили на столъ и сняли съ него обувь, а потомъ отпороли подкладку шляпы.

— Все ничего, — промычалъ Галлони. — Однако, ты вышелъ прямо изъ дома, когда я напустилъ на тебя полицейскихъ, а самъ обыскалъ твою квартиру. Тамъ ничего не оказалось, а на улицы не выбрасываютъ такихъ важныхъ документовъ, значитъ, они здѣсь. Связать ему руки,—продолжалъ Галлони, обращаясь къ своимъ помощникамъ,—и обыскать весь магазинъ.

Бальди всячески старался уговорить княгиню удалиться, такъ какъ ей неприлично было болѣе оставаться при такой сценѣ, но она отвѣчала:

— Оставьте меня, я хочу видѣть, до чего это дойдетъ. Уходите, графъ, если желаете.

— Нѣтъ, я васъ не покину.

Между тѣмъ полицейскіе агенты приступили къ обыску: одинъ открывалъ всѣ ящики, а другой подъ надзоромъ офицера открылъ денежный сундукъ ключемъ, который ему добровольно отдала хозяйка магазина.

— Вы допросили этихъ женщинъ? — спросилъ Галлони, обращаясь снова къ офицеру.

— Да, за нихъ поручился графъ Бальди.

— Я знаю графа Бальди и княгиню Саріа, — произнесъ Галлони,—а эти двѣ женщины, вѣроятно, бѣлошвейки. Извините, пожалуйста,—прибавилъ онъ съ отратительной улыбкой,—но я долженъ обыскать ваши карманы, сударыни, такъ какъ вашъ пріятель не хочетъ сказать, куда онъ спряталъ бумаги.

— Подлецъ, — воскликнулъ Фабіо, — тебѣ мало быть низкимъ предателемъ, ты еще смѣешь поднять руку на беззащитныхъ женщинъ.

И онъ рванулся съ такой силой, что державшіе его жандармы едва могли съ нимъ справиться.

— Не подходите, — промолвила Шарлотта поблѣднѣвъ и, схвативъ большія ножницы, прибавила:—если вы сдѣлаете еще одинъ шагъ, то я нанесу себѣ ударъ этими ножницами.

Напротивъ, ея тетка подошла къ сыщику и, поднявъ обѣ руки, сказала:

— Начинайте съ меня, я не уступлю своего права старшинства.

Эти слова доброй старухи поразили княгиню Полину Саріа. До этой минуты она довольно хладнокровно смотрѣла на все происходившее вокругъ нея, и хотя понимала, что Фабіо былъ благороднымъ энтузіастомъ, бѣлошвейки добрыми женщинами, а полицейскій низкимъ предателемъ, но ей не было никакого дѣла до безумнаго заговора, составленнаго какими-то мальчишками въ пользу безсмысленнаго юнаго претендента, спокойно въ это время разгуливавшаго въ Шенбрунскомъ паркѣ. Но теперь сыщикъ показался ей столь отвратительнымъ, а его жертвы столь жалкими, что Полина Саріа не могла долѣе выдерживать такого недостойнаго зрѣлища. Ея благородная душа возмутилась, и она громко воскликнула:

— Графъ, скажите этому человѣку, что синьоръ Фабіо вошелъ въ магазинъ при насъ и за минуту до появленія жандармовъ, такъ что онъ не могъ никому ничего передать.

— Это правда,—подтвердилъ Бальди.

— Хорошо, — произнесъ Галлони: — но въ какую дверь онъ вошелъ?

— Вотъ въ ту,—отвѣчалъ графъ, указывая на дверь, выходившую въ переулокъ.

— А мои агенты утверждаютъ, что онъ не могъ войти иначе, какъ съ улицы, — сказалъ Галлони и послѣ минутнаго размышленія прибавилъ: — а понимаю, Фабіо вошелъ, дѣйствительно, съ улицы, а потомъ направился въ переулокъ, но тамъ онъ увидалъ солдатъ и снова вернулся въ магазинъ, куда, между тѣмъ, вошли вы, графъ, и княгиня.

Онъ снова задумался и сталъ молча осматривать магазинъ:

— Нечего болѣе искать, — сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ:—бумаги должны быть здѣсь.

И онъ указалъ на картонки, находившіяся близъ княгини.

— Простите, ваше сіятельство, — продолжалъ Галлони, подходя къ ней:—но я долженъ васъ обезпокоить и осмотрѣть эти картонки.

Княгиня медленно положила свою руку на одну изъ картонокъ, вокругъ которыхъ разыгрывалась драма. Она очень хорошо знала,

что именно въ этой картонкѣ не находился пакетъ, который Шарлотта сунула въ другую картонку, стоявшую незакрытой сзади всѣхъ.

— Въ этихъ картонкахъ заказанныя мною вещи,— сказала она,— и дѣлать въ нихъ обыскъ все равно, что обыскивать мой домъ. Имѣете ли вы порученіе, господинъ полицейскій, сдѣлать обыскъ въ домѣ княгини Саріа?

— Извините, ваше сіятельство,— отвѣчалъ Галлони ироничеcки-почтительнымъ тономъ:—все, что здѣсь находится, законъ признаетъ принадлежностью хозяйки магазина. Вотъ, если у васъ есть актъ на покупку или аренду этого магазина, то дѣло другое.

— Повторяю, что это вещи мои, и я не позволю до нихъ дотронуться. Увидимъ, посмѣете ли вы насильно взять ихъ у меня.

— Если, ваше сіятельство, желаете, чтобы я прибѣгнулъ къ псевдонасилію, то извольте, я дотронусь пальцемъ до вашей перчатки.

Графъ Бальди хотѣлъ вступиться, но княгиня жестомъ остановила его.

— Не надо, графъ; можетъ быть, этотъ человѣкъ дѣйствительно исполняетъ свои обязанности. Мы всѣ вѣрноподданные его величества императора, и я также исполняю свой долгъ. Я согласна сдѣлать то, что желаетъ полицейскій агентъ; но такъ какъ я буду носить эти кружева и перья, то не желаю, чтобы чья либо рука до нихъ прикасалась. Кажется, я имѣю право настоять на этомъ.

Всѣ съ безмолвнымъ любопытствомъ устремили глаза на странный поединокъ между гордой аристократкой и ловкимъ сыщикомъ.

Она открыла первую изъ картонокъ и бросила крышку на другую, именно на ту, въ которой находился пакетъ. Затѣмъ она стала вынимать кружевныя вещи, находившіяся въ картонкѣ, и показывать ихъ издали сыщику, который пожиралъ ихъ глазами и, наконецъ, складывать ихъ грудой на той картонкѣ, которую ей необходимо было скрыть.

— Вы увѣрены, что здѣсь ничего нѣтъ,—сказала она, вынувъ всѣ вещи изъ картонки и показавъ Галлони, что она совершенно пуста:—ну, теперь перейдемъ къ другой.

И она продѣлала то же самое со всѣми предметами, находившимися во второй картонкѣ, но когда груда кружевъ, кисеи и перьевъ удвоилась, то она схватила ножницы и гнѣвно воскликнула:

— Ну, а теперь довольно. Прочь отсюда, негодяй. Княгиня Саріа не привыкла такъ долго разговаривать съ подобными тебѣ личностями. Прочь или я пригвожду твою предательскую руку къ этому столу.

— Хорошо, сударыня, — отвѣчалъ Галлони полуразочарованнымъ, полугрозящимъ тономъ:— я уйду. Вы находитесь подъ покровительствомъ такого высокопоставленнаго господина, что я на

словахъ объясню губернатору, какимъ непріятностямъ подвергаются чиновники, исполняющіе требованія закона.

И онъ удалился, бормоча про себя:

— Я не досмотрѣлъ. Меня обманули.

Фабіо не вѣрилъ своимъ глазамъ и не понималъ, какимъ чудомъ скрытый имъ въ одной изъ картонокъ пакетъ избѣгъ ястребинаго взгляда сыщика, а эта свѣтская женщина, которую онъ только что осуждалъ, неожиданно превратилась въ благородную, мужественную героиню.

Что же касается до Шарлотты, то она нагнувшись незамѣтно поцѣловала руку княгини и промолвила шепотомъ:

— Да благословитъ васъ Господь!

— Твой женихъ, можетъ быть, повѣритъ, что у меня есть сердце,—отвѣчала княгиня съ улыбкой и, пользуясь минутой общаго замѣшательства, быстро выхватила изъ-подъ груды кружевъ таинственный пакетъ и спрятала его за свой корсажъ.

Между тѣмъ Галлони и офицеръ совѣщались о томъ, какъ имъ слѣдовало поступить. Послѣдній утверждалъ, что не стоило терять времени въ этомъ магазинѣ, такъ какъ слѣдовало арестовать еще другихъ заговорщиковъ.

— Къ тому же,—прибавилъ онъ:—къ чему вамъ теперь эти бумаги? Вы вѣдь увѣрены, что онѣ не попадутъ по назначенію.

— Но если я не достану бумагъ, то какъ я оправдаю арестъ этого человѣка?—отвѣчалъ Галлони.

— По-моему, вамъ слѣдуетъ отправить арестованнаго въ тюрьму, а завтра произвести здѣсь добавочный и болѣе основательный обыскъ.

— Хорошо; вы оставьте здѣсь часовыхъ, а я завтра явлюсь сюда съ умѣлыми рабочими, и мы перевернемъ все вверхъ дномъ.

Съ этими словами онъ удалился и приказалъ знакомъ, чтобъ повели за нимъ Фабіо.

Прежде, чѣмъ переступить порогъ, юноша обернулся и крикнулъ тремъ женщинамъ, не спускавшимъ съ него глазъ:

— Благодарю васъ отъ всего сердца. Вы болѣе чѣмъ спасли меня. Простите за причиненное вамъ огорченіе. Я буду въ тюрьмѣ благословлять васъ и молить Бога, чтобъ справедливое дѣло совершилось безъ меня...

— Довольно болтать,—перебилъ его Галлони, снова появляясь въ дверяхъ.

— Маршъ! А вы, поручикъ, прикажите, чтобы здѣсь ничего не трогали до моего возвращенія.

— Эти дамы свободны?—спросилъ офицеръ, указывая на бѣлошвеекъ.

Бросивъ взглядъ, полный ненависти на княгиню, онъ быстро исчезъ.

— Да, временно,—отвѣчалъ сыщикъ и прибавилъ про себя: — и третья.

VI.

Въ дорогу.

Пока офицеръ оставался въ магазинѣ, разставляя часовыхъ и отдавая имъ инструкціи, Шарлотта себя сдерживала, но какъ только онъ удалился, то она громко зарыдала:

— Бѣдный Фабіо,—говорила она сквозь слезы,—какъ тебя спасти!

Старая тетка не плакала, но нѣжно проводила рукой по волосамъ молодой дѣвушки и тихо говорила:

— Ты видишь, какъ скоро оправдались мои слова, я тебя не упрекаю. Я также виновата, что ранѣе не догадалась о происходившемъ вокругъ меня. Быть можетъ, вы послушались бы моего совѣта, и горе не случилось бы. А теперь тебѣ остается только плакать, бѣдное дитя мое, плачь, плачь!

Смотря на этихъ бѣдныхъ женщинъ, княгиня Сапіа невольно думала:

— Эти двѣ женщины жили мирно, и всѣ ихъ уважали. Онѣ работали и были счастливы. Вдругъ набѣжалъ шквалъ, и все погибло. Онѣ теперь будутъ несчастны на всю жизнь. И что же онѣ сдѣлали дурного? Ничего. Одна изъ нихъ любитъ добраго молодца, который отдалъ себя служенію безумной, но благородной идеѣ. Низкій негодяй выдалъ его, и онъ въ тюрьмѣ. Вотъ каковъ сталъ Миланъ! То же можетъ случиться завтра во всѣхъ семьяхъ, гдѣ есть юноша думающій, мечтающій, надѣющійся. Но зачѣмъ завтра? Вѣдь для одного Фабіо не подняли бы на ноги всю полицію и солдатъ. Можетъ быть, въ это самое время онъ не одинъ въ тюрьмѣ, а многіе, и ихъ жены, сестры, невѣсты обливаются слезами... Но мнѣ какое до этого дѣло? Я завтра покину безпокойный Миланъ и поѣду въ Вѣну, гдѣ увижу могущественнаго, непогрѣшимаго князя Меттерниха. Онъ научитъ меня, какъ получить секвестрованныя помѣстья моего мужа... Однако, что я думаю о себѣ, а эти бѣдныя женщины, что онѣ будутъ дѣлать? Чѣмъ бы имъ помочь?

— О чемъ вы думаете, княгиня?—спросилъ неожиданно Бальди, о которомъ она совершенно забыла.—Что съ вами? у васъ, кажется, расходились нервы?

— Нисколько, другъ мой, — отвѣчала Полина, какъ бы очнувшись отъ забытья. — Да и отчего расходиться моимъ нервамъ? Было бы безумно обращать вниманіе на арестъ какого-то юнаго заговорщика. Но пора дать отдохнуть этимъ бѣднымъ женщинамъ.

Посмотрите, гдѣ мой экипажъ, и, если можно, пусть кучеръ подастъ сюда.

Бальди поклонился и вышелъ изъ магазина.

— Завтра утромъ я уѣзжаю въ Вѣну, — сказала Полина, подойдя къ Шарлоттѣ и положивъ ей руку на плечо.—Если вы желаете, то я выпрошу тамъ помилованіе вашему жениху.

— Вы слишкомъ добры,—отвѣчала Шарлотта,—но только я не знаю, захочетъ ли онъ этого. Имѣемъ ли мы право безъ его дозволенія просить о помилованіи?

— Я увѣрена, что онъ будетъ благословлять васъ, если выйдетъ изъ тюрьмы, благодаря вамъ,—возразила княгиня, удивленная, что маленькая магазинщица была способна высказывать такія возвышенныя мысли.

— Нѣтъ,—отвѣтила Шарлотта, печально качая головой,—я убѣждена, что онъ не захочетъ свободы цѣною отреченія отъ своихъ идей.

— Но въ тюрьмѣ онъ не можетъ служить имъ.

— Да, но онъ не измѣняетъ имъ.

Полина Саріа неожиданно поняла, что дѣло шло не о покровительствѣ несчастнаго, а о томъ, чтобы сдѣлаться его сообщницей, и, не минуты не колеблясь, воскликнула съ жаромъ:

— Послушайте, противъ Фабіо нѣтъ никакихъ уликъ; онѣ всѣ у меня въ рукахъ. Значить, я могу смѣло утверждать, что его арестовали по ложному доносу. Я могу разсказать, что негодяи нарочно подбиваютъ неопытныхъ юношей сдѣлаться мятежниками, а потомъ ихъ выдаютъ самымъ циничнымъ и позорнымъ образомъ.

— А вы думаете, — произнесла тетка Шарлотты, неожиданно вмѣшиваясь въ разговоръ:—что тѣ, которымъ вы это скажете, не знаютъ всѣхъ дѣлающихся здѣсь ужасовъ?

— Можетъ быть, и знаютъ,—отвѣчала княгиня,—но одно дозволять ужасы издали, а другое краснѣть за нихъ. Клянусь вамъ, что я добьюсь помилованія Фабіо безъ всякихъ условій и безъ всякаго стыда для него. Пусть ваша племянница поѣдетъ со мной, и мы вдвоемъ добудемъ ему свободу.

— Вы слышите, тетя, что мнѣ предлагаетъ княгиня, — промолвила молодая дѣвушка почувствовавъ, что не все кончено для нея, а напротивъ, есть надежда на счастливую жизнь съ любимымъ человѣкомъ.

Но не успѣла старуха еще отвѣтить, какъ уже снова отуманилось просвѣтлѣвшее лицо Шарлотты, и она промолвила:

— Что же мы сдѣлаемъ съ бумагами, княгиня?

— Съ бумагами, — отвѣчала Полина, — да все, что хотите. Поѣдемте со мною, Шарлотта, а бумаги вы отдадите вашему другу, когда онъ будетъ на свободѣ.

Дѣло въ томъ, что хотя княгиня хотѣла всѣмъ сердцемъ помочь горю бѣдныхъ женщинъ, но она вовсе не желала участвовать въ заговорѣ въ пользу герцога Рейхштадтскаго, и бумаги, которыя поневолѣ она должна была хранить, нисколько ея не интересовали. Она съ удовольствіемъ отдала бы ихъ юному карбонарію послѣ его выхода изъ тюрьмы съ благимъ совѣтомъ ихъ сжечь.

Между тѣмъ Шарлотта о чемъ-то шепотомъ говорила съ теткой, и та громко произнесла:

— Конечно, тебѣ, дитя мое, полезно отправиться въ Вѣну съ княгиней, чтобы выхлопотать освобожденіе твоего жениха изъ тюрьмы. Но я-то что буду дѣлать безъ тебя? Къ тому же, вѣроятно, магазинъ закроютъ на нѣсколько дней. Знаете что: не лучше ли и мнѣ поѣхать съ вами. Можетъ быть, старуха на что нибудь и пригодится. Магазинъ мы оставимъ на попеченіи старшей продавщицы Елизы. Вѣдь въ твоемъ паспортѣ, Шарлотта, упомянута помощница; ну, вотъ я и буду этой помощницей.

Молодая дѣвушка бросила вопросительный взглядъ на княгиню, не зная, какъ послѣдняя взглянетъ на подобное злоупотребленіе ея добротой.

Но въ эту минуту въ магазинъ вернулся Бальди и заявилъ, что экипажъ поданъ.

— Проводите насъ, мой другъ,— сказала Полина:— я беру съ собою въ Вѣну двухъ компаньонокъ.

Обѣ женщины бросились цѣловать ей руки.

— Вы хотите взять съ собою этихъ женщинъ? Да это невозможно!—воскликнулъ графъ, внѣ себя отъ удивленія.

— Тѣмъ лучше, я люблю все невозможное. Какъ вы меня мало знаете, Бальди! Вы увѣряете, что меня любите; ну, докажите свою любовь, и это будетъ вамъ стоить такъ мало. Вотъ въ чемъ дѣло: эти дамы возьмутъ съ собою самыя необходимыя вещи, чтобы провести ночь внѣ дома, занятаго полиціей, и вы покажите жандармамъ эти вещи, чтобы ихъ не обвиняли потомъ въ похищеніи документовъ. Затѣмъ вы проводите насъ до моего дома и удостойте меня чести отужинать съ нами. Завтра утромъ мы будемъ уже на дорогѣ въ Вѣну, а вы скажете вашему губернатору всю правду, именно, что двѣ бѣлошвейки поѣхали просить у князя Меттерниха помилованія арестованнаго жениха одной изъ нихъ.

— Конечно, я могу сдѣлать это. Но вы не боитесь компрометировать себя вмѣшательствомъ въ такое дѣло?

— Нѣтъ, другъ мой, я ничего не боюсь и всегда дѣйствую, какъ мнѣ подсказываетъ мое сердце, а, можетъ быть, мой капризъ. Поѣдемте ужинать.

Все совершилось по желанію княгини, и спустя нѣсколько минутъ, жандармы остались охранять пустой магазинъ подъ вывѣской «Золотыя ножницы».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Узникъ князя Меттерниха.

Францъ Шуллеръ стоялъ, облокотясь на свою лопату, въ Шенбрунскомъ паркѣ и внимательно смотрѣлъ на западный фасадъ замка, залитаго блестящими лучами заходящаго іюльскаго солнца. Эти лучи одинаково играли на каменной балюстрадѣ лѣстницъ, на мраморныхъ статуяхъ и на полуоткрытыхъ окнахъ старинной императорской резиденціи, напоминавшей древнюю роскошь Версаля. Громадныя куртины цвѣтовъ, преимущественно розъ, окружали дворецъ, а высокія ивы, прихотливо подрѣзанныя, какъ во времена Маріи-Терезіи, бросали на дорожки свою странную тѣнь.

Но дѣйствительно ли Францъ Шуллеръ смотрѣлъ на это зрѣлище? Неужели простой сельскій рабочій съ загорѣлымъ лицомъ и мозолистыми отъ труда руками былъ мечтателемъ или артистомъ? Нѣтъ! Онъ обращалъ вниманіе не на окружавшее его блестящее зрѣлище, а на мелькавшую передъ его глазами тѣнь худощавой человѣческой фигуры, которая медленно двигалась по одной изъ террасъ замка.

Дѣло въ томъ, что Францъ Шуллеръ былъ не простой садовникъ, и когда его приняли на службу въ императорскій паркъ послѣ продолжительнаго пребыванія въ баденскихъ садахъ, онъ заявилъ, что былъ зятемъ покойнаго садовника, котораго мѣсто онъ хотѣлъ занять, и это дѣйствительно оказалось справедливымъ. Но онъ не признался, и никто этого не зналъ, что его предшественникъ въ 1810 году, почти въ одно время съ Наполеономъ, женился, но не на австріячкѣ, а на молодой дѣвушкѣ изъ Эльзаса. Такимъ образомъ Францъ, зять вѣрнаго слуги императора австрійскаго, былъ самъ вѣрнымъ слугою императора Наполеона. Посѣтивъ свою сестру въ 1822 году, онъ поселился въ Гитцингѣ; а когда умерла прежде она, а потомъ ея мужъ, то онъ взялъ на свое попеченіе ихъ дочь и сдѣлался наконецъ самъ садовникомъ въ Шенбрунѣ.

Однако, служа австрійскому императору, онъ оставался французомъ и, что еще хуже, старымъ служакой наполеоновской арміи, побѣждавшей австрійцевъ. Поэтому неудивительно, что въ прекрасный іюльскій вечеръ онъ смотрѣлъ не на замокъ, съ его статуями и цвѣтными куртинами, а на фигуру юноши, который былъ для всѣхъ герцогомъ Рейхштадтскимъ, а для него римскимъ королемъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Франца виднѣлась каменная скамья, окружавшая такой же столъ подъ тѣнью старинныхъ деревьевъ. Тутъ нѣкогда разыгралась историческая сцена. Наканунѣ битвы подъ Еслингомъ Наполеонъ случайно упалъ съ лошади, и его за-

мертво принесли и положили на эту скамейку. Шталмейстеръ, подавшій императору необъѣзженную лошадь, де-Каниве, хотѣлъ съ отчаянія застрѣлиться. Пока докторъ Ларей тщетно старался привести въ сознаніе Наполеона, маршалъ Ланнъ и офицеры главнаго штаба старательно охраняли эту трагическую сцену отъ всякаго посторонняго взгляда. Въ паркѣ было нѣсколько часовыхъ, и имъ приказали хранить въ тайнѣ случившееся, чтобы дать время начальникамъ арміи принять необходимыя мѣры, если бы дѣйствительно императоръ скончался. Патріотизмъ этихъ людей былъ такъ великъ, что никто не узналъ ни во Франціи, ни внѣ ея, что въ продолженіе нѣскольких часовъ Наполеонъ находился въ Шенбрунѣ между жизнью и смертью. Только спустя много лѣтъ, мемуары его маршаловъ обнаружили этотъ невѣдомый фактъ, который сумѣли не выболтать простые солдаты. Въ числѣ этихъ часовыхъ въ Шенбрунѣ находился Францъ.

А теперь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ видѣлъ отца, лежавшаго полумертвымъ, онъ ждалъ сына, и въ его простомъ солдатскомъ умѣ создавалась какая-то странная связь между обоими этими событіями.

«Кто знаетъ», думалъ онъ, «можетъ быть, прійдетъ день, когда этотъ блѣдный юноша отправится изъ Шенбруна, гдѣ я видѣлъ его отца замертво, и снова покоритъ весь міръ? Кто знаетъ, быть можетъ, орленокъ перелетитъ съ собора св. Стефана на соборъ Парижской Богоматери?

И Францъ Шуллеръ смотрѣлъ съ восхищеніемъ на медленно подходившаго къ нему юношу. Дѣйствительно, Францискъ-Наполеонъ Бонапартъ, герцогъ Рейхштадтскій, обладая прекрасными, благородными качествами ума и сердца, отличался красивой, привлекательной наружностью. Высокаго роста, статный, онъ наслѣдовалъ отъ отца матовый цвѣтъ лица, тонкій, прямой носъ съ легкой горбинкой, прямой свѣтлый взглядъ и большой лобъ. Только глаза у него были голубые и волоса русые. Онъ соединялъ въ себѣ черты двухъ расъ и не даромъ былъ то французскимъ принцемъ, то австрійскимъ эрцъ-герцогомъ.

Но не одному Францу Шуллеру нравился этотъ юноша, и хотя открыто никто не смѣлъ его называть сыномъ Наполеона, но многіе дипломаты готовили ему различные мелкіе престолы, какъ греческій или бельгійскій, не зная, что его судьба была заранѣе предопредѣлена Меттернихомъ. Только простодушный Францъ Шуллеръ думалъ, что онъ вернется во Францію, и каждый вечеръ говорилъ ему втайнѣ объ этой Франціи.

Ихъ разговоры начались случайно. Францъ тогда еще недавно поступилъ въ садовники, и герцогъ не зналъ его. Случайно они встрѣтились на дорожкѣ, и Францъ, выпрямившись во весь ростъ, снялъ шапку, но въ то же время знакомъ далъ понять, что хочетъ

говорить съ молодымъ человѣкомъ. Герцогъ остановился съ удивленіемъ, но съ милостивой улыбкой.

— Я хочу сказать вамъ, ваше высочество, что я французъ,— произнесъ Францъ въ большомъ смущеніи,—здѣсь этого никто не знаетъ. Я служилъ вашему отцу и очень его любилъ, какъ всѣ солдаты. Когда вамъ вздумается узнать, что мы думали о немъ, то махните пальцемъ, и Францъ Шуллеръ вамъ все разскажетъ. Я не заговорщикъ, и былъ солдатомъ, а теперь я садовникъ.

Произнеся эту рѣчь, Францъ устремилъ глаза на юношу и ждалъ отвѣта, но тотъ не произнесъ ни слова и быстро удалился. Старикъ не зналъ, что и думать. Неужели герцогъ принялъ его за шпіона? Онъ не спалъ всю ночь, а на слѣдующій день онъ явился въ то же время на прежнее мѣсто и сталъ ждать.

Герцогъ Рейхштадтскій снова прошелъ мимо него и, не останавливаясь, сказалъ:

— Я также имѣю тебѣ сказать, мой храбрый другъ, что я французъ и уважаю тѣхъ, которые служили родинѣ при моемъ отцѣ.

Слезы радости брызнули изъ глазъ стараго служаки.

Герцогъ улыбнулся, приложилъ палецъ къ губамъ и прошелъ далѣе.

Съ тѣхъ поръ при каждомъ удобномъ случаѣ онъ пробирался незамѣченный своимъ наставникомъ графомъ Дидрихштейномъ или его помощниками къ каменной скамьѣ, гдѣ его ждалъ Францъ, и они на свободѣ, хотя недолго и съ опаской, бесѣдовали о Франціи и Наполеонѣ. Въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ, т.-е., со времени отъѣзда его гувернантки, госпожи де-Монтескьё, онъ не имѣлъ случая говорить о родинѣ и отцѣ; поэтому естественно онъ теперь съ наслажденіемъ разговаривалъ съ Францемъ, который разсказывалъ ему исторію наполеоновскихъ походовъ, которые представляли до тѣхъ поръ сыну ихъ героя въ совершенно извращенномъ видѣ. Только теперь, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1830 года онъ тайно прочелъ книгу графа Прокеша-Остена о кампаніи 1815 года, въ которой авторъ опровергалъ несправедливыя мнѣнія, высказываемыя въ Германіи о военномъ талантѣ Наполеона. Это чтеніе возбудило въ сердцѣ юноши такое нѣжное чувство къ Прокешу-Остену, что, когда случайно онъ увидалъ его у своего дѣдушки, императора, то бросился къ нему на шею. Благодаря этому обстоятельству, Прокешъ былъ записанъ въ черную книгу Меттерниха и, несмотря на его таланты, посылался въ далекія миссіи. Только двадцать лѣтъ спустя, онъ вошелъ въ милость и достигъ высокихъ должностей.

Что касается до Франца, то онъ не развивалъ передъ юношей ни стратегическихъ, ни дипломатическихъ теорій, а просто разсказывалъ ему свои воспоминанія о быломъ. Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ разсказъ, герцогъ Рейхштадтскій былъ особенно печаленъ, и Францъ, тотчасъ это замѣтивъ, спросилъ:

— Что съ вами?

— Мнѣ скучно, Францъ.

— Нѣтъ, вамъ сдѣлали что нибудь непріятное.

— Нѣтъ, ничего, только я узналъ во дворцѣ у дѣдушки, что въ Парижѣ произошли великія событія.

— Въ Парижѣ?

— Да, вотъ уже два дня, какъ свергнутъ съ престола Карлъ X.

— Неужели?

— Я узналъ это случайно. Одинъ изъ секретарей канцлера, поклонившись мнѣ, сказалъ: «Ваше высочество, бурбоновъ-то прогнали». Я отвѣчалъ: «Да, говорятъ». Но, въ сущности, я ничего не знаю. Вотъ отчего, можетъ быть, я не въ духѣ. Разскажи мнѣ, Францъ, конецъ твоихъ походовъ. Ты мнѣ никогда еще не говорилъ, что было послѣ прибытія моего отца въ Фонтенебло.

Старый служака нарочно распространялъ свои разсказы, чтобы оттянуть печальную минуту, когда придется перейти къ исторіи послѣднихъ дней имперіи. Онъ останавливался на всѣхъ мелочахъ Наполеоновскихъ побѣдъ, описывалъ всѣ мѣстности его битвъ, рисовалъ портреты его сподвижниковъ и т. д.; но въ концѣ концовъ все-таки пришлось разсказывать о неудачахъ, но и тутъ онъ находилъ свѣтлыя стороны. Такимъ образомъ онъ дошелъ до Фонтенебло, но никакъ не рѣшался идти далѣе. Теперь наступила роковая минута.

— Вотъ видите, ваше высочество,—началъ онъ,—маршаламъ надоѣло все воевать, они стали стары и богаты. Большинство ихъ было женато и имѣло дѣтей, а они никогда не могли жить въ семействѣ, такъ какъ лѣтъ двадцать безостановочно шагали по Европѣ. При этомъ императоръ обходился съ ними грубо, даже когда самъ былъ виноватъ.

— Францъ!—воскликнулъ герцогъ.

— Нѣтъ, вы уже слушайте всю правду. Не легко было служить вашему отцу. Надо его было понимать на лету, никогда не ошибаться и всегда одерживать успѣхъ; иначе бѣда. Притомъ несчастія его озлобили, и генералы уже не питали къ нему прежняго довѣрія. Только мы, простые солдаты, вѣрили въ него попрежнему.

— Продолжай, вѣрный другъ,—промолвилъ съ чувствомъ герцогъ, смотря съ уваженіемъ на этого представителя настоящихъ сподвижниковъ его отца, никогда ему не измѣнявшихъ.

— Наконецъ, вамъ надо все сказать,—продолжалъ Францъ.— Между Парижемъ и Фонтенебло было 300.000 непріятелей, а французовъ оставалось всего 50.000, и то усталыхъ, дурно вооруженныхъ. Мормонъ командовалъ въ Эссонѣ авангардомъ въ десять или двѣнадцать тысячъ человѣкъ; въ этомъ числѣ находилась и моя рота... Онъ отправился въ Парижъ, занятый врагомъ, и оставилъ свои приказанія помощникамъ, которые повели насъ между двумя

рядами австрійцевъ. Это походило на капитуляцію, а такъ какъ мы—простые солдаты, а не маршалы, то едва не бросились на австрійцевъ. На бѣду мы привыкли къ субординаціи и повиновались.

Храбрый солдатъ со стыдомъ опустилъ голову при воспоминаніи объ измѣнѣ маршала Мормона.

Герцогъ, сидѣвшій на скамьѣ и внимательно слушавшій Франца, который ходилъ передъ нимъ, зорко смотря по сторонамъ,—быстро вскочилъ и схватилъ его за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнулъ Францъ,—насъ могутъ увидѣть, идите на скамейку, а я буду продолжать разсказъ изъ-за кустовъ.

— Ну, ну.

— Вотъ видите, въ Фонтенебло собрались всѣ начальники: Ней, Магдональдъ, Коленкуръ, всѣхъ не перечесть. Они увѣрили императора, что Франціи было не подъ силу бороться, что все кончено, и что надо уступить. Онъ хотѣлъ драться, и когда всѣ его покинули, то онъ даже пытался отравить себя.

— Боже мой!—промолвилъ герцогъ.

— На слѣдующій день онъ отправился на островъ Эльбу, все, что ему оставили отъ великой имперіи, которую онъ завоевалъ съ нашей помощью. И все-таки его обманули. Ему обѣщали, что вы съ вашей матерью послѣдуете за нимъ. Но какъ только его заперли на островъ, то васъ конфисковали, также какъ эксплоатировали всю Францію.

— Но моя мать заявила желаніе слѣдовать за нимъ?

— Ваша мать? Ея тамъ не было.

— Но она пыталась поѣхать къ нему: такъ мнѣ говорили.

— Можетъ быть, — сказалъ Францъ, впервые не говоря всей правды.

— А потомъ,—воскликнулъ герцогъ,—вѣдь это еще не конецъ?

— Конечно. Спустя десять мѣсяцевъ, разнеслась вѣсть, что императоръ высадился въ Жуанскомъ заливѣ.

— Гдѣ это?

— На французскомъ берегу, противъ острова Эльбы.

— Потомъ?

— Потомъ вся Франція очнулась. Ахъ, если бы вы это видѣли! Всѣ обезумѣли отъ радости. Глупый король послалъ войска, чтобы схватить императора, а они встрѣтили его съ тріумфомъ. Ней выступилъ противъ него съ арміей, а, увидавъ императора, бросился къ нему на шею. Только такіе измѣнники, какъ Мормонъ, остались при королѣ, а всѣ остальные привѣтствовали императора. Тогда уже не было рѣчи объ усталости и разочарованіи. Всѣ хотѣли имперіи и императора.

— Ну, и что же мой отецъ сдѣлалъ все, чтобъ обезпечить миръ своему народу?

— Онъ, вѣроятно, это и сдѣлалъ бы, но было слишкомъ поздно. Меттернихъ не хотѣлъ болѣе Наполеона, и благодаря ему, ему одному, Европа снова заключила коалицію противъ насъ, а мы взялись снова за наши старыя ружья Арколя, Маренго, Аустерлица, Ваграма и Шампобера.

— Увы! а сколько времени это продолжалось?

— Сто десять дней! Все кончилось подъ Ватерлоо. Но не заставляйте меня разсказывать это, ваше высочество. Мы одержали сотни побѣдъ, а кончили подобнымъ пораженіемъ. Цѣлые полки тогда погибли подъ непріятельскими ядрами, и семнадцатилѣтніе солдаты умирали, не дрогнувъ, какъ старые служаки. Кавалерійскіе отряды разбивались, какъ о стогну, атакуя красные мундиры. Гренадеры падали подъ картечью человѣкъ за человѣкомъ, защищая свое знамя. Словно съ неба, валилась туча ядеръ и пуль, а тамъ высоко на пригоркѣ на бѣлой лошади въ сѣромъ сюртукѣ и черной треуголкѣ виднѣлся...

— Мой отецъ,—промолвилъ герцогъ со слезами на глазахъ.

— Никогда мы такъ не сражались,—продолжалъ Францъ:—Ней превзошелъ себя. Подъ нимъ убито было пять лошадей. Наконецъ, пѣшкомъ, съ разрубленнымъ эполетомъ, съ пронзенной пулею звѣздой Почетнаго Легіона и обнаженной головой, онъ повелъ послѣднюю атаку и крикнулъ проѣзжавшему мимо Друэ-д'Ерлону: «Что же ты сегодня не дашь себя убить!»

— Ну, ну...—промолвилъ герцогъ, сдерживая дыханіе, чтобы не проронить ни слова.

— Увы! несчастный умеръ не тамъ. Его убили не англійскія и не прусскія пули. Спустя нѣсколько времени, въ Парижѣ двѣнадцать французскихъ солдатъ разстрѣляли, именемъ короля, храбраго изъ храбрыхъ.

— А этотъ король былъ французъ?

— Да.

— Неправда!

— Имперія была кончена. Вашъ отецъ отдался въ руки англичанъ и просилъ только, чтобы ему позволили окончить мирно жизнь съ женою и сыномъ. Англичане отвезли его за тысячу миль на пустынный островъ, и послѣ шестилѣтняго пребыванія тамъ онъ умеръ отъ горя и истощенія, болѣе великій, чѣмъ когда! Послѣдняя его мысль была о васъ!

— Наконецъ-то я знаю все, все!—промолвилъ герцогъ.

Между тѣмъ наступила ночь. Въ окнахъ замка показался свѣтъ. Въ аллеяхъ послышались шаги.

Францъ исчезъ за деревьями. Данный имъ урокъ исторіи былъ оконченъ, и его ученикъ болѣе блѣдный, чѣмъ когда, медленно направился въ ту самую комнату, гдѣ его отецъ когда-то спалъ побѣдителемъ, и гдѣ онъ всю ночь печально думалъ о побѣжденномъ отцѣ.

II.

Въ кабинетѣ Меттерниха.

— Послушайте, г. Зиберъ, когда я отлучаюсь изъ этой канцеляріи и уѣзжаю куда нибудь, развѣ вы садитесь за мой письменный столъ, открываете частныя письма, адресованныя на мое имя, или называете себя моимъ титуломъ? Не правда ли, нѣтъ? Точно также и Людовикъ-Филиппъ не имѣлъ права овладѣть престоломъ Карла X подъ предлогомъ, что король отлучился.

— Но, г. Генцъ, я скромный секретарь, а вы тайный совѣтникъ и правая рука князя Меттерниха.

— Но и я не король. Хотя я правая рука, но замѣнить головы не могу. Герцогъ Орлеанскій даже не правая, а лѣвая рука законнаго короля. Французская корона принадлежитъ герцогу Ангулемскому, а послѣ него графу Шамбору.

— Но французы, повидимому, не согласны съ вами.

— Это не важно. Они каждое лѣто затѣваютъ революцію. Другіе люди въ іюлѣ мѣсяцѣ выѣзжаютъ на дачу, а они берутъ Бастилію. Это наконецъ становится скучнымъ.

Вотъ что говорили между собой 6-го августа 1830 г. главный помощникъ Меттерниха и его секретарь въ одной изъ двухъ комнатъ, составлявшихъ кабинетъ канцлера Австрійской имперіи. Изъ этого кабинета въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ, отъ 1815 г. до 1848 г., европейская политика брала свой лозунгъ. Подъ общимъ названіемъ канцлерскаго кабинета извѣстны были двѣ комнаты: рабочій кабинетъ, меблированный въ строгомъ стилѣ, гдѣ князь среди груды дѣловыхъ бумагъ писалъ свои дипломатическія депеши, и пріемный кабинетъ, гдѣ онъ давалъ аудіенціи, и постоянно находился одинъ изъ его секретарей.

Эта послѣдняя комната, гдѣ теперь Фридрихъ фонъ-Генцъ, другъ и ближайшій помощникъ Меттерниха въ продолженіе тридцати лѣтъ, разговаривалъ съ секретаремъ Зиберомъ, представляла большую роскошно меблированную гостиную съ тремя дверями. Одна изъ нихъ выходила въ рабочій кабинетъ канцлера, другая во внутренніе покои императорскаго дворца, а третья на парадную лѣстницу. Въ четвертый стѣнѣ были два большія окна, открывавшіяся въ садъ. Въ центрѣ комнаты стоялъ громадный столъ, за которымъ могли помѣститься всѣ члены европейскаго конгресса; теперь на немъ временно лежали только что вскрытыя секретаремъ депеши. По стѣнамъ стояли роскошныя кресла, а между двумя окнами красовался бюстъ Кауница, который какъ будто говорилъ посѣтителямъ: «Теперешній канцлеръ настолько увѣренъ въ своемъ превосходствѣ надъ своимъ предшественникомъ, что не боялся

оставить его образа въ своемъ кабинетѣ». Наконецъ, на главной стѣнѣ противъ входа съ лѣстницы висѣлъ большой портретъ во весь ростъ императора Франца.

Вообще эта офиціальная гостиная, гдѣ обдѣлывались политическія дѣла всей Европы, походила своимъ убранствомъ и царившей въ ней атмосферой на свѣтскій салонъ.

Успокоившись нѣсколько отъ своего раздраженія противъ французовъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ, фонъ-Генцъ спросилъ у секретаря:

— Сегодня у насъ аудіенція чрезвычайнаго посла господина Луи-Филиппа. Кто онъ такой?

— Генералъ Бельяръ, одинъ изъ старыхъ Наполеоновскихъ генераловъ.

— Вотъ вы увидите, что новый король окружитъ себя остатками имперіи и великой арміи.

— Онъ могъ бы сдѣлать худшій выборъ. Во всякомъ случаѣ одного Наполеоновскаго маршала ему не имѣть.

— Кого?

— Мормона. Онъ здѣсь.

— Какъ здѣсь?

— Да. Онъ командовалъ королевскими войсками противъ мятежниковъ въ іюльскіе дни. Потерпѣвъ пораженіе, онъ покинулъ Францію послѣ отъѣзда короля и сегодня представляется канцлеру.

— Мормонъ, герцогъ Рагузскій!—произнесъ фонъ-Генцъ съ горечью:—ну, онъ, по крайней мѣрѣ, лучше кончилъ, чѣмъ началъ. Назначены еще аудіенціи?

— Эрцгерцогъ Карлъ и послы англійскій и прусскій заявили желаніе посѣтить канцлера,—сказалъ Зиберъ, взглянувши въ лежавшій на столѣ списокъ.—Нѣсколько дамъ просили аудіенціи, и еще явится парижскій журналистъ Пьеръ Лефранъ, сотрудникъ «Journal des Debats».

— Еще революціонеръ!—произнесъ Генцъ съ гнѣвнымъ неудовольствіемъ:—это радикалъ въ духѣ Молэ. Что ему нужно въ Вѣнѣ?

— Вы на все смотрите въ красныя очки сегодня, господинъ тайный совѣтникъ,—отвѣчалъ Зиберъ:—по счастью, вотъ княжна: благодаря ей, вамъ все покажется въ розовомъ свѣтѣ.

Дѣйствительно, въ комнату вошла Гермина Меттернихъ, дочь канцлера. Ей было четырнадцать лѣтъ, и трудно себѣ представить болѣе прелестное и граціозное созданіе. Большого роста, статная, съ живыми, умными, голубыми глазками и роскошными русыми кудрями, въ свѣтломъ кисейномъ платьѣ и соломенной шляпѣ съ широкими полями, она казалась еще ребенкомъ.

— Здравствуйте, добрый Генцъ,—воскликнула она, подбѣгая къ тайному совѣтнику:—я для васъ пріѣхала сегодня во дворецъ: отецъ сказалъ, что вы здѣсь. Хорошо вы покатались по Италіи? А, здравствуйте, господинъ Зиберъ.

— Вы всегда слишкомъ любезны со мною, княжна,—отвѣчалъ Генцъ:—я привезъ для васъ хорошенькія итальянскія матеріи.

— Какой вы добрый! А гдѣ вы были?

— Вездѣ понемногу: въ Неаполѣ, Флоренціи, Лукѣ, Венеціи...

— Какъ бы я желала видѣть нашу Венецію. Говорятъ, это такой прелестный городъ.

— Да, городъ прелестный, хотя я не люблю воду; но мнѣ всего болѣе тамъ нравятся не дворцы, площади и церкви, которыя въ сущности всѣ одинаковы, а маленькія, узенькія улицы съ прекрасными магазинами.

Гермина едва удержалась отъ смѣха при мысли. что всѣ художники Европы ошибались на счетъ истинной красоты Венеціи, а ее понялъ лишь тайный совѣтникъ фонъ-Генцъ.

— А что, у отца много сегодня утромъ дѣла?—спросила она, обращаясь къ Зиберу.

— Не мало,—отвѣчалъ секретарь:—онъ теперь работаетъ съ начальникомъ полиціи, Зедельницкимъ. Потомъ ему придется прочесть съ полдюжины депешъ, и его ждетъ столько же аудіенцій.

— Уфъ, сколько дѣла!—воскликнула молодая дѣвушка:—а получены важныя извѣстія.

— Кому какъ,—отвѣчалъ Генцъ съ улыбкой:—я думаю, что вы вовсе не интересуетесь политикой, и вамъ все равно, что дѣлается въ Дрезденѣ, Флоренціи и Парижѣ.

— Вы очень ошибаетесь. Въ вашемъ отсутствіи я читала отцу депеши, получаемыя имъ каждое утро. Это давало отдыхъ его глазамъ, а для меня служило урокомъ исторіи и географіи. По крайней мѣрѣ, я такъ его увѣрила. Ахъ, да, кстати, вы знаете, что герцогъ Рейхштадтскій вскорѣ покинетъ Вѣну?

Оба собесѣдника княжны съ удивленіемъ переглянулись.

— Зачѣмъ ему покинуть Вѣну?—спросилъ Генцъ.

— По той простой причинѣ, что французскій король снова уѣхалъ изъ Парижа, и туда обратно вызовутъ императора, а вѣдь теперь онъ императоръ.

Пока она говорила, дверь изъ внутренняго кабинета канцлера отворилась, и Меттернихъ показался на порогѣ.

— О комъ ты говоришь, Гермина?—спросилъ онъ, входя въ комнату въ сопровожденіи графа Зедельницкаго.

Князь Клементій Меттернихъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ франтовъ своего времени. Прежде чѣмъ на него ниспали высшія почести, и когда онъ былъ простымъ министромъ или посломъ, напримѣръ, въ Парижѣ, Меттернихъ поражалъ всѣхъ изяществомъ и достоинствомъ своей внѣшности, громаднымъ умомъ, серіозными знаніями и любезнымъ свѣтскимъ обращеніемъ. Въ какомъ бы положеніи ни находилась Австрія: въ счастливомъ или несчастномъ, онъ всегда оставался спокойнымъ, невозмутимымъ,

и, быть можетъ, былъ еще любезнѣе въ черные дни неудачъ, чѣмъ въ свѣтлыя минуты торжества.

Высокаго роста, хорошо сложенный, онъ отличался благородной осанкой, не имѣвшей, однако, ничего гордаго, надменнаго. Чисто выбритое его лицо сохраняло слѣды молодости, хотя онъ уже давно перешелъ черезъ границы того возраста, когда люди обыкновенно блекнутъ и старѣютъ. Глаза его блестѣли замѣчательнымъ пыломъ; носъ, немного сгорбленный и слишкомъ длинный, придавалъ выраженію его лица смѣлый характеръ, котораго недоставало другимъ его чертамъ, выражавшимъ добродушіе; ротъ, подвижной и хорошо очерченный, свидѣтельствовалъ о краснорѣчіи, утонченности и любезности его обладателя.

Съ годами, а князю тогда было пятьдесятъ семь лѣтъ, его коротко обстриженные и завитые волосы едва посѣдѣли. Талія его сохранилась тонкой, эластичной. Согласно старой модѣ, онъ всегда носилъ фракъ съ стоячимъ воротникомъ, короткіе панталоны и шелковые чулки. Вообще онъ казался еще такимъ бодрымъ и свѣжимъ, что никого не удивляло его желаніе жениться въ третій разъ.

Гермина была дочерью его первой жены, отецъ которой, Кауницъ, состоялъ его предшественникомъ по канцлерству. Отъ второй жены, урожденной баронессы Лейкамъ, онъ имѣлъ восемнадцати-мѣсячнаго сына. Хорошій отецъ и семьянинъ, Меттернихъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, и не только всѣ восторгались его дипломатическими талантами, политической ловкостью, побѣдившей геній Наполеона, но и его частными добродѣтелями. Одно только дурное качество всѣми признавалось въ могущественномъ канцлерѣ. Онъ слишкомъ восхищался собою и не допускалъ ни малѣйшей критики своихъ дѣйствій, считая ее личнымъ для себя оскорбленіемъ. Любить жертвъ его политики значило сомнѣваться въ его непогрѣшимости. Все, что онъ сдѣлалъ, было хорошо, и все, что онъ создалъ, было совершенно. Ни малѣйшаго сомнѣнія нельзя было допустить въ твореніи его ума и рукъ. Успѣхъ доказывалъ, что онъ былъ во всемъ правъ. Онъ подчинилъ себѣ Европу и неограниченно повелѣвалъ всѣми, даже своимъ государемъ. Никто не долженъ былъ жаловаться на его силу и власть. Онъ былъ и будетъ еще долго повелителемъ Европы. Его воля была закономъ; о судѣ же исторіи онъ не заботился.

Вотъ каковъ былъ человѣк , вошедшій въ пріемный кабинетъ канцлера и спросившій у своей дочери:

— О комъ ты говоришь, Гермина?

— Княжна спрашиваетъ меня,—отвѣчалъ Генцъ:—отчего наслѣдуетъ Карлу X не герцогъ Рейхштадтскій?

— Вотъ видите, графъ, что я вамъ говорилъ,—произнесъ Меттернихъ, обращаясь къ начальнику полиціи:—даже въ моемъ домѣ говорятъ объ этомъ. Въ настоящую минуту много молодежи въ

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ
(въ 1869 году).

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 26 ЯНВАРЯ 1900 Г. СПБ.

ВЪ ГОДИНУ БѢДСТВІЙ [1].

V.

АША НОВАЯ ЖИЗНЬ очень скоро наладилась на тотъ чопорный, холодный и великолѣпный ладъ, который считался въ то время необходимымъ условіемъ воспитанія дѣтей изъ высшаго общества.

Намъ нашли гувернантку итальянку, прекрасно говорившую по-французски и уже воспитавшую нѣсколько русскихъ графинь и княженъ.

Сколько ей было лѣтъ, рѣшить было трудно. Въ дезабилье она казалась такъ стара, что того и гляди разсыплется, но когда она выходила изъ своей уборной послѣ таинственныхъ манипуляцій передъ зеркаломъ, при помощи безчисленныхъ баночекъ, скляночекъ и коробочекъ съ чудодѣйственными снадобьями, у нея оказывался такой ослѣпительный цвѣтъ лица, такіе бѣлые и крѣпкіе зубы и талья ея была такъ тонка и стройна, что больше тридцати пяти лѣтъ ей нельзя было дать, такъ искусно были подмалеваны, выправлены и подтянуты всѣ изъяны ея дряхлаго тѣла.

Но внутреннее содержаніе этого загадочнаго существа было еще проблематичнѣе его внѣшности. Одно только было въ ней безспорно— это ея умъ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», январь, 1900 г., т. LXXIX, стр. 7.

Многіе считали ее злою, но не думаю, чтобъ она способна была наслаждаться чужими страданіями, когда въ этихъ страданіяхъ не находила для себя выгоды; она только умѣла удивительно ловко отстранять съ своего пути тѣхъ, которые, по той или другой причинѣ, мѣшали ей итти къ намѣченной цѣли. Въ подобныхъ случаяхъ она была неумолима и проявляла черствость сердца по истинѣ изумительную. Бороться съ нею было невозможно. Вкрадчивая, опытная и терпѣливая лицемѣрка, она такъ ловко сумѣла влѣзть въ довѣріе къ дѣдушкѣ или, лучше сказать, къ той, которая въ то время управляла его волей, что мы были вполнѣ предоставлены ея власти цѣлыхъ пять лѣтъ.

Звали эту особу Фанни Джеромовна Постуланти.

Въ продолженіе всей своей долгой и полной самыхъ разнообразныхъ перипетій жизни, она постоянно вращалась въ обществѣ людей, съ которыми не могла себя считать равной ни по рожденію, ни по состоянію, и отъ которыхъ находилась въ тяжелой, матеріальной зависимости. Обстоятельство это наложило на нее особую печать. Ея умъ сдѣлался такъ гибокъ и проницателенъ, а характеръ пріобрѣлъ такую мягкость, что съ нею чрезвычайно было удобно жить.

За это удобство ей все прощали,—и сухость ея, и коварство, и развратъ.

Она должна была намъ преподавать французскій и итальянскій языкъ, свѣтскія манеры и слѣдить за моимъ развитіемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Для этого ее помѣстили въ комнаты рядомъ съ бабушкиной спальней, которую оставили въ моемъ распоряженіи, а братьевъ перевели на антресоли.

Кромѣ этихъ комнатъ, къ нашей половинѣ принадлежали еще большая классная, а рядомъ съ альковомъ, гдѣ я спала, жила приставленная ко мнѣ горничная, молодая, хорошенькая дѣвушка, Степанида. У мадамы, какъ всѣ звали нашу наставницу, была отдѣльная прислуга, которую она сама выбрала изъ многочисленной дворни, и надъ которой она могла властвовать безконтрольно.

Комнаты свои она обставила съ большимъ вкусомъ и такъ своеобразно, что другихъ такихъ не только у насъ въ домѣ, но, вѣроятно, и во всемъ городѣ нельзя было найти. Всѣ чердаки, подвалы и кладовыя дѣдушкина дома обошла она, чтобъ найти то, что ей для этого было надо, и разыскала такія сокровища искусства и вкуса между выкинутыми за ненадобностью старинными обломками и лоскутками давно вышедшей изъ моды мебели и матерій, что дѣдушка, котораго трудно было чѣмъ бы то ни было удивить и восхитить, пришелъ въ восторгъ, когда она его пригласила взглянуть на убранство ея помѣщенія.

Къ величайшему нашему удовольствію, она проводила у себя все время, остававшееся у нея свободнымъ отъ занятій съ нами

уроками. Что она дѣлала запершись, кому писала, что читала и какія развивала интриги, оставалось для всѣхъ тайной до тѣхъ поръ, пока не обрушилась на насъ катастрофа, перевернувшая вверхъ дномъ все наше существованіе.

Когда дѣдушкѣ доложили, что все на нашей половинѣ готово, онъ обошелъ всѣ наши комнаты, указалъ, гдѣ разставить мебель, запретилъ мнѣ сдвигать что бы то ни было въ бабушкиной спальнѣ и самъ указалъ тотъ уголъ у балконной двери, гдѣ я должна была играть великолѣпными куклами, купленными для меня по его приказанію. Такъ великъ былъ страхъ, который онъ намъ внушалъ, что мы не только при его жизни не осмѣливались его ослушаться, чтобъ переставить кресло или шкафъ на другое мѣсто, но и послѣ его смерти все оставляли такъ, какъ онъ привыкъ, чтобъ все стояло.

До сихъ поръ помню я уголъ между дверью въ Степанидину комнату и балкономъ, гдѣ я проводила все свободное отъ уроковъ время, и куда съ такимъ удовольствіемъ прибѣгали братья. Всѣ наши совѣщанія происходили въ этомъ углу, заваленномъ куклами и игрушками даже и тогда, когда мы ужъ давно перестали ими заниматься. Какъ хорошо было тутъ лѣтомъ, когда балконная дверь была выставлена, и стоило только изъ нея выйти, чтобъ очутиться на широкой террасѣ съ тремя ступеньками въ душистый, тѣнистый садъ, окруженный со всѣхъ сторонъ такимъ высокимъ каменнымъ заборомъ, что можно было себя вообразить на необитаемомъ островѣ.

Этотъ уголъ съ куклами, терраса, садъ! Врядъ ли найдется много людей, у которыхъ шевелились бы въ душѣ воспоминанія такого страннаго свойства, какъ тѣ, что воскресаютъ передо мною при воспоминаніи объ этой эпохѣ нашей жизни!

Науками, насколько это считалось въ то время необходимымъ для дѣвушки въ моемъ положеніи, я должна была заниматься вмѣстѣ съ братьями, а музыкѣ насъ продолжала учить Люси.

Эта послѣдняя не замедлила намъ сообщить, что удовольствіемъ продолжать бывать въ нашемъ домѣ она обязана нашему отцу.

— У князя Бориса былъ по этому поводу длинный и горячій разговоръ съ моей злодѣйкой, и онъ сумѣлъ ей доказать, что ея замыслы ему извѣстны, такъ что ей ничего больше не оставалось дѣлать, какъ покориться,—объяснила намъ Люси.

Что за замыслы и насколько осуществленіе ихъ повліяло бы на нашу судьбу, мы тогда не подозрѣвали, и насъ гораздо больше занималъ гувернеръ, который долженъ былъ поступить къ братьямъ.

Самое рѣшеніе взять его въ домъ было обставлено такими интересными подробностями, что я не могу ихъ не разсказать.

Я уже упоминала про графа Рамовскаго, съ которымъ дѣдушка всю свою жизнь дружилъ, а подъ старость, когда оба поселились отшельниками въ Москвѣ, разошелся по причинамъ, извѣстнымъ только имъ однимъ. Размолвка эта не повліяла на дружественныя

сношенія сыновей дѣда съ племянникомъ графа, Варжаевымъ. Послѣ смерти нашей матери и когда наше скромное гнѣздышко было разрушено, папенька поселился у Варжаева въ одномъ изъ флигелей великолѣпнаго дома графа Рамовскаго, верстахъ въ двухъ отъ городской заставы.

Въ домѣ этомъ жилъ молодой эмигрантъ, Шарль де-Сабри, котораго графъ вздумалъ помѣстить къ намъ гувернеромъ, и папенька взялся устроить это дѣло.

Большого труда ему это не стоило; дѣдушка съ первыхъ же словъ на это согласился, но поставилъ условіемъ, чтобы старый его пріятель, вслѣдствіе размолвки уже лѣтъ пятнадцать не переступавшій порога его дома, самъ пріѣхалъ бы его просить за своего протеже.

И графъ на это согласился, до такой степени ему хотѣлось поскорѣе устроить молодого француза въ Москвѣ, а можетъ быть, онъ радъ былъ возобновить сношенія съ другомъ юности. Такъ или иначе, но въ назначенный день насъ съ ранняго утра нарядили въ праздничныя платья, и мадамъ заставила насъ вытвердить наизусть сочиненный ею комплиментъ, которымъ мы должны были привѣтствовать важнаго гостя. Пришлось также учить насъ кланяться по всѣмъ правиламъ этикета. Танцовать насъ еще не учили, этому важному, по тогдашнимъ понятіямъ, искусству, имѣлось въ виду насъ обучать по истеченіи траура, который мы носили по маменькѣ.

Обходя комнаты, черезъ которыя долженъ былъ пройти гость и въ которыхъ, какъ передъ большими праздниками, сняты были съ мебели чехлы, дѣдушка вспомнилъ, какъ восхищался его органомъ графъ, и послалъ сказать Люси, чтобъ она явилась къ намъ на другой день съ ранняго утра. Она не преминула исполнить это приказаніе, и мы не были еще одѣты, когда, веселая и отъ счастья помолодѣвшая, она влетѣла въ комнату, гдѣ дѣдушкинъ парикмахеръ, Прохоръ, подъ наблюденіемъ мадамъ, меня причесывалъ. Я была очень взволнована, въ первый разъ въ жизни меня пудрили и воздвигали изъ моихъ густыхъ бѣлокурыхъ волосъ высокую и затѣйливую прическу. На кровати лежало бѣлое перкалевое платье, вышитое черными цвѣтами, и черное кружевное фишю, въ которое я должна была облечься по окончаніи прически.

Мадамъ воспользовалась появленіемъ Люси, чтобъ уйти въ свою комнату.

Въ какое именно время пріѣдетъ графъ, никто не зналъ, а потому съ двѣнадцати часовъ каждую минуту его ждали. Раньше онъ не могъ пріѣхать потому, что имѣлъ обыкновеніе каждое утро слушать обѣдню въ своей домовой церкви, и къ тому же отъ его дома до нашего былъ добрый часъ ѣзды. Въ то время важные господа не скакали сломя голову по улицамъ въ своихъ раззоло-

ченныхъ каретахъ, запряженныхъ шестью или восемью лошадьми, а ѣхали чинно и важно, какъ подобаетъ людямъ, которые не боятся, чтобъ на просторѣ любовались роскошью ихъ одежды и экипажа, блескомъ ливрей на ихъ прислугѣ и красотой дорогихъ породистыхъ коней. Скорая ѣзда считалась даже неприличною для родовитаго барина, у котораго не могло быть такихъ спѣшныхъ дѣлъ, чтобъ онъ безпокоилъ себя торопливостью; за него было кому бѣгать, трудиться и хлопотать.

Но не даромъ графъ слылъ чудакомъ; могло случиться, что ему вздумается застигнуть бывшаго пріятеля врасплохъ и пожаловать въ неурочное время, а потому мы успѣли порядкомъ таки притомиться въ нашихъ праздничныхъ платьяхъ прежде, чѣмъ поставленный въ концѣ переулка казачокъ не прибѣжалъ сказать, что карету графа ужъ видать.

— Все готово. И лакеи на лѣстницѣ стоятъ, и ворота настежь растворены, онъ ужъ издали увидитъ, что его ждутъ, — повторяла съ восхищеніемъ Люси.

Что всего больше ее радовало, это то, что Матаваиха не была приглашена участвовать въ предстоящемъ торжествѣ.

— Графъ меня хорошо знаетъ, — разсказывала она намъ, — отъ меня зависѣло жить у него въ домѣ, пользоваться всѣми удобствами, получать крупное жалованье, богатые подарки и пенсію на старости лѣтъ, еслибъ я только согласилась занять у него мѣсто домашней артистки. Онъ хотѣлъ выписать такой же органъ, какъ у князя, но я объявила, что ни за что не соглашусь поступить въ домъ господина, который въ ссорѣ съ моимъ благодѣтелемъ, и онъ оцѣнилъ мотивы моего отказа и прислалъ мнѣ сказать, что уважаетъ меня за мои чувства къ князю и отказывается отъ удовольствія имѣть органъ. Правда, впослѣдствіи онъ купилъ органъ у г-на Сивцова, но это вышло случайно, и наслаждаться имъ ему все равно не довелось, такъ какъ онъ не могъ найти артиста, исполненіе котораго удовлетворило бы его тонкій, набалованный, музыкальный вкусъ. Онъ недавно еще говорилъ, что одному только человѣку на свѣтѣ завидуетъ: князю Роману Васильевичу за то, что онъ имѣетъ наслажденіе слушать Баха въ исполненіи Люси де-Гранвиль.

Узнали мы также отъ нея, что графъ привезетъ съ собой того молодого человѣка, который долженъ поступить гувернеромъ къ моимъ братьямъ, и это заставляло насъ съ еще большимъ нетерпѣніемъ ждать его пріѣзда.

Дѣдушка вышелъ встрѣчать гостя въ проходную комнату между длинной прихожей и залой, а папенька, пріѣхавшій за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, сбѣжалъ съ лѣстницы на крыльцо, гдѣ съ непокрытой головой дождался, чтобъ карета подъѣхала, и, отстранивъ лакея, растворявшаго дверцу, въ то время какъ другой ловко откидывалъ ступеньки подножки, онъ помогъ выйти изъ

экипажа высокому, красивому старику въ расшитомъ золотомъ французскомъ кафтанѣ, на атласномъ, нѣжнаго цвѣта камзолѣ, съ брильянтовыми пуговицами.

Графъ, статный и бодрый, невзирая на преклонные годы, былъ тоже безъ шляпы и въ напудренномъ парикѣ такихъ огромныхъ размѣровъ, что ему трудно было поворачивать головой.

За нимъ выскочилъ молодой человѣкъ, почти юноша, очень ловкій и нарядный, съ живыми, черными глазами и рѣзко очерченнымъ профилемъ худощаваго лица. Передавъ одному изъ лакеевъ большую треугольную съ перьями шляпу своего патрона, онъ сталъ съ любопытствомъ озираться по сторонамъ, стараясь угадать по первому впечатлѣнію, что ждетъ его въ незнакомомъ домѣ, гдѣ ему суждено было прожить пять лѣтъ. Цѣлая вѣчность— для восемнадцатилѣтняго юноши.

Неужели это нашъ будущій гувернеръ?

Еслибъ Люси, стоявшая съ нами у окна, изъ котораго мы смотрѣли на то, что происходило на дворѣ, не поспѣшила намъ заявить, что это именно онъ и есть, мы ни за что бы этому не повѣрили: такимъ молодымъ и непочтеннымъ онъ намъ показался. Неужели можно такого слушаться и у такого учиться?

Ростомъ онъ былъ немного повыше Сережи, а лицомъ казался моложе нашего серіознаго и задумчиваго брата.

— Тѣмъ лучше, въ свободное отъ уроковъ время онъ вамъ будетъ товарищемъ и другомъ, — возразила Люси на наше замѣчаніе, что этотъ молодой человѣкъ на гувернера не похожъ.

Въ эту торжественную минуту папенькѣ было не до того, чтобъ заниматься молодымъ французомъ, однако мы замѣтили, что онъ ласково кивнулъ ему, какъ короткому знакомому, поднимаясь рядомъ съ графомъ по ступенькамъ крыльца.

Наконецъ, гости, съ встрѣчавшими ихъ, скрылись подъ навѣсомъ крыльца, украшеннаго бѣлыми мраморными статуями; высокая, золоченая, съ гербами колымага отъѣхала къ каменнымъ флигелямъ, отдѣлявшимъ парадный дворъ отъ такъ называемаго чернаго, съ прудомъ, засаженнымъ столѣтними тополями, посреди, и мы не безъ трепета стали ждать, чтобъ насъ позвали.

Приближаться къ комнатамъ, гдѣ происходило свиданіе дѣдушки съ его бывшимъ другомъ, мы, разумѣется, не отваживались; но Люси то и дѣло туда бѣгала и разсказывала намъ то, что ей удавалось узнавать отъ людей, подслушивавшихъ и подсматривавшихъ у дверей. Всѣ были въ волненіи, весь домъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ какихъ-то важныхъ послѣдствій отъ свиданія стараго барина съ графомъ, и ужъ по одному значенію, придаваемому этому свиданію, можно было догадаться, какую выдающуюся роль игралъ этотъ человѣкъ въ жизни дѣдушки. Люди, всегда сдержанные и осторожные на языкъ въ нашемъ присутствіи, въ

тотъ день, забывая всякую предосторожность, обмѣнивались воспоминаніями и замѣчаніями, изъ которыхъ мы поняли, что одна изъ причинъ размолвки между закадычными друзьями была женитьба папеньки, или, лучше сказать, непреклонное отношеніе дѣдушки къ этой женитьбѣ. Припоминали слова графа: «Кабы Борисъ опозорилъ семью, взявъ за себя дѣвицу низкаго званія, тогда я и самъ бы отъ него отрекся, но она хотя и изъ захудалаго, а все же хорошаго дворянскаго рода, и не признавать ее дочерью—грѣхъ». Но дѣдушка такъ распалился гнѣвомъ, что ни отъ кого словъ не принималъ, а такъ какъ старый графъ привыкъ всѣхъ началить и считалъ себя въ правѣ требовать вниманія къ своимъ совѣтамъ, то и произошла промежъ нихъ такая ссора, послѣ которой встрѣчаться и глядѣть другъ дружкѣ въ глаза было ужъ зазорно. А за размолвкой наступило съ обѣихъ сторонъ ожесточеніе, жертвой котораго явилась наша несчастная мать. Очень вѣроятно, что послѣ рожденія перваго ребенка дѣдушка простилъ бы сына, познакомился бы съ его женой и полюбилъ бы ее, еслибъ въ запальчивомъ объясненіи съ другомъ у него не вырвались слова и зароки, которыхъ волей-неволей приходилось держаться.

Графъ, какъ умный человѣкъ, понималъ это, какъ нельзя лучше, и въ сознаніи невольной вины передъ нами и нашею матерью надо искать причину неизмѣннаго участія, которое онъ всегда оказывалъ нашему отцу и намъ до послѣдней минуты своей жизни.

Трудно опредѣлить теперь, почти три четверти столѣтія спустя, когда именно мы узнали то, что я передаю теперь о роли, которую игралъ графъ въ печальномъ романѣ нашихъ родителей, но я помню, что въ тотъ день, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ съ Шарлемъ де-Сабри, въ буфетной комнатѣ, гдѣ собрались старшіе слуги, и куда мы безпрестанно заглядывали, чтобъ узнать, что дѣлается у дѣдушки, рѣчь шла о событіяхъ, предшествовавшихъ послѣднему посѣщенію графа, и о томъ, что произошло послѣ этого посѣщенія.

По словамъ Авдотьи Ивановны, дѣдушка кричалъ такъ громко вслѣдъ удалявшемуся посѣтителю, что въ буфетной было слышно: «Никогда ее не прощу и за дочь не буду считать! никогда! И дѣтей ихъ не хочу знать! никогда! Не внуки они мнѣ! Зарокъ передъ образами въ этомъ даю! Честное слово дворянина!»...

А пока онъ изрекалъ эти и многія другія еще болѣе страшныя клятвы, графъ, блѣдный отъ негодованія и гнѣва, повторялъ дрожащимъ голосомъ: «Опомнись, злой человѣкъ, пожалѣй свою душу... Кого казнишь? родного сына и ни въ чемъ передъ тобой неповинное отродье его»...

И когда, наконецъ, онъ убѣдился, что каждымъ словомъ своимъ только подливаетъ масло въ огонь, тогда онъ сказалъ: — «Ну, не другъ ты мнѣ больше, Романъ Васильевичъ», — и вышелъ изъ комнаты не оглядываясь. Буфетчикъ Власъ, помогавшій его людямъ

сажать его въ карету, божился, что у графа въ эту минуту слезы текли по щекамъ.

— Вотъ какъ ему тяжело было съ нашимъ княземъ разставаться, — замѣчали на это, не безъ самодовольствія, окружающіе.

Въ этотъ день намъ удалось убѣдиться, какъ ненавидѣла вся дворня Матаваеву. Всѣ, вмѣстѣ съ Люси, радовались, что князь не «посмѣлъ» пригласить ее на торжество примиренія.

Даже у Ивана Дмитріевича, сурово относившагося къ суесловію подвластнаго ему люда и при приближеніи котораго болтовня мгновенно смолкала, даже и онъ добродушно усмѣхнулся, когда Степанида наша спросила у него, лукаво подмигивая:

— А что, дѣдинька, графъ-то, поди чай, первымъ долгомъ про Матаваиху спросилъ: зачѣмъ ее къ намъ сегодня не пригласили?

Разумѣется, Иванъ Дмитріевичъ поспѣшилъ поправить не кстати выдавившуюся на его синихъ, гладко выбритыхъ губахъ, улыбку, грознымъ окрикомъ: — «Чего тутъ суешься, стрекоза? ступай къ своему мѣсту!» — Но окрикъ этотъ желаннаго дѣйствія не произвелъ; Стеша, не переставая скалить зубы, не тронулась съ мѣста.

— Подавать, что ли, Иванъ Дмитричъ? — спросилъ Власъ, кивая на столъ въ углу, на которомъ стоялъ серебряный подносъ съ двумя золотыми чарками, потускнѣвшими отъ времени, съ вытершимися отъ употребленія надписями, и съ бутылкой какого-то темнаго вина, должно быть, очень стараго, если судить по тому, какъ обросло мохомъ и паутиной горлышко, высовывавшееся изъ салфетки, въ которую бутылка была завернута.

— Нѣтъ еще. Въ портретную прошли, — отрывисто отвѣчалъ старикъ.

Онъ поспѣшно вышелъ, чтобъ занять свой обычный постъ въ дверяхъ, въ ожиданіи приказаній князя; но на этотъ разъ отсутствіе его длилось недолго, и не прошло пяти минутъ, какъ торопливые шаги его снова раздались по коридору.

— Несите! А барчуки гдѣ? — проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

Мы выдвинулись изъ темнаго уголка, гдѣ прислушивались къ интереснымъ разговорамъ. — Здѣсь? Ну, и расчудесно! Дѣдушка изволили приказать, чтобы вы въ портретную пожаловали. Его сіятельству угодно, чтобъ княжна за хозяйку гостя дорогого виномъ угостили, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ почтительною усмѣшкой.

Внѣ себя отъ смущенія, оглянулась я на братьевъ и на Люси, которая поспѣшила прійти ко мнѣ на помощь.

— Идите, идите, это хорошо... это доказываетъ, что дѣдушка васъ окончательно и безповоротно признаетъ, — заговорила она торопливо, оправляя мои фижмы и локоны.

А Иванъ Дмитріевичъ, между тѣмъ, не оглядываясь, пошелъ

впередъ; за нимъ послѣдовалъ Власъ съ подносомъ, который онъ несъ торжественно и благоговѣйно, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, а мы замыкали шествіе. Но передъ тѣмъ, какъ войти въ портретную, гдѣ раздавались голоса, Иванъ Дмитріевичъ остановился и, пригласивъ насъ знакомъ войти первыми въ комнату, самъ остался съ Власомъ у двери ожидать приказаній.

Чувство, съ которымъ мы переступили порогъ длинной комнаты, увѣшанной портретами, передъ которыми, прохаживаясь взадъ и впередъ, порой останавливался дѣдушка съ своимъ гостемъ, мнѣ до сихъ поръ памятно. Намъ и жутко было и радостно. Какъ всегда, въ случаяхъ, подобныхъ этому, я взглянула на брата Сергѣя, чтобъ подѣлиться съ нимъ впечатлѣніями, и его сверкающій волненіемъ взглядъ меня смутилъ. Онъ не замѣтилъ, что я на него гляжу; глаза его были устремлены съ такимъ страстнымъ любопытствомъ на графа, что и я невольно стала смотрѣть на дѣдушкина друга, не подозрѣвая того, что передо мною крупная историческая фигура, внушавшая благоговѣйное почтеніе всѣмъ, кто коротко его зналъ и умѣлъ въ немъ цѣнить личность съ выдающимся умомъ и характеромъ. Я видѣла только великолѣпнаго барина съ чудными огненными глазами, съ умной и нѣсколько хитрой усмѣшкой на красиво очерченныхъ губахъ и съ замѣчательно звучнымъ голосомъ.

Впослѣдствіи только узнала я, какую роль сыгралъ въ его жизни этотъ замѣчательно красивый и выразительный голосъ, и сколькими блаженными и горькими минутами онъ ему обязанъ.

Тогда я ничего этого не подозрѣвала и думала только о томъ, какъ бы не забыть комплиментъ, который наканунѣ насъ заставляла твердить наша мадамъ. Но вопросъ этотъ очень просто разрѣшилъ Сережа. Когда нашъ отецъ, разговаривавшій въ противоположномъ концѣ длинной галлереи съ нашимъ будущимъ гувернеромъ, замѣтилъ наше появленіе и поспѣшными шагами къ намъ направился, Сережа очнулся отъ своего забытья, оторвалъ глаза отъ графа и, пригнувшись ко мнѣ, прошепталъ:

— Не надо ему ничего говорить... Комплиментъ — это глупости.

И онъ былъ правъ, надо было никогда не видѣть графа, чтобы допустить, что на его обращеніе можно отвѣчать выдуманнымъ и впередъ затверженнымъ комплиментомъ. Не таковъ былъ человѣкъ, чтобъ терпѣть условныя пошлости.

Первое, что насъ поразило, когда онъ съ нами заговорилъ, это простота его выраженій. Въ то время бары говорили другимъ языкомъ, чѣмъ простолюдины, существовало множество словъ, служившихъ какъ бы принадлежностью высшаго сословія, воспитаннаго на французскій манерный ладъ.

Графъ никогда словъ этихъ не употреблялъ. По-французски онъ говорилъ неохотно, и тогда только, когда это было необходимо.

Выучился онъ этому языку не съ дѣтства, какъ другіе, а уже взрослымъ человѣкомъ, чтобъ сдѣлать угодное той, которую онъ страстно обожалъ, какъ женщину и какъ царицу, но при этомъ ему не удалось, а, можетъ быть, онъ не нашелъ нужнымъ, усвоить себѣ французскій выговоръ, и странное дѣло, то, что въ другомъ казалось бы смѣшнымъ, въ немъ было вполнѣ естественно и, какъ и прочіе его недостатки, такъ гармонировало со всѣмъ его существомъ, что невозможно было себѣ представить, чтобъ онъ сдѣлался лучше и симпатичнѣе безъ нихъ. Но, опять повторяю, выдающейся чертой этого замѣчательнаго человѣка была простота, просвѣчивавшая такъ ясно въ каждомъ его движеніи и словѣ, что мы, дѣти, воспитанныя въ безыскусственности и правдѣ, съ первой же минуты знакомства почувствовали къ нему безграничное довѣріе.

Какъ изъ заученнаго заблаговременно комплимента, такъ и изъ придуманной дѣдушкой церемоніи угощенія виномъ, ничего не вышло. Графъ привыкъ играть роль хозяина всюду, куда бы онъ ни явился гостемъ, и распорядился у насъ по-своему. Увидавъ въ дверяхъ Ивана Дмитрича рядомъ съ Власомъ, державшимъ подносъ съ угощеніемъ, онъ подозвалъ ихъ своимъ громкимъ и звучнымъ голосомъ, налилъ въ обѣ чарки вина, подалъ одну изъ нихъ дѣдушкѣ и, чокнувшись съ нимъ, проговорилъ съ добродушной усмѣшкой, на насъ кивая:

— За эту мелюзгу, чтобъ выросли умнѣе насъ съ тобой!

— За здоровье нашего всемилостивѣйшаго государя императора Александра Павловича!—торжественно произнесъ дѣдъ, осушая чарку.

Глаза графа заискрились лукавымъ блескомъ.

— И впрямь, мы съ тобой такъ давно не видѣлись, Романъ Васильевичъ, что слѣдуетъ начинать съ офиціальныхъ тостовъ,— весело проговорилъ онъ, наливая себѣ новую чарку вина и выпивая ее до дна. — Спасибо за урокъ, князь! — прибавилъ онъ, улыбаясь при этомъ такъ тонко, что невозможно было рѣшить, подшучиваетъ ли онъ надъ своимъ старымъ другомъ, или дѣйствительно благодаренъ ему за напоминаніе. И не давая никому задуматься надъ щекотливымъ вопросомъ, способнымъ вызвать, чего добраго, новую размолвку, графъ обратился къ намъ. Не выпуская изъ руки налитую съ краями чарку, онъ другой рукой, на которой сверкалъ перстень съ огромнымъ солитеромъ, ласково приподнялъ мнѣ за подбородокъ голову и нѣсколько секундъ внимательно на меня смотрѣлъ. А затѣмъ, приложившись губами къ чаркѣ, подалъ мнѣ ее со словами:

— За твое здоровье, дѣвочка, и за то, чтобъ ты сдержала то, что обѣщаешь... Не поняла? — продолжалъ онъ, отвѣчая на мой недоумѣвающій взглядъ.—Это хорошо, тебѣ еще рано все понимать.

И, повернувшись къ братьямъ, онъ подалъ имъ чарку съ недопитымъ мною виномъ, приговаривая при этомъ:

— За здоровье сестрицы и за вашу дружбу съ нею. Держитесь крѣпко другъ съ другомъ, дѣти, помните всегда басню про пукъ съ прутьями, какъ легко сломить каждый изъ нихъ по одиночкѣ, и какъ трудно съ ними сладить, когда они связаны вмѣстѣ.

Потомъ онъ подозвалъ Шарля де-Сабри и отрекомендовалъ его намъ, какъ нашего будущаго гувернера. И это не показалось никому ни страннымъ, ни непочтительнымъ къ хозяину дома, который, какъ гость, молча и улыбаясь присутствовалъ при томъ, какъ распоряжался въ его домѣ старый пріятель. Но дѣло было въ томъ, что графъ былъ не простой гость, и не только люди, слѣдившіе за этой сценой черезъ щелки дверей и давнымъ-давно знакомые съ его повадками, но и мы, никогда до сихъ поръ не видавшіе его, не находили въ его словахъ и поступкахъ ничего такого, чего не должно было быть.

Своего протеже графъ счелъ нужнымъ пространно намъ отрекомендовать.

— Не смотрите, что онъ такой молокососъ. Свой умъ, правила и характеръ онъ ужъ успѣлъ доказать на дѣлѣ и при такихъ обстоятельствахъ, которыя не дай Боже никому изъ васъ испытать. Дѣду вашему и отцу я все про него разсказалъ, а вамъ еще рано про это знать, — прибавилъ онъ серіозно.

Мы невольно взглянули на мсьё де-Сабри и по улыбкѣ, не сходившей съ его лица, догадались, что онъ ни слова не понялъ изъ того, что про него говорили. Да графъ и не сталъ бы про него говорить въ его присутствіи, еслибъ онъ понималъ по-русски. Мѣняя тонъ и выраженіе лица, онъ поспѣшилъ перейти къ другому предмету и спросилъ у дѣдушки, въ порядкѣ ли у него органъ.

— Ты, вѣрно, знаешь, я купилъ себѣ такой же, но пользуюсь имъ рѣдко. Мамзель твоя отказалась у меня поселиться, чтобъ ублажать меня музыкой, пришлось довольствоваться старымъ іезуитомъ, это не все равно, — прибавилъ онъ съ громкимъ, молодымъ смѣхомъ.

Но дѣдушка уже сдѣлалъ давно ожидаемый условный знакъ, и изъ сосѣдней комнаты раздались тихіе, торжественные звуки.

— А! она здѣсь... Спасибо, другъ! угощаешь ты меня на славу, — произнесъ графъ съ чувствомъ, не скрывая пріятнаго изумленія.

Чтобъ не мѣшать гостю наслаждаться музыкой, папенька насъ увелъ въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ на всякій случай дессертъ, и гдѣ во всемъ блескѣ праздничныхъ атуровъ дожидалась мадамъ Постулянти. Тутъ произошло ея знакомство съ мсьё де-Сабри. Въ то время, какъ мы прислушивались къ музыкѣ, лившейся изъ-подъ искусныхъ пальчиковъ нашей любимицы, папенька весело разговаривалъ съ нашими будущими воспитателями, а когда музыка смолкла, насъ позвали въ кабинетъ прощаться съ

графомъ. Мы уже успѣли его полюбить и съ сожалѣніемъ думали, цѣлуя руку, которую онъ намъ милостиво протягивалъ, что, по всей вѣроятности, долго его не увидимъ.

Люси была въ восторгѣ и воспользовалась первою удобною минутой, чтобъ намъ сообщить, что графъ сдѣлалъ ей честь пригласить ее къ себѣ.

— И теперь, когда онъ первый протянулъ князю руку для примиренія, я считаю себя вправѣ воспользоваться его приглашеніемъ: врядъ ли кто нибудь позволитъ найти въ этомъ некорректность съ моей стороны, — повторяла она такъ настойчиво, что ужъ одно это доказывало, что она не вполнѣ убѣждена въ непогрѣшимости своихъ воззрѣній.

Недаромъ она безпокоилась: была особа, которая на все смотрѣла другими глазами, чѣмъ всѣ остальные. Первая вспомнила про нее въ этотъ достопамятный день Люси.

— Пойдемте скорѣе въ бабушкину спальню, того и гляди Матаваиха пріѣдетъ. Я видѣла, какъ Васька пустился бѣжать со двора, какъ только дано было приказаніе подавать карету графа,—объявила она. И, схвативъ насъ за руки, побѣжала по длинному коридору, черезъ бильярдную, въ комнату, которая, невзирая на то, что отдана была въ мое распоряженіе, продолжала называться «бабушкиной спальней».

И дѣйствительно, не прошло полчаса, какъ мы узнали, что ненавистная намъ особа уже сидитъ въ дѣдушкиномъ кабинетѣ и забавляетъ его своими грубыми шутками и пошлыми сплетнями. А вскорѣ затѣмъ, какъ всегда, когда ей случалось встрѣтиться здѣсь съ нашимъ отцомъ, по всѣмъ комнатамъ стали раздаваться бѣготня, громкій говоръ и веселый раскатистый смѣхъ.

— И вѣрно сейчасъ пѣть будутъ, — процѣдила сквозь злобно стиснутые зубы Люси, блѣднѣя отъ волненія. — Слышите! Начинаютъ! О, слушать ее стоитъ! Такого голоса, какъ у этой злодѣйки, во всемъ мірѣ нѣтъ...

Шаги, шуршанье юбокъ, смѣхъ и говоръ смолкли, и вслѣдъ за наступившей тишиной раздались звучные молодые голоса, сливаясь въ дуэтѣ изъ модной тогда оперы Моцарта «Донъ-Жуанъ»

Много разъ пришлось намъ впослѣдствіи слушать этотъ дуэтъ. исполняемый тѣми же голосами, и такъ велико было всегда обаяніе, ихъ, что всѣ остальныя чувства, волновавшія душу, смолкали, уступая мѣсто духовному наслажденію самаго чистаго, возвышеннаго свойства. И понятно становилось волшебное дѣйствіе, которое женщина эта имѣла на людей съ развитымъ воображеніемъ и утонченными нервами, какимъ былъ нашъ дѣдъ, нашъ отецъ и множество другихъ, которыхъ она, какъ сказочная сирена, загубила, овладѣвъ ихъ сердцемъ и волей.

Ужъ какъ ненавидѣла ее наша Люси, и съ какою досадой на-

чинала она всегда ее слушать, а каждый разъ кончалось тѣмъ, что слезы восторженнаго умиленія выступали на ея глаза, а руки невольно складывались, какъ на молитву.

Надо замѣтить, что на людей, равнодушныхъ къ музыкѣ, эта странная женщина не производила никакого особеннаго впечатлѣнія. Любовались ея красотой, которая была такъ блестяща, что надо было быть слѣпымъ, чтобъ ея не признавать, но и въ самой красотѣ ея многіе находили нѣчто отталкивающее и удивлялись тѣмъ, кому она кружила голову, потому что, кромѣ голоса, все въ ней было грубо, нагло и жестоко, и умъ ея, и сердце, все смущало, раздражало и отталкивало... но только тѣхъ, кто оставался глухъ и слѣпъ къ ея чарамъ...

Слово это не нечаянно соскользнуло съ моего языка, и я утверждаю, что въ ней было нѣчто сверхъестественное. Можетъ быть, она обладала тою силой, которая въ настоящее время ужъ констатирована учеными изслѣдованіями гипнотизма и тому подобныхъ таинственныхъ проявленій природы, а, можетъ быть, она обладала врожденною способностью покорять души. Такъ или иначе, но она была необыкновенное и опасное существо; съ этимъ должны были согласиться всѣ, кто ее зналъ, а мы имѣли несчастіе узнать ее лучше, чѣмъ кто либо, и столкновеніе наше съ нею отразилось на насъ гибельнымъ образомъ.

Къ счастью, будущее отъ насъ сокрыто, и въ тотъ вечеръ, подъ впечатлѣніемъ знакомства съ графомъ и новымъ нашимъ гувернеромъ, который долженъ былъ переѣхать къ намъ на другой день, мы наслаждались ея пѣніемъ и радовались мысли, что намъ придется наслаждаться имъ часто.

Еще подробность: впечатлѣніе ея голоса было такъ сильно и продолжительно, что невозможно было избавиться отъ чувства страстной нѣжности къ ней даже послѣ того, какъ она замолкала. Хотѣлось смотрѣть на нее и чувствовать на себѣ ея взглядъ.

Пробовала она силу своего обаянія и всегда успѣшно, не надъ всѣми, а только надъ тѣми, кто ей былъ почему либо нуженъ, и ужъ по торжеству окружавшихъ насъ людей, которые всѣ безъ исключенія ее ненавидѣли, и по тому, какое они значеніе придавали ея отсутствію при посѣщеніи графа, можно было догадаться, какъ усердно добивалась она знакомства съ нимъ, и какъ ей должно было быть досадно, что ей это не удалось.

Въ тотъ вечеръ мы только ее слышали, но не видѣли; впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ ей пришлось убѣдиться, что совсѣмъ выжить Люси изъ дома, гдѣ у нея сохранилось такъ много неразрывныхъ связей, такъ же трудно, какъ вмѣшиваться въ наше воспитаніе (дѣдушка и видѣть не хотѣлъ наставницъ, которыхъ она рекомендовала, а съ Шарлемъ она познакомилась тогда только, когда онъ переѣхалъ жить въ нашъ домъ), весь ея интересъ къ намъ, до поры

до времени, охладѣлъ, и, продолжая навѣщать дѣдушку каждый день, она, повидимому, совсѣмъ забыла о нашемъ существованіи.

Мы въ то время ей казались не опасны.

V.

«Наладивъ» нашу жизнь, какъ онъ выражался, т. е. обставивъ насъ дорогими воспитателями и учителями, окруживъ насъ роскошью и комфортомъ, дѣдушка совсѣмъ пересталъ нами заниматься. Все для насъ нужное закупала Авдотья Ивановна, деньги выдавалъ Иванъ Дмитріевичъ, исполнявшій должность секретаря и казначея. Счеты провѣрялись разъ въ годъ.

При рѣдкихъ свиданіяхъ съ дѣдомъ мы должны были заученною фразой благодарить его за всѣ его благодѣянія и на вопросъ его, не нужно ли намъ чего нибудь, отвѣчать, что, благодаря его милостямъ, мы ни въ чемъ не нуждаемся.

Такова была форма, разъ навсегда установленная нашей мадамой, и уклоняться отъ нея намъ и въ голову не приходило. Даже и послѣ пятилѣтняго пребыванія въ его домѣ, дѣдушка оставался намъ такъ же чуждъ и далекъ, какъ въ первый день нашего съ нимъ знакомства.

Мало-помалу вышло такъ, что Люси оказалась единственнымъ звеномъ, связывавшимъ насъ не только съ властелиномъ нашей судьбы, но также и съ папенькой, который, снявъ трауръ по супругѣ, окунулся въ прежній омутъ кутежей и беззаботнаго веселья.

Въ то время въ Москвѣ было увеселительное заведеніе, куда вошло въ моду ѣздить кутить съ труппой пѣвицъ и пѣвцовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «итальянцевъ».

Папенька такъ увлекался этой труппой, что ни о чемъ другомъ не могъ ни думать, ни говорить, и въ рѣдкія минуты свиданія съ нами представлялъ намъ въ лицахъ, какъ поетъ Розита, декламируетъ Олимпія и пляшетъ красавица Ванда.

Мы слушали, разиня ротъ, и, такъ какъ воображеніе у насъ было такое же живое, какъ у него, то и мы тоже до безумія увлекались итальянцами, никогда ихъ не видавши.

На это мадамъ Постулянти только пожимала плечами и посмѣивалась.

Вообще она была столько же равнодушна къ проявленіямъ нашего духовнаго развитія, насколько озабочена дѣлами многочисленныхъ иностранцевъ преподавателей, гувернантокъ, актеровъ, артистовъ и тому подобныхъ искателей фортуны на чужбинѣ, посѣщавшихъ ее во множествѣ въ тѣхъ комнатахъ рядомъ съ бабушкиной спальней, гдѣ она устроила себѣ настоящій салонъ, и гдѣ проводила почти всю свою жизнь.

Надо къ этому прибавить, что такое ея отношеніе къ намъ установилось не вдругъ, а по мѣрѣ того, какъ всѣ въ домѣ начали убѣждаться въ полнѣйшемъ равнодушіи къ намъ дѣда.

Искра раскаянія, вспыхнувшая было въ его душѣ послѣ смерти маменьки, погасла, не успѣвши разгорѣться въ болѣе или менѣе осмысленное и прочное чувство, и весь домъ послѣдовалъ его примѣру. На насъ смотрѣли, какъ на дѣтей наслѣдника имени и состоянія стараго князя, и въ грошъ не ставили.

Но, невзирая на неудобство такого положенія, это время можно назвать самымъ счастливымъ для насъ въ бабушкиномъ домѣ: мы были вмѣстѣ, про насъ всѣ забывали, и у насъ былъ другъ въ лицѣ Шарля, съ которымъ мы такъ сблизились, что не могли себѣ представить, чтобы онъ намъ былъ чужой.

Все свободное отъ уроковъ время братья съ Шарлемъ проводили въ моей комнатѣ, и намъ было очень весело.

Особенно хорошо было лѣтомъ, когда старый садъ начиналъ зеленѣть, сирень распускаться, а въ запущенныхъ клумбахъ зацвѣтали растенія, остатки когда-то великолѣпнаго цвѣтника. Ароматъ ихъ врывался черезъ растворенную дверь въ высокую, немного мрачную комнату съ расписными потолками и съ любопытною голландскою печкой, побѣдоносно выступавшей изъ темнаго угла, сверкая пестрымъ, затѣйливымъ рисункомъ въ мавританскомъ вкусѣ. Стѣны бабушкиной спальни были покрыты полотняными обоями, съ изображеніемъ людей, птицъ и животныхъ, которыми намъ не надоѣдало любоваться, слушая страшные и трогательные разсказы Шарля про его родину, охваченную пламенемъ чудовищной революціи.

Онъ не только былъ свидѣтелемъ этихъ ужасовъ, но испыталъ дѣйствіе ихъ на себѣ и на своихъ близкихъ.

Почти на глазахъ его умертвили всѣхъ, кто ему былъ близокъ и дорогъ, разграбили состояніе, скопленное вѣками его предками, насмѣялись надъ Богомъ, Которому онъ поклонялся, надъ правилами чести, которымъ слѣдовали и отецъ его и предки. Пятилѣтнимъ ребенкомъ долженъ онъ былъ бѣжать изъ родины и искать убѣжища въ чужихъ краяхъ. Его, французскаго дворянина, владѣльца огромнаго состоянія и славнаго имени, довели до того, что онъ долженъ былъ скитаться изъ страны въ страну, воспитываться на чужой счетъ у такихъ же несчастныхъ эмигрантовъ, какъ и онъ самъ, и наконецъ онъ вынужденъ былъ принять предложеніе графа Захара Григорьевича и жить его щедротами, въ ожиданіи переворота въ пользу законныхъ государей, на который уповали всѣ благомыслящіе люди въ Европѣ.

Но событія въ Европѣ съ каждымъ днемъ дѣлали это предположеніе все менѣе и менѣе вѣроятнымъ, и вынужденное бездѣйствіе приводило Шарля въ отчаяніе.

Онъ ужъ давалъ уроки въ Германіи и желалъ найти мѣсто учителя въ Москвѣ.

Въ то время скончалась маменька, насъ перевезли къ дѣду, и, узнавъ, что намъ ищутъ гувернера, графу пришла мысль помѣстить къ намъ своего протеже.

Положеніемъ своимъ у насъ Шарль былъ доволенъ. Старшихъ надъ нимъ не было, а съ нами, какъ сказано выше, онъ съ первой минуты подружился, тѣмъ не менѣе онъ относился къ своему новому положенію, какъ къ временному испытанію, съ которымъ приходилось волей-неволей мириться въ ожиданіи лучшаго.

Но, увы, съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ прославлялъ своими побѣдами Францію, это «лучшее» не представлялось ему въ такомъ обаятельномъ свѣтѣ, какъ прежде, когда эмигранты воображали, что достаточно одной побѣды, одержанной монархистами надъ республиканцами, чтобъ прежній порядокъ былъ возстановленъ въ ихъ отечествѣ; теперь обстоятельства такъ складывались, что на одно только можно было надѣяться: умереть за отечество, ни на что больше.

И Шарль отъ всей души этого желалъ.

Мы раздѣляли его энтузіазмъ и каждый разъ съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія отъ графа, къ которому онъ ѣздилъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Тамъ можно было всегда узнать что нибудь новенькое. Тамъ получались газеты, а, кромѣ того, все, что говорилось въ хорошо освѣдомленныхъ петербургскихъ кружкахъ и при дворѣ, немедленно доносилось старому вельможѣ преданными ему людьми, которые знали, что ничѣмъ ему нельзя больше угодить.

Иногда случалось, что и среди недѣли графъ присылалъ экипажъ за своимъ любимцемъ, чтобъ скорѣе обрадовать его вѣстью о какомъ нибудь новомъ заговорѣ противъ ненавистнаго узурпатора, про вооруженія державъ противъ него или про благородную выходку принцевъ, на которыхъ возлагались упованія легитимистовъ.

Извѣстія эти большею частью оказывались впослѣдствіи, если не вымышленными, то значительно преувеличенными, но, тѣмъ не менѣе, Шарль возвращался къ намъ въ восторженномъ настроеніи, которое мы съ нимъ вполнѣ раздѣляли. Сережа съ Ромой давно рѣшили съ нимъ не разставаться и сопровождать его на войну за освобожденіе Франціи отъ Наполеона.

И я тоже рѣшила отъ нихъ не отставать, хотя бы даже для этого надо было переодѣться мужчиной. Все это казалось намъ такъ просто и возможно, что мы не стали бы слушать того, кто началъ бы насъ увѣрять, что мы предаемся несбыточнымъ мечтамъ.

Но въ то время остерегать насъ отъ заблужденій было некому. Мадамъ Постулянти, позанявшись съ нами съ грѣхомъ пополамъ часа два, уходила къ ожидавшимъ ее друзьямъ или разъѣзжала по знакомымъ, которыхъ у нея въ Москвѣ было множество, а Люси

хотя и пріѣзжала давать намъ уроки музыки, но ее не столько занимала наша внутренняя жизнь, сколько вопросъ объ отношеніяхъ дѣдушки къ Матаваевой, которыя, къ великому ея отчаянію, нисколько не измѣнялись: безъ хорошенькой вдовушки старикъ дня не могъ прожить.

Такъ прошло три года со дня нашего переѣзда въ домъ дѣда. Въ ноябрѣ четвертаго мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ.

Но, благодаря ли замкнутой жизни или отъ природнаго недостатка наблюдательности, заставляющей дѣвочекъ съ раннихъ лѣтъ допытываться того, что принято отъ нихъ скрывать, я оставалась ребенкомъ и никакого различія между собою и братьями не сознавала. На Шарля я смотрѣла, какъ на добраго товарища, правда, умнѣе, образованнѣе и опытнѣе Сережи съ Ромой, а потому и интереснѣе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, но вотъ и все.

Скрывать моей привязанности къ нему мнѣ и въ голову не приходило. Каждый день прибавляла я къ обычной молитвѣ за родныхъ сочиненное мною воззваніе къ Богу за успѣхъ монархистовъ, а, молясь моему Ангелу хранителю, я усердно просила его охранять Шарля отъ всякой напасти.

И все это такъ наивно, что даже наша многоопытная мадамъ не рѣшалась мнѣ ставить на видъ неумѣстность моихъ отношеній къ гувернеру братьевъ. Однако, когда я однажды бросилась обнимать его за хорошенькую чашечку, которую онъ выпросилъ для меня у графа, она сочла нужнымъ мнѣ замѣтить, что мсьё де-Сабри мнѣ чужой, и что обращаться съ нимъ, какъ съ братомъ, неприлично.

— Онъ можетъ подумать, что у васъ нѣтъ стыда.

Слова эти заставили меня вспыхнуть до ушей, но почему именно— этого я еще не понимала и долго бы не поняла, еслибъ просвѣщенію моему не способствовали новыя обстоятельства.

Въ ту осень дѣду пришла мысль привести въ порядокъ давно заброшенный домашній театръ, собрать распущенную труппу и пополнить ее, чтобъ давать представленія.

Въ городѣ затѣя эта возбудила оживленные толки. Разсказывали, что Матаваева все это придумала, чтобъ окончательно свести съ ума старика. Она будто бы намѣревалась выступать на сценѣ вмѣстѣ съ крѣпостными холопами и холопками.

Въ то время даже для женщины такой потерянной репутаціи, какъ Дарья Алексѣевна, такая выходка казалась до высочайшей степени неприлична, все же она, по мужу, была дворянка.

Между тѣмъ дѣдушка вспомнилъ, что насъ пора учить танцовать, и намъ взяли въ танцмейстеры отставного балетмейстера Степана Яковлевича Апраксинскаго, судя по фамиліи, изъ крѣпостныхъ графа Апраксина, который являлся къ намъ два раза въ недѣлю.

И училъ онъ не насъ однихъ моднымъ въ то время танцамъ, а также крѣпостныхъ дѣвушекъ, Машу, Матрешу и Феню. Всѣ три были красавицы. Передъ урокомъ ихъ одѣвали въ бѣлыя, короткія холщевыя платья, въ открытые башмаки и заставляли продѣлывать всевозможныя премудрости хореграфическаго искусства.

Съ нами Степанъ Яковлевичъ занимался отдѣльно, и будущія балерины присутствовали при нашемъ урокѣ за колоннами, а когда наступала ихъ очередь, насъ уводили изъ залы. Нашими успѣхами въ танцахъ никто не интересовался и, когда случалось, что Шарль (забывъ трагичность своего положенія, какъ человѣка, давшаго торжественный обѣтъ отдать жизнь за спасеніе родины) поддавался искушенію показать намъ, какъ танцовали въ былое время во Франціи, бралъ мою руку и исполнялъ со мною который нибудь изъ характерныхъ танцевъ, особенно трудно удававшихся моимъ братьямъ, Степанъ Яковлевичъ приходилъ въ восторгъ, кричалъ «браво», просилъ повторить и отъ избытка чувствъ такъ фальшивилъ, что хотѣлось выбить у него скрипку изъ рукъ. При этомъ онъ всегда выражалъ сожалѣніе, что князь Романъ Васильевичъ ни разу до сихъ поръ не любопытствовалъ взглянуть, какъ отличается его внучка.

Но зато дѣдушка не пропускалъ случая любоваться своими будущими балеринами, когда ихъ заставляли стоять на одной ногѣ, изгибаться всѣмъ тѣломъ и скользить нацыпочкахъ изъ одного угла залы въ другой, выражая мимикой всевозможныя чувства и душевныя движенія, подъ звуки оркестра.

Любоваться этимъ зрѣлищемъ пріѣзжали друзья дѣдушки, такіе же сановные старики, какъ и онъ.

Само собою разумѣется, что представленія эти, о которыхъ говорилъ весь домъ, насъ страшно интересовали, и мы считали за великое счастье пробраться потихоньку отъ старшихъ на хоры, чтобы изъ темнаго уголка, позади музыкантовъ, наслаждаться интереснымъ зрѣлищемъ, волнуясь страхомъ и любопытствомъ.

Шарля приглашали, какъ гостя, внизъ, и намъ доставляло немалое удовольствіе смотрѣть изъ нашей засады на его стройную, красивую фигуру, когда онъ подходилъ съ почтительными поклонами къ старымъ вельможамъ, толпившимся въ разнообразныхъ позахъ въ дверяхъ гостиной, выражая во всеуслышаніе свое мнѣніе о танцовщицахъ.

Какими именно фразами они обмѣнимались, этого мы разслышать не могли; до хоръ долеталъ только гулъ ихъ голосовъ и громкаго непринужденнаго смѣха, но что за выразительныя, небрежныя позы! Одинъ полулежалъ въ глубокихъ креслахъ, вытянувъ ноги въ башмакахъ съ пряжками, усыпанными драгоцѣнными каменьями, и съ фальшивыми икрами, съ наслажденіемъ покачивалъ головой въ тактъ музыки, вертя въ выхоленныхъ пальцахъ,

унизанныхъ перстнями, золотую табакерку, другой, изогнувшись въ вычурной позѣ, положивъ ногу на ногу и высоко приподнявъ локоть, разсматривалъ въ лорнетку будущихъ корифеекъ, третій аплодировалъ имъ стоя, опершись спиной о притолку двери, выпячивая впередъ жабо изъ драгоцѣнныхъ кружевъ и откинувъ назадъ голову, надъ которой долго трудился искусный парикмахеръ.

Были и такіе, которые, пренебрежительно отвернувшись отъ зрѣлища, происходившаго въ залѣ, горячо и съ выразительными жестами, бесѣдовали между собою, повертываясь къ любителямъ танцевъ только по временамъ, чтобъ съ саркастической улыбкой на гладко выбритыхъ губахъ, концами пальцевъ аплодировать, приговаривая вполголоса, съ французскимъ акцентомъ и удареніемъ: браво! браво!

А въ глубинѣ гостиной, у пылавшаго камина, можно было видѣть другихъ гостей, съѣхавшихся сюда не для учениць Степана Яковлевича, а съ цѣлью встрѣтиться съ какимъ нибудь пріѣзжимъ изъ Петербурга или изъ - за границы государственнымъ дѣятелемъ, заѣхавшимъ навѣстить стараго князя Р—го.

Пріѣзжали также въ нашъ домъ и для Матаваевой. Бойкая вдовушка служила приманкой для многихъ любителей женской красоты въ Москвѣ. И тамъ, гдѣ она была, скуки не знали. Ея ни въ дверяхъ залы, ни въ глубокой гостиной въ стилѣ Louis XV не было видно, ея звонкій смѣхъ раздавался въ комнатѣ рядомъ съ оранжереей, у стола, уставленнаго винами и фруктами. Туда и папенька прямо проходилъ коридоромъ, когда ему случалось пріѣзжать на дѣдушкины «репетиціи», такъ назывались вечера съ танцами будущихъ балеринъ, которые давались въ нашемъ домѣ, съ тѣхъ поръ какъ начала осуществляться затѣя театра. Но осуществлялась она медленно, эта затѣя. Печи во флигелѣ, гдѣ должны были происходить представленія, находились въ такомъ плачевномъ состояніи, что раньше, какъ весной, невозможно было приниматься за ихъ поправку, да и подготовка труппы требовала немало времени. Управляющимъ приказано было прислать съ обозомъ покрасивѣе и пошустрѣе дѣвочекъ изъ дальнихъ деревень, и обозъ этотъ, ожидаемый къ Рождеству, былъ уже въ пути, но много предстояло хлопотъ со степными дикарками прежде, чѣмъ можно было бы сзывать гостей любоваться ихъ успѣхами въ сценическомъ искусствѣ. Чтобъ ихъ учить, дѣдушка велъ переговоры съ извѣстнымъ актеромъ въ Петербургѣ, обѣщавшимъ пріѣхать къ намъ лѣтомъ, въ свободное отъ службы время, но до этого было еще далеко, и рѣшено было пріѣзжихъ дѣвушекъ занять прежде всего, для выправки, танцами.

Ко всѣмъ этимъ затѣямъ папенька относился съ раздраженіемъ и разсказывалъ, не стѣсняясь, по всему городу, что Матаваева все это придумываетъ, чтобъ держать въ рукахъ его отца.

Вѣчно искали они другъ друга, чтобъ сердить и язвить одинъ другого.

А между тѣмъ обойтись другъ безъ друга они не могли, и каждый разъ, когда я вспоминаю дѣдушкины вечера съ «репетиціями», передъ моими глазами возникаетъ такая сцена: танцы кончились, танцовщицъ отпустили, наградивъ ихъ конфетами, фруктами, а иную и червонцемъ, гости вернулись въ гостиную. Оркестръ разошелся. Въ опустѣвшей залѣ одинъ только Степанъ Яковлевичъ въ укромномъ уголку, за дверью въ корридоръ, меланхолично запираетъ свою скрипку въ деревянный футляръ. Проходитъ минуты двѣ-три въ полнѣйшей тишинѣ. Намъ съ Ромой хочется бѣжать внизъ ужинать, но мы взглядываемъ на Сережу, который точно въ забытьѣ пристально смотритъ на дверь въ оранжерею, и не смѣемъ тронуться съ мѣста. Наконецъ, дверь эта растворяется, изъ нея выбѣгаетъ Матаваева, красная, взволнованная, съ сверкающими глазами и высоко поднимающейся отъ волненія грудью. Она обмахивается вѣеромъ и говоритъ, какъ всегда, быстро, сыплетъ словами, не вслушиваясь въ возраженія папеньки, который слѣдуетъ за нею, стараясь заглянуть ей въ глаза. Но ему это удается только тогда, когда, въ концѣ залы, она обертывается и становится съ нимъ на мгновеніе лицомъ къ лицу. Папенька громко смѣется, но смѣхъ его притворный, и по всему видно, что онъ гнѣвается столько же, сколько и она, если не больше...

Мнѣ почему-то становится совѣстно на нихъ смотрѣть, и я дотрогиваюсь до плеча Сережи, чтобъ напомнить ему, что пора итти внизъ. Онъ вздрагиваетъ, точно его разбудили отъ глубокаго сна, оглядывается на меня съ изумленіемъ и досадой, срывается съ мѣста, какъ ужаленный, и, бросивъ еще разъ взглядъ въ залу, стремглавъ сбѣгаетъ съ лѣстницы, гдѣ насъ ждетъ Шарль.

Мы всегда покидаемъ хоры до окончанія объясненія между нашимъ отцомъ и Матаваевой и ровно ничего не понимаемъ изъ этой сцены, но потомъ узнаемъ отъ Люси, что они ссорились до тѣхъ поръ, пока появленіе дѣдушки не заставляло ихъ разойтись. Папенька уѣзжаетъ, забывъ съ нами проститься, а Матаваева бѣжитъ въ кабинетъ, гдѣ ее, безъ сомнѣнія, утѣшаютъ.

Впрочемъ, меня эта странная интрига мало интересовала въ то время. Къ равнодушію отца я начинала привыкать. Онъ въ ту зиму обращалъ на Сережу гораздо больше вниманія, чѣмъ на меня съ Ромой. Потому, можетъ быть, что нашему старшему брату минуло семнадцать лѣтъ, и что онъ замѣтно выходилъ изъ дѣтства. Его совсѣмъ перестали занимать игры съ нами, и онъ предпочиталъ сидѣть одинъ за книгой, чѣмъ, какъ бывало раньше, съ нами бѣгать и слушать разсказы Шарля про Францію. Папенька сталъ возить его въ манежъ учиться ѣздить верхомъ. Онъ сдѣлалъ такіе успѣхи въ игрѣ на скрипкѣ, что ему взяли лучшаго учителя въ

городѣ, и раза два-три въ мѣсяцъ онъ удостоивался приглашенія играть при дѣдушкѣ въ концертной.

Однажды, ранней весной, отецъ приказалъ ему одѣться пощеголеватѣе и взялъ его куда-то съ собой. Вернулись они поздно, когда мы уже спали, и на вопросы наши на слѣдующее утро онъ отвѣчалъ просьбой оставить его въ покоѣ. Такъ мы и не узнали, куда возилъ его отецъ. Первое время я все еще надѣялась, что отчужденіе, возникавшее между мною и братомъ, съ которымъ у меня до сихъ поръ все было общее, явленіе временное, и что онъ вернетъ мнѣ свою дружбу и довѣріе, но когда я увидѣла, что онъ и отъ Шарля также отдаляется, какъ отъ меня и отъ Ромы, я поняла, что прежняго ужъ не вернуть. Въ другое время меня бы это очень огорчило, но въ тотъ годъ и у меня стала зарождаться въ сердцѣ тайна, которую я хранила ревниво отъ всѣхъ, и которая такъ наполняла всю мою внутреннюю жизнь, что мнѣ было не до чужихъ заботъ, радостей и страданій. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ Шарль становился мнѣ дороже и милѣе. Все, что до него касалось, принимало въ моихъ глазахъ такой огромный интересъ, что я ждала пріѣзда гостей къ дѣдушкѣ не для того, чтобъ любоваться танцами съ хоръ, а чтобъ видѣть, какъ гости и дѣдушка будутъ обращаться съ нашимъ Шарлемъ. И когда я замѣчала, что важные старики, о которыхъ мы были очень высокаго мнѣнія, милостиво съ нимъ разговаривали, а дѣдушка подзывалъ его къ себѣ, чтобъ представить какому нибудь новому гостю, я чувствовала такое же удовольствіе и нравственное удовлетвореніе, какъ еслибъ честь эта была оказана мнѣ лично.

Съ нетерпѣніемъ ждала я, чтобъ онъ передалъ мнѣ, о чемъ съ нимъ разговаривали, и мнѣ невыразимо было весело видѣть, что и онъ съ своей стороны ищетъ случая подѣлиться со мною своими впечатлѣніями. Первое время онъ разсказывалъ про то, что говорилось и дѣлалось внизу, всѣмъ намъ, но мало-помалу такъ вышло, что у него всегда оставалось что нибудь досказать мнѣ одной, безъ свидѣтелей. Да и мнѣ несравненно пріятнѣе было его слушать наединѣ.

Почему?

На вопросъ этотъ я въ то время не могла бы отвѣтить, точно такъ же, какъ затруднилась бы даже самой себѣ сказать: почему радовалась я гораздо больше букету, который онъ мнѣ поднесъ въ день моего рожденія, чѣмъ великолѣпному браслету съ брильянтами, присланному мнѣ графомъ?

Дѣдушка, можетъ быть, чтобъ не отстать отъ своего друга, далъ мнѣ одно изъ бабушкиныхъ колье изъ жемчуговъ, а я съ нетерпѣніемъ ждала, когда всѣ налюбуются моими драгоцѣнностями, чтобъ спрятать ихъ въ шифоньерку и на просторѣ цѣловать цвѣты, поднесенные мнѣ моимъ другомъ со словами: «брильянты отъ графа, а цвѣты отъ меня».

Я поставила ихъ въ воду и, чтобъ они дольше не завяли, мѣняла ее по нѣсколько разъ въ день, а ночью поднималась съ постели, чтобъ убѣдиться: держатся ли лепестки на розахъ? Когда же они свалились, мнѣ стало грустно, какъ отъ непредвидѣннаго несчастья.

Никому не повѣрила я моей печали, но Шарль ужъ и тогда читалъ мои мысли въ моихъ глазахъ, какъ въ открытой книгѣ, и въ слѣдующій понедѣльникъ, когда я утромъ подошла къ вазѣ съ поблекшими цвѣтами, которые у меня не хватало духу выкинуть, я чуть не вскрикнула отъ радости, увидавъ, что въ ней красуется букетъ вдвое больше и красивѣе прежняго.

Чудо свершилось очень просто: наканунѣ, какъ всегда по воскресеньямъ, Шарль провелъ день у графа и нарѣзалъ въ его оранжереѣ (первой въ городѣ, изъ которой онъ посылалъ цвѣты императрицамъ) для меня букетъ.

Но мнѣ почему-то захотѣлось изъ этого сдѣлать тайну; я поставила букетъ на окно за драпировку и любовалась имъ тогда, когда никто не могъ этого видѣть.

Безъ просьбы съ моей стороны, Шарль вступилъ со мною въ заговоръ, ни словомъ не обмолвившись о своемъ подношеніи, и съ тѣхъ поръ я часто находила на томъ же мѣстѣ вмѣсто завялыхъ цвѣтовъ свѣжіе.

Сколько обаятельной прелести вносила эта невинная тайна въ нашу замкнутую, однообразную и лишенную всякихъ другихъ радостей жизнь, пойметъ только тотъ, кто въ юности любилъ такою любовью, чтобъ помнить про эту любовь до преклонной старости.

Но еще разъ повторяю, наслаждалась я новымъ моимъ чувствомъ вполнѣ безсознательно, и еслибъ мнѣ тогда кто нибудь сказалъ, что я люблю Шарля не братскою любовью, я не поняла бы, что хотятъ этимъ сказать.

А между тѣмъ мы жили въ атмосферѣ самыхъ страстныхъ, самыхъ разнузданныхъ страстей, и надо было обладать невѣроятной душевной чистотой, чтобъ не заразиться ея развратомъ. Но благодаря ли молитвамъ маменьки, первоначальному воспитанію или особенному стеченію обстоятельствъ, мы оставались также чисты и невинны душой, какъ тогда, когда насъ привезли сюда изъ монастыря, гдѣ ее похоронили.

Тамъ, въ этомъ монастырѣ, надъ плитой, подъ которой она лежала, ровно черезъ годъ послѣ ея смерти, произошло наше свиданіе съ доброй женщиной, заступившей ей мѣсто родителей, когда она осиротѣла. Насъ привезли на панихиду изъ дѣдушкина дома въ большой каретѣ, а она на эту панихиду притащилась за шесть сотъ верстъ изъ глубины Россіи. Какъ мы обрадовались этой встрѣчѣ! Какъ сладко было плакать вмѣстѣ съ ней по нашей дорогой покойницѣ! Какъ любовно осматривала она насъ съ ногъ до

головы, радуясь тому, что мы выросли, похорошѣли, нарядно одѣты, и любимъ ее попрежнему. Ей о столькомъ хотѣлось насъ разспросить, что она не знала, съ чего начать. Да и у насъ отъ радостнаго изумленія дыханіе сперло въ горлѣ, и слова не выговаривались. Увы! не отъ одной радости, а также и отъ страха. Вѣдь, дѣдушка строго-настрого запретилъ пускать къ намъ прежнихъ знакомыхъ и друзей. Послѣ похоронъ маменьки намъ не позволили проститься съ Варварой Петровной. Но съ тѣхъ поръ прошло двѣнадцать мѣсяцевъ и произошло много перемѣнъ. Папенька самъ подошелъ къ ней, ласково съ нею поздоровался и пригласилъ ее у насъ побывать послѣ панихиды.

— Дѣти живутъ отдѣльно, пройдите чернымъ ходомъ, къ Авдотьѣ Ивановнѣ, она васъ къ нимъ проведетъ, — прибавилъ онъ, сообразивъ, что во всякомъ случаѣ будетъ лучше, если дѣдушка не узнаетъ про это посѣщеніе.

О, какъ мы ему были благодарны! Наша милая старушка не ожидала такого счастья и, предпринимая дальнее путешествіе съ единственною надеждой помолиться надъ могилой той, которой она посвятила всю свою жизнь, и, можетъ быть, взглянуть однимъ глазкомъ на сиротъ, она залилась радостными слезами, услышавъ милостивое приглашеніе, и кинулась цѣловать его руки.

Варвара Петровна провела у насъ въ бабушкиной спальнѣ весь день, разспрашивала насъ, охала и ахала отъ недоумѣнія, когда мы ей сказали, что почти никогда не видимъ дѣдушку и ничего не знаемъ про его жизнь, которая проходитъ совершенно отъ насъ отдѣльно, радовалась, что мы остались во многомъ такими же, какими были при маменькѣ, разсказывала намъ про урожай въ хуторѣ, доходами съ котораго мы такъ долго жили, объясняла намъ, какъ она сочла нужнымъ распоряжаться хозяйствомъ съ тѣхъ поръ, какъ ей объявили, что оттуда ничего больше не надо сюда присылать, и наконецъ разсталась съ нами, какъ она увѣряла, съ легкимъ сердцемъ, убѣдившись воочію, что намъ хорошо потому, что насъ и содержатъ и учатъ покняжески.

И друзья наши, Люси съ Шарлемъ, ей пришлись по душѣ. Мадамъ нашу она видѣла только мелькомъ и, принимая въ серіозъ ея положеніе воспитательницы, совѣтовала намъ во всемъ ея слушаться.

Она нашла насъ такими же, какими мы были, разставшись съ нею, а между тѣмъ годъ этотъ насъ такъ состарилъ, что мы ужъ знали, что̀ ей можно сказать и что̀ нѣтъ. Точно сговорившись, оставили мы ее въ полнѣйшемъ убѣжденіи, что мы совершенно довольны нашей судьбой и не желаемъ ничего лучшаго. Даже Рома, которому не было тогда восьми лѣтъ, не выболталъ ей ни слова про наше одиночество, про то, что мы по цѣлымъ недѣлямъ не видимъ папеньку, что онъ про насъ ничего не знаетъ, и что въ домѣ никому до насъ дѣла нѣтъ, а все идетъ по разъ заведенному порядку, по-

слѣдствіями котораго на развитіе нашего ума и чувствъ никому и въ голову не приходитъ интересоваться.

Предоставленные самимъ себѣ, мы набрались такой осторожности, что на вопросъ ея про Матаваеву: бываетъ ли она у насъ и вмѣшивается ли въ нашу жизнь, мы не задумываясь отвѣчали, что ничего про нее не знаемъ.

VI.

Папенька продолжалъ увлекаться страстно (иначе, какъ страстно, онъ не умѣлъ увлекаться) пѣвицей Вандой. Все время проводилъ у нея, и въ городѣ опять заговорили про то, что онъ безбожно мотаетъ деньги.

На имѣніе, отданное ему послѣ смерти маменьки дѣдушкой, и на доходы съ котораго онъ долженъ былъ себя содержать, наложено было запрещеніе за долги, и ему грозила продажа съ аукціона, еслибъ Матаваева не воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ имъ овладѣть.

Когда Люси про это узнала, она пришла въ ужасъ и поскакала къ дядѣ Льву Романовичу въ подмосковную, чтобъ поставить его въ извѣстность о намѣреніяхъ злодѣйки и узнать, не можетъ ли онъ найти средство выручить брата.

Но дядя ничѣмъ не могъ помочь. Оказалось, что на Радостное, которымъ онъ управлялъ по довѣренности отъ отца, дарственной у него не было, а имѣніе это числилось за нимъ только по духовному завѣщанію, которое отецъ его былъ воленъ измѣнить, когда ему вздумается.

Однако, провожая свою посѣтительницу, онъ попытался ободрить ее обѣщаніемъ позаботиться объ участи дѣтей своего брата и просилъ передать этому послѣднему, что онъ желаетъ его видѣть.

— Пусть удосужится ко мнѣ пожаловать.

Папенька исполнилъ его желаніе, но ужъ тогда, когда имѣніе наше перешло во владѣніе Матаваевой, и противъ совершившагося факта ничего невозможно было предпринять.

Невзирая на отвращеніе и презрѣніе, которыя, какъ ему казалось, онъ къ ней чувствуетъ, она давно ужъ овладѣла его волей и распоряжалась ею по-своему. Но онъ такъ мало это подозрѣвалъ, что назвалъ бы сумасшедшимъ каждаго, кто бы ему это сказалъ.

Да, въ этой женщинѣ было что-то сверхъестественное, невольно наводившее мысль о чародѣйкахъ, въ проклятое могущество которыхъ вѣрятъ люди, прозрѣвающіе въ жизненныхъ явленіяхъ то, чего наука и разумъ не видятъ.

Съ наступленіемъ лѣта папенькой овладѣла новая страсть. Къ «итальянцамъ» онъ охладѣлъ и въ то время, какъ, благодаря его

увлеченію ими, они завоевали себѣ такую громкую извѣстность въ Москвѣ, что ни одинъ праздникъ въ большомъ свѣтѣ безъ нихъ не обходился, онъ все чаще и чаще сталъ пропадать изъ города. Долго не могли узнать, гдѣ онъ проводитъ время, но наконецъ одинъ изъ кучеровъ его проболтался, что онъ возитъ своего барина къ цыганамъ, раскинувшимъ таборъ неподалеку отъ помѣстья графа Апраксина, и всѣ пришли въ ужасъ отъ этого извѣстія.

Въ то время цыганы не играли еще въ столицахъ той роли, которую они стали играть лѣтъ двадцать спустя; ихъ преслѣдовали, и селиться въ городахъ они не отваживались. Но въ деревняхъ, въ глуши, къ нимъ относились снисходительнѣе, и случалось, что сами помѣщики зазывали ихъ къ себѣ въ домъ, чтобъ позабавиться ихъ пляской, пѣснями и ворожбой.

Вѣроятно, и этимъ цыганамъ посчастливилось найти покровителей между обитателями той мѣстности; они основались тамъ прочно, и вскорѣ по всему городу стали ходить розсказни про то, какъ молодежь на нихъ разоряется, и какому грѣшному и грязному разврату молодые люди лучшихъ фамилій предаются въ таборѣ.

Самое представленіе о цыганахъ возбуждало въ умахъ какую-то гадливость въ связи съ таинственнымъ страхомъ, какъ отъ существъ, не имѣющихъ ничего общаго съ крещенымъ народомъ. Вѣрили въ ихъ сношенія съ дьяволомъ, не сомнѣвались въ томъ, что они могутъ напускать на людей всевозможные нравственные и физическіе недуги: сухотку, лихорадку, остуду къ близкимъ, тоску и самую смерть. Не даромъ же они умѣли гадать. Про ихъ предсказанія разсказывали такія чудеса, что безъ содроганія невозможно было ихъ слушать. По всеобщему убѣжденію, человѣкъ, имѣвшій несчастье подпасть подъ вліяніе ихъ чаръ, могъ считаться погибшимъ какъ въ этомъ свѣтѣ, такъ и въ будущемъ.

Можно себѣ представить, какъ все это насъ волновало, и какъ мы интересовались цыганами!

Само собою разумѣется, что Матаваева раньше всѣхъ узнала про новое папенькино увлеченіе и, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ вліяніе ея стало чувствоваться въ нашемъ домѣ, всѣ домашніе отнеслись къ нему безъ ненависти, а съ упованіемъ, что она натравитъ дѣдушку на цыганъ, и что, по близости его къ властямъ, нарушителей всеобщаго спокойствія совсѣмъ изгонятъ изъ окрестностей Москвы.

Но вышло то, чего никто не могъ ожидать: когда папенька въ одинъ прекрасный день пріѣхалъ въ таборъ, онъ засталъ тамъ Матаваеву.

Она была здѣсь, какъ дома, всѣ за нею ухаживали, никого она не стѣсняла, и по всему было видно, что она тутъ не въ первый разъ, что къ ней успѣли привыкнуть, и что чувствуетъ она себя

въ этой средѣ, какъ рыба въ водѣ. Папенька потомъ разсказывалъ, что наглостью и цинизмомъ она приводила въ недоумѣніе самихъ цыганъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ она очаровывала ихъ своимъ голосомъ и легкостью, съ которой съ перваго раза переняла ихъ ухватки.

Когда папенька встрѣтилъ ее въ первый разъ въ таборѣ, она въ цыганскомъ костюмѣ ничѣмъ не отличалась отъ черноглазой Маши и такъ же бойко, какъ она, плясала съ красавцемъ Алеко.

Дѣдушка ничего про это не зналъ, ему готовился сюрпризъ.

Невзирая на легкомысліе, папенька, говорятъ, долго отказывался принимать участіе въ этомъ сюрпризѣ, но когда онъ увидалъ Матаваеву пляшущей съ Алеко, на него точно бѣсовское навожденіе нашло, онъ кинулся къ нимъ, оттолкнулъ кавалера и, ставъ на его мѣсто, такъ прекрасно исполнилъ танецъ, что всѣхъ привелъ въ восторгъ.

Вскорѣ мы узнали, что на ближайшей «репетиціи» папенька пропляшетъ цыганскую съ Матаваевой, и въ назначенный день мы дрожали отъ страха, что намъ не удастся пробраться на хоры. Но опасенія наши не сбылись, старшимъ было не до насъ, и залу не успѣли еще освѣтить, какъ мы уже тѣснились въ нашемъ любимомъ уголкѣ и подъ звуки настраиваемыхъ инструментовъ смотрѣли, какъ зажигали восковыя свѣчи въ люстрѣ, и любовались съѣздомъ гостей, проходившихъ черезъ залу въ гостиную, въ то время, какъ за колоннами танцмейстеръ давалъ послѣднія наставленія ученицамъ въ короткихъ бѣлыхъ платьяхъ, въ атласныхъ розовыхъ башмакахъ, съ розовыми шарфами.

Представленіе должны были начать онѣ.

Явился и папенька. Озабоченно переговоривъ съ Степаномъ Васильевичемъ и бѣглымъ взглядомъ окинувъ танцовщицъ, онъ тоже поспѣшно направился въ гостиную. Но когда, по данному Иваномъ Дмитріевичемъ знаку, нашъ танцмейстеръ вышелъ со своими нимфами на средину залы, поставилъ ихъ въ позицію, и оркестръ заигралъ прелюдію къ па-де-шаль, мы не видѣли папеньку между гостями, которые вышли вмѣстѣ съ дѣдушкой изъ гостиной и разсѣлись въ приготовленныя для нихъ кресла.

Представленіе началось.

Намъ хорошо было извѣстно, какъ танцуютъ па-де-шаль наши три граціи, и мы съ нетерпѣніемъ ждали, что будетъ, когда онѣ кончатъ, но дѣдушка со своими гостями про сюрпризъ не зналъ, преусердно аплодировалъ и, къ величайшей нашей досадѣ, приказалъ повторить танецъ. Но кончилось и повтореніе, лакеи внесли большіе серебряные подносы съ прохладительными питьями, сластями и фруктами, балеринъ подозвали къ гостямъ, одѣлили ихъ лакомствами, дали имъ выпить по стакану сладкаго вина и отпустили

Онѣ ушли, но Степанъ Яковлевичъ за ними не послѣдовалъ.

Переждавъ немного, онъ съ торжествующимъ видомъ поправилъ свой напудренный парикъ, выставилъ впередъ ногу, обтянутую бѣлымъ чулкомъ въ башмакѣ съ серебряной пряжкой и заигралъ странную, многими изъ присутствующихъ неслыханную плясовую. Оркестръ подхватилъ, а изъ внезапно растворившейся двери выбѣжала красивая пара въ яркомъ, живописномъ костюмѣ.

Долго кружились они въ безумной пляскѣ на глазахъ восхищенныхъ зрителей прежде, чѣмъ ихъ узнали, такъ измѣнялъ ихъ костюмъ и ухватки, заимствованныя у цыганъ. Даже и мы, заранѣе знавшіе, въ чемъ будетъ состоять сюрпризъ, который готовился дѣдушкѣ, не вѣрили своимъ глазамъ и въ недоумѣніи спрашивали себя: «неужели это папенька съ Матаваевой, а не настоящіе цыганы?»

Пляску эту, видѣнную мною въ первый разъ въ жизни, я никогда не могла забыть и должна сознаться, что ничего болѣе совершеннаго мнѣ не удалось видѣть на своемъ вѣку. Никакая Тальони не произвела бы на меня такого впечатлѣнія, какъ Матаваева своей дикой, удалой граціей и выразительностью каждаго движенія, каждаго взгляда. То обвалакивала она своего кавалера невыразимо нѣжнымъ взглядомъ, то обдавала его страстью, то пронизывала холоднымъ презрѣніемъ такъ выразительно, что невольно пляска эта принимала въ глазахъ зрителей особенное значеніе.

Оригинальный танецъ при громкихъ рукоплесканіяхъ заставили повторить нѣсколько разъ, при чемъ его выполняли каждый разъ иначе, и длилось бы это безъ конца, еслибъ не пришли доложить, что кушанье подано. Всѣ отправились въ столовую. Разошлись и музыканты, зала опустѣла и стала казаться еще больше, выше и свѣтлѣе въ пустотѣ, наполненной звуками, не успѣвшими еще испариться изъ памяти. Люси сбѣжала внизъ, но мы не трогались съ мѣста.

Намъ казалось невозможнымъ, чтобъ праздникъ кончился такъ банально: проплясали и пошли ужинать. Мы ждали чего-то еще болѣе прекраснаго и удивительнаго. Странная музыка и пляска унесли насъ въ чудный, новый міръ, о которомъ мы до сихъ поръ и во снѣ не грезили. Въ воображеніи нашемъ развертывались картины, одна другой величественнѣе и очаровательнѣе. Безбрежное море съ сердито рокотавшими волнами смѣнялось душистой степью съ высокой травой, колыхавшейся подъ палящими солнечными лучами. Степь превращалась въ дремучій лѣсъ, освѣщенный багровымъ пламенемъ костра, вокругъ котораго въ бѣшеной пляскѣ кружились цыганы...

Я невольно закрыла глаза, чтобъ лучше видѣть чудныя видѣнія, проносившія передъ моими духовными очами, и яснѣе слышать переливы мелодіи, не перестававшей звучать въ моихъ ушахъ, какъ вдругъ меньшой братъ заставилъ меня очнуться отъ забытья.

— Лиза, мнѣ страшно!.. Посмотри на Сережу... Что это съ нимъ?

Я открыла глаза и увидала передъ собою блѣдное лицо съ сверкающими глазами нашего старшаго брата и поняла испугъ Ромы.

— Пойдемъ ужинать, Люси уже ушла,—сказала я, взявъ его за руку.

Не переставая смотрѣть въ опустѣвшую залу пристальнымъ сосредоточеннымъ взглядомъ, онъ поднялся съ мѣста и послѣдовалъ за мною машинально, какъ во снѣ, но, дойдя до лѣстницы на антресоли, гдѣ были ихъ комнаты, порывистымъ движеніемъ вырвалъ руку, которую я крѣпко держала, и стремглавъ пустился бѣжать на верхъ.

Я поняла, что онъ хочетъ быть одинъ, и увела къ себѣ Рому, который хотѣлъ за нимъ послѣдовать.

У двери въ бабушкину спальню я остановилась, чтобъ прислушаться, не бѣжитъ ли за нами Шарль, который не выходилъ у меня изъ головы все время, что я находилась подъ чарующимъ впечатлѣніемъ страннаго, волнующаго нервы зрѣлища, и съ которымъ я мысленно дѣлилась чувствами, но онъ не являлся.

Почему не встрѣтили мы его внизу, какъ всегда, когда мы съ хоръ присутствовали при томъ, что происходило въ залѣ?

Неужели онъ не догадывается, какъ мнѣ хочется его видѣть?

У меня сердце сжималось при этой мысли. Потерявъ надежду видѣть его раньше завтрашняго утра, я стала ждать Люси, и она пришла наконецъ въ большомъ разстройствѣ, съ красными отъ слезъ глазами и, не дожидаясь нашихъ разспросовъ, стала съ большимъ негодованіемъ разсказывать, что дѣдушка въ такомъ восхищеніи отъ Матаваевой, что хочетъ теперь видѣть пляску настоящихъ цыганъ, чтобъ сравнить, кто лучше пляшетъ, она или они.

— Этой новой приманкой она его еще крѣпче опутаетъ, чѣмъ всѣми прежними фокусами. Можно пари держать, что онъ настоящихъ цыганъ больше одного разу не захочетъ видѣть; такъ плясать, какъ эта распутная вѣдьма, ни одна цыганка не сумѣетъ,—сознавалась съ раздраженіемъ бѣдная Люси.

И вдругъ она прибавила, точно угадывая вопросъ, готовый сорваться съ моихъ губъ:

— Задумала теперь кокетничать съ вашимъ Шарлемъ! Вниманія до сихъ поръ на него не обращала, а сейчасъ подозвала его къ себѣ и сама предложила ему руку, чтобъ онъ повелъ ее за ужинъ... Поняла, что довольно таки странно было бы видѣть котораго нибудь изъ важныхъ старцевъ подъ руку съ цыганкой, ну, и поспѣшила всѣхъ вывести изъ затруднительнаго положенія, сама выбравъ себѣ кавалера... который отъ этой чести, или, лучше сказать, безчестья, отказаться не можетъ... Увидимъ, что скажетъ графъ Захаръ Григорьевичъ, когда ему донесутъ про то, что у насъ сего-

дня происходило. Онъ любитъ де-Сабри, какъ родного, и не разъ выражалъ неудовольствіе, что помѣстилъ его въ домъ, гдѣ хозяинъ ведетъ себя на старости лѣтъ съ такимъ непростительнымъ легкомысліемъ!.. Врядъ ли онъ оставитъ его здѣсь...

Хорошо, что она была такъ поглощена своими заботами, что ей и въ голову не приходило на меня повнимательнѣе взглянуть, она замѣтила бы, въ какое мучительное волненіе и смущеніе приводятъ меня ея слова!

Со мной творилось что-то непонятное, сердце сжималось невыразимой тоской отъ предчувствія чего-то страшнаго и таинственнаго, я съ трепетомъ ждала ужасовъ, которые должны были на меня обрушиться.

Мы не замѣчали, какъ летѣло время. Прислуга давно убрала ужинъ, до котораго никто изъ насъ не дотрогивался. Рома заснулъ, положивъ голову на сложенныя на столѣ руки, а Люси продолжала разсказывать ужасы про Матаваеву. Наконецъ, явилась мадамъ. Провожая своихъ гостей и проходя по коридору, она замѣтила свѣтъ въ бабушкиной спальнѣ. Это ее очень удивило, она была увѣрена, что мы давно спимъ.

— И вы еще здѣсь, мамзель Люси? А что тутъ дѣлаетъ этотъ молодой человѣкъ? Почиваетъ? Но почему же онъ не на верху съ братомъ? Не ожидала я найти здѣсь такое большое общество въ третьемъ часу утра!.. Впрочемъ сегодня день сюрпризовъ... которые продолжаются и ночью, ха, ха, ха, ха!—продолжала она, обращаясь то ко мнѣ, то къ Люси.—Празднество, кажется, еще не кончилось... Проходя по коридору, я слышала голосъ мадамъ Матаваевой въ кабинетѣ, поетъ что-то дикое... Я даже вздрогнула, такъ это выходило пронзительно,—прибавила она зѣвая.—Всю ночь, безъ сомнѣнія, будетъ оргія!.. Какъ это прилично для семидесяти-лѣтняго старика! Не долго протянетъ онъ avec un tel règime! А вы какъ доберетесь домой, мамзель Люси? Приказали заложить карету?

Бѣдная Люси растерялась.

— Я не думала, что такъ поздно... заболталась съ княжной... Князь Борисъ обѣщалъ меня завезти домой, ему мимо ѣхать...

— Князь Борисъ ужъ давно уѣхалъ,—подхватила со смѣхомъ мадамъ.

— Уѣхалъ?—вскричала, срываясь съ мѣста, Люси.—Такъ она значитъ...

— Она здѣсь ночуетъ. Не въ первый разъ...

И опять этотъ смѣхъ, отъ котораго мнѣ было, Богъ знаетъ почему, такъ неловко и стыдно, что хотѣлось провалиться сквозь землю.

— Ночуйте и вы здѣсь,—продолжала мадамъ, посматривая съ лукавой усмѣшкой на Люси, которая стояла среди комнаты такая растерянная, что на нее было жалко смотрѣть.—Вамъ, конечно, не

будетъ такъ хорошо, какъ дома, но это все же лучше, чѣмъ безпокоить въ такой поздній часъ людей и нарываться на ихъ дерзости и проклятія. Прислуга въ этомъ домѣ такъ распущена!

— Вы, пожалуй, правы,—согласилась Люси.

— Надо разбудить Степаниду...

— Не надо ее будить, я вамъ сейчасъ все приготовлю,—объявила я, подбѣгая къ комоду съ бѣльемъ и вынимая простыни и наволочки.

— Да, вамъ лучше не выходить изъ комнаты, мало ли какія могутъ быть встрѣчи! La maison n'et pas sûre... Да вотъ сейчасъ, напримѣръ, въ маленькой гостиной я столкнулась носомъ къ носу... съ кѣмъ бы вы думали? Съ де-Сабри! Я приняла его за привидѣніе и чуть не вскрикнула отъ испуга. Было отъ чего испугаться: третій часъ ночи, воспитанники его давно спятъ, а онъ изволитъ наслаждаться пѣніемъ мадамъ Матаваевой!.. Отъ него я узнала подробности сегодняшняго празднества... По его словамъ, князь Борисъ плясалъ по-цыгански съ такимъ entrain, что всѣхъ привелъ въ восторгъ. Неужели это правда, что пляска эта опьяняетъ, какъ опіумъ? Онъ съ нѣкоторыхъ поръ какой-то странный, мсьё де Сабри, ему наяву можетъ пригрезиться то, чего другой и во снѣ не увидитъ... Сабри увѣряетъ, что представленіе это намѣреваются въ скоромъ времени повторить, и вы увидите, что все это кончится свадьбой...

Ей не возражали и, соскучившись говорить одна, мадамъ, пожелавъ намъ покойной ночи, разбудила Рому и увела его изъ комнаты.

Мы улеглись, но заснуть я не могла и, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, прерываемаго всхлипываніями и вздохами Люси, я не вытерпѣла, соскочила съ постели, перебѣжала босикомъ комнату и легла рядомъ съ нею. Она меня обняла холодными, дрожащими руками и прижалась мокрымъ отъ слезъ лицомъ къ моей щекѣ.

— На чью свадьбу намекала мадамъ?—спросила я, когда она немного успокоилась.

Она вздрогнула.

— Не спрашивайте лучше! Позоръ этотъ и безъ того слишкомъ скоро узнается...

Голосъ ея порвался въ рыданіяхъ. Мнѣ было и жаль ее, и жутко, но любопытство взяло верхъ надъ всѣми прочими чувствами, и я стала ее умолять сказать мнѣ всю правду, все, что она знаетъ.

Она была въ такомъ волненіи, что долго упрашивать не пришлось, и таинственнымъ шопотомъ объявила, что Матаваева ни передъ чѣмъ не остановится, чтобъ добиться цѣли.

— Я это предчувствовала... Она на все способна, даже убить человѣка, если онъ станетъ ей поперекъ дороги,—повторяла она прерывающимся отъ волненія голосомъ.—Тамъ, откуда она сюда

явилась, всѣмъ это извѣстно... Когда мужъ ея умеръ, всѣ въ одинъ голосъ сказали, что это она отправила его на тотъ свѣтъ... У нея это въ крови... не даромъ отецъ ея на каторгѣ за убійство... Матаваевъ нашелъ ее въ воровскомъ притонѣ... Ради Бога, не передавайте этого никому! — вскричала она, испугавшись невольнаго признанія, сорвавшагося съ ея губъ.

Я поклялась памятью матери, что про разговоръ нашъ никто не узнаетъ, и она продолжала:

— Много лѣтъ тому назадъ, на усадьбу помѣщика Матаваева напали разбойники, но имъ не удалось бѣжать съ награбленнымъ добромъ, дворовые ихъ всѣхъ поревязали и доставили въ городъ. Атаманомъ ихъ оказался знаменитый Алешка, наводившій уже много лѣтъ страхъ на всю окрестность. Нѣсколько дней спустя, крестьяне привели на барскій дворъ дѣвочку, найденную въ пещерѣ въ лѣсу. Всѣ были убѣждены, что она дочь атамана, но она это отрицала и разсказывала цѣлую исторію про родителей, у которыхъ ее будто бы похитили... Ужъ и тогда врать была мастерица. Впослѣдствіи оказалось, что такихъ господъ, на которыхъ она указывала, какъ на своихъ родителей, совсѣмъ и нѣтъ во всей Россіи. Но это не помѣшало дураку Матаваеву прельститься ея красотой, оставить ее у себя и запретить людямъ разсказывать, гдѣ ее нашли. И такъ она ему влѣзла въ душу, эта разбойничья дѣвчонка, что онъ переѣхалъ въ другое имѣніе, чтобъ ничто ей не напоминало про прежнюю жизнь. И кончилось свадьбой. Всегда кончается такъ, какъ она хочетъ. Еслибъ вы знали вашего дѣда такимъ, какимъ я его знала, вы поняли бы мое отчаяніе... Это былъ рыцарь въ полномъ смыслѣ этого слова, сильный духомъ и гордый, никакимъ соблазнамъ онъ не поддавался и оставался вѣренъ своимъ правиламъ до фанатизма. Всѣ его такимъ знали до появленія этой негодяйки въ Москвѣ. Какъ онъ честилъ ее, прежде чѣмъ увидать ее! Покойному Матаваеву, котораго онъ хорошо зналъ, они служили въ одномъ полку, онъ простить не могъ бракъ съ дочерью разбойника, а теперь самъ... Когда она просила у него позволенія привезти ему коллекцію гравюръ, которую, будто бы, ея покойный мужъ приказалъ ей ему передать, онъ отвѣчалъ, что принять ее не можетъ. Но это ее не остановило, конечно, и не прошло недѣли, какъ она ужъ пѣла въ его домѣ, акомпанируя себя на арфѣ... Вотъ она какая пройда! Все это происходило на моихъ глазахъ. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ домъ сдѣлался неузнаваемъ, а князь, мой благодѣтель, котораго я обожала, какъ родного отца, такъ измѣнился, что знавшіе его раньше не могутъ прійти въ себя отъ изумленія и негодованія. На все сталъ онъ смотрѣть ея глазами... Во мнѣ она съ первой минуты почуяла врага и, мало-помалу, совсѣмъ вытѣснила меня изъ его сердца. Вотъ скоро годъ, какъ онъ со мною не говоритъ,

притворяется, что не узнаетъ меня, когда мы нечаянно встрѣчаемся въ его же домѣ, и спѣшитъ удалиться, чтобъ не слышать моихъ объясненій и упрековъ... Что именно нашла она нужнымъ наговорить про меня, я даже и представить себѣ не могу, но, должно быть, какую нибудь ужасную ложь, потому что онъ н въ силахъ скрыть своего отвращенія ко мнѣ...

— Но чего же вы за него боитесь?—спросила я.

— Всего,—отвѣчала она.

— Неужели вы думаете, что она и его убьетъ, какъ мужа?

— Она его не убьетъ, она сдѣлаетъ хуже: она заставитъ его на себѣ жениться, и тогда вы погибли, бѣдняжки! Она всѣмъ завладѣетъ... Отцу вашему ничего больше не останется, какъ снова поступить въ полкъ и уѣхать умирать на край свѣта, куда нибудь въ Турцію или въ Персію, гдѣ всегда война, а васъ разсуютъ куда ни попало, чтобъ вы не напоминали вашимъ присутствіемъ дѣду, чѣмъ онъ былъ раньше, и чѣмъ сдѣлался, благодаря этой вѣдьмѣ...

— И вы думаете, это скоро случится?

— Дай Богъ, чтобъ этого никогда не случилось! Это было бы слишкомъ ужасно!—вскричала Люси.

И точно угадывая мучительную мысль, закружившуюся въ моей головѣ, она прибавила:—Всѣхъ она отсюда разгонитъ, ни съ кѣмъ не поцеремонится. И начнетъ съ меня и съ де-Сабри. А васъ выдастъ замужъ за котораго нибудь изъ друзей князя. Старики падки до такихъ молоденькихъ и наивныхъ дѣвушекъ, какъ вы, имъ и приданаго не надо... Хорошо еще, если выборъ падетъ на добраго человѣка, а не на такого, какъ Лабининъ, который уже двухъ женъ уморилъ...

Я слушала ее какъ въ чаду отъ испуга. Передо мною точно бездна разверзалась, со дна которой ко мнѣ протягивались морщинистыя руки страшныхъ стариковъ въ бѣлыхъ парикахъ и съ размалеванными лицами, на которыхъ мнѣ было такъ смѣшно смотрѣть съ хоръ. Теперь мнѣ было не до смѣха, спасенія ждать было не откуда.

Въ ту роковую ночь я внезапно созрѣла изъ ребенка въ женщину и вмѣстѣ съ сознаніемъ безпомощности передъ надвигавшейся бѣдой поняла также и то, что Шарль мнѣ дороже жизни. Мысль о разлукѣ съ нимъ разрывала мнѣ сердце. Но подруга моя этого не замѣчала, и приписывая, можетъ быть, молчаніе мое недовѣрію, она безжалостно возвращалась къ тому, что я буду въ несравненно въ худшемъ положеніи, чѣмъ братья, если дѣдушка женится на Матаваевой.

— Мужчина всегда сумѣетъ пробиться въ свѣтѣ, а съ беззащитной дѣвушкой все можно сдѣлать, и замужъ ее выдать за урода, и въ монастырь заключить...

И вдругъ она оборвала свою рѣчь на полусловѣ и, приложивъ палецъ къ губамъ, стала прислушиваться. Я тоже насторожилась, и до насъ все явственнѣе и явственнѣе сталъ доходить странный шумъ, торопливые шаги и сдержанный говоръ. Все это среди ночи звучало такъ жутко, что сердце забилось недобрымъ предчувствіемъ.

Люси сорвалась съ постели, накинула на плечи мой пудермантель и, дрожащимъ шопотомъ приказавъ мнѣ не выходить изъ комнаты, сама прошла въ коридоръ.

Я подошла къ двери и стала прислушиватьея. При слабомъ свѣтѣ лампады, горѣвшей передъ образами въ моей комнатѣ, можно было различать ея фигуру, остановившуюся у входа изъ коридора въ залу. Странный шумъ не смолкалъ; слышался стукъ растворяемыхъ дверей, шаги и голоса то отдалялись, то приближались. Вдругъ Люси подалась назадъ, черныя тѣни, окружавшія ее, разсѣялись, и показался человѣкъ съ зажженной свѣчей въ рукѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, пробѣжалъ бы мимо не останавливаясь, еслибъ она не остановила его:

— Иванъ Дмитріевичъ! Что случилось! Куда вы бѣжите?

Онъ остановился. Лицо его было блѣдно, видъ растерянный, и свѣча въ серебряномъ подсвѣчникѣ дрожала въ его рукѣ. Что отвѣтилъ онъ на предложенный ему вопросъ, я разслышать не могла, но по движенію его побѣлѣвшихъ губъ и по разстройству, которымъ дышала вся его фигура въ кафтанѣ, накинутомъ на бѣлье, безъ парика, съ взъерошенными вихрами сѣдыхъ волосъ, которые при колеблющемся блескѣ свѣчи, точно отъ ужаса вздымались на его головѣ, можно было догадаться, что онъ передаетъ ей нѣчно страшное.

— Да кто же это слышалъ? Почему вы не взломали дверь, если она заперла ее изнутри? А за княземъ Борисомъ послали? — продолжала закидывать его вопросами Люси, не дожидаясь отвѣтовъ.

Онъ махнулъ рукой и побѣжалъ дальше. Шаги его еще съ минуту раздавались по гулкимъ, съ высокими потолками, покоямъ, и стихли, а Люси, переждавъ немного въ нерѣшительности, вышла въ залу и скрылась у меня изъ глазъ въ темнотѣ.

Я не трогалась съ мѣста. Мнѣ казалось, что здѣсь я скорѣе узнаю, что случилось. Скоро стали пробѣгать мимо коридора Авдотья Ивановна, горничныя, лакеи, казачки. Всѣ бѣжали не останавливаясь, все по одному и тому же направленію. Всѣ туда бѣжали, но никто оттуда не возвращался. Тамъ, за залой начиналась дѣдушкина половина, его кабинетъ, спальня, уборная. Во всѣхъ этихъ комнатахъ мы такъ рѣдко бывали и на такое короткое время, что не помнили ни расположенія ихъ, ни убранства.

А между тѣмъ начинало свѣтать. По двору раздался грохотъ экипажа, подъѣзжавшаго къ крыльцу, и стукъ растворяемыхъ дверей; мимо коридора торопливо прошелъ старичокъ нѣмецъ, дѣдуш-

кинъ докторъ, поспѣшно промелькнула статная фигура папеньки, а затѣмъ, въ продолженіе многихъ минутъ, туманная мгла, проникавшая въ залу сквозь высокія окна, освѣщала одни золоченые стулья вдоль стѣнъ да отражавшійся въ большихъ зеркалахъ росписной потолокъ. Но вдругъ сердце у меня забилось отъ поспѣшныхъ шаговъ изъ дѣдушкиной половины. Я узнала эти шаги: передъ входомъ въ коридоръ показался Шарль.

Неужели и онъ тоже пробѣжитъ мимо меня, не останавливаясь?

Не успѣлъ вопросъ этотъ мелькнуть въ моей головѣ, какъ на него получился отвѣтъ: онъ остановился и сталъ внимательно вглядываться въ темноту, отыскивая меня въ ней. Я рванулась къ нему на встрѣчу. И какъ это случилось, не знаю, но въ эту роковую ночь мы въ первый разъ въ жизни встрѣтились, не какъ друзья, а какъ влюбленные.

— Лиза, дорогая моя! Какое неожиданное несчастіе!—проговорилъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ, схватывая мои руки и прижимаясь къ нимъ губами.—Вы лишились вашего покровителя въ такое время, когда онъ былъ вамъ такъ нуженъ! такъ нуженъ!.. Но ради самого Бога не думайте, что вы однѣ на свѣтѣ! Умоляю васъ, не думайте этого! Не при такихъ обстоятельствахъ мечталъ я открыть вамъ мое сердце! Я въ отчаяніи, что, кромѣ любви, ничего не могу вамъ предложить въ настоящую минуту... Я бѣдный изгнанникъ, у меня даже родины нѣтъ, но еслибъ вы знали, какъ я васъ люблю! О, вѣрьте, вѣрьте мнѣ! Господь надъ нами сжалится, и ради моихъ страданій, ради мученической смерти моихъ родителей, Онъ благословитъ нашу любовь!.. Милая моя! объ одномъ прошу—вѣрь въ меня и ничѣмъ не смущайся!

Я слушала его, какъ очарованная. Зачѣмъ проситъ онъ меня не бояться? Могу ли я что либо чувствовать, кромѣ любви и счастія сознавать, что я любима? Гдѣ-то тамъ, далеко, что-то такое происходитъ, что-то страшное, но до насъ не касающееся...

— Что тамъ случилось?—спросила я потому только, что онъ придавалъ этому значеніе.

Онъ оторвалъ лицо отъ моихъ рукъ, откинулъ назадъ голову и нѣсколько мгновеній молча на меня смотрѣлъ.

— Такъ вы не знаете?—спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Ничего не знаю. Мы съ Люси услыхали шумъ, она вышла, чтобъ посмотрѣть, и до сихъ поръ не вернулась.

— Дорогая, соберитесь съ силами, дѣдушка вашъ скончался,—прошепталъ онъ.

Я была такъ далека отъ этой мысли, и мое воображеніе, возбужденное разсказами Люси, было такъ поражено ожиданіемъ бѣды совершенно иного рода, что отказывалось вникнуть въ истину.

Онъ это понялъ по недоумѣнію, съ которымъ я продолжала на него смотрѣть.

— Вы не вѣрите? Увы! и я въ первую минуту не повѣрилъ, но пришлось убѣдиться... Докторъ былъ, смерть отъ удара констатирована. Вашъ отецъ здѣсь. Я отвелъ къ нему вашихъ братьевъ и, не видя васъ тамъ со всѣми, не могъ не прибѣжать, чтобъ узнать, что съ вами... Сердце мнѣ подсказывало, что вы однѣ, что душа ваша въ смятеніи, и что мое мѣсто у вашихъ ногъ...

Онъ опустился на колѣни, завладѣлъ моими руками и сталъ страстно ихъ цѣловать. Я къ нему пригнулась, и онъ меня обнялъ.

Кто изъ насъ опомнился первымъ и сообразилъ, что время и мѣсто для сердечныхъ изліяній выбрано нами не вполнѣ удобное, этого сказать не могу, помню себя, какъ въ чаду отъ самыхъ разнообразныхъ мыслей и ощущеній, отъ любовнаго упоенія, отъ страха за будущее, отъ жалости къ Люси, къ старымъ слугамъ, къ папенькѣ, искренно оплакивавшимъ дѣдушку, мы же съ братьями слишкомъ мало его знали, чтобъ любить его и жалѣть, что его больше съ нами не будетъ.

VI.

Намъ заказали трауръ, и мы присутствовали при пышныхъ похоронахъ, на которыя съѣхалась вся московская знать. Пріѣхалъ на выносъ и графъ Захаръ Григорьевичъ.

Какъ и при первомъ своемъ посѣщеніи нашего дома, два года тому назадъ, онъ вошелъ въ залу, гдѣ стояло тѣло дѣдушки, опираясь на руку Шарля, который не отходилъ отъ него во время службы при выносѣ, а также и на кладбищѣ, а затѣмъ проводилъ его домой и вернулся въ его каретѣ.

Въ тотъ же вечеръ Шарль объявилъ, что графъ обѣщалъ пріѣхать къ намъ на будущей недѣлѣ исключительно для того, чтобъ переговорить съ нашимъ отцемъ о нашей будущности.

При этомъ онъ какъ-то особенно пристально посмотрѣлъ на Сережу, который покраснѣлъ и отвернулся.

Лицо моего друга омрачилось, и, помолчавъ немного, онъ сказалъ Сережѣ, чтобъ онъ обдумалъ хорошенько свой отвѣтъ на вопросъ, который графъ ему предложитъ.

— Понимаете, что я хочу этимъ сказать?—прибавилъ онъ, не спуская съ него выразительнаго взгляда.

— Я рѣшенія своего не измѣню,—съ усиліемъ вымолвилъ Сережа.

Шарль хотѣлъ ему возражать, но, взглянувъ на меня, только вздохнулъ, а когда, оставшись наединѣ, я попросила его объяснить мнѣ, что это значитъ, онъ, печально покачавъ головой, замѣтилъ, что я и безъ того слишкомъ скоро это узнаю, и заговорилъ про свою любовь ко мнѣ. Онъ зналъ, что это заставитъ меня позабыть обо всемъ на свѣтѣ.

Прошло послѣ похоронъ съ недѣлю. Въ ожиданіи перемѣнъ, всѣми ожидаемыхъ съ тоскливой тревогой, все шло въ домѣ попрежнему. Никто еще не зналъ, которому изъ сыновей дѣдушка завѣщалъ домъ, въ которомъ мы жили. Завѣщаніе должно было лежать невскрытымъ въ бюро до шести недѣль, но дяденька Левъ Романовичъ такъ часто говаривалъ, что, кромѣ Радостнаго, которымъ онъ и при жизни отца владѣлъ, ему ничего не надо, и дружба между братьями такъ хорошо была всѣмъ извѣстна, что всѣ смотрѣли на папеньку, какъ на единственнаго наслѣдника всего состоянія, оставшагося послѣ дѣда. Поговаривали о томъ, что, можетъ быть, Матаваевой кое-что оставлено изъ движимости, а также изъ капитала, но чтобъ ей изъ родового имущества досталось что нибудь, этого не допускали даже и тѣ, которымъ лучше другихъ была извѣстна слабость покойника къ обольстительной вдовушкѣ.

На девятый день, когда мы вернулись изъ монастыря, гдѣ въ семейномъ склепѣ поставили дѣдушкинъ гробъ рядомъ съ маменькинымъ, мы узнали, что къ намъ пожаловалъ графъ Захаръ Григорьевичъ, и мы его застали въ гостиной, на диванѣ, разговаривающимъ съ папенькой, который стоялъ передъ нимъ въ почтительной позѣ, поникнувъ головой, и съ видимымъ смущеніемъ слушалъ то, что ему говорилъ гость.

У окна, въ отдаленіи, сидѣлъ дядя, въ такой глубокой задумчивости, что не шелохнулся при нашемъ появленіи.

Пропустивъ насъ впередъ, Шарль остановился возлѣ дяди, а мы подошли къ графу. Братья сдѣлали ему низкій поклонъ, я присѣла по всѣмъ правиламъ этикета, и мы стали ждать, чтобъ онъ съ нами заговорилъ.

Окончивъ, не торопясь, рѣчь, обращенную къ папенькѣ, какъ сейчасъ помню, о необходимости достроить церковь, заложенную дѣдомъ въ одномъ изъ его имѣній въ Малороссіи, графъ спросилъ у Сережи: къ какой карьерѣ онъ желаетъ готовиться?

При этомъ онъ ему напомнилъ, что онъ имѣетъ честь носить старинное и славное имя, которое обязанъ сохранить незапятнаннымъ для своихъ потомковъ.

— Какъ дѣдъ вашъ. Никто не можетъ его упрекнуть, чтобъ онъ когда нибудь забылъ свой долгъ передъ царемъ и отечествомъ. Его предкамъ, еслибъ они встали изъ гроба, не пришлось бы за него краснѣть,—прибавилъ онъ торжественно.

Его красивое старческое лицо было сурово, взглядъ пронзительный и строгій, а голосъ звучалъ особенно твердо. Долго смотрѣлъ онъ на Сережу, выжидая отвѣта на предложенный ему вопросъ, но Сережа стоялъ передъ нимъ, не поднимая глазъ и не разжимая судорожно стиснутыхъ губъ.

Переждавъ немного, графъ взглянулъ вопросительно на папеньку, который, краснѣя, потупился.

– Ты, значитъ, не желаешь служить твоему государю ни въ военной, ни въ статской службѣ?—обратился графъ снова къ Сережѣ.—Но чѣмъ же ты хочешь быть? Тебѣ ужъ восемнадцать лѣтъ, и быть не можетъ, чтобъ ты никогда не задумывался надъ вопросомъ, который я тебѣ предлагаю!

Но и на это Сережа промолчалъ, и только по его блѣдности да по тяжелому дыханію, приподнимавшему его грудь, можно было судить о его волненіи. Я съ замирающимъ сердцемъ ждала, что будетъ дальше, и, чувствуя на себѣ тревожный взглядъ Шарля, позволяла себѣ смотрѣть только на меньшаго брата, который кусалъ себѣ губы, чтобъ не расплакаться. Папенька ласково положилъ ему руку на голову, и мальчикъ, схвативъ ее на лету, прижался къ ней губами.

Наскучивъ ждать, графъ обернулся къ Шарлю:—Usez donc de votre influence, m-r le précepteur,—произнесъ онъ отрывисто.

Шарль нагнулся къ Сережѣ и прошепталъ ему что-то такое на ухо. Сережа поднялъ на него умоляющій взглядъ и чуть слышно произнесъ:

— Не могу... не въ силахъ, скажите вы...

И обернувшись къ папенькѣ, онъ прибавилъ сквозь слезы: – Позвольте мнѣ уйти, папенька, мосье Шарль вамъ все скажетъ.

По знаку графа, Шарль увелъ его, а графъ вопросительно посмотрѣлъ на папеньку.

— Глупости, вѣрно, какія нибудь, въ которыхъ ему совѣстно сознаться,—отвѣчалъ этотъ послѣдній, пожимая плечами на нѣмой вопросъ, предложенный ему.

Графъ укоризненно покачалъ головой и обратился къ Ромѣ:— Ну, а ты чѣмъ хочешь быть, малышъ?—спросилъ онъ.

— Гусаромъ,—не задумываясь отвѣчалъ мальчикъ.

Лицо старика прояснилось.—Вотъ это хорошо! Похлопочемъ, чтобъ тебя скорѣе приняли въ корпусъ.

И ласково потрепавъ его по щекѣ, онъ съ улыбкой прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:—А тебѣ, красавица, желаю скорѣе найти жениха по сердцу.

Я вспыхнула до ушей и, схвативъ его руку, прижалась къ ней губами такъ горячо, что, должно быть, его это удивило и тронуло, потому что онъ ко мнѣ пригнулся и поцѣловалъ меня въ лобъ.

Выразить не могу, какъ взволновала меня эта ласка! Мнѣ кажется, что спроси онъ у меня въ эту минуту: чего я желаю, я созналась бы ему въ моей любви къ Шарлю. Но онъ ни о чемъ меня не спросилъ, а папенька приказалъ намъ удалиться.

Когда я вошла въ мою комнату, Рома, который послѣдовалъ за мною, объявилъ, что онъ знаетъ, чѣмъ хочетъ быть Сережа, и почему онъ не хочетъ въ этомъ сознаться графу.

— Чѣмъ же онъ хочетъ быть?

— Артистомъ.

— Какъ это артистомъ?

— Пѣвцомъ или скрипачемъ, чтобъ давать концерты, какъ Моцартъ, Паганини и другіе.

— Кто это внушилъ ему такую дикую мысль?

Рома замялся, но я повторила вопросъ еще настойчивѣе, и бѣдный мальчикъ, не будучи въ состояніи дольше сдерживаться и заставивъ меня побожиться, что я его не выдамъ, объяснилъ, что мысль сдѣлаться артистомъ пришла Сережѣ въ голову съ тѣхъ поръ, какъ папенька возилъ его къ цыганамъ.

— Онъ хочетъ сдѣлаться цыганомъ...

Можно себѣ представить, въ какой ужасъ привело меня это открытіе!

— Да онъ съ ума сошелъ!—вскричала я.—Даже и думать объ этомъ грѣхъ смертельный. Мы дворяне... ты слышалъ, что говорилъ сейчасъ графъ? Фамилія наша старинная, родовитая... княжеская...

— Ему и Шарль то же самое говорилъ, но онъ и слушать не хочетъ.

— Такъ и Шарль это знаетъ?

— О, да! У насъ отъ него нѣтъ секретовъ. Онъ нашъ другъ.

А тѣмъ временемъ Шарля позвали въ гостиную, и когда онъ разсказалъ о планахъ своего воспитанника, это показалось и папенькѣ и графу такъ нелѣпо, что оба засмѣялись.

— Но мнѣ было не до смѣха,—сознавался Шарль, передавая мнѣ подробности этого разговора. — При той обстановкѣ, въ которой воспитываются твои братья, даже и въ менѣе впечатлительной и восторженной душѣ могутъ развиться странности. Примѣръ передъ глазами, и надо только дивиться, какъ этого не хотятъ понять,— прибавилъ онъ печально.

Я поняла, что онъ намекаетъ на дядю Льва Романовича. Многое стала я понимать съ тѣхъ поръ, какъ духовно прозрѣла и отдавала себѣ ясный отчетъ въ чувствѣ моемъ къ Шарлю.

Послѣ отъѣзда графа, папенька позвалъ къ себѣ Сережу и настолько серіозно, насколько могъ, сталъ ему доказывать нелѣпость его намѣренія.

Сначала Сережа слушалъ его молча и съ выраженіемъ тупого упорства во взглядѣ, но мало-помалу онъ началъ подаваться и наконецъ согласился разстаться съ недостойными бреднями и готовиться къ экзамену, чтобъ поступить въ полкъ.

Обрадованный папенька повезъ его къ графу, которому Сережа повторилъ свое обѣщаніе. Все, повидимому, кончилось благополучно, и онъ сталъ усиленно заниматься науками, а музыку совсѣмъ забросилъ. Жизнь наша потекла попрежнему, съ тою только разницей, что Шарль пользовался каждой удобной минутой, чтобъ

говорить со мной о своихъ планахъ въ будущемъ, и что мы были безконечно счастливы одной только надеждой, хотя и отдаленной, на счастіе, болѣе, можетъ быть, счастливы, чѣмъ еслибъ мечты наши были уже совершившимся фактомъ.

Жизнь приняла для меня особенный, доселѣ неизвѣстный смыслъ. Это отражалось на всемъ, что я дѣлала и чувствовала. Теперь я ужъ знала, почему мнѣ доставляетъ такое наслажденіе пѣть, акомпанируя себѣ на арфѣ, теперь я знала, кому посылаю любовный привѣтъ каждымъ аккордомъ, каждой искусно выполненной руладой и трелью. Любовныя слова модныхъ въ то время романсовъ и арій такъ ясно выражали мое душевное настроеніе, что иначе, какъ съ чувствомъ, я не могла ихъ произносить. Онъ это зналъ и каждымъ своимъ взглядомъ благодарилъ меня за счастье, которымъ я его дарила.

Да, мы были очень счастливы въ старомъ домѣ, такъ еще недавно посѣщенномъ смертью, и гдѣ все говорило о смерти: завѣшанныя бѣлыми простынями зеркала и люстры, укутанная въ чехлы мебель, тихая походка и таинственный шопотъ одѣтой въ трауръ прислуги, безшумно шнырявшей по коридорамъ и вдоль стѣнъ высокихъ молчаливыхъ покоевъ, съ выраженіемъ скорбнаго недоумѣнія въ глазахъ. Мы не раздѣляли всеобщаго настроенія, полнаго зловѣщихъ предчувствій, и я такъ хорошо пѣла, голосъ мой такъ развился, въ немъ стали звучать такія глубокія и страстныя ноты, что въ одинъ прекрасный день, когда папенька, забывъ приказать о себѣ доложить, подошелъ къ двери бабушкиной спальни и услышалъ мое пѣніе, онъ какъ очарованный остановился, не трогаясь съ мѣста даже и тогда, когда я кончила и, услышавъ шорохъ за дверью, къ нему выбѣжала.

Восторженнымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на меня, и на глазахъ его сверкали слезы.

— Голубчикъ мой! Да когда же?... Когда же?...

Отъ волненія онъ не могъ договорить и крѣпко сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ. Но я знала, что онъ хотѣлъ сказать, и слова: «съ тѣхъ поръ какъ люблю его!» чуть было не сорвались съ моихъ губъ.

Хорошо, что я воздержалась отъ признанія. Въ какое страшное смятеніе оно бы его привело! Съ того дня, какъ скончался его отецъ, жизнь его наполнилась такимъ множествомъ неожиданныхъ осложненій, что онъ по нѣсколько разъ въ день становился втупикъ передъ просьбами и требованіями, предъявляемыми ему со всѣхъ сторонъ. Кредиторы подавали на него ко взысканію векселя, по которымъ много лѣтъ терпѣливо ждали уплаты, управляющіе просили инструкцій и предлагали нововведенія, графъ требовалъ, чтобъ онъ неотложно занялся устройствомъ дѣтей. И едва улаживалось одно дѣло, какъ внезапно возникало другое. Не успѣли уло-

мать Сережу бросить нелѣпыя мечты, какъ бѣдному папенькѣ чуть было не довелось узнать, что дочь его поклялась сдѣлаться женой бездомнаго, разореннаго эмигранта!

Было бы съ чего растеряться отъ такого открытія даже человѣку съ болѣе сильнымъ характеромъ, чѣмъ нашъ симпатичный, но безалаберный папенька!

Хорошо, что, все это сообразивъ, мы рѣшили съ Шарлемъ до поры до времени молчать о нашихъ чувствахъ.

— Милочка моя, тебѣ надо брать уроки у итальянцевъ! У тебя чудный голосъ, и Люси съ нимъ дѣлать больше нечего! Ты поешь несравненно лучше ея... я не смѣлъ мечтать, что изъ моей родной дѣвочки выйдетъ такая замѣчательная артистка!—говорилъ папенька, осыпая меня ласками и съ наивною гордостью осматривая меня съ ногъ до головы, точно онъ видитъ меня въ первый разъ въ жизни.

— Да изъ тебя вышла настоящая красавица! Когда это ты успѣла такъ вырости и похорошѣть? Какой цвѣтъ лица! Какіе глаза! Какая талья! Куда дѣвалась несуразная чернавка, съ мальчишечьими ухватками, которая карабкалась на мои колѣни, чтобъ безжалостно мять мое жабо? Радость моя! Не даромъ Дарья Алексѣевна увѣряетъ, что тебѣ давно пора бросить учиться и надо искать тебѣ жениха!... Да и искать не надо, стоитъ только привезти тебя на балъ въ благородное собраніе, къ Апраксинымъ или къ Бутурлинымъ, чтобъ женихи набѣжали со всѣхъ сторонъ. Жаль, что трауръ, а то я повезъ бы тебя къ графинѣ Рай-Червленной. Она такая милая и такая сама музыкантша!... Впрочемъ,—продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе одушевляясь,—мнѣ кажется, что тебя и въ трауръ можно ей представить, запросто. Къ другимъ нельзя, но она такъ добра! Ты споешь ей ту самую арію изъ Орфея, которая тебѣ сейчасъ такъ удалась, и покоришь ея сердце... А объ учителѣ мы позаботимся... Сегодня же поговорю объ этомъ съ Дарьей.

Онъ наскоро меня поцѣловалъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты, чтобъ, безъ сомнѣнія, подѣлиться новыми впечатлѣніями съ Матаваевой.

Мысль эта привела меня въ ужасъ. Ну, что если и въ самомъ дѣлѣ такъ случится, что я понравлюсь какому нибудь важному богачу прежде, чѣмъ моему возлюбленному удастся настолько устроить свою судьбу, чтобъ имѣть возможность просить моей руки? Разумѣется, я предпочту монастырь браку съ нелюбимымъ человѣкомъ...

Шарль мучился тѣмъ же и узнавъ, что папенька имѣлъ со мною продолжительный разговоръ, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ узнать, что случилось.

—Князь вышелъ отъ тебя такой взволнованный, съ такимъ сіяющимъ лицомъ и, встрѣтившись со мной, такъ крѣпко пожалъ мою руку, что я не знаю, что и думать... Еслибъ ты знала, какъ

я дрожу при одной мысли о перемѣнѣ! Мнѣ все кажется, что разлука грозитъ намъ скорѣе, чѣмъ ты думаешь... Вѣдь я отгадалъ? Да? Ты чѣмъ-то разстроена... что случилось? Говори скорѣе! Нѣтъ ничего хуже неизвѣстности! Все перенесу я изъ-за тебя, все, только не разлуку!

Я разсказала про то, что произошло, и намѣреніе папеньки, раньше времени, вывозить меня въ свѣтъ привело его въ такое отчаяніе, что мнѣ пришлось его успокоивать и утѣшать. Это удалось не вдругъ.

— Каждое новое впечатлѣніе, каждое новое знакомство, отдалитъ тебя отъ меня,—повторялъ онъ съ отчаяніемъ.—Чѣмъ могу я замѣнить тебѣ блескъ и обаяніе свѣта? У меня ничего нѣтъ. Все, что у меня отняли, я долженъ снова себѣ завоевывать путемъ терпѣнія, мужества, ловкости и такихъ ужасныхъ, оскорбительныхъ униженій, что я даже и представить себѣ не могу, хватитъ ли у меня нравственныхъ силъ все это преодолѣть и побѣдить злую судьбу, которая точно нарочно показываетъ мнѣ счастіе, чтобъ отнять его!.. Не дальше, какъ вчера, я видѣлся у графа съ однимъ пріѣзжимъ изъ Петербурга, онъ увѣряетъ, что недоразумѣнія между вашимъ царемъ и узурпаторомъ, овладѣвшимъ престоломъ нашихъ королей, разсѣиваются, и что войны не будетъ. Демонъ лжи и нахальства успѣлъ будто бы снова оплести ангела... Извѣстіе это приведетъ въ уныніе всѣхъ нашихъ и будетъ имѣть послѣдствіемъ ослабленіе нашей партіи, а ужъ и безъ того множество моихъ соотечественниковъ изъ лучшихъ фамилій поддались искушенію, покинули нашъ лагерь и проливаютъ кровь подъ его знаменемъ; теперь такихъ перебѣжчиковъ будетъ еще больше! Но я не могу этого сдѣлать, моя возлюбленная. Не могу! Даже если бъ мнѣ посулили тебя въ награду, не могу! Лучше смерть! Графъ это знаетъ и одобряетъ меня. Онъ все настаиваетъ на томъ, чтобъ я поступилъ на русскую службу, увѣряетъ, что я сдѣлаю блестящую карьеру, выставляетъ мнѣ въ примѣръ нашихъ Ришелье, Позе де-Корваль, Ланжерона и другихъ, но какое право имѣю я собою располагать, когда моя кровь нужна моей родинѣ? О, если бъ русскіе пошли противъ Бонапарта, ни минуты не колебался бы я стать въ ихъ ряды даже простымъ солдатомъ! Но случится ли это когда нибудь? Вся Европа ему покорилась, минута возмездія отдаляется все дальше и дальше, и мнѣ, по временамъ, начинаетъ казаться, что Самъ Богъ противъ насъ...

Я утѣшала его, какъ могла, повторяла ему, что во мнѣ онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не долженъ сомнѣваться, что я буду ждать терпѣливо перемѣны въ его судьбѣ, счастливая одною увѣренностью въ его любви, и онъ уходилъ отъ меня успокоенный, съ надеждой въ сердцѣ.

Между тѣмъ, про намѣреніе папеньки меня вывозить въ свѣтъ

узнала и наша мадамъ. Онъ съ нею совѣтовался насчетъ траурнаго наряда, который надо было изготовить для визита къ графинѣ Червленной. Но она отнеслась къ этому заявленію скептически и, обѣщавъ ему немедленно заняться исполненіемъ его желанія, оставшись со мной наединѣ, со смѣхомъ посовѣтовала не разсчитывать, чтобъ изъ этой новой фантазіи что нибудь вышло.

— Не пройдетъ и недѣли, какъ онъ все забудетъ и начнетъ увлекаться новой выдумкой. О, я князя Бориса хорошо знаю!

Увы, кто его не зналъ, нашего милаго, блестящаго, обаятельнаго папеньку! И надо къ этому прибавить, кто его не любилъ такимъ, какимъ создала его природа, съ его безконечной добротой и дѣтскою незлобивостью, съ его неисправимымъ легкомысліемъ! Мадамъ наша была права; не прошло и недѣли, какъ увлекшись чѣмъ-то новымъ, онъ забылъ и про голосъ мой и про желаніе свое имъ похвастаться передъ всѣмъ свѣтомъ, а я, конечно, ему про это не напоминала.

Наступилъ сороковой день послѣ смерти дѣдушки. Опять повезли насъ въ монастырь на панихиду по немъ, а по пріѣздѣ назадъ, при соблюденіи всѣхъ формальностей, въ присутствіи наслѣдниковъ, старшихъ изъ дворни и должностныхъ лицъ, открыто было и прочитано духовное завѣщаніе, хранившееся въ запечатанномъ бюро.

Изъ постороннихъ присутствовала при этой церемоніи одна только Матаваева, имѣвшая, какъ оказалось впослѣдствіи, вѣскія причины считать себя членомъ нашей семьи, и Шарль, котораго, когда онъ привелъ моихъ братьевъ и хотѣлъ удалиться, папенька попросилъ остаться. Онъ сталъ рядомъ со мной, и оба мы думали о томъ, что насъ ожидаетъ, когда положеніе нашего отца, наконецъ, опредѣлится. Улучивъ моментъ, когда никто на насъ не смотрѣлъ, онъ чуть слышно, почти однѣми губами, шепнулъ, пригибаясь ко мнѣ:

— Люблю тебя!

Дѣдушка предоставлялъ сыновьямъ раздѣлить между собою оставшееся послѣ него состояніе, какъ имъ заблагоразсудится. Затѣмъ, послѣ краткаго увѣщанія жить въ добромъ согласіи, шелъ перечень наградъ и пенсій старымъ слугамъ. Люси онъ оставлялъ небольшой домъ въ Грузинахъ и деньги, чтобъ привести его въ порядокъ и омеблировать. Ивану Дмитріевичу завѣщана была земелька съ усадьбой подъ Москвой и вольная, Авдотьѣ Ивановнѣ сумма для вклада въ монастырь, въ который она, по мнѣнію завѣщателя, должна была поступить, чтобъ не служить другимъ господамъ послѣ смерти того, которому она служила всю свою жизнь.

Остального не помню. Впрочемъ, послѣ того, какъ мы узнали, что домъ, въ которомъ мы жили, останется за нами, и что слѣдовательно жизнь наша, по крайней мѣрѣ, на извѣстное время не измѣнится, прочія подробности завѣщанія намъ были неинтересны.

Папенька переѣхалъ къ намъ и занялъ половину своего отца. Домъ оживился. Стали пріѣзжать къ нему гости, не чопорные старики, какъ при дѣдушкѣ, а молодые франты статскіе и военные. Отъ шумныхъ празднествъ, благодаря трауру, еще воздерживались, съѣзжались на обѣды, на вечера съ картами и роскошными ужинами, послѣ которыхъ гости засиживались далеко за полночь, и до насъ все чаще стали доходить слухи о страшныхъ суммахъ, выигранныхъ и проигранныхъ въ нашемъ домѣ.

Про это и въ городѣ заговорили. Въ одинъ прекрасный день Шарль вернулся отъ графа въ отчаяніи. Благодѣтель его требовалъ, чтобъ онъ какъ можно скорѣе покинулъ домъ, въ которомъ происходятъ почти каждую ночь оргіи.

— Какъ ни увѣрялъ я его, что въ оргіяхъ этихъ я не участвую, онъ стоялъ на своемъ и, наконецъ, разгнѣванный моими возраженіями, сталъ упрекать меня въ томъ, что я слабѣю, нравственно опускаюсь и все чаще и чаще забываю, что, кромѣ добраго имени, у меня ничего нѣтъ. «Не думалъ я, что мнѣ придется тебѣ про это напомнить»,—сказалъ онъ мнѣ съ горечью.

При повтореніи этихъ словъ, своего благодѣтеля, у моего друга слезы выступили на глазахъ, а я не знала, куда дѣться отъ смущенія, понимая, что всему причиной его любовь ко мнѣ. Сердце нестерпимо ныло отъ мысли, что я гублю его, и что чѣмъ скорѣе онъ меня покинетъ, тѣмъ для него будетъ лучше; но остаться одной было такъ страшно, что я не смѣла повиноваться голосу разсудка и только могла на него смотрѣть, какъ смотрятъ на дорогого покойника передъ тѣмъ, какъ проститься съ нимъ на вѣки. Опомнившись и сообразивъ, что я страдаю столько же, если не больше его, онъ кинулся цѣловать мои руки и умолялъ, чтобъ я его простила за печаль, которую онъ мнѣ причиняетъ, и дала бы ему слово терпѣливо ждать той минуты, когда ему можно будетъ сдѣлаться моимъ единственнымъ покровителемъ.

Въ экстазѣ сорвалась я съ мѣста, схватила его за руку, подвела къ кіоту съ образомъ Спасителя, предсмертнымъ благословеніемъ маменьки, и поклялась ему, что ни за кого не выйду замужъ, кромѣ его.

Онъ сталъ на колѣни и повторилъ ту же клятву.

Вотъ какъ произошло наше обрученіе. Въ первую минуту подъемъ духа, заставившій насъ связать себя торжественно другъ съ другомъ, доставилъ намъ большое нравственное удовлетвореніе. Казалось, что не найдется такого жестокаго человѣка въ мірѣ, который отважился бы заставить насъ нарушить нашу клятву. Насъ восхищала мысль, что передъ Богомъ мы уже принадлежимъ другъ другу, и разлука насъ перестала страшить.

А между тѣмъ, графъ не повторялъ больше своему протеже о необходимости немедленно бросить нашъ домъ и поступить на службу.

Политическія событія, волновавшія въ то время весь міръ, многихъ вынуждали придерживаться выжидательной системы. Прежде чѣмъ заставлять молодого эмигранта вступить въ ряды русскихъ войскъ, надо было знать, за кого ему предстоитъ драться, а обстоятельства такъ складывались, что предвидѣть это было невозможно. Каждый день слухи, одинъ противорѣчивѣе другого, смущали общество, и сообщенія самаго страннаго и невѣроятнаго свойства переносились изъ дома въ домъ досужими вѣстовщиками.

Изъ русскихъ газетъ ничего нельзя было узнать, но, не говоря ужъ объ иностранныхъ листкахъ, во множествѣ проникавшихъ въ частные дома, и о перепискѣ русскихъ образованныхъ людей съ заграничными друзьями, многое узнавалось отъ иностранцевъ. Никогда еще не было въ Москвѣ столько проходимцевъ и проходимокъ, какъ въ этотъ годъ.

Сборища у нашей мадамы съ каждымъ днемъ становились многочисленнѣе, и часто далеко за полночь засиживались у нея таинственныя личности, которыхъ Люси съ отвращеніемъ называла шпіонами и опасными авантюристами. Наша мадамъ такъ была поглощена своими новыми заботами и друзьями, что больше получаса въ день съ нами не занималась.

Про Матаваеву слухи смолкли. Что папенька съ нею видѣлся, это не подлежало сомнѣнію, но такъ какъ никакихъ послѣдствій отъ этихъ свиданій въ домѣ не ощущалось, мы все рѣже и рѣже про нее вспоминали. За невозможностью поступить въ военную службу, Шарль, чтобъ успокоить графа, котораго мучила неопредѣленность его положенія, рѣшилъ изучить нашъ языкъ съ тѣмъ, чтобъ принять русское подданство и служить при посольствѣ. Я взялась помочь ему въ этомъ, и можно себѣ представить, сколько блаженныхъ часовъ доставило намъ это занятіе. Онъ уже и раньше понималъ по-русски, а мѣсяца черезъ три занятій со мной сдѣлалъ такіе успѣхи, что можно было предвидѣть, что скоро уроки мои ему не будутъ больше нужны.

Мы съ нимъ перечитали всѣхъ тогдашнихъ классиковъ, и большаго удовольствія, какъ слушать, какъ онъ декламируетъ, съ едва замѣтнымъ акцентомъ, стихи Державина, Озерова и другихъ нашихъ поэтовъ, я не могла себѣ представить.

И онъ тоже былъ въ восторгѣ.

— Мнѣ кажется, что ты сдѣлаешься мнѣ еще ближе, когда я буду думать и молиться на одномъ языкѣ съ тобой,—говорилъ онъ.

Я была такъ счастлива, что забывала про все на свѣтѣ, и такъ дорожила каждой минутой свиданія, съ глазу на глазъ съ моимъ возлюбленнымъ, что радовалась, что никто намъ не мѣшаетъ...

Но когда я узнала, чему я была обязана этимъ счастіемъ, я ужаснулась моей слѣпотѣ и эгоизму.

Точно затменіе на меня какое-то нашло. Меня даже не удив-

ляло, что я по цѣлымъ днямъ не вижу Сережу, и я не спрашивала себя, почему онъ никогда про меня не вспомнитъ, чтобъ, какъ бывало прежде, подѣлиться со мной своими чувствами и мыслями. Давно ли все между нами было общее, и душа его была мнѣ открыта вполнѣ? Правда, что и я скрывала отъ него то, что составляло теперь единственный интересъ моей жизни, но развѣ нельзя было удивляться, что онъ ничего не замѣчаетъ и не пытается проникнуть въ нашу тайну? Разумѣется, при первомъ же его намекѣ я открыла бы ему ее, но мы почти совсѣмъ перестали видѣться. Онъ учился разнымъ мужскимъ наукамъ, которыя такъ его отвлекали отъ меня, что при встрѣчахъ намъ не о чемъ было говорить другъ съ другомъ. Все чаще обѣдалъ онъ и ужиналъ съ папенькой и съ его друзьями, и часто по вечерамъ мы слышали его голосъ въ хорахъ и въ дуэтахъ, которые устраивались на дѣдушкиной половинѣ; часто также онъ выѣзжалъ изъ дома. Папенька подарилъ ему лошадей и отдѣльную карету, и онъ пристрастился къ щегольству. Каждый день приносили ему изъ магазиновъ дорогія и красивыя вещи, батистовыя сорочки, кружевныя жабо, модныя шляпы, духи, помаду, красивыя тросточки, хлыстики, костюмы для утреннихъ визитовъ, для верховой ѣзды и для вечеровъ.

Всѣхъ это занимало въ домѣ, и я постоянно слышала отъ окружающихъ разговоры про мотовство и разсѣянную жизнь молодого князя, но я не обращала на это вниманія. Не слушала я даже Люси, когда она замѣчала, что Сережа никогда не сдѣлаетъ карьеры, если не опомнится и не остепенится. При этомъ она намекала на Матаваеву, какъ на причину зла, но мы такъ привыкли къ ея ненависти къ этой особѣ, что я не придавала значенія ея словамъ и смотрѣла на нихъ, какъ на воркотню старой дѣвы, досадующей на то, что ей не приходится принимать участіе въ удовольствіяхъ, которымъ предаются безъ нея. Впрочемъ, надо и то сказать, что и Люси много измѣнилась послѣ смерти дѣда; она какъ-то вдругъ постарѣла и опустилась, одѣвалась небрежно, забывала румяниться, была разсѣяна, по цѣлымъ часамъ сидѣла насупившись, не произнося ни слова, стала относиться безучастно и къ намъ, и ко всему дому, который такъ долго считала своимъ. Для нея со смертью хозяина душа вылетѣла изъ этого дома, и если она еще кое-чѣмъ въ немъ интересовалась, то только по привычкѣ, машинально, такъ сказать; это чувствовалось въ каждомъ ея словѣ и взглядѣ.

По одному этому можно было судить, чѣмъ былъ для нея дѣдушка, какъ она его любила и какъ много выстрадала отъ него! Но въ то время я была слишкомъ поглощена своими личными чувствами, чтобъ это замѣчать и понимать. И на нравственный переломъ, свершавшійся въ душѣ моего брата, я, можетъ быть, долго бы не обратила вниманія, еслибъ не случай.

Разъ какъ-то, проходя въ концертную изъ залы, я услышала

его шаги по коридору и остановилась, чтобъ съ нимъ поздороваться. Но когда онъ передъ мною предсталъ, я не вдругъ его узнала. Въ первую минуту мнѣ показалось, что это не Сережа, а который нибудь изъ друзей папеньки, такъ измѣнялъ его костюмъ современнаго щеголя и модная прическа. Онъ казался лѣтъ на пять старше, и меня такъ поразила его блѣдность, худоба и странная, натянутая улыбка, съ которою онъ на меня смотрѣлъ усталымъ взглядомъ окруженныхъ синевой глазъ, что я не могла удержаться, чтобъ не схватить его за руку и не спросить: что съ нимъ? Здоровъ ли онъ?

— Разумѣется, здоровъ, что за вопросъ! Пусти! Меня ждутъ,— отрывисто проговорилъ онъ, съ раздраженіемъ вырывая отъ меня свою руку.

— Куда ты торопишься?

Онъ смутился, сердито проговоривъ: «Дѣвочкамъ нельзя всего знать!» и не оглядываясь выбѣжалъ въ прихожую, гдѣ лакей его ждалъ съ плащемъ въ рукахъ.

Я въ недоумѣніи остановилась на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ меня оставилъ, и смотрѣла ему вслѣдъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, понимая только одно: пытаться вернуть его, чтобъ допрашивать, не стоитъ, онъ не вернется, а если и вернется, то не скажетъ мнѣ ни слова, чтобъ разсѣять мой страхъ и тревогу, а только еще болѣе обозлится и уйдетъ отъ меня сердцемъ еще дальше.

Куда?

Я предложила этотъ вопросъ Шарлю, какъ только увидала его, но и онъ отказался меня просвѣтить на этотъ счетъ.

— Тебѣ не надо этого знать, и Сережа хорошо сдѣлалъ, что не распространялся съ тобой насчетъ той глупой и вредной жизни, которую онъ теперь ведетъ, благодаря баловству отца. При дѣдушкѣ этого бы не было. Старикъ вида не показывалъ, что вами интересуется, онъ считалъ ниже своего достоинства выказывать чувствительность сердца, но ему было извѣстно все, что происходило въ домѣ, и при немъ Сережа не могъ бы проводить цѣлыя ночи въ обществѣ, о которомъ онъ и понятія не долженъ былъ бы имѣть. Но мы тутъ ничѣмъ не можемъ помочь, моя дорогая, и я просто съ ума схожу при мысли, что долженъ оставить тебя одну въ такомъ вертепѣ... Прости меня за это выраженіе,— продолжалъ онъ съ горечью,—но, право же, я иначе не могу...

— Ты узналъ что нибудь новое?—спросила я съ замирающимъ сердцемъ.

— Графъ опять начинаетъ настаивать, чтобъ я уѣзжалъ въ Петербургъ, и сегодня прямо мнѣ сказалъ, что я самымъ недостойнымъ образомъ теряю репутацію и время, въ обществѣ твоего отца и его друзей. Онъ даже намекнулъ мнѣ на то, что я, вѣроятно,

такъ увлекаюсь безпутной жизнью, которую веду въ вашемъ домѣ, что забываю про свое положеніе и про то, къ чему положеніе это меня обязываетъ... Ужъ этого я вынести не могъ, и такъ какъ про нашу любовь сознаться ему нельзя, то я далъ ему слово покинуть Москву, когда онъ этого требуетъ, и, за невозможностью поступить въ армію, приму въ иностранной коллегіи мѣсто, которое ему для меня обѣщали.

Возражать на это было нечего, я слишкомъ его любила, чтобъ не понимать, что дальнѣйшее пребываніе въ нашемъ домѣ, кромѣ вреда, ничего принести ему не можетъ. Оставалось только покориться и утѣшать себя мыслью, что во всякомъ случаѣ разлука наша раньше весны не наступитъ, а до того времени мало ли что можетъ случиться!

Но наконецъ наступила и весна.

Зима была въ томъ году поздняя, въ началѣ апрѣля стояли еще морозы. По цѣлымъ днямъ шелъ снѣгъ либо дождь. И вотъ, въ одинъ пасмурный день, часу въ восьмомъ вечера, отправилась я въ библіотеку за книгой, которую мнѣ хотѣлось прочесть съ Шарлемъ до его отъѣзда, назначеннаго черезъ недѣлю.

Уѣзжалъ онъ одинъ, безъ братьевъ. Сережа объявилъ, что раньше будущаго года поступать въ полкъ не желаетъ, и папенька, съ непростительной слабостью исполнявшій всѣ его капризы, согласился на это.

Я прошла черезъ большую залу съ хорами, не встрѣтивъ ни души, и освѣщенную однимъ только кенкетомъ. Въ слѣдующей комнатѣ должно было быть еще темнѣе, тѣмъ не менѣе я туда прошла и, къ величайшему моему изумленію, не нашла тамъ того мрака, который ожидала найти. Здѣсь было свѣтлѣе, чѣмъ въ залѣ, отъ свѣта, проникавшаго черезъ растворенную дверь изъ оранжереи. Меня это удивило, и прежде чѣмъ итти дальше, я остановилась на порогѣ, чтобъ убѣдиться, что въ оранжереѣ никого нѣтъ. «Но для кого же тогда зажжены тамъ лампы?»—спрашивала себя въ недоумѣніи. И вдругъ, совершенно отъ меня близко, на маленькомъ диванчикѣ между двумя статуями, бѣлѣвшими въ темнотѣ, я увидала двѣ фигуры, нѣжно прижимавшіяся другъ къ другу, и явственно разслышала звукъ поцѣлуя.

Безсознательно, сама не понимая, какъ у меня хватило на это смѣлости, подалась я впередъ и узнала Сережу. Онъ такъ страстно сжималъ въ своихъ объятіяхъ женщину, прижимавшуюся губами къ его губамъ, что еслибъ даже я подошла еще ближе, онъ не замѣтилъ бы меня, а я была такъ поражена, что не въ силахъ была двинуться съ мѣста.

Это длилось, можетъ быть, съ минуту. Наконецъ обнаженная женская рука, обвивавшая его шею, откинулась, онъ поднялъ голову, не отрывая отъ своей возлюбленной глазъ и не выпуская ея изъ своихъ объятій, и я узнала въ этой женщинѣ Матаваеву.

Открытіе это подѣйствовало на меня такимъ ошеломляющимъ образомъ, что я безсознательно пустилась бѣжать.

Безъ оглядки добѣжала я до бабушкиной спальни, гдѣ меня ждалъ Шарль съ меньшимъ моимъ братомъ. Замѣтивъ мою блѣдность и волненіе, онъ кинулся ко мнѣ на встрѣчу и, не давая мнѣ переступить порога коридора, сталъ меня разспрашивать о причинѣ моего разстройства.

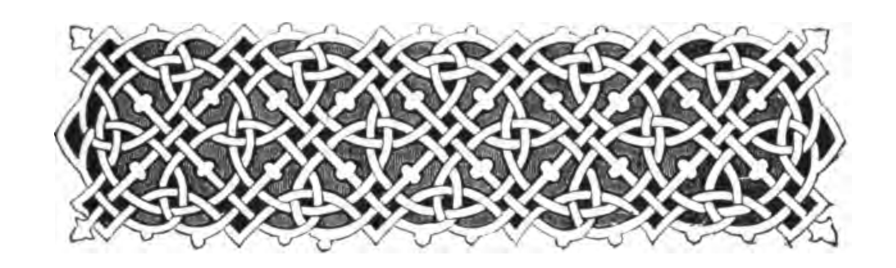
— Милая моя, я давно объ этомъ догадывался,—сказалъ онъ, когда я сообщила ему о сдѣланномъ мною открытіи,—но ничѣмъ не могъ помочь. Я утратилъ надъ нимъ всякое вліяніе съ тѣхъ поръ, какъ эта скверная женщина имъ овладѣла... Онъ избѣгаетъ оставаться со мною наединѣ и ждетъ—не дождется моего отъѣзда, чтобъ безъ помѣхи предаваться своей постыдной страсти... О, какъ мнѣ страшно, какъ мнѣ тяжело оставлять тебя здѣсь одну, безъ покровителей! Къ кому кинешься ты за совѣтомъ и лаской? О Сережѣ не безпокойся, ему ужъ здѣсь оставаться не долго, а въ другой средѣ и обстановкѣ онъ про нее забудетъ и сдѣлается другимъ человѣкомъ. Всѣ юноши его лѣтъ увлекаются женщинами, а онъ такъ красивъ, такъ талантливъ, что всюду найдетъ любовницъ моложе и красивѣе этой. Будемъ думать о тебѣ, моя дорогая... Дай мнѣ слово, что ты будешь себя беречь для меня...

Какъ всегда, когда онъ принимался меня успокоивать, ему это удалось, и онъ убѣдилъ меня никому не сообщать открытой мною нечаянно тайны, которая была много опаснѣе и отвратительнѣе чѣмъ я тогда могла себѣ представить.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА[1].

III.

Отрочество.—Новый гувернеръ.—Болѣзнь матери.—Перемѣна въ моей жизни.—Братья.—Вспыльчивость отца.—Приготовленіе къ поступленію въ университетъ.—Непоступленіе въ оный.—Экзаменъ.—Моя юность.

КОНЧИВЪ воспоминанія о моемъ дѣтствѣ, приступаю къ описанію моего отрочества и юности. Начало перваго я отношу къ 1847-му году, когда мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ, и послѣдовали нѣкоторыя перемѣны въ моей жизни.

Годъ этотъ былъ годомъ перваго испытаннаго мною горя: въ началѣ января, мой добрый другъ и гувернеръ m-r Poulain покинулъ нашъ домъ и опредѣлился на какое-то казенное мѣсто. Съ великою скорбію я распростился съ нимъ, сильно плакалъ и долго горевалъ по моемъ миломъ старикѣ. Въ замѣнъ его, ко мнѣ поступилъ молодой студентъ математическаго факультета Московскаго университета, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Чемолосовъ[2], на обязанность котораго возложено было преподаваніе мнѣ математическихъ наукъ, надзоръ за моими уроками у Сцепинскаго и сопровожденіе меня на прогулкахъ. Студентъ оказался весьма образованнымъ, скромнымъ и высоко нравственнымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ отлично преподавалъ мнѣ алгебру и геометрію, забо-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIX, стр. 41.

[2]) Впослѣдствіи былъ директоромъ Смоленской гимназіи.

тился о моей нравственности, сопровождалъ меня во всѣхъ прогулкахъ, но, увы, нисколько не обращалъ вниманія на мои другія занятія, и потому я продолжалъ у Сцепинскаго плохо учиться.

По милости Чемолосова, у меня явился новый пріятель, мальчикъ моихъ лѣтъ, князь Дмитрій Николаевичъ Крапоткинъ [1]), у котораго жилъ наставникомъ пріятель Чемолосова, студентъ Колпаковъ, а такъ какъ оба студента часто видались, то, черезъ нихъ познакомившись съ Крапоткинымъ, я скоро подружился съ нимъ и, вплоть до его трагической кончины, оставался въ тѣсной съ нимъ дружбѣ.

Въ началѣ марта меня ожидало новое, но уже гораздо сильнѣйшее горе: матушка, прохаживаясь со мною по гостиной, поскользнулась, упала и вывихнула ногу въ бедрѣ съ растяженіемъ мѣстныхъ жилъ. Страданія ея были жестоки и, невзирая на немедленную помощь, оказанную ей лучшими костоправами и врачами, положеніе ея въ первые дни было самое критическое. Благодаря Бога, недѣль черезъ шесть состояніе ея улучшилось, но боли въ ногѣ остались навсегда, и она до конца жизни не покидала кровати, вставая лишь разъ въ день, чтобы посидѣть часъ или два въ креслѣ.

Тяжело было смотрѣть на бѣдную страдалицу, и безъ того уже проведшую столько лѣтъ въ болѣзненномъ состояніи, а тутъ окончательно прикованную къ постели и лишенную единственнаго ея развлеченія и удовольствія —прогулокъ въ своемъ саду. Перенося страданія съ свойственнымъ ей рѣдкимъ, христіанскимъ терпѣніемъ и кротостью, матушка не любила, чтобы говорили ей о ея болѣзни и соболѣзновали ея тяжкому положенію; на подобныя рѣчи она спокойно отвѣчала, что на свѣтѣ много людей, которые несравненно болѣе ея страдаютъ.

Со дня и вслѣдствіе новаго недуга матери, произошли въ моей отроческой жизни нѣкоторыя перемѣны. Не имѣя болѣе возможности, какъ въ прежнее время, находиться постоянно съ матушкою, я сталъ большую часть свободнаго отъ занятій времени проводить въ кабинетѣ отца, занимаясь чтеніемъ книгъ изъ обширной его библіотеки. До той поры мнѣ разрѣшалось лишь чтеніе «Московскихъ Вѣдомостей» и дѣтскихъ книгъ въ родѣ «Дѣдушкиныхъ сказокъ», «Contes de Berquin» и проч., а тутъ я получилъ приказаніе читать произведенія русскихъ первоклассныхъ писателей. Первыя книги, данныя мнѣ отцомъ для прочтенія, были сочиненія Крылова, Пушкина и Гоголя, а затѣмъ уже его собственныя.

Освободившись внезапно отъ женскаго надзора, я скоро сдѣлался довольно частымъ собесѣдникомъ отца, а потомъ и неразлучнымъ спутникомъ во всѣхъ его прогулкахъ.

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, харьковскій губернаторъ, убитый нигилистомъ. Онъ былъ двоюроднымъ братомъ извѣстнаго нигилиста Крапоткина.

Въ апрѣлѣ, мой старшій братъ Дмитрій былъ помолвленъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ Батуриной[1]); она была собою не красавица, но очень миловидна, умна, образована и безконечно добра; сверхъ того, прекрасно пѣла, обладая замѣчательнымъ contralto. Послѣ свадьбы, состоявшейся въ маѣ, въ нашей приходской церкви, новобрачные поселились во флигелѣ нашего дома.

До настоящихъ строкъ, я ничего еще не говорилъ о моихъ братьяхъ. Они настолько были старѣе меня, что въ дѣтствѣ я не былъ съ ними въ близкихъ сношеніяхъ и рѣдко видалъ ихъ, хотя они жили вмѣстѣ съ родителями.

О старшемъ братѣ, къ сожалѣнію, я могу сказать мало утѣшительнаго. Будучи ума недальняго, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова «сорви голова» и отличался деспотическимъ и буйнымъ характеромъ. За него было уплочено много долговъ, и, къ несчастію, поведеніе его немало причиняло горя родителямъ. Къ чести его, однако, нужно сказать, что со дня своей свадьбы онъ значительно измѣнился и пересталъ предаваться обычнымъ своимъ кутежамъ и входить въ долги.

Второй братъ, Николай, былъ тихаго и кроткаго характера и добрѣйшаго сердца; одаренный замѣчательными способностями и талантами, онъ загубилъ ихъ, какъ и всю свою жизнь, слѣдуя съ юныхъ лѣтъ старинному русскому изреченію: «Руси есть веселіе пити». Несмотря на такой прискорбный недостатокъ его, я очень любилъ его и до конца его жизни находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Оба брата были красавцами, особенно второй, славившійся въ свою молодость не только лицомъ, но и чрезвычайно изящными манерами. Онъ былъ большимъ щеголемъ, одѣвался всегда по послѣдней модѣ и первый надѣлъ въ Москвѣ появившееся тогда сакъ-пальто. Помню, какъ батюшка, увидавъ его въ этомъ балахонѣ, пришелъ въ ужасъ и сталъ убѣждать его не носить подобный мѣшокъ, находя его крайне неприличнымъ одѣяніемъ.

Братья не были дружны между собою и въ теченіе всей жизни ни въ чемъ и никогда не сходились. Они сошлись только въ одномъ: поступивъ вмѣстѣ въ Московскій университетъ, они вмѣстѣ же съ перваго курса покинули его; старшій вслѣдствіе какой-то дерзости, сдѣланной имъ профессору богословія Терновскому, а младшій—просто потому, что не хотѣлъ учиться. Какъ отнеслись мои родители къ подобному ихъ поступку, мнѣ неизвѣстно, но думаю,

---

[1]) Мать ея Екатерина Ивановна Загряжская, въ первомъ бракѣ за гвардейскимъ офицеромъ Ѳедоромъ Герасимовичемъ Батуринымъ, была рожденная Дорохова, дочь знаменитаго генерала, стяжавшаго себѣ громкую славу защитою въ 1812-мъ году Вереи. Второй мужъ ея, Михаилъ Ѳедоровичъ Загряжскій, извѣстный въ Москвѣ карточный игрокъ, былъ нѣкогда человѣкъ состоятельный, но, въ старости, проигравъ все состояніе, оставилъ свою семью въ великой нуждѣ.

что отецъ съ свойственнымъ ему добродушіемъ и любовью къ своимъ дѣтямъ сильно вспылилъ, пожурилъ ихъ, и тѣмъ дѣло кончилось. По выходѣ изъ университета, братья служили въ разныхъ вѣдомствахъ или, вѣрнѣе сказать, только числились, ничего не дѣлали и, ровно ничего не заслуживъ, рано вышли въ отставку. Жизнь моя съ 14-ти лѣтъ по 16-ть прошла довольно однообразно, но постоянно между горемъ и радостью; горе заключалось въ томъ, что здоровье матушки постепенно ухудшалось, и ко всѣмъ ея страданіямъ прибавилась болѣзнь сердца, вызвавшая сильные нервные и истерическіе припадки, а радость — въ томъ, что родители съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ласкали и баловали меня, оставались довольны моимъ поведеніемъ и всячески старались исполнять малѣйшія мои желанія.

Въ этомъ году я не только сталъ сопровождать батюшку во всѣхъ его загородныхъ прогулкахъ верхомъ, въ кабріолетѣ и просто въ коласкѣ, но иногда ѣздилъ съ нимъ и въ гости, гдѣ, конечно, вслѣдствіе моихъ лѣтъ и тогдашней застѣнчивости, проводилъ время въ полномъ молчаніи. Онъ бралъ меня съ собою къ знакомымъ съ цѣлью исправить меня именно отъ этого недостатка и пріучить къ хорошему обществу. Впрочемъ, отъ подобныхъ визитовъ кругъ моего знакомства съ моими сверстниками не увеличился, и я, ни съ кѣмъ, кромѣ Кислинскаго и Крапоткина, не былъ друженъ, и никто изъ дѣтей не бывалъ у меня.

Одно изъ подобныхъ посѣщеній осталось мнѣ навсегда памятнымъ, какъ примѣръ неудержимой вспыльчивости отца. Онъ, какъ извѣстно, пламенно любилъ Россію и особенно Москву, и всякое слово, направленное противъ нашего отечества или первопрестольной столицы, легко вызывало съ его стороны цѣлую бурю негодованія, но то, чему мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, превзошло все мною до того видѣнное.

Въ одинъ прекрасный вечеръ мы поѣхали къ сенатору Михаилу Михайловичу Бакунину [1]) на его дачу за Бутырскою заставою. Тамъ застали нѣсколько гостей; всѣ сидѣли за чаемъ, въ прелестномъ саду, наполненномъ цвѣтами. Отецъ въ этотъ вечеръ былъ въ особенно веселомъ расположеніи духа, много шутилъ и забавлялъ присутствующихъ своими разсказами, какъ вдругъ вошла довольно молодая дама, разряженная въ пухъ и прахъ и сильно надушенная духами «пачули». Кто она была—не знаю. Поздоровавшись съ хозяевами, она тутъ же познакомилась съ батюшкою,

[1]) Въ то время семейство престарѣлаго Михаила Михайловича, бывшаго нѣкогда с.-петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, состояло изъ нѣсколькихъ дочерей, весьма зрѣлыхъ дѣвицъ, умныхъ, любезныхъ и образованныхъ. Изъ нихъ меньшая, Прасковья, писала стихи и была, въ началѣ 40-хъ годовъ, предметомъ нѣжной страсти извѣстнаго драматурга, старика князя А. А. Шаховского, жившаго и въ 1846 г. умершаго въ почтенномъ семействѣ Бакуниныхъ.

который, ненавидя запахъ пачули, сталъ, какъ я замѣтилъ, коситься на нее. Изъ разговора барыни оказалось, что она природная москвичка, была въ первый разъ за границею, т. е. на водахъ въ Карлсбадѣ, и только что вернулась домой. Дама эта стала говорить, что послѣ заграничной поѣздки она пришла къ убѣжденію въ невозможности порядочнымъ людямъ жить въ Россіи и особенно въ большой деревнѣ, называемой Москвою. Хозяинъ дома вѣжливо возражалъ своей гостьѣ, но она продолжала осыпать бранью Россію и Москву, а самихъ москвичей чуть не сравняла съ грязью. Отецъ долго крѣпился и упорно молчалъ, но вдругъ, вспыхнувъ и вскочивъ съ мѣста, вскрикнулъ: «какъ вамъ не стыдно, Михаилъ Михайловичъ, принимать такихъ дуръ?—дура, дура и больше ничего!»—затѣмъ, схвативъ меня за руку, стремглавъ побѣжалъ со мною къ своему экипажу. Дорогою, все время, онъ не могъ успокоиться. Сознаюсь, что хотя я и былъ пораженъ подобною, еще не виданною мною выходкою отца, но въ душѣ радовался, что онъ, какъ истинно русскій, отдѣлалъ эту дерзкую женщину, позволившую себѣ поворить свою родину и своихъ соотчичей.

Наступившая перемѣна въ образѣ моей жизни, сопряженная съ частыми прогулками и визитами, мало способствовала прилежному занятію уроками, которые, въ виду предстоявшаго моего поступленія, въ 1849-мъ году, въ университетъ, умножились, но безъ всякой видимой для меня пользы, не только вслѣдствіе того же устарѣлаго и бездарнаго метода преподаванія Сцепинскаго, на которомъ лежала большая часть уроковъ, но и вслѣдствіе моей собственной лѣни и отчасти, быть можетъ, полнаго безучастія отца въ моемъ образованіи. Онъ продолжалъ быть увѣреннымъ, что я превосходно учусь и отлично выдержу вступительный экзаменъ въ университетъ. По милости явившагося у меня влеченія къ математическимъ наукамъ, вызваннаго толковымъ способомъ ихъ преподаванія Чемолосовымъ, я желалъ поступить на математическій факультетъ, хотя въ то время Чемолосовъ, по причинѣ массы своихъ занятій, оставаясь моимъ гувернеромъ, пересталъ давать мнѣ уроки, поручивъ ихъ своему товарищу, студенту Ѳедору Петровичу Еленеву [1]). Новый преподаватель, молодой человѣкъ, прекрасно воспитанный, тихій, скромный и обладавшій замѣчательнымъ даромъ слова, сразу заполонилъ мое сердце и произвелъ на моихъ родителей самое лучшее впечатлѣніе. Матушка очень полюбила его за христіанское его направленіе, а «за умныя», какъ она выражалась,

---

[1]) Въ началѣ 60-хъ годовъ, онъ былъ секретаремъ генерала Ростовцова (предсѣдателя комиссіи по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости), много работалъ и писалъ по этому предмету, а позднѣе занялъ должность члена главнаго управленія по дѣламъ печати.

«краснорѣчивыя его рѣчи» прозвала его въ шутку «Ѳеодоромъ Златоустымъ».

Приближался 1849-й годъ, т. е. годъ моего предполагавшагося поступленія въ университетъ. При мысли, что я плохо приготовленъ къ экзамену, на меня нападалъ сильный страхъ, и даже бросало въ дрожь; однако не хватало духа сознаться въ моихъ плохихъ познаніяхъ, и день ото дня я откладывалъ объявленіе родителямъ такого непріятнаго для нихъ сюрприза. Вдругъ, къ моему ужасу, сюрпризъ этотъ едва не всплылъ наружу, и вотъ какимъ образомъ: однажды батюшка, поѣхалъ со мною, верхомъ, на Дѣвичье поле и, проѣзжая мимо дома своего пріятеля, извѣстнаго профессора Михаила Петровича Погодина, заѣхалъ навѣстить его. Погодинъ узнавъ, что я готовлюсь къ поступленію въ университетъ, спросилъ отца, хорошо ли я подготовленъ, и на утвердительный его отвѣтъ прибавилъ, что не худо было бы проэкзаменовать меня изъ русской исторіи... можно себѣ представить, какъ я струсилъ и сконфузился, такъ какъ именно русская исторія была для меня почти что «terra incognita». Но судьба смилостивилась надо мною!—батюшка отклонилъ этотъ импровизованный экзаменъ, ссылаясь на необходимость продолжать прогулку и обѣщая привезти меня въ другой разъ. Къ счастію, по обычной своей разсѣянности, онъ скоро о томъ позабылъ, а я, конечно, никогда болѣе не напоминалъ ему о прогулкахъ на Дѣвичье поле и еще менѣе о существованіи самого Погодина.

Наконецъ наступилъ страшный для меня годъ! Оставалось только нѣсколько мѣсяцевъ до экзамена, въ которые, безъ сомнѣнія, я не могъ наверстать все, что было потеряно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и я уже готовился покаяться въ моемъ невѣжествѣ и просить, чтобы мнѣ дали еще годъ для лучшей подготовки и, въ замѣнъ Сцепинскаго, другого учителя, полагая, что за это время я кое-какъ верну потерянное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я нѣсколько успокаивалъ себя мыслью, что даже въ случаѣ провала на вступительномъ экзаменѣ отецъ не будетъ очень сердиться и, быть можетъ, отнесется довольно равнодушно къ подобному событію, такъ какъ съ нѣкотораго времени я сталъ замѣчать, что онъ не особенно сочувствовалъ моему поступленію въ университетъ студентомъ, а желалъ, чтобы я слушалъ лекціи на правахъ вольнослушателя, подъ руководствомъ какого либо благонадежнаго студента. Желаніе это происходило, какъ мнѣ казалось, вслѣдствіе его опасенія, чтобы, надѣвъ студенческій мундиръ, я не пошелъ по стопамъ моихъ братьевъ, избравшихъ себѣ въ университетѣ въ товарищи лишь молодыхъ людей съ сильными наклонностями къ кутежамъ. Но опасеніе это было положительно неосновательно, такъ какъ я, по своему характеру, ни тогда ни послѣ не имѣлъ ни малѣйшаго поползновенія къ дурному товариществу и еще менѣе къ куте-

жамъ... вскорѣ, однако, нежданно-негаданно, само Провидѣніе пришло на мою выручку!...

Однажды, когда я находился въ комнатѣ матушки, вошелъ отецъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «ты не поступишь въ университетъ!». На мои вопросы: «отчего? и почему?» онъ отвѣтилъ: государь, желая ограничить число студентовъ, запретилъ пріемъ въ университетъ молодыхъ людей въ теченіе четырехъ лѣтъ, а такъ какъ я не желаю, чтобы ты поступилъ въ студенты двадцати лѣтъ, когда другіе уже кончаютъ курсъ, то рѣшилъ, что ждать нечего, и надобно опредѣлить тебя на службу.

Уфъ! какъ гора спала съ моихъ плечъ!... я несказанно обрадовался этому счастливому извѣстію, а еще болѣе надеждѣ, что перестану учиться, сдѣлаюсь чиновникомъ и буду выѣзжать въ свѣтъ,— все это, вмѣстѣ взятое, сулило мнѣ какое-то особое блаженство, о которомъ тогда я не смѣлъ еще и мечтать. Однако, вскорѣ блаженство это оказалось нѣсколько ограниченнымъ: отецъ объявилъ, что до поступленія на службу я долженъ выдержать особый экзаменъ въ гимназіи, дающій право не быть по послѣднему разряду, и что, по молодости лѣтъ, я не буду выѣзжать въ свѣтъ. Это былъ первый ударъ, нанесенный моимъ сладостнымъ мечтамъ о будущей, новой, блаженной жизни. Второй ударъ былъ для меня не менѣе тяжелъ: матушка изъявила желаніе, чтобы, при поступленіи на службу, я продолжалъ учиться и, по возможности, посѣщалъ лекціи такихъ профессоровъ, какъ Грановскій, Шевыревъ и Рѣдькинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родители рѣшили, что осенью я буду держать означенный экзаменъ, дававшій право на полученіе чина черезъ два года службы.

Просмотрѣвъ программу экзамена, впрочемъ, весьма легкаго, я все-таки рѣшился сказать, что боюсь срѣзаться въ трехъ предметахъ: Законѣ Божіемъ, географіи и исторіи, особенно русской; но родители, убѣжденные Сцепинскимъ въ блестящихъ моихъ успѣхахъ по всѣмъ преподаваемымъ имъ предметамъ, не повѣрили моимъ словамъ и отнесли ихъ единственно къ всегдашней моей робости и застѣнчивости и только, по усиленной моей просьбѣ, взяли для меня новаго преподавателя Закона Божія, законоучителя 2-й гимназіи, извѣстнаго въ то время составителя «Исторіи церкви», протоіерея Богданова, который, на первомъ же урокѣ, легко могъ убѣдиться въ моихъ плохихъ свѣдѣніяхъ по его предмету, когда на вопросъ его: «кто предсѣдатель священнаго синода?» я отвѣтилъ: «синодальный прокуроръ».

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ о. Богдановъ прекрасно приготовилъ меня къ экзамену по Закону Божію и очень полюбилъ меня. Онъ былъ человѣкъ умный, ученый, добрый и отличавшійся гуманнымъ отношеніемъ къ своимъ ученикамъ. Уроки его доставляли мнѣ истинное удовольствіе и, если бы мой добрый увалень

Сцепинскій слѣдовалъ другому методу преподаванія и самъ былъ бы поболѣе ученъ и поменѣе лѣнивъ, то, быть можетъ, и я сталъ бы учиться у него лучше и прилежнѣе. Остальными предметами, мало мнѣ извѣстными, я принялся самъ усердно и усидчиво заниматься, изучая всѣ надлежащіе учебники и географическія карты.

Въ концѣ сентября я держалъ экзаменъ во 2-й гимназіи и выдержалъ его хотя не блистательно, но достаточно, чтобы получить желаемый дипломъ. Изъ Закона Божія, математики, черченія [1]) и языковъ: французскаго и латинскаго, я получилъ самые высшіе балы, а въ остальныхъ предметахъ посредственные. Русскій языкъ я зналъ очень порядочно, но именно въ немъ едва не срѣзался, однако не по моей винѣ, а вслѣдствіе придирокъ экзаменатора, не имѣвшихъ ни малѣйшаго основанія и дѣлавшихся только съ цѣлью озадачить, сконфузить и сбить съ толку робкаго молодого человѣка, чего онъ и добился, такъ что подъ конецъ я совсѣмъ растерялся, упорно сталъ молчать и чуть не расплакался. Не помню фамиліи этого учителя 2-й гимназіи, но онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе своимъ злорадствомъ и злобнодовольною улыбкою при видѣ моего замѣшательства и, если бы не подоспѣлъ на мою помощь почтенный о. Богдановъ, сказавшій что-то ему на ухо, то, по всему вѣроятію, я получилъ бы самый плохой балъ.

Матушка не знала о днѣ моего экзамена, и только послѣ окончанія его отецъ объявилъ ей, что экзаменъ сданъ мною благополучно, и я могу поступить на службу, выборъ которой уже былъ рѣшенъ: я долженъ былъ опредѣлиться въ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ виду того, что общество архивныхъ чиновниковъ было хорошее и состояло большею частью изъ молодежи, принадлежавшей къ извѣстнымъ московскимъ семействамъ. Архивомъ въ то время управлялъ князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій, знакомый моего отца, и уже изъявившій согласіе на принятіе меня къ себѣ на службу. Одновременно со мною батюшка пожелалъ опредѣлить туда и брата моего Николая, который считался чиновникомъ особыхъ порученій при директорѣ петербургскихъ и московскихъ театровъ Гедеоновѣ, жилъ въ Москвѣ и ровно ничего не дѣлалъ.

Для знакомства съ братомъ и со мною, Оболенскій пригласилъ батюшку вмѣстѣ съ нами къ себѣ обѣдать. Въ назначенный день мы отправились къ нему. До обѣда сказавъ мнѣ и брату нѣсколько любезныхъ словъ, князь послѣ обѣда, изъявивъ отцу полное согласіе на принятіе меня въ архивъ, прибавилъ, что я кажусь ему весьма скромнымъ и приличнымъ юношею... Еще бы! во все время обѣда я сидѣлъ, какъ красная дѣвица, въ сильномъ смущеніи и полномъ молчаніи, отворяя ротъ лишь для пропуска подававшихся

---

[1]) При этомъ экзаменѣ, неизвѣстно для чего, требовалось черченіе.

вкусныхъ яствъ. О моемъ братѣ Оболенскій не промолвилъ ни слова, и потому ясно было, что онъ не располагалъ принять его на службу, чему братъ весьма обрадовался, не желая вовсе служить и предпочитая оставаться въ своей должности вполнѣ праздньмъ. Но причина молчаливаго отказа Оболенскаго не скрылась отъ меня; я былъ пораженъ ни съ чѣмъ несообразнымъ и потѣшнымъ обращеніемъ брата съ княземъ: покушавъ плотно и выпивъ еще плотнѣе, братъ тотчасъ послѣ обѣда подошелъ къ будущему своему начальнику и, восхваляя кулинарное искусство его повара, хлопнулъ рукою по кругленькому княжескому брюшку, сказавъ: «mon rince, vous mangez bien, j'aime ça!» Князь, видимо удивленный такою неумѣстною фамильярностью человѣка, желавшаго служить подъ его начальствомъ, строго взглянулъ на него, повернулся къ нему спиною и, обратившись къ отцу, въ то время съ кѣмъ-то разговаривавшему, далъ мнѣ вышесказанную аттестацію. Не сомнѣваюсь, что братъ выкинулъ всю эту штуку съ цѣлью не быть принятымъ въ архивъ.

IV.

Опредѣленіе на службу.—Архивъ и его чиновники.—Князь М. А. Оболенскій.— М. П. Полуденскій.—Д. С. Нечаевъ.

Весь октябрь я предавался полному «far niente», приготовляясь въ началѣ ноября поступить на службу. Въ архивѣ, какъ оказалось, былъ заведенъ его начальникомъ довольно странный порядокъ, предшествовавшій окончательному опредѣленію всякаго молодого человѣка: желающій поступить въ архивъ долженъ былъ являться туда наравнѣ съ прочими уже служащими чиновниками и заниматься поручаемымъ ему дѣломъ,—это называлось у Оболенскаго «поступить на испытаніе», и только въ случаѣ годности испытуемаго онъ окончательно опредѣлялся на службу. Срокъ такого испытанія продолжался отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, и тогда начальникъ рѣшалъ, по своему усмотрѣнію или вѣрнѣе произволу, о степени годности или негодности испытуемаго. Случалось, что молодой человѣкъ ходилъ въ архивъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ и, потомъ, безъ малѣйшей основательной на то причины, получалъ отказъ. Можно было бы подумать, что испытаніе въ способности будущаго чиновника заключалось въ чемъ либо дѣйствительно болѣе или менѣе важномъ, какъ, напримѣръ, въ умѣньи разбирать старинныя хартіи, въ знаніи прежнихъ русскихъ дипломатическихъ сношеній или иностранныхъ языковъ и проч.,—нисколько; испытаніе состояло въ томъ, что вновь поступавшихъ заставляли аккуратно, ежедневно, приходить въ архивъ въ 11 часовъ

утра и переписывать разныя исходящія бумаги, а за неимѣніемъ ихъ безмолвно сидѣть на стулѣ у своего стола до 2-хъ часовъ. Кто терпѣливо исполнялъ эти два условія, тотъ заслуживалъ названіе трудолюбиваго и прилежнаго юноши и получалъ разрѣшеніе подать форменное прошеніе о поступленіи на дѣйствительную службу; но, если будущій чиновникъ, сидя безъ занятій, вставалъ, прохаживался по комнатѣ, громко разговаривалъ или, и того хуже, читалъ книгу или газету, то за эти важные проступки получалъ аттестацію въ неспособности къ архивнымъ занятіямъ и не принимался на службу.

Когда настало время явиться въ архивъ на испытаніе, и я нѣсколько трусилъ и конфузился при мысли, что долженъ одинъ, въ первый разъ, предстать предъ ясныя очи князя Оболенскаго, слывшаго за любезнаго человѣка въ обществѣ и не совсѣмъ вѣжливаго начальника въ архивѣ, то отецъ поѣхалъ со мною, чтобы лично передать меня князю. Взобравшись по каменной весьма старинной лѣстницѣ въ бельэтажъ архива, мы прошли черезъ канцелярію въ кабинетъ Оболенскаго; чиновники при видѣ отца въ камергерскомъ вице-мундирномъ фракѣ со звѣздою вставали и кланялись; что, признаться сказать, мнѣ понравилось и пріободрило меня, такъ какъ изъ этого поклона я вывелъ заключеніе, что уваженіе, оказываемое родителю, будетъ несомнѣнно имѣть хорошія послѣдствія и для сына.

Князь принялъ насъ любезно и представилъ меня начальнику 1-го отдѣленія Наумову, приказавъ дать мнѣ занятіе. Батюшка удалился, а Наумовъ передалъ меня своему столоначальнику Короткову, который очень вѣжливо предложилъ мнѣ сѣсть за особый столъ и переписать набѣло какую-то бумагу. Бумага эта оказалась отношеніемъ столоначальника къ экзекутору о покупкѣ чернилъ, перьевъ и другихъ канцелярскихъ принадлежностей. Въ то время какъ я сѣлъ за столъ, ко мнѣ подошелъ начальникъ другого стола Андроновъ и спросилъ мою фамилію. Узнавъ ее, онъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами «господа, это сынъ писателя Загоскина; я сейчасъ узналъ въ его папенькѣ автора «Юрія Милославскаго, но никакъ не могъ вспомнить его фамиліи». Такое признаніе москвича и человѣка пожилого крайне удивило меня и дало мнѣ весьма плохое мнѣніе о литературныхъ познаніяхъ г. Андронова. Я четко переписалъ данную, мнѣ бумагу, и такъ какъ почеркъ мой былъ порядочный и ясный, то г. Козновъ остался доволенъ и отпустилъ меня домой. Ну, подумалъ я, если такъ будетъ продолжаться, то архивная служба не трудна, а только скучновата, въ чемъ, впрочемъ, я и не ошибся.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе сорока лѣтъ; архивъ получилъ новое преобразованіе и новое помѣщеніе, а потому считаю не лишнимъ нѣсколько распространиться объ этомъ присутственномъ мѣстѣ,

нѣкогда привлекавшемъ въ свои стѣны цвѣтъ московской молодежи, прозванной Пушкинымъ въ «Евгеніи Онегинѣ» «архивными юношами».

Въ 1849-мъ году, московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ помѣщался въ старинномъ домѣ бывшаго посольскаго приказа въ маленькомъ переулкѣ близъ Солянки. При архивѣ находилась комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Архивъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій: первое—хозяйственное, имѣло начальникомъ статскаго совѣтника Петра Семеновича Наумова, двухъ столоначальниковъ съ ихъ помощниками и нѣсколько канцелярскихъ чиновниковъ 1-го и 2-го разряда, журналиста и экзекутора, совмѣщавшаго и должность казначея и его помощника. Второе отдѣленіе, занимавшееся разборомъ древнихъ актовъ и дипломатическихъ бумагъ и депешъ, поступавшихъ изъ Петербурга на храненіе въ московскій архивъ, находилось подъ начальствомъ коллежскаго совѣтника Александра Захаровича Егорова и состояло изъ первыхъ, вторыхъ и третьихъ переводчиковъ. Сверхъ того, въ архивѣ были два архиваріуса, библіотекарь и правитель вышеупомянутой комиссіи съ нѣсколькими въ ней чиновниками. Въ 1-ое отдѣленіе поступали на испытаніе всѣ молодые люди, желавшіе опредѣлиться въ архивъ. Въ этомъ отдѣленіи служили преимущественно работящіе чиновники, носившіе негромкія фамиліи Кознова, Андронова, Алемона, Верре, Тимковскаго и прочія, между тѣмъ какъ во 2-мъ, болѣе великосвѣтскомъ, находились сыновья москвичей, принадлежавшихъ къ высшему обществу, тамъ были: Засѣцкій, Шиловскій, Чертковъ, баронъ Шепингъ, Ермоловъ, князья: Горчаковъ, Гагаринъ и прочіе.

Начальникъ 1-го отдѣленія Наумовъ былъ старикъ лѣтъ 70-ти, небольшого роста, съ толстымъ красносизымъ носомъ, щетинистыми, сѣдыми волосами и широкимъ ртомъ, изъ котораго выглядывало нѣсколько изувѣченныхъ клыковъ коричневаго цвѣта. Вся фигура его представляла типъ стараго подьячаго; одѣтый въ поношенный вице-мундирный фракъ съ Анною на шеѣ, висѣвшею на длинной, довольно грязной лентѣ, Наумовъ, молчаливый, угрюмый и говорившій какимъ-то особымъ, хриплымъ, бурчащимъ голосомъ, былъ, въ сущности, добрѣйшій, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, сердечно относившійся къ своимъ подчиненнымъ и храбро защищавшій ихъ передъ педантичнымъ начальникомъ архива. Всѣ чиновники и особенно молодые люди любили его и обращались съ нимъ почтительно, стараясь выказать ему полное уваженіе, въ которомъ, къ сожалѣнію, отказывалъ ему лишь одинъ князь Оболенскій, распекая часто и громко стараго человѣка за какую нибудь пустую описку или неисправность въ подаваемой къ подписи его сіятельства неважной бумагѣ. Не разъ случалось, что, когда Оболенскій, сидя въ своемъ кабинетѣ, раскричится на Петра Семе-

новича, бѣдный старикъ выбѣжитъ оттуда тяжелыми старческими шагами и, раскраснѣвшись какъ ракъ, примется сиплымъ голосомъ бормотать себѣ подъ носъ: «что разорался?—чего нужно?—самъ не знаетъ, съ жиру бѣсится!»—этими словами и кончался гнѣвъ разобиженнаго, но добрѣйшаго старца.

Два столоначальника, Козновъ и Андроновъ, происходившіе изъ купеческаго рода, были люди пожилые, вполнѣ почтенные и вѣжливо обходились съ канцелярскими чиновниками. Изъ прочихъ служащихъ въ этомъ отдѣленіи нельзя не помянуть добрымъ словомъ казначея и экзекутора Ивана Ѳеодоровича Аммона. Этотъ чиновникъ былъ замѣчательный человѣкъ, какъ по своему уму, образованію и доброму сердцу, такъ и по всегдашней готовности помочь словомъ и дѣломъ всякому вновь поступившему на службу молодому человѣку. Усердно исполняя свои обязанности, онъ гордо держалъ себя передъ своимъ начальникомъ, не позволяя ему ни малѣйшей грубости. Когда князь Оболенскій, въ 1850-мъ году, ввелъ довольно оригинальный способъ оцѣнки трудолюбія своихъ подчиненныхъ, приказавъ экзекутору записывать часъ и минуту прихода и ухода каждаго изъ нихъ, то Аммонъ, отнесясь съ великимъ негодованіемъ къ такому распоряженію, годному, по его мнѣнію, для какого либо учебнаго заведенія, а не для присутственнаго мѣста, сталъ всѣхъ записывать рано приходящими и въ положенный часъ уходящими, такъ что въ годовомъ итогѣ часовъ, проведенныхъ чиновниками на службѣ, почти всѣ оказывались на равной степени аккуратности, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которые лишь изрѣдка являлись въ архивъ. Позднѣе, Аммонъ сдѣлался извѣстенъ въ русской литературѣ своимъ прекраснымъ переводомъ записокъ Беркгольца. Этотъ даровитый и прекрасный человѣкъ скончался далеко не въ старыхъ лѣтахъ, оставивъ во всѣхъ своихъ сослуживцахъ самое отрадное о себѣ воспоминаніе.

Начальникъ II-го отдѣленія, Егоровъ, былъ человѣкъ совершенно иного рода, чѣмъ Наумовъ. Онъ былъ уже не молодъ, носилъ черный, тщательно приглаженный паричекъ, но корчилъ изъ себя молодого человѣка, и, постоянно улыбаясь и какъ-то странно закатывая глаза, много разговаривалъ необыкновенно пѣвучимъ голосомъ, избирая, притомъ, цвѣтистыя фразы. Когда онъ кланялся, то расшаркивался на манеръ танцовальнаго учителя и непремѣнно склонивъ голову на правую сторону. Несмотря на его старанія быть крайне любезнымъ, въ его манерахъ проглядывало что-то странное и напускное. Подвѣдомственные ему чиновники, изъ которыхъ многіе считали себя аристократами, не ставили его въ грошъ, несмотря на то, что онъ слылъ за честнаго и хорошаго человѣка и, сколько я могъ замѣтить, былъ очень набоженъ, не начиная никакого дѣла безъ осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ.

Объ остальныхъ чиновникахъ II-го отдѣленія говорить много не

приходится: они были люди благовоспитанные и свѣтски образованные, но, за исключеніемъ трехъ, четырехъ, рѣдко посѣщали архивъ и то болѣе для разговоровъ о томъ, что было вчера и что будетъ завтра въ московскомъ большомъ свѣтѣ. Разговоры эти происходили довольно громко, такъ какъ комната, отведенная для занятій свѣтскихъ болтуновъ, находилась очень далеко отъ кабинета Оболенскаго, и онъ рѣдко туда заглядывалъ. Изъ числа архивной молодежи особенно отличался всѣми качествами души и тѣла Николай Петровичъ Ермоловъ [1]). Онъ былъ уменъ, образованъ, добръ, любезенъ, изященъ въ манерахъ и красивъ, какъ однажды при мнѣ выразилась одна дама, «до ума помраченія». Въ то время онъ былъ однимъ изъ молодыхъ московскихъ львовъ и немало вскружилъ дамскихъ головъ, юныхъ и пожилыхъ.

Я долженъ еще упомянуть о правителѣ комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, Сергіи Сергіевичѣ Ивановѣ [2]). Это былъ милый, прекрасно воспитанный молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти, усердный и полезный труженикъ архива. Хотя онъ не принадлежалъ къ цвѣту московской молодежи, но часто посѣщалъ высшее общество и былъ всѣми любимъ и уважаемъ. Не знаю, почему онъ называлъ себя Ивано́вымъ, а не Ива́новымъ; многимъ казалось страннымъ, что Сергій Сергіевичъ пренебрегалъ своею старинною, дворянскою фамиліею и измѣнилъ въ ней удареніе, какъ будто изъ боязни быть смѣшнымъ съ многочисленными своими однофамильцами, не происходившими изъ русскаго дворянства.

Сказавъ почти все о составѣ тогдашняго архива, мнѣ остается упомянуть о странномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня въ первые дни моего испытанія его сіятельнымъ начальникомъ: я былъ удивленъ и озадаченъ торжественнымъ, важнымъ и грознымъ видомъ Оболенскаго при посѣщеніи имъ архива...

При въѣздѣ его кареты въ ворота архивнаго до̀ма, стоявшаго на дворѣ, помощникъ экзекутора Андрей Ивановичъ Верре, всегда караулившій у окна пріѣздъ своего начальника, криками и жестами возвѣщалъ о семъ событіи. Всѣ чиновники совершенно притихали, смиренно сидѣли на своихъ мѣстахъ и таинственно шопотомъ передавали другъ другу слова: «князь! князь!». При входѣ князя въ 1-ое отдѣленіе, сторожа отворяли обѣ половинки дверей; впереди шелъ курьеръ или сторожъ съ портфелемъ, а за его сіятельствомъ одинъ или два сторожа тоже съ портфелями или папками. Въ этотъ торжественный моментъ чиновники, точно по командѣ, вскакивали

---

[1]) Позднѣе, онъ женился на одной изъ милѣйшихъ московскихъ женщинъ, вдовѣ сенатора Небольсина, Аграфенѣ Петровнѣ, рожденной Демидовой. Она умерла въ молодыхъ лѣтахъ, и самого Ермолова давно уже нѣтъ въ живыхъ.

[2]) Впослѣдствіи онъ былъ орловскимъ гражданскимъ губернаторомъ и затѣмъ помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа.

съ своихъ мѣстъ, вытягивались въ струнку и отвѣшивали низкіе поклоны, а начальникъ, важно входя и семеня ножками, слегка и гордо кланялся направо и налѣво, строго оглядывая всѣхъ съ головы до ногъ, какъ бы отыскивая какого либо провинившагося чиновника, чтобы тутъ же накрыть и мгновенно распечь его. За симъ, онъ входилъ въ свой кабинетъ, къ дверямъ котораго немедленно ставился часовой въ видѣ ветхаго сторожа — инвалида. Князь никому не подавалъ руки, даже и начальникамъ отдѣленій.

Не имѣвъ до того времени ни малѣйшаго понятія о степени важности каждаго начальника въ своемъ управленіи, я никакъ не могъ понять, для чего неважный сановникъ, простой управляющій архивомъ и самъ по себѣ человѣкъ не злой, считаетъ нужнымъ изображать изъ себя передъ своими подчиненными какого-то недосягаемаго, свирѣпаго юпитера, облеченнаго въ вицъ-мундиръ министерства иностранныхъ дѣлъ. Позднѣе, привыкнувъ къ подобной ежедневно повторявшейся комедіи, я уже не обращалъ никакого вниманія на таинственно, со страхомъ произносимое моими товарищами слово: «князь! князь!».

Испытаніе моихъ способностей продолжалось недолго: недѣли черезъ двѣ я получилъ приказаніе подать прошеніе объ опредѣленіи меня на службу. Я оказался такъ скоро способнымъ, вѣроятно, потому, что Оболенскій желалъ сдѣлать пріятное батюшкѣ, а, можетъ быть, и потому, что въ теченіе двухъ недѣль я дѣйствительно прилежно переписывалъ разныя бумаги, сидѣлъ смирно и ни съ кѣмъ безъ особой нужды не разговаривалъ, а о чтеніи газетъ или книгъ и помину не было. Во все время моего испытанія князь не сказалъ мнѣ ни единаго слóва и, проходя ежедневно мимо моего стола, только бросалъ пронзительный взглядъ на лежавшія передъ мною бумаги.

19-го декабря 1840-го года, я окончательно поступилъ на службу канцелярскимъ чиновникомъ 2-го разряда (т. е. на низшій окладъ противъ 1-го, разницы другой не было) и сталъ аккуратно посѣщать архивъ, проводя въ немъ утро съ 11-ти до 2-хъ часовъ и получая жалованье около двѣнадцати рублей серебромъ въ мѣсяцъ.

Одновременно со мною опредѣлены въ архивъ: дѣйствительный студентъ Московскаго университета Михаилъ Петровичъ Полуденскій [1]) и неимѣвшій чина Дмитрій Степановичъ Нечаевъ [2]). Они

---

[1]) Впослѣдствіи, онъ служилъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при президентѣ московской дворцовой конторы и вмѣстѣ съ А. Н. Афанасьевымъ издавалъ «Библіографическія Записки», которыя въ настоящее время сдѣлались библіографическою рѣдкостью. Онъ умеръ въ 1868-мъ г. въ званіи церемоніймейстера высочайшаго двора.

[2]) Отецъ его Степанъ Дмитріевичъ, женатый на Мальцовой, былъ нѣкогда оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, а затѣмъ проживалъ въ Москвѣ въ должности сенатора.

оба были сыновья двухъ московскихъ сенаторовъ, старыхъ знакомыхъ моего отца, а потому я тотчасъ съ ними познакомился.

Полуденскій, только что окончившій университетскій курсъ, былъ старѣе меня лѣтъ на пять. Высокаго роста, чрезвычайно худой, некрасивый, съ рыжеватыми волосами, онъ походилъ болѣе на англичанина, чѣмъ на русскаго, но подъ этою какъ будто холодною наружностью у него было теплое русское сердце, преисполненное любви къ родинѣ и къ своему ближнему. Вскорѣ, послѣ нашего знакомства, мы близко сошлись, чему я немало былъ удивленъ, такъ какъ наши вкусы, характеръ и образованіе были совершенно различны: Полуденскій не любилъ общества, былъ серіозенъ и не только многосторонне образованъ, но и ученъ, — я же жаждалъ общества, веселья и не былъ вовсе образованъ. Несмотря на то, мы сдѣлались искренними друзьями и, подъ конецъ зимы, видались уже ежедневно, не только по утрамъ на службѣ, но и вечера почти всегда проводили вмѣстѣ, одинъ у другого, и если, нѣсколько лѣтъ спустя, я сдѣлался серіознѣе и принялся, хотя нѣсколько образовывать себя чтеніемъ книгъ полезныхъ и дѣльныхъ, то, конечно, обязанъ исключительно вліянію Полуденскаго, который въ началѣ нашей дружбы немало подсмѣивался надъ моимъ невѣжествомъ и надъ моими влеченіями къ пустой свѣтской жизни, а позднѣе сердился и шибко журилъ меня. Во всю свою жизнь я оставался съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и со смертью его потерялъ въ немъ лучшаго и вѣрнѣйшаго моего друга.

Что касается Нечаева, то я съ нимъ тоже коротко познакомился и нашелъ въ немъ хорошаго товарища и ангельской доброты человѣка, но, къ несчастью, сильно глухого и потому неспособнаго ни пускаться въ продолжительные разговоры, ни даже порядочно слушать своего собесѣдника, недостатокъ этотъ тѣмъ болѣе былъ прискорбенъ, что придавалъ ему видъ человѣка нѣсколько ограниченнаго, между тѣмъ какъ онъ былъ умный и образованный юноша, переносившій съ истинною христіанскою кротостью свой тяжелый недугъ. Къ нему особенно благоволилъ князь Оболенскій, вслѣдствіе близкаго его родства съ Иваномъ Сергѣевичемъ Мальцовымъ, бывшимъ въ то время уже значительнымъ лицомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ [1]).

Съ чиновниками 2-го отдѣленія я довольно долго не былъ вовсе знакомъ; они вообще относились къ намъ, вновь поступавшимъ юношамъ, съ нѣкоторою гордостью и важностью.

---

[1]) Мальцовъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи, но отличавшійся замѣчательною скупостью, прожилъ всю жизнь холостымъ и умеръ, въ 1880-мъ г., въ Ниццѣ, завѣщавъ почти все свое огромное состояніе своему родному племяннику Юрію Степановичу Нечаеву (брату моего архивнаго товарища), который присоединилъ къ своей фамиліи и фамилію «Мальцовъ».

На первыхъ порахъ моей дѣйствительной службы меня немало удивило то, что столь невинное и благородное учрежденіе, какъ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, было не чуждо маленькаго взяточничества. Однажды, около времени прекращенія нашихъ занятій, когда въ архивѣ оставалось всего три, четыре человѣка и самъ князь Оболенскій, пріѣзжавшій и уѣзжавшій, по обыкновенію, позднѣе всѣхъ, явилась прилично одѣтая дома, нѣмка, съ бросьбою перевести на русскій языкъ метрическое свидѣтельство ея сына, необходимое для поступленія его въ какое-то московское учебное заведеніе. Переводъ поручили мнѣ, но за позднимъ временемъ я попросилъ даму прійти на другой день. Нѣмка встревожилась и, чуть не со слезами, стала просить меня сдѣлать немедленно переводъ, такъ какъ начальникъ находился еще въ архивѣ и могъ тутъ же скрѣпить его своею подписью.

Конечно, я согласился, и черезъ полчаса работа была готова. Принимая изъ моихъ рукъ свои документы, дама тихонько сунула мнѣ трехрублевую бумажку. Удивленный и сконфуженный подобною подачкою, я возвратилъ ей бумажку, сказавъ внушительнымъ голосомъ: «мы здѣсь взятокъ не беремъ!» Нѣмка, отвѣтивъ поклономъ, удалилась. Не успѣлъ я еще опомниться отъ нанесеннаго, какъ мнѣ казалось, не только мнѣ лично, но и самому присутственному мѣсту, оскорбленія, какъ вдругъ подскочилъ къ самому моему носу одинъ пожилой, мелкій чиновникъ нашего отдѣленія и отчаяннымъ голосомъ проговорилъ: «молодой человѣкъ! что вы сдѣлали? развѣ это возможно? вы такимъ образомъ отучите просителей изъявлять намъ за труды свою благодарность; вамъ хорошо, вы не нуждаетесь, а мы люди бѣдные!»

Какъ громомъ, пораженный такими словами, я стоялъ и молчалъ... Мнѣ мерещилось, что я только во снѣ могъ видѣть архивнаго чиновника, способнаго не только защищать, но и брать взятки. Къ сожалѣнію, это было наяву! Впослѣдствіи я убѣдился, что этотъ мелкій чиновникъ былъ единственный въ нашемъ архивѣ, жаждавшій отъ рѣдкихъ просителей «изъявленія благодарности», такъ какъ въ продолженіе всей моей послѣдующей, пятилѣтней архивной службы, мнѣ никогда болѣе не приходилось ни видѣть ни слышать, чтобы кто либо бралъ съ просителей малѣйшую взятку.

V.

Моя домашняя жизнь. — Благово. — Первый балъ.—Свадьба брата Николая.— Первые выѣзды. — Московское общество: Столыпины. — Графъ и графиня Закревскіе. — А. И. Пашкова. — Семейство N. N. — Нератовъ. — Казначеевъ.— Маркевичъ. — С. И. и Н. С. Пашковы. — Орловы. — Денисовы.—Булгаковы.— Князь Долгоруковъ. — Римскіе - Корсаковы. — Чертковы. — Рюмины. — Князь Горчаковъ. — Тепловъ. — Щербатовы. — Сушковы. — Е. Ф. Тютчева. — Ивинскіе.

Оставлю на время мои пустѣйшія, служебныя занятія и обращусь снова къ моей домашней жизни.

Какъ я выше сказалъ, батюшка въ виду моей молодости не желалъ, чтобы я выѣзжалъ въ свѣтъ, и твердо исполнилъ свою волю, взявъ меня лишь разъ съ собою на балъ. Но желаніе матушки, чтобы, въ свободные отъ службы часы, я посѣщалъ лекціи университетскихъ профессоровъ, совсѣмъ не исполнилось, частью, потому, что Оболенскій требовалъ отъ вновь поступившихъ чиновниковъ аккуратнаго ежедневнаго хожденія на службу, а частію по причинѣ моей лѣни и непостоянства. Въ свободные ранніе часы я легко могъ бы посѣщать лекціи, что въ началѣ и дѣлалъ; желая заняться химіею, я побывалъ нѣсколько разъ на лекціяхъ профессора Геймана, но вскорѣ бросихъ ихъ... бросилъ подобно тому, какъ бросалъ въ моей юности и другія занятія, къ которымъ вдругъ припадала у меня охота, какъ, напримѣръ: рисованіе, архитектуру, игру на фортепіано, англійскій языкъ. За все хватался и все оставлялъ не только на половинѣ, но и въ самомъ началѣ. Позднѣе, я очень сожалѣлъ, что мои родители не принуждали меня продолжать предпринимаемыя мною занятія и съ излишнею добротою относились къ явному недостатку въ моемъ характерѣ терпѣнія, выдержки и энергіи.

Вопреки моему желанію сдѣлаться свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, я провелъ эту зиму, по волѣ отца, тихо спокойно и нисколько не сознавая всей нравственной пользы, какую могла принести мнѣ подобная семейная жизнь въ самомъ началѣ моей юности и при первыхъ шагахъ на новомъ, неизвѣстномъ и столь заманчивомъ для меня жизненномъ пути. Утро я проводилъ на службѣ, а вечера съ больною матушкою или въ обществѣ моего новаго друга Полуденскаго и одного пріятеля его, тоже моего новаго знакомаго. У Полуденскаго я познакомился съ бывшимъ товарищемъ его по университету, Дмитріемъ Дмитріевичемъ Благово, родственникомъ лучшей пріятельницы моей матери Любови Григорьевны Новосильцевой.

Благово [1]), милый, образованный, весьма начитанный, молодой

---

[1]) Подробности о его происхожденіи и его семействѣ находятся въ составленной и изданной имъ интересной книгѣ: «Разсказы бабушки».

человѣкъ, былъ некрасивъ собою, но пріятное и выразительное лице его мнѣ такъ понравилось, что сразу я подружился съ нимъ, и, если дружба наша день ото дня росла и крѣпла, то, вѣроятно, потому что Дмитрій Дмитріевичъ, хотя былъ старѣе и несравненно образованнѣе меня, воспитывался подобно мнѣ подъ крылышкомъ своей матери, а слѣдовательно въ этомъ отношеніи получилъ воспитаніе, довольно схожее съ моимъ. Со дня рожденія, потерявъ отца, онъ не разлучался съ своею матерью, а также и съ своею бабушкою Елизаветою Петровною Янковою, рожденною Римскою-Корсаковою. Бабушка его, добрая, но строгая старушка, воспитанная въ лучшихъ преданіяхъ русской патріархальной, аристократической семьи начала и средины прошлаго столѣтія, имѣла большое вліяніе на нравственное воспитаніе своего внука.

Новый мой знакомый, вмѣстѣ съ Полуденскимъ, были единственные молодые люди, съ которыми я видѣлся почти ежедневно, въ продолженіе всей зимы 1850-го года. Втроемъ мы проводили вечера въ веселыхъ, шутливыхъ, а часто и въ весьма серіозныхъ разговорахъ. Ни единаго дурного слова не исходило изъ устъ скромнаго Благово; его чистая, честная душа гнушалась всего безнравственнаго и порочнаго. Какъ часто мы, трое юношей, изъ которыхъ одинъ почти дитя, пытливо заглядывали въ будущее, сулившее намъ свѣтлыя, радостныя надежды, и какъ еще чаще предрѣшали мы всѣ наши будущія дѣйствія, поступки и даже мысли, подчиняя ихъ собственному я и забывая, что все въ волѣ Того, въ чьихъ рукахъ наша ничтожная, земная жизнь съ ея счастіемъ, радостями, горемъ и страданіями!... могли ли мы тогда представить себѣ, что одинъ изъ насъ «Дмитричъ», какъ мы звали Благово, изъ свѣтскаго, богатаго и изнѣженнаго молодого человѣка, любившаго общество и жизнь съ ея комфортомъ, сдѣлается вдругъ обитателемъ уединеннаго, монастырскаго скита и въ грубой монашеской рясѣ будетъ смиренно исполнять возлагаемыя на него послушанія, которыя, можетъ быть, показались бы другимъ непосильными, но ему не казались таковыми.

Благово, женившись довольно рано на любимой имъ дѣвушкѣ баронессѣ У., не долго пользовался семейнымъ счастіемъ: красавица жена его влюбилась въ одного удалаго гусарскаго офицера, бѣжала съ нимъ и навсегда покинула мужа. Неутѣшный, убитый горемъ Дмитрій Дмитріевичъ вскорѣ испыталъ новое горе: онъ лишился нѣжно любимой своей матери, и тогда поступилъ послушникомъ въ находящійся близъ Москвы Никола-Угрѣшскій монастырь и только въ 1882-мъ г., по окончаніи его бракоразводнаго дѣла, проживъ въ монастырѣ болѣе пятнадцати лѣтъ послушникомъ и рясофорнымъ монахомъ, получилъ возможность постричься. Нынѣ убѣленный сѣдинами старецъ Пименъ, имѣющій уже санъ

архимандрита, проживаетъ въ Римѣ въ должности настоятеля нашей посольской церкви... [1]).

Да, неисповѣдимы судьбы твои, Господи!

Обращаюсь къ себѣ: надѣвъ мундиръ министерства иностранныхъ дѣлъ и вообразивъ себя дипломатомъ и полноправнымъ гражданиномъ Русской земли, я сталъ приставать къ отцу, чтобы онъ дозволилъ мнѣ выѣзжать въ свѣтъ, т. е. посѣщать балы, рауты и вечера, но получилъ рѣшительный отказъ съ обѣщаніемъ свезти меня лишь на одинъ балъ московскаго военнаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, и то только для того, чтобы на опытѣ убѣдить меня въ томъ, что я слишкомъ молодъ для разыгрыванія роли московскаго франта и танцора.

Согласно этому обѣщанію, отецъ въ первый данный графомъ Закревскимъ балъ взялъ меня съ собою. Надѣвъ фракъ и въ первый разъ въ жизни высокій по тогдашней модѣ туго завязанный бѣлый галстукъ, я былъ внѣ себя отъ радости, рисуя въ моемъ воображеніи всю прелесть моего перваго дебюта. Однако же, входя на лѣстницу генералъ-губернаторскаго дома, я почувствовалъ что-то неладное: ноги мои, предназначавшіяся для танцевъ, стали какъ будто подкашиваться, и не будь со мною отца, я, конечно, обратился бы въ постыдное бѣгство и вернулся домой; но при входѣ въ залъ, видя, что батюшка такъ же спокоенъ, какъ и входя въ свой собственный домъ, я нѣсколко пріободрился. Представивъ меня графу Закревскому, не обратившему на мою личность ни малѣйшаго вниманія, отецъ подвелъ меня къ графинѣ и сказалъ: «permettez moi, comtsese, de vous presenter mon fils». Графиня воскликнула: «oh! quel enfant!» на что отецъ замѣтилъ, что я уже на службѣ. Признаюсь, слова графини, какъ обухомъ, пришибли меня; я сконфузился и за кого-то спрятался. На балѣ у меня оказались знакомыми только нѣсколько старичковъ, пріятелей отца, а изъ молодыхъ людей почти никого, такъ какъ съ бывшими тамъ моими великосвѣтскими товарищами по архиву я еще не былъ знакомъ, а отецъ, знавшій все общество, не познакомилъ меня ни съ одной дѣвицей, вслѣдствіе чего я былъ лишенъ возможности не только танцовать, но даже и разговаривать. Къ буфету, наполненному сластями, фруктами и разными напитками, и никогда еще мною не виданному, я не прикоснулся, а лишь любовался его роскошнымъ убранствомъ и изобиліемъ угощеній. Пробывъ часа два на балѣ, пока батюшка игралъ съ своими пріятелями въ карты, я все время чувствовалъ себя какъ-то неловко, и мнѣ не разъ приходило въ голову, что я какъ будто и въ самомъ дѣлѣ ребенокъ, случайно попавшій въ общество взрослыхъ

[1]) Архимандритъ Пименъ скончался въ 1897 году. Ред.

людей. Когда отецъ кончилъ свою партію, то ему не трудно было отыскать меня среди огромной толпы гостей, такъ какъ я частенько забѣгалъ въ комнату, гдѣ онъ игралъ, и былъ радъ радешенекъ, когда игра кончилась, и мы отправились домой. Дорогою, на вопросъ батюшки, весело ли мнѣ было,—я отвѣтилъ: «совсѣмъ нѣтъ, я все время проскучалъ!»—«Ну, вотъ видишь, я правъ—ты слишкомъ молодъ для баловъ».—«Можетъ быть, что и такъ», сказалъ я, «но мнѣ было скучно, потому что вы меня не представили ни одной барышнѣ, и я не могъ танцовать». «Батюшки!»—воскликнулъ отецъ:—«забылъ, совсѣмъ забылъ! сдѣлаю это въ другой разъ!» Но этотъ другой разъ оказался отложеннымъ до другого года, на что, однако, униженный и обиженный графинею Закревскою, я вовсе не сѣтовалъ и болѣе не настаивалъ на выѣздахъ въ московскій большой свѣтъ.

Въ апрѣлѣ 1850-го года, послѣдовала свадьба моего брата Николая съ дочерью камеръ-юнкера Павла Петровича Савельева, Александрою Павловною.

Савельевъ, довольно богатый старикъ, постоянно жилъ въ Москвѣ и нерѣдко давалъ балы. Онъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи и по своей матери, рожденной Гурьевой (сестрѣ извѣстнаго министра финансовъ графа Гурьева), былъ двоюроднымъ братомъ жены государственнаго канцлера графа Нессельроде и находился въ родствѣ со многими аристократическими семействами, но, несмотря на свое, повидимому, хорошее общественное положеніе, не пользовался ни любовью, ни уваженіемъ московскаго общества, отзывавшагося о немъ, какъ о какомъ-то аферистѣ и безсердечномъ, скупомъ человѣкѣ. Батюшка не былъ доволенъ этою свадьбою, породнившею его съ человѣкомъ, не пользовавшимся его расположеніемъ и даже ему незнакомымъ, хотя Александра Павловна, какъ добрая, прекрасная дѣвушка и замѣчательная музыкантша, очень понравилась моимъ родителямъ, искренно полюбившимъ ее, и, въ свою очередь, она, по выходѣ за брата, стала относиться къ нимъ не только съ любовью, но и съ нѣжностью родной дочери.

Лѣто, какъ и всѣ предыдущія лѣта, я провелъ въ ежедневныхъ прогулкахъ съ отцемъ по разнымъ окрестностямъ Москвы, но такъ какъ, ни за лѣто ни за осень, я не могу припомнить ничего интереснаго даже лично для себя, то перехожу прямо на слѣдующій 1851-й годъ, полный для меня воспоминаній. Годъ этотъ до самой его осени былъ лучшимъ, беззаботнымъ и счастливымъ годомъ моей юности и едва ли не былъ первымъ и послѣднимъ подобнымъ годомъ во все время моего послѣдующаго пребыванія въ моей родной Москвѣ. Въ эту зиму матушка чувствовала себя лучше, чѣмъ въ предыдущіе года; всѣ болѣзни ея какъ-то уменьшились, и она стала веселѣе и болѣе интересоваться всѣми жи-

тейскими вопросами, сверхъ того, я получилъ разрѣшеніе выѣзжать въ свѣтъ и, сопровождая батюшку на балы и вечера, познакомился со множествомъ лицъ, пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ пріятелей и наконецъ въ первый разъ влюбился....

Въ началѣ января я былъ приглашенъ на большой балъ къ Аѳанасію Алексѣевичу Столыпину, проживавшему въ своемъ прекрасномъ домѣ [1]) въ переулкѣ противъ Колымажнаго двора. Аѳанасій Алексѣевичъ, человѣкъ не чиновный, но богатый помѣщикъ Саратовскій губерніи, кажется, не былъ вовсе зараженъ общею тогдашнимъ, особенно петербургскимъ, Столыпинымъ [2]) гордостью и важностью своего рода, хотя родъ этотъ ничѣмъ не выдавался и никогда не отличался никакими заслугами отечеству, а былъ извѣстенъ только по своему значительному состоянію и, вслѣдствіе того, довольно знатнымъ, родственнымъ связямъ. Московскій же Столыпинъ не производилъ впечатлѣнія человѣка, какъ говорятъ французы, «sorti de la cuisse de Jupiter», а былъ просто настоящій русскій хлѣбосольный и гостепріимный баринъ, жилъ открыто, давалъ балы и веселилъ сколько могъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ. Онъ былъ человѣкъ уже пожилой, высокаго роста, весьма тучный, съ некрасивымъ лицомъ и огромнымъ носомъ, почти касавшимся подбородка. Особыя примѣты его были: на лицѣ нѣсколько бородавокъ почтеннаго размѣра и такихъ же размѣровъ умъ, доброта и радушіе. Жена его, Марія Александровна, рожденная Устинова [3]), была въ молодости очень красива и если уступала мужу въ его рѣдкомъ умѣ, то шла въ уровень съ нимъ относительно всѣхъ прекрасныхъ качествъ его сердца. У нихъ былъ одинъ сынъ, гвардейскій офицеръ, проживавшій въ Петербургѣ, и двѣ дочери, Марія и Наталія [4]), первая, весьма схожая съ матерью, считалась одною изъ первыхъ московскихъ красавицъ, а вторая, похожая на отца, унаслѣдовала и его замѣчательный умъ. Вообще въ Москвѣ всѣ любили это почтенное семейство, и немало лицъ добивалось быть приглашенными на столыпинскіе вечера, считавшіеся въ свое время средоточіемъ самаго избраннаго общества.

---

[1]) Нынѣ домъ этотъ принадлежитъ князю Дмитрію Николаевичу Долгорукову.

[2]) Одного Столыпина того времени хорошо знали въ Петербургѣ и Москвѣ; то былъ такъ называемый «Монго», лейбъ-гусарскій офицеръ и другъ поэта Лермонтова. Онъ пользовался большою извѣстностью по своей замѣчательной красотѣ и сердечнымъ успѣхамъ среди дамъ петербургскаго общества. Сестра его Марія Аркадьевна, въ первомъ бракѣ за Бекъ, а во второмъ за княземъ Павломъ Петровичемъ Вяземскимъ, была въ свое время тоже замѣчательною красавицею.

[3]) Сестра ея, Анна Александровна, была въ замужсствѣ за внучатнымъ братомъ моего отца, Васильемъ Николаевичемъ Загоскинымъ.

[4]) Первая была, позднѣе, въ замужествѣ за княземъ Владиміромъ Алексѣевичемъ Щербатовымъ, а вторая за Шереметевымъ, бывшимъ впослѣдствіи московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Вслѣдъ за этимъ баломъ я сталъ со всѣхъ сторонъ получать приглашенія на всѣ московскія увеселенія, такъ какъ батюшка объявилъ своимъ знакомымъ, что я уже взрослый молодой человѣкъ и желаю выѣзжать въ свѣтъ.

Въ эту зиму въ гостепріимной Москвѣ не проходило недѣли безъ двухъ или трехъ баловъ, не говоря уже о маленькихъ вечерахъ. Закревскіе, Пашковы, Римскіе-Корсаковы, Рюмины, Щербатовы, Орловы Денисовы и многіе другіе наперерывъ старались веселить общество первопрестольной столицы.

На первомъ планѣ были балы и вечера графа Закревскаго, но не потому они занимали первенствующее мѣсто, что отличались роскошною обстановкою или особымъ избранымъ обществомъ, а только потому, что давались первымъ лицомъ въ столицѣ, ея генералъ-губернаторомъ, или, какъ всѣ звали его, «главнокомандующимъ».

Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, бывшій нѣкогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ попавшій въ немилость у императора Николая Павловича и находившійся долгое время въ отставкѣ, былъ назначенъ начальникомъ Москвы въ 1848-мъ году, послѣ смерти тогдашняго генералъ-губернатора князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, храбраго генерала, человѣка добрѣйшаго, благороднѣйшаго, но довольно ограниченнаго [1]), Закревскій получилъ это назначеніе съ приказаніемъ подтянуть избаловавшихся москвичей, которые, по мнѣнію тогдашнихъ петербургскихъ администраторовъ, стали либеральничать, будто бы осуждать потихоньку, между собою, дѣйствія правительства, заниматься въ англійскомъ клубѣ рѣшеніемъ судебъ Россіи, или, вѣрнѣе, одной Москвы, и главное завели какое-то нехорошее общество, носившее названіе «славянофиловъ». За всѣ эти преступленія опасныхъ москвичей была прислана въ Москву гроза въ лицѣ ея новаго генералъ-губернатора. Гроза эта дѣйствительно принялась извергать громы и молніи на все и на вся, особенно на страшныхъ славянофиловъ, въ главѣ которыхъ стояли такіе благороднѣйшіе и наипреданнѣйшіе правительству люди, какъ Хомяковъ, Аксаковы, Кирѣевскіе. Закревскій, провѣдавъ, что одинъ изъ нихъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, ходитъ въ рубашкѣ съ косымъ воротомъ и носитъ русскій кафтанъ и бороду, послалъ къ нему приказаніе

[1]) Про него разсказывали въ Москвѣ множество анекдотовъ самаго наивнаго свойства и, между прочимъ, что князь, гуляя по Тверскому бульвару, встрѣтилъ студента съ папиросою во рту и, остановивъ его, приказалъ бросить папиросу, но, такъ какъ студентъ не послушался, то онъ сказалъ ему: «развѣ вы не знаете, кто я?».—«Нѣтъ, не знаю»,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—«Я—генералъ-губернаторъ!»—«Не вѣрю»,—продолжалъ студентъ.—«Не вѣрите? Ну, вотъ вамъ, ей-Богу, что я генералъ-губернаторъ!»—и при этомъ добродушный старикъ перекрестился. Студентъ бросилъ папиросу и удалился.

снять зипунъ и немедля уничтожить главный признакъ своего революціоннаго направленія—сбрить сѣдую бороду. Не знаю, повиновался ли Сергѣй Тимоѳеевичъ этому приказу, но помню, что подобное распоряженіе высшаго правительственнаго лица относительно столь безвиннаго, почтеннаго и болѣзненнаго старца, вовсе не выходившаго изъ своего дома и уже потому имѣвшаго право сидѣть въ кафтанѣ и не брить бороды, произвело въ Москвѣ не только общее негодованіе, но и неудержимый смѣхъ.

Несмотря на строгость и грозную распорядительность графа Закревскаго, онъ былъ весьма популяренъ и любимъ среднимъ и низшимъ классомъ москвичей, какъ человѣкъ умный, доброжелательный и усердно заботившійся о благосостояніи бѣдныхъ жителей Москвы, которымъ много помогала и его добрѣйшая жена, но въ высшихъ слояхъ общества графъ вслѣдствіе своего плохого образованія и грубыхъ, солдатскихъ пріемовъ мало нравился, и еще менѣе былъ любимъ, тѣмъ болѣе, что со дня своего пріѣзда въ Москву онъ не воспользовался своимъ высокимъ положеніемъ, чтобы умѣло стать на стражѣ древней столицы, какъ то подобало истинному сановнику, назначенному волею царя представителемъ города, въ которомъ тогда среди его жителей было еще немало родовитыхъ, богатыхъ дворянъ и даже нѣсколько вельможъ, не позабывшихъ утонченныя манеры Екатерининскаго вѣка.

Послѣ первоначальныхъ строгостей Закревскій немного смирился и черезъ годъ послѣ своего назначенія въ Москву сталъ менѣе ретивъ въ преслѣдованіи ея жителей. Обстоятельство это вызвало слѣдующее, не лишенное интереса стихотвореніе извѣстнаго москвича Н. Ф. Павлова:

Не молодъ ты и не безъ души,
Зачѣмъ же въ городѣ все толки и волненія?
Зачѣмъ же роль играть россійскаго паши
И объявлять Москву въ осадномъ положеніи?
Ты править нами могъ на старый ладъ,
Не тратя время въ безсмысленной работѣ.
Мы люди смирные, не строимъ баррикадъ
И всенижайше гніемъ въ своемъ болотѣ!
Какой же думаешь ты учредить законъ?
Какіе новые установить порядки?
Ужель мечтаешь ты, гордыней ослѣпленъ,
Воровъ искоренить и посягнуть на взятки?
За это не берись, простынетъ грозный пылъ,
И сокрушится власть подобно хрупкой стали.
Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ русскихъ жилъ,
Вѣдь это на груди мы матери всосали!
За то скажу тебѣ спасибо я теперь,
Что кучеръ Беринга [1]) не мчится своевольно
И не реветъ, какъ разъяренный звѣрь,
По тихимъ улицамъ Москвы первопрестольной;

[1]) Московскій оберъ-полицеймейстеръ.

Что Берингъ самъ познаетъ величія предѣлъ,
Окутанный въ шинель, уже съ отвагой дикой,
На дрожкахъ не сидитъ, какъ нѣкогда сидѣлъ,
Несомый бурею, на лодкѣ, Петръ Великій!..

Графъ Закревскій, по женѣ своей [1]), былъ человѣкъ богатый и не скупился веселить Москву. Сверхъ большихъ баловъ, на которые приглашалась масса народа, у него еще бывали малые вечера въ аппартаментахъ его супруги, графини Аграфены Θеодоровны, куда приглашались только ея родственники, близкіе знакомые и друзья обоего пола самой хозяйки. По тогдашнимъ городскимъ слухамъ, нѣкоторые изъ этихъ друзей отличались будто бы сильною развязностью и черезчуръ легкими скоромными разговорами, до которыхъ была охотница старая графиня и которыми не брезгала молодая, красивая дочь ея, графиня Лидія Арсеньевна Нессельроде[2]). Вслѣдствіе этихъ слуховъ, дамы высшаго общества тщательно избѣгали короткаго знакомства съ двумя умными, любезными, но нѣсколько игриваго характера, представительницами генералъ-губернаторскаго дома. Злые языки бѣлокаменной кружевницы шли еще далѣе: они увѣряли, что изъ числа чиновниковъ графа Закревскаго вступившихъ въ интимный кружокъ его супруги, тѣ, которые пользовались особымъ ея благоволеніемъ, попадали, по ходатайству самого графа, въ камергеры, а обратившіе на себя вниманіе дочери въ камеръ-юнкеры. Розсказни эти, по моему убѣжденію, были чистыя выдумки, такъ какъ я рѣшительно не помню, чтобы кто либо изъ генералъ-губернаторскихъ чиновниковъ былъ пожалованъ въ камергеры, и только нѣкоторые изъ нихъ получили званіе камеръ-юнкера и то, большею частью, молодые люди, усердно исправлявшіе свои служебныя обязанности. Во всякомъ случаѣ, слухи эти до того были распространены среди московской публики, что въ началѣ моихъ выѣздовъ батюшка не желалъ, чтобы я попалъ на малые вечера графини, и, только года черезъ три сдѣлавшись частымъ посѣтителемъ этихъ вечеровъ, могу по совѣсти сказать, что вечера были совершенно приличны, и если старая графиня позволяла себѣ несовсѣмъ приличную для дамъ хорошаго круга нѣкоторую излишнюю свободу въ обращеніи съ мужчинами и довольно вольныя, но всегда забавныя и остроумныя рѣчи, то безъ малѣйшей приписываемой ей цѣли, а единственно вслѣдствіе своего живаго, веселаго характера и преклоннаго возраста, долженствовавшаго ограждать ее отъ подобныхъ сплетней и нареканій.

---

[1]) Рожденной графинѣ Толстой, дочери извѣстнаго библіографа графа Θеодора Андреевича, женатаго на Дурасовой.

[2]) Въ то время она уже покинула своего мужа (сына государственнаго канцлера) и проживала въ Москвѣ вмѣстѣ съ своими родителями, а въ 1859-мъ г. безъ законнаго развода вступила въ бракъ съ княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ, за что графъ Закревскій и лишился своего мѣста.

Въ числѣ родственницъ и близкихъ друзей графини Аграфены Өеодоровны находилась сопровождавшая ее всюду фрейлина императрицы Маріи Өеодоровны Александра Ивановна Пашкова, старая дѣвица, изсохшая, какъ древняя смоковница, умная, набожная и крайне чопорная. Несмотря на постоянное общество съ графинею, Александра Ивановна никакъ не могла или не хотѣла привыкнуть къ ея свободнымъ разговорамъ и всякій разъ, когда Аграфена Өеодоровна разражалась, при обычномъ ея добродушномъ смѣхѣ, анекдотомъ или словомъ, не совсѣмъ удобнымъ для дѣвичьяго слуха, старая фрейлина останавливала ее словами: «ah! ma cousine, qu'est-ce que vous dites!», и закрывалась вѣеромъ.

Изъ лицъ, пользовавшихся расположеніемъ добрѣйшей, но не разборчивой въ своемъ знакомствѣ генералъ-губернаторши, было необыкновенное семейство NN. Мать этого семейства, вдова русскаго генерала, женщина лѣтъ 60-ти, почти никуда не выѣзжавшая, была въ молодости замѣчательною красавицею, но въ старости, несмотря на правильныя черты лицà, темные волосы, прекрасные голубые глаза и чисто греческій профиль, имѣла видъ какой-то поблекшей одалиски.

Генеральша славилась въ свое время не столько умомъ, сколько красотою и мягкимъ, нѣжнымъ сердцемъ; этимъ прекраснымъ качествомъ, въ былые годы, по разсказамъ ея современниковъ, немало пользовались ловкіе и хитрые мужчины... Изъ дѣтей ея обращали на себя общее вниманіе три дочери: одна—тѣмъ, что, будучи дѣвицею, открыто пользовалась благодѣяніями богатаго, пожилого, женатаго человѣка, который, овдовѣвъ на старости, женился на ней. Другая—странною своею свадьбою; она вышла замужъ за... ну, какъ бы сказать поделикатнѣе, ну, хоть за... друга своей матушки, и черезъ протекцію Закревскихъ и большое состояніе мужа сдѣлалась впослѣдствіи одною изъ самыхъ модныхъ московскихъ дамъ. Третья дочь, жена не важнаго, но богатаго помѣщика, извѣстна была своимъ удивительнымъ сходствомъ съ однимъ изъ московскихъ довольно видныхъ администраторовъ, великимъ цѣнителемъ красоты ея матушки. Сходство это особенно было поразительно, когда она разговаривала, и изъ устъ ея летѣли водянистые брызги, а по губамъ текли слюнки. Вообще сходство было такъ велико, что однажды графиня Закревская, уязвленная при свидѣтеляхъ какимъ-то остроумнымъ намекомъ этой дамы на прошлую, не лишенную веселости, жизнь графини, съ гнѣвомъ сказала ей: «Taisez vous; ce n'est pas à vous de me le dire, vous qui portez sur la salive de vos lèvres les péchés de votre mère!» [1]).

Про это семейство мнѣ случайно удалось услыхать мнѣніе моего

---

[1]) Слышано мною тогда же отъ Болеслава Михайловича Маркевича, бывшаго свидѣтелемъ этого разговора.

отца, выраженное имъ графу Дмитрію Николаевичу Блудову, нанявшему какъ-то лѣтомъ дачу въ Петровскомъ паркѣ и желавшему немедля туда переѣхать. «Погодите, графъ,—сказалъ отецъ,—нельзя переѣзжать; на дачѣ, прошлое лѣто, жило семейство NN., а потому надобно прежде освятить ее».

Изъ многихъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ при графѣ Закревскомъ, три камеръ-юнкера: Нератовъ, Казначеевъ и Маркевичъ, были самыми приближенными людьми въ его семействѣ.

Алексѣй Ивановичъ Нератовъ, весьма состоятельный помѣщикъ Казанской губерніи, человѣкъ лѣтъ 30-ти, былъ статный, красивый мужчина, умный, образованный и въ высшей степени благовоспитанный. Онъ добросовѣстно исполнялъ всѣ порученія своего начальника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ какъ бы чиновникомъ по особымъ порученіямъ и двухъ графинь, но въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, помогая имъ во всѣхъ начинаніяхъ по части замѣчательной ихъ благотворительности. Въ обществѣ онъ пользовался успѣхомъ и уваженіемъ, а по службѣ, навѣрное, пошелъ бы далеко, если бы неумолимая смерть не прекратила слишкомъ рано жизни этого почтеннаго, молодого человѣка.

Алексѣй Гавриловичъ Казначеевъ, принадлежавшій, какъ и Нератовъ, къ лучшему московскому обществу, не былъ съ вида свѣтскимъ человѣкомъ; сосредоточенный, малообщительный, угрюмый, онъ представлялъ изъ себя видъ дѣльнаго, солиднаго и вѣчно занятого чиновника, каковымъ онъ и дѣйствительно былъ. Когда онъ говорилъ, то произносилъ слова съ остановками, какъ бы взвѣшивая и отчеканивая каждое слово. Онъ былъ образцомъ честности и прямоты и всегда говорилъ правду прямо въ лицо графу Закревскому и его дамамъ, за что онѣ, къ чести ихъ, любили и уважали его. На насъ, свѣтскихъ юношей, онъ смотрѣлъ не то съ сожалѣніемъ, не то съ презрѣніемъ, и рѣдко удостоивалъ насъ разговоромъ; признаться сказать, и мы, молодые люди, не больно долюбливали его и избѣгали его общества, которое, какъ намъ тогда казалось, могло внести въ нашу веселую компанію только скуку и глубокомысленныя, не совсѣмъ для насъ понятныя фразы; но люди пожилые и серіозные отдавали полную справедливость его уму и рѣдкому благородству, этимъ двумъ спутникамъ его тогдашней и послѣдующей жизни, посвященной на службу государю и отечеству. Позднѣе онъ былъ гдѣ-то губернаторомъ и умеръ въ должности сенатора, оставивъ по себѣ свѣтлую, ничѣмъ не омраченную память.

О Болеславѣ Михайловичѣ Маркевичѣ я долженъ распространиться нѣсколько болѣе, такъ какъ онъ, въ зрѣлыхъ годахъ, сдѣлался извѣстнымъ и плодовитымъ писателемъ, имѣвшимъ много почитателей. Въ описываемое мною время, онъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, высокаго роста, статный, какъ Аполлонъ, бѣлокурый, свѣжій, румяный, съ правильными чертами лица и отли-

чался не только красотою, но какимъ-то особымъ и только ему присущимъ «шикомъ». Несмотря на свое ограниченное состояніе, онъ одѣвался щегольски, по послѣдней модѣ, и вообще производилъ впечатлѣніе человѣка вполнѣ достаточнаго, ежедневно посѣщавшаго театры, балы и маскарады. Сверхъ того, онъ всегда принималъ живое участіе въ устройствѣ разныхъ увеселеній, въ видѣ пикниковъ, концертовъ и домашнихъ спектаклей. Однимъ словомъ, Маркевичъ былъ тогда, что называется, душою общества, и отъ этой души дамы и дѣвицы часто приходили въ восторгъ. Обладая замѣчательною памятью, онъ отлично помнилъ все, что читалъ, и изъ прочитаннаго умѣлъ ловко и кстати разсказать что либо интересное или вспомнить какой нибудь остроумный или веселый анекдотецъ. Онъ зналъ наизусть массу мелкихъ, шуточныхъ стихотвореній и забавныхъ романсовъ. Не имѣя голоса, премило пѣлъ водевильные куплеты и особенно хорошо бывшій въ то время въ большой модѣ среди молодежи романсъ:

«Полно прясть, о cara mia,
Брось свое веретено,
Въ Сан-Луиджи прозвонило
Ave Maria давно!» и проч.

или же куплеты, кѣмъ и на кого [1]) написанные—не знаю, и изъ которыхъ я помню только первый куплетъ:

«Николай Степанычъ
Ѣдетъ въ городъ Римъ,
И вся пьяная кампанія
Вмѣстѣ съ нимъ!»... и т. д.

По части бальной Маркевичъ былъ лучшій и неутомимый московскій танцоръ: никто лучше его не танцовалъ мазурки. Когда, бывало, онъ въ парѣ съ какою либо ловко танцовавшею дамою, пустится выкидывать разныя фигуры этого граціознаго танца, то можно было просто на него заглядѣться. По красотѣ, изящнымъ манерамъ и умѣнью всѣхъ веселить, онъ сдѣлался баловнемъ хорошенькихъ женщинъ, настоящимъ ловеласомъ и, наконецъ, львомъ московскаго общества. Мужчины тоже любили его, но нерѣдко порицали за практиковавшееся имъ въ большихъ размѣрахъ такъ называемое «нахлѣбничество» или, вѣрнѣе сказать, «прихлебательство». Получая мало денегъ, а тратя много, онъ рѣдко обѣдалъ на свой счетъ; у него были даже знакомые дома, куда онъ приходилъ, какъ въ ресторацію—придетъ, пообѣдаетъ и уйдетъ! Хозяева этихъ домовъ были преимущественно родители дочерей, не пользовавшихся большимъ успѣхомъ въ свѣтѣ, и должно отдать справедливость Маркевичу, что онъ добросовѣстно отплачивалъ этимъ хозяевамъ

[1]) На Рамазанова.

за ихъ хлѣбъ-соль, не допуская ихъ дочерей засиживаться въ одиночествѣ на балахъ. Завидя подобную, заброшенную дѣвицу, онъ принимался такъ кружить ее, что подъ конецъ она и сама рада была отдохнуть. Такого ревностнаго и неутомимаго танцора трудно было сыскать: танцуетъ безъ устали часа два, три, потъ течетъ съ лица, какъ въ банѣ, а онъ продолжаетъ все кружиться и кружиться...

По служебной части, полагаю, Маркевичъ не былъ такъ виртуозенъ, но, по расположенію къ нему Закревскаго и его семьи, онъ постоянно получалъ особыя занятія по какой либо подвѣдомственной генералъ-губернатору части, за которыя и назначалось ему особое содержаніе. Сверхъ того, онъ усердно исполнялъ всѣ возлагавшіяся на него графинею Закревскою и ея дочерью порученія, но только не касавшіяся дѣлъ благотворительности.

Вотъ все, что могу припомнить о Болеславѣ Михайловичѣ; прибавлю лишь только, что въ началѣ 1850-хъ годовъ никому и въ голову не могло прійти, чтобы изъ такого танцора и хотя умнаго и забавнаго, свѣтскаго балагура могъ когда либо выйти талантливый писатель, а еще было труднѣе себѣ представить, что Маркевичъ и Казначеевъ, крѣпко не любившіе другъ друга, сдѣлаются со временемъ близкими родственниками, женившись на двухъ родныхъ сестрахъ Зейфортъ [1]).

Описавъ нѣсколько лицъ изъ московскаго общества, буду продолжать описаніе и другихъ москвичей, игравшихъ въ то время нѣкоторую роль въ высшемъ свѣтѣ древней столицы.

Упомянувъ о фрейлинѣ Пашковой, я не могу не вспомнить гостепріимнаго дома брата ея Сергѣя Ивановича. Домъ этотъ считался однимъ изъ самыхъ великосвѣтскихъ, не только по преданію старыхъ москвичей, еще помнившихъ радушные пріемы и открытую жизнь его родителей въ ихъ громадномъ домѣ на Чистыхъ Прудахъ, но и по значительному вообще всѣхъ Пашковыхъ богатству и знатнымъ родственнымъ связямъ ихъ со многими представителями петербургской аристократіи.

Сергѣй Ивановичъ служилъ прежде въ лейбъ-гвардіи Гусарскомъ полку и, вступивъ въ бракъ съ коренною москвичкою, княжною Надеждою Сергѣевною Долгоруковою [2]), вышелъ въ отставку и навсегда поселился въ Москвѣ. Хотя Пашковы не давали ни большихъ обѣдовъ, ни роскошныхъ баловъ, но двери ихъ дома ежедневно, по вечерамъ и до глубокой ночи, были открыты для всѣхъ ихъ знакомыхъ.

Въ 1851 г., Надежда Сергѣевна была женщина лѣтъ сорока, милая, пріятная и умная; не будучи красавицею, она отличалась

---

[1]) Обѣ сестры, овдовѣвъ одна за другою, скончались, одновременно, въ одинъ и тотъ же годъ, день и часъ, одна въ С.-Петербургѣ, а другая въ Царскомъ Селѣ.

[2]) Мать ея, княгиня Екатерина Алексѣевна, была рожденная графиня Васильева.

замѣчательною миловидностью и могла служить образцомъ чисто русской, свѣтской барыни. Несмотря на свои зрѣлые года, она не лишена была нѣкоторой доли кокетства, впрочемъ, самаго невиннаго свойства: она любила, какъ говорится, строить глазки и выставлять на показъ свои бѣлоснѣжныя, красивыя плечи. Сверхъ того, у нея была одна особенность, которая у всякой другой ея сверстницы показалась бы смѣшною и даже глупою: она часто принимала видъ какого-то беззаботнаго, капризнаго ребенка, нетерпѣливо требовавшаго исполненія малѣйшаго своего желанія. Но это отрицательное качество казалось у нея какою-то дѣтскою, милою наивностью, никого не поражало, а, напротивъ, какъ-то шло къ ея маленькой фигурѣ. Она была очень добра, и потому всякій капризъ ея былъ лишь мимолетнымъ явленіемъ, выражавшимся однимъ и тѣмъ же словомъ: «хочу, хочу, хочу!»—а неисполненіе его влекло за собою легкое надутіе губокъ, забавное и незлобное. Всѣ близкіе ей люди очень любили ее и, хотя она была чрезвычайно разборчива въ выборѣ своихъ знакомыхъ, стараясь преимущественно окружать себя людьми своего круга, но если, по какому либо случаю, попадали къ ней лица изъ совершенно иныхъ сферъ и приходились ей по сердцу, то они дѣлались не только ея знакомыми, но и ежедневными партнерами излюбленнаго ею ералаша.

Самъ Пашковъ, человѣкъ гостепріимный, вѣжливый и благовоспитанный, не отличался особеннымъ умомъ, имѣлъ характеръ мало сообщительный и видъ довольно серіозный и даже угрюмый. Онъ рѣдко, по вечерамъ, бывалъ дома, а почти всегда въ клубѣ или у своихъ пріятелей-игроковъ, гдѣ просиживалъ иногда цѣлыя ночи за карточнымъ столомъ, выигрывая и проигрывая большія суммы денегъ. Впослѣдствіи страсть эта окончательно повлекла за собою полное разстройство его прекраснаго состоянія, такъ что чета Пашковыхъ, достигнувъ глубокой старости, проживала почти въ бѣдности, но попрежнему любимая и не забытая всѣми изъ оставшихся еще въ живыхъ старыми друзьями.

Въ 1882-мъ году, Надежда Сергѣевна перешла въ вѣчность, разставшись если не тѣломъ, то душою, въ первый разъ, съ Москвою: въ теченіе всей своей долгой жизни она не выѣзжала изъ Москвы далѣе своей подмосковной и никогда не видала ни одного другого, русскаго города. Вскорѣ послѣ ея кончины скончался и мужъ ея, задолго до смерти потерявшій зрѣніе.

Изъ братьевъ Сергѣя Ивановича проживалъ въ Москвѣ только одинъ Николай Ивановичъ, старый холостякъ, довольно извѣстный въ свое время композиторъ, написавшій нѣсколько прекрасныхъ романсовъ. О немъ рѣшительне нечего сказать, развѣ только то, что онъ, подобно своему брату, спустилъ въ карты все свое состояніе, разоривъ, притомъ, и свою изсохшую сестру Александру Ивановну, на которую былъ до того похожъ, что, когда московскій

скульпторъ - любитель С. И. Миллеръ сдѣлалъ ея бюстъ, то для бюста Николая Ивановича потребовалось только измѣнить на изваяніи его сестрицы прическу, чтобы вышелъ поразительно схожій бюстъ ея братца.

Въ числѣ московскихъ родственниковъ Пашковыхъ находился двоюродный братъ Надежды Сергѣевны, графъ Николай Васильевичъ Орловъ-Денисовъ, сынъ знаменитаго казачьяго генерала и самъ казачій офицеръ, женатый на моей внучатной сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ Шидловской[1]). Орловъ былъ въ то время адъютантомъ графа Закревскаго и жилъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ на Лубянкѣ, принадлежавшемъ нѣкогда знаменитому московскому главнокомандующему графу Ростопчину. Съ крыльца этого дома, въ 1812 году, Ростопчинъ держалъ рѣчь къ толпѣ, разъяренной противъ извѣстнаго Верещагина; тутъ же онъ выдалъ его ей на растерзаніе и оттуда же самъ втихомолку уѣхалъ изъ Москвы передъ нашествіемъ французовъ.

Графъ Орловъ-Денисовъ былъ не важно образованный, но добродушный, честный и веселый казакъ. Къ сожалѣнію, онъ велъ постоянную дружбу со старикомъ «Ерооеичемъ» и со вдовою «Cliquot» и вслѣдствіе того всегда проводилъ послѣобѣденное время въ самомъ веселомъ настроеніи духа, продѣлывая нерѣдко такія штуки, на которыя едва ли могъ быть способенъ какой нибудь членъ общества трезвости. Такъ, я самъ видѣлъ, какъ Орловъ, находясь въ генералъ-губернаторской ложѣ Большого театра, въ присутствіи графини Закревской, отплясывалъ «казачка», невзирая на то, что публика первыхъ рядовъ видѣла его эволюціи. Москвичи не обращали на продѣлки его никакого вниманія, такъ какъ очень любили его за радушіе и гостепріимство, и, конечно, не малая доля этой любви была послѣдствіемъ его роскошныхъ баловъ и обѣдовъ, отличавшихся весельемъ, полною непринужденностью и особенно изобиліемъ шампанскаго и другихъ рѣдкихъ и дорогихъ винъ. Самъ по себѣ, Николай Васильевичъ не былъ богатъ, но добрая и милая жена его, имѣвшая большое состояніе, охотно тратила часть своихъ доходовъ на всѣ празднества не только въ угоду своему мужу, но и по собственному желанію веселить московское общество, относившееся къ ней съ искреннею любовью и полнымъ уваженіемъ. Наталья Алексѣевна была высокаго роста, дородная и видная женщина, пользовавшаяся репутаціею первой московской красавицы; но, по моему мнѣнію, она походила болѣе на здоровую, русскую крестьянку, чѣмъ на красивую, великосвѣтскую даму,— однимъ словомъ, она была: «круглолица, бѣлолица, краснолица». Доброта и привѣтливость ея вошли въ Москвѣ въ поговорку, а совмѣстная жизнь съ любимымъ ею, но вѣчно нетрезвымъ мужемъ

---

[1]) Ея бабушка Шидловская была родная сестра моей бабушки Загоскиной.

служила доказательствомъ великой ея кротости и замѣчательнаго терпѣнія.

Съ 1851 года я часто бывалъ съ моимъ отцомъ на ихъ великолѣпныхъ обѣдахъ, дававшихся по вторникамъ и на которыхъ присутствовало человѣкъ до двадцати. Изъ самыхъ аккуратныхъ посѣтителей этихъ обѣдовъ были: Александръ Яковлевичъ Булгаковъ и сынъ его Константинъ. Булгаковъ, извѣстный московскій почтдиректоръ, человѣкъ умный, забавный, большой шутникъ, былъ, несмотря на свои преклонные года, усерднымъ поклонникомъ всѣхъ красивыхъ, молодыхъ женщинъ. Сынъ его, такъ называемый «Костя», извѣстный въ Петербургѣ и Москвѣ своими забавными продѣлками и остротами, и заслужившій черезъ нихъ особое расположеніе великаго князя Михаила Павловича, былъ человѣкъ уже не первой молодости, одаренный всевозможными талантами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, препустѣйшій и иногда уже черезчуръ надоѣдавшій своими постоянными каламбурами. Онъ близко сошелся съ Орловымъ и, кажется, превзошелъ его въ слабости къ крѣпкимъ напиткамъ. Одѣтый всегда какимъ-то уродливымъ франтомъ, съ лицомъ, напоминавшимъ черноглазую старую моську, онъ много выѣзжалъ въ свѣтъ, являясь, конечно, всюду, въ своемъ обычномъ не совсѣмъ трезвомъ видѣ.

На Орловскихъ обѣдахъ, изъ числа молодыхъ людей, или, вѣрнѣе, мальчиковъ, кромѣ меня, бывалъ еще мой сверстникъ, родственникъ Орлова и родной внукъ стараго Булгакова, князь Николай Александровичъ Долгоруковъ, извѣстный въ обществѣ подъ названіемъ «Коко»[1]). Онъ былъ въ то время студентомъ медицинскаго факультета Московскаго университета и, хотя еще совсѣмъ юный, но выглядѣлъ съежившимся, сгорбленнымъ старичкомъ. Про него можно положительно сказать, что онъ былъ «la coqueluche des dames», женскій полъ цѣнилъ его умъ и разнородные маленькіе таланты: онъ хорошо пѣлъ шансонетки, сочинялъ стихи и романсы, отлично игралъ на фортепіано, мастерски танцовалъ и былъ замѣчательнымъ актеромъ на всѣхъ домашнихъ театрахъ. Маленькій, вертлявый, недурной собою, веселый, но хитрый и немного нахальный, онъ умѣлъ забавлять и веселить и старыхъ и малыхъ, зная уже съ юныхъ лѣтъ, чѣмъ и какъ кому понравиться. Вслѣдствіе своихъ свѣтскихъ успѣховъ и сразу занятаго имъ въ обществѣ особаго отъ другихъ молодыхъ людей положенія, а также и репутаціи умнаго не по лѣтамъ мальчика, онъ относился ко всѣмъ своимъ сверстникамъ свысока, разыгрывая изъ

---

[1]) Сынъ церемоніймейстера князя Александра Сергѣевича, родного брата Надежды Сергѣевны Пашковой, женатаго на Ольгѣ Александровнѣ Булгаковой. Насколько княгиня Ольга была умна, мила и любезна, настолько мужъ ея былъ глупъ, невѣжливъ, гордъ и важно дралъ носъ передъ всѣми нетитулованными и небогатыми москвичами.

себя какого-то генія, недоступнаго для разума прочихъ свѣтскихъ недоростковъ, которые потому и не очень благоволили къ нему, а, можетъ быть, и завидовали его всевозможнымъ успѣхамъ. Позднѣе, въ началѣ крымской кампаніи, по милости недостатка въ военныхъ врачахъ, онъ, почти безъ экзамена, попалъ въ «доктора медицины», принималъ участіе въ оборонѣ Севастополя и возвратился съ войны, украшенный нѣсколькими орденами, сумѣвъ даже получить отъ французовъ ихъ въ то время «вражескій» для насъ орденъ Почетнаго Легіона. Затѣмъ, онъ бросилъ медицину и, женившись на богатой и очень милой дѣвицѣ Маріи Ивановнѣ Базилевской, умеръ въ довольно молодыхъ лѣтахъ.

Не менѣе графа Орлова-Денисова веселилъ Москву Сергѣй Александровичъ Римскій-Корсаковъ въ своемъ родовомъ домѣ противъ Страстнаго монастыря, въ которомъ мать его Марія Ивановна, рожденная Наумова, давала въ свое время прекрасные балы, остававшіеся долго въ памяти москвичей. Сергѣй Александровичъ, женатый на Софьѣ Алексѣевнѣ Грибоѣдовой [1]), имѣлъ двухъ дѣтей: сына Николая и дочь Анастасію. Сынъ по окончаніи, въ 1849 г. университетскаго курса сдѣлался однимъ изъ первыхъ московскихъ щеголей и танцоровъ. Красивый, съ чрезвычайно изящными манерами, онъ былъ общимъ любимцемъ, хотя про него нельзя ничего другого сказать, какъ только, что онъ былъ пресимпатичный «добрый малый». Въ скоромъ времени онъ женился на богатой и красивой дѣвицѣ Варварѣ Дмитріевнѣ Мергасовой, получившей неважное воспитаніе въ домѣ своей бабушки, мало извѣстной въ Москвѣ старухи Мергасовой, которая называла свою внучку не иначе какъ «моя ла Варенька», вслѣдствіе чего за этой «ла Варенька», по выходѣ ея въ замужество, осталось насегда такое названіе.

Дочь Римскихъ-Корсаковыхъ Анастасья Сергѣевна была одна изъ самыхъ милѣйшихъ и привѣтливыхъ дѣвицъ московскаго общества. Умная, образованная, равно любезная со всѣми своими знакомыми, она, подобно своему брату, была общею ихъ любимицею. Впослѣдствіи она вышла за М. А. Устинова, владѣтеля извѣстнаго с. Бекова въ Саратовской губерніи. Сергѣй Александровичъ и жена его, въ описываемое мною время, не пользовались хорошимъ здоровьемъ; первый, вслѣдствіе паралича, не владѣлъ одною рукою и нервно трясъ головою, а послѣдняя, страдая болѣзнью ногъ, не могла ходить, и ее возили въ колясочкѣ. Несмотря на свое болѣзненное состояніе, они любили давать балы, вечера и обѣды, устроивать пикники и вообще окружать себя гостями. Радушію и гостепріимству ихъ не было предѣловъ, и, конечно, они не могутъ быть забыты въ московской свѣтской лѣтописи, какъ люди, которые въ

---

[1]) Сестра (отъ другой матери) жены генералъ-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго, князя Варшавскаго.

теченіе многихъ лѣтъ придумывали всевозможныя забавы, чтобы сдѣлать свой домъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ Москвѣ. Но, къ несчастью, подобная жизнь и, притомъ, безъ малѣйшаго расчета, привела большое ихъ состояніе въ полнѣйшее разстройство, чему, однако, немало способствовалъ мотоватый ихъ сынъ, и въ концѣ концовъ отъ прежней роскоши у нихъ остались однѣ крохи, на которыя они доживали свой вѣкъ въ родной имъ Москвѣ и скончались въ весьма преклонномъ возрастѣ, лишившись еще при жизни обоихъ своихъ дѣтей.

Въ числѣ богатыхъ москвичей, занимавшихъ видное общественное положеніе, находился московскій губернскій предводитель дворянства Александръ Дмитріевичъ Чертковъ, женатый на графинѣ Елизаветѣ Григорьевнѣ Чернышевой. Пожилой, умный, ученый Чертковъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность, какъ нумизматъ, собиратель старинныхъ рукописей и издатель составленнаго имъ замѣчательнаго описанія древнихъ русскихъ монетъ. Онъ обладалъ большою, прекрасною библіотекою, въ которой проводилъ почти весь день и даже иногда спалъ. Александръ Дмитріевичъ былъ добрѣйшій старикъ, но крайне разсѣянный: мысли его постоянно гдѣ-то витали, и даже нерѣдко онъ не узнавалъ въ лице своихъ знакомыхъ. Посвящая много времени своимъ служебнымъ и ученымъ занятіямъ, онъ мало находился съ своимъ семействомъ, забѣгая только довольно часто къ своему сыну, имѣвшему помѣщеніе рядомъ съ библіотекою отца. Случалось, что, одѣтый дома въ халатъ, онъ вбѣжитъ къ сыну, увидитъ нѣсколько пріятелей его, никого не узнаетъ, свистнетъ и какъ-то особенно щелкнетъ языкомъ и убѣжитъ; подобные набѣги повторялись нѣсколько разъ въ день. Старикъ не любилъ общества, мало выѣзжалъ, и только поневолѣ, какъ предводитель дворянства, принималъ множество лицъ, имѣвшихъ до него какую либо надобность.

Жена его, внука извѣстнаго генералъ-фельдмаршала по флоту, графа Ивана Григорьевича Чернышева, женщина весьма образованная, начитанная и добродѣтельная, любила тихую семейную жизнь въ кругу своей многочисленной родни и близкихъ друзей, изъ числа которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ Н. В. Гоголь, и хотя она часто выѣзжала въ свѣтъ, сопровождая своихъ дочерей, но выѣзды эти были для нея сущимъ наказаніемъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ она была довольно оригинальна и даже одѣвалась какъ-то странно: она носила почти всегда черное узкое платье, похожее на какой-то кафтанъ и подпоясанное металлическимъ кушакомъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ кавказскаго издѣлія, костлявые пальцы ея рукъ были унизаны, сверху до низу, кольцами и талисманами. Будучи близорукою, она носила очки. Неимовѣрно быстрая и суетливая въ своихъ движеніяхъ, она имѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ, видъ серіозный, задумчивый и озабоченный и была, подобно своему

мужу, очень разсѣянна. Несмотря на прожитое ею въ то время полустолѣтіе, ея худое, смуглое, оригинальное лице сохраняло какую-то особую прелесть и что-то поэтичное и крайне симпатичное.

Домъ Чертковыхъ, на Мясницкой, большой и прекрасный, представлялъ сочетаніе богатства съ полнѣйшею безалаберностью: во всѣхъ пріемныхъ комнатахъ царилъ замѣчательный безпорядокъ, причиною котораго былъ самъ хозяинъ, любившій перемѣщаться изъ одной комнаты въ другую. Онъ жилъ въ своей библіотекѣ, находившейся въ нижнемъ этажѣ дома, и вдругъ спальня его оказывалась въ большой гостиной, а рабочій кабинетъ чуть не въ офиціантской; черезъ нѣсколько времени онъ снова избиралъ себѣ другое помѣщеніе, вслѣдствіе чего въ комнатахъ валялись бумаги. папки, книги и прочія принадлежности занятого, ученаго человѣка, Изъ зала нерѣдко устраивалось что-то въ родѣ присутственнаго мѣста, гдѣ происходили засѣданія разныхъ ученыхъ обществъ, въ которыхъ участвовалъ хозяинъ дома.

Чертковъ, какъ губернскій предводитель дворянства, считалъ долгомъ дать зимою одинъ балъ, но и тотъ не отличался особою роскошью, а только суматохою и тѣснотою по милости множества приглашенныхъ гостей, часто не знавшихъ другъ друга въ лице и даже неизвѣстныхъ самимъ хозяевамъ, такъ какъ приглашенія посылались большею частью дворянамъ Московской губерніи, знакомымъ и незнакомымъ Чертковымъ; однимъ словомъ, на эти балы собирались, какъ говорится: «la ville et les faubourgs». Хозяинъ дома нерѣдко скрывался гдѣ нибудь въ толпѣ гостей, изъ которыхъ многіе, не зная лично хозяйки, гуляли по комнатамъ, опустошали буфетъ и ужинали, точно такъ, какъ на какомъ либо публичномъ балѣ, не видавъ въ глаз хозяевъ дома.

Распорядителемъ танцевъ на этихъ балахъ былъ 20-ти-лѣтній сынъ Чертковыхъ, Григорій Александровичъ, или, какъ всѣ его звали, «Гриша». Маленькій, худенькій, смугленькій, съ довольно большимъ горбатымъ носомъ, живыми огненными черными глазами и чрезвычайно быстрыми, подвижными, какъ будто эластичными манерами, онъ походилъ на какого-то мальчика изъ гуттаперчи; но за этимъ мальчикомъ усердно ухаживали разныя маменьки, усматривая въ немъ блестящую партію для своихъ дочерей, которыя почти всѣ поголовно вздыхали по немъ и таяли отъ чарующаго, пронзительнаго его взгляда, производившаго то же самое дѣйствіе и на многихъ замужнихъ женщинъ, забывавшихъ ради «Гриши» седьмую заповѣдь...

Изъ всего сказаннаго о молодомъ Чертковѣ видно, что я, тихій и скромный юноша, мало имѣлъ съ нимъ общаго, но, между тѣмъ, при первыхъ моихъ выѣздахъ, познакомившись съ нимъ, я вскорѣ подружился и, затѣмъ, на всю жизнь остался въ самыхъ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ. Причину нашего скораго сближенія

я приписываю единственно общему намъ обоимъ тогдашнему желанію веселиться и такому же общему у насъ отсутствію какого либо мало мальски серіознаго образованія [1]).

Кромѣ вышеописанныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшему московскому обществу, были и многіе другіе, не считавшіеся, по своему происхожденію, московскими аристократами, но не уступавшіе имъ ни въ хлѣбосольствѣ, ни въ гостепріимствѣ. Къ такимъ москвичамъ, между прочимъ, надобно причислить богатаго откупщика Николая Гавриловича Рюмина.

Николай Гавриловичъ, какъ гласило преданіе, былъ рода не важнаго; фамилія его происходила будто бы отъ слова «рюмка», такъ какъ отецъ его, рязанскій мѣщанинъ, служилъ въ юности въ питейныхъ домахъ г. Рязани и, наполняя рюмки «очищеннымъ», принялъ въ память сего обстоятельства фамилію «Рюмкинъ», которую, сдѣлавшись впослѣдствіи богатымъ откупщикомъ и получивъ потомственное дворянское достоинство, измѣнилъ въ болѣе благозвучную фамилію «Рюминъ». Послѣ смерти этого перваго Рюмина осталось огромное состояніе, раздѣлившееся между его дѣтьми, изъ которыхъ Николай Гавриловичъ, своею службою и щедрыми пожертвованіями въ пользу учебныхъ и богоугодныхъ заведеній, достигъ званія камергера и чина тайнаго совѣтника. Если разсказъ о происхожденіи Рюмина вѣренъ, то Николай Гавриловичъ, по своимъ чувствамъ, убѣжденіямъ и дѣйствіямъ, заслуживалъ еще большаго уваженія, какъ личность благороднѣйшая и честнѣйшая, долженствовавшая служить примѣромъ для тѣхъ богатыхъ русскихъ старинныхъ дворянъ, которые, считая себя знатными и родовитыми, живутъ и дѣйствуютъ, къ стыду своему, словно потомки второго сына Ноя.

Жена Рюмина, Елена Ѳеодоровна, рожденная Кандалинцева, была женщина умная, образованная и чрезвычайно энергичная. Невзирая на большое состояніе мужа, она распоряжалась въ домѣ лично всѣмъ, входя въ малѣйшія подробности по хозяйству, которое, однако, при всей ея аккуратности и даже педантичности, вела побарски, на широкую ногу, безъ малѣйшаго оттѣнка скупости. О бѣдныхъ и говорить нечего: она помогала имъ въ самыхъ широ-

[1]) Въ то время Григорій Александровичъ служилъ депутатомъ по какому-то уѣзду Московской губерніи; затѣмъ онъ поступилъ, въ 1855 г., въ московское ополченіе и вскорѣ въ стрѣлковый баталіонъ императорской фамиліи, откуда перешелъ адъютантомъ къ московскому генералъ-губернатору. Позднѣе, онъ былъ московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и, наконецъ, пожалованный егермейстеромъ высочайшаго двора, завѣдывалъ довольно долго императорскою охотою. Во всѣхъ своихъ должностяхъ, Чертковъ отличался усердіемъ, добросовѣстностью и всегда заслуживалъ полное уваженіе всѣхъ лицъ, бывшихъ съ нимъ въ какихъ либо отношеніяхъ. Онъ былъ женатъ на своей родственницѣ, Софіи Николаевнѣ Муравьевой, дочери извѣстнаго генерала Николая Николаевича Муравьева-Карскаго, нынѣ уже умершаго.

кихъ размѣрахъ, творя милостыню по-христіански, тайно и непримѣтно для другихъ. Два сына и пять дочерей Рюминыхъ [1]) получили подъ ея личнымъ руководствомъ прекрасное образованіе, основанное на правилахъ высокой нравственности и христіанской любви къ ближнему. Но если можно въ чемъ либо упрекнуть Елену Ѳеодоровну, то въ излишней, щепетильной любви ея къ безусловному исполненію малѣйшихъ и иногда излишнихъ свѣтскихъ приличій, дававшихъ обыденной семейной жизни ея дома видъ скучноватый, неестественный и потому лишенный нѣкоторой необходимой для молодежи свободы, вслѣдствіе чего домъ Рюминыхъ, за исключеніемъ пріемныхъ дней, мало посѣщался обществомъ и въ особенности молодыми людьми. Принимая почти ежедневно, по вечерамъ, хозяева частенько сидѣли одни или въ компаніи двухъ, трехъ пожилыхъ людей. Зато роскошные ихъ обѣды по воскресеньямъ и танцовальные вечера по четвергамъ привлекали всегда многочисленное общество. На эти обѣды и вечера приглашались разъ навсегда почти всѣ знакомые хозяевъ, и замѣчательно то, что иногда къ самому обѣду пріѣзжало всегда человѣкъ 10—15, а въ другой разъ 50, и, несмотря на такой наплывъ гостей, обѣдъ подавали аккуратно, въ назначенный часъ, безъ малѣйшаго замедленія или задержки. Послѣ этого можно судить, въ какомъ изобиліи приготовлялись по воскресеньямъ Рюминскіе званые обѣды...

Въ числѣ частыхъ посѣтителей этихъ обѣдовъ нельзя было не замѣтить одного изъ воиновъ Екатерининскаго вѣка, украшеннаго георгіевскою звѣздою, генерала князя Андрея Ивановича Горчакова [2]), родного племянника безсмертнаго Суворова.

Горчаковъ, нѣкогда извѣстный своею замѣчательною храбростью, былъ въ то время старикъ высокаго роста, худой, сутуловатый и бѣлый, какъ лунь. По старой привычкѣ, онъ, подобно двумъ, тремъ тогдашнимъ генераламъ, не носилъ усовъ, что придавало гладко выбритому морщинистому его лицу сходство съ лицомъ какой либо почтенной старушки. Князь могъ бы быть интереснымъ разсказчикомъ про былое прожитое имъ время, но, къ сожалѣнію, онъ рѣдко пускался въ разговоры, сидѣлъ смирно, глядѣлъ сумрачно и пріѣзжалъ на обѣды, вѣроятно, съ цѣлью вкусно и сытно покушать. Не обращая ни на кого особаго вниманія, онъ, казалось, довольствовался сознаніемъ, что одно уже присутствіе его въ домѣ

---

[1]) Старшій сынъ Ѳеодоръ былъ женатъ на княжнѣ Голицыной; второй Левъ умеръ юношею. Изъ дочерей Екатерина была замужемъ за графомъ Буксгевденомъ, Любовь за Полторацкимъ, Александра за Вельяшевымъ, Марія за Мухановымъ, Вѣра осталась въ дѣвицахъ. Изъ всего семейства Рюминыхъ нынѣ въ живыхъ находятся только три послѣднія дочери.

[2]) Онъ былъ женатъ на своей двоюродной племянницѣ, княжнѣ Суворовой, по первому браку Башмаковой, которая была лѣтъ на тридцать моложе его. Бракъ не былъ счастливъ, и они скоро разошлись.

Рюминыхъ доставляло немалое удовольствіе хозяевамъ, почтительно взиравшимъ на него, какъ на престарѣлаго заслуженнаго генерала, свидѣтеля послѣднихъ годовъ славнаго Екатерининскаго царствованія.

Изъ другихъ самыхъ аккуратныхъ посѣтителей Рюминыхъ былъ московскій старожилъ Николай Алексѣевичъ Тепловъ, внукъ извѣстнаго труженика и дѣятеля при Екатеринѣ II-ой.

Богатый баринъ, страстный охотникъ до музыки, Тепловъ имѣлъ свой собственный оркестръ и самъ игралъ на віолончели. Въ молодости онъ служилъ въ Семеновскомъ полку, вышелъ въ отставку чуть ли не тотчасъ послѣ войны 1812 года и, въ старости, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ щеголялъ своимъ отставнымъ гвардейскимъ мундиромъ, во многомъ отличавшимся отъ мундировъ конца царствованія императора Николая I-го. Онъ былъ стройный старикъ большого роста и худъ, какъ шестъ. При ходьбѣ, держалъ себя такъ прямо и неподвижно, что, казалось, проглотилъ, какъ говорится, цѣлый аршинъ, или, вѣрнѣе, сажень. Николай Алексѣевичъ былъ человѣкъ умный, любезный, пріятный собесѣдникъ и пользовался уваженіемъ всего общества. Онъ былъ женатъ вторымъ бракомъ [1]) на Анастасьѣ Яковлевнѣ Протасовой, очень милой и еще молодой женщинѣ, которая, будучи женою 60-ти-лѣтняго старика, любила его настолько же, насколько любила балы, танцы и свѣтскіе выѣзды и подарила его многочисленнымъ семействомъ.

Къ моимъ новымъ знакомымъ того времени я долженъ еще присоединить Щербатовыхъ, Сушковыхъ и Ивинскихъ.

Домъ князя Николая Александровича Щербатова, женатаго на княжнѣ Зенаидѣ Павловнѣ Голицыной [2]), былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и особенно любимыхъ и посѣщаемыхъ молодежью, куда влекла ихъ не только всегдашняя, неизмѣнная любезность двухъ милыхъ хозяйскихъ дочерей, но и господствовавшая въ этомъ домѣ полная свобода и непринужденность въ видѣ разрѣшенія куренья, необязательнаго ношенія, по вечерамъ, фрака и особенно права юныхъ дѣвицъ принимать гостей въ своей собственной гостиной: этимъ правомъ, можетъ быть, княжны нѣсколько злоупотребляли, не допуская свою добрѣйшую родительницу присутствовать при ихъ пріемахъ и предоставляя ей сидѣть въ сосѣдней комнатѣ и издали слушать веселые разговоры, впрочемъ, всегда самаго невиннаго свойства Въ этомъ семействѣ молодежь чувство-

---

[1]) Первая жена его была рожденная Тургенева, родная тетка знаменитаго писателя.

[2]) Мать Зенаиды Павловны, княгиня Варвара Сергѣевна Голицына (дочь графа Сергѣя Петровича Румянцева, носившая въ дѣвицахъ фамилію Кагульской), извѣстная въ обществѣ подъ названіемъ «princesse Babette», была женщина высокаго ума и рѣдкихъ душевныхъ качествъ и имѣла большое состояніе, подаренное ей отцомъ ея.

вала себя, какъ дома, и потому ежедневно посѣщала любимыхъ уважаемыхъ ею княженъ, изъ которыхъ вторая, княжна Мери, блистала рѣдкимъ умомъ и остроуміемъ.

Самъ князь же Николай Александровичъ былъ добрѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ, но относительно своихъ умственныхъ способностей недалеко ушелъ отъ своей родной сестры Анны Александровны Александровой [1]), которая, будучи еще дѣвицею, сдѣлалась повсюду извѣстна ограниченностью своего ума, особенно по слѣдующему поводу. Императоръ Николай Павловичъ, вскорѣ послѣ своей коронаціи, встрѣтивъ княжну въ Москвѣ, гдѣ-то на балѣ, спросилъ ее, понравилась ли ей коронація. «Такъ понравилась, ваше величество, — отвѣтила княжна,— что я желала бы поскорѣе увидать другую». Но малое развитіе ея брата не помѣшало ему быть избраннымъ въ московскіе уѣздные предводители дворянства, а позднѣе получить должность московскаго гражданскаго губернатора. Такому назначенію князя много способствовали извѣстныя всей Москвѣ его рѣдкое благородство и безукоризненная честность.

Новые мои знакомые, Николай Васильевичъ Сушковъ и жена его Дарья Ивановна, были старые пріятели моего отца. Люди не богатые, они жили весьма скромно въ маленькомъ, наемномъ домѣ, стоявшемъ уединенно на дворѣ, въ одномъ изъ переулковъ Тверской, близъ стараго Пимена.

Николай Васильевичъ, человѣкъ лѣтъ 55-ти, маленькій, живой, сѣденькій, имѣлъ свѣжее, румяное и предоброе лицо, окаймленное большими сѣдыми бакенбардами. Онъ одѣвался постариковски и всегда носилъ огромный, черный галстухъ, въ которомъ утопалъ весь его подбородокъ. Сушковъ когда-то былъ минскимъ губернаторомъ, но, оказавшись черезчуръ краснорѣчивымъ въ своихъ отчетахъ по губерніи, въ которыхъ, какъ разсказывали, онъ мѣшалъ прозу со стихами, заслужилъ неудовольствіе императора Николая Павловича, оставилъ службу и поселился навсегда въ Москвѣ. Онъ былъ извѣстенъ, какъ писатель, но писатель не важный, хотя самъ считалъ себя, если не литературною звѣздою первой степени, то, во всякомъ случаѣ, не дюжиннымъ литераторомъ. Онъ былъ человѣкъ стараго покроя, вѣжливый, благовоспитанный, но чрезвычайно болтливый и слишкомъ много говорившій о своихъ сочиненіяхъ, что вполнѣ замѣчала и понимала его умная жена Дарья Ивановна. Знакомыхъ и пріятелей у Николая Васильевича было

---

[1]) Въ молодости она была замѣчательная красавица и вышла за Павла Константиновича Александрова, который, какъ извѣстно, былъ обязанъ бытіемъ своимъ великому князю цесаревичу Константину Павловичу. Онъ былъ флигель-адъютантомъ императора Николая I-го и генералъ-адъютантомъ императора Александра II-го.

У Александровыхъ была единственная дочь въ замужествѣ за княземъ Д. А. Львовымъ.

множество, они всѣ искренно любили его, какъ личность свѣтлую добродушную и дѣтски простую, но еще болѣе любили высокообразованную, добродѣтельную его супругу.

Дарья Ивановна, рожденная Тютчева, была сестра извѣстнаго поэта Ѳедора Ивановича Тютчева и, если не обладала талантомъ своего брата и не писала стиховъ, то разговоръ ея былъ столько же плѣнителенъ, увлекателенъ и поучителенъ, какъ и поэзія ея даровитаго брата.

Сушковы рѣдко выѣзжали въ свѣтъ, но зато, по вечерамъ ежедневно, у нихъ собиралось нѣсколько человѣкъ изъ разныхъ слоевъ общества: представители московской аристократіи, придворные, чиновные люди, писатели, профессора и художники—всѣ пріѣзжали къ нимъ запросто, безъ церемоніи, довольствуясь чашкою чая и одною лампою, освѣщавшею ихъ скромную гостиную. Изъ частыхъ посѣтителей Сушковыхъ были два лица особенно умныя и занимательныя: племянница Николая Васильевича графиня Евдокія Петровна Ростопчина и Сергій Александровичъ Соболевскій [1]); но о первой я буду говорить позднѣе. Разъ въ годъ, 6-го декабря, въ именины Сушкова, всѣ знакомые приглашались на большой раутъ: въ этотъ вечеръ масса гостей наполняла небольшія комнаты ихъ дома, а самъ именинникъ сіялъ радостнымъ лицемъ и, встрѣчая каждаго гостя, по №, словами: «здравствуйте, мой десятый, двадцатый или сотый гость», изъявлялъ всѣмъ свое удовольствіе, что ихъ собралось много, какъ будто желая сказать: «смотрите, мы люди не богатые, не чиновные, угощеніе у насъ не важное, а вся Москва, свѣтская и несвѣтская, ученая и неученая, пріѣхала къ намъ—значитъ, насъ любятъ и уважаютъ!» и дѣйствительно Москва любила и уважала эту почтенную чету, напоминавшую собою «Филемона и Бавкиду».

Позднѣе, къ Сушковымъ пріѣхала изъ Петербурга и у нихъ поселилась племянница Дарьи Ивановна, Екатерина Ѳеодоровна Тютчева [2]), 20-ти-лѣтняя дѣвица, замѣчательная по своему уму, начитанности и всестороннему образованію. Со дня ея пріѣзда, ежедневные посѣтители Сушковыхъ сдѣлались еще многочисленнѣе, и можно безъ преувеличенія сказать, что домъ ихъ, по милости Екатерины Ѳеодоровны, окончательно сдѣлался средоточіемъ всего, что было въ Москвѣ умнаго, образованнаго и ученаго.

---

[1]) Сынъ московскаго старожила Александра Николаевича Соймонова и одной весьма богатой дамы, извѣстный пріязнію къ нему Пушкина и своими остроумными, шуточными стихотвореніями.

[2]) Дочь поэта. Двѣ сестры ея, Анна и Дарья, были въ то время фрейлинами императрицы Маріи Александровны, проживали во дворцѣ и пользовались особымъ благоволеніемъ ея величества. Анна Ѳеодоровна находилась въ теченіе многихъ лѣтъ воспитательницею великой княжны Маріи Александровны и уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ вышла замужъ за Ивана Сергѣевича Аксакова. Она скончалась вскорѣ послѣ смерти своего знаменитаго мужа.

Что касается до семейства Ивинскихъ, то я упомянулъ о немъ единственно для того, чтобы дать понятіе о хозяинѣ дома, Александрѣ Дмитріевичѣ, который, если бы жилъ въ прошломъ столѣтіи, могъ бы не безъ успѣха занять должность придворнаго шута. Человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, не глупый, веселый и часто забавный, но пустѣйшій и рѣдко трезвый, Ивинскій обладалъ какимъ-то особымъ юморомъ, въ силу котораго творилъ самыя ребяческія, а иногда и нелѣпыя шутки.

Онъ былъ московскій старожилъ, отставной полковникъ, женатый на Аграфенѣ Ивановнѣ Новосильцевой. Семейство его состояло изъ двухъ дочерей [1]) и сына. Меньшая дочь Елизавета соединяла съ замѣчательною красотою и рѣдкія, душевныя качества. Вступивъ въ бракъ съ княземъ Багратіономъ-Мухранскимъ, она въ скоромъ времени, къ истинному сожалѣнію всѣхъ знавшихъ ее, скончалась. Сынъ Ивинскихъ, Иванъ, косой, черномазый и неопрятный въ то время, студентъ Московскаго университета, сильно мнѣ не нравился, и я съ нимъ никогда не былъ въ близкихъ отношеніяхъ [2]).

Ивинскіе были люди богатые и давали иногда балы, но кругъ знакомства ихъ не принадлежалъ къ самому высшему московскому обществу, которое, хотя и посѣщало ихъ, но не сближалось съ ними, вѣроятно, потому, что хозяйка дома, когда-то умственно больная, несмотря на полное выздоровленіе, сохранила на всю жизнь угрюмое, болѣзненное выраженіе лица, смотрѣла исподлобья, мало разговаривала и не имѣла въ себѣ ничего симпатичнаго, ни привлекательнаго.

Проживая на Тверской, противъ англійскаго клуба, Ивинскій проводилъ вечера въ этомъ любимомъ вечернемъ собраніи старичковъ-москвичей. Истребляя тамъ за ужиномъ изрядное количество вина и всякихъ крѣпкихъ напитковъ, онъ къ ночи не могъ уже держаться на ногахъ, и потому за нимъ приходилъ его камердинеръ. Однажды, пришедшій слуга оказался, въ свою очередь, въ состояніи полной невмѣняемости: взявъ Александра Дмитріевича подъ руку, онъ сталъ спускаться по лѣстницѣ и рухнулся вмѣстѣ съ нимъ. Взбѣшенный Ивинскій началъ бранить и укорять камердинера: «ахъ, ты, такой, сякой! ну, какъ можно и какъ не стыдно такъ напиваться». Слуга отвѣтилъ: «а вамъ можно-съ и не

---

[1]) Старшая дочь Наталья вышла за Василія Денисовича Давыдова (сына знаменитаго партизана), человѣка умнаго, образованнаго и вполнѣ хорошаго, но по живости своего характера никогда не разговаривавшаго, а всегда кричавшаго.

[2]) Въ 70-хъ годахъ, онъ былъ церемоніймейстеромъ высочайшаго двора, а въ началѣ царствованія императора Александра III вышелъ въ отставку. Онъ былъ женатъ на вдовѣ, княгинѣ Гагариной, рожденной Крюгеръ (отецъ которой, если не ошибаюсь, имѣлъ въ Москвѣ магазинъ музыкальныхъ инструментовъ), сошелъ съ ума и застрѣлился. Вскорѣ послѣ его смерти, жена его, по неизвѣстной причинѣ, покончила съ собою подобнымъ же образомъ.

стыдно-съ?»—«Оселъ, дуракъ!»—заоралъ его баринъ:—«развѣ ты не понимаешь, что я приказываю приходить за мною, потому что я самъ пьянъ и не могу стоять на ногахъ!» Брань эту прекратилъ какой-то сердобольный членъ клуба, подобравъ обоихъ упившихся и проводивъ ихъ до дома.

Ивинскій не называлъ клуба иначе, какъ своимъ «отечествомъ», и въ этой отчизнѣ онъ ревностно старался отыскать какого нибудь новопріѣзжаго гостя, провинціала простячка, чтобы чѣмъ либо ловко поддѣть его и потомъ надсмѣяться надъ его простотою. Увидавъ какъ-то подобнаго гостя, старичка, сильно подмигивавшаго и моргавшаго однимъ глазомъ, и вспомнивъ, что въ клубѣ находится графъ Петръ Степановичъ Толстой[1]), имѣвшій ту же привычку, Александръ Дмитріевичъ познакомился съ гостемъ и представилъ его Толстому, который тотчасъ сѣлъ съ нимъ играть въ пикетъ; но передъ игрою Ивинскій, отозвавъ въ сторону своего новаго знакомаго, предупредилъ его, что Толстой большой насмѣшникъ и любитъ всѣхъ передразнивать. Потомъ, отозвавъ въ сторону Толстого, сказалъ ему то же самое о старичкѣ. Когда же они начали партію, то Александръ Дмитріевичъ, пригласивъ нѣсколько своихъ пріятелей присутствовать при игрѣ, объявилъ имъ, что они увидятъ коечто интересное. При началѣ партіи, одинъ изъ партнеровъ предался обычному своему миганію, а другой сталъ ему вторить. Но вскорѣ оба игрока, подозрѣвая другъ друга въ передразниваніи, сдѣлались раздражительными, начали сердиться и еще болѣе мигать и моргать. Мигали, мигали и, наконецъ, домигались до того, что Толстой, бросивъ карты, вскочилъ и неистово закричалъ: «не позволю надъ собою насмѣхаться!» а такъ какъ его примѣру послѣдовалъ и старичекъ, то между ними произошли такая брань и такія ругательства, что Ивинскій, опасаясь, чтобы дѣло не дошло до рукопашной, рознялъ ихъ при общемъ смѣхѣ присутствующихъ и къ своему собственному великому удовольствію.

Въ другой разъ, Ивинскій, познакомившись въ клубѣ съ пріѣхавшимъ въ первый разъ въ Москву однимъ степнымъ помѣщикомъ, повидимому, не изъ умныхъ, сталъ увѣрять его, что въ числѣ московскихъ достопримѣчательностей необходимо осмотрѣть Сухареву башню, которую показываютъ только въ извѣстные дни и не иначе, какъ въ 10 часовъ вечера, и что крайне интересно взглянуть на бѣлаго слона, помѣщеннаго на верхушкѣ башни подъ самымъ орломъ, но такъ какъ для осмотра его нужно потребовать сторожа, лѣниваго и дерзкаго старика, то не легко добиться, чтобы онъ полѣзъ такъ высоко. День и часъ, въ который происходилъ этотъ разговоръ, были, по словамъ Ивинскаго, именно тѣ, въ кото-

---

[1]) Родной дядя бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Дмитрія Андреевича Толстого.

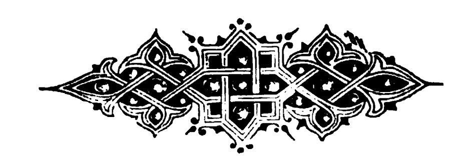
рые показывали Сухареву башню, а потому помѣщикъ, поблагодаривъ его за совѣтъ, отправился посмотрѣть на слона. Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился въ клубъ разсерженнымъ и обиженнымъ и сталъ увѣрять всѣхъ, что сторожъ дѣйствительно оказался предерзкимъ и не только не показалъ ему ни башни, ни слона, но, назвавъ его сумасшедшимъ, обругалъ и прогналъ его! Бѣдный провинціалъ нисколько не подозрѣвалъ сыгранной съ нимъ Ивинскимъ шутки, а еще менѣе, что по милости послѣдняго онъ сдѣлался посмѣшищемъ всего англійскаго клуба.

Эти три анекдота были до того извѣстны въ Москвѣ, что я тогда же запомнилъ ихъ.

Описавъ, по крайнему моему разумѣнію, нѣкоторыхъ представителей тогдашняго московскаго общества, нынѣ давно забытыхъ, и, сдѣлавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, краткую характеристику немногихъ отдѣльныхъ личностей, я, быть можетъ, слишкомъ распронился объ этихъ москвичахъ, которые почти всѣ тихо и безмятежно угасли, не оставивъ по себѣ никакого замѣтнаго слѣда, но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ занимали въ свое время не послѣднее мѣсто въ обществѣ и были любимы и уважаемы, а другіе, по разнороднымъ причинамъ, обращали на себя, хотя временно, вниманіе своихъ современниковъ и нерѣдко служили предметомъ оживленныхъ о нихъ разговоровъ, то мнѣ кажется, что воспоминанія о первыхъ могутъ быть не безынтересны для ихъ ближайшихъ потомковъ, а о послѣднихъ—для позднѣйшаго поколѣнія москвичей, знакомыхъ съ ними единственно по разсказамъ своихъ дѣдовъ и отцовъ.

С. Загоскинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БЫЛОЕ.

(Изъ семейной хроники) [1]).

II.

Нянюшка Февронья Степановна.

...Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ...

А. С. Пушкинъ.

I.

АТЕРИ моей я лишился по третьему году. Очень естественно, что я не помню ея и знаю только по разсказамъ отца и другихъ родныхъ. Говорили, что она была женщина крайне нервная, истеричная даже: то добра безгранично, полна любви и ласки, то раздражительна до жестокости. Сообразно съ настроеніемъ духа, говорятъ, мѣнялось и лицо ея, иногда прекрасное и прямо поражавшее какимъ-то небеснымъ выраженіемъ, иногда желтое, искаженное нервными муками. Она умерла рано — двадцати семи лѣтъ — отъ нервной болѣзни.

Послѣдніе три года мать моя особенно страдала. По общему отзыву, въ это время уже на нее угодить было трудно. Раздражаясь на всѣхъ, она въ то же время какъ-то особенно страстно, нѣжно

[1]) Первый очеркъ изъ семейной хроники В. А. Тихонова былъ напечатанъ въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1899 года.

полюбила своего послѣдняго ребенка, то-есть меня. Два года она не могла остановиться ни на одной нянькѣ. Ихъ мѣняли чуть не каждыя двѣ недѣли, и всѣ онѣ оказывались, по мнѣнію моей матери, не на высотѣ своего призванія.

И вотъ тутъ-то и появилась Февронья Степановна, только что овдовѣвшая, молодая мѣщанка. Не въ силу каприза, а, вѣроятно, по чисто материнскому чутью, мать моя, уже знавшая, что дни ея сочтены, угадала въ этой женщинѣ ту нянюшку, которую она такъ безуспѣшно искала два года. Скорѣе благообразное, чѣмъ красивое лицо молодой бездѣтной вдовы привлекло мою мать, и она, сдавъ со своихъ уже ослабѣвшихъ рукъ на свѣжія и здоровыя руки Февроньи своего ребенка, вздохнула свободно:

— Теперь я умру спокойнѣе. У Февроньи сердце есть, а сердце-то я въ нянькѣ сыну моему и искала.

Не прошло и полугода со дня поступленія Февроньи, какъ мать моя скончалась. Говорятъ, недѣли за три до смерти, когда ее, совсѣмъ уже больную, перевезли изъ нашей усадьбы въ губернскій городъ, она, рыдая, умоляла Февронью никогда, ни подъ какимъ видомъ не покидать своего питомца, любить и беречь его, какъ могла бы только любить и беречь родная мать. Февронья образъ сняла со стѣны и поклялась въ этомъ.

Свято исполняла эту клятву моя нянюшка и, дѣйствительно, пока сама не сошла въ могилу, любила и берегла меня, какъ могла бы только любить и беречь родная мать. Но родная мать, навѣрное, меня такъ бы не баловала, и какъ ни хороша была моя няня, а все-таки часто приходила мнѣ въ голову мысль, что многими дурными сторонами моего характера я вполнѣ обязанъ безграничному баловству Февроньи Степановны. Но не мнѣ судить ее за это.

II.

Средняго роста, бѣлая, полная, съ добрыми сѣрыми глазами, съ красивымъ, добрымъ ртомъ, нянюшка моя была предметомъ тайной страсти почти всей мужской половины нашей дворни. Но эта страсть такъ и оставалась тайной. Ни у кого бы и языкъ не повернулся сдѣлать ей какое нибудь предложеніе или признаніе. Нашелся только одинъ смѣльчакъ, молодой красавецъ, приказчикъ Никоновъ, да и тотъ не лично, а при посредствѣ одной нашей дальней родственницы, сдѣлалъ Февроньѣ Степановнѣ предложеніе руки и сердца. Никоновъ былъ завидная партія и не для такой невѣсты. За него не только вдова мѣщанка и безприданница, но и купеческая дочь пошла бы, что̀ дѣйствительно потомъ и случилось. Никоновъ женился на дочери одного второгильдейскаго купца, на очень красивой дѣвушкѣ и самъ въ купцы вышелъ и кончилъ дни свои

даже городскимъ головой въ одномъ маленькомъ уѣздномъ городишкѣ. Но на нянюшкѣ моей онъ осѣкся.

— Передайте ему,— сказала она посватавшей ее за Никонова нашей дальней родственницѣ,—я питомчика моего не оставлю и не уйду отъ него никуда.

— Да онъ и не требуетъ, чтобъ ты уходила. Онъ и на то согласенъ, чтобы ты оставалась на своемъ мѣстѣ, пока Володю н вынянчаешь,—объясняли ей.

Нянюшка только улыбнулась.

— Невозможно это,—сказала она.—Или я тому женой не буду или я этому уже не нянька.

И съ тѣхъ поръ никто и никогда не дерзалъ посвататься къ Февроньѣ Степановнѣ.

Узналъ объ этомъ великодушномъ порывѣ отецъ мой. Призвалъ Февронью къ себѣ и высказалъ ей свое удивленіе.

— Какъ это ты, Февронья, такому жениху могла отказать? Вѣдь такіе-то, какъ Никоновъ, не часто встрѣчаются: и молодъ, и красивъ, и нрава хорошаго, да и на широкой дорогѣ.

— Моя дорога, батюшка, одна,— отвѣтила ему няня.— Ходить за Володюшкой, и нѣтъ мнѣ отраднѣе этой дороги.

— Да тебѣ сколько лѣтъ?

— Двадцать восьмой.

— Смотри-ка, какая еще ты молодая, да какая здоровая и красивая. Тяжело тебѣ будетъ твое вдовство переносить.

— Съ Божьею помощью перенесу какъ нибудь.

И пошелъ съ того времени слухъ, что Февронья Степановна потому ни на одного мужчину не взглянетъ, что пользуется не только особыми милостями, но и особыми ласками самого вдовца-хозяина.

Справедливъ ли былъ этотъ слухъ, я совершенно утвердительно сказать не берусь, но и неправдоподобнаго въ немъ ничего не вижу. Отцу моему въ то время и сорока лѣтъ не было, а аскетической или монашеской жизнью онъ отнюдь никогда не отличался и, какъ говорятъ, успѣхъ у женщинъ имѣлъ большой и неизмѣнный. Мудреное ли дѣло, если нянюшка моя не устояла передъ ласками отца своего питомца? Да вѣдь и поцѣловать ребенка, только что поцѣловавъ отца его, совсѣмъ не то, что поцѣловать, даже на руки взять ребенка, послѣ того, какъ только что ласкала мужчину посторонняго. Такъ вѣдь и каждая мать ласкаетъ и мужа и сына своего, почти единовременно.

Еще въ подтвержденіе этого слуха можно привести и то обстоятельство, что нянюшка моя была въ домѣ нашемъ на какомъ-то совсѣмъ особомъ положеніи. А когда отецъ мой, послѣ восьмилѣтняго вдовства, опять женился, то нянюшка была удалена изъ дома, но не надолго: сама мачиха моя, прекрасная молодая женщина, узнавъ объ этомъ, потребовала, чтобы Февронью Степановну опять вернули

въ домъ, и нянюшка была водворена и къ мачихѣ моей относилась не только почтительно, но и съ искренней и горячей любовью, какой та вполнѣ заслуживала. Надо полагать, что если и было между сею и отцомъ моимъ что нибудь, то къ этому времени уже все прекратилось.

Но какъ ни какъ, а убѣжденіе, что Февронья Степановна была такъ равнодушна ко всѣмъ мужчинамъ на свѣтѣ именно потому, что одинъ мужчина былъ ей милъ, и мужчина этотъ былъ не кто иной, какъ отецъ ея питомца, настолько твердо установилось въ нашей семьѣ, что приходится ему вѣрить и принять за свершившійся фактъ.

III.

Дѣтская моя помѣщалась во второмъ этажѣ, какъ разъ надъ кабинетомъ моего отца. Большая, свѣтлая комната, со стѣнами, выкрашенными въ свѣтлую краску, со старинной лежанкой, была по тому времени очень гигіенична. Нянюшка держала ее въ большой чистотѣ и порядкѣ. Одно только было не хорошо: любила она парфюмировать эту комнату курительными свѣчками или, какъ тогда называли, «монашками». На каждомъ подоконникѣ лежало у нея по мѣдной копеечкѣ, а на копеечкахъ курились маленькія, черненькія монашки. Когда отецъ заходилъ къ намъ въ дѣтскую, по этому поводу неизмѣнно происходили недоразумѣнія.

— Нянька, опять накурила!—начиналъ онъ, потягивая носомъ.

— А что жъ, батюшка, духъ-то вѣдь хорошій,—отзывалась на это уже сконфуженная нянюшка.

— А я тебѣ сколько разъ говорилъ, что ничего въ этомъ хорошаго нѣтъ, только у Володи голова разболится. Убери сейчасъ же! Убери эту гадость.

И нянюшка покорно сбрасывала «монашки» въ тазъ и снимала съ подоконниковъ копеечки. Если при этой сценѣ присутствовалъ я, то неизмѣнно принимался отстаивать курилки, такъ какъ любилъ ихъ запахъ и самый процессъ тлѣнія едва ли не болѣе нянюшки. Но на отстаиваніе мое и даже на слезы отецъ въ этихъ случаяхъ не обращалъ никакого вниманія. Монашки изгонялись, впрочемъ, не надолго. Черезъ недѣлю, другую, нянюшка сдавалась на мое увѣщаніе, и опять раскладывались копеечки, и опять комната наполнялась удушливымъ благоуханіемъ.

Еще была страсть у Февроньи Степановны, страсть, изъ-за которой тоже она получала немало выговоровъ со стороны отца,—это помада. На свои собственныя средства покупала она у прохожихъ торговцевъ-венгерцевъ баночки какой-то особенной «мозговой» помады. Какъ сейчасъ, помню эти баночки: бѣлыя, глиняныя, а на этикетахъ была нарисована бычачья голова. Пахла эта помада,

какъ мнѣ казалось тогда, восхитительно. А нянюшка, кромѣ того, считала это средство особенно полезнымъ для рощенія и укрѣпленія волосъ. Но отецъ мой былъ врагомъ и помады.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ ты маслишь ребенку голову?—возмущался онъ, когда я, напомаженный, въ сопровожденіи Февроньи Степановны, являлся къ нему для утренняго привѣтствія. — У него и безъ того хорошіе волосы.

— А, можетъ быть, батюшка, потому и хорошіе, что маслю, — возражала нянюшка.

— Вздоръ! Отъ этого только нечистота въ головѣ заводится,— настаивалъ отецъ.

Но въ этомъ случаѣ онъ въ концѣ-концовъ оказался побѣжденнымъ, во-первыхъ, потому, что относительно помады нянюшку поддерживали и мои тетки, а, во-вторыхъ, и докторъ, постоянно посѣщавшій насъ и спрошенный по тому же предмету, высказался за умасленіе волосъ, только посовѣтовалъ обращать вниманіе на качество продукта.

— Гдѣ ты покупаешь эту помаду? — спросилъ однажды отецъ нянюшку, входя къ намъ въ дѣтскую и разсматривая стоявшую на комодѣ баночку.

— У венгерцевъ, батюшка, самый высшій сортъ.

— Брось, не покупай у нихъ. У нихъ всякая залежалая дрянь попадается. Вотъ поѣду въ Казань, самъ куплю чего нибудь хорошаго.

И дѣйствительно, при первой же поѣздкѣ, отецъ привезъ намъ нѣсколько флаконовъ какого-то «макасарова масла». Но, увы! масло это не имѣло особеннаго успѣха: во-первыхъ, оно мнѣ меньше понравилось; а, во-вторыхъ, нянюшка придавала почему-то особенное значеніе для головы именно «мозговой» помадѣ, и бѣлая баночка, украшенная бычачьей мордой, спрятанная было въ нянюшкинъ объемистый сундукъ, снова появилась на свѣтъ Божій.

IV.

Ахъ, что за прелесть былъ этотъ нянюшкинъ сундукъ! Едва ли впослѣдствіи когда нибудь, осматривая разные музеи и кунсткамеры, испытывалъ я такое полное наслажденіе, какъ въ тѣ славные дни, когда нянюшка Февронья Степановна позволяла мнѣ порыться въ ея сундукѣ.

Во-первыхъ, самый процессъ открыванія этого сундука производилъ на меня чарующее впечатлѣніе. Нянюшка предоставляла мнѣ самому вставить большой зубчатый ключъ въ замочную скважину сундука, и я съ радостнымъ сердцемъ дѣлалъ два оборота этимъ ключомъ, и при этомъ раздавалась музыка, т.-е. не музыка,

собственно говоря, а просто три-четыре металлическихъ, но красиво и мягко подобранныхъ звука. Отперевъ сундукъ, я, не открывая крышки, сейчасъ же опять запиралъ его, чтобы опять послушать музыки. Потомъ опять отпиралъ и опять запиралъ и такъ до тѣхъ поръ, пока нянюшка, бывало, не скажетъ:

— Ну, довольно, милый, такъ вѣдь и замочекъ испортить можно. И не откроешь сундука.

Новое, чарующее зрѣлище: на внутренней сторонѣ крышки наклеена большая, раскрашенная красками картинка о томъ, какъ мыши кота хоронили. Я давно уже наизусть зналъ каждую мышку на этой картинѣ и, тѣмъ не менѣе, каждый разъ съ неизмѣннымъ вниманіемъ разсматривалъ эту забавную процессію. И только уже убѣдившись, что на картинѣ все находится въ прежнемъ порядкѣ, я позволялъ нянюшкѣ снять верхнюю, покрывавшую весь сундукъ, свѣтло-голубую накидку.

Какъ хорошо пахло изъ этого сундука! Да и не мудрено: въ немъ вѣдь хранились и курительныя свѣчки, и «мозговая» помада, и спермацетовое мыло, и мыло, особенно любимое нянюшкой, зеленое, огуречное; и бутылочка «амбре», и пузырекъ съ духами «жасминъ», а въ боковомъ длинномъ ящичкѣ лежалъ мѣшочекъ съ роснымъ ладаномъ и нѣсколько кипарисовыхъ крестиковъ, образковъ и четокъ. Какой прекрасный букетъ все это составляло, я теперь уже и передать не могу.

Я вдыхалъ ароматъ сундука, а нянюшка тѣмъ временемъ вынимала вещь за вещью и, встряхнувъ или расправивъ ее, бережно укладывала на разостланную тутъ же на полу свѣтло-голубую накидку.

А какихъ только вещей не было въ сундукѣ у нянюшки! Когда, бывало, пріѣзжали къ намъ венгерцы и гдѣ нибудь, среди большой, просторной комнаты, окруженные всѣмъ многочисленнымъ, женскимъ населеніемъ нашего дома, развертывали свои феноменальные по вмѣстимости короба, они меньше поражали меня разнообразіемъ перекладываемыхъ ими товаровъ, чѣмъ это дѣлала нянюшка, разбирая свой объемистый сундукъ. Несмотря на то, что я почти наизусть зналъ каждую вещичку, покоившуюся въ этомъ сундукѣ, я могъ часы присутствовать при этой разборкѣ. Вотъ появлялся небольшой кусокъ темно-синяго бархата.

— Это остатокъ отъ платья твоей маменьки,—говоритъ нянюшка.

И я почему-то каждый разъ считалъ нужнымъ благоговѣйно поцѣловать этотъ остатокъ.

— А вотъ твои башмачки. Ихъ еще ты до меня носилъ, — продолжаетъ нянюшка и уже сама цѣлуетъ крошечные, вязаные чахольчики для дѣтскихъ ногъ.

Вотъ нянюшкино парадное платье. Хорошо пахнетъ отъ него. Люблю я это платье и неизмѣнно спрашиваю:

— На пасхѣ опять надѣнешь?

— А то какъ же, миленькій, вѣстимо, одѣну.

А вотъ хорошенькое восковое яблочко. А вотъ цѣлая коробка пасхальныхъ яицъ. Нѣкоторыя изъ нихъ съ панорамой. Я непремѣнно заглядываю сквозь стеклышко внутрь и вижу Христа, возносящагося надъ гробомъ. А вотъ вѣтка изъ искусственныхъ цвѣтовъ. А вотъ мои крошечные панталончики.

— Первые, которые ты надѣлъ,—говоритъ нянюшка.

А вотъ корочка съ пучками волосъ, завернутыхъ прядями отдѣльно по бумажкамъ. Длинная, черная прядь—это волосы моей матери; совсѣмъ льняные, свѣтлые, мягкіе—это мои дѣтскіе волосики. А вотъ эта прядь, я не знаю, чья. Нянюшка почему-то уклоняется отъ объясненій, но по цвѣту мнѣ почему-то сдается, что это—папины. И тутъ же рядомъ другая коробочка, деревянная, съ выдвижной крышкой. Я знаю, что въ ней лежитъ ревенный порошокъ. Знаю также, что завернуто вонъ въ томъ пакетикѣ — это желтые порошки «доктора Потто». Ихъ давали намъ при лихорадкѣ, и они чудесно помогали. Правда, я не любилъ ихъ: они были горькіе, но далеко не такъ горьки, какъ смѣнившій ихъ потомъ хининъ.

Гдѣ теперь порошки «доктора Потто»? Да и про лихорадку какъ-то рѣже приходится слышать. Теперь все инфлуэнца съ разными осложненіями.

Я задумался надъ порошками «доктора Потто», вспоминая, какъ мѣсяца два передъ этимъ я лежалъ въ постелькѣ, принималъ лѣкарство и пилъ кисленькое лимонное питье, а нянюшка ужъ, между тѣмъ, развертываетъ предо мною новую вещь: это красивое, начатое ею какое-то вышиванье. Разсматриваетъ его она и вздыхаетъ.

— Ахъ, когда-то, когда-то я соберусь кончить?

Но вышиваніе меня мало интересуетъ. Меня тянетъ больше вонъ къ тому пакетику. Я знаю, что въ немъ хранятся два дагеротипа: одинъ, снятый съ меня, когда мнѣ было три съ половиной года, а другой съ отца моего. Нянюшка видитъ это, улыбается и развертываетъ пакетикъ. Мой дагеротипъ не удался: на немъ ничего разобрать нельзя, но зато отцовскій превосходенъ. Какъ живое смотритъ съ него такъ горячо любимое мною, гладко выбритое и обхваченное длинными волнующимися волосами, какое-то вдохновенное лицо моего отца. Я поворачиваю этотъ дагеротипъ, ищу положенія, съ котораго онъ особенно удаченъ, и хочу поцѣловать. Но нянюшка останавливаетъ меня.

— Не надо, миленькій, будешь все цѣловать, пожалуй, и совсѣмъ сотрешь.

И мы продолжаемъ дальнѣйшую разборку сундука. И вотъ доходимъ до одной вещи, которая почему-то всегда приводитъ насъ обоихъ въ грустно-умиленное состояніе. Это поношенныя уже пер-

чатки покойной матери. Онѣ какъ будто сохранили еще запахъ ея рукъ, и цѣлуя ихъ изнанку, я словно прикасаюсь губами къ родному тѣлу.

— Ахъ, Володюшка! Еслибъ ты зналъ, какая красавица была твоя маменька, и какая добрая была, словно ангелъ небесный,— говоритъ нянюшка.

А я съ широкораскрытыми глазами внимательно слушаю ее. Все, что касается моей матери, страшно интересуетъ меня. Потомъ отъ другихъ я уже узналъ, что у матери моей былъ неровный раздражительный характеръ, обусловливаемый ея нервной болѣзнью, но отъ няни моей я всегда и неизмѣнно слышалъ, что матушка моя была не только красавица, но и добра, какъ ангелъ. И спасибо ей, этой доброй и простой женщинѣ, за то, что она такъ заботливо берегла въ душѣ моей любовь къ покойной матери.

Проходитъ часъ, другой, сундукъ ужъ весь разобранъ. Я все пересмотрѣлъ, все, до послѣдней ниточки. Даже одинокую, закатившуюся въ уголокъ, розовую бусинку подержалъ въ рукахъ, и теперь пора складывать вещи обратно на свое мѣсто. Это дѣло идетъ гораздо скорѣе, и вотъ я уже опять поворачиваю ключъ въ замкѣ, опять звучитъ «музыка» и звучитъ какъ-то грустно теперь. Мнѣ жаль разставаться съ сундукомъ. Но нянюшка меня успокаиваетъ.

— Полно, миленькій, придетъ досугъ, опять посмотримъ.

И я страшно желаю, чтобы этотъ досугъ пришелъ какъ можно скорѣе. Я вѣдь готовъ опять сейчасъ же приняться за разборку нянюшкина богатства.

V.

Наступаетъ вечеръ. Тихо у насъ въ дѣтской. Внизу, на половинѣ моего отца идетъ веселый шумъ и оживленіе. Тамъ съѣхались гости. Доносятся звуки рояля, слышится пѣніе. Мнѣ страшно хочется туда, но нянюшка меня уговариваетъ.

— Полно-ка, миленькій, поздно ужъ, спать пора.

Я протестую, но не долго. Глаза начинаютъ у меня слипаться, и моя кроватка тянетъ меня къ себѣ. Мы ждемъ только, когда придетъ папа, чтобы благословить меня на сонъ грядущій. Когда не бываетъ гостей, мы обыкновенно сами спускаемся къ нему внизъ, но при гостяхъ папа этого не любитъ.

Вотъ слышатся шаги на лѣстницѣ. Онъ идетъ, кажется, легко и бодро, но подъ тяжестью его громадной фигуры ступеньки скрипятъ и словно весь домъ вздрагиваетъ.

— Еще не легли?—спрашиваетъ онъ, входя въ дѣтскую.

— Папу ждалъ,—отвѣчаетъ за меня нянюшка.

Отецъ ставитъ меня передъ собой и трижды креститъ, потомъ

нѣжно цѣлуетъ, ласково гладитъ мои волосы, еще разъ цѣлуетъ и потомъ, какъ бы съ сожалѣніемъ оторвавшись отъ меня, говоритъ:

— Ну, спи спокойно.

Опять поскрипываютъ ступени подъ его ногами, и въ нашу дѣтскую, отъ на минуту распахнувшейся внизу двери, врываются звуки рояли, неясный гулъ голосовъ.

Нянюшка умываетъ меня, переодѣваетъ въ чистую рубашечку и укладываетъ въ постельку. Тушится свѣчка, и дѣтская погружается въ тихій полумракъ, едва освѣщенная мерцаніемъ лампадки, висящей передъ иконой Казанской Божіей Матери. Нянюшка ставитъ возлѣ моей кроватки свой стулъ и начинаетъ:

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ и т. д.

Нянюшкины сказки были для меня цѣлымъ міромъ. Она разсказывала мнѣ и объ Иванѣ Царевичѣ, и о Сѣромъ Волкѣ, и о Царѣ Салтанѣ, и о Спящей Царевнѣ, и о Бовѣ-Королевичѣ. Однимъ словомъ, она мнѣ разсказывала тѣ же самыя сказки, которыя разсказывались тогда всѣмъ счастливымъ дѣткамъ, у которыхъ были хорошія, любящія нянюшки. Развѣ только одну особенность можно было подмѣтить въ ея сказкахъ: она выпускала изъ нихъ все страшное и жестокое, все, что могло напугать ребенка или болѣзненно настроить его воображеніе. И мои дѣтскія сказки были тихи и мирны, и если не было въ нихъ слишкомъ яркихъ, кричащихъ красокъ, за то не было ничего и мрачнаго, чернаго. Всѣ онѣ неизмѣнно доводились до благополучнаго конца, и я, переселенный въ міръ тихихъ грезъ, засыпалъ спокойно. А нянюшкѣ приносили въ это время въ сосѣднюю комнату ея вечерній чай и ужинъ, и она, потрапезовавъ тамъ, возвращалась въ дѣтскую и сама укладывалась спать.

Но не всегда бывало такъ благополучно. Иногда я, по разнымъ причинамъ, вдругъ начиналъ капризничать, и все мнѣ казалось неладно, и всѣмъ я былъ недоволенъ. Вдругъ мнѣ приходило, напримѣръ, желаніе отправиться непремѣнно спать къ отцу въ спальню. Я начиналъ доказывать нянькѣ, что я уже большой, и что мнѣ слѣдуетъ спать съ папой. Никакіе доводы ея не дѣйствовали на меня, но никакіе и мои доводы на нее не дѣйствовали. И тогда я пускался на самое вѣрное средство: я принимался плакать. О, слезъ моихъ нянюшка никогда не могла вынести. Она брала мою подушку, одѣяльце, наскоро одѣвала меня и несла внизъ, въ кабинетъ къ отцу.

— Это еще что такое? Это зачѣмъ?—удивлялся тотъ, когда нянюшка передавала ему мое неизмѣнное желаніе спать вмѣстѣ съ нимъ.

Отецъ, конечно, не соглашался и приказывалъ намъ отпра-

вляться обратно въ дѣтскую. Но тутъ уже я принимался не только плакать, а прямо таки ревѣть.

— Ахъ, Боже мой!—сердился отецъ.—До какой степени ты его избаловала! Силъ никакихъ нѣтъ!

И тутъ же, сейчасъ, не замѣчая того, что въ моей избалованности онъ повиненъ ничуть не меньше, чѣмъ нянюшка, онъ сдавался и говорилъ:

— Ну, хорошо, хорошо, уложи его ко мнѣ на кровать.

Нянюшка укладывала меня въ примыкавшей къ кабинету спальнѣ отца и удалялась къ себѣ въ дѣтскую. Я торжествовалъ, во-первыхъ, отъ сознанія своей побѣды, а, во-вторыхъ, оттого, что я лежалъ на постелѣ моего отца. Это мнѣ всегда доставляло почему-то громадное удовольствіе. Но торжество мое длилось не долго: мнѣ начинало дѣлаться скучно. Отецъ сидѣлъ въ кабинетѣ, и оттуда ясно доносился скрипъ его гусинаго пера. Въ полуоткрытую дверь я могъ только слабо различать его нагнувшуюся надъ столомъ громадную спину.

— Папа, ты скоро придешь спать?—окликалъ я его изъ спальни.

— Скоро, скоро, спи... не мѣшай,—отзывался онъ.

Проходила минута, двѣ. Я начиналъ уже хныкать.

— Папа, да иди же... Мнѣ скучно...

— Ахъ, несносный мальчишка!—сердился отецъ и еще настойчивѣе приказывалъ мнѣ сейчасъ же уснуть.

Но я, вмѣсто этого, принимался ревѣть и требовать, чтобы меня пустили въ дѣтскую. Отецъ отрывался отъ работы, завертывалъ меня въ одѣяло, захватывалъ мою подушку и несъ наверхъ.

Но въ дѣтской мнѣ опять казалось почему-то неинтересно, и я, предположивъ, что теперь отецъ, окончивъ работу, уже, можетъ быть, улегся въ постель, начиналъ требовать отъ нянюшки новаго переселенія въ спальню къ отцу, угрожая ей, въ случаѣ неисполненія моего желанія, ревомъ на всю ночь. Скрѣпя сердце и вздыхая, нянюшка брала свое избалованное дитятко и несла къ баловнику-отцу. Тотъ, дѣйствительно, уже собирался ложиться спать и, какъ и въ первый разъ, сначала замахавъ руками, въ концѣ концовъ, уступалъ моему капризу, и мы укладывались рядомъ—я къ стѣнкѣ, а отецъ съ края.

— Папа, разскажи мнѣ сказку,—начиналъ я, не только ворочаясь, но чуть не кувыркаясь подъ одѣялами.

— Послѣ, завтра разскажу. Теперь поздно, спать надо. Да не вертись ты, пожалуйста, такъ,—говорилъ отецъ и тушилъ свѣчку.

Въ спальнѣ становилось совершенно темно. Отецъ вскорѣ начиналъ всхрапывать. Мнѣ становилось тѣсно и неудобно. Я начиналъ тихонько плакать. Замѣчая, что отецъ уже спитъ и не слышитъ моихъ слезъ, я сначала осторожно, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе принимался теребить его за воротъ рубашки.

— Что тебѣ?—спросонья спрашивалъ онъ.

— Папа, я въ дѣтскую хочу.

— Глупости, спи!—коротко говорилъ отецъ, поворачиваясь на другой бокъ.

Но тутъ его спальня оглашалась самымъ пронзительнымъ ревомъ. Отецъ сердился, кряхтѣлъ, зажигалъ свѣчку, поднимался съ кровати, надѣвалъ на себя халатъ и несъ меня наверхъ.

— Слушай, Февронья,—строго говорилъ онъ нянькѣ,—если ты еще принесешь мнѣ его внизъ, я тебѣ покажу! Я тебѣ покажу! Силъ нѣтъ, до чего мальчишку забаловали!

Нянюшка принимала меня съ рукъ на руки, укладывала въ постель и сама ворчала:

— Набаловали!.. Набаловали!.. А кто его балуетъ? Одна что ли я?

Да, не одна нянюшка баловала меня, баловалъ и отецъ, и едва ли не больше ея самой. Помню, болѣли у меня какъ-то зубы, и цѣлую ночь отецъ не отходилъ отъ меня ни на шагъ, носилъ меня на рукахъ, самъ разсказывалъ разныя сказки, и это мнѣ такъ понравилось, что въ другой разъ у меня и зубы не болѣли, а я попробовалъ выкинуть ту же продѣлку. И въ началѣ удалось какъ нельзя лучше, но потомъ отецъ, вѣроятно, догадался, что я его обманываю, и страшно разсердился.

— Дрянной мальчишка! Еще притворяться вздумалъ. Не смѣй ко мнѣ сегодня весь день подходить!

Увы, и это сравнительно мягкое наказаніе не было исполнено Отецъ самъ первый же забылъ объ немъ и скоро, соскучившись, пришелъ ко мнѣ въ дѣтскую.

Что же сказать о тѣхъ дняхъ, когда я дѣйствительно заболѣвалъ серіозно? О, тутъ уже заботамъ отца не было предѣла. Но въ настоящемъ очеркѣ я говорю не о немъ, а о нянюшкѣ, и потому перейдемъ къ ней.

VI.

Безграничное баловство Февроньи Степановны сдѣлало меня, во-первыхъ, страшнымъ нѣженкой, большимъ плаксой и даже порядочнымъ трусишкой. И какъ ни любилъ я ее, какъ ни горячо всегда вспоминалъ впослѣдствіи, а все-таки нѣтъ-нѣтъ да зарождался въ моей душѣ укоръ ея баловству, когда потомъ въ суровой школѣ жизни, а особенно на военной службѣ, мнѣ приходилось отдѣлываться отъ этихъ пороковъ, воспитанныхъ во мнѣ съ ранняго дѣтства. Отецъ дѣлалъ много попытокъ, чтобы измѣнить какъ нибудь это бабье воспитаніе, но, когда даже настала эпоха гувернеровъ, о которой я буду говорить впослѣдствіи, вліяніе нянюшки парализовало и всѣ старанія моихъ менторовъ, и пришлось рѣшиться на послѣднюю мѣру, т. е. отдать меня въ закрытое учебное заведеніе.

Немного, я думаю, дѣтей перенесло такое ужасное «кутанье», какъ я. Нянюшка готова была, кажется, выводя меня на дворъ или въ садъ, облечь во все, во что только возможно. При малѣйшемъ кашлѣ, мнѣ смазывали саломъ горло и не выпускали изъ комнаты. И въ то же время меня буквально обкармливали всякими лакомствами, и надо только удивляться, что я все-таки росъ довольно здоровымъ мальчикомъ. А когда сталъ уже выравниваться и приходилъ въ отроческій возрастъ, и природа стала брать свое, т. е., когда меня потянуло на волю, къ сверстникамъ, къ ихъ рѣзвымъ забавамъ, къ ихъ юному молодечеству, огорченіямъ нянюшки не было и предѣла. Она положительно плакала, когда я, бывало, съ моимъ старшимъ братомъ и гувернеромъ отправлялся купаться на рѣку. А что съ ней было, когда я впервые сѣлъ верхомъ на настоящую, большую лошадь! Первый же выстрѣлъ, произведенный мною въ саду изъ отцовской двустволки, едва ли не заставилъ ее лишиться чувствъ. Бѣдная нянюшка! Она никогда не предполагала, чтобъ питомецъ ея могъ вырости, стать такимъ же большимъ мужчиной, начать пить вино и курить этотъ ужасный табачище.

Ахъ, съ этимъ табакомъ произошла прекуріозная исторія. Только что произведеннымъ, молодымъ офицеромъ вернулся я въ домъ отца, но не въ имѣніи, а въ городѣ Казани. Нянюшка уже давно ожидала меня. Сама приготовила и прибрала для меня двѣ комнатки, прибрала очень заботливо, но все-таки онѣ болѣе напоминали дѣтскую, чѣмъ обиталище молодого офицера. Даже два яблочка, которыя она каждое утро натощакъ давала мнѣ съѣдать были заботливо положены на столикѣ возлѣ моей кровати.

Каково же было удивленіе, почти ужасъ Февроньи Степановны, когда я явился въ родительскій домъ не одинъ, а въ сопровожденіи, дюжаго солдата-денщика, татарина Гайнула Ирмометова.

— Батюшки! Солдатище-то тотъ зачѣмъ сюда привалился?—завопила нянюшка, и когда я ей объяснилъ, что это не «солдатище», а мой денщикъ и очень хорошій, преданный малый, и что онъ будетъ отнынѣ мнѣ служить, она все-таки не успокоилась.

— Ну, вотъ еще въ домъ чужого человѣка пускать! Да развѣ я тебѣ хуже услужу, что ли? Да онъ сапожищами всѣ комнаты продушитъ, да и отъ самого-то него, поди, винищемъ да табачищемъ разитъ.

Но, увы, на этотъ разъ я оказался непреклоненъ, и Гайнулъ Ирмометовъ былъ водворенъ въ небольшой каморкѣ, примыкавшей къ отведеннымъ мнѣ двумъ комнатамъ.

Въ тотъ же день и произошла куріозная исторія съ табакомъ. Не помню ужъ, кто изъ моихъ родственниковъ мнѣ прислалъ въ подарокъ два фунта отличнаго турецкаго табаку, и я, уходя изъ дома, приказалъ денщику взять одинъ фунтъ, разложить его на

листахъ бумаги, немножко подсушить и затѣмъ набить нѣсколько сотъ папиросъ. Но, памятуя о томъ, что солдатскіе «сапожищи» дѣйствительно распространяютъ вокругъ себя довольно специфическій запахъ, очень легко усвояемый табакомъ, я приказалъ Ирмометову заняться подсушкой табака и набивкой папиросъ отнюдь не въ каморкѣ, гдѣ хранились его солдатскіе сапоги, а въ моемъ кабинетѣ, при чемъ быть обутымъ въ коротенькіе сапоги денщицкіе, которые были куплены при поступленіи его ко мнѣ на службу.

Вернувшись вечеромъ домой, я былъ удивленъ крайне растеряннымъ видомъ моего денщика.

— Набилъ папиросы?—спросилъ я его.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—растерянно отвѣчалъ онъ.

— Какъ нѣтъ? Почему нѣтъ?

— По причинѣ нянюшки.

— Что такое «по причинѣ нянюшки»?—объясни толкомъ.

Оказалось, что только-что Ирмометовъ расположился въ моемъ кабинетѣ набивать папиросы, туда вошла Февронья Степановна и неистово набросилась на бѣднаго денщика за то, что тотъ посмѣлъ «поганить своимъ табачищемъ» господскія комнаты. И какъ ни увѣрялъ тотъ, что табакъ не его, что папиросы онъ набиваетъ для меня, она не только вѣрить, но и слышать этого не хотѣла и, ссылаясь на то, что ни мой отецъ, ни мой братъ въ ротъ этого зелья не берутъ, утверждала, что невозможно это, чтобы нѣжно любимый ею Володенька предавался такому постыдному пороку. И, не обращая уже больше никакого вниманія на объясненія Ирмометова, самымъ рѣшительнымъ образомъ выбросила за окно и табакъ, и гильзы, и даже вату, и палочку, приготовленныя для набивки папиросъ.

А на другой день нянюшка даже заплакала, когда я сообщилъ ей, что уже нѣсколько лѣтъ предаюсь этому гнусному пороку, то-есть куренью табака.

— Вотъ до чего довели тебя чужіе люди,—приговаривала она при этомъ.—Жилъ бы дома, такъ, небось, никакихъ бы такихъ привычекъ не нахватался. Ты, поди, теперь ужъ и яблочковъ натощакъ кушать не станешь?!

— Отчего яблочковъ не кушать!—успокоивалъ я ее.

— Володюшка! Неужели ты и вино пьешь?

Но мнѣ было тяжело наносить ей два удара въ одинъ день, и поэтому на послѣдній вопросъ я отвѣтилъ уклончиво.

VII.

Но не на этомъ кончились испытанія моей нянюшки. Ее ждало еще горе, горе тяжелое, можетъ быть, самое большое въ ея жизни.

Стали поговаривать о войнѣ. Съ каждымъ днемъ слухи становились все тревожнѣе и тревожнѣе; доходили вѣсти о сербскомъ

возстаніи, являлись добровольцы, все заволновалось, и не было уже сомнѣнія, что скоро-скоро придется заговорить и русскимъ пушкамъ.

Нянюшку мою словно громомъ пришибло.

— Милый мой! Да неужто и тебя возьмутъ?—съ какимъ-то трепетомъ въ голосѣ спросила она однажды меня.

— Не возьмутъ, няня, а я самъ пойду, — слегка бравируя, отвѣтилъ я.

— Самъ пойдешь? А зачѣмъ?

Я сталъ объяснять ей о святомъ долгѣ передъ отечествомъ, о прямомъ назначеніи каждаго воина, говорилъ я, вѣроятно, очень краснорѣчиво и убѣдительно, потому что съ особеннымъ удовольствіемъ самъ прислушивался къ своимъ словамъ и, только взглянувъ на нянюшку, понялъ, что никакой долгъ передъ отечествомъ, никакія военныя доблести не въ состояніи смягчить для нея всю жестокость предстоящей разлуки. Она сидѣла съ низко опущенной головой, а слезы такъ и сыпались изъ ея опухшихъ глазъ.

— Не ходи!—тихо прошептала она, когда я оборвался въ моихъ разглагольствованіяхъ.

— Нельзя, няня,—уже съ нескрываемымъ горемъ отвѣтилъ я ей.

Но няня мнѣ не повѣрила. Она пошла къ отцу и на колѣняхъ стала умолять не пускать меня, и когда тотъ сказалъ ей, что онъ не въ силахъ этого сдѣлать, она проникнула къ моему довольно вліятельному дядѣ и, рыдая, просила его спасти его крестника, то-есть меня, сдѣлать такъ, чтобъ меня не пустили на войну, назначили куда нибудь въ другое бы мѣсто, взяли бы изъ военной службы, а когда и дядя отвѣтилъ ей, что онъ не въ силахъ этого сдѣлать, а если бы и въ силахъ былъ, то не сдѣлалъ бы, такъ какъ этимъ жестоко оскорбилъ бы меня и осрамилъ бы нашу семью, няня пошла дальше и обратилась къ самому Богу.

Богъ ей помогъ. Она стала спокойнѣе. Горе ея утратило уже, такъ сказать, истерическій, крикливый характеръ, ушло куда-то внутрь и разрѣшалось молитвой. Она примирилась съ неизбѣжнымъ и думала теперь только объ одномъ: какъ бы облегчить это неизбѣжное.

Помню, однажды, поздно ночью, я вернулся домой и, раздѣвшись, легъ въ постель.

— Можно войти къ тебѣ, дитятко?—окликнула меня изъ сосѣдней комнаты няня.

— Войди, няня. Что тебѣ?—отозвался я.

— Да вотъ пришла поглядѣть на тебя.

— А ты еще не спишь?

— Нѣтъ, миленькій, сна что-то нѣтъ.

И няня присѣла на стулъ возлѣ моей кровати.

— Знаешь, Володюшка, что я надумала?—заговорила она, какъ-то робко взглядывая на меня.—Возьми ты меня съ собой.

— Куда это взять, няня?

— Да на войну-то.

Я улыбнулся.

— Да ты не смѣйся, а слушай-ка, что я тебѣ скажу: поѣхали бы мы вмѣстѣ, ты бы тамъ себѣ домикъ нанялъ—маленькій! Много-ль тебѣ одному-то надо?—меня бы въ немъ и поселилъ, а самъ бы на войну ходилъ, а придешь домой, вечеромъ, усталый, тебѣ бы все приготовлено было: и бѣльецо чистенькое, и покушать. А то, вѣдь, денщикъ-то твой татаринъ, тебя тамъ кониной кормить будетъ. А ужъ я бы за тобой какъ ухаживала! Умыла бы тебя, молочкомъ бы напоила! Въ постельку бы положила, укрыла бы тебя, моего голубчика. А на утро ты бы всталъ, — ну, ужъ что дѣлать—опять бы на войну пошелъ. А по праздникамъ бы и весь день вмѣстѣ проводили: пирожокъ бы тебѣ спекла!.. Былъ бы ты у меня въ чистотѣ да въ холѣ. А кончилась бы война, вернулись бы мы вмѣстѣ къ папенькѣ. У тебя бы вся грудь въ орденахъ, какъ у Петра Дмитріевича, и стали бы тебѣ всѣ почетъ оказывать, а я бы, на тебя глядя, радоваться да Бога благодарить, что помогъ Онъ мнѣ моего голубчика выходить.

Странная вещь! Нянины бредни о войнѣ подѣйствовали на меня самымъ заражающимъ образомъ. Голосъ ея убаюкалъ меня, я сталъ засыпать, и въ моемъ мозгу, подъ акомпаниментъ ея рѣчей, начали рисоваться самыя мирныя, самыя буколическія картины войны. И мнѣ казалось уже вполнѣ возможнымъ вести войну именно такъ, какъ воображала ее себѣ нянюшка: днемъ повоевать немножко, повоевать прилично и благопристойно, а вечеромъ вернуться къ себѣ въ домикъ, переодѣться въ чистое бѣлье, покушать и лечь на мягкую постель.

И сладко заснулъ я въ эту ночь, и хорошіе сны мнѣ снились: война мнѣ представлялась чѣмъ-то въ родѣ жнитва: желтая нива, залитая яркими солнечными лучами, а на нивѣ нарядные парни и дѣвушки, блестя серпами, жнутъ золотистую рожь. А невдалекѣ, въ тѣни зеленыхъ липъ и березъ, стоитъ маленькій, бѣленькій домикъ, на порогѣ его сидитъ моя нянюшка и вяжетъ чулокъ...

— Вставайте, ваше благородіе!—слышу я надъ собой настойчивый голосъ.

Открываю глаза — денщикъ Ирмометовъ осторожно теребитъ меня за плечо.

— Изъ полковой канцеляріи прислали. Туда требуютъ ваше благородіе.

Я всталъ. Свѣтъ дня спахнулъ тихія грезы, а въ полковой канцеляріи разговоръ о войнѣ уже ничѣмъ не напоминалъ нянюшкины фантазіи.

Но вотъ насталъ и день разлуки. Я не буду описывать его, не буду потому, что не помню. Слишкомъ много впечатлѣній тогда

нахлынуло, и въ моихъ воспоминаніяхъ все теперь перемѣшалось. Знаю только, что няня была буквально убита нашимъ послѣднимъ прощаніемъ. Помню только, что въ этотъ день она мнѣ все казалась какой-то маленькой-маленькой, съ мертвенно-остановившимся лицомъ, безъ слезъ, даже безъ голоса. И только на другой день, когда я былъ уже за нѣсколько сотъ верстъ отъ отцовскаго дома, мнѣ стало казаться, что я не достаточно нѣжно, не достаточно горячо простился съ моей милой старушкой.

VIII.

Больше я моей няни не видалъ. Она захирѣла и умерла подъ гнетомъ разлуки.

Въ каждомъ письмѣ, которое я отправлялъ съ театра военныхъ дѣйствій на родину, я непремѣнно посылалъ и горячій привѣтъ моей нянѣ. Въ каждомъ письмѣ, которое я получалъ съ родины, я непремѣнно находилъ нѣсколько словъ и о ней. Мнѣ писали, что она все молится и ждетъ окончанія войны и все горюетъ: зачѣмъ я не взялъ ея съ собой. Бѣдная няня! Если бъ она знала, какъ мало походила настоящая война на тѣ картины, которыя рисовало ей ея воображеніе! Если бы она знала, какія муки и лишенія переноситъ ея питомецъ,—еще тяжелѣе ей показалась бы наша разлука.

А, можетъ быть, она и знала! Можетъ быть, нашлись недобрые люди, которые раскрыли ей горькую правду и разоблачили передъ ней всѣ ужасы войны и этимъ, можетъ быть, ускорили ея раннюю кончину.

Окончилась война. Родные стали звать меня обратно на родину, но новое чувство, загорѣвшееся въ моей груди, задержало меня еще на два года вдали отъ родительской кровли.

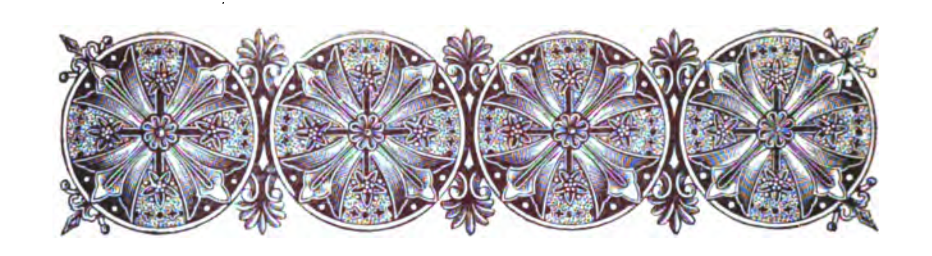
Няня пережила войну и съ нетерпѣніемъ ждала своего питомца. Ждала и не дождалась. Получилъ я письмо отъ моего отца. Позволю себѣ привести его почти дословно: «Дорогой сынъ!—писалъ мнѣ мой отецъ.—Долженъ сообщить тебѣ печальную вѣсть. 7-го февраля, т.-е. полторы недѣли тому назадъ, нянюшка твоя, Февронья Степановна, скончалась. Передъ смертью она хворала недолго, но хирѣть начала съ самаго дня твоего отъѣзда и, глядя на ея старческое, сморщенное лицо, на ея сѣдые волосы, никто бы и не подумалъ, конечно, что этой старушкѣ всего сорокъ восемь лѣтъ. Передъ смертью, она все вспоминала о тебѣ, молилась за тебя и буквально съ твоимъ именемъ на устахъ отошла въ вѣчность. Похоронили мы ее въ Зилантьевомъ монастырѣ, бокъ-о-бокъ съ нашимъ фамильнымъ мѣстомъ, такъ что и въ землѣ она будетъ находиться, какъ бы въ нѣдрахъ нашего семейства. А послѣ смерти ея открылась довольно неожиданная вещь: оказалось, что

послѣ покойницы остались небольшія деньжонки,—около пятисотъ рублей,—и духовное завѣщаніе, по которому она весь свой капиталъ и все свое движимое (недвижимаго у нея не было) имущество, все, до послѣдней копейки и тряпочки, завѣщала питомцу своему, т.-е. тебѣ. Но появились откуда нивѣсть ея родственники, народъ все бѣдный, и я, какъ бы съ твоего разрѣшенія, роздалъ имъ всѣ оставшіяся послѣ твоей нянюшки деньги и цѣнныя вещи, а тебѣ на память сохранилъ кое-что, не имѣющее для другихъ никакой цѣнности, но дорогое для тебя по воспоминаніямъ дѣтства. Надѣюсь, что ты не посѣтуешь на такое мое распоряженіе» и т. д.

Конечно, я не посѣтовалъ, а потомъ, вернувшись домой, потребовалъ только, чтобы мнѣ отдали нянюшкины памятки. Ихъ оказалось немного, да и тѣ я почти всѣ растерялъ въ дальнѣйшей моей кочевой жизни, а теперь храню только небольшой деревянный ящичекъ, въ которомъ лежатъ: пасхальное яичко, какая-то ленточка, кипарисовыя чотки да маленькая розовая бусинка. Но дорогъ мнѣ этотъ ящичекъ: мнѣ кажется, что онъ сохранилъ еще легкій ароматъ нянина сундука, и каждый разъ, когда я открываю его, чистый обликъ простой, русской женщины, озаренный теплотою и неизмѣнною любовью, обликъ покойной моей нянюшки, какъ живой, встаетъ передо мною.

Влад. Тихоновъ.

ПОДЪ ПЛЕВНОЙ ВЪ ІЮЛѢ 1877 ГОДА.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

I.

ОСЛѢ взятія Никополя, именно 6 іюля 1877 г., было получено приказаніе его высочества главнокомандующаго: немедленно послать два полка для занятія Плевны. Выслать отрядъ въ большемъ числѣ штыковъ, изъ войскъ 9-го корпуса, было невозможно: во-первыхъ, надо было оставить въ Никополѣ не менѣе одной бригады, потому что плѣнныхъ турокъ было тамъ 6.000 или 7.000, а, во-вторыхъ, потому, что эта крѣпость должна была служить опорнымъ пунктомъ на правомъ флангѣ, для защиты нашей операціонной линіи; кромѣ того, Воронежскій полкъ былъ еще за Дунаемъ, да выбыло изъ строя слишкомъ 1.300 человѣкъ, такъ что вмѣстѣ съ больными можно было считать, что не существовало цѣлаго полка.

Такимъ образомъ, для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, на правомъ флангѣ, оставалась одна разстроенная дивизія, хотя числился корпусъ. Въ тотъ же день, начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ, во главѣ пѣхотныхъ полковъ Архангелогородскаго и Вологодскаго, съ артиллеріей, двинулся по назначенію. Начальникъ отряда хотя зналъ, что Плевна занята, но ему не было извѣстно о превосходствѣ турецкихъ силъ; онъ не зналъ, что наканунѣ его прихода турецкія подкрѣпленія, шедшія

къ Никополю, узнавъ о сдачѣ крѣпости, повернули на Плевну, въ весьма значительныхъ силахъ.

Вышеименованные полки и присоединившійся Костромской полкъ, стоявшій въ Третяникахъ, съ жаромъ атаковали 7-го и 8-го іюля двѣ турецкія позиціи, но по малочисленности своей при сильномъ турецкомъ огнѣ должны были отступить утромъ 8-го іюля, отбиваясь шагъ за шагомъ отъ насѣдавшаго непріятеля; девять патронныхъ ящиковъ, подъ которыми были убиты лошади, остались въ рукахъ турокъ. Бригада отступила къ Брамяницѣ, а Костромской полкъ на Булгарени.

Утромъ, 8-го іюля, командиръ корпуса со штабомъ направился на встрѣчу отступавшимъ войскамъ. Мы увидѣли ихъ на поляхъ, при дорогѣ изъ Никополя, въ 10—15 верстахъ отъ Плевны; они стояли въ баталіонныхъ колоннахъ, ружья къ ногѣ. Сумрачно смотрѣли и уныло отвѣчали солдаты на привѣтствіе своего корпуснаго командира. Какое-то тяжелое состояніе охватило насъ при видѣ своихъ, упавшихъ духомъ, да и было отъ чего. Каждый недосчитывался рядомъ стоящихъ товарищей; изъ 6.000 бывшихъ въ дѣлѣ выбыло: одинъ генералъ, два полковыхъ командира, почти половинное число офицеровъ и 2.898 нижнихъ чиновъ. Баронъ Криднеръ молча объѣзжалъ ряды, и отъ переполнявшаго его чувства не могъ ничего сказать для ободренія солдатъ послѣ первой нашей боевой неудачи.

Въ ожиданіи прибытія остальныхъ войскъ нашего корпуса, бывшихъ въ Никополѣ, и Воронежскаго полка, стоявшаго за Дунаемъ, а также другихъ частей для подкрѣпленія, мы расположились лагеремъ по дорогѣ между Никополемъ и Плевной; нашъ штабъ размѣстился по лѣвую сторону дороги, а направо vis-à-vis, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ, Донъ-Карлосъ разбилъ нѣсколько своихъ палатокъ. Этотъ маленькій испанскій лагерь, на вершинѣ высокихъ холмовъ, намъ, жившимъ на равнинѣ, представлялся рельефно врѣзавшимся на фонѣ голубого небосклона, какъ красивая декорація.

Донъ-Карлосъ, претендентъ на испанскій престолъ, рослый, плотный, красивый брюнетъ, лѣтъ 30, съ правильными чертами лица, одѣвался просто: въ черную венгерку съ черными шнурами и въ кепи, отличался изысканными манерами военнаго джентельмента и былъ простъ въ обращеніи со всѣми, безъ особой фамильярности. Съ нимъ были его бывшіе начальникъ дивизіи и адъютантъ. Эти послѣдніе, небольшого роста, представляли изъ себя обыкновенные типы чистенькихъ офицеровъ. Походная вмѣстительная карета, два человѣка прислуги и нѣсколько верховыхъ лошадей составляли весь его обозъ. Испанцы познакомились со всѣмъ штабомъ, но посѣщали насъ рѣдко, за исключеніемъ Донъ-Карлоса, который наиболѣе сблизился со мною. Онъ стѣснялся отвлекать отъ дѣлъ

корпуснаго командира и неразговорчиваго начальника штаба, Шнитникова, но, находя меня словоохотливымъ, рѣдкій день не посѣщалъ меня. Подъ вечеръ, лежа на буркѣ у своей палатки со своимъ товарищемъ К., командиромъ конвойной сотни, мы издали видѣли, какъ Донъ-Карлосъ спускался съ своего холма и направлялся къ нашей ставкѣ. К. былъ рослый мужчина, какъ говорятъ, не ладно скроенъ, но крѣпко сшитъ, и представлялъ изъ себя скорѣе симпатичнаго бородача купчину, чѣмъ лихого казака, хотя ѣздилъ на конѣ молодцомъ, какъ и всѣ казаки; какъ особенность его, можно отмѣтить, что носовымъ платкомъ онъ пользовался изрѣдка и предпочиталъ сморкаться примитивнымъ способомъ, продѣлывая это, нисколько не стѣсняясь претендента на испанскій престолъ. Донъ-Карлосъ живо интересовался всѣмъ нашимъ русскимъ военнымъ міромъ, и чего только мы не переговорили съ нимъ за эти дни ожиданія дальнѣйшаго похода: онъ, лежа на разостланныхъ буркахъ и потягивая коньякъ черезъ соломинку, разсказывалъ о карлистской войнѣ, о своихъ побѣдахъ и неудачахъ. Я вспоминалъ ему, что когда-то живо интересовался карлистскимъ возстаніемъ, прочелъ нѣсколько романовъ изъ испанской жизни, и даже разъ, сидя лѣтомъ въ деревнѣ, я и одинъ отставной гусаръ были такъ наэлектризованы, что мечтали принять участіе въ этой войнѣ, но прибавилъ съ чисто солдатскою откровенностью, что стали бы въ ряды, конечно, противъ него. Главнымъ образомъ насъ отталкивало отъ него звѣрское обращеніе карлистовъ съ ихъ противниками. Онъ оправдывался, говоря, что противники его правъ съ умысломъ представляли его въ непривлекательномъ видѣ, чтобы оттолкнуть общественное мнѣніе. Они характеризовали его эгоистомъ, не останавливающимся ни предъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей. «Все это неправда,—говорилъ онъ,—на войнѣ, и въ особенности междоусобной, страсти сильно возбуждаются, и эксцессы возможны нерѣдко, но лично въ этомъ я неповиненъ». Многіе думали, что онъ пріѣхалъ въ армію, чтобы добиться командованія корпусомъ, и что будто бы онъ даже получаетъ субсидію отъ нашего правительства, но ни то ни другое не было правдой. По его словамъ, дѣдъ его дѣйствительно получалъ субсидію въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей отъ императора Николая Павловича, но его отецъ и онъ уже никакой субсидіи не получали. Онъ говорилъ, что пріѣхалъ въ армію самымъ неожиданнымъ образомъ. По окончаніи карлистской войны, прижатый французами, долженъ онъ былъ прекратить попытки востановить свой престолъ и выѣхалъ за границу; но за время войны за испанское наслѣдство онъ такъ пристрастился къ военной жизни, что скучалъ отъ бездѣйствія и искалъ повсюду развлеченій. Онъ путешествовалъ по Европѣ и Америкѣ и всюду хандрилъ, какъ вдругъ узнаетъ, что Россія объявила войну Турціи; это былъ хорошій случай

провѣтриться, и онъ съ восторгомъ ухватился за него, чтобы излѣчиться отъ сплина; онъ пригласилъ своихъ старыхъ боевыхъ товарищей и пріѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій. «У меня, сказалъ онъ,—нѣтъ другой цѣли, кромѣ авантюры». Разъ онъ пришелъ ко мнѣ, держа въ рукѣ письмо жены и дѣтей; послѣднихъ, кажется, было четверо. Показывая мнѣ письмо, онъ сказалъ: «посмотрите, какъ моя маленькая дочь хорошо пишетъ». Я взглянулъ, письмо было писано по-испански. «Неправда ли, какъ хорошъ почеркъ?»—добавилъ онъ мягкимъ голосомъ нѣжнаго отца. Мнѣ пришлось похвалить ея каллиграфію. Я разсказалъ ему новость дня, что 2-ой корпусъ назначенъ къ намъ въ отрядъ, что командовать всѣми войсками подъ Плевной назначенъ, какъ старшій въ чинѣ, нашъ корпусный командиръ баронъ Криднеръ, но что командиръ II корпуса князь Шаховской недоволенъ такимъ подчиненіемъ и не хочетъ прибыть къ намъ въ штабъ явиться; что Криднеръ, какъ дипломатъ, пошелъ на компромисъ, и что оба корпусные командира съѣдутся на серединѣ пути, что тамъ произойдетъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшатъ о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. При этихъ словахъ Донъ-Карлосъ скептически покачалъ головой и сказалъ: «не вѣрю я въ полезность этихъ генеральскихъ совѣтовъ; на войнѣ долженъ быть одинъ руководитель; ничего хорошаго не выйдетъ изъ этихъ совѣщаній». Дѣйствительно, онъ оказался дурнымъ для насъ авгуромъ; послѣдовавшія неудачныя сраженія 18 и 19 іюля показали, что онъ былъ правъ. Его открытый, прямой взглядъ, откровенная рѣчь и изысканность въ обращеніи доставляли удовольствіе быть съ нимъ въ обществѣ; кромѣ того, его симпатія ко мнѣ выражалась въ крайней любезности; зачастую онъ являлся нагруженный въ карманахъ и рукахъ бутылками шампанскаго и другого вина и тѣмъ ставилъ меня долгое время въ непріятное положеніе должника; я тщетно придумывалъ, чѣмъ бы ему отплатить. Эта задача была рѣшена самымъ неожиданнымъ образомъ: казаки отбили пасшійся на непріятельской сторонѣ скотъ; я велѣлъ выбрать лучшую молочную корову, заплатилъ за нее золотой и отправилъ ее немедленно къ Донъ-Карлосу. Онъ былъ въ восторгѣ отъ этого чисто военнаго подарка; «теперь,—говорилъ онъ,—я могу пить шеколадъ, который очень люблю, но не пилъ за неимѣніемъ молока».

Такъ тянулись дни за днями, въ ожиданіи итти впередъ. Прекрасные іюньскіе дни, легкій воздухъ, ароматъ полей и голубое прозрачное небо, а также хорошій, простой столъ, пріятно настроивали нервы; дышалось легко и просторно среди невиданной обстановки. Да, боевая жизнь при такихъ условіяхъ чистая поэзія: я былъ въ самомъ пріятномъ состояніи духа. Такимъ образомъ, почти каждый вечеръ въ компаніи съ казакомъ и испанцемъ у нашей ставки мы болтали, вдыхали легкій вечерній бризъ и глотали вино.

Наконецъ, подошла къ Булгарени 30 дивизія 4 корпуса и по одной бригадѣ пѣхоты и кавалеріи 11 корпуса, какъ я упомянулъ выше, подъ общимъ начальствомъ командира 11 корпуса князя Шаховского. Чтобы ближе соединиться съ ними, мы тоже перешли въ Трестяники.

II.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ изъ различныхъ источниковъ, въ чемъ я лично принималъ участіе, отбирая показанія у плевненскихъ жителей, захваченныхъ кавалерійскимъ разъѣздомъ, въ Плевнѣ было около 50.000 войска при 60-70-ти орудіяхъ, въ томъ числѣ крѣпостныхъ 27. Они состояли подъ командою семи пашей и подъ общимъ начальствомъ Османа-паши. Эти подкрѣпленія явились изъ Виддина, Рахова и Софіи. Частыми рекогносцировками мы хорошо познакомились съ непріятельской позиціей, съ положеніемъ противника и обо всемъ этомъ сообщали главнокомандующему.

17-го іюля, было получено приказаніе отъ его высочества атаковать Плевну, при чемъ главнокомандующій одобрилъ планъ атаки съ восточной и юго-восточной стороны. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ барону Криднеру немедленно сдѣлать всѣ необходимыя передвиженія и начинать дѣло сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ, чтобы вполнѣ воспользоваться нашимъ превосходствомъ въ артиллеріи, хотя бы пришлось употребить для этого цѣлыя сутки. Вечеромъ 17 іюля мы прочли диспозицію на 18 іюля, по которой всѣ войска раздѣлились на два дѣйствующіе отряда и общій резервъ. Одинъ изъ нихъ, долженствовавшій образовать правый флангъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, состоялъ изъ полковъ 31 пѣхотной дивизіи съ артиллеріей, имѣя позади полки 5 дивизіи, подъ командою генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера, другой лѣвый флангъ составлялъ отрядъ генералъ-лейтенанта князя Шаховского, въ составъ котораго вошли пѣхотныя бригады 30 и 32 дивизіи съ кавалеріей и кавказская сводная казачья бригада съ № 8 донскою и горною батареями, подъ начальствомъ свиты его величества, генералъ-майора Скобелева. Этотъ послѣдній отрядъ, состоя въ непосредственномъ вѣдѣніи князя Шаховского, имѣлъ задачей пересѣчь сообщенія между Ловчею и Плевною. Силы отрядовъ были почти одинаковы, хотя правая колонна состояла изъ шести полковъ, а лѣвая изъ четырехъ, но правая понесла большія потери въ двухъ предыдущихъ сраженіяхъ и была почти въ половинномъ числѣ рядовъ. Всего было войскъ пѣхоты 28.626, кавалеріи 2.546 и артиллерійской прислуги 2.804 чел., съ 172 орудіями. Предполагалось правымъ флангомъ дѣйствовать съ востока, а войсками князя Шаховского ата-

ковать непріятеля съ юго-востока къ сѣверу отъ Радищева и, по овладѣніи этою позиціею, двигаться на Плевну, стараясь занять артиллеріей такія позиціи на высотахъ лѣваго южнаго берега Гривицкаго ручья, съ которыхъ она могла бы поражать во флангъ и тылъ непріятеля, расположеннаго у Гривицы и къ сѣверу отъ Плевны. Дальнѣйшія же дѣйствія князь Шаховской обязанъ былъ сообразить съ ходомъ боя на правомъ флангѣ, постоянно сохраняя съ нимъ самую тѣсную связь, для чего въ распоряженіе командовавшаго отрядомъ даны были два эскадрона Чугуевскаго уланскаго полка.

18-го іюля, въ пять часовъ утра, войска снялись съ бивуака. Утренняя заря предвѣщала хорошій ясный день. Нашъ штабъ тоже былъ ужъ на коняхъ, и мы пробирались мимо войскъ по направленіямъ, опредѣленнымъ въ диспозиціи. Тихо и стройно двигалась въ сомкнутыхъ колоннахъ пѣхота, за нею шла артиллерія, громыхали зарядные ящики, а по дорогамъ тянулись длинною вереницею патронные ящики, необходимый обозъ и лазаретныя кареты. Восходящее солнце еще не сильно горѣло, но утренняя прохлада дѣйствовала какъ-то ободряюще, и лежащее впереди пространство было подернуто легкимъ туманомъ. Поля, холмистая мѣстность и перелѣски мѣнялись между собой на нашемъ пути, птички весело щебетали, и было какъ-то легко на душѣ, но неизвѣстность грядущаго событія, въ ожиданіи роковой развязки, всѣхъ сдерживала въ молчаніи. Здѣсь я встрѣтилъ моего стараго товарища по полку, полковника флигель-адъютанта Шлитера, получившаго въ командованіе Архангелогородскій полкъ за нѣсколько дней до сраженія, и теперь на походѣ онъ представился корпусному командиру. Шлитеръ былъ старый боевой офицеръ, съ юнкерскаго званія служилъ на Кавказѣ и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ съ горцами и турками. Статный, съ чисто военной фигурой, онъ былъ молодцомъ передъ полкомъ, съ которымъ только еще познакомился. До этого назначенія онъ состоялъ въ свитѣ покойнаго государя императора, который, подозвавъ его, сказалъ: «Шлитеръ, я хочу тебѣ дать Архангелогородскій полкъ; послѣ неудачъ онъ упалъ духомъ, и ты его подымешь». Эти слова государя, переданныя мнѣ покойнымъ Шлитеромъ, вспоминались мнѣ не разъ при дальнѣйшемъ моемъ знакомствѣ съ этимъ прекраснымъ полкомъ; я находилъ, что его величество отнесся къ нему строго; духъ этого полка ни на минуту не падалъ даже при послѣдующихъ неудачахъ.

Высоты, занимаемыя нашими войсками, полукругомъ огибали непріятельскія, и круто спускались въ широкую долину Гривицкаго ручья, отдѣлявшую насъ отъ непріятельской позиціи на холмахъ. Небольшія покатости ихъ, обращенныя къ нашей сторонѣ, увеличивали обстрѣлъ. Пѣхота правой колонны была сосредоточена

близъ шоссе изъ Бѣлы на Плевну, а кавалерія на правомъ флангѣ до рѣки Вида; она наблюдала за Плевной и прикрывала дорогу на Никополь. Кромѣ этого, нѣкоторыя части пѣхоты, стоявшія гарнизономъ въ Никополѣ, были выдвинуты впередъ къ Бресляницѣ, гдѣ заняли оборонительныя позиціи. Противъ нашей позиціи на высотахъ были расположены непріятельскія батареи, нѣсколько рядовъ ложементовъ, рвы, траншеи и другія закрытія. Впереди ихъ на сѣверо-востокѣ выдавался редутъ сильной профили съ глубокимъ рвомъ. Подступы къ нему анфилировались съ двухъ сторонъ небольшими укрѣпленіями. Этотъ редутъ назывался у турокъ Абдулъ-Керимъ, а у насъ Гривицкимъ; онъ командовалъ прилегавшею мѣстностью и составлялъ ключъ позиціи.

Со стороны Ловчи непріятель былъ наименѣе укрѣпленъ. Гривицкая лощина находилась въ центрѣ нашей боевой линіи и неминуемо раздѣляла атакующія войска на двѣ части. Такъ какъ по своей котловино-образной формѣ она въ то же время находилась подъ сильнымъ огнемъ редута и другихъ укрѣпленій, командующихъ надъ нею, то это обстоятельство служило препятствіемъ развернуться артиллеріи и въ то же время невольно раздѣляло весь отрядъ на двѣ вышеупомянутыя колонны, составившія фланги: правый 9 корпусъ, лѣвый—войска князя Шаховского, центръ же боевой линіи оставался почти безъ войскъ.

Построившись въ боевой порядокъ, имѣя стрѣлковыя цѣпи впереди, войска наши подходили къ позиціи. Густой туманъ застилалъ впереди лежавшую мѣстность и препятствовалъ осмотрѣть ее. Когда же туманъ началъ разсѣиваться (это было въ началѣ 9-го часа), со стороны турокъ раздался первый выстрѣлъ противъ нашего праваго фланга. Наши батареи выѣхали на позицію и открыли огонь по укрѣпленіямъ. Завязался артиллерійскій бой, но съ обѣихъ сторонъ огонь поддерживался какъ-то медленно. На правомъ флангѣ дѣйствовали только девятифунтовыя орудія четырехъ батарей, не наносившія видимаго вреда непріятельскимъ батареямъ и укрѣпленіямъ. Поставить орудія въ большемъ числѣ и болѣе приблизить ихъ нельзя было потому, что они стояли на гребнѣ высотъ, круто спускавшихся къ непріятелю, и въ долинѣ они находились бы подъ огнемъ командующихъ турецкихъ батарей.

Былъ четвертый часъ. Генералъ Криднеръ приказалъ войскамъ его колонны двигаться впередъ для атаки, а сами мы продолжали пробираться верхомъ между проходившими войсками. Мы были еще далеко отъ глазъ непріятеля, но гранаты начали уже шипѣть въ воздухѣ. Наконецъ, мы выѣхали на широкую площадку, расположенную на высотѣ, круто обрывающейся къ сторонѣ, занимаемой непріятелемъ. Подъ ногами широкая долина какъ бы полукругомъ отдѣляла наши возвышенности отъ турец-

кихъ, гдѣ посрединѣ перерѣзывала цѣпь холмовъ. На одной высотѣ противъ насъ обрисовывался сѣрый силуэтъ Гривицкаго редута; онъ былъ объектомъ атаки 9 корпуса; 11 корпусъ же былъ расположенъ южнѣе отъ насъ полукругомъ, откуда долженъ былъ поддерживать атаку и брать г. Плевну, согласно вышесказанной диспозиціи. Дальше штабу ѣхать было нельзя, и этотъ превосходный пунктъ, съ котораго была видна, какъ на ладони, впереди лежащая мѣстность, былъ выбранъ для обсерваціи за ходомъ сраженія. Рѣдкій перелѣсокъ справа нѣсколько скрывалъ штабъ отъ непріятельскаго глаза, но не надолго; только что мы размѣстились, какъ гранаты, шипя, начали врываться въ землю, кони пошли фыркать и горячиться, неизвѣданное дотолѣ чувство начало волновать грудь. Я вынулъ бинокль и началъ смотрѣть впередъ; наши войска спускались понемногу и, разсыпавшись длинными, черными линіями, уступами двигались впередъ; гранаты все чаще и чаще начали шипѣть въ воздухѣ, хлопались о деревья, ударялись въ землю, подымая направо и налѣво столбы пыли. Я вижу, какъ одна изъ нихъ разбивается и осколкомъ въ фунтовъ десять передъ глазами медленно описываетъ дугу вправо къ казачьему конвою, казакъ отшатнулся, но граната ударилась о шею лошади, конь мгновенно склонилъ голову, ноги зашатались, и онъ грохнулся на землю. Одинъ нервный офицеръ слѣзъ съ лошади и усѣлся на землю между конвоемъ спиною къ сценѣ; на его вытянутомъ блѣдномъ лицѣ болѣзненно отражались нравственныя и нервныя испытанія; нѣкоторые наклоняли головы; я боялся это дѣлать, и при роковомъ шипѣніи сердце мое сильно билось, но я нервно еще больше откидывалъ мою голову, чтобы побороть чувство самохраненія и показать мое самообладаніе. Около меня нѣсколько влѣво сидѣлъ на конѣ японскій военный агентъ; граната описала надъ нимъ кругъ и шлепнулась за хвостомъ лошади, затѣмъ съ трескомъ звякнула въ воздухѣ, разбиваясь, и обдала пылью; но этотъ маленькій, черномазый человѣкъ какъ бы не хотя оторвалъ свой бинокль отъ глазъ, посмотрѣлъ назадъ и затѣмъ попрежнему продолжалъ наблюдать за ходомъ дѣла. — «Ай, да japonais, молодчина»,—сказалъ я близъ стоящему ординарцу. Но вотъ уже черныя линіи подходили къ укрѣпленію.

«Comme l'infarterie va vaillamment!» обратился ко мнѣ, очутившійся возлѣ, капитанъ фонъ-Маре, корреспондентъ какой-то нѣмецкой газеты. «Mais c'est superbe»,—продолжалъ онъ, жадно глядя въ свой бинокль.

Капитанъ сознался, что русскій солдатъ выше нѣмецкаго, такъ какъ нѣмецкій солдатъ, идя въ атаку, постоянно смотритъ на своихъ офицеровъ, между тѣмъ какъ наши солдаты зачастую идутъ, какъ они сами говорятъ, размышляя солдатскою головою. Чтобъ

уменьшить нѣсколько цѣль, приказано было отвести нашъ конвой въ сторону.

По мѣрѣ того, какъ наши войска приближались къ редуту, ружейный огонь турокъ становился сильнѣе; начали стрѣлять залпами, и наконецъ огонь обратился въ какую-то правильную неумолкаемую трескотню, какъ бы изъ митральезъ.

Со стороны князя Шаховского тоже послышались «ура», и турки стали быстро отступать; мнѣ было видно ясно, какъ они длинною полосою тянулись подъ защиту своихъ укрѣпленій. Послано было генералъ-майору Лашкареву, командовавшему кавалеріей на правомъ флангѣ, приказаніе перевести свои эскадроны черезъ р. Видъ и дѣйствовать въ тылъ непріятелю по Софійской дорогѣ. Но вскорѣ отступленіе турокъ пріостановилось, затѣмъ какъ-то они ободрились и вновь потянулись къ своимъ прежнимъ позиціямъ. Какъ оказалось, здѣсь генералъ-майоръ Горшковъ выбилъ турокъ изъ ложементовъ и траншей, взялъ батарею въ два орудія и подвинулся влѣво; этимъ лѣвый флангъ разрывался еще болѣе, такъ что между обоими флангами было около четырехъ верстъ. Въ началѣ пятаго часа, пріѣхалъ отъ князя Шаховского генералъ-майоръ свиты его величества графъ Протасовъ-Бахметьевъ, а вслѣдъ за нимъ какой-то ординарецъ, просить помощи.

Наконецъ, я вижу войска правой колонны у редута, и какая-то страшная куча образовалась на переднемъ брустверѣ. Мы замерли въ ожиданіи трагической развязки и приковались къ своимъ биноклямъ. Нѣсколько ординарцевъ были посланы впередъ съ приказаніями, но наши войска какъ-то нерѣшительно двигались впередъ и слабо поддерживали передовыя части.

«Ротмистръ Хвостовъ»,—послышалось нѣсколько голосовъ, вызвавшихъ меня отъ оцѣпенѣнія:—«поѣзжайте къ кн. Шаховскому и передайте, что ему послано подкрѣпленіе,—коломенскій полкъ съ батареей»,—сказалъ Криднеръ. «Слушаюсь», отвѣчалъ я, взялъ записку, поклонился, круто повернулъ коня и началъ спускаться съ горы въ долину. Вижу, какъ въ центрѣ боевой линіи наши войска, такъ быстро двинувшіяся впередъ, начали отходить линіей назадъ. Холмистая мѣстность, перелѣски, ручейки и овраги препятствовали мнѣ исполнить приказаніе въ карьеръ; я то рысью, то вскачь держалъ на нашу батарею, отъ которой думалъ, оріентируясь боевой линіей, добраться до нашего лѣваго фланга, гдѣ долженъ былъ быть командиръ корпуса. Гранаты изрѣдка проносились въ воздухѣ и съ шипѣньемъ ударялись о земь; вотъ несутъ раненыхъ, а другіе ковыляя бредутъ, опираясь другъ на друга; вижу кучку отсталыхъ у дерева, и жидъ непремѣнно между ними. Я съ пѣною у рта и бранью подымаю нагайку, они не хотя сдвигаются съ мѣста, но мнѣ некогда было слѣдить за ними; я лечу дальше; вотъ уже у самой батареи, одно орудіе уже подбито, непріятель сильно сосре-

доточилъ по ней огонь. Батарейный командиръ, безъ шапки, со всклоченными волосами, увидя меня, бросается съ поднятыми кулаками и кричитъ въ изступленіи:

— Давайте подкрѣпленіе, вы видите, что дѣлается! Гдѣ войска? нѣтъ ни одного солдата для защиты батарей. Я не могу держаться, дайте, дайте роту для охраны, я долженъ сняться съ позиціи.

Все это кричалъ онъ, потрясая кулаками въ воздухѣ и задыхаясь отъ бѣшенства.

— Сюда посланъ Коломенскій полкъ,—отвѣчалъ я.

— Но гдѣ онъ?

Гранаты продолжали неистово шипѣть и звенѣть въ ушахъ на разные минорные тоны, гулъ орудій потрясалъ воздухъ, страшная жара душила, и въ горлѣ сохло. Это адъ Данта, подумалъ я. «Укажите ближайшій путь къ командиру корпуса, я все передамъ ему»,—сказалъ я, желая какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ командира батареи, и, получивъ указаніе, хватилъ нагайкой коня и поскакалъ въ карьеръ мимо злочастной батареи, продолжая по временамъ несчетно лупить своего донца. Но вотъ я напалъ на слѣдъ, казаки и ординарцы указали мѣстонахожденіе корпуснаго командира. Я передалъ ему приказаніе, но князь Шаховской встрѣтилъ меня раздраженно и разсыпался упреками по адресу Криднера.

— Что одинъ полкъ,—кричалъ онъ,—да гдѣ онъ? Дайте его мнѣ сюда.

Я объяснилъ ему, что онъ направленъ въ центръ линіи, чтобы связать фланги.

— Но этого мало, я его не вижу,—продолжалъ онъ кричать.— Давайте мнѣ еще.

— Но у насъ больше нѣтъ, все выдвинуто.

— Неправда. У васъ должны быть резервы.

— Слушаюсь, передамъ, — отвѣчалъ я и поскакалъ обратно.

На пути я уже встрѣчалъ кучки солдатъ, въ безпорядкѣ отступавшія по линіи. Отступленіе въ виду сильнаго непріятельскаго огня было безъ всякой организаціи, но совершалось самымъ хладнокровнымъ образомъ; усталый и проникнутый убѣжденіемъ въ проигрышѣ сраженія, я ѣхалъ уже тише, безъ прежней энергіи, пробираясь между небольшими толпами солдатъ; гранаты продолжали вырывать жертвы въ догонку, но раненые и здоровые тихо шли, останавливались, присаживались или закуривали трубки и, шутливо разговаривая, продолжали двигаться. Я засталъ штабъ въ утомленномъ состояніи. Свиты его величества генералъ-майоръ князь Имеретинскій, посланный отъ императора, и другіе офицеры полулежали на травѣ; глаза ихъ направились ко мнѣ. Я передалъ отвѣтъ Шаховского; моя лошадь, вся въ мылѣ, грузно дышала, опираясь на переднія ноги, и изъ ноздрей сочилась кровь. Оказалось, что мы по всей линіи потерпѣли неудачу. Вскочившіе на

валъ Гривицкаго редута, баталіонный командиръ Ковалевскій и поручикъ Амосовъ были подняты на штыки. Вскочивъ, они нѣсколько минутъ схватились грудь съ грудью въ рукопашную и старались удержаться на гребнѣ бруствера. Но это не удалось. Отбитые и опрокинутые въ ровъ, солдаты должны были отступать отъ редута подъ разстрѣломъ на 200 и 1000 шаговъ къ холмамъ, гдѣ и застряли на ночь. Но главнокомандующій приказалъ непремѣнно взять Плевну, да и французскій агентъ, полковникъ Гальяръ, тоже подъѣхалъ къ Криднеру и подтвердилъ приказаніе великаго князя непремѣнно итти и взять Плевну. Такого категорическаго приказанія, переданнаго даже черезъ француза, мы не могли ослушаться, и Криднеръ рѣшилъ во что бы то ни стало взять Плевну.

— Вамъ нужно опять скакать туда же, — сказалъ Криднеръ,— но выдержитъ ли ваша лошадь?

— Господа, дайте мнѣ кто нибудь лошадь, — вскричалъ я, но никто не отозвался.

— Какъ нибудь доберусь.

— Такъ передайте эту записку и скажите кн. Шаховскому на словахъ, чтобы оставаться на мѣстахъ во всякомъ случаѣ. Если не сегодня, то завтра, мы должны непремѣнно итти на Плевну.

Жара спадала, начинало быстро смеркаться, мнѣ нужно было добраться засвѣтло къ князю Шаховскому, передать приказаніе и успѣть вернуться; гулъ орудій слышался медленнѣе и медленнѣе; на пролегающей равнинѣ не было солдатъ, но въ тѣни раненые и умирающіе издавали стоны и давали знать, что есть люди, что они дышатъ и умираютъ въ этой роковой тиши, изрѣдка прерываемой отдаленнымъ гуломъ или шипѣніемъ пронесшейся гранаты. Чуть-чуть я не задавилъ одного, ударилъ нагайкой свою измученную лошадь и перескочилъ. «Помогите, пришлите кого нибудь, спасите меня»,—послѣдовалъ тихій раздирающій зовъ умирающаго въ судорогахъ солдата. «Погодите, погодите, сейчасъ пришлютъ за вами»,— отвѣчалъ я и въ то же время былъ убѣжденъ, что этого не будетъ. Сердце у меня судорожно сжималось, когда я слышалъ эти стоны, видѣлъ блѣдныя вытянутыя лица, отражавшія на себѣ муки и страданія; я былъ увѣренъ, что никто къ нимъ не придетъ на помощь, и покинутые подъ огнемъ они не дотащатся до перевязочнаго пункта и истекутъ кровью. Я немилосердно билъ мою лошадь, чтобы какъ можно скорѣе скрыть отъ глазъ эту раздирающую картину. Какая-то невообразимая и щемящая грусть заполонила меня при видѣ этой обратной стороны медали, называемой войной. Начинало темнѣть, а я еще не добрался до Шаховского; натыкаясь на разныя тѣни пѣхотныхъ и всадниковъ, я тщетно спрашивалъ, гдѣ корпусный командиръ. Я въѣхалъ въ лѣсъ, и влажная теплая ночь смѣнила день, но звѣзды не показывались, небо было какъ-то сумрачно темно и заволакивалось тучами. Наконецъ я наткнулся на тѣнь и громко крикнулъ:

— Гдѣ корпусный командиръ?

— Здѣсь не далеко, держите на просвѣтъ, а вы кто такой?— спросилъ конный силуетъ, окруженный всадниками.

— Я ординарецъ барона Криднера,—отвѣчалъ я:—ищу князя Шаховского, чтобы передать ему приказаніе оставаться на мѣстѣ. А вы кто?—спросилъ я въ свою очередь.

— Генералъ Горшковъ, командиръ бригады,—отвѣчалъ онъ.— Ради Бога,—продолжалъ онъ прерывавшимся отъ волненія тономъ:—передайте князю, чтобы онъ отмѣнилъ приказаніе отступать; я съ нѣсколькими ротами стою у Плевны; пусть помогутъ, и мы завтра возьмемъ Плевну. Прошу васъ ради Бога,—говорилъ неизвѣстный и невидимый для меня генералъ дрожащимъ голосомъ:—передайте, пусть отмѣнитъ, но если нѣтъ, то ночью отступлю.

— Слушаю, ваше превосходительство,—отвѣтилъ я успокоивающимъ тономъ и продолжалъ пробираться легкой прогалиной.

Вскорѣ послышались ржаніе, топотъ коней и разговоры, это оказалась конвойная сотня командира корпуса; я окликнулъ, и мнѣ указали самого князя Шаховского; съ трудомъ пробрался я къ нему, заявляя о себѣ, и подалъ записку; было темно, и прочесть нельзя было на ходу; я передалъ на словахъ приказаніе оставаться на мѣстѣ.

— Поздно, поздно!—вскрикнулъ князь:—теперь нельзя поправить дѣло.

Я передалъ ему просьбу генерала Горшкова.

— Ничего не выйдетъ, я говорю вамъ, что поздно,—раздраженно вскрикнулъ князь:—у меня нѣтъ людей, съ чѣмъ я пойду?

Я выразилъ желаніе возвратиться назадъ, но Шаховской сказалъ: «Куда вы поѣдете, не найдете, погодите до разсвѣта, и тогда дадимъ знать о нашемъ положеніи». Дѣйствительно, темнота была кромѣшная, что называется, ни зги не видно; небо совершенно заволокло тучами, ни одной звѣздочки, но теплая ночь какъ-то живительно успокаивала нервы; мы медленно двигались пролѣскомъ молча; вдругъ—трахъ, трахъ, послышалось нѣсколько выстрѣловъ, пули свистнули въ воздухѣ. «Не стрѣляйте, свои идутъ»,—кричали мы, зная, что это были наши выстрѣлы, сдѣланные по намъ. Выйдя изъ лѣса на поляну, мы едва различали, что двигаемся по какой-то дорогѣ, но куда именно, не знали. Мимо насъ, обгоняя и позади въ разбродъ, шли люди, иногда кучками по дорогѣ, по бокамъ и полянамъ; мы отъѣхали въ сторону, чтобы не мѣшать движенію нашихъ войскъ, и, чтобы нѣсколько оріентироваться, сошли съ коней. «Эхъ-ма, куда идешь, самъ не знаешь, и начальства не видно, совсѣмъ были у Плевны, а поддержки нѣтъ, вотъ и пропадай. Экая св.... окаянная!» такъ или немного иначе варьируя, на одну тему говорили въ слухъ проходившіе солдатики; пересыпая свою рѣчь прибаутками и нецензурною бранью, наши бравые воины не

замѣчали, что начальство было такъ близко; мы стояли поодаль, слушали и не отзывались.

— Вотъ, господа молодые люди, война, слава и побѣды,—сказалъ раздражительно Шаховской.—Но куда мы идемъ,—вставилъ онъ,—гдѣ наши проводники болгары? Нужно отыскать ихъ, гдѣ они пропали?

Скоро мы сѣли опять на лошадей и поѣхали дорогой. Но куда мы ѣдемъ, не на Ловчу ли? пожалуй, наткнемся на турокъ? — задавали мы другъ другу вопросы. Опредѣленнаго никто ничего не могъ сказать; дѣйствительно, можетъ быть, мы шли на Ловчу, гдѣ тогда могли быть турецкія войска. Проѣхавъ такъ съ полъ-часа и увидя слѣва на полѣ силуеты копенъ сѣна, мы завернули къ нимъ. Здѣсь слѣзли съ коней и рѣшили подождать разсвѣта; начинало накрапывать. Я вырылъ себѣ нору въ сѣнѣ, разметалъ по бокамъ и всунулся по поясъ; около меня расположился начальникъ штаба Бискупскій. Настала тишина въ нашей сѣнной стоянкѣ, и мы забылись легкимъ тревожнымъ сномъ, но не надолго. Мы были разбужены отрывчатымъ голосомъ ищущей фигуры.—«Гдѣ командиръ корпуса? Гдѣ командиръ?»—повторяла тѣнь, мечась отъ одной копны къ другой. Я выдвинулся изъ моего логовища и навострилъ уши; въ отдаленіи была слышна ружейная трескотня.—«Что вамъ нужно?»—спросилъ Бискупскій.—«Турки недалеко въ деревнѣ, напали на нашихъ!»— Дѣйствительно, ружейная стрѣльба становилась все больше и больше. «Тише, не кричите»,—сказалъ Бискупскій, но всталъ и тихо доложилъ Шаховскому, спавшему въ сѣнѣ, саженяхъ въ десяти отъ насъ. Мы начали вставать, крикнули казакамъ подать нашихъ лошадей и сѣли верхомъ. Кучевыя тучи проходили, утренняя заря слегка освѣщала окрестные предметы, мы уже явственно различали нашихъ солдатъ, идущихъ въ разбродъ по полямъ и дорогѣ, и могли хоть нѣсколько опредѣлить наше положеніе. Картина была не веселая. Скоро, впрочемъ, безпорядочно двигающаяся толпа людей разныхъ частей войскъ была приведена въ порядокъ; построены роты, составленъ авангардъ, арьергардъ и боковые отряды; штабъ тоже построился по три въ рядъ, и мы двинулись по дорогѣ. Пойманный казаками братушка показывалъ намъ путь на Порадимъ. «Ну, положеніе»,—сказалъ очутившійся рядомъ со мной корреспондентъ, маленькій, жиденькій, въ тирольской шляпѣ, съ выразительной симпатичной физіономіей.—«Дай мнѣ десять тысячъ рублей въ мѣсяцъ, чтобы я пошелъ въ другой разъ на войну, — откажусь». Я посмотрѣлъ на него и улыбнулся; его вытянутое блѣдное лицо и смѣшная фигура на конѣ подтверждали искренность словъ и полную тревогу.—«Да,—продолжалъ онъ, — положеніе не завидное, хуже губернаторскаго. Еще попадешься въ плѣнъ, да посадятъ на колъ, это не вольтеровское кресло, чортъ побери!» Начинало свѣтать, легкій вѣтерокъ быстро разгонялъ тучи, повѣяло

тепломъ; солнце выглянуло, привѣтливо освѣщая легкимъ блескомъ нашъ путь; тревога прошла, было легко на сердцѣ, и мы оживились.

— Ваше сіятельство, не позволите ли мнѣ отправиться?—сказалъ я.

— Погодите, сейчасъ вотъ мы сядемъ у этого камня и составимъ донесеніе.

Вскорѣ слѣзли съ лошадей. Бискупскій усѣлся составлять записку, князь стоялъ около. «Мы держались сколько возможно, но должны были отступить и пошли на Порадимъ въ порядкѣ»,—такъ, или почти такъ писалъ Бискупскій. Онъ хотѣлъ продолжать, но былъ нетерпѣливо перебитъ Шаховскимъ: «Оставьте эту литературу»,—сказалъ князь и, взявъ у него записку, передалъ мнѣ. Я раскланялся, вскочилъ на коня и поѣхалъ по указанію болгарина къ д. Гривицѣ. Я долго ѣхалъ, забирая то вправо, то влѣво, оріентируясь по солнцу и ища глазами какую нибудь живую душу. Но вотъ стадо барановъ, я вижу пастуха; по его указанію выѣхалъ на дорогу; прекрасная холмистая мѣстность долго скрывала мой объектъ, и я не подразумѣвалъ, что скоро очутюсь въ виду д. Гривицы. Послышались отдаленные перекаты ружейныхъ залповъ, они правильно и глухо раздавались въ воздухѣ; но кругомъ въ природѣ было все тихо и мирно; все Божіе твореніе смотрѣло такъ привѣтливо, какъ будто войны не было, или она не имѣла съ ней ничего общаго. Но опять трата-та-та... вывело меня изъ созерцательнаго настроенія. Я остановилъ моего коня, сталъ на стремена и пристально смотрѣлъ вдаль, куда ѣхать. Только чтобы не попасть къ туркамъ, думалъ я; затѣмъ усиленно погонялъ моего бѣднаго заморееннаго коня нагайкой и шенкелями. Вотъ показались какія-то черныя линіи: это—отступающія роты 9-го корпуса; онѣ медленно въ порядкѣ двигались назадъ, затѣмъ по временамъ останавливались, давали залпы и продолжали отступать. Турокъ не было видно, но отвѣтный огонь и проносившіяся гранаты показывали, что они не оставляли насъ въ покоѣ. Разница въ отступленіи здѣсь и тамъ, откуда я только-что уѣхалъ, была поражающая: здѣсь полное спокойствіе и порядокъ, какъ на маневрахъ, а тамъ дезорганизація и паника. Ничего нѣтъ ужаснѣе ночного отступленія. Трудно сохранить порядокъ, движеніе затрудняется, неизвѣстность положенія и пустая причина возбуждаютъ тревожное состояніе, выстрѣлы и конскій топотъ сбиваютъ съ толку; зачастую, своя своихъ непознаша, лупятъ залпами другъ въ друга, пули свистятъ съ той стороны, гдѣ вы предполагали, что только могутъ быть свои, орудія звенятъ, наталкиваясь; такъ во время этого отступленія 11-го корпуса пѣхотныя части стрѣляли по своей же кавалеріи, отступавшей тоже, куда глаза глядятъ. Главное, что при невидимой опасности трудно сохранить хладнокровіе; воображеніе всегда преуве-

личиваетъ дѣйствительную опасность. Смерть въ глаза вы встрѣчаете въ волненіи, но не теряете голову, мозги продолжаютъ дѣйствовать и приводить резоны. Долгъ и самолюбіе порождаютъ рѣшимость; продолжительная выработка чувства владѣть собою и нежеланіе отдаваться врагу, не помѣрявшись силами, заставляютъ съ увлеченіемъ или одеревенѣло итти впередъ и возбуждаютъ стойкость; вы можете дѣлать предположенія и находить шансы на успѣхъ, что придаетъ энергію и надежду, что вы одолѣваете.

Сраженіе, особенно атака, это опьяненіе, когда вы способны подраться ради гимнастики кулаковъ, безъ озлобленія и кровожадности, не зная, чья возьметъ.

Состояніе какъ въ чаду и можетъ быть положительное увлеченіе, особенно при надеждѣ на успѣхъ; это то же, какъ въ любовномъ экстазѣ передъ женщиной, которой чувствъ вы не знаете, и васъ сдерживаетъ этикетъ и страхъ неудачи; вы какъ бы невольно отдаляете моментъ развязки, но при малѣйшемъ выраженіи чувствъ съ ея стороны вы забываетесь, опьяненіе дѣлается общимъ, и побѣда является сама собой.

Полководцамъ нужно пользоваться такимъ опьяненіемъ, или воинственнымъ настроеніемъ, и вселять къ себѣ довѣріе; но всегда слѣдуетъ поступать осмотрительно, благоразумно и безъ смысла не жертвовать ни одной человѣческой жизнію. При этихъ условіяхъ является довѣріе къ начальству; а разъ это будетъ, то даже при неудачахъ войска, въ особенности наши русскія, не будутъ деморализованы. Храбрость и трусость слова относительныя; и то и другое чувство можетъ быть въ одномъ и томъ же субъектѣ въ одно или разное время. Только люди больные, нервные или совершенно безъ самолюбія вполнѣ могутъ подчиняться страху и выражать трусость; съ другой стороны, нѣтъ людей, которые бы не испытывали чувства страха. Разница между трусомъ и храбрымъ только та, что одинъ меньше, а другой больше владѣетъ чувствами, и что человѣкъ, называемый храбрымъ, настолько владѣетъ собою, что во время нѣкотораго животнаго трепета самосохраненія выказываетъ внѣшнее полное пренебреженіе къ опасности.

Совсѣмъ другое—паника. Это волненіе страха, слѣпое, безъотчетное, съ трудомъ побораемое; вы сознаете свое безсиліе отстояться, вы не знаете, гдѣ вашъ врагъ, за что и какъ схватиться и чѣмъ отбиться. Въ такія трудныя минуты нужно призывать весь разсудокъ, все хладнокровіе, всю философію ума, чему быть, тому не миновать, убьютъ, такъ убьютъ. Но могутъ ли многіе владѣть такъ собою? Увидя своихъ, я пріободрился, и мой конь тоже, собравшись съ силами, помчался безъ понуканія, какъ будто инстинктъ ему подсказывалъ, что еще нѣсколько шаговъ, и дѣлу конецъ. Я летѣлъ вихремъ за спиной отступавшихъ ротъ Архангелогородскаго полка и выбрался на дорогу отступленія. Я услы-

шалъ, что кто-то меня зоветъ, и всмотрѣвшись увидѣлъ на самой дорогѣ, у канавы, Шлитера, показывавшаго мнѣ бутылку и что-то другое. Я подъѣхалъ нему, чтобы разузнать, гдѣ штабъ корпуса; сказалъ, откуда ѣду, съѣлъ кусокъ мяса, выпилъ и поскакалъ дальше. Корпусный штабъ я нашелъ въ какомъ-то дворѣ, между домами въ д. Булгарени. На лужайкѣ лежали ковры, гдѣ было разставлено съѣдобное, кругомъ находились офицеры полулежа, а Криднеръ и начальникъ штаба Шнитниковъ стояли въ сторонѣ. Первый бросившійся мнѣ въ глаза изъ всей группы былъ Донъ-Карлосъ, онъ привѣтливо приподнялъ свой картузъ вскричавъ: «bonjour, mon capitaine». Амурныя похожденія задержали его въ Турнъ-Северинѣ, и онъ прибылъ только къ разсвѣту 19-го іюля, что называется, къ шапочному разбору.

Такъ кончилась наша вторичная попытка овладѣть городомъ Плевной. Причиной неудачи была слабая численность войскъ при растянутой позиціи. Командиръ корпуса и мы всѣ сознавали это. Мнѣ кажется, что успѣхъ возможенъ былъ только въ единственномъ случаѣ, а именно, еслибъ атака была ведена только съ одной южной стороны города, а на Гривицкій редутъ была бы сдѣлана фальшивая диверсія; на югѣ не было укрѣпленія, и, маскируя, мы могли бы занять городъ, тогда какъ, разбившись на двѣ почти равныя части, раздѣленныя громаднымъ пространствомъ, войска наши были слабы на обоихъ пунктахъ, а поддержать другъ друга не было чѣмъ. Впрочемъ, я не возьму на совѣсть утверждать, что атака, веденная такимъ образомъ, увѣнчалась бы взятіемъ Плевны; легко могло бы случиться при разбросанности и волнообразной мѣстности города, что турки вытѣснили бы насъ изъ занятой позиціи.

Въ нынѣшнихъ войнахъ успѣхъ возможенъ при непремѣнномъ условіи въ каждый моментъ быть сильнѣе врага численностью, оружіемъ и снаряженіемъ, пользуясь всѣми тремя родами оружія вмѣстѣ, при горячемъ участіи и поддержкѣ. Къ несчастію, у насъ всѣ три фактора отсутствовали: числомъ мы были слабѣе турокъ, при чемъ намъ приходилось аттаковать, они же сидѣли за окопами; ружья ихъ были дальнобойныя и были магазинки, тогда какъ у насъ ничего подобнаго не было, что̀ тоже увеличивало ихъ силу; наша артиллерія, разъ взявши позицію, мало двигалась впередъ и не помогала въ должной мѣрѣ картечью нашей беззавѣтной пѣхотѣ. Наша на видъ хорошая кавалерія, въ большомъ числѣ собранная подъ командою генерала Лошкарева, а затѣмъ Крылова, бездѣйствовала и позволяла туркамъ, почти не имѣвшимъ кавалеріи, безнаказанно спокойно хозяйничать за р. Видомъ, какъ будто въ мирное время, вмѣсто того, чтобы являться всюду, неожиданно, какъ громъ и полымя, и разносить обозы; они не схватились ни съ однимъ отрядомъ и не отбили ни одного значительнаго транс-

порта. Снаряженіе наше было дурное, многіе гибли отъ недостатка теплой одежды, явившейся уже тогда, когда мы были за Балканами.

Въ заключеніе, я долженъ сказать нѣсколько словъ о баронѣ Криднерѣ. Репутація этого генерала была сильно поколеблена, но ради возстановленія истины, какъ бывшій ординарецъ командира 9 корпуса, близко стоявшій къ Криднеру и знавшій хорошо подробности дѣла и его самого, имѣвшій лично противъ него неудовольствіе, я долженъ отдать ему справедливость.

Вспоминая общую нить всѣхъ дѣйствій 9 корпуса, начиная съ перехода черезъ Дунай, взятіе Никополя, сраженія подъ Плевной 7-го и 8-го іюля, 18-го, 19-го іюля и 30-го августа, а также личныя распоряженія барона Криднера, я долженъ признать, что въ этихъ стратегическихъ и тактическихъ неудачахъ онъ не виноватъ. Онъ исполнялъ только то, что ему настоятельно приказывали, и что онъ обязанъ былъ дѣлать въ силу дисциплины. Лично онъ сознавалъ трудность задачи и дѣлалъ все возможное, что было въ предѣлахъ нашей силы и его знаній о непріятелѣ. Всѣ его приказанія носили печать обдуманности Фабія Медлителя. Это былъ умный и пріятный начальникъ во всѣхъ отношеніяхъ; если онъ, вслѣдствіе своей нѣмецкой натуры и почтенныхъ лѣтъ, и не способенъ былъ личнымъ примѣромъ и словами воодушевить солдатъ и заставить ихъ итти на проломъ, тѣмъ не менѣе всѣ были убѣждены, что это способный, толковый и осторожный генералъ, зря дѣлать не будетъ, и ему довѣряли. Довѣріе же къ полководцу—половина успѣха. Какъ человѣкъ, онъ при близкомъ знакомствѣ еще болѣе выигрывалъ; въ обращеніи со всѣми онъ былъ ровенъ и въ высшей степени деликатенъ. Выросшій въ старой Николаевской школѣ, онъ тѣмъ не менѣе уважалъ людей, относился всегда ко всѣмъ вѣжливо, человѣчно, не самодурствовалъ и тѣмъ подкупалъ близъ стоявшихъ, заставляя исполнять свой долгъ неукоснительно и поддерживать славу нашего русскаго знамени. Въ чемъ единственно ему можно было сдѣлать упрекъ, это въ недостатѣ гражданскаго мужества въ защиту офицеровъ своего корпуса; благодаря этому пробѣлу въ его характерѣ, многіе боевые офицеры были обойдены наградами, тогда какъ ординарцы главнаго штаба, являвшіеся, какъ птицы, иногда послѣ сраженія, были увѣшаны орденами.

А. Н. Хвостовъ.

НА НОВУЮ ЛИНІЮ[1].

VII.

АСТУПИЛЪ нетерпѣливо ожидавшійся день выѣзда переселенцевъ. Уже наканунѣ знаменательнаго дня село Никольское и сосѣднія съ нимъ деревушки изображали только что разоренный муравейникъ: одни готовили телѣги, чтобы довезти своихъ родственниковъ до ближайшей волжской пристани, другіе укладывали и увязывали вещи, то и дѣло забѣгая къ «ходоку», какъ единственному компетентному лицу, съ вопросами, что брать и чего не брать на новую линію. Всю ночь, предшествовавшую выѣзду, всѣ были на ногахъ, и никто ни на минуту не сомкнулъ глазъ. Но болѣе всѣхъ суетился Евграфычъ, принявшій на себя роль распорядителя.

«Смотри, ребята», внушалъ онъ встрѣчному и поперечному, «идемъ мы въ далекую сторону, разстаемся съ родными могилками, съ родной землицей—нужно, чтобы все было форменно и чинно: одѣться всѣмъ попраздничному, образа поднять и молебенъ отслужить послѣ обѣдни, по 20 коп. съ человѣка не разоритъ».

Чуть свѣтъ Евграфычъ уже поднялъ церковныхъ сторожей и заставилъ ихъ звонить къ заутрени, а потомъ побѣжалъ будить

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», LXXIX, т. стр. 136.

батюшку. Церковь до такой степени переполнилась народомъ, что негдѣ было бы упасть яблоку. За заутреней послѣдовала обѣдня, а потомъ грянули всѣ колокола, и на жгучемъ іюльскомъ солнцѣ блеснули золотыя кисти и бахромы парчевыхъ хоругвей. Осанистые, одѣтые попраздничному мужики вынесли мѣстные образа и кольцомъ окружили столъ со святой водой. Пестрая толпа провожавшихъ, родственниковъ и любопытныхъ собралась на выпускъ возлѣ церкви. Въ конецъ истомившійся пастырь, дѣлая неимовѣрныя усилія, читалъ напутствіе. Освятили воду, и на благоговѣйно преклоненныя головы точно съ самаго неба посыпались сверкавшіе на солнцѣ брызги воды. Молебенъ конченъ; пора расходиться, но обыкновенно ко всему равнодушный, чуждый всякихъ сентиментовъ пастырь, два часа тому назадъ относившійся скептически, если не враждебно къ переселенцамъ, лишавшимъ его части дохода, вдругъ почувствовалъ непреодолимую потребность проститься съ ними, проститься по-братски и напутствовать теплымъ словомъ.

Батюшка махнулъ рукой, и все смолкло; народъ дожидался, что скажетъ старикъ; но вмѣсто словъ среди водворившейся тишины послышались сначала сдержанныя всхлипыванія, а потомъ и громкія рыданія батюшки. Онъ пробовалъ говорить, но ничего не выходило. Не краснорѣчивъ былъ батюшка, не вдругъ могъ собраться съ мыслями, и даже лишній стаканчикъ вина не развязывалъ ему языка.

— «Что же скажу я вамъ, отъѣзжающимъ путникамъ, въ сей прощальный, торжественный часъ?»—началъ батюшка, но сдерживаемыя рыданія снова мѣшали ему продолжать.

— «И вотъ что я вамъ скажу»,—снова продолжалъ ораторъ,—«жалко мнѣ васъ, больно жалко, да и вы пожалѣйте меня и, какъ у престола Всевышняго Творца, все равно, простите мнѣ грѣхи мои вольные и невольные... жалко... жалко!»..

Но, невзирая на краткость рѣчи, всѣ были потрясены до глубины души, впервые поняли важность минуты и съ мокрыми отъ слезъ лицами спѣшили перецѣловаться съ батюшкой и приложиться ко кресту.

Солнце немилосердно жгло, жара была палящая. Толпа не расходилась, и напрасно ходокъ властнымъ голосомъ начальника кричалъ: «запрягай! запрягай! а то запоздаемъ»... Никто не слушалъ его, всѣ разбились по площади на группы, появилась водка, какъ неизбѣжный спутникъ житейскихъ радостей и горестей мужика, и, благодаря быстро осушаемымъ стаканчикамъ, бесѣда приняла какой-то путанный характеръ, то и дѣло прерываясь всякаго рода дикими восклицаніями, взрывами смѣха, пѣснями или надрывающими душу воплями. Нашлись даже весельчаки, которые, хлопая въ ладоши, выскакивали на улицу и выдѣлывали изумительныя колѣна, между тѣмъ какъ рядомъ отъѣзжающій старикъ, лежа

навзниць, немилосердно колотился головою о землю, приговаривая: «прощай мать, прощай мать», а въ двухъ шагахъ кто-то, ставъ на колѣна, громко исповѣдовался въ своихъ грѣхахъ и съ лицомъ, распухшимъ отъ слезъ, валяясь въ ногахъ у сосѣдей, молилъ не поминать лихомъ: «Много обидъ, много всяческихъ обидъ видѣли отъ меня, окаяннаго, во многомъ виноватъ—простите, православные!»—взывалъ несчастный, не замѣчая того, что никто не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Кое-гдѣ даже угощали другъ друга подзатыльниками. Всѣ безъ исключенія—старики, молодые, бабы, даже дѣти, всѣ пили безъ мѣры, цѣловались, умоляли не забывать, писать какъ можно чаще, при чемъ провожавшіе клялись Христомъ и Богомъ весною будущаго года послѣдовать примѣру переселенцевъ, просили приготовить мѣста, и при одной мысли о такомъ счастьи всѣми вдругъ овладѣвала необузданная радость, и всѣмъ безъ исключенія и отъѣзжающимъ и остающимся хотѣлось пѣть и плясать. Въ разныхъ мѣстахъ заиграли гармоники и слышалось неистовое топанье плясуновъ. Около кабака становилось все тѣснѣе и тѣснѣе; бабы и дѣвки источными голосами визжали что-то непонятное: ай-ли-ли-ли, перемѣшанное съ топаньемъ плясуновъ, рѣзало уши.

Потерявъ терпѣніе, «ходокъ» и его правая рука Евграфычъ приняли наконецъ такія крутыя и рѣшительныя мѣры, что переселенцы, волей или неволей, стали собираться въ дорогу. Снѣдаемые любопытствомъ деревенскіе мальчики, толпившіеся около дворовъ и заглядывавшіе во всѣ щели, закричали: «Запрягаютъ! запрягли! Сейчасъ выѣдутъ—ѣдутъ! ѣдутъ!»

— Ну, трогай, трогай, не отставай другъ отъ дружки,—въ свою очередь кипятился Евграфычъ:—ты, Александръ Ивановичъ, передомъ, какъ нашъ начальникъ и предводитель; такъ будетъ правильно и форменно».

Ходокъ перекрестился на церковь и впереди своего обоза двинулся въ путь, а за нимъ потянулась длинная погребальная процессія, сопровождаемая воплями и причитаніями бабъ; на нѣкоторыхъ телѣгахъ неподвижно лежали переселенцы, потерявшіе сознаніе и болѣе похожіе на покойниковъ. Скрылось село, гумна, и изъ высокой волнующейся ржи виднѣлся только ослѣпительно сіявшій на солнцѣ церковный крестъ.

Поѣздъ остановился около рѣчки, и наступилъ послѣдній моментъ разставанія отъѣзжающихъ съ остающимися, хотя и временно, на старыхъ мѣстахъ. Всѣ невольно обратились назадъ; сердца забились съ удвоенной силой, на душѣ у каждаго переселенца зашевелилась мучительная тоска по родинѣ, наперекоръ всякимъ фантазіямъ о сибирскихъ привольяхъ все-таки сохранившей за собой права родной матери. Снова раздались крики и вопли, но теперь они были еще сильнѣе, еще мучительнѣе.

Не утерпѣлъ, по обыкновенію, суетливый Евграфычъ и забѣжалъ на мой хуторъ, расположенный возлѣ рѣчки. Онъ горячо обнимался со всѣми служащими, приглашалъ на новую линію, обѣщая свое покровительство. Увидавъ меня, онъ, подпершись въ бока и видимымъ образомъ желая покуражиться, пьянымъ голосомъ заоралъ: «Что́, братъ, не чаялъ? то-то!» и тотчасъ же направилъ свой бѣгъ къ остановившемуся табору.

Жалобно заскрипѣли десятки телѣгъ и медленно нога за ногу потянулись на изволокъ, поднимавшійся отъ рѣчки.

Вскорѣ мы узнали, что вопреки общимъ ожиданіямъ на волжскомъ пароходѣ потребовали по два рубля 10 коп. съ каждаго взрослаго переселенца. Нашлись недовольные, но ходокъ успокоилъ ихъ тѣмъ, что уплаченныя деньги будутъ возвращены въ Самарѣ, гдѣ переселенцевъ задержали на трое сутокъ. Снова пришлось платить деньги за проѣздъ до Челябинска. Произошло новое волненіе переселенцевъ, разсчитывавшихъ на доровой проѣздъ; многіе хотѣли даже вернуться обратно, и навѣрно бы вернулись, если бы ходокъ не убѣдилъ ихъ, что всѣ путевыя издержки будутъ получены обратно въ Челябинскѣ. Затѣмъ мы узнали, что, добравшись до мѣста, наши переселенцы прямо съ дороги поступили на жнитво, получая по 18 пудовъ ржи за полную обработку одной десятины. Послѣ этого на нѣкоторое время все замолкло, ни слуху, ни духу, точно въ воду канули наши переселенцы.

IX.

Пришла зима. Время бѣжало съ невѣроятною быстротой, не принося ничего утѣшительнаго. Землевладѣльцамъ въ первый разъ пришлось столкнуться съ такимъ фактомъ, что цѣны за хлѣбъ не вознаграждаютъ потраченнаго на его производство, и волей или неволей мы сдѣлали новый шагъ къ обнищанію, благодаря паденію зерновыхъ цѣнъ.

«Новая линія! на новую линію!»—только и слышалось въ нашемъ захолустьи: въ селахъ, въ деревняхъ, на базарахъ, на мельницахъ, на моемъ хуторѣ. Все прошлое вдругъ стушевалось, точно пропало, или его никогда и не было. Все поражало новизной, вездѣ и всюду «новая линія»: бывшіе годовые работники и даже шестидесятилѣтній глухой и почти слѣпой пастухъ Яковъ, съ престарѣлой женой и больной отъ рожденія дочерью Уляшей, нанимались только до весны, а тамъ что будетъ; мельница безмолвствовала, а мельникъ постоянно отсутствовалъ, собирая по деревнямъ послѣднія новости изъ Сибири; лѣсной сторожъ, вообразившій, что я только о томъ и думаю, какъ бы удержать его на мѣстѣ, изводилъ меня просьбами не мѣшать и не препятствовать. Но болѣе всего волновали меня постоянныя скитанія скотницы Настасьи, рослой, работящей

бабы, въ теченіе 10 лѣтъ сидѣвшей на одномъ мѣстѣ. Ея положеніе было исключительное. Давнымъ давно брошенная мужемъ, навязавшимъ ей малолѣтняго сына Іонку, не способнаго ни къ какому дѣлу лодыря, о которомъ мой хозяйственный староста постоянно говорилъ: «воля ваша, а я съ Іонкой плачу», Настасья вдругъ проникласъ неудержимымъ желаніемъ переселиться на «новую линію», къ отцу, ушедшему съ Засурскимъ, и во что бы то ни стало сдѣлать изъ Іонки настоящаго хазяйственнаго мужика и землевладѣльца. Съ котомкой за спиной, уставивъ глаза куда-то вдаль и размахивая длинной суковатой палкой, она, какъ метеоръ, мелькала передъ моими глазами и въ теченіе всей суровой зимы летала изъ волостного правленія къ мужу, отъ него къ земскому, а тамъ въ городъ, а потомъ тѣми же стопами опять въ волость, опять къ земскому, опять къ мужу и т. д. безъ конца.

Не знаю, чѣмъ я заслужилъ довѣріе Настасьи, но она непринужденно разговаривала со мною и, повидимому, находила даже особенное удовольствіе въ сообщеніи мнѣ своихъ похожденій.

— Опять зря проходила, — обыкновенно начинала она своимъ пѣвучимъ, нервнымъ голосомъ, въ которомъ уже чувствовалась близость слезъ и причитаній:—въ волости дали записку къ мужу, цѣлковый рубль писарю старшему отдала, а мужъ-то меня же ругаетъ: куда тебя нелегкая несетъ, оглашенная, чего тебѣ еще надо... Жду—вотъ-вотъ начнетъ бить, а сама тряской трясусь. Пропоила ему цѣлковый рубль, да красненькую отступного заплатила, а сама давай Богъ ноги къ земскому—самого не застала, а писарь туда же куражится: надо время знать, а то безвременно суешься; ему тоже рублевку сунула, маршъ въ городъ. Прошу, въ ногахъ валяюсь у писарей-то, а они только смѣются Ироды: «ишь ты какая проворная: ей все скоро нужно».

Наконецъ, Настасья явилась ко мнѣ вся сіяющая отъ восторга и объявила, что еще разъ сбѣгала въ городъ и бумагу выправила.

— Какую бумагу?

— А Богъ ее знаетъ какую, прочитай-ка, а я послушаю. Какъ липку ободрали! Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ,—продолжала она, отъ избытка радости не слушая и не понимая того, что было написано въ этой дорогой цѣной добытой. бумагѣ. Точно все счастье жизни играло на лицѣ ея.

Существующій хаосъ превратился въ настоящее столпотвореніе вавилонское, когда стали приходить неказистые на видъ конверты изъ сѣрой бумаги, съ адресами вкривь и вкось, но съ дорогими письмами переселенцевъ, въ которыхъ между кое-какъ нацарапанными строками читалось нѣчто далеко болѣе интересное и важное, нежели то, что написала рука. Въ каждомъ изъ этихъ сибирскихъ писемъ говорилось, что все идетъ какъ нельзя лучше. Житье привольное. Спервоначала принуждали строиться по плану въ два порядка,

а потому порѣшили промежъ себя рассейскихъ порядковъ не заводить, а ставить избы, гдѣ кому удобнѣе, лишь бы на солнцѣ. Лѣсу навозили страшное количество, черезъ рѣчку три моста построили, а Василій Данилинъ плотину и мельницу на два постава заводитъ.

«Живемъ мы слава Богу, а что будетъ впередъ, не знаемъ»,— въ свою очередь писалъ отецъ Настасьи. — «Строю пятистѣнную избу, купилъ двухъ лошадей и трехъ коровъ, по 12 рублей за корову платилъ. А тебѣ, дочка моя милая, ставлю особую свѣтелку на задахъ, гдѣ и помѣстишься съ сыномъ, и ждемъ мы тебя съ часу на часъ и слезы проливаемъ о твоей бѣдній головушкѣ, что по чужимъ людямъ ходишь безъ призора». Настасья ликовала, заботливо собиралась въ дорогу и свысока посматривала на деревенскихъ бабъ.

Мой хуторъ и вся наша мѣстность окончательно превратились въ какой-то временный таборъ, не сегодня, такъ завтра готовый сняться, оставивъ послѣ себя голую степь. Передо мной развертывалась вовсе не забавная перспектива пустыни, въ виду которой всякіе хозяйственные планы и предположенія не могли уже имѣть ни малѣйшаго смысла. Я проводилъ время въ самомъ деморализующемъ состояніи: то ходилъ по пустымъ комнатамъ, безсознательно повторяя: «людей нѣтъ—намъ нужны люди», то садился за письменный столъ съ твердымъ намѣреніемъ спрятать въ ящикъ всѣ хозяйственныя бумаги и книги, запереть ихъ на ключъ и никогда болѣе въ нихъ не заглядывать, или бралъ послѣднюю книжку толстаго журнала, но глаза напрасно бѣгали по строкамъ — я ничего не понималъ.

Вечеромъ, по обыкновенію, приходилъ хозяйственный староста, тоже возмечтавшій о Сибири и, взирая на меня, какъ на погибшаго человѣка, докладывалъ, что пора бы нанимать лѣтнихъ и годовыхъ работниковъ, а желающихъ нѣтъ.

— Такъ какъ же быть?

— Какъ прикажете,—и староста глубоко вздыхалъ.

— Нужно съѣздить куда нибудь подальше—поискать,—посовѣтовалъ я, приходя въ великое смущеніе.

— Все это возможно, да какъ бы толкъ былъ,—и опять вздохи.

Онъ говорилъ это такимъ дурацки-увѣренннымъ тономъ, что я окончательно опѣшилъ. Наступило нѣсколько минутъ тягостнаго молчанія, въ продолженіе котораго я становился все мрачнѣе и мрачнѣе, между тѣмъ какъ староста, весьма довольный произведеннымъ эффектомъ, обдумывалъ новое, еще болѣе сильное, средство, чтобы окончательно ошеломить меня, и сообщилъ, что въ городѣ не берутъ ни почемъ ржи и овса: сейчасъ пришелъ обратно изъ города никулинскій обозъ съ рожью.

— Ну, ступай, ступай!—почти угрожающимъ тономъ выпроваживаю я старосту и снова остаюсь въ полномъ одиночествѣ. На

другой день являются всѣ служащіе и вмѣстѣ съ ними Настасья, прося денегъ, чтобы разсчитаться съ ходокомъ, только что приславшимъ изъ Сибири своего рода циркуляръ, въ силу котораго всѣ новые переселенцы, собирающіеся весной, обязаны были немедленно выслать по 2 рубля на приписку и еще на какіе-то непредвидѣнные расходы. Содержаніе циркуляра было очень туманно и ни для кого непонятно, но, можетъ быть, потому именно всѣ придавали ему какое-то особенное значеніе и наперерывъ спѣшили уплачивать деньги.

Я не выдержалъ болѣе и немедленно собрался въ городъ, чтобы этой поѣздкой, хотя на время, отдалиться отъ тяжелыхъ мыслей. Справедливость требуетъ сказать, что, помимо личныхъ интересовъ, меня глубоко возмущало непонятное равнодушіе властей къ безсовѣстнымъ поборамъ «ходока», этого несомнѣннаго Хлестакова въ крестьянскомъ быту, то и дѣло разъѣзжавшаго на чужой счетъ по безпредѣльному пространству нашего отечества и помышлявшаго единственно о томъ, чтобы подъ шумокъ опустошать карманы своихъ ближнихъ, постоянно поддерживая въ нихъ ожиданіе отъ него и только отъ него одного всякихъ великихъ и богатыхъ милостей; излишняя поспѣшность и безпечность при разрѣшеніи переселяться всякимъ безпомощнымъ старикамъ и отпѣтымъ лодырямъ, отставшимъ отъ сохи и неспособнымъ ни къ какому труду, а также то и дѣло повторявшимся на глазахъ моихъ попыткамъ сыновей изъ богатыхъ семействъ тайкомъ покинуть родительскій кровъ и уйти. Этого мало; я никакъ не могъ примириться съ мыслью, чтобы между земцами и цѣлымъ сонмищемъ интеллигентныхъ чиновниковъ, не нашлось порядочныхъ, надежныхъ людей, знающихъ крестьянскій бытъ, которыхъ можно было бы съ спокойной совѣстью направить въ Сибирь, для ближайшаго и всесторонняго знакомства съ мѣстными условіями, поручивъ имъ же руководство и наблюденіе за всѣми подробностями и мелочами переселенческаго дѣла, людей, которымъ уже надоѣло машинальное повтореніе такихъ словъ, какъ «мужичекъ», «деревня», «отечество», и готовыхъ, наконецъ, перейти отъ фразы къ дѣлу.

Въ городѣ, гдѣ я давно уже не былъ и гдѣ всегда чувствовалъ и чувствую себя чужимъ, лишнимъ человѣкомъ, съ перваго же шага поразила меня все та же «новая линія». До такой степени все обновилось, измѣнилось и представлялось въ иномъ видѣ. Отъ старыхъ фамилій, когда-то подробно перечисленныхъ въ одномъ изъ примѣчаній къ извѣстной книгѣ Лонгинова «Мартинисты въ Россіи», остались только смутныя воспоминанія, а вмѣсто нихъ плодятся и множатся какіе-то Хапковы, Кондачковы, Смычковы, Лаптевы, оттѣснившіе на второй планъ не только отжившее свое время дворянство, но и мѣстное именитое купечество. «Тотъ былъ лакеемъ, другой — сидѣльцемъ питейнаго заведенія, третій — рядовымъ при

интендантскомъ складѣ», — восклицаютъ болѣе невоздержные на языкъ граждане,—«а теперь карета—не карета, лошади—не лошади, банкетъ—не банкетъ и ужъ такихъ винъ, какъ у Смычкова, ни у кого въ городѣ». Гуляю по городу и только удивляюсь, очевидно, вступившей въ свои права цивилизаціи: вмѣсто бакалейной лавки, попадаю въ магазинъ общества потребителей и поражаюсь стремленіемъ общества перейти изъ области идеаловъ на практическую почву и доставить мирнымъ гражданамъ не только дешевизну жизненныхъ продуктовъ, но и завидную возможность постричься и побриться по значительно удешевленной цѣнѣ. Иду дальше и невольно останавливаюсь передъ вывѣской склада, устроеннаго для спасенія угнетенныхъ судьбою деревенскихъ жантильомовъ. Глаза разбѣгаются, глядя на массу выставленныхъ плуговъ, боронъ, сортировокъ и т. д. Спрашиваю цѣну сѣялки и только привожу въ смущеніе миловидную продавщицу, — она не знаетъ, что отвѣчать, и посылаетъ мальчика за справками къ живущему въ двухъ шагахъ Ивану Петровичу; мальчикъ возвращается и объявляетъ, что Иванъ Петровичъ тоже ничего не знаетъ, а совѣтуетъ обратиться къ Петру Петровичу, какъ распорядителю, но, какъ на бѣду, тотъ уѣхалъ въ деревню, и я ухожу, потерявши даромъ время. Но зато встрѣчаю мѣстнаго дѣятеля, ради общей пользы, которая у него всегда стояла на первомъ планѣ, только что слетавшаго въ Питеръ въ качествѣ делегата. Онъ еще издали машетъ руками, во все горло кричитъ «ура» и объявляетъ, что желѣзная дорога утверждена, мы призваны къ новой жизни, а наше зерно, наши индюшки и утки потекутъ туда, гдѣ въ нихъ нуждаются. Онъ не только убѣжденъ въ томъ, что желѣзная дорога принесетъ намъ всѣ блага въ мірѣ, но въ глубинѣ души ожидаетъ вещественныхъ знаковъ признательности общества. Я чувствую кипѣніе жизни и едва воздерживаюсь отъ радостныхъ криковъ. Все веселитъ и поднимаетъ духъ, всѣ заборы пестрѣютъ афишами, громадными красными, черными и синими буквами объявляющими о всякихъ пикантныхъ, благотворительныхъ или возвышенныхъ наслажденіяхъ, до сего времени не слыханныхъ въ нашемъ медвѣжьемъ углу. «Новость! новость! новость! Маскарадъ съ сюрпризами и преміями за красоту и грацію»,—кричитъ одна афиша. Рядомъ объявляется балъ цвѣтовъ въ пользу народныхъ читаленъ, въ заключеніе коего выступитъ процессія миѳологическихъ боговъ и богинь съ Діаной во главѣ, везомой въ золотой колесницѣ; далѣе маленькій Фаустъ и первый актъ «Птичекъ пѣвчихъ» при благосклонномъ участіи нашей симпатичной любительницы Агрипины Егоровны и талантливаго любителя, все того же почтеннаго фабричнаго инспектора; а выше голубая афиша, приглашавшая на публичную лекцію о томъ, «какъ воспитывать нашихъ дѣтей»; еще выше желтая афиша, возвѣщавшая о выставкѣ картинъ, впервые осчастливившей нашъ городъ, и тутъ же

съ боку на цѣлой простынѣ красуется «Натурщица» и «Зеленый островъ».

— А читали вы, какъ лихо продернули Смычкова въ нашей газетѣ! — спрашиваетъ меня постоянный городской обыватель. Изъ любопытства покупаю мѣстную газету и рѣшительно не узнаю ее, не нахвалюсь ею.

И разсказчикъ изъ народнаго быта нашелся, и отрадные факты на лицо, и слезы умиленія на елкѣ въ пользу бѣдныхъ дѣтей, поздравленіе благосклонной публики съ возвращеніемъ нашей очаровательной опереточной дивы и заодно съ открытіемъ давно ожидаемаго общества питанія выздоравливающихъ больныхъ бѣднаго класса, и, наконецъ, объявленіе о счастливой находкѣ, только что сдѣланной нашимъ прямо съ неба свалившимся ученымъ археологомъ, открывшимъ цѣлую сосновую рощу, посаженную руками безсмертнаго Пушкина и находящуюся всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, хотя въ слѣдующемъ же номерѣ явилось опроверженіе съ несомнѣнными доказательствами, что это былъ сонъ ученаго и ничего больше. При всемъ томъ газета оживляется; публика блаженствуетъ, а что ложь идетъ за правду, то не все ли это равно для нея. Ко всему этому—такое изобиліе обличеній и обличителей, что наши земскіе и думскіе ораторы, волей или неволей, прикусили языки, а мирные граждане, опасаясь выходить изъ дома, заперлись въ четырехъ стѣнахъ. Восхищенный внезапно развернувшимися передъ глазами моими свѣтлыми перспективами, я при всемъ томъ смущался страннымъ смѣшеніемъ канкана и маскарадовъ съ сюрпризами, съ подвигами благотворительности на показъ и открытіями, оказавшимися сновидѣніемъ ученаго археолога.

Тотъ, кто подолгу живалъ въ деревнѣ, глазъ-на-глазъ съ одними мужиками, пойметъ неловкость, если не страхъ, неожиданнаго репримaнда, съ которымъ, пройдя длинную амфиладу парадныхъ комнатъ, входилъ я въ кабинетъ нашего генерала, говоря сущую правду, очаровывавшаго просителей, и, усѣвшись противъ него, принялся мрачными красками изображать положеніе вещей въ деревнѣ. Я долго обдумывалъ то, что считалъ нужнымъ сказать, и мнѣ казалось, что камни заговорятъ послѣ моего сообщенія, но, какъ на зло, въ эту минуту вошелъ еще болѣе симпатичный сановникъ, удивительно моложавый и сохранившійся.

Между двумя сановниками тотчасъ же завязался одушевленный разговоръ о картинной выставкѣ.

— Я, ваше превосходительство, забѣжалъ узнать, берете ли вы «Туманъ» Лагоріо, если нѣтъ, то я рѣшился взять,—началъ гость,— хотя я предпочитаю «Бурю съ корабликомъ».

— О, нѣтъ... не согласенъ, — заволновался хозяинъ: — «Туманъ»—это что-то такое, напоминающее Тэрнера... Все ждешь, что вотъ-вотъ туманъ поднимется... выше-выше...

— Но позвольте, позвольте, ваше превосходительство,—съ жаромъ возразилъ гость. — Если туманъ напоминаетъ Тэрнера, то «Буря» это, это настоящій Констебль. Страшно становится, что эти волны захватятъ и унесутъ васъ...

— Коли пошло на правду, такъ обѣ вещи прелестны, обѣ лучше...—разсудилъ хозяинъ.

— А не правда ли, ваше превосходительство,—вѣжливо перебилъ гость,—какъ это странно, что пейзажная живопись сравнительно слаба тамъ, гдѣ, казалось бы, сама природа раскрывается во всей красѣ, и, наоборотъ... возьмемъ Италію...—Но въ эту минуту гость, съ свойственнымъ каждому порядочному человѣку тактомъ, сообразилъ, что, можетъ быть, помѣшалъ дѣловому разговору и поспѣшилъ раскланяться.

— Если это пойдетъ дальше въ такомъ же направленіи, — началъ я, сохраняя почтительную позу, — то, ваше превосходительство, мы окажемся въ пустынѣ, и въ нашей волости останутся только волки да зайцы.

— Прекрасно! Все это прекрасно... но зачѣмъ же мѣшать, зачѣмъ мѣшать?..—началъ генералъ, но тутъ, какъ бы озаренный счастливой мыслью, вскочилъ съ мѣста и, извиняясь тѣмъ, что ему необходимо сказать два слова Юрію Александровичу, стрѣлой помчался по скользкому паркету и, догнавши гостя, умолялъ его уступить ему обѣ картины, въ чемъ и успѣлъ.

— Зачѣмъ мѣшать?.. еще разъ, задыхаясь отъ испытаннаго волненія, повторилъ генералъ свое любимое слово. — Никому не мѣшать и въ свою очередь требовать того же отъ другихъ,—это было едва ли не единственное твердое правило, вынесенное генераломъ изъ довольно продолжительной жизни.

— Прежде всего не мѣшать,—продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ паѳосомъ:—а затѣмъ помнить, что въ переселеніи наше спасеніе, а Сибирь—это настоящій земледѣльческій рай. Espérez, et laissez faire!

Наконецъ генералъ спохватился, взглянулъ на часы и заторопился.

— Вотъ не думалъ—три часа, а мнѣ необходимо на выставку. А все-таки переселеніе не такъ страшно, какъ это кажется нашимъ реакціонерамъ. Laissez faire! Laissez faire!—настойчиво и убѣжденно добавилъ онъ, на прощанье протягивая мнѣ руку.

Невзирая на то, что моя поѣздка въ городъ длилась не болѣе трехъ сутокъ, возвратившись, я чувствовалъ какую-то чрезвычайную усталость, и не только физическую, но и нравственную. Какъ будто послѣ встрѣчи съ подлинными культурными людьми въ мою душу мало-помалу заползало тяжелое сознаніе своей отсталости.

На хуторѣ меня ожидало письмо отъ извѣстнаго уже читателю Василья Евграфова Абрамова.

«Ваше высокоблагородіе, милостивый благодѣтель рода человѣческаго!—писалъ Евграфычъ:—конечно, Всевышній Создатель міра и милосердная Матерь Его Царица небесная, по своему неисчерпаемому милосердію, сожалѣя безумцевъ, не оставляютъ насъ, злодѣевъ и бездѣльчиковъ, своими указаніями и внушеніями—примѣромъ тому, скажу прямо, служимъ мы, переселенцы, покинувшіе свои привольныя мѣста и теперь обреченные на гладъ и погибель. И что же это означать должно, какъ не то, что Господь Богъ и Пресвятая Мать Его еще не отвратили отъ насъ лица своего, что Они памятуютъ объ насъ и, посылая казни, вразумляютъ, чтобы мы, безумцы, очнулись во время».—Евграфычъ подробно описывалъ всѣ бѣдствія, претерпѣваемыя переселенцами, живущими впроголодь въ мазанкахъ, землянкахъ и вынужденныхъ побираться Христовымъ именемъ. Въ заключеніе онъ взывалъ къ моей помощи въ такихъ выраженіяхъ: «послѣднихъ крохъ лишился и вотъ молю васъ, внемлите гласу отчаяннаго человѣка, вверженнаго въ бездну всякихъ нуждъ и мученій. А потому молю васъ, душа великодушная, съ первой почтой выслать мнѣ 50 рублей, послѣ полученія коихъ немедленно возвращусь на родину, куда стремятся и всѣ мои односельцы, да не съ чѣмъ подняться: долги не пускаютъ. А впрочемъ взятыя деньги я по гробъ жизни не забуду и безпремѣнно уплачу или заработаю».

Я схватился за письмо Евграфыча, какъ за якорь спасенія, и всячески старался распространить его между народомъ; но все усердіе мое удержать и спасти легковѣрныхъ пропало даромъ, тѣмъ болѣе, что ходокъ продолжалъ свою пропаганду, вызывая все новыхъ и новыхъ переселенцевъ и обѣщая золотыя горы.

Всѣ желающіе, начиная съ зажиточнаго мужика и кончая круглымъ бобылемъ, безпрекословно получали разрѣшеніе переселяться, хотя большая часть настоящей голытьбы уже ушла, а весною 1896 года поднимались на новую линію 47 дворовъ изъ числа самыхъ хозяйственныхъ и зажиточныхъ мужиковъ нашей мѣстности.

Готовый ко всему, я, какъ и большинство русскихъ людей въ такихъ случаяхъ, старался не думать о томъ, что будетъ и что ожидаетъ впереди.

X.

Въ концѣ мая 1896 года, въ селѣ Никольскомъ снова повторилась прошлогодняя сцена общаго молебна, на этотъ разъ умѣреннаго пьянства; и мимо моего хутора снова прослѣдовало около 50 подводъ переселенцевъ, но только безъ плача, безъ обычныхъ причитаній и раздирательныхъ сценъ. Напротивъ того, лица отъѣзжающихъ сіяли бодростью и радостнымъ настроеніемъ духа, а про-

вожавшіе ихъ родственники и сосѣди разставались съ ними только до будущей весны.

Партію велъ старикъ Арзамасковъ, человѣкъ бывалый, хозяйственный и большой дипломатъ, до 67 лѣтъ сохранившій изумительную бодрость тѣла и духа.

Наша Настасья, трогательно распрощавшись съ обитателями хутора, умиравшими отъ радости, нарядная какъ именинница, усѣлась на подводу рядомъ съ Іонкой, мальчикомъ лѣтъ 15, отъ чрезмѣрной радости болтавшимъ ногами, на которыхъ были надѣты большіе мужскіе сапоги, и, набожно перекрестившись, присоединилась къ переселенческому обозу.

Не далѣе, какъ осенью того же 1896 года, мнѣ пришлось переслушать столько разсказовъ о похожденіяхъ второй партіи нашихъ переселенцевъ, что я позволяю себѣ въ точности, безъ малѣйшихъ прикрасъ, воспроизвести эти несомнѣнно правдивые разсказы.

Пріѣхали въ Самару—этотъ первый пунктъ великаго Сибирскаго пути—одинъ изъ крупнѣйшихъ торговыхъ центровъ Поволжья. Народу видимо не видимо—волей или неволей пришлось трое сутокъ дожидаться переселенческаго поѣзда. Отъ нечего дѣлать народъ бродилъ по улицамъ, густой толпой и подолгу стоялъ передъ памятникомъ Царю-Освободителю или глазѣлъ на всякія диковины, выставленныя въ громадныхъ зеркальныхъ окнахъ магазиновъ... Жара страшная, удушливый вѣтеръ поднимаетъ облака известковой пыли и засыпаетъ глаза, засидѣвшіеся въ своемъ захолустьи переселенцы, испытываютъ только радостное настроеніе и наслаждаются невиданными чудесами большого города. На третій день они благополучно усѣлись въ вагоны и, изумляясь славной выдумкѣ и расточая похвалы желѣзной дорогѣ, понеслись по голой степи... Изрѣдка промелькнетъ татарская мечеть, еще рѣже русское село съ церковью. Чѣмъ ближе къ Уфѣ, тѣмъ мѣстность становилась живописнѣе; показались березовыя и осиновыя рощи. Всѣ стремительно бросились къ окнамъ вагоновъ, когда на горизонтѣ, среди зелени садовъ развернулась панорама Уфы, издали казавшейся большимъ, красивымъ городомъ. Съ шумомъ прошелъ поѣздъ по желѣзному мосту и остановился у вокзала, показавшагося переселенцамъ настоящимъ дворцомъ.

Снова зашумѣлъ поѣздъ; горизонтъ расширяется, подъемъ все значительнѣе; одна надъ другой растутъ горы, покрытыя еловымъ и сосновымъ лѣсомъ. Окружающіе виды становятся разнообразнѣе и интереснѣе, воздухъ холоднѣе. Сѣверная природа и ея климатъ даютъ себя чувствовать. Наши степняки восхищены видами красивой мѣстности, не измѣняющейся до самаго Челябинска, гдѣ ихъ уже поджидаютъ первыя, непредвидѣнныя разочарованія.

— «Выходи, живо выходи»,—грозно командуетъ кондукторъ, и переселенцы, толкаясь и изнемогая подъ тяжестью всякой рухляди,

захваченной изъ дома, очутились въ необозримой, тысячной толпѣ, расположенной громаднымъ таборомъ подъ открытымъ небомъ, вдоль линіи желѣзной дороги. Слышится неумолкаемый говоръ на русскомъ и непонятномъ чухонскомъ, малороссійскомъ, даже польскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; надрываютъ душу жалобный дѣтскій плачъ и стоны больныхъ. Только что покинувшіе свой теплый уголъ, переселенцы не знаютъ, что дѣлать, гдѣ пріютиться... и бродятъ вокругъ станціи, но ихъ гонятъ прочь. Они, утомленные дорогой, непривычнымъ сидѣньемъ въ вагонѣ, непривычнымъ бездѣльемъ, располагаются на сырой землѣ, еще мокрой отъ только что прошедшаго дождя. Ихъ окружаетъ толпа такихъ же безпріютныхъ, какъ и они, къ нимъ пристаютъ съ вопросами: откуда и куда и почему задумали переселяться?

— А вы куда и въ какія мѣста?—въ свою очередь спрашиваютъ наши переселенцы.

— Землей наголодались,—отвѣчаютъ имъ со всѣхъ сторонъ.

— И мы тоже: рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше.

— А вы давно уже здѣсь сидите?

— Десятый день поѣзда ждемъ и все не дождемся.

— А это что такое?—интересуются нѣкоторые изъ переселенцевъ, указывая на ряды новенькихъ деревянныхъ крестовъ, покрывающихъ сосѣдній пригорокъ.

— А это новое кладбище, — только и дѣлаютъ, что таскаютъ нашего брата.

Предчувствіе чего-то недобраго закрадывается въ душу переселенцевъ, подавленныхъ зрѣлищемъ несмѣтной толпы, чернѣвшей вокругъ дороги. Казалось, что вся Русь, живущая землей, разомъ двинулась на востокъ.

Ночь была сырая и совсѣмъ черная... Нависшія надъ бивуаками тучи увеличивали темноту; все смокло; только слышался безпрерывный шумъ дождя. Наконецъ-то на небѣ, мѣстами, замелькали лазоревыя пятна, и солнечные лучи на мгновеніе озарили непроглядную даль, наполненную утреннимъ туманомъ; но вотъ снова набѣжали тучи, и началъ сѣяться мелкій, чисто осенній дождь, какъ нельзя болѣе гармонировавшій съ унылою мѣстностью, и все закуталъ сѣрою пеленой.

Всѣхъ началъ томить голодъ... Вспомнили, что въ баракахъ, куда пошли только счастливцы, раньше прибывшіе въ Челябинскъ, за незначительную плату можно достать хлѣбъ и даже горячую пищу, и всѣ устремились къ баракамъ.

Слѣдующая ночь была ясная, звѣздная и холодная. Мужики съ свойственной имъ ловкостью разыскали гдѣ-то въ сторонѣ повалившійся заборъ, въ сумерки перетащили его на мѣсто стоянки и зажгли костры. Надъ огоньками повѣсили котелки и заварили кашу. Всѣ оживились, исключая Настасьи, сидѣвшей въ сторонѣ, уткнув-

шись головой въ голени и обхвативъ ихъ руками, думавшей крѣпкую думу; возлѣ нея спалъ Іонка, съ головой закутавшись въ овчинный тулупъ. Настасья мысленно сводила счетъ израсходованнымъ въ дорогѣ деньгамъ и въ то же время боялась считать, чтобы не убѣдиться въ томъ, что эти расходы были слишкомъ велики.

Миновало еще нѣсколько дней, то ясныхъ, то дождливыхъ, а поѣзда все нѣтъ, и неизвѣстно, когда будетъ. Грубые, не знающіе покоя сторожа и желѣзнодорожное начальство безцеремонно выпроваживали со станціи любопытныхъ, то и дѣло пристававшихъ съ вопросами, когда же конецъ томительному ожиданію. «Помремъ всѣ съ голоду и холоду»,—взывали переселенцы.

— Не помрете,—отвѣчаютъ имъ съ насмѣшкой и выталкиваютъ вонъ. А между тѣмъ то и дѣло подкатываются новые поѣзда, и народъ все подваливаетъ, до того подваливаетъ, что, наконецъ, администрація вынуждена во что бы то ни стало спровадить накопившуюся массу живого груза.

— Берите билеты, билеты берите! Вставайте, полно дрыхнуть, берите билеты до Омска!—командуетъ начальство.

— А гдѣ взять денегъ-то? — везите даромъ, по положенію, — отвѣчаютъ тѣ, у кого почти не осталось ни копейки за душой.

— А ты поговори, поговори еще, — такъ я тебѣ покажу положеніе, — отвѣчаютъ болѣе задорные, и въ концѣ концовъ живой грузъ поднимается и покорно идетъ въ свое стойло.

Поѣздъ двинулся, и переселенцы словно ожили, кто-то изъ болѣе умственныхъ мужиковъ громко закричалъ: «Молись Богу,—настоящая Сибирь пошла!». Всѣ встряхнулись и съ удвоеннымъ вниманіемъ смотрѣли изъ оконъ вагоновъ на голую степь, потянувшуюся отъ самаго Челябинска.

Съ приближеніемъ ночи въ вагонахъ водворилась такая духота, что не было возможности дышать, и даже, казалось бы, достаточно закаленные мужики и тѣ возроптали. Вагоны были до такой степени переполнены, что представляли сплошную массу котомокъ, лаптей, мокрыхъ чапановъ и тулуповъ. Дверь наглухо заперта, и воздухъ проникалъ только черезъ маленькое окно подъ крышей. Дышать невозможно—сжимаетъ виски. Большая часть пассажировъ, плотно прижавшись другъ къ другу, валялась на полу, усыпанномъ всякими объѣдками, окурками папиросъ, рыбьей шелухой, хлѣбными корками. Нѣкоторые растянулись на узкихъ доскахъ, замѣнявшихъ нары; другіе ухитрялись забраться подъ скамьи. Въ такомъ ненормальномъ положеніи тянулись дни и ночи, казавшіеся безконечными.

Переселенцы добрались до Омска и съ неописаннымъ восторгомъ узрѣли давно манившій ихъ Иртышъ, почему-то вмѣстѣ съ кедровыми орѣхами игравшій главную роль въ ихъ воображеніи.

Страшная толкотня на пристани. Народъ спѣшитъ къ паро-

ходу... Шумный говоръ, крикъ и ругань—все это мѣшается съ плескомъ мутныхъ волнъ, бившихся о громадную баржу, предназначенную для переселенцевъ. Въ тѣсной толпѣ снуетъ исхудалая, нервная, но въ то же время энергичная сестра милосердія, назначенная сопровождать партію переселенцевъ до Томска и ухаживать за больными, рѣзкимъ, надтреснутымъ голосомъ повторяя: «Кому нужно, запасайтесь хлѣбомъ; дальше уже негдѣ будетъ купить до самаго Тобольска. Запасайтесь, кому нужно».— И всѣ запасались, чтобы потомъ спуститься въ темный трюмъ баржи. Она заколыхалась и, точно не хотя, пошла за пыхтѣвшимъ впереди старымъ, неуклюжимъ пароходомъ, оставлявшимъ длинную, черную полосу дыма на сѣромъ небѣ. Шумятъ, бѣгутъ и плещутся мутныя волны Иртыша, развернувшагося во всей своей унылой, холодной красотѣ. Потянулись однообразные гребни горъ, покрытыхъ черной массой лѣса изъ кедра, сосны и пихты. Все отзывается чѣмъ-то суровымъ и первобытнымъ: стаи утокъ плаваютъ по рѣкѣ, не опасаясь человѣка. Мертвая глушь, полное безлюдье подавляющимъ образомъ дѣйствуютъ на человѣка. Сѣрая скатерть Иртыша, въ черной каймѣ лѣсовъ, нисколько не напоминаетъ нашимъ переселенцамъ ихъ родной рѣки Волги съ ея кипучимъ движеніемъ, несмолкаемымъ шумомъ то и дѣло снующихъ пароходовъ, лихой пѣснью и веселящими сердце видами зажиточныхъ селъ и деревень.

— Ужъ больно сѣро да безлюдно,—говорили одни.—Да и хлѣбъ-то отъ самой Челябы пошелъ не нашъ, не россійскій, вкусомъ на глину похожій,—прибавляли другіе.

Дождливая погода смѣнилась жгучими жарами, миріады страшныхъ сибирскихъ мошекъ наполняютъ воздухъ, такъ что волей или неволей приходилось прятаться въ трюмъ. Плывутъ день,— другой, остановки рѣдкія, на пристаняхъ сложены массы дровъ, стоятъ жалкія, одинокія избушки для рабочихъ, а гдѣ попадались села, то переселенцевъ выпускали на берегъ, предупреждая, чтобы они не ходили, разиня ротъ, ежели у кого деньги есть, такъ какъ здѣсь народъ опасный—ссыльный. Тоска невольнымъ образомъ закрадывалась въ душу болѣе робкихъ и впечатлительныхъ. На шестнадцатый день скучнѣйшаго плаванія наши добрались наконецъ до Томска.

Какъ на счастье, день выпалъ ясный, лучезарный... Солнце горитъ также ярко, въ воздухѣ столько же блеска, какъ на югѣ. Казалось, все соединилось къ тому, чтобы подкупить и ободрить измученныхъ путниковъ.

Нё доѣзжая до города, пароходъ остановился около бараковъ... Пристань кипѣла народомъ... Впереди избранной публики, видимымъ образомъ собравшейся на встрѣчу переселенцамъ, на почетномъ мѣстѣ стояла дама въ свѣтломъ платьѣ, а рядомъ съ ней выступала видная фигура человѣка, къ которому всѣ окружающіе отно-

сились съ замѣтнымъ уваженіемъ. При приближеніи баржи важный баринъ сдѣлалъ шагъ впередъ и принялся привѣтливо раскланиваться направо и налѣво, сосредоточивая свое вниманіе на старикахъ и на дѣтяхъ.

— Здорово, старички, здравствуйте, дѣти! Поздравляю съ пріѣздомъ, очень радъ, что добрались благополучно... Отъ души поздравляю, — говорилъ важный баринъ, продолжая раскланиваться.

— Съ пріѣздомъ, съ пріѣздомъ! — подхватила симпатичная дама, кивая головой переселенцамъ, спѣшившимъ оставить баржу.

— Дѣтей сюда, всю дѣтвору вашу подавайте!—прокричалъ кто-то изъ чиновниковъ:—мы имъ сибирскихъ гостинцевъ привезли.

Потокомъ нахлынули дѣти и, къ немалой радости, всѣ до единаго были надѣлены кедровыми шишками.

— Желаю всякаго счастія и благополучія на новыхъ мѣстахъ, — на прощанье прокричалъ баринъ, сѣлъ въ коляску и покатилъ въ городъ.

Забыты перенесенныя невзгоды, а надежда на лучшую долю снова заговорила въ истомленныхъ ожиданіемъ сердцахъ. Прямо съ баржи переселенцы попали въ просторные бараки съ печами, больницей, кухней, навѣсомъ для вещей, а, главное, съ баней, куда тотчасъ же бросился и старый и малый. Отдохнувши какъ слѣдуетъ, въ первый же базарный день переселенцы направились въ городъ покупать телѣги, лошадей, сбрую и все необходимое для обзаведенія на новыхъ мѣстахъ. Новая радость: лошади оказались вдвое дешевле, нежели у насъ, хотя все остальное поражало дороговизной.

Поднялась обычная крестьянская суета, забота о лошади и всякихъ хозяйственныхъ мелочахъ. Всѣ почувствовали себя въ своей родной сферѣ, и чего же еще желать мало-мальски хозяйственному мужику, когда при немъ добрая лошадь, новая телѣга съ шинованными колесами, а впереди, не сегодня такъ завтра, ожидаетъ его такая уйма земли, луговъ и лѣсовъ.

Необходимыя бумаги получены; кони запряжены, и длинный обозъ двинулся изъ Томска по Иркутскому шоссе. Большая дорога полна движенія: медленно тянутся вереницы телѣгъ, ихъ объѣзжаютъ тарантасы съ сибирскими чиновниками и купцами, утопавшими въ перинахъ. Выбравшись на просторъ, ямщики гикаютъ на лошадей; заливаются колокольчики, и тройки летятъ впередъ, восхищая пѣшеходовъ, идущихъ по бокамъ дороги. Пѣсни и веселые разговоры не умолкаютъ во все время пути до большого села, вытянувшагося въ линію по шоссе, съ высокими, плотно стоявшими другъ къ другу, зачастую двухъэтажными домами, съ церковью, лавками, постоялыми дворами и множествомъ кабаковъ. Длинная улица, уже окутанная полумракомъ, переполнена телѣгами съ поднятыми вверхъ оглоблями и привязанными къ нимъ лошадями.

На постоялыхъ дворахъ была настоящая давка и тѣснота отъ скопившагося народа, возовъ и лошадей. Не находя ни единаго свободнаго угла, переселенцы долго бродили по селу, пока наконецъ не пристали на самомъ выѣздѣ, около двора какой-то бойкой вдовы, встрѣтившей ихъ совѣтомъ—не зѣвать и ложиться около возовъ, такъ какъ народъ здѣсь со всячиной—хвалить нельзя: только на кнутѣ да на ножѣ и промышляютъ.

Поблагодаривъ хозяйку за добрый совѣтъ, то и дѣло повторяемый въ Сибири, каждый изъ переселенцевъ устроился, гдѣ и какъ попало, лишь бы только поближе къ лошади. Никому не спалось въ нетерпѣливомъ ожиданіи близкаго свиданія съ своими односельцами и родственниками. Каждаго такъ и подмывало вскочить на ноги и бѣжать впередъ, чтобы только хотя бы часомъ, двумя, раньше другихъ увидать обѣтованную землю. Всѣ лежали молча, смотря на блѣдное, усѣянное звѣздами небо и чутко прислушиваясь къ несмолкаемымъ пѣснямъ и пьяному оранью, раздававшемуся на улицѣ, въ постоянномъ ожиданіи какихъ-то необычайныхъ событій,—чего нибудь въ родѣ кражи или грабежа. Нѣсколько преувеличенные разсказы о разбояхъ, убійствахъ и подвигахъ ссыльныхъ были постоянной темой разговоровъ во время пребыванія въ Томскѣ: тамъ убили одного, въ другомъ мѣстѣ двоихъ, даже пятерыхъ; тутъ ограбили, тамъ обокрали. Мирные пахари инстинктивно чувствовали, что здѣсь творится что-то неладное—жизнь цѣнится ни по чемъ, интересы ближняго ни во что, чувствовали несомнѣнную деморализацію подъ вліяніемъ ссыльныхъ, этихъ героевъ сибирской жизни, благодаря самому положенію своему, заранѣе уже обреченныхъ на новыя преступленія.

Поднялись съ разсвѣтомъ... до мѣста оставалось не болѣе 40—50 верстъ... За селомъ круто повернули влѣво и тотчасъ же оказались въ совершенно новой, дикой обстановкѣ тайги. Медленно ползетъ рядъ телѣгъ по узкой лѣсной дорогѣ, ежеминутно натыкаясь на пеньки или увязая въ топкихъ болотахъ, покрытыхъ густымъ тальникомъ и осокой. Мужикамъ то и дѣло приходилось помогать выбивавшимся изъ силъ лошадямъ, но колеса снова наѣзжали на пни или попадали на длинную, неровную, бревенчатую настилку, до такой степени тряскую, что сидѣвшихъ на возахъ бабъ и дѣтей кидало съ боку на бокъ, и они едва удерживали равновѣсіе. За обозомъ по кочкамъ и рытвинамъ пробирались пріуставшіе мужики въ новыхъ красныхъ рубахахъ, надѣтыхъ по случаю радостнаго дня.

Залаяли собаки. Всѣ встрепенулись, а между порѣдѣвшими стволами деревьевъ показались убогія, нищенскія мазанки чувашскаго поселка, до такой степени незначительнаго, что легко было пройти мимо не замѣтивъ. Обвязанные берестой, съ холщевыми мѣшками на головахъ, предохраняющими отъ комаровъ, чуваши скорѣе

напоминали какихъ-то чудовищъ, нежели людей. Ихъ тощія клячи, покрытыя рогожами, бились и мучились въ загородкѣ, спасаясь отъ мошкары.

— Какъ поживаете на новыхъ мѣстахъ?—спрашивали мужики, тотчасъ же признавъ въ чувашахъ своихъ ближайшихъ сосѣдей по уѣзду.

— Какъ видите, помираемъ отъ мошкары и сидимъ безъ хлѣба.

— И дороги же у васъ—прямо каторжныя... А дальше-то что будетъ?.. неужели все то же? — освѣдомляются смущенные переселенцы.

— Какъ есть все то же... Все лѣсъ да лѣсъ, и конца ему не сыщете,—отвѣчали чуваши.

И точно, за тѣсной темно-зеленой щетинистой стѣной, кольцомъ окружавшей поселокъ, далеко виднѣлась синяя полоса лѣса, за ней дымчатая, и такъ на тысячи верстъ—все лѣса и лѣса, изъ которыхъ, казалось, и выбраться невозможно.

Тайга густѣла... Вверху узенькая полоска неба, напоминавшая о ясномъ іюльскомъ днѣ, точно нехотя разступается темный ельникъ, чтобы пропустить переселенцевъ, и только что не говоритъ имъ: «теперь уже не вырветесь, никуда не уйдете—здѣсь и кости сложите». Лѣсъ становился все выше и выше, мѣстность все глуше и глуше... Вечеромъ, когда сѣло солнце, въ лѣсу стало свѣжо и сыро отъ множества болотъ и гніющихъ растеній; то тутъ, то тамъ, въ лѣсной чащѣ, медленно поползли бѣлыя полосы тумана... Гдѣ-то надъ лѣсомъ замигали звѣзды. И куда только пропала обычная веселость мужика... Всѣмъ стало жутко не по себѣ, даже какой-то небывалый страхъ напалъ на переселенцевъ, напуганныхъ разсказами о разбойникахъ и медвѣдяхъ. Вотъ гдѣ-то вблизи затрещали сухіе сучья—не медвѣдь ли подкрадывается, почуявъ добычу, или бродяги рыщутъ съ ножами за поясомъ? Всѣ инстинктивно жались другъ къ другу, робко оглядываясь по сторонамъ.

Ночью, почти ощупью добрались переселенцы до села, хорошо знакомаго имъ изъ писемъ родственниковъ. Уже болѣе 50 лѣтъ, когда основанъ этотъ поселокъ выходцами изъ Тамбовской губерніи, и ни малѣйшаго признака зажиточности и приволья: избушки мизерныя, зачастую безъ крыши, или крытыя дерномъ, около нихъ никакого подобія дворовъ, по-нашему, съ широкими поднавѣсами и хлѣвами; гуменъ, овиновъ, садовъ или огородовъ и въ поминѣ не было. Пришлось переночевать; и только утромъ на другой день переселенцы тронулись къ своимъ, проживавшимъ въ какихъ нибудь 4—5 верстахъ.

За околицей снова началась тайга, и вотъ наконецъ-то изъ-за толстыхъ сосенъ и елей передъ ними неожиданно показался длинный поселокъ, мѣстами прерываемый вязкими болотистыми лощинами и протянувшійся вдоль мутной рѣчки, то узкой и терявшейся въ

камышахъ, то превращавшейся въ болото или небольшое озеро. Новый поселокъ представлялъ рядъ мазанокъ и землянокъ, между которыми изрѣдка бросались въ глаза одинокія, высокія избы, видимымъ образомъ начатыя съ большими претензіями, но до сихъ поръ не конченныя. Извилистая улица была завалена массой всякаго лѣса, очевидно вывезеннаго сгоряча въ большомъ количествѣ и потомъ гнившаго безъ всякаго употребленія.

Весь поселокъ пришелъ въ движеніе. Хлопали двери, скрипѣли ворота... Изъ всѣхъ избенокъ и землянокъ бѣгутъ люди, на ходу натягивая кафтаны и накидывая платки на всклоченныя головы и не помня себя отъ радости при видѣ земляковъ.

Съ одной изъ телѣгъ спрыгнула Настасья и, держа за руку своего сына, бросилась къ ближайшей жалкой избенкѣ, изъ которой вышелъ ея отецъ, сгорбленный, обросшій длинной бородой и волосами, въ нищенскомъ одѣяніи. Увидавши отца, она раскрыла ротъ отъ удивленія и откинулась назадъ. Для нея стало ясно, что отцу не посчастливилось на новомъ мѣстѣ, и что его сообщенія о пятистѣнной избѣ и свѣтлицѣ были только плодами неосуществившейся фантазіи.

— Вотъ такъ-такъ! И за что на меня напасть такая? Зачѣмъ было вызывать въ такую даль?—почти плача, взмолилась растерявшаяся женщина, между тѣмъ какъ отецъ стоялъ передъ ней, понуривъ голову и тупо глядя въ землю. Наконецъ, онъ заговорилъ и сталъ оправдываться, ссылаясь на то, что сыновья бросили его; какъ только пришли въ Сибирь, такъ и бросили, остался одинъ, какъ перстъ. Старикъ путался, повторяя несвязныя рѣчи: «я какъ передъ Богомъ, а не то что... А что дѣти бросили, въ городъ ушли, такъ это вѣрно... Ну, и надумалъ писать къ тебѣ... звать». Но Настасья не слушала старика и отчаянно рыдала.

Такое начало не предвѣщало ничего добраго. Между тѣмъ кругомъ слышались радостныя восклицанія свидѣвшихся родственниковъ, смѣшанныя съ жалобами съ перваго же шага разочарованныхъ переселенцевъ. Одни отпрягали лошадей, другіе удивленными глазами глядѣли на окружающую ихъ бѣдность, на осунувшіяся лица родныхъ и знакомыхъ, на ихъ рубища, ясно говорившія о нуждѣ и всякаго рода лишеніяхъ, то и дѣло повторяя: «васъ и не признать никого—точно незнамые люди».

Надъ скучившимся народомъ носятся тучи слѣпней и какихъ-то особенныхъ сибирскихъ комаровъ, не дававшихъ покоя ни людямъ, ни лошадямъ, и такимъ образомъ только увеличивавшихъ общее смущеніе.

Прибѣжалъ Евграфычъ; но въ глазахъ его и во всей фигурѣ этого когда-то благодушнѣйшаго и счастливѣйшаго человѣка въ Никольской волости было что-то плаксивое и глубоко несчастное.

— Прибыли?—сдавленнымъ голосомъ спросилъ онъ пріѣзжихъ.

— Прибыли,—отвѣчали пріѣзжіе.

— А мое письмо къ барину читали?

— Читали, да не повѣрили... Батюшки! какая мошкара — свѣту Божьяго не видно!... и всѣ отчаянно отмахиваются руками не зная, что дѣлать съ обезумѣвшими лошадями.

— Животу у насъ смерть!—продолжалъ Евграфычъ, — Только на зорькѣ да поздно вечеромъ и жить можно—въ избахъ всю ночь курево горитъ.—И онъ тотчасъ же, съ своимъ неизмѣннымъ добродушіемъ, пригласилъ пріѣзжихъ въ свою избу, вскорѣ переполнившуюся народомъ. Въ этой просторной, жалкой по своему убожеству избѣ еще жили старыя, обычныя привычки хлѣбосольства.

— Садитесь — гостями будете... приглашалъ Евграфычъ, а его хозяйка уже вытираетъ столъ, по обычаю накрываетъ чистой скатертью и ставитъ неуклюжую солонку и деревянный кружокъ съ кусочками чернаго хлѣба. Пріѣзжіе слѣдятъ за смущенной хозяйкой съ напряженнымъ любопытствомъ.

— Не обезсудьте, гости дорогіе, не своимъ угощаю, а тоже добрые люди подали. Да подаютъ-то плохо, не то, что въ нашихъ мѣстахъ, здѣшній народъ варваръ,—съ видимымъ наслажденіемъ передавалъ Евграфычъ, обрадованный тѣмъ, что наконецъ-то снова нашелъ слушателей и можетъ поговорить въ сласть. — Здѣшняя жизнь-то вотъ гдѣ у насъ сидитъ—вотъ гдѣ, вотъ гдѣ! — и, чтобы придать болѣе выразительности своей рѣчи, онъ немилосердно колотилъ себя по спинѣ.

Въ концѣ-концовъ Евграфычъ пришелъ въ великолѣпнѣйшее настроеніе духа, продолжая яркими красками описывать неудобства сибирской жизни. Его многочисленные слушатели загородили двери и окна, даже забрались на палати, свѣсивъ оттуда головы и уставивъ глаза на разсказчика.

— Главное, воздуху проникновеннаго нѣту-те, травы не съѣдобныя, воды густыя, точно съ купоросомъ; пить сырую воду нельзя, кипятить нужно, — говорилъ Евграфычъ все съ той же убѣжденной горячностью, точно боясь что нибудь забыть и не досказать всего, что необходимо было знать новымъ переселенцамъ:—опять же люди живутъ здѣсь заблудшіе, опасные, прямо отчаянные.

Старые переселенцы утвердительно кивали головой, а вновь пріѣзжіе, ужасаясь, то и дѣло повторяли: «ну, братцы, попали мы въ точку, вотъ такъ попали въ яму».

Благодушнѣйшая рожа Евграфыча сіяла счастіемъ и, окончательно завладѣвъ общимъ вниманіемъ, онъ продолжалъ:—Земли по 15 десятинъ на душу, да что въ нихъ—одной нашей десятины не стоятъ. Заработковъ никакихъ; ближайшая мельница въ 25 верстахъ; скотину пасти нельзя, такъ и бьется около жительства, въ городьбѣ. Въ лѣсъ тоже не пустишь: медвѣдь загубитъ, или недобрый человѣкъ угонитъ. Сейчасъ ружье заводи и ходи съ нимъ

какъ солдатъ. А главное-то, самое главное: нѣтъ проникновеннаго воздуха!—въ заключеніе еще разъ повторилъ Евграфычъ. Чувствуя самъ, что говоритъ убѣдительно, овладѣвъ вниманіемъ слушателей, онъ продолжалъ бы безъ конца, если бы въ эту минуту не послышался по обыкновенію повелительный и рѣзкій голосъ «ходока», незамѣтно появившагося въ избѣ и уже торопившаго пріѣзжихъ слѣдовать за нимъ въ волостное правленіе, чтобы приписаться и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопотать о денежной ссудѣ. Знаменитый «ходокъ» былъ для пріѣзжихъ совершенно новымъ лицомъ. Онъ измѣнился до неузнаваемости,—похудѣлъ; лицо потемнѣло, а вмѣсто параднаго желтаго кафтана на немъ висѣли какіе-то полинявшіе клочки сукна.

Въ толпѣ пріѣзжихъ произошло движеніе: одни изъ нихъ болѣе податливые стали собираться въ волость, другіе стали втупикъ и не знали, что дѣлать.

— Стойте! стойте!—вдругъ вскипѣлъ Евграфычъ. — Не слушайте его, никого не слушайте! а прежде всего идите смотрѣть участокъ! Я тоже умирать буду,—такъ не хочу отвѣчать за васъ передъ Богомъ. Мы потерпѣли за наши грѣхи, такъ зачѣмъ же вамъ-то терпѣть. Идемте смотрѣть участокъ!—и онъ, какъ былъ, накинувъ на голову родъ мѣшка, пропитаннаго дегтемъ, бросился вонъ изъ избы, въ сопровожденіи толпы пріѣзжихъ, наскоро вооружившихся топорами, косами и желѣзными лопатами. До поздняго вечера бродили переселенцы по тайгѣ, точно окутанной пыльнымъ налетомъ изъ всевозможныхъ породъ комаровъ и мошекъ, то и дѣло прибѣгая то къ лопатѣ, то къ косѣ, при каждомъ взмахѣ которой, словно дымъ, бросались въ глаза милліарды насѣкомыхъ, гнѣздившихся въ высокой, какъ камышъ, травѣ! Слѣдовъ и тропинокъ множество, а торной дороги ни одной. Что ни шагъ, то топи да трясины, и только изрѣдка попадаются клочки заброшенной пашни, твердой, какъ кирпичъ. Мѣстами сухая трава и мелкая поросль выпалены, а снаружи одна глина; кое-гдѣ на выпаленныхъ полянкахъ замѣтны признаки посѣяннаго овса, уже заглушеннаго травой, похожей на болотную осоку. Попадались цѣлыя рощи вѣковыхъ елей, сплошь покрытыхъ темными висячими сучьями, съ острыми, какъ пика, вершинами, гдѣ даже въ полуденный жаръ царила настоящая ночь и вѣчная прохлада. Все завалено всякимъ, громоздившимся другъ на друга, гніющимъ ломомъ, окутаннымъ густымъ бурымъ мхомъ, принявшимъ всевозможныя фантастическія формы, и своимъ таинственнымъ мракомъ внушало невольный трепетъ нашимъ степнякамъ, отъ роду не видавшимъ такихъ глухихъ мѣстъ, доступныхъ только для дикаго звѣря.

Поздней ночью возвратились мужики въ поселокъ, изъѣденные мошкарой, усталые, голодные и не только удивленные, но даже напуганные всѣмъ видѣннымъ въ тайгѣ. При всемъ томъ никто

не думалъ о голодѣ, объ отдыхѣ. Новые переселенцы расположились около избы своего путеводителя, окруженные еще не тронутыми узлами и сундуками. Они все еще не могли прійти въ себя отъ всего видѣннаго, пережитаго и перечувствованнаго въ теченіе этого злополучнаго, длиннаго лѣтняго дня; одни громко роптали, другіе относились къ своему положенію съ свойственнымъ русскому человѣку юморомъ, третьи упорно молчали.

Вскорѣ къ избѣ Евграфыча сбѣжалось все населеніе поселка, отъ мала до велика. Ничего нельзя уже было разобрать въ общей сутолкѣ. Нѣсколько голосовъ говорили вдругъ, но громче всѣхъ кричалъ Евграфычъ, нападая на Засурскаго и подступая къ нему съ кулаками, между тѣмъ какъ тотъ, стоя посерединѣ толпы, съ желтымъ отъ злобы лицомъ, не только не сдавался, но ругался, что было мочи.

— Мы думали, что ты приведешь насъ въ хорошую жизнь, что и дѣти-то наши будутъ благодарить тебя, а ты что съ нами сдѣлалъ, куда привелъ?—упрекали бывшаго ходока даже болѣе степенные старики.

— Да вы только подумайте, старики почтенные,—съ своей стороны разжигалъ Евграфычъ,—подумайте, гдѣ ему было въ одинъ мѣсяцъ сибирскія мѣста узнать: онъ дальше Томска и не ходилъ. Пришелъ въ канцелярію, взглянулъ на планы, и готово, а здѣсь начальство радуется, что пустыя мѣста замѣщаются. Ему, коршуну, только бы денегъ побольше зацѣпить, уже больно разохотился на чужія-то деньги.

— Молчи, сорока,—злобно шипитъ Засурскій.

— И сейчасъ тоже за аблаката служитъ,—вдругъ вскипятился старый переселенецъ Данилинъ, когда-то зажиточный, а теперь совершенно обнищавшій мужикъ.—Тоже хлопочетъ о пособіи, о лугахъ, а какъ только домъ поставилъ, сейчасъ же подъ училище ладитъ, по 5 рублей въ мѣсяцъ облагаетъ. Туда же храмъ Божій взялся строить, да я ему поперекъ дороги всталъ: подождемъ говорю, старики, еще ноги не обсохли.

— Врешь, все врешь, пустомеля,—огрызнулся Засурскій.

Долго сдержанное негодованіе толпы, наконецъ, прорвалось, всплыли наружу вызванныя общей тревогой старыя забытыя воспоминанія: «А храмъ Божій кто ограбилъ, а волостное правленіе кто строилъ, а церковную ограду и мірского быка помнишь?»—«А кто мірской овесъ на сѣмена принималъ въ голодный годъ, да половину въ свой карманъ положилъ? Сказывай, кто положилъ?»—кричалъ народъ, по обыкновенію, припоминая ходоку всѣ его прегрѣшенія, чуть ли не со дня его рожденія.

— Его только и стоило бы втискать въ сибирское болото,—уже переходя границу, неистовствуетъ Евграфычъ,—или на Сахалинскіе острова сослать да въ каменный мѣшокъ посадить.

— Дураками родились — дураками и въ могилу пойдете! — не помня себя, сдавленнымъ отъ ярости голосомъ вскричалъ Засурскій, и, видя, какой опасный для него оборотъ принимаетъ дѣло, быстро удалился изъ толпы, явнымъ образомъ обнаруживавшей непріязненное чувство къ своему бывшему идолу, — никто изъ новыхъ переселенцевъ не видалъ его больше.

— Ну, я ему форсу-то поубавилъ,—величался Евграфычъ,—а васъ именемъ Бога заклинаю — отправляйтесь туда, гдѣ родились. Останетесь, такъ на себя пеняйте, въ долги войдете и кончено: не съ чѣмъ будетъ вернуться.

Но никто еще не спѣшилъ послѣдовать его совѣту.

Точно на другую планету попали новые переселенцы, въ иной міръ, не имѣвшій ровно ничего общаго съ ихъ обычной обстановкой, точно вдругъ лишились они здраваго смысла и своей обычной смѣтливости, изнемогая подъ тяжестью сомнѣній и колебаній. Между тѣмъ, въ воображеніи ихъ безсвязно, но ярко, одна за другой рисуются картины сгоряча брошеннаго родного края, становившагося все милѣе и милѣе. Переселенцамъ мерещились безшумныя равнины, испещренныя громадными полосами всякихъ злаковъ, проселочныя дороги, окаймленныя стѣнами высокой колыхающейся ржи, рѣдкія, бросающіяся въ глаза, березовыя или осиновыя рощи, представляющія единственную роскошь и прелесть необъятнаго горизонта, ряды привѣтливыхъ избъ, окруженныхъ прохладными, темными поднавѣсами, съ прочными амбарами по другую сторону ровной улицы, ведущей къ площади, посреди которой въ зелени старыхъ березъ бѣлѣетъ Божій храмъ, съ площади, вблизи и вдали виднѣются еще нѣсколько церквей, тихій гулъ колоколовъ весело разливается надъ всей окрестностью въ воскресный день, — гдѣ отыщешь такую тишь да благодать? А главное, гдѣ найдешь столько неистощимаго добродушія, простоты отношеній, такую готовность всѣхъ и каждаго поговорить, послушать или такую твердую увѣренность, что дѣло не убѣжитъ, а всего дѣла не передѣлаешь. Дядя Ѳедотъ со всѣмъ своимъ громаднымъ семействомъ собрался молотить сѣмянный овесъ и чуть ли не половину площади занялъ овсяными снопами. Къ нему медленно спѣшитъ дядя Игнатъ и еще издали источнымъ голосомъ кричитъ, что Васька Гальченковъ въ десятый разъ травитъ его озими своими овцами.—Ахъ, онъ такой-сякой грабитель, опустошить меня хочетъ, безъ хлѣба оставить... Нѣтъ, этого не будетъ... надо его поучить — поучить его надо, давно бы надо, вотъ что... — кипятился дядя Ѳедотъ, и даже вооружается длинной хворостиной, а самъ не двигается съ мѣста, и между двумя мужиками начинается продолжительный разговоръ о постороннихъ предметахъ, между тѣмъ какъ вся семья, обрадованная возможностью послушать, опираясь на цѣпы, обступила разговаривавшихъ; а это безчисленное

множество родственниковъ, сватьевъ, шурьевъ, всегда готовыхъ завернуть въ праздничное время и, въ свою очередь, угостить на славу, а мірское вино, мірскія попойки!

— Нѣтъ, здѣсь не то, что у себя въ Никольскомъ... Здѣсь каждый норовитъ залѣзть въ карманъ; здѣсь онъ, мужикъ-то, волкомъ смотритъ, а прежде, чѣмъ пахать землю-то, нужно спину сломать, да ружье заводить, а въ одиночку и не думай пускаться въ дальній путь. Нѣтъ, здѣсь совсѣмъ другое! — какъ одинъ человѣкъ, порѣшили мужики, истомленные мрачными мыслями.

Огоньки потухли въ избахъ, прокричали пѣтухи, но никто не думалъ о снѣ, шли горячіе, безцѣльные споры, нисколько не помогавшіе рѣшенію рокового вопроса. Вотъ уже забрезжилъ разсвѣтъ... въ сыромъ воздухѣ ясными очертаніями показались угрюмыя сосны и ели, на сотни верстъ заполонившія окрестность. Въ деревнѣ уже замѣтно движеніе, слышны голоса надъ крышами, высокими столбами поднимается дымъ; бабы погнали коровъ на загородь, а новые переселенцы все еще толпились на томъ же мѣстѣ въ ожиданіи, что кто нибудь вразумитъ ихъ, научитъ, что дѣлать, и развяжетъ крѣпко затянувшійся узелъ.

Въ эту критическую минуту точно вѣтромъ подхватило стараго хитреца Арзамаскаго, въ обыкновенное время въ высшей степени осторожнаго и уклончиваго. Онъ съ юношеской легкостью вскочилъ съ своего мѣста, озабоченно почесалъ свои бѣлые всклоченные волосы и, точно ощущая въ себѣ непреодолимую потребность говорить, повелительно замахалъ руками и, среди мгновенно водворившейся тишины, самъ удивляясь своему краснорѣчію, обрушился на распроклятое сибирское житье; отъ избытка волненія на минуту запнулся, закашлялся, но тотчасъ же оправился и еще громче, на всю тайгу закричалъ: «Только деньги понапрасну загубили: кто хочетъ оставаться въ этой ямѣ, оставайся—и пёсъ съ нимъ, а кому жизнь мила, снимай шапки, крестись и айда ко дворамъ».

Властный голосъ дряхлаго старика, его безповоротное убѣжденіе произвели сильное впечатлѣніе. Не доставало только толчка, чтобы почти всѣ новые переселенцы пришли къ одинаковому рѣшенію. Они, точно по командѣ, сняли шапки, перекрестились и бросились поить лошадей, подмазывать телѣги и запрягать, и, часъ спустя, среди обычныхъ воплей и причитаній остающихся родственниковъ и знакомыхъ, обозъ тронулся въ обратный путь.

Опять лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ... Переселенцамъ снова пришлось колесить по прихотливымъ изгибамъ знакомой дорожки, среди угрюмой тайги, трястись по бревенчатымъ настилкамъ, вытаскивать телѣги изъ трясинъ. Но какъ только выбрались они на гладкое шоссе, ведущее къ Томску, между ними уже пошли веселыя шутки и разговоры, точно съ ними не случилось ничего особеннаго, а

то, что случилось, только забавно. Ихъ одушевляло одно общее, непреодолимое желаніе: какъ можно скорѣе покинуть непривѣтливую Сибирь.

Болѣе мѣсяца длилось обратное странствованіе переселенцевъ. Они доѣхали до самаго Кривощекова на своихъ лошадяхъ, раздѣляя съ ними послѣдній кусокъ хлѣба и, по обыкновенію, помышляя болѣе о продовольствіи ихъ, чѣмъ о своемъ собственномъ. Въ Кривощековѣ помѣстились на чугункѣ, вмѣстѣ съ телѣгами и лошадьми, а въ послѣднихъ числахъ августа уже молотили новый хлѣбъ у землевладѣльцевъ и крестьянъ села Никольскаго, показавши невѣроятныя, никому невѣдомыя чудеса выносливости, если не геройства.

Легко вообразить себѣ положеніе переселенцевъ, возвратившихся на старое пепелище, гдѣ у нихъ все было распродано и не было ни двора, ни кола, ни гроша въ карманѣ и, казалось бы, ни души, способной принять участіе и помочь.

Считая положеніе возвратившихся переселенцевъ безвыходнымъ, я сгоряча рѣшился обратиться къ общественной благотворительности и только для этого поѣхалъ въ городъ. Я возвратился обратно съ подписнымъ листомъ, на которомъ не оказалось ни одной подписи, убѣдившись въ томъ, что благотворительные подвиги — дѣло спеціалистовъ, требующее извѣстной опытности и ловкости.

XI.

Какъ постоянный деревенскій житель, при полномъ безлюдьи и обычномъ отсутствіи мѣстныхъ общественныхъ интересовъ, оживающій только разъ въ недѣлю при полученіи почты, чутко прислушиваясь къ новымъ вѣяніямъ, десятки лѣтъ прожилъ я въ постоянномъ ожиданіи чего-то новаго болѣе отраднаго и свѣтлаго въ расшатанной жизни темнаго, забытаго захолустья. «Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ все разсудитъ», пойметъ всю неурядицу сельской жизни и серіозно задумается надъ вопросомъ о ея упорядоченіи,—размышлялъ я въ своемъ уединеніи, но баринъ, обыкновенно, голодный и разбитый варварской дорогой, принималъ, какъ должное, раболѣпную покорность собравшихся мужиковъ и сельскихъ властей, наскоро, то и дѣло посматривая на часы, ревизовалъ волостное правленіе, наскоро пилъ чай и уже торопилъ съ лошадьми, чтобы не запоздать и не провалиться на первомъ же мосту, и мчался дальше. Съ приближеніемъ каждаго новаго года, я, благодаря врожденной наивности, уповалъ, что онъ, этотъ наступающій годъ, непремѣнно принесетъ намъ нѣчто новое, давно ожидаемое счастье, а, главное, порядокъ; но проходили мѣсяцы, годы, а все оставалось по-старому, и только увеличивалась пере-

писка, и размножались прекрасно изложенные циркуляры; мы даже получили печатные бланки отчетности по школьному садоводству, въ то время, когда никто изъ насъ еще не видалъ ни одного школьнаго сада,—а порядку все еще не было. Ближайшее начальство, наши дѣятели мѣняли названія, мундиры, пытались что-то сдѣлать, упорядочить; надеждъ было болѣе, чѣмъ достаточно, но вскорѣ, подавленные массой дѣла, за немногими исключеніями, успокоились на томъ, что «во всякомъ случаѣ хуже не будетъ», сосредоточили все вниманіе на устройствѣ собственныхъ дѣлъ, объясняя окружающую ихъ неурядицу все тѣмъ же давно уже упраздненнымъ крѣпостнымъ правомъ.

Понятно, что при постоянной наклонности чего-то ждать и на что-то надѣяться я съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за все болѣе и болѣе развивавшимся въ нашемъ захолустьѣ переселенческимъ движеніемъ, заранѣе восхищаясь грандіозной картиной великаго сибирскаго пути, по которому широкой волной потекутъ народныя массы туда, гдѣ ожидаютъ ихъ непочатыя природныя богатства... Туда, гдѣ не мыслима удручающая тѣснота нашихъ мѣстъ, при все болѣе увеличивающемся населеніи. Я искренно привѣтствовалъ сочувствіе правительства къ народу, искавшему лучшихъ условій существованія и удовлетворенія насущнымъ потребностямъ въ землѣ, мысленно повторяя слова извѣстнаго изслѣдователя европейской колонизаціи Легуа (Legoyt): «право переселенія есть право жизни». Мнѣ живо представлялись неисчислимыя выгоды, ожидаемыя Сибирью отъ переселенцевъ, коренныхъ смышленныхъ русскихъ людей, несомнѣнно способныхъ оказать сильное вліяніе на инородцевъ, служить имъ примѣромъ и многому научить ихъ. Да и гдѣ же, казалось бы, искать такого полнаго осуществленія мужичьяго счастья, какъ не въ Томской губерніи, обладающей 18% пространства всей Европейской Россіи и превосходящей европейскія владѣнія Великобританіи въ 2½ раза и Пруссіи въ 3 раза. Что же касается до всякихъ опасеній и страховъ, вызываемыхъ переселеніемъ, то, въ началѣ движенія, они представлялись мнѣ совершенно неосновательными и не заслуживающими вниманія. «Вывозъ рабочихъ и капиталовъ изъ старыхъ странъ въ новыя туда, гдѣ они имѣютъ большую производительную силу, увеличиваетъ сумму богатствъ старой и новой страны», говоритъ Милль, а князь Васильчиковъ въ своей книгѣ «Земледѣліе и землевладѣніе въ Россіи» указываетъ на колонизацію, какъ на единственное средство отъ накопленія пролетаріата, въ существованіи котораго даже въ нашей благодатной мѣстности не представляется уже никакого сомнѣнія, и было бы излишне приводить болѣе успокоительныя и авторитетныя мнѣнія.

Въ то же время для каждаго человѣка, сколько нибудь знакомаго съ нашимъ прошлымъ, съ нашей исторіей, должно быть ясно

и несомнѣнно, что своимъ могуществомъ и экономическимъ благосостояніемъ мы прежде всего обязаны совершившемуся у насъ разселенію. Еще въ XVIII столѣтіи Сибирь привлекала бродячую Русь своимъ просторомъ «молочными рѣками въ кисельныхъ берегахъ», а самыя переселенія въ Сибирь уже съ давнихъ поръ дѣлятся на правительственныя—по вызову и указанію правительства, и вольно народныя, съ которыми всегда мирилась государственная власть. Наконецъ, почти всѣ завоеванія наши исподволь подготовлялись колонизаціей общиннаго великорусскаго племени и вліяніемъ на сосѣднія племена русскаго народнаго духа.

Подумаешь, сколько увлекательныхъ, несомнѣнно вѣрныхъ мыслей, какъ много основаній для того, чтобы считать переселенческій вопросъ одною изъ самыхъ важныхъ и благодѣтельныхъ задачъ нашего времени. А между тѣмъ передъ глазами неожиданно открылась обратная, удручающая сторона медали; хотя взятая нами прямо изъ жизни картина переселенческаго движенія, горя, неудачъ и разочарованій, постигшихъ нашихъ переселенцевъ, несомнѣнно, представляетъ только печальное исключеніе и, можетъ быть, незамѣтную каплю въ морѣ благополучія, выпавшаго на долю массы счастливцевъ, поселившихся на югѣ Томской губерніи, въ Алтаѣ, въ Минусинскомъ краѣ Енисейской губерніи, на плодородныхъ долинахъ Или и Борохудзира, въ Семирѣчьѣ, или же на привольныхъ берегахъ Зеи и Буреи. Изъ моего разсказа явствуетъ, что рѣдкое чутье и знаніе, съ которымъ народъ обыкновенно избираетъ себѣ мѣста на поселеніе, его замѣчательная практичность и способность устраиваться на новыхъ мѣстахъ, не исключаютъ и возможности, въ сущности легко устранимыхъ и даже заранѣе очевидныхъ, крупныхъ, непоправимыхъ ошибокъ, о которыхъ не слѣдуетъ умалчивать, тѣмъ болѣе, что онѣ вредятъ дѣлу и, по крайней мѣрѣ, въ нашей мѣстности уже вызываютъ замѣтное охлажденіе къ Сибири, не только утратившей свое обаяніе, но мгновенно превратившейся въ глазахъ мужика изъ земного рая въ какое-то страшное пугало, внушающее ужасъ.

Само собою разумѣется, что неудачи, претерпѣнныя нашими переселенцами, прежде всего объясняются непобѣдимыми, къ сожалѣнію, упущенными изъ виду, трудностями непосильной борьбы съ природою въ дѣвственномъ краѣ, естественныя условія котораго не имѣли ничего общаго съ врожденными наклонностями и привычками нашего степного мужика, очутившагося среди неприступной тайги съ грошами въ карманѣ и съ единственнымъ плохимъ топоромъ въ рукахъ.

Осень 1896 г. отличалась особенной прелестью. Въ холодномъ сухомъ воздухѣ безъ конца тянулись бѣлыя волокна тенетника, предсказывавшія долгую, студеную осень. Съ ранняго, слегка морознаго утра и до поздняго вечера, изъ конца въ конецъ, по всему

селу Никольскому звучали мѣрные удары безчисленныхъ цѣповъ, смѣшанныхъ съ неумолкаемымъ смѣхомъ и прибаутками мужиковъ, между тѣмъ какъ по гладкимъ, точно отполированнымъ полевымъ дорожкамъ то и дѣло скрипѣли переполненныя снопами телѣги. Не нашлось бы такого уголка, гдѣ не раздавались бы веселыя пѣсни.

— Ну, умолотъ, давно не видали такого... Даже гречиха и та выручила, и овса и проса—всего въ волю,—толковали въ каждой избушкѣ, на гумнахъ, у батюшки, въ волостномъ правленіи, въ барской усадьбѣ. И было какъ-то особенно отрадно прислушиваться къ этимъ простымъ, но полнымъ невыразимаго счастья, разговорамъ.

Трудовой годъ кончался, даже съ нѣкоторымъ избыткомъ вознаградивъ заботы земледѣльца. Дышалось полной грудью и, по случаю давно не бывалаго урожая, все окружающее, наша бѣдная природа, истомленныя страдой лица мужиковъ и бабъ, получили какое-то другое болѣе мягкое освѣщеніе, а въ глубинѣ души зашевелилась любовь къ опостылѣвшей землѣ и надежда на лучшее будущее. Жизнь становилась радостнѣе.

Всѣ чувствовали себя совсѣмъ по-старому, точно никогда и не бывало волненій, только что пережитыхъ обитателями села Никольскаго. Но болѣе всего радовали меня не по днямъ, а по часамъ выроставшія на моихъ глазахъ избушки возвратившихся переселенцевъ. Село принимало свой обычный видъ, наводящіе унылые пустыри застраивались, а мѣстами уже ярко обозначались ряды избушекъ, крытыхъ свѣжей соломой, съ высокими коньками на макушкахъ. Ежедневно, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ я за быстро подвигавшейся впередъ работой, стараясь объяснить себѣ, какимъ образомъ неутомимые, копошившіеся муравьи, безъ гроша въ карманѣ, снова заводили и устраивали свои только что разоренныя гнѣзда. Я весь сосредоточился на этомъ вопросѣ, входилъ во всѣ подробности и ежедневно узнавалъ что нибудь новое, возвышающее духъ и заставлявшее усиленно биться мое сердце: то міръ безпрекословно возвратилъ переселенцамъ брошенную ими землю, тотъ или другой изъ обывателей подѣлился хлѣбомъ, соломой, хворостомъ, или, уже въ третій разъ, съѣздилъ за кирпичами, лѣсомъ или срубами, купленными переселенцами, узнавалъ, что всѣ до единаго обитатели села Никольскаго, всѣ эти кумовья, сватья, родственники или просто сосѣди, способны не только на то, чтобы бражничать и пить мірское вино, но и готовы вылѣзти изъ кожи, чтобы помочь обездоленному человѣку, не придавая этому ни малѣйшаго значенія, даже не догадываясь о томъ, что дѣлали доброе дѣло, и, такимъ образомъ, для меня все понятнѣе и яснѣе становилось значеніе общины и міра—этого отпѣтаго дурака и пьяницы.

Твердо укоренившіяся въ народѣ добрыя начала были еще до такой степени прочны и сильны, что въ душѣ вернувшихся переселенцевъ не осталось ни малѣйшаго признака бродячей жизни, а община и міръ сдѣлали свое дѣло, не прибѣгая къ благотворительнымъ подпискамъ, спектаклямъ, баламъ и не публикуя о своихъ благотворительныхъ подвигахъ въ мѣстныхъ газетахъ.

Приближалась лютая зима; всю ночь завывала и бушевала снѣжная мятель, одна изъ тѣхъ грозныхъ мятелей, послѣ которыхъ зачастую находятъ сбившагося съ пути мужика, замерзшаго около самой околицы, или бабу, занесенную снѣгомъ на своемъ собственномъ гумнѣ. Мой хуторъ плотно закутался снѣжнымъ сугробомъ, точно собираясь погрузиться въ глубокій сонъ до самой весны. Рано утромъ спустился я съ верху, и первымъ человѣкомъ, встрѣтившимъ меня въ прихожей, былъ благодушный Евграфычъ, облеченный въ какой-то узкій и куцый пиджакъ сѣраго цвѣта и въ сибирскихъ бродняхъ на ногахъ.

— Какимъ чудомъ... и съ семьей?—спросилъ я, остолбенѣвъ отъ изумленія.

— Какъ видите: яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего... Онъ провелъ окоченѣвшей ладонью по мерзлымъ волосамъ, трепетною рукою сотворилъ крестное знаменіе—и бухъ мнѣ въ ноги:—припадаю къ стопамъ вашимъ, не откажите въ мѣстечкѣ, — я и жену привелъ съ дѣтьми.

— Да какъ же это случилось?.. какимъ образомъ выбрался изъ Сибири, когда уже былъ приписанъ и деньги на обзаведеніе получилъ?—разспрашивалъ я, въ то же время придумывая, какъ бы устроить скитальца вмѣстѣ съ семействомъ, состоявшимъ изъ четырехъ душъ.

— Думали убѣжать отъ Бога, да нѣтъ, не убѣжали, и въ Сибири все творится по его волѣ. Мочи моей не стало... заговорилъ Евграфычъ, какъ всегда обрадованный случаемъ поразсказать о своихъ похожденіяхъ: какъ проводилъ обратно земляковъ, такъ и затосковалъ и порѣшилъ уйти, хоть пѣшкомъ, да уйти. Домъ, который мнѣ стоилъ 85 рублей, спустилъ за 35 рублей, лошадь, добрая была лошадь, за 40 рублей съ упряжью и телѣгой. Деньги, полученныя отъ переселенскаго начальника 75 рублей, приберегъ. Выправилъ свидѣтельство на временную работу и маршъ.

Евграфычъ былъ неистощимъ, не пропуская даже излишнихъ подробностей: «до Кривощекова на пароходѣ доѣхалъ за 3 рубля, а тамъ сѣлъ на машину; заплатилъ 4 рубля 20 коп. до Омска и 81 коп. за багажъ. Въ Челябинскѣ купилъ себѣ 8 фунтовъ хлѣба, по 2 коп. за фунтъ платилъ. Отрѣзалъ кусокъ, хлѣбъ мягкій, вкусный,—такъ, повѣрите ли, слезы такъ и покатились изъ глазъ—въ три ручья. Слава тебѣ, Господу Богу моему, россійскій хлѣбъ вкушаю; это уже не сибирскій тусклый, горькій—точно изъ отру-

бей. Да что толковать: всѣ до единаго человѣка вернулись бы, да не съ чѣмъ подняться, по уши въ долгахъ завязли. Одна тягота и опасность—безъ оружія никто не живетъ. Вотъ къ примѣру, у меня въ банѣ бродяга тайкомъ поселился и такъ и остался на всю зиму... Вотъ и смотри на него, а выгнать не смѣй—человѣкъ отчаянный. Опять медвѣдь ходитъ, того и гляди на него нарвешься... Вѣрите ли, какъ увидѣлъ Волгу, такъ точно вновь на свѣтъ народился.

Евграфычъ разсказывалъ все это съ веселой усмѣшкой, точно дѣло шло о комъ нибудь другомъ, но въ то же время казалось, что слезы вотъ-вотъ брызнутъ изъ глазъ.

— А какъ поживаетъ Засурскій?—невольно сорвалось у меня съ языка.

При одномъ имени знаменитаго ходока, точно ядовитая муха укусила Евграфыча, и въ его тусклыхъ глазахъ блеснула ненависть.

— А о Засурскомъ вотъ что скажу: не пожалѣй я семьи, дѣтей малыхъ, я бы съ него безпремѣнно голову снялъ.

— Ну, что наша Настасья?

— Въ городѣ Томскѣ устроилась, при ціатрахъ[1]) служитъ и жалованье хорошее получаетъ, по 18 рублей въ мѣсяцъ беретъ вмѣстѣ съ сыномъ: сынъ по парикмахерской части пошелъ, а сама при гардеробахъ состоитъ.

Меня глубоко опечалилъ такой конецъ, достигнутый матерью, мечтавшей сдѣлать изъ своего сына хозяина землевладѣльца.

Евграфычъ поступилъ дворникомъ, его жена замѣнила Настасью, а сынъ назначенъ помощникомъ садовника, хотя такое мирное занятіе оказалось вовсе не подходящимъ къ его вкусамъ, и онъ предпочиталъ бродить по окрестностямъ и охотиться за чужими утками и гусями.

На первыхъ порахъ Евграфычъ усердствовалъ изъ всѣхъ силъ, то и дѣло повторяя: «живу какъ въ раю и всечасно благодарю Создателя», что впрочемъ не мѣшало ему хлопотать объ избраніи въ волостные судьи, но всѣ мѣста были заняты, и за нихъ крѣпко держались. Прошло два-три мѣсяца, и «райская жизнь» видимымъ образомъ стала тяготить возвратившагося переселенца, по самой природѣ своей вовсе не способнаго къ постоянному, хотя бы и сравнительно легкому труду. Точно подавленный тяжелымъ горемъ, то и дѣло вздыхая и охая, таскалъ онъ дрова и воду, заунывнымъ голосомъ напѣвая все одну и ту же грустную пѣсню, отъ частаго повторенія крѣпко засѣвшую въ моей памяти.

Въ теченіе цѣлаго дня то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ двора, вслѣдъ за стукомъ топора, то тутъ то тамъ раздавалась жалобная пѣсня Евграфыча.

---

[1]) Театрахъ.

Гробикъ, мой гробикъ,
Превѣчный мой домикъ.
Взойду я на гору высокую,
Взгляну я на бездну глубокую.
Мать моя, сыра земля,
Прими меня, покрой меня.

Евграфычъ окончательно упалъ духомъ, когда сибирское начальство потребовало возвращенія денегъ, выданныхъ ему на обзаведеніе, а волостной старшина въ концѣ каждаго мѣсяца сталъ наѣзжать на хуторъ и отбирать часть слѣдующаго ему жалованья. Послѣ такихъ наѣздовъ онъ приходилъ въ неописанное волненіе, уединялся, стараясь не встрѣчаться съ людьми, точно всѣ опостылѣли ему до послѣдней степени. Въ немъ постоянно кипѣлъ протестъ противъ законовъ, которыми управлялся весь міръ. Онъ требовалъ особеннаго почета и то и дѣло ссорился съ людьми, а главное, съ хозяйственнымъ старостой, котораго не ставилъ ни въ грошъ. Его постоянно преслѣдовала мысль, что онъ не достаточно оцѣненъ, не на своемъ мѣстѣ, и послѣдній батракъ, имѣющій свой домишко, чувствуетъ свое превосходство надъ нимъ. Наконецъ, постоянная возня съ Евграфычемъ до такой степени надоѣла окружающимъ, что всѣ отступились отъ него, но это еще болѣе раздражало бѣдняка, какъ человѣка общительнаго. Онъ мучился своимъ одиночествомъ тѣмъ, что живетъ на смѣху, уходилъ въ село и съ горя напивается до положенія ризъ. Слѣдуетъ выговоръ, но Евграфычъ обезоруживаетъ своей покорностью, сознаніемъ своей виновности и изъ всѣхъ силъ начинаетъ приспособляться къ ненавистнымъ условіямъ своего новаго положенія, но всѣ усилія остаются безплодными, и никакое приспособленіе немыслимо. Въ эти минуты раскаянія въ немъ проявляется какой-то не бывалый свирѣпый консерватизмъ. На своихъ односельчанъ, все еще мечтавшихъ о новыхъ льготахъ и передѣлахъ земли, онъ смотрѣлъ, какъ на личныхъ враговъ. Слова: «воля», «вольный», «передѣлъ», «прирѣзка»— приводятъ его въ ярость.

— Есть у меня такая книжка,—въ величайшемъ раздраженіи повторяетъ онъ въ такихъ случаяхъ:—и сказано въ этой самой книжкѣ, великаго ума человѣкъ сказалъ: придетъ такое время, когда повсюду окажется многое множество пустующей земли, да некому будетъ ее обработывать, и придетъ воля глупому на радость, умному на погибель.

Изрѣдка въ немъ пробуждалось непреодолимое желаніе устроить какую нибудь необычайно выгодную аферу. Онъ бѣжалъ ко мнѣ и убѣдительно просилъ выдать ему жалованье за два года впередъ, чтобы немедленно построить избу и отдавать ее въ наймы, или же купить лѣсной участокъ и продавать его по частямъ, а получивъ отказъ, собирался бѣжать куда глаза глядятъ. Дойдя до послѣдней

степени отчаянія, Евграфычъ хватался за топоръ, какъ якорь спасенія, и, яростно поднимая и опуская его, работалъ до изнеможенія силъ. Отъ него такъ и вѣяло безнадежной старческой грустью. Еще вчера онъ быстро мелькалъ по двору, разнося дрова по избамъ, а сегодня онъ уже цѣлый день топчется на мѣстѣ, точно хотѣлъ сдѣлать что-то очень нужное и вдругъ забылъ.

Неожиданное возвращеніе въ село Никольское и сосѣднія съ нимъ деревни почти всей второй партіи переселенцевъ, ихъ, можетъ быть, и нѣсколько преувеличенные разсказы о перенесенныхъ неудачахъ произвели сильное, отрезвляющее впечатлѣніе на обитателей нашей мѣстности и, вмѣсто крайняго оптимизма, вызвали крайній пессимизмъ. Хвалить такъ хвалить, увлекаться такъ увлекаться, а ужъ ругать такъ ругать безъ мѣры—это всегда было и будетъ отличительной чертой нашихъ нравовъ безъ различія сословій. Но вотъ улеглись взбаламученныя страсти, потрачены всѣ негодующія слова, направленныя въ сторону Сибири: вышедшая изъ береговъ рѣка успокоилась и стала входить въ свои берега. Вокругъ меня снова возобновилась старая, съ дѣтства знакомая картина скромнаго довольства и мирнаго прозябанія: съ каждымъ годомъ увеличивалось мірское стадо, болѣе хозяйственные мужики стали заводить породистыхъ, что называется, «родныхъ матокъ», заговорила страсть къ увеличенію запашки, землю разбирали съ охотой и уже по нѣсколько повышенной цѣнѣ; у крестьянъ впервые появились молотилки и вѣялки, а мѣстами соха замѣнялась многочисленными плугами, которыми на весьма льготныхъ условіяхъ снабжала уѣздная земская управа. Временно расшатавшаяся хозяйственная машина снова пошла въ ходъ, сначала медленно, а потомъ все скорѣе и скорѣе... Мы уже возмечтали о лучшихъ дняхъ, какъ вдругъ нежданно-негаданно нагрянула небывалая засуха 1898 года и безжалостно, моментально спалила всѣ наши упованія: хозяйственная машина треснула на полномъ ходу и разсыпалась, такъ что отъ нея, отъ всѣхъ надеждъ и ожиданій, не осталось и слѣда, а памятный, роковой 1891 годъ поблѣднѣлъ и стушевался въ сравненіи съ несравнимо болѣе страшнымъ 1898-мъ годомъ.

Первыми всполошились деревенскія бабы и, схвативши безобидныхъ куръ и пѣтуховъ, побѣжали продавать ихъ ближайшимъ помѣщикамъ, управляющимъ и священникамъ, за курами и пѣтухами послѣдовали ни въ чемъ не повинныя телки и бычки, а тамъ, къ осени задаромъ пошли коровы, за коровами жеребята, дорогіе и дешевые; затѣмъ базары и осеннія ярмарки переполнились «родными матками», съ которыми настоящему хозяйственному мужику такъ же легко разставаться какъ съ жизнью, а тутъ обрадованные кулаки и барышники разбирали ихъ, за что хотѣли.

Такимъ образомъ, благодаря слѣпымъ, безпощаднымъ, непости-

жимымъ стихійнымъ силамъ, всѣ плоды усиленныхъ трудовъ и заботъ послѣднихъ лѣтъ снова пошли на смарку.

Картина мгновенно измѣнилась: жать и молотить нечего; солома, этотъ обыкновенно ничего не стоящій въ нашихъ мѣстахъ продуктъ сельскаго хозяйства, по всегда мѣткому выраженію мужиковъ, «заиграла» и дошла до 16 рублей за сажень, смѣтливые люди тотчасъ же перевели всю скотину, разсчитывая обогатиться продажей соломы, кулаки уже возмечтали о томъ, чтобы продавать муку фунтами, чуть ли не на вѣсъ золота, и навѣрно успѣли бы въ этомъ, если бы не разумныя, энергичныя мѣры земства, и въ цѣломъ уѣздѣ ничего, кромѣ потерявшихъ голову землевладѣльцевъ и крестьянъ, раскрытыхъ крышъ, дѣтей отчаянно тоскующихъ по молокѣ, благимъ матомъ ревущихъ отъ подступающаго голода, кое-гдѣ оставшихся коровъ, безнадежно бродившихъ на выпускѣ и тщетно отыскивавшихъ корма лошадей, болѣе похожихъ на скелеты, обтянутые кожей, пустыхъ полей, пустыхъ амбаровъ, пустыхъ гуменъ и безмолвныхъ избушекъ, гдѣ по вечерамъ давно уже не горятъ веселые огоньки, не слышно человѣческаго голоса, гдѣ изо дня въ день помышляютъ только о хлѣбѣ насущномъ, о томъ, хватитъ ли его на завтрашній день.

В. Н. Назарьевъ.

М. Е. САЛТЫКОВЪ ВЪ РЯЗАНИ.

(1858—1860 г.; 1868—1867 г.).

РЯДЪ ли многимъ извѣстно, что Салтыковъ, какъ чиновникъ, является личностью интересной, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже замѣчательной. Біографы сатирика, характеризуя этотъ періодъ его жизни, ограничивались общими взглядами его на служебную дѣятельность, но самой дѣятельности отводили очень незначительное мѣсто. Никто, сколько помнится, не заглядывалъ поглубже въ архивы тѣхъ учрежденій, гдѣ служилъ Салтыковъ, и гдѣ его недюжинныя администратирныя способности могли проявиться въ полной силѣ. Намъ удалось это сдѣлать. Благодаря содѣйствію нѣсколькихъ лицъ и разрѣшенію мѣстныхъ властей, мы получили возможность осмотрѣть лично весь рукописный матеріалъ, который не могъ пройти незамѣченнымъ Салтыковымъ и который, при наличныхъ условіяхъ существованія провинціальныхъ архивовъ. представлялъ «этого чиновника» въ цѣльномъ видѣ. Послѣднее обстоятельство особенно важно. Нерѣдко случается, что изслѣдователь почти набрёлъ на интересную подробность и сейчасъ сообщитъ картинѣ надлежащее освѣщеніе. Но оказывается, что дѣло, заключавшее въ себѣ эту подробность, было нѣкогда передано губернскимъ учрежденіемъ въ другое нынѣ несуществующее, или уничтожено пожаромъ, или продано на бумагу. Изслѣдователь въ отчаяніи, но покоряется своей судьбѣ. Поэтому «да не въ судъ

и не въ осужденіе» будетъ поставленъ пишущему эти строки результатъ его скромной работы, потребовавшей ни болѣе ни менѣе, какъ полтора года тщательныхъ поисковъ. Все, что при этомъ оказалось достойнымъ вниманія, было извлечено на свѣтъ Божій и обработано. Не упущены подробности и частной жизни Салтыкова въ Рязани, сохранявшіяся въ памяти немногихъ оставшихся въ живыхъ его современниковъ и любезно сообщенныя намъ въ видѣ воспоминаній. Наконецъ просмотрѣны наиболѣе важные печатные источники, въ томъ числѣ біографія М. Е. Салтыкова, составленная К. К. Арсеньевымъ (Сочиненія С., изд. 1890 г., т. IX), статья В. Семевскаго «Н. Д. Хвощинская Заіончковская» («Русская Мысль», 1890 г., окт., ноябрь и дек.) и біографія Салтыкова, составленная С. Н. Кривенко, изд. Павленкова [1]).

Салтыковъ въ Рязани служилъ два раза. Впервые онъ пріѣхалъ туда 15 апрѣля 1858 г., назначенный по высочайшему повелѣнію рязанскимъ вице-губернаторомъ [2]). Въ этой должности онъ пробылъ безъ двухъ недѣль два года и затѣмъ былъ переведенъ на ту же должность въ Тверь 3 апрѣля 1860 г. Вторично мы видимъ Салтыкова въ Рязани уже въ 1867 г., на этотъ разъ въ качествѣ управляющаго мѣстной казенной палаты, послѣдняго этапа его служебной карьеры. Изъ Рязани онъ уѣзжаетъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ» и на службу больше не возвращается. Время перваго опредѣленія М. Е. на службу въ Рязань совпадаетъ, такъ сказать, съ предсмертной агоніей «стараго режима», уступающаго мѣсто реформамъ императора Александра II. Что это было за время,—всякому приблизительно извѣстно. Какъ всѣ переходныя эпохи, періодъ этотъ въ русской исторіи отмѣченъ ожесточенной схваткой стараго начала съ новымъ, схваткой особенно сильной въ провинціи, гдѣ преданіе и новшества съ трудомъ уживаются вмѣстѣ. Свѣжій человѣкъ, попавшій въ это время въ провинцію, дѣлался невольно участникомъ такой борьбы. Нашему поколѣнію, пользующемуся результатами прошедшаго, въ какой бы сферѣ результаты эти ни оказывались, очень трудно представить себѣ, что̀ стоилъ каждый кирпичикъ нынѣ готоваго зданія рабо-

[1]) Пользуемся случаемъ засвидѣтельствовать нашу признательность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ составленію настоящаго очерка: г. г. В. А. Атласову, А. М. Бахтіарову, П. С. Бѣлкину, Н. И. Лаппо, В. А. Перцову и А. Д. Повалишину; равнымъ образомъ представителямъ губернской администраціи: г. рязанскому вице-губернатору А. А. Лодыженскому и г. управляющему рязанскою казенною палатою М. И. Слукину, любезно раскрывавшимъ намъ двери подвѣдомственныхъ имъ архивовъ.

[2]) Высочайшій приказъ отъ 6 марта 1858 г. гласилъ такъ: «чиновникъ особыхъ порученій VI класса министерства внутреннихъ дѣлъ, коллежскій совѣтникъ Салтыковъ назначается рязанскимъ вице-губернаторомъ на мѣсто ст. сов. Веселовскаго, согласно прошенію уволеннаго отъ службы съ производствомъ въ дѣйствит. ст. совѣтники».

чимъ, его складовавшимъ, архитектору, его строившему, владѣльцу, за него платившему деньги. Что касается Салтыкова, то ему удалось и ввести новое положеніе и застать еще канунъ его. Въ какомъ видѣ нашелъ онъ административную Рязань, лучше всего говоритъ результатъ министерской ревизіи 1856 г., состоявшейся до назначенія М. Е. вице-губернаторомъ. Ревизія эта, произведенная чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ Купріяновымъ, открыла много злоупотребленій, ярко рисующихъ дореформенный строй нашихъ губернскихъ учрежденій. Произволъ царствовалъ полный. «Установленныя для отчетности въ производствѣ дѣлъ книги и реэстры», если не примѣнялись вовсе, то велись съ «разными упущеніями», допускалась «крайняя медленность» даже по сенатскимъ указамъ и арестантскимъ дѣламъ; представленныя въ губернское правленіе «описи имуществамъ» оставлялись безъ разсмотрѣнія по нѣскольку мѣсяцевъ; вице-губернаторъ цѣлыхъ 4 года не производилъ ревизіи, тогда какъ по правиламъ онѣ должны производиться два раза ежегодно. Вся дѣятельность губернскаго правленія «по наблюденію за подвѣдомственными ему мѣстами» ограничивается лишь отпискою, безъ «надлежащаго настоянія» за дѣйствительнымъ исполненіемъ предписаній его. О самихъ чиновникахъ и отношеніи ихъ къ своимъ обязанностямъ нечего и говорить: оно прямо возмутительное. Чиновники особыхъ порученій передаютъ порученныя имъ слѣдствія одинъ другому, и никто не повѣряетъ ихъ. Между тѣмъ дѣла представляются иногда весьма важными, напримѣръ, подделка кредитныхъ билетовъ, или жестокое обращеніе помѣщиковъ съ своими крестьянами, раскольничьи дѣла и пр. Когда же чиновники берутся за слѣдствія, то обнаруживаютъ крайнюю медленность и небрежное отношеніе къ дѣламъ. Вотъ примѣры: «чиновникъ Протасьевъ по нѣскольку лѣтъ не приступалъ къ порученнымъ ему слѣдствіямъ и не доставилъ требуемыхъ отъ него объясненій до перехода на службу въ другую губернію», чиновникъ Славутинскій «доносилъ губернскому правленію, будто бы у него нѣтъ дѣла, по которому посылались къ нему подтвержденія, тогда какъ оно было ему поручено». Даже чиновники, входящіе въ составъ губернскаго правленія, не исполняютъ предписаній его: «архиваріусъ по нѣскольку мѣсяцевъ не доставляетъ требуемыхъ отъ него свѣдѣній, черезъ что останавливаетъ теченіе многихъ дѣлъ»; старшій секретарь «оставляетъ безъ исполненія» данное ему губернскимъ правленіемъ предписаніе «объ освидѣтельствованіи имущества совѣстнаго суда», и губернское правленіе «ограничивается только письменными подтвержденіями», вмѣсто личнаго настоянія. Легко себѣ представить, какъ при такихъ порядкахъ вершатся дѣла. Кумовство въ полной силѣ. По дѣлу о взысканіи съ совѣтника правленія г. Щипунина по претензіи нѣкоего Казакова, въ теченіе четырехъ лѣтъ только **одинъ разъ** удержана часть жалованья, а затѣмъ гу-

бернское правленіе только отписывается, просьбы же Казакова оставляетъ безъ послѣдствій. Небезгрѣшнымъ въ подобныхъ порядкахъ оказывается и предшественникъ Салтыкова, вице-губернаторъ Веселовскій: онъ тоже кому-то долженъ и такъ же, какъ съ Щипунинымъ, казначей не дѣлаетъ ему вычетовъ изъ жалованья. «Между тѣмъ, говоритъ министерская бумага, губернское правленіе приняло на себя непринадлежащую ему власть надзора за дѣломъ Веселовскаго, производящимся по Черниговской губерніи, въ сосницкомъ окружномъ уѣздномъ судѣ». Всего этого мало. При продажѣ въ губернское правленіе съ аукціона имущества какого-то Грачева, къ торгамъ, вопреки закону, допускаются служащіе въ правленіи, при чемъ «въ нарушеніе правилъ объ аукціонныхъ продажахъ» вещи имъ выдаются безъ взысканія въ установленный срокъ денегъ, каковыя представляются по частямъ, но съ 29 декабря 1854 г. по октябрь 1856 г. «не были еще сполна взысканы». Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, кошкамъ игрушки, а мышкамъ слезки. Жалованье служащимъ въ типографіи, даже сторожамъ и вахмистру, несвоевременно выдается, якобы «по недостатку типографскихъ суммъ», а въ то же время секретарю Раклинскому выдано «изъ тѣхъ же суммъ» 260 р. серебромъ. Деньги вообще слабость чиновниковъ губернскаго правленія, свои или чужія. Въ 1843 году былъ случай, что суммы, принадлежащія частнымъ лицамъ, въ ущербъ ихъ интересамъ, не обращались по назначенію, а копились въ губернскомъ правленіи и тамъ расходовались... Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвелъ отчетъ о ревизіи въ Петербургѣ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ то время С. С. Ланской, человѣкъ рѣдкаго ума и честности, другъ Н. А. Милютина, Д. Самарина и др. Онъ въ разныхъ формахъ выражалъ свое неудовольствіе рязанскому губернатору Клингенбергу: «Имѣя въ виду,— писалъ министръ,—что министерство внутреннихъ дѣлъ неоднократно подтверждало вамъ объ исполненіи предписанныхъ закономъ правилъ понужденія и взысканія, въ случаѣ бездѣйствія и неисполненія установленнаго порядка подвѣдомственными губернскому правленію мѣстами, и усматривая изъ донесенія ст. сов. Купріянова, что губернское правленіе не только не исполняетъ возложенной на него по сему предмету ст. 26 учр. губ. прав. обязанности, но въ немъ самомъ допущены по дѣламъ медленность и отступленіе отъ предписанныхъ закономъ правилъ, а потому, препровождая выписку изъ представленныхъ Купріяновымъ свѣдѣній, я прошу ваше превосходительство, съ возвращеніемъ этой выписки, доставить мнѣ въ непродолжительномъ времени надлежащее объясненіе по всѣмъ изложеннымъ въ ней замѣчаніямъ» [1]). Эффектъ, произведенный бумагой, былъ внушительный. Немедленно дѣло заслушали въ губернскомъ правленіи и

[1]) Предписаніе за № 58 отъ 4 января 1858 года (дѣла архива губернскаго правленія, 1858 г.).

постановили: разбивъ дѣлопроизводство на части, передать его на разсмотрѣніе отдѣленій правленія и канцеляріи присутствія. Перья заскрипѣли. Въ это время подоспѣлъ въ Рязань Салтыковъ и кому, какъ не ему, было расхлебывать кашу, заваренную другими. Онъ принялся за дѣло горячо, съ полнымъ сознаніемъ важности предмета. Слѣдствіе велось такимъ образомъ, что по каждому отдѣльному замѣчанію ревизіи представлялся самостоятельный докладъ вице-губернатору, который сначала его просматривалъ, а затѣмъ передавалъ на обсужденіе правленію. Тутъ-то и разгулялось перо Салтыкова. Въ одномъ дѣлѣ, по неосмотрительности писавшихъ и подписывавшихъ бумагу (точное выраженіе докладчика), требованіе объ исполненіи предписаній уѣзднаго суда подтверждалось земскому суду, тогда какъ послѣдній былъ подчиненъ первому. Салтыковъ, подчеркивая слова, поставленныя нами разрядкой, съ боку пишетъ: «Этотъ любопытный фактъ и донынѣ повторяется». Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ чиновникъ, дававшій объясненіе, медленность въ дѣлопроизводствѣ, поразившую Купріянова, объясняетъ отсутствіемъ столоначальника, въ то время уже уволеннаго отъ должности, М. Е. пишетъ на поляхъ: «Куда дѣвался столоначальникъ Соловкинъ? Я надѣюсь, что ничего этого теперь нѣтъ, а впрочемъ увижу при ревизіи, которую начну 24-го числа».

Вообще онъ обнаруживаетъ большое вниманіе къ дознаніямъ, испещряя бумагу различными замѣтками, въ родѣ: «такъ ли», «отчего нѣтъ объясненія?», «кончено ли дѣло?», «кто виноватъ?» и т. д. Вниманіе его останавливается на отдѣльныхъ выраженіяхъ, неловко употребленныхъ докладчикомъ, напримѣръ, по дѣлу купца Каншина, домъ котораго за долгъ нѣкоему Обидову назначенъ въ продажу. Докладчикъ, перечисляя обстоятельства, почему продажа не состоялась, говоритъ, что также помѣшало тому «большое количество дѣлъ въ 7-мъ столѣ». Салтыковъ дѣлаетъ замѣчаніе: «что за «также»? Когда есть другія обстоятельства, а именно о недокладѣ присутствію рапорта Скопинскаго магистрата за № 1006». Не лишено интереса замѣчаніе его по дѣлу государственнаго крестьянина Цикина, сосланнаго по общественному приговору на поселеніе. Губернское правленіе, принявъ во вниманіе отзывъ жены Цикина, что у нея есть осѣдлость, не отправило ея вмѣстѣ съ мужемъ. Доложили М. Е. Салтыкову. Онъ пишетъ: «Былъ ли въ виду какой нибудь законъ, или это теперешнее толкованіе столоначальника?» Онъ же дѣлаетъ собственноручно резюме всѣмъ объясненіямъ правленія министерству; по его словамъ, «въ настоящее время таблички съ обозначеніемъ распредѣленія занятій по столамъ, расписаніе почтовыхъ дней и пр. заведены, различныя дѣла (слѣдуетъ наименованіе дѣлъ) окончены и безпорядки, вызванные ими, на будущее время устранены». Строго поступлено относительно недоимокъ. «Разсмотрѣніе вѣдомостей имѣло послѣдствіемъ также принятіе болѣе строгихъ мѣръ къ пополненію

недоимокъ податныхъ и земскаго сбора, такъ, напримѣръ, въ два уѣзда (Спасскій и Пронскій) посланы на счетъ виновныхъ особые чиновники для пополненія недоимокъ» и т. п. Всѣмъ чиновникамъ особыхъ порученій, «на обязанности которыхъ преимущественно лежитъ производство слѣдствій», предписано «вести журналъ своихъ дѣйствій» и не далѣе 2-го числа каждаго мѣсяца «представлять журналъ тотъ въ губернское правленіе». Въ заключеніе онъ какъ будто еще боится не удовлетворить министерство своими объясненіями и старается оправдать недостаточность ихъ особыми обстоятельствами. «За выбытіемъ изъ губернскаго правленія всѣхъ членовъ и бо́льшей части дѣлопроизводителей, при которыхъ произошли найденные г. Купріяновымъ безпорядки и упущенія, губернское правленіе болѣе подробнаго объясненія по замѣчаніямъ симъ дать не можетъ». Но и этими объясненіями въ Петербургѣ остались, повидимому, довольны. Въ министерствѣ, вѣроятно, знали, въ какихъ рукахъ находится теперь дѣлопроизводство правленія, и хотя однажды еще напомнили о желательности видѣть скорѣе нѣкоторыя дѣла законченными (предписаніе губернатору отъ 6-го мая), но на этотъ разъ въ менѣе энергичныхъ выраженіяхъ. Не довольнымъ оставался только одинъ Салтыковъ. Онъ вступалъ въ темную область обмана и взяточничества, гдѣ честный человѣкъ являлся исключеніемъ, а остальная масса тонула въ мракѣ невѣжества, произвола и безнравственности. Необходимо было все это лѣчить, и чѣмъ радикальнѣе, тѣмъ лучше, иначе зараза распространится еще глубже. И вотъ, едва освоившись на новомъ мѣстѣ, Салтыковъ приступаетъ къ реформѣ губернскаго правленія, этой, такъ сказать, артеріи всей губернской дѣятельности. Представленіе его губернатору помѣчено 7-мъ іюнемъ 1858 года, т. е. спустя мѣсяцъ по окончаніи злополучной ревизіи. «Изъ разсмотрѣнія представляемыхъ вашему превосходительству журналовъ губернскаго правленія,—пишетъ онъ,—вы изволите быть извѣстны, что поступающія въ правленіе бумаги разрѣшаются съ крайнею медленностью, вслѣдствіе чего происходитъ очевидный вредъ какъ для самаго дѣла, такъ и въ особенности для частныхъ лицъ, которыя имѣютъ прямой интересъ въ скоромъ и безпрепятственномъ разрѣшеніи подаваемыхъ отъ нихъ просьбъ. Вникая въ причины этой медленности, я нашелъ, что, кромѣ безпечности самихъ дѣлопроизводителей (къ устраненію которой я ежедневно имѣю самое дѣятельное настояніе), весьма много способствуетъ замедленію въ разрѣшеніи бумагъ неравномѣрное распредѣленіе занятій между столами губернскаго правленія». Затѣмъ Салтыковъ разсказываетъ, въ чемъ заключается эта неравномѣрность. Одинъ, напримѣръ, столъ получаетъ четвертую часть всѣхъ бумагъ, поступающихъ въ губернское правленіе, столовъ же вообще девять; «слѣдственно-судная часть» не сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, какъ слѣдовало бы для пользы дѣла, а разбросана по разнымъ отдѣ-

леніямъ и т. д. «Черезъ это,—говоритъ докладчикъ,—утрачивается между дѣлами связь, для поддержанія которой столоначальники бываютъ вынуждены безпрестанно забирать другъ у друга справки, чего никакъ не могло бы случиться, если бы однородныя дѣла сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ». Чтобы устранить подобныя неудобства, Салтыковъ придумываетъ новое распредѣленіе дѣлъ по столамъ. Перечислимъ его вкратцѣ: 1-й столъ получитъ часть инспекторскую, 2-й—часть воинскую, 3-й—арестантскую [1]); 4-й столъ—займется взысканіемъ казенныхъ сборовъ и недоимокъ, а равно взысканіемъ по требованіямъ крестьянскихъ установленій; 5-й—получитъ городское хозяйство [2]); 6-й—земское хозяйство и продовольственную часть; 7-й—возьметъ взысканіе по безспорнымъ обязательствамъ [3]); 8-й—займется разсмотрѣніемъ слѣдствій по всякаго рода проступкамъ и преступленіямъ (исключая преступленія по должности), наконецъ 9-й столъ—получитъ разсмотрѣніе проступковъ и преступленій должностныхъ лицъ. Распредѣляя дѣла по отдѣленіямъ (въ губернскомъ правленіи ихъ было три), занятія въ каждомъ представятся въ слѣдующемъ видѣ: въ 1-е отдѣленіе войдутъ дѣла исключительно распорядительныя, во 2-е—хозяйственныя, 3-е будетъ разсматривать дѣла исковыя и судныя. Такимъ образомъ, установится порядокъ, который, по мнѣнію Салтыкова, дастъ органическую связь дѣламъ между собой и который, если не ошибаемся, удержался въ правленіи до введенія положенія 8 іюня 1865 г. Нечего и говорить, губернаторъ одобрилъ реформу, а министръ утвердилъ ее [4]). Покончивъ съ внѣшнимъ обликомъ губернскаго дѣлопроизводства, М. Е. обратился къ внутреннему; тамъ тоже требовался свѣжій человѣкъ, честный и знающій. На первыхъ порахъ Салтыковъ взялъ росписи городскихъ приходо-расходовъ, и съ тѣхъ поръ городское хозяйство стало предметомъ его важнѣйшей заботы. Небезынтереснымъ поэтому представляется просмотръ самихъ росписей. Вотъ, напримѣръ, вѣдомость о невыполненныхъ расходахъ по городу Ряжску къ 1 августа 1859 г. Статьѣ: «на выписку анатомическихъ инструментовъ для городового врача за 1858 г. 30 рублей 80 копеекъ», соотвѣтствуетъ помѣта управскаго чиновника: «Деньги сіи предположено сложить по ненадобности, потому что содержаніе городской больницы зависитъ отъ совѣта градской больницы». Салтыковъ отчеркиваетъ это

---

[1]) Въ прежнемъ распорядкѣ, 3-й столъ заключалъ часть слѣдственно-судную, нынѣ переданную въ 9-й столъ, дѣла же послѣдняго, имѣющія характеръ чисто распорядительный, переданы 3-му столу.

[2]) Раньше онъ завѣдывалъ также дѣлами народной переписи и земскаго хозяйства.

[3]) Раньше ему принадлежало также взысканіе съ частныхъ лицъ въ пользу кредитныхъ установленій.

[4]) 9 іюля 1858 г., № 1511 (Архивъ губернскаго правленія 1858 г., № 61).

мѣсто и пишетъ: «Что такое, этого, кажется, сложить нельзя», и въ официальномъ запросѣ ряжской думы утвержденіе росписи обусловливаетъ точнымъ отвѣтомъ на вопросъ: почему не выполненъ расходъ 30 рублей 80 копеекъ на выписку анатомическихъ инструментовъ [1]). При разсмотрѣніи касимовской росписи онъ съ удивленіемъ останавливается на чрезмѣрномъ содержаніи квартирной комиссіи въ ущербъ другимъ расходамъ. Въ результатѣ вмѣсто положенныхъ градской думой 117 рублей назначаетъ всего 55 рублей [2]). Такое же точно отношеніе встрѣчаетъ роспись канцеляріи городового депутатскаго собранія, назначившаго слишкомъ большое жалованье писцу «за составленіе и продолженіе обывательской книги». «Что сдѣлано въ прошломъ году?—спрашиваетъ онъ,—дохода никакого», и не утверждаетъ росписи. Другой разъ испрашивамый рязанской думой «расходъ на исправленіе улицъ и на зарытіе рытвинъ, могущихъ образоваться во время весенняго розлива», вызываетъ его замѣчаніе: «на улицахъ должны исправлять домохозяева», однако расходъ утверждаетъ (150 рублей). Память у него огромная, ни одна мелочь не ускользаетъ отъ его вниманія, особенно если дѣло касается желаннаго всѣми казеннаго пирога. По какому-то вопросу рязанская дума исчисляла площадь городского землевладѣнія и въ счетѣ пахатной и неудобной земли допустила неточность. Салтыковъ замѣтилъ ошибку, лично провѣрилъ ее и собственноручно исправилъ! Творческая мысль его постоянно въ движеніи, рядомъ съ пустымъ замѣчаніемъ, мелькнетъ иногда остроумный проектъ, иногда цѣлая система новаго городского хозяйства, какъ, напримѣръ, въ росписи города Раненбурга за 1859 г. Салтыковъ просмотрѣлъ смѣту городскихъ доходовъ и пишетъ на поляхъ: «Такъ какъ по вѣдомости о капиталахъ видно, что городъ Раненбургъ никакого запаснаго остаточнаго капитала не имѣетъ, между тѣмъ какъ наличность таковаго тогда бы принесла несомнѣнную для города пользу, черезъ употребленіе его на разные необходимые предметы, то предписать городской думѣ войти въ соображеніе, не представляется ли возможнымъ учредить для составленія запаснаго капитала, а равно и на удовлетвореніе другихъ полезныхъ расходовъ, которые въ настоящее время въ роспись не вносятся, какъ, напримѣръ, для освѣщенія города, улучшенія въ ономъ пожарной части, ввести оцѣночный въ пользу города сборъ съ обывательскихъ недвижимыхъ имуществъ, подвергая таковой оцѣнкѣ, по примѣру другихъ городовъ, дома и усадебныя земли обывателей всѣхъ сословій, и соображенія сіи представить губернскому правленію» [3]). Къ сожалѣнію, неизвѣстно, чѣмъ закончилось это интерес-

[1]) Архивъ губернскаго правленія 1859 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

ное предложеніе, впослѣдствіи ставшее обязательнымъ для всѣхъ городовъ. Большое вниманіе удѣляется М. Е. также вопросу о служащихъ, этому больному мѣсту дореформеннаго управленія. Онъ съ ними гуманенъ, но, что касается службы, требователенъ и строгъ. Передъ нами роспись г. Михайлова на 1859 г. Секретарь думы, вычислявшій годовой расходъ на постройки, обнаружилъ большую небрежность. Салтыковъ, замѣтивъ это, собственноручно пишетъ опредѣленіе... «Такъ какъ нельзя предположить, чтобы сумма на ремонтъ 6-ти мостиковъ ежегодно расходовалась неизмѣнно въ одномъ и томъ же размѣрѣ, и какъ утвержденіе противнаго доказываетъ только, что секретарь думы не взялъ на себя труда изъ книгъ думы за минувшее трехлѣтіе сдѣлать выборку всѣхъ дѣйствительно произведенныхъ расходовъ, то, принимая во вниманіе скудость средствъ г. Михайлова, расходъ по этой статьѣ слѣдуетъ утвердить» и т. д. А немного дальше: «Такъ какъ изъ донесенія думы все-таки не видно, сколько именно поступало въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ доходовъ въ пользу города... предписать думѣ, чтобы секретарь ея немедленно сдѣлалъ изъ приходныхъ книгъ думы за 1855, 1856 и 1857 гг. подробную выборку, съ кого именно, когда и сколько по каждой статьѣ поступало дохода, при чемъ предварить секретаря, что если онъ и эту работу исполнитъ съ тою же небрежностью, съ какою вообще исполнена роспись, то будетъ немедленно удаленъ отъ должности». И въ заключеніе: «внушить секретарю думы Виноградову, что ежели онъ намѣренъ продолжать службу съ тою же небрежностію, какъ исполнялъ ее доселѣ, то лучше сдѣлаетъ, если совсѣмъ выйдетъ въ отставку» [1]). Тѣмъ не менѣе фамилія г. Виноградова еще долго попадаетъ въ перепискѣ г. Михайлова, слѣдовательно начальникъ и подчиненный поняли другъ друга и сжились. Любопытнымъ представляется также участіе Салтыкова въ дѣлахъ слѣдственныхъ, хотя мы должны оговориться, что то, что было сказано въ началѣ настоящаго очерка о положеніи архивнаго дѣла въ провинціи, примѣняется здѣсь въ полной силѣ. А жаль! Сколько интереснаго, поучительнаго и оригинальнаго могли бы сообщить эти пожелтѣвшія отъ времени страницы памяти Салтыкова; онъ самъ внесъ бы много характернаго для своей эпохи, особенно если судить по дѣлу бр. Хлудовыхъ, несомнѣнно интересовавшему его [2]). Дѣло это, возмутительное и по обстановкѣ и по дѣйствующимъ лицамъ, въ свое время надѣлало много шуму. Вотъ что разсказываетъ о немъ изслѣдователь рязанской старины А. Д. Повалишинъ [3]): «Не за-

---

[1]) Арх. губ. пр., 1859 г.

[2]) См. намекъ въ «Полн. собр. соч. Салтыкова», т. 8, стр. 328.

[3]) Статья его «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные» (Труды ряз. арх. ком., 1890 г., № 8, стр. 137).

долго до отмѣны крѣпостного права, отпускъ на волю послужилъ нѣкоторымъ помѣщикамъ средствомъ для покрытія предвидимыхъ ими уже отъ реформы потерь. Въ концѣ 1857 г. помѣщики Егорьевскаго и Захарьевскаго уѣздовъ: Аѳанасьевъ, Буковскій, Злобинъ, Улитинъ, Гадгерлондъ, Алабинъ, Мельгуновъ, Тимоѳеевъ, Веселкинъ и Брандъ, продали своихъ крестьянъ на фабрику бр. Хлудовыхъ въ Егорьевскѣ. Но такъ какъ по закону такая продажа не имѣла мѣста, ибо купцы не могли пріобрѣтать крѣпостныхъ людей, то была изобрѣтена слѣдующая форма: между управленіемъ фабрики и крестьянами заключены контракты по работѣ на фабрикѣ съ выдачею помѣщикамъ впередъ всѣхъ выкупныхъ денегъ, въ видѣ аванса по заработной платѣ, за что крестьяне и должны были отработать фабрикѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Затѣмъ, совершены были отпускныя, переданныя въ управленіе фабрики. Такимъ образомъ, формально свободные люди вновь очутились въ крѣпостной зависимости у бр. Хлудовыхъ». Однако, если признать намекъ Щедрина настоящему дѣлу соотвѣтствующимъ, дѣло раскрылось раньше, нежели на это разсчитывали. Объявлена была девятая народная перепись, и всѣ такъ называемые вольные немедленно обязаны были пріобрѣсти себѣ права состоянія и приписаться къ какому нибудь обществу. «Можно себѣ представить, — говоритъ Салтыковъ, — удивленіе закабаленнаго, когда фабричное начальство погнало ихъ приписываться къ мѣщанскому обществу города Z.

— «Мы не вольноотпущенные! — возопили они въ одинъ голосъ: — мы надняхъ сами будемъ свободны... съ землей! Не хотимъ въ мѣщане!—И вслѣдъ за тѣмъ нагрянули цѣлой толпой въ губернскій городъ съ жалобами на то, что наканунѣ освобожденія ихъ сдѣлали вольными помимо ихъ желанія. Началось слѣдствіе, и тутъ же раскрылось поползновеніе Чумазова (такъ называетъ Щедринъ фабриканта), въ то время только-что начинавшаго раскидывать сѣти на всю Россію». Повторяемъ, крайне жаль, что дѣло характерное и по времени, когда оно производилось, и по лицу, которое его вело, затерялось въ архивѣ. Вмѣсто него мы можемъ предложить другое не лишенное интереса дѣло «по жалобѣ ряжскаго купца Калашникова на командира Сибирскаго полка, полковника Зеланда, въ томъ, что послѣдній цѣлымъ рядомъ противозаконныхъ дѣяній нарушилъ права, какъ его Калашникова, такъ и матери просителя, ряжской домовладѣлицы». Велъ дѣло Салтыковъ, а суть его заключалась въ слѣдующемъ. Въ августѣ 1858 г. нѣкто купецъ Калашниковъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ (Ланскому) съ жалобой, въ которой объяснялъ, что поселившимся въ домѣ его матери, на основаніи дѣйствующихъ правилъ воинскаго постоя, командиромъ Сибирскаго гренадерскаго полка, полковникомъ Зеландомъ, были причинены ему съ

семействомъ различныя стѣсненія, какъ-то: самовольно помѣщена вмѣсто назначеннаго ряжской квартирной комиссіей «оберъ-офицерскаго постоя» швальня; введено на постой вмѣсто одного три офицера; въ комнатѣ, занимаемой просителемъ, произведенъ аукціонъ и разыграна лотерея; помѣщены въ той же комнатѣ музыканты, которые «въ раннее утреннее время» громомъ барабановъ и трубъ «перепугали больную мать его и семейство», наконецъ, что всего ужаснѣе, вопреки всякимъ правиламъ приличія, произведенъ публичный «въ сѣняхъ и даже на дворѣ» медицинскій осмотръ наружныхъ болѣзней нижнихъ чиновъ, которыхъ для этой цѣли раздѣвали донага, и т. д.

Министерство внутреннихъ дѣлъ жалобу эту препроводило рязанскому губернатору (въ то время Михаилу Карловичу Клингенбергу), прося, какъ водится, доставить ему «надлежащія свѣдѣнія и заключеніе». Но губернаторъ еще до полученія жалобы зналъ содержаніе ея отъ самого Зеланда, распорядившись поручить разслѣдованіе дѣла ряжскому городничему, майору Уланъ-Полянскому. Началась переписка. Полковникъ Зеландъ писалъ губернатору, что жалоба Калашникова несправедлива, что «ввѣренный ему полкъ во все время расквартированія своего въ г. Ряжскѣ какъ отъ всѣхъ служащихъ, такъ равно и отъ жителей, пользовался вниманіемъ и радушіемъ, за исключеніемъ купеческаго сына Калашникова, который не только склонялъ мать свою къ подачѣ на него, Зеланда, кляузнаго прошенія, но даже, какъ ему извѣстно по частнымъ слухамъ, возмущаетъ городскихъ жителей къ поданію разныхъ жалобъ». На все это полковникъ Зеландъ обращаетъ вниманіе губернатора и проситъ строжайше разслѣдовать дѣло. Съ своей стороны городничій поддерживалъ мнѣніе полковника Зеланда, утверждая, что «сама Калашникова находится съ давняго времени въ разслабленномъ положеніи», почему тяжбу лично начать не могла, а началъ ее Калашниковъ, имѣющій вообще «большую наклонность къ тяжбамъ». Впрочемъ, въ виду того что Калашниковъ подозрѣваетъ его въ единомысліи съ обвиняемыми, онъ не находитъ возможнымъ долѣе продолжать слѣдствіе. Послѣднее обстоятельство побудило губернское правленіе отослать дѣло «для дослѣдованія» чиновнику особыхъ порученій г. Лекторскому, о чемъ губернаторъ и сообщилъ министру. Тѣмъ временемъ Калашниковъ, наскучившись, вѣроятно, ждать разслѣдованія, подалъ вторичную жалобу министру, чиновнику же Лекторскому не давалъ объясненій по дѣлу, говоря, что «ждетъ чиновника отъ министра внутреннихъ дѣлъ». Въ Петербургѣ, повидимому, разсердились. 27-го декабря, за № 1856, Ланской увѣдомлялъ губернатора, что въ новой жалобѣ Калашникова усматривается, что «по огражденію упомянутыхъ имъ (раньше) стѣсненій до того времени не только не было принято никакихъ мѣръ, но, напротивъ, стѣсненія эти усилились до того, что хозяинъ со-

всѣмъ вытѣсненъ изъ своего дома. Кромѣ полковой библіотеки, назначенной къ нему, Калашникову, въ домъ по отводу квартирной комиссіи, полковой командиръ Зеландъ самовольно занялъ комнату для фехтованія эспадронами и рапирами, чѣмъ вынудилъ жену его, Калашникова, съ дѣтьми удалиться въ кухню. Затѣмъ командиръ также самовольно помѣстилъ въ домѣ римско-католическій костелъ; вновь дѣлалъ медицинскій осмотръ наружныхъ болѣзней нижнихъ чиновъ; многократно производилъ ученье солдатамъ маршировкѣ, ружейнымъ пріемамъ и вообще строевой службѣ. Въ концѣ концовъ самоуправство воинскихъ чиновъ достигло того, что одинъ офицеръ дозволилъ себѣ напасть на Калашникова въ его собственномъ домѣ и бить палкою и эспадрономъ, которымъ и нанесъ глубокую рану; прежде сего, ночью бросаемы были въ окна его дома камни». Къ сему проситель присовокупляетъ, что отъ описаннаго въ первомъ его прошеніи испуга жена его преждевременно разрѣшилась отъ бремени и находится въ опасномъ положеніи, а новорожденное дитя умерло.

«Посему, замѣчаетъ министръ, предварительно сношенія съ военнымъ министромъ объ удержаніи воинскихъ чиновъ отъ подобныхъ поступковъ, я предлагаю вамъ обратить особенное вниманіе на настоящее дѣло и безотлагательно распорядиться произведеніемъ строгаго и безпристрастнаго изслѣдованія по жалобамъ Калашникова, а между тѣмъ тотчасъ же принять мѣры къ огражденію просителя отъ дальнѣйшихъ стѣсненій, при чемъ всякая медленность или послабленіе остается на вашей отвѣтственности. Независимо отъ сего, по важности настоящаго дѣла, считаю нужнымъ поручить вамъ о положеніи его еженедѣльно доносить мнѣ». «Губернія» всполошилась. Тому же чиновнику особыхъ порученій Лекторскому поручено «произвесть при депутатахъ съ военной стороны» строжайшее слѣдствіе и «о немедленномъ окончаніи» донести губернскому правленію; «если же по какимъ либо обстоятельствамъ дѣло это немедленно, т. е. въ теченіе недѣли, окончено быть не можетъ, то доносить еженедѣльно правленію о препятствующихъ причинахъ окончанію того слѣдствія». Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано Лекторскому, въ случаѣ, «если хотя часть обвиненій, взводимыхъ Калашниковымъ, окажется справедливою», немедленно испросить разрѣшенія у губернскаго правленія «на производство слѣдствія надъ ряжскимъ городничимъ, допустившимъ подобнаго рода своеволія», а между тѣмъ «лично принять дѣйствительныя мѣры, чтобы со стороны воинскихъ чиновъ не было дѣлаемо никакихъ претѣсненій семейству Калашникова». Сначала слѣдствіе тормозилось немного. Квартирная комиссія и ряжскій городничій медлили доставленіемъ свѣдѣній, необходимыхъ Лекторскому, о чемъ тотъ рапортомъ доносилъ губернскому правленію, но правленіе предписало комиссіи и городничему немедленно удовлетворить требованія чиновника

особыхъ порученій, и колеса вновь заработали. Подробное разслѣдованіе дѣла заняло около 200 страницъ; выводы писалъ самъ Салтыковъ собственноручно. Вотъ они: 1) распоряженіе о помѣщеніи въ домѣ купчихи Калашниковой швальной безъ вѣдома мѣстной квартирной комиссіи въ противность 307 и 319 ст. уст. о з. пов. подтверждается увѣдомленіемъ самого Зеланда, который оправдывается тѣмъ, что это допущено по соглашенію съ Николаемъ Калашниковымъ, въ чемъ однако же сей послѣдній не сознается; 2) что 14-го іюля дѣйствительно была назначена г. Зеландомъ въ домъ Калашникова музыка для испытанія успѣховъ музыкантовъ при инспектированіи ихъ дивизіоннымъ капельмейстеромъ. Нѣсколько присяжныхъ показаній подтверждаютъ, что музыка началась очень рано утромъ, и хотя всѣ музыканты полка подъ присягою показали, что музыка начала играть въ 10 ч., но, по мнѣнію губернскаго правленія, музыканты, какъ лица, прикосновенныя къ дѣлу и вполнѣ подчиненныя полк. Зеланду, спрошены подъ присягою, вопреки отвода купца Калашникова, неправильно. Но если бы даже и несправедливъ былъ извѣтъ Калашникова относительно ранняго прихода музыкантовъ и происшедшаго отъ него перепуга его семейства, то это нисколько не можетъ оправдывать распоряженія г. Зеланда, ибо для школы музыкантовъ былъ отведенъ особый домъ, изъ котораго, вопреки упомянутыхъ выше статей закона, не представлялось никакого основанія выводить музыкантовъ, въ особенности же безъ согласія Калашниковой; 3) обстоятельство относительно преждевременнаго разрѣшенія отъ бремени купчихи Калашниковой вслѣдствіе недуга, послѣдовавшаго отъ внезапнаго прихода музыкантовъ, не подтвердилось, и по свидѣтельству мѣстныхъ врачей, требующему, впрочемъ, подтвержденія со стороны врачебной управы, это преждевременное разрѣшеніе произошло отъ вины самой Калашниковой, имѣвшей на нижней части живота вереда, которые вслѣдствіе раздраженія, причиненнаго излишнимъ употребленіемъ русской бани, вызвали рожу; 4) обстоятельство о производствѣ въ домѣ купчихи Калашниковой наружнаго осмотра солдатъ вполнѣ подтверждается, какъ присяжными показаніями самихъ солдатъ, такъ и сознаніемъ самого г. Зеланда. Изъ присяжныхъ свидѣтелей всѣ посторонніе люди показываютъ, что дѣйствительно видѣли нагихъ солдатъ во дворѣ дома, и что многіе изъ нихъ даже лазили въ этомъ видѣ черезъ заборъ. Солдаты же хотя и показали, что этого не было, и что они раздѣвались въ коридорѣ, но лица сіи, какъ прикосновенныя къ дѣлу, по мнѣнію губернскаго правленія, не могли быть спрошены подъ присягою, и слѣдовательно показанія ихъ лишены законной силы. Что же касается до объясненія полковника Зеланда, что означенный осмотръ допущенъ былъ въ домѣ Калашниковой потому, что до сего времени онъ производился въ ригахъ и сараяхъ, а 22 іюля былъ дождь, и нельзя было осматривать на открытомъ воздухѣ, то

объясненіе сіе, по мнѣнію губернскаго правленія, не можетъ быть признано уважительнымъ, ибо: а) если бы и въ самомъ дѣлѣ была настоятельная нужда производить осмотръ 22 іюля, и не представлялось возможности отложить его до другого дня, то г. Зеландъ могъ требовать отъ квартирной комиссіи особаго для сего помѣщенія, а не производить осмотръ самовольно въ домѣ, имѣющемъ другое назначеніе; б) доказательствомъ, что такое требованіе было совершенно удобоисполнимо, служитъ то, что когда г. Зеландомъ было написано въ квартирную комиссію объ отводѣ таковаго помѣщенія, то оно было немедленно отведено въ домѣ Никитина, и в) самая близость этого происшествія, по времени, съ случаемъ введенія въ домъ Калашниковой оркестра музыки, если не убѣждаетъ вполнѣ, то во всякомъ случаѣ навлекаетъ сомнѣніе въ томъ, что оба эти происшествія едва ли не имѣютъ между собой тѣсной связи; 5) хотя г. Розбергъ въ нанесеніи купцу Калашникову эспадрономъ раны и не сознался, но несомнѣнно однакожъ, что г. Розбергъ заходилъ въ комнату Калашникова, при чемъ имѣлъ въ рукахъ трость, которая потомъ неизвѣстно какъ оказалась въ рукахъ Калашникова, а г. Розбергъ взялъ эспадронъ, и рука Калашникова оказалась израненною, и 6) дѣйствія мѣстной полиціи во всемъ этомъ дѣлѣ были столь слабы, что при всей продолжительности изложенныхъ выше стѣсненій не было сдѣлано ею ни одного дѣйствительнаго распоряженія къ огражденію претендателей и не было донесено объ оныхъ г. начальнику губерніи до тѣхъ поръ, когда уже они сдѣлались совершенно явными. Затѣмъ, что касается прочихъ оглашеній, сдѣланнымъ Калашниковымъ при самомъ производствѣ слѣдствія, то они слѣдователемъ г. Лекторскимъ совершенно оставлены безъ вниманія, кромѣ нѣкотораго поверхностнаго обслѣдованія обстоятельства относительно квартиры самого г. Зеланда». Вслѣдствіе сего губернское правленіе, «прежде нежели дать дѣлу законный ходъ», полагало затребовать отъ г. Лекторскаго дополнительныя свѣдѣнія по обстоятельствамъ, изложеннымъ въ жалобѣ Калашникова, а равно вызвать къ объясненію и городничаго Уланъ-Полянскаго по обвиненіямъ, падающимъ на него. Въ числѣ же обвиненій есть такое, что «городничій не принялъ рапорта депутата квартирной комиссіи Фадѣева, доносившаго ему о претензіи Калашникова», а по жалобѣ послѣдняго «на нанесенную ему рану» не вошелъ въ личное разбирательство этого дѣла, но, «сославшись на то, что Калашниковъ будто бы былъ пьянъ (какъ будто бы обстоятельство это, хотя бы и могло быть доказано, лишало его права на защиту), послалъ въ домъ Калашниковой частнаго пристава» и т. д. Постановленіе губернскаго правленія сообщено было между прочимъ и министру врутреннихъ дѣлъ, но въ Петербургѣ были очевидно заинтересованы дѣломъ и не успокоились. 14 марта губернаторъ препровождалъ министру постановленіе

правленія, а уже 27 марта слѣдовалъ отвѣтъ Ланского, строго подтверждавшій ранѣе сказанное: «Не усматривая изъ сихъ отзывовъ (14 марта, 13 и 23 января), чтобы со стороны рязанскаго губернскаго начальства обращено было особенное вниманіе на скорѣйшее производство настоящаго дѣла, по важности его, я нахожусь вынужденнымъ вновь подтвердить вамъ о точномъ исполненіи предписанія 27 декабря 1858 г. за № 1856; независимо же отъ сего прошу васъ увѣдомить меня, какія приняты мѣры къ огражденію Калашникова отъ притѣсненій по воинскому постою». Клингенбергу было непріятно. Прежде всѣхъ досталось Лекторскому, которому объявленъ «выговоръ» съ занесеніемъ въ штрафную книгу и приказано «исключительно заняться дѣломъ купца Калашникова»; затѣмъ разгнѣванный министръ увѣдомленъ, что если по какимъ либо обстоятельствамъ дѣло это немедленно, т. е. въ теченіе 2 недѣль окончено быть не можетъ, то Лекторскому предписано доносить губернскому правленію еженедѣльно о причинахъ, препятствующихъ окончанію слѣдствія. Ко всему добавлено, что Лекторскому поручено «принять всѣ мѣры къ огражденію Калашникова отъ притѣсненій со стороны воинскихъ чиновъ», и наконецъ, что самъ виновникъ несчастія, полковникъ Зеландъ, съ полкомъ выступилъ изъ Ряжска въ Москву. Тѣмъ временемъ Лекторскій спѣшно заканчивалъ порученное ему слѣдствіе, результатъ котораго представилъ 1-го іюня. Слѣдствіе это много прибавило къ тому, что было разслѣдовано раньше, а именно: неправильный образъ дѣйствія квартирной комиссіи, безчинства офицеровъ и нижнихъ чиновъ Сибирскаго полка, голословныя обвиненія городничимъ Калашникова въ нетрезвомъ поведеніи, наконецъ бездѣйствіе самого городничаго во время совершенія всѣхъ этихъ поступковъ. Одно, впрочемъ, не подтвердилось: это утвержденіе Калашникова, что жена его родила отъ испуга, вызваннаго игрою военной музыки. Оказалось, по разслѣдованію ряжской врачебной управы, что жена Калашникова послѣ происшествія съ музыкой была здорова еще 4 мѣсяца, и что причиною преждевременныхъ родовъ нужно считать тифоидальную горячку и др. болѣзненныя осложненія. Постановленіе опять писалъ Салтыковъ. Не выписывая его дословно, такъ какъ въ немъ знаменитый сатирикъ не обнаруживаетъ никакой оригинальности, и строго придерживается формальной стороны дѣла, приведемъ лишь окончательное рѣшеніе правленія: 1) объ оказавшемся по дополнительному слѣдствію донести г. министру внутреннихъ дѣлъ, испрашивая разрѣшенія относительно дальнѣйшаго хода этого дѣла; 2) ряжскаго городничаго Уланъ-Полянскаго за совершенное бездѣйствіе власти предать суду рязанской уголовной палаты, для чего отослать въ оную формулярный о службѣ его списокъ и изложить подробно всѣ обстоятельства, до него, городничаго, относящіяся, и 3) депутатамъ ряжской квартирной комиссіи (слѣдуютъ фамиліи) за не-

правильныя дѣйствія къ отводу г. Зеланду квартиры сдѣлать выговоръ съ внесеніемъ въ штрафную книгу». Затѣмъ дѣло пошло своимъ обычнымъ ходомъ. Обвиненія, предъявленныя г. Зеланду, поступили на разсмотрѣніе его военнаго начальства, и неизвѣстно, оправдался ли полковникъ или нѣтъ (свѣдѣній объ этомъ въ дѣлѣ не находится); рѣшеніе же по дѣлу бывшаго городничаго послѣдовало 19 мая 1861 г., но уже не застало майора въ живыхъ: онъ умеръ до объявленія приговора. Тѣмъ не менѣе вдовѣ ею было сообщено, что судъ, разсмотрѣвъ дѣло ея мужа, настаивалъ сдѣлать ему замѣчаніе.

Въ Рязани Салтыковъ жилъ очень скромно, занимая особнякъ на углу Астраханской и Александровской улицы въ нынѣшнемъ домѣ Морозова. Поглощенный служебными дѣлами, онъ имѣлъ очень ограниченный кругъ знакомыхъ, среди которыхъ семья его собрата по перу Н. Д. Хвощинскій-Заіончковской занимала первое мѣсто. Изъ ея переписки съ М. Е. мы, однако, собственно о рязанской жизни узнаемъ крайне мало, да и то самое характерное относится къ вторичному пребыванію его въ Рязани, о которомъ будетъ сказано послѣ. Какъ начальникъ, М. Е. былъ по общимъ отзывамъ очень строгій, хотя подъ суровой внѣшностью и билось очень доброе и отзывчивое сердце. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай подольше остановиться на отношеніяхъ его къ низшимъ служащимъ, теперь же не лишнее замѣтить, что гуманность относительно «маленькихъ» составляла едва ли не самую выдающуюся черту его служебной дѣятельности. Насколько попадало старшимъ, не исключая иногда даже совѣтниковъ губернскаго правленія [1]), настолько «мелкота» находила всегда отзвукъ въ его душѣ, гордой и свободолюбивой, не мирившейся съ мракомъ невѣжества окружающаго, но изгонявшей этотъ мракъ не палкой дядьки фельдфебеля, а страстной филиппикой учителя-гуманиста. «Бывало придетъ М. Е. въ губернское правленіе,—разсказывалъ намъ бывшій его сослуживецъ г. Бѣлкинъ,—еще изъ передней слышится его кашель,—пройдетъ по канцеляріи такой суровый, мрачный,—кажется, гроза пронеслась,—а ничего, не стоитъ обращать вниманіе, это съ виду, въ сущности же самый благодушный человѣкъ. А что вотъ насчетъ дѣла, то строгъ! Подавай ему все сразу, не ройся кругомъ, а главное знай, что докладываешь. Тоже безграмотность не терпѣлъ. Какъ увидитъ ошибки, перечеркнетъ всю бумагу и обратно, а то самъ напишетъ. Память у него была огромная, кажется, все помнилъ, даже что случилось много до него.

---

[1]) По словамъ покойнаго А. М. Варницкаго, бывшаго въ 1858—1859 гг. непремѣннымъ членомъ нынѣ упраздненнаго приказа общественнаго призрѣнія, Салтыковъ, будучи вице-губернаторомъ, велъ сильную борьбу съ чиновниками губернскаго правленія и особенно съ нѣкіимъ совѣтникомъ онаго, относительно взяточничества (слышано отъ Н. Лаппо).

И сообразительность какая! Вспомнится, возьметъ онъ этакъ бумагу прямо съ почты (разсказчикъ взялъ бумагу со стола), пробѣжитъ ее этакимъ манеромъ (разсказчикъ медленно провелъ бумагой сверху внизъ), и готово: сейчасъ резолюція. И никогда ошибки. Удивительный былъ человѣкъ!». 3 апрѣля 1860 г. Салтыковъ былъ переведенъ вице-губернаторомъ въ Тверь. Перемѣну эту по службѣ многіе объясняютъ разными причинами, связывая ее обыкновенно съ назначеніемъ въ Рязань губернаторомъ вмѣсто Клингенберга Н. Н. Муравьева, брата Виленскаго[1]). Муравьевъ былъ нрава крутого, типичный представитель администраторовъ «добраго стараго времени», не терпѣвшій противорѣчія своимъ основнымъ взглядамъ, съ которыми Салтыковъ, судя по отзывамъ, часто расходился принципіально. Говорятъ, что въ концѣ концовъ онъ такъ и объявилъ ему, что «два медвѣдя въ одной берлогѣ жить не могутъ», а потому просилъ о переводѣ въ другую губернію, и что послѣдній былъ данъ ему по хлопотамъ самого Муравьева, который это получилъ въ видѣ награды къ пасхальнымъ праздникамъ. Какъ бы то ни было, но съ весны 1860 г. Рязань лишается Салтыкова на цѣлыя семь лѣтъ, вплоть до октября 1867 г. За семь лѣтъ М. Е. успѣлъ около двухъ лѣтъ прослужить въ Твери[2]), два года пробыть въ отставкѣ[3]) и въ ноябрѣ 1864 г. вновь вернуться на службу, но уже не по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ служилъ раньше, а по министерству финансовъ, которое назначило его сначала предсѣдателемъ пензенской казенной палаты, затѣмъ 11 ноября 1866 г. перевело на ту же должность въ Тулу и наконецъ въ октябрѣ 1867 г. въ Рязань. Очень вѣроятно, что попытка наша ознакомиться съ дѣятельностью Салтыкова въ рязанскихъ учрежденіяхъ подвинетъ изслѣдователей: тверской, пензенской и тульской старины совершить подобныя же экскурсіи въ свои архивы, какъ мы сдѣлали въ наши, и тогда, дастъ Богъ, Салтыковъ-чиновникъ будетъ изображенъ въ цѣльномъ видѣ. Покамѣстъ хотя отчасти облегчаю задачу гг. тульскихъ изслѣдователей, передавъ имъ, со словъ г. Лаппо, нѣкоторые эпизоды изъ жизни М. Е. въ Тулѣ. «Сколько помню, пишетъ намъ г. Лаппо[4]), во второй половинѣ 1866 г. стали часто поступать въ тульскую казенную палату предложенія губернатора и донесенія нѣкоторыхъ уѣздныхъ исправниковъ о нетождественности недоимокъ по неокладнымъ сборамъ съ сельскихъ обществъ съ свѣдѣніями полицейскихъ управленій, основанными на счетахъ сельскихъ управленій.

---

[1]) Новый губернаторъ вступилъ въ должность 30 сентября 1859 г. (Архивъ, № 636).

[2]) Онъ назначенъ 3 апрѣля 1860 г., вступилъ въ должность 25 іюня того же года, вышелъ въ отставку 9 февраля 1862 г.

[3]) По 6 ноября 1864 г.

[4]) Онъ служилъ начальникомъ отдѣленія въ тульской казенной палатѣ.

Такихъ бумагъ набралось довольно значительное количество. Пришлось разбирать путаницу на мѣстахъ черезъ чиновниковъ особыхъ порученій. Дѣло было сложное и требовало времени. Къ пріѣзду Салтыкова работы нѣсколько подвинулись впередъ, но Шидловскій (губернаторъ) настаивалъ скорѣе покончить разборъ недоимокъ, о чемъ сказалъ Салтыкову при первомъ свиданіи съ нимъ въ концѣ декабря 1866 года. Салтыковъ немедленно потребовалъ къ себѣ всѣ донесенія чиновниковъ особыхъ порученій вмѣстѣ съ докладами палаты, которыми разсмотрѣны были нѣкоторыя изъ сихъ донесеній. Ему подали все, что было налицо, нѣкоторыя же донесенія чиновниковъ особыхъ порученій находились у губернатора, по требованію его, для сличенія ихъ съ полученными имъ рапортами исправниковъ. Дня черезъ два или три Салтыковъ принесъ въ палату прочитанныя имъ бумаги; по тѣмъ изъ нихъ, которыя еще не были разсмотрѣны, самъ написалъ распоряженія объ исправленіи ошибокъ и затѣмъ слѣдилъ за исправленіемъ ихъ по книгамъ казначействъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ остался недоволенъ, что донесенія чиновниковъ особыхъ порученій доставляются губернатору, говоря, что разбирать, или, по выраженію его, «выпирать», всю путаницу лежитъ на обязанности палаты, о чемъ и сказалъ Шидловскому. Мѣсяца черезъ два или три весь разборъ недоимокъ былъ конченъ, но за это время неоднократно были посылаемы губернаторомъ жалобы министру финансовъ на допускаемую будто бы палатою медленность, такъ что иногда приходилось въ одинъ и тотъ же день отвѣчать по тремъ или четыремъ жалобамъ губернатора. Писалъ всѣ эти объясненія самъ М. Е., изрѣдка за недосугомъ поручая составленіе ихъ кому либо другому. Вообще это время было самое тревожное и для Салтыкова, и для близкихъ ему лицъ, больше изъ-за личностей, а не изъ-за дѣла. Такъ продолжалось до перевода М. Е. въ Рязань, въ октябрѣ 1867 г.; съ отъѣздомъ его все умолкло, и палата вдругъ сдѣлалась исправной по отзыву Шидловскаго. Это я хорошо помню, ибо почти мѣсяцъ послѣ Салтыкова прослужилъ въ Тулѣ, при преемникѣ его Щепкинѣ». Такимъ образомъ тѣ же самые мотивы, что и въ Рязани, были причиною его ухода изъ Тулы: нелады съ губернаторомъ. Отъѣздъ Салтыкова изъ Тулы былъ искренно оплаканъ его сослуживцами. «Частыя, почти ежедневныя служебныя сношенія съ М. Е., говоритъ г. Лаппо, оставили во мнѣ воспоминаніе о немъ, какъ о человѣкѣ серіозной мысли и труда, неподкупной честности, быстро обнимавшемъ всякое дѣло и умѣвшемъ въ сжатой формѣ правильнымъ языкомъ изложить сущность его; но онъ бывалъ угрюмъ, рѣзокъ, раздражителенъ, иногда не сдержанъ въ выраженіяхъ, когда бумаги подавались небрежно и неграмотно составленными, иногда приходилось ему имѣть дѣло съ грязными личностями, вообще въ сихъ случаяхъ какая либо любезность отсутствовала, или, по его мѣткому

выраженію, «не составляла его спеціальности», отчего онъ имѣлъ много враговъ тайныхъ и явныхъ въ разныхъ сферахъ, больше къ высшемъ кругу, на что, впрочемъ, мало обращалъ вниманія». Работникъ онъ былъ недюжинный, это мы не разъ уже доказывали. «Работалъ М. Е. много и чрезвычайно быстро, вникая во всѣ отрасли управленія; каждую бумагу читалъ отъ начала до конца [1]); если при чтеніи доклада, изъ числа большого количества ихъ, подаваемаго ежедневно, онъ встрѣчалъ какое либо сомнѣніе, то писалъ на поляхъ свою традиціонную замѣтку: «къ объясненію»; если объясненіе удовлетворяло его, то утверждалъ докладъ, или писалъ: «въ журналъ», для подписи перебѣленнаго доклада всѣми членами присутствія; если же объясненіе было неудовлетворительно, то онъ высказывалъ свое заключеніе, какъ нужно составить бумагу, а иногда и самъ писалъ. Заключенія его всегда были основательны, такъ что принимались безъ возраженія. Мало того, при обзорѣ разныхъ отчетныхъ вѣдомостей, умѣлъ какимъ-то чутьемъ, прежде прокладки, находить невѣрность итоговъ. Бывало читаетъ цифры и вдругъ говоритъ: «а тутъ что нибудь да не такъ». Прокладываютъ цифры, и дѣйствительно оказывается ошибка». И такъ Салтыковъ вернулся въ Рязань послѣ семилѣтняго отсутствія. Что же онъ въ ней дѣлаетъ? Вопросъ этотъ наивный по отношенію къ другому лицу?—что въ самомъ дѣлѣ можетъ сдѣлать человѣкъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ,—по отношенію къ Щедрину не кажется ничуть страннымъ. Съ обычной своей энергіей взялся онъ за дѣло, и по выраженію очевидцевъ «все вдругъ закипѣло». Однако, прежде чѣмъ заняться службой, пришлось ему позаботиться... о жильѣ, т. е. о квартирѣ. Любопытная исторія эта занимаетъ всего три страницы офиціальной переписки, и читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ, если мы на минуту остановимъ на ней его вниманіе. Дѣло въ томъ, что по закону управляющему рязанскою казенною палатою при казенной квартирѣ не полагалось вовсе суммъ на отопленіе, ремонтъ построекъ, содержаніе въ чистотѣ двора и пр. Салтыковъ, пріѣхавъ, не могъ помириться съ такимъ положеніемъ, лично составилъ бумагу въ министерство и послалъ ее въ Петербургъ. Вотъ ея содержаніе: «По званію управляющаго тульской казенною палатою, писалъ онъ 16-го ноября 1867 г., я получалъ квартирныя деньги въ размѣрѣ 850 р. въ годъ, и этой суммы мнѣ было достаточно, какъ для найма квартиры, такъ и для отопленія ея. Съ переводомъ на соотвѣтствующую должность въ Рязань, я, вмѣсто квартирныхъ денегъ, пользуюсь казенной квартирой, или, лучше сказать, весьма обширнымъ казеннымъ домомъ, при чемъ не присвоено никакихъ суммъ ни на отопленіе его, ни на содержаніе въ чистотѣ двора и пр. Судя по дороговизнѣ въ

[1]) Сравни съ предыдущимъ.

Рязани дровъ, издержки на этотъ предметъ, а равно и на другіе мелочные на содержаніе дома расходы, могутъ простираться до 500 р. въ годъ, каковая сумма и должна лечь довольно чувствительнымъ вычетомъ на получаемое мною по должности содержаніе (2400 р. въ годъ). Доносся о семъ вашему превосходительству, имѣю честь испрашивать, не изволите ли признать возможнымъ ассигновать въ распоряженіе мое или рязанской казенной палаты необходимую сумму, какъ на отопленіе занимаемаго мною казеннаго дома, такъ и на мелочные по содержанію его расходы». На это представленіе департаментъ государственныхъ имуществъ отвѣчалъ слѣдующее [1]: «Вслѣдствіе ходатайства вашего превосходительства, о назначеніи особой суммы на отопленіе занимаемаго вами казеннаго дома, департаментъ государственнаго казначейства поручаетъ вамъ сообщить сему департаменту, въ возможной скорости, свѣдѣнія о томъ, изъ какого именно источника производился таковой расходъ до настоящаго времени». Судя по отвѣту, данному департаменту тутъ же на поляхъ бумаги, видно, что Салтыковъ разсердился. Вотъ его отвѣтъ: «на предложеніе отъ 14-го февраля настоящаго года донести, что расходъ на отопленіе дома, занимаемаго управляющимъ рязанскою казенною палатою, производился и производится до сего времени на счетъ собственныхъ средствъ управляющаго» [2]). Тѣмъ дѣло и кончилось. Салтыкова вскорѣ перевели, а преемникъ его не возбуждалъ болѣе такого вопроса. Резолюція отъ 19-го ноября 1869 г. гласитъ, что дѣло это, «какъ не требующее болѣе производства, изъ числа текущихъ исключить» [3]). «Въ Рязани, однако, М. Е. было гораздо спокойнѣе,— сообщаетъ тотъ же г. Лаппо, послѣдовавшій за нимъ изъ Тулы,— его озабочивалъ здѣсь разборъ неокладныхъ недоимокъ на счетъ могущихъ быть виновныхъ, т. е. суммъ, выданныхъ разнымъ чиновникамъ на уплату прогоновъ и суточное содержаніе съ тѣмъ, что лица, оказавшіяся виновными по суду, или наказанныя административнымъ порядкомъ, обязаны уплатить издержки казны. Такихъ отдѣльныхъ статей набралось съ давняго времени громадное количество, а переписокъ о нихъ съ судебными мѣстами, равно и съ

---

[1]) Отношеніе за № 3138 отъ 14 февраля 1868 г.

[2]) Исполнено 19 февраля 1868 г., № 29.

[3]) Можетъ быть, въ связи съ этимъ обстоятельствомъ нужно поставить вообще стѣсненное положеніе Салтыкова въ денежномъ отношеніи. Отъ перваго пребыванія его въ Рязани остались за нимъ кое-какіе долги, повидимому, образовавшіеся отъ поручительства за кого нибудь. По крайней мѣрѣ, изъ переписки тульской и рязанской казенныхъ палатъ усматривается, что «въ удовлетвореніе претензіи подполковника Александра Александрова Ляпунова съ поручика Петра Ѳедорова Измайлова по заемному письму», съ д. с. с. Михаила Евграфовича Салтыкова причитается «распоряженіемъ правительствующаго сената» 212 р. 5 к., въ пополненіе коихъ удержано до сихъ поръ 108 руб. 89 коп., остается получить 103 р. 16 к.

административными не было, а если и были переписки, то въ какомъ-то хаотическомъ состоянiи. Кромѣ того, было большое количество статей тоже давняго времени, такъ называемыхъ не разъясненныхъ суммъ, записанныхъ въ депозитъ казенной палаты, слѣдовательно нужно было по каждой статьѣ вести переписку для разъясненiя вопроса, къ какому роду доходовъ казны или комитета призрѣнiя заслуженныхъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства подлежатъ эти капиталы, или наконецъ они должны были быть выданы частнымъ лицамъ». Г. Лаппо добавляетъ, что разборъ всего этого начался при дѣятельномъ участiи Салтыкова, но такъ какъ онъ былъ въ Рязани недолго, до iюня 1868 г., а дѣло было во всякомъ случаѣ сложное по количеству, а иногда, собственно по депозитамъ, и по качеству, то оно кончено много спустя послѣ него, при премникѣ М. Е., И. Д. Фефеловѣ. Къ сожалѣнiю, это былъ всегдашнiй, повидимому, удѣлъ Салтыкова, какъ случайнаго гостя служебныхъ учрежденiй: распутать, разъяснить, помочь, а затѣмъ уйти, предоставивъ другимъ вѣнчать дѣло. Передъ нами исторiя о пропажѣ денегъ въ михайловскомъ казначействѣ. Суть этого дѣла заключалась въ слѣдующемъ. Въ 1867 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до назначенiя Салтыкова управляющимъ рязанской казенной палатой, хранившiйся въ михайловскомъ казначействѣ денежный ящикъ резервнаго экадрона 2-го лейбъ-уланскаго его величества полка «неизвѣстно гдѣ пропалъ» и, что всего страннѣе, обнаружилъ пропажу самъ казначей со своими служащими. Началось слѣдствiе; собственно прямыхъ уликъ не было ни противъ кого. Подозрѣвался канцелярскiй чиновникъ Соколовъ, казначей Кротковъ, бухгалтеръ Ковреинъ, но подозрѣнiя эти, основывавшiяся большею частью на частныхъ слухахъ и показанiяхъ свидѣтелей и самихъ обвиненныхъ, часто противорѣчивыхъ, скорѣе запутывали слѣдствiе, нежели помогали ему. Не лишено интереса и участiе въ немъ Салтыкова. Онъ засталъ слѣдствiе почти заключеннымъ, подводившимъ, такъ сказать, итоги. Слѣдуетъ замѣтить, что съ момента возникновенiя въ судебныхъ мѣстахъ подозрѣнiя, лица, замѣшанныя въ дѣлѣ, были немедленно отстранены отъ должности. Въ числѣ первыхъ попалъ Соколовъ. Возникъ вопросъ объ аттестатахъ уволеннымъ. Михайловское уѣздное казначейство не встрѣчало препятствiй въ выдачѣ Соколову аттестата и сообщило объ этомъ палатѣ. Здѣсь случилось недоразумѣнiе, характерное для Салтыкова. Отзывъ казначейства представили ему одновременно съ проектомъ аттестата Соколову, при чемъ мотивъ увольненiя объясняли такъ: «уволенъ вслѣдствiе отношенiя г. судебнаго слѣдователя». Разсердился М. Е. и крупнымъ почеркомъ своимъ написалъ онъ поперекъ бумаги: «Когда уволенъ и какимъ образомъ? Зачѣмъ пишете аттестатъ, когда я еще не утверждалъ черноваго? Совсѣмъ не вслѣдствiе отношенiя судебнаго слѣдователя уволенъ». И, испра-

вивъ неточность, собственноручно надписалъ: «безъ прошенія» [1]). Вообще дѣло, повидимому, его сильно интересовало, хотя съ другой стороны медленность и ошибки слѣдствія, тщетно плутавшаго въ потемкахъ, его раздражали и возмущали. Это замѣтно въ предписаніи михайловскому казначею отъ 25 ноября 1867 года. Вотъ что писалъ М. Е. собственноручно: «Имѣя въ виду, что въ настоящее время производится въ Михайловѣ слѣдствіе о пропажѣ въ ввѣренномъ вамъ нынѣ казначействѣ [2]) казеннаго ящика съ деньгами, принадлежащими резервному эскадрону лейбъ-уланскаго Курляндскаго его величества полка, и что результаты этого слѣдствія доселѣ были весьма неудовлетворительны, предписываю вашему высокородію оказывать всевозможное содѣйствіе къ раскрытію сего дѣла, и буде вамъ сдѣлаются извѣстными какія либо обстоятельства, относящіяся до онаго, то немедленно доводить о томъ до свѣдѣнія, какъ судебнаго слѣдователя, производящаго слѣдствіе, такъ и казенной палаты. При чемъ не оставьте внушить и подвѣдомственнымъ вамъ чиновникамъ всемѣрно стараться объ открытіи виновныхъ, предваривъ ихъ, что такъ какъ похищеніе было совершено почти явно, то я съ своей стороны долженъ буду въ случаѣ дальнѣйшаго нераскрытія этого дѣла принять мѣры, чтобы подобные случаи не повторялись, и чтобы составъ канцеляріи казначейства былъ болѣе осмотрительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю вамъ донести, находите ли вы подъ личною вашею отвѣтственностью возможнымъ оставить на службѣ помощника бухгалтера Ѳедорова и двоихъ присяжныхъ Емельяна Егорова и Филиппа Иванова, служившихъ въ казначействѣ во время нахожденія ящика». Казначей отвѣчалъ коротко, что оставить названныхъ лицъ на службѣ казначейства онъ находитъ вполнѣ возможнымъ. Вопросъ этотъ былъ вполнѣ своевременъ, такъ какъ прошло не болѣе 1½ мѣсяца, какъ судебный слѣдователь офиціальной бумагой просилъ казенную палату уволить названныхъ Егорова и Иванова, «дежурившихъ» въ день совершенія преступленія и такимъ образомъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ. Салтыковъ, недавно столь грозный, теперь заступился за «маленькихъ» и въ пространной бумагѣ товарищу прокурора излагалъ свое мнѣніе. Вотъ что писалъ онъ (собственноручно) 16 января 1868 года: «Изъ присланнаго вашимъ высокородіемъ отношенія судебнаго слѣдоватемя Пронскаго у., г. Климова, отъ 13 января за № 26 видно, что г. Климовъ находитъ полезнымъ увольненіе отъ должности присяжныхъ михайловскаго уѣзднаго казначейства Ульяна Степанова Егорова и Филиппа Иванова по тѣмъ соображеніямъ, что они были дежурными въ казначействѣ 20 мая, то-есть въ тотъ день, когда похищенъ былъ денежный ящикъ, принадлежащій 2-му эскадрону уланскаго

[1]) Дѣло арх. каз. палаты, № 169, 1867 г.
[2]) Уволеннаго Кроткова смѣнилъ нѣкій Ивановъ.

Курляндскаго полка. Разсматривая обстоятельства этого дѣла, казенная палата съ своей стороны находитъ: 1) что производившій дѣло о похищеніи этого ящика судебный слѣдователь г. Погодинъ ни разу не требовалъ увольненія означенныхъ двоихъ присяжныхъ. Напротивъ того, по его требованію, были удалены совсѣмъ другіе два присяжныхъ, а именно Иванъ Степановъ и Вуколъ Плаксинъ, не бывшіе въ тотъ день дежурными въ казначействѣ. Вслѣдствіе того же судебный слѣдователь.... увѣдомилъ палату, что онъ не находитъ препятствій къ опредѣленію вновь на должность присяжныхъ означенныхъ Степанова и Плаксина, но палата уже не имѣла возможности это исполнить, потому что на мѣсто ихъ были приняты въ казначейство другіе присяжные; 2) со времени похищенія ящика изъ михайловскаго казначейства прошло уже болѣе 8 мѣсяцевъ, такъ что является сомнѣніе въ полезности удаленія Егорова и Иванова для успѣха дѣла; 3) (слѣдуетъ ссылка на запросъ михайловскаго казначея относительно Егорова и Иванова и отвѣтъ его управляющему), и 4) устраненіе присяжныхъ уѣзднаго казначейства отъ должности на время закономъ не допускается, а увольненіе ихъ влечетъ за собой большой для увольняемыхъ ущербъ, такъ какъ присяжные получаютъ черезъ каждыя 5 лѣтъ добавочное содержаніе, котораго они въ случаѣ принятія вновь на службу должны лишиться; такимъ образомъ и уволенные по требованію судебнаго слѣдователя Погодина Степановъ и Плаксинъ могутъ быть приняты вновь на службу уже безъ сохраненія того добавочнаго оклада, который они получали. Принимая все это въ соображеніе, казенная палата имѣетъ честь покорнѣйше просить ваше высокородіе снестись съ г. судебнымъ слѣдователемъ Климовымъ, дѣйствительно ли признается нужнымъ для пользы дѣла удаленіе присяжныхъ Егорова и Иванова, при чемъ присовокупляетъ, что ежели эта мѣра совершенно необходима, то г. Климовъ можетъ снестись о томъ съ г. михайловскимъ уѣзднымъ казначеемъ, которому дано по сему предмету предписаніе». Но, вѣроятно, мѣра была признана прокурорскимъ надзоромъ «для пользы дѣла» не обязательной, такъ какъ дѣло этимъ и закончилось. Въ заключеніе скажемъ, что слѣдствіе, продолжавшееся чуть ли не до 1870-хъ годовъ, окончилось преданіемъ Соколова, Кроткова и Ковреина суду, который всѣхъ ихъ оправдалъ. Но это было уже очень долго спустя послѣ отъѣзда Салтыкова изъ Рязани. Нельзя также обойти молчаніемъ случай съ помощникомъ бухгалтера скопинскаго уѣзднаго казначейства Кедровымъ [1]).

Кедровъ усиленно манкировалъ службой, большею частью послѣ получки мѣсячнаго жалованья. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ его поведеніе скопинскій казначей, хотя слѣдуетъ замѣтить, что рапорты послѣдняго (а писалъ онъ ихъ много) кажутся читателю

[1]) Дѣло № 141, 1868 г.

довольно пристрастными, да и вообще все дѣло отзывается личностями. Тѣмъ не менѣе, когда казначей офиціально жаловался на своего подчиненнаго, нельзя было пропустить этотъ фактъ безъ вниманія. И вотъ губернское начальство требуетъ отъ Кедрова объясненій по дѣлу. Кедровъ оправдывается: онъ работаетъ, трудится на пользу отечества, а начальство «къ большому его сожалѣнію» не относится къ нему какъ слѣдуетъ и за что-то преслѣдуетъ его. Въ заключеніе онъ проситъ, какъ милости, перевести его въ другое казначейство. Объясненія сопровождаются бумагой самого казначея, еще разъ подтверждающаго сущность всѣхъ обвиненій, взводимыхъ на помощника бухгалтера. Характерна собственноручная резолюція Салтыкова скопинскому уѣздному казначею: «По разсмотрѣніи рапорта за № 866 я могу повторить только то, что уже было высказано мною при внезапной ревизіи въ семъ мѣсяцѣ суммъ и счетоводства скопинскаго уѣзднаго казначейства, т.-е. внушить г. Кедрову, что ежели съ нимъ будутъ періодически послѣ каждаго полученія жалованья возобновляться болѣзненные припадки, то онъ будетъ уволенъ отъ должности». Но Кедровъ, по словамъ скопинскаго казначея, продолжалъ себя вести, какъ раньше, даже хуже прежняго. Онъ почти вовсе пересталъ ходить въ казначейство. Дѣло вновь поступило на разсмотрѣніе М. Е. Изъ переписки видно, что существовало два рѣшенія этого вопроса. Одно рѣшеніе останавливалось на причисленіи Кедрова къ палатѣ въ качествѣ канцелярскаго чиновника, другое поступало радикальнѣе, т.-е. увольняло его вовсе отъ службы. Съ боку на поляхъ бумаги кто-то написалъ карандашомъ: «Михаилъ Евграфовичъ, обстоятельство это предоставляется вашему усмотрѣнію». Предпочли второе рѣшеніе. Между тѣмъ Кедровъ вошелъ съ рапортомъ, въ коемъ просилъ перевести его на мѣсто пронскаго помощника бухгалтера, который на это перемѣщеніе изъявляетъ свое согласіе. Дѣло вновь измѣнилось: отставку пріостановили, а вмѣсто того написали въ Пронскъ о желаніи Кедрова обмѣняться мѣстомъ съ другимъ чиновникомъ. Отвѣтъ получился неожиданный: «если прежній чиновникъ и изъявлялъ раньше согласіе обмѣняться мѣстами съ Кедровымъ, то теперь онъ раздумалъ, да и самъ пронскій казначей обмѣна этого не желаетъ». Увѣдомляя объ этомъ скопинское казначейство, рязанская палата предоставляла Кедрову искать себѣ мѣсто въ другомъ казначействѣ, «заявивъ объ этомъ палатѣ въ самомъ непродолжительномъ времени». Любопытнѣе всего, что въ концѣ-концовъ всѣ остались на своихъ мѣстахъ. Помирился ли скопинскій казначей съ помощникомъ бухгалтера, или самъ помощникъ сталъ смирнѣе, но старожилы мнѣ разсказывали, что Кедровъ еще долго служилъ въ той же самой должности, нажилъ нѣсколько домовъ и послѣ смерти оставилъ наслѣдникамъ хорошее состояніе. О гуманности же Салтыкова онъ всегда вспоминалъ съ благоговѣніемъ...

Всѣмъ изложеннымъ исчерпывается пока все, что намъ извѣстно существеннаго о пребываніи М. Е. Салтыкова-Щедрина въ Рязани. Говорю—«существеннаго», такъ какъ попадающаяся въ массѣ разнообразная переписка его по текущимъ дѣламъ палаты и губернскаго правленія мало въ чемъ дополняетъ сказанное. Попадаются ли, напримѣръ, его циркуляры волостнымъ правленіямъ о содѣйствіи казенной палатѣ въ дѣлѣ наблюденія за правильностію торговли въ районѣ подвѣдомственныхъ имъ властей (см. прил. II), раньше, повидимому, изданныхъ для Пензенской и Тульской губерній, или разсматривается вопросъ, возбужденный однимъ изъ уѣздныхъ казначействъ, должны ли свидѣтельства на право торговли быть обложены 10% земскимъ сборомъ, — личность Салтыкова въ нихъ мало участвуетъ, по крайней мѣрѣ, не представляетъ ничего характернаго. Какъ сказали мы въ началѣ нашей статьи, онъ покидаетъ Рязань и службу, вообще, въ іюнѣ 1868 года. Рязань оставляетъ въ немъ пріятныя воспоминанія, хотя бы въ смыслѣ здоровья, которымъ онъ тамъ пользовался. «Я чуть живъ, — пишетъ онъ своему другу Н. Д. Хвощинской восемь лѣтъ спустя, въ октябрѣ 1876 г.,—послѣ погрома, нанесеннаго моему здоровью въ прошломъ году. Въ первый разъ въ жизни ощущаю полную апатію къ писательству. Поневолѣ вспомнишь Рязань, гдѣ всѣ уступки, дѣлаемыя разнымъ болѣзнямъ, заключаются въ томъ, что человѣкъ съ водки переходитъ на бургонское». Нѣсколько раньше онъ останавливается на бытовой сторонѣ рязанской жизни, поскольку эта жизнь отразилась въ литературной дѣятельности и Хвощинской. «Считаю нелишнимъ,—писалъ онъ 28 марта т. г.,—сообщить вамъ слѣдующіе факты: былъ въ Рязани нѣкто С. губернаторомъ [1]... Повидимому, вы коснулись его въ одномъ изъ вашихъ произведеній, а что касается меня, то я написалъ «Старую Помпадуршу», въ которой онъ не безъ основанія усмотрѣлъ m-me Б. Вотъ онъ и пишетъ теперь на васъ и на меня доносы, а васъ спеціально обвиняетъ въ томъ, что вы въ «Бѣгломъ» потрясаете семейственный союзъ. Когда я жилъ въ Рязани, то велъ себя рѣшительно, какъ разиня. Никакихъ фактовъ не собиралъ, а ежели что и зналъ, то перезабылъ. Не лишнее было бы разузнать: а) какимъ образомъ установилась связь С-ва съ П-вымъ, и б) таковая же связь съ Рыковымъ. Ежели есть и другіе факты изъ дѣятельности этого господина, тоже не мѣшаетъ привести въ извѣстность... Напишите, возможно ли выполненіе этой просьбы, и насколько». Неизвѣстно, какъ отнеслась къ этой просьбѣ Хвощинская; просьбу же свою Салтыковъ больше не возобновлялъ.

Баронъ Н. В. Дризенъ.

[1]) Стремоуховъ.

ДВА СЕНАТОРА.

(Изъ бумагъ Н. П. Синельникова).

ВЪ ОКТЯБРѢ 1899 года, скончался одинъ изъ замѣчательныхъ, хотя и мало извѣстныхъ, государственныхъ русскихъ дѣятелей, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Аѳанасій Николаевичъ Сомовъ. Онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, семидесятипяти лѣтъ отъ роду. Мнѣ приходилось съ нимъ неоднократно встрѣчаться у Николая Петровича Синельникова, жизнь котораго одно время была тѣсно связана съ судьбою покойнаго Сомова. Вотъ объ этой-то совмѣстной дѣятельности обоихъ сенаторовъ, рисующей ихъ, какъ свѣтлыхъ, общественныхъ борцовъ, мнѣ и хотѣлось бы теперь поговорить. Эпоха, когда они встрѣтились другъ съ другомъ, есть та историческая эпоха, когда русское общество начинало духовно волноваться въ ожиданіи грядущихъ реформъ. То были годы между коронаціей императора Александра Второго и великимъ днемъ освобожденія крестьянства. Знаменитый рескриптъ государя виленскому генералъ-губернатору Назимову объ улучшеніи быта крѣпостныхъ сѣверо-западныхъ губерній уже облетѣлъ Россію и раздѣлилъ ее рѣзко на двѣ стороны. Сразу опредѣлились среди дворянства партіи: защитниковъ освобожденія и ярыхъ ихъ противниковъ. Къ первой присоединились люди молодого и средняго возраста, увлеченные идеями запада, и даровитая старость, воспитанная на благородныхъ началахъ романтизма и народности. Ко второй партіи отошло все то, что крѣпко сжилось съ ветхой Русью и боялось невѣдомой но-

визны; что не вѣрило въ правоту сужденій матеріалистическихъ вѣяній, уже начавшихъ бродить въ нашей литературѣ и жизни. Къ этой же категоріи тѣсно примкнули люди, которымъ весело и выгодно жилось при дореформенномъ общественномъ порядкѣ.

Въ Воронежской губерніи въ то время губернаторствовалъ генералъ-майоръ Николай Петровичъ Синельниковъ, будущій сенаторъ, а совѣстнымъ судьею въ Воронежѣ былъ надворный совѣтникъ Аѳанасій Николаевичъ Сомовъ, также будущій сенаторъ. Онъ принадлежалъ къ богатымъ мѣстнымъ помѣщикамъ, но отличался скромнымъ характеромъ и экономическими расчетами въ личной жизни. Дворянство его знало, выбирало на второстепенныя должности, но не намѣчало на крупныя мѣста. Лишь событія первостепенной важности, готовившіяся внутри Россіи, и такой проницательный и энергичный администраторъ, какъ Синельниковъ, дали неожиданно Сомову движеніе по пути общественной извѣстности. Тогдашняя Воронежская губернія находилась въ слѣдующихъ гражданскихъ и экономическихъ условіяхъ.

Николай Петровичъ уже три года былъ мѣстнымъ губернаторомъ и успѣлъ за это время оживить губернію разными новшествами. Онъ мостилъ городъ, проводилъ черезъ рѣки мосты, разводилъ общественный садъ, обновлялъ ряды, строилъ театръ, сооружалъ памятникъ Петру Великому и т. д.

Все, что въ губерніи было честнаго, сознательно или инстинктивно влеклось къ даровитому и неутомимому представителю царской власти. Но во главѣ его противниковъ очутился губернскій предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Гагаринъ. Онъ приходился близкимъ родственникомъ вліятельнаго тогда въ Петербургѣ князя Павла Павловича Гагарина, впослѣдствіи занимавшаго постъ предсѣдателя государственнаго совѣта. Вполнѣ надѣясь на поддержку своего родственника въ своей борьбѣ съ губернаторомъ, предводитель Гагаринъ открыто возстановлялъ противъ него воронежскихъ дворянъ. Онъ ихъ увѣрялъ, что лица, окружающія государя, не желаютъ освобожденія крестьянства, что полицейская власть надъ деревней останется за помѣщиками даже послѣ эмансипаціи. Уѣздное дворянство, особенно не коренное, а выслужившееся, натравленное главнымъ своимъ руководителемъ, невольнымъ образомъ приходило въ броженіе. Случаи жестокаго обращенія съ крестьянами стали учащаться. Обиженныя господами, толпы приходили въ губернскій городъ, осаждали губернаторскій домъ и его канцелярію. Для прекращенія подобныхъ безпорядковъ, небезопасныхъ въ виду ходившихъ толковъ въ народѣ о будто бы готовящемся въ Петербургѣ освобожденіи, генералъ Синельниковъ вынужденъ былъ обратиться 23-го іюля 1857 года къ предводителямъ въ губерніи съ особымъ, секретнымъ циркуляромъ. Въ немъ говорилось:

«Вскорѣ по вступленіи моемъ въ управленіе губерніей, начали приходить ко мнѣ толпами крестьяне съ жалобами на своихъ помѣщиковъ. Жалующіеся крестьяне, большей частью, приходятъ не изъ тѣхъ имѣній, владѣльцы которыхъ принадлежатъ къ столбовымъ дворянамъ. Нѣтъ, крестьяне оказываются недовольными, преимущественно, владѣльцами, пріобрѣвшими себѣ имѣнія покупкою. Характеръ жалобъ одинаковъ. Помѣщики не только не даютъ времени крестьянамъ исполнять свои работы, но отнимаютъ у нихъ возможность посѣщать храмы Божіи. Крестьяне и по праздникамъ работаютъ на своихъ владѣльцевъ.

«Изъ сказаннаго я вывожу заключеніе, что господа дворяне, пріобрѣтая населенныя земли, думаютъ лишь о выручкѣ процентовъ на затраченный капиталъ и нисколько не задаются мыслями о благоденствіи своихъ крѣпостныхъ. Я разсуждаю иначе: помѣщикъ тогда богатъ, когда богатъ крестьянинъ. Послѣдній богатъ можетъ быть при томъ условіи, если помѣщикъ не нарушаетъ закона, не притѣсняетъ крестьянина, предупреждаетъ благоразумно всякія съ его стороны неудовольствія.

«Также я слышу ропотъ дворянъ на то, что я не позволяю наказывать крѣпостныхъ, приносящихъ жалобы мнѣ на своихъ владѣльцевъ. Не могу же я, защищая притѣсняемыхъ, быть въ то же время ихъ судьею и палачемъ».

Циркуляръ напоминаетъ предводителямъ о ихъ обязанностяхъ слѣдить за обращеніемъ помѣщиковъ съ своими крестьянами. Особенно, въ виду слуховъ объ освобожденіи, слѣдуетъ помѣстному дворянству быть осторожнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не раздражать дурныхъ страстей въ народѣ. Вообще, изъ цитированнаго знаменательнаго документа видно, что Воронежская губернія не могла похвастаться особымъ гуманизмомъ своихъ помѣщиковъ. Богатѣйшіе изъ нихъ проживали за границею или въ столицахъ, возложивъ заботы объ имѣніяхъ на управляющихъ. Послѣдніе принадлежали къ крѣпостнымъ вельможъ или избирались изъ нѣмецкой національности. Тѣ и другіе были равно невѣжественны. Средній классъ дворянства также не отличался высокимъ духовнымъ развитіемъ. Въ одномъ изъ донесеній министру внутреннихъ дѣлъ генералъ Синельниковъ поименовываетъ нѣсколькихъ вліятельныхъ воронежскихъ помѣщиковъ, какъ-то: Горяинова, Савостьянова, Мамонова, Харткевича, преслѣдовавшихъ всюду свои узко-эгоистическіе интересы. Они были, такъ сказать, столпами Гагаринской партіи. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда уже образовались въ провинціяхъ комитеты для обсужденія освободительнаго правительственнаго проекта, Гагаринъ и его приверженцы встали въ открытую оппозицію благимъ начинаніямъ императора Александра Второго.

Вотъ какъ дѣйствовалъ губернскій предводитель дворянства,

по словамъ письма воронежскаго губернатор министру Ланскому, отъ 21 февраля 1859 года.

«Князь Гагаринъ,—писалъ откровенно Николай Петровичъ,—проявляетъ враждебное расположеніе къ правительственнымъ мѣропріятіямъ. Когда я привезъ къ нему предписаніе вашего высокопревосходительства съ рескриптомъ объ улучшеніи быта крестьянъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, то онъ взволновался до крайности. Объясненія его доходили до выраженій, что правительство хочетъ «ограбить дворянъ». На собраніи уѣздныхъ предводителей князь прочиталъ свой отзывъ къ губернскимъ предводителямъ сосѣднихъ губерній. Отзывъ заключалъ въ себѣ не одинъ критическій разборъ правительственныхъ распоряженій, но и открытое ихъ порицаніе. Князь Гагаринъ утверждаетъ, что, будто бы, многія изъ окружающихъ государя лицъ желаютъ неблагополучнаго исхода «великаго дѣла», и что всѣ сторонники его полетятъ съ своихъ мѣстъ».

Мы не приводимъ всего донесенія генерала Синельникова, но и предыдущихъ строкъ довольно, чтобы составить ясную картину борьбы, происходившей между воронежскимъ губернаторомъ и представителями старо-барской, но могущественной коалиціи въ губерніи. Вмѣсто того, чтобы безповоротно признать, что крѣпостное право есть явленіе, отживающее и осуждаемое идеями самаго времени, и, вслѣдствіе этого сознанія, заняться выработкою лучшихъ, безобидныхъ экономическихъ программъ для помѣщиковъ и для крестьянъ, гагаринцы порвали добрыя отношенія съ послѣдними. Затаивъ въ себѣ злобу за грядущее лишеніе личной власти, они уже не разбирали средствъ для борьбы съ своими врагами. Они готовились къ губернскимъ дворянскимъ выборамъ, назначеннымъ зимою 1859 года, и намѣтили на видныя дворянскія должности въ губерніи своихъ энергичныхъ приверженцевъ, отъявленныхъ крѣпостниковъ. Губернскимъ предводителемъ, конечно, предназначался вновь князь Гагаринъ. Въ виду сказаннаго трудно жилось въ Воронежѣ Николаю Петровичу. По закону онъ не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ дворянскіе выборы. Но вѣдь отъ ихъ результата зависѣлъ благополучный исходъ въ губерніи величайшей русской реформы девятнадцатаго столѣтія.

Губернаторъ задумался. Онъ понялъ, что безъ содѣйствія мѣстныхъ образованнѣйшихъ дворянъ онъ безсиленъ въ борьбѣ съ гагаринцами. И Синельниковъ принялся сближаться съ этими дворянами, призывать ихъ къ единенію для проведенія въ жизнь освободительной государевой мысли. На призывъ Николая Петровича откликнулся первымъ изъ дворянъ Аѳанасій Николаевичъ Сомовъ. Онъ былъ молодъ, энергиченъ, образованъ и исполненъ гуманныхъ порывовъ. Сомовъ имѣлъ съ Синельниковымъ слѣдующій задушевный разговоръ.

— Вы знаете, любезнѣйшій Аѳанасій Николаевичъ, — началъ свою бесѣду губернаторъ,—въ какихъ затрудненіяхъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ находится государь. Исходъ этой реформы его страшитъ. Противниковъ ея много имѣется среди дворянства. А освобожденіе назрѣло. Если оно не совершится теперь мирнымъ образомъ, то время можетъ разрѣшить его въ нежелательной формѣ. Боже сохрани дождаться второй пугачевщины. Поэтому всѣ, кто любитъ свою родину, должны искренно помогать царю въ благополучномъ окончаніи поднятаго имъ великаго вопроса. Достойно сожалѣнія, что въ нашей губерніи главный представитель дворянства не стоитъ на высотѣ своего положенія. Если онъ не сочувствуетъ освободительной мысли своего государя, тормозитъ ея осуществленіе, то что же можно требовать отъ остального дворянства, нерѣдко лишеннаго солиднаго образованія и ожидающаго пережить, быть можетъ, страшный экономическій кризисъ? Я слышалъ, что надняхъ у князя было собраніе крупныхъ помѣщиковъ, и выборъ Гагарина на предстоящемъ дворянскомъ съѣздѣ обезпеченъ. Но этому не бывать! Зная вашъ благородный образъ мыслей, Аѳанасій Николаевичъ, я осмѣливаюсь, именемъ государя, просить васъ баллотироваться въ губернскіе предводители. Если за вами останется меньшинство шаровъ, чего и должно ожидать, то и тогда я надѣюсь ходатайствовать объ утвержденіи предводителемъ васъ, а не Гагарина. Царь меня лично хорошо знаетъ. Богъ и онъ—наши помощники.

На это горячее воззваніе Сомовъ отвѣчалъ Николаю Петровичу:

— Позвольте, ваше превосходительство, поблагодарить васъ за довѣріе, которымъ вы меня почтили. Я не рѣшусь отказаться отъ вашего лестнаго предложенія, потому что понимаю всю его важность въ настоящую минуту. Мои личныя убѣжденія на сторонѣ освобожденія. Оно есть вопросъ историческій, назрѣвшій къ своему выполненію. Но одинъ въ полѣ не воинъ. Воронежское дворянство въ большинствѣ сочувствуетъ князю Гагарину, что несомнѣнно скажется на выборахъ. Я имѣю нѣсколько друзей, раздѣляющихъ идеи, высказанныя вашимъ превосходительствомъ, но не располагаю партіей, могущей противостоять Гагарину.

— Партія будетъ, Аѳанасій Николаевичъ, — замѣтилъ Синельниковъ. — Изъявите свое согласіе, и мы примемся за работу. На Руси хорошіе люди живутъ вперемежку съ дурными. Ихъ нужно умѣть только находить. Разберемъ съ вами здѣшнее дворянство.

Сомовъ посмотрѣлъ на улыбавшееся, открытое лице губернатора и сказалъ:

— Я вашъ, глубокоуважаемый Николай Петровичъ. Будетъ ли успѣхъ?

— На то воля Божья. Я, во всякомъ случаѣ, не отступлю ни на шагъ отъ даннаго вамъ слова.

Разговоръ этотъ значился въ черновыхъ «Запискахъ» сенатора Синельникова, но не вошелъ въ «Записки», переписанныя набѣло. По всей вѣроятности, Николай Петровичъ, изъ чувства присущей ему скромности, не хотѣлъ громко высказываться о своей вліятельной закулисной роли, которую ему пришлось разыграть въ борьбѣ съ воронежскими врагами эмансипаціи.

Но для цѣли, съ которою написана настоящая статья, происшедшая сцена въ губернаторскомъ домѣ, зимою 1859 года, весьма важна. Въ ней рисуются рельефно два лучшихъ русскихъ типа, равно одушевленныхъ высшими гражданскими помыслами. Творческая идея, воплощенная въ одной личности, есть уже сама по себѣ сила. Идея же, передаваемая ея творцомъ другому даровитому человѣку, дѣлается уже могущественнымъ двигателемъ для цѣлой массы людей. Такъ, ученіе Христа безъ апостоловъ едва ли обхватило бы быстро собою все человѣчество, а черезъ апостоловъ оно глубоко проникло въ него. Примѣняя эту мысль къ событіямъ меньшей важности, мы и въ нихъ видимъ ея подтвержденіе. Усилія Синельникова—провести успѣшно освободительную реформу въ Воронежской губерніи—нашли себѣ полное выраженіе въ молодомъ Сомовѣ. Изъ частнаго хорошаго человѣка, онъ, благодаря встрѣчѣ съ Николаемъ Петровичемъ, превратился въ человѣка государственнаго. Бесѣда, происшедшая между нимъ и губернаторомъ, не осталась безслѣдною.

На губернскихъ дворянскихъ выборахъ князь Гагаринъ получилъ 166 избирательныхъ шаровъ и 51 черныхъ; надворный совѣтникъ Сомовъ—114 избирательныхъ и 103 неизбирательныхъ. Приведенныя цифры, казалось бы, говорили о безспорной побѣдѣ стараго губернскаго предводителя. А на самомъ дѣлѣ гагаринская партія проиграла, благодаря разумнымъ предупреждающимъ мѣропріятіямъ Николая Петровича.

Вотъ что онъ писалъ о выборахъ въ любопытномъ секретномъ письмѣ министру внутреннихъ дѣлъ.

«Не задолго до начала выборовъ князь Гагаринъ просилъ меня отпечатать или отлитографировать выработанный его партіей проектъ положенія объ улучшеніи быта крестьянъ. Въ этой просьбѣ я ему отказалъ во избѣжаніе преждевременныхъ толковъ по деревнямъ о вопросѣ государственной важности. Тѣмъ не менѣе, князь приказалъ переписать нѣсколько экземпляровъ проекта и роздалъ ихъ дворянамъ, съѣхавшимся на выборы. Онъ увѣрялъ послѣднихъ, что правительство не можетъ не руководствоваться проектомъ и не смѣетъ нарушать дворянскихъ правъ. Партія князя вполнѣ согласилась съ его мнѣніями, но ея противники отрицательно отнеслись къ началамъ, изложеннымъ въ проектѣ и служащимъ къ разъединенію сословій. Озлобленіе гагаринцевъ дошло до того, что они потребовали къ губернскому столу для объ-

ясненія предводителя Острожскаго уѣзда, осмѣлившагося громко въ залѣ собранія высказать неодобрительныя мнѣнія о княжескомъ проектѣ. Продолжая свои насильственныя дѣйствія, гагаринская партія пригласила баллотироваться въ предсѣдатели гражданской палаты дворянина Харкевича, извѣстнаго въ губерніи своими неправдами. Однако, благодаря Бога, Харкевичъ былъ забаллотированъ. Вообще, я не могу описывать подробно всѣхъ безпорядковъ, происходившихъ на выборахъ при прямомъ подстрекательствѣ князя Гагарина. Къ пяти часамъ дня его приверженцы подкутили, шумѣли и кричали. Обо мнѣ князь разсказываетъ небывалыя вещи: что я перевожусь въ Тулу; что я бунтую его крестьянъ, тяготящихся своимъ положеніемъ; что я предводителя Плотникова предалъ суду; что другого предводителя Тулинова выслалъ административнымъ порядкомъ изъ губерніи. Выборы тянулись до поздней ночи.

«Во время баллотировки губернскаго предводителя, у выборнаго ящика, по распоряженію князя Гагарина, стояли дѣйствительный статскій совѣтникъ Горяиновъ, судящійся съ своею женою, и статскій совѣтникъ Савостьяновъ, высланный изъ Москвы за недобросовѣстное управленіе имѣніями Мамонова. Названныя лица, нагнувшись надъ ящикомъ, смотрѣли, кто куда кладетъ шары. Тщетно ихъ просилъ удалиться предводитель Воронежскаго уѣзда, генералъ-майоръ Стишинскій. Доводя объ изложенномъ съ полною откровенностью и справедливостью до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, я страшусь, что при новомъ выборѣ князя Гагарина губернскимъ предводителемъ великое дѣло освобожденія крестьянъ, предпринимаемое великодушнымъ государемъ нашимъ, можетъ повести во ввѣренной мнѣ губерніи не къ одному печальному факту, а къ цѣлому ряду прискорбныхъ общественныхъ явленій. Поэтому я имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи высочайшаго утвержденія воронежскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства второго кандидата, надворнаго совѣтника Сомова, несмотря на сравнительное меньшинство полученныхъ имъ выборныхъ шаровъ. Сомовъ, человѣкъ высоко-образованный, даровитый, уважаемый въ губерніи, существенно нуженъ ей въ настоящее, крайне серіозное время».

Честный и сильный голосъ генерала Синельникова дошелъ до слуха царева, и Аѳанасій Николаевичъ Сомовъ явился достойнымъ представителемъ воронежскаго дворянства. Ему пришлось на своихъ плечахъ вынести крестьянскую реформу, явиться разумнымъ ея истолкователемъ и проводникомъ въ народную жизнь. Что касается его друга и покровителя, Николая Петровича, то онъ, не дождавшись въ Воронежѣ великаго дня 19-го февраля 1869 года, былъ назначенъ въ Варшаву генералъ-интендантомъ второй дѣйствующей арміи.

Передъ отъѣздомъ изъ Воронежа, дворянство давало ему обѣдъ

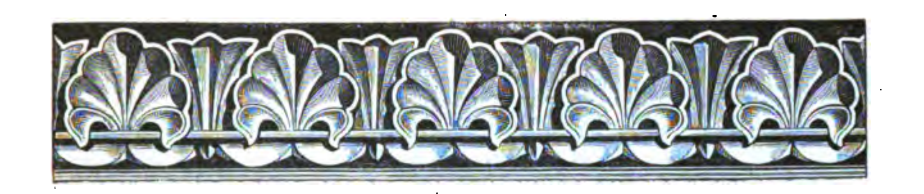
въ дворянскомъ собраніи. На обѣдѣ, между прочими, находился высокочтимый нынѣ сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ А. С. Оголинъ. Онъ былъ при Синельниковѣ воронежскимъ вице-губернаторомъ, горячо и искренно помогалъ ему во всѣхъ благихъ общественныхъ начинаніяхъ. А. С. Оголинъ, обращаясь къ генералу, произнесъ:

— Васъ не возможно не уважать глубоко, какъ начальника; васъ нельзя не любить, какъ человѣка. Это выпадаетъ на долю немногихъ, у которыхъ умъ въ ладу съ сердцемъ, энергія не расходится съ справедливостью. Вотъ почему ваше превосходительство помнятъ и не забудутъ всюду, куда приведетъ васъ служебная дѣятельность. Не буду говорить, чѣмъ обязана вамъ, Николай Петровичъ, здѣшняя губернія и городъ, но пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить, что мы гордимся тѣмъ, что были вашими помощниками и сослуживцами».

На этихъ прекрасныхъ словахъ, идущихъ отъ сердца, мы окончимъ очеркъ. Три благородныхъ, даровитыхъ общественныхъ дѣятеля, въ силу случайности, сошлись и явились единомысленными проводниками величайшей реформы въ одной изъ глухихъ, въ то время, русскихъ провинцій. Они помогали другъ другу. Безъ одного изъ нихъ Николай Петровичъ Синельниковъ едва ли могъ бы подготовить губернію къ разумному и безшумному воспріятію въ ней освободительной реформы. Двое изъ упомянутыхъ дѣятелей—въ могилѣ, а третій еще доблестно несетъ на себѣ бремя государственнаго служенія. Но и онъ, и бывшіе его сослуживцы по Воронежу, описанные нами, равно принадлежатъ исторіи.

П. Суворовъ.

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ НА САХАЛИНѢ [1].

VIII.

Мои товарищи. — Тягость совмѣстной жизни. — Сторожъ отхожаго мѣста. — Его добродушіе. — Старческій видъ въ арестантскомъ костюмѣ. — Ругательства каторжныхъ. — Рыковъ — основатель поселеній Тымовской долины.

ИЗЪ ЧИСЛА моихъ сожителей наибольшей симпатіей пользовался молодой литовецъ П—й, студентъ университета. Онъ былъ мягче сердцемъ, сентиментальнѣе и образованнѣе остальныхъ своихъ товарищей малороссовъ, тоже студентовъ университета. Мы всѣ тяготились совмѣстнымъ сожительствомъ и только ждали позволенія разойтись по частнымъ квартирамъ. Тяжело быть въ одиночномъ заключеніи, но, пожалуй, не менѣе тяжело и въ такомъ тѣсномъ сожительствѣ, какое мы испытывали въ небольшой комнатѣ, гдѣ койки соприкасались одна къ другой, и гдѣ не было стола для письменныхъ занятій. Много разъ мнѣ приходилось слышать разсказы арестантовъ, какъ они, будучи въ общихъ камерахъ, упрашивали смотрителей тюремъ посадить ихъ хоть на одну ночь въ карцеръ. Одни въ немъ искали уединенія для молитвы, другіе— отдыха своимъ нервамъ, утомленнымъ страшнымъ шумомъ, руганью и непрестаннымъ мельканіемъ фигуръ передъ глазами. Нѣкоторые смотрители понимали такое желаніе заключенныхъ и удовлетворяли ихъ просьбамъ, но чаще встрѣчались такіе, которые рѣзко отказывали.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», январь, 1900 г., т. LXXIX, стр. 267.

— Нельзя! Карцеръ служитъ для наказанія за проступки, — говорили эти строгіе законники.

Простому народу нѣсколько легче ужиться вмѣстѣ: у нихъ привычки, понятія и вкусы общи. Но у интеллигентныхъ людей, при разныхъ взглядахъ на вещи, частые споры скоро обостряютъ отношенія. Я всегда старался примирять разнорѣчивыя мнѣнія моихъ молодыхъ студентовъ. При національной розни (малороссы болѣли хохломаніей, а П—й былъ горячимъ полонофиломъ), у насъ были различны и религіозныя убѣжденія. Сперва это создавало долгіе споры и взаимныя неудовольствія, но потомъ, убѣдившись, что каждый упорно остается при своемъ мнѣніи, мы старались въ разговорѣ обходить опасныя мѣста, вызывающія бури. Надо, однако, отдать справедливость, что всѣ мы были настолько тактичны и добродушны, что споры наши никогда не доходили до полнаго разрыва отношеній.

Кромѣ сожителей, товарищей по дорогѣ изъ Петербурга на Сахалинъ, я нашелъ еще себѣ пріятелей среди каторжныхъ изъ простого народа. Однимъ изъ первыхъ былъ дѣдушка Петръ Антонычъ,—какъ его всѣ величали,—сторожъ отхожаго мѣста. Всякій разъ, какъ мнѣ случалось быть въ этомъ уединенномъ небольшомъ домикѣ, я замѣчалъ сѣдовласаго старца на скамейкѣ около печки. Всегда онъ былъ чѣмъ нибудь занятъ: или сшивалъ куски овчины, или закусывалъ, или читалъ вслухъ молитвенникъ, не обращая вниманія ни на разговоры, ни на ругань, ни на весь гамъ этого своеобразнаго клуба рабочихъ. Тяжелый запахъ и табачный дымъ не мѣшали имъ проводить здѣсь нѣсколько лишнихъ минутъ въ пріятной бесѣдѣ. Нѣкоторые подходили къ Петру Антонычу и подсказывали ему слова молитвы. Старикъ никогда раньше не учился грамотѣ, но теперь, когда ему пошелъ седьмой десятокъ лѣтъ, онъ вздумалъ выучиться читать разсматриваніемъ знакомыхъ молитвъ. Ему кто нибудь покажетъ въ книгѣ общеизвѣстную молитву, напр., Богородице Дѣво, а онъ ужъ самъ разбираетъ въ каждомъ знакомомъ словѣ сочетаніе слоговъ. Случалось, что умышленно подскажутъ ему невѣрно, но добродушный старикъ не обижался и съ удивительной настойчивостью продолжалъ читать вслухъ свой молитвенникъ.

Петръ Антонычъ былъ оригиналенъ не только въ способѣ наученія грамотѣ, но и во всемъ: въ костюмѣ, въ образѣ жизни, во взглядахъ на вещи. Онъ зарабатывалъ себѣ нѣсколько копеекъ немудренымъ мастерствомъ — перешиваніемъ поношенныхъ тулуповъ на теплыя шапки и рукавицы. Самъ онъ тоже ходилъ въ большой бѣловатой папахѣ собственной работы, въ рукахъ толстая березовая палка, а чрезъ плечо висѣла кожаная сумка со всѣмъ его имуществомъ. Въ такомъ видѣ его можно было встрѣтить, когда онъ переходилъ по двору изъ отхожаго мѣста на кухню

Малороссійская улица въ сел. Рыковскомъ.

за обѣдомъ или за хлѣбомъ. Ему позволено было отлучаться только въ случаѣ крайней необходимости. Живя въ общей казармѣ, онъ оставлялъ бы свое имущество подъ надзоръ товарища или пряталъ бы въ сундучекъ, а въ отхожемъ мѣстѣ некому беречь его добро; тутъ и замокъ не спасетъ. Послѣ одной-другой покражи онъ завелъ себѣ сумку, сложилъ въ нее свое бѣлье, куски овчины, хлѣбъ, чай и сахаръ и уже не разставался съ нею ни днемъ, ни ночью. Какъ классическій философъ, онъ могъ сказать про себя: omnia mea mecum porto (т. е. все мое ношу съ собой).

Выбравъ такое время, когда меньше всего бываетъ народу въ отхожемъ мѣстѣ, я подсѣлъ къ старику на скамеечку и сталъ ему показывать, какъ читается выбранная имъ молитва. Отъ чтенія перешли къ бесѣдѣ. Мои ожиданія оправдались. Это былъ нашъ народный философъ, примиренный со всѣмъ міромъ, со всѣми условіями даже каторжной жизни. Онъ ни на кого не обижался, не жаловался, никого не ругалъ. Его правило состояло въ томъ, чтобы, по возможности, уклоняться отъ зла; а если нельзя, — безмолвно терпѣть.

Я скоро полюбилъ этого старика и по вечерамъ навѣдывался въ его непривлекательное жилище побесѣдовать съ нимъ. Рабочіе такъ часто привыкли видѣть насъ вдвоемъ, что и меня стали звать старикомъ.

Однажды, сидимъ мы на сложенныхъ бревнахъ около отхожаго мѣста и тихо разговариваемъ. Подходитъ ко мнѣ рабочій и спрашиваетъ:

— А что, старички, часомъ не занимаетесь ли сапожнымъ дѣломъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаю ему.

— А вѣдь, казалось бы, это самое подходящее для васъ, стариковъ, дѣло...

Мнѣ тогда не было еще 28-ти лѣтъ. И потомъ еще долго, пока я носилъ неуклюжій арестантскій халатъ и широкую безобразную сѣрую шапку, меня считали пожилымъ человѣкомъ, перешедшимъ сороколѣтній возрастъ.

Осенью, въ числѣ другихъ рабочихъ, перевели Петра Антоныча въ Александровскій округъ. Я написалъ письмо смотрителю Л—у съ просьбою дать старику поспокойнѣе мѣсто, и онъ назначилъ его сторожемъ при школѣ.

На Сахалинѣ я предпочиталъ общество или стариковъ или малыхъ ребятъ. Тѣ и другіе болѣе успокоительно дѣйствовали на мою душу, чѣмъ почти всегда недовольные ссыльные средняго возраста. Ругать надзирателя, смотрителя тюрьмы или начальника округа — у нихъ обычная вещь, и съ этимъ кое-какъ миришься. Но чрезвычайно противно слышать безсмысленную брань по адресу къ самому острову Сахалину и его открывателямъ. Это въ своемъ родѣ щегольство проклятіями заразительно переходило отъ старыхъ къ

новымъ каторжнымъ. Не щадили и Тымовскую долину, въ которой раскинулось Рыковское селеніе.

— И кто это выдумалъ Сахалинъ?! Чтобъ ему... И кто это отыскалъ Тымовскую долину?!... Подобныя восклицанія обыкновенно пересыпались грубою бранью.

А отыскали эту долину, какъ удобное мѣсто для поселенія, унтеръ-офицеръ Яковъ Александровичъ Рыковъ совмѣстно съ охотникомъ изъ ссыльныхъ, М. Ив. Хорошиловымъ, въ 1877 году. Рыковъ, уроженецъ Вятской губерніи, извѣстенъ въ памяти сахалинскихъ старожиловъ, какъ честный и распорядительный служака. Онъ первый разыскалъ дорогу черезъ Пилингскій хребетъ и привелъ съ собою въ Тымовскую долину партію ссыльно-каторжныхъ, которые и сдѣлались основателями поселеній Мало-Тымовскаго и Рыковскаго. Ведя простой образъ жизни и практически зная сельское хозяйство, Рыковъ заслужилъ уваженіе отъ ссыльныхъ. Онъ умѣлъ отлично ими распоряжаться, не прибѣгая къ тѣлесному наказанію.

Самый выборъ Тымовской долины для хлѣбопашества дѣлаетъ честь умѣнью Рыкова.

IX.

Положеніе Тымовской долины.—Условія для хлѣбопашества.—Рыковское селеніе.—Обѣды у поселенцевъ.—Послабленія новаго смотрителя Ф.—Постель въ дорогѣ и на Сахалинѣ.—Негигіеничныя условія камеры.—Докторъ Сасапарель.—Его терпѣніе.

Защищенная рядами высокихъ горъ съ востока и запада, равнина рѣки Тыми вытянулась почти по меридіану на сотни верстъ. Сѣвернымъ своимъ концомъ она выходитъ въ Охотское море, а южнымъ—примыкаетъ къ высокимъ хребтамъ, отдѣляющимъ рѣку Тымь отъ Пороная, текущей почти тоже по меридіану, но только на югъ. Эти двѣ рѣки раздѣляютъ среднюю часть Сахалина на двѣ части: на западную, болѣе или менѣе заселенную, и восточную, почти необитаемую, если не считать немногія гиляцкія и орочонскія юрты на берегу Охотскаго моря. Центральное мѣсто всего острова и есть тотъ водораздѣлъ, къ которому примыкаютъ селенія Рыковское, Палево и др. Эта защищенность горами отразилась и на климатѣ долины. Здѣсь мало замѣтно умѣряющее вліяніе моря, и страшные сорокоградусные морозы зимою (иной разъ три недѣли подрядъ) смѣняются тридцати-градусными жарами лѣтомъ. Также рѣзко бросается здѣсь отсутствіе морскихъ тумановъ—этого бича по берегамъ Сахалина. И если бы было соотвѣтствующее распредѣленіе осадковъ, Рыковская долина служила бы отличнымъ мѣстомъ для хлѣбопашества. Но вотъ тутъ-то и кроется горе здѣш-

нихъ земледѣльцевъ. Когда нужны весною дожди, — ихъ нѣтъ, а во время покоса травы и жатвы хлѣба,—удержу нѣтъ дождю. Тѣмъ не менѣе хлѣбъ (рожь, ячмень, овесъ и даже пшеница) ежегодно сѣется по всѣмъ расчищеннымъ мѣстамъ долины. И я помню, какое сильное впечатлѣніе сдѣлала на меня пашня по дорогѣ въ Палево, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ! Море желтыхъ колосьевъ волновалось отъ рѣки до подножья горъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ десятинъ. Само Рыковское селеніе такъ широко распланировано, что между улицами его тоже лежатъ полосы полей въ полверсты шириною.

Если посмотрѣть съ горы, то Рыковское представляетъ изъ себя четыре парраллельно лежащихъ деревни, раздѣленныхъ полуверстными разстояніями. Эти деревни, или четыре улицы, объединяетъ одна поперечная посреди селенія, почти вся застроенная казенными зданіями.

Первое время я мало гулялъ внѣ селенія. Съ одной стороны не было времени для дальней прогулки (улицы селенія растянулись версты по три), а съ другой—мы не были еще знакомы съ условіями здѣшней тайги. Насъ, новичковъ, пугали и медвѣдями и гиляками, а главное—бродягами, т. е. сбѣжавшими ссыльно-каторжными. Впрочемъ, у меня и у литовца П—аго ежедневно были обязательныя прогулки на обѣдъ и ужинъ къ старшему плотнику Шарикову. Такъ какъ я, съ мѣста плотничьихъ работъ у церкви, не могъ всегда во-время поспѣть къ обѣду моихъ товарищей, которые садились за столъ, какъ только поспѣетъ ихъ похлебка, то, чтобы не стѣснять ни себя, ни ихъ, я воспользовался предложеніемъ Шарикова и за небольшую плату ходилъ къ нему на домъ насыщаться рыбою и картофелемъ. Ко мнѣ присоединился и студентъ П—й. Изо дня въ день одна и та же пища, хотя не пріѣдалась, но часто разстраивала намъ пищевареніе, и мы перешли столоваться къ одной ссыльной грузинкѣ, жившей съ бывшимъ солдатомъ. Она держала корову, и нашъ столъ сталъ разнообразиться молокомъ.

Студенты малороссы тоже измучились съ обѣдами своего приготовленія и также пожелали столоваться у поселенцевъ. Наконецъ, мы нашли одного зажиточнаго столяра, жена котораго, чистенькая хохлушка, угощала всѣхъ насъ пятерыхъ болѣе разнообразными обѣдами и частенько мясомъ.

Здоровье наше стало поправляться. Къ работамъ не принуждали и студентовъ. Сперва они исправно посѣщали мастерскія, и одинъ изъ нихъ, К., даже вошелъ во вкусъ столярной работы и сдѣлалъ табуретку; но потомъ мало-помалу они отстали отъ незнакомаго труда и предпочли сидѣть въ казармѣ за книгами. Почти одновременно съ нами прибывшій въ Рыковское, новый смотритель Ф—ъ, молодой, жизнерадостный человѣкъ, не дѣлалъ по этому поводу ни-

какихъ замѣчаній. Въ этомъ мы увидѣли безмолвное разрѣшеніе не ходить на работы.

Смотритель Ф—ъ къ намъ относился болѣе благосклонно, чѣмъ остальное начальство, и иногда удостаивалъ насъ своею бесѣдою не на офиціальной почвѣ. Въ нашей камерѣ, или, лучше сказать, каморкѣ особенно онъ любилъ пошутить надъ моимъ спартанскимъ

Докторъ В. А. Сасапарель.

образомъ жизни, и моя койка возбуждала въ немъ постоянное удивленіе.

Когда я со своими товарищами прибылъ изъ Петербурга въ Москву, насъ помѣстили на недѣлю въ большую камеру тюрьмы съ голыми нарами. Мы приходили въ ужасъ: какъ можно заснуть на голыхъ доскахъ! Нашихъ мѣшковъ съ собственными вещами намъ не выдали. Помню, я тогда сговорился съ П—мъ улечься вдвоемъ на его халатѣ, а моимъ халатомъ покрыться сверху. И

все-таки намъ было и холодно, и жестко, и крайне неудобно. На пароходѣ Добровольнаго флота условія для спанья были еще болѣе тягостны. Невыносимая жара — и мучительная тропическая сыпь не позволяли намъ лечь на что нибудь мягкое. Волей-неволей укладываешься на голыхъ нарахъ въ одномъ бѣльѣ. Такимъ образомъ за полтора мѣсяца путешествія по жаркимъ морямъ, я понемногу привыкъ спать на жесткихъ доскахъ безъ подстилки. Эту привычку я считалъ большимъ завоеваніемъ, и въ первое время на Сахалинѣ мнѣ не хотѣлось съ нею разставаться. Богъ знаетъ, думалъ я, въ какихъ еще условіяхъ придется мнѣ здѣсь жить? Къ чему отвыкать отъ того, что пріобрѣтено съ такимъ трудомъ! И я обходился безъ тюфяка и постилалъ на койку полушубокъ, а подъ подушку подкладывалъ полѣнья. Только съ выѣздомъ изъ казармы у меня появился сѣнникъ. Къ тому же совсѣмъ негигіенично было загромождать нашу тѣсную каморку перинами и подушками. И безъ того мы не знали, какъ отдѣлаться отъ разныхъ насѣкомыхъ. Черезъ щели стѣнъ къ намъ лѣзли изъ сосѣднихъ камеръ каторжныхъ цѣлыя арміи тараканов и клоповъ. Но особенно много было блохъ. Даже крысы, и тѣ не оставляли насъ въ покоѣ. Болѣе всѣхъ съ ними возился художникъ К. Онъ употреблялъ, казалось, всевозможные способы для охраненія своей провизіи, но хитрыя крысы почти всегда умѣли достать его торбу.

Несмотря на мою щепетильность относительно чистоты тѣла и бѣлья, я не избѣгнулъ заразиться какою-то сыпью, вызывающей непріятный зудъ. Впрочемъ, по совѣту рабочихъ, я скоро избавился отъ этой гадости. Для этого употреблялъ средство характерное русское: на ночь густо намазывался дегтемъ, а на утро шелъ въ горячую баню.

Обращались мы за совѣтомъ и лѣкарствами и къ тюремному доктору, В. А. Сасапарелю. Это былъ добродушнѣйшій старикъ, проведшій немало времени на Дальнемъ востокѣ. (До Сахалина В. А. былъ много лѣтъ въ Гижигинскомъ округѣ). Свою жизнь онъ строго распредѣлилъ по часамъ. Въ назначенные часы онъ вставалъ, обходилъ больныхъ, гулялъ, обѣдалъ, ложился спать и пр. Его организмъ превратился въ правильную машину. Человѣкъ, хорошо знакомый съ его обиходомъ жизни, могъ почти безъ ошибки сказать заочно, что въ такой-то часъ, во столько-то минутъ, Владиміръ Алексѣевичъ дѣлаетъ то-то [1]). Какъ врачъ, онъ придерживался разъ выработанныхъ пріемовъ лѣченія и не безъ успѣха. Я самъ не одинъ разъ испытывалъ на себѣ чудное дѣйствіе его лѣкарствъ послѣ отравленія рыбой. Между прочимъ, онъ былъ врагомъ оперативнаго лѣченія больныхъ съ отмороженными членами.

---

[1]) Такой правильный образъ жизни удивительно сохраняетъ внѣшній видъ старика. Я его знаю 12 лѣтъ и не замѣчаю никакой перемѣны въ его лицѣ.

Мужская палата сахалинскаго лазарета.

Суровыя зимы на Сахалинѣ приводятъ въ лазаретъ массы такихъ больныхъ, но ихъ выздоровленіе всегда обходилось безъ ножа.

Но въ чемъ была его особенность — это въ удивительномъ терпѣніи при лѣченіи арестантовъ. Ссыльно-каторжные, конечно, рады привязаться къ какой нибудь незначительной болѣзни, чтобы пролежать нѣсколько лишнихъ дней въ больницѣ и отдохнуть отъ каторжныхъ работъ. Такъ, если случится у кого пораненіе, то впередъ можно было сказать, что больной не дастъ скоро зажить ранѣ.

Каждый день Владиміръ Алексѣевичъ терпѣливо высиживалъ въ лазаретѣ во все время перевязки такого больного. Наконецъ, рана затянется, и докторъ скажетъ:

— Не тронь, не чеши ее, и ты скоро станешь на ноги.

— Слушаю, ваше превосходительство!

На другой день рана разодрана въ кровь.

— Зачѣмъ ты ее разбередилъ? Вѣдь я же говорилъ тебѣ вчера...

— Простите, ваше превосходительство, нечаянно содралъ кожицу...

Опять начинаются ежедневныя перевязки, опять докторъ терпѣливо ждетъ, когда затянется рана. Но пройдетъ нѣсколько дней, и она снова въ крови.

— Опять растревожилъ!

— Сильно чесалось, ваше превосходительство!

— Ну, надо сказать смотрителю. Онъ тебѣ почешетъ,—грозитъ докторъ.

Но никогда В. А. не жаловался смотрителю на больныхъ каторжныхъ. Онъ и совершенно здоровымъ давалъ по ихъ просьбѣ два-три дня отдыха. За это же и любили каторжные своего терпѣливаго доктора.

X.

Старанія смотрителя объ устройствѣ храма.—Назначеніе меня пѣвчимъ.—Временная церковь въ казармѣ.—Пораненіе топоромъ.—Мое значеніе въ церковномъ хорѣ.—Іеромонахъ Ираклій.—Его самоизнуренія въ молодости.—Особенное значеніе священника на Сахалинѣ.—Новыя занятія.

Смотритель Ф—ъ былъ большимъ любителемъ внѣшняго блеска, и онъ далъ слово непремѣнно окончить церковь къ Пасхѣ. Остановка была за столярными работами, и главнымъ образомъ за рѣзьбою иконостаса. Смотритель ежедневно забѣгалъ въ нашу камеру и подгонялъ бѣднаго К. Молодой художникъ сердился, но, понимая свое зависимое положеніе, долженъ былъ упростить рисунокъ и приналечь на работу.

Церковь въ Рыковскомъ селеніи.

Однажды смотритель изъявилъ желаніе, чтобы кто-нибудь изъ насъ примкнулъ къ хору. Мало знакомые съ церковнымъ пѣніемъ студенты отказались. Я всегда любилъ музыку, и еще мальчикомъ мнѣ случалось пѣть на клиросѣ; но въ это время, кромѣ своего теоретическаго знанія нотъ, ничего не могъ предложить хору. Голосъ у меня осипъ, и слухъ значительно притупился. Я не хотѣлъ, однако, допустить, чтобы у меня окончательно пропала способность къ пѣнію, и сталъ усиленно упражняться по тѣмъ обрывкамъ нотъ, которыя нашлись у регента хора, Ѳ. Ив. Генисаретскаго.

Служба совершалась въ одной изъ казармъ. Одна половина ея была занята каторжными, а въ другой—устроена временная убогая церковь. Иконостасъ состоялъ изъ рамъ, обтянутыхъ парусиною; облаченія на престолѣ и жертвенникѣ ситцевыя; подсвѣчники деревянные, самодѣльной работы. И вотъ все въ такомъ родѣ. Самъ священникъ какъ бы дополнялъ общую картину этой бѣдной церкви. Онъ былъ изъ бурятъ, едва грамотный, съ голосомъ страшной интонаціи, съ широкимъ азіатскимъ лицомъ, въ монашескомъ одѣяніи. Но при всемъ томъ удивительно уютно чувствовалось въ этой маленькой церкви. И потомъ, когда служба была перенесена въ богатый просторный храмъ, многіе съ сожалѣніемъ вспоминали прежнюю бѣдную церковь, гдѣ «теплѣй молилось».

Съ перепискою нотъ для церковнаго хора и съ частыми спѣвками я понемногу сталъ отставать отъ плотничьихъ работъ. Ходилъ на нихъ главнымъ образомъ только до обѣда.

Какъ-то вздумалось мнѣ поработать топоромъ.—Что за плотникъ я буду, если не сумѣю владѣть топоромъ!—сказалъ я себѣ и взялся тесать бревна по шнуру. На первомъ же бревнѣ я прорубилъ себѣ сапогъ и всадилъ топоръ въ ступню ноги. Сдѣлали мнѣ перевязку, и я нѣкоторое время не работалъ.

— Нельзя научиться ѣздить верхомъ, не упавши съ лошади.— Не унимался я и опять взялъ топоръ. Вскорѣ я поранилъ себѣ руку, и у меня окончательно отняли эмблему плотничьяго искусства. Тогда я принялся за вычерчиваніе на стѣнахъ овальныхъ оконъ, арокъ внутри храма и составлялъ рисунки деталей. Но и это продолжалось недолго. Церковное пѣніе поглотило все мое вниманіе. Я сталъ необходимымъ лицомъ въ хорѣ. Регентъ прекрасно пѣлъ басомъ, зналъ нѣкоторые пріемы управлять хоромъ, но не былъ знакомъ съ теоріей музыки. Онъ пѣлъ по памяти только знакомыя пѣсни. Чтобы разучить новую херувимскую, ему нужна была моя помощь. Обыкновенно мнѣ приходилось поочередно пѣть и съ дискантами, и съ альтами, и съ тенорами. Въ нашемъ распоряженіи были тѣ обрывки писанныхъ нотъ, которые привезли съ собою арестанты, временно состоявшіе пѣвчими въ пересыльныхъ тюрьмахъ. Предварительно исправивъ многочисленныя ошибки,

я составилъ изъ этихъ листочковъ первыя тетради нотъ, которыя и послужили основаніемъ нашему пѣнію.

Въ это же время у меня завязались болѣе тѣсныя сношенія со священникомъ, іеромонахомъ Иракліемъ. Не получивъ школьнаго образованія, онъ отъ природы былъ надѣленъ быстрымъ соображеніемъ и рѣдкою предпріимчивостью. Разсказывали про него, что во время сильнаго наводненія, затопившаго все бурятское населеніе, молодой только-что поженившійся Ираклій далъ обѣтъ принять христіанское крещеніе, если останется живъ. Все селеніе погибло. Остался одинъ Ираклій, и онъ не замедлилъ пойти въ монастырь. Какъ горячій прозелитъ, онъ скоро сталъ удивлять старыхъ монаховъ своими подвигами самоизнуренія.

— Бывало,—говорилъ онъ своимъ интимнымъ друзьямъ,—всю ночь напролетъ молюсь на камнѣ (у меня въ кельѣ былъ такой плоскій камень) и борюсь со сномъ. Устанешь. Клонитъ ко сну. Я прилегъ бы на свой камень, какъ на мягкую перину. Но нельзя! Я заранѣе назначаю срокъ окончанія молитвы. За то подойдетъ это время, какъ я сладко засыпаю на жесткомъ камнѣ!..

Аскетическіе подвиги о. Ираклія не укрылись отъ игумена монастыря, и онъ быстро довелъ его до сана іеромонаха. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ миссіонеромъ на Амуръ, а въ восьмидесятыхъ годахъ переведенъ на Сахалинъ. Здѣшніе чиновники любили о. Ираклія за его веселый нравъ, а ссыльнымъ онъ нравился, какъ доступный батюшка. Послѣ священника Георгія Сальникова и іеромонаха Ираклія за мое время на Сахалинѣ немало было священниковъ, но почти всѣ они отдѣляли себя отъ простого народа стѣною неприступности, важнымъ начальническимъ тономъ, парадными крыльцами, лакеями и др.

Если православный священникъ вообще есть пастырь, отецъ и слуга (Мт. 20. 26—28) своего прихода, то на Сахалинѣ въ особенности онъ долженъ стоять близко къ своей паствѣ. У людей, лишенныхъ всѣхъ правъ земного гражданства, остаются еще нетронутыми права на небесное гражданство, и священникъ въ данномъ случаѣ становится почти единственнымъ лицомъ, который признаетъ такихъ осужденныхъ преступниковъ себѣ равными людьми. Ему ли считать ихъ лишенными правъ, когда онъ самъ ежедневно умоляетъ Бога классическою молитвою разбойника! Напротивъ, онъ по христіанской любви долженъ войти въ самую тѣсную связь съ этими несчастными, отверженными, выброшенными изъ земного общества, съ людьми, страшно нуждающимися въ его нравственной поддержкѣ.

Къ сожалѣнію, я видѣлъ въ священникахъ на Сахалинѣ гражданскихъ чиновниковъ въ рясѣ, хорошо обезпеченныхъ ежемѣсячнымъ сторублевымъ жалованьемъ, пайкомъ, готовымъ домомъ со всѣми удобствами и слугами и значительными доходами отъ требъ.

Отцу Ираклію посчастливилось быть устроителемъ нѣсколькихъ церквей на островѣ, въ томъ числѣ и рыковскихъ. Ко мнѣ онъ обратился за помощью—создать церковную библіотеку. Самъ онъ устроилъ на свой счетъ большой шкафъ, а мнѣ предоставилъ сдѣлать выписку книгъ по своему усмотрѣнію.

Понемногу я сталъ знакомиться со всѣми сторонами жизни селенія. Кругъ моихъ занятій съ каждою недѣлею расширялся. Когда пронесся слухъ, что въ канцеляріи начальника округа открылись два мѣста на писарскія должности, и они будутъ предоставлены кому нибудь изъ насъ, я поспѣшилъ отказаться въ пользу студентовъ.

— Господа,—говорю я имъ,—слава Богу, я знакомъ съ многими видами интеллигентнаго труда, и, вѣроятно, для меня всегда найдется подходящее мѣсто; но вамъ нечего терять хорошій случай завоевать себѣ привилегированное положеніе на Сахалинѣ и обезпечить себя небольшимъ жалованьемъ.

Слухъ оказался вѣрнымъ, и вскорѣ одинъ изъ студентовъ Г. былъ назначенъ въ канцелярію начальника округа, а другой, живой, ловкій К.,—въ сосѣднее селеніе Мало-Тымовское къ больному смотрителю Самарскому.

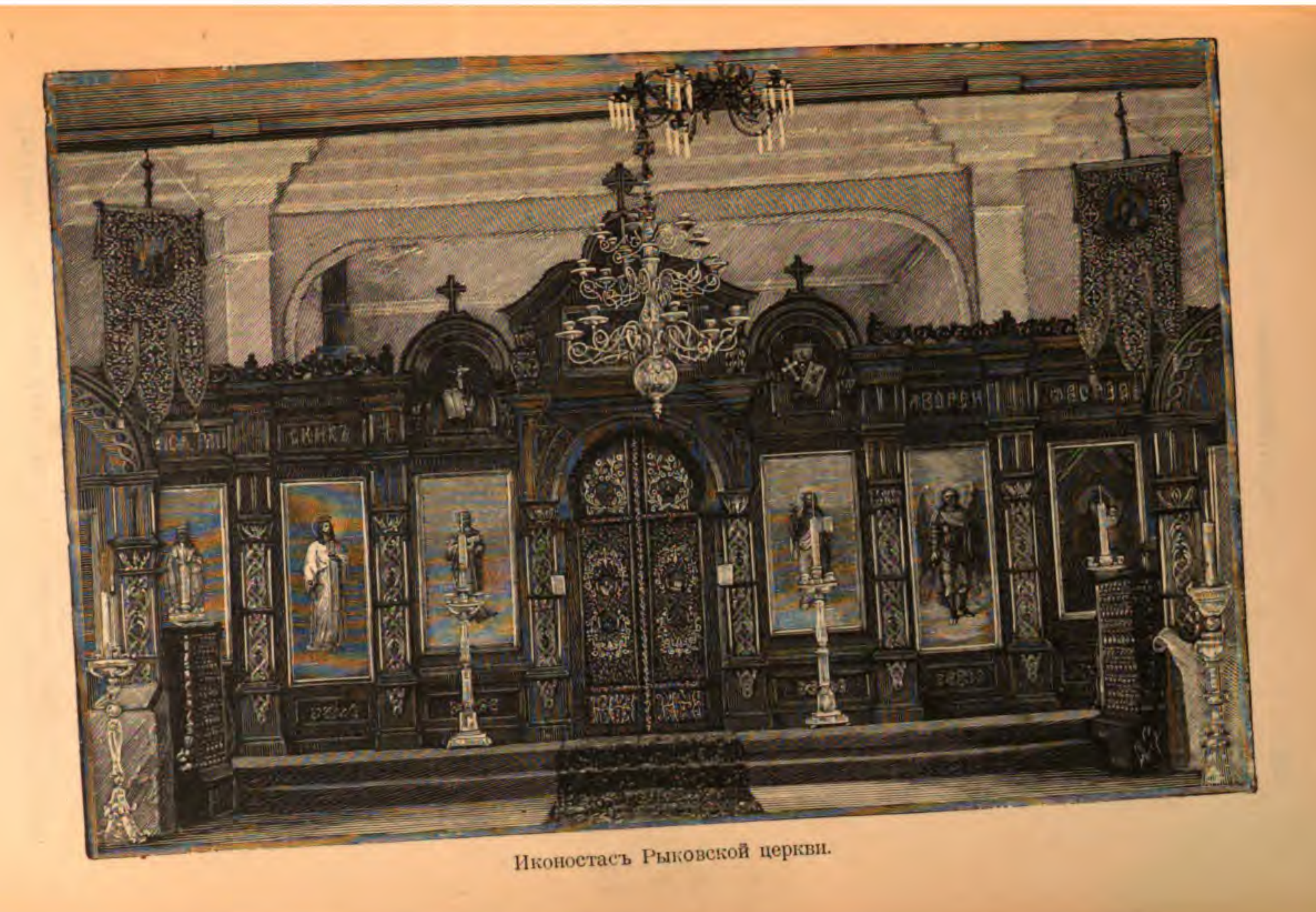
Это назначеніе подбодрило и насъ остальныхъ: улыбалась надежда скоро освободиться отъ подневольныхъ работъ и отъ казарменной жизни.

XI.

Каторжныя работы.—Заготовка лѣса.—Раскомандировка.—Ночное шествіе рабочихъ.—Тайга зимою.—Порубка лѣса.—Тяга бревенъ каторжными.—Конецъ рабочаго дня.

Въ Тымовскомъ округѣ всѣ отрасли тюремнаго хозяйства составляютъ предметъ каторжныхъ работъ. Тюрьма имѣетъ свои большіе луга, поля, огороды, на которыхъ съ весны до осени работаетъ немалая часть каторжныхъ. Всѣ остальные рабочіе (за исключеніемъ мастеровыхъ) высылаются на сооруженіе дорогъ, т. е. дѣлать просѣки въ тайгѣ, рыть канавы, мостить въ мокрыхъ мѣстахъ бревнами и укрѣплять полотно дороги дерномъ, хворостомъ и камнемъ. Съ наступленіемъ же зимы всѣ незанятые люди гонятся въ тайгу за лѣсомъ.

Начинающаяся колонизація округа вызывала множество построекъ, а потому каждую зиму первою заботою администраціи была заготовка строительнаго матеріала. Употреблялись только два вида деревьевъ для срубовъ жилыхъ домовъ: тяжелая лиственница—для нижнихъ вѣнцовъ и легкая ель—для верхнихъ. Пихтою пренебре-

Иконостасъ Рыковской церкви.

гали, какъ слабымъ лѣсомъ, а сосны и кедра на Сахалинѣ вовсе нѣтъ [1]).

У всего населенія, и у каторжнаго и у поселенца, хожденіе въ тайгу за бревнами или за дровами составляетъ содержаніе почти каждаго дня въ продолженіе всей зимы. Мнѣ захотѣлось поближе познакомиться съ этимъ главнымъ зимнимъ промысломъ, и я прослѣдилъ за каторжными до мѣста порубки лѣса.

Еще до разсвѣта, часа въ три-четыре ночи, команда каторжныхъ выстроилась на тюремномъ дворѣ «на раскомандировку». Морозъ въ тридцать градусовъ. Бѣлый паръ, какъ изъ трубы парохода, валитъ изо рта и ноздрей каждаго. Въ короткихъ подпоясанныхъ полушубкахъ озябшіе арестанты переминаются съ ноги на ногу. Немногіе изъ нихъ въ валенкахъ и въ папахахъ, перешитыхъ изъ старыхъ тулуповъ; большинство въ казенныхъ бродняхъ (просторные сапоги изъ желтой кожи), набитыхъ соломою, и въ сѣрыхъ суконныхъ шапкахъ съ наушниками. Въ рукахъ или на плечѣ веревкалямка для тяги бревна. У нѣкоторыхъ за поясомъ топоръ, у другихъ чайникъ или котелокъ.

Старшій надзиратель съ фонаремъ въ рукахъ вмѣстѣ съ тюремнымъ писаремъ быстро разбилъ весь народъ на партіи по три, по четыре, по пяти и больше человѣкъ, смотря по размѣру назначеннаго бревна. Какъ только кончилась раскомандировка, всѣ разомъ двинулись на Тымовскую дорогу съ шумомъ, съ криками, чуть не бѣгомъ, назябшись на тюремномъ дворѣ. Миновавъ казенныя зданія и церковь, вся толпа повернула налѣво по Дербинской дорогѣ. Въ воздухѣ тишина. Звѣзды ярко горятъ на полуночной части неба. Изъ нѣкоторыхъ избъ валитъ густой бѣловатый дымъ, но онъ не подымается столбомъ кверху, а тихо, подобно туману, садится внизъ на землю. По сибирской примѣтѣ, это значитъ, что на дворѣ сильно морозно.

Съ каждымъ годомъ порубка лѣса отодвигалась все дальше и дальше отъ Рыковскаго селенія. Послѣдніе пожары отодвинули ее сразу на нѣсколько верстъ. Теперь намъ надо было пройти верстъ шесть по дорогѣ и четыре тайгою. Черезъ часъ вся команда каторжныхъ свернула съ дороги и растянулась длинною лентою по направленію къ горамъ.

Это стремительное движеніе дѣйствуетъ на меня увлекательно. Я не чувствую ни усталости, ни холода. Предразсвѣтный полумракъ навѣвалъ какое-то спокойствіе на душу, а морозный воздухъ живительно подбадривалъ всѣ мои члены, не обремененные никакою ношею. Вскорѣ подошли мы къ ближайшимъ холмамъ. Издали черные обгорѣлые стволы печально выдѣлялись на бѣловатомъ фонѣ снѣж-

---

[1]) Есть только кустарный видъ кедра, такъ называемый кедровникъ— Pinus (cembra) pumila.

наго покрова и напоминали поднятую щетину. Но слѣдующая гряда горъ зеленѣла елью и пихтою. Туда собственно и стремились каторжные, расходясь по намѣченнымъ мѣстамъ. Кое-гдѣ уже слышны удары топора. Это работаютъ «рубщики», пришедшіе сюда нѣсколько раньше. Около густыхъ елокъ съ нижними вѣтвями, ушедшими въ снѣжный коверъ, весело затрещали костры. Кругомъ ихъ не-

Іеромонахъ Ираклій.

большими группами расположились рабочіе погрѣться и покурить. Иные, набивъ котелокъ снѣгомъ, кипятятъ воду для чая.

Я пошелъ, лучше сказать, полѣзъ къ рубщикамъ. Здѣсь и лѣтомъ надо постоянно перелѣзать чрезъ наваленные одинъ на другой стволы, а зимой этотъ трудъ усложняется еще глубокимъ снѣгомъ.

Какой однако безжизненный видъ тайги въ морозы! На темныхъ вѣтвяхъ елей и пихтъ толстыми слоями, на подобіе ваты, лежитъ бѣлый снѣгъ, отчего онѣ кажутся еще болѣе неподвижными, и лѣсъ

представляется еще гуще, плотнѣе. Сплошные ряды хвойныхъ деревьевъ разнообразятся гигантскими грибами съ толстыми бѣлыми шляпками. Это пни срубленнаго лѣса, покрытые снѣгомъ. Но ни звука, ни слѣда отъ птицы или звѣря. Только удары топора и говоръ ближайшей группы людей нарушаютъ эту мертвенную тишину.

Я направился къ рубщикамъ. Они уже подрубали высокую елку съ той стороны, куда хотѣли свалить ее.

— Берегись!—закричалъ мнѣ одинъ изъ рабочихъ.

Я метнулся въ сторону, сильно разгребая снѣгъ руками и грудью. Въ это время дерево скрипнуло, треснуло въ надрубленномъ мѣстѣ, затрещали и верхнія вѣтви, ломаясь о другія деревья. Трескъ становился сильнѣе и сильнѣе, и вдругъ гигантская ель сразу хлопнулась на землю, громовымъ грохотомъ раскатываясь по тайгѣ.

Я на моментъ замеръ отъ величественной картины и отъ сознанія, что миновала опасность. Здѣсь ни одна зима не обходится безъ придавленнаго или ушибленнаго лѣсиной. И не удивительно: въ такомъ снѣгу среди множества сваленныхъ старыхъ стволовъ неудобно скоро отбѣжать въ сторону, да и не всегда угадываютъ, куда ляжетъ дерево.

Рабочіе вмѣсто аршина стали топорищемъ отмѣривать на стволѣ двѣнадцать аршинъ. Я подошелъ поближе къ дереву. Оно переломилось на три части. Что-то безпомощное и жалкое было въ этомъ разбитомъ гигантѣ. Пока рубили дерево, пока оно падало, занятый собою, я не думалъ о немъ, но теперь этотъ видъ поваленной ели возбуждалъ во мнѣ невыразимую жалость, какъ бы къ живому существу.

Заказано было бревно шести вершковъ въ отрубѣ; но, отмѣривъ двѣнадцать аршинъ, рабочіе нашли, что не хватаетъ полвершка до требуемой толщины.

Поднялась ругань между ними.

— Я, вѣдь, говорилъ, что тонко!—горячился самый бойкій изъ нихъ, рыжеволосый сухой парень, который однако главнымъ образомъ и рѣшилъ рубить дерево.—Подходящее бы было, его не оставили бы здѣсь расти. И вчера мы его обошли. Нѣтъ, надо было говорить косому: сойдетъ, сойдетъ... Вотъ те и сошло!

— Можетъ, и это сгодится?—робко замѣтилъ здоровый на видъ, но смирный, мужикъ въ теплыхъ чуняхъ (суконные сапоги).

— Если тебѣ охота прогуляться въ тайгу второй разъ, — иронически отвѣтилъ первый,—то тащи, пожалуй... Ну, чего смотрите? Замерзнуть хотите? Айда въ лѣсъ!

Все чаще и чаще раздавался гулъ отъ паденія срубленныхъ деревьевъ. Недалеко отъ насъ съ криками на незнакомомъ языкѣ четыре арестанта ворочали уже обчищенное отъ коры дерево.

— О, татарва счастливая! Смотри, они къ обѣду успѣютъ вернуться,— замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ, за которыми я медленно

Перевозка кирпича каторжными.

шелъ по глубокому снѣгу. Наконецъ, мы остановились передъ стройною елью. Сомнѣнія ни у кого не было: она дастъ болѣе шести вершковъ въ отрубѣ. Тихоня мужикъ въ чуняхъ началъ было рубить ее.

— Бери выше!—кричитъ ему рыжій.—Итакъ толста будетъ. Да забирай больше сюда, чтобы легла она между этими пихточками.

Я заранѣе отошелъ за сосѣднее дерево и снова наблюдалъ паденіе гиганта. На этотъ разъ ель упала на небольшую пихту, сломала ее и грохнулась вершиною подъ гору.

Освободивъ отрубленное бревно отъ вѣтвей и коры и сдѣлавъ на концѣ его зарубку для веревки, рабочіе немедля потянули его на дорогу. Я помогалъ имъ по мѣрѣ возможности. Всѣ мы крайне утомились и забыли про жестокій морозъ, протаскивая бревно среди чащи лѣса надъ кучами наваленныхъ стволовъ. Едва самъ выкарабкиваешься въ такомъ снѣгу, а тутъ еще надо тащить за собою неповоротливое тяжелое дерево. Но всему бываетъ конецъ,—вышли и мы на дорогу и вложили свое чистенькое, бѣленькое бревно въ выбоину отъ раньше протянутыхъ бревенъ.

— Стой, ребята! — скомандовалъ рыжій. — Надо смочить лѣсинку.

Каждый, сколько могъ, поусердствовалъ, и одна сторона бревна обтянулась тонкою желтоватою корочкою льда. Это дѣлалось для того, чтобы легче скользило дерево по снѣгу. На большой дорогѣ, гдѣ пройдетъ по одному и тому же мѣсту ежедневно до сотни бревенъ, выбивается плотная колея, гладкая, какъ полированный металлъ. Тутъ только поспѣвай идти за бревномъ! Обыкновенно двое тянутъ на веревкахъ за зарубку передняго конца дерева, а другіе двое, зацѣпивъ веревку за всаженный топоръ, подтягиваютъ сзади. Разгоряченные, вспотѣвшіе, они не должны останавливаться для отдыха, иначе на сильномъ морозѣ моментально промерзнутъ ихъ плохія шубенки. Какъ ни устанутъ, а ужъ безъ передышки дотянутъ бревно до тюремнаго двора, гдѣ принимаетъ его надзиратель съ аршиномъ въ рукахъ. Если онъ забракуетъ дерево, рабочіе должны снова итти въ тайгу; а не успѣютъ въ тотъ же день,—идутъ въ ближайшее воскресенье.

Наваливъ свое бревно на другія въ штабель, измученные голодные рабочіе спѣшатъ пообѣдать, сряду и чая напиться; и если уже поздно, то скорѣй спать: завтра опять надо подыматься въ три часа ночи!

XII.

Тягость каторжныхъ работъ. — Бураны. — За бревнами въ распутицу. — Казарма рабочихъ ночью.—Вакансія.—Дровотаски.—Надзиратели.—Ихъ жизнь на островѣ и на материкѣ.—Голубевъ.

Казалось бы, хожденіе за бревнами—одинъ изъ лучшихъ видовъ каторжныхъ работъ. Физическій трудъ на чистомъ воздухѣ приноситъ только хорошій аппетитъ, крѣпкій сонъ и здоровье. Съ этой точки зрѣнія смотрятъ на это дѣло нѣкоторые изъ каторжныхъ. Но большинство крайне недовольны этими прогулками въ тайгу.

— Живешь, какъ скотина, — говорятъ они. — Намаешься, намерзнешь въ тайгѣ, намучишься до пота съ бревномъ на дорогѣ,—глядишь—уже поздно! Ни тебѣ починить бѣлья, ни сдѣлать чего нибудь, а ужъ заработать копейку и не думай! Даже и въ картишки некогда поиграть... Развѣсишь мокрыя портянки, да скорѣй на койку! А въ тайгу-то бѣжишь ночью тоже не по-человѣчески, безъ чая. Думаешь тамъ напиться. А какое питье на морозѣ, когда надо скорѣй дерево валить. Хорошо еще, если морозъ небольшой, а то зарядитъ цѣлую недѣлю по сорока градусовъ. А еще того хуже—буранъ. И не приведи Богъ!..

Въ самомъ дѣлѣ, въ снѣжныя бури, которыя здѣсь такъ особенно часты, не только съ бревномъ, но и налегкѣ трудно итти по дорогѣ. Въ воздухѣ густо крутится снѣгъ: на десять шаговъ впереди ничего не видно днемъ. На дорогѣ мѣстами навѣваются едва проходимые сугробы снѣга до сажени и выше. При этомъ пронизывающій страшной силы вѣтеръ не только не даетъ открыть глазъ, но и подвигаться впередъ напротивъ его. До бревна ли тутъ! Надо правду сказать, въ очень сильные бураны не посылаютъ команду за бревнами.

Но когда эта работа превращается въ настоящую каторжную, это—весною въ распутицу. Всегда такъ случается, что намѣченнаго съ осени количества бревенъ не успѣваютъ заготовить въ продолженіе зимы и потому гонятъ команду въ тайгу за лѣсомъ до полной распутицы. Тянуть бревно, когда по дорогѣ оголятся проталины, образуются лужи и выбьются глубокія ямы, едва возможно. До поздней ночи по улицамъ селенія слышны надрывающіе душу крики. Тутъ ужъ не до веселой «дубинушки»! Даже рѣдко слышно и опредѣленное: «разъ, два, дерни!». Ихъ понукающій крикъ былъ безсловеснымъ звукомъ, но ясно выражающимъ все страданіе, натугу, досаду измученнаго, голоднаго человѣка.

— А-а-а!.. А-а-а!.. покрикиваютъ они, а бревно ни съ мѣста. Иной разъ такъ и бросятъ его саженяхъ въ ста отъ тюрьмы, разсчитывая на утренніе заморозки.

А какіе они жалкіе, грязные, мокрые послѣ такой работы! Бывало ночью войдешь къ нимъ въ казарму и съ ужасомъ остановишься на порогѣ. Что-то хаотическое было во всей этой скученности народа на нарахъ и развѣшенныхъ надъ ними для просушки штановъ, подвертокъ, суконокъ, сапоговъ, чуней, бродней. Въ полумракѣ сначала не разбираешь неясныя очертанія всей этой массы грязнаго тряпья и одежды, но потомъ, приглядѣвшись при слабомъ свѣтѣ тусклой лампы, замѣчаешь разметавшіяся фигуры изнемогшихъ каторжниковъ. Ихъ сонъ видимо тяжелый. Нѣкоторые ворочаются со стороны на сторону, другіе глухо бредятъ.

Задыхаясь отъ нестерпимаго запаха и удушливаго испаренія отъ мокраго платья, я съ трудомъ прошелъ вдоль наръ къ сидящей фигурѣ рабочаго около подвѣшенной лампы. Онъ вслухъ читалъ засаленное евангеліе.

— Чего не спишь?—спрашиваю я.—Вѣдь завтра васъ рано погонятъ за бревнами.

— Я, слава Богу, на вакансіи!.. Я тутъ камерщикомъ,—медленно отвѣтилъ онъ и поднялся, чтобы подложить дровъ въ желѣзный каминъ, на которомъ стоялъ почернѣвшій отъ копоти чайникъ.

На вакансіи — это значитъ находиться не на общихъ работахъ въ лѣсу или на дорогѣ, а на отдѣльной службѣ сторожемъ, дровотаскомъ, слугою у чиновника и проч. Вакансія — это предметъ страстныхъ желаній всѣхъ рабочихъ. Отдѣленный отъ общей команды, онъ чувствуетъ себя самостоятельнымъ человѣкомъ, а не рабочимъ скотомъ. Вотъ, напримѣръ, этотъ счастливецъ-камерщикъ. Кромѣ того, что побалуетъ себя чайкомъ, онъ имѣетъ еще возможность удовлетворить своимъ духовнымъ потребностямъ. Хоть ночью, все-таки находитъ досугъ почитать книгу. Даже обязанность дровотаска, которому тоже ежедневно приходится ходить въ тайгу за бревешкомъ, или чуркой, какъ они величаютъ, и та считается лучше общихъ работъ. Дровотаскъ тянетъ бревно одинъ, и онъ самъ распоряжается своимъ временемъ. Худо ли, хорошо ли онъ дѣлаетъ, его никто не ругаетъ; а быть въ группѣ четырехъ-пяти человѣкъ,—поневолѣ приходится подлаживаться къ остальнымъ и постоянно чувствовать свою зависимость отъ болѣе бойкихъ крикуновъ.

Попасть на вакансію, главнымъ образомъ, зависитъ отъ старшаго надзирателя. При этомъ, конечно, немалую роль играютъ деньги.

Въ надзиратели обыкновенно идутъ окончившіе срокъ службы солдаты мѣстной команды, но мѣста старшихъ надзирателей чаще всего занимались ссыльными поселенцами, заявившими себя способными людьми еще въ бытность свою каторжными. Наконецъ, всѣ лучшіе мастеровые дѣлаются завѣдующими мастерскими съ жа-

Тяга бревна каторжными.

лованьемъ въ 40—50 и болѣе рублей въ мѣсяцъ. Но, какъ это бываетъ, хорошіе мастеровые—хорошіе и пьяницы; и потому всѣ сбереженія ихъ идутъ на дорогую здѣсь водку. Привыкнувъ широко жить на островѣ, они ѣдутъ на материкъ съ полной увѣренностью жить еще лучше. Но тутъ-то сразу и сказывается ихъ избалованность. Съ одной стороны, отъ ежедневной напряженной работы они отстали, съ другой—сильный соблазнъ отъ свободныхъ кабаковъ. И очень часто на материкѣ они дѣлаются жалкими бѣдняками.

Я хорошо помню появленіе новаго старшаго надзирателя Голубева въ Рыковской тюрьмѣ. Въ новомъ мундирчикѣ при шашкѣ, онъ бойко вошелъ на тюремный дворъ и здоровался съ каторжными съ нѣкоторымъ достоинствомъ, по-офицерски. Сидящіе на крыльцѣ арестанты почтительно вставали и низко кланялись. Какъ разъ въ это время я проходилъ по двору въ арестантскомъ халатѣ и пришелъ въ немалое смущеніе: а вдругъ онъ грубо накинется на меня, отчего я не оказалъ ему такого же почтенія, какъ и другіе ссыльные. И я предпочелъ уйти на другую сторону—подальше отъ грѣха. Но какой контрастъ черезъ девять лѣтъ! Я командовалъ отдѣльною частью въ Уссурійскомъ краѣ и въ моемъ распоряженіи было болѣе 60 человѣкъ вольнонаемнаго люда. Въ это время является ко мнѣ невысокій человѣкъ и съ низкими поклонами проситъ меня принять его къ себѣ въ качествѣ слуги, дворника или сторожа. Я едва узналъ въ этомъ бородатомъ, очень скромно одѣтомъ человѣкѣ когда-то блестящаго старшаго надзирателя Голубева. Впрочемъ, онъ оставилъ на Сахалинѣ хорошую память по себѣ. Голубевъ, обладая мягкимъ сердцемъ, избѣгалъ жаловаться на арестантовъ. Въ данномъ случаѣ онъ совершенно соотвѣтствовалъ своему начальнику, смотрителю Ф., который, кажется, и привезъ его съ собою въ Рыковское. За время ихъ правленія сравнительно очень мало наказывали каторжниковъ розгами.

XIII.

Старосты-палачи.—Наказаніе розгами.—Старосты-майданщики.—Иванъ Лебедевъ.—Узаконенная плеть.—Раскольникъ Катинъ.—Наказаніе плетями.

Пока я числился плотникомъ и выходилъ рано утромъ на работу, я не былъ свидѣтелемъ наказанія рабочихъ розгами. Обыкновенно экзекуція производилась послѣ раскомандировки, когда мы уже разойдемся по работамъ. Рѣдко случалось, чтобы среди дня смотритель, взбѣшенный какимъ нибудь поступкомъ каторжнаго, тотчасъ и крикнулъ: «розогъ!».

Въ Тымовскомъ округѣ не было постояннаго палача, какъ въ Александровской тюрьмѣ. Въ Рыковскомъ его обязанности испол-

Палачъ Комлевъ.

няли такъ называемые старосты тюремныхъ казармъ. Въ каждой камерѣ былъ свой староста. Онъ наблюдалъ за порядкомъ и чистотою помѣщенія, получалъ для раздачи арестантамъ порціи хлѣба и вообще былъ представителемъ своего отдѣленія. Въ виду этого въ старосты выбирались непремѣнно грамотные, здоровые, сильные люди, которые въ случаѣ надобности легко бы справились со своимъ братомъ каторжникомъ, обреченнымъ на наказаніе.

Какъ я ни оберегался отъ ужаснаго зрѣлища экзекуціи, но невозможно было, живя въ тюрьмѣ, не слышать стоновъ и хоть издали не видѣть позорнаго истязанія арестантовъ.

У крыльца первой казармы стояла большая широкая скамейка съ толстыми ножками. Это кобыла каторжныхъ. Когда нужно было кого наказывать, старосты ставили ее нѣсколько подаль отъ крыльца и приносили охапку полутора-аршинныхъ розогъ. У нихъ всегда имѣлась въ запасѣ цѣлая кадка свѣжихъ березовыхъ прутьевъ въ палецъ толщиною.

Въ виду четырехъ здоровенныхъ верзилъ, арестантъ обыкновенно покорно со спущенными штанами самъ ложился на кобылу. Тутъ на него двое наваливались всею тяжестью своего тѣла, одинъ на плечи, другой на ноги, а другіе двое становились по сторонамъ обреченной жертвы и отчетливо съ небольшими паузами били розгами по голому тѣлу. Надзиратель считалъ вслухъ удары, пока не крикнетъ смотритель: «Довольно!».

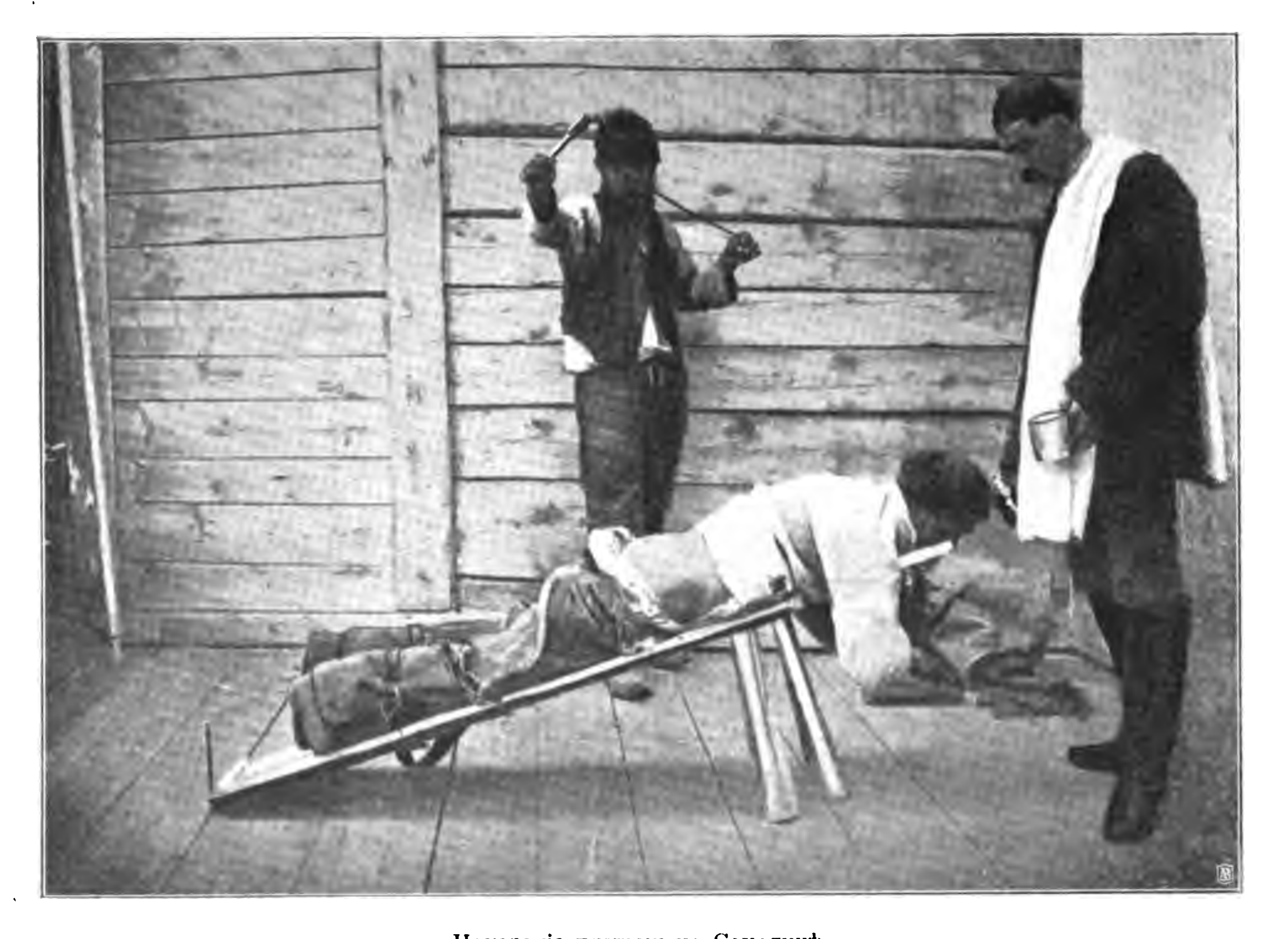
Прекращеніе наказанія зависитъ отъ многихъ причинъ. Кромѣ состоянія духа, въ которомъ находится смотритель, тутъ играетъ большую роль и поведеніе самого арестанта. Иной еще только разстегиваетъ штаны, какъ ужъ начинаетъ слезливымъ голосомъ просить прощенія. И все время, медленно укладываясь на кобылу, не перестаетъ повторять:

— Ваше высокоблагородіе, простите!

А съ первыми ударами розогъ онъ подымаетъ страшный взвизгивающій крикъ. Такой субъектъ скорѣе отдѣлается отъ наказанія. Но случаются и такіе спартанцы, которые, не говоря ни слова, ложатся на кобылу, подкладываютъ руку подъ голову и терпѣливо принимаютъ удары. Рѣдко кто выдерживалъ наказаніе совершенно безмолвно. Такіе, говорятъ, отъ нестерпимой боли закусываютъ свою руку и такъ съ сжатыми зубами и лежатъ. Но чаще всего на шестомъ, седьмомъ ударѣ вдругъ вырвется ужасный стонъ, и затѣмъ ужъ онъ не прерывается до окончанія экзекуціи.

За свою непривлекательную службу старосты-палачи пользовались льготою не ходить на работы.

Благодаря этой свободѣ, всѣ они, каждый въ свой камерѣ, держали лавки-майданы, гдѣ, кромѣ дозволенныхъ съѣстныхъ припасовъ, можно было иногда достать водку и карты. Старосты играли роль хозяевъ въ казармахъ и почти всегда были заправилами тай-

Наказаніе плетьми на Сахалинѣ.

ной картежной игры, получая львиную часть съ выигрыша. Какъ выбранные самимъ смотрителемъ, какъ палачи и представители до нѣкоторой степени администраціи, они пользовались заискивающимъ расположеніемъ каторжныхъ. Съ ними церемонились и надзиратели. Въ сущности это противный типъ каторжнаго сословія. Въ ситцевыхъ рубахахъ, въ жилетахъ, съ намасленными волосами, съ сытыми красными лицами, они рѣзко выдѣлялись изъ толпы арестантовъ и напоминали мнѣ деревенскихъ кулаковъ.

На пароходѣ среди каторжныхъ я удѣлялъ свое особенное вниманіе одному очень молодому здоровому парню Самарской губерніи Ивану Лебедеву. Онъ тоже привязался къ мнѣ и часто оказывалъ маленькія услуги. Красивый лицомъ и высокій ростомъ Иванъ былъ парень на всѣ руки. Куда ни поверни его, онъ не отстанетъ отъ другихъ. Я всегда любовался своимъ Иваномъ. Вдругъ узнаю, онъ сдѣлался старостой въ камерѣ и держитъ майданъ. Это меня сильно огорчило. При первой же встрѣчѣ я не могъ не высказать, какъ некрасива его новая должность.

— Что же дѣлать! Я не просилъ: самъ смотритель выбралъ. Если откажусь,—боюсь, накажетъ меня,—уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Такъ ты предпочитаешь другихъ наказывать...

— Я не сѣку розгами, я только придерживаю за плечи или за ноги.

Конечно, тутъ не страхъ наказанія руководилъ имъ, а ужъ очень заманчива сытая и праздная жизнь старосты!

Розги, кандалы, карцеръ, лишеніе пищи, назначеніе лишней работы —вотъ виды наказанія въ Тымовскомъ округѣ. Страшныя плети здѣсь почти не употребляются. Если рецидивистъ приговаривается судомъ къ плетямъ, то это ужасное наказаніе выполняется въ Александровскомъ округѣ, гдѣ имѣется для сего предмета спеціальный палачъ и всѣ аттрибуты убійственной экзекуціи. Впрочемъ, узаконенныя плети имѣются и въ Тымовскомъ округѣ.

Какъ-то разъ случилось мнѣ прійти въ полицейское управленіе, когда тамъ только что былъ полученъ, кажется, изъ Петербурга, пакетъ съ форменною плетью при бумагѣ. Боже мой, что это за страшное орудіе казни! На короткой рукояткѣ болтался длинный, толщиною въ палецъ, сыромятный ремень. Жесткій, какъ дерево, съ острыми углами, онъ раздѣлялся на концѣ на три плетеныхъ хвоста, такихъ же грубыхъ и жесткихъ, и каждый изъ нихъ заканчивался толстымъ угловатымъ узломъ. Понятно, почему иные съ двухъ-трехъ ударовъ впадали въ обморокъ, а нѣкоторые и умирали отъ этого варварскаго кнута.

Въ Рыковскомъ селеніи проживалъ раскольникъ Александръ Катинъ. Въ молодости за отказъ отъ военной службы и за публичное провозглашеніе власть имущихъ антихристами его приговорили въ каторжныя работы. Желая быть послѣдовательнымъ, онъ и въ

каторгѣ отказывался повиноваться антихристовымъ властямъ. За это его приговорили къ плетямъ.

— Когда меня привязывали, — разсказывалъ онъ,—я молился и призывалъ всепомогающаго Іисуса. Вдругъ разъяреннымъ голосомъ крикнулъ палачъ: «берегись! ожгу!» Да какъ треснетъ!.. Я сразу все забылъ, и себя, и что со мною дѣлается. Мнѣ казалось, надо мною само небо треснуло и рухнуло на землю... Когда я очнулся, слышу смотритель ругаетъ палача: «Что ты! убить что ли хочешь?» Что дальше было, я и разсказать не могу. Чуть живого снесли прямо въ лазаретъ, да цѣлый мѣсяцъ тамъ и провалялся, пока не пришелъ въ себя. И даетъ же силы Господь человѣку перенести этакое истязаніе!

XIV.

Новое назначеніе.—М. А. Кржижевская.—Ея дѣятельность.—Метеорологическая станція.—Тайная благотворительность.

Чрезъ пять мѣсяцевъ моего пребыванія на островѣ, наконецъ, случилась ожидаемая перемѣна моего положенія.

Рано утромъ, когда я сидѣлъ въ своей камерѣ за нотами, вдругъ вбѣгаетъ смотритель Ф—ъ и торопитъ меня итти къ завѣдующей метеорологической станціей, Маріи Антоновнѣ Кржижевской, она же и акушерка-фельдшерица тымовскаго лазарета.

— Сейчасъ,—говоритъ смотритель,—начальникъ округа получилъ телеграмму изъ Александровска съ просьбою назначить васъ наблюдателемъ на метеорологическую станцію.

Товарищи посовѣтовали мнѣ снять сѣрый костюмъ, чтобы не испугать барыню своимъ арестантскимъ видомъ. Я принарядился, насколько это можно было при тѣхъ условіяхъ, и надѣлъ, хотя не очень казистую, черную блузу съ ремнемъ.

М. А. Кржижевская, къ которой меня направили, извѣстна была на Сахалинѣ, какъ удивительно добрая женщина, отдававшая весь свой заработокъ бѣднымъ ссыльнымъ. Вся жизнь ея была сплошная жертва для ближняго. Послѣ неудачнаго замужества она стала искать мѣста или случая для самопожертвованія. Ей указали на Сахалинъ. Отказавшись отъ своей части наслѣдственнаго имѣнія и порвавъ всякую связь съ Европейскою Россіею, Марія Антоновна пріѣхала въ Рыковское селеніе, чтобы «умереть съ каторжными». Здѣсь ея дѣятельность была изумительна. Кромѣ ежедневныхъ работъ въ аптекѣ и въ лазаретѣ въ качествѣ фельдшерицы, она, какъ акушерка, неустанно ходила изъ одного угла селенія въ другой по роженицамъ. Къ своимъ обязанностямъ она относилась свято, какъ солдатъ на войнѣ. Ее

ничто не могло остановить, если она знала, что люди нуждаются въ ея помощи. Тамъ, гдѣ осенью или весною во время разлива рѣки не можетъ проѣхать телѣга, она идетъ въ бродъ по водѣ. Когда страшные бураны буквально засыпаютъ снѣгомъ, она съ большими усиліями ползетъ по сугробамъ; вся перемерзнетъ, измучится, но не отступитъ отъ намѣченной цѣли. Конечно, это даромъ не могло пройти, и на другой годъ по пріѣздѣ на Сахалинъ она сильно простудилась и заболѣла чахоткою.

Если не считать небольшую группу (около 10 чел.) чиновниковъ и офицеровъ, первое время въ Рыковскомъ селеніи не было интеллигентныхъ людей, а потому, когда нуженъ былъ для чего нибудь образованный человѣкъ, обращались къ Маріи Антоновнѣ. Устраивается ли метеорологическая станція—ее приглашаютъ завѣдывать ею и дѣлать наблюденія, нужна ли учительница для дѣтей чиновниковъ—обращаются къ ней же, собираются ли зоологическія коллекціи, гербаріи или составляется инородческій словарь — опять къ ней.

Въ виду частыхъ отлучекъ на роды, Марія Антоновна не всегда могла сама дѣлать метеорологическія наблюденія. Ей дали въ помощники псаломщика изъ ссыльныхъ, но и онъ оказался не совсѣмъ исправнымъ. И вотъ на его мѣсто теперь назначили меня.

При встрѣчѣ со мною Марія Антоновна очень обрадовалась, узнавъ, что въ былое время я тоже завѣдывалъ метеорологической станціей въ одномъ изъ приморскихъ городовъ на югѣ Россіи. Оказалось, что метеорологія также близка ея сердцу, какъ и лазаретъ. Она съ большимъ увлеченіемъ разсказывала о результатахъ своихъ наблюденій и объ отчетахъ о нихъ для главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ. Такіе инструменты, какъ барометръ, анероидъ, второй дождемѣръ и друг., находились у нея въ квартирѣ, и потому мнѣ пришлось бывать у нея три раза въ сутки, въ часы наблюденій — утромъ, среди дня и вечеромъ. Такъ часто встрѣчаясь, волей-неволей я узнавалъ малѣйшія подробности ея жизни.

Наше знакомство началось уже въ то время, когда у ней чахотка обнаружила явные признаки. Блѣдная, съ впалыми щеками, съ горящими темными глазами, она постоянно покашливала. Военный врачъ тымовской команды давно сосчиталъ ея минуты, но она все еще крѣпилась и, пересиливая свое недомоганіе, продолжала работать съ прежнею энергіею.

Надо было посмотрѣть на нее въ аптекѣ, гдѣ ее осаждала масса приходящихъ больныхъ, мужчинъ и женщинъ. Послѣднихъ она знала каждую по имени, знала ихъ семейное положеніе, ихъ болѣзни и нужды. Казалось бы, Марія Антоновна очень занята приготовленіемъ и отпусканіемъ лѣкарствъ. Она быстро расхаживаетъ отъ одного шкафа къ другому, отвѣшиваетъ, мѣ-

шаетъ, завертываетъ, быстро пишетъ красивымъ и твердымъ почеркомъ сигнатурки, но уши ея насторожѣ среди бабъ. И какого только горя она не наслышится за это время! Но не для празднаго любопытства она внимательно прислушивается къ ихъ говору. Сегодня или завтра «сахалинская ходатаица», какъ ее называли, будетъ просить начальника округа, чтобы онъ отъ Катерины принялъ въ казну на мясо пораненную корову, а Марьѣ

М. А. Кржижевская-Хантинская.

далъ бы рабочаго въ помощь ея мужику и т. п. Все это дѣлается секретно, такъ что бѣдныя Катерины и Марьи и не знаютъ, отчего вдругъ такъ добръ оказался къ нимъ начальникъ.

Даетъ она имъ и свои деньги, но тоже тайно, чрезъ какого нибудь посредника, и только въ крайнемъ случаѣ позволяетъ себѣ благотворить открыто, но и тутъ, избѣгая шума слезливыхъ благодареній, прибѣгаетъ къ маленькой уловкѣ.

— Ѳедосья! — кличетъ она строгимъ голосомъ, подавая завернутый пузырекъ съ каплями. — Вотъ тебѣ лѣкарство. Принимай

утромъ и вечеромъ по десяти капель съ водой. Смотри, не потеряй: лѣкарство дорогое.

— Что ты! Что ты, дорогая матушка! Христосъ съ тобой! Получить капельки изъ твоихъ золотыхъ рученекъ, да потерять ихъ! Я скорѣй себя потеряю...—начинаетъ причитать больная, но Марія Антоновна не слушаетъ ея и подаетъ лѣкарство уже другому больному.

Ѳедосья бережно приноситъ домой пузырекъ, развертываетъ его и, къ своему удивленію, находитъ подъ бумажкой кредитный билетъ.

Особеннымъ вниманіемъ Маріи Антоновны пользовались дѣти ссыльныхъ. Если она зазвала къ себѣ дѣвочку съ улицы, это значитъ сегодня къ вечеру или завтра утромъ будетъ для нея готово новое платье.

Отдавая такъ много вниманія, времени и своихъ заработанныхъ денегъ другимъ, эта удивительная труженица мало занималась собою. Ея скромные костюмы обличали свою ветхость зачиненными прорѣхами. Въ небольшой квартирѣ стояла простая некрашенная мебель. Она имѣла обѣдъ, по выраженію ея подруги, хуже, чѣмъ у каторжныхъ. Только для гостей позволялась нѣкоторая роскошь. Ея слуга изъ ссыльныхъ, молодой, добродушнѣйшій бѣлорусъ, Максимъ Богдановъ, соединялъ въ одномъ лицѣ и повара, и садовника, и сторожа метеорологической будки. Онъ готовилъ обѣдъ для своей барыни, какъ Богъ на душу положитъ, и Марія Антоновна никогда не дѣлала ему ни малѣйшаго замѣчанія.

Вообще, въ ея домѣ царило удивительно тихое мирное настроеніе, которое сообщалось и мнѣ, когда я приходилъ сюда къ наблюденіямъ.

XV.

Перемѣна положенія.—Сочувствіе чиновнаго люда.—Мои отношенія къ нему.—Первая зимняя почта.—Ожиданіе корреспонденціи.—Инспекція писемъ.—Знакомство съ Бутаковымъ.—Значеніе писемъ въ ссылкѣ.

Съ назначеніемъ меня на метеорологическую станцію кончилась моя плотницкая работа, но не кончилась еще каторга: я попрежнему лишенъ всѣхъ правъ состоянія, живу въ тюрьмѣ, не смѣю отлучиться въ другое селеніе, каждую минуту могутъ распорядиться мною, какъ вздумается начальству, однимъ словомъ, я еще на Сахалинѣ. Только внѣшность моя перемѣнилась. Теперь мнѣ по мѣсту службы неудобно быть однимъ изъ сѣрой толпы, и я пересталъ носить арестантскій халатъ и желтые коты (или чирки, какъ здѣсь называютъ) съ высовывающимися подверт-

Отправленіе зимней почты изъ Александровскаго поста.

ками изъ-подъ короткихъ сѣрыхъ штановъ. Измѣнились ко мнѣ и отношенія мѣстной администраціи. Въ квартирѣ Маріи Антоновны мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ чиновниками, съ офицерами и съ женами, и волей-неволей я знакомился съ ними. Почти всѣ они относились ко мнѣ чрезвычайно тепло. Нѣкоторые, желая помочь тѣмъ или другимъ способомъ, приглашали меня постоянно обѣдать у нихъ (напримѣръ, начальникъ военной команды, полковникъ Дуровъ), другіе съ тою же цѣлью дѣлали мнѣ небольшіе подарки. Хотя пріятно было видѣть такое сочувствіе мѣстнаго общества, но я не воспользовался имъ. Большой нужды я не терпѣлъ: тюремное начальство за отчеты метеорологическихъ наблюденій давало мнѣ жалованья пятнадцать рублей въ мѣсяцъ кромѣ того, время отъ времени, присылали и родные, такъ что при моемъ скромномъ образѣ жизни деньги у меня не переводились Костюмами я не любилъ щеголять, а своими спартанскими привычками застрахованъ былъ отъ различныхъ неудобствъ жизни. Я берегъ свою относительную независимость. Какъ нѣкій римскій философъ, проданный въ рабство, я дорого цѣнилъ въ себѣ самомъ свободу духа и охранялъ ее, не подкупаясь обѣщаніями роскоши. Я понималъ, что я и мои начальники стоимъ на разныхъ полюсахъ, и всякое тѣсное сближеніе съ ними неустойчиво, какъ на балансирующемъ коромыслѣ. Много стоитъ нравственныхъ мукъ сохранить тутъ свое равновѣсіе! Чуть немного позволилъ себѣ свободно поговорить, одно смѣлое слово, рѣзко выраженное движеніе сердца, — и равновѣсіе нарушается. Конецъ коромысла, на которомъ сидитъ чиновникъ — твое начальство, сейчасъ же подымется, а ты на другомъ концѣ летишь внизъ... Я не любилъ такую нравственную гимнастику и предпочиталъ «знать своя шестокъ».

Къ этому времени случилась для меня и другая радость: получилъ первое письмо изъ Россіи (на Сахалинѣ, какъ и во всемъ Амурскомъ краѣ, въ разговорномъ языкѣ Россіей называютъ исключительно европейскую часть имперіи). Лѣтомъ почта идетъ на пароходахъ Добровольнаго флота, и обыкновенно чрезъ два съ половиною мѣсяца письмо уже приходитъ на Сахалинъ. Не болѣе трехъ мѣсяцевъ пройдетъ оно и зимою на саняхъ черезъ Сибирь. Но въ переходное время года, весною или осенью, когда прекращается сообщеніе съ материкомъ, почта вылеживается мѣсяцами на берегахъ Амура. Первыя нарты, или сани, запряженныя собаками, пройдутъ чрезъ Татарскій проливъ только въ концѣ декабря, и святочные праздники всегда сопровождаются полученіемъ новостей изъ Россіи; но мы, жители Тымовскаго округа, получаемъ почту много позже. Въ Рыковскомъ селеніи не было почтовой станціи, и всю корреспонденцію, адресованную сюда, получалъ начальникъ округа. А это бывало только тогда, когда онъ ѣздилъ

въ сахалинскую столицу за жалованьемъ, т.-е. разъ въ мѣсяцъ. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидается здѣсь первая зимняя почта! При одномъ извѣстіи, что начальникъ округа вернулся изъ Александровскаго поста, я и мой товарищъ, литвинъ П-й, летимъ въ канцелярію, куда передавалась вся корреспонденція секретарю управленія для раздачи ссыльнымъ. Всѣ письма арестантамъ предварительно должны быть прочитаны однимъ изъ чиновниковъ, и только тогда они могутъ быть переданы по адресу. Но, кажется, ни у одного чиновника не хватало терпѣнія прочесть всѣ письма, переполненныя благословеніями, поклонами, пожеланіями, сожалѣніями, молитвами, слезами. Только письма, адресованныя интеллигентнымъ ссыльнымъ, подвергались иногда просмотру чиновниковъ, но и тутъ руководило ими болѣе любопытство, чѣмъ исканіе чего либо преступнаго. Другое дѣло письма съ Сахалина въ Россію. Въ нихъ могли быть корреспонденціи для журналовъ, нареканія на здѣшнюю администрацію, обнаруживаніе скрываемыхъ ею преступленій. О, такія письма были непріятны для начальства! Въ виду этого было установлено правило для ссыльныхъ — подавать въ канцелярію всю корреспонденцію незапечатанною и, по осмотрѣ ея, на каждомъ конвертѣ отмѣчать «просмотрѣно» за подписью чиновника.

Я тоже долженъ былъ подчиниться общему порядку и передавалъ свои незапечатанныя письма непосредственно начальнику округа. Писать окольными путями о Сахалинѣ я не имѣлъ никакого желанія. Даже въ своемъ дневникѣ я касался сахалинскихъ событій настолько, насколько они отражались въ моей личной жизни. Это скоро понялъ начальникъ округа и при передачѣ писемъ спѣшилъ при мнѣ, не читая ихъ, запечатывать. Въ свою очередь, я цѣнилъ это довѣріе ко мнѣ и не позволялъ себѣ писать ничего нежелательнаго съ ихъ точки зрѣнія.

Мое знакомство съ Бутаковымъ собственно установилось при этихъ свиданіяхъ. Намъ, ссыльнымъ, полагалось ходить къ нему съ чернаго хода. Отъ большой кухни была отгорожена невысокой перегородкой узенькая передняя. Сюда и выходилъ начальникъ для личнаго объясненія съ каторжными. Со мной онъ всегда былъ вѣжливъ и предупредителенъ. Для характеристики нашихъ внѣшнихъ отношеній я могу привести случайно услышанный разговоръ на кухнѣ.

— Барыня,—обращается кухарка къ женѣ Бутакова, — отчего это, когда кто нибудь изъ рабочихъ приходитъ къ барину, онъ грубо съ ними разговариваетъ, иногда кричитъ на нихъ и выталкиваетъ вонъ въ шею, а вотъ онъ придетъ (рѣчь шла обо мнѣ), баринъ привѣтливъ съ нимъ, говоритъ ему «вы», называетъ по имя-отчеству и приглашаетъ въ кабинетъ?

— Очень просто,—отвѣчаетъ ей барыня изъ сибирскихъ каза-

чекъ,—по прежнему-то положенію, я полагаю, онъ насъ къ себѣ и на порогъ не пустилъ бы.

Но вернемся къ письмамъ изъ Россіи — этому самому радостному явленію на Сахалинѣ. Каторжные, насильственно оторванные отъ родины, отъ всего дорогого, что составляло все содержаніе ихъ жизни, не могутъ забыть прежній чудный міръ, гдѣ остались ихъ друзья и родные.

Между островомъ и материкомъ, какъ между адомъ и раемъ, лежитъ непереходимая пропасть не только воднаго пространства Татарскаго пролива, но и долготы каторжныхъ и поселенческихъ годовъ. И потому, какъ евангельскій богачъ томился въ аду и молилъ Авраама хоть каплею воды усладить его языкъ, такъ и каторжные жаждутъ услышать хоть малѣйшее привѣтствіе съ другого свѣта, изъ Россіи. Возьмите любое письмо интеллигентнаго каторжника. Сколько въ немъ горячихъ просьбъ, пламенныхъ моленій къ своимъ роднымъ и друзьямъ, чтобы они почаще писали имъ съ того желаннаго берега! Вѣдь они всею мечтою, всею мыслію живутъ въ невольно покинутомъ краѣ среди своихъ прежнихъ друзей. И какъ горько бываетъ разочарованіе, когда послѣ долгаго ожиданія почты она ничего тебѣ не привезетъ! Эти нравственныя муки становятся еще болѣе тягостны, когда видишь, какъ въ то же время другіе распечатываютъ только-что полученныя письма. Бывало съ замираніемъ сердца подходишь къ канцеляріи и тревожно гадаешь про себя, будетъ или не будетъ тебѣ письма.

— Нѣтъ, Брониславъ,—скажешь въ концѣ-концовъ своему товарищу, — я не пойду. Возьмите вы и мои письма: кажется, вы счастливѣе меня и раньше мнѣ всегда приносили два-три конверта.

XVI.

Приготовленіе новаго храма къ Пасхѣ. — Увлеченіе работою. — Назначеніе меня церковнымъ старостою. — Устройство сада. — Ботаническія экскурсіи. — Оставленіе тюрьмы. — Положеніе остальныхъ товарищей. — Осторожность Бутакова. — Его слава на островѣ.

Приближалась первая для меня Пасха на Сахалинѣ. Я уже упоминалъ, что этотъ праздникъ рѣшено было связать съ открытіемъ новой церкви. Рыковскіе жители замѣчательно дружно отнеслись къ украшенію своего просторнаго свѣтлаго храма. Кто не могъ принять участія въ этомъ дѣлѣ своимъ личнымъ трудомъ, тѣ выписывали въ складчину церковную утварь. Жены чиновниковъ во главѣ съ Кржижевской шили священныя ризы и облаченія на престолъ и жертвенникъ. Самъ начальникъ округа занялся выпиливаніемъ ажурныхъ царскихъ дверей изъ разныхъ породъ

деревьевъ. Однимъ словомъ, каждый хотѣлъ оставить какую либо память по себѣ. Кромѣ внутренняго убранства и составленія надписей на иконостасѣ, меня тоже попросили нарисовать большой транспарантъ образа Воскресенія Христова въ окно на колокольню.

Я радъ былъ увлечься какимъ нибудь занятіемъ, лишь бы забыть на время свое состояніе вычеркнутаго изъ жизни человѣка. Есть счастливыя натуры, живущія сегодняшнимъ днемъ. Онѣ вездѣ и всегда, какъ дома. Эти люди постоянно веселы, довольны и пріятны другимъ. Меня нельзя къ нимъ причислить: я имѣю слишкомъ глубокую память, чтобы не помнить всей горечи прошлой жизни, и слишкомъ ясное зрѣніе, чтобы не видѣть печальной обстановки настоящей. Облегченіемъ моего нравственнаго состоянія могла быть только усиленная работа, я и погрузился въ нее.

Когда съ открытіемъ службъ въ новомъ храмѣ предложили мнѣ быть церковнымъ старостой при немъ, я сперва отказывался; но потомъ, сообразивъ, сколько новыхъ обязанностей наложитъ на меня эта почетная должность, я согласился и весь ушелъ въ церковное хозяйство, въ составленіе хорошаго церковнаго хора, въ производство восковыхъ свѣчей и проч. Конечно, я не оставлялъ и метеорологическихъ наблюденій. Напротивъ, незамѣтно для Кржижевской, я мало-помалу отстранилъ ее отъ всѣхъ занятій по метеорологіи, оказывая ей въ то же время уваженіе, какъ своей начальницѣ. Если къ этимъ занятіямъ присоединить еще уроки англійскаго языка, которые я давалъ двумъ-тремъ чиновникамъ, а впослѣдствіи — и іеромонаху Ираклію, уроки математики еврейскимъ ребятамъ, церковныя спѣвки и писаніе нотъ, то понятно станетъ — скучать мнѣ не приходилось такъ же, какъ и особенно разбираться въ своихъ чувствахъ.

Наступившая весна вдохнула въ меня новую энергію.

Еще прошлымъ лѣтомъ Марія Антоновна занялась устройствомъ сада вокругъ метеорологической будки. Она хотѣла собрать по возможности всѣ виды мѣстной флоры и съ этой цѣлью сама лично дѣлала экскурсіи въ луга и въ лѣса. Къ моему пріѣзду на Сахалинъ въ ея садѣ уже красовались ряды лиственныхъ деревьевъ. Вдоль изгороди тянулись различные виды кустарныхъ спирей вперемежку со стройными боярками и сѣроватымъ отъ дорожной пыли ольшникомъ. Около раскидистыхъ вязовъ и душистыхъ тополей торчали веселыя березки, зеленые клены и трепетныя осины. Красивыя аллеи были обсажены цвѣтущими яблонями, пахучими черемухами и рябинками. На клумбахъ цвѣли разныя лиліи, красные піоны, синія гентіаны, желтые адонисы и лютики и много другихъ лиловыхъ, розовыхъ, бѣлыхъ цвѣтовъ. Особенное вниманіе отдано было ягоднымъ кустамъ. Буйная малина, красная смородина и напоминающая крыжовникъ моховка занимали большую площадь по

сосѣдству съ огородомъ. Большинство этихъ растеній было пересажено собственноручно Маріей Антоновной.

Мнѣ нравилась идея—устроить сахалинскій ботаническій садъ, и я охотно сталъ продолжать ея работу. Каждый свободный день я бралъ маленькую лопатку, корзину, ножъ и уходилъ или на берега красивой рѣки Тыми, или въ сесѣднія горы, густо покрытыя лѣсомъ. Хотя служебныя обязанности не позволяли мнѣ долго разгуливать, я всегда успѣвалъ найти что нибудь новенькое и возвращался съ полной корзиной выкопанныхъ мелкихъ растеній, весь опутанный зеленью здѣшнихъ ліанъ. Тымовская долина богата вьющимися атрагенами, свойственною здѣшнимъ странамъ максимовичею (Maximowiczia,—названная такъ въ честь нашего путешественника) и ягодными актинидіями. Послѣднія, извѣстныя у ссыльныхъ подъ именемъ сахалинскаго винограда[1]), взбираются по высокимъ березамъ и пихтамъ до самой вершины дерева.

Кромѣ удовольствія прогулки среди нетронутой природы, я разсчитывалъ получить отъ этихъ ботаническихъ экскурсій укрѣпленіе моего сильно расшатаннаго здоровья. Но случилось обратное. Въ тайгѣ я сильно простудился и все лѣто страдалъ то отъ лихорадки, то отъ насморка или отъ мучительнаго кашля (гриппъ). По ночамъ меня изнуряли холодные поты. Я замѣтно перемѣнился, еще болѣе похудѣлъ и совсѣмъ обезсилѣлъ. Докторъ нашелъ, между прочимъ, причину моего недомоганія въ обстановкѣ нашей тѣсной камеры и сталъ усиленно настаивать, чтобы я изъ тюрьмы переѣхалъ на квартиру къ какому нибудь поселенцу. Доложили начальнику округа. Онъ разрѣшилъ мнѣ оставить казарму подъ предлогомъ болѣзни, а потомъ предоставилъ и другимъ моимъ товарищамъ разойтись по частнымъ квартирамъ. Изъ нихъ еще двое не имѣли опредѣленныхъ занятій, соотвѣтствующихъ ихъ способностямъ. Считаясь рабочими въ столярной мастерской, они перестали туда ходить. Хотя начальство смотрѣло на это сквозь пальцы, оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи все-таки было довольно тягостно: въ любую минуту смотритель тюрьмы могъ ихъ позвать въ мастерскую и сдѣлать публично оскорбительный выговоръ. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ, литвинъ П—й, былъ до нѣкоторой степени застрахованъ отъ этого своими услугами семейнымъ чиновникамъ: за небольшую плату онъ давалъ уроки ихъ дѣтямъ. Они его оберегали, какъ необходимаго человѣка, и можно сказать, скрасили ему годы ссылки.

Дольше всѣхъ боролся со своимъ положеніемъ В—ъ, но и онъ въ концѣ-концовъ пристроился къ тюремной канцеляріи и несъ различныя обязанности: писаря, хлѣбнаго надзирателя и друг.

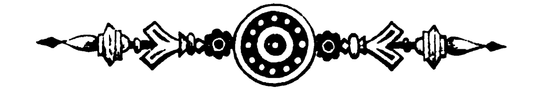

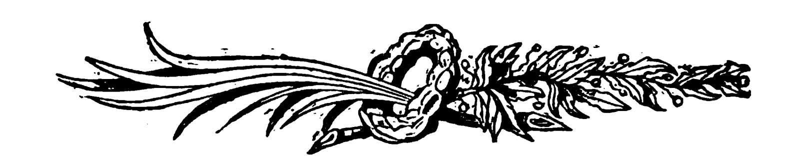
[1]) Настоящій виноградъ — vitis Thunbergii S. — растетъ въ южной половинѣ острова.

Такимъ образомъ, къ концу перваго года нашего пребыванія на островѣ, всѣ мы такъ или иначе устроились, и каждый обезпечилъ себя небольшимъ заработкомъ. Правда, немного поздно. Можно было бы устроиться гораздо раньше, и въ этомъ была вина начальника округа. Онъ самъ былъ бы радъ видѣть насъ на приличномъ для насъ дѣлѣ, но боялся, какъ бы не укорили его въ Александровскѣ въ распущенности и въ самовольномъ распоряженіи. На каждое новое послабленіе въ нашу пользу онъ искалъ одобренія высшаго начальства въ сахалинской столицѣ, и если тамъ относились снисходительно, онъ успокаивался до слѣдующаго случая, который всегда указывала сама жизнь.

Въ А. М. Бутаковѣ была дорогая черта: улаживать всевозможныя столкновенія въ его округѣ. Это стремленіе къ миру особенно оцѣнили здѣсь ссыльные изъ привилегированнаго сословія. Въ то время какъ въ Александровскѣ отношенія начальства къ интеллигентнымъ ссыльнымъ обострились до такой степени, что нѣкоторыхъ изъ нихъ наказали розгами (крайне возмутительный случай и, кажется, единственный въ сахалинской столицѣ), въ Рыковскомъ царилъ невозмутимый миръ. Этотъ контрастъ чрезвычайно благопріятно отразился на Бутаковѣ. Его ставили въ примѣръ, какъ тактичнаго администратора, а его распоряженія рекомендовались, какъ программа для другихъ округовъ. Съ появленіемъ новаго начальника Сахалина, стараго знакомаго Бутакова, слава послѣдняго, какъ хорошаго хозяина округа, еще болѣе утвердилась, и къ тайному неудовольствію и зависти остальныхъ сахалинскихъ чиновниковъ, онъ сталъ распоряжаться все болѣе и болѣе самостоятельно. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы увидимъ, Бутаковъ хорошъ былъ только, какъ исполнительный чиновникъ. Узко смотря на всѣ распоряженія свыше и гоняясь за буквою предписаній, онъ впадалъ въ большіе промахи. А съ отъѣздомъ генерала, предоставленный самому себѣ, онъ не справился со своей сложной задачей и допустилъ въ своемъ округѣ совершиться такому дѣлу, которое сгубило всю его славу и, быть можетъ, ускорило его кончину.

И. П. Миролюбовъ.

ПАМЯТИ Т. И. ФИЛИППОВА.

I.

НѢ приходится начинать статью о скончавшемся 29-го ноября 1899 г. государственномъ контролерѣ Тертіи Ивановичѣ Филипповѣ нѣсколькими словами о томъ, какъ много лѣтъ тому назадъ я поступилъ къ нему на службу въ контроль. Протекцій у меня никогда не было, и я доставалъ то или другое служебное занятіе совершенно случайно, постоянно, однако, наталкиваясь на общее мнѣніе о томъ, что литераторовъ вообще или неохотно принимаютъ на службу, или держатъ ихъ тамъ въ черномъ тѣлѣ.

Правда, первоначально на моей службѣ во временномъ управленіи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ я очень быстро получалъ повышенія, несмотря на то, что одновременно работалъ и въ газетахъ, и въ журналахъ. Но мой личный опытъ не долженъ измѣнять вопроса о литераторахъ на службѣ.

Покойный Н. В. Шелгуновъ какъ-то разъ говорилъ мнѣ, что ему на службѣ однажды предложили увеличить жалованье, если онъ броситъ литературныя занятія, а Н. С. Лѣскову, какъ извѣстно, было приказано подать прошеніе объ увольненіи со службы или измѣнить характеръ своей литературной дѣятельности. Лѣсковъ не согласился ни на то, ни на другое, и былъ уволенъ «безъ прошенія».

— Зачѣмъ вы этого хотите?—спросили его въ министерствѣ.

— Нужно! для біографіи... моей и вашей,—отвѣтилъ онъ.

Словомъ, я зналъ, что противъ литераторовъ существуетъ мно-

жество предубѣжденій въ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ.

Но о государственномъ контролѣ, находившемся въ вѣдѣніи Тертія Ивановича Филиппова, ходили слухи иного рода. Писательское званіе тамъ уважалось и не существовало боязни нравственной независимости литературныхъ людей. Литераторы ищутъ опоры жизни въ общественныхъ идеалахъ и потому переносятъ легко и съ достоинствомъ служебную дисциплину и служебныя неудачи... «У науки нравъ неробкій», говоритъ поэтъ. Въ этомъ и заключается отличіе литераторовъ отъ чиновниковъ. Серьезныя литературныя занятія своихъ подчиненныхъ Т. И. Филипповъ въ особомъ циркулярѣ (отъ 19-го сентября 1899 г.) привѣтствовалъ, «какъ признакъ высокаго и благороднаго настроенія души».

Самъ я зналъ о Т. И. Филипповѣ только одно, что его влекло къ русской литературѣ, и что онъ не страдалъ боязнью литераторовъ на службѣ. Въ контролѣ было всегда достаточное число писателей, начиная съ товарища государственнаго контролера, В. П. Череванскаго (автора: «Подъ боевымъ огнемъ», «Двѣ волны» и цѣлаго ряда драмъ); генералъ-контролера департамента военной и морской отчетности А. В. Васильева (сотрудника многихъ журналовъ и автора отдѣльныхъ изданій: «Преобразованіе высшаго церковнаго управленія Петромъ I», «Объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей», «Критика проекта уголовнаго уложенія», «Задачи и стремленія славянофильства», «О порядкѣ ликвидаціи дѣлъ несостоятельныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ», и, наконецъ, перевода Поля Жанэ: «Исторія государственной науки въ связи съ нравственностью»), чиновника особыхъ порученій Н. П. Аксакова (сотрудника въ газетахъ и автора отдѣльныхъ изданій, преимущественно по философіи и богословію), извѣстнаго публициста О. И. Каблица-Юзова («Основы народничества»), критика А. И. Введенскаго, сотрудниковъ газетъ: В. Розанова, Граматчикова, Стулли, М. Петрова и т. д.

Разговорившись случайно на улицѣ съ писателемъ Л—мъ о государственномъ контролѣ и ободренный его совѣтомъ итти туда за работой, я пошелъ къ зданію у Синяго моста, но узналъ, что Т. И. Филипповъ принимаетъ просителей въ другіе дни, а теперь вмѣсто него можно обратиться къ товарищу государственнаго контролера. Такимъ образомъ я былъ принятъ В. П. Череванскимъ. Послѣдній былъ нѣсколько удивленъ, что я обращаюсь безъ всякой рекомендаціи за работой.

— Я могу достать рекомендаціи отъ самыхъ уважаемыхъ лицъ въ Петербургѣ, если нужно... Я не сдѣлалъ этого вслѣдствіе безполезности всякихъ письменныхъ рекомендацій, а вспомнилъ о контролѣ совершенно случайно при разговорѣ съ Л—мъ, который служилъ здѣсь.

— А-а, какъ же! Какъ же! Цѣлый годъ числился и ни разу не былъ на службѣ,—перебилъ г. Черванскій.

— Ну, вотъ, видите, какая у меня отличная рекомендація!—разсмѣялся я и прибавилъ:—не всѣ литераторы, однако, такъ служатъ... Мнѣ извѣстны въ контролѣ множество литераторовъ и первый изъ нихъ Т. И. Филипповъ и вы сами...

— Дайте вашъ адресъ,—произнесъ онъ и записалъ его у себя на листѣ бумаги.

Черезъ двѣ недѣли я получилъ приглашеніе явиться въ контроль и былъ опредѣленъ В. П. Черванскимъ на службу. Здѣсь я неоднократно видѣлъ и Т. И. Филиппова, но свѣдѣнія мои о немъ болѣе почерпнуты изъ книгъ и устныхъ сообщеній близкихъ къ нему людей.

Онъ родился въ г. Ржевѣ 24-го декабря 1825 г.; воспитывался въ Тверской гимназіи и окончилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, обнаруживъ большой интересъ къ богословскимъ наукамъ, каноническому праву, къ нуждамъ старообрядцевъ и православныхъ церквей на Востокѣ, къ народному образованію и т. д. Первое время Т. И. Филипповъ былъ учителемъ русской словесности въ одной изъ московскихъ гимназій, но въ 1856 году былъ командированъ на Донъ и Азовское море для изслѣдованія нравовъ мѣстнаго населенія, а затѣмъ былъ приглашенъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, графомъ Д. А. Толстымъ, къ себѣ въ чиновники особыхъ порученій. Въ 1864 г. онъ перешелъ на службу въ контроль и достигъ въ немъ званія государственнаго контролера.

Несмотря на то, что жизнь Т. И. Филиппова прошла такимъ образомъ болѣе на государственной службѣ, онъ всего менѣе напоминаетъ собою чиновника, и ни для кого не было секретомъ, что своего прямого призванія Т. И. Филипповъ не находилъ на своемъ служебномъ посту.

Не по контролю приходится судить о немъ... Живая дѣйствительность увлекала его изъ стѣнъ департамента въ разныя общества, въ журналистику и къ частнымъ кружкамъ, среди которыхъ міросозерцаніе Т. И. было бы весьма значительнымъ, если бы судьба дала ему въ руки болѣе сильныя средства вліять на жизнь, чѣмъ тѣ, которыми онъ располагалъ. Онъ былъ болѣе литераторъ, чѣмъ практическій дѣятель... Но для оцѣнки его литературной роли слѣдуетъ вспомнить, что онъ жилъ въ эпоху борьбы славянофильства съ западничествомъ, и въ одиннадцатой части сочиненія Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», справедливо сказано, что «изъ всѣхъ членовъ «Молодого Москвитянина» Тертій Ивановичъ Филипповъ, по своему міросозерцанію, всѣхъ ближе подходитъ къ воззрѣніямъ» «Стараго Москвитянина», т. е. къ воззрѣніямъ Погодина и Шевырева». Дѣйствительно, и въ «Москвитя-

нинѣ», и «Русской Бесѣдѣ», онъ не только чуждался раціоналистическаго Запада, но усиленно ратовалъ о возвращеніи Россіи, такъ сказать, «ко днямъ Котошихина». Совѣсть его особенно была обезпокоена въ то время вліяніемъ Бѣлинскаго и Герцена на русское общество. Онъ находилъ церковный строй допетровской Руси, съ патріаршествомъ и соборами, наиболѣе соотвѣтствующимъ національнымъ особенностямъ русскаго народа. Интересно, что Т. И. Филипповъ вліялъ на молодыхъ славянофиловъ не столько журнальными статьями, сколько старинными русскими пѣснями, удивительнымъ исполненіемъ которыхъ онъ открывалъ идеалы рус-

Тертій Ивановичъ Филипповъ.

скаго народа и привлекалъ къ нимъ симпатіи всего кружка «Молодого Москвитянина». Пѣсенное богатство плѣняло слушателей народностью и религіозностью допетровской Руси, заставляя думать, что эти основы должны лечь въ основу государственности и заложить «борьбу съ Западомъ» противъ его научнаго раціонализма и демократизма учрежденій. Пѣсня, по свидѣтельству Погодина, была главною силою, постепенно слагавшею, вырабатывавшею и выяснявшею основное міровоззрѣніе кружка. Открывая и бытовыя особенности, и историческій складъ, и вѣковѣчные идеалы русскаго народа, та-же пѣсня побудила членовъ кружка основательнѣе вглядѣться въ значеніе Петровской реформы. Для западниковъ до

Петра не существовало исторической Руси, но не о томъ свидѣтельствовала народная пѣсня. Допетровская Русь, еще живущая въ этой пѣснѣ, требовала критическаго отношенія къ противоположному ей строю, созданному всѣмъ петербургскимъ періодомъ русской исторіи, оторвавшимъ отъ народа правящіе и вообще образованные классы.

Извѣстно, свидѣтельствуетъ тотъ же Погодинъ, что въ первое время знакомства съ Филипповымъ Островскій считался крайнимъ западникомъ. Въ разговорахъ онъ постоянно ссылался на авторитетъ «Отечественныхъ Записокъ» и даже цитировалъ статьи Галахова. Это такъ сердило Филиппова, что у него часто вырывались слова: «можно ли съ такимъ черепомъ ссылаться на Галахова? Вѣдь это ужъ слишкомъ обидно».

Увлекаясь ученіями Запада, Островскій завѣрялъ, что ему противенъ видъ самаго Кремля съ соборами. Онъ изумилъ однажды Филиппова, сказавъ: «Для чего здѣсь настроены эти пагоды?» Увлеченіе отрицательнымъ отношеніемъ къ русскому народу простиралось до того, что однажды на вечерѣ у М. С. Щепкина одинъ изъ западниковъ проповѣдывалъ, что народная Русь состоитъ исключительно только изъ отрицательныхъ типовъ Островскаго; что людей иного закала въ ней нѣтъ и не можетъ быть: все мошенники. «Ну, прощайте же, мошенники»,—сказалъ, прощаясь послѣ долгихъ споровъ, актеръ Провъ Михайловичъ Садовскій.

Со времени знакомства къ Филипповымъ, это острое отношеніе къ народной жизни мало-помалу смягчалось, чему способствовали и особенный взглядъ Филиппова на народную жизнь, и прежде всего жившая въ устахъ Филиппова народная пѣсня, въ которой русскій народный характеръ и особенности души русской раскрывались въ привлекательномъ, чарующемъ видѣ.

Бывали минуты, когда Островскій, увлеченный старинными народными пѣснями Филиппова, восклицалъ:

— Съ Тертіемъ да Провомъ (Садовскимъ) мы все Петрово дѣло повернемъ назадъ!

Такимъ образомъ въ «Молодомъ Москвитянинѣ» тріумвиратъ славянофильства состоялъ изъ выдающагося пѣвца патріотически-старинныхъ пѣсенъ, выдающагося писателя и замѣчательнаго актера. Филипповъ имѣлъ вліяніе не только на Островскаго, но и Апполонъ Григорьевъ былъ введенъ имъ въ редакцію «Молодого Москвитянина», по свидѣтельству Погодина, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: «Однажды, у Островскаго былъ громадный литературный вечеръ, на которомъ присутствовали представители всѣхъ литературныхъ направленій того времени. Когда большая часть гостей разошлась, и остались только близкіе Островскому люди, Филиппова просили спѣть. Послѣ одушевленно пропѣтой имъ

пѣсни, котороя на всѣхъ произвела впечатлѣніе, Григорьевъ упалъ на колѣни и просилъ кружокъ усвоить его себѣ, такъ какъ въ его направленіи онъ видитъ правду, которой искалъ въ другихъ мѣстахъ и не находилъ, а потому былъ бы счастливъ, если бы ему позволили здѣсь бросить якорь».

Любовь Филиппова къ народной пѣснѣ воодушевила и А. Ѳ. Писемскаго, который въ романѣ: «Взбаломученное море», описалъ, какъ «Тертіевъ» въ трактирѣ «Британія» пѣлъ «Ваньку Ключника», и какъ всѣ присутствующіе, отъ студентовъ до половыхъ, превращались въ олицетворенное блаженство при первыхъ напѣвахъ русскаго народничества. Т. И. Филипповъ принималъ дѣятельное участіе въ императорскомъ географическомъ обществѣ по собиранію русскихъ пѣсенныхъ напѣвовъ, и по его почину возникла въ 1884 г. особая пѣсенная комиссія, предсѣдателемъ которой Т. И. былъ до конца своей жизни. По его ходатайству были дарованы пѣсенной комиссіи средства для снаряженія экспедицій съ цѣлью собиранія русскихъ пѣсенъ съ напѣвами. Съ этой же цѣлью Т. И. пріютилъ у себя въ Петербургѣ извѣстную «сказительницу» Олонецкой губерніи, поощрялъ балалаечниковъ и русскіе хоры, надѣясь этими хорами въ войскахъ сохранить старину отъ вымиранія.

II.

Убѣжденіе Т. И. Филиппова въ необходимости создать намъ самобытную клерикально-славянскую исторію высказывалось имъ во множествѣ его журнальныхъ статей: «О народныхъ училищахъ», «О преподаваніи церковно-славянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ», «О началахъ русскаго воспитанія» и во всевозможныхъ привѣтствіяхъ митрополитамъ, четверопрестольнымъ восточнымъ патріархамъ и т. д. Въ общественномъ мнѣніи сложился на Т. И. Филиппова совершенно опредѣленный взглядъ, тѣмъ болѣе, что въ обществѣ постоянно циркулировали слухи о его вѣчной кандидатурѣ то въ министры народнаго просвѣщенія, то духовнаго вѣдомства.

Его мысли о народной школѣ вращаются около Кирилла и Меѳодія. Для религіознаго воспитанія дѣтей, по его мнѣнію, необходимо въ школахъ преподаваніе церковно-славянскаго языка, и онъ усматривалъ въ грамматикѣ Остромирова Евангелія «орудіе, какъ для яснаго разумѣнія того, что проповѣдуетъ церковь, такъ и для наукообразнаго изученія языка русскаго».

Въ рѣчи «О началахъ русскаго воспитанія» Филипповъ рекомендуетъ для школъ, преимущественно передъ другими предметами, изученіе отечественнаго языка, отечественной словесности и отечественной исторіи съ такимъ условіемъ, чтобы изученіе отече-

ственнаго языка начинать съ церковно-славянскаго, въ видахъ религіознаго воспитанія и противодѣйствія атеизму, чтобы «знакомство съ нимъ открывало воспитанниику весь смыслъ св. писанія и богослуженія», и, будучи «представителемъ языковъ и нарѣчій всего славянскаго племени», онъ помогалъ бы изучить всѣ славянскіе языки и способствовалъ бы единенію славянскаго міра. Послѣ церковно-славянскаго языка, необходимо изученіе древне-русскаго языка (проповѣдь Иларіона, лѣтопись Нестора, слово о полку Игоревѣ, вирши Симеона Полоцкаго и т. д.), какъ «залогъ патріотическихъ убѣжденій»; отечественная словесность въ живыхъ примѣрахъ не должна походить на хаотическую груду выщипанныхъ общихъ мыслей, а знакомить съ духовной жизнью русскаго народа, и, наконецъ, отечественная исторія въ ея древнемъ періодѣ покажетъ ростъ и величіе коренныхъ началъ русской жизни. Основы ея проявятся и въ церковныхъ витіяхъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства (Иларіонъ, Кириллъ и Серапіонъ), и въ Несторѣ, игуменѣ Даніилѣ, Мономахѣ и св. отцахъ— Іосифѣ Волоцкомъ, Геннадіи, Максимѣ Грекѣ, Димитріи Ростовскомъ и въ иныхъ, «которые сохранили святую православную церковь нашу отъ всѣхъ опасностей, грозившихъ ей со стороны стригольниковъ, раскольниковъ и другихъ враговъ ея».

Этотъ идеалъ народнаго образованія, съ церковно-славянскимъ языкомъ и патріотизмомъ допетровскихъ книгъ, внесъ бы сильную ломку въ нашу начальную и среднюю школу. Надо еще сказать, что Т. И. Филипповъ не чуждался живого изученія латинскаго и греческаго языковъ. Онъ самъ довольно свободно говорилъ погречески и легко читалъ книги на обоихъ языкахъ. Живой классицизмъ для чтенія книгъ и пониманія ихъ также вмѣщался въ его идеалъ о средней школѣ. Зная хорошо, что, когда Гнѣдичъ, переводчикъ Иліады, упрекнулъ Крылова незнаніемъ греческаго языка, то послѣдній выучилъ его въ полгода, а наши женщины-медички, при поступленіи на курсы, изучаютъ латинскій языкъ въ полтора года, Т. И. находилъ современное преподаваніе въ гимназіяхъ латинскаго и греческаго языка слишкомъ продолжительнымъ, направленнымъ къ инымъ цѣлямъ, для задержанія преждевременнаго развитія юношества, а не къ тому, чтобы свободно читать классическія произведенія.

По этому поводу Н. П. Аксаковъ, писатель, состоявшій въ послѣдніе годы при Т. И. Филипповѣ чиновникомъ особыхъ порученій, говорилъ мнѣ, что, когда онъ однажды отозвался о покойномъ попечителѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа, Новиковѣ, какъ о малообразованномъ человѣкѣ, то Т. И. Филипповъ остановилъ его своимъ замѣчаніемъ:

— Нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень необразованнымъ. Онъ прекрасно зналъ латинскій языкъ.. Понятно, это было до классицизма!

Разсказывая кому либо о томъ, какъ нѣкоторые его товарищи выучились читать классиковъ въ сравнительно короткій срокъ, Тертій Ивановичъ всегда пояснялъ это тѣмъ, что «это было до классицизма», и что въ современныхъ гимназіяхъ они зубрили бы много лѣтъ грамматику, отлично знали бы всякія правила и исключенія, конструкцію всякихъ оборотовъ языка, а читать и понимать книги все-таки не умѣли бы. Во взглядахъ Филиппова на образованіе современнаго общества церковно-славянскимъ языкомъ, лѣтописями и чтеніемъ классиковъ было чрезвычайно много чисто книжныхъ и теоретическихъ надеждъ на улучшеніе нашихъ нравовъ и умѣнье жить похристіански.

Я отлично помню, какъ покойный писатель Николай Семеновичъ Лѣсковъ по этому поводу неоднократно говорилъ въ кругу близкихъ къ нему людей.

— Лучше едва ли будетъ при Тертіи Ивановичѣ, если его поставятъ во главѣ министерства просвѣщенія, но кутерьмы онъ надѣлаетъ большой... Если теперь его не удовлетворяетъ вліяніе духовенства на народныя массы, то онъ добьется патріаршества и соборной силы церквей... Но только съ нимъ не помирятся ни митрополиты, ни свободные мыслители. Ему и школа нужна, гдѣ отживающія начала были бы дѣйствующими. За одно можно поручиться, что современное положеніе его не удовлетворило бы, и онъ приступилъ бы непремѣнно къ преобразованію школы. Вотъ нельзя поручиться, чтобы эти преобразованія были полезны и не завели бы насъ въъ невылазныя дебри.

III.

О религіозной терпимости Т. И. Филиппова болѣе судятъ по его заступничеству за старообрядцевъ и призыву къ уравненію въ правахъ «единовѣрческой» церкви и православной «съ единствомъ въ догматическомъ исповѣданіи, допуская при этомъ широкую свободу въ содержаніи обрядовъ» (см. «Современные церковные вопросы» и «Три замѣчательные старообрядца»). По его мнѣнію, единовѣрцы, молящіеся двуперстно, сугубящіе аллилуію, ходящіе посолонь, предпочитающіе восьмиконечный крестъ четырехконечному, различаются отъ православныхъ «щепотниковъ» только немногими обрядами. Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на его философско-христіанское отношеніе къ религіозной совѣсти людей, если бы дѣло касалось не одной свободы обряда. Свою защиту старообрядцевъ онъ совершенно ясно мотивируетъ слѣдующими словами:

«Уже нѣтъ ли въ свойствѣ самыхъ обрядовъ, содержимыхъ единовѣрцами, чего нибудь такого, что препятствовало бы принять ихъ въ полное и безусловное общеніе съ церковью? Съ увѣрен-

ностію можно отвѣчать, что нѣтъ. Не говоря уже о томъ, что нашимъ предкамъ они не мѣшали быть нѣкогда вполнѣ православными, и въ настоящее время наши епископы, служа въ единовѣрческихъ храмахъ, съ свободной и спокойной совѣстію изображаютъ на себѣ знаменіе креста двуперстнымъ сложеніемъ, служатъ по старопечатнымъ книгамъ и т. д. Мало того, очень часто въ единовѣрческіе приходы опредѣляются священники изъ приходовъ православныхъ, при чемъ они обрекаются уже на постоянное употребленіе дониконовскаго обряда; а этого, конечно, не могло бы быть, если бы въ особенностяхъ этого обряда была какая нибудь существенная погрѣшность, не дозволяющая допустить содержащихъ оныя лицъ до полнаго равенства съ послѣдователями общеправославнаго обряда».

Такимъ образомъ, примирительныя стремленія Филиппова къ раскольникамъ касаются исключительно обрядовой стороны. Въ вопросахъ же догматическаго характера онъ призываетъ на борьбу съ иновѣрами соборную силу церквей, прямо указывая на примѣръ западно-европейскаго духовенства и укоряя насъ тѣмъ, что мы «изобрѣли на этотъ случай свою теорію, которая учитъ, что пропаганда вовсе не свойственна духу православной церкви и въ кругъ нашихъ обязанностей вовсе и не входитъ; что съ насъ достаточно хранить, что имѣемъ, и не искать чужого; что тревожная дѣятельность латинской церкви объясняется свойственною всякому заблужденію и пороку склонностію умножать число своихъ послѣдователей.

«Уклоняя такимъ образомъ «сердце свое въ словеса лукавствія», чтобы въ нихъ обрѣсти мнимое оправданіе нашей лѣни, нашему равнодушію и нашей неумѣлости, мы не замѣчаемъ того, какъ мы оскорбляемъ честь и достоинство православнаго знамени». Еще болѣе властнымъ духомъ и мірскою силою дышитъ его письмо къ г. Успенскому, директору русскаго археологическаго института въ Константинополѣ: «Несмотря на то, что церковь есть основаніе и вѣнецъ нашего государственнаго и народнаго бытія, въ нашихъ высшихъ и среднихъ школахъ, въ нашей печати, въ образованныхъ слояхъ нашего общества, понятія о ней такъ сбивчивы, шатки и произвольны, что при возбужденіи какого либо важнаго церковнаго вопроса постоянно является опасность рѣшенія гибельнаго и непоправимаго. Самымъ горькимъ плодомъ запутанности нашихъ понятій въ области церковной жизни было отпаденіе отъ церкви недавно еще единовѣрнаго намъ болгарскаго народа, которое могло бы быть предотвращено, если бы, вмѣсто того, чтобы поощрять болгарскій мятежъ противъ законной власти константинопольскаго патріарха, мы стали на стражѣ божественныхъ правилъ, установленныхъ всею христіанскою вселенною и ограждающихъ сію священную власть отъ всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило: «и отъ князя, и отъ народа множества». Искры

гибельнаго для церкви пожара, объявшаго Балканы, перебросились и въ другія дальнія области православнаго востока, который въ недоумѣніи и ужасѣ ждетъ новыхъ бѣдъ и нашего отъ нихъ заступленія».

Нужно ли говорить, что его пропаганда о союзѣ національныхъ церквей въ общій патріархатъ, одухотворенный политическими цѣлями и напоминающій «князю и народу множества» свою вселенскую власть, привела бы вселенскую теократію не только къ «заступленію» за свои прерогативы и наступленію противъ всякаго отъ нихъ «отпаденія», но также и къ стремленію сдѣлаться «вѣнцомъ нашего государственнаго бытія» и «въ высшихъ школахъ», и «въ печати», и въ «образованныхъ слояхъ нашего общества».

А между тѣмъ, всюду государства уже пережили церковное руководительство, и просвѣщеніе народовъ зависитъ болѣе отъ научнаго и политическаго прогресса.

Не признавая такимъ образомъ за Т. И. Филипповымъ — на службѣ энергіи, а въ литературѣ сочувствія къ современнымъ идеямъ о народномъ образованіи и управленіи, мы не можемъ отказать ему въ томъ, что онъ искалъ правды то въ національно-патріотической школѣ, то въ соборной силѣ вселенскихъ іерарховъ, то въ славянскомъ Константинополѣ, то въ филантропическихъ обществахъ, то въ старинныхъ пѣсняхъ......

Поэтическое и тревожное настроеніе Филиппова находило всего болѣе удовлетворенія, конечно, въ литературѣ, несмотря на то, что здѣсь «человѣка берегутъ, какъ на турецкой перестрѣлкѣ». Эту его любовь къ литературѣ слѣдуетъ помянуть добрымъ словомъ. Его уваженіе къ заслугамъ писателя передъ государствомъ простиралось до того, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ готовилъ докладъ на высочайшее имя о дарованіи дѣтямъ писателей средствъ къ образованію и положенію въ обществѣ.

— Память къ имени писателей обязываетъ же насъ къ чему нибудь или нѣтъ? — горячо спрашивалъ онъ близкихъ къ нему друзей.

Онъ до такой степени могъ увлекаться заслугами человѣка въ искусствахъ, что неоднократно говорилъ:

— Если бы Глинка пришелъ проситься ко мнѣ въ контроль, я бы принялъ его... То, что онъ прикажетъ, то я бы и дѣлалъ. Вѣдь эти люди родятся вѣками, и мы должны сами служить имъ, а не они у насъ.

Вотъ какъ смотрѣлъ Т. И. на крупные таланты и видѣлъ въ нихъ милость Божію къ людямъ. Дѣйствительно, много ли людей возвышаются надъ низменностью своей природы красотой, удивительнымъ умѣньемъ сочетать музыкальные звуки инструментомъ или голосомъ, а внѣшнія краски на полотнѣ, и еще болѣе написать образы, среди которыхъ мы живемъ, произнести

надъ ними литературный судъ и плѣнить насъ внутреннимъ своимъ свѣтомъ разума и вѣры? Эти люди рѣдкими своими дарами служатъ человѣчеству гораздо болѣе, чѣмъ самые выдающіеся чиновники. «Иліада» была благовѣстіемъ для читателя древняго міра, «Божественная комедія» для средневѣковаго, «Библія» — для реформаціоннаго періода. Для насъ Шекспиръ, Гете, Байронъ, Пушкинъ, Л. Толстой воспитали «образъ духа» и «божій ликъ», съ которыми мы не можемъ разстаться, не утративъ своего благородства. Это ли не заслуга литературы передъ человѣчествомъ? «Міръ»,—говоритъ одинъ изъ писателей,—«сотворенъ словомъ, и этому же слову принадлежитъ устроеніе міра во всѣ вѣка». Т. И. Филипповъ чувствовалъ это значеніе литературы, и у меня сохранилось живое доказательство его къ ней уваженія.

IV.

Тертій Ивановичъ Филипповъ былъ одно время въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Николаемъ Семеновичемъ Лѣсковымъ. Неудивительно, что послѣдній, до вліянія на него Л. Н. Толстого, многими своими мыслями о церкви и государствѣ былъ милъ и Т. И. Филиппову, и И. Д. Делянову и др. Еще въ 1863 году, по порученію министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, Н. С. Лѣсковъ былъ командированъ въ городъ Ригу для изслѣдованія мѣстнаго раскола. Его записки «О раскольникахъ города Риги, преимущественно въ отношеніи къ школамъ» представляютъ собою цѣнный трудъ, хотя уже въ немъ авторъ высказываетъ гораздо болѣе терпимости къ чужой совѣсти, чѣмъ Т. И. Филипповъ въ проектируемыхъ послѣднимъ клерикальнаго характера народныхъ школахъ. Предлагая для раскольниковъ города Риги школы для первоначальнаго обученія, не смѣшанныя съ православными, какъ лучшее средство для желаемаго сліянія раскола съ православіемъ, Лѣсковъ для торжества самаго дѣла пишетъ, что не слѣдуетъ «обученіе священной исторіи по избранному руководству возлагать ни на какое духовное лицо, а пусть ему учитъ тотъ же учитель. Мудрость очень не большая, и въ новую ересь никто не впадетъ отъ чтенія библейскихъ и евангельскихъ исторій. По крайней мѣрѣ, въ школѣ этого не случится, а за школой можетъ быть все, и отъ этого не упасешься». Для раскольничьихъ дѣтей, поступающихъ въ среднія и высшія учебныя заведенія, онъ требовалъ таковаго же «независимаго положенія отъ православнаго законоучителя, въ какомъ находятся дѣти лютеранъ, католиковъ, кальвинистовъ и вообще христіанъ неправославнаго исповѣданія, обучающіяся въ русскихъ гимназіяхъ, лицеяхъ и университетахъ». Самъ Лѣсковъ чрезвычайно былъ начитанъ по церковнымъ вопросамъ, и, конечно, это сближало его съ

Т. И. Филипповымъ. Лѣсковъ даже напечаталъ въ 1879 году въ типографіи императорской академіи наукъ такъ называемую «Указку къ книгѣ Новаго Завѣта», въ которой суммированы параграфы разныхъ главъ изъ евангелистовъ на особыя темы подъ заглавіями: «Покаяніе», «Милосердіе къ ближнимъ», «Прощеніе обидъ», «Осужденіе», «Лицемѣріе», «Зерно горчичное», «Таланты» и т. д.

Въ концѣ того же 1879 года, Н. С. Лѣсковъ дѣлалъ въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія (см. журналъ отъ 4 октября 1879 г., за № 387) докладъ: «О преподаваніи Закона Божія въ народныхъ школахъ», гдѣ, возбудивъ вопросы о томъ, начинать ли преподаваніе Закона Божія съ катехизиса, съ молитвъ или съ священной исторіи, онъ стоитъ за допущеніе свѣтскихъ учителей къ преподаванію Закона Божія, особенно послѣ того, какъ, выслушавъ докладъ Лѣскова, особый отдѣлъ ученаго комитета пришелъ къ заключенію, что «въ приходахъ съ густымъ православнымъ населеніемъ число священниковъ больше числа училищъ; при всемъ томъ въ нѣкоторыхъ училищахъ не оказывается законоучителей-священниковъ, и необходимо употребить особыя побудительныя мѣры къ тому, чтобы священники не уклонялись отъ преподаванія Закона Божія»... Словомъ, Н. С. Лѣсковъ въ первые годы своего знакомства съ Филипповымъ долгое время работалъ въ одной и той же церковной сферѣ, хотя съ несомнѣнными признаками разногласія, а своими «Соборянами» и «Запечатлѣннымъ ангеломъ» совершенно покорилъ Филиппова.

Николай Семеновичъ неоднократно показывалъ мнѣ визитныя карточки къ нему Филиппова, Делянова и другихъ лицъ, всякій разъ прибавляя:

— А теперь они мною пренебрегаютъ... Видно, и я чѣмъ нибудь былъ недоволенъ ими, если мы разошлись. Я долгое время работалъ въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, пока Тертій Ивановичъ Филипповъ и Деляновъ, одни изъ первыхъ, не признали мою литературную дѣятельность крайне нежелательной и настояли на моемъ увольненіи съ государственной службы.

Враждебныя чувства между Лѣсковымъ и бывшими его единомышленниками продолжались долго, и я неоднократно слышалъ отъ сына Лѣскова, Андрея Николаевича, что его отецъ особенно бывалъ въ семьѣ вспыльчивъ и рѣзокъ въ тѣ дни, когда встрѣчалъ на улицѣ или въ книжномъ магазинѣ Тертія Ивановича Филиппова.

Я зналъ это нерасположеніе Лѣскова къ лицамъ, съ которыми въ прошломъ онъ дѣлилъ хлѣбъ-соль... Вотъ почему я былъ крайне удивленъ, когда за нѣсколько дней до своей смерти, 21 февраля 1895 года, Николай Семеновичъ встрѣтилъ меня на порогѣ своей квартиры восклицаніемъ:

— Знаете, кто былъ у меня сейчасъ... передъ вами?.. Тертій Ивановичъ Филипповъ!

Пока я раздѣвался въ передней, Лѣсковъ возбужденно продолжалъ:

— На порогѣ этой комнаты онъ стоялъ и говорилъ: вы меня примете, Николай Семеновичъ?

— Ну, и вы видѣлись?

— И мы видѣлись... Я сказалъ ему: «прошу, войдите въ комнату», и тотчасъ же самъ сталъ по срединѣ кабинета, не дѣлая шага къ нему на встрѣчу.

Лѣсковъ изобразилъ предо мною позу, въ которой онъ стоялъ у себя въ кабинетѣ и ждалъ Т. И. Филиппова, пока прислуга помогала послѣднему раздѣваться въ передней.

— Я,—продолжалъ онъ:—не зналъ, чѣмъ объяснить этотъ визитъ и какъ мнѣ себя держать, и что говорить съ государственнымъ контролеромъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ и, приблизившись ко мнѣ, сказалъ: «я пришелъ къ вамъ, Николай Семеновичъ, мириться... Я прочиталъ вновь ваши произведенія, и меня вдругъ потянуло къ вамъ. Сегодня прощеный день, и если я чѣмъ виновенъ передъ вами, то простите меня. Если уже мириться, то мириться по-настоящему»... Онъ вдругъ опустился на колѣни вотъ здѣсь, посреди этого самаго кабинета...

— Неужели?

— Да, представьте мое положеніе?! Я, впрочемъ,—продолжалъ Лѣсковъ,—быстро сдѣлалъ то же самое... Мы обнялись, поцѣловали другъ друга и заплакали. Я уже не помню, какъ мы сѣли за письменный столъ. Но я былъ счастливъ, когда онъ говорилъ мнѣ: «Я вновь перечитывалъ васъ и когда читалъ, мнѣ вспоминалось все, что вы вытерпѣли, и я почувствовалъ потребность вновь васъ видѣть». Я благодарилъ и искалъ предмета для разговора. Противъ насъ на столѣ у меня стояли портреты: Гладстона, Л. Толстого, Дарвина, и снимки съ картинъ Н. Н. Ге. Вѣдь ему всѣ они противны! И вдругъ я почувствовалъ, что хоть опять становись на колѣни; что вотъ сейчасъ намъ не о чемъ будетъ говорить. За послѣдніе годы мы ушли въ разныя стороны такъ далеко, что не умѣемъ вернуться даже ко дню смерти. Я вспомнилъ, что онъ интересовался когда-то соборнымъ дѣломъ въ церковныхъ вопросахъ, и мы разговорились. Наконецъ добрались и до литературы.

— Слыхалъ,—произнесъ я:—вы не чуждаетесь писателей и принимаете ихъ на службу. Отвѣтъ государственнаго контролера дышалъ благородствомъ, когда онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Писателю, дорожащему своимъ достоинствомъ, трудно жить литературой, когда самой литературы-то нѣтъ, и все литературное идетъ на убыль... Языкъ не повернется противъ нихъ, если кто нибудь запасется мѣстечкомъ въ сто-двѣсти рублей и не съ пустымъ же-

лудкомъ понесетъ рукопись къ нашимъ редакторамъ. Вѣдь даже Шевченко сочинялъ стихи, а жилъ часто перепискою нотъ...».

Тутъ я воодушевился и воскликнулъ:

— Но общество-то наше какое! Оно не сознаетъ значенія для себя литературы и не дорожитъ писателемъ въ учрежденіяхъ. Есть какой-то департаментъ у Синяго моста, гдѣ, говорятъ, ютятся немногіе изъ насъ; но и это кому-то мѣшаетъ, и въ нѣкоторыхъ газетахъ уже прокричали, что это славянофильскій департаментъ, а не чиновничій. Экое горе для газетъ!—подумаешь. Въ департаментѣ сидятъ литераторы! Три... четыре... да и обчелся! Но и на этомъ спасибо... Все-таки вкусъ въ комъ-то тамъ есть, на верху: имѣть дѣло не съ одними приказными, а и съ писателями. А ущербъ казнѣ произойти едва ли можетъ... Вознаградя прилично писателя на службѣ, и онъ займется ею старательно, и съ толкомъ, не опасаясь, что ему придется десятки лѣтъ ждать прибавки жалованья и т. д. Сомнѣваться въ его способностяхъ не представляется нужды. А то, вѣдь, тоже наши меценаты опредѣлятъ писателя на службу съ окладомъ, котораго едва хватаетъ на овсянку, да и забудутъ, что курьеръ заработаетъ больше разносомъ пакетовъ. При этомъ условіи еще удивляются, отчего это писатели плохіе работники на службѣ! Я, вѣдь, самъ служилъ и знаю этотъ взглядъ о писателяхъ на государственной службѣ. Хорошо еще, что гдѣ-то ихъ терпятъ... Точно дѣятельность въ литературѣ ничего не стоитъ для государственныхъ интересовъ; точно какой нибудь секретарь и дѣлопроизводитель—болѣе полезный членъ государства! Я радуюсь, Тертій Ивановичъ, что вы дорожите литературными людьми въ вашихъ бюрократическихъ берлогахъ. Пора въ такой мало культурной странѣ, какъ Россія, цѣнить писателя выше чиновника и принимать его на службу, не жалѣя денегъ и не сомнѣваясь въ томъ, что государство выиграетъ и въ частности, и въ общемъ, если литературные люди войдутъ въ его учрежденія и салоны. Не страшиться надо литераторовъ, а манить къ себѣ. При всѣхъ ихъ недостаткахъ, литературная среда все-таки умная среда и уже, конечно, честнѣйшая изъ всѣхъ остальныхъ.

Хотя въ послѣдніе годы своей жизни Николай Семеновичъ и осуждалъ пребываніе литераторовъ на государственной службѣ, говоря, что двумъ богамъ нельзя служить, что «музы ревнивы», и что «совмѣстительство» всегда вредно для мысли; но онъ на этотъ разъ видимо былъ доволенъ Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ за терпимость къ литераторамъ и всячески старался похвалить его за это.

Отъ нервнаго возбужденія Лѣсковъ долженъ былъ нѣсколько минутъ отдохнуть и потомъ опять продолжалъ разговоръ.

— Говорю я такъ съ нимъ о литературѣ и чувствую, что скоро уже и не о чемъ будетъ говорить... Не много намъ жить остается,

а говорить не о чемъ... Грустно! Оживлялся я, когда вспоминалъ, что вѣдь другіе и этого не сдѣлаютъ: не придутъ мириться ко мнѣ. Враговъ у меня всюду много, а вотъ только одинъ понялъ меня и пришелъ утѣшить. Много ли даже въ литературѣ-то найдется лицъ, перечитывающихъ меня въ настоящее время, чтобы судить болѣе правильно обо мнѣ и прійти ко мнѣ съ миромъ? Много ли? А, вѣдь, меня мѣшкомъ по головѣ не били, и не хуже я этихъ другихъ въ русской литературѣ. Вѣдь черезъ пять-шесть десятковъ лѣтъ люди будутъ только читать наши книги, а не пáртійные счета. Желалъ бы я знать, много ли такихъ книгъ у моихъ враговъ уцѣлѣетъ для потомства... Очень желалъ бы! Вѣдь это все одна письменность!.. Нужно же правду говорить, и о себѣ я скажу, что за послѣднее время настоящую литературу дѣлали Толстой, Тургеневъ и я... Многіе писатели дали намъ широкія полотна русской жизни съ большими фигурами, но они не умѣли открывать обществу новые горизонты, новыя направленія и вести его за собою къ опредѣленному идеалу. У насъ онъ былъ. Не люблю я говорить о себѣ, а если придется къ слову, то и меня въ родины мамка на полъ головой не роняла.

Лѣсковъ поспѣшилъ вернуться къ прерванной темѣ, такъ какъ дѣйствительно о себѣ лично онъ всегда говорилъ только въ связи съ общимъ интересомъ.

— Вотъ такъ мы съ Тертіемъ Ивановичемъ многого касались понемногу... Онъ даже выразилъ надежду видѣть меня у себя.

— Я никуда нé хожу — отвѣчалъ я... Подыматься тяжело по лѣстницѣ.

— О, я не высоко живу. Нѣсколько ступеней.

— Да, нѣтъ... Вообще вы живете для меня высоко!

Мой гость засмѣялся и не обидѣлся на мою откровенность. Я очень взволнованъ его визитомъ и радъ. По крайней мѣрѣ, кланяться будемъ на томъ свѣтѣ.

Лѣсковъ серіозно говорилъ о томъ свѣтѣ и нѣсколько разъ спрашивалъ меня:

— Вѣдь, это хорошо, что мы помирились? Вы какъ думаете?..

— Конечно, хорошо.

— То-то! Я тоже думаю, что хорошо. Пусть молодые люди учатся у стариковъ прощать обиды другъ другу и привѣтствовать въ себѣ радость и миръ.

— А только не думаете вы, — продолжалъ Лѣсковъ:—что это могло быть у него въ прощеные дни масляницы простымъ византіизмомъ?

— Будемъ лучше думать по-хорошему...

— Вѣрно! Лучше буду вѣрить, что онъ оцѣнилъ меня самого, и мои произведенія потянули его ко мнѣ... Жить намъ не много остается, и ему также захотѣлось приготовиться къ тому, какъ

намъ встрѣтиться въ иной жизни. Вѣдь сколько тамъ встрѣчъ ожидаетъ насъ, и какія интересныя встрѣчи!

Къ этимъ словамъ Н. С. Лѣскова слѣдуетъ добавить то, что, спустя нѣсколько дней, 21 февр. 1895 г., Лѣсковъ дѣйствительно скончался, и, разумѣется, его примиреніе съ Т. И. Филипповымъ было одною изъ послѣднихъ радостей его земной жизни.

Кто вдумается въ характеръ этой «радости», тому будетъ дорогъ Т. И. Филипповъ, способный бывало не только покорять Островскаго и Григорьева пѣсней, но и самого Лѣскова христіанскимъ подъемомъ души... Въ бюрократическихъ сферахъ, гдѣ чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе дѣлается сухаремъ, Т. И. Филипповъ поражаетъ захватами своей, хотя бы съ отживающими началами, мысли о національной школѣ, о соборной церкви, о славянской взаимности, о народномъ творчествѣ, и яркимъ блескомъ христіанской души въ исключительныхъ случаяхъ. Чтобы оцѣнить врага, чтобы перечитать его и, вспомнивъ его страданія за идеи, прійти къ нему, какъ бы это ни было поздно, съ признаніемъ его заслугъ,—нужно самому имѣть благородное сердце. Оно-то и выдѣляетъ Т. И., въ нашей бюрократіи, какъ бы ни были ошибочны его литературныя мнѣнія о вопросахъ міра сего, и какъ бы ни былъ часто онъ виновенъ передъ своими ближними...

А. Фаресовъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ [1]).

СКОНЧАВШІЙСЯ 22 декабря прошлаго года Д. В. Григоровичъ несомнѣнно занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ числѣ писателей, выступившихъ на литературное поприще въ достопамятную эпоху сороковыхъ годовъ: онъ стоитъ въ первыхъ рядахъ тѣхъ борцовъ, которые ополчились противъ коренного зла русской жизни дореформенной поры и дали себѣ Аннибаловскую клятву итти на того могучаго врага, какимъ представлялось крѣпостное право. По времени Григоровичъ даже первый застрѣльщикъ въ этомъ бою, а вмѣстѣ съ этимъ ему никакъ нельзя отказать въ далеко незаурядномъ художественномъ талантѣ, такъ что значеніе его врядъ ли можетъ быть исчерпано исключительно историческимъ интересомъ той борьбы, въ которой ему привелось принимать участіе: нѣкоторыя его произведенія пережили эту борьбу, да, вѣроятно, и впослѣдствіи не утратятъ вполнѣ своего значенія. Обстоятельная оцѣнка сочиненій Григоровича, конечно, еще дѣло будущаго, и я не претендую дать ее въ своей небольшой статьѣ, задача которой заключается лишь въ томъ, чтобы напомнить читателямъ нѣкоторые факты изъ біографіи почившаго писателя, существенно-важные для его духовнаго развитія, и намѣтить въ общихъ чертахъ, какое значеніе можетъ имѣть его продолжительная литературная дѣятельность.

---

[1]) Сообщеніе, читанное въ засѣданіи Русскаго Библіологическаго общества, 29 января 1900 года.

Родился Григоровичъ въ Симбирскѣ 19 марта 1822 года. По происхожденію онъ былъ на половину малороссъ, на половину французъ. Его отецъ, Василій Ильичъ, умеръ, когда нашему писателю было всего пять лѣтъ, такъ что мы имѣемъ о немъ свѣдѣнія только въ «Воспоминаніяхъ» гр. В. А. Сологуба; Григоровичъ-отецъ, отставной кавалеристъ, помѣщикъ, управлялъ имѣніемъ гр. Сологубовъ и отличался чрезвычайной энергіей и практичностью, такими чертами характера, которыя по наслѣдственности перешли и къ нашему писателю. Мать Григоровича была француженка, дочь роялиста, погибшаго во время революціи (по однимъ свѣдѣніямъ, ея фамилія была де-Вармонъ, а по другимъ—Ледантю), и, судя по тѣмъ даннымъ, которыя сообщаетъ Григоровичъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ», личность довольно безцвѣтная, совсѣмъ стушевывавшаяся передъ бабушкой нашего писателя, которая наоборотъ отличалась властнымъ, немного деспотическимъ характеромъ, была очень умная и начитанная старуха, вольтеріанка въ душѣ, по своему нравственному облику нѣчто подходящее къ тому типу, который очерченъ гр. Л. Н. Толстымъ въ лицѣ князя Болконскаго отца. «Матушка, разсказываетъ Григоровичъ, неустанно суетилась по хозяйству, но главнымъ образомъ занималась лѣченіемъ больныхъ. Извѣстность ея, какъ искусной лѣкарки, не ограничивалась нашей деревней,—больные приходили и пріѣзжали чуть не со всѣхъ концовъ уѣзда». Быть можетъ, нѣкоторыя черты своей матери Григоровичъ придалъ той старушкѣ-помѣщицѣ, занимающейся лѣченіемъ, которую онъ выводитъ въ разсказѣ «Бобыль». Во всякомъ случаѣ всѣ эти хозяйственныя и медицинскія занятія поглощали много времени у матери Григоровича, и его воспитаніемъ завѣдовала главнымъ образомъ бабушка.

Пяти лѣтъ ребенка засадили за французскую азбуку: книжка была иллюстрирована раскрашенными картинками, на которыя мальчикъ набросился съ такою жадностью, что по цѣлымъ днямъ не разставался со своимъ букваремъ и украдкой уносилъ ее къ себѣ въ постель. Въ этомъ пристрастіи къ картинкамъ мы можемъ видѣть пробужденіе тѣхъ художественныхъ склонностей, которымъ привелось впослѣдствіи сыграть весьма важную роль въ судьбѣ нашего писателя. Параллельно съ чтеніемъ шло обученіе чистописанію, производившееся бабушкой съ крайнимъ педантизмомъ; отъ азбуки и чистописанія перешли разомъ къ спряженію глаголовъ «être» и «avoir», надъ которымъ было пролито много слезъ. Конечно, весьма важнымъ недостаткомъ этого воспитанія было полное отсутствіе преподаванія русскаго языка, которому обѣ француженки не могли научить ребенка. Педантизмъ, проникавшій весь складъ домашней жизни, не всегда разумныя (а, можетъ быть, и прямо неразумныя) педагогическія требованія бабушки, которая, какъ и князь Болконскій отецъ, считала главнымъ достоинствомъ человѣка дѣятель-

ность, привели къ тому, что въ воспоминаніяхъ Григоровича о его дѣтствѣ единственнымъ симпатичнымъ лицомъ является камердинеръ его отца, Николай, играющій въ жизни Григоровича такую же роль, какъ въ біографіи Пушкина знаменитая Арина Родіоновна, или въ дѣтствѣ Тургенева тотъ дворовый, котораго онъ намъ представилъ въ повѣсти «Пунинъ и Бабуринъ». Между Николаемъ и маленькимъ бариномъ установились самыя нѣжныя, дружескія отношенія. «Онъ любилъ меня,—передаетъ Григоровичъ,—какъ будто я десять разъ былъ его роднымъ сыномъ, какъ будто отецъ мой, передъ памятью котораго онъ благоговѣлъ, завѣщалъ ему утѣшать меня, любить и ласкать. О немъ можно сказать то же, что Филаретъ говорилъ о русскомъ народѣ: «въ немъ свѣту мало, но теплоты много». По цѣлымъ часамъ караулилъ онъ, когда меня пустятъ гулять, бралъ на руки, водилъ по полямъ и рощамъ, разсказывалъ разныя приключенія и сказки. Не помню, конечно, его разсказовъ, помню только его ласковое, сердечное обращеніе; за весь холодъ и одиночество моей дѣтской жизни я отогрѣвался только — когда былъ съ Николаемъ». У этого-то Николая и у другихъ дворовыхъ и крестьянъ Григоровичъ, до восьми лѣтъ не видавшій русской книжки, выучился хоть немного русскому языку.

Пришла пора опредѣлить мальчика въ учебное заведеніе: свезли его въ Москву и отдали въ гимназію. Однако здѣсь онъ пробылъ всего два мѣсяца, такъ какъ въ русскомъ языкѣ оказался слишкомъ слабымъ, да и послѣ женскаго воспитанія никакъ не могъ привыкнуть къ суровому гимназическому режиму и къ обществу шалуновъ-товарищей, постоянно трунившихъ надъ нимъ и кричавшихъ подъ ухо: «команъ ву франсе». Мальчикъ заболѣлъ нервной горячкой, мать поспѣшила его взять изъ гимназіи и нашла для него помѣщеніе въ пансіонѣ Монигетти. Врядъ ли, однако, обстановка этого quasi-пансіона могла бы удовлетворить самаго невзыскательнаго педагога. Ни г. Монигетти, ни его супруга нимало не подходили къ роли воспитателей: онъ содержалъ винный погребъ, она была хозяйка моднаго магазина; а такъ какъ трое ихъ сыновей достигли учебнаго возраста, то супруги, чтобы удешевить ихъ воспитаніе, задумали открыть пансіонъ для дворянскихъ дѣтей, такъ что дѣти Монигетти прекрасно могли обучаться на дворянскій счетъ, и, кромѣ этого, могла получаться еще кое-какая прибыль. «Г-жа Монигетти, вспоминаетъ Григоровичъ, была женщина умная, бойкая, привыкшая командовать, особенно надъ мужемъ, но въ сущности имѣла доброе сердце и обращалась съ нами по-родительски. Не слѣдовало ей только противорѣчить; она сама говорила, что тогда горчица подступаетъ ей къ носу; голосъ ея въ такихъ случаяхъ раздавался по всему дому, и все мгновенно утихало, какъ передъ бурей; но горчица отходила отъ носа, — и снова все шло обычнымъ порядкомъ». Педагогическій персоналъ въ этомъ импро-

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ (въ 1850 году).

визированномъ пансіонѣ тоже не могъ похвалиться своими достоинствами. Главный руководитель образованія, швейцарецъ де-Метраль, «былъ видный, рослый, бѣлокурый красавецъ лѣтъ тридцати пяти; румянецъ во всю щеку на открытомъ веселомъ лицѣ, живая походка, звонкій голосъ; такая наружность не могла, конечно, принадлежать строгому, сухому педанту; онъ имъ и не былъ, но прежде всего былъ бонвиванъ, жуиръ, весельчакъ, тщательно скрывавшій

свои похожденія отъ г-жи Монигетти». Преподавалъ онъ на французскомъ языкѣ всѣ науки, изъ которыхъ самой важной считалъ миѳологію. Нѣмецъ являлся больше «для счета», и также для счета приходилъ разъ въ недѣлю учитель русскаго языка, какой-то старенькій чиновникъ; урокъ его состоялъ въ диктовкѣ, которую къ слѣдующему разу полагалось переписать набѣло. Не мудрено, что при такомъ обученіи Григоровичъ ровно ничего не вынесъ изъ пансіона, и за три года его пребыванія у Монигетти умственныя его способности, какъ онъ выражается, не двинулись ни на одинъ градусъ. Однако нѣкоторую пользу за это время принесли ему посѣщенія Строгановскаго училища рисованія, развивая въ немъ его любовь къ живописи.

Окончилось ученіе у Монигетти, потому что пансіонъ закрылся, и послѣ этого Григоровичъ попадаетъ въ инженерное училище. Тутъ дѣйствовала опять-таки случайность. «Матушка моя, — говоритъ Григоровичъ, — отправляясь въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы отдать меня въ пансіонъ или кадетскій корпусъ, сидѣла въ дилижансѣ съ московскою дамой, г-жей Толстой, ѣхавшей съ опредѣленной цѣлью: сдѣлать сына инженеромъ. Дамы разговорились. Узнавъ отъ собесѣдницы, что инженерная служба не такъ тягостна, какъ военная, и инженерное училище считается первымъ военно-учебнымъ заведеніемъ въ Россіи, матушка тутъ же рѣшила послѣдовать ея примѣру». Для подготовки къ училищу Григоровичъ былъ отданъ капитану Костомарову, и въ 1835 г., отличившись на на экзаменахъ по французскому языку и рисованію, былъ принятъ въ юнкера.

Пребываніе въ этой новой школѣ, которая сама по себѣ была очень не дурна, тоже не могло принести особенной пользы Григоровичу, такъ какъ ни къ инженерной наукѣ, ни къ военной службѣ никакими стремленіями онъ не отличался. Но среди товарищей онъ сошелся съ Ѳ. М. Достоевскимъ, съ которымъ еще познакомился ранѣе, и это сближеніе содѣйствовало зарожденію въ немъ любви къ литературѣ. «Съ неумѣренною пылкостью моего темперамента и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнею мягкостью и податливостью характера, говоритъ Григоровичъ, я не ограничился привязанностью къ Достоевскому, но совершенно подчинился его вліянію. Оно, надо сказать, было для меня въ то время въ высшей степени благотворно. Достоевскій во всѣхъ отношеніяхъ былъ выше меня по развитости: его начитанность изумляла меня. То, что сообщалъ онъ о сочиненіяхъ писателей, имени которыхъ я никогда не слыхалъ, было для меня откровеніемъ. До него я и большинство остальныхъ нашихъ товарищей читали спеціальные учебники и лекціи, и не только потому, что постороннія книги запрещалось носить въ училище, но и вслѣдствіе общаго равнодушія къ литературѣ». Первыя литературныя произведенія, сообщенныя Григоровичу Достоевскимъ, были пере-

воды романовъ Купера, Вальтеръ-Скотта и Гофмана. Особенно увлекался Григоровичъ произведеніями Купера, и нѣкоторый отголосокъ этого увлеченія можно видѣть въ формѣ его собственныхъ повѣстей и романовъ, преимущественно въ описаніяхъ природы. Чтеніе повело за собой первыя попытки писать: прочитавъ Шиллеровскихъ «Разбойниковъ», Григоровичъ принялся сочинять драму изъ итальянскихъ нравовъ «Замокъ Морвено», но, написавъ первую сцену, остановился, такъ какъ «съ одной стороны помѣшало безсиліе воображенія, съ другой—неумѣнье выражать на русскомъ языкѣ то, что хотѣлось». Ко времени пребыванія въ инженерномъ училищѣ относится и другое литературное знакомство Григоровича: прочитавъ сборникъ стихотвореній «Мечты и Звуки», онъ поспѣшилъ отправиться къ автору, Н. А. Некрасову. Сборникъ былъ совсѣмъ неудаченъ. Некрасову, какъ извѣстно, жестоко за него досталось отъ тогдашней критики, такъ что онъ даже старался его уничтожать, поэтому, конечно, сочувствіе, выраженное ему юнкеромъ Григоровичемъ, должно было доставить ему особенное удовольствіе, и впослѣдствіи Некрасовъ вводитъ своего знакомаго въ литературные кружки.

Инженернаго училища Григоровичъ не окончилъ и съ согласія матери перешелъ въ академію художествъ, но здѣсь онъ пробылъ недолго: несмотря на усердныя въ первое время занятія рисованіемъ, дѣло не пошло, потому что явились другіе интересы, увлеченіе театромъ и въ особенности одной воспитанницей театральной школы. Григоровичъ пытался даже самъ поступить на сцену, но дебютъ его былъ совсѣмъ неудаченъ, и наконецъ, послѣ разныхъ перипетій, онъ зачисляется на службу въ канцелярію директора театровъ, А. М. Гедеонова. Черезъ своихъ театральныхъ знакомыхъ онъ понемножку сближается съ нѣкоторыми представителями тогдашней литературы, В. Р. Зотовымъ, Ѳ. А. Кони, съ издателемъ «Энциклопедическаго Словаря», Плюшаромъ, который первый натолкнулъ Григоровича на литературную работу. Затѣявъ изданіе «Сто одна повѣсть и сорокъ сороковъ анекдотовъ», Плюшаръ чрезвычайно былъ доволенъ, найдя въ Григоровичѣ переводчика съ французскаго языка, тѣмъ болѣе, что этотъ переводчикъ былъ вполнѣ счастливъ отъ одного того, что его трудъ появится въ печати, и не помышлялъ о гонорарѣ. Первая переведенная Григоровичемъ повѣсть называлась «Пловучій маякъ», а затѣмъ, благодаря похваламъ Плюшара, Григоровичъ продолжалъ переводить не только повѣсти, но и приложенные къ нимъ анекдоты. Черезъ Плюшара завязывается знакомство съ Гречемъ, по порученію котораго Григоровичъ приготовляетъ сокращенный переводъ французской повѣсти «Эрленбунскій священникъ».

Отъ переводовъ, благодаря Некрасову, Григоровичъ переходитъ къ компиляціямъ. Некрасовъ принесъ ему «полдюжины француз-

скихъ брошюръ, заключавшихъ цѣлый трактатъ о танцахъ «полькѣ» и «редовы», вошедшихъ тогда въ моду». Изъ этихъ брошюрокъ Григоровичъ составилъ книжку «Полька въ Петербургѣ», изданную Некрасовымъ. Слѣдующимъ литературнымъ предпріятіемъ Некрасова былъ сборникъ «Первое апрѣля», для котораго Григоровичъ написалъ предисловіе и повѣсть «Штука полотна». Эти первыя оригинальныя произведенія Григоровича совершенно ничтожны по своему содержанію, и ему пришлось самому услышать о нихъ самые нелестные отзывы Губера и Тургенева, съ которыми онъ послѣ этого познакомился. Встрѣча съ Тургеневымъ была очень забавна. «Я шелъ, разсказываетъ Григоровичъ, по Невскому съ Некрасовымъ; насъ догналъ высокій господинъ смѣющагося вида и тотчасъ же началъ трунить надъ изданіемъ «Первое апрѣля», особенно подымая на смѣхъ разсказъ «Штука полотна». Некрасовъ указалъ на меня, какъ на сочинителя разсказа. Тургеневъ удивленно взглянулъ на меня, разсѣянно пожалъ мнѣ руку и продолжалъ смѣяться надъ книжкой».

Гораздо удачнѣе этихъ первыхъ опытовъ оказались разсказы «Петербургскіе шарманщики» и «Лотерейный балъ», помѣщенные въ Некрасовскомъ сборникѣ «Физіологія Петербурга». Объ этихъ разсказахъ, въ особенности о «Шарманщикахъ», съ похвалой отозвался Бѣлинскій, и дѣйствительно въ нихъ уже видно внимательное наблюденіе дѣйствительности и вдумчивое къ ней отношеніе. Самый процессъ работы уже не походилъ на прежнія литературныя упражненія Григоровича. «Попавъ на мысль описать бытъ шарманщиковъ, я, разсказываетъ Григоровичъ, съ горячностью принялся за исполненіе. Писать наобумъ, дать волю своей фантазіи, сказать себѣ: «и такъ сойдетъ!»—казалось мнѣ равносильнымъ безчестному поступку; у меня, кромѣ того, тогда уже возбуждалось влеченіе къ реализму, желаніе изображать дѣйствительность такъ, какъ она въ самомъ дѣлѣ представляется, какъ описываетъ ее Гоголь въ «Шинели»,—повѣсти, которую я съ жадностью перечитывалъ. Я прежде всего занялся собираніемъ матеріала. Около двухъ недѣль бродилъ я по цѣлымъ днямъ въ трехъ Подьяческихъ улицахъ, гдѣ преимущественно селились тогда шарманщики, вступалъ съ ними въ разговоръ, заходилъ въ всевозможныя трущобы, записывалъ потомъ до мелочи все, что видѣлъ и о чемъ слышалъ. Обдумавъ планъ статьи и раздѣливъ ее на главы, я, однакожъ, съ робкимъ неувѣреннымъ чувствомъ приступилъ къ писанію». Кромѣ серіознаго изученія жизни, въ разсказѣ «Петербургскіе шарманщики» замѣчается извѣстное гуманное настроеніе, которое должно было вызвать благопріятное впечатлѣніе и въ критикѣ и въ читателяхъ; вѣроятно, это настроеніе и было навѣяно «Шинелью», объ увлеченіи которой вспоминаетъ Григоровичъ. Бѣлинскій суше отнесся къ «Лотерейному балу», въ которомъ изображена мелкая чиновничья среда;

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ (въ 1896 году).

но Некрасовъ остался очень доволенъ этимъ разсказомъ. Нѣкоторая сдержанность отзыва Бѣлинскаго, можетъ быть, объясняется неудачнымъ юморомъ, проявляющимся въ этомъ разсказѣ: этотъ юморъ отличается какой-то дѣланностью, натянутостью, и надо сказать, что онъ и впослѣдствіи портилъ многія произведенія Григоровича, какъ, напримѣръ, романы «Проселочныя дороги» или «Похожденія Накатова». Отличаясь очень живымъ юморомъ въ бесѣдахъ, Григоровичъ совсѣмъ не умѣлъ влагать его въ свои сочиненія.

Ободренный этими своими успѣхами, Григоровичъ бросаетъ службу и рѣшается окончательно отдаться литературѣ. Въ 1846 году онъ ѣдетъ въ деревню къ матери и бабушкѣ и здѣсь думаетъ искать сюжета для новой работы. Но сюжетъ «не вырисовывался», и только «случай выручилъ» молодого автора. «Къ матушкѣ, сообщаетъ онъ намъ, привезли больную молодую бабу. За обѣдомъ матушка разсказала ея исторію. Ее противъ воли выдали за грубаго молодого парня, котораго также приневолили взять ее въ жены; онъ возненавидѣлъ ее, чему немало способствовали его сестры, началъ ее бить въ трезвомъ и пьяномъ видѣ и заколотилъ почти до смерти; баба была въ злѣйшей чахоткѣ и врядъ ли могла пережить весну. Она говорила, что ей легче умереть, чѣмъ жить; ее сокрушала только судьба дочки, двухлѣтней дѣвочки; онъ и ее заколотитъ на смерть, говорила она. Разсказъ этотъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Сюжетъ повѣсти былъ найденъ. Я тотчасъ же принялся его обдумывать и приводить въ повѣствовательную форму».

Вотъ тутъ-то, принявшись за работу, Григоровичъ увидѣлъ всю ея трудность, понялъ, что задача не такова, какъ писаніе прежнихъ его разсказовъ и что прежде всего ему предстоитъ заняться самымъ языкомъ. «Знакомый, говоритъ онъ, съ простонароднымъ русскимъ языкомъ только по рѣдкимъ книгамъ, которыя удавалось читать, я сталъ усердно изучать его практически, проводилъ часы на мельницѣ, бесѣдуя съ помольцами, разговаривая съ нашими крестьянами, стараясь прислушаться къ складу ихъ рѣчи, записывалъ выраженія, казавшіяся мнѣ особенно характерными и живописными. Первыя главы повѣсти «Деревня» стоили мнѣ неимовѣрнаго труда. Французскій языкъ, которымъ меня питали до тринадцатилѣтняго возраста, все еще по временамъ давалъ себя чувствовать; я долго иногда путался, пріискивая ту фразу, которая должна была выпукло и пластично выразить то, что хотѣлось сказать. Но въ характерѣ моемъ, при всей его живости, было много терпѣнія и трудолюбія: работа къ тому же мнѣ нравилась, увлекала меня. Я чувствовалъ, что чѣмъ дальше подвигается повѣсть, тѣмъ свободнѣе освоиваюсь я съ языкомъ. Каждую главу передѣлывалъ я, переписывалъ по нѣскольку разъ, вымарывая, переправляя въ ней все, что чуть-чуть казалось нескладнымъ; работа эта не только не отягощала меня, но доставляла мнѣ истинное наслажденіе».

Черезъ четыре мѣсяца повѣсть была готова, и Григоровичъ повезъ ее въ Петербургъ, чтобы помѣстить въ «Современникѣ», который въ это время перешелъ къ Некрасову и Панаеву. Здѣсь Григоровича ожидало сильное огорченіе: Некрасовъ не удосуживался прочесть «Деревню» и послѣ двухъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Григоровичъ постоянно освѣдомлялся о судьбѣ своей повѣсти, возвратилъ ему, не читая, рукопись, сказавъ, что не находитъ удобнымъ печатать ее въ «Современникѣ». Григоровичъ вышелъ отъ редактора, какъ пришибленный, съ трудомъ удерживая слезы. «Я чувствовалъ, говоритъ онъ, что, кромѣ новизны изображенія простонароднаго быта, въ повѣсти есть сцены, взятыя живьемъ съ натуры,—сцены, которыя непремѣнно должны тронуть читателя, не даромъ же, описывая ихъ, я приходилъ въ нервное состояніе, и слезы навертывались на глазахъ моихъ; не могъ же я до такой степени обманываться».

Другой пріемъ встрѣтилъ Григоровичъ въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ однимъ изъ главныхъ руководителей, замѣстителемъ Бѣлинскаго, былъ безвременно скончавшійся даровитый молодой писатель, Валеріанъ Николаевичъ Майковъ. Выслушавъ повѣсть въ чтеніи самого автора, Майковъ остался ею чрезвычайно доволенъ, и она была напечатана безъ всякихъ измѣненій въ декабрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія Григоровича: со всѣхъ сторонъ хвалили «Деревню», и одобрительный отзывъ появился даже въ «Сѣверной Пчелѣ». Понравилась повѣсть и Бѣлинскому, но тутъ пришлось ему столкнуться съ самолюбіемъ Некрасова, о чемъ передаетъ Григоровичъ со словъ В. П. Боткина. На вечерѣ у Тургенева, черезъ нѣсколько дней послѣ выхода декабрьской книжки «Отечественныхъ Записокъ», Бѣлинскій началъ горячо хвалить повѣсть Григоровича, говоря, что собирается написать о ней статью въ «Современникѣ». Ему сталъ также горячо возражать Некрасовъ. Началось живое объясненіе и кончилось тѣмъ, что Бѣлинскому явственно было высказано, что прежде всего журналъ «Современникъ» не ему принадлежитъ, и похвалы о томъ, что печатается въ «Отечественныхъ Запискахъ», не могутъ быть допущены въ «Современникѣ».

Этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить тотъ сдержанный отзывъ о «Деревнѣ», который былъ данъ Бѣлинскимъ въ его обозрѣніи русской литературы за 1846 годъ. Назвавъ повѣсть Григоровича «мастерскимъ физіологическимъ очеркомъ бытовой стороны жизни», нашъ критикъ замѣтилъ: «О г. Григоровичѣ мы теперь же скажемъ, что у него нѣтъ ни малѣйшаго таланта къ повѣсти, но есть замѣчательный талантъ для тѣхъ очерковъ общественнаго быта, которые теперь получили въ литературѣ названіе физіологическихъ. Но онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей «Деревни» повѣсть, и отсюда вышли всѣ недостатки его произведенія, которыхъ онъ легко бы могъ миновать, если бы ограничился безсвязными внѣшнимъ

образомъ, но дышащими одною мыслью картинами деревенскаго быта крестьянъ. Неудачна также и его попытка заглянуть во внутренній міръ героини его повѣсти, и вообще изъ его Акулины вышло лицо довольно безцвѣтное и неопредѣленное именно потому, что онъ старался сдѣлать изъ нея особенно интересное лицо. Къ недостаткамъ повѣсти принадлежатъ также и натянутыя, изысканныя и вычурныя мѣстами описанія природы. Но что касается собственно до очерковъ крестьянскаго быта, это блестящая сторона произведенія г. Григоровича. Онъ обнаружилъ тутъ много наблюдательности и знанія дѣла и умѣлъ выказать то и другое въ образахъ простыхъ, истинныхъ, вѣрныхъ, съ замѣчательнымъ талантомъ. Его «Деревня» — одно изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній прошлаго года».

Въ общемъ этотъ отзывъ, конечно, справедливъ, и дѣйствительно талантъ Григоровича болѣе подходилъ для такъ называемыхъ физіологическихъ очерковъ, что особенно ярко обнаружилось впослѣдствіи, когда Григоровичъ принялся писать большіе романы: въ нихъ читатели могли встрѣтить въ самомъ дѣлѣ только физіологическіе, т. е. бытовые очерки, не всегда искусно между собою склеенные. Но, при всей справедливости этого отзыва, нельзя въ немъ не замѣтить чего-то натянутаго: типъ Акулины совсѣмъ не такъ ужъ безцвѣтенъ, какъ говоритъ Бѣлинскій; описанія природы далеко нельзя назвать вычурными и изысканными, напротивъ въ нихъ преобладаетъ простота, а главное, въ повѣсти ярко просвѣчиваетъ «одна мысль», и эта-то мысль, вѣроятно, и была причиной того сочувствія, которое высказывалъ Бѣлинскій на вечерѣ у Тургенева. Мысль была такая, которой нашъ великій критикъ прямо не могъ не сочувствовать. Григоровичъ наносилъ чуть ли не первый рѣшительный ударъ крѣпостному праву. До него выставлялись (конечно, очень рѣдко) нѣкоторыя грубыя стороны этого общественнаго явленія, но вѣдь все это были обличенія злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ; Григоровичъ беретъ совсѣмъ не злоупотребленія, а нѣчто вполнѣ обычное, онъ даже выводитъ добрую помѣщичью чету, но при этомъ онъ показываетъ, что даже эти добрые люди, устраивая бракъ несчастной Акулины, совершенно безсознательно совершаютъ крайне злое дѣло. Не можетъ быть, чтобы Бѣлинскому эта идея повѣсти не была ясна, и его молчаніе можетъ объясняться только съ одной стороны цензурными условіями, а съ другой—общими интересами журнала, въ которомъ онъ работалъ. Мы не имѣемъ основанія не довѣрять показанію Григоровича о вечерѣ у Тургенева, и если такъ, то намъ думается, что именно за эту идею и долженъ былъ хвалить новую повѣсть Бѣлинскій, успѣвшій уже въ это время отрѣшиться отъ поклоненія чистому искусству. Даже теперь, когда врагъ, которому Григоровичъ нанесъ первый ударъ своею повѣстью, навѣки, благодаря незабвенной эпохѣ вели-

кихъ реформъ, побѣжденъ и уничтоженъ, мы не можемъ, читая «Деревню», не проникаться чувствомъ сильнѣйшаго негодованія противъ того ненормальнаго строя, при которомъ возможны такія жертвы прихоти, какъ несчастная Акулина, вызывающая наше живое состраданіе.

Проходитъ годъ, въ теченіе котораго вышло нѣсколько замѣчательнѣйшихъ произведеній новаго поколѣнія писателей (въ томъ числѣ и первые очерки «Записокъ Охотника», поражавшихъ того же врага, чего, къ слову сказать, не замѣтилъ Бѣлинскій, оцѣнившій ихъ только съ художественной точки зрѣнія), и Григоровичъ даетъ новую повѣсть, уже бо́льшаго объема, чѣмъ «Деревня», при чемъ и «мысль» въ этой повѣсти болѣе ярко бросается въ глаза. Бѣлинскій по поводу «Антона Горемыки» припоминаетъ и «Деревню», и на этотъ разъ его отзывъ оказывается гораздо сочувственнѣе по отношенію къ молодому писателю, произведеніе котораго кстати было напечатано уже въ «Современникѣ». Самъ Григоровичъ объясняетъ успѣхъ своей повѣсти тѣмъ, что въ ней «глубже затрогивалось горькое положеніе крестьянина подъ гнетомъ крѣпостного права, которое было тогда еще въ полной силѣ, а къ тому же и у автора было больше опытности, планъ былъ больше обдуманъ, съ простонароднымъ языкомъ и бытомъ авторъ успѣлъ ближе познакомиться».

Бѣлинскій высказалъ свое мнѣніе въ обозрѣніи русской литературы за 1847 годъ. «Г. Григоровичъ, писалъ онъ, посвятилъ свой талантъ исключительно изображенію жизни низшихъ классовъ народа. Въ его талантѣ тоже много аналогіи съ талантомъ г. Даля. Онъ также постоянно держится на почвѣ хорошо извѣстной и изученной имъ дѣйствительности; но его два послѣдніе опыта, «Деревня» и въ особенности «Антонъ Горемыка», идутъ гораздо дальше физіологическихъ очерковъ. «Антонъ Горемыка» — больше, чѣмъ повѣсть: это романъ, въ которомъ все вѣрно основной идеѣ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходятъ изъ самой сущности дѣла. Несмотря на то, что внѣшняя сторона разсказа вся вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антонъ—мужикъ простой, вовсе не изъ бойкихъ и хитрыхъ, онъ лицо трагическое въ полномъ значеніи этого слова. Эта повѣсть трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ души, чтобы г. Григоровичъ продолжалъ итти по этой дорогѣ, на которой отъ его таланта можно ожидать такъ многаго... И пусть онъ не смущается бранью хулителей: эти господа полезны и необходимы для вѣрнаго опредѣленія объема таланта: чѣмъ больше ихъ стая бѣжитъ вослѣдъ успѣха, тѣмъ значитъ успѣхъ огромнѣе»... Приведенный отзывъ Бѣлинскаго можно уже прямо назвать восторженнымъ, но и при этомъ въ немъ мы можемъ предположить нѣкоторые слѣды цензур-

ныхъ исправленій: такъ, врядъ ли можно думать, чтобы Бѣлинскій серіозно утверждалъ, что «внѣшняя сторона разсказа вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки», а не на безобразномъ притѣснительствѣ управляющаго, Никиты Ѳедорова, и, кромѣ того, что могутъ означать «мысли грустныя и важныя», какъ не размышленія о крѣпостномъ правѣ и его полной ненормальности.

Такимъ же цензурнымъ исправленіямъ пришлось подвергнуться и самой повѣсти. Вотъ какъ передаетъ намъ объ этомъ Григоровичъ: «Съ повѣстью «Антонъ Горемыка» произошолъ казусъ, который сразу было подкосилъ меня на корню. Некрасову и Панаеву она очень понравилась, но не понравилась цензурѣ, которая остановила ея печатаніе; она нашла, что бѣдственное состояніе крестьянина представлено въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ. Къ счастью моему, близкимъ лицомъ къ «Современнику» былъ А. В. Никитенко, имѣвшій сильный голосъ въ цензурномъ комитетѣ. Онъ горячо взялся за спасеніе погибающаго. Удивляюсь, какъ въ своихъ воспоминаніяхъ забылъ онъ упомянуть объ этомъ эпизодѣ, свидѣтельствующемъ объ его готовности выручать изъ бѣды литераторовъ. Хлопоты его привели къ тому, что повѣсть рѣшились пропустить, но подъ непремѣннымъ условіемъ выбросить изъ нея послѣднюю главу. Оиа кончалась у меня тѣмъ, что крестьяне, доведенные до крайности злоупотребленіями управляющаго, зажигаютъ его домъ и бросаютъ его въ огонь. А. В. Никитенко, не сказавъ никому ни слова, сочинилъ конецъ, въ которомъ управляющій остается неприкосновеннымъ, а возмутившіеся крестьяне, передъ тѣмъ, чтобы быть отправленными на поселеніе, каются въ своихъ дѣйствіяхъ и просятъ у міра прощенія».

Конечно, этимъ сентиментальнымъ окончаніемъ à la Кукольникъ повѣсть была значительно испорчена, но, тѣмъ не менѣе, протестующій ея смыслъ былъ всѣмъ ясенъ: трудно было мало-мальски мыслящему человѣку не понять, что это не физіологическій очеркъ, не художественная бездѣлушка, а произведеніе чисто боеваго общественнаго характера. Но оставляя даже въ сторонѣ тотъ преходящій интересъ времени, котораго касалась повѣсть Григоровича, мы не можемъ не видѣть въ ней произведенія, имѣющаго и болѣе широкое художественное значеніе. Г. Мизиновъ, отстаивающій въ своей книгѣ «Исторія и поэзія» мало состоятельную теорію чистаго искусства, считаетъ основой литературной дѣятельности Григоровича «филантропію» и въ этомъ видитъ ея недостатокъ. Немного страненъ подобный приговоръ: если любовь къ человѣку есть недостатокъ литературнаго произведенія, то что же прикажетъ дѣлать г. Мизиновъ съ величайшими произведеніями нашей литературы, которыя всегда проникнуты именно этимъ чувствомъ? Вѣдь съ этой точки зрѣнія придется отдать подъ судъ и Жуковскаго, и Пушкина, и Гоголя, и Достоевскаго, и Тургенева, и гр. Л. Н. Толстого за нѣсколько безсодержа-

тельныхъ стихотвореній современныхъ декадентовъ и символистовъ, потому что всѣ названные корифеи нашей литературы страдали именно любовью къ человѣку, или филантропіей, какъ ее угодно называть г. Мизинову. Эта-то филантропія и приводитъ къ тому, что «Антонъ Горемыка», будучи для своего времени боевымъ произведеніемъ, и для насъ не утратилъ своего значенія: образы этой повѣсти будятъ и въ насъ хорошія чувства, вызываютъ мысли грустныя и важныя, хотя, конечно, уже немного иного содержанія, чѣмъ тѣ, которыя «тѣснились въ душу» Бѣлинскаго.

Важной стороной представлялась въ этой повѣсти и собственно описательная часть, тѣ картины крестьянскаго быта, которыя были представлены почти впервые съ такой правдивостью. Та же правдивость и тотъ же гуманный духъ проникаютъ и послѣдующія произведенія Григоровича изъ крестьянскаго быта: «Бобыль», «Смедовская долина», «Рыбаки», «Мать и дочь», «Переселенцы», «Пахатникъ и бархатникъ»—все это такія произведенія, которыя частью имѣли и боевой интересъ, а частью (въ различныхъ, конечно, степеняхъ) являлись важнымъ вкладомъ въ литературу, изображавшую бытъ народа. Такія фигуры, какъ герои «Рыбаковъ», «Переселенцевъ» и др. повѣстей и романовъ этого ряда, могли явиться только, какъ результатъ непосредственнаго, внимательнаго наблюденія крестьянской среды, и потому совершенно несправедливъ упрекъ, когда-то сдѣланный Григоровичу Добролюбовымъ, будто его крестьяне что-то въ родѣ заграничныхъ пейзановъ: пейзанами они могутъ показаться, пожалуй, только при сопоставленіи съ произведеніями нѣкоторыхъ нашихъ народниковъ-беллетристовъ, но вѣдь не слѣдуетъ забывать, что эти послѣдніе писатели страдаютъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что случайныя черты говора, внѣшней грубоватости, неуклюжести, принимаютъ за что-то характерное для изображаемой среды, и намъ кажется, что между нѣкоторыми изъ этихъ писателей и Григоровичемъ существуетъ такая же параллель, какъ по отношенію къ картинамъ купеческаго быта между Островскимъ и г. Лейкинымъ.

Не имѣя времени дальше останавливаться на другихъ произведеніяхъ Григоровича, упомянемъ хотя бы вскользь о тѣхъ его романахъ и очеркахъ, которые посвящены изображенію интеллигентной среды, преимущественно мелкаго чиновничьяго міра, а иногда и крупныхъ сановниковъ. Этотъ рядъ произведеній нашего писателя стоитъ значительно ниже тѣхъ, которыя представляютъ намъ крестьянскую жизнь. Мы не можемъ отрицать и въ нихъ проявленія его широкой наблюдательности, незауряднаго анализа нѣкоторыхъ жизненныхъ подробностей, но въ то же время приходится признать, что эта наблюдательность касается преимущественно внѣшней стороны жизни, что Григоровичъ почти и не пытается заглянуть во внутренній міръ своихъ героевъ. Онъ изображаетъ ихъ похожденія, ихъ карьерные успѣхи, описываетъ мелочные

дрязги, составляющіе часто ихъ главный интересъ, и дѣлаетъ это весьма обстоятельно, но его изображеніе не проникается ни любовью къ униженнымъ, ни негодованіемъ при видѣ разныхъ нравственныхъ уродствъ, а потому отъ этихъ его романовъ вѣетъ какимъ-то холодомъ. Тутъ Григоровичъ не захватываетъ читателя, не подчиняетъ его силѣ своего чувства, котораго и нѣтъ, а поэтому даже занимательность фабулы не можетъ оживить этихъ произведеній. Лучше всего Григоровичу удается изображеніе душевной пустоты своихъ интеллигентныхъ героевъ, но опять-таки и здѣсь чувствуется, что авторъ только простой наблюдатель, не скорбящій объ этой пустотѣ и не негодующій. Отсюда-то, можетъ быть, истекаютъ и внѣшніе недостатки этой категоріи произведеній Григоровича: дѣланный юморъ и порой крайняя растянутость. Этимъ недостаткомъ особенно отличается романъ «Проселочныя дороги», для прочтенія котораго нужно запастись немалою дозою терпѣнія. Это длинный рядъ «физіологическихъ очерковъ», сбивающихся подчасъ на анекдотъ, а, конечно, чтеніе трехъ томовъ анекдотовъ должно быть крайне утомительно. И самъ Григоровичъ это понялъ уже послѣ того, какъ напечаталъ свое произведеніе. «Романъ «Проселочныя дороги»,—говоритъ онъ,—не имѣлъ успѣха. Я самъ былъ имъ недоволенъ. Я понадѣялся черезчуръ на свои силы, вообразивъ, что могу писать, не стѣсняя себя безпрестанными поправками и переписываніемъ по нѣскольку разъ одного и того же, какъ я дѣлалъ это до сихъ поръ; много виновато было также мое неумѣнье въ распредѣленіи матеріала: болѣе опытный литераторъ выкроилъ бы изъ него два-три романа». Однако изъ этихъ словъ видно, что Григоровичъ объяснялъ себѣ неудачу своего романа чисто внѣшними причинами, и намъ думается, что это объясненіе не исчерпываетъ сущности дѣла: неуспѣхъ, кромѣ растянутости, произошелъ и отъ самаго характера романа, т. е. отъ тѣхъ внутреннихъ недостатковъ, которые мы только что указали.

Характеръ физіологическихъ очерковъ, которымъ отличается большинство сочиненій Григоровича и который составляетъ одну изъ наиболѣе существенныхъ ихъ слабыхъ сторонъ, былъ очень кстати въ описаніи морского путешествія на кораблѣ «Ретвизанъ», которое Григоровичъ совершилъ въ 1858 г. въ эскадрѣ Средиземнаго моря. Замѣтки объ этомъ путешествіи отличаются яркостью красокъ, множествомъ любопытныхъ бытовыхъ наблюденій и порой очень удачнымъ юморомъ. Правда, и здѣсь много такихъ подробностей, которыя имѣютъ анекдотическій характеръ, но здѣсь эта анекдотичность, непріятно дѣйствующая на читателя въ романахъ и повѣстяхъ Григоровича, оказывается очень кстати и придаетъ еще болѣе интереса описанію, такъ что «Корабль Ретвизанъ» занимаетъ несомнѣнно одно изъ почетныхъ мѣстъ среди русскихъ путешествій и можетъ быть поставленъ вслѣдъ за Гончаровскимъ

«Фрегатомъ Палладой», этимъ chef d'oeuvr'омъ литературы подобнаго рода. Одной изъ важныхъ особенностей, сближающихъ оба эти описанія, является стремленіе къ параллелямъ между своимъ русскимъ и заграничнымъ, но у Григоровича это стремленіе сильнѣе, чѣмъ у Гончарова, и оно приводитъ его очень часто къ самымъ грустнымъ размышленіямъ о нашей бѣдности и культурной отсталости, при чемъ, конечно, болѣе всего припоминается ему излюбленный имъ деревенскій бытъ.

По возвращеніи изъ морского путешествія Григоровичъ началъ печатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» новое свое произведеніе, въ которомъ онъ хотѣлъ изобразить два поколѣнія: отживающихъ помѣщиковъ стараго закала и новыхъ, молодыхъ, мечтающихъ о сближеніи съ народомъ; однако была напечатана только первая часть, подъ заглавіемъ «Два генерала», и широкій планъ остался невыполненнымъ. Здѣсь прежде всего помѣшали хозяйственныя дѣла, такъ какъ мать Григоровича передала ему управленіе имѣніемъ, а это было сопряжено съ массою хлопотъ. Въ результатѣ итого хозяйничанья выяснилось, что оно не можетъ обезпечить Григоровича, и что, по его выраженію, надо предпринять что-нибудь рѣшительное. «Разсчитывать на литературный трудъ, говоритъ Григоровичъ, для меня было рискованно: я писалъ медленно, копотливо; плата была тогда умѣренная. Я помню очень хорошо, что когда въ «Современникѣ» Тургеневу, Гончарову и мнѣ назначена была плата по шестидесяти рублей съ листа, въ редакціяхъ другихъ журналовъ поднялся страшный гвалтъ; говорили, что при такихъ безумныхъ платахъ нѣтъ возможности издавать журналъ, что это равно разоренію и т. д. Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ и искать мѣста, которое не мѣшало бы мнѣ продолжать мои литературныя занятія». Однако литературнымъ занятіямъ суждено было прекратиться: Григоровичъ на 20 лѣтъ замолчалъ. Объясненія этого факта г. Мизиновъ видитъ опять-таки въ томъ, что Григоровичъ не былъ представителемъ чистаго искусства; но это объясненіе, какъ видно уже изъ приведеннаго показанія Григоровича, не можетъ быть признано вполнѣ достовѣрнымъ. Литературной работѣ помѣшали и хозяйственныя хлопоты и новая служба, очень подходившая къ исконнымъ художественнымъ вкусамъ Григоровича и цѣликомъ поглощавшая его время, и наконецъ для наиболѣе важныхъ литературныхъ работъ Григоровича уже прошла пора: врагъ, противъ котораго онъ боролся болѣе десяти лѣтъ, былъ уже сломленъ и доживалъ послѣдніе свои дни въ ожиданіи 19-го февраля.

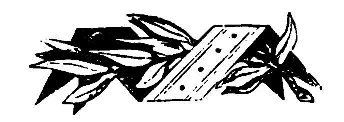
Въ поискахъ службы Григоровичъ обратился къ С. А. Гедеонову, директору Императорскаго Эрмитажа. «Должность секретаря Эрмитажа была мнѣ предложена съ величайшею готовностью; полагалось при этомъ только условіе: прежде чѣмъ получить это мѣсто,

я долженъ былъ сдѣлать описаніе всѣхъ отдѣленій Эрмитажа въ такой формѣ, чтобы оно могло служить руководствомъ для посѣтителей. Часть осени и зиму провелъ я за этою работою. Когда она была окончена и напечатана подъ заглавіемъ «Прогулка по Эрмитажу», я узналъ, что обѣщанное мнѣ мѣсто отдано дальнему родственнику тогдашняго начальника Гедеонова. Почти въ то же время происходили выборы въ секретари общества поощренія художествъ. Оно было мнѣ предложено, и я охотно согласился; новая обязанность приближала меня къ художественной сферѣ, близкой моему вкусу. Я думалъ найти время продолжать литературныя занятія, но ошибся. На свѣтѣ нѣтъ маленькаго дѣла: все зависитъ отъ того, насколько примешь его къ сердцу и будешь ему искренно преданъ. Дѣло, порученное мнѣ, заинтересовало меня съ самаго начала, и чѣмъ больше я входилъ въ него, тѣмъ больше оно меня завлекало. Планы различныхъ романовъ и повѣстей лежали пока подъ спудомъ; я и при другихъ, болѣе благопріятныхъ, условіяхъ никогда не могъ написать строчки въ Петербургѣ, теперь же и подавно нельзя было объ этомъ думать». Время Григоровича цѣликомъ поглощалось художественными выставками, организаціей музея общества поощренія художествъ, заботами о рисовальной школѣ. Послѣдняя можетъ называться смѣло его дѣтищемъ, — столько онъ положилъ на нее труда. Не знаемъ, вышли ли изъ нея замѣчательные живописцы, но огромная ея заслуга передъ русскимъ обществомъ заключается въ распространеніи въ массѣ извѣстныхъ художественныхъ свѣдѣній, въ выработкѣ извѣстнаго эстетическаго вкуса, и въ этомъ дѣлѣ, конечно, первая роль принадлежитъ главному руководителю школы. О томъ, съ какой любовью относился Григоровичъ къ этому своему дѣтищу, мы можемъ узнать изъ воспоминаній бывшей ученицы школы, которыя мы цитируемъ по книгѣ г. Мизинова. Вотъ одинъ характерный эпизодъ: «Очень интересенъ былъ обзоръ древней скульптуры въ Эрмитажѣ подъ руководствомъ Григоровича. Зайдя въ концѣ мая въ школу, онъ предложилъ ученицамъ собраться на другой день послѣ экзаменовъ въ Эрмитажъ. Собралось всего 12 человѣкъ, и мы начали обзоръ нижнихъ галлерей древней скульптуры. Осматривали все очень внимательно, Григоровичъ объяснялъ чрезвычайно толково, съ знаніемъ дѣла, ясно, просто, краснорѣчиво, обращая вниманіе на многое, прежде нами уже видѣнное, но пропускавшееся безъ вниманія. Перейдя затѣмъ во второй этажъ, мы и тамъ останавливались только передъ статуями, рѣшившись этотъ день посвятить исключительно скульптурѣ». Само собою разумѣется, что такихъ прогулокъ бывало немало, и вполнѣ понятно ихъ высокое эстетически-образовательное значеніе для довольно разношерстнаго состава учениковъ школы.

Ясно, что всѣ эти заботы и хлопоты не могли оставлять досуга для литературной дѣятельности. За весь двадцатилѣтній періодъ

пріостановки Григоровичемъ написано было лишь два разсказа, но съ 1882 г. писательская работа возобновляется, а за послѣдніе годы появились, кромѣ «Литературныхъ воспоминаній», заключающихъ любопытный матеріалъ не только для біографіи Григоровича, но и для характеристики многихъ литературныхъ дѣятелей, и такія замѣчательныя вещи, какъ «Гуттаперчевый мальчикъ» и «Акробаты благотворительности». Въ этихъ произведеніяхъ послѣднихъ годовъ передъ нами такъ же Григоровичъ, какимъ онъ былъ и до перерыва своего писательства. Тѣ же достоинства и тѣ же недостатки. Изъ достоинствъ, конечно, ярче всего свѣтится его гуманизмъ, или, по терминологіи г. Мизинова, филантропія. На нашъ взглядъ сохраненіе этого гуманизма до глубокой старости и въ такую при томъ эпоху, когда все, казалось, ополчилось противъ гуманизма, когда съ одной стороны выступало яростное человѣконенавистничество, а съ другой безразличный эстетизмъ подъ видомъ чистаго искусства,—есть признакъ рѣдкой духовной свѣжести. Изъ устъ Григоровича намъ звучалъ тотъ ободряющій голосъ лучшихъ временъ нашей литературы, который и въ жизни совершилъ столько хорошаго... Пусть даже будетъ признано, что по таланту Григоровичъ былъ писатель второстепенный, но все же его человѣчность есть нѣчто настолько свѣтлое, его боевая работа дала въ свое время такіе благіе результаты, что его имя навсегда останется въ ряду славныхъ именъ подвижниковъ нашей литературы и общественнаго прогресса.

А. Бороздинъ.

ЭПИЗОДЪ НА ЛИТЕРАТУРНОМЪ КОНГРЕССѢ ВЪ ВѢНѢ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Ъ СЕНТЯБРѢ 1881 года, на обратномъ пути съ Трувильскаго морского купанья въ Россію, случилось мнѣ заѣхать въ Вѣну, какъ разъ въ то время, когда тамъ сразу собрались два литературныхъ конгресса: спеціально нѣмецкихъ писателей и писателей интернаціональныхъ. Конгрессъ интернаціоный былъ устроенъ интернаціональной же литературной ассоціацией, учрежденной 8 іюня 1878 г. съ цѣлью защиты и пропаганды принциповъ интернаціональной литературной собственности. Ассоціація устраивала такіе конгрессы ежегодно, въ различныхъ городахъ Европы; послѣдній передъ вѣнскимъ былъ въ Лиссабонѣ. Меня интересовало прислушаться къ обмѣну мыслей и взглядовъ господъ литераторовъ, собравшихся изъ различныхъ странъ для взаимнаго общенія; я остался въ Вѣнѣ на все время конгресса и зачислилъ себя въ его члены.

Организацію конгресса взяло на себя вѣнское литературное общество «Конкордія»,—общество единственное въ своемъ родѣ, возникшее на возвышенныхъ началахъ литературной взаимопомощи, но очень скоро принявшее окраску чего-то въ родѣ товарищества на паяхъ, болѣе заинтересованнаго денежными прибылями, чѣмъ литературными вопросами. Главною цѣлью учредителей общества «Конкордія» было устроить своимъ членамъ-литераторамъ, ихъ вдовамъ и дѣтямъ, хорошую пенсію, независимо отъ ихъ благосостоянія, труда или службы, а только сообразуясь съ небольшимъ еже-

годнымъ взносомъ. Общество сумѣло такъ ловко внушить своимъ землякамъ къ себѣ участіе, что получило крупные подарки отъ австрійскаго правительства и отъ частныхъ лицъ, богачей, по дарственной или по духовному завѣщанію. Всевозможные артисты, можетъ быть, и въ виду хорошихъ рецензій, тоже горячо откликнулись на эту яко бы литературную затѣю, выступая въ пользу общества «Конкордія» въ литературныхъ и музыкальныхъ вечерахъ, вѣнская публика несла литераторамъ свою благотворительную дань, а «Конкордія» на этой благодатной почвѣ росла да росла. Собравъ такимъ путемъ небольшой капиталецъ, общество пустило его въ оборотъ и воочію доказало, что современный литераторъ, въ дѣлѣ житейскаго благополучія, далеко не такой глупый фантазеръ, какимъ былъ литераторъ временъ Лессинга и Шиллера. Въ 1881 году общество «Конкордія» владѣло уже нѣсколькими большими домами въ Вѣнѣ, сдавая въ нихъ квартиры не плоше иного изворотливаго домовладѣльца; нѣкоторые члены учредители уже получали пенсіи. Общество «Конкордія» и теперь продолжаетъ вести благоденственное и мирное житіе; я утратилъ изъ виду его дальнѣйшую дѣятельность и развитіе его матеріальныхъ средствъ, слышалъ только, что въ настоящее время сдѣлаться членомъ общества до крайности трудно: замкнутый кружокъ литераторовъ, имѣвшихъ счастье въ свое время попасть въ это выгодное товарищество, крѣпко блюдетъ свои денежные интересы и не очень-то допускаетъ чужаковъ къ своему пирогу. Когда въ 1880 г. въ Лисабонѣ было рѣшено, что слѣдующій литературный конгрессъ соберется въ Вѣнѣ, общество «Конкордія» нашло выгоднымъ принять его подъ свое покровительство. Члены общества все-таки были извѣстные вѣнскіе литераторы, а блестѣть и красоваться, да еще безъ особенно большихъ затратъ, во славу разума и умственнаго творчества, конечно, пріятно. Общество «Конкордія» выполнило эту задачу мастерски: оно, во-первыхъ, однимъ выстрѣломъ убило двухъ зайцевъ, устроивши празднества для двухъ конгрессовъ единовременно, отчего могло экономить на нихъ и въ расходахъ, и въ хлопотахъ. Во-вторыхъ, въ виду такого двойного сборища литераторовъ, общество «Конкордія» могло легко возбудить общее вниманіе вѣнцевъ къ конгрессу и устроить блестящую шумиху торжествъ, относя значительную долю расходовъ на чужой счетъ, то-есть привлекая къ этому различнаго рода администраціи: городъ, театры, желѣзныя дороги, пароходы и проч. Такимъ образомъ интернаціональный конгрессъ въ Вѣнѣ обратился въ нѣчто въ родѣ карнавала. Литераторы, участники конгресса, получали книжечку, въ которой подробно значилось времяпрепровожденіе конгресса. Вотъ эта программа.

Засѣданія интернаціональнаго литературнаго конгресса состоятся въ залѣ желѣзнодорожнаго клуба, — нѣмецкаго же конгресса въ залахъ ремесленнаго союза.

Первый день. (Въ залѣ общества садоводства). Привѣтствіе конгрессу нѣмецкихъ писателей (привѣтственная рѣчь президента общества «Конкордія»; отвѣтъ на нее представителя союза нѣмецкихъ писателей; концертъ военной музыки).

Второй день. Въ 10 часовъ утра первое засѣданіе конгресса нѣмецкихъ писателей (привѣтственныя рѣчи бургомистра Вѣны, и президента общества «Конкордія»). Въ 2 часа подготовительное засѣданіе интернаціональнаго конгресса. Въ 8 часовъ (въ залѣ общества садоводства) привѣтствіе интернаціональному конгрессу (рѣчь президента общества «Конкордія», отвѣтъ президента конгресса). За симъ: военный концертъ, исполненія квинтета хорутанъ и комическаго квартета Удель; исполненія профессора Сиринекъ (?). Желающіе могутъ получить ужинъ по картѣ.

Третій день. Въ 10 часовъ утра первое засѣданіе интернаціональнаго литературнаго конгресса (привѣтственныя рѣчи представителя правительства, бургомистра города Вѣны, президента общества «Конкордія»; отчетъ секретаря интернаціональнаго общества; открытіе совѣщаній). Въ 10 часовъ второе засѣданіе нѣмецкаго конгресса. Въ 3 часа осмотръ новаго зданія думы. Въ 7 часовъ, въ большомъ курзалѣ городского парка, празднество въ честь нѣмецкаго и интернаціональнаго конгрессовъ, устраиваемое думой города Вѣны.

Четвертый день. Въ 10 часовъ утра засѣданія обоихъ конгрессовъ. Въ 11½ часовъ отъѣздъ по Дунаю на гору Каленбергъ. Обѣдъ на Каленбергѣ отъ общества «Конкордія».

Пятый день. Въ 10 часовъ утра засѣданія обоихъ конгрессовъ. Въ 7 часовъ торжественный спектакль въ частномъ Карлъ-театрѣ.

Шестой день. Съ 9 утра до 10 вечера поѣздка чрезъ гору Земмерингъ; обѣдъ и вечерняя закуска отъ общества «Конкордія».

Седьмой день. Въ 10 часовъ утра засѣданія обоихъ конгрессовъ. Въ 8 часовъ вечера прощальный праздникъ въ залѣ общества. (Концертъ вѣнскаго союза пѣвцовъ-мужчинъ; концертъ военной музыки; прощальная рѣчь президента общества «Конкордія»).

Какъ видите, среди этого моря развлеченій, угощеній, привѣтствій, отвѣтовъ и проч., совѣщаніямъ интернаціональнаго конгресса было отведено всего только по два часа (отъ 10 до 12 ч., такъ какъ въ 12 всѣ вѣнцы обѣдаютъ) впродолженіе четырехъ дней, — итого 8 часовъ на всѣ дебаты, да еще съ прибавкой къ нимъ привѣтственныхъ рѣчей при началѣ. Немного времени для обсужденія возвышенныхъ задачъ литературнаго дѣла. Собственно не для такихъ задачъ и съѣхались господа литераторы. Правда, предыдущіе конгрессы показывали скромное стремленіе и къ интересамъ нематеріальнымъ. По высказанному въ Лиссабонѣ желанію въ сезонѣ 1880—1881 годовъ нѣкоторые литераторы прочитали въ Парижѣ нѣсколько безплатныхъ лекцій о выдающихся

писателяхъ французскихъ и иностранныхъ. Въ Лиссабонѣ же были постановлены и болѣе фантастическія рѣшенія, напримѣръ, учрежденіе въ разныхъ странахъ національныхъ комитетовъ, которые бы, между прочимъ, слѣдили за искорененіемъ обычая небрежно переводить съ иностранныхъ языковъ, и тому подобное. Но это были только маленькія украшенія главныхъ заботъ конгрессовъ: объ охранѣ литературной собственности, о международной оплатѣ литературнаго творчества, о томъ, чтобы нажить лишнюю копейку продажей литературнаго товара на иностранномъ рынкѣ. И вѣнскій конгрессъ собрался для того же, да развѣ еще за тѣмъ, чтобы покутить, повеселиться и наболтать банальныхъ комплиментовъ другъ другу, а главное, самимъ себѣ.

Съ самаго начала праздниковъ эта своеобразная картина конгресса вырисовалась во всей своей красотѣ. Великолѣпная зала общества садоводства была празднично разукрашена, и по стѣнамъ ея виднѣлись надписи внушительнаго содержанія, напримѣръ: «Жить есть радость, потому что душа бодра», — «Наслажденье говорить приходитъ въ должный часъ, и правдиво течетъ слово изъ сердца и изъ устъ», — «Я человѣкъ и это значитъ быть борцомъ», — «Что такое долгъ? — запросъ дня!» — наконецъ, знаменитый эпиграфъ, поставленный Лессингомъ на его драмѣ «Натанъ мудрый»: Introite, nam et hic dii sunt (войдите, — и здѣсь вы встрѣтите боговъ).

— Скромно! — подумалось мнѣ, когда я прочиталъ эту надпись: — вотъ ужъ именно правдиво течетъ слово изъ сердца. Что такое божественное собираетесь вы дѣлать? радостно вамъ жить, но не оттого, что душа бодра, вашъ долгъ есть запросъ дня, а запросъ дня есть гонораръ, и изъ-за него-то вы и хотите быть борцами.

Литераторовъ собралось въ Вѣну много: французовъ, нѣмцевъ, испанцевъ, итальянцевъ, англичанъ и проч. Было немало поляковъ, проѣздъ которыхъ изъ Варшавы и Кракова былъ значительно облегченъ сбавкой тарифа на австрійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Нѣсколько выдающихся писателей обращали на себя особенное вниманіе: Ульбахъ, Ратисбонъ, Крашевскій, Боденштедтъ и другіе. Русскихъ литераторовъ было только трое: Евгеній де-Роберти, Венгеровъ и я. Съ нами всѣ были очень любезны, но все-таки чувствовалось, что на насъ глядятъ, какъ на какомъ нибудь семейномъ праздникѣ глядятъ на дальнихъ родственниковъ, безъ которыхъ можно бы и обойтись. Оттого мы и держались все время вмѣстѣ, отгоняя отъ себя полурусскаго г. Мишле, неизвѣстно почему затесавшагося въ среду литераторовъ. Откуда взялся этотъ Мишле, я не знаю, но въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ явился въ Петербургъ грознымъ уполномоченнымъ отъ общества французскихъ литераторовъ, которыхъ увѣрилъ, что заставитъ признать ихъ права литературной собственности въ Россіи. Французы, жадные на гонораръ,

повѣрили ему, дали широкія полномочія, а Мишле, напустивши имъ туману въ глаза, печаталъ обличительныя статьи, затѣвалъ процессы, которые ничѣмъ не кончались, и впослѣдствіи совсѣмъ исчезъ съ горизонта. Во время вѣнскаго литературнаго конгресса онъ еще у французовъ разыгрывалъ роль, и явился въ Вѣну, чтобы высказать нѣсколько грязныхъ словъ по адресу русскихъ переводчиковъ и получить замѣчаніе одного французскаго писателя, что «пока, молъ, никакого толковаго дѣла мы отъ васъ не видимъ, а только слышимъ слова и обѣщанія». Мишле тоже выдавалъ себя за русскаго и старательно примазывался къ намъ, но мы отъ него сторонились.

Душою конгресса былъ французъ Жюль Лермина, который собственно и затѣялъ эту интернаціональную ассоціацію и состоялъ ея секретаремъ. Это былъ типичный парижскій журналистъ, boulewardier, выросшій среди прессы, дравшійся и на какой-то баррикадѣ, и на дуэли съ Полемъ Касаньякомъ. Небольшого роста, худой, съ изборожденнымъ оспой желтоватымъ лицомъ, въ усахъ и съ жидкими короткими волосами, но съ блестящими глазками, юркій Лермина носился среди вѣнскихъ гостей, какъ волчекъ, со всѣми разговаривая, смѣясь и пошучивая.

— Вотъ они, трое русскихъ,—говорилъ онъ, встрѣчая насъ,— какъ три анабаптиста въ оперѣ; но самый русскій изъ нихъ всетаки Крыловъ. Онъ со своими спокойными, зеленоватыми глазами не задумается всадить вамъ ножъ въ бокъ, вы и опомниться не успѣете.

Конечно, мои товарищи отвѣчали на такое замѣчаніе дружнымъ смѣхомъ, зная меня за человѣка, можетъ быть, даже излишне миролюбиваго.

Веселье царило на конгрессѣ неудержимое. На одномъ изъ обѣдовъ кто-то изъ присутствовавшихъ разразился такимъ юмористическимъ монологомъ и вызвалъ имъ такой хохотъ, что тутъ же театральный антрепренеръ, Буковичъ, заключилъ съ разсказчикомъ какой-то ангажементъ для эксплуатаціи его юмора. Не менѣе самоуслажденія сказывалось въ рѣчахъ, въ горячихъ привѣтствіяхъ. Предсѣдатель общества «Конкордія» говорилъ: «Если гордость есть порокъ, то я объявляю себя виновнымъ въ этомъ порокѣ и позволяю себѣ прибавить, что я на это имѣю право, такъ какъ привѣтствую отъ имени литературнаго общества «Конкордія» выдающихся гостей, пріѣхавшихъ къ намъ со всѣхъ частей Европы. Мы были бы счастливы, если бы могли доказать вамъ, что австрійское, такъ часто хваленое, гостепріимство не пустое слово. Мы были бы особенно счастливы, если бы въ то же время могли доказать, что австрійскій народъ, въ дѣлѣ духовной культуры, не уступаетъ никакой другой націи. Позвольте надѣяться, что вамъ наша страна и наша столица понравятся, и что вы увезете съ собой доброе

воспоминаніе о насъ». Французъ Ренье на Земмерингѣ провозглашалъ тостъ: «Я пью здоровье присутствующихъ и отсутствующихъ просвѣщенныхъ людей, посвятившихъ себя благородной задачѣ руководить работами друзей и товарищей, на трудномъ пути къ достойному ихъ значенію. Почетъ и честь знаменитѣйшему изъ европейскихъ знаменитостей, уважаемой главѣ великой космополитической семьи писателей, слава тому, чье имя горитъ на вершинѣ нашего зданія, неугасаемымъ блескомъ, слава нашему общему учителю, Виктору Гюго!». Полякъ Шимановскій на Каленбергѣ, предлагая тостъ за австрійскую націю, говорилъ: «Какъ уже было сказано до меня, именно на Каленбергѣ дали польскія войска отпоръ дикимъ турецкимъ ордамъ и въ союзѣ съ храброй австрійской арміей отстояли Вѣну. Этой битвѣ подъ Вѣной обязаны мы тѣмъ, что вмѣсто турокъ и ихъ угощенія, риса варенаго въ бараньемъ салѣ, мы находимся въ гостяхъ у цвѣта австрійской интеллигенціи, которую мы знаемъ, цѣнимъ и любимъ, и которая приготовила намъ хлѣбосольный блестящій пріемъ». Въ спеціально нѣмецкомъ конгрессѣ разговаривали въ этомъ направленіи еще откровеннѣе. Правда, тутъ пускали въ ходъ щелчки чужеземцамъ только передъ своими земляками, но чужеземцы могли глотать братскій ядъ въ газетныхъ отчетахъ. Такъ, напримѣръ, нѣкто Гуго Витманъ заявлялъ своимъ нѣмецкимъ сотоварищамъ: «Бургтеатръ (вѣнскій императорскій театръ), безъ сомнѣнія, первый театръ Германіи. Нигдѣ, какъ тамъ, не играютъ такъ хорошо нашихъ классиковъ и французскихъ пьесъ, дающихъ намъ такъ много радости и горя. Часто, смотря на здѣшнія афиши, подумаешь, что находишься не въ Вѣнѣ, а на Итальянскомъ бульварѣ въ Парижѣ. Нѣмецкій писатель постоянно долженъ уступать мѣсто французскому, и парижскіе господа не могли бы оказать намъ большей услуги, какъ рѣшившись разъ навсегда писать свои пьесы еще хуже, чѣмъ ихъ пишутъ теперь».

Я привелъ болѣе яркіе примѣры, но это національное самохвальство проявлялось не въ одномъ только призывѣ француза преклониться передъ литературнымъ богомъ-французомъ, не въ одномъ заявленіи поляка, что безъ польскаго войска, можетъ быть, не было бы Вѣны,—изъ-за этого самохвальства чуть было не случилось столкновенія между братьями литераторами нѣмцемъ и французомъ. Нѣмецъ на одномъ изъ вечеровъ потребовалъ, чтобы музыка сыграла сенсаціонный и обидный для французовъ гимнъ «Стража на Рейнѣ» (Wacht am Rein), французъ тотчасъ же потребовалъ марсельезу. Ихъ успокоили тѣмъ, что не сыграли ни того, ни другого. Это самохвальство сквозило и въ ласковомъ привѣтѣ, и въ любезной улыбкѣ, и въ случайно брошенномъ замѣчаніи,—словомъ, во всемъ базарномъ подведеніи счетовъ: кто для кого что сдѣлалъ и кто кому чѣмъ обязанъ.

Намъ было не по себѣ въ этой атмосферѣ. Невольно думалось: неужели у съѣхавшихся литераторовъ нѣтъ вопросовъ, болѣе важныхъ, чѣмъ подсчитываніе лишней копейки гонорара, воспѣваніе своихъ заслугъ и развеселый кутежъ. Послѣ дрянной рѣчи Мишле, выставлявшей русскихъ литераторовъ пиратами, де-Роберти старался дать понять чужеземнымъ собратьямъ, что въ данную минуту у русскаго работника пера есть задачи гораздо болѣе важныя, чѣмъ грошевый расчетъ съ иностраннымъ ввозомъ. Венгеровъ обращалъ вниманіе на литературную этику, намекалъ на то, что еще иностранцы будутъ и у насъ черпать изъ невѣдомыхъ имъ нашихъ сокровищъ, такъ какъ имъ еще незнакомы Толстой и Достоевскій. (Эти слова были какъ бы пророчествомъ, такъ оно потомъ и случилось) [1]). Но все это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Извѣстный сочинитель отвратительно-сальныхъ романовъ, французъ Бело, кричалъ: «дайте намъ хоть нѣсколько су, но заплатите намъ за то, чѣмъ вы пользуетесь».

А между тѣмъ намъ грезилась наша родина, со всѣми несчастными увлеченіями ея юношей, дѣлавшими положеніе русскаго литератора все болѣе и болѣе тяжелымъ. Намъ вспоминался талантливый писатель, многіе годы проживавшій въ Восточной Сибири, Чернышевскій. Молодой государь, императоръ Александръ III, только что вступилъ на престолъ; мы много слышали о его сердечной добротѣ. Думалось: отчего бы конгрессу не сдѣлать такого добраго дѣла, не попросить милости у государя за своего собрата литератора, чтобъ вернуть его изъ Сибири, дать дожить вѣкъ въ лучшихъ условіяхъ жизни. Де-Роберти сообщилъ эту мысль Луи Ратисбону. Французскій писатель, пользуясь дебатами о сношеніяхъ съ русскими литераторами, разсказалъ собранію про процессъ Чернышевскаго, хотя и съ грубыми, для краснаго словца, ошибками, и предложилъ послать государю, отъ имени собравшихся въ Вѣнѣ литераторовъ, прошеніе о помилованіи сосланнаго писателя.

Какъ ни просто и ни естественно было предложеніе, оно, къ величайшему нашему изумленію, вызвало въ собраніи цѣлую бурю.

---

[1]) До какой степени тогда еще мало были знакомы съ русской литературой, доказываетъ очень интересный разговоръ Венгерова съ нѣмецкимъ писателемъ Боденштедтомъ, переводчикомъ Тургенева на нѣмецкій языкъ, говорившимъ, хотя и дурно, порусски. Боденштедтъ утверждалъ, что Тургеневъ сталъ извѣстенъ въ Германіи не столько по своему творчеству, сколько потому, что его произведенія переведены имъ, Боденштедтомъ. Когда Венгеровъ спросилъ о Толстомъ,— Боденштедтъ отозвался, что это не дурной драматическій писатель. Венгеровъ замѣтилъ, что онъ спрашиваетъ не о поэтѣ Алексѣѣ Толстомъ, а о романистѣ Львѣ Николаевичѣ; но объ немъ нѣмецкій писатель даже и не слыхалъ,—и когда Венгеровъ сталъ объяснять крупное значеніе Льва Толстого,—«странно, сказалъ Боденштедтъ, у меня такъ много знакомыхъ русскихъ, и никто мнѣ этого не говорилъ». А между тѣмъ Боденштедтъ считался первымъ знатокомъ русской литературы въ Германіи.

Кто кричалъ за предложеніе, кто противъ него, громкіе споры сливались въ общій гулъ, среди котораго выдавались восклицанія порнографиста Бело:

— Вы сдѣлаете Чернышевскому хуже вашимъ прошеніемъ! Мы здѣсь должны заниматься литературными вопросами, а не политическими.

— Это вопросъ, не касающійся политики,—крикнулъ ему Ратисбонъ:—а только гуманности.

Въ это время на каѳедру ворвался редакторъ польской газеты «Варшавскій Курьеръ» Шимановскій, собраніе нѣсколько затихло, и онъ заявилъ:

— Я покорно прошу не дебатировать этого вопроса, потому что въ собраніи есть немало русскихъ подданныхъ, которымъ, послѣ такого дебата, нельзя будетъ вернуться въ Россію.

— Я прошу того же,—крикнулъ Мишле.

Насъ взорвало. Де-Роберти не выдержалъ; онъ всталъ и громкимъ голосомъ сказалъ:

— Вотъ здѣсь мы трое русскихъ: я, Крыловъ и Венгеровъ; и я объявляю отъ имени всѣхъ насъ троихъ, что мы вполнѣ сочувствуемъ предложенію г. Ратисбона, присоединяемся къ его просьбѣ и нисколько не считаемъ затруднительнымъ послѣ этого вернуться на нашу родину.

Крики, споры сдѣлались еще сильнѣе. Между тѣмъ пробило двѣнадцать часовъ; въ половинѣ перваго отчаливалъ на Дунаѣ пароходъ, который долженъ былъ везти насъ на Каленбергъ. —Закройте засѣданіе,—кричали многіе,—пора ѣхать на Каленбергъ! это политическое дѣло!.. и т. п.; предложеніе замяли, засѣданіе закрыли, и всѣ поѣхали на Дунай.

Какая имъ была нужда обсуждать судьбу сосланнаго писателя, когда предстояла развеселая поѣздка, угощеніе, трескучія рѣчи и смѣхотворные разсказы. Вотъ если бы кто нибудь предложилъ обратиться къ русскому царю съ петиціей о томъ, чтобы русской полиціи было приказано блюсти денежные интересы иностранныхъ писателей,—о! тогда даже пирушка на Каленбергѣ не остановила бы сочувственныхъ дебатовъ.

Мы сѣли вчетверомъ въ одну коляску: Ратисбонъ и насъ трое, печальные отъ этой неудачи. Когда мы ступили на пароходъ, польскіе литераторы окружили насъ, жали намъ руки, высказывали свое сочувствіе предложенію, утверждая все-таки, что въ ихъ положеніи надо было протестовать. Намъ это казалось страннымъ: предложеніе было самое скромное и уже польскаго дѣла вовсе не касалось. Да, наконецъ, поляки просто могли въ этомъ обсужденіи не участвовать. Я пишу это нисколько не въ укоръ нашимъ польскимъ сотоварищамъ по конгрессу. Предложеніе явилось для нихъ совершенно неожиданнымъ, породило горячій споръ, съ экстра-

вагантными возгласами, ничего нѣтъ мудренаго, что польскіе писатели преувеличили значеніе факта. Дѣло не въ нихъ, а въ томъ, какъ ко всему этому отнеслась вѣнская пресса.

Въ тотъ же день вечеромъ, журналистъ Шебсъ, редакторъ и издатель распространенной вѣнской газеты «Tagblatt», давалъ праздникъ въ честь обоихъ конгрессовъ. Два этажа большого дома были пріурочены къ чествованію гостей, которыхъ съ предупредительной любезностью встрѣчалъ хозяинъ и роскошно разодѣтая его дочка. Гостей угощали закуской, виномъ, чаемъ, какимъ-то особымъ турецкимъ кофе и даже маленькимъ спектаклемъ. Въ одной изъ залъ была устроена небольшая сцена, на которой пѣли пѣвцы, играли музыканты, комикъ Жирарди исполнялъ опереточные номера, и была разыграна цѣлая пьеска на французскомъ языкѣ: сцена монологъ «Toto chez Tata». Миловидная молоденькая актриса императорскаго бургтеатра, Стелла Гогенфельсъ, хорошо владѣвшая французскимъ языкомъ, представляла мальчика, школьника, разсказывающаго, какъ онъ попалъ въ карцеръ за то, что отъ имени оскорбленнаго класса ходилъ къ какой-то кокоткѣ съ протестомъ противъ ея невѣжества. Мы, трое русскихъ, имѣли тоже пригласительные билеты на этотъ вечеръ и рѣшили итти вмѣстѣ, для чего и согласились собраться у де-Роберти, такъ какъ гостиница, въ которой онъ остановился, была ближе нашихъ отъ дома редакціи, гдѣ давался праздникъ. Въ назначенный часъ я прихожу къ де-Роберти, застаю тамъ и Венгерова, при чемъ первый встрѣчаетъ меня словами:

— Хорошо же насъ отдѣлали! Посмотрите-ка, что про насъ пишутъ.

И онъ подалъ мнѣ вечернюю газету. Пока мы ѣздили на Календергъ, репортеръ уже успѣлъ написать, а газета отпечатать отчетъ объ утреннемъ засѣданіи, съ инцидентомъ о Чернышевскомъ включительно. Вотъ что я прочиталъ въ газетѣ. Приведя предложеніе Ратисбона и протестъ Шимановскаго и другихъ польскихъ писателей, репортеръ продолжаетъ такъ:

«Мишле (Петербургъ). Я какъ русскій, протестую противъ этого предложенія. Крыловъ и другіе русскіе и поляки: мы протестуемъ всѣ!—Вокругъ Ратисбона собирается группа, которая ожесточенно кричитъ и споритъ между собой. Возбужденіе собранія доходитъ до высшей степени. Голоса: на баллотировку! не нужно баллотировки! къ очередному порядку! закрыть засѣданіе! la cloture!

«Предсѣдатель ставитъ на баллотировку вопросъ: хочетъ ли вообще собраніе обсуждать предложеніе? (Крики: да! да! нѣтъ! нѣтъ!) Баллотируютъ нѣсколько разъ, пока наконецъ удается констатировать, что большинство противъ обсужденія предложенія.

«Секретарь Альфонсъ Пажесъ (у предсѣдательскаго стола). Я думаю, мой д угъ, Ратисбонъ, предполагалъ, что его предложеніе

будетъ принято единогласно. Но такъ какъ оно вызвало споръ, и въ виду тяжелыхъ послѣдствій, которыя бы оно могло имѣть, я предлагаю даже не заносить въ протоколъ весь этотъ случай. (Бурныя одобренія и согласіе).

«Лёвенталь (Берлинъ). Желающіе обратиться съ такою просьбой къ царю могутъ это сдѣлать отъ своего имени, но не отъ имени конгресса. (Одобреніе).

«Среди продолжающихся споровъ Ратисбонъ спѣшитъ на каѳедру и заявляетъ съ большимъ волненіемъ: я могу примириться съ тѣмъ, что мое предложеніе будетъ отклонено, но я протестую противъ того, что его хотятъ затаить, не внося въ протоколъ, какъ постыдное дѣло. (Бурные протесты и одобренія).

«Пажесъ. Я сдѣлалъ мое предложеніе не для того, чтобы затаить предложеніе Ратисбона, которое, конечно, считаю великодушнымъ, но только изъ братства къ нашимъ сотоварищамъ, считающимъ это предложеніе для себя опаснымъ.

«Большинство другихъ членовъ собранія и, главнымъ образомъ, Бело, оживленно подтверждаютъ эти слова. Ратисбонъ и его единомышленники возражаютъ; поднимается ужасный шумъ. Русскіе стремительно набрасываются на Ратисбона. (Die Russen wenden sich in stürmischer Weise gegen Ratisbonne). Предсѣдатель, неумолкаемо звонитъ; но проходитъ нѣсколько минутъ, пока шумъ до нѣкоторой степени стихаетъ.

«Среди общаго возбужденія предсѣдатель объявляетъ, что предложеніе Пажеса принято, послѣ чего засѣданіе закрыто».

Прочитавъ эти строки, я только руками развелъ; это было до того глупо, что даже нельзя было на это сердиться. Какъ?—мы же затѣяли все предложеніе, мы же заявили нашу солидарность съ Ратисбономъ, наконецъ именно съ нами онъ поѣхалъ въ одной коляскѣ,—и про насъ же пишутъ, что мы протестовали и на него набросились. Мы отправились на вечеринку редактора; тамъ были уже всѣ члены конгресса, конечно, давно забывшіе о Чернышевскомъ за стаканомъ вина, любуясь на куртку и панталоны актрисы, изображавшей мальчика. Мы подозвали къ себѣ вѣчно смѣющагося Лермина и спросили его: кто завтра будетъ предсѣдателемъ засѣданія? Оказалось, что чередъ былъ за Луи Ульбахомъ. Потревожили мы и этого стараго французскаго романиста и, собравшись небольшой кучкой, потребовали, чтобы въ завтрашнемъ засѣданіи предсѣдатель высказалъ, что мы, трое русскихъ, оскорблены газетной замѣткой и протестуемъ противъ нея, такъ какъ вполнѣ раздѣляли и раздѣляемъ желаніе Ратисбона. Французы предлагали намъ лучше напечатать нашъ протестъ въ газетахъ, но мы настаивали. Инцидентъ совершился въ собраніи, клевета высказана

про членовъ собранія, стало быть, и собраніе оскорблено, и должно это высказать рѣчью предсѣдателя.

— Если вы этого не сдѣлаете,—сказали мы,—то мы завтра заявимъ въ собраніи, что не желаемъ имѣть никакаго дѣла съ такимъ конгрессомъ и уйдемъ изъ засѣданія.

Ульбахъ сталъ редактировать предстоявшее ему заявленіе, причемъ, говоря о Ратисбонѣ, назвалъ его «нашъ уважаемый товарищъ», а насъ назвалъ «эти господа» (ces messieurs). Венгеровъ обратилъ мое вниманіе на это, и я спросилъ Ульбаха: отчего же мы тоже не товарищи въ конгрессѣ, и почему такая разница въ редакціи? Ульбахъ замѣтилъ свою безтактность и поспѣшилъ ее исправить.

На другой день, еще конгрессъ не успѣлъ собраться, появилась утренняя «Нѣмецкая газета», въ которой была напечатана неимовѣрно гнусная статья по поводу инцидента о Чернышевскомъ. Въ этой статьѣ, среди всякихъ наглыхъ выходокъ по адресу Россіи, между прочимъ было напечатано слѣдующее:

«Россія—какое тяжелое количество давленія и горя заключается въ этомъ маленькомъ словѣ! Кто бы этого не зналъ, кто проспалъ бы всю современную исторію царства, тотъ могъ бы съ чувствомъ печали обсудить это сегодня, въ залѣ ремесленнаго союза, когда русскіе и польскіе члены конгресса отстранялись въ ужасѣ отъ предложенія Ратисбона и, трепеща отъ волненія, между прочимъ кричали: не хотятъ ли имъ сдѣлать невозможнымъ возвращеніе въ отечество. Эти люди открыто боятся, что просьба за Чернышевскаго будетъ имѣть для нихъ результатомъ его судьбу».

Въ 10 часовъ утра по обыкновенію открылось засѣданіе конгресса. Въ самомъ началѣ его, предсѣдатель, Луи Ульбахъ, обратился къ собранію со слѣдующимъ заявленіемъ «къ свѣдѣнію конгресса» (какъ потомъ значилось въ газетныхъ отчетахъ):

«Въ отчетахъ вѣнскихъ газетъ касательно инцидента о Чернышевскомъ, къ которому мы уже болѣе не хотимъ возвращаться, находится достойная сожалѣнія ошибка, которую желаютъ исправить представители Россіи: гг. Крыловъ, Роберти и Венгеровъ.

«Наши товарищи русской прессы были выставлены, какъ будто они протестовали противъ предложенія нашего уважаемаго товарища Ратисбона; они считаютъ необходимымъ это исправить, и объяснить, что они высказывались, что этотъ вопросъ уже обсуждался въ русской прессѣ, и что они отъ всего сердца раздѣляютъ желаніе Ратисбона. Мы просимъ здѣсь присутствующихъ товарищей прессы принять къ свѣдѣнію эту поправку».

Конечно, никакого геройства тутъ съ нашей стороны не было, но для той среды, изъ которой выходили вышепроизведенныя строки объ ужасномъ положеніи русскихъ представителей кон-

гресса, мы бы должны были казаться, если не героями, то хоть отчаянными смѣльчаками, не боящимися ссылки въ Сибирь за гуманное предложеніе Ратисбона. Такая смѣлость со стороны француза или нѣмца была бы награждена неумолкаемыми громкими рукоплесканіями, во всякомъ случаѣ не менѣе громкими, чѣмъ тѣ, которыми отвѣчали на всякіе пошлые выкрики и клоунскія кривлянья на обѣдахъ и завтракахъ. Но мы—люди русскіе, и потому наше заявленіе было встрѣчено самыми жиденькими хлопками, о которыхъ газеты даже не сочли нужнымъ помянуть. Все, чего мы могли добиться, и то только по моему требованію—это того, чтобы наше заявленіе было занесено въ протоколъ. Польскіе писатели съ своей стороны тоже сдѣлали заявленіе, которое было въ томъ же засѣданіи передано членамъ редакцій вѣнскихъ газетъ и на другой день въ нихъ напечатано. Вотъ оно:

«Уважаемая редакція! отъ имени моихъ земляковъ, сочленовъ интернаціональнаго литературнаго конгресса, прошу васъ напечатать въ вашей уважаемой газетѣ нижеслѣдующія строки:

«Отчетъ о дебатѣ по поводу предложенія г. Ратисбона былъ изложенъ въ нѣкоторыхъ газетахъ ошибочно. Не входя въ дальнѣйшія подробности, мы повторяемъ здѣсь объясненіе, которое высказали члены конгресса, пріѣхавшіе изъ царства Польскаго. Въ немъ значится:

«Мы объявляемъ, что не имѣемъ никакого права соглашаться на дебаты, по поводу предложенія г. Ратисбона, и что мы въ этомъ дѣлѣ не будемъ участвовать ни въ преніяхъ, ни въ случайномъ рѣшеніи баллотировки.

«Примите выраженіе моего отличнаго и высокаго уваженія.

«Вѣна. 22 сентября 1881 г. Вацлавъ Шимановскій».

И опять пошли пирушки, веселье, восхваленіе своихъ доблестей, великое торжество, такъ не кстати омраченное предложеніемъ Ратисбона. На прощальномъ вечерѣ, на седьмой день конгресса, снова въ залѣ общества садоводства, французъ Ульбахъ сталъ опять таки разсказывать о божественномъ призваніи Виктора Гюго, о подробностяхъ его жизни, о своей дружбѣ съ нимъ; другіе разсыпались въ благодарностяхъ обществу «Конкордія» и Вѣнѣ за угощенія, а про случай о Чернышевскомъ вспомнили только съ легкимъ укоромъ. Итальянецъ Гоброліо говорилъ: «мы старательно отдалялись ото всего, что хоть нѣсколько имѣло видъ политики. И вотъ нашъ другъ, Луи Ратисбонъ, охваченный великодушной мыслью, поднялъ свой голосъ и высказалъ слово отъ сердца, полное интернаціональнаго состраданія. (Одобренія). Это предложеніе было единовременно встрѣчено и сочувствіемъ и споромъ. Мы еще достаточно сильны, чтобы не нуждаться выступать на эту дорогу (noch sind wir stark genug um diesen Weg nicht betreten zu müs-

sen). Нѣтъ, никакой политикой мы не занимались,— и все-таки наша работа возносится выше политики на службѣ гуманности». Что хотѣлъ сказать этими туманными словами почтенный потомокъ Гракховъ и Муція Сцеволы?—осужденіе Ратисбону, разукрашенное мишурой пустозвонной похвалы, а главное восхваленіе себѣ за болтовню и кутежъ, за отсутствіе общечеловѣчнаго стремленія, потому что, если литература есть духовная жизнь народа, какъ же можетъ она совсѣмъ сторониться отъ политики? Даже самъ Ратисбонъ на прощанье выразилъ какъ будто сожалѣніе о томъ, что поднялъ эту исторію о Чернышевскомъ. Прочитавъ стихотвореніе «La pomme» изъ своей извѣстной книги «La comedie enfantine», Ратисбонъ обратилъ особенное вниманіе слушателей на то, что въ этихъ стихахъ онъ описываетъ несчастное положеніе маленькаго Людовика XVII-го, отданнаго во время революціи въ работники сапожнику Симону.

— Вы видите, — сказалъ Ратисбонъ, — мое состраданіе направляется не только къ Сибири, невинные и несчастные принцы тоже возбуждаютъ во мнѣ сочувствіе. Стало быть, и не революціонеръ, какъ бы это могли думать, высказалъ извѣстное предложеніе на конгрессѣ, надѣлавшее немного шуму. По этому поводу я не могу удержаться отъ удовольствія сообщить здѣсь, какъ достойный постскриптумъ конгресса, что, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Петербурга, Чернышевскій, какъ и другіе несчастные осужденные, смѣютъ имѣть основательныя надежды на помилованіе». (Демонстративное продолжительное одобреніе).

Этимъ бы, кажется, и должно было кончиться дѣло, но гуманность вѣнскихъ газетъ именно въ томъ и заключалось, чтобы сдѣлать Чернышевскаго орудіемъ для злословія про русскихъ и Россію. Еще за день до прощальнаго вечера въ газетѣ «Illustriertes Wiener Extrablatt», на первой страницѣ былъ напечатанъ большой портретъ Чернышевскаго съ ужасающимъ и навраннымъ описаніемъ его судьбы. И еще нѣсколько разъ послѣ того, несмотря на заявленія наши и Ратисбона, тамъ и здѣсь появлялись мелкія газетныя замѣтки съ ядовитымъ сожалѣніемъ объ участи русскаго писателя, положеніе котораго такъ позорно и низко, что онъ даже просить о милосердіи не смѣетъ. Кажется, иные члены конгресса были очень недовольны, услыхавъ добрую вѣсть въ прощальной рѣчи Ратисбона, и, конечно, такимъ гуманистамъ было бы куда пріятнѣе, еслибъ надъ Чернышевскимъ стряслась еще новая худшая бѣда; тогда, по крайней мѣрѣ, еще болѣе можно было бы услаждаться, выливая потокъ наглой брани на наше отечество.

Вотъ съ какимъ воспоминаніемъ мы уѣхали изъ Вѣны, которая такъ заботилась, по словамъ предсѣдателя общества «Конкордія», доказать свое такъ часто хваленое гостепріимство.

Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ этого, въ 1883 году, Чернышевскій былъ возвращенъ въ Европейскую Россію и свои послѣдніе годы прожилъ въ Астрахани, а затѣмъ въ Саратовѣ, гдѣ работалъ по порученію издателя Солдатенкова надъ переводомъ всеобщей исторіи Вебера. Въ Саратовѣ Чернышевскій и скончался 17 октября 1889 года.

Викторъ Крыловъ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЕ УСТАВЫ [1].

(1755—1884 гг.).

VI.

О УСТАВУ 1863 года, университеты раздѣлены были на четыре факультета: историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій (вмѣсто послѣдняго, въ Петербургскомъ университетѣ учрежденъ былъ факультетъ восточныхъ языковъ). Каждый университетъ, подъ главнымъ начальствомъ министра народнаго просвѣщенія, ввѣрялся попечителю учебнаго округа, а въ ближайшемъ управленіи состоялъ у избраннаго совѣтомъ ректора. Составными частями университетскаго управленія, сверхъ факультетовъ, являлись: 1) университетскій совѣтъ; 2) правленіе университета; 3) университетскій судъ и 4) проректоръ или инспекторъ. Каждый факультетъ состоялъ изъ декана, профессоровъ ординарныхъ и экстра-ординарныхъ, доцентовъ и лекторовъ. Сверхъ того, университетамъ предоставлялось имѣть приватъ-доцентовъ въ неограниченномъ числѣ. Деканы подлежали избранію факультетскаго собранія изъ числа ординарныхъ профессоровъ на 3 года; они предсѣдательствовали въ собраніи и имѣли ближайшее наблюденіе за преподаваніемъ. Кругъ факультетскаго вѣдѣнія намѣченъ былъ широко, при чемъ часть дѣлъ рѣшалась собственною властью факультета, часть

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIX, стр. 324.

же, и притомъ наибольшая, по утвержденіи совѣтомъ. Къ дѣламъ первой категоріи относились: мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ, программы на конкурсъ для занятія вакантныхъ каѳедръ, одобреніе сочиненій, издаваемыхъ университетами, программы преподаванія; ко второй — избраніе должностныхъ лицъ, распредѣленіе и порядокъ преподаванія, предложенія о раздѣленіи факультета на отдѣленія, о соединеніи и раздѣленіи каѳедръ и замѣнѣ однѣхъ изъ нихъ другими, сужденія объ обязательности предметовъ для студентовъ, выборъ стипендіатовъ, оставляемыхъ при университетѣ, избраніе лицъ для командировки за границу, одобреніе диссертацій, избраніе задачъ на конкурсныя медали, распредѣленіе суммъ, назначенныхъ по штату на учебныя пособія по факультетамъ.

По новому уставу, число каѳедръ и составъ преподавательскаго состава были значительно увеличены. Такъ, для историко-филологическаго факультета положено было 11 каѳедръ съ 12 профессорами и 7 доцентами; для физико-математическаго—12 каѳедръ, съ 16 профессорами и 3 доцентами; для юридическаго — 13 каѳедръ при 13 профессорахъ и 6 доцентахъ; на медицинскомъ — 17 каѳедръ, при 16 профессорахъ и 17 доцентахъ; на факультетѣ восточныхъ языковъ—9 каѳедръ, при 9 профессорахъ, 8 доцентахъ и 4 лекторахъ. Кромѣ того, для студентовъ православнаго исповѣданія учреждена была каѳедра богословія, а для преподаванія новѣйшихъ языковъ (нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и итальянскаго) предназначалось четыре лектора.

Предѣлы попечительской власти были слабо опредѣлены новымъ уставомъ. Попечитель долженъ былъ примѣнять всѣ нужныя, по его усмотрѣнію, мѣры, чтобы принадлежащія къ университету мѣста и лица исполняли свои обязанности и, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, уполномочивался дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали его власть, съ обязанностью только о подобныхъ случаяхъ доводить до свѣдѣнія министра; онъ могъ дѣлать совѣту, когда признаетъ это нужнымъ, предложенія, какъ по дѣламъ университета, такъ и учебнаго округа.

Ректоръ являлся лицомъ, избираемымъ совѣтомъ на 4 года изъ ординарныхъ профессоровъ, и утверждался высочайшимъ приказомъ; на него возложено было ближайшее наблюденіе за благоустройствомъ университета, онъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ и только въ экстренныхъ случаяхъ принималъ необходимыя мѣры по своему усмотрѣнію, безъ вѣдома совѣта или правленія. По преимуществу званіе ректора было почетное: на немъ лежало представительство и исполнительная власть, въ предѣлахъ постановленій совѣта и правленія. Власть совѣта обнимала собою утвержденіе дѣлъ, по представленіямъ факультетовъ, каковое дѣлалось безъ утвержденія попечителя; другая серія дѣлъ рѣшалась лишь съ

вѣдома попечителя. Сюда относились: мѣры и средства къ усиленію ученой дѣятельности университетовъ, избраніе доцентовъ, лекторовъ, лаборантовъ и прочихъ представителей учебной университетской жизни, до инспектора включительно, допущеніе приватъ-доцентовъ къ чтенію лекцій, избраніе почетныхъ членовъ и чиновниковъ университетскихъ канцелярій, избраніе судей и кандидатовъ въ университетскіе судьи, изданіе инструкцій для руководства проректору или инспектору, а также изданіе правилъ: а) о порядкѣ взиманія, распредѣленія и употребленія суммъ, собираемыхъ за слушаніе лекцій; б) о пріемѣ студентовъ въ университетъ; в) о допущеніи постороннихъ лицъ къ слушанію лекцій; г) объ обязанностяхъ учащихся и о порядкѣ въ университетѣ; д) о взысканіяхъ за нарушеніе этихъ обязанностей и порядка, и е) о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ. Особо важныя дѣла шли черезъ попечителя на утвержденіе министра, какъ, напримѣръ, избраніе главныхъ должностныхъ лицъ университета и удаленіе таковыхъ, раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія и утвержденіе каѳедръ.

Правленіе состояло изъ ректора, декановъ и инспектора, подававшаго голосъ лишь по студенческимъ дѣламъ. Компетенція правленія сводилась къ вѣдѣнію университетскаго хозяйства и разбирательствамъ по студенческимъ дѣламъ, взысканіямъ съ провинившихся и преданію послѣднихъ университетскому суду. Правленіе завѣдывало пособіями студентамъ, освобожденіемъ ихъ отъ платы, сверхштатными ассигновками, а также управленіемъ всей университетской собственностью. Послѣдняя категорія дѣлъ разрѣшалась правленіемъ съ утвержденія попечителя, помимо совѣта. Университетскій судъ состоялъ изъ трехъ избранныхъ совѣтомъ профессоровъ; на случай болѣзни или отсутствія таковыхъ, избирались также и кандидаты. Одинъ изъ судей долженъ былъ быть непремѣнно юристомъ, и на него возлагалось предсѣдательство при разбирательствахъ. Судьи и кандидаты утверждались попечителемъ. Вѣдѣнію университетскаго суда подлежали передаваемыя ему изъ правленія дѣла касательно студентовъ: 1) о нарушеніи ими въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядка, особыми правилами каждаго изъ нихъ установленнаго; 2) о столкновеніяхъ между студентами, съ одной стороны, и преподавателями и должностными лицами университетскими, съ другой, хотя бы таковыя столкновенія произошли и внѣ зданій и учрежденій университета. Правила о взысканіяхъ, налагаемыхъ на студентовъ инспекторомъ, ректоромъ, правленіемъ и судомъ, а также о порядкѣ дѣлопроизводства въ судѣ не были предрѣшены общимъ уставомъ, а были отданы на усмотрѣніе университетскихъ совѣтовъ, по утвержденіи ихъ попечителями.

Ближайшее въ университетѣ наблюденіе за исполненіемъ правилъ, установленныхъ для студентовъ и другихъ слушателей возложено было на особое лицо, избираемое совѣтомъ изъ среды своихъ

членовъ или изъ стороннихъ чиновниковъ. Въ первомъ случаѣ такое лицо именовалось проректоромъ, во-второмъ — инспекторомъ. Какъ тотъ, такъ и другой утверждались министромъ. Въ своей дѣятельности названныя лица должны были руководствоваться инструкціей, данной имъ совѣтомъ, утвержденной попечителемъ и основанной на подлежащихъ параграфахъ устава 1863 года. При безотлагательной же спѣшности дѣла, эта университетская администрація могла принимать экстренныя мѣры, съ разрѣшенія на сей предметъ ректора. Въ помощь проректору и инспектору, для наблюденія за порядкомъ, назначалось нѣсколько помощниковъ-субъинспекторовъ, а для дѣлопроизводства—секретарь по студенческимъ дѣламъ.

Въ студенты университетовъ, согласно новому уставу, положено принимать безъ вступительнаго экзамена молодыхъ людей, достигшихъ 17-ти-лѣтняго возраста и при томъ окончившихъ успѣшно гимназическій курсъ; но при этомъ совѣту университета предоставлено было въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ нужнымъ, провѣрить степень знаній желающихъ поступить въ университетъ. Пріемъ студентовъ былъ освобожденъ отъ излишнихъ формальностей и со стороны вновь поступившихъ отбиралась лишь подписка въ соблюденіи выработанныхъ университетомъ правилъ, въ коихъ ясно обозначены были запрещаемыя дѣйствія и соотвѣтствующія онымъ взысканія. Если нарушеніе студентомъ этихъ правилъ сопровождалось какимъ либо уголовнымъ преступленіемъ, то, по исключеніи виновнаго университетскимъ судомъ изъ университета, онъ посылался съ препровожденіемъ копіи съ приговора объ исключеніи къ уголовному суду. Ношеніе формы было отмѣнено, и внѣ зданій и учрежденій университета студенты подчинены были полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи. Никакая организація студенческой общины допущена не была, и студенты были признаны «отдѣльными посѣтителями университета», не имѣющими между собою ничего общаго, кромѣ опредѣленныхъ и формальныхъ академическихъ обязанностей.

Полный курсъ университетскаго преподаванія былъ опредѣленъ четырехлѣтній, а для медицинскихъ факультетовъ — пятилѣтній. Правильнаго общаго контроля надъ занятіями студентовъ установлено уставомъ не было, и въ этомъ отношеніи каждому университету предоставлено было опредѣлить, съ утвержденія попечителя, собственный контроль, который бы по педагогическимъ соображеніямъ и мѣстнымъ условіямъ былъ признанъ наиболѣе удобнымъ. Переходъ съ курса на курсъ обусловливался испытаніями, а для поощренія въ занятіяхъ студентамъ предлагались ежегодныя задачи, удовлетворительное выполненіе которыхъ награждалось медалями или почетными отзывами. Студенты, хорошо окончившіе полныя выпускныя испытанія, удостоивались, по представленіи дис-

сертаціи, степени кандидата, а выдержавшіе это испытаніе лишь удовлетворительно и не представившіе диссертаціи или слабыя диссертаціи, удостоивались званія дѣйствительныхъ студентовъ. Для поощренія занятій, кромѣ медалей, студентамъ разрѣшено было выдавать стипендіи и пособія. Годовая плата за слушаніе лекцій опредѣлена была для столичныхъ университетовъ въ 50 рублей, а для провинціальныхъ—въ 40 рублей, каковые должны были вноситься по полугодіямъ.

Что касается преподавателей, то въ новомъ уставѣ наиболѣе характерными въ отношеніи ихъ были правила объ избраніи ихъ на соотвѣтствующія каѳедры. Это избраніе совершалось по баллотировкѣ въ факультетахъ и по перебаллотировкѣ въ совѣтѣ. Избраннымъ считался получившій наибольшее число голосовъ. Профессоры, по избраніи ихъ совѣтомъ, утверждались министромъ, а доценты и лекторы—попечителемъ округа. Въ тѣхъ случаяхъ, когда каѳедра оставалась почему либо незамѣщенною въ теченіе года избраннымъ отъ совѣта кандидатомъ, то министру предоставлялось право назначить на эту каѳедру лицо, по своему усмотрѣнію, если только оно удовлетворяло требуемымъ отъ профессора условіямъ. Сверхъ того, отъ министра зависѣло назначить во всякое время сверхштатныхъ профессоровъ изъ лицъ, отмѣченныхъ особыми дарованіями, научными заслугами и педагогической опытностью. Лица, искавшія званія приватъ-доцента и выполнявшія требованія по сему предмету, обусловленныя уставомъ въ отношеніи своей ученой компетентности, допускались совѣтомъ и, съ утвержденія попечителя, къ чтенію въ университетѣ курса по избраннымъ имъ наукамъ въ качествѣ приватъ-доцентовъ, за что имъ не полагалось опредѣленнаго штатомъ вознагражденія. Трудъ ихъ по представленіи о томъ факультета могъ быть награжденъ совѣтомъ изъ спеціальныхъ средствъ. Приватъ-доцентамъ разрѣшалось чтеніе лекцій по программѣ, одобренной властью факультета, и они могли пользоваться всѣми научными и вспомогательными средствами университета.

Въ новомъ уставѣ подробно было сказано объ ученыхъ степеняхъ, способахъ и условіяхъ ихъ полученія, о почетныхъ членахъ, о средствахъ для развитія ученой дѣятельности университетовъ, въ образѣ основанія ученыхъ обществъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, о правахъ и преимуществахъ университетовъ, о пенсіяхъ и преимуществахъ службы въ университетѣ. Въ числѣ правъ надлежитъ отмѣтить, что всѣ университеты поставлены подъ особое покровительство его императорскаго величества, съ присвоеніемъ имъ наименованія «императорскаго». Они снабжены были собственною печатью, освобождены отъ платежа вѣсовыхъ денегъ, гербоваго сбора, отъ пошлины и цѣнзуры за выписываемыя изъ-за границы книги, коллекціи и учебныя пособія; университетамъ раз-

рѣшено было изданіе періодическихъ трудовъ ученаго содержанія и имѣніе собственныхъ типографій и книжныхъ лавокъ на общемъ основаніи; имъ предоставлено было пріобрѣтать собственности, а зданія ихъ освобождены отъ квартирной повинности и городскихъ сборовъ. Важною стороною новаго устава было повышеніе окладовъ содержанія профессоровъ, доцентовъ и прочихъ должностныхъ лицъ, [а также общее усиленіе университетскихъ средствъ для вспомогательныхъ учрежденій. Содержаніе ординарныхъ профессоровъ опредѣлено было въ 3.000 р. въ годъ, экстраординарныхъ въ 2.000 р., штатныхъ доцентовъ въ 1.500 р. Такимъ образомъ, съ этой стороны новый уставъ увеличилъ почти вдвое оклады, такъ какъ прежде профессора получали по 2.000 р., адъюнкты по 800 р., лекторы по 600 р. Всѣ означенныя мѣропріятія, по замыслу законодателя, должны были дать полезные результаты по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Увеличеніе числа каѳедръ доставитъ возможность профессорамъ читать предметы свои основательнѣе и въ то же время расширить, сообразно состоянію науки, кругъ ученой дѣятельности университетовъ; 2) дозволеніе раздѣлять факультеты на отдѣленія, ограничивая близкими одинъ къ другому предметами кругъ занятій студентовъ, доставитъ имъ возможность болѣе основательно изучить тѣ науки, которымъ они себя посвятили; 3) увеличеніе средствъ университетовъ на библіотеки, кабинеты, лабораторіи и вообще на учебныя пособія доставитъ возможность профессорамъ преподавать, а студентамъ изучать науку, сообразно современному состоянію оной; 4) утвержденіе званія приватъ-доцентовъ доставитъ постоянное, естественное средство къ замѣщенію вакансій профессорскихъ, создавъ въ самомъ университетѣ питомникъ профессоровъ, и въ то же время, возбудивъ соревнованіе между профессорами и приватъ-доцентами, будетъ постоянно поддерживать всю ученую дѣятельность; 5) повышеніе окладовъ содержанія, привлекая къ должности профессоровъ способныхъ и достойныхъ лицъ, которые въ противномъ случаѣ были бы вынуждены искать себѣ другой дѣятельности, будетъ также удерживать въ университетахъ профессоровъ, которые, по случаю прежняго, слишкомъ ограниченнаго содержанія, вынуждены или вовсе оставлять ученую дѣятельность или, кромѣ преподаванія въ университетѣ, прибѣгать къ другимъ средствамъ жизни; 6) требованіе гимназическаго аттестата ото всѣхъ молодыхъ людей, желающихъ вступить въ университетъ, измѣнитъ къ лучшему составъ аудиторіи, наполнивъ оныя лицами, достаточно подготовленными для слушанія университетскаго курса; 7) введеніе составленныхъ каждымъ университетомъ и утверждаемыхъ попечителемъ правилъ о порядкѣ въ университетѣ и о наказаніяхъ по приговорамъ суда, состоящаго изъ профессоровъ, съ тѣмъ притомъ, чтобъ эти приговоры утверждались въ важныхъ случаяхъ всей коллегіей профессоровъ, должно

имѣть благія послѣдствія для спокойствія университетской жизни; 8) бо́льшая степень участія всѣхъ профессоровъ въ дѣлахъ университета возбудитъ въ нихъ бо́льшее участіе къ интересамъ онаго и свяжетъ ихъ общею нравственною отвѣтственностью за благоденствіе университета, а предоставленіе каждому университету начертанія для себя правилъ по разнымъ предметамъ академической жизни, придерживаясь указаній министерства только въ главныхъ основаніяхъ, доставитъ возможность каждому университету развиваться самобытно и своеобразно, смотря по мѣстнымъ потребностямъ, не подчиняясь въ предметахъ меньшей важности однообразной для всѣхъ университетовъ регламентаціи.

VII.

Уставу 1863 года, какъ онъ вылился въ законодательномъ актѣ о его установленіи, нельзя отказать въ извѣстной цѣлостности и стройности его составныхъ частей, гдѣ было произведено правильное раздѣленіе дѣлъ ученыхъ, хозяйственныхъ, полицейскихъ и судебныхъ и съ постепенностью въ правахъ рѣшенія ихъ разными установленіями, при чемъ высшею мѣстною властью являлся попечитель. Попечительская власть, по новому уставу, была значительно расширена и, хотя компетенція ея полномочій болѣе или менѣе опредѣлена, но ей вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено широкое право и административнаго вмѣшательства во всѣ части и стороны университетской жизни. Во всякомъ данномъ случаѣ эта власть могла оказать желаемое ей давленіе, и совѣту оставалось лишь молча подчиниться велѣніямъ и распоряженіямъ этой власти. К. Д. Кавелинъ, представляя свои «замѣчанія» на проектъ новаго устава (Собраніе сочиненій, т. 3), высказался именно несочувственно главнымъ образомъ по поводу полномочій попечительской власти. Онъ писалъ: «Самыми общими, неопредѣленными выраженіями удерживается навсегда прежнее полновластіе попечителей надъ университетами, которое было причиною, еще въ недавнее время, столькихъ неустройствъ». По мнѣнію профессора, «двусмысленная редакція нѣкоторыхъ статей даетъ поводъ къ разнообразнымъ толкованіямъ, и въ концѣ концовъ, на практикѣ, университетскимъ совѣтамъ невозможно будетъ воспользоваться долею автономіи, которая очевидно была въ намѣреніи составителей проекта устава. Совершенно устранить попечителей отъ участія въ управленіи университетами есть въ настоящее время несбыточная мечта. Но если самими составителями проекта признано было необходимымъ дать университетамъ нѣкоторую автономію, то и не слѣдовало скрывать за неясной и двусмысленной редакціей, которая можетъ только подать поводъ къ самымъ серіознымъ замѣшательствамъ и столкновеніямъ, а надле-

жало выразить прямо и точно, принявъ за точку исхода какія нибудь положительныя и твердыя начала». По мнѣнію Кавелина, въ уставѣ слѣдовало бы «точно и опредѣленно выразить, что управленіе университета сосредоточивается въ немъ самомъ и всѣ общія по университету мѣры,—кромѣ, разумѣется, тѣхъ, которыя издаются министерствомъ для всѣхъ университетовъ, и общихъ по имперіи и учебному вѣдомству правительственныхъ распоряженій и законодательныхъ мѣръ,—издаются не иначе, какъ университетскимъ начальствомъ. Точно также университету предоставляется распоряженіе сверхштатными суммами, о которыхъ необходимо пояснить, что онѣ составляютъ полную, исключительную собственность университета, и никакого другого назначенія, кромѣ университета, не получаютъ, и притомъ не иначе, какъ по распоряженію непосредственно университетскаго начальства. Затѣмъ, всѣ дѣла, въ обыкновенномъ порядкѣ управленія требующія утвержденія министра, представляются министерству непосредственно отъ университета, не проходя черезъ попечительскую канцелярію. Равнымъ образомъ, восходятъ на разрѣшеніе министра и всѣ тѣ дѣла, которыя хотя бы и могли быть окончательно разрѣшены университетомъ, но встрѣтили возраженіе со стороны попечителя, и по которымъ какъ университетъ, такъ и попечитель остались при своемъ мнѣніи». К. Д. Кавелинъ сдѣлалъ еще рядъ замѣчаній къ проекту, относящихся до учебной и ученой части, отмѣтилъ отсутствіе органической связи между совѣтомъ и правленіемъ и протестовалъ противъ запрещенія постороннимъ лицамъ посѣщенія университета, что было разрѣшено въ періодъ 1855—1861 годовъ; остальныя его замѣчанія носили болѣе частный характеръ и не затрогивали существенныхъ сторонъ вновь-организуемой университетской жизни.

Въ своемъ письмѣ изъ Тюбингена къ министру А. В. Головину, отрывки котораго нынѣ напечатаны въ 3 томѣ «Собраніи сочиненій», Кавелинъ настаивалъ также на необходимости, по примѣру Германіи, разрѣшить нашимъ студентамъ организацію обществъ и кружковъ. Онъ писалъ: «я всегда былъ того мнѣнія, что простое дозволеніе студенческихъ обществъ и взысканіе студентовъ не за образъ мыслей или направленіе, а за дѣйствія, запрещенныя закономъ и полицейскими правилами, какъ нельзя проще, короче и естественнѣе разрѣшили бы у насъ одинъ изъ труднѣйшихъ университетскихъ вопросовъ, передъ которымъ всѣ административныя мѣры оказались до сихъ поръ недѣйствительными, причинивъ много зла. Изученіе студенческаго быта за границей и сужденія объ этомъ предметѣ лицъ, очень близко и практически знакомыхъ съ дѣломъ, окончательно и вполнѣ убѣдили меня въ совершенной, безусловной справедливости этого мнѣнія». Хорошія стороны, существованія среди студенчества кружковыхъ организацій, по мнѣнію Кавелина, заключаются въ слѣдующемъ: 1) университетское

начальство имѣетъ дѣло не со всею массою студентовъ, а съ ихъ выборными, стоящими во главѣ общества; а выборные гораздо лучше умѣютъ держать своихъ студентовъ въ порядкѣ и дисциплинѣ, чѣмъ педели и университетскія власти; 2) слѣдить за направленіемъ, образомъ жизни, родомъ занятій студентовъ, когда они разгруппированы на общества, гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ за каждымъ студентомъ въ отдѣльности. Такъ какъ самые дѣятельные, подвижные, талантливые, живые и увлекающіеся молодые люди, почти всегда, непремѣнно принадлежатъ къ какому нибудь студенческому обществу, а отъ нихъ преимущественно идутъ разные проступки и шалости, то, при существованіи обществъ, университетское начальство можетъ сосредоточить все свое вниманіе и надзоръ на нихъ однихъ, въ особенности на тѣхъ, которые въ полицейскомъ и дисциплинарномъ отношеніи оказываются менѣе надежными; 3) въ студенческихъ обществахъ всегда необходимо образуется point d'honneur, понятіе о достоинствѣ и чести, которое вноситъ въ студенческій бытъ нравственный элементъ, заставляетъ молодыхъ людей наблюдать другъ за другомъ и тѣмъ воздерживаетъ большинство ихъ отъ предосудительныхъ поступковъ, наносящихъ безчестіе кружку или цѣлому университету; 4) нравственная отвѣтственность выборныхъ за поведеніе студенческихъ кружковъ заставляетъ и выборныхъ и членовъ обществъ быть осторожнѣе и осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, рождаетъ внутреннюю дисциплину между студентами, безъ которой всѣ усилія университетскаго начальства водворить и поддержать въ университетѣ порядокъ и хорошій нравъ не ведутъ ни къ чему; 5) въ случаѣ проступковъ или преступленій, совершенныхъ неизвѣстно кѣмъ изъ студентовъ, гораздо легче разслѣдовать виноватаго при существованіи обществъ, чѣмъ когда всѣ студенты слиты въ одну сплошную, безразличную массу.

Приводя означенные мотивы въ пользу разрѣшенія студенческихъ обществъ, Кавелинъ говоритъ въ своемъ письмѣ: «Вотъ результаты, къ которымъ пришли въ Германіи, послѣ долгихъ колебаній, ошибокъ и несчастныхъ запретительныхъ мѣръ, понапрасну погубившихъ много здоровыхъ, свѣжихъ, молодыхъ силъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался; дай Богъ, чтобы мои предсказанія не сбылись; но я убѣжденъ, что дальнѣйшее запрещеніе у насъ студенческихъ обществъ родитъ еще много бѣдъ и несчастій. Спѣшу прибавить, что и разрѣшеніе ихъ, разумѣется, будетъ столько же гибельно, если удержится существующій теперь взглядъ на студентовъ и наши обветшалые дисциплинарные университетскіе уставы. Въ Германіи не обращаютъ вниманія на образъ мыслей студентовъ, но нравственная и учебная дисциплина гораздо строже, чѣмъ у насъ. Поступки, оскорбляющіе публичную нравственность, противные чести, развратная жизнь, явное, часто повторяющееся неповино-

веніе властямъ или полицейскимъ распоряженіямъ и совершенное пренебреженіе лекціями, безъ особенно уважительныхъ причинъ, влекутъ за собой удаленіе изъ университета; это значитъ, что студентъ не только вычеркивался изъ университетскихъ списковъ, но удаляется изъ города, гдѣ находится университетъ, если не имѣетъ въ немъ правъ гражданства; а кто этого не исполнитъ или самовольно возвратится, того сажаютъ за это въ тюрьму. Въ Германіи строго различаютъ юношескія увлеченія отъ непозволительныхъ, безнравственныхъ проступковъ и, смотря очень снисходительно на первыя, безпощадно и неумолимо преслѣдуютъ послѣдніе. Въ этомъ заключается глубокая разумность здѣшнихъ дисциплинарныхъ порядковъ. На студентовъ смотрятъ, какъ на молодыхъ людей, т. е. несовершеннолѣтнихъ, уже не дѣтей, но еще не взрослыхъ».

Немало любопытныхъ и основательныхъ замѣчаній на проектъ устава 1863 г. было высказано Пироговымъ, Чичеринымъ, Пыпинымъ, Андреевскимъ и попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа, И. Д. Деляновымъ, на долю котораго черезъ два десятка лѣтъ выпала роль, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, введенія въ наши университеты устава 1887 года. Всѣ названныя лица горячо ратовали за полную свободу академическаго преподаванія, за корпоративность студенческой жизни и за необходимость въ вопросахъ академической жизни общественнаго контроля и общественной гласности. Но всѣмъ этимъ голосамъ и мнѣніямъ не суждено было оказать существеннаго вліянія на университетскую реформу, и уставъ 1863 г. явился компромиссомъ между либеральными вѣяніями шестидесятыхъ годовъ, былымъ режимомъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и бюрократическими теченіями петербургскихъ канцелярій.

Уставъ 1863 года, какъ можно легко убѣдиться, значительно разнится отъ предшествовавшихъ уставовъ: въ него вошли лишь нѣкоторыя существенныя стороны послѣднихъ, но многія были имъ утеряны. Извѣстная доля автономности, коллегіальности за университетами, правда, была сохранена, но тѣмъ не менѣе они уже не рисуются намъ исключительными учрежденіями, съ широкими правами просвѣщенія и вліянія на окружающую жизнь, какъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, по уставу 1804 и даже 1835 гг. Уставъ 1863 г. суживалъ сферу дѣятельности университетовъ и сводилъ ихъ на роль учебныхъ заведеній, гдѣ въ многочисленныхъ аудиторіяхъ сходились люди, съ одной стороны, для чтенія научныхъ предметовъ и, съ другой, для воспріятія излагаемыхъ выводовъ этой науки. Связь между обѣими сторонами не устанавливалась, и вся формула университетской жизни сводилась къ тому, что профессоръ читаетъ лекціи, а студенты ихъ слушаютъ. Профессорская корпорація была новымъ уставомъ значительно отдалена отъ нравственнаго воздѣйствія на студентовъ, и послѣдніе отданы подъ надзоръ, правда, избран-

ныхъ, но все же посторонних лицъ, которымъ и надлежало вѣдать жизнь учащихся. Правленіе, какъ органъ полицейско-административный и хозяйственный, а также инспекція, при наличности высшей попечительской власти,—вотъ кто сталъ по новому уставу рѣшающимъ элементомъ въ жизни студентовъ. Послѣднимъ не было дано также никакой организаціи, и они были какъ бы признаны случайными гостями университета, куда послѣдніе попали по праву аттестата зрѣлости, выданнаго имъ гимназіей и за опредѣленную входную плату. Формальное соотношеніе между каѳедрой и аудиторіей, формальныя переходныя испытанія и формальныя правила поведенія—вотъ чѣмъ окружилъ уставъ 1863 г. учебные годы студенчества. Слабыя его стороны скоро бросились всѣмъ въ глаза, и ему не суждено было оправдать тѣхъ широкихъ надеждъ, которыми окрылялось его появленіе на свѣтъ Божій. Тѣ профессора, что настаивали на усиленіи принциповъ автономнаго управленія и правильной организаціи студенческихъ общинъ, не сочли для себя удобнымъ продолжать свою учено-воспитательную дѣятельность и покинули университетъ, неудовлетворенные новымъ уставомъ. Не достигъ послѣдній и успокоенія умовъ студенчества и не положилъ предѣла тѣмъ безпорядкамъ, которые потрясли наши университеты въ періодъ начала шестидесятыхъ годовъ, и во все время дѣйствія Головинскаго устава мы видимъ непрестанныя смуты въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, достигающія крайнихъ своихъ проявленій и находящіяся въ непосредственной связи съ тѣми острыми политическими движеніями, что имѣли мѣсто въ русской жизни семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Власть попечительская и инспекторская была въ большинствѣ случаевъ безсильна съ ними бороться, а вліянію профессорскаго воздѣйствія уставъ 1863 г. не давалъ уполномочій. Не могла противиться этимъ смутамъ и спокойная и благоразумная часть студенчества, по отсутствію во всемъ студенческомъ обществѣ какой либо организаціи. Съ формальной стороны даже противодѣйствіе этимъ смутамъ могло быть отнесено къ нарушенію порядка и дѣйствовавшихъ правилъ, за что полагались тѣ или иныя степени наказанія. Авторъ настоящей статьи, проходившій свои студенческіе годы при дѣйствіи устава 1863 года, можетъ засвидѣтельствовать, что дѣйствительно борьба съ нарушеніемъ спокойствія академической жизни была совершенно немыслима для самого студенчества, и, согласно дѣйствовавшимъ правиламъ, оставалось лишь обязательно быть пассивнымъ свидѣтелемъ происходившаго. Бывали даже случаи, когда лицо, усиленно боровшееся за интересы спокойствія, являлось въ концѣ концовъ страдающимъ элементомъ, на который, съ одной стороны, падалъ гнѣвъ волнующагося товарищества, а съ другой, неудовольствіе самого начальства, считавшаго своей исключительной монополіей успокоеніе умовъ и установленіе порядка.

Нельзя утвердительно сказать, чтобы уставъ 1863 г. далъ особенно мощный толчокъ и расцвѣту университетской науки. Правда, наши разсадники высшаго просвѣщенія обогатились, благодаря увеличеннымъ смѣтамъ, цѣлою сѣтью новыхъ вспомогательныхъ ученыхъ учрежденій, но въ данномъ случаѣ наука болѣе выигрывала въ количественномъ, нежели качественномъ отношеніи. Поскольку можно судить теперь, на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, все наиболѣе талантливое, яркое и существенное въ научномъ отношеніи вышло изъ университетскихъ стѣнъ, не послѣ обновленія ихъ уставомъ 1863 г., а въ предшествовавшія эпохи, съ одной стороны, въ періодъ съ 1835 по 1848 гг., а съ другой, въ періодъ 1855—1863 гг. Явилось ли это результатомъ именно дѣйствія того или другого изъ уставовъ, или это находилось въ связи съ иными факторами русской жизни, болѣе глубокими и сложными, трудно опредѣленно сказать, но во всякомъ случаѣ вліяніе университетскихъ уставовъ здѣсь несомнѣнно.

Послѣ введенія классической системы образованія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ системы привиллегированной и съ опредѣленной тенденціей политическаго характера, о чемъ я уже нѣсколько разъ говорилъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника», въ правительственныхъ нѣдрахъ родилось сознаніе и о необходимости новой университетской реформы, въ интересахъ болѣе тѣсной связи университетовъ съ гимназіями. Проектъ новаго устава былъ выработанъ министромъ народнаго просвѣщенія, гр. Толстымъ, обсужденъ въ рядѣ ученыхъ и учебныхъ инстанцій и только приведенъ въ осуществленіе въ 1884 г., т. е. когда гр. Толстой снова вернулся къ власти, послѣ временнаго удаленія отъ государственныхъ дѣлъ. Каковъ былъ первоначальный проектъ этого устава, неизвѣстно, какъ равно неизвѣстно, почему въ отсутствіе у власти энергичнаго и прямолинейнаго графа этому проекту не дано было хода. Во всякомъ случаѣ, когда уставъ въ 1884 г. былъ обнародованъ, онъ явно носилъ на себѣ отпечатокъ излюбленныхъ графомъ тенденцій, которыя послѣдовательно проникали во всѣ его реформы, какъ по вѣдомству просвѣщенія, такъ и внутренняго управленія. Съ одной стороны, новая университетская реформа, какъ и предшествовавшая классическая, гимназическая, не являлась исключительнымъ продуктомъ русской жизни, а была сколкомъ съ нѣмецкихъ учрежденій, но сколкомъ лишь по внѣшности, а не по внутреннему существу; съ другой стороны, эта реформа заключала въ себѣ явные признаки борьбы съ началами коллективизма и автономности и являлась продуктомъ исключительныхъ полицейско-административныхъ симпатій. Централизація административной власти—вотъ главное существенное основаніе, на коемъ было возведено зданіе устава 1884 года. Выборное начало, начало самоуправленія было старательно изъ устава вытравлено, взамѣнъ

чего ему даны новыя системы, незнакомыя прежнимъ уставамъ и являвшіяся позаимствованіями изъ чужой жизни. Къ числу этихъ системъ относится нѣмецкая система профессорскихъ гонораровъ и организація приватъ-доцентуры на новыхъ основаніяхъ.

VIII.

Главное назначеніе новой реформы было придать университетамъ идею «государственныхъ учрежденій», которую они, по мнѣнію министерства гр. Толстого, потеряли въ предшествовавшій періодъ 60-хъ годовъ. Въ этихъ видахъ отнынѣ установлено было, чтобы всѣ университетскія власти и должностныя лица были назначаемы отъ правительства, дабы они яснѣе сознавали свою зависимость отъ государства, а себя истинными органами государственной власти. Въ соображеніяхъ по настоящему предмету было сказано: «Многочисленныя печальныя явленія послѣднихъ лѣтъ свидѣтельствуютъ, что нынѣшнее университетское воспитаніе недостаточно ограждаетъ юношество отъ вторженія превратныхъ и пагубныхъ замысловъ, что смута легко овладѣваетъ всякимъ студенческимъ соединеніемъ. Такія явленія не могутъ быть терпимы. Понятіе учебныхъ занятій, привлекая умы въ область чистаго знанія, должно противодѣйствовать вторженію чуждыхъ наукѣ стремленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы сознаніе своего долга предъ государствомъ дѣятельно заявляло себя и въ профессорской средѣ. Необходимо, чтобы преподаватели, которымъ государство довѣряетъ воспитаніе юношества, по природѣ склоннаго къ добру, были его истинными наставниками въ наукѣ, а въ политическомъ отношеніи сознавали бы себя всецѣло органами государства. Поставленіе университета подъ болѣе непосредственное, чѣмъ донынѣ, дѣйствіе правительственной власти должно дать въ этомъ отношеніи благотворныя послѣдствія». Въ этихъ-то послѣднихъ цѣляхъ университетъ былъ объявленъ состоящимъ подъ начальствомъ попечителя учебнаго округа, который отнынѣ и являлся тою безапелляціонно-рѣшающею и всенаправляющею властью, въ рукахъ которой сосредоточились фактически всѣ нити университетскаго управленія, каковыя прежде приводились въ движеніе и исполненіе разными коллегіальными инстанціями. По духу устава 1863 года попечитель могъ, по своему усмотрѣнію, вмѣшиваться въ тѣ или иныя стороны университетской жизни, а по новому 1884 года уставу онъ обязанъ вмѣшиваться и долженъ имѣть непосредственное на нихъ вліяніе и ими руководство. Принципы автономіи, коллегіальности и самоуправленія были сданы въ архивъ и замѣнены административной властью единаго лица. Онъ, по своему усмотрѣнію, получилъ право созывать совѣтъ, правленіе

и собраніе факультетовъ, а также присутствовать въ засѣданіяхъ сихъ установленій съ цѣлью ближайшаго разъясненія важныхъ вопросовъ и мѣропріятій, касающихся матеріальныхъ средствъ университета и его учрежденій, хозяйственнаго и дисциплинарнаго управленія, расширенія учебныхъ пособій и всяческаго содѣйствія успѣхамъ обученія. Въ охраненіе порядка и дисциплины въ университетѣ на попечителя возложена обязанность высшаго руководительства, при чемъ онъ получилъ право давать ректору обязательныя для него предложенія о надзорѣ за студентами и требовать донесеній о собственныхъ его распоряженіяхъ въ этомъ отношеніи. Назначеніе пособій и стипендій было также пріурочено къ власти попечителя, какъ равно ему же предписано заботиться, чтобы профессора «посвящали преподаванію достаточное число часовъ»; институтъ приватъ-доцентовъ поставленъ подъ непосредственное наблюденіе попечителя, и назначеніе имъ вознагражденія должно быть предметомъ тщательнаго его вниманія.

Согласно общей тенденціи новаго устава и его духа, ректоръ и деканы уже не являлись лицами, выборными профессорской корпораціей, а имѣютъ отправлять свои обязанности по назначенію; ректоръ назначается высочайшимъ приказомъ на 4 года изъ ординарныхъ профессоровъ, по выбору министра, деканы же, по представленію попечителя, на тотъ же срокъ министромъ. Ректоръ есть ближайшій «помощникъ» попечителя, и ему ввѣряется завѣдываніе всѣми частями управленія университетомъ; онъ есть предсѣдатель совѣта и правленія, а также, по личному желанію, и факультетскихъ собраній; ему предоставляется во всякое время производить обозрѣніе всѣхъ отдѣльныхъ частей управленія, наблюдать за правильнымъ ходомъ учебной части, и онъ можетъ дѣлать факультетамъ необходимыя предложенія и указанія. Онъ смотритъ за соблюденіемъ студентами и всѣми посѣтителями университета установленныхъ правилъ и за понужденіемъ ихъ со стороны инспекціи. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ онъ принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для поддержанія порядка и спокойствія, хотя бы мѣры эти и превышали его власть.

Деканы, по новому уставу, суть помощники ректора, каждый по своему факультету; на нихъ по преимуществу возложена организаторская дѣятельность по введенію новыхъ учебныхъ порядковъ. Декану принадлежитъ руководство факультетомъ и направленіе студентовъ въ слѣдованіи новымъ учебнымъ планамъ. Кругъ дѣйствій факультетовъ былъ расширенъ, и къ нимъ въ значительной мѣрѣ отошли прежнія функціи совѣта.

Факультеты собираются въ собранія, состоящія изъ всѣхъ профессоровъ факультета, подъ предсѣдательствомъ декана. Вѣдѣнію факультетовъ подлежатъ четыре группы дѣлъ: I) дѣла, предоставленныя окончательному рѣшенію факультета: а) испытанія на

ученыя степени, полукурсовыя, повѣрочныя, состязательныя и имѣющія назначеніемъ обезпечить успѣшный ходъ студенческихъ занятій; б) зачетъ полугодій и удостоеніе окончившихъ курсъ выпускныхъ свидѣтельствъ; в) постановленіе о выдачѣ магистрантамъ свидѣтельствъ о выдержаніи ими испытаній на степень магистра, а равно свидѣтельствъ на право чтенія лекцій съ званіемъ приватъ-доцента; г) разсмотрѣніе сочиненій, предназначенныхъ къ изданію на счетъ университета или съ его одобренія; д) назначеніе ежегодныхъ задачъ студентамъ и постороннимъ слушателямъ медалей и почетныхъ отзывовъ за написанныя сочиненія; е) присужденіе премій за ученые труды на задачи, предлагаемыя къ рѣшенію ученыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда право это предоставлено факультету особыми постановленіями; ж) обсужденіе предложеній ректора о мѣрахъ къ полнотѣ и правильности университетскаго преподаванія и постановленіе по симъ предложеніямъ заключеній; з) разсмотрѣніе отчетовъ преподавателей о практическихъ занятіяхъ со студентами; і) разрѣшеніе профессорамъ читать лекціи и назначать практическія занятія со студентами по другимъ предметамъ, сверхъ преподаванія по занимаемой каждымъ профессоромъ каѳедрѣ, если избранный для чтенія предметъ принадлежитъ къ другому факультету, и к) допущеніе въ подлежащихъ случаяхъ докторовъ иностранныхъ университетовъ къ испытанію на степень магистра безъ предварительнаго испытанія въ знаніи полнаго курса наукъ факультета; II) дѣла, вносимыя факультетами въ совѣтъ для окончательнаго утвержденія: а) предложенія лицъ для замѣщенія вакансій профессоровъ и лекторовъ; б) удостоеніе ученыхъ степеней лицъ, выполнившихъ установленныя для нихъ условія; в) ходатайство о возведеніи лицъ, пріобрѣтшихъ почетную извѣстность научными трудами, въ степень доктора безъ установленныхъ испытаній на степень магистра и безъ представленія диссертаціи; г) ходатайства о допущеніи лицъ, пріобрѣтшихъ извѣстность учеными трудами, прямо къ соисканію степени докторовъ; д) ходатайство объ утвержденіи въ степени доктора магистрантовъ, которыми будутъ представлены диссертаціи, отличающіяся особыми научными достоинствами; е) составленіе учебныхъ плановъ и обозрѣній преподаванія съ распредѣленіемъ лекцій и практическихъ упражненій по днямъ недѣли и часамъ; е) предложенія о соединеніи и раздѣленіи каѳедръ, о замѣнѣ одной другою, объ открытіи новыхъ каѳедръ и о перенесеніи каѳедръ съ одного факультета въ другой; ж) составленіе предположеній о производствѣ испытаній и объ условіяхъ допущенія къ нимъ; з) обсужденіе мѣръ къ временному устройству преподаванія по вакантнымъ каѳедрамъ; і) соображенія о вознагражденіи приватъ-доцентовъ; к) распредѣленіе суммъ, назначенныхъ на учебно-вспомогательныя установленія факультета, а равно предложенія объ улучшеніи послѣд-

нихъ и л) дѣла, передаваемыя правленіемъ и совѣтомъ на предварительное обсужденіе собраній факультетовъ; III) дѣла, вносимыя въ правленіе: а) предположеніе о распредѣленіи университетскихъ помѣщеній подъ учебно-вспомогательныя установленія и объ измѣненіяхъ въ семъ распредѣленіи и б) ходатайства о назначеніи студентамъ стипендій и единовременныхъ пособій; IV) дѣла, по которымъ состоявшіяся рѣшенія представляются на утвержденіе попечителя и сообщаются совѣту лишь для свѣдѣнія; къ таковымъ относятся: а) избраніе лаборантовъ и ихъ помощниковъ, астронома-наблюдателя, учебнаго садовника, механика и препаратора по каѳедрѣ физики — согласно представленіямъ профессоровъ, занимающихъ соотвѣтствующія каѳедры; б) избраніе на медицинскомъ факультетѣ ординаторовъ клиникъ по представленію завѣдывающихъ ими, а также провизора и письмоводителя факультета—по представленію его декана; в) допущеніе лицъ, имѣющихъ право быть привать-доцентами къ чтенію лекцій въ университетѣ, съ присвоеніемъ симъ лицамъ означеннаго званія; г) выборъ лицъ, оставляемыхъ при университетѣ, въ качествѣ стипендіатовъ, для приготовленія къ ученымъ степенямъ, а равно предназначенныхъ къ отправленію за границу на казенный счетъ, и д) вопросы, предлагаемые попечителемъ учебнаго округа для обсужденія въ собраніи факультета.

Дѣлопроизводительская часть ввѣряется секретарю, избираемому деканомъ изъ экстраординарныхъ профессоровъ, по утвержденіи его попечителемъ. Окончательныя, выпускныя испытанія изъ вѣдѣнія факультетовъ изъяты и переданы въ особыя государственныя комиссіи.

Насколько по уставу 1863 г. центръ тяжести университетскаго управленія лежалъ въ дѣятельности совѣта, постольку нынѣ его функціи раздѣлены между властью попечительской, ректорской, правленія и факультетовъ. Совѣту же придано лишь значеніе высшей университетской инстанціи по учебнымъ дѣламъ, черезъ которую по-преимуществу факультеты сносятся съ попечителемъ, а также характеръ совѣщательнаго собранія, высказывающаго мнѣнія по важнѣйшимъ университетскимъ дѣламъ, но не имѣющаго прямой распорядительной и управляющей функціи.

Большая часть дѣлъ, обсуждаемыхъ совѣтомъ, непосредственно идутъ на утвержденіе министра, который черезъ попечителя всегда можетъ или утвердить сдѣланное ему представленіе или предписать «къ исполненію» нѣчто новое и даже противное тому, что было намѣчено совѣтомъ. Во всякомъ случаѣ, новый уставъ, если и не предусматриваетъ подобнаго столкновенія мнѣній, то все же какъ бы аннулируетъ самостоятельность совѣта и сводитъ его на роль или передаточной инстанціи или исполнительнаго органа велѣній министра и его канцелярій. Если кругъ дѣятельности совѣта былъ

суженъ, за то дѣятельность правленія новыми правилами значительно расширена. Кромѣ обязанностей по финансовому и хозяйственному завѣдыванію университетомъ, на правленіе возложено и избираніе должностныхъ лицъ университетской службы, что прежде дѣлалось совѣтомъ; на правленіе же перешло и разбирательство по студенческимъ дѣламъ, нѣкогда порученное университетскому суду, признанному отнынѣ «безполезнымъ учрежденіемъ». Въ кругъ дѣятельности правленія вошло также назначеніе студентамъ пособій, равно какъ и освобожденіе неимущихъ отъ платы за слушаніе лекцій. Усилено также новымъ уставомъ и значеніе инспекторской власти. Такъ, инспекторъ опредѣляется министромъ, по представленію попечителя, и является полноправнымъ членомъ правленія по всѣмъ дѣламъ, а не только по студенческимъ, какъ это было опредѣлено уставомъ 1863 г. По его представленію назначаются попечителемъ и субъинспектора и служители инспекціи, число коихъ увеличено, сообразно числу студентовъ каждаго университета.

Главными измѣненіями касательно учащихся должно считать: установленіе системы гонорара, вмѣсто валовой платы за слушаніе лекцій. установленіе полугодовыхъ (семестровыхъ) испытаній, государственныхъ экзаменовъ, привлеченіе студентовъ къ практическимъ занятіямъ. Прежде студентъ взносилъ по полугодіямъ опредѣленную плату за право слушанія лекцій (25 р.), а нынѣ, помимо этой платы, опредѣленной всего въ 5 рублей, онъ долженъ былъ взносить особый гонораръ профессорамъ, общій размѣръ котораго практика указала въ 15—28 рублей за полугодіе. Въ 1887 г. плата съ 5 рублей увеличена была до 25 рублей, благодаря чему студентъ иного курса и факультета оказывается вынужденнымъ уплачивать за право слушанія лекцій до 80 и 100 рублей въ годъ. Прежніе годовые экзамены были упразднены, взамѣнъ каковыхъ установлены полугодовыя испытанія, дающія право на зачетъ семестра; восемь таковыхъ зачетовъ давали право на государственный экзаменъ въ особой комиссіи, замѣнившей собою прежній выпускной экзаменъ въ факультетѣ. Система гонорара была основана на слѣдующихъ офиціальныхъ соображеніяхъ: «Гонораръ обязываетъ профессоровъ не скупиться своимъ трудомъ и временемъ для слушателей и соображаться съ ихъ дѣйствительными потребностями, обучая ихъ прежде всего тому, что потребуется отъ нихъ на экзаменахъ, избирая для нихъ аудиторіи, гдѣ бы они всѣ могли удобно размѣститься, слышать, что̀ имъ читается, и видѣть, что̀ имъ показывается, занимаясь отдѣльно и небольшими группами, гдѣ того требуетъ предметъ преподаванія. назначая для занятій со студентами удобные для нихъ часы, избѣгая всѣхъ тѣхъ настроеній, которыми страдаетъ теперь учебное дѣло въ нашихъ университетахъ. Съ другой стороны, студенты. записавшись на лекціи профессора, тѣмъ самымъ заявляютъ свою

надежду пріобрѣсти отъ него наибольшую пользу; профессоръ естественно употребляетъ усилія, чтобы сколь можно полнѣе оправдать возложенныя на него надежды: онъ не позволитъ себѣ ни манкировокъ, ни опаздываній, ни чтенія лекцій безъ достаточнаго подготовленія, ни чрезмѣрнаго увеличенія интересными, быть можетъ, для него, но мало полезными для слушателей частностями. Съ другой стороны, въ виду того обстоятельства, что студентамъ предоставляется слушать лекціи не только своего, но и другихъ факультетовъ, гонораръ является мѣрою, воздерживающею студента отъ легкомысленнаго разбрасыванія своихъ занятій. Наконецъ, система гонорара много облегчитъ оцѣнку дѣятельности приватъ-доцентовъ. Значительное число платящихъ за курсъ слушателей приватъ-доцента и постепенное ихъ возрастаніе представляютъ весьма надежное основаніе для сужденія объ успѣшности его преподаванія и его правъ на повышеніе».

По новому уставу, окончательныя испытанія для студентовъ, которымъ, по опредѣленію факультетовъ, зачтено установленное для окончанія курса число полугодій: десять—по медицинскому факультету и восемь по каждому изъ остальныхъ,—таковыя испытанія перенесены изъ факультетовъ въ государственныя комиссіи, предсѣдатели и члены которыхъ назначаются министромъ народнаго просвѣщенія. Въ составъ комиссій входятъ какъ профессора, такъ и посторонніе компетентныя лица. Удовлетворившіе требованіямъ испытаній удостоиваются дипломовъ, смотря по степени познаній, первой или второй степени, замѣнившихъ собою былыя степени кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ. Значеніе этихъ комиссій устанавливалось въ томъ расчетѣ, чтобы испытуемый подвергался экзамену не изъ года въ годъ, не въ частяхъ предметовъ, а въ цѣломъ циклѣ опредѣленныхъ наукъ заразъ. Примѣнительно къ этимъ экзаменаціоннымъ требованіямъ устанавливалась и система учебныхъ плановъ, выработка которыхъ возлагалась на факультеты; назначеніе этихъ плановъ было замѣнить прежде дѣйствовавшія курсовыя схемы преподаванія. Въ этомъ видѣ, каждый факультетъ обязывался составить одинъ или нѣсколько учебныхъ плановъ, въ которыхъ должны быть обозначены, какъ науки, подлежащія изученію студентами того факультета, такъ и нормальный порядокъ ихъ изученія. Вступающій студентъ, вмѣстѣ съ обозрѣніемъ преподаванія на избранномъ факультетѣ, получаетъ учебные планы факультета, принимая къ руководству тотъ или другой изъ нихъ. Въ учебныхъ планахъ должны быть отмѣчены, какъ главные предметы, составляющіе фундаментъ ученія по избранному отдѣлу, по возможности въ семестральной послѣдовательности, такъ и предметы дополнительные, которые должны быть выслушаны въ теченіе курса, но относительно размѣщенія которыхъ по семестрамъ можетъ быть допущенъ извѣстный выборъ со

стороны учащагося, и, наконецъ, предметы, слушаніе которыхъ рекомендуется, но не поставляется въ обязанность. Учебный планъ, по идеѣ его, не есть строго обязательная схема, а главнымъ образомъ руководящее указаніе. Передъ наступленіемъ каждаго семестра студентъ, пользуясь обозрѣніемъ преподаванія, избираетъ курсы и занятія, согласно указаннымъ въ учебномъ планѣ предметамъ, съ тѣми отступленіями, на какія желаетъ имѣть дозволеніе, и предъявляетъ списокъ на просмотръ и разрѣшеніе декана. Учебные планы, кромѣ прочихъ, должны быть такъ разсчитаны, чтобы въ теченіе одного полугодія слушатель получалъ познанія по законченному кругу наукъ или опредѣленному циклу частей оныхъ.

Большое значеніе было придано въ новомъ уставѣ институту приватъ-доцентовъ, каковой долженъ замѣнить собою былыхъ штатныхъ доцентовъ. Новый институтъ намѣчался, какъ разсадникъ профессоровъ и лучшее средство конкурса между ищущими профессуры. Приватъ-доцентами, кромѣ лицъ, имѣющихъ уже степени магистра и доктора, разрѣшалось быть также лицамъ, выдержавшимъ испытаніе на степень магистра, но еще не защитившимъ диссертаціи. Приватъ-доцентъ пользуется гонораромъ со слушателей и, кромѣ того, ему, въ виду приносимой имъ пользы, можетъ быть назначено вознагражденіе изъ особо опредѣленной на этотъ предметъ штатной суммы, находящейся въ распоряженіи министра. Ближайшее наблюденіе за приватъ-доцентами возложено на попечителей, которые и могутъ по своей инціативѣ отставлять ихъ отъ чтенія лекцій.

Студентъ, которому не зачтено три полугодія сряду или пять полугодій вообще, подлежитъ увольненію изъ университета. Для поощренія студентовъ къ занятіямъ, какъ и прежде, предлагаются задачи, за удовлетворительное выполненіе которыхъ назначается медаль, золотая или серебряная, или почетный отзывъ.

Таковы въ общихъ чертахъ главныя основанія устава 1884 года, оффиціально дѣйствующаго и понынѣ. Въ послѣдующіе годы, въ дополненіе къ нему были изданы особыя правила, признанныя законодательною властью необходимыми, соотвѣтственно съ новыми требованіями жизни; сюда относятся: законоположеніе объ обязательности студенческой формы, объ увеличеніи платы, вносимой въ университетъ, каковая съ 5 руб. по уставу 1884 года доведена до 25 руб. за полугодіе, и установленіе, въ видѣ временной мѣры, обязательныхъ полукурсовыхъ испытаній, при чемъ министру народнаго просвѣщенія предоставлено право издавать правила для этихъ испытаній.

IX

Изъ ознакомленія съ уставомъ 1884 года мы видимъ, что онъ значительно разнится отъ предшествовавшихъ уставовъ и въ общей системѣ русскихъ государственныхъ учрежденій отводитъ университету мѣсто не Богъ вѣсть сколь видное, но по общимъ своимъ основамъ, характеру и духу вполнѣ гармонирующее съ тѣми началами, которыя получили право гражданства въ восьмидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія. Даже бѣглое сопоставленіе его главныхъ чертъ съ тѣмъ, что сказано относительно прежнихъ уставовъ, а также съ тѣмъ, что мною приведено касательно университетовъ германскихъ, послужившихъ первообразами нашимъ высшимъ разсадникамъ просвѣщенія, само собою, скажетъ читателямъ, составляетъ ли нынѣ дѣйствующій уставъ прогрессивное или регрессивное теченіе отечественной жизни. Поэтому касаться этой стороны дѣла не стоитъ, замѣчу лишь, что при самомъ своемъ введеніи уставъ 1884 года не встрѣтилъ сочувствія ни среди представителей профессорской корпораціи, ни среди учащейся массы, ни на страницахъ повременной печати.

Искусственная, но безповоротная притянутость его составныхъ частей къ бюрократическимъ принципамъ, старательная его регламентація, отсутствіе въ немъ свободы и духа жизни, предрекали ему, при самомъ рожденіи, не особенно долгое и счастливое житіе и не оставляли ни въ комъ, знакомомъ съ просвѣтительными теченіями русской жизни, какъ бы слабо они ни были выражены въ въ тѣ или иныя эпохи, сомнѣнія, что многія части этого устава неизбѣжно должны расползтись по всѣмъ швамъ въ самомъ недалекомъ будущемъ. И реальная дѣйствительность вполнѣ оправдала ожиданія и предсказанія свѣдущихъ и опытныхъ людей: въ настоящее время, черезъ 15 всего лѣтъ жизни, хотя наши университеты оффиціально и существуютъ подъ сѣнью устава 1884 года, на дѣлѣ такого устава собственно уже нѣтъ, а существуетъ нѣчто очень неопредѣленное, случайное и временное, откуда основательно испарилась первоначальная идея законодателя, и что требуетъ въ интересахъ системности, порядка и идейности серіознаго пересмотра и коренной реформы. Административная организація университетовъ, съ ея централизаціей и отсутствіемъ свободы въ выборахъ и рѣшеніяхъ, правда, осталась въ неприкосновенности, но остальныя части системы потерпѣли полное крушеніе.

Система гонораровъ, введенная уставомъ 1884 г. въ академическую жизнь, не оправдала рѣшительно ничьихъ ожиданій и внесла въ стѣны нашихъ высшихъ разсадниковъ просвѣщенія начала неравенства, неправды и грубаго обмана, которыхъ до тѣхъ поръ

русскіе университеты не знали. Еще когда вводился уставъ 1863 года, было обращено вниманіе на незначительность профессорскихъ и доцентскихъ окладовъ, рѣшительно не соотвѣтствующихъ условіямъ современности, въ виду чего люди науки и научнаго воспитанія юношества лишены возможности вполнѣ добросовѣстно сосредоточивать свои силы на своемъ святомъ призваніи и своихъ возвышенныхъ задачахъ. Больше того, въ офиціальномъ представленіи въ государственный совѣтъ при проектѣ устава 1863 года было сдѣлано остроумное вычисленіе въ защиту профессорскаго оклада въ 3.000 р. и для указанія на необходимость повысить этотъ окладъ до 5.000 р. Въ запискѣ говорилось: «Принимая среднимъ числомъ семейство профессора состоящимъ изъ жены и троихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, оказывается, что для такого семейства, при нынѣшнихъ (т. е. 1863 года) цѣнахъ, потребны слѣдующіе расходы: 1) Помѣщеніе, квартира (5 жилыхъ комнатъ, передняя и кухня)—600 руб. Отопленіе (30 саж. дровъ, по 4 руб. за саж. съ доставкою) 120 руб. Освѣщеніе (4 пуда стеариновыхъ и 3 пуда сальныхъ свѣчъ, ламповаго масла на 11 руб.) 80 руб. 2) Пища. Обѣдъ на 5 человѣкъ (при теперешней дороговизнѣ говядины 12—15 коп. за фунтъ, не можетъ быть положенъ дешевле 25 коп. на человѣка въ день, всего 1 руб. 25 коп.) въ годъ 456 руб. 25 коп. Чай, бѣлый хлѣбъ, масло и сахаръ (считая по 8 коп. утромъ и по 8 коп. вечеромъ на человѣка, въ день по 80 коп.) въ годъ 272 руб. 3) Одежда. Одежда и обувь профессора въ годъ 200 руб. Его семейства (считая на каждаго по 120 руб.) 480 руб. Мытье бѣлья (считая наемъ поденщицъ, ихъ содержаніе, мыло и проч.—по 6 руб. въ мѣсяцъ) въ годъ 72 руб. 4) Книги—150 руб. 5) Дополнительные уроки къ обученію дѣтей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и на учебныя пособія (по 60 руб. на каждаго) 180 руб. 6) Прислуга. Кухаркѣ (по 5 руб. въ мѣсяцъ) въ годъ 60 руб. Двумъ служащимъ (по 4½ руб. каждой въ мѣсяцъ) 108 руб. Содержаніе ихъ (по 15 коп. каждой въ сутки) 164 руб. 25 коп. Слѣдовательно на содержаніе профессора въ годъ нужно 2942 руб., если онъ будетъ завтракать на 8 коп., если онъ и всѣ его домашніе будутъ всегда ходить пѣшкомъ, будутъ всегда здоровы и никогда не будетъ нужно звать доктора и покупать лѣкарства; если профессоръ не будетъ никогда выѣзжать изъ города въ лѣтнее время; если онъ будетъ вести затворническую жизнь и никого ни у себя принимать и самъ никого посѣщать; если онъ не будетъ заботиться объ участи своихъ дѣтей и жены и не будетъ ничего для нихъ сберегать; если у него не будетъ никакихъ экстраординарныхъ расходовъ. Допустивъ же, что профессоръ по всѣмъ этимъ предметамъ будетъ дѣлать самые умѣренные и необходимые расходы, бюджетъ его надобно возвысить до 4.000 руб.».

Этотъ любопытный расчетъ не оказался, однако, убѣдитель-

нымъ для повышенія профессорскаго оклада до 4.000 рублей и, согласно штатамъ 1863 года, профессору предоставлено было питаться на 33 копейки въ сутки, никогда не болѣть и не ѣздить на извозчикахъ. Очевидно, такое состояніе представителямъ ученаго сословія приходилось не понутру, и они такъ или иначе изыскивали себѣ выходъ изъ печальнаго положенія дѣлъ, набирая занятій въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, участвуя въ журналахъ и газетахъ и даже принимая на себя разныя другія государственныя и общественныя служенія, не имѣющія ничего общаго съ наукою и воспитаніемъ юношества, что, конечно, отражалось убыточно на этомъ воспитаніи и на ихъ собственномъ научномъ уровнѣ. Когда снова поставлена была на очередь университетская реформа, то, очевидно, вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи ученой коллегіи опять выплылъ наружу, и съ этою стороною академическаго строя иниціаторамъ реформы пришлось волею-неволею считаться. И вотъ былъ найденъ, повидимости, какъ будто и удачный выходъ: рѣшено было вознаградить мужей науки за счетъ юношества и общественныхъ суммъ, не прибѣгая никоимъ образомъ къ лишнему расширенію государственныхъ расходовъ.

Въ новый уставъ была введена нѣмецкая система гонораровъ, при чемъ благоразумно умолчено о необходимости реформировать весь учебный строй университетовъ и въ остальныхъ его частяхъ на нѣмецкій ладъ. Фальшивый пріемъ быстро создалъ въ профессорской средѣ удивительное и ни съ чѣмъ несообразное неравенство матеріальнаго состоянія, а молодежь натолкнулъ на необходимость, уже въ юношескомъ возрастѣ, прибѣгать къ непозволительному средству обмана и незаконному пользованію чужимъ добромъ. При новомъ порядкѣ вещей одни представители науки, въ силу случайнаго занятія той или другой каѳедры, считаемой обязательной въ схемахъ факультетскихъ программъ, стали сразу людьми болѣе чѣмъ обезпеченными, получая въ добавокъ къ казенному содержанію еще нѣсколько тысячъ рублей гонорарнаго вознагражденія; рядомъ съ такими счастливцами оказались многіе другіе, занимающіе или необязательныя каѳедры или читающіе въ малолюдныхъ факультетахъ; этимъ пришлось довольствоваться почти однимъ лишь казеннымъ содержаніемъ, такъ какъ, за ограниченностью слушателей, имъ некому платить добавочнаго гонорара. Наука сама по себѣ въ данномъ случаѣ не играетъ никакой роли, какъ равно ни трудъ профессора, ни его даровитость и извѣстность. Что касается студентовъ, то они при повышенной платы въ университетѣ оказались въ очень затруднительномъ положеніи; размѣръ общей платы и въ пользу университета, и въ пользу профессоровъ, въ большинствѣ превысилъ тѣ средства, которыми молодежь можетъ обезпечить свое образованіе, благодаря чему явилась потребность въ широкой частной благотворительности, насчетъ которой и пришлось

оперировать новому уставу. Положеніе дѣлъ получилось въ высшей степени, анормальное. Съ одной стороны, нѣкоторыя учрежденія категорически поставили своимъ принципомъ принимать къ разнаго рода государственной дѣятельности молодыхъ людей исключительно съ высшимъ образованіемъ, съ другой — этому образованію положенъ предѣлъ въ видѣ искусственно-повышенной платы. Русская жизнь познала совершенно новый и печальный фактъ. Каждый годъ общество поставляется при посредствѣ газетныхъ воззваній въ извѣстность о нѣсколькихъ сотняхъ молодыхъ людей, которымъ за невзносъ платы грозитъ участь исключенія изъ университета. Для устраненія этого факта организуются благотворительные вечера, концерты, устраиваются складчины, подписки, дѣлаются жалостливыя воззванія и проч., что, конечно, дѣйствуетъ крайне пагубно на нравственныя силы молодежи и вноситъ въ общество чувство раздраженія, неудовольствія и горечи. Хорошо и положеніе тѣхъ воспитателей юношества, ради удовлетворенія жизненныхъ потребностей которыхъ общество вынуждено танцовать, артисты пѣть и актрисы продавать на вечерахъ! Короче, искусственно, въ интересахъ финансовыхъ, созданъ совершенно ненормальный порядокъ общественныхъ отношеній, гдѣ все перепуталось, и гдѣ чувствуется нѣчто нравственно-неудовлетворительное и деморализующее начало. Помимо всего сказаннаго, та же академическая жизнь обогатилась еще однимъ печальнымъ, если не позорнымъ, фактомъ: молодежь, лицемѣрно внеся гонораръ за обязательныя лекціи и обезпечивъ себя такимъ образомъ въ спокойствіи отъ контроля, этихъ обязательныхъ лекцій не посѣщаетъ или посѣщаетъ въ маломъ числѣ, а уже безплатно, и въ силу того незаконно, спѣшитъ въ аудиторіи профессоровъ, излюбленныхъ или читающихъ не обязательные, но интересные курсы. Благодаря этому, часто можно наблюдать то явленіе, что нѣкоторыя аудиторіи переполнены слушателями, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ лекторы (особенно изъ числа приватъ-доцентовъ) совершенно за свой трудъ не вознаграждены и въ официальныхъ рапортахъ казначеевъ значатся получающими всего 2—3 рубля гонорара. Очевидно, вся масса слушаетъ безплатно, деньги же вноситъ тому профессору, котораго не слушаетъ, но который по росписанію читаетъ обязательные курсы, по коимъ производится зачетъ семестра. Требовать, чтобы неуплатившіе гонорара покинули аудиторію, и неудобно и безжалостно, такъ какъ молодежи не откуда часто взять этотъ лишній гонораръ; поэтому лекторы, махнувъ рукою на явное нарушеніе законовъ справедливости, терпятъ этотъ порядокъ вещей и терпѣливо ожидаютъ, когда счастіе имъ улыбнется, и они будутъ зачислены въ число «обязательныхъ».

Полугодичныя семестровыя испытанія и зачеты не привились къ университетской жизни, и въ настоящее время въ университе-

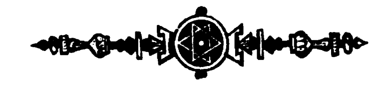
тахъ снова водворилась система курсовая, съ ея неизбѣжными годовыми и двухгодовыми экзаменами. Комиссіонные государственные экзамены также не послужили достаточнымъ основаніемъ для подъема научнаго уровня учащагося юношества. Все дѣло свелось къ измѣненію лишь обстановки, при которой совершаются эти экзамены, суть же дѣла осталась та же, но потребовалась лишь отъ министерства народнаго просвѣщенія лишняя затрата денежныхъ средствъ и труда. Институтъ приватъ-доцентовъ не обнаружилъ въ концѣ концовъ также особаго пробужденія научныхъ интересовъ въ ученомъ сословіи, и соревнованіе между ищущими профессорской каѳедры не получило того значенія, которое оно имѣетъ за границею, не получило, да и не могло получить, такъ какъ идея соревнованія, при усиленной попечительской и министерской власти, оказалась миѳомъ. Соревнованіе и конкурсъ имѣютъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ наличность свободы, а гдѣ опека и регламентація, тамъ ихъ быть не можетъ. Очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшающую роль играютъ внѣшнія вліянія, которыя не позволяютъ академической жизни расцвѣсти въ томъ направленіи и духѣ, какъ это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ Германіи, университеты которой и въ 1755 и 1884 гогодахъ послужили намъ какъ бы образцами. Когда мы были ближе къ нашимъ первообразамъ по части университетскаго просвѣщенія, судить не берусь, такъ какъ въ задачу настоящаго очерка входитъ не обстоятельный анализъ университетскихъ уставовъ, а лишь скромная лѣтопись ихъ судебъ.

Не состоялось при дѣйствіи новаго устава и полное умиротвореніе университетской молодежи, жизнь которой во все теченіе восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ отмѣчена была смутами и волненіями, не уступавшими въ силѣ своихъ проявленій предшествовавшей эпохѣ, но даже превзошедшими ее, какъ это, напримѣръ, мы видѣли въ первую половину прошлаго 1899 года. Въ виду этихъ послѣднихъ событій министерствомъ народнаго просвѣщенія намѣчено упорядоченіе студенческой жизни, каковое на первую очередь рѣзко выдвинуло вопросъ о болѣе тѣсной связи студентовъ и профессоровъ и о болѣе сильномъ вліяніи послѣднихъ на своихъ слушателей. Установленіе этой связи предположено достигнуть при помощи непрерывныхъ практическихъ занятій на факультетахъ, во время которыхъ и должно состояться сближеніе учащихся съ руководителями. Такъ какъ эти практическія занятія находятся въ исключительной зависимости отъ потраченныхъ на нихъ государствомъ средствъ, то весь вопросъ на первыхъ порахъ сводится именно къ къ размѣрамъ денежныхъ ассигновокъ. Насколько автору настоящаго очерка пришлось слышать, оказывается, что эти ассигновки не Богъ вѣсть сколь велики, почему и является опасеніе, что все дѣло практическихъ занятій будетъ сведено если не на нуль, то на minimum. Кромѣ того, рекомендовано и устройство студенческихъ

научныхъ обществъ, назначеніемъ которыхъ должно служить отвлеченіе студентовъ отъ жгучихъ вопросовъ политическаго дня и направленіе ихъ умовъ къ интересамъ науки, литературы и искусства, болѣе соотвѣтствующимъ ихъ положенію въ университетѣ, какъ учащагося юношества. Обращено также вниманіе на развитіе интернатовъ при университетахъ, гдѣ жизнь студентовъ должна быть поставлена въ рамки бо́льшей обезпеченности, и гдѣ контроль надъ ихъ поведеніемъ и настроеніемъ умовъ для администраціи болѣе доступенъ. Кромѣ того, усиленъ комплектъ инспекціи въ университетахъ, ограничены полномочія низшихъ чиновъ этой инспекціи, и отъ всей университетской полиціи потребованъ болѣе высокій образовательный цензъ. Наконецъ, въ качествѣ рѣшительной мѣры противъ безпорядковъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ томъ числѣ и въ университетахъ, лѣтомъ 1899 года опубликованы «временныя правила» объ отбываніи воинской повинности тѣми изъ воспитанниковъ этихъ заведеній, которые будутъ исключены за «учиненіе скопомъ безпорядковъ». Всѣ исключенные по такому поводу немедленно, согласно новымъ «правиламъ», привлекаются къ военной службѣ на одинъ, два или три года, смотря по степени ихъ участія въ безпорядкѣ, хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли еще призывнаго возраста или же вынули по жеребью нумеръ, освобождающій ихъ отъ службы въ войскахъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что съ 1884 г., года опубликованія новаго университетскаго устава, жизнь университетовъ пополнилась такими новыми явленіями и распоряженіями, которыя не только не были предусмотрѣны этимъ уставомъ, но даже идутъ ему отчасти въ разрѣзъ. Поэтому не будетъ ничего удивительнаго и неожиданнаго, если министерство народнаго просвѣщенія, по введеніи задуманной реформы среднихъ учебныхъ заведеній, въ соотвѣтствіи съ ея основными положеніями, рѣшится обратиться и къ пересмотру университетскаго устава 1884 года, который въ настоящее время, какъ я постарался это бѣгло отмѣтить, не представляетъ собою цѣльнаго и систематизированнаго законодательнаго акта.

Б. Глинскій.

ДЕПАРТАМЕНТЪ БУМАГЪ.

Ы ТОЛЬКО что подробно ознакомились съ проектомъ основаній архивной реформы въ Россіи, составленнымъ профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ и принятымъ «въ принципѣ» спеціальной комиссіей кіевскаго археологическаго съѣзда; прочли также и новую книгу г. Самоквасова по тому же предмету подъ заглавіемъ: «Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ архивной реформой въ Россіи», изданную московскимъ архивомъ министерства юстиціи, въ которомъ г. Самоквасовъ занимаетъ должность управляющаго. Обѣ эти работы г. Самоквасова заслуживаютъ самаго серіознаго вниманія со стороны лицъ, знимающихся отечественной исторіей, такъ какъ онѣ, по нашему крайнему разумѣнію, могутъ повлечь за собою окончательный разгромъ еще сохранившихся русскихъ историческихъ сокровищъ.

Давно уже замѣчено, что каждая «реформа» въ Россіи, по роковому стеченію обстоятельствъ, приводитъ въ концѣ-концовъ къ созданію новыхъ «главныхъ управленій» съ цѣлой арміей чиновниковъ съ хорошими окладами и всѣмъ прочимъ, что полагается по штату. Насъ поэтому нисколько не удивило, что первый параграфъ «проекта» г. Самоквасова предлагаетъ «учредить центральный органъ архивнаго управленія въ Россіи, подобный существующимъ въ государствахъ (sic) Германіи, Скандинавіи, Англіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи и Италіи»; слово «центральный», столь звучное

и часто встрѣчающееся нынѣ на вывѣскахъ, а также ссылка, хотя и не совсѣмъ грамотная, на «государства Германіи, Бельгіи» и т. д. даже расположили сначала насъ въ пользу проекта. Вникнувъ, однако, поближе въ дѣло, мы увидѣли, что новое «главное управленіе» о бумагахъ начнетъ свою дѣятельность съ ихъ упраздненія въ должныхъ для цѣлей «главнаго управленія» размѣрахъ или будетъ проявлять свою заботливость о бумагахъ только на бумагѣ.

Говоря серіозно, «проектъ основаній архивной реформы» обнаруживаетъ въ его составителяхъ не совсѣмъ ясное пониманіе и знаніе положенія архивнаго дѣла въ Россіи. Многіе наши архивы, и столичные, и провинціальные, уже расхищены, распроданы по пудамъ или уничтожены въ большей части своего состава въ тѣхъ именно случаяхъ, когда назначались особыя комиссіи «для приведенія ихъ въ порядокъ»: чтобы архивъ не разрастался въ размѣрахъ, чтобы легче можно было его «централизовать», считали за лучшее избавиться отъ всѣхъ дѣлъ, которыя казались членамъ комиссій ненужными ни для дѣлопроизводства, ни для историческихъ цѣлей. Еще недавно продавались на пуды архивы, заключавшіе въ себѣ важные историческіе матеріалы, и поэтому дѣйствительно цѣнными архивами въ Россіи являются именно тѣ, къ которымъ еще не прикасалась рука человѣка, въ особенности узкаго спеціалиста,—тѣ, которые до сихъ поръ покрыты были голубинымъ пометомъ гдѣ нибудь на чердакахъ. Къ несчастію, архивы многихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій уже «благоустроены» въ этомъ смыслѣ, а для «неблагоустроенныхъ» слѣдовало бы постановить теперь за правило не уничтожать изъ старыхъ дѣлъ ни одной бумажки. Вторымъ параграфомъ проекта г. Самоквасовъ предлагаетъ «сосредоточить въ одномъ центральномъ публичномъ государственномъ архивѣ, подобномъ архивамъ западно-европейскихъ государствъ, дѣлопроизводства по 1825 г. упраздненныхъ и дѣйствующихъ высшихъ и центральныхъ государственныхъ учрежденій, за исключеніемъ уже обладающихъ благоустроенными центральными архивами, открытыми для публичнаго пользованія». На самомъ же дѣлѣ, «сосредоточить» г. Самоквасову едва ли что либо удастся. Сколько намъ извѣстно, столичные «центральные» архивы, принадлежащіе высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, хотя бы то и «неблагоустроенные», необходимы для этихъ учрежденій, и ни одно изъ нихъ не захочетъ и не можетъ наложить на себя рукъ въ этомъ отношеніи, отдавъ свои дѣла другому архиву, хотя бы то еще болѣе центральному; притомъ, невозможно ни для какого учрежденія передать въ центральный государственный архивъ дѣлъ своихъ, не разобравшись въ нихъ хотя нѣсколько, не составивъ имъ описи; между тѣмъ, даже въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, управляемомъ г. Самоквасовымъ, полки не разобранныхъ дѣлъ тянутся на протяженіи чуть ли не десяти верстъ. Правда,

въ объясненіяхъ къ проекту, предлагается устроить центральный архивъ именно при московскомъ архивѣ министерства юстиціи, но будетъ ли дѣло «централизаціи» «неблагоустроенныхъ» архивовъ само по себѣ благодарнымъ и цѣлесообразнымъ? Подвинется ли тогда дѣло благоустроенія централизованныхъ архивовъ? Даже основная идея г. Самоквасова о центральномъ государственномъ архивѣ намъ кажется совершенно неясною. Сосредоточивать архивы съ цѣлью классифицировать дѣла ихъ, объединить ихъ для научныхъ и практическихъ цѣлей было бы, по крайней мѣрѣ, понятно, но къ десятку верстъ неблагоустроенія прибавлять новые ихъ десятки, быть можетъ, еще большаго неблагоустроенія не представляется оснований уже потому, что каждое вѣдомство въ отдѣльности, при извѣстныхъ условіяхъ, гораздо легче достигнетъ цѣли описанія своихъ архивовъ, даже не уничтожая ни одного дѣла изъ нихъ, уже потому, что оно обладаетъ достаточными для этого средствами; для полнаго успѣха оно можетъ даже пригласить гг. спеціалистовъ по архивному дѣлу изъ «департамента бумагъ», если таковой будетъ учрежденъ. Не проще ли обязать всѣ вѣдомства заняться описаніемъ ихъ архивовъ, опредѣливъ закономъ строгій порядокъ уничтоженія ненужныхъ дѣлъ?

Г. Самоквасовъ находитъ также необходимымъ «издать немедленно циркулярное распоряженіе по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія бумагъ, относящихся къ дѣлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій», но до тѣхъ только поръ, «пока не будетъ учреждено центральное архивное управленіе въ Россіи, и не будутъ выработаны и изданы общія правила уничтоженія ненужныхъ актовъ дѣлопроизводства» (§ 8). Эти правила давно насущно-необходимы, но ихъ нѣтъ надобности связывать съ существованіемъ «центральнаго архивнаго управленія», такъ какъ они несомнѣнно будутъ вырабатываться учеными учрежденіями и представителями архивнаго дѣла въ Россіи. Въ дѣлѣ устройства архивнаго дѣла вообще важна научная свобода мнѣній, возможность широкаго участія въ немъ всѣхъ лицъ, имъ интересующихся, а не циркулярныя распоряженія «управленія», хотя бы то центральнаго; установленіе же правилъ принадлежитъ высшей законодательной власти.

Созданіе центральнаго государственнаго архива въ Россіи намъ кажется практически невозможнымъ и безцѣльнымъ вообще; мы не касаемся при этомъ тѣхъ затрудненій, которыя неизбѣжно возникнутъ при первой же попыткѣ осуществить гигантскую идею централизаціи г. Самоквасова. Но мы въ то же время не считаемъ эту часть его проекта и вредной, предполагая, что Николаевская желѣзная дорога доставитъ архивные поѣзда въ Москву въ цѣлости и сохранности. Но любовь г. Самоквасова къ «централизаціи» и къ порядкамъ «государствъ Скандинавіи и Бельгіи» идетъ еще

далѣе. Въ § 3-мъ онъ предлагаетъ «дѣлопроизводства мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій по 1775 г. сосредоточить въ двѣнадцати центральныхъ публичныхъ областныхъ государственныхъ архивахъ древнихъ актовъ, подобныхъ провинціальнымъ архивамъ западно-европейскихъ государствъ», а въ § 5 находитъ необходимымъ «дѣлопроизводства губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ учрежденій 25-лѣтней давности сосредоточить въ губернскихъ центральныхъ публичныхъ государственныхъ архивахъ». Эти два параграфа въ сущности гласятъ слѣдующее: теперь по всей Россіи, даже въ глухихъ ея уголкахъ, находятся еще архивы нетронутые, даже покрытые голубинымъ пометомъ, но наступитъ время, когда всѣ они будутъ сложены на воза или барки и придутъ наконецъ въ центральные пункты, избранные г. Самоквасовымъ, въ десятой или двадцатой части первоначальнаго своего состава, подвергшись всѣмъ случайностямъ дальняго путешествія. Встрѣча, оказанная остаткамъ этихъ архивовъ штатными «старшими» и «младшими» архиваріусами, по проекту г. Самоквасова, будетъ, конечно, почетная, но, спрашивается, кому отъ того будетъ лучше, и къ чему всѣ эти архивные поѣзда? Г. Самоквасовъ желаетъ, чтобы «главное архивное управленіе» имѣло въ «губерніяхъ» подвѣдомственныя учрежденія, носящія чиновный, офиціальный характеръ, и заботится, чтобы губернскія архивныя комиссіи, это симпатичное выраженіе общественной научной самодѣятельности, отнюдь не претендовали бы на расширеніе круга своихъ дѣйствій, точное урегулированіе своихъ правъ и обязанностей, въ ущербъ будущимъ архивнымъ чиновникамъ. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, именно дѣятельность комиссій могла бы, при извѣстныхъ условіяхъ, способствовать охранѣ мѣстныхъ архивовъ и разработкѣ мѣстной исторіи, а не губернскій центральный архивъ, хотя бы помѣщеніе его и было «германскаго типа, такъ называемой магазинной системы» (§ 4 «Проекта»). Несомнѣнно одно, что послѣ губернской централизаціи вы уже не встрѣтите въ уѣздахъ никакихъ старыхъ дѣлъ: одни будутъ уничтожены, чтобы не перевозить ихъ въ «губернію», другія погибнутъ при перевозкѣ, третьи, не перевезенныя, исчезнутъ, чтобы своимъ незаконнымъ существованіемъ внѣ центральныхъ пунктовъ не навлекать ни на кого отвѣтственности. Правда, что тогда можно будетъ сказать съ увѣренностію, что всѣ бумаги въ Россіи упорядочены и централизованы, «на подобіе западно-европейскихъ государствъ», что и требуется доказать.

Да, именно только—на подобіе! Въ Западной Европѣ давно привыкли съ уваженіемъ относиться къ памятникамъ прошлаго, тамъ берегутъ каждый лоскутокъ старой бумаги и устраиваютъ повсюду свои маленькіе архивы для лучшаго сбереженія этихъ лоскутковъ. Центральный архивъ за границей, это—вѣнецъ сѣти маленькихъ архивовъ и частныхъ коллекцій, тогда какъ мы думаемъ начать

дѣло съ другого конца: устроить центральный, рискуя существованіемъ маленькихъ. Ахъ, неужели мы и до сихъ поръ можемъ жить только на подобіе европейцевъ? Любопытно, что наши остзейскіе нѣмцы, до нѣкоторой степени представители «Европы», пожелавъ на кіевскомъ съѣздѣ успѣха проекту г. Самоквасова на всемъ пространствѣ Россіи, сдѣлали однако оговорку, «чтобы общественные архивы Прибалтійскаго края, доступные для научныхъ розысканій и уже приведенные въ надлежащій порядокъ, сохранили этотъ порядокъ неизмѣненнымъ и на будущее время». Ихъ устами, должно сознаться, говорило не «подобіе Европы», а сама умная, хотя и насмѣшливая, наша западная наставница.

Евгеній Шумигорскій.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ФАВОРИТОКЪ ЛЮДОВИКА XV [1].

> **Louis a rempli sa carrière**
> **Et finit son destin.**
> **Tremblez, voleurs, fuyez...**
> **Vous avez perdu votre père.**
> **Chanson populaire sur la mort de Louis XV [2]).**

АКИМЪ образомъ легкомысленная по внѣшности и граціозная по художественнымъ формамъ, эпоха Людовика XV подготовила могучую революцію?—спрашиваетъ себя Функъ-Брентано въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ историческихъ обозрѣній въ «Revue Hebdomadaire» и отвѣчаетъ, что недавно вышедшая книга гр. Флери о версальскомъ дворѣ при Людовикѣ XV выясняетъ хоть одну изъ причинъ этого, повидимому, страннаго историческаго явленія.

Дѣйствительно, много писано монографій, этюдовъ и воспоминаній объ этомъ королѣ и его времени, но никто не собралъ, какъ

---

[1]) Louis XV intime et les petites maitresses, par le comte Fleury. Paris. 1899.
Louis XV et sa cour.—A travers l'Histoire, par Funk-Brentano. «Revue Hebdomadaire». 19 août. 1899.
Chansons sur les favorites de Louis XIV et de Louis XV, par George de Dubor. «Nouvelle Revue». 15 août 1899.
Mes souvenirs, par J. Moreau.—Paris. 1899.
La guerre de Sept ans, histoire diplomatique et litteraire, par R. Waddington. Paris. 1899.
Ma liaison avec madame de-Pompadour, par le duc de Choiseul.—«Revue de Paris». 15 mai. 1899.
L'attentat de Damiens, par le duc de Choiseul. «Revue de Paris». 1 sept. 1899.
Histoire de France au XVIII siècle: Louis XV, par J. Michelet.—Nouvelle edition avec gravures. Paris. 1899.

[2]) «Людовикъ кончилъ свою карьеру и свершилъ свою судьбу; трепещите воры и бѣгите куртизанки; вы лишились отца». Изъ народной пѣсни на смерть Людовика XV. («Мои воспоминанія», Ж. Моро, т. I, стр. 379).

Флери, въ одно цѣлое столько матеріаловъ, разбросанныхъ въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ для полной характеристики интимной жизни Людовика XV, котораго очень рѣзко, но справедливо заклеймилъ Сенъ-Бевъ названіемъ «самаго пустого, низкаго и подлаго изъ королей». Стараясь быть безпристрастнымъ, Флери приводитъ всѣ факты, подтверждающіе чудовищный эгоизмъ, грубое сладострастіе и надменную пустоту своего героя, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извиняетъ его позорные поступки, какъ короля и человѣка, дурнымъ воспитаніемъ и окружавшей его разнузданной, нравственно испорченной средой; онъ даже пытается примѣнить къ этому утонченному сатиру, не останавливавшемуся ни передъ чѣмъ для удовлетворенія своихъ животныхъ капризовъ, милосердное изреченіе, что ему много простится, потому что онъ много любилъ. Еслибъ Людовикъ дѣйствительно любилъ кого нибудь изъ своихъ безчисленныхъ жертвъ и эксплуатировавшихъ его интриганокъ, то еще можно было бы говорить о чемъ либо подобномъ, но Людовикъ никогда никого не любилъ и всю жизнь только охотился, ѣлъ, пилъ и развратничалъ, предоставляя управлять страной своимъ недостойнымъ фавориткамъ и ихъ презрѣннымъ клевретамъ, мало того, онъ самъ содѣйствовалъ расхищенію государственныхъ финансовъ, бросалъ милліоны на свои удовольствія и вмѣстѣ съ тѣмъ лично спекулировалъ торговлей хлѣбомъ, что приводило къ голодовкамъ и народнымъ возстаніямъ, залитымъ кровью. Унизивъ Францію извнѣ неудачными союзами и походами, территоріальными потерями и проигранными сраженіями, а внутри обезсиливъ ее административными хищеніями, преслѣдованіемъ старинныхъ парламентовъ, предоставленіемъ простора клерикальному игу, полнѣйшей правительственной анархіей и огульнымъ разореніемъ страны, Людовикъ XV примѣромъ своего безобразнаго разврата довелъ до апогея придворное и аристократическое растлѣніе. Конечно, время, среда и воспитаніе объясняютъ эту позорную историческую личность, но они не могутъ служить ему извиненіемъ, какъ полагаетъ Флери, который очень легко и поверхностно смотритъ на имъ же нарисованную мрачную картину «королевскихъ забавъ», такъ тяжело отозвавшихся на французскомъ народѣ, его матеріальномъ положеніи, національной чести и добромъ имени. Поэтому неудивительно, что народъ, называвшій короля сначала, хоть неизвѣстно почему, «многолюбимымъ», возненавидѣлъ его, часто возставалъ противъ его правительства, грозя сжечь Версаль, этотъ золоченный вертепъ державнаго минотавра, и встрѣтилъ его смерть криками радости, открыто распѣвая на улицахъ, «что умеръ отецъ воровъ и куртизанокъ».

Хотя Флери въ своей любопытной книгѣ обращаетъ исключительное вниманіе, какъ и обѣщаетъ ея заглавіе: «Людовикъ XV въ интимной жизни и его мелкія фаворитки», на мелкихъ фавориток, а о крупныхъ: герцогинѣ Шатору, маркизѣ Помпадуръ

и графинѣ Дю-Барри, упоминаетъ лишь мимоходомъ, но не трудно пополнить эти пробѣлы въ рисуемой авторомъ картинѣ, такъ какъ объ этихъ главныхъ фавориткахъ Людовика существуетъ много свѣдѣній въ исторіяхъ Франціи Сисмонди, Мишлэ, Генри Мартена, въ отдѣльныхъ монографіяхъ и трудахъ братьевъ Гонкуровъ Токвиля, Анжервиля, Валада, барона Сентъ-Амана, Нольяка, Вателя, а также въ мемуарахъ Марэ, маркиза д'Аржансона, кардинала Берни, Мармонтеля, Дюкло, герцога Люиня, Барбье, герцога Сенъ-Симона, Ришелье, г-жи д'Оссэ, Гарди и т. д. и т. д. [1]). Литература эпохи Людовика XV очень богата, и нѣтъ надобности ссылаться на всѣ книги, входящія въ ея составъ. Но она постоянно растетъ, и недавно вышли интересные мемуары Моро, отрывки изъ найденныхъ воспоминаній герцога Шуазеля, и первый томъ семилѣтней войны, Вадингтона, которые проливаютъ яркій свѣтъ на отношенія маркизы Помпадуръ къ политикѣ. Наконецъ, помѣщенныя въ «Nouvelle Revue» популярныя пѣсни, распѣвавшіяся на улицахъ Парижа о фавориткахъ Людовика XV, знакомятъ насъ съ тѣмъ, какъ смотрѣлъ народъ на «грѣшки» (peccadilles) короля, по выраженію слишкомъ снисходительнаго гр. Флери.

Такимъ образомъ съ помощью этого обширнаго матеріала, благодаря которому можно дополнить и провѣрить свѣдѣнія, доставляемыя книгою Флери, а главное руководствуясь его документальнымъ трудомъ, легко набросить картину Людовика XV среди его пятидесяти фаворитокъ. Не всѣ онѣ, конечно, играли одинаково

---

[1]) La duchesse de Chateauraux et ses soeurs, par E. et J. de Goncourt.
Histoire philosophique du regne de Louis XV, par Tocqueville.
Vie privèe de Louis XV, par Mouffle d'Angerville.—4 vol.
Portraits historiques de Louis XV et de M-me de Pompadour, par Vallade.
La cour de Louis XV, par le baron Saint Amand.
Chateau de Versaille sous Louis XV, par P. de Nolhac. Paris. 1896.
Madame du Barry, par Vatel.
Lettres de M-me de Pompadour.
Madame de Pompadour, par Goncourt.
Le gouvernement de madame de Pompadour, par M. de Carné.
Essai sur m-me de Pompadour, par Després.
Anecdotes sur la comtesse du Barry. Londres. 1773.
Journal de Mathias Marrais.
Memoires du marechal de Richelieu.
Memoires du marquis d'Argenson.
Memoires du cardinal de Bernis.
Memoires de Marmontel.
Journal de Hardy.
Memoires de m-me de Hausset.
Memoires secrets de Duclos.
Memoires du duc de Luignes.
Journal be Barbier.
Memoires de Saint Simon, t. XI—XVII.

важную роль, и не о всѣхъ имѣются одинаково подробныя данныя. Цѣлыя монографіи существуютъ о главнѣйшихъ изъ нихъ, именно о крупныхъ фавориткахъ, какъ выражается Флери, или о котильонахъ, по болѣе картинному опредѣленію Фридриха II. Ихъ было три: котильонъ I—герцогиня Шатору, котильонъ II—маркиза Помпадуръ и котильонъ III—графиня Дю-Барри. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще графиню Мальи-Нель, которая была первой офиціальной фавориткой Людовика XV и занимала десять лѣтъ тотъ же придворный постъ, который прославилъ котильоны. Дѣйствительно, при старинной французской монархіи обязанность офиціальной фаворитки считалась чуть не государственной, но во всякомъ случаѣ придворной должностью. Чтобы достичь ея, пускались въ ходъ всевозможныя интриги, въ которыхъ участвовали не только кандидатки на эту должность, но придворные обоего пола и даже министры. Когда выборъ короля былъ сдѣланъ, то онъ офиціально объявлялся, и это называлось провозглашеніемъ, или признаніемъ фаворитки. Вотъ такихъ-то офиціальныхъ, торжественно провозглашенныхъ фаворитокъ у Людовика XV было только четыре: графиня Мальи и три котильона. Всѣ остальныя сорокъ шесть фаворитокъ были мелкими, какъ называетъ ихъ Флери, хотя онъ несправедливо къ ихъ числу относитъ графиню Мальи. Нѣкоторыя изъ этихъ случайныхъ, временныхъ и непродолжительныхъ обладательницъ сердцемъ короля, если у Людовика XV былъ такой ненужный для сладострастнаго сатира предметъ,—принадлежали къ знаменитому Оленьему парку (Parc des cerfs). Въ этомъ позорномъ сералѣ приготовляли королю юныхъ жертвъ его животнаго разврата, часто дѣтей, камердинеръ Лебёль и сама маркиза Помпадуръ, которая была надзирательницей этого преступнаго учрежденія, съ цѣлью сохранить свою первенствовавшую политическую роль и постоянное вліяніе на короля. Всѣхъ болѣе или менѣе привлекательныхъ предметовъ королевскихъ мелкихъ забавъ (menuplaisir) невозможно пересчитать, а потому историку приходится имѣть дѣло лишь съ полусотнею извѣстныхъ фаворитокъ Людовика XV, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся, сортируя ихъ хронологически.

I.

Котильонъ 1.

Всю «сатирную» дѣятельность Людовика XV, продолжавшуюся сорокъ два года, можно раздѣлить на три періода, съ которыми совпадаютъ знаменитые котильоны Шатору, Помпадуръ и Дю-Барри. Хотя они, кромѣ котильона 2, не обнимали всего времени каждаго

періода, но представляютъ наибольшія планеты среди мелкихъ созвѣздій, а потому достойны чести служить кличкой различныхъ фазъ позорнаго существованія Людовика въ качествѣ минотавра. Первый періодъ, продолжавшійся двѣнадцать лѣтъ отъ 1732—1744 г., ознаменовался выступленіемъ юнаго короля на стезю разврата и царствомъ четырехъ сестеръ Нель, съ герцогиней Шатору во главѣ, что не мѣшало при блескѣ этой плеяды мерцанію другихъ десяти звѣздочекъ.

Кто была первой фавориткой Людовика XV, составляетъ загадку, до сихъ поръ вполнѣ не разгаданную. Больной и дурно воспитанный въ дѣтствѣ, Людовикъ XV однако очень рано развился физически и сдѣлался въ двѣнадцать лѣтъ красивымъ, здоровеннымъ юношей, но глубоко невѣжественнымъ, мрачнымъ, молчаливымъ, капризнымъ, любившимъ только ѣсть, охотиться и играть съ котятами, которыхъ онъ замучивалъ до смерти. Но къ общему удивленію этотъ воспитанникъ безобразной, растлѣнной эпохи герцога Орлеанскаго былъ очень застѣнчивъ и боялся женщинъ, какъ чумы. Такое непонятное настроеніе въ красивомъ, кровь съ молокомъ, юношѣ объяснялось при дворѣ скандальной дружбой юнаго короля съ однимъ молодымъ герцогомъ, который сдѣлалъ изъ него Ганимеда. Но послѣ удаленія герцога прекратились всякіе слухи объ унаслѣдованіи королемъ развращенныхъ привычекъ дома Валуа, и все-таки король продолжалъ чуждаться женщинъ, несмотря на всѣ ухаживанія за нимъ кокетливыхъ придворныхъ дамъ. Правда, существуетъ легенда объ относящемся къ этому времени тайномъ бракѣ короля съ принцессой Елизаветой Монморанси, вышедшей впослѣдствіи замужъ за французскаго посла въ Вѣнѣ, маркиза Креки. Но, по словамъ Флери, этотъ бракъ совершенно фантастиченъ, хотя сынъ маркизы Креки, называвшійся Креки де Моранса, или Креки-Бурбонъ, выдавалъ себя за побочнаго сына Людовика XV и въ этомъ качествѣ пользовался пенсіей отъ Людовика XVI, а потомъ былъ казненъ во время террора. Впрочемъ, если его родство съ Людовикомъ XV ничѣмъ не доказано, то столь же бездоказательно извѣстіе, что онъ былъ самозванцемъ, именно парижскимъ колбасникомъ Никола Бероше.

Какъ бы то ни было, но достовѣрно, что юный король не имѣлъ фаворитокъ до своей женитьбы въ 1725 году на Маріи Лещинской, дочери бывшаго польскаго короля, и въ продолженіе первыхъ семи лѣтъ его брачной жизни. Сначала онъ очень привязался къ королевѣ, увѣрялъ, что она красивѣе всѣхъ красавицъ, и не давалъ ей покоя своими ласками, но эта любовь была странная, мрачная и, по саркастическому замѣчанію маркиза Аржансона, «король подарилъ королевѣ семь дѣтей, не сказавъ ей ни слова». Однако, вскорѣ королева, бывшая старше его на семь лѣтъ и сентиментальной, скучной, набожной пуританкой, жаловавшейся, что вся ея

жизнь проходитъ «въ постелѣ, въ интересномъ положенiи, или въ родахъ», надоѣла Людовику, и скрывавшiяся въ его крови развратныя наклонности начали мало-помалу пробуждаться. Онъ сталъ играть въ карты и пить, проводилъ ночи въ кутежахъ у придворныхъ кокотокъ: принцессы Шароле и графини Тулузъ, тайно посѣщалъ съ принцессой маскарады парижской оперы и заслушивался блестящей эротической болтовней графини. Конечно, все было пущено въ ходъ версальскими красавицами, аристократическими интриганками, царедворцами и даже министрами, чтобы навязать королю фаворитку, но долго не удавались всѣ эти усилiя. Даже принцессѣ Шароле, при всей ея ловкости, бѣшеной веселости и знанiи мужчинъ, благодаря ея многочисленнымъ любовнымъ интригамъ съ пятнадцати-лѣтняго возраста, пришлось отказаться отъ роли первой фаворитки Людовика, несмотря на ея хвастовство, что она поставитъ на своемъ.

Наконецъ, въ 1732 году, на одномъ изъ ужиновъ у принцессы Шароле король предложилъ тостъ за здоровье «неизвѣстной» и, выпивъ свой бокалъ, разбилъ его. Всѣ поняли, что народилась фаворитка, но никто не зналъ, кто она. Одни называли герцогиню Бурбонскую, другiе герцогиню Лароге, третьи г-жу Божале и т. д., но никто не подозрѣвалъ, по словамъ Флери, той, которая была дѣйствительно этой неизвѣстной, именно графини Мальи-Нель, такъ вела она себя скромно, и такъ король обходился съ нею осторожно, почтительно, хотя она видимо забавляла его, и онъ часто приглашалъ ее на ужины, или прогулки съ другими придворными дамами. Но прежде чѣмъ подробно познакомиться съ этой любопытной личностью, открывающей галлерею фаворитокъ Людовика XV, скажемъ два слова еще объ одной кандидаткѣ на титулъ первой фаворитки короля, о которой Флери вовсе не упоминаетъ.

Впрочемъ, говоря ранѣе о старанiяхъ придворныхъ дамъ развратить короля до его женитьбы, онъ упоминаетъ, что г-жа де-ла-Врильеръ взялась за это дѣло во время посѣщенiя королемъ Шантильи въ 1724 г. и захватила съ собою хорошенькую, молоденькую герцогиню Эпернонъ, но прибавляетъ, что всѣ ихъ заигрыванiя не привели ни къ чему. Вотъ эта-то г-жа де-ла-Врильеръ, т.-е. графиня Эмилiя Плотенъ, жена графа Луи Сенъ-Флорентена, государственнаго секретаря, а потомъ министра и герцога Врильера, была, если вѣрить Дюбору, первой фавориткой Людовика XV, хотя ея царство было такъ непродолжительно и такъ мало блестяще, что она едва занимаетъ мѣсто въ серiи королевскихъ фаворитокъ. Справедливость этого факта подтверждается популярной пѣсньюю, въ которой воспѣвается первая султанша короля, и хотя ея имя не упомянуто въ этой пѣснѣ, но указано, что ея мужъ государственный секретарь, который будетъ произведенъ въ герцоги, благодаря женѣ, а это ясно указываетъ на де-ла-Врильера. Была ли герцо-

гиня де-ла-Врильеръ этой «неизвѣстной» или нѣтъ, но, по всей вѣроятности, ей принадлежитъ честь, по словамъ популярной пѣсни, «заставить короля, наконецъ, подчиниться нѣжному закону того божка, которому поклонялись на Цитерѣ». Какъ бы то ни было, если, строго говоря, эта загадка все-таки остается неразгаданной, то не подлежитъ сомнѣнію, правъ ли Флери или нѣтъ, называя графиню Мальи-Нель «неизвѣстной», что она безспорно была первой официальной фавориткой Людовика XV.

Олимпія-Луиза Мальи-Нель, дочь маркиза Нель, была старшей изъ знаменитыхъ четырехъ сестеръ Нель, дѣлившихъ между собою милости короля. Не красивая, но большого роста, съ большими черными глазами и чувственнымъ выраженіемъ лица, она отличалась замѣчательнымъ умомъ и рѣдкимъ умѣньемъ одѣваться. Она была однихъ лѣтъ съ королемъ и, выйдя замужъ на семнадцатомъ году за своего двоюроднаго брата, графа Мальи Рюбампрэ, не была съ нимъ счастлива. Брошенная мужемъ, она имѣла до короля нѣсколько интригъ, между прочимъ съ маркизомъ Пюизье. Состоя придворной дамой, ей легко было скрывать свои отношенія къ королю, которыя, по словамъ однихъ современниковъ, начались въ 1732 году, а другихъ, въ 1733. Во всякомъ случаѣ они нѣсколько лѣтъ сохранялись въ тайнѣ, такъ какъ Людовикъ еще считалъ нужнымъ поддерживать внѣшнія приличія относительно королевы, которую онъ въ то время не совершенно бросилъ. Только въ 1737 году, послѣ рожденія седьмой дочери короля, при крещеніи которой Людовикъ открыто заявилъ, что это послѣдній его ребенокъ, графиня Мальи была официально провозглашена фавориткой. Узнавъ объ этомъ, королева окончательно прервала всякія отношенія съ мужемъ, и онъ уже открыто предался развратной жизни, продолжавшейся до самой его смерти. Но горячо любившая Людовика графиня Мальи, которую современники сравнивали съ Лавальеръ, не долго торжествовала свою побѣду, и вскорѣ изъ привязанности къ Людовику ей пришлось дѣлить милости короля съ другими фаворитками. Прежде всего онъ измѣнилъ ей ради дочери какого-то версальскаго мясника, имя котораго не сохранилось. Судьба какъ бы въ наказаніе послала ему довольно опасную болѣзнь, но, отдѣлавшись отъ нея и не покидая официальной фаворитки, онъ продолжалъ собирать цвѣты сладострастія по сторонамъ. Одно время онъ увлекался г-жею Бевронъ, подругой графини Мальи, относительно которой эта временная фаворитка выказала, по словамъ одного изъ современниковъ, самую дьявольскую неблагодарность. Затѣмъ имъ овладѣла до такой степени жена министра, г-жа Амело, что даже поговаривали о провозглашеніи ея официальной фавориткой, вмѣсто графини Мальи. Но наибольшее униженіе послѣдней пришлось вынести отъ своихъ собственныхъ сестеръ. Прежде всего ея соперницей явилась Полина, которой покровительствовала прин-

цесса Жароле изъ ненависти къ фавориткѣ. Король выдалъ ее замужъ за графа Вентимиль и далъ значительное приданое будто бы изъ любви къ сестрѣ, но вскорѣ оказалъ ей предпочтенье.

Графиня Вентимиль, хотя далеко некрасивая, но очень умная и привлекательная женщина, забрала совершенно въ руки слабохарактернаго короля, отучила его отъ мучившей его застѣнчивости и придала ему нѣкотораго рода самостоятельность, освободивъ отъ вліянія мелкихъ придворныхъ лицъ, въ родѣ камердинера Башелье. Въ особенности надъ послѣднимъ она не переставала издѣваться и постоянно говорила королю съ усмѣшкой: «Ну, что, вы передаете своему лакею и мои признанія въ любви къ вамъ?» Среди своихъ самолюбивыхъ мечтаній, она не только разсчитывала замѣнить сестру въ офиціальной должности фаворитки, но хотѣла сдѣлать короля знаменитымъ воиномъ и сопровождать его во время походовъ. Но судьбѣ не угодно было осуществить ея блестящихъ надеждъ, и она умерла въ 1741 году отъ родильной горячки, послѣ того, какъ родила сына, котораго король призналъ своимъ, хотя онъ получилъ фамилію маркиза Люка, одно изъ прозвищъ мужа графини Вентимиль. Во время ея болѣзни Людовикъ выражалъ ей необыкновенную нѣжность, перевезъ ее въ Версальскій дворецъ, гдѣ ей отведено было особое помѣщеніе, не отходилъ отъ нея и терпѣливо переносилъ всѣ ея капризы. Только однажды онъ былъ выведенъ изъ терпѣнія ея упорнымъ, печальнымъ молчаніемъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ и внѣ себя отъ гнѣва воскликнулъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ: «Я знаю, какое лѣкарство вылѣчило бы васъ отъ вашей болѣзни, графиня. Вамъ слѣдовало бы отрубить голову, что очень было бы легко, такъ какъ у васъ длинная шея; затѣмъ у васъ выпустили бы всю кровь и замѣнили бы ее кровью ягненка, что вамъ было бы очень полезно, такъ какъ вы кислая и злая». Эта вспышка, однако, не мѣшала королю ухаживать за больной и даже упрашивать на колѣняхъ принимать лѣкарство. Во время ея родовъ онъ не выходилъ изъ комнаты, когда ребенокъ родился, самъ вынесъ его на красной бархатной подушкѣ, увѣряя, что онъ очень походитъ на него [1]). Хотя графиня Вентимиль умерла въ ужасныхъ страданіяхъ и была увѣрена, что ее отравили, но никто изъ современниковъ не подтверждаетъ этого факта, и Флери положительно его отвергаетъ.

Смерть графини Вентимиль возбудила одну изъ тѣхъ вспышекъ народного негодованія, которыя отъ времени до времени предупре-

---

[1]) Этотъ побочный сынъ Людовика XV, графъ Люкъ, воспитывался сначала у тетки графини Мальи въ Версальскомъ дворцѣ, а потомъ неизвѣстно гдѣ. Когда онъ выросъ, то маркиза Помпадуръ хотѣла женить его на своей дочери, но Людовикъ не согласился, и онъ, получая пенсію отъ короля, служилъ въ арміи, эмигрировалъ во время революціи и умеръ въ Неаполѣ въ 1810 году.

ждали короля, что если не ему, то его наслѣднику придется дорого заплатить за его позорное царствованіе. Узнавъ о страданіяхъ и ужасной смерти королевской любовницы, народъ сталъ открыто выражать свою радость, и въ Версалѣ на улицахъ громко говорили: «Такъ ей и надо, мерзкой твари, она отбила короля у сестры, а все-таки сестра лучше ея. Это добрая женщина». Когда же распространился слухъ, что ея тѣло перенесено изъ дворца въ домъ Вилеруа для вскрытія и послѣ ухода докторовъ покинуто всѣми— даже лакеями, которые разошлись по кабачкамъ, то народъ вломился въ домъ и сталъ всячески издѣваться надъ обнаженнымъ трупомъ умершей. Потомъ, при похоронахъ, несмотря на весь ихъ блескъ, версальское населеніе сопровождало шествіе скандальными криками, неприличными пѣснями, скабрезными шутками и презрительнымъ хохотомъ. Король не обращалъ на все это вниманія и въ продолженіе мѣсяца оплакивалъ свою потерю, а преданная ему графиня Мальи со своей обычной добротой искренно горевала и старалась всячески утѣшить короля. Конечно, въ этомъ дѣлѣ съ ней соперничали придворныя дамы, старавшіяся замѣнить ея умершую соперницу. Мало-помалу Людовикъ забылъ графиню Вентимиль, но не столько отъ нѣжныхъ утѣшеній графини Мальи, какъ отъ возобновившихся веселыхъ кутежей у принцессы Шароле и графини Тулузъ, которымъ, согласно свидѣтельству современниковъ, наконецъ, удалось попасть въ число временныхъ фаворитокъ Людовика XV. Не разсчитывая на прочность своего положенія, эти обѣ ловкія интриганки проводили кандидаткой въ офиціальныя фаворитки на мѣсто графини Мальи молодую, хорошенькую г-жу Нуаль. Хотя Людовикъ не отказался отъ предлагаемаго ему лакомаго куска, но дѣло не пошло далѣе и серіозными конкурентками все еще занимавшей свой постъ офиціальной фаворитки явились ея двѣ сестры, герцогиня Лорагэ и герцогиня Шатору.

Третья сестра Нель не играла большой роли и только раздѣляла милости короля со своими сестрами графиней Мальи и герцогиней Шатору, но послѣдняя представляетъ первый типъ того, что Флёри называетъ крупными фаворитками, а Фридрихъ котильонами. Первымъ ея дѣломъ по провозглашеніи фавориткой было удалить отъ двора графиню Мальи. Такимъ образомъ кончилось въ 1742 году десятилѣтнее царство этой единственной симпатичной фаворитки Людовика XV. Она не только отличалась добротой и искренней любовью къ королю, но въ первые годы своего владычества обнаруживала самые простые идилическіе вкусы и часто послѣ веселыхъ ужиновъ отправлялась съ королемъ на зарѣ собирать землянику въ Медонскомъ лѣсу. Вообще она стоила государству менѣе всѣхъ другихъ фаворитокъ, и подарки короля, который впослѣдствіи такъ безумно бросалъ деньги на Помпадуръ и Дю-Барри, ограничивались парой серебряныхъ подсвѣчниковъ или парой сѣрыхъ ло-

шадей. Наконецъ, графиня Мальи никогда не вмѣшивалась въ политику, и къ ея времени относится любопытный анекдотъ о разговорѣ кардинала Флери, бывшаго воспитателя, а потомъ перваго министра, съ королемъ о вмѣшательствѣ женщинъ въ политическія дѣла. «Если когда нибудь, ваше величество, будете слушать совѣты женщинъ по политическимъ дѣламъ,—сказалъ кардиналъ,—то вы и ваше государство окончательно погибнете». Людовикъ ничего не отвѣчалъ, но въ тотъ же день, ужиная съ графиней Мальи, передалъ ей слова кардинала и прибавилъ: «Вотъ что я отвѣчаю на это: если какая нибудь женщина осмѣлится говорить со мною о дѣлахъ, то я тотчасъ вышвырну ее за дверь». Такъ Людовикъ могъ говорить съ графиней Мальи, которая сама не сочувствовала женскому вмѣшательству въ государственныя дѣла, но ея преемницы, даже сестра, а тѣмъ болѣе Помпадуръ и Дю-Барри смотрѣли на дѣло совершенно иначе, и Францiя дорого заплатила за разыгрыванiе ими политической роли. Что касается графини Мальи, то она послѣ удаленiя отъ двора жила еще девять лѣтъ, но вела самую примѣрную жизнь, предаваясь исключительно религiи и добрымъ дѣламъ. Разсказываютъ, что однажды, входя въ церковь, она потребовала стулъ, и молодой адвокатъ Линги громко сказалъ: «Вотъ какъ важничаетъ, а простая сволочь». Бывшая фаворитка обернулась и спокойно сказала: «Если вы ее знаете такъ хорошо, то помолитесь за нее».

Марiя Мальи-Нель родилась въ 1717 году, вышла очень рано замужъ за маркиза Турнель и овдовѣла 23 лѣтъ. Хотя она вела веселую жизнь, и маршалъ Ришелье проводилъ ее въ фаворитки, какъ всѣхъ сестеръ Нель, но чтобы лучше овладѣть королемъ, она долго ему сопротивлялась, разыгрывая роль строго нравственной особы. По этому случаю была сложена популярная пѣснь, въ которой говорилось:

Et allons dame de la Tournelle
Et allons donc, rendez-vous donc!
Quand votre roi vous appelle;
Vous faites trop de façons!
Et allons donc! Et allons donc!
Rendez vous donc!

Encore si etiez pucelle,
Vous le pardonnerait on!
Si vous vous donniez pour telle
Toute la cour dira «non».
Et allons donc! Et allons donc!
Rendez vous donc! [1])

[1]) Ну, дама Турнель сдавайтесь же? Когда король васъ зоветъ, то зачѣмъ вы такъ ломаетесь, ну, сдавайтесь!—Если бъ еще вы были невинной, то можно было бы простить вамъ ломанiе, но попробуйте увѣрять въ томъ кого нибудь, и весь дворъ вамъ отвѣтить: «нѣтъ». Ну, сдавайтесь.

Наконецъ, она сдалась, но подъ извѣстными условіями. Ея сестра графиня Мальи была удалена отъ двора, она сама получила титулъ герцогини Шатору съ громаднымъ помѣстьемъ того же имени, начала царствовать неограниченно и стала разыгрывать политическую роль. Этотъ первый котильонъ былъ великолѣпной красавицей, очень самолюбивой, гордой, повелительной и не знавшей цѣны деньгамъ, но, какъ всѣ ея сестры, она отличалась умомъ и образованіемъ. Если она не переписывалась, какъ графиня Вентимиль съ извѣстной г-жей Дю-Дефанъ, то покровительствовала энциклопедистамъ и окружала себя писателями того времени. Ея блестящій портретъ художественно нарисованъ братьями Гонкуръ въ книгѣ, посвященной ей и ея сестрамъ. Свое вліяніе на Людовика Шатору главнымъ образомъ обнаружила тѣмъ, что побудила его принять начальство надъ французской арміей въ войнѣ съ Австріей въ 1744 году и сама съ сестрой Лорагэ сопровождала его въ походѣ на Голландію. Этотъ походъ, какъ извѣстно, былъ побѣдоносной прогулкой, потому что англичане, боясь высадки французовъ на англійскіе берега, вызвали изъ Голландіи свой вспомогательный корпусъ, а голландцы безъ выстрѣла сдавали французамъ одинъ городъ за другимъ. Послѣ такого дешеваго успѣха король двинулъ свои войска въ Лотарингію и Эльзасъ, куда вторгнулись австрійскія войска. Но едва онъ прибылъ въ Мецъ съ обѣими сестрами Нель, какъ схватилъ горячку отъ излишества въ пищѣ. Тутъ произошла комическая сцена. Король чувствовалъ себя такъ дурно, что хотѣлъ причаститься, но его духовникъ іезуитъ вздумалъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, для вящшей славы Божіей, то-есть для усиленія клерикальнаго вліянія, и отказался пріобщить короля, если онъ не прогонитъ своихъ фаворитокъ. Людовикъ былъ такъ напуганъ духовникомъ, который грозилъ ему близостью смерти и адскими муками, въ случаѣ кончины безъ принятія Святыхъ Даровъ, что приказалъ удалить герцогиню Шатору и ея сестру на пятьдесятъ миль отъ двора. Но это изгнаніе фаворитокъ продолжалось недолго, и, оправившись отъ болѣзни, король взялъ Фрейбургъ, предоставилъ своему союзнику Фридриху II отбиваться одному отъ австрійской арміи и отправился въ Парижъ съ герцогиней Шатору. Онъ не только вернулъ ее ко двору, но въ угоду ей прогналъ духовника и поддерживавшихъ его царедворцевъ. Однако котильону I не пришлось долго торжествовать. Тотчасъ по водвореніи въ Версали герцогиня занемогла и скончалась, спустя нѣсколько дней, 8-го декабря 1745 года. Точно такъ же, какъ ея сестра Вентимиль, она была увѣрена, что ее отравили, и въ Парижѣ ходили слухи, что въ отравленіи фаворитки былъ виновенъ ея врагъ, графъ Морепа; но это обвиненіе остается до сихъ поръ недоказаннымъ. Народная ненависть къ фавориткамъ снова пробудилась въ Версали по случаю смерти Шатору, и чтобы предупредить уличные скандалы, ея похороны были назначены ночью.

Такъ кончилось непродолжительное двухлѣтнее царство котильона I. Хотя Шатору раздѣляла съ сестрой Ларогэ милости короля, но изъ постороннихъ фаворитокъ въ ея время называютъ только г-жу Анго и г-жу Аршамбо, да и то Флери не считаетъ эти факты безусловно вѣрными. Одно только не подлежитъ сомнѣнію, что сынъ г-жи Анго, жены придворнаго чиновника, былъ крещенъ королемъ и герцогиней Шатору, а впослѣдствіи пользовался королевской щедростью и былъ назначенъ судьей на двадцатомъ году жизни. Одна изъ его дочерей была матерью французскаго писателя Барбе Д'Оревельи, который не любилъ, чтобы упоминали объ его родствѣ съ державнымъ прадѣдомъ. Что касается до г-жи Аршамбо, то ея сынъ актеръ-драматургъ Дарвиньи удивительно походилъ на Людовика XV, и вотъ все, что извѣстно о ней.

На вакантный постъ офиціальной королевской фаворитки явилось много кандидатокъ, и король обратилъ свой выборъ на пятую сестру Нель, маркизу Флавакуръ, которую, по обыкновенію, поддерживалъ герцогъ Ришелье. Уже давно на улицахъ Парижа распѣвали: «Подожди, Флавакуръ, прелестная брюнетка, тебя ожидаетъ та же участь, какъ сестеръ, и придетъ твоя очередь». Но случилось нѣчто удивительное, такъ какъ, по словамъ той же пѣсни: «Кровь семьи Нель не отличалась строгой нравственностью»; маркиза Флавакуръ отказалась отъ предлагаемыхъ ей чести или позора. Впрочемъ, существуетъ легенда, что Людовику помѣшалъ завершить циклъ сестеръ Нель не отказъ пятой изъ нихъ, а энергія ея мужа. Узнавъ во время о свиданіи, назначенномъ ей королемъ, онъ увезъ жену въ деревню и до смерти Людовика не пускалъ ее въ Парижъ, гдѣ она впослѣдствіи мирно умерла во время французской революціи.

II.

Котильонъ II.

Нѣсколько мѣсяцевъ продолжалось междуцарствіе послѣ перваго котильона и до водворенія втораго. Въ это время король часто встрѣчалъ въ Сенарскомъ лѣсу, гдѣ онъ обыкновенно охотился, граціозную охотницу, которая, повидимому, обращала болѣе вниманія на его величество, чѣмъ на охоту. Она появлялась то вся въ розовомъ и въ голубомъ фаэтонѣ, то вся въ голубомъ и въ розовомъ фаэтонѣ. Наконецъ, на маскарадѣ въ парижской ратушѣ по случаю свадьбы дофина, 38 февраля 1745 года, Людовика интриговала прелестная маска, и когда по его просьбѣ она открыла свое лицо, то онъ узналъ въ ней даму, уже заинтересовавшую его въ Сенарскомъ лѣсу. Въ эту самую минуту она уронила свой платокъ, и король, поднявъ его, бросилъ къ красавицѣ. Вокругъ тотчасъ

поднялся крикъ: «платокъ брошенъ!» Это былъ символъ королевскаго выбора. Фаворитка была найдена, и вотъ пѣсня, которой Парижъ привѣтствовалъ появленіе котильона II.

Notre pauvre Louis
Dans de nouveaux feux s'engage!
C'est aux noces de son fils
Qu'il adoucit son veuvage!
Aye! Aye! Jeannette!

Les bourgeois de Paris
Au bal ont eu l'avantage!
Il a pour vis à vis
Choisi femme de jeune âge!
Aye! Aye! Jeannette!

Le roi dit-on à la cour
Entre dans la finance
De faire fortune un jour
Le voilà dans l'espérance!
Aye! Aye! Jeannette [1])!

Эта Жаннета была Жанна Антуанета Пуассонъ, будущая маркиза Помпадуръ. Она родилась въ Парижѣ въ 1721 году. Мать ея принадлежала къ мелкой буржуазіи и была извѣстна своей развратной жизнью, а ея мужъ, приказчикъ у банкира Пари, пропалъ безъ вѣсти изъ страха попасть подъ судъ за участіе въ грязныхъ дѣлахъ по подрядамъ. Отцемъ Жанны называли богатаго откупщика Ленормана Турнейма, который выдалъ ее замужъ девятнадцати лѣтъ за своего племянника Ленормана Д'Етіоля. Въ ту минуту, какъ ея звѣзда взошла на Версальскомъ горизонтѣ, ей было двадцать три года, она имѣла двухъ дѣтей и, маленькая, худенькая, отличалась болѣе умѣньемъ нравиться и граціей, чѣмъ красотой. По словамъ Сенъ-Бёва, «она поражала всѣми физическими и умственными чарами, однимъ словомъ всѣмъ, кромѣ нравственности». Совершенно овладѣвъ сладострастнымъ Людовикомъ, она заставила его провозгласить ее офиціальной фавориткой съ титуломъ маркизы Помпадуръ. Передъ этимъ король пригласилъ, по словамъ Моро, ея мужа въ свой кабинетъ, гдѣ уже находился нотаріусъ, и приказалъ ему подписать актъ развода. Д'Етіоль повиновался и потомъ сказалъ: «ваше величество, вы не могли мнѣ оказать большей услуги; я рѣшительно не въ состояніи болѣе терпѣть моей жены».

Такимъ образомъ начался второй котильонъ, который продолжался девятнадцать лѣтъ, хотя всѣ историки и даже Флери насчи-

[1]) Нашъ бѣдный Людовикъ завязалъ новую интрижку; на свадьбѣ сына онъ утѣшился въ своемъ вдовствѣ. Ай да Жаннета! Парижская буржуазія на балѣ восторжествовала, и онъ выбралъ себѣ молодую даму изъ ея среды. Ай да Жаннета! Король, говорятъ при дворѣ, вступилъ въ финансовый міръ и надѣется когда нибудь разбогатѣть. Ай да Жаннета!

тываютъ ихъ двадцать. Но достовѣрно, что началомъ отношеній Жанны Ленорманъ д'Етіоль къ Людовику XV былъ маскарадъ въ парижской ратушѣ 28 февраля въ 1745 году, а умерла она 15 апрѣля 1764 года; слѣдовательно, и царству Помпадуръ было ровно девятнадцать лѣтъ. Впрочемъ и самъ король за недѣлю до ея смерти писалъ инфанту Филиппу, герцогу Пармскому, что «зналъ ее и цѣнилъ ея надежную дружбу почти двадцать лѣтъ». Во всякомъ случаѣ второй котильонъ продолжался долѣе своихъ соперниковъ и оставилъ наибольшій слѣдъ въ исторіи. Помпадуръ положительно царила во Франціи, благодаря тому, что умѣла держать короля въ своихъ сѣтяхъ личными чарами шесть лѣтъ, а тринадцать своимъ умѣніемъ доставлять ему всевозможныя удовольствія и всячески поощрять его развратныя стремленія. Она ничѣмъ не гнушалась для поддержки своей силы и незамѣтно перешла изъ любовницъ въ поставщицы человѣческаго товара для знаменитаго Оленьяго парка, благодаря чему ей удавалось побѣждать всѣхъ своихъ соперницъ, стремившихся отбить у нея постъ офиціальной фаворитки, а державный минотавръ, когда ему надоѣли ея зрѣлыя прелести, сохранялъ ее до самой ея смерти, какъ друга, совѣтника и перваго министра. Правда, въ эпоху котильона II у короля были еще двадцать одна фаворитка, но онѣ не играли политической роли и не имѣли большого вліянія, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось временно подчинять своимъ чарамъ короля, старѣвшаго съ годами и приходившаго въ полное физическое и умственное разложеніе.

Моро въ своихъ воспоминаніяхъ увѣряетъ, что «Помпадуръ развратила версальскій дворъ и всю французскую націю», но, очевидно, онъ преувеличивалъ въ этомъ отношеніи силу могущественной фаворитки. Дѣйствительно, она содѣйствовала разоренію и униженію Франціи какъ извнѣ, такъ и внутри, но еслибъ высшіе классы французскаго общества не были развращены до мозга костей, а народъ не находился подъ тройнымъ игомъ легитимизма, клерикализма и аристократіи, то былъ бы немыслимъ помпадурскій котильонъ. Оказывается, что дворъ и аристократія, особенно въ началѣ царства Помпадуръ, возставали противъ всесильной фаворитки, но не потому, что она фаворитка и управляла Франціей, а потому, что она была буржуазнаго происхожденія. Они, по выраженію современника Дюкло, «считали несправедливостью предпочтеніе, оказываемое королемъ женщинѣ неблагородной и невысокопоставленной». Они находили, что постъ королевской фаворитки требовалъ родовитости отъ занимавшей его особы; мужчины стремились къ чести поставить свою родственницу, а женщины лѣзли изъ кожи, чтобы занять эту завидную должность. Только нравственнымъ растлѣніемъ высшаго французскаго общества объясняется господство Помпадуръ и безконечное усиліе двора и знати замѣнить ее кѣмъ либо изъ своихъ представительницъ. Эти интриги начались черезъ три года

послѣ провозглашенія Помпадуръ королевской фавориткой и продолжались до самой ея смерти. У перваго министра Морепа, злѣйшаго врага Помпадуръ, распѣвалась слѣдующая пѣсня, приписываемая несправедливо ему, но послужившая причиной его паденія:

Les grands seigneurs s'avilissent,
Les financiers s'enrichissent,
Tous les Poissons grandissent,
C'est le règne des vauriens.
On épuise la finance,
L'Etat tombe en decadence.
Le roi ne met ordre à rien, rien, rien.

Une petite bourgeoise
Elevée à la grivoise
Mesurant tout à sa toise,
Fait de la cour un taudis.
Le roi, malgré son scrupule,
Pour elle follement brûle!
Cette flamme ridicule
Excite dans tout Paris ris, ris, ris, ris!

Si dans les beautés chosies
Elle était des plus jolies,
On pardonne les folies,
Quand l'objet est un bijou,
Mais pour si mince figure
Et si sotte créature
S'attirer tant de murmure;
Chacun pense le roi fou, fou, fou, fou! [1]).

Первая попытка замѣнить буржуазную фаворитку чистокровною аристократкой потерпѣла фіаско, и то благодаря сопротивленію не короля, не Помпадуръ, а самой ея соперницы. Этотъ второй примѣръ отказа королю представила дочь принца Шалэ и жена графа Перигора, Маргарита, о которой Моро говоритъ, что она была «и прекрасна и нравственна, какъ ангелъ». Онъ увѣряетъ, что разсказъ объ ея отказѣ королю—клевета, изобрѣтенная ея врагами, и никогда король не дѣлалъ ей никакого предложенія, однако, по сло-

---

[1]) Знатные вельможи унижаются, финансисты богатѣютъ, всѣ рыбы (по-французски Пуассонъ значитъ рыба) жирѣютъ. Настало царство воровъ. Всѣ финансы расходуются на постройки и на различные пустяки. Государство приходитъ въ упадокъ. Король не водворяетъ порядка ни въ чемъ. Мелкая буржуазка, скабрезно воспитанная, мѣряя всѣхъ на свой аршинъ, превращаетъ дворъ въ вертепъ. Король безъ зазрѣнія совѣсти безумно горитъ къ ней страстью. И надъ этой глупостью весь Парижъ смѣется, смѣется. Если бы еще она была красавицей изъ красавицъ, то можно было бы простить такое безумiе. Но она—не блестящее сокровище, а невзрачная, глупая фигурка и не стоитъ изъ-за нея подвергать себя осужденію. Всякій думаетъ, что король рехнулся, рехнулся, рехнулся!

вамъ другихъ современниковъ, графиня Перигоръ, замѣтивъ, что король усердно ухаживаетъ за ней, стала его избѣгать, а когда онъ написалъ ей страстное письмо, то она, не колеблясь ни минуты, уѣхала въ деревню и оттуда увѣдомила короля о причинѣ своего отъѣзда. Людовикъ XV нимало не разсердился на благородную женщину и, спустя нѣсколько лѣтъ, въ виду открывшейся вакансіи придворной дамы при его дочеряхъ, вызвалъ ее изъ деревни очень лестнымъ письмомъ, въ которомъ онъ говоритъ: «Мои дочери лишились своей придворной дамы, и это мѣсто, графиня, принадлежитъ вамъ, какъ по вашимъ высокимъ добродѣтелямъ, такъ и по вашему высокому положенію».

Придворные интриганы продолжали свои ковы противъ Помпадуръ и выставили королю цѣлый рядъ соблазнительныхъ приманокъ. Онъ клюнулъ одну изъ нихъ, но не надолго. Это была дочь маршала Люксембурга, жена принца Робекъ, очень хорошенькая и веселая женщина, имѣвшая много свѣтскихъ интрижекъ, между прочимъ, со Стенвилемъ, будущимъ герцогомъ Шаузелемъ. Повидимому, королю она очень понравилась, и придворные уже разсказывали, что онъ покраснѣлъ, прося у королевы мѣсто придворной дамы для новаго предмета своей страсти, что исчезалъ съ нею на полчаса, или болѣе, во время прогулокъ въ Мюэтѣ и обращался очень сухо съ Помпадуръ. Однако, ловкой маркизѣ удалось предотвратить грозившую ей опасность, и вскорѣ временная фаворитка была принесена ей въ жертву. Принцесса Робекъ утѣшилась оперным пѣвцомъ Ларивэ и литературной борьбой съ энциклопедистами-философами, противъ которыхъ по ея внушенію, почти подъ ея диктовку, Палиссо написалъ сатирическую пьесу «Философы». Въ этой пьесѣ Жанъ-Жакъ Руссо, Дидро и Д'Аламберъ предавались посмѣянію. Благодаря протекціи Шуазеля, «Философы» были поставлены на сцену, и умиравшая въ то время отъ продолжительной болѣзни принцесса Робекъ едва дожила до перваго представленія, послѣ чего она торжественно сказала: «Теперь Господи отпущаеши твою рабыню съ миромъ. Мои глаза увидѣли месть». Сохранился портретъ принцессы Робекъ въ постелѣ передъ смертью, и, по словамъ братьевъ Гонкуръ, «на этомъ портретѣ предсмертная агонія придаетъ ей какъ бы ореолъ святости».

Вторая соперница Помпадуръ также не долго безпокоила ее своимъ случайнымъ успѣхомъ. Ренэ Карбонель-де-Канизи, одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ, при версальскомъ дворѣ уже давно выставлялась аристократическими интриганами, какъ достойная кандидатка въ фаворитки, и ее прочили на этотъ постъ еще во время царства сестеръ Нель. Тогда она была замужемъ за маркизомъ д'Антенъ, но, повидимому, король, хотя находилъ ее веселой и забавной, не пошелъ далѣе скабрезной болтовни у принцессы Шароле. Затѣмъ она овдовѣла и вышла вторично замужъ за графа

Форкалькье и въ 1749 году, хотя на короткое время, поймала въ свои сѣти Людовика. Нельзя быть прелестнѣе графини Форкалькье», пишетъ въ своихъ мемуарахъ герцогъ Люинь: «она маленькаго роста, но прекрасно сложена и отличается удивительнымъ цвѣтомъ кожи, круглымъ, чрезвычайно подвижнымъ лицомъ, большими глазами и необыкновенно прекраснымъ взглядомъ». Она очень любила литературу и театръ, сама играла на любительскихъ спектакляхъ, хотя безъ большого успѣха, и вела дружбу съ учеными и писателями, въ томъ числѣ Мопертюи и Монтескье. Послѣ смерти своего второго мужа, она открыла салонъ, жила открыто со шведскимъ посланникомъ, барономъ Шефферомъ, и славой своего ума соперничала со знаменитой г-жей Дю-Дефанъ. Впослѣдствіи она сдѣлалась другомъ графини Дю-Барри и по ея протекціи получила мѣсто придворной дамы графини д'Артуа, жены будущаго короля Карла X, но она недолго продержалась на этомъ постѣ и отказалась отъ него, вслѣдствіе непріятной исторіи съ графомъ Артуа, который не терпѣлъ ея. По старинному обычаю французскаго двора, въ концѣ парадныхъ обѣдовъ придворныя дамы подавали полоскальницы королевскимъ особамъ и принцамъ крови. Послѣдніе по этикету всегда вставали. Однажды графиня Форкалькье была дежурной. Она подошла съ полоскальницей къ графу Артуа, но онъ не всталъ, и она остановилась. Внукъ короля поманилъ ее пальцемъ, но она отвѣтила громко: «Я жду, ваше высочество, чтобы вы встали». Принцъ побагровѣлъ отъ злобы. Онъ всталъ и взялъ изъ ея рукъ полоскальникъ, но, набравъ въ ротъ воды, не выплюнулъ ея въ чашку, а облилъ руки и платье графини. Бывшая фаворитка Людовика XV тотчасъ покинула дворъ и если снова появилась въ Версалѣ послѣ смерти Людвика XV, то несолоно хлѣбала и удалившись на этотъ разъ уже болѣе не возвращалась. Моро разсказываетъ, что ей дѣйствительно нельзя было показываться въ Версалѣ, послѣ того, какъ новый король Людовикъ XVI, не терпѣвшій графиню Дю-Барри и всѣхъ окружавшихъ ее лицъ, отвернулся отъ графини Форкалькье и громко сказалъ говорившему съ ней принцу Тенгри: «А развѣ вы знаете эту женщину?»

Еще случайнѣе и непродолжительнѣе были отношенія Людовика XV къ двумъ мелкимъ фавориткамъ: графинѣ д'Эстрадъ и къ госпожѣ Фильёль. Первая была урожденная Семонвилль, двоюродная сестра маркизы Помпадуръ, по мужу послѣдней. Несмотря на оказываемыя ей благодѣянія маркизой, эта, по словамъ Мармонтеля, «скверная, злая, некрасивая, но очень умная и хитрая женщина» всячески старалась отбить у своей благодѣтельницы короля». Но, повидимому, ей это удалось только одинъ разъ во время королевской охоты въ Шуази, гдѣ, воспользовавшись тѣмъ, что Людовикъ былъ пьянъ и удалился въ секретный кабинетъ, она послѣдовала туда за нимъ. Что касается до г-жи Фильёль, то о ней

извѣстно очень мало. Она была женою агента по торговлѣ винами въ городѣ Фалезъ и отличалась многочисленными любовными интригами. Благодаря покровительству откупщика Гоурета, ея мужъ получилъ мѣсто привратника въ замкѣ Мюэтъ, и тогда-то она обратила на себя вниманіе короля, отъ котораго родила дочь, вышедшую впослѣдствіи замужъ за брата маркизы Помпадуръ, Абеля Пуассона, потомъ маркиза Мариньи. Сама г-жа Фильёль никогда не была смотрительницей Оленьяго парка, какъ увѣряютъ нѣкоторые историки, а, отличаясь талантомъ въ живописи, получала пенсію при Людовикѣ XVI въ качествѣ придворнаго живописца. Въ Версальскомъ дворцѣ существуетъ до сихъ поръ ея картина, изображающая герцоговъ Беррійскаго и Ангулемскаго, играющихъ съ собакой. Она была казнена во время революціи, а дочь ея отъ Людовика XV послѣ веселой жизни и вторичнаго брака съ полковникомъ Бурзакомъ умерла въ 1822 году въ глубокой старости.

Потерпѣвъ личную неудачу, графиня Д'Естрадъ задумала со своимъ любовникомъ, герцогомъ Аржансономъ, ярымъ врагомъ Помпадуръ, низвергнуть могущественную фаворитку и замѣнить ее своей молодой родственницей Шуазель-Романэ. Эта молодая, красивая и умная женщина была настоящимъ «королевскимъ кускомъ». Дочь провинціальнаго судьи, Шарлота Романэ была выдана замужъ за графа Шуазеля Бопре маркизой Помпадуръ, что не помѣшало ей охотно согласиться принять участіе въ интригѣ противъ котильона II. Дѣло поведено было ловко и хитро: графиня Шуазель всячески прельщала короля, ѣздила съ нимъ на охоту, участвовала въ веселыхъ ужинахъ, но вела себя очень прилично, и ихъ отношенія не шли далѣе платонической любви. Людовикъ все болѣе и болѣе пылалъ къ ней страстью и выражалъ ее въ цѣломъ рядѣ писемъ. Наконецъ, въ 1753 г., придворные интриганы рѣшили, что пора покончить дѣло, такъ какъ королю могло въ концѣ концовъ надоѣсть ея кокетство безъ всякаго результата. «Свиданіе короля съ графиней было назначено,—разсказывалъ Мармонтелю секретарь Аржансона, Дюбуа: — и самъ Аржансонъ, графиня Эстрадъ, докторъ Кене и я собрались въ кабинетѣ министра, чтобы ожидать послѣдствій. Послѣ долгаго безпокойнаго ожиданія наконецъ появилась въ дверяхъ графиня съ распущенными волосами и въ растрепанномъ видѣ, который доказывалъ ея торжество. Г-жа д'Естрадъ бросилась къ ней съ распростертыми объятіями и поспѣшно спросила: «совершилось?». Графиня Шуазель отвѣчала: «Да, совершилось. Я любима, и онъ счастливъ. Ее прогонятъ; онъ мнѣ въ этомъ далъ слово». Тутъ въ кабинетѣ министра произошелъ общій взрывъ радости».

Однако эта радость была непродолжительна, и паденіе маркизы Помпадуръ не состоялось, благодаря неожиданной помощи, которую ей оказалъ двоюродный братъ мужа графини Шуазель,

маркизъ Стенвиль, будущій герцогъ Шуазель. Этотъ красивый, хитрый и самолюбивый молодой аристократъ находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ Помпадуръ и поощрялъ сначала интригу противъ нея, но вскорѣ онъ убѣдился, что шансы маркизы гораздо сильнѣе, чѣмъ ея новой соперницы, и что если послѣдней удастся одержать побѣду, то это будетъ ненадолго. Поэтому онъ рѣшился вывѣдать у графини Шуазель всѣ подробности объ ея отношеніяхъ къ королю и предупредить о грозившей ей опасности Помпадуръ, которая, конечно, изъ благодарности устроитъ ему блестящую карьеру. Онъ ловко увѣрилъ свою родственницу, что вполнѣ преданъ ей, узналъ отъ нея не только мельчайшія обстоятельства ея романа съ королемъ, но и выманилъ письма Людовика, которыя онъ немедленно передалъ маркизѣ Помпадуръ. Конечно, послѣдняя пришла въ восторгъ, заключила со Стенвилемъ союзъ и, показавъ письма Людовику, легко убѣдила его разорвать только что начатую связь съ женщиной, которая не умѣла цѣнить его довѣріе. Графиня Шуазель Романэ недолго пережила свое пораженіе и спустя нѣсколько мѣсяцевъ умерла. Злые языки называли виновникомъ этой смерти Стенвиля, который будто бы помирился съ нею, заставилъ своей любовью забыть его гнусную измѣну, а затѣмъ отравилъ, чтобы отдѣлаться навсегда отъ своей жертвы. Онъ самъ въ только что найденныхъ его мемуарахъ, конечно, разсказываетъ иначе этотъ позорный эпизодъ его жизни. Онъ увѣряетъ, что отношенія между графиней Шуазель и Людовикомъ XV были платоническія, и что онъ разстроилъ ея планъ сдѣлаться фавориткой, только не желая, чтобы на благородный родъ Шуазелей пало такое мрачное пятно. При этомъ, по словамъ Шуазеля, онъ не выманилъ у нея писемъ короля и не измѣнилъ ей, а уговорилъ ее и мужа уѣхать въ деревню и лишь по ихъ отъѣздѣ разсказалъ обо всемъ Помпадуръ. Какъ бы то ни было, молодая соперница маркизы Помпадуръ умерла, котильонъ II пріобрѣлъ большую силу, чѣмъ когда, а Шуазель-Стенвиль, назначенный посланникомъ сначала въ Римъ, а потомъ въ Вѣну, началъ ту блестящую карьеру, которая довела его до высшихъ должностей и почестей. Вернувшись въ Парижъ въ 1758 году, онъ сдѣлался постепенно министромъ военнымъ, морскимъ и иностранныхъ дѣлъ, герцогомъ и обладателемъ сердца маркизы Помпадуръ, уже не знавшей тогда, какими милостями осыпать его и его родственниковъ. Благодаря соединенію въ своей особѣ безчисленныхъ военныхъ и административныхъ должностей, Шуазель получалъ до милліона ливровъ въ годъ. Могущество и вліяніе на Людовика этого фаворита фаворитки достигли такой степени, что онъ остался всесильнымъ правителемъ даже послѣ смерти Помпадуръ и былъ низвергнутъ только котильономъ III, т. е. графиней Дю-Барри.

Несмотря на все свое могущество, маркиза Помпадуръ не могла сразу отомстить своимъ врагамъ, графинѣ д'Естрадъ и герцогу Аржансону, а должна была ждать для этого удобнаго случая, такъ какъ король явно благоволилъ къ своей минутной фавориткѣ, а къ министру питалъ дружескія чувства. Чтобы лучше добиться своей мести, маркиза, повидимому, помирилась съ обоими и такъ успокоила графиню д'Естрадъ, что та мало-помалу потеряла всякую осторожность. Спустя два года, однажды она незамѣтно похитила у Помпадуръ письмо Людовика, въ которомъ говорилось о государственныхъ дѣлахъ, и, обрадовавшись этому случаю, Помпадуръ потребовала отъ Людовика, чтобы дерзкая воровка была удалена отъ двора, гдѣ она занимала должность придворной дамы у дочери короля, принцессы Аделаиды. Людовикъ отклонилъ отъ себя разрѣшеніе этого дѣла, ссылаясь на то, что онъ не желаетъ вмѣшиваться въ дѣла принцессы, которая очень любила свою придворную даму. Тогда Помпадуръ бросилась къ принцессѣ, съ которой она въ то время кокетничала, и добилась отъ нея согласія на удаленіе графини д'Естрадъ. Послѣ этого ей уже не трудно было получить отъ короля приказъ объ удаленіи изъ Версаля ненавистной ей женщины.

Еще прошло два года, прежде чѣмъ представился случай уничтожить герцога Аржансона, который послѣ опалы графини д'Естрадъ не прерывалъ съ нею близкихъ отношеній и продолжалъ съ ея помощью интриговать противъ всесильной фаворитки. Конечно, они и всѣ враги Помпадуръ воспользовались для новой попытки свергнуть ее покушеніемъ Дамьена на жизнь короля. Какъ извѣстно, этотъ фанатикъ, проникнувъ въ толпѣ придворныхъ на лѣстницу версальскаго дворца, бросился на короля и нанесъ ему царапину перочиннымъ ножемъ. Несмотря на незначительность полученной раны, король очень испугался, вообразилъ, что умираетъ, и послалъ за духовникомъ. «Этотъ духовникъ былъ іезуитъ,—разсказываетъ Мишле въ своей исторіи Людовика XV,—и не упустилъ случая разыграть вторую мецскую сцену. Онъ не согласился отпустить грѣхи королю даромъ и потребовалъ, чтобы тотъ удалилъ фаворитку. Король на все согласился». Конечно, Аржансонъ и его сторонники подстрекнули и поддержали іезуита. Маркизѣ Помпадуръ было объявлено, чтобы она удалилась изъ Версальскаго дворца, но она медлила нѣсколько дней и въ личномъ объясненіи съ Аржансономъ гордо сказала ему: «Я, можетъ быть, больше не увижу короля, но будьте увѣрены, если я его увижу, то немедленно одинъ изъ насъ будетъ выгнанъ отсюда». Дѣйствительно ея слова исполнились. На девятый день король выздоровѣлъ и, выйдя изъ своей спальни, къ общему удивленію, прямо прошелъ къ маркизѣ Помпадуръ. Конечно, она потребовала удаленія своего врага и добилась этого съ помощью слезъ и представленія, какъ увѣряетъ Шуазель

въ своихъ мемуарахъ, дѣйствительнаго или подложнаго письма Аржансона къ графинѣ д'Естрадъ, въ которомъ король названъ слабоумнымъ.

Объ этомъ кризисѣ въ исторіи девятнадцати-лѣтняго правленія Франціей котильономъ II очень характеристично говоритъ австрійскій посланникъ въ Парижѣ Старнбергъ въ своей депешѣ къ могущественному канцлеру Маріи-Терезіи, Кауницу, которая впервые напечатана Ваддингтономъ въ его новомъ трудѣ: «Тотчасъ послѣ покушенія Дамьена и болѣзни короля образовалась значительная партія противъ маркизы Помпадуръ и всего, что сдѣлано ею, или при ея посредствѣ. Хотя около пяти лѣтъ она только другъ, совѣтникъ или лучше сказать первый министръ короля и около года она живетъ при дворѣ лишь въ качествѣ придворной дамы королевы, а для упорядоченія своего положенія предложила мужу вернуться къ ней, многіе полагаютъ, что все это не можетъ загладить ея скандальнаго появленія при дворѣ, а потому считаютъ для успокоенія совѣсти короля необходимымъ удалить ее изъ Версаля. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что въ первые дни болѣзни короля всѣ были убѣждены въ ея опалѣ, и большое число ея друзей, даже покровительствуемыхъ ею лицъ, отвернулось отъ нея. Однако она оставалась только четыре или пять дней безъ извѣстій отъ короля. На пятый или на шестой день онъ написалъ ей, а какъ только сталъ выходить, то по обыкновенію прошелъ къ ней. Ея вліяніе осталось и, вѣроятно, всегда останется въ прежней силѣ, такъ какъ оно основано не на преходящемъ и преступномъ чувствѣ, а на уваженіи, дружбѣ и довѣріи короля къ ней, а также убѣжденіи, что онъ не можетъ имѣть наперсника болѣе вѣрнаго, болѣе преданнаго королевскимъ интересамъ и болѣе желающаго еще добра. Поэтому надо полагать, что она всегда сохранитъ свою власть». Относительно удаленія Аржансона Старнбергъ высказываетъ свою радость, такъ какъ этотъ министръ былъ враждебенъ Австріи, но признаетъ его способнымъ и работящимъ государственнымъ человѣкомъ.

Несмотря на свое торжество надъ придворными и политическими противниками, маркизѣ Помпадуръ однако приходилось въ это время продолжать борьбу со вновь появлявшимися соперницами. Изъ нихъ временно достигли успѣха и привлекли къ себѣ вниманіе короля виконтесса Камбизъ и маркиза Куалленъ. Первая изъ нихъ не очень хорошенькая, но прекрасно сложенная, пикантная и талантливая, была дочерью принца Шимэ и пользовалась покровительствомъ Помпадуръ, которая ее выдала замужъ за своего родственника виконта Камбиза, при чемъ уговорила короля дать ей богатое приданое. Но у нея не была счастливая рука, и покровительствуемыя ею молодыя дѣвушки обыкновенно возставали противъ нея. Такъ случилось и съ виконтессою Камбизъ, которая хотѣла играть важную роль при дворѣ и въ самый день

свадьбы прогнала мужа, а затѣмъ прельстила короля. Но, какъ всегда, Людовикъ не долго оставался подъ ея чарами, и виконтессѣ пришлось утѣшиться интригой съ извѣстнымъ красавцемъ Лозеномъ.

Но другая соперница Помпадуръ оказалась гораздо опаснѣе. Однажды, лѣтомъ, въ 1755 году, въ Марли, маркиза возвратилась поздно вечеромъ въ свой апартаментъ и, оставшись наединѣ со своей наперсницей г-жей Оссэ, сказала съ негодованіемъ: «нѣтъ на свѣтѣ болѣе дерзкаго существа, чѣмъ маркиза Куалленъ. Я играла съ ней въ карты и не можете себѣ представить, сколько я перенесла непріятностей. Нашъ столъ постоянно окружала толпа дамъ и мужчинъ, смотрѣвшихъ на насъ съ любопытствомъ, а маркиза бросала на меня дерзкіе взгляды и наконецъ нахально произнесла: «у меня четырнадцать королей». Я такъ смутилась, что едва не упала въ обморокъ». Г-жа Оссэ покачала головой и спросила: «А король подмигивалъ ей?». Внѣ себя отъ злобы котильонъ II отвѣчалъ: «Вы не знаете короля, моя милая. Если бы онъ задумалъ сегодня прогнать меня и помѣстить ее въ эти комнаты, то онъ обращался бы съ ней холодно, а со мной самымъ дружескимъ образомъ. Онъ добрый и откровенный человѣкъ, но во всемъ виновато его воспитаніе».

Новая соперница, дебютировавшая такъ смѣло и дерзко, была вполнѣ достойна, по общему мнѣнію, занять постъ офиціальной фаворитки и по аристократическому происхожденію, красотѣ и уму. «Она соединяла очаровательное лицо,—пишетъ герцогъ Люинь въ своихъ мемуарахъ:—съ величественной фигурой и живымъ умомъ, интересовавшимся всѣмъ, но не способнымъ на серіозныя занятія. Она довела искусство кокетства до апогея, а благодаря тому, а также пикантной рѣчи, она привлекала къ себѣ всѣхъ мужчинъ и отталкивала всѣхъ женщинъ, которыя боялись соперничества. Эта блестящая, прелестная женщина была графиня Марія Мальи-Рюбампрэ, племянница сестеръ Нель. Она была замужемъ за маркизомъ Куалленомъ, который, по словамъ современниковъ, былъ самымъ честнымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ, но не свѣтскимъ, и представлялъ во всемъ контрастъ съ своей женою, а потому послѣ нѣсколькихъ лѣтъ брачной жизни онъ разстался съ нею и удалился въ деревню, гдѣ вскорѣ умеръ. Молодая, красивая вдова вернулась къ отцу и въ его салонахъ прельщала весь Парижъ и Версальскій дворъ. Въ числѣ ея поклонниковъ находился принцъ Конти, принадлежавшій къ Бурбонскому дому и пользовавшійся дружбою короля. Онъ не терпѣлъ маркизу Помпадуръ и отказывался сообщать ей тайную дипломатическую переписку короля, которой онъ тогда руководилъ. Самъ изведавъ чары маркизы Куалленъ, онъ задумалъ замѣнить сю Помпадуръ и съ ея помощью не только управлять Франціею, но и добиться для себя польскаго престола.

Такимъ образомъ маркиза Куалленъ съ помощью Конти повела двойную борьбу противъ котильона II, какъ придворную, такъ и политическую. Людовикъ находился въ то время въ очень дурномъ настроеніи духа, и всѣ удовольствія, устраиваемыя ему фавориткой, ему надоѣли и не нравились. Онъ охотно клюнулъ новую приманку, и при дворѣ стали громко говорить объ ея шансахъ на наслѣдство Помпадуръ. Она была такъ увѣрена въ своемъ успѣхѣ, что позволяла себѣ самыя смѣлыя, неэсторожныя выходки. Помпадуръ поняла, что можетъ справиться со своей опасной соперницей, но необходимо принять рѣшительныя мѣры. Съ одной стороны она заявила королю желаніе покинуть дворъ и стала играть роль набожной женщины, а съ другой ея друзья ловко повели ея защиту передъ королемъ. Такъ ея ставленникъ, аббатъ Берни, только что назначенный по ея милости министромъ иностранныхъ дѣлъ, написалъ прямо королю, что появленіе при дворѣ новой фаворитки можетъ нарушить переговоры о союзѣ съ Австріей, которые велись черезъ маркизу Помпадуръ, и что онъ самъ отказывается отъ дипломатической работы съ другой женщиной, съ которой онъ не будетъ соединенъ дружбой и благодарностью. Король отвѣтилъ на этотъ смѣлый шагъ очень любезно и въ письмѣ къ Берни, которое послѣдній подалъ Помпадуръ не распечатаннымъ, онъ пересчиталъ всѣ достоинства старой фаворитки, не скрывая ея недостатковъ, и заявилъ, что согласенъ пожертвовать своей новой привязанностью, которая могла быть опасной для его славы и успѣха государственныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ почтъ, Жаннель, также преданный Помпадуръ, представилъ Людовику, будто бы перехваченное на почтѣ, но скорѣе подложное письмо, въ которомъ одинъ почтенный членъ провинціальнаго парламента писалъ своему другу: «Конечно, король, какъ всѣ мы, можетъ имѣть пріятельницу и подругу жизни, но было бы желательно, чтобы онъ сохранилъ теперешнюю фаворитку, потому что она добрая, никому не дѣлаетъ зла и уже нажилась; новая, о которой говорятъ, очень гордится своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, потребуетъ милліона въ годъ для себя, а титулы и государственные посты для своихъ родственниковъ, что можетъ возбудить опасенія въ министрахъ». Несмотря на всю грубую форму этой хитрости, король поддался обману и удалилъ отъ двора маркизу Куалленъ, тѣмъ болѣе охотно, что она уже успѣла ему надоѣсть чрезмѣрными требованіями, а Помпадуръ и его камердинеръ Лебель сумѣли подсунуть ему новую забаву въ «Оленьемъ паркѣ».

Такимъ образомъ, еще разъ побѣдилъ котильонъ II, и Помпадуръ съ торжествующей улыбкой сказала г-жѣ Оссэ: «у гордой маркизы сорвалóсь; она испугала короля своими надменными манерами и постоянными требованіями денегъ, а онъ, не задумавшись, подпишетъ выдачу милліона изъ государственныхъ суммъ,

но не дастъ ста луидоровъ изъ своей шкатулки». Не сумѣвъ удержаться на достигнутой ею позорной высотѣ, маркиза Куалленъ снова вернулась къ отцу и продолжала играть видную роль въ парижскомъ высшемъ обществѣ, царицей котораго она долго слыла не только при Людовикѣ XV, но и при Людовикѣ XVI. Ея интригамъ не было конца, и въ особенности она славилась своими отношеніями къ знаменитому Лозену. Во время революціи она скрывалась въ Вандеѣ и Бретани, переодѣвшись служанкой, и никакія лишенія не могли омрачить ея веселости. Такъ разсказываютъ, что однажды, увидавъ ужасную грязную кровать, которую ей приготовили къ деревенской харчевнѣ, она сказала: «Это не походитъ на постель Людовика XV». Она дожила почти до ста лѣтъ и при Реставраціи царила въ парижскихъ салонахъ, поддерживала до смерти дружбу съ Шатобріаномъ, одѣвалась, несмотря на свою старость, то въ розовомъ, то въ голубомъ и вполнѣ искупала эти смѣшныя слабости замѣчательнымъ остроуміемъ. Шатобріанъ въ своихъ мемуарахъ передаетъ безконечныя ея остроты; между прочимъ на вопросъ извѣстной г-жи Крюднеръ, кто ея внутренній духовникъ,— она отвѣчала: «У меня нѣтъ никакого внутренняго духовника, а мой духовникъ сидитъ внутри своей церкви». Въ другой разъ, прочитавъ о смерти нѣсколькихъ коронованныхъ особъ, она воскликнула: «Что это эпидемія на животныхъ съ коронами!». Наконецъ за нѣсколько дней до своей смерти на замѣчаніе одного изъ ея друзей, что можно никогда не умереть, если не дашь смерти случая застать себя врасплохъ, она отвѣчала: «вы правы, но я боюсь увлечься чѣмъ нибудь и проглядѣть приближеніе смерти».

Однимъ изъ орудій, которымъ Помпадуръ одержала побѣду надъ своей опасной соперницей, былъ Оленій паркъ, съ устраиваемыми тамъ для короля «мелкими забавами». Это позорное учрежденіе, которымъ завѣдывала сама Помпадуръ, начало свое существованіе въ 1753 году и процвѣтало до эпохи графини Дю-Барри. Переставъ быть любовницей Людовика, Помпадуръ старалась всѣми силами сохранить свое вліяніе на него и разыгрываемую ею политическую роль. Она нашла, что лучшимъ для этого средствомъ не допускать случайныхъ временныхъ соперницъ забрать въ свои руки силу и для отвлеченія отъ нихъ короля устроить настоящій сераль, гдѣ онъ могъ предаваться подъ ея надзоромъ всевозможному разврату съ неизвѣстными, неопасными ей существами. Въ этой постыдной поставкѣ живого товара энергично содѣйствовалъ ей камердинеръ короля, Лебель, и такимъ образомъ на версальскомъ звѣздномъ небѣ королевскаго разврата возникъ рядомъ съ крупной планетой и мелкими звѣздами млечный путь, въ которомъ мерцали невѣдомыя звѣздочки, жертвы циничной, растлѣнной натуры Людовика XV. Этотъ пресловутый Оленій паркъ всего болѣе покрылъ позоромъ его имя и сдѣлалъ ненавистной его личность при жизни,

а также преимущественно служилъ послѣ его смерти матеріаломъ для историковъ, заклеймившихъ безчестьемъ его память. Конечно, во всѣхъ разсказахъ о покупкѣ и насильственномъ захватѣ повсюду невинныхъ молодыхъ дѣвушекъ, а часто дѣтей для забавы ненавистнаго минотавра, а равно о происходившихъ въ Оленьемъ паркѣ чудовищныхъ и трагическихъ сценахъ, много преувеличеннаго и легендарнаго; но трудно ихъ провѣрить достовѣрными свѣдѣніями, такъ какъ послѣднихъ очень мало, и вообще данныя объ Оленьемъ паркѣ настолько неопредѣленны, смутны и противорѣчивы, что даже нельзя указать достовѣрно, гдѣ находился этотъ королевскій сераль.

Согласно легендамъ, которыя охотно повторялись трезвыми историками, всякій, рисуя въ своемъ воображеніи Оленій паркъ, склоненъ придать ему форму восточнаго сераля, въ видѣ громаднаго сада съ таинственными боскетами, благоуханными цвѣтниками, волшебными павильонами и прелестными юными человѣческими газелями, за которыми охотился безжалостный державный охотникъ. Но въ сущности Оленьимъ паркомъ назывался особый кварталъ въ Версалѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то существовалъ при Людовикѣ XIII паркъ съ различными звѣрями. Этотъ кварталъ сталъ отстраиваться только при Людовикѣ XV, но все-таки онъ былъ самымъ отдаленнымъ и мало населеннымъ. Дома въ немъ отдѣлялись другъ отъ друга большими садами, и въ нихъ охотно заводили богатые знатные парижане свои модные въ то время petites maisons, т. е. вертепы разврата. Среди этихъ аристократическихъ притоновъ гнѣздился и сераль короля, получившій свое названіе отъ квартала, гдѣ онъ находился. Но, несмотря на всѣ ученыя изслѣдованіи и розыски въ продолженіе болѣе ста лѣтъ, не доказано, заключался ли этотъ сераль въ одномъ или нѣсколькихъ домахъ, и гдѣ именно онъ или они находились. По словамъ Флери, было три дома въ различныхъ частяхъ квартала Оленьяго парка, которые могли предъявить права на честь или позоръ существованія въ нихъ королевскаго сераля. Одинъ въ улицѣ Сенъ-Медерикъ былъ несомнѣнно купленъ королемъ черезъ судебнаго пристава Валле, который прямо это заявилъ нотаріусу, но домъ былъ до того малъ, что не могъ заключать въ себѣ многочисленныхъ жительницъ, а развѣ только служилъ помѣщеніемъ для одной изъ королевскихъ гурій. Впрочемъ Адріенъ-Ле-Руа полагаетъ, что сераль Людовика не былъ обширнымъ, а въ немъ часто перемѣнялся персоналъ. Другой домъ въ улицѣ Анжу сохранялъ до тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія надпись «Домъ Оленьяго парка», и по архивнымъ справкамъ извѣстно, что въ немъ при Людовикѣ XV жилъ одинъ изъ придворныхъ лакеевъ, Лабети, помощникъ Лебеля, а потому многіе историки признаютъ, что именно въ этомъ домѣ помѣщался королевскій сераль. Къ

тому же разсказываютъ, что когда въ 1815 году прусскій король посѣтилъ Версаль и просилъ показать ему знаменитый Оленій паркъ, то одинъ изъ старыхъ служителей версальскаго дворца прямо провелъ его въ этотъ домъ. Наконецъ г-жа Оссэ указываетъ на домъ въ улицѣ Сенъ-Клу, въ которомъ родила одна изъ пансіонерокъ Оленьяго парка.

Но гдѣ бы ни находился Оленій паркъ, и состоялъ ли онъ изъ одного или нѣсколькихъ домовъ, а также помѣщался ли тамъ многочисленный сераль, или постоянно перемѣнялся его малочисленный персоналъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что Помпадуръ и Лебель устраивали для Людовика XV внѣ версальскаго дворца и внутри его садокъ для невѣдомыхъ часто невинныхъ жертвъ королевскаго сладострастія. Что касается до помѣщенія сераля во дворцѣ, то одинаково историки долго спорили о томъ, гдѣ онъ находился, и только Нольякъ въ вышедшемъ недавно подробномъ описаніи версальскаго дворца при Людовикѣ XV окончательно разрѣшилъ этотъ вопросъ. Еще герцогъ Люинь говорилъ въ своихъ мемуарахъ: «У короля есть маленькій сераль въ его аппартаментахъ»; а Нольякъ опредѣлилъ, что эти аппартаменты находились во флигелѣ версальскаго дворца, извѣстномъ подъ названіемъ «Крыло часовни». Тамъ жилъ Лебель и была его знаменитая комната, прозванная «ловушкой, потому что въ ней ловили птичекъ». Дѣйствительно, Лебель не только покупалъ молодыхъ дѣвушекъ и двѣнадцатилѣтнихъ, и даже десятилѣтнихъ дѣтей, но заманивалъ обманомъ и просто захватывалъ силой жертвъ королевскаго разврата на улицахъ Парижа и Версаля. Въ «ловушкѣ» Людовикъ ихъ осматривалъ и тѣхъ, которыя ему нравились, распредѣлялъ во внутренній сераль въ версальскомъ дворцѣ или во внѣшній—въ Оленьемъ паркѣ.

Здѣсь и тамъ король посѣщалъ своихъ гурій тайно, и наблюдавшая за ними надзирательница, г-жа Бертранъ, бывшая экономка Лебеля, не выдавала имъ королевской тайны. Людовикъ былъ извѣстенъ имъ подъ названіемъ польскаго графа, родственника королевы, жившаго во дворцѣ, и этимъ объясняли, что онъ часто появлялся въ лентѣ, которую ему было лѣнь снять. Даже Лебель скрывалъ свое имя и должность, а выдавалъ себя за Доменника Дюрана, родственника г-жи Бертранъ. Впрочемъ г-жа Оссэ разсказываетъ, что одна изъ пансіонерокъ Оленьяго парка оказалась хитрѣе другихъ. Она пошарила въ карманахъ короля, отгадала, кто онъ, и узнавъ, что онъ намѣренъ ее бросить ради другой красотки, упала передъ нимъ на колѣни со словами: «Вы король этой страны, и мнѣ все равно, но вы король моего сердца! Не бросайте меня, милый государь, я едва не сошла съ ума, когда Дамьенъ покушался на вашу жизнь». Испуганная надзирательница, присутствовавшая при этой драматической сценѣ, воскликнула: «Вы и теперь сумасшедшая». Людовикъ поцѣловалъ молодую дѣвушку, чтобы ее успо-

коить. Но, спустя нѣсколько дней, ее удалили изъ Оленьяго парка и помѣстили, какъ сумасшедшую, въ частную лѣчебницу, гдѣ она вскорѣ умерла, дорого искупивъ свою прозорливость.

Мишлэ приводитъ другую столь же драматическую и отвратительную по своимъ циничнымъ подробностямъ сцену: «Однажды зимою, ночью привезли въ версальскій дворецъ,—разсказываетъ онъ,— несчастную дѣвочку, которую недостаточно научили къ предназначенной ей роли, и она едва не умерла отъ страха. Королю тогда было 47 лѣтъ; лицо его поражало своимъ свинцовымъ цвѣтомъ отъ излишествъ пищи и питья. Не только отъ его рта несло распутствомъ, но онъ выражался языкомъ самаго грубаго разврата. Глаза его были мутные, поблекшіе, мрачные, а холодный безжалостный взглядъ невольно пугалъ всякаго. Увидавъ страшнаго человѣка, походившаго на дикое, разъяренное животное, ребенокъ испугался и инстинктивно понялъ, что его отдали въ жертву этому чудовищу, а король безъ малѣйшей ласки, безъ малѣйшаго нѣжнаго слова бросился, какъ охотникъ, на свою человѣческую добычу, и версальскій дворецъ огласился дѣтскими воплями».

И все это снисходительный къ Людовику XV графъ Флери называетъ мелкими грѣшками (peccadilles). Сколько было такихъ мелкихъ грѣшковъ въ Оленьемъ паркѣ, опредѣлить невозможно, но они принимаютъ еще болѣе отвратительный характеръ отъ той лицемѣрной набожности, которую Людовикъ примѣшивалъ къ своему разврату. Такъ онъ училъ юныхъ гурій молитвамъ и катехизису, а также заставлялъ ихъ молиться, перебирая четки среди сценъ самаго буйнаго разгула или утонченнаго сладострастія. Относительно нравовъ этого «человѣческаго звѣринца», какъ называли современники Оленій паркъ, можно найти свѣдѣнія хотя далеко не подробныя въ мемуарахъ того времени. Пансіонерки Оленьяго парка имѣли, повидимому, каждая особое помѣщеніе и по три прислуги, а за всѣмъ хозяйствомъ наблюдала надзирательница. Онѣ не поддерживали между собой никакихъ сношеній и никого не могли принимать у себя; но у нихъ была закрытая ложа въ театрѣ, которую онѣ посѣщали по очереди. Для ихъ расходовъ отпускалось по двѣ тысячи ливровъ «на штуку». Основываясь на этой цифрѣ, Флери увѣряетъ, что содержаніе Оленьяго парка стоило лишь нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, а не сотни милліоновъ, какъ полагали нѣкоторые современники и позднѣйшіе историки, доходившіе до утвержденія, что Оленій паркъ стоилъ Франціи не менѣе милліарда. Главнымъ аргументомъ Флери для доказательства, какъ невѣроятна столь громадная цифра, служитъ фактъ, что сама Помпадуръ за все время своего девятнадцатилѣтняго царства получила 33 милліона. Но если принять въ соображеніе, что деньги расходовались не только на содержаніе сераля и на прихоти гурій, а на приданое многихъ изъ нихъ при ихъ выдачѣ замужъ, на пенсіи дѣтямъ, ко-

торыхъ онѣ имѣли отъ Людовика, на покупку ихъ родителей, на плату безчисленнымъ сообщникамъ Лебеля, то нельзя не признать болѣе вѣроятнымъ общій расходъ въ сотни милліоновъ, чѣмъ въ сотни тысячъ, какъ полагаетъ Флери. Не надо забывать при этомъ, что все дѣлалось въ Оленьемъ паркѣ на широкую ногу, и г-жа Оссэ, описывая роды одной изъ невѣдомыхъ пансіонерокъ этого позорнаго учрежденія, говоритъ, что сама Помпадуръ составила подробный церемоніалъ для всего. Г-жа Оссэ должна была не отходить отъ больной, которую перевезли въ отдѣльный домъ, и находиться при ней до ея возвращенія въ Оленій паркъ. Одному изъ придворныхъ чиновниковъ, по имени Гимару, было поручено озаботиться устройствомъ крестинъ и покупкой конфетъ. Помпадуръ довела свою любезность до того, что послала своей невѣдомой соперницѣ дорогой подарокъ, именно султанчикъ съ бриллiантами. По этому случаю, если вѣрить г-жѣ Оссэ, могущественная временщица имѣла любопытный разговоръ со своей наперсницей.

— Какъ вы находите мою роль?—спросила она.

— Вы поступаете, какъ умная женщина и добрый другъ,—отвѣчала г-жа Оссэ.

— Я хочу только сохранить «его» сердце,—произнесла Помпадуръ,—а эти необразованныя дѣвченки не отнимутъ у меня его сердца.

Расчетъ Помпадуръ былъ совершенно вѣренъ, и только одна изъ пансіонерокъ Оленьяго парка оказалась опасной для нея соперницей. Какъ уже сказано, нельзя опредѣлить ихъ точнаго числа, и Флери упоминаетъ лишь о двѣнадцати изъ нихъ. При этомъ онъ отзывается самымъ краткимъ образомъ объ одиннадцати, даже не всегда приводя ихъ имена и фамиліи, а только подробно распространяется объ одной, благодаря тому, что она напугала Помпадуръ своимъ громаднымъ вліяніемъ на короля и едва не замѣнила ея. Пансіонерки Оленьяго парка принадлежали къ мелкой буржуазіи и къ низшему классу: такъ среди нихъ были Доротея, дочь страсбургскаго водовоза, дочь парикмахерши Фукэ, получившая на приданое 10.000 золотыхъ, натурщица изъ мастерской Бушэ, купленная за десять тысячъ ливровъ у матери; дѣвица Генно, занимавшаяся живописью, написавшая портретъ короля и родившая ему сына; молодая и очень красивая гризетка, по фамиліи Роберъ, отличавшаяся прекраснымъ воспитаніемъ; миніатюрная красотка Сентъ-Андрэ, проданная старой теткой; молодая дѣвушка, по фамиліи Давидъ, вышедшая впослѣдствіи замужъ за откупщика; хорошенькая Марія Марни, выданная королемъ замужъ за женевскаго банкира Джіамбани, который, говорятъ, былъ очень счастливъ и никогда не раскаивался въ своемъ выборѣ; семнадцатилѣтняя Мими, дочь танцовщика Арморн; наконецъ дѣвица Селенъ, которая, вѣроятно, была тѣмъ неизвѣстнымъ лакомымъ кусочкомъ,

который Лебель подыскалъ для Оленьяго парка, чтобы отвратить вниманіе короля отъ забравшей его въ свои руки маркизы Куалленъ.

Болѣе опасной соперницей для Помпадуръ, чѣмъ эта гордая аристократка, оказалась одна изъ пансіонерокъ Оленьяго парка, Луиза Оморфи, болѣе извѣстная подъ прозвищемъ Морфизы. Отецъ ея былъ бѣдный ирландскій эмигрантъ, мать продавщица старыхъ вещей, а четыре сестры вели развратную жизнь. Ей было четырнадцать лѣтъ, и она жила при сестрахъ въ качествѣ замарашки, мыла посуду и чистила сапоги ихъ поклонникамъ. О томъ, какъ она попала въ королевскія фаворитки, существуетъ много различныхъ разсказовъ. Одни увѣряютъ, что Ришелье, увидавъ ее, задумалъ сдѣлать изъ нея соперницу Помпадуръ, заказалъ Буше написать ея портретъ и показалъ его королю, который воскликнулъ: «не можетъ быть, чтобы природа создала такого прекраснаго ребенка! Это, конечно, идеализированный портретъ!» Въ виду желанія короля увидѣть оргиналъ, старшая сестра привезла хорошенькую дѣвочку въ Версальскій дворецъ, и король нашелъ, что она еще лучше портрета. Другіе разсказываютъ, что Лебель случайно увидѣлъ маленькую Луизонъ у ея сестръ и такъ восхитился ея красотой, что тотчасъ приказалъ ее вымыть и прилично одѣть, а затѣмъ повезъ ее въ Версаль. Тамъ въ «ловушкѣ» король увидѣлъ ее и прельстился очаровательнымъ ребенкомъ. Онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни и сталъ покрывать ее поцѣлуями, а дѣвочка смотрѣла на него съ удивленіемъ и весело смѣялась. «Надъ чѣмъ ты смѣешься?»—спросилъ король и получилъ въ отвѣтъ: — «Надъ вашимъ сходствомъ съ серебряной монетой». Въ то время на большихъ серебряныхъ монетахъ былъ вычеканенъ портретъ короля. Людовику очень понравилась наивность дѣвочки, и онъ спросилъ: «Хочешь остаться въ Версалѣ?» Она отвѣчала: «Это зависитъ отъ моей сестры».

Не только сестра новой фаворитки, но и ея отецъ согласились на выпавшее имъ счастье, или лучше позоръ. Онъ охотно получилъ присланные ему двѣсти золотыхъ и сказалъ съ философскимъ спокойствіемъ: «Увы, не суждено ни одной изъ моихъ дочерей быть добродѣтельной!». Сначала Морфизу помѣстили въ дворцовомъ сералѣ, а потомъ перевели въ Оленій паркъ. Она занимала отдѣльный домикъ, и при ней находились гувернантка, горничная и два лакея. Она прожила тутъ около года и снова вернулась во дворецъ, гдѣ король устроилъ ей новый апартаментъ, надъ квартирой Лебеля. Онъ все болѣе и болѣе влюблялся въ ребенка, умѣвшаго своей граціозной болтовней и нѣжными ласками совершенно вкружить голову старому сатиру. Когда же она родила отъ короля дочь, то онъ до того привязался къ ней, что при дворѣ стали громко говорить о провозглашеніи ея офиціальной фавориткой и объ опалѣ Помпадуръ. Дѣло приняло столь серіозный

оборотъ, что даже королева полюбопытствовала взглянуть на эту юную соперницу, а маркиза Помпадуръ была уже увѣрена въ своей погибели. Но ея враги слишкомъ поспѣшили въ своихъ интригахъ и стали подбивать умнаго, но неосторожнаго ребенка, на слишкомъ смѣлыя выходки. По совѣту жены маршала д'Эстрэ, Морфиза сказала однажды королю: «Ну, въ какихъ отношеніяхъ ты со старой кокеткой?». Людовикъ сначала удивился, а потомъ понялъ, что дѣвочка не могла сама придумать такой дерзости, и заставилъ ее сознаться, кто ее научилъ такъ поступить. Узнавъ, что это было дѣломъ графини д' Эстрэ, онъ очень разсердился и отдалъ обѣихъ на съѣденіе торжествующей Помпадуръ.

Графиня д'Эстрэ была сослана въ помѣстье мужа, а Морфизу выдали замужъ за молодого офицера, Бофранше-Д'Айя, который получилъ пятьдесятъ тысячъ ливровъ за свое согласіе. Король приказалъ выдать невѣстѣ двѣсти тысячъ ливровъ и великолѣпное приданое, а самъ утѣшался съ ея сестрой Бригитой, несмотря на ея некрасивое, испещренное рябинами лицо. «Ужъ такой вкусъ у нашего монарха»,—замѣчаетъ Аржансонъ въ своихъ мемуарахъ: «онъ очень любитъ переходить отъ сестры къ сестрѣ». Но эта связь продолжалась недолго, и Бригитѣ, поступившей въ число пансіонерокъ Оленьяго парка, пришлось уступить свое мѣсто другимъ, столь же временнымъ мелкимъ фавориткамъ. Къ числу ихъ, вѣроятно, принадлежала невѣдомая красотка, которую король выдалъ замужъ за полковника Монмеласа съ богатымъ приданымъ.

Что касается до Морфизы, то она недолго прожила со своимъ мужемъ, который былъ убитъ на войнѣ, а потомъ вышла замужъ еще два раза и, повидимому, такъ долго сохранила свою красоту, что третій ея мужъ Дюмонъ, членъ конвента, плѣнился ею, когда ей было уже шестьдесятъ лѣтъ, хотя вскорѣ послѣ того и развелся съ нею. Она умерла въ 1815 году на семьдесятъ восьмомъ году жизни, переживъ своихъ обоихъ дѣтей. Ея дочь отъ Людовика XV воспитывалась въ монастырѣ подъ именемъ дѣвицы де-Сентъ-Антуанъ-де-Сентъ-Андрэ и, выданная замужъ за маркиза Ла-Туръ-дю-Пэнъ, была представлена ко двору, во времена графини Дю-Барри. Увидавъ ее, Людовикъ XV прослезился, такъ онъ былъ тронутъ ея сходствомъ съ нимъ. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовала въ могилу его дочь. Сынъ Морфизы, Бофранше, принимается многими историками вполнѣ несправедливо за сына Людовика, тогда какъ онъ въ дѣйствительности былъ сыномъ перваго мужа Морфизы. Во время революціи онъ выказалъ самыя радикальныя стремленія и, дослужившись до генерала, командовалъ отрядомъ войска, присутствовавшаго при казни Людовика XVI. Всѣ легенды о томъ, что этотъ псевдо-дядя несчастнаго короля приказалъ бить въ барабаны въ ту минуту, какъ Людовикъ хотѣлъ произнесть рѣчь къ народу, ничѣмъ не подтвер-

ждены, хотя Ламартинъ въ своей «Исторіи жирондистовъ» и воспользовался ими, чтобы придать большій драматизмъ своему разсказу о казни Людовика XVI. Впрочемъ, самъ Бофранше этимъ хвастался, чтобы придать себѣ значеніе. Какъ уже сказано, онъ умеръ раньше матери, именно въ 1812 году, членомъ законодательнаго корпуса и инспекторомъ конскихъ заводовъ.

Хотя маркизѣ Помпадуръ долго удавалось отдѣлываться отъ своихъ соперницъ, благодаря ловкимъ интригамъ и Оленьему парку, а также неумѣнію и неопытности этихъ соперницъ, но въ послѣдніе годы ея царствованія нашлись двѣ молодыя дѣвушки буржуазнаго происхожденія, которыя такъ опутали Людовика своими сѣтями, что Помпадуръ не могла ихъ побороть и должна была довольствоваться тѣмъ, что ни ту, ни другую король не провозгласилъ офиціальной фавориткой и не подвергъ ея опалѣ. Это были Анна де-Романъ и дѣвица Тирселенъ. Первая изъ нихъ была дочерью гренобльскаго адвоката, буржуазнаго происхожденія, и только сдѣлавшись фавориткой короля, она поддѣлала свое метрическое свидѣтельство и стала выдавать себя за аристократку де-Романъ. Она, говорятъ, была очень красива, но отличалась большимъ ростомъ и крупными чертами. «У этой замѣчательной женщины,—говоритъ Софи Арну въ своихъ воспоминаніяхъ,—все было доведено природой до преувеличенія. Конечно, все въ ней было соразмѣрно и красиво, но колоссально, такъ что не только она была выше всѣхъ женщинъ, но даже король, очень видный мужчина, казался рядомъ съ ней полукоролемъ или просто мальчишкой». Самъ Людовикъ всегда называлъ ее и на словахъ и въ письмахъ «ma grande». Хотя ей было двадцать три года, но она отличалась большой наивностью, что плѣняло короля. Не желая подвергнуться позорному пребыванію въ Оленьемъ паркѣ, она потребовала для себя отдѣльнаго помѣщенія и выбрала большой красивый домъ съ садомъ въ Пасси. Тамъ ее посѣщалъ король, а когда желалъ видѣть ее въ Версалѣ, то посылалъ за нею придворный экипажъ въ шесть лошадей. Весь дворъ говорилъ объ этой новой звѣздѣ на Версальскомъ горизонтѣ, и не только Помпадуръ, но и первый министръ Шуазель начали опасаться ея вліянія. Въ особенности она стала опасной послѣ того, какъ родила сына отъ Людовика, который открыто его признавалъ и пожаловалъ матери титулъ баронессы Мельи-Куланжъ, по имени подареннаго ей помѣстья. Людовикъ не только нѣжно ухаживалъ за матерью и ребенкомъ, но самъ подписалъ актъ о крещеніи своего сына, котораго назвалъ сыномъ Людовика-Бурбона и Анны Кутье де-Романъ, баронессы Мельи-Куланжъ, чего онъ никогда не дѣлалъ относительно другихъ своихъ побочныхъ дѣтей. Оправившись отъ болѣзни, новая баронесса стала открыто гулять въ Тюльерійскомъ саду со своимъ ребенкомъ и громко называла его сыномъ короля, а быстро образовавшійся около нея кружокъ сторонниковъ раз-

носилъ повсюду вѣсть о скоромъ провозглашеніи ея офиціальной фавориткой. Всѣ усилія Помпадуръ, чтобы погубить эту соперницу, не увѣнчались успѣхомъ, хотя она подвергла ее цѣлому ряду преслѣдованій и даже насильственно хотѣла отнять у нея два письма короля, въ которыхъ онъ признавалъ ея ребенка своимъ сыномъ. Произведенный съ этой цѣлью обыскъ въ ея домѣ не привелъ къ желанному результату, такъ какъ она предварительно скрыла эти драгоцѣнные документы.

Но если Помпадуръ не могла порвать отношеній короля къ Аннѣ де-Романъ, то у послѣдней съ теченіемъ времени явилась соперница въ лицѣ дѣвицы Тирселенъ. Эта новая фаворитка была дочерью объѣздчика, называемаго одними историками Колетри, а другими Шапель, но присвоившаго себѣ фамилію Тирселена, потому что онъ былъ побочнымъ сыномъ де-Тирселена-Совеза. Существуетъ легенда, что король увидалъ ее десятилѣтней дѣвочкой, и она ему такъ понравилась, что Лебель купилъ ее у родителей и воспитывалъ до семнадцатилѣтняго возраста. Какъ бы то ни было, но достовѣрно, что она попала очень юной во внутренній сераль версальскаго дворца и не находилась въ числѣ пансіонерокъ Оленьяго парка. Король былъ безъ ума отъ ея дѣтскихъ шутокъ и граціозной болтовни. Она говорила королю: «ты большой уродъ», и выбрасывала въ окно подаренные ей брилліанты. 7 февраля 1764 года она родила сына, и Людовикъ еще болѣе привязался къ ней.

Это событіе совпало съ послѣдними днями котильона II или, по выраженію Карнэ, «граціозной, хрупкой, севрской статуэтки, которая поощряла искусство и видѣла у своихъ ногъ не только философскую Францію, но и монархическую Европу». Дѣйствительно, маленькая, тщедушная, анемическая маркиза Помпадуръ все болѣе и болѣе страдала легкими и сердцемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ея страшная жизнь, бывшая вѣчной борьбой убивала ее столько же, сколько болѣзни. Постоянныя поѣздки съ королемъ по увеселительнымъ замкамъ, изнурительные кутежи и безконечныя интриги для поддержанія своего достоинства при дворѣ противъ сильныхъ враговъ и вѣчно возобновлявшагося напора соперницъ сдѣлали изъ бывшей красавицы несчастный, ощипанный скелетъ, несмотря на то, что ей было только сорокъ два года. Единственнымъ утѣшеніемъ въ эту мрачную эпоху была для нея искренняя дружба графини Амблемонъ, урожденной Шомонъ-Китри. Эта хорошенькая, пикантная молодая женщина была въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ съ фавориткой, которая называла ее «моей кошечкой» и «тряпкой» (mon torchon), по обычаю того времени давать близкимъ лицамъ вульгарныя прозвища, доходившему до того, что король называлъ своихъ дочерей «coche, loque, graille, chiffe». Она очень нравилась Людовику, и однажды, садясь за ужинъ, онъ сунулъ ей въ руку записку, назначавшую свиданіе. Но она отдернула руку,

и записка упала на полъ, такъ что король былъ вынужденъ поднять ее. Видѣвшій эту сцену герцогъ Гонто сказалъ послѣ ужина графинѣ: «Вы истинный другъ». Но она просто отвѣчала: «Я исполнила свой долгъ». Узнавъ объ этомъ, Помпадуръ была очень тронута и сказала г-жѣ Оссэ: «Амблемонъ единственная, честная женщина при дворѣ. Она легкомысленная и даже взбалмошная, но по уму и по сердцу она выше всѣхъ лицемѣрныхъ пуританокъ». Въ знакъ благодарности она заставила короля подарить графинѣ Амблемонъ бриліантовую парсару въ 60.000 ливровъ и не забыла ея въ своемъ завѣщаніи.

Не менѣе придворныхъ интригъ должны были дѣйствовать на Помпадуръ и неудачи ея политической дѣятельности, которыя навлекали бѣдствія на Францію, побуждали народъ открыто проклинать ее и давали поводъ врагамъ подкапываться подъ ея могущество. Изъ одной ненависти къ Фридриху II и желая отомстить ему за данное ей прозвище «котильона II», она съ помощью министровъ, ея ставленниковъ, сначала кардинала Берни, а потомъ Шуазеля, заключила союзъ франко-австрійскій и вела Семилѣтнюю войну. Сначала она гордилась своимъ вліяніемъ на международныя дѣла; императрица Марія-Терезія хотя не писала ей собственноручнаго письма, какъ увѣряли нѣкоторые историки, но подарила ей письменный приборъ въ видѣ шкатулки, украшенный портретомъ императрицы и драгоцѣнными камнями на сумму семьдесятъ семь тысячъ ливровъ, а канцлеръ Кауницъ и австрійскій посолъ въ Парижѣ, Старнбергъ, находились съ нею въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, что доказываютъ ихъ письма, напечатанныя въ книгѣ Ваддингтона. Даже Фридрихъ ухаживалъ за Помпадуръ и предлагалъ ей, хотя безуспѣшно, перейти на его сторону, за что обѣщалъ полмилліона золотыхъ и болѣе. Все это, конечно, льстило фавориткѣ, но Франціи пришлось дорого поплатиться за предоставленіе своей судьбы и чести въ руки временщицы и ея ставленниковъ въ родѣ Берни, Шуазеля и герцога Субиза, позорное пораженіе котораго подъ Розбахомъ только загладилось побѣдами революціонныхъ армій. Результатомъ этой злополучной войны было не только униженіе французскаго оружія, но потеря милліона людей и разореніе страны колоссальными военными расходами, административнымъ хищеніемъ и уступкой Англіи по парижскому миру 1763 года колоній въ Индіи и Америкѣ. Неудивительно, что вся Франція и многочисленные враги гордой временщицы взвалили на нее вину всѣхъ бѣдствій страны, потерявшей разомъ пріобрѣтенныя при Людовикѣ XIV славу и могущество. Дѣло дошло до того, что самъ король впослѣдствіи говорилъ: «Если я не прогналъ Помпадуръ, то лишь потому, что она отъ этого тотчасъ умерла бы».

Впрочемъ Помпадуръ не долго пережила горькаго разочарованія въ своей надеждѣ «стереть въ порошекъ сѣвернаго Атиллу»,

какъ она называла Фридриха II. Весною 1764 года у нея сдѣлалось воспаленіе въ легкихъ, и послѣ нѣсколькихъ дней страданій, которыя она стоически вынесла, эта псевдо-королева умерла 15-го апрѣля, оставивъ послѣ себя только тридцать пять золотыхъ и болѣе полутора милліона долговъ. До послѣдней минуты жизни она занималась политическими дѣлами и придворными интригами, такъ что въ Парижѣ говорили: «фаворитка умерла, держа въ рукахъ бразды правленія». По тогдашнему этикету, никакой трупъ не могъ оставаться во дворцѣ, и тѣло маркизы Помпадуръ, покрытое только простыней, было вынесено двумя слугами въ первую ночь послѣ ея смерти. Затѣмъ, спустя нѣсколько дней, также ночью, состоялись ея похороны, и ея гробъ опустили въ купленный ею склепъ семьи Тремуль въ монастырѣ капуциновъ. По этому случаю принцесса Тальмонъ сострила: «Les grands os de la Tremoule durent être très étonnés de sentir près d'eux les arètes des Poisson» [1]).

Этотъ циничный каламбуръ вполнѣ выражаетъ общее презрительное равнодушіе, выказанное во всей Франціи и всѣми слоями общества къ смерти женщины, сосредоточивавшей на себѣ еще недавно столько злобы и ненависти. Не было и слѣда тѣхъ вспышекъ народнаго негодованія, которыми проводили въ могилу графиню Вентимиль и герцогиню Шатору. Только злыя эпиграммы въ родѣ каламбура принцессы Тальмонъ ходили по Парижу. Что же касается до двора, «то онъ дошелъ до такого растлѣнія, по словамъ Колле въ его дневникѣ, что даже громко выражалъ сожалѣніе о кончинѣ женщины, которая болѣе всѣхъ королевскихъ фаворитокъ сдѣлала вреда Франціи». Даже ядовитый Вольтеръ, упоминая о кончинѣ Помпадуръ въ своемъ письмѣ къ Д'Аламберу, только говоритъ: «Она умерла съ твердостью, достойной всякой похвалы». Какъ отнесся самъ Людовикъ XV къ потерѣ своего «почти двадцатилѣтняго вѣрнаго друга», какъ онъ самъ выражался, трудно опредѣлить съ полной достовѣрностью. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ публично выказалъ самое холодное равнодушіе и продолжалъ въ комнатахъ, гдѣ только что жила Пампадуръ, веселые ужины съ придворными красавицами. Но существуютъ разнородные, противоположные разсказы о внутреннихъ чувствахъ короля: такъ Гонкуры разсказываютъ со словъ современника, что во время похоронъ Помпадуръ король подошелъ къ окну, хладнокровно посмотрѣлъ на часы, сказалъ окружавшимъ его лицамъ, въ какое время прибудетъ гробъ въ Парижъ, и прибавилъ, указывая на лившій, какъ изъ ведра, дождь: «Не въ хорошую погоду собралась въ путешествіе маркиза». Напротивъ Шеверни въ своихъ мемуарахъ увѣряетъ, что король вышелъ вдвоемъ съ Шампло на

[1]) Великіе останки де-Тремуль, вѣроятно, удивились, почувствовавъ сосѣдство рыбьихъ костей.

балконъ и, несмотря на дурную погоду, молча простоялъ тамъ все время, пока печальная церемонія не скрылась изъ глазъ, а потомъ, вернувшись въ комнату, сказалъ со слезами: «Я не могъ иначе отдать ей послѣдняго долга». Какъ бы то ни было, даже Флери, относящійся очень снисходительно къ Людовику XV и старающійся доказать различными ссылками на современные документы, что король искренно оплакивалъ свою фаворитку, признаетъ, что, спустя нѣсколько дней, онъ совершенно ее забылъ. По этому поводу сохранилось характерное выраженіе несчастной королевы Маріи Лещинской: «Здѣсь уже не упоминаютъ о той, которой болѣе нѣтъ, точно она никогда не существовала. Вотъ каковъ свѣтъ, и стоитъ ли послѣ этого любить его?»

Вотъ при какихъ условіяхъ опустился занавѣсъ послѣ эпилога траги-комедіи котильона II. Нелишне еще прибавить, что не Людовикъ, какъ обыкновенно увѣряютъ, а Помпадуръ первая сказала: «послѣ насъ потопъ». Это предчувствіе потопа характеристично выражено въ письмѣ Вольтера къ г-жѣ Дю-Дефанъ за двѣнадцать дней до смерти величайшей изъ фавритокъ французскихъ королей: «Все, что я здѣсь вижу, бросаетъ сѣмена революціи, которая должна произойти неминуемо, но свидѣтелемъ которой я не буду, къ сожалѣнію. Свѣтъ такъ быстро повсюду распространяется, что при первомъ удобномъ случаѣ произойдетъ взрывъ. Тогда возникнетъ великолѣпная сумятица. Счастлива молодежь; она увидитъ много прекраснаго».

III.

Котильонъ III.

Эпоха третьяго котильона продолжалась десять лѣтъ, хотя Дю-Барри царила только въ послѣднюю его половину, а первая была занята двумя фаворитками, перешедшими изъ предыдущаго періода, и шестью новыми. Затѣмъ при Дю-Барри было еще восемь случайныхъ временныхъ красотокъ, плѣнившихъ своими чарами короля, несмотря на то, что могущественной временщицѣ удалось закрыть Олений паркъ.

Послѣ смерти Помпадуръ, обычныя королевскія забавы шли своимъ чередомъ, но Людовикъ часто посѣщалъ свою дочь Аделаиду, словно отыскивая утѣшеніе въ ея обществѣ. Такъ какъ по его приказанію была сломана мраморная лѣстница, отдѣлявшая аппартаменты принцессы отъ королевскихъ, комнаты Аделаиды были соединены съ покоями короля тайнымъ проходомъ, то злые языки стали говорить, что онъ находился въ преступной связи съ этой дочерью, и даже называли ихъ сыномъ Луи Нарбона, который былъ военнымъ министромъ при Людовикѣ XVI и адъютантомъ Наполеона.

Въ справедливость этой легенды вѣрили всѣ современники и ее повторяли многіе памфлеты того времени, откуда заимствовалъ ее и Мишле. Но Флёри и Нольякъ положительно отвергаютъ эту легенду, какъ ни на чемъ не основанную, и послѣдній прибавляетъ: «Довольно грѣшковъ омрачаетъ память Людовика, къ чему еще бездоказательно обвинять его въ гнусномъ преступленіи».

Одержавъ побѣду надъ многими соперницами, Помпадуръ, какъ уже сказано, не могла одолѣть двухъ: Анну де-Романъ и дѣвицу Тирселенъ, которыя имѣли большую заручку въ своихъ сыновьяхъ отъ Людовика. Обѣ онѣ сохранили вліяніе на него въ первое время междуцарствія, отдѣляющаго эпохи Помпадуръ и Дю-Барри. Однако де-Романъ попала въ руки аббата Люстерака и стала по его наущенію слишкомъ требовательной; она приняла на себя гордый тонъ герцогини Шатору, настаивала на узаконеніи сына, клянчила для себя почетнаго положенія главной султанши и кончила тѣмъ, что надоѣла королю. Съ своей стороны Шуазель, пользовавшійся еще большей силой послѣ Помпадуръ, чѣмъ при ней, энергично интриговалъ противъ новой кандидадки въ временщицы, и въ 1765 году она была подвергнута опалѣ, а ея сынъ отнятъ у нея и отданъ на воспитаніе іезуитамъ. Прогнанная фаворитка не унималась и долго преслѣдовала короля и его министровъ просьбами, чтобы отдѣлаться отъ которыхъ ей выдали въ разное время до 500.000 ливровъ, назначили большую пенсію и наконецъ въ 1772 году повѣнчали съ маркизомъ Каваньякомъ, при чемъ она получила богатое приданое. Даже смерть Людовика не уняла ловкой интриганки, и она представила новому королю своего сына съ письмами его отца. Мальчикъ былъ принятъ при дворѣ, какъ королевскій родственникъ, и его отдали въ семинарію, гдѣ онъ блестяще окончилъ курсъ. Молодой аббатъ Бурбонъ имѣлъ передъ собою блестящую будущность, и уже поговаривали о кардинальской шляпѣ для него, но онъ неожиданно умеръ въ Неаполѣ въ 1778 году отъ оспы, какъ его державный отецъ, на котораго онъ очень походилъ. Что касается его матери, то она до революціи вела веселую жизнь въ Парижѣ, потомъ переселилась въ Испанію и, вернувшись во Францію при имперіи, скончалась въ Версалѣ въ 1808 г., забытая всѣми.

Дѣвица Тирселенъ удержалась въ качествѣ мелкой фаворитки только еще годъ послѣ ея соперницы. Противъ нея также возсталъ Шуазель, котораго увѣрили, что ея отецъ по наущенію прусскаго короля всячески старается провести дочь въ официальныя преемницы Помпадуръ. Онъ сумѣлъ представить королю отца и дочь въ качествѣ опасныхъ заговорщиковъ, и Людовикъ въ апрѣлѣ 1766 года приказалъ заточить перваго въ Бастилію, а послѣднюю въ Соссейскій монастырь. Хотя потомъ ее нѣсколько разъ переводили изъ одной обители въ другую, но нѣкоторое время Тирселенъ вела веселую жизнь въ Парижѣ, получая значительную пенсію отъ

короля. Она умерла въ 1779 году, а ея сынъ, воспитанный въ семинаріи на счетъ Людовика XVI, вышелъ оттуда подъ названіемъ аббата Ле-Дюка и пользовался покровительствомъ своихъ державныхъ сестеръ, дочерей Людовика XV. Во время революціи этотъ родственникъ Бурбоновъ игралъ сомнительную роль, то входя въ сношенія съ Робеспьеромъ, то оказывая содѣйствіе эмигрантамъ и ссужая королевскую семью значительными суммами денегъ. Во время реставраціи всѣ эти ссуды были уплочены, и Людовикъ XVIII не только выдавалъ ему большую пенсію, но нѣсколько разъ уплачивалъ его долги. Гдѣ и когда онъ скончался, остается неизвѣстнымъ.

Прошло еще три года до воцаренія Дю-Барри, и среди мелкихъ забавъ Людовика можно указать на его отношенія къ г-жамъ Малье-Брезе и Пуплиньеръ, къ Элеонорѣ Бенаръ, графинѣ Серанъ и герцогинѣ Грамонъ, а также болѣе продолжительныя отношенія къ графинѣ Эспарбесъ. Обо всѣхъ этихъ мелкихъ фавориткахъ, кромѣ послѣдней, имѣется очень мало свѣдѣній. Напримѣръ, Флери только говоритъ о г-жѣ Малье-Брезе, что ея интрижка съ королемъ продолжалась очень короткое время, а относительно г-жи де-Ла-Пуплиньеръ онъ лишь ссылается на мемуары Шеверни, который увѣряетъ, что она напрасно пожертвовала своей честью старому королю, который даже не могъ этимъ воспользоваться. Объ Элеонорѣ Бенаръ извѣстно также очень мало, именно, что она была замужемъ за Сенъ-Жермэнъ и имѣла отъ Людовика дочь, впослѣдствіи графиню Монталиве, которою очень восхищался въ своей юности Наполеонъ, хотѣвшій даже на ней жениться. Нѣкоторые историки называютъ отношенія Людовика XV къ красивой блестящей Маріи Бюліо, по мужу графинѣ Серанъ, платоническими, и этого же мнѣнія держатся Гонкуры, но Шеверни настаиваетъ на томъ, что «даже король даромъ не жалуетъ красивой женщинѣ сто тысячъ золотыхъ и роскошный домъ въ Парижѣ». Герцогиня Грамонъ, урожденная Стенвиль-Шуазель, сестра могущественнаго министра, не отличалась красотой, но была очень умна, граціозна и пикантна. Людовикъ XV находилъ ее очень забавной, и еще при Помпадуръ всѣ при дворѣ прочили ее въ преемницы котильона II. Но поощряемая братомъ, она принялась за дѣло слишкомъ быстро и, не дожидаясь ухаживанья короля, стала открыто бросаться къ нему на шею. Это не понравилось Людовику, и онъ началъ ее избѣгать.

Неудача герцогини Грамонъ расчистила дорогу графинѣ Эспарбесъ, и она явилась единственной серіозной кандидаткой для желаемаго всѣми придворными дамами поста официальной фаворитки. Хотя она не представляла королю новинки, но своими физическими и умственными чарами сумѣла его обойти. Она была дочерью Тоннара-де-Жуи, служившаго по судебной части; какъ родственница мужа маркизы Помпадуръ, она была выдана замужъ за графа Эс-

парбеса и была такой же любимицей и кошечкой фаворитки, какъ графиня Амблемонъ. Но живая, ловкая кокетка, она не послѣдовала примѣру своей подруги, а при первомъ заигрываніи со стороны Людовика не отвѣчала ему отказомъ. Такимъ образомъ отношенія къ ней короля начались еще при Помпадуръ, но тогда они не имѣли серіознаго характера, и Людовикъ «взялъ ее со смѣхомъ и отпустилъ со смѣхомъ», по выраженію одного изъ современниковъ. Шамфоръ передаетъ одинъ очень характеристичный разговоръ между нею и Людовикомъ въ это время: «А что, говорятъ, ты была любовницей всѣхъ моихъ подданныхъ?»—спросилъ король.—«Да, ваше величество!»—отвѣчала графиня, которая дѣйствительно щедро дарила многихъ своей любовью.—«Ты имѣла связь съ герцогомъ Шуазелемъ!»—«Онъ такъ всемогущъ!»—«Съ герцогомъ Ришелье?»—«Онъ такъ уменъ».—«Съ Монвилемъ?»—«Онъ такъ красивъ!»—«Ну, хорошо, а герцогъ Омонъ чѣмъ отличается?»—«Онъ такъ преданъ вашему величеству».

Когда открылось наслѣдство Помпадуръ, то графиня Эспарбесъ предъявила свои права и такъ искусно разставила сѣти Людовику, что онъ поддался ея вліянію, и всѣ при дворѣ ожидали, со дня на день, что ее провозгласятъ офиціальной фавориткой. Но Шаузель не дремалъ и зная, что графиня принадлежала къ партіи его соперника герцога Субиза, прибѣгнулъ къ тому гнусному способу, которымъ онъ погубилъ графиню Шуазель-Романэ. На этотъ разъ онъ не самъ, а черезъ одну пріятельницу разузналъ отъ довѣрчивой Эспарбесъ всѣ циничныя, не лестныя для короля подробности объ одномъ вечерѣ, проведенномъ ею съ королемъ, и, записавъ этотъ разсказъ, представилъ его на бумагѣ Людовику. Узнавъ, что Эспарбесъ позволяетъ себѣ разсказывать всѣ тайны ихъ отношеній и уже впередъ хвастается, что назначенъ день для провозглашенія ея офиціальной фавориткой съ титуломъ герцогини, Людовикъ пришелъ въ ярость и сказалъ: «Я не виноватъ, что становлюсь старикомъ, но сдѣлалъ бы непозволительную глупость, если бы хоть разъ увидѣлъ еще гнусную женщину, болтливость которой подвергаетъ меня непріятностямъ».

Самъ Шуазель и его сторонники разсказываютъ иначе причину опалы графини Эспарбесъ, увѣряя, что могущественный министръ при встрѣчѣ съ нею на парадной лѣстницѣ въ Версальскомъ дворцѣ при многочисленныхъ свидѣтеляхъ обошелся съ нею самымъ оскорбительнымъ образомъ, взявъ ее за подбородокъ и назвавъ ma petite. Удивленная графиня будто бы стала, втупикъ, и не нашлась ничего отвѣтить на дерзость герцога. Конечно, тотчасъ довели до свѣдѣнія Людовика XV объ этой скандальной сценѣ и онъ нашелъ, что женщина, не умѣющая защитить себя отъ оскорбленія, не годится въ офиціальныя фаворитки. Какъ бы то ни было, отъ имени короля было объявлено графинѣ Эспарбесъ, чтобы она не-

медленно удалилась въ помѣстья своего свекра, гдѣ она и оставалась до паденія Шуазёля, уже въ эпоху третьяго котильона. Тогда она вернулась въ Парижъ и открыла блестящій салонъ, который благополучно существовалъ во время революціи, директоріи, имперіи и реставраціи. Она сама писала стихи, поддерживала дружескія отношенія съ выдающимися писателями и сохранила до самой смерти на восемьдесятъ первомъ году своей жизни «престижъ царицы изящнаго вкуса и свѣтскаго тона».

Апогеемъ нравственнаго униженія и растленія Людовика XV было воцареніе котильона III. Жанна Бекю, побочная дочь бѣдной торговки, вышедшей потомъ замужъ за мелкаго чиновника Рансона, продавала въ юности на улицахъ Парижа мелкую посуду въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ продаются теперь фіалки молодыми парижанками. Потомъ она находилась швейкой въ модномъ магазинѣ и компаньонкой у двухъ богатыхъ буржуазокъ, но, отличаясь необыкновенной красотой, страстью къ роскоши и прирожденной наклонностью къ разврату, она естественно окунулась въ водоворотъ сатурналій, объявшихъ всю Францію съ легкой руки короля. По единогласному свидѣтельству современниковъ, она поступила въ знаменитый вертепъ г-жи Гурдонъ, который посѣщался всѣми модными кутилами Парижа. Тамъ она познакомилась съ извѣстнымъ развратникомъ графомъ Жаномъ Дю-Барри, который, вдоволь насладившись ея прелестями, задумалъ проложить себѣ дорогу къ почестямъ съ помощью ея красоты. Онъ прозвалъ ее ангеломъ за ея прелестное лицо и подъ названіемъ дѣвицы Ангелъ (m-elle l'Ange) представилъ ее черезъ Лебеля Людовику XV. Старый, пресыщенный, скучающій монархъ пришелъ въ восторгъ отъ этого цвѣтка лупанара и не зналъ, какъ достаточно нахвалиться этой новой забавой. Онъ такъ надоѣлъ всѣмъ придворнымъ своими похвалами новой фаворитки, что одинъ изъ нихъ, герцогъ Айенъ, наконецъ цинично воскликнулъ: «видно, ваше величество, что вы не знакомы съ уличными куртизанками». Весь дворъ пришелъ въ ужасъ отъ этого выбора преемницы Помпадуръ, которую также упрекали въ низкомъ происхожденіи, но не имѣвшей ничего общаго съ «belle Bourbonese», какъ ее называли въ циничныхъ пѣсняхъ, сложенныхъ въ ея честь. Однако король не обращалъ ни на что вниманія и провозгласилъ ее офиціальной фавориткой. Для большаго приличія ее выдали замужъ за брата ея покровителя, графа Гильома дю-Барри, а мать устроила ей фальшивое метрическое свидѣтельство съ помощью аббата Гомара. Этотъ аббатъ, котораго нѣкоторые писатели считаютъ незаконнымъ отцомъ фаворитки, назвалъ ее въ подложномъ документѣ согласно фамиліи своего брата Маріей-Жанной Гомаръ-де-Вовернье, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что многіе современники и позднѣйшіе историки такъ называютъ графиню Дю-Барри. Поселивъ новую графиню въ Версальскомъ дворцѣ

въ тѣхъ аппартаментахъ, которые потомъ занимала Марія-Антуанетта, король настоялъ на ея представленіи ко двору, несмотря на оппозицію своихъ дочерей.

Такимъ образомъ начался третій котильонъ, и Дю-Барри перещеголяла даже Помпадуръ своимъ неограниченнымъ вліяніемъ на Людовика, доходившимъ до дерзкаго цинизма. Она обращалась съ королемъ, какъ съ мальчишкой, говорила ему «ты», называла его «La France» и позволяла себѣ всевозможныя нахальныя выходки. Такъ разсказываютъ, что однажды, одѣваясь передъ королемъ, пока онъ варилъ кофе въ каминѣ, она крикнула ему: «Ей, Франція, смотри, твой кофе убѣжалъ». Желая свергнуть всесильнаго Шуазеля, она не только прямо требовала его паденія, но даже дерзко сказала Людовику, разсказывая ему о томъ, что она уволила одного изъ своихъ лакеевъ: «Я сегодня прогнала своего Шуазеля, когда же ты прогонишь своего?» Наконецъ, покровительствуя врагамъ старинныхъ парламентовъ, она показала королю картину казни англійскаго короля Карла I и сказала: «Смотри, Франція, если ты будешь церемониться съ своими парламентами, то тебѣ также отрубятъ голову». Всѣ эти неприличныя выходки очень нравились неп ивыкшему къ нимъ королю и увѣнчивались успѣхомъ. Не только онъ ползалъ у ногъ нахальной фаворитки, но весь дворъ сталъ слѣдовать его примѣру, и малѣйшія желанія Дю-Барри немедленно исполнялись. Шуазель и парламенты были принесены въ жертву, такъ какъ послѣдніе сопротивлялись безумнымъ расходамъ фаворитки, власть была предоставлена самымъ неспособнымъ государственнымъ людямъ, какъ Мопу, герцогу Эгвильону и т. д., которые раболѣпно исполняли всѣ капризы Дю-Барри.

Въ отношеніи денегъ и роскоши она не знала границъ, и хотя точные изслѣдователи старины увѣряютъ, что она въ пять лѣтъ своего царствованія получила всего двѣнадцать съ половиной миліоновъ ливровъ, но если принять въ соображеніе всѣ расходы на ея безконечныя прихоти, украшенія ея Люсьенскаго замка и подачки многочисленнымъ родственникамъ, то нельзя не признать, что послѣдній котильонъ Людовика XV стоилъ Франціи гораздо дороже. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ она бѣшено швыряла народныя деньги, могутъ служить ея счета, приводимые Гонкурами: такъ, напримѣръ, за горчичницу она заплатила 5.184 ливра, за двѣ ложки для сахара 2.054, за молочникъ—2.677, за платье, шитое золотомъ, 12.000, за ночной чепчикъ—2.000 и т. д. Ея капризамъ также не было предѣловъ. Она позволяла себѣ все: показывала языкъ принцу Конде, заставляла папскаго нунція надѣвать ей туфли, играла въ жмурки съ канцлеромъ Мопу, когда онъ былъ въ офиціальной тогѣ, и съ этимъ же министромъ разыграла однажды самую непозволительную комедію. Она пригласила его обѣдать и просила

разрѣзать пирогъ, изъ котораго вылетѣла цѣлая стая осъ, облѣпившихъ парикъ министра, а когда любимый ея негръ Заморъ бросился на его выручку, то въ рукахъ услужливаго слуги остался парикъ старика. Всѣ эти забавы фарворитки возбуждали только смѣхъ короля, а, по словамъ одного изъ историковъ, уличная куртизанка подобными выходками «мстила развращенному обществу за всѣ перенесенныя ею въ юности униженія».

Хотя Дю-Барри не принимала такого прямого участія въ политическихъ дѣлахъ, какъ Помпадуръ, но въ ея комнатахъ часто собирался совѣтъ министровъ, и она назначала и смѣняла всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ, а также при ея участіи клерикалы утвердились при дворѣ, и производились самыя непозволительныя финансовыя спекуляціи, которымъ покровительствовалъ самъ король, какъ извѣстно, имѣвшій долю въ громадныхъ хлѣбныхъ закупкахъ, служившихъ причиною голодовокъ и народныхъ возстаній. Естественно, что народъ ненавидѣлъ новую временщицу и распѣвалъ о ней на улицахъ самые злобные и циничные куплеты, въ родѣ слѣдующихъ:

Éut on pensé qu'une clique
Se moquant de la critique
Sut d'une fille publique
Faire un nouveau potentat!
Eut on cru que, sans vergogne,
Louis à cette carogne,
Abandonnant la besogne,
Laisser perdre l'Etat.
Par elle on devient ministre!
C'est sur son ordre sinistre,
Que d'Aiguillon tient registre
Des élus et des proscrits!
Le public indigné crie;
Mais du rois l'âme avilie,
Sûre de son infâmie,
Est insensible au mépris.
Tous nos laquais l'avaient eu
Lorsque, trottant dans la rue,
Vingt sous offerts à sa vue
La determinaient d'abord.
Quoique Louis ait su faire,
La cour a ses voeux contraire
Moins lâche qu'a l'ordinaire,
Pour la fuir est bien d'accord [1]).

---

[1]) Нельзя было думать, чтобъ шайка людей безъ всякаго страха осужденія сдѣлала изъ уличной куртизанки новаго повелителя. Нельзя было думать, чтобы Людовикъ безъ зазрѣнія совѣсти предоставилъ такой сволочи управлять государствомъ, которое она губитъ. Ею создаются министры и по ея роковому приказу Егвильонъ жалуетъ милостями и отправляетъ въ ссылку. Народъ въ негодованіи вопитъ, но душа короля до того растлѣла, что, чувствуя свой позоръ, онъ, однако, остается равнодушнымъ къ общему презрѣнію. Всѣ лакеи пользовались ею, когда она шаталась по тротуарамъ и рада была за грошъ итти со всякимъ. Несмотря на всѣ усилія Людовика, дворъ, не столь презрѣнный, какъ всегда, бѣжитъ отъ нея.

Несмотря на полное подчиненіе Людовика всемогущей фавориткѣ, онъ все-таки забавлялся и на сторонѣ. Къ эпохѣ третьяго котильона относятся его интрижки съ актрисами Рокуръ, Люзи и матерью знаменитой Марсъ, съ женой музыканта Бешъ и съ г-жей Амерваль, побочной дочерью аббата Терре, недобросовѣстнаго контролера финансовъ, который самъ бросилъ ее въ объятія короля, несмотря на благодѣянія, оказанныя ему графинею Дю-Барри. Но обо всѣхъ этихъ случайныхъ и временныхъ фавориткахъ почти ничего неизвѣстно, а существуютъ свѣдѣнія только о двухъ мелкихъ забавахъ короля за это время. Хотя Дю-Барри въ началѣ своего господства закрыла Оленій паркъ, но подъ конецъ почувствовала необходимость для сохраненія своей власти послѣдовать примѣру Помпадуръ и не только смотрѣла сквозь пальцы на измѣны короля, но сама поставляла ему живой товаръ, неопасный для нея. Такъ разсказываютъ, что она поощряла его отношенія къ актрисѣ Рокуръ и содѣйствовала интригамъ графа Жанна Дю-Барри подсунуть королю жену его племянника, графа Адольфа Дю-Барри, урожденную Де-Турнонъ, которая своей красотой походила на герцогиню Шатору. Король не отказался отъ лакомаго куска, и уже графиня Дю-Барри громко говорила: «По крайней мѣрѣ, постъ официальной фаворитки не выйдетъ изъ семьи». Но расчеты ея, графа Дю-Барри и герцога Эгвильона, который ухитрялся быть заодно любовникомъ тетки и племянницы, — не удались. Людовикъ поддался чарамъ другой фаворитки.

Это была одна изъ величайшихъ красавицъ своего времени, по признанію всѣхъ знатоковъ женской красоты, именно дочь нидерландскаго барона Ниверкерке и жена амстердамскаго купца Патера. Она блистала своей величественной красотой въ Парижѣ, и за ней ухаживали всѣ свѣтскіе франты, начиная съ принцевъ королевской крови. Конечно, король не оставилъ безъ вниманія красавицы, но она вскорѣ уѣхала съ мужемъ изъ Франціи. Когда же она, спустя нѣсколько лѣтъ, снова вернулась въ Парижъ, уже разведенная съ мужемъ и подъ своей дѣвичьей фамиліей Ниверкерке, то не только возобновила свои отношенія къ королю, но задумала женить его на себѣ. Съ этой цѣлью она поселилась по приглашенію Людовика въ Медонскомъ замкѣ и стала брать уроки католическаго катехизиса и танцевъ, чтобы быть вполнѣ достойной своего новаго положенія. Она была такъ убѣждена въ успѣхѣ, что отказала въ рукѣ и сердцѣ безумно влюбившемуся въ нее принцу королевской крови, герцогу Ламбекъ. Но, несмотря на все ея искусство въ интригахъ и на помощь герцога Эгвильона, ея планы не удались. Спустя нѣсколько лѣтъ, она вышла замужъ за маркиза Шансене и введенная имъ въ высшее парижское общество блистала въ немъ до самой своей смерти въ 1804 году.

Соперничество красавицы Патеръ было одно время тѣмъ опас-

нѣе для Дю-Барри, что послѣдняя сама мечтала о морганатическомъ бракѣ съ королемъ и съ этой цѣлью поручила кардиналу Берни хлопотать о разводѣ ея съ мужемъ. Послѣ смерти королевы Маріи Лещинской въ 1768 году, Людовикъ XV былъ не прочь жениться и самъ писалъ Шуазелю, который ему наговаривалъ на Дю-Барри: «Она хорошенькая и мнѣ нравится, чего же больше? Или ужъ непремѣнно хотятъ, чтобы я взялъ фаворитку изъ аристократіи? Если эрцъ-герцогиня Марія-Елисавета (сестра Маріи-Антуанеты) дѣйствительно соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ, то я съ удовольствіемъ на ней женюсь, такъ какъ пора положить всему конецъ, а иначе прекрасный полъ будетъ всегда меня тревожить. Но во всякомъ случаѣ вы отъ меня не увидите новой Ментенонъ». Такимъ образомъ для успѣха честолюбивыхъ стремленій Дю-Барри, ей необходимо было одержать двойную побѣду: уговорить Людовика, во-первыхъ, не жениться на австрійской эрцъ-герцогинѣ и, во-вторыхъ, отказаться отъ своей рѣшимости не заводить второй Ментенонъ. Отдѣлаться отъ опасной соперницы, которую поддерживали дочери короля, канцлеръ и архіепископъ, ей удалось, и въ дневникѣ Гарди нарисована драматическая сцена, которой она была обязана своимъ успѣхомъ. Узнавъ, что все готово для вступленія короля во второй бракъ, она бросилась къ нему въ ноги и воскликнула: «Моя погибель рѣшена моими врагами, и васъ хотятъ женить для несчастья вашего и всей страны, такъ какъ эрцъ-герцогиня вполнѣ предана іезуитамъ и обѣщала имъ исполнить всѣ ихъ желанія». Такъ или иначе, но Людовикъ XV отказался отъ своего намѣренія жениться на австріячкѣ.

Но одно было устранить соперницу, а другое заставить его завести новую Ментенонъ, и въ этомъ Дю-Барри убѣдилась, когда вскорѣ послѣ того она вздумала смѣяться при королѣ надъ распространившимся слухомъ о желаніи дочери Людовика, Луизы, обвѣнчать его съ принцессой Ламбаль. Онъ очень сухо и рѣзко отвѣчалъ: «Я могъ бы сдѣлать что нибудь и похуже». Однако трудно сказать, чѣмъ кончилась бы происки Дю-Барри, если бы Людовикъ XV прожилъ долѣе, и его неожиданная смерть не разсѣяла всѣхъ надеждъ честолюбивой фаворитки.

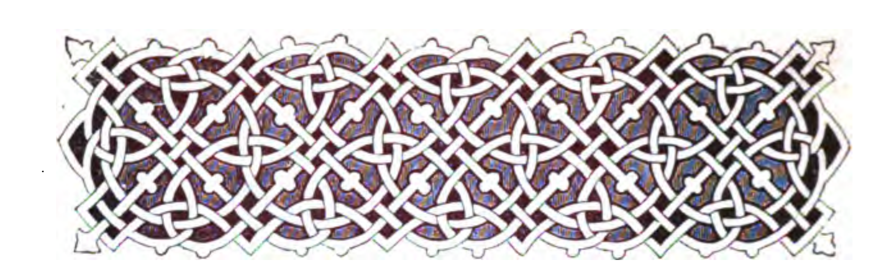
Кончина этого державнаго сатира была вполнѣ достойна его позорнаго существованія. Какъ неизвѣстна была достовѣрно первая фаворитка короля, такъ неизвѣстно, кто былъ послѣднимъ предметомъ его животной страсти. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ умеръ отъ оспы, но различно разсказываютъ, какъ онъ схватилъ ее. Существуетъ легенда, которую приводитъ Вольтеръ, что Людовикъ, отправляясь на охоту, встрѣтилъ похороны и, подойдя ко гробу, спросилъ, кого хоронятъ. Ему отвѣчали, что молодую дѣвушку, умершую отъ оспы. Въ эту минуту онъ будто бы и заразился. Гораздо вѣроятнѣе, что король заразился оспой отъ молодой дѣвушки, которую

ему доставила Дю-Барри. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняли причину его смерти почти всѣ современники и большинство историковъ. Но Гонкуры и графъ Флери не признаютъ этой фантастической, по ихъ мнѣнію, гипотезы, ссылаясь на то, что имя молодой дѣвушки никѣмъ не приводится, одни называютъ ее скотницей, другіе — дочерью булочника, третьи—дочерью мельника и т. д. По ихъ мнѣнію, Людовикъ XV могъ заразиться оспой на улицахъ Версаля или въ его окрестностяхъ, гдѣ она въ то время уносила немало жертвъ. Какъ бы то ни было, весь Парижъ и вся Франція вѣрили, что король заразился унесшимъ его въ могилу недугомъ отъ своей послѣдней неизвѣстной фаворитки.

За смертью Людовика XV, тѣло котораго изъ боязни заразы ночью перевезли въ Сенъ-Дени среди криковъ ненависти и скандальныхъ пѣсенъ, собравшихся на пути народныхъ массъ, тотчасъ послѣдовало изгнаніе графини Дю-Барри, которая, какъ извѣстно, покончила свою жизнь подъ гильотиной во время революціи. Изъ всѣхъ злобныхъ и циничныхъ остротъ, ходившихъ въ Парижѣ по случаю этихъ двухъ событій, — быть можетъ, всего замѣчательнѣе слова Софи Арну и патера церкви святой Женевьевы. Первая воскликнула: «Мы осиротѣли, потерявъ разомъ отца и мать», а послѣдній на замѣчаніе, что святая Женевьева не вняла молитвамъ французовъ о спасеніи короля, отвѣчалъ: «На что же вы жалуетесь, кажется, Богъ и святая Женевьева достаточно вняли вашимъ молитвамъ, такъ какъ они освободили васъ отъ стараго короля».

Спустя нѣсколько дней послѣ этого освобожденія Франціи отъ ненавистнаго и презираемаго всѣми короля, его преемникъ, Людовикъ XVI, съ удивленіемъ взглянулъ на явившагося къ нему придворнаго въ золотомъ кафтанѣ. «Кто вы такой?»—спросилъ онъ. «Ваше величество, я—Лаферте».— «Что вамъ нужно?»—«Я пришелъ за приказаніями, ваше величество».—«За какими приказаніями?» «Я... вѣдь завѣдую мелкими забавами вашего величества». — «У меня нѣтъ другихъ забавъ, какъ ходить пѣшкомъ по парку. Мнѣ васъ не надо!» Но такимъ гордымъ отказомъ отъ позорной доли наслѣдія, полученнаго отъ своего дѣда, Людовикъ XVI не могъ оградить себя отъ роковыхъ послѣдствій этого наслѣдія. По справедливому замѣчанію графа Флери, которое служитъ прекраснымъ заключеніемъ его книги: «Людовикъ XVI пожалъ то, что посѣялъ его дѣдъ, благодаря которому престижъ божественной монархіи во Франціи на вѣки исчезъ и уже никогда болѣе не воскресалъ».

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Четвертное право. Изслѣдованіе Н. А. Благовѣщенскаго. М. 1899.

АСТОЯЩЕЕ изслѣдованіе г. Благовѣщенскаго является завершеніемъ его предыдущихъ работъ по этому вопросу. Еще въ 1887 году онъ помѣстилъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» статью, гдѣ разбиралъ вопросъ о формахъ землевладѣнія однодворцевъ. Въ окончательномъ выводѣ онъ установилъ слѣдующія положенія: 1) четвертное землевладѣніе по своему происхожденію и исторіи своего развитія есть родовое владѣніе; 2) общины четвертныхъ владѣльцевъ суть родовыя общины, и размѣръ полосы, принадлежащей каждому изъ нихъ, опредѣляется близостью родства къ первозаимщику; 3) порядокъ наслѣдованія — главное основаніе родовой общины; 4) масса четвертныхъ владѣльцевъ перешла изъ родовой общины въ сосѣдскую; 5) разверстка земли въ четвертной общинѣ прототипъ современной общинно-душевой разверстки; 6) передѣлы земли существуютъ, но по другимъ причинамъ, чѣмъ въ общинахъ современныхъ; 7) родовой строй въ четвертныхъ общинахъ падаетъ подъ вліяніемъ кабатчиковъ-міроѣдовъ, которымъ открыто широкое поле дѣйствій закономъ 1866 года объ отчуждаемости однодворческихъ земель; 8) эта аномалія разрушаетъ родовую общину, не создавая сосѣдской, и 9) аномалія вызвана извнѣ.

Эти основныя положенія автора, за исключеніемъ второй части 2-го вывода, правда, съ нѣкоторыми измѣненіями, сохранены и въ настоящемъ трудѣ.

Но прежде, чѣмъ вдаваться въ разборъ изслѣдованія г. Благовѣщенскаго, надо опредѣлить объектъ работы автора и цѣль этой работы. Г. Благовѣщен-

скій пытается выяснить тотъ принципъ, если такъ можно выразиться, на основаніи котораго однодворцы владѣютъ землей, другими словами, право каждаго изъ нихъ на извѣстную полосу земли въ общей дачѣ. Извѣстно, что однодворцами называются потомки мелкихъ служилыхъ людей Московскаго государства, которые за свою службу испомѣщались московскимъ правительствомъ. Главною обязанностью ихъ была охрана южныхъ предѣловъ государства; поэтому естественно, что поселенія ихъ расположены по южной границѣ прежняго Московскаго государства (въ губерніяхъ: Тамбовской, Орловской, Курской, Воронежской и т. д.), и что по мѣрѣ отдаленія границы эти поселенія уходили все южнѣе. Размѣръ помѣстья, которое получалъ служилый человѣкъ, опредѣлялся идеальной единицей измѣренія, а именно такимъ пространствомъ земли, на которомъ можно было посѣять четверть ржи, при чемъ цифру пожалованія нужно умножить на 3, такъ какъ цифра эта назначалась для одного поля, а господствующей системой было трехполье. Такимъ образомъ, какой нибудь Евлевскій получалъ окладъ земли «100 четей (четвертей) въ полѣ, а въ дву потому жъ». При отсутствіи рабочихъ рукъ Евлевскій—первозаимщикъ не могъ распахать всей земли и обрабатывалъ только часть ея, но сохранялъ право на всю дачу. Дѣти его, если дѣло происходило послѣ того, какъ правительство вынуждено было признать право наслѣдованія помѣстья, получали землю, которой былъ испомѣщенъ отецъ. Они приступали къ дѣлежу ея; при этомъ дѣлили только расчищенную пашню; если этой земли не хватало, то расчищали еще извѣстный участокъ и дѣлили его. При дѣленіи смотрѣли, чтобы, кромѣ количественнаго уравненія, вся земля была уравнена и качественно. Отсюда объясненіе чрезполосицы въ однодворческихъ селеніяхъ. Надѣлы дѣтей были равны всегда, но количество земли у внуковъ было уже разное. Это зависѣло отъ состава семьи дѣтей первозаимщика. Объяснимъ это на примѣрѣ: положимъ, что у какого нибудь Завалишина первозаимщика было 150 четвертей, а семья его состояла изъ двухъ сыновей. Тогда на долю каждаго сына придется по 75 четей, то-есть поровну; у перваго сына было двое мальчиковъ, а у второго трое (про дочерей мы не будемъ говорить, чтобы не осложнять вопроса); понятно, что на долю каждаго мальчика перваго сына придется больше, чѣмъ на долю второго.

Обыкновенно, какъ я выше сказалъ, первозаимщикъ и даже его дѣти обрабатывали часть всей земли; остальная лежала впустѣ. Допустимъ, что у Завалишиныхъ оставалось еще значительное количество земли необработанной, и что готовой пашни для рода не хватало... Тогда родичи выбирали извѣстный клинъ и дѣлили его между собой, но какъ? Пропорціонально своему праву на опредѣленное количество четей и сохраняя качественное уравеніе земли и т. д. Теперь читателю станетъ понятно опредѣленіе четвертного права, данное г. Благовѣщенскимъ: «четвертное право есть долевое право владѣнія землей, основанное на счетѣ четвертей, дошедшихъ до владѣльца по наслѣдству или другимъ законнымъ путемъ». Я описалъ самую простую общину (по Благовѣщенскому) четвертныхъ владѣльцевъ. Изъ этого описанія видно, что 1) эта община родовая; 2) четвертное землевладѣніе есть родовое владѣніе по своему происхожденію; 3) порядокъ наслѣдованія земли—

главное основаніе родовой общины, и 4) размѣръ полосъ земли, принадлежащей четвертному владѣльцу, опредѣляется плодовитостью отдѣльныхъ линій рода.

Такимъ оразомъ, сравнивая эти выводы съ положеніями, выставленными г. Благовѣщенскимъ въ статьѣ «Юридическаго Вѣстника», мы должны отмѣтить одно рѣзкое измѣненіе, на которое впрочемъ указываетъ и самъ авторъ въ своемъ новомъ изслѣдованіи на стр. 46, а именно размѣръ полосъ опредѣляется не близостью родства владѣльцевъ къ первозаимщику, а плодовитостью отдѣльныхъ линій рода.

Мы коснулись однодворческой общины, въ которой былъ первозаимщикъ одинъ, но г. Благовѣщенскій указываетъ такія общины, гдѣ ихъ было два, три и больше, кромѣ того, онъ говоритъ еще про общины, гдѣ была «многодворная заимка съ товарищи». Въ первомъ случаѣ порядокъ землевладѣнія оставался тотъ же, но только усложнялся тѣмъ, что дѣлились уже по четвертному праву потомки не одного первозаимщика, а нѣсколькихъ. Другими словами каждый новый участокъ дѣлился на полосы въ дачу (1 саж.) или въ 2 дачи, ½ дачи, и на долю каждаго члена всѣхъ родовъ приходилось столько этихъ полосъ, на сколько четей земли онъ имѣлъ право. Въ второмъ случаѣ дѣло обстояло нѣсколько иначе. Курскіе статистики по Тимскому уѣзду увѣряютъ, что каждый первозаимщикъ получалъ особнякъ, слѣдовательно землевладѣніе здѣсь было участковое. Но г. Благовѣщенскій утверждаетъ, что и здѣсь былъ надѣлъ поярусный.

Общину г. Благовѣщенскій опредѣляетъ довольно своебразно. Община, по его мнѣнію, есть понятіе юридическое, а не экономическое, какъ обыкновенно принято думать. Поэтому «община»,—говоритъ онъ,—«есть такая форма общежитія, при которой группа семей связана между собой единствомъ юридическаго основанія своего земледѣлія». Естественно, что, придерживаясь такого опредѣленія, легко подвести подъ это понятіе всякое крестьянское общежитіе, но несомнѣнно и то, что подобное опредѣленіе вноситъ большую путаницу; самъ авторъ очень часто не выдерживаетъ его. Возвращаясь къ прежнимъ выводамъ автора, мы должны отмѣтить новое измѣненіе во взглядахъ автора. Если община, гдѣ находился одинъ первозаимщикъ, должна считаться родовой, то въ общинахъ съ нѣсколькими первозаимщиками родовой связи быть не можетъ. Такую общину авторъ называетъ четвертной. Наконецъ, община, гдѣ была «многодворная заимка со товарищи», хотя здѣсь каждый дворъ и представляетъ собой всѣ зачатки родовой замкнутости, уже носитъ въ себѣ всѣ признаки сосѣдской душевой общины. Чтобы покончить съ изложеніемъ взглядовъ г. Благовѣщенскаго на четвертное землевладѣніе, мы должны указать на замкнутость такого рода общинъ (родовыхъ и четвертныхъ), на невозможность при естественномъ ходѣ ея развитія проникнуть въ нее кому нибудь, кромѣ зятьевъ.

Вотъ въ краткихъ и грубыхъ чертахъ содержаніе четвертного права, какъ оно произошло. Разсказывать исторію развитія его и вліянія на него правительсва мы не станемъ, не коснемся мы и самой интересной стороны изслѣдованія г. Благовѣщенскаго -- колонизаціоннаго движенія однодворцевъ. Отно-

сительно колонизаціи однодворцами Воронежской губерніи есть хорошая работа Германова «Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Воронежской губерніи».

Возвращаясь къ выше сказанному, мы прежде всего должны упрекнуть автора въ тенденціозности и удивительномъ нежеланіи сводить счеты съ предыдущими изслѣдователями.

Тенденціозность автора сказывается на каждой струницѣ. Горячій приверженецъ чрезполосицы и общины, г. Благовѣщенскій позволяетъ себѣ неумѣстныя выраженія—это бы еще ничего—но и натяжки, разъ дѣло касается одного изъ этихъ явленій. Самымъ яркимъ примѣромъ можетъ служить толкованіе авторомъ договорной записи между помѣщиками деревни Роговой о размежеваніи чрезполосной земли. Вообще въ ученіи автора объ общинѣ масса спорныхъ пунктовъ, такъ что каждый неспеціалистъ долженъ очень осторожно принимать выводы г. Благовѣщенскаго. Мы не согласны съ взглядомъ автора на земельную политику Петра I и Екатерины II, мы не понимаемъ негодованія автора противъ закона 1866 года объ отчуждаемости однодворческихъ земель. По нашему мнѣнію, этотъ законъ былъ единственнымъ выходомъ изъ страннаго положенія, въ которомъ очутилось правительство послѣ запрещенія продажи однодворческихъ земель. Автору, конечно, хорошо извѣстны массовыя судебныя кляузы, возникавшія изъ-за этого запрещенія, извѣстно, что правительство вынуждено было въ 1798 году (П. П. С. З. № 18676) всѣ судебныя дѣла однодворцевъ между собой относительно земли уничтожить, оставивъ ихъ при томъ владѣніи, которое они имѣли во время генеральнаго размежеванія или до начала тяжбы. Вообще, однодворцы всегда обходили законъ о неотчуждаемости земель, и ихъ заявленія въ Екатерениниинскую комиссію, чтобы отдавать даже въ солдаты тѣхъ изъ нихъ, которые продавали свои земли, были лишь одни слова. Повторяемъ, книга г. Благовѣщенскаго въ высшей степени интересна въ теоретическомъ отношеніи, она очень важна и въ практическомъ такъ какъ полутора-милліонное населеніе владѣетъ землей на четвертномъ, правѣ, а у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ опредѣленія и объясненія этого права, но къ ней надо относиться осторожно. Что же касается упрека, сдѣланнаго мною г. Благовѣщенскому за излишнюю развязность, чтобы выразиться поскромнѣе, языка, то онъ этого болѣе, чѣмъ заслуживаетъ. Я приведу только одно мѣсто, а ихъ множество разбросано въ изслѣдованіи г. Благовѣщенскаго, и пусть читатель самъ рѣшить, умѣстны ли подобныя выраженія въ научномъ трудѣ. На стр. 146 читаемъ: послѣ изданія закона объ отчуждаемости однодворческихъ земель «началась кабацкая оргія: земли родовой общины стали сосредоточиваться въ рукахъ міроѣдовъ и сосредоточиваться за безцѣнокъ. Посторонніе элементы, въ видѣ виноторговцевъ, ссыпщиковъ, краснорядцевъ, крупныхъ арендаторовъ, начали, вторгаться въ эту общину и мутить ея исконные устои своею кабацкою «цибулизаціей» (!?)». Нельзя вообще позавидовать и языку г. Благовѣщенскаго: «но... указъ имѣетъ громаднѣйшее значеніе, и не совсѣмъ ладно (!), что онъ изданъ за подписомъ сената», или «усилено иногда», «наборъ (то-есть, рекрутскій) смотрѣлъ (!) только за тѣмъ, чтобы» и т. д.

Г. Галланинъ.

Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 года. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Николая Виноградскаго. Смоленскъ. 1899.

Созваніе церковнаго собора въ Москвѣ въ 1682 г., по мнѣнію г. Виноградскаго, стояло въ связи съ общимъ планомъ государственныхъ реформъ, задуманныхъ въ царствованіе Θеодора Алексѣевича. Воспитанный въ «непорушномъ древлемъ благочестіи», окруженный съ малолѣтства церковными книгами, образами, женщинами-богомолицами и монахами, Θеодоръ Алексѣевичъ считалъ заботу о церкви своею первою обязанностью и потому поставилъ въ первую очередь планъ переустройства и преобразованія существовавшихъ порядковъ церковно-общественной жизни. На обсужденіе отцовъ собора царемъ предложенъ былъ цѣлый рядъ вопросовъ «о устроеніи вновь архіерейскихъ епархій и исправленіи дѣлъ, касающихся до церковнаго всякаго благочинія»; «отвѣты» отцовъ собора даютъ довольно обильный матеріалъ для характеристики нравовъ и быта русскаго общества конца XVII вѣка, благодаря чему изслѣдованіе г. Виноградскаго, внимательно разобравшаго соборныя опредѣленія именно со стороны ихъ церковно-бытового значенія, представляетъ значительный интересъ.

Начальныя страницы своей книги г. Виноградскому пришлось посвятить обзору архивныхъ матеріаловъ, откуда почерпнуты свѣдѣнія о соборѣ. Не особенно привлекаетъ вниманіе читателя и глава первая, гдѣ идетъ рѣчь о времени и мѣстѣ соборныхъ засѣданій, о личномъ составѣ собора, о ходѣ дѣла на засѣданіяхъ и т. п.

Зато, начиная со второй главы и вплоть до конца, изслѣдованіе читается съ возрастающимъ интересомъ. Немалая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ автору: онъ сумѣлъ оживить свой разсказъ очень талантливыми экскурсіями въ область тѣхъ историческихъ условій, которыми вызваны были царскія предложенія собору, не забылъ сказать и о томъ, въ какой формѣ проведено было на практикѣ то или другое постановленіе собора, насколько оно оказалось жизнеспособнымъ, каковы были его послѣдствія—словомъ, представилъ дѣянія собора въ широкой исторической перспективѣ. Такъ, по поводу предложенія царя объ увеличеніи числа архіерейскихъ каθедръ и протеста противъ этого проекта засѣдавшихъ на соборѣ отцовъ, боявшихся умаленія архіерейскаго величія, — г. Виноградскій попутно приводитъ любопытную справку, какъ зародилось и увеличилось это величіе, которому столь суровый ударъ нанесенъ былъ петровскимъ регламентомъ, въ какихъ формахъ оно находило свое внѣшнее выраженіе, и тутъ же, кстати, упоминаетъ о тѣхъ жалобахъ, которыя тогда уже раздавались по адресу архіереевъ за ихъ тщеславіе («Корнилей, митрополитъ тобольскій, сдѣлалъ себѣ карету новакленную и гдѣ ему ѣхати пять верстъ и ради колесницы ѣздитъ околнею дорогою двадцать верстъ»...). Разбирая соборныя опредѣленія о расколѣ, г. Виноградскій приводитъ данныя о тогдашней распространенности раскола, говоритъ о безсиліи тогдашняго совершенно невѣжественнаго духовенства вліять на расколъ мѣрами словеснаго убѣжденія, передаетъ проникнутый злобной проніей разсказъ старца Авраамія о томъ, какъ его «увѣщевалъ» митрополитъ Крутицкій Па-

велъ (...«святитель, болѣзнуя о мнѣ, исповѣдалъ брады моея, крѣпка ли есть, чтобы бы было за что держати, егда станетъ десницею своею благословлять, вѣдая свое крѣпкое благословенье, сего ради держа мя, чтобы не пошатился отъ сего благословенія и о помостъ полатный не ушибся; егда исповѣдалъ браду мою, началъ десницею своею по ланитамъ моимъ довольно мя благословляти, да и по носу довольно мя благословилъ»...). Особенно же интересенъ разсказъ о тѣхъ нестроеніяхъ въ жизни чернаго и бѣлаго духовенства, которыми вызваны были соборныя опредѣленія, направленныя къ поддержанію церковной дисциплины (гл. V и VI). Нисколько не сгущая красокъ, не расплываясь въ многословіи, авторъ сумѣлъ въ немногихъ, но яркихъ и выразительныхъ чертахъ вполнѣ обрисовать тогдашнее состояніе порочнаго отъ праздности и бездѣйствія монашества и забитаго матеріальной нуждой приходскаго духовенства, аргументируя свои достаточно безотрадные выводы умѣло подобранными историческими свидѣтельствами.

Въ оцѣнкѣ результатовъ соборныхъ опредѣленій авторъ въ общемъ стоитъ на правильной точкѣ зрѣнія, признавая, что большинство рѣшеній остались въ области благихъ начинаній, мало коснувшись жизни. Впрочемъ, въ частныхъ заключеніяхъ авторъ оказался не свободенъ отъ нѣкоторыхъ преувеличеній. Такъ, напримѣръ, постановленіе собора 1682 года о пограничныхъ православныхъ жителяхъ Польши онъ считаетъ «однимъ изъ узловъ, которыми оторванная юго-западная Русь постепенно закрѣплялась воедино съ своею единовѣрною сѣверо-восточной половиной» (112). Едва ли. Соборное опредѣленіе разрѣшаетъ архіереямъ посвящать «іереевъ въ зарубежные городы державы колей Полского и Свѣйского, буде которые благочестивые учнутъ того желать, а скажутъ, что церковь благочестивая стоитъ пуста, а священника нѣтъ, и положать о томъ свидѣтельство» — и только; постановка даннаго вопроса скорѣе всего вызвана была тѣмъ, что архіереи порубежныхъ епархій, въ виду недавнихъ войнъ съ Польшей, колебались, имѣютъ ли они право поставлять священниковъ и выдавать антиминсы за границу. Да и послѣдующія обстоятельства вовсе не даютъ основаній разсматривать вопросъ о зарубежныхъ священникахъ на соборѣ 1682 г., «какъ одинъ изъ немаловажныхъ моментовъ въ исторіи возсоединенія уніатовъ и обрусѣнія юго-западной Россіи» (111). Не совсѣмъ также убѣдительна аргументація автора въ защиту той «доли пользы», которую принесли соборныя опредѣленія 1682 года для сокращенія пропаганды раскола, да и «доля пользы» болѣе чѣмъ сомнительна. Всѣ разсужденія г. Виноградскаго построены на той скользкой мысли, что, не будь суровыхъ постановленій о привлеченіи раскольниковъ къ «градскому суду», число отпаденій въ расколъ могло бы еще болѣе увеличиться, а пропаганда раскола вестись еще смѣлѣе, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Но съ равнымъ удобствомъ и во всякомъ случаѣ съ большею основательностью можно было бы взять подъ защиту и такую проблемму, что, не будь прописанныхъ соборомъ 1682 г. репрессалій, ожесточеніе старообрядцевъ противъ никоніанства само собой испарилось бы, не разжигаемое внѣшними причинами, и расколъ находилъ бы все менѣе адептовъ.

Въ приложеніяхъ (1—64) напечатано нѣсколько цѣнныхъ документовъ, впервые извлеченныхъ изъ разныхъ рукописныхъ собраній. **К. Х.**

Извѣстія Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. IV. Выпускъ 1-й. Софія. 1899.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ, основанный въ 1895 году, ежегодно знакомитъ публику со своею дѣятельностью посредствомъ «Извѣстій», выходящихъ въ свѣтъ періодически. Предъ нами теперь первый выпускъ четвертаго тома, напечатанный въ Софіи въ минувшемъ году. Здѣсь помѣщено шесть статей различнаго содержанія.

На первомъ мѣстѣ находится статья директора института, Θ. И. Успенскаго, подъ названіемъ: «Надпись царя Самуила» (стр. 1—4). Лѣтомъ 1898 года Константинопольскій институтъ, во главѣ со своимъ директоромъ, совершилъ археологическую экскурсію по Западной Македоніи. Здѣсь, въ селеніи Германъ, по близости отъ озера Пресны, открытъ славянскій памятникъ первостепенной важности. Это —надгробная плита, найденная, какъ говорятъ мѣстные жители, при постройкѣ новой церкви въ 1888 году и имѣющая славянскую надпись. По продольной линіи плиты высѣчены три креста, по бокамъ коихъ замѣтны пробоины, указывающія на то, что сохранившіяся нынѣ углубленія сдѣланы были для металлическихъ крестовъ, прикрѣпленныхъ къ плитѣ гвоздями. Надпись выбита не по всей плитѣ, а занимаетъ только верхній уголъ ея. Содержаніе надписи свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ семейной усыпальницей болгарской династіи X вѣка Шишмановичей, и что скромная церковь села Германъ скрываетъ подъ собою могилу, можетъ быть, самого болгарскаго царя Самуила I (976—1014). Надпись заключаетъ въ себѣ слѣдующее чтеніе: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа азъ Самуилъ рабъ Божій полагаю память отцу и матери и брату на крестѣхъ сихъ имена усопшихъ Никола рабъ Божій Марія Давидъ написа въ лѣто отъ сотворенія міра 6501 (993) индиктъ 6». Надпись имѣетъ важный филологическій и историко-литературный интересъ, такъ какъ это есть живой памятникъ славянскаго языка и письма той эпохи, отъ которой не сохранилось или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не открыто памятниковъ. Поэтому надпись 993 года ставитъ на очередь новые вопросы по славянской палеографіи и филологіи, восполняя весьма существенный пробѣлъ въ этомъ отношеніи между языкомъ перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ и литературными памятниками XI—XII столѣтій. Независимо отъ того надпись бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на культурное состояніе этой совсѣмъ темной эпохи славянской исторіи. Уже самое примѣненіе славянскаго языка къ такимъ обиходнымъ потребностямъ, какъ начертаніе надгробной надписи, есть фактъ весьма важный въ разсужденіи эпохи болгарскаго царя Самуила, которая чрезъ изученіе сохранившихся и скрывающихся подъ землею памятниковъ въ Преспѣ ждетъ еще своего разъясненія и оцѣнки. Въ высшей степени любопытно, наконецъ, и то обстоятельство, что царь Самуилъ чтитъ здѣсь память лишь трехъ членовъ своей семьи: отца, матери и брата Давида. Ясно то, что всѣ эти лица погребены въ одной усыпальницѣ, въ церкви села Германъ. Почему здѣсь не упомянуты братья царя Моисей и Ааронъ, которые въ 993 году, повидимому, уже не были въ живыхъ, сказать трудно. Гораздо любопытнѣе то, что отецъ Самуила Шишманъ является въ надписи

подъ именемъ Николы. Допуская, что это было монашеское имя Шишмана, можно бы высказать догадку, что тяготѣющее надъ Самуиломъ обвиненіе въ убійствѣ отца неосновательно. Таково краткое сужденіе почтеннаго нашего ученаго о литературно-историческомъ значеніи надписи царя Самуила 993 года.

На второмъ мѣстѣ находится статья профессора Т. Д. Флоринскаго, содержащая въ себѣ «Нѣсколько замѣчаній о надписи царя Самуила» (стр. 5—13).

И третья статья, принадлежащая болгарскому автору, д-ру Л. Милетичу, касается надписи царя Самуила и доказываетъ, на основаніи доводовъ историческихъ и палеографическихъ, древность употребленія кириллицы въ Болгаріи и особенно въ югозападной ея части.

Четвертая статья принадлежитъ П. Н. Милюкову и озаглавливается такъ: «Христіанскія древности Западной Македоніи. По матеріаламъ, собраннымъ Русскимъ археологическимъ институтомъ въ теченіе лѣтней экскурсіи 1898 года» (стр. 21—151). Означенная экскурсія имѣла своею задачею изслѣдовать въ Западной Македоніи церковныя зданія, фрески и надписи христіанской и особенно славянской эпохи. Она побывала въ разныхъ городахъ и мѣстностяхъ, примѣчательныхъ въ томъ или иномъ отношеніи. Всюду экскурсія обозрѣвала древнія постройки, списывала надписи, фотографировала фрески, осматривала древнія рукописи. Результаты этихъ обслѣдованій и изысканій и предложены въ статьѣ г. Милюкова, при чемъ авторъ, конечно не могъ дать въ своей статьѣ полнаго и подробнаго описанія всего видѣннаго и изслѣдованнаго, но лишь кратко обозрѣлъ собранный экскурсіей матеріалъ, отмѣтивъ лишь болѣе важное и существенное и предоставивъ детальное изученіе македонскихъ древностей будущимъ изслѣдователямъ. Въ виду того, что у насъ до послѣдняго времени не было даже общаго описанія македонской старины, статья г. Милюкова имѣетъ безспорное значеніе, тѣмъ болѣе, что нашъ авторъ въ заключеніи статьи пытается систематизировать собранный экскурсіею матеріалъ и распредѣлить его по группамъ. Онъ, между прочимъ, сообщаетъ, что архитектурные памятники (церкви) обслѣдованнаго края наиболѣе многочисленны, и древнѣйшіе изъ нихъ относятся къ X и XI вѣкамъ («великая церковь» на островѣ Аилъ и соборная церковь въ гор. Охридѣ). По своему внутреннему устройству они раздѣляются на три типа. Древнѣйшія фрески относятся къ XII вѣку (фрески Нерешскаго монастыря), а скульптурные памятники, можетъ быть, даже къ VII вѣку. Содержится въ Македоніи обильный матеріалъ и для исторіи костюма въ XIV вѣкѣ, а также эпиграфическій и церковно-историческій. Къ статьѣ г. Милюкова приложены 32 цинкографіи, изображающія наиболѣе примѣчательные памятники македонской старины, описанные нашимъ авторомъ.

Слѣдующая, пятая, статья написана секретаремъ Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ Б. В. Фармаковскимъ и касается «Лесхи книдянъ въ Дельфахъ» (стр. 152—185), т.-е. портика или галлереи, выстроенной въ Дельфахъ и посвященной Аполлону жителями дорійской колоніи въ Малой Азіи — Книда. Эта лесха открыта недавно, благодаря изыска-

ніямъ французской археологической школы въ Аѳинахъ, и представляетъ огромный интересъ, потому что была украшена картинами художника Полигнота, который вмѣстѣ съ Фидіемъ стоитъ во главѣ греческаго искусства V вѣка до Рождества Христова. Г. Фармаковскій въ своей статьѣ и занимается описаніемъ вновь открытой лесхи книдянъ и разъясненіемъ ея назначенія.

Наконецъ, въ шестой статьѣ, написанной греческимъ ученымъ М. Параникою на греческомъ языкѣ, сообщается о состояніи города Трапезунта въ XIV вѣкѣ (стр. 186—203).

Такимъ образомъ, первый выпускъ четвертаго тома «Извѣстій Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ» содержитъ въ себѣ немало новаго и любопытнаго для археологовъ и историковъ матеріала. Σ.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ редакціей В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Спб. 1900.

Издательская фирма А. Ф. Девріена, давно уже извѣстная своими прекрасными изданіями по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, въ послѣдніе годы стала значительно расширять кругъ своей дѣятельности и перешла къ общимъ трудамъ по изученію нашего обширнаго отечества. Однимъ изъ первыхъ шаговъ почтенной фирмы на этомъ поприщѣ является нынѣ выпущенная въ свѣтъ книга, заглавіе которой выписано нами со всею подробностью въ началѣ нашей библіографической замѣтки.

Цѣль книги въ высшей степени важная и полезная: дать въ руки каждому строго-научное, общедоступно-изложенное и недорогое по обіе, которое могло бы послужить необходимою справочною книгою «не только путешествующимъ по Россіи съ общеобразовательными, промышленными и иными цѣлями», но и просто удовлетворить потребностямъ «любознательныхъ людей, которые пожелаютъ познакомиться съ той или другой частью Россіи не по однимъ только сухимъ даннымъ учебника или путеводителя»... Планъ книги задуманъ широко и осмысленно. Онъ разбиваетъ обширный и разнообразный матеріалъ по изученію Россіи на 22 отдѣльныхъ тома, приблизительно такъ: 1) Московская промышленная область и верхнее Поволжье, 2) Среднерусская черноземная область, 3) Озерная область, 4) Сѣверъ, 5) Прикамье, 6) Уралъ, 7) Нижнее Поволжье и Заволжье, 8) Малороссія, 9) Заднѣпровье, Волынь, Подолія, 10) Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія, 11) Литва, 12) Привислянскій край, 13) Прибалтійскій край, 14) Финляндія, 15) Новороссія, 16) Кавказъ, 17) Западная Сибирь, 18) Средняя и Восточная Сибирь, 19) Киргизскій край, 20) Туркестанъ, 21) Арало-Каспійскій край, 22) Пріамурская и Тихо-Океанская окраины. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ каждомъ томѣ, распредѣляются въ слѣдующихъ главныхъ отдѣлахъ: I. Природа. II. Населеніе. III. Замѣчательныя населенныя мѣстности. Въ видѣ дополненія къ каждому тому будутъ прилагаемы необходимые для поясненія текста рисунки, карты, отпечатанные красками, картограммы и діаграммы, а въ концѣ тома—указатели

главныхъ источниковъ, географическихъ названій, именъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ книгѣ.

Нынѣ вышедшій первый томъ «Россіи» представляетъ собою прекрасное подтвержденіе того, что обѣщаетъ программа всего изданія. Это—книга in 8°, въ 30 печатныхъ листовъ четкой и убористой печати, съ 74 иллюстраціями-24 діаграммами, картограммами, схематическими профилями, одной большой справочной и шестью малыми картами. По содержанію своему, этотъ объемистый и прекрасно, съ особеннымъ тщаніемъ, изданный томъ обнимаетъ «Московскую промышленную область и верхнее Поволжье», т.-е. губерніи: Московскую, Калужскую, Тверскую, Ярославскую, Владимірскую, Костромскую и Нижегородскую. Описаніе мѣстностей, разсматриваемыхъ въ этомъ томѣ, весьма обстоятельно и разнообразно; оно представляетъ собою рядъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ статей, принадлежащихъ перу талантливыхъ молодыхъ ученыхъ, работающихъ подъ общей редакціей В. П. Семенова и руководствомъ его отца, извѣстнаго всей Россіи вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго географическаго общества. Изложеніе просто, толково и нимало не утомительно, хотя и изобилуетъ множествомъ мелкихъ подробностей, терминовъ и собственныхъ именъ. Историческая часть книги, по достоинствамъ и свѣжести собраннаго въ ней матеріала, не уступаетъ географической и естественно-исторической части. Каждый, кто вздумаетъ знакомиться съ извѣстною областью нашего отечества по изданному тому «Россіи», найдетъ въ ней несомнѣнно всѣ необходимыя свѣдѣнія и получитъ полное, разностороннее и основательное понятіе о данной мѣстности въ ея настоящемъ и прошломъ. Нужно ли добавлять къ этому, что книга, изданная фирмою А. Ѳ. Девріена, при всѣхъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ достоинствахъ, поражаетъ еще однимъ свойствомъ, рѣдкимъ въ русскихъ книгахъ, а именно своею чрезвычайною дешевизною: она стоитъ всего 1 р. 75 к. **П. Полевой.**

Е. Варбъ. Одно изъ нашихъ центральныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. (Очерки Румянцевскаго музея). М. 1899.

Названная книжка принадлежитъ перу умершаго не такъ давно журналиста г. Браве, извѣстнаго публикѣ больше подъ передѣланною имъ фамиліею «Е. Варбъ». Объемомъ она не обширна, всего 82 страницы, но по содержанію весьма интересна, а потому вполнѣ заслуживаетъ вниманія печати.

Авторъ въ началѣ брошюры даетъ довольно вѣрную и совершенно безпристрастную характеристику основателя музея гр. Ник. Петр. Румянцева, а затѣмъ подробно разсказываетъ исторію этого учрежденія. На этой-то части книжки мы и остановимся.

Въ жизни музея различаютъ два періода: первый—петербургскій, —время безденежья и нужды,—приведшій музей къ совершенному упадку, и второй—московскій,—лучшее, свѣтлое время.

Мысль о «національномъ» музеѣ появилась у его основателя не сразу, она созрѣвала постепенно, подъ давленіемъ многихъ факторовъ, главнымъ образомъ, изъ желанія дать возможность пользоваться своей обширной библіотекой съ

коллекціями всѣмъ нуждающимся въ ней. Свое книгохранилище канцлеръ «имѣлъ намѣреніе сдѣлать достояніемъ общества въ видѣ учрежденія частнаго, надлежащимъ образомъ обезпеченнаго въ матеріальномъ отношеніи и неподчиненнаго никакому казенному вѣдомству».

Но всему этому не было суждено осуществиться: 3-го января 1826 года канцлеръ умеръ, и всѣ дѣла по устройству музея перешли къ брату покойнаго Сергѣю Петровичу. Послѣдній, какъ видно, совершенно не уяснилъ себѣ воли завѣщателя и составилъ проектъ о передачѣ всей библіотеки въ руки воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній въ качествѣ учебныхъ пособій. Очевидно, что подобная идея не могла найти поддержки высшей администраціи; особенно же воспротивился ей тогдашній директоръ пажескаго корпуса, генер. Н. И. Демидовъ, который въ запискѣ къ начальнику главнаго штаба гр. Дибичу высказался за передачу музея въ министерство народнаго просвѣщенія. Результатъ хлопотъ Демидова былъ таковъ: «музей былъ объявленъ учрежденіемъ, подвѣдомымъ» указанному министерству; въ его же собственность перешли и самые дома Румянцева: одинъ былъ приспособленъ подъ музей, другой—предназначенъ служить источникомъ средствъ для его содержанія. Это было въ 1828 г., а черезъ нѣкоторое время, именно 23 ноября 1831 г., состоялось и публичное открытіе музея. Бюджетъ его былъ исчисленъ въ 13.000 руб., изъ нихъ казна отпускала 8.000 руб.

Изъ всего сказаннаго видно, что проектъ покойнаго канцлера былъ совершенно искаженъ, а это и было причиной всякихъ невзгодъ, увеличивающихся изъ года въ годъ по мѣрѣ того, какъ ветшали Румянцевскіе дома: одинъ становился негоднымъ для музея, другой давалъ все меньшій и меньшій доходъ.

Нарисовавъ далѣе на нѣсколькихъ страницахъ картину всѣхъ этихъ бѣдствій, г. Варбъ переходитъ къ разсказу о второмъ періодѣ—московскомъ. Инніціатива перемѣщенія музея въ другой городъ принадлежитъ бывшему тогда директору его, князю В. Ѳ. Одоевскому. Проектъ его, хотя и вызвалъ массу протестовъ со стороны петербургскихъ ученыхъ, все же былъ вскорѣ осуществленъ. На основаніи высочайше утвержденнаго 23 мая 1861 года мнѣнія комитета министровъ музей былъ переведенъ въ Москву, съ названіемъ «Московскій публичный и Румянцевскій музей», и помѣщенъ въ извѣстномъ Пашковскомъ домѣ.

Составъ его въ то время былъ слѣдующій: рукописное отдѣленіе, состоящее, главнымъ образомъ, изъ подлинниковъ, сохранившихся въ спискахъ отъ XII до XVIII вѣка, и представляющее главную цѣнность графскаго наслѣдія, насчитывало 810 номеровъ; библіотека, уже изрядно устарѣвшая и почти потерявшая научное значеніе, состояла изъ 28.744 номеровъ; нумизматическая коллекція—изъ 1.695; минералогическая изъ 12.419; этнографическая вмѣщала 170 предметовъ (главнымъ образомъ вещи, привезенныя изъ кругосвѣтнаго плаванія Крузенштерномъ); въ скульптурномъ отдѣленіи выдѣлялись статуя мира Кановы и статуя Фавна, вылитая съ подлинника Мартоса.

Такимъ представлялся музей въ годъ перемѣщенія его на новое мѣсто. Съ этого же времени онъ началъ замѣтно обогащаться; книги и другіе предметы частью жертвовались, частью же пріобрѣтались на деньги, вырученныя отъ продажи петербургскаго помѣщенія.

Теперешнее состояніе музея представляется не особенно-то отраднымъ. Такъ, въ музеѣ ощущается большой недостатокъ въ иностранныхъ изданіяхъ, какъ періодическихъ, такъ и ученыхъ; этимъ же страдаетъ и русскій отдѣлъ, по той простой причинѣ, что законъ о снабженіи музея всѣми произведеніями печати, появляющимися въ Россіи, исполняется очень и очень небрежно. Далѣе слѣдуетъ указать на неудовлетворительное положеніе служебнаго персонала, на тѣсноту помѣщенія, на плохую систему каталогизаціи и на полное отсутствіе переплетовъ для громоздкихъ изданій. Всѣ эти недостатки не могутъ быть удовлетворены лишь въ силу неимѣнія средствъ.

На такую необезпеченность музея было обращено вниманіе министерства народнаго просвѣщенія, и въ 1898 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе объ ассигнованіи на ремонтъ музея суммы въ 78.000 рублей. Это обстоятельство даетъ право думать, что состояніе музея въ скоромъ будущемъ улучшится.

Помимо всего изложеннаго, въ брошюрѣ г. Варба разбросано еще много интереснаго матеріала: въ ней встрѣчаются біографическія данныя о бывшихъ директорахъ музея, говорится о лучшихъ системахъ книжныхъ каталоговъ и довольно подробно излагается проектъ объ установленіи книжнаго обмѣна между Россіей и Франціей.

Книжка написана плавнымъ красивымъ языкомъ, которымъ отличаются вообще всѣ произведенія покойнаго журналиста. **В. Городецкій.**

Сборникъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ VI. М. 1899.

Названный выпускъ начинается обширною статьею С. А. Бѣлокурова: «О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи». Эта статья вмѣстѣ съ приложеніями вышла въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ еще въ концѣ 1898 г., и объ ней въ нашей печати были уже даны своевременно отзывы.

Слѣдующая статья «Сборника»—«И. А. Крыловъ и его товарищи по типографіи и журналу въ 1792 г.», принадлежитъ перу Н. Л. Рождественскаго, который на основаніи архивныхъ данныхъ сообщаетъ довольно небезынтересныя свѣдѣнія о первоначальной литературно-издательской дѣятельности нашего знаменитаго баснописца. Въ 1792 г. И. А. Крыловъ въ сообществѣ съ А. И. Клушинымъ и другими сотрудниками печаталъ въ собственной типографіи журналъ «Зритель». Въ числѣ статей, заготовленныхъ для этого журнала, оказались слѣдующія: «Мои горячки» И. А. Крылова, «О горлицахъ» Клушина и «О женщинѣ въ цѣпяхъ», по предположенію автора, И. А. Крылова. Вотъ эти-то статьи и возбудили подозрѣніе полиціи и создали имъ авторамъ рядъ затрудненій, о которыхъ до сихъ поръ въ печати были одни только намеки. Вмѣстѣ съ своими разъясненіями г. Рождественскій помѣщаетъ здѣсь и самые документы: «Письмо петербургскаго губернатора Коновницына П. А. Зубову отъ 12 мая 1792 г.», «Объясненіе Клушина по поводу его сочиненія»

съ «отзывомъ на него Коновницына» и «Изложеніе Клупинымъ своего сочиненія».

Далѣе г. Бѣлокуровъ помѣстилъ выдержки изъ «Записной книжки» Н. Н. Бантыша-Каменскаго, въ извлеченіи А. Ѳ. Малиновскаго, гдѣ внесены выписки изъ архивныхъ дѣлъ, начиная съ 1609 г. по 1636 г. Изъ этихъ выписокъ, сопровождаемыхъ «поясненіями» издателя, узнаемъ, напримѣръ, что Григорія Отреньева имя «во инocѣхъ» было Германъ, что Борисъ Годуновъ «уморилъ себе смертоносным зеліемъ», что патріархъ Германъ «удушенъ» и проч.

Подъ редакціею того же С. А. Бѣлокурова помѣщено далѣе «всеподданнѣйшее донесеніе» государю императору управляющаго архивомъ А. Ѳ. Малиновскаго, съ приложеніемъ списка служившихъ прежде въ архивѣ чиновниковъ, «нынѣ занимающихъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и другихъ статскихъ и военныхъ командахъ значительныя мѣста», 1826 г. Этотъ документъ имѣетъ безспорное значеніе для исторіи архива и былъ вызванъ назначеніемъ слѣдствія по поводу нелѣпыхъ слуховъ касательно императорской фамиліи, распространяемыхъ двумя архивскими солдатами, которые въ то же время обвиняли и самого Малиновскаго, что и побудило послѣдняго написать свое «донесеніе». Особенный интересъ представляетъ приложенная къ нему вѣдомость о служившихъ въ архивѣ такъ называемыхъ «архивныхъ юношахъ».

Вслѣдъ за этимъ довольно любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ Г. А. Муркосъ объ «арабской рукописи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка», со списка, принадлежащаго библіотекѣ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Самый переводъ этой рукописи былъ уже сдѣланъ тѣмъ же авторомъ въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей» за 1896—1898 гг.

Затѣмъ князь Н. В. Голицынъ послѣ краткаго предисловія, въ которомъ приводитъ весьма любопытныя извѣстія о знаменитыхъ «портфеляхъ» Герарда-Фридриха Миллера, исторію покупки его библіотеки и біографическія данныя о Миллерѣ (особенно интересно помѣщенное въ приложеніи «Описаніе службъ» нашего исторіографа), дѣлаетъ описаніе трехъ портфелей, для того, «чтобы показать, въ какомъ видѣ предполагается составить и издать описаніе всѣхъ портфелей Миллера. Свѣдѣнія изъ нихъ только отчасти были эксплуатированы нашими историками, и потому изданіе ихъ въ полномъ видѣ представитъ неоцѣненный историческій матеріалъ.

Въ 1899 г. въ архивъ поступило цѣнное собраніе рукописей Ѳ. Ѳ. Мазурина, и среди нихъ найдены: бывшій неизвѣстнымъ доселѣ судебникъ царя Ѳеодора Іоанновича, составленный «по приговору 14-го іюня 1589 г. царя съ патріархомъ Іовомъ, митрополитомъ новгородскимъ Александромъ, со всѣми князьями и бояры и съ вселенскимъ соборомъ» (этотъ судебникъ, несмотря на нѣкоторые протесты, высказанные на послѣднемъ XI археологическомъ съѣздѣ, признается за подлинный законодательный памятникъ и вскорѣ будетъ изданъ комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ), и «письмо императора Александра I графу Н. А. Толстому отъ 8-го сентября 1812 г.», которое здѣсь и помѣщается. До сихъ поръ письмо это было извѣстно лишь въ извлеченіяхъ и въ полномъ видѣ не было извѣстно ни

одному изъ историковъ Александра I. Такъ какъ оно довольно коротко, то мы рѣшаемся его помѣстить цѣликомъ, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника.

«Графъ Петръ Александровичъ!

«Время настало гдѣ вы можетѣ оказать знаменитыя услуги Отѣчеству и мнѣ. По видимому врагъ въ пущенъ въ Москву. Хотя я рапортовъ съ 29-го августа по сіе число отъ князя Кутузова не имею, но по письму отъ графа Растопчина отъ 1 сентября черезъ Ярославль извещонъ я что князь Кутузовъ намеренъ оставить съ Арміею Москву. Причина сей непонятной репимости остается мнѣ совершенно сокровенна, и я не знаю стыдъ ли Россіи она принесетъ, или имеетъ предметомъ уловить врага въ сѣти. Въ первомъ случаѣ действія Ополченія вамъ вверенного становятся на и важнейшими. Я надеюсь на привязанность вашу къ Отѣчеству и ко мнѣ, и на духъ оживляющій всехъ Руских, что вы неутратитѣ ничего изъ виду дабы поразить врага и наказать его за безъ божное его вторженіе. Присемъ прилагаю рапортъ виць Губернатора Нижегородскаго о Тайномъ Совѣтникѣ Сперанскомъ. Если онъ справедливъ то отправтѣ сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь съ предписаніемъ Губернатору отъ моего имени имѣть его подъ теснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе.

«Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ. Александръ».

Въ концѣ «Сборника» находимъ продолженіе весьма обстоятельнаго и основаннаго на архивныхъ данныхъ изслѣдованія г. Уляницкаго: «Историческій очеркъ русскихъ консульствъ за границей». «Сборникъ» вышелъ подъ общей редакціей С. А. Бѣлокурова. **В. Рудаковъ.**

В. П. Горленко. Украинскія были. Описанія и замѣтки. К. 1899.

Выпустивъ года два тому назадъ небольшой томикъ «Южнорусскихъ очерковъ и портретовъ», В. П. Горленко сразу обратилъ на себя вниманіе читающей публики, какъ добросовѣстный, занимательный и талантливый бытописатель дорогой его сердцу Украйны. Нынѣ онъ снова выступаетъ съ небольшой книжкой «Украинскія были. Описанія и замѣтки», которая несомнѣнно доставитъ удовольствіе читателямъ своимъ разнообразнымъ содержаніемъ, основаннымъ на матеріалахъ все той же былой малороссійской жизни. Отмѣченныя выше качества автора — добросовѣстность, занимательность и талантливость выгодно выдѣляютъ и настоящій трудъ среди той же категоріи современныхъ историческихъ изслѣдованій, и г. Горленко по всей справедливости можетъ считать нынѣ свое имя упрочившимся въ литературѣ. Удивительной жизненностью, тепломъ, привольемъ и мягкой поэзіей вѣетъ отъ каждаго его очерка, и подъ его образнымъ, красивымъ и бойкимъ перомъ украинская природа, силуеты и бытовыя сцены проходятъ передъ читателями пестрой и красивой панорамой. Вотъ передъ нами строгіе и мужественные образы ревнителей православія —

св. Дмитрія Ростовскаго и Мельхиседека, вотъ она, пестрая ярмарочная толпа, а вотъ и заунывные звуки обездоленной кобзы, воскрешающіе передъ нашими умственными взорами милыя страницы былой исторической жизни русскаго юга. «А кобза звучала грустно какими-то далекими голосами,—вводитъ авторъ въ свое повѣствованіе поэтическій речитативъ. Странное чувство испытываешь, проникая при помощи слѣпого пѣвца въ этотъ исчезнувшій міръ. Кажется, что стоишь на кладбищѣ, надъ вскрытыми могилами. Окружающая жизнь съ ея новыми нуждами и интересами, новымъ строемъ, такъ далека отъ того своеобразнаго, далекаго міра, что, услышавъ опять ея голоса, какъ бы пробуждаешься отъ сна. Но доведется вновь услышать, какъ бы доносящіеся изъ вѣчности, эти отклики былого, и опять нѣсколько часовъ грезишь наяву подъ заунывные звуки кобзарской пѣсни... Прозвучавшіе въ тишинѣ деревенскаго вечера протяжные, мѣрные удары постоваго колокола прервали пѣнье думъ и нашу бесѣду...». Когда читаешь небольшіе очерки г. Горленки, точно находишься именно подъ вліяніемъ того чувства, которое отмѣчено имъ въ приведенныхъ словахъ, и вы дѣйствительно грезите наяву и видите и слышите и «стихотворца-обывателя начала вѣка», и «придворнаго бандуриста», и ученыхъ богослововъ Хому Брута и Халяву, и рѣшительную, энергичную «бабушку Полуботкову», устрояющую счастливый бракъ любимой своей внучки, несмотря на всѣ препятствія, чинимыя послѣдней со стороны родного отца. Повторяю, всѣ «силуэты», выведенные авторомъ на свѣтъ Божій изъ далекой старины и архивнаго мрака, оживаютъ въ его изображеніи, одѣваются плотью и кровью и являются передъ читателями въ причудливой обстановкѣ былой исторической жизни, вѣрной тогдашней дѣйствительности, среди той мягкой поэтической украинской природы, въ нѣдрахъ которой г. Горленко почерпнулъ свои мягкія, красивыя писательскія краски. Въ заключительныхъ двухъ главахъ книжки мы знакомимся съ интересными и прекрасно выполненными біографіями и характеристиками нашихъ знаменитыхъ художниковъ — Левицкаго, портретиста Екатерининскаго вѣка, и Боровиковскаго, его ученика, создателя знаменитыхъ религіозныхъ картинъ и изображеній. Съ точки зрѣнія историческаго матеріала, послѣдніе два очерка наиболѣе цѣнны въ книжкѣ г. Горленки, и здѣсь художникъ-писатель сумѣлъ достойнымъ образомъ почтить память и увѣковѣчить имена своихъ двухъ земляковъ-художниковъ полотна. Отъ души пожелаемъ успѣха книжкѣ г. Горленки, а ему самому посовѣтуемъ поскорѣе выступить передъ читателями съ болѣе крупными историческими повѣствованіями беллетристическаго характера: для этого его талантъ вполнѣ созрѣлъ, умственный кругозоръ сложился, и кисть пріобрѣла необходимую бойкость и сочность. **В. Глинскій.**

Ч. Вѣтринскій. Въ сороковыхъ годахъ. Историко-литературные очерки и характеристики. Москва. 1899.

Хотя у насъ есть нѣсколько трудовъ, касающихся тѣхъ или другихъ сторонъ сороковыхъ годовъ, тѣмъ не менѣе исторія этой эпохи нуждается еще въ детальной разработкѣ, безъ чего многое въ ней остается неполнымъ и необъяснимымъ, а солидные труды, по разнымъ причинамъ, мало доступны,

такъ называемой большой публикѣ. Популярной же литературы по этому вопросу у насъ почти нѣтъ совсѣмъ за немногими исключеніями, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежитъ превосходная книга г. Вѣтринскаго о Грановскомъ, достаточно оцѣненная въ свое время нашей журнальной критикой. Теперь эта литература обогатилась еще одной цѣнною книгой того же автора, подъ заглавіемъ: «Въ сороковыхъ годахъ». Въ этой книгѣ собраны статьи, касающіяся нѣкоторыхъ главнѣйшихъ моментовъ литературно-общественнаго движенія 40-хъ годовъ. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ біографія В. П. Боткина, извѣстнаго въ нашей литературѣ замѣчательными для своего времени «Письмами объ Испаніи». Боткинъ игралъ второстепенную роль въ движеніи 40-хъ годовъ, но въ немъ особенно сказались нѣкоторыя черты, свойственныя въ той или другой степени всѣмъ литературнымъ дѣятелямъ этой эпохи. Мнѣнія его по вопросамъ искусства, а подчасъ и по вопросамъ общественнымъ, очень характерны для своего времени. Болѣе или менѣе полнаго и цѣлаго очерка о жизни и дѣятельности Боткина мы еще до сихъ поръ не имѣли, несмотря на то, что матеріала для такого очерка скопилось немало. Искусно воспользовавшись этимъ матеріаломъ, г. Вѣтринскій далъ довольно обстоятельную характеристику Боткина, придя въ концѣ ея къ заключенію, что этотъ другъ Бѣлинскаго и Грановскаго «былъ человѣкъ не заурядный и въ своей спеціальной сферѣ проявилъ и тонкій критическій тактъ, и широту пониманія». Если же не оставилъ онъ по себѣ глубокаго слѣда и сдѣлалъ значительно меньше, чѣмъ могъ бы сдѣлать, то виною тому въ значительной степени были внѣшнія условія его дѣятельности въ сороковые годы. Что это были за условія, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ введеніе въ книгу г. Вѣтринскаго, представляющее изъ себя довольно яркую характеристику дореформеннаго времени. Характеристика эта составлена отчасти на основаніи сырыхъ матеріаловъ, разсѣянныхъ преимущественно по нашимъ историческимъ журналамъ, отчасти по изслѣдованіямъ, уже достаточно извѣстнымъ въ публикѣ.

Остальныя статьи г. Вѣтринскаго посвящены также и литературно-общественной дѣятельности Бѣлинскаго, Грановскаго, Гоголя, Кольцова, В. Ѳ. Одоевскаго, И. С. Аксакова и А. В. Никитенки.

Книга «Въ сороковыхъ годахъ» написана изящно. Тонъ ея безпристрастный, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горячій, особенно въ тѣхъ, гдѣ идетъ дѣло о вопросахъ, не потерявшихъ значенія еще по настоящее время. Въ г. Вѣтринскомъ сказывается не только талантливый историкъ, но и публицистъ, вѣрный лучшимъ литературнымъ традиціямъ. **О. П.**

Владиміръ Стасовъ. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминанія и очерки. Спб. 1899.

Воспоминанія и записки современниковъ извѣстной эпохи всегда читаются съ большимъ интересомъ широкой публикой. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ родъ литературы имѣетъ, несомнѣнно, большое значеніе и для исторической науки, какъ яркое и живое изображеніе тѣхъ событій, которыя происходили въ дан-

ную эпоху и волновали общество. Историкъ сумѣетъ извлечь изъ этой, иногда безпорядочно записанной, груды воспоминаній, основныя черты, которыя служили характернымъ признакомъ того времени. Для него всѣ дѣйствующія лица воспоминаній, ихъ обстановка, работа, ихъ горе и радости будутъ служить только фономъ, на которомъ совершались болѣе широкіе и, пожалуй, незамѣтные для обыкновеннаго читателя, историческіе процессы. Само собой разумѣется, что нельзя прилагать къ подобнымъ произведеніямъ мѣрку чисто литературной критики и требовать отъ нихъ литературно-художественной обработки. Единственное требованіе, которое мы можемъ предъявлять къ этого рода произведеніямъ,— это требованіе безусловной правдивости въ изложеніи современныхъ автору событій. Другое дѣло, когда «записки» или «воспоминанія» пишутся человѣкомъ съ литературнымъ именемъ. Здѣсь, несомнѣнно, мы вправѣ предъявить нѣсколько иныя требованія и желать не только «правдивости», но и яркаго, выпуклаго изображенія прошедшихъ событій. Такія требованія мы предъявили и къ книгѣ г. В. Стасова, написавшаго воспоминанія о своей сестрѣ, Надеждѣ Васильевнѣ Стасовой, одной изъ замѣчательныхъ женщинъ, сыгравшей крупную роль въ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи. И надо отдать справедливость г. В. Стасову, его книга читается, какъ романъ. Передъ читателемъ проходитъ цѣлая вереница лицъ, извѣстныхъ всей интеллигентной Россіи, — благороднымъ усиліямъ которыхъ обязано то просвѣтительное движеніе, которое извѣстно въ исторіи развитія нашего общественнаго самосознанія подъ именемъ «эпохи шестидесятыхъ годовъ». Первоначально «воспоминанія» эти были напечатаны въ 1896 году въ «Книжкахъ Недѣли», но въ настоящемъ отдѣльномъ изданіи авторъ иное исправилъ, по сдѣланнымъ ему съ разныхъ сторонъ замѣчаніямъ, а иное дополнилъ на основаніи новыхъ добытыхъ имъ матеріаловъ. Главнымъ матеріаломъ при составленіи «воспоминаній» служили записки самой Надежды Васильевны, которая вела ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Строго говоря, книга В. Стасова посвящена не столько жизни самой Н. В., сколько описанію тѣхъ яркихъ явленій, которыя происходили вообще въ русской жизни, и въ частности въ жизни русской женщины, на зарѣ той удивительной эпохи, о которой многіе пережившіе ее, не могутъ до сихъ поръ говорить безъ волненія. «То была минута,— по словамъ В. Стасова, — когда въ нашемъ отечествѣ новое движеніе загоралось, и когда отовсюду начинали выдвигаться новыя требованія»... «Подъемъ духа былъ тогда всеобщій. Какое-то восторженное состояніе охватило не только молодыхъ, но даже пожилыхъ, выросшихъ при другихъ, тяжелыхъ условіяхъ и всю жизнь ожидавшихъ просвѣта,— а тутъ цѣлый снопъ лучей освѣтилъ послѣдніе дни ихъ»... Надо прочитать книгу В. Стасова отъ начала до конца, чтобы въ достаточной степени уяснить себѣ то громадное значеніе, какое имѣли для той эпохи и для послѣдующихъ событій такія личности, какъ Н. В. Стасова, М. В. Трубникова и Е. И. Конради. Положительно удивляешься ихъ неутомимости и энергіи при организаціи тѣхъ или другихъ просвѣтительныхъ или благотворительныхъ учрежденій, изъ которыхъ многія существуютъ до сихъ поръ, и среди которыхъ «Высшіе женскіе курсы» занимаютъ первое мѣсто.

Книга издана прекрасно и снабжена портретомъ Н. В. Стасовой, писан-

нымъ въ 1884 году И. Е. Рѣпинымъ и гравированнымъ на деревѣ В. В. Маттэ. Кромѣ того, къ книгѣ приложены факсимиле Н. В., эскизъ «20-е сентября 1888 г.», написанный также И. Е. Рѣпинымъ, и снимокъ съ могилы Н. В. на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Д.

В. П. Авенаріусъ. Передъ разсвѣтомъ. Повѣсть для юношества изъ послѣднихъ лѣтъ крѣпостного права. Спб. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. 1900.

За В. П. Авенаріусомъ установилась прочная и вполнѣ заслуженная имъ репутація писателя, свободнаго отъ тѣхъ недостатковъ, какими страдаетъ большая часть авторовъ беллетристическихъ произведеній, спеціально предназначенныхъ для дѣтей и юношества. Онъ прежде всего искренній художникъ, не позволяющій себѣ искажать дѣйствительности для того, чтобы быть лучше понятымъ или съ цѣлью быть поучительнымъ. Если же его считаютъ писателемъ по преимуществу для дѣтей и юношества, то только потому, что онъ надѣленъ талантомъ останавливать вниманіе на общеинтересныхъ явленіяхъ жизни, писать о нихъ просто и выражаться общепонятнымъ языкомъ. Это не значитъ, однако, что онъ пригоденъ только для дѣтей и юношества; его, какъ талантливаго художника, съ неменьшимъ интересомъ могутъ читать и вполнѣ взрослые. Къ особенности художественнаго таланта В. П. Авенаріуса относится необыкновенная способность его увлекательно разсказывать. Все сказанное примѣнимо и къ повѣсти «Передъ разсвѣтомъ». Она написана въ формѣ автобіографіи. Герой, отъ лица котораго ведется разсказъ, описываетъ свои дѣтскіе годы, проведенные въ крѣпостной помѣщичьей средѣ, въ деревнѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ подъ вліяніемъ матери, мягкой и убѣжденно-гуманной натуры, человѣчно и справедливо относившейся къ людямъ вообще и въ частности къ своимъ крѣпостнымъ. Мальчику недолго, однако, пришлось пользоваться такимъ благотворнымъ вліяніемъ. Рано потерялъ онъ мать и очутился въ совершенно иной обстановкѣ, ничего общаго не имѣющей съ прежней. Много на его глазахъ совершилось неправдъ и жестокостей, но они его не испортили. Завѣтъ матери и собственное горе заставили его стать на сторону обиженныхъ, которые отплатили ему лаской, въ какой тотъ, одинокій, сильно нуждался. Судьба мальчика связалась съ судьбой его учителя, крѣпостного его отца, художника-музыканта, выдающагося человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, а также и съ судьбой жены этого музыканта—нѣжнаго, сердечнаго существа, получившей образованіе въ модномъ пансіонѣ, среди помѣщичьихъ дочерей, но закрѣпостившей себя замужествомъ съ любимымъ человѣкомъ. Много перенесли эти супруги возмутительныхъ надругательствъ надъ своимъ человѣческимъ достоинствомъ, но они не ожесточились и сумѣли сохранить и развить въ мальчикѣ ту искру Божію, какая была вложена въ душу его матерью.

Авторъ повѣсти блистательно справился съ нелегкой задачей, такъ сказать, схватить духъ того времени и нарисовать нѣсколько картинъ и лицъ, типичныхъ для дореформенной Россіи, которая подъ его талантливымъ перомъ встаетъ передъ читателемъ, какъ живая.

Насколько обстоятельно первая половина повѣсти знакомитъ насъ съ крѣпостной Россіей, настолько вторая — съ первыми годами великихъ реформъ, когда подготовлялась самая величайшая изъ нихъ — освобожденіе крестьянъ. Рядъ живыхъ сценъ изображаетъ упорную борьбу «тьмы со свѣтомъ», которая велась въ провинціи «передъ разсвѣтомъ». Самымъ горячимъ борцемъ за «свѣтъ» въ повѣсти является извѣстный романтикъ-народникъ П. И. Якушкинъ, изображенный съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ изображены В. П. Авенаріусомъ историческія лица въ его беллетристическихъ біографіяхъ Пушкина и Гоголя. Нѣкоторые разговоры дѣйствующихъ лицъ повѣсти и отступленія удивительно популярно знакомятъ читателя съ ходомъ крестьянскаго дѣла въ правительственныхъ сферахъ.

Послѣднія главы повѣсти рисуютъ нѣсколько картинъ, относящихся къ началу 1861 года, когда была объявлена воля. Особенно трогательна картина, изображающая народное гулянье 5-го марта.

Выборъ «эпохи великихъ реформъ» для повѣсти, предназначенной юношеству, дѣлаетъ честь В. П. Авенаріусу. Его талантливый трудъ, безъ сомнѣнія, тронетъ не одно сердце и немало благородныхъ мыслей возбудитъ въ молодыхъ умахъ. **О. П—въ.**

Семейный университетъ Ф. С. Комарскаго. Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія. Курсъ первый, выпуски 1—3. Спб. 1899.

Издатель сборника лекцій подъ заглавіемъ «Семейный университетъ», Ф. С. Комарскій, предпринялъ этотъ сборникъ съ цѣлью удовлетворить потребности въ общеобразовательномъ систематическомъ курсѣ лекцій по всѣмъ предметамъ знанія. Потребность эта очень велика, интересъ къ самообразованію расширяется у насъ съ каждымъ днемъ. На встрѣчу этому интересу выступили въ Москвѣ—комиссія по организаціи домашняго чтенія, выпустившая свои программы на первые три года и издавшая рядъ прекрасныхъ книгъ для чтенія и самообразованія. Въ Петербургѣ тоже составлены программы для самообразованія, изданныя особымъ отдѣломъ комитета педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Цѣль, которую поставилъ себѣ Ф. С. Комарскій, чрезвычайно симпатичная и заслуживаетъ полнаго сочувствія, но изданіе такого сборника дѣло очень сложное. Здѣсь не только требуется единство редакціи, тонъ всего сборника не только долженъ стоять на высотѣ современнаго уровня знаній, но онъ долженъ объединять всѣ курсы и отдѣлы.

Въ вышедшихъ 3-хъ выпускахъ мы находимъ 3 печ. листа химіи, 12 листовъ физики, 5 листовъ анатоміи, 5 листовъ антропологіи, 12 листовъ всеобщей исторіи и 4—русской, 4 листа всеобщей исторіи поэзіи, 5 листовъ исторіи русской словесности, 8 -политической экономіи, 3 листа уголовнаго права, 2 листа астрономіи, 4 листа зоологіи, 1 листъ ботаники и 2 листа психологіи животныхъ. «Лекціи» по всеобщей и русской исторіи составлены проф. Трачевскимъ. Къ сожалѣнію, эти лекціи представляютъ сокращенный учебникъ того же автора («Учебникъ исторіи»), а потому, какъ «лекціи», очень скучны.

Если въ учебникѣ автору не удалось выдвинуть культурно-соціальныхъ отношеній въ древнемъ мірѣ, то въ этихъ лекціяхъ слѣдовало бы обратить вниманіе на эту сторону, тѣмъ болѣе, что исторія Греціи обогатилась новымъ и замѣчательнымъ трудомъ Белоха (есть по-русски), сочиненіемъ Мейера, тоже переведеннымъ. Въ вышедшихъ 3-хъ выпускахъ исторія всеобщая доведена до имперіи Августа, а русская—до Іоанна III. Иное дѣло курсъ всеобщей исторіи поэзіи (составленъ П. И. Вейнбергомъ). Здѣсь авторъ поставилъ себѣ опредѣленныя рамки выбрать самыя крупныя явленія изъ исторіи поэзіи. Курсъ П. И. Вейнберга, несомнѣнно, является очень полезнымъ, такъ какъ у насъ, кромѣ Корша и Шерра, другой всеобщей исторіи литературы нѣтъ, а первыя двѣ слишкомъ велики для самообразованія. Написаны лекціи П. И. Вейнберга живо и читаются съ большимъ интересомъ.

Совершенно университетскій характеръ имѣетъ «Исторія русской словесности», составленная А. К. Бороздинымъ. Авторъ отводитъ цѣлыхъ четыре лекціи на разсмотрѣніе основныхъ вопросовъ, чего въ другихъ курсахъ «сборника» мы не видимъ,—начиная во 1) съ опредѣленія словесности, во 2) съ указанія пріемовъ ея изученія и въ 3) съ библіографіи вопроса, чрезвычайно важной и цѣнной. По всей справедливости, авторъ высоко ставитъ трудъ Пыпина. Давъ сжатую исторію развитія словесности, какъ науки, А. К. Бороздинъ, послѣ мастерской характеристики главныхъ періодовъ исторіи русской литературы, переходитъ къ древнѣйшей, домонгольской эпохѣ литературы. Когда мы указывали на единство редакціи, мы имѣли въ виду какъ-разъ курсъ А. К. Бороздина, вполнѣ доступный и въ то же время выдѣляющійся своею научной постановкой. Вмѣстѣ съ интереснымъ курсомъ П. И. Вейнберга онъ дастъ много полезнаго ищущимъ самообразованія.

Издается «Сборникъ» вполнѣ прилично, и цѣна (10 р.) за четыре выпуска, что̀ составитъ около 150 печ. листовъ, недорогая. Можно отъ души пожелать успѣха издателю. **П. А. К.**

Царь Павелъ I. Историческій романъ. Ѳедора Мундта. Спб. 1900.

Историческій романъ Ѳ. Мундта объ императорѣ Павлѣ I въ историческомъ отношеніи весьма слабъ. Многочисленные разговоры придворныхъ лицъ и самыя событія по роману лишены критической оцѣнки. Авторъ поверхностно изучилъ эпоху и не уяснилъ себѣ семейной драмы въ императорской фамиліи, начавшейся съ самаго рожденія Павла Петровича, когда его царственная бабушка, Елисавета, желая воспитать внука въ старозавѣтныхъ традиціяхъ, устранила отъ него всякое вліяніе просвѣщенной матери и приготовила изъ него соперника ей; когда сама Екатерина II, будучи императрицей, а Павелъ совершеннолѣтнимъ, видѣла въ немъ укоръ себѣ, постоянно напоминавшій ей о необходимости возведенія Павла на престолъ; когда въ самомъ Павлѣ постоянно росли опасенія за свою судьбу, еще болѣе усилившіяся по мѣрѣ возрастанія при Екатеринѣ вліянія Потемкина, добившагося торжественнаго удаленія Павла отъ престолонаслѣдія въ своихъ собственныхъ интересахъ, и когда,

наконецъ, сдѣлавшись императоромъ, Павелъ своимъ характеромъ вооружилъ противъ себя даже самыхъ близкихъ къ себѣ людей...

Эта семейная драма, конечно, легко можетъ воодушевить романиста, но Ѳ. Мундтъ совершенно не представляетъ себѣ ея смысла, написавъ романъ точно по учебнику. Эпизодическія части его романа иногда написаны очень живо; особенно тѣ, гдѣ Потемкинъ проситъ императрицу отпустить его то въ монастырь, то торжественно выйти за него замужъ, а законнаго цесаревича объявить неспособнымъ къ царствованію. Хороши сцены между Павломъ I и Суворовымъ, когда послѣдній своими выходками навлекаетъ на себя гнѣвъ императора, и когда его же потомъ Павелъ призываетъ «спасать царей», посылая противъ республиканской Франціи и т. д. Такихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, мастерски выполненныхъ, очень много въ романѣ, но значительная часть его представляетъ сухое хронологическое повѣствованіе о множествѣ событій, не мотивированныхъ историческимъ смысломъ семейной драмы императорскаго дома. Кромѣ того, авторъ вездѣ рисуетъ Павла «рѣдкой натурой» «великаго и чуднаго характера», полюбивъ которую «чувствуешь себя самого великимъ»... Такое освѣщеніе личности Павла I мѣшаетъ автору правильно понимать исторію его царствованія и обрисовать положеніе близкихъ къ нему людей, никогда не увѣренныхъ въ расположеніи къ нимъ императора и совершенно покинувшихъ его въ тяжкій день его кончины.

А. Фаресовъ.

П. И. Аландскій. Исторія Греціи. Изд. 2-е. Кіевъ. 1899.

Небольшой по объему (450 стр. in-8°) трудъ покойнаго доцента Кіевскаго университета Аландскаго вышелъ въ прошломъ году 2-мъ по смерти автора изданіемъ. Въ предисловіи своемъ издатели лекцій покойнаго своего товарища гг. Кулаковскій и Козловъ заявляютъ, что по рѣшенію историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра подъ ихъ редакціей напечатанъ третій, онъ же и послѣдній, изъ курсовъ греческой исторіи, читанныхъ покойнымъ одновременно въ университетѣ и на женскихъ курсахъ въ 1878—1879, 1880—1881, 1882—1883 учебныхъ годахъ; по ихъ же заявленію, общее теоретическое изложеніе особенно преобладаетъ въ этомъ курсѣ надъ изложеніемъ фактической исторіи въ хронологической послѣдовательности.

Дѣйствительно, читатель прежде всего встрѣчаетъ обширное введеніе, гдѣ на 93 страницахъ лекторъ даетъ сводъ своихъ и чужихъ представленій объ исторіи, какъ о наукѣ, говоритъ затѣмъ о предметѣ исторіи вообще, при чемъ онъ разсматриваетъ послѣдовательно моменты и виды развитія общественности и наконецъ устанавливаетъ понятіе «всеобщей политической исторіи» и «политической исторіи національной». Заканчивается введеніе обзоромъ источниковъ для политической исторіи грековъ, при чемъ указывается на необходимость крайней осмотрительности въ пользованіи ими. Приступая къ изложенію политической исторіи эллиновъ, Аландскій даетъ эпиграфъ изъ Мабли (...«Греція представляется вселенной въ маломъ видѣ, и исторія Греціи можетъ считаться за отличное сокращеніе всеобщей исторіи»). Это собственно и есть главная мысль, проходящая руководящей нитью черезъ весь

курсъ. Читатель встрѣтитъ здѣсь множество общихъ для всѣхъ временъ и народовъ выводовъ изъ фактовъ, занесенныхъ на страницы исторіи древней Греціи. Можно сказать, что во всемъ этомъ сочиненіи авторъ гораздо больше разсуждаетъ, чѣмъ разсказываетъ. Анализъ господствуетъ рѣшительно надъ синтезомъ, и въ читателѣ предполагается уже хорошее знакомство съ общеизвѣстнымъ ходомъ событій въ жизни древней Эллады. Странно только, почему вовсе не разсматриваются политическое устройство Спарты и измѣненія въ немъ; опущена и исторія внѣшнихъ войнъ. Главное вниманіе авторъ обращаетъ на развитіе государственнаго строя Аттики. Такимъ образомъ въ качествѣ богатаго мыслями и обработаннаго нерѣдко по первоисточникамъ пособія трудъ Аландскаго, дышащій благородствомъ независимаго, объективно-научнаго освѣщенія историческихъ явленій, можетъ быть рекомендованъ всѣмъ, стремящимся къ широкому развитію и видящимъ въ исторіи не только матеріалъ для запоминанія и знанія, но и стимулъ къ выработкѣ философски-просвѣщеннаго взгляда на смѣну историческихъ явленій. Слогъ этого сочиненія лишенъ блестокъ краснорѣчія, но достаточно легокъ и энергиченъ. Библіографическія указанія устарѣли, хотя и довольно обширны. Массы опечатокъ также можно было бы избѣжать, да и цѣну изданія (1 руб. 75 коп.) понизить. **И. А.**

Исторія Римской республики по Момсену; переводъ Н. Н. Шамонина. Вып. I. М. 1899.

Полный русскій переводъ «Römische Geschihte» Момсена по объему и цѣнѣ мало доступенъ для публики, а потому нельзя не привѣтствовать появленія въ печати сокращеннаго перевода «книги Момсена», изданнаго редакціей «Библіотеки для самообразованія». Римская исторія Момсена — трудъ научно-популярный, и какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ редакція. Художественное изложеніе—необходимое условіе успѣшнаго распространеніе серіознаго научнаго сочиненія въ массѣ публики. Такихъ сочиненій: научныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ художественныхъ, — немного. Момсенъ же извѣстный историкъ, юристъ и въ то же время крупный художникъ; изложеніе его сочиненій, увлекательное и картинное, неоцѣнимо, особенно въ виду педагогическихъ цѣлей.

«Римская исторія», вышедшая въ трехъ томахъ въ 50-хъ годахъ, переизданная семь разъ, была переведена на иностранные языки, въ томъ числѣ и на русскій. Такъ какъ времени появленія книги прошло болѣе 40 лѣтъ, то, конечно, благодаря позднѣйшимъ изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ, взглядъ на многое успѣлъ измѣниться; кромѣ того, авторъ, горячій сторонникъ извѣстной партіи, нерѣдко оцѣниваетъ факты римской исторіи съ точки зрѣнія нѣмецкаго націоналъ-либерала и часто впадаетъ въ противорѣчія, на что указываетъ Гастонъ Буассье въ его извѣстной рецензіи въ «Revue des Deux Mondes». Г.Шамонинъ въ предисловіи предостерегаетъ читателя отъ увлеченія нѣкоторыми сторонами изложенія Момсена. Сдѣланныя значительныя сокращенія текста при переводѣ въ общемъ не принесли значительнаго ущерба, такъ какъ пропущены

только устарѣлые отдѣлы; выпущены главы по внѣшней исторіи, содержаніе которыхъ встрѣчается въ учебникахъ, наиболѣе спеціальныя главы по внутренней исторіи; всѣ же наиболѣе цѣнныя страницы, касающіяся юридическихъ учрежденій государства, борьбы сословій и партій, а также всѣ блестящія характеристики историческихъ дѣятелей и событій сохранены вполнѣ.

«Исторія Римской республики» по Момсену въ переводѣ Н. Н. Шамонина — весьма цѣнное пріобрѣтеніе для русскаго книжнаго рынка. Первый выпускъ кончается Гракхами. Издана книга чрезвычайно изящно. **Д. К. Е.**

Адольфъ Гельдъ. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Перев. съ нѣмецкаго Спб. 1899.

Названное сочиненіе Гельда, представителя историко-этической школы экономистовъ, есть переводъ второй части его извѣстного труда: «Двѣ книги по соціальной исторіи Англіи». Первая изъ этихъ книгъ, которая скоро появится въ переводѣ, есть исторія идей и соціальныхъ движеній въ Англіи во второй половинѣ XVIII вѣка и первой трети XIX. Вторая, выдѣленная переводчикомъ въ отдѣльную книгу, даетъ замѣчательно яркую картину той эпохи соціальнаго развитія Англіи, когда въ ней совершался переходъ отъ мелкой ремесленной промышленности къ крупному капиталистическому производству.

Изучивъ массу различнаго историческаго матеріала, Гельдъ даетъ сначала характеристику стараго ремесленнаго строя, представивъ его во всей полнотѣ, затѣмъ переходитъ къ распаденію цехового строя и вырожденію меркантилизма. Превосходны три послѣднія главы, изображающія побѣду крупнаго капитала и возникновеніе фабричной промышленности, въ связи съ положеніемъ фабричныхъ рабочихъ. Выводъ, къ которому приводитъ книга Гельда, сводится къ тому, что важнѣйшими причинами промышленной революціи въ Англіи были расширеніе сбыта и развитіе денежнаго хозяйства.

Крупное производство есть порожденіе торговаго капитала, а не машины и не механическихъ движеній, явившихся лишь средствомъ для капитала. «Великая и еще не рѣшенная задача заключается не только въ томъ», говоритъ авторъ, «чтобы привлечь рабочихъ и неимущихъ къ участію въ плодахъ увеличивающагося богатства, но въ особенности и прежде всего въ томъ, чтобы вселить въ новый господствующій классъ энергическое сознаніе его политическихъ и соціальныхъ обязанностей, превратить этотъ классъ, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи и постепенно, изъ олигархіи, болѣе или менѣе безучастной, въ дѣйствительную аристократію» (279 стр.) Въ концѣ книги приложена очень интересная лекція Гельда, прочитанная въ Берлинѣ 21 февраля 1880 г. о ремеслѣ и крупной промышленности, гдѣ авторъ доказываетъ, что старая добрая поговорка—«съ ремесломъ не пропадешь», уже не вѣрна, что невозможно возстановленіемъ стараго цехового права возстановить и прежнее процвѣтаніе цехового производства. Но, прибавляетъ авторъ справедливо зато другое положеніе: «съ честнымъ ремесломъ не пропадешь», а принципъ этотъ можетъ получить примѣненіе, благодаря корпораціямъ и организаціямъ. Издана и переведена книга хорошо. **К.**

Полное собраніе сочиненій А. Θ. Погосскаго, въ четырехъ томахъ, съ портретомъ и біографіей автора. Спб. 1899.

Изданіе полнаго собранія сочиненій покойнаго Погосскаго является событіемъ чрезвычайно отраднымъ въ нашей народной литературѣ, такъ небогатой талантами. Личность Погосскаго представляетъ собою такую крупную величину, талантъ его былъ такъ своеобразенъ и, къ тому же, покойный писатель потрудился такъ много для народа вообще, а для солдатъ въ особенности, что мы находимъ далеко не излишнимъ вспомнить еще разъ, какъ о его сочиненіяхъ, такъ и о немъ самомъ.

Тяжелую и суровую школу прошелъ покойный Погосскій въ своей жизни. Происходя изъ дворянъ Витебской губерніи, Александръ Θомичъ былъ привезенъ, въ 1822 году, шести лѣтъ отъ роду, въ Петербургъ и принятъ въ очень богатый и аристократическій домъ Марковыхъ, гдѣ и получилъ прекрасное начальное образованіе. Блестящимъ образомъ подготовленный, онъ поступилъ въ называвшееся тогда «высшимъ» училище, переименованное впослѣдствіи во вторую гимназію. Затѣмъ, «по нѣкоторымъ обстоятельствамъ»,— какъ говоритъ его біографъ,—долженъ былъ, не кончивъ курса, выйти изъ училища и, шестнадцати лѣтъ отъ роду, поступить рядовымъ въ одинъ изъ финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ... Такой крутой переходъ—изъ «высшаго» училища и аристократической среды попасть въ грубую и суровую солдатскую среду—могъ бы очень легко, повидимому, сломить силы и организмъ каждаго человѣка; но, къ счастію для Погосскаго, его нѣжная, почти дѣтская, натура выдержала этотъ тяжелый переломъ, — благодаря, главнымъ образомъ, той любви и нѣжности, которыми его окружила именно эта грубая и суровая среда — русскаго солдата, заботившагося о немъ, несчастномъ барчукѣ, съ нѣжностью няньки или доброй сестры милосердія. Самъ Погосскій приводилъ, впослѣдствіи, нѣсколько трогательныхъ случаевъ любви къ нему этихъ съ виду грубыхъ и черствыхъ солдатскихъ сердецъ. И вотъ тогда-то и зародилась, взаимно, въ самомъ Погосскомъ беззавѣтная любовь къ русскому солдату; любовь эта сохранилась въ немъ до конца жизни и проходитъ бѣлою нитью во всѣхъ его разсказахъ и сочиненіяхъ, посвященныхъ народу вообще и русскому солдату въ частности.

Цѣлыхъ восемь лѣтъ довелось тянуть тяжелую солдатскую лямку несчастному Погосскому — и изъ нихъ первые четыре года рядовымъ!.. Когда читаешь, въ предисловіи къ сочиненіямъ А. Θ., о всѣхъ тѣхъ ужасахъ и звѣрствахъ, какіе существовали въ тѣ времена въ арміи, при обученіи многострадальныхъ нашихъ солдатъ, то невольно изумляешься, какъ не одичалъ духомъ и не очерствѣлъ сердцемъ талантливый юноша, попавшій въ этотъ міръ ежедневныхъ палочныхъ наказаній и прогнаній сквозь строй—за самые, иногда, маловажные проступки, въ родѣ, напримѣръ, запамятованія мудреной фамиліи какого нибудь начальника или самовольной отлучки изъ роты, подъ вліяніемъ тоски по родинѣ... И какъ, должно быть, сильно тлѣлъ божественный огонь въ сердцѣ этого юноши, этого мальчика-солдата, если онъ не только не угасъ въ немъ, но еще и вспыхнулъ яркимъ свѣтомъ, какъ только представилась первая возможность, т.-е. какъ только онъ освободился отъ солдатчины!..

На литературное поприще покойный Погосскій выступилъ въ 40-хъ годахъ, начавъ сотрудничать въ «Чтеніи для солдатъ», гдѣ былъ напечатанъ его первый разсказъ «Репетичка». Въ 1845 году онъ издалъ отдѣльною книжечкою походную сказку «Жизнь безъ горя и печали». Сказка эта имѣла большой успѣхъ,—и бывшій рядовой Погосскій, по ходатайству великаго князя Михаила Павловича, получилъ за нее отъ государя подарокъ. Затѣмъ, въ 1855 году, въ «Журналѣ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній», были помѣщены «Солдатскія замѣтки» Погосскаго. Эти замѣтки произвели положительный фуроръ, и императоръ Александръ Николаевичъ, бывшій еще тогда наслѣдникомъ цесаревичемъ, объявилъ Александру Ѳомичу «искреннюю благодарность».

Въ «Солдатскихъ замѣткахъ» публика впервые ознакомилась съ прекраснымъ простонароднымъ языкомъ Погосскаго. До этихъ «замѣтокъ» солдатъ нашъ не видѣлъ и не читалъ ничего подобнаго: основанія солдатской службы излагались до Погосскаго въ спеціальныхъ книжкахъ сухимъ, казеннымъ языкомъ и заучивались наизусть солдатиками, на что требовались, конечно, большія умственныя усилія; между тѣмъ, Погосскій объясняетъ въ этихъ «замѣткахъ» солдату разные вопросы его службы и жизни языкомъ его же, солдатскимъ, и вполнѣ понятнымъ.

Съ 1859 года Погосскій началъ писать повѣсти обще-литературнаго характера и содержанія, а въ 1860 году появился его знаменитый разсказъ «Первый винокуръ». Въ томъ же году вышли его разсказы «Воскресныя школы», мысль о которыхъ далъ онъ же, Александръ Ѳомичъ Погосскій, первый искренній радѣтель блага и просвѣщенія народнаго, назначенный вскорѣ учредителемъ и главнымъ руководителемъ этихъ школъ.

Съ наступленіемъ великой эпохи освобожденія крестьянъ, Погосскій сталъ выпускать свои извѣстныя книжки «Солдатской бесѣды», гдѣ и работалъ съ тѣмъ увлеченіемъ и энергіей, которыя были вообще такъ присущи его живой и всегда одушевленной натурѣ. Появившимися въ это время его статьями — «Ложь—воровство», «Собачій застрѣльщикъ», «Отставное счастье» и «Бесѣда съ сосѣдомъ о шуткѣ и дѣлѣ»—молодые солдаты зачитывались съ жадностью и съ увлеченіемъ, видя въ нихъ «душевный» разговоръ своего же брата—солдата.

Съ 1867 до 1874 года Погосскій помѣщалъ свои произведенія въ журналѣ «Досугъ и Дѣло», а также и въ «Военномъ Сборникѣ».

Въ 1873 году А. Ѳ. Погосскій, въ виду особаго значенія его педагогической и литературной дѣятельности, былъ назначенъ инспекторомъ экипажныхъ школъ грамотности въ балтійскомъ флотѣ. Но и это серіозное назначеніе не оторвало его отъ излюбленной имъ дѣятельности, въ которую онъ вложилъ всю свою душу, — отъ изданія солдатскаго журнала «Досугъ и Дѣло», — въ которомъ онъ и продолжалъ работать попрежнему, не покладая рукъ. Послѣднимъ произведеніемъ покойнаго труженика была «Оборона Севастополя» — лекціи, читанныя А. Ѳ. въ аудиторіи Соляного городка.

Погосскій скончался скоропостижно, 26-го августа 1874 года, 58-ми лѣтъ отъ роду, полный еще силъ и энергіи, по словамъ его біографа, «юный

духомъ и всегда готовый приносить новыя жертвы на алтарь блага народнаго».

Сочиненія покойнаго писателя издаются довольно изящно; портретъ, помѣщенный при первомъ томѣ, очень схожъ. **И. З.**

Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній. И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1900.

Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Захарьинъ, между прочимъ, говоритъ, что эти его «Записки», при своемъ первоначальномъ появленіи въ печати, въ «Русской Старинѣ», были привѣтствованы добрыми отзывами со стороны большинства русской печати и даже польской (газета «Край»),—и это вниманіе доказываетъ,—объясняетъ авторъ,—что «скромный трудъ не пропалъ безслѣдно и былъ замѣченъ». О самомъ же содержаніи своего труда г. Захарьинъ говоритъ, что это—«не ученый трактатъ на тему исправленія «недостатковъ и несовершенствъ» нашихъ судебныхъ уставовъ, а равно и не легкія жанровыя «сцены» въ судейской камерѣ; что въ своихъ запискахъ онъ не ограничивался однимъ лишь повѣствованіемъ о своей судебной дѣятельности—часто механической и формальной,—а старался изобразить и тѣ условія и лица, среди коихъ проходила его жизнь и служба того времени, а равно и нарисовать, по возможности, полную картину чиновничьяго быта въ глухомъ городкѣ Юго-Западнаго края, въ послѣдніе годы царствованія Александра II».

Слѣдуетъ отдать справедливость автору, что изображаемая имъ «картина» вышла, дѣйствительно, очень полная, и на фонѣ ея, въ большинствѣ, нарисованы фигуры мрачныя и далеко не симпатичныя, къ каковымъ слѣдуетъ отнести, прежде всего, русское чиновничество, служившее въ то время (слишкомъ 20 лѣтъ назадъ) въ Подоліи, а равно и православное духовенство, составлявшее, по отзыву г. Захарьина, совершенный контрастъ съ скромнымъ и трудолюбивымъ православнымъ же духовенствомъ Бѣлоруссіи, описаннымъ тѣмъ же авторомъ въ его «Запискахъ о Бѣлоруссіи».

Еще болѣе несимпатичными изображаются въ книгѣ г. Захарьина мѣстные евреи, разорившіе дотла всѣхъ мѣщанъ заштатнаго города Хмѣльника (гдѣ авторъ служилъ мировымъ судьею). Исполненными глубокаго трагизма являются сцены, происходившія въ камерѣ судьи, когда ему приходилось постановлять рѣшенія по двойнымъ векселямъ, выданнымъ крестьянами евреямъ, давно оплаченнымъ, но подъ разными предлогами не возвращеннымъ и не уничтоженнымъ. Въ такихъ случаяхъ, судьѣ не разъ приходилось постановлять несправедливыя рѣшенія,—и жертвами этой несправедливости являлись исключительно крестьяне. Въ то время еще не былъ изданъ спеціальный законъ о ростовщичествѣ, и безбожные вторичные иски и взысканія по двойнымъ и по давно оплаченнымъ векселямъ, вчинаемые евреями, представляли собою заурядное явленіе.

«Мы, судьи,—говоритъ г. Захарьинъ,—вынуждены были тогда постановлять рѣшенія, завѣдомо несправедливыя, противныя правдѣ и совѣсти. Я хорошо помню вопль жены одного несчастнаго крестьянина, присутствовавшей въ ка-

мерѣ при заочномъ разборѣ дѣла, такъ какъ мужъ ея лежалъ тяжко больной и не могъ явиться на судъ, когда я опредѣлилъ взыскать съ отсутствующаго отвѣтчика, ея мужа, 150 рублей, въ счетъ коихъ было получено всего 75, да и тѣ давно были отработаны съ процентами—возкою кирпича съ завода; я помню проклятія этой женщины, посылаемыя на голову еврея, преспокойно стоявшаго передъ судейскимъ столомъ въ ожиданіи прочтенія постановляемаго опредѣленія; а когда я прочелъ это опредѣленіе, то по злобному взгляду, брошенному мнѣ этою несчастною женщиной, я видѣлъ ясно, что она была убѣждена въ томъ, что дѣло ея рѣшено мною лицепріятно. Когда, затѣмъ, я сталъ объяснять ей по обязанности судьи, что ея мужъ можетъ просить меня о новомъ разборѣ дѣла, или же перенести его въ съѣздъ, то она громко во всеуслышаніе заявила, что будетъ жаловаться не только въ съѣздъ, но «и губернатору, и самому царю на такого судью, который судитъ не по правдѣ». Сколько нужно было имѣть хладнокровія и терпѣнія, чтобы переносить молча эти незаслуженныя оскорбленія!.. (стран. 165).

Темнотѣ народной, существовавшей въ тѣ времена въ гор. Хмѣльникѣ (и, можетъ быть, существующей и понынѣ), г. Захарьинъ отводитъ также нѣсколько страницъ въ своемъ интересномъ трудѣ. Вотъ, напримѣръ, какая сцена наблюдалась авторомъ на площади того же города, въ базарный день:

«Простой народъ, городскіе мѣщане и деревенскіе мужики и бабы лѣчились чаще всего у хмѣльникскихъ фельдшеровъ и обыкновенныхъ цирульниковъ во время базарныхъ дней и чаще всего кровопусканіемъ. Вампиры эти открыто расхаживали по базару, обвѣшанные, на поясахъ, орудіями своего страшнаго ремесла—ножами и ланцетами. Однажды проходя по базару, я слышалъ, какъ одна деревенская баба давала, въ простотѣ души своей, слѣдующій совѣтъ другой бабѣ, видимо больной, собиравшейся лѣчиться: «Не ходи, сердце, до Берки, а идь до Зуся: бо Берка беретъ 40 грошей (20 к.), а Зусь только злотъ (15 к.), а крови больше выпускаетъ, чѣмъ той за сорокъ грошей...». И все это происходило всего лишь въ 50-ти съ чѣмъ-то верстахъ отъ мѣста, гдѣ, въ невольномъ вынужденномъ бездѣйствіи, жилъ и угасалъ яркій свѣточъ науки и медицины, Николай Ивановичъ Пироговъ, которому въ Винницкомъ и Литинскомъ уѣздахъ Подольской губерніи принадлежали два небольшихъ имѣнія» (стр. 52).

Но есть и иныя картины въ книгѣ г. Захарьина, далеко не столь мрачныя, хотя и не менѣе характерныя.

Такъ, г. Захарьинъ разсказываетъ исторію, происшедшую въ его время въ томъ же городѣ Литинѣ (къ уѣзду коего принадлежалъ заштатный городъ Хмѣльникъ), исторію съ удивительнымъ «ревизоромъ», командированнымъ властями для обревизованія дѣлъ и книгъ мѣстнаго полицейскаго управленія. Этотъ эпизодъ настолько интересенъ, что мы приводимъ его здѣсь въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

«Въ тѣ времена въ Каменецъ-Подольскѣ находился въ почетной ссылкѣ, замаскированной назначеніемъ на должность совѣтника губернскаго правленія, извѣстный русскій богачъ, едва ли даже не самый богатый человѣкъ во всей Россіи—П. П. Демидовъ, князь Санъ-Донато. И вотъ, чтобы чѣмъ нибудь за-

нять и развлечь этого необычайнаго «совѣтника», ему дано было порученіе обревизовать литинское уѣздное полицейское управленіе. Такъ какъ всѣ ревизіи принято дѣлать внезапно, то и объ этой, конечно, никто въ Литинѣ предупрежденъ не былъ.

«Самая личность «ревизора» была изъ ряда выходящей по своей эксцентричночти и экстраординарности: при кососсальномъ богатствѣ, этотъ чисто-русскій человѣкъ былъ въ то же время очень добрымъ, довѣрчивымъ и крайне лѣнивымъ человѣкомъ—лѣнивымъ до того, что держалъ при себѣ безотлучно очень ловкаго, умнаго и образованнаго домашняго секретаря, который не только писалъ и говорилъ за Демидова, но и распоряжался также и всѣми частными дѣлами своего патрона въ его домѣ.

«Князь Санъ-Донато выѣхалъ на ревизію въ каретѣ четверикомъ; сзади ѣхало нѣсколько дополнительныхъ экипажей—съ кухнею и канцеляріей, съ поваромъ, лакеями и постелями. Литинъ отстоитъ отъ Каменца въ 150-ти верстахъ слишкомъ, и, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ въ обоихъ этихъ городахъ, ревизору предстояло совершить свой путь по грунтовымъ дорогамъ, мѣняя лошадей на почтовыхъ станціяхъ.

«Почти всю дорогу Демидовъ спалъ крѣпкимъ сномъ, и проснулся и вполнѣ опомнился только тогда, когда подъѣзжалъ къ самому Литину. Тутъ между нимъ и его секретаремъ, сидѣвшимъ съ нимъ рядомъ въ каретѣ, произошелъ слѣдующій діалогъ.

— «Мы, кажется, подъѣзжаемъ уже къ Литину?—спросилъ ревизоръ.

— «Такъ точно, ваше сіятельство.

— «Скажите мнѣ, однако, что мы будемъ дѣлать въ этомъ городишкѣ.

— «Ваше сіятельство должны будете обревизовать тамошнее полицейское управленіе.

— «Гм... Знаете ли что? возьмите, пожалуйста, эту ревизію на себя: отправляйтесь прямо въ эту полицію, обревизуйте тамъ ее какъ слѣдуетъ, а я проѣду въ какую нибудь гостиницу и стану ожидать васъ къ ужину.

— «Этого никакъ нельзя. Я могу дѣлать за ваше сіятельство все что угодно, но... ревизовать — боюсь: можетъ выйти уголовное дѣло. Меня, наконецъ, могутъ принять за Хлестакова.

— «И, помилуйте! все это пустяки. Обревизуйте ихъ тамъ какъ нибудь—и кончено! Поймите одно: я никогда и никого не ревизовалъ въ моей жизни, даже моихъ управляющихъ,—и не знаю вовсе, какъ приступить къ этому дѣлу.

— «Воля ваша, никакъ не могу. Извольте уже побезпокоиться сами... Это очень просто.—И тутъ ловкій секретарь довольно тонко изложилъ передъ своимъ принципаломъ всю программу предстоящей ему нехитрой дѣятельности при ревизіи.

«Кортежъ между тѣмъ въѣхалъ въ узкія и немощеныя улицы полуеврейскаго города Литина и направился, согласно приказанію Демидова, прямо къ дому, занимаемому полицейскимъ управленіемъ.

«На дворѣ были уже сумерки. Карета четверикомъ, съ нѣсколькими экипажами позади, остановилась у полицейскаго управленія и произвела, конечно,

надлежащую сенсацію. Старикъ сторожъ, изъ отставныхъ унтеровъ, отперъ, по требованію Демидова, комнату присутствія, а самъ полетѣлъ стремглавъ къ секретарю управленія, жившему неподалеку; Демидовъ же и его спутникъ вошли въ полутемный залъ присутствія и усѣлись за большимъ столомъ, на которомъ, по обыкновенію, помѣщалось зерцало. Во всемъ домѣ не было ни души.

— «Это, однако, скучно,—замѣтилъ Демидовъ:—кого же мы будемъ ревизовать, когда здѣсь нѣтъ ни одного человѣка?

— «Погодите, ваше сіятельство, сторожъ вѣдь побѣжалъ куда-то... вѣроятно, кто нибудь явится.

— «Ахъ, кабы поскорѣй!

«Князь, не снимая своей причудливой соломенной шляпы, досталъ сигару и закурилъ.

— «Какая здѣсь неудобная мебель!—замѣтилъ онъ, ворочаясь въ жесткомъ креслѣ и укладывая затѣмъ обѣ ноги на столъ, покрытый форменнымъ краснымъ сукномъ.

«Въ этотъ моментъ, въ присутствіе вошелъ секретарь полиціи, старенькій человѣчекъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ, служившій въ этой должности болѣе 20-ти лѣтъ. Онъ вошелъ—и обомлѣлъ!.. Какъ! за присутственнымъ столомъ, на которомъ помѣщается зерцало, сидитъ, положивъ ноги на этотъ самый священный столъ, какой-то неизвѣстный, страннаго вида человѣкъ, одѣтый въ коротенькій шелковый пиджакъ, съ соломенною шляпой на головѣ и съ сигарою во рту!.. Двадцать слишкомъ лѣтъ онъ, секретарь, прослужилъ здѣсь и не видѣлъ подобнаго оскверненія и поруганія присутственной комнаты полицейскаго управленія!.. Не стерпѣлъ старикъ и не смогъ молча перенести эту горькую и кровную обиду полицейской святыни!—живо надѣлъ онъ свой форменный съ кокардою картузъ, молча досталъ изъ кармана коротенькую трубочку, набилъ ее табакомъ, закурилъ, подошелъ къ противоположному концу стола, сѣлъ въ кресло, закинулъ также, обѣ свои ноги на сосѣдній стулъ и, уставившись въ Демидова, сталъ попыхивать своею «люлькой»... Сторожъ стоялъ вытянувшись въ дверяхъ и оторопѣло посматривалъ на эту нѣмую и небывалую еще сцену...

«Князь Санъ-Донато прервалъ молчаніе первый.

— «Здравствуйте!—проговорилъ онъ, обращаясь къ старичку чиновнику.

— «Здравствуйте!—отвѣтилъ старичекъ.

— «Вы мнѣ очень нравитесь,—продолжалъ князь, улыбаясь.

— «А вы мнѣ очень не нравитесь,—отвѣчалъ секретарь полиціи серіозно и спокойно.

— «Позвольте вамъ рекомендоваться: я — Демидовъ, князь Санъ-Донато, совѣтникъ подольскаго губернскаго правленія.

— «А я—секретарь здѣшняго полицейскаго управленія и тоже совѣтникъ—титулярный,—отвѣчалъ старичекъ, кивая головою въ сторону князя, но не снимая картуза.

— «Мнѣ поручено обревизовать ваше управленіе,—сказалъ, наконецъ, Демидовъ, принявъ строгій тонъ.

— «Нечего насъ ревизовать!—рѣзко отвѣтилъ ему старичекъ секретарь:— у насъ все въ порядкѣ. Я служу здѣсь 23 года, и никто меня никогда не ревизовалъ, кромѣ губернатора, да и то, это дѣлалось для проформы только.

«Демидовъ такъ и просіялъ весь:—Я съ вами совершенно согласенъ, вполнѣ!.. Знаете ли, что? — напишите-ка, пожалуйста, сами все, что нужно въ доказательство того, что я у васъ былъ и ревизовалъ, и принесите все это ко мнѣ въ гостиницу подписать... Сегодня же, если можно, мы и покончимъ все это непріятное дѣло!—съ этими словами князь принялъ со стола ноги, всталъ съ кресла и направился къ дверямъ.

— «Прощайте, почтеннѣйшій!—кивнулъ онъ головою секретарю полиціи, уходя изъ присутствія.

— «Прощайте и вы!—отвѣтилъ вслѣдъ Демидову старичекъ, не измѣняя позы и не выпуская «люльки» изо рта.

«Вскорѣ, въ еврейскую гостиницу, гдѣ остановился Демидовъ, князь Санъ-Донато, собрались, конечно, всѣ мѣстныя власти съ исправникомъ во главѣ. «Ревизоръ» принялъ ихъ очень любезно и оставилъ «на чашку чая», а на другой день утромъ живо и не читая подписалъ донесеніе губернатору объ исполненіи «возложеннаго на него порученія по обревизованію литинскаго уѣзднаго полицейскаго управленія»—и тотчасъ же уѣхалъ обратно въ Каменецъ-Подольскъ. Этимъ и закончилась вся «ревизія»... (стр. 137—145).

Въ общемъ, книга г. Захарьина представляетъ собою цѣльную картину, на фонѣ которой проходятъ и крупныя фигуры, какъ Н. И. Пироговъ, К. П. П—евъ, кн. П. П. Демидовъ-Санъ-Донато, гр. Н. В. Левашовъ, гр. Móрковъ,—и рядомъ съ ними мелкіе «дѣльцы» изъ мѣстныхъ чиновниковъ и адвокатовъ, и воинствующіе «батюшки», и евреи и разоренные ими городскіе мѣщане и жители деревень — крестьяне... Написанныя живымъ и яркимъ слогомъ, «записки и воспоминанія» талантливаго писателя о его жизни и службѣ въ Подоліи представляютъ собою такой интересный трудъ, какіе появляются у насъ не часто.

В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Данте, какъ человѣкъ.—Мусульманское происхожденіе іезуитовъ.—Автобіографія Мильтона.—Отношенія англичанъ и голландцевъ въ прошедшемъ.—Карлъ XII въ Альтранштедтѣ.—Мужъ Дюбарри.—Невѣдомый Латюдъ.—Нѣмецкая книга объ Александрѣ I.—Фридрихъ-Вильгельмъ III и королева Луиза.—Наполеоніана.—Придворная интрига при Людовикѣ XVIII.—Верховный судъ во время іюльской монархіи.—Что видѣлъ Викторъ Гюго.—Изъ переписки графа Эйленбурга.—Военная служба и плѣнъ Поля Деруледа.—Воспоминанія англійскихъ современниковъ.—Смерть Дроза.

АНТЕ, какъ человѣкъ. Обширная Дантовская литература уже обогатилась значительнымъ вкладомъ въ немногіе дни новаго года. Одинъ изъ ревностныхъ англійскихъ изслѣдователей величайшаго итальянскаго поэта, Д. Гаганъ, напечаталъ въ одномъ томѣ обстоятельную біографію Данте и добросовѣстный анализъ всѣхъ его произведеній въ стихахъ и прозѣ [1]). Такимъ образомъ читатель, не прибѣгая къ многочисленнымъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, можетъ въ этой небольшой книгѣ вполнѣ познакомиться съ колоссальной фигурой творца «Божественной комедіи». Наибольшее вниманіе авторъ обращаетъ на Данте, какъ на человѣка, и очень симпатично разсказываетъ то немногое, что намъ извѣстно объ его печальной, но вполнѣ достойной жизни. Родившись во Флоренціи, въ 1265 году, Данте (сокращеніе итальянскаго имени Дуранте) Алигіери былъ сыномъ профессора права и принадлежалъ къ старинной благородной семьѣ, не имѣвшей однако большого значенія, хотя онъ самъ впослѣдствіи увѣрялъ, что принадлежалъ къ одному изъ зна-

[1]) The life and works of Dante Alighieri, by G. Hagan. London. 1900.

менитѣйшихъ родовъ Флоренціи. Объ его матери извѣстно только, что ее звали Бэллой, и даже ея фамилія остается тайной. Лишившись обоихъ родителей въ дѣтствѣ, будущій поэтъ былъ оставленъ на попеченіе извѣстнаго государственнаго человѣка и ученаго Бруннето Латини. Подъ руководствомъ своего почтеннаго опекуна Данте пріобрѣлъ основы тѣхъ энциклопедическихъ знаній, которыми блестятъ всѣ его произведенія, и развилъ ихъ въ университетахъ Падуанскомъ, Болоньскомъ и Парижскомъ, гдѣ онъ преимущественно изучалъ философію и богословіе. Но такая основательная подготовка не сдѣлала его педантомъ. Вернувшись изъ Парижа, онъ принялъ участіе въ защитѣ Флоренціи отъ нападенія обитателей Ареццо и сражался въ рядахъ своихъ соотечественниковъ въ битвѣ при Кампальдино и при осадѣ Каприны, хотя въ то время управляла Флоренціей партія гвельфовъ. Но Данте мало-помалу перешелъ въ противоположный лагерь гибелиновъ, въ которомъ находились его друзья поэты: Чино-да-Пистойя, Пидо Кавальканти и Ланно Джійани. Всѣ они вѣрили, что спасеніе Флоренціи и Италіи заключалось въ покровительствѣ германскаго императора, и Данте, усвоивъ себѣ эту политическую теорію, проходящую черезъ всѣ его сочиненія, сдѣлался выдающимся гибелиномъ. Между тѣмъ онъ встрѣтилъ предметъ своей дѣтской любви, Беатричію Портинари, которую онъ полюбилъ осьмилѣтней дѣвочкой, когда ему было девять лѣтъ. Хотя, повидимому, онъ велъ юношей очень разгульную жизнь, подобно Шекспиру, но, увидавъ снова Беатричію, Данте воспылалъ къ ней пламенной любовью. Она сдѣлалась его музой, и его первое произведеніе «Vita nuova», сборникъ поэмъ, элегій и канцонетъ, посвящено исключительно этой возвышенной, цѣломудренной и платонической любви. Беатричія, однако, вышла замужъ за Симона Барди и вскорѣ умерла. Хотя Данте впослѣдствіи и женился на Джеммѣ Донати, но онъ никогда не воспѣвалъ ее въ своихъ произведеніяхъ, какъ и Шекспиръ своей жены Анны Гитавэй, а Беатричія постоянно оставалась предметомъ его вдохновенія, такъ что въ «Божественной комедіи» она является олицетвореніемъ небеснаго откровенія. Политическая дѣятельность великаго флорентинца не была счастливѣе его любви. Мало-помалу онъ сдѣлался политической силой во Флоренціи, и это было причиною всѣхъ послѣдующихъ его несчастій. Въ 1300 году гибелины взяли верхъ надъ гвельфами, обычно повелѣвавшими надъ Флоренціей, и Данте былъ поставленъ во главѣ новаго правленія. Мало того, что поэтъ сдѣлался правителемъ, онъ еще самъ нашелъ нужнымъ превратиться въ дипломата и отправился въ Римъ съ цѣлью заручиться помощью папы Бонифація VIII. Но это посольство не увѣнчалось успѣхомъ, такъ какъ Бонифацій держалъ сторону Гвельфовъ и побудилъ Карла Валуа, брата французскаго короля, явиться во Флоренцію и возстановить тамъ огнемъ и мечемъ власть гвельфовъ. Естественно, что Данте возненавидѣлъ Бонифація и, подвергнувшись изгнанію изъ Флоренціи, никогда болѣе туда не возвращался. Тутъ начались его знаменитыя странствованія. Онъ жилъ то въ одномъ гибеллинскомъ замкѣ, то въ другомъ, посвящая свои досуги сочиненію «Божественной комедіи». Послѣ неудачной попытки гибеллиновъ въ 1304 году овладѣть Флоренціей съ оружіемъ въ рукахъ, Данте отправился въ Парижъ, а когда императоръ Генрихъ VII вступилъ на престолъ и задался мыслью завоевать Апеннинскій полуостровъ,

то Данте вернулся въ Италію и сталъ всячески словомъ и перомъ подстрекать итальянскихъ князей принять сторону императора. По всей вѣроятности, въ это время онъ написалъ свой прозаическій трудъ: «De monarchia». Но, хотя Ломбардія и Миланъ подчинились императору, Флоренція сопротивлялась ему, и его армія разсѣялась, благодаря чумѣ. Онъ удалился и умеръ, а поддерживающій его поэтъ окончательно отказался отъ политической дѣятельности. Остальные годы своей жизни Данте провелъ въ Веронѣ и Равеннѣ. Когда же Флоренція предложила ему амнистію подъ условіемъ заплатить пеню и подчиниться унизительному обычаю прощенія преступниковъ, то онъ гордо отвѣчалъ: «Не такимъ путемъ я вернусь во Флоренцію. Если вы найдете для Данте способъ вернуться съ честью и славой, то онъ воспользуется имъ. Въ противномъ случаѣ я никогда болѣе не переступлю воротъ своего города. Точно я не могу видѣть и въ другомъ мѣстѣ солнечныхъ лучей и мерцаніе звѣздъ? Точно я не могу гдѣ угодно размышлять о жизненной правдѣ, не подчиняясь игу Флоренціи, которая хочетъ лишить меня моей славы и покрыть позоромъ. Нѣтъ, я на это не пойду, даже если бы у меня не было куска хлѣба». У равенскаго князя, Гвидо Новелло, Данте нашелъ гостепріимный пріютъ и спокойно окончилъ свою «Божественную комедію», въ которой онъ, съ одной стороны, затронулъ глубочайшіе вопросы богословія и философіи, а съ другой представилъ картину нравственнаго и общественнаго состоянія Италіи, со всѣми тогдашними злоупотребленіями, церковными и административными. Какъ первое посольство привело его къ изгнанію, такъ онъ умеръ вслѣдствіе второго. По порученію Гвидо Новелло, онъ отправился его представителемъ въ Венецію въ 1321 году, вернулся больной и умеръ 14 сентября въ Равеннѣ, которая до сихъ поръ сохранила его останки, несмотря на всѣ усилія Флоренціи вернуть себѣ хоть мертвымъ своего величайшаго гражданина и одного изъ первыхъ поэтовъ всего свѣта.

— Мусульманское происхожденіе іезуитовъ. Много было писано во Франціи противъ іезуитовъ отъ Паскаля до Мишле и Кине, но всѣ изучавшіе интересные вопросы: кто такіе іезуиты, откуда они происходятъ и куда стремятся, не вполнѣ разрѣшили эту странную психологическую загадку. Снова за нее берется французскій публицистъ Викторъ Шарбонель, и надо ему отдать справедливость, что онъ разрѣшаетъ ее очень оригинально, на основаніи долгихъ, серіозныхъ изслѣдованій. Озаглавивъ свою статью во второй ноябрьской книжкѣ «Revue des Revues»: «Мусульманское происхожденіе іезуитовъ» [1]), онъ длиннымъ рядомъ фактовъ и строго логичныхъ аргументовъ подтверждаетъ свой новый своеобразный тезисъ. Какъ извѣстно, Игнатій Лойола, родившійся въ 1491, а умершій въ 1556 году, былъ мелкимъ испанскимъ дворяниномъ и служилъ офицеромъ въ войскахъ Карла V, но при осадѣ французами Пампелуны онъ получилъ тяжелую рану и во время своей долгой болѣзни, читая житія святыхъ, сдѣлался пламеннымъ фанатикомъ. Сначала онъ провелъ нѣсколько времени въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Монсератѣ, а затѣмъ поселился въ

---

[1]) L'origine musulmane des jésuites, par Victor Charbonnel. Revue des Revues. 15 novembre. 1888.

маленькомъ гротѣ близъ Монреза, гдѣ написалъ свой знаменитый сборникъ мистическихъ размышленій и правилъ аскетической жизни. Потомъ онъ посѣтилъ Іерусалимъ и въ 1540 году основалъ въ Парижѣ іезуитскій орденъ, первымъ генераломъ котораго онъ и состоялъ. Хотя его послѣдователи признаютъ до сихъ поръ, что сочиненіе Лойолы, послужившее основой созданной имъ могучей духовной общины, было внушено ему Богомъ въ теченіе восьми дней, и въ виду этого папа Григорій XV призналъ его святымъ въ 1622 году, но трезвые историки вполнѣ ясно доказали, что сочиненіе Лойолы прямо заимствовано изъ книги Дона Гарціи Цинероза. Въ настоящее же время Шарбонель доказываетъ, что ученіе Лойолы и могучій орденъ, служащій «мечомъ католицизма, рукоятка котораго въ Римѣ, а остріе всюду», заимствованы у мусульманъ. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія мавры были еще очень многочисленны въ Испаніи, и хотя Карлъ V рѣшился ихъ истребить, подвергнувъ всей ярости инквизиціи, но многіе католики, даже духовнаго званія, водили дружбу съ маврами, считая лучше мирными средствами перевести ихъ въ христіанство. Поэтому въ Монсератскомъ монастырѣ бывали часто мавры, съ которыми монахи вели мирные духовные споры. Согласно преданіямъ, Лойола не только принималъ участіе въ этихъ спорахъ, но считалъ, что онъ спеціально призванъ къ обращенію мавровъ, и потому для большаго успѣха своей проповѣди находилъ нужнымъ близко познакомиться съ ихъ религіозными идеями. Разсказываютъ даже, что онъ однажды встрѣтилъ на дорогѣ близъ Монсерато богатаго сарацина, принадлежавшаго къ одной изъ многочисленныхъ мусульманскихъ общинъ, и вступилъ съ нимъ въ пламенную распрю. Сношенія съ маврами Лойола продолжалъ и во время своего путешествія въ Іерусалимъ. Въ Палестинѣ онъ посѣщалъ мусульманскія духовныя общины и тамъ вступалъ съ магометанами въ такіе ярые споры, что едва не былъ убитъ. Еще въ XVII и XVIII вѣкахъ нѣкоторые пламенные противники іезуитовъ подозрѣвали, что основы ихъ ордена были заимствованы Лойолой изъ хорошо извѣстныхъ ему мусульманскихъ духовныхъ общинъ, но, конечно, іезуиты всегда упорно это отвергали, и до сихъ поръ они не признаютъ даже никакого сходства между внутреннимъ строемъ ихъ ордена и устройствомъ мусульманскихъ духовныхъ общинъ, а если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это сходство невозможно отвергать, то они приписываютъ его одной случайности. Хотя, по словамъ Шарбонеля, это сходство доказывали Кивилье и Германъ Мюллеръ въ своихъ ученыхъ трудахъ объ іезуитахъ, но ни они, ни даже онъ послѣ всѣхъ своихъ изысканій не могутъ привести прямыхъ историческихъ доказательствъ, что Лойола заимствовалъ у Ислама основы своего іезуитскаго ордена, но эти заимствованія фактически подтверждаются тѣмъ, что именно черты, сходныя съ исламомъ, составляютъ его отличительный, своеобразный характеръ среди католическихъ монашескихъ орденовъ. Для подтвержденія своего тезиса Шарбонель сравниваетъ іезуитскій орденъ со всѣми католическими монашескими орденами и съ мусульманскими духовными общинами относительно условій вступленія въ нихъ, внутренней организаціи, подчиненности братьевъ и цѣлей означенныхъ учрежденій. Послушничество во всѣхъ католическихъ монашескихъ орденахъ продолжается не менѣе года и одного дня, а послушникъ болѣе ничего, какъ ученикъ, прі-

учающійся къ монашескимъ правиламъ. Іезуиты, напротивъ, должны при поступленіи въ свой орденъ подвергнуться тридцати-дневному или сорока-дневнему искусу, въ продолженіе котораго они подвергаются самымъ тяжелымъ физическимъ и нравственнымъ испытаніямъ, которыя приводятъ ихъ къ изступленію и галлюцинаціямъ. Такой же тридцати-дневный или сорока-дневный искусъ приписывается уставомъ мусульманскихъ духовныхъ общинъ. Въ этомъ отношеніи правила у мусульманъ и іезуитовъ одинаковыя. На основаніи первыхъ послушники должны во время своихъ молитвъ «устремлять взгляды на одинъ предметъ, не сводя съ него своихъ глазъ», и по іезуитскимъ правиламъ точно также послушникъ обязанъ «устремлять взглядъ на одинъ предметъ, не сводя съ него своихъ глазъ». Мусульманскій послушникъ въ своихъ молитвенныхъ созерцаніяхъ долженъ «видѣть, осязать, слышать, обнять и вкушать предметъ своихъ созерцаній», іезуитскій послушникъ обязанъ «видѣть, осязать, слышать, обонять и вкушать предметъ своихъ созерцаній». Такимъ образомъ тождественность условій послушничества у мусульманъ и іезуитовъ не подлежитъ сомнѣнію, а слѣдовательно Лойола въ этомъ отношеніи является подражателемъ ислама. Внутренняя организація іезуитскаго ордена столь же ясно списана съ организаціи мусульманскихъ духовныхъ общинъ. Какъ мусульмане, такъ и іезуиты имѣютъ различныя іерархическія степени, чрезъ которыя проходятъ послушники по опредѣленію шейховъ и генерала іезуитскаго ордена, а всѣ католическіе монахи равны между собою, и послушникъ, сдѣлавшись монахомъ, сразу равняется всѣмъ остальнымъ братьямъ. Мусульмане даютъ присягу сохраненія въ тайнѣ всего, что дѣлается въ ихъ общинахъ, не носятъ опредѣленной одежды и имѣютъ братьевъ мірянъ. То же мы видимъ и у іезуитовъ: ихъ точно также связываетъ присяга хранить тайну, и они никогда не носятъ монашеской одежды. Одинаково они имѣютъ мірянъ братьевъ или тайныхъ іезуитовъ. Ни одного, ни другого, ни третьяго не встрѣчается у всѣхъ католическихъ монаховъ. Подчиненность братьевъ, какъ у мусульманъ, такъ и у іезуитовъ опредѣляется одинаковыми словами: первые обязаны слѣпо подчиняться шейхамъ, а послѣдніе генералу ордена, тогда какъ всѣ католическіе монахи наравнѣ съ своими настоятелями обязаны подчиняться монастырскимъ уставамъ. Даже знаменитая фраза, что іезуиты должны подчиняться своему генералу, какъ трупъ, дозволяющій себя поворачивать во всѣ стороны, взята прямо изъ мусульманскаго правила, предписывающаго, чтобы всѣ мусульманскіе братья повиновались шейхамъ, какъ «трупъ повинуется умывателямъ мертвецовъ». Если мы перейдемъ къ цѣлямъ и стремленіямъ мусульманъ и іезуитовъ, то увидимъ столь же поразительную тождественность. Девизомъ всѣхъ католическихъ монашескихъ орденовъ служитъ фраза «для славы Божіей, для распространенія царства Божія и его справедливости», а Лойола замѣнилъ ее четырьмя словами «для вящей славы Божіей», которую онъ прямо взялъ изъ корана, откуда ее также заимствовали мусульманскія братства; какъ мусульмане, такъ и іезуиты подъ своими стремленіями «для вящей славы Божіей» разумѣютъ соединеніе власти духовной и свѣтской, религіи и политики, съ цѣлью достичь для себя верховнаго господства. Однимъ изъ главныхъ орудій достиженія этого господства служитъ у мусульманъ политическое убійство, и, какъ доказываетъ исторія,

іезуиты держались всегда того же правила. Подтвердивъ всѣми приведенными фактами и аргументами свой тезисъ мусульманскаго происхожденія іезуитовъ, Шарбонель оканчиваетъ свою любопытную статью указаніями и на одинаковыя послѣдствія мусульманскаго и католическаго іезуитства. Какъ то, такъ и другое растлило и уничтожило тѣ страны, въ которыхъ они пользовались господствомъ. Востокъ палъ, благодаря мусульманамъ; южно-американскія республики и Испанія дошли до паденія, благодаря іезуитамъ.

— Автобіографія Мильтона. Быть можетъ, немногимъ извѣстно, что Мильтонъ, великій англійскій поэтъ, апостолъ пуританизма и пламенный защитникъ республиканской идеи, написалъ свою автобіографію. Въ буквальномъ смыслѣ этого слова, конечно, нельзя утверждать, чтобъ такая автобіографія существовала, но въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ находится столько личныхъ воспоминаній и ссылокъ на событія его жизни, что изъ нихъ можно составить полную его біографію. За это дѣло взялся болѣе чѣмъ четыреста лѣтъ послѣ его смерти профессоръ Корсонъ, и въ только что вышедшей книгѣ онъ напечаталъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ сводъ всего, что Мильтонъ говоритъ о себѣ, а также три его сочиненія, имѣющія наиболѣе автобіографическій характеръ: «Comus», «Lycilas» и «Samson Agonistes», съ любопытными примѣчаніями [1]). Скромно назвавъ свой трудъ «Введеніе къ Джону Мильтону», онъ дѣйствительно составилъ необходимое вступленіе или пособіе къ изученію жизни и сочиненій одного изъ величайшихъ представителей англійской націи. Авторъ новѣйшей біографіи Кромвеля, Джонъ Морлеси, справедливо и мѣтко замѣчаетъ, что «не въ Кромвелѣ, а въ Мильтонѣ, не въ воинѣ, а въ апостолѣ пуританизма надо искать самаго благороднаго, глубокаго и возвышеннаго его олицетворенія». Дѣйствительно Мильтонъ былъ не только великимъ поэтомъ, но и чистѣйшимъ и ничѣмъ незапятнаннымъ защитникомъ свободомыслія, вѣротерпимости и республики. Происходя отъ старинной дворянской, католической семьи, которая, сдѣлавшись протестантской, потеряла свои крупныя помѣстья, Джонъ Мильтонъ родился въ Лондонѣ въ 1608 году и получилъ очень хорошее воспитаніе сначала въ школѣ св. Павла, а затѣмъ въ Кэмбриджскомъ университетѣ. Хотя онъ былъ удостоенъ ученой степени, но не сдѣлался ни пасторомъ, ни адвокатомъ, а удалился въ небольшой сельскій домикъ своего отца въ Букингамширѣ и мирно прожилъ тамъ пять лѣтъ, читая греческихъ и латинскихъ поэтовъ. Къ этому времени относятся его произведенія «Lycidas», «Allegro», «Ilpenseroso», а также двѣ фантастическія пьесы, какъ тогда онѣ назывались: «Masques», «Arcades» и «Comus». Послѣднее обстоятельство доказываетъ, что пуританство Мильтона не отличалось рутинной узкостью взглядовъ, такъ какъ иначе онъ не сталъ бы сочинять маскарадныхъ буффонадъ въ то время, когда суровые пуритане, въ родѣ Вильяма Прима, пламенно возставали противъ всякихъ театральныхъ представленій, маскарадовъ и танцевъ; затѣмъ въ 1637 году онъ посѣтилъ Италію и познакомился тамъ съ Галилеемъ и Гроціемъ; но политическая буря, надвинувшаяся на его родину, заставила его вернуться въ Англію, и онъ принялъ самое живое, энергичное участіе въ борьбѣ между парламентомъ и королемъ, но защищая не мечемъ, а перомъ

---

[1]) An introduction to John Milton, by H. Corsun. London. 1900.

свободу и республику. По его собственному выраженію, онъ никогда не написалъ ни слова въ пользу того, чтобы сдирали человѣческую шкуру по какой бы то ни было причинѣ». Во время борьбы парламента съ Карломъ I и республикой, при которой онъ занималъ мѣсто латинскаго секретаря въ государственномъ совѣтѣ, Мильтонъ былъ также страшенъ врагамъ свободы своимъ перомъ, какъ Кромвель мечемъ. На англійскомъ и латинскомъ языкахъ онъ съ одинаковымъ жаромъ отстаивалъ религіозную и политическую свободу въ цѣломъ рядѣ сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны: «О реформаціи», «Власть королей и правителей», «Защита англійскаго народа», «Трактатъ о воспитаніи», «Трактатъ о разводѣ». Занимаясь этими трудами, онъ повредилъ себѣ зрѣніе и совершенно ослѣпъ въ 1654 году, но это не мѣшало ему продолжать свои литературныя занятія. Онъ сталъ только диктовать, вмѣсто того, чтобы писать. Послѣ возстановленія въ Англіи монархіи онъ вышелъ въ отставку, и правительство его такъ ненавидѣло, что однажды арестовало, но потомъ выпустило на свободу изъ боязни его популярности. Тутъ Мильтонъ нашелъ, что онъ достаточно послужилъ своей родинѣ, и предался всецѣло поэзіи. Замѣчательно, что во многихъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій, какъ доказываетъ профессоръ Корсонъ отрывками изъ нихъ, онъ прямо говоритъ, что когда нибудь напишетъ нѣчто геніальное. Такъ еще въ 1637 году онъ писалъ: «Я теперь только отпускаю крылья и думаю о безсмертіи». Затѣмъ, въ одномъ изъ полемическихъ памфлетовъ онъ замѣчаетъ: «Быть можетъ, когда нибудь услышатъ новый и возвышенный гимнъ Божеству», а наконецъ въ религіозномъ трактатѣ о церковномъ управленіи онъ увѣряетъ, что съ юности тѣшилъ себя надеждой, что когда нибудь напишетъ нѣчто такое, которое никогда не умретъ. Дѣйствительно, это «нѣчто» было имъ написано на шестомъ десяткѣ и было знаменитой поэмой «Потерянный Рай». За три года до своей смерти шестидесяти-трехъ-лѣтнимъ старикомъ, онъ написалъ еще двѣ поэмы «Возвращенный Рай» и «Samson Agonistes». Въ первой онъ воспѣлъ побѣду христіанства надъ соблазномъ, благодаря которому былъ потерянъ рай, а въ послѣдней онъ проповѣдывалъ, что, несмотря на наступившую эпоху деспотизма въ Англіи, не слѣдовало отчаиваться въ окончательной побѣдѣ республики. Спустя 18 лѣтъ, вторая англійская революція оправдала предсказанія великаго поэта, и если на его родинѣ не воскресла республика, то установилась желанная свобода въ строго конституціонной монархіи. Изъ частной жизни Мильтона извѣстно только, что онъ былъ женатъ три раза и былъ примѣрнымъ семьяниномъ. Онъ умеръ въ 1674 году.

— Отношенія англичанъ и голландцевъ въ прошедшемъ. По поводу борьбы англичанъ съ бурами англійская печать дѣлаетъ историческую справку объ отношеніяхъ этой страны къ братьямъ боэровъ, голландцамъ. Изъ статей, посвященныхъ этому вопросу, наиболѣе интересныя «Англичане и голландцы, какъ союзники и враги» Вальтера Лорда въ январскомъ номерѣ «English illustrated magazine»[1]) и «Англичане и голландцы въ прошедшемъ»[2]) мистрисъ

[1]) English and dutch as allies and enemis, by W. Lord. English illustrated magazine», january 1900.

[2]) English and dutch in past, by J. Green, «Nineteenth Century», december. 1890.

Гринъ въ декабрской книжкѣ «Nineteenth Century». Хотя первый авторъ относится къ голландцамъ довольно свысока, а о современныхъ бурахъ говорить совершенно презрительно, считая, что они только карикатура старинныхъ нидерландскихъ героевъ, но онъ все-таки долженъ сознаться, что англичане, сначала дѣйствовавшіе въ союзѣ съ голландцами противъ Испаніи, одерживали многія побѣды съ ихъ помощью, а когда началась борьба между ними за первенство на морѣ, то голландцы такъ же часто были побѣдителями, какъ и побѣжденными. Голландскіе адмиралы Де-Рюнтеръ и Ванъ-Тромпъ не разъ обращали въ бѣгство и уничтожали англійскія военныя суда, а въ 1667 году голландскій флотъ бомбардировалъ Чатамъ, такъ что его выстрѣлы были слышны въ Лондонѣ, и англійская столица подверглась такой опасности отъ непріятеля, какой она не видала со времени Вильгельма-Завоевателя. Одно время англичане такъ боялись нидерландскаго флота, что, дѣйствуя вмѣстѣ съ нимъ противъ французовъ, они во время битвы при Бичгедѣ обманомъ удалились отъ своихъ союзниковъ и торжествовали побѣду надъ ними французскаго генерала Турвиля. Но вскорѣ послѣ того имъ пришлось бѣжать отъ голландцевъ при Бойнѣ. XVIII вѣкъ начался снова союзными дѣйствіями англичанъ и голландцевъ, которые понесли значительныя пораженія при Неервинденѣ и Стикиркѣ, а на сухомъ пути взяли вмѣстѣ городъ Лиль. Но подъ конецъ столѣтія они снова очутились врагами, благодаря тому, что Голландія была превращена французами въ Батавскую республику и дѣйствовала вмѣстѣ съ ними противъ англичанъ до Амьенскаго мира, по которому Англія возвратила Голландіи всѣ завоеванныя у нея колоніи за исключеніемъ острова Цейлона. Еще разъ, и уже въ послѣдній, англичане вели войну съ голландцами при Наполеонѣ, послѣ того какъ онъ сдѣлалъ голландскимъ королемъ своего брата Луи-Бонапарта, и по окончаніи этой войны одинаково Англія оставила себѣ изъ вновь завоеванныхъ голландскихъ колоній только одинъ мысъ «Доброй Надежды». Вальтеръ Лордъ съ особеннымъ удовольствіемъ указываетъ на великодушіе англичанъ и увѣряетъ, что если Голландія сохранила свои колоніи, то лишь благодаря щедрости Англіи, которая дважды возвратила ей эти колоніи и даже во второй разъ подарила неизвѣстно за что 7 милліоновъ стерлинговъ. Совершенно иной взглядъ на отношенія Англіи къ Голландіи развиваетъ въ своей статьѣ мистрисъ Гринъ. Она ясно и фактически доказываетъ, что англичане въ продолженіе 200 лѣтъ также недостойно вели себя относительно Голландіи, какъ они теперь обращаются съ бурами. Еще при Іаковѣ I голландцы жаловались на пиратскіе набѣги англичанъ, самъ король предлагалъ Франціи раздѣлить ихъ страну между двумя королевствами. Даже Кромвель не цѣнилъ стойкой защиты своей родины голландцами и составилъ планъ присоединенія этой страны къ Англіи подъ предлогомъ тѣснаго союза, но голландцы не поддались въ ловушку и мужественно дали отпоръ, когда англичане объявили имъ войну. По окончаніи перваго года этой борьбы, Кромвель снова предложилъ, но уже открытое присоединеніе Голландіи къ Англіи. На это послѣдовалъ еще болѣе гордый и гнѣвный отказъ. Война продолжалась, англичане одерживали верхъ, и маленькая республика уже потеряла 6.000 человѣкъ убитыми и ранеными, когда Кромвель въ третій разъ вступилъ въ переговоры, предлагая уже тогда дружескій союзъ

съ цѣлью отдать Голландіи всю Азію, а всю Америку присоединить къ Англіи. Но голландцы на это не согласились, не желая покинуть своихъ датскихъ союзниковъ, чего требовалъ Кромвель. Еще два года боролись голландцы съ могущественнымъ врагомъ и дошли до полнаго изнеможенія, но все-таки сохранили свою независимость, и Кромвель оставилъ, наконецъ, ихъ въ покоѣ. Хотя впослѣдствіи Нидерланды отомстили Англіи, и Вильгельмъ III вступилъ на англійскій престолъ, но англичане продолжали въ XVIII и XIX столѣтіяхъ придерживаться относительно Голландіи самой предательской политики. Такъ голландцы до сихъ поръ не могутъ забыть и простить, что англичане въ 1830 г. вопреки своимъ торжественнымъ обязательствамъ поддержали возстаніе бельгійцевъ и содѣйствовали имъ въ образованіи независимаго королевства. Хотя Голландія уже давно, по словамъ мистрисъ Гринъ, не въ состояніи бороться съ англичанами, но ихъ братья буры при удобномъ случаѣ доказывали и доказываютъ теперь, что они достойные потомки Вильгельма Оранскаго, который говорилъ: «Меня могутъ побѣдить, но я буду сражаться въ каждой изъ траншей и умру въ послѣдней».

— Карлъ XII въ Альтранштедтѣ. Габріэль Сиветонъ посвятилъ небольшой трудъ тому моменту въ исторіи великой сѣверной войны, когда король Карлъ XII въ альтранштедтскомъ лагерѣ своемъ, послѣ побѣды надъ Даніею, Польшею и русскимъ войскомъ у Нарвы, казался вершителемъ судебъ всей сѣверной и восточной Европы [1]). Въ это время въ Альтранштедтѣ разыгралась дипломатическая борьба, отъ исхода которой зависѣло, направился ли бы Карлъ XII на востокъ или же на западъ Европы. Къ прославленному быстрыми побѣдами молодому шведскому королю, въ которомъ видѣли новаго Густава Адольфа, Людовикъ XIV секретно отправилъ посланника съ цѣлью, если не привлечь Швецію къ союзу съ Франціею, то хотя бы добиться отъ нея посредничества. Въ инструкціи, которая дана была французскому посланцу Виктору де Безанвалю, велѣно было обратить вниманіе Швеціи на все усиливающееся значеніе австрійскаго дома и на опасность, которая отъ него грозила шведскимъ владѣніямъ въ имперіи. Чтобы Безанвиль могъ безпрепятственно добраться до Альтранштедта черезъ непріятельскую территорію, ему пришлось принять на себя роль лакея шведскаго дворянина. По прибытіи въ Лейпцигъ, Безанвиль слѣзъ съ запятокъ кареты шведскаго дворянина, снялъ ливрею и заявилъ о своемъ офиціальномъ званіи, къ большему неудовольствію своихъ коллегъ: пословъ англійскаго, голландскаго и императорскаго, которые не успѣли такъ быстро добраться до альтранштедтскаго лагеря. Лагерь оказался весьма мало приспособленнымъ для дипломатическихъ конференцій. Король и приближенные его размѣщены были по домамъ маленькимъ, грязнымъ, непригляднымъ. У короля не было ни каретъ, ни конюшенъ; верховая лошадь его стояла осѣдланная на улицѣ передъ домомъ. Внѣшность Карла XII во время аудіенціи сильно поразила француза, привыкшаго къ роскоши при дворѣ Людовика XIV. Шведскій король, рослый и довольно красивый человѣкъ, оказался одѣтымъ

---

[1]) «Au camp d'Altranstedt», par Gabriel Syveton. Cp. de Broglie, «Revue de deux mondes», 1 janv. 1900.

въ синій кафтанъ съ желтыми кожаными пуговицами, застегнутый до самой шеи, безъ манжетъ, перчатокъ или сорочки, съ грязными отворотами, цвѣта которыхъ были и руки его; волосы расчесаны были пальцами. Безанвиль произнесъ передъ королемъ рѣчь пофранцузски, потомъ повторилъ ее понѣмецки, но не дождался отъ короля ни слова въ отвѣтъ. Изъ того, что король отвернулся и ушелъ, Безанвиль понялъ, что аудіенція кончена. Послѣ аудіенціи Безанвиль разговаривалъ съ министромъ Пиперомъ, но не могъ отъ него ничего узнать о планахъ короля. Не теряя надежды добиться успѣха, Безанвиль поселился въ хижинѣ близъ дома короля и сталъ тайно слѣдить за нимъ, всячески стараясь угодить капризноиму Карлу. Эта настойчивость, которая, повидимому, льстила самолюбію шведскаго короля, стала внушать опасенія посламъ союзниковъ, и они рѣшили окончательно побѣдить французское вліяніе, пригласивъ въ Альтранштедтъ чрезвычайнаго посла отъ англійской королевы Анны. Этимъ посломъ явился не кто иной, какъ самъ герцогъ Мальборо, украшенный лаврами недавнихъ побѣдъ у Бленгейма и Мальплаке. Встрѣча англійскаго полководца королемъ была столь же торжественна и сердечна, насколько холодна и сдержанна была встрѣча Безанвиля. Король, при видѣ Мальборо, сдѣлалъ ему нѣсколько шаговъ навстрѣчу, а герцогъ выступилъ впередъ, сопровождаемый съ одной стороны англійскимъ, съ другой голландскимъ министрами, въ то время какъ посолъ императора оставался скромно въ сторонѣ. Мальборо принесъ собственноручное письмо королевы Анны и сказалъ Карлу: «Если бы не мѣшалъ полъ королевы, моей государыни, то она переѣхала бы сама море, чтобы видѣть государя, вызывающаго удивленіе всего міра». Посольство Мальборо, къ горю Безанвиля, имѣло полнѣйшій успѣхъ. «Я оставилъ Альтранштедтъ, писалъ самъ Мальборо, вполнѣ увѣренный, что король шведскій не находится ни въ какихъ отношеніяхъ къ Франціи и не намѣренъ принимать мѣръ, могущихъ обезпокоить союзниковъ». Когда Мальборо уѣхалъ, единственною надеждою Безанвиля оставались постоянныя ссоры короля съ императорскимъ посломъ. Однако, и эта надежда не оправдалась, такъ какъ, выговоривъ коекакія льготы силезскимъ протестантамъ, Карлъ XII объявилъ себя удовлетвореннымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что король, дѣйствительно, можетъ быть, склонился бы на посредничество, но министръ Пиперъ и другіе изъ окружающихъ его торопили его покончить съ Россіею и потомъ уже заняться западными дѣлами. Безанвиль былъ, можетъ быть, единственнымъ человѣкомъ въ Альтранштедтѣ, который считалъ невозможнымъ отнестись легко къ походу въ Россію и совѣтовалъ покончить дѣло миромъ: онъ даже пробовалъ, при посредствѣ одной польской дамы, позондировать почву для заключенія шведско-русскаго мира, но его попытка потерпѣла неудачу, такъ какъ ни та, ни другая сторона не желали отказаться отъ Ингерманландіи. Кромѣ того, самая трудность похода внутрь Россіи представлялась особенно заманчивою для Карла XII. Шведскій король самъ захотѣлъ итти на гибель.

— Мужъ Дюбарри. Извѣстный французскій историкъ Ленотръ, спеціально изучающій версальскій дворъ XVIII столѣтія, помѣстилъ въ газетѣ «Temps» [1])

---

[1]) M-r Dubarry, par G. Lenotre. «Le Temps». 21 decembre 1899.

обстоятельный очеркъ жизни малоизвѣстнаго мужа фаворитки Людовика XV Дюбарри. Графъ Гильомъ Дюбарри принадлежалъ къ провинціальной аристократической семьѣ и послѣ непродолжительной службы въ арміи жилъ въ замкѣ своей матери близъ Тулузы. Ему было 36 лѣтъ, и онъ велъ скромную холостую жизнь, какъ неожиданно въ одинъ теплый іюньскій день 1768 года прибылъ въ родительскій домъ давно пропадавшій старшій его братъ Жанъ Дюбарри. Въ продолженіе 10 лѣтъ онъ не давалъ о себѣ никакой вѣсти, хотя былъ женатъ и покинулъ въ Тулузѣ молодую жену. Сначала подъ именемъ графа Сересо (такъ назывался одинъ изъ замковъ его отца), онъ исполнялъ должность политическаго шпіона въ Англіи, Германіи и Россіи, затѣмъ занимался военными поставками на островѣ Корсики и, наконецъ, поселился въ Парижѣ, гдѣ велъ разгульную жизнь, такъ что его называли въ Версали «самымъ развратнымъ человѣкомъ всей Франціи». Не имѣя состоянія, онъ жилъ грязными интригами и поставлялъ красавицъ сильнымъ міра сего. Первая его попытка услужить королю не удалась, хотя покровительствуемая имъ дочь страсбургскаго водовоза, по имени Доротея, понравилась Людовику, и уже Дюбарри разсчитывалъ получить потребованное имъ въ вознагражденіе мѣсто посланника въ Кельнѣ, но тогдашняя фаворитка маркиза Помпадуръ не дремала и сумѣла удалить свою соперницу. Прошло нѣсколько времени, и поставщикъ королю живого товара придумалъ новую комбинацію. Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ жилъ съ красавицей Жанной Бекю, незаконной дочерью служанки и монаха, которую онъ встрѣтилъ въ одномъ изъ парижскихъ вертеповъ. Онъ представилъ ее Людовику черезъ королевскаго камердинера Лебеля, и король призналъ ее достойной своего гарема, но, чтобы скрасить ея низкое происхожденіе, Дюбарри назвалъ ее именемъ своей жены, т. е. графиней Дюбарри. Но этотъ обманъ могъ открыться, а потому необходимо было сдѣлать ее настоящей графиней Дюбарри. Вотъ для чего блудный сынъ явился въ родительскій домъ и предложилъ своему брату Гильому жениться на новой королевской фавориткѣ. На семейномъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ матери, брата и двухъ сестеръ, старыхъ дѣвъ, по имени Франсуазы и Марты, долго обсуждался этотъ странный вопросъ. Сначала мать не хотѣла и слышать о безчестіи своего имени, хотя она видѣла это безчестіе въ женитьбѣ сына не на фавориткѣ короля, а на женщинѣ низкаго происхожденія. Но парижскій франтъ наобѣщалъ всей семьѣ такой золотой дождь, что его предложеніе было принято; на другой день онъ отправился въ Парижъ въ сопровожденіи не только брата Гильома, но и двухъ сестеръ, которыя не брезгали принять участія въ этой грязной исторіи. Въ парижской квартирѣ Жана Дюбарри произошло первое свиданіе жениха и невѣсты, и въ тотъ же день былъ подписанъ свадебный контрактъ, а черезъ мѣсяцъ совершилось вѣнчаніе. Въ контрактѣ было постановлено: «Будущая жена графа Гильома принимаетъ на свой счетъ всѣ расходы по хозяйству: наемъ квартиры, жалованье прислугѣ, содержаніе экипажей, пищу, воспитаніе дѣтей и т. д.». Конечно, дѣтей у нихъ никогда не было, такъ какъ, выйдя изъ церкви, новая графиня откланялась своему мужу и вернулась въ Версаль, но онъ не даромъ продалъ свое имя и получилъ отъ короля пенсію въ 5.000 ливровъ. На эти деньги онъ поселился въ Парижѣ и сталъ весело жить, даже завелъ себѣ

любовницу Мадлену Лемуань. Эта 19-ти-лѣтняя красивая молодая дѣвушка родила ему сына, и вмѣстѣ съ ними онъ вернулся въ Тулузу, гдѣ и продолжалъ жить. Сестры же его перебрались въ Версаль къ своей новой родственницѣ и всячески обирали ее. Нѣсколько лѣтъ Гильомъ Дюбарри тихо, спокойно прозябалъ въ провинціальномъ городѣ, занимаясь зоологіей, но потомъ видя, что обѣщанный золотой дождь дѣйствительно падалъ на всю его семью, кромѣ его, онъ отравился въ Парижъ и потребовалъ своей доли. Съ этой цѣлью онъ заявилъ прошеніе о разводѣ, и послѣ многихъ непріятныхъ переговоровъ фаворитка откупилась, такъ какъ ей необходимо было оставаться графиней. Гильомъ вернулся въ Тулузу съ пенсіей въ 60.000 ливровъ въ годъ, а игравшій роль посредника его братъ Жанъ получилъ на свою долю титулъ графа Д'Иль Журдана съ принадлежавшимъ къ нему громаднымъ помѣстьемъ, которое давало болѣе ста тысячъ ливровъ дохода. Тогда онъ перебрался на родину и сталъ ослѣплять ее своей роскошной блестящей жизнью. Онъ построилъ удивительный домъ съ окружающимъ его еще болѣе удивительнымъ садомъ, при видѣ которыхъ англійскій путешественникъ Артуръ Іомъ записалъ въ своемъ извѣстномъ дневникѣ: «Дальше этого не можетъ итти безуміе». Дѣйствительно, по его словамъ, это жилище давало просторъ самой безумной фантазіи. Когда посѣтители звонили у воротъ, то изъ готической часовни выходилъ восковой аббатъ и съ помощью особаго механизма отворялъ ворота. Внутри дома обращали на себя вниманіе узкая мраморная галлерея и безконечное количество болѣе эксцентричныхъ, чѣмъ художественныхъ картинъ, статуй, зеркалъ и т. д. Въ саду были устроены искусственные скалы, мельницы, деревни и всевозможные звѣри отъ тигровъ до обезьянъ и овецъ. Въ этомъ куріозномъ жилищѣ Жанъ Дюбари давалъ великолѣпные праздники, но мѣстная аристократія на нихъ не появлялась, хотя хозяинъ выдавалъ себя за близкаго друга короля и герцога Ришелье. Его братъ Гильомъ продолжалъ вести скромную жизнь въ городскомъ домѣ и въ семейномъ замкѣ, занимаясь преимущественно воспитаніемъ дѣтей. Неожиданная смерть короля и опала Дюбарри, какъ громомъ, поразили обоихъ братьевъ. Гильомъ скрылся неизвѣстно куда, а Жанъ бѣжалъ въ Женеву». Но буря продолжалась недолго, и добродушный Людовикъ XVI, спустя два года, дозволилъ братьямъ спокойно вернуться въ Тулузу. Но Жанъ Дюбарри не могъ помириться съ своимъ новымъ положеніемъ, и, воспользовавшись смертью своей жены, вторично женился на очень красивой молодой аристократкѣ Де-Рабоди-Монтусенъ. Онъ повезъ ее въ Парижъ. Людовикъ XVI не походилъ на своего предшественника и не поддался на удочку. При этомъ старый авантюристъ уже не годился для новаго общества, и не онъ эксплоатировалъ жену, а она бросила его и завела интригу съ молодымъ министромъ Колонномъ. Жанъ вернулся одинъ въ Тулузу, гдѣ мало-помалу собралась вся его семья, такъ какъ сестры были вынуждены разстаться съ бывшей фавориткой. Всѣ они жили спокойно до революціи, но въ сентябрѣ 1793 года ихъ арестовали по распоряженію конвента. Въ тюрьмѣ Жанъ продолжалъ предаваться роскоши и окружилъ себя серебряной посудой и мебелью, а Гильомъ, довольствуясь тюремной обстановкой, отдалъ брату послѣдніе семьсотъ франковъ, сохраненные имъ на черный день. 17-го января 1794 года Жанъ Дюбарри былъ

казненъ, а послѣ 18-ти-мѣсячнаго заточенія были выпущены на свободу Гильомъ, его сестры и Маделена Лемуань, которую также арестовали. Хотя онъ лишился со всей своей семьей ежегоднаго дохода въ 200.000 ливровъ, Гильомъ былъ очень доволенъ, что пронесшаяся надъ его головой буря избавила его отъ жены. Онъ тотчасъ женился на Маделенѣ Лемуань, собралъ кое-какіе остатки своего состоянія и, всѣми забытый, спокойно провелъ послѣдніе годы своей жизни. Онъ умеръ въ Тулузѣ въ 1811 года, а сестры пережили его и своимъ надменнымъ пуританствомъ удивляли всѣхъ, которые знали объ ихъ позорномъ прислуживаніи королевской фавориткѣ.

— Невѣдомый Латюдъ. Всѣмъ извѣстна легендарная исторія о Латюдѣ, просидѣвшемъ 35 лѣтъ въ Бастиліи, гдѣ его забыли во время царствованій Людовика XV и XVI, но ревностный изслѣдователь этой эпохи Г. Ленотръ нашелъ, что существовалъ еще другой подобный узникъ, и напечаталъ о своемъ открытіи интересный очеркъ въ газетѣ «Temps» [1]). По его словамъ, онъ уже давно читалъ въ «Correspondence secrete», т. е. въ тайной перепискѣ о французскомъ дворѣ, рукописный подлинникъ которой хранится въ Петербургской публичной библіотекѣ, слѣдующую замѣтку отъ 17 февраля 1788 года: «На прошедшей недѣлѣ королева Марія-Антуанета, прибывъ въ оперу, была встрѣчена по обыкновенію громкими рукоплесканіями, и она, какъ всегда, отвѣтила тремя поклонами. Въ ту минуту раздался въ публикѣ свистокъ. Хотя эту дерзость могъ сдѣлать только сумасшедшій или негодяй, но королева была возмущена. Она удалилась въ глубину ложи и объявила, что болѣе никогда не поѣдетъ въ театръ иначе, какъ запретивъ доступъ туда публикѣ». Къ этой замѣткѣ было прибавлено въ «Тайной перепискѣ», что виновный въ означенной дерзости, молодой маркизъ Сенъ-П..., былъ тотчасъ схваченъ и отправленъ въ Шателе. Этотъ фактъ возбудилъ любопытство Ленотра, и онъ сталъ всюду отыскивать свѣдѣнія объ эпилогѣ странной выходки молодого аристократа. Но всѣ его усилія были тщетны, и только недавно, перелистывая «Gazette des Tribunaux» за 1838 годъ, онъ остановился на странномъ заголовкѣ процесса, разбиравшагося въ одномъ изъ парижскихъ судовъ 14-го мая 1837 года: «Оскорбленіе королевы Маріи-Антуанеты». Къ его величайшему изумленію, передъ нимъ была разгадка давно интересовавшаго его, хотя мелкаго, но любопытнаго историческаго факта. Оказалось, что герой свистка въ театрѣ въ 1878 году, маркизъ Сенъ-П., просидѣлъ болѣе 50 лѣтъ въ заточеніи, забытый всѣми. Эта чудовищная, невѣроятная исторія произошла слѣдующимъ образомъ. Семья юнаго аристократа, который отличался либеральными, философскими идеями того времени, заявила, для спасенія его отъ заключенія въ страшной Бастиліи, что онъ страдалъ еще въ дѣтствѣ эксцентричностями, и добилась, что его помѣстили, по приказанію короля, въ частную лѣчебницу. Въ этой лѣчебницѣ ему отвели прекрасное помѣщеніе, гдѣ онъ хорошо ѣлъ, имѣлъ возможность гулять въ саду и окружилъ себя библіотекой греческихъ и латинскихъ авторовъ. Занимаясь чтеніемъ и писаніемъ, онъ считалъ себя совершенно счастливымъ и не заботился о внѣшнемъ мірѣ. Въ продолженіе трехъ лѣтъ семья аккуратно платила слѣдуемыя

[1]) Un Latude inconnu, par G. Lenotre. Temps. 7 decembre, 1899.

деньги содержателю лѣчебницы, а затѣмъ произошла революція, помѣстья маркиза и его семьи были секвестрованы, и назначенные опекуны считали для себя болѣе выгоднымъ удерживать его въ лѣчебницѣ подъ предлогомъ, что онъ— дѣйствительно сумасшедшій, и къ тому же это было тѣмъ удобнѣе, что лѣчебница уже перешла въ другія руки. Такимъ образомъ бѣдный маркизъ, превращенный изъ государственнаго преступника въ сумасшедшаго, продолжалъ читать и писать въ своей комнатѣ, никому не вѣдомый. Однажды ему показалось, что его рукопись объ историкахъ эпохи упадка греческой литературы стоила быть напечатанной, и онъ просилъ директора лѣчебницы устроить ему это дѣло. Послѣдній заинтересовался трудомъ своего паціента и допустилъ до него одного изъ парижскихъ издателей, который нашелъ рукопись вполнѣ разумной. Между маркизомъ и издателемъ произошелъ слѣдующій странный разговоръ.

— «Я желалъ бы посвятить мою книгу его величеству королю Людовику XVI».—«Т. е. памяти короля Людовика XVI».-- «А онъ умеръ? хорошо, такъ поставимъ Людовика XVII».

— «Но и... Людовикъ XVII умеръ».—«Ну, такъ есть Людовикъ XVIII». «Да, такой былъ, но и онъ покоится въ могилѣ. Вы, вѣроятно, маркизъ давно покинули свѣтъ». «Да, нѣсколько лѣтъ, но я не помню сколько, я не читаю газетъ. Скажите, кто же теперь царствуетъ во Франціи?»—«Луи-Филиппъ, уже семь лѣтъ». «Какой же теперь годъ?». - «1837».—«Многоу текло времени. Скажите, этотъ Луи-Филиппъ пра-правнукъ Людовика XVI?» – «Право, не могу объяснить. Въ это время было столько перемѣнъ, вступленій на престолъ, отреченій, реставрацій и т. д., что рѣшительно теряешься. Къ тому же одинъ Наполеонъ надѣлалъ сколько сумятицы!» Изъ дальнѣйшаго разговора съ издателемъ, маркизъ узналъ обо всемъ, что произошло во Франціи послѣ его заточенія, и очень смутно разсказалъ ему, почему онъ былъ заключенъ. Издатель вошелъ въ сношенія съ его родственниками, изъ которыхъ оказался въ живыхъ только графъ К... и этотъ послѣдній поднялъ судебное дѣло для возстановленія гражданскихъ правъ маркиза. На судѣ оказалось, что онъ содержался въ лѣчебницѣ по судебному приговору, признавшему его сумасшедшимъ въ 1796 году. По подробномъ разсмотрѣніи дѣла, новый судъ постановилъ, что маркизъ находится въ полномъ разсудкѣ, но въ виду его старости и того факта, что онъ отвыкъ жить въ свѣтѣ, назначилъ попечителя къ его особѣ и къ имуществу. Такъ кончилась эта куріозная исторія, и, разсказавъ ее, Ленотръ отсылаетъ всѣхъ читателей, которые сомнѣваются въ справедливости его разсказа, къ «Gazette des Tribunaux» отъ 20-го мая 1838 года, гдѣ находится подробный отчетъ объ означенномъ судебномъ дѣлѣ.

— Нѣмецкая книга объ императорѣ Александрѣ I. Г. Ульманъ посвятилъ особый, вышедшій въ концѣ минувшаго года, трудъ русско-прусскимъ отношеніямъ при императорѣ Александрѣ I и королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ III до 1806 года [1]). Авторъ ставитъ своею цѣлью — отвѣтить на вопросъ: «какая доля отвѣтственности за ростъ могущества Наполеона I па-

[1]) H. Ulmann, «Russisch-preussische Politik unter Alexander I und Friedrich Wilhelm III bis 1806». Leipzig. 1899.

дасть, на ряду съ слабостью прусскихъ государственныхъ дѣятелей и несвоевременнымъ миролюбіемъ короля прусскаго, на царя Александра и его совѣтниковъ?» Въ книгѣ, насчитывающей болѣе трехсотъ страницъ, впервые въ нѣмецкой исторической литературѣ мы находимъ основательное изученіе изданныхъ въ Россіи историческихъ матеріаловъ «Сборника» императорскаго русскаго историческаго общества, архива князя Воронцова, брикнеровскихъ матеріаловъ для исторіи Панина и Разумовскаго и многихъ другихъ; кромѣ того, Ульманъ пользовался архивными матеріалами въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Шверинѣ и подвергъ критическому разсмотрѣнію записки Чарторыйскаго. Авторъ дѣлаетъ попытку разгадать сложную натуру императора Александра; онъ возражаетъ противъ господствующей у иностранныхъ историковъ тенденціи выставлять Александра, или какъ актера или какъ современнаго византійца; по его мнѣнію, русскій государь былъ «глубоко несчастнымъ человѣкомъ, котораго увлекали въ разныя стороны двѣ души, заключенныя въ одной груди». Фридриха-Вильгельма III, слишкомъ превознесеннаго прусскими династическими патріотами, авторъ старается представить въ истинномъ свѣтѣ. Много мѣста онъ удѣляетъ выясненію роли Гарденберга и Гаугвица и ставитъ очень высоко заслуги Алопеуса по поддержанію добрыхъ отношеній между Пруссіей и Россіей. Съ нѣкоторымъ пристрастіемъ авторъ относится къ Чарторыйскому. Онъ находитъ даже, что «было несчастіемъ не только для представленнаго Чарторыйскимъ дѣла, но и для всей Европы, что разъ пошатнувшееся довѣріе Александра къ этому другу дѣтства уже не возобновлялось вполнѣ». Какъ указываетъ нѣмецкій критикъ въ «Lit. Centralblatt» [1]), это утвержденіе по отношенію къ Европѣ совершенно неосновательно: Чарторыйскій и войну противъ Наполеона проповѣдывалъ лишь въ надеждѣ на возстановленіе Польши. Во многихъ частностяхъ г. Ульману удалось сдѣлать небезынтересныя открытія.

— Фридрихъ-Вильгельмъ III и королева Луиза. О наполеоновской эпохѣ появились въ германской журналистикѣ три новыхъ, очень интересныхъ документа, найденныхъ въ Берлинскомъ архивѣ Паулемъ Байленомъ. Это воспоминанія прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III о кампаніи 1806 года и подлинные разсказы королевы Луизы и княгини Радзивилъ, сестры прусскаго принца Людовика-Фердинанда. Первыя напечатаны въ декабрьской книжкѣ «Deutsche Rundschau» [2]), а послѣдніе въ только-что вышедшемъ третьемъ томѣ «Hohenzollern-Jahrbuch» [3]). Неожиданный коронованный историкъ Наполеоновской эпопеи подробно разсказываетъ сраженіе при Ауерштедтѣ, гдѣ одержалъ побѣду маршалъ Даву, и представляетъ любопытныя свѣдѣнія о стратегическихъ движеніяхъ обѣихъ армій. Но свидѣтельства королевы Луизы и княгини Радзивилъ о Тильзитскомъ свиданіи еще интереснѣе. До сихъ поръ главными матеріалами объ этомъ свиданіи были разсказы самого Наполеона и Талейрана, а съ прусской стороны не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Теперь оказывается, по

---

[1]) «Literarisches Centralblatt», №№ 51—52.

[2]) Die Schlacht von Auerstaedt, von Hönig Friedrich-Wilhelm III. «Deutsche Rundschau». December, 1899.

[3]) Die Königin von Preussen und Napoleon in Tilsitt, von P. Bailen. «Hohenzollern-Jahrbuch. Berlin. 1900.

словамъ королевы, что Наполеонъ не произвелъ на нее такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ предсказывалъ Фридрихъ-Вильгельмъ. Она нашла, что у него была красивая голова, пріятная улыбка и типичныя черты римскихъ цезарей. Она очень хорошо помнила, что императоръ обвинялъ ее въ томъ, что она вмѣшивалась въ политику, и постоянно перебивалъ комплиментами ея рѣчь, въ которой она, какъ жена и мать, просила пожалѣть Пруссію и сохранить ей лѣвый берегъ Эльбы, а главное Магдебургъ. Наполеонъ, чтобы перемѣнить разговоръ, заговорилъ о туалетахъ: «На васъ прекрасное платье,— сказалъ онъ:—оно сдѣлано въ Бреславлѣ? Производится ли крэпъ на вашихъ фабрикахъ?» На это королева отвѣчала: «Развѣ можно говорить о тряпкахъ въ такую минуту?» И она стала снова умолять императора оказать великодушіе. «Мы увидимъ... я подумаю», промолвилъ онъ, желая отъ нея отдѣлаться. Бесѣда продолжалась цѣлый часъ, и король прусскій, войдя въ комнату, положилъ ей конецъ. Какъ извѣстно, условія мира были самыя тяжелыя для Пруссіи. Съ своей стороны княгиня Радзивиллъ разсказываетъ, что въ этотъ день обѣдъ прошелъ очень печально, и послѣ обѣда королева снова стала умолять Наполеона, но онъ прервалъ ее рѣчь словами: «Что же вы хотите меня мучить до конца?» Какую жалкую роль Наполеонъ отводилъ королю въ дипломатическихъ переговорахъ, доказываетъ его восклицаніе: «Скажите, пожалуйста, неужели вы каждый день должны застегивать всѣ пуговки на вашихъ брюкахъ? Ихъ такое множество! И откуда вы начинаете—сверху или снизу?»

— Наполеоніана. Хотя наполеоновская литература такъ разрослась, что для подведенія ея итоговъ созваны въ настоящемъ два конгресса въ Парижѣ и Александріи, но постоянно изслѣдователи наполеоновской эпохи находятъ не только новые матеріалы объ извѣстныхъ событіяхъ, но и новые факты. Такимъ образомъ Е. Гильонъ открылъ еще невѣдомый романъ Наполеона въ Египтѣ и напечаталъ въ двухъ номерахъ «Grande Revue» любопытный очеркъ похожденій героини этого романа Пальмиры Фуресъ [1]). Эта хорошенькая, молодая блондинка съ голубыми глазами была родомъ изъ Тулузы, гдѣ служила швеей у тетки своего мужа. Когда послѣдній тотчасъ послѣ свадьбы отправился съ французской арміей въ Египетъ, то она послѣдовала за нимъ, переодѣвшись гусарскимъ солдатомъ. Въ Александріи она вскружила голову Наполеону, который серіозно въ нее влюбился. Она развелась съ мужемъ и крѣпко держала въ своихъ рукахъ побѣдителя пирамидъ. Солдаты называли ее генеральшей, а ученые академики, сопровождавшіе Наполеона,—Клеопатрой. Однако онъ не взялъ ее съ собою въ Сирію, хотя и писалъ ей оттуда письма, такія же пламенныя, какъ къ Жозефинѣ. Вернувшись обратно, онъ совершенно измѣнился въ отношеніи Пальмиры и началъ обращаться съ ней грубо, рѣзко. Впрочемъ и она во время его отсутствія утѣшилась съ молодымъ республиканцемъ Фурье, который училъ ее исторіи и литературѣ. Несмотря на это, когда Наполеонъ внезапно и тайно отправился во Францію, о чемъ она узнала, прочитавъ прокламацію Клебера, новаго главнокомандующаго, съ ней сдѣлалось дурно на

[1]) Un trottin de l'an VII, par Eugene Guillion. Grande Revue, 15 octobre—1 novembre 1899.

[illegible]

[illegible] который онъ написалъ въ англійское адмиралтейство съ просьбою, чтобы его приняли въ англійскій флотъ. «Единственное затрудненіе, которое можетъ встрѣтиться, замѣтилъ при этомъ Наполеонъ,—моя религія». На это англичанинъ отвѣчалъ: «Ахъ, ты, негодный, развѣ у тебя есть религія?». Наполеонъ въ свою очередь спокойно возразилъ: «У меня-то ея нѣтъ, а у моихъ родственниковъ есть». Въ октябрьской книжкѣ Revue d'Europe помѣщена статья Рауля-Колонны-Чезари: «Правда о Бонапартахъ» [2], и въ ней авторъ, задавшись цѣлью изслѣдовать генеалогію Наполеона, доказываетъ, что всѣ свѣдѣнія, приводимыя въ этомъ отношеніи Бернуччи и Пассерини, вполнѣ неправильны, такъ какъ французскіе и флорентійскіе Бонапарты ничего не имѣютъ общаго съ предками Наполеона.

Въ прошлогоднихъ номерахъ англійскихъ журналовъ «Cornhill magazine» и «Blackwood magazine» напечатанъ цѣлый рядъ воспоминаній англійскихъ солдатъ и офицеровъ о Наполеоновскихъ войнахъ. Большинство ихъ помѣщено въ первомъ изъ этихъ журналовъ, а во второмъ появился только найденный извѣстнымъ англійскимъ критикомъ Дауденомъ романическій разсказъ англійскаго морского офицера о его десятилѣтнемъ плѣнѣ во Франціи [3]). Хотя Да-

[1]) How England saved Europe: the Story of the great war 1793—1815, by D. Titchett. vol I. London. 1899.

[2]) La verité sur les Bonapartes, par Raul Colonna-Cesari.—Revue d'Europe, Octobre. 1899.

[3]) A prisoner under Napoleon, edited by prof. Dowden.—Bladkwood magazine. June. 1899.

удень возлагаетъ отвѣтственность на автора за всѣ сообщаемые имъ факты и не обнаруживаетъ его фамиліи, но если въ этихъ воспоминаніяхъ, по всей вѣроятности, многое преувеличено, то все-таки они рисуютъ вѣрную въ основныхъ чертахъ картину несчастной жизни, которую вели англійскіе военно-плѣнные во Франціи при Наполеонѣ. Англійскій морской офицеръ попалъ въ плѣнъ въ 1804 году близъ Нанта, гдѣ онъ потерпѣлъ крушеніе на небольшомъ суднѣ, которое онъ велъ въ Англію, въ качествѣ приза. Въ Нантѣ онъ впервые познакомился съ французскими тюрьмами, о которыхъ онъ отзывается съ отвращеніемъ и ужасомъ. Оттуда его и другихъ англичанъ повели закованными въ цѣпи въ Верденъ, укрѣпленный городъ Лотарингіи, гдѣ онъ провелъ три года. Наконецъ ему надоѣло терпѣть всѣ лишенія тюремной жизни, и онъ, вмѣстѣ съ морскимъ докторомъ Портеосомъ, бѣжалъ въ 1807 году. Они благополучно перебрались за Рейнъ и уже собирались въ городѣ Ульмѣ сѣсть на корабль, который отходилъ въ Вѣну, но Ульмъ тогда находился въ рукахъ французовъ, и бѣглецовъ тамъ схватила французская полиція. Возвращенные въ Верденъ, они были заточены въ подземельяхъ крѣпости Битчъ. Тутъ пришлось англичанину провести два года въ темнотѣ, въ сырой смрадной атмосферѣ и среди безконечныхъ крысъ, истреблявшихъ пищу и даже одежду заключенныхъ. Изъ этого ада,—какъ выражается авторъ воспоминаній,—онъ былъ переведенъ въ Сарлуи, гдѣ провелъ около года въ казармѣ, превращенной въ тюрьму. Тутъ на его долю выпали другого рода страданія: корыстолюбивый начальникъ тюрьмы всячески наживался на счетъ своихъ узниковъ и кормилъ ихъ гнилой кониной. Неудивительно, что англичанинъ сдѣлалъ попытку къ бѣгству, но она ему снова не удалась, и его еще разъ вернули въ Верденъ. Новый комендантъ, баронъ Бошенъ, обращался съ плѣнными совершенно иначе, чѣмъ остальные французы: онъ былъ очень любезенъ съ ними, заботился объ ихъ благосостояніи и дозволялъ имъ на честное слово не только отлучаться изъ тюрьмы, но даже жить въ городѣ. Авторъ воспоминаній этимъ воспользовался и женился на молодой француженкѣ. Повидимому, счастье ему улыбнулось, и онъ сталъ жить спокойно, припѣваючи, но въ 1812 году надъ его головой разразилась новая бѣда. На него сдѣлалъ доносъ одинъ изъ англійскихъ плѣнныхъ, оказавшійся французскимъ шпіономъ, и онъ былъ разлученъ со своей женой, и еще разъ его заточили въ Битчѣ, откуда онъ былъ освобожденъ въ 1814 году русскими казаками Платова. Онъ не нахвалится Платовымъ, котораго называетъ княземъ и который послалъ его въ Англію въ качествѣ курьера съ депешами. Такимъ образомъ кончается исторія заключенія въ двадцати одной тюрьмѣ анонимнаго англійскаго офицера.

Къ воспоминаніямъ о Наполеоновской эпохѣ, напечатаннымъ въ «Cornhill magazine»[1]), относятся письма солдата Вильяма Виндзора изъ Испаніи и Бельгіи въ эпоху отъ 1811 до 1815 г., отрывокъ изъ мемуаровъ интендантскаго офицера Туперкарея о Ватерлоо и запись въ дневникѣ лейтенанта англій-

[1]) Letters of a soldier from the peninsula and Waterloo, by Windsor. «Cornhill magazine». Juin 1899.

Reminiscenses of a commissariat officer, by E. Tuppercarey. «Cornhill magazine». Juin 1899.

A visit of Longwood, by H. Clifford. Cornhill magazine. November. 1899.

скаго флота Герберта Клифорда о посѣщеніи Наполеона на островѣ св. Елены. Солдатъ Виндзоръ, въ своихъ письмахъ къ женѣ, сообщаетъ очень мало интереснаго о военныхъ дѣйствіяхъ англичанъ въ Испаніи и о самой странѣ, гдѣ они происходили, а преимущественно говоритъ о цѣнѣ на разные съѣстные припасы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ бывалъ. Только въ одномъ письмѣ отъ марта 1813 года онъ высказываетъ свой взглядъ на дѣйствія англичанъ и русскихъ противъ Наполеона. «Посмотрите, милый другъ,—пишетъ онъ,—что сдѣлала Россія съ французами,—она взяла у нихъ въ плѣнъ 84 генерала и лишила 120.000 тысячъ солдатъ убитыми и плѣнными. Посмотрите также, что дѣлаютъ англичане въ Испаніи. Слѣдующія поколѣнія испанцевъ будутъ благословлять высадку англичанъ на берегахъ Испаніи, такъ какъ французы похоронятъ въ этой мѣстности свою честь». Хотя нѣтъ основанія сомнѣваться въ храбрости этого англійскаго солдата, но онъ въ своихъ письмахъ горячо выражаетъ надежду, что война вскорѣ кончится, и заявляетъ, что никто не можетъ описать того «мрачнаго впечатлѣнія, которое производитъ битва, когда послѣ ея окончанія остаешься лицомъ къ лицу съ трупами и всякаго рода ужасами». Относительно Ватерлоо онъ пишетъ только, что эта битва, величайшая изо всѣхъ когда либо происходившихъ между англичанами и французами, продолжалась два съ половиной дня, и до самаго конца Велингтонъ не зналъ, на чьей сторонѣ побѣда. Наконецъ, пруссаки подоспѣли, и Бонапартъ былъ разбитъ на голову. «Я жду съ нетерпѣніемъ, когда окончится мой срокъ службы, потому что болѣе я не хочу быть солдатомъ,—писалъ Виндзоръ въ своемъ послѣднемъ письмѣ,— а желаю жить счастливо съ женою и дѣтьми». Но это желаніе не исполнилось, и онъ погибъ во время крушенія корабля, на которомъ возвращался въ Англію. Комиссаріатскій офицеръ также немного говоритъ о самомъ сраженіи при Ватерлоо, такъ какъ онъ, собственно, не присутствовалъ при немъ, а только мотался во всѣ стороны вокругъ поля сраженія, отыскивая то интендантскій обозъ, то полки, которые онъ долженъ былъ продовольствовать. При этомъ онъ очень рельефно описываетъ сумятицу и безпорядокъ, царившіе на задахъ англійской арміи, гдѣ происходила невообразимая паника, какъ только распространялся слухъ о пораженіи передовыхъ войскъ. Послѣ же битвы невозможно было сдѣлать и двухъ шаговъ на той мѣстности, гдѣ разыгралась судьба Европы, такъ какъ всюду валялись груды мертвыхъ тѣлъ, лошадей, оружія и т. д. Въ Жеманѣ онъ видѣлъ карету, которую Наполеонъ бросилъ, чтобы спастись верхомъ отъ преслѣдовавшихъ его пруссаковъ, и въ которой нашелся его мундиръ, наполненный подъ подкладкой необдѣланными брилліантами на сумму болѣе милліона. Эти брилліанты достались прусскому офицеру Келлеру, а, узнавъ объ этомъ, прусскіе солдаты начали при англичанинѣ копать землю вокругъ кареты и просѣвать ее сквозь сито, въ поискахъ за брилліантами. Что же касается до разсказа лейтенанта Клифорда о свиданіи съ Наполеономъ на островѣ св. Елены, гдѣ онъ провелъ три дня въ 1817 году, то онъ не отличается большимъ интересомъ. Наполеонъ принялъ неохотно Клиффорда вмѣстѣ съ другимъ его товарищемъ и спросилъ только, въ какой части Англіи онъ родился и какъ попалъ на св. Елену. Поэтому англійскій офицеръ ограничивается довольно оригинальнымъ портретомъ

Наполеона. По его словамъ, онъ былъ еще меньшаго роста и толще, чѣмъ обыкновенно его изображали. Волоса его были черные, коротко обстриженные, голова очень большая, а лицо круглое, полное, но не одутловатое. «Я не замѣтилъ въ немъ,—прибавляетъ онъ,—ничего необыкновеннаго, кромѣ глазъ, которые лучше всего въ его лицѣ и придаютъ ему все его выраженіе. Но эти глаза мнѣ не показались такими проницательными, какими ихъ обыкновенно описываютъ. Нельзя сказать, чтобы его портреты отличались большимъ сходствомъ, но они удивительно схватываютъ профиль. Его лицо дышитъ горечью, и хотя онъ удостоилъ меня улыбкой, но, очевидно, онъ смотрѣлъ на меня и на моего товарища, какъ на людей пришедшихъ поглядѣть на него изъ любопытства, а не изъ уваженія, въ чемъ онъ былъ правъ. Цвѣтъ его лица мнѣ показался очень желтымъ и болѣзненнымъ. Вообще онъ казался скорѣе человѣкомъ, посвятившимъ всю жизнь на ученыя занятія, чѣмъ на полководцемъ, думающимъ только о военной славѣ».

— **Придворная интрига во Франціи при Людовикѣ XVIII.** Эрнестъ Додэ, спеціально изучающій эпоху реставраціи, помѣстилъ въ газетѣ «Temps» не большой, но блестящій этюдъ объ одномъ изъ мало извѣстныхъ эпизодовъ царствованія Людовика XVIII, именно о покушеніи на его жизнь въ 1821 году [1]). Онъ начинаетъ свой разсказъ съ изложенія самаго факта, а затѣмъ выясняетъ всю его подноготную. 27-го января 1821 года въ 4 часа дня немногіе парижане, гулявшіе въ Тюльерійскомъ саду, такъ какъ было очень холодно, неожиданно услыхали громкій взрывъ въ центральной части дворца, гдѣ находились аппартаменты короля, и увидѣли, что стекла въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа съ шумомъ разбились, при чемъ изъ окна повалилъ густой дымъ. Конечно, они очень перепугались, но еще большая паника овладѣла обитателями дворца, когда оказалось, что катастрофа произошла отъ взрыва маленькаго боченка съ порохомъ, спрятаннаго въ комнатѣ, гдѣ спалъ старшій камердинеръ, близъ кабинета короля. Самъ Людовикъ XVIII узналъ объ этомъ, спустя нѣсколько минутъ, когда онъ вернулся съ прогулки, но онъ не поддался страху и благоразумно замѣтилъ, что въ виду той комнаты, гдѣ произошелъ взрывъ, и небольшого количества пороха въ боченкѣ не могло быть и рѣчи о серіозномъ покушеніи на его жизнь. Такимъ образомъ съ самаго начала дѣло не должно было имѣть значительныхъ результатовъ. Но съ одной стороны полиція немедленно начала слѣдствіе, а съ другой политическія партіи стали эксплоатировать этотъ фактъ въ свою пользу. Всѣ реакціонеры и ультра-роялисты, во главѣ которыхъ стояли братъ короля, графъ Артуа, будущій Карлъ X, и двѣ его невѣстки, герцогиня Ангулемская и герцогиня Беррійская, стали громко обвинять либераловъ въ составленіи заговора противъ жизни короля и требовали удаленія отъ дѣлъ слишкомъ умѣреннаго въ ихъ глазахъ, хотя и консервативнаго, министерства герцога Ришелье, а затѣмъ принятія самыхъ строгихъ репрессив-

---

[1]) Une intrigue à la cour de France sous la Restauration, par Ernst Daudet. «Temps», 22 novembre.

ныхъ мѣръ. Верхняя палата высказывалась въ томъ же духѣ, а большинство нижней видѣло въ совершившемся фактѣ революціонные происки. Напротивъ, либералы взваливали всю вину на реакціонеровъ, считая, что они нарочно подвели интригу, чтобы получить возможность уничтожить конституціонный порядокъ. Даже король, хотя далеко не либералъ, писалъ своему любимцу Деказу, который находился французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ: «Очень можетъ быть, что дѣло о покушеніи окажется не ужаснымъ преступленіемъ, а позорной интригой». Но, предугадывая такимъ образомъ результатъ дѣла, волновавшаго весь Парижъ, Людовикъ XVIII не подозрѣвалъ, что виновницей этой позорной интриги была герцогиня Беррійская. Хотя Эрнестъ Додэ, несмотря на всѣ свои розыски, не нашелъ офиціальныхъ документовъ, доказывающихъ этотъ фактъ, такъ какъ если они существовали, то были уничтожены, но онъ отыскалъ на одномъ изъ писемъ короля къ Деказу надпись послѣдняго, которая ясно подтверждаетъ виновность герцогини. Дѣло заключалось въ томъ, что она подбила нѣсколькихъ ультра-роялистовъ устроить это фиктивное покушеніе на жизнь короля. Когда же стали подозрѣвать въ этомъ преступномъ дѣйствіи людей ни въ чемъ неповинныхъ, то она написала одному высокопоставленному лицу при дворѣ, что полиція и судебная власть напали на ложный слѣдъ. Но она такъ неудачно замаскировала свой почеркъ, что придворный узналъ руку герцогини и доложилъ обо всемъ королю. Послѣдній потребовалъ объясненія отъ герцогини, но она не хотѣла сознаться, и тогда къ ней послали духовника. Уже подъ его вліяніемъ она высказала всю правду своему отцу, графу Артуа. Она, повидимому, объяснила составленный ею заговоръ тѣмъ, что она и ея соучастники хотѣли получить возможность обвинить либераловъ въ попыткѣ убить короля, свергнуть министерство Ришелье и образовать новое вполнѣ реакціонное. Но Додэ полагаетъ, что герцогиня Беррійская имѣла совершенно иное намѣреніе. Со времени убійства ея мужа и рожденія сына, герцога Бордосскаго, она хотѣла играть политическую роль и тѣшила себя надеждой, что будетъ регентшей во время малолѣтства сына. Но неожиданно распространилась вѣсть, что герцогиня Ангулемская, жена старшаго сына графа Артуа, находилась въ интересномъ положеніи. Если бы дѣйствительно у нея родился сынъ, то онъ былъ бы дофиномъ, и уничтожились бы всѣ права на престолъ герцога Бордосскаго. Поэтому Додэ и предполагаетъ, что герцогиня Беррійская придумала или согласилась на взрывъ боченка съ порохомъ въ надеждѣ, что этотъ взрывъ вредно отзовется на здоровьѣ герцогини Ангулемской и помѣшаетъ ей родить. Хотя всѣ обстоятельства говорятъ въ пользу подобной гипотезы, но она фактически ничѣмъ не доказана. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что такъ или иначе герцогиня Беррійская играла значительную роль въ исторіи фиктивнаго покушенія на жизнь Людовика XVIII.

— **Верховный судъ во время іюльской монархіи.** Разсматривающій дѣло роялистовъ верховный судъ во Франціи возбуждаетъ безконечные нападки и насмѣшки въ консервативныхъ органахъ парижской печати. Но если бы консерваторы и роялисты знали лучше исторію, то они хранили бы молчаніе, такъ какъ 65 лѣтъ тому назадъ, при Луи-Филиппѣ, палата пэровъ представила

гораздо болѣе траги-комическое зрѣлище, чѣмъ теперешній сенатъ. Она была превращена въ верховный судъ, и въ ней засѣдалъ цвѣтъ французской аристократіи: Монморанси, Шуазели, Брольи, Пралены, Тремули, Ларошфуко, Тюрены и т. д. Процессъ, который разбирался ими, состоялъ въ обвиненіи массы республиканцевъ въ нарушеніи государственной безопасности. Франціей тогда управляло министерство Тьера-Гизо, и оно нашло нужнымъ привлечь къ огульной отвѣтственности многочисленныхъ жертвъ народныхъ возстаній, возбужденныхъ въ 1834 году въ Ліонѣ, Греноблѣ, Люневилѣ, Парижѣ и другихъ городахъ, преслѣдованіемъ со стороны правительства рабочихъ ассоціацій. Іюльская монархія не довольствовалась тѣмъ, что залила кровью это народное виженіе, во главѣ котораго стояли республиканцы, и привлекла къ судебной отвѣтственности 2.000 человѣкъ, а для суда надъ ними образовала изъ палаты пэровъ верховный судъ. Исторія этого верховнаго суда очень эффектно разсказана въ статьѣ, помѣщенной въ газетѣ «Matin», подъ заглавіемъ «Настоящій верховный судъ» [1]), и подписанной псевдонимомъ «Историкъ». Этотъ чудовищный во всѣхъ отношеніяхъ процессъ начался въ концѣ 1834 года и продолжался около двухъ лѣтъ. Сначала произведено было слѣдствіе, которое разсмотрѣло 1.600 документовъ и допросило 4.000 свидѣтелей. Мало-помалу, изъ 2.000 привлеченныхъ къ суду большинство было освобождено, и передъ верховнымъ судомъ обвинялось уже 440, изъ которыхъ 131 бѣжали и потому судились заочно. Однако верховный судъ еще уменьшилъ число обвиняемыхъ, и окончательно 6-го января слѣдующаго года явились на скамьяхъ подсудимыхъ 124 обвиняемыхъ, кромѣ 40 заочныхъ. Дѣло началось 5-го марта 1835 г. и окончилось 23-го января 1836 г. Хотя число обвиняемыхъ растаяло, но свидѣтели и документы были разсмотрѣны пэрами въ прежнемъ громадномъ числѣ. Во время производства этого безконечнаго дѣла происходила постоянная борьба между обвиняемыми и обвинителями. Въ числѣ первыхъ находились знаменитые республиканцы: Араго, Арманъ Марастъ и Годефруа-Кавеньякъ, братъ генерала; а ихъ адвокатами были не менѣе знаменитые Барбесъ, Мишель изъ Буржа и Жюль Фавръ. Предсѣдатель верховнаго суда, Паскье, дозволялъ себѣ самыя возмутительныя нарушенія закона, такъ онъ запретилъ обвиняемымъ брать себѣ въ защитники кого бы то ни было, кромѣ присяжныхъ адвокатовъ, почему нѣкоторые изъ нихъ отказались отъ защиты, а другіе отвѣчали безмолвіемъ на всѣ вопросы предсѣдателя. Безпорядокъ, шумъ, скандалы не прерывались во время засѣданія суда. Однако наибольшій скандалъ для правительства произошелъ внѣ залы суда. 12-го іюля, 28 изъ обвиняемыхъ парижанъ, въ томъ числѣ Кавеньякъ и Марастъ, бѣжали изъ предварительной тюрьмы. Наконецъ объявленъ былъ приговоръ, по которому нѣсколько подсудимыхъ были освобождены, но громадное большинство подвергнуто самымъ разнообразнымъ наказаніямъ, отъ тюремнаго заключенія на годъ до пожизненной ссылки. Впрочемъ, хотя этого и неуказываетъ статья въ газетѣ «Matin», чудовищная трагикомедія не привела ни

[1]) Une vraie haute coure, par Historicus. «Matin», 4 decembre. 1899.

къ какому результату, такъ какъ 8-го мая 1836 года, по случаю свадьбы герцога Орлеанскаго, объявлена была всеобщая амнистія для политическихъ преступниковъ. Поэтому современные роялисты могутъ упрекать третью республику лишь въ томъ, что она слѣдуетъ дурному примѣру іюльской монархіи, которой можно было подражать въ этомъ дѣлѣ только относительно амнистіи, но и то, конечно, начать съ нея, но не кончить.

— Что видѣлъ Викторъ Гюго. Изъ посмертныхъ произведеній величайшаго французскаго поэта XIX вѣка Виктора Гюго наибольшій интересъ представляетъ собраніе воспоминаній и замѣтокъ обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ продолженіе своей долговременной полной событій жизни. Это, конечно, не мемуары, но любопытные отголоски прошедшаго, и Поль Мерисъ, издатель посмертныхъ сочиненій Гюго, очень характеристично назвалъ эту серію «Choses vues» (Видѣнное). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышелъ первый ея томъ, который привелъ въ изумленіе и восторгъ всѣхъ критиковъ, такъ какъ впервые на страницахъ «Видѣннаго» авторъ «Эрнани» и «Собора парижской Божіей Матери» является простымъ, безыскусственнымъ, добродушнымъ разсказчикомъ, настоящимъ, образцовымъ репортеромъ. Только что вышедшій второй томъ [1]) отличается тѣми же достоинствами, а третій и послѣдній долженъ появиться въ будущемъ году. Кромѣ литературнаго значенія этого новаго произведенія творца «Miserables», оно представляетъ историческую важность, такъ какъ воспоминанія Гюго о событіяхъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, и передаваемые разговоры съ выдающимися политическими дѣятелями служатъ цѣнными коментаріями къ полной характеристикѣ истекающаго вѣка. Панорама, которую постепенно развертываетъ передъ нами геніальный репортеръ, захватываетъ 46 лѣтъ, именно отъ коронованія Карла X въ 1825 году до засѣданій національнаго собранія въ 1871 году, а по представляемымъ ею картинамъ она поражаетъ блестящимъ разнообразіемъ. Читатель видитъ вслѣдъ за Гюго Реймскія торжества при реставраціи, сцены изъ интимной жизни Луи-Филиппа въ Тюльерійскомъ дворцѣ, кровавыя драмы февральской революціи и іюньскихъ дней 1848 года, дебюты Луи-Бонапарта, будущаго декабрьскаго героя, осаду Парижа нѣмцами изо дня въ день, бурные эпизоды въ національномъ собраніи 1871 года, засѣданія парижской академіи, кулисы парижскихъ театровъ, трагедіи въ залахъ суда, въ тюрьмахъ и въ ежедневной парижской жизни. Рядомъ съ этимъ читатель слышитъ, что говорилъ Виктору Гюго о политикѣ и своихъ историческихъ воспоминаніяхъ Луи-Филиппъ, что откровенно, въ пылу февральской революціи, высказывали ему Одиллонъ-Баро и Ламартинъ, о чемъ бесѣдовалъ съ нимъ президентъ Луи-Бонапартъ на первомъ обѣдѣ, который былъ данъ имъ въ Елисейскомъ дворцѣ и т. д., и т. д. Наиболѣе интересны въ историческомъ отношеніи разговоры Гюго съ Луи-Филиппомъ, Ламартиномъ и декабрьскимъ героемъ, а также рисуемыя имъ картины февральской революціи и іюньскихъ дней. Что же касается до осады Парижа и національнаго собранія въ Бордо, то на страницахъ «Видѣннаго» только приведены ежедневныя крат-

---

[1]) Choses vues, par Victor Hugo, nouvelle serie. Paris. 1900.

кія записи изъ дневника поэта, и въ нихъ рѣдко встрѣчается, что нибудь любопытное, а преимущественно они касаются его частной жизни. О Луи-Филиппѣ, который назначилъ Гюго пэромъ, т. е. членомъ верхней палаты, авторъ отзывается очень сочувственно, какъ о человѣкѣ, въ тѣхъ замѣткахъ, которыя относятся къ его царствованію, и только приводя его слова, сказанныя послѣ бѣгства въ Англію, въ 1848 году, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, Гюго замѣчаетъ: «Онъ виноватъ не въ чемъ нибудь, а во всемъ». Эта перемѣна во взглядахъ объясняется не паденіемъ короля, такъ какъ Викторъ Гюго отличался всегда честностью и искренностью своихъ политическихъ взглядовъ, а тѣмъ фактомъ, что онъ мало-помалу политически развивался и переходилъ изъ легитимиста въ конституціоннаго рояллиста, умѣреннаго республиканца и наконецъ крайняго радикала. Что касается до самого Луи-Филиппа, то онъ очень любилъ Гюго, часто приглашалъ его къ себѣ во дворецъ и откровенно бесѣдовалъ съ нимъ о политикѣ. Искренность его доходила до того, что онъ говорилъ о своемъ любимомъ министрѣ Гизо, который погубилъ іюльскую монархію своимъ доктринернымъ консерватизмомъ: «Онъ отличается большими достоинствами и громадными недостатками. Онъ мужественно переноситъ непопулярность, и я за это его уважаю, но онъ боится своихъ сторонниковъ. Я не министръ, но если бы я былъ на его мѣстѣ, то, кажется, ничего бы не страшился. Я стремился бы къ добру и шелъ бы рѣшительно впередъ къ обезпеченію цивилизаціи миромъ». Эта идея мира была осью, вокругъ которой вертѣлись всѣ мысли и политика короля. По его словамъ, онъ съ помощью англичанъ водворилъ бы миръ во всемъ свѣтѣ, но если бы эта помощь ему измѣнила, то онъ все-таки одинъ настоялъ бы на сохраненіи мира, который онъ болѣе всего любилъ. О ненависти къ нему европейскихъ государей онъ зналъ очень хорошо и прямо говорилъ объ этомъ, прибавляя, что онъ популяренъ только въ Англіи, гдѣ его встрѣчали съ распростертыми объятіями. Изо всѣхъ англійскихъ государственныхъ людей онъ болѣе всего цѣнилъ Пита. «Какой это былъ удивительный государственный человѣкъ,—сказалъ онъ однажды Гюго,—хотя отъ своего высокаго роста онъ казался неловкимъ и говорилъ съ видимымъ трудомъ, но въ каждомъ его словѣ слышались умъ и здравый смыслъ. Когда нибудь ему отдадутъ справедливость, даже во Франціи, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ французскій языкъ». Изъ воспоминаній Луи-Филиппа о прошедшей своей жизни, которую онъ охотно сообщалъ своему собесѣднику, любопытенъ разсказъ о томъ, какъ онъ обѣдалъ съ Робеспьеромъ у богатаго фабриканта Декрето въ 1791 году. На этомъ обѣдѣ присутствовали Робеспьеръ и Петіонъ. Первый «былъ очень мраченъ», почти не открывалъ рта, а послѣдній все приставалъ къ нему, совѣтуя жениться, такъ какъ его обычная, желчь, горечь, меланхолія и ипохондрія могли дурно отозваться на его партіи, и одна жена могла его сдѣлать добрымъ малымъ. Въ отношеніи Наполеона король разсказывалъ интересную подробность о томъ, какъ онъ получилъ извѣстіе, что Парижъ сдался союзникамъ. Онъ шелъ во главѣ своей гвардіи изъ Фонтенебло на Парижъ, неожиданно встрѣтилъ курьера, который сообщилъ ему роковую вѣсть. Императоръ поблѣднѣлъ, закрылъ лицо руками и въ продолженіе четверти часа оставался неподвижнымъ. Потомъ, не говоря

ни слова, онъ повернулъ лошадь и возвратился въ Фонтенебло. Гюго приводитъ еще слѣдующій характеристичный разговоръ между Луи-Филиппомъ и маршаломъ Сультомъ:—«Маршалъ вы помните осаду Кадикса?»—«Еще бы не помнить, ваше величество, я довольно долго стоялъ у этого проклятаго Кадикса и долженъ былъ, наконецъ, уйти ни съ чѣмъ».—«Пока вы были снаружи, я былъ внутри».—«Я это зналъ, ваше величество».—«Кортесы и англійское правительство предлагали мнѣ начальство надъ испанской арміей».—«Это также мнѣ было извѣстно».—«Предложеніе было серіозное, и я долго колебался. Я могъ сражаться за интересы своей семьи, но мнѣ претило итти противъ родины. Пока я не зналъ, на что рѣшиться, вы, маршалъ, предложили мнѣ тайное свиданіе въ маленькомъ домикѣ, между крѣпостью и вашимъ лагеремъ. Вы помните объ этомъ маршалъ?»—«Конечно, ваше величество. Даже былъ назначенъ день для свиданія».—«И я не явился».—«Да».—«А вы знаете почему?»—«Нѣтъ».—«Я вамъ сейчасъ объясню. Я уже отправлялся на это свиданіе, какъ неожиданно ко мнѣ пришелъ начальникъ англійской эскадры, узнавшій объ этомъ не знаю какимъ способомъ, и предупредилъ меня, чтобы я не попадался въ ловушку. По его словамъ, Кадиксъ былъ неприступенъ, и французы отчаивались его взять, а потому императоръ приказалъ меня схватить обманомъ и разстрѣлять, какъ герцога Ангіенскаго. Ну, маршалъ, скажите теперь, положа руку на сердце, вы дѣйствительно хотѣли меня разстрѣлять?»—«Нѣтъ, ваше величество, я хотѣлъ только скомпрометировать васъ». Когда послѣ этого разгорора маршалъ удалился, то король сказалъ съ улыбкой: «Скомпрометировать! Это онъ теперь называетъ скомпрометировать, а тогда онъ просто меня разстрѣлялъ бы». Бесѣды Виктора Гюго съ Ламартиномъ происходили въ парижской ратушѣ, во время кровавыхъ сценъ февральской революціи и іюньскихъ дней. Ламартинъ изображенъ очень симпатично пламеннымъ патріотомъ, апостоломъ свободы и стойкимъ защитникомъ республики, но человѣкомъ слабохарактернымъ, нерѣшительнымъ и защищавшимъ себя отъ обвиненія въ безпощадной іюньской рѣзнѣ словами: «Я не военный министръ». Но рядомъ съ этой недостойной попыткой взвалить всю вину на другого, именно на Кавеньяка, рисуется свѣтлая сторона Ламартина въ блестящей картинѣ его скромнаго завтрака послѣ провозглашенія второй республики. Этотъ всемогущій диктаторъ Франціи послалъ при Гюго за котлетами въ сосѣдній съ ратушей кабачекъ и ѣлъ эти котлеты руками, за отсутствіемъ прибора, когда онъ могъ бы помѣститься во дворцѣ и ѣсть на золотѣ. «Признайтесь,—сказалъ онъ Гюго,—что это первобытный завтракъ, но все же это роскошь въ сравненіи съ вчерашнимъ нашимъ ужиномъ. У насъ, всѣхъ членовъ временнаго правительства, былъ только хлѣбъ и кусокъ сыра, а воду мы пили изъ разбитой сахарницы. Это, однако, не помѣшало сегодняшнимъ газетамъ уличить временное правительство въ страшной оргіи». Переходя къ воспоминаніямъ Виктора Гюго о декабрьскомъ героѣ, мы приведемъ, что онъ писалъ о немъ въ февралѣ 1849 года, т. е. два мѣсяца спустя послѣ избранія Луи-Наполеона въ президенты. «Несмотря на благія намѣренія и на извѣстное количество ума и способностей, Луи-Бонапартъ, я боюсь, не окажется достойнымъ своего назначенія. Для него Франція, настоящій вѣкъ, новыя идеи,

требованія нашей эпохи—закрытыя книги. Онъ смотритъ, не понимая на волнующіеся вокругъ его умы. Онъ принадлежитъ къ тому классу безсознательныхъ людей, которыхъ называютъ принцами, и къ категоріи чужестранцевъ, которыхъ называютъ эмигрантами. Онъ ниже всего и внѣ всего. Для человѣка, внимательно изучающаго его, онъ кажется болѣе психопатомъ, чѣмъ правителемъ». Къ декабрьскому герою относятся единственныя страницы «Видѣннаго», которыя возбудили критику во французской печати. Они посвящены смертной казни убійцъ генерала Бреа. Это убійство было слѣдствіемъ іюньскихъ дней и имѣло политическій характеръ. Несмотря на то, что вторая республика отмѣнила смертную казнь по политическимъ дѣламъ, военный судъ примѣнилъ ее, а президентъ, помиловавъ трехъ, предоставилъ остальныхъ двухъ роковой судьбѣ. Разсказавъ объ этомъ событіи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, Викторъ Гюго отдаетъ справедливость президенту въ томъ, что онъ поддержалъ одного изъ министровъ, высказавшагося за помилованіе всѣхъ присужденныхъ, а съ другой говоритъ: «На другой день послѣ казни можно было видѣть имя Луи-Бонапарта вычеркнутымъ красной краской среди именъ кандидатовъ въ президенты, красовавшихся на стѣнахъ домовъ въ парижскихъ предмѣстьяхъ. Это былъ безмолвный протестъ, упрекъ и угроза. Рука народа предшествовала десницѣ Божьей». Противъ правильности разсказа Гюго возсталъ въ газетѣ «Matin» бывшій адвокатъ казненныхъ, Крассонъ, впослѣдствіи парижскій полицейскій префектъ, во время правительства національной обороны. Онъ подробно описываетъ свои два свиданія по этому случаю съ президентомъ и увѣряетъ, что дѣло происходило совершенно иначе, однако, хотя дѣйствительно разсказы его и Гюго не сходятся въ мелочахъ, — въ сущности они совершенно тождественны. По тому и другому варіанту, Луи-Бонапартъ отказался распространить свое право милости на пятерыхъ вмѣсто трехъ изъ подсудимыхъ. Такимъ образомъ совершенно напрасно газета «Matin» обвиняетъ Гюго въ оклеветаніи декабрьскаго героя [1]).

— **Изъ писемъ графа Фридриха Эйленбурга.** Въ «Deutsche Revue» Горстъ-Коль, извѣстный своими изысканіями въ области переписки разныхъ лицъ съ княземъ Бисмаркомъ, помѣстилъ выдержки изъ писемъ графа Фридриха Эйленбурга къ покойному первому германскому канцлеру [2]). Письма относятся, главнымъ образомъ, къ пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ и представляютъ интересныя поясненія къ прусской политикѣ временъ начинавшагося возвышенія Пруссіи. Непосредственное отношеніе къ Россіи имѣетъ изъ этихъ писемъ лишь одно, посланное 16-го іюня 1859 г. изъ Варшавы, куда Эйленбургъ былъ отправленъ съ дипломатическимъ порученіемъ. «Какъ только я пріѣхалъ сюда»,—пишетъ графъ Эйленбургъ,—«тотчасъ же дипломатическая канцелярія намѣстника телеграфировала въ Петербургъ, могу ли я

---

[1]) «Choses mal vues». Un démenti de Cresson à Victor Hugo. «Matin». 2 decembre. 1899.

[2]) «Aus der Korrespondenz des Grafen F. v. Eulenburg».—«Deutsche Revue», Jan. 1900.

вступать въ переговоры; на это депешею данъ былъ отвѣтъ: «oui, officieusement». Это офиціозное положеніе меня не очень стѣсняетъ, но, тѣмъ не менѣе, было бы лучше, если бы оно превратилось въ офиціальное... Отъ безконечнаго числа визитовъ, которые мнѣ пришлось сдѣлать, и отъ всѣхъ тѣхъ русскихъ и польскихъ именъ, которыя я долженъ запомнить, у меня идетъ голова кругомъ. Однако, впечатлѣніе, которое въ общемъ у меня составилось, недурное, и кругъ дѣйствій, открывающійся предо мною, великъ и интересенъ. Пруссофобскаго настроенія я нигдѣ не замѣчалъ, особенно въ офиціальныхъ кругахъ. Зато сильно неудовольствіе по адресу Австріи, хотя и кажется, что это неудовольствіе уменьшается съ каждымъ пораженіемъ, которое несутъ австрійцы: здѣсь прекрасно понимаютъ опасности отъ увеличенія значенія императора Наполеона и отъ принципа національности, на которой онъ опирается. Поляки—въ чрезвычайно радужномъ растроеніи. Въ одномъ изъ публичныхъ садовъ третьяго дня, при исполненіи мазурки изъ оперы «Еще Польша не пропала», публика оживленно апплодировала, несмотря на присутствіе русскихъ офицеровъ. Говорятъ, что это фактъ, неслыханный съ давнихъ поръ...». Въ другихъ письмахъ представляютъ интересъ указанія на отношеніе Пруссіи къ Франціи наканунѣ австро-прусской войны. «Ежедневно»,—писалъ Эйленбургъ въ августѣ 1865 года,—«посѣщаетъ меня французскій повѣренный по дѣламъ... Согласно письму вашему, я сдѣлалъ ему замѣчаніе, что намъ до сихъ поръ еще неизвѣстно, какъ Франція къ намъ отнесется въ случаѣ войны съ Австріею. Онъ началъ меня съ большимъ жаромъ убѣждать, что настроеніе императора Наполеона вполнѣ дружественное по отношенію къ Пруссіи... Онъ прочиталъ мнѣ письмо французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ тотъ вновь увѣряетъ, что Франція не желаетъ вмѣшиваться въ споры Австріи съ Пруссіею, пока остальная Европа не будетъ втянута въ борьбу; да и въ такомъ случаѣ отношеніе Франціи будетъ вполнѣ дружественное... 30-го августа... французскій повѣренный по дѣламъ былъ у меня и сказалъ мнѣ, что имъ получено конфиденціальное сообщеніе изъ Парижа, изъ котораго вытекаетъ, что Гольцъ запросилъ Друэнъ-дел'Юиса о формальномъ нейтралитетѣ Франціи. Министръ отвѣчалъ, что въ вопросѣ о (ютландскихъ) герцогствахъ Пруссія можетъ разсчитывать на полнѣйшій нейтралитетъ Франціи...». Какъ видно изъ этихъ выдержекъ, письма Эйленбурга лишній разъ доказываютъ то ослѣпленіе, съ которымъ Франція сама подготовляла могущество Пруссіи.

— Военная служба и плѣнъ Поля Дерулэда. Франсуа Коппэ и г. Калли помѣстили въ «Revue Hebdomadaire» біографію нынѣ осужденнаго на изгнаніе изъ Франціи главы лиги патріотовъ—Поля Дерулэда. Біографія эта большею частью составлена изъ разсказовъ самого Дерулэда, переданныхъ съ точностью почти стенографическою [1]). Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ эпизо-

[1]) H. Calli: «Paul Déroulède raconté par lui-même», avec préface de Fr. Coppée.—«Rev. Hebdomadaire», 6 janv. 1900.

довъ въ біографіи является разсказъ о военной карьерѣ Дерулэда, которую, какъ извѣстно, почитатели поэта-солдата ставятъ въ примѣръ всѣмъ патріотамъ, въ то время, какъ порицатели его постоянно колютъ его тѣмъ, что онъ будто бы бѣжалъ изъ плѣна, нарушивъ данное имъ пруссакамъ слово. Въ разсказѣ Г. Калли мы видимъ, какъ самъ Дерулэдъ объясняетъ свое поведеніе на войнѣ. О побужденіяхъ, заставившихъ его промѣнять перо на саблю, онъ разсказываетъ слѣдующее. 15-го іюля 1870 г. онъ завтракалъ у своего дяди Эмиля Ожье. Въ это время всѣ, уже около недѣли, находились въ тревожномъ ожиданіи: съ нетерпѣніемъ ждали опубликованія официіальныхъ депешъ и правительственныхъ сообщеній. Народъ толпился передъ Бурбонскимъ дворцомъ, жаждая услышать, что будетъ рѣшено: миръ или война. По предложенію Ожье, Дерулэдъ въ первый разъ въ жизни посѣтилъ палату депутатовъ, гдѣ предвидѣлись важные дебаты по поводу текущихъ событій. Сессія въ этотъ день была историческая: Тьеръ нападалъ на правительство, накликавшее на страну войну, а Эмиль Оливье утверждалъ, что онъ исполнилъ свой долгъ и принимаетъ на себя полную отвѣтственность за разрывъ, теперь уже неизбѣжный. Перекоры политиковъ произвели на Дерулэда тягостное впечатлѣніе. Онъ сталъ также тяготиться тѣмъ, что въ столь серіозное для страны время онъ ничѣмъ не въ состояніи помочь ей. Желая перейти отъ слова къ дѣлу, онъ попросилъ и легко добился мѣста подпоручика сенскихъ мобилей. Гвардія эта, однако, на самомъ дѣлѣ еще не существовала. Лишь нѣсколько батальоновъ были дѣйствительно собраны и лѣтомъ 1867 года занимались строевымъ ученьемъ, что въ свое время вызывало протесты депутатовъ, утверждавшихъ, что Францію желаютъ превратить въ казарму. Дерулэдъ принялся очень усердно за свое дѣло, ежедневно ходилъ на ученье и въ собраніе офицеровъ. 6-го августа въ Парижѣ распространилось извѣстіе о побѣдѣ, одержанной надъ непріятелемъ. Всѣ дома украсились флагами, народъ на улицахъ дѣлился радостными впечатлѣніями. Около трехъ часовъ, однако, побѣда превратилась въ пораженіе, несчастіе подъ Рейхсгоффеномъ подтвердилось, общее уныніе, при извѣстіи о нашествіи непріятеля на Францію, овладѣло всѣми. Въ тотъ же вечеръ Дерулэдъ поѣхалъ въ Мецъ, рѣшившись немедленно же поступить въ любой полкъ, который его приметъ. Въ Мецѣ, однако, его не только не приняли, но велѣли немедленно вернуться въ Парижъ. На вопросъ его: а какъ же съ нашествіемъ непріятеля?— ему дали отвѣтъ жесткій, но откровенный: «Съ непріятелемъ вамъ скоро придется сражаться у самыхъ стѣнъ Парижа!». Немного дней спустя, сенскіе мобили были посланы въ Шалонскій лагерь. Дерулэдъ съ жаромъ принялся обучать свой отрядъ, горя нетерпѣніемъ скорѣе пойти съ нимъ на встрѣчу непріятелю. Однако, немного дней послѣ сбора войскъ въ Шалонѣ, мобилей призвали для выслушанія приказа генерала Трошю о возвращеніи въ Парижъ «для охраны собственныхъ очаговъ». Дерулэдъ рѣшилъ не возвращаться въ Парижъ, и въ качествѣ простого солдата поступилъ въ полкъ зуавовъ. Изъ Шалонскаго лагеря первый армейскій корпусъ, въ которомъ служилъ Дерулэдъ, сталъ отступать къ Парижу. Въ Парижѣ, среди лицъ, окружавшихъ императрицу, возвращеніе побѣжденнаго императора считали неудобнымъ:

думали, что оно будетъ сигналомъ къ революціи. Поэтому въ Реймсѣ данъ былъ приказъ направиться черезъ Арденны къ Мецу, къ осажденному войску Базена. Когда этотъ приказъ былъ полученъ, и войско выступало, майоръ Эрве сказалъ Деруләду: «Вслѣдствіе новостей изъ Парижа насъ принуждаютъ къ крупной военной ошибкѣ. Насъ посылаютъ волку въ глотку». 30-го августа зуавы сражались у Музона на Маасѣ, 31-го они занимали высоты Живонны, 1-го сентября утромъ они же открыли огонь на прусскія колонны и стали въ позиціи близъ деревни Дэны. Когда седанская катастрофа выяснилась, зуавскій полкъ оказался разбитымъ на двѣ части; одна сумѣла пробраться къ бельгійской границѣ и вернуться во Францію, другая, окруженная со всѣхъ сторонъ нѣмцами, частью полегла на полѣ битвы, частью принуждена была къ сдачѣ. Братъ Деруләда былъ раненъ на вылетъ въ грудь, и Поль Деруләдъ остался цѣлую ночь на полѣ битвы возлѣ него, стараясь облегчить его страданія. Подъ утро онъ былъ захваченъ въ плѣнъ германскимъ патрулемъ. Такъ какъ выяснилось, что, несмотря на свое солдатское платье, Деруләдъ имѣетъ офицерскій чинъ, его оставили на свободѣ, такъ что онъ могъ находиться при братѣ, лежавшемъ въ полевомъ лазаретѣ. Черезъ недѣлю братъ былъ уже внѣ опасности и отправленъ на излѣченіе въ Бельгію, а Деруләдъ долженъ былъ дать честное слово, что отдастъ себя въ распоряженіе прусскихъ военныхъ властей въ Берлинѣ, имѣвшихъ назначить ему мѣсто заключенія. Обѣщанія больше не брать въ руки оружія противъ пруссаковъ онъ не давалъ. Онъ, дѣйствительно, согласно своему слову, явился въ прусское военное министерство и попросилъ позволенія помѣститься со своими товарищами по зуавскому полку въ Дюссельдорфѣ. Считая себя теперь свободнымъ отъ обязательствъ, онъ составилъ планъ бѣгства, чтобы поступить въ ряды арміи національной обороны. Прусскія власти, считая Деруләда опаснымъ, заключили его въ крѣпость въ Бреславлѣ. Получивъ здѣсь немного денегъ отъ родственниковъ изъ Бельгіи, выучившись немного говорить понѣмецки и замѣтивъ, что ежедневно съ 12 до 7 часовъ тюремщикъ, запиравшій его на это время, уже не заботился о немъ, Деруләдъ рѣшилъ, что въ его распоряженіи имѣется семь часовъ, чтобъ бѣжать изъ Германіи. Одинъ изъ находившихся въ Бреславлѣ на свободѣ французскихъ офицеровъ Жоно принесъ ему въ крѣпость одежду, чтобъ переодѣться, и Деруләдъ, незамѣченный, сумѣлъ выйти изъ крѣпости и добраться до желѣзнодорожной станціи въ Бреславлѣ. Здѣсь онъ понѣмецки спросилъ себѣ билетъ второго класса до границы и, пропутешествовавъ безъ перерыва день и ночь, черезъ три дня былъ въ Турѣ, гдѣ генералъ Ловердо утромъ сдѣлалъ его сержантомъ, а Гамбетта вечеромъ произвелъ въ подпоручики. Немного дней спустя, Деруләдъ поступилъ въ полкъ алжирскихъ стрѣлковъ арміи генерала Бурбаки, стоявшей на Луарѣ. Эта армія должна была направиться къ Бельфору, освободить Эльзасъ и перерѣзать пути сообщенія непріятеля съ Германіею. Для такой цѣли была бы нужна армія образцовая и геніальнѣйшій вождь. На самомъ же дѣлѣ восточная армія состояла почти исключительно изъ рекрутовъ, изъ остатковъ деморализованныхъ разбитыхъ полковъ подъ начальствомъ вождя, не вѣрившаго въ

возможность успѣха. Дерулэдъ, однако, не падалъ духомъ, и ему несчастная для Франціи кампанія обязана однимъ изъ наиболѣе славныхъ своихъ эпизодовъ: взятіемъ Монбельяра 15-го января 1871 г. при помощи немногихъ десятковъ солдатъ; за этотъ подвигъ Дерулэдъ былъ награжденъ 7-го февраля того же года орденомъ почетнаго легіона. Оккупація Монбельяра продолжалась лишь два дня, а затѣмъ началось памятное отступленіе: остатки арміи шли безпорядочно, передвигаясь изъ стороны въ сторону, съ единственною цѣлью избѣжать битвы. Сражаться было невозможно: не было ни припасовъ, ни аммуниціи, ни одежды; солдаты въ лохмотьяхъ бродили по колѣни въ снѣгу, питаясь въ проголодь полугнилыми сухарями и мерзлымъ хлѣбомъ. Около 28-го января было подписано перемиріе, но оказалось, что восточной арміи оно не касалось. Оставалось лишь отступать и отступать, пока остатки арміи не были, наконецъ, приперты къ швейцарской границѣ. Здѣсь большая часть войска принуждена была положить оружіе и сдаться швейцарцамъ, чтобы не сдаваться пруссакамъ. Дерулэдъ и майоръ Ланъ не захотѣли послѣдовать примѣру остальныхъ своихъ товарищей, сумѣли пройти черезъ прусскія линіи и добраться до Бордо. Въ тотъ же день, когда Дерулэдъ явился здѣсь въ военное министерство, онъ узналъ, что предварительныя условія мира подписаны, и что Франція теряетъ двѣ провинціи. Съ этого времени началась его проповѣдь «реванша».

— Воспоминанія англійскихъ современниковъ. Надняхъ обширная литература современныхъ мемуаровъ обогатилась тремя новыми книгами, которыя полны разсказовъ, эпизодовъ и анекдотовъ о выдающихся политическихъ и общественныхъ дѣятеляхъ Англіи въ XIX вѣкѣ. Всѣ онѣ обнимаютъ одну и ту же эпоху Викторіи и говорятъ болѣе или менѣе о тѣхъ же лицахъ: о Брайтѣ, Гладстонѣ, лордѣ Пальмерстонѣ, Дизраэли, королевѣ и т. д. Конечно, въ этихъ воспоминаніяхъ много пустой болтовни; но попадаются характеристическія подробности и неизвѣстные анекдоты объ историческихъ личностяхъ. Наиболѣе интересно сочиненіе консервативнаго депутата, сэра Ричарда Темпля, подъ заглавіемъ «Палата общинъ» [1]). Онъ уже прежде написалъ книгу о парламентской жизни въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ, а теперь представилъ общій результатъ своего десятилѣтняго пребыванія въ палатѣ общинъ, на основаніи веденнаго имъ дневника, куда онъ записывалъ каждый вечеръ свои впечатлѣнія. Этотъ дневникъ, по его словамъ, заключаетъ въ себѣ десять громадныхъ томовъ. Быть можетъ, когда нибудь такой богатый матеріалъ и будетъ напечатанъ, но въ настоящее время авторъ довольствуется тѣмъ, что знакомитъ читателя съ самыми характерными свѣдѣніями изъ этого дневника. Отвергая съ презрѣніемъ очень распространенное мнѣніе, что парламентъ не что иное, какъ первый въ Англіи клубъ, авторъ доказываетъ, что оно вполнѣ достойное представительное собраніе, и что палата общинъ, несмотря на нѣкоторые незначительные ея недостатки, добросовѣстно и ревностно исполняетъ свой долгъ относительно избирателей и всей родины. Несмотря на свои консер-

---

[1]) The hous of commons, by sir Richard Temple. London. 1899.

вативные взгляды, Темпль признаеть, что новѣйшія палаты, послѣ широкой избирательной реформы 1884 года, гораздо выше во всѣхъ отношеніяхъ прежнихъ парламентовъ. Подробно описывая всѣ парламентскіе обычаи, рисуя портреты главнѣйшихъ парламентскихъ дѣятелей и рельефно воспроизводя наиболѣе замѣчательныхъ изъ видѣнныхъ имъ парламентскихъ сценъ, онъ называетъ Гладстона первымъ джентльменомъ палаты, Чамберлэна лучшимъ ораторомъ настоящей минуты, а Бальфура самымъ популярнымъ депутатомъ, благодаря его чарующей обходительности, несмотря на то, что наносимые имъ удары врагамъ отличаются смертоносной силой. Не менѣе любопытны мемуары сэра Альджернона Веста [1]), которые обнимаютъ собою не менѣе обширную эпоху отъ 1851 по 1886 годъ. Ихъ авторъ принадлежитъ къ высшей администраціи и свѣтскому обществу, а потому его воспоминанія относятся къ болѣе широкой аренѣ, хотя главный ихъ предметъ все-таки министры, пэры и депутаты. Такъ какъ Вестъ состоялъ частнымъ секретаремъ Гладстона въ продолженіе многихъ лѣтъ, то естественно, что всего болѣе онъ говоритъ объ этомъ, по его выраженію, «быть можетъ, величайшемъ человѣкѣ, когда либо жившемъ на свѣтѣ». Онъ приводитъ много интересныхъ свѣдѣній о Гладстонѣ, какъ о государственномъ дѣятелѣ и частномъ человѣкѣ. Въ особенности онъ рельефно выставляетъ чарующую сторону его вліянія на всѣхъ, съ которыми онъ приходилъ въ столкновеніе. Такимъ образомъ враги, какъ Дизраэли, лордъ Сольсбери и другіе, находились съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и даже исполняли его совѣты. Напримѣръ, выходя въ отставку въ 1886 году, онъ написалъ Весту письмо, въ которомъ выражалъ надежду, что замѣнившій его лордъ Сольсбери не соединитъ, какъ въ предыдущемъ своемъ кабинетѣ, должности премьера и министра иностранныхъ дѣлъ, потому что это было очень вредно для истинныхъ интересовъ страны, и прибавилъ: «почему бы лорду Идеслею не сдѣлаться министромъ иностранныхъ дѣлъ?». Вестъ показалъ это письмо кому слѣдуетъ, и торійское министерство составилось такъ, какъ желалъ его главный противникъ. Очень любопытенъ разсказъ Веста о причинѣ ссоры между Гладстономъ и Чамбэрленомъ. При сформированіи своего недолговѣчнаго третьяго министерства, Гладстонъ спросилъ у Веста: «кого бы онъ полагалъ назначить министромъ финансовъ». Секретарь указалъ на Чамберлэна, но Гладстонъ возразилъ, что лондонскій финансовый міръ придетъ въ ужасъ отъ назначенія подобнаго радикала, и хотя Вестъ увѣрялъ, что нѣсколько недѣль административной практики сгладятъ всѣ его крайности, но Гладстонъ настоялъ на своемъ. Чамберлэнъ самъ отказался отъ морского министерства и получилъ управленіе мѣстными дѣлами. Ни великій государственный человѣкъ, ни его секретарь не подозрѣвали, что тогдашній радикальный пугало финансистовъ сдѣлается торійскимъ министромъ, именно вслѣдствіе того, что Гладстонъ не сдѣлалъ его министромъ финансовъ. Переходя къ Гладстону, какъ къ частному человѣку, Вестъ указываетъ на извѣстную его черту, именно на его благотворительность. Обыкновенно его упрекали въ скупости, но оказывается, что, будучи очень экономнымъ и не

[1]) Recollections 1832—1886, by sir Algernon West. London. 1899. 2 vol.

дозволяя никому обманывать себя невѣрными счетами или чрезмѣрной цѣной на какой бы то ни было предметъ, Гладстонъ въ то же время былъ очень щедръ, но тщательно это скрывалъ отъ всѣхъ. Наконецъ, Вестъ упоминаетъ объ одной мелочной странности Гладстона, именно, онъ до такой степени ненавидѣлъ запахъ табака, что просилъ своего товарища по министерству, сэра Вилльяма Гаркорта, яраго курильщика, собираясь къ нему, перемѣнять одежду. Гладстону же отведено большое мѣсто и въ воспоминаніяхъ сэра Эдуарда Росселя, извѣстнаго публициста и редактора ливерпульской газеты «Daily Post»[1]), которыя только что появились подъ оригинальнымъ заглавіемъ «Это мнѣ напоминаетъ...». Арена, на которой дѣйствовалъ Россель, т. е. журналистика, приводила его въ столкновеніе съ многочисленными и разнообразными личностями, а потому въ своихъ мемуарахъ онъ говоритъ одинаково о королевѣ и о модномъ атлетѣ, о Гладстонѣ и объ актерахъ. При этомъ всѣ его разсказы и анекдоты отличаются веселымъ поверхностнымъ характеромъ. Такъ о лордѣ Биконсфильдѣ Россель разсказываетъ, что онъ картавилъ и неправильно произносилъ нѣкоторыя буквы, а о Гладстонѣ онъ сообщаетъ самыя мелкія подробности о томъ, какъ онъ завтракалъ и что говорилъ о г-жѣ Новиковой, которую онъ защищалъ отъ обвиненія въ шпіонствѣ у Буланже, котораго онъ презиралъ, какъ шарлатана, и о французскихъ роялистахъ, которыхъ онъ считалъ худшей политической партіей во всемъ свѣтѣ. Королева Викторія, по словамъ Росселя, отличается большимъ юморомъ, она очень любитъ шутки и отъ души хохочетъ надъ всѣмъ смѣшнымъ. Это веселое настроеніе, однако, замѣчаетъ онъ, не мѣшаетъ ей быть очень трудолюбивой, разумной и дѣловой женщиной. Онъ разсказываетъ о королевѣ любопытный анекдотъ. Однажды, разговаривая съ высокопоставленной особой, она замѣтила, что не любитъ такого-то и назвала очень богатаго землевладѣльца. На вопросъ, почему онъ ей не нравится, она отвѣтила: «По той простой причинѣ, что онъ дурно обращается со своими арендаторами, которые живутъ въ очень плохихъ хижинахъ, и при каждомъ улучшеніи въ ихъ хозяйствѣ онъ увеличиваетъ ренту. Я вѣдь сама арендаторша. Я арендую у такого-то землю, и онъ также при всякомъ улучшеніи моей фермы увеличиваетъ ренту». Но хотя Россель питаетъ особую слабость къ анекдотамъ, но ни одинъ изъ приводимыхъ имъ анекдотовъ не отличается такимъ остроуміемъ, какъ замѣчаніе лорда Пальмерстона, которое передаетъ Вестъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Однажды королева Викторія, присутствуя на парадѣ въ Гайдъ-Паркѣ, замѣтила, что при проходѣ волонтеровъ воздухъ становится очень тяжелымъ, а находившійся подлѣ нея лордъ Пальмерстонъ сказалъ: «Это esprit de corps, ваше величество».

— Смерть Дроза. Вся Швейцарія оплакиваетъ кончину одного изъ первыхъ ея государственныхъ людей, Нумы Дроза. Онъ родился въ 1844 году въ Невшательскихъ горахъ; лишившись въ дѣтствѣ отца, который былъ граверомъ, поступилъ юношей въ ту же граверную мастерскую. Но мѣстный пасторъ, замѣтивъ его страсть къ книгамъ, сталъ давать ему въ свободное время

---

[1]) That remindes my... by ser Edward Russell. London. 1899.

уроки латинскаго и греческаго языковъ, а затѣмъ помѣстилъ его въ педагогическій институтъ въ Невшателѣ. Окончивъ курсъ, молодой Дрозъ поступилъ репетиторомъ въ Бехтеленскую сиротскую школу близъ Бержа на жалованье въ 400 франковъ. Усовершенствовавшись въ нѣмецкомъ языкѣ, онъ вернулся въ свой родной кантонъ и получилъ мѣсто учителя въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Невшателя. Несмотря на свои педагогическія занятія, онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ радикальной газеты «National Suisse». Его политическія письма въ этой газетѣ обратили на себя вниманіе, и 20 лѣтъ онъ сдѣлался ея редакторомъ. Отъ теоретической политики до практической только одинъ шагъ, и Дрозъ скоро выступилъ на общественную арену. Сначала онъ былъ членомъ законодательнаго собранія и правительства въ своемъ кантонѣ, а затѣмъ делегатомъ въ совѣтѣ кантоновъ и его предсѣдателемъ. Наконецъ, въ 1875 году онъ вступилъ въ федеральный совѣтъ и оставался тамъ 17 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ былъ два раза въ 1881 и въ 1887 годахъ президентомъ швейцарской республики. Во время этой продолжительной общественной и политической дѣятельности Дрозъ, главнымъ образомъ, занимался законодательной частью. Онъ провелъ нѣсколько важныхъ новыхъ законовъ, между прочимъ, о привилегіяхъ на изобрѣтенія, о фабричныхъ клеймахъ и о гражданской отвѣтственности фабрикъ передъ рабочими въ случаѣ несчастій. Въ послѣднемъ вопросѣ ему принадлежитъ починъ во всей Европѣ, и съ 1877 года онъ занимался имъ постоянно и съ особенной любовью. По его идеѣ былъ созванъ въ Парижѣ въ 1889 году первый международный конгрессъ о несчастныхъ случаяхъ. Представивъ на этомъ конгрессѣ блестящій докладъ, онъ настоялъ на томъ, чтобы этотъ конгрессъ собирался періодически и сдѣлался вмѣстѣ съ издаваемымъ имъ журналомъ общимъ центромъ для изученія этого важнаго соціальнаго вопроса. Еще ранѣе онъ помѣстилъ о томъ же предметѣ цѣлый рядъ статей въ «Bibliotheque universelle» въ 1885 году подъ заглавіемъ «Жертвы труда и обязательное страхованіе». Принимая участіе въ федеральномъ правительствѣ, Дрозъ завѣдывалъ министерствами, или, какъ они называются въ Швейцаріи, департаментами, прежде внутреннихъ дѣлъ, потомъ торговли и, наконецъ, иностранныхъ дѣлъ. Въ послѣднихъ двухъ Дрозъ въ особенности оставилъ свой слѣдъ. Онъ заключилъ торговые трактаты съ всѣми государствами, и въ особенности ему стоилъ много труда трактатъ съ Франціей, такъ какъ ему пришлось бороться съ протекціонистской политикой Мелина, и только при радикальныхъ французскихъ министерствахъ ему удалось возобновить между обѣими странами правильныя торговыя отношенія. Но, быть можетъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Дрозъ всего болѣе выказалъ свои крупныя государственныя способности. По поводу извѣстнаго дѣла Вольгемута онъ побѣдоносно выдержалъ борьбу съ самимъ Бисмаркомъ въ апогеѣ его могущества. Этотъ Вольгемутъ былъ полицейскимъ комиссаромъ на жалованьѣ Бисмарка. Онъ занимался по порученію желѣзнаго канцлера шпіонствомъ въ Швейцаріи и слѣдилъ за соціалистами. Въ помощники онъ взялъ базельскаго портного по имени Люцъ, и послѣдній за щедрую плату исполнялъ должность подстрекателя. Фактически убѣдившись

въ этомъ, федеральный совѣтъ арестовалъ обоихъ шпіоновъ и выслалъ ихъ за границу. Бисмаркъ озлился и не только спустилъ на Швейцарію свою пресмыкающую прессу, но и бомбардировалъ федеральный совѣтъ грозными нотами. По этому случаю Дрозъ произнесъ въ національномъ совѣтѣ одну изъ лучшихъ своихъ рѣчей: «Германское правительство,—сказалъ онъ, между прочимъ,—увѣряетъ, что наша полиція недостаточна, чтобы предохранить Германію отъ дѣятельности нѣмецкихъ агитаторовъ на нашей территоріи, и что потому она обязана держать своихъ полицейскихъ агентовъ. На это мы отвѣчали, что мы не можемъ раздѣлять ни съ кѣмъ нашей полицейской власти на швейцарской территоріи, и что мы свято сохранимъ эту принадлежность нашего народнаго самодержавія такъ же, какъ право убѣжища». Въ этомъ же духѣ дѣйствовалъ Дрозъ, когда Бисмаркъ прекратилъ всѣ отношенія Германіи къ Швейцаріи и нарушилъ торговый между ними договоръ. Въ концѣ концовъ, желѣзный канцлеръ, однако, долженъ былъ уступить въ интересахъ Германіи, и переговоры о новомъ торговомъ договорѣ велъ тотъ же Дрозъ, который заставилъ смириться повелителя всей Европы. Естественно, что популярность Дроза дошла до зенита въ виду такой смѣлой и успѣшной защиты національнаго достоинства маленькой республики. Но въ послѣднія 8 лѣтъ своей жизни онъ отказался отъ практической политической дѣятельности, благодаря тому, что большинство радикальной партіи, къ которой онъ принадлежалъ, стало проводить такъ называемый государственный соціализмъ, который противорѣчилъ его строгимъ либеральнымъ и экономическимъ убѣжденіямъ. Прежде всего онъ возсталъ противъ учрежденія государственнаго банка для всей Швейцаріи, и несмотря на то, что правительство и національный совѣтъ приняли эту мѣру, ему удалось поднять такую агитацію противъ нея въ странѣ, что при общей народной баллотировкѣ вопроса онъ былъ разрѣшенъ отрицательно. Также энергично онъ дѣйствовалъ противъ покупки государствомъ желѣзныхъ дорогъ и страхованія рабочихъ. Но тутъ онъ потерпѣлъ пораженіе, и оба законопроекта были утверждены народомъ. Тогда Дрозъ окончательно сошелъ съ общественной арены и съ 1892 года находился директоромъ международнаго бюро желѣзныхъ дорогъ въ Бернѣ, такъ какъ онъ не хотѣлъ принять ни одного изъ многочисленныхъ предложеній поставить его во главѣ коммерческихъ предпріятій. Точно также онъ отказался отъ предложеннаго ему европейскими державами поста губернатора Крита и отъ мѣста помощника королевича Георгія, назначеннаго правителемъ Крита. Завѣдуя международнымъ бюро желѣзныхъ дорогъ, которое въ сущности составляетъ международный третейскій судъ по всѣмъ желѣзнодорожнымъ вопросамъ, онъ практически осуществлялъ одну изъ самыхъ плодотворныхъ идей нашего времени, именно, о соединеніи всѣхъ странъ въ одно общечеловѣческое братство. До сихъ поръ въ этомъ бюро участвуютъ 7 государствъ, кромѣ Швейцаріи: Германія, Австро-Венгрія, Данія, Франція, Италія, Люксембургъ и Голландія, но его юрисдикція уже простирается на 173.000 километровъ желѣзныхъ дорогъ и контролю подчинены 2.000 международныхъ тарифовъ и 45.000 станцій. Пока бюро распоряжается только багажнымъ движеніемъ, но уже предложено распространить этотъ международный контроль на

пассажирское движеніе, и Дрозъ уже выработалъ планъ новой международной конвенціи. Несмотря на свою энергичную дѣятельность въ этомъ благотворномъ международномъ дѣлѣ, онъ продолжалъ до самой своей смерти усиленно сотрудничать по общественнымъ и политическимъ вопросамъ въ «Annales politiques et parlementaires» и въ «Bibliotheque universelle», а также читалъ лекціи о желѣзныхъ дорогахъ въ Невшательскомъ университетѣ. Наконецъ, смерть его застала за приготовленіемъ отчета международному конгрессу о несчастныхъ случаяхъ, который соберется весной въ Парижѣ.

СМѢСЬ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ засѣданіе Императорской Академіи Наукъ. 29 декабря въ большомъ конференцъ-залѣ, украшенномъ тропической зеленью, состоялось торжественное годовое засѣданіе Императорской Академіи Наукъ. Ровно въ часъ дня прибылъ августѣйшій президентъ Академіи его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ и, занявъ предсѣдательское мѣсто, сообщилъ высочайшее повелѣніе объ учрежденіи разряда изящной словесности при второмъ отдѣленіи Академіи. Непремѣнный секретарь академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ прочелъ отчетъ о дѣятельности Академіи по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ. Въ прошлой жизни Академіи не было столь печальнаго года, какъ истекающій. Она лишилась пяти выдающихся сочленовъ академиковъ: П. В. Еремѣева, А. А. Куника, А. Ѳ. Бычкова, В. Г. Васильевскаго и Н. А. Лавровскаго; лишилась четырехъ почетныхъ членовъ и семи членовъ-корреспондентовъ. Памяти почившихъ были посвящены ораторомъ сочувственные некрологи. Была также почтена краткими сердечными воспоминаніями и память почетнаго члена Академіи его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича и великаго князя Георгія Александровича, старѣйшаго почетнаго члена ген.-ад. адм. Посьета, статсъ-секретаря бар. А. П. Николаи, государственнаго контролера Т. И. Филиппова и членовъ-корреспондентовъ А. А. Скальковскаго, оріенталиста Ф. Вюстенфельда, Г. Видемана, Софуса Ли, К. Фриделя, Э. Франкланда и Роберта-Вильгельма Бунзена. Перейдя къ важнѣйшимъ ученымъ предпріятіямъ, ознаменовавшимъ академическую жизнь за истекшій годъ, ораторъ подробно остановился на описаніи экспедиціи на Шпицбергенъ, со-

ставляющей одно изъ крупнѣйшихъ научныхъ событій XIX вѣка, и затѣмъ охарактеризовалъ предпринимаемую въ будущемъ году русскую полярную экспедицію для открытія и изслѣдованія архипелага, лежащаго къ сѣверу отъ Ново-Сибирскихъ острововъ. Одною изъ главныхъ задачъ этой экспедиціи, иниціатива которой принадлежитъ барону Э. В. Толлю, будетъ изученіе мало извѣстныхъ еще острововъ—Земли Санникова, видѣнной самимъ барономъ Толлемъ съ Котельнаго острова, острова Беннета, открытаго членами экспедиціи несчастной «Жаннеты», и тѣхъ предполагаемыхъ Ф. Нансеномъ острововъ, которые препятствують движенію восточныхъ льдовъ на западѣ въ области моря, лежащаго къ сѣверо-западу отъ Ново-Сибирскихъ острововъ, и обусловливаютъ сравнительную свободу его отъ льда. Независимо отъ этой чисто-географической задачи, проектируемая экспедиція должна дать весьма важные результаты и по отношенію къ геологіи. Проектъ ея, намѣченный въ общихъ чертахъ барономъ Э. В. Толлемъ, былъ разсмотрѣнъ комиссіей, подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента Академіи, изъ академиковъ: Ф. Б. Шмидта. О. А. Баклунда, Ѳ. А. Бредихина, В. В. Заленскаго, А. П. Карпинскаго, М. А. Рыкачева, С. И. Скаржинскаго, князя Б. Б. Голицына и Ѳ. Н. Чернышева. Сверхъ того, въ комиссію были приглашены д-ръ А. А. Бунге, М. Н. Книповичъ, баронъ Ф. Р. фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, баронъ П. А. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, ген.-лейт. К. И. Михайловъ, баронъ Э. В. Толль и А. А. Бялынецкій-Бируля. Министромъ финансовъ испрошено высочайшее повелѣніе на ассигнованіе нынѣ же 60 тыс. рублей для пріобрѣтенія соотвѣтствующаго судна, кокорое уже пріобрѣтено въ Норвегіи и приспособляется для цѣлей предстоящаго плаванія. Число премій, присуждаемыхъ Академіей, увеличилось двумя новыми: одна изъ нихъ—имени К. Д. Ушинскаго за лучшее сочиненіе, имѣющее предметомъ разработку антропологическихъ, физіологическихъ, психологическихъ и другихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ дѣлѣ воспитанія. Преміи выдаются черезъ каждыя пять лѣтъ и состоятъ изъ одной полной въ 800 и двухъ половинныхъ по 400 руб. каждая. Вторая премія имени профессора С. И. Иванова, предназначенная за лучшее сочиненіе по естественнымъ наукамъ на русскомъ языкѣ, будетъ присуждаться съ 1 апрѣля 1901 года. Ученая дѣятельность Академіи выразилась въ слѣдующемъ. Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ продолжала безпрерывно свои наблюденія. Весною 1897 г. была начата постройка вспомогательной астрономической обсерваторіи въ Одессѣ; съ апрѣля текущаго года въ ней начались уже систематическія наблюденія. Затѣмъ были сообщены свѣдѣнія о научныхъ работахъ академиковъ. Въ истекшемъ году реорганизована метеорологическая служба въ Сибири. Съ 1 января 1900 года екатеринбургская и иркутская обсерваторіи преобразуются въ мѣстные центры, вѣдающіе метеорологическими станціями въ Западной и Восточной Сибири. Вопросъ объ учрежденіи на Дальнемъ Востокѣ новой обсерваторіи остается пока открытымъ и будетъ обсужденъ на ближайшемъ метеорологическомъ съѣздѣ. Расширена метеорологическая сѣть вокругъ озера Байкала и вдоль линіи Сибирской желѣзной дороги. Главная физическая обсерваторія руководила изслѣдованіями высшихъ слоевъ атмосферы и снаряженіемъ шпицбергенской экспедиціи, провѣряла инструменты. Въ Константи-

новской магнитной обсерваторіи велись дѣятельныя и непрерывныя наблюденія. Минералогическій музей переименованъ въ геологическій. Весною былъ организованъ цѣлый рядъ экскурсій для коллектированія окаменѣлостей въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи. Въ Севастопольской біологической станціи установлены новые акваріумы и морскіе бассейны. По историко-филологическому отдѣленію академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ перечислилъ длинный рядъ трудовъ академиковъ. Академикомъ А. А. Шахматовымъ былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности. Была помянута память скончавшихся академиковъ А. Ѳ. Бычкова и Н. А. Лавровскаго; затѣмъ былъ сообщенъ отчетъ о возникновеніи при второмъ отдѣленіи Академіи разряда изящной славесности. Отдѣленію даровано право увеличить свой составъ шестью новыми ординарными академиками. Въ теченіе года продолжались работы: по словарю русскаго языка, по матеріаламъ для словаря древне-русскаго языка И. И. Срезневскаго, по литовскому словарю и по другимъ изданіямъ отдѣленія. А. А. Шахматовымъ были подробно изложены ученыя работы академиковъ: покойнаго А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, И. В. Ягича, Л. Н. Майкова, Ф. О. Фортунатова и А. Н. Пыпина. Въ нынѣшнемъ году послѣдовало присужденіе Ломоносовскихъ премій, на соисканіе которыхъ были представлены два труда. Малыя Ломоносовскія преміи присуждены П. А. Сырку за сочиненіе «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ» и Н. М. Тупикову—за «Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ». Академикъ Ѳ. Н. Чернышевъ въ прекрасной рѣчи сообщилъ отчетъ о работахъ экспедиціи по градуснымъ измѣреніямъ на островахъ Шпицбергена. Сообщеніе иллюстрировалось географической картой, экземпляры которой были предлагаемы всѣмъ присутствовавшимъ. Рѣчь была покрыта аплодисментами. Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ состоящей при Академіи постоянной комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. Комиссія состояла изъ предсѣдателя—вице-президента Академіи Л. Н. Майкова, товарища предсѣдателя—непремѣннаго секретаря Н. Ѳ. Дубровина и членовъ: В. Г. Васильевскаго, А. Н. Пыпина, П. П. Вейнберга, И. В. Мушкетова, А. А. Шахматова, П. В. Быкова, М. С. Воронина, В. С. Лихачева и Э. Л. Радлова. Въ распоряженіе комиссіи поступило 50.512 руб. 43 коп. Комиссія имѣла 22 совѣщанія, въ которыхъ было разсмотрѣно 488 ходатайствъ. Удовлетворено 338 ходатайствъ и отклонено 140 по отсутствію для ихъ удовлетворенія уважительныхъ причинъ. Пенсій имени императора Николая II выдано 51 лицу на сумму 19.692 руб. Трое изъ пенсіонеровъ комиссіи умерли; вновь назначены пенсіи 9 лицамъ на сумму 2.420 руб. Единовременныя пособія выданы 232 лицамъ на сумму 10.590 руб. 40 коп., въ томъ числѣ 19 лицамъ для уплаты за обученіе дѣтей, въ 8 случаяхъ на расходы по погребенію, въ 38—на лѣченіе и въ 2—по случаю пожара. Въ томъ числѣ въ 54 случаяхъ была оказана помощь въ общей сложности на сумму 1.738 руб. экстренно изъ аванса, находящагося въ распоряженіи предсѣдателя комиссіи. Выдавались пособія, разсроченныя по мѣсяцамъ, 97 лицамъ на сумму 20.030 руб., въ томъ числѣ въ нѣсколькихъ случаяхъ на воспитаніе дѣтей нуждающихся писателей. Оставшіеся невыданными исъ капитала 200 руб. 3 коп. причислены

къ средствамъ будущаго года. Кромѣ того, ко дню составленія отчета въ авансѣ предсѣдателя комиссіи остались еще не выданными 80 руб. на случай неотложныхъ вспособленій впредь до перваго совѣщанія комиссіи въ 1900 г., и если образуется остатокъ, онъ также будетъ причисленъ къ средствамъ будущаго года. Затѣмъ слѣдовали отчеты по присужденію премій графа Д. А. Толстого и Ѳ. Ѳ. Брандта. Первая почетная золотая медаль имени графа Толстого присуждена привать-доценту Императорскаго Московскаго университета С. А. Чаплыгину за его четыре сочиненія. Второю почетною золотою медалью было награждено сочиненіе Франца Ренца о положеніяхъ спутниковъ Юпитера; третья почетная золотая медаль присуждена Е. А. Гейнцу за работу по метеорологіи и денежная премія въ 800 руб. назначена профессору С.-Петербургскаго университета В. М. Шимкевичу за цѣлый рядъ его ученыхъ работъ. Признательность академіи выражена Н. Е. Жуковскому и Д. І. Ивановскому за разсмотрѣніе сочиненій.

Премія имени академика Ѳ. Ѳ. Брандта въ 500 рублей присуждена В. Т. Шевякову. Почетная юбилейная медаль имени академика К. И. Бэра, присуждаемая за крупныя пожертвованія въ музеи и библіотеку Академіи, назначена Н. И. Гондатти за пожертвованныя имъ въ зоологическій, антропологическій и этнографическій музеи Академіи богатыя научныя колекціи. Затѣмъ были провозглашены имена слѣдующихъ вновь избранныхъ Академіею лицъ. Въ почетные члены: высокопреосвященнѣйшіе митрополиты кіевскій и галицкій Іоанникій и с.-петербургскій и ладожскій Антоній, архимандритъ, членъ сербской академіи наукъ въ Бѣлградѣ и историкъ сербской церкви—Никифоръ Дучичъ, министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ д. т. с. Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ, министръ путей сообщенія т. с. кн. Михаилъ Ивановичъ Хилковъ. Въ члены-корреспонденты: 1) по физико-математическому отдѣленію: проф. въ Лейпцигѣ Фридрихъ Энгель, чл. вѣнской академіи Людвигъ Больцманъ, проф. въ Гренсоблѣ Ф. М. Рауль, проф. въ Берлинѣ Эмиль Фишеръ, чл. французскаго института Марсель Бертранъ; 2) по отдѣленію русскаго языка и словесности: орд. проф. Моск. унив. Н. И. Стороженко, проф. чешскаго языка и литературы въ пражскомъ чешскомъ университетѣ, д. чл. чешской академіи наукъ, д-ръ Янъ Гебауеръ; 3) по историко-филологическому отдѣленію: д-ръ госуд. права и б. проф. Моск. унив. М. М. Ковалевскій, проф. С.-Петерб. унив. В. А. Жуковскій, чл. французскаго института Клермонъ-Ганно (Clermont-Ganneau), чл. Берлинской академіи наукъ и проф. Грейфсвальдскаго университета, Вильгельмъ Альвардтъ (Wilhelm Ahlwardt).

Памятникъ А. П. Богданову. На кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря поставленъ памятникъ на могилѣ покойнаго профессора Московскаго университета Анатолія Петровича Богданова. Инниціатива сооруженія памятника принадлежитъ императорскому обществу любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, которое обратилось съ особыми циркулярами, приглашающими принять участіе въ составленіи капитала для увѣковѣченія памяти покойнаго своего основателя, ко всѣмъ своимъ членамъ, а равно и во всѣ тѣ ученыя общества и учрежденія въ Россіи и за границею, въ которыхъ покойный былъ членомъ. На это приглашеніе отозвались многія учрежденія и частныя лица, причемъ главнѣйшее участіе въ составленіи капитала приняли: комитетъ

Политехническаго музея, императорское русское общество акклиматизаціи и комитетъ шелководства московскаго общества сельскаго хозяйства. Всего собрано по настоящее время около 6.000 р. Памятникъ исполненъ по проекту проф. К. М. Быковскаго изъ чернаго шведскаго гранита (фирмою М. Д. Кутырина) и представляетъ собою массивный крестъ на изящномъ пьедесталѣ, передняя часть котораго выдается нѣсколько въ видѣ кіота, въ которомъ помѣщенъ большой мозаичный образъ Спасителя работы извѣстной петербургской мастерской Фролова. Подъ образомъ находится изящная художественной работы бронзовая вѣтвь (лавръ и пальма), сдѣланная въ мастерской скульпторовъ Пожильцова и Чернышева. Плита подъ памятникомъ—краснаго финляндскаго гранита. На лицевой сторонѣ сдѣлана надпись крупными полированными рельефными буквами: «Анатолій Петровичъ Богдановъ, родился 1-го октября 1834 года, скончался 16-го марта 1896 года». На обратной сторонѣ помѣщены составленная самимъ покойнымъ эпитафія и перечисленіе всѣхъ ученыхъ обществъ, принявшихъ участіе въ постановкѣ памятника. Въ виду значительныхъ размѣровъ памятника обществу любителей естествознанія пришлось пріобрѣсти мѣсто на кладбищѣ рядомъ съ могилой покойнаго. Всѣ расходы по постановкѣ памятника составили около 3.000 рублей. Остальныя деньги будутъ внесены въ качествѣ неприкосновеннаго капитала на премію за научные труды по зоологіи.

Двадцатилѣтіе «Историческаго Вѣстника». 1-го декабря 1899 года, въ двадцатую годовщину редактированія «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскимъ, сотрудники поздравили редактора и пригласили его на скромный товарищескій банкетъ въ ресторанъ Контанъ. Здѣсь къ девяти часамъ вечера собрались В. Н. Бородаевская-Ясевичъ, А. К. Бороздинъ, В. Ѳ. Боцяновскій, Н. А. Бѣлозерская, К. А. Военскій, Б. Б. Глинскій, П. Я. Дашковъ, И. Н. Захарьинъ-Якунинъ, П. М. Кауфманъ, П. А. Конскій, В. А. Крыловъ, Е. А. Ляцкій, А. І. Лященко, Д. Л. Мордовцевъ, П. М. Невѣжинъ, Л. Е. Оболенскій, А. А. Плещеевъ, П. Н. Полевой, В. Е. Рудаковъ, А. Е. Слезкинскій, А. С. Суворинъ, В. А. Тимашевъ-Берингъ, В. А. Тихоновъ, С. С. Трубачевъ, А. Н. Фаресовъ, К. І. Храневичъ, В. Д. Черевковъ, Е. С. Шумигорскій, Н. К. Шильдеръ и И. А. Ювачевъ. Появленіе С. Н. Шубинскаго было встрѣчено аплодисментами и, когда послѣдніе смолкли, Н. К. Шильдеръ обратился къ Сергѣю Николаевичу съ привѣтствіемъ и поздравленіемъ отъ лица сотрудниковъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ принять подарокъ, состоящій изъ серебрянаго прибора для куренія. На ящикѣ для сигаръ были вырѣзаны факсимиле всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ подношеніи этого подарка. С. Н. Шубинскій отвѣчалъ въ свою очередь собравшимся здѣсь и потомъ обратился къ А. С. Суворину, какъ издателю «Историческаго Вѣстника». Въ отвѣтъ на это А. С. Суворинъ сказалъ также нѣсколько словъ, выразивъ признательность редактору «Историческаго Вѣстника». Б. Б. Глинскій прочелъ полученныя телеграммы отъ гг. Шенрока, Корсакова, Корженевскаго, г-жи Пѣшковой, книжнаго магазина «Новаго Времени» за подписью Ѳ. П. Колесова и передалъ письмо отъ А. В. Амфитеатрова. Послѣ чествованія былъ поданъ чай и продолжалась бесѣда. Въ тотъ же день сотрудники поднесли на память жетонъ метранпажу журнала И. Ѳ. Богданову, а завѣдующему конторой В. Я. Анисимову серебряный портсигаръ.

Музей В. В. Тарновскаго. Черниговскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ 11-го декабря 1899 г. разрѣшенъ вопросъ о принятіи земствомъ музея В. В. Тарновскаго. Музей этотъ представляетъ драгоцѣннѣйшую историческую коллекцію. Владѣлецъ его, скончавшійся въ прошломъ году, почти всю жизнь заботился о собираніи предметовъ мѣстной древности, книгъ, рукописей и картинъ и на пріобрѣтеніе всего этого затратилъ огромныя средства. Въ 1898 году Тарновскій принесъ этотъ музей въ даръ черниговскому губернскому земству. Губернское земское собраніе съ благодарностью приняло даръ и ассигновало 20 тыс. руб. на постройку дома для музея, но исполненіе этого постановленія встрѣтило неожиданную задержку: губернаторъ предложилъ губернскому по земскимъ дѣламъ присутствію отмѣнить его. Присутствіе признало постановленіе о музеѣ вполнѣ законнымъ. Но губернаторъ, не согласившись съ этимъ, представилъ дѣло министру внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, недавно комитетъ министровъ увѣдомилъ, что постановленіе земскаго собранія о музеѣ оставлено въ силѣ. По случаю этой задержки настоящее собраніе подвергло новому пересмотру весь вопросъ о музеѣ, для чего управою представленъ особый докладъ. Въ докладѣ между прочимъ изложено, что командированнымъ управою лицомъ была произведена опись музея, хранимаго пока въ Кіевѣ. Предметы, составляющіе музей, относятся къ эпохамъ доисторической, великокняжеской и казацкой. Кромѣ того, къ XIX в. относятся разныя рукописи, автографы писателей, картины художниковъ и библіотека, заключающая въ себѣ 2.321 нумеръ. Въ библіотекѣ есть и старинныя книги, въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе Острожское изданіе Библіи 1580 г. Доисторическій и великокняжескій отдѣлы заполнены главнымъ образомъ предметами, полученными отъ раскопокъ городища «Княжа гора» въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губ. Предметовъ доисторической эпохи въ музеѣ болѣе 400, а великокняжеской—до 1750. Самымъ богатымъ отдѣломъ является казацкій. Окончательный подсчетъ предметовъ этой эпохи еще не сдѣланъ. Въ немъ множество оружія, сбруи, сосудовъ домашней утвари, одежды, часто съ прекраснымъ старинным шитьемъ, и т. п. Старинныхъ портретовъ и картинъ, писанныхъ масляными красками, болѣе 130-ти. Есть богатый отдѣлъ поэта Шевченко: рукописи его сочиненій, письма, болѣе 300 его рисунковъ и разныя его вещи. Большинство предметовъ внесено въ два печатныхъ каталога музея. Но сотни предметовъ и множество рукописей не вошли въ эти каталоги и теперь только поверхностно сосчитаны, но не описаны точно. Собраніе постановило принять окончательно въ собственность губернскаго земства музей г. Тарновскаго и назначить для его помѣщенія одинъ изъ домовъ въ усадьбѣ земскаго сиротскаго дома, ассигновавъ на его перестройку и приспособленіе 9.000 р. Жаль только, что домъ этотъ находится на самомъ краю города. А между тѣмъ извѣстно, что мѣстная дума охотно отвела бы для музея одно изъ лучшихъ мѣстъ въ центрѣ города, и затрата на постройку тамъ новаго дома не вызвала бы большой добавочной ассигновки. Для сортировки всѣхъ предметовъ, книгъ и рукописей музея, для систематическаго размѣщенія ихъ и для составленія описи всему собраніе рѣшило пригласить свѣдущее лицо и на вознагражденіе за этотъ трудъ открыло управѣ кредитъ до 700 руб. Открытіе музея въ Черниговѣ предположено осенью 1900 года.

Общество любителей древней письменности. Въ состоявшемся подъ предсѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева общемъ собраніи предсѣдатель заявилъ, что общество понесло утрату въ лицѣ скончавшихся: почетнаго члена Т. И. Филипова и членовъ-корреспондентовъ В. Г. Васильевскаго и кн. С. Н. Трубецкого. Общество почтило память почившихъ вставаніемъ. Затѣмъ были прочитаны некрологи А. Ѳ. Бычкова и В. Г. Васильевскаго. Графъ С. Д. Шереметевъ, остановившись на отношеніи А. Ѳ. Бычкова къ обществу, напомнилъ о неизмѣнномъ сочувствіи покойнаго обществу за все время его существованія и о томъ живомъ участіи, которое покойный принималъ до послѣднихъ дней жизни въ засѣданіяхъ общества. Д. Ѳ. Кобеко охарактеризовалъ значеніе научной дѣятельности В. Г. Васильевскаго, указавъ на то, что онъ создалъ русскую школу византинистовъ и поставилъ на твердую почву изученіе Византіи въ Россіи. Н. Д. Чечулинъ сдѣлалъ въ этомъ засѣданіи сообщеніе: «Путешествіе въ землю Офирскую» кн. Щербатова. Докладчикъ указалъ, что «Путешествіе» есть соціальный романъ, въ которомъ авторъ имѣетъ въ виду постоянно современное ему положеніе Россіи. Самыя имена городовъ и рѣкъ земли Офирской являются обыкновенно видоизмѣненіями русскихъ названій городовъ и рѣкъ: напр., Квамо вм. Москва, Евки вм. Кіевъ, Голва вм. Волга и т. п. Изъ разсмотрѣнія «Путешествія» очевидно, что кн. Щербатовъ до извѣстной степени подражалъ слѣдующимъ соціальнымъ романамъ: «Königreich Ophir», неизвѣстнаго автора, 1609 г., «Histoire des Sevarambes», Верасса, 1677 г., «Entretien d'un européen avec un insulaire du royaume de Dumocala», Станислава Лещинскаго, 1753 г.; до нѣкоторой степени замѣтны вліяніе и Фенелонова «Телемака» и знакомство съ «Государствомъ» Платона и нѣкоторыми другими соціальными романами. Ни одному изъ этихъ образцовъ, однако, кн. Щербатовъ не слѣдовалъ вполнѣ; онъ вложилъ въ свое произведеніе собственное содержаніе: главная цѣль кн. Щербатова указать недостатки современнаго положенія Россіи и средства и способы ихъ избѣгнуть. «Путешествіе въ землю Офирскую» представляетъ интересъ, и какъ единственный извѣстный пока русскій соціальный романъ, и какъ наиболѣе полное и послѣдовательное выраженіе нѣкотоныхъ идеаловъ автора, который и тутъ, какъ въ другихъ своихъ произведеріяхъ, является крайнимъ защитникомъ сословнаго строя и дворянскихъ привилегій.

Московское археологическое общество. I. Въ первомъ декабрьскомъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой были прочитаны доклады А. А. Потапова—«Очерки древней русской гражданской архитектуры» и гр. П. С. Уваровой — «Архитектурные памятники Юго-Западнаго края». Г. Потаповъ демонстрировалъ около 150 исполненныхъ имъ рисунковъ старинныхъ русскихъ зданій и привелъ историческія и архитектурныя данныя о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Цѣнный трудъ его предполагается издать. Гр. Уварова сдѣлала сообщеніе о своей поѣздкѣ по Юго-Западному краю послѣ археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, при чемъ указала на многіе примѣры разрушенія и невѣжественной реставраціи историческихъ зданій. Кромѣ того, собранію было доложено, что извѣстный кіевскій меценатъ Н. А. Терещенко пожертвовалъ обществу 8.000 рублей съ тѣмъ, чтобы 3.000 рублей шли на печатаніе «Тру-

довъ» съѣзда въ Кіевѣ, а 5.000 — на пріобрѣтеніе для кіевскаго городского музея замѣчательной коллекціи В. В. Хвойко, состоящей изъ предметовъ бутмирской культуры, найденныхъ въ Кіевской губерніи. II. Въ засѣданіи 16-го декабря М. В. Никольскій сообщилъ о научныхъ результатахъ поѣздки на Кавказъ, въ Персію и Турцію нѣмецкихъ ученыхъ Лемана и Белька въ 1898—1899 годахъ. Поѣздка эта, разсчитанная на нѣсколько лѣтъ, организована берлинскимъ обществомъ антропологіи и этнологіи съ цѣлью изученія на почвѣ Арменіи древностей ассиро-вавилонскаго періода и въ частности клинообразныхъ надписей на камнѣ, сохранившихся отъ того времени. Надписи такого рода встрѣчаются и въ предѣлахъ русскаго Закавказья, гдѣ онѣ были собраны и изучены М. В. Никольскимъ по порученію московскаго археологическаго общества, при чемъ въ изслѣдованіи памятниковъ этого періода принималъ также дѣятельное участіе А. А. Ивановскій, совершившій затѣмъ по порученію того же общества самостоятельную туда поѣздку. Оба эти изслѣдователя собрали много цѣннаго матеріала, который отчасти уже описанъ и изданъ, а отчасти еще имѣетъ быть опубликованъ въ «Трудахъ» московскаго археологическаго общества. Какъ оказывается, нѣмецкіе ученые ничѣмъ не могли обогатить имѣющіяся данныя относительно русской и персидской Арменіи, но въ Азіатской Турціи, около города и озера Ванъ имъ удалось найти много новыхъ надписей и увеличить вдвое имѣющійся эпиграфическій матеріалъ. Въ то время какъ г. Никольскій и другіе находили въ данной области только клинообразныя надписи на какомъ-то мѣстномъ языкѣ, приписываемомъ народу Урарту или Халдамъ, усвоившему себѣ вавилонскій способъ письма, въ Ванѣ нашлись и надписи на настоящемъ ассирійскомъ языкѣ, именно надпись царя Тиглатъ-Пилессара, за 11 вѣковъ до Рождества Христова, въ которой онъ разсказываетъ о своихъ побѣдахъ въ этой области. Такимъ образомъ, теперь дознано, что не только ассирійская культура распространялась до предѣловъ нашего Закавказья, но что сюда доходили и ассирійскіе цари въ своихъ походахъ. При раскопкахъ одного холма Топракъ-тепе около Вана найдены были фундаменты храма и дворца, остатки громадныхъ глиняныхъ сосудовъ съ ассирійскими указаніями количествъ бывшаго въ нихъ вина, глиняныя дощечки съ ассирійскими надписями (повидимому, остатки царской библіотеки), желѣзное оружіе, золотыя и бронзовыя украшенія и т. д. Референтъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы и московское археологическое общество продолжало свои изслѣдованія въ этой области.—С. І. Соловьевъ сообщилъ о 15-тилѣтней дѣятельности состоящей при археологическомъ обществѣ комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ и о трудахъ ея въ отчетномъ году, особенно по выясненію древнихъ чертъ и характера реставраціи храма Василія Блаженнаго, Сухаревой башни, Волоколамскаго собора и др.—В. Н. Щепкинъ прочиталъ рефератъ «Къ исторіи русской миніатюры», посвятивъ его выясненію особенностей лицевыхъ (т. е. украшенныхъ миніатюрами) рукописей первой половины XVI вѣка (временъ Ивана Грознаго), работы новгородскихъ мастеровъ, начавшихъ уже усваивать въ деталяхъ (въ пейзажѣ, изображеніи зданій и т. д.) западные образцы и мотивы.—С. Н. Кологривовъ представилъ восточныя миніатюры одной лицевой персидской рукописи (автобіографіи султана Бабера), XVIII вѣка, весьма изящ-

ной работы, повидимому, индійскихъ художниковъ. — Проф. М. В. Духовской обратился къ обществу съ предложеніемъ изыскать мѣры къ сохраненію архивовъ волостныхъ судовъ, т. е. книгъ этихъ судовъ за прежніе годы, которыя теперь большей частью гибнутъ безслѣдно, а между тѣмъ, заключая въ себѣ цѣнные матеріалы по обычному праву, заслуживали бы сохраненія. Отчасти эти матеріалы были собраны (по 15-ти губерніямъ, 90 уѣздамъ и 480 волостнымъ судамъ), въ 70-хъ годахъ комиссіей подъ предсѣдательствомъ сен. Любощинскаго и изданы (въ 6-ти томахъ), затѣмъ экспедиціей Чубинскаго въ Юго-Западный край; въ этой области работали также Оршанскій, Пахманъ, самъ г. Духовской, но по многимъ губерніямъ матеріала собрано еще очень мало, и важно было бы собирать всѣ эти рѣшенія волостныхъ судовъ, приговоры сельскихъ сходовъ и т. д., такъ какъ они могутъ послужить цѣннымъ матеріаломъ для изученія русскаго обычнаго права. Можно было бы хранить эти книги въ губернскихъ городахъ при губернскихъ присутствіяхъ, при губернскихъ архивныхъ комиссіяхъ и т. д.

Археологическій институтъ. I. 2-го декабря художникъ-археологъ Н. К. Рерихъ прочелъ рефератъ — «Нѣкоторыя древности Шелонской пятины». По порученію императорскаго русскаго археологическаго общества онъ производилъ минувшимъ лѣтомъ раскопки въ Новгородской и Псковской губерніяхъ. Раскопки эти представляютъ начало цѣлаго ряда періодическихъ работъ, предпринятыхъ обществомъ съ текущаго года. Въ С.-Петербургской губерніи до настоящаго времени разрыто съ научною цѣлью до 7.000 кургановъ, но еще много вопросовъ требуетъ надлежащаго разрѣшенія. Референтъ изслѣдовалъ около 90 невысокихъ кургановъ, относящихся къ XI—XIV вѣкамъ, и древніе жальники. Находки вполнѣ аналогичны съ находками въ С.-Петербургской губерніи. Это сходство представляетъ научный интересъ въ томъ отношеніи, что позволяетъ курганныя погребенія С.-Петербургской губерніи отнести къ славянскимъ. Нѣкоторыя изъ найденныхъ предметовъ весьма изящной работы, и можно предполагать, что привезены изъ Византіи и Венеціи. II. 9-го декабря состоялось послѣднее въ году общее собраніе членовъ и слушателей археологическаго института. Г-жею М. К. Холоднякъ было сдѣлано сообщеніе «О типахъ надгробій древне-христіанскаго періода». Въ первые вѣка христіанства въ эпитафіяхъ довольно ясенъ языческій характеръ, который сохраняется даже до XII вѣка. Христіанскія надгробія, какъ и языческія, выражаются первоначально въ видѣ простого обозначенія имени погребеннаго, времени погребенія, лѣтъ жизни и пр. Затѣмъ встрѣчаются въ формѣ надгробной повѣсти прозаической или въ формѣ поэмы. Автобіографическая форма среди христіанскихъ памятниковъ встрѣчается сравнительно рѣдко. Совершенно не попадается обычный у язычниковъ діалогъ. Зато очень часты эпитафіи въ формѣ обращенія. Среди нихъ есть очень интересныя. Несмотря на установившееся воззрѣніе, что христіане относились къ смерти близкихъ спокойно, на надгробіяхъ и они горько оплакивали своихъ близкихъ. Чисто христіанскія надгробія, вовсе не встрѣчающіяся у язычниковъ, —акростихъ и надгробія съ цитатами изъ Библіи. Художникъ А. А. Карелинъ произвелъ передъ слушателями опыты цвѣтной фотографіи, достигшей въ настоящее время при помощи свѣтофильтровъ поразительныхъ результатовъ, а также и опыты изъятія пятенъ съ рукописей.

Библіологическое общество. 11-го декабря въ помѣщеніи археологическаго института Н. М. Лисовскій сообщилъ свои воспоминанія объ извѣстномъ русскомъ библіографѣ В. И. Межовѣ. По словамъ докладчика, Межовъ представлялъ собою рѣдкій типъ увлекающагося своимъ дѣломъ и совершенно безкорыстнаго библіографа. Получивъ образованіе въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, онъ началъ заниматься библіографіей, и въ непродолжительномъ времени около него сгруппировался небольшой кружокъ людей, составившій собою родъ небольшого библіографическаго общества. Въ этомъ кружкѣ обсуждались планы работъ, сообщалось о рѣдкихъ книгахъ, намѣчались тѣ или иныя работы. Поступивъ на службу въ Публичную Библіотеку, Межовъ не безъ успѣха подвизался на служебномъ поприщѣ. Вскорѣ, однако, служба начала тяготить его, и онъ, желая посвятить себя всецѣло любимому дѣлу, вышелъ въ отставку, при чемъ просилъ, чтобы его уволили 19-го февраля, въ день освобожденія крестьянъ. Съ этого момента и до конца жизни библіографія является для него главнымъ его дѣломъ и главнымъ источникомъ его скудныхъ доходовъ. Онъ былъ далеко необезпеченный человѣкъ. Свои занятія библіографіей Межовъ разнообразилъ музыкой, живописью и фотографіей. Во всѣхъ этихъ областяхъ онъ, конечно, былъ дилетантомъ. Во время своихъ досуговъ онъ написалъ оперетку «Золотой оселъ» на тему Апулея, которую ему оркестровали другіе, написалъ цѣлый рядъ маленькихъ картинокъ масляными красками, а въ фотографіи достигъ значительныхъ успѣховъ. Переходя затѣмъ къ многочисленнымъ библіографическимъ трудамъ Межова, г. Лисовскій отмѣтилъ, что, несмотря на всѣ ихъ недостатки, они являются до сихъ поръ единственными въ этой области. По окончаніи доклада г. Модзалевскій сообщилъ, что часть оставшихся послѣ смерти Межова матеріаловъ хранится въ Академіи Наукъ. Г. Лисовскій по этому поводу объяснилъ, что оставшіеся послѣ Межова матеріалы совершенно обезцѣнены, благодаря тому, что ихъ разрознили и перепутали. На томъ же собраніи въ дѣйствительные члены общества избраны: проф. А. И. Соболевскій, С. В. Рождественскій, И. И. Лаппо, О. К. Витмеръ, А. Л. Липовскій и друг. Продолжительныя пренія вызвалъ вопросъ о системѣ составленія библіографическихъ карточекъ.

Владимірская архивная коммиссія. Состоялось общее годичное собраніе членовъ владимірской ученой архивной комиссіи подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго попечителя ея, владимірскаго губернатора генералъ-лейтенанта Н. М. Цеймерна, въ присутствіи предсѣдателя комиссіи князя Н. П. Урусова и многихъ членовъ. Собраніе отправило поздравительную телеграмму августѣйшему покровителю комиссіи великому князю Георгію Михаиловичу и выслушало годичный отчетъ о дѣятельности комиссіи. Дѣятельность членовъ комиссіи выражалась: а) въ разборѣ и описаніи старинныхъ актовъ и дѣлъ архивовъ различныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій; б) въ изученіи памятниковъ древностей Владимірской губерніи и въ заботахъ объ охраненіи ихъ отъ гибели или искаженія неумѣлою реставраціей и в) въ устройствѣ историческаго музея, историческаго архива и библіотеки. Въ текущемъ году было разобрано и описано болѣе пяти тысячъ актовъ и дѣлъ въ архивахъ упраздненнаго владимірскаго намѣстничества, канцеляріи губернатора, совѣстнаго суда и др.; изъ нихъ болѣе тысячи дѣлъ, имѣющихъ истори-

ческій интересъ, выдѣлено въ историческій архивъ комиссіи для храненія. Нѣкоторыя дѣла послужили матеріаломъ для рефератовъ и сообщеній, которые были читаны на очередныхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ ежемѣсячно. Съ разрѣшенія императорской археологической комиссіи нѣкоторые члены владимірской комиссіи производили раскопки древнихъ могильниковъ въ Меленковскомъ уѣздѣ, увѣнчавшіяся находками предметовъ древности. Для того, чтобы предохранить памятники древности отъ уничтоженія или искаженія, что нерѣдко бываетъ, вслѣдствіе невѣдѣнія мѣстныхъ обывателей, комиссіею составляется списокъ всѣхъ достопримѣчательностей Владимірской губерніи (древнихъ храмовъ и другихъ зданій, стѣнописей, древнихъ иконъ, утвари и т. п.), который и будетъ опубликованъ и разосланъ во всѣ тѣ мѣстности, гдѣ есть памятники древности, для свѣдѣнія. Комиссія возбудила ходатайство предъ императорскою археологическою комиссіей о реставраціи Владимірскихъ Золотыхъ воротъ, памятника гражданской архитектуры XII вѣка, искаженнаго передѣлками въ концѣ XVIII столѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, члены комиссіи дѣятельно озабочены устройствомъ во Владимірѣ общегубернскаго музея, гдѣ, по мысли предсѣдателя комиссіи князя Н. П. Урусова, должны быть сосредоточены не только памятники древности, дающіе понятіе о давнопрошедшей жизни владиміро-суздальскаго края, но и о современной, выражающейся въ промышленности губерніи, въ ея земледѣліи, кустарныхъ и иныхъ промыслахъ и въ особенности мануфактурной дѣятельности, такъ чтобы, раздѣляясь на два отдѣла—историческій и естественно-промышленный—музей наглядно отражалъ жизнь и дѣятельность Владимірской губерніи, въ ея историческомъ развитіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Проектъ такого музея и объяснительная записка, составленная комиссіей, разосланы въ земскія и городскія управы, которыя приглашаются къ участію въ устройствѣ этого общегубернскаго учрежденія. Комиссіей выпущена книга трудовъ, около 20 печатныхъ листовъ, заключающая въ себѣ рефераты и сообщенія членовъ, описи старинныхъ дѣлъ архивовъ и хронику, посвященную обзору трудовъ, касающихся Владимірской губерніи, а также брошюру — описаніе пушкинскихъ празднествъ, устроенныхъ во Владимірѣ 26 — 29 мая по иниціативѣ предсѣдателя комиссіи князя Н. П. Урусова дружными усиліями ея членовъ. Въ музей, помѣщающійся въ зданіи Золотыхъ воротъ, уступленномъ городомъ, поступило въ теченіе года немало уже предметовъ древности (болѣе всего монетъ), а въ библіотеку 1.345 томовъ разныхъ книгъ и изданій. Засѣданіе закончилось избраніемъ нѣкоторыхъ лицъ въ почетные члены комиссіи, при чемъ въ знакъ особой признательности собраніе единогласно почтило избраніемъ въ почетные члены предсѣдателя комиссіи князя Н. П. Урусова за его энергичную и многополезную дѣятельность, а прочихъ должностныхъ лицъ въ пожизненные дѣйствительные члены, при чемъ постановило выразить особую благодарность А. В. Селиванову, бывшему товарищемъ предсѣдателя комиссіи.

Проектъ архивной комиссіи въ Воронежѣ. Московское археологическое общество обратилось въ воронежскій губернскій статистическій комитетъ съ предложеніемъ прислать депутатовъ для участія въ дѣятельности предварительнаго комитета по XII археологическому съѣзду, въ программу котораго

входитъ изученіе «мѣстности по Дону» и въ частности Воронежской губерніи. Между членами воронежскаго губернскаго статистическаго комитета, принимавшими дѣятельное участіе въ трудахъ археологическихъ съѣздовъ, такое предложеніе вызвало желаніе, въ видахъ лучшей подготовки къ харьковскому съѣзду, организовать въ городѣ Воронежѣ спеціальное учрежденіе для изученія губерніи въ археологическомъ отношеніи. Подобное учрежденіе, въ видѣ «Воронежской архивной комиссіи», могло бы въ будущемъ послужить также къ упорядоченію архивнаго дѣла въ губерніи и научной разработкѣ мѣстныхъ древнихъ актовъ, которые со временъ Н. И. Второва († 1865 года) остаются даже неописанными. Желаніе любителей мѣстной старины, по преимуществу учителей среднихъ учебныхъ заведеній города Воронежа, конечно, не останется безъ удовлетворенія, какъ со стороны г. воронежскаго губернатора, къ которому они обратились съ просьбой о ходатайствѣ его по дѣлу объ открытіи архивной комиссіи въ Воронежѣ, такъ и археологическаго института, стоящаго во главѣ архивнаго дѣла въ Россіи, и г. министра внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находятся всѣ наши архивныя комиссіи; но это дѣло можетъ затормазиться вслѣдствіе недостатка необходимыхъ матеріальныхъ средствъ. Будущая архивная комиссія въ Воронежѣ могла бы примкнуть, по крайней мѣрѣ, въ первое время къ существующему здѣсь губернскому музею. Городъ даетъ этому музею помѣщеніе съ отопленіемъ, а расходы по содержанію и внутреннему устройству музея покрывались до послѣдняго времени ежегоднымъ пособіемъ отъ земства въ размѣрѣ 300 рублей [1]); но послѣднее воронежское губернское земское собраніе, только-что закрывшееся, отказало въ такомъ пособіи воронежскому губернскому музею на томъ основаніи, что музей не представилъ собранію отчета въ израсходованіи ассигнуемыхъ суммъ. Нужно замѣтить, что отчеты музея, состоящаго при воронежскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ, ранѣе не представлялись въ земское собраніе, но заслушивались ежегодно въ общемъ годичномъ собраніи статистическаго комитета, на которомъ присутствуютъ и представители земства, затѣмъ печатались въ мѣстныхъ газетахъ и, наконецъ, въ отдѣльныхъ оттискахъ разсылались всѣмъ членамъ комитета и въ земство. Вышеприведенная мотивировка отказа губернскому музею въ пособіи со стороны губернскаго земскаго собранія представляется тѣмъ болѣе странною, что въ прежніе годы воронежское земство всегда сочувственно относилось къ научной дѣятельности музея и не воздвигало чисто формальныхъ препятствій къ выдачѣ музею пособія, необходимаго для его существованія («Моск. Вѣд.»).

Географическое общество. 30-го ноября состоялось засѣданіе общества по отдѣленію этнографіи. Предсѣдателемъ его В. И. Ламанскимъ было сдѣлано сообщеніе по поводу присланной статьи полковника Мошкова: «Міросозерцаніе нашихъ восточныхъ инородцевъ — вотяковъ, черемисовъ и мордвы». Полковникъ Мошковъ уже около 7—8 лѣтъ занятъ собираніемъ народныхъ пѣсенъ и мелодій черезъ посредство офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ настоящее время

[1]) Кромѣ того, музей получаетъ пособіе отъ статистическаго комитета въ 150 рублей ежегодно.

полковъ варшавскаго округа. Солдатики-инородцы при ласковомъ обращеніи съ ними охотно сообщаютъ попутно съ пѣснями самыя интимныя подробности своей жизни, обычаи, религіозныя воззрѣнія. Изъ этихъ сообщеній составился очень богатый этнографическій матеріалъ, который полковникъ Мошковъ привелъ въ извѣстную систему и постепенно печаталъ отдѣльными выпусками. Данная статья является предисловіемъ къ болѣе обширному труду и останавливается на личностяхъ самихъ разсказчиковъ-инородцевъ; послѣдніе, преимущественно жители Волжско-Камскаго края, иногда полудикари и язычники, но при этомъ большею частью наблюдательнѣе, любознательнѣе и смышленѣе полѣшуковъ, особенно волынцевъ. Вотяки и черемисы (язычники) далеко не представляютъ изъ себя той темной толпы, того быдла, за которое ихъ принято считать: они гораздо выше своихъ крещеныхъ собратьевъ; ихъ языческія вѣрованія приведены въ строгую систему; религія доведена до тонкостей; многіе изъ нихъ хорошо грамотны и обучались въ школѣ Закону Божьему, что наводитъ ихъ часто на уподобленіе христіанству и ихъ языческихъ вѣрованій, какъ, напр., 3-хъ главныхъ черемисскихъ божествъ Св. Троицѣ и т. п. Затѣмъ Е. Э. Линева сообщила нѣсколько интересныхъ замѣчаній о пѣсняхъ, собранныхъ ею въ фонографъ въ губерніяхъ: Владимірской, Костромской и Нижегородской (по Ветлугѣ), Тамбовской и Воронежской. Повидимому, фонографъ долженъ оказать огромную услугу русской пѣснѣ. Передача пѣсенъ черезъ фонографъ даетъ большія преимущества передъ обычною записью, особенно пѣсенъ хоровыхъ, гдѣ важно и трудно отдѣлить основной голосъ отъ подголосковъ; кромѣ того, фонографъ закрѣпляетъ риѳму пѣсни, что часто не сохраняется при словесной передачѣ. По мнѣнію г-жи Линевой и другихъ знатоковъ русскихъ пѣсенъ, фонографомъ очень важно пользоваться теперь, пока еще пѣсня русская не угасла совершенно въ первоначальной своей прелести. Е. Э. Линева сама собирала пѣсни и сама записывала ихъ на валики фонографа; нѣкоторыя изъ нихъ, преимущественно хоровыя, были воспроизведены здѣсь передъ публикой на фонографѣ и затѣмъ повторены хоромъ, состоящимъ изъ любительницъ, знакомыхъ г-жи Линевой, подъ ея управленіемъ, доставившимъ своимъ прекраснымъ исполненіемъ большое удовольствіе публикѣ. Записи фонографа оказались прекрасными, что могъ оцѣнить всякій слышавшій хоровыя пѣсни въ деревнѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ очень оригинальны по словамъ, напр., комическая пѣсенка «Сарафанчикъ» (осмѣивающая лѣнивую бабу); нѣкоторыя очень красивы по мотивамъ, такъ, напримѣръ, «Цвѣли въ полѣ цвѣтики» (изъ Лукоянова Нижегородской губ.) или оттуда же пѣсня «Какъ у насъ на святой Руси», запись которой вышла немного рѣзка, но удивительно передала ея характерность и при чрезвычайномъ сплетеніи голосовъ сохранила голосовые тонкіе оттѣнки. Оригинальна также молитва молоканская «Благодаря Бога и Отца» изъ села Богородицка Нижегородской губ. Отдѣленіе въ лицѣ предсѣдателя и публики горячо благодарило г-жу Линеву за ея научно-артистическіе труды, которыми она такъ любезно подѣлилась. 22-го декабря состоялось засѣданіе по отдѣлу статистики подъ предсѣдательствомъ Д. П. Семенова. Дѣйствительный членъ общества князь Масальскій сдѣлалъ интересный докладъ о производствѣ чая на Кавказѣ. Чай является одной изъ главныхъ статей привоза въ Россію: ввозится его до 1.600,000 пуд.

на сумму около 40 милл. руб. ежегодно. До послѣдняго времени попытки устройства чайныхъ насажденій у насъ на Кавказѣ были чрезвычайно не систематичны и имѣли характеръ случайный. Еще въ 40-хъ годахъ при князѣ Воронцовѣ г. Соловцовъ пробовалъ разводить чайныя плантаціи, при чемъ выписывалъ чайныя деревья изъ Хань-Коу. Въ послѣднее десятилѣтіе дѣло по разведенію чайныхъ плантацій пошло успѣшнѣе, именно когда за него взялись такія крупныя фирмы, какъ Попова, положившая до 1⅓ милл. руб. только на организацію этого дѣла. Плантаціи расположены въ Батумскомъ районѣ и обрабатываются подъ руководствомъ инструкторовъ, выписываемыхъ изъ Китая. Въ первые же годы, вслѣдствіе успѣшности дѣла, площадь насажденій была увеличена до 150 дес.; чаю въ 1899 г. собрано было до 2.000 фунт. чернаго и до 10.000 ф. плиточнаго; сборы чая дѣлаются по нѣсколько разъ ежегодно: первый въ апрѣлѣ или маѣ, послѣдній—въ сентябрѣ. Средній сборъ приблизительно можно опредѣлить въ 15 пудовъ съ десятины. Съ 1895 года чайными насажденіями занялось удѣльное вѣдомство, подъ которыя уже въ 1896 г. было отведено 125 дес. Культивировались всевозможные сорта азіатскихъ чаевъ. Самые удачные результаты дало насажденіе чая индійскаго, урожайность котораго оказалась очень высокой. Удѣльное вѣдомство, имѣя въ своемъ распоряженіи до 1.000 десят. вполнѣ пригодной для культуръ чая земли, предполагаетъ раздавать ее въ аренду, плату за которую думаетъ взимать сырыми чайными листьями. Кромѣ этихъ крупныхъ плантацій, въ районахъ Батумскомъ и Сухумскомъ есть много отдѣльныхъ мелкихъ. Общая площадь чайныхъ насажденій равняется приблизительно 300 десят. и является, конечно, небольшимъ клочкомъ въ сравненіи съ 25 тыс. десят. годной земли для чайныхъ плантацій, съ которыхъ могло бы получаться до 600.000 пуд. чая, т. е. ⅓ нашего ввоза.

Товарищество «Книговѣдъ». Недавно въ Петербургѣ основалось, по мысли А. М. Уманскаго, общество «Книговѣдъ». Учрежденіе это, представляющее совершенно новый типъ, можетъ оказать немалую услугу какъ публикѣ, такъ и литераторамъ, особенно же провинціальнымъ. Одною изъ своихъ главныхъ цѣлей «Книговѣдъ» поставилъ: служить посредствующимъ звеномъ между публикой и литературными и книжными центрами, русскими и заграничными. Понимая эту задачу въ самомъ широкомъ смыслѣ, товарищество не ограничиваетъ свою дѣятельность только высылкой и доставкой всевозможныхъ русскихъ и заграничныхъ произведеній печати, оно намѣрено оказывать авторамъ и издателямъ массу комиссіонерскихъ услугъ. Принимая на себя всѣ хлопоты по дѣламъ изданій, «Книговѣдъ» входитъ въ сношенія съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати по разрѣшенію изданій газетъ и журналовъ; ведетъ переговоры съ цензурнымъ комитетомъ; указываетъ подходящихъ сотрудниковъ для періодическихъ изданій; составляетъ смѣты для всякаго рода изданій; беретъ заказы на коректуру и переводы съ иностранныхъ языковъ на русскій и обратно, и составляетъ библіотеки и каталоги для нихъ. Такимъ образомъ «Книговѣдъ» есть не простой книжный складъ, а бюро для всевозможныхъ литературныхъ справокъ.

НЕКРОЛОГИ.

НДРЕЕВЪ, П. Г. 22 декабря скончался въ Спб. преподаватель и членъ конференціи Николаевской инженерной академіи инж.-генералъ Петръ Григорьевичъ Андреевъ. Покойный род. 7 іюня 1812 г.; образованіе получилъ въ Николаевскомъ инж. училищѣ и Николаевской инж. академіи. Въ 40-хъ гг. П. Г. преподавалъ математику въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ 50-хъ гг. служилъ наставникомъ-наблюдателемъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Съ 1863 года А. былъ преподавателемъ фортификаціи въ Николаев. инж. академіи, а съ 1878 г.—и членомъ конференціи академіи. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: «Минное искусство», «Постепенная атака и оборона крѣпости», «Записки по полевой фортификаціи» (2 изданія), «Записки о военныхъ сообщеніяхъ» (6 изданій) и др. За заслуги покойный имѣлъ почти всѣ ордена до Бѣлаго Орла включительно. Въ инж.-ген. онъ былъ произведенъ въ 1894 г. («Н. Вр.» 1899, № 8560, «Моск. Вѣд.» № 355).

† **В. Г. фонъ-Бооль.** Въ Москвѣ скончался 2 декабря, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, инспекторъ классовъ Александровскаго военнаго училища, ген.-майоръ Владиміръ Георгіевичъ фонъ-Бооль. Покойный родился 13 марта 1835 г. въ мѣстечкѣ «Новый Дворъ» близъ Новогеоргіевска (Модлинъ), гдѣ отецъ его служилъ начальникомъ лабораторной роты. Образованіе В. Г. получилъ въ 1 Спб. кад. корпусѣ и михайл. артиллер. академіи, которую окончилъ по первому разряду въ 1859 г. Свою педагогическую дѣятельность В. Г. началъ репетиторомъ физики въ 1-мъ корпусѣ, потомъ онъ былъ помощникомъ инспектора классовъ тамъ же и позднѣе въ Николаевск. кавалер. училищѣ. Съ 1867 г. В. Г. послѣдовательно занималъ должность инспектора при Петровско-полтавской военн. гимназіи, въ кіевск. корпусѣ и съ 1884 г. при

Моск. Александровск. военн. училищѣ. Съ 1890 до 1894 г. онъ редактировалъ «Записки» моск. отд. Имп. Русс. Технич. общества, членомъ котораго состоялъ до конца жизни. Перу покойнаго принадлежатъ нѣсколько журнальныхъ статей и отдѣльныхъ сочиненій, преимущественно, по физикѣ и математикѣ: «Учебникъ физики и метеорологіи», «Учебникъ математической и физической географіи», «Приборы и машины для механическаго производства ариѳметическихъ дѣйствій», «Теорія устройства различнаго рода вѣсовъ» и др. («Н. Вр.» 1899, № 8546; «Русск. Вѣд.» 1899, № 341).

† **К. В. Ворошиловъ.** 5 декабря въ Казани скончался ординарный профессоръ Казанскаго университета Константинъ Васильевичъ Ворошиловъ. Покойный, сынъ священника, родился въ 1842 г. По окончаніи курса въ духовной семинаріи, онъ поступилъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1868 г. со званіемъ лѣкаря, при чемъ награжденъ былъ золотою медалью и преміею Буша. Въ 1871 г. К. В. защитилъ диссертацію «Изслѣдованія о питательныхъ свойствахъ мяса и гороха», представленную имъ для полученія степени доктора медицины. Въ томъ же году онъ былъ командированъ за границу, гдѣ работалъ по физіологіи у извѣстныхъ нѣмецкихъ профессоровъ. По возвращеніи изъ командировки В. былъ избранъ приватъ-доцентомъ академіи, а въ 1876 г. перемѣщенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Казанскій университетъ по каѳедрѣ физіологіи и въ 1885 г. утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора. По избранію университетскаго совѣта К. В. состоялъ секретаремъ и деканомъ физико-математическаго факультета, а съ 1889 г. до сентября 1899 г. ректоромъ университета. Изъ многочисленныхъ научныхъ трудовъ В. наибольшею извѣстностью пользуется диссертація, появившаяся отдѣльно въ 1871 г. («Н. Вр.» 1899, № 8542).

† **Е. Е. Григоровичъ.** 3 января скончался отъ легочной чахотки статистикъ моск. губ. земства Евгеній Елисѣевичъ Григоровичъ. Покойный принималъ дѣятельное участіе въ изслѣдованіи городовъ и въ послѣднее время занимался разработкой обширнаго матеріала подворнаго изслѣдованія населенныхъ пунктовъ Моск. губерніи, а также участвовалъ въ составленіи земскаго «Ежегодника». До поступленія на земскую службу Е. Е. состоялъ директоромъ исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ въ Тулѣ («Русск. Вѣд.» 1900, № 4; «Сѣв. Кур.» № 65).

† **М. С. Кахановъ.** Въ ночь на 1 января скончался въ Спб. статсъ-секретарь, членъ госуд. совѣта Михаилъ Семеновичъ Кахановъ. Воспитанникъ училища правовѣдѣнія, покойный М. С. послѣдовательно занималъ отвѣтственные посты въ нашемъ внутреннемъ управленіи. Вызванный въ Петербургъ изъ Пскова, гдѣ онъ занималъ должность губернатора, покойный К. былъ затѣмъ, съ 1872 г. по 1880 г., управляющимъ дѣлами комитета министровъ, членомъ верховной распорядительной комиссіи (функціонировавшей съ 12 февр. 1880 г. по 6 августа того же года), товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ при гр. Лорисъ-Меликовѣ съ 6 августа 1880 г. по 12 апрѣля 1881 г., когда онъ получилъ назначеніе состоять членомъ государственнаго совѣта. Имя покойнаго К. особенно извѣстно благодаря коммиссіи, предсѣдателемъ которой онъ состоялъ, и которая по его фамиліи получила наименованіе Кахановской. Ко-

миссія эта, учрежденная въ концѣ 1881 г. взамѣнъ существовавшей при министрѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, имѣла задачею составленіе проектовъ переустройства мѣстнаго управленія: губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ установленій, учрежденій земскихъ, городскихъ и крестьянскихъ. Не окончивъ своихъ работъ, первоначально намѣченныхъ въ очень широкомъ объемѣ, но сведшихся затѣмъ, съ учрежденіемъ при комиссіи особаго совѣщанія, къ обсужденію вопроса о реорганизаціи сельскаго общества, Кахановская комиссія была 1 мая 1885 г. закрыта, и задачи ея по преобразованію органовъ мѣстнаго управленія приняло на себя министерство внутреннихъ дѣлъ. Наканунѣ своей смерти М. С. К. получилъ новое назначеніе—быть предсѣдателемъ вновь образованнаго въ государственномъ совѣтѣ департамента промышленности, наукъ и торговли («Русск. Вѣд.» 1900, № 3; «Моск. Вѣд.», № 3; «Новости», №№ 2—4; «Сѣв. Кур.», № 61; «Нов. Вр.», № 8566).

† **И. Н. Корсунскій.** 10 декабря скончался въ Москвѣ, ординарный профессоръ Московской духовной академіи, докторъ богословія, Иванъ Николаевичъ Корсунскій. Покойный происходилъ изъ духовнаго сословія, родился въ 1848 г., высшее образованіе получилъ въ Московской духовной академіи, гдѣ и занималъ (съ 1879 г.) до самой смерти каѳедру греческаго языка и словесности. Помимо научныхъ трудовъ, ему принадлежитъ нѣсколько статей въ «Русск. Вѣстн.», «Моск. Вѣд.» и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Послѣдніе годы покойный трудился надъ составленіемъ библейскаго словаря. («Нов. Вр.», 1899, № 8550).

† **Н. И. Костромитиновъ.** 2 января скончался актеръ-любитель, предсѣдатель и учредитель драматическаго кружка Николай Иннокентьевичъ Костромитиновъ. Покойный родился въ Америкѣ въ 1834 г., въ купеческой семьѣ, раннюю молодость провелъ въ Нью-Іоркѣ, откуда еще мальчикомъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ коммерческое училище, гдѣ и кончилъ курсъ. Н. И. принадлежитъ выработка устава литературно-артистическаго кружка, въ которомъ онъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ, и нѣсколькихъ статей и замѣтокъ по исторіи русско-американскихъ владѣній. («Сѣв. Курьеръ» 1900, № 63; «Россія», № 250; «Театръ и Искусство», № 2; «Н. Вр.», № 8568).

† **В. Н. Лигинъ.** Въ Гіерѣ, во Франціи, 6-го января, скончался послѣ продолжительной болѣзни попечитель Варшавскаго учебнаго округа Валеріанъ Николаевичъ Лигинъ. Покойной родился въ 1846 г. Окончивъ въ 1869 г. курсъ математическихъ наукъ въ Новороссійскомъ университетѣ со званіемъ кандидата, покойный, по завершеніи своего образованія за границей, въ 1872 г. защитилъ магистерскую диссертацію: «Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы», а въ 1874 г.—докторскую диссертацію: «Обобщенія нѣкоторыхъ свойствъ движенія системъ». Читая лекціи въ Новороссійскомъ университетѣ съ 1872 г. послѣдовательно въ качествѣ доцента, профессора экстраординарнаго и ординарнаго, покойный въ 1884 г. былъ назначенъ деканомъ физико-математическаго факультета, но должность эту занималъ недолго. Съ 1895 г. вплоть до своего назначенія на постъ попечителя Варшавскаго

округа (1897) В. Н. былъ городскимъ головою въ Одессѣ. Количество научныхъ трудовъ покойнаго весьма многочисленно. Кромѣ названныхъ выше сочиненій, имъ написанъ цѣлый рядъ статей и изслѣдованій, появлявшихся какъ отдѣльно, такъ и въ русскихъ и иностранныхъ, главнымъ образомъ, французскихъ, спеціальныхъ изданіяхъ. («Русск. Вѣд.» 1900, № 8; «Спб. Вѣд.» № 7; «Нов. Вр.» № 8572, «Новости» № 8; «Сѣв. Кур.» № 66; «Моск. Вѣд.» № 8; «Россія» № 252).

† **А. Н. Овсянниковъ.** Въ ноябрѣ окончался въ Казани одинъ изъ дѣятельныхъ петербургскихъ педагоговъ Александръ Николаевичъ Овсянниковъ. Покойный родился въ 1842 году; по окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ со званіемъ кандидата историко-филологическихъ наукъ и съ золотой медалью за сочиненіе «Западно-европейскіе выходцы въ Россіи въ XVII вѣкѣ», онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ исторіи. Но вскорѣ А. Н. былъ вынужденъ покинуть занятія при университетѣ и переѣхать въ Петербургъ; здѣсь онъ посвятилъ себя преподавательской дѣятельности, избравъ своей спеціальностью исторію и географію. Въ послѣдніе годы А. Н. былъ постигнутъ тяжкимъ недугомъ и жилъ въ Казани. Покойный пріобрѣлъ извѣстность слѣдующими литературными трудами: «Христоматія по средней исторіи», «Географическіе очерки и картины», «Библіографическій указатель литературы по всеобщей исторіи отъ 1855 по 1880 годъ», брошюры для чтеній съ волшебнымъ фонаремъ: «Уралъ», «Ладожское озеро», «Ермакъ», «Суворовъ» и др. Кромѣ того, А. Н. напечаталъ свои воспоминанія въ «Русской Старинѣ» и сотрудничалъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ «Дѣтскомъ Чтеніи», «Родникѣ» и др. дѣтскихъ журналахъ, а также въ нѣсколькихъ газетахъ («Голосъ», «Волжско-Камскій Край» и др.). («Нов. Вр.» 1899, № 8555).

† **А. П. Романовичъ.** 19-го декабря въ Ташкентѣ скончался, на 43-мъ году жизни, редакторъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» Аполлоній Павловичъ Романовичъ. Покойный началъ свою журнальную дѣятельность въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» и «Морскомъ Сборникѣ». «Туркестанск. Вѣдомости» онъ редактировалъ съ 1892 г., стараясь путемъ руководящихъ статей и замѣтокъ содѣйствовать развитію и процвѣтанію мѣстнаго края. Ему не были чужды вопросы мѣстнаго экономическаго положенія, и онъ посвятилъ имъ немало статей. По своей первоначальной дѣятельности А. П. принадлежалъ къ числу моряковъ. Онъ командовалъ пароходомъ «Сыръ-Дарья» и паровымъ баркасомъ «Обручевъ» Аральской флотиліи, принималъ участіе въ экспедиціи капитана Брюллова, занимавшейся изслѣдованіемъ Аральскаго моря, плавалъ на «Опричникѣ» и выполнилъ рядъ отвѣтственныхъ порученій по изслѣдованію фарватера Аму-Дарьи между Чарджуемъ и укрѣпленіемъ Керки. («Нов. Вр.» 1900, № 8573; «Моск. Вѣд.» № 9; «Сѣв. Кур.» № 68).

† **І. И. Тарнополь.** 7 января, въ Одессѣ, скончался Іоахимъ Исааковичъ Тарнополь. Покойный, галиційскій еврей по происхожденію, родился въ 1809 г. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ обратилъ на себя вниманіе, какъ знатокъ священныхъ еврейскихъ книгъ и комментаріевъ къ нимъ. Въ 1835 г. новороссійскій ген.-губернаторъ Левшинъ на свой счетъ издалъ работу І. И.: «Ruth.

Sujet episodique, tiré de l'écriture sainte et traité d'après Caroline Pichler». Другое его сочиненіе «Notices historiqus sur les israélites d'Odessa» обратило на автора вниманіе правительственныхъ сферъ; между прочимъ, I. И. получилъ письменную благодарность отъ свѣтл. князя М. С. Воронцова и отъ министра нар. просв. гр. С. С. Уварова. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ книгъ и брошюръ, въ которыхъ I. И. являлся убѣжденнымъ пропагандистомъ ассимиляціи и самореформированія представителей русскаго еврейства (Réflections sur l'etat religieux, politique et social des israélites» и «Опытъ современной реформы въ области іудаизма въ Россіи, 1870). Особенную же популярность I. И. пріобрѣлъ, начавъ въ 1860 г., вмѣстѣ съ покойнымъ О. А. Рабиновичемъ, изданіе первой газеты на русскомъ языкѣ для евреевъ «Разсвѣтъ». («Сѣв. Кур.» 1900, № 69).

† **А. А. Тилло.** 30-го декабря скончался въ Спб. генералъ-лейтенантъ Алексѣй Андреевичъ Тилло. Имя покойнаго пользовалось обширной извѣстностью, какъ выдающагося современнаго геодезиста и знатока физической географіи. Его перу принадлежитъ рядъ цѣнныхъ работъ по геодезіи и по изслѣдованію земного магнетизма. Наиболѣе замѣчательнымъ трудомъ покойнаго является составленная имъ «Гипсометрическая карта Россіи» (карта высотъ). Изъ другихъ его многочисленныхъ работъ назовемъ «Астрономическія опредѣленія географическаго положенія Оренбургскаго края», «Земной магнетизмъ Оренбургскаго края», «Описаніе Арало-Каспійской нивелировки» (каждое изъ послѣднихъ двухъ сочиненій было награждено географическимъ обществомъ малою золотой медалью), «О современномъ состояніи науки земного магнетизма», «Бѣлгородская магнитная аномалія» и др. Кромѣ того, имъ изданъ переводъ «Геодезическихъ изслѣдованій Гаусса, Бесселя и Ганзена», напечатанъ рядъ статей въ «Запискахъ императорскаго географическаго общества» и редактированъ совмѣстно съ проф. Мушкетовымъ и г. Григорьевымъ «Ежегодникъ географическаго общества». За научные труды А. А. избранъ былъ въ члены-корреспонденты Императорской и Парижской академій наукъ, въ почетные члены Михайловской артиллерійской академіи, Института инженеровъ путей сообщенія, Берлинскаго географическаго общества и французскаго общества топографіи, а также нѣсколькихъ другихъ русскихъ и заграничныхъ научныхъ обществъ. Берлинскій университетъ призналъ его достойнымъ степени доктора физической географіи. А. А. родился 13-го ноября 1839 года. По окончаніи курса въ Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ онъ началъ службу въ л.-гв. Конно-гренадерскомъ полку. Молодой офицеръ стремился получить дальнѣйшее образованіе и, опредѣлившись сперва въ Михайловскую артиллерійскую академію, а затѣмъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, послѣдовательно кончилъ курсъ въ обѣихъ академіяхъ по первому разряду, — въ послѣдней по геодезическому отдѣленію. Съ 1868 г. по 1871-й г. покойный былъ начальникомъ военно-топографическаго отдѣла оренбургскаго военнаго округа. Къ этому времени относятся его первыя самостоятельныя работы по геодезіи. Съ 1872 г. по 1879 г. А. А. командовалъ 148-мъ пѣхотнымъ Каспійскимъ полкомъ, затѣмъ былъ начальникомъ штаба 1-го армейскаго корпуса и съ 1894-года по декабрь минувшаго—начальникомъ 37-й пѣхотной дивизіи. Проживая въ Петербургѣ, А. А. принималъ близкое и живое участіе въ дѣятельности императорскаго геогра-

фическаго общества и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ отдѣленія математической географіи этого общества. Въ послѣдніе два года онъ былъ помощникомъ вице-предсѣдателя общества П. П. Семенова. Кромѣ того, онъ участвовалъ въ занятіяхъ астрономическаго общества. Какъ человѣкъ, А. А. Тилло отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ и необычайной скромностью. («Н. Вр.» 1899, № 8564;« Русск. Вѣд.» 1900, № 1; «Новости» 1900, № 1; «Спб. Вѣд.» 1900, № 1; «Моск. Вѣд.» № 2; «Сѣв. Кур.» 1900, № 62).

† **А. А. Фаддѣевъ**. Въ ночь на 23-е декабря скончался на 59 году жизни извѣстный провинціальный актеръ и управляющій московскимъ бюро русскаго театральнаго общества Александръ Александровичъ Фаддѣевъ. Покойный воспитывался въ с.-петербургскомъ театральномъ училищѣ и служилъ одно время на казенной сценѣ. Дѣятельность эта не удовлетворяла, однако, покойнаго, и онъ уѣхалъ въ провинцію и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ держалъ свою антрепризу въ Иркутскѣ и въ Ригѣ. Какъ актеръ, Фаддѣевъ отличался своей добросовѣстностью и тщательной отдѣлкой ролей. («Н. Вр.» 1899, № 8559; «Русск. Вѣд.», № 356; «Театръ и Искусство», 1900, № 1).

† **И. И. Штутцеръ**. 7 января, во время стоянки поѣзда на станціи Ярославль, въ вагонѣ скоропостижно скончался Иванъ Ивановичъ Штутцеръ. Покойный родился въ 1852 году, образованіе получилъ во 2-й московской гимназіи и на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета. По окончаніи курса, онъ вмѣсто юридической практики, выступилъ на педагогическое поприще—преподавателемъ географіи сначала въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, затѣмъ въ 4-й московской классической гимназіи и, наконецъ, съ 1878 г. въ московскомъ училищѣ ордена св. Екатерины. Педагогическая дѣятельность И. И. Ш. продолжалась лишь до 1886 года: захворавъ душевнымъ разстройствомъ, онъ принужденъ былъ оставить свои занятія. Позже онъ оправился отъ болѣзни и служилъ на частной службѣ. Перу покойнаго принадлежитъ цѣлый рядъ статей по географіи и естествовѣдѣнію въ «Учебно-воспитательной Библіотекѣ» (1875 г., т. I), въ «Запискахъ Учителя» (1883—1884 гг.) и удостоенный преміи имени Петра Великаго «Курсъ географіи» (М., 1885 г.). («Моск. Вѣд.» 1900, № 10; «Сѣв. Кур.» № 70).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Предшественникъ Колумба.

Исторія признала за Христофоромъ Колумбомъ честь открытія Америки.

Не отвергая въ данномъ случаѣ заслугъ великаго генуэзца, нельзя, однако, отрицать и того, что еще за много-много лѣтъ до путешествія Колумба къ берегамъ Новаго Свѣта, на нихъ уже побывали другіе смѣлые мореплаватели.

Въ ряду ихъ пріятно встрѣтить имя нашего единоплеменника.

Я хочу сказать нѣсколько словъ о полякѣ Янѣ, уроженцѣ города Кольна [1]), который, состоя на службѣ въ датско-норвежскомъ флотѣ, еще въ 1476 году открылъ берега острова Гренландіи и полуострова Лабрадора Сѣверной Америки.

Первое, по времени, упоминаніе объ этой исторической личности находимъ въ книгѣ испанскаго писателя М. Гомары «Histia de las Indias», вышедшей въ Сарагоссѣ въ 1553 году. Гомара называетъ Яна Ioan Scolno [2]) и говоритъ, что послѣдній былъ на Лабрадорѣ [3]).

Затѣмъ, вспоминаютъ о немъ К. Витфлетъ (Cornelius Wytfliet) въ исходѣ XVI столѣтія и Ю. Хорнъ во второй половинѣ XVII вѣка.

Первый въ соч. «Descriptionis ptolemaiceae augmentum» (Lovanii, 1599) пишетъ: «Extrema Indiae continentis pars inventione omnium fuit prima, quando duobus pene saeculis, ante Lusitanorum et Castellanorum navigationes, a piscatoribus frislandicis, tempestate huc ejectis, primitus hanc terrae partem detectam et post modum circa annum 1390 auspiciis Zichini Frislandiae regis a Nicolao et Antonio Zenis fratribus patriciis venetis perlustratam. Secundum defectae hujuregionis decus tulit Johannes Scolnus polonus, qui anno 1476 octoginta et sex annis a prima ejus lustratione navigans ultra Norvegiam, Groenlandiam, Frislansdiamque, boreale hoc fretum ingressus, sub ipso arctico circulo ad Laboratoris hanc terram Estotilandiamque delatus est».

Хорнъ же въ книгѣ своей «Ulyssea» (Lugd. Batav. 1671) говоритъ объ открытіи Яномъ изъ Кольна, полякомъ, пролива Anian и земли Laboratoris.

Въ минувшемъ столѣтіи первый вспомнилъ о Янѣ I. Лелевель въ своей краткой исторіи географіи [4]), называя его Яномъ Kolna и точнѣе опредѣляя мѣстонахожденіе этого Кольна—«z małeho miasta mazowieckiego, Prusom pogranicznego» [5]).

Замѣчанія польскаго историка обратили на себя вниманіе Ал. Гумбольдта. Послѣдній, въ своемъ изслѣдованіи «Examen critique de l'histoire de la géographie du Nouveau Continent» [6]), перечисливъ рядъ мореходовъ, которые, по преданію, еще до Колумба, открыли часть Америки, завершаетъ его полякомъ Яномъ Scolnus. «Этотъ Scolnus въ 1476 году находился на службѣ датскаго короля Христіана II. Увѣряютъ, что онъ высадился на Лабрадорѣ» [7]).

Знаменитый изслѣдователь исторіи и литературы польской В. Мацѣіовскій, во II т. «Польской литературы» [8]), пишетъ слѣдующее:

---

[1]) Кольно — уѣздный городъ Ломжинской губерніи, съ населеніемъ до 6 тысячъ душъ.

[2]) Отъ латинскаго Scolnus, представляющаго въ свою очередь передѣлку польскаго выраженія z Kolna.

[3]) Вотъ подлинныя слова: «Tierra de Labrador. Enesta tierra pues rislas andan, y vinen Bretones, que conforman mucho con su tierra; y estan en una mesma altura, y temple. Tambien an ido alla ombres de Norvaga con el piloto Ioan Scolnol' Einglеses con Sebastian Gaboto».

[4]) «Krótka historya geografii. 1814.

[5]) То-есть «изъ небольшого мазовецкаго города, пограничнаго съ Пруссіею».

[6]) 5 т. Paris. 1835—1838.

[7]) Стр. 152.

[8]) «Piśmiennictwo Polskie od czasów najdawniejszych aż do r. 1830». 3 т. Warsz. 1851.

«О Янѣ изъ Кольна, который, служа напередъ во флотѣ у гданчанъ, перешелъ въ датскую службу и, начальствуюя надъ норвежскимъ флотомъ [9]), открылъ около 1553 (?) г. землю Лабрадоръ въ Сѣверной Америкѣ (ея не зналъ Христофоръ Колумбъ),—имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія. Но оставилъ ли польскій мореплаватель записки о своемъ путешествіи,—этого совсѣмъ не знаемъ»... «Нѣмцы пишутъ: Scolnus, Kolnus». «Кольно—городокъ въ прежнемъ Хелминскомъ воеводствѣ» [10]).

Дата 1553 очевидно ошибочная. Мацѣіовскій не могъ не знать, что еще между 1500—1501 годами на Лабрадорѣ былъ португалецъ Картореаль. Слѣдовательно, Янъ изъ Кольна могъ открыть помянутый полуостровъ только ранѣе 1500—1501 года, а никакимъ образомъ не позже.

Позднѣйшіе польскіе историки, писавшіе о Янѣ изъ Кольна, опираются въ своихъ извѣстіяхъ объ немъ на Лелевеля, Гумбольдта и Мацѣіовскаго.

Антоній Олещинскій [11]), упомянувъ «о Янѣ изъ Кольна въ воеводствѣ мазовецкомъ, что въ 1476 году, за четырнадцать лѣтъ до Колумба, открылъ страны Новаго свѣта», прибавляетъ, что «Лелевель въ разборѣ труда Свѣнцкаго подвигъ Яна изъ Кольна краснорѣчиво поддерживаетъ».

«Янъ изъ Кольна, мореходъ гданскій, посланный датскимъ королемъ въ сѣверныя воды,—пишетъ Іосифъ Супинскій [12]),—открылъ проливъ Гудсона и обширную страну Лабрадоръ и такимъ образомъ открылъ Америку». «Безсмертный голосъ Гумбольдта, — продолжаетъ Супинскій,—воскресилъ черезъ 400 лѣтъ имя забытаго поляка» [13]).

Извѣстія Мацѣіовскаго повторили: Нарциза Жмиховская въ своей «Географіи» [14]), Петръ Чарковскій въ учебникѣ географіи [15]) и Леонардъ Совинскій въ очеркѣ исторіи польской литературы [16]). Послѣдній почти дословно [17]).

Г-нъ В. Езерскій, разсмотрѣвъ извѣстія историковъ о Янѣ Кольненскомъ, высказываетъ въ варшавскомъ еженедѣльникѣ «Wszechswiat» мысль, достойную вниманія, что для того, чтобы узнать ближайшія подробности о Янѣ, о сдѣланныхъ имъ открытіяхъ земель и о тѣхъ названіяхъ, которыя онъ имъ далъ, необходимо обратиться къ разысканіямъ въ архивахъ гданскихъ (данцигскихъ), датскихъ и норвежскихъ [18]).

Разумѣется, ближе всего было бы заняться этимъ дѣломъ полякамъ или намъ, русскимъ.

---

[9]) Въ то время Данія и Норвегія составляли одно цѣлое.
[10]) «Piśmienn. Polskie», II, 735.
[11]) «Wspomnienia o polakach».
[12]) «Dziela». Lwów.
[13]) T. I, 336.
[14]) «Wykład nauk przeznaczony do pomocy w domowém wychowaniu panien. Geografija». W. 1857—59, II, 807.
[15]) «Krótki zbiór geografii» (10 ed.).
[16]) «Rys dziejów literatury polskiej», 3 т.
[17]) T. I. (Wilno. 1874), 514.
[18]) T. XIX, 7.

Пускай же тотъ, кому возможенъ доступъ въ эти архивы, займется разысканіями о Янѣ изъ Кольна и путемъ ихъ освѣтитъ личность славянскаго Колумба.

Г. А. Воробьевъ.

II.

Къ статьѣ „Жертва террора."

Въ октябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1899 года, напечатанъ переводъ статьи Казимира Стріенскаго (изъ «Revue hebdomadaire» № 19 и 20) подъ заглавіемъ «Жертва террора». Въ статьѣ этой, посвященной трагическому концу княгини Александры Любомірской,—упоминается о письмѣ княгини, въ которомъ она объявляетъ себя беременной; письмо это будто бы было внушено ей друзьями, желавшими спасти ее; но оригиналъ его не былъ найденъ, несмотря на всѣ поиски.

Авторъ статьи прибавляетъ, что это «письмо княгини доказываетъ истинность предлога, избавившаго ее отъ эшафота»,—замѣчаніе, содержащее двойную ошибку: 1) предполагаемая беременность не спасла Любомірскую отъ эшафота, такъ какъ княгиня была казнена; 2) я прилагаю, сдѣланныя мною копіи съ двухъ документовъ, оригиналы которыхъ хранятся въ національномъ Парижскомъ архивѣ; копіи эти — офиціальныя и заключаютъ неопровержимыя доказательства ошибочности выводовъ и заключеній, допущенныхъ г. Стріенскимъ.

Любомірскій.

I.

Приговоръ суда. Революціонный трибуналъ, 12-го мессидора.

Революціоннымъ трибуналомъ, установленнымъ закономъ 12 марта 1793 года, не допускающимъ кассаціи его рѣшеній, и въ силу правъ, данныхъ трибуналу закономъ 5-го апрѣля того же года, засѣдающимъ въ Palais de justice Парижа—просмотрѣно рѣшеніе суда 3-го флоріаля, приговаривающаго къ смертной казни Розалію Ходкіевичъ Любомірскую.

Вслѣдствіе доклада, сдѣланнаго сегодня докторами и свидѣтельствующаго о томъ, что помянутая Любомірская не беременна,—допущена обвинительная рѣчь.

По приказанію трибунала приговоръ, произнесенный надъ помянутой Ходкіевичъ, будетъ сегодня же приведенъ въ исполненіе, а докладъ, подписанный Нурри (Nourry) и Энгельгартомъ, такъ же, какъ и настоящее рѣшеніе суда,—будутъ присоединены на будущее время къ документамъ процесса. Судъ произнесъ этотъ приговоръ 12-го мессидора второго года французской республики единой и нераздѣльной. Скрѣплено подписями: гражданинъ Рене-Франсуа Дюма—предсѣдатель; Піерръ-Андрэ Коффинхаль (Coffinhal); Габріэль де-Ліежъ, Антуанъ-Мари Мэръ (Maire) и Шарль Арни (Harny) — судьи, подписавшіе приговоръ вмѣстѣ съ секретаремъ суда.

Дюма, Коффинхаль, де-Ліежъ, мэръ Арни. Дерберъ секретарь.

II.

Мы, нижеподписавшіеся врачи революціоннаго трибунала, при помощи акушерки, гражданки Пріу (Prioux), по требованію предсѣдателя трибунала, гражданина Дюма, посѣтили и самымъ добросовѣстнымъ образомъ изслѣдовали нѣкую Любомірскую, содержащуюся въ бывшемъ дворцѣ архіепископа: наше изслѣдованіе не обнаружило ни малѣйшаго признака или симптома беременности.

Вслѣдствіе чего мы постановляемъ (sic), что она не беременна. Сего 12-го мессидора, 2-го года единой и нераздѣльной республики. — Энгельгартъ — докторъ, Н. Нури, Пріу.

III.

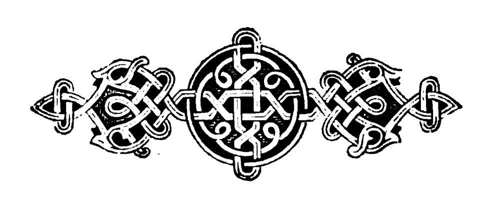
Двѣ поправки.

Считаю нелишнимъ сдѣлать слѣдующія поправки къ двумъ статьямъ, напечатаннымъ въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Въ статьѣ г. Батуринскаго «Герценъ и Тургеневъ» (на стр. 228) авторъ выражаетъ сожалѣніе, что остаются неизданными письма Герцена къ Тургеневу. Это не вѣрно: въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» 1896 года, № 1, напечатана статья «Изъ переписки И. С. Тургенева съ А. И. Герценомъ въ 1867 г.», которая содержитъ въ себѣ, за небольшимъ исключеніемъ, все, что сохранилось изъ этой переписки.

Въ замѣткѣ г. Божерянова «Къ біографіи А. П. Кернъ» нѣтъ ничего новаго, ибо то, что авторъ выдаетъ за почерпнутыя изъ «Русской Старины» дополненія къ статьѣ В. А. Тихонова, недавно перепечатано въ книгѣ: «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Спб. 1899». Кромѣ того, г. Божеряновъ относитъ поѣздку Дельвига на Иматру къ 1819 г., вмѣстѣ съ женой, М. И. Глинкой, О. М. Соловьевымъ и А. П. Кернъ. Это невѣрно: въ 1819 году г. Дельвигъ еще не былъ женатъ, а на Иматру ѣздилъ въ 1829 году. Поѣздка эта была описана Соловьевымъ въ «Литературной газетѣ» 1830 года.

М. К. В.

Европѣ мечтаетъ о немъ. Долгъ гусударственнаго человѣка—положить конецъ распространенію подобной заразы.

— Вы хотите посадить меня въ тюрьму, отецъ?—воскликнула съ улыбкой молодая дѣвушка.

— Нѣтъ, глупая дѣвочка, хотя ты, повидимому, сочувствуешь моимъ врагамъ.

— Вашимъ врагамъ? Неужели вы, такой могущественный министръ, считаете своими врагами несчастныхъ принцевъ?

— Ты мнѣ льстишь, дитя мое. Но не надо называть несчастнымъ принца, человѣка, съ которымъ обращаются, какъ съ внукомъ нашего императора.

— Грустно имѣть только дѣда, когда есть еще мать,—замѣтила Гермина тономъ искренняго сожалѣнія.

— Не говори о томъ, чего ты не понимаешь,—рѣзко произнесъ канцлеръ:—поѣзжай домой и жди меня къ обѣду.

Гермина любезно поклонилась всѣмъ, поцѣловала отца и вышла изъ комнаты.

III.

Повелитель Европы.

У Меттерниха были секретари, прекрасно сформированные имъ самимъ. Какъ всѣ способные министры, онъ ограничивалъ свой личный трудъ только важными дѣлами, а остальная работа производилась его помощниками, среди которыхъ первое мѣсто занималъ Фридрихъ фонъ-Генцъ. Онъ не имѣлъ себѣ равнаго для резюмированія въ нѣсколькихъ словахъ самой сложной и длинной дипломатической бумаги.

— Подождите, графъ,—сказалъ канцлеръ, обращаясь къ начальнику полиціи, едва только удалилась молодая дѣвушка:—можетъ быть, мы найдемъ какія либо полезныя указанія въ депешахъ, которыя сейчасъ доложитъ господинъ тайный совѣтникъ. Пожалуйста, Генцъ, покороче, какъ можно короче, потому что меня ждетъ посланный французскаго короля.

Генцъ взялъ со стола груду депешъ и, пробѣгая ихъ глазами, сталъ громко докладывать:

— Изъ Константинополя сообщаютъ, что султанъ мирится съ мыслью о водвореніи французовъ въ Алжирѣ. Изъ Петербурга...

— Пропустите!—произнесъ Меттернихъ:—я видѣлъ недѣлю тому назадъ въ Карлсбадѣ Нессельроде. Ваши депеши, конечно, не передадутъ мнѣ ничего новаго.

— Въ Саксоніи отголосокъ парижской революціи,—продолжалъ Генцъ.—Безпорядки произошли въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ. Графъ

Коллорадо описываетъ положеніе дѣлъ въ самыхъ черныхъ краскахъ. Король, повидимому, потерялъ голову.

— Что?—переспросилъ Меттернихъ.

— Его величество,—поправился Генцъ:—очень взволнованъ и колеблется, принять ли ему строгія мѣры противъ мятежниковъ.

— Напишите депешу въ томъ духѣ, что саксонскій кабинетъ долженъ понимать всю отвѣтственность, которую онъ несетъ на себѣ. Саксонія прикрываетъ насъ съ запада, и если тамъ начнется движеніе, то мы должны будемъ принять энергичныя мѣры. Скажите Коллорадо, чтобы онъ дѣйствовалъ заодно съ прусскимъ посланникомъ Іорданомъ. Продолжайте, Генцъ.

Зиберъ на-лету схватилъ высказанныя канцлеромъ мысли и быстро записалъ, а Генцъ продолжалъ коротко излагать содержаніе депешъ.

— Въ Италіи тайныя общества дѣйствуютъ энергично. Сыновья Людовика Наполеона, повидимому, содѣйствуютъ движенію. Одинъ изъ нихъ, Луи Наполеонъ, собирается въ Вѣну въ надеждѣ добиться отъ васъ освобожденія его двоюроднаго брата, герцога Рейхштадтскаго, съ цѣлью возвратить ему французскій престолъ.

— Освободить можно только узника,—замѣтилъ Меттернихъ,—а его высочество, герцогъ Рейхштадтскій, не узникъ.

— Я повторилъ собственныя слова Луи Наполеона.

— Понимаю, но все-таки это выраженіе нелѣпое.

— Изъ Италіи Коловратъ еще сообщаетъ довольно странное извѣстіе. Изъ Милана отправились двѣ женщины, чтобы вручить герцогу Рейхштадтскому важныя бумаги, имѣющія цѣлью способствовать его бѣгству. Эти политическіе эмиссары новаго рода проѣхали чрезъ Швейцарію, чтобы избѣгнуть полицейскихъ агентовъ, посланныхъ въ погоню за ними.

— Вы знаете объ этомъ?—спросилъ Меттернихъ, обращаясь къ графу Зедельницкому.

— Давно. Это для меня не новость. Въ послѣдніе годы постоянно являются какой нибудь сумасшедшій или сумасшедшая, предлагающіе устроить бѣгство герцога. Но все это пустяки.

— Однако, теперь дѣло, кажется, серіозно,—замѣтилъ Меттернихъ

— Будьте спокойны, князь,— отвѣчалъ начальникъ полиціи:— я приму всѣ нужныя мѣры. Впрочемъ, герцогъ Рейхштадтскій не обращаетъ никакого вниманія на подобныя предложенія, и если бы онъ получилъ какую нибудь секретную бумагу, то немедленно принесъ бы ее императору или вамъ.

— Вы правы; до сихъ поръ герцогъ былъ очень покорнымъ и послушнымъ юношей, но съ нѣкоторыхъ поръ мнѣ кажется, что въ немъ происходитъ перемѣна.

— Увидимъ,—произнесъ начальникъ полиціи и прибавилъ:—я могу удалиться?

— Конечно, любезный графъ, — отвѣчалъ канцлеръ, но подумалъ:—мало видѣть, надо предвидѣть.

Когда начальникъ полиціи удалился, то канцлеръ спросилъ:

— Генералъ Бельяръ пріѣхалъ?

Получивъ утвердительный отвѣтъ отъ Зибера, онъ прибавилъ:

— Пусть войдетъ, но имѣйте въ виду, что мы еще не признали новаго короля, и я принимаю посланнаго Луи-Филиппа, а не французскаго короля. Сдѣлайте соотвѣтствующее распоряженіе. Генералъ одинъ?

— Его сопровождаетъ Швебель,— отвѣчалъ Зиберъ.

— Въ такомъ случаѣ, останьтесь и запишите тѣ офиціальныя слова, которыя могутъ быть произнесены.

Спустя нѣсколько минутъ, дверь съ лѣстницы широко отворилась, и канцлеру доложили.

— Его превосходительство генералъ-лейтенантъ графъ Бельяръ.

Генералъ былъ въ парадномъ мундирѣ и при всѣхъ орденахъ. Несмотря на свои сѣдые волосы, шестьдесятъ лѣтъ и тридцать ранъ, онъ казался очень бодрымъ.

— Вы, генералъ, имѣете передать порученіе канцлеру австрійскаго двора и имперіи, — произнесъ Меттернихъ, встрѣчая генерала посреди комнаты:—я васъ слушаю.

— Князь,—отвѣчалъ Бельяръ такимъ же холоднымъ офиціальнымъ тономъ:—его величество король Луи-Филиппъ I прислалъ меня къ его величеству императору и королю съ письмомъ и поручилъ мнѣ объявить объ его восшествіи на престолъ. Король приказалъ мнѣ прибавить къ его письму на словахъ, что онъ питаетъ самыя дружескія чувства къ императору Францу и желаетъ сохранить съ его страной самыя лучшія отношенія.

Произнеся эти слова, генералъ обернулся и, взявъ изъ рукъ Швебеля бумагу, передалъ ее канцлеру.

— Это копія съ письма его величества короля,—прибавилъ онъ.

Меттернихъ не принялъ бумаги и холодно произнесъ:

— Я долженъ прежде всего предупредить императора о вашемъ посѣщеніи и спросить его приказаній. Теперь же я могу только сказать, что мой августѣйшій повелитель въ этомъ непріятномъ и, могу сказать, плачевномъ случаѣ не будетъ руководствоваться своими личными чувствами. Его величество не вмѣшается въ ваши внутреннія дѣла, а только ограничится принятіемъ мѣръ для обезпеченія тѣхъ трактатовъ, которые служили впродолженіе 15 лѣтъ основой государственнаго права въ Европѣ.

Этотъ холодный пріемъ и ссылка на трактаты 1815 года сильно подѣйствовали на Бельяра, не привыкшаго къ дипломатическимъ тонкостямъ. Но хитрый канцлеръ тотчасъ измѣнилъ свой тонъ и прибавилъ самымъ любезнымъ, радушнымъ образомъ:

— Наши официальныя объясненія этимъ кончаются, генералъ, но князь Меттернихъ очень радъ пожать руку старому знакомому и поговорить съ нимъ по душѣ.

Со свѣтской улыбкой онъ предложилъ удивленному генералу кресло и, усѣвшись рядомъ съ нимъ, началъ частную бесѣду, во время которой секретари отошли на приличное разстояніе.

— Такъ вы искренно думаете, генералъ, — произнесъ Меттернихъ,—что у новаго короля хватитъ силы, чтобы сдержать недовольныхъ и положить конецъ внѣшней пропагандѣ?

— Въ этомъ ему всѣ помогутъ,—отвѣчалъ Бельяръ.

— Вы такъ думаете? я же, напротивъ, полагаю, что французы, какъ всегда, увлекаются, а явись какой нибудь счастливый генералъ, краснорѣчивый ораторъ или ловкій журналистъ, и вся Франція пойдетъ за нимъ. Я не хочу говорить что либо дурное о вашей странѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ я канцлеръ, т. е. 18 лѣтъ, ни одно государство не давало мнѣ столько заботъ, какъ ваша Франція.

— Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что Европа не дозволяетъ ей дѣлать того, что она желаетъ.

— Вы думаете? А никто у васъ не цѣнитъ, какъ мы корректно держимъ себя относительно Наполеона II.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Увѣряю васъ, что французы обязаны питать къ намъ благодарность. Что было бы съ Орлеанскимъ домомъ, если бы мы дозволили герцогу Рейхштадтскому явиться во Францію? Уже давно его прочатъ въ короли бельгійскіе или греческіе, а теперь вся его семья увѣрена, что стоитъ только ему показаться во Франціи, и будетъ возстановлена имперія. Въ пользу того ведутъ интриги Іосифъ и Іеронимъ Бонапарты, Ашиль Мюратъ и королева Гортензія со своими безпокойными сыновьями. Дѣло доходитъ до того, что, право, для спокойствія Европы намъ бы слѣдовало напустить на Францію эту семью, которая не можетъ сидѣть спокойно.

— Ваши слова, князь,—замѣтилъ съ достоинствомъ Бельяръ,— звучатъ угрозой, и вы не должны забывать, что я представитель короля.

— Нѣтъ, извините,—отвѣчалъ Меттернихъ съ любезною улыбкой:—вы не представитель французскаго короля, и я не канцлеръ. Мы старые пріятели и разговариваемъ по душѣ. Ну, успокойтесь насчетъ герцога Рейхштадтскаго: онъ не только не будетъ государемъ Франціи, но никогда не покинетъ нашей страны. Это безусловно рѣшено императоромъ. Трагическій наслѣдникъ человѣка, подвергшаго опасности все, что намъ дорого, онъ одиноко окончитъ свою жизнь въ созданномъ нами для него убѣжищѣ. Его семья напрасно ждетъ его... Но что съ вами?

Бельяръ всталъ блѣдный и разстроенный; глаза его устремились въ пространство, словно онъ видѣлъ какой-то призракъ.

— Простите меня, князь,—промолвилъ онъ, спустя нѣсколько минутъ:—я вѣдь простой солдатъ, хотя мнѣ и навязали дипломатическое порученіе. Юноша, о которомъ вы говорите, сынъ моего императора. Отецъ обожалъ его, и мы всѣ его любили. Вотъ передъ моими глазами и возникъ столь знакомый образъ его отца. А теперь онъ узникъ своего дѣда, навѣки разлученный со своей родиной. Мысль объ этомъ болѣзненно сжала мое сердце. Простите меня.

Меттернихъ очень любезно старался успокоить старика, увѣряя его, что овладѣвшее имъ волненіе только дѣлаетъ ему честь, и обѣщалъ какъ можно скорѣе сообщить ему удовлетворительный отвѣтъ императора.

IV.

Интервью въ 1830 году.

— Приготовьте портфель, Зиберъ,—сказалъ канцлеръ послѣ ухода генерала Бельяра:—я сейчасъ пойду къ императору. Но меня ждетъ сотрудникъ «Journal des Debats», Пьеръ Лефранъ. Попросите его.

И онъ сталъ просматривать бумаги, которыя долженъ былъ представить императору для подписи.

Между тѣмъ въ комнату вошелъ Пьеръ Лефранъ. Это былъ молодой человѣкъ, приличный на взглядъ и очень просто одѣтый; но, судя по его манерамъ, онъ не впервые встрѣчался съ сильными міра сего.

— Очень радъ васъ видѣть, любезный коллега,—сказалъ князь съ предупредительною улыбкой.

— Ваше сіятельство ошибаетесь,—отвѣчалъ Лефранъ съ удивленіемъ:—я скромный журналистъ.

— Нѣтъ, я серіозно говорю, что мы—коллеги и даже сотрудники,—продолжалъ весело Меттернихъ:—до послѣдняго времени, я почти каждую недѣлю посылалъ статьи вашему редактору, и онъ почти всегда ихъ печаталъ. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и не зналъ настоящаго автора этихъ статей. Въ такомъ случаѣ не выдавайте меня. Ну, что новаго въ Парижѣ? Поспокойнѣе тамъ?

— Вѣроятно, генералъ Бельяръ сообщилъ вамъ объ этомъ?

— Генералъ объяснилъ мнѣ о томъ, что думаютъ въ Тюльери и въ Ратушѣ. А что говорятъ въ газетномъ мірѣ?

— Одержавъ побѣду, мы отдыхаемъ и ждемъ,— отвѣчалъ Лефранъ гордымъ тономъ.

— Правда, — произнесъ серіозно Меттернихъ, — печать играла большую роль въ томъ, что вы называете вашей побѣдой. Вы большіе изобрѣтатели, господа французы. Вы создали новую силу, съ которой нашимъ сыновьямъ надо будетъ считаться. Печать сильное оружіе противъ правительства и обоюдоострое въ его рукахъ.

— Настоящая уважающая себя печать,—возразилъ Лефранъ:—не врагъ и не другъ правительства во что бы то ни стало. Она собираетъ свѣдѣнія и судитъ, но не питаетъ безусловной ненависти и не холопничаетъ.

— Во всякомъ случаѣ, я постараюсь доказать вамъ во время вашего пребыванія въ Вѣнѣ, какъ я уважаю эту новую силу. Будьте такъ любезны, пожалуйте ко мнѣ, и я запросто приму васъ въ моей семьѣ, увы, очень немногочисленной. Мы поговоримъ, какъ сила съ силой.

— Я очень тронутъ оказанной мнѣ честью,—отвѣчалъ Лефранъ:— и, конечно, воспользуюсь этимъ любезнымъ приглашеніемъ.

— И прекрасно,—произнесъ Меттернихъ:—вотъ Генцъ, котораго позвольте вамъ представить, сообщитъ, когда можно меня застать дома. А пока онъ будетъ къ вашимъ услугамъ и покажетъ вамъ все, что стоитъ посмотрѣть въ Вѣнѣ. Онъ также вашъ коллега, хотя не признается въ этомъ. Не правда ли, Генцъ, вы поможете г. Лефрану познакомиться съ нашими вѣнскими нравами?

— Ваша свѣтлость, знаете, что я всегда готовъ исполнять всѣ ваши желанія,—отвѣчалъ хитрый представитель реакціи, нимало не довольный тѣмъ, что ему придется вести дружбу съ либеральнымъ французскимъ журналистомъ.

— Такъ до свиданія,—сказалъ канцлеръ:—извините, что я васъ покину, но его величество меня ждетъ.

И онъ удалился во внутренніе покои императора Франца.

— Какой либеральный человѣкъ,—подумалъ Лефранъ:—но если я составлю изъ его словъ корреспонденцію, то буду молодцомъ изъ молодцовъ.

V.

Два маршала.

Генцъ обѣщалъ прислать своему новому пріятелю карточки для обозрѣнія художественныхъ коллекцій въ различныхъ дворцахъ, и они уже разставались, когда въ комнату вошли два новые посѣтителя. Хотя они были въ статской одеждѣ, но легко было узнать въ нихъ военныхъ по выправкѣ и манерамъ. Они были почти одинаковаго роста и возраста.

— Не безпокойтесь, господа,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—мы подождемъ съ маршаломъ Мармономъ возвращенія князя.

Лефранъ видѣлъ еще недавно Мармона въ маршальскомъ мундирѣ и въ шляпѣ съ плюмажемъ среди свиты Карла X и съ трудомъ узналъ его въ длинномъ синемъ сюртукѣ съ стоячимъ воротникомъ. Горе, пораженіе, изгнаніе оставили неизгладимые слѣды на его блѣдномъ исхудаломъ лицѣ.

Но кто вошелъ съ нимъ подъ руку и такъ безцеремонно проникъ въ кабинетъ канцлера? Нельзя было смотрѣть безъ уваженія на открытое, мужественное лицо этого человѣка. Оно дышало не только храбростью, но благородствомъ и добротой. Голосъ его звучалъ, какъ боевая труба; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ слышались мягкія, нѣжныя ноты, трогавшія сердце. На немъ былъ одинаково длинный сюртукъ, но коричневаго цвѣта.

— Братъ императора,—шепнулъ Генцъ Лефрану:—фельдмаршалъ эрцгерцогъ Карлъ.

— Знаменитый воинъ,—отвѣчалъ французъ, и прибавилъ мысленно:—а главное честный человѣкъ.

Эрцгерцогъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ и, обращаясь къ Мармону, сказалъ:

— Пари держу, любезный товарищъ, что это вашъ соотечественникъ. Но о чемъ онъ, чортъ возьми, говорилъ съ Генцемъ, который ненавидитъ французовъ? Не правда ли, г. тайный совѣтникъ, что вы ненавидите Францію?

— Во всякомъ случаѣ я принесъ ей менѣе вреда, чѣмъ вы, ваше высочество,—отвѣчалъ Генцъ, приводя въ порядокъ депеши.

— Это еще вопросъ. Чернила оставляютъ послѣ себя болѣе слѣдовъ, чѣмъ кровь.

— Развѣ могутъ сравниться удары, нанесенные побѣдителемъ при Асцернѣ, съ уколами дипломатическихъ депешъ?

И, отпустивъ эту эпиграмму либеральному принцу, который теперь питалъ открытое сочувствіе къ французамъ, Генцъ удалился въ внутренній кабинетъ канцлера.

— Вотъ онъ каковъ!—воскликнулъ эрцгерцогъ:—побѣдитель подъ Асперномъ! Онъ говоритъ объ Есслингѣ, но развѣ этотъ успѣхъ долго длился, развѣ за нимъ не слѣдовалъ Ваграмъ? Я тогда осудилъ себя и вложилъ въ ножны свою шпагу, которую уже болѣе никогда не обнажалъ противъ Франціи, когда вся Европа набросилась на нее. Я не люблю походовъ, которые начинаются безпорядочной толпой, а кончаются кровавой рѣзней. Ну, да это все прошло. Мы исполнили свой долгъ, не правда ли? Я надѣюсь, что меня уважаютъ во Франціи.

— Французская армія чтитъ ваше имя, ваше высочество.

— Ну, это ужъ слишкомъ. Пусть бы меня только не забывали. Ну, а долго вы намѣрены, маршалъ, погостить въ Вѣнѣ?

Мармонъ отвѣчалъ, что онъ хотѣлъ посѣтить вновь всѣ мѣстности, гдѣ онъ когда-то сражался, и собрать матеріалы для мемуаровъ.

— А, вы собираетесь, какъ я, писать мемуары?

— Да. Наши разсказы, можетъ быть, помогутъ исторіи произнести свой справедливый приговоръ и исправить много ошибокъ.

— Только бы они не замѣнили старые ошибочные взгляды новыми. Впрочемъ, какъ бы то ни было, писанье мемуаровъ услаждаетъ нашу старость, и это хорошо.

Поощряемый добротой и любезностью эрцгерцога, Мармонъ сознался ему, что онъ хотѣлъ остаться въ Вѣнѣ подольше съ цѣлью разсказать сыну Наполеона исторію войнъ его отца.

— Какъ бы не такъ!—отвѣчалъ эрцгерцогъ:—и вы думаете, что вамъ это дозволятъ? Вы не знаете, какъ воспитываютъ моего внучка. Правда, его провели черезъ всѣ чины и постепенно пожаловали въ капралы, сержанты, офицеры и т. д. Онъ, вѣроятно, теперь эскадронный командиръ, не менѣе. Но онъ маршировалъ одинъ въ аллеяхъ Шенбруна, у него нѣтъ и не было никогда товарищей, съ которыми онъ могъ бы отвести душу. Его учили исторіи, но такъ, что онъ ничего не знаетъ о событіяхъ послѣднихъ тридцати лѣтъ, кромѣ того, что Меттернихъ спасъ всю Европу своей политикой. Съ какимъ счастьемъ отъ него скрыли бы, еслибъ это было возможно, что были на свѣтѣ Наполеонъ, который имѣлъ дерзость сдѣлаться его отцомъ, и эрцгерцогиня, оплакивающая въ Парми до сихъ поръ, что она родила его въ Парижѣ. Но онъ, какъ нарочно, прекрасно помнитъ свое дѣтство. Десять лѣтъ тому назадъ ему сказали, что отецъ его умеръ, и онъ цѣлый годъ носилъ по немъ трауръ на рукѣ и на шпагѣ. Теперь онъ продолжаетъ носить этотъ трауръ, но вотъ гдѣ.

И эрцгерцогъ ударилъ себя рукой по сердцу.

— А его мать?—спросилъ Мармонъ.

— Мать. Онъ, можетъ быть, знаетъ, что она вышла вторично замужъ, и что у нея есть другія дѣти. Въ продолженіе послѣднихъ семнадцати лѣтъ онъ видѣлъ ее три раза. Моя племянница женщина добрая, но слабохарактерная и забывчивая. За нимъ же зорко слѣдятъ и не отпускаютъ никуда одного. По временамъ я встрѣчаю его въ оперѣ, но съ нимъ всегда его наставникъ, Маврикій Дитрихштейнъ или какой-то Абенаусъ, и ему не дозволяютъ даже говорить со мною. Англичане посѣяли сѣмена Гудсона Ло въ Вѣнѣ, и они дали плодъ. Если вы увидите Римскаго короля, то заплачете, такъ жалко смотрѣть на него.

Мармонъ не разъ слышалъ разсказы о заточеніи въ Шенбрунѣ узника Меттерниха, но подтвержденіе ихъ такимъ правдивымъ свидѣтелемъ непріятно поразило его.

— Да, очень жаль его,—продолжалъ эрцгерцогъ:—у него есть сердце и въ жилахъ течетъ геройская кровь. Ахъ, еслибъ его даже теперь посадить на лошадь и послать въ свободную степь во главѣ эскадрона нашихъ уланъ, то онъ еще показалъ бы себя.

— Не лучше ли ему дать эскадронъ нашихъ драгунъ?—замѣтилъ Мармонъ съ прежней гордостью.

— Вы правы,—отвѣчалъ эрцгерцогъ:—это было бы лучше для него и для насъ.

VI.

Женская дипломатія.

Дальнѣйшимъ откровенностямъ двухъ маршаловъ положило конецъ появленіе канцлера. Онъ извинился передъ эрцгерцогомъ, что заставилъ его ждать, и свалилъ всю вину на императора, который его задержалъ. Съ маршаломъ Мармономъ онъ поздоровался, какъ съ старымъ пріятелемъ. Дѣйствительно, много разъ онъ посѣщалъ его въ Парижѣ и принималъ его въ своемъ вѣнскомъ домѣ. Онъ очень любилъ съ нимъ разговаривать и постоянно восторгался его блестящимъ умомъ, который, однако, нѣсколько измѣнился событіями послѣднихъ лѣтъ, наложившими мрачное пятно на бывшаго друга Наполеона.

Эрцгерцогъ по добротѣ душевной взялъ на себя высказать Меттерниху желаніе Мармона.

— Маршалъ желалъ бы, прежде чѣмъ совершенно сойти съ политической сцены, повидать сына его стараго друга.

Меттернихъ, несмотря на все свое дипломатическое искусство, не могъ скрыть, что слова эрцгерцога не были ему пріятны.

— Я думаю,—прибавилъ Мармонъ,—что излишне мнѣ обязываться не возстановлять молодого герцога противъ его дѣда? Я знаю, что онъ принадлежитъ всецѣло вашей странѣ, и если я желаю повидаться съ нимъ, то лишь по чувству нравственнаго долга, обязывающаго меня помириться съ тѣнью императора въ лицѣ его сына.

— Вы совершенно правы, и должно это сдѣлать,—произнесъ эрцгерцогъ съ чувствомъ.

— По счастью, маршалъ,—отвѣчалъ Меттернихъ:—мнѣ не придется докладывать о вашемъ желаніи императору, который могъ бы вамъ отказать. Его величество потребовалъ сегодня къ себѣ герцога Рейхштадтскаго и потомъ пришлетъ его сюда, такъ какъ мнѣ поручено ему сообщить кое-что. Такимъ образомъ вы можете видѣть его здѣсь въ моемъ присутствіи безъ всякаго разрѣшенія императора.

— Примите мою сердечную благодарность,—произнесъ Мармонъ.

— А я,—прибавилъ эрцгерцогъ,—воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы поцѣловать моего внучка.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Зиберъ и подалъ канцлеру записку, которую онъ прочелъ съ улыбкой.

Въ запискѣ княгиня Саріа увѣдомляла его о своемъ возвращеніи въ Вѣну и просила принять ее немедленно.

— Сейчасъ, сейчасъ,—сказалъ онъ и, обращаясь къ эрцгерцогу, прибавилъ:—позвольте мнѣ, ваше высочество, принять княгиню Саріа, которая находится въ родствѣ съ семьею Зичи. Это пре-

лестная женщина, и я хлопочу, чтобы снять секвестръ съ помѣстій ея мужа, который былъ запутанъ въ послѣдней венгерской исторіи, а затѣмъ умеръ.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣчалъ любезно эрцгерцогъ.

Спустя минуту, въ дверяхъ показалась княгиня Саріа, сіяющая красотой и въ изящномъ, модномъ костюмѣ.

— Здравствуйте, милая путешественница, — сказалъ Меттернихъ, встрѣчая ее и цѣлуя ей руку.—Его высочество и маршалъ Мармонъ сжалились надъ моимъ нетерпѣніемъ васъ увидѣть и дозволили мнѣ привѣтствовать васъ при нихъ.

Полина граціозно поклонилась маршалу и церемонно присѣла эрцгерцогу.

— Я очень благодарна его высочеству,—сказала она и, усѣвшись въ кресло, прибавила, пока оба маршала отошли въ сторону:— прежде всего, князь, скажите, правда, что вы женитесь на Меланіи Зичи?

— Правда.

— Я очень рада и за нее и за васъ. Значитъ, я не даромъ пріѣхала и перенесла столько непріятностей.

— А развѣ ваше путешествіе было непріятное?

— И не говорите. Мнѣ вздумалось проѣхать черезъ Швейцарію, и я насмотрѣлась столько ужасовъ. Мой экипажъ едва не опрокинулся разъ двадцать, и потомъ швейцарскіе трактирщики хуже разбойниковъ.

— Во всякомъ случаѣ вы благополучно доѣхали, и за это надо благодарить небо. А гдѣ вы остановились?

— Пока еще въ гостиницѣ. Успѣется найти помѣщеніе, когда я рѣшу совсѣмъ перебраться въ Вѣну.

— А развѣ этого еще не рѣшили?

— Это будетъ зависѣть отъ того, какъ поступитъ со мною правительство, и признаетъ ли оно себя виновнымъ.

— Въ чемъ? Вѣдь вашъ мужъ былъ заговорщикъ.

— Нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, его считали заговорщикомъ.

— И ошибались такъ же, какъ ошибались, удерживая меня три года въ Миланѣ. Вы знаете, полиція не только слѣдила за мною тамъ, но по выѣздѣ изъ Милана за мной устроили погоню, и если бы я не поѣхала черезъ Швейцарію, то до сихъ поръ находилась бы подъ надзоромъ полиціи.

Полина нарочно упомянула о полиціи, чтобы узнать, предупрежденъ ли былъ Меттернихъ объ ея пріѣздѣ съ двумя бѣлошвейками, и по незамѣтному движенію въ его лицѣ убѣдилась, что онъ кое-что зналъ. Дѣйствительно, какъ только она упомянула о своей поѣздкѣ черезъ Швейцарію, онъ тотчасъ вспомнилъ о полицейскихъ донесеніяхъ и дипломатической депешѣ, извѣщав-

шихъ о томъ, что двѣ женщины взяли на себя отвезти важныя бумаги герцогу Рейхштадтскому, выбравъ дорогу черезъ Швейцарію, чтобы избѣгнуть полицейскихъ преслѣдованій.

— Во всякомъ случаѣ,—произнесъ громко канцлеръ:—ваше дѣло, княгиня, благополучно окончилось. Я говорилъ съ императоромъ, и онъ согласенъ забыть прошедшее. Даю вамъ слово, что секвестръ съ помѣстій вашего мужа будетъ снятъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только васъ благодарить,— отвѣчала Полина.

— Мнѣ этого мало,—произнесъ канцлеръ:—и я попрошу у васъ совѣта.

— Полноте, какой я могу вамъ дать совѣтъ.

— Нѣтъ, увѣряю васъ, княгиня, я нахожусь въ большомъ затрудненіи, и только умная женщина, какъ вы, можете помочь мнѣ найти выходъ.

Полина внимательно посмотрѣла на стараго дипломата, чувствуя, что онъ разставляетъ ей сѣти.

— Вотъ видите, княгиня, въ чемъ дѣло: надо найти средство, чтобы узнать, что думаетъ молодой человѣкъ, жившій до сихъ поръ въ одиночествѣ, не тяготится ли онъ своимъ положеніемъ и не мечтаетъ ли выйти изъ него.

— Кто же этотъ молодой человѣкъ?—спросила княгиня.

— Вы сейчасъ это узнаете, но прежде скажите мнѣ, какъ изгнать изъ головы двадцатилѣтняго юноши желаніе приключеній и славы.

— Очень просто. Откройте птицѣ клѣтку, и она полетаетъ, полетаетъ, попробуетъ свои силы и вернется назадъ, такъ какъ она слишкомъ привыкла къ золоченной неволѣ, чтобы разстаться съ нею.

— Это средство слишкомъ опасно. Нѣтъ ли другого?

— Есть и другое. Впустите въ клѣтку другую птицу. Очутившись вдвоемъ, узникъ забудетъ свою неволю и броситъ всякую мысль о свободѣ.

Меттернихъ пристально смотрѣлъ на свою собесѣдницу и не замѣтилъ въ ней ни слѣда смущенія. Онъ рѣшительно ошибся и не имѣлъ никакого основанія принимать прелестную княгиню Саріа за искательницу приключеній.

— А какъ же найти подобающую птицу?—спросилъ онъ, продолжая начатый разговоръ.

— Вы находите пословъ, найдете и посланницъ.

— Это легко сказать, а сдѣлать трудно.

— Въ такомъ случаѣ положитесь на случайность. Иногда случай бываетъ умнѣе самого Меттерниха.

— А пока не явится такой случай, я не буду знать, что происходитъ въ бѣлокурой головѣ.

— А онъ бѣлокурый?

— Вотъ я и проговорился. Впрочемъ, все равно, вотъ и онъ самъ. Какъ по-вашему,—онъ измѣнился въ три года?

Въ эту минуту въ комнату вошелъ юноша, и княгиня Саріа промолвила:

— Герцогъ Рейхштадтскій! Да, онъ очень измѣнился.

Она невольно встала и такъ пристально, такъ внимательно осмотрѣла вошедшаго съ головы до ногъ, что ей самой показалось страннымъ подобное вниманіе со стороны обыкновенно равнодушной, скептической, свѣтской красавицы.

VII.

Его сынъ.

Герцогъ Рейхштадтскій вошелъ въ сопровожденіи своего наставника, графа Маврикія Дитрихштейна, и прямо подошелъ къ канцлеру, словно никого другого не было въ комнатѣ.

— Я только что былъ у дѣдушки, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ:—и онъ мнѣ сказалъ, что вы имѣете передать мнѣ его приказанія. Хотя я и пришелъ къ вамъ, но не лучше ли вамъ передать эти приказанія графу Маврикію. Онъ распоряжается въ Шенбрунѣ за отсутствіемъ императора, и ему, я полагаю, слѣдуетъ принимать и приказанія.

Въ эту минуту онъ замѣтилъ эрцгерцога, стоявшаго у окна съ Мармономъ, и, подойдя къ нему, произнесъ:

— Простите, дѣдушка, я васъ не замѣтилъ.

Пока старикъ его обнималъ, юноша шепотомъ прибавилъ:

— Я очень несчастенъ.

— Что съ тобой, Францъ? Кто тебя обидѣлъ?

— Молодой герцогъ слишкомъ увлекается,—сказалъ Меттернихъ, также приближаясь къ эрцгерцогу и юношѣ:—дѣло идетъ не о распоряженіяхъ по Шенбрунскому замку, а его величество приказалъ мнѣ напомнить вамъ, герцогъ, о томъ, что такой принцъ, какъ вы, обязанъ подчиняться этикету.

— Развѣ я нарушилъ обязанность, налагаемую на меня моимъ положеніемъ, господинъ канцлеръ?

— Нѣтъ, Боже избави, ваше высочество. Очень естественно любить кататься верхомъ и принимать вашихъ друзей, но дѣдушка желаетъ, чтобы вы впредь ничего не дѣлали безъ его разрѣшенія.

— Прошу васъ, князь, выразиться опредѣлительно.

— Напримѣръ, вы любите разговаривать съ графомъ Прокешъ-Остеномъ, и вы съ нимъ катались верхомъ, а вашему дѣдушкѣ угодно, чтобы вы впредь не бесѣдовали съ графомъ иначе, какъ въ присутствіи третьяго лица.

— Я слышалъ,—отвѣчалъ съ горечью герцогъ,—что моему другу Прокешу дано порученіе ѣхать въ Италію надолго. Значитъ, я его болѣе не увижу.

— Никто не говоритъ о томъ, чтобы ваше высочество его не видѣли, но...

— Я очень хорошо понимаю, чего хотятъ отъ меня, но не люблю наушниковъ. Въ моихъ словахъ нѣтъ ничего обиднаго, и если дѣдушка не желаетъ, чтобы я свободно говорилъ съ моими друзьями, то хорошо—я не буду съ ними видѣться.

— Императоръ еще боится,—продолжалъ Меттернихъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало:—что вы слишкомъ свободно ходите по Вѣнѣ, горцогъ, и ваша свита не знаетъ, куда вы направляетесь.

— Хорошо, понимаю. Выходя изъ дома, я буду всегда говорить, куда иду, чтобы можно было слѣдить за мной.

— Не слѣдить, ваше высочество, а охранять васъ.

— Хорошо, хорошо, я все понимаю... Не правда ли, я долженъ какъ можно больше оставаться въ томъ паркѣ, который служитъ мнѣ тюрьмой? Мнѣ слѣдуетъ не думать ни о чемъ, не надѣяться ни на что и даже не удивляться, что мнѣ перемѣнили имя. Хорошо, господинъ канцлеръ, я все понимаю.

Эрцгерцогъ насупилъ брови, а Полина подумала: «Бѣдный юноша!».

Но Меттернихъ оставался холоднымъ, непреклоннымъ, однако и онъ послѣ минутнаго молчанія измѣнилъ свой тонъ и произнесъ очень любезно:

— Теперь я кончилъ непріятное порученіе, данное мнѣ его величествомъ, и могу сообщить вамъ пріятную новость.

Герцогъ молча посмотрѣлъ на канцлера, и его голубые глаза ясно говорили: «мнѣ нечего ждать пріятнаго извѣстія отъ васъ».

— Его величество,—продолжалъ Меттернихъ:—желая доказать свою постоянную любовь къ вамъ, назначилъ васъ губернаторомъ Граца, командиромъ гренадерскаго полка и шефомъ драгунскаго полка, который будетъ называться Рейштадтскимъ.

— А когда мнѣ ѣхать въ Грацъ?—спросилъ недовѣрчиво юноша.

— Это только почетное назначеніе, и вамъ не надо покидать Шенбрунъ.

— Хорошо, и драгунскимъ полкомъ мнѣ не позволятъ командовать, а замѣнятъ его оловянными солдатиками?

— Нѣтъ, вѣроятно, вы будете командовать вашимъ полкомъ на парадахъ.

— А если будетъ война, то я поведу своихъ солдатъ на враговъ?

— Не волнуйтесь, ваше высочество, мы живемъ въ мирѣ со всѣми народами, и вамъ, вѣроятно, никогда не придется обнажить вашей сабли.

— Въ такомъ случаѣ,—произнесъ герцогъ,—зачѣмъ меня назначаютъ губернаторомъ въ такой городъ, куда я не могу ѣхать, и даютъ мнѣ такой полкъ, котораго я не могу вести на непріятеля?

Эрцгерцогъ Карлъ не могъ болѣе выдержать и, взявъ за плечо внука, сказалъ вполголоса:

— Успокойся, Францъ я все устрою.

Потомъ, онъ громко произнесъ:

— А ты знаешь, Францъ, какой тебѣ даютъ полкъ? Эти драгуны прежде назывались драгуны Латура, и подъ Ваграмомъ они дрогнули отъ атаки французской кавалеріи, но я бросился впередъ и крикнулъ имъ: «Развѣ вы не драгуны Латура?» Они отвѣчали: «да, да», и бросились съ такимъ пыломъ на гренадеровъ Удино, что они должны были отступить. Не правда ли, маршалъ Мармонъ?

Это имя Мармона, неожиданно произнесенное передъ сыномъ Наполеона, произвело потрясающее впечатлѣніе на узника Меттерниха.

— Мармонъ здѣсь!—воскликнулъ онъ.—Вы маршалъ Мармонъ!—воскликнулъ юноша, сверкая глазами. — Правда ли, что вы покинули моего отца?

— Что ты говоришь?—произнесъ эрцгерцогъ.

— Откуда онъ это знаетъ?—промолвилъ Меттернихъ.

— Браво, настоящій сынъ Наполеона!—произнесла громко Полина.

Тяжелое молчаніе водворилось въ комнатѣ. Мармонъ блѣдный, съ налившимися кровью глазами, хотѣлъ сказать, какъ всегда, въ свою защиту, что онъ любилъ Францію болѣе императора, но не могъ выговорить ни слова.

Самъ герцогъ Рейхштадтскій поспѣшилъ на его выручку.

— Можетъ быть, я ошибаюсь, маршалъ,—сказалъ онъ:—меня очень плохо учили исторіи, но я все-таки знаю, что вы до тѣхъ поръ храбро сражались въ Италіи, Испаніи, Австріи и даже во Франціи. Я знаю, что вы долго были вѣрнымъ товарищемъ отца, и потому все-таки съ удовольствіемъ пожму вамъ руку, до которой, вѣроятно, не разъ прикасался мой отецъ.

Мармонъ едва удержался отъ душившихъ его слезъ, и пока онъ дрожащими руками схватилъ протянутую ему руку, герцогъ прибавилъ вполголоса:

— Однако вы должны были очень страдать, покидая вашего стараго товарища.

Между тѣмъ Меттернихъ сдѣлалъ выговоръ Дитрихштейну за недостаточный надзоръ и приказалъ навести справку о томъ, кто могъ сообщить недозволенныя свѣдѣнія Шенбрунскому юношѣ.

Покончивъ съ Мармономъ, герцогъ спокойно сказалъ, обращаясь къ Меттерниху:

— Прошу васъ, передайте мою благодарность императору. Я съ удовольствіемъ надѣну мундиръ храбраго драгунскаго полка,

о которомъ такъ лестно отозвался мой дѣдъ, знающій въ этомъ толкъ, но я надѣюсь, что это новое назначеніе не заставитъ меня никогда воевать съ Франціей.

— Императоръ будетъ очень доволенъ узнать, ваше высочество,— отвѣчалъ канцлеръ,—что вы готовы исполнять всѣ его приказанія, и что онъ можетъ всегда разсчитывать на васъ, какъ на принца, преданнаго своему дому и своей странѣ.

— Еще бы!—произнесъ герцогъ, гордо поднимая голову:—онъ самъ мнѣ объяснилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ чемъ состоитъ мой долгъ. Я былъ тогда ребенкомъ и игралъ въ его кабинетѣ въ въ Шенбрунѣ. Неожиданно онъ положилъ мнѣ руку на голову и сказалъ: «Жаль, что ты не постарше, тогда тебѣ было бы достаточно появиться на Страсбургскомъ мосту, чтобы въ Парижѣ прекратилось царство Бурбоновъ». Дѣдушка никогда бы мнѣ этого не сказалъ, если бы не былъ убѣжденъ такъ же, какъ вы, что я преданъ своему долгу и своей странѣ.

— Хорошо сказано,—промолвилъ эрцгерцогъ.

Меттернихъ узналъ то, что ему было необходимо, и подумалъ:

— Мое предчувствіе меня не обмануло, надо дѣйствовать энергично.

Мармонъ трогательно распростился съ герцогомъ, высказалъ ему всю свою преданность и выразилъ надежду, что еще увидится съ нимъ. Меттернихъ проводилъ маршала до дверей, а герцогъ, смотря ему въ слѣдъ, промолвилъ:

— Онъ былъ на войнѣ съ отцемъ.

Неожиданно глаза его остановились на красивой, блестящей женщинѣ, присутствія которой онъ до сихъ поръ не замѣчалъ.

— Кто эта дама, дѣдушка?—спросилъ онъ вполголоса.—Она была здѣсь все время?

— Да, это княгиня Саріа.

Юноша подошелъ къ Полинѣ и произнесъ съ почтительнымъ поклономъ:

— Я долженъ просить у васъ извиненія, княгиня, что въ вашемъ присутствіи позволилъ себѣ непростительную выходку.

— Ваше высочество, бываютъ прекрасныя увлеченія, въ которыхъ нечего извиняться,—отвѣчала Полина.

Голосъ ея показался юношѣ звучнымъ, сладкимъ, а взглядъ ея добрымъ, сочувственнымъ.

— Вы находитесь въ дружескомъ отношеніи съ канцлеромъ?— спросилъ герцогъ, не понимая, какъ она очутилась въ кабинетѣ Меттерниха.

— Я возвратившаяся изгнанница,—отвѣчала съ улыбкой Полина:— и мой примѣръ доказываетъ, что можно возвратиться изъ изгнанія.

— Но для этого необходимо подчиниться.

— Нѣтъ, ваше высочество, надо только терпѣливо ждать. Минута справедливости рано или поздно настанетъ.

Герцогъ бросилъ на нее взглядъ, полный восхищенія и благодарности.

— Ну, Францъ, пойдемъ со мною,—сказалъ эрцгерцогъ Карлъ:—я провожу тебя до лѣстницы и тамъ отдамъ на попеченіе Дитрихштейну.

Молодой человѣкъ послѣдовалъ за своимъ дѣдомъ, но не слышалъ его словъ, и ему все мерещился симпатичный образъ красавицы.

Оставшись наединѣ съ Меттернихомъ, Полина сказала, искусно маскируя свое неожиданное смущеніе:

— Мы съ вами и забыли третье средство узнать, о чемъ мечтаетъ вашъ узникъ, именно спросить его объ этомъ.

— Такъ что же, вы полагаете, княгиня, мнѣ придпринять?—спросилъ канцлеръ.

— Ничего. Дайте ему свободу и окажите довѣріе, это благородная душа.

— А я все-таки думаю, что второе средство лучше,—хитро замѣтилъ канцлеръ и пристально посмотрѣлъ на молодую женщину.

— А я думаю, что оно теперь ни къ чему не приведетъ,—отвѣчала Полина,—но мнѣ пора князь навѣстить эрцгерцогиню Софію, которая такъ же, какъ вы, сохранила обо мнѣ добрую память.

— Эрцгерцогиня совершенно оправилась,—произнесъ Меттернихъ, провожая княгиню до дверей:—и послѣзавтра въ Шенбрунѣ назначены крестины ея маленькаго сына. Вы тамъ будете, княгиня?

— Постараюсь.

— Такъ до свиданія въ Шенбрунѣ.

— А какъ назовутъ новаго внука императора?

— Францемъ-Іосифомъ.

И Меттернихъ съ своей обычной любезностью поцѣловалъ на прощаніе руку у княгини Саріа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Смѣлая попытка.

I.

Приключенія полицейскаго агента.

Посадивъ Фабіо въ Миланскую тюрьму вечеромъ 26 іюня, Галлони сталъ обсуждать со всѣхъ сторонъ, какъ окончить блестящимъ образомъ начатое имъ дѣло, чтобы заслужить повышеніе. Ему невыносимо было прозябать въ мелкой должности, когда онъ чувствовалъ способность разыгрывать первую роль, хотя бы въ полиціи.

— Во что бы то ни стало, мнѣ нужно достать эти бумаги,—думалъ онъ:—а то снова прощай всѣ надежды, да еще, можетъ быть, я получу выговоръ за безпричинный арестъ Фабіо. Но развѣ можно сдѣлать яичницу, не разбивъ яицъ? Но какъ ловко провела меня эта княгиня! Куда она дѣла бумаги? Нѣтъ, я глупо сдѣлалъ, что послушалъ офицера и не продолжалъ обыска. Лучше я вернусь снова въ магазинъ, посмотрю, что тамъ дѣлается, а потомъ отправлюсь въ домъ княгини и устрою тамъ полицейскій надзоръ за всѣми ея дѣйствіями.

Спустя нѣсколько минутъ, онъ снова подошелъ къ магазину со своими сбирами, и только что поставленные на часы жандармы, которые смѣнили прежнихъ, удостовѣрили, что никто при нихъ не входилъ въ домъ и не выходилъ изъ него, а виднѣвшійся свѣтъ въ окнѣ надъ магазиномъ только что погасъ.

Галлони успокоился, такъ какъ онъ не зналъ, что въ домѣ никого не было, кромѣ продавщицы Элизы, и поспѣшно направился въ родовой домъ княгини Саріа, casa Sorati, въ улицѣ Санто-Андреа. Тамъ также все было благополучно. Свѣтъ мерцалъ въ нѣкоторыхъ окнахъ верхняго этажа, гдѣ, очевидно, жили слуги. Наконецъ, и тамъ онъ исчезъ, когда на городскихъ часахъ пробило полночь.

Прежде, чѣмъ итти спать, Галлони принялъ послѣднія двѣ мѣры предосторожности. Онъ поставилъ двухъ часовыхъ у дома княгини Саріа и, зайдя въ почтамтъ, предупредилъ дежурнаго чиновника, чтобы перехвачены были всѣ письма, адресованныя на имя этой аристократки и посылаемыя ею.

Каково же было его разочарованіе, когда на слѣдующее утро онъ увидѣлъ, что бѣлошвейки покинули свое жилище, и узналъ, что княгиня Саріа вмѣстѣ съ ними выѣхала рано утромъ на почтовыхъ по дорогѣ въ Комо; хотя одинъ изъ его сбировъ поскакалъ за ними, чтобы не выпустить изъ вида, но этого было недостаточно, и Галлони отправился въ домъ губернатора, такъ какъ онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что бѣглянки увезли съ собою драгоцѣнныя бумаги,

Было восемь часовъ утра, и лакей губернатора отказался разбудить его.

Галлони разсердился и предъявилъ свой бланкъ агента тайной полиціи.

— Ступайте къ начальнику полиціи, это дѣло его, а не губернатора.

— Я желаю видѣть губернатора по важному государственному дѣлу, и никто, кромѣ него, не можетъ принять необходимыхъ мѣръ въ этомъ случаѣ.

Послѣ долгихъ переговоровъ лакей смилостивился и доложилъ губернатору о приходѣ Галлони, но только въ 9 часовъ онъ добился аудіенціи, такъ долго вставалъ и одѣвался губернаторъ.

Когда сыщикъ подробно разсказалъ о всемъ случившемся наканунѣ и въ это утро, то губернаторъ промолвилъ съ улыбкой:

— Не можетъ быть, чтобы такая блестящая аристократка, какъ княгиня Саріа, имѣющая важныя связи въ Вѣнѣ, приняла участіе въ заговорѣ съ двумя бѣлошвейками и мелкимъ адвокатомъ.

— Если, ваше превосходительство, мнѣ не вѣрите, то не угодно ли вамъ допросить графа Бальди, который присутствовалъ при обыскѣ магазина «Золотыя ножницы».

Вмѣстѣ съ тѣмъ сыщикъ настоятельно требовалъ, чтобы ему былъ выданъ тотчасъ приказъ о принятіи необходимыхъ мѣръ противъ княгини Саріа и ея двухъ сообщницъ, обвиняемыхъ въ укрывательствѣ важныхъ государственныхъ бумагъ, и чтобы его лично тотчасъ отправили въ погоню за ними. Губернаторъ тѣмъ скорѣе на это согласился, что ему необходимо было переслать въ Вѣну секретныя письма не по государственному дѣлу, а по любовной интрижкѣ, и они достигли бы вѣрнѣе своего назначенія въ карманѣ Галлони, чѣмъ по почтѣ. Къ приказу о преслѣдованіи и арестѣ подозрительныхъ дамъ губернаторъ прибавилъ рекомендательное письмо къ начальнику вѣнской полиціи Зедельницкому.

— Ваше превосходительство, конечно, увѣдомите объ этомъ министра,—сказалъ Галлони, выходя изъ кабинета:—такъ какъ ваше донесеніе очиститъ мнѣ почву для дѣйствій въ Вѣнѣ.

Вернувшись къ своему туалету, губернаторъ промолвилъ вполголоса:

— Конечно, княгиня докажетъ всю глупость взведеннаго на нее обвиненія, и тѣмъ дѣло кончится.

Между тѣмъ Галлони не терялъ времени, но онъ не бросился въ погоню за экипажемъ княгини Саріа, который спокойно катился по дорогѣ въ Комо, а отправился прямо въ Вѣну по болѣе прямой почтовой дорогѣ черезъ Бресчію, Верону и Удине.

— Я прибуду въ Вѣну раньше ея,—думалъ онъ,—и если мнѣ тамъ окажутъ содѣйствіе, то я легко накрою княгиню, которая будетъ считаться вполнѣ безопасной и не приметъ мѣръ, чтобы скрыть драгоцѣнные документы.

Все случилось, какъ предвидѣлъ ловкій сыщикъ. Жандармъ догналъ княгиню Саріа на швейцарской границѣ, и хотя тамъ подвергли строгому разсмотрѣнію паспорты трехъ женщинъ, но они оказались въ порядкѣ, и пришлось ихъ пропустить, а, однажды очутившись въ Швейцаріи, онѣ уже были внѣ когтей австрійской полиціи.

Что касается до Галлони, то онъ не спѣша достигъ Вѣны иной дорогой и явился туда ровно во время.

II.

Отель «Лебедь».

Первымъ дѣломъ Галлони по прибытіи въ Вѣну было доставить секретныя письма миланскаго губернатора, а затѣмъ онъ отправился къ начальнику полиціи и выправилъ себѣ разрѣшеніе содѣйствовать столичной полиціи въ разысканіи заговорщиковъ, по дѣлу врученія герцогу Рейхштадтскому важныхъ документовъ. Наконецъ онъ помѣстился въ маленькой гистиницѣ у городскихъ воротъ, выходившихъ на дорогу, которая вела изъ Тироля и Швейцаріи.

На третій день онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ дорожный экипажъ, въ которомъ спокойно сидѣли его бѣглянки. Онъ послѣдовалъ за ними и убѣдился, что онѣ поселились на нѣкоторое время въ отелѣ «Лебедь» въ Карентійской улицѣ.

Вечеромъ въ тотъ же день графъ Зедельницкій въ сопровожденіи Галлони, который доложилъ ему подробно обо всемъ, посѣтилъ отель «Лебедь» и даже номеръ, занятый княгиней Саріа, пока ея не было дома. Испуганный хозяинъ отеля подробно отвѣчалъ на всѣ вопросы графа.

— Давно ли живетъ здѣсь княгиня?

— Съ сегодняшняго утра. Можетъ быть, ваше превосходительство, мнѣ не слѣдовало принимать ее? Если вы прикажете, то я тотчасъ ей откажу.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ графъ, пожимая плечами:—княгиня почтенная дама и имѣетъ большія связи при дворѣ.

— Я такъ и думалъ; это очень приличная особа. Ее сопровождаютъ двѣ женщины, которыя значатся по паспорту бѣлошвейками. Онѣ заняли скромную комнату подъ номеромъ княгини.

— Вы ихъ знаете, онѣ когда нибудь останавливались въ отелѣ?

— Нѣтъ. Прикажете ихъ удалить?

— Ни ихъ и никого другого.

— Есть еще у васъ новые путешественники?

— Только одинъ журналистъ изъ Парижа, которому тайный совѣтникъ Фридрихъ Генцъ только что прислалъ кучу карточекъ для осмотра вѣнскихъ музеевъ.

— Что же, княгини цѣлый день не было дома?

— Она уѣзжала утромъ во дворецъ, какъ мнѣ сказалъ кучеръ, затѣмъ она вернулась и обѣдала одна въ часъ. Въ три часа она поѣхала къ эрцгерцогинѣ Софіи, какъ мнѣ сообщилъ швейцаръ; теперь ее ждутъ съ минуты на минуту, а вечеромъ она собирается опять выѣхать.

— Поздравляю, вы все знаете о своихъ жильцахъ, значитъ вашъ отель прекрасно организованъ. Прошу васъ передавать моему уполномоченному всѣ письма и пакеты, которые будутъ получаться или отправляться вашими жильцами. Вы поняли меня?

— Понялъ, ваше превосходительство, ваше приказаніе относится и до княгини Саріа?

— Да, лучше не дѣлать исключенія ни для кого. Если же княгиня узнаетъ, что мы были въ ея комнатахъ, то скажите, что мы путешественники и желаемъ занять ея номеръ, когда она его очиститъ.

Съ этимъ словомъ графъ отпустилъ трактирщика и, оставшись наединѣ съ Галлони, спросилъ его:

— Вы осмотрѣли мѣстность?

— Конечно. Вотъ здѣсь рядомъ спальня; она выходитъ въ гардеробную, которая соединяется дверью съ задней лѣстницей, а въ гостиную прямо входятъ съ парадной лѣстницы. Вотъ и все.

— Такъ не угодно ли вамъ покуда только слѣдить за всѣми шагами этихъ лицъ. Хотя ваши первыя дѣйствія въ этомъ дѣлѣ были неудачными, но вы потомъ доказали свою ловкость, отыскавъ здѣсь вашихъ бѣглянокъ, но помните, что Вѣна не Миланъ, и вѣнцы не миланцы. Хотя вы не принадлежите къ здѣшней полиціи, но я дозволю вамъ окончить это дѣло. Только смотрите, оправдайте рекомендацію миланскаго губернатора, главное будьте осторожны и не торопитесь.

— Да мнѣ теперь и дѣлать нечего, ваше превосходительство, документы должны еще находиться въ карманѣ княгини, и я подожду, пока она опорожнитъ свои карманы.

— И пока я вамъ разрѣшу дѣйствовать,—прибавилъ графъ.

Галлони кивнулъ головой, но этотъ безмолвный знакъ могъ означать одинаково и «слушаюсь» и «какъ бы не такъ».

— Княгиня Саріа вернулась, и если ваше превосходительство желаете, то можете съ нею познакомиться,—произнесъ хозяинъ отеля, пріотворяя дверь.

— Я нисколько этого не желаю,—отвѣчалъ графъ Зедельницкій.

— А я тѣмъ болѣе, такъ какъ она меня знаетъ,—прибавилъ Галлони.

— Идите на встрѣчу вашей жиличкѣ, а мы удалимся заднимъ ходомъ. Вотъ глупая исторія! Но, Галлони, воспользуйтесь этимъ, чтобы осмотрѣть всѣ входы и выходы.

Въ ту самую минуту, какъ они исчезли по задней лѣстницѣ, парадная дверь отворилась, и Полина вошла въ номеръ въ сопровожденіи горничной.

— Извините, ваше сіятельство, что я позволилъ себѣ войти въ ваши апартаменты,—сказалъ хозяинъ отеля, низко кланяясь,—но я хотѣлъ убѣдиться, все ли въ порядкѣ, и къ тому же я долженъ былъ показать ихъ двумъ путешественникамъ, которые хотятъ снять ихъ, когда вы покинете отель, что, я надѣюсь, будетъ не скоро.

Слушая его, Полина поправляла себѣ прическу у зеркала, но случайно она взглянула въ окно и вздрогнула. По улицѣ быстро шли два человѣка, и одинъ изъ нихъ украдкою смотрѣлъ на ея окно. Въ его блѣдномъ, рѣшительномъ и вселяющемъ отвращеніе лицѣ она узнала миланскаго сыщика.

— Это ваши новые жильцы,—сказала она, указывая на быстро удалявшіяся фигуры.—Нечего сказать, хорошіе у васъ кліенты.

— Я, право, не вижу такъ далеко,—сказалъ хозяинъ отеля въ большомъ смущеніи.

— Я надѣюсь, что вы дали имъ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, какія они желали. Я нимало не хочу ссорить васъ съ полиціей.

— Что же дѣлать, несчастные хозяева отелей подвергнуты постоянному полицейскому надзору.

— Пожалуйста, не дѣлайте исключенія для меня. Докладывайте полиціи о всѣхъ лицахъ, которыя будутъ меня посѣщать, даже показывайте мои письма.

— Какъ, ваше сіятельство, вы позволяете?—воскликнулъ съ удивленіемъ хозяинъ.

— Да, конечно, въ наше время надо подчиняться подобнымъ непріятностямъ, въ особенности, когда нечего бояться. Ну, до свиданія, прошу васъ, прикажите сказать, чтобы дѣвицы Лоливъ зашли ко мнѣ, когда окончатъ свою работу.

Оставшись одна, Полина стала серіозно обдумывать свое положеніе. Очевидно, Галлони не считалъ себя побѣжденнымъ, прослѣдилъ ихъ до Вѣны, увѣдомилъ полицію объ ихъ прибытіи и окружилъ хитрою сѣтью бѣдныхъ женщинъ, которыя надѣялись, что избѣгли его когтей. Но неужели Меттернихъ велъ двойную игру

и съ одной стороны принималъ ее любезно, а съ другой подвергалъ унизительному полицейскому надзору. Что ей дѣлать? Она хотѣла повести снова веселую свѣтскую жизнь, а обстоятельства ее наталкивали на участіе въ политическомъ заговорѣ. Конечно, въ пользу такого интереснаго и симпатичнаго юноши, какимъ ей показался неожиданно герцогъ Рейхштадтскій, можно было дѣйствовать съ удовольствіемъ. Но что она могла сдѣлать? Она была вполнѣ безпомощна, и потому рѣшилась остаться въ сторонѣ, не обращая вниманія на полицейскія непріятности, тѣмъ болѣе, что ей никто не поручалъ исправлять ошибокъ исторіи.

— А жаль,—промолвила она мысленно, вспомнивъ о красивой фигурѣ молодого человѣка, объ его благородной выходкѣ относительно Мармона и въ особенности о нѣжномъ, сочувственномъ взглядѣ, брошенномъ на нее.

III.

Планъ дѣйствія.

— Княгиня, должно быть, получила дурныя извѣстія,—сказала Шарлотта своей теткѣ, входя въ гостиную:—посмотрите, какъ она грустна.

— Не бойтесь, не случилось никакого несчастія,—отвѣчала Полина, услыхавъ слова молодой дѣвушки, хотя они и были сказаны вполголоса:—напротивъ я нашла старыхъ и новыхъ друзей, такъ что стоитъ намъ только сказать слово, и наше дѣло въ шляпѣ.

— Неужели?—воскликнула Шарлотта, просіявъ.

— Но я еще не упомянула о нашемъ дѣлѣ никому. Оказывается, что наши миланскіе друзья прекрасно выбрали минуту для дѣйствія, хотя сами этого не подозрѣвали. Парижская революція даетъ всѣ шансы на успѣхъ сыну Наполеона.

— Бѣдный юноша!

— Я видѣла его,—воскликнула Полина, обрадовавшись случаю поговорить о молодомъ человѣкѣ, который произвелъ на нее глубокое впечатлѣніе:—какъ онъ перемѣнился! Три года тому назадъ онъ былъ блѣднымъ, грустнымъ ребенкомъ, сгорбленнымъ подъ бременемъ несчастья, а теперь онъ сталъ прекраснымъ, благороднымъ, смѣлымъ, мыслящимъ юношей. А глаза у него свѣтлые, открытые, добрые.

— Помните, тетя, и Фабіо говорилъ то же.

— Люди, окружающіе его, начинаютъ понимать принца,—продолжала Полина:—они боятся его. Я пристально смотрѣла на Меттерниха, пока герцогъ Рейхштадтскій говорилъ, и ясно было, что онъ въ молодомъ австрійскомъ офицерѣ видѣлъ неожиданно воскресшій образъ его великаго отца. Хитрый дипломатъ словно

слышалъ голосъ умершаго колосса, и какъ будто передъ нимъ воскресали кровавые годы его борьбы съ императоромъ. Это была поразительная, чудная сцена.

— Я понимаю, почему вы не могли еще сказать ни слова о Миланскомъ дѣлѣ,—замѣтила Шарлотта.

— Я не говорила о немъ, но оно извѣстно Меттерниху. Онъ знаетъ, что мы пріѣхали втроемъ, и, быть можетъ, подозрѣваетъ, что въ нашихъ рукахъ драгоцѣнные документы. Но не безпокойтесь, все уладится.

— Простите, княгиня,—произнесла тетка молодой дѣвушки:—не лучше ли намъ уничтожить эти бумаги?

Шарлотта всплеснула руками отъ удивленія и гнѣва.

— Зачѣмъ ихъ уничтожать?—спросила Полина.

— Мы хотимъ просить помилованія человѣка, который долженъ былъ привезти сюда эти бумаги, а сами хотимъ обмануть лицъ, у которыхъ просимъ милости. Это не хорошо.

— Нѣтъ, тетя. Мы не имѣемъ права уничтожить бумагъ, которыя намъ поручилъ Фабіо. Онъ слишкомъ дорого платитъ за ихъ сохраненіе.

— Вы правы, дитя мое,—замѣтила Полина.

— Однако надо выбирать одно изъ двухъ: или освободить изъ тюрьмы твоего жениха и сжечь бумаги, или сохранить бумаги и не просить о помилованіи Фабіо.

— Вы хотите, чтобы ваша племянница обезчестила своего жениха и добилась его освобожденія цѣною предательства.

— Нѣтъ, но я боюсь, что мы поступимъ неблагородно, если не уничтожимъ бумагъ. Простите, княгиня; я знаю, съ какимъ мужествомъ и съ какой добротой вы оказали намъ помощь въ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Я вамъ за это очень благодарна, тѣмъ болѣе, что вы компрометировали себя безъ всякой причины. Но я не хочу, чтобы вы ради насъ совершили неблагородный поступокъ.

— Подумаемъ хорошенько и рѣшимъ, что мы должны сдѣлать по совѣсти,—отвѣчала съ улыбкой Полина и протянула руку доброй старухѣ.

— Я полагаю,—воскликнула Шарлотта:—что прежде, чѣмъ рѣшать судьбу пакета съ бумагами, надо посмотрѣть, что въ нихъ находится.

— Вы совершенно правы, Шарлотта, и если эти бумаги окажутся пустыми, то мы ихъ тотчасъ уничтожимъ, не правда ли, наша ходячая совѣсть?—прибавила княгиня, обращаясь къ теткѣ молодой дѣвушки.

— Я не вижу, къ чему поведетъ это пустое любопытство,—отвѣчала старуха:—а если бумаги окажутся важными, то что мы сдѣлаемъ?

— Увидимъ, а что я не любопытна, то сейчасъ вамъ докажу,

тетя. Вы обѣ откроете пакетъ, а я выйду въ сосѣднюю комнату и буду караулить, чтобы насъ никто не подсмотрѣлъ.

— Хорошо, Шарлотта.

Молодая дѣвушка быстро выбѣжала изъ двери и старательно затворила ее за собою.

— Я распечатаю конвертъ,—сказала Полина, вынимая его изъ своего кармана и показывая, что сургучъ остался неприкосновеннымъ:—мы прочитаемъ бумаги, а затѣмъ вы сами, г-жа Loливъ, рѣшите, что съ ними дѣлать.

Въ пакетѣ оказалось восемь свернутыхъ бумагъ, Полина прежде всего развернула четыре письма.

— Всѣ они адресованы,—сказала Полина:—«его императорскому высочеству принцу Наполеону-Франциску-Бонапарту, герцогу Рейхштадтскому», а подписано одно «Іосифомъ», другое «Іеронимомъ», третье «Ашилемъ Мюратомъ», а четвертое «Луи-Наполеономъ Бонапартомъ».

— Ватага нищихъ!—промолвила старуха съ инстинктивной ненавистью парижской буржуазіи къ семьѣ императора.

— Вы правы, за исключеніемъ перваго, который очень богатъ.

— Пятый и шестой листъ подлинники и копіи списка подставъ, устроенныхъ на дорогѣ изъ Вѣны въ Страсбургъ. Это самый далекій путь во Францію, а потому наименѣе подозрительный. Въ этой бумагѣ встрѣчаются имена почтовыхъ смотрителей, помѣщиковъ и даже простыхъ поселянъ, которые обязались приготовить лошадей. И какъ основательно, съ какою любовью составленъ этотъ списокъ. Въ немъ помѣчены не только всѣ повороты дорогъ и тропинки, но даже указаны города, которыхъ надо избѣгать. Сколько преданности и терпѣнія заключается въ этой сухой номенклатурѣ. Просто удивительно.

— Это правда,—печально промолвила старая дѣва.

— Вотъ еще списокъ лицъ, живущихъ въ Вѣнѣ и ея окрестностяхъ, на помощь которыхъ можно разсчитывать: Жозефъ Мунцъ, управляющій барона Абенауса въ Гитцингѣ, близъ Шенбруна Карло Грепи, стекольщикъ, близъ Бельведера, ботаникъ Велэ... и еще десять другихъ. Вотъ и послѣдняя бумага, прочтите ее сами.

Г-жа Лоливъ взяла бумагу изъ рукъ княгини и прочла инструкцію, данную Фабіо тайнымъ обществомъ, къ которому онъ принадлежалъ:

«Братъ, выбранный для совершенія этого подвига, передастъ означенныя бумаги Францу Шулеру, садовнику Шенбрунскаго парка. Онъ поступитъ такъ, чтобы никто не видѣлъ его свиданія съ этимъ человѣкомъ. Францъ Шулеръ, если и знаетъ объ этомъ предпріятіи, то не поощрялъ его. Онъ любитъ сына своего стараго вождя, но никогда не составлялъ заговора для его освобожденія. Однако мы знаемъ, что онъ охотно пожертвуетъ своей жизнью

для спасенія герцога Рейхштадтскаго изъ рукъ его палачей, чему посвятила всѣ свои усилія группа преданныхъ молодыхъ людей. О, вы, въ чьихъ рукахъ находятся эти документы, помните, что вы клялись ихъ сохранить какой бы то ни было цѣной, ваша жизнь, свобода, безопасность—ничто. Жертвуйте всѣмъ для святого дѣла освобожденія народовъ. Повинуйтесь».

Наступило молчаніе, которое было нарушено, спустя нѣсколько минутъ, Полиной.

— Значитъ,—произнесла она,—мѣсяцами и годами многіе люди посвящали свою жизнь на то, чтобы вырвать изъ когтей злой судьбы благороднаго юношу, котораго держатъ во имя государственныхъ видовъ въ тюрьмѣ, физической и нравственной. Имъ удалось составить необыкновенную нить самопожертвованій, а мы, эгоистки, хотимъ для своего спокойствія уничтожить плодъ очень долгаго, энергичнаго труда.

Старая дѣва еще не успѣла отвѣтить, какъ въ комнату вбѣжала Шарлотта.

— Все въ домѣ тихо. Скажите, что вы нашли въ пакетѣ такого страшнаго? Вы обѣ совершенно измѣнились.

— Ваша тетка огорчена тѣмъ, что мы не можемъ уничтожить этихъ бумагъ,—замѣтила Полина.

— Я очень рада,—воскликнула Шарлотта.

— Какъ рада?—произнесла старая дѣва,—да вѣдь если эти бумаги могучее орудіе, то мы не можемъ хлопотать о помилованіи Фабіо.

— Я это подозрѣвала. Я долго думала и пришла къ заключенію, что мы должны думать прежде всего объ его долгѣ. И какая ему радость будетъ даже въ тюрьмѣ узнать, что цѣль, къ которой онъ стремился, достигнута его невѣстой!

— Какъ? Ты хочешь?

— Я ничего не могу сдѣлать. Но мы найдемъ добрую фею и благородную душу, которая намъ поможетъ.

И она съ мольбою устремила свои глаза на Полину.

— Шарлотта, ты бредишь,—воскликнула ея тетка.

— Нѣтъ, — продолжала молодая дѣвушка чарующимъ тономъ сирены,—я не могу разбудить спящаго принца въ заколдованномъ замкѣ, но есть возвышенныя сердца, которыхъ привлекаетъ опасность. Если такая душа, оставшись доброй среди злыхъ, жестокихъ чудовищъ, и пожертвовала свѣтской, веселой жизнью, чтобъ оказать помощь двумъ несчастнымъ существамъ, то она не можетъ остановиться на полпути...

— Подумай, что ты говоришь?—перебила ее тетка:—ты хочешь, чтобы княгиня погубила себя ради насъ! Ты...

Полина подняла руку, безмолвно прося тетку не прерывать вдохновенной рѣчи молодой дѣвушки.

— Освободить несчастнаго узника изъ рукъ тюремщиковъ,— продолжала Шарлотта,—это святое дѣло, и оно должно совершиться. Если бумаги, могущія содѣйствовать бѣгству славнаго, симпатичнаго юноши, попали въ руки княгини Саріа, то неужели она ими не воспользуется?

— Полно, полно, Шарлотта,— начала ея тетка, но Полина ее перебила:

— Я горжусь тѣмъ, что Шарлотта поняла меня. Но, дитя мое, поговоримъ серіозно. Ты совѣтуешь мнѣ обмануть людей, которые меня вызвали изъ изгнанія и предлагаютъ возвратить все, что у меня отнято. Положимъ, это не бѣда; я слишкомъ долго ждала ихъ милости и даже теперь не очень вѣрю имъ. Ты совѣтуешь мнѣ принять участіе въ политической революціи?

— Конечно,—подтвердила старая дѣва.

— Ты совѣтуешь мнѣ отдать герцогу Рейхштадтскому эти бумаги и устроить его бѣгство, съ цѣлью возвратить ему императорскій престолъ, но вѣдь ты мнѣ предлагаешь государственное преступленіе?

— Конечно,—повторила тетка.

— А если я потерплю пораженіе въ моемъ смѣломъ предпріятіи, то я подвергнусь новому изгнанію и лишусь навсегда отнятыхъ у меня помѣстій.

Она вдругъ покраснѣла и послѣ минутнаго молчанія продолжала:

— Нѣтъ, я этого не сказала. Я не равняла доброе дѣло съ презрѣннымъ металломъ. Княгиня Саріа на это не способна.

— Но, княгиня, надо знать, стоитъ ли герцогъ Рейхштадтскій такого самопожертвованія,—промолвила Шарлотта.

— Онъ стоитъ ли?.. Нѣтъ, я болѣе колебаться не могу. Въ сущности, колебалась ли я? Я готова была съ первой минуты совершить преступленіе, которое ты мнѣ совѣтовала, Шарлотта! Что же касается до венгерскихъ помѣстій, то пусть ими пользуется, кто хочетъ! Я видѣла горе въ глазахъ двадцатилѣтняго юноши и рѣшила, чтобъ эти глаза засвѣтились радостью.

— О княгиня, княгиня! — воскликнула молодая дѣвушка, бросаясь передъ нею на колѣни.

— Ну, видно безумье прилипчиво,—произнесла старая дѣва,— и когда мои миланскіе сосѣди спросятъ, куда дѣвалась хозяйка закрытаго магазина «Золотыя ножницы», то имъ отвѣтятъ: «сумасшедшая старуха отправилась въ Вѣну, чтобы принять участіе въ государственномъ заговорѣ».

— Не безпокойтесь, — отвѣчала Полина, подходя къ старухѣ и крѣпко пожимая ей руку: — вы обѣ вернетесь въ вашъ магазинъ, и Шарлотта выйдетъ замужъ за своего жениха. Моей первой заботой будетъ обезпечить безопасность васъ обѣихъ и Фабіо, а если я погибну въ своей смѣлой попыткѣ, то никто отъ этого не пострадаетъ.

Шарлотта хотѣла протестовать, но княгиня зажала ей рукою ротъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — продолжала она, — это единственное условіе, которое я ставлю. Никто не долженъ участвовать въ заговорѣ, кромѣ меня. Въ сущности, тутъ нѣтъ и заговора. Просто надо передать кому слѣдуетъ важныя бумаги. Это было поручено сдѣлать Фабіо, но онъ не можетъ исполнить даннаго ему порученія; вотъ и все. Но довольно болтать, пора и дѣйствовать. Прежде всего возьмите, Шарлотта, вонъ въ этомъ столѣ два конверта. Въ одинъ я положу письма членовъ бонапартовской семьи, а въ другой маршрутъ бѣгства и списокъ лицъ, могущихъ ему содѣйствовать. Что же касается до инструкціи Фабіо, то я еще разъ прочитаю ее и уничтожу.

Исполнивъ свое намѣреніе и разложивъ документы по конвертамъ, княгиня ихъ запечатала и произнесла съ торжествующей улыбкой:

— Ну, теперь все кончено. Мое оружіе готово, и багажъ распредѣленъ. Я слышала отъ офицеровъ, что наканунѣ большой битвы всегда дѣлятъ багажъ на двѣ части: съ одной разстаются при первой необходимости для облегченія бѣгства, а вторую отдаютъ только вмѣстѣ съ жизнью. Я поступила также и теперь готова для битвы. На ночь я отдамъ оба конверта въ вѣрныя руки, а завтра начну дѣйствовать.

— Такъ скоро!—воскликнула старая дѣва.

— Да,—отвѣчала Полина:—спящій принцъ проснулся.

Возвращаясь къ себѣ въ комнату, Шарлотта сказала теткѣ:

— Вы замѣтили, какъ счастлива княгиня? Я увѣрена, что она любитъ юнаго герцога.

IV.

Тайна Полины.

Дѣйствительно ли она любила его? Неужели она, двадцатитрехлѣтняя гордая аристократка, царица свѣтскихъ гостиныхъ, во всемъ блескѣ своей красоты влюбилась съ перваго взгляда въ тщедушнаго, хотя и прелестнаго юношу?

Она даже не задавала себѣ этого вопроса. Отправившись изъ Милана въ Вѣну по дѣлу о возвратѣ своихъ помѣстій, она вовсе не думала о герцогѣ Рейхштадтскомъ, хотя случайно приняла участіе въ дѣлѣ объ арестѣ Фабіо. Она думала, какъ всѣ представители вѣнскаго общества, что герцогъ Рейхштадтскій былъ глупымъ, неразвитымъ юношей, который самъ соглашался быть узникомъ ловкаго, коварнаго министра. Но когда она увидѣла собственными глазами этого бѣднаго, спящаго принца и поняла, что онъ всѣмъ сердцемъ желалъ проснуться и вырваться на свободу изъ когтей безжалостныхъ тюремщиковъ, то ея женскому инстинкту стало

ясно, какая ужасная комедія разыгрывалась надъ головой бѣлокураго юноши. Въ ея ушахъ еще звучали коварныя слова Меттерниха, хотѣвшаго сдѣлать изъ ея красоты новыя узы для несчастнаго плѣнника. А вмѣстѣ съ тѣмъ передъ ея глазами возставалъ образъ этого юноши, который однимъ словомъ пригвоздилъ къ столбу безчестія маршала, измѣнившаго его отцу, и потомъ по добротѣ душевной старался найти оправданіе этой измѣнѣ. Вся его фигура, цвѣтъ его лица, взглядъ и улыбка на вѣки запечатлѣлись въ ея сердцѣ.

Во всемъ существѣ Полины произошла коренная перемѣна; она думала теперь только о бѣдномъ юношѣ, о томъ, какъ бы освѣтить его блѣдное, печальное лицо блескомъ радости. Убѣдившись изъ случайно попавшихъ въ ея руки бумагъ, что она можетъ быть ему полезной, можетъ доставить ему свободу и то счастіе, о которомъ онъ мечталъ, она рѣшила посвятить себя всецѣло этому великодушному дѣлу.

О томъ же, дѣйствительно ли она полюбила бѣлокураго юношу, Полина себя и не спрашивала. Она даже объ этомъ и не думала. Она только поддалась влеченію своего сердца ко всему прекрасному, несчастному, страждущему. Смѣлая попытка освободить узника Меттерниха улыбалась ей, и она поставила все на карту, чтобы выиграть неравную игру съ властелиномъ Европы.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Два соперника.

I.

Францъ I и Францъ II.

Императоръ германскій Францъ II не могъ простить Наполеону даже девять лѣтъ послѣ его смерти, что онъ заставилъ его измѣнить свой титулъ и называться австрійскимъ императоромъ Францемъ I. Можно помириться съ Аустерлицемъ, можно найти оправданіе Ваграму; эти непріятныя вспышки генія не мѣшали отдать замужъ свою дочь побѣдителю, который достаточно былъ безуменъ, чтобы этого пожелать, но нельзя забыть перемѣны титула, превращенія цифры царствованія изъ одной въ другую. Этого до сихъ поръ не могъ переварить отецъ Маріи-Луизы, герцогини Пармской и вдовы Ней-

перга. Изо всѣхъ несчастій, которыя обрушились во время его царствованія на Габсбургскую имперію, это одно продолжало щемить его сердце, тѣмъ болѣе, что ловкій Меттернихъ не могъ загладить этого несчастія.

Францъ I отомстилъ ненавистному побѣдителю въ союзѣ со всѣми его врагами, погубилъ зятя; онъ эскамотировалъ его сына и покрылъ своимъ родительскимъ благословеніемъ развратное поведеніе бывшей французской императрицы. Но, несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ возвратить себѣ потеряннаго титула, и отъ этого горя онъ не могъ утѣшиться.

На слѣдующее утро послѣ описаннаго дня онъ ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету въ вѣнскомъ дворцѣ и обдумывалъ все одинъ и тотъ же вопросъ, постоянно тревожившій его: «Какъ сдѣлаться не только фактически, благодаря таланту Меттерниха, но и по праву германскимъ императоромъ?» Въ сущности, этотъ вопросъ сводился къ тому, какъ Францу I сдѣлаться Францемъ II, т.-е. какъ наслѣдовать самому себѣ.

Это былъ шестидесятилѣтній старикъ высокаго роста; его осанка не была лишена благороднаго достоинства, а въ лицѣ виднѣлся слѣдъ благодушія. Его маленькая голова очевидно не могла вмѣстить въ себѣ великихъ мыслей, и по этой или по другой причинѣ онъ любилъ простоту. Онъ всегда скромно одѣвался и предпочиталъ, подобно Іосифу II, статскую одежду.

Когда въ это утро императору доложили о приходѣ князя Меттерниха, то онъ встрѣтилъ его очень любезно, но съ повелительнымъ оттѣнкомъ, такъ какъ хитрый дипломатъ всегда тѣшилъ старика маской повиновенія. Онъ постоянно называлъ его повелителемъ и обставлялъ свои доклады такъ, что, казалось, распоряженія исходили отъ высочайшей власти.

— Ну, любезный князь,—сказалъ императоръ:—вы, вѣроятно, снова принесли мнѣ извѣстіе о какой нибудь безумной, революціонной вспышкѣ, и снова намъ придется принимать энергичныя мѣры для охраны истинныхъ принциповъ государственнаго права?

— Нѣтъ, ваше величество, я на этотъ разъ желаю поговорить съ вами объ его высочествѣ герцогѣ Рейхштадтскомъ.

— Въ такомъ случаѣ,—перебилъ его императоръ,—я долженъ вамъ сообщить, что моя любезная дочь, эрцгерцогиня, направляясь изъ Пармы въ Ишль на воды, остановилась въ Баденѣ на 24 часа, и я дозволилъ ея сыну посѣтить свою мать. Онъ теперь, должно быть, скачетъ верхомъ по Медлингской дорогѣ, въ сопровожденіи графа Маврикія Дитрихштейна. Это не противорѣчитъ вашимъ намѣреніямъ?

— Нисколько; ваше величество поступаете всегда прекрасно, и мой долгъ сообразовать мои дѣйствія съ вашими намѣреніями. Я именно желалъ предложить вамъ ускорить эмансипацію молодого герцога: съ одной стороны, составить ему военную свиту, а съ

другой, разрѣшить ему пріобрѣтеніе для своей библіотеки книгъ, которыя его интересуютъ.

— Прекрасно, любезный князь; значитъ, вы совершенно довольны Францемъ. Значитъ, онъ наконецъ пересталъ быть мечтателемъ, въ чемъ вы его постоянно упрекали.

— Напротивъ, ваше величество, онъ достигъ такого возраста, когда молодые люди легко предаются мечтамъ, надеждамъ и сожалѣніямъ. Вотъ, думая о немъ, я вспомнилъ, что иногда лучшій способъ укротить рьянаго молодого жеребца—отпустить поводья. Я и хочу попробовать примѣнить эту систему къ юному герцогу.

— Что же, вы хотите укрощать моего внука?—сказалъ со смѣхомъ императоръ.

— Не укрощать, а развивать, ваше величество,—отвѣчалъ серіозно канцлеръ.

— Я очень радъ, что вамъ пришла въ голову эта мысль. Я также думалъ, что пора вступить моему внуку на дѣйствительную военную службу. Кого же вы думаете назначить ему въ свиту?

— Я полагаю, что генералъ Гартманъ былъ бы тутъ на своемъ мѣстѣ: это человѣкъ надежный и знающій.

— Гартманъ? Прекрасно,—отвѣчалъ императоръ.

— Вмѣстѣ съ нимъ можно назначить двухъ или трехъ офицеровъ изъ числа достойныхъ и политически не опасныхъ молодыхъ людей.

— Конечно, любезный князь, но не полагаете ли вы остановить свой выборъ, между прочимъ, на подполковникѣ Прокешѣ? Повидимому, Францъ его очень любитъ.

— Я просилъ бы ваше величество,—произнесъ Меттернихъ съ знаменательной гримасой:—не поддаваться въ этомъ дѣлѣ личнымъ чувствамъ. Необходимо окружить юнаго герцога не товарищами, пріятными для него, а адъютантами, на которыхъ мы можемъ разсчитывать. Къ тому же Прокешъ мнѣ нуженъ по дипломатической части. Я уже говорилъ вашему величеству, что посылаю его въ Неаполь, и вамъ угодно было на это согласиться.

— Конечно, конечно, дѣлайте, какъ хотите, любезный другъ.

Сопротивленіе императора волѣ своего могущественнаго друга никогда не шло далѣе этого. Иногда относительно герцога Рейхштадтскаго въ немъ просыпался инстинктъ дѣда, и онъ неожиданно обнаруживалъ нѣжныя чувства къ своему внуку. Но эти вспышки быстро проходили, и онъ равнодушно дозволялъ Меттерниху дѣлать все, что угодно, со своимъ узникомъ.

— Я еще желалъ вамъ доложить,—сказалъ канцлеръ,—что маршалъ Мармонъ проситъ дозволенія прочитать юному герцогу нѣсколько лекцій по военному дѣлу; я полагаю разрѣшить ему это, если вы, ваше величество, не имѣете ничего противъ.

— Отчего же нѣтъ,—сказалъ императоръ,—вѣдь Наполеонъ былъ

способный офицеръ, а его старый адъютантъ, конечно, способенъ прилично разсказать его походы, но посовѣтуйте ему, чтобы онъ не слишкомъ преувеличивалъ достоинства своего героя. Вѣдь что бы ни говорили объ этомъ безпокойномъ человѣкѣ, но онъ не имѣлъ главнаго достоинства настоящаго государственнаго человѣка—умѣренности.

Меттернихъ почтительно поклонился въ знакъ согласія и перешелъ къ докладу о политическомъ положеніи Европы, при чемъ по нѣкоторымъ вопросамъ испрашивалъ августѣйшаго совѣта своего повелителя.

Спустя нѣсколько минутъ, императоръ совершенно забылъ, что у него былъ внукъ, а когда канцлеръ удалился, то онъ по обыкновенію сталъ мечтать о томъ, какъ бы снова сдѣлаться германскимъ императоромъ Францемъ II.

II.

Сынъ и мать.

Въ это самое время бывшая французская императрица Марія-Луиза, а теперь морганатическая вдова графа Нейперга, отъ котораго она имѣла двоихъ дѣтей, гуляла съ своей фрейлиной въ саду виллы Флоры въ Баденѣ. Она была въ очень печальномъ настроеніи, потому что получила два горестныя извѣстія. Во-первыхъ, одинъ изъ законныхъ сыновей генерала Нейперга продалъ лошадь своего отца, что она считала святотатствомъ, а, во-вторыхъ, въ Пармѣ, послѣ ея отъѣзда, умеръ ея любимый попугай. Рѣшительно, жизнь становилась ей въ тягость, и во всемъ ей не везло. Она жаловалась на судьбу своей фрейлинѣ въ самыхъ площадныхъ выраженіяхъ, такъ что можно было скорѣе принять ее за буржуазную выскочку, чѣмъ за дочь и жену императора.

Высокаго роста, худощавая, съ плоской костлявой таліей, она медленно шла по аллеѣ безъ всякой граціи и даже безъ достоинства. Морщинистый лобъ, померкшіе глаза и серебристые волосы придавали ей видъ пятидесятилѣтней старухи, хотя ей было только 39 лѣтъ.

Лицо ея оживлялось только при воспоминаніи о миломъ покойникѣ, какъ она называла Нейперга, и о маленькихъ сироткахъ, оставшихся въ Италіи.

— Но, ваше величество, увидите здѣсь его высочество герцога Рейхштадтскаго,—сказала въ видѣ утѣшенія фрейлина.

— Это правда,—отвѣчала Марія-Луиза,—Францъ меня посѣтитъ, я уже давно его не видала. Онъ, говорятъ, очень выросъ. Во время нашего послѣдняго свиданія въ Вѣнѣ онъ только что оправился отъ кори, и я очень боялась, чтобы она не пристала ко мнѣ.

Говорятъ, что эта болѣзнь, въ особенности, передается лицамъ, вышедшимъ изъ первой молодости.

Въ эту минуту у рѣшетки виллы остановился молодой человѣкъ, ѣхавшій верхомъ, въ сопровожденіи конюха.

— Гости?—спросила Марія-Луиза.

Это былъ ея сынъ въ скромномъ темно-коричневомъ сьютѣ и поярковой шляпѣ.

За два часа передъ тѣмъ, онъ сказалъ въ Шенбрунѣ графу Маврикію Дитрихштейну.

— Императоръ только что увѣдомилъ меня, что моя мать въ Баденѣ и дозволила мнѣ посѣтить ее. Я предупреждаю васъ объ этомъ, такъ какъ обѣщалъ вчера канцлеру говорить вамъ обо всемъ. Но я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы отпустили меня одного на этотъ разъ. Я возьму съ собою конюха. Моя мать уѣзжаетъ вечеромъ въ Ишль, гдѣ она будетъ пить воды, и потому, вѣроятно, я вернусь домой рано.

Къ его величайшему удивленію, Дитрихштейнъ, всегда очень трусливый, на этотъ разъ не выразилъ никакого противодѣйствія, несмотря на непріятную сцену съ канцлеромъ наканунѣ. Какъ бы то ни было, герцогъ не потребовалъ никакого объясненія отъ своего наставника, почему онъ сталъ неожиданно такъ либераленъ, и отправился верхомъ въ Баденъ.

Никогда юноша не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ въ этотъ день. Онъ находился на свободѣ, и вся природа ему казалась такой прекрасной, благоухающей, какъ никогда. Сначала онъ ни о чемъ не думалъ, а просто дышалъ всей грудью и сознавалъ, что онъ молодъ и вырвался хоть на минуту изъ-подъ ненавистнаго ига.

Тотчасъ въ головѣ его стали бродить опредѣленныя мысли: онъ ѣхалъ къ своей матери. Она занимала очень мало мѣста въ его дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Передъ его глазами возставали только двѣ сцены. Во-первыхъ, онъ помнилъ, какъ однажды въ Парижѣ, на Карусельской площади его мать смотрѣла съ балкона на парадъ, а онъ съ гувернанткой у другого окошка глядѣлъ издали на отца который отвѣчалъ улыбкою на его взгляды. Онъ съ удовольствіемъ бы послалъ и матери поцѣлуй, но она веселая, блестящая не обращала на него вниманія. Во-вторыхъ, его воображеніе рисовало печальную картину отъѣзда изъ Франціи. Его мать, блѣдная, заплаканная, сидѣла въ углу кареты, въ которой ему не было мѣста, и онъ все спрашивалъ: «гдѣ же папа?». Потомъ въ продолженіе года онъ жилъ съ нею въ Вѣнѣ; она снова сіяла улыбками, но онъ видѣлъ ее рѣдко. Наконецъ онъ совершенно лишился ма-тери, и въ продолженіе четырнадцати лѣтъ она навѣстила его только четыре раза. Если политика и Меттернихъ не дозволяли ему жить съ нею въ Италіи, то почему же она не могла чаще

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пере-сылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Но-ваго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣ-ленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“**.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣча-тельныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обы-чаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, но-вости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и ри-сунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отечество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заяв-леніе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пере-сылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
МАРТЪ, 1900

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1900 г.

См. слѣд.

ВСЕВОЛОДЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ КРЕСТОВСКІЙ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 25 ФЕВРАЛЯ 1900 Г. СПБ.

ВЪ ГОДИНУ БѢДСТВІЙ [1].

VIII.

АСТУПИЛО время отъѣзда моего возлюбленнаго. Оттягивалъ онъ минуту разставанья, насколько могъ, но наконецъ это стало невозможно. Между нашимъ царемъ и Бонапартомъ, котораго ужъ иначе, какъ людоѣдомъ и злодѣемъ, никто не называлъ, произошло охлажденіе, грозившее перейти въ неутолимую вражду.

Я помню настроеніе умовъ въ то время. О себѣ я ужъ не говорю; не могла я не ненавидѣть того, который стоялъ преградой между мною и счастьемъ, но и всѣ раздѣляли мою радость при мысли, что очарованіе извергомъ рода человѣческаго, навѣянное на государя, постепенно испарялось.

Однажды Шарль пріѣхалъ отъ графа, который за нимъ посылалъ, съ извѣстіемъ, что на войну между Россіей и Франціей можно смотрѣть, какъ на неминуемый фактъ.

Предлога откладывать поступленіе на русскую службу больше не было.

— Ты ужъ теперь не можешь опасаться, что полкъ, въ который ты поступишь, пошлютъ сражаться за узурпатора противъ сторонниковъ законнаго правительства, — сказалъ ему графъ, показывая

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIX, стр. 441.

полученныя изъ-за границы газеты, съ подробностями самаго зловѣщаго свойства.

Извѣстія эти такъ согласовались съ тѣмъ, что разсказывали пріѣзжіе изъ Петербурга, что невозможно было имъ не вѣрить.

Шарль былъ въ чаду отъ восторга.

— Теперь только я начинаю вѣрить, что ты будешь моя! То, чего я не могъ дождаться отъ моей родины, я завоюю кровью, сражаясь съ русскими, съ соотечественниками моей возлюбленной!— говорилъ онъ съ жаромъ.

И какъ мнѣ ни грустно и ни жутко было съ нимъ разставаться, я не могла не сочувствовать его планамъ и не раздѣлять его восхищенія.

А между тѣмъ обстоятельства осложнялись. Стали происходить какія-то странныя недоразумѣнія между живущими въ Москвѣ иностранцами и полиціей. Проявились доносчики, по словамъ чужеземцевъ, движимые корыстью, а по мнѣнію русскихъ—патріотизмомъ, но такъ или иначе, а вслѣдствіе ихъ донесеній, французы высылались изъ Москвы.

Изъ первыхъ пострадавшихъ оказалась наша мадамъ.

Въ одно прекрасное утро явился полицейскій съ бумагой и надѣлалъ переполохъ въ домѣ. Люди таинственнымъ шопотомъ передавали другъ другу, что нашу мадамъ подозрѣваютъ въ шпіонствѣ и въ сношеніяхъ съ врагами отечества. Живо собралась она; отъ предложенія папеньки съѣздить къ главнокомандующему Москвы, чтобъ поручиться за ея благонадежность, она наотрѣзъ отказалась и выѣхала изъ нашего дома къ какими-то пріѣзжими изъ провинціи, которые увезли ее съ собою на югъ Россіи. Впослѣдствіи мы узнали, что она тамъ провела все время, что длилось нашествіе французовъ на Россію, а потомъ поѣхала въ Петербургъ, гдѣ открыла кондитерскую, которая долго процвѣтала и обогатила ее.

Прощаясь со мною передъ отъѣздомъ, она съ усмѣшкой посовѣтовала мнѣ самой позаботиться о своей судьбѣ, не ожидая, чтобъ этимъ занялись другіе.—Чѣмъ скорѣе выйдете вы замужъ, тѣмъ лучше будетъ...

И вдругъ, пристально на меня посмотрѣвъ, она спросила:

— Обратили ли вы вниманіе на князя Каминина? При жизни вашего дѣда онъ не пропускалъ ни одной «репетиціи» и смотрѣлъ изъ дверей гостиной не на будущихъ балеринъ, какъ другіе, а на хоры, на васъ. Каждый разъ, когда онъ меня встрѣчаетъ, я должна разсказывать ему про васъ, и онъ такъ вами занятъ, что готовъ по цѣлымъ часамъ меня слушать...

Она могла бы къ этому прибавить, что еслибъ ее не заставили покинуть нашъ домъ, она не одному бы Каминину меня сватала, а каждому, кто предложилъ бы ей за это хорошій подарокъ.

Болѣе четырехъ лѣтъ провела эта особа въ нашемъ домѣ, но

я не знаю ни одного человѣка, который пожалѣлъ бы, что она его покидаетъ.

Не такъ провожали у насъ Шарля, и еслибъ я не любила его до безумія, то и тогда была бы тронута печалью всей нашей дворни при его отъѣздѣ. И графъ, и папенька, снабдили его рекомендательными письмами, чтобъ облегчить устройство его дѣлъ: принятіе русскаго подданства, поступленіе въ полкъ и проч. Передъ его отъѣздомъ заговорили было о томъ, чтобъ отправить съ нимъ Сережу, но, безъ сомнѣнія, благодаря Матаваевой, отъ намѣренія этого отказались и несчастнаго юношу оставили въ нравственномъ омутѣ, съ каждымъ днемъ засасывавшемъ его все глубже и глубже.

Все это очень огорчало Шарля и сердило графа, который прислалъ сказать папенькѣ, что онъ не ожидалъ отъ него такого небрежнаго отношенія къ судьбѣ его дѣтей. Но требовать отъ нашего отца какого бы то ни было проявленія собственной воли было ужъ безполезно. Явно Матаваева еще не хозяйничала въ нашемъ домѣ, но вліяніе ея было уже такъ ощутительно, что приводило въ негодованіе старыхъ слугъ, привыкшихъ къ иному обращенію господъ съ личностями въ родѣ этой, происхожденія настолько темнаго и грязнаго, что ничѣмъ невозможно было загладить воспоминаніе о немъ. Иванъ Дмитріевичъ первый не выдержалъ новыхъ порядковъ, вводимыхъ «проходимкой» (какъ всѣ ее называли), и, воспользовавшись вольной, пожалованной ему покойнымъ княземъ, покинулъ нашъ домъ, а за нимъ стала проситься на покой и Авдотья Ивановна.

Черезъ папенькинаго камердинера, вполнѣ преданнаго новой негласной хозяйкѣ дома, ей было передано, что она можетъ уѣзжать, когда хочетъ, и что, кромѣ завѣщанной ей старымъ княземъ пенсіи, она получитъ денежный подарокъ отъ князя Бориса Романовича.

Вой, плачъ и причитанія долго не смолкали въ домѣ, разстраивая мнѣ душу, и безъ того растерзанную разлукой съ моимъ возлюбленнымъ.

Надо отдать справедливость нашимъ дворовымъ, всего больше огорчалъ ихъ тотъ фактъ, что съ бариномъ нельзя было проститься. Надо было покинуть домъ, не поклонившись барину въ ноги, не расцѣловавъ его рукъ за щедрые дары, которыми онъ изволилъ жаловать и безъ того ужъ облагодѣтельствованныхъ старыхъ слугъ, прослужившихъ его отцу всю жизнь вѣрой и правдой. Папенька, все черезъ того же камердинера Ваську, всѣми ненавидимаго за хитрость и пристрастіе къ проходимкѣ, велѣлъ имъ пожелать всякаго благополучія, но не позволилъ пускать ихъ къ себѣ на глаза.

Чтобъ не слышать отъ нихъ слова правды, можетъ быть?

Распростившись съ нами и повторивъ въ сотый разъ, что они остаются преданными намъ слугами до гробовой доски, старые, отпущенные на волю люди отправились, съ своей невысказанной

правдой, къ другому барину, князю Льву Романовичу, въ Радостное и, какъ потомъ разсказывали, выложили ему все, что у нихъ было на сердцѣ. Но, увы, ничего новаго не могли они ему сообщить. Выслушавъ ихъ молча и со скорбнымъ лицомъ, дядя сказалъ, что зло забрало слишкомъ много силы въ ихъ семьѣ, чтобы можно было съ нимъ бороться человѣческими средствами.

— Одинъ Господь можетъ тутъ помочь и если Онъ допускаетъ свершаться тому, что свершается, то не мнѣ, слабому и недостойному смертному, пытаться ставить преграды Его святой волѣ.

— Совсѣмъ блаженненькій,—со вздохомъ говорили посѣтители, возвращаясь восвояси:—отъ такого нельзя ждать, чтобъ вступился за честь семьи, не въ томъ увидитъ блаженство и не на землѣ его ищетъ.

Тоскливо прошло для меня это лѣто. Только и было радости, когда получались извѣстія отъ моего сердечнаго друга изъ Петербурга. О непосредственной перепискѣ съ нимъ я не смѣла и помышлять, да и онъ, кромѣ почтительнаго привѣтствія, ничего не позволялъ себѣ выражать мнѣ въ письмахъ, адресованныхъ на имя моихъ братьевъ два раза въ мѣсяцъ.

Въ то время это казалось болѣе чѣмъ достаточно для человѣка, не связаннаго родствомъ съ нашей семьей, и посылать о себѣ болѣе частыя свѣдѣнія, пожалуй, возбудило бы обвиненіе въ безтактной назойливости и въ незнаніи свѣтскихъ приличій.

Можно себѣ представить, какъ мало удовлетворяли меня сдержанныя выраженія почтенія и преданности, относившіяся лично ко мнѣ, въ посланіяхъ, адресованныхъ Сережѣ съ Ромой! Но я и этому была рада. Сережа это понималъ и всегда оставлялъ у меня полученное письмо, которое я перечитывала безъ конца, съ каждымъ разомъ открывая между строчками новыя страстныя признанія, подсказываемыя сердцемъ, и цѣлуя бумагу, которую онъ держалъ въ рукахъ, на которую смотрѣлъ, вздыхая и, можетъ быть, проливая слезы, вспоминая про меня. Въ такія минуты все забывалось, и разстояніе, и преграды, и затрудненія, которыя намъ предстояло превозмочь, чтобы принадлежать другъ другу. Въ такія минуты я была вполнѣ счастлива.

Впослѣдствіи я узнала, что и онъ тоже отыскивалъ въ письмахъ моихъ братьевъ все, что относилось ко мнѣ, дополняя воображеніемъ мои холодные привѣты. Но его это не удовлетворяло, и мѣсяцъ спустя послѣ его отъѣзда, Сережа передалъ мнѣ записочку, отдѣльно для меня написанную, которую онъ нашелъ въ листкахъ, обращенныхъ къ нему.

Записка эта, первое любовное письмо, полученное мною въ жизни, была прекоротенькая. Онъ увѣрялъ, что любитъ меня еще глубже и страстнѣе, чѣмъ тогда, когда мы разстались, и не понимаетъ жизни безъ меня, жаловался на тоску среди новыхъ людей и на

хлопоты по дѣлу, которое, по всеобщему мнѣнію, идетъ обычной чередой, а ему казалось безконечной пыткой. Раньше сентября нельзя ждать, чтобъ состоялось его назначеніе въ полкъ, подъ команду стараго пріятеля графа, который отнесся къ нему, какъ къ родному, и просилъ бывать у него въ домѣ запросто. Но ему было вездѣ скучно безъ меня. Петербургъ производилъ на него впечатлѣніе живой могилы, и онъ объ одномъ только мечталъ: скорѣе вернуться въ Москву, хотя бы на одинъ день, чтобы повидать меня. Слухи о войнѣ подтверждались, и полкъ, въ который онъ надѣялся поступить, предположено было двинуть въ дѣйствующую армію, слѣдовательно Шарлю скоро долженъ былъ представиться случай завоевать себѣ либо счастье, либо славную смерть. Въ концѣ письма, увы, слишкомъ короткаго, онъ почему-то спрашивалъ: «правда ли, что цыганъ выгнали изъ Московской губерніи за то, что они давали пріютъ врагамъ Россіи?» И къ этому онъ прибавлялъ: «Спросите объ этомъ Сережу и не забудьте сообщить мнѣ его отвѣтъ».

Я исполнила его желаніе. Сережа вспыхнулъ и запальчиво отвѣтилъ, что все это враки.

Однако факта изгнанія цыганъ онъ не отрицалъ.

— Но они ни въ чемъ не виноваты! На нихъ взвели гнусную клевету! Это честные, благородные люди, и все ихъ преступленіе заключается въ томъ, что они не хотятъ сдѣлаться рабами подлаго общества и, довольствуясь малымъ, живутъ по-своему, не подчиняясь глупымъ общественнымъ условіямъ. Это—люди, которые ставятъ свободу выше всего, какъ же ихъ не любить и не уважать за это?—вскричалъ онъ, сверкая глазами отъ волненія. И вотъ что я еще тебѣ скажу, Лиза,—продолжалъ онъ, схвативъ мою руку и крѣпко сжимая ее въ своихъ похолодѣвшихъ пальцахъ,—если ты хочешь остаться моимъ другомъ, не вѣрь тому, что тебѣ говорятъ про цыганъ! Все это ложь и клевета! Умоляю тебя этому не вѣрить!..

И, сообразивъ, вѣроятно, что такая вспышка въ пользу людей изъ проклятаго племени должна была меня удивить, онъ поспѣшилъ прибавить:

— Я ихъ знаю, они хорошіе люди, сердечные, жалостливые, они на всю жизнь остаются благодарны тѣмъ, кто ихъ не презираетъ, и на преданность ихъ можно положиться. Мнѣ будетъ очень грустно, если ты будешь о нихъ другого мнѣнія, моя милая, дорогая сестричка!

Онъ такъ умоляюще проговорилъ эти слова, въ глазахъ его выражалось столько печальной тревоги, что я поспѣшила его успокоить и сказала, что я ему вѣрю и не буду считать цыганъ такими злодѣями, какими считала ихъ раньше и какими всѣ ихъ считаютъ.

Онъ крѣпко меня обнялъ, поцѣловалъ мои руки, называлъ меня своимъ другомъ и клялся всѣми святыми, что куда бы судьба его

ни закинула, я всегда буду знать, гдѣ онъ находится, и какъ ему живется, потому что онъ увѣренъ, что я его не выдамъ.

— Но гдѣ же тебѣ быть, какъ не съ нами?—спросила я съ удивленіемъ.

Онъ смутился и опустилъ глаза, не произнося ни слова. Правдивѣе человѣка мнѣ не случалось встрѣчать на свѣтѣ въ продолженіе всей моей долгой жизни; у него было природное отвращеніе отъ притворства и обмана, а тутъ ему приходилось бороться между страхомъ выдать свою тайну и ложью.

— Ужь не думаешь ли ты тоже поступить въ полкъ, чтобъ итти на войну противъ французовъ?—спросила я, недоумѣвая передъ его замѣшательствомъ.

— Ну, да, конечно,—поспѣшилъ онъ согласиться. — Мнѣ очень жаль съ тобою разставаться, Лизочка!...

Слезы его душили и, чтобъ не отвѣчать на вопросы, рвущіеся съ моего языка, онъ поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты.

Такъ и не удалось мнѣ поговорить съ нимъ по душѣ и узнать его намѣренія.

А между тѣмъ моя тайна давно была ему извѣстна. Объ этомъ можно было догадаться по предосторожностямъ, съ которыми онъ передавалъ мнѣ письмо Шарля. Да и Шарль не довѣрился бы ему, если бы сомнѣвался въ его сочувствіи.

Моего друга замѣнилъ при братьяхъ аббатъ, креатура Матаваевой, человѣкъ крайне несимпатичный и хитрый, который съ перваго знакомства внушилъ всѣмъ намъ непреодолимое отвращеніе и недовѣріе. Для меня же на мѣсто мадамъ Постуланти никого не приглашали подъ тѣмъ предлогомъ, что въ такое время, какъ то, что мы переживали, ожидая каждый день наступленія войны, чѣмъ меньше будетъ иностранцевъ въ домѣ, тѣмъ лучше. Казусъ съ нашей мадамой всѣхъ напугалъ. Къ тому же, по увѣренію Люси, Матаваевой ужъ удалось увѣрить папеньку, что учиться мнѣ больше не надо.

— Сама круглая невѣжда и ненавидитъ всѣхъ, кто образованнѣе ея. Вотъ увидите, что она вамъ въ самомъ скоромъ времени найдетъ жениха и заставитъ князя выдать васъ замужъ, чтобъ вы ей не мѣшали въ домѣ.

Эти зловѣщія предсказанія такъ меня пугали, что я со страхомъ ожидала пріѣздовъ Люси и радовалась, что она является къ намъ все рѣже и рѣже.

Наконецъ посѣщенія ея совсѣмъ прекратились: Москва сдѣлалась ей такъ ненавистна послѣ смерти нашего дѣда, что она продала домъ, который онъ ей завѣщалъ, и въ концѣ зимы уѣхала на югъ Россіи.

Такъ какъ съ этого времени роль ея въ моей жизни навсегда прекратилась, и мнѣ больше не представится случая вернуться къ

ней въ этомъ разсказѣ, я забѣгу впередъ и скажу то, что мнѣ удалось впослѣдствіи узнать про ея отношенія къ нашему дѣду, котораго она въ полномъ смыслѣ этого слова любила до обожанія.

Что было между ними раньше, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ и при какой обстановкѣ чистое, восторженное чувство, которое, пятнадцатилѣтней дѣвочкой, она питала къ красивому, умному и талантливому вельможѣ, осыпавшему ее благодѣяніями, и въ домѣ котораго она превратилась изъ ребенка въ дѣвушку, перешло въ глубокую, ревнивую страсть,—случилось ли это постепенно или внезапно, и насколько онъ былъ грѣшенъ въ зарожденіи и развитіи этой страсти, давая ей поводъ мечтать о невозможномъ,—рѣшить трудно, но какъ бы тамъ ни было, а въ ея безпредѣльной и исключительной привязанности къ нему было много трогательнаго, равно какъ и въ страстной ревности, съ которой она относилась къ его чести и репутаціи, а также въ ея отчаяніи, что недостойная проходимка, циничная и безнравственная, пользуясь его старостью и слабостью, подтачиваетъ въ обществѣ его престижъ выдающагося по характеру и уму вельможи, подвергая его справедливымъ нареканіямъ бывшихъ его почитателей. Не могла Люси не ненавидѣть женщину, пачкавшую своею близостью ея кумира, не могла она не страдать отъ сознанія своей безпомощности уничтожить пагубное вліяніе нахальной очаровательницы. Чувство бѣдной Люси къ князю Роману Васильевичу было такъ сильно, такъ безраздѣльно царило въ ея душѣ, что со смертью его у нея не оказалось больше цѣли въ жизни; домъ его утратилъ для нея всякій интересъ, и семья его, такъ еще недавно ей близкая и дорогая, сдѣлалась ей чужой: въ его дѣтяхъ и въ его домашнихъ она любила только его.

Когда все это вспомнишь и сообразишь, муки, которыя онъ заставлялъ ее претерпѣвать послѣдніе четыре года своимъ холоднымъ отчужденіемъ, становятся такъ понятны, что нельзя ее не пожалѣть.

Отъѣздъ Люси заставилъ папеньку вспомнить про намѣреніе пріискать мнѣ учителя пѣнія, и я начала заниматься со старикомъ итальянцемъ, дававшимъ уроки въ лучшихъ домахъ города.

А между тѣмъ отношенія мои съ Сережей не улучшались, и разговоръ мой съ нимъ при передачѣ мнѣ письма отъ Шарля оказался первой и послѣдней попыткой возобновить давно порванныя дружескія отношенія, существовавшія между нами съ тѣхъ поръ, какъ мы себя помнили. Искра нѣжности и довѣрія ко мнѣ, загорѣвшаяся было въ его сердцѣ, снова погасла и смѣнилась отчужденіемъ и обиднымъ недовѣріемъ. Впрочемъ, онъ не забылъ мнѣ сказать, что если я хочу отвѣчать Шарлю, то всегда могу это сдѣлать черезъ него. Онъ нашелъ способъ переписываться со своимъ другомъ тайно отъ противнаго аббата, и въ его конвертѣ найдется мѣсто для моего письма.

Я воспользовалась его предложеніемъ и, передавая мою записку, не вытерпѣла, чтобъ ему не сознаться, что жалуюсь въ ней на него.

Онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня, хотѣлъ что-то сказать, но воздержался и, отвертываясь, чтобы скрыть слезы, выступившія на его глаза, съ усиліемъ вымолвилъ, крѣпко сжимая мою руку:

— Не осуждай меня, сестра, ты узнаешь когда нибудь, какъ я несчастенъ, и какъ я всѣхъ васъ люблю!

И выбѣжалъ изъ комнаты, не дождавшись моего отвѣта.

Никогда еще не была я такъ одинока, какъ въ эту зиму. Вернуть дружбу и довѣріе старшаго брата я отчаивалась. Рома былъ слишкомъ малъ, чтобъ понимать мои горести и сочувствовать имъ, а люди, окружавшіе насъ, изнемогая подъ гнетомъ тяжелыхъ предчувствій и неизвѣстности, боялись даже между собою дѣлиться мыслями и предположеніями, рисовавшими имъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ будущее. Однимъ словомъ, въ окружавшей насъ атмосферѣ отражалось то самое жуткое недоумѣніе, подъ гнетомъ котораго томилась вся Россія, въ ожиданіи послѣдствій странныхъ недоразумѣній между нашимъ царемъ и Бонапартомъ и таинственныхъ слуховъ, ходившихъ въ обществѣ то объ ихъ соглашеніи, то размолвкахъ.

Передъ праздниками нашъ домъ оживился. Начались приготовленія къ балу, который папенька намѣревался дать въ день моего рожденія.

Въ дѣвичьей, длинной комнатѣ на антресоляхъ, уставленной пяльцами, торопились кончать платье, которое мнѣ вышивали къ этому дню. Узоръ, выбранный и нарисованный самимъ папенькой, былъ такъ сложенъ и мудренъ, что надъ нимъ работали цѣлый годъ, а теперь меня до изнеможенія мучили примѣриваніемъ по нѣсколько разъ въ день.

Мнѣ это было тѣмъ болѣе скучно, что пребываніе Шарля въ Петербургѣ затягивалось, и невозможно было даже приблизительно предвидѣть, когда онъ, наконецъ, вернется въ Москву.

Не поправлялись и отношенія мои съ Сережей. Онъ продолжалъ избѣгать оставаться со мною наединѣ и, по словамъ Ромы, все рѣже и рѣже ночевалъ дома. Но зато онъ всегда присутствовалъ на ужинахъ, которые папенька давалъ своимъ друзьямъ, и ѣздилъ съ ними къ прелестницамъ или къ Матаваевой, гдѣ онъ находилъ цыганъ, съ которыми проводилъ всю ночь въ пѣніи и плясках.

— Добрые люди къ обѣднѣ сбираются, а наши господа только сейчасъ домой вернулись, — находила нужнымъ доносить мнѣ Степанида, входя въ мою комнату утромъ и отдергивая пологъ у кровати, чтобъ показать, что давно день, и пора вставать.

Я ничего на это не возражала, но запретить ей говорить не

могла: въ моемъ одиночествѣ участіе и любовь этой простой дѣвушки мнѣ были слишкомъ дороги, чтобъ ее отталкивать. Не могла я также не сознавать, что ея свобода обращенія со мною проистекаетъ отъ безпредѣльной преданности.

Шарль продолжалъ писать, но письма его передавалъ мнѣ ужъ не Сережа, а Рома. И съ каждымъ разомъ письма эти становились короче и безсодержательнѣе, такъ что, кромѣ тоски и страха, ничего въ душѣ моей не возбуждали. Время тянулось долго, и казалось, эта печальная зима никогда не кончится, какъ вдругъ однообразіе нашей жизни нарушилось самымъ неожиданнымъ и непріятнымъ образомъ.

Въ первыхъ числахъ декабря, Степанида явилась ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ и, боязливо оглянувшись по сторонамъ, чтобъ убѣдиться, что некому насъ подслушать, вынула изъ кармана передника запечатанное письмо, которое подала мнѣ со словами:

— Приказали передать, когда будете однѣ, и непремѣнно въ собственныя руки.

— Кто это принесъ? — спросила я, внѣ себя отъ волненія, узнавъ на конвертѣ почеркъ моего друга.

— Не выдавайте меня, милая барышня! Это путятинскій Гаврюшка изъ Питера привезъ отъ нашего мусью. Приказывали безпремѣнно вамъ въ руки передать. Гаврюшка ужъ третій день округъ нашего дома околачивается, не знаетъ, какъ порученіе исполнить. И у крыльца-то параднаго онъ васъ поджидалъ, не выйдете ли вы однѣ въ карету садиться, чтобъ либо въ церковь, либо кататься ѣхать, но вы все съ братцемъ Романомъ Борисовичемъ, а письмо передавать ни при комъ не велѣли. «Лучше, говоритъ, назадъ привези. То же самое, говоритъ, получишь, никто бы только про мое порученіе въ Москвѣ не узналъ». Ну, вотъ Гаврюшка и старается, не хочется тоже даромъ деньги-то брать. Намеднись набрела я на него ненарокомъ: «чего это ты все у нашего забора бродишь да высматриваешь?» спрашиваю. Долго онъ отъ моихъ вопросовъ отлынивалъ и ужъ тогда только рѣшился во всемъ открыться, когда я объяснила ему, что безъ меня ему до вашей милости ни въ жизнь не дойти. «Очень, говоритъ, письмо-то нужное, мосье де-Сабри обѣщалъ мнѣ двадцать пять рублевъ пожаловать за хлопоты». «Дай, говорю, я доставлю». «Да мнѣ, говоритъ, отвѣтъ безпремѣнно нуженъ». «И отвѣтъ тебѣ будетъ», говорю. Ну, и далъ.

Можно себѣ представить, что я чувствовала, распечатывая письмо. Съ первыхъ же словъ поняла я, почему моему сердечному другу иного выхода не было, какъ довѣриться холопу чужого барина. По почтѣ въ то время дѣвицы получали письма только отъ самыхъ близкихъ людей, и появленіе почтальона въ нашъ домъ съ письмомъ на мое имя надѣлало бы такого переполоха, что скрыть

этотъ фактъ отъ братьевъ и отъ папеньки оказалось бы невозможнымъ, а отъ нихъ-то именно и надо было скрыть то, что писалъ мнѣ Шарль.

Слухи про странныя и, можно сказать, чудовищныя отношенія между Матаваевой и Сережей дошли ужъ до Петербурга и Шарль горько раскаивался въ томъ, что не оборвалъ въ самомъ началѣ того, что считалъ съ ея стороны скверной шалостью, а съ Сережиной — дѣтскимъ увлеченіемъ. Дѣло оказалось много серіознѣе, чѣмъ можно было ожидать. Проходимкѣ, цѣлыхъ четыре года державшей въ рукахъ такого сильнаго духомъ старика, какимъ былъ нашъ покойный дѣдъ, большого труда не стоило развратить внука. Шарль былъ такъ напуганъ сообщенными ему подробностями о томъ, что дѣлается въ нашемъ домѣ, что все письмо его дышало лихорадочной тревогой. Особенно ужасала его мысль, что папенька можетъ какъ нибудь узнать про чувства, питаемыя его старшимъ сыномъ къ Матаваевой. Предвидя мое недоумѣніе на этотъ счетъ, онъ заклиналъ меня не углубляться въ причины его опасеній, а только вѣрить, что послѣдствія такого открытія могутъ быть для насъ ужасны.

«Надо употребить всѣ средства, чтобъ только вашъ отецъ про это не узналъ! Но какъ дѣйствовать—этого я вамъ не могу сказать. Не забудьте мнѣ сообщить, въ какихъ вы отношеніяхъ съ княземъ Сергѣемъ? Изъ того, что сообщаетъ мнѣ Рома, я вижу, что вашъ старшій братъ отъ васъ обоихъ отдаляется: Несчастный юноша! Онъ и со мною давно пересталъ быть откровеннымъ, и переписываться со мною ему очень тяжело. Я это ясно вижу по его письмамъ, а потому откровеннымъ быть съ нимъ не рѣшаюсь. Еслибъ не опасеніе лишить васъ такого благороднаго и могущественнаго покровителя, какъ мой благодѣтель и второй отецъ, графъ Захаръ Григорьевичъ, я бы обратился къ нему, и онъ нашелъ бы средство вырвать бѣднаго нашего Сережу изъ грязной среды, въ которой ему грозитъ гибель. Онъ заставилъ бы его понять всю гнусность и преступность его поведенія...».

Я терялась въ догадкахъ. Преступное поведеніе! Неужели Шарль подразумѣваетъ подъ этими словами поцѣлуи, которыми Сережа обмѣнивается съ Матаваевой, и чему я однажды, помимо воли, сдѣлалась свидѣтельницей?

Чтожъ мнѣ ему отвѣчать? Что я ничего не знаю и ничего не могу узнать, такъ какъ Сережа избѣгаетъ со мною говорить даже о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ?

А между тѣмъ отвѣчать надо было. Все письмо дышало желаніемъ узнать правду и надеждой, что я ему въ этомъ помогу. Но какъ помочь?

Весь день промучилась я надъ этимъ вопросомъ. Степанида безпрестанно попадалась мнѣ на глаза, съ нѣмой мольбой во взглядѣ.

но я могла только знакомъ ей показать, что отвѣтъ, котораго она ждетъ, еще не готовъ.

Такъ прошло время до вечера. За ужиномъ я ничего не могла ѣсть и была такъ блѣдна, что даже Сережа, который въ этотъ день былъ почему-то дома, спросилъ, что̀ со мною.

Но ему я меньше, чѣмъ кому либо другому, могла отвѣтить на этотъ вопросъ и поспѣшила сослаться на головную боль и на желаніе пораньше лечь спать.

Онъ удовлетворился этимъ объясненіемъ, но Рома пришелъ въ отчаяніе, что ему нельзя будетъ, какъ всегда, посидѣть со мною послѣ ужина.

— Я долженъ буду одинъ проводить вечеръ!—жалобно протянулъ онъ.

Меня точно что-то толкнуло обернуться къ аббату, который, по своему обыкновенію, молча присутствовалъ при этой сценѣ, и я замѣтила, что онъ переглянулся съ Сережей. Взглядъ этотъ былъ очень краснорѣчивъ и доказывалъ, какъ нельзя лучше, что отъ наставника своего у нашего брата не было тайнъ.

— Ты не будешь одинъ, а съ мосье l'abbé и съ Сережей,—сказала я Ромѣ.

— О, Сережа теперь никогда не бываетъ дома по ночамъ!—вскричалъ мальчикъ.

— Какія ты глупости говоришь!—запальчиво прикрикнулъ на него старшій братъ.

И ни на кого не глядя, онъ съ шумомъ отодвинулъ свой стулъ и вышелъ.

Аббатъ тоже поднялся изъ-за стола и, взявъ Рому за руку, сказалъ:

— Пойдемте въ нашу комнату, мой другъ, сестра ваша нездорова, ей надо дать покой.

Съ этими словами, произнесенными тономъ, не терпящимъ возраженій, онъ отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ и удалился со своимъ воспитанникомъ.

Я ушла къ себѣ, но тутъ меня ждала Степанида.

— Когда же вы, княжна, напишете письмо? Гаврилка который разъ за нимъ забѣгаетъ. Они съ бариномъ завтра чуть свѣтъ опять въ Питеръ уѣзжаютъ. Графъ Захаръ Григорьевичъ, прознавъ про отъѣздъ Путятинскаго князя въ Питеръ, посылочку нашему мусью черезъ нихъ посылаетъ, такъ вотъ оно и кстати было бы отъ вашей милости имъ отвѣтъ доставить...

Меня осѣнила неожиданная мысль. Если довѣряться, такъ ужъ лучше одному человѣку, а не многимъ, и такому, который самъ мнѣ довѣрился.

— Степанида, ты не знаешь, куда это Сережа по ночамъ ѣздитъ?—спросила я отрывисто и отвертывая отъ нея красное отъ смущенія лицо.

Ее тоже немало смутилъ мой вопросъ; тѣмъ не менѣе она отвѣчала на него.

— Какъ не знать, сударыня, весь домъ про то знаетъ,—проговорила она, устремляя на меня испуганный взглядъ и понижая голосъ до шопота.

— Если всѣ знаютъ, такъ и я должна это знать,—продолжала я такъ рѣшительно, что она не посмѣла меня ослушаться.

— За ними, почитай, каждый вечеръ отъ Матаваевыхъ экипажъ пріѣзжаетъ...

И вдругъ она повалилась мнѣ въ ноги.

— Пощадите, золотая барышня! Не погубите меня! Если узнаютъ, что я вамъ сказала, ейные люди меня изведутъ... какъ Хоньку съ Петрушей... когда они еще при покойномъ старомъ князѣ...

Голосъ ея порвался въ рыданіяхъ. Я подняла ее, обѣщала, что никогда никто не узнаетъ про то, что она мнѣ скажетъ, и спросила, съ какихъ поръ Сережа бываетъ у Матаваевой, и знаетъ ли про то папенька.

Послѣдній вопросъ такъ ее испугалъ, что она забыла отвѣтить на первый.

— Чтобъ нашъ князь про это зналъ?! Господи Боже мой! Мать Царица небесная! Да какъ же это возможно? Барышня, милая, да мыслимое ли это дѣло?!—вскричала она, всплескивая съ ужасомъ руками.—И кто же рѣшится ему про это сказать?

— Почему же не сказать?—продолжала я, движимая какимъ-то непонятнымъ и страстнымъ желаніемъ узнать всю правду въ этомъ таинственномъ и темномъ дѣлѣ.

Степанида колебалась. Ей, повидимому, казалось невозможнымъ исполнить мое требованіе, и она начинала ужъ посматривать на дверь, съ смутнымъ намѣреніемъ спастись бѣгствомъ отъ моихъ допросовъ, но я не дала ей привести это намѣреніе въ исполненіе.

— Если ты не отвѣтишь на мой вопросъ, я ничего не напишу мосье Шарлю,—объявила я, отвертываясь отъ ея умоляющаго и растеряннаго взгляда.

— Вы меня не выдадите, барышня?

— Я тебѣ это ужъ обѣщала, если не вѣришь мнѣ, ступай вонъ! Я узнаю отъ кого нибудь другого.

— Что съ вами дѣлать, видно надо ужъ сказать... Но только ради Самого Создателя...

— Не говори, если не хочешь,—прервала я ее, проходя въ альковъ и принимаясь раздѣваться:—я отъ другихъ узнаю.

Придало ли ей смѣлости то, что она не видѣла моего лица, или ей не захотѣлось уступить другому случай доказать мнѣ свою преданность послѣ того, какъ она уже подверглась опасности изъ желанія мнѣ угодить, такъ или иначе, но не успѣла я скрыться за тяжелой штофной занавѣской, какъ она съ отчаянной рѣши-

мостью проговорила: — Вашъ папенька ужъ давно съ нею живетъ...

Въ первое мгновеніе у меня отлегло отъ сердца отъ этихъ словъ, такъ безсмысленны они мнѣ показались. Что за вздоръ она сказала? Папенька живетъ съ нами, въ дѣдушкиномъ домѣ, а она...

Съ минуту ждала я объясненій, но она молчала, и я вторично, настойчивѣе прежняго повторила мой вопросъ:

— Что ты хочешь этимъ сказать?

Она объяснила.

Грубо, рѣзко и нестерпимо больно сорвалась повязка съ моихъ духовныхъ очей, и то, что предстало передъ ними, было такъ гадко, что я чуть не вскрикнула отъ отвращенія и негодованія. Сжимая руками сердце, заколотившееся въ груди такъ сильно, что дыханіе захватывало, упала я на кровать и спрятала пылавшее лицо въ подушки. Но черезъ минуту, вспомнивъ, что Шарль ждетъ моего отвѣта, я бросилась ему писать.

Увидавъ, что я, полураздѣтая, подхожу къ письменному столу и зажигаю на немъ свѣчи, Степанида поспѣшила тихо выйти изъ комнаты, плотно притворивъ за собою дверь.

Писала я долго, всю ночь, что именно, я узнала, только много лѣтъ спустя, когда нечаянно нашла эти листки, уже пожелтѣвшіе отъ времени, въ бумагахъ моего друга, но когда я ихъ писала, я была, какъ въ бреду, мнѣ казалось, что онъ со мною, и что я на словахъ изливаю ему мою душу. Богъ знаетъ, когда кончила бы я съ нимъ мою бесѣду, если бы Степанида не явилась мнѣ напомнить, что пора бѣжать съ письмомъ къ Гаврюшкѣ.

Дрожащими пальцами собрала я разбросанные вокругъ меня, на столѣ и на полу, листки, сложила ихъ въ конвертъ и запечатала печатью, подаренной мнѣ папенькой, когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ.

Если бъ онъ могъ предвидѣть, дѣлая мнѣ этотъ подарокъ, при какихъ обстоятельствахъ мнѣ придется въ первый разъ имъ воспользоваться!

Когда Степанида вышла съ письмомъ изъ комнаты, я подняла глаза къ окну и только тутъ замѣтила, что наступило утро. Трепетный и слабый свѣтъ восковыхъ свѣчей, горѣвшихъ на столѣ, давно пересталъ бороться съ яркимъ дневнымъ блескомъ и еле выдѣлялся на немъ двумя красноватыми язычками, напоминавшими тѣ печальные огоньки, что горятъ и днемъ и ночью у бездыханнаго тѣла, убраннаго для могилы.

IX.

Съ недѣлю спустя послѣ описаннаго событія, за часъ до обѣда, когда я сидѣла за работой, размышляя о роковомъ открытіи, отравившемъ мнѣ существованіе ужъ однимъ тѣмъ, что я ни на минуту не могла оторвать отъ него мыслей и боялась встрѣчаться съ Сережей и съ папенькой, чтобъ невольно не выдать мучившую меня тайну, по коридору, въ концѣ котораго была дверь въ мою комнату, раздались шаги и оживленный говоръ.

Кто-то шелъ ко мнѣ, громко разговаривая и смѣясь.

Кто бъ это могъ быть? Братья въ этотъ часъ никогда ко мнѣ не приходили, а знакомыхъ у меня не было.

Не успѣла я подняться съ мѣста и обернуться къ двери, какъ она растворилась, и на порогѣ появилась Матаваева, а за нею, выглядывающее черезъ ея плечо, улыбающееся и смущенное лицо нашего отца.

Такимъ онъ являлся къ намъ при маменькѣ, когда зналъ, что въ семьѣ его ждутъ заслуженные упреки. Ему, безъ сомнѣнія, было очень совѣстно сообщать мнѣ то, что нельзя было дольше отъ насъ скрывать, если онъ не рѣшился прійти одинъ и поручилъ говорить за себя болѣе храброй особѣ.

О, да, она была очень смѣла, эта красавица, съ вызывающимъ взглядомъ глубокихъ черныхъ глазъ и съ побѣдоносной улыбкой на пурпуровыхъ губахъ! ее никогда ничто не смущало и не затрудняло. По лукавому блеску ея глазъ и по звонкому, веселому смѣху, смолкнувшему только на порогѣ моей комнаты, можно было себѣ представить, какого рода сцена только что произошла между ними. Онъ, безъ сомнѣнія, со свойственною ему откровенностью, сознался ей, какъ ему тяжело сообщить дѣтямъ о принятомъ рѣшеніи, а она стала надъ нимъ смѣяться и съ присущей ей наглостью предложила облегчить ему эту задачу. Чтобъ подбодрить его, она врала всякій вздоръ, проходя по большимъ, парадным комнатамъ, мимо стѣнъ, увѣшанныхъ фамильными портретами, и, безъ сомнѣнія (какъ всегда, когда ей доводилось видѣть портреты нашихъ предковъ), она глумилась надъ суровыми лицами, смотрѣвшими съ нѣмымъ укоромъ на недостойнаго правнука, позорившаго своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ ихъ честь и доблестное, знатное имя.

— Можно къ вамъ?—спросила она, съ усмѣшкой на меня прищуриваясь.

— Дарья Алексѣевна непремѣнно хотѣла сдѣлать тебѣ визитъ,— поспѣшилъ подхватить папенька, проникая въ комнату за своей спутницей.

Я отвѣтила ей церемоннымъ реверансомъ и подошла къ папенькѣ, чтобъ поцѣловать его руку. Съ волненіемъ, плохо вяжущимся съ напущенною развязностью его словъ, крѣпко прижалъ онъ меня къ своей груди. Съ какимъ восторгомъ отвѣтила бы я на его ласки, еслибъ не чувствовала на себѣ насмѣшливаго взгляда его спутницы!

Ему тоже стало неловко подъ этимъ взглядомъ, и слегка оттолкнувъ меня, онъ шутливо замѣтилъ, что я плохо исполняю мои обязанности хозяйки.

— Предложила бы намъ сѣсть, угостила бы чѣмъ нибудь...

Съ этими словами онъ опустился на диванъ въ отдаленномъ углу комнаты и, не переставая смѣяться натянутымъ смѣхомъ, поглядывая то на меня, то на свою спутницу, объявилъ, что Дарьѣ Алексѣевнѣ захотѣлось взглянуть на платье, которое мнѣ вышиваютъ къ балу.

— Мы сейчасъ заходили въ царство Степаниды и любовались произведеніями ея Пенелопъ и Арахней... Ей, кажется, понравилось... Не правда ли, Дарья Алексѣевна?

Она презрительно передернула плечами. Какъ глупо должно было ей казаться это предисловіе, имѣвшее цѣлью подготовить меня выслушать рѣшеніе, которое они пришли мнѣ сообщить! Съ ея точки зрѣнія такія церемоніи съ дѣвчонкой, не имѣвшей ни малѣйшей возможности препятствовать старшимъ, должны были казаться вполнѣ безцѣльны и нелѣпы. Она поступила бы совершенно иначе на его мѣстѣ...

А я дрожала отъ ужаса при неотвязной мысли, что Сережа можетъ каждую минуту войти, и невольно взглядывала на дверь въ коридоръ, оставшуюся полурастворенной, не будучи въ силахъ ни на чемъ другомъ остановить мыслей. И вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовала, что отъ меня ждутъ какихъ-то словъ, которыя въ концѣ концовъ придется сказать, потому что бороться съ нею невозможно. Она всегда ставитъ на своемъ и пришла сюда, чтобъ мнѣ это доказать... Но что всего больше приводило меня въ отчаяніе — это увѣренность, что все это было условлено заранѣе между ними, и что нашъ дорогой, обожаемый папенька вошелъ съ нею въ стачку, чтобъ насъ погубить!

На меня точно ясновидѣніе какое-то нашло! Я угадала, для чего они пришли, и что́ именно я сейчасъ услышу...

Однако говорить при немъ она не рѣшилась. Потому ли что ей было его жаль (у него былъ, невзирая на усилія казаться спокойнымъ и даже веселымъ, такой удрученный видъ), или потому что она опасалась его вмѣшательства въ объясненіе, и что его присутствіе придастъ мнѣ смѣлости; такъ или иначе, но она рѣшила, что всего лучше его удалить, и обратилась къ нему съ просьбой принести свертокъ узоровъ, забытый будто бы ею въ его кабинетѣ.

Какъ онъ обрадовался! Какъ поспѣшно сорвался съ мѣста и какъ умоляюще взглянулъ на меня, прежде чѣмъ выйти изъ комнаты, оставляя меня вдвоемъ съ женщиной, которой онъ ужъ не въ силахъ былъ противиться, хотя и презиралъ ее всей душой!

— Мнѣ не совсѣмъ нравятся узоры, которые вы выбрали, Лиза,— начала она, когда шаги его по коридору, удаляясь, стихли.—Одно платье почти кончено, и надо его оставить такъ, какъ оно есть, но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ другое было вышито болѣе моднымъ и богатымъ узоромъ... Не удивляйтесь, что я позволяю себѣ вмѣшиваться въ ваши туалеты, моя милая, но со вчерашняго вечера я получила на это право отъ вашего отца...

Съ этими словами она пригнулась ко мнѣ такъ близко, что я невольно отшатнулась назадъ, чтобъ не чувствовать ея дыханія на моемъ лицѣ. Но мое брезгливое движеніе нимало ея не смутило, и она продолжала все съ той же лукавой усмѣшкой, отъ которой у меня дрожь пробѣгала по тѣлу:

— Да, моя милая, мы скоро будемъ жить вмѣстѣ и въ такомъ близкомъ родствѣ, что вамъ поневолѣ придется со мною подружиться... Хотите? Я не прочь, — продолжала она, протягивая мнѣ руку и не переставая при этомъ пронизывать меня пристальнымъ и властнымъ взглядомъ.

Въ ушахъ у меня звенѣло, и мысли все больше и больше путались. Я была близка къ обмороку и, чтобъ не упасть, оперлась на спинку стоявшаго возлѣ стула.

— Вамъ это кажется невозможнымъ? — снова начала она послѣ довольно продолжительнаго молчанія.—Но вы, можетъ быть, меня не поняли? Въ такомъ случаѣ я объяснюсь безъ обиняковъ: черезъ нѣсколько дней я буду женой вашего отца...

Столбнякъ, сковывавшій всѣ мои движенія и мысли, продолжался. Я стояла неподвижно, съ растеряннымъ взглядомъ и съ мучительной путаницей въ мозгу.

— Вамъ это непріятно?—спросила она, опуская руку, которую я не хотѣла взять.—Напрасно. Я такъ привязана къ вашему отцу, что изъ любви къ нему расположена быть съ вами очень доброй... вотъ увидите...

— А Сережа? — сорвалось у меня вдругъ съ языка, помимо воли и такъ стремительно, что я испугалась звука собственнаго голоса.

Она вспыхнула, и глаза ея злобно сверкнули. Но вспышка гнѣва длилась одно только мгновеніе, почти тотчасъ же овладѣла она собою.

— Вы думаете, что Сережа будетъ недоволенъ?—спросила она такимъ тономъ, что заподозрѣть ее въ томъ, что смыслъ моего вопроса ей понятенъ, было невозможно.—А я такъ увѣрена въ противномъ. Сережа меня знаетъ лучше васъ, мы съ нимъ давно

друзья. Онъ не ребенокъ и пойметъ, что вашему отцу, въ его лѣта, съ живостью его характера, невозможно оставаться до конца жизни вдовцемъ, и что для васъ же лучше, чтобъ онъ женился на мнѣ, чѣмъ на особѣ, совсѣмъ вамъ чужой. Меня и дѣдъ вашъ любилъ и цѣнилъ, у меня независимое состояніе; подозрѣвать, чтобъ я гонялась за чужимъ богатствомъ, никому и въ голову не придетъ, — прибавила она надменно.

И подождавъ немного возраженія, котораго не послѣдовало, — я объ одномъ только молила Бога, чтобъ онъ далъ мнѣ силъ не выдавать ни словомъ ни взглядомъ чувствъ, волновавшихъ мнѣ душу, — она принялась подробно излагать мнѣ всѣ выгоды, ожидавшія насъ отъ вторженія ея въ нашу семью въ качествѣ законной супруги нашего отца.

— Мы будемъ жить открыто, будетъ кому принимать гостей и вывозить васъ въ свѣтъ, тогда какъ теперь... да вотъ, напримѣръ, этотъ балъ, который вашъ отецъ собирается дать на праздникахъ, кто же поѣдетъ въ домъ, гдѣ хозяйкой дѣвочка, не имѣющая понятія о свѣтской жизни? Даже и приглашать на такой балъ неудобно. Отецъ вашъ это понялъ, когда одна изъ дамъ высшаго общества у него спросила: «ктожъ у васъ будетъ за хозяйку?» Онъ не зналъ, что отвѣтить, и со всѣхъ сторонъ на него посыпались рекомендаціи гувернантокъ и компаньонокъ, старыхъ грымзъ въ родѣ Постуланти, которая къ довершенію всего оказалась шпіонкой! Вашъ бѣдный папенька былъ такъ смущенъ и разстроенъ, что я надъ нимъ сжалилась и предложила ему замѣнить вамъ...

Но тутъ я такъ на нее посмотрѣла, что слово, готовое сорваться съ ея языка, не выговорилось.

— Извините мою, можетъ быть, неумѣстную претензію, но я такъ сужу: мертвыхъ не воскресишь, и надо быть благодарной людямъ, которые предлагаютъ вамъ хоть сколько нибудь облегчить ваше тяжелое, сиротливое положеніе... Вы и отца вашего будете чаще видѣть, когда у него будетъ открытый домъ, гдѣ будетъ шумно и весело. Скучать онъ не любитъ, какъ вамъ извѣстно...

Она была очень умна и при щекотливомъ объясненіи со мною доказала это какъ нельзя лучше. Съ сознаніемъ, что самое худшее свершилось, я чувствовала себя точно на самомъ днѣ глубокой пропасти, на краю которой долго и мучительно металась въ безпомощной тоскѣ и въ страхѣ. Каждый, кто пережилъ ужасы ожиданія неминуемой катастрофы у постели умирающаго дорогого существа или приговора суда надъ нимъ, пойметъ то чувство облегченія, которое я испытывала: это было чисто физическое облегченіе, какъ при переходѣ отъ одной муки къ другой. Представить себѣ, что́ именно ждетъ насъ дальше, я еще не могла, помню только, что когда она стала мнѣ доказывать, какъ много мы выиграемъ и въ матеріальномъ отношеніи отъ ея брака съ нашимъ отцомъ

мнѣ сдѣлалось обидно, я рѣзкимъ движеніемъ заставила ее смолкнуть на полусловѣ, и она съ злой усмѣшкой замѣтила:

— Вы, какъ я вижу, ничего въ денежныхъ дѣлахъ не понимаете. Но вся эта невинность со временемъ съ васъ слетитъ, и вы будете благодарны людямъ, позаботившимся о томъ, чтобъ вы не оставались при однихъ вашихъ глупыхъ мечтаніяхъ.

И повернувшись къ двери, она съ досадой прибавила:—Однако, чтожъ это нашъ князинька не идетъ? Хочетъ, вѣрно, дать намъ вдоволь наговориться.

— Я его позову,—поспѣшила я предложить, обрадованная случаемъ прекратить объясненіе.

— Зачѣмъ? Мы лучше сами къ нему пойдемъ. Узоръ для вашего платья можно и тамъ выбрать... Не желаете? Какъ вамъ будетъ угодно! Навязывать мою дружбу и общество насильно не въ моихъ правилахъ.

Съ этими словами она вышла, а я бросилась на кровать и дала волю душившимъ меня слезамъ.

Итакъ свершилось то, что ужъ давно у всѣхъ въ домѣ было на умѣ, но о чемъ даже шопотомъ боялись говорить. Напасть, висѣвшая надъ нами при жизни дѣда, насъ не миновала и послѣ его смерти... Бѣдная Люси, какъ сокрушалась она при мысли, что дѣдушка опозоритъ честь фамиліи позднимъ бракомъ съ проходимкой! Что скажетъ она, когда узнаетъ, что злодѣйкѣ ея удалось таки превратиться въ княгиню Б—кую, и что не даромъ хлопотала она заблаговременно отстранить всѣхъ, кто могъ, такъ или иначе, ей препятствовать достигнуть цѣли?

А Сережа? Какъ отнесется онъ къ этой новости? Этого я даже и представить себѣ не могла. Какое горе, что Шарля нѣтъ съ нами! Онъ узнаетъ про то, что у насъ произошло, ужъ тогда, когда бѣдѣ невозможно будетъ помочь.

Она сказала, что все будетъ совершено надняхъ, а письма доходятъ въ Петербургъ отъ насъ черезъ недѣлю! Нечего, значитъ, и думать о томъ, чтобъ Шарль предупредилъ графа о позорѣ, грозившемъ нашей семьѣ...

Меня позвали обѣдать. Жутко было встрѣчаться съ Сережей, но при первомъ взглядѣ на него, я убѣдилась, что ему ничего еще не извѣстно. Какъ всегда, задумчивымъ и озабоченнымъ пришелъ онъ въ столовую, разсѣянно поздоровавшись со мною, сѣлъ за столъ и весь обѣдъ не проронилъ ни слова. Но зато никогда не видѣли мы аббата такимъ оживленнымъ и разговорчивымъ, какъ въ этотъ достопамятный день. Точно задавшись цѣлью мѣшать намъ заниматься другъ другомъ, предлагалъ онъ мнѣ вопросы каждый разъ, когда замѣчалъ, что я смотрю на Сережу, и говорилъ до тѣхъ поръ, пока я, волей-неволей, не начинала его слушать.

Съ братьями онъ поступалъ точно также и раза два прерывалъ Рому, съ любопытствомъ спрашивавшаго меня:

— Почему глаза у тебя красные? Ты вѣрно плакала? О чемъ?

Я была благодарна аббату за то, что онъ избавляетъ меня отъ непріятныхъ объясненій, но прозорливость его меня безпокоила. Должно быть, причина моего разстройства ему извѣстна, когда онъ такъ ревниво оберегаетъ меня отъ докучливости маленькаго брата.

Не могло ускользнуть отъ меня и нетерпѣніе, съ которымъ онъ оборачивался къ двери при каждомъ шорохѣ, точно чего-то поджидая, а также выраженіе удовольствія, обозначившагося на его гладко выбритомъ лицѣ, съ длиннымъ тонкимъ носомъ и насмѣшливыми узкими губами, когда наконецъ въ столовую вошелъ папенька, въ сопровожденіи лакея съ подносомъ, уставленнымъ конфетами и виномъ въ покрытой паутиной бутылкѣ.

Нашъ аббатъ, большой руки лакомка, водившій дружбу съ буфетчикомъ, ради винъ и ликеровъ изъ барскаго погреба, которыми онъ его снабжалъ, повеселѣлъ при видѣ угощенія. Обрадовался и Рома лакомствамъ, но Сережа съ такимъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, что я въ смущеніи отвернулась отъ него.

«Неужели папенька при всѣхъ объявитъ о своемъ рѣшеніи?» — замелькала у меня въ умѣ мучительная мысль.

Опасеніе мое не сбылось. Не признаваясь ему ни въ чемъ, она, безъ сомнѣнія, сумѣла объяснить ему неудобство объявлять сыновьямъ, въ присутствіи аббата и прислуги о принятомъ ими рѣшеніи обвѣнчаться съ нею, и онъ ограничился тѣмъ, что, объявивъ о своемъ желаніи угостить насъ въ ознаменованіе событія, которое скоро всѣмъ будетъ извѣстно, съ улыбкой сталъ разливать по рюмкамъ, стоявшимъ передъ нами, вино и угощать насъ фруктами. При этомъ, чтобъ скрыть смущеніе, онъ не переставалъ шутить, а аббатъ, подхватывая на лету каждое его слово, ловко поддерживалъ разговоръ въ томъ направленіи, въ которомъ онъ былъ началъ, чтобъ не дать намъ опомниться.

Но цѣль эта не достигалась. Мы всѣ трое молчали. Даже Рома пересталъ радоваться сластямъ и вину, сверкавшему въ его бокалѣ, и посматривалъ то на меня, то на брата съ испугомъ въ широко раскрытыхъ глазахъ. А на Сережу было даже жутко смотрѣть. Съ первыхъ же словъ папеньки объ ожидавшемъ насъ сюрпризѣ онъ поблѣднѣлъ и, въ волненіи кусая себѣ губы, сидѣлъ неподвижно, опустивъ глаза на тарелку съ нетронутымъ угощеніемъ.

Папенька притворялся, что этого не замѣчаетъ, но отъ аббата ничего не могло ускользнуть, и, чтобъ скорѣе прекратить натянутое положеніе, грозившее кончиться скандаломъ, онъ объявилъ, что у нихъ урокъ математики, который не желательно было бы пропустить, и попросилъ позволенія увести своихъ воспитанниковъ въ классную.

Папенька немедленно на это согласился. Ему, безъ сомнѣнія, было очень тяжело разыгрывать принятую на себя роль. Я хотѣла выйти вмѣстѣ съ братьями, но онъ меня удержалъ.

— Останься со мною,—сказалъ онъ, обнимая меня за талью и уводя въ залу.

Нѣсколько минутъ прохаживались мы взадъ и впередъ молча, а затѣмъ, не останавливаясь и не глядя на меня, онъ спросилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ты никогда меня не разлюбишь, голубчикъ?

Слезы меня душили, и вмѣсто отвѣта я взяла его руку и поцѣловала ее.

— Ну, спасибо, спасибо, ты добрая дѣвочка и, я знаю, всегда мнѣ будешь хорошей дочерью... что бы ни случилось... Не надо словъ, мы и такъ понимаемъ другъ друга,—продолжалъ онъ, крѣпко обнимая меня и прерывая свою рѣчь поцѣлуями. — Пожалуйста, вѣрь мнѣ... я иначе не могъ поступить... твои выѣзды въ свѣтъ... карканье московскихъ воронъ, все это вздоръ, и на все это можно было бы наплевать... есть другія обстоятельства, которыя меня вынуждаютъ поступать такъ... какъ ты знаешь... Еслибъ не петля на шеѣ, развѣ бы я на это рѣшился?—продолжалъ онъ распространяться, со свойственной ему потребностью ничего не скрывать отъ тѣхъ, кого онъ любилъ.—Не могу я всего тебѣ сказать, моя душенька, да ты и не поймешь... И не надо тебѣ понимать гадости, рано! Я только хочу, чтобъ ты знала, что иначе я не могу поступить...

И, приподнявъ мою голову, которую я прижимала къ его плечу, онъ прибавилъ, заглядывая мнѣ въ лицо:—Скажи мнѣ, что ты меня любишь? Мнѣ надо это знать... Скажи мнѣ это, моя Лиза, это будетъ для меня большое облегченіе!

— Люблю васъ и всегда, всегда буду васъ любить, дорогой мой, драгоцѣнный папенька!—вскричала я рыдая.

Его тоже душили слезы, и онъ молча отвѣчалъ на мои ласки. Какъ онъ мнѣ былъ дорогъ, и какъ мнѣ его было жаль! Страданія такъ плохо вязались съ его блестящей, жизнерадостной натурой! Онъ совсѣмъ терялся передъ жизненными затрудненіями и хватался за первую поддержку, представлявшуюся передъ нимъ. Хорошо, когда поддержка эта являлась въ образѣ такого ангела, какимъ была наша покойная мать! Увы, на этотъ разъ судьба зло подшутила надъ нимъ. Онъ это сознавалъ, но еще далеко не вполнѣ, и, очарованный красотой и чуднымъ голосомъ злодѣйки, искренно вѣрилъ, что подъ грубой оболочкой у нея скрывается доброе сердце и жаждущая обновленія душа. Пороковъ ея онъ не видѣлъ, а недостатки приписывалъ дурному воспитанію и пагубнымъ примѣрамъ.

— Душенька моя,—началъ онъ, немного успокоившись и не выпуская меня изъ своихъ объятій, — ты, пожалуйста, ея не бойся, она далеко не такъ дурна, какъ всѣ думаютъ. Я ее хорошо знаю.

Она способна и на любовь и на великодушіе. Всего сказать я тебѣ не могу, но ты должна знать, что отъ нея зависѣло насъ окончательно разорить, однако она этого не сдѣлала, напротивъ... У меня и кромѣ того есть много доказательствъ ея сердечности и порядочности, она при случаѣ можетъ даже самаго предубѣжденнаго противъ нее человѣка изумить грандіозностью своихъ чувствъ и стремленій... Удивительно талантливая натура, каждый день открываю я въ ней что нибудь новое и интересное! Не мудрено, что покойный батюшка ни одного дня не могъ безъ нея обойтись, у нея даръ очаровывать людей... Но во всякомъ случаѣ въ обиду я васъ никому не дамъ,—поспѣшилъ онъ прибавить, сообразивъ, что ему не совсѣмъ прилично сознаваться передъ дочерью, которой не минуло еще шестнадцати лѣтъ, въ своихъ слабостяхъ и въ томъ, что такая женщина овладѣла его волей.—Дѣти моей незабвенной Анеты, моего ангела, всегда будутъ занимать первое мѣсто въ моемъ сердцѣ! Объясни это, пожалуйста, и братьямъ твоимъ. Сережа давно ужъ огорчаетъ меня своею угрюмостью и неблагодарностью къ Дарьѣ, которая къ нему всегда такъ добра! Онъ съ нею невѣжливъ, и ей это очень больно... Скажи ему, что, только благодаря ей, я дѣлаю видъ, что не замѣчаю его поведенія, она дала мнѣ слово употребить всѣ силы, чтобъ онъ исправился, созналъ свою вину передо мною и былъ бы, какъ прежде, добрымъ, веселымъ юношей, всѣмъ довольнымъ и за все благодарнымъ. Мы больше для него и торопимся кончить съ нашимъ дѣломъ, надо ѣхать въ Петербургъ, хлопотать о его помѣщеніи въ полкъ; ему вѣдь ужъ восемнадцать лѣтъ, давно пора! Ради Бога, объясни ему все это! Я просто боюсь съ нимъ говорить, у него такое выраженіе въ глазахъ, когда онъ на меня смотритъ, точно онъ меня ненавидитъ, право,—продолжалъ онъ съ улыбкой, но такой печальной и смущенной, что легче было бы его видѣть плачущимъ. — Увѣрь его въ моихъ чувствахъ къ вамъ, они неизмѣнны, вы мнѣ, до послѣдняго издыханія, будете дороже всѣхъ на свѣтѣ! Ничто въ мірѣ не можетъ меня заставить къ вамъ охладѣть!... Я вамъ это докажу. Вы увидите, что моя главная забота о васъ... Теперь мы будемъ видѣться чаще... мы будемъ ближе другъ къ другу... Она не помѣшаетъ, напротивъ, въ ней я могу найти то, что̀ вы мнѣ не можете дать, и она это понимаетъ, какъ нельзя лучше, у нея столько природнаго ума!... Ну, вотъ я и отвелъ съ тобою душу... ты представить себѣ не можешь, какъ ты меня утѣшила, я шелъ къ вамъ съ такимъ тяжелымъ чувствомъ, а теперь послѣ разговора съ тобой мнѣ гораздо лучше...

Послѣ разговора со мной! Онъ даже не замѣчалъ, что я не сказала ни слова! Ему казалось, что и я тоже открыла ему мою душу, какъ самъ онъ раскрывалъ мнѣ свою. Бѣдный, милый папенька! Правду говорила маменька, что у нея не трое дѣтей, а четверо, и что старшій изъ нихъ причиняетъ ей втрое больше заботъ и

огорченій, чѣмъ трое младшихъ. Она и умирая поручала не насъ ему, а его намъ. Съ каждымъ днемъ понимала я все лучше и лучше ея страданія, заботы и тревоги. Какъ ей страшно и тяжело было насъ покинуть! Воспоминаніе о ея послѣднихъ дняхъ, когда она безпрестанно повторяла мнѣ, чтобъ я любила папеньку и заботилась о немъ, воскресло передо мною въ эту минуту съ такою ясностью, что я приняла это за повелѣніе свыше и мысленно дала дорогой покойницѣ торжественную клятву выполнить ея завѣтъ. Внутренній голосъ, можетъ быть, ея голосъ, твердилъ мнѣ, что именно теперь настала минута, когда я буду нужна отцу, и что, кромѣ меня, у него никого нѣтъ на свѣтѣ. Мнѣ казалось, что у меня хватитъ силъ отказаться отъ личнаго счастья для него, и если я вспоминала про Шарля, то для того только, чтобъ пріобщить его къ подвигу самоотверженія, на который я рѣшилась посвятить всю мою жизнь. Тутъ же дала я себѣ слово не покидать домъ, пока новая хозяйка не выйдетъ изъ него. А что непремѣнно такъ и случится, я была вполнѣ увѣрена. Какъ бы тамъ ни было, но возбужденное настроеніе, въ которомъ я находилась весь этотъ день и послѣдующіе, помогло мнѣ перенести съ твердостью и самообладаніемъ дальнѣйшія событія.

. . . .

Про вѣнчаніе нашего отца съ «проходимкой», которое должно было произойти втайнѣ отъ всѣхъ, въ маленькой церкви въ глухой мѣстности, невзирая на всѣ предосторожности, весь домъ узналъ наканунѣ назначеннаго дня, но всѣ дѣлали видъ, что ничего не знаютъ, и только по мрачнымъ лицамъ старыхъ слугъ и по волненію молодыхъ можно было догадаться, въ какое отчаяніе приводитъ ихъ предстоящая перемѣна въ домѣ.

Однако, дѣлались кое-какія приготовленія къ пріему новой госпожи. На дѣдушкиной половинѣ пробили дверь въ стѣнѣ, чтобъ соединить одну комнату съ другой, обили новымъ штофомъ стѣны и подправили живопись на потолкахъ и надъ дверями. Въ концѣ декабря стали все чаще и чаще появляться ея люди, чтобы слѣдить за производившимися работами и указывать, какъ разставлять мебель, развѣшивать картины и тому подобное. Привозили ящики съ посудой, съ коврами, приносили огромныя зеркала, драгоцѣнную мебель, и все это въ такомъ множествѣ, что надо было дивиться, какъ находилось мѣсто, чтобъ все это разставить и развѣсить въ домѣ, наполненномъ съ чердаковъ до подваловъ всевозможнымъ добромъ, вѣками скопленнымъ богатыми и знатными барами. Извѣстно было, что у нея большой, прекрасный домъ на Арбатѣ, тоже до такой степени наполненный дорогими вещами, что отсутствіе тѣхъ, которыя вывезли изъ него въ нашъ домъ, почти не было замѣтно. И это подтвержденіе богатства «проходимки» усиливало таинственный страхъ, который она всѣмъ внушала. Попот-

комъ говорили, что она была безъ ума влюблена въ нашего отца еще при жизни нашей матери, и не прочь были обвинять ее въ томъ, что она способствовала смерти молодой княгини. Ее считали на все способной. Богъ знаетъ почему, съ цѣлью, можетъ быть, всѣхъ поразить своимъ появленіемъ въ нашъ домъ уже супругой хозяина, а, можетъ быть, чтобъ не видѣть насъ раньше, чѣмъ свершится фактъ, на который мы не могли иначе смотрѣть, какъ на величайшее для насъ несчастье, она не показывалась къ намъ съ того дня, когда приходила со мною объясняться на счетъ новой своей роли въ нашей семьѣ, но за то повадился къ намъ ея домоправитель и довѣренный человѣкъ, Христофоръ, маленькаго роста, худощавый старичекъ, смуглый, съ большими черными и живыми, какъ у юноши, глазами. Про его ловкость и выносливость разсказывали изумительныя вещи. Родомъ грекъ, онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ находился въ плѣну у морскихъ разбойниковъ, дѣлалъ съ ними набѣги на береговыя мѣстности Италіи, Франціи, разбойничалъ со своими повелителями и на нашемъ южномъ берегу попался вторично въ плѣнъ нашимъ и былъ проданъ помѣщику Матаваеву, отъ котораго вмѣстѣ со всѣмъ состояніемъ достался по духовному завѣщанію его вдовѣ, оцѣнившей таланты слуги и довѣрившейся ему вполнѣ. Говорили, что ему одному извѣстно, въ чемъ именно заключается ея состояніе, и какими средствами удесятерила она то, что ей досталось послѣ мужа. Говорили также, что только одинъ Христофоръ посвященъ въ тайны ея отца, сосланнаго въ Сибирь послѣ торговой казни на Саратовской конной площади.

Съ неменьшимъ страхомъ и отвращеніемъ относились и къ горничной ея, Ѳедосьѣ, для которой приготовили отдѣльное помѣщеніе въ комнатѣ рядомъ съ уборной ея госпожи.

Христофоръ же, вѣрный принятой на себя личинѣ смиренія, за что получилъ кличку «подхалюзы», объявилъ, что будетъ жить подъ лѣстницей на антресоли и ѣсть за общей трапезой съ людьми.

— Чтобъ подслушивать и ябедничать,—утверждали всѣ.

Но и отличіемъ, оказаннымъ Ѳедосьѣ, всѣ были недовольны, замѣчая, что старымъ, заслуженнымъ слугамъ, служившимъ вѣрой и правдой тремъ поколѣніямъ князей Б—хъ, нѣтъ такого почета, какъ хамкѣ проходимки, залѣзшей въ княгини безстыдствомъ и пронырствомъ, а, можетъ быть, чѣмъ нибудь и похуже.

— У нея такой глазъ, что, кого захочетъ, можетъ приворожить,—ворчали, покачивая головой, старухи.—Много силы даетъ нечистый тому, кто душу свою ему продастъ!—прибавляли къ этому таинственнымъ шопотомъ.

Во время этой суматохи Сережа всѣхъ изумлялъ своею сдержанностью и кажущимся равнодушіемъ. Онъ держалъ себя, точно ничего новаго въ домѣ не происходитъ, и такъ энергично откло-

нялъ всякую попытку заговорить съ нимъ о предстоявшемъ событіи, что я должна была отказаться исполнить порученіе папеньки. При первыхъ словахъ объ этомъ онъ запальчиво меня прервалъ замѣчаніемъ, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло.

— Но мнѣ папенька приказалъ тебѣ сказать...

— Напрасно онъ даетъ тебѣ такія порученія, это безсовѣстно съ его стороны! Скажи ему, что я отказался тебѣ отвѣчать и нахожу твое вмѣшательство въ это дѣло крайне неумѣстнымъ и неприличнымъ!

И, не дожидаясь моихъ возраженій, онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, шумно прихлопнувъ за собою дверь.

X.

Всѣ послѣдующіе затѣмъ дни мнѣ ни разу не удалось видѣть Сережу. Онъ былъ неразлученъ съ аббатомъ, приходилъ въ столовую вмѣстѣ съ нимъ, а когда наставнику его случалось замѣшкаться за столомъ, за стаканомъ вина или ликера, онъ уходилъ одинъ и ни на кого неглядя, а аббатъ, откинувшись на спинку стула, съ блаженной улыбкой любуясь прозрачной влагой, сверкавшей въ его стаканѣ, добродушно замѣчалъ, по-кошачьи щуря свои лукаво смѣющіеся глаза:

— Князь Сержъ такъ усердно занимается, что экзамена ему бояться нечего! Въ Россіи не много найдется молодыхъ людей, которые знали бы столько, сколько онъ знаетъ.

Время тянулось тоскливо, а между тѣмъ хотѣлось его задержать, такъ жутко было вспомнить про то, что насъ ожидало по окончаніи поста.

Наступили наконецъ праздники. Утромъ перваго дня, когда мы, послѣ обѣдни, пошли поздравлять папеньку, въ кабинетѣ его оказалось множество вещей, которыхъ тутъ прежде не было, и на которыхъ я боялась останавливать взглядъ, чтобъ не усилить его смущенія. И Сережа по сторонамъ не оглядывался, но когда папенька отошелъ къ бюро въ противоположномъ углу комнаты, чтобъ изъ него что-то такое вынуть, Рома, который не былъ посвященъ въ наши заботы, шепнулъ мнѣ, указывая на рабочій столикъ съ инкрустаціей, стоявшій передъ низкимъ кресломъ, обитымъ бархатомъ:

— Для кого принесли сюда этотъ столикъ, Лиза? Ужъ не тебѣ ли его хотятъ подарить?

Сережа нахмурился и довольно таки сурово приказалъ ему молчать, указывая на папеньку, который шелъ къ намъ съ двумя кошельками изъ краснаго шелка съ золотыми кольцами и съ маленькимъ сафьяннымъ футляромъ въ рукахъ.

Кошельки, наполненные золотомъ, онъ подарилъ братьямъ, а мнѣ подалъ футляръ съ сверкавшимъ на бѣломъ атласѣ брилліантовымъ гребнемъ.

— Вотъ тебѣ, Лиза,—сказалъ онъ съ чувствомъ.—Этимъ гребнемъ былъ приколотъ подвѣнечный вуаль твоей покойной матери. Дай тебѣ Богъ выполнить, какъ она, клятву, данную ею быть мнѣ до конца жизни вѣрнымъ другомъ. Ты надѣнешь этотъ гребень, когда мы повеземъ тебя къ вѣнцу...

Я поцѣловала его руку, онъ ко мнѣ пригнулся и крѣпко прижалъ меня къ своей груди. Обласкалъ онъ также и Рому, на Сережу же только пристально и укоризненно посмотрѣлъ, какъ бы ожидая слова нѣжности и раскаянія, но Сережа, съ трудомъ сдерживая волненіе, молчалъ, опустивъ глаза, и, еще разъ поцѣловавъ меня съ меньшимъ братомъ, папенька съ глубокимъ вздохомъ насъ отпустилъ.

Дойдя до двери, я обернулась и увидала, что онъ смотритъ намъ вслѣдъ. Лицо его было такъ грустно, что еслибъ я послѣдовала влеченію сердца, то вернулась бы, чтобъ его еще разъ обнять, но боязнь его обезпокоить меня удержала.

Прошло еще нѣсколько дней. Всѣмъ казалось, что скоро конецъ ожиданіямъ, и что новая ненавистная хозяйка вступитъ въ домъ. Очень можетъ быть, что многимъ даже было извѣстно, въ какой именно день свершится это событіе, но никто про это не говорилъ. Помню, что утромъ рокового дня я проснулась въ такомъ тревожномъ настроеніи и съ такою щемящею болью въ сердцѣ, что тотчасъ же подумала: «не сегодня ли?»

Однако мнѣ удалось отогнать эту мысль, и я провела утро въ обычныхъ занятіяхъ, ни о чемъ особенномъ не помышляя. Подъ вечеръ, когда стало темнѣть, вмѣсто того, чтобъ зажечь свѣчи, я прошла въ проходную, длинную комнату, въ родѣ галлереи, называемой зеркальною отъ множества зеркалъ, въ которыхъ отражались растенія, которыми она была уставлена, подошла къ большому венеціанскому окну, выходившему на большой дворъ, и стала изъ него смотрѣть, безъ всякой цѣли, чтобъ только не оставаться одной въ моей комнатѣ, гдѣ каждый предметъ навѣвалъ на меня тяжелыя воспоминанія и печальныя предчувствія. Но мало-помалу то, что я увидѣла, такъ меня заинтересовало, что я уже не могла оторваться отъ окна и съ возрастающимъ любопытствомъ и жгучимъ нетерпѣніемъ ждала, что будетъ дальше. Сначала, среди темнаго двора, казавшагося огромнымъ отъ пустоты, показался сторожъ Степанъ съ засмоленнымъ факеломъ, которымъ онъ зажегъ фонари у подъѣзда. Дворъ освѣтился настолько, что стало видно людей, молчаливо и торопливо перебѣгавшихъ мимо дома къ надворнымъ строеніямъ и обратно къ крыльцу. Вскорѣ и лѣстница освѣтилась, безъ сомнѣнія, люстрой, висѣвшей въ вестибюлѣ, потому

что яркій свѣтъ разлился по площадкѣ передъ подъѣздомъ, съ котораго спустился папенькинъ камердинеръ въ праздничномъ ливрейномъ фракѣ, кисейномъ бѣломъ жабо, напудренный, въ чулкахъ и башмакахъ, съ серебряными пряжками. Вскорѣ появился рядомъ съ нимъ и Христофоръ, тоже одѣтый по-праздничному, а затѣмъ, вѣроятно, по ихъ приказанію, выскочилъ на дворъ казачекъ, пустившійся бѣжать со всѣхъ ногъ мимо дома, и, миновавъ кусты и деревья у стѣнъ, скрылся по направленію задняго двора. Немного погодя, двое людей направились къ воротамъ и растворили ихъ, а еще минуты черезъ двѣ по переулку раздался грохотъ колесъ, и карета четверней въѣхала на дворъ. За нею, почти одновременно, послѣдовала другая, и обѣ подкатили къ крыльцу.

Остановились онѣ какъ разъ въ пространствѣ, освѣщенномъ люстрой изъ вестибюля и фонарями у подъѣзда, и я тотчасъ же узнала одного изъ молодыхъ людей, выскочившихъ изъ кареты, не дожидаясь, чтобъ лакеи откинули имъ подножки. Это былъ Варжаевъ.

Перекинувшись на ходу нѣсколькими словами, гости скрылись подъ навѣсомъ подъѣзда, и дворъ, съ растворенными воротами на темный переулокъ, снова опустѣлъ, но не надолго. Явился толстый поваръ Огюстъ съ поварятами, державшими въ рукахъ корзины, и всѣ спустились въ подвалъ съ винами и заграничными фруктами, хранившимися за маленькой дверью, на половину скрытой въ землѣ, между кустами, подъ тѣмъ самымъ окномъ, изъ котораго я смотрѣла.

Это означало, что готовится парадный ужинъ.

И вдругъ полная луна, прятавшаяся до сихъ поръ за густой мглой, выглянула изъ-за своего туманнаго покрывала и залила весь дворъ мягкимъ серебристымъ блескомъ, въ которомъ внезапно потускнѣлъ и пожелтѣлъ свѣтъ люстры и фонарей. Выступили въ этомъ блескѣ отъѣхавшія въ сторону кареты и каменная ограда съ разинутой пастью растворенныхъ воротъ, засверкали покрытыя инеемъ деревья у домиковъ на противоположной сторонѣ переулка, а когда по данному знаку выѣздного, Алексѣя, подъѣхала наша карета и на крыльцѣ появились пріѣхавшіе раньше посѣтители съ папенькой, было такъ свѣтло, что я могла различить не только его нарядъ между складками распахнувшагося чернаго бархатнаго плаща, но также и выраженіе его блѣднаго лица, съ неестественной улыбкой. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ экипажъ, онъ поднялъ голову и устремилъ глаза на окно, у котораго я стояла. Видѣть меня онъ не могъ, меня окружалъ мракъ, но, тѣмъ не менѣе, я невольнымъ движеніемъ подалась назадъ и чуть не вскрикнула отъ испуга, когда меня крѣпко обняли чьи-то сильныя руки.

Это былъ Сережа.

Съ какихъ поръ стоялъ онъ тутъ, за моей спиной, слѣдя за

тѣмъ, что происходило на дворѣ, мнѣ и въ голову не пришло спросить, такъ поразила меня его блѣдность и скорбное выраженіе его глазъ, когда онъ выступилъ вмѣстѣ со мною въ кругъ луннаго блеска, разлившагося по окну, къ которому мы опять придвинулись, когда шумъ отъѣхавшаго экипажа достигъ до нашихъ ушей.

Дворъ опустѣлъ и, должно быть, надолго, потому что люди, провожавшіе господъ, заперѣвъ ворота, разбрелись въ разныя стороны. Но фонарей не погасили, и люстра продолжала горѣть въ сѣняхъ.

— Вѣнчаться поѣхалъ,—чуть слышно и глухо проговорилъ Сережа, не спуская пристальнаго взгляда съ того мѣста, гдѣ сейчасъ стояла карета, и не замѣчая крупныхъ слезъ, навертывавшихся на его глаза.

Онѣ катились по его щекамъ, но онъ ихъ не чувствовалъ. Мнѣ стало невыразимо его жаль, и я крѣпко его обняла, умоляя его успокоиться и сказать мнѣ, что̀ съ нимъ.

Но онъ молчалъ, продолжая смотрѣть въ пустое пространство и не отвѣчая на мои ласки.

Долго простоялъ онъ въ оцѣпенѣніи и не будучи въ состояніи искать облегченія терзавшимъ его мукамъ. Наконецъ, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и произнесъ чуть слышно:

— У насъ нѣтъ больше отца, Лиза. Онъ вернется оттуда съ нею, и она займетъ мѣсто нашей дорогой покойницы...

— Никогда она ея мѣста не займетъ!—вскричала я.

И вдругъ мнѣ показалось, что наступила самая удобная минута поговорить съ нимъ по душѣ, передать ему то, что я сказала папенькѣ, и узнать, что у него на умѣ. Давно ужъ мучило меня предчувствіе, что онъ замышляетъ нѣчто недоброе, но въ эту минуту предчувствіе мое смѣнилось увѣренностью, и я молила Бога помочь мнѣ предотвратить бѣду.

Въ углубленіи комнаты стоялъ диванъ, до котораго лунный свѣтъ не доходилъ, и гдѣ было совершенно темно. Я потащила его туда. Онъ не сопротивлялся, когда я посадила его рядомъ со мной, обнялъ меня, какъ бывало два года тому назадъ, и когда мы дѣтьми забивались въ таинственные уголки, чтобъ вспоминать про маменьку и про нашу жизнь съ нею въ маленькомъ домикѣ близъ Басманной. Позже мы уединялись, чтобъ толковать о нашихъ планахъ относительно освобожденія Франціи отъ злодѣя Бонапарта, и тогда къ намъ присоединялся Шарль. Какъ все перемѣнилось съ тѣхъ поръ! Шарль былъ далеко, а любимый мой братъ, съ которымъ я привыкла съ ранняго дѣтства дѣлиться и горемъ и радостью, такъ далеко ушелъ отъ меня душой, что я даже и представить себѣ не могу, о чемъ онъ думаетъ и чѣмъ мучится. Я только видѣла, что онъ страдаетъ, и чувствовала, что ничѣмъ не могу облегчить его мукъ.

Но, тѣмъ не менѣе, я попыталась заглянуть ему въ душу.

— Сережа,—начала я послѣ довольно продолжительнаго молчанія,—папенька просилъ меня тебѣ сказать, что она никогда не вытѣснитъ насъ изъ его сердца. Надо ему вѣрить. Онъ очень несчастливъ, и мы не имѣемъ права отказывать ему въ нашей любви и довѣріи именно теперь, когда онъ въ этомъ нуждается. Мы должны его жалѣть...

— За что?—спросилъ онъ отрывисто.

— За-то, что иначе онъ поступить не могъ... Не намъ его судить, Сережа. Ему должно быть очень тяжело, вѣдь онъ ее хорошо знаетъ и не можетъ ее любить...

— Не говори глупостей!—прервалъ онъ меня.

— Я повторяю тебѣ его слова.

— Мнѣ бы онъ этого не сказалъ.

— Онъ нашъ отецъ, Сережа!

— Къ несчастью, да.

— Ради Самого Бога не ропщи на него! Роптать на отца—это такой страшный грѣхъ!... Вспомни, какъ терпѣливо все сносила маменька...

— Не напоминай мнѣ про нее!—вскричалъ онъ, вырываясь изъ моихъ объятій.

Но я его не выпустила и заставила опуститься на прежнее мѣсто.

— Сережа, милый, останься со мной еще минуту! Богъ знаетъ, когда намъ еще удастся съ тобой поговорить!—умоляюще протянула я, обнимая его.

— Правда, Богъ знаетъ когда!—согласился онъ со вздохомъ.

— Роптать на отца это такой страшный грѣхъ,—повторила я, не зная, какъ подойти къ тому, что мнѣ надо было ему сообщить.

— Если грѣхъ, то я сумѣю его искупить,—мрачно возразилъ онъ,—искупить страданіями цѣлой жизни. Я—погибшій человѣкъ, Лиза,—произнесъ онъ съ убѣжденіемъ.

— Сережа!

— Да, но не во мнѣ дѣло, а въ тебѣ. Я хотѣлъ тебѣ сказать...

— Нѣтъ, ты мнѣ прежде скажи, почему ты считаешь себя погибшимъ? Это страшный вздоръ, вѣдь тебѣ только восемнадцать лѣтъ, у тебя вся жизнь впереди...

— Сестричка моя родная, у меня, кромѣ ужаса, ничего впереди нѣтъ!

— Неправда, неправда! есть множество людей гораздо несчастнѣе тебя! Имъ приходится бороться съ врагами отвратительнѣе Матаваевой... У нихъ все отнято, всѣ близкіе, родина, состояніе, они обречены молча и въ безсильной злобѣ присутствовать при торжествѣ злодѣя...

— Ты говоришь про Шарля? Ну, жаль, что его нѣтъ тутъ съ нами, онъ самъ бы тебѣ сказалъ, что не промѣнялъ бы своей судьбы на мою, даже еслибъ случилось, что у него отняли бы то, что

составляетъ величайшее благо его души—твою любовь. Спроси у него, онъ скажетъ, что я говорю правду,—прибавилъ онъ съ горечью.

— Зачѣмъ мнѣ у него спрашивать, ты мнѣ самъ лучше скажи, чѣмъ ты несчастливъ?

— Не могу я тебѣ этого сказать.

— А ему ты сказалъ?

— Онъ самъ узналъ.

Опять наступило молчаніе. Мы продолжали сидѣть обнявшись, и я чувствовала его слезы на моей щекѣ, къ которой онъ прижимался лицомъ. Одной рукой онъ обнималъ меня, другую я держала въ своихъ рукахъ, и мысли самаго безотраднаго свойства не переставали кружиться въ моей головѣ.

— Неужели ты такъ несчастливъ потому только, что папенька на ней женится?—спросила я наконецъ, не столько чтобъ получить отвѣтъ на мой вопросъ, какъ для того, чтобъ прервать томительное молчаніе.

— Да, Лиза, отъ этого,—произнесъ онъ.

— Но вѣдь ты здѣсь не останешься...

— Никуда отъ себя не уйдешь,—прервалъ онъ меня съ раздраженіемъ.

Что было на это сказать? Въ умѣ у меня завертѣлись сравненія. Въ невѣдѣніи моемъ я позволила себѣ сравнивать его положеніе съ моимъ и упрекать его въ эгоизмѣ, но при видѣ жгучей душевной боли, подъ которой онъ изнемогалъ, я, разумѣется, не позволила себѣ выразить вслухъ этого обвиненія.

Наконецъ, совладавъ съ собой, онъ продолжалъ болѣе спокойно:—Ты говоришь объ отъѣздѣ, а мнѣ это-то и тяжело, что я долженъ покинуть тебя и Рому, ничего вамъ не объяснивъ. Но когда нибудь вы все узнаете и скажете: «если онъ былъ преступенъ, то сумѣлъ самъ произнести надъ собою приговоръ и наказать себя»... Да, преступенъ,—продолжалъ онъ, предупреждая восклицаніе, готовое сорваться съ моихъ губъ.—Несчастье мое иначе, какъ преступленіемъ, назвать нельзя, и въ этомъ его ужасъ. Не допытывайся узнать, въ чемъ оно состоитъ, сестра, заклинаю тебя Богомъ, памятью нашей матери, твоею любовью къ Шарлю, всѣмъ, что у тебя самаго дорогого и святого въ сердцѣ, не допытывайся узнать раньше времени, за что я обрекаю себя на изгнаніе, успокойся на томъ, что твоему будущему мужу все извѣстно, и что онъ не осуждаетъ моего намѣренія!

— Не могу я на этомъ успокоиться, Сережа! Какъ ни люблю я Шарля...

— Люби его,—поспѣшилъ онъ дать другой оборотъ разговору.—Ты будешь съ нимъ счастлива. Я въ этомъ убѣжденъ. То, что составитъ мое несчастье, будетъ, по всей вѣроятности, способствовать

вашему благополучію. И я этому радъ. Это мое единственное утѣшеніе, потому что я васъ очень люблю обоихъ,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

Невзирая на страхъ и на тоску, мнѣ было отрадно слышать, что въ мысляхъ своихъ и чувствахъ онъ ужъ не раздѣляетъ меня отъ Шарля.

— Но вѣдь ты еще не скоро насъ покинешь?—спросила я, тревожно заглядывая ему въ глаза.

Пока мы бесѣдовали, въ залѣ зажгли лампы, и свѣтъ отъ нихъ достигъ черезъ растворенную дверь до уголка, гдѣ мы сидѣли. Я уже могла различать черты дорогого лица и большіе темные глаза, устремленные на меня съ невыразимою нѣжностью.

— Нѣтъ, нѣтъ, нескоро,—поспѣшилъ онъ отвѣтить.

— Правда? Мы еще поживемъ вмѣстѣ? До пріѣзда Шарля? Мнѣ было бы такъ жутко оставаться теперь здѣсь одной...

— Знаю, знаю, милочка! Успокойся, ты долго одна не останешься. Я получилъ отъ него письмо, онъ торопится пріѣхать.

— А ты?

— Дѣло его налаживается,—продолжалъ онъ, не вслушиваясь въ мой вопросъ.—Война съ Наполеономъ неизбѣжна, и онъ поступилъ въ полкъ. Пріѣдетъ сюда офицеромъ и зашлетъ за тебя сватомъ своего покровителя, графа,—прибавилъ онъ съ улыбкой, плохо вязавшейся съ печальнымъ выраженіемъ его глазъ.

— А ты? А ты?—повторяла я настойчивѣе прежняго.

И, схвативъ его руку, прижалась къ ней губами.

— Сестренка моя родная, не пытай ты меня, ради Самого Бога!—проговорилъ онъ задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— Но вѣдь ты останешься здѣсь до его пріѣзда, не правда ли?

— Останусь, останусь, не безпокойся! А теперь намъ пора разстаться. Надо лечь спать. Они сейчасъ пріѣдутъ, и онъ можетъ насъ спросить... Всего будетъ лучше, если ему скажутъ, что мы уже въ постели, не такъ ли? Чѣмъ позже мы съ ними увидимся, тѣмъ лучше будетъ...

— А ты?

— И я также увижу ихъ только завтра,—объявилъ онъ, поднимаясь съ мѣста и прислушиваясь къ шагамъ, раздававшимся по дому.—Пойдемъ скорѣе, мы только-только успѣемъ улечься до ихъ пріѣзда. Слышишь? Ужъ идутъ ихъ встрѣчать...

Онъ взялъ меня за руку и поспѣшно прошелъ со мною черезъ большую залу въ коридоръ, въ концѣ котораго была дверь въ мою комнату.

У этой двери, какъ ни умоляла я его войти ко мнѣ, хоть на минуту, онъ крѣпко меня обнялъ и торопливо, не оглядываясь назадъ, удалился.

Тутъ я ужъ не выдержала тоскливаго предчувствія, сжавшаго

мнѣ сердце, и такъ громко Сережу окликнула, что испугалась звука собственнаго голоса, гулко раскатившагося по коридору.

Онъ вернулся. Я втащила его въ мою комнату, и мы молча обнялись.

— Ну, прощай,—сказала я наконецъ, когда по суматохѣ, поднявшейся въ домѣ, я догадалась, что новобрачные вернулись изъ церкви.

Ни слова больше не было произнесено между нами. Мы разстались и, увы, надолго!

XI.

Когда на слѣдующій день я, послѣ безсонной ночи, поднялась съ постели, Степанида вошла ко мнѣ съ такимъ разстроеннымъ лицомъ, что я тотчасъ же вспомнила Сережу, и сердце забилось отъ предчувствія бѣды.

Оно не обмануло меня: не успѣла я еще ничего спросить, какъ она, заливаясь слезами, объявила, что князя Сергѣя Борисовича нигдѣ не могутъ найти.

— Должно быть, ночью изволили уйти изъ дому. Почивать не ложились, постель ихняя, какъ ее приготовили вчера на ночь, такъ и стоитъ не смятая. Аббатъ ужъ въ кварталъ ѣздилъ, тамъ ему обѣщали всю полицію на ноги поставить, чтобъ нашего молодого князя розыскать... Только гдѣ ужъ!

Она залилась слезами.

Я стала ее разспрашивать, и она рыдая передала мнѣ слухи, ходившіе по дому про этотъ побѣгъ. Всѣ сочувствовали молодому князю, понимая его поступокъ, какъ протестъ противъ женитьбы отца на проходимкѣ. Никого не удивляло его бѣгство, и онъ вдругъ сдѣлался такъ всѣмъ милъ, что участіе къ нему отразилось и на насъ. Степанида увѣряла, что вся дворня насъ жалѣетъ, и нѣтъ между ними человѣка, который не считалъ бы за счастье доказать намъ свою преданность и любовь.

— Но куда же онъ ушелъ?—спросила я.—Неужели никто въ домѣ не догадывается?

— Какъ не догадывается! Безъ совѣтчиковъ тоже не обошлось,—отвѣчала она, понижая голосъ и боязливо оглядываясь на дверь.

— Ужъ не къ дядѣ ли онъ ушелъ?--вскричала я, обрадовавшись новой мысли, блеснувшей у меня въ головѣ.

Она печально покачала головой.—Нѣтъ, барышня, въ Радостное хоша и послали верхового, но только напрасно, тамъ его не найдутъ...

— Ты знаешь, гдѣ онъ?—спросила я, пристально на нее глядя.

— Что всѣ знаютъ, то и я,—сдержанно отвѣчала она, смущаясь подъ моимъ взглядомъ.—Болтаютъ про цыганъ, будто бродилъ одинъ изъ нихъ, красивый такой, Алешкой звать, по нашему пе-

реулку, и будто молодой князь выходилъ къ нему въ садъ. Но вѣдь цыганъ этотъ и раньше къ нимъ хаживалъ, и даже на антресоляхъ у молодыхъ господъ его видѣли...

— Въ домѣ? у братьевъ въ комнатѣ?—вскричала я съ ужасомъ.— Не можетъ этого быть!

— Извольте у Сашки спросить, если мнѣ не вѣрите. Но онъ, можетъ, не скажетъ,—поспѣшила она прибавить,—къ такому чорту попасть въ лапы, какъ Христофоръ, не всякій тоже рѣшится...

— Черезъ меня никто не попадется, можешь быть покойна,— поспѣшила я заявить.

— Я знаю, барышня, потому я вамъ, какъ попу на духу, все до крошечки бы сказала, кабы знала что нибудь, вы меня не погубите... Я хотѣла васъ вотъ о чемъ еще просить: явите божескую милость, возьмите меня къ себѣ, когда замужъ будете выходить, не оставляйте у проходимки,—прибавила она, кидаясь передо мною на колѣни и цѣлуя мои руки.

Я дала ей слово исполнить ея желаніе и, замѣтивъ, что этого ей недостаточно, поклялась ей передъ образомъ, что выпрошу у папеньки, какъ милость, чтобъ онъ мнѣ ее отдалъ въ полную зависимость, закрѣпостилъ бы ее за мною.

Только тутъ успокоилась она. И признаюсь откровенно, мнѣ и самой стало легче. Я была такъ одинока и безпомощна въ домѣ отца послѣ того, какъ Сережа насъ покинулъ, что беззавѣтная преданность крѣпостной дѣвушки казалось мнѣ поддержкой и утѣшеніемъ.

— А папенька знаетъ, что Сережа ушелъ?—спросила я.

— Теперь имъ ужъ, навѣрное, доложили. Я повстрѣчала Камарку, когда бѣжала къ вашей милости... Да вотъ они и сами идутъ,—объявила она, поспѣшно убѣгая въ уборную.

Едва успѣла она скрыться, какъ дверь растворилась, и на порогѣ показался папенька, такой блѣдный и разстроенный, что я поняла, что ему все извѣстно.

И дѣйствительно, не поздоровавшись со мною, не замѣчая, что я цѣлую его руку, онъ тотчасъ же прерывающимся отъ волненія голосомъ заговорилъ про Сережу.

— Слышала? Убѣжалъ изъ дому! Не даромъ опасался я за него послѣднее время... Послушай,—продолжалъ онъ, опускаясь на диванъ,—я хотѣлъ вотъ о чемъ тебя спросить: помнишь, на прошлой недѣлѣ я просилъ тебя съ нимъ переговорить? Сдѣлала ты это?

Я передала ему подробности моей неудавшейся попытки.—Онъ объявилъ,—прибавила я,—что ничего мнѣ не скажетъ, и чтобъ вы сами у него спросили, почему онъ невѣжливъ съ...

Произнести имя его новой супруги онъ не далъ и прервалъ меня замѣчаніемъ, что напрасно я ему этого раньше не сообщила.

— Ничего бы тогда не произошло, я сумѣлъ бы его урезонить,

ты во всемъ виновата!—вскричалъ онъ, срываясь съ мѣста и принимаясь ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ всегда, когда онъ былъ чѣмъ нибудь сильно разстроенъ.

Я молчала, выжидая, чтобъ онъ самъ вспомнилъ: была ли у меня возможность говорить съ нимъ о чемъ либо серіозномъ послѣднія двѣ недѣли? Видѣла я его за это время, безъ братьевъ, одинъ только разъ, когда онъ приходилъ съ Матаваевой объявить мнѣ о своемъ намѣреніи въ самомъ непродолжительномъ времени съ нею обвѣнчаться.

Онъ самъ это сообразилъ и, остановившись передо мною, продолжалъ ужъ не запальчиво, а съ горечью:—И какъ ему не стыдно было насъ такъ огорчить! Вѣдь какъ тамъ про нее ни судятъ, и какая она ни на есть, а все же она женщина, любитъ меня, до безконечности тронута тѣмъ, что я ей далъ мое имя... И въ такой торжественный для нея день такая вдругъ обида отъ старшаго изъ моей дѣтей! Вѣдь это, мало того, что неприлично, это жестоко съ его стороны!.. Неужели ты этого не находишь? Неужели и ты тоже думаешь, что дѣти имѣютъ право судить своихъ родителей и наказывать ихъ?—прибавилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ и со слезами на глазахъ.

Я молча взяла его руку и поцѣловала ее.

— Послѣднее время я только о немъ и думалъ,—продолжалъ онъ.—Даже и свадьбу раньше справилъ, чтобъ свободнѣе ѣхать въ Петербургъ... Неудобно было оставлять весь домъ на попеченіе такой молоденькой дѣвушки, какъ ты. Дарья все же особа опытная, и съ людьми справится, и съ хозяйствомъ... Еслибъ ты видѣла, какъ ее разстроило извѣстіе о глупой выходкѣ Сергѣя! Насилу могъ я ее успокоить! Она была такъ увѣрена, что онъ къ ней привязанъ! Вѣдь онъ не то, что ты, онъ ее хорошо знаетъ, бывалъ у нея, она всегда его ласкала, баловала... Нѣтъ, знаешь, чѣмъ больше объ этомъ думаешь, тѣмъ больше удивляешься неблагодарности сквернаго мальчишки!.. Да, мальчишка! Трудно повѣрить, что ему скоро девятнадцать лѣтъ... Въ его лѣта ужъ служатъ, имѣютъ подъ начальствомъ людей, женятся, а этотъ!.. Удрать изъ родительскаго дома, безъ бумагъ, безъ денегъ... Не взялъ даже съ собою драгоцѣнныхъ вещей, золотые часы, брильянтовыя пуговицы, кошелекъ съ червонцами, который я подарилъ ему на Рождество, все, все это осталось въ его бюро. И что онъ хочетъ этимъ доказать? Что́ ему легче обязываться чужимъ, чѣмъ родному отцу? Такъ вѣдь это же мерзость! Непростительное преступленіе передо мной! Я ему этого никогда не прощу! Никогда!—повторялъ онъ, постепенно возбуждая себя собственными словами все больше и больше.—Если онъ воображаетъ, что я буду о немъ безпокоиться, то онъ очень ошибается. И не подумаю! Я

бы хотѣлъ, чтобъ онъ дольше не нашелся, пусть попробуетъ бродячей жизни, пусть! лучше будетъ цѣнить то, что потерялъ...

И вдругъ мѣняя тонъ:—И куда это только онъ отправился? Какъ ты думаешь? Надо надѣяться, что не далеко, морозъ градусовъ въ двадцать, а онъ настолько былъ глупъ, что даже шубы не надѣлъ... Боялся вѣрно, чтобъ не услышали въ прихожей... Его шуба виситъ въ проходной, возлѣ буфетной, а тамъ Филиппъ по близости спитъ. Хоть бы мой охотничій тулупчикъ надѣлъ, въ немъ и въ тридцать градусовъ не замерзнешь... Нѣтъ, знаешь, твой братъ совсѣмъ идіотъ: чѣмъ больше я думаю про дурацкую штуку, которую онъ выкинулъ, тѣмъ больше убѣждаюсь въ этомъ... И я тоже бѣгалъ въ его лѣта изъ родительскаго дома, но не одинъ, а съ хорошенькими женщинами,—прибавилъ онъ съ улыбкой, забывая о причинѣ, заставившей его прійти ко мнѣ въ такой торжественный для него день. Внѣ себя отъ тревоги и волненія, забыла и я про то, что случилось наканунѣ, но онъ про это вспомнилъ и, прежде чѣмъ уйти, объявилъ мнѣ, чтобы я одѣлась понаряднѣе къ обѣду.

— Дарья намѣревается поставить нашъ домъ на семейную ногу, и, признаться сказать, я этому очень радъ. Съ сегодняшняго дня мы будемъ обѣдать и ужинать всѣ вмѣстѣ, и такимъ образомъ я каждый день буду съ вами видѣться. Пожалуйста, душенька,—прибавилъ онъ съ смущенной улыбкой, которая всегда у него являлась, когда онъ упоминалъ ея имя,—постарайся съ нею сойтись. Она вовсе не такая дурная, какъ всѣ про нее думаютъ, и очень къ вамъ расположена. Къ тому же, вѣдь ужъ дѣло сдѣлано, его не передѣлаешь, и, право же, несравненно будетъ лучше, если мы всѣ будемъ жить въ добромъ согласіи, чѣмъ съ утра до вечера коситься другъ на друга. Ты меня очень успокоишь, если уговоришь Рому быть умнымъ мальчикомъ и добрымъ сыномъ. Я на тебя разсчитываю не только, какъ на дочь, но и какъ на друга... Постараешься исполнить мою просьбу? Да?

— Постараюсь,—отвѣчала я вполнѣ искренно.

Лицо его просіяло, и онъ меня крѣпко обнялъ.

— Спасибо, дружочекъ. А на счетъ Сережи очень не безпокойся, онъ скоро найдется. Дарья убѣждена, что онъ ужъ и теперь, безъ сомнѣнія, раскаивается въ своемъ глупомъ поступкѣ и будетъ очень радъ вернуться домой. Ну, до свиданія, душенька. Можешь до обѣда туда не приходить,—кивнулъ онъ на дверь въ коридоръ.—Къ обѣду тебя позовутъ. У насъ сегодня гости... одѣнься поавантажнѣе.

Послѣднія слова онъ произнесъ уже за дверью, поспѣшно удаляясь и оставляя меня спокойнѣе, чѣмъ тогда, когда онъ пришелъ. Увѣренность его въ томъ, что выходка Сережи не что иное, какъ дѣтская шалость, которая останется безъ послѣдствій, не

могла мнѣ не сообщиться. Впрочемъ, долго размышлять о случившемся мнѣ не дали; явилась Степанида съ платьемъ, которое надо было привести въ порядокъ къ обѣду, и, волей-неволей пришлось простоять добрый часъ передъ зеркаломъ, пока она закладывала складки на лифѣ и равняла воланы на юбкѣ.

Ползая вокругъ меня на колѣняхъ по полу, съ булавками во рту, и она по временамъ бросала отдѣльныя фразы, по которымъ я могла судить о всеобщемъ настроеніи къ домѣ.

— Ужъ за хозяйство принялась... Сама по кладовымъ ходила, сервизы выбирала... велѣла голубой вынуть, а цвѣтные спрятать... Ѳедосья ейная всѣмъ таперича распоряжается, нашимъ не довѣряетъ... Ѳедоръ Карпычъ говоритъ: «въ дворники меня, вѣрно, скоро изъ буфетчиковъ опредѣлятъ»... Кушанье, которое нашъ князь изволилъ заказывать, по-своему измѣнила... Цѣльный часъ съ поваромъ толковала... Такая теперь идетъ въ кухнѣ склока—страсть!... За садовникомъ посылала, спрашивала про цвѣты: много ли цвѣтущихъ? Онъ говоритъ: «только желтофіоль да розы мѣсячныя начали распускаться»... Болваномъ выругала и приказала изъ ейнаго дома принести деревовъ въ цвѣту, по запискѣ... И записку эту съ нашимъ не велѣла посылать, а позвала своего Христофора, чтобъ черезъ него получить изъ дома ейнаго все, чего у насъ не нашла... Глумилась надъ нашимъ княземъ, хвасталась, что у нея все невпримѣръ лучше и хозяйственнѣе устроено, чѣмъ у насъ... Безчувственная, хоть бы ахнула, когда ей доложили, что князь Сергѣй Борисовичъ изволилъ изъ родительскаго дома уйти... Сейчасъ мачихой себя проявила... «Найдется», говоритъ. И приказала сдобныхъ булокъ къ чаю подать... А князь той же минутой вскочилъ и въ кабинетъ ушелъ, чтобъ приказать къ полицмейстеру съ письмомъ отъ него ѣхать... Всѣхъ допрашивалъ: не слышалъ ли кто, какъ сынокъ его ночью съ постели поднялся и вышелъ изъ дому?.. Благодарилъ мусью, что догадался, на первыхъ же порахъ, въ кварталъ дать знать... А ей и горюшки мало, что супругъ въ тревогѣ. Ужъ истинно сказать—проходимка!

Я не въ силахъ была ее прерывать, и она этимъ пользовалась, чтобъ сообщать мнѣ то, про что я не должна была бы знать. Но отъ кого мнѣ было услышать про брата? Словами папеньки я вполнѣ успокоиться не могла, онъ давно былъ подъ вліяніемъ чужой и на все смотрѣлъ ея глазами.

Между прочимъ узнала я отъ Степаниды, что Рома въ отчаяніи, никого не хочетъ слушать, лежитъ въ постели и плачетъ.

Когда я это услышала, силъ моихъ не хватило больше стоять передъ зеркаломъ и ждать, чтобъ на мнѣ наладили корсажъ, покрытый розовымъ ваперомъ, и, все съ себя сбросивъ, я накинула на себя пудермантль и побѣжала на антресоли.

Меньшаго брата я нашла въ жалкомъ положеніи. Онъ истерично рыдалъ на кровати. Остывшій давно завтракъ стоялъ нетронутымъ на подносѣ, возлѣ его кровати, а у притолки, въ отдаленіи, стоялъ казачокъ, которому приказано было тутъ ждать, чтобъ баринъ его успокоился. Дверь въ сосѣднюю комнату была полурастворена, и тамъ, у окна, въ глубокомъ креслѣ, аббатъ преспокойно читалъ книгу.

При моемъ появленіи бѣдный мальчикъ зарыдалъ еще сильнѣе и долго ничего не отвѣчалъ на мои ласки и увѣщанія, кромѣ сбивчивыхъ восклицаній, изъ которыхъ я поняла, что онъ сокрушается главнымъ образомъ о томъ, что братъ ушелъ, не взявъ его съ собой, и что онъ намѣренъ послѣдовать его примѣру.

— Я хочу къ Сережѣ... Я не могу безъ него жить,—повторялъ онъ прерывающимся отъ рыданій голосомъ.

Мнѣ наконецъ удалось его убѣдить, что Сережа самъ скоро къ намъ вернется, и что всего будетъ лучше, если онъ скорѣе успокоится, одѣнется и придетъ ко мнѣ.

— Но меня къ тебѣ не пустятъ,—сказалъ онъ, косясь на дверь въ сосѣднюю комнату.—Ты не знаешь, какой онъ сдѣлался злой! Про то, что Сережа совсѣмъ отъ насъ ушелъ, прибѣжалъ мнѣ сказать Петька, и за это m-r l'abbé его избилъ и сталъ грозить запереть меня въ темный подвалъ, если я безъ его позволенія выйду изъ комнаты и буду разговаривать съ мальчишками... Онъ бранилъ Сережу, называлъ его... Я даже повторить не могу, какъ онъ его называлъ... Еслибъ у меня былъ кинжалъ, я бы его убилъ...

— Успокойся, одѣнься, я ему скажу, что беру тебя къ себѣ, и что мы вмѣстѣ пойдемъ обѣдать въ большую столовую, какъ папенька приказалъ...

Онъ меня прервалъ и, кидаясь ко мнѣ на шею,—прошепталъ мнѣ на ухо:

— Лиза, милая, уйдемъ къ Сережѣ вмѣстѣ...

— Я не могу уйти, маменька умирая приказала мнѣ беречь и любить папеньку, какъ она сама его берегла и любила. Сережа поступилъ очень дурно и огорчилъ ее. Это страшный грѣхъ!

— Ты можешь это говорить, потому что ты тоже его любишь, но чужимъ я не позволю его бранить,—возразилъ онъ, и ужъ настолько спокойно, что я оставила его одѣваться и прошла въ сосѣднюю комнату, гдѣ должна была выслушать жалобы аббата на непріятное положеніе, въ которое поставилъ его Сережа.

— Его сіятельство имѣетъ полное право упрекнуть меня въ невниманіи и въ недостаткѣ надзора, но, право же, я ни въ чемъ не виноватъ. Съ самаго начала моего поступленія въ вашъ домъ князь Сергѣй показывалъ мнѣ недовѣріе и давалъ мнѣ понять, что не желаетъ видѣть во мнѣ друга, а только учителя. Онъ во всемъ дѣйствовалъ посвоему. Князь не можетъ упрекнуть меня, что я

ему не жаловался на сына. Я ему передавалъ, что онъ выходитъ изъ дома, когда ему вздумается, и не говоритъ, гдѣ онъ бываетъ. Сообщилъ я ему также о перепискѣ, которую онъ велъ съ де-Сабри, и какъ всѣ мои усилія узнать, въ чемъ состоитъ эта переписка, остались тщетны. Де-Сабри, можетъ быть, и порядочный человѣкъ, но онъ молодъ...

— Мосье де-Сабри прожилъ у насъ четыре года, и папенька его хорошо знаетъ,—прервала я его довольно высокомѣрно.

Онъ лукаво усмѣхнулся. — Я не имѣю права дѣлиться моими предположеніями съ кѣмъ бы то ни было, пока догадки мои не подтвердятся доказательствами,—произнесъ онъ съ притворною скромностью.

Я вспыхнула отъ негодованія, однако благоразумно сдержала рѣзкое замѣчаніе, готовое сорваться съ моихъ губъ, и, вернувшись къ начатому разговору о меньшомъ моемъ братѣ, попросила его всегда давать мнѣ знать, когда, какъ сегодня, онъ не будетъ въ состояніи его урезонить или утѣшить.

— Сердце у него очень чувствительное, и сложенія онъ слабаго, запугивать его угрозами не слѣдуетъ.

— Онъ очень упрямъ, и братъ имѣлъ на него дурное вліяніе,— возразилъ аббатъ.—Но я съ удовольствіемъ воспользуюсь вашимъ предложеніемъ,—поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ по выраженію моего лица, какъ непріятно подѣйствовало на меня его замѣчаніе про Сережу.

Чтобъ подобныя сцены не повторялись, мнѣ хотѣлось сказать ему, что онъ напрасно позволяетъ себѣ выражаться про нашего старшаго брата, какъ про пропавшаго человѣка, что Сережа, безъ сомнѣнія, въ самомъ непродолжительномъ времени опять будетъ съ нами, но я не въ силахъ была произнести этихъ словъ. Потому, можетъ быть, что въ глубинѣ души у меня начинало шевелиться убѣжденіе въ противномъ. Разумѣется, я не позволяла себѣ на немъ останавливаться, но оно во мнѣ жило и при каждомъ удобномъ случаѣ тоскливымъ предчувствіемъ сжимало сердце.

Я увела Рому къ себѣ и, чтобъ убить время до обѣда, сѣла за работу, а онъ примостился на скамеечкѣ у моихъ ногъ и, разматывая мотокъ шерсти, который я ему дала, сталъ мнѣ разсказывать все, что онъ зналъ про Сережу. Увы, ему было больше про него извѣстно, чѣмъ мнѣ! Онъ видѣлъ, какъ братъ выбѣгалъ почти каждый день въ садъ, чтобъ видѣться съ какими-то таинственными друзьями, перелѣзавшими черезъ высокую каменную ограду, въ самомъ отдаленномъ концѣ сада, чтобъ съ нимъ о чемъ-то совѣщаться. Онъ даже однажды прослѣдилъ за нимъ, пробрался по узенькой тропинкѣ между сугробами къ тому мѣсту, гдѣ происходило свиданіе, и видѣлъ человѣка, спускавшагося со стѣны между вѣтвями акаціи. О чемъ братъ съ нимъ толковалъ, Рома не могъ

понять, они говорили тихо, но онъ такъ хорошо разсмотрѣлъ его лицо, что тотчасъ же узналъ бы его, еслибъ ему довелось съ нимъ встрѣтиться. Черный, кудрявый, съ сверкающими глазами, онъ показался ему очень страшнымъ. Одѣтъ простолюдиномъ, въ короткомъ тулупѣ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ, и въ высокой, гречишникомъ, шляпѣ, съ павлиньимъ перомъ.

— Когда это было?—спросила я, крайне заинтересованная этимъ разсказомъ.

— На прошлой недѣлѣ... Но онъ не въ первый разъ видѣлся съ этимъ человѣкомъ у насъ въ саду. Много разъ говорилъ онъ мнѣ, что у него есть закадычные друзья, которые и въ огонь и въ воду за него пойдутъ...

— Кто же эти друзья? Неужели цыганы? — спросила я съ ужасомъ.

— Ну, да, цыганы. Онъ мнѣ много разъ говорилъ, что ему хочется съ ними жить. У нихъ хорошо, они всѣ свободны, всѣ равны, нѣтъ ни господъ, ни слугъ. Они живутъ среди полей и лѣсовъ. Когда надоѣстъ на одномъ мѣстѣ, перебираются на другое и никого не боятся. Я просилъ Сережу не уходить безъ меня, и онъ мнѣ обѣщался, но потомъ вѣрно побоялся, что я имъ буду мѣшать и не вынесу ни усталости, ни голода, но я все бы вынесъ, чтобъ только быть съ нимъ... Ну, что мы здѣсь? Все равно, что чужіе... Маменька умерла, папеньку мы и раньше рѣдко видѣли, а ужъ теперь... Лиза, милая, уйдемъ къ Сережѣ!

Чтобъ его успокоить, я обѣщала подумать о его предложеніи, если Сережа не вернется, и если намъ будетъ жить хуже прежняго.

Но увѣщанія мои плохо дѣйствовали. Мальчикъ былъ весь въ слезахъ, когда пришли сказать, что кушанье на столѣ. Наскоро примочивъ ему глаза холодной водой, чтобъ они не были такъ красны, я взяла его за руку и явилась въ столовую, гдѣ ужъ собралось большое общество, и мы въ недоумѣніи остановились на порогѣ. Хорошо, что папенька вывелъ насъ изъ затрудненія, поспѣшивъ къ намъ на встрѣчу. Онъ провелъ насъ черезъ толпу гостей прямо къ столу и посадилъ рядомъ съ собой. Въ противоположномъ концѣ, между двумя почетными гостями, сидѣла Дарья Алексѣевна, красивая, веселая и развязная, точно всю свою жизнь занимала мѣсто хозяйки въ нашемъ домѣ.

Намъ она издали улыбнулась, а затѣмъ, къ величайшему нашему удовольствію, перестала обращать на насъ вниманіе. Около нея громко смѣялись и оживленно разговаривали, но папенька былъ задумчивъ и вполголоса бесѣдовалъ съ своимъ другомъ Варжаевымъ про Сережу, про мѣры, которыя онъ принялъ, чтобъ его найти. Повидимому, мысль о цыганахъ еще не приходила въ голову ни ему, ни тѣмъ, съ кѣмъ онъ совѣтовался по этому поводу; ни онъ, ни собесѣдникъ его о нихъ не упоминали, но за-

то и тотъ и другой безпрестанно возвращались къ графу, который, насколько можно было заключить изъ ихъ словъ, во всемъ винилъ Матаваеву. Папенька же съ жаромъ умолялъ Варжаева объяснить дядѣ, что его жена тутъ не при чемъ, и ужъ по одному тому, какъ онъ волновался при одной мысли, что могутъ ее подозрѣвать въ дурномъ вліяніи на его сына, можно было догадаться, что онъ ровно ничего не подозрѣваетъ насчетъ того, что всему дому было извѣстно про увлеченіе ея Сережей.

Какъ была права Степанида, умоляя меня держать отъ него въ тайнѣ ужасное открытіе! Отецъ нашъ такъ и умеръ, не узнавъ, что онъ имѣлъ въ родномъ сынѣ соперника въ любви къ этой отвратительной женщинѣ. Какъ впослѣдствіи, такъ и въ этотъ день, онъ приписывалъ бѣгство сына тому обстоятельству, что, любя безгранично мать, онъ былъ оскорбленъ, что чужая заняла ея мѣсто въ домѣ.

Рома безпрестанно поглядывалъ на дверь, точно ожидая появленія брата, и по временамъ у него навертывались на глаза слезы, которыя онъ съ усиліемъ глоталъ. И оба мы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали конца обѣда, чтобъ убѣжать къ себѣ и тамъ плакать на свободѣ.

Во время этого обѣда нашъ аббатъ предсталъ передъ нами въ новомъ свѣтѣ. Онъ говорилъ много, съ апломбомъ и, должно быть, очень занимательно и умно, потому что многіе изъ присутствующихъ прекращали между собою бесѣду, чтобъ его слушать и возражать ему.

Рѣчь перешла на политику, и одушевленіе сдѣлалось всеобщимъ. Я тоже забыла про Сережу, чтобъ прислушиваться къ разгоравшейся враждѣ между нашимъ царемъ и узурпаторомъ, про наглость Бонапарта, и восхищалась благородными отвѣтами нашего государя на заносчивые вызовы великаго нахала. Особенно обрадовало меня замѣчаніе одного изъ гостей, что если даже мы и избѣгнемъ войны съ Франціей, то во всякомъ случаѣ прежней дружбѣ и довѣрію между государемъ и Наполеономъ не бывать.

— Второй разъ ему не удастся насъ обморочить...

«Значитъ, Шарль можетъ спокойно служить подъ нашимъ знаменемъ, воевать за злодѣя ему не придется», подумала я.

Обѣдъ кончился, но насъ къ себѣ не отпустили, всѣ прошли въ концертную, папенька приказалъ мнѣ пѣть, а послѣ меня пѣла Матаваева и, какъ всегда, такъ прекрасно, что мы съ Ромой про все забыли, ее слушая. Когда же она запѣла дуэтъ съ папенькой, восторгъ сдѣлался всеобщимъ.

— Да, про нихъ можно сказать, что они «спѣлись», — проговорилъ съ волненіемъ извѣстный меломанъ, стоявшій неподалеку отъ глубокаго вольтеровскаго кресла, на которомъ я пріютилась съ Ромой.

— Жаль, что графъ Захаръ Григорьевичъ не можетъ ихъ слышать, онъ снисходительнѣе бы отнесся къ Борису.

— Графъ къ дурнымъ отцамъ неумолимъ,—возразилъ его собесѣдникъ.

— И, какъ всегда, онъ правъ. Положеніе дѣвочки крайне фальшиво...

Не желая дольше подслушивать разговоръ, касавшійся насъ такъ близко, я воспользовалась тѣмъ, что никто не обращалъ на насъ вниманія, чтобъ взять брата за руку и выйти изъ комнаты. Но чудные звуки продолжали звучать въ ушахъ, а передъ глазами стояла смуглая красавица, съ высоко поднимавшейся грудью отъ радостнаго волненія, отвѣчая веселой, торжествующей улыбкой на страстный, восторженный взглядъ нашего отца.

Вся наша прислуга тѣснилась у дверей въ концертной, а также наполняла не только коридоръ, но и сосѣднюю комнату, скупо освѣщенную кенкетомъ, и мы прошли, не встрѣтивъ ни души, къ лѣстницѣ наверхъ, куда я хотѣла подняться, чтобъ проводить брата, котораго мнѣ хотѣлось самой уложить въ постель, но, поднимаясь по лѣстницѣ, я услышала подъ нею говоръ, къ которому невольно стала прислушиваться.

— Поликашка изъ Радостнаго вернулся, нѣтъ его тамъ,—шепталъ голосъ, котораго я не узнала.

— Ищи вѣтра въ полѣ!—подхватилъ другой.—Напрасно только посылали туда, не въ прятки онъ съ нами играетъ, а совсѣмъ, значитъ, изъ нашего вертепа ушелъ...

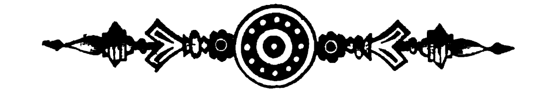
— Поди, чай, далеко онъ теперь! Кононъ сказывалъ...

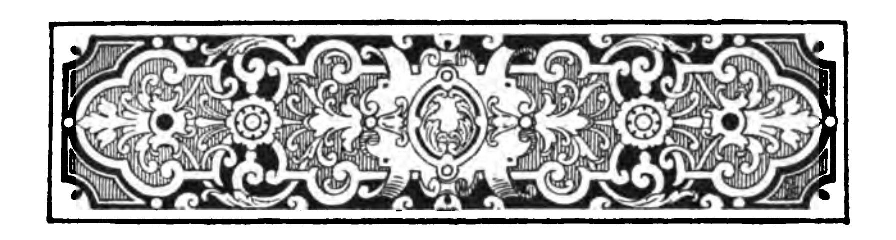
— Тише ты! Княжна съ братцемъ!...

Голоса смолкли. Стихнулъ и шорохъ поспѣшно удалявшихся шаговъ, но воспоминаніе о Сережѣ, заглохнувшее было въ моемъ сердцѣ подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній, пробудилось во мнѣ съ новой силой, и я съ досадой себя спрашивала: «какъ могла я увлекаться пѣніемъ, когда братъ нашъ все дальше и дальше удаляется отъ насъ въ толпѣ голодныхъ оборванцевъ, безъ пристанища, въ вѣчномъ страхѣ передъ полиціей, какъ травленые звѣри»...

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА [1].

VI.

Мои выѣзды.—Оболенскіе.—И. С. Пашковъ.—Киселевы.—Болѣзнь отца.—Открытіе московской желѣзной дороги. — Новая оружейная палата. —Царская фамилія въ Москвѣ. — Графъ Клейнмихель. — Живыя картины у Закревскаго. — Балъ Орлова-Денисова. — Князь Паскевичъ. — Графиня Воронцова-Дашкова. — Дядя А. Н. Загоскинъ.—Болѣзнь матери.—Гоголь.—Семейство Левшиныхъ.—Первая любовь.—А. Т. Аксаковъ.—Графъ А. И. Гудовичъ.—Бабушка М......ва.

БРАЩАЮСЬ снова къ себѣ.

Повеселившись вдоволь въ теченіе зимы 1851 года и познакомившись со многими лицами, о которыхъ я до того времени имѣлъ лишь смутное понятіе, я и самъ значительно преобразился... Куда дѣвались моя робость и застѣнчивость? Я сдѣлался довольно болтливымъ мальчуганомъ, ухаживалъ за молодыми дамами и дѣвицами, но, конечно, ни тѣмъ, ни другимъ не нравился, а приходился только по сердцу дряхлымъ старушкамъ, потому что былъ съ ними крайне вѣжливъ, подходилъ къ ихъ старческимъ ручкамъ и набивалъ ихъ ридикюли всякими сластями и фруктами съ бальныхъ буфетовъ.

Батюшка, какъ я уже выше сказалъ, не сочувствовалъ моимъ раннимъ выѣздамъ въ свѣтъ; однако они, какъ я могъ замѣтить, доставляли ему нѣкоторое удовольствіе. Вѣроятно, не добив-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ»., т. LXXIX, стр. 489.

шись отъ моихъ братьевъ, чтобы они, въ юности, посѣщали лучшее общество и не дружились съ кутящею молодежью, принадлежавшею къ семействамъ, никому неизвѣстнымъ, отецъ былъ доволенъ, что хотя одинъ изъ его сыновей, по собственному влеченію, любилъ вращаться въ той же средѣ, гдѣ и самъ онъ находился, и которая, по его мнѣнію, могла охранить меня отъ общества молодыхъ, разгульныхъ людей.

Невзирая на мою разсѣянную жизнь, я продолжалъ усердно заниматься службою, ежедневно посѣщалъ архивъ и добросовѣстно переписывалъ скучнѣйшія отношенія одного столоначальника къ другому и прочія подобныя имъ бумаги. Въ награду за мое прилежаніе я заслужилъ благоволеніе моего начальника, князя Оболенскаго, который, проходя мимо моего стола, удостоивалъ меня иногда нѣсколькими любезными словами и даже не разъ благодарилъ за усердную службу.

Въ концѣ зимы мой начальникъ, желая повеселить свою взрослую дочь, далъ балъ, на который пригласилъ всѣхъ, безъ исключенія, своихъ чиновниковъ отъ стараго до малаго. Это приглашеніе дѣлало большую честь князю, служа доказательствомъ, что онъ не желалъ дѣлать никакихъ различій между своими подчиненными, а еще менѣе кого либо оскорблять, посылая приглашенія по выбору. Но, встрѣтивъ на балѣ нѣкоторыхъ моихъ товарищей, никогда въ жизни не посѣщавшихъ свѣтскіе вечера, я не могъ не улыбнуться при видѣ моихъ сослуживцевъ, одѣтыхъ въ вицмундирный фракъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и, неподвижно, какъ статуи, стоявшихъ въ почтительныхъ позахъ, у дверей танцовальнаго зала. Балъ князя Оболенскаго отличался большою веселостью и роскошнымъ ужиномъ, но общество дѣвицъ и молодыхъ людей, за исключеніемъ архивныхъ юношей, было для меня незнакомое и иное, чѣмъ то, которое я привыкъ встрѣчать на прочихъ балахъ. Хозяйка дома, принадлежавшая, по рожденію, къ именитому и богатому московскому купеческому роду Мазуриныхъ, была женщина образованная, любезная и привѣтливая, но совершенно купеческой складки, что нѣсколько замѣчалось и у ея милой дочери. Быть можетъ, происхожденіе княгини служило нѣкоторою помѣхою къ сближенію ея съ такъ называемымъ высшимъ обществомъ, которое тогда, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, неохотно принимало въ свою среду лицъ, особенно женскаго пола, не принадлежавшихъ по своему рожденью къ его кругу. Въ то время, подобныя лица, даже располагавшія громаднымъ состояніемъ, не находили доступа въ старинные, аристократическіе дома, невзирая на то, что сами жили открыто и даже роскошнѣе послѣднихъ. Я отлично помню, какъ въ началѣ 50-хъ годовъ имена Ш....., Ф..... и прочихъ богатыхъ банкировъ и финансовыхъ тузовъ не имѣли на высшее общество того магическаго

дѣйствія, какъ въ настоящее время, и лица денежнаго міра не только не играли ни малѣйшей роли въ большомъ свѣтѣ, но и не участвовали въ его увеселеніяхъ. Теперь не то...

Наступившій великій постъ прекратилъ мои выѣзды, и вечера я сталъ проводить дома съ моими лучшими друзьями Полуденскимъ и Благово. Навѣщали меня также Чертковъ и два новыхъ пріятеля, братья Киселевы, сыновья друга моего отца, Сергѣя Дмитріевича Киселева [1]). Меньшой изъ нихъ Николай былъ очень красивъ собою и плѣнилъ уже въ юности не одно женское сердце, но умомъ значительно уступалъ старшему брату Павлу [2]). Послѣдній милый малый, добрый, хорошій товарищъ и въ полномъ смыслѣ слова благороднѣйшій человѣкъ, былъ не прочь иногда излишне повеселиться, но батюшка, зная его прекрасныя, душевныя качества, нисколько не противился моему съ нимъ сближенію, которое впослѣдствіи перешло въ настоящую дружбу, не разъ мнѣ имъ доказанную въ теченіе всей моей жизни. Мать Киселевыхъ, Елизавета Николаевна, рожденная Ушакова (не принадлежавшая къ московскому многочисленному семейству Маріи Антоновны Ушаковой), была почтеннѣйшая и добрѣйшая женщина и въ молодости замѣчательная красавица, которой Пушкинъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній. Въ началѣ поста отецъ въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ помнить его, серіозно заболѣлъ: у него сдѣлался карбункулъ на нижней части лѣвой ноги. Всегда здоровый, крѣпко сложенный, геркулесовской силы, онъ былъ настоящимъ атлетомъ, и потому мнѣ какъ-то странно было видѣть его лежащимъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ и сильно страдающимъ. Болѣзнь его потребовала нѣсколькихъ операцій, искусно совершенныхъ нашимъ домашнимъ врачемъ, извѣстнымъ въ Москвѣ докторомъ Степаномъ Ивановичемъ Клименковымъ. Вскорѣ батюшка совершенно поправился, но съ того времени, давно гнѣздившаяся въ немъ, наслѣдственная подагра начала сильно безпокоить его, появляясь въ ногахъ, рукахъ и груди. Наступившее лѣто доставило ему нѣкоторое облегченіе, хотя онъ не могъ уже предаваться своему любимому развлеченію, верховой ѣздѣ, и только по вечерамъ катался въ коляскѣ по окрестностямъ Москвы. Утро же, ежедневно, посвящалъ устройству новой Оружейной палаты, открытіе которой должно было послѣдовать въ концѣ лѣта, по прибытіи государя въ Москву, по случаю окончанія постройки С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги.

---

[1]) Родного брата тогдашняго министра государственныхъ имуществъ, графа Павла Дмитріевича Киселева.

[2]) Николай давно скончался, а Павелъ, нынѣ церемоніймейстеръ высочайшаго двора, женатый на милой и красивой вдовѣ Дудиной, рожденной Кованько, унаслѣдовалъ послѣ смерти своего дяди его графскій титулъ.

Къ августу отецъ значительно поправился, и когда прибыла царская чета съ великими князьями, то онъ могъ уже лично быть ихъ руководителемъ по заламъ новаго зданія. При первомъ посѣщеніи ихъ величествами Оружейной палаты государь, увидавъ отца, сказалъ ему: «мнѣ говорили, что ты очень боленъ? Вижу тебя здоровымъ и прошу впередъ не шалить!»—Съ тѣмъ же вопросомъ обратилась къ нему государыня, которую принесли въ Оружейную палату въ креслахъ. Отецъ отвѣтилъ, что дѣйствительно былъ боленъ, но теперь чувствуетъ себя гораздо лучше, а такъ какъ разговоръ съ императрицею онъ началъ, противъ своего обыкновенія, на французскомъ языкѣ, то ея величество съ удивленіемъ сказала: «въ первый разъ Загоскинъ говоритъ со мною пофранцузски! не узнаю его!» — Вообще, въ этотъ пріѣздъ, вся царская фамилія была особенно милостива къ отцу, и за устройство Оружейной палаты государь пожаловалъ ему анненскую ленту.

Въ августѣ послѣдовало открытіе желѣзной дороги. Когда прибылъ первый поѣздъ, то народъ массами стоялъ около полотна дороги близъ Москвы, и многіе, при видѣ мчавшагося поѣзда, крестились, отплевывались и кричали, что это не что иное, какъ дьявольское наважденье, и что самъ чортъ приводитъ въ дѣйствіе машину. Пріѣхавшій въ Москву, главноуправляющій путями сообщенія, графъ Клейнмихель, видимо торжествовалъ, приписывая исключительно себѣ честь и славу постройки этой первой, большой, желѣзной дороги въ Россіи, которая, по волѣ государя, проведена изъ Петербурга въ Москву по прямой линіи, безъ уклоновъ. Разсказывали, что когда государю были представлены проекты и планы дороги, то онъ карандашемъ провелъ прямую черту между двумя столицами и приказалъ такъ строить. Безъ сомнѣнія, успѣшное и прекрасное устройство дороги было много обязано усердію, энергіи и строгости графа, однако, какъ мнѣ разсказывалъ Павелъ Петровичъ Мельниковъ [1]), бывшій, въ то время, дѣятельнымъ его помощникомъ по устройству желѣзнаго пути, Клейнмихель считалъ единственно себя заслуживающимъ награды. Обстоятельство это было сообщено Мельникову графомъ Бобринскимъ [2]), который разсказалъ ему, что, пріѣхавъ въ то время въ Москву, онъ какъ-то

---

[1]) Позднѣе, въ царствованіе императора Александра II-го, министръ путей сообщенія Павелъ Петровичъ, человѣкъ честнѣйшій, благороднѣйшій и рѣдкихъ душевныхъ качествъ, оставивъ добровольно министерскій свой постъ, неоднократно говорилъ мнѣ о своемъ полномъ убѣжденіи въ томъ, что хуже его не могло быть министра путей сообщенія, такъ какъ, будучи спеціалистомъ по этой части, онъ невольно излишне вникалъ во всѣ мелочи, забывая обращать особое вниманіе на общіе, важнѣйшіе интересы своего министерства. Онъ былъ убѣжденный спиритъ и дѣлалъ много добра въ пользу неимущихъ.

[2]) Графъ Алексѣй Алексѣевичъ, сынъ родоначальника этой фамиліи, извѣстный благороднѣйшій и достойнѣйшій человѣкъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ императора Николая Павловича и всего царскаго семейства.

утромъ находился въ кабинетѣ государя, вдвоемъ съ его величествомъ, и, услыхавъ о появленіи Клейнмихеля съ докладомъ, хотѣлъ удалиться, но получилъ приказаніе остаться, отошелъ въ амбразуру окна, гдѣ незамѣтно для послѣдняго сталъ любоваться видомъ на Замоскворѣчье, и тутъ услыхалъ, какъ на вопросъ Николая Павловича о томъ, кого слѣдуетъ представить къ наградамъ за постройку дороги, графъ отвѣтилъ, что представленіе это ставитъ его въ большое затрудненіе, такъ какъ успѣшное устройство дороги обязано единственно личнымъ его, Клейнмихеля, трудамъ. На возраженіе государя, что, однако, у него было немало помощниковъ и чиновниковъ, усердно трудившихся вмѣстѣ съ нимъ, графъ повторилъ, что весь трудъ лежалъ собственно на немъ. Тогда его величество отвѣтилъ ему приказаніемъ представить къ наградамъ всѣхъ лицъ, занимавшихся постройкою дороги.

При этомъ случаѣ не могу не вспомнить разсказа, относящагося до графа Клейнмихеля и къ тому же времени, слышаннаго мною отъ моего родного дяди, Илліодора Николаевича Загоскина, полковника корпуса путей сообщенія, подъ надзоромъ котораго строился ближайшій къ Москвѣ участокъ желѣзной дороги. Дядя, жившій въ Твери, прибывъ на открытіе дороги, въ то же утро отправился представиться Клейнмихелю. Войдя въ пріемную, онъ увидалъ, черезъ растворенную дверь, въ смежной комнатѣ слѣдующую картину: у письменнаго стола, на полу, начетвереренькахъ, стоялъ одинъ крупный чиновникъ вѣдомства путей сообщенія, подбирая разбросанныя бумаги, а надъ нимъ разсвирѣпѣвшій Клейнмихель, бьющій его по спинѣ кипою бумагъ!.. Тихій, кроткій и добрѣйшій дядя, вернувшись съ представленія, разсказалъ намъ съ ужасомъ о такой продѣлкѣ своего начальника и о выносливости его подчиненнаго...

По случаю пріѣзда въ Москву царской фамиліи, графъ Закревскій далъ блистательный праздникъ съ живыми картинами, на которомъ присутствовали ихъ величества и всѣ прибывшіе члены августѣйшаго семейства. Огромный залъ генералъ-губернаторскаго дома былъ обращенъ въ живую картинную галлерею; на всѣхъ стѣнахъ были устроены большія и малыя рамы, въ которыхъ, при поднятіи занавѣса, являлись картины, изображавшія различные эпизоды изъ русской исторіи. Всѣ московскія красавицы принимали въ нихъ участіе, и я очень сожалѣю, что у меня не сохранилась афиша съ именами участвовавшихъ лицъ и названіемъ картинъ, а теперь, черезъ столько лѣтъ, на память, не могу привести ихъ; помню, что особенно хороша была средняя, большая картина, представлявшая «Россію», въ которой главнымъ лицомъ была графиня Наталья Алексѣевна Орлова-Денисова. Въ одной изъ маленькихъ картинъ, называвшейся: «Олегъ, прибивающій щитъ ко вратамъ Царьграда», принималъ участіе и я, одѣтый въ доспѣхи рус-

скаго воина того времени. По окончаніи живыхъ картинъ, участвовавшіе въ нихъ были приглашены, по приказанію императрицы, въ большую гостиную, гдѣ ея величество сидѣла въ креслахъ, имѣя за собою красиваго конногвардейскаго офицера Альбединскаго[1]), державшаго на рукѣ ея шаль. Императрица удостоила многихъ милостивымъ разговоромъ и изъявила всѣмъ свою благодарность.

Послѣ этого праздника былъ данъ графомъ Орловымъ-Денисовымъ не менѣе блестящій балъ со многими костюмированными лицами, изъ которыхъ, между прочимъ, была устроена французская кадриль, представлявшая четыре времени года. Въ этой кадрили я тоже участвовалъ, изображая «осень»; моею дамою была хорошенькая, молоденькая Наталья Кирилловна Аверкіева, рожденная Нарышкина. На насъ обоихъ былъ костюмъ бретонскихъ крестьянъ, покрытый свѣжимъ виноградомъ, который у меня въ концѣ вечера оказался значительно общипаннымъ моими знакомыми. Странно было видѣть Аверкіеву и меня изображавшими «осень», между тѣмъ какъ юными, свѣжими лицами мы напоминали раннюю весну.

На этомъ балѣ присутствовалъ государь наслѣдникъ и нѣсколько членовъ царской фамиліи, а также и генералъ-фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, князь Варшавскій. Въ первый разъ въ жизни я увидалъ фельдмаршала и помню, что появленіе его на балѣ было весьма схоже съ появленіемъ какого либо лица царской крови: когда онъ вошелъ въ залъ, всѣ присутствовавшіе разступились и дали дорогу; мужчины вытягивались въ струнку и низко кланялись, а дамы, хотя и не присѣдали, но смотрѣли на него съ великимъ почтеніемъ. Князь Паскевичъ не представлялъ изъ себя ничего особеннаго; небольшого роста, довольно плотный, съ кудреватыми волосами, весьма обыкновеннымъ лицомъ, онъ совсѣмъ не выглядѣлъ тѣмъ легендарнымъ героемъ, какимъ знала его вся Россія, и, конечно, если бы грудь его не была унизана крестами, звѣздами и брильянтами, то никому не пришло бы въ голову, что этотъ невзрачный старикъ не кто иной, какъ знаменитый полководецъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ «ероя Паскевича-ериванскаго».

Тутъ же, на балу, находилась графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, рожденная Нарышкина, блиставшая въ то время яркою звѣздою въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ. Она была женщина молодая, миловидная, но далеко не красавица. Небольшая фигура ея отличалась какимъ-то особымъ изяществомъ, а умъ и доброта ея были всѣмъ извѣстны. Салонъ ея въ Петербургѣ считался едва ли не первымъ аристократическимъ салономъ, куда попасть каждый считалъ за особую честь, но честь эта не легко доставалась. Мужъ ея, оберъ-церемоніймейстеръ, графъ Иванъ Ила-

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, варшавскій генералъ-губернаторъ.

ріоновичъ, человѣкъ уже старый, выглядѣлъ настоящимъ бариномъ-вельможею. Балы и вечера Воронцовыхъ въ Петербургѣ отличались изяществомъ и роскошью. Въ Москву же они пріѣзжали на лѣто, которое проводили тихо и скромно въ своей подмосковной с. Быковѣ, гдѣ и навѣщали ихъ старые московскіе знакомые, въ томъ числѣ и мой отецъ, пользовавшійся большою пріязнью какъ графа, такъ и графини.

Баломъ графа Орлова-Денисова заключились увеселенія, данныя въ Москвѣ, по случаю пребыванія въ ней царской фамиліи.

Отецъ мой, принимавшій участіе во всѣхъ торжествахъ, неожиданно, послѣ отъѣзда ихъ величествъ, почувствовалъ себя снова дурно: возобновились боли въ ногахъ и груди, и до того сильныя, что онъ долженъ былъ окончательно прекратить всѣ выѣзды, ограничивая ихъ небольшими утренними прогулками въ экипажѣ. Остальное время дня онъ проводилъ дома за чтеніемъ книгъ и журналовъ, или играя вечеромъ въ ералашъ.

Въ началѣ сентября, наша семья была обрадована пріѣздомъ изъ Петербурга дяди, Алексѣя Николаевича Загоскина, въ то время инженеръ-генералъ-майора, занимавшаго какое-то мѣсто въ одномъ изъ департаментовъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Я вовсе не зналъ или, вѣрнѣе, не помнилъ этого дяди, пріѣзжавшаго въ Москву за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, но постоянно слышалъ, что онъ замѣчательный математикъ, добрый человѣкъ, примѣрный христіанинъ, сильно глухъ, забывчивъ и до крайности разсѣянъ. Батюшка очень любилъ его и былъ съ нимъ въ частой перепискѣ, оспаривая постоянно религіозные взгляды и убѣжденія его, не сходившіеся съ его собственными взглядами, относительно спасенія грѣшныхъ людей [1]).

Когда я узналъ, что Алексѣй Николаевичъ пріѣдетъ въ Москву, то нетерпѣливо сталъ ожидать его, желая на опытѣ провѣрить почти что фантастическіе разсказы о его необыкновенной разсѣянности, и въ справедливости которыхъ въ первый же день моего съ нимъ знакомства я могъ вполнѣ убѣдиться. При входѣ его въ нашу гостиную, гдѣ находились отецъ, братья, я и проживавшая у насъ бѣдная, некрасивая, но еще молодая дѣвица Елена Львовна Космачева, исполнявшая должность чтицы при матушкѣ, дядя бросился на отца и сталъ душить его въ своихъ объятіяхъ; затѣмъ, увидавъ особу женскаго пола и не глядя ей въ лицо, кинулся обнимать ее и цѣловать ея руки, приговаривая: «ахъ, Анета, какъ я радъ тебя видѣть!». Елена Львовна, не зная, какъ избавиться отъ поцѣлуевъ дяди, визжала и кричала: «я не Анна Дмитріевна!» Наконецъ, опомнившись и увидавъ, что обнимаемая имъ женщина

---

[1]) Переписка эта была напечатана, кажется, въ 1858 г. въ журналѣ «Домашняя Бесѣда».

еще молодая и вовсе не похожая на больную и пожилую матушку, дядя вскрикнулъ: «извините, я васъ принялъ за Анету!». Всѣ присутствующіе при этой сценѣ много посмѣялись надъ дебютомъ Алексѣя Николаевича и повели его къ матушкѣ. Отобѣдавъ съ нами и посидѣвъ немного времени съ родителями, онъ объявилъ, что желаетъ отдохнуть и вздремнуть, но, при томъ, просилъ, чтобы его не будили. Дядю помѣстили въ антресоляхъ нашего дома, уложили его въ кровать, и онъ заснулъ богатырскимъ сномъ. Сонъ этотъ, никѣмъ не тревожимый, продолжался до слѣдующаго утра. Тогда, вставъ, одѣвшись и напившись чая, онъ объявилъ, что сейчасъ уѣзжаетъ обратно въ Петербургъ, такъ какъ вспомнилъ, что на другой день ему необходимо присутствовать въ какой-то комиссіи по вѣдомству путей сообщенія. Несмотря на всѣ наши просьбы, онъ уѣхалъ въ то же утро...

Только-то мы и видѣли отъ этого добрѣйшаго, но оригинальнѣйшаго человѣка!..

Послѣ отъѣзда Алексѣя Николаевича пріѣхалъ въ Москву одинъ изъ старѣйшихъ и лучшихъ друзей отца, Николай Ивановичъ Шамшевъ [1]), съ которымъ онъ не видѣлся болѣе 20 лѣтъ. Обрадованный его пріѣздомъ, батюшка написалъ ему посланіе въ стихахъ, которое привожу здѣсь, какъ нигдѣ не напечатанное:

Ты помнишь ли, мой другъ, какъ мы съ тобой живали?
Кого бы не могли мы за поясъ заткнуть?
И какъ на Невскомъ мы красавицъ обгоняли,
Чтобъ имъ подъ шляпку заглянуть?
Ты помнишь ли, какъ намъ досталось отъ Ариши,
И какъ обоихъ насъ Анюта провела?..
Но надобно потише
Про эти говорить дѣла...
Мы были оба молодцами,
Кипѣла жизнь у насъ въ груди!
Теперь мы стали праотцами,
Да, милый другъ, не осуди.
У нашихъ ужъ дѣтей давно свои есть дѣти:
Мы дѣдушки съ тобой; я очень плохъ, чуть живъ,
И ноги у меня, какъ плети,
И ты, моя душа, порядкомъ сталъ плѣшивъ.
Тяжка годовъ преклонныхъ ноша:
Я прежде веселъ былъ, теперь угрюмый сычъ,
Ты старый хрѣнъ, я старый хрычъ,
И оба мы съ тобой—не стоимъ гроша!..
Такъ пусть же дружба насъ, какъ солнышко, пригрѣетъ,
Вѣдь дружба старая, какъ юность, хороша,
Святое чувство не старѣетъ,
Оно безсмертно, какъ душа!

---

[1]) На дочери котораго былъ женатъ извѣстный московскій богачъ Иванъ Павловичъ Шаблыкинъ.

Октябрь этого года былъ началомъ нравственныхъ страданій всего нашего семейства: матушка заболѣла недугомъ, который черезъ полтора года свелъ ее въ могилу... Въ началѣ мѣсяца, не припомню какого числа, я, по обыкновенію, утромъ сидѣлъ въ архивѣ, какъ вдругъ былъ вызванъ сторожемъ, пришедшимъ сказать, что за мною пріѣхалъ на извозчикѣ нашъ человѣкъ съ приказаніемъ скорѣе вернуться домой. Не привыкши къ подобнымъ посѣщеніямъ и чуя что-то недоброе, я выбѣжалъ къ присланному и узналъ, что съ матушкою сдѣлался обморокъ. Поспѣшивъ домой, я былъ встрѣченъ отцомъ съ успокоительною вѣстью, что ей гораздо лучше. Дѣйствительно, войдя къ матушкѣ, я нашелъ ее совершенно спокойною и даже весело разговаривавшею. Случившійся съ нею припадокъ оказался легкимъ нервнымъ ударомъ, который на первый разъ прошелъ быстро, менѣе чѣмъ въ часъ времени, но на третій день, къ ужасу нашему, повторился такъ сильно, что матушка лишилась владѣнія языка и всей лѣвой половины тѣла, однако осталась въ полной памяти и тотчасъ пожелала пріобщиться св. Тайнъ.

Горе наше было сильное; а я вполнѣ сознавалъ, что дни ея сочтены, и скоро придется разстаться съ нѣжно-любимою, дорогою моею матерью.

Несмотря на свое тяжелое положеніе, угрожавшее ежеминутною смертію, она все понимала и знаками объясняла то, чего не могла выразить словами. Въ такомъ положеніи прошелъ цѣлый мѣсяцъ и, наконецъ, къ неизъяснимой нашей радости, вопреки ожиданію докторовъ, ей стало лучше, а мѣсяца черезъ два она совершенно поправилась, начала ясно говорить и снова владѣть рукою и ногою. Въ началѣ ея болѣзни, отецъ все время проводилъ дома, часто молился и читалъ разныя книги о безсмертіи души и загробной жизни, давая и мнѣ ихъ для прочтенія. Когда же матушка стала поправляться, то здоровье его, потрясенное ея болѣзнію, ухудшилось до того, что большую часть дня онъ проводилъ лежа на диванѣ, вставая только на время обѣда.

8-е ноября, день его именинъ, прошло, конечно, безъ малѣйшаго пріема, но въ этотъ день у него перебывало такое множество лицъ съ поздравленіемъ, что составилась большая груда визитныхъ карточекъ, какой я еще никогда не видалъ въ нашемъ домѣ. Подобное вниманіе пріятелей и знакомыхъ больного именинника очень тронуло его.

День этотъ остался мнѣ хорошо памятнымъ по слѣдующему случаю: въ то время какъ мы, т. е. отецъ, братья съ женами и я, сѣли обѣдать, раздался въ передней звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ безъ доклада вошелъ въ столовую человѣкъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, худой, съ длинными волосами и острымъ, крючковатымъ носомъ. Видъ его былъ болѣзненный, угрюмый и мрач-

ный. То былъ Николай Васильевичъ Гоголь. Поцѣловавшись съ отцомъ и кивнувъ намъ головою, Гоголь отказался отъ сдѣланнаго ему приглашенія съ нами отобѣдать и сѣлъ около батюшки. Хотя я и прежде видалъ Николая Васильевича, но всегда издали, а потому былъ несказанно радъ, что, наконецъ, судьба дала мнѣ возможность насладиться лицезрѣніемъ любимаго мною писателя и послушать его умныя рѣчи... увы, на этотъ разъ мнѣ пришлось разочароваться!... Гоголь смотрѣлъ исподлобья, упорно молчалъ, отвѣчая на всѣ вопросы лишь словами: да и нѣтъ. Помолчавъ и просидѣвъ не болѣе четверти часа, онъ всталъ, снова поцѣловался съ отцомъ, кивнулъ намъ головою и удалился медленными шагами. Отецъ, очень любившій и уважавшій Николая Васильевича, но давно не видавшій его, нашелъ въ немъ большую перемѣну, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пришелъ къ убѣжденію, что нашъ великій писатель несомнѣнно долженъ быть серіозно боленъ. Это свиданіе Гоголя съ моимъ отцомъ было послѣднимъ въ ихъ жизни, такъ какъ отецъ никуда не выѣзжалъ, а Гоголь болѣе не посѣщалъ его и скончался въ февралѣ слѣдующаго года.

Конецъ 1851 и начало 1852 года прошли для меня грустно, въ постоянной тревогѣ за здоровье матушки и отца, страданья котораго бывали порою очень сильны.

Я ограничивалъ мои выѣзды посѣщеніемъ архива и двумя, тремя домами близкихъ знакомыхъ, изъ числа которыхъ домъ Левшиныхъ особенно привлекалъ меня. Хозяйка дома, Вѣра Яковлевна, рожденная княжна Грузинская [1]), вдова незадолго передъ тѣмъ умершаго камергера, Дмитрія Павловича Левшина, жила въ своемъ большомъ барскомъ домѣ на углу Воздвиженки, противъ церкви Бориса и Глѣба [2]). Семейство ея состояло изъ трехъ дочерей: Софіи, Натальи и Александры [3]); изъ нихъ только старшая выѣзжала въ свѣтъ и была моею большою пріятельницею; остальныя, еще слишкомъ юныя, сидѣли дома за уроками.

Вѣра Яковлевна была женщина пожилая, тучная и весьма представительная—настоящая московская барыня стараго покроя, умная,

---

[1]) У нея были три брата: Сергѣй Яковлевичъ—вице-президентъ московской дворцовой конторы, Николай Яковлевичъ — членъ кабинета его величества и Яковъ Яковлевичъ — директоръ находившейся въ Московской губерніи лосинной фабрики.

[2]) Домъ этотъ, принадлежавшій въ 20-хъ годахъ директору московскихъ театровъ, извѣстному Ѳ. Ѳ. Кокошкину, былъ при немъ средоточіемъ всѣхъ московскихъ литераторовъ.

[3]) Первая вышла за Владиміра Алексѣевича Полторацкаго, кавказскаго героя и георгіевскаго кавалера; вторая—за барона Гавріила Ивановича Черкасова, а третья за извѣстнаго писателя и библіографа Михаила Николаевича Лонгинова. Изъ всѣхъ этихъ лицъ въ настоящее время въ живыхъ находится только чета Черкасовыхъ.

бойкая, гостепріимная, не важно образованная, добрая, но ядовитая на языкъ. Она была охотница до сплетенъ и постоянно принимала у себя шутовъ, карлъ и разныхъ женщинъ простого званія, извѣстныхъ въ то время подъ кличкою «московскихъ дуръ». Дуры эти перебѣгали изъ одного дома въ другой съ большимъ запасомъ новостей и сплетенъ и, подъ защитою своей напускной глупости, безбоязненно переносили «соръ изъ избы». Въ молодости Вѣра Яковлевна, по разсказамъ ея современниковъ, была красавицею. Родившись отъ потомка царей Грузинскихъ и жены его, рожденной княжны Урусовой [1]), и засидѣвшись въ дѣвицахъ лѣтъ до 27-ми, она влюбилась въ богатаго, красиваго юношу, моложе ея, Дмитрія Павловича Левшина, который, въ свою очередь, не остался равнодушнымъ къ прекраснымъ голубымъ глазамъ и пышнымъ тѣлесамъ ея. Однако, княжна, убѣдившись въ томъ, что старуха-мать Левшина не позволитъ сыну жениться на зрѣлой дѣвицѣ, стала уговаривать его бѣжать съ нею и повѣнчаться, а такъ какъ юноша былъ не изъ храбрыхъ и не отваживался на такой подвигъ, то влюбленная грузинка порѣшила сама увезти его и увезла. Въ одинъ прекрасный, лѣтній вечеръ, Вѣра Яковлевна, забравшись къ Левшину черезъ окно, вытащила его тѣмъ же путемъ на улицу и, усадивъ въ экипажъ, повезла въ церковь вѣнчаться. Насколько правды въ этомъ приключеніи,—не знаю, но такъ гласило преданіе старой Москвы. Подобная, оригинальная свадьба могла бы подать поводъ бойкой женѣ быть главою мужа, но вышло иначе: бракъ Левшиныхъ оказался наисчастливѣйшимъ, и они провели всю жизнь не только въ полной любви и согласіи, но, такъ сказать, живя одинъ для другого. Послѣдовавшая въ сентябрѣ 1851 года кончина Дмитрія Павловича повергла въ глубочайшее горе его вдову и дочерей. Когда, вскорѣ послѣ того, я сталъ посѣщать Вѣру Яковлевну, то сначала грустное настроеніе всего семейства весьма подходило къ моему тогдашнему невеселому расположенію, а потомъ прелестные, голубые глаза меньшой пятнадцатилѣтней дочери совершенно очаровали меня, и я удвоилъ свои посѣщенія...

Въ теченіе зимы здоровье матушки день ото дня улучшалось, а здоровье отца оставалось все въ томъ же плохомъ положеніи. Не выходя вовсе изъ дома, онъ проводилъ вечера въ своемъ кабинетѣ, играя въ ералашъ. Частыми партнерами его были: дядя Маркелъ Николаевичъ Загоскинъ, Аркадій Тимоѳеевичъ Аксаковъ и графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ.

Аксаковъ, братъ извѣстнаго Сергѣя Тимоѳеевича, былъ хорошій человѣкъ и хотя не имѣлъ замѣчательнаго ума своего брата, но былъ схожъ съ нимъ безконечною добротою, честностью и благородствомъ, качествами, присущими вообще всему поколѣнію ста-

---

[1]) Родной сестры матери графа Павла Дмитріевича Киселева.

рыхъ и молодыхъ Аксаковыхъ того времени. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Степановнѣ Кротковой, премилой и прелюбезной женщинѣ.

Графъ Гудовичъ, егермейстеръ высочайшаго двора, сынъ фельдмаршала и нѣкогда главнокомандующаго въ Москвѣ, былъ весьма преклонныхъ лѣтъ. Малаго роста, съ огромною лысою головою, большимъ горбатымъ носомъ и на выкатѣ глазами, онъ представлялъ собою нѣчто похожее на лошадь и потому прозванъ былъ въ Москвѣ: «tête de cheval». Остроумный, любезный, веселый старикъ былъ ярый поклонникъ женскаго пола и великій театралъ, не пропускавшій ни единой новой піесы, особенно новаго балета. Забавный собесѣдникъ и балагуръ, Гудовичъ, къ сожалѣнію, отличался излишнимъ цинизмомъ въ разговорѣ, вовсе не гармонировавшимъ съ его старческими лѣтами и неуклюжею, довольно безобразною фигурою. Въ началѣ 50-хъ годовъ, онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ баръ, разъѣзжавшихъ въ Москвѣ въ высокой каретѣ, запряженной четверкою лошадей съ форейторомъ, а по званію егермейстера имѣлъ на запяткахъ егеря въ зеленомъ мундирѣ и треугольной шляпѣ съ зелеными перьями. Проживая съ давнихъ лѣтъ вдовцомъ, графъ, къ удивленію всѣхъ своихъ знакомыхъ, вступилъ въ 1856 г., на 78 году, вторично въ бракъ, со вдовою Данзасъ, рожденною Закревскою, но вскорѣ овдовѣлъ и самъ скончался въ 1867 году, почти девяностолѣтнимъ старикомъ и, какъ я слышалъ, будто бы случайнымъ образомъ: кушая въ какомъ-то ресторанѣ куриный супъ, онъ подавился косточкою, закашлялся и тутъ же умеръ.

Въ началѣ февраля, хотя я, по желанію родителей, сталъ опять выѣзжать въ свѣтъ, но довольно рѣдко и безъ особаго удовольствія, какъ вслѣдствіе постояннаго безпокойства о ихъ ненадежномъ здоровьи, такъ и потому, что вечера не представляли тогда для меня ни малѣйшаго интереса, за невозможностью встрѣтить на нихъ предмета моей первой любви—Сашеньки Левшиной...

Около этого времени скончалась въ Москвѣ близкая родственница батюшки, вдова М......, а какъ отецъ, по болѣзни, не могъ присутствовать на ея погребеніи, то приказалъ мнѣ замѣстить его. Къ стыду моему, долженъ сознаться, что такое приказаніе привело меня въ нѣкоторое смущеніе, такъ какъ до того времени я никогда не видалъ вблизи покойниковъ, боялся ихъ съ малолѣтства и, невзирая на тогдашній мой почти 19-ти-лѣтній возрастъ, не могъ побороть этого страха даже при встрѣчѣ на улицѣ похоронной процессіи. Конечно, я исполнилъ желаніе отца, но во время богослуженія стоялъ не съ родственниками покойницы, а какъ можно далѣе, и вовсе не видалъ ея. Кончина старой М...... не произвела на наше семейство особаго впечатлѣнія, вслѣдствіе того, что не только она, но и почти всѣ ея дѣти, нисколько не были родственно расположены ни къ моимъ родителямъ, ни къ братьямъ, ни

ко мнѣ. Сверхъ того, ихъ постоянная ни на чемъ не основанная гордость и сильное тяготѣніе къ знати не нравились моему отцу, а обращеніе ихъ съ нимъ съ высоты ихъ величія всегда вызывало добродушный его смѣхъ. Изъ всего семейства М....... только одна замужняя дочь держала себя относительно насъ по-родственному, остальныя считали батюшку совершенно постороннимъ человѣкомъ и бывали съ нимъ любезны, лишь когда воочію убѣждались въ милостивомъ къ нему расположеніи царской фамиліи во время ея пребыванія въ Москвѣ. О самой М....... я ничего не могу сказать; я мало зналъ ее, рѣдко у нея бывалъ и даже ни разу не удостоился приглашенія къ ней хотя бы на чашку чая. По словамъ батюшки, она была женщина добрая, не глупая и весьма образованная, но чрезвычайно чванная и честолюбивая. Когда одна изъ дочерей ея, весьма красивая собою, была просватана за молодого, извѣстнаго кутилу князя ?, то отецъ, удивленный выборомъ подобнаго жениха, спросилъ М......., почему она рѣшилась выдать дочь за такого сорванца. На это старушка отвѣтила: «помилуй, батюшка, да я еще не могу прійти въ себя отъ радости, что дочь моя будетъ княгинею!» Не знаю, долго ли продолжалась радость честолюбивой маменьки, но дочь ея, хотя и осталась на всю жизнь княгинею, жила, однако, съ своимъ мужемъ не долго и покинула его, не будучи въ состояніи перенести черезчуръ веселой и безшабашной жизни.

VII.

Кончина Гоголя и Жуковскаго.—Лѣченіе отца гидропатіею.—Улучшеніе его здоровья.—Пасха.—Старая дьяконица.—Новый докторъ.—Новая болѣзнь отца.—Его кончина. — С. Т. Аксаковъ. — Отъѣздъ дяди Загоскина.—Его жена.—К....вы.—Бумаги отца.—Его біографія.—Ф. Ф. Вигель.—Пенсія матушки.—Ея видѣніе и кончина.

21-го февраля, Москва, съ нею и вся Россія были поражены и опечалены неожиданною кончиною Гоголя. Когда я сообщилъ эту горькую вѣсть отцу, то онъ со слезами на глазахъ воскликнулъ: «я ожидалъ!» и затѣмъ прибавилъ: «зная христіанскія чувства Гоголя, я не могу сказать: Господи! упокой душу раба твоего Николая! а скажу: рабъ Божій Николай, моли Бога о насъ!».. Если батюшка былъ такого высокаго мнѣнія о Гоголѣ—христіанинѣ, то, мнѣ кажется, оно утвердилось въ немъ со времени появленія въ печати «переписки Гоголя съ его друзьями», въ которой знаменитый писатель круто отрекся отъ всего, что составляло его земную славу и земное безсмертіе. Отреченіе это, въ свое время, послужило поводомъ къ немалому переполоху среди публики и друзей

Гоголя, объяснявшихъ поступокъ его даже ненормальностью его разсудка.

Отецъ же признавалъ въ этомъ отреченіи не что иное, какъ полнѣйшій переворотъ въ духовной жизни Николая Васильевича, внезапно сбросившаго съ себя «ветхаго человѣка» и подчинившаго всѣ свои дѣйствія и помыслы истинно рѣдкому среди людей евангельскому смиренію.

Въ скоромъ времени батюшка былъ снова опечаленъ грустною вѣстью о кончинѣ Василія Андреевича Жуковскаго, котораго онъ любилъ и уважалъ, не только какъ поэта, но какъ прекраснѣйшаго изъ людей и своего стараго, добраго пріятеля, постоянно оказывавшаго ему большую пріязнь и часто дававшаго ему полезные совѣты при началѣ его литературныхъ работъ.

Здоровье отца все не поправлялось, и когда врачъ его Клименковъ испробовалъ уже всѣ средства, но безуспѣшно, то кто-то изъ знакомыхъ посовѣтовалъ батюшкѣ обратиться къ доктору Крейзеру, имѣвшему гидропатическую лѣчебницу, и попробовать лѣченіе холодною водою. Вслѣдствіе этого совѣта онъ сталъ ежедневно посѣщать водолѣчебницу и, къ великой общей нашей радости, менѣе чѣмъ въ пять недѣль настолько поправился, что только по временамъ чувствовалъ самыя ничтожныя боли и могъ снова ходить и выѣзжать на прогулку. Обрадованный значительнымъ улучшеніемъ своего здоровья, онъ отправилъ въ Петербургъ къ одному изъ своихъ лучшихъ друзей А. Е. Аверкіеву посланіе въ стихахъ съ описаніемъ своей болѣзни, ухудшенія ея и, наконецъ, выздоровленія по милости гидропатіи. Къ сожалѣнію, я никогда не имѣлъ въ рукахъ и впослѣдствіи не могъ достать этого стихотворенія, изъ котораго я помнилъ лишь двѣ строки, вызванныя лѣченіемъ холодною водою и поразившія меня быстрымъ переходомъ мысли отца отъ смерти къ жизни:

«Мнѣ снилась ужъ могила...
И вдругъ я свѣжъ, здоровъ и даже молодъ!»

И дѣйствительно, послѣ этого благодѣтельнаго лѣченія, онъ почувствовалъ себя настолько хорошо, что пожелалъ отпраздновать въ этомъ году Пасху большими розговинами, устроенными въ его кабинетѣ для пріятелей и знакомыхъ, пріѣзжавшихъ къ нему съ поздравленіемъ. Подобныхъ, да и вообще какихъ либо розговинъ, какъ я уже однажды упомянулъ въ моихъ воспоминаніяхъ, у насъ никогда не бывало, и потому мы немало удивились такому его желанію и неотступно просили не утруждать себя пріемомъ многочисленныхъ посѣтителей. Несмотря на то, розговины состоялись: утро въ день Пасхи отецъ провелъ въ своемъ кабинетѣ, угощалъ всѣхъ, былъ веселъ, разговорчивъ и крайне доволенъ тѣмъ, что, послѣ почти годовыхъ страданій и долговременнаго заточенія, онъ, наконецъ, могъ провести нѣсколько часовъ

съ добрыми пріятелями, не забывшими посѣтить его въ этотъ великій праздникъ.

Для меня день этотъ тоже былъ пріятенъ, такъ какъ я получилъ первый чинъ коллежскаго регистратора, о чемъ мой начальникъ, князь Оболенскій, объявилъ мнѣ наканунѣ, встрѣтивъ меня случайно въ какомъ-то магазинѣ и поздравивъ слѣдующими словами: «поздравляю васъ, вы получили первый чинъ, и хотя я самъ получилъ сегодня ленту Станислава, но ваша награда меня болѣе порадовала, чѣмъ моя собственная». Эти любезныя слова немало удивили меня, такъ какъ едва ли кто изъ моихъ товарищей удостоивался подобныхъ нѣжностей со стороны князя, тѣмъ болѣе, что въ сущности я никакой награды не получилъ, а данный чинъ слѣдовалъ мнѣ по закону, за выслугу лѣтъ.

Въ то время, когда отецъ кончалъ лѣченіе гидропатіею, однажды, утромъ, пришла къ матушкѣ дьяконица церкви св. Власія, что въ Старой Конюшенной, Татьяна Кононовна (фамиліи ея я никогда не зналъ). Она была типомъ настоящей приживалки и сплетницы первой руки и, хотя матушка не любила и не допускала сплетенъ, но принимала дьяконицу по старой памяти, зная ее съ начала 20-хъ годовъ, когда еще жила съ своимъ отцомъ въ приходѣ св. Власія.

Въ это утро, увидавъ батюшку и узнавъ, что онъ, хотя и поправился, но все еще, по временамъ, страдаетъ легкими болями, дьяконица стала упрашивать его взять новаго врача, молодого доктора С.....го, увѣряя, что онъ вылѣчилъ отъ подобной болѣзни нѣсколькихъ ея знакомыхъ изъ духовенства. Докторъ этотъ не пользовался ни малѣйшею извѣстностью въ Москвѣ, и никто о немъ ничего не слыхалъ, но отецъ, всегда склонный пробовать различныя лѣченія и слушать всѣхъ, дававшихъ ему какіе либо совѣты или средства противъ его недуга, обрадовался новой рекомендаціи и пригласилъ къ себѣ С.....го. На другой день новый врачъ явился и, понравившись отцу своими скромными манерами и разговоромъ, былъ окончательно приглашенъ пользовать его.

Не помню, давалъ ли въ первое время С.....ій какія либо лѣкарства, но, спустя нѣсколько времени, предложилъ отцу принимать ежедневно цитмановъ декоктъ. Средство это, употребляемое для очищенія крови отъ остротъ, какъ извѣстно, весьма сильно дѣйствуетъ на кишки и требуетъ значительнаго ограниченія въ пищѣ и питьѣ, и особенно охраненія тѣла отъ простуды; но отецъ, принимая декоктъ, не соблюдалъ ни одной изъ этихъ предосторожностей, въ чемъ былъ кругомъ виноватъ самъ докторъ, дозволявшій ему употреблять самыя жирныя кушанья, сырые фрукты, пить холодный квасъ и кататься по вечерамъ, во всякую погоду. Главная же ошибка малосвѣдущаго врача состояла въ томъ, что онъ продержалъ отца на декоктѣ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, и хотя

геркулесовская натура пацiента, казалось, не страдала отъ продолжительнаго, ежедневнаго прiема такого сильнаго средства, но подъ конецъ пищеварительные органы не выдержали, и въ ночь на 16-е iюня онъ почувствовалъ первые признаки воспаленiя кишекъ, т. е. открылась диссентерiя. Наканунѣ этого рокового дня батюшка чувствовалъ себя хорошо, но нѣсколько слабымъ, и потому не совершилъ обычной со мною вечерней прогулки. 16-го числа, рано утромъ, онъ пришелъ къ матушкѣ и жаловался, что всю ночь не могъ заснуть отъ кроваваго поноса, но, не подозрѣвая своей болѣзни, онъ полагалъ, что внезапная потеря крови окончательно облегчитъ его подагрическiе припадки. Въ то же утро прибывшiй С.....iй подтвердилъ его предположенiе, увѣряя, что этимъ припадкомъ разрѣшится вся его болѣзнь, и что потому не слѣдуетъ останавливать диссентерiи!.. Въ продолженiе нѣсколькихъ дней болѣзнь шла своимъ чередомъ, постепенно усиливаясь и ослабляя больного, такъ что 19-го iюня онъ не могъ болѣе вставать съ дивана безъ посторонней помощи, хотя еще наканунѣ принималъ посѣтившаго его Н. В. Сушкова вмѣстѣ съ однимъ путешественникомъ, далматскимъ графомъ Загорскимъ, и долго съ ними бесѣдовалъ.

Матушка, не покидавшая съ 1847 года кровати, и потому, не видавъ отца уже нѣсколько дней, начала сильно тревожиться, несмотря на успокоительныя слова С.....го, и приказала пригласить нашего прежняго врача Клименкова. Послѣднiй, прiѣхавъ въ то же утро и пораженный состоянiемъ отца, не скрылъ отъ меня и отъ братьевъ его опаснаго положенiя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не находилъ достаточно словъ для порицанiя С.....го за его систему лѣченiя, имѣвшую, по его мнѣнiю, послѣдствiемъ воспаленiе кишекъ, что и высказалъ прямо въ лице переконфуженному молодому врачу.

Послѣ того, матушка, догадавшись по моему встревоженному лицу объ опасномъ положенiи отца, попросила его черезъ меня, чтобы онъ прiобщился Св. Тайнъ, на что̀ отецъ сказалъ: «хотя я вовсе не такъ плохъ, но съ радостью прiобщусь; я этого самъ желалъ, но боялся испугать жену, которая, не видавъ меня уже нѣсколько дней, могла бы подумать, что мнѣ совсѣмъ плохо». Пославъ за своимъ духовникомъ, священникомъ нашей приходской церкви, батюшка прiобщился Св. Тайнъ, почувствовалъ себя бодрѣе и пожелалъ, для успокоенiя матушки, видѣть ее; онъ сѣлъ въ кресло, на которомъ два человѣка отнесли его къ ней. Это было послѣднее земное свиданiе моихъ родителей........ пробывъ у нея нѣсколько минутъ, отецъ почувствовалъ усталость и приказалъ отнести себя обратно въ кабинетъ. Въ то время какъ его уносили, онъ обернулся, послалъ матушкѣ рукой поцѣлуй и нѣжно взглянулъ на нее своими добрыми, чудными глазами......... мать моя, замѣтивъ этотъ взглядъ, заплакала.....

22-го числа, диссентерiя прекратилась, но, такъ какъ силы стали все

болѣе и болѣе ослабѣвать, то Клименковъ потребовалъ на слѣдующее утро консиліумъ изъ двухъ извѣстныхъ въ Москвѣ врачей— Альфонскаго и Овера. На другой день, въ 12 часовъ, Клименковъ пріѣхалъ съ Альфонскимъ, но Оверъ, неизвѣстно почему, не прибылъ. Утромъ, батюшка, въ первый разъ со дня своей болѣзни, сталъ забываться и какъ бы бредить, но, увидавъ Альфонскаго, узналъ его, догадался, что онъ пріѣхалъ для консиліума и совершенно ясно разсказалъ ему ходъ своей болѣзни, удивляясь, притомъ, что самъ помнитъ, какъ утромъ бредилъ, и именно вслѣдствіе того, что передъ нимъ скакали какіе-то карточные короли, дамы и валеты. Передъ отъѣздомъ оба доктора объявили матушкѣ, что положеніе его опасное, но не безнадежное, и что если онъ проспитъ нѣсколько часовъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ, то силы окрѣпнутъ, и явится большая надежда на полное его выздоровленіе. Альфонскій же, съ своей стороны, подтвердилъ мнѣніе Клименкова о причинѣ болѣзни отца, сожалѣя, что не могъ лично выразить свое негодованіе доктору С.....му, который, подъ предлогомъ будто бы приключившейся съ нимъ болѣзни, пересталъ посѣщать отца со дня перваго визита Клименкова. Послѣ отъѣзда докторовъ батюшка заснулъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ, продолжавшимся до пяти часовъ. Каждую четверть часа я уходилъ отъ него къ матушкѣ, чтобы порадовать ее этимъ продолжительнымъ сномъ, долженствовавшимъ, по словамъ докторовъ, имѣть благотворное вліяніе на его выздоровленіе.

По мѣрѣ того, какъ сонъ продолжался, матушка становилась спокойнѣе. Наконецъ, въ 5¼ часовъ, отецъ проснулся, сказалъ мнѣ твердымъ голосомъ: «дай пить», взялъ изъ моихъ рукъ стаканъ съ водою и, отпивъ немного, пристально посмотрѣлъ вокругъ себя, вздохнулъ и мгновенно заснулъ.....въ то же время лице его просіяло блѣдностью и сдѣлалось какъ-то особенно ясно и весело, какъ будто ему представлялся какой нибудь чудный, восхитительный сонъ!... Стоявшій сзади меня старый камердинеръ тихо промолвилъ: «папенька скончался!». Не видавъ никогда умирающаго человѣка, я не повѣрилъ и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ полагалъ, что отецъ спокойно спитъ. Вдругъ отворилась дверь изъ смежной комнаты, и тихо вошелъ братъ Николай съ вопросомъ: «что папенька?». Братъ кинулся къ отцу, и тутъ мы оба не могли не убѣдиться, что чистая душа его отлетѣла въ лучшій міръ.

Какъ громомъ, пораженный разразившимся несчастіемъ, я прежде всего вспомнилъ о матери: какъ ей сказать? Не успѣвъ опомниться, я увидалъ вошедшаго въ комнату доктора Клименкова, который не менѣе насъ былъ пораженъ быстрою кончиною батюшки. Со слезами на глазахъ, онъ сталъ упрашивать насъ скрыть ее до времени отъ матери, опасаясь, чтобы при роковой вѣсти съ нею не приключился новый и, конечно, смертельный ударъ, и требовалъ, чтобы кто либо

изъ насъ пошелъ къ ней и сказалъ, что сонъ продолжается. Братъ, заливаясь слезами, не могъ итти, и потому я, стоявшій какъ истуканъ, долженъ былъ исполнить приказаніе доктора. Нельзя себѣ представить, чего мнѣ стоило, изнемогая отъ горя, итти къ матери съ ложными, обнадеживающими ее словами!.. Войдя въ комнату, я увидалъ брата Дмитрія и тетушку Любовь Сергѣевну Загоскину, суетящихся около матушки, но, такъ какъ мнѣ тогда было не до нихъ, то я подошелъ прямо къ ней и на вопросъ: «что папенька?»—отвѣчалъ: «все попрежнему». Матушка, строго взглянувъ на меня, громко сказала: «ты лжешь, онъ скончался». При этихъ неожиданныхъ для меня словахъ я едва устоялъ на ногахъ и, зарыдавъ, отвѣтилъ: «да». Тетушка и братъ съ крикомъ побѣжали къ усопшему, а я остался одинъ съ матерью, которая съ замѣчательною твердостью промолвила: «я это знала», и перекрестясь прибавила: «Господи, упокой его душу и возьми меня скорѣе къ себѣ»; затѣмъ стала разспрашивать о послѣднихъ его минутахъ. Слова ея «я это знала» меня такъ озадачили, что я тутъ же спросилъ: «кто вамъ сказалъ?»—«никто, я это почувствовала!»—и дѣйствительно, по позднѣйшимъ разсказамъ тетушки и брата, оказалось, что въ минуту кончины отца съ нею произошло что-то необычайное, сверхъестественное: разговаривая про его болѣзнь, матушка вдругъ сказала брату Николаю: «иди скорѣе и узнай, что съ папенькою?» и когда братъ ушелъ, то она сама поднялась съ кровати (чего болѣе пяти лѣтъ не могла дѣлать), вскочила на ноги и со словами: «иду къ нему, онъ умеръ», упала на полъ. Ее подняли, уложили на кровать и старались успокоить надеждою, что отецъ поправится. Въ это самое время я вошелъ въ комнату. Позднѣе я попросилъ матушку разсказать мнѣ подробно о томъ, что она почувствовала въ минуту кончины отца, такъ какъ въ то время она не ожидала ея, и даже по случаю продолжавшагося его сна была спокойнѣе, чѣмъ утромъ, но она отвѣтила, что не можетъ дать точнаго объясненія и, хотя надѣялась, что отецъ поправится, вдругъ, мгновенно почувствовала, что она чего-то лишилась, и какъ будто что-то въ ней оборвалось. Вслѣдствіе этого необъяснимаго внутренняго чувства у нея явилось убѣжденіе, что онъ въ ту минуту скончался.

Не стану описывать горя, въ которое кончина батюшки повергла нашу страдалицу-мать, всѣхъ насъ, родственниковъ, и домашнюю многочисленную прислугу, состоявшую изъ однихъ лишь крѣпостныхъ людей, которые рыдая говорили, что лишились родного отца.

На панихидахъ слѣдующаго дня было мало посѣтителей, вѣроятно, потому, что вѣсть о кончинѣ автора «Юрія Милославскаго» еще не успѣла разнестись по всей Москвѣ; но, начиная съ 25-го по 27-е іюня, не только на панихидахъ, но и въ продолженіе дня

и вечера перебывало много народа. Всѣ эти дни по волѣ матери я проводилъ у гроба моего незабвеннаго отца и только послѣ погребенія его могъ посвятить себя уходу за нею.

26-го іюня, наканунѣ похоронъ, былъ день рожденія матушки. Сдѣлавъ букетъ изъ лѣтнихъ цвѣтовъ, стоявшихъ у нея на окнахъ, она приказала мнѣ положить его въ гробъ отца, съ тѣмъ, чтобы букетъ пошелъ съ нимъ въ могилу. Погребеніе послѣдовало на другой день, отпѣваніе происходило въ приходской церкви Покрова, что въ Левшинѣ. Во время богослуженія была масса народа и не легко было пробраться въ церковь. Послѣ отпѣванія громадная толпа запрудила всю улицу, и народъ, вмѣстѣ со мною и братьями, понесъ на рукахъ гробъ съ останками отца въ Ново-Дѣвичій монастырь, гдѣ онъ и былъ опущенъ въ могилу около алтаря, у наружной стѣны главнаго собора, близъ могилы батюшкина дяди Соломона Михайловича Мартынова.

Не могу не упомянуть о томъ, что на одной изъ первыхъ панихидъ я былъ немало удивленъ, увидѣвъ въ числѣ присутствующихъ Петра Яковлевича Чаадаева [1]), человѣка, не любившаго батюшку, считавшаго его отсталымъ, ретроградомъ и врагомъ излюбленной имъ нѣмецкой философіи. По окончаніи панихиды, Чаадаевъ подошелъ ко мнѣ и съ полнымъ участіемъ сказалъ, что, хотя онъ никогда не бывалъ у отца и не былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, но считалъ долгомъ поклониться праху человѣка, котораго глубоко уважалъ. Присутствіе Петра Яковлевича и слова его искренно тронули меня и служили доказательствомъ, что люди честные и благородные, подобно Чаадаеву, несмотря на недружелюбныя отношенія къ отцу, не могли не отдать справедливости прямому характеру и благороднымъ чувствамъ, постоянно одушевлявшимъ его въ теченіе всей его жизни.

Послѣ кончины батюшки многіе знакомые пожелали посѣтить матушку, но, такъ какъ она, по болѣзненному состоянію, никого не принимала, то они посѣщали меня. Изъ близкихъ же къ отцу друзей самое сердечное участіе выказалъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. Онъ написалъ мнѣ задушевное письмо съ изъявленіемъ глубокаго сожалѣнія, что, находясь въ деревнѣ, близъ Москвы, онъ не могъ, по случаю болѣзни, поклониться праху своего друга. Сверхъ того,

[1]) Извѣстный авторъ «Философскихъ писемъ», напечатанныхъ имъ въ 1836 г. въ журналѣ «Телескопъ», надѣлавшихъ въ свое время много шума, и за которыя Чаадаевъ, признанный, по высочайшему повелѣнію, сумасшедшимъ, былъ въ продолженіе нѣкотораго времени ежедневно посѣщаемъ врачемъ для освидѣтельствованія его умственныхъ способностей и, затѣмъ, находился подъ присмотромъ полиціи, но поминованіи кары спокойно проживалъ до своей смерти въ Москвѣ. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный, глубокій мыслитель, усердный поклонникъ Запада и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма самолюбивый и чрезвычайно высокаго о себѣ мнѣнія.

недовольный краткостью появившихся въ газетахъ некрологовъ батюшки, онъ помѣстилъ теплую о немъ статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ то же время началъ собирать матеріалы для его біографіи, которую черезъ нѣсколько мѣсяцевъ напечаталъ въ журналѣ «Москтитянинъ».

Осенью, Сергѣй Тимоѳеевичъ, возвратившись въ Москву, пожелалъ, чтобы я напечаталъ найденныя въ бумагахъ отца неизданныя его сочиненія: комедію подъ названіемъ «Заштатный городъ», двѣ статейки, относившіяся до дворянскихъ выборовъ, и разсказъ: «Канцеляристъ», но не иначе, какъ отдѣльною книжкою, назвавъ ее непремѣнно: V-мъ выходомъ «Москвы и москвичей». Я сначала на это согласился, но затѣмъ усмотрѣлъ, что комедія была только передѣлкою, почти слово въ слово, разсказа отца подъ заглавіемъ «Офиціальный обѣдъ», помѣщеннаго во 2-мъ томѣ смирдинскаго сборника «Сто русскихъ литераторовъ», а двѣ мелкія статейки не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ Москвѣ или ея жителямъ, и лишь одинъ разсказъ: «Канцеляристъ», составлялъ продолженіе «Осеннихъ вечеровъ», печатавшихся въ послѣднихъ книжкахъ «Москвы и москвичей»; поэтому я не счелъ возможнымъ выпустить 5-й томъ этой книжки, помѣстивъ въ ней неподходящія для названія комедію и статьи. Отказъ мой выполнить желаніе Аксакова, сдѣланный впрочемъ съ согласія матушки, огорчилъ его, и хотя мнѣ было крайне непріятно итти въ разрѣзъ съ совѣтомъ одного изъ лучшихъ друзей отца, но все же я настоялъ на своемъ, и книга не была издана.

Я и теперь остаюсь попрежнему при своемъ мнѣніи, что изданіе книги подъ названіемъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ содержаніемъ, было бы вполнѣ похоже на какую-то спекуляцію послѣ умершаго писателя какъ бы продолженіемъ изданія, имѣвшаго большой успѣхъ и немалый сбытъ. Впослѣдствіи разсказъ «Канцеляристъ» былъ напечатанъ въ журналѣ «Русскій Архивъ», а комедія «Заштатный городъ», не одобренная цензурою для представленія, осталась въ конторѣ московскихъ театровъ.

Первые мѣсяцы послѣ кончины батюшки прошли для меня неимовѣрно грустно: я никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что его уже нѣтъ на землѣ. Не проходило дня, чтобы я не посѣтилъ его могилы, а иногда даже и раза два въ день, по утру, отправлялся поклониться его праху, а послѣ обѣда отвозилъ цвѣты, которые матушка весьма часто посылала на его могилу.

Въ октябрѣ мы всѣ были опечалены рѣшеніемъ дяди Маркела Николаевича и жены его Любови Сергѣевны, жившихъ долгое время въ Москвѣ, переселиться въ свой родной городъ Пензу. Отъѣздъ ихъ былъ настоящимъ горемъ для нашего семейства, привыкшаго съ давнихъ лѣтъ любить, уважать и часто видѣть эту добрѣйшую и горячо насъ любившую чету.

Маркелъ Николаевичъ былъ простой, добродушный старикъ, кроткій, тихій, смиренный, не любившій общества и ежедневно посѣщавшій храмъ Божій—однимъ словомъ, какъ говорится, человѣкъ, въ Богѣ живущій. Онъ имѣлъ очень ограниченный кругъ знакомства и, къ общему удивленію, лучшимъ другомъ этого великаго постника и строгихъ правилъ человѣка былъ извѣстный нѣкогда кутила и игрокъ, Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, пріятель Пушкина, умный, добрый малый, но въ полномъ смыслѣ слова «bon vivant», промотавшій и проигравшій въ карты все свое состояніе и только на старости остепенившійся [1]).

Тетушка Любовь Сергѣевна, дочь Сергѣя Адамовича Олсуфьева (сына извѣстнаго статсъ-секретаря императрицы Екатерины II-й) и какой-то турчанки, вышедшей за него замужъ послѣ смерти его первой жены, была женщина умная, рѣдкаго добраго сердца и замѣчательна своею необыкновенною дородностью; въ жизнь мою я не видалъ подобной толстой женщины. Туловище ея имѣло видъ огромнаго шара, катившагося на короткихъ ногахъ, между тѣмъ какъ черты лица нѣсколько восточнаго типа были чрезвычайно красивы и симпатичны. Отъ излишняго жира ей было постоянно жарко, и она не носила обыкновенныхъ платьевъ, а какой-то легкій балахонъ или блузу съ открытою шеею и почти обнаженными плечами. Приведу слѣдующіе два случая, доказывающіе непомѣрную ея тучность. Однажды, сидя у матушки въ старинномъ креслѣ краснаго дерева, у котораго было обито одно сидѣніе, она своею тяжестью провалила дно кресла и такъ въ немъ застряла, что; когда хотѣла подняться, поднимала съ собою и кресло, и освободилась изъ него только при помощи нашей прислуги, вытащившей ее изъ столь неудобнаго положенія. Въ другой разъ, находясь у себя въ деревнѣ, она захотѣла пройти по строившемуся надъ довольно глубокимъ оврагомъ небольшому мостику, но лишь ступила на него, какъ плохо укрѣпленныя доски не выдержали ея грузнаго тѣла, и она провалилась до половины туловища. Работавшіе въ оврагѣ мужички, увидавъ висѣвшія изъ-подъ моста ничѣмъ неприкрытыя необыкновенныхъ размѣровъ ноги и не понимая, въ чемъ дѣло, испугались и стали осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, предполагая, что надъ ними стряслось дьявольское наважденіе.

---

[1]) Нащокинъ получилъ нѣкоторую извѣстность въ Москвѣ устройствомъ маленькаго домика, помѣщавшагося на простомъ ломберномъ столѣ и въ которомъ мебель, фортепіано, картины, посуда, серебро и вообще все убранство было сдѣлано лучшими мастерами и совершенно схоже съ употребляемымъ въ настоящихъ, жилыхъ домахъ. Игрушка эта, говорятъ, стоила Нащокину большихъ денегъ и немало способствовала окончательному разстройству его уже сильно расшатаннаго состоянія. Гораздо позднѣе, домикъ этотъ продавался въ московскомъ антикварномъ магазинѣ Волкова, если не ошибаюсь, за 40.000 руб. ассигнаціями.

Послѣ отъѣзда дяди у насъ въ Москвѣ не осталось никого изъ ближайшихъ родственниковъ, и я посѣщалъ только архивъ, Левшиныхъ и семейство добрѣйшей Прасковьи Петровны К—ой. Она была родная племянница отца моей матери, очень любила насъ и часто посѣщала матушку. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ она овдовѣла и проживала въ Москвѣ съ двумя дочерьми и юнымъ сыномъ. Не имѣя большого состоянія, она жила выше своихъ средствъ, входила въ долги, занимая у кого только могла, давала на эти деньги вечера и помогала ими же бѣднымъ. Если кто рѣшался спросить Прасковью Петровну, зачѣмъ она даетъ вечера, не имѣя на то средствъ,—она простодушно отвѣчала: «ахъ, батюшки, да вѣдь у меня взрослая дочь, и нужно пристроить ее», а если бы спросили ее, зачѣмъ она даетъ бѣднымъ чужія деньги, то навѣрно отвѣтила бы: «ахъ, батюшки, богатые не помогаютъ, ну, я и беру ихъ деньги и даю бѣднымъ, которые помолятся и за нихъ, и за меня».

Выдавъ старшую дочь за одного симбирскаго помѣщика и оставшись съ меньшою шестнадцатилѣтнею, она окончательно перестала давать вечера, но не перестала, по старой привычкѣ, прибѣгать къ займамъ. Вторая дочь ея, Лиза, была некрасива, но чрезвычайно умна, мила, граціозна, кокетлива и до такой степени обворожительна, что, несмотря на почти дѣтскій ея возрастъ, многіе молодые люди были влюблены въ нее до безумія...

Бывая прежде у К--хъ, я не обращалъ никакого вниманія на маленькую кузину, какъ я звалъ Лизу, но съ осени этого года сталъ чаще навѣщать ихъ, находя большое удовольствіе болтать съ умною дѣвочкой, а между тѣмъ сердце мое стало понемногу охлаждаться къ Левшиной вслѣдствіе видимой перемѣны въ ея обращеніи со мною и замѣтнаго вниманія, оказываемаго ею моему пріятелю Ч—у. Я сталъ рѣже посѣщать Левшиныхъ, замѣнивъ ихъ К—ми, къ которымъ вначалѣ влекло меня участіе ихъ въ постигшемъ меня горѣ, а потомъ не только умъ Лизы, но, быть можетъ, и не скрываемое ею ко мнѣ расположеніе, которое, раздражая влюбленныхъ въ нее молодыхъ людей, льстило моему самолюбію и было, конечно, причиною, что я окончательно влюбился въ нее по уши...

Послѣ смерти отца, оставаясь въ нашемъ большомъ домѣ вдвоемъ съ матушкою, я поселился въ кабинетѣ, библіотекѣ отца, гдѣ занялся разборомъ бумагъ и переписки его со многими русскими и иностранными знаменитостями. Къ сожалѣнію, я не нашелъ письма Вальтеръ-Скотта, писаннаго къ отцу по случаю появленія «Юрія Милославскаго» на англійскомъ языкѣ, и которое неоднократно я видѣлъ въ числѣ разнородныхъ интересныхъ писемъ, тщательно хранившихся въ его письменномъ столѣ, въ особыхъ папкахъ. Я нашелъ бумаги въ большомъ порядкѣ, но мало

собственноручныхъ рукописей его романовъ, и то только отдѣльными главами, въ томъ числѣ и одну главу изъ «Юрія Милославскаго» [1]). Вѣроятно, рукописи уничтожались авторомъ по мѣрѣ печатанія ихъ.

Впослѣдствіи, множество бумагъ и даже различныхъ вещей, доставшихся мнѣ послѣ кончины родителей, исчезли самымъ неожиданнымъ и глупымъ образомъ, по милости моей тогдашней молодости, неопытности и излишней довѣрчивости къ людямъ. Переѣзжая въ 1857 г. на постоянное жительство въ Петербургъ, я оставилъ ихъ до времени на храненіе у одного близкаго мнѣ человѣка, но когда потребовалъ ихъ обратно, то онѣ оказались проданными съ аукціоннаго торга за долги этого человѣка.

Начало 1853 года не принесло никакой перемѣны въ моей жизни; служба шла своимъ чередомъ, но съ кончиною отца я перестал пользоваться любезностью князя Оболенскаго, не удостоившаго меня ни малѣйшимъ разговоромъ и не оказавшаго мнѣ никакого участія въ понесенной мною тяжкой утратѣ... а почему?— я терялся въ догадкахъ... неужели, думалъ я, только потому, что при жизни отца, человѣка вліятельнаго въ московскомъ обществѣ, князь считалъ не лишнимъ быть любезнымъ и съ его сыномъ, а по отходѣ его въ вѣчность нашелъ нужнымъ обходиться со мною не иначе, какъ съ однимъ изъ самыхъ мелкихъ чиновниковъ подвѣдомственнаго ему архива?—другой причины я не находилъ. Сознаніе этой грустной причины породило въ первый разъ въ моемъ юномъ сердцѣ какое-то непріятное и до того времени неизвѣстное мнѣ чувство не то сожалѣнія, не то презрѣнія къ людскому эгоизму, хотя тогда я еще не вполнѣ догадывался, что большая часть людей живетъ и дѣйствуетъ на свѣтѣ болѣе въ видахъ собственнаго интереса, чѣмъ ради блага ближняго и любви къ нему.

Зимою С. Т. Аксаковъ, окончивъ біографію отца, отдалъ ее безвозмездно М. П. Погодину для напечатанія въ его журналѣ «Москвитянинъ», съ условіемъ, чтобы онъ вручилъ мнѣ 1.200 отдѣльныхъ оттисковъ для продажи ихъ въ пользу бѣдныхъ. Каково же было мое удивленіе, когда Аксаковъ увѣдомилъ меня письмомъ, что Погодинъ отказывается отъ даннаго обѣщанія и требуетъ, чтобы бумага оттисковъ была мною уплачена. Изъ письма Сергѣя Тимоѳеевича видно было, что онъ очень раздраженъ поступкомъ почтеннаго ученаго, но скупого человѣка, тѣмъ болѣе, что сумма была ничтожна, и не стоило о ней говорить. Матушка заплатила эту бездѣлицу, и дѣло было улажено. Съ дозволенія Аксакова я отправилъ нѣсколько экземпляровъ біографіи въ Петербургъ къ нѣкоторымъ батюшкинымъ пріятелямъ, а также и литераторамъ, находившимся въ какихъ либо съ нимъ сношеніяхъ; но, къ удив-

---

[1]) Главу эту я принесъ въ даръ Императорской Публичной библіотекѣ.

ленію моему, никто изъ послѣднихъ, кромѣ В. И. Панаева, не удостоилъ меня ни одною строкою отвѣта. Особенно страннымъ показалось мнѣ невниманіе со стороны Николая Ивановича Греча и Осипа Ивановича Сеньковскаго, которые были съ отцомъ въ отличныхъ отношеніяхъ, а послѣдній, можно сказать, даже въ дружескихъ, посѣщая его почти ежедневно въ свои частые пріѣзды въ Москву, а въ отсутствіи переписываясь съ нимъ.

Въ эту зиму пріѣхалъ на жительство въ Москву Филиппъ Филипповичъ Вигель и сталъ часто посѣщать матушку, нерѣдко обѣдая со мною и братьями; хотя я и прежде видалъ его въ нашемъ домѣ, но только съ этого времени ближе познакомился съ этимъ умнымъ и занимательнымъ собесѣдникомъ.

Вигель, старикъ лѣтъ 67, небольшого роста, сгорбленный, одѣтый по-стариковски въ долгополый сюртукъ и всегда въ черныхъ укороченныхъ панталонахъ, походилъ на какого-то приказнаго или подьячаго стараго времени. Лицо его было выразительное и умное; маленькіе, огненные, черные глаза ехидно смотрѣли изъ-подъ нависшихъ бровей; тонкія губы насмѣшливо улыбались, а небольшой, горбатый носъ придавалъ его лицу видъ хищной птицы. Рѣчь его была тихая, плавная, увлекательная, но порою ядовитая и даже злая. Имѣя своебразный и прекапризный характеръ, онъ почти всегда находился въ ссорѣ съ кѣмъ либо изъ своихъ знакомыхъ, а малѣйшая ссора изъ-за какихъ нибудь пустяковъ или его собственныхъ капризовъ вызывала съ его стороны самыя колкія слова относительно лицъ, безъ вины прогнѣвавшихъ его. Вотъ тому примѣръ: полюбя одного малоизвѣстнаго москвича за его умъ, познанія и душевныя качества, Вигель сталъ превозносить его до небесъ и старался ввести въ кругъ своихъ знакомыхъ; но, будучи непримиримымъ врагомъ табачнаго дыма и встрѣтивъ гдѣ-то своего новаго пріятеля съ папиросою во рту, наговорилъ ему грубостей, раззнакомился съ нимъ и пустился позорить его по всей Москвѣ. Съ своими родственниками онъ тоже постоянно ссорился и только съ батюшкою, приходившимся ему внучатнымъ братомъ, оставался въ добрыхъ отношеніяхъ, хотя разъ и на него былъ въ великой претензіи по слѣдующему обстоятельству: отецъ, зная, до какой степени Филиппъ Филипповичъ непосѣдливъ и неуживчивъ и какъ часто мѣняетъ мѣстожительства, перебираясь изъ одного города въ другой и таская за собою мебель, библіотеку и разную домашнюю утварь, написалъ въ одномъ изъ выходовъ «Москвы и москвичей», что у него есть «пріятель, который вѣчно странствуетъ по разнымъ городамъ для пріисканія себѣ постояннаго мѣстожительства, но нигдѣ не можетъ надолго поселиться, и потому нужно полагать, что именно про него сложена извѣстная пѣсенка:

«Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду»...

Вигель догадавшись, на кого мѣтилъ батюшка, мгновенно воспылалъ сильнымъ гнѣвомъ; но гнѣвъ этотъ недолго продолжался и нимало не поколебалъ его давнишней пріязни къ отцу.

Съ кончиною батюшки, доходы уменьшились на двѣ тысячи рублей, т. е. на получавшееся имъ казенное содержаніе, а такъ какъ изрядная часть доходовъ выдавалась двумъ женатымъ братьямъ, то я сталъ опасаться, чтобы матушкѣ не пришлось, послѣ новаго сокращенія, уменьшить свои обычные расходы, тѣмъ болѣе, что ожидаемая ею пенсія по закону не должна была превышать 500 рублей. Многіе близкіе знакомые совѣтовали ей обратиться къ государю съ ходатайствомъ о назначеніи ей усиленной пенсіи, но матушка и слышать о томъ не хотѣла, слѣдуя въ этомъ случаѣ правилу отца—никогда не утруждать правительство просьбами о денежномъ пособіи, а также и вслѣдствіе ея собственнаго убѣжденія, что Николай Павловичъ, если захочетъ, то и самъ назначитъ вдовѣ русскаго писателя пенсію въ большемъ размѣрѣ. Убѣжденіе это въ скоромъ времени оправдалось на дѣлѣ: въ февралѣ ей была пожалована, по высочайшему повелѣнію, пенсія въ тысячу рублей серебромъ. Недолго, однако, пришлось ей пользоваться этою пенсіею...

Однажды, въ половинѣ марта (не помню, какого именно числа), я по обыкновенію, поздно вечеромъ, сидѣлъ въ спальнѣ матушки и читалъ ей какую-то книгу. Комната была освѣщена одною лампою, а двери въ темную, смежную гостиную были открыты. Вдругъ матушка остановила меня словами: «постой, не читай», и при этомъ сдѣлала знакъ рукою, чтобы я замолчалъ. Не понимая, что случилось, я увидалъ, что она пристально смотритъ въ растворенную дверь. Послѣ нѣсколькихъ секундъ моего недоумѣнія и молчанія она сказала: «продолжай, теперь можно, я видѣла Михаила Николаевича». Конечно, я не продолжалъ чтенія и спросилъ ее: «какъ? что?»—«Когда я остановила твое чтеніе», отвѣтила она, «онъ появился въ дверяхъ, одѣтый въ красный халатъ [1]), остановился, поманилъ меня рукою и исчезъ». Несмотря на мои увѣренія, что все это ей только показалось, она стояла на своемъ, повторяя: «да, я видѣла его, онъ звалъ меня, но не думай, что я испугалась или скоро умру,—совсѣмъ нѣтъ; я очень счастлива, что видѣла его, это было, какъ будто, настоящее съ нимъ свиданіе».

На другой день матушка, оставаясь совершенно спокойною, разсказала о своемъ видѣніи доктору Клименкову и всѣмъ лицамъ, посѣтившимъ ее въ этотъ день. Докторъ отнесъ его къ разстройству ея нервовъ и постоянной мысли о покойномъ; остальные вторили ему, не желая вѣрить въ что-то сверхъестественное, забывая, притомъ, все случившееся съ матушкою въ минуту смерти

---

[1]) Въ этомъ халатѣ изъ краснаго кумача съ цвѣтами онъ скончался.

отца. Одна только моя няня увѣряла насъ, что то было дурное предзнаменованіе.

Позднѣе почти вся Москва узнала объ этомъ видѣніи, и немало о немъ было толковъ.

Черезъ нѣсколько дней, проводя ночь (какъ я это дѣлалъ со дня кончины отца) въ комнатѣ матушки, за особою перегородкою, гдѣ стояла моя кровать, я рано утромъ услыхалъ какіе-то невнятные звуки и стоны. Я вскочилъ, бросился къ матери и увидалъ ее, пораженную параличемъ и лишенную языка. Шесть дней она провела въ этомъ положеніи, будучи въ полномъ сознаніи и начиная, по временамъ, говорить, а потомъ, подвергаясь опять новому нервному удару. Несмотря на старанія двухъ врачей, положеніе ея часъ отъ часа ухудшалось, и, наконецъ, пріобщившись въ полной памяти и по своему желанію Св. Тайнъ, она впала въ безсознательное состояніе и 26-го марта, въ 5¼ часовъ по полудни, заснула на вѣки. Смерть ея была свѣтла и спокойна, какъ и вся ея жизнь.

С. М. Загоскинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БЫЛОЕ[1].

(Изъ семейной хроники).

Гувернеры.

> Мы всѣ учились понемногу,
> Чему нибудь и какъ нибудь.
> А. С. Пушкинъ.

I.

ХЪ БЫЛО у насъ трое,—конечно, не всѣ сразу, но смѣнились они на протяженіи какихъ нибудь трехъ лѣтъ.

Первымъ пріѣхалъ къ намъ швейцарецъ Кадерли. Это былъ человѣкъ лѣтъ около сорока, лысый, съ большой, черной, расчесанной вѣеромъ бородой, съ черными проницательными глазами и орлинымъ носомъ. Когда меня подвели къ нему, я перепугался безмѣрно: очень ужъ мнѣ онъ показался строгъ. Пугали меня его нависшія брови, его спокойная и твердая манера держаться, его увѣренный и авторитетный голосъ. Сердце во мнѣ такъ и ёкнуло, когда отецъ объявилъ, что отнынѣ мы, т. е. братъ мой и я, всецѣло отдаемся подъ наблюденіе monsieur Кадерли, все время будемъ неразлучны съ нимъ, и даже спать я буду уже не въ дѣтской, съ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIX, стр. 531.

няней Февроньей Степановной, а съ этимъ строгимъ, бородатымъ господиномъ.

Конечно, я «при сей вѣрной оказіи» не преминулъ разревѣться во все горло. Отецъ прикрикнулъ на меня за это, а новый гувернеръ какъ-то неожиданно ласково и мягко принялся утѣшать. Сердце у меня было податливое, и я легко пошелъ на его ласку. Брату моему, старшему меня на четыре года, новый гувернеръ, видимо, сразу понравился. Я,—во всемъ тогда старавшійся подражать ему, — тоже увѣрялъ себя, что и мнѣ m-r Кадерли очень нравится и жалѣлъ только объ одномъ, что не могъ такъ же легко и бойко говорить съ нимъ по-французски, какъ это дѣлалъ мой братъ.

Весь день пріѣзда Кадерли прошелъ очень оживленно. Мы всѣ трое, при помощи прислуги, устраивали наше новое жилище. Двѣ большихъ и свѣтлыхъ комнаты были отведены намъ на верху. Въ одной были поставлены три кровати, а другая обращена была въ классную. Длинный столъ покрыли чистымъ зеленымъ сукномъ; на одномъ концѣ его симметрично и въ большомъ порядкѣ разложили и разставили письменныя принадлежности; откуда-то появился книжный шкафъ, большой глобусъ, планетаріумъ; на стѣнахъ развѣсили географическія карты. Все это было чистенькое, новенькое, только что купленное въ губернскомъ городѣ и прибывшее вмѣстѣ съ гувернеромъ.

Къ вечеру обѣ комнаты были уже готовы и приняли удивительно опрятный видъ. Я чуть не съ благоговѣніемъ похаживалъ по нашей классной, любовался на новенькія аспидныя доски, на чистенькія тетрадки, на картонные пеналы съ хорошо очиненными гусиными перьями. Мнѣ все это казалось очень важнымъ и значительнымъ, и я началъ уже проникаться къ себѣ нѣкоторымъ уваженіемъ, чувствовалъ себя взрослымъ человѣкомъ и свысока объяснялъ моей нянюшкѣ, зашедшей посмотрѣть на наши комнаты, значеніе и самому мнѣ мало извѣстныхъ предметовъ. И помню даже, что полная фигура моей доброй няни показалась мнѣ крайне неумѣстной въ нашей строгой, порядливой классной комнатѣ.

Но нянюшка почему-то горько вздыхала и то и дѣло отирала выступавшія ей на глаза слезинки. Я же былъ гордъ и важенъ до... до самаго того часа, когда пришлось укладываться спать.

Во-первыхъ, оказалось, что я совсѣмъ не умѣю, какъ слѣдуетъ, раздѣваться и укладывать въ порядкѣ свое платье и вещи; во-вторыхъ, безъ помощи нянюшки я не сумѣлъ и умыться, какъ слѣдуетъ; а, въ-третьихъ, я уже совсѣмъ не понималъ, какъ можно уснуть, не чувствуя ея возлѣ себя и не спросивъ разъ пять или шесть совсѣмъ уже соннымъ голосомъ: «ты здѣсь, няня?» и не услыхавъ ея однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ отвѣтовъ: «Здѣсь, миленькій, здѣсь! Спи, Господь съ тобой!»

Братъ мой, ловко и умѣло раздѣвшійся самъ, умѣвшій даже

отлично самъ умываться, съ нескрываемымъ превосходствомъ посматривалъ на меня и не безъ насмѣшки переводилъ мнѣ съ французскаго на русскій наставленія, дѣлаемыя monsieur Кадерли.

Раздѣвшись кое-какъ и раза четыре переложивъ свои вещи по указаніямъ гувернера, я принялся умываться, и вотъ по истинѣ уже могу сказать, что умылся въ этотъ вечеръ не столько водою, сколько своими слезами. Не скоро нашелъ я покой и въ постели.

— Calmez-vous, mon enfant! Calmez-vous!—то и дѣло раздавалось съ кровати гувернера, а я все всхлипывалъ да всхлипывалъ, надѣясь этимъ всхлипываніемъ разжалобить сердце Кадерли и добиться того, чтобъ меня отпустили спать въ дѣтскую, къ нянюшкѣ.

Но, увы, сердца его не разжалобилъ, но добился только того, что онъ довольно сердито прикрикнулъ на меня:

— Enfin! Voulez-vous dormir, mon cher?

Этотъ окликъ меня испугалъ, и я, что называется, притулился. Дрема уже смыкала мнѣ глаза.

— Няня, ты здѣсь?—сорвалось у меня въ полупросоньѣ, но никто мнѣ не откликнулся.

Я уткнулъ голову въ подушки и горько-горько заплакалъ. У меня уже зарождалась мысль встать и потихоньку удрать въ дѣтскую, но я чувствовалъ, что Кадерли еще не спитъ, и рѣшилъ подождать, пока не уснетъ этотъ строгій, неумолимый человѣкъ. Но, къ счастью, я уснулъ раньше его.

II.

Рано разбудилъ насъ на другое утро Кадерли. Проснувшись, я хотѣлъ было, по привычкѣ, немножко покапризничать въ постели, но, взглянувъ на его весело улыбавшееся и тѣмъ не менѣе не обѣщавшее ни малѣйшаго снисхожденія лицо, капризничать не рѣшился, а, вставъ съ постели, принялся одѣваться. Съ одѣваніемъ дѣло шло еще хуже, чѣмъ съ раздѣваніемъ. Труднѣе всего дались мнѣ чулки. Никогда еще въ жизни не надѣвалъ я ихъ себѣ самъ. Пятка у меня почему-то оказывалась на пальцахъ, а носокъ болтался на пяткѣ. Приходилось снимать чулокъ съ ноги и надѣвать сызнова. Кадерли стоялъ возлѣ меня, терпѣливо и настойчиво поправляя мои ошибки, а братъ мой, одѣтый и умытый уже, весело улыбался, оправляя свою кровать.

А какъ трудно далось мнѣ умываніе! Но когда дѣло дошло до оправленія постели, тутъ ужъ я совсѣмъ сталъ втупикъ, потому что не только не умѣлъ этого дѣлать, но никогда и не предполагалъ о возможности такой работы.

— Ну, хорошо,—сказалъ Кадерли,—сегодня вашу постель приведетъ въ порядокъ прислуга, но помните, что вы сами должны вы-

учиться это дѣлать, какъ это отлично умѣетъ дѣлать вашъ братъ. А теперь пойдемте въ классную.

Придя въ классную, Кадерли поставилъ насъ на молитву въ переднемъ углу, передъ иконой, и почему-то обоихъ на колѣни. Брату моему онъ приказалъ вслухъ читать молитвы, а мнѣ—повторять за нимъ. Самъ же онъ отошелъ нѣсколько въ сторону и тоже опустился на колѣни.

Разсѣянно повторялъ я за братомъ слова утренней молитвы. Мое вниманіе очень развлекало то, какъ молится самъ Кадерли. Во-первыхъ, почему онъ молится не въ передній уголъ, какъ это дѣлаемъ мы, а оборотясь лицомъ къ стѣнѣ, на которой онъ вчера еще повѣсилъ бѣлое, слоновой кости Распятіе? Во-вторыхъ, почему онъ стоитъ на колѣняхъ передъ самымъ диваномъ, положивъ на него локти и какъ-то странно сложивъ руки? Почему онъ не крестится, а главное, почему мы всѣ молимся на колѣняхъ, тогда какъ прежде всегда молились, стоя на ногахъ, а на колѣни опускались только въ особенно важныхъ случаяхъ? Я и не зналъ того еще, что за нашей молитвой, въ щелку двери, очень внимательно подсматривала нянюшка Февронья Степановна. Не зналъ и того, что молитва наша и ей показалась необычайно странной, и что она не преминула сейчасъ же сообщить свои наблюденія моей теткѣ, старшей сестрѣ моего отца, и что весь день по поводу этого на женской половинѣ нашего дома шелъ горячій обмѣнъ мыслей, и что именно эта молитва была первымъ облакомъ, быстро сгустившимся въ цѣлую тучу надъ головой нашего перваго гувернера.

Но объ этомъ я скажу въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ молитвы Кадерли повелъ насъ внизъ, на половину отца «dire bonjour à papa», какъ сказалъ онъ. Помню, что отецъ мой очень привѣтливо поздоровался съ нашимъ гувернеромъ. Видимо, тотъ ему чрезвычайно понравился.

— Да, да, monsieur Кадерли,—говорилъ онъ,—очень прошу васъ быть внимательнымъ и строгимъ. И особенное вниманіе обратите на маленькаго, потому что этотъ страшно избалованъ и своими тетушками, и нянюшками, да и мной самимъ. Онъ еще не получилъ никакого воспитанія и умѣетъ только капризничать. Наказывайте его, если это будетъ нужно, и повѣрьте, что я вполнѣ довѣряю вамъ и всегда буду на вашей сторонѣ.

Кадерли мягко улыбался, гладилъ меня по головѣ и выражалъ увѣренность, что ни въ какомъ наказаніи не будетъ нужды.

Затѣмъ, мы напились чаю и отправились на верхъ, въ классную, заниматься.

III.

Я не буду подробно разсказывать шагъ за шагомъ нашу жизнь при первомъ гувернерѣ. Скажу только, что не кому другому, какъ Кадерли, мы съ братомъ обязаны любовью къ порядку и точности. Это былъ безусловно образцовый гувернеръ. Строгій, непреклонный въ своихъ рѣшеніяхъ, настойчиво вводившій порядокъ и ни подъ какимъ видомъ не отступавшій отъ него и въ то же время человѣкъ души доброй, любившій дѣтей и горячо преданный своему дѣлу. Увы, эти-то прекрасныя качества и поставили его, такъ сказать, не ко двору въ нашемъ безалаберномъ домѣ, безалаберномъ до послѣдней крайности; въ домѣ, гдѣ человѣку съ разъ навсегда выработаннымъ режимомъ жизни было бы почти совершенно невозможно оріентироваться.

Отцу нашему въ то время было лѣтъ сорокъ. Это была, что называется, широкая натура, съ очень многими барскими замашками, шедшими совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ купеческимъ воспитаніемъ, которое онъ самъ получилъ въ свое время. Вдовецъ—часто недѣлями, даже мѣсяцами онъ не бывалъ дома, и домъ тогда оставался совершенно безъ головы, потому что сестры его, обѣ его старше,— одна даже и очень значительно,—и обѣ старыя дѣвы, и сами бы не могли оріентироваться въ томъ порядкѣ жизни, какой велся въ присутствіи моего отца въ нашемъ домѣ. А порядокъ этотъ можно было бы назвать порядкомъ, или, вѣрнѣе даже, безпорядкомъ настежь открытыхъ дверей. Къ намъ шли и ѣхали званые и незваные, прошеные и непрошеные,—жили, гостили, пили и ѣли— и пили даже гораздо больше, чѣмъ ѣли—все время слышалось пѣніе, хлопанье пробокъ, музыка; устраивались пикники; сгонялись изъ окрестныхъ деревень дѣвки для хороводовъ: «столпотвореніе вавилонское», какъ говорила старшая моя тетка, Марья Максимовна,— «бедламъ», какъ выражалась болѣе ея просвѣщенная, другая моя тетка—Елена.

И вотъ въ такое-то «столпотвореніе вавилонское», въ такой-то «бедламъ» и попалъ гувернеромъ корректный, воздержный во всѣхъ отношеніяхъ, прекрасно воспитанный, швейцарецъ Кадерли.

Быстро понялъ онъ, что здѣсь ему предстоитъ дѣлъ немало, и первое же изъ нихъ—есть полное изолированіе отъ «бедлама» ввѣренныхъ ему двухъ мальчиковъ, очень мало грамотныхъ и еще менѣе того воспитанныхъ. Глава дома, т. е. отецъ этихъ мальчиковъ, вполнѣ одобрилъ его программу и обѣщалъ не нарушать заведеннаго швейцарцемъ порядка въ воспитаніи дѣтей. Кадерли быстро сумѣлъ подчинить насъ этому порядку и не только подчинить, но и заставить насъ полюбить его. Большое вниманіе онъ

обращалъ и на наше физическое воспитаніе. При немъ мы стали заниматься гимнастикой и фехтованіемъ, при немъ я, по крайней мѣрѣ, выучился плавать, и оба мы съ братомъ пристрастились къ верховой ѣздѣ. Я, по малолѣтству моему, ѣздилъ еще на лошадкахъ маленькихъ или очень смирныхъ; братъ же мой лихо уже скакалъ на любой лошади изъ конюшни. Скоро выучились мы совсѣмъ свободно говорить по-французски, и занятія наши съ Кадерли съ каждымъ днемъ пріобрѣтали все болѣе и болѣе интересный характеръ. Наши двѣ комнаты и сами мы трое, среди «вавилонскаго столпотворенія» нашего дома, являлись уже какимъ-то оазисомъ порядка и щепетильной опрятности. Мы любили уже нашего гувернера и совсѣмъ не замѣчали, какъ собиралась надъ головой его «бабья туча».

IV.

Да, не ко двору пришелся Кадерли въ нашемъ домѣ, и главнымъ образомъ не сумѣлъ онъ угодить женскому населенію, а наипаче всѣхъ моей нянюшкѣ Февроньѣ Степановнѣ.

Закипѣло ревностью ея любящее сердце, когда увидала она, что сокровище ея, ненаглядный питомецъ Володюшка, совсѣмъ уходитъ изъ-подъ ея опеки и вліянія. Съ ужасомъ смотрѣла она, какъ дитятко усаживается на большую, настоящую лошадь и курцъ-галопомъ, подпрыгивая, какъ воробей на заборѣ, уѣзжаетъ на далекія прогулки. Не могла видѣть она, какъ дитятко ея лазаетъ по какой-то мачтѣ, кувыркается на трапеціи, прыгаетъ черезъ деревяннаго козла; уходила душа ея въ пятки, когда узнавала она, что «дитятко» за этимъ «лысымъ чортомъ» на самую середину рѣки выплываетъ... Ахъ, да то ли еще! И покушать-то въ волю дитяткѣ не дадутъ; и поспать-то ему, какъ слѣдуетъ, не приходится; и сняты-то съ него набрюшнички и теплые, пуховые чулочки; и шарфикомъ больше его шейку не окутываютъ, да и умываться-то заставляютъ холодной водой. А тутъ еще ученьемъ мучатъ, надъ книжкой пропадать заставляютъ, да того гляди, что сгубятъ и душеньку его христіанскую: подслушала она, что мы и молитвы-то ужъ не по-своему читаемъ—дѣйствительно, Кадерли выучилъ насъ читать «Отче нашъ» и по-латыни, и по-французски. Закипѣло ревностью и гнѣвомъ ея любящее сердце, и повела она войну противъ швейцарскаго гражданина Франсуа-Альберта Кадерли.

«Гдѣ чортъ не сможетъ, тамъ женщину пошлетъ», а уже противъ нѣсколькихъ женщинъ и самъ чортъ не устоитъ. Смутила моя нянюшка и тетушекъ, и бабушку, и другихъ родственницъ, и съѣли онѣ швейцарскаго гражданина.

Какъ это произошло, я теперь уже и не помню, да и тогда, можетъ быть, не зналъ. Знаю только, что въ одно прескверное

утро Кадерли объявилъ намъ съ братомъ, что разныя, очень серіозныя обстоятельства отзываютъ его отъ насъ, но что за полгода, который онъ прожилъ съ нами, онъ уже горячо полюбилъ насъ и никогда не забудетъ. Просилъ не забывать и его и вѣрить, что онъ искренно и отъ всей души желалъ намъ добра. И братъ, и я—мы оба навзрыдъ плакали, прощаясь съ нашимъ гувернеромъ. А братъ мой, лучше меня знавшій и понимавшій женскія интриги, которыя велись противъ Кадерли, съ этого дня возненавидѣлъ мою нянюшку, Февронью Степановну, и, кажется, донынѣ еще не можетъ простить ей этого поступка.

А я и до сихъ поръ не могу еще понять, какимъ образомъ отецъ нашъ могъ такъ смалодушествовать, что, подчинившись вліянію женщинъ, рѣшилъ разстаться съ такимъ поистинѣ образцовымъ гувернеромъ, какъ Кадерли. Впрочемъ, повторяю, «гдѣ чортъ не сможетъ,—женщину пошлетъ».

Во всякомъ случаѣ, благодарная память о моемъ первомъ наставникѣ и до сихъ поръ ярко живетъ въ моемъ сердцѣ. Но я понялъ и бабью любовь моей нянюшки, понялъ и давно простилъ ея проступокъ. Можетъ быть, она принесла удаленіемъ Кадерли и большое мнѣ зло, но сдѣлала это, не вѣдая, что творила, и горячо любя меня.

V.

«Свято мѣсто не будетъ пусто», говоритъ пословица. Недолго оставалось вакантнымъ и мѣсто monsieur Кадерли. Не прошло и мѣсяца, какъ мы узнали, что къ намъ ѣдетъ уже новый гувернеръ. Съ непріязненнымъ чувствомъ ожидали мы его, съ непріязненнымъ потому, что память о Кадерли была еще слишкомъ жива, любовь къ нему въ насъ еще не остыла, завѣты его мы, т. е. братъ, по крайней мѣрѣ, старались еще хранить. Я, какъ болѣе слабый, довольно охотно опять подчинялся вліянію нянюшки, но, тѣмъ не менѣе, отстаивалъ еще честь моего перваго гувернера.

Итакъ, мы ждали новаго, заранѣе готовясь оказать ему всяческій отпоръ, если онъ не будетъ такимъ же, какъ Кадерли, а на это мы, конечно, совсѣмъ не разсчитывали.

— Завтра долженъ пріѣхать herr Бестіанъ,—сказалъ однажды утромъ при насъ отецъ.—Приведите въ порядокъ вашу спальню и классную.

— Herr Бестіанъ? Что такое herr Бестіанъ?—съ недоумѣніемъ переспросили мы.

— Herr Бестіанъ—это вашъ новый гувернеръ, нѣмецъ.

— Вотъ смѣшная фамилія!—замѣтилъ кто-то изъ молодыхъ родственницъ.

— Что-жъ, фамилія, какъ фамилія,—стараясь быть серіознымъ, но самъ едва удерживаясь отъ улыбки, замѣтилъ отецъ.

— Какъ зовутъ-то? Обезьянъ, что ли?—переспросила тугая на ухо наша старшая тетушка.

Мы, дѣти, не выдержали и расхохотались.

И цѣлый день потомъ мы, приводя въ порядокъ наши комнаты, все повторяли:

— Обезьянъ, Обезьянъ!

— А какъ ты думаешь, какой онъ изъ себя? — спрашивалъ я брата.

— Вѣроятно, старый и безобразный, похожій на обезьяну,—дѣлалъ тотъ свои предположенія.

А когда я сообщилъ моей нянюшкѣ, что новаго гувернера зовутъ «Обезьянъ», она сначала не повѣрила, а потомъ только руками всплеснула:

— Скажите, пожалуйста! Облезьянъ! Да неужто такія имена есть?—удивилась она.

— Не Облезьянъ, а Обезьянъ, няня!—поправилъ я.

— Ну, не все ли равно — Облезьянъ ли, Обезьянъ ли... Опять какой нибудь нехристь!

Къ вечеру ужъ весь домъ зналъ, что завтра утромъ пріѣдетъ къ намъ нѣмецъ, гувернеръ, по имени Облезьянъ Ивановичъ.

— Ну, поѣзжай за Облезьянъ-то Ивановичемъ,—напутствовали кучера Ефрема, отправлявшагося съ вечера на нашей тройкѣ на ближайшую почтовую станцію за новымъ гувернеромъ.

Прошла ночь, настало утро. Мы съ братомъ проснулись ранѣе обыкновеннаго и то и дѣло посматривали въ окна, съ нетерпѣніемъ и не безъ страха ожидая прибытія этого невѣдомаго и казавшагося намъ уже страшнымъ человѣка, носившаго странную фамилію herr Bestian.

— А на какомъ языкѣ мы съ нимъ будемъ говорить?—спрашивалъ я брата.

— Конечно, по-французски. Теперь ужъ и ты хорошо говоришь, рѣшилъ онъ.

— А если онъ не умѣетъ по-французски? Вѣдь, онъ же нѣмецъ.

— Всѣ гувернеры должны говоритъ по-французски. По-нѣмецки же я ни за что съ нимъ не стану разговаривать.

— А развѣ ты умѣешь по-нѣмецки?

— Нѣтъ, не умѣю, потому и не стану.

И опять бросались мы къ окнамъ, и опять прислушивались: не раздается ли звонъ почтовыхъ колокольчиковъ.

Мы совсѣмъ почему-то упустили изъ вида, что Бестіанъ долженъ пріѣхать не на почтовыхъ, а на нашихъ, стало быть, безъ колокольчиковъ и поэтому пріѣздъ его засталъ насъ врасплохъ.

— Пожалуйте внизъ, къ папашѣ, гувернеръ пріѣхалъ,—радостно объявилъ нашъ казачокъ Ѳедька, вбѣгая съ веселымъ, какъ всегда, лицомъ въ нашу классную.

— Какъ пріѣхалъ? Когда пріѣхалъ? — заволновались мы.

— Да ужъ съ полчаса, какъ пріѣхали.

— Ну, что, какой? Какой онъ? Старый? Безобразный? Злой? — забрасывали мы Ѳедьку разспросами.

— Злющій — презлющій. Кривой и горбатый, — сообщилъ Ѳедька и, весело росхохотавшись, бросился внизъ по лѣстницѣ.

Сердце у насъ екнуло. Мы обдернули на себѣ курточки, сшитыя для насъ, по указанію Кадерли, и, стараясь быть смѣлыми, отправились внизъ. Братъ шелъ впереди, я прятался за него. Но передъ самымъ входомъ въ кабинетъ отца онъ вдругъ вытолкнулъ меня впередъ, и... въ глазахъ у меня помутилось.

За письменнымъ столомъ, на своемъ обычномъ мѣстѣ, сидѣлъ отецъ и о чемъ-то весело разговаривалъ съ какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ, лица котораго я не разсмотрѣлъ, потому что не рѣшался поднять глаза въ его сторону.

— Ну, вотъ, дѣти, вамъ и новый гувернеръ, herr Бестіанъ, — проговорилъ отецъ и видя, что мы оба потупившись стоимъ на мѣстѣ, прибавилъ: — Подойдите же! Поздоровайтесь съ нимъ!

Тяжело сопя и трясясь почти всѣмъ тѣломъ, сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ впередъ и поднялъ глаза. На меня смотрѣло молодое, безусое, безбородое, почти юношеское еще лицо. Свѣтло-сѣрые глаза ласково улыбались мнѣ. Бѣлокурый локонъ густыхъ, вьющихся волосъ падалъ на бѣлый, молодой лобъ. Большая, красная рука протянулась ко мнѣ и потрепала меня по плечу.

— Да онъ еще совсѣмъ молодой! — не вытерпѣлъ и сообщилъ я брату.

Смотрю, и братъ повеселѣлъ тоже, и отецъ весело улыбается, и вдругъ, совершенно неожиданно, расхохотался и самъ herr Бестіанъ и такъ заразительно расхохотался, что вслѣдъ за нимъ расхохотались и мы.

Не прошло и пяти минутъ, какъ мы сидѣли уже возлѣ него, довѣрчиво и весело посматривая на его молодое, правда, некрасивое, но симпатичное лицо, и я, по крайней мѣрѣ, всѣми силами старался уже занимать его. Правда, это было очень трудно: по-французски Бестіанъ не говорилъ; по-русски зналъ всего нѣсколько словъ, а я ни слова не зналъ по-нѣмецки. Тѣмъ не менѣе, мы о чемъ-то разговаривали, и я ему разсказывалъ что-то.

— Ну, пойдемте теперь завтракать, — сказалъ отецъ.

И когда мы проходили черезъ залъ, гдѣ стоялъ большой рояль, купленный еще для моей покойной матери, гувернеръ пріостановился около него, отомкнулъ крышку и взялъ нѣсколько аккордовъ, но такихъ сильныхъ, такихъ могучихъ, что я даже замеръ отъ удивленія.

— Herr Бестіанъ будетъ между прочимъ учить васъ и музыкѣ, — сообщилъ намъ отецъ.

И мнѣ отъ этихъ словъ вдругъ опять стало почему-то страшно.

VI.

Пока мы завтракали, въ людской въ это время шелъ, что называется, дымъ коромысломъ. Туда собралась почти вся наша многолюдная дворня. Поваръ Демьянъ то и дѣло заглядывалъ туда изъ кухни; повариха и судомойки торчали, разиня рты; удостоилъ людскую своимъ посѣщеніемъ и самъ важный Мортирій Васильевичъ, камердинеръ моего отца. Тутъ же былъ и старшій кучеръ Алимпій. Даже нянюшка моя очутилась какъ-то тутъ. А героемъ этого раута являлся на этотъ разъ младшій кучеръ Ефремъ. То и дѣло заставляли его разсказывать потѣшную исторію съ новымъ гувернеромъ, и тотъ, видимо очень довольный своимъ положеніемъ, охотно повторялъ ее для каждаго новаго слушателя.

— Ну, вотъ, братцы,—говорилъ онъ,—пріѣхалъ это я на Кундышъ. Еще до свѣту пріѣхалъ. Конечно, это, отпрягъ, далъ отдохнуть лошадямъ,—да и то всю дорогу почитай что шагомъ ѣхалъ,—добавилъ онъ, обращаясь уже спеціально къ старшему кучеру. — Ну, отдохнули лошади, корму задалъ, попоилъ. Свѣтать начало. Подъѣзжаетъ кибитка, вылѣзаетъ изъ нея господинъ, руками машетъ и что-то лопочетъ непонятное. Только я его по шубѣ узналъ: вижу, шуба-то медвѣжья, значитъ наша, конторская. Думаю, значитъ, своей одежонки у него, какъ слѣдуетъ, настоящей нѣтъ, стало быть, ему въ городѣ изъ конторы, когда отправляли, эту шубу на дорогу и выдали. Подошелъ это я прямо къ нему, да и спрашиваю: «Не вы ли, молъ, Облезьянъ Ивановичъ будете?» Спервоначалу-то не понялъ, переспросилъ раза два, а потомъ вдругъ обрадовался, головой замоталъ и кричитъ: «Я, я, я». «Ну, а коли ты, такъ и чудесно», думаю. Запрягать пошелъ. А онъ, это, поднялся на станцію и самоваръ потреббвалъ. Только путемъ и чаю-то не напился: стаканчика два какихъ нибудь и проглотить-то успѣлъ. Какъ увидалъ, что лошади поданы, сейчасъ это заторопился, чтобы дальше ѣхать. Вотъ тутъ-то потѣха и пошла. Позвалъ, это, онъ смотрителя, Аксентья Ѳомича, и спрашиваетъ: «Что стоитъ самоваръ?» А тотъ ему это:—«Который, говоритъ, этотъ, что ли, что на столѣ?» Нѣмецъ ему головой киваетъ. «Что-жъ, этотъ, говоритъ, не изъ дорогихъ, а все же рублей семь стоитъ». Господи, Боже! Что тутъ съ нашимъ нѣмцемъ подѣлалось! Какъ онъ вдругъ заверещитъ! Какъ заверещитъ! Да какъ примется по комнатѣ бѣгать, такъ Аксентій Ѳомичъ, инда, въ сѣни выскочилъ. А тотъ за нимъ и оретъ благимъ матомъ: «Лѣсъ! Лѣсъ!» кричитъ. «Разбойникъ! Убить! Револьверъ!» говоритъ. У меня даже лошади шарахнулись. «Вотъ такъ, думаю, представлю я вамъ сюда господина!» А тотъ все къ Аксентію Ѳомичу лѣзетъ и спрашиваетъ: «Семь рублей? Семь руб-

лей самоваръ?» «Что-жъ», говоритъ Аксентій Ѳомичъ, «дѣйствительно, семь! хошь не тумпаковый, а самоваръ хорошій!» И вдругъ нѣмецъ вынимаетъ изъ кармана семь рублей и суетъ Аксентію Ѳомичу. Тотъ не беретъ, потому что самоваръ не продажный, и самому ему на станціи надо. Нѣмецъ тычетъ, кричитъ: «разбойникъ!» Аксентій Ѳомичъ пятится. Потѣха! Ну, что жъ дѣлать? Вылили изъ самовара воду, вытрясли уголья, завернули въ сѣно, несутъ въ кибитку къ намъ. Какъ увидалъ это мой нѣмецъ, да какъ примется вдругъ хохотать! Бѣгаетъ кругомъ кибитки, ногами топочетъ, а самъ такъ и заливается хохотомъ! Тутъ ужъ мы и совсѣмъ страху дались: помѣшанный! Одно слово — помѣшанный. Только вдругъ это онъ досталъ изъ кармана книжечку, порылся въ ней что-то, почиталъ и спрашиваетъ: «Что стоитъ чай?» Тутъ ужъ и Аксентій Ѳомичъ сообразилъ, въ чемъ ошибка, и тоже хохотать принялся. На радостяхъ даже и за чай съ нѣмца брать не хотѣлъ, взялъ только самоваръ обратно, да ему семь рублей воротилъ. Прощаться стали, такъ расцѣловались. Ну, такой чудной нѣмчура, просто сказать нельзя! Всю дорогу меня смѣшилъ. Ѣдетъ, ѣдетъ къ кибиткѣ, да вдругъ какъ крикнетъ: «Что стоитъ самоваръ?» И ну хохотать! Такъ и зальется, словно младенецъ какой! Препотѣшный.

Несмолкаемый хохотъ стоялъ и въ людской во время всего этого разсказа. Нѣкоторые раза по три, по четыре его слушали и каждый разъ повторяли:

— Ай да Облезьянъ Ивановичъ! Вотъ молодчина-то!

Изъ людской разсказъ этотъ живо проникнулъ и въ домъ, и скоро всѣ отъ мала до велика знали уже исторію съ самоваромъ, и веселый смѣхъ разсыпался по всѣмъ комнатамъ. И до отца этотъ разсказъ дошелъ, а тотъ самого Бестіана объ этомъ спросилъ и не успѣлъ спросить, какъ молодой гувернеръ нашъ такъ и раскатился дробнымъ хохотомъ и принялся уже по-своему разсказывать. А въ его разсказѣ это еще веселѣе, еще смѣшнѣе выходило. Искренно и наивно признавался онъ въ своихъ подозрѣніяхъ, что эта страшная глушь, куда завезли его, представилась ему вдругъ разбойничьимъ гнѣздомъ, гдѣ за стаканъ чая семь рублей дерутъ. Разсказывая, онъ то и дѣло обрывался, хваталъ себя за голову и принимался хохотать.

И всѣхъ, всѣхъ заразилъ онъ своимъ весельемъ, и вдругъ всѣ какъ-то сразу полюбили его, какъ своего близкаго, какъ родного.

VII.

Ко двору пришелся «Облезьянъ Ивановичъ» и какъ-то необычайно быстро освоился со всѣми порядками нашего дома. Изъ всѣхъ нѣмцевъ, какихъ мнѣ приходилось когда либо встрѣчать, онъ ме-

нѣе всего походилъ на нѣмца, а между тѣмъ, нѣмецъ онъ былъ по происхожденію самый настоящій. Гановерецъ родомъ, окончилъ онъ курсъ въ одномъ изъ лучшихъ германскихъ университетовъ; теологъ по образованію, а по призванію—музыкантъ. Какъ онъ попалъ въ Россію, я не знаю. Пробылъ недѣли три въ Москвѣ гувернеромъ въ какомъ-то пансіонѣ, а оттуда былъ направленъ уже прямо къ намъ, въ нашъ глухой, медвѣжій уголъ. Пріѣхалъ — и сразу расположилъ къ себѣ всѣ сердца, и насъ всѣхъ полюбилъ совершенно искренно.

Науками онъ намъ не докучалъ. Педантомъ отнюдь не былъ, быстро, даже необычайно быстро выучилъ насъ говорить, читать и писать по-нѣмецки. Попросилъ отца выписать для насъ нѣсколько иллюстрированныхъ нѣмецкихъ журналовъ, и позже, цѣлую библіотеку нѣмецкихъ книгъ. И читалъ ихъ съ нами вслухъ, насъ заставлялъ вслухъ читать, и самымъ незатѣйливымъ образомъ пріохотилъ насъ къ нѣмецкой литературѣ, къ нѣмецкой поэзіи. Но мы бы рисковали совсѣмъ остаться безграмотными, если бы на подмогу къ Бестіану не являлось два-три учителя изъ сосѣдняго уѣзднаго городка, къ которому усадьба наша примыкала, что называется бокъ о бокъ. Двое изъ этихъ учителей были въ то же время и учителями мѣстнаго уѣзднаго училища, и они преподавали намъ русскій языкъ, исторію, географію и математику. Для Закона Божія посѣщалъ насъ нашъ приходскій священникъ, отецъ Алексѣй, французскимъ же языкомъ занимался съ нами одинъ прекрасно образованный, ссыльный полякъ, жившій у насъ на заводѣ. Самъ же Бестіанъ, помимо нѣмецкаго языка и литературы, преподавалъ намъ еще и музыку.

И вотъ эта-то музыка являлась для меня сущимъ испытаніемъ и самой настоящей пыткой, потому что безалаберный, безтолковый, всегда веселый и добродушный Бестіанъ, садясь за рояль, становился совершенно неузнаваемымъ. Лицо его дѣлалось почти суровымъ, движенія нервны; голосъ рѣзокъ. Онъ становился нетерпѣливымъ и раздражительнымъ. Самъ онъ несомнѣнно былъ прекраснымъ музыкантомъ. При благопріятныхъ условіяхъ изъ него бы вышелъ, вѣроятно, далеко недюжинный артистъ, но, какъ педагогъ, онъ никуда не годился. Насколько легко, прямо таки играючи, пріохотилъ онъ меня и къ своему родному языку, и къ своей нѣмецкой литературѣ, настолько разъ навсегда своей требовательностью и раздражительностью оттолкнулъ отъ рояля. Братъ мой, какъ всегда во всемъ настойчивый и добивающійся, учился музыкѣ несравненно успѣшнѣе. Онъ упорно работалъ надъ развитіемъ своихъ пальцевъ, довольно быстро выучился читать ноты, но впослѣдствіи все это также быстро и основательно перезабылъ. Я же буквально только ревѣлъ за роялью и надолго, надолго возненавидѣлъ этотъ инструментъ, напоминавшій мнѣ объ очень сквер-

ныхъ минутахъ, проведенныхъ за нимъ съ Бестіаномъ. И я остался совершенно музыкально безграмотнымъ человѣкомъ. А жаль! Потому что изъ всей нашей семьи едва ли не у меня одного, можетъ быть, и не большія, но все-таки были музыкальныя способности. Но Бестіанъ съ самаго начала сумѣлъ меня оттолкнуть отъ музыки, а научить не сумѣлъ. И въ то время, когда мой братъ уже довольно бѣгло разбиралъ ноты и игралъ неособенно замысловатые этюды, я за рояломъ умѣлъ только ревѣть благимъ матомъ.

Милая нянюшка, Февронья Степановна, и тутъ подоспѣла мнѣ на выручку.

VIII.

Начинается урокъ музыки. Первымъ въ залъ отправляется съ Бестіаномъ мой братъ. Я, впрочемъ, если у меня нѣтъ въ этотъ часъ другого учителя, иду вмѣстѣ съ ними и сажусь въ уголку съ книжкой. Братъ развертываетъ ноты и принимается за какой нибудь этюдъ. Бестіанъ время отъ времени поправляетъ его и дѣлаетъ свои замѣчанія. Но сегодня, какъ на зло, я чувствую, что братъ играетъ отлично, все ему удается:

— Schön! Schön! Sehr schön!—то и дѣло срывается у Бестіана.

И сердце мое замираетъ. Я знаю, что это значитъ: это значитъ, что братъ скорѣе обыкновеннаго окончитъ свой урокъ, и Бестіанъ, отпустивъ его на свободу, примется за меня. И чѣмъ лучше занимался братъ, тѣмъ больше будетъ раздражать Бестіана моя безтолковость. Впрочемъ, онъ всегда говоритъ, что это совсѣмъ не безтолковость, а самая отчаянная лѣность съ моей стороны. Да развѣ мнѣ легче отъ этого, разъ я не могу эту лѣность преодолѣть?

Ну, такъ и есть! Они уже кончили! Бестіанъ хвалитъ моего брата и тотъ, довольный и радостный, идетъ въ нашу классную, чтобъ всецѣло отдаться своему любимому занятію—рисованію. А Бестіанъ, еще за пять минутъ передъ этимъ такой добрый и ласковый, становится вдругъ хмуръ и строгимъ голосомъ подзываетъ меня къ роялю. Я подхожу, сажусь, со вздохомъ взглядываю на эти бѣлыя и черныя клавиши, и мы начинаемъ:

— Ein, zwei, drei! Ein, zwei, drei! — рѣзко отсчитываетъ Бестіанъ.

Я стараюсь поспѣть за его счетомъ, но мои пальцы, но мои ужасные, толстенькіе, кругленькіе пальцы! Имъ нѣтъ дѣла до моихъ мученій! Они становятся вдругъ необычайно лѣнивы, неуклюжи, неповоротливы. И особенно этотъ карапузикъ-мизинецъ! Онъ самымъ глупѣйшимъ образомъ все лѣзетъ кверху и топорщится. Кажется, такъ бы и откусилъ его, но не успѣлъ я и подумать, какъ Бестіанъ приводитъ это въ исполненіе. Положимъ, онъ не кусаетъ мнѣ мизинца, но все-таки пребольно щелкаетъ по немъ

линейкой. Слезы у меня уже на глазахъ, и эти безъ того мало понятные черточки и кружечки, которые пестрятъ лежащія передо мною ноты, заволакиваются дымкой.

— Ein, zwei, drei! Ein, zwei, drei!—уже почти кричитъ Бестіанъ, и линейка все чаще и ощутительнѣе щелкаетъ меня по рукамъ.

Я плачу, я изнемогаю отъ горя, нѣтъ силъ больше терпѣть этихъ страданій... Няня, няня! Да гдѣ же ты?

Бестіанъ вздрогнулъ и обернулся. Я обернулся тоже. Тамъ, въ глубинѣ гостиной, отдѣленной отъ залы только двумя колоннами, полуотворилась дверь. Озабоченное лицо моей нянюшки выглядываетъ оттуда, она машетъ рукой и шепчетъ:

— Херъ Близьянъ, херъ Близьянъ! Облизьянъ Ивановичъ! Пожалуйте-ка сюда!

— Ну, что надо?—почти сердито спрашиваетъ Бестіанъ.

— Да вы только пожалуйте, пожалуйте сюда,—шопотомъ настаиваетъ нянюшка.

Бестіанъ встаетъ и идетъ черезъ гостиную. Я иду, конечно, за нимъ. Мы оба выходимъ въ слѣдующую за гостиной комнату, такъ называемую, зеленую угловую. Бестіанъ вдругъ улыбнулся, и рука его, совсѣмъ ужъ какъ-то по-русски, тянется къ затылку: на маленькомъ, принесенномъ туда откуда-то столикѣ, на чистенькой скатеркѣ, стоитъ графинчикъ водочки и бутылка доппель-кюммелю. А тутъ же на сковородкѣ шипитъ и бурлитъ еще горячая соляночка. Аппетитный запахъ такъ и пахнулъ на насъ. Да и что это за соляночка! Никто, кромѣ няни, ее дѣлать такъ не умѣлъ! Ужъ на что великій мастеръ былъ нашъ поваръ Демьянъ, и тотъ, когда нянюшка являлась въ этотъ часъ въ кухню и принималась сама стряпать, для извѣстной ей цѣли, эту соляночку, такъ и Демьянъ говаривалъ, снисходительно улыбаясь:

— Вотъ вы, нянюшка, хотя и женщина, а все-таки нѣкоторыя кушанья приготовить можете. Положимъ, ваша солянка не поварское дѣло, и нашему брату за нее въ аглицкомъ клубѣ весьма даже шею бы накостыляли, но духъ отъ нея идетъ ничего—хорошій.

Да какъ было и не итти хорошему духу отъ этой соляночки, когда тутъ и ветчинка, и капустка, и рыжички, и огурчики, и маринованный лучекъ, и оливочки и чего-чего только туда не положено. Пахнетъ этимъ «хорошимъ духомъ» на Бестіана,—онъ и разомлѣетъ. Сначала за затылокъ подержится, потомъ руки одна о другую потретъ, потомъ крякнетъ, да и скажетъ:

— Одна рюмочка водочка,—больше нѣтъ.

Ну, а за одной-то другая, а за другой да третья... Смотришь, и повеселѣлъ нашъ «Бестіанъ Ивановичъ» и ужъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ въ залу, къ роялю возвращается. Экзерсисы мои отбросить въ сторону, развернетъ передъ собой какую нибудь Бетховенскую сонату, и польются изъ-подъ его пальцевъ могучіе и вдохновенные звуки. На этомъ нашъ урокъ и кончается.

Знала нянюшка тайны сердца человѣческаго, знала его слабости и умѣла выручать изъ бѣды своего питомца.

Скоро объ этомъ даже и на кухнѣ узнали: какъ бывало придетъ нянюшка свою солянку готовить, такъ поваръ Демьянъ непремѣнно скажетъ:

— Что, вѣрно, опять Облизьянъ Ивановичъ вашего питомца музыкѣ обучаетъ?

Солянка разнообразилась иногда и другой, но ничуть не менѣе вкусной закуской. Количество же выпиваемыхъ рюмочекъ моимъ гувернеромъ чуть ли не съ каждымъ мѣсяцемъ прогрессивно увеличивалось. Мудрено ли, что я до сихъ поръ не умѣю играть на роялѣ?

IX.

Попавъ къ намъ въ домъ, молодой нѣмецъ началъ удивительно быстро «русѣть». Наши нравы и обычаи не только не коробили, но, кажется, и ничуть не удивляли его. Наша кухня пришлась ему какъ нельзя болѣе по вкусу. Онъ полюбилъ и квасъ, и пироги, и даже окрошку, и ботвинью. Но, увы, больше всего по вкусу пришлась ему русская водка, нѣжно называемая имъ «водочка». Сначала онъ пилъ ее, разбавляя доппель-кюммелемъ, а потомъ ужъ сталъ тянуть прямо гольемъ. Пива у насъ въ домѣ какъ-то не водилось, зато по части виноградныхъ винъ выборъ былъ большой, и выпивалось ихъ весьма солидное количество, но Бестіанъ не чувствовалъ влеченія не только къ бордосскимъ и бургундскимъ, но даже къ своимъ роднымъ рейнскимъ. Въ жаркое время онъ еще охотно пилъ домашнія «шипучки» и «водички» и особенно «березовку» или, такъ называемое, «шампанское, чѣмъ ворота запираютъ». Напитокъ этотъ приготовлялся изъ березоваго сока, перебродившаго и сдобреннаго, кажется, коньякомъ. Каждую весну, когда береза даетъ сокъ, у насъ его заготовляли тысячами бутылокъ и лѣтомъ пили всѣ очень охотно.

Но для Бестіана пріятнѣе всего была водочка и водочка, и чѣмъ больше онъ привязывался къ ней, тѣмъ хуже шли наши занятія. Даже уроками музыки началъ ужъ онъ манкировать. И странно, что никто изъ старшихъ этого какъ будто не замѣчалъ. Его всѣ любили, онъ былъ пріятнымъ членомъ всякой компаніи, веселый, молодой, старающійся говорить непремѣнно по-русски и немилосердно, поэтому, коверкающій свой языкъ, онъ всюду вносилъ съ собой оживленіе и какой-то радостный шумъ. Особенно дорогъ онъ былъ своей музыкальностью. Собирались гости, и Бестіанъ уже охотно шелъ къ роялю. Сначала онъ игралъ исключительно серіозныя, классическія вещи, но затѣмъ, въ угоду этимъ милымъ, такъ искренно приласкавшимъ его людямъ, сталъ аккомпанировать пѣнію

и поигрывать танцы. Самъ онъ пѣлъ плохо, стараясь недостатокъ голоса замѣнить какимъ-то крикомъ, но и крикъ этотъ приводилъ всѣхъ въ прекрасное настроеніе духа и,—что грѣха таить,—Бестіана всѣ старались немножко подпоить, и подпаиваніе это кончалось самымъ основательнымъ спаиваніемъ. Легко и охотно шелъ Бестіанъ по этой дорожкѣ.

Напиваясь, онъ оставался и милымъ, и приличнымъ, и терпимымъ даже въ дамскомъ обществѣ... Нетерпимымъ должно было бы быть только одно—это дальнѣйшее его пребываніе нашимъ гувернеромъ, потому что ничему хорошему мы уже отъ него выучиться не могли. Правда, мы любили Бестіана, но не чувствовали къ нему ни малѣйшаго уваженія и часто даже забавлялись надъ нимъ, особенно, когда онъ являлся къ намъ пьяненькимъ, что̀, къ сожалѣнію, стало случаться все чаще и чаще.

X.

Помню разъ—это было лѣтомъ—на разсвѣтѣ утромъ вернулся Бестіанъ съ какой-то попойки и, пробираясь къ своей постели, задѣлъ за ночной столикъ, уронилъ его и этимъ разбудилъ насъ. Но, проснувшись, мы, какъ бы сговорившись, продолжали лежать неподвижно, не подавая и вида, что зорко наблюдаемъ за нашимъ не въ мѣру упившимся гувернеромъ. А гувернеръ нашъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону и бормоча себѣ подъ носъ, что ему хочется пить, отыскивалъ графинъ съ водой, который, какъ на зло, не былъ поставленъ съ вечера прислуживавшимъ намъ казачкомъ Ѳедькой.

Побродя по комнатѣ, Бестіанъ вышелъ изъ нея, и скоро мы услыхали его шаги внизъ по лѣстницѣ, и почти вслѣдъ за этимъ къ намъ вбѣжалъ полураздѣтый Ѳедька и, задыхаясь отъ душившаго его хохота, предложилъ полюбоваться на «Бестіана Ивановича». Мы всѣ выскочили на балконъ, выходившій на дворъ, и какъ разъ, въ это же время, съ чернаго крылечка вышелъ на этотъ дворъ и нашъ почтенный наставникъ. Нетвердыми шагами направился онъ къ людской избѣ, возлѣ которой стояла на дрогахъ большая бочка съ водой. Доставъ большимъ черпакомъ изъ бочки воды, Бестіанъ принялся пить, впрочемъ болѣе выливая воды себѣ за жилетку, чѣмъ въ ротъ. Но, увы, это его не отрезвило. Напившись, онъ продолжалъ задумчиво стоять возлѣ бочки, поглаживая ея крутые бока. Потомъ, вдругъ, къ немалому нашему удивленію, мы увидали, что онъ самымъ спокойнымъ образомъ снимаетъ съ себя сюртукъ, за сюртукомъ послѣдовала и жилетка, а за жилеткой и панталоны. Снявъ всѣ эти вещи, онъ ихъ довольно аккуратно развѣсилъ на оглобляхъ, а затѣмъ, присѣвъ на одно изъ колесъ дрогъ, принялся

снимать сапоги. Одинъ сапогъ онъ снялъ довольно удачно, но съ другимъ дѣло шло гораздо хуже: нога не слушалась, руки срывались, и въ концѣ концовъ сорвался и самъ Бестіанъ съ колеса и довольно мягко шлепнулся въ лужу, никогда не просыхавшую возлѣ этой бочки. Это ему видимо очень понравилось, потому что онъ весело разсмѣялся и попытался даже запѣть какую-то пѣсню. Пѣснь не удалась, Бестіанъ повернулся на бокъ, положилъ руку подъ голову, и почти сейчасъ же до насъ донеслось его довольно основательное всхрапываніе.

Это зрѣлище привело, конечно, насъ въ самое прекрасное расположеніе духа. Мы весело хохотали, топоча босыми ногами по балкону, но братъ мой, какъ болѣе благоразумный, опомнился первымъ и сталъ требовать, чтобъ Ѳедька отправился внизъ и, разбудивъ Бестіана, водворилъ его на его мѣсто. Ѳедька отговаривался, увѣряя, что Бестіана теперь ни за что не добудится, и совѣтовалъ для этого позвать кучера. Но какъ разъ въ это время дверь изъ людской отворилась, и оттуда вышла высокая, худая и всегда суровая наша прачка, Марья Андреевна. Видъ развѣшаннаго на оглобляхъ платья привелъ ее въ крайнее изумленіе, а когда она, подойдя къ самой бочкѣ, наткнулась на безмятежно спавшаго въ жидкой грязи «Облизьяна Ивановича», она даже руками всплеснула.

Дѣйствительно, добудиться его было не легко, но Марья Андреевна, или, какъ у насъ ее попросту называли, Андреевна, была женщина настойчивая и энергичная, и черезъ двѣ-три минуты она уже почти волокомъ тащила что-то бормотавшаго Бестіана въ садъ, захвативъ кстати и его платье. А немного спустя, сбѣгавшій внизъ Ѳедька доложилъ намъ, что Бестіанъ преспокойно уже спитъ на большой верандѣ.

Отправились спать и мы.

Бывали съ нимъ случаи и другого рода, и всѣ являлись результатомъ неумѣреннаго возліянія на жертвенникъ Бахусу.

Сталъ призадумываться и нашъ отецъ. Правда, до него всегда все доходило послѣ всѣхъ и его единственнымъ докладчикомъ былъ камердинеръ Мортирій Васильевичъ, а Мортирій Васильевичъ мирволилъ Бестіану и почему-то покрывалъ его. Но Бестіанъ сталъ напиваться и въ присутствіи отца. Правда, въ этихъ случаяхъ ему не позволяли отправляться спать въ дѣтскую, а укладывали его гдѣ нибудь внизу, но, тѣмъ не менѣе, отецъ почувствовалъ, что милый нѣмецъ является очень плохимъ гувернеромъ. Уже не говоря о томъ, что всѣ физическія упражненія, т. е. гимнастика, фехтованіе и т. д., были оставлены, что плаваніе принимало рискованный характеръ, а верховая ѣзда утратила всякую школу, заведенную и строго соблюдавшуюся при Кадерли, самыя занятія науками ведутся безалаберно, кое-какъ; что являющіеся изъ города

учителя сплошь да рядомъ не застаютъ своихъ учениковъ дома и возвращаются ни съ чѣмъ; но, и помимо всего этого, и нравственное наше воспитаніе должно было сильно страдать отъ присутствія такого гувернера.

Но отецъ любилъ Бестіана и, можетъ быть, въ глубинѣ души сознавалъ, что и самъ онъ немало виноватъ въ томъ, что этотъ юный еще и милый нѣмецъ такъ быстро и основательно пристрастился къ русской водочкѣ. И жаль ему было его, и онъ сталъ подумывать, какъ бы, взявъ для дѣтей новаго гувернера, не разставаться и съ Бестіаномъ, а изобрѣсти для него какое нибудь мѣсто. Мѣстъ у насъ при заводахъ было немало, но всѣ они требовали или техническихъ знаній или, по крайней мѣрѣ, основательнаго знанія русскаго языка. У Бестіана не было ни того, ни другого. Оставаться же просто такъ, прихлебателемъ и собутыльникомъ на жалованіи, самъ Бестіанъ ни за что бы не согласился, настолько у него было самолюбія и гордости, и дилемма такимъ образомъ оставалась неразрѣшенной, а Бестіанъ продолжалъ быть нашимъ гувернеромъ.

Выручила насъ австро-прусская война.

XI.

Но прежде, чѣмъ перейти къ отъѣзду Бестіана, я долженъ еще разсказать о его романѣ.

Въ уѣздномъ городкѣ, какъ разъ въ той части, которая отдѣлялась отъ нашей усадьбы только однимъ небольшимъ овражкомъ, проживалъ плохонькій уѣздный сапожникъ, Семенъ Колодкинъ. Однажды, отправившись съ нами, т. е. съ дѣтьми, кататься верхомъ, Бестіанъ какъ-то ухитрился оторвать себѣ каблукъ. Случилось это возлѣ самаго домика сапожника, сидѣвшаго у воротъ на скамеечкѣ.

— Позвольте починить-съ! Въ одну минуту обработаю,—предложилъ юркій Колодкинъ, подбѣгая къ Бестіану и хватая его за ногу.

Бестіанъ согласился и слѣзъ съ лошади. Колодкинъ усадилъ его на скамеечку, снялъ сапогъ и юркнулъ съ нимъ въ избу, а на смѣну ему оттуда вышла высокая, ширококостая, круглолицая, полногрудая сестра Семена, Степанида. Привѣтливо поклонившись намъ и Бестіану, она остановилась въ калиткѣ, то и дѣло поглядывая на юнаго нѣмца. А юный нѣмецъ каждый разъ, какъ только думалъ, что мы не смотримъ на него, тоже бросалъ выразительные взгляды на неособенно уже юную россіянку.

Сапогъ былъ скоро и основательно поправленъ, и когда мы тронули нашихъ лошадей, чтобы ѣхать дальше, то ясно слышали, какъ Степанида вскользь кинула нашему гувернеру:

— Заѣзжайте когда, милости просимъ!

Бестіанъ понялъ эти слова и... вскорѣ сдѣлался, что называется, своимъ человѣкомъ въ домѣ сапожника Колодкина. Отъ насъ онъ, конечно, это тщательно скрывалъ, но, во-первыхъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь, а, во-вторыхъ, при насъ находился юркій, все знавшій, все умѣвшій пронюхать, казачекъ Ѳедька. И благодаря ему, мы вскорѣ уже знали, что нашъ милый Бестіанъ Ивановичъ, что называется, по уши врѣзался въ сапожникову сестру Степаниду и рѣдкій вечеръ не забѣжитъ въ ихъ гостепріимный домикъ и не поставитъ имъ какого нибудь угощенія. Степанида же, вообще очень снисходительная къ ухаживанію уѣздныхъ франтовъ изъ мелкихъ канцеляристовъ и писцовъ, съ гувернеромъ нашимъ держала себя особой вполнѣ недоступной. И пить съ нимъ—пила, и подарки принимала, и цѣловалась даже, но... больше ни-ни, а Бестіанъ, по разсказамъ Ѳедьки, совсѣмъ одурѣлъ возлѣ нея, называлъ ее «Степанида Степанȯвна» и въ пьяномъ видѣ даже руки ей цѣловалъ.

Скоро всѣ уже у насъ въ домѣ знали романъ Бестіана и стали подтрунивать надъ нимъ. Женщины удивлялись его вкусу, мужчины—сентиментальной глупости, заявляя, что «Степанидку» не только за тѣ подарки, что онъ ей дѣлалъ, а прямо таки за полтинникъ и купить и продать со всей амуниціей можно, потому что и не очень-то молода ужъ она, и красоты въ ней нѣтъ никакой особенной.

Вывели эти насмѣшки Бестіана изъ терпѣнія, и онъ рѣшительно заявилъ свои требованія Степанидѣ. Та уступила, и Бестіанъ уже безповоротно погрязъ въ своей любви. Почти все жалованіе свое отдавалъ онъ этой Степанидѣ Степанȯвнѣ и съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ ней, и наконецъ дошло дѣло до того, что онъ объявилъ моему отцу о своемъ рѣшительномъ намѣреніи—жениться на дѣвицѣ Колодкиной.

Это было такъ неожиданно, такъ безсмысленно, что отецъ только руками развелъ и сказалъ, что онъ никакого совѣта въ данномъ случаѣ дать не можетъ. Но Бестіанъ и не просилъ никакого совѣта: онъ просто рѣшилъ и рѣшилъ безповоротно. Тогда отецъ позвалъ своего камердинера Мортирія Васильевича и, сдѣлавъ ему соотвѣтствующее наставленіе, отправилъ къ сапожнику Семену Колодкину. Уменъ и дипломатиченъ былъ Мортирій Васильевичъ, да и строгимъ умѣлъ онъ быть, когда это находилъ нужнымъ. Недолго поговорилъ онъ съ сапожникомъ, а результаты его переговоровъ были самые блестящіе: на другое же утро дѣвица Степанида Колодкина исчезла изъ нашего города, словно въ воду канула.

О, что тогда сдѣлалось съ Бестіаномъ! Волосы онъ на себѣ рвалъ и метался, какъ тигръ въ клѣткѣ! Говорятъ, на колѣняхъ

передъ братомъ своей невѣсты стоялъ, умоляя сказать, куда скрылась прекрасная Степанида, но Колодкинъ, памятуя наставленія Мортирія Васильевича, клялся и божился, что это ему и самому неизвѣстно. И, право, не знаю, чѣмъ бы кончилась эта исторія, если бы не «грянулъ громъ... грозы военной».

XII.

Между Австріей и Германіей была объявлена война, и молодой Бестіанъ рѣшилъ вступить въ ряды прусской арміи. Рѣшеніе это было такъ же безповоротно, какъ и рѣшеніе жениться на Степанидѣ, и какъ ни любили, какъ ни жалѣли у насъ Бестіана, но на этотъ разъ ужъ его никто не отговаривалъ отъ его молодого и прекраснаго порыва.

Трогательно было прощанье съ нашимъ гувернеромъ. Всѣ мы плакали, а больше всѣхъ насъ онъ самъ. Нѣжно и горячо обнимая его на прощанье, отецъ мой сунулъ ему въ карманъ довольно таки объемистый пакетъ «на дорогу и на военное обмундированіе», но мало того, онъ выдалъ еще ему и тайну мѣстонахожденія Степаниды Колодкиной. Оказалось, она скрывалась въ одномъ селѣ, лежащемъ какъ разъ на пути того почтоваго тракта, по которому Бестіану предстояло ѣхать. Отецъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что рѣшеніе итти на войну у Бестіана было настолько сильно, что никакая Степанида остановить бы его уже не могла.

И онъ не ошибся: Бестіанъ, по дорогѣ, увидался со Степанидой, и она его не остановила. Одного только не предугадалъ отецъ, это того, что Бестіанъ захватилъ Степаниду съ собой и увезъ въ Германію. Вѣрно, не на шутку полюбила и его эта уже весьма зрѣлая дѣвица.

Никакихъ основательныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ нашего второго гувернера я не имѣю. Впослѣдствіи доходили до меня слухи, что будто бы Бестіанъ, окончивъ честно кампанію, женился на избранницѣ своего сердца, Степанидѣ Степановнѣ, вернулся вмѣстѣ съ ней въ Россію, посѣтилъ даже нашъ уѣздный городокъ и потомъ навсегда уже поселился гдѣ-то на Волгѣ, не то въ Саратовской, не то Самарской губерніи, занялся какимъ-то дѣломъ и уже совершенно обрусѣлъ, сдѣлавшись отцомъ довольно многочисленнаго и чисто-русскаго семейства. Провѣрить эти слухи мнѣ не удалось, такъ какъ менѣе чѣмъ черезъ годъ мы навсегда оставили нашу эту усадьбу, и только много лѣтъ спустя, мнѣ довелось побывать въ уѣздномъ городкѣ, въ которомъ жилъ когда-то сапожникъ Семенъ Колодкинъ, къ тому времени уже умершій.

Ничего нѣтъ, конечно, удивительнаго, что и вернулся въ Россію и обрусѣлъ herr Бестіанъ. Вѣдь, не одна же «водочка» пришлась ему у насъ по сердцу. Правда, хоть и спаивали его у насъ въ домѣ, но, право, искренно и сердечно любили, а если бъ его не спаивали, какой бы, можетъ быть, я не говорю — гувернеръ, но старшій товарищъ выработался бы изъ него для насъ. Я говорилъ уже, какъ горячо любилъ онъ литературу, и какъ умѣлъ онъ пріохотить къ ней насъ. Сначала, конечно, ему доступна была только нѣмецкая литература, но поживи онъ подольше, выучись онъ хорошенько говорить по-русски,—къ чему у него были большія способности,—онъ несомнѣнно полюбилъ бы и нашу родную литературу, но нянюшка, водочка да вѣчные гости и безпорядокъ настежь открытыхъ дверей лишили насъ и herr Бестіана.

XIII.

— Какъ же дѣти теперь безъ гувернера останутся?—спросила вскорѣ послѣ отъѣзда Бестіана одна изъ нашихъ молодыхъ родственницъ.

— Э, полно, матушка! Было бы болото, а нечистые найдутся,— сурово замѣтила ей на это старая тетушка Марья Максимовна, употребивъ «нечистые» вмѣсто слова «черти», котораго она никогда произнести бы не рѣшилась, развѣ ужъ въ самомъ крайнемъ случаѣ, и то замѣняя слово «чортъ» менѣе, по ея мнѣнію, грѣшнымъ опредѣленіемъ «черный».

Права была тетушка Марья Максимовна: нашлись замѣстители herr Бестіану и дѣйствительно оказались вполнѣ «нечистыми». И мѣсяца не прошло, какъ у насъ въ домѣ стали готовиться къ принятію новаго гувернера и именно готовиться, чего почти не было для его предшественниковъ. Дѣлалось это потому, что новый гувернеръ ожидался съ цѣлымъ семействомъ, т.-е. съ женой и двумя дѣтьми.

— Ну, съ чего вы такого-то выписали, многосемейнаго?—спрашивали моего отца.

— А чтожъ, это очень хорошо,—отвѣчалъ онъ,—у дѣтей будутъ товарищи-сверстники, съ которыми они будутъ расти и воспитываться вмѣстѣ и не только подъ наблюденіемъ мужчины-гувернера, но и почтенной дамы, которая несомнѣнно хорошо повліяетъ на ихъ мужиковатыя манеры.

Цѣлыхъ три комнаты отводилось исключительно для гувернера и его супруги. Сыновья же его должны были спать съ нами и вмѣстѣ съ нами, конечно, и заниматься. Говоря откровенно, насъ это очень радовало. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали новыхъ товарищей, съ которыми можно будетъ и поиграть и порѣзвиться, а пе-

реборка, которая шла по этому случаю въ верхнемъ этажѣ нашего дома, чрезвычайно интересовала насъ. Жаль мнѣ было только мою нянюшку, Февронью Степановну: ея комнатка, бывшая моя дѣтская, понадобилась подъ спальню женѣ нашего гувернера, и потому нянюшку выселили въ самый отдаленный уголъ дома. Съ опухшими отъ слезъ глазами переносила она свои пожитки. Я старался утѣшить ее, но никакъ не могъ.

— Отнимаютъ тебя у меня! Совсѣмъ отнимаютъ!—хныкала она.

Отецъ мой самъ распоряжался перестановкой мебели и распредѣленіемъ комнатъ.

— Здѣсь вотъ будетъ ваша классная,—говорилъ онъ,—здѣсь общій дортуаръ; здѣсь спальня жены гувернера; здѣсь ихъ интимная комната, а здѣсь ваша столовая.

— Какъ, и столовая у насъ будетъ отдѣльная?—удивлялись мы.

И это насъ страшно веселило.

— А когда же они пріѣдутъ, папа?—допытывались мы.

— Да дня черезъ два, не больше.

— А онъ молодой? Такой же, какъ Бестіанъ?

— Ну, нѣтъ. Вѣдь у него сыновья вашего же возраста.

— Стало быть, и она не очень молодая?

— Ну, конечно, не очень молодая,—улыбался отецъ.

Но и это не пугало насъ: главное, что у насъ будутъ товарищи-мальчики, а остальное все пустяки.

Прошелъ день, прошло два, а гувернера все нѣтъ, какъ нѣтъ. Въ это время произошло одно довольно непріятное для меня событіе: нянька, все время не перестававшая плакать, вдругъ обратилась къ отцу съ просьбой, чтобъ тотъ отпустилъ ее мѣсяца на три, на богомолье, къ Соловецкимъ угодникамъ, и отецъ, имѣя въ виду, что скоро съ нами будетъ солидная дама, француженка, мать семейства, охотно на это согласился.

Какъ-то необычайно быстро собралась моя Февронья Степановна. Разставанье, конечно, не обошлось безъ истерическихъ слезъ и съ ея, и съ моей стороны—еще бы, это была наша первая разлука. Няня уѣхала, а гувернера все нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Папа, да когда же наконецъ пріѣдетъ monsieur Decamp?—приставали мы.

— Право, и самъ не знаю,—уже съ легкимъ раздраженіемъ говорилъ отецъ.—Главное, что и мнѣ необходимо уѣхать по дѣламъ въ Петербургъ. Ихъ только и дожидаюсь, а то мнѣ давно бы ужъ тамъ надо было быть.

Прождалъ отецъ еще съ недѣлю, не дождался и уѣхалъ, какъ всегда, въ сопровожденіи своего камердинера Мортирія Васильевича, отдавъ предварительно распоряженія, какъ принять и размѣстить семью новаго гувернера. Въ домѣ вдругъ стало скучно. Мы бродили на верху, по пустымъ комнатамъ и ждали, ждали...

Заѣхалъ къ намъ какъ-то разъ одинъ сосѣдъ, жившій верстахъ въ тридцати отъ нашей усадьбы, большой пріятель моего отца, и увидавъ, что мы безъ дѣла и безъ присмотра болтаемся по дому, забралъ насъ съ собой и увезъ къ себѣ погостить. Но и двухъ дней не прожили мы у него, какъ пріѣхали за нами лошади.

— Пожалуйте домой, новый гувернеръ пріѣхалъ,—объявилъ прибывшій съ ними казачокъ Ѳедька.

Мы собрались и поѣхали. Только что выѣхали мы за ворота усадьбы, гдѣ гостили, Ѳедька соскочилъ съ козелъ и юркнулъ къ намъ въ возокъ. Глаза его плутовато мигали, и онъ, видимо, едва сдерживался, чтобъ не прыснуть со смѣху.

— Ну, ну, разсказывай, какой гувернеръ-то,—пристали мы къ нему.

— Ни за что не разскажу, ни за что не разскажу, сами увидите!—отнѣкивался Ѳедька.

— Ну, а мальчики, мальчики какіе?—не унимались мы.

Тутъ ужъ Ѳедька не вытерпѣлъ и расхохотался во все горло.

— Какіе мальчики?—заговорилъ онъ.—Разные есть мальчики: и маленькіе, и большіе, и главная причина, что всѣ эти мальчики не мальчики, а дѣвочки.

— Ну, что ты врешь такое?—разсердился на него мой братъ.

— Право не вру! ей-Богу, не вру!—забожился Ѳедька.

— Вонъ, хоть кучера Ивана спросите!

— Да говори ты самъ толкомъ,—ужъ совсѣмъ строго прикрикнули мы на него.

И Ѳедька принялся разсказывать толкомъ, но все-таки долго мы ничего не могли понять.

Оказалось, что когда пріѣхалъ новый гувернеръ съ семействомъ, такъ всѣ наши домашніе втупикъ стали: ждали мужа съ женой, съ двумя подростками-сыновьями, а пріѣхали мужъ, жена, мальчикъ сынъ лѣтъ двѣнадцати, барышня-дѣвочка четырнадцати лѣтъ и двѣ крошечныя дѣвочки—трехъ и пяти. Мало того: сама «madame» оказалась насносяхъ и едва успѣла войти въ домъ, какъ уже пришлось посылать за повивальной бабушкой, и въ ту же ночь къ семейству гувернера послѣдовало еще приращеніе въ видѣ новорожденнаго малютки.

— Да, полно, ужъ тѣ ли?—разсуждали наши домашніе:—приказано ожидать четверыхъ, а тутъ вонъ какая орава наѣхала и по описанію—не такіе.

И не хотѣли даже пускать ихъ въ домъ, да плачевное положеніе «мадамы», стонавшей и охавшей, заставило сжалиться и пустить.

XIV.

Мы, право, не знали: радоваться намъ или печалиться? Братъ мой хмурился и все твердилъ:

— Зачѣмъ же еще этихъ дѣвченокъ навезли?

Я, глядя на него, тоже старался хмуриться, но въ глубинѣ души мнѣ было почему-то ужасно весело: корни порядка, которые посадилъ въ насъ Кадерли, во мнѣ были еще не глубоки, и всякая сумятица въ нашемъ домѣ меня несказуемо радовала, а съ пріѣздомъ monsieur Decamp поднялась у насъ такая сумятица, что и изобразить невозможно, и если до нихъ Марья Максимовна домъ нашъ уподобляла вавилонскому столпотворенію, а тетушка Елена называла «бедламомъ», то послѣ этого «нашествія иноплеменныхъ», право, не знаю, чему можно было бы уподобить нашу жизнь. Прежде шумъ, гамъ и бѣготня поднимались только, правда, съ довольно частымъ наѣздомъ гостей; въ другое же время царилъ у насъ довольно чинный порядокъ, нарушавшійся только развѣ моими капризами. Теперь же, когда въ нашу семью вторглась еще чужая и уже до послѣдней крайности безалаберная и распущенная семья, пошла такая жизнь, что хоть святыхъ вонъ выноси.

Самъ Декампъ оказался маленькимъ, съ большой головой, съ бритой актерской физіономіей, чрезвычайно вздорнымъ французикомъ лѣтъ сорока пяти. Супруга его, которую мы представляли себѣ уже пожилой дамой, оказалась еще совсѣмъ молоденькой женщиной и при томъ не только вздорнаго, но что называется, еще и легкомысленнаго поведенія. Старшія дѣти — отъ перваго брака Декампа, какъ сейчасъ же узнали мы—были таковы, что ихъ бы къ намъ собственно и близко подпускать не слѣдовало; маленькія же цѣлыми днями или капризничали и ревѣли, или шалили, приводя всѣхъ въ отчаяніе. Лучше всѣхъ себя велъ новорожденный: его почти не было слышно.

Пріѣхавъ домой, мы долго не рѣшались подняться на верхъ, пока къ намъ не явился самъ нашъ новый гувернеръ и не представился намъ. Да, онъ буквально представился: сказалъ маленькую привѣтственную рѣчь и шаркнулъ ножкой. Затѣмъ, попросилъ насъ на нашу половину, чтобъ познакомиться съ его старшими дѣтьми.

Братъ мой сразу всталъ въ оппозицію всему этому семейству. Сынъ Декампа, Анри, показался ему мальчикомъ пустымъ и глупымъ, съ которымъ ему и разговаривать не о чемъ было; четырнадцатилѣтняя же Lise вызывала въ немъ какъ будто даже гадливое чувство. И въ виду того, что занятія съ новымъ гувернеромъ у насъ долго не начинались, братъ мой на цѣлые дни ухо-

дилъ изъ дома, проводя все время съ тѣмъ ссыльнымъ полякомъ, о которомъ я уже упоминалъ выше, и который, жилъ у насъ на заводѣ.

Мнѣ же, увы, мои новые пріятели понравились, какъ нельзя больше. Правда, Lise, или просто Лиза, какъ у насъ всѣ ее называли, относилась ко мнѣ нѣсколько покровительственно, т. е. ерошила мои волосы, то и дѣло щипала меня, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ почему-то было чрезвычайно пріятно ея присутствіе. Про Анри же, бывшаго всего на два года меня старше, и говорить нечего: этотъ сразу сталъ учить меня такимъ милымъ шалостямъ и проказамъ, о которыхъ мнѣ теперь вспоминать не то, чтобы стыдно, а безконечно больно даже, но которыя въ то время мнѣ нравились. Лиза неизмѣнно тоже принимала самое дѣятельное участіе во всѣхъ нашихъ проказахъ, какого бы онѣ сорта и характера ни были, и вносила въ нихъ, какъ болѣе старшая, особенно опасный оттѣнокъ.

Да, это было самое печальное время моего дѣтства. Правда, не долго тянулось оно, но все-таки оставило свои слѣды. И какъ жаль, что въ эти-то дни и не было возлѣ меня моей нянюшки, Февроньи Степановны.

Не ранѣе, какъ черезъ полторы недѣли по прибытіи этой семьи, увидалъ я и самое г-жу Декампъ. Когда меня впервые ввели въ ея комнату, она въ болѣе, чѣмъ откровенномъ, костюмѣ сидѣла въ креслѣ и кормила грудью своего новорожденнаго. Она была худа и истощена только что перенесенной болѣзнью, тѣмъ не менѣе, ее все-таки можно было назвать хорошенькой. Потомъ, когда она быстро поправилась и пополнѣла, она нѣкоторое время возбуждала самыя недвусмысленныя чувства въ посѣщавшихъ насъ мужчинахъ.

Не безъ робости подошелъ я къ ея креслу и чуть слышно прошепталъ:

— Bonjour.

А она, улыбнувшись, приложила свою худую и бѣлую руку къ моимъ губамъ. Мнѣ это почему-то не понравилось, но, тѣмъ не менѣе, я счелъ долгомъ поцѣловать ея кольца. Я уже зналъ отъ Анри и Лизы, что они очень не любятъ своей мачихи, что она злая, всѣхъ ихъ бьетъ, что отъ нея попадаетъ даже и самому «papa», а что, въ свою очередь, и «papa» ей иногда спуску не даетъ и тоже ее, случается, серіозно поколачиваетъ. Жаль вотъ только, что «papa» никогда не заступается за нихъ, Анри и Лизу, и всегда держитъ сторону этой противной мачихи, и что за это они и «papa» своего не любятъ. Но что дѣлать? Приходится съ нимъ жить, потому что они малы. Впрочемъ, Лиза надѣется скоро, очень скоро избавиться отъ ихъ опеки: она или выйдетъ замужъ или, въ крайнемъ случаѣ, уйдетъ просто такъ, съ кѣмъ нибудь. Ей все равно терять уже нечего, а всякая иная жизнь все-таки лучше, чѣмъ жизнь съ этой вѣдьмой.

— Теперь она вотъ больна, такъ тихая, а погоди, какъ поправится, такъ покажетъ свои зубы.

Странно и дико было мнѣ слушать эти рѣчи. Для насъ, такъ безумно, такъ горячо любившихъ нашего отца, было совершенно непонятно, какимъ образомъ можно такъ говорить о своемъ «papa». И я всѣмъ сердцемъ почему-то ждалъ скорѣйшаго возвращенія отца нашего; мнѣ почему-то казалось, что съ его пріѣздомъ и Анри и Лизѣ будетъ гораздо лучше, и не станетъ ихъ обижать злая мачиха, и они полюбятъ моего «papa» такъ, какъ слѣдуетъ дѣтямъ любить своего собственнаго.

А отецъ нашъ, какъ на зло, все еще не возвращался, несмотря на то, что обѣ мои тетушки писали ему о нашемъ странномъ гувернерѣ и о его семьѣ.

XV.

Прошло недѣли двѣ, и monsieur Декампъ вздумалъ приступить къ занятіямъ съ нами. Усадивъ въ классной комнатѣ меня и своихъ старшихъ дѣтей, онъ послалъ за моимъ братомъ. Прошло съ полчаса прежде, чѣмъ пришелъ братъ. Окинувъ довольно презрительнымъ взглядомъ всю нашу компанію, онъ спросилъ Декампа: что ему угодно?

— А вотъ не хотите ли съ нами позаняться?—какъ мнѣ показалось, не безъ робости, отвѣтилъ гувернеръ.

Братъ улыбнулся и сѣлъ, а Декампъ приступилъ къ «занятіямъ». Что это были за занятія, я теперь уже не помню, но помню, что братъ и десяти минутъ не просидѣлъ съ нами, и вставъ, заявилъ, что онъ идетъ къ господину Фишеру (фамилія ссыльнаго поляка), чтобы заняться чѣмъ нибудь посеріознѣе. Декампъ вздумалъ было протестовать, но братъ, категорически заявивъ ему, что до возвращенія нашего отца онъ съ нимъ заниматься не будетъ, вышелъ.

Обозлившійся до послѣдней крайности Декампъ принялся за насъ. Со мной онъ обращался еще туда-сюда, но бѣдные Anri и Lise! Боже мой, какъ доставалось имъ! Онъ ихъ и щипалъ, и дергалъ за уши, и даже пиналъ подъ столомъ ногой. Къ счастью, наши занятія продолжались не долго: madame Декампъ зачѣмъ-то отозвала своего супруга, и мы были отпущены. Но съ этого дня наши занятія уже стали ежедневными и каждый разъ кончались слезами и какими нибудь строгими наказаніями по отношенію Анри и Лизы.

Случалось, что и я попадалъ въ компанію съ ними въ уголъ. Разъ онъ меня даже хотѣлъ поставить на колѣни, какъ всегда ставилъ ихъ, но я расплакался и обѣщалъ пожаловаться моему отцу, и онъ отмѣнилъ свое наказаніе.

Иногда въ нашихъ занятіяхъ принимала участіе и madame Декампъ, и тогда дѣло шло еще хуже. Стараясь быть нѣжной со мною, она прямо таки изводила своего пасынка и въ особенности падчерицу и поэтому, несмотря на ея ласки ко мнѣ, не могла все-таки подкупить меня, и когда разъ она, буквально остервенившись, залѣпила несчастной Лизѣ звонкую пощечину, я вспыхнулъ и самъ съ кулаками бросился на эту фурію мачиху. И тутъ произошло нѣчто поистинѣ отвратительное: Декампъ бросился на меня, и гувернеръ, и его девятилѣтній воспитанникъ буквально таки подрались. Жиденькій французъ не легко справился съ здоровымъ русскимъ мальчикомъ, да, конечно, Декампъ и боялся дать полную волю своей злобѣ, и когда я, вырвавшись, съ ревомъ бросился отыскивать моего брата и, найдя его, пожаловался, я даже испугался той блѣдности, которая вдругъ покрыла лицо моего брата..

— Никогда не смѣй больше съ нимъ заниматься!—крикнулъ братъ и побѣжалъ наверхъ объясняться съ гувернеромъ.

Что это было за объясненіе—не знаю, но поведеніе супруговъ Декампъ послѣ него круто измѣнилось: они не только стали униженно-ласковы съ нами, но долгое время не обижали и своихъ дѣтей. Прекратились на время даже и занятія съ Декампами. Братъ продолжалъ заниматься съ Фишеромъ, а я ничего не дѣлалъ. Впрочемъ, я цѣлыми днями игралъ съ Анри и Лизой, и какъ ни дурны были занятія съ нашимъ третьимъ гувернеромъ, а все-таки я долженъ сказать, что «занятія» съ его старшими дѣтьми были куда хуже. Но что дѣлать? тогда они мнѣ нравились.

Не понимаю, почему, какъ разъ въ то время, насъ не посѣщали ни учителя уѣзднаго училища, ни даже отецъ Алексѣй.

XV.

Никогда еще домъ нашъ не ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ возвращенія главы своего, какъ въ это время. И вотъ онъ, наконецъ, пріѣхалъ.

Веселый, радостный возвратился отецъ изъ этой поѣздки. Все удалось ему въ ней, удалось даже болѣе, чѣмъ онъ могъ ожидать. Помимо успѣха въ дѣлахъ, онъ привезъ еще и семейную радость: старшая его свояченица, восемнадцатилѣтняя сестра покойной нашей матери, была просватана за очень милаго и хорошаго человѣка, и свадьба должна была состояться въ самомъ скоромъ времени. Мало этого, по случаю этой радости, отецъ нашъ помирился со своей тещей, т. е. съ нашей бабушкой, которую онъ всегда глубоко уважалъ, но съ которой они были уже нѣсколько лѣтъ въ ссорѣ. И бабушка должна была пріѣхать къ намъ съ обѣими своими

дочерьми—съ восемнадцатилѣтней невѣстой Лидіей и съ пятнадцатилѣтней Ольгой, такъ какъ свадьба должна была состояться въ нашемъ домѣ.

Столько радости сразу нахлынуло къ намъ въ домъ съ возвращеніемъ отца! Пріѣдетъ бабушка, пріѣдутъ наши молоденькія, веселыя тети; будетъ свадьба; будутъ балы; навѣрное, спектакль устроятъ. Кажется, сразу и не вмѣстить всего! Въ счастливую минуту произошла для Декампа первая встрѣча его съ отцомъ.

Отецъ простилъ ему и обманъ относительно численности его семейства; простилъ тѣмъ болѣе охотно, что Декампъ клялся и божился, что это былъ вовсе не обманъ, а просто недоразумѣніе со стороны лицъ, рекомендовавшихъ его въ нашъ домъ. Не обратилъ никакого вниманія на слова своихъ старшихъ сестеръ относительно жизни гувернерской семьи; простилъ госпожѣ Декампъ и неожиданное приращеніе ея семейства въ нашемъ домѣ, а такъ какъ онъ всегда сильно любилъ маленькихъ дѣтей, то вызвался быть даже крестнымъ отцомъ новорожденнаго и еще не крещеннаго младенца и сейчасъ же послалъ въ губернскій городъ за ксендзомъ.

А Декампы, съ пріѣздомъ отца, не только присмирѣли,—присмирѣли они еще и раньше,—а прямо сдѣлались какими-то сахарными и такъ были ласковы и нѣжны со всѣми нами, что ни братъ, ни я и не подумали пожаловаться отцу на ихъ возмутительныя выходки.

Дня черезъ три по пріѣздѣ отца пріѣхала и бабушка съ дочерями, и семья наша вдругъ, на время хотя, опять сдѣлалась настоящей семьей, правда, шумной, веселой, но не попрежнему безалаберной. Присутствіе почтенной старушки вносило какой-то милый и симпатичный характеръ во всю нашу жизнь.

Начался рядъ празднествъ. Открылись они крестинами маленькаго Декампа, устроенными довольно торжественно и красиво. Самыя крестины происходили въ зимнемъ саду, въ большой пристройкѣ, примыкавшей какъ разъ къ зеленой угловой комнатѣ. Среди зелени тропическихъ растеній совершенъ былъ этотъ обрядъ пріѣхавшимъ ксендзомъ. Воспріемниками были нашъ отецъ и молоденькая невѣста, тетя Лидія...

Ахъ, какъ я любилъ большую, статную фигуру моего отца, когда онъ облекался въ свой элегантный черный фракъ, когда его широкая, могучая грудь блестѣла бѣлой манишкой накрахмаленной рубашки, на которой, какъ капли росы, горѣли довольно крупныя брилліантовыя запонки. Хороша была и тетя Лидія, въ своемъ свѣтломъ платьѣ, съ юнымъ лицомъ счастливой невѣсты. Радостно сіяла и madame Decamp, получившая въ этотъ день отъ кума и кумы прекрасные подарки; важенъ и торжественъ былъ ея маленькій, бритый супругъ, съ какъ-то особенно помпезно подвитымъ кокомъ надъ лбомъ; миловидны были ихъ двѣ маленькія дѣвочки

въ бѣлыхъ кисейныхъ платьицахъ, съ фестончатыми панталончиками, по тогдашней модѣ доходившими почти до ботинокъ. Даже недуренъ былъ рыжеватый Анри въ своей скромной парадной курточкѣ. Только несчастную Lise забыли одѣть, какъ слѣдуетъ, и она въ своемъ затрапезномъ, поношенномъ платьицѣ, не по лѣтамъ длинная, съ преждевременно уже увядающимъ лицомъ, старалась спрятаться въ полумракѣ зимняго сада, подальше отъ той ярко-освѣщенной площадки, гдѣ происходилъ самый обрядъ крещенія.

Это бросилось въ глаза моимъ юнымъ тетушкамъ, и онѣ, послѣ этого, какъ бы сговорились пріютить, приголубить эту несчастную дѣвушку, но, увы, не удалось имъ это. Суета ли предстоящей свадьбы отвлекала ихъ, или оттолкнула ихъ такая ранняя развращенность этого подростка, — я уже не знаю, но Лиза такъ и осталась какой-то паріей среди ликованія въ нашемъ домѣ.

XVI.

Наступили святки, послѣ которыхъ сейчасъ же должна была совершиться и свадьба тети Лидіи. А на святкахъ предполагалось, помимо нѣсколькихъ вечеровъ въ нашемъ домѣ, устроить еще любительскій или, какъ тогда говорили, благородный спектакль въ маленькомъ уѣздномъ клубѣ.

Дѣло нужно было сдѣлать скоро, и оно, что называется, закипѣло въ рукахъ опытнаго по этимъ дѣламъ уѣзднаго судьи, Михаила Михаиловича Магницкаго. Онъ да молодой женихъ моей тети были главными героями этого спектакля.

Конечно, всякія занятія съ нами, дѣтьми, на это время были прекращены, тѣмъ болѣе, что братъ мой долженъ былъ тоже принять участіе въ этомъ спектаклѣ и играть заглавную роль въ водевилѣ «Симонъ-сиротинка».

Наконецъ, насталъ вожделѣнный вечеръ. Мой братъ, съ двумя тетями — Лидіей и Ольгой, тоже принимавшими участіе въ спектаклѣ, — уѣхали еще спозаранку въ клубъ. Пришла и наша очередь. Подали къ подъѣзду возокъ, и усѣлись въ него супруги Декампъ, Анри, Лиза и я. Скрипя полозьями, тронулись мы изъ усадьбы въ городъ. Недлиненъ былъ переѣздъ, и скоро возокъ нашъ остановился у ярко освѣщеннаго подъѣзда двухэтажнаго каменнаго дома, занимаемаго уѣзднымъ клубомъ.

Какъ въ чаду, шелъ я по лѣстницѣ, раздѣвался при помощи пріѣхавшаго съ нами Ѳедьки въ лакейской и проходилъ по танцовальной залѣ, обращенной на этотъ вечеръ въ партеръ. Задолго еще до поднятія занавѣса занялъ я свое мѣсто и уже ни за что не хотѣлъ разстаться съ нимъ, боясь пропустить самое начало. Рядомъ со мною сидѣла съ одной стороны madame Декампъ, съ другой, принаряженная на этотъ разъ моими тетями—Лиза.

Но вотъ подняли занавѣсъ, и начался вечеръ, полный очарованія. Во время спектакля я не замѣчалъ, какъ жарко и даже душно въ зрительной залѣ. Но наступилъ антрактъ, и мнѣ захотѣлось пить. Я видѣлъ, что въ одной изъ гостиныхъ былъ устроенъ буфетъ, гдѣ дамамъ подавали оршадъ, лимонадъ, клюквенный морсъ, и гдѣ всѣ ѣли мороженое. Я заявилъ madame Декампъ, что хочу чѣмъ нибудь освѣжиться.

— Видишь ли, мой другъ,—ласково заговорила она,—мы здѣсь не дома, и здѣсь все дается только за деньги, а у тебя съ собой денегъ нѣтъ.

— Ну, чтожъ, я пойду и возьму у папы,—замѣтилъ я.

— О, нѣтъ, зачѣмъ же безпокоить «papa»,—остановила меня madame Декампъ.—Я куплю тебѣ мороженаго, а ты мнѣ за это подаришь пару бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ изъ той дюжины, что тебѣ привезла въ подарокъ тетя Лидія.

Я, конечно, согласился и, какъ настоящій gourmant, проѣлъ на мороженомъ и фруктахъ и пропилъ на оршадѣ и лимонадѣ въ одинъ этотъ вечеръ все мое состояніе, т.-е. всю дюжину подаренныхъ мнѣ тетей перчатокъ.

Вечеръ окончился благополучно: я, къ удивленію, не разстроилъ себѣ даже желудокъ. Но на другое утро Анри и Лиза конфиденціально сообщили мнѣ, что ихъ мачиха меня безбожно надула, такъ какъ они навѣрное узнали, что всѣ сласти были посланы въ клубъ моимъ отцомъ и предлагались дамамъ и дѣтямъ безплатно.

Это меня, конечно, очень обидѣло, но я не зналъ, что дѣлать: перчатки мои уже лежали въ шкатулкѣ у madame Декампъ. Пока я раздумывалъ, какъ бы мнѣ поумнѣе вернуть ихъ, насталъ часъ урока танцевъ. Насъ, дѣтей, позвали въ залу, гдѣ тетя Лидія сидѣла ужъ за роялемъ. Танцы преподавала намъ сама madame Декампъ. Она ужасно суетилась, кричала, прыгала и, порядкомъ таки утомившись, захотѣла пить.

— Анри,—обратилась она къ пасынку,—поди, принеси мнѣ стаканъ воды.

Но я предупредилъ его и бросился самъ. Подойдя черезъ минуту съ водой къ madame Декампъ, я вдругъ совершенно неожиданно для самого себя выпалилъ:

— Только я вамъ даромъ пить не дамъ, а верните мнѣ хоть одну пару изъ моихъ перчатокъ.

Француженка страшно сконфузилась и покраснѣла до корня волосъ.

— Какихъ перчатокъ? Я не понимаю васъ,—съ недоумѣвающимъ видомъ спросила она.

Это притворство совершенно вывело меня изъ терпѣнія. Я подбѣжалъ къ тетѣ Лидіи и, не помня себя, заикаясь и даже почему-то плача, сталъ разсказывать о вчерашней продѣлкѣ madame Декампъ

съ моими перчатками. Француженка страшно обозлилась, начала дергать меня за руку, кричать, что я все лгу, что никакихъ моихъ перчатокъ не видала и не знаетъ.

— Вы не видали? Вы не видали?—кричалъ въ свою очередь я.—Тетя Лидя, пойдемъ! Пойдемъ! Пойдемъ! Посмотри, онѣ у нея въ шкатулкѣ! Я знаю, что онѣ у нея въ шкатулкѣ. Лиза сама видѣла, какъ она запирала ихъ туда! И она же мнѣ говорила, что вчера и мороженое, и фрукты—все было даромъ.

Боже мой! Зачѣмъ у меня сорвались послѣднія слова. Въ чаду гнѣва, я и не замѣтилъ, какъ съ головой выдалъ несчастную Lise ея фуріи-мачихѣ.

Madame Декампъ бомбой вылетѣла изъ залы, тетя Лидія принялась успокоивать меня, увѣряя, что перчатки мнѣ возвратятъ, говоря даже, что madame Декампъ просто пошутила, чтобъ я ничего не говорилъ папѣ и не тревожилъ его такими пустяками.

Я живо успокоился, но... въ воздухѣ уже нависла туча, и гроза должна была неминуемо разразиться.

XVII.

Lise исчезла.

Эта вѣсть, какъ электрическая искра, пронеслась по всему нашему дому и немедленно черезъ Мортирія Васильевича должна была дойти и до моего отца. Отецъ приказалъ попросить къ себѣ Декампа, но его не оказалось дома, и вмѣсто него явилась госпожа Декампъ. Они довольно долго объяснялись въ кабинетѣ. Что это было за объясненіе, мы, конечно, не знали, но вышла изъ кабинета француженка въ крайне сконфуженномъ видѣ и, потупивъ голову, быстро прошла наверхъ къ себѣ въ комнату и заперлась тамъ. Впрочемъ, все успѣвшій разнюхать, Ѳедька таинственно сообщилъ намъ, что Деканша на упреки моего отца (оказывается, Мортирій Васильевичъ уже многое кое-что успѣлъ передать ему), вмѣсто всякихъ объясненій, прямо бросилась къ нему на шею, но... продолжаю уже словами Ѳедьки:

— ... папаша сняли ихъ съ себя, какъ цыпленка, отворили дверь, да и крикнули на нихъ: «сорте, мадамъ».

Ѳедька возлѣ насъ нахватался немало уже французскихъ словъ.

Только къ утру отыскалась Лиза. Гдѣ провела эту ночь бѣдная дѣвочка,—я не знаю. Не хочу даже вѣрить сообщеніямъ Ѳедьки, что ее нашли въ квартирѣ одного уѣзднаго холостого чиновника, въ нетрезвомъ видѣ. Гдѣ бы она ни была, Богъ ей проститъ! Отъ такихъ родителей можно и въ воду броситься, чего, признаться, многіе въ нашемъ домѣ боялись. Но этого не случилось тогда,—кто знаетъ—можетъ быть, случилось когда нибудь, впослѣдствіи.

Но это утро было послѣднее для семейства Декампъ въ нашемъ домѣ.

Помню, въ ожиданіи завтрака, я одиноко сидѣлъ въ классной комнатѣ, какъ вдругъ туда вбѣжалъ весь блѣдный, трясущійся Анри.

— Послушай, они ее убьютъ!—зашепталъ онъ, хватая меня за руки и тащя къ двери, что вели въ спальню госпожи Декампъ.— Они ее убьютъ!

А изъ-за двери доносилось какое-то равномѣрное хлясканье и глухой, подавленный стонъ. Въ глазахъ у меня помутилось, и я, ничего не помня, кубаремъ скатился внизъ и бросился прямо въ кабинетъ къ отцу.

— Папа! Они убиваютъ ее!—могъ только крикнуть я.

И затѣмъ, помню, что я бѣжалъ уже вслѣдъ за отцомъ наверхъ: помню, какъ отецъ взялся за ручку двери спальни и легко высадилъ ее. Помню, какъ на одну минуту передо мной мелькнула страшная сцена: Лиза, вся обнаженная, но съ туго завернутой какими-то полотенцами головой, висѣла въ наклонномъ положеніи, привязанная руками къ какому-то крючку въ стѣнѣ, а ногами къ спинкѣ кровати... А затѣмъ, я помню ужъ, что меня отпаивали въ комнатѣ у бабушки водой и давали мнѣ гофманскихъ капель.

Потомъ, съ двумя моими молоденькими тетями, я уѣхалъ кататься, по дорогѣ мы заѣхали въ гости къ старому, отставному городничему, Петру Петровичу Бордзиловскому. У него остались обѣдать и только вечеромъ вернулись домой...

Наверху все было тихо. Семейства Декампъ и слѣдъ простылъ.

Потомъ ужъ я узналъ, что ихъ немедленно собрали и отправили въ губернскій городъ, при чемъ весьма предусмотрительно въ провожатые имъ данъ былъ точный и исполнительный старикъ, Антонъ Антоновичъ Черневичъ, старый служака еще по откупному дѣлу у моего отца.

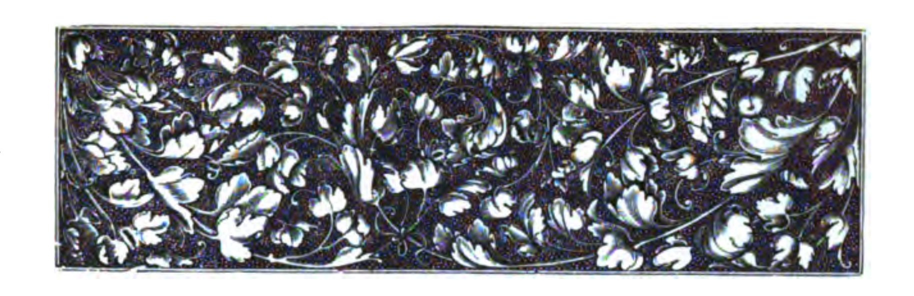
Лиза и Анри ѣхали въ кибиткѣ съ нимъ, но, кромѣ того, Черневичъ везъ еще съ собой письмо къ губернатору. Содержаніе его осталось мнѣ неизвѣстно, какъ неизвѣстна и дальнѣйшая судьба семейства господина Декампъ.

Словно кошмаръ разсѣялся съ отъѣздомъ этой, навѣки памятной намъ, семейки, и праздники окончились въ шумномъ, ничѣмъ не нарушенномъ весельѣ. Затѣмъ справили свадьбу тети Лидіи и послѣ нея всей семьей переселились въ губернскій городъ.

А съ весны мы жили уже съ братомъ въ почтенномъ семействѣ директора мѣстной гимназіи, готовясь къ поступленію въ ея нѣдра.

Гувернеровъ же намъ брать отецъ уже больше не рѣшился.

Влад. Тихоновъ

ВОСПОМИНАНІЯ О В. В. КРЕСТОВСКОМЪ.

I.

ПЛЕТНЯ не пощадила покойнаго Всеволода Владиміровича Крестовскаго, какъ и многихъ другихъ людей съ именемъ и заслугами. Нашимъ писателямъ, какъ извѣстно, болѣе чѣмъ кому либо, приходится страдать отъ этой язвы.

Враги Крестовскаго, въ озлобленіи, вызванномъ его романомъ «Панургово стадо», выдумали вздорную исторію плагіата романа «Петербургскія трущобы», сочиненіе котораго они стали приписывать Н. Г. Помяловскому, умершему за два года до появленія въ «Отечественныхъ Запискахъ» первыхъ главъ этого романа. Впрочемъ, при жизни Всеволода Владиміровича его не осмѣливались обвинять открыто. Инсинуація о плагіатѣ впервые была заявлена публично послѣ его смерти, когда можно было безнаказанно порочить память покойнаго писателя; цѣль была, однако достигнута лишь на половину. Клевета распространилась, конечно, но тутъ же, рядомъ съ нею, появились и опровергающія ее свидѣтельства нѣсколькихъ уважаемыхъ литературныхъ дѣятелей, близко знавшихъ автора «Петербургскихъ трущобъ» и въ томъ числѣ Н. С. Лѣскова и С. Н. Шубинскаго, установившихъ съ несомнѣнностью, что авторомъ романа былъ именно Вс. Крестовскій и никто другой.

Между прочимъ, тогда же была сдѣлана печатная ссылка[1]) на меня, какъ на лицо, бывшее непосредственнымъ свидѣтелемъ творческой работы Вс. Вл. Крестовскаго, въ качествѣ стенографа, записывавшаго романъ съ его словъ; одновременно мнѣ было сдѣлано предложеніе написать свои воспоминанія о томъ времени, когда я, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, жилъ подъ однимъ кровомъ съ Всеволодомъ Владиміровичемъ и въ постоянномъ съ нимъ общеніи, обусловленномъ нашими совмѣстными занятіями. Встрѣтившіяся затрудненія мѣшали мнѣ, однако, приняться немедленно за дѣло. Прошло немало времени, пока наконецъ мнѣ удалось найти необходимый досугъ, чтобы спокойно приняться за этотъ трудъ; въ немъ я свелъ итоги всему, что уцѣлѣло въ памяти моей, и за что я могу поручиться съ полною достовѣрностью. Само собою разумѣется, что предлагаемыя строки не предназначаются мною для того, чтобы доказывать снова уже доказанное и не нуждающееся въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ; но мнѣ думалось, что, воскрешая въ памяти образъ исчезнувшаго отъ насъ симпатичнаго писателя и ту обстановку, въ которой онъ мыслилъ и трудился въ наиболѣе видную и рѣшительпую пору своей дѣятельности, я иду на встрѣчу желаніямъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы познакомиться съ живымъ и яркимъ изображеніемъ этого недюжиннаго труженика пера и истинно-русскаго человѣка и съ уголкомъ того міра, въ которомъ онъ вращался въ пору расцвѣта своего творчества и своей извѣстности. Не могу не сказать, что мнѣ и самому доставляетъ немалое удовольствіе переживаніе минувшихъ дней, проведенныхъ мною въ общеніи съ однимъ изъ лучшихъ людей, какихъ мнѣ доводилось встрѣчать когда либо впослѣдствіи, и какимъ былъ несомнѣнно и не только на мой взглядъ, но и по отзыву всѣхъ знавшихъ его, Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій. Знакомство мое съ нимъ завязалось слѣдующимъ образомъ.

II.

Въ началѣ 1866 г. Всеволодъ Владиміровичъ почувствовалъ себя не въ силахъ болѣе продолжать попрежнему ту спѣшную работу, на которую онъ себя закабалилъ, начавъ печатаніе романа, огромнаго по замыслу и по распланировкѣ частностей, однако же, не существовавшаго еще въ рукописи. То были знаменитыя «Петербургскія трущобы». Едва принявшись за нихъ и закончивъ первыя главы, авторъ поспѣшилъ отдать написанную частицу романа въ журналъ Краевскаго. Такая торопливость, вызванная, несомнѣнно, какими либо серіозными причинами, мнѣ, впрочемъ, неизвѣстными, отозвалась впослѣдствіи самымъ удручающимъ обра-

[1]) Въ «Новомъ Времени». Примѣч. автора.

зомъ на авторѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ стала появляться въ свѣтъ (съ 1865 г.) безконечно длинная вереница страницъ романа, у Всеволода Владиміровича не было свободной минуты, онъ былъ весь охваченъ одною мыслью, одною неотступною заботою о безостановочномъ продолженіи сочиненія романа, что̀ совершенно не вязалось съ его наклонностью къ порывистому, вдохновенному творчеству, свободному отъ обязательности и принужденій. Писать изо дня въ день съ такимъ расчетомъ, чтобы подогнать къ извѣстному сроку требуемое для журнала опредѣленное число листовъ, становилось ему въ тягость. Прежде всего такая работа обусловливалась постоянною взвинченностью или способностью принуждать себя къ творческому напряженію, но у Всеволода Владиміровича не имѣлось въ наличности этихъ качествъ, онъ былъ человѣкъ вполнѣ уравновѣшенный, къ тому же нѣсколько склонный къ лѣнивой мечтательности. Созданія его складывались не въ экстазѣ нервнаго возбужденія, а скорѣе подъ вліяніемъ находившаго на него въ счастливыя минуты созерцательнаго настроенія. По мѣрѣ того, какъ продолжалась досадливая обязательная и требовавшая регулярности работа, у него стала обнаруживаться потребность въ перерывахъ для отдыха, развлеченій, для новыхъ освѣжающихъ впечатлѣній. Однако, прерывать печатаніе романа не позволяли обстоятельства, въ особенности же, помимо другихъ соображеній, хроническая матеріальная нужда, въ которой находился Всеволодъ Владиміровичъ, жившій въ то время почти исключительно гонораромъ (50 р. за печатный листъ), который получалъ за романъ.

Отыскивая выходъ изъ описанныхъ затрудненій, Всеволодъ Владиміровичъ рѣшился, наконецъ, обратиться къ помощи стенографа. Такимъ способомъ онъ думалъ достигнуть двойной выгоды: при помощи быстрой диктовки онъ хотѣлъ освободить себя отъ изрядно опостылѣвшаго ему черепашьяго, усидчиваго кропанія и пріобрѣсти то, о чемъ онъ мечталъ, какъ о наивысшемъ благѣ—независимую свободу. Можетъ быть, онъ разсчитывалъ также заняться въ свободное время другою работою, которая могла бы доставить ему нѣкоторое увеличеніе средствъ къ жизни, въ чемъ онъ очень нуждался въ то время. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ въ виду приступать къ диктовкѣ романа, когда вздумается, когда явится къ тому охота, и, соорудивъ въ нѣсколько часовъ четыре, пять главъ романа для ближайшаго номера журнала, бросить работу и уже вернуться къ ней только тогда, когда опять придетъ вдохновеніе, безъ принужденія, по одной прихоти фантазіи. Въ этомъ расчетѣ онъ не ошибся.

Самая мысль воспользоваться стенографіей, новая и оригинальная по тому времени, зародилась у автора «Петербургскихъ трущобъ» по слѣдующему поводу.

Въ то время (1866 г.) въ Россіи, съ введеніемъ судебныхъ ре-

формъ, стали возникать особые курсы для подготовки стенографовъ, скромное участіе которыхъ въ гласномъ судѣ находили обязательнымъ даже въ правительственныхъ сферахъ. Благодаря огромному интересу, вызванному въ обществѣ новымъ, къ тому же обставленнымъ съ образцовымъ совершенствомъ, публичнымъ разбирательствомъ процессовъ, въ газетахъ стали появляться подробные о нихъ стенографическіе отчеты, которые читались публикою жадно. Тутъ же, попутно, въ тогдашней прессѣ немало толковали и о самой стенографіи, какъ объ интересномъ искусствѣ, назывались имена лучшихъ преподавателей стенографическаго письма (П. М. Ольхина, Паульсона, бар. Торнау и пр.), лучшихъ составителей стенографическихъ отчетовъ и пр. Словомъ стенографія была нѣкоторою «злобою дня», моднымъ предметомъ. Приблизительно въ одно время съ Всеволодомъ Владиміровичемъ, къ помощи ея обратился даже Ѳ. М. Достоевскій. Знаменитый писатель обязался доставить Стелловскому новый романъ, который еще не былъ написанъ, при чемъ едва не промедлилъ выговоренный съ издателемъ и обусловленный суровою неустойкою срокъ. Однако, стенографія помогла Ѳедору Михайловичу выполнить тяжелое обязательство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, произвела цѣлый переворотъ во всей послѣдующей жизни этого геніальнаго человѣка[1]).

Были еще примѣры участія стенографіи, теперь почти забытой, въ литературной работѣ; съ конца шестидесятыхъ годовъ, оно сдѣлалось довольно зауряднымъ яленіемъ; въ то время и нѣсколько позже къ помощи стенографіи обращались многіе писатели и даже ученые. Беру ихъ изъ своей личной дѣятельности. Кромѣ «Петербургскихъ трущобъ», мнѣ пришлось еще стенографировать романы: «Старая и Новая Россія» Д. К. Гирса (печатался въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1868 г., но не былъ оконченъ по независѣвшимъ отъ автора обстоятельствамъ), и другой — Григорія Де-Волана, заглавія котораго не припомню и не знаю, когда и гдѣ онъ былъ напечатанъ [2]), и, кромѣ того, два ученыхъ сочиненія: знаменитую книгу «Основы химіи» проф. Д. И. Менделѣева и «Руководство физики» проф. О. Д. Хвольсона[3]).

---

[1]) Исторія брака Ѳ. М. Достоевскаго слишкомъ извѣстна и не нуждается въ пересказѣ. Объ упомянутомъ случаѣ, едва не отдавшемъ Ѳедора Михайловича въ кабалу къ Стелловскому, а также о женитьбѣ его см. у А. Милюкова: «Литературныя встрѣчи и знакомства». Изд. А. С. Суворина 1890 г. Стр. 229 и послѣд. Прим. авт.

[2]) Но самый фактъ вѣренъ и можетъ быть подтвержденъ авторомъ романа, понынѣ, слава Богу, здравствующимъ. Прим. авт.

[3]) Въ предисловіяхъ къ первымъ изданіямъ этихъ двухъ сочиненій упомянуто о сотрудничествѣ стенографовъ (Д. И. Менделѣевъ диктовалъ нѣсколькимъ стенографамъ по очереди). Сдѣлано это и въ томъ и въ другомъ случаѣ по собственному почину обоихъ ученыхъ. Прим. авт.

Итакъ, Всеволодъ Владиміровичъ принялся отыскивать стенографа. Поиски продолжались недолго, ему указали на меня, какъ на молодого человѣка, только что окончившаго курсъ и вполнѣ свободнаго, могущаго посвятить занятію у него все свое время, и мы сошлись съ нимъ тотчасъ же. Всеволодъ Владиміровичъ поставилъ мнѣ условіемъ—готовность, съ моей стороны, заниматься съ нимъ во всякіе часы дня и ночи. Я охотно согласился на все. Сознаюсь, меня очень соблазняла работа у романиста, доставлявшая мнѣ случай ознакомиться первымъ, раньше всѣхъ другихъ читателей, съ продолженіемъ романа, страшно меня интересовавшаго, какъ и всю тогдашнюю читающую публику.

III.

Въ началѣ мая 1866 года, я получилъ приглашеніе Всеволода Владиміровича и тотчасъ же отправился къ нему. Я засталъ его въ обществѣ Н. С. Лѣскова. Изъ дальнѣйшаго читатели узнаютъ о близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ обоихъ писателей и частыхъ посѣщеніяхъ Лѣсковымъ автора «Трущобъ» во время сочиненія имъ романа.

Всеволодъ Владиміровичъ жилъ въ то время въ домѣ Тура, на Большой Морской [1]), занималъ онъ квартиру въ пятомъ этажѣ флигеля, находящагося на второмъ (заднемъ) дворѣ. Наружный видъ дома, дворъ, а также лѣстница (парадная), отличались щепетильною опрятностью, что, по тогдашнему времени, когда въ Петербургѣ еще только возникали строгія требованія по внѣшнему благоустройству и порядку въ домахъ, производило пріятное впечатлѣніе; однако, при одномъ взглядѣ на помѣщеніе, которое занималъ Всеволодъ Владиміровичъ, впечатлѣніе это тотчасъ же мѣнялось. Квартира была дорога и крайне тѣсна и неудобна, она состояла всего изъ двухъ свѣтлыхъ показныхъ комнатъ и третьей—темной, безъ оконъ; за это удовольствіе взималось по 50 р. въ мѣсяцъ. А, между тѣмъ, въ ту пору въ Петербургѣ еще не знали нынѣшняго квартирнаго кризиса!

Первыя двѣ комнаты служили, согласно своему назначенію, кабинетомъ и гостиной; въ третьей, безъ свѣта и воздуха, ютилась семья Всеволода Владиміровича — онъ, его жена (по первому браку) Варвара Дмитріевна и ребенокъ, трехлѣтняя дѣвочка Маня [2]).

Впослѣдствіи я высказалъ однажды Всеволоду Владиміровичу свое недоумѣніе по поводу неудобства этого дорогого помѣщенія.

---

[1]) Нынѣшній номеръ этого дома 21.

[2]) М. В. Крестовская, талантливая писательница повѣстей, дочь В. В. Прим. авт.

— Вѣдь можно же было,—замѣтилъ я ему,—за ту же плату устроиться гораздо лучше. Къ чему было поселяться въ центрѣ города человѣку, независимому въ выборѣ квартиры. Могли бы отлично устроиться въ любой, болѣе отдаленной части города.

— Тутъ, знаете, цѣлая исторія,—отвѣтилъ онъ уклончиво.—Дѣло въ томъ, что мнѣ было необходимо помѣститься именно здѣсь, въ этомъ домѣ, и вотъ я и занялъ первую свободную въ немъ квартиру. Теперь, впрочемъ, надобность миновала, собираюсь бросить ее при первомъ случаѣ.

Я замѣтилъ очень скоро, что Всеволодъ Владиміровичъ вообще не любилъ пускаться въ откровенности. Съ особенною же строгостью онъ придерживался правила, никогда и ни передъ кѣмъ не разоблачать изнанки «Трущобъ», т.-е. того, что имъ взято для романа изъ дѣйствительной жизни. Ни для кого не было тайной, что «Петербургскія трущобы» наполнены подробностями, представляющими изъ себя фотографическіе снимки съ дѣйствительности, при чемъ авторъ почти не прибѣгалъ къ какимъ либо средствамъ, чтобы скрасить или измѣнить свои изображенія съ помощью благодѣтельной ретуши, отнимающей нерѣдко у фотографіи большую часть ея сходства. Въ тогдашнемъ обществѣ, въ высшей степени заинтересованномъ этимъ романомъ, не прекращались горячіе толки о дѣйствующихъ въ немъ лицахъ, многихъ изъ героевъ романа называли прямо по именамъ; но можно утверждать безъ колебанія, что во всѣхъ подобныхъ нескромностяхъ Всеволодъ Владиміровичъ былъ совершенно не повиненъ. Никогда онъ лично не подавалъ повода къ нимъ.

Впослѣдствіи мнѣ удалось узнать причину, побудившую его переносить дороговизну, неудобства и тѣсноту квартиры въ домѣ Тура, но только—и я особенно подчеркиваю этотъ фактъ—открытіе это сдѣлано мною совершенно помимо желанія и участія самого Всеволода Владиміровича.

Вотъ что мнѣ сообщили по этому поводу изъ вѣрныхъ рукъ.

Всеволоду Владиміровичу помогалъ въ собираніи свѣдѣній о бытѣ трущобныхъ обывателей «Вяземской лавры», между прочимъ, бывшій квартальный надзиратель, послѣ реформы петербургской полиціи, получившій должность пристава 3 участка Спасской части, подполковникъ Константинъ Кирилловичъ Галатовъ. Въ семействѣ этого лица, умершаго лѣтъ 15 назадъ, можетъ быть, еще сохранился экземпляръ перваго изданія романа, съ надписью автора: «Моему дорогому сотруднику по собиранію матеріала для «Петербургскихъ трущобъ» на добрую память». Книга эта хранилась К. К. Галатовымъ, какъ вещь, дорогая ему; онъ показывалъ охотно своимъ знакомымъ лестное для себя посвященіе и при этомъ съ самодовольствомъ разсказывалъ, какъ онъ водилъ Крестовскаго по притонамъ въ такія мѣста, куда невозможно было проникнуть безъ опас-

ности для жизни, но, что онъ, Галатовъ «охранялъ Крестовскаго, которому все сходило, вслѣдствіе этого, благополучно».

Галатовъ, нѣсколько ранѣе знакомства съ Всеволодомъ Владиміровичемъ, состоялъ помощникомъ квартальнаго надзирателя 2 участка Адмиралтейской части, къ району которой принадлежала Б. Морская и домъ Тура—и вотъ, по словамъ его, именно въ этомъ домѣ находилось учрежденіе той особы, которая въ «Трущобахъ» выведена подъ именемъ баронессы фонъ-Шпилце. Дѣятельность этой женщины, по словамъ Галатова, Всеволодъ Владиміровичъ изучилъ отчасти по его разсказамъ о ней, но главнымъ образомъ по личнымъ наблюденіямъ, для чего собственно онъ и перебрался на жительство въ этотъ домъ, по сосѣдству съ интересовавшей романиста «волчьей норой».

Перехожу къ характеристикѣ Всеволода Владиміровича въ описываемую мною пору. Вотъ то общее впечатлѣніе, которое я вынесъ о немъ. Всеволодъ Владиміровичъ былъ малорѣчивъ, серіозенъ и сдержанъ, не одушевлялся даже въ кругу друзей; онъ прислушивался къ тому, что говорили окружающіе, самъ же, если вступалъ въ общую бесѣду, то лишь для того, чтобы бросить краткое замѣчаніе, выраженное сжато и просто. Покашливая нервнымъ короткимъ кашлемъ, пріобрѣтеннымъ скорѣе привычкой, чѣмъ вслѣдствіе какого либо болѣзненнаго недостатка, играя не покидавшимъ его никогда моноклемъ, сидѣлъ онъ между собесѣдниками всегда внимательный ко всѣмъ, привѣтливый, но несообщительный. Таковъ онъ былъ по природѣ, холодная сдержанность его не была рисовкой, и онъ не позировалъ ею, но она была замѣтна въ немъ даже въ минуты веселаго настроенія. Это свойство укоренилось въ немъ, быть можетъ, съ дѣтства, проведеннаго имъ не въ родной семьѣ, въ дали отъ нея, между чужими. Оно, впрочемъ, не имѣло ничего отталкивающаго, не отчуждало его отъ общества и не заставляло уходить въ самого себя. Напротивъ того, онъ любилъ общество, однако, въ силу ли этой сдержанности, или вслѣдствіе, быть можетъ, застѣнчивой скромности, стушевывался въ немъ. Богатая одаренность, живая впечатлительность и артистическая оживленность его заставляли обращать на него вниманіе, выдвигали его иногда на первый планъ; но это происходило вопреки его намѣренію и претило ему. Такъ, напримѣръ, онъ дѣлался быстро въ любомъ салонѣ тѣмъ, что называютъ «душою общества», читалъ, разсказывалъ шутки, пѣлъ, но также быстро утрачивалъ это преимущество, такъ какъ легко уступалъ первенство другимъ. Несообщительный вообще, онъ не любилъ сплетню, не передавалъ другимъ ходячихъ пересудъ, за что особенно цѣнился друзьями, знавшими, что могутъ на него полагаться, и что онъ никого не выдастъ.

Всеволодъ Владиміровичъ былъ немного выше средняго роста, обладалъ красивымъ, чисто русскимъ лицомъ, высокимъ лбомъ,

правильными, рѣзко очерченными носомъ и подбородкомъ. Мягкіе отброшенные назадъ волоса и шелковистая небольшая бородка обрамляли его голову, придавая ему видъ моложавости; но серіозные, почти суровые глаза его противорѣчили этому впечатлѣнію, старили его лицо. Послѣднее казалось малоподвижнымъ, неподдающимся оживленной мышечной игрѣ, на самомъ же дѣлѣ Всеволодъ Владиміровичъ владѣлъ мастерскою способностью измѣнять черты своего лица, почти до неузнаваемости.

Впервые я узналъ объ этомъ талантѣ Всеволода Владиміровича, когда высказалъ однажды свое удивленіе по поводу его близкаго знакомства съ міромъ отверженныхъ, сблизиться съ которымъ, для того, чтобы изучить его такъ, какъ изучилъ онъ, представлялось мнѣ крайне труднымъ для интеллигентнаго человѣка, если ему не приходилось жить и дышать въ одной атмосферѣ съ этимъ міромъ.

— Не могу вообразить, какими средствами вы пользовались, для того, чтобы проникнуть въ эту грубую, кабацкую среду,—сказалъ я.

— А вотъ не угодно ли?—отозвался онъ неопредѣленно, при чемъ быстрымъ движеніемъ руки сбилъ и надвинулъ себѣ на лобъ безпорядочную прядь волосъ, выпучилъ какіе-то дико установившіеся на меня, осоловѣвшіе глаза и исказилъ непостижимымъ образомъ весь обликъ своего лица.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ заговорилъ грубымъ и хриплымъ голосомъ и на воровскомъ языкѣ, который зналъ въ совершенствѣ.

Передо мною былъ одинъ изъ трущобныхъ типовъ, озвѣрѣлый отъ пьянства и прилива дикой необузданности. Съ такою маской можно было смѣло показаться въ любомъ разбойничьемъ вертепѣ, не возбуждая подозрительности въ средѣ завсегдатаевъ подобныхъ логовищъ. Удачное изображеніе Всеволодомъ Владиміровичемъ нѣкоторыхъ героевъ «Петербургскихъ трущобъ», напримѣръ, Ѳомушки-блаженнаго и Макриды-странницы, памятно, вѣроятно, очень многимъ, какъ и замѣчательный по художественной концепціи и вѣрности колорита разсказъ послѣдней о посѣщеніи ею святыхъ мѣстъ. Разсказъ этотъ не могъ появиться въ романѣ по цензурнымъ условіямъ, но въ интимномъ кругу своихъ знакомыхъ Всеволодъ Владиміровичъ копировалъ Макриду съ разглагольствованіями довольно часто, при чемъ и голосомъ и повадкой очень недурно представлялъ разсказчицу.

IV.

Итакъ, Всеволодъ Владиміровичъ обладалъ несомнѣннымъ сценическимъ дарованіемъ; не знаю, насколько это дарованіе соотвѣтствовало требованіямъ театральныхъ подмостковъ, но читалъ онъ, дѣйствительно, превосходно и пѣлъ выразительно, съ драматиз-

момъ, «со слезою», какъ говорятъ. Правда, до оперныхъ партій онъ, кажется, не былъ охотникъ, а предпочиталъ имъ романсы и, въ особенности, простыя народныя пѣсни; ихъ онъ любилъ распѣвать и въ обществѣ и у себя дома, одинъ наединѣ съ самимъ собою, при чемъ недурно аккомпанировалъ самъ себѣ на роялѣ.

По вечерамъ, передъ тѣмъ, чтобы приступить къ диктовкѣ романа, Всеволодъ Владиміровичъ проводилъ, обыкновенно, по часу и болѣе въ темной гостиной за піанино. Въ программу этихъ домашнихъ концертовъ входила всегда и неизмѣнно пѣсня его сочиненія, кажется, имъ самимъ положенная и на музыку: «Огороды горожу», состоящая изъ трехъ строфъ. Привожу послѣднюю, производившую въ его пѣніи очень сильное впечатлѣніе:

Какъ, свекровь, ты ни кори —
Хоть огнёмъ все гори—
Прогуляю съ полуночи
Я до красной зари.
Стану цвѣтики срывать,
Обнимать, прижимать,
Въ áлы губы, что есть мочи,
Цѣловать, цѣловать!

Пѣлъ онъ еще очень часто: романсъ Глинки «Къ ней!» (мазурка: «Когда въ часъ веселый откроешь ты губки», слова М. Голицына), балладу Мея: «Въ полѣ широкомъ желѣзомъ копытъ взрыто зеленое жито» (муз. Булахова), А. С. Пушкина «Воротился ночью мельникъ» (изъ «Сцены изъ рыцарскихъ временъ»), нѣсколько малороссійскихъ, польскихъ, молдаванскихъ и цыганскихъ пѣсенъ, двѣ-три забубенныхъ солдатскихъ, воровскую «Ерши» (знакомую изъ его романа) и въ заключеніе, неизмѣнно и всегда— шумную, разудалую «Улане, улане».

Всеволодъ Владиміровичъ приступалъ къ диктовкѣ не ранѣе 11-го часа ночи, иногда и позже. Работа продолжалась два, три, иногда четыре часа подрядъ, но не всегда безостановочно. Пока мысль его работала свободно, онъ ходилъ по комнатѣ, мѣрно шагая взадъ и впередъ, то разговаривая, какъ бы самъ съ собою, влагая въ уста дѣйствующихъ лицъ придуманные для нихъ діалоги, то изливаясь въ горячемъ монологѣ или сообщая, въ спокойномъ тонѣ разсказчика, описательныя подробности событій или мѣста дѣйствій. Но когда случалась какая нибудь задержка въ творческой работѣ мысли, тогда онъ внезапно смолкалъ, подчасъ на полусловѣ, переставалъ двигаться, какъ бы застывалъ въ раздумьи, затѣмъ тихо ложился на кушетку и закрывалъ глаза. Иногда онъ продолжительное время оставался въ такомъ состояніи, похожемъ на летаргическое оцѣпенѣніе. Признаюсь, минуты эти бывали очень тягостны для меня. Сидишь — не шелохнешься, ждешь съ карандашемъ въ рукахъ и не смѣешь измѣнить позы, чтобы не

потревожить его, да и самому оставаться на чеку, не пропустить какой нибудь неожиданно вырвавшейся фразы, не оставить ея не отмѣченной въ стенограммѣ.

Во все время, пока длилась диктовка, Всеволодъ Владиміровичъ не выпускалъ изъ рукъ одной изъ своихъ многочисленныхъ записныхъ книжечекъ. Всѣ эти книжечки были мелко-мелко исписаны его рукою, кое-гдѣ страницы ихъ были испещрены его же собственными набросками плановъ и рисунковъ, сдѣланныхъ карандашемъ и перомъ. Въ числѣ набросковъ были изображенія нѣкоторыхъ типичныхъ фигуръ, выведенныхъ въ «Петербургскихъ трущобахъ»: Чухи, этого чудовищнаго воплощенія нищеты и паденія, не менѣе несчастнаго Капельника, отъ постояннаго пребыванія въ ужасномъ Малинникѣ превратившагося въ какое-то безсмысленное животное; ростовщика Морденки; хитрой и жестокой Сашеньки-матушки и нѣк. др. Рисунки были довольно примитивнаго свойства, но при своей безыскусственности показывали умѣніе Всеволода Владиміровича передать нѣсколькими штришками какую либо характерную особенность въ лицѣ, въ позѣ и пр.

Проработавъ нѣсколько часовъ и заполнивъ мои стенограммы двумя-тремя главами романа, Всеволодъ Владиміровичъ прерывалъ занятія иногда на день, на нѣсколько дней, а случалось и на цѣлую недѣлю и болѣе. При такихъ условіяхъ, сочиненіе романа поглощало въ среднемъ какихъ нибудь 6 — 7 часовъ въ недѣлю, остальное время авторъ предавался полнѣйшему dolce far niente. Ничего другого онъ не писалъ, что называется, пера не бралъ въ руки.

Объяснить такое бездѣйствіе его я не берусь. Можетъ быть, это и не было бездѣйствіемъ, вѣрнѣе, что умъ и фантазія его въ эти перерывы не переставали усиленно заниматься романомъ; иногда мнѣ казалось, однако, что ему мѣшало мое присутствіе, и я высказывалъ ему по этому поводу не разъ свои опасенія. Однако онъ рѣшительно отвергалъ такое предположеніе. Н. С. Лѣсковъ, бывшій, какъ я уже сказалъ выше, свидѣтелемъ моего перваго свиданія съ нимъ, заявилъ тогда же, что сомнѣвается въ успѣшности предполагаемой нашей совмѣстной работы.

— Про себя скажу — я не былъ бы въ состояніи писать въ присутствіи посторонняго лица,—говорилъ онъ.—Для меня недостаточно полнѣйшее одиночество—я могу заниматься исключительно только ночью, потому что въ состояніи сосредоточиться тогда лишь, когда кругомъ меня полнѣйшая тишина.

Всеволодъ Владиміровичъ замѣтилъ на это, что и самъ, къ сожалѣнію, привыкъ работать по ночамъ; привычку эту онъ усвоилъ себѣ, благодаря безалаберной, разсѣянной жизни. Днемъ онъ никогда не находилъ времени для дѣла, оставалась для этого ночь, и теперь онъ освоился съ такимъ неестественнымъ «режимомъ».

Что же касается присутствія постороннихъ лицъ, то при настроеніи онъ нисколько ими не тяготится.

Приведу изъ этой бесѣды еще слѣдующія сохранившіяся въ моей памяти слова Н. С. Лѣскова, могущія служить для характеристики пріемовъ творческой работы талантливаго автора «Соборянъ».

— Вы не можете себѣ представить,—говорилъ онъ намъ,—что испытываю я иногда во время моихъ ночныхъ сидѣній, когда подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія начинаю чувствовать бремя одиночества. Тогда мнѣ вдругъ начинаетъ казаться, что я покинутъ всѣми, и что я въ опасности, гибель мнѣ близка. Порою доходило до галлюцинацій. Вы вотъ все пишете о разныхъ ужасахъ, объ убійствахъ и проч. Значитъ, у васъ нервы въ порядкѣ, если можете писать о такихъ вещахъ по ночамъ, не теряя самообладанія и даже, быть можетъ, не содрогаясь. А я вотъ, когда писалъ свою «Леди Макбетъ» [1]), то подъ вліяніемъ взвинченныхъ нервовъ и одиночества чуть не доходилъ до бреда. Мнѣ становилось по временамъ невыносимо жутко, волосъ поднимался дыбомъ, я застывалъ при малѣйшемъ шорохѣ, который производилъ самъ движеніемъ ноги или поворотомъ шеи. Это были тяжелыя минуты, которыхъ мнѣ не забыть никогда. Съ тѣхъ поръ избѣгаю описаній такихъ ужасовъ,—добавилъ онъ смѣясь.

Николай Семеновичъ увѣрялъ далѣе, что не можетъ диктовать даже письма, что творческая работа ему дается только тогда, когда онъ сидитъ одинъ у своего письменнаго стола, съ перомъ въ рукахъ, имѣя передъ собою листъ бумаги. Работалъ онъ, по его словамъ, довольно регулярно, но, подобно Всеволоду Владиміровичу, не признавалъ для себя обязательнаго, по заведенному порядку, сочинительства [2]).

---

[1]) «Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда»—одинъ изъ первыхъ разсказовъ Лѣскова (Н. Стебницкаго). Прим. авт.

[2]) Покойный Д. К. Гирсъ диктовалъ мнѣ свой романъ днемъ, всегда въ заранѣе опредѣленные часы. Диктовка его была сплошной импровизаціей, безъ помощи конспекта и почти безъ перерывовъ; при этомъ онъ ходилъ по комнатѣ, а иногда останавливался противъ меня и продолжалъ импровизировать, какъ бы обращаясь лично ко мнѣ. Г. де-Воланъ занимался также въ опредѣленные часы, но не ежедневно, обыкновенно отъ 7 до 10 ч. вечера, диктовалъ по черновымъ наброскамъ, безъ перерывовъ, сидя все время противъ меня. Что же касается ученыхъ писателей, то они вообще работаютъ всѣ въ опредѣленное время и опредѣленное количество часовъ. Привожу эти замѣчанія изъ моихъ наблюденій для свѣдѣнія многочисленныхъ начинающихъ авторовъ, интересующихся вопросомъ о внѣшнихъ пріемахъ творчества. Пріемы, какъ видите, очень разнообразны. Прим. авт.

V.

Все лѣто 1866 г. Всеволодъ Владиміровичъ провелъ въ городѣ, между тѣмъ большинство его пріятелей покинули Петербургъ: одни проживали на окрестныхъ дачахъ, другіе совершали болѣе отдаленныя поѣздки. Интимный, дружескій кружокъ, въ которомъ онъ обыкновенно вращался, сильно порѣдѣлъ. Правда, къ нему ежедневно заходилъ кто нибудь, разъ въ недѣлю у него даже собиралось человѣкъ пять-шесть, но по этимъ собраніямъ нельзя было составить себѣ понятія о размѣрахъ симпатій, которыми пользовался Всеволодъ Владиміровичъ въ одной части петербургскаго литературнаго и артистическаго міра, и которыя, насколько мнѣ извѣстно, были очень значительны.

Изъ числа бывавшихъ у него въ эту пору лицъ помню съ особенною отчетливостью А. Н. Сѣрова, К. К. Случевскаго, А. П. Милюкова и Н. С. Лѣскова. Приходило еще нѣсколько молодыхъ писателей, не пользовавшихся извѣстностью; изъ нихъ я не могу назвать кого либо. Помню, что Всеволодъ Владиміровичъ этимъ неизвѣстнымъ молодымъ сотоварищамъ по профессіи оказывалъ самое теплое вниманіе, расположеніе и участіе, при чемъ усиленно угощалъ ихъ хорошею «старой вудкой» и виномъ изъ имѣнія кн. Воронцова, въ то время только-что вошедшимъ въ употребленіе и сдѣлавшимся моднымъ, чуть не патріотическимъ напиткомъ. Выпивка и закуска (изъ дорогихъ консервовъ, сыра и пр.) постоянно имѣлись въ запасѣ у Всеволода Владиміровича и хранились имъ въ кабинетѣ, въ книжномъ шкафу, въ чемъ онъ подражалъ своему недавно умершему пріятелю Мею, отъ котораго, однако, отличался самъ умѣренностью и расчетливостью, удерживавшими его отъ тѣхъ безразсудствъ и излишествъ, которыми была полна жизнь Мея.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ, какъ на этихъ маленькихъ собраніяхъ у Всеволода Владиміровича, такъ и наединѣ съ нимъ и со мною всегда сохранялъ и въ позѣ и въ разговорѣ нѣкоторую сановитость и торжественность; сознаніе своей возвышенной миссіи никогда его не покидало и какъ бы отмѣчало его полную въ то время фигуру, съ грузною, прочно покоившеюся на широкихъ плечахъ и короткой шеѣ головою, надъ которой вздымалась всклоченная гуща темныхъ волосъ, печатью извѣстной маститости, или «генеральства», какъ принято называть теперь эту черту въ манерахъ нѣкоторыхъ литераторовъ съ именемъ или съ вѣсомъ. Добродушная, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, улыбка не сходила съ его лица, мягкая, стройная рѣчь выливалась у него тихимъ говоркомъ, плавно, съ подкупающею задушевностью. Посудачить и посплетничать было его страстью, но онъ умѣлъ злословить безъ

брани и, отпуская самыя ядовитыя укоризны, нисколько не мѣнялъ при этомъ своего обычнаго мягкаго тона.

Совершеннѣйшимъ контрастомъ Н. С. Лѣскову былъ Александръ Петровичъ Милюковъ, худой, желтый старикъ, подвижной, однако, какъ юноша, разсуждавшій безъ умолка, громко и съ жаромъ. Александръ Петровичъ былъ интересный собесѣдникъ, потому что помнилъ множество любопытныхъ случаевъ и фактовъ изъ своей жизни и изъ жизни многихъ выдающихся дѣятелей и охотно разсказывалъ.

Незабвеннаго композитора и критика Александра Николаевича Сѣрова я видѣлъ на этихъ собраніяхъ раза три, всегда экзальтированнымъ, поглощеннымъ полемикой со своими музыкальными оппонентами и занятымъ собственными музыкальными идеями и замыслами. То было время, когда взошла звѣзда Александра Николаевича, время его торжества—на оперной сценѣ только-что прогремѣла «Рогнѣда», дѣлавшая полные сборы; публика встрѣчала автора съ оваціями; пресса казалась побѣжденною достоинствами оперы и признавала въ немъ качества компетентнаго музыкальнаго авторитета; наконецъ, заслуги его были оцѣнены и правительствомъ, только что назначившимъ Сѣрову пожизненную пенсію по 1000 р. въ годъ.

Знаменитый маэстро былъ маленькаго роста (немного ниже средняго), при всемъ томъ онъ обладалъ изящною, полною энергіи фигурою и красивымъ жестомъ маленькихъ бѣлыхъ рукъ. Голова его съ нѣсколько крупными чертами гладкаго, безъ растительности, лица, отливала серебромъ посѣдѣвшихъ преждевременно волосъ. Александръ Николаевичъ, съ его моложавостью, какъ бы занесенною метелью старческихъ сѣдинъ и этими пламенными, полными лиризма монологами, непрерывно лившимися изъ его устъ, производилъ впечатлѣніе необычайнаго человѣка. Рѣчь его отличалась умомъ и подкупающею красотою оборотовъ, стилемъ.

Всеволодъ Владиміровичъ искренно преклонялся передъ геніемъ Сѣрова, въ особенности же онъ цѣнилъ въ немъ самобытность и народно-русское направленіе въ его творчествѣ. Оба они были знатоками и тонкими цѣнителями народной поэзіи, оба искали въ ней вдохновенія для своихъ собственныхъ поэтическихъ стремленій, и это сблизило и сроднило этихъ двухъ, по темпераменту и настроеніямъ вовсе не сходныхъ людей. На той же народной почвѣ создались многія прочныя связи у Всеволода Владиміровича, между прочимъ, дружба его съ Аполлономъ Григорьевымъ, А. А. Меемъ, К. К. Случевскимъ, гр. А. Толстымъ и мн. др.

Однажды, къ несказанной моей радости, мнѣ удалось увидѣть Случевскаго. Молодой поэтъ въ то время не пользовался еще большою популярностью—имя его, появлявшееся въ печати въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, затѣмъ сразу ис-

чезло со страницъ журналовъ и стушевалось въ шумѣ скорбно-обличительной лирики, завладѣвшей тогда общественнымъ вниманіемъ. Нашъ поэтъ замолкъ и даже оставилъ Россію. Но его забыли не всѣ въ то «страшное» (по выраженію проф. Ореста Миллера) время, когда исканіе идеаловъ и всякое возвышенное стремленіе относилось къ отсталости взглядовъ и ретроградству; помнилъ и любилъ его, между прочимъ, также и я, хотя, сознаюсь, съ произведеніями Константина Константиновича познакомился совершенно случайно и благодаря лишь тому обстоятельству, что попалъ въ соприкосновеніе съ литературною семьею, стоявшею внѣ сутолоки тогдашняго прогрессистскаго и утилитарнаго движенія.

Мнѣ было лѣтъ 14—15, и я посѣщалъ еще училище, гдѣ сошелся близко съ двумя однокашниками, сыновьями писателя С. С. Громеки, Иваномъ и Ипполитомъ, даровитыми мальчиками, нѣжными и пылкими и большими любителями кропанія стиховъ. Мы издавали совмѣстно еженедѣльный рукописный журналъ, въ которомъ помѣщали разнообразныя прозаическія статьи, свои и нѣкоторыхъ классныхъ сотоварищей, а Громеки, кромѣ того, еще и свои вирши, которые неизмѣнно слагались ими въ подражаніе тремъ излюбленнымъ поэтамъ—Полонскому, Майкову и Фету. Но вотъ какъ-то у обоихъ братьевъ возникло новое творческое поклоненіе, выразившееся «подражаніями» невѣдомому въ нашемъ школьномъ кружкѣ Случевскому; явленіе это было немедленно замѣчено «публикою», т. е. всѣмъ классомъ, читавшимъ нашъ журналъ, а меня, какъ одного изъ соредакторовъ, оно, помню, даже разобидѣло, потому что обнаружило предъ всею этою самою «публикою» незнакомство мое съ современною литературою, ибо оказалось, что я понятія не имѣю о новомъ авторѣ, съ которымъ уже успѣли освоиться, которымъ даже увлекались мои соредакторы Громеки. Когда я вскорѣ послѣ этого посѣтилъ Громекъ на дому, то они, по моему настоянію, были вынуждены показать мнѣ подлинныя произведенія очаровавшаго ихъ новаго автора. Мои друзья добыли изъ отцовскаго книжнаго шкапа номера журналовъ со стихами К. К. Случевскаго, мы перечитывали ихъ, сравнивали съ произведеніями другихъ поэтовъ, спорили о достоинствахъ тѣхъ и другихъ стиховъ. Съ тѣхъ поръ впечатлѣніе о его музѣ осталось въ моей памяти.

Вотъ почему встрѣча съ К. К. Случевскимъ была для меня пріятнымъ сюрпризомъ и припоминается мною и посейчасъ съ чувствомъ глубокаго удовольствія.

Константинъ Константиновичъ былъ почти одних лѣтъ съ Крестовскимъ и выступилъ приблизительно въ одно время съ нимъ на литературное поприще. Оба они были поэтами безъ такъ называемаго «направленія», т. е. поклонниками свободы искусства и эстетами. Обоихъ встрѣтило почти въ одинаковой мѣрѣ презрительное равнодушіе современной «толпы», и оба они также почти въ

одно время бросили свои лиры—одинъ только временно, другой навсегда, посвятивъ себя всецѣло беллетристикѣ.

На рѣшеніе Константина Константиновича повліяло впрочемъ не столько равнодушіе, сколько злостная несправедливость критики. Въ особенности одно происшествіе переполнило чашу его терпѣнія: ему пришлось испытать однажды горчайшее разочарованіе, какое только можетъ выпасть на долю молодого служителя музъ—онъ увидѣлъ себя одновременно признаннымъ и увѣнчаннымъ и почти тотчасъ же осмѣяннымъ и униженнымъ съ безпощадною рѣзкостью, заставлявшею его краснѣть за минутное наслажденіе своими лаврами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, за свое личное достоинство. Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Какъ-то, совершенно безъ вѣдома Константина Константиновича, И. С. Тургеневымъ были отданы въ «Современникъ» шесть его стихотвореній, которыя и появились въ названномъ журналѣ одновременно всѣ сразу. Для начинающаго поэта такой успѣхъ представлялся равносильнымъ признанію его таланта, такъ какъ ареопагъ «Современника», вообще крайне разборчивый въ выборѣ произведеній начинающихъ авторовъ, установилъ за собою авторитетность строгаго и знающаго толкъ судьи и цѣнителя. Мнѣ извѣстно со словъ самого К. К. Случевскаго, что появленіе его стиховъ на страницахъ «Современника» настолько же его озадачило своею неожиданностью, насколько и обрадовало. Къ несчастью (а, можетъ быть, и къ счастью—кто знаетъ), случаю этому суждено было разыграться еще болѣе неожиданнымъ образомъ и закончиться плачевнымъ для самолюбія Константина Константиновича финаломъ. Стихи его обратили на себя вниманіе Аполлона Григорьева, писавшаго тогда рецензіи въ «Сынѣ Отечества»; въ одной изъ ближайшихъ своихъ критическихъ статей онъ посвятилъ имъ нѣсколько строкъ, которыя закончилъ привѣтствіемъ въ авторѣ новаго генія, по силѣ, образности и красотѣ формъ своихъ стиховъ равнаго Лермонтову.

Таковъ приблизительно былъ этотъ отзывъ А. Григорьева, въ безпристрастіе котораго К. К. Случевскій могъ тѣмъ болѣе повѣрить, что лично не былъ еще знакомъ съ критикомъ (они познакомились лишь нѣсколько времени спустя), а между тѣмъ отзывъ этотъ вызвалъ цѣлую бурю. Всѣ журналы и, въ особенности, сатирическіе листки, которыхъ въ то время было большое множество, опрокинулись за него съ азартомъ на Константина Константиновича, котораго стали преслѣдовать попреками и насмѣшками; отъ нихъ не отсталъ даже и самъ «Современникъ», «свистокъ» котораго также принялся немилосердно вышучивать поэта, отказывая ему въ малѣйшемъ талантѣ и пр. Вся эта шумиха, разразившаяся надъ молодымъ поэтомъ очевидно только въ отместку за похвалу со

стороны писателя, державшаго себя особнякомъ отъ тогдашнихъ партій, и вовсе не заслуженная поэтомъ, до крайности была ему непріятна, онъ не былъ въ силахъ перенести эту явную предвзятость и враждебность къ себѣ и почувствовалъ потребность бѣжать отъ нея, для того чтобы уйти подальше отъ укоровъ, казавшихся ему позорящими его болѣе всего, какъ частнаго человѣка. Онъ уѣхалъ за границу, пробылъ нѣкоторое время во Франціи и въ Германіи и возвратился въ Петербургъ лишь пять лѣтъ спустя, съ дипломомъ доктора философіи Гейдельбергскаго университета въ карманѣ.

Въ первые же дни послѣ своего пріѣзда, К. К. Случевскій посѣтилъ Всеволода Владиміровича. Симпатичная личность поэта хорошо знакома всѣмъ по безчисленному множеству статей о немъ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ послѣдняго времени; до сихъ поръ, несмотря на болѣе преклонный возрастъ, Константинъ Константиновичъ не утратилъ своей красивой аристократической наружности, а также отличавшей его всегда и въ прежніе годы простоты и сердечности въ обращеніи со всѣми. Вспоминая о моей первой встрѣчѣ съ нимъ, не могу не отмѣтить, что съ тѣхъ поръ онъ почти не измѣнился; молодость придавала ему лишь большую кипучесть и порывистость. Продолжительное пребываніе за границею видимо обогатило его большимъ запасомъ свѣжихъ впечатлѣній и ободряющихъ надеждъ. Онъ сообщилъ намъ, что пріобрѣлъ теперь необходимую броню смѣлости и презрѣнія къ личнымъ на себя нападкамъ, чтобы вступить въ открытую борьбу съ извращенными ученіями разрушителей и отрицателей искусства въ нашемъ отечествѣ. Теперь онъ уже не боялся своихъ россійскихъ критическихъ зоилъ, а напротивъ того жаждалъ полемики съ ними, готовился къ ней и даже нанесъ первый ударъ въ видѣ трехъ горячихъ статей, изданныхъ имъ въ формѣ брошюръ, для того чтобы выступить на арену эстетической критики съ полною независимостью отъ вліяній журнальныхъ и вообще какихъ либо кружковыхъ. Кромѣ того, онъ мечталъ о торжествѣ у насъ книги надъ журналомъ, подобно тому какъ за границею книга удерживала за собою преобладающее вліяніе.

Въ заграничной литературѣ журналы, несмотря на большое ихъ число, имѣли лишь второстепенное значеніе, благодаря распространенности книги, и потому не играли той роли, какую занимали у насъ—роли монополистовъ мысли и безапелляціонныхъ цѣнителей умственнаго творчества, раздававшихъ однимъ дипломы на авторитетность и развѣнчивавшихъ другихъ, кто не подходилъ подъ требованія моды и подписки. Рядомъ съ книгой за границею господствовали общественное мнѣніе и личная инициатива, нейтрализовавшія вліяніе подхватываемыхъ и разносимыхъ журналами модныхъ теченій мысли.

Константинъ Константиновичъ сообщилъ намъ во время бесѣды, что имъ изданы три брошюры подъ общимъ заглавіемъ: «Явленія русской жизни подъ критикою эстетики». Одна называлась «Прудонъ объ искусствѣ», другая «О Чернышевскомъ. Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», третья—«Какъ Писаревъ эстетику разрушалъ». Всѣ онѣ успѣха не имѣли. Не такое было время, чтобы можно было завладѣть общественнымъ вниманіемъ вопросами объ искусствѣ и эстетическими критиками. Да, вѣроятно, публика и не узнала о существованіи его брошюръ, по крайней мѣрѣ, журналы основательно замолчали ихъ, если не считать одного очень теплаго отзыва о брошюрахъ, принадлежавшаго перу Эдельсона, а книжные торговцы, при тогдашней своей косности и неподвижности, конечно, не заботились о распространеніи маленькихъ книжекъ, отъ которыхъ не ожидали лакомой прибыли. Отмѣчу кстати, что положеніе нашей книжной торговли въ шестидесятыхъ годахъ было вообще крайне жалкое, болѣе безпорядочной и случайной трудно себѣ представить. Впрочемъ, она и въ настоящее время еще далека отъ совершенства. Пріемы, издавна практикуемые съ успѣхомъ и пользою для просвѣщенія на заграничныхъ книжныхъ рынкахъ, все еще не усвоены ею, не вошли въ ея обиходъ.

Посѣщалъ Всеволода Владиміровича также одинъ изъ старинныхъ литературныхъ дѣятелей, современниковъ Пушкина и Грибоѣдова, нынѣ почти забытый А. Г. Ротчевъ, имя котораго шумѣло въ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ. Ротчевъ велъ тогда усиленную пропаганду мирныхъ завоеваній въ областяхъ, колонизированныхъ русскими на золотоносныхъ побережьяхъ Сѣверной Америки. Призывъ его къ удержанію Россіей этой Голконды, съ ея предполагавшимися богатствами, не имѣлъ успѣха. Надъ Ротчевымъ только посмѣивались. Въ 1867 г., кажется, вся занятая русскими область, о которой онъ хлопоталъ, была уступлена правительствомъ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Ротчева привыкли считать причудливымъ фантазеромъ, не болѣе.

А. Г. Ротчевъ родился въ 1807 г. († въ 1873 г.); еще будучи студентомъ Московскаго университета, въ 1825 г., онъ перевелъ стихами и издалъ «Мнимаго рогоносца» Мольера, вскорѣ послѣ того женился на княгинѣ Гагариной вопреки волѣ ея родителей и по этому случаю долженъ былъ уѣхать изъ Москвы. Въ Петербургѣ онъ былъ принятъ тогдашнимъ директоромъ театровъ кн. С. С. Гагаринымъ на службу въ театральную дирекцію въ званіи переводчика и перевелъ, въ 1829 г., драму А. Дюма «Генрихъ III и его дворъ», въ 1830 г. «Макбета» (съ нѣмецкаго, Шиллера), «Гернани» В. Гюго (драма была запрещена цензурой) и «Вильгельма Телля» Шиллера, дозволеннаго къ представленію всего только одинъ разъ, въ бенефисъ В. Каратыгина. Послѣ этихъ

неудачъ онъ оставилъ службу въ театральномъ вѣдомствѣ, поступилъ въ Россійско-американскую компанію и уѣхалъ въ Америку, откуда ему пришлось вернуться въ 1866 г. вслѣдствіе начавшихся переговоровъ о передачѣ владѣній компаніи Америкѣ.

VI.

Съ Варварой Дмитріевной Крестовской я познакомился, какъ ни странно это, уже послѣ моего водворенія въ домѣ В. В. и то случайно. Устроившись по-домашнему въ квартирѣ писателя, о которомъ зналъ, что онъ женатъ и живетъ семейно, я тщетно ожидалъ пріема съ ея стороны и обычнаго въ такихъ случаяхъ привѣтствія. Разъясненіе этой странности, впрочемъ, легко найти въ біографіи Всеволода Владиміровича, составленной г. Ельцомъ. Не касаясь этихъ подробностей, скажу лишь, что Варвара Дмитріевна вообще сторонилась отъ друзей ея мужа, не принимала ихъ и почти никогда не выходила къ нимъ, хотя со многими была знакома. Такъ, по крайней мѣрѣ, было при мнѣ. Къ присутствію моему въ домѣ она, въ первые дни, отнеслась подобнымъ же образомъ, благодаря чему положеніе мое мнѣ показалось неловкимъ до того, что со второго дня пребыванія моего въ домѣ Всеволода Владиміровича я уже началъ серіозно помышлять о бѣгствѣ изъ него. Изъ кабинета, въ которомъ я помѣстился, я слышалъ голосъ молодой женщины, видѣлъ ее мелькающей мимо моихъ дверей и чувствовалъ себя очень плохо въ сознаніи, что хозяйка дома дѣлаетъ нарочно видъ, что меня не замѣчаетъ, даже не знаетъ о моемъ существованіи.

Къ счастью, такое положеніе дѣлъ продолжалось для меня всего три или четыре дня. Однажды, въ отсутствіе Всеволода Владиміровича, она вдругъ вошла ко мнѣ въ комнату и дружелюбно, съ любезною улыбкою протянувъ мнѣ руку, объявила безъ дальнѣйшихъ словъ, что мы уже знакомы, и тутъ же сообщила, что ея маленькая Маня отъ меня безъ ума и все ко мнѣ просится.

— Боюсь, не безпокоила бы она васъ.

Маня была прелестная трехлѣтняя дѣвочка; получивъ позволеніе ходить ко мнѣ, она сдѣлалась постоянной моей гостьей, прибѣгала ко мнѣ ежедневно по нѣсколько разъ; съ первыхъ же дней нашего знакомства я почувствовалъ горячую привязанность къ чудному маленькому существу. Милый лепетъ умнаго, очень живого и граціознаго ребенка забавлялъ меня, и я находилъ развлеченіе въ рисованіи для нея фигурокъ людей и животныхъ, которыя ей очень нравились, и отъ которыхъ она приходила въ шумный восторгъ. Дружба наша такимъ порядкомъ завязалась помимо участія кого либо изъ

взрослыхъ членовъ семьи и въ концѣ концовъ вызвала благорасположеніе ко мнѣ матери, нѣжно любившей дѣвочку.

Варвара Дмитріевна была высокаго роста, стройная женщина, съ выразительнымъ лицемъ и красивыми глазами. Однако, впалыя ея щеки и желтоватая блѣдность лица ясно говорили о подтачивавшемъ ея жизнь недугѣ [1]). По натурѣ веселая и беззаботная, она, тѣмъ не менѣе, часто становилась жолчной и раздражительной, и тогда возбужденіе ея принимало болѣзненный оттѣнокъ истерики. Въ эти минуты она металась по комнатамъ, рыдала, случались минуты, когда она, вся охваченная приливомъ горькихъ чувствъ, осыпала Всеволода Владиміровича упреками, укоряла его въ бѣдности, въ лѣности, въ бросаніи денегъ на вѣтеръ, наконецъ, въ измѣнѣ. Всеволодъ Владиміровичъ въ этихъ случаяхъ защищался слабо, почти не перебивалъ потоковъ обидныхъ рѣчей жены. Во время подобныхъ «сценъ», невольнымъ свидѣтелемъ которыхъ я бывалъ неоднократно, мужъ, какъ мнѣ всегда казалось, держалъ себя вполнѣ безупречно. Не только я никогда не слышалъ вульгарныхъ ссоръ, взаимныхъ попрековъ и грубыхъ выходокъ съ его стороны, но никогда не бывало также, чтобы онъ хотя бы словомъ или даже намекомъ жаловался кому либо на жену. О своихъ семейныхъ невзгодахъ онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ. Въ присутствіи третьихъ лицъ онъ держалъ себя по отношенію къ женѣ вполнѣ ровно и почтительно, такъ что не подавалъ повода подозрѣвать о существованіи между ними разлада. Мнѣ приходилось наблюдать также проявленія вполнѣ мирныхъ, добрыхъ отношеній между супругами.

Любили ли они другъ друга—не знаю, я никогда не могъ съ точностью разобраться во взаимныхъ чувствахъ супруговъ, но что Варвара Дмитріевна ревновала мужа, въ этомъ для меня не было сомнѣнія, точно также какъ и въ томъ, что она сильно недолюбливала его друзей и страшно тяготилась бѣдностью, въ которой ей приходилось жить, наконецъ, въ ея страстномъ желаніи поступить на сцену [2]), въ чемъ, однако, ей мѣшало ея слабое здоровье.

Вскорѣ послѣ того какъ мы познакомились, Варвара Дмитріевна пригласила меня къ себѣ на обѣдъ. Это былъ единственный разъ, когда я обѣдалъ у Крестовскихъ, въ обществѣ обоихъ супруговъ. Я сидѣлъ за ихъ столомъ въ темной комнаткѣ, служившей одновременно столовой и спальней; мы сидѣли при свѣтѣ одной свѣчи, столъ стоялъ около стѣны, у другой стѣны помѣщалась кровать, а посреди комнаты колясочка, въ которой спала малютка Маня. Все кругомъ говорило о бѣдности: комната, сервировка стола, мѣдный шандалъ со свѣчею, скромныя, хотя и вкусно приготовленныя

---

[1]) Она умерла отъ этой болѣзни въ молодые годы. Примѣчаніе автора.

[2]) В. Д. была до замужества актрисой. Примѣчаніе автора.

блюда обѣда. «Вотъ она, печальная изнанка, грубая проза жизни труженика пера», думалъ я тогда, глядя на сидѣвшихъ передо мною, въ рамкѣ окружающаго полумрака, двухъ молодыхъ супруговъ. Вспоминались мнѣ тогда жалобы Варвары Дмитріевны именно на эту неказистую сторону ея положенія въ домѣ, гдѣ она, въ качествѣ хозяйки, была лишена возможности представительствовать, играть подобающую ей роль жены литератора съ именемъ и съ значительнымъ, по ея понятіямъ, заработкомъ. Положеніе его, однако, нисколько не было лучше, онъ только переносилъ его съ большимъ геройствомъ. Сѣтованія Варвары Дмитріевны, какъ мнѣ казалось, не имѣли основанія; ни большой успѣхъ романа, ни предшествовавшіе труды Всеволода Владиміровича, вышедшіе въ свѣтъ въ 1862 г. въ изданіи Стелловскаго, не обезпечивали его и не избавляли отъ нужды, съ которою ему приходилось бороться въ то время; связанный, стѣсненный этою нуждою, онъ едва ли могъ слѣдовать влеченіямъ и потребностямъ своей, въ сущности, артистической и не лишенной нѣкоторой причудливости натуры, своимъ эстетическимъ наклонностямъ, наконецъ. Въ кабинетѣ и гостиной его стояла простая рыночная мебель, онъ не могъ заводить себѣ ни книгъ, ни гравюръ, ни какого нибудь бюстика, альбома. Все это было дѣйствительно недоступно его карману. Помню, какъ онъ однажды за недорогую цѣну пріобрѣлъ для украшенія своего кабинета собраніе древняго русскаго вооруженія, но собраніе это было, увы! изъ папье-маше. И, тѣмъ не менѣе, съ какою любовью— это было при мнѣ—обивалъ онъ своими руками изготовленный простымъ столяромъ деревянный щитъ грошевымъ краснымъ кумачемъ и съ заботливостью и вдумчивостью истаго любителя размѣщалъ на немъ всѣ эти легковѣсные предметы изъ папки, изображавшіе: щитокъ, шлемъ, копье, стрѣлы, топорцы, пальники, шестоперы, сѣкиру и прочіе милые сердцу памятники глубокой отечественной старины. А сколько было самыхъ банальныхъ нуждъ и потребностей повседневной жизни! Большая часть его заработка уходила на хозяйство, на туалетъ жены, на пріемъ друзей. Я уже упоминалъ о томъ, что онъ всегда держалъ для нихъ наготовѣ вина и закуски и охотно ими угощалъ гостей; Варвара Дмитріевна также имѣла пріемные дни для своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Супруги любили свою маленькую дочь, которую баловали и одѣвали, какъ куколку. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что Всеволодъ Владиміровичъ помогалъ еще и своимъ родителямъ. О матеріальной помощи, которую онъ имъ оказывалъ, мнѣ извѣстно со словъ самого отца Всеволода Владиміровича. Послѣдній посѣтилъ его однажды и, не заставъ дома, зашелъ ко мнѣ, присѣлъ и тотчасъ же заговорилъ о добромъ сердцѣ Всеволода Владиміровича и вообще о его личныхъ достоинствахъ. Старику, очевидно, захотѣлось отвести душу, высказаться передъ постороннимъ человѣкомъ о высокихъ

достоинствахъ сына-писателя, о дарованіи и литературномъ значеніи котораго онъ имѣлъ, впрочемъ, весьма смутное понятіе.

Во время этой бесѣды я узналъ и еще объ одномъ обстоятельствѣ, до крайности меня поразившемъ своею неожиданностью. Крестовскій-отецъ сообщилъ мнѣ о намѣреніи Всеволода Владиміровича поступить на военную службу. Самъ онъ былъ отставной офицеръ, нѣкогда служившій въ уланахъ, и, по его мнѣнію, сыну слѣдовало итти тою же дорогой. Таково было желаніе отца, которое, по его словамъ, раздѣлялъ съ нимъ и Всеволодъ Владиміровичъ.

Пораженный этимъ извѣстіемъ и едва вѣря въ его серіозность, я въ тотъ же день спросилъ Всеволода Владиміровича въ шутливомъ тонѣ, намѣренъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, перемѣнить перо на мечъ и стать въ его годы (ему было тогда уже 28 лѣтъ) въ ряды защитниковъ отечества. Къ моему удивленію, Всеволодъ Владиміровичъ, не задумываясь ни на минуту, подтвердилъ слова своего отца.

— Вотъ увидите, что какъ только окончу романъ, тотчасъ же поступлю юнкеромъ въ уланскій полкъ,—сказалъ онъ.

— Не понимаю, да и никто, пожалуй, не пойметъ вашего шага,—сказалъ я.

— Очень можетъ быть, и не пойметъ и не одобритъ,—отвѣтилъ онъ,—но для меня это неизбѣжно по многимъ причинамъ. Одна изъ нихъ та,—добавилъ онъ,—что служба въ уланахъ въ моей семьѣ установилась традиціей, отецъ и дѣдъ были уланами. Теперь очередь за мною.

Всю эту тираду онъ произнесъ въ шутливо-торжественномъ тонѣ и на этомъ прекратилъ разговоръ. Мнѣ показалось тогда, что онъ просто уклонялся отъ признанія, что въ этомъ случаѣ онъ подчиняется прямо желанію своего отца. Сознаваться въ этомъ было трудно человѣку съ характеромъ Всеволода Владиміровича, самолюбивому, скрытному, недовѣрчивому. Не даромъ же онъ оставлялъ всѣхъ безъ исключенія въ полномъ невѣдѣніи относительно своего намѣренія покинуть ихъ среду. Правда, при господствовавшемъ въ то время взглядѣ на военную службу, предположенія его не могли разсчитывать на сочувствіе его друзей. Онъ ожидалъ насмѣшекъ съ ихъ стороны, увѣщеваній отказаться отъ своего рѣшенія, быть можетъ, враждебныхъ столкновеній по этому поводу и даже интригъ, которыя могли ему помѣшать. Такъ, по крайней мѣрѣ, понялъ я его молчаніе и, руководствуясь тѣми же опасеніями, я съ своей стороны также хранилъ про себя все, что мнѣ было извѣстно о планахъ Всеволода Владиміровича: я боялся повредить ему и тѣмъ заставить его сожалѣть объ откровенности въ бесѣдѣ со мною.

Въ біографіи Всеволода Владиміровича, приложенной къ собранію его сочиненій, поступленію его въ военную службу приписы-

ваются иные мотивы. По словамъ г. Ельца, Всеволода Владиміровича «травили и въ литературѣ и въ частной жизни» и затравили будто бы до того, что онъ, наконецъ, «готовъ былъ бѣжать на край свѣта (sic!), лишь бы только скрыться отъ людей, ихъ злости и насмѣшекъ». «Разбитые его нервы не выдерживали больше никакихъ по нимъ ударовъ; ему нужна была среда, которая бы гарантировала ему цѣлительное спокойствіе, и онъ, наконецъ, послѣ долгихъ исканій, нашелъ ее въ арміи». Помимо противорѣчія съ приведенными мною фактами (все это было мною сообщено автору біографіи за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія ея въ свѣтъ), въ разсужденіяхъ г. Ельца заключается одно крупное недоразумѣніе, на которое не могу не указать. Дѣло въ томъ, что въ то время, когда Всеволодъ Владиміровичъ готовился къ поступленію, а затѣмъ и поступилъ въ военную службу, такой убійственной травли противъ него, о какой говоритъ г. біографъ, не существовало вовсе; она началась въ большихъ размѣрахъ гораздо позже, а именно, какъ я уже упомянулъ однажды, послѣ появленія его «Панургова стада» и слѣдовательно лишь годъ спустя послѣ поступленія въ полкъ. Къ предшествовавшимъ замалчиванію и травлѣ, на что мною уже указывалось въ другомъ мѣстѣ, В. В. относился если и не совсѣмъ равнодушно, то все же довольно по-философски—безъ треволненій. Вѣдь извѣстно также, что, кромѣ Всеволода Владиміровича, одновременно съ нимъ подвергались травлѣ и другіе писатели, напр., Тургеневъ и, какъ разъ въ этотъ же періодъ 1865—1866 г.г., Н. С. Лѣсковъ за романъ «Некуда». Однако ни тотъ, ни другой, да и вообще никто другой изъ жертвъ тогдашней неистовствовавшей «передовой» прессы и не помышлялъ о побѣгѣ «на край свѣта» и не доходилъ до такой степени унынія, чтобы «скрываться отъ людей». Правда, К. К. Случевскій, — объ этомъ я говорилъ подробно въ своемъ мѣстѣ,—затравленный бранью и насмѣшками, покинулъ Россію; но это случилось въ пору его ранней молодости; а теперь и онъ уже не странствовалъ болѣе по чужимъ краямъ, и читателямъ извѣстны подробности его свиданія съ Всеволодомъ Владиміровичемъ послѣ пріѣзда изъ-за границы нашего поэта—свиданіе это, конечно, не могло внушить Всеволоду Владиміровичу никакихъ иныхъ чувствъ, кромѣ надежды на лучшее будущее. Къ чему, наконецъ, было унывать Крестовскому, когда находившійся въ гораздо болѣе тяжелой опалѣ, близкій его пріятель Стебницкій (Лѣсковъ), нисколько не поддаваясь ни страху ни отчаянію, продолжалъ ковать козни противъ травившихъ его «нигилистовъ», на которыхъ и напалъ тогда съ азартомъ въ романѣ «На ножахъ», въ настоящее время, можетъ быть, уже забытомъ, но имѣвшемъ въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ огромный успѣхъ. Тотъ же Лѣсковъ, по свидѣтельству Ѳ. Берга, былъ до крайности изумленъ поступкомъ Всеволода

Владиміровича, бросившаго, по его мнѣнію, столь блестящее установившееся, особенно послѣ появленія «Петербургскихъ трущобъ» поприще литератора, для замѣны его столь несимпатичною и невыгодною (невыигрышною) для писателя военною службою. По мнѣнію Лѣскова и другихъ друзей, Всеволодъ Владиміровичъ увлекся въ этомъ случаѣ непонятными и несвойственными его уму и характеру бреднями. Очевидно, никто изъ современниковъ не ставилъ этого поступка его въ какую либо связь съ несочувствіемъ къ нему извѣстной части тогдашняго литературнаго мірка, или хотя бы даже извѣстной части общества (преимущественно сбитой съ толку молодежи). Истинныхъ мотивовъ этого поступка самъ Всеволодъ Владиміровичъ никому не сообщилъ, но изъ того, что сдѣлалось извѣстно мнѣ со словъ его отца и его самого, все же, мнѣ кажется, можно вывести заключеніе, что, надѣвая мундиръ 14-го Уланскаго Ямбургскаго ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Александровны полка, онъ не спасался такимъ путемъ отъ чьихъ либо гоненій, а слѣдовалъ, при этомъ, конечно, либо собственному влеченію, либо, что весьма вѣроятно, настоянію старика отца, либо тому и другому одновременно. При этомъ ссылка на семейную традицію могла быть придумана имъ для предлога, которымъ молодой романистъ желалъ оправдать свой поступокъ въ чужихъ и въ собственныхъ глазахъ.

VII.

Въ то время, когда Всеволодъ Владиміровичъ заканчивалъ пятую часть «Трущобъ», случилась смерть редактора «Отечественныхъ Записокъ» С. С. Дудышкина. Онъ умеръ отъ разрыва сердца; катастрофа постигла его во время бесѣды съ Всеволодомъ Владиміровичемъ по поводу обѣщаннаго послѣднимъ новаго романа, печатаніе котораго предполагалось «въ Отечественныхъ Запискахъ» за 1867 г. Разговоръ происходилъ въ кабинетѣ редакціи. Дудышкинъ внезапно почувствовалъ себя дурно, наклонился впередъ и упалъ въ объятія сидѣвшаго противъ него Всеволода Владиміровича. Жизнь покинула его почти сразу. Эту подробность кончины Дудышкина мнѣ передавалъ самъ Всеволодъ Владиміровичъ, возвратившійся въ тотъ день домой въ сильномъ волненіи, потрясенный трагическимъ событіемъ, въ которомъ ему пришлось принять столь близкое участіе.

Нѣсколько дней спустя, состоялась продажа отдѣльнаго изданія «Петербургскихъ трущобъ» книгопродавцу М. О. Вольфу. Почтенный издатель лично посѣтилъ Всеволода Владиміровича для переговоровъ объ условіяхъ.

Тучная фигура Вольфа, съ его хищнымъ профилемъ и неповоротливою шеей, оправдывавшею его фамилію (Wolf, по-нѣмецки волкъ), сіяла на этотъ разъ въ лучахъ пріятно-обязательной улыбки, каковою этотъ книжный тузъ и «недюжинный дѣятель изъ западнаго края», какъ его величали въ тогдашней печати, весьма рѣдко дарилъ своихъ поильцевъ-кормильцевъ, русскихъ писателей. Впрочемъ и теперь, заискивая благорасположеніе Всеволода Владиміровича и расточая ему любезности по поводу успѣха его произведенія, онъ не преминулъ дать ему почувствовать, что успѣхъ этотъ, въ сущности, очень не важный, по крайней мѣрѣ, не настолько, чтобы можно было ожидать большихъ барышей отъ книги. Да и вообще какую выгоду можетъ дать книгоиздателю русская книга? Другое дѣло иностранная, даже вотъ польская, и та выгоднѣе.

— Какъ вы думаете, сколько я имѣлъ барыша отъ изданія, напримѣръ, Мицкевича?—спросилъ Вольфъ и тутъ же принялся разсказывать о своихъ сношеніяхъ съ великимъ польскимъ поэтомъ. Оказалось, что онъ, по его словамъ, «платилъ Мицкевичу «по золотому» за каждую строфу, и, несмотря на большіе расходы по изданію, оно дало около 40.000 р. чистой прибыли». Всеволоду Владиміровичу онъ предложилъ за «Трущобы» 3.000 р. при тиражѣ въ 3.000 экз., и тотчасъ же выложилъ въ задатокъ 1.000 р., съ условіемъ уплатить остальныя 2.000 р. немедленно по появленіи въ свѣтъ послѣдней части романа. Несмотря на всю невыгоду этихъ условій, свидѣтельствовавшихъ о полномъ равнодушіи книгопродавца къ интересамъ русскаго автора, онѣ были, конечно, приняты безъ возраженій.

Нѣсколько дней спустя, Всеволодъ Владиміровичъ сообщилъ мнѣ, что въ видахъ ускоренія работы рѣшилъ перебраться со мною за городъ, въ безлюдную, по случаю наступившей осени, дачную глушь. По Балтійской желѣзной дорогѣ, около станціи Лигово, нанялъ онъ за недорогую цѣну одну изъ покинутыхъ лѣтними обитателями дачъ, принадлежавшую, кажется, Мятлеву. Въ первыхъ числахъ сентября мы переселились туда. Варвара Дмитріевна отпустила съ нами свою горничную, взявшую на себя веденіе нашего холостого дачнаго хозяйства.

Отшельническая жизнь въ Лиговѣ мало споспѣшествовала ускоренію сочиненія романа; все шло попрежнему. Проходили иногда недѣли, въ теченіе которыхъ романъ не подвигался впередъ ни на шагъ. Въ эти перерывы мы ходили на прогулки, а также на охоту на дикихъ утокъ, въ окружающей болотистой мѣстности, иногда же Всеволодъ Владиміровичъ уѣзжалъ въ городъ и оставался тамъ по нѣсколько дней. Занятія наши затянулись до первыхъ чиселъ ноября, когда, наконецъ, были продиктованы мнѣ послѣднія страницы романа. Послѣ этого Всеволодъ Владиміровичъ тотчасъ же уѣхалъ, а я остался на дачѣ для переписки своихъ

стенограммъ и наблюденія за упаковкою нашихъ вещей. На другой день и я покинулъ, наконецъ, пустынную дачу и отправился въ городъ къ Всеволоду Владиміровичу.

И что же? Я засталъ его сидящимъ за письменнымъ столомъ, за работою. Сосредоточенно, согнувшись всѣмъ корпусомъ надъ стопкою бумаги, онъ писалъ своимъ мелкимъ, ровнымъ почеркомъ, безъ помарокъ и безъ малѣйшихъ остановокъ. Для меня онъ представлялъ въ эту минуту совершенно непривычное зрѣлище. Писалъ онъ разсказъ. Такимъ образомъ, послѣ почти двухлѣтняго перерыва, Всеволодъ Владиміровичъ, едва окончивъ романъ, тотчасъ же принялся за новый трудъ, матеріалъ для котораго имѣлся у него въ запасѣ, въ старой записной книжкѣ. Она лежала передъ нимъ на столѣ. Очевидно, раньше окончанія одной художественной работы, онъ не былъ въ силахъ, не могъ приступить къ другой. Въ этомъ онъ отличался отъ многихъ, въ особенности современныхъ литераторовъ, владѣющихъ способностью сочинять одновременно по два романа, по нѣсколько повѣстей и т. д. Новая работа, которою занялся теперь Всеволодъ Владиміровичъ, предназначалась для «Отечественныхъ Записокъ» и появилась тамъ тотчасъ послѣ окончанія «Трущобъ».

И. К. Маркузе.

НАРОДНЫЕ ТИПЫ.

Въ вагонѣ.

(Изъ записокъ этнографа).

I.

ВОШЕЛЪ въ вагонъ послѣднимъ почти въ ту минуту, какъ поѣздъ тронулся. Тамъ было тѣсно и душно. Запахъ краски отъ свѣже выкрашенныхъ скамеекъ и стѣнъ новенькаго вагона смѣшивался съ чадомъ махорки и смазныхъ сапогъ,—наканунѣ праздника ѣхало много рабочаго люда и богомольцевъ къ Троицѣ. Грохотъ и стукъ колесъ на стрѣлкахъ, бойкій сѣверно-русскій говоръ, дѣтскій плачъ,—все это сливалось въ одинъ непрерывавшійся гулъ, въ которомъ не легко было разобраться. Мимо мелькали дома, огромныя вывѣски, закоптѣлыя трубы московскихъ фабрикъ, и все это пересѣкалось на мгновеніе черной лентой встрѣчнаго поѣзда, какъ и нашъ, переполненнаго людьми. Справа изъ-за безконечныхъ красныхъ и темныхъ вагонныхъ силуэтовъ выглядывала знаменитая Сокольничья роща. Вотъ она выглянула вся нарядная и вмѣстѣ съ тѣмъ величавая, застывшая въ бережно хранимой красотѣ своихъ то сумрачныхъ, то свѣтлѣющихъ, словно смѣющихся, очертаній. Я сталъ оглядываться, ища, куда бы при-

строить свой чемоданъ, но это было довольно трудно: всѣ полки до верха были заняты мѣшками, узлами, корзинами — ѣхало нѣсколько женщинъ съ дѣтьми,—и о томъ, чтобы пристроиться самому, нечего было, повидимому, и думать; на иныхъ скамьяхъ сидѣло по четыре и по пяти человѣкъ. Я собирался уже было выйти на площадку, какъ вдругъ услышалъ за собой голосъ:

— Слышь ты, иди ужо сюды... Не стоять же человѣку этакъ-то...

Я обернулся. Это говорилъ мужиченко, въ сермяжной свиткѣ и сапогахъ, невзрачный и хмурый.

— А ты, сума, подвинь-ко-ся маненько,—продолжалъ онъ, обращаясь къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ артельщику съ кожаной сумкой черезъ плечо:—мальца-то, баба, вотъ сюды, на узёлъ посади,—слышь, баба? мальца-то, говорю, на узёлъ посади (онъ указалъ пальцемъ на узелъ, лежавшій въ проходѣ у самыхъ ногъ, подъ окномъ),—оно и опростается...

Артельщикъ недовольно покосился на меня и придвинулся къ бабѣ, та безмолвно пересадила бѣлоголоваго мальчика лѣтъ четырехъ къ себѣ на колѣни. Мѣсто очистилось. Я сѣлъ.

— Спасибо, братецъ,—сказалъ я невзрачному мужичку:—не помоги ты, не нашелъ бы я себѣ мѣста...

— Какъ мѣста не найтить, — произнесъ не глядя ни на кого артельщикъ,—чай, по билету ѣдете, деньги заплочены, значитъ—подавай, гдѣ хошь возьми, а подавай за мои денежки мѣсто мнѣ .. оберу сказать только...

— Да вишь ты, человѣкъ поспѣлъ только-только, а народищу-то страсти сколько,—отвѣтилъ за меня мой сосѣдъ, тоже не обращаясь ни къ кому лично.—Я вотъ,—продолжалъ онъ,—съ ранняго утра за билетомъ пришелъ, да и то, гляди ты, на первый поѣздъ не вышло. Всякому тоже хочется...

— Н-да, народу энтого много, аки песка морского али звѣздъ небесныхъ,—густымъ басомъ, громко, проговорилъ сидѣвшій противъ меня плотный и усастый мужчина, съ плотоядными губами и большимъ краснымъ носомъ. Сначала я принялъ его за отставного военнаго изъ писарей или фельдфебелей, но затѣмъ подумалъ, что онъ болѣе похожъ, по крайней мѣрѣ судя по произношенію, на псаломщика или лучшаго—и тоже отставного—баса изъ архіерейскаго хора. Есть такіе люди на Руси, что отъ рожденія носятъ на себѣ признаки вѣчной отставки: еще его и не приставили ни къ чему, а онъ уже напускаетъ на себя такой видъ, будто вѣкъ былъ недоволенъ начальствомъ: и фуражка у него на бокъ съѣхала, и изъ шести пуговицъ на пальто двухъ непремѣнно не достаетъ, и въ выраженіи глазъ появляется довольно-таки опредѣленное стремленіе на все и на вся наплевать.

— Н-да-съ,—повторилъ онъ,— аки песка морскаго... А только, ежели позволите при семъ слово сказать, господа по нонѣшней

таксѣ все больше во второмъ классѣ ѣздить норовятъ... чтобы, должно полагать, объ нашего брата своей дворянской чести не замарать... и онъ хитро подмигнулъ артельщику; тотъ какъ-то неопредѣленно усмѣхнулся и взглянулъ въ окно.

— Во второмъ классѣ кусается,—произнесъ артельщикъ послѣ небольшой паузы,—господа тоже это понимаютъ. Извѣстно, глупый съ вѣтромъ въ обгонку бѣжитъ, а умный копеечку на черный день бережетъ...

— А точно, сквалыжники—народъ изъ дворянъ-то пошелъ,—мѣняя тонъ, обратился къ нему плотный мужчина (иначе не умѣю назвать его).—Нѣтъ того, чтобы тебя, значитъ, благороднымъ манеромъ чиновникъ тамъ, или офицеръ какой, или тамъ кто,—при этихъ словахъ онъ бросилъ презрительный взглядъ на мой студенческій китель,—угостилъ или поговорилъ съ тобой... Кокарда, скажемъ промежду, къ стойкѣ подойдетъ, подсосѣдится къ ней, а кокарда эта самая, провались она, тебя, аки пса смердящаго, сторонится, за ничто принимаетъ—а за что?—спрашиваю я васъ. Развѣ и у меня рублишко иной разъ ребромъ не ходитъ? а? или, можетъ, компаніи поддержать не умѣю? Иной разъ, бываетъ, сидишь въ компаніи съ чиновникомъ какимъ, вотъ хоть бы изъ консисторскихъ, за водочкой, закусочка тутъ честь-честью, разговоры ведешь,—у него, подлеца, гроша мѣднаго за душой нѣтъ, а поди, спроси у него: что-молъ, что̀ я за человѣкъ?—Отфитюлится, подлая душа, а вѣдь съ собой ровней не сядетъ, — онъ, видишь ли ты, чиновникъ, регистраторъ или секретаришко тамъ какой нибудь, а ты, дескать, лампаднымъ маслищемъ налампаженъ... вы какъ на счетъ этого скажете? — и онъ искоса взглянулъ на меня.

Я не былъ расположенъ вступать съ нимъ въ разговоръ и промолчалъ. Сзади меня, черезъ спинку, заплакалъ ребенокъ; молодая, болѣзненно-худая баба стала унимать его, то укачивая и баюкая, то подставляя ему свою тощую и блѣдную грудь. Плотный мужчина крякнулъ и отвернулся отъ меня.

— Вотъ, и это пѣніе,—кивнулъ онъ на плачущаго ребенка,—ангельское, сказать, отъ чистаго сердца исходитъ, какъ говоритъ нашъ дьяконъ, когда ребята плачутъ—вотъ этакимъ манеромъ—агу-агу, куа-куа— а не ндравится многимъ, а тоже, вспомнишь, сами такіе бывали, черезъ матернюю утробу шли... такъ, что-ль, молодка?—обратился онъ къ бабѣ.

— Извѣстно, что ужъ... потупилась та.

— И въ Писаніи сказано: плодитеся и размножайтеся и наполняйте землю... ха-ха-ха... А ты куда этакимъ манеромъ путь держишь? чай въ Знаменское, а?

— Нѣ, у Баташово...

— У Баташово?—передразнилъ онъ ее.—Не слыхалъ. А я думалъ—въ Знаменское: вмѣстѣ поѣхали бы...

И хитро подмигнувъ, онъ досталъ изъ кармана измятую папиросу и закурилъ у своего сосѣда, вялаго парня, по наружности фабричнаго. Парень былъ въ жилеткѣ съ болтавшейся у лѣваго кармана стальной цѣпочкой и курилъ самодѣльную сигару въ оберткѣ изъ толстой газетной бумаги.

— А у Баташовѣ у тебя что, мужъ?—обратился онъ снова къ молчаливо прижимавшейся къ углу бабѣ.

— Ну, мужъ... а то кто-жъ еще?

— А кто-жъ тебя знаетъ? Можетъ, солдатъ изъ Питера? Тоже бываетъ...

Парень и артельщикъ улыбнулись. Баба не отвѣчала, только выраженіе ея лица стало строже; она нагнулась къ ребенку и стала гладить его по головѣ. Плотный мужчина не унимался.

— И бравый, должно быть, ундеръ?... хе, хе, хе... Признавайся-ка... Кума, а кума, слышь, что я говорю?

Баба хранила молчаніе. Артельщикъ хотѣлъ что-то сказать сдѣлалъ чуть замѣтное движеніе губами и только поправился на мѣстѣ.

— Что-жъ ты, не хошь отвѣчать мнѣ? Не по-благородному, что ли, спросилъ я тебя? Молодка, а молодка...

— Да ну васъ... Отстаньте...—произнесла онъ съ усиліемъ.

— Отстаньте! Нѣтъ, ты знаешь ли, что по Писанію за такія дѣла полагается? Каменьями за такія дѣла побивали, аки... аки... хе... хе...

— Пошто замаешь ее, человѣче?—вступился за нее хмурый мужиченко. — Сидитъ себѣ баба чинно, младенца везетъ, а ты пошто нудишь-то ее, на грѣхъ наводишь, да еще Писаніе нечистыми усты грызешь! Будемъ говорить по Писанію, такъ и тебя, скажемъ, расписать можно...

— Меня расписать? Да ты что за уставщикъ нашелся?—грубо, но значительно понизивъ голосъ, возразилъ ему плотный мужчина... Чего ради не въ свое корыто рыло суешь? Скажите, пожалуйста,—обратился онъ къ артельщику,—я съ ими—онъ кивнулъ головой на бабу—по-благородному разговоры веду, чтобы имъ, можетъ, пріятность сдѣлать, а тутъ промежъ насъ, аки левъ рыкающій, проявился. Такъ аль нѣтъ я говорю?

— Н-да-съ,—уклончиво протянулъ артельщикъ,—оно, конечно, скучно этакъ-то въ молчанку ѣхать. Поговоришь,—оно веселѣй бываетъ, а тамъ, смотришь, и время прошло...

— Вотъ то-то же, вы, я вижу, тонкое обращеніе всяко понимать можете, не то, что... мужикъ-деревенщина. А то, знаешь, братъ, и кондуктору сказать недолго—такъ-молъ и такъ, пассажиръ безпокойный, вдобавокъ выпилъ не въ мѣру,—онъ те, кондукторъ, ижицу и пропишетъ по Ивановское число...

— Лаяться ты можешь, въ этомъ тебѣ отъ меня положенья

нѣтъ,—спокойно отвѣтилъ мужикъ,—брехня твоя такъ при тебѣ и останется,. а бабу ты не замай, потому—баба она и одна, сидитъ чинно, только-что дышитъ, можетъ, и по машинѣ-то впервой ѣдетъ. Изобидѣть ее всякому легко...

Во все продолженіе этого разговора баба сидѣла, не шевелясь. словно рѣчь шла совсѣмъ не о ней; при послѣднихъ словахъ она взглянула искоса на мужика и еще больше нагнулась къ ребенку. Плотный мужчина видимо растерялся: ему и досадно было, хотѣлось сорвать злость на неожиданномъ защитникѣ бабы, а, съ другой стороны, онъ какъ будто боялся уронить свое достоинство и только глядѣлъ на него своими злыми припухшими глазами.

— А вы что же, — сказалъ онъ, наконецъ, напряженно улыбаясь и переходя на вы,—съ какой стороны кумомъ ей доводитесь? Что за заступники взялись? Заступникъ, а? скажите на милость! Да еще надо молодку спросить, хочетъ ли она заступника-то такого? Вамъ бы прежде въ баню сходить да тамъ выпариться, а потомъ бы къ нашему цирюльнику зайти, голову отрѣзать, другую приставить, на языкъ перцу посыпать, и тогда къ нашей молодкѣ въ заступники проситься. Такъ аль нѣтъ?

Фабричный фыркнулъ и съ любопытствомъ поглядѣлъ на мужичка.

— Сказалъ тебѣ, человѣче,—попрежнему спокойно произнесъ онъ,—лаяться—лайся, а бабу не замай, потому—одна она и сидитъ чинно...

— Заладила ворона про Якова! Одна да одна, ну, одна, такъ что-жъ изъ этого? Развѣ я ее обидѣть хочу? Да я, можетъ, позабавить, поразговорить только ее норовилъ. Вижу—ѣдетъ, аки перстъ, аки Ревекка въ пустынѣ, сидитъ подпершись этакъ, скучно значитъ. Дай, думаю, разговорюсь съ ней, спрошу, куда ѣдетъ, честь-честью, какъ въ дорогѣ полагается. Такъ я говорю?

— Это ужъ извѣстно,—произнесъ артельщикъ,—въ вагонѣ это, какъ въ бочкѣ, можно сказать, съ кѣмъ, съ кѣмъ не встрѣтишься, чего-чего не услышишь...

— Вотъ я и говорю,—входя въ азартъ, перебилъ его плотный мужчина.—Вижу--баба молодая, красивая, на меня этакъ однимъ глазкомъ поглядываетъ. Что, говорю, красавица, скучно этакъ ѣхать-то? говорю... А тутъ этотъ, словно мышь изъ крупы, выскочилъ... Ха-ха-ха, смѣшно даже...

Онъ засмѣялся неестественнымъ смѣхомъ и откинулся назадъ. Артельщикъ, изъ своеобразно понимаемаго русскимъ человѣкомъ чувства благоприличія, сдержанно улыбнулся.

— Можа, завидно стало,—вяло произнесъ фабричный и сплюнулъ себѣ подъ ноги.

— Завидно? Именно завидно, ха-ха-ха... Это вы вѣрно сказали. Ему бы съ козлиной бородой за молодками ухаживать! Чай, у самого

баба запрѣлась, а туды-жъ лѣзетъ!.. Кто ты, спрашиваю, братъ, аль сватъ ей доводишься?

— Вотъ то-то и есть, что братъ,—медленно произнесъ хмурый мужиченко и пристально, въ упоръ поглядѣлъ на усача.—Братъ и есть,—повторилъ онъ особенно внушительно и внятно.

— Эге! Этакъ и мы съ тобой братья, пожалуй, придемся... ха-ха-ха... только, съ какой стороны, не знаю...

— Братъ во Христѣ, вотъ съ какой, коль на тебѣ крестъ есть... отвѣтилъ мужичекъ и произнесъ эти простыя слова такимъ искреннимъ и убѣжденнымъ тономъ, что на минуту—я видѣлъ это—всѣмъ стало жутко. Развязный мужчина тоже языкъ прикусилъ и не сразу отвѣтилъ. Баба искоса, мелькомъ, взглянула въ сторону своего защитника, и вся насторожилась; артельщикъ скромно потупилъ глаза; даже робкаго вида съ припухлой щекой мѣщанинишко, на котораго я до тѣхъ поръ не обращалъ вниманія, перестилъ дремать и повернулъ голову въ нашу сторону; одинъ только фабричный попрежнему апатично глядѣлъ впередъ и задумчиво сопѣлъ. Наискось отъ меня черезъ проходъ другая баба, темная и скуластая, кормила ребенка, набивая ему ротъ жеваной булкой. Мимо неслись рощи, мелькали нарядныя дачи и лужайки. Становилось нестерпимо жарко.

— Крестъ того... извѣстно, есть, а закону Христову еще и тебя научимъ,—возразилъ послѣ минутнаго молчанія плотный мужчина.— А только, ежели, къ примѣру сказать, такъ говорить будемъ, то вѣдь и молодка сестрой не одному тебѣ приходится...

— Не одному, да ты-то съ ёй не по-братски говорить захотѣлъ. А будь она баба глупая—долго-ль ее скрутить? И погубилъ бы ты ее, мужнюю жену, и дѣтей бы не пожалѣлъ.

— Какъ же! Такъ я и пошла...—замѣтила баба.

— Ты бы не пошла, такъ другая пошла бы, милая,—скороговоркой завѣрилъ ее хриплымъ теноркомъ мѣщанинъ изъ угла.

— Н-да, это такъ,—вставилъ и артельщикъ свое слово:—извѣстно, женскій полъ... какъ ты, значитъ, супротивъ его не устоишь, такъ и ему... тоже гулять хочется...

Мужчина самодовольно усмѣхнулся и закрутилъ усъ. Невзрачный мужиченко продолжалъ, ни къ кому собственно не обращаясь:

— И сколько ихъ, бабъ-то этихъ, гибнетъ черезъ вашу похоть проклятую! Вотъ онъ ее спрашивалъ безвинно, безпричинно, что̀ ей по Писанію полагается, коли она, скажемъ, мужнюю честь изломала. А знаешь ли ты, — уставился онъ на усача, — что тебѣ по Писанію полагается, коли-бъ ты тую мерзость сотворилъ? Знаешь, а?

— Да ты-то што въ попы записался? на исповѣдь что ли пришелъ я къ тебѣ, что ты меня въ компаніи Писаніемъ стращать

вздумалъ?—горячился усачъ, оглядываясь по сторонамъ и чувствуя, что общественное мнѣніе не въ его пользу...

— Стращать я тебя не стращаю, а только—спрашиваешь у другихъ и себя не забывай. Другихъ-то судить легко, а какъ самому-то будетъ, какъ тебя судить начнутъ? Вотъ ты про Писаніе помянулъ, а самъ ты по Писанію живешь, ой ли?

Вмѣсто отвѣта плечистый мужчина досталъ изъ кармана цвѣтной платокъ, высморкался и другой стороной того же платка сталъ вытирать лоснившійся лобъ. Губы его сложились въ презрительную усмѣшку.

— А ты почемъ знаешь, какъ я живу?—наконецъ вымолвилъ онъ.

— А такъ—видно человѣка, словно ястреба по полету...

На станціи артельщикъ, плотный мужчина и я вышли.

Артельщикъ подошелъ къ буфетной палаткѣ, временно раскинутой на платформѣ, и спросилъ пива. Разговаривая съ усачемъ и равнодушно поглядывая на публику, онъ съ чувствомъ тянулъ пѣнившуюся влагу. Усачъ юлилъ передъ нимъ и бросалъ слишкомъ ужъ краснорѣчивые взоры на бутылку.

— А хорошо это,—прозрачно намекалъ онъ,—въ жару, вотъ, акп, скажемъ, въ нонѣшній день, холоденькимъ этакъ утробу прокадилить...

— Н-да,—процѣдилъ сквозь зубы артельщикъ, наливая второй стаканъ,—первый сортъ...

— Иные въ жару чаемъ себя ублажаютъ, до седьмого пота накачиваются... купечество больше...

— Ужъ оно извѣстно... клинъ клиномъ... А вы, дозвольте спросить, здѣся остаетесь, аль дальше?

— А тутъ... зять у меня тутъ неподалеку... я къ нему... надо же все-таки... Да вотъ бѣда: въ Москвѣ-то я поизденежился, понимаете,—тутъ густой басъ понизился до вкрадчиваго, но выразительнаго шепота, и глаза безпокойно-тревожно забѣгали, — хе-хе-хе... компанія, понимаете, холостежь этакая... да что говорить—сами человѣкъ образованный, учить не надо... Не поднесете ли стакашку—душу повеселить?

— Чего, то-есть?

— Пивца бы, чтобы и вамъ не скучно было однимъ-то... человѣкъ вы почтенный и денежный... А то и виномъ не брезгуемъ...

Онъ засмѣялся дѣланнымъ смѣхомъ, чтобы замять неловкость своего положенія.

Артельщикъ невозмутимо поставилъ стаканъ на стойку и досталъ большой истертый кошелекъ.

— Этого нельзя, господинъ... накладно... На всѣхъ встрѣчныхъ-поперечныхъ не напасешься... Притомъ же каждый самъ за себя отвѣчать должонъ... Прощенья просимъ... И, получивъ сдачу, онъ направился къ выходу.

Усачъ злобно поглядѣлъ ему вслѣдъ.

— У, толстомясое брюхо,—проворчалъ онъ сквозь зубы, нахмуривъ брови и судорожно сжавъ кулаки.—Эхъ, кабы власть моя... распотрошилъ бы я твою утробу, Иродово сѣмя... Чурбанъ необразованный... Видѣли?—отнесся онъ ко мнѣ.

— Видѣлъ,—не могъ не сознаться я.

— Ну, стоитъ ли послѣ этого разговаривать съ незнакомой публикой, когда она никакого такого господскаго разговора поддержать не можетъ... Погоди! я тебя запримѣтилъ!—погрозилъ онъ въ сторону двери кулакомъ.—Еще, дастъ Богъ, встрѣтимся! А вы ѣдете?

— Ѣду.

— Далече? Давеча, по невысокому нашему званію, не изволили отвѣтить...

Я сказалъ.

— И хорошо дѣлаете, что не на всякій поклонъ отвѣчаете. Почемъ вы меня знаете, воръ я, али человѣкъ образованный? А я человѣкъ благородный—вѣрьте мнѣ, и студентовъ люблю, даромъ, что бунтовщики они, право, люблю...

Раздался звонокъ, я направился къ вагону.

— Господинъ студентъ, господинъ студентъ! Какъ же такъ? Говорили мы съ вами по-благородному... выпить за ваше здоровье слѣдовало бы въ жарищу анаѳемскую... Чай, гривенничекъ въ карманѣ найдется? При встрѣчѣ съ благодарностью!..

Я опустилъ руку въ карманъ и, найдя тамъ мѣдный пятакъ, подалъ ему.

— Гм... только-то... и это человѣку благородному... ну, и публика... Бла-аддарю все-таки, считайте за мной, господинъ студентъ... по пословицѣ—гора съ горой не сходится...

Но я уже не слушалъ его и спѣшилъ отыскать свой вагонъ. Чрезъ минуту поѣздъ тронулся.

II.

Мѣсто плотнаго мужчины осталось незанятымъ. Оставшіеся размѣстились свободнѣе, и разговоръ возобновился.

— Господинъ-то тутъ никакъ вылѣзъ,—замѣтилъ мѣщанинишко, указывая на освободившееся мѣсто.

— Какой онъ господинъ... голь кабацкая, — презрительно отозвался артельщикъ:—на пиво выпрашивалъ...

— А вѣдь, поди ты, какую фанаберію напускалъ!— рублишко, молъ и у насъ не по стрункѣ ходитъ, компанію благородную виномъ поилъ!—ехидничалъ тотъ.

— Н-да,—промычалъ фабричный,—оно вонъ какъ—разные народы по дорогамъ ѣздютъ...

— А вотъ вы оченно это, гм... гм... хорошо такъ сказали,—обратился къ мужичку артельщикъ:—я насчетъ Писанія, то-есть, какъ значитъ въ Писаніи—то одно, а въ жизни нашей другое выходитъ. Я вотъ о себѣ такъ смекаю: когда я, баба моя, дѣти, скажемъ, съ голоду не помираютъ, даже напротивъ, а въ воскресенье имъ и надѣть есть что, и въ церковь пойдутъ они не хуже другихъ; потомъ, знаете, какъ водится... того... въ гости пойти или къ намъ по-сосѣдски зайдетъ кто,—мы съ нашимъ удовольствіемъ—водочка, закусочка, вареньице тамъ, словомъ — угощеніе всякаго рода, милости просимъ, очень даже рады бываемъ... Такъ того... когда это все отъ трудовъ рукъ нашихъ, отъ пота лица нашего, то, смекаю, съ насъ и Писанію спросить больше нечего...

— Это вы такъ,—замоталъ головой мѣщанинишко,—это вы истинно такъ... Живи только честно, ни ты мнѣ, понимаете, ни я тебѣ зла не желаю, пущай ты пироги каждый день съ мясомъ уламываешь, а я щи пустыя лакаю, лишь бы, понимаете, какъ говорится, совѣсть у меня была покойна... Есть у меня сродственникъ одинъ въ Калугѣ, дядей доводится, женатъ на теткѣ родной, сестрѣ отца, то-есть, человѣкъ, понимаете, богатѣющій, мучникъ, лабазъ мучной держитъ, домъ у него подъ первую гильдію выведенъ, а въ домѣ— какихъ, какихъ только мебелёвъ не наставлено—шкапчики, диванчики, стульчики, такое все тонкое, да деликатное, да чистенькое— ну, просто, сѣсть некуда... Дочка у него въ гимназіи разнымъ наукамъ обучается, а въ именины, повѣрите ли, народу у него, сказываютъ, человѣкъ до ста бываетъ, и не кто нибудь тамъ сколдырникъ какой, а купечество именитое, батюшка отъ обѣдни зайдетъ, трапезу благословить, хлѣба-соли откушать, въ прошломъ году такъ даже приставъ съ супругой пожаловали..ей—ей! И тоже, понимаете, не то, чтобы какъ нибудь принять, а понимаете—водки этой—чтобъ и духу ея не было—все мадера, да наливки тамъ разныя, да, сказываютъ, шампанскимъ раза два обносили, ну, словомъ—на убой!..

— Да полно-те салить,—съ грубымъ добродушіемъ оборвалъ его фабричный:—у самого слюнки текутъ, а намъ тошно... тьфу... Сказывай, къ чему рѣчь-то ведешь...

Артельщикъ улыбнулся и почесалъ за ухомъ. Мужиченко спокойно и сосредоточенно слушалъ. Мѣщанинишко сконфузился на минуту. Онъ дернулъ головой вверхъ, обвелъ всѣхъ слегка изумленнымъ взоромъ, словно его оторвали отъ пріятнаго сна, и продолжалъ:

— А вы не мѣшайте, господинъ, каждый по-своему говоритъ, вы этакъ, а я такъ, какъ кому способнѣе, понимаете... Такъ я, значитъ, да... про дяденьку это вамъ разсказываю... да... И вотъ, понимаете, пріѣдешь, къ нему подъ праздникъ,— все же свой человѣкъ, что тамъ ни говори, на родной теткѣ женатъ,—домъ у него, какъ я вамъ говорилъ,—и умирать не надо: тутъ зеркальце, на стѣнѣ архіерей виситъ, на окнѣ канарейки заливаются. Пойдетъ

онъ это богатство свое показывать, каждой вещи цѣну объявлять,— «все, говоритъ, трудомъ, кровью да потомъ нажито, а ты что?» Какъ что̀, говорю, дяденька, да я день деньской не покладаю рукъ... я по крайности, говорю, честный человѣкъ... «Велика, говоритъ онъ, штука, что ты честный человѣкъ безъ гроша въ карманѣ, нѣтъ, говоритъ, бѣдность честности не краситъ, а ты, говоритъ, и копейку зашиби, и чтобъ притомъ люди тебя за честнаго почитали, тогда съ честностью и попу-то за исповѣдь чѣмъ заплатить будетъ»... Нѣтъ, дяденька, говорю ему, лучше жъ я отъ Бога не отступлю, чѣмъ красть, понимаете, или грабить, а потомъ попасться, да передъ начальствомъ отвѣтъ держать...

— Кому захочется такое,—резонно замѣтилъ артельщикъ,—а только, скажу я вамъ, на все такой случай имѣть надо. Какъ ты, значитъ, потрафилъ, ино и ладно тебѣ: ѣшь, то-ись пей, веселись, все тебѣ, какъ изъ лукошка валиться будетъ. А ино не повезетъ тебѣ, такъ ты тутъ хоть ложись, да помирай отъ староанья своего да работы,—ничего; такъ, съ позволенія сказать, собакой и въ землю ляжешь на чужомъ дворѣ. Вотъ и я вамъ разскажу, коли слушать охота.

Всѣ придвинулись къ артельщику. Онъ отстегнулъ воротъ легонькаго армяка, переходившаго по покрою въ нѣмецкое пальто, сплюнулъ въ красный платокъ, задумчиво поглядѣлъ въ окно и началъ:

— Былъ, знаете, у насъ на селѣ кузнецъ Софронъ, а у него братъ былъ Дементій... А были мы сосѣдями: такъ наша изба, а тутъ евонина. И часто мы съ нимъ въ Москву ѣздили,—огороды у насъ, ну, и торговали по малости. Только много-ль наторгуешь такъ-то? Онъ и давай толковать: «развѣ это жизнь весь вѣкъ въ огородѣ копаться, да и то съ квасу на хлѣбъ!.. Нешто такъ на Москвѣ живутъ? Погляди, говоритъ, Ванька Давыдковскій въ швейцарахъ у господъ состоитъ, одного жалованья тридцать рублевъ въ мѣсяцъ, а чаевъ-то, чаевъ сколько! И Аѳонька, и Гришка—того такъ хозяинъ замѣсто себя на ярманку посылалъ, въ Нижній это... ну, сманилъ да и только... И сталъ я этакъ, съ позволенія вашего, задумчивый такой про себя: все думаю, какъ бы и мнѣ, то-ись, въ люди выйти, человѣкомъ зажить, не хуже иныхъ... Что жъ, думаю, голова на плечахъ тоже есть, и умишкомъ туды-сюды, не сказать, чтобъ и вовсе дуракъ былъ... За что жъ, думаю, другимъ и кусокъ въ ротъ не лѣзетъ, а я въ навозѣ тощимъ брюхомъ иной порой копаться долж̀онъ! Идемъ, Дементій, говорю ему,—Богъ не захочетъ, и свинья не съѣстъ! Передалъ я свою часть брату,—у него-жъ дѣти, справилъ у него одёженку, чтобы было въ чемъ на улицу показаться, а Дементій свою избу и вовсе продалъ за восемьдесятъ рублей. Ѣдемъ въ Москву. Онъ такой веселый, пѣсни поетъ дорогой, а мнѣ нерадостно что-то: какъ быть, куда повернуться, все думаю, а въ кар-

манѣ всего на всего три синенькихъ болтается. Извѣстно—не разживешься на это. Пріѣхали мы въ Москву, остановились на постояломъ дворѣ, нюхаемъ, ходимъ, разспрашиваемъ. Я все какъ бы помаленьку приступиться гдѣ случай выбираю, а Дементій—такъ тотъ сразу разбогатѣть норовитъ, все къ приказчикамъ, да къ хозяину постоялаго двора подъѣзжаетъ, то избу ему приберетъ, то овесъ, что у кормушки лошадь ѣмши просыпала, посмететъ, въ кучку соберетъ, продуетъ и въ мѣшечекъ отсыплетъ... Съ постояльцами смиренно бесѣдуетъ, а хмельного ни-ни... Гляжу я на Дементія и диву даюсь: откуда такое въ парнѣ взяться могло? Хозяинъ поглядѣлъ-поглядѣлъ, да и сталъ съ нимъ ласковъ и за постой не беретъ, то туда, то сюда посылаетъ, а разъ даже замѣсто себя за стойку допустилъ. А по немъ и мнѣ лафа: и я то дворъ подмету, то миски да ложки на кухнѣ перетру, и поѣмъ при этомъ, а самъ все нюхаю—вотъ какъ собака насчетъ съѣстного, да къ половому Василь Іонычу въ трактиръ, на Никольской, бѣгаю, все кланяюсь да ублажаю, все къ купечеству пристроить прошу. А Василь Іонычъ, надо вамъ доложить, изъ нашей же деревни землякомъ доводился, и я его допрежь того разовъ съ десятокъ ждалъ... Накланялся я ему — обѣщалъ Василь Іонычъ... Только, знаете вѣдь, обѣщаньями сытъ не будешь, вотъ я все живу да живу при постояломъ дворѣ, при Дементіи какъ бы съ подручнымъ состою... Было лѣто, и спали мы съ Дементіемъ на сѣновалѣ; вотъ я и сталъ замѣчать, что Дементій мой бѣгаетъ что-то по ночамъ, а днемъ, съ вашего позволенія, у него, насчетъ женскаго пола—извѣстно, парень молодой—незамѣтно было, да и первый сказалъ бы... Не чисто, думаю себѣ. Вотъ разъ, слышу, сквозь сонъ, скрипнула дверь. Гляжу—идетъ Дементій, пробирается, а самъ что-то въ ротъ суетъ да жуетъ... Эге, думаю.—Дементій, ты? окликаю его. Я, говоритъ, молчи только... Куда ты ходилъ?—А къ хозяиновой бабѣ, говоритъ, а самъ все жуетъ: эхъ, говоритъ, не зналъ я, что ты прочхнешься, а то и тебѣ бы потрескать чего принесъ. На голодное-то брюхо, чай, не спится... Съ тѣмъ и заснулъ... Ловкачъ! думаю себѣ...

— И точно ловкачъ! — подхватилъ мѣщанинишко, — малый не промахъ,—зналъ, стало быть, съ какой стороны подъѣхать надо...

— Ишь ты вѣдь... ахъ, ты...—воскликнулъ и фабричный, махнувъ рукой, и по его некрасивому лицу поплыла нехорошая улыбка.

Всѣ слушали артельщика съ любопытствомъ: фабричный съ видомъ полудремоты, полупрезрѣнія; мужиченко вдумчиво и серіозно, полунаклонивъ и вытянувъ въ сторону разсказчика свою голову; даже баба вышла изъ своего оцѣпенѣнія и съ живымъ участіемъ слѣдила за разсказомъ.

Ободренный всеобщимъ вниманіемъ, артельщикъ остановился на минуту, снялъ картузъ и провелъ платкомъ по потному лицу

и загорѣлой шеѣ. При послѣднихъ словахъ мѣщанинишко повернулся на мѣстѣ.

— Это что,—произнесъ онъ, зѣвая и щурясь,—то ли еще бываетъ... Но артельщикъ взглянулъ на него особымъ, мягкимъ взглядомъ, словно извиняясь въ томъ, что собирается перебить, и продолжалъ:

— А баба она, хозяинова супруга эта, совсѣмъ, можно сказать, была плевая баба, промежду насъ говоря. Толстая да рябая,—совсѣмъ мозглявая баба, тьфу... словно мухоморъ червивый, и вспоминать при другихъ не гоже.

— Такія бабы до молодыхъ парней очунь охочи,—замѣтилъ мѣщанинишко, — съ перекорму да съ пересытости долго гулять хочется: и спать ляжетъ—не спится, и ѣсть—не ѣстся, все объ одномъ думаетъ...

— Извѣстное дѣло... На другой день гляжу я на Дёмку, а онъ все, подлецъ, зубы скалитъ: «Молчи только, Ѳедька, говоритъ: и мнѣ, и тебѣ хорошо будетъ, подожди малость»... Да какъ ты это подцѣпилъ ее?—спрашиваю.—«Да что-жъ, видно, счастье мое»... И точно — счастье! Сталъ я его съ той поры дожидаться, какъ онъ, значитъ, отъ своей сударки придетъ, а онъ, сказать правду, паря добрый былъ, вотъ какъ сейчасъ помню,—и пироговъ принесетъ, и водочки, и огурчиковъ, — выпьемъ мы съ нимъ по махонькой, потому—остерегаемся, поѣдимъ и лежимъ себѣ и все про это самое счастье говоримъ, какъ оно къ кому обернется, кого наградитъ, а кого съ грязью смѣшаетъ. «Держать только надо—ухъ, какъ держать!—говоритъ Дементій:—того гляди, выскочитъ, не подберешь»... А хозяинъ какъ нарочно—его въ родѣ какъ бы сподручнымъ себѣ сдѣлалъ, и ключи отъ погребовъ и овса довѣряетъ, за мелкой получкой посылать началъ—мы грамотные съ нимъ, вмѣстѣ въ одной школѣ учились—чай съ нимъ пьетъ, и меня туда же зовутъ, ну, словомъ сказать, безъ Дементія никуда! Околдовалъ хозяина въ конецъ... А я все сижу да жду, да спрашиваю, авось и мнѣ какое положеніе выйдетъ... У хозяина работаю, тотъ не гонитъ, а все безъ настоящаго-то дѣла куда какъ скучно... А Дементій уже на жалованье поступилъ, сапоги бутылками справилъ, къ жилету цѣпочку повѣсилъ и самъ словно степеннѣе сталъ... Днемъ на свою сударку и не глядитъ, словно бы и не знаетъ ея вовсе, а самъ все больше за хозяиномъ увивается. «Дайте, молъ, Авксентій Ильичъ, я вамъ то да это сдѣлаю, тутъ аль тамъ помогу»... Обошелъ совсѣмъ его, а онъ, хозяинъ-то, ужъ куда какой жохъ былъ, самъ всякаго обойдетъ и объѣдетъ. Разъ такой случай вышелъ. Подвыпилъ это Авксентій Ильичъ на именинахъ супруги, захотѣлось ему по пьяному дѣлу покуражиться. Схватилъ онъ при всей компаніи Дементія за чубъ, давай его изъ стороны въ сторону поваживать, а самъ приговариваетъ: «Почитаешь ли ты меня, такой-

сякой, пуще родимаго отца своего?». «Почитаю, говоритъ, почитаю, по вѣкъ жисти помнить буду», а у самого такъ слезы и сыплются... Оттаскалъ онъ Дементія за чубъ, отпустилъ, а тотъ еще и въ ноги кланяется: «спасибо, молъ, дяденька Авксентій Ильичъ, за науку»...

— Хитрющій, надо быть, парень былъ, — замѣтилъ, лукаво усмѣхнувшись, фабричный.

— Что и говорить! Я только диву даюсь: откуда, молъ, въ парнѣ берется такое? Вотъ, думаю, у кого уму-разуму поучиться надо. Ну, ладно... Въ скорости прибѣгаетъ ко мнѣ мальченко: «Иди, говоритъ Василь Іонычъ тебя кличетъ, мѣсто тебѣ выходитъ»... Ну, я, извѣстно, отъ радости самъ не свой, надѣлъ поддёвку, волосы примочилъ, бѣгу. Прихожу въ трактиръ, Василь Іоныча спрашиваю. Выходитъ. «Ну, говоритъ, Ѳедоръ, благодари Бога да давай синенькую на расходы, — мѣсто тебѣ есть. Иди за мной, да не бойся»... Отдалъ я ему синенькую, самъ иду за нимъ и молитвы своему угоднику читаю. Приходимъ въ отдѣльную комнату, а тамъ купецъ сидитъ, толстый да видный такой. Поглядѣлъ на меня, а у меня, съ позволенія сказать, и духъ сперло, «Тотъ самый?»—спрашиваетъ у Іоныча. «Тотъ самый, ваше степенство»,—говоритъ ему Іонычъ, а самъ этакъ салфеточкой помахиваетъ, да на купца такъ, понимаете, умилительно поглядываетъ, словно вотъ-вотъ въ душу вскочить къ нему хочетъ. «Грамотный?»—«Что замерзъ? Тебя спрашиваютъ!» ко мнѣ, то есть...—Грамотный, говорю, а самъ отъ страха все на Іоныча поглядываю. «Насчетъ его, ваше степенство, будьте безъ сумлѣнія, парень трезвый и честный, я его вотъ этакимъ махонькимъ зналъ; чтобы вина тамъ или чего этакого—ни-ни! духу боится!»... Это Іонычъ-то все ему поетъ, а купецъ смѣется. «Ладно, говоритъ, не икона — не расписывай, тамъ видно будетъ. Не дуракъ, — говоритъ, такъ самъ за свое счастье руками ухватится».

— Ишь ты! Знатный купецъ былъ!—вырвалось у мѣщанинишки, у котораго глаза такъ и горѣли завистливымъ восторгомъ.—Дворянину такъ не сказать...

— Сравнялъ тоже! извѣстно—купецъ! ему все сказать, да не то, что сказать—а сдѣлать можно, потому—мошна съ верхомъ—за все заплатить можетъ,—неожиданно проговорилъ какой-то бородачъ, по манерамъ кучеръ, на минутку остановившійся въ проходѣ и прислушавшійся къ разговору.—Нонѣшній дворянинъ—ровно бы волкъ подъ крещенье: въ брюхѣ пусто, а фанаберіи на весь лѣсъ...

Артельщикъ снисходительно улыбнулся:

— Ну, словомъ сказать, опредѣлилъ онъ меня въ Нижній при дѣлѣ состоять. Тутъ я всю эту науку произошелъ и все объ хозяйскомъ интересѣ старался: отправить ли, купить, аль продать,—себя, надо сказать, забывалъ, а все объ хозяинѣ думалъ, какъ бы ему угодить. А сами чай знаете: рыба штука деликатная, чуть что—и душкомъ отдаетъ, а покупателю тоже съ головой, вѣдь, свѣженькой подавай, ему нѣтъ

дѣла до хозяйскихъ убытковъ... Вотъ тутъ и ломай голову, старайся, чтобы по старанію твоему, и покупатель доволенъ остался, и хозяйскій товаръ не пропалъ. Опять же и съ икрой... Оно извѣстно: свѣжій товаръ сбыть не трудно, это и махонькій ребенокъ сдѣлаетъ, а вотъ прогульное да полежалое свѣжимъ обратить — это, скажу я вамъ, хитрая штука, цѣлую, съ вашего позволенія, процессію сдѣлать надо. Ну, ладно. Пріѣхалъ спустя времени хозяинъ, а приказчикъ нашъ мной и не нахвалится: «такой, говоритъ, парень, такой... ну, словомъ, лучше не надо»... Хозяинъ меня хвалилъ: «старайся, говоритъ, облагодѣтельствую», и жалованіе вдвое противъ прежняго положилъ. Уѣхалъ, а тесть мой,—приказчикъ, то-есть, потому я на его дочери, Евлаліи Петровнѣ, послѣ женился,—этакъ ласково сталъ на меня поглядывать, да пить чай съ собой приглашать. Ну, служилъ я такъ года четыре, аль пять, тутъ и женился значитъ, семья пошла, живемъ тихо да скромно, въ церковь ходимъ, нищимъ подаемъ, все, то-есть, чтобы отъ людей не отставать,—какъ вдругъ хозяинъ-то нашъ на ярманкѣ возьми и умри. Сказываютъ—отъ удара, выпимши сильно были, а комплекціи были они, съ вашего позволенія, прямо знаменитой... сказываютъ и другое—при женскомъ полѣ въ тѣ минуты они состояли, а какъ были они при деньгахъ, тутъ извѣстно всякое случиться могло... Ну, однимъ словомъ, молодой хозяинъ изъ Москвы пріѣхалъ, дѣло принялъ, все осмотрѣлъ, всѣмъ распорядился. Тутъ я все время у него на глазахъ былъ,—извѣстно, человѣкъ молодой, въ Нижнемъ допрежъ того всего разъ былъ, а я отъ него не отхожу, и тесть тоже, другихъ не допускаемъ, смотримъ, чтобы быть ему ежели безъ насъ, такъ словно бы и безъ рукъ. Такъ оно и вышло. Не прошло недѣли, а онъ уже безъ меня и обходиться не можетъ. Какъ что,—сейчасъ Өедора Петровича, меня то-есть, кличетъ: «онъ уже, говоритъ, разберетъ»... Повезли тятеньку въ Москву хоронить, и богатыя же, скажу вамъ, похороны были! Новый хозяинъ и меня взялъ, да тамъ и оставилъ—къ амбару опредѣлилъ... Слава Богу, ничего,—жаловаться не можемъ, живемъ помаленьку, про черный день тоже думаемъ.

— Безъ этого нельзя-жъ,—замѣтилъ мѣщанинишка:—умный человѣкъ не однимъ нынѣшнимъ днемъ живетъ, а и объ завтра думаетъ. На Бога надѣйся, а и самъ, братъ, не плошай...

III.

— Ну, ладно, — продолжалъ разговорившійся артельщикъ. — Пріѣхали мы въ Москву, значитъ... зажили. Живемъ смирно, сыто, и самоварчикъ у насъ, почитай, со стола не сходитъ; праздникъ подойдетъ — и его встрѣтимъ — и пирожкомъ, и тѣмъ, и другимъ,

совсѣмъ, какъ люди... Да... а объ Дементіи я и позабылъ, какъ въ Нижній уѣхалъ. Слышалъ только отъ земляка, что Дементій въ силу вошелъ и постоялый дворъ къ рукамъ прибралъ, а Авксентія Ильича такъ они съ бабой скрутили, что тотъ совсѣмъ смирный, какъ теленокъ, съ позволенія вашего, сталъ... Ѣстъ, пьетъ и все молчитъ, да про себя въ землю глядитъ: чудной такой сталъ, сказываютъ...

— Ловко скрутили,—промямлилъ фабричный, досталъ изъ кармана щепотку табаку и лоскутокъ бумаги и медленно сталъ свертывать папиросу.

— Хотѣлъ я навѣстить его спервоначала, какъ пріѣхалъ въ Москву, да все недосугъ было. Прошло съ полгода. Иду я какъ-то Хитровымъ рынкомъ на Солянку... Иду я... а вы Хитровъ рынокъ-то знать изволите?—неожиданно обратился артельщикъ къ мѣщанину.

— Какъ не знать! Кто его не знаетъ!—замоталъ тотъ головой:— золотая рота, голь бездомная...

— Ну, вотъ. Иду я, а передо мной прохвость да мерзость всякаго рода, вонючія бабы-пошлёпухи... тьфу! И думаю себѣ: Господи, Боже мой! И до чего человѣкъ дойти можетъ, когда самъ въ себѣ забудется. Ѣдятъ они, съ позволенія вашего, такое, чего никакой песъ ѣсть не можетъ, отъ водки этой самой морды раздутыя, одёженка такая, что тѣло видать. А все сами виноваты: не хочешь работать, живи по-собачьи... Только гляжу—подходитъ ко мнѣ оборванецъ, лицо будто знакомое. «Ѳедоръ Петровичъ!» говоритъ. Гляжу я и самъ себѣ не вѣрю.—Дементій, ты!?—«Я,—говоритъ:— привелъ-таки Богъ свидѣться»...

— Да что вы? Онъ самый!?—воскликнулъ мѣщанинишко, всплеснувъ руками.

— Онъ самый. Черный такой сталъ и мутный съ лица, постарѣлъ на десять лѣтъ. Кафтанишка на немъ платаный и перепластаный, на ногахъ — одинъ сапогъ да одна калоша, и смѣшно, и жалостно глядѣть. Что ты это,—спрашиваю:—не заладило?—«Не судьба, говоритъ, сорвалось... Теперь мнѣ одна дорога... Да что тутъ разговаривать, говоритъ, пойдемъ въ полпивную, тамъ и покалякаемъ»... Подумалъ, подумалъ я — неладно съ золоторотцемъ въ полпивную итти: и себя вѣдь тоже, съ позволенія вашего, сохранять нужно. Хотѣлъ домой позвать его... А что, думаю, моя Евлалія Петровна скажетъ? Хорошихъ, скажетъ, пріятелевъ себѣ завелъ!.. Нѣтъ, говорю, недосугъ мнѣ, Дементій Иванычъ, въ полпивную теперь съ тобой итти: за дѣломъ посланъ. Ужъ лучше въ другой разъ какъ нибудь, авось приведетъ Богъ встрѣтиться... Далъ ему отъ себя гривенничекъ—выпей, говорю, за мое здоровье, потому не забылъ я тебя. Вѣрите—не хотѣлъ брать. «Я, говоритъ, не къ тому, Ѳедоръ Петровичъ».—Знаю, что ты не къ тому, а все же гривеннички-то на улицѣ не валяются... Насилу уломалъ...

Стоимъ мы съ нимъ, разговариваемъ,—и самому мнѣ не вѣрится, чтобы Дементій этакъ счастье свое упустилъ. Скажи ты на милость, спрашиваю его, какъ этакое приключилось съ тобой? ума не приложу... «Да что приключилось—одно слово не судьба. Чай помнишь Авксентія Ильича? ну, и бабу его, Настасью Ивановну, то-ись?»—Какъ не помнить, не такъ давно, чаи, было... «Ну, вотъ... жили мы, можетъ, слыхалъ, не то что ладно, а прямо сказать, душа въ душу... Ну, и Авксентію Ильичу... того... тоже, говоритъ, хорошо было, не то, чтобы что, а какъ бы, сказать, и впрямь хозяиномъ былъ, и тепло ему, и сытно; а его дѣло все на мнѣ лежитъ, и такая была мнѣ во всемъ удача, что и не разсказать, говоритъ... Да не попритчило... Баба его, Настасья Ивановна, то-ись, люта была, какъ я ее терпѣлъ только, говоритъ. Стала она приставать ко мнѣ: изведу да изведу его, говоритъ,—это Авксентія-то Ильича! почто живетъ, говоритъ, ясенъ свѣтъ въ оченькахъ мутитъ... И опротивѣла же она съ той минуты мнѣ, глядѣть не могу на нее. Что ты, дура! говорю ей: аль забыла, что за это полагается? И костей, дура, не соберешь, какъ по Владимiркѣ погонятъ»...

— Ахъ, ужъ и проклятая же баба,—перебилъ фабричный,—что выдумала...

— Онѣ еще и не то выдумаютъ,—подхватилъ мѣщанинишко,—отъ этихъ бабъ, скажу я такъ, вся вѣдь бѣда на землѣ пошла... Извѣстно, грѣхомъ баба мазана...

— Ну, ты тоже не медомъ, соколикъ,—отгрызнулась молчавшая до того времени баба.—Изъ вашего брата тожъ на однымъ зайцѣ по два волка сидятъ.

— Изъ нашего брата тоже съ перцемъ бываютъ,—добродушно согласился мѣщанинишко,—а что до бабъ, то это—вы уже не осерчайте—онѣ завсегда первыя грѣховодницы бываютъ... За перебивку прощенья просимъ,—отнесся онъ къ артельщику, очевидно попавъ въ струю хорошаго тона.

— Ну, словомъ сказать,—продолжалъ Ѳедоръ Петровичъ, вынувъ гребешокъ изъ бокового кармана и расчесывая небольшую русую бородку и усы,—онъ ей, сударкѣ своей, запрещалъ, а она все свое да свое. Развѣ такую бабу уймешь? Что она ему постылѣй становится, тѣмъ онъ ей милѣй да милѣй. И вотъ, говоритъ Дементій, жили мы, жили, а тутъ вдругъ Авксентій Ильичъ занемогъ: чтò у него—и понять не можемъ; поболѣлъ, поболѣлъ, да и померъ...

— Уходила таки, проклятая...

— Уходила... Какъ померъ это Авксентій Ильичъ, такъ я, говоритъ Дементій, и на Божій свѣтъ глядѣть не могу. Такая тоска, говоритъ, такое навожденіе нашло, что я, говоритъ, хожу только да думаю, чтобы, то-есть, какъ тамъ никакъ жисти рѣшиться, потому, говоритъ, силы моей нѣтъ: въ очахъ тёмно, ноги, руки тря-

сутся, а какъ куда въ темный уголъ поглядишь, такъ тамъ все его—покойника-то вижу... И вѣдь не я, говоритъ, сдѣлалъ это и, видитъ Богъ, не хотѣлъ, а все, будто я, выходитъ... Подошла, говоритъ, ко мнѣ баба-то: «Что ты, говоритъ, касатикъ, таково смутенъ ходишь?» Какъ вскинусь я на нее: «отойди, анаѳема, убью, говорю, какъ ты его убила»...

— Это въ ёмъ совѣсть, значитъ, была,—сказала баба.

— Извѣстно, совѣсть... «Тутъ я, — говоритъ Дементій, — незнамо какъ о водкѣ подумалъ. Выпилъ стаканъ, другой, полегчало словно, и сталъ я тутъ пить: день, говоритъ, пью, другой — пью, третій пью, а тамъ, говоритъ, и не помню: очнулся я уже за рѣшеткой, въ острогѣ, то-ись. Ну, судили»... Дементій и вину на себя бралъ: всему этому дѣлу я, говоритъ, затѣйщикъ, да не повѣрили: бабу услали, куда и Макаръ телятъ не гонялъ, а Дементій въ острогѣ годъ высидѣлъ...

IV.

Наступила пауза. Слушатели задумались на минуту. Говоръ въ вагонѣ нѣсколько поутихъ; кто спалъ, прикорнувъ въ уголкѣ, кто задумчиво глядѣлъ въ окно на мчавшіяся мимо поля и рощи. Вошелъ кондукторъ и сталъ отбирать билеты. Артельщикъ съ достоинствомъ досталъ билетъ изъ сумки и протянулъ кондуктору. Баба засуетилась и не могла сразу отыскать свой.

— Вотъ вамъ-съ,—съ ужимочкой потянулся въ это время къ кондуктору мѣщанинъ:—не безъ билета-съ, потому безъ билета нельзя, начальство не допущаетъ, хе-хе...

— Да, безъ билета мы не можемъ возить, — солидно отвѣтилъ ему кондукторъ,— потому какъ намъ тоже это стоитъ... везти-то васъ, какъ полагаете? Задаромъ и извозчикъ не повезетъ... Вашъ билетъ? Куда ѣдете?—офиціально обратился онъ къ бабѣ.

— Тутъ былъ ёнъ... ахъ, прахъ его... волновалась баба, шаря вокругъ себя.

— Поскорѣй, намъ некогда...

— А ты пожди малость, не горитъ у тебя, чай,—обратился къ нему мужиченко.

Кондукторъ внушительно взглянулъ на него.

— Это у тебя не горитъ, видно, а у насъ, братъ, должно горѣть — служба! Васъ много вѣдь, а мы одни на всѣхъ васъ... Понялъ?

— Да, вотъ онъ, во, нашла, — обрадовалась баба, и съ испуганнымъ выраженіемъ лица подала затерявшійся было билетъ.

Когда «начальство» удалилось, разговоръ возобновился.

— Бабѣ, туда ей и надо, а парня жаль, хорошій былъ парень, — первымъ заговорилъ мѣщанинъ.

— Дуракъ, должно быть, парень-то былъ,—началъ фабричный:— былъ бы умный, не сталъ бы на себя поклепъ взводить да зря въ острогъ лѣзть.

— Совѣсть въ ёмъ была, — повторила баба.

— Совѣсть! Какая въ немъ совѣсть, когда не онъ виноватъ! Еще ежели бы онъ, такъ и то—хорони концы въ воду, на то тебѣ и умъ даденъ. Ежели жить такъ, то никакой тебѣ свободы ни въ чемъ, ты словно по стрункѣ ходишь, каждаго куста боишься, такъ тутъ и ума никакого не надо: этакъ-то и слѣпой проживетъ. Опять же и баба... Какъ взялъ ты власть надъ нею, видишь, что она къ тебѣ смолой липнетъ, отстать не можетъ, такъ ты, чуть что, дуй ее, бѣсову кочергу, по чемъ попало, дуй ее и за что и ни за что, отъ того баба только здоровья наживаетъ...

— Не дай Богъ тебѣ такого здоровья, касатикъ, — сдержанно замѣтила баба, и въ голосѣ ея зазвучали нотки глубоко оскорбленнаго чувства. Лицо ея, сохранявшее еще слѣды недавней красоты, но теперь помятое житейской борьбой и безысходнымъ страданьемъ, дрогнуло, и по щекѣ, какъ мнѣ показалось, покатилась слеза. Очевидно, фабричный задѣлъ ее за живое, коснулся самаго больного мѣста ея души. — Кабы тебя, касатикъ, на одинъ годъ въ нашу шкуру запрячь, поглядѣла-бъ я, какъ бы ты тогда говорить сталъ...

Фабричный усмѣхнулся только и сдѣлалъ презрительный жестъ.

— Конечно, супротивъ этого кто говорить будетъ, — сказалъ мѣщанинишко:—разныя бабы бываютъ, какъ и изъ нашего брата тоже не всякаго тетерева разберешь... А только эфту самую бабу, што мужа своего, супруга богоданнаго, отравила, какъ вы сказывали, ее не то, что сослать тамъ куды, а прямо съ живой шкуру спустить надо, на куски ее, подлянку, изрѣзать надо...

— И свою душу погубить,— тихо, но выразительно сказалъ мужиченко, до этого совсѣмъ не принимавшій участія въ разговорѣ. Я замѣтилъ только, что онъ все время внимательно прислушивался, опустивъ глаза.

Всѣ обратились къ нему...

— То-ись, какъ это?—забормоталъ опѣшившій ревнитель строгихъ мѣръ и надвинулъ на щеку съѣхавшій было платокъ.

— А такъ, какъ люди души свои погубляютъ, когда человѣкъ звѣря въ себѣ побороть не можетъ. Въ одномъ человѣкѣ этого звѣря много, а въ другомъ мало, да и то безсильный онъ совсѣмъ, къ примѣру сказать. Онъ-то душеньку нашу и ѣстъ, звѣрь-то этотъ, и человѣкъ ни водкой его не зальетъ, ни похотью не ублажитъ. И всякій гной и нечистоту всякую въ душѣ твоей этотъ звѣрь подбираетъ, и то ѣстъ, и сытъ отъ того бываетъ...

— Невдомекъ намъ это, что вы теперича говорите намъ,— сказалъ, усмѣхнувшись, мѣщанинишко.—Не то, чтобъ и совсѣмъ дураки мы были, а только... невдомекъ говорю... Когда касательно,

что насчетъ бабы, то вѣдь она же убивица, человѣка отравила... Убила она аль нѣтъ?

— Ну, убила...

— Такъ, по-нашему,—онъ кивнулъ на фабричнаго,—и ее убить, стерву, надо, чтобы, значитъ, и духу ея не было на землѣ. Ты, подлая душа, убила, и тебѣ смерть. Судили! нешто такъ ее судить надо? Человѣку-то не жить уже больше...

— Ну, и выходитъ око за око, а зубъ за зубъ... да, видно, забылъ ты, человѣче, что такъ жиды говорили, а Христосъ иное говорилъ...

— Христосъ, извѣстно, что говорилъ... Я отъ него не отступаюсь... Да только, если жить по Христу, такъ отъ человѣка мало что на землѣ останется, всѣ живые на небо пойдемъ... На то человѣка и согрѣшить Богъ попустилъ, чтобы онъ не забылъ Его, въ церковь ходилъ, грѣхи отмаливалъ... Вонъ оно выходитъ, какъ мы давеча говорили: Писаніе для святыхъ писано, а не для насъ, грѣшныхъ...

— А я такъ смекаю тàкъ, съ вашего позволенія,—перебилъ его артельщикъ,—скажемъ—Богъ... Кто отъ Бога отступится? Рази антихристъ какой или нечисть поганая... вотъ татаринъ хотя бы, халатникъ какой нибудь, и у того свой Богъ есть, Ала прозывается, и жидъ, и черкесъ—у всѣхъ Богъ есть, и нѣтъ, сказываютъ, такого народа, у котораго Бога бы не было... На него забывать большой грѣхъ: все отъ него имѣемъ, достаточекъ какой, человѣка хорошаго встрѣтишь, добро тебѣ кто сотворитъ, все отъ Него, милосердаго, всякое благоутробіе и благораствореніе воздуховъ... И потому живи по-Божьему, ходи въ церковь, Писаніе слушай, нищимъ подавай, посты содержи строго, и Богъ не оставитъ тебя своими милостями...

Артельщикъ произнесъ эти слова умиленно-наставительнымъ тономъ человѣка, считающаго себя во смиреніи своемъ образцовымъ, и оглядѣлся.

— Такъ, такъ, истинно такъ,—подхватилъ мѣщанинишко:—и я говорю то же самое...

Баба взглянула на артельщика восторженными глазами, глубоко вздохнула, и еще ниже поникла головой. Опять лицо ея дрогнуло, и нижняя губа какъ-то нервно подобралась: тяжелое горе, видно, давно уже давившее грудь, такъ и просилось наружу. Чтобы скрыть охватившее ее волненіе, а, можетъ быть, и невольную слезу, она наклонилась къ ребенку, просунула руку подъ платокъ и стала гладить его по головѣ.

— Ты все милостей отъ Бога просишь,—заговорилъ мужиченко, повернувшись къ артельщику,—а объ томъ не думаешь, какъ ты свою жизнь понимать должонъ... Ты думаешь: работаю я, семью содержу, по ночамъ не краду, чужихъ женъ не трогаю,—инъ и довольно съ

меня! Хорошо тебѣ, ты въ святые сейчасъ ужъ и записался!.. А поглядѣлъ бы я на тебя... какъ бы ты честность свою уберегъ, если-бъ не потрафило тебѣ, ну, тамъ полового этого самаго не было бы у тебя свояка, или купцу не пондравился... да оженился, дѣти пищатъ, баба воемъ воетъ, въ избѣ не топлено... вотъ ты когда честность свою сбереги! Приди къ бабѣ да скажи: слушай, молъ, Марья тамъ или Авдотья, какъ тебя,—помирать будемъ, и я съ вами помру, и дѣтёнки тоже... вотъ тутъ лягу да помру, а не пойду красть али темною ночью грабить...

— Что разговаривать-то! Сами знаемъ, чай бѣдныхъ людей сотнями на день видаемъ,—грубо отозвался артельщикъ.—А только кто-жъ этакое скажетъ женѣ да дѣтямъ: помирайте, молъ, съ голода, какъ собаки! У всякаго сердце, чай, есть, какой онъ ни пропади-человѣкъ...

— Ни Боже мой! не скажетъ, никогда не скажетъ!—какъ-то взвизгнулъ мѣщанинъ и всѣмъ своимъ худымъ тѣломъ привскочилъ на скамьѣ.

— Вонъ видишь, самъ говоришь—сердце есть, стало украдетъ... съ нужды, съ неволи украдетъ у того, у кого много... Ну, а лучше дѣлаютъ тѣ, что семью въ холодной темной избѣ не жрамши покинутъ, а сами въ теплый трактиръ заберутся, да и сидятъ тамъ, пьютъ, когда поднесутъ, и такъ-сякъ сами кормятся, а о работѣ— пропади она пропадомъ—и слышать не хотятъ?!.. А мало-ль такого народу, знаешь самъ... А пойдетъ баба гулять съ нужды да съ неволи, такъ онъ еще къ ней примостится: корми его, окаяннаго, а не то такъ и совсѣмъ выгонитъ,—гулящая, дескать, она, намъ такихъ не надобно... А того и не думаетъ, что и гулящая-то она черезъ него, что живи онъ по-божьи, и она не гулящая была бы, а честная мужняя жена... скажи, коли не такъ говорю я!..

Мужиченко говорилъ съ убѣжденіемъ, все болѣе и болѣе оживляясь и повышая голосъ. Вокругъ него образовалась кучка, и дальніе высовывали головы, стараясь вслушаться въ то, что онъ говорилъ.

— Такъ-то такъ, да ежели жить, какъ ты говоришь, такъ это помереть надо...

Артельщикъ былъ нѣсколько сконфуженъ: онъ поглядывалъ по сторонамъ и былъ, видимо, не прочь перемѣнить разговоръ.

— Вотъ потому-то Писаніе и говоритъ: раздай имѣніе твое, а тамъ и будетъ видно, каковъ ты есть человѣкъ. А при богачествѣ твоемъ, какой прокъ съ твоей честности? Ты вотъ думаешь, что по Писанію живешь... Нешто по Писанію этого парня, Дементія, что-ль тамъ, отпихнуть отъ себя надо было? Тебѣ бы изъ бѣды его выручить, на ноги поставить, а ты гривенничкомъ отъ него отдѣлался! А были вы голые оба да голодные, онъ тебѣ пироги свои отдавалъ, ты же самъ сказывалъ... Видно, и точно добрая была душа...

— А зачѣмъ до этого себя допустилъ, чтобы золоторотцемъ, значитъ, сдѣлаться? Человѣкъ завсегда въ строгости себя содержать долженъ, всякъ за себя отвѣчай...

— Зачѣмъ съ чужой женой спутался?—запальчиво спросилъ мѣщанинъ.—Да и мужа-то не безъ его вѣдома баба отравила, — нечего анделомъ небеснымъ прикидываться... Съ бабой бы заодно его на каторгу.

— Съ его ли тамъ вѣдома, нѣтъ ли, про то одинъ Богъ ясно вѣдаетъ, а только, какъ онъ про него разсказывалъ, не похоже это... А что съ бабой спутался, такъ вѣдь за то же онъ и муку терпитъ, — развѣ это жисть въ золоторотцахъ? Вотъ онъ и въ острогѣ за это сидѣлъ, отсудили значитъ, а теперь онъ и вовсе душу погубитъ... А ты-бъ его, можетъ, еще и спасти могъ...

— Оттуда не вытащишь, съ Хитрова-то,—увѣренно заявилъ мѣщанинъ.

— Да вѣдь ты не пробовалъ вытащить-то его?

— А ты пробовалъ?—ядовито спросилъ, повернувшись къ нему, артельщикъ.

— Не про меня рѣчь, человѣче... про себя сказывать начну, тогда и спрашивай.

Эти слова онъ произнесъ какъ-то глухо, голосъ его сразу осѣкся. Онъ опомнился и оробѣлъ. Артельщикъ воспользовался этимъ впечатлѣніемъ и, уже не стѣсняясь, грубо повысилъ тонъ:

— Пошто мнѣ тебя спрашивать: ты себя знаешь, а я себя. Выйдемъ въ Сергіевѣ, и поминай какъ звали, и не увидимся вовсе...

— Да вѣдь я къ слову...

— То-то къ слову! А и къ слову, такъ тоже не со всякимъ словомъ въ компанію заходи... Видишь, люди промежду себя честно да благородно разговариваютъ, хошь слушать — слушай, а не хошь—отвернись къ окошечку, столбики посчитай... Это ничего, это и начальство дозволяетъ...

Артельщикъ самодовольно оглянулся. Мужиченко ему не отвѣчалъ. Въ толпѣ послышались одобрительные возгласы.

— Ужъ это, знаете, какъ говорятъ: хочешь попомъ быть, надѣнь ризу,—подхватилъ мѣщанинишко, криво улыбаясь своимъ перекошеннымъ отъ раздувшейся щеки лицомъ.—Потому: безъ ризы какъ тебя опознать?

— А и попъ, — вставилъ отъ себя молчавшій долгое время фабричный, — такъ и тово... не каждое воскресенье слушать охота...

Мѣщанинъ хихикнулъ.

— Совсѣмъ даже вѣрно, какъ вы сказали... Это ужъ извѣстно... Еще, къ примѣру сказать, такого человѣка... такого, понимаете, что въ обществѣ не подходящее говоритъ, фуфырой иной разъ прозовутъ, да такъ изъ фуфыръ его никто и не произведетъ... Куда ни приди—фуфыра да фуфыра, и ребятъ еще въ фуфырята запишутъ...

Фабричный презрительно сплюнулъ себѣ подъ ноги: артельщикъ, давно уже утратившій самодовольно-учтивое выраженіе своего простого и умнаго лица, продолжалъ хмуриться, исподлобья переводя глаза отъ окна къ собесѣдникамъ. Только баба раза два особенно участливо взглянула на смутившагося мужичка.

— Не обидѣть я васъ хотѣлъ, — произнесъ онъ, понизивъ голосъ и не обращая вниманія на замѣчаніе мѣщанина: — а такъ... вотъ вы насчетъ Писанія говорить начали... живемъ, молъ, мы по Писанію... я и думалъ... гордыня это въ васъ говоритъ, грѣхъ одинъ...

— Грѣхъ!—злобно усмѣхнулся артельщикъ:—а ты-то праведникъ, что-ль?

— Не праведникъ я, грѣшнѣй васъ, можетъ... А на Писаніи всѣ мы не стоимъ, не живемъ по Писанію, значитъ... А что сказалъ я... простите на глупомъ словѣ, коли обидѣлъ... видитъ Богъ— не хотѣлъ.

Поѣздъ подходилъ къ станціи. Въ вагонѣ началось движеніе и сборы.

— То-то не хотѣлъ, — произнесъ артельщикъ и взглянулъ въ окно.—Не говори въ другой разъ, такъ и прощать не на чемъ будетъ!.. Никакъ пріѣхали, слава тебѣ, Господи!.. и артельщикъ торопливо перекрестился, всталъ и направился къ выходу, придерживая сумку рукой. За нимъ поспѣшно всталъ мѣщанинъ и, доставая съ полки порыжѣлый кожаный чемоданъ, толкнулъ ногой спавшаго ребенка; онъ проснулся и началъ жалобно всхлипывать. Баба съ какой-то тупой покорностью взглянула на мѣщанина и взяла ребенка на руки.

— Никакъ зашибъ?—заботливо отнесся къ ней фабричный, и какое-то доброе человѣческое чувство шевельнулось у него въ глазахъ.

— А то что-жъ? Лѣзетъ медвѣдемъ... извѣстно, зашибъ. Не плачь, не плачь, дѣточка, пріѣдемъ, дядька встрѣчать будетъ, на савраскѣ поѣдемъ... скоро, скоро поѣдемъ, савраска побѣжитъ, а мы его кнутикомъ, кнутикомъ... а?

— Мамка, ѣсть хочу,—сквозь слезы тоненькимъ голоскомъ залепеталъ мальчикъ.

— И ѣсть будемъ, все будемъ... погоди ужо...

— Ничего, пройдетъ, бабонька,—отозвался мѣщанинъ изъ прохода, гдѣ скопилась цѣлая толпа мужиковъ и бабъ съ узлами и котомками въ рукахъ и на плечахъ. — Пройдетъ, еще веселѣй будетъ... Эхъ, недосугъ, жаль, а то бы пряникъ купилъ, пѣтушкомъ или коникомъ, право, купилъ бы... А ты пожди, можетъ, еще сустрѣнемся, тогда безпремѣнно куплю.

— Ты бы, касатикъ, лучше мази какой купилъ да щечку свою подправилъ: вишь, какъ ее у тебя вздуло — глядѣть негоже, не плюнувши! — огрызнулась баба.

Кругомъ захохотали.

— Ай да, баба! ее не трожь, завсегда что нибудь этакое тебѣ отвѣтитъ...

— Эхъ ты... скрипучая...— проворчалъ сконфуженный обладатель раздутой щеки, пробираясь къ дверямъ и видимо стараясь укрыться отъ насмѣшливыхъ взоровъ.

Наконецъ, поѣздъ остановился. Большинство ѣхало до Сергіева. Подождавъ, пока вышла изъ вагона столпившаяся въ проходѣ толпа, тронулись и мы. Фабричный взялся вынести бабѣ ея большой и тяжелый узелъ, за нимъ вышелъ я, за мной баба съ ребенкомъ, а за нею, съ небольшимъ мѣшкомъ черезъ плечо, съ прежнимъ добродушно-серіознымъ выраженіемъ лица, показался мужиченко.

На платформѣ бабу встрѣтилъ невысокаго роста, худенькій, съ рыжеватой бородой, парень лѣтъ двадцати. Онъ улыбнулся ей какой-то угрюмой улыбкой и взялъ отъ фабричнаго узелъ.

— Ну, что? — спросилъ онъ вмѣсто всякаго привѣтствія.

— Да, что — ничего.

— Была?

— Была.

— Видѣла?

— Видѣла.

— Ну, и что?

— Да что? Моченьки моей, говоритъ, нѣтъ, истомился я, вотъ что...

— А долго-ль сидѣть-то, не спрашивала?

— А кто ё знаетъ! Нешто тамъ скажутъ? Ну, пойдемъ...

И, не спуская мальчика съ рукъ, она направилась къ боковому выходу съ платформы. Парень привычнымъ движеніемъ взвалилъ узелъ на плечи и медленно, развалистой походкой, поплелся за нею.

Въ воздухѣ было все еще жарко и пыльно. Изъ-за извозчичьяго крика и паровозныхъ свистковъ доносились мѣрные и гулкіе удары колоколовъ лавры; церковные купола искрились на солнцѣ. Я нанялъ извозчика въ монастырскую гостиницу. Дорогой я обогналъ хмураго мужичка, моего недавняго сосѣда. Онъ шелъ съ другимъ какимъ-то, высокаго роста мужикомъ, который размахивалъ руками и, казалось, что-то внушительно говорилъ ему, убѣждалъ, но собесѣдникъ, видимо, не уступалъ и горячился. Я обмѣнялся съ нимъ тѣмъ взглядомъ, какимъ обыкновенно обмѣниваются люди, вторично встрѣтившіеся послѣ недавняго свиданія, и мысленно простился съ нимъ.

Блаженни чистіи сердцемъ, подумалъ я, теряя его изъ вида и унося въ душѣ впечатлѣніе трогательной простоты и ясности и вмѣстѣ томительной, безотчетной грусти...

Евг. Ляцкій.

РУССКІЙ ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРЪ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА РАДЖИ ЛОМБОКСКАГО.

(Эпизодъ изъ недавняго прошлаго Нидерландской Индіи).

БШИРНАЯ колоніальная имперія голландцевъ въ Индомалайскомъ архипелагѣ, съ приблизительнымъ населеніемъ въ 40 милліоновъ душъ, занимаетъ подъ именемъ Нидерландской Остъ-Индіи, или Инсулинды, пространство между 6° сѣверной и 10° южной широты и тянется отъ 95-ой до 160-ой параллели.

Голландцы совершенно и вполнѣ, во всѣхъ ея самыхъ отдаленныхъ уголкахъ, колонизировали и ассимилировали до сего дня, собственно говоря, одинъ лишь островъ Яву. Все остальное достояніе голландцевъ, т. е. почти $^3/_4$ ихъ колоніальнаго владѣнія, представляетъ собою величину болѣе или менѣе неизвѣстную, территоріи, мало иcлѣдованныя и частью вовсе недоступныя для европейской цивилизаціи. Дѣйствительно, благодаря главнымъ образомъ совершенной недостаточности культурныхъ и матеріальныхъ средствъ, которыми располагаетъ въ этой части свѣта маленькая Голландія, европейскія осѣдлость и цивилизація на безчисленныхъ островахъ Нидерландской Индіи обосновались и сосредоточились пока лишь на болѣе доступномъ прибрежьѣ и на ближайшихъ къ морю окраинахъ Hinterland'а различныхъ островныхъ группъ Инсулинды.

Это на первый взглядъ странное явленіе, какъ будто не свидѣтельствующее въ пользу способности голландцевъ вносить и на-

саждать культуру, объясняется въ дѣйствительности тѣмъ, что голландцы со дня утвержденія своего въ Индомалайскомъ океанѣ, т. е. съ конца XVII столѣтія и по настоящее время, были чрезвычайно малочисленны. И нынѣ еще буквально горсть голландцевъ и вообще бѣлыхъ людей (общая цифра бѣлаго населенія въ Нидерландской Индіи не превышаетъ максимума въ 75.000 душъ, включая сюда и голландскую колоніальную армію) разсѣяна на протяженіи до 40.000 квадр. миль и утопаетъ среди безбрежнаго океана малайцевъ, яванцевъ, сунданцевъ, амбонцевъ, батаковъ, альфуровъ и прочихъ туземныхъ племенъ, населяющихъ Суматру, Борнео, Целебесъ, Бали, Ломбокъ, Молукскую группу и прочіе крупные и мелкіе острова Инсулинды.

Несмотря, однако, на свою малочисленность, голландцы, вотъ уже три столѣтія какъ владѣютъ и удерживаются въ Нидерландской Остъ-Индіи, благодаря прежде всего своему престижу, а также не въ меньшей степени благодаря той идеальной и образцовой во всѣхъ отношеніяхъ администраціи, которую они ввели въ занятыхъ ими территоріяхъ. Положеніе голландцевъ въ краѣ солидное и обаяніе, которымъ они пользуются среди азіатовъ-туземцевъ, достойно удивленія и подражанія.

Единственное исключеніе составляютъ сѣверо-восточный и сѣверо-западный берега Суматры, гдѣ въ пресловутомъ Атчинѣ (Atjeh) и Педирѣ голландцы съ 1873 г. безъ перерыва и пока еще безъ осязательнаго благопріятнаго результата ведутъ безконечную войну съ непокорными и воинственными атчинцами мусульманами, не желающими признавать голландскаго сюзеренства и подчиниться власти «туанъ бесара» въ Батавіи (господина великаго — офиціальный малайскій титулъ генералъ-губернатора Нидерландской Индіи и представителя въ Батавіи королевской особы и власти).

Остальныя составныя части Инсулинды умиротворены и спокойны. Если предпринимаются порою военныя экспедиціи противъ того или иного мятежнаго племени, то это составляетъ явленіе преходящее и случайное, это простыя карательныя экзекуціи, а не регулярная война, каковая вотъ уже 26-ой годъ ведется, напримѣръ, въ Атчинѣ, требуя громадныхъ и непроизводительныхъ пока затратъ людьми и капиталами.

Къ категоріи такихъ случайныхъ экспедицій, вызванныхъ необходимостью возстановить пошатнувшійся было престижъ, слѣдуетъ отнести войну, которую въ 1894 г. голландцы вынуждены были вести противъ раджи острова Ломбока. Компанія эта интересна сама по себѣ, какъ типичная колоніальная война. Она, кромѣ того, для русской публики представитъ спеціальный еще интересъ, такъ какъ по странному стеченію обстоятельствъ въ ломбокскомъ эпизодѣ суждено было сыграть нѣкоторую и при томъ довольно видную роль одному русскому искателю приключеній, который не-

исповѣдимою волею судебъ занесенъ былъ въ эти мѣста столь отдаленныя и который принялъ въ событіяхъ на Ломбокѣ активное участіе, хотя и вопреки собственной волѣ.

Но прежде чѣмъ приступить къ своему разсказу о подвигахъ соотечественника нашего, необходимо предварительно ознакомить русскаго чичателя, мало знакомаго съ индо-нидерландскимъ крайнимъ востокомъ, съ мѣстомъ дѣйствія и съ политическими и иными условіями театра войны.

Непосредственно за Явою, точное географическое положеніе которой, полагаю, всѣмъ извѣстно, тянется въ восточномъ направленіи вплоть до самой Новой Гвинеи непрерывная цѣпь болѣе или менѣе крупныхъ вулканическаго происхожденія острововъ, извѣстныхъ подъ именованіемъ Kleine Coenda (Сунда) Eilanden.

Первымъ по порядку расположенія и по значенію своему представлется островъ Бали ($103^1/_2$ кв. миль), отдѣленный отъ Явы проливомъ Балійскимъ (Bali Straat).

На востокъ отъ Бали лежитъ болѣе обширный островъ Ломбокъ (147,7 кв. миль) съ общимъ населеніемъ 370.000 чел., изъ коихъ по переписи 1896 г. всего 39 европейцевъ, 305 китайцевъ и 172 араба. На туземномъ сассакскомъ языкѣ Ломбокъ именуется Селапарангъ. Населеніе состоитъ изъ сассаковъ и балійцевъ, послѣдніе находятся въ меньшинствѣ и образуютъ правящіе на островѣ классы. Они одинаковаго происхожденія съ сосѣдними жителями острова Бали и также исповѣдуютъ подобно балійцамъ изъ Бали индуизмъ, тогда какъ сассаки—мусульмане. На островахъ Бали и Ломбокѣ еще сохранился во всей своей неприкосновенности тотъ самый браманизмъ, который составлялъ и на Явѣ господствующую религію вплоть до XIV вѣка, когда вслѣдствіе арабской пропаганды огнемъ и мечемъ жители Явы были насильно обращены въ исламизмъ. Бали и Ломбокъ—единственные уголки во всемъ индонидерландскомъ мірѣ, гдѣ сохраняются и понынѣ религія, традиція, обычаи и даже строгое кастовое дѣленіе древнихъ индусовъ. Сохранились также развалины древнихъ браминскихъ храмовъ, усыпальницъ, надгробные и пр. монументы домусульманской эпохи съ отличительнымъ типомъ индусскихъ сооруженій и браминской культуры.

При взятіи Тякры-Негары, столицы раджи Ломбокскаго, найдены были голландцами въ роскошныхъ кратонахъ (дворцахъ) государя и его принцевъ выдающіяся по красотѣ, богатству и изяществу работы, драгоцѣнности и чрезвычайно артистически исполненные предметы ювелирнаго искусства, какъ-то: золотые кубки, умывальные чаны, золотыя плевальницы и приборы для жеванія бетеля, статуэтки индійскихъ боговъ и богатѣйшіе криссы (кинжалы), осыпанные брильянтами, изумрудами и рубинами.

Можно утверждать, что послѣ самой Явы острова Бали и Ломбокъ составляютъ конечный предѣлъ и ultima Thule цивилизаци

и культурности нидерландской Инсулинды. Все остальное огромное пространство индоголландской колоніальной имперіи, на сѣверъ и на востокъ отъ острова Ломбока, не исключая и Суматры, еще не вполнѣ изслѣдованной, представляетъ собою область некультурную, гдѣ мѣстами живутъ совершенно еще дикія племена, стоящія на послѣдней ступени развитія религіознаго, нравственнаго и общественнаго.

Что касается политической организаціи на Ломбокѣ, то управленіе до войны 1894 г. было сосредоточено въ рукахъ раджи въ Матарамѣ (резиденція государя) и его совѣта изъ балійскихъ грандовъ. Режимъ, конечно, абсолютный и деспотическій; балійская аристократія администрировала въ областяхъ съ сассакскимъ населеніемъ и не пользовалась среди народа ни любовью, ни популярностью, благодаря своему произволу и хищничеству. Ломбокъ былъ постоянно въ тѣсныхъ сношеніяхъ и въ тѣсной связи, а до 1849 г. и въ зависимости отъ сосѣдняго Карангассамскаго султана или раджи на островѣ Бали. Но уже въ 1843 г. раджа Ломбокскій заключилъ договоръ (Contract) съ остиндскомъ правительствомъ, въ силу котораго онъ признавалъ Ломбокъ принадлежностью нидерландской короны.

Зависимость эта впрочемъ существовала лишь на бумагѣ, и раджа со своими балійцами продолжалъ управлять, то-есть притѣснять и всячески угнетать своихъ сассакскихъ подданныхъ, что вызывало неоднократныя возстанія со стороны доведенныхъ до нищеты и отчаянія сассаковъ, которые неразъ обращались черезъ особыхъ посланныхъ къ колоніальному управленію съ просьбами избавить ихъ отъ тираннической власти балійскаго правительства. Съ другой стороны раджа въ Карангъ-Ассамѣ, на островѣ Бали, густи (принцъ) Дьелантикъ поддерживалъ смуту въ краѣ изъ политическихъ видовъ. Фанатичный, вѣроломный и честолюбивый принцъ Дьелантикъ, эксплоатируя старческую немощь и неспособность дряхлаго раджи Ломбокскаго, съ которымъ онъ заключилъ союзъ, имѣлъ въ виду при случаѣ свергнуть съ престола своего soi disant союзника и разсчитывалъ самъ занять мѣсто стараго правителя Ломбокскаго.

Подобные планы не могли нравиться колоніальному управленію въ Батавіи; оно и безъ того имѣло достаточныя основанія не довѣрять лояльности Дьелантика, котораго опасалось, такъ какъ онъ пользовался у себя на Бали и въ сосѣднемъ Ломбокѣ большимъ вліяніемъ. Престижъ балійскаго принца, несомнѣнно, еще усилился бы, если бы Дьелантику удалось такъ или иначе захватить верховную власть и самую территорію Ломбока. Интересы колоніальнаго управленія, уже въ достаточной степени занятаго войною въ Атчинѣ, требовали, чтобы проискамъ Дьелантика съ одной стороны и сомнительному держанію съ другой стороны стараго раджи Ломбокскаго относительно голландской власти вслѣдствіе подстрека-

тельствъ Дьелантика положенъ былъ разъ навсегда конецъ еще въ самомъ зачаткѣ непріязненнаго отношенія, которое на Ломбокѣ съ каждымъ днемъ обрисовывалось все рѣзче со стороны раджи и его балійскихъ совѣтниковъ и союзниковъ.

Единственнымъ и испытаннымъ средствомъ прекратить интриги балійцевъ на Ломбокѣ представлялось фактическое завладѣніе краемъ и обращеніе этого де facto независимаго государства въ обыкновенное голландское «резидентство» съ губернаторомъ или голландскимъ резидентомъ во главѣ управленія. Подобною фактическою prise de possession и включеніемъ Ломбока въ составъ земель и владѣній, непосредственно принадлежащихъ нидерландской коронѣ, разрушалась до сихъ поръ и притомъ лишь на бумагѣ существовавшая фикція о вассальности Ломбокскаго раджи.

Весьма кстати и во время случилось, что самый раджа, подъ вліяніемъ навѣтовъ Дьелантика, формально отказался признавать для себя обязательнымъ тотъ «Contract», въ силу котораго одинъ изъ его предшественниковъ поступился своею независимостью и въ 1843 году сдѣлался вассаломъ и данникомъ Индонидерландскаго управленія. Раджа при этомъ, вѣроятно, вслѣдствіе дряхлости лѣтъ, забывалъ, что не далѣе какъ въ 1893 году онъ самъ подписалъ съ колоніальнымъ правительствомъ Contract точно того же смысла и содержанія, каковъ былъ договоръ 1843 года. Но такъ какъ и послѣ этой новой сдѣлки на Ломбокѣ продолжалось прежнее управленіе безъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ и осязаемыхъ признаковъ вассальной зависимости отъ Батавіи, то раджа, не видя на островѣ ни голландскихъ резидентовъ, ни гарнизоновъ, рѣшилъ, вслѣдствіе наущеній извнѣ, отрѣшиться радикальнымъ образомъ даже отъ этого призрака вассальной зависимости. Онъ кому слѣдуетъ, въ данномъ случаѣ голландскому резиденту въ Карангъ-Ассамѣ, на о. Бали, которому поручены были переговоры съ Ломбокомъ, объявилъ, что никакихъ голландцевъ онъ не знаетъ и знать не хочетъ, считая себя совершенно независимымъ государемъ.

Въ то же время старый раджа сталъ усиленно вооружаться, закупая порохъ, оружіе и боевые запасы въ Сингапурѣ, гдѣ англичане обрадовались случаю сдѣлать гешефтъ и въ то же время крупную непріятность голландцамъ. Раджа задумалъ даже создать нѣкоторое подобіе національнаго ломбокскаго военнаго флота. Тѣ же англичане уступили ему по дорогой цѣнѣ за ненадобностью и ветхостью три или четыре жалкихъ и утлыхъ судна. Старый правитель Ломбока, готовясь къ вооруженному отпору противъ голландцевъ, подготовлялъ еще и камуфлетъ дипломатическаго свойства, на эффектъ котораго онъ и совѣтники его сильно разсчитывали: раджа снарядилъ и отправилъ въ Сингапуръ къ иностраннымъ консуламъ особаго своего повѣреннаго съ меморандумомъ, въ ко-

торомъ излагались причины неудовольствія противъ голландцевъ, мотивы, побудившіе раджу и его правительство отложиться отъ колоніальнаго управленія, и наконецъ упованіе свое, что иностранныя державы за него, раджу, заступятся и объявятъ надъ Ломбокомъ свой протекторатъ, а какой именно—англійскій, французскій или американскій,—это разслабленному старцу, возсѣдавшему на ломбокскомъ престолѣ, было совершенно безразлично, лишь бы протекторатъ избавилъ его отъ постылыхъ голландцевъ.

Колоніальное управленіе не могло, разумѣется, отнестись равнодушно къ махинаціямъ своего мятежнаго вассала. Раджѣ сдѣлано было безъ успѣха нѣсколько внушеній, а когда это не подѣйствовало, голландцы отобрали у него зародившійся было ломбокскій флотъ. Раджа, однако, не сдался. Онъ заблаговременно распорядился въ Сингапурѣ закупкою оружія и ожидалъ еще транспорта съ порохомъ и военными запасами, съ которыми трое предпріимчивыхъ и услужливыхъ англійскихъ спекулянта уже отплыли къ берегамъ Бали изъ Сингапура на утлой и жалкой парусной баркѣ, носившей тѣмъ не менѣе громкое и внушительное наименованіе «Pride of the Ocean» (гордость океана).

Къ контрабандистамъ англичанамъ присоединился въ ту пору случившійся въ Сингапурѣ безъ мѣста и безъ занятій также и соотечественникъ нашъ, будущій фельдцейхмейстеръ ломбокскихъ войскъ. Назовемъ его Виссаріономъ Пантелеймоновичемъ Папарыгинымъ или въ сокращеніи Парыгинымъ, какъ онъ самъ себя именовалъ. Голландцы же, вѣроятно, не будучи въ состояніи, какъ слѣдуетъ, выговаривать эту мудреную для нихъ фамилію, стали называть и упорно продолжали именовать русскаго авантюриста Парыга́нъ, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Настоящая же фамилія этого страннаго дѣятеля была Папарыга, что̀ свидѣтельствуетъ о его бессарабско-румынскомъ происхожденіи.

Господинъ Парыга́нъ, съ нѣсколько бурнымъ, но не предосудительнымъ прошлымъ въ Россіи, откуда онъ удалился уже давно, былъ сыномъ священника, кажется, въ Одессѣ или Кишеневѣ. Ему было лѣтъ 33—35. Наружность онъ имѣлъ не представительную и, повидимому, крѣпостью здоровья не могъ похвалиться. Скорѣе малаго роста, приземистый, съ лицомъ, изрытымъ оспою, съ хитрыми блуждающими во всѣ стороны глазами, безпокойный и задорный, Парыгинъ производилъ и оставлялъ по себѣ впечатлѣніе мало симпатичное. Говорилъ онъ порусски плохо, съ молдаванскимъ акцентомъ и часто въ выборѣ русскихъ терминовъ затруднялся, видно было, что онъ отсталъ отъ русскаго языка и начиналъ забывать русскую рѣчь. Парыгинъ предпочиталъ объясняться тоже на довольно невзрачномъ аглійскомъ языкѣ, поголландски понималъ, но не говорилъ, лучше же всего онъ дѣйствовалъ и притомъ весьма бѣгло и бойко помалайски, часто примѣшивая

малайскія слова къ своему и безъ того недостаточному русскому или англійскому жаргону. Изъ Одессы, лѣтъ пятнадцать назадъ, Парыгинъ попалъ во Владивостокъ, скитался нѣкоторое время по Амурскому краю, по Японіи, былъ въ Китаѣ, между прочимъ въ Амоѣ, Шанхаѣ, Ханькоу, посѣтилъ Гонконгъ, служилъ въ китайскихъ портахъ проводникомъ русскимъ морякамъ, показывая имъ мѣстныя достопримѣчательности. Онъ выдавалъ себя за горнаго инженера и эксплоатировалъ или хлопоталъ о концессіяхъ на разработку естественныхъ богатствъ въ Китаѣ и иныхъ мѣстахъ, но это было не серіозно; свое качество горнаго инженера Парыгинъ не могъ доказать никакими документами. Онъ даже не могъ, какъ слѣдуетъ, документировать своей принадлежности къ русскому подданству, такъ какъ ни паспорта, ни иныхъ бумагъ у него не было. Онъ увѣрялъ, что всѣ требуемые документы имѣлись у него въ цѣлости и сохранности еще въ 1893 и 1894 гг., когда онъ прибылъ въ Сингапуръ, но что всѣ эти бумаги или украдены были его англійскими компаньонами съ барки «Pride of the Ocean» или же утеряны были, когда «Гордость океана» потерпѣла крушеніе на обратномъ пути отъ береговъ острова Бали.

Парыгинъ тѣмъ не менѣе постоянно и настоятельно утверждалъ, что онъ—русскій подданный, требовалъ защиты и покровительства, когда надъ нимъ стряслась бѣда въ Ломбокѣ, и просилъ, чтобы его отправили на родину, такъ какъ ничто не препятствовало его свободному возвращенію въ Россію, гдѣ онъ никогда никакого противозаконнаго или хоть бы только предосудительнаго дѣйствія не совершилъ.

При такихъ неблагопріятныхъ для Парыгина условіяхъ офиціальное вмѣшательство въ его пользу было деликатною и затруднительною задачею, такъ какъ нельзя было доказать, что онъ дѣйствительно русскій подданный. Притомъ же справки, наведенныя по его просьбѣ въ Сингапурѣ, Ханкоу, Шанхаѣ и Гонконгѣ, гдѣ Парыгинъ будто бы былъ лично извѣстенъ тамошнимъ русскимъ представителямъ, дали отрицательный результатъ; его не знали, и нигдѣ Парыгинъ не внесенъ былъ въ списки русскоподданныхъ. Приходилось дѣйствовать въ его пользу и хлопотать за Парыгина офиціознымъ путемъ передъ голландскими властями.

Соотечественникъ нашъ, повидимому, существовалъ не эксплоатаціею естественныхъ богатствъ тѣхъ странъ, въ которыхъ онъ побывалъ, а жилъ изо дня въ день, чѣмъ Богъ пошлетъ, безъ рессурсовъ и опредѣленныхъ занятій. Словомъ, это былъ авантюристъ и скиталецъ, который не стѣснялся выборомъ средствъ. Онъ совершенно равнодушно относился къ вопросу, гдѣ и какимъ манеромъ ему приходится орудовать и дѣйствовать, былъ бы лишь подходящій случай развернуться, и было бы что предпринять. Парыгину было безразлично, «работаетъ» ли онъ въ Угандѣ, Суданѣ или

Конго или на невѣдомыхъ ему островахъ Полинезіи. Онъ, напримѣръ, въ Конго присоединился бы къ бельгійской антиэсклаважистской экспедиціи, онъ же съ неменьшею готовностью поступилъ бы въ дружину арабскихъ шейховъ-разбойниковъ, которые въ глубокихъ нѣдрахъ темнаго континента сгоняютъ и скупаютъ негровъ невольниковъ. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, которая изъ этихъ двухъ комбинацій выгоднѣе: предразсудковъ у Парыгина не было.

Я этимъ не хочу утверждать, чтобы герой нашъ былъ вовсе человѣкомъ отпѣтымъ, на все способнымъ и безъ всякихъ нравственныхъ правилъ. Нѣтъ, онъ просто былъ безсознательнымъ оппортунистомъ. Таковымъ сдѣлали его многообразные виды, которые онъ видалъ на своемъ вѣку, да убѣжденіе, что такъ или иначе, а ѣсть да пить каждый день необходимо. Когда нельзя было поступать такъ, Парыгинъ распоряжался иначе,—вотъ и все. Я даже убѣжденъ, что онъ, отклоняясь отъ правильнаго курса, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, до какой степени красиво или двусмысленно внушенное ему необходимостью дѣйствіе.

Парыгинъ, я полагаю, съ такою же душевною невозмутимостью, сталъ бы торговать и отравлять опіумомъ или спиртомъ какихъ-нибудь дикарей людоѣдовъ бисмарковскаго архипелага, съ какою онъ впослѣдствіи снабжалъ военною контрабандою непокорнаго вассала голландской королевы—раджу Ломбокскаго. Опіумъ, спиртъ, порохъ и ружья, не все ли это равно, была бы лишь отъ того, другого или третьяго прибыль. Это и единственно это требовалось осуществить на практикѣ. Парыгинъ задачу сію и разрѣшилъ, но ему за это, какъ говорится, влетѣло, и результатами своей дѣятельности на Бали и Ломбокѣ Парыгинъ не имѣлъ основанія быть довольнымъ.

Если же герой нашъ претерпѣлъ огорченія и разныя непріятныя превратности судьбы, то этимъ печальнымъ исходомъ своей авантюры Парыгинъ обязанъ исключительно себѣ самому.

Высадивъ и сдавъ благополучно на островѣ Бали грузъ для сосѣдняго Ломбока, Парыгину слѣдовало ретироваться обратно въ Сингапуръ на своей утлой ладьѣ, подобно тому какъ это совершили болѣе догадливые англійскіе его компаніоны. Тѣ отдѣлались дешево: ихъ голландцы было задержали, но затѣмъ снова отпустили, такъ какъ явныхъ уликъ противъ нихъ не нашлось. Парыгинъ же, быть можетъ, имѣвшій вѣскія основанія не довѣрять добросовѣстности своихъ товарищей, отдѣлился отъ нихъ, желая, вѣроятно, лично реализировать причитавшуюся ему долю барыша. Онъ съ острова Бали переправился на сосѣдній Ломбокъ, и это его погубило. На первыхъ же порахъ Парыгинъ попалъ въ водоворотъ возбужденія, а затѣмъ и военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ противъ голландцевъ. Когда же онъ опомнился и сообразилъ, что ему на Ломбокѣ при такихъ рискованныхъ обстоятельствахъ дѣлать

нечего, оказалось слишкомъ поздно: оставить островъ въ виду крейсировавшихъ вдоль береговъ голландскихъ судовъ становилось предпріятіемъ рискованнымъ. Къ тому же старикъ раджа и не отпустилъ подвернувшагося ему европейца, въ которомъ онъ тотчасъ открылъ блистательныя способности сперва дипломата, а затѣмъ и полководца.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ именовавшемъ себя горнымъ инженеромъ Парыгинѣ не существовало вовсе требуемаго матеріала, изъ котораго фабрикуютъ государственныхъ мужей и военачальниковъ. Но Парыгинъ былъ прежде всего бѣлый человѣкъ (orang putih), европеецъ и, какъ таковой, признанъ былъ единственно въ силу своего европейскаго происхожденія многостороннимъ геніемъ, пригоднымъ на все безъ исключенія.

Извѣстно, что на востокѣ и на крайнемъ востокѣ всякій европеецъ туристъ и даже простой globe trotter слыветъ за врача въ глазахъ невѣжественнаго населенія; замѣчательнѣе же всего, что такой случайный путешественникъ дѣйствительно никогда не задумывается врачевать и экспериментировать in anima vili. Не менѣе странно и то обстоятельство, что въ большинствѣ случаевъ, какъ импровизованный врачъ, такъ равно и неосторожные его паціенты остаются другъ другомъ вполнѣ довольны.

Азіатскій властитель раджа Ломбокскій съ своей стороны раздѣлялъ, повидимому, какъ предразсудокъ, такъ равно и лестное убѣжденіе своихъ соплеменниковъ относительно универсальной пригодности на все европейцевъ, кто бы они ни были.

Парыгинъ такимъ образомъ нежданно, негаданно для себя призванъ былъ къ старому принцу въ качествѣ политическаго совѣтника и руководителя.

Нужно отдать нашему авантюристу справедливость: роль совѣтника, вынужденную обстоятельствами, онъ сыгралъ à son corps défendant. Амбиціи у него никакой не было, никакой роли политической или иной онъ не искалъ, ему вообще неизвѣстно было до этого рокового дня, что существуетъ островъ, именуемый Ломбокомъ. Парыгинъ точно также не зналъ, кто такой раджа Ломбокскій, ни что и кого этотъ государь собою изображаетъ по отношенію къ голландцамъ; еще менѣе авантюристъ нашъ догадывался, какія существуютъ въ силу договоровъ отношенія между Ломбокомъ и голландцами. Всего этого Парыгинъ не зналъ, да онъ нисколько и не любопытствовалъ ознакомиться поближе со всѣми этими тонкостями. Ему сказали въ Тякрѣ-Негарѣ, въ кратонѣ (дворцѣ) раджи, что властитель Ломбока—государь независимый, что голландское управленіе заявило къ нему претензіи, которыхъ раджа никакъ признать не можетъ, что вслѣдствіе сего голландцы угрожаютъ насильственными мѣрами, противъ которыхъ населеніе рѣшило реагировать силою же. Парыгинъ этому заявленію повѣрилъ тѣмъ

легче, что онъ лично могъ констатировать на будто бы вассальномъ Ломбокѣ полное отсутствіе голландскихъ властей и гарнизоновъ, а также то, что мѣстный государь правилъ страною, по всей видимости, безъ всякаго ограниченія своей суверенной власти съ чьей бы то ни было стороны. Притомъ же Парыгинъ искалъ на Ломбокѣ не поста государственнаго канцлера или генералиссимуса, онъ исключительно имѣлъ въ виду воспользоваться случаемъ и сдѣлать выгодный гешефтъ.

Если онъ отдалъ предпочтеніе пороху и оружію, то это тоже было чистѣйшею случайностью: въ данный моментъ существовалъ спросъ именно на порохъ, а не на керосинъ или на фальшивую голландскую монету, которая китайцами фабрикуется въ Сингапурѣ и оттуда ввозится въ предѣлы Нидерландской Индіи. Парыгинъ, какъ смышленый коммерсантъ, сталъ поставлять, конечно, то, въ чемъ ощущалась наивысшая потребность.

Впослѣдствіи, когда его схватили голландцы, нашъ спекуляторъ попробовалъ было утверждать, что онъ самъ сдѣлался жертвою эксплоатаціи своихъ англійскихъ компаньоновъ, которые его будто бы подвели: онъ, Парыгинъ, не догадывался, что и какого рода грузъ онъ везетъ на «Гордости Океана», узналъ же онъ, въ чемъ дѣло, лишь въ моментъ высадки фрахта, когда балійцы стали разбирать и выносить привезенное добро, грузъ оказался порохомъ и военными запасами. Но тогда было уже слишкомъ поздно отказываться отъ столь рискованной операціи и возвращаться вспять.

Защита Парыгина показалась голландскому трибуналу въ Батавіи легкомысленною и неправдоподобною, судъ приговорилъ невольнаго и несознательнаго контрабандиста къ штрафу въ 1.000 гульденовъ или къ четырехмѣсячному тюремному заключенію. Парыгинъ избралъ тюрьму. Отдѣлался онъ на первый разъ такъ дешево за недостаточностью уликъ: ему, а равно и англійскимъ соучастникамъ его въ гешефтѣ, нельзя было доказать, что оружіе, которое впослѣдствіи проявилось у ломбокцевъ, было доставлено именно имъ и раджѣ ихъ изъ Сингапура. Контрабандисты, вслѣдствіе ли тонкаго расчета или такъ, случайно и безсознательно, догадались грузъ свой сложить не на самомъ Ломбокѣ, а на берегахъ острова Бали, раджа котораго былъ данникъ голландскаго управленія, не бунтовалъ и признавалъ свою зависимость въ лицѣ имѣвшаго пребываніе на Бали голландскаго резидента.

За то Парыгинъ обвиненъ былъ впослѣдствіи въ доказанномъ будто бы участіи въ заговорѣ раджи, во враждебныхъ подстрекательствахъ ломбокцевъ, а также въ личномъ и активномъ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ голландскихъ войскъ.

Парыгинъ, призванный на совѣщаніе раджи съ его балійскими министрами въ кратонъ, посовѣтовалъ будто бы государю наружно изъявить покорность и согласіе на всѣ требованія спеціальнаго

голландскаго уполномоченнаго, дабы усыпить его бдительность. Въ то же время Парыгинъ, спрошенный раджею, каково его личное мнѣніе, будто бы предлагалъ старому принцу изъ-подъ руки сдѣлать всѣ приготовленія, дабы, не теряя времени, ночью и врасплохъ напасть на голландскій лагерь и перебить всѣхъ голландцевъ, пока они еще не многочисленны и не успѣли получить подкрѣпленій.

Планъ этотъ и былъ въ точности приведенъ въ исполненіе въ ночь на 25 августа 1894 г. Голландцы не приняли никакихъ мѣръ предосторожности, требуемыхъ военнымъ временемъ, они не выставили ни аванпостовъ, ни сторожевыхъ цѣпей. Они вовсе упустили изъ виду, что въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія командовавшій экспедиціей на о. Бали генералъ Михіальсъ со своими офицерами былъ измѣннически въ палаткѣ своей умерщвленъ балійцами. Голландцы забыли, что въ лицѣ ломбокцевъ имѣютъ дѣло съ азіатами, т. е. со врагомъ, для котораго вѣроломство составляетъ вторую натуру. Голландскія войска, кромѣ того, расположились на самой невыгодной позиціи, они лагерь свой разбили на полупути отъ Ампенана на берегу къ Матараму, внутрь края, среди кратоновъ и домовъ мѣстныхъ принцевъ и жителей. Кратоны эти—солидныя зданія изъ камня, кромѣ того, обнесены были высокими и крѣпкими стѣнами, такъ что между ними образовались тѣсныя улицы-коридоры. Генералъ ванъ-Гаммъ, командовавшій ломбокскимъ отрядомъ, не имѣлъ основаній недовѣрять непріятелю: ломбокскіе предводители изъ знатныхъ аристократическихъ балійскихъ родовъ передъ тѣмъ одинъ за другимъ явились въ лагерь къ генералу съ повинною. Раджа даже внесъ уже первую четверть, 250.000 гульд., наложенной на него контрибуціи въ 1 милліонъ гульд., и сумма эта уже отправлена была въ Ампенанъ, на суда эскадры.

Балійскихъ шефовъ, хотя и изъявившихъ покорность, слѣдовало, тѣмъ не менѣе, удержать заложниками. Генералъ ванъ-Гаммъ не догадался этого сдѣлать, онъ всѣхъ ихъ отпустилъ на всѣ четыре стороны. Балійскіе шефы изъявили отъ имени раджи его покорность и согласіе принять голландскій ультиматумъ. Въ доказательство лояльности своего государя они даже привезли съ собою въ лагерь вторую четверть контрибуціи, и эти 250.000 гульд. были приняты и сложены пока въ батальонную кассу съ тѣмъ, чтобы дня черезъ три-четыре препроводить эту сумму на суда эскадры, стоявшей въ виду Ампенана.

Такимъ образомъ все и вся, казалось, должно было внушить голландцамъ полное довѣріе. И дѣйствительно войска уже стали поговаривать, что компанія вообще не состоится за отсутствіемъ сражающихся. Ожидали только внесенія недостававшихъ еще 500.000 гульд. военной контрибуціи, которую раджа обѣщалъ въ непродолжительномъ времени пополнить.

Но раджа и его балійцы замышляли и подготовляли между

тѣмъ измѣну. Довѣріе и безпечность голландцевъ могли только укрѣпить ломбокцевъ въ ихъ рѣшимости нанести ударъ ничего неподозрѣвавшему непріятелю.

Въ ночь на 25-ое августа, вооруженныя банды ломбокцевъ неслышно подкрались къ главной квартирѣ командующаго генерала, который со своими офицерами, доканчивая вкусный и, повидимому, веселый ужинъ, сидѣлъ еще за столомъ, попивая шампанское и покуривая сигары. Генералъ и свита, ужинавшая съ нимъ, были вслѣдствіе сильной жары чуть ли не въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, во всякомъ случаѣ въ этихъ пировавшихъ и возбужденныхъ господахъ трудно было признать людей, принадлежащихъ къ военному сословію и притомъ стоящихъ въ непріятельской странѣ. Окна и двери были открыты настежь, часовыхъ не было, и весь лагерь, за исключеніемъ генерала и штабныхъ, былъ погруженъ въ глубокій сонъ, да и отстоялъ отъ штаба довольно далеко. Балійцы, никѣмъ не задерживаемые, необутые, неслышно подкрались и внезапно ворвались въ столовую, гдѣ, конечно, застали пировавшихъ врасплохъ. Послѣдовала ужасная рѣзня, самъ генералъ ванъ-Гаммъ и до 12 его офицеровъ были на мѣстѣ заколоты пиками и крисами балійцевъ; они, будучи безоружны, не могли оказать никакого сопротивленія. Двумъ или тремъ офицерамъ удалось выскочить и поднять тревогу. Но было уже поздно, лагерь былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, балійцы открыли по растерявшимся солдатамъ убійственный огонь, пользуясь переполохомъ, перекололи еще сотню, другую солдатъ.

Голландцы въ темнотѣ кое-какъ оправились; оставшіеся въ живыхъ офицеры собрали своихъ людей и, соблюдая по возможности строй и порядокъ, предприняли отступленіе въ сторону Ампенана, гдѣ стояли резервы, и гдѣ можно было разсчитывать на помощь съ военныхъ судовъ эскадры.

Отступленіе это совершилось при самыхъ тяжкихъ условіяхъ, войска были деморализованы, утомлены, страдали отъ голода и жажды; припасовъ и оружія не было,—кто что успѣлъ прихватить, съ тѣмъ и вышли. Ретироваться приходилось въ безпорядкѣ, массою въ нѣсколько сотъ человѣкъ, по узкимъ улицамъ, окаймленнымъ высокими стѣнами, изъ-за которыхъ черезъ заранѣе продѣланныя амбразуры балійцы въ упоръ и не спѣша разстрѣливали почти безоружныхъ голландцевъ.

При этомъ войска претерпѣли значительный уронъ прежде, чѣмъ имъ удалось пробить себѣ дорогу и соединиться съ резервами. До 500 ч. нижнихъ чиновъ было перебито. Балійцы захватили 6 орудій, много пороху и амуниціи, весь архивъ, багажъ, кассу и тѣ самыя 250.000 гульд., которыя только-что чуть ли не наканунѣ внесены были покорившимися балійскими предводителями.

Отступленіе главныхъ силъ и постоянныя ожесточенныя атаки

балійцевъ на колонны полковниковъ Беймфельдта и Лавикъ-ванъ-Пабста продолжались безъ перерыва до 27 августа, и лишь къ вечеру того же дня разстроеннымъ 6-му и 7-му батальонамъ и колоннамъ вышеназванныхъ двухъ полковниковъ, потерявъ половину своего боевого состава, удалось достичь лагеря въ Ампенанѣ и укрыться въ возведенныхъ тамъ полевыхъ укрѣпленіяхъ подъ защитою орудій съ эскадры.

Голландцы защищались съ отчаянною храбростью, стойко вынося огонь непріятеля и отражая его атаки. Офицеры первые подавали примѣръ и были постоянно на самомъ видномъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе уронъ голландцевъ былъ тяжкій, но имъ въ концѣ концовъ удалось пробиться на соединеніе съ главными силами, которыя подходили на выручку, заслыша выстрѣлы.

Вѣроломство раджи и коварное нападеніе балійцевъ были впослѣдствіи приписаны голландцами наущеніямъ Парыгина и его совѣтамъ. Голландцы точно такъ же утверждали, что Парыгинъ не удовольствовался пассивною ролью дипломатическаго совѣтника, и что онъ во время послѣдовавшей въ сентябрѣ осады Тякры-Негары принялъ въ балійскомъ лагерѣ активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Увѣряли, что онъ наводилъ на голландскія войска орудія раджи, и даже что онъ самъ стрѣлялъ изъ оныхъ по голландскимъ войскамъ. Это видѣли будто бы голландскіе офицеры и солдаты. Словомъ голландцы, когда они по взятіи Тякры-Негары и по окончаніи кампаніи захватили спасавшагося на Ломбокѣ Парыгина и предали его суду, обвинили нашего авантюриста въ томъ, что онъ составилъ заговоръ противъ безопасности Нидерландскихъ колоній и лично участвовалъ во враждебныхъ дѣйствіяхъ вассала нидерландской короны противъ суверенной власти королевы и ея индонидерландскаго представителя въ Батавіи.

Согласно постановленію органическаго колоніальнаго устава, за оба эти преступленія полагается смертная казнь. Приговоръ трибунала, осудившаго Парыгина, не былъ, однако, приведенъ въ исполненіе. Голландцы сообразили, что Парыгина они захватили мѣсяца три послѣ окончанія кампаніи, а не на мѣстѣ дѣйствій съ поличнымъ, т.-е. съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ, кромѣ того, былъ не голландецъ, а выдавалъ себя за русскаго подданнаго. Въ качествѣ же иностранца Парыгину не обязательно было знать, какія существуютъ отношенія между колоніальнымъ управленіемъ и различными туземными султанами или раджами, болѣе или менѣе подвластными голландской коронѣ. Слѣдовательно, въ государственной измѣнѣ (hoogverraad) Парыгина, какъ иноземца, уже ни въ какомъ случаѣ обвинять было нельзя, еще же менѣе его можно было казнить за «измѣну», которая не существовала и которой нашъ герой и совершить не могъ. Притомъ же, самыя отношенія отъ суверена къ вассалу на Ломбокѣ до послѣдняго момента были сбивчивыя, темныя

и неопредѣленныя, безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ, какого бы го ни было подчиненія, какъ выяснено было выше.

Существовала одна лишь, такъ сказать, «претензія» на суверенство со стороны колоніальнаго управленія, но даже и эта невидимая связь была порвана.

Всѣ эти обстоятельства на судѣ выяснилъ и доказалъ энергичный, способный защитникъ Парыгина, ванъ-Г., который опротестовалъ рѣшеніе суда (смертную казнь) и по пунктамъ разбилъ самое обвиненіе въ личномъ участіи своего кліента во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ голландцевъ. Ванъ-Г. высказалъ, что, по его мнѣнію и убѣжденію, тяжкое обвиненіе это осталось недоказаннымъ, ибо выслушаны и допущены были давать показанія лишь свидѣтели à charge, тогда какъ лица, на свидѣтельствѣ которыхъ Парыгинъ настаивалъ, какъ на показаніяхъ, для себя благопріятныхъ, даже не вызваны были въ судъ. Къ категоріи такихъ важныхъ для обвиненнаго свидѣтелей и очевидцевъ принадлежали балійскій принцъ Дьелантикъ и жена его, которые въ своемъ кампонгѣ (селеніи) нѣкоторое время укрывали спасавшагося отъ голландцевъ Парыгина.

Судъ изъ политическихъ соображеній не посмѣлъ вызвать принца Дьелантика, который въ ломбокскомъ инцидентѣ сыгралъ столь значительную и активную роль. Вызвать же густи Дьелантика было равносильно осужденію этого принца, вина и участіе котораго въ ломбокскихъ событіяхъ не подлежали никакому сомнѣнію. Между тѣмъ осужденіе безпокойнаго балійскаго вассала на ссылку или на лишеніе власти могло бы породить на самомъ островѣ Бали, гдѣ онъ пользовался сильнымъ вліяніемъ, вооруженное возстаніе воинственныхъ балійцевъ; голландцы не хотѣли и не могли итти на рискъ вызвать новое усложненіе, они и безъ того имѣли достаточно заботъ въ Атчинѣ и на неумиротворенномъ еще Ломбокѣ, гдѣ послѣ войны все и вся находились еще въ состояніи хаоса и безначалія.

Точно такъ же судъ отказался вызвать важнѣйшаго послѣ самого Дьелантика свидѣтеля à décharge, а именно жену этого балійскаго принца. Немыслимо, да и рискованно было бы, аргументировалъ трибуналъ, вызывать въ европейскій судъ туземную женщину буддистку, да еще принцессу крови, каковою была супруга принца Дьелантика. Прецедентовъ подобныхъ никогда еще не было, да и опасно было бы создавать таковой въ виду общаго возбужденія умовъ на Ломбокѣ и на Бали среди туземнаго населенія.

Такъ и не привлечены были главнѣйшіе благопріятные для Парыгина свидѣтели. Герой нашъ осужденъ былъ единственно 1) на основаніи показаній голландскихъ офицеровъ и солдатъ, видѣвшихъ его будто бы на бастіонахъ Тякры-Негары въ качествѣ генералъ-фельдцейхмейстера раджи Ломбокскаго наводящимъ орудія противъ голландскихъ войскъ и распоряжающимся стрѣльбою изъ оныхъ,

затѣмъ 2) на основаніи не провѣренныхъ никѣмъ показаній балійскихъ и ломбокскихъ шефовъ и предводителей возстанія, которые, разумѣется, счастливы были, въ оправданіе собственныхъ некрасивыхъ дѣйствій, свалить всю иниціативу и всю вину на подвернувшагося такъ кстати «туа̀нъ беса̀ръ о̀рангъ пути» (господина великаго и бѣлаго человѣка). Во избѣжаніе отвѣтственности для самихъ себя, раджа и его приближенные не задумались на судѣ высказать, что Парыгинъ, на тайномъ совѣщаніи во дворцѣ, дня за три до рокового 25 августа, посовѣтовалъ старому повелителю Ломбока произвести внезапное ночное нападеніе на голландскій лагерь, немедленно, пока голландцы еще ничего не подозрѣвали, и пока они еще не успѣли стянуть всѣхъ боевыхъ силъ, составлявшихъ экспедиціонный отрядъ. «Вы ихъ легко сомнете, опрокинете и сбросите всѣхъ въ море», будто бы твердилъ Парыгинъ, рекомендуя свой планъ дѣйствій, который и былъ одобренъ и приведенъ въ исполненіе съ успѣхомъ для балійскаго оружія.

Далѣе тѣ же балійцы утверждали, что, когда въ сентябрѣ началась бомбардировка и осада Тякры-Негары, Парыгинъ училъ балійскихъ воиновъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ пушками, самъ заряжалъ орудія и стрѣлялъ изъ нихъ по голландскимъ войскамъ.

Парыгинъ то и другое обвиненіе упорно отрицалъ. По первому пункту онъ ссылался небезосновательно и не безъ признаковъ правдоподобности на то, что раджа, несмотря на успѣхъ своего вѣроломнаго предпріятія, въ концѣ концовъ попался въ плѣнъ голландцамъ и естественно вынужденъ былъ искать всячески оправданія своимъ дѣйствіямъ. Не имѣя другого исхода, раджа свалилъ со своей старческой и больной головы на его, Парыгина, здоровую голову иниціативу и отвѣтственность за избіеніе голландцевъ 25 августа.

Что же касается второго пункта, то Парыгинъ утверждалъ и настаивалъ на томъ, что онъ, какъ балійцамъ хорошо извѣстно, во время осады скрывался въ кампонгѣ, въ двухъ километрахъ отъ резиденціи раджи у жены принца Дьелантика, которая дала ему убѣжище. Здѣсь, въ безопасномъ мѣстѣ Парыгинъ выжидалъ того момента, когда броженіе умовъ стихнетъ, и война окончится, послѣ чего онъ имѣлъ намѣреніе явиться къ голландскому вновь назначенному резиденту и объяснить ему причины своего случайнаго присутствія на Ломбокѣ. Обвиненный совершенно основательно и разумно увѣрялъ, что онъ этого своего намѣренія не могъ исполнить раньше, такъ какъ онъ неминуемо подвергся бы двоякому риску: оставивъ свое тихое пристанище въ кампонгѣ, онъ тотчасъ же вступалъ въ сферу военныхъ дѣйствій и полнаго безначалія—голландскіе парули могли задержать и разстрѣлять его, какъ шпіона, не знавшіе же его сассаки и балійцы внѣ Тякры-Негары, т.-е. большинство населенія, могли его счесть за orang wlanda (голландца)

и, какъ таковаго, зарѣзать безъ всякаго колебанія и зазрѣнія совѣсти, тѣмъ болѣе, что эти туземцы, живущіе далеко отъ сношеній съ европейцами и незнакомые съ культурою, всѣхъ безъ различія бѣлыхъ людей считаютъ или за orang wlanda или за orang engli. Другихъ націй, кромѣ голландцевъ и англичанъ, они не знаютъ и не признаютъ.

Парыгинъ неоднократно утверждалъ, что Дьелантикъ и жена его, оказавшіе ему покровительство, могутъ подтвердить, что онъ какъ разъ во время осады Тякры-Негары былъ спрятанъ у нихъ въ кампонгѣ, и что слѣдовательно онъ никакъ не могъ во время бомбардировки находиться на бастіонахъ города и оттуда стрѣлять по голландцамъ.

Объясненія обвиненнаго не были приняты во вниманіе. Но первоначальный суровый приговоръ былъ отмѣненъ, и вмѣсто смертной казни Парыгинъ былъ, три года спустя, приговоренъ къ 20-лѣтнему тюремному заключенію въ исправительномъ домѣ (tuchthuis). Во вниманіе же къ тому, что онъ уже отбылъ три года предварительнаго заключенія, этотъ срокъ былъ сокращенъ до 17 лѣтъ.

Эта уже окончательная мѣра наказанія, тѣмъ не менѣе, по тяжести и суровости своей далеко превышала степень содѣяннаго преступленія, которое во всякомъ случаѣ нужно было считать безсознательнымъ дѣйствіемъ со стороны осужденнаго.

Послѣ искусной и мужественной защиты адвоката ванъ-Г. выяснилось, что не могло быть и рѣчи объ измѣнѣ, и что даже злоумышленіе и покушеніе противъ безопасности колоніальнаго управленія были сомнительны. Самая серіозная сторона роли Парыгина,— его активное участіе, — за односторонней тенденціозностью возведенныхъ на него обвиненій оставалась до конца невыясненною и недостаточно доказанною.

Что же оставалось на лицо изъ всего зданія, возведеннаго обвиненіемъ? Простая, не совсѣмъ благовидная, конечно, спекуляція, предпринятая случайно и безъ задней мысли какимъ-то искателемъ приключеній и прежде всего наживы. Дѣло не выгорѣло, спекуляторъ имѣлъ неосторожность попасть въ руки правосудія.

Пресловутое «преступленіе» Парыгина ниспадало и сводилось такимъ образомъ на степень вульгарнаго и незаконнаго гешефта. Вполнѣ достаточно было бы приговорить провинившагося къ крупному денежному штрафу, пожалуй, даже къ тюремному заключенію на годъ и затѣмъ выпроводить этого авантюриста изъ Нидерландской Индіи съ воспрещеніемъ ему возвращаться въ предѣлы колоніи.

Но общественное мнѣніе было чрезвычайно угнетено и раздражено неуспѣхами голландскаго оружія и осложненіями, возникшими на Ломбокѣ вслѣдствіе избіенія 25 августа. Оно громко взывало къ мщенію и требовало наказанія виновнаго, которому приписы-

вало всѣ бѣдствія, постигшія голландцевъ. Общественное мнѣніе въ этомъ случаѣ заблуждалось, Парыгинъ былъ не причемъ, виновны были, и притомъ единственно и исключительно, военное управленіе, начальствующій генералъ ванъ-Гаммъ съ его штабомъ и самъ главнокомандующій въ Батавіи, генералъ-лейтенантъ Феттеръ. Никто изъ этихъ начальствующихъ лицъ не понялъ и не вникнулъ, какъ бы слѣдовало, въ условія, при которыхъ имѣетъ совершиться кампанія, и театръ военныхъ дѣйствій не былъ предварительно изученъ. Голландцы, по собственному признанію, отъ генерала до солдата, выказали самую непонятную неподготовленность и безпечность. При подобныхъ условіяхъ нельзя было удивляться если разразилась катастрофа надъ экспедиціоннымъ отрядомъ. Катастрофу эту ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало приписывать ни въ чемъ неповинному Парыгину.

Но такъ какъ настоящихъ виновниковъ Ломбокскаго фіаско, главнокомандующаго съ его штабомъ, неудобно было привлекать къ отвѣтственности, а съ другой стороны настоятельно необходимо было отыскать и примѣрно наказать виновнаго, хотя бы таковымъ оказалась личность темная и невѣдомая, то Парыгинъ и сыгралъ въ ломбокской драмѣ печальную роль козлища отпущенія.

Защитникъ Парыгина, адвокатъ ванъ-Г., съ рѣдкимъ безпристрастіемъ обнаружилъ на судѣ всѣ закулисныя стороны этого дѣла, отстаивая по пунктамъ интересы своего злополучнаго кліента. Ванъ-Г. съ удивительною беззастѣнчивостью, а съ его легкой руки также и сурабайская газета «Soerabajasch Handelsblad» высказали, что Парыгинъ не что иное, какъ намѣченная и заранѣе обреченная на закланіе жертва именно военнаго управленія. Выражено это было съ откровенностію, поразительною для газеты, выходящей въ Нидерландской Индіи, гдѣ всѣ органы печати строго контролируются высшею властію гражданскаго управленія. «Handelsblad» осыпала упреками и даже ругательствами главнокомандующаго и его приближенныхъ за выказанную этими лицами «блистательную неспособность», небрежность и самомнѣніе. «Такихъ господъ слѣдовало бы судить военнополевымъ судомъ, а не награждать орденами, какъ то сдѣлано было послѣ кампаніи»,—открыто заявляла сурабайская газета.

Удивительно, какъ статья эта, чрезвычайно рѣзкая по формѣ и прямо оскорбительная по содержанію для генерала Феттера, вообще допущена была къ печатанію, тогда какъ гражданское управленіе, въ силу широкихъ предоставленныхъ ему полномочій, могло не только воспретить эту статью, но еще подвергнуть автора ея преслѣдованію и штрафу. Между тѣмъ ничего подобнаго не случилось.

Объясняютъ это поразительное долготерпѣніе и снисходительность правительства тѣмъ будто бы обстоятельствомъ, что генералъ-губернаторъ былъ не въ ладахъ съ генералъ-лейтенантомъ Феттеромъ и не сходился съ главнокомандующимъ ни во мнѣніяхъ

нія во взглядахъ относительно того, какъ слѣдуетъ вести колоніальныя войны вообще, Ломбокскую же экспедицію въ особенности. Упрямый Феттеръ повелъ ее по-своему, игнорируя многія полезныя указанія болѣе его опытнаго въ колоніальныхъ дѣлахъ генералъ-губернатора ванъ-деръ-Вейка.

Негодуя на ограниченнаго Феттера, ванъ-деръ-Вейкъ, говорятъ, не прочь былъ дать ему почувствовать, что и публика не одобряетъ такого метода войны спустя рукава, хотя бы воевать приходилось съ дикими и болѣе или менѣе неорганизованными балійцами.

За невозможностью, однако, судить генерала Феттера и его штабъ обрушились на Парыгина. Какъ его судили, разсказано было выше. Не подлежитъ сомнѣнію, что весь допросъ веденъ былъ съ пристрастіемъ. При подобной постановкѣ допроса, когда разбушевавшееся и негодующее общественное мнѣніе à tout prix неистово требовало отомщенія и жертвы искупительной, можно было заранѣе безошибочно угадать, какой приговоръ вынесенъ будетъ сурабайскимъ трибуналомъ.

Парыгинъ своею особою и своею свободою заплатилъ за все и за всѣхъ. Общественное мнѣніе было удовлетворено и аплодировало рѣшенію судей. Враждебное нашему герою настроеніе было въ этотъ моментъ во всей Нидерландской Индіи настолько общее и сильное, что даже добросовѣстный и всегда справедливый генералъ-губернаторъ ванъ-деръ-Вейкъ не счалъ возможнымъ воспользоваться предоставленнымъ генералъ-губернаторской власти правомъ помилованія. Онъ могъ лишь отмѣнить смертную казнь и замѣнить этотъ не въ мѣру суровый приговоръ продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Надо было выждать болѣе благопріятнаго момента, когда ломбокскій эпизодъ отойдетъ въ область прошлаго и преданъ будетъ забвенію. Лишь года два, три спустя можно было рискнуть, если не на полное помилованіе, то по меньшей мѣрѣ на значительное смягченіе и сокращеніе срока наказанія.

Парыгину въ этомъ отношеніи счастіе благопріятствовало: въ августѣ 1898 г. по случаю совершеннолѣтія молодой королевы Вильгельмины и вступленія ея на нидерландскій престолъ, послѣдовала общая амнистія, въ которую включенъ былъ также и Парыгинъ.

Его къ 31-му августа помиловали съ воспрещеніемъ возвращаться въ предѣлы Нидерландской Индіи. Но голландцы при этомъ сдѣлали существенную оговорку. Они естественно не желали и не могли дать Парыгину безусловную свободу и дозволеніе удалиться на всѣ четыре стороны. Они опасались, какъ бы Парыгинъ, выпущенный на свободу, не поселился гдѣ нибудь по близости Явы, напримѣръ, въ сосѣднемъ Сингапурѣ, откуда онъ снова могъ бы агитировать и интриговать противъ голландцевъ, этотъ разъ уже

на иной почвѣ, въ Атчинѣ, при томъ съ вѣдома и даже при тайномъ содѣйствіи англичанъ, которые, какъ извѣстно, всегда радуются затрудненіямъ своихъ сосѣдей, когда сами не вызываютъ и не создаютъ подобныхъ замѣшательствъ въ расчетѣ, что въ мутной водѣ легче рыбу ловить.

Англичане, быть можетъ, выставили бы впередъ Парыгина въ видѣ политической жертвы произвола индонидерландскаго управленія. Они снарядили бы ожесточеннаго уже противъ голландцевъ русскаго авантюриста на Суматру съ тѣмъ, чтобы подстрекать атчинцевъ къ сопротивленію и чтобы фельдцейхмейстерствовать надъ ними.

Подобное предположеніе и еще болѣе осуществленіе въ дѣйствительности такого великобританскаго ехидства представлялись, однако, мало вѣроятными. Надо было скорѣе всего предвидѣть, что Парыгинъ счастливъ будетъ и поспѣшитъ употребить столь дорогó наконецъ купленную свободу съ большею для себя пользою. Онъ дѣйствительно достаточно насидѣлся въ голландскихъ тюрьмахъ, въ Батавіи, затѣмъ въ Сурабаѣ и наконецъ въ Самарангѣ, куда его перевели послѣ сурабайскаго видоизмѣненнаго вердикта. Содержали его, какъ и вообще всѣхъ узниковъ, прекрасно, кормили порядочно, лѣчили, когда онъ хворалъ, предоставляли достаточную долю свободы въ предѣлахъ тюремныхъ стѣнъ, но, тѣмъ не менѣе, долгое лишеніе свободы, нравственное постоянное возбужденіе напряженнаго ума и нервовъ и прежде всего убійственный климатъ Явы наложили свою печать на злополучнаго страдальца. Онъ часто болѣлъ неизбѣжною и упорною въ этомъ климатѣ лихорадкою, осунулся и постарѣлъ. При такихъ условіяхъ Парыгинъ, конечно, ни одной минуты не могъ думать о новой политической или воинственной дѣятельности въ предѣлахъ этой постылой Индіи, которая оказалась столь фатальною для него во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ всѣми силами своего помышленія стремился только къ тому, чтобы такъ или иначе получить помилованіе, дабы выбраться наконецъ на вѣки обратно въ Европу.

Какъ бы то ни было, въ умѣ голландскихъ властей почему-то составилось представленіе о возможности и впредь новой активной роли Парыгина, въ смыслѣ и направленіи, конечно, враждебныхъ для интересовъ Голландіи и ея колоніи.

Вотъ почему необходимо было себя оградить и обезпечить впредь отъ подобнаго retour offensif со стороны бывшаго канцлера и фельдцейхмейстера его величества раджи Ломбокскаго.

Сингапуръ и не безосновательно считается на крайнемъ востокѣ тихимъ пристанищемъ для всякаго международнаго сброда всѣхъ цвѣтовъ кожи и всѣхъ національностей. Тамъ, лишь бы они не совершали преступленій, слишкомъ уже возмущающихъ общественную совѣсть, господа мошенники, авантюристы и вообще личности от-

пѣтыя, безъ профессіи, безъ паспортовъ и безъ средствъ, живутъ у снисходительныхъ англичанъ, какъ у Христа за пазухой, то-есть припѣваючи. Изъ своей главной квартиры, Сингапура, болѣе ловкіе и болѣе смѣлые аферисты предпринимаютъ даже не всегда благовидныя экспедиціи съ «комерческими» цѣлями въ сосѣдніе Сіамъ, Тонкинъ и въ Нидерландскую Индію.

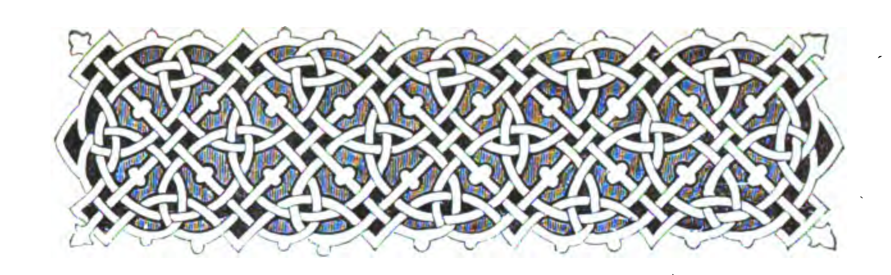
Понятно, почему голландцы, выпуская на свободу прощеннаго въ силу амнистіи Парыгина, особенно и спеціально озаботились тѣмъ, чтобы гарантировать себя противъ поселенія этого дѣятеля у нихъ подъ носомъ въ Сингапурѣ. Для достиженія этой цѣли голландскія власти предложили соотечественника нашего изъ его тюрьмы въ Самарангѣ перевести на голландскій пароходъ, идущій прямо въ Амстердамъ или Роттердамъ на Падангъ (на островѣ Суматрѣ), то-есть не заходящій въ Сингапуръ. Изъ Голландіи Парагина имѣлось въ виду отправить въ Россію, гдѣ бы съ нимъ распорядились далѣе и согласно обстоятельствамъ.

Комбинація эта, впослѣдствіи и осуществившаяся, имѣла, кромѣ своей практичности, еще и двоякое преимущество,—она въ одинаковой степени удовлетворяла обѣ непосредственно заинтересованныя стороны: голландцевъ, которые такимъ образомъ получали фактическое обезпеченіе въ томъ, что «Париганъ» на вѣки покончилъ свою роль въ Индіи, и самого героя нашего. Парыгинъ дѣйствительно неустанно и упорно всѣмъ и каждому твердилъ, писалъ и повторялъ одно: я русскій подданный, въ Россіи я вины никакой за собою не знаю и ничего никогда не совершилъ тамъ преступнаго или предосудительнаго. Пусть меня освободятъ изъ голландскаго плѣна и препроводятъ на родину, въ Россію.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, которые на нѣсколько мѣсяцевъ еще задержали Парыгина въ Индіи, пока не достигнуто было соглашеніе по вопросу, какимъ путемъ и образомъ его отправить въ Европу, амнистированнаго героя нашего, въ 1899 году, наконецъ окончательно выпустили на свободу. Его на голландскомъ пароходѣ доставили въ Портъ-Саидъ, а оттуда препроводили въ Россію уже на русскомъ пароходѣ.

М. Бакунинъ.

АРЕСТЪ И ССЫЛКА В. Н. КАРАЗИНА.

ВЪ НОЧЬ съ 16 на 17 октября 1820 г. въ казармахъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка вспыхнулъ бунтъ, вызванный неблагоразумнымъ и неосторожнымъ обращеніемъ съ нижними чинами полкового командира, полковника Шварца. Безпорядокъ былъ быстро усмиренъ, и 18 числа весь Семеновскій полкъ сидѣлъ уже въ равелинахъ Петропавловской крѣпости, а 2 ноября полкъ былъ раскассированъ, и виновные преданы суду.

Разбирать, кто изъ семеновцевъ былъ виновенъ и въ чемъ, — не входитъ въ предѣлы нашей замѣтки. Мы знаемъ только, что въ числѣ виновныхъ пострадалъ и одинъ невинный. Невинный этотъ былъ основатель Харьковскаго университета В. Н. Каразинъ, котораго злая судьба привела въ Петербургъ какъ разъ въ роковые октябрьскіе дни.

«Во время несчастнаго происшествія въ Семеновскомъ полку,—разсказывалъ впослѣдствіи объ этомъ дѣлѣ графъ Кочубей въ письмѣ къ Дибичу,—подкинутъ былъ на дворѣ Преображенскихъ казармъ (что у Таврическаго сада) пасквиль самый злостный, коимъ полкъ Преображенскій вызываемъ былъ возстать на защиту и освобожденіе сослуживцевъ своихъ и пр.» [1]). Пасквиль этотъ былъ дѣйствительно самаго непозволительнаго свойства. Онъ оканчивался призывомъ къ возстанію: «спѣшите слѣдовать сему плану, и я къ вамъ явлюсь по зачатіи сихъ дѣйствій». Подпись на прокламаціи гласила: «любитель отечества и сострадатель несчастныхъ. Единоземецъ».

---

[1]) Шильдеръ. Имп. Александръ I, т. IV, прил. X.

Кто былъ авторъ прокламаціи, повидимому, такъ и не удалось выяснить опредѣленно. Подозрѣніе, однако, явилось и пало на Каразина. И почеркъ, и слогъ Каразина были хорошо извѣстны и самому императору, и его ближайшимъ сотрудникамъ. Къ тому же въ послѣднее время Каразинъ постарался напомнить о себѣ правящимъ кругамъ и письмами, и проектами, и наконецъ личными бесѣдами. Къ несчастью В. Н., почеркъ прокламаціи, прямой и ровный, совершенно совпалъ съ его почеркомъ, а фразы и отдѣльныя выраженія были его фразами. Къ тому же основатель Харьковскаго университета давно былъ извѣстенъ и государю, и министрамъ, какъ человѣкъ безпокойный, постоянно сующійся не въ свое дѣло. «Давно уже обратившійся изъ маркиза Позы въ докучливаго и непрошеннаго сочинителя разныхъ записокъ», Каразинъ надоѣлъ всѣмъ, но и до сихъ поръ не былъ въ состояніи понять своей настоящей, довольно таки жалкой роли. Не далѣе какъ три года тому назадъ В. Н. навлекъ на себя серіозное неудовольствіе императора, подавъ ему какой-то проектъ во время посѣщенія имъ Харьковскаго университета, «ибо,—говоритъ очевидецъ этой сцены Данилевскій, — его величество не любилъ, чтобы ему лично представляли бумаги, которыя надлежали итти законнымъ порядкомъ, принятымъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ» [1]), а чего не любилъ государь, того, конечно, не любили и министры. Однако, несмотря на явное неблаговоленіе, В. Н. и на сей разъ явился въ Петербургъ съ цѣлой кучей проектовъ и записокъ. Изъ описи бумагъ Каразина, хранящейся въ дѣлахъ военно-ученаго архива главнаго штаба, видно, что въ числѣ такихъ проектовъ, напримѣръ, былъ проектъ объ основаніи «общества добрыхъ помѣщиковъ, друзей отчизны»; затѣмъ «записка въ разсужденіи общественнаго просвѣщенія», записка о злоупотребленіяхъ въ продажѣ людей, записка, или, какъ она названа въ офиціальной бумагѣ, «мечтанія» о какомъ-то новомъ образѣ провинціальнаго правленія; рядомъ съ этими «мечтаніями» шла «записка о необходимости монархическаго правленія» и письмо неизвѣстнаго о винныхъ промыслахъ въ Бѣлоруссіи. На свои проекты В. Н. не смотрѣлъ, какъ на упражненія, такъ сказать, академическаго характера, а старался провести ихъ въ жизнь путемъ воздѣйствія на сильныхъ міра сего, при помощи письменныхъ сношеній и устныхъ собесѣдованій. Изъ того же списка бумагъ Каразина мы видимъ, что онъ писалъ какое-то письмо къ самому государю для Пукалова, какъ извѣстно, имѣвшаго сильное вліяніе на всемогущаго уже въ то время графа Алексѣя Андреевича Аракчеева; съ княземъ Вяземскимъ и графомъ Шуваловымъ Каразинъ состоялъ въ перепискѣ; у петербургскаго военнаго губернатора Милорадовича бывалъ въ домѣ, а съ Кочубеемъ

---

[1]) Шильдеръ, IV, стр. 76.

былъ, повидимому, очень близко знакомъ; въ этомъ насъ убѣждаетъ найденный у Каразина рядъ писемъ къ Кочубею о разныхъ государственныхъ предметахъ и какія-то тетради, повидимому, имѣвшія связь съ содержаніемъ писемъ. Нашлись у Каразина и другія «записки весьма важныя», но каково было ихъ содержаніе —не знаемъ, ибо реестра имъ въ свое время сдѣлано не было.

Каково же было направленіе всѣхъ этихъ писемъ, записокъ и проектовъ? Полагать надо, чего нибудь очень либеральнаго, потрясающаго, такъ сказать, основы, въ нихъ не было, да и быть не могло. На основателѣ Харьковскаго университета успѣлъ уже въ достаточной мѣрѣ отразиться и пятидесятилѣтній возрастъ и общій духъ времени. Общественная жилка попрежнему продолжаетъ въ немъ биться, но направленіе его идей уже не то, что 20 — 15 лѣтъ тому назадъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Кочубею онъ «жалуется на вольность нашихъ стихотворцевъ», а въ другомъ придаетъ важное значеніе пустой и безграмотной бумажонкѣ, которую и препровождаетъ въ строгой тайнѣ на разсмотрѣніе министра, какъ видимое доказательство безпечности правительственныхъ чиновниковъ къ интересамъ правительства. Въ одномъ изъ петербургскихъ домовъ Каразину дали на прочтеніе стихи такого содержанія:

Ну, ребята, чуръ дружнѣе
За товарищей стоять:
Съ злымъ начальствомъ жить тошнѣе
Отъ него, чѣмъ почивать.
Полно, полно! ужъ доколѣ
Намъ на сихъ тварей смотрѣть?
Лучше быть солдатомъ въ полѣ,
Чѣмъ ихъ глупости терпѣть.
Намъ къ терпѣнью ль пріучаться,
Стужу, голодъ преносить?
Но съ друзьями лишь разстаться...
Ахъ! что жъ дѣлать, какъ же быть?

Попались эти стихи Каразину, нѣсколько дней спустя послѣ 17 октября, а авторомъ ихъ, какъ ему сказали, былъ какой-то полковникъ. Этого было достаточно, чтобы В. Н. придалъ безграмотной бумажкѣ нарочито важное значеніе. Препровождая ее къ Кочубею, онъ пишетъ: «Испытайте, сіятельнѣйшій графъ! нарочно помолчать о сей бумагѣ, не давая о ней приказанія чиновнику особенной вашей канцеляріи, чтобы увидѣть, сколь скоро будетъ донесено о ней официально, и удостовѣриться, что правительство позже всѣхъ обыкновенно извѣщается о подобныхъ вещахъ». Бумажка, которой придалъ такое важное значеніе Каразинъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась вздоромъ. По разслѣдованію, произведенному Кочубеемъ, оказалось, что возмутительные стихи шли совсѣмъ не оттуда, откуда ихъ предполагали; въ академіи художествъ былъ «une espèce d'insurrection d'écoliers», вызванный излишней

экономіей начальства въ отношеніи ученическаго стола; нѣсколькихъ учениковъ исключили, и вотъ кто-то изъ оставшихся или исключенныхъ безграмотными стихами побуждалъ будущихъ художниковъ «дружнѣе за товарищей стоять», хотя бы съ рискомъ попасть подъ красную шапку [1]).

Въ то время, когда семеновцы бунтовали, а Каразинъ знакомилъ министровъ съ своими проектами, императоръ Александръ совѣщался въ Троппау съ хитроумнымъ Меттернихомъ о средствахъ обузданія безпокойнаго духа подданныхъ неаполитанскаго короля. При томъ настроеніи, въ которомъ находился Александръ Павловичъ, въ конецъ запуганный призракомъ гидры безначалія, вѣсть о семеновскихъ безпорядкахъ не могла не повліять на него самымъ удручающимъ образомъ. Громко выражая передъ посторонними мнѣніе, что «il n'y a là dedans point de demagogie», государь въ то же время откровенно признавался Меттерниху, что, по его мнѣнію, семеновская исторія — дѣло радикаловъ, устроившихъ бунтъ для того, чтобы застращать его и принудить вернуться въ Петербургъ. Что таково было мнѣніе государя,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо таково же было мнѣніе и лицъ, ближе стоящихъ къ войску. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ по поводу семеновской исторіи высказывалъ мнѣніе, что «зараженіе умовъ есть генеральное», а графъ Аракчеевъ полагалъ, что «тутъ дѣйствовали съ намѣреніемъ», что «сія ихъ работа есть пробная, и должно быть осторожнымъ, дабы еще не случилось чего подобнаго».

Подозрѣніе, что семеновская исторія — дѣло радикаловъ, получило твердое основаніе, когда въ Троппау доставлена была возмутительная прокламація по адресу преображенцевъ. Demagogie дѣйствительно существовала въ Петербургѣ, а демагогъ, авторъ прокламаціи,—это, конечно, безпокойный Каразинъ: его вѣдь почеркъ, его и дѣло. А если даже и не онъ, что нужды? При «генеральномъ зараженіи умовъ» оставлять такого безпокойнаго человѣка на свободѣ значитъ подносить факелъ къ пороховому ящику. И участь безпокойнаго человѣка была рѣшена.

25 ноября, въ Петербургъ прискакалъ изъ Троппау курьеръ съ бумагами къ министрамъ, въ томъ числѣ и къ Кочубею. Вникнувши хорошенько въ то, что ему было писано на счетъ Каразина, Кочубей «не нашелъ никакого мотива, который могъ бы отдалить его арестъ» (aucun motif qui dût éloigner son arrestation).

Арестъ обставленъ былъ большими предосторожностями. «Я,— писалъ Кочубей къ государю 26 ноября,—сговорился съ военнымъ губернаторомъ. Боясь не застать Каразина на квартирѣ въ теченіе дня, потому что его довольно часто не бываетъ дома, и такимъ

[1]) Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. I, дѣло № 532.

образомъ доставить ему средства принять прямыя или косвенныя мѣры для того, чтобы удалить на сторону или даже уничтожить свои бумаги, мы согласились съ графомъ Милорадовичемъ на томъ, что сегодня вечеромъ, между 4 и 5 часами, онъ будетъ приглашенъ къ нему, арестованъ и тотчасъ же отправленъ въ Шлиссельбургъ, между тѣмъ какъ въ это же время генералъ Горголій съ полицейскимъ чиновникомъ захватятъ его бумаги, приложатъ къ нимъ печати и доставятъ ихъ ко мнѣ.

«Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я не только не обращусь къ лицу, которое ваше величество мнѣ указали въ качествѣ сторонняго свидѣтеля при разсмотрѣніи этихъ бумагъ, но и постараюсь, несмотря на необходимость и слишкомъ большую массу бумагъ, не допускать къ этому никого изъ чиновниковъ. Я предложу графу Милорадовичу вскрыть пакеты вмѣстѣ со мною и сообща сдѣлать обозрѣніе ихъ содержимаго. Надѣюсь, государь, прежде чѣмъ запечатать это письмо, донести вамъ, что Каразина больше здѣсь нѣтъ. Не могло существовать никакого препятствія къ его отсылкѣ въ Шлиссельбургъ, и я надѣюсь, какъ и ваше величество, что для него тамъ болѣе подходящее мѣсто, чѣмъ въ равелинѣ Петербургской крѣпости. (Qu'il y sera plus convenablement, qu'au ravelin de forteresse de Pétersburg)».

Совершилось, какъ по писанному. Въ шесть часовъ вечера Кочубею донесли, что Каразина нѣтъ уже въ городѣ.. Съ рапортомъ объ этомъ къ графу явился офицеръ, который провожалъ В. Н. до петербургской заставы.

Былъ ли, однако, самъ Кочубей, находившій Шлиссельбургъ подходящимъ для Каразина мѣстомъ, увѣренъ, что авторъ прокламаціи дѣйствительно Каразинъ? Врядъ ли? Въ этомъ удостовѣряетъ насъ то же письмо къ государю, выдержку изъ котораго мы только что привели. Кочубей писалъ, что онъ смотритъ на открытіе автора пасквиля, какъ на предметъ величайшей важности. «Всѣ средства,—говоритъ онъ,—были для этого употреблены, но безполезно. Возможно было только добиться увѣренности, безъ сомнѣнія, довольно важной, что другого экземпляра не существуетъ. Ваше величество легко убѣдитесь, что розыски по столь важному дѣлу могли вестись только съ величайшей осторожностью. Нужно было хранить абсолютную тайну относительно существованія такого документа. Малѣйшая гласность возбудила бы общее безпокойство, а авторамъ дала бы поводъ радоваться, что документъ въ рукахъ правительства, и надѣяться, что оно увлечется ложными мѣрами, въ то время какъ его ролью должно быть видимое безстрастіе; малѣйшій слухъ объ этой бумагѣ заставилъ бы работать головы полицейскихъ чиновниковъ, которые въ надеждѣ на награду могли бы поднять цѣлыя исторіи и отдалить истину отъ правительства. Руководясь этими соображеніями, я просилъ военнаго губернатора

спрятать эту бумажку какъ можно дальше и никому о ней ни слова. Такъ и сдѣлали, а полицейскимъ чиновникамъ сказали только о толкахъ, будто бы ходитъ въ публикѣ какая-то бумажка и т. д., и этого одного было достаточно, чтобы дать толчокъ изобрѣтательности нѣкоего флейтиста и полкового писаря. (A cela seul a suffi pour en faire forger un par un fifre et un écrivain de regiment). Я не предвижу, государь, никакой возможности, исключая какого нибудь счастливаго случая, открыть что нибудь болѣе точное относительно этого пасквиля. Чего бы я не далъ и не сдѣлалъ, чтобы этого добиться!» [1]).

Тѣмъ не менѣе дѣло о Каразинѣ шло надлежащимъ порядкомъ. Его привезли въ Шлиссельбургъ, допросили и заперли въ крѣпость, гдѣ онъ и просидѣлъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Только весною слѣдующаго 1821 г. черезъ графа Аракчеева было объявлено высочайшее повелѣніе объ освобожденіи В. Н. и о ссылкѣ его въ деревню.

2 іюня Каразинъ съ фельдъегеремъ, поручикомъ Марковичемъ, былъ доставленъ въ Харьковъ. Отъ того же числа до насъ дошли два письма В. Н. Одно изъ нихъ гласило:

«Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь! Пользуясь симъ случаемъ, вѣроятно, первымъ и послѣднимъ, хотя едва-едва въ рукахъ перо держать могу, чтобы увѣрить вашу свѣтлость въ томъ, что сохраню по гробъ чувствованія къ вамъ душевнаго, глубокаго почтенія и преданности, которыя ваши достоинства въ меня поселили. Простите и порадѣйте о мнѣ когда нибудь».

Другое письмо, писанное, какъ видно изъ помѣтки, въ 10 часовъ вечера того же дня, гораздо пространнѣе. «Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! Послѣ шестимѣсячнаго заключенія въ ужасномъ мѣстѣ и тяжкаго пути на почтовыхъ телѣгахъ, который не отвѣтствовалъ ни лѣтамъ моимъ, ни привычкѣ, я едва живой довезенъ до Харькова и первыя минуты употребляю на то, чтобы принести вашему сіятельству глубочайшую сердечную благодарность за содѣйствіе къ облегченію моей участи. Въ чемъ оная будетъ теперь состоять,—я еще не знаю. Все мое существо раздавлено и раздроблено. Имѣлъ я добрую жену и семерыхъ дѣтей,—не знаю, гдѣ они и когда съ ними увижусь. Имѣлъ доброе имя, лишили его невозвратно. Имѣлъ маленькое состояніе,—оно, вѣроятно, должно исчезнуть, ибо мои кредиторы, пользуясь моимъ уничиженіемъ, заставятъ продать его за безцѣнокъ. Я думаю, что въ несчастные эти шесть мѣсяцевъ заемныя письма и закладныя предъявлены, и мнѣ не дадутъ никакой пощады. Сжальтесь надъ бѣднымъ моимъ имуществомъ, добродушнѣйшій князь! Исходатайствуйте мнѣ у монарха позволенія написать послѣднее письмо въ собствен-

[1]) Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. I, дѣло № 532; Шильдеръ, IV, приложеніе IX.

ныя руки его императорскаго величества. Я не ропщу на жребій мой, точно такъ, какъ не роптал, дышавъ гнилыми парами каземата до 23 апрѣля, когда въ первый разъ впустили ко мнѣ струю свѣжаго воздуха, и писалъ извѣстный вашему сіятельству оскорбительный допросъ въ полдень при свѣчахъ, ибо такъ свѣтло было мое жилище! Не ропщу, сіятельнѣйшій князь, но благословляю и лобызаю руку, поразившую меня. Со всѣмъ тѣмъ я имѣю нужду успокоить мою совѣсть, не бывши увѣренъ въ дольшемъ продолженіи моей жизни. Я почитаю себя обязаннымъ передъ Богомъ и государемъ представить мой поступокъ съ истинной точки зрѣнія, дабы испросить не себѣ, но несчастному моему семейству, нѣкоторую пощаду, нѣкоторую помощь.

«PS. Простите безобразію сего письма: оно отвѣчаетъ моему душевному и тѣлесному состоянію».

Каразинъ былъ переданъ въ распоряженіе харьковскаго губернатора Муратова, который съ тѣмъ же Марковичемъ донесъ Кочубею, что имъ, Муратовымъ, получено высочайшее повелѣніе «объ опредѣленіи непремѣннымъ мѣстопребываніемъ Каразину помѣстья его и неослабномъ наблюденіи, дабы онъ онъ никуда не выѣзжалъ, а также объ обращеніи вниманія на людей, съ коими онъ будетъ имѣть сношеніе, и чѣмъ самъ будетъ заниматься». 4 іюня, какъ явствуетъ изъ рапорта Муратова, Каразинъ уже былъ доставленъ съ полицейскимъ чиновникомъ въ свой Кручикъ [1].

Опала съ В. Н. была снята только въ слѣдующее царствованіе. Просила объ этомъ жена Каразина, а содѣйствовалъ тотъ же графъ Кочубей. Разъясняя по просьбѣ Дибича обстоятельства, вызвавшія опалу, Кочубей писалъ: «я съ своей стороны присоединить себѣ позволю, что не можетъ, кажется, быть препятствія удовлетворить просьбѣ госпожи Каразиной... Заточеніе мужа ея въ деревнѣ можетъ быть дѣйствительно для семейства его разорительно, между тѣмъ какъ полагать можно, что собывшееся съ нимъ и лѣта успокоили пылкое его воображеніе».

28 октября 1826 г. послѣдовала резолюція касательно дальнѣйшей судьбы неисправимаго идеалиста: «Высочайше позволяется ему пребывать и въ Москвѣ, буде желаетъ, но съ тѣмъ, чтобы воздерживался отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго» [2].

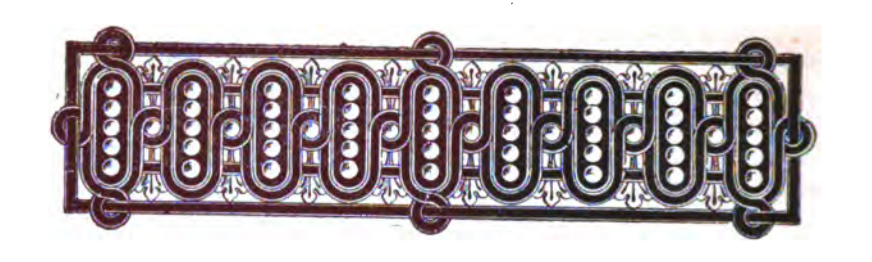
Д. П. Миллеръ.

---

[1]) Военно-ученый архивъ, отд. I, № 532.

[2]) Шильдеръ, IV, приложеніе X.

ПОСЛѢДНІЙ СМОТРЪ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА ВЪ 1852 ГОДУ.

(Изъ разсказа очевидца).

ЕРНОМОРСКІЙ флотъ, основанный императрицей Екатериной II, съ теченіемъ времени пріобрѣлъ нѣсколько своеобразный колоритъ.

Обиліе греческихъ колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря повело къ тому, что въ составѣ офицеровъ этого флота преобладалъ греческій элементъ; воспитанники морского кадетскаго корпуса, въ особенности принадлежащіе къ русскимъ дворянскимъ семьямъ, съ неохотой выходили на службу въ Черное море.

Такой составъ офицеровъ долженъ былъ отразиться и на дѣятельности нашего черноморскаго флота. Онъ какъ бы окунулся въ спячку, погруженный всецѣло въ мелкіе береговые интересы, мало заботясь о томъ, чтобы находиться на высотѣ возложенной на него задачи—быть стражемъ Россіи на югѣ и постоянной угрозой Константинополю.

Однако, подобный упадокъ нашего флота на Черномъ морѣ продолжался лишь до назначенія главнымъ командиромъ этого флота сначала адмирала Грейга, а потомъ, въ тридцатыхъ годахъ, адмирала Михаила Петровича Лазарева.

Грейгъ и въ особенности Лазаревъ безспорно должны считаться возродителями черноморскаго флота. Находясь во главѣ его въ теченіе семнадцати лѣтъ, Михаилъ Петровичъ провелъ черезъ свои

руки не одно поколѣніе офицеровъ и матросовъ и подготовилъ изъ нихъ тотъ несравненный матеріалъ, который вполнѣ оправдалъ труды Лазарева и на Синопскомъ рейдѣ и на бастіонахъ Севастопольскихъ, гдѣ со славою погибъ личный составъ Лазаревскаго, черноморскаго флота!

Адмиралъ Михаилъ Петровичъ сумѣлъ обставить завидными условіями службу въ Черномъ морѣ и этимъ привлекъ туда цвѣтъ нашей морской молодежи. Правильнымъ воспитаніемъ и руководствомъ онъ закалилъ въ молодыхъ морякахъ тотъ духъ товарищества и чувства долга, которые явились основой будущихъ геройскихъ подвиговъ черноморцевъ.

Отличаясь особымъ умѣніемъ выбирать себѣ помощниковъ, адмиралъ сгруппировалъ около себя лицъ, которыя впослѣдствіи составили гордость русскаго флота.

Лазаревъ не жалѣлъ ничего, чтобы лучше обставить жизнь нашихъ моряковъ, оторванныхъ отъ своихъ семей и заброшенныхъ въ глушь кавказскихъ береговъ, гдѣ большую часть года они должны были нести трудную крейсерскую службу.

Богатѣйшая библіотека, роскошнѣйшее офицерское собраніе, общій офицерскій столъ, были къ услугамъ офицеровъ и служили къ ихъ саморазвитію и сплоченности между собою.

Самъ адмиралъ слѣдилъ за каждымъ офицеромъ и пріѣзжалъ ихъ къ занятіямъ. Приглашая поочередно офицеровъ къ себѣ обѣдать, онъ знакомился съ ними, слѣдилъ за ихъ развитіемъ и волей-не-волей заставлялъ офицеровъ заниматься, чтобы къ слѣдующему обѣду не быть въ неловкомъ положеніи передъ адмираломъ.

Да и служба при Лазаревѣ была тяжела. Отстаиваться судамъ долго въ Севастополѣ не позволялось. Команды пріобрѣтали большую боевую опытность, постоянно крейсируя у непріятельскихъ кавказскихъ береговъ съ цѣлью прекратить подвозъ къ горцамъ боевыхъ припасовъ. И при такой-то боевой дѣятельности суда черноморскаго флота отличались замѣчательной щеголеватостью.

Въ 1852 году, адмиралъ Лазаревъ, скончавшійся въ Вѣнѣ, былъ временно замѣненъ адмираломъ Берхомъ, который, будучи очень преклоннаго возраста, начальствовалъ флотомъ номинально. Начальникомъ черноморскаго флота въ это время былъ знаменитый впослѣдствіи севастопольскій герой вице-адмиралъ Корниловъ.

Въ 1852 году, императоромъ Николаемъ былъ назначенъ очередной смотръ черноморскому флоту. Смотры эти производились государемъ разъ въ семь лѣтъ и обыкновенно соединялись съ осмотромъ кавалеріи, сосредоточенной на югѣ Россіи. Такимъ образомъ смотры флота были въ 1837, въ 1845 годахъ и послѣдующій смотръ приходился въ 1852 году.

Съ радостью черноморцы готовились представиться своему обо-

жаемому монарху. Удача или неудача смотра для флота имѣла большое значеніе, какъ въ виду рѣдко выпадавшаго счастья представляться государю, такъ и потому, что при соревнованіи балтійскаго и черноморскаго флотовъ и рѣзкой черты, проводимой между ними въ приказахъ, впечатлѣніе отъ смотра оставалось на продолжительный семилѣтній періодъ.

Незадолго передъ тѣмъ черноморскій флотъ обогатился новымъ громаднѣйшимъ 120-ти-пушечнымъ красавцемъ кораблемъ «Парижъ», на которомъ былъ поднятъ флагъ главнаго командира, адмирала Берха. Это было новѣйшее лучшее боевое судно нашего флота на Черномъ морѣ, имѣвшее уже въ своемъ вооруженіи батарею съ бомбическими орудіями, которыя только что еще вводились въ составъ вооруженія англійскаго флота.

Командиромъ «Парижа» былъ капитанъ 1-го ранга Истоминъ, впослѣдствіи знаменитый начальникъ Малахова кургана, погибшій на немъ 7-го марта 1855 года. Старшимъ офицеромъ былъ лейтенантъ П—нъ.

День прихода императора въ Севастополь изъ Одессы, а также и день смотра флота, былъ назначенъ 2-го октября.

Суда своевременно заняли назначенныя имъ по диспозиціи мѣста на большомъ рейдѣ. Адмиралъ Берхъ поднялъ свой флагъ именно на красавцѣ «Парижѣ», гдѣ и ожидалъ прибытія государя въ Севастопольскій рейдъ.

Въ виду отсутствія Корнилова, который находился за границей, къ адмиралу Берху на время смотра былъ командированъ княземъ Меншиковымъ его любимецъ, свиты его величества контръ-адмиралъ Васильевъ, тоже находившійся на «Парижѣ».

Вотъ на горизонтѣ показывается пароходъ «Владиміръ», на которомъ шелъ государь. Въ свитѣ его величества находились: эрцъ-герцогъ австрійскій Максиміліанъ (впослѣдствіи несчастный императоръ мексиканскій), принцъ Фридрихъ прусскій (впослѣдствіи императоръ германскій), князь Орловъ, князь Меншиковъ, бывшій въ то время начальникомъ главнаго морского штаба, а флагъ-капитаномъ государя былъ капитанъ 1-го ранга Истоминъ, братъ командира «Парижа».

Какъ только показался штандартъ на пароходѣ «Владиміръ», то по сигналу съ флагманскаго судна начался императорскій салютъ, и здѣсь-то съ «Парижемъ» приключилась непріятность, которая заставила командира и старшаго офицера пережить тяжелыя минуты, и которая могла испортить успѣхъ всего смотра. По недосмотру, для салюта зарядили орудія, находящіяся подъ парадным трапомъ, который отъ первыхъ же выстрѣловъ разбился вдребезги, и остатки его были выброшены въ море.

Чтобы понять критическое положеніе начальства «Парижа», надо вспомнить, что парусныя суда были очень высоки, и длина трапа

для подъема на верхнюю палубу на много превышала 3 сажени. Къ тому же было объявлено, что императоръ первымъ посѣтитъ «Парижъ», какъ флагманскій корабль, да, наконецъ, и какъ новое судно черноморскаго флота. Времени до посѣщенія императора оставалось какихъ нибудь полчаса.

Было отчего прійти въ смущеніе, и дѣйствительно адмиралъ Берхъ пришелъ въ полное отчаяніе.

Но не таковы были ученики Лазарева, чтобы растеряться отъ такой случайности! Напротивъ, у нихъ тотчасъ же закипѣла работа, дабы не лишиться счастья представиться царю.

Дѣло въ томъ, что, кромѣ парадснаго трапа, на каждомъ кораблѣ существовали палубные трапы. Изъ нихъ-то и рѣшено было въ нѣсколько минутъ приготовить трапъ для пріема государя императора.

Между тѣмъ, когда на «Парижѣ», противъ котораго уже успѣлъ стать на якорь пароходъ «Владиміръ», закипѣла спѣшная работа по изготовленію трапа, контръ-адмиралъ Васильевъ поторопился отправить къ князю Меншикову записку, въ которой увѣдомилъ его о происшествіи на «Парижѣ» и о невозможности государю посѣтить корабль.

Въ то же время Истоминъ, командиръ «Парижа», узнавъ о посылаемой Васильевымъ запискѣ, съ своей стороны поторопился предупредить брата своего, флагъ-капитана государя, о томъ, что онъ надѣется успѣть приготовить трапъ.

Государь вмѣстѣ со свитою переходитъ на катеръ. Князь Меншиковъ въ эту минуту докладываетъ ему, что «Парижъ» посѣтить нельзя, такъ какъ на немъ разбился парадный трапъ, и государю нельзя подняться на судно. Ни слова не отвѣтилъ Меншикову государь.

Тогда флагъ-капитанъ Истоминъ, какъ бы про себя, въ полголоса черезъ плечо сказалъ: «трапъ на «Парижѣ» готовъ».

И на это промолчалъ императоръ Николай Павлоничъ.

Но когда катеръ отвалилъ, то послѣдовало грозное приказаніе— на «Парижъ».

Къ этому времени на «Парижѣ» матросы успѣли кое-какъ смастерить примитивный трапъ.

Катеръ государя присталъ къ борту «Парижа», и командиръ его, Истоминъ, очевидно желая показать годность новаго трапа для подъема по немъ государя, спустился для встрѣчи его величества внизъ, тогда какъ по уставу онъ долженъ встрѣчать на верхней палубѣ.

— Капитанъ, ваше мѣсто на верху,—раздается звучный и грозный голосъ Николая Павловича, заставившій Истомина быстро подняться на верхъ.

На кораблѣ чувствовалась приближающаяся гроза—все присмирѣло и ждало появленія грознаго царя.

— Орловъ,—слышится внизу,—подымайся впередъ! Если тебя выдержитъ, то и мы пойдемъ.

И вотъ десятипудовый князь Орловъ начинаетъ подниматься по вновь сфабрикованному трапу, грузно ступая на каждую ступеньку.

За Орловымъ поднялся государь и, принявъ рапорты, не обошелъ, по обыкновенію, выстроившихся офицеровъ и караулъ, а суровый прошелъ на середину палубы и остановился около гротъмачты.

Окинувъ опытнымъ взоромъ щеголеватый «Парижъ», въ которомъ все дышало исправностью и лихостью, присущей черноморскому флоту, посмотрѣлъ государь на стоявшую передъ нимъ тысячную молодецкую команду экипажа, и все это сразу сгладило непріятное впечатлѣніе случайно изломаннаго трапа.

— Капитанъ, откуда ты набралъ такихъ молодцовъ?—ласково сказалъ государь, переходя съ грознаго вы на привычное ты.—Здорово, молодцы!

И вмѣстѣ съ могучимъ радостнымъ «здравія желаемъ» всѣ на кораблѣ почувствовали, что гроза миновала, что царь своимъ чуткимъ окомъ достойно оцѣнилъ и «Парижъ» и его команду.

— Покажи мнѣ корабль!

Послѣ этого начался подробный осмотръ корабля съ верху до низа.

Когда государь сошелъ въ трюмъ, блестяще освѣщенный 114 матовыми лампочками и содержавшійся въ такой щеголеватости и чистотѣ, что нельзя было предположить, что этотъ корабль большую часть года несетъ трудную крейсерскую службу, то государь не могъ скрыть своего удовольствія.

Остановившись по срединѣ, при чемъ высота трюма позволяла во весь ростъ стоять, не сгибаясь и не снимая каски, государь обратился къ князю Меншикову:

— Меншиковъ, скажи, пожалуйста, отчего ты мнѣ въ Балтійскомъ морѣ не показываешь корабли такъ, какъ показалъ мнѣ сегодня Истоминъ—отъ клотика (верхняя точка мачты) до киля?

На это со стороны князя Меншикова послѣдовалъ отвѣтъ, что въ Балтійскомъ морѣ нѣтъ такихъ большихъ судовъ, какъ въ Черномъ.

Поднявшись послѣ осмотра корабля въ гондекъ, государь сталъ у шпиля и потребовалъ барабанщика.

— А ты, старикъ, прячься за меня,—сказалъ онъ адмиралу Берху:—а то собьютъ!—и приказалъ ударить тревогу.

За тревогой послѣдовало ученіе при орудіяхъ, потомъ парусное ученье и такъ дальше.

Тридцать шесть разъ молодецкая команда получила во время смотра царское «спасибо».

Отбывая съ «Парижа», государь командиру его, Истомину, пожаловалъ Владиміра на шею, а старшему офицеру, лейтенанту П—ну, штабъ-офицерскіе эполеты.

Такъ блестяще кончился для «Парижа» смотръ, начавшійся при такой неблагопріятной обстановкѣ,—смотръ, о которомъ очевидецъ и теперь, спустя 47 лѣтъ, не можетъ вспомнить безъ умиленія къ тому обаянію, которымъ пользовался императоръ Николай Павловичъ!

А. Заіончковскій.

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ НА САХАЛИНѢ [1].

XVII.

Заманчивость безыскусственной природы. — Лѣсные жители Америки. — Гиляки Сахалина. — Чубукъ и Матрёнка. — Добродушный Канка. — Взаимные подарки. — Нечистоплотность гиляковъ. — Ихъ пріемъ и угощеніе.

Ъ МОЛОДОСТИ, подъ вліяніемъ чтенія Густава Эмара и Майнъ-Рида, моя воспаленная фантазія часто витала въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки. Удивительныя приключенія, отважная борьба съ дикими животными, мужественныя отраженія хитрыхъ враговъ, великодушіе къ плѣннымъ, благородное и честное поведеніе, вѣрность въ своемъ словѣ,—все это представлялось въ крайне заманчивой картинѣ и сильно влекло на Дальній западъ къ краснокожимъ.

— Вотъ она, настоящая жизнь!—думалъ я про себя, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ.—Тамъ въ степяхъ и лѣсахъ не надо всей этой ложной условности цивилизованнаго міра. Тамъ все правда! Безыскусственная природа никогда не лжетъ. А когда всюду видишь отраженіе чистѣйшей правды, самъ заражаешься ею и поневолѣ не лжешь, да и нѣтъ надобности. Оттого дикіе народы правдивѣе цивилизованныхъ европейцевъ. Нѣтъ, надо уѣхать отсюда...

Эти думы были первымъ побужденіемъ сдѣлаться морякомъ и уѣхать въ Америку. Но когда впослѣдствіи мнѣ пришлось мчаться съ бѣшеной быстротой въ роскошномъ пульманскомъ вагонѣ по

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», февраль, 1900 г., т. LXXIX, стр. 631.

Скалистымъ горамъ, и я воочію познакомился съ жалкою жизнью послѣднихъ могиканъ, явилось горькое разочарованіе. Это не тѣ гордые команчи или корасы Эмара, важные, молчаливые. Большинство мною встрѣчаемыхъ индіанъ были несчастные нищіе, съ угрюмыми лицами, низкорослые, бѣдно одѣтые. И даже тѣ, которые жили въ малозаселенныхъ странахъ, тоже утратили свой воинственный независимый характеръ и мирно занимались звѣриною охотою и рыбною ловлею.

Совершенно такое же жалкое впечатлѣніе производятъ и аборигены сѣвернаго Сахалина—гиляки. Когда я въ первый разъ увидѣлъ группу гиляковъ, идущихъ вслѣдъ одинъ другому, съ черными какъ смоль волосамп, съ ружьями на плечахъ, съ палками въ рукахъ для самообороны отъ русскихъ собакъ, мнѣ сейчасъ же вспомнились остатки лѣсныхъ жителей современной сѣверо-западной части Соединенныхъ Штатовъ, также ходящихъ гуськомъ, такихъ же молчаливыхъ, съ такими же черными, непокрытыми волосами.

Мнѣ очень хотѣлось познакомиться поближе съ гиляками, и это оказалось не такъ трудно. Стоило лишь пригласить ихъ въ гости, угостить хорошенько настоемъ кирпичнаго чая съ хлѣбомъ, оказать имъ ласку и маленькое вниманіе, и они готовы были просидѣть у тебя хоть цѣлый день.

— Ну, вотъ,—сказалъ я себѣ,—твои юношескія желанія исполняются. Теперь ты не мечтою, а самою дѣйствительностью живешь среди самой дикой обстановки, которая сдѣлала бы честь любому роману Эмара. Здѣсь есть въ настоящемъ смыслѣ и дѣвственные лѣса, и разбойники, и пограничные бродяги, и охотники на бурыхъ медвѣдей, и своеобразныя некультурныя дѣти лѣсовъ...

Да, все это есть, но нѣтъ никакой поэзіи въ сочетаніи этихъ элементовъ сахалинской жизни. Все это придавлено, пришиблено страшнымъ игомъ каторги и связано цѣпями насилія подъ угрозою дамоклова меча мѣстныхъ командъ. Здѣсь нѣтъ главнаго для поэтической жизни авантюриста—свободы!

Даже туземные жители—гиляки, когда-то просторно селившіеся по берегамъ рыбныхъ рѣкъ, и тѣ съ основаніемъ каторги и поселенческихъ колоній принуждены сжаться, уступить насиженныя мѣста русскимъ и влачить свое жалкое существованіе, едва перебиваясь въ здѣшнюю долгую зиму небольшимъ запасомъ юколы (вяленой рыбы). Теперь съ каждымъ годомъ у нихъ является все болѣе и болѣе конкурентовъ и въ рыбной ловлѣ, и въ охотѣ на соболя.

Ближайшіе тымовскіе гиляки скоро полюбили нашу квартиру и приходили къ намъ не только попарно, но и цѣлыми семействами. Всѣхъ ихъ, какъ здѣсь принято, мы называли «друзьями», но не всѣ они пользовались нашею симпатіею. Какъ нарочно, первые наши знакомые гиляки были не особенно пріятны. Напримѣръ,

однимъ изъ первыхъ нашихъ гостей былъ Чубукъ. Этотъ, кажется, никогда неулыбающійся гилякъ, лѣтъ пятидесяти, суровый, молчаливый, никому не былъ симпатиченъ. Можетъ быть, этому способствовала его худая слава, какъ безжалостнаго преслѣдователя сбѣжавшихъ каторжниковъ.

— Онъ много-много убилъ русскихъ!—рекомендовали его старожилы ссыльные.

Его жена, съ русскимъ прозвищемъ Матрёнки, страшная попрошайка и большая любительница тереться по кухнямъ чиновниковъ, тоже не особенно располагала къ себѣ.

Есть и среди гиляковъ типъ нищаго-профессіонала. Это хорошо извѣстный всѣмъ на Сахалинѣ сѣдой, морщинистый, сильно волосатый старикъ Юскунъ. Онъ тоже не замедлилъ къ намъ явиться за подаяніемъ. Обходя русскія селенія обоихъ округовъ, Юскунъ всегда находилъ пріютъ или у поселенцевъ, или на кухнѣ чиновниковъ. Общеніе съ русскими у него отразилось и на костюмѣ, спитомъ изъ арестантскаго сѣраго сукна. Онъ часто фигурируетъ на сахалинскихъ фотографіяхъ, но большой симпатіей, кажется, ни у кого не пользуется.

Очевидно, это были люди, испорченные сосѣдствомъ каторги. Но приходили къ намъ и нетронутыя нашею цивилизаціею настоящія дѣти природы. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю семейство Канки. Этотъ небогатый гилякъ, покрытый множествомъ морщинъ, вѣроятно, всегда озабоченный вопросомъ о продовольствіи своей семьи, на видъ былъ тоже угрюмый, даже суровый человѣкъ; но стоило лишь перекинуться съ нимъ двумя-тремя словами, какъ легко убѣждаешься, какое добродушіе кроется подъ этою нѣсколько сумрачною наружностью!

Его приходъ всегда возбуждалъ искреннюю радость.

— А, Канка пришелъ!.. Здорово, другъ!.. Ну, что, другъ? Ну, какъ, другъ?..

Обыкновенно эти громкія восклицанія сопровождались близкимъ засматриваніемъ въ лицо и радостнымъ смѣхомъ. Въ отвѣтъ на шумныя привѣтствія онъ тоже радостно смѣялся, показывая свои здоровые, желтоватые зубы. Поздоровавшись со всѣми за руку, Канка доставалъ гостинецъ и торжественно передавалъ его, какъ что-то очень цѣнное. Смотря по времени года, этотъ обязательный подарокъ чаще всего состоялъ изъ живой или мерзлой рыбы, иногда ягодъ. Но все это въ очень маломъ количествѣ. Напримѣръ, чайная чашка клюквы, десятокъ мелкихъ форелекъ. За это надо было ихъ отдарить хлѣбомъ, кирпичнымъ чаемъ, сахаромъ, или старымъ платьемъ.

Всѣ подачки быстро исчезали въ необъятой пазухѣ ихъ короткаго халата. И все въ одномъ мѣстѣ: и чай, и сахаръ, и куски вяленой рыбы, и табакъ, и хлѣбъ. Народъ они крайне неприхотли-

Юрта гиляковъ около селенія Рыковскаго.

вый. Привыкнувъ питаться полугнилою рыбою и невыносимо вонючимъ нерпичьимъ жиромъ, они находятъ лишнимъ вымывать свою посуду. Я не знаю, есть ли на свѣтѣ еще болѣе грязный народъ, чѣмъ гиляки. Они не только не очищаютъ своихъ котловъ отъ остатковъ испорченной пищи, не только не стираютъ бѣлья, но и сами не умываются. Кромѣ запаха гнилой рыбы и ворвани, они сильно пропахли дымомъ костровъ. Все это въ сложности даетъ нестерпимую вонь, не позволяющую имѣть съ ними близкаго общенія.

Обыкновенно гиляковъ принимаешь въ передней или въ кухнѣ, гдѣ они безъ всякаго стѣсненія располагаются, какъ дома. Не привыкшія кому либо подчиняться, эти дѣти лѣсовъ свободно разсядутся по скамейкамъ, и прежде всего закуриваютъ маленькія трубки на длинныхъ чубукахъ. А курильщики они отчаянные. Курятъ всѣ: и мужчины, и женщины, и даже дѣти. Въ ожиданіи угощенія они способны просидѣть нѣсколько часовъ, не проронивъ ни слова, точь въ точь какъ эмаровскіе индіаны за трубкою мира.

Пришедшему въ гости гиляку непремѣнно надо подать сперва чай съ хлѣбомъ. Нѣсколько утомившись съ дороги, онъ съ жадностью набрасывается на чайникъ и не прежде оставитъ его, какъ выпивъ кружекъ десять. При этомъ хлѣба онъ мало ѣстъ. Этотъ продуктъ очень удобно унести домой ребятамъ, а потому онъ быстро исчезаетъ за пазухой. Да и все, что можно легко уложить въ халатъ, стянутый ремнемъ, гиляки предпочитаютъ унести въ свою юрту. Но такими кушаньями, какъ кашею или щами, они наѣдаются до отвала.

Гилякамъ отлично извѣстно, что русскіе гнушаются ими, какъ крайне нечистоплотнымъ народомъ, и все, къ чему прикоснутся ихъ грязныя руки, будетъ выброшено вонъ; отсюда, вѣроятно, и развился этотъ обычай уносить съ собой остатки предлагаемой имъ пищи.

XVIII.

Записываніе гиляцкихъ сказокъ.—Сравненіе гиляковъ съ жителями острова Ванкувера.—Ихъ вырожденіе.—Недостатокъ невѣстъ.—Религія гиляковъ.—Безуспѣшность миссіонерской проповѣди.—Надзиратели изъ гиляковъ.—Ложный стыдъ.

Нѣкоторые изъ моихъ товарищей задались цѣлью: изучить языкъ гиляковъ и записать ихъ легенды и сказки.

За хорошее угощеніе и за подарки гиляки охотно приходили къ намъ на квартиру и сперва продиктовали весь лексиконъ своихъ словъ, а потомъ стали разсказывать свои фантастическія сказанія, или «сказки»—въ своемъ родѣ ихъ устная поэзія, передаваемая изъ рода въ родъ.

Въ записываніи гиляцкихъ сказаній особенное усердіе проявилъ литвинъ П—й. Пробовалъ и я писать, но не могъ: мой слухъ тогда еще не возстановился. Приходилось каждое слово переспрашивать по нѣскольку разъ, и этимъ я только утомлялъ и себя, и гиляка, постоянно прерывая нить его разсказа.

Записывалась сперва на гиляцкомъ языкѣ цѣликомъ вся сказка, а потомъ дѣлался подстрочный переводъ ея. Для провѣрки все это читалось еще разъ другому гиляку. Такимъ образомъ составилась обширная гиляцкая литература.

Впослѣдствіи среди моихъ товарищей душею изученія быта гиляковъ и ихъ языка сталъ, уже заявившій себя своими работами по этнографіи, Л. Я. Штернбергъ. Печальный случай заставилъ его жить на Сахалинѣ въ береговомъ селеніи Віахты, около котораго и до сихъ поръ держится небольшая группа гиляковъ. Г. Штернбергъ скоро заинтересовался своими сосѣдями, изучилъ ихъ языкъ, обычаи и до того привыкъ къ гиляцкому обществу, что не только не гнушался ночевать въ ихъ юртахъ, но и обѣдалъ съ ними за однимъ столомъ.

Чѣмъ ближе я знакомился съ бытомъ гиляковъ, тѣмъ назойливѣе напрашивалось сравненіе ихъ съ жителями сѣверо-западнаго берега Америки. Къ этому, вѣроятно, побуждало нѣкоторое сходство условій жизни на берегахъ одного и того же Великаго океана. Тѣ же лѣса и горы, та же охота на пушного звѣря, та же рыба salmo, одинаково питающая и гиляковъ и жителей Ванкувера. Есть и болѣе существенныя основанія для сравненія ихъ: тѣ и другіе принадлежатъ къ одной и той же желтой расѣ. Когда же мнѣ случилось прочесть легенды, собранныя миссіонерами на островѣ Ванкуверѣ, и сравнить ихъ съ продиктованными сказаніями гиляковъ, я былъ пораженъ, какъ много общаго у нихъ въ образѣ жизни, въ чувствахъ и во взглядахъ на природу.

Записываніе сказокъ гиляковъ главнымъ образомъ происходило въ моей квартирѣ. Волей-неволей должны мы были принюхаться къ ихъ ужасному запаху и допустить ихъ въ свои комнаты.

Бывало сидишь за столомъ и пишешь, а кто нибудь изъ пришедшихъ гостей, Плетунъ, Часы или Чурка, не спрашивая позволенія, войдетъ въ мою комнату, остановится посреди ея, раздвинетъ свои ноги въ мягкихъ нерпичьихъ сапогахъ, заложитъ обѣ руки за пазуху, упретъ свои глаза въ мою работу и такъ замретъ въ этой позѣ на часъ и больше. Или усядется напротивъ меня и тоже безмолвно и неподвижно смотритъ на мой столъ.

— Что ты за таинственный, молчаливый сфинксъ? — думаешь про себя. — Для меня твои спокойные глаза ничего не выражаютъ. Не хочешь ли ты проникнуть тайну моего писанія? Или ты спишь съ открытыми глазами и отдыхаешь душой и тѣломъ?

Но нѣтъ, гилякъ не отдыхаетъ, а постепенно умираетъ, какъ

умерли уже нѣкоторые народы въ сѣверовосточной Сибири. Признаки вырожденія и теперь замѣчаются.

Всего сахалинскихъ гиляковъ насчитываютъ около 2.000 человѣкъ, при чемъ, напримѣръ, на восточномъ берегу острова, на долю женщинъ приходится только 40%. Гиляцкая холостежь часто жалуется на недостатокъ невѣстъ. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что браки обычаями гиляковъ запрещены внутри рода.

Иной разъ придетъ къ намъ гилякъ лѣтъ двадцати пяти, а на рукахъ у него ребенокъ.

— Это моя мамка (т. е. жена),—съ гордостью заявляетъ онъ.

— Сколько же ей лѣтъ?

— Однако три года помирай,—пресеріозно отвѣчаетъ гилякъ.

Это значитъ дѣвочкѣ три года.

Вотъ такимъ-то молодымъ ребенкомъ они спѣшатъ купить себѣ женщину, потому что взрослыя всѣ разобраны.

Дѣвочки продаются чуть ли не съ аукціоннаго торга. Собаки, котлы, копья и другіе предметы гиляцкаго богатства обыкновенно составляютъ цѣну мамки. Она остается у родителей до тѣхъ поръ, пока купившій ее женихъ не найдетъ возможнымъ ввести въ свой домъ.

Гиляки годовъ своихъ не считаютъ, историческія свѣдѣнія у нихъ слабы, религія мало развита. Они поклоняются силамъ природы, приносятъ жертвы при началѣ рыбной ловли или лѣсной охоты, но до изображенія бога въ видѣ деревянныхъ или каменныхъ идоловъ еще не дошли. Наиболѣе сильный звѣрь на островѣ—медвѣдь — почитается ими, какъ божество. Впрочемъ, это не мѣшаетъ имъ охотиться на царя сѣверныхъ лѣсовъ и пользоваться его мясомъ и шкурою.

У нихъ есть обычай откармливать пойманнаго медвѣженка, и когда онъ достигнетъ солидныхъ размѣровъ, старѣйшій гилякъ при торжественномъ собраніи гостей убиваетъ его стрѣлою по извѣстному ритуалу. Затѣмъ начинается пиръ. На этомъ такъ называемомъ медвѣжьемъ праздникѣ почти всегда присутствуютъ и русскіе, или въ качествѣ приглашенныхъ гостей, или просто любопытствующихъ зрителей.

Однажды я вступилъ въ бесѣду съ молодымъ гилякомъ, Плетуномъ, относительно ихъ религіи.

— Другъ, вотъ ты говоришь, что медвѣдь вашъ богъ. Какъ же это вы своего бога ѣдите? Ужъ если онъ богъ, то его слѣдовало бы почитать, а не убивать и ѣсть.

Плетунъ сначала ничего не сказалъ, оставаясь спокойнымъ сфинксомъ, но чрезъ минуту его бабье лицо съ мясистыми щеками сморщилось, и онъ отвѣтилъ:

— А вы развѣ своего бога не ѣдите? Я думалъ, что всякій народъ своего бога ѣстъ...

Гилякъ нищій Юскунъ.

Я вспомнилъ про христіанское таинство причащенія и въ свою очередь замолкъ, поражаясь его отвѣтомъ, потому что онъ не имѣлъ никакого понятія о христіанской религіи.

Вообще сахалинскіе гиляки упорно не принимаютъ христіанства. Нѣкоторые объясняютъ это ихъ неразвитостью. Въ этомъ случаѣ они представляютъ рѣзкій контрастъ всѣмъ другимъ народамъ на островахъ сѣверной части Великаго океана. Наши русскіе и инославные миссіонеры не нарадуются на быстрое распространеніе христіанства на японскихъ, курильскихъ и алеутскихъ островахъ, только на одномъ Сахалинѣ среди гиляковъ они не имѣютъ никакого успѣха.

До нѣкоторой степени это и понятно. Съ одной стороны только тотъ народъ становится сознательно воспріимчивъ къ религіи, который пострадалъ, испыталъ тяжкое горе, какъ іудеи въ вавилонскомъ плѣну или русскіе подъ монгольскимъ игомъ, который пожилъ, испробовалъ разныя удовольствія жизни и успѣлъ разочароваться въ нихъ, какъ римляне временъ имперіи, однимъ словомъ народъ, который имѣетъ исторію; а гиляки въ этомъ смыслѣ совсѣмъ младенцы. Съ другой стороны, русскіе въ каторгѣ не могутъ представлять для нихъ ничего привлекательнаго. Съ появленіемъ новыхъ хозяевъ острова уже не стало для гиляковъ прежней свободы въ выборѣ мѣстъ для своихъ юртъ, не стало того изобилія рыбы и звѣря, которое еще помнятъ старики, но зато появились вредные соблазны водки, соблазны надзирательскаго жалованья и другіе.

Обидно было видѣть, какъ эти добродушныя дѣти природы, въ родѣ толстого Плетуна, увлекались надзирательскою бляхою, револьверомъ, ежемѣсячнымъ жалованьемъ и шли на охоту людей. Ловить бродягъ для нихъ не было дѣломъ отваги и мужества. Обыкновенно, шляясь по лѣсамъ, гиляки натыкались на свѣжіе слѣды сбѣжавшихъ каторжниковъ и старались поймать моментъ, чтобы напасть на нихъ врасплохъ. Но они не подходили близко, а только издали, подъ угрозою выстрѣловъ, требовали сложить ножи и топоры. Похрабрѣе бродяги очень часто давали имъ отпоръ, но трусливые покорно подставляли свои руки для веревки.

Вообще, можно сказать, русская каторга внесла немало своего яда въ первобытныя формы жизни этого мирнаго народа.

Изъ надзирателей-туземцевъ собственно одинъ только и былъ удачникъ въ ловлѣ людей. Это — хорошо извѣстный на островѣ Васька-Гилякъ. Остальные вели самый праздный образъ жизни, отвыкая отъ своего природнаго дѣла—ловли рыбы.

Не къ чести тоже гиляковъ, у нихъ существуетъ какой-то ложный стыдъ къ наемной работѣ. Мнѣ понятны стремленія свободнаго духа: не быть зависимымъ отъ другихъ людей, не продавать себя въ рабство. Но когда ѣсть нечего, то предпочитаю лучше

Группа гилячекъ.

наняться во временные работники къ богатому человѣку, чѣмъ просить у него кусокъ хлѣба.

Однажды приходятъ къ намъ молодые, здоровые гиляки. Пьютъ, ѣдятъ, спятъ у насъ на кухнѣ нѣсколько дней подърядъ и въ то же время жалуются, что дома у нихъ изсякли запасы юколы.

Мой товарищъ предложилъ имъ легкую работу за деньги: очистить небольшую площадку сада отъ снѣга. Гиляки сперва долго не соглашались. Наконецъ, послѣ нашихъ усиленныхъ просьбъ, они принялись было сгребать снѣгъ, какъ вдругъ оба рѣшительно бросаютъ лопаты и уходятъ изъ сада.

— Что же вы не работаете?—спрашиваемъ мы.

— Совѣстно! Гиляку не хорошо работать, когда русскіе ходятъ они увидятъ и смѣяться будутъ.

XIX.

Одиночное и общее тюремное заключеніе.—Мальчикъ Семенъ Алаевъ.—Сахалинскія дѣти.—Квартира въ школьномъ домѣ.—Азартныя игры дѣтей.—Учитель Юркевичъ.—Его успѣхъ въ занятіяхъ съ дѣтьми.—Новая школа.

Съ водвореніемъ на частную квартиру до нѣкоторой степени кончились мои заботы о внѣшней обстановкѣ. Послѣ тюрьмы и крестьянская изба покажется и удобнымъ и просторнымъ жилищемъ. На свѣтѣ все относительно. Только послѣ насильственнаго пребыванія въ камерѣ оцѣнишь, какъ пріятно имѣть свой уголъ и держать его въ чистотѣ и порядкѣ; тогда только поймешь, какое удовольствіе избавиться отъ шума толпы и ненужныхъ разговоровъ.

Когда я былъ въ тюрьмѣ и еще не зналъ каторги, случилось мнѣ поговорить съ товарищемъ по заключенію, только что прибывшимъ изъ Сибири.

— Скажите,—спрашиваю его,—гдѣ лучше или, пожалуй, правильнѣе, гдѣ хуже: среди непрестанной толпы народа въ каторгѣ или, какъ вы теперь находитесь, въ одиночномъ заключеніи?

— Трудный выборъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ.—Ужъ если нельзя отдѣлаться, то лучше и то, и другое вперемежку. Тяжело быть въ одиночномъ заключеніи, но не велика сладость и тюремное общежитіе. Эта гулливая толпа такъ сильно раздражаетъ, одни и тѣ же лица, насильственно связанныя съ вами, такъ скоро приглядываются и надоѣдаютъ, что съ радостью идешь въ карцеръ или въ больницу, чтобы только побыть немного въ уединеніи, сосредоточиться, заглянуть въ свою душу... Впрочемъ, я недавно нахожусь въ настоящемъ заключеніи и еще не испыталъ, какъ вы, томительныхъ годовъ одиночества. Но теперь, попробовавъ и тотъ и

другой видъ заключенія, я лично все-таки предпочелъ бы общую камеру тюрьмы одиночной. Не даромъ издревле на Руси и пословица ведется: на людяхъ и смерть красна.

Догадки доктора оправдались. Живя отдѣльно внѣ тюрьмы, я сталъ поправляться здоровьемъ. Мои занятія также были замѣтно успѣшнѣе. Между прочимъ, ко мнѣ стали приходить на квартиру дѣти ссыльныхъ учиться пѣнію. Одинъ изъ нихъ, Семенъ Алаевъ, худосочный, бѣлокурый мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, высматривалъ нѣсколько исподлобья, угрюмо, а на вопросы отвѣчалъ кратко и пугливо. Зная бѣдность его семьи, я пожалѣлъ болѣзненнаго мальчика и пріютилъ его въ своей комнатѣ.

Сначала я удѣлялъ ему много времени, занимаясь съ нимъ, кромѣ пѣнія, русскимъ языкомъ, математикою и другими предметами, но повторявшіеся съ нимъ обмороки заставили меня умѣрить мои занятія. Къ моему огорченію, и въ немъ были тѣ же зачатки арестантскаго воспитанія, которыми заражено большинство сахалинскихъ дѣтей. Присутствіе каторги накладываетъ на нихъ свою ужасную печать. Эти блѣдноземлистыя личики уже знакомы со многими пороками: обманъ, ложь, воровство, ругань, разныя виды жестокости для нихъ не новость. Въ подражаніе взрослымъ они также не стѣсняются щегольнуть дурными поступками. Въ Рыковскомъ можно было встрѣтить малышей съ трубками въ зубахъ, играющихъ на деньги и пьющихъ водку. И на это иногда поощряютъ ихъ сами родители.

Хозяева моего дома стали мнѣ жаловаться на Семена. Я не обращалъ на ихъ заявленія никакого вниманія. Нельзя же, думаю, мальчику его лѣтъ и не пошалить немного. Но жалобы становились все настойчивѣе, и не только отъ хозяевъ, но и отъ рабочихъ, прикомандированныхъ ко мнѣ для переписки нотъ. Я и самъ, наконецъ, убѣдился, что мальчика, привыкшаго быть послушнымъ только подъ страхомъ наказанія розгами, трудно исправлять словесными убѣжденіями. Чрезъ полгода я вернулъ Семена его родителямъ.

Но вмѣсто одного судьба дала мнѣ цѣлую кучу сахалинскихъ дѣтей. Псаломщикъ Ѳедотъ Масюкевичъ, о которомъ я уже упоминалъ, предложилъ мнѣ переселиться въ его домъ, занятый здѣшнею сельскою школою. Я прельстился такимъ почетнымъ сосѣдствомъ и переѣхалъ къ нему. Лѣтомъ, во время каникулъ, въ моемъ распоряженіи была большая классная комната, а зимою приходилось тѣсниться въ боковой конуркѣ.

Волей-неволей я былъ самымъ близкимъ свидѣтелемъ жизни школьныхъ ребятъ. Рано утромъ, еще задолго до прихода учителя, они наполняли мою комнату веселымъ шумомъ, смѣхомъ, пѣніемъ. Любопытно разспрашивая обо всемъ, что имъ бросалось въ глаза на моемъ рабочемъ столѣ, они вынуждали меня читать имъ лекціи.

Моей симпатіей пользовались дѣти младшаго возраста. Старше 10—12 лѣтъ отталкивали своею грубостью и разнузданностью. Вотъ они-то, бывало, во время классовъ, вдвоемъ-втроемъ отпросятся у учителя выйти на дворъ и тутъ же на крыльцѣ усядутся играть на деньги. Впрочемъ, они ухищрялись играть и въ классѣ во время занятій, но непремѣнно «на интересъ». Эта любовь къ денежнымъ играмъ перешла къ нимъ непосредственно отъ отцевъ-арестантовъ, вообще страстныхъ любителей азартной игры.

Учителемъ этой школы съ самаго ея основанія состоялъ предпріимчивый энергичный малороссъ, Ст. Гр. Юркевичъ. Шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ поступилъ въ почтовую контору въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россіи. Вскорѣ за что-то почтмейстеръ разсердился на него и сталъ его публично ругать. Вспыльчивый, горячій юноша страшно разобидѣлся и въ запальчивости схватилъ случившійся тутъ же револьверъ почталіона и не прицѣливаясь выстрѣлилъ въ своего начальника. Пуля угодила прямо въ сердце. Мальчикъ ошалѣлъ. Сознаніе, что онъ убійца, пугало и мучило его больше, чѣмъ послѣдующій судъ, тюрьма и каторга. Юркевича приговорили въ ссылку на очень короткое время, такъ что не успѣлъ онъ пріѣхать на Сахалинъ, какъ срокъ каторги уже окончился.

— Не убивайтесь, Степанъ Григорьевичъ,—говорили ему ссыльные.—Видно, такъ Богу было угодно прислать къ намъ несчастнымъ учителя.

На первое время Юркевичъ оказался для ссыльныхъ дѣтей превосходнымъ учителемъ. Безъ всякаго принужденія или инспекціи со стороны, одинъ безъ помощника [1]), почти безъ всякихъ учебныхъ пособій, за самое ничтожное вознагражденіе онъ умѣло справлялся съ громадной оравой неграмотныхъ дѣтей. Подъ его руководствомъ они удивительно скоро усвоивали грамоту по звуковому методу. Впослѣдствіи я видѣлъ его учениковъ (напримѣръ, Морозова, Фролова, Ловягина, Юдова и другихъ) телеграфными чиновниками, съ благодарностью вспоминающихъ своего учителя.

Вмѣстѣ съ мальчиками Юркевичъ обучалъ и дѣвочекъ. На одной изъ своихъ учеництъ онъ женился, завелъ свой домъ и полное крестьянское хозяйство. Лѣтомъ онъ пахалъ, боронилъ, косилъ, жалъ и вообще самъ лично справлялъ всѣ крестьянскія работы и считался примѣрнымъ хозяиномъ.

Такъ онъ проработалъ болѣе десяти лѣтъ. Съ годами населеніе Рыковскаго увеличилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился и наплывъ ребятъ въ школу. Двѣ комнаты дома Масюкевича не могли вмѣстить ихъ всѣхъ, и Юркевичъ съ болью въ сердцѣ вынужденъ

---

[1]) Іеромонахъ Ираклій, изъ бурятъ, предоставилъ ему преподавать ребятамъ и Законъ Божій.

Гиляки-надзиратели.

былъ отказывать наиболѣе молодымъ (а приводили даже шестилѣтнихъ дѣтей). Наконецъ, тюремное начальство рѣшило построить специальное большое зданіе для школы, выписать изъ Россіи дипломированнаго учителя, купить учебныя пособія и вообще поставить обученіе ребятъ насколько возможно лучше. Кромѣ постоянныхъ казенныхъ суммъ и частныхъ пожертвованій изъ Россіи для рыковской школы (книги, письменныя принадлежности, одежда, обувь и прочее), начальникъ округа съ своей стороны нашелъ возможнымъ отпускать ежедневно изъ тюремной экономіи чая, хлѣба и соленой рыбы на завтракъ учащимся ребятамъ.

И вотъ Степанъ Григорьевичъ принужденъ былъ уступить свое излюбленное мѣсто учителя другимъ. Хотя Бутаковъ назначилъ его тюремнымъ надзирателемъ съ высшимъ окладомъ жалованья, но его не удовлетворяла эта новая должность: съ одной стороны, онъ долженъ былъ бросить свое любимое занятіе—сельское хозяйство; съ другой,—надо было подчиняться часто несправедливымъ требованіямъ смотрителей и возиться съ арестантами. Однако, ради своей семьи, онъ потолкался при тюрьмѣ еще года четыре, а затѣмъ уѣхалъ на материкъ, гдѣ и работалъ въ качествѣ десятника при постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги.

XX.

Убійство регента Геннисаретскаго. — Тихая полоса жизни тюрьмы. — Назначеніе смотрителемъ стараго знакомаго Л—на.—Мое свиданіе съ нимъ.—Ходатайство за товарищей.—Подтягиваніе каторжныхъ крутыми мѣрами.—Образцовый порядокъ и внѣшняя чистота тюрьмы.

Въ первые годы моего пребыванія въ Рыковской тюрьмѣ царило относительное спокойствіе. Были такія происшествія, какъ убійство какого нибудь поселенца, но они не вызывали сенсаціи въ здѣшней публикѣ, наполовину состоявшей изъ убійцъ. Еще до нѣкоторой степени занимало наше селеніе убійство писаря Геннисаретскаго и то лишь потому, что всѣ жалѣли его, какъ талантливаго регента, страстно увлекавшагося церковнымъ пѣніемъ. У него въ домѣ проживалъ работникомъ его землякъ, молодой столяръ Иванъ. Сосѣди замѣтили, что этотъ молодой парень сошелся съ пожилою женою своего хозяина. Когда, послѣ осенней темной ночи, нашли среди селенія, около казеннаго огорода, навзничь лежащаго Геннисаретскаго съ разбитымъ черепомъ (ударъ былъ нанесенъ толстою жердью изъ засады), подозрѣніе сейчасъ же пало на Ивана. Слѣдствіемъ установлено было, что онъ ночью переодѣвался: оты-

скали его рубашку со слѣдами крови; нашлись и нѣкоторые другіе уличающіе его признаки. Къ тому же у Геннисаретскаго всѣ вещи и даже деньги оказались при немъ, слѣдовательно тутъ нельзя было подозрѣвать убійства съ цѣлью грабежа. Ивана арестовали, но онъ упорно отказывался. Хабаровскій судъ заочно разсмотрѣлъ дѣло и за неимѣніемъ достаточныхъ уликъ оправдалъ его. Какъ только Ивана выпустили изъ тюрьмы, онъ перевелся въ Александровскій округъ и тамъ открыто зажилъ съ женою убитаго Геннисаретскаго.

Я умышленно распространился объ этомъ убійствѣ, какъ примѣрѣ безнаказаннаго преступленія. Какая масса убійствъ была совершена въ мое время на Сахалинѣ, и какъ мало было раскрыто виновниковъ ихъ! Объясняютъ это неумѣлостью и невнимательностью тюремныхъ чиновниковъ при производствѣ слѣдствія.

Подобныя убійства, обыкновенно случавшіяся внѣ тюрьмы, мало нарушали обычную жизнь рабочихъ. Наказаніе розгами считалось здѣсь тоже неважнымъ происшествіемъ, о которомъ даже не стоитъ и говорить. Да и пороли не очень часто, какъ я упоминалъ уже. Однимъ словомъ, тюрьма находилась въ полосѣ мирнаго теченія. Но это затишье было передъ бурею.

Черезъ мѣсяцъ послѣ убійства Геннисаретскаго, вдругъ, какъ страшный раскатъ грома, пронеслась ужасная вѣсть: въ Рыковскую тюрьму назначался смотрителемъ грозный Л—нъ, тотъ самый, который встрѣчалъ меня съ товарищами въ Александровкѣ. Скоро оправившись отъ раны, онъ снова сталъ воевать въ тюрьмѣ съ каторжными и своимъ режимомъ создалъ среди нихъ массу бродягъ (особенно при работахъ на Арковской дорогѣ), но въ то же время возбудилъ противъ себя неудовольствіе со стороны чиновниковъ. Они-то и постарались выпроводить его изъ своего округа. Бутаковъ согласился взять его въ Рыковское, надѣясь здѣсь сдержать его жестокость.

Заволновалась наша тюрьма. Многіе повѣсили головы отъ ожиданія наказаній и стѣсненій. Сильно забезпокоились и мои товарищи. Они знали, сколько зла сдѣлалъ Л—нъ интеллигентнымъ ссыльнымъ въ Александровскомъ округѣ, сколько тамъ было изъ-за него скандальныхъ исторій.

Въ воскресенье утромъ, стали собирать каторжныхъ на тюремный дворъ, чтобы представить ихъ предъ грозныя очи новаго смотрителя. Я былъ среди церковнаго хора на спѣвкѣ, когда мои товарищи принесли мнѣ это извѣстіе. Они просили меня походатайствовать за нихъ предъ Л—номъ, чтобы онъ разрѣшилъ имъ не являться на тюремный дворъ и не становиться во фронтъ вмѣстѣ съ другими каторжными. Пѣвчіе тоже просили меня устранить и ихъ отъ свиданія съ Л—нымъ.

Въ этотъ день (19-го ноября) былъ первый сильный морозъ. Я закутался въ шубу, надѣлъ валенки и повязалъ поверхъ мѣховой

шапки башлыкъ. Узнать меня было трудно: торчалъ только одинъ носъ да замерзшая борода.

На дворѣ уже стояла рядами команда. Оба смотрителя въ форменныхъ шубахъ и въ большихъ папахахъ, глубоко надвинутыхъ на глаза и на уши, находились передъ фронтомъ и разговаривали между собою.

Я еще самъ не зналъ, какъ отнесется ко мнѣ Л—нъ и помнитъ ли онъ меня. Поэтому я подошелъ сперва къ прежнему смотрителю Ф—ву и демонстративно поздоровался съ нимъ за руку, а потомъ ужъ обратился къ Л—ну и назвалъ его по имени. Онъ былъ крайне пораженъ, кто бы это могъ, кромѣ извѣстныхъ ему чиновныхъ лицъ, поздороваться съ нимъ такъ непринужденно, какъ я себя позволилъ.

— Кто это?—невольно вырвалось у него.

Смотритель Ф—въ назвалъ меня.

— А, это вы! Васъ и узнать нельзя: такъ вы закутались.

Я прямо приступилъ къ дѣлу и сталъ просить за пѣвчихъ, говоря, что если они придутъ сюда, то церковная служба останется безъ хора.

— Ну, хорошо,—пусть они молятся!...

Тогда я сказалъ о своихъ товарищахъ.

— Пусть и они молятся!—отвѣтилъ улыбаясь Л—нъ.

При другихъ обстоятельствахъ, пожалуй, онъ этого и не допустилъ бы, но съ нами волей-неволей онъ долженъ былъ церемониться. Бутаковъ, зная его возмутительное поведеніе относительно ссыльныхъ поляковъ въ Александровкѣ, боялся повторенія подобныхъ исторій въ своемъ округѣ и до нѣкоторой степени выдѣлилъ насъ изъ-подъ его власти.

— Ну, что? Какъ?—осыпали меня вопросами и товарищи, и пѣвчіе при моемъ возращеніи.

— Одно могу сказать вамъ—молитесь!

И на самомъ дѣлѣ взмолились же всѣ каторжные Рыковской тюрьмы! Давно ея дворъ не оглашался такими ужасными криками и стенаніями, давно не проливалось столько слезъ и крови на кобылѣ, какъ съ появленіемъ этого суроваго дисциплинатора.

— Надо подтянуть каторжныхъ: ужъ очень распустилась эта гадина!—говорилъ онъ въ свое оправданіе.

И правда, онъ могъ похвастаться: когда команда рабочихъ при немъ стояла на раскомандировкѣ, муха пролетитъ, — услышишь. Пошли новые порядки въ казармахъ, въ мастерскихъ, на кухнѣ, въ конюшнѣ. Вся хозяйственная машина иначе заходила и со стороны производила чрезвычайно подкупающее впечатлѣніе: образцовый порядокъ, экономія, блестящая чистота, строгая дисциплина и тишина.

— Вотъ смотрите,—говорили мнѣ нѣкоторые поклонники адми-

Рыковская школа.

нистративныхъ и хозяйственныхъ способностей Л—на:—какъ сразу измѣнилась тюрьма! Какое послушаніе въ рабочихъ! Какія, наконецъ, сооруженія!

Мнѣ самому все это нравилось. Но какими ужасными жертвами достигнуто это!

— Вѣдь каторжные отъ этой внѣшности,—возражалъ я имъ,—не сдѣлались лучше, нравственнѣе, правдивѣе, честнѣе, добрѣе. Напротивъ, скрытность, лукавство, тайная злоба, ненависть стали еще интенсивнѣе, какъ упругость паровъ подъ увеличеннымъ давленіемъ. Нѣтъ, господа, проливаемыя слезы и кровь нельзя оцѣнивать чистотою отхожихъ мѣстъ и конюшенъ.

XXI.

Утреннія впечатлѣнія. — Жертвы дисциплины. — Жестокость смотрителя. — Мои препирательства съ нимъ. — Любезность Л—на.—Характеръ его бесѣдъ съ рабочими. — Послабленія подъ конецъ службы.

Зимою, шесть часовъ утра у Л—на было временемъ расправы съ каторжными. А я въ этотъ часъ ежедневно приходилъ къ метеорологической будкѣ готовить инструменты къ утреннимъ наблюденіямъ. Несмотря на порядочное разстояніе отъ тюрьмы до моего дома, до меня доносились по свѣжему утреннему воздуху не только отчаянные крики наказываемыхъ, но и удары розогъ.

Въ этомъ шествіи во имя изысканій тайнъ природы всегда меня сопровождалъ съ фонаремъ въ рукахъ слуга Кржижевской, Максимъ Богдановъ, или просто Максимка, называемый такъ за свой малый ростъ. Этотъ бородатый карликъ, съ видомъ сказочнаго гнома, давно уже пригладѣлся къ темнымъ сторонамъ каторги; но и онъ, обыкновенно спокойный и всегда покорный, не утерпитъ, чтобы не излить потоки своего резонерства по поводу жестокости смотрителя. Хотя я молчалъ, но страшно болѣлъ душою за несчастныхъ, не зная, куда дѣваться отъ этихъ первыхъ утреннихъ впечатлѣній.

Каждый день обязательно находилось въ кандальной нѣсколько человѣкъ, назначенныхъ для наказанія. Нѣкоторые изъ нихъ пойманы въ куреніи табаку въ непоказанномъ мѣстѣ, иные вечеромъ послѣ работъ позволили себѣ согрѣть чайникъ воды въ камерѣ (раньше, до Л—на, позволялось пользоваться всѣми каминами во всѣхъ камерахъ), иные за неисправное исполненіе урока, или какой нибудь сторожъ, застигнутый спящимъ, или рабочій, нѣсколько запоздавшій выскочить на раскомандировку. Всѣ эти жертвы теку-

щаго дня должны были принести свою дань крови для поддержанія дисциплины.

Однажды я сказалъ Л—ну:

— Какую массу людей вы перепорете каждое утро!

— Какъ?—побезпокоился Л—нъ.

— Да, вѣдь, я въ это время иду въ метеорологическую будку и не дойду еще до церкви, какъ уже доносится до моихъ ушей ужасный концертъ плача и криковъ наказываемыхъ...

— Это вамъ такъ показалось,—съ дѣланнымъ смѣхомъ отвѣтилъ Л—нъ.

— Не только вопли людей, но я ясно слышу по морозному воздуху и свистъ розогъ...

— Не можетъ быть! Это вамъ наговорили, вотъ вамъ и слышатся въ обычномъ шумѣ тюремнаго двора и плачъ, и розги.

Я поражался, съ какою беззастѣнчивостью онъ всегда отговаривался. Впрочемъ, онъ избавилъ меня отъ дальнѣйшихъ нравственныхъ пытокъ слушать стенанія несчастныхъ и наказывалъ ихъ или ранѣе шести часовъ утра, или въ спеціально назначенной камерѣ, гдѣ стояли всегда наготовѣ кобыла и кадка съ розгами.

Время отъ времени я все-таки вступалъ съ нимъ въ пререканія относительно наказанія.

— Правда ли это, — спрашиваю я его одинъ на одинъ у него на квартирѣ,—что вы не только понукаете старостъ покрѣпче наказывать, но и сами послѣ порки бросаетесь на лежащаго въ изнеможеніи и топчете, и бьете его ногами?

— Ха-ха-ха!.. Какой вы довѣрчивый! Вамъ эти гадины (любимое слово Л—на по адресу каторжныхъ) чего-чего не наскажутъ, а вы готовы имъ вѣрить.

Какъ разъ въ это время приходитъ начальникъ округа.

— Арсеній Михайловичъ,—встрѣчаетъ его Л—нъ,—что я услышалъ сейчасъ! Будто бы, не довольствуясь тѣмъ, что человѣкъ наказанъ розгами, еще и самъ я накидываюсь на него и топчу сапогами... Какой вы довѣрчивый! Какой вы довѣрчивый! — опять обращается ко мнѣ.

Бутаковъ не проронилъ ни слова въ отвѣтъ, хорошо зная, что я не стану говорить напрасно.

На Сахалинѣ сложилась поговорка, что Л—нъ не можетъ напиться чаю утромъ, не перепоровъ предварительно десятка полтора-два каторжныхъ. На самомъ дѣлѣ эта кровавая возня съ арестантами даромъ ему не обходилась. Не разъ онъ прибѣгалъ съ расширенными глазами, съ нервною дрожью въ тѣлѣ, прямо изъ тюрьмы къ завѣдующей аптекою, Маріи Антоновнѣ, и взволнованнымъ голосомъ просилъ себѣ чего нибудь успокоительнаго. Она отпускала ему большія дозы хлоралъ-гидрата.

Насколько возможно было, я не переставалъ разубѣждать его

противъ системы держать команду рабочихъ въ страхѣ и трепетѣ, или въ ежовыхъ рукавицахъ, какъ онъ выражался.

— Вотъ, вы сами,—говорю ему,—часто сравниваете каторжныхъ Рыковской тюрьмы съ глупыми и смирными овцами. Такъ къ чему же вы употребляете такія крайнія средства, которыя примѣнимы только къ волкамъ? И дѣйствительно, я самъ знаю въ тюрьмѣ такихъ овецъ, которымъ достаточно одного вашего слова, чтобы они исполнили вашу волю, тѣмъ не менѣе и они побывали на кобылѣ. А знаете ли вы, что значитъ для другого подвергнуться наказанію розгами?! Есть люди, чрезвычайно чувствительные къ малѣйшему оскорбленію. Иной готовъ жизнью пожертвовать, чтобы избавиться отъ такого позора, другой же только ожесточится и изъ овцы сдѣлается волкомъ...

— О, вы мало знаете эту публику! Пойдемте, я вамъ сейчасъ покажу субъекта, который готовъ лечь на кобылу за пайку хлѣба!

— Слышалъ. Весьма вѣроятно, есть такіе околоченные, которые за деньги готовы перенести физическую боль. Вѣдь, даютъ же бурлаки на Волгѣ бить себя по животу полѣномъ за одну копейку. Я не ихъ имѣю въ виду. Большинство же въ нашей тюрьмѣ еще не потеряли стыда и чувствительны къ нравственной боли, и ихъ надо сдѣлать добрыми и честными колонистами Сахалина, а не ожесточать розгами.

— Могу одно повторить—вы мало знакомы съ каторгою. Вамъ всѣ люди представляются ангелами. Повѣрьте моей опытности, я уже дожилъ до сѣдыхъ волосъ и давно имѣю дѣло съ арестантами. Если не сдерживать ихъ крутыми мѣрами, завтра же появятся убійства кражи безъ числа.

— То и другое есть и теперь.

— Да, но не въ такихъ размѣрахъ, какъ если распустите тюрьму.

Мы расходились, оставаясь всегда каждый при своемъ мнѣніи. Однако это не мѣшало ему быть ко мнѣ попрежнему внимательнымъ и удовлетворять мои ходатайства относительно нѣкоторыхъ рабочихъ, т.-е. освобождать ихъ отъ наказанія или назначать на лучшія мѣста.

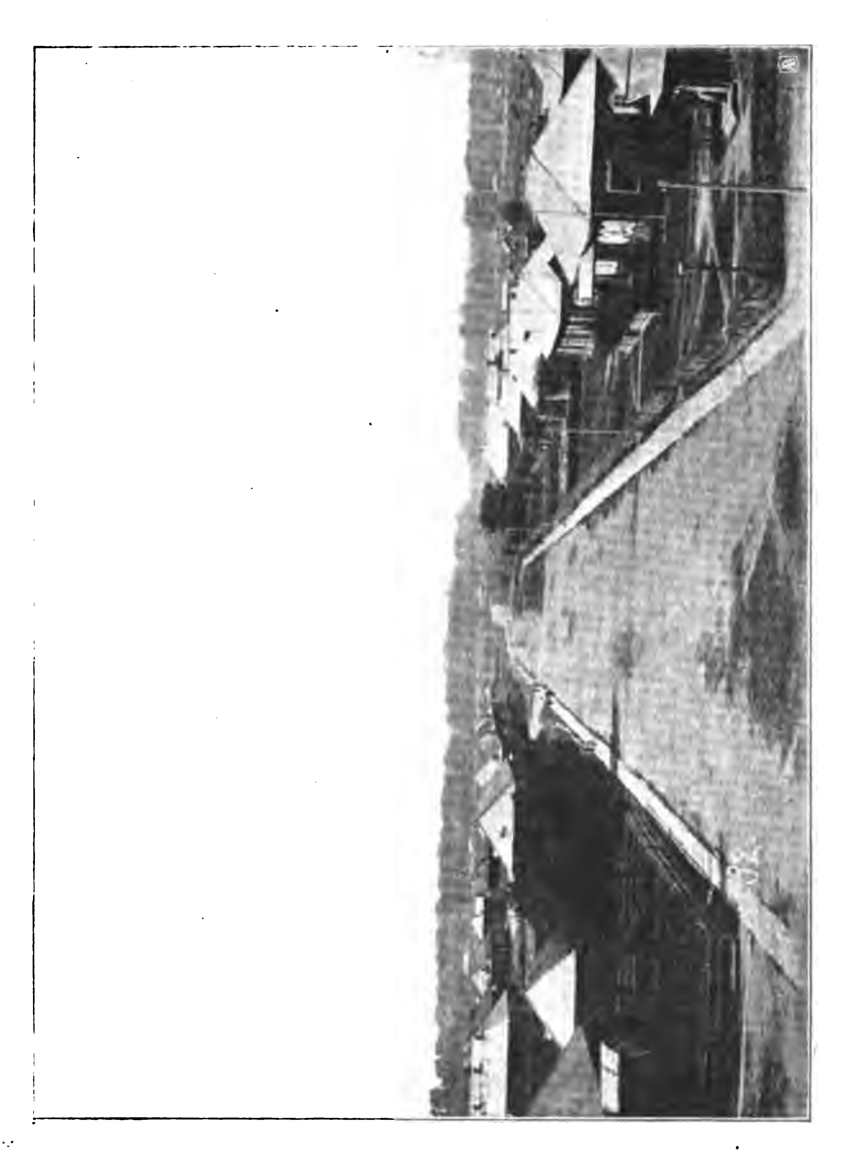
Л—нъ очень любилъ, когда я провожалъ его во время обхода тюрьмы, мастерскихъ, кухни, конюшни и другихъ мѣстъ. Говорилъ онъ съ рабочими толково, обстоятельно. Я сначала удивлялся, отчего это рабочіе съ такимъ трепетомъ отвѣчаютъ ему. Но потомъ понялъ, что за этою тихостью выглядываетъ все та же страшная розга. Напримѣръ, дѣлается у столяровъ какая нибудь вещь. Смотритель укажетъ, что̀ еще надо придѣлать къ ней, а затѣмъ вдругъ строгимъ голосомъ замѣтитъ:

— Опять острые углы оставляете?! Я вамъ разъ навсегда сказалъ, чтобы острыхъ угловъ не оставлять!..

Столяръ что-то резонно замѣтитъ относительно своей вещи.

— Ну, съ тобой мы лучше сговоримся на кобылѣ.

Впрочемъ, были у него любимцы изъ рабочихъ, которыхъ онъ никогда не наказывалъ, особенно тѣхъ, которые ему дѣлали экипажи или ходили за его любимыми лошадьми (слабость Л—на).

Тюрьма, лазаретъ и дома чиновниковъ въ сел. Рыковскомъ.

Подъ конецъ службы на Сахалинѣ Л—нъ не такъ рьяно занимался поркою людей: старость ли свое брала, или надоѣла ему эта во всякомъ случаѣ непріятная возня съ арестантами. Вѣрнѣе же онъ почувствовалъ, что другимъ духомъ повѣяло отъ приказовъ новаго генерала К., который, кстати сказать, не выносилъ Л—на.

XXII.

Лѣтнія работы.—Съемка Тымовской долины.—Спорный вопросъ.—Михаилъ Семеновичъ Мицуль.—Сахалинскіе контрасты.—Температура Тымовской долины.—Влажность.—Прозрачность воздуха.—Рѣдкія наблюденія планетъ и зодіакальнаго свѣта.—Разнообразіе климатовъ на Сахалинѣ.

Впродолженіе всего моего пребыванія на Сахалинѣ, каждую зиму я находился въ Рыковскомъ селеніи нри своихъ постоянныхъ занятіяхъ въ церкви и на метеорологической станціи, но лѣтомъ тюремная администрація тревожила мое спокойствіе различными порученіями и чаще всего съ вызывомъ въ Александровскій постъ. Надо ли сдѣлать съемку населенной мѣстности или промѣръ морской бухты, обновить ли казенный пароходикъ и сдѣлать объѣзды кругомъ Сахалина, надо ли составить лоцію Татарскаго пролива, или помочь пріѣзжему ученому сдѣлать магнитныя и астрономическія наблюденія, привести ли въ порядокъ другую метеорологическую станцію, собрать ли сѣмянъ какой нибудь сахалинской пихты для Петербурга,—въ этихъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ обращались ко мнѣ. За исполненіе такого рода порученій я получалъ только одобрительное «спасибо»: эти работы вмѣнялись мнѣ вмѣсто «каторжныхъ». Тѣмъ не менѣе я охотно занимался ими, потому что онѣ знакомили меня съ островомъ и разнообразили мою жизнь на чужбинѣ.

Однимъ изъ первыхъ порученій было сдѣлать съемку Тымовской долины на пространствѣ пятидесяти верстъ, т. е. той области, которая въ то время обхватывала всѣ разработанныя земли Рыковскаго, Дербинскаго, Воскресенскаго, Палева и другихъ селеній. Просили поторопиться и окончить работы къ августу мѣсяцу, чтобы успѣть имъ приготовить планъ къ предстоящей тюремной выставкѣ; а у меня, кромѣ компаса-брелока, нѣтъ никакого инструмента. Я потребовалъ изъ Александровки мензулу, рейки, цѣпь и другія принадлежности для съемки, не зная еще, есть ли все это тамъ у нихъ, а самъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, пошелъ шагать по полямъ и лугамъ. Руководствуясь однимъ только маленькимъ компасомъ, я своими шагами измѣрялъ границы разработанныхъ земель и наносилъ ихъ на планъ. Когда такимъ образомъ болѣе половины работы было сдѣлано, мнѣ присылаютъ инструменты. Но въ какомъ ужасномъ видѣ! Какъ бы то ни было, я окончилъ съемку къ назначенному сроку.

Въ этихъ хожденіяхъ по селеніямъ мнѣ пришлось видѣть много интереснаго. Между прочимъ, я воочію познакомился съ хлѣбопашествомъ Тымовскаго округа, съ этимъ спорнымъ вопросомъ у изслѣдователей Сахалина. Первые посѣвы ячменя, ржи, пшеницы

Сахалинскія травы изъ семейства зонтичныхъ.
(Angelophyllum ursinum Rup.).

и картофеля дали удивительные урожаи въ Рыковскомъ селеніи. Въ то время (1881—1883 г.г.) завѣдывающій островомъ, онъ же и агрономъ, Михаилъ Семеновичъ Мицуль, замѣчательно добрый и трудолюбивый человѣкъ, отдавшій колонизаціи острова всѣ свои силы и личное состояніе, посмотрѣлъ на Тымовскую долину, какъ на житницу сѣвернаго Сахалина. Его взглядъ, какъ просвѣщеннаго хозяина острова (онъ написалъ прекрасный очеркъ о Сахалинѣ въ 1873 г.), утвердился и въ Петербургѣ, особенно послѣ посѣщенія осенью 1882 г. Рыковскаго селенія начальникомъ главнаго тюремнаго управленія, М. Н. Галкинымъ-Враскимъ. Но впослѣдствіи этотъ взглядъ все болѣе и болѣе терялъ сторонниковъ, и въ началѣ девятидесятыхъ годовъ поднялись голоса, отрицательно относящіеся къ земледѣльческой колоніи сѣвернаго округа. Какъ разъ къ этому времени появились и первые отчеты двухъ метеорологическихъ станцій Рыковскаго селенія и Корсаковской слободки (около Александровскаго поста).

Сахалинъ—это земля контрастовъ. Они замѣчаются не только въ жизни населенія, но и въ самой природѣ острова. На параллели (50° 47′ N) Рыковскаго селенія климатъ Тымовской долины, несмотря на близость моря, имѣетъ континентальный характеръ. Лѣтомъ жары впору Московской губерніи (+33°,2 С), а зимою морозы, какъ въ Якутской области (—48°, 5 С; иногда недѣли по двѣ непрерывно держатся утренніе морозы ниже—40° С). Суточныя колебанія температуры также поразительны. Напримѣръ, въ мартѣ мѣсяцѣ, предъ разсвѣтомъ, морозы ниже—33° С, а среди дня таетъ. Зимою почва промерзаетъ въ глубину иногда болѣе сажени, а къ концу іюня такой толстый слой уже успѣваетъ оттаять, и поверхность голой почвы накаливается свыше +53° С. По высотѣ здѣсь солнце Кіевской губерніи, а изотерма средней годовой температуры (около—1° С) общая съ берегами Бѣлаго моря [1]). Подобные рѣзкіе контрасты замѣчаются здѣсь и въ другихъ элементахъ погоды. Такъ, напримѣръ, весною и въ началѣ лѣта относительная влажность чрезвычайно мала. Почти ежегодно здѣшній священникъ, сопровождаемый всѣмъ селеніемъ, съ крестнымъ ходомъ идетъ на поля служить молебенъ о ниспосланіи дождя, а въ концѣ лѣта и осенью сильные и частые дожди едва даютъ крестьянамъ время убрать свой хлѣбъ. Съ другой стороны, при такой большой влажности замѣчательная прозрачность воздуха.

Въ октябрѣ 1887 г., въ самый полдень солнечнаго дня, я показывалъ ссыльнымъ Рыковской тюрьмы планету Венеру! Ее могли видѣть невооруженнымъ глазомъ всѣ—и старый и малый, лишь

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о климатѣ Тымовской долины можно найти въ «Запискахъ Пріамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества», 1896 г., томъ I.

ставъ въ тѣни строенія или проще—заслонивъ полуденное солнце рукою, какъ зонтикомъ. Также невооруженнымъ глазомъ наблюдали въ ноябрѣ 1888 г. другую планету, Меркурія, которую, говорятъ, такъ и не удалось увидѣть знаменитому Копернику на берегахъ Балтійскаго моря.

По вечерамъ весною и осенью предъ разсвѣтомъ сахалинцамъ доступно великолѣпное зрѣлище зодіакальнаго свѣта.

Лишь только вечерняя заря стянется по горизонту въ узкую полоску, какъ начинаетъ выясняться надъ нею свѣтлый конусъ, нѣсколько наклоненный къ югу. Но вотъ потухнутъ послѣдніе отблески зари, и бѣловатый конусъ все ярче и ярче выдѣляется на темномъ фонѣ неба, достигая своею вершиною до созвѣздія Тельца (въ мартѣ мѣсяцѣ). Это рѣдкое зрѣлище для петербургскаго жителя сначала сдѣлало на меня такое сильное впечатлѣніе, что я поспѣшилъ телеграммою обратить вниманіе на него и александровскихъ жителей. Но потомъ мы всѣ приглядѣлись къ зодіакальному свѣту, какъ къ зарѣ и другимъ ежедневнымъ картинамъ неба.

Всѣмъ этимъ явленіямъ помогаютъ главнымъ образомъ горы, служа экраномъ для солнечныхъ лучей и ограждая долину до нѣкоторой степени отъ морского вліянія. Напримѣръ, берега Сахалина славятся своими густыми морскими туманами, но въ Тымовской долинѣ ихъ нѣтъ. Они только проносятся высоко надъ горами въ видѣ сплошного сѣраго облака, служа хорошимъ признакомъ ясной погоды, которая и наступаетъ часа черезъ два-три.

Все, что мною сказано о климатѣ Рыковскаго селенія, нельзя отнести къ сахалинской столицѣ, лежащей на той же параллели въ разстояніи меньше 60 верстъ. Александровскій постъ, будучи открытъ вліянію сильныхъ морскихъ вѣтровъ и тумановъ, не имѣетъ ни такихъ жаровъ, ни такихъ морозовъ, какъ Тымовская долина. Третій, Корсаковскій, округъ, или южный Сахалинъ, омываемый Японскимъ моремъ, представляетъ еще болѣе мягкій климатъ.

Итакъ на Сахалинѣ, растянутомъ по меридіану почти на 900 верстъ, мы имѣемъ большое разнообразіе климатическихъ условій для растительности; поэтому неудивительно на одномъ и томъ же островѣ встрѣтить и дикорастущій виноградъ и бѣдную тундру, поросшую мхомъ и жалкими ягодами, въ родѣ водяницы.

Въ общемъ климатъ Сахалина не возбуждаетъ похвалъ. Этотъ несчастный островъ какъ бы служитъ мѣстомъ свалки не только каторжной публики, этихъ отбросовъ, не подходящихъ къ мѣркѣ соціальныхъ условій Русской земли, но и всѣхъ отслужившихъ элементовъ моря и неба. Съ сѣвера, когда весною солнце разогрѣетъ скованную поверхность Охотскаго моря, холоднымъ теченіемъ несутся къ Сахалину тающіе льды, сопровождаемые рѣзкими вѣтрами и сырыми туманами; а съ юга осенніе тайфуны, стремительно пройдя ужасною бурею въ Китайскомъ и Японскомъ моряхъ, разражаются на горахъ острова каторжныхъ проливными дождями.

Въ Европейской Россіи нельзя подыскать такую губернію, которая по климату вполнѣ соотвѣтствовала бы Тымовскому округу. Нельзя съ нимъ сравнивать и берега Бѣлаго моря только потому, что у нихъ общая средняя годовая температура. Стоитъ лишь обратиться къ ихъ среднимъ мѣсячнымъ и сейчасъ же станетъ ясно, что температуры ихъ сильно расходятся. Въ то время какъ въ январѣ на Соловецкихъ островахъ средняя температура — 9°,1 С, въ Рыковскомъ она — 23°, 4 С. Тамъ въ іюлѣ + 12°, 8 С, а въ Рыковскомъ + 17°,7 С. Скорѣе можно найти нѣсколько мѣстъ, подходящихъ по температурѣ въ Сибири и Монголіи, напримѣръ, Томскъ, Каинскъ, Тара, Урга и др. Но при этомъ замѣчается общее явленіе: если лѣто и зима Рыковскаго селенія сходны по температурѣ съ сибирскими городами, то весна всегда холоднѣе, а осень теплѣе. Это можно объяснить тѣмъ, что весною мимо острова проносятся льды холоднымъ теченіемъ Охотскаго моря, а осенью — сравнительное тепло удерживается большою влажностью и пасмурнымъ небомъ.

XXIII.

Положеніе начинающихъ хозяевъ.—Казенная помощь имъ при М. С. Мицулѣ.—Недостатокъ удобныхъ земель.—Упадокъ сельскаго хозяйства.—Жалобы на климатъ.—Весна Тымовской долины.—Мнѣнія здѣшняго населенія.—Дожди и разливы рѣкъ.—Трудность улучшенія здѣшняго земледѣлія.

Теперь, когда мы немного знаемъ климатическія условія Рыковскаго селенія, можно сказать и о хлѣбопашествѣ здѣшней колоніи. По этому вопросу, за послѣднее десятилѣтіе, цифръ, отчетовъ и разныхъ мнѣній довольно было написано и офиціально, и неофиціально. Я ограничусь только передачею непосредственнаго впечатлѣнія и голоса здѣшнихъ настоящихъ земледѣльцевъ. Я говорю — настоящихъ, потому что можно ли считать земледѣльцами толпы насильственно насажденныхъ среди тайги ссыльныхъ, которые и въ Россіи за соху никогда не брались. Начинающій молодой крестьянинъ въ русскихъ деревняхъ продолжаетъ дѣло, налаженное дѣдами и отцами. Онъ наслѣдуетъ отъ нихъ готовое хозяйство, домъ, скотъ, соху, борону, готовую пашню, а главное—умѣнье обращаться съ землею. А здѣшніе, какъ ихъ окрестили, «робинзоны» съ казеннымъ топоромъ и съ мотыгою въ рукахъ должны все это создать изъ ничего. Понятно, что въ концѣ концовъ въ мѣстахъ поселенія, какъ, напримѣръ, въ Палевѣ, являются толпы какого-то страннаго народа: не то бродягъ, не то нищихъ, не то разбойниковъ. И, право, въ этомъ не ихъ вина. Покойный

Первый домъ начинающагося поселенія на о. Сахалинѣ.

М. С. Мицуль отлично понималъ, что съ голыми руками нельзя пустить въ тайгу и заправскаго земледѣльца, а потому къ первымъ рыковскимъ поселенцамъ онъ былъ удивительно щедръ, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ для хлѣбопашества. Вотъ изъ нихъ-то и вышли хорошіе крестьяне, которое и по смерти Мицуля прекрасно вели свои хозяйства. У нѣкоторыхъ изъ нихъ было по десятку и по два головъ скота, а у многихъ по нѣскольку десятинъ разработанной земли и обширные покосы. Мало того, что сами круглый годъ ѣли свой хлѣбъ и кормили скотъ, продавали его еще и въ казну. Они сѣяли рожь, ячмень и пшеницу. Новая земля давала сначала очень хорошіе урожаи. И я еще засталъ удивительные сборы картофеля. То былъ въ Рыковскомъ золотой періодъ хлѣбопашества. Нивы росли съ каждымъ годомъ, и скотъ быстро умножался. Тогда сравнительно легче было корчевать землю, потому что рабочія руки были дешевы. Въ восьмидесятыхъ годахъ рыковскіе каторжники пользовались большимъ досугомъ и охотно шли на частные заработки.

Но за этими піонерами, съ увеличеніемъ тюрьмы и съ новымъ наплывомъ народа въ Тымовскій округъ, появился другой рядъ хозяевъ. Преимущественно это были люди со средствами. Нѣкоторые изъ нихъ привезли деньги съ собой изъ Россіи, другіе же сумѣли скопить ихъ на Сахалинѣ, занимая мѣста съ жалованьемъ (писаря, слуги и др.) или торгуя дозволенными и недозволенными товарами. Если не сами лично, то наемными людьми они тоже занялись земледѣліемъ, какъ прибыльной статьей хозяйства: ячмень всегда имѣлъ потребителя въ лицѣ казны. Вскорѣ вся удобная земля долины на десять верстъ въ обѣ стороны отъ селенія была расчищена и разработана подъ пашню или покосъ. Негдѣ было и скотинѣ пастись. Появились жалобы на недостатокъ земли. Тогда вышло распоряженіе, чтобы изъ новыхъ поселенцевъ оставались въ Рыковскомъ только тѣ, которые въ состояніи были купить домъ и землю отъ уѣзжающихъ крестянъ на материкъ, всѣхъ же остальныхъ отсылать далѣе на сѣверъ, внизъ по Тыми, или на юго-востокъ, къ бассейну другой рѣки Поронай. Вотъ эти-то бѣдняки и представляли изъ себя несчастныхъ **робинзоновъ**. Но и въ самомъ Рыковскомъ стали появляться признаки упадка хлѣбнаго хозяйства. Большинство здѣшнихъ земледѣльцевъ были изъ южнорусскихъ губерній. Они и сюда внесли свои малороссійскія привычки—пахать на волахъ плугами и земли не удабривать. Вслѣдствіе этого, лѣтъ черезъ десять, земля истощилась, и съ каждымъ годомъ урожаи стали все хуже и хуже. Были и мѣстные неурожаи у тѣхъ бѣдняковъ, которые за недостаткомъ мѣста занимали клочки земли въ невыгодныхъ условіяхъ. Напримѣръ, у однихъ въ весеннюю засуху сгорала рожь оттого, что посѣяна была на высокихъ мѣстахъ, у другихъ обратно: хорошій хлѣбъ на низ-

кихъ мѣстахъ смывался наводненіемъ отъ августовскихъ дождей. А если случалось еще, что послѣдніе морозы побьютъ на пригоркѣ всходы пшеницы, или первымъ инеемъ попортится цвѣтъ на хлѣбѣ, то жалобамъ на климатъ и на землю не было конца.

До нѣкоторой степени они правы. За мое время случалось, что послѣдній морозный утренникъ былъ 10 іюня (въ 1889 г.) и первый

Алексѣй Александровичъ фонъ-Фрикенъ.
Инспекторъ сельскаго хозяйства на о. Сахалинѣ.

осенній иней 21 іюля (въ 1893 г.), но такія случайности могутъ быть и въ средней полосѣ Россіи. Обыкновенно же весенніе морозы прекращаются въ концѣ мая и начинаются осенніе—въ первыхъ числахъ сентября, такъ что земледѣлецъ можетъ разсчитывать слишкомъ на три мѣсяца непрерывныхъ дней безъ мороза (лѣтомъ 1890 г. 117 дней подъ рядъ не было мороза).

Для наглядной характеристики весны Тымовской долины, я могу привести нѣкоторые примѣры изъ своихъ многочисленныхъ наблюденій, какъ просыпается здѣшняя природа.

Въ мартѣ мѣсяцѣ снѣгъ лежитъ еще довольно толстымъ (до 11 вершковъ) слоемъ на землѣ, но на высокихъ мѣстахъ кое-гдѣ показываются проталины. Первымъ подымается изъ берлоги медвѣдь (24-го числа), а изъ прилетныхъ гостей въ концѣ мѣсяца появляются лебеди. Въ началѣ апрѣля прилетаютъ гуси и утки. 11-го числа замѣчаютъ жаворонковъ и летающихъ насѣкомыхъ. 20-го числа на проталинкахъ покажутся первые желтые цвѣты (Adonis amurensis). Дней черезъ пять запорхаютъ бабочки и заквакаютъ лягушки. Въ концѣ апрѣля расцвѣтаетъ голубоватолиловый corydalis ambigua, прозванный здѣсь гиляцкимъ картофелемъ. Въ маѣ быстро развертывается листъ на деревьяхъ, и въ половинѣ этого мѣсяца закукуетъ кукушка въ лѣсу. Въ двадцатыхъ числахъ цвѣтетъ черемуха, а затѣмъ—ландыши, одуванчики и въ концѣ мая—лютики. Въ началѣ іюня въ полномъ цвѣту сибирская яблоня (Pyrus baccata) и красная смородина; нѣсколько позже—глухая крапива и бузина; къ срединѣ мѣсяца—малина, княженица, мышиный горошекъ, шиповникъ и др. Тутъ уже лѣто во всей силѣ. Наступаютъ теплые, тихіе и ясные дни.

Меня удивляло, отчего такъ много жалобъ на здѣшнія условія для хлѣбопашества, и однако каждый поселенецъ, даже самый бѣдный, всегда старается посѣять сколько нибудь ячменю или пшеницы, если не успѣлъ съ осени вспахать подъ рожь. Я разспрашивалъ по этому поводу многихъ мужиковъ изъ разныхъ селеній. Отвѣты получались крайне разнообразные. Одинъ сравниваетъ Сахалинъ со своей Полтавской губерніей, другой—съ Воронежской, и, конечно, всѣ преимущества на родимой сторонѣ. Нѣкоторые отвѣчали уклончиво въ родѣ того:

— За что землю ругать? Кормитъ,—ну, и слава Богу!

Въ одномъ изъ бѣдныхъ селеній, въ Нижнемъ Армуданѣ, проживалъ грамотный старикъ Пензенской губерніи, Яковъ Щегловъ. Онъ жилъ вдвоемъ съ работникомъ въ собственномъ домѣ и занимался хлѣбопашествомъ. Я любилъ старика за его острый умъ и всегда былъ радъ его приходу. Сказалъ и онъ мнѣ свое слово.

— Здѣсь жить можно. Первое дѣло—только не лѣнись! Травы кругомъ много—коси сколько хочешь! Тебѣ пашню надо? Бери земли, сколько твоей душѣ угодно. Только не лѣнись корчевать! Это не то, что въ нашей губерніи, гдѣ изъ-за каждаго клочка грызутся. Вѣдь, и я сюда попалъ за драку изъ-за земли. По совѣсти вамъ скажу, если бы могъ, я и сына перетащилъ бы сюда изъ Россіи. Подумайте, лѣсу подъ бокомъ сколько хочешь! Попенныхъ не берутъ, податей никакихъ. И съ хлѣбомъ, слава Богу, справляемся. Надо только во-время посѣять, да и ведро не проспать

Лагерь каторжныхъ въ тайгѣ.

въ жатву. А рыба здѣшняя—какое подспорье хозяйству! Себѣ бочку насолишь, другую—въ казну сдашь. И скотъ здѣсь здоровый и хорошо плодится. Какъ можно жаловаться на здѣшнюю сторону!

Такія рѣчи я слышалъ и отъ другихъ обстоятельныхъ мужиковъ, между прочимъ, и отъ старожила учителя Юркевича, занимавшагося сельскимъ хозяйствомъ.

Все-таки главный бичъ здѣшняго хлѣбопашества, надо признать, дожди во время жатвы. Какъ больно видѣть въ поляхъ неубранный хлѣбъ съ налившимся зерномъ! Иной разъ онъ такъ и простетъ на корню. Много было бѣдствій и отъ наводненій. Августовскіе и сентябрьскіе дожди, разражаясь на сосѣднихъ горахъ страшными ливнями, сразу подымаютъ уровень и безъ того быстрыхъ рѣкъ. Ихъ стремительнымъ потокомъ ломаются мосты и прибрежныя постройки, а поля и огороды заносятся пескомъ и землею. Особенно разорительны были разливы рѣкъ въ 1890 и 1893 г.г.

Я видѣлъ усиленныя попытки со стороны агронома фонъ-Фрикена сдѣлать улучшеніе здѣшняго хозяйства, но... одинъ въ полѣ не воинъ. Сколько хлопотъ ему было съ одною только выпискою сѣмянъ! А сѣмена здѣсь непремѣнно надо мѣнять почаще. Посѣютъ выписанное изъ Россіи блѣдножелтое полное зерно пшеницы, а снимутъ—морщинистое, сѣроватое, толстокожее и иногда пораженное грибками.

Можетъ быть, надо измѣнить здѣшнюю культуру хлѣбовъ и позаимствоваться у сосѣдей-манзъ Уссурійскаго края, которые сѣютъ пшеницу на грядахъ; но нашъ русскій мужикъ медленъ на какія либо нововведенія, особенно въ дѣлѣ, освященномъ традиціями десятка вѣковъ. Да и бѣдность мѣшаетъ завести что нибудь не только новенькое, но и необходимое старое. У многихъ бѣдняковъ, напримѣръ, нѣтъ крытой риги, и хлѣбъ мокнетъ подъ дождемъ и простаетъ въ снопахъ.

Въ настоящее время сельское хозяйство Сахалина находится въ хорошихъ рукахъ ученаго агронома, А. А. фонъ-Фрикена, отличнаго знатока всѣхъ условій поселенческаго быта. За восемь лѣтъ своего пребыванія на островѣ онъ излазилъ всѣ его горы и долины, и результатомъ этихъ путешествій появляются время отъ времени его литературные труды о Сахалинѣ.

XXIV.

Встрѣча съ лагеремъ каторжныхъ. — Возвращеніе съ работъ. — Ночлегъ въ лагерѣ. — Утро въ долинѣ. — Дорожныя работы; сравненіе ихъ съ рудничными. — Раздѣленіе рабочихъ на разряды.

Однажды пробираясь со съемкой полей и луговъ къ селенію Дербинскому, я натолкнулся на большой лагерь рабочихъ, расположившихся у сооружаемой ими шоссейной дороги. Среди нихъ находился одинъ изъ недавно прибывшихъ интеллигентныхъ ссыльныхъ, Е. И. П., болѣзненный на видъ, молодой семинаристъ изъ южно-русскихъ губерній. Онъ горячо упрашивалъ меня пожить у него нѣсколько дней лагерной жизнью среди природы и помочь имъ сдѣлать разбивку дальнѣйшней дороги. Меня торопили со съемкой, а потому я согласился погостить у нихъ только до завтрашняго вечера.

Дорожныя работы подошли какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ, кромѣ небольшой рѣчки (кажется, Каменухи), множество маленькихъ рѣченокъ и ручейковъ, переплетаясь между собою, образуютъ обширное болото. Какія усилія ни употребляли надзиратели, дорога не подвигалась впередъ: вода наполняла канавы и размывала глинистую насыпь дороги. Старшій надзиратель, какъ видно, не совсѣмъ свѣдущій въ производствѣ дорожныхъ работъ, помчался верхомъ въ Рыковское докладывать начальству, что «вода совсѣмъ ихъ задавила».

Когда я пришелъ въ лагерь, рабочіе были на дорогѣ, и меня встрѣтилъ одинъ только мой товарищъ П—й. Онъ былъ здѣсь писаремъ и занималъ шалашъ изъ жердей и корья вмѣстѣ съ надзирателемъ. Пока мы, энергично отмахиваясь отъ назойливыхъ комаровъ и мелкой мошки, передавали другъ другу послѣднія новости, наступилъ вечеръ и съ нимъ—окончаніе работъ.

Я вышелъ изъ шалаша, чтобы видѣть возвращающуюся сѣрую толпу каторжныхъ. Это буквально сѣрая толпа: нижнее бѣлье не отличалось своимъ цвѣтомъ отъ жилетокъ, штановъ и шапокъ сѣраго сукна. Даже лица и оголенныя руки и ноги, запачканныя глиною, были тоже сѣраго цвѣта. Большинство вооружены желѣзными лопатами. Нѣкоторые, не доходя до лагеря, припадали къ ручейку и жадно пили холодную воду. Лагерь быстро наполнился громкими разговорами, перекрикиваніями, звяканьемъ котелковъ. Догоравшіе костры снова запылали огромнымъ пламенемъ. Въ воздухѣ запахло дымомъ. Его умышленно увеличивали сырыми вѣтками деревьевъ, чтобы отогнать отъ шалашей кучи насѣкомыхъ. Когда рабочіе усѣлись на травѣ группами человѣкъ по десяти вокругъ котловъ, и шумъ голосовъ нѣсколько поутихъ, я отправился со своимъ това-

рищемъ опять въ его шалашъ, гдѣ комаровъ было все-таки меньше.

Послѣ ужина лагерь сталъ затихать. Утомившіеся рабочіе спѣшили расправить свои усталые члены на самодѣльныхъ коечкахъ изъ жердей.

Ночью вернулся изъ Рыковскаго старшій надзиратель. Для отвода воды въ рѣку Тыми ему приказано проложить нѣсколько трубъ поперекъ полотна дороги. По сосѣдству съ нашимъ шалашомъ долго слышалась бесѣда надзирателей, обсуждавшихъ новое приказаніе. Комары тоже попискивали около ушей и немало смущали мой сонъ. Проворочавшись на постели со стороны на сторону всю ночь, я былъ очень радъ, когда на зарѣ, часа въ четыре утра, послышались первые призывы вставать.

Снова зашумѣла каторга. Точно муравьи, стала выползать изъ своихъ шалашей сѣрая публика и потянулась къ ручейку на краю лагеря. Тамъ передъ его тоненькою струйкою, чистою, какъ хрусталь, была вырыта яма съ аршинъ глубиною, чтобы можно было черпать воду сразу ведрами.

Недолго снаряжались рабочіе. Не успѣлъ я напиться чаю со своимъ товарищемъ, какъ уже они опять вооружились желѣзными лопатами и направились къ мѣсту работъ.

При другихъ обстоятельствахъ меня занимали бы картины яснаго утра, и эта бодрящая свѣжесть воздуха, и скромное, но оживленное, пѣніе здѣшнихъ птичекъ, но теперь, стараясь поспѣть за рабочими, я мелькомъ взглянулъ на силуэты темныхъ горъ, изъ-за которыхъ вотъ-вотъ должно выглянуть яркое солнце, не занимали меня и красивыя сочетанія свѣжей зелени тальника, ивы, черемухи и веселыхъ березокъ вперемежку съ небольшими лужайками. Только когда первые лучи, выглянувъ изъ-за сѣдловины горы, скользнули по широкой долинѣ, и какъ бы въ отвѣтъ имъ засверкали милліарды росинокъ на высокой травѣ и на листьяхъ кустовъ, я невольно остановился и, подобно классическому пиѳагорейцу, почтительно снялъ шапку предъ лучезарнымъ царемъ природы.

А вдали при концѣ дороги копошились арестанты. Надзиратели назначали имъ дневные уроки, каждому отмѣривая колышками длину и ширину канавы. Меня поразили большіе размѣры уроковъ, и я не удержался, чтобы тихонько не передать свое впечатлѣніе старшему надзирателю.

— Приказано такъ!—уклончиво отвѣтилъ онъ, пожимая плечами.

Безъ звука возраженій арестанты становились голыми ногами въ воду и тотчасъ же покорно принимались за работу. Лопата за лопатой тяжелая глина выбрасывалась на полотно дороги. Вода размывала ее и мутными потоками снова стекала въ канавы. Я попробовалъ рукою воду: она была холодна, какъ ледъ. Тучи комаровъ и черной мошки, мелкой, какъ песокъ, немилосердо жалили и

Дорожныя работы каторжныхъ.

лицо, и руки, и ноги этихъ подневольныхъ работниковъ. Съ каждымъ взмахомъ лопаты они бѣшено отмахивались отъ нихъ локтями и снова наклонялись къ водѣ за глиной.

Одновременно подвозилась на дорогу земля изъ сосѣднихъ сухихъ луговъ въ тяжелыхъ деревянныхъ тачкахъ. Непріятный скрипъ ихъ былъ вполнѣ соотвѣтствующею музыкою этимъ труднымъ работамъ.

Въ защиту отъ насѣкомыхъ обвязавъ себѣ голову и шею платками, мы съ надзирателемъ обошли вязкое болото и выбрались на просѣку, заросшую высокою травою. По ней коса еще ни разу не ходила. Здѣсь мы провѣшали линію дальнѣйшей дороги и разбили кольями направленіе новыхъ канавъ. Наша работа затянулась на нѣсколько часовъ. Когда мы возвращались въ лагерь, солнце стояло уже высоко и сильно жарило рабочихъ. Они испытывали странное сочетаніе жары и холода. Ноги въ холодной водѣ (глубоко промерзшая зимою почва только что оттаяла), а наклоненная голова, тяжелая, какъ налитая свинцомъ, пеклась на солнцѣ. Каторжные дѣлали отчанныя усилія. У всѣхъ лица страшно напряжены, руки нѣмѣли отъ непрестанныхъ взмаховъ, а у многихъ сдѣлана еще только половина заданнаго урока.

Старшій объявилъ командѣ итти обѣдать. Тачки сразу остановились. Изъ канавъ повылѣзли грязные и мокрые рабочіе. Мы пошли за ними въ лагерь тоже обѣдать.

По дорогѣ я сталъ говорить, какъ тяжелы дорожныя работы для сахалинскихъ ссыльныхъ.

— Что говорить,—замѣтилъ бывалый надзиратель, хорошо знакомый и съ рудниками,—самая тяжелая работа! Ужъ какъ скверно въ угольныхъ копяхъ, все-таки рабочему человѣку тамъ легче, чѣмъ здѣсь. Тамъ и сыро, и темно, и душно въ спертомъ воздухѣ, и ползти-то надо съ тачкой по тѣсному низкому ходу, иной разъ въ аршинъ вышиною, за то онъ успѣетъ кончить свой урокъ къ обѣду, а остальное время: хочешь—отдыхай, хочешь — работай за отдѣльную плату. А здѣсь вотъ и свѣтло, и воздухъ чистый, и пташки поютъ, и работа среди кустовъ и цвѣтовъ, но не веселитъ все это, когда тебя поджариваютъ и комары, и мошка̀, и солнце, да и нашъ братъ надзиратель нѣтъ-нѣтъ да и ругнетъ или ожжетъ кулакомъ иного отдыхающаго рабочаго. А съ другого что возьмешь?! Тщедушный, болѣзненный... Въ чемъ только душа держится?!..

— Да вѣдь теперь, — замѣчаю я, — всѣхъ рабочихъ распредѣляютъ по разрядамъ соотвѣтственно силѣ и здоровью[1]). Развѣ у васъ это не принимается во вниманіе?

— Они раздѣлены только на бумагѣ въ канцеляріяхъ. Работы пропасть, а народу въ тюрьмѣ мало,—намъ и приказываютъ назна-

---

[1]) Напримѣръ, меня записали на полъ-урока.

Владимірскій рудникъ на о. Сахалинѣ.

чать всѣмъ одинъ урокъ. Ужъ это самъ отъ себя поставишь слабосильнаго на легкій грунтъ и на болѣе узкую канаву, да и то онъ едва справляется съ ней. Самая каторжная работа! Это похуже и таскання бревенъ зимой. Не даромъ народъ и бѣжитъ съ дороги. Сколько теперь у насъ считается въ бѣгахъ!

XXV.

Багреніе рыбы крючкомъ.—Казенная рыбалка.—Уловъ кэты и чистка ея.—Надзиратель у чистильщиковъ.—Засолъ рыбы.— Вяленіе кэты.—Употребленіе икры.— Уменьшеніе рыбы и голодовки у гиляковъ.—Богатство Сахалина.

Съ этимъ товарищемъ Е. П—имъ пришлось мнѣ еще разъ встрѣтиться на другой работѣ каторжныхъ осенью, во время засолки рыбы.

Когда сахалинская лососина—кэта—начинаетъ совершать свой періодическій ходъ изъ моря въ прѣсныя воды, всѣ жители острова—гиляки, поселенцы, пріѣзжіе японцы и даже медвѣди—собираются на берега рѣкъ и вылавливаютъ ее различными способами, начиная отъ примитивнаго, употребляемаго медвѣдями, простого выхватыванія рыбы лапою и кончая неводомъ. Самый же распространенный здѣсь способъ ловить кэту это—багреніе. Для этого дѣлаютъ заѣздку на берегу рѣки, т. е. выдающійся надъ водою небольшой деревянный помостъ на сваяхъ. Рыбакъ усаживается на нее и водитъ по водѣ на одномъ и томъ же мѣстѣ очень длиннымъ тонкимъ шестомъ съ желѣзнымъ крючкомъ на концѣ. Чуть только почувствуетъ прикосновеніе рыбы, онъ быстро подсѣкаетъ ее на крючекъ и выбрасываетъ на берегъ. Чтобы легче справиться съ бойкою и сильною рыбою и сохранить цѣлость желѣзнаго крючка съ острымъ жаломъ, онъ прикрѣпляется къ шесту тоненькимъ ремешкомъ, но такъ, что какъ только рыба напорется на крючекъ, онъ соскакиваетъ съ шеста и повиснетъ на ремешкѣ.

При хорошемъ ходѣ кэты рыбакъ можетъ натаскать такимъ образомъ въ одну ночь до сотни рыбъ. Но вся эта рыба будетъ поранена, и пока она дойдетъ до кадки въ засолъ, окровавленныя мѣста успѣютъ нѣсколько загнить и привлечь мухъ. Очень рѣдко можно найти у поселенца соленую рыбу безъ тухлаго запаха.

Неводами ловятъ кэту наиболѣе богатые люди. Тюрьма тоже имѣетъ свои тони на выбранныхъ лучшихъ мѣстахъ, гдѣ устроены постоянные рыбные сараи. И у нея не всегда удавался засолъ рыбы, хотя и соли не жалѣли.

Въ ту осень, когда я посѣтилъ казенную рыбалку, завѣдывалъ ею упомянутый мною товарищъ П—й. Его назначили съ тѣмъ

расчетомъ, что если онъ и не засолитъ хорошо, то, по крайней мѣрѣ, добросовѣстно будетъ беречь отъ расхищенія казенную соль, которая цѣнилась здѣсь иногда дороже муки.

Я засталъ рыбалку въ самомъ разгарѣ. Народу было очень много. При мнѣ закинули неводъ. Одни дѣлали заѣздъ на узкой лодкѣ, другіе вошли въ воду и растягивали сѣть, а мы всѣ, стоящіе на берегу, начали сгонять рыбу, кидая въ воду камни. Но не было нужды заботиться о большомъ уловѣ: и такъ не могли вытащить сѣть, въ мотнѣ которой билось болѣе пятисотъ крупныхъ рыбъ. Иные экземпляры были полпуда вѣсомъ. Припертыя къ берегу сильныя рыбы высоко подпрыгивали на пескѣ, пока не были убиты колотушками.

Нѣсколько поодаль отъ тони стояли длинные столы у самой воды. За ними рядъ рабочихъ съ большими ножами въ рукахъ. Это—чистильщики. Имъ усердно подносили пойманную кэту, а они, схвативъ скользкую рыбу въ одну руку, другой быстро распарывали ей животъ и распластывали во всю длину отъ головы до хвоста. Всѣ внутренности вмѣстѣ съ икрою выбрасывались въ воду.

Около чистильщиковъ лѣниво похаживалъ надзиратель и, смотря не на нихъ, а себѣ подъ ноги, въ сотый разъ тянулъ одну и ту же заученную фразу:

— Ребята, чистите чище!..

Въ этомъ состояла вся его обязанность, тогда какъ вокругъ него всѣ остальные быстро двигались, всѣ страшно торопились, и рыба за рыбой летѣла въ корзины. Воображаю, какъ надоѣлъ чистильщикамъ этотъ голосъ празднаго человѣка, который не зналъ, что съ собою дѣлать въ продолженіе цѣлаго дня.

Я подошелъ къ нимъ. Запахъ отъ гніющихъ остатковъ невыносимый. Увидя меня, надзиратель опять обратился къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и заунывнымъ голосомъ затянулъ свою однообразную пѣсню:

— Ребята, чистите чище...

— Ну, да! — огрызнулся одинъ изъ рабочихъ. — Если заниматься ею, то и въ вѣкъ пе перечистишь! — И быстро скинувъ однимъ взмахомъ ножа икру и внутренности въ воду, раздраженно бросилъ въ ящикъ рыбу, всю окровавленную и совсѣмъ грязную.

Въ другомъ мѣстѣ, въ большомъ сараѣ происходилъ засолъ рыбы. Тамъ стоялъ П—й и распоряжался самъ лично укладкой ея въ бочки. Около него засольщикъ въ большихъ кожаныхъ рукавицахъ бралъ очищенную кэту, раскрывалъ ее и, проведя плашмя раза два по соли въ большомъ открытомъ ящикѣ, укладывалъ въ высокую нѣсколько конусообразную бочку.

У поселенцевъ составилось мнѣніе, что если при засолѣ попадетъ хотя немного воды на рыбу, она загніетъ въ бочкѣ. Другіе утверждали обратное: надо хорошенько очистить рыбу отъ крови и

внутренностей и даже вымыть водою, а потомъ залить ее крѣпкимъ разсоломъ. Въ описываемое мною время казна употребляла первый способъ.

Поселенцы, жалѣя дорогую соль, солили рыбу для собственнаго употребленія не такъ щедро, какъ казна. Они продержатъ ее нѣсколько дней въ бочкѣ, а затѣмъ развѣшиваютъ на жердяхъ и оставляютъ ее вялиться на солнцѣ. Гиляки тоже пользуются солнцемъ и вѣтромъ для приготовленія своей юколы. Но горе для нихъ, если во время улова кэты протянется долго дождливая погода, тогда развѣшенная по жердямъ рыба раскисаетъ и сильно портится.

Мнѣ всегда было жаль видѣть, какъ крупную ярко-красную икру кеты выбрасывали въ воду, между тѣмъ она въ соленомъ видѣ представляетъ изъ себя очень вкусный продуктъ. Въ мое время немногіе изъ русскихъ позволяли себѣ эту маленькую роскошь—насолить на зиму боченокъ икры. Впрочемъ, бѣдныя женщины пекли на продажу изъ икры, смѣшанной съ картофелемъ, довольно вкусныя пышки, извѣстныя здѣсь подъ названіемъ икряниковъ.

Дѣлаютъ еще употребленіе изъ икры, какъ наживки на крючокъ для ловли форелей.

Помнится мнѣ такой случай. Приходитъ къ намъ гилякъ и жалуется на голодъ.

— Юколы нѣтъ, хлѣба нѣтъ, чаю нѣтъ...—затянулъ давно намъ знакомую пѣсню.

— Что же ты не ловишь форельку?

— Икру всю купай; лови не на что...

Меня тогда поразила такая безпечность этихъ дикарей. Довольно было бы мѣшечка икры одной рыбы, чтобы ловить на нее форель всю зиму, но они и одного мѣшечка не сберегли. Теперь голодовки у гиляковъ бываютъ все чаще и чаще, потому что, замѣчаютъ старики, съ годами рыбы становится меньше, а рыбаковъ больше. Но я еще засталъ то время, когда цѣлую рыбину можно было купить въ Рыковскомъ за одну копейку, и то брали собственно не за рыбу, а за доставку ея въ селеніе.

Какъ много еще ловится рыбы на Сахалинѣ, для примѣра можно указать на промыселъ владивостокскаго купца Семенова. Ежегодно онъ добываетъ 200.000 пудовъ селедочнаго тука, который съ такою охотою покупаютъ японцы для удобренія своихъ полей. Для одного пуда тука надо употребить шесть пудовъ селедки; слѣдовательно, одинъ только промышленникъ Семеновъ вылавливаетъ ежегодно не менѣе 1.200.000 пудовъ селедки. Но если сосчитать всю сельдь, вылавливаемую у береговъ Сахалина и не пудами, а штуками, то получилось бы поражающее число милліоновъ! И это одна сельдь! А кэта? А горбуша и другіе виды salmo, не говоря уже о корюшкѣ, камбалѣ и о массѣ прѣсноводныхъ рыбъ?!..

Да, Сахалинъ богатъ рыбою. Онъ могъ бы разсылать свои бочки соленой рыбы не въ однѣ только мѣстныя команды. И какъ обидно: природа выработала массу пищевого органическаго продукта, а люди безжалостно превращаютъ его снова во что-то несъѣдобное, чтобы смѣшать съ землею. Съ другой стороны, множество шатающагося народа на островѣ выпрашиваютъ себѣ грошеваго заработка, а громадное богатство лежитъ подъ рукою. Казалось бы, такъ естественно образовать изъ поселенцевъ артели рыбаковъ, помочь имъ пріобрѣсть необходимую снасть, научить хорошо солить рыбу... Вѣдь приходятъ же къ Сахалину ежегодно множество японскихъ судовъ для ловля рыбы, и находятъ же японцы рыбный промыселъ прибыльнымъ даже и теперь, когда съ нихъ начали брать нѣкоторую пошлину. А наши русскіе колонисты, связанные по рукамъ и ногамъ разными условіями и предписаніями, сидятъ впроголодь и до сихъ поръ съ нетерпѣніемъ выжидаютъ момента, когда имъ можно будетъ выбраться изъ ненавистнаго и страшнаго острова.

И. П. Миролюбовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. А. ЛАВРОВСКОМЪ.

«Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!»
Некрасовъ.

ИВЯ ВЪ Хабаровскѣ, я лишь недавно прочиталъ о томъ, что 18 сентября 1899 г. въ с. Кочеткѣ, близъ г. Чугуева, Харьковской губерніи, скончался попечитель Рижскаго учебнаго округа, Николай Алексѣевичъ Лавровскій. Дѣятельность Николая Алексѣевича была слишкомъ многообразна, и она, несомнѣнно, получитъ свою оцѣнку. Я же хочу набросать лишь нѣсколько чертъ покойнаго, какъ педагога и директора Нѣжинскаго историко-филологическаго института. Мнѣ суждено было съ перваго шага своего студенчества увидѣть одну черту покойнаго, какъ начальника учебнаго заведенія, подготовляющаго педагоговъ для средней школы, потомъ также не разъ приводилось письмами сноситься съ Николаемъ Алексѣевичемъ; наконецъ, я былъ при немъ студентомъ почти два года, видѣлъ его каждый день, былъ свидѣтелемъ его отношенія къ студентамъ. Надѣюсь, что мои бѣглыя замѣтки не будутъ лишними для біографіи покойнаго директора Нѣжинскаго института, тѣмъ болѣе, что директорство Н. А. Лавровскаго по истинѣ составляетъ самую свѣтлую эпоху въ исторіи этого учрежденія, созданнаго для приготовленія педагоговъ.

I.

Явившись въ началѣ августа 1880 г. въ Нѣжинъ, для поступленія въ число студентовъ историко-филологическаго института князя Безбородка, я не сразу увидѣлъ Николая Алексѣевича. Когда я явился съ своими семинарскими документами въ канцелярію института, меня направили въ квартиру давно умершаго инспектора Н. Я. Аристова, извѣстнаго изслѣдователя царствованія царевны Софіи Алексѣевны. Н. А. Лавровскій еще не возвратился въ Нѣжинъ изъ своего имѣнія Кочетокъ, гдѣ онъ проводилъ каникулы. Онъ пріѣхалъ только къ 15 августа. Я увидѣлъ впервые Н. А. на экзаменѣ. Его крупная фигура, съ бритымъ, спокойнымъ лицомъ и ласковыми, уже выцвѣтающими голубыми глазами, невольно внушала къ себѣ уваженіе. Не одинъ разъ потомъ мнѣ приводилось стоять передъ Николаемъ Алексѣевичемъ на экзаменѣ, и всегда онъ являлся передъ экзаменующимися съ неизмѣннымъ вниманіемъ выслушивающимъ рѣчь говорящаго, вдумчивымъ собесѣдникомъ, говорящимъ тихимъ, но глубоко убѣжденнымъ голосомъ, всегда молодымъ, увлекающимся наукою старцемъ. Помню, впервые и потомъ Н. А. поражалъ насъ, студентовъ, своею богатою эрудиціею: онъ зналъ всѣ сочиненія, перечисляемыя, на основаніи профессорскихъ лекцій, студентомъ по той или другой наукѣ. Студентовъ именно и поражало то, что Н. А. всегда добивался отъ студента прочнаго и солиднаго знанія того, что онъ говорилъ: ему мало было—назвать и передать со словъ профессора сочиненіе извѣстнаго философа, педагога, ученаго, — онъ выспрашивалъ подробно у студента, знакомъ ли онъ непосредственно съ называемымъ сочиненіемъ.

Николай Алексѣевичъ Лавровскій.

Необходимо сказать здѣсь, что Н. А—чу выпало на долю, собственно говоря, создать профессорскія силы института. И онъ обнаружилъ при этомъ удивительныя способности собрать вокругъ себя семью молодыхъ, еще начинающихъ, но прекрасныхъ профессоровъ, или уже начавшихъ, но потомъ сильно пошедшихъ въ гору. Могу сказать, что при Николаѣ Алексѣевичѣ начали свою ученую дѣятельность извѣстные теперь профессора: Р. Ѳ. Брандтъ, М. И. Соколовъ, Г. Э. Зенгеръ, покойный Н. Я. Гротъ. Только нѣкоторыя изъ приглашенныхъ имъ лицъ оказались неудачниками, напримѣръ, преподаватель педагогики М. И. Л—въ, Н. С. К—въ, П. А. А—въ. Но замѣчательна была откровенность и тактичность Н. А., съ какою онъ старался исправить свою ошибку: онъ деликатно, во время экзаменовъ и репетицій, направлялъ неудачниковъ на прямой путь.

При моемъ поступленіи въ институтъ, наиболѣе опытными профессорами были: А. С. Будиловичъ, Р. А. Фохтъ, законоучитель А. Ѳ. Хойнацкій и П. И. Люперсольскій.

Среди молодыхъ профессоровъ Н. А. съ своею огромною разностороннею эрудиціею былъ очень кстати: они въ немъ находили прекраснаго руководителя въ своей научно-педагогической дѣятельности и образецъ, какъ добросовѣстно надо относиться къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ. Покойный директоръ обладалъ даромъ собирать около себя профессоровъ. Какъ теперь, вижу всегда чисто прибранную, усыпанную красноватымъ пескомъ большую аллею въ небольшомъ садикѣ, полукругомъ разбитомъ передъ зданіемъ института. Каждый день, исключая сильнаго ненастья или нездоровья, съ 4 до 5 часовъ по полудни, по этой аллеѣ ходилъ, дѣлая моціонъ, Николай Алексѣевичъ. Мало-помалу сюда сходились профессора и преподаватели института. Завязывался оживленный разговоръ и споры, всегда интересные, всегда мирные. Таковъ былъ покойный среди профессоровъ. На экзаменѣ Николай Алексѣевичъ не скрывалъ своего удовольствія, если какой либо вступающій обнаруживалъ не ученическія познанія въ той или другой наукѣ. Пишущій эти строки прямо можетъ засвидѣтельствовать, что своимъ зачисленіемъ въ число студентовъ института обязанъ исключительно благопріятному впечатлѣнію, произведенному на покойнаго Николая Алексѣевича и А. С. Будиловича своимъ сочиненіемъ по русской словесности и устнымъ отвѣтомъ по русской литературѣ. Основательное знакомство съ сочиненіями Ломоносова обратило вниманіе слависта-директора на робкаго семинариста, который, имѣя въ семинарскомъ свидѣтельствѣ изъ греческаго и латинскаго языковъ пять, едва получилъ на вступительномъ экзаменѣ три...

Но опасность мнѣ, какъ чающему попасть въ институтѣ, грозила не со стороны классиковъ, а со стороны институтскаго врача И. Н. С—ловича...

II.

По институтскимъ правиламъ, всѣ поступающіе въ это учебное заведеніе должны наканунѣ экзаменовъ подвергнуться медицинскому осмотру. Ученіе въ институтѣ и предстоящая педагогическая дѣятельность требуютъ большихъ физическихъ силъ и крѣпкаго здоровья, поэтому всякаго хилаго не принимали въ число студентовъ. Противъ такой разумной мѣры ничего нельзя возразить, потому что, въ самомъ дѣлѣ, какой педагогъ можетъ выйти изъ болѣзненнаго, мрачнаго и раздражительнаго юноши? Но слѣдовало бы въ такомъ случаѣ имѣть болѣе подходящаго врача, а не такого, какъ И. Н. С—чъ.

Среди студентовъ никто не называлъ послѣдняго по имени, а всегда выражались о немъ иронически «Эскулапъ». Вотъ этотъ, въ сущности, добродушный и слабый человѣкъ, а еще болѣе слабый врачъ, едва не погубилъ меня.

Вслѣдствіе разныхъ передрягъ и усиленнаго подготовленія къ вступительному экзамену, я сильно похудѣлъ; поэтому на медицинскомъ осмотрѣ показался «Эскулапу» подозрительнымъ. Онъ буквально измучилъ меня своимъ выстукиваніемъ и выслушиваніемъ, потому что осматривалъ меня раза три.

На разспросы его я отвѣчалъ, что никакими болѣзнями не болѣлъ; наконецъ, онъ отпустилъ меня со словами: «ходите на экзаменъ, а тамъ посмотримъ!».

Ничего дурного не подозрѣвая, я выдержалъ всѣ экзамены (пять съ письменными).

Числа 20 или 21 августа намъ объявили, что часовъ въ 5 по полудни мы должны явиться въ институтъ, чтобъ узнать, кто изъ державшихъ экзаменъ принятъ въ число студентовъ.

Около часа дня я вмѣстѣ съ своимъ сожителемъ Л. П. С—вымъ, тоже державшимъ вступительный экзаменъ, шелъ купаться въ р. Остеръ. Пересѣкая мостикъ, соединяющій институтъ съ большимъ мостомъ черезъ рѣку, мы встрѣтили И. М. Бѣл—ва, наставника-руководителя института.

Л. П. С—овъ, вологодскій семинаристъ, былъ землякъ Бѣл—ву. Поздоровались мы съ нимъ.

— Не знаете ли, И—нъ М—чъ, какъ мои экзамены?—спрашиваетъ у него мой сожитель.

Дѣло въ томъ, что Л. П. С—въ держалъ уже вторично вступительный экзаменъ, потому что на первомъ срѣзался. Онъ цѣлый годъ прожилъ въ Нѣжинѣ и готовился по-латыни и по-гречески.

— Хорошо, приняты,—отвѣчалъ И. М. Б—въ.

— А я принятъ? -спрашиваю въ свою очередь.

— Какъ ваша фамилія?

Говорю.

— По балламъ васъ можно принять, но институтскій врачъ написалъ, что по освидѣтельствованіи у васъ оказалась падучая.

— У меня «падучая»?!

Я пришелъ въ отчаяніе. Л. П. С—въ началъ увѣрять И. М. Б—ва, что прожилъ со мною болѣе двухъ недѣль и знаетъ меня за вполнѣ здороваго человѣка.

— Что же мнѣ дѣлать?—въ отчаяніи спрашиваю у И. М. Б—ва.

— Вотъ что, идите сейчасъ же въ институтъ и разскажите все Николаю Алексѣевичу. Я видѣлъ, онъ собирается на конференцію, гдѣ будетъ рѣшаться ваша судьба.

Поблагодаривъ И. М. Б—ва за совѣтъ, я забылъ о купаніи и бросился въ большой подъѣздъ института. Направо въ прихожей находилась квартира Н. А. Лавровскаго, налѣво—залъ, гдѣ собирались конференціи профессоровъ.

Спѣшно войдя въ прихожую, я столкнулся съ Николаемъ Алексѣевичемъ, шедшимъ по ней съ бумагами.

— Ваше пр—во,—началъ я несмѣло,—я сейчасъ узналъ, что г. докторъ написалъ обо мнѣ, будто у меня падучая.

— Да, такое заявленіе есть о г. Браиловскомъ,—спокойно отвѣтилъ мнѣ Николай Алексѣевичъ.

— Это я и есть г. Браиловскій.

— Что же вамъ угодно?

— Я нахожу это заявленіе вздорнымъ, потому что у меня никогда такой болѣзни не было и не будетъ. Я готовъ созвать консиліумъ изъ всѣхъ докторовъ, чтобы доказать, что г. докторъ ошибся.

— Конечно, ошибки со всякимъ бываютъ.

— Но, ваше пр—во, здѣсь ошибка угрожаетъ моей судьбѣ, если я не буду принятъ въ институтъ, то что мнѣ дѣлать? Назадъ мнѣ нѣтъ возврата.

И я, перемѣшивая рѣчь со слезами волненія, передалъ чистосердечно Николаю Алексѣевичу весь ужасъ моего положенія, потому что изъ-за желанія оставить духовную карьеру я поссорился съ отцомъ, навсегда порвалъ съ духовной семинаріей, я горѣлъ желаніемъ учиться и набивать свою голову живою наукою, а не мертвою схоластикою!

— Бога ради,—заключилъ я,—не вѣрьте вздорному заявленію г. доктора, дайте мнѣ возможность учиться и быть полезнымъ человѣкомъ!

— Вы хорошо ли взвѣсили свои силы? — заговорилъ душевно тронутый, видимо, моею искренностью Николай Алексѣевичъ.—Вѣдь, трудъ вамъ предстоитъ громадный. У насъ жизнь трудовая и скромная. Выдержите ли?

— Именно, такой жизни и ищу я, ваше пр—во. Даю вамъ

честное слово, что за всѣ четыре года ученія г. докторъ ни разу не увидитъ меня въ лазаретѣ!—воскликнулъ я, въ увлеченіи не допуская мысли о болѣзни.

— Ну, хорошо,—проговорилъ Николай Алексѣевичъ,—я сообщу членамъ конференціи о вашемъ заявленіи; но смотрите, чтобы вы не раскаялись потомъ.

— Никогда не раскаюсь, потому что добровольно выбралъ институтъ, и потому сюда пріѣхалъ, что хочу учиться.

Въ 6 часовъ вечера я услышалъ свою фамилію въ числѣ принятыхъ въ институтъ, и въ тотъ же вечеръ съ радостью поселился вмѣстѣ съ Л. П. С—вымъ въ институтѣ.

III.

Я сдержалъ свое слово. Въ теченіе перваго года совсѣмъ не обращался къ врачу, а въ три послѣдніе болѣлъ только лихорадкою. Своимъ стараніемъ, аккуратностью и добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей студента института я скоро заслужилъ доброе мнѣніе у Николая Алексѣевича.

Тутъ я долженъ сказать объ отношеніяхъ Николая Алексѣевича къ студентамъ.

Историко-филологическій институтъ по своему режиму не походитъ на университетъ.

Конечно, институтъ во время моего студенчества имѣлъ свои слабыя стороны, но было въ немъ и много хорошаго, какъ въ учрежденіи, имѣющемъ въ виду приготовить изъ студентовъ педагоговъ для гимназій.

Задачъ на институтѣ лежало много. Надо было, во-первыхъ, пріучить студентовъ къ самому упорному труду, потому что дѣятельность педагога требуетъ неослабнаго труда. Во-вторыхъ, слѣдовало сообщить тѣ разнообразныя знанія, какія необходимо имѣть педагогу. Въ-третьихъ, требовалось вдохнуть въ питомцевъ любовь къ постоянному саморазвитію, любовь къ знанію, потому что педагогу ни на минуту нельзя останавливаться въ своемъ развитіи. Наконецъ, въ-четвертыхъ, необходимо поддерживать и породить въ питомцахъ безукоризненность поведенія, потому что педагогическая дѣятельность, какъ и священство, требуетъ извѣстнаго высокаго нравственнаго уровня своихъ адептовъ.

Скажу, что Николай Алексѣевичъ и его главные помощники—Н. Я. Аристовъ, А. С. Будиловичъ, Н. Я. Гротъ и другіе, во многомъ достигали указанныхъ выше задачъ.

Ничто такъ не воспитываетъ и не учитъ человѣка, какъ живой примѣръ. Мы, студенты, видѣли директора и профессоровъ, даже учителей гимназіи, всегда работающими, всегда занятыми дѣломъ.

И, мнѣ кажется, лучшимъ доказательствомъ того, что студенты института полюбили знаніе, педагогическую науку и вообще науку, служитъ длинный «Перечень трудамъ бывшихъ студентовъ института», напечатанный въ XV т. «Извѣстій историко-филологическаго института». Что касается знаній, то въ этомъ случаѣ сошлюсь на мнѣнія гг. директоровъ гимназій, которые всегда находили въ учителяхъ гимназіи, бывшихъ студентахъ института, людей свѣдущихъ. А чего стоило Николаю Алексѣевичу добиться такихъ результатовъ, объ этомъ можемъ сказать только мы, ближайшіе свидѣтели его директорской дѣятельности.

Онъ прежде всего служилъ студентамъ примѣромъ служебной аккуратности. Ежедневно раза два-три въ различные часы онъ неуклонно обходилъ зданіе института и провѣрялъ служителей, насколько они держатъ зданіе въ чистотѣ. И вся прислуга знала въ лицѣ Н—ая А—ча хорошаго хозяина и вела свою линію неуклонно.

Какъ директоръ, онъ всегда былъ доступенъ студенту: никогда студентамъ и въ голову не приходило, что онъ можетъ не застать Николая Алексѣевича въ квартирѣ.

Какъ человѣкъ дѣла, покойный не любилъ переписки тамъ, гдѣ она являлась бы излишней и безполезной. Позднѣе мы, студенты, были свидѣтелями разныхъ рапортовъ, донесеній директору, который жилъ отъ помѣщенія студентовъ въ 10—15 шагахъ!

Чаще всего студентамъ приходилось безпокоить Н—ая А—ча просьбами объ отпускѣ на вечеринки къ знакомымъ до 2—3 часовъ ночи. По правиламъ, студенты могли отлучаться изъ стѣнъ института по праздникамъ только до 11 часовъ ночи.

Николай Алексѣевичъ никогда не возбранялъ студентамъ веселиться, хорошо зная потребности молодости, но требовалъ аккуратности въ отношеніи ученія. Всякому студенту, любящему ходить по гостямъ, но уклоняющемуся отъ репетицій, онъ обыкновенно говорилъ:

— Вамъ вредно ходить въ гости: страдаютъ здоровье и занятія.

Говорилось это самымъ добродушнымъ, отеческимъ тономъ, и виноватый студентъ уже никогда не заставлялъ вторично повторять себѣ подобное наставленіе.

Любилъ Николай Алексѣевичъ учить студентовъ примѣрами изъ ихъ же среды.

Помню студента Жер—ва, большого любителя баловъ, но всегда аккуратно относившагося къ учебнымъ занятіямъ.

Этотъ студентъ въ праздники вставалъ очень рано, приготовлялъ къ понедѣльнику все, что требовалось; оканчивалъ занятія до 2-хъ часовъ по полудни, а вечеромъ обязательно уходилъ въ гости.

— Вотъ вамъ г. Жер—овъ,—говорилъ обыкновенно Николай Алексѣевичъ неаккуратному студенту:—онъ, извольте видѣть, дѣла

не забываетъ за гуляньемъ: встанетъ рано, окончитъ свои дѣла и гуляетъ. Такого человѣка нельзя не уважать.

Особенно ретиво оберегалъ Николай Алексѣевичъ права каждаго студента отъ покушеній нѣкоторыхъ студентовъ—эгоистовъ.

Такъ, для курящихъ студентовъ отведены были двѣ комнаты, по концамъ боковыхъ коридоровъ. Но многіе лѣнились ходить туда, несмотря на близость, и предпочитали курить въ занятной камерѣ, пользуясь тѣмъ, что въ камерѣ не курило три-четыре человѣка, остальные же были курящіе.

— Нельзя-съ, извольте видѣть, нарушать права и одного товарища,—говорилъ обыкновенно Николай Алексѣевичъ провинившемуся.—Если бы даже некурящій позволялъ вамъ курить, вы не должны дѣлать этого, потому что въ данномъ случаѣ согласіе будетъ вынужденное.

Вообще никто изъ профессорской корпораціи не относился такъ заботливо и съ такимъ уваженіемъ къ правамъ студентовъ, какъ покойный директоръ.

Онъ требовалъ, чтобы занимающимся студентамъ предоставлены были всѣ средства и удобства для занятій науками. Прекрасная библіотека института всегда была къ услугамъ студентовъ, и въ шкафчикѣ каждаго студента можно было найти десятки томовъ всевозможныхъ сочиненій.

Самъ человѣкъ науки, Николай Алексѣевичъ и всѣ профессора своимъ примѣромъ внушали студентамъ любовь къ наукѣ и жажду знанія. Особенно, помнится мнѣ, привлекала многихъ студентовъ комната въ покояхъ графа Безбородка, противъ квартиры директора, гдѣ на большомъ столѣ были разложены текущія книжки всевозможныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ.

Пишущій эти строки и другіе не разъ часы просиживали въ этой комнатѣ за журналами, стараясь «стать съ вѣкомъ наравнѣ». И никогда Николаю Алексѣевичу не приходило въ голову, что студентамъ неприлично читать въ той комнатѣ, которая предназначена для профессоровъ, что профессору будетъ обидно сидѣть за однимъ столомъ со студентомъ. Тогда, при Николаѣ Алексѣевичѣ, личность студента не третировали, какъ неразумнаго школьника. Позднѣе настали такія времена, когда на заявленіе студента, что подали плохую порцію, отвѣчали: «не нравится вамъ, уходите!» Тогда экономъ былъ важнѣе студента. Ничего подобнаго не было и не могло быть во времена директорства Н. А. Лавровскаго.

Онъ прекрасно зналъ психологію юноши, его правдивыя и горячія стремленія, его способность все печальное и радостное нѣсколько преувеличивать—и всегда являлся къ нему съ вѣскимъ словомъ любящаго отца и опытнаго друга. Необыкновенную мягкость и серіозность проявлялъ Николай Алексѣевичъ тогда, когда ему приходилось усовѣщивать заблудившагося студента.

Такихъ «блудныхъ» сыновъ было немало среди студентовъ. Необходимо сказать, что семинаристы приносили въ институтъ привычку къ рюмочкѣ, и знаменитый когда-то трактиръ Орки-еврея гостепріимно раскрывалъ свои двери для студентовъ, открывая имъ широкій кредитъ въ счетъ будущихъ прогоновъ и третного не въ зачетъ. Вотъ эти-то юные поклонники Бахуса, вспоминая эпическія времена лицейскихъ кутежей, иногда дебоширили или на предмѣстьи Нѣжина, Магеркахъ, разрушая изгороди, или въ институтѣ, разбивая стекла въ окнахъ и дверяхъ камеръ.

Какъ только раздавались часовъ въ 12 ночи крики подгулявшаго дебошира-студента, и слышался звонъ разбиваемыхъ стеколъ, дежурный служитель давалъ знать Николаю Алексѣевичу, который просто-напросто приказывалъ уложить буяна спать.

На второй или третій день подгулявшій спускался по зову въ квартиру директора, гдѣ и получалъ отеческое внушеніе. Долго помнились эти внушенія студентами, и только очень слабые, безвольные студенты повторяли свои буйства.

Покойному студенту Звѣреву, имѣвшему въ хмелю буйный нравъ и истреблявшему въ неимовѣрномъ количествѣ оконныя стекла, Николай Алексѣевичъ добродушно и серіозно говорилъ: «Помилуйте, чѣмъ же казна виновата, что вы позволили себѣ выпить? За что вы окна бьете? Знаете свою слабость: выпили, пришли, тотчасъ ложитесь спать! При этомъ поставляю вамъ на видъ, что нѣтъ физической возможности такъ сильно гулять».

Слова директора оправдались: Звѣревъ прежде времени сошелъ въ могилу.

Но, снисходительный къ роковой слабости, Николай Алексѣевичъ былъ непреклоненъ и неумолимъ тамъ, гдѣ видѣлъ проявленіе злой воли со стороны студентовъ. Какъ опытный педагогъ, онъ хорошо зналъ, что въ этомъ случаѣ должно быть стойкимъ, иначе первый примѣръ повлечетъ за собою и другіе многіе. Кромѣ того, онъ въ такихъ случаяхъ хотѣлъ показать примѣръ уваженія къ закону.

Былъ среди студентовъ института нѣкто Х—скій, сынъ помѣщика, красивый южанинъ, способный, окончившій курсъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій съ золотою медалью. Избалованный баричъ, какъ говорили, былъ посланъ въ институтъ дядею изъ опасенія, что въ университетѣ, на полной свободѣ, онъ совсѣмъ погибнетъ. Этотъ щеголеватый юноша дѣйствительно проявилъ вскорѣ авантюристскія наклонности. Онъ велъ разгульную жизнь, часто игралъ въ карты и наконецъ завелъ среди студентовъ кассу, которая, повидимому, имѣла въ виду спасать студентовъ-бѣдняковъ отъ цѣпкихъ лапъ евреевъ-кредиторовъ, а на самомъ дѣлѣ собирала деньги для какихъ-то подпольныхъ цѣлей. Помню въ третьей аудиторіи бурное собраніе студентовъ, когда обнаружились «про-

дѣлки» Х—аго. Студенты прямо уличали его въ обманѣ. Вскорѣ дѣло дошло до начальства, да за Х—скимъ водились и другіе грѣшки, за что все въ совокупности онъ подвергнутъ былъ аресту на мѣсяцъ. Арестъ состоялъ въ томъ, что Х—кій не имѣлъ права никуда отлучаться изъ института послѣ шести часовъ по полудни. Подошла какъ разъ масляница и первая недѣля поста. Х—кій очень хотѣлъ поѣхать въ Кіевъ на Контрактовую ярмарку. Его, какъ арестованнаго, не пустили. Онъ самовольно уѣхалъ и возвратился на второй недѣлѣ великаго поста. Конференція рѣшила его исключить. Все время будировавшій, Х—кій упалъ духомъ и началъ просить студентовъ, чтобы они ходатайствовали передъ Николаемъ Алексѣевичемъ о снисхожденіи къ нему и оставленіи въ институтѣ. Изъ ложно понимаемаго чувства товарищества студенты уступили просьбамъ Х—каго. Просимъ въ третью аудиторію директора. Какъ всегда, онъ вошелъ медленною походкою и совершенно спокойный въ аудиторію и выслушалъ просьбу.

— Я понимаю, господа, чѣмъ вы руководствуетесь въ данномъ случаѣ, но вы неправильно смотрите на дѣло. Г. Х—кій своимъ поведеніемъ прямо показалъ, что онъ не желаетъ быть въ институтѣ. Я ему говорилъ, что разъ онъ самовольно уѣдетъ въ Кіевъ, ему грозитъ опасность исключенія. Что могло быть яснѣе? Однако онъ не пожелалъ повиноваться правиламъ, и теперь уже поздно. Вы, господа, не маленькія дѣти, поймете, что простить Х—аго значитъ подрывать авторитетъ закона и мой собственный. На этотъ разъ не могу исполнить вашу просьбу!

Все это сказано было спокойно, просто и искренно; но мы видѣли, что Николаю Алексѣевичу не легко было произносить такой жестокій приговоръ. Скоро Х—кій оставилъ институтъ и, какъ говорили, въ Харьковѣ завелъ игорный домъ...

Такимъ же непреклоннымъ и стойкимъ помню Николая Алексѣевича еще разъ.

Дѣло было въ началѣ весны 1882 года. Н. Я. Аристовъ сильно хворалъ и рѣдко читалъ намъ лекціи по русской исторіи послѣ Рождества. Желая, вѣроятно, имѣть баллы для аттестаціи, онъ вмѣсто репетиціи прислалъ тему для письменной работы. Предстояло писать сочиненіе послѣ большой перемѣны, когда студенты чувствовали себя уставшими. При томъ Н. Я. Аристовъ былъ строгимъ оцѣнщикомъ студенческихъ сочиненій: онъ не только требовалъ основательности сужденій, но чистаго русскаго языка, преслѣдуя всякіе варваризмы. Если присоединить къ сказанному чудную погоду, когда весеннее солнышко манило изъ душныхъ стѣнъ на вольный воздухъ, то до нѣкоторой степени станетъ понятно желаніе студентовъ не писать сочиненія.

Во время большой перемѣны между студентами перваго и второго курса быстро начала распространяться мысль объ отказѣ отъ

сочиненія, и всѣ рѣшили не писать. Прошла большая перемѣна. Колокольчикъ прозвонилъ начало лекцій. Студенты перваго и второго курса рѣшили не итти въ аудиторію, несмотря на увѣщаніе дежурнаго наставника.

Скоро въ залѣ появился передъ нами Николай Алексѣевичъ. Я никогда потомъ не видѣлъ лица его столь гнѣвнымъ. Глаза его сверкали. Онъ возвышеннымъ голосомъ приказалъ: «въ аудиторію!».

Студенты повиновались и пошли въ аудиторію, но рѣшили не писать сочиненія.

Въ аудиторіи Николай Алексѣевичъ спросилъ студентовъ, почему они отказываются писать сочиненіе. Мы ему сказали причины.

— Повѣрьте, господа, что Николай Яковлевичъ самъ понимаетъ ваше положеніе и будетъ снисходительно оцѣнивать ваши работы, которыя вы должны исполнить!

Но мы упорно повторяли, что не можемъ писать, потому что осталось мало времени (всего полтора часа).

— Господа, совѣтую вамъ писать сочиненіе, иначе сочту ваше нежеланіе за демонстрацію, и дѣло кончится плохо.

Мы стояли на своемъ, хотя нѣкоторые начали вынимать бумагу изъ скамей.

Тогда Николай Алексѣевичъ началъ дѣйствовать на отдѣльныхъ студентовъ, которые извѣстны были за добросовѣстныхъ и акуратныхъ.

— Вы почему не пишете?—спрашивалъ онъ ихъ по одиночкѣ.

— Голова болитъ.

— Не здоровится.

— Не могу писать,—слышалось ему въ отвѣтъ.

Какъ и всегда бываетъ, упорствующихъ осталось человѣкъ десять—двѣнадцать. Все это были лучшіе студенты, которые не пожелали измѣнить разъ данному слову.

На нихъ и пала вся тяжесть наказанія. Не забудьте, что все разсказанное произошло въ 1882 г., когда въ обществѣ царило тревожное настроеніе, когда всякое волненіе молодежи раздували, памятуя первое марта 1881 года. Можетъ быть, подъ вліяніемъ общаго настроенія и Николай Алексѣевичъ строго посмотрѣлъ на «бунтъ» студентовъ.

Скоро мы узнали отъ дежурнаго наставника П. А. А—ва, что студентовъ, не писавшихъ сочиненія, ждетъ суровое наказаніе, въ родѣ исключенія.

Перспектива намъ улыбалась не веселая: по правиламъ, за годъ казеннаго содержанія надо было прослужить полтора года уѣзднымъ учителемъ. Что было дѣлать?

П. А. А—въ далъ совѣтъ пойти къ Николаю Алексѣевичу и убѣдить его, что въ отказѣ нашемъ писать сочиненіе не было никакой демонстраціи.

Выбрали трехъ депутатовъ, въ томъ числѣ и меня. Мы улучили моментъ, когда въ садикѣ гулялъ Николай Алексѣевичъ и другіе профессора, и когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Все это устроено было, по совѣту П. А. А—ва, относившагося къ студентамъ очень дружелюбно.

Подходимъ къ Николаю Алексѣевичу съ повинною. Онъ встрѣтилъ насъ необычайно сурово, хоть по глазамъ видно было, что онъ очень доволенъ нашимъ раскаяніемъ.

— Мы сознаемъ свою вину,—говорили мы,—но просимъ васъ не смотрѣть на нее, какъ на демонстрацію. Мы дѣйствительно не могли писать сочиненіе.

— Хорошо, господа, я приму во вниманіе вашу просьбу,—отвѣтилъ намъ директоръ, когда П. А. А—въ и другіе профессора поддержали нашу просьбу.

Черезъ двѣ недѣли въ аудиторію торжественно вступили директоръ и всѣ почти профессора въ парадной формѣ, и секретарь конференціи Г. Э. Зенгеръ прочиталъ резолюцію, что такіе-то и такіе-то студенты за свой проступокъ должны были бы понести тяжкое наказаніе, но въ виду ихъ прилежанія и безукоризненнаго поведенія наказаніе смягчается и т. д. Отдѣлались мѣсячнымъ арестомъ, при чемъ «бунтъ» не имѣлъ никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій для судьбы виновныхъ.

IV.

Еще въ концѣ 1881—1882 учебнаго года стали носиться слухи, что Николай Алесѣевичъ уходитъ изъ института. Слухи эти сильно смутили студентовъ и профессоровъ. Многіе горевали, что не пришлось окончить курсъ при немъ, потому что слышали, какъ интересны бываютъ разборы данныхъ студентами въ гимназіи уроковъ.

Въ началѣ 1882—1883 учебнаго года слухи объ уходѣ директора изъ института оправдались. Говорили, что Николай Алексѣевичъ, просясь по нездоровью въ отставку, хотѣлъ просто напомнить о себѣ кому слѣдуетъ, потому что жизнь въ глухомъ провинціальномъ городишкѣ не могла навсегда похоронить въ себѣ такую свѣтлую личность, какою былъ покойный.

Когда сталъ извѣстенъ день отъѣзда любимаго начальника и учителя, всѣ студенты, какъ одинъ, рѣшили проститься съ Николаемъ Алексѣевичемъ и высказать ему тѣ прекрасныя чувства, какія поселилъ онъ въ нихъ. Я тогда былъ на третьемъ курсѣ. Нашъ курсъ считалъ всегда для себя большою заслугою, что ему выпало счастье быть главнымъ дѣятелемъ на проводахъ директора.

Одинъ изъ насъ И. П. С—скій составилъ адресъ Николаю Алексѣевичу; этотъ адресъ, проредактированный товарищами и

другими студентами, былъ хорошо переписанъ на листѣ толстой бумаги и за нашими подписями переданъ покойному. Онъ, вѣроятно, отыщется среди его бумагъ. Когда Николай Алексѣевичъ явился въ рекреаціонный залъ, чтобы проститься съ нами, И. П. С—скій прочиталъ ему адресъ, въ которомъ говорилось, что съ уходомъ его не прекратится та внутренняя, нравственная связь, какая установилась навсегда между нимъ и нами, его учениками, что его личность для насъ будетъ служить свѣтлымъ примѣромъ святого исполненія долга.

Николай Алексѣевичъ былъ глубоко тронутъ адресомъ и взволнованнымъ голосомъ благодарилъ насъ за оцѣнку своихъ заботъ о студентахъ. «Именно, эта нравственная связь, о которой вы говорите въ своемъ адресѣ, для меня является лучшею наградою», заключилъ онъ свой отвѣтъ на нашъ привѣтъ. Онъ говорилъ намъ о престоящей намъ прекрасной и полезной, но отвѣтственной дѣятельности.

Глубоко запали намъ въ душу эти рѣчи любимаго наставника и учителя; но сумѣли ли мы осуществить ихъ въ своей дѣятельности,—объ этомъ, быть можетъ, когда нибудь скажутъ наши питомцы и питомицы...

На прощанье онъ далъ каждому изъ насъ по экземпляру своей книги: «Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» и по фотографической карточкѣ [1]).

Мы въ складчину купили ящикъ ланинскаго шампанскаго и на вокзалѣ простились съ любимымъ своимъ начальникомъ.

Прощаясь съ нами, Николай Алексѣевичъ далъ намъ право, въ случаѣ нужды, обращаться къ нему, и онъ сдержалъ свое слово о томъ, что окажетъ содѣйствіе, насколько будетъ возможно.

Когда онъ былъ назначенъ ректоромъ въ Варшавскій университетъ, многіе изъ моихъ товарищей, напримѣръ, И. С. Иг—ко, П. и А. Бр—кіе, Г—чъ и другіе, перешли туда, потому что могли располагать средствами и жить на квартирѣ. Пишущій эти строки пытался уйти изъ Нѣжина въ Петербургскій историко-филологическій институтъ, но ему это не удалось. Словомъ, тогда бѣжали изъ Нѣжинскаго института не только студенты, а и профессора... Явился другой директоръ, начались репрессаліи, пошли интриги, лучшіе профессора уѣзжали, остались люди приниженные... То было мрачное время, о которомъ и вспоминать не хочется.

Вспомню, что одинъ изъ моихъ товарищей, Л. П. Дружининъ, принужденъ выйти изъ второго курса института и уѣхать учителемъ въ уѣздное училище. Узнавъ о назначеніи Н. А. Лавровскаго ректоромъ Варшавскаго университета и о томъ, что онъ хлопочетъ о дозволеніи семинаристамъ съ экзаменомъ поступать въ универ-

---

[1]) Она воспроизводится здѣсь.

ситетъ, Дружининъ просилъ меня высылать ему книги, подготовился къ экзамену и поступилъ въ университетъ. Николай Алексѣевичъ своимъ отвѣтомъ на письмо поднялъ въ немъ энергію и выручилъ его изъ глухого еврейско-русскаго городка.

И думаю я, всякій изъ бывшихъ студентовъ всегда находилъ откликъ въ доброй душѣ покойнаго Николая Алексѣевича.

Почти восемь лѣтъ спустя послѣ разлуки, пишущему эти строки пришлось обратиться къ покойному съ просьбою, и онъ не замедлилъ отвѣтить письмомъ, которое и привожу здѣсь: «Спѣшу отвѣтить на ваше послѣднее письмо. Здѣсь, въ Варшавѣ, врядъ ли вамъ удастся пристроиться, такъ какъ въ нашемъ университетѣ даже избытокъ преподавателей по русскому языку и словесности вслѣдствіе того, что читаю и я и лекторъ русскаго языка, Кул—скій, который, какъ магистръ, здѣсь на особомъ положеніи и читаетъ особый курсъ. Прибавьте къ нимъ Бу—ча, Си—ва, и вы получите четырехъ преподавателей русскаго языка и словесности. Вотъ въ Московскомъ университетѣ дѣйствительно вы могли бы пріютиться; тамъ чувствуется даже недостатокъ въ этомъ родѣ.

«Пишите Гроту и Бр—ту, и я буду писать съ своей стороны. Меня очень радовала всегда такъ прекрасно начавшаяся ваша ученая дѣятельность; вполнѣ увѣренъ, что она пойдетъ..., и что вы своей дѣятельностью не замедлите пробить себѣ дорогу. Только прежде всего магистерство, безъ него ничего не подѣлаешь. Успѣете ли его соорудить еще въ этомъ учебномъ году? Не торопитесь и не рискуйте оставлять настоящее мѣсто безъ полной увѣренности въ полученіи новаго.

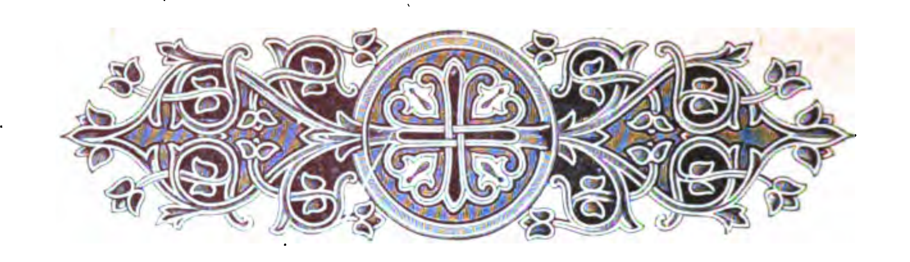
«Преданный вамъ Н. Лавровскій».

И на этотъ разъ не суждено было, въ силу прихотливостей судьбы, сбыться предположеніямъ Николая Алексѣевича, который всегда готовъ былъ поддержать научныя стремленія своихъ учениковъ.

За шестнадцать лѣтъ службы мнѣ довелось встрѣчать много людей, но такого начальника, такого учителя, какимъ былъ покойный Николай Алексѣевичъ, мнѣ не встрѣтилось больше тамъ, въ Европейской Россіи, тѣмъ болѣе не встрѣтится здѣсь, на отдаленной окраинѣ.

С. Браиловскій.

Хабаровскъ. 1899 г.

ВОЙНА И ТРУДЪ.

ГУЧІЙ и серіозный вопросъ, затронутый въ только что вышедшей подъ этимъ заглавіемъ превосходной книгѣ М. В. Аничкова, сильно занимаетъ въ настоящую минуту весь цивилизованный міръ. Представленія дипломатовъ, перья публицистовъ, проповѣдь моралистовъ и изслѣдованія политико-экономовъ, всѣ вмѣстѣ и порознь, каждый изъ себя и каждый для себя, стараются разрѣшить вопросъ объ окончательномъ умиротвореніи человѣчества, т. е. о прекращеніи войны, какъ остатка отъ временъ уже давно пережитаго нами варварства и эпохи всякихъ насилій.

Кажется, не прошло еще и трехъ полныхъ лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ колоссальной монографіи о войнѣ г. Бліоха, старавшагося, но безуспѣшно, испугать насъ ужасами средствъ пораженія, находящихся въ рукахъ современныхъ многомилліонныхъ армій и грозящихъ при первомъ серіозномъ столкновеніи европейскихъ народовъ обратить весь культурный міръ въ печальныя дымящіяся развалины, и вотъ передъ нами новое большое сочиненіе, задавшееся тою же благородною цѣлью: указать вѣрные пути и средства, при помощи которыхъ война уйдетъ навсегда въ область злыхъ преданій, чтобы стать тамъ рядомъ съ пережитыми человѣчествомъ ужасами рабства и инквизиціи. Несмотря, однако, на общность цѣлей, ни въ какомъ отношеніи прекрасную книгу М. В. Аничкова нельзя поставить рядомъ съ несуразнымъ зданіемъ устрашающей книги Бліоха. Въ этой послѣдней очевидный дилетантъ въ области военныхъ знаній, да еще по крови еврей, то-есть человѣкъ, орга-

нически неспособный понять истинный смыслъ и настоящія побужденія войны, пробуетъ поразить насъ страшною пастью своего богато размалеваннаго дракона, между тѣмъ какъ «Война и Трудъ» г. Аничкова являетъ серіозное, продуманное сочиненіе большого эрудита во всѣхъ тѣхъ областяхъ, съ какими ему приходилось считаться въ интересахъ его обширной темы.

Книга эта раздѣлена на три разнохарактерныя части. Въ первой части, авторъ даетъ намъ превосходно выбранную военную исторію, или, вѣрнѣе, исторію вооруженій народовъ, въ различныя эпохи ихъ культурнаго существованія. Во второй, мы получаемъ столь же подробно и хорошо написанную исторію дипломатическихъ, юридическихъ и философскихъ попытокъ замѣнить войну незыблемостью договоровъ путемъ организаціи высшаго международнаго трибунала, въ большей или меньшей степени похожаго всегда на судъ третейскій. Въ третьей части, подходя къ положительной сторонѣ своей задачи, авторъ широко и благородно затрогиваетъ наиболѣе интересные политико-экономическіе вопросы, видя именно и только здѣсь опасные побудители, заставляющіе народы и до сихъ поръ вступать между собою въ кровавую распрю, уносящую массу молодыхъ и цѣнныхъ жизней и несмѣтныя богатства, въ видѣ напраснаго или разрушеннаго труда.

Въ первой части руководящимъ мотивомъ для послѣдовательнаго и блестящаго нанизыванія историческихъ фактовъ служитъ мысль, высказанная многими, но категоричнѣе всего выраженная профессоромъ Д. И. Менделѣевымъ, что война должна убить войну, путемъ развитія все болѣе и болѣе губительныхъ средствъ защиты и нападенія, слѣдуя въ этомъ направленіи не случайно и какъ бы въ потемкахъ, но строго научными путями, освѣщаемыми громаднымъ развитіемъ химіи, физики и электротехники.

Задача опровергнуть это красивое заблужденіе нашего знаменитаго ученаго выполнена г. Аничковымъ блистательно. Отъ палки дикаря, замѣнившейся каменнымъ топоромъ, отъ палицы и копья, уступившихъ мѣсто пращѣ Давида, поразившаго Голіаѳа, отъ лѣса копій и отъ тучи стрѣлъ грековъ и персовъ въ эпоху ихъ высокаго военнаго развитія и до нашихъ временъ, дѣйствительно, страшнаго развитія всѣхъ боевыхъ средствъ пораженія, т. е. до скорострѣльной магазинки, стрѣляющей никелированной пулей, при помощи бездымнаго пороха, М. В. Аничковъ ведетъ своего читателя шагъ за шагомъ къ неоспоримому убѣжденію, что не только вчера и сегодня, но и во времена почти доисторическія, каждое новое усовершенствованіе въ оружіи порождало буквально тѣ же надежды на невозможность дальнѣйшей войны, какъ успѣхи научнаго пороходѣланья и успѣхи металлургіи породили надежды и упованія Д. И. Менделѣева. Но, увы! каждый разъ эта мечта немедленно же и категорично опровергалась фактами войнъ, не становившимися,

несмотря ни на какіе успѣхи боевой техники, ни менѣе частыми ни менѣе кровопролитными. Въ этомъ историческомъ ходѣ измѣнившихся фактовъ, прямо надо сказать, нѣтъ исключеній, ни въ древнія времена, ни въ наши дни побѣдъ абиссинцевъ надъ итальянцами и буровъ надъ англичанами, и потому радужная надежда, что наконецъ-то будетъ изобрѣтено такое смертоносное оружіе, послѣ котораго воевать будетъ фактически невозможно, должна быть отброшена, какъ рѣшительная мечта, несогласная съ дѣйствительностью, и потому война никогда не убьетъ войну.

Вторая часть труда г. Аничкова приводитъ насъ къ заключенію еще болѣе безотрадному. Длинный рядъ благороднѣйшихъ попытокъ взнуздать силу правомъ, подчинить наглость справедливости и привести народы къ обычаю полюбовно рѣшать свои споры на главенствующемъ международномъ судѣ, также послѣдовательно и безповоротно терпитъ неопровержимое фіаско, доставляя только господамъ дипломатамъ утѣшеніе лицемѣрить съ самыми благородными цѣлями, хотя и безъ надежды создать изъ этой доброжелательной лжи дѣйствительную правду. И въ этой части богатство и полнота свѣдѣній почтеннаго автора поражаютъ читателя и дѣлаютъ чтеніе нѣсколько сухого историческаго матеріала увлекательнымъ.

И вотъ у предверія третьей части читатель книги г. Аничкова стоитъ въ печальномъ раздумьѣ: какъ же авторъ дальше справится съ задачей, указанной имъ же двадцатому вѣку: что этому вѣку надлежитъ такъ же радикально покончить съ войной, какъ XIX покончилъ съ рабствомъ? Если война не можетъ убить войну путемъ усовершенствованія орудій истребленій, что такъ неопровержимо и фактически доказано въ первой части книги, если и попытки лучшихъ, благороднѣйшихъ людей науки права и такіе энтузіасты, отрицавшіе войну за счетъ собственнаго политическаго благополучія, какихъ мы видимъ въ лицѣ Кобдена и Джона Брайта, потерпѣли также фактически несомнѣнное фіаско, и если лучшіе умы разныхъ вѣковъ думая, что, отрицая войну, они говорятъ великія истины, а на самомъ дѣлѣ переливали изъ пустого въ порожнее, то на что же остается надѣяться будущему, которому все же предстоитъ покончить съ роковымъ и тяжелымъ вопросомъ?! И вотъ мы съ интересомъ и тайнымъ трепетомъ принимаемся читать третью часть труда г. Аничкова.

И представьте себѣ, авторъ въ самомъ дѣлѣ радикально и безповоротно уничтожаетъ войну между культурными расами, сохраняя ее, и то не навѣчно, на границахъ странъ дикихъ, имѣющихъ стать въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ также странами культурными. И въ этой части своего труда М. В. Аничковъ остается тѣмъ же благороднымъ и въ полномъ смыслѣ слова свободнымъ мыслителемъ, не играетъ словами, но ставитъ вопросъ острымъ

его ребромъ, при чемъ не боится, для его радикальнаго разрѣшенія, требовать такой радикальной реформы въ жизни европейскихъ народовъ, передъ которою, конечно, останавливались всѣ его предшественники, топившіе свои геройскія мечты о братствѣ народовъ въ пучинѣ жалкаго празднословія и поддѣльнаго паѳоса.

У нашего автора нѣтъ ни паѳоса, ни празднословія. Рѣзко, мѣтко и откровенно ведетъ онъ читателя къ своему логичному выводу и безапелляціонно заставляетъ его согласиться, что если на землѣ воцарится безусловная свобода передвиженія, при безусловной свободѣ труда и торговли вездѣ и повсюду, то, что онъ называетъ свободой торговли при абсолютной свободѣ переселенія черезъ вполнѣ свободныя, вездѣ открытыя границы, не знающія никакихъ паспортовъ и никакихъ таможенъ, при полнѣйшемъ равенствѣ чужеземца съ туземцами во всѣхъ человѣческихъ и гражданскихъ правахъ, независимо отъ своей національности, то, конечно, на землѣ, устроенной такимъ образомъ, войны въ современномъ значеніи этого слова не будетъ. Не будетъ не потому, что люди станутъ добрѣе и образованнѣе, а потому, что ни у кого не найдется нигдѣ очевиднаго и притомъ массоваго врага. Если каждый изъ насъ, независимо отъ языка, религіи, народности, вездѣ будетъ чувствовать себя туземцемъ, если самое понятіе «чужеземецъ» исчезнетъ изъ обиходнаго словаря всѣхъ народовъ и людей, то съ кѣмъ же воевать, кому доказывать свою массовую силу и у кого требовать оружіемъ возстановленіе правъ, когда никто не будетъ имѣть ни возможности, ни поводовъ ихъ нарушить? Да, несомнѣнно при этихъ условіяхъ массовой войны не будетъ, хотя и тогда можетъ быть война частная, весьма и весьма близкая къ той войнѣ, которую люди видѣли уже въ средніе вѣка, въ эти страшные темные вѣка торжества всякаго деспотизма, насилія и изувѣрства.

Авторъ, конечно, какъ человѣкъ серіозный, не дѣлаетъ изъ своего заманчиваго предложенія шутки. Онъ серіозно убѣжденъ и серіозно убѣждаетъ другихъ: что стремленіе итти къ этому рѣшенію вопроса ясно видно вездѣ, гдѣ уже культура достигла достаточной силы и высоты. Онъ блестяще доказываетъ, что таможенная война на границахъ не свободныхъ, при переселеніяхъ затрудненныхъ, и есть единственный опасный стимулъ для современной войны. И въ этомъ онъ, конечно, опять и безусловно правъ. Еще болѣе правъ онъ и блестящъ въ своихъ доказательствахъ несовершенства доктринъ нашихъ политико-экономическихъ ученій, какъ протекціонистскаго, такъ и фритридерскаго порядка. И потому, если допустить и повѣрить въ возможность фактическаго осуществленія величайшей экономической реформы, какую онъ предлагаетъ, то несомнѣнно за исчезновеніемъ поводовъ къ войнѣ и всякаго въ ней смысла она должна исчезнуть такъ же просто и безповоротно, какъ исчезаютъ корабли, кораблики и, наконецъ,

даже лодки изъ сухого оврага, нѣкогда представлявшаго многоводную и мощную, судоходную рѣку. Вопросъ слѣдовательно только въ томъ: кто рѣшится первый сдѣлать свою торговлю безусловно свободной, кто рѣшится отворить свою границу пришествію всякихъ полноправныхъ иноплеменниковъ, и кто первый же не побоится потерпѣть при этомъ неминуемую потерю національности, а въ концѣ концовъ и языка? Надо думать, что добровольно, по собственному почину, врядъ ли найдется народъ, способный на принципіальное самоубійство, ради блага всего человѣчества! Но этотъ исходъ не вдругъ и не сразу вполнѣ возможенъ медленнымъ и постепеннымъ завоеваніемъ чисто промышленно-торговаго характера. И въ этомъ направленіи концемъ XIX столѣтія сдѣлано очень много, такъ какъ торговля даже оружіемъ приняла несомнѣнно космополитическій характеръ. Общность европейскаго капитала, рядомъ съ нашею національною безпечностью и природною лѣнью, можетъ быть, выращиваемою неудобствами и суровостью нашего климата, въ самомъ дѣлѣ могутъ подвинуть этотъ вопросъ къ его насильственному рѣшенію. Но безъ кровавой и страшной войны дѣло едва ли обойдется, и потому, если война не убивала еще никогда войны путемъ устрашительныхъ изобрѣтеній при выработкѣ оружія, если попытки философовъ и мечтателей энтузіастовъ побѣдить войну юстиціей не удались, то и гуманная и широкая идея покончить съ войною объявленіемъ свободы торговли, свободы переселеній, при полномъ уничтоженіи границъ, раньше своего осуществленія приведетъ всѣ народы къ самой свирѣпой. къ самой ожесточенной дракѣ. И это понятно! Вѣдь это же будетъ война за жизнь и отдѣльное существованіе въ буквальномъ смыслѣ слова, почему каждый воинъ будетъ возбужденъ и напитанъ тѣмъ высокимъ энтузіазмомъ, которому мы, даже нехотя, даже вопреки самымъ мирнымъ убѣжденіямъ, невольно рукоплещемъ и въ дѣлѣ защиты Трансвааля отъ свободныхъ для англичанъ границъ, и которому также рукоплескали въ лицѣ Леонида при Ѳермопилахъ и въ лицѣ Кутузова въ нашу Отечественную войну! Тѣмъ не менѣе. вопросъ о радикальномъ измѣненіи современной формы народныхъ ратоборствъ во имя ихъ эгоистическихъ интересовъ измѣнится, всего вѣроятнѣе, по программѣ г. Аничкова.

Указанный имъ путь несомнѣнно серіозенъ, ожидаемыя реформы этики народной также подкупаютъ невольно своей красотою и справедливостью, а всего болѣе свободой. Въ этомъ направленіи надо ожидать многаго, даже и не въ столь отдаленномъ будущемъ. Вотъ почему я смѣло могу сказать, что не знаю книги болѣе интересной, логичной и поучительной по этому вопросу, какъ книга г. Аничкова, вполнѣ достойная обстоятельнаго и подробнаго критическаго разбора съ трехъ точекъ зрѣнія: какъ военно-исторической, такъ съ дипломато-юридической, и наконецъ, особенно, какъ

своеобразный трактатъ новой политико-экономической догмы, въ высокой степени интересной. Слабой стороной этого превосходнаго труда будетъ нѣкоторое, какъ будто намѣренное, замалчиваніе рабочаго и соціальнаго вопроса, не о производствѣ, а именно о правильномъ и справедливомъ распредѣленіи богатствъ. Вотъ гдѣ кроются также не малые бичи и скорпіоны, вполнѣ способные приводить и къ войнѣ, а еще болѣе къ междоусобному кровопролитію, при полной свободѣ торговли и при совершенно настежь открытыхъ границахъ. Но замѣчаніе это, напоминающее извѣстную поговорку, гдѣ медъ, тамъ и ложка, конечно, не существенно. Авторъ книги далъ и то въ своемъ трудѣ достаточно меду, чтобы самый ненасытный читатель могъ быть имъ недоволенъ.

Другое замѣчаніе неодобрительнаго характера: это—невозможная корректура книги, мѣстами не только затемняющая, но и искажающая мысль автора. Можно сказать, что ни одной цитаты, приведенной на иностранныхъ языкахъ, нѣтъ напечатанной безъ грубѣйшихъ ошибокъ. Это недостатокъ, и существенный, и я указываю на него потому, что при второмъ изданіи книги, которое несомнѣнно должно быть, этотъ недостатокъ долженъ быть устраненъ совершенно.

В. К. П—нъ.

КЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСКАГО ДВИЖЕНІЯ ПРИ ПАВЛѢ I.

РИ ВСТУПЛЕНІИ на престолъ императора Павла I, какъ извѣстно, наши крѣпостные крестьяне были первые приведены къ присягѣ на подданство. Съ одной стороны, это обстоятельство, а съ другой, облегчительные для крестьянъ указы 1797 года того же императора послужили поводомъ къ весьма серіозному движенію крестьянъ въ великороссійскихъ губерніяхъ. Историкъ де-Пуле, описавшій это движеніе въ обширной статьѣ «Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ I» (въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 года), останавливается только на нѣкоторыхъ губерніяхъ, и именно тѣхъ, гдѣ крестьянское движеніе принимало наиболѣе острый характеръ, а относительно, напримѣръ, губерній Ярославской и Владимірской говоритъ, что «здѣсь все обошлось мирно, благодаря присутствію въ Вологдѣ Репнина».

Въ настоящее время, благодаря недавно появившейся въ печати подробной описи дѣлъ канцеляріи владимірскаго губернатора XVIII вѣка (въ «Трудахъ владимірской ученой архивной комиссіи», кн. I), можно возстановить нѣкоторыя небезъинтересныя подробности этого движенія и для Владимірской губерніи.

Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій документъ въ этой «описи», а именно «Письмо костромскаго намѣстническаго правителя ген.-поручика Ламба на имя генералъ-губернатора вла-

димірскаго и костромскаго», отъ 15-го ноября 1796 года. Въ немъ ген.-пор. Ламбъ, поставленный въ «затрудненіе» словами высочайшаго манифеста, по поводу привода къ присягѣ,—«предписать всѣмъ вышеозначеннымъ мѣстамъ, дабы по обнародованіи помянутаго манифеста тогда вѣрноподанные его императорскаго величества приведены были къ присягѣ», — пишетъ: «Хотя при подпискѣ присяжныхъ листовъ тѣми изъ присягающихъ, кои сами писать умѣютъ, и при внесеніи именъ протчихъ, кои грамотѣ не умѣютъ, неминуемо теперь нужно будетъ написать великія стопы бумагъ, но я рѣшилъ сдѣлать въ семъ случаѣ лучше лишнее, нежели упустить должнаго, и для того предписалъ, чтобъ привесть къ присягѣ всѣхъ, безъ изъятія, не исключая и крестьянъ. Ежели предписаніе мое о приведеніи къ присягѣ всѣхъ крестьянъ, безъ изъятія, совершенно окажется излишнее, то всепокорнѣйше прошу милостиваго вашего приказанія, по которому помянутое предписаніе тотчасъ отмѣнить можно».

Въ отвѣтъ на это генералъ-губернаторъ увѣдомилъ, что онъ въ распоряженіи его «не находитъ никакой излишности».

Такого рода неясностью, ставившею администраторовъ въ затрудненіе, а крестьянъ въ недоумѣніе, отличался, какъ извѣстно, и манифестъ 5-го апрѣля 1797 года, особенно слѣдующія его слова: «всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ». По поводу ихъ, а также и указа о трехдневной барщинѣ еще А. Н. Радищевъ въ своемъ «Описаніи моего владѣнія» справедливо предсказывалъ, что все это останется мертвою буквой.

При этомъ небезъинтересно будетъ отмѣтить, что въ крестьянскомъ движеніи 1797 года, какъ увидимъ ниже, сыгралъ нѣкоторую роль и милостивый указъ императора Павла, дозволявшій всѣмъ обращаться съ прошеніями непосредственно къ его императорскому величеству.

Изъ всей Владимірской губерніи крестьянское движеніе обнаружилось, по даннымъ «Описи», лишь въ 13-ти селахъ слѣдующихъ «округовъ»: Юрьевскаго, Суздальскаго, Шуйскаго, Меленковскаго, Владимірскаго и Покровскаго, и наиболѣе массовое изъ нихъ произошло въ Юрьевскомъ округѣ.

Крестьяне села Мирославля съ деревнями, въ числѣ 500 человѣкъ, «собрались», какъ пишетъ въ своемъ донесеніи приказчикъ П. И. Демидова юрьевскому земскому исправнику, «неизвѣстно для чего въ село Скомово той же вотчины и учинили въ церкви чрезъ священника оной Ѳедора Иванова присягу», а затѣмъ, придя въ село Турабьево, отрѣшили отъ должности прежнихъ своихъ «начальниковъ» и забрали господское имущество вмѣстѣ съ «денежной суммой» и «письменными дѣлами».

Когда по поводу этого «возставшихъ» сталъ допрашивать въ селѣ Турабьевѣ, гдѣ ихъ было уже свыше 2.000 человѣкъ, земскій исправникъ, то они «отвѣтствовали, что опредѣленныхъ къ должностямъ людей они отрѣшили и господское имущество взяли въ свое завѣдываніе», поручивъ его выборному, по той причинѣ, что на господина своего имѣютъ неудовольствіе въ томъ, что они безвременно употребляемы бываютъ на работы, въ чемъ и намѣрены на господина своего принесть къ его императорскому величеству просьбу, и болѣе уже у него въ повиновеніи быть не хотятъ, а дабы въ семъ случаѣ быть между собою единомышленными, въ томъ учинили въ селѣ Скомовѣ въ церкви присягу».

На увѣщанія же исправника «войти въ полное повиновеніе» помѣщику, крестьяне отвѣчали согласіемъ лишь по возвращеніи посланныхъ съ прошеніемъ государю.

Приведенные къ допросу въ земскій судъ, крестьяне слѣдующимъ образомъ объяснили свое «неудовольствіе», «безвременное употребленіе на работы» и мотивы «возстанія». «Господскіе оброки деньгами по 3 рубля съ души и хлѣбомъ: ржи по четверику и 6 гарнцевъ, и овса по 3 четверика и 6 гарнцевъ съ тягла «въ отягощеніе они себѣ не почитаютъ, но, какъ сверхъ того будучи обременены земляными, садовыми и прочими при конскомъ заводѣ работами», неоднократно просили своего приказчика о увольненіи къ господину ихъ въ Москву для просьбы объ облегченіи отъ тѣхъ работъ, «за коими де они для своихъ домашнихъ продовольствій по малому посѣву и безвременной уборкѣ своего хлѣба многіе совсѣмъ и пропитанія лишились, такъ что въ дворахъ не болѣе двадцати собственнымъ своимъ хлѣбомъ, а прочіе покупнымъ продовольствіе имѣютъ, отчего нѣкоторые, оставя свои тяглы, взошли въ бобыли»; но приказчикъ ихъ не пускалъ и ни отъ какихъ работъ не освобождалъ. Между тѣмъ они, «услыша между собою другъ отъ друга народную молву, чему теперь, хотя де и не увѣряются, будто бы всякому позволено подавать его императорскому величеству жалобы на господъ своихъ и просить милости», почему и сдѣлали «общенародное о томъ согласіе», «цѣловали крестъ» и отправили трехъ крестьянъ съ прошеніемъ.

Судъ, какъ и слѣдовало ожидать, отнесся къ нимъ снисходительно, и всѣ допрошенные крестьяне въ числѣ 91 человѣка, вмѣстѣ съ оставшимися въ вотчинѣ, послѣ «учиненія подписки о послушаніи», были освобождены безъ наказанія.

Какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, на земскій судъ, очевидно, имѣлъ вліяніе гуманный и мягкій временно управлявшій тогда владимірскимъ намѣстничествомъ, сенаторъ Лазаревъ. Такъ, напримѣръ, хотя по донесенію помѣщика Лялина и исправника, «отягощенные работою» крестьяне деревни Ключей «чинили исправнику и господину своему великія грубости и не-

учтивства», и не позволили забрать «зачинщиковъ», но сенаторъ Лазаревъ никого изъ нихъ не допустилъ до наказанія, и вообще онъ совѣтовалъ слѣдователямъ дѣйствовать «осторожно», «подробно разыскивать на мѣстѣ» и «внятно и вразумительно истолковывать заблудшимъ силу высочайшаго манифеста»; если же иногда дозволялъ брать имъ «небольшую команду», то единственно «для уваженія лица», напримѣръ, г. предводителя дворянства.

Во всѣхъ остальныхъ селахъ движеніе крестьянъ обнаруживалось, собственно говоря, лишь въ томъ, что они, ободренные «молвою» о возможности подавать прошенія на высочайшее имя «не инако, какъ каждый отъ себя, не подписываясь болѣе одного человѣка», отправили таковыя съ своими ходоками и въ ожиданіи отвѣта на эти прошенія, отказывались временно отъ нѣкоторыхъ трудныхъ работъ на помѣщика, несмотря на увѣщанія исправниковъ и слѣдователей; на судѣ же приносили «извиненія» и «послушаніе» подпискою.

Но въ донесеніяхъ нѣкоторыхъ, видимо, струсившихъ помѣщиковъ, дѣйствія крестьянъ представляются въ иномъ свѣтѣ. Такъ, прапорщикъ Дмитрій Михайловичъ Константиновъ, владѣвшій двумя селами и двумя деревнями въ Меленковскомъ уѣздѣ, пишетъ, что крестьяне его «взбунтовались» и послали двухъ выборныхъ для подачи прошенія его императорскому величеству, «не инако, какъ съ намѣреніемъ отложиться отъ должнаго повиновенія»; но при этомъ добавляетъ, что «сіе намѣреніе» онъ усматриваетъ въ томъ, что они на приказъ его, собрать за первую половину 1797 года (въ мартѣ мѣсяцѣ) подушныя деньги для платежа въ казначейство, «отозвались противъ сего неимущими».

Братъ предыдущаго, подпоручикъ Иванъ Михайловичъ Константиновъ, имѣя въ наличности только одно нежеланіе крестьянъ своихъ дать подписку по требованію предводителя дворянства и засѣдателя, писалъ про нихъ, что они «явно открываютъ свое возмечтаніе въ отбытіи отъ него, ища себѣ свободы», и по этому поводу просилъ немедленной присылки «пристойной воинской команды».

Помѣщица фонъ-Бергъ доносила, что находящіеся въ ея сельцѣ Внуковѣ (Владимірской округи) крестьяне, въ числѣ 21 души, «крыли крышу въ барскомъ домѣ дранью и вдругъ взбунтовались»: оставили работу и на вопросъ ея о причинѣ, «стоя въ шапкахъ, безъ всякой благопристойности грубымъ и азартнымъ образомъ» отвѣтили, что «не хотятъ быть у ней въ повиновеніи, потому что состоялся указъ императорскаго величества быть имъ вольными и ни отъ кого независящими». При этомъ помѣщица фонъ-Бергъ при описаніи «издѣлья» и повинностей крестьянъ сдѣлала значительную сбавку, что̀ подтвердилъ на судѣ и оставшійся ей вѣрнымъ ея староста.

Наконецъ въ «объявленіи» помѣщика, колежскаго совѣтника М. И. Митькова, читаемъ слѣдующее: послѣ ухода въ Москву одного изъ крестьянъ съ жалобою на «изнуреніе господскою работою», хотя онъ, помѣщикъ, всячески старается поправлять «состояніе» своихъ крестьянъ,—пришли къ нему три крестьянина, «говорили ему дерзко и невѣжничали»; а когда онъ «замахнулся на нихъ палкою», то одинъ изъ крестьянъ удержалъ его и заставилъ отойти отъ нихъ, «чѣмъ его, яко помѣщика, и обезчестилъ». На такое «обезчестье», конечно, послѣдовало требованіе воинской команды.

Въ отвѣтахъ же крестьянъ на судѣ и въ прошеніяхъ рисуется поистинѣ тяжкое и безвыходное ихъ положеніе, удостовѣряемое «сторонними» свидѣтелями и слѣдователями изъ дворянъ. Вотъ что, напримѣръ, говорили и писали крестьяне помѣщика Дмитрія Константинова: «чинитъ онъ имъ немалыя обиды и налагаетъ супротивъ другихъ помѣщиковъ съ излишествомъ тягости и повседневно на работѣ мучитъ и безвинно наказываетъ плетьми жестокими побоями до кровавыхъ ранъ немилостивно; принуждаетъ во всякое время прежде управлять, оставя свои, его всякія работы,—отчего они свои работы исправляютъ по ночамъ, въ воскресные дни по нуждѣ и въ ненастные съ великимъ ущербомъ...; отнимаетъ у нихъ амбары, строенія..., повсягодно съ дву душъ беретъ по барану, по курицѣ и коровьяго масла по 4 фунта, яицъ по 20; съ женъ и дѣтей по неимѣнію у нихъ своихъ угодій, хотя покупкою сбираетъ ягодъ малины и черники по 2 фунта; холста самаго тонкаго по 10 арш., по двѣ тальки пряжи,—и всѣ жены ихъ исправляютъ по нуждѣ, убоясь побой;—получаетъ съ нихъ накладныхъ по 3 рубля и оброку по четверть рубля съ каждой души; на дворѣ своемъ въ ночное время ставитъ для караула по два человѣка; а когда въ зимнее время по нестерпимой стужѣ кто взойдетъ въ караульную избу погрѣться, то усмотря за то мучитъ на томъ караулѣ и стужѣ по десяти ночей, безъ зачету очереди и наказываетъ плетью жестокими побоями... и отъ таковыхъ отягощеній незаконно пришли всѣ крестьяне въ крайнее разореніе и къ платежу всякихъ податей невсостояніе и упадокъ».

И при всемъ томъ, какъ «рапортуетъ» меленковскій уѣздный предводитель дворянства Названовъ, которому поручено было сенаторомъ Лазаревымъ разслѣдованіе, эти крестьяне «отъ должнаго повиновенія помѣщику не отлагаются, а находятся въ послушаніи: по призывамъ его всегда къ нему приходятъ и на господскомъ дворѣ въ ночное время караулъ попрежнему содержатъ, заплаченныя за нихъ помѣщикомъ по неимуществу ихъ подушныя деньги внести по данной отъ него отсрочкѣ черезъ недѣлю, по выработаніи оныхъ на заводахъ, не отрекаются и наконецъ по насту-

пающему вскорѣ хлѣбопашеству къ господскимъ работамъ оказываютъ себя готовыми».

Подобнаго же рода показанія далъ и другой слѣдователь о «бунтѣ» крестьянъ брата предыдущаго помѣщика, Ивана Константинова, и понятно, что судъ отказалъ тому и другому въ усмиреніи крестьянъ «воинскою командою».

Не менѣе тяжелое впечатлѣніе производятъ и повѣствованіями о своемъ житьѣ-бытьѣ крестьяне г-жи фонъ-Бергъ. Они заявили, что «никогда передъ нею ослушными не были и работы господскія отправляютъ, но что они много разъ ей объявляли, что они замучены господскою работою, такъ что времени имъ недостаетъ для своей домашней исправы, и что она съ нихъ очень много всего собираетъ; сѣютъ они господскаго оржанаго хлѣба 20 четвертей (а всего ихъ было у г-жи Бергъ 21 душа), ярового вдвое; за дровами они ѣздятъ на Клязьму, гдѣ и покупаютъ дрова, тогда какъ около господскаго двора есть свой лѣсъ ближе; оброка собирается съ каждой бабы холста по 20 аршинъ, а буде не холстомъ, то пряжею по десяти талекъ, да, сверхъ того, моточка по два нитокъ; маленькихъ ребятъ заставляетъ щипать перья; дѣлаетъ сборъ баранами, по многу цыплятъ и по сотнѣ съ вѣнца куриныхъ яицъ, масла коровьяго по нѣскольку фунтовъ съ вѣнца»... Все это, по словамъ крестьянъ, и привело ихъ въ «крайнее изнеможеніе и бѣдность, почему они и понуждены говорить госпожѣ своей, что имъ очень тягостно».

Случаевъ наказанія по приговору земскаго суда въ Владимірской губерніи было очень мало, и они касались единицъ.

Въ заключеніе нашей замѣтки мы позволимъ себѣ остановиться на роли сельскаго духовенства въ этомъ движеніи. Хотя де-Пуле имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительно больше матеріаловъ, но онъ объ участіи духовенства говоритъ предположительно. Изъ документальныхъ данныхъ канцеляріи владимірскаго губернатора видно, что изъ всѣхъ случаевъ обращенія крестьянъ къ священнику для привода ихъ къ присягѣ въ «единомысліи», отказъ послѣдовалъ только однажды. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духовенство прямо-таки стояло на сторонѣ крестьянъ. Мягкій и снисходительный къ «бунтовавшимъ» сенаторъ Лазаревъ о священникѣ села Скомова писалъ, что онъ «подалъ видимый поводъ къ возмущенію народа», и приказалъ чрезъ нижній земскій судъ «отослать его въ суздальскую духовную консисторію за стражею», послѣ того какъ этотъ священникъ отказался слушать исправника, требовавшаго его явиться въ судъ.

Священникъ с. Дубенокъ, Николай Ивановъ, не только не приводилъ крестьянъ къ присягѣ, но писалъ имъ приговоръ, уговаривая «стоять за одно», и, будучи пьяный, прикладывалъ за нихъ къ тому приговору по просьбѣ ихъ руку.

Наконецъ, изъ дѣла Дмитрія Константинова выяснилось, что «приходскіе священники не въ надлежащей силѣ давали смыслъ объявленному имъ отъ духовнаго правительства высочайшему его величества повелѣнію, состоявшемуся въ 12-й день декабря 1796 года, о подачѣ жалобъ или прошеній не инако, какъ каждый отъ себя, не подписываясь болѣе одного человѣка».

В. Рудаковъ.

ФЛОРЕНТІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ПАВЛЕНКОВЪ.

(Некрологъ).

ѢДКО на память какого либо общественнаго дѣятеля выпадало столько выраженій сочувствія, какъ на долю извѣстнаго «книгоиздателя» Ф. Ѳ. Павленкова, когда печать оповѣстила русское общество о его кончинѣ, послѣдовавшей въ Ниццѣ, 20 января сего года. И вмѣстѣ съ тѣмъ покойный не отличался ни какими либо выдающимися талантами, ни громкими, особенными подвигами, онъ не потрясалъ сердецъ «невѣдомою силою», не занималъ какимъ бы то ни было образомъ своею личностью современниковъ: это былъ простой труженикъ, страстно любившій свое дѣло, преданный ему до самозабвенія и положившій въ это дѣло всѣ свои силы, весь умъ, всю жизнь. Книгоиздатель... простой книгоиздатель — подъ этимъ наименованіемъ зналъ почти весь грамотный русскій людъ покойнаго Павленкова, и тѣмъ не менѣе съ этимъ именемъ связывались удивительно интересныя и даже знаменательныя страницы нашей общественной жизни просвѣтительнаго, прогрессивнаго характера за послѣднее тридцатилѣтіе. Можно безъ преувеличенія сказать, что, когда будетъ написана полная и истинная исторія издательскаго дѣла Павленкова во всѣхъ ея подробностяхъ, изгибахъ и съ закулиснымъ фономъ, мы будемъ имѣть тогда въ значительной мѣрѣ исторію умственныхъ теченій и развитія прогрессивныхъ идей за указанный періодъ. Г. Скабичевскому, между прочимъ, придется въ такомъ случаѣ добавить къ его извѣстной «Исторіи русской цензуры» немало любопытныхъ страницъ яркаго характера и знаменательнаго содержанія...

Павленковъ родился въ 1839 г., въ Тамбовской губ. Свѣдѣній о его родителяхъ, раннемъ дѣтствѣ и юношескихъ кадетскихъ годахъ въ печати не имѣется. Кажется, покойный, нелюбитель вообще говорить о себѣ лично, ничего и не повѣдалъ объ этой сторонѣ жизни.

Сознательное отношеніе къ окружающему и память знавшихъ Павленкова застаютъ его въ шестидесятыхъ годахъ офицеромъ артиллерійской академіи, по окончаніи которой онъ временно удаляется въ провинцію на службу при кіевскомъ и брянскомъ арсеналахъ; затѣмъ онъ ищетъ себѣ дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ, но, потерпѣвъ здѣсь какую-то неудачу, выходитъ въ отставку и отдаетъ себя всецѣло переводческой, издательской и книгопродавческой дѣятельности. Первыя свои статьи онъ помѣщалъ въ «Артиллерійскомъ журналѣ», «Фотографѣ» и «Журналѣ мануфактуръ и торговли», но эти работы не могутъ служить сколько нибудь характерными иллюстраціями къ складу его жизненныхъ симпатій и убѣжденій. Лишь знакомство съ Д. И. Писаревымъ и увлеченіе его научно-общественными идеалами является какъ бы центральнымъ мѣстомъ того періода его жизни: онъ дѣлается фанатичнымъ послѣдователемъ и правовѣрнымъ ученикомъ молодого блестящаго критика и таковымъ остается до послѣднихъ своихъ дней. Въ своемъ «Вѣнкѣ на гробъ Ф. Ѳ. Павленкова» (Сынъ Отеч., 1900 г., № 28) лично знавшій его г. Скабичевскій свидѣтельствуетъ, что покойный книгоиздатель «всѣмъ направленіемъ своей издательской дѣятельности обязанъ былъ идеямъ Писарева, призывамъ его всей литературы заняться распространеніемъ естественно-научныхъ знаній путемъ переводовъ и популярныхъ изложеній европейскихъ мыслителей и ученыхъ. Павленковъ принялся за осуществленіе именно того, къ чему побуждалъ его любимый и обожаемый учитель. Недаромъ въ продолженіе всей своей жизни онъ питалъ къ Писареву по истинѣ, можно сказать, «чувство благоговѣнія». Первымъ актомъ выраженія этого «чувства» было научное изданіе и переводъ «Полнаго курса физики Гано», а слѣдующимъ — изданіе сочиненій самого учителя, второй томъ котораго вызвалъ надѣлавшее въ свое время столько шума судебное преслѣдованіе. Въ слѣдъ же за смертью молодого критика, Павленковъ, не имѣя на то надлежащаго разрѣшенія, открылъ подписку ему на памятникъ, слѣдствіемъ чего была его продолжительная ссылка въ Вятку. Это административное взысканіе не сломило силъ убѣжденнаго послѣдователя ярко-прогрессивныхъ идей нашего періода «бури и натиска», и онъ остался и въ Вяткѣ и по возвращеніи въ Петербургъ все тѣмъ же правовѣрнымъ «шестидесятникомъ», для котораго служеніе «идеѣ» стояло выше всего въ жизни.

«Изгнанникъ» не долго томился въ бездѣйствіи; и вскорѣ публика увидала имъ изданную «Наглядную азбуку», удостоенную,

между прочимъ, почетнаго отзыва на вѣнской всемірной выставкѣ (1873), а также «Вятскую незабудку», опять-таки вызвавшую противъ него судебный процессъ. Эта неугомонность послужила основаніемъ перевода его въ Ялуторовскъ (Тобольской губерніи), откуда вернуться ему удалось лишь въ 1881 году, съ каковаго времени научно-издательская дѣятельность его принимаетъ обширнѣйшіе размѣры и ставитъ его имя въ ряду первоклассныхъ книгоиздателей нашего отечества. Дать полный перечень того, что имъ пущено въ обращеніе на рынокъ и въ грамотную массу, значило бы напечатать нѣсколько страницъ названій. Главнѣйшими, однако, изданіями слѣдуетъ считать: по литературѣ—сочиненія Пушкина, Лермонтова, Бѣлинскаго, Писарева, Гл. Успенскаго, Шелгунова, Скабичевскаго, Потапенко, Рѣшетникова, Диккенса, Эркманъ-Шатріана, Н. Яковлевой; популярно-научныя сочиненія—Вундта, Брэма, Герцена, Ланге, Липперта, Летурно, Ломброзо, Монтегацца, Милля, Моссо, Нимейера, Пейэ, Рибо, Сигеле, Тарда, Уарда, Фламмаріона, М. Нордау; для дѣтей—сочиненія Андерсена, Ворисгофера, Вальтеръ-Скотта, Диккенса, Засодимскаго, Круглова, Конради, Ламе-Флери, В. Острогорскаго, Сервантеса, Федо и друг.; наконецъ, слѣдуютъ обширныя серіи изданій «Біографической библіотеки», коей вышло около 185 книжекъ, каждая цѣною по 25 к., «Популярно-научной библіотеки», «Библіотеки полезныхъ знаній», «Популярно-юридической библіотеки», «Сказочной библіотеки», «Пушкинской», и «Лермонтовской библіотеки». Послѣднимъ его капитальнымъ изданіемъ былъ дешевый «Энциклопедическій словарь», а не задолго до смерти имъ пріобрѣтено было право на полное изданіе сочиненій А. И. Герцена, нѣкоторыя изъ произведеній котораго онъ полагалъ уже своевременнымъ и возможнымъ пустить въ обращеніе въ русскую публику. Это изданіе ему, однако, не удалось осуществить, и забота о томъ, кажется, должна лечь на тѣ литературныя учрежденія, которыя, по волѣ покойнаго, наслѣдовали его литературныя права.

Всматриваясь въ приведенный выше списокъ изданій Павленкова, мы должны признать, что это не простой рядъ случайныхъ изданій, появившихся въ свѣтъ безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія и замысла. Всѣ эти научно-популярныя книжки должны быть разсматриваемы, какъ непосредственное осуществленіе идей «учителя», въ видахъ распространенія въ обществѣ естественно-научныхъ, антропологическихъ и соціологическихъ знаній. «Павленковъ,—утверждаетъ г. Скабичевскій, — избѣгалъ строго и спеціально ученыхъ книжекъ, оставляя ихъ на долю другихъ издателей, самъ же избиралъ именно наиболѣе популярныя и общедоступныя. Въ этомъ до самой смерти его заключалась коренная, такъ сказать, его дѣятельность». Помимо цѣлей идейнаго подбора, онъ руководился въ своей просвѣтительной работѣ и иного рода задачей, а именно сдѣлать книжку возможно доступнѣе для массы.

Аристократія знаній, верхушки интеллигенціи его мало интересовали: онъ былъ служителемъ толпы въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и ей несъ всѣ свои помыслы и заботы. Пропаганда идей извѣстнаго сорта именно въ массѣ—вотъ тотъ мотивъ, который громко звучалъ во всѣхъ фазахъ развитія его книгоиздательской дѣятельности, начиная съ «Наглядной азбуки» и кончая думами объ изданіи сочиненій автора «Кто виноватъ?»

Г. Рубакинъ въ своемъ некрологѣ Павленкова вполнѣ справедливо говоритъ по настоящему предмету (Сынъ Отеч., № 22): «Въ теченіе своей слишкомъ тридцатилѣтней дѣятельности онъ издалъ многіе милліоны научно-популярныхъ книжекъ самаго разнообразнаго содержанія. Онъ съумѣлъ пустить ихъ въ оборотъ въ самые широкіе круги русской читающей публики. Онъ больше чѣмъ кто либо сдѣлалъ для этой послѣдней. Онъ сдѣлалъ научную книгу и интересной, и доступной для русскаго читателя. И не только для читателя средняго, но и для читателя изъ народа. До Павленкова на книжномъ рынкѣ почти не существовало научно-популярныхъ книгъ, столь доступныхъ по цѣнѣ. Онъ одинъ изъ первыхъ удешевилъ книгу и открылъ ей такимъ образомъ широкій сбытъ. Цѣлый рядъ книгъ, выдвинутыхъ Павленковымъ на книжный рынокъ, выдержалъ по нѣсколько изданій, и съ каждымъ новымъ изданіемъ Павленковъ все болѣе и болѣе удешевлялъ ихъ». Г. Рубакинъ, бывшій близкимъ зрителемъ издательской дѣятельности Павленкова, свидѣтельствуетъ, что послѣдній былъ истиннымъ фанатикомъ своего дѣла, который жилъ въ своемъ дѣлѣ, дышалъ имъ и даже въ послѣдніе дни своей жизни неустанно работалъ, читалъ и правилъ рукописи; лежа на смертномъ одрѣ, онъ еще диктовалъ распоряженія и дѣлился съ г. Рубакинымъ своими проектами, которыхъ у него всегда была масса, словно торопился сдѣлать сколь возможно больше, сколь возможно скорѣе. «Разбитый и больной тѣломъ, онъ былъ необыкновенно бодръ духомъ; находясь при смерти, былъ также бодръ, какъ и во время своего знаменитаго процесса по первому изданію сочиненій Писарева».

Какъ человѣкъ, Павленковъ былъ по внѣшнему виду угрюмый и суровый, но на самомъ дѣлѣ въ душѣ чрезвычайно добрымъ, отзывчивымъ и уступчивымъ. Образъ его жизни былъ донельзя скроменъ, и онъ рѣшительно не чувствовалъ никакой потребности въ комфортѣ и наслажденіяхъ жизни; послѣднія связывались въ его представленіи съ удачами по тому дѣлу, которому онъ служилъ и къ которому такъ страстно былъ привязанъ. Его небольшая квартира, обѣденный столъ и весь режимъ смахивали на жизнь какого-то не то неприхотливаго ученаго, цѣликомъ погруженнаго въ интересы духа и истины, не то мудреца-отшельника, которому чуждо все тлѣнное и земное. Весь его день былъ посвященъ огромной работѣ, переговорамъ съ работникамъ и заботамъ о послѣднихъ. Въ

своихъ воспоминаніяхъ о покойномъ, напечатанныхъ въ «Бессарабцѣ» (№ 37), г. Абрамовъ говоритъ: «Мнѣ въ теченіе почти 20-лѣтней литературной работы пришлось имѣть дѣло съ значительнымъ числомъ издателей, какъ періодическихъ изданій, такъ и книгъ, и я считаю себя вправѣ заявить, что другого такого безсребренника, какъ Ф. Павленковъ, я не видѣлъ среди этихъ издателей. Онъ платилъ за работу такъ, какъ ни одинъ книжный издатель. При малѣйшемъ недоразумѣніи, при малѣйшемъ неудовольствіи со стороны сотрудника, Павленковъ, хотя бы считалъ себя безусловно правымъ, немедленно же уступалъ во всѣхъ пунктахъ и уплачивалъ безпрекословно все, что претендующій считалъ себя вправѣ получить. Никогда, рѣшительно никогда, я не слышалъ отъ Павленкова выраженія хотя бы малѣйшаго неудовольствія на того или иного изъ лицъ, которыя работали для его изданій, хотя между ними были и люди крайне тяжелаго характера, предъявлявшія прямо нелѣпыя претензіи. Кругъ лицъ, съ которыми работалъ Павленковъ, представлялся ему чѣмъ-то въ родѣ одной семьи, всѣ члены которой имѣютъ право на то, что создаетъ вся эта семья, и такъ какъ на то, что давали ему изданія, Павленковъ смотрѣлъ не какъ на свое достояніе, а какъ на достояніе всѣхъ, работавшихъ съ нимъ, то онъ и считалъ себя обязаннымъ удовлетворять всѣ претензіи со стороны своихъ сотрудниковъ относительно вознагражденія ихъ труда».

Несмотря на то, что обороты торговли Павленкова были значительны (къ началу 1880-хъ годовъ годовой оборотъ составлялъ 20.000 р., а къ концу жизни достигалъ 220.000 р.), онъ не искалъ отсюда себѣ барышей и не дѣлалъ значительныхъ отчисленій: почти всѣ прибыли и излишки шли опять-таки на расширеніе книжнаго его дѣла и вкладывались снова въ предпріятія. И, только благодаря такой энергичной системѣ, ему и удавалось буквально заполонять своими книгами и брошюрами рынокъ и итти на встрѣчу симпатіямъ и стремленіямъ своей обширной аудиторіи потребителей. Свою связь съ читателями и исторіей просвѣщенія Павленковъ закрѣпилъ, такъ сказать, и посмертно. Онъ завѣщалъ все свое обширное книжное богатство и наличные капиталы частію народнымъ читальнямъ и библіотекамъ, частію литературному фонду, частію союзу писателей, коего былъ почти съ основанія членомъ. Лишь незначительная часть досталась кому-то изъ родственниковъ и близкихъ. Эта послѣдняя воля неутомимаго книжника удивительно гармонично заключаетъ собою его дѣятельность и навсегда связываетъ его имя съ семьей русскихъ литераторовъ и русскихъ читателей, на которыхъ онъ такъ долго и любовно поработалъ при жизни. Поэтому по всей справедливости тѣло его нашло себѣ вѣчное упокоеніе на литераторскихъ мѣстахъ Волкова кладбища, близъ могилъ тѣхъ ему дорогихъ писателей-публицистовъ, коихъ онъ былъ

издателемъ, и ради которыхъ онъ нѣкогда даже пострадалъ. Всѣ, присутствовавшіе на похоронахъ этого необыкновеннаго труженика русской мысли, единодушно признавали, что въ его лицѣ наше общество понесло тяжкую утрату, которая врядъ ли скоро можетъ быть восполнена и чѣмъ нибудь смягчена, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что у многихъ изъ столпившихся близъ свѣжей могилы невольно раждалось сравненіе дѣятельности Флорентія Өедоровича съ дѣятельностью незабвеннаго создателя просвѣщенія на Руси—Н. И. Новикова.

Б. Г.

ЗАГОВОРЪ.

Изъ воспоминаній Ферфаска Мидльтона о генералѣ Вашингтонѣ.

Разсказъ **Клинтона Росса.**

ВЧЕРА встрѣтилъ въ Виндзорѣ англійскаго короля, Вильгельма IV. Онъ ѣхалъ очень скоро въ каретѣ и показался мнѣ красивымъ, краснощекимъ представителемъ Ганноверскаго дома. На своемъ вѣку, преимущественно посвященномъ службѣ моей родинѣ, я видѣлъ трехъ королей этого дома: Георга II, съ которымъ мы вели борьбу; Георга III, прозваннаго «первымъ джентельменомъ Европы», и теперь подъ старость его величество. Смотря на него въ каретѣ съ напудреннымъ кучеромъ и среди сбѣжавшихся отовсюду, низко кланявшихся ему, виндзорцевъ, я вспомнилъ о томъ, какъ въ 1782 году послѣ пораженія лорда Корнваллиса онъ былъ посланъ шестнадцатилѣтнимъ юношей и въ чинѣ мичмана къ намъ въ Америку съ адмираломъ Дигби. Король, его отецъ, надѣялся, что присутствіе принца королевской крови возбудитъ въ американцахъ вѣрноподданническія чувства и вернетъ ему хоть нѣсколько отвернувшихся отъ него подданныхъ. Всѣ знаютъ, что тогда случилось, и какъ полковникъ Матіасъ Огденъ изъ Джерсея предложилъ въ Мористонѣ, 28 марта 1782 г., переправиться въ лодкахъ на противоположный берегъ, гдѣ находился принцъ съ адмираломъ, и, пользуясь темной, дождливой ночью, схватить ихъ обоихъ. Этотъ планъ очень понравился нашему главнокомандующему, который находился въ прекрасномъ настроеніи, благодаря недавней побѣдѣ при Іоркъ-Тоунѣ и полной увѣренности въ окончательномъ торжествѣ родины. Его превосходительство предупредилъ, однако,

полковника Огдена, что надо было дѣйствовать очень осторожно и оказывать должное уваженіе къ нейтральной полосѣ отъ Нью-Іорка до Ратвея и на четыре мили позади. У меня теперь предъ глазами инструкція, данная генераломъ Огдену, и она оканчивалась словами: «Предпріимчивый духъ, которымъ отличается вашъ планъ поймать врасплохъ въ ихъ главной квартирѣ принца Вильяма-Генри и адмирала Дигби, заслуживаетъ полнаго одобренія».

Трудно себѣ представить попытку смѣлѣе той, какую задумалъ Огденъ и хотѣлъ совершить съ двумя офицерами, тремя сержантами и тридцатью-шестью солдатами. Эта именно смѣлость и пришлась по душѣ генералу, который самъ выказалъ столько смѣлости и одержалъ побѣду, несмотря на всѣ препятствія. Припоминая все это, я сравниваю съ ганноверскими принцами, которые въ сущности вовсе не англичане, виргинскаго джентльмена, перваго главнокомандующаго американской арміей, величайшаго англо-саксонца. Дѣйствительно, послѣ всего, что случилось, англичане и мы, американцы, все-таки остаемся англо-саксонцами, а величайшими англо-саксонцами, когда либо жившими на свѣтѣ, были король Генрихъ V, одержавшій побѣду при Аженкурѣ, Кромвель, который заставилъ весь свѣтъ уважать англійское оружіе, и Вашингтонъ, который заставилъ самихъ англичанъ бояться англійскаго оружія.

Но попытка взять въ плѣнъ англійскаго принца не удалась. Историки говорятъ, что она случайно сдѣлалась извѣстною англичанамъ. Но настоящія обстоятельства этого дѣла я теперь впервые разскажу.

21 апрѣля, какъ мнѣ помнится, генералъ написалъ полковнику Огдену, что, согласно полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, сэръ Генри Дигби удвоилъ караулъ вокругъ дома, гдѣ находился принцъ, «о чемъ, прибавлялось въ письмѣ, я считаю необходимымъ васъ увѣдомить».

Спустя три дня, вечеромъ, часовъ въ 10, генералъ сидѣлъ у топившагося камина, такъ какъ въ его домѣ въ Ньюбургѣ было холодновато. Онъ только что окончилъ свою тяжелую дневную работу, которая своими мелочными заботами казалась ему въ эти первые дни мира гораздо непріятнѣе военныхъ тревогъ. Только что ушелъ послѣдній посѣтитель, и онъ разсматривалъ свои частныя бумаги, касавшіяся одного его виргинскаго помѣстья.

— Васъ желаютъ видѣть, ваше превосходительство,—произнесъ ординарецъ, входя въ комнату.

— Въ такое позднее время,—произнесъ Вашингтонъ усталымъ голосомъ:—я вѣдь сказалъ...

— Но вы ранѣе приказали допустить всякаго, кто явится отъ полковника Огдена.

— Отъ полковника Огдена?—повторилъ съ любопытствомъ генералъ.

Я желала бы видѣть васъ наединѣ.

— Да, ваше превосходительство, но только молодая женщина.

— Какая молодая женщина?

— Поселянка.

— Но увѣрены ли вы, что она отъ полковника Огдена?

— Она сказала пароль и увѣряетъ, что онъ прислалъ ее.

Вашингтонъ минуту колебался, но потомъ велѣлъ впустить странную посѣтительницу.

Спустя минуту, въ комнату вошла молодая дѣвушка лѣтъ девятнадцати, просто и даже грубо одѣтая, но безспорно красивая. Она застѣнчиво поклонилась, и ея голубые глаза избѣгали взгляда Вашингтона.

— Я желала бы видѣть васъ наединѣ,—сказала она.

— Оставьте насъ и заприте за собою дверь, Джудсонъ.

Ординарецъ повиновался.

— Ну?

Она вынула изъ-за пазухи письмо и сказала:

— Отъ полковника Огдена къ вашему превосходительству.

— А вы—кто?

— Дочь Тома Суливана, хозяина трактира «Черная лошадь» на южной дорогѣ.

Вашингтонъ распечаталъ письмо и прочелъ слѣдующее:

«Ваше превосходительство, мнѣ необходимо видѣть васъ сегодня ночью въ трактирѣ «Черная лошадь». Я не смѣю явиться въ Ньюбургъ, потому что за мою слѣдятъ шпіоны; вамъ извѣстно, что они знаютъ о моей попыткѣ, но я надѣюсь все-таки одержать успѣхъ. Я хочу попытать счастье послѣзавтра, утромъ, на зарѣ, когда все тихо, если, конечно, погода будетъ благопріятствовать. Но мнѣ прежде надо видѣть лично ваше превосходительство. Я не желалъ бы, чтобы кто нибудь подозрѣвалъ о моемъ отсутствіи изъ Джерсея, поэтому я прошу васъ пріѣхать ко мнѣ въ трактиръ «Черная лошадь». Я увѣренъ въ своемъ успѣхѣ, но долженъ прежде поговорить съ вами о томъ, о чемъ нельзя писать. Я не могъ найти другого посланнаго, какъ эту дѣвушку».

— Странно,—промолвилъ Вашингтонъ,—я что-то не понимаю.

Онъ обернулся къ молодой дѣвушкѣ, которая стояла, опустивъ голову, словно стыдясь чего-то.

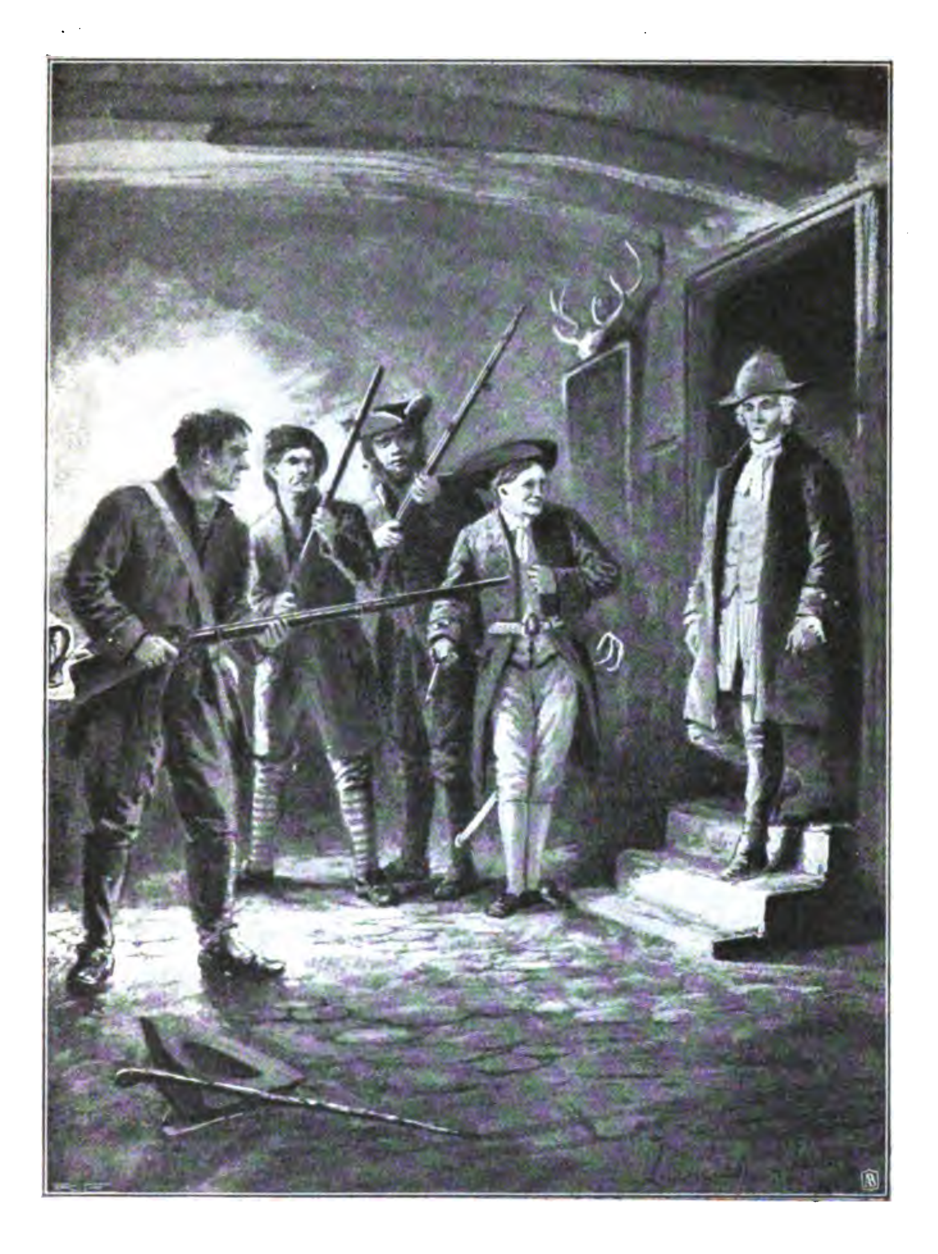
— Это почеркъ полковника Огдена?

— Я видѣла, какъ онъ писалъ письмо вашей милости.

— Но трактиръ вашего отца отстоитъ отъ Ньюбурга только въ 10-ти миляхъ. Если полковникъ Огденъ находится такъ близко отсюда, такъ отчего же онъ не пріѣдетъ ко мнѣ?

Огденъ въ письмѣ объяснилъ, почему онъ не могъ пріѣхать къ Ньюбургъ, но Вашингтонъ задалъ этотъ вопросъ, чтобъ посмотрѣть, какое онъ произведетъ впечатлѣніе на молодую дѣвушку.

Она спокойно взглянула на него, и лицо ея не дрогнуло.

Представившееся ему зрѣлище заставило его остановиться на порогѣ.

— Я не знаю,—отвѣчала она,—онъ далъ моему отцу двадцать долларовъ, чтобы доставить вамъ это письмо.

— А вашъ отецъ?

— Онъ страдаетъ ревматизмомъ, и у него не было никого послать, кромѣ меня.

— А вы не боялись?

— Я знаю мѣстность, и полковникъ Огденъ далъ мнѣ пароль.

Генералъ внимательно посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, но ея лицо не выдавало ни малѣйшаго смущенія. Тогда онъ сталъ обдумывать письмо слово за словомъ. Конечно, почеркъ былъ полковника Огдена, хотя онъ, повидимому, торопился. Зная Огдена, онъ былъ увѣренъ, что, подобно самому Вашингтону, онъ не откажется отъ задуманнаго предпріятія только потому, что по пути встрѣтились опасныя преграды. Что же касается до него самого, то онъ былъ обязанъ поддержать Огдена, такъ какъ онъ одобрилъ его планъ.

— Джудсонъ!—крикнулъ онъ, наконецъ.

— Ваше превосходительство,—произнесъ ординарецъ, показываясь въ дверяхъ.

— Прикажите сѣдлать мою лошадь и попросите капитана Бринтопа съ тремя солдатами быть наготовѣ, я поѣду за городъ.

— Ваше превосходительство.

— Больше вамъ нѣтъ приказаній. Я вернусь... погодите, теперь половина одиннадцатаго... ну, скажемъ, что я вернусь къ половинѣ третьяго.

Когда Джудсонъ удалился, то Вашингтонъ снова посмотрѣлъ подозрительно на молодую дѣвушку. Не хотѣли ли его поймать въ ловушку? Можетъ быть. Онъ взглянулъ на письмо. Нѣтъ, рѣшительно это былъ почеркъ Огдена.

— Вы на чемъ пріѣхали сюда?

— На старой отцовской лошади.

— Она на улицѣ?

— Да.

— Ступайте, я сейчасъ поѣду съ вами.

Когда вышелъ генералъ, то капитанъ Бринтонъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, на молодую дѣвуку и на ея лошадь.

— Никакихъ вопросовъ, капитанъ. На коней!—произнесъ Вашингтонъ.

Ординарецъ Джудсонъ смотрѣлъ вслѣдъ всадникамъ, пока они исчезли въ темнотѣ.

— Я слышалъ, какъ молодая дѣвушка сказала, что она изъ трактира «Черной лошади», — промолвилъ онъ и поспѣшно пошелъ передать приказаніе генерала майору Сигрову.

Вашингтону пришлось ѣхать по ужасной проселочной дорогѣ, но онъ не обращалъ на это вниманія и думалъ о многихъ темныхъ ночахъ, которыя онъ провелъ въ послѣдніе годы на подоб-

Голова конной статуи Вашингтона, которая будетъ открыта въ Парижѣ 19 апрѣля 1900 г.

ныхъ дорогахъ. Онъ думалъ о Лонгъ-Айлендѣ и пораженіяхъ; онъ думалъ о Трентенѣ и побѣдѣ; онъ думалъ о враждѣ, ссорахъ и зависти, съ которыми ему приходилось бороться на конгрессѣ. Все-таки онъ одержалъ побѣду! Нація, заявившая себя независимою 4-го іюля 1676 года, настояла на своемъ.

Видя задумчивость генерала, Бринтонъ не нарушалъ тишины. Молодая дѣвушка также молчала. Три солдата позади разговаривали между собою въ полголоса.

Сырой, теплый воздухъ дышалъ весной; усталость, которую чувствовалъ Вашингтонъ въ четырехъ стѣнахъ небольшой комнаты въ Ньюбургскомъ домѣ, теперь совершенно исчезла, и онъ былъ очень доволенъ, что Огденъ послалъ за нимъ.

Благодаря дурнымъ дорогамъ, они уже послѣ полуночи увидали огоньки въ окнахъ «Черной лошади». Молодая дѣвушка обогнала своихъ спутниковъ и, быстро соскочивъ съ лошади, встрѣтила ихъ у дверей дома.

— Неугодно ли вашему превосходительству приказать вашимъ солдатамъ пройти въ буфетъ?—сказала она.

— А полковникъ Огденъ наверху и не желаетъ, чтобы его видѣли?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Пойдите съ солдатами въ буфетъ, — сказалъ Вашингтонъ, обращаясь къ Бринтону, который хотѣлъ слѣдовать за нимъ,—и угостите ихъ пивомъ. Вѣдь ночь холодная, — прибавилъ онъ, заботясь, какъ всегда, о своихъ солдатахъ.

Трактиръ казался пустымъ. Въ буфетѣ не было никого, и подъ очагомъ тлѣло обуглившееся полѣно.

Сказавъ еще два слова Бринтону насчетъ необходимой осторожности, Вашингтонъ поднялся вслѣдъ за молодой дѣвушкой по лѣстницѣ. Она остановилась у двери, изъ-подъ которой виднѣлся свѣтъ, и, отворивъ ее, отшатнулась, чтобы пропустить впередъ генерала.

Войдя въ бѣдную плохо меблированную комнату, онъ хотѣлъ тотчасъ повернуть назадъ, но представившееся ему зрѣлище заставило его остановиться на порогѣ.

При мерцаніи одной свѣчки онъ увидѣлъ трехъ человѣкъ, державшихъ ружья наготовѣ, а какой-то юноша въ статской одеждѣ, но съ саблей подошелъ къ нему съ саркастической улыбкой торжества.

— Вмѣсто того, чтобы взять въ плѣнъ его королевское высочество,—сказалъ онъ:—я имѣю честь объявить вашему превосходительству, что вы сами плѣнникъ.

Съ минуту Вашингтонъ колебался, не зная, на что рѣшиться, но его противники не замѣтили, однако, чтобы дрогнулъ малѣйшій мускулъ въ его лицѣ.

— Вы, вѣроятно, принадлежите къ отряду полковника Деланея?— спросилъ онъ наконецъ.

— Точно такъ, сэръ,—отвѣчалъ юноша, невольно смотря съ уваженіемъ на хладнокровное самообладаніе генерала.

Въ эту минуту внизу послышался шумъ и бряцаніе оружія.

— Бѣдный Бринтонъ,—промолвилъ Вашингтонъ.

— Всякое сопротивленіе излишне,—отвѣчалъ юноша:—насъ двадцать человѣкъ.

— Понимаю,—произнесъ Вашингтонъ совершенно спокойно.— Но позвольте мнѣ сѣсть, я проѣхалъ десять миль. Скажите, пожалуйста, какъ вы такъ ловко поддѣлали почеркъ полковника Огдена?

— Я набилъ себѣ руку. Меня зовутъ Филиппъ Дандриджъ, и я былъ до войны школьнымъ учителемъ.

— А теперь стали торіемъ и врагомъ своей родины.

— Я подданный короля, сэръ, — отвѣчалъ юноша, насупивъ брови.

— И ловкій, умный подданный,—замѣтилъ генералъ, какъ бы обсуждая только интеллектуальную сторону случившейся съ нимъ непріятности.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ юноша, чувствуя себя какъ-то неловко.

— Я полагаю,—продолжалъ Вашингтонъ,—что вашъ планъ гораздо остроумнѣе того, который задуманъ полковникомъ Огденомъ. Вы просто въ совершенствѣ поддѣлали почеркъ Огдена. Я желалъ бы...

— Чего?

— Чтобы вы были вигомъ и защитникомъ своей родины.

— Я доволенъ и своимъ положеніемъ торія, особенно теперь, когда я взялъ въ плѣнъ ваше превосходительство. Это поможетъ намъ вернуть королю его колоніи.

И онъ захохоталъ торжествующимъ смѣхомъ. Его товарищи сочувственно посмотрѣли на него, но молчали, какъ бы пораженные присутствіемъ великаго американца, хотя и плѣннаго. Молодая дѣвушка стояла въ дверяхъ, словно очарованная.

— А не пора ли намъ увезти его отсюда?—промолвилъ одинъ изъ людей съ ружьями.

— Филь,—воскликнула молодая дѣвушка, неожиданно подбѣгая, къ юношѣ:—что это такое!

Извнѣ слышался лошадиный топотъ. Всѣ поблѣднѣли, кромѣ генерала, и на лицѣ юноши показалось выраженіе затравленнаго звѣря.

— Проклятый вы человѣкъ, генералъ Вашингтонъ!—промолвилъ онъ съ отчаяніемъ.

— Друзья моя,—сказалъ главнокомандующій, положивъ руку на свою шпагу:—вы думали, что я—дуракъ. Правда, я почти по-

вѣрилъ вашей хитрой запискѣ и рѣшился самъ изслѣдовать дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ, по секрету отъ вашей посланной, своему ординарцу передать майору Сигрову предписаніе поспѣшить сюда съ сотней солдатъ.

Снаружи послышались крики и поспѣшные шаги на лѣстницѣ. Товарищи юноши бросились къ окну со страхомъ, но онъ остался неподвиженъ. Молодая дѣвушка прижалась къ нему и горько плакала.

Черезъ минуту въ комнату вбѣжали майоръ Сигровъ и освобожденный имъ Бринтонъ; а за ними виднѣлись солдаты съ ружьями.

— Ваше превосходительство,—воскликнулъ Сигровъ, — вы здоровы и невредимы?

— Да.

— Внизу пятнадцать плѣнныхъ, а три убѣжали.

— Погодите, — произнесъ генералъ, — здѣсь еще четверо, т.-е. пятеро, считая молодую дѣвушку.

Она бросилась передъ нимъ на колѣни и воскликнула съ жаромъ:

— О генералъ Вашингтонъ, это мой мужъ, простите его, простите его!

Генералъ повернулся къ ней, такъ какъ женскія слезы и улыбки всегда дѣйствовали на него.

— Встаньте,—сказалъ онъ:—человѣкъ, посылающій васъ на такое опасное дѣло, не достоинъ быть вашимъ мужемъ.

— Я сама вызвалась,—отвѣчала она, всхлипывая.

Сигровъ и солдаты смотрѣли съ удивленіемъ на эту сцену, и генералъ былъ принужденъ оттолкнуть отъ себя молодую дѣвушку. Дандриджъ, скрестивъ руки на груди, ждалъ, чѣмъ все это кончится.

— Я полагаю, что полковникъ Огденъ не возьметъ въ плѣнъ принца и адмирала,—сказалъ съ улыбкой Вашингтонъ.

— И я также полагаю,—повторилъ Дандриджъ, насупивъ брови.

— Вы едва не поставили меня на ихъ мѣсто.

— Мнѣ это удалось бы, если бы вы не были такъ дьявольски умны, ваше превосходительство.

— Дандриджъ,—произнесъ строго генералъ,—вы лично виновны передо мной, и я думаю, что могу произнести надъ вами приговоръ, безъ всякаго военнаго суда.

— Что вы хотите сказать?—промолвилъ юноша, поблѣднѣвъ.

— Майоръ Сигровъ,—продолжалъ генералъ: — отпустите плѣнныхъ.

— Но, ваше превосходительство...

— Вы слышали?

— Что это значитъ, генералъ?—спросилъ одинъ изъ товарищей Дандриджа, не вѣря своимъ ушамъ.

— Это значитъ, что вы всѣ свободны.

— Почему?

— Потому что лежачихъ не бьютъ, потому что война кончена, потому что всѣ торіи и такъ много пострадаютъ по волѣ конгресса, и потому что я желаю какъ можно болѣе вернуть торіевъ Соединеннымъ Штатамъ.

— Да благословитъ Господь ваше превосходительство, — промолвилъ женскій голосъ.

— Господь благословилъ того человѣка, у котораго такая жена, какъ вы.

— Я рѣшительно ничего не понимаю,—произнесъ Дандриджъ.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ съ презрительной улыбкой Вашингтонъ.

— Да, но я сознаю,—произнесъ смиреннымъ тономъ Дандриджъ,— что вы, генералъ, болѣе великій человѣкъ, чѣмъ король Георгъ.

— Полноте,—отвѣчалъ Вашингтонъ,—мы заявили и доказали на фактѣ, что всѣ люди свободны и равны. — Ну, прощайте, друзья мои. Мнѣ далеко ѣхать до Ньюбурга.

Вашингтонъ поклонился всѣмъ присутствующимъ и пошелъ по лѣстницѣ.

— Ура генералу Вашингтону!—воскликнула молодая женщина, и этотъ крикъ былъ дружно поддержанъ всѣми, какъ его недавними врагами, такъ и его солдатами.

Громкое эхо разнесло этотъ крикъ по всей окрестной странѣ, среди ночной тишины, и многіе изъ сосѣднихъ жителей, неожиданно проснувшись, недоумѣвали, зачѣмъ кричатъ «ура» въ такое позднее время.

По дорогѣ домой Сигровъ заговорилъ съ Вашингтономъ:

— Вы видите, все готово. Вы сегодня прекрасно поступили.

Генералъ ничего не отвѣчалъ.

— Вы получили письмо отъ полковника Николаса?—продолжалъ Сигровъ... армія требуетъ твердаго центральнаго правительства. Всѣ хотятъ... чтобы ваше превосходительство были королемъ.

— Развѣ вы такой же дуракъ, какъ другіе, Сигровъ?—произнесъ Вашингтонъ.—Неужели вы также хотите низвергнуть все, что мы воздвигли?

— Но вѣдь это лучше... это единственное средство...

— Хорошо,—перебилъ его Вашингтонъ,—что я достаточно благоразуменъ и не даю воли своему честолюбію, а то мои друзья легко перешли бы изъ дураковъ въ измѣнники.

— Значитъ, вы отказались? — спросилъ Сигровъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.

— Я отвѣчалъ полковнику Николасу и его друзьямъ, среди которыхъ находитесь и вы, майоръ Сигровъ, просьбой образумиться.

Если вы всѣ забыли, то я помню, что мое единственное достоинство—быть первымъ слугой моего народа.

Онъ говорилъ такъ рѣшительно и такъ торжественно, что невозможно было ему возражать.

Майоръ прикусилъ губу, и въ продолженіе получаса они молча ѣхали рядомъ.

Неожиданно Вашингтонъ громко засмѣялся.

— Я не могу вспомнить безъ смѣха,—объяснилъ онъ:—эту ловкую продѣлку. Я почти повѣрилъ письму и только изъ осторожности просилъ васъ послѣдовать за мною съ солдатами.

— А вы, напрасно, ваше превосходительство, не спросили, кто подослалъ этихъ заговорщиковъ?—замѣтилъ Çигровъ.

— Нечего было и спрашивать, я очень хорошо знаю—кто.

-- Вы знаете?

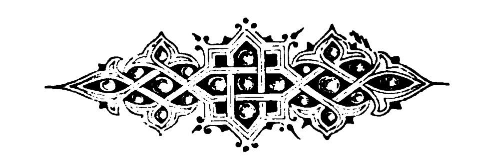
— Да. Франклинъ, губернаторъ Джерсея.

— Правда, это очень вѣроятно,—согласился Сигровъ.

— А его отецъ, докторъ Франклинъ, слишкомъ полезный слуга націи, чтобы дѣлать ему непріятность уличеніемъ его сына въ постыдныхъ заговорахъ.

Спустя часъ, главнокомандующій снова сидѣлъ въ своей комнатѣ, у камина, и внимательно разсматривалъ бумаги, касавшіяся его виргинскаго помѣстья, такъ какъ устройство Маунтъ-Вернона интересовало его болѣе всего на свѣтѣ, послѣ благоденствія созданныхъ имъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Я еще никогда не разсказывалъ этого эпизода изъ жизни Вашингтона и невольно вспомнилъ о немъ при видѣ проѣзжавшаго мимо въ каретѣ короля Вильгельма IV, который въ 1782 году былъ въ Америкѣ, подъ именемъ принца Вильяма-Генри, и едва не былъ взятъ въ плѣнъ полковникомъ Огденомъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. П. Лихачевъ. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Часть I. Изслѣдованіе и описаніе филиграней. Часть II. Предметный и хронологическій указатели. Часть III. Альбомъ снимковъ. Изданіе общества любителей древней письменности. Спб. 1899.

ЫВАЮТЪ въ наукѣ вопросы, которые весьма тщательно и весьма осторожно обходитъ большинство ученыхъ дѣятелей... Всѣ признаютъ значеніе этихъ вопросовъ для науки, признаютъ даже настоятельную необходимость ихъ разрѣшенія, потому что отъ него зависятъ многіе важные выводы, а иногда на немъ могутъ быть обоснованы и цѣлыя научныя теоріи,—и все же благоразумно сторонятся отъ этихъ роковыхъ вопросовъ... А почему? Потому что на рѣшеніе ихъ надо положить массу кропотливаго, утомительнаго труда, скучнаго по однообразію пріемовъ, по мелочности подробностей, неблагодарнаго по той черепашьей медленности, съ которою въ подобныхъ вопросахъ изслѣдователь достигаетъ выводовъ.

Къ числу подобныхъ вопросовъ, несомнѣнно, принадлежалъ до настоящаго времени вопросъ о водяныхъ знакахъ въ бумагѣ всевозможныхъ актовъ и памятниковъ нашей рукописной старины, хотя всѣми безусловно сознавалась чрезвычайная важность его въ смыслѣ палеографическомъ. Этого важнаго вопроса, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, мимоходомъ, касались два любителя русской рукописной старины, а именно, въ 1824 г. вологодскій купецъ Иванъ Локтевъ издалъ свой небольшой «Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ», а двадцать лѣтъ спустя московскій литографъ Корнилій Тромонинъ выпустилъ въ свѣтъ свое «Изъясненіе знаковъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ», въ которомъ 113 таблицъ заняты изображеніями знаковъ, имъ са-

мимъ скопированныхъ съ различныхъ древнихъ рукописей, хранившихся въ доступныхъ ему древнехранилищахъ. Чрезвычайно любопытенъ и назидателенъ тотъ фактъ, что эти важныя попытки по вопросу о водяныхъ знакахъ въ бумагахъ были сдѣланы русскими людьми въ ту пору, когда еще и въ Западной Европѣ вопросъ этотъ оставался незатронутымъ и не обратилъ на себя серіознаго вниманія ученыхъ. Но оба эти труда были не болѣе, какъ трудомъ дилетантовъ, которые болѣе и болѣе утрачивали свою цѣнность, по мѣрѣ того, какъ тотъ же вопросъ пріобрѣталъ серіозное значеніе въ европейскомъ архивовѣдѣніи и палеографіи и подвергался всестороннему разсмотрѣнію и детальной разработкѣ. Многими нашими учеными и, въ особенности, палеографами ощущалась необходимость въ серіозной и основательной разработкѣ вопроса о водяныхъ знакахъ, какъ подспорья для болѣе точнаго опредѣленія времени написанія рукописи, но — увы! — не находилось ученаго, который бы взвалилъ на свои плечи трудную задачу всесторонняго изученія водяныхъ знаковъ нашей рукописной старины и притомъ основалъ бы изученіе этой задачи на такой обширной области наблюденій, которая была бы достаточною для того, чтобы привести къ возможности добыть строго научные и точные выводы, пригодные для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ палеографіи. Такой ученый, наконецъ, нашелся, въ лицѣ весьма извѣстнаго своими крупными трудами и статьями по различнымъ вопросамъ русской исторической старины, Н. П. Лихачева, который былъ какъ бы невольно приведенъ къ изслѣдованію вопроса «о водяныхъ знакахъ» своимъ трудомъ «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы». Но такъ какъ Н. П. Лихачевъ принадлежитъ къ тому рѣдкому у насъ типу ученыхъ, которые, принимаясь за изслѣдованіе того или другого вопроса, исчерпываютъ его до конца, то и въ данномъ случаѣ, посвятивъ свои труды опредѣленію «палеографическаго значенія бумажныхъ водяныхъ знаковъ», Н. П. Лихачевъ не остановился ни передъ какими трудами, ни передъ какими изысканіями для того, чтобы выяснить это значеніе и указать ему надлежащее мѣсто въ области палеографическаго изученія памятниковъ. Это, можетъ быть, было болѣе легко для даровитаго ученаго, чѣмъ для кого либо другого, потому что онъ, какъ можно видѣть и изъ его предшествующихъ работъ, принадлежитъ къ числу наилучшихъ знатоковъ нашей рукописной старины и тѣхъ древнехранилищъ, въ которыхъ она сосредоточена; однако же, для приведенія изслѣдованія къ опредѣленнымъ результатамъ, потребовались большія затраты времени, труда и знанія, такъ какъ кругъ наблюденій автора охватилъ собою почтенную цифру 5.000 бумажныхъ актовъ, которую пришлось подвергнуть внимательному и всестороннему изученію. Многолѣтній и сосредоточенный трудъ выразился тремя почтенными фоліантами, въ форматѣ классическаго in 4°, въ которыхъ самое изслѣдованіе Н. П. Лихачева занимаетъ всего 194 страницы, а для подтвержденія этихъ страницъ фактами потребовались тысячи снимковъ, тысячи справокъ и указаній, занимающихъ всю обширную вмѣстимость остальнаго объема фоліантовъ. Объемъ этотъ настолько великъ, а самое выполненіе внѣшней стороны изданія сопряжено было съ такими техническими затрудненіями, что, конечно, изданіе въ свѣтъ этого труда было бы не по плечу какому бы то ни было частному лицу, и трудъ г. Лихачева остался

бы, вѣроятно, подъ спудомъ, если бы ему не пришло на помощь Общество древней письменности, уже получившее у насъ въ Россіи столь громкую и столь почетную извѣстность своими превосходными изданіями, представляющими рядъ неоцѣненныхъ услугъ, оказанныхъ русской исторической наукѣ. Такую именно существенную услугу русской наукѣ оказало почтенное Общество въ данномъ случаѣ, напечатавъ изслѣдованіе Н. П. Лихачева, которое должно произвести весьма существенный переворотъ въ нашей отечественной палеографіи и значительно расширить кругъ наблюденія нашихъ ученыхъ палеографовъ; а съ другой—дать имъ въ руки цѣлый рядъ такихъ данныхъ, которыя въ значительной степени предохранятъ ихъ на будущее время отъ крупныхъ ошибокъ въ опредѣленіи времени памятниковъ или отъ такихъ туманныхъ и неточныхъ указаній, при которыхъ сотня лѣтъ представляется единицею, не заслуживающею серіознаго вниманія. **П. Полевой.**

Генералиссимусъ князь Суворовъ. А. Петрушевскаго. Спб. 1900.

Въ 1884 г. г. Петрушевскій издалъ превосходное сочиненіе о Суворовѣ въ трехъ томахъ, составившихъ первую полную, научно разработанную біографію великаго русскаго полководца. Императорская академія наукъ увѣнчала трудъ г. Петрушевскаго большой макарьевской преміей.

И во второмъ изданіи книга осталась прекрасной, кипящей содержаніемъ и преисполненной захватывающаго интереса. Суворовъ у г. Петрушевскаго выходитъ живымъ и объясненъ совершенно правильно. Автору удается прослѣдить жизнь своего героя во всѣ періоды и сдѣлать понятнымъ для читателя, какъ необыкновенное дарованіе полководца, такъ и отношенія его къ событіямъ и людямъ. При этомъ г. Петрушевскій не старается повсюду во что бы то ни стало восхвалять Суворова; нѣтъ, онъ хочетъ только возстановить его образъ наиболѣе правдиво. Семилѣтняя война дала первую боевую практику пѣхотному подполковнику Суворову, который, однако, большею частью командовалъ кавалерійскими отрядами; онъ понялъ войну и сразу обнаружилъ крупный военный талантъ, проявившійся даже въ самыхъ мелкихъ его предпріятіяхъ. Война была поучительна, ибо велась противъ перваго полководца Европы, Фридриха Великаго, а такъ какъ Суворовъ былъ два раза раненъ, то, конечно, онъ видѣлъ эту войну близко. Командованіе Суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ съ 1762 по 1768 г. дало возможность выработать знаменитую суворовскую военно-педагогическую систему, которой даже въ настоящее время только подражаютъ, но не воспроизводятъ ея во всей цѣльности. Изобразивъ сущность этой системы, г. Петрушевскій даетъ рядъ художественныхъ описаній безконечныхъ военныхъ подвиговъ Суворова въ первую польскую войну 1768—1772, первую турецкую войну 1773—1774, вторую турецкую войну 1787—1790, третью польскую войну 1794 г. Командованіе арміей въ мирное время въ Тульчинѣ позволило фельдмаршалу окончательно довести до совершенства пріемы воспитанія и обученія войскъ, записанные въ суворовскомъ катехизисѣ «Наука побѣждать или дѣятельное военное искусство».

Попутно съ описаніемъ войнъ авторъ рисуетъ картину и частной жизни полководца. Насколько онъ былъ счастливъ на войнѣ, настолько неудачно сложилась его семейная жизнь: жена его часто измѣняла своему геніальному, но некрасивому мужу, который вынужденъ былъ начать противъ нея бракоразводный процессъ (напечатанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ»), хотя не кончившійся ничѣмъ, однако супруги разстались навсегда.

Большая часть побѣдъ Суворова одержана имъ въ царствованіе Екатерины II. Въ 1796 г. великая императрица скончалась, на престолъ вступилъ Павелъ I, рѣшившій пересоздать всѣ учрежденія своей матери и на другой же день съ необычайной страстностью принявшійся за реформы. Правда, при Екатеринѣ въ администраціи арміи было много недостатковъ. Напримѣръ, командиръ кавалерійскаго полка считалъ естественнымъ и законнымъ ежегодный доходъ въ 20—25.000 руб., тогда какъ жалованье поручика не превышало 120 рублей. Злоупотребленія дошли до того, что по отзыву современника солдаты, «обираемые и лишаемые предметовъ насущной потребности, озирались, какъ бы выискать случай бѣжать». Къ побѣгамъ побуждало и жестокое обращеніе командировъ: закатить солдату двѣсти палокъ считалось заурядною дисциплинарною мѣрою. Своеволіе полковниковъ выказывалось и во внѣшнемъ видѣ войскъ, въ нерѣдко фантастической формѣ обмундированія. «Въ 1795 г. одинъ полковой командиръ далъ своему полку узкіе панталоны, короткія куртки, полусапожки со шнурками, вышитыя жабо и галстухи съ черно-бѣлыми бантами, а на гренадерскихъ киверахъ помѣстилъ свой гербъ». Реформы были нужны, однако реформаторы зашли слишкомъ далеко.

Авторъ чрезвычайно искусно рисуетъ характеръ дѣятельности Павла I вслѣдъ за восшествіемъ его на престолъ и отношеніе Суворова къ военнымъ нововведеніямъ императора. Грубые обычаи гатчинскихъ войскъ, созданныхъ Павломъ Петровичемъ, когда онъ былъ наслѣдникомъ, по прусскому образцу, вводились теперь въ остальной арміи, начиная съ петербургскаго гарнизона. Ближайшій помощникъ государя, Аракчеевъ, ругалъ преображенцевъ, не разбирая словъ, поправлялъ шапку солдатъ ударами палки, рвалъ усы. Обращеніе его съ офицерами отличалось такой же грубостью; онъ разражался площадными ругательствами при малѣйшемъ поводѣ. Одному изъ колонновожатыхъ далъ пощечину; заслуженнаго сотрудника Суворова, начальника свитскихъ офицеровъ (генеральнаго штаба) подполковника Лена, носившаго георгіевскій крестъ, однажды осыпалъ позорною бранью. Ленъ сдержался, безмолвно выслушалъ брань и остался при своихъ занятіяхъ до конца дня, но, вернувшись домой, написалъ Аракчееву короткое письмо и застрѣлился.

Г. Петрушевскій утверждаетъ, что «во взглядяхъ и поступкахъ государя высказывался порою возвышенный образъ мыслей и душевная сила»: въ примѣръ приводится отношеніе его къ арестованнымъ полякамъ, главнымъ дѣятелямъ революціи 1794 г. Правильно ли здѣсь видѣть порывы великодушія? Не исходило ли это изъ желанія сдѣлать наперекоръ мыслямъ Екатерины II? Врядъ ли можно было разсчитывать на благодарность этихъ облагодѣтельствованныхъ поляковъ? Костюшка это доказалъ. Разбирая въ Парижѣ документы архива генеральнаго штаба о войнѣ 1799 г., мы нашли письма Костюшки,

обнаруживающія его дѣятельность по сформированію польскихъ легіоновъ Домбровскаго, сражавшихся съ Суворовымъ, да подготовившихъ кадры и для будущихъ походовъ противъ русскихъ.

Правда, г. Петрушевскій говоритъ, что «доброе и благое въ дѣятельности Павла I сверкало лишь въ видѣ бликовъ на фонѣ мрачной картины его преобразовательной дѣятельности... Нравственная атмосфера дѣлалась тяжелою до удушливости... Менѣе чѣмъ кто либо могъ въ ней жить Суворовъ». И катастрофа разразилась.

Авторъ въ высшей степени ярко и талантливо изображаетъ, какъ постепенно зрѣла эта катастрофа, вылившаяся въ приказѣ при паролѣ 6-го февраля 1797 г., которымъ побѣдоносный фельдмаршалъ былъ отставленъ отъ службы, даже безъ мундира, а затѣмъ сосланъ въ Кончанское, въ глухое имѣнье Суворова въ Новгородской губ. Поводомъ послужило нѣсколько мелочныхъ формальностей, не исполненныхъ Суворовымъ.

Больно и до горечи обидно читать повѣсть скорбныхъ дней Суворова въ Кончанскомъ, отданнаго подъ надзоръ какого-то проходимца Николева, служившаго въ тайной полиціи. Только въ 1799 г. вспомнили о талантѣ Суворова, когда коалиціи европейскихъ державъ понадобился полководецъ для предводительствованія союзными войсками противъ французовъ. 9-го февраля 1799 г. онъ былъ снова зачисленъ на службу фельдмаршаломъ, но безъ объявленія въ приказѣ. Живо и подробно (больше четверти книги) излагаетъ г. Петрушевскій знаменитые походы Суворова въ 1799 г., итальянскій и швейцарскій. Теперь князь италійскій былъ на верху своей славы. Въ Петербургѣ готовилась торжественная встрѣча возвращавшемуся изъ похода генералиссимусу, цѣлый тріумфъ. Честолюбіе его было удовлетворено, казалось, — онъ достигъ полнаго счастья. Но вдругъ онъ вновь подвергся неудовольствію государя по причинамъ, до сихъ поръ не разъясненнымъ и непонятнымъ. Описаніе г. Петрушевскимъ пріѣзда въ Петербургъ больного Суворова, его послѣднихъ дней, кончины и похоронъ полно глубокаго драматизма. Замѣчательный русскій человѣкъ скончался 6-го мая 1800 г. Передъ смертью онъ сказалъ: «Долго гонялся я за славой,—все мечта: покой души—у престола Всемогущаго».

Послѣдняя глава книги г. Петрушевскаго: «Суворовъ историческій и легендарный», посвящена общей оцѣнкѣ и характеристикѣ Суворова. Здѣсь много интересныхъ объясненій автора, особенно же относительно извѣстныхъ чудачествъ Суворова, любопытны также народныя пѣсни о русскомъ чудо-богатырѣ и чрезвычайно поэтичны легенды, выражающія народное представленіе о Суворовѣ.

Отмѣтивъ выдающіяся достоинства сочиненія г. Петрушевскаго, мы должны сказать, что напрасно авторъ уклонился отъ почтеннаго пріема ссылокъ на источники, принятаго имъ въ первомъ изданіи; вслѣдствіе этого сочиненіе во второмъ изданіи лишилось отчасти научнаго характера. Конечно, авторъ можетъ отослать читателя за справками къ первому изданію; но во второмъ изданіи прибавлено много новаго, не подкрѣпленнаго указаніями на источники, а потому нельзя оцѣнить это новое надлежащимъ образомъ, ибо остается неизвѣстнымъ качество источниковъ, откуда сдѣланы заимствованія.

Если собственно біографическая часть сочиненія весьма сильна, то нельзя того же сказать относительно части военной, оцѣнки и освѣщенія военныхъ дѣйствій Суворова. Здѣсь авторъ не проявляетъ самостоятельности и слѣдуетъ за источниками, можетъ быть, и весьма авторитетными, но значительно устарѣлыми, иногда даже не пытавшимися дѣлать разборъ военныхъ операцій, а только описывавшими ихъ съ фактической стороны. Собственно говоря, обстоятельный разборъ всѣхъ военныхъ дѣйствій нашего великаго полководца еще ждетъ своего историка.

Во всякомъ случаѣ, книга г. Петрушевскаго, глубокая по мысли и написанная отличнымъ русскимъ языкомъ (иностранныхъ словъ очень мало), производитъ на читателя сильное, неизгладимое впечатлѣніе.

Профессоръ Н. Орловъ.

Felix de Rocca. Les assemblées politiques dans la Russie ancienne. Les Zemskié sobors. Étude historique (oeuvre posthume). Paris. 1899. Феликсъ де-Рокка. Древнерусскія политическія собранія. Земскіе соборы. Парижъ. 1899.

Еще очень недавно западно-европейское общество совершенно не знало Россіи. «Россія... это страна бѣлыхъ медвѣдей, гдѣ вѣчно снѣгъ и le moujik ѣздитъ на trojka» — вотъ тѣ куріозныя свѣдѣнія, которыми довольствовалось большинство европейцевъ. Я говорю—большинство, а не всѣ, такъ какъ, конечно, находились единицы, которыя судили о нашей родинѣ болѣе или менѣе правильно. Но политическія и экономическія событія послѣднихъ временъ заставили Европу пополнить свои свѣдѣнія о Россіи. На помощь имъ пришла наша изящная литература. Она показала иностранцамъ всю нелѣпость ихъ сужденій, ихъ взглядовъ на Русь, и если въ настоящее время большинство европейцевъ судитъ о насъ правильно, то этимъ мы обязаны именно этой литературѣ.

Феликсъ Рокка, книгу котораго мы разбираемъ, принадлежитъ къ тѣмъ единицамъ, которыя хорошо знаютъ Россію, знаютъ ея языкъ, знаютъ и понимаютъ ея исторію, мало того, которые хотятъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ жизнью русскихъ и съ прошлымъ Россіи. Въ 1893 г. Рокка принималъ участіе въ экспедиціи, посланной отъ русскаго правительства въ Бухару, и результаты своихъ наблюденій изложилъ въ книжкѣ—De l'Altaï à l'Amou-Daria (отъ Алтая до Аму-Дарьи). Въ 1899 г., уже послѣ смерти автора, вышло въ свѣтъ его изслѣдованіе о земскихъ соборахъ.

Новая книга не можетъ быть отнесена къ разряду научныхъ сочиненій по русской исторіи; она не можетъ служить вкладомъ въ эту сокровищницу знанія потому, что написана не на основаніи подлинныхъ документовъ, а на основаніи готовыхъ сочиненій различныхъ русскихъ историковъ, писавшихъ о земскихъ соборахъ и по поводу земскихъ соборовъ. Г. Рокка широко воспользовался готовымъ матеріаломъ и перечиталъ все, сколько нибудь относящееся къ этому вопросу. Онъ знакомъ съ работами Аксакова, Ключев-

скаго, Сергѣевича, Чичерина, Латкина, Дитятина, Буданова и. т. д.; ему извѣстны даже мелкія статьи современныхъ историковъ, напримѣръ, Платонова и другихъ. И надо отдать полную справедливость автору, онъ умѣло разобрался въ данномъ вопросѣ и уловилъ общій духъ того времени. Правда, въ иныхъ мѣстахъ его сужденія нѣсколько легковѣсны, но это можно объяснить тѣмъ, что его трудъ не научный, а научно-популярный. Вообще же, его работа обнаруживаетъ такое пониманіе нашего прошлаго, что можно только удивляться, какъ нерусскій человѣкъ сумѣлъ проникнуть въ тайны нашего историческаго бытія. Автору при изложеніи происхожденія земскихъ соборовъ и ихъ исторіи приходится постоянно дѣлать экскурсіи въ исторію, чтобы объяснить своимъ читателямъ различные термины, какъ, напримѣръ, служилые люди, губные старосты и пр. Это вполнѣ понятно, такъ какъ онъ имѣетъ дѣло съ аудиторіей, которой русская исторія мало знакома, и можно только порадоваться легкости и мѣткости сужденій автора. Въ виду того, что и русской публикѣ, по крайней мѣрѣ, очень и очень многимъ, эти вопросы представляютъ terra incognita, подобныя отступленія будутъ имѣть значеніе и для русскихъ читателей. Г. Рокка вполнѣ правильно объясняетъ происхожденіе земскихъ соборовъ, какъ учрежденія, помогавшаго царямъ править землей, вполнѣ вѣрно указываетъ, что они не были результатомъ борьбы населенія съ верховной властью, и что поэтому ихъ нельзя сравнивать съ представительными учрежденіями Франціи, Англіи, гдѣ генеральные штаты, парламенты возникли именно на почвѣ этой борьбы двухъ государственныхъ элементовъ. Онъ очень мѣтко и остроумно доказываетъ, что земскіе соборы могли существовать только потому, что были совершенно неопасны для развивавшейся верховной власти московскихъ государей, и что поэтому г. Чичеринъ, замѣчаетъ онъ, который считаетъ внутреннюю слабость земскихъ соборовъ причиною ихъ паденія, собственно говоря, перемѣщаетъ вопросъ: они существовали, потому что были слабы, а если бы они были иными, то они немедленно бы погибли, сейчасъ же по своемъ возникновеніи. Извѣстно, что историки дорожатъ наблюденіями иностранцевъ и постоянно прибѣгаютъ при рѣшеніи какого нибудь вопроса къ запискамъ послѣднихъ. Это объясняется просто: иностранцу легче отмѣтить главныя особенности быта чуждой ему страны, онѣ скорѣе бросаются ему въ глаза, чѣмъ туземцу, который совершенно сроднился съ той жизнью, которую онъ описываетъ. Поэтому выводъ г. Рокка, что русскій человѣкъ не любитъ юридической опредѣленности, и что всѣ русскія древнія учрежденія, даже русское древнее законодательство, страдаютъ этимъ недостаткомъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Но что касается даннаго авторомъ объясненія причинъ, которыя вызвали паденіе земскихъ соборовъ, то намъ кажется, что въ данномъ случаѣ онъ не правъ и даже очень не правъ. Г. Рокка дѣлитъ всѣ мнѣнія нашихъ ученыхъ по этому вопросу на двѣ категоріи: 1) мнѣнія, что земскіе соборы пали вслѣдствіе ихъ внутренней слабости, и 2) что причина паденія земскихъ соборовъ лежала внѣ ихъ. Признавая за всѣми ними, такъ сказать, право на существованіе, онъ считаетъ, однако, что ни одно изъ нихъ въ отдѣльности не рѣшаетъ вполнѣ вопроса, а только указываетъ на одну изъ причинъ паденія земскихъ соборовъ. По его догадкѣ, земскіе соборы пали,

потому что съ одной стороны развившаяся централизація сдѣлала ихъ ненужными, а съ другой стороны они встрѣтили противника въ усилившейся боярской думѣ. Собственно говоря, это—мнѣніе Сергѣевича, только нѣсколько болѣе развитое и иначе формулированное. Поэтому г. Рокка можно сдѣлать то же возраженіе, которое нѣкогда было сдѣлано г. Сергѣевичу Владимирскимъ-Будановымъ. Если дума погубила земскіе соборы, почему она сама настаивала на необходимости созыва ихъ въ 1619 и 1648 гг., почему бояре, заключая договоръ съ королевичемъ Владиславомъ, поставили слѣдующій пунктъ: «на Москвѣ и по городомъ суду быти и совершати по прежнему обычаю... а будетъ похотятъ въ имъ пополнити для укрѣпленія судовъ и государю на то поволити съ думою боярскою и всей землей», т. е. съ земскимъ соборомъ? Врядъ ли г. Рокка могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ. По нашему мнѣнію, самое вѣрное объясненіе даетъ г. Будановъ, считая виновникомъ паденія соборовъ Петра Великаго: «верховная власть, проводя въ жизнь новыя нормы вопреки обычному праву, не могла въ этой дѣятельности опираться на представителей народа; напротивъ, она должна была ожидать въ нихъ лишь противодѣйствія и порицанія», говоритъ онъ, сжато и ярко такимъ образомъ опредѣляя истинную причину паденія земскихъ соборовъ. Мнѣніе наше о книгѣ Рокка ясно изъ всего выше сказаннаго: желательно, чтобы и русская публика познакомилась съ работой Рокка, чтобы поскорѣе сдѣланъ былъ переводъ ея на русскій языкъ.

Галланинъ.

В. О. Михневичъ. Историческіе очерки и разсказы. 2 т. Спб. 1900.

Имя покойнаго Владиміра Осиповича Михневича пользуется достаточною извѣстностью среди читающей публики, и, безъ сомнѣнія, настоящее изданіе его «Историческихъ очерковъ и разсказовъ» будетъ встрѣчено весьма сочувственно тѣмъ болѣе, что прибыль съ этого сборника, согласно волѣ автора, поступитъ въ пенсіонный капиталъ кассы взаимопомощи литераторовъ.

В. О. Михневичъ былъ историкомъ по призванію. Во всѣхъ его работахъ, не исключая и публицистическихъ очерковъ, отражаются слѣды обширныхъ историческихъ познаній. Покойный Михневичъ выступилъ на литературное поприще въ шестидесятыхъ годахъ. Примкнувъ, по своимъ симпатіямъ, къ кружку изслѣдователей, поставившихъ себѣ задачею—разобраться въ многочисленныхъ документахъ, относящихся къ бытовой исторіи Россіи XVIII в., Михневичъ, подобно М. И. Семевскому, С. Н. Шубинскому, Е. П. Карновичу и другимъ историкамъ того же направленія, не задавался слишкомъ большими задачами и не раскидывался: напротивъ, онъ обыкновенно избиралъ одну какую либо строго ограниченную область, добросовѣстно и детально разрабатывалъ ее, выбирая факты лишь изъ достовѣрныхъ и критически провѣренныхъ источниковъ. Результатомъ его историческихъ занятій былъ цѣлый рядъ талантливыхъ работъ, появлявшихся въ свое время на страницахъ ежемѣсячныхъ журналовъ: «Дѣло», «Историческій Вѣстникъ», «Наблюдатель» и «Образованіе». Изъ одного только перечня статей, вошедшихъ въ его «Истори-

ческіе очерки», видно, какіе разнообразные вопросы служили предметомъ его изслѣдованія.

Первый томъ, къ которому приложенъ обстоятельный біографическій очеркъ В. О. Михневича, принадлежащій перу г. Глинскаго, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе очерки: «Кто и когда выдумалъ Россію», «Русскій народъ въ своихъ воззрѣніяхъ на себя и свое прошлое», «Черты быта и нравовъ XVIII ст.», «Съ сильнымъ не борись» и «Женское правленіе и его противники». Первыя двѣ статьи посвящены выясненію вопроса о самоопредѣленіи русскаго народа и были помѣщены не задолго до смерти писателя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (№№ 2 и 3, 1899 г.). Изъ остальныхъ статей этого сборника обращаетъ на себя вниманіе очеркъ: «Черты быта и нравовъ XVIII ст.», составленный по новѣйшимъ матеріаламъ. Прекрасной иллюстраціей правосудія въ первой половинѣ XVIII столѣтія служитъ разсказъ «Съ сильнымъ не борись», матеріаломъ для котораго послужило нигдѣ еще не напечатанное «Дѣло о дракѣ генералъ-майора князя Долгорукова съ ассессоромъ Даниловымъ», извлеченное изъ бумагъ государственнаго архива. Наконецъ, въ очеркѣ «Женское правленіе и его противники» авторъ отмѣчаетъ еще одну характеристическую подробность русской исторіи—разновременно и разнородно проявлявшуюся оппозицію «бабьему правленію» и главнымъ образомъ «оппозицію принципіальную, вытекавшую», говоритъ Михневичъ, «изъ консервативныхъ, домостроевскихъ взглядовъ на женщину вообще и на женщину-царицу въ особенности». Подъ «бабьимъ правленіемъ», выражаясь терминомъ современной ему оппозиціи, авторъ разумѣетъ тотъ періодъ въ нашей исторіи, когда царствовали пять императрицъ (Екатерина I, Анна, Елисавета и Екатерина II и правительница регентша Анна Леопольдовна).

Всѣ очерки написаны тѣмъ живымъ и увлекательнымъ языкомъ, который вообще составляетъ неотъемлемую принадлежность всѣхъ произведеній покойнаго Михневича.

Во 2-мъ томѣ помѣщено 5 разсказовъ. Первый изъ нихъ «Двѣ невѣсты Петра II» изображаетъ трагическую участь Маріи Александровны Меньшиковой и Екатерины Алексѣевны Долгоруковой, принесенныхъ въ жертву честолюбію своихъ родителей и такъ дорого заплатившихъ за кратковременную честь именоваться царскими невѣстами. Сюжетомъ для разсказа «Дѣдъ Пушкина» послужила семейная жизнь предковъ А. С. Пушкина—прадѣда его А. П. и дѣда О. А. Ганнибаловъ, въ судьбѣ которыхъ, по мнѣнію автора, проходитъ какая-то роковая черта, обрывающаяся трагическою развязкою на нашемъ великомъ поэтѣ. Въ третьемъ разсказѣ В. О. Михневича изображаются интимныя подробности о бракѣ графини М. А. Матвѣевой съ незнатнымъ дворяниномъ А. И. Румянцевымъ. Изъ остальныхъ историческихъ произведеній, вошедшихъ во II-ой томъ настоящаго изданія, слѣдуетъ отмѣтить біографическій очеркъ любимой камеръ-юнгферы Екатерины II—«Маріи Савишны Перекусихиной» и «Исторію (сооруженія) мѣднаго всадника», написанную покойнымъ писателемъ по поводу исполнившагося въ 1882 г. столѣтія со дня открытія памятника Петру I въ С.-Петербургѣ.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ отмѣтить одну характерную черту въ

покойномъ Михневичѣ. Онъ считалъ себя нравственнымъ должникомъ передъ русской литературой, которой онъ обязанъ, по его словамъ, «самыми свѣтлыми минутами въ жизни, своимъ именемъ, положеніемъ и матеріальнымъ достаткомъ». Не желая оставаться въ этомъ случаѣ должникомъ, онъ отказалъ по духовному завѣщанію въ собственность «Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» почти все свое состояніе, съ тѣмъ, чтобъ оно «было обращено на устройство общежитія для нуждающихся литераторовъ, впавшихъ въ инвалидность». «Я возвращаю этимъ то, что дала мнѣ литература», прибавилъ онъ.

Д. П. Б.

П. И. Щукинъ: а) Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Часть VI. М. 1900. б) Азбучный и хронологическій указатель къ шести частямъ сборника старинныхъ бумагъ. М. 1900.

Шестая часть «Сборника старинныхъ бумагъ» П. И. Щукина наполнена большею частію матеріалами XIX вѣка, и очень немногіе документы относятся къ XVIII вѣку. Нужно признать, что послѣдніе болѣе или менѣе заслуживають если не полнаго изданія, то извлеченій, напримѣръ, документъ о грабительствѣ канцлера графа Бестужева (стр. 348—350), завѣщаніе оберъ-гофмейстера И. П. Елагина, любопытное въ той части, гдѣ онъ говорить о воспитаніи своего внука П. Н. Бутурлина (стр. 353), документы о придворной жизни при Елисаветѣ Петровнѣ (стр. 358—363, 376—378), между прочимъ—объ обученіи медвѣжатъ комиссаромъ Александро-Невскаго монастыря, обнаружившимъ свое искусство при обученіи медвѣженка для архіепископа Ѳеодосія (стр. 358—359), документы о бисерной фабрикѣ М. В. Ломоносова (стр. 372 — 374), дѣло о нагломъ оскорбленіи турецкаго посланника тверскимъ полицеймейстеромъ Скворцовымъ (стр. 378—382), характерное прошеніе въ сенатъ извѣстнаго историографа Герарда-Фридриха Миллера, просившаго и добивавшагося освобожденія отъ солдатскаго постоя въ его домѣ, ради безопасности «множества дорогихъ книгъ и манускриптовъ, до Россійской исторіи касающихся» (стр. 382 — 383), письмо изъ Мурома о Пугачевѣ (стр. 387), приказы Екатерины II (стр. 387—389) и Павла (стр. 390—391), тутъ же письмо его къ Лафатеру (стр. 391) и французскій документъ о послѣднемъ (стр. 392).

Все это болѣе или менѣе цѣнно или любопытно, хотя многое изъ этихъ матеріаловъ XVIII вѣка слѣдовало привести только въ извлеченіяхъ, чтобы избѣжать скучныхъ повтореній одного и того же, естественно практиковавшихся при движеніи бумагъ по инстанціямъ. Нельзя того же сказать о матеріалахъ XIX вѣка, наполняющихъ около ³/₄ тома: большая часть ихъ — совершенный хламъ, никому и ни на что не годный...

Что можно сказать, напримѣръ, о такомъ «историческомъ матеріалѣ»: на пространствѣ 8 страницъ роскошнаго изданія (малое in-folio, прекрасная бумага, шрифтъ и проч.) читаемъ (стр. 205—212) подробное описаніе... старой казенной мебели, на починку которой взыскивались 300 рублей съ дѣтей умер-

шаго въ 1850 году генерала Герштенцвейга (стр. 203—204, 212—217)... Описаніе въ такомъ родѣ: «отхожій табуретъ ясиноваго дерева; старый подчиненный, лакъ потертъ, исправить и покрыть лакомъ» (стр. 202) и т. д.— цѣлыхъ 8 страницъ...

Кому и на что нужны напечатанные матеріалы о такихъ «историческихъ данныхъ», какъ, напримѣръ, дѣла о долгахъ генералъ-майора князя Горчакова, 1803 года (стр. 136—138), о пожалованіи пенсіи вдовѣ генералъ-майора Кристовской (стр. 139—140), о выдачѣ столовыхъ денегъ генералъ-лейтенанту графу де-Виттъ (стр. 149—150), о пожалованіи Анны 2-го класса генералъ-майору Клугену (стр. 152—157) и т. д. Но вѣдь подобныхъ дѣлъ можно набрать десятки тысячъ, и неужели всѣ слѣдуетъ печатать?..

Но этого мало, что г. Щукинъ даетъ подобный хламъ: и этотъ хламъ, и болѣе достойные напечатанія матеріалы онъ издаетъ во всей ихъ канцелярской дѣвственности, съ полнымъ сохраненіемъ ихъ формы и всего текста. Страницы испещрены рапортами, отношеніями, доношеніями и т. д., съ полными, десятки разъ повторяющимися титулами и чинами дѣйствующихъ лицъ, съ неизбѣжными въ канцелярской перепискѣ повтореніями одного и того же содержанія. Оттого чтеніе даже болѣе интересныхъ дѣлъ возбуждаетъ страшную досаду, отнимая много лишняго времени. Напримѣръ, въ довольно любопытномъ дѣлѣ о петербургскомъ купеческомъ сынѣ Глѣбѣ Овсянниковѣ, попавшемъ въ 1854 году въ плѣнъ къ англичанамъ (въ Балтійскомъ морѣ) и заподозрѣнномъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ ними (стр. 217—243),— разсказъ объ обстоятельствахъ плѣна повторяется 5—6 разъ. И такіе случаи на каждомъ шагу. Развѣ нельзя было все это сократить?!

О большинствѣ «дѣлъ», напечатанныхъ цѣликомъ г. Щукинымъ, вполнѣ достаточно было бы сказать въ 5—10 строкахъ, напримѣръ, о расквартированіи Рижскаго драгунскаго полка (стр. 196—203), о подаркѣ трубъ двумъ прусскимъ полкамъ (стр. 291—303), о наградѣ парижскому хирургу Эвансу за удачное лѣченіе въ 1857 году ранъ г. Унковскаго (нынѣ московскаго коменданта) (стр. 319—324) и многія другія дѣла.

Повидимому, г. Щукинъ—любитель автографовъ, и многіе документы напечаталъ только потому, что въ нихъ есть подписи интересующихъ его лицъ. Такъ, одна серія совершенно не интересныхъ документовъ озаглавлена такъ: «шесть бумагъ, подписанныхъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, 1822 г.» (стр. 93—96). Но вѣдь автографы имѣютъ цѣну только въ оригиналѣ или въ снимкѣ... Снимки съ 3 автографовъ приложены г. Щукинымъ— персидскаго принца Хозревъ-Мирзы (стр. 274), гвардейскаго капельмейстера Газе (стр. 295) и... англійскаго лазутчика Киртона (стр. 240). Чѣмъ цѣнны въ глазахъ г. Щукина автографы двухъ послѣднихъ особъ — Богъ вѣдаетъ!.. Но для всѣхъ во много разъ цѣннѣе было бы, если бы издатель приложилъ снимокъ съ имѣющагося у него автографа извѣстнаго гуманиста доктора Ѳ. Гааза, донесеніе котораго московскимъ властямъ (стр. 338—340), отъ 24 октября 1836 г., прибавляетъ еще одну черточку для характеристики этой симпатичной личности, именно для обрисовки отношеній доктора къ арестантамъ.

Встрѣчаются въ VI части и другіе болѣе или менѣе цѣнные матеріалы, напримѣръ: о пребываніи американскихъ квакеровъ въ Москвѣ и обозрѣніи ими тюремъ, больницъ, школъ и пр. 1819 г. (стр. 11 — 22), дополнительный документъ къ извѣстному (см. «Сборникъ бумагъ 1812 г.», IV, стр. 118—126) столкновенію въ 1812 г. новгородскаго губернатора П. П. Сумарокова съ графомъ А. А. Аракчеевымъ, закончившемуся увольненіемъ перваго отъ службы (стр. 30—32), любопытныя дѣла о московскихъ актрисѣ и актерѣ Сандуновыхъ (стр. 32—44), о студентахъ Абовской (въ Финляндіи) академіи—ихъ столкновеніяхъ съ русскими военными и прочее, 1825 г. (стр. 53—55), письма о холерѣ въ Москвѣ, 1830 г. (стр. 60—68), дѣло о письмахъ и бумагахъ Петра Великаго, продававшихся въ 1853 г. харьковскимъ купцомъ Очкуръ-Ищенкомъ, полученныхъ (?) имъ отъ потомковъ А. М. Девіера (стр. 129—134), характерная исторія кабардинцевъ, бѣжавшихъ съ русской службы въ Пруссію, 1850—1853 гг. (стр. 179—196, сюда же относятся отчасти стр. 261—262), «дѣло астраханскаго гражданина Бутурлинскаго, сына казненнаго персами ихъ главнокомандующаго Киримъ-хана, просившаго въ 1846 г. вознагражденія, обѣщаннаго его отцу графомъ Паскевичемъ за сдачу первымъ городовъ Эривани и Тавриза (стр. 262 — 273, — конечно, просителю, крещенному персу, принявшему фамилію отъ крестнаго отца генерала Бутурлина было отказано, и военный министръ князь Чернышевъ резонно посовѣтовалъ (см. стр. 269), чтобы онъ «обратился съ просьбою къ графу Эриванскому князю Варшавскому Паскевичу 1-му...»), документы послѣднихъ грузинскихъ царей, царевичей и прочихъ (стр. 277, 281 — 291), письмо матери декабриста Муханова, 1832 (?) г. (стр. 336—337), дѣло 1805 г. о предложеніи нѣкоего Лихарева ввести въ сухопутныя войска морскіе рупоры, для усиленія голосовъ командировъ, при чемъ Лихаревъ считаетъ необходимымъ установить классификацію голосовъ по рангамъ: оберъ-офицерамъ дать «небольшіе» рупоры, штабъ-офицерамъ «средніе», а генераламъ «большіе» (стр. 343 — 347), письмо М. М. Сперанскаго къ сибирскому историку П. А. Словцову, 1820 г. (стр. 398).

За исключеніемъ писемъ и нѣкоторыхъ другихъ документовъ, всѣ остальныя дѣла, даже самыя интересныя, слѣдовало привести въ извлеченіяхъ, то-есть выжать изъ нихъ всю суть, отбросивши всѣ ненужныя подробности, повторенія, канцелярскія формальности, словомъ — тотъ хламъ, который портитъ «Сборникъ старинныхъ бумагъ» и заставляетъ жалѣть истраченныя на печатаніе этого хлама силы, время и прочее. Цѣнность сборника увеличилась бы во много разъ, если бы половина наполняющихъ его документовъ была выброшена, а большая часть остальныхъ сокращена, или приведена въ извлеченіяхъ. Еще одно замѣчаніе: странно видѣть въ «Сборникѣ старинныхъ бумагъ» документы нашего времени — 1861 г. (стр. 258), 1866 г. (стр. 333), 1870 г. (стр. 404) и др.

Кромѣ VI части «Сборника», отдѣльно изданы г. Щукинымъ «Азбучные и хронологическіе указатели къ шести частямъ Сборника старинныхъ бумагъ». Это собственно не указатели, а оглавленіе къ шести томамъ, расположенное въ алфавитномъ порядкѣ названій актовъ, невсегда выдержанномъ (стр. 1—86).

и въ порядкѣ хронологическомъ (стр. 87—164). Въ концѣ (стр. 165 — 174) помѣщены оглавленія такъ называемыхъ «безгласныхъ» актовъ, то-есть не имѣющихъ даты. Однако, всѣ эти акты легко распредѣлить по вѣкамъ, то-есть внести въ то же хронологическое оглавленіе.

Да не посѣтуетъ г. Щукинъ за сдѣланныя замѣчанія. Нельзя не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ его дѣятельности, какъ основателя цѣннаго музея русскихъ древностей (въ Москвѣ). Но его издательская дѣятельность сильно хромаетъ и требуетъ радикальныхъ реформъ... Съ его любовью къ этому дѣлу и съ его средствами — какую громадную пользу онъ могъ бы принести наукѣ, если бы вмѣсто печатанія неважныхъ и совершенно пустыхъ бумагъ «собственнаго архива» сталъ издавать цѣнные матеріалы нашихъ историческихъ архивовъ, находящихся у него подъ бокомъ. «Писцовыя книги», «десятни», «переписныя книги», «статейные списки» и тысячи другихъ цѣнныхъ актовъ гніютъ и пропадаютъ для науки, а... описи старой казенной мебели печатаются роскошно... Развѣ же это нормально?!.. Н. Н. О.

Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII вѣка. Изданіе Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1899.

Изданіемъ, заглавіе котораго нами выписано выше, русская наука обязана библіотекарю университета св. Владимира В. А. Кордту, ученому, сравнительно недавно выступившему со своими трудами, но уже снискавшему себѣ почетную извѣстность. Автору настоящей рецензіи пришлось впервые услышать о В. А. Кордтѣ отъ нынѣ покойнаго академика А. А. Куника. А. А., который самъ былъ и знатокомъ, и любителемъ древней литературы путешествій по Россіи, съ большимъ сочувствіемъ слѣдилъ за трудами, въ той же области, молодого юрьевскаго ученаго и возлагалъ на нихъ большія надежды. При участіи покойнаго академика, В. А. Кордту удалось совершить двѣ богатыя научными результатами поѣздки въ Голландію въ 1893 и 1895 годахъ; многочисленныя копіи, снятыя въ нидерландскихъ архивахъ съ важныхъ для русской исторіи документовъ, были представлены имъ въ распоряженіе Императорской Академіи Наукъ. Въ Нидерландахъ В. А. Кордтъ оставилъ по себѣ наилучшую память; пишущему эти строки приходилось слышать много лестныхъ отзывовъ о его познаніяхъ въ голландскомъ языкѣ, исторіи и архивовѣдѣніи, какъ со стороны завѣдывающихъ государственнымъ архивомъ въ Гаагѣ, такъ, въ особенности, отъ библіотекаря гаагской дворцовой библіотеки полковника де-Баса. Свои познанія въ области голландско-русскихъ отношеній В. А. Кордту пришлось обнаружить еще въ въ своемъ библіографическомъ приложеніи къ извѣстному труду амстердамскаго профессора Шленбека о русскихъ архивахъ, вышедшему въ 1891 году. Кромѣ того, имъ предпринято изданіе цѣнныхъ донесеній голландскаго резидента фонъ-Келлера для императорскаго русскаго историческаго общества, приготовленъ къ печати, для археографической комиссіи въ С.-Петербургѣ, третій томъ «Сказаній иностранцевъ» и законченъ (въ рукописи) капитальнѣйшій трудъ—новое изданіе извѣстнаго обзора путешествій по Россіи Ѳ. П. Аделунга.

Какъ знатокъ «картографической библіографіи», В. А. Кордтъ высказалъ себя, будучи устроителемъ замѣчательной выставки старинныхъ картъ на прошлогоднемъ XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. Какъ такого рода знатока, мы видимъ его и въ находящемся теперь передъ нами изданіи кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Изданіе это дѣлится на двѣ части. Первая часть представляетъ собою текстъ, написанный В. А. Кордтомъ, вторая даетъ тридцать два факсимиле различныхъ старинныхъ картъ Россіи. Карты эти—слѣдующія: изображеніе Чернаго моря изъ портолана Граціоза Бенинказы 1474 года, карта «Европейской Сарматіи» изъ латинскаго изданія Птоломея 1513 года, карты Россіи Баттисты Агнезе 1525 года и Я. Гастальдо 1548 и 1561 годовъ, карта Вида, составленная около 1537 года и гравированная въ 1570 году, два изданія общей карты и двѣ спеціальныя карты Себ. Мюнстера 1544, 1559, 1538 и 1559 годовъ, семь изданій карты Герберштейна 1546, 1556 (двѣ: съ лѣсами и безъ нихъ), 1557, 1550, 1566 и 1557 годовъ, четыре изданія карты Дженкинсона 1562, 1583, 1598 и 1601 годовъ, карта Польши, Литвы и Ливоніи 1596 года, карта юго-западной Россіи Я. Гастальдо 1562 года. карта Европейской Сарматіи Андрея Пограбія 1570 года, карта Г. Меркатора 1594 года, двѣ карты І. Магина 1596 и 1600 годовъ, карта Россіи С. Нейгебауера 1612 года, общая и спеціальная (для южной Россіи) карты И. Массы 1633 года, карта Гесселя Герритса въ изданіи Нискатора 1651 года и карта Украйны В. Боплана 1650 года.

Какое значеніе имѣютъ эти «Матеріалы по исторіи русской картографіи»? Значеніе ихъ, прежде всего, въ томъ, что они отвѣчаютъ давно уже назрѣвшей потребности имѣть факсимиле важнѣйшихъ картъ Россіи, встрѣчающихся въ трудно доступныхъ изданіяхъ прежнихъ вѣковъ. Обзоръ этотъ, конечно, нуженъ не только потому, что «русская историческая литература еще не имѣетъ обозрѣнія послѣдовательнаго развитія за границею и въ Россіи картографическихъ представленій о Россіи» («Матеріалы», стр. 1). Такая цѣль, конечно, интересна лишь для очень немногихъ у насъ спеціалистовъ по исторіи картографической техники. Истинное назначеніе подобныхъ изданій должно быть иное: именно то, которое имѣлъ въ виду П. А. Мухановъ, озаглавившій изданныя имъ факсимиле «матеріалами для историко-географическаго атласа Россіи». Въ русской исторической наукѣ давно ощущается потребность въ подробныхъ историческихъ картахъ Россіи XV—XVII вѣковъ, и вотъ составленіе таковыхъ и должны приблизить изданія хорошихъ факсимиле старинныхъ картъ. Если же гнаться исключительно за воспроизведеніемъ «картографическихъ» особенностей, то очень легко увлечься до изданія чуть ли не десятка одинаковыхъ картъ, единственная разница между которыми въ фигурныхъ аксессуарахъ, въ форматѣ, шрифтѣ подписей и т. п.

Намъ кажется, подобнаго увлеченія не избѣжалъ отчасти и В. А. Кордтъ, который бы могъ, безъ ущерба для пользы изданія русскимъ историкамъ, отбросить, напримѣръ, нѣкоторыя изъ копій карты Сиг. Герберштейна или Дженкинсона. Въ качествѣ матеріала для будущаго историко-географическаго атласа Россіи, названія старыхъ картъ имѣютъ даже большее значеніе, чѣмъ самый картографическій рисунокъ, и, если бы, сообразно этому, ограничиться приве-

деніемъ въ атласѣ лишь картъ съ своеобразнымъ картографическимъ рисункомъ и съ оригинальнымъ подборомъ названій (тѣ, которыя лишь сокращаютъ число названій бóльшихъ картъ, выкинуть), то нынѣшній атласъ В. А. Кордта сталъ бы вдвое или втрое меньше, но зато можно было бы въ немъ прибавить коекакія важныя карты второй половины XVII вѣка (вѣдь второй выпускъ еще, Богъ вѣсть, когда выйдетъ!).

Избавляетъ ли новый атласъ отъ необходимости обращаться къ подлиннымъ картамъ?

Къ сожалѣнію, не всегда. Напримѣръ, факсимиле нумеромъ XXIX-ымъ для изученія старинныхъ названій мѣстностей по Сѣв. Двинѣ и Сухонѣ нельзя пользоваться: эти названія совсѣмъ не вышли, между тѣмъ, какъ, напримѣръ, въ атласѣ Блаау они читаются вполнѣ ясно. На другихъ картахъ, какъ, напримѣръ, небольшой при № XXIV, нѣкоторыя буквы при передачѣ расплылись до неузнаваемости. Какъ образецъ прекрасно воспроизведенной карты, слѣдуетъ назвать № XI—факсимиле весьма интересной, извѣстной лишь въ двухъ экземплярахъ, первой карты Сиг. Герберштейна.

Относительно значенія текста В. А. Кордта (15 страницъ) можно привести его же слова. Распредѣленіемъ картъ по 17 типамъ онъ имѣлъ въ виду «доказать, что всѣ старинныя карты Россіи приходится раздѣлить на оригинальныя и заимствованныя, т. е. сдѣланныя не самостоятельно, а на основаніи извѣстнаго типа» (стр. 2). Дѣйствительно, въ текстѣ «Матеріаловъ» мы находимъ подробную картографическую библіографію, т. е. списокъ переизданій и передѣлокъ типичныхъ картъ Россіи, съ очень богатыми указаніями на литературу предмета, но почти безъ разсмотрѣнія географическаго матеріала, находимаго на картахъ.

Внѣшность изданія можно назвать даже роскошною. Какъ текстъ, такъ и карты напечатаны (in folio), на особой старообразной шероховатой, довольно толстой бумагѣ съ водяными знаками. Цѣна не особенно дешевая (5 рублей).

А. М. Ловягинъ.

Латышевъ В. В. Очеркъ греческихъ древностей. Ч. 2-я. Богослужебныя и сценическія древности. Изд. 2-е испр. Спб. 1899.

Вторая часть «Очерка греческихъ древностей—пособія для гимназистовъ и начинающихъ филологовъ» академика В. В. Латышева вышла недавно новымъ изданіемъ, чтò только можетъ порадовать всѣхъ, интересующихся классической филологіей и древней исторіей. Сравнительно съ 1-мъ изданіемъ, вышедшимъ 10 лѣтъ тому назадъ, эта часть курса греческихъ древностей подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, какихъ потребовало современное состояніе науки. Больше всего измѣненій внесено въ отдѣлъ сценическихъ древностей, гдѣ составитель знакомитъ читателя съ выводами замѣчательнаго труда Дёрпфельда и Рейша (Das Griechische Theater... Athen. 1896). Объемъ книги, однако, почти не измѣнился. Въ настоящемъ видѣ обѣ части этого курса греческихъ древностей (1-я часть вышла 3-мъ изд. въ 1897 г.), содержащія свыше 700 страницъ очень убористаго шрифта, являются, можно безъ преувеличенія сказать,

единственнымъ въ этой области знанія у насъ сочиненіемъ, какъ по полнотѣ и свѣжести даваемыхъ ими въ крайне сжатомъ изложеніи свѣдѣній, такъ и вслѣдствіе обработки ихъ по лучшимъ источникамъ и первоисточникамъ, особенно, гдѣ это касается эпиграфики, въ которой авторъ по заслугамъ считается признаннымъ и въ Россіи и за границею авторитетомъ. Въ заключеніе своей замѣтки мы не можемъ не высказать пожеланія, во-первыхъ, чтобы для естественнаго завершенія труда появилась въ обработкѣ уважаемаго автора такая же 3-я часть его «Очерка», посвященная домашнему быту древнихъ грековъ, и, во-вторыхъ, чтобы была удовлетворена потребность нашихъ гимназій въ болѣе краткомъ, но настолько же авторитетномъ руководствѣ по греческимъ древностямъ. Внѣшность изданія прилична. Подробные (греч. и русск.) указатели облегчаютъ наведеніе справокъ. Цѣна (1 р. 25 к. за 21 печ. л.) очень не высока, если припомнить, съ какою медленностью у насъ доселѣ расходятся подобныя книги.

И. А.

Въ 1786 годъ новой. Новое изданіе Не всіо и Не Ничево. Текстъ съ предисловіемъ Е. А. Ляцкаго. М. 1899.

Исторія русской журналистики Екатерининской эпохи, несмотря на многія изслѣдованія и разысканія, представляетъ и до сихъ поръ богатое поле для изученія, какъ въ общей картинѣ, такъ особенно въ подробностяхъ, отъ которыхъ, конечно, зависитъ и общая картина: даже о такихъ крупныхъ дѣятеляхъ этой области, какъ Новиковъ, мы не можемъ похвастаться вполнѣ исчерпывающими свѣдѣніями, да и сторона идейная не всегда для насъ ясна, такъ что о мелочныхъ явленіяхъ намъ часто приходится говорить не особенно обоснованно. Поэтому всякіе новые шаги на поприщѣ изученія этого времени нашей журналистики должны вести къ открытію тѣхъ или иныхъ фактовъ, дополняющихъ общую картину. Къ числу такихъ открытій несомнѣнно относится и найденный Е. А. Ляцкимъ предполагавшійся къ изданію въ 1786 г. журналъ «Не всіо и не ничево». Журналъ остался въ рукописи, но изъ него мы узнаемъ, что онъ долженъ былъ явиться органомъ какого-то возникавшаго въ это время просвѣтительнаго общества. Задачи общества были довольно умѣренныя, въ эпоху реакціи приходилось сжиматься, подлаживаться подъ общій мягкій тонъ; борьбы, въ которую вступалъ Новиковъ, конечно, общество замышлять не могло, но все же оно мечтаетъ о просвѣщеніи россіянъ и объ искорененіи разныхъ пороковъ при помощи сатиры, хотя бы и въ улыбательномъ родѣ. Но даже и для мягкой сатиры пути заказаны цензурою, и приходится просить эту «няньку разсудка» о снисхожденіи, приходится изъ сатирическаго тона переходить въ панегирическій по отношенію къ императрицѣ Екатеринѣ. Прямо противоположныя чувства возбуждаются при чтеніи этого документа, со всей точностью воспроизведеннаго Е. А. Ляцкимъ: и грустно при видѣ обстоятельствъ, угнетающихъ просвѣщеніе, и отрадно при видѣ хотя бы робкихъ попытокъ борьбы съ этими обстоятельствами... Нельзя поэтому не поблагодарить издателя за извлеченіе изъ частнаго архива этого любопытнаго памятника.

А. Б—инъ.

Проф. Д. И. Вагалѣй. Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета. (Матеріалы для біографическаго словаря профессоровъ Харьковскаго унив.). Харьковъ. 1899.

Въ высокой степени интересная по изложенію вышеназванная брошюра проф. Д. И. Багалѣя документально убѣждаетъ читателя въ томъ, что талантливый, высокообразованный и оказавшій крупныя услуги русскому просвѣщенію, въ качествѣ профессора, И. Е. Шадъ палъ жертвою той реакціи, которая нависла надъ Россіей во вторую половину Александровскаго царствованія.

Рекомендованный знаменитыми Гете и Шиллеромъ проф. Шадъ, послѣ двѣнадцатилѣтней профессорской дѣятельности, въ 1816 г. былъ отставленъ отъ службы и въ 24 часа безъ жены и дочери высланъ за границу. Обвиненія, которыя, главнымъ образомъ, поддерживалъ проф. Дегуровъ, были направлены на будто бы предосудительное его поведеніе въ дѣлѣ докторскихъ диссертацій Ковалевскаго и Гриневича и на вредные для юношества взгляды, проповѣдуемые имъ въ сочиненіяхъ: «De viris illustribus urbis Romae» и «Institutiones».

Но Шадъ въ своемъ изгнаніи не успокоился: считая себя невинно потерпѣвшимъ, онъ долгое время, почти до самой смерти, старался оправдаться въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ и безуспѣшно просилъ русское правительство, въ виду своей крайней бѣдности, о вознагражденіи его за понесенный вслѣдствіе внезапной высылки матеріальный ущербъ.

Дѣло Шадо надѣлало за границею большаго шуму и вызвало по нему громадное дѣлопроизводство.

До сихъ поръ знали о немъ только по немногимъ даннымъ, имѣющимся въ монографіи Н. А. Лавровскаго о Шадѣ. Нынѣ проф. Д. И. Багалѣю удалось воспользоваться какъ всѣми архивными матеріалами Харьковскаго университета, такъ и «цѣлымъ рядомъ дѣлъ», еще никѣмъ не затронутыхъ и хранящихся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла эти представляютъ полное производство дѣла со всѣми его перипетіями, основанное на подлинныхъ, собственноручныхъ документахъ. Цѣнность ихъ усугубляется еще тѣмъ, что матеріалъ въ нихъ, такъ сказать, двойного характера: на ряду съ полной коллекціей обвиненій противъ Шада, здѣсь имѣется еще болѣе обширная коллекція оправдательныхъ писемъ и записокъ самого Шада, которыя, по заключенію проф. Багалѣя, «несомнѣнно способны поколебать основу обвинительныхъ пунктовъ, направленныхъ противъ его сочиненій».

Защищая свои сочиненія, проф. Шадъ попутно излагалъ сущность и отдѣльныя черты своего философскаго міросозерцанія, благодаря чему его оправдательныя и даже просительныя записки пріобрѣтаютъ особое значеніе для исторіи философіи и философскихъ каѳедръ въ Россіи.

Проф. Д. И. Багалѣй подробно слѣдитъ за обстоятельствами, предшествовавшими высылкѣ Шада изъ Харькова, за «объясненіями» Ковалевскаго, Гриневича и самого Шада, за обвиненіями противъ его сочиненій, за фактомъ отставки и удаленія, за оправдательными записками и прошеніями Шада и т. д., всюду сопровождая свое изложеніе обширными выписками изъ документовъ и

всесторонне знакомя читателя съ философскимъ міровоззрѣніемъ этой жертвы реакціонной эпохи и «политическихъ интригъ русскихъ поклонниковъ Наполеона», по убѣжденію германскаго правительства. **В. Р—въ.**

Г. Ѳ. Симоненко, профессоръ. Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ. Варшава. 1900.

Сочиненіе профессора Симоненко имѣетъ довольно опредѣленный полемическій характеръ и направлено къ выясненію основныхъ принциповъ ново-исторической или такъ называемой катедръ-соціалистической школы, и критическому разбору воззрѣній наиболѣе выдающихся представителей ея, какъ Шмоллеръ, Брентано, Вагнеръ, Шеффле, Лавеле, Штаммлеръ, и основателей ея — Книса и Бруно-Гильдебранда.

Научная оцѣнка этихъ воззрѣній сдѣлана авторомъ съ точки зрѣнія старо-исторической школы, основанія которой, по мнѣнію автора, остаются незыблемыми, несмотря на критику ея положеній ново-историческимъ направленіемъ. Значительную часть своего труда профессоръ Симоненко посвящаетъ анализу отношенія политической экономіи къ исторіи, статистикѣ, юридическимъ наукамъ. Такая широкая постановка вопроса объясняется тѣмъ, что ново-историческая школа придаетъ большое значеніе вліянію права и государства на народное хозяйство. Въ соціализмѣ авторъ видитъ разрушеніе основъ народнаго богатства и цивилизаціи, а вся ново-историческая школа, по его мнѣнію, есть не болѣе, «какъ сплошное недоразумѣніе». Съ этой точки зрѣнія профессоръ Симоненко даетъ въ своей книгѣ характеристику и научную оцѣнку всѣхъ главныхъ современныхъ направленій политической экономіи, которая безъ удовлетворительнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ не можетъ свободно развиваться.

Авторъ, по существу высказываясь противъ ново-исторической школы экономистовъ, вполнѣ примыкаетъ по своимъ взглядамъ къ главѣ старо-исторической школы Рошеру, который признавалъ существованіе естественныхъ экономическихъ законовъ, признавалъ существованіе природы народнаго хозяйства. Считая соціализмъ антитезисомъ экономической науки, авторъ отказывается признать школой, или направленіемъ политической экономіи, ученіе Маркса съ его послѣдствіями. Марксизмъ, по его мнѣнію, имѣетъ очень мало основаній для привлеченія симпатій людей, жаждущихъ водворенія правды и любви къ ближнимъ въ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ. Сопоставляя міросозерцаніе марксизма со взглядами Гумпловича и Дарвина, а также отчасти съ философіей Нитцше, авторъ воспользовался даже моднымъ вопросомъ о бурахъ, чтобы доказать, какъ позорны эти взгляды въ концѣ истекающаго столѣтія. Въ планахъ отдаленной будущности, рисуемыхъ приверженцами Маркса, профессоръ Симоненко подчеркиваетъ отсутствіе всякихъ нравственныхъ и идеальныхъ факторовъ.

Если читатель и не найдетъ здѣсь вполнѣ объективной критической оцѣнки ученій ново-исторической школы, если «научныя недоразумѣнія» и не

устранены авторомъ, то все же книга профессора Симоненка является единственнымъ изслѣдованіемъ, въ которомъ дана, хотя и односторонняя попытка выяснить основные принципы ново-исторической школы политической экономіи.

А. Н—въ.

Фридрихъ фонъ-Гелльвальдъ. Земля и ея народы. Т. III. Живописная Европа. Томъ IV. Живописная Африка. Спб. Изданіе П. П. Сойкина. 1899.

Гелльвальдъ, скончавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—сторонникъ дарвинистскаго міровоззрѣнія. Вмѣстѣ съ Липпертомъ онъ принадлежитъ къ ученымъ, изслѣдовавшимъ въ непосредственной органической связи исторію культуры и народовѣдѣніе. По его мнѣнію, какъ начало всей нашей общественной жизни вообще, такъ и начало тѣхъ многоразличныхъ элементовъ, изъ которыхъ составилось наше понятіе «культура», — скрыто отъ насъ во мракѣ неизвѣстности. Онъ отказался дать какую нибудь опредѣленную этнологическую систему, но его естественная исторія человѣка есть богатѣйшее сочиненіе по содержанію.

На русскомъ языкѣ появился переводъ послѣднихъ двухъ томовъ его сжатаго и прекраснаго труда «Земля и ея народы». Въ III-мъ томѣ мы имѣемъ историко-географическій обзоръ европейскихъ государствъ и Россіи, въ IV т. географію живописной Африки, Австраліи съ Океаніей и полярныхъ странъ. Какъ и многіе другіе этнологи, Гелльвальдъ считаетъ австралійца самымъ низшимъ типомъ современнаго человѣчества, но и у него онъ находитъ слѣды религіозныхъ и соціальныхъ представленій и учрежденій. Въ вопросѣ о томъ, надѣлены ли всѣ человѣческія расы одинаковыми или различными духовными способностями, Гелльвальдъ пытается съ психологической точки зрѣнія опровергнуть придаваемое слишкомъ большое значеніе внѣшнимъ факторамъ въ общественной эволюціи. Онъ утверждаетъ, что каждая раса состоитъ изъ различныхъ народныхъ индивидуальностей, что есть извѣстные признаки, свойственные цѣлымъ народнымъ группамъ и расамъ.

Въ III томѣ почти 425 страницъ отведено географіи Россіи. Здѣсь, на основаніи множества данныхъ, умѣло систематизированныхъ, дается очень хорошій не только географическій очеркъ Россіи, но и экономическій. Очеркъ экономическаго положенія и промышленности въ Россіи особенно представляется цѣннымъ, потому что написанъ удивительно просто: на 35 страницахъ, иногда, правда, очень маленькимъ шрифтомъ, дана совершенно полная фактически и довольно яркая картина сельскаго хозяйства въ Россіи, добычи металловъ и обрабатывающей промышленности. Умѣло и хорошо обрисовано состояніе крупнаго производства и мелкихъ промышленниковъ, выяснена наблюдающаяся въ настоящее время смѣна формы мелкаго производства на систему крупной капиталистической промышленности. Слѣдовало бы нѣсколько подробнѣе развить маленькую главу о народномъ образованіи, съ его краснорѣчивыми цифрами.

Множество прекрасно исполненныхъ рисунковъ — видовъ разныхъ городовъ и мѣстностей съ ихъ типичными представителями населенія, много любо-

пытныхъ данныхъ, какъ историческихъ, такъ и этнографическихъ, дѣлають изданное г. Сойкинымъ сочиненіе Гелльвальда очень полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу; тѣмъ болѣе, что художественный слогъ Гелльвальда удачно воспроизведенъ въ русскомъ переводѣ, а цѣна двухъ отлично изданныхъ томовъ въ переплетахъ (6 р.) — не дорогая. — **овъ.**

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Томъ I. Части III и IV. Изд. 2-е. К. Т. Солдатенкова. М. 1899.

Большой трудъ Ковалевскаго о происхожденіи современной демократіи выходитъ уже вторымъ изданіемъ (первое вышло въ 1895 г.). Новое изданіе второй половины 1-го тома значительно дополнено весьма важными главами. Изслѣдованіе профессора Ковалевскаго касается двухъ сферъ, которыя затронула революція: соціальной и политической, и задача автора сводится къ изученію народной или демократической доктрины, составившей основу законодательства учредительнаго собранія.

Вышедшій томъ раздѣляется на двѣ части. Первая — даетъ анализъ общественныхъ и политическихъ доктринъ XVIII вѣка, разсматривая экономическія и податныя теоріи прошлаго вѣка, въ связи съ постановкой и разработкой крестьянскаго и рабочаго вопросовъ въ литературѣ и наказахъ 1789 года. Эта часть въ новомъ изданіи сохранила свой прежній видъ. Зато IV часть — «Политическія доктрины», разрослась втрое, прибавленіемъ трехъ главъ къ прежнимъ двумъ — 1) «Англоманія и американофильство», 2) «Теорія демократической монархіи». Прибавленныя три главы посвящены Монтескье, Руссо и пропагандистамъ новой доктрины.

Уже послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія перваго тома сочиненія профессора Ковалевскаго появился въ свѣтъ интереснѣйшій дневникъ Монтескье, который онъ велъ во время путешествія по Италіи, Германіи, Англіи, Голландіи. Этотъ дневникъ послужилъ автору матеріаломъ для генезиса доктрины Монтескье. Дневникъ не предназначался къ изданію, но онъ проливаетъ много свѣта на выработку политическаго міросозерцанія Монтескье. «Когда я путешествовалъ», говорилъ о себѣ Монтескье, «за границей, я привязывался къ посѣщаемымъ мною странамъ, какъ къ собственной родинѣ. Я интересовался ихъ судьбою и желалъ имъ большаго благосостоянія, чѣмъ то, какимъ онѣ пользуются». Дневникъ даетъ возможность не только слѣдить за постоянными сопоставленіями Монтескье между учрежденіями и нравами извѣстной страны, но знакомитъ насъ съ зарожденіемъ въ умѣ знаменитаго политика ученія о связи между формой правленія и нравами. Профессоръ Ковалевскій дѣлаетъ подробный анализъ разбросанныхъ въ дневникѣ мыслей автора «Духа законовъ» и показываетъ тотъ порядокъ, въ которомъ Монтескье собралъ результаты своихъ наблюденій въ одно стройное цѣлое. По мнѣнію профессора Ковалевскаго, не идея преемства была руководящей нитью Монтескье. Въ его ученіи первое мѣсто занимаетъ не идея всемірной эволюціи, а, наоборотъ, частное обобщеніе, «частный законъ извращенія политическихъ формъ, по мѣрѣ измѣненія прежней обстановки», эта центральная мысль дала

ему возможность въ одинаковой мѣрѣ говорить о причинахъ, какими обусловливается свобода народовъ, едва вышедшихъ изъ первобытнаго состоянія, и современныхъ жителей обширныхъ имперій Азіи и Востока Европы.

Съ такимъ же большимъ интересомъ читается и слѣдующая глава сочиненія Ковалевскаго — о Руссо. И здѣсь знаменитый ученый воспользовался очень цѣнными отрывками наброска сочиненія Руссо, недавно открытаго въ Невшательской библіотекѣ. Это сочиненіе является первоисточникомъ всѣхъ позднѣйшихъ разсужденій Руссо о природѣ общества, народнаго суверенитета, закона и правительства. Кромѣ этого сочиненія, профессоръ Ковалевскій воспользовался и другимъ уцѣлѣвшимъ отрывкомъ рукописи Руссо «О политическихъ учрежденіяхъ», гдѣ имѣются всѣ оригинальныя стороны его ученія. Анализъ этихъ двухъ сочиненій Руссо приводитъ автора къ тому выводу, что Руссо, въ отличіе отъ Монтескье, политическія воззрѣнія котораго постепенно складывались подъ вліяніемъ чтеній, путешествій и наблюденій, — сразу выступилъ съ готовымъ ученіемъ, вполнѣ сложившимся и выработаннымъ въ частяхъ.

Сопоставленіе взглядовъ Руссо съ высказанными ранѣе его взглядами на природу государства и власти (Платонъ, Спиноза и Монтескье) заставляетъ автора считать Руссо, несомнѣнно, новаторомъ, хотя измѣненія, внесенныя имъ въ философію публичнаго права, были подготовлены ея вѣковымъ развитіемъ. Нельзя также, по мнѣнію профессора Ковалевскаго, искать источникъ политическихъ воззрѣній Руссо въ особенныхъ условіяхъ государственнаго устройства его родины Женевы, или въ томъ положеніи среди борющихся въ ней партій, которое занялъ Руссо. «Женева», говоритъ Ковалевскій, «дорога автору общественнаго договора отнюдь не болѣе Спарты или Рима первыхъ временъ республики» (451 стр.). «Его пристрастіе къ ней», говорится тамъ же, «объясняется ея близостью къ типу ограниченнаго предѣлами города классическаго государства, въ которомъ нѣтъ препятствій къ осуществленію народнаго самодержавія, какими въ современныхъ ему европейскихъ монархіяхъ является обширность территоріи, численность населенія, развитіе соціальныхъ контрастовъ, любовь къ роскоши и извращеніе нравовъ». Вся политическая теорія Руссо возникла, дѣлаетъ выводъ авторъ, благодаря изученію историческаго опыта республикъ древняго и новаго міра, отъ Спарты, Рима — до Венеціи, и провѣркѣ историческимъ путемъ ходячихъ теорій объ общественномъ договорѣ.

Выясненію вопроса, какимъ образомъ Руссо, будучи консерваторомъ по своимъ конечнымъ выводамъ, сдѣлался вмѣстѣ съ Монтескье родоначальникомъ революціонной доктрины, посвящена 3-я глава («Пропагандисты доктрины»). Въ ней авторъ послѣ наброска характерныхъ особенностей порядковъ Франціи въ 1789 г. показываетъ противорѣчіе этихъ порядковъ съ политическими принципами Руссо и Монтескье. Французская монархія XVIII вѣка была рѣшительнымъ отрицаніемъ теорій Монтескье и Руссо, поэтому ближайшіе къ революціи публицисты, повторяя высказанные обоими теоретиками взгляды, практически направляли ихъ къ разрушенію основъ «стараго порядка». Такими публицистами авторъ называетъ аббата Сейеса, Черутти, Рабо Сентъ-Этьена

и Кондорсе, на примѣрѣ которыхъ онъ доказываетъ цѣльность и единство революціонной доктрины.

Сочиненіе профессора Ковалевскаго должно признать выдающимся явленіемъ въ исторической литературѣ XVIII вѣка. **П. К—ій.**

Людвигъ Штейнъ. Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Лекціи объ общественной философіи и ея исторіи. Пер. съ нѣм. П. Николаева. Изд. А. Т. Солдатенкова. М. 1899.

Соціальный вопросъ въ наше время является такимъ жгучимъ и серьезнымъ, что всякое сочиненіе, дѣлающее попытку такъ или иначе освѣтить его или изслѣдовать, представляется весьма желательнымъ. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія превосходный трудъ Штейна, что онъ составился изъ лекцій, читанныхъ нѣмецкимъ ученымъ въ Цюрихскомъ университетѣ, политехникумѣ и Бернскомъ университетѣ. Являясь результатомъ философскихъ размышленій профессора, это сочиненіе доступно широкой публикѣ, такъ какъ авторъ старался избѣгать слишкомъ философскаго языка и сохранить, благодаря этому, связь со своими слушателями, принадлежавшими къ разнымъ профессіямъ.

Обширный томъ въ 708 стр. состоитъ изъ 41 лекціи и раздѣляется на три главныя части. Въ первой изъ нихъ, послѣ опредѣленія сущности соціальнаго вопроса, а также выясненія плана и метода философскаго изслѣдованія соціальнаго вопроса, Штейнъ разсматриваетъ первоначальныя формы общественной жизни, во второй онъ излагаетъ исторію и критику общественной философіи, начиная съ первыхъ попытокъ сознательнаго духа въ сферѣ общественной философіи до нашего времени (стр. 161 — 471), наконецъ, въ третьей части, наиболѣе любопытной, представлены основныя черты системы общественной философіи и дана попытка автора рѣшить волнующія современную жизнь соціальныя проблемы.

Штейнъ видитъ въ соціальномъ вопросѣ не только экономическую сторону, но также стороны религіозную, этическую, педагогическую, правовую и эстетическую, понимая подъ этимъ сложнымъ вопросомъ «формы и условія человѣческаго сожительства и человѣческаго сотрудничества» (28 стр.). Съ этой точки зрѣнія задачей соціальнаго вопроса въ философскомъ освѣщеніи будетъ разсмотрѣніе трехъ моментовъ: 1) происхожденіе человѣческой общей жизни, 2) историческое созиданіе общественныхъ организмовъ, какъ въ безсознательномъ развитіи, предопредѣляемомъ телеологіей, такъ и въ сознательномъ состояніи, когда человѣческій духъ стремится сознательно переформировать человѣческую жизнь, а не предоставлять ее безсознательнымъ законамъ развитія. Третьимъ моментомъ будетъ теперешнее состояніе соціальнаго вопроса, въ связи съ средствами его рѣшенія.

Весь первый отдѣлъ труда Штейна посвященъ переходу отъ дообщественнаго состоянія къ общественному и опредѣленію первичныхъ формъ человѣческаго сожительства (лекціи 5 — 12). Авторъ различаетъ двѣ формы соціальнаго сожительства, строеніе первой изъ нихъ постоянно, — т. е. 1) семья, 2) собственность (особенно поземельная), 3) общество, понимаемое

въ смыслѣ общественнаго сожительства и сотрудничества въ постоянно дифференцирующихся его формахъ и 4) государство. Къ формамъ измѣнчивымъ онъ относитъ: 1) языкъ, 2) право, 3) религію (миѳологическія и историческія преданія), далѣе — технику, искусство, нравственность и философію. Въ то время, какъ разграниченіе постоянныхъ элементовъ — семьи, общества, государства, довольно прочно сложившихся, становится болѣе опредѣленнымъ и рѣзкимъ, споры о границахъ между правомъ, нравственностью, религіей и т. п. не закончены еще. Каждому изъ этихъ вопросовъ, въ отдѣльности, посвящена вся первая часть.

При объясненіи всѣхъ общественныхъ функцій Штейнъ избралъ путь, который онъ называетъ «психогенетическимъ». «Инстинктъ размноженія, для котораго половой коммунизмъ первобытнаго времени оказался нецѣлесообразнымъ, создалъ представленіе о половомъ подборѣ и все сильнѣе развивалъ этотъ подборъ. Чувство голода, которому въ концѣ концовъ не удовлятворяла первоначальная форма добыванія пищи, создалъ представленіе о владѣніи, что позже повело къ созданію собственности. Инстинктъ сохраненія жизни и здоровья личности въ виду столкновеній интересовъ при человѣческомъ сожительствѣ создалъ прочный типъ обороны, породившій представленіе о мщеніи, первымъ результатомъ котораго была первая форма принудительнаго общественнаго регламентированія, право возмездія».

Въ той же колыбели онъ ищетъ и первое пробужденіе религіознаго чувства, явившагося результатомъ тяжелой борьбы съ невидимыми, далекими для обычныхъ орудій, недоступными силами. Вслѣдствіе полнаго безсилія человѣка противъ сверхчувственныхъ силъ, въ виду сознанія этого безсилія, пробуждается сначала страхъ предъ этими силами, а потомъ — почтеніе къ нимъ и поклоненіе. Таково психогенетическое опредѣленіе религіи, данное Штейномъ. Подъ это опредѣленіе, очень широкое, такъ какъ религія, по Штейну, охватываетъ всѣ возможныя формы проявленія отношеній людей къ сверхчувственнымъ силамъ, — подходятъ четыре господствующія въ настоящее время теоріи о происхожденіи религіи.

Во второмъ отдѣлѣ Штейнъ даетъ весьма обстоятельный очеркъ исторіи общественной философіи, начиная съ гомеровскаго эпоса. Любопытна глава о возникновеніи соціальнаго вопроса у грековъ. Первымъ, по словамъ Аристотеля, задумавшимъ говорить о лучшемъ государствѣ былъ знаменитый геометръ Гипподамъ. По его представленію, строеніе государственнаго тѣла трехчленное: воины, крестьяне и ремесленники, — просто и естественно.

Отдѣльныя главы во второмъ отдѣлѣ посвящены «Республикѣ» Платона, «Политикѣ» Аристотеля, перваго понимавшаго государство, какъ организмъ, теоріи стоиковъ, эпикурейцевъ и неоплатониковъ, христіанству и соціальному вопросу. Послѣ очерка соціальной философіи въ средніе вѣка и эпохи возрожденія, Штейнъ переходитъ къ общественнымъ условіямъ появленія политической экономіи и зачаткамъ соціализма: Сенъ-Симону, Фурье, Луи-Блану, Прудону, Марксу, критикѣ ученія котораго отводитъ отдѣльную главу, Лассалю и состоянію общественной экономіи въ настоящее время. Для

русскаго читателя этотъ отдѣлъ представляетъ собою единственное, что есть на русскомъ языкѣ.

Въ третьемъ отдѣлѣ, названномъ «Основныя черты системы общественной философіи», Штейнъ высказываетъ свое отношеніе къ соціальному вопросу. Множество роковыхъ вопросовъ и не разрѣшенныхъ соціологическихъ проблемъ приводитъ автора не только къ констатированію существующей идейной анархіи, но заставляетъ его въ систематическомъ отдѣлѣ своего изслѣдованія «сдѣлать попытку сказать утѣшительное слово человѣчеству» (470), «найти масляничную вѣтвь, этотъ символъ мира». Симпатіи Штейна склоняются къ «правовому соціализму». Онъ одинаково несогласенъ, какъ съ капиталистическимъ индивидуализмомъ, такъ и съ коммунизмомъ. Вопросъ о собственности онъ разрѣшаетъ синтезомъ частной и коллективной собственности, то-есть смѣшанной формой. Штейнъ — сторонникъ крупныхъ государственныхъ промышленныхъ предпріятій и свободнаго развитія государственныхъ монополій. Особенно важное значеніе придаетъ онъ экспропріированію государствомъ опасныхъ и вредныхъ для здоровья отраслей промышленности. Предлагаемая Штейномъ смѣшанная форма даетъ государству необыкновенно широкое, вслѣдствіе монополизированія важнѣйшихъ изобрѣтеній, поле дѣйствія, но не исключаетъ и частно-капиталистическихъ предпріятій. Въ рукахъ государства находятся всѣ важнѣйшіе вопросы современной жизни, оно урегулируетъ вопросъ объ отношеніяхъ капитала и труда, а также вопросъ о количествѣ и качествѣ труда, вопросъ о положеніи пролетаріата, какъ рабочаго, такъ и интеллигентнаго. Тонъ Штейна полонъ оптимизма, пессимизмъ, господствовавшій до сихъ поръ, долженъ постепенно уступить мѣсто соціальному оптимизму, цѣль котораго—высшее физіологическое, умственное и нравственное развитіе типа человѣка. Онъ освѣтитъ лишь прежній путь, дастъ возможность разрѣшить экономическія противорѣчія. Таковы главныя положенія сочиненія Штейна, богатаго по замыслу и по содержанію. Прибавимъ, что написано оно прекраснымъ, часто образнымъ языкомъ, и хорошо переведено.

П. К.

Д. А. Линевъ (Далинъ). Третья книга „Не сказокъ“. Спб. 1900.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» уже было однажды отмѣчено публицистическое дарованіе г. Линева, которое въ свое время создало успѣхъ маленькимъ «Биржевымъ Вѣдомостямъ», гдѣ онъ сотрудничалъ и являлся даже ихъ вдохновителемъ. За послѣдніе два года г. Линевъ сошелъ съ газетной арены и, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, лишился столь любившей его аудиторіи; но, не желая рвать связи со своими читателями, онъ суммируетъ свои прежнія статьи отдѣльными книжками подъ заглавіемъ «Не сказки», коихъ нынѣ уже вышло три. О первыхъ двухъ нами уже было говорено, какъ равно отмѣчено, какова сущность и форма любопытныхъ «Не сказокъ». Нынѣ вышедшая книжка автора родственна по своему содержанію первымъ двумъ и является все тою же упорною и мужественною борьбою публициста съ темными моментами и обликами русской жизни. Г. Линевъ внимательно слѣдитъ за об-

щественною русскою хроникою на всемъ необъятномъ пространствѣ нашего отечества, и провинціальная пресса, преимущественно въ отдѣлахъ судебныхъ отчетовъ, даетъ ему богатѣйшій въ этомъ отношеніи матеріалъ; его же онъ почерпаетъ изъ разныхъ корреспонденцій, а также изъ лично ему адресованныхъ писемъ. Вотъ этотъ-то весь матеріалъ, относящійся къ періоду 1894—1897 годовъ, и послужилъ содержаніемъ для восьмидесяти одной бытовой сценки, вошедшихъ въ третій томъ «Не сказокъ».

Передъ читателями проходитъ длинная вереница типичныхъ фигуръ, которыя рѣзко раздѣляются на двѣ категоріи: во-первыхъ, несчастныхъ, пострадавшихъ и заслуживающихъ сочувствія, помощи и состраданія и, во-вторыхъ, представителей царства зла, порока и насилія. Всѣ эти многочисленные типы отечественной дѣйствительности, когда вы въ нихъ всмотритесь и надъ ними подумаете, не могутъ вызывать въ васъ вполнѣ индифферентнаго чувства, особенно въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Напротивъ, каждая страница книжки взбудораживаетъ нервы читателей, холодитъ кровь и щемитъ сердце. И чѣмъ акой моментъ острѣе въ своемъ проявленіи, тѣмъ ярче и гуще краски автора, тѣмъ выше и громче становится его голосъ.

«... Нельзя молчать, грѣшно, преступно молчать, — говоритъ въ одномъ мѣстѣ г. Линевъ,—какъ бы эти сказанія ни терзали нервы, они все-таки должны быть даны, должны взывать своимъ ужаснымъ содержаніемъ къ уму и чувству всѣхъ и каждаго, взывать и къ законодательству».

Эти слова, сказанныя по поводу одного разсказа, по всей справедливости должны быть обобщены на всю книжку, гдѣ авторъ именно на пространствѣ всѣхъ страницъ взываетъ и къ уму и чувству всѣхъ, а главнѣйше къ законодательству, которому онъ старается указать его погрѣшности и поставить новыя требованія во имя справедливости, любви и милосердія. Непорядки нашей жизни, какъ государственнаго, такъ и экономическаго, а главнѣйше соціальнаго характера — вотъ тотъ общій фонъ, на которомъ мелькаютъ живые люди изъ «Не сказокъ». Все это вмѣстѣ взятое — и фонъ, и фигуры на немъ, манера автора ихъ освѣщать, и цѣль, ради которой предпринято это освѣщеніе, придаютъ работѣ г. Линева особенное значеніе, которое такъ или иначе, но должно оставить слѣдъ въ нашей общественной жизни. Чѣмъ этотъ слѣдъ будетъ глубже и виднѣе, тѣмъ скорѣе достигнется и та гуманная цѣль, ради которой написана вся серія «Не сказокъ». **В. Г.**

А. Е. Бурцевъ. Дополнительное описаніе библіографически-рѣдкихъ, художественно-замѣчательныхъ книгъ и драгоцѣнныхъ рукописей. Томы I—VI. Спб. 1899.

Составитель этого объемистаго изданія, г. Бурцевъ, принадлежитъ къ библіофиламъ Березинъ-Ширяевскаго пошиба. Характерною чертою этихъ книголюбовъ является неудержимая страсть ко всякаго рода печатнымъ рѣдкостямъ. Но понятіе о рѣдкости у нихъ очень своеобразное. Вся цѣнность книги для нихъ заключается не въ ея внутреннемъ содержаніи, а въ томъ фактѣ, что она рѣдка, и отчасти въ ея внѣшности. Годъ и мѣсто изданія,

форматъ и переплетъ тоже играютъ немалую роль. Такимъ образомъ къ библіографическимъ рѣдкостямъ они причисляютъ массу всякаго балласта. Въ собраніяхъ ихъ, наряду съ серіозными книгами встрѣчаются всевозможные безсодержательные романы, дешевенькія лубочныя книжонки и всякій другой хламъ. Библіотеки свои гг. библіофилы содержатъ обыкновенно въ образцовомъ порядкѣ: все переплетено, перенумеровано и разставлено въ шкафы. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ даже печатаютъ свои каталоги. Покойникъ же Березинъ-Ширяевъ подобными изданіями стяжалъ себѣ громкую славу.

Вотъ къ такимъ-то книголюбамъ нужно причислить и г. Бурцева, выпустившаго года полтора тому назадъ пятитомное «Описаніе рѣдкихъ россійскихъ книгъ» и напечатавшаго теперь обширное къ нему дополненіе. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ свое время былъ данъ отзывъ о первомъ изданіи, и моя задача заключается лишь въ рецензированіи добавленія. «Дополнительное описаніе» немного больше основного и по объему и по числу описанныхъ книгъ. Въ немъ шесть томовъ со свѣдѣніями о 1.187 книгахъ. Каждая книжка снабжена попрежнему примѣчаніемъ.

Я совершенно не согласенъ съ авторомъ рецензіи о прежнемъ изданіи г. Бурцева, придающимъ какое-то значеніе этимъ примѣчаніямъ. Просмотрите приведенные мною образцы, и вы придете къ заключенію, что подобныя поясненія удлинняютъ лишь изданіе и не представляютъ никакого интереса.

Выписываю полностью заглавіе первой встрѣтившейся книжки: «Обряды еврейскіе, или описаніе церемоній и обыкновеній, наблюдаемыхъ евреями, какъ внѣ храма, такъ равно и во всѣ торжественные дни, во время молитвы, при обрѣзаніи, при свадьбахъ, родинахъ, смерти, при погребеніяхъ и проч. Орелъ. 1830 г.». А теперь примѣчаніе: «Эта книга подробно знакомитъ читателя съ еврейскими религіозными обрядами, какъ внѣ храма, такъ равно и во всѣ торжественные дни: во время молитвы, при обрѣзаніи, при свадьбахъ, родинахъ, смерти, при погребеніяхъ и проч. Книга замѣчательна какъ по содержанію, такъ и по времени изданія. (Почему?). Рѣдка. Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей».

Если ужъ г. Бурцеву захотѣлось сдѣлать примѣчаніе къ этой «замѣчательной» книжкѣ, то онъ могъ бы ограничиться лишь указаніемъ на ея цѣну, какъ это онъ и дѣлаетъ при другихъ книгахъ. Зачѣмъ же было сплошь перепечатывать все заглавіе? Приведенный примѣръ не единичный.

Но помимо такихъ примѣчаній немало есть и куріозныхъ поясненій, невольно вызывающихъ улыбку, напримѣръ, отзывъ о сочиненіи Толстого «Въ чемъ моя вѣра?», гласящій, что «авторъ этой книжки къ откровеннымъ истинамъ приложилъ нѣчто порядочное и отъ своего вымысла». Или слѣдующее добавленіе къ книжкѣ Н. Соловьева «Искусство и жизнь» (1869 г.): «Эта книга интересна для всякаго, желающаго ознакомиться съ искусствомъ и жизнью». О романахъ Дидро, переведенныхъ В. Зайцевымъ и изданныхъ въ 1872 году, говорится, что они «представляютъ собою выдающіяся литературныя произведенія семидесятыхъ годовъ». Забавнѣе еще примѣчаніе къ книгѣ «Какъ должно старообрядцамъ смотрѣть на ново-открытыя мощи Ѳеодосія Черниговскаго». Здѣсь нашъ библіофилъ рѣшительно заявляетъ, что «въ общемъ изданіе это вредное».

Перехожу теперь къ самому перечню книгъ. Прежде всего нужно замѣтить, что система, выбранная г. Бурцовымъ при ихъ распредѣленіи, не совсѣмъ удачна. Всѣ изданія у него расположены по первой буквѣ заглавія. Это же не такъ удобно, ибо иногда очень трудно отыскать нужную вещь. Сочиненія Гюго, напримѣръ, слѣдуетъ искать подъ словомъ «Полное» (собраніе и т. д.); повѣсти Сергѣя Глинки—подъ «Русскія» (историческія и нравоучительныя повѣсти и т. д.). Но не всѣ же знаютъ, что русское изданіе сочиненій Гюго называется «Полнымъ», а повѣсти Глинки «Русскими». Не практичнѣе ли было расположить книги по авторамъ? Пользованіе изданіемъ еще усложняется тѣмъ, что при немъ вовсе нѣтъ указателя личныхъ именъ.

До сихъ поръ я говорилъ преимущественно о недостаткахъ изданіяхъ, а между тѣмъ въ немъ есть и достоинства, о которыхъ мнѣ не хочется умолчать. Такъ г. Бурцевъ сообщаетъ довольно подробныя даты о старыхъ журналахъ; указываетъ на многія изъятыя изъ обращенія книги; перечисляетъ нѣкоторыя офиціальныя изданія, обыкновенно безслѣдно исчезающія въ обиходѣ, но имѣющія немаловажное значеніе для лицъ, занимающихся библіографіей; затѣмъ онъ знакомитъ съ обширной литературой о скопчествѣ и даетъ немало краткихъ біографій различныхъ писателей и издателей.

Слѣдуетъ добавить, что разобранное нами изданіе напечатано лишь въ 100 экземплярахъ и предназначено не для продажи. **В. Городецкій.**

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи. (80 г.—1800 г.). Т. I. Спб. 1899.

Лежащій передъ нами, первый томъ «Регестъ и надписей» представляетъ собою совокупный трудъ нѣсколькихъ лицъ—членовъ «историко-этнографической комиссіи», образованной лѣтъ восемь тому назадъ при Обществѣ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Въ немъ составители, изъ которыхъ наибольшее участіе принимали: М. М. Винаверъ, А. Г. Горнфельдъ, Л. А. Сева и М. Г. Сыркинъ, они же и редакторы, поставили себѣ цѣлью «представить въ хронологическомъ порядкѣ сводъ всѣхъ свѣдѣній по исторіи евреевъ въ Россіи», разсѣянныхъ въ многочисленныхъ русскихъ изданіяхъ, всевозможныхъ «сборникахъ» актовъ, грамотъ, документовъ, «описаніяхъ», «запискахъ» и т. п. (въ перечнѣ источниковъ» ихъ показано до 212). Болѣе же древнія извѣстія о евреяхъ заимствованы изъ нѣкоторыхъ иностранныхъ источниковъ, напримѣръ, Migne—«Patrologia graeca»; Divi Hyeronimi opera»; Brosset, «Histoire de la Georgie»; Langlois, «Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie»; Fraechnius, «De Chazaris excerpta ex scriptoribus arabicis»; Isstachri, «Das Buch der Länder»; Guillebert de Lannoy, «Oeuvres»; Maçoudi, «Les prairies d'or», и др.

Содержаніе историческихъ документовъ передано составителями въ сжатомъ изложеніи, а болѣе древнѣйшихъ и важнѣйшихъ—въ дословномъ текстѣ. Въ виду хронологическаго порядка, котораго держались составители, на первомъ мѣстѣ помѣщены «надписи», почти исключительно надгробныя, начи-

нающіяся съ 80 г. по Р. Х. и доходящія до 1773 г. Число всѣхъ ихъ простирается до 133.

Подъ наименованіемъ «регестъ», по нашему мнѣнію, не совсѣмъ правильнымъ, такъ какъ «регестами» обыкновенно называются текстуальныя выдержки изъ архивныхъ, а не печатныхъ документовъ, мы находимъ «изложенія» или «извлеченія» изъ разнаго рода печатныхъ «исторій» и «матеріаловъ», начиная съ «Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго» и фактовъ, относящихся въ IV вѣку по Р. Х. Число всѣхъ «регестъ» доходитъ до 978, и послѣднія изъ нихъ относятся къ 1676 г.

По содержанію напечатанныя документальныя данныя касаются разныхъ сторонъ жизни русскихъ евреевъ и особенно богаты свѣдѣніями чисто бытового характера. Самое изданіе исполнено довольно тщательно и согласно требованіямъ научной критики, и потому вполнѣ можетъ послужить надежнымъ источникомъ къ болѣе правильному и научному изученію исторіи евреевъ въ Россіи.

Въ концѣ тома приложены указатели географическій и именной.

В. Р—въ.

Дж. Гобсонъ. Общественные идеалы Рёскина. Изданіе т-ва „Знаніе“, подъ редакціей Д. Протопопова. Спб. 1899, и К. Т. Солдатенкова. М. 1899.

За послѣдніе два года въ русскомъ обществѣ проявился значительный интересъ къ сочиненіямъ, надняхъ скончавшагося, знаменитаго англійскаго эстетика и моралиста Джона Рёскина, взгляды котораго, несомнѣнно, отличаются исключительной глубиной и оригинальностью, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи и напоминаютъ намъ взглядъ Льва Толстого. «Рёскинъ, по справедливому выраженію автора книги, заглавіе которой мы выписали выше, долженъ быть признанъ величайшимъ общественнымъ проповѣдникомъ и учителемъ своего вѣка, не только потому что онъ съ рѣдкой силой убѣжденія высказалъ много важныхъ истинъ по самымъ разнообразнымъ жизненнымъ вопросамъ, но также и потому, что онъ сдѣлалъ наиболѣе смѣлую и удачную попытку изложить нужды современнаго человѣческаго общества въ связи съ планомъ общественныхъ реформъ». Этому плану общественныхъ реформъ Рёскина и посвящена книга Гобсона, одного изъ многочисленныхъ его поклонниковъ. Гобсонъ дѣлитъ жизнь и сочиненія Дж. Рёскина на два періода:, періодъ до и періодъ послѣ 1859—1860 г.; первый періодъ характеризуется дѣятельностью художественной, а второй—общественной. Джону Рёскину было только двадцать три года, когда онъ написалъ первый томъ своего сочиненія: «Современные живописцы». Книга произвела громадное впечатлѣніе. Основная мысль книги, что цѣль искусства—не подражаніе, не обманъ чувствъ, а изображеніе правды. Искусство имѣетъ дѣло съ изображеніемъ идеаловъ. Природа служитъ этому идеализму, доставляя ему идеи правды и красоты. «Идеи правды—основа, а идеи подражанія--разрушеніе искусства». «Идеями правды» Рёскинъ называетъ существенныя, типичныя черты какого нибудь предмета, при устраненіи

всего случайнаго и чисто-индивидуальнаго. Поэтому понятно отрицательное отношеніе Рёскина къ большинству великихъ «мастеровъ» послѣ-рафаэлевскихъ школъ въ Италіи и Англіи. И вотъ, принявъ, говоритъ Гобсонъ, «положеніе, что искусство есть воспроизведеніе истинныхъ идей, наблюдаемыхъ въ природѣ при помощи анализирующей и творческой способности воображенія, Рёскинъ уже никогда не отказывался отъ этого положенія. Онъ неуклонно шелъ впередъ, ногами касаясь земли, головой достигая облаковъ и пристально ища въ туманной небесной дали проблесковъ блаженнаго видѣнія». Мы не будемъ слѣдить вмѣстѣ съ Гобсономъ за постепенной эволюціей, которая совершалась во взглядахъ Рёскина съ теченіемъ времени. Скажемъ только, что самыя раннія проявленія общественнаго протеста со стороны Рёскина выразились въ рѣзкихъ нападкахъ на вульгарный утилитаризмъ, на «развращенную, переполненную нищетой цивилизацію» и на «чисто-механическое представленіе о прогрессѣ», которыми отмѣченъ девятнадцатый вѣкъ. Въ 1815 г. Рёскинъ впервые выступаетъ, какъ лекторъ. Не останавливаясь подробно на экономической теоріи Рёскина, мы приведемъ слѣдующія слова Гобсона, которыми онъ резюмируетъ радикальныя реформы, внесенныя Рёскинымъ въ систему политической экономіи. «Ходячая теорія, говоритъ Гобсонъ, признавала своимъ объектомъ рыночные продукты и процессы ихъ производства и распредѣленія, выражающіеся въ деньгахъ, при чемъ эта теорія исходитъ изъ явно индивидуалистической точки зрѣнія. Ученіе же Рёскина признаетъ объектами политической экономіи всякаго рода «блага», включая сюда всѣ невещественныя и нерыночныя блага, вмѣстѣ съ процессами созиданія и распредѣленія ихъ, выражающимися въ «жизненныхъ» явленіяхъ и разсматриваемыхъ съ общественной точки зрѣнія». Сущность богатства, по Рёскину, состоитъ не въ банковыхъ балансахъ и не въ земляхъ, постройкахъ или товарахъ, которые эти балансы представляютъ, а во «власти надъ людьми». Согласно Рёскину, стоимость производства опредѣляется затратой жизни. Конечно, цѣль потребленія всѣхъ богатствъ заключается, по его мнѣнію, въ «производствѣ возможно большаго числа человѣческихъ существъ, дышащихъ полной грудью, смотрящихъ яснымъ взоромъ, со счастливымъ сердцемъ въ груди». Какова же должна быть правильная организація человѣческой дѣятельности въ благоустроенномъ обществѣ? Въ «Time and Tide» и въ «Fars-Clavigera» Рёскинъ даетъ на это отвѣтъ. Его планъ основывается на нѣсколькихъ аксіомахъ соціальной справедливости, касающихся труда и собственности. «Каждый человѣкъ, говоритъ онъ, долженъ исполнять ту работу, которую онъ лучше всего можетъ дѣлать для общаго блага, а не для личной выгоды; взамѣнъ онъ долженъ получать собственность, состоящую изъ доброкачественныхъ предметовъ, которые онъ честно заработалъ и можетъ наилучшимъ образомъ использовать». Цѣлая глава въ сочиненіи Гобсона посвящена «истинному общественному строю» согласно Рёскину. Какъ извѣстно, Рёскинъ не ограничился одной теоретической стороной его реформы, но приступилъ и къ практическому ея осуществленію. Послѣдняя глава представляетъ для насъ, русскихъ, особый интересъ, такъ какъ Гобсонъ въ ней сравниваетъ ученіе Дж. Рёскина съ ученіемъ графа Льва Толстого. Въ заключеніе намъ остается сказать, что книга

Гобсона написана въ высшей степени талантливо и читается съ большимъ интересомъ. Переводъ обоихъ изданій прекрасный. Отъ души желаемъ книгѣ полнаго успѣха. **Д.**

Рабочій трудъ въ Западной Европѣ. Проф. Геркнера. Переводъ со 2-го нѣмецк. изданія. Изд. журн. „Образованіе". Спб. 1899.

Излагая подробно исторію возникновенія и развитія рабочаго вопроса въ различныхъ государствахъ Западной Европы, Геркнеръ высказываетъ, между прочимъ, свой взглядъ на фабричное законодательство, страхованіе рабочихъ и земельную реформу. Только страхованіе отъ старости и инвалидности можетъ быть государственнымъ. Вообще же принудительное государственное страхованіе не желательно, какъ не имѣющее воспитательнаго значенія, подавляющее самодѣятельность рабочихъ. Международныя постановленія объ охранѣ рабочихъ, какъ предполагающія международный контроль, т.-е. вмѣшательство иностранцевъ, только способны затормозить дѣло національной охраны рабочихъ, тѣмъ болѣе, что при рѣшеніи этого вопроса затрогиваются самые важные факторы соціальнаго и политическаго развитія народовъ, которые въ разныхъ государствахъ различны.

Что касается земельной реформы, то, по мнѣнію проф. Геркнера, сельскій рабочій вопросъ былъ бы рѣшенъ, если бы дать рабочимъ возможность подняться въ классъ мелкаго и средняго крестьянства, такъ какъ рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ — порожденіе крупнаго производства: гдѣ нѣтъ крупнаго хозяйства, тамъ нѣтъ и рабочаго вопроса (въ западной и южной Германіи и во Франціи). Предсказаніе К. Маркса о неизбѣжномъ поглощеніи мелкаго сельскаго производства крупнымъ не оправдалось. (По этому поводу нельзя не припомнить доводовъ Эд. Бернштейна, который, опираясь на статистическія данныя, утверждалъ, что во всей Западной Европѣ и въ восточныхъ штатахъ Сѣверной Америки мелкое и среднее хозяйство развивается, крупное же — дѣлаетъ шагъ назадъ). Переходя къ разсмотрѣнію хода соціальнаго движенія во Франціи, авторъ приходитъ къ заключенію, что этому движенію много мѣшаетъ иго централизаціи и бюрократіи. Въ Англіи въ настоящее время соціальныя идеи распространены во всѣхъ слояхъ общества — это единственная страна, которая находится на порогѣ рѣшенія соціальнаго вопроса, хотя въ то же время можно указать и на темныя стороны англійской народной жизни: перенаселенность городовъ, обезлюденье деревень, высота городской ренты, неудовлетворительность аграрнаго законодательства и проч. Въ Австріи организаціи рабочихъ мѣшаетъ первобытная форма производства, различныя экономическія и моральныя бѣдствія, переживаемыя страной, и различіе національностей. Швейцарская соціалъ-демократія—энергичная представительница интересовъ наемныхъ рабочихъ, а затѣмъ и мелкихъ крестьянъ и промышленниковъ. Наибольшее мѣсто въ книгѣ Геркнера отведено обзору рабочаго труда въ Германіи. Подобно Э. Бернштейну, проф. Геркнеръ относится критически къ ученію Маркса. Признавая, что коммунистическіе писатели оказали въ свое время услугу въ дѣлѣ пониманія всей опасности, угрожавшей со стороны

капиталистическаго производства, и проложили дорогу драгоцѣннымъ реформамъ (благодаря которымъ и не сбылись зловѣщія предсказанія Маркса), тѣмъ не менѣе онъ не считаетъ возможнымъ признать необходимость и цѣлесообразность коммунистическаго строя. Марксъ и Энгельсъ, развивая теорію матеріалистическаго пониманія исторіи, ошиблись, предсказывая неизбѣжность централизаціи капитала, который, будто бы, поглотитъ мелкое производство. Статистическія данныя противорѣчатъ этому.

Изданная редакціей журнала «Образованіе» книга Геркнера отлично переведена. Е.

Д. Дриль. Ссылка во Франціи и Россіи. (Изъ личныхъ наблюденій во время поѣздки въ Новую Каледонію, на о. Сахалинъ, въ Пріамурскій край и Сибирь). Спб. 1899.

Въ наше время, когда по высочайшему повелѣнію поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ ссылки, книга г. Дриля является весьма цѣнною. Авторъ соединилъ въ одно общее цѣлое свои статьи о ссылкѣ, печатавшіяся раньше въ 1896, 1897 и 1898 гг. въ повременныхъ изданіяхъ. «Авторитетъ фактовъ», впечатлѣнія и наблюденія, вынесенныя имъ изъ поѣздки по ссыльнымъ мѣстностямъ Россіи и Франціи, убѣдили его въ полной непригодности современной ссылки, какъ прибавочнаго къ каторгѣ, такъ и самостоятельнаго наказанія.

Замѣчательно, что, сравнивая ссылку во Франціи и Россіи, г. Дриль приходитъ къ выводу, что «ссылка одной страны въ основныхъ проявленіяхъ представляетъ какъ бы воспроизведенія ссылки другой». Причина этого сходства заключается «въ однородности явленій, однородности установленій и — что главное—однородности матеріала, съ которымъ приходится оперировать».

Обзоръ русскихъ «штрафныхъ поселеній» г. Дриль начинаетъ съ о. Сахалина, гдѣ примѣняется ссылка, основанная на системѣ широкой и всесторонней помощи выходящимъ на поселеніе ссыльнымъ. Результатъ, полученный послѣ тщательнаго изслѣдованія условій ссылки на Сахалинѣ, приводитъ къ слѣдующимъ печальнымъ выводамъ.

Сельско-хозяйственную колонизацію ссыльныхъ-поселенцевъ приходится признать вполнѣ безуспѣшною. Причины этой безуспѣшности двоякія: внѣшнія и внутреннія. Къ первымъ относятся неудачный выборъ мѣстностей для поселенія (преимущественно болота) и ихъ перенаселенность, недостатокъ и примитивность земледѣльческихъ орудій, чрезмѣрная задолженность казнѣ и недостатокъ скота. Къ причинамъ же внутреннимъ принадлежатъ злоупотребленіе и несправедливость со стороны надзирателей, выражающіяся въ неравномѣрномъ распредѣленіи работъ между ссыльными и въ задаваніи уроковъ, безплатность труда и незаинтересованность въ немъ поселенцевъ, отсутствіе поощреній и физическое истощеніе. Все это объясняетъ пониженіе работоспособности, на которую жалуются завѣдующіе работами. Аналогичныя неудовлетворительныя условія наблюдаются въ Нерчинскѣ: безплатность, незаинтересованность въ работѣ, та же «физіологическая бѣдность», органическое оскудѣніе большинства рабочихъ каторжниковъ. Основая мысль устава о ссыльныхъ

поощрять усилія караемаго къ исправленію путемъ прогрессивнаго улучшенія его положенія «на практикѣ, къ сожалѣнію, не получила сколько нибудь надлежащаго осуществленія и дальнѣйшаго развитія» (118 стр.). Состояніе духа ссыльныхъ всегда удрученное, такъ какъ они убѣждены въ невозможности измѣненія ихъ участи. «Сколько ни старайся,—говорили арестанты,—лучше не будетъ. Разряды, установленные уставомъ, въ глазахъ администраціи получили значеніе какихъ-то формально-предустановленныхъ категорій, черезъ которыя механически-однообразно должны проходить арестанты, почти внѣ всякой зависимости отъ характера перемѣнъ въ ихъ нравственномъ мірѣ». Между тѣмъ опытъ разныхъ странъ показалъ, что всѣ цѣли тюрьмы лучше достигаются методой поощренія, чѣмъ суровыми наказаніями.

Отраднымъ исключеніемъ является центральная Александровская каторжная тюрьма, близъ гор. Иркутска, главными руководителями которой состоятъ люди, вложившіе душу въ это живое дѣло и стремящіеся всѣми силами къ его улучшенію. Александровская тюрьма отстроена вновь въ 1890 г.; зданіе каменное, разсчитано на 1.000 человѣкъ. Чистота въ зданіи образцовая. Высшее начальство тюрьмы старается примѣнить на практикѣ систему исправленія, согласную съ духомъ устава о ссыльныхъ: воздѣйствовать на исправленіе преступниковъ путемъ различныхъ поощреній, а не наказаній. Видомъ такихъ поощреній служатъ «назначеніе на желѣзнодорожныя работы, отправка на частные и казенные заводы, распредѣленіе на работы безъ конвоя, разрѣшеніе жить въ особо-устроенныхъ баракахъ, разрѣшеніе жить въ прилежащемъ къ тюрьмѣ селеніи Александровскомъ на вольныхъ квартирахъ, назначеніе на нѣкоторыя должности, какъ-то: сторожей, конюховъ и проч.». Въ тюрьмѣ имѣется библіотека. Часто ведутся бесѣды священника съ ссыльными. Арестанты работаютъ въ мастерскихъ, за что получаютъ заработную плату частью на руки, частью по выходѣ изъ тюрьмы.

Особенно благопріятные результаты даютъ желѣзнодорожныя работы, которыя производятся безъ конвоя, подъ наблюденіемъ только однихъ надзирателей, и на чистомъ воздухѣ, что очень благотворно вліяетъ на здоровье рабочихъ; и казна отъ этихъ работъ получаетъ «сравнительно значительныя выгоды. Такъ, напримѣръ, рабочія партіи на Забайкальской желѣзной дорогѣ съ 1-го октября 1895 г. и по 1-е сентября 1896 года, за покрытіемъ всѣхъ накладныхъ расходовъ, доставили чистаго дохода 18.106 руб. 85 коп.».

Въ Пріамурскомъ же краѣ на ссыльныхъ особенно неблагопріятное вліяніе оказываютъ золотые промыслы и хищническая добыча золота, пріучая ихъ къ бродяжничеству, пьянству, разбрасыванью денегъ и къ разгулу. Въ виду всего вышеизложеннаго нельзя не согласиться съ мнѣніемъ тобольскаго тюремнаго инспектора, что «ссылка есть роковое недоразумѣніе или же временная мѣра въ извѣстную эпоху, когда по обстоятельствамъ ничего болѣе цѣлесообразнаго не могли придумать» (стр. 170). Въ концѣ авторъ приходитъ къ слѣдующему тезису: причины неуспѣха нашей ссылки заключаются: «во-первыхъ, въ неудовлетворительной организаціи у насъ этого рода наказаній и, во-вторыхъ, въ тѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ между ссыльными и мѣстными жителями, которыя возникали и неминуемо будутъ возникать при заурядовой ссылкѣ и

концентраціи всѣхъ общественныхъ отбросовъ въ одинъ общій отдаленный резервуаръ».

Въ этомъ новомъ трудѣ г. Дриля сквозитъ такое же гуманное отношеніе къ преступнику, какимъ проникнуты и прежнія сочиненія почтеннаго ученаго.

Д. К. Е—въ.

Г. Майръ. Закономѣрность въ общественной жизни. Москва. 1899.

Первое изданіе перевода Н. Н. Романова книги профессора Майра: «Die Gesetzmässigkeit im gesellschaftsleben» (München, 1877 г.), появившееся въ 1884 г., вышло изъ продажи. Редакція «Библіотеки для самообразованія» выпустила второе изданіе перевода, въ которомъ давно уже чувствовалась потребность среди читающей публики, какъ въ превосходномъ пособіи при ознакомленіи съ основными положеніями теоріи статистическаго метода и статистикой народонаселенія Книга профессора Майра распадается на три отдѣла: сущность, задача и методъ статистики, статистика народонаселенія и нравственная статистика.

Хотя данное Кетле опредѣленіе стнтистики, какъ точной соціальной науки, вѣрно изображающей государство въ данную эпоху, не можетъ считаться вполнѣ вѣрнымъ, но все же между статистикой и государствомъ существуетъ тѣсная внутренняя связь. И съ внѣшней стороны важнѣйшія отрасли статистики не могутъ развиваться безъ содѣйствія государства. Устройство офиціальныхъ статистическихъ учрежденій началось только въ позднѣйшее время; обращено вниманіе на усовершенствованіе метода статистики (собираніе статистическаго матеріала отдѣлено отъ его обработки), учреждаются статистическія бюро, все чаще созываются международные статистическіе конгрессы (первый статистическій конгрессъ состоялся, по иниціативѣ Кетле, въ Брюсселѣ въ 1857 г., послѣдній—въ Буданештѣ въ 1894 г.). Авторъ дѣлаетъ оговорку, что онъ «не имѣлъ въ виду популярнаго изложенія статистики во всемъ ея объемѣ, а лишь хотѣлъ настолько познакомить читателей съ открытіями статистики, насколько это необходимо для уразумѣнія правильнаго хода явленій общественной жизни при кажущейся ихъ случайности».

Полвѣка назадъ Кетле, пользуясь уголовной статистикой Франціи, пришелъ къ извѣстному выводу: «Есть бюджетъ, который уплачивается съ поразительною правильностью, это бюджетъ тюрьмы, каторги и эшафота». Но обширный матеріалъ по части уголовной статистики, собранный въ новѣйшее время, не допускаетъ безусловнаго признанія какого либо опредѣленнаго бюджета преступленій. Наблюдаются значительныя колебанія числа преступленій въ зависимости отъ соціальныхъ и экономическихъ условій общественной жизни.

Такъ какъ прошло болѣе 20 лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ труда Майра, то редакція позаботилась дополнить устарѣлыя статистическія данныя новыми, заимствованными изъ новаго обширнаго изслѣдованія того же автора: «Statistik und gesellschaftslehre», 1897 г. Ясность и простота изложенія, отсутствіе обширныхъ статистическихъ таблицъ, чрезмѣрно удручающихъ вни-

маніе читателя -неспеціалиста, все это дѣлаетъ книгу г. Майра весьма доступнымъ и цѣннымъ руководствомъ для всякаго, желающаго ознакомиться съ основами статистики, а потому нельзя не привѣтствовать появленія въ печати второго изданія перевода этого почтеннаго популярнаго труда.

Д. К. Е—въ.

Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ. Выпускъ 1-й. Подъ редакціей проф. Ю. С. Гамбарова. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1899.

Первымъ выпускомъ «Сборника» редакція начинаетъ изданіе ряда статей по различнымъ отдѣламъ общественно-юридическихъ наукъ, имѣющихъ общеобразовательное значеніе. «Сборникъ» предполагается издавать выпусками по мѣрѣ накопленія матеріала. Въ первомъ выпускѣ помѣщена статья М. М. Ковалевскаго, посвященная вопросу о связи между всѣми отраслями права и обще-соціальной наукой. Кромѣ статьи М. Ковалевскаго, въ первомъ выпускѣ помѣщена статья проф. Гамбарова: «Право въ его основныхъ моментахъ», гдѣ весьма пространно и обстоятельно излагается, что такое право, объективный и субъективный смыслъ права, форма и содержаніе права, отличіе его отъ нравственности, религіи и произвола, психическое принужденіе въ правѣ, выраженіе права въ жизни въ формахъ примитивныхъ организацій, закона и проч. Вопросу объ отношеніи права къ нравственности посвящена статья П. Новгородцева, написанная весьма живо, легко и интересно. Въ небольшой статьѣ «Развитіе государства въ Западной Европѣ» А. Горбуновъ даетъ краткую исторію возникновенія средневѣкового государства изъ первичныхъ ячеекъ феодальныхъ помѣстій и городовъ, заканчивая обозрѣніемъ измѣненій, которыя послѣдовали въ государственномъ строѣ главныхъ государствъ Западной Европы за послѣдніе пол-вѣка (развитіе капиталистической формы народнаго хозяйства, возникновеніе сложныхъ соціальныхъ вопросовъ, статистическихъ изслѣдованій и проч.) и тѣхъ стадій развитія, которыя переживаютъ въ настоящее время европейскія націи, идущія по пути все болѣе и болѣе усиливающагося «обобществленія», которое дало поводъ Герберту Спенсеру утверждать, что этотъ эволюціонный процессъ ведетъ человѣка къ грядущему рабству. Менѣе удачною намъ кажется статья С. Булгакова: «Хозяйство и право», нѣсколько тяжелая въ чтеніи. Попадаются, напримѣръ, столь мало вразумительныя строки: «Съ точки зрѣнія цѣлесообразности могутъ быть предъявлены, напримѣръ, большія сомнѣнія относительно дисциплины, которая задалась бы цѣлью установить закономѣрность употребленія въ Библіи слова «но», съ формальной же стороны такая «но»-логія имѣла бы столько же права на существованіе, какъ и соціологія».

Д.

Péninsule balkanique, esquisse historique, ethnographique, philologique et littéraire, cours libre professé à la Faculté des lettres de l'Université de Montpellier, par Leon Lamuche, capitaine de génie, diplômé de l'École des langues orientales. Paris. 1899.

Эта книга исключительно предназначается для французской публики, въ послѣднее время заинтересованной славянствомъ и его будущимъ. Южные славяне, пользующіеся политическою независимостью, обратили серіозное вниманіе французскаго публициста-ученаго, и въ его курсѣ, читанномъ въ Монпелье, читатель находитъ удовлетворительное освѣщеніе стремленій балканскихъ славянскихъ государствъ и неславянскихъ. Авторъ не упустилъ изъ вниманія существующее политическое соперничество балканскихъ народностей, но не указываетъ, какъ этотъ конгломератъ народностей можетъ быть удовлетворенъ въ своихъ стремленіяхъ.

Авторъ, кажется, очень серіозно относится къ своей задачѣ; онъ разсматриваетъ балканскій вопросъ съ точекъ исторической, этнографической, литературной и даже филологической. Строго научной критики нельзя приложить къ разсматриваемому сочиненію; много неточностей можно указать въ отдѣлѣ историческомъ и филологическомъ. Собственно говоря, настоящаго историческаго очерка народностей Балканскаго полуострова читатель не найдетъ здѣсь, такъ какъ автору мало извѣстны документальные источники исторіи балканскихъ народностей; онъ, напримѣръ, недоумѣваетъ, какъ быть съ волохами македонскими и волохами румынскими; онъ признаетъ образованіе княжествъ Валахіи и Молдавіи довольно темнымъ (стр. 104), и въ то же время высказываетъ догадку, что они образованы румынами, пришедшими изъ Трансильваніи. Было бы полезнѣе, если бы авторъ заглянулъ въ «Histoire des Raumaines de la Dacie trajane» (1896. Leroux, т. I, стр. 174).

Филологическая часть книги не представляетъ научнаго интереса, но этого и требовать отъ автора нельзя, такъ какъ онъ не спеціалистъ. Очеркъ исторіи литературы бѣглый, но все же имѣетъ нѣкоторое значеніе даже и для русскихъ читателей, мало знакомыхъ съ произведеніями народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ.

Въ общемъ, можно съ удовольствіемъ отмѣтить появленіе этой книги въ французской литературѣ, какъ доказательство симпатіи къ славянамъ.

В. Качановскій.

Талмудъ. Мишна и тосефта. Критическій переводъ Н. Переферковича (книга 1 и 2). Спб. 1899.

Появленіе на русскомъ языкѣ Талмуда въ его шести томахъ и двѣнадцати книгахъ (одинъ первый томъ занимаетъ 384 страницы, in folio) является въ настоящее время изданіемъ не только интереснымъ, но и полезнымъ, въ особенности для тѣхъ лицъ, кто, такъ или иначе, интересуется у насъ еврейскимъ вопросомъ. Далеко не безполезно имѣть подъ руками переведенный съ древнееврейскаго языка и собранный воедино сводъ законовъ еврейскаго права, со-

ставляющій основное зерно талмуда, образовавшагося изъ сочетаній Мишны и геморы.

Талмудъ—это кодексъ еврейской жизни, предусматривающій каждый шагъ еврея и налагающій путы на его свободную волю. Не только молитва, обученіе, трудъ, но и вся интимная жизнь еврея указывается ему заранѣе: купаться онъ можетъ тогда, когда это позволяетъ ему «святой талмудъ»; ѣхать въ экипажѣ или итти пѣшкомъ — по указанію талмуда; подавать милостыню, заниматься торговлею, любить и ненавидѣть—все это по тому же талмуду... Талмудъ и кагалъ держатъ еврея въ неволѣ и рабствѣ, убивая въ немъ душу живу и не допуская никакой иниціативы. Это—съ одной стороны. Съ другой же, это фанатическое вѣроученіе способствуетъ тому, что евреи находятся въ состояніи крайней замкнутости отъ тѣхъ народовъ, среди коихъ они разселены, и содѣйствуетъ обособленности этого племени, которое, поэтому, рѣдко ассимилируется. Со стороны ознакомленія русской публики съ еврейскою жизнью и еврейскимъ вѣроученіемъ, остающимися безъ измѣненій въ теченіе многихъ вѣковъ,—«критическій переводъ» талмуда г. Переферковичемъ представляется трудомъ весьма цѣннымъ и желательнымъ. **И. Н. З.**

А. Н. Островскій. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ И. Иванова. Спб. 1900.

А. Н. Островскій дождался, наконецъ, біографіи. Правда, это—небольшая сравнительно брошюрка, заключающая въ себѣ лишь сто страницъ, но въ ней собрано все то немногое, что появлялось о жизни талантливаго драматурга до сего времени. Жизнь эта, какъ извѣстно, была не изъ очень сладкихъ. Островскому приходилось терпѣть очень много и съ разныхъ сторонъ, прежде всего, конечно, отъ цензуры. Комедія «Свои люди сочтемся» находилась подъ запретомъ до 1860 г. Послѣ представленія «Грозы» въ присутствіи государя директоръ театровъ рѣшился написать шефу жандармовъ письмо и добился отъ автора измѣненія конца пьесы. По требованію цензуры, порокъ въ лицѣ Подхалюзина долженъ былъ подвергнуться наказанію, и Островскому, для этого, пришлось закончить пьесу появленіемъ квартальнаго, убрать котораго со сцены удалось значительно позже.

Цензурныя притѣсненія и вражда театральнаго начальства ставили Островскаго въ крайне тяжелое положеніе, и не разъ вызывали желаніе бросить театральное поприще... «Выгодъ отъ театра я почти не имѣю, писалъ Островскій одному изъ друзей, хотя всѣ театры въ Россіи живутъ моимъ репертуаромъ. Начальство театральное ко мнѣ не благоволитъ: безъ хлопотъ и поклоновъ съ моей стороны ничего для меня не дѣлается, а ты самъ знаешь, способенъ ли я къ низкопоклонству. Я замѣтно старѣю и постоянно нездоровъ».

Дѣйствительно, пьесы Островскаго не сходили съ провинціальныхъ и столичныхъ сценъ. До какой степени онѣ были популярны, показываетъ цифра представленій за 19 лѣтъ (съ 1853 по 1872 г.): на казенныхъ только сценахъ пьесы Островскаго прошли 766 разъ. Дирекція императорскихъ театровъ по-

лучила за это время со спектаклей Островскаго около двухъ милліоновъ дохода. А самъ драматургъ выбивался изъ силъ, просиживалъ на пролетъ за работой цѣлыя ночи, доходилъ до такого состоянія, что «едва держалъ въ рукахъ перо», и все-таки страшно бѣдствовалъ. **В. В.**

Письма И. С. Тургенева къ Паулинѣ Віардо. М. 1900.

Года два тому назадъ во всѣхъ газетахъ было напечатано письмо артистки Віардо, извѣщавшей о томъ, что у нея похищены письма къ ней И. С. Тургенева, и просившей редакціи не печатать писемъ этихъ, если бы кто нибудь доставилъ ихъ. Въ прошломъ году г. Гальперинъ-Каминскій вошелъ въ соглашеніе съ г-жей Віардо и получилъ отъ нея разрѣшеніе на изданіе этихъ писемъ съ нѣкоторыми сокращеніями, которыя признала необходимымъ сдѣлать Віардо. Въ прошломъ году письма эти были напечатаны по-французски въ журналѣ «La Revue Hebdomadaire», а теперь вышелъ уже переводъ ихъ на русскій языкъ. Письма относятся къ періоду съ 1846 по 1850 годъ и, хотя и не заключаютъ въ себѣ ничего особенно важнаго (особенно послѣ цензуры Віардо), но во всякомъ случаѣ не лишены значенія для характеристики Тургенева, его отношеній къ Віардо, его взглядовъ на происходившія вокругъ него событія въ сферѣ общественной и литературной. Къ сожалѣнію, русскій переводъ писемъ сдѣланъ очень неудовлетворительно. Я не говорю уже о томъ, что языкъ перевода мало соотвѣтствуетъ изящному и гибкому слогу Тургенева. Переводчикъ допустилъ много неточностей и даже пропусковъ. Развернувъ первое попавшееся письмо (28 іюля 1879 г.), я сравнилъ его съ подлинникомъ и обнаружилъ въ немъ пропускъ цѣлыхъ 15 строкъ подлинника, при томъ наиболѣе характерныхъ и важныхъ строкъ. (Cette chose indifferente, imperieuse, vorace... и т. д.). Небрежность ли это переводчика, или же сознательное исправленіе писемъ Тургенева—во всякомъ случаѣ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, переводъ не соотвѣтствуетъ оригиналу, искажаетъ этотъ оригиналъ и теряетъ свое значеніе. Было бы желательно, чтобы кто нибудь взялъ на себя трудъ дать русскимъ читателямъ болѣе добросовѣстный переводъ этихъ писемъ.

Вл. В—скій.

Казаки: донцы, терцы, кубанцы, уральцы. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта. Изданіе второе. Составилъ К. Абаза. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1899.

Книга г. Абазы представляетъ собою результатъ долгаго и тяжелаго труда и полна глубокаго интереса. Она можетъ быть прочтена съ большою пользою и въ войскахъ, и во всѣхъ военныхъ училищахъ и корпусахъ—и прочтется, по всей вѣроятности, съ неменьшимъ интересомъ и тѣми русскими людьми, которые относятся съ уваженіемъ и вниманіемъ къ славному прошлому своей родины и къ ея не менѣе славному войску—казачеству. Въ отдѣльныхъ очеркахъ книги авторъ довольно подробно старается показать, какъ велика была служба, оказанная казачествомъ государству по заселенію и охранѣ границъ, а равно

и во время многихъ войнъ, гдѣ казачьимъ войскамъ приходилось сражаться рядомъ съ нашими регулярными войсками—и на родныхъ поляхъ, и въ стѣнахъ упорно защищаемыхъ крѣпостей, и за границей, и «въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ», и на поляхъ отдаленной Франціи... Въ той же книгѣ встрѣчаются и не менѣе интересные разсказы о былой казацкой вольницѣ и о тѣхъ тяжелыхъ временахъ смутъ и потрясеній, которыя довелось пережить тому же казачеству...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, книга г. Абазы довольно богата отдѣльными, яркими эпизодами казачьяго мужества и доблести, которыя, при чтеніи, могутъ также сильно интересовать и увлекать учащееся юношество, какъ увлекали, напримѣръ, насъ когда-то разсказы Плутарха о герояхъ древняго Рима и Греціи.

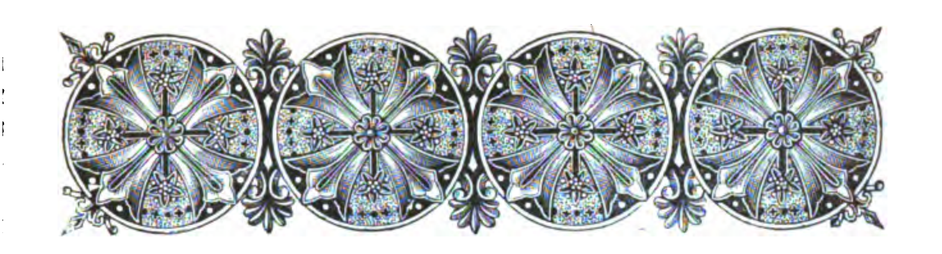
Историческая часть занимаетъ, вообще, довольно солидное мѣсто въ книгѣ г. Абазы: подробно разсказывается, какъ жили и воевали наши донцы въ старину, и какъ они добывали Азовъ; какъ собиралось яицкое (уральское) войско, какъ образовалось войско «вѣрныхъ» черноморцевъ, и какъ составилось гребенское войско и терское. Станичный бытъ казаковъ хорошо, повидимому, знакомъ автору, и онъ посвящаетъ ему немало мѣста на страницахъ своей живой и интересной книги.

Особый интересъ въ книгѣ представляетъ глава V-ая, въ отдѣлѣ «Кубанцы», въ которой описываются пластуны, поселившіеся по Черноморью и вблизи Кубани. Полонъ также глубокаго драматизма разсказъ, помѣщенный въ этой главѣ, подъ заглавіемъ «Горѣли, сгорѣли —а не сдались!» **И. Н. З.**

Н. Зинченко. Первое собраніе писемъ В. Г. Бѣлинскаго. Спб. 1901 (sic).

Г. Зинченко, выпустившій въ свѣтъ это дѣйствительно «первое» по времени собраніе писемъ Бѣлинскаго, отнесся къ своей задачѣ очень легкомысленно. Онъ взялъ первыя попавшіяся ему подъ руки письма, преимущественно напечатанныя въ послѣднее время, и напечаталъ ихъ на отвратительнѣйшей сѣрой бумагѣ. Письма Бѣлинскаго къ Боткину, заключающія въ себѣ иной разъ цѣлые трактаты по исторіи русской литературы и чрезвычайно важныя для характеристики ихъ автора, письма къ Панаеву, наконецъ, знаменитое письмо къ Гоголю и другимъ—сюда не вошли. Нечего и говорить, что приложить къ нимъ указатель г. Зинченко не счелъ нужнымъ. Поэтому, если это изданіе и можетъ имѣть нѣкоторое значеніе, то лишь какъ напоминаніе, что слѣдуетъ подумать о приличномъ изданіи писемъ великаго критика.

В. Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Геродотъ и Өукидидъ. — Невѣдомый историческій трудъ Ренана. — Первые военные подвиги Кромвеля. — Потомки французскихъ эмигрантовъ въ Германіи. — Послѣдняя мускадентка. — Три послѣднихъ Кондé. — За кулисами Вѣнскаго конгресса. — Новыя бесѣды Наполеона на островѣ св. Елены. — Предшественникъ Ницше. — Итоги XIX вѣка. — Смерть Рёскина. — Викторія миротворица. — Славяне въ Ганноверѣ. — Изъ обычаевъ и вѣрованій американскихъ племенъ.

ЕРОДОТЪ и Өукидидъ. Извѣстный нѣмецкій ученый Эдуардъ Мейеръ издаетъ параллельно съ своей древней исторіей подробныя изслѣдованія отдѣльныхъ вопросовъ, о которыхъ онъ не можетъ обстоятельно говорить въ своемъ главномъ трудѣ [1]). Этотъ методъ гораздо удобнѣе, какъ для автора, такъ и для читателя, чѣмъ обычная система громадныхъ примѣчаній подъ страницами, или въ концѣ книги; первый можетъ пространнѣе развить свою мысль и привести всѣ подтверждающіе ее матеріалы, а послѣдній имѣетъ возможность читать послѣдовательно текстъ, не теряясь въ примѣчаніяхъ, и внимательно изучать только тѣ изслѣдованія спеціальныхъ вопросовъ, которые его интересуютъ. Надняхъ вышелъ второй томъ этого добавленія къ «Древней исторіи» Мейера, и, конечно, общій читатель не углубится въ ученыя дебри изслѣдованія научнаго базиса греческой хронологіи на основаніи вавилонской и пропуститъ нѣкоторые другіе спеціальные полемическіе этюды, а съ интересомъ прочтетъ тѣ страницы новой книги почтеннаго историка, которыя относятся до значенія, правдивости и стиля историческихъ трудовъ Геродота и Өукидида. Немало написано по этому поводу, и до сихъ поръ идетъ горячая полемика между защитниками отца исторіи и сторонниками его великаго соперника. Профессоръ Мейеръ отдаетъ пальму Өукидиду, и въ его оцѣнкѣ этого знаменитаго историка культъ Өукидида доходитъ до апогея. Онъ не

только считаетъ, что мелкая Пелопонезская война, которую описываетъ его герой, была величайшей войной на свѣтѣ, но и доказываетъ, что методъ ея описанія, къ которому прибѣгаетъ Ѳукидидъ, его рѣдкія разсужденія, частые пропуски и привычка влагать въ уста своихъ героевъ такія рѣчи, которыя они никогда не могли произнести, составляютъ послѣднее слово историческаго искусства. По словамъ Мейера, никакое другое историческое сочиненіе не можетъ сравниться съ трудомъ Ѳукидида по художественному совершенству и философской глубинѣ, развѣ только можно, хотя, конечно, на уважительномъ разстояніи поставить на одномъ ряду съ нимъ «Исторію папъ» Ранке. Почтенный профессоръ университета въ Галле такъ убѣжденъ въ правахъ своего любимца на титулъ перваго историка, что смѣло говоритъ: «Тотъ, кто не согласенъ со мною, выражаетъ свою умственную бѣдность и неспособность сознанія истиннаго величія». Что касается до Геродота, то защитники приводятъ въ пользу его первенства не только болѣе интересный и болѣе важный предметъ его труда, но прелесть изложенія и широту разсужденій, что придаетъ его исторіи неизмѣримо высшее значеніе, чѣмъ то, которымъ можетъ похвалиться спеціальный анализъ военныхъ и политическихъ событій мелкой междоусобной войны. Конечно, Мейеръ все это гнѣвно отрицаетъ, но все-таки отдаетъ справедливость Геродоту въ его художественности и рѣдкомъ умѣньѣ собирать устныя свѣдѣнія въ такую эпоху, когда едва ли можно было найти письменные источники [1]).

— Невѣдомый историческій трудъ Ренана. На смертномъ одрѣ Ренанъ указалъ на тѣ изъ своихъ трудовъ, которые онъ считалъ нужнымъ вновь напечатать, и въ числѣ ихъ первое мѣсто занимали: «Изслѣдованія религіозной политики во время царствованія Филиппа Красиваго». Это сочиненіе было написано имъ въ 1856—1858 годахъ и болѣе 30 лѣтъ было похоронено въ величественномъ литературномъ саркофагѣ, который воздвигнутъ французской академіей надписей подъ заглавіемъ «Литературная исторія Франціи». Только теперь исполнено предсмертное желаніе великаго ученаго, художника и философа: извѣстный лишь спеціалистамъ этотъ трудъ его молодости напечатанъ особой книгой и можетъ быть прочитанъ каждымъ любознательнымъ читателемъ. Прежде всего этого читателя поразитъ то обстоятельство, что въ солидномъ историческомъ трудѣ, документально изображающемъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ французской исторіи, именно освобожденіе государства отъ опеки римской церкви, его авторъ, спустя двадцать лѣтъ, нашелъ матеріалъ для своей фантастической и философской драмы «Eau de jouvence». Въ этомъ спеціальномъ научномъ изслѣдованіи фигура папы Климента V также живо возстаетъ передъ нами, какъ и въ философской драмѣ, которая представляетъ художественный портретъ папы матеріалиста и эстетика, философа и развратника. «Климентъ, говоритъ Ренанъ въ историческомъ этюдѣ, отличался страстью къ роскоши и для удовлетворенія этой страсти торговалъ всѣмъ, что свято: его обвиняли въ созывѣ церковнаго собора только для того, чтобы удовлетворить за деньги всѣмъ низкимъ инстинктамъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ

[1]) Forschungen zur alten Geschichte. Von Eduard Meyer. Band II, Halle. 1900.

былъ однимъ изъ поборниковъ художественнаго вкуса и дѣятельно покровительствовалъ прогрессу въ искусствѣ. Всѣ художественныя произведенія, съ которыми соединено его имя, заслуживаютъ похвалы. Онъ былъ первымъ изъ папъ, которые поддерживали «Возрожденіе» и содѣйствовали не только прекращенію среднихъ вѣковъ, но и пробужденію человѣческаго ума. Въ его царствованіе, если погибали на кострахъ жертвы пламенной вѣры, то никто не страдалъ за недостатокъ вѣры. Вообще онъ былъ человѣченъ и если отличался развратомъ, то, по крайней мѣрѣ, не скрывалъ его лицемѣріемъ. Его скандальная любовь съ графиней Перигоръ разыгрывалась открыто передъ всѣми безъ стыда и боязни». Рядомъ съ этой мастерской характеристикой надо поставить рисуемый Ренаномъ портретъ канцлера Филиппа Красиваго, Гильома де-Ногаре, оригинальнаго типа реформатора, который проводилъ либеральныя и разумныя мысли грубымъ, жестокимъ, тираническимъ образомъ. Книга Ренана, въ которой главными центрами являются эти двѣ крупныя личности и король Филиппъ, за которымъ стоялъ Ногаре, изображаетъ крупными чертами, на основаніи безспорныхъ документовъ, борьбу государства съ церковью, французской королевской власти съ папой, торжество Филиппа, переводъ папскаго престола изъ Рима въ Авиньонъ, уничтоженіе ордена храмовниковъ и первое проявленіе той мечты о всеобщей монархіи и господствѣ Франціи надъ Италіей, Венгріей, Палестиной и Египтомъ, о которой бредили Капеты и Валуа, и которую только временно осуществилъ впослѣдствіи смѣлый корсиканецъ, на развалинахъ древняго французскаго королевства. Что касается до прямого предмета изслѣдованія Ренана, т. е. религіозной политики Филиппа Красиваго, то ея цѣль, освобожденіе государства отъ ига римской церкви, была справедлива, но эта цѣль достигалась самыми нечестивыми средствами. Напримѣръ, уничтоженіе ордена храмовниковъ было вполнѣ правильно и составляло благотворную мѣру, такъ какъ они по окончаніи крестовыхъ походовъ представляли нѣчто въ родѣ современной каморры, но уничтоженіе ихъ могло быть произведено законнымъ путемъ, а не лицемѣрнымъ обвиненіемъ въ ереси, а затѣмъ поголовнымъ ихъ сожженіемъ на кострахъ или убійствомъ въ застѣнкахъ, съ наложеніемъ секвестра на ихъ громадныя имущества, продажей которыхъ покрытъ государственный дефицитъ. «Никогда справедливое дѣло, по вѣрному замѣчанію Ренана, не было совершено такимъ отвратительнымъ путемъ, и никогда гражданская свобода, а также свобода совѣсти не торжествовали, благодаря такимъ тиранническимъ, гнуснымъ орудіямъ борьбы» [1]).

— Первые военные подвиги Кромвеля. Замѣчательная біографія Кромвеля, составленная Джономъ Морлеемъ, продолжаетъ появляться въ «Century magazine», и главы, помѣщенныя въ январьской и февральской книжкахъ, знакомятъ читателя съ тѣмъ, какъ будущій лордъ протекторъ превратилъ себя на 43 году жизни изъ мирнаго гражданина въ военачальника, подготовилъ армію, заслужившую названіе желѣзной, и одержалъ свои первыя двѣ по-

---

[1]) Etudes sur la politique religieuse du règne de Philippe le Bel, par Ernest Renan. Paris. 1900.

бѣды надъ королевскимъ войскомъ [1]). Въ началѣ борьбы между парламентомъ и королемъ военныя дѣйствія ограничивались маршами и контръ-маршами, случайными столкновеніями и небольшими стычками. Въ той и другой арміи не было и помина о стратегической системѣ, правильной тактикѣ, общемъ планѣ войны и энергичномъ наступленіи. Кромвель, хотя никогда не былъ военнымъ, однако понялъ, что прежде всего для побѣды необходима военная подготовка. Въ то время англійскіе главнокомандующіе разсчитывали на кавалерію болѣе чѣмъ на пѣхоту и артиллерію, а потому онъ рѣшилъ самъ сдѣлаться кавалеристомъ и потомъ сформировать свой собственный кавалерійскій отрядъ, который могъ бы сдѣлаться ядромъ будущей арміи. Онъ взялъ себѣ учителемъ голландскаго офицера и, быстро научившись военному дѣлу, сталъ обучать кавалерійской службѣ набранный имъ въ своемъ графствѣ полкъ, составъ котораго вскорѣ дошелъ до 1.000 человѣкъ. Какъ только онъ почувствовалъ подъ собою твердую почву, онъ началъ энергично дѣйствовать, не жалѣя ни себя, ни своихъ скудныхъ средствъ для общаго дѣла. Во главѣ своего полка онъ принялъ участіе въ первомъ серіозномъ дѣлѣ между королевскими и парламентскими силами при Эджигилѣ въ октябрѣ 1642 года. Это сраженіе было очень безпорядочное и смутное, такъ что товарищей убивали за враговъ, а враговъ принимали за товарищей; когда же ночь положила конецъ рѣзнѣ, то ройялисты считали себя побѣжденными, а предводитель парламентской партіи лордъ Эссексъ не былъ убѣжденъ, что онъ одержалъ побѣду. Одно только было достовѣрно, что кавалерійскій полкъ Кромвеля упорно выдержалъ всѣ аттаки и заслужилъ общее удивленіе. Убѣдившись на практикѣ, что онъ былъ правъ въ необходимости подготовки войска къ побѣдамъ, Кромвель сталъ увеличивать свой отрядъ, набирать въ него хорошихъ, богобоязненныхъ людей и достойныхъ гражданъ, готовыхъ жертвовать всѣмъ для свободы родины, а затѣмъ учить ихъ военному дѣлу и дисциплинѣ. Вскорѣ ему удалось организовать, такимъ образомъ, значительную военную силу въ своемъ графствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ энергично проповѣдывалъ, чтобы то же дѣлали во всей парламентской арміи, которая, по его словамъ, «состояла изъ негодяевъ, пьяницъ и всякаго рода общественныхъ подонковъ». При этомъ знаменательно, что онъ настаивалъ на необходимости обнаруживать самую широкую вѣротерпимость при вербовкѣ солдатъ и офицеровъ, такъ какъ «государство, выбирая своихъ слугъ, должно заботиться о томъ, чтобы они вѣрно ему служили, не обращая вниманія на ихъ религіозныя убѣжденія». Не зная усталости въ обученіи своихъ драгунъ, такъ были названы его кавалеристы, Кромвель пользовался всякимъ случаемъ водить ихъ въ огонь съ цѣлью закалить. Въ этихъ стычкахъ ройялисты все болѣе и болѣе удивлялись столько же смѣлой отвагѣ и неодолимой стойкости кромвелевскихъ всадниковъ, сколько хладнокровной рѣшимости и мужеству ихъ начальника. Но чѣмъ успѣшнѣе становилось подготовленное имъ оружіе борьбы, тѣмъ болѣе Кромвель убѣждался въ военной неспособности предводителей парламентской арміи

[1]) Oliver Kromwell, by John Morley. «Century Magazine», january—february, 1900.

Эссекса, Манчестера и Варвика, которые, несмотря на свое благородство и любовь къ свободѣ, слишкомъ медлили и не выказывали достаточной рѣшимости, а въ борьбѣ наступалъ критическій моментъ, когда все зависѣло отъ смѣлой наступательной тактики. Лѣтомъ 1643 года королевская армія начала одерживать успѣхъ за успѣхомъ, а напротивъ парламентское войско терпѣло постоянныя неудачи. «Если бы я умѣлъ словами придать энергію вашимъ сердцамъ, то сдѣлалъ бы это съ удовольствіемъ, говорилъ Кромвель парламентскимъ комиссарамъ: теперь нельзя спорить и медлить; соберите всѣ войска, какія только можно, кликните волонтеровъ, разошлите гонцевъ повсюду, умоляю васъ, дѣйствуйте энергично и поспѣшно, а то наша гибель неминуема». Наконецъ, произошло первое генеральное сраженіе при Марстонѣ-Мурѣ, въ которомъ участвовало со стороны ройялистовъ 18.000 человѣкъ, а со стороны парламентской арміи и ея шотландскихъ союзниковъ 26.000. Битва была упорная и самая кровопролитная во всей междоусобной войнѣ. Обѣ стороны понимали, что минута была рѣшительная, и сражались съ одинаковымъ мужествомъ. Кромвелю пришлось здѣсь впервые помѣряться силами со знаменитымъ принцемъ Рупертомъ, который командовалъ королевской кавалеріей. Первый толчекъ былъ такъ силенъ со стороны ройялистовъ, что отрядъ Кромвеля дрогнулъ, но, несмотря на полученную имъ рану, онъ удержалъ своихъ солдатъ отъ бѣгства, привелъ въ порядокъ ихъ ряды и, ударивъ во флангъ непріятеля, опрокинулъ его. Затѣмъ, онъ не сталъ его преслѣдовать, а далъ отдохнуть своему отряду и поспѣшилъ на помощь остальной парламентской арміи, которая пришла въ совершенное разстройство. Уже началось безпорядочное бѣгство, когда онъ ударилъ въ тылъ ройялистамъ и совершенно ихъ смялъ. Побѣда была вырвана изъ рукъ королевской арміи, которая уже разослала гонцевъ повсюду съ извѣстіемъ о своемъ торжествѣ. Марстонская побѣда всецѣло была одержана Кромвелемъ, хотя онъ смиренно приписалъ ее одному Богу. Военные критики сравниваютъ его кавалерійскую аттаку при Марстонъ-Мурѣ съ такой же аттакой прусскаго генерала Зейдлица, благодаря которой Фридрихъ Великій одержалъ Цорндорфскую побѣду. Храбрый принцъ Рупертъ призналъ Кромвеля достойнымъ своимъ соперникомъ и назвалъ его, а также его мужественныхъ всадниковъ «желѣзными», какъ они съ тѣхъ поръ всегда и назывались. Но предводители парламентской арміи не сумѣли воспользоваться Марстонской побѣдой, и снова пошли проволочки, замедленія. Наконецъ, Кромвель вышелъ изъ терпѣнія и сталъ открыто въ парламентѣ обвинять Манчестера и другихъ аристократическихъ вожаковъ въ бездѣятельности. Они же съ своей стороны начали совѣтоваться съ законовѣдами о судебномъ преслѣдованіи пламеннаго, безпокойнаго патріота, сѣявшаго, по ихъ словамъ, смуту, но не нашлось предмета для обвиненія, и Кромвеля оставили на свободѣ агитировать съ цѣлью достичь энергичнаго веденія войны и преобразованія арміи по новому образцу. Дѣйствительно мало-помалу парламентское войско разбилось на нѣсколько мѣстныхъ армій, отдѣльно вербуемыхъ, командуемыхъ и содержимыхъ, хотя Эссексъ все еще сохранялъ номинально общее предводительство. Армія новаго образца должна была отличаться единствомъ, дисциплиной, хорошей платой солдатамъ изъ государственнаго казначейства и

главное сосредоточіемъ всей власти въ рукахъ одного главнокомандующаго, который уже самъ назначалъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ. При этомъ члены обѣихъ палатъ не могли занимать высокихъ военныхъ должностей. Послѣ долгихъ препирательствъ и споровъ, парламентъ принялъ предложенный Кромвелемъ новый образецъ арміи, и Эссексъ, Манчестеръ, Денби, Варвикъ и Воллеръ подали немедленно въ отставку. Главнокомандующимъ назначенъ Ферфаксъ, и онъ взялъ Кромвеля къ себѣ въ помощники съ согласія парламента. Такого званія не было прежде, и подъ этимъ предлогомъ обошли постановленіе о несовмѣстимости. Враги Кромвеля стали обвинять его въ двойной игрѣ, но онъ зажалъ имъ рты своей новой побѣдой при Нэзби. Эта битва была еще важнѣе и рѣшительнѣе Марстонской. Ройялистами командовалъ самъ король, а ихъ противниками Ферфаксъ, который выказалъ необыкновенную энергію и стойкость. Но все-таки Кромвель, начальствовавшій всей кавалеріей, снова рѣшилъ дѣло своими неотразимыми аттаками и быстрыми перемѣнами фронта. Даже не понадобилось третьей аттаки, къ которой уже были готовы его желѣзные воины, и король бѣжалъ съ остатками своего разбитаго войска. Нэзбійская побѣда въ сущности рѣшила борьбу между королемъ и парламентомъ, хотя она потомъ еще и продолжалась. Карлъ потерялъ свою послѣднюю организованную силу, а парламентская армія новаго образца доказала свою непобѣдимость, измѣнила положеніе политическихъ дѣлъ и выдвинула Кромвеля на первое мѣсто среди защитниковъ свободы.

— **Потомки французскихъ эмигрантовъ въ Германіи.** Въ первой февральской книжкѣ «Revue des Revues» помѣщена любопытная статья Жака Бенвиля, въ которой собраны обстоятельныя свѣдѣнія о выдающихся представителяхъ французской эмиграціи въ Германіи [1]). Авторъ насчитываетъ до 200 именъ такихъ онѣмечившихся французовъ во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни: въ политикѣ, администраціи, арміи, промышленности, наукѣ, литературѣ и искусствѣ. Всего же потомковъ французскихъ эмигрантовъ, по его словамъ, находится теперь въ Германіи 100.000 человѣкъ, которые утопаютъ въ 50 милліонномъ нѣмецкомъ населеніи. Какъ извѣстно, эмиграція французовъ въ Германію началась въ XVI столѣтія, благодаря религіознымъ преслѣдованіямъ, и тогда, между прочимъ, извѣстный музыкантъ Роланъ де-Латръ бѣжалъ въ Мюнхенъ, гдѣ сдѣлался органистомъ баварскаго герцога. Но это были лишь отдѣльные случаи, а только отмѣна Нантскаго эдикта возбудила массовый исходъ гугенотовъ, большая часть которыхъ поселилась въ Пруссіи, гдѣ великій курфюрстъ обѣщалъ имъ значительныя привилегіи. Въ XVIII вѣкѣ это переселеніе продолжалось по различнымъ причинамъ, и въ особенности оно увеличилось во время революціи. Въ числѣ роялистскихъ эмигрантовъ, оставшихся въ Германіи даже послѣ реставраціи, находился знаменитый Шамиссо, который сдѣлался однимъ изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. По изслѣдованіямъ Шитлера, кальвинисты основали въ Германіи всего 200 колоній, изъ которыхъ до сихъ поръ процвѣтаютъ многія въ Вюртембергѣ, Ландау, Гамбургѣ.

[1]) Les descendants des refugiés et d'emigrés dans l'Allemagne contemporaine, par Jacque Bainville. «Revue des Revues». 1 fevrier 1900.

Франкфуртѣ на Одерѣ, Штетинѣ, Магдебургѣ, Кенигсбергѣ, Потсдамѣ, Берлинѣ и т. д. Самая важная изъ нихъ была всегда берлинская колонія. Въ ней теперь считается 6.000 лицъ, и существуютъ три прихода съ ихъ административно-церковными учрежденіями, школа, сиротскій пріютъ, больница, богадѣльня и гимназія. Хотя французскій языкъ совершенно замѣнился нѣмецкимъ въ берлинской колоніи, но все-таки разъ въ двѣ недѣли въ ея церкви происходитъ служба на языкѣ Кальвина, а въ издающейся еженедѣльной газетѣ «Французская колонія» поддерживается культъ французскихъ традицій. Наибольшее число французскихъ эмигрантовъ въ XVII и XVIII вѣкахъ посвятили себя промышленности и военному дѣлу, а потому и до сихъ поръ встрѣчаются среди выдающихся нѣмецкихъ банкировъ, торговцевъ и промышленниковъ французскія имена: Дювинажъ, Годэ, Рибо, Лафермъ, Кантъ, Боне, Леженъ, Невиль и т. д., а въ арміи служатъ до 400 офицеровъ, которыхъ зовутъ: Осонвиль, Берни, Ла-Моттъ-Фукэ, Борегаръ, Талейранъ, Шаль, Больѐ и т. д. Наиболѣе важныя военныя должности занимаютъ графъ Перпонше, генералъ-лейтенантъ, оберъ-камергеръ, и Виломъ, генералъ свиты, нѣкогда бывшій въ Петербургѣ военнымъ агентомъ. Недавно умершій генералъ Верди-Дю-Вернуа, бывшій военный министръ, также принадлежалъ къ французской колоніи въ Берлинѣ. Въ политическомъ мірѣ потомки французскихъ эмигрантовъ могутъ выставить Микеля, прусскаго министра финансовъ, Балестрема, предсѣдателя рейхстага, барона Дюрана, члена палаты господъ въ Пруссіи, депутата Маркура; въ мірѣ литературномъ—романистовъ Фонтана, Рокета и Рилле, историка Карьера, философа Дюбока, мистика Преля; въ мірѣ ученомъ: профессоровъ Мишле, послѣдователя Гегеля, Барона, знатока римскаго права, доктора Сенъ-Жоржа, психіатра Жоли, ботаника Ландуа; въ мірѣ искусствъ—лучшаго архитектора современной Германіи, Валло, выстроившаго дворецъ рейхстага, скульптора Мэзона, музыканта Никодэ, цѣлую семью талантливыхъ актеровъ Девріеновъ; наконецъ, изъ литературныхъ издателей—Реклама, извѣстнаго своей дешевой библіотекой классиковъ, Дюмона, собственника «Кельнской Газеты», Костенобля, издателя «Сѣверо-германской газеты». Но, можетъ быть, выше всѣхъ этихъ современныхъ представителей французской эмиграціи въ Германіи стояли уже умершіе: юристъ Савиньи и ученый Дюбуа-Реймонъ.

— Послѣдняя мускадентка. Подъ названіемъ мускадентовъ и мускадентокъ извѣстны были парижскіе щеголи и щеголихи въ эпоху директоріи. Во главѣ свѣтскихъ модныхъ красавицъ, носившихъ это прозвище, стояли г-жа Таліенъ, Жюльета Рекамье и г-жа Гамленъ, жена банкира. О первыхъ двухъ писано немало, но послѣдняя еще не удостоивалась біографіи и въ первый разъ ея характеристику рисуетъ Мари Суммэ въ первой январской книжкѣ «Grande Revue» подъ названіемъ «Послѣдняя изъ мускаденток» [1]). Авторъ называетъ ее послѣдней не потому, чтобы она стояла ниже своихъ соперницъ, а по той причинѣ, что она ихъ долго пережила. Хотя г-жа Гамленъ не отличалась блестящей красотой и не имѣла правильныхъ чертъ, но даже соперницы называли

[1]) La dernière des Muscadines, par Mary Summer. «La Grande Revue». 1 janvier 1900.

ее «красивой дурнушкой» и были вынуждены признавать изящество ея таліи, граціозность походки и умѣнье одѣваться. Она танцовала, по словамъ Гарра, «какъ ангелъ», и г-жа Тальенъ въ минуту зависти назвала ее: «неудавшейся баядеркой». Креолка, какъ Жозефина, она была преданнымъ ея другомъ и оказала ей большую услугу при возвращеніи Наполеона изъ Египта. Явившись въ Парижъ, онъ, прежде чѣмъ увидѣть Жозефину, отправился прямо къ г-жѣ Гамленъ и сталъ вывѣдывать, насколько были справедливы слухи о любовной интригѣ Жозефины съ молодымъ офицеромъ Шарлемъ, во время его отсутствія. Хорошенькая дурнушка прямо не отрицала того, что всѣмъ было извѣстно въ Парижѣ, но старалась затронуть гордость Наполеона, выставляя, какъ его враги будутъ радоваться всякому скандалу. Такимъ образомъ ей удалось успокоить его гнѣвъ, и онъ уѣхалъ отъ нея, рѣшившись не прибѣгать къ разводу, а философски помириться со своей судьбой. Г-жа Гамленъ немедленно бросилась къ Жозефинѣ, и когда Бонапартъ явился въ Мальмезонъ, то все тамъ дышало самымъ буржуазнымъ, семейнымъ характеромъ. Узнавъ обо всемъ, Жозефина, вмѣсто благодарности, стала ревновать подругу за вліяніе, которое она имѣла на ея мужа. Но самъ Наполеонъ никогда не забылъ, что, благодаря ей, не сдѣлалъ большой глупости и всегда сохранялъ къ ней дружескія чувства. Когда она развелась съ мужемъ и не имѣла средствъ къ жизни, то онъ нѣсколько разъ платилъ ея долги, а, сдѣлавшись императоромъ, назначилъ ей пенсію въ 12.000 ливровъ. За то ея преданность къ нему была безгранична. Она приняла дѣятельное участіе въ его возвращеніи съ острова Эльбы, и послѣ Вартерлоо послѣдняя простилась съ нимъ, за что, покидая Францію, онъ оставилъ ей 300.000 франковъ. Въ эпоху реставраціи она жила изгнанницей вдали отъ Франціи, а когда вернулась въ Парижъ при Людовикѣ-Филиппѣ, то открыла политическій салонъ, который былъ центромъ бонапартистскихъ интригъ. Она была душою заговора, имѣвшаго цѣлью похитить въ Вѣнѣ герцога Рейхштадтскаго и возстановить французскую имперію. Затѣмъ она приложила руку къ скандальнымъ выходкамъ Луи-Наполеона въ Булонѣ и Страсбургѣ. Наконецъ, въ 1848 году она интриговала въ его пользу и съ удовольствіемъ увидѣла его президентомъ республики. Наконецъ она умерла въ 1851 году за нѣсколько мѣсяцевъ до 2-го декабря и на одрѣ смерти была обрадована посѣщеніемъ племянника своего любимаго императора. По словамъ Мари Суммэ, «она узнала его, несмотря на начинавшуюся агонію, улыбнулась похолодѣвшими губами и, спустя нѣсколько часовъ, скончалась, унося съ собою въ могилу послѣдній остатокъ нѣкогда блестящихъ мускадинокъ».

— Три послѣднихъ Кондé. Въ самомъ концѣ минувшаго года вышла книга Пьера де-Сегюра, посвященная «послѣдней изъ рода Кондé». Въ началѣ настоящаго года къ ней присоединяется еще новая книга объ одной изъ послѣднихъ изъ рода прежнихъ французскихъ принцевъ крови, именно очеркъ графа Дюко: «Мать герцога Ангіенскаго» [1]). Обѣ книги даютъ новый матеріалъ для исторіи одного изъ древнѣйшихъ родовъ Франціи, трагическимъ образомъ

[1]) P. de Segur «La dernière des Condé». 1899.—Comte Ducos, «La mère du duc d'Enghien», 1900.

погибшаго въ началѣ XIX вѣка. Въ началѣ великой революціи Луи-Жозефъ Конде, глава рода, имѣлъ болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду и являлся старшимъ изъ всѣхъ Бурбоновъ. Щедрый, смѣлый, живой и очень образованный, онъ извѣстенъ своимъ послѣдовательнымъ поведеніемъ во время революціи; памятникомъ его остроумія и наблюдательности является сохранившаяся переписка его съ Людовикомъ XVIII. Овдовѣвъ въ двадцать четыре года, онъ вступилъ въ связь съ разведенною супругою принца Монакскаго; эта связь позже доставляла обильный матеріалъ для злословія якобинцевъ. Отъ перваго брака Кондé имѣлъ дочь Луизу-Аделаиду, съ дѣтства отличавшуюся религіозными наклонностями, и сына, герцога Бурбонскаго. Послѣдній ко времени революціи успѣлъ прославиться лишь своими любовными похожденіями. Четырнадцати лѣтъ онъ былъ самымъ красивымъ и самымъ смѣлымъ изъ придворныхъ пажей, такъ что кузина его Батильда Орлеанская, которая была на шесть лѣтъ старше его, заявила, что ни за кого не выйдетъ, какъ за него. По обычаю того времени, молодыхъ людей обвѣнчали, и немедленно же послѣ церемоніи мужа отправили къ его гувернеру, а жену въ монастырскій пансіонъ. Молодой герцогъ, однако, не захотѣлъ ждать; недолго думая, онъ пробрался черезъ монастырскую ограду и похитилъ свою законную супругу. Этотъ подвигъ его прославился до того, что въ позднѣйшее время сталъ сюжетомъ оперетки. Начавшійся столь романически бракъ былъ, однако, несчастливъ. Вскорѣ послѣ рожденія герцога Ангіенскаго, Батильда надоѣла мужу, вступившему въ открытую связь съ одною изъ ея придворныхъ дамъ. Послѣ ряда тяжелыхъ сценъ супруги разстались, и герцогиня искала утѣшенія въ занятіяхъ магнетизмомъ, иллюминизмомъ и другими модными въ то время матеріями; она даже посвящена была въ великіе магистры франъ-масонскаго ордена. Когда король пошелъ на первыя свои уступки революціонерамъ, старшій Конде рѣшилъ, что долѣе оставаться во Франціи нельзя, и вмѣстѣ съ сыномъ и внукомъ отправился за границу. Герцогиня Бурбонская, однако, не послѣдовала примѣру мужа. Ея поведеніе стало какимъ-то страннымъ, очевидно, подъ вліяніемъ потрясеній, испытанныхъ ею въ первые годы революціи. Она стала называться «citoyenne Verité» и, видя въ революціи исполненіе воли небесъ, доходила до того, что оправдывала сентябрьскія избіенія. Однако, террористы не пощадили и ея; она была заключена въ одинъ изъ узкихъ казематовъ Орлеанскаго форта, откуда освободилась лишь по сверженіи террористовъ, когда была присуждена къ изгнанію. Живя въ Барселонѣ, герцогиня сочинила для Франціи планъ конституціи, въ основу котораго положены были требованія «добродѣтели». 15 (3) марта 1804 г. надъ семьею Кондé разразилось ужасное несчастіе. Герцогъ Ангіенскій былъ схваченъ, по приказанію Наполеона, обвиненъ въ заговорѣ и разстрѣлянъ; надежда семьи Конде на продолженіе рода была этимъ уничтожена. Герцогиня Бурбонская въ это время находилась въ такомъ настроеніи, что даже это горе не могло ее смутить: «Богъ призвалъ нашего сына, писала она мужу, чтобы онъ, очистившись отъ грѣховъ, на небѣ оказывалъ намъ услуги гораздо большія, чѣмъ онъ могъ бы оказать на землѣ, при ложныхъ своихъ принципахъ». Сестра разстрѣляннаго въ это время находилась въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Варшавѣ. Поляки въ то время столько на-

деждъ возлагали на Наполеона, что заговоръ на жизнь его представлялся имъ чудовищнымъ преступленіемъ; вмѣсто соболѣзнованій принцессѣ Конде пришлось слышать лишь упреки. Чтобы избѣжать ихъ, она переселилась въ Англію. Отецъ ея, тѣмъ временемъ, женился съ разрѣшенія Людовика XVIII на принцессѣ Монакской, овдовѣвшей въ 1795 году. Съ реставраціею послѣдніе три Конде вернулись во Францію. Луиза-Аделаида основала женскій монастырь, котораго была первою пріоршею; она жила въ немъ безвыходно (не присутствовала она даже при смерти отца въ 1818 году) и умерла въ 1824 году. Двумя годами раньше, во время процессіи въ честь святой Женевьевы, внезапно на улицѣ умерла супруга ея брата, герцогиня Бурбонская. Наиболѣе ужасна, однако, была смерть послѣдняго Конде — герцога Бурбонскаго, жившаго послѣдніе годы въ Сэнъ-Лё, въ связи съ баронессою Фёшэръ, родомъ англичанкою. 27 августа 1830 года его трупъ нашли въ спальнѣ замка, висѣвшимъ на веревкѣ, привязанной къ оконному крюку такъ низко, что ноги его волочились по землѣ. О причинѣ его смерти ходили разныя догадки. Слѣдствіе, наряженное по предписанію правительства Людовика-Филиппа, нашло, что герцогъ покончилъ самоубійствомъ, подъ вліяніемъ слабоумія. Общество, однако, не удовлетворилось этимъ результатомъ дознанія: многіе подозрѣвали наслѣдниковъ герцога, баронессу Фёшэръ и Рогановъ. Нѣкоторые обвиняли даже самого Людовика-Филиппа, одинъ изъ сыновей котораго оказался главнымъ наслѣдникомъ. То обстоятельство, что слѣдствіе ведено было чрезвычайно поспѣшно, лишь способствовало усиленію неблагопріятныхъ толковъ. Обстоятельства смерти герцога остаются невыясненными и до сихъ поръ.

— За кулисами Вѣнскаго конгресса. Исторія Вѣнскаго конгресса въ настоящее время представляетъ уже очень мало неяснаго. Офиціальные документы, относящіеся къ конгрессу, изданы Клюберомъ, Гейссеремъ, Біанки, Ходзко, Биньономъ, Лефевромъ и другими многими. Въ изданіи Паллэна «Correspondance de Louis XVIII et Talleyrand» и трудахъ Альбера Сореля разъяснены наиболѣе темныя стороны этого событія. Тѣмъ не менѣе, много интереснаго и новаго содержитъ въ себѣ очеркъ Анри Вельшенже подъ заглавіемъ «Закулисная сторона Вѣнскаго конгресса», помѣщенный въ «Revue hebdomadaire» [1]. А. Вельшенже интересуется лишь внутренней, неофиціальною стороною конгресса, который въ свое время первенствовалъ надъ всѣми интересами дня въ Европѣ. Вѣдь, дѣйствительно, совершалось громаднѣйшее дѣло. Конгрессъ пересоздавалъ всю Европу: происходилъ дѣлежъ Италіи, рѣшалась участь Польши, созидалось Нидерландское королевство изъ враждебныхъ другъ другу Голландіи и Бельгіи, клалось основаніе могуществу Пруссіи, уменьшалась вдвое Саксонія, отнималась у Даніи Норвегія, населеніе Европы, подобно баранамъ, распредѣлялось по клѣткамъ, въ силу личныхъ соображеній раздавались въ то или иное подданство тысячи квадратныхъ миль и милліоны живыхъ душъ. Не касаясь подробностей въ офиціальномъ ходѣ переговоровъ, А. Вельшенже останавливается особенно подробно на умѣломъ образѣ дѣйствій Талейрана, сумѣвшаго

[1]) «Les dessous du congrès de Vienne», par H. Welschinger.— Revue hebdomadaire, 10 févr. 1900.

отстоять права Франціи на конгрессѣ, гдѣ первоначально предполагалось все рѣшить при участіи лишь четырехъ державъ: Австріи, Англіи, Пруссіи и Россіи. 24 (12) сентября 1814 года утромъ Талейранъ пріѣхалъ въ Вѣну и остановился въ отелѣ Кауница, дорогою цѣною имъ нанятомъ. На слѣдующій день произошелъ торжественный въѣздъ короля прусскаго и императора австрійскаго, при грохотѣ тысячъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ тотъ же день Талейранъ посѣтилъ членовъ дипломатическаго корпуса и понялъ по холодному пріему, какія трудности ему придется встрѣтить. Однако, Талейрану было достаточно лишь немногихъ дней, чтобы замѣтить несогласія, существующія между недавними союзниками, и воспользоваться этими несогласіями для своихъ цѣлей. Въ его планы входило представиться на первыхъ порахъ вполнѣ безкорыстнымъ, выступить защитникомъ слабыхъ государствъ, а уже затѣмъ перейти на ту сторону, гдѣ представлялось возможнымъ отстоять интересы Франціи. 30 (18) сентября Меттернихъ и Нессельроде пригласили Талейрана и Лаврадора, представителя Испаніи, на оффиціозное совѣщаніе, гдѣ приглашенные застали и лорда Кэстлери, Гарденберга, Гумбольдта и Генца. Кэстлери, въ холодномъ и рѣзкомъ тонѣ британскаго дипломата, заявилъ приглашеннымъ, что имъ будутъ объявлены первоначальныя рѣшенія союзниковъ. На это Талейранъ воскликнулъ: «Союзниковъ? Что это значитъ? Противъ кого они въ союзѣ? Противъ Наполеона? Но вѣдь Наполеонъ на Эльбѣ. Противъ Франціи? Но вѣдь она подписала миръ. Противъ Людовика XVIII? Но вѣдь онъ стоитъ за миръ... Союзниковъ теперь нѣтъ. Теперь есть лишь державы, которыя должны вмѣстѣ дополнить постановленія мирнаго договора».— «Но у насъ имѣется протоколъ!» замѣтилъ Кэстлери. Талейранъ взялъ протоколъ, прочелъ его, вернулъ и сказалъ холодно: «Я ничего не понимаю». Возникло всеобщее недоумѣніе. Талейранъ еще разъ взялъ протоколъ, прочелъ его, бросилъ на столъ и повторилъ: «Нѣтъ, я ничего не понимаю». Представители четырехъ союзныхъ державъ были въ замѣтномъ смущеніи, которое Талейранъ еще увеличилъ, сказавъ: «Если здѣсь еще имѣются союзники, то, очевидно, я здѣсь лишній»... Затѣмъ онъ съ твердостью сказалъ: «Я, впрочемъ, прошу лишь о вѣжливости по отношенію къ Франціи. Она должна участвовать въ вашихъ совѣщаніяхъ, такъ какъ иначе можно будетъ сказать, что вы не желаете быть справедливыми». На дальнѣйшія настоянія онъ отвѣчалъ: «Для меня имѣются лишь двѣ даты, въ промежуткѣ между которыми не могло произойти ничего: дата 30 мая, когда постановлено было созвать конгрессъ, и дата 1-го октября, когда конгрессъ долженъ собраться. Все, что было въ промежуткѣ, то ровно ничего не значитъ и для меня не существуетъ». Союзные делегаты не нашлись, что отвѣтить, и Генцъ съ философскимъ спокойствіемъ составилъ новый протоколъ 30 октября, сводившій предыдущій протоколъ на нѣтъ. Съ этого времени, между великими державами уже не было больше засѣданій безъ участія Франціи. Въ виду того, что подготовительныя работы не были закончены, открытіе конгресса затягивалось. 6-го октября н. ст. произошла оффиціальная конференція для рѣшенія вопроса о томъ, какъ устроить открытіе. Талейранъ настаивалъ, чтобы въ протоколѣ было отмѣчено, что открытіе состоится согласно принципамъ публичнаго права. Въ этихъ послѣднихъ словахъ пруссаки почему-то усмотрѣли намекъ на сохраненіе коро-

левства саксонскаго. Произошла бурная сцена. Князь Гарденбергъ, представитель Пруссіи, вскочилъ и закричалъ: «Нѣтъ, милостивый государь,—публичнаго права не надо. Зачѣмъ говорить, что мы будемъ поступать согласно публичному праву? Это само собой разумѣется!» Гумбольдтъ вскричалъ: «При чемъ здѣсь публичное право?» Талейранъ отвѣчалъ на это: «А притомъ, что только въ силу его вы здѣсь присутствуете!» Генцъ приблизился къ Меттерниху и подсказалъ ему, что въ документѣ первостепенной важности не мѣшала бы ссылка на публичное право. Это обстоятельство дало перевѣсъ Талейрану, и вторично французскій министръ одержалъ побѣду. Не безъ участія былъ Талейранъ и въ одномъ изъ наиболѣе своеобразныхъ эпизодовъ конгресса — столкновеніи императора Александра съ Меттернихомъ. Императоръ просилъ Кэстлери предупредить Меттерниха о томъ, что Саксонія должна быть уступлена Пруссіи. Австрійскій канцлеръ сухо отвѣчалъ: «Этого нельзя допустить». Въ дѣло вмѣшался Гарденбергъ, но получилъ отвѣтъ точно такой же. Александръ раздосадованный направился къ Францу II и сообщилъ ему, что считаетъ себя лично обиженнымъ Меттернихомъ и рѣшился вызвать его на дуэль. Австрійскій императоръ тщетно пробовалъ разубѣдить его, и наконецъ предложилъ послать какого либо посредника къ Меттерниху. Былъ посланъ графъ Озаровскій, чтобы требовать отъ канцлера взятія назадъ его словъ о Саксоніи. Меттернихъ наотрѣзъ отказался. Озаровскій ушелъ, но вскорѣ вернулся и сообщилъ, что Александръ не посѣтитъ бала, на который Меттернихъ пригласилъ всѣхъ государей. Дуэль была замѣнена прекращеніемъ сношеній; Александръ и Меттернихъ, посѣщая тѣ же салоны, въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ какъ бы не замѣчали другъ друга. Эта распря, по словамъ Генца, является ключемъ къ большинству событій конгресса; она сильно мѣшала дѣламъ и очень многое напортила въ Европѣ. Съ большимъ трудомъ, при участіи другихъ представителей конгресса, удалось покончить саксонскій вопросъ, возстановивъ короля саксонскаго и отдавъ половину Саксоніи Пруссіи. Но тутъ начались несогласія изъ-за Италіи. Франція стояла за возстановленіе прежней династіи, Меттернихъ же усиленно ухаживалъ за королевою неаполитанскою, «новою Клеопатрою», и не прочь былъ сохранить власть за Мюратомъ. Взаимныя несогласія и интриги все увеличивались, и многіе изъ участниковъ конгресса начали терять надежду на благополучное окончаніе его. Единственною почвою, на которой объединялись всѣ интересы, были празднества, балы и всякаго рода увеселенія, устраивавшіяся для представителей державъ въ Вѣнѣ. Начиная съ сентября 1814 года и вплоть до Наполеоновскихъ ста дней, Вѣнскій конгрессъ представлялся гигантскимъ праздникомъ всеобщаго примиренія, на которомъ присутствовали всѣ государи Европы, кромѣ Наполеона, Людовика XVIII и короля саксонскаго. У всѣхъ въ свитѣ находились не одни лишь канцлеры, министры и придворные чины, но и артисты, художники, музыканты, актеры и танцовщицы. Талейранъ выписалъ изъ Парижа знаменитую Биготтини, которая неоднократно имѣла честь завтракать съ Меттернихомъ и Шварценбергомъ. Французскій дипломатъ кое-какими успѣхами былъ обязанъ этой своей союзницѣ. Германскіе государи навезли своихъ знаменитѣйшихъ актеровъ и актрисъ. Въ императорскомъ дворцѣ Бургѣ жили два императора, двѣ императрицы, че-

тыре короля, одна королева, два наслѣдныхъ принца, двѣ великія герцогини и т. д. Въ городѣ находилось болѣе семи сотъ посланцевъ разныхъ государствъ. На балахъ и вечерахъ блистали красотою представительницы всѣхъ аристократическихъ родовъ Европы. Увеселенія были весьма разнообразны. Устраивались даже лотереи. Однажды вечеромъ, у княгини Маріи Эстергази заранѣе условлено было, что четыре главныхъ выигрыша достанутся четыремъ дамамъ, заранѣе указаннымъ Александромъ и королемъ прусскимъ. Дочь Меттерниха взяла билетъ свой раньше очереди и выиграла самый великолѣпный подарокъ, что сильно разсердило Александра. Другой подарокъ, предназначенный принцессѣ Ауэрспергъ, по ошибкѣ попалъ одному изъ адъютантовъ. Александръ требовалъ его обратно, но офицеръ отвѣтилъ, что выигрышъ слишкомъ дорогъ, чтобы его отдавать, а друзья Меттерниха про себя смѣялись надъ очевидною досадою Александра. Всякія празднества стоили баснословныхъ суммъ. Одинъ столъ императора, открытый безчисленнымъ гостямъ, обходился въ 50.000 флориновъ ежедневно. При дворѣ не переставая шли банкеты, концерты, охоты, турниры, маскарады, театральныя представленія всѣхъ родовъ и т. д. Особенно любимымъ времяпровожденіемъ были живыя картины; молодой графъ Траутмансдорфъ и графиня Зичи изображали «Людовика XIV у ногъ г-жи де-Лавальеръ», княжна Яблоновская и графъ Воина «Ипполита, защищающагося передъ Тезеемъ отъ обвиненій Федры», графъ Шенфельдъ и Софія Зичи «Александра Великаго и Статиру» и т. д. Черепашьимъ шагомъ, во время этихъ увеселеній, шли дипломатическіе переговоры. Торжествовалъ одинъ лишь Талейранъ. Ему удалось въ началѣ января 1815 г. устроить секретный союзъ противъ Россіи и Пруссіи, въ которомъ приняли участіе Англія и Австрія. Главная цѣль его была достигнута: «коалиція уже не существуетъ», могъ онъ писать Людовику XVIII. Устраивались и дѣла мелкихъ государствъ, за которыхъ Талейранъ дѣятельно заступался, какъ вдругъ 7 марта н. ст. 1815 г., какъ громомъ, всѣхъ поразила вѣсть о возвращеніи Наполеона. Это измѣнило всѣ отношенія. Францъ II приказалъ Меттерниху пойти на совѣщаніе къ императору Александру. Царь сказалъ австрійскому канцлеру: «Намъ нужно покончить съ нашими счетами. Мы оба христіане. Нашъ святой законъ велитъ намъ прощать обиды. Поцѣлуемся и забудемъ обиды!» Такъ закончилась распря, чуть не доведшая до дуэли. Все дипломатическое зданіе Талейрана рухнуло сразу; его стали подозрѣвать въ сношеніяхъ съ Наполеономъ, не пускали обратно во Францію, чтобы онъ не передалъ Наполеону секретовъ конгресса, и поставили какъ бы подъ надзоръ. Онъ остался въ Вѣнѣ, подписалъ послѣдній актъ конгресса и появился лишь 26 іюня, черезъ недѣлю послѣ битвы при Ватерлоо, въ Монсѣ передъ Людовикомъ XVIII, которому представилъ краткій отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, въ которомъ хвалился тѣмъ, что спасъ половину Саксоніи, возстановилъ Фердинанда IV въ Неаполѣ и отдалилъ Пруссію отъ Франціи созданіемъ королевства Нидерландовъ. Изъ осторожности онъ умолчалъ о своихъ взглядахъ относительно цѣнности и прочности того, что было совершено конгрессомъ. Печальный, но справедливый отзывъ объ этой сторонѣ дѣятельности конгресса былъ сдѣланъ Генцомъ, самимъ секретаремъ конгресса. «Вѣнскій конгрессъ, говоритъ Генцъ, не провелъ ни одного акта

сколько нибудь возвышеннаго характера, ни одной великой мѣры порядка и блага общественнаго, которые могли бы вознаградить человѣчество за часть его долгихъ страданій и поддержать его вѣру въ будущее».

— **Новыя бесѣды Наполеона на островѣ св. Елены.** Источникъ наполеоновской литературы не изсякаетъ, и одна новинка появляется за другой. Не прошло еще года съ изданія дневника барона Гурго о жизни и бесѣдахъ Наполеона на островѣ св. Елены, какъ начинается печатаніе въ американскомъ журналѣ «Century magazine» отрывковъ изъ такого же дневника доктора Омеары [1]). Этотъ дневникъ уже давно извѣстенъ и напечатанъ на англійскомъ языкѣ въ 1822 году, подъ заглавіемъ: «Наполеонъ въ изгнаніи или голосъ со св. Елены». Но теперь оказывается, что по различнымъ уважительнымъ причинамъ Омеара не включилъ въ свою книгу и половину того, что было записано въ его дневникѣ, состоявшемъ изъ 19 рукописныхъ томовъ. Эти тома онъ завѣщалъ частному секретарю Іосифа Бонапарта, Луи Мальяру; наслѣдники Мальяра, живущіе въ Соединенныхъ Штатахъ, сохраняли ихъ до сихъ поръ, не подозрѣвая, какое у нихъ находится сокровище. Теперь взялась за изданіе дневника редакція американскаго журнала и прежде всего удостовѣрилась въ его подлинности, сравнивъ рукопись съ письмами Омеары, находящимися въ семьѣ Мальяра и въ парижской національной библіотекѣ. 18 томовъ рукописи заключаютъ въ себѣ дневникъ Омеары отъ 18-го апрѣля 1816 года до 8-го февраля 1817 года, и по времени онъ совпадаетъ съ первымъ томомъ его печатной книги. Что касается до дальнѣйшаго дневника, помѣщеннаго во второмъ томѣ, то или его подлинникъ потерянъ, или отданъ кому нибудь другому, а не Мальяру, или, наконецъ, Омеара придалъ этой части своего дневника такую форму, что онъ могъ быть напечатанъ вполнѣ. Что касается до 19-го тома рукописи, то въ немъ помѣщенъ переводъ, сдѣланный Омеаромъ, письма Ласъ-Казеса къ Люсьену Бонапарту, которое было перехвачено и послужило причиной его удаленія изъ Лонгвуда. Редакція американскаго журнала печатаетъ только тѣ мѣста дневника, которыя не были еще изданы, за исключеніемъ страницъ, которыя теперь появляются въ болѣе подробномъ видѣ и заслуживаютъ особаго вниманія. Наибольшая часть новаго историческаго матеріала касается внутренней жизни въ Лонгвудѣ, о чемъ Омеара говорилъ очень мало въ своей печатной книгѣ. Кромѣ того, теперь впервые появляются въ свѣтъ многія подробности о ссорахъ Наполеона съ сэромъ Гудсономъ Ло, которыя прежде не могли быть обнародованы. Даже то, что имъ было напечатано въ своей книгѣ, вызвало многочисленную полемику въ англійской литературѣ, и до сихъ поръ многіе англичане относятся враждебно къ Омеарѣ за его безпристрастіе, сочувствіе къ Наполеону и презрѣніе къ жестокому тюремщику великаго узника. О самомъ Омеарѣ извѣстно очень мало. По происхожденію ирландецъ, онъ родился въ Дублинѣ въ 1786 году и служилъ морскимъ докторомъ на англійскихъ военныхъ судахъ. Случайно онъ находился въ этомъ званіи на «Беллерофонѣ» въ 1815 году, когда Наполеонъ явился на

---

[1]) «Talks with Napoleon». His life and conversations at St. Helena. By dr. B. E. Omeara. Century magazine. February. 1900.

это судно гостемъ Англіи. Онъ хорошо говорилъ поитальянски и поэтому обратилъ на себя вниманіе Наполеона, который и просилъ его поступить къ нему врачемъ, такъ какъ его собственный докторъ отказался сопровождать его въ изгнаніе. Англійское адмиралтейство согласилось, и въ продолженіе трехъ лѣтъ Омеара умѣло поддерживалъ свое щекотливое положеніе посредника между Наполеономъ и сэромъ Гудсономъ Ло. Онъ старался удовлетворить англійскихъ властей сообщеніемъ безвредныхъ для Наполеона свѣдѣній о немъ, но его интимныя отношенія съ паціентомъ, независимый характеръ и отказъ подчиниться несправедливымъ требованіямъ губернатора, возбуждали столько столкновеній съ послѣднимъ, что въ концѣ-концовъ онъ былъ удаленъ съ острова св. Елены. Вернувшись въ Англію, Омеара сообщилъ адмиралтейству, что, по его мнѣнію, положеніе, въ которомъ находился Наполеонъ, грозило его жизни, но ему отвѣтили на это исключеніемъ изъ списка морскихъ докторовъ. Несмотря на это, Омеара только издалъ краткую брошюру въ отвѣтъ на пламенную защиту сэра Гудсона Ло, а напечаталъ свою большую книгу лишь по смерти Наполеона, при чемъ исключилъ изъ нея все, что могло быть слишкомъ непріятно для лицъ, тогда еще бывшихъ живыми. Онъ умеръ въ 1836 году, и всѣ лица, дѣлившія изгнаніе Наполеона, Бертранъ, Монтолонъ, Гурго и Ласъ-Казесъ, пережили его. Напечатанные до сихъ поръ въ американскомъ журналѣ отрывки изъ дневника Омеары не представляютъ ничего замѣчательно новаго, или интереснаго, но еще рано судить объ ихъ значеніи по первой части. Если же въ общемъ записи Омеары напоминаютъ его печатную книгу, недавно появившійся дневникъ генерала Гурго и другія сочиненія о Наполеонѣ на островѣ св. Елены, то все-таки въ нихъ встрѣчаются любопытные варіанты извѣстныхъ свѣдѣній и даже невѣдомыя мелочныя подробности. Напримѣръ, въ первые же дни Омеара имѣлъ характерный разговоръ съ Наполеономъ о томъ, чѣмъ онъ себя считаетъ—«частнымъ врачемъ Наполеона, или англійскимъ шпіономъ». «Если вы назначены ко мнѣ,—сказалъ Наполеонъ,—для того, чтобы передавать все то, что случится здѣсь, или все, что вы услышите, губернатору, котораго я считаю старшимъ изъ шпіоновъ, то я никогда болѣе съ вами не увижусь». Когда Омеара отвѣтилъ, что онъ считаетъ себя докторомъ, а не шпіономъ, Наполеонъ произнесъ: «Не думайте, что я считалъ васъ на это способнымъ, я никогда не замѣчалъ въ васъ ничего дурного и питаю къ вамъ дружбу и уваженіе, что доказывается моимъ откровеннымъ вопросомъ, хотя вы англичанинъ и находитесь на англійской службѣ». Затѣмъ онъ просилъ доктора въ случаѣ какой нибудь пустой болѣзни не доносить объ этомъ губернатору, а когда произойдетъ что нибудь серіозное, и онъ найдетъ нужнымъ позвать другихъ врачей, то не дѣлать это безъ его согласія. О лицахъ, окружавшихъ Наполеона, Омеара выражается очень рѣзко. По его словамъ, то, что дѣлалось въ Лонгвудѣ, давало ему понятіе о придворной жизни въ Сенъ-Клу, и Наполеонъ былъ окруженъ лестью и ложью. Въ особенности въ этомъ отличался Монталонъ. «Только маршалъ Бертранъ,—говоритъ англичанинъ,—составляетъ исключеніе: онъ, дѣйствительно, честный и добрый человѣкъ». О сэрѣ Гудсонѣ Ло въ напечатанныхъ отрывкахъ Омеара подробно не говоритъ и не высказываетъ своего мнѣнія, но, приводя слова губернатора о томъ, что

онъ, будто бы, предлагалъ Наполеону послать въ Европу и напечатать какія угодно письма или извѣстія, Омеара лаконически замѣчаетъ: «Credat judaeus». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ съ видимымъ удовольствіемъ приводитъ рѣзкія выраженія Наполеона на итальянскомъ языкѣ о своемъ тюремщикѣ, напримѣръ «cattivo uomo nomo di cattivo cuore e di cattiva testa» (человѣкъ со сквернымъ сердцемъ и скверной головой) или «equello sciocco di governatore l'avete veduto, quel minchione» (видали ли вы когда нибудь такого дурака губернатора, такого болвана). Когда же Омеара старался опровергнуть это мнѣніе, то Наполеонъ настаивалъ, что сэръ Гудсонъ Ло «дурной скверный человѣкъ, вѣчно безпокоящійся о томъ, чтобы сдѣлать ему непріятность и увеличить его несчастія».

— Предшественникъ Ницше. Съ нѣкоторыхъ поръ въ Германіи снова сдѣлалось популярнымъ забытое послѣ 1848 года имя смѣлаго мыслителя Макса Штирнера, котораго нѣкоторые критики ставятъ выше Ницше. По ихъ словамъ, онъ не только былъ предшественникомъ этого парадоксальнаго проповѣдника крайняго индивидуализма, но даже нельзя ихъ сравнивать, такъ какъ Ницше представляется умомъ смутнымъ, вѣчно колеблющимся и теряющимся въ безконечныхъ противорѣчіяхъ, тогда какъ геній Штирнера ясный, спокойный, величавый. Это мнѣніе вполнѣ раздѣляетъ Маккэй, написавшій въ прошедшемъ году любопытную біографію Штирнера[1], извѣстность котораго начинаетъ переходить и во Францію, гдѣ появился надняхъ переводъ его главнаго сочиненія[2]. Въ сущности Штирнеръ — не фамилія философа, а прозвище, данное ему въ студенческіе годы, по причинѣ его очень высокаго лба (stirn). Его звали Каспаръ Шмидтъ, и онъ родился въ Байретѣ отъ отца, умершаго въ чахоткѣ спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія сына, и отъ матери, впослѣдствіи сошедшей съ ума. Онъ слушалъ лекціи въ берлинскомъ университетѣ по филологическому факультету, но не получилъ степени доктора и долженъ былъ изъ-за куска хлѣба поступить въ 1839 году учителемъ въ пансіонъ молодыхъ дѣвушекъ. Всегда прилично одѣтый, въ серебряныхъ очкахъ и съ кудрявыми бѣлокурыми волосами, онъ пользовался любовью начальства и учениц за свои учтивыя, любезныя манеры и талантливое преподаваніе исторіи литературы. Проводя такъ спокойно и примѣрно утренніе часы каждаго дня въ пропитанной духами атмосферѣ буржуазнаго пансіона для молодыхъ дѣвушекъ, Штирнеръ посвящалъ свои вечера совершенно иному занятію. Эти вечера проходили въ оживленныхъ бесѣдахъ въ кабачкѣ Гиппеля на Фрихштрассѣ, гдѣ тогда собирался кружокъ передовыхъ берлинцевъ, называвшихъ себя свободниками, среди которыхъ первое мѣсто занималъ философъ Бруно Бауэръ. Штирнеръ болѣе молчалъ и слушалъ своихъ собесѣдниковъ, но когда ему случалось произнести съ улыбкой нѣсколько словъ, то онъ заходилъ обыкновенно гораздо дальше самыхъ радикальныхъ ораторовъ. Въ этомъ кружкѣ, который посѣщался и эманципированными женщинами, подражавшими Жоржъ Зандъ, онъ познакомился съ молодой дѣвушкой Маріей Денгартъ. Она не была красавицей, но отличалась пикантностью и имѣла маленькое состояніе въ

---

[1]) «Max Stirner. Sein Leben und sein Verk», von J. Mackay. Berlin. 1899.

[2]) «L'unique et sa propriété», par Max Stirner. Paris. 1900.

10.000 талеровъ. Они вскорѣ сошлись и стали жить вмѣстѣ, а затѣмъ поженились. Ихъ свадьба надѣлала много шуму во всемъ Берлинѣ. Для этой церемоніи философъ Бауэръ пригласилъ своего друга пастора Мората, который, явившись въ квартиру жениха и невѣсты, нашелъ тамъ въ обычной ежедневной одеждѣ, какъ Штирнера и Марію Денгартъ, такъ Бауэра и еще одного свидѣтеля. Всѣ они играли въ карты и не торопясь убрали ихъ со стола. На вопросъ пастора, есть ли Библія, таковой не оказалось, а когда дѣло дошло до колецъ, то и ихъ не было приготовлено. Бауэръ съ истинно философскимъ спокойствіемъ вынулъ изъ кармана длинный вязаный кошелекъ, снялъ съ него два мѣдныхъ кольца и подалъ пастору, увѣряя, что бракъ будетъ еще надежнѣе, укрѣпленный мѣдью, чѣмъ золотомъ. Представитель церкви исполнилъ свою обязанность и поскорѣе удалился, несмотря на всѣ приглашенія принять участіе въ приготовленномъ пиршествѣ. Несмотря на предсказаніе Бауэра, бракъ не оказался ни счастливымъ, ни долговременнымъ. Молодые были нерасчетливы, и вскорѣ деньги у нихъ прошли сквозь пальцы. Конечно, Штирнеръ отказался тотчасъ послѣ свадьбы отъ своего учительскаго мѣста и занялся печатаніемъ своего главнаго сочиненія «Der Einzige und sein Eigentum». Вскорѣ супруги стали ссориться между собою и кончили тѣмъ, что совершенно разошлись. Штирнеръ издалъ еще сочиненіе «Geschichte der Reaction», не принялъ участія въ событіяхъ 1848 года, въ которыхъ показали себя героями его друзья, и послѣ тяжелой жизни, полной лишеній и нищеты, онъ умеръ въ 1856 году. Жена его жива до сихъ поръ и живетъ спокойно въ Лондонѣ, благодаря недавно полученному наслѣдству, а до тѣхъ поръ она много бѣдствовала, эмигрировала въ Австралію, была прачкой и, наконецъ, вышла замужъ за простого рабочаго. Маккэй посѣтилъ ее въ надеждѣ получить интересныя свѣдѣнія объ ея первомъ мужѣ, но она наотрѣзъ отказалась говорить о немъ, утверждая, что никогда не любила и не уважала его, такъ какъ онъ былъ хитрымъ эгоистомъ. Какъ философъ, Штирнеръ развилъ всю свою теорію въ книгѣ подъ оригинальнымъ названіемъ «Единственный и его собственность». Доведя до крайнихъ предѣловъ ученіе Гегеля, онъ является проповѣдникомъ безграничнаго индивидуализма, принимающаго подъ его перомъ суровый, демоническій характеръ. Тогда какъ Марксъ создалъ основу современнаго соціализма, Штирнеръ выработалъ базисъ для теоретическаго анархизма. Своимъ девизомъ онъ взялъ припѣвъ одной веселой пѣсни Гете: Ich habe meine Sache auf nichts gestellt (Я основалъ мое все на ничемъ). Онъ гордо отрицаетъ проповѣдуемую Фейербахомъ религію человѣчества и разрушаетъ государство, семью, собственность. «Народъ не имѣетъ для меня ничего святого,—говоритъ онъ,—потому что все святое связываетъ человѣка узами. Я — единственный и ничего другого не признаю. Уничтоженіе всѣхъ народовъ и всего человѣчества дастъ мнѣ возможность еще болѣе возвыситься, ступая по ихъ трупамъ. Моя собственность то, что я беру. Сила все рѣшаетъ, и я разсчитываю для достиженія всего на свою силу. Я беру все, что мнѣ нужно, а мнѣ нужно все, что входитъ въ составъ всемогущества. Я люблю тѣ истины, которыя ниже меня, а истинъ выше меня я не признаю».

— Итоги XIX вѣка. Съ легкой руки Вильгельма II, который императорскимъ указомъ ввелъ въ Германіи XX вѣкъ, прежде чѣмъ кончился XIX, нѣмецкіе журналы спѣшатъ подвести итоги будто бы окончившагося столѣтія. Впрочемъ и въ другихъ странахъ, гдѣ еще продолжается XIX вѣкъ, уже нѣсколько времени журналистика занимается подобнымъ подведеніемъ счетовъ истекающаго столѣтія. Укажемъ на наиболѣе интересныя статьи по этому предмету, какъ въ послѣднихъ книжкахъ прошедшаго года, такъ и въ первыхъ нынѣшняго. Наиболѣе богатъ подобными очерками американскій журналъ «Forum», и онъ уже представилъ цѣлый рядъ инвентарей XIX вѣка съ точекъ зрѣнія философіи, образованія, рабочаго вопроса и матеріальнаго благосостоянія человѣчества. Профессоръ Іенскаго университета Эйкенъ, подводя итоги философскаго прогресса въ истекающемъ вѣкѣ [1]), дѣлитъ исторію этого прогресса на три періода: идеализма, позитивизма и примиренія позитивизма съ реализмомъ. По его словамъ, тезисъ и антитезисъ замѣняется теперь синтезисомъ и разрабатывается новая идеально-реальная философія на строго-научной подкладкѣ. «XVIII вѣкъ,—говоритъ нѣмецкій ученый,—добился освобожденія индивидуума, XIX обезпечилъ права общества, а XX-му предстоитъ слить одно и другое въ одно гармоническое цѣлое, для чего придется произвести радикальную перемѣну въ нашихъ идеяхъ о человѣческой жизни». Ректоръ одного изъ американскихъ университетовъ, Твингъ [2]), разсматривая образовательныя задачи, передаваемыя настоящимъ столѣтіемъ будущему, указываетъ, что онѣ заключаются въ соединеніи единства и индивидуальности въ занятіяхъ, общаго развитія и спеціальныхъ знаній въ воспитаніи, жизненности и серіозности въ учителяхъ, культуры и умственной силы въ ученикахъ». Для разрѣшенія этихъ задачъ нашъ вѣкъ передастъ своему преемнику одно важное безцѣнное орудіе, это общій живой интересъ къ воспитанію и образованію, которые дѣлались основной силой въ современной жизни. Школьный учитель всегда составлялъ важный элементъ, но онъ былъ подчиненъ другимъ факторамъ и не игралъ первенствующей роли. Прежде школьный учитель шелъ пѣшкомъ въ толпѣ, а теперь онъ предводительствуетъ верхомъ этой толпой: онъ сдѣлался вожакомъ и будущимъ всеобщимъ повелителемъ. Ни въ одной отрасли жизни не сдѣлалъ XIX в. такого громаднаго прогресса, не выработалъ такихъ разумныхъ методовъ и не возбудилъ такого энтузіазма, какъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія и образованія». Подвести матеріальный инвентарь XIX столѣтія взялъ на себя профессоръ Шенгофъ [3]) и, опровергая теорію Мальтуса, доказываетъ, что каждому умноженію народонаселенія соотвѣтствуетъ пропорціональное производство, благодаря воздѣлыванію новыхъ территорій и общему прогрессу. Онъ сравниваетъ въ этомъ отношеніи положеніе Франціи и Англіи. Почва Франціи, по его словамъ, вполнѣ благопріятна для земледѣлія, а почва Англіи

---

[1]) Progress of philosophy in the XIX century, by pr. Euken. «Forum». Semptember 1899.

[2]) Educational problems of the XX century, by C. Thwing. «Forum». Nevember 1899.

[3]) «A centennial stocktaking: the aspect», by M. Schoenhof. «Forum». August 1899.

гораздо менѣе плодородна, благодаря сырому климату. Однако съ 1854 года земледѣльческое производство Англіи вдвое болѣе, чѣмъ во Франціи, и Шенгофъ видитъ причину этого въ бóльшей политической свободѣ, какою пользуется первая страна. «За политическимъ прогрессомъ,—говоритъ онъ,— всегда слѣдуетъ экономическій. Не даромъ еще Монтескье сказалъ: «страны воздѣлываются не соразмѣрно ихъ плодородію, а соразмѣрно ихъ свободѣ». Въ Швейцаріи, Норвегіи, Голландіи, Бельгіи и Германіи земледѣльческое производство значительнѣе, чѣмъ во Франціи. Россія и Италія находятся въ этомъ отношеніи на той степени, на какой стояли Франція сто лѣтъ тому назадъ, а Англія двѣсти. Если бы земледѣліе во Франціи достигло такого же совершенства, какъ въ Бельгіи, то его производство увеличилось бы на 300.000 гектолитровъ въ годъ, а если бы земледѣліе въ Россіи сравнялось съ тѣмъ, что дѣлается во Франціи, то его ежегодное производство возвысилось бы на милліардъ гектолитровъ». Приводя цифры о матеріальномъ прогрессѣ за послѣднія 100 лѣтъ, относительно производства первыхъ предметовъ потребленія Шенгофъ считаетъ, что человѣчество не должно опасаться въ будущемъ недостатка въ пищѣ, благодаря расширенію принциповъ свободы и научныхъ открытій, что составляетъ главную характеристическую черту истекающаго вѣка. Что касается до рабочаго вопроса, то Вальтеръ Скайфъ ограничивается только картиной столѣтнихъ успѣховъ рабочаго законодательства во Франціи [1]). «Что выигралъ французскій рабочій въ продолженіе вѣка, протекшаго со времени революціи?,— говоритъ онъ,— на это легко отвѣтить: французскій рабочій перешелъ отъ законнаго рабства къ теоретической свободѣ, отъ нищеты къ сравнительно удобной жизни, отъ дебрей невѣжества къ основамъ знанія, отъ безпомощнаго одиночества къ сильной коопераціи, однимъ словомъ отъ безнадежнаго несчастія къ надеждѣ прогресса. Несмотря на политическія смуты, народныя возстанія, кровавыя революціи и еще болѣе кровавыя чужеземныя вторженія, XIX вѣкъ много сдѣлалъ въ дѣлѣ улучшенія, образованія и усиленія рабочаго класса. Въ послѣдніе свои дни онъ поставилъ рабочаго инвалида на одну ногу съ военнымъ инвалидомъ. На зарѣ XX столѣтія третья республика почти, если не совершенно, исполнитъ обѣщаніе первой республики обезпечить французскому гражданину его собственность, заработную плату и пенсію подъ старость». Французскій публицистъ баронъ Пьеръ де Кубертенъ помѣстилъ въ нѣсколькихъ номерахъ англійскаго журнала «Fortnightly review» историческій очеркъ Франціи въ XIX вѣкѣ подъ заглавіемъ «Франція съ 1814 года» [2]) и, въ концѣ концовъ, приходитъ къ заключенію, что свобода и республика пустили надежные корни во французской почвѣ и обезпечили Франціи дальнѣйшій прогрессъ путемъ эволюціи, а не революціи. «Республика,—говоритъ онъ,—удержалась, благодаря разумности всеобщей подачи голосовъ, которая дала мужественный отпоръ всѣмъ попыткамъ побѣжденнаго меньшинства возстановить призраки

---

[1]) «A century's labur legislation in France», by W. Scaife. «Forum». October 1899.

[2]) «France since 1814», by baron Pierre de Coubertin. «Fortnightly review». September—december 1899.

прошлаго, но, чтобы достигнуть своей совершенной формы, ей придется еще побороть много преградъ, а главное уничтожить централизацію, созданную первой республикой и торжественно подтвержденную Наполеономъ. Когда наступитъ этотъ день, то возстановятся истинныя историческія традиціи Франціи, и навсегда она освободится отъ Бонапартистскаго кошмара». Во французской журналистикѣ можно указать только на двѣ статьи, подводящія итоги истекающаго столѣтія относительно литературы и средствъ передвиженія. Первый предметъ разсматриваетъ первый современный французскій критикъ и редакторъ «Revue de deux mondes» Брюнетьеръ въ предпослѣдней книжкѣ своего журнала за прошедшій годъ, подъ заглавіемъ «Очеркъ европейской литературы XIX вѣка» [1]. Этотъ этюдъ войдетъ въ приготовленную къ печати книгу «Вѣкъ», и въ немъ авторъ старается начертать кривую линію литературной эволюціи за истекающія сто лѣтъ. Съ нимъ нельзя не согласиться, когда онъ доказываетъ, что ни въ одномъ вѣкѣ литература не пережила такого радикальнаго превращенія, какъ въ нашемъ, и что литература будущаго вѣка будетъ космополитическая и соціальная, къ достиженію чего и стремилась она въ продолженіе XIX столѣтія, но какъ только онъ задается цѣлью подтвердить чудовищный парадоксъ, что кривая линія эволюціи литературы нашего вѣка привела ее къ тому пункту, съ котораго она началась, т. е. къ эпохѣ Шатобріана и Жозефа де-Местра, то нельзя не пожалѣть, что этотъ талантливый критикъ, недавно посѣтившій папу, такъ увлекся мистическимъ клерикализмомъ. Что XIX вѣкъ не могъ въ литературѣ вернуться назадъ, доказываетъ статья въ клерикальномъ журналѣ «Correspondent», гдѣ ученый профессоръ Лаппаранъ краснорѣчиво разсказываетъ объ экономическомъ и научномъ прогрессѣ этого столѣтія подъ заглавіемъ «Средства сообщенія въ концѣ вѣка» [2]. По его словамъ, въ началѣ этого вѣка не было и помина о желѣзныхъ дорогахъ, а теперь во всемъ свѣтѣ ихъ 600.000 километровъ, и онѣ представляютъ капиталъ въ 175 милліардовъ франковъ, а въ одной Франціи въ 1897 году проѣхало по желѣзнымъ дорогамъ 343 милліона путешественниковъ, то-есть 240 въ день. При этомъ цѣна передвиженія въ четыре раза стала дешевле, чѣмъ въ старинныхъ дилижансахъ. Основываясь на совершенномъ прогрессѣ, профессоръ считаетъ возможнымъ предсказать, что въ наступающемъ вѣкѣ будетъ изобрѣтенъ новый способъ передвиженія въ воздушныхъ шарахъ, такъ какъ, по справедливому его замѣчанію, управлять шарами не представляется не возможнѣе, чѣмъ передача мысли по безпроволочному телеграфу, чего добился XIX вѣкъ въ свои послѣднія минуты. Если мы перейдемъ къ нѣмецкой журналистикѣ, то остановимся прежде всего на статьѣ Макса Леви въ январьской книжкѣ «Deutsche Rundschau» объ эволюціи великихъ силъ XIX вѣка. Еще только напечатана первая часть этой статьи, и въ ней авторъ, разсматривая историческія теоріи, появившіяся въ Германіи за сто лѣтъ, опредѣляетъ значеніе Нибура,

---

[1] «Etude sur la literature europeenne au XIX siècle», par E. Brunetiere. «Revue des deux mondes». 1 decembre. 1899.

[2] «La circulation a la fin du siècle», par A. Lapparant. «Correspondent». Decembre 1899.

Ранке, Гервинуса, Шлоссера, Рохау, Гейсера, Ротека, Лео, Дальмана и другихъ. Профессоръ Страсбургскаго университета Теобальдъ Циглеръ въ январьскомъ номерѣ «Neue Deutsche Rundschau» въ очеркѣ, озаглавленномъ «На порогѣ новаго вѣка», представляетъ синтезъ XIX столѣтія въ Германіи. Этотъ пламенный сторонникъ Бисмарка развиваетъ уже сильно устарѣвшую идею, что система огня и желѣза воплощаетъ нашъ вѣкъ, и пытается не только объяснить совершенный ею въ теченіе ста лѣтъ прогрессъ въ Германіи, но совѣтуетъ нѣмцамъ въ наступающемъ столѣтіи придерживаться той же «теоріи мощнаго эгоизма». Наконецъ Куртъ-Эйзнеръ въ декабрьской книжкѣ того же журнала строго критически относится къ умирающему вѣку въ блестящемъ этюдѣ подъ заглавіемъ «Послѣдняя воля столѣтія». Въ этомъ этюдѣ три друга: филологъ, докторъ и «никто», обсуждаютъ завѣщаніе XIX столѣтія. Послѣдній собесѣдникъ, опредѣляющій свою личность тѣмъ, что онъ «ничто», цинично, но не безъ логики доказываетъ, что спеціализмъ былъ проклятіемъ истекающаго столѣтія, такъ какъ посвящая цѣлую жизнь на изученіе лѣвой задней ноги лягушки, или третьяго лица единственнаго числа прошедшаго времени неправильныхъ глаголовъ, человѣкъ забываетъ человѣчество и не можетъ создать ничего истинно полезнаго, а потому, чтобы будущій вѣкъ былъ счастливѣе нашего, мы должны передать ему наслѣдіе XVIII вѣка, именно царство здраваго смысла. Наконецъ, чтобы покончить съ литературой итоговъ XIX столѣтія, упомянемъ, что въ Венеціи профессоръ Фраделетто организовалъ цѣлый рядъ лекцій, которыя будутъ потомъ изданы подъ общимъ заглавіемъ «Il testamento del secolo». Завѣщаніе вѣка будетъ изложено различными компетентными спеціалистами, такъ депутатъ Эмиліо Пинкіа разсмотритъ соціальное движеніе въ XIX столѣтіи, а депутатъ Галинберти — религіозное, маркизъ Филиппо Кристольти представитъ очеркъ папства въ истекающемъ столѣтіи, Уго Ойетти — литературы и искусства, Джильберто Секретанъ — общественной жизни, Пьетро Масканьи — музыки, докторъ Морасса — индивидуальнаго счастья и т. д.

— Смерть Рёскина. Вся Англія оплакиваетъ смерть Джона Рёскина, послѣдняго изъ великихъ титановъ ея современной литературы, если не считать Спенсера. По словамъ Л. Н. Толстого, «это былъ величайшій геній своего времени», а знаменитая романистка Джорджъ Элліотъ считала его «однимъ изъ величайшихъ учителей нашего вѣка». Какъ проповѣдникъ красоты и истины въ искусствѣ жизни, какъ соціальный эстетикъ и эстетическій соціалистъ, онъ имѣлъ бо́льшее вліяніе на нѣсколько англійскихъ поколѣній, чѣмъ кто либо изъ другихъ мыслителей XIX вѣка, не исключая Карлайя, ученикомъ котораго онъ себя считалъ. Одинаково замѣчательный прозаикъ, критикъ и эстетикъ, Рёскинъ въ художествѣ отстаивалъ прекрасное и въ соціальной жизни преслѣдовалъ все уродливое. Главной отличительной чертой и величайшимъ достоинствомъ его литературной и общественной дѣятельности былъ тотъ необыкновенный фактъ, что онъ одинаково велъ борьбу за красоту и противъ уродства во всемъ, не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Получивъ отъ отца огромное состояніе, онъ израсходовалъ болѣе двухъ милліоновъ на осуществленіе своихъ художественныхъ и соціальныхъ идей. Съ одной стороны, онъ создалъ цѣлую школу ху-

дожниковъ прерафаэлитовъ, положившихъ въ основу искусства—правду и искренность, а также группу артистовъ соединявшихъ художественную истину съ соціальной, съ другой же—читалъ лекціи объ изящномъ искусствѣ въ Оксфордскомъ университетѣ, основалъ рисовальную школу для народа, открывалъ народные музеи, организовалъ кооперативную колонію и всячески старался улучшить умственное и матеріальное положеніе рабочаго класса. Какъ это ни странно звучитъ, а для него художественная красота непремѣнно должна была соединяться съ уничтоженіемъ соціальнаго уродства. «Каждый защищаемый мною принципъ живописи,—писалъ онъ,—я вывелъ изъ анализа человѣческой жизни и человѣческой души. Въ моихъ сочиненіяхъ объ архитектурѣ я всегда выбиралъ рѣшающимъ критеріемъ для опредѣленія достоинства той или другой школы вліяніе, которое она имѣла на жизнь рабочаго, до чего вовсе не касались другіе писатели». 81 годъ жилъ этотъ поклонникъ красоты, природы и правды, 63 года проводилъ онъ свои идеи словомъ, перомъ и дѣломъ, а когда наконецъ умеръ отъ продолжительной болѣзни, порожденной умственнымъ утомленіемъ, то вся страна признала съ благодарностью, что онъ не даромъ жилъ, не даромъ писалъ, не даромъ училъ. По общему приговору, какъ критиковъ такъ и всего англійскаго народа, онъ былъ одинъ изъ немногихъ свѣточей, которые чисто, ясно, лучезарно блестятъ среди туманной мглы современной жизни. Много въ Англіи писали о Рёскинѣ съ эстетической и соціальной точекъ зрѣнія, а наднихъ выйдетъ подробный и основательный трудъ Спильмана объ его жизни и дѣятельности, но до сихъ поръ можно только указать на помѣщенные біографическіе этюды о немъ въ «Academy» [1]) и «Atheneum» [2]). Собственно жизнь Рёскина, какъ большей части писателей, не представляетъ сенсаціонныхъ эпизодовъ, или драматическихъ перипетій. Сынъ богатаго виноторговца, онъ родился 8 февраля 1819 года въ Лондонѣ и получилъ прекрасное домашнее воспитаніе, подъ личнымъ руководствомъ доброй, высоко-нравственной матери и почтеннаго культурнаго отца, который свободное отъ торговли время посвящалъ поклоненію красотамъ природы и искусства. Съ этой цѣлью онъ ежегодно посѣщалъ съ женою и сыномъ живописнѣйшія мѣстности и художественныя сокровища своей родины и Европы. Конечно, это была прекрасная жизненная подготовка для юноши, и онъ впослѣдствіи говорилъ, что поэтическое зрѣлище Шафгаузена и Женевскаго озера возбудило въ его душѣ и умѣ тѣ чувства и мысли, которыя придали опредѣленную окраску всей его жизни. Мало думалъ его отецъ, что таково будетъ вліяніе принятаго имъ метода воспитанія, такъ какъ, по словамъ самого Рёскина, богатый виноторговецъ имѣлъ на него самые буржуазные, честолюбивые виды, а именно онъ мечталъ, что сынъ поступитъ въ университетъ, подружится тамъ съ аристократами, получитъ ученую степень, сдѣлается моднымъ пасторомъ, женится на дочери лорда, будетъ писать стихи, какъ Байронъ, но въ религіозномъ духѣ, станетъ произносить проповѣди, какъ Босюэ, но съ протестантскимъ оттѣнкомъ, и сдѣлается сначала епископомъ, а потомъ примасомъ Англіи. Почтенный винотор-

---

1) Mr John Buskin, «Atheneum», 27 january 1900.

2) The making of Ruskin. Buskin's prose style. Academy, 27 january 1900.

говецъ, хотя и ошибся въ своихъ надеждахъ, но, доживъ до глубокой старости, быть можетъ, и примирился съ мыслью, что его сынъ сдѣлался однимъ изъ величайшихъ мыслителей своей родины и благодѣтелей англійскаго народа. Поступивъ въ 1836 году въ Оксфордскій университетъ, Рёскинъ вышелъ оттуда черезъ три года безъ особо блестящихъ успѣховъ. Затѣмъ, онъ сталъ заниматься живописью и литературой, а жилъ самымъ скромнымъ образомъ со своими старыми родителями. Первымъ его сочиненіемъ была «Поэзія архитектуры», которое удивило всѣхъ образностью языка и оригинальными художественными теоріями. Эти теоріи онъ окончательно развилъ въ пяти томахъ «Современныхъ живописцевъ», которые выходили въ различное время отъ 1843 до 1860 года. Въ этотъ промежутокъ времени онъ съ одной стороны проповѣдывалъ свои эстетическія идеи, въ цѣломъ рядѣ трудовъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны «Венеціанскіе камни» и «Семь свѣточей архитектуры», а съ другой—читалъ лекціи рабочимъ о связи эстетики съ соціальной этикой, которыя потомъ были изданы отдѣльными сборниками, подъ заглавіемъ: «Этика пыли», «Вѣчная радость», «Два пути» и т. д. Въ 1860 году онъ отвернулся на время отъ художественной критики и провелъ 10 лѣтъ въ Швейцаріи, гдѣ изучалъ соціальные вопросы и написалъ цѣлый рядъ книгъ, изъ которыхъ слѣдуетъ главнымъ образомъ упомянуть «До послѣдняго», «Munera pulveris», «Время и теченія», «Царица воздуха» и т. д. Въ 1870 году онъ вернулся въ Англію, занялъ въ Оксфордѣ каѳедру изящнаго искусства и сдѣлался общественнымъ реформаторомъ. Такъ прошло еще 10 лѣтъ, впродолженіе которыхъ онъ написалъ немало книгъ, брошюръ и статей, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣютъ: «Fors clavigera» и «Preterita». Въ 1880 г. у него открылась болѣзнь мозга, и послѣднія двадцать лѣтъ Рёскинъ провелъ въ Брантвудѣ близъ Конистона въ живописной озерной мѣстности. Хотя по временамъ онъ все-таки писалъ и тамъ окончилъ свое послѣднее сочиненіе «Preterita», имѣющее въ нѣкоторыхъ главахъ автобіографическій характеръ, онъ уже болѣе не былъ прежнимъ Рёскинымъ. Частная его жизнь не была счастливой, и женившись поздно, онъ вскорѣ разошелся съ женою. Наконецъ, 20 января настоящаго года, не доживъ только нѣсколько дней до 81 годовщины своей жизни, онъ спокойно умеръ и похороненъ на сельскомъ кладбищѣ Конистона. Хотя и былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы его похоронить на государственный счетъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, но общественное мнѣніе настояло, чтобы исполнено было давно выраженное имъ желаніе покоиться вѣчнымъ сномъ въ любимой имъ живописной мѣстности.

— Викторія миротворица. Подъ этимъ заглавіемъ анонимный авторъ помѣстилъ во второй январьской книжкѣ «Revue des Revues» любопытный перечень всѣхъ войнъ, которыя велись Англіей въ мирное царствованіе Викторіи [1]). По словамъ этой статьи, англичане гордятся мирнымъ благоденственнымъ царствованіемъ своей королевы и называютъ ее Викторіей-миротворицей; но если посмотрѣть на оборотную сторону медали, то окажется, что впродолженіе 63-лѣтняго ея царствованія произошло 25 войнъ, которыя заняли около

[1]) Victoria la Pacifique. Revue des Revues. 15 janvier. 1900.

половины этой будто бы мирной эпохи. Первой войной Викторіи было кровавое усмиреніе возставшаго туземнаго населенія Канады, тотчасъ по вступленіи на престолъ молодой королевы. Затѣмъ, отъ 1840 до 1842 года свирѣпствовала позорная война съ Китаемъ изъ-за торговли опіемъ. Дѣло было въ томъ, что англійскіе торговцы изъ Индіи долго отравляли бѣдныхъ китайцевъ этимъ наркотическимъ средствомъ, а когда китайское правительство, наконецъ, запретило его ввозъ, то англичане объявили войну, сожгли Шанхай и осадили Нанкинъ, вслѣдствіе чего китайцы просили мира, уступили Англіи островъ Гонгъ-Конгъ и дозволили попрежнему отравлять себя. Между тѣмъ, англійскій флотъ изъ-за пререканія съ Египтомъ бомбардировалъ мирные города Бейрутъ и Акру. Въ 1841 году состоялась первая афганская экспедиція съ цѣлью лишить престола кабульскаго эмира Доста-Магомета и посадить на его мѣсто ставленника Англіи, что и было исполнено съ большимъ кровопролитіемъ. На слѣдующій годъ сынъ Доста-Магомета, Акбаръ-Ханъ возбудилъ возстаніе, умертвилъ англійскихъ представителей и безжалостно вырѣзалъ всю англійскую армію въ 4.500 человѣкъ. Конечно, англичане жестоко за это отомстили и прошли съ огнемъ и мечемъ черезъ весь Афганистанъ. Въ томъ же году произошли двѣ экспедиціи противъ Синда и Пенджаба, которыя окончились присоединеніемъ къ Англіи этихъ странъ. Съ 1850 до 1853 года англичане воевали съ кафрами въ Южной Африкѣ и въ то же время сражались съ Бирманіей, отъ которой отняли городъ Рангунъ. Въ 1853 году вспыхнула крымская война, которая продолжалась 2 года и стоила Англіи 14 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и 24.000 человѣческихъ жертвъ. Въ то же время англійское правительство посылало экспедицію противъ Персіи, гдѣ овладѣла Буширомъ и другими городами подъ предлогомъ оградить Гератъ отъ внезапнаго набѣга. Едва Англія оправилась отъ потерь, понесенныхъ въ крымскую кампанію, какъ возникло возстаніе сипаевъ, которое было безжалостно залито кровью, и еще не кончилась эта кровавая расправа, какъ англичане послали экспедицію въ Пекинъ, гдѣ ограбили императорскій дворецъ. Въ 1862 году Англія вела ожесточенную войну съ туземцами острововъ Тихаго океана и присоединила къ своимъ владѣніямъ Новую Зеландію. Затѣмъ, начинается цѣлый рядъ африканскихъ кампаній противъ ашантіевъ, абиссинцевъ, снова ашантіевъ и зулусовъ. Въ 1881 году возникла первая война съ боэрами, и англичане потерпѣли громадное пораженіе при Маюбѣ. Годъ спустя, они бомбардировали Александрію, разбили египетскую армію и овладѣли всей страной. Затѣмъ, произошла экспедиція въ Суданъ для спасенія Гордона, который, однако, погибъ, и англичане удалились назадъ. Наконецъ, въ 1898 году предпринятъ былъ вторичный суданскій походъ, и власть магдія уничтожена. Еще ранѣе состоялась экспедиція въ Бирманію, которая и присоединена къ владѣніямъ Англіи. Такимъ образомъ, настоящая война съ Трансваалемъ по счету двадцать пятая въ царствованіе Викторіи-миротворицы.

— Славяне въ Ганноверѣ. Послѣдняя народная перепись въ Пруссіи 1890 г. открыла [1]) присутствіе маленькой горсти славянъ въ Ганноврѣ: 585

---

[1]) Preussische Statistik. 121. Th. I. Die endgültigen Ergebnisse der Volkszählung im Preuss. Staate vom 1 December 1890. Berlin. 1893.

человѣкъ (258 мужч. и 327 женщ.) среди населенія ганноверскаго «Вендланда» признали свой родной языкъ славянскимъ (вендскимъ). Въ офиціальномъ германскомъ отчетѣ объ этой переписи села, въ коихъ живутъ эти остатки древнихъ языческихъ славянъ, почему-то непоименованы. Но среди германскихъ ученыхъ нашелся одинъ правдивый человѣкъ г. Фирксъ, который не пожелалъ скрывать присутствіе славянъ въ извѣстныхъ селахъ «Вендланда» и переименовалъ ихъ слѣдующемъ порядкѣ, въ своемъ сочиненіи «Die preussische Bevölkerung nach ihrer Muttersprache und Abstammung» (въ Zeitschrift des königlich. preuss. statistischen Bureaus, Berlin, 1899, XXXIII, стр. 266): Schletau, Bockleben, Witzeetze, Simander, Volzendorf, Predöhl, Trabuhn, Schwesnau, Kriwitz, Köhlen, Schreyahn, Banzau, Lütenthien, Külitz, Proitze, Vasenthien, Tobringen, Gross Breese, Nemitz, Lanze, Preselle, Thurau, Meuchefitz, Kremlin, Ganse, Mammoisiel, Gross, Klein, Sachau, Diahren, Klein Gaddau». Изрядное число таковыхъ селъ съ славянскимъ языкомъ можетъ убѣдительно говорить, что число славянъ въ ганноверскомъ «Вендландѣ», несомнѣнно, больше офиціальной цифры правительственной переписи. Эти славяне должны быть признаны аборигенами занимаемыхъ ими нынѣ мѣстностей на лѣвомъ берегу р. Эльбы; тутъ въ языческую пору жили полабскія славянскія племена: древляне, глиняне и лучане. Въ настоящее время эти славяне представляютъ островокъ въ германскомъ морѣ. Ганноверскій «Вендландъ» обнимаетъ 13 квадр. миль; въ 1861 г. было насчитано 187 деревень и 31.196 душъ. Древностью славянской этого края стали заниматься въ концѣ XVII в.; пасторъ Геннигъ въ Вустровѣ и Фр. Пфеффингеръ сохранили кое-что изъ языка ганноверскихъ славянъ этого столѣтія, а въ XVIII в. крестьянинъ изъ славянъ этого края аутодидактъ И. Шульцъ составилъ даже хронику своего прихода, гдѣ говоритъ о народныхъ славянскихъ обычаяхъ и къ тому же присоединилъ матеріалъ славянскаго говора съ нѣмецкимъ переводомъ. Его продолжали бургомистръ Ф. Мюллеръ и Домейеръ; послѣдній выписалъ матеріалъ изъ старыхъ замѣтокъ одного пастора въ Даненбергѣ, XVII в. Наконецъ, въ 1780 г. этимъ же дѣломъ занимался окружной секретарь въ Людавѣ, г. Гинцъ, а въ началѣ XIX в. мѣстный физикъ въ Люнебургѣ И. Г. Юглеръ составилъ люнебургско-славянскій словарь (въ рукописи). До послѣдней прусской переписи 1898 г. утверждали, что въ деревнѣ Креммелинѣ въ началѣ 1798 г. скончался крестьянинъ Варрацъ, послѣдній человѣкъ, знавшій молитву «Отче нашъ» на языкѣ своихъ предковъ—славянъ, если не считать обмолвокъ въ географическомъ описаніи «Вендланда», сдѣланномъ въ 1862 г. г. Геннигомъ. Странно, что А. Ѳ. Гильфердингъ до выхода этой послѣдней книги г. Геннига призналъ, что языкъ полабскихъ славянъ исчезъ въ первой четверти XIX в. (Памятн. языка полабс. слав.). Въ произношеніи населенія Ганновера, говорящаго по-нѣмецки, замѣчается исчезновеніе звука h (г) тамъ, гдѣ онъ имѣется въ чистомъ нѣмецкомъ произношеніи, напримѣръ: вмѣсто Herr Amtmann von Harling ist hier произносятъ въ Ганноверѣ «Er haimtmann von Arling his ihr»; это же явленіе наблюдается и въ другихъ мѣстностяхъ нѣмецкихъ, возникшихъ на мѣстѣ прежнихъ языческихъ полабскихъ славянъ.

— Изъ обычаевъ и вѣрованій американскихъ племенъ. Издающійся въ Нью-Іоркѣ, подъ редакціей В. В. Невелля, американскій журналъ «The journal of American Folk-lore» даетъ очень интересныя свѣдѣнія объ обычаяхъ, нравахъ и вѣрованіяхъ различныхъ американскихъ племенъ. Что касается населенія Мексики, то въ немъ имѣется немало родовъ мавританскаго происхожденія. По обѣимъ сторонамъ рѣки Брезоли, раздѣляющей двѣ республики Сѣверной Америки, обычаи представляютъ смѣсь двухъ элементовъ: мѣстнаго и пришлаго мавританскаго; мавританскій элементъ значительно измѣнился на почвѣ испанской, слѣды чего проявляются и въ одеждѣ, и въ особенности въ архитектурѣ. На храмахъ часто встрѣчаются мавританскіе куполы, а дома сохранили форму восточную. Населеніе Мексики очень любитъ сладости и кофе. Увеселеніе составляетъ бой пѣтуховъ и танцы. Отношеніе мужчины къ женщинамъ своеобразное: мужчина выше всего цѣнитъ женщину некрасивую и въ солидныхъ лѣтахъ; дѣвицы никогда и нигдѣ не показываются однѣ. Выраженіе расположенія между парнемъ и дѣвицей происходитъ при слѣдующихъ условіяхъ, во время танцевъ. Когда дѣвицѣ понравился парень, она заявляетъ свое желаніе потанцовать съ нимъ; средство для этого слѣдующее: она беретъ яйцо, наполненное духами (оно на американскомъ языкѣ называется «cascacon» и замѣняетъ европейскіе флакончики), и разбиваетъ на головѣ парня, который въ свою очередь долженъ сдѣлать то же на головѣ дѣвицы. Это безспорно мавританскій обычай; по крайней мѣрѣ, арабскіе писатели свидѣтельствуютъ, что при женитьбѣ сына Гарунъ-аль-Рашида въ Багдадѣ бросали въ народъ деньги и скорлупу яицъ. Вообще мужчины очень вѣжливы съ женщинами. Замѣчательно также и отношеніе богатаго человѣка къ бѣдному: на улицѣ богатый первый кланяется бѣдному. Мексиканцы—фаталисты въ той же степени, что и мусульмане; всѣ болѣзни, по ихъ понятіямъ, происходятъ отъ чародѣйствъ. Кромѣ чародѣйства, жители Соединенныхъ Штатовъ причину болѣзней видятъ вообще въ отравѣ; отъ болѣзни можетъ излѣчить только знахарь; нѣкоторые изъ знахарей, по народному вѣрованію, могутъ принять видъ животныхъ. Племя Наваго обращаетъ на себя вниманіе своими вѣрованіями. Племя это насчитываетъ не больше 10.000 душъ и живетъ преимуществу на территоріи Новой Мексики и Аризоны; его занятіе — скотоводство. Племя это имѣетъ свою миѳологію, священныя пѣсни, устно передаваемыя отъ поколѣнія къ поколѣнію, и даже свою музыкальную систему, тогда какъ другія дикія племена довольствуются раздирающими криками. По свидѣтельству ихъ священныхъ пѣсенъ, было нѣсколько перемѣнъ человѣческаго рода. Сначала были люди совсѣмъ иного рода; они часто мѣняли мѣсто своего жительства: поочередно они были въ свѣтѣ красномъ, голубомъ, желтомъ и темномъ. Во время ихъ пребыванія въ этомъ послѣднемъ свѣтѣ явился богъ огня, который заявилъ имъ, что создастъ лучшій человѣческій родъ. И дѣйствительно, съ помощью другихъ боговъ, онъ создалъ мужчину и женщину, душу которымъ далъ вѣтеръ. Нынѣшніе люди — потомки этихъ первыхъ людей; они населяютъ пятый міръ, значительно лучшій всѣхъ предыдущихъ. Среди индійцевъ англійской Колумбіи имѣется тайное общество людоѣдовъ, называемое «Nisua». Число членовъ этого общества ограниченное; новый членъ

можетъ войти въ общество за смертью другого или за свободнымъ удаленіемъ изъ него. Вновь принимаемый членъ разрываетъ собаку на куски въ знакъ того, что онъ также будетъ поступать со всякимъ, не принадлежащимъ къ этому обществу, если этотъ будетъ преграждать ему путь. Послѣ принятія въ общество новый членъ общества въ теченіе года уединенно живетъ въ своемъ домѣ или въ какой либо гробницѣ. Малѣйшее отступленіе отъ ритуала влечетъ за собой смерть нарушителя и свидѣтелей. Въ разныхъ мѣстностяхъ, расположенныхъ вблизи Ріо-Гранде, различныя племена молятся по обряду мусаяковъ передъ особыми алтарями. Культъ вообще символическій. Алтарь составляется такъ: два столба соединяются сверху перекладиной, на столбахъ дѣлается орнаментація въ видѣ линій, символизирующихъ дождь. Передъ столбами стоитъ скамья изъ кукурузы; съ правой стороны лежатъ двѣ доски съ символами дождевыхъ тучъ. На возвышеніи, сдѣланномъ изъ песку, стоятъ двѣ фигурки безъ рукъ, съ небольшими выпуклостями вмѣсто ушей и выгнутыми на лицѣ треугольниками. Съ верхней перекладины свѣшиваются куски дерева зигзагами, что означаетъ молнію. Племя тетсаутовъ, обитающее въ Сѣверной Колумбіи и на прибрежьи фіорда Portland julet (между Аляской и англійской Колумбіей) и находящееся на низкой степени умственнаго развитія, имѣетъ своеобразное преданіе о потопѣ. Вотъ оно: племена орла и волка, видѣвъ подымавшіяся воды и не имѣя возможности спасти себя, спрятали своихъ дѣтей въ деревьяхъ выдолбленныхъ. Когда потопъ прошолъ и земля высохла, спасенные вышли на землю и произвели новое поколѣніе, а тетсауты — ихъ потомки. Это племя своеобразно объясняетъ образованіе тучъ, горъ, рѣкъ, морей и проч. Такъ, по одному преданію, туча-женщина была женой одного индійца, отъ котораго она имѣла сына и дочь; на землѣ она могла оставаться до тѣхъ поръ, пока кто нибудь въ ея присутствіи не произнесетъ слова «туча»; ея же сынъ и произнесъ слово «туча», и она моментально превратилась въ тучу и исчезла навсегда, унесши съ собою бывшую на ея рукахъ дочку. Происхожденіе рѣкъ, морей, горъ объясняетъ это племя такъ же, какъ и въ арійскихъ сказкахъ: преслѣдуемый чудовищемъ бросаетъ, напримѣръ, яйцо, и изъ него выростаетъ гора; бросаетъ онъ зеркальце и образуется море; бросаетъ вѣтку, и выростаетъ дремучій лѣсъ. Американское населеніе, какъ и европейское, вѣритъ, что прибитая къ дому подкова приноситъ счастье обитателямъ его. Племя Микмани вѣритъ въ горнаго громаднаго червя, который приноситъ несчастье тому, кому онъ покажется; онъ похожъ на сгонога; нерѣдко онъ идетъ за охотникомъ, у котораго, обыкновенно, въ такомъ случаѣ охота бываетъ неудачная; ни огонь, ни вода, ни желѣзо не устрашаютъ этого червя. Единственное средство избавиться отъ него—дать ему поѣсть. Племя это вѣритъ въ особый чародѣйскій звонокъ, доставляющій обладателю его удачу въ любви, вѣритъ оно въ трубку, изъ которой каплетъ кровь, когда другъ или родственникъ обладателя этой трубки погибъ насильственной смертью.

СМѢСЬ.

ЧЕСТВОВАНІЕ памяти Ломоносова. І. 2-го января въ большой залѣ политехническаго музея происходили публичныя торжественны засѣданія императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи и его химическаго отдѣленія по случаю исполнившагося 150-тилѣтія открытія Ломоносовымъ первой русской химической лабораторіи. Въ глубинѣ залы помѣщалась эстрада, декорированная лавровыми деревьями и пальмами, на которой возвышалась каѳедра, а вокругъ нея размѣщены бюстъ М. В. Ломоносова и два его портрета изъ коллекцій гр. И. Г. Ностица и А. Е. Носа. Въ засѣданіи присутствовали ректоръ Московскаго университета А. А. Тихомировъ, профессоры Московскаго и нѣкоторыхъ другихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, члены общества и посторонняя публика. Засѣданіе открылъ президентъ общества Д. Н. Анучинъ, обратившійся къ собранію съ рѣчью слѣдующаго содержанія: «Въ исторіи прошлаго часто ищутъ аналогій съ настоящимъ и поучительныхъ указаній для будущаго. Но еще большее значеніе имѣетъ исторія для осмысленнаго пониманія настоящаго, для уясненія эволюціи или развитія различныхъ сторонъ и явленій человѣческой культуры. Къ числу этихъ явленій принадлежитъ и наука, въ области которой также представляетъ важность и интересъ по-временамъ оглядываться на прошлое, отмѣчать послѣдовательные успѣхи въ фактическомъ знаніи, воспроизводить въ памяти ходъ развитія научной мысли. Это воспроизведеніе прошлаго науки немыслимо безъ воспоминанія объ ея дѣя-

телях, о личностяхъ, которымъ наука обязана существеннымъ обогащеніемъ, которыя прокладывали въ ней новые пути, содѣйствовали ея успѣхамъ, боролись за ея достоинство. Такое воспоминаніе о выдающихся дѣятеляхъ прошлаго въ области знанія не только полезно и поучительно, но оно для насъ нравственно обязательно. Какъ церковь чтитъ память своихъ подвижниковъ, основавшихъ и укрѣпившихъ религіозное ученіе, такъ корпорація ученыхъ должна относиться съ уваженіемъ и признательностью къ тѣмъ выдающимся своимъ предшественникамъ, которымъ особенно обязанъ своимъ основаніемъ и сооруженіемъ— величавый, хотя и далеко еще не законченный, и построенію котораго и конца не предвидится,—храмъ многосторонняго, всеиспытующаго, всеиспользующаго человѣческаго знанія. Но если эта дань благодарнаго воспоминанія и почитанія обязательна по отношенію ко всѣмъ выдающимся личностямъ въ области развитія знаній,—безъ различія національностей, ибо наука объединяетъ всѣ народы, достигшіе извѣстнаго культурнаго развитія, и всякое дѣйствительное обогащеніе знанія становится въ равной степени достояніемъ всего человѣчества,—то, съ другой стороны, для отдѣльнаго народа является наиболѣе близкимъ и естественнымъ чествовать память выдающихся своихъ дѣятелей, родственныхъ по крови и духу и съ дѣятельностью которыхъ связаны болѣе непосредственно культурные успѣхи этого народа. Для насъ, культурныхъ русскихъ людей, должны быть, конечно, такъ же дороги, какъ и для западныхъ европейцевъ, имена Декарта, Коперника, Галилея, Ньютона, Дарвина, Ляйелля, Клодъ Бернара, Дюбуа Реймона, Гельмгольца и многихъ другихъ, но мы въ особенности обязаны воздавать должное почитаніе нашимъ собственнымъ русскимъ дѣятелямъ, пролагавшимъ, часто съ великими трудами и усиліями, пути къ знанію въ средѣ нашего народа, пересаживавшимъ на русскую почву сѣмена европейской науки, содѣйствовавшимъ тому, что эти сѣмена дали полные жизни ростки, стали приносить плоды, достойно соревнующіе съ болѣе многочисленными, крупными и спѣлыми плодами старшаго насъ культурою европейскаго запада. Въ ряду этихъ дѣятелей на пользу русской науки яркимъ блескомъ свѣтится имя М. В. Ломоносова. Вышедшій изъ среды нашего сѣвернаго крестьянства, попрекаемый и позже «низкою» его природою и «подлымъ» происхожденіемъ, этотъ коренной русскій человѣкъ не только усвоилъ себѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, элементы современнаго ему знанія, но и достигъ высшаго научнаго образованія, учась у выдающихся европейскихъ ученыхъ своего времени. Онъ былъ затѣмъ первымъ изъ природныхъ русскихъ академикомъ, первымъ русскимъ физикомъ, химикомъ, минералогомъ, съ чѣмъ онъ соединялъ еще занятія исторіей, грамматикой, публицистикой, словесностью, работалъ надъ созданіемъ русскаго литературнаго языка, прилагалъ усиленныя старанія къ распространенію просвѣщенія, къ насажденію и развитію у насъ науки и притомъ чрезъ посредство природныхъ русскихъ людей. Вынужденная обстоятельствами мѣста и времени широкая разбросанность въ умственныхъ занятіяхъ, обусловливавшаяся отчасти и отзывчивостью пылкой и впечатлительной натуры перваго нашего ученаго, помѣшала ему, особенно при тогдашнихъ неблагопріятныхъ условіяхъ нашего отечества для научной дѣятельности, достигнуть выдающагося положенія въ средѣ евро-

пейскихъ ученыхъ, но по тому времени онъ принесъ, несомнѣнно, гораздо бо́льшую пользу нашему культурному развитію, проложивъ новые у насъ пути въ различныхъ сферахъ знанія и литературы и содѣйствуя распространенію въ нашемъ обществѣ болѣе правильныхъ понятій о значеніи науки и о необходимости образованія. Обладая спеціальными знаніями въ различныхъ отрасляхъ, онъ былъ въ то же время первымъ компетентнымъ популяризаторомъ у насъ науки,—припомнимъ его «слова» о пользѣ химіи, о происхожденіи свѣта, объ электрическихъ явленіяхъ въ атмосферѣ и т. д. Онъ былъ проникнутъ безграничнымъ уваженіемъ къ наукѣ и старался внушить это уваженіе другимъ. «Испытаніе науки,—говоритъ онъ,—пріятно, полезно, свято»; онъ видѣлъ въ знаніи «Божье дѣло», «великолѣпный храмъ человѣческаго благополучія», онъ призывалъ «подняться выше всякаго мрака предупрежденныхъ мыслей... и устремить очи остроумія и разсужденія для испытанія причинъ» явленій природы; онъ восхвалялъ Картезія (Декарта) за то, что онъ «открылъ дорогу къ вольному философствованію»; онъ напоминаетъ, что «мы живемъ въ такое время, въ которомъ науки послѣ своего возобновленія въ Европѣ возрастаютъ и къ совершенству приходятъ»; онъ доказывалъ, «что у насъ нѣтъ природныхъ россіянъ ни аптекарей, да и лѣкарей мало, также механиковъ искусныхъ, горныхъ людей, адвокатовъ и другихъ ученыхъ, ниже самихъ профессоровъ въ самой академіи и другихъ мѣстахъ», и что поэтому необходимо «набирать студентовъ изъ семинаристовъ», заботиться «объ умноженіи переводныхъ книгъ», «отправлять природныхъ россійскихъ студентовъ въ чужіе края для окончанія обученія», допускать къ образованію всѣ безъ различія сословія. «Во всѣхъ европейскихъ государствахъ, — писалъ онъ, — позволено въ академіяхъ обучаться... всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей, хотя тамъ уже и великое множество ученыхъ людей. А у насъ въ Россіи при самомъ наукъ начинаніи уже сей источникъ регламентомъ по 24 пункту запертъ, гдѣ положенныхъ въ подушный окладъ въ университетъ принимать запрещается. Будто бы сорокъ алтынъ столь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина и лучше выписывать!» «За общую пользу,—писалъ онъ къ Теплову,—а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ—и противъ отца своего родного возстать за грѣхъ не ставлю». Всѣмъ извѣстно, наконецъ, что Ломоносову принадлежитъ мысль и первый проектъ Московскаго университета,—проектъ, основанный, по собственному его выраженію, на «учрежденіяхъ, узаконеніяхъ, обрядахъ и обыкновеніяхъ» иностранныхъ университетовъ, но менѣе, можетъ быть, извѣстно, что онъ представлялъ Шувалову планы и объ учрежденіи такого же университета въ Петербургѣ. Въ письмѣ къ Шувалову по этому поводу онъ писалъ: «Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе университетъ, откуда могутъ произойти безчисленные Ломоносовы». Принимая во вниманіе выдающееся значеніе Ломоносова для русской науки, многосторонность его ученыхъ занятій, оправдывающихъ извѣстныя слова Пушкина: «Ломоносовъ былъ первымъ нашимъ университетомъ», наконецъ, его заслуги по основанію старѣйшаго русскаго университета,—въ чествованіи памяти Ломоносова должны были бы соединиться всѣ русскіе ученые

и всѣ наши университеты, во главѣ съ Московскимъ. Такое чествованіе и происходило въ Россіи въ 1865 году по случаю исполнившагося столѣтія со дня кончины Ломоносова; въ академіи наукъ, въ Московскомъ, Петербургскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ университетахъ состоялись тогда торжественныя засѣданія, на которыхъ было произнесено много рѣчей, позже опубликованныхъ, а также изданы и многія другія статьи и документы, касающіеся жизни перваго нашего ученаго и его заслугъ въ различныхъ отрасляхъ знанія и литературы. Настоящее наше торжество не задается такой широкой программой; оно пріурочено къ исполнившемуся недавно, въ 1898 г., 150-лѣтію со дня открытія Ломоносовымъ (въ 1748 г.) первой русской химической лабораторіи при академіи наукъ. Вотъ почему первая идея такого чествованія возникла въ средѣ нашихъ химиковъ, которые и приняли главное участіе въ организаціи этого чествованія. А такъ какъ общимъ центромъ московскихъ химиковъ является состоящее при нашемъ обществѣ химическое отдѣленіе, то, естественно, и осуществленіе этой мысли о чествованіи Ломоносова, какъ химика, должно было сосредоточиться въ нашемъ обществѣ, въ имѣющихся состояться по этому поводу трехъ соединенныхъ засѣданіяхъ общества и его химическаго отдѣленія. Три засѣданія оказались необходимыми потому, что въ одномъ невозможно было бы доложить хотя бы вкратцѣ всѣ подготовленные къ этому времени доклады. По мысли предсѣдателя нашего химическаго отдѣленія проф. В. В. Марковникова съ воспоминаніемъ о Ломоносовѣ, какъ химикѣ, неизбѣжно должно соединяться и обозрѣніе того, что сдѣлано русской наукой въ той же области знанія послѣ Ломоносова, — свѣдѣнія о ломоносовской лабораторіи и объ его работахъ въ ней, съ данными о лабораторіяхъ, возникшихъ впослѣдствіи и о научныхъ работахъ, въ этихъ лабораторіяхъ произведенныхъ. Сопоставленіе всѣхъ главнѣйшихъ успѣховъ, сдѣланныхъ въ извѣстной отрасли русской науки по проложенному Ломоносовымъ пути, будетъ, конечно, наиболѣе достойнымъ вѣнкомъ для перваго русскаго химика». Далѣе Д. Н. Анучинъ выразилъ глубокую благодарность отъ лица общества В. В. Марковникову, взявшему на себя иниціативу въ осуществленіи настоящаго чествованія, а равно и всѣмъ лицамъ, ему въ этомъ помогавшимъ, и заявилъ о содѣйствіи, которое было оказано обществу въ данномъ случаѣ московскимъ училищемъ живописи и ваянія, предоставившимъ для трехъ засѣданій бюстъ Ломоносова, графомъ Ив. Григ. Ностицемъ, любезно разрѣшившимъ повѣсить въ залѣ засѣданій прекрасный, принадлежащій ему, портретъ Ломоносова, А. Е. Носомъ, предупредительно также предоставившимъ имѣющійся у него портретъ, г. ректоромъ Московскаго университета, разрѣшившимъ выставить хранящуюся въ университетѣ драгоцѣнную память о Ломоносовѣ, какъ о руководителѣ мозаичнымъ дѣломъ въ Россіи, именно—исполненный по его указаніямъ мозаичный образъ. Принеся всѣмъ этимъ лицамъ глубокую благодарность отъ имени общества за любезно оказанное вниманіе, президентъ объявилъ засѣданіе открытымъ и предоставилъ слово предсѣдателю химическаго отдѣленія общества проф. В. В. Марковникову, который произнесъ вступительную рѣчь. «Страна, забывающая своихъ двигателей науки и гражданскаго развитія, не можетъ считаться культурной,—сказалъ между прочимъ В. В. Марковниковъ.—Съ провозглашеніемъ

принциповъ гаагской конференціи офиціально признается первенствующее значеніе не военныхъ героевъ, но дѣятелей мирнаго развитія. Герои ума обыкновенно оцѣниваются послѣ ихъ смерти. Недавно происходило чествованіе Пушкина, который и теперь еще мало извѣстенъ народнымъ массамъ. Но настоящее торжество болѣе скромно, чѣмъ Пушкинскія празднества, хотя и самъ Пушкинъ съ его огромнымъ литературнымъ и общественнымъ значеніемъ былъ бы немыслимъ, если бы раньше не явился Ломоносовъ. Каждому образованному русскому человѣку извѣстно огромное значеніе Ломоносова для русскаго языка, но не меньшее значеніе онъ имѣлъ и для развитія естественныхъ наукъ въ Россіи. Ломоносовъ былъ первымъ русскимъ физикомъ и химикомъ; свои химическія познанія онъ примѣнялъ болѣе къ художеству, работая особенно надъ полученіемъ стеклянной массы для мозаичныхъ картинъ. Къ сожалѣнію, ученые труды Ломоносова были мало извѣстны за границей. Только извѣстный германскій математикъ Эйлеръ высоко цѣнилъ Ломоносова, какъ физика». Въ заключеніе проф. Марковниковъ сообщилъ, что химическое отдѣленіе рѣшило издать въ память Ломоносова сборникъ съ историческими очерками химическихъ лабораторій въ Россіи, въ который войдутъ свѣдѣнія не только о лабораторіяхъ университетскихъ и высшихъ спеціальныхъ заведеній, но отчасти и нѣкоторыхъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также частныхъ, какъ, напримѣръ, фабричныхъ и заводскихъ. Далѣе проф. И. А. Каблуковъ представилъ біографическій очеркъ М. В. Ломоносова. Въ своей характеристикѣ Ломоносова референтъ особенно очертилъ его, какъ натуралиста, въ которомъ знаменитый Эйлеръ видѣлъ необыкновенный талантъ и «счастливый геній» для открытій въ области физики и химіи. Далѣе референтъ отмѣтилъ независимость и самостоятельность его характера, чуждаго низкопоклонства и лести. Лѣтомъ 1748 года, по неоднократнымъ представленіямъ Ломоносова, было приступлено къ постройкѣ зданія химической лабораторіи при академіи наукъ, и въ 1749 г. Ломоносовъ приступилъ здѣсь къ составленію красокъ для стекла и приготовленію разноцвѣтныхъ стеколъ. Мозаичное дѣло пошло успѣшно, и Ломоносову было разрѣшено построить фабрику, при чемъ изъ казны выдана была ему ссуда на пять лѣтъ въ 4.000 р. безъ процентовъ. Въ лицѣ Ломоносова,—заключилъ референтъ,—мы видимъ, что талантъ и геній не составляютъ привилегіи богатыхъ людей, и что свѣтъ науки можетъ проникать, какъ въ хоромы знатныхъ, такъ и въ хижины крестьянъ. Затѣмъ профессоръ В. В. Марковниковъ изложилъ историческій очеркъ химіи въ Московскомъ университетѣ. Въ первые годы по открытіи Московскаго университета химія проходилась только на медицинскомъ факультетѣ, и первымъ профессоромъ химіи былъ приглашенъ изъ Лейпцига нѣмецъ Керштенсъ; онъ же былъ и почти единственнымъ профессоромъ на всемъ факультетѣ. Такъ какъ университетскій архивъ сгорѣлъ въ 1812 году, то неизвѣстно, когда была учреждена въ университетѣ химическая лабораторія, но сохранились указанія, что въ 1761 году осматривалъ лабораторію гетманъ малороссійскій гр. Разумовскій. Керштенсъ оставался до 1770 года, а съ этого времени по 1775 годъ химію преподавалъ уже русскій ученый Веніаминовъ и затѣмъ до 1802 г. Зыбелинъ. Это были первые воспитанники, поступившіе въ университетъ изъ Заи-

спасскаго училища. Съ 1802 г. каѳедру практической медицины и химіи занялъ Политковскій, открывшій въ 1803 г. первыя въ Россіи публичныя лекціи по естествознанію. Скоро однако его смѣнилъ Рейссъ, приглашенный изъ-за границы и занимавшій каѳедру химіи и фармакографіи. Занявъ съ 1822 г. должность библіотекаря университета, онъ получилъ бо̀льшую извѣстность введенной имъ въ эту библіотеку строгой классификаціей книгъ. Съ 1825 г. сталъ преподавать аналитическую химію Гейманъ, воспитанникъ Виленскаго университета, занявшій съ 1832 г. каѳедру химіи послѣ Рейсса. При немъ было построено зданіе химической лабораторіи (на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь), и занятія химіей были впервые поставлены болѣе научно. Заслуга Геймана состояла и въ томъ, что съ 1836 по 1852 г. онъ ежегодно читалъ публичные курсы популярной технологіи, привлекавшіе до 300 слушателей, и тѣмъ содѣйствовалъ распространенію у насъ химико-техническихъ свѣдѣній. Къ сожалѣнію, онъ такъ увлекся въ послѣдніе свои годы технологіей, что отъ того стало страдать преподаваніе собственно химіи. Съ конца 50 годовъ каѳедру химіи занялъ Н. Э. Лясковскій, занимавшійся ранѣе у извѣстнаго Либиха; ему однако не удалось образовать школы химиковъ. Преемникомъ Лясковскаго былъ В. В. Марковниковъ, при которомъ въ лабораторіи было исполнено до 140 работъ, опубликованныхъ въ журналѣ русскаго физико-химическаго общества. При немъ же была построена и нынѣшняя лабораторія университета. II. Во второмъ засѣданіи общества любителей естествознанія и его химическаго отдѣленія, происходившемъ 3-го янраря, въ Политехническомъ музеѣ, издатель «Русскаго Архива» П. И. Бартеневъ сказалъ нѣсколько словъ объ историческомъ значеніи Ломоносова. Ораторъ сопоставилъ широкую и мощную дѣятельность М. В. Ломоносова для умственнаго развитія и культуры русскаго народа въ соотвѣтствіи съ необъятной нашей родиной, пробужденной послѣ долгаго сна къ новой жизни реформами Петра Великаго; этими реформами и примѣромъ государя, при которомъ протекло его отрочество, призванъ былъ къ дѣятельности и нашъ первый великій ученый. Какъ ни радѣлъ Ломоносовъ преобразовательному дѣлу Петра, ему пришлось скоро сознаться, что въ окно, прорубленное въ Европу, влѣзли воры, и отъ нихъ онъ долженъ беречь достоинство русской науки. Въ заключеніе г. Бартеневъ упомянулъ о благосклонномъ отношеніи къ Ломоносову императрицы Елисаветы Петровны, гр. Разумовскаго, Воронцова, Шувалова и др. и перечислилъ извѣстныя русскія фамиліи, состоявшія въ родствѣ съ Ломоносовымъ. Дочь Ломоносова вышла за Константинова, а ея дочь—за Раевскаго, отца двухъ извѣстныхъ Раевскихъ друзей Пушкина; кровь Ломоносова нынѣ сохранилась въ графѣ Г. И.Ностицѣ и О. П. Орловой. Вещи, бывшія въ кабинетѣ Ломоносова, были пріобрѣтены послѣ его смерти у его вдовы гр. Г. Г. Орловымъ и, по всей вѣроятности, должны находиться въ бывшемъ его имѣніи Отрадѣ. А. Н. Реформатскій прочиталъ сообщеніе занимающаго теперь каѳедру Ломоносова академика Н. Н. Бекетова, который лично не могъ прибыть на торжество по нездоровью. «Химическая лабораторія при академіи наукъ была открыта въ февралѣ 1749 г. Занятія Ломоносова въ лабораторіи ограничивались приготовленіемъ цвѣтныхъ стеколъ и анализами присылавшихся къ нему рудъ. Важнѣе теоретическія разсужденія Ломоно-

сова, въ которыхъ онъ доходилъ до обобщеній, опередившихъ свой вѣкъ. Такъ онъ сомнѣвался въ господствовавшей тогда теоріи флогистона (особаго гипотетическаго горючаго газа, якобы входившаго или выходившаго изъ вещества при горѣніи), додумывался до молекулярнаго строенія матеріи, допускалъ нѣчто въ родѣ эѳира, склоненъ былъ объяснять теплоту вращательнымъ движеніемъ, а тяготѣніе — ударами частицъ, опредѣлилъ довольно вѣрно коэффиціентъ расширенія воздуха отъ теплоты и т. п. Послѣ Ломоносова каѳедру химіи въ академіи занимали сперва довольно безъизвѣстныя личности, но затѣмъ на ней появились: Гессъ, много сдѣлавшій въ термохиміи, доказавшій, что теплота соединенія равна теплотѣ разложенія, издавшій хорошее руководство по химіи, и бывшій учителемъ Воскресенскаго, изъ учениковъ котораго вышли Менделѣевъ, Шишковъ, Энгельгердтъ. При Гессѣ было выстроено новое зданіе лабораторіи. Преемникомъ его былъ Фритче, извѣстный своими работами надъ углеводородами и приведшій въ академію Зинина и Бутлерова; при немъ лабораторія была переведена въ новое зданіе на 8-й линіи Васильевскаго острова. Большое значеніе имѣли также дѣйствующія въ Петербургѣ въ 50-хъ годахъ частныя лабораторіи Ильенкова, Шишкова, Соколова и Энгельгардта, въ которыхъ сходились молодые химики и дѣлились результатами своихъ работъ». Н. М. Кистлеръ прочиталъ очеркъ развитія химической лабораторіи Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, университета, составленный проф. Тамановъ. «Дерптскій университетъ имѣлъ большое значеніе въ исторіи химіи: здѣсь работали Гизе, Гебель Шмидтъ; послѣдній прославилъ себя работами въ области физіологической химіи, между прочимъ открытіемъ соляной кислоты въ желудочномъ сокѣ, изслѣдованіями крови и т. д. Изъ его учениковъ вышелъ между прочимъ знаменитый современный химикъ Оствальдъ въ Лейпцигѣ. Число занимавшихся химіей въ Дерптскомъ университетѣ было значительно, но оно сильно упало въ послѣдніе годы». В. В. Марковниковъ взамѣнъ несостоявшагося реферата проф. Н. Д. Зелинскаго, который временно отсутствуетъ изъ Москвы, сдѣлалъ сообщеніе объ общемъ состояніи химіи въ эпоху Ломоносова. Съ XIV-го по XVI-й вѣкъ мѣсто химіи занимала алхимія, стремившаяся главнымъ образомъ къ искусственному полученію золота изъ болѣе дешевыхъ металловъ; съ XVI-го до половины XVII-го — ятрохимія, искавшая по преимуществу въ химіи полезныхъ лѣкарственныхъ средствъ. Въ началѣ XVII-го вѣка возникло ученіе Сталя, профессора въ Галле, о флогистонѣ. Горѣніе объяснялось имъ исхожденіемъ горючаго газа, — флогистона; окисленіе металловъ — тоже, а возстановленіе — соединеніемъ съ флогистономъ, при чемъ увеличеніе вѣса въ первомъ случаѣ толковалось такъ, что флогистонъ обладаетъ отрицательнымъ вѣсомъ. Простые металлы, по его теоріи, были, слѣдовательно, сложныя тѣла, а сложныя, напримѣръ, металлическія окиси, — простыя. Теорія эта рушилась съ открытіемъ кислорода Пристлеемъ и Шееле и съ знаменитыми опытами Лавуазье, доказавшими, что горѣніе есть соединеніе съ кислородомъ». Послѣ перерыва А. Н. Реформатскій въ блестящей рѣчи представилъ исторію каѳедры химіи въ Казанскомъ университетѣ по матеріаламъ, доставленнымъ прив.-доц. Альбицкимъ. «Несмотря на крайнюю тѣсноту и бѣдность средствами, лабораторія Казанскаго универ-

ситета играла весьма важную роль въ исторіи русской химіи, начиная съ 50-хъ годовъ, а именно съ появленія проф. Клауса, воспитанника Дерптскаго университета. Онъ прославилъ себя работами надъ металлами платиновой группы и особенно открытіемъ новаго металла—рутенія. Его ученикомъ былъ Зининъ, которому принадлежитъ открытіе въ 1842 году способа превращенія нитробензола въ анилинъ, давшее толчекъ къ развитію новой индустріи—производства анилиновыхъ красокъ. Въ 1849 г. Зининъ перешелъ въ медико-хирургическую академію и затѣмъ въ академію наукъ, но онъ оставилъ учениковъ Бутлерова и Бекетова; первый основалъ цѣлую школу русскихъ химиковъ и существенно содѣйствовалъ преобразованію органической химіи на новой теоріи химическаго строенія: его имя получило широкую извѣстность и за границей; его «Введеніе въ изученіе органической химіи» было переведено на нѣмецкій языкъ. Къ числу его учениковъ принадлежатъ В. В. Марковниковъ, Зайцевъ и многіе другіе; пять каѳедръ химіи заняты теперь въ Россіи воспитанниками Казанскаго университета». А. М. Касаткинъ прочиталъ историческій очеркъ химической лабораторіи Кіевскаго университета, составленный проф. С. Н. Реформатскимъ. Очеркъ останавливается особенно на дѣятельности проф. П. П. Алексѣева, составившаго себѣ съ 60-хъ годовъ широкую извѣстность, какъ своими спеціальными работами, такъ и изданными имъ руководствами, переводами, публичными лекціями и т. д. **III.** Третье (и послѣднее) засѣданіе общества любителей естествознанія и его химическаго отдѣленія, происходившее 4-го января, въ политехническомъ музеѣ, было открыто президентомъ общества, проф. Д. Н. Анучинымъ, прочитавшемъ письмо, адресованное ему, по случаю чествованія Ломоносова, президентомъ императорскаго общества испытателей природы, проф. П. А. Умовымъ. Въ письмѣ выражается пожеланіе, чтобы устроенное обществомъ любителей естествознанія чествованіе послужило къ усиленному развитію физико-химическихъ наукъ въ Россіи; чтеніе письма вызвало знаки одобренія. Профессоръ Новороссійскаго университета Е. Ф. Клименко представилъ историческій очеркъ химической лабораторіи и преподаванія химіи въ Новороссійскомъ университетѣ. Профессоръ артиллерійской академіи полковникъ Г. А. Забудскій прочиталъ составленную имъ и В. Н. Ипатьевымъ исторію химической лабораторіи артиллерійской академіи. Лабораторія эта существуетъ уже 60 лѣтъ; она возникла въ 30-хъ годахъ, при генералѣ Сухозанетѣ, согласно приказанію великаго князя Михаила Павловича. Послѣдующій начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, призналъ нужнымъ ее расширить, и съ этой цѣлью въ 1859 г. былъ командированъ за границу проф. Шишковъ для осмотра иностранныхъ лабораторій. Новое зданіе лабораторіи было построено въ 1861 г. и стоило около 100 тыс. р. Оно разсчитано на 120 занимающихся, аудиторія же его вмѣщаетъ 400 слушателей. Въ 1899 г. площадь, занимаемая лабораторіей, была еще увеличена. Какъ единственная лабораторія военнаго вѣдомства, лабораторія артиллерійской академіи должна отвѣчать на всѣ вопросы, возникающіе въ этомъ вѣдомствѣ, какъ по части приготовленія взрывчатыхъ веществъ, такъ и анализа различныхъ продуктовъ. Это, конечно, должно отзываться на научныхъ занятіяхъ лабораторіи; тѣмъ не менѣе изъ нея вы-

шелъ рядъ работъ, принадлежавшихъ проф. Ѳедорову, Сапожникову, Пампушко, Забудскому, Ипатьеву и др. Трудная задача на долю лабораторіи выпала въ 1883—1893 гг., когда возникъ вопросъ о бездымномъ порохѣ. Задача эта была однако разрѣшена успѣшно, и наша армія снабжена теперь бездымнымъ порохомъ, не уступающимъ иностраннымъ. Послѣ перерыва А. Н. Реформатскій сдѣлалъ историческій очеркъ химическихъ лабораторій при высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ (на основаніи исторіи, сост. И. В. Богомольцемъ) и при коллективныхъ урокахъ въ Москвѣ (очеркъ, составленный М. И. Коноваловымъ). Высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ возникли на основаніи дѣйствительной потребности, можно сказать, изъ ничего, но, благодаря общественной помощи, обладаютъ нынѣ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ на сумму свыше $^1/_2$ милліона руб. Необходимость въ лабораторіи была сознана курсами въ 1878 г., когда въ обсужденіи этого вопроса приняли участіе Д. И. Мендѣлеевъ и А. М. Бутлеровъ, и когда пожертвованіе О. Н. Рукавишниковой 3.000 р. дало первый тому толчокъ. Первая лабораторія была открыта въ д. Боткиной, на Сергіевской, въ подвалѣ, въ помѣщеніи не болѣе 4 кв. саж. площадью. Это тѣсное помѣщеніе было, однако, всегда занято работающими въ двѣ очереди, и желающія смѣняли однѣ другихъ; ежегодно химію слушало по 70—80 лицъ. Къ зимѣ 1884 г. удалось построить новое зданіе лабораторіи на Васильевскомъ островѣ, въ 2—3 этажа, съ площадью въ 54 кв. саж., при высотѣ комнатъ въ 7 арш. Въ 1886 г. однако былъ прекращенъ пріемъ на курсы, возобновившійся лишь съ 1889 г. Въ числѣ преподавателей на курсахъ выступали Н. Н. Бекетовъ, Боковъ, позже Густавсонъ; изъ числа слушательницъ, заявившихъ себя работами, слѣдуетъ указать г-жъ Богословскую, Булатову, Оппертъ, Львову, и др. Многія изъ нихъ получили мѣста при заводскихъ и фабричныхъ лабораторіяхъ. Гораздо скромнѣе исторія химической лабораторіи при московскихъ коллективныхъ урокахъ. Первый началъ преподавать здѣсь химію А. А. Колли, но скоро его смѣнилъ М. И. Коноваловъ, занимавшійся около 10 лѣтъ и уступившій въ послѣднее время свое мѣсто А. Н. Реформатскому. Лабораторія все время ютилась по частнымъ квартирамъ, переѣзжая съ одной на другую съ своимъ несложнымъ инвентаремъ, и лишь въ послѣднее время устроилась нѣсколько лучше въ д. Гирша, на Поварской. Бюджетъ ея въ началѣ 1890-хъ годовъ составлялъ только 20 руб., теперь онъ возросъ до 1.000 р. Средства получаются отъ взноса платы, отъ концертовъ, спектаклей и т. п. Но и при этихъ скудныхъ средствахъ лабораторія постоянно привлекала къ себѣ занимающихся, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ г-жи Коцына, Жабенко, Кикина, заявили себя работами, а г-жа Кикина получила даже затѣмъ въ парижской Сорбоннѣ дипломъ доктора химіи; г-жи Коцына, Жебенко, Гулевичъ, Васильева, Чичибабина исполняютъ обязанности лаборантовъ при практическихъ занятіяхъ и при лекціяхъ. Есть поэтому надежда, что начатое дѣло не заглохнетъ и при содѣйствіи со стороны общества будетъ развиваться дальше. Проф. В. И. Вернадскій сдѣлалъ весьма обстоятельное сообщеніе о работахъ Ломоносова по минералогіи и геологіи. Работы эти выразились въ изданіи Ломоносовымъ основъ металлургіи, въ «словѣ» о трясеніяхъ земли, въ статьяхъ о слояхъ земли, о характерѣ льда въ Ледовитомъ океанѣ, о гомоло-

гіяхъ въ строеніи материковъ, а также въ начатой имъ минералогіи Россіи. Возможно, что въ бумагахъ Ломоносова имѣются и другія статьи, корорыя бы заслуживали ознакомленія съ ними спеціалистовъ. Ломоносовъ учился, какъ извѣстно, въ Марбургѣ у Вольфа, изгнаннаго прусскимъ правительствомъ изъ Галле и привлекавшаго къ себѣ отовсюду учениковъ. Вольфъ преподавалъ физику, математику, философію, проводя идеи, Декарта и Лейбница и дополняя ихъ собственными изслѣдованіями. Отъ Вольфа Ломоносовъ перешелъ къ Генкелю въ Фрейбергъ, но это былъ не философъ, а ученый-ремесленникъ, и съ нимъ Ломаносовъ не ужился. Тѣмъ не менѣе, онъ воспользовался своимъ здѣсь пребываніемъ для ознакомленія съ рудными мѣсторожденіями, съ Гарцемъ и т. д. Эпоха, въ которую жилъ Ломоносовъ, была для минералогіи и геологіи эпохой преобладанія теоретическихъ взглядовъ. Въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка взгляды эти смѣнились эмпиризмомъ Гаюи и Вернера, а послѣдующая эпоха Лессинга, французскихъ философовъ и Канта окончательно устранила прежнее «вольфіанство». Тѣмъ не менѣе Ломоносовъ во многихъ своихъ воззрѣніяхъ шелъ впереди своего вѣка. Такъ, онъ принималъ неодинаковый возрастъ различныхъ минераловъ; различалъ четыре типа землетрясеній и едва ли не первый допускалъ волнообразныя колебанія; онъ принималъ также нечувствительныя колебанія, приписывая имъ роль въ генезизѣ минераловъ; онъ сводилъ также къ землетрясеніямъ сдвиги и трещины въ земной корѣ, предшествовавшія вулканической дѣятельности; происхожденіе низменностей онъ объяснялъ осѣданіемъ и причиной считалъ внутренній огонь земли, вызванный теплотой отъ химическихъ тамъ реакцій, въ особенности отъ соединеній съ сѣрой. Земная кора, по его мнѣнію, очень толста; внутри земли происходятъ молекулярныя движенія. Онъ принималъ различный возрастъ рудныхъ и флецовыхъ горъ и объяснялъ довольно близко къ истинѣ органическую природу окаменѣлостей. Причиной гибели ископаемыхъ животныхъ онъ считалъ не міровой потопъ, а отдѣльныя наводненія, вызывавшіяся тѣми же причинами, что и теперь, именно разливами рѣкъ и выступаніемъ моря вслѣдствіе землетрясеній. Онъ приписывалъ вообще большое значеніе органическимъ остаткамъ, на счетъ коихъ, по его мнѣнію, образовался каменный уголь, торфъ, нефть, жидовская смола (асфальтъ) и т. д. Черноземъ онъ считалъ продуктомъ наземныхъ растеній; изъ пепла органическихъ остатковъ онъ выводилъ и соль, которая, по его мнѣнію, вымывалась потоками и выносилась въ море. Тотъ фактъ, что Ломоносову пришлось жить въ переходную эпоху, и что уже вскорѣ послѣ его смерти и въ минералогіи, и въ химіи возникли новыя теоріи, былъ причиною, что его работы имѣли мало вліянія въ Россіи. Послѣдующіе русскіе минералоги, Севергинъ и Теряевъ, въ концѣ XVIII вѣка, уже были послѣдователями Гаюи и Вернера. В. В. Марковниковъ, указавъ на то сочувствіе, съ какимъ было встрѣчено съ разныхъ сторонъ приглашеніе Общества и химическаго его отдѣленія къ совмѣстному участію въ чествованіи Ломоносова, какъ химика, и къ составленію исторіи русскихъ лабораторій, выразилъ благодарность всѣмъ, откликнувшимся на призывъ, а Д. Н. Анучинъ принесъ также благодарность и всѣмъ, почтившимъ засѣданія своимъ посѣщеніемъ. Въ заключеніе проф. К. А. Тимирязевымъ и его сыномъ, А. К. Тимирязевымъ, была

снята при вспышкѣ магнія группа членовъ Общества передъ бюстомъ и портретами Ломоносова.

Юбилей В. Ѳ. Миллера. 29-го января, въ политехническомъ музеѣ происходило закрытое засѣданіе этнографическаго отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, въ которомъ былъ прочитанъ Н. Н. Харузинымъ рефератъ А. Н. Максимова «О методахъ изученія исторіи семьи», а затѣмъ были принесены привѣтствія председателю отдѣла В. Ѳ. Миллеру по случаю тридцатилѣтія его научной дѣятельности. Н. А. Янчукъ прочиталъ адресъ отъ этнографическаго отдѣла слѣдующаго содержанія. «Глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ! Русскіе этнографы сердечно привѣтствуютъ вашу выдающуюся 30-тилѣтнюю научно-литературную дѣятельность. Она вся полна плодотворныхъ результатовъ, высокаго интереса и неутомимой энергіи, но среди вашихъ многостороннихъ научныхъ стремленій и симпатій одно изъ первыхъ мѣстъ, несомнѣнно, принадлежитъ вопросамъ этнографіи. Ваши обширныя и глубокія познанія въ этой наукѣ, а также и ваши нравственныя качества создали вокругъ васъ цѣлую школу русскихъ этнографовъ, которою вы руководите уже десятое двухлѣтіе въ качествѣ предсѣдателя этнографическаго отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. О вашихъ неоспоримыхъ заслугахъ въ русской этнографіи достаточно свидѣтельствуютъ также ваши многочисленные и цѣнные научные труды въ этой области, которые было бы слишкомъ долго перечислять здѣсь. Можно сказать вообще, безъ всякаго преувеличенія, что какъ ваша общественная, такъ и литературная дѣятельность совершенно заслуженно поставила ваше имя на почетное мѣсто въ исторіи русской этнографіи и русской науки. Этнографическое изученіе Россіи, при пестрой разноплеменности ея населенія, при сложности всей исторической и культурной жизни—дѣло слишкомъ трудное и требующее много знаній, энергіи, силъ и времени. Ставя передъ собою эту задачу во всей ея широтѣ, вы, многоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ, намѣтили и освѣтили разнообразные и многочисленные пути къ ея разрѣшенію и этимъ заложили одинъ изъ основныхъ камней въ новомъ зданіи еще молодой науки этнографіи въ Россіи. Не руководствуясь никакими предвзятыми идеями и не отдавая предпочтенія какой нибудь одной этнической группѣ, вы въ этнографіи явились истиннымъ ученымъ, принявъ въ руководство лучшій выработанный въ западно-европейской наукѣ сравнительно-историческій методъ изученія. Этимъ уже значительно обезпечивалось равенство передъ наукой для арійца и финна, великорусса и германца, христіанина и язычника. Изъ этого центра научныхъ идей широко на подобіе радіусовъ раскинулись ваши ученыя изслѣдованія въ различныхъ областяхъ знанія: въ однѣхъ вы сдѣлались авторитетнымъ спеціалистомъ, въ другихъ—знатокомъ. Лингвистика, древняя письменность, исторія, археологія, антропологія, географія, юридическія науки, соціологія, психологія, наконецъ музыкальное творчество — все это вошло въ кругъ или вашихъ личныхъ ученыхъ работъ, или въ кругъ занятій руководимыхъ вами тружениковъ, которые большою семьею сплотились около васъ и, воодушевляемые вашимъ примѣромъ, дружно принялись за работу. Отъ природы вы сами надѣлены рѣдкой энергіей, но, кромѣ

того, вы всегда умѣете привлечь къ общему дѣлу энергію извнѣ, которая надолго обезпечила бы успѣхъ того дѣла, которому вы служите со всею преданностью и безкорыстіемъ. Вы обратили вниманіе преимущественно на молодыя интеллигентныя силы, постарались выдвинуть на путь науки эту коллективную молодую энергію, которая съ такимъ увлеченіемъ всегда отдается работѣ мысли, и въ этомъ отношеніи русская работающая молодежь, особенно чуткая къ жизни народныхъ массъ, навсегда сохранитъ благодарность къ вамъ, какъ къ лучшему руководителю и человѣку, беззавѣтно преданному интересамъ науки. Благодаря вашимъ трудамъ, мы уже теперь видимъ, какихъ результатовъ достигъ руководимый вами этнографическій кружокъ въ Москвѣ. Эти результаты сказались въ рядѣ изданій этнографическаго отдѣла — «Трудахъ», «Этнографическомъ Обозрѣніи», «Былинахъ», «Программахъ», въ оживленіи засѣданій, въ многочисленныхъ научныхъ экскурсіяхъ членовъ отдѣла, въ собраніи коллекцій и въ другихъ научныхъ предпріятіяхъ. Однако, какъ бы мы, современники, ни старались широко и правдиво оцѣнивать значеніе этой дѣятельности, мы не можемъ предвидѣть во всей полнотѣ результаты ея въ будущемъ, когда при лучшихъ общественныхъ, научныхъ и матеріальныхъ условіяхъ созданная вами этнографическая школа будетъ имѣть возможность развернуться съ большею широтой и обнаружить всѣ свои силы въ свободномъ примѣненіи ихъ къ дѣлу, когда лингвистъ и археологъ, юристъ и географъ будутъ создавать одну общую, широкую и полную картину народной жизни. Тогда, конечно, еще неоднократно будутъ засвидѣтельствованы передъ ученымъ міромъ ваши истинныя заслуги. Теперь же мы счастливы тѣмъ, что можемъ отъ души радоваться вашему 30-тилѣтнему служенію наукѣ, высоко цѣнить ваше имя въ русской этнографіи и вѣрить въ лучшее будущее этой науки. Отъ души желаемъ вамъ, нашъ дорогой учитель и другъ, многихъ лѣтъ жизни, неизсякаемой энергіи, твердой вѣры въ молодыя силы Россіи и неизмѣнной преданности наукѣ и ея молодому дѣтищу—этнографіи». Вслѣдъ за адресомъ былъ поднесенъ экземпляръ изданнаго въ память 30-тилѣтія научной дѣятельности В. Ѳ. Миллера юбилейнаго сборника въ богатомъ переплетѣ. Далѣе слѣдовали адресы и привѣтствія отъ разныхъ обществъ, учрежденій и ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. По окончаніи засѣданія всѣ присутствовавшіе въ засѣданіи члены этнографическаго отдѣла и общества любителей естествознанія были приглашены на вечеръ къ графинѣ П. С. Уваровой.

Сорокалѣтній юбилей литературной дѣятельности А. П. Пятковскаго. Прослужить сорокъ лѣтъ литературѣ составляетъ немаловажную заслугу, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ сорокалѣтній литературный юбилей редактора-издателя журнала «Наблюдатель» Александра Петровича Пятковскаго, который, въ теченіе столь продолжительнаго періода времени честно и неуклонно шелъ по тернистому пути русскаго журналиста, твердо отстаивая свои убѣжденія и не отступая передъ встрѣчавшимися ему разнообразными препятствіями. Единолично неся трудную обязанность редактора литературно-политическаго изданія, А. П. ведетъ его въ ясно опредѣленномъ направленіи, настойчиво преслѣдуя все то, что, по его мнѣнію, тормозитъ прогрессивное развитіе русской жизни и русской государственности. Желая искренно

почтенному Александру Петровичу еще долго и успѣшно продолжать свою полезную дѣятельность, приводимъ здѣсь краткія о немъ свѣдѣнія. Александръ Петровичъ Пятковскій родился въ Тамбовѣ въ 1840 г., 20 сентября. Окончивъ курсъ въ тамбовской гимназіи, по классическому ея отдѣленію, А. П., въ томъ же 1857 г., поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата правъ, въ 1861 г. Литературная дѣятельность А. П. началась въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» критической статьей о «Дворянскомъ Гнѣздѣ» И. С. Тургенева. Затѣмъ онъ помѣщалъ свои труды въ «Сѣверной Пчелѣ», въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Русскомъ Мірѣ», въ «Современномъ Словѣ», въ «Современникѣ», «Недѣлѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Дѣлѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», въ «Искрѣ», «Будильникѣ» и проч. Журнальнымъ издательствомъ А. П. занялся съ 1878 г., когда, вмѣстѣ съ извѣстнымъ педагогомъ В. А. Евтушевскимъ, принялъ на себя продолженіе «Народной Школы», по смерти ея основателя Ѳ. Н. Мѣдникова. Въ 1882 г. А. П. сталъ издавать «Наблюдатель», а въ то же время г. Евтушевскій передалъ ему одному изданіе «Народной Школы», продолжавшееся до конца 1890 г. Въ 1897 и 1898 гг. А. П. издавалъ ежедневную газету «Гласность», пріостановленную имъ до наступленія болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ... Въ 1862 г. А. П. выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ «Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова» (третье по счету) съ біографическою статьею объ авторѣ; въ 1863 г. издалъ сборникъ стихотвореній разныхъ авторовъ подъ названіемъ: «Гражданскіе мотивы»; въ 1870 г.— рядъ своихъ публицистическихъ статей, объединенныхъ общимъ заглавіемъ: «Живые Вопросы», а въ 1876 г. — два тома своихъ историко-литературныхъ монографій: «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія». Въ 1888 г. эта книга вышла вторымъ изданіемъ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ статей. Въ 1880 г. издана отдѣльной брошюрой статья А. П. о князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ, напечатанная сначала въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Къ послѣднему (глазуновскому) изданію сочиненій Фонвизина приложена критико-біографическая статья А. П. Государственная служба А. П. началась съ 1862 г. въ Маріинскомъ институтѣ, гдѣ онъ преподавалъ русскую словесность до 1874 г., когда, по приглашенію государственнаго секретаря Д. М. Сольскаго, перешелъ на службу въ государственную канцелярію. Въ первые два года новой службы, А. П., числясь въ отдѣленіи дѣлъ государственнаго секретаря, исполнялъ порученіе Д. М. Сольскаго по приведенію въ порядокъ и по описи дѣлъ архива государственнаго совѣта, а затѣмъ 6 лѣтъ состоялъ по отдѣленію государственной экономіи. Одновременно со службою въ государственномъ совѣтѣ, А. П. издавалъ «Народную Школу». Въ 1882 г. онъ оставилъ службу въ государственномъ совѣтѣ, награжденный чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и посвятилъ себя исключительно литературной и журнальной дѣятельности, съ началомъ изданія «Наблюдателя». Общественно-филантропическая дѣятельность А. П. по Петербургскому тюремному комитету началась одновременно со службою въ Маріинскомъ институтѣ, когда онъ, въ званіи директора комитета, былъ приглашенъ, въ 1872 г., къ завѣдыванію

...ько что учрежденнымъ «Пріютомъ арестантскихъ дѣтей мужского пола». Въ ...ганизованномъ затѣмъ «попечительствѣ надъ пріютомъ» А. П. исполнялъ обя...нности предсѣдателя. Около 15-ти лѣтъ посвятилъ онъ организаціи и увеличенію ...теріальныхъ средствъ пріюта и вмѣстѣ съ членомъ попечительства А. С. Сти...инскимъ (нынѣ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ) выработалъ уставъ ...ого пріюта, по образцу котораго въ настоящее время они существуютъ уже ... всѣхъ многолюдныхъ губернскихъ городахъ. Радѣя о снабженіи пріюта ма...ріальными средствами, А. П. выхлопоталъ ему ежегодную субсидію отъ го...да въ 600 рублей, столько же — отъ бывшаго высочайше учрежденнаго по...чительства надъ исправительною тюрьмою, и собралъ нѣсколько десятковъ ...ысячъ рублей частныхъ пожертвованій. Въ 1874 г. А. П. былъ назначенъ ...еномъ высочайше учрежденнаго попечительства надъ исправительною тюрь...мою, а въ 1881—1882 гг. предсѣдательствовалъ въ этомъ попечительствѣ. ... свою тюремно-филантропическую дѣятельность А. П. получилъ орденъ ...в. Владиміра 4-й степени, въ 1887 г.

Диспутъ М. А. Дьяконова. 23-го января въ актовомъ залѣ с.-Петербург...скаго университета состоялась защита диссертаціи и. д. ординарнаго профес...сора Юрьевскаго университета М. Дьяконова на степень доктора государствен...наго права, подъ заглавіемъ: «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Мо...сковскомъ государствѣ (XVI—XVII вѣковъ)». М. Дьяконовъ родился въ Екате...ринбургѣ въ 1855 году, кончилъ курсъ пермской гимназіи, въ 1880 году курсъ ...Петербургскаго университета. Въ 1889 году защитилъ магистерскую диссер...тацію и назначенъ былъ читать лекціи въ Юрьевскомъ университетѣ. Кромѣ ...представленнаго теперь сочиненія, написалъ много другихъ по тому же вопросу ...русскаго государственнаго права, какъ, напримѣръ: «Кто былъ первый великій ...князь всея Руси», «Собраніе актовъ о тягломъ населеніи Московской губер...ніи», и много другихъ. Во вступительной рѣчи диспутантъ указалъ, что на...стоящій его трудъ не является вполнѣ систематическимъ, законченнымъ тру...домъ, что цѣльную исторію крестьянства Россіи одному человѣку написать не...мыслимо, и что такая исторія можетъ создаться только изъ отдѣльныхъ трудовъ ...въ многіе годы многихъ лицъ; изученіе матеріала по этому вопросу en masse ...немыслимо, и успѣхъ обусловливается доскональнымъ постепеннымъ разборомъ ...отдѣльныхъ вопросовъ. Многолѣтнее изученіе сырого матеріала въ московскихъ ...архивахъ привело М. Дьяконова къ выводамъ, на которые въ литературѣ были только слабые неувѣренные намеки. Онъ указалъ на то, что постановленія су...дебниковъ объ условіяхъ крестьянскаго перехода не исчерпываютъ всѣхъ вы...работанныхъ практикою нормъ о крестьянскомъ выходѣ; въ половинѣ XVI вѣка выясняется обычное правило о невыходѣ тяглыхъ людей съ посадовъ и уѣз...довъ; изъ этого правила допущено исключеніе замѣны себя новыми жильцами. Почти одновременно право выхода теряютъ и крестьяне старожильцы, отличи...тельнымъ признакомъ которыхъ является нѣкоторая давность поселенія, заре...гистрованная въ писцовыхъ книгахъ и другихъ офиціальныхъ документахъ. Наиболѣе вѣроятною причиной ихъ прикрѣпленія является крестьянская задол...женность. Бобыли въ XVI вѣкѣ имѣли только усадебную осѣдлость, собственной запашки у нихъ не было, и они не включались въ разрядъ тяглыхъ людей. Воз-

растаніе числа бобылей среди сельскаго населенія во второй половинѣ XVI вѣка и во время смуты побудило правительство въ 1620 — 1630 годовъ включить ихъ въ тяглое, и ввести новую окладную единицу. Офиціальными опонентами выступили профессоръ Ивановскій и привать-доцентъ Гессенъ. Замѣчанія офиціальныхъ опонентовъ касались метода, избраннаго авторомъ, говорили о томъ, что книга его слишкомъ спеціальна, что онъ, будучи юристомъ, главное вниманіе обратилъ не на правовыя нормы древней Руси, а на бытъ, были указаны нѣкоторыя неточности, допущенныя г. Дьяконовымъ, и т. д. Наиболѣе вѣскими и убѣдительными были частныя возраженія профессора Ивановскаго по поводу толкованія ст. 88 и 91 Судебника. Послѣ защиты диспутантъ былъ признанъ достойнымъ искомой степени доктора исторіи русскаго права.

Диспутъ М. Г. Попруженко. 12-го декабря, въ Харьковскомъ университетѣ, состоялся диспутъ привать-доцента Новороссійскаго университета магистра М. Г. Попруженко, представившаго для полученія степени доктора славянской филологіи сочиненіе подъ заглавіемъ: «Синодикъ царя Бориса». Curriculum vitae диспутанта было прочитано секретаремъ факультета профессоромъ Н. В. Негушиломъ. М. Г. Попруженко родился въ Одессѣ въ 1866 году, кончилъ курсъ наукъ въ Новороссійскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ въ 1894 году степень магистра; кромѣ магистерской и вышеназванной диссертаціи, имъ написанъ рядъ научныхъ трудовъ. Диспутантъ произнесъ рѣчь, въ которой описалъ главныя положенія своего труда, а также указалъ на тѣ методы, которымъ онъ слѣдовалъ при изученіи избраннаго имъ памятника, весьма важнаго и цѣннаго для культурной исторіи Болгаріи XIII—XIV вѣковъ. Официальными оппонентами по назначенію факультета были профессоръ М. О. Дриновъ, Н. Ө. Сумцовъ и Б. М. Ляпуновъ. Кромѣ того, не офиціальными оппонетами выступили профессоръ А. С. Лебедевъ и священникъ о. Филевскій. Сдѣлавъ возраженія на разныя частности труда, всѣ они признали, что, въ общемъ, онъ имѣетъ значеніе, какъ по матеріалу, такъ и по его разбору, и что спеціалисты будутъ за него благодарны автору. Факультетъ единогласно призналъ г. Попруженко достойнымъ степени доктора славянской филологіи.

Къ XII Археологическому съѣзду. I. 4-го января, въ домѣ археологическаго общества въ Москвѣ происходило первое засѣданіе предварительнаго комитета по устройству въ Харьковѣ, въ 1902 году, XII археологическаго съѣзда. Засѣданіе было открыто графиней Уваровой, доложившей отношеніе министра народнаго просвѣщенія, разрѣшающее московскому археологическому обществу собрать предварительный комитетъ XII съѣзда въ Москвѣ 4 — 8-го января 1900 года. Затѣмъ былъ доложенъ и провѣренъ списокъ назначенныхъ разными учрежденіями и обществами и прибывшихъ въ Москву депутатовъ. Ихъ оказалось очень много, особенно изъ Харькова, а также изъ Одессы, Казани, Петербурга и т. д., и зала была совершенно полна. Собраніе par acclamation избрало предсѣдателемъ комитета графиню Уварову, секретаремъ В. К. Трутовскаго. Рѣшено ходатайствовать о назначеніи съѣзда съ 15-го по 25-е августа 1902 года. Съѣздъ раздѣляется на девять отдѣленій: 1) древности первобытныя; 2) древности историко-географическія и этнографическія; 3) памятники искусствъ и художествъ; нумизматика и сфрагистика; 4) бытъ домашній, ю-

зяйственный, общественный, юридическій и военный; 5) древности церковныя; 6) памятники языка и письма; 7) древности классическія, византійскія, западно-европейскія и восточныя; 8) древности славянскія; 9) памятники археографическіе. При съѣздѣ имѣютъ быть устроены выставки археологическая и этнографическая; на послѣдней имѣется въ виду представить народную бытовую обстановку населенія Харьковской и сосѣднихъ губерній. Въ случаѣ пріѣзда иностранныхъ ученыхъ могутъ быть устроены на съѣздѣ особыя засѣданія съ рефератами на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и на славянскихъ нарѣчіяхъ. Затѣмъ было заявлено о различныхъ вопросахъ и запросахъ по археологіи, предлагаемыхъ для съѣзда какъ присутствующими членами, такъ и присланныхъ въ археологическое общество. По многимъ вопросамъ изъявлена была готовность представить рефераты для съѣзда. Бо̀льшая часть заявленныхъ рефератовъ и вопросовъ касается древностей Слободской Украины и Донской области, также Южной Россіи вообще и, наконецъ, различныхъ памятниковъ древности, не только русскихъ, но и иностранныхъ. **II.** 5-го января, въ домѣ графини П. С. Уваровой происходило второе засѣданіе комитета. Многими членами были внесены въ программу съѣзда вопросы (съ готовностью представить рефераты) и запросы (въ цѣляхъ полученія отвѣтовъ отъ другихъ спеціалистовъ) по различнымъ категоріямъ древностей лѣвобережной Украйны, Донской области и примыкающихъ къ нимъ мѣстностей, а также и вообще по археологіи Россіи. Профессоръ Харьковскаго университета Д. М. Багалѣй намѣтилъ планъ подготовительныхъ къ съѣзду работъ. Для организаціи ихъ имѣетъ быть образовано въ Харьковѣ, при университетѣ, мѣстное отдѣленіе подготовительнаго комитета, въ который войдутъ всѣ профессоры историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета, представители всѣхъ другихъ факультетовъ, нѣкоторые члены мѣстнаго историко-филологическаго общества и другія лица изъ мѣстныхъ дѣятелей. Районъ предварительныхъ изысканій долженъ обнять губерніи между Днѣпромъ и Дономъ, т. е. Харьковскую, Курскую, Воронежскую, Черниговскую, Полтавскую, Екатеринославскую, сѣверную часть Таврической, а также Донскую и Кубанскую области. Въ этомъ районѣ предполагается собрать предметы, способные иллюстрировать доисторическую и историческую старину района, а также этнографическіе предметы, являющіеся пережитками болѣе или менѣе отдаленной старины. Въ частности имѣется въ виду составить археологическія карты Харьковской и сосѣднихъ губерній, собрать доисторическія древности (на съѣздъ имѣетъ быть доставлена, между прочимъ, большая археологическая коллекція покойнаго Поля, изъ Екатеринослава), предметы стариннаго быта (Слободской Украйны, Запорожья, Кубанскаго войска, Донской области), портреты, рукописи и т. д., отчасти путемъ сношеній съ разными учрежденіями и лицами, отчасти путемъ экспедицій—для раскопки кургановъ и городищъ, осмотра извѣстныхъ мѣстностей, ознакомленія съ частными музеями, съ архивами и т. д. Между прочимъ намѣчены систематическое изслѣдованіе кургановъ съ стоящими на нихъ каменными бабами и составленіе фотографическаго альбома этихъ древнихъ изваяній, изслѣдованіе городищъ Донецкаго бассейна и опредѣленіе границъ древней славано-русской территоріи, выясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ исторической географіи, этногра-

фіи и т. д. Работы должны начаться еще нынѣшнимъ лѣтомъ и продолжаться лѣтомъ 1901 года. Есть основаніе надѣяться, что цѣлямъ съѣзда будетъ оказано возможное содѣйствіе городомъ, земствомъ и университетомъ.

Московское историческое общество. Въ послѣднихъ числахъ января въ актовой залѣ университета состоялось публичное засѣданіе историческаго общества, посвященное памяти покойнаго профессора всеобщей исторіи М. С. Корелина. Засѣданіе было открыто вступительнымъ словомъ предсѣдателя общества, проф. В. И. Герье. Указавъ на цѣль открываемаго собранія, онъ сдѣлалъ краткій очеркъ научной дѣятельности и нравственной личности покойнаго историка. Вслѣдъ затѣмъ Н. И. Карѣевъ выступилъ съ рѣчью о трудахъ М. С. Корелина по гуманизму. Самъ истинный гуманистъ въ душѣ, М. С. живо увлекался лучшими стремленіями итальянскихъ гуманистовъ, придавалъ большое значеніе ихъ индивидуальной дѣятельности на защиту свободы мысли и личности, что не мѣшало ему съ большимъ углубленіемъ въ изучаемую эпоху отмѣтить и ея отрицательныя стороны и дать въ своемъ обширномъ трудѣ о гуманизмѣ классическое сочиненіе для ознакомленія съ этимъ выдающимся по своему значенію культурнымъ движеніемъ. М. С. видѣлъ въ гуманистахъ предшественниковъ современной интеллигенціи, которая однако выработала себѣ два новыхъ начала: служенія народу и признанія прогресса культуры. Послѣ небольшого перерыва М. А. Иванцовъ сообщилъ о курсахъ М. С. Корелина, читанныхъ имъ въ университетѣ и касавшихся исторіи Востока, Римской имперіи, эпохи Возрожденія и исторіи искусства. Снова послѣ перерыва слѣдовали воспоминанія о М. С. Корелинѣ представителей ученыхъ обществъ, учебныхъ заведеній и редакцій органовъ печати, въ которыхъ покойный состоялъ членомъ, преподавателемъ или сотрудникомъ. Отъ московскаго археологическаго общества говорилъ проф. Д. Н. Анучинъ, отъ общества любителей россійской словесности — П. И. Ивановъ, отъ психологическаго общества—профессоръ Л. Н. Лопатинъ. Профессоръ В. О. Ключевскій помянулъ дѣятельность М. С. Корелина, какъ преподавателя на высшихъ женскихъ курсахъ. Далѣе слѣдовали воспоминанія о дѣятельности покойнаго профессора въ Лазаревскомъ институтѣ, 3-й женской гимназіи, консерваторіи и объ его сотрудничествѣ въ «Русской Мысли» (говорилъ В. А. Гольцевъ) и въ «Дѣтскомъ Чтеніи» (Д. И. Тихомировъ).

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. 21-го января состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова. Проф. Н. И. Веселовскій затронулъ весьма интересующій археологовъ вопросъ «о крашенныхъ костякахъ». Находимые въ курганахъ костяки бываютъ очень часто окрашены въ бурый, красный, розовый и бѣлый цвѣта. Различіе цвѣта окраски обусловливаетъ различіе находимыхъ при костякѣ предметовъ. Наиболѣе богатая погребальная обстановка при красныхъ костякахъ, наиболѣе бѣдная при бурыхъ. Теоретическія соображенія и одно удачное археологическое изслѣдованіе кургана нынѣшней осенью, о которомъ подробно и сообщилъ референтъ, привели его къ убѣжденію въ томъ, что окраска костяка есть культъ бронзоваго вѣка. Проф. С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе «о нѣкоторыхъ рукописяхъ лѣтописнаго характера». Изъ числа произведенныхъ имъ наблю-

деній надъ рукописями сдѣлано одно весьма важное открытіе: одинъ изъ листовъ «Степенной книги Хрущова», на основаніи которой Карамзинъ ввелъ въ свою «Исторію Государства Россійскаго» и рѣчь Іоанна Грознаго, вшитъ очевидно на мѣстѣ вырванной изъ книги страницы. Кромѣ того, одна изъ рукописей XVII вѣка типографской библіотеки въ Москвѣ устанавливаетъ неизвѣстный до настоящаго времени историческій фактъ о присягѣ новорожденному сыну Іоанна Грознаго, къ которой приводили народъ. Въ концѣ засѣданія избраны секретаремъ отдѣленія С. М. Середонинъ и членомъ совѣта Н. Д. Чечулинъ.

Археологическій институтъ. 27-го января на общемъ собраніи членовъ и слушателей В. Л. Богдановскимъ прочитанъ былъ рефератъ: «Нѣкоторыя мысли объ археологіи вообще и о доисторической въ частности». Въ первой части реферата, послѣ краткаго обзора образованія отдѣльныхъ наукъ о древности, изъ которыхъ сложилась современная археологія, и краткаго изложенія и разбора мнѣній Сахарова, Забѣлина, графа Уварова и профессора Брикнера о предметахъ и задачахъ археологіи, были изложены собственныя сужденія референта, опредѣлившаго археологію, какъ науку, изучающую всѣ стороны древняго быта или бытовыя состоянія, не только по всѣмъ вообще свидѣтельствующимъ о нихъ памятникамъ, но и въ неразрывной связи съ этими памятниками. Во второй части референтомъ былъ сдѣланъ опытъ опредѣленія понятія и объема доисторической археологіи, съ критикою мнѣній о преувеличенномъ значеніи теоріи эволюціи для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ доисторической археологіи.

Общество любителей древней письменности. 7-го января, подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко, состоялось общее собраніе. Первое сообщеніе было сдѣлано В. Н. Перетцомъ. Докладчикъ остановился на двухъ пьесахъ стариннаго русскаго театра. Одна изъ нихъ — шутовская комедія, повидимому переводная (рукопись Московскаго Публичнаго музея, половины XVIII вѣка). Объ оригиналѣ трудно судить, но, вѣроятно, это была балаганная пьеса, напоминающая Мольеровскія интерлюдіи къ «Мнимому больному». Опредѣленнаго сюжета комедія не имѣетъ, а представляетъ рядъ отдѣльныхъ сценъ, въ которыхъ выступаютъ любимые герои — типы шутовской комедіи итальянской, а позже французской. Вторая пьеса (рукопись изъ собранія графа Уварова; написана до 1716 года), разсмотрѣнная докладчикомъ,—«Комедія о царѣ Давыдѣ и Соломонѣ», отчасти извѣстна по выдержкамъ, напечатаннымъ Пекарскимъ. Затѣмъ И. А. Шляпкинъ сообщилъ рядъ замѣтокъ по древней письменности, вызванныхъ рукописями, съ которыми ему пришлось ознакомиться во время путешествія по сѣверной Россіи. 21-го января состоялось общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко. В. В. Майковымъ было прочитано присланное М. Н. Сперанскимъ сообщеніе о «Лопаточникѣ»,—памятникѣ, который до сихъ поръ былъ извѣстенъ только по упоминанію о немъ въ индексѣ книгъ истинныхъ и ложныхъ и отожествлялся обыкновенно съ «Трепетникомъ». Референту удалось найти въ бѣлорусской рукописи Виленской публичной библіотеки текстъ, вполнѣ имѣющій право, въ силу содержанія, носить названіе «Лопаточника». Изслѣдованіе этого текста привело къ слѣдующимъ выводамъ: «Лопаточникъ» —

апокрифическая книжка, содержащая гаданіе по черточкамъ, пятнышкамъ и цвѣту лопатки овцы (или иного животнаго), въ славяно-русской письменности должна быть считаема памятникомъ XIV—XV вѣка, переведеннымъ вѣроятно всего въ Болгаріи съ греческаго, до сихъ поръ не разысканнаго текста. Выражаетъ же «Лопаточникъ» собой тотъ видъ гаданія, который стоитъ въ связи съ жертвеннымъ гаданіемъ и гаданіемъ по черточкамъ и точкамъ. Гаданіе это особенно распространено на Востокѣ, откуда въ весьма древнее время могло распространиться на Западѣ и въ Византіи, черезъ нее у юго-славянъ, а отъ нихъ у насъ.

Общество любителей россійской словесности. 26-го января въ залѣ правленія университета, подъ предсѣдательствомъ профессора Н. И. Стороженко, состоялось засѣданіе общества. Произведенной баллотировкой избраны въ почетные члена общества—писательница М. А. Марковичъ (Марко-Вовчокъ) и въ дѣйствительные члены—В. П. Авенаріусъ. Собраніемъ постановлено выслать въ библіотеку высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ всѣ изданія общества. Затѣмъ рѣшено устроить въ историческомъ музеѣ въ мартѣ мѣсяцѣ литературно-музыкальный вечеръ, посвященный памяти почетныхъ членовъ общества — поэта Я. П. Полонскаго и романиста Д. В. Григоровича. Въ силу состоявшагося въ прошломъ году постановленія, по поводу 100-лѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина, при обществѣ учреждается новое «Пушкинское отдѣленіе». Выборы членовъ этого отдѣленія будутъ произведены въ слѣдующемъ очередномъ засѣданіи общества въ февралѣ.

Въ Библіологическомъ обществѣ. Въ субботу, 29-го января, въ помѣщеніи Археологическаго института, состоялось, съ допущеніемъ постороннихъ лицъ, годовое и 1-ое въ текущемъ году очередное общія собранія русскаго библіологическаго общества. Предсѣдательствовалъ въ годовомъ собраніи А. И. Малеинъ. По прочтеніи и утвержденіи отчета, собраніе приступило къ выборамъ на мѣсто выбывающей трети совѣта; секретаремъ общества избранъ былъ А. І. Мальмгренъ, а членами совѣта Н. М. Лисовскій и Б. Л. Модзалевскій. Послѣ этого прочитаны были два доклада, посвященныхъ Д. В. Григоровичу, А. К. Бороздинымъ и А. Л. Липовскимъ. Докладъ перваго изъ нихъ напечатанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (февраль с. г., стр. 686—703). Второй докладчикъ отнесся къ дѣятельности Д. В. Григоровича съ существенно иной точки зрѣнія.

Отмѣтивъ равнодушіе, съ которымъ общество отнеслось къ смерти этого писателя, г. Липовскій попытался дать объясненіе этому факту въ сочиненіяхъ самого Григоровича. Остановившись на внѣшней сторонѣ, на формѣ этихъ сочиненій онъ указалъ на то, что Григоровичъ не былъ крупнымъ художникомъ слова, употреблялъ вычурные и неправильные обороты, давалъ слишкомъ внѣшнія, протокольныя описанія. Содержаніе не выкупало недостатковъ формы. Г. Липовскій прежде всего отмѣтилъ ошибочность репутаціи Григоровича, какъ борца противъ крѣпостного права. Его знаменитый «Антонъ Горемыка» не протестуетъ, по мнѣнію докладчика, противъ крѣпостного права. Онъ несчастенъ, потому что противъ него цѣлый рядъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и, главное, потому что новый управляющій оказался плохимъ. Раньше упра-

вляющій былъ хорошъ, и Горемыкѣ жилось недурно, несмотря на крѣпостное право. Въ подтвержденіи своего взгляда г. Липовскій привелъ рядъ выдержекъ, доказывавшихъ оптимистическое настроеніе Григоровича въ этомъ отношеніи. Освобожденіе крестьянъ осуществило все, чего могъ желать Григоровичъ, и потому-то съ шестидесятыхъ годовъ онъ совершенно замолкъ, а общество его забыло. Въ заключеніе своего доклада г. Липовскій отмѣтилъ сентиментализмъ Григоровича и недостатокъ у него психологическаго анализа. Преній по поводу обоихъ, діаметрально противоположныхъ оцѣнокъ дѣятельности покойнаго писателя не состоялось. На томъ же собраніи были единогласно избраны въ дѣйствительные члены: А. И. Абрамовичъ, Ѳ. И. Булгаковъ, М. Я. Вилліе, Ѳ. А. Витбергъ, П. А. Конскій, В. Н. Кораблевъ, Н. К. Кульманъ, И. А. Кубасовъ, А. Н. Неустроевъ, В. Н. Рогожинъ, И. Л. Родкевичъ, Н. П. Савваитовъ, С. А. Терновскій, К. Ѳ. Хартулари, Ѳ. Е. Шеляговскій, гр. П. С. Шереметевъ и А. Ѳ. Шидловскій. Въ члены-сотрудники были избраны А. А. Терновскій, Н. Г. Маллицкій, И. К. Антошевскій, П. А. Дилакторскій и Н. М. Тупиковъ. Въ заключеніе общее собраніе единогласно постановило избрать директора Археологическаго института Н. В. Покровскаго, за услуги, оказанныя обществу, въ почетные члены Русскаго библіологическаго общества.

Географическое общество. I. 11-го января состоялось соединенное засѣданіе отдѣленій географіи математической и физической подъ предсѣдательствомъ профессора Мушкетова. Первая часть засѣданія была посвящена памяти скончавшагося А. А. Тилло. И. В. Мушкетовъ въ немногихъ прочувствованныхъ словахъ указалъ на ту незамѣнимую утрату, которая понесена въ лицѣ А. А. Тилло, какъ научномъ дѣятелѣ, человѣкѣ, товарищѣ и вѣрномъ слугѣ географическаго общества, въ которомъ онъ былъ элементомъ, оживляющимъ не только по своимъ многочисленнымъ научнымъ трудамъ, но и по той энергіи и иниціативѣ, благодаря коимъ организовалось много экспедицій, и по той охотѣ помочь словомъ и дѣломъ всякому, даже начинающему свою научную дѣятельность. В. В. Витковскій очертилъ А. А. Тилло, какъ научнаго дѣятеля, указавъ на его важнѣйшіе труды въ этомъ отношеніи, которыхъ всего насчитывается болѣе 100. Особенно замѣчательны работы по нивелировкѣ, которыя первыя установили связь нашихъ изслѣдованій съ заграничными; его гипсометрическая карта Россіи—трудъ 15-ти лѣтъ—положила основаніе болѣе точнымъ географическимъ знаніямъ Россіи; онъ указалъ, напримѣръ, что появившіяся съ 1840-хъ годовъ во всѣхъ нашихъ учебникахъ географіи гряды: Урало-Алтайская и Урало-Каспійская, не существуютъ на самомъ дѣлѣ и взяты изъ нѣмецкой географіи Рона (38 года); на карту А. А. Тилло нанесено 51.385 точекъ. Затѣмъ засѣданіе приступило къ разсмотрѣнію текущихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ было указано, что, благодаря огромнымъ затратамъ въ нынѣшнемъ году отдѣленія на изданія — около 25.000 рублей, возможно организовать только самыя небольшія экспедиціи, не требующія крупныхъ затратъ. Такъ, рѣшено принять предложенія о двухъ экспедиціяхъ для изслѣдованія кавказскихъ ледниковъ—одна изъ нихъ г. Поггенполя (изслѣдованіе Эльборуса). Затѣмъ Ю. М. Шокальскимъ было указано на необходимость избранія комиссіи для организаціи правильнаго изслѣдованія озеръ въ Россіи. На-

стоящую комиссію рѣшено составить совмѣстно съ обществомъ рыболовства. Отъ географическаго общества въ нее вошли Ю. М. Шокальскій (онъ же представитель и международной), А. И. Воейковъ, В. Е. Тимановъ, В. А. Обручевъ и А. Н. Звегинцевъ. По обсужденіи текущихъ дѣлъ, П. Г. Игнатовымъ было сдѣлано сообщеніе объ изслѣдованіи озеръ Акмолинской области. Озеро Тенизъ имѣетъ въ длину почти 80 верстъ (большого плеса) и въ ширину 28 верстъ, площадь его представляетъ 1.475 километровъ. По величинѣ своей оно является четвертымъ въ Европейской Россіи. На немъ нѣсколько островов. но нанесеннаго на карту въ 1840 г. острова, въ 17 вер., не существуетъ, да и не существовало; зимою оно замерзаетъ почти все; вода горько-соленая, но содержаніе солей не велико; микроскопическая фауна его очень богата; дичи особенно у устьевъ рѣки Кона много — утки, гуси, пеликаны, фламинги, лебеди; берега низменны, заключаютъ желѣзную руду, гипсъ, есть выходы кварцита. Озеро Кургальджинъ соединяется съ Тенизомъ рѣкою Нурой, имѣетъ 15 верстъ длины. По словамъ киргизовъ и по наблюденіямъ, въ послѣднее время вода въ немъ замѣтно прибываетъ; это явленіе замѣчательно, ибо оно происходитъ на протяженіи 1.500 верстъ поперекъ всѣхъ киргизскихъ степей: Аральское море и озера омскія также остановились въ своей убыли и стали прибывать; вѣроятно, какъ думаетъ докладчикъ, это явленіе временное. Въ томъ же засѣданіи сдѣлано было сообщеніе В. П. Семеновымъ объ орографіи центральныхъ и черноземныхъ губерній Россіи. Орографія этой полосы любопытна вслѣдствіе отсутствіи озеръ и сложности системы рѣчной. **II.** 19-го января состоялось обыкновенное собраніе; засѣданіе было открыто предсѣдателемъ его П. П. Семеновымъ небольшой характеристикой скончавшагося А. А. Тилло, какъ ревностнаго и незабвеннаго дѣятеля географическаго общества. Затѣмъ были избраны въ дѣйствительные члены общества слѣдующія лица: С. Д. Боткинъ, В. В. Власовъ В. В. Желватыхъ, К. В. Лаврентьевъ, Н. П. Пузыревскій, Н. Н. Распоповъ, В. В. Сахаровъ, И. К. Надѣинъ, М. С. Свержеевскій, П. Г. Степановъ, О. А. Струве. Вслѣдъ засимъ дѣйствительнымъ членомъ общества профессоромъ Юрьевскаго университета и директоромъ Юрьевскаго ботаническаго сада Н. И. Кузнецовымъ было сдѣлано сообщеніе о ботанико-географическихъ изслѣдованіяхъ Кавказа, совершенныхъ по порученію географическаго общества. Н. И. Кузнецовъ утверждаетъ, что въ Колхидской или Понтійской области совершенно своеобразныя климатическія условія породили и совершенно своеобразную растительную природу, являющую изъ себя древнюю форму флоры — деривацію третичной эпохи; флора остальной части Кавказа связана съ флорой Понтійской; флора Сѣвернаго Кавказа есть постепенное измѣненіе флоры sub-тропическихъ типовъ. Затѣмъ изслѣдователями Липскимъ и Акинфіевымъ въ Западномъ Кавказѣ были открыты два такихъ типа растеній (Dioscoria caucasica Zepsky и Medvedica), которые не встрѣчаются въ поясахъ умѣренныхъ. **III.** 26-го января состоялось подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова годовое собраніе. Секретаремъ общества А. В. Григорьевымъ прочитанъ былъ отчетъ за 1899 г.; первая часть отчета посвящена памяти и біографіямъ скончавшихся за истекшій годъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ общества. Къ 1900 г. въ обществѣ состояло въ числѣ членовъ общества: августѣйшихъ

особъ 20, почетныхъ 17, иностранцевъ 5, членовъ-соревнователей 25, дѣйствительныхъ членовъ 875, членовъ-корреспондентовъ 184. Изъ важнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій наиболѣе важными являются: экспедиція центрально-азіатская, порученная гг. Козлову и Казнакову, и корейско-сахалинская, предпринятая П. Ю. Шмитомъ. Всего капитала за текущій годъ у общества было 123.800 рублей; издержано — 85.914 рублей. Его Императорскимъ Величествомъ было милостиво отпущено обществу 45 тысячъ на снаряженіе центрально-азіатской экспедиціи. Въ засѣданіи избраны въ почетные члены начальникъ военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба генералъ-лейтенантъ О. Э. Штубендорфъ; въ дѣйствительные члены: А. Н. Арсеньевъ, Я. Е. Жуковскій, А. А. Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ, баронъ В. А. Каульбарсъ, Л. И. Свиридовъ, С. С. Смитъ, П. В. Щусевъ. За труды на пользу географической науки присуждены за 1899 годъ слѣдующія награды: Константиновская медаль (очередь присужденія была за отдѣленіемъ этнографіи)—А. М. Позднѣеву за сочиненіе «Монголія и монголы» и прочіе труды его по изученію сопредѣльной съ Россіей Монголіи. Медаль имени гр. Ѳ. П. Литке—Л. К. Артамонову за его географическія работы на Кавказѣ, Персіи, въ Средней Азіи и Абиссиніи. Медаль имени Д. П. Семенова—д-ру Э. В. Бретшнейдеру за обширный трудъ «History of European Botanical Discoveries in China» и совокупность его работъ по изученію Китая. Большая золотая медаль—за труды по этнографіи П. Я. Марру за трудъ «Сборникъ притчъ Вардана. Матеріалы для исторіи средневѣковой армянской литературы». Медаль имени Н. М. Пржевальскаго—Э. Э. Анерту за трудъ по геологіи Манчжуріи. Малыя золотыя медали—по представленію отдѣленія географіи математической и физической: 1) члену-сотруднику Р. Н. Савельеву — за труды по метеорологіи; 2) дѣйствительному члену Н. Н. Лелякину — за труды по астрономическому опредѣленію мѣстъ съемки обширнаго маршрута и опредѣленія трехъ элементовъ земного магнетизма во многихъ мѣстахъ по берегамъ Охотскаго моря; по представленію отдѣленія этнографіи В. И. Іохельсону—за сообщеніе о бродячихъ родахъ тундры между Индигиркой и Колымой. Серебряная медаль имени П. П. Семенова: М. А. Ляликой за работы по популяризаціи географическихъ трудовъ русскихъ путешественниковъ. Малыя серебряныя медали: дѣйствительному члену А. К. Булатовичу—за сообщеніе о путешествіи на озеро Рудольфа, П. Г. Игнатову—за сообщеніе объ озерахъ Акмолинской области, К. П. Мордовину—за участіе въ наблюденіяхъ и вычисленіяхъ качанія маятника въ Югорскомъ Шарѣ, 1) В. Г. Богорацу, 2) Г. В. Ильинскому, 3) Панаюту-Двиновскому, 4) Скурлатову, 5) Вильчинскому, 6) Е. Э. Линевой—за сообщеніе пѣсенъ, собранныхъ при посредствѣ фонографа. Отъ совѣта члену сотр. А. В. Ѳомину за ботанико-географ. изслѣдованія Закавказскихъ степей. Бронзовыя медали: 1) фельдшеру Лукьянову; 2) бухарскому чиновнику Сеидъ-Дживачи; 4) студентамъ кіевскаго политехникума Кожевникову и Малеванскому и 4) члену-сотруднику Савельеву.

Кіевское церковно-археологическое общество въ 1899 году. Церковно-археологическое общество при Кіевской духовной академіи въ отчетномъ году вступило въ 28-й годъ своего существованія. Членовъ почетныхъ, дѣйстви-

тельныхъ и членовъ-корреспондентовъ въ немъ насчитывается теперь
180. Въ 1899 году въ состоящій при обществѣ музей поступило отъ 9
жденій и лицъ до 635 №№ предметовъ и книгъ, которые, вмѣстѣ съ
пленіями прежнихъ лѣтъ, составятъ цифру до 30.197 №№. Изъ этихъ
пленій наибольшій мѣстный археологическій интересъ имѣютъ памятники
ковной архитектуры, живописи, скульптуры и церковной утвари, найд
въ самомъ Кіевѣ. Изъ Кіево-Печерской лавры доставлены найденные,
съ монетами, подъ поломъ на хорахъ великой лаврской церкви, такъ
ваемые «голосники» и глиняныя и ценинныя плитки, указывающія на
постройки и украшенія великой лаврской церкви въ концѣ XI вѣка. Къ
наружныхъ украшеній этой церкви относится также изображеніе креста
кускѣ штукатурки надъ однимъ изъ алтарныхъ оконъ ея, а складной
рованный крестъ изъ Троицкой церкви надъ св. вратами лавры, XII
представляетъ собою единственное въ своемъ родѣ произведеніе древ
скаго искусства, выполненное выемчатою разноцвѣтною эмалью по угл
ніямъ штампованнаго орнамента. Нѣкоторые бронзовые обломки изъ Кі
Михайловскаго монастыря указываютъ на древнюю церковную утварь
можетъ быть, на паникадила и подсвѣчники, и позднѣйшая шапка или
изъ этого монастыря, первой половины XVII в., могла принадлежать
либо изъ тогдашнихъ митрополитовъ, жившихъ въ Михайловскомъ монаст
или Іову Борецкому, или Исаіи Копинскому. Куски ценинныхо пола и
сокъ, найденные вблизи Кіево-Подольскаго Успенскаго собора, подтверж
древность этого храма, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ и объ его
чальномъ благолѣпномъ украшеніи. Къ дотатарскому періоду русской
относятся поступившія въ музей находки: бронзоваго энколпіона съ изо
женіемъ Богородицы, въ Кіевѣ, въ Десятинномъ переулкѣ, на усадьбѣ С
ревскихъ, и бронзоваго же энколпіона, въ Мажаровскомъ приходѣ, Конст
ноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Положительную рѣдкость пред
вляетъ изъ себя змѣевикъ свѣтло-зеленой арабской мѣди, инкрустирован
серебромъ, греческаго происхожденія и съ греческою надписью, въ кот
читается имя Анастасіи, замѣчательный вмѣстѣ и по своей техникѣ. И
остальныхъ вещей этого отдѣла могутъ быть упомянуты: серебряный окл
на евангеліе XVI—XVII вв., съ Кавказа, отъ преосвященнаго Киріона,
скопа Алавердскаго, и желѣзныя вериги изъ заднѣпровской Воскресен
слободы. Къ болѣе рѣдкимъ монетамъ, поступившимъ въ музей, принадлеж
одна серебряная сассанидская и одна мѣдная сицилійско-норманская XII в. Бо
или менѣе цѣннымъ характеромъ отличается кладъ польско-литовскихъ и з
падно-европейскихъ монетъ, относящійся ко времени отъ конца XV до конца XV
и найденный въ дер. Залисце, Луцкаго уѣзда. Изъ древнихъ памятниковъ во
наго и домашняго быта могутъ быть отмѣчены: двѣ глиняныя рукоятки
сосудовъ съ греческими штемпелями съ острова Родоса; бусы изъ компози
въ видѣ раковинокъ, изъ берега Днѣпровско-Бугскаго лимана, и особенно зо
тые часы съ позолоченнымъ колпакомъ и гербомъ, по происхожденію отно
щимся къ обстоятельствамъ восшествія императрицы Елисаветы I на престо
въ 1741 году. Въ отдѣлѣ рукописей интересны пять рукописныхъ тетра

покойнаго Н. П. Чернева съ рисунками разныхъ монетъ, а также двѣ связки студенческихъ записей и конспектовъ студентовъ Кіевской духовной академіи XV курса (1847—1851 гг.). Послѣднія представляютъ богатый матеріалъ для характеристики научной дѣятельности Кіевской академіи того времени. Въ отдѣлѣ гравюръ и иллюстрированныхъ изданій особенную научную цѣнность имѣютъ 138 изданій изъ библіотеки покойнаго члена Н. П. Чернева по разнымъ отраслямъ археологіи и искусства. Въ 1899 г. было 9 засѣданій общества, на которыхъ прочитаны были отчетъ общества и 15 рефератовъ. Нѣкоторые изъ нихъ вошли въ составъ 2-го выпуска «Чтеній въ церковно-археологическомъ обществѣ», изданнаго въ 1899 году съ 5-ю таблицами фототипическихъ снимковъ (17-ти монетъ и медалей лаврскаго клада). Кромѣ того, въ 1899 году продолжала занятія комиссія изъ 5-ти членовъ по приведенію въ порядокъ и описанію стараго архива кіевской духовной консисторіи. Денежныя средства общества простираются нынѣ до 9.305 рублей.

Изданія академіи наукъ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности при императорской академіи наукъ предпринимаетъ, какъ извѣстно, систематическое изданіе произведеній нашей словесности, которое должно обнять сочиненія не только корифеевъ нашей литературы, но, по возможности, всѣхъ писателей допетровской эпохи. Правильная разработка нашей словесности нуждается въ подобномъ критическомъ изданіи, задача котораго—удовлетворить разнообразнымъ требованіямъ нашего просвѣщеннаго общества вообще и ученыхъ изслѣдователей языка, быта и исторіи, въ частности. Вопросы, связанные съ планомъ предполагаемаго изданія, уже обсуждались въ засѣданіяхъ отдѣленія. Остановившись, между прочимъ, на сложной работѣ, предстоящей издателямъ рукописныхъ произведеній древней словесности, отдѣленіе рѣшило теперь же приступить къ выполненію подготовительнаго труда, который долженъ въ значительной степени облегчить и обогатить предположенныя изданія. Воспользовавшись предположеніемъ извѣстнаго знатока нашей древней словесности, профессора с.-петербургской духовной академіи Н. К. Никольскаго—помѣстить въ изданіяхъ академіи систематическое изслѣдованіе всѣхъ списковъ русскихъ сочиненій XI вѣка, отдѣленіе просило его расширить задачу и привлечь къ изслѣдованію произведенія и слѣдующихъ вѣковъ до XIV вѣка включительно. Н. К. Никольскій въ настоящее время уже закончилъ работу по всѣмъ печатнымъ описаніямъ рукописей, но, имѣя въ виду, что большая часть рукописныхъ собраній еще не описана, рѣшилъ осмотрѣть и изучить всѣ доступныя книгохранилища Петербурга, Москвы, Кіева и др. городовъ. По окончаніи, хотя бы и вчернѣ, работы Никольскаго, отдѣленіе приступитъ къ изданію писателей древнѣйшихъ. Одновременно начнутся работы и по изданію писателей XVIII вѣка; такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій отдѣленіе одобрило предложеніе академика А. Н. Пыпина — предпринять изданія сочиненій императрицы Екатерины II. Въ виду того, что изданный академіей наукъ первый томъ сочиненій Пушкина быстро разошелся еще осенью прошлаго года, академія одновременно съ изданіемъ второго тома рѣшила выпустить предпринятое уже второе изданіе перваго тома, примѣчанія котораго будутъ пополнены на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ, собранныхъ

академикомъ Л. Н. Майковымъ. Въ одномъ изъ изданій академіи наукъ въ близкомъ будущемъ появится обширный трудъ, посвященный изслѣдованію переводовъ Пушкина у южныхъ славянъ. Авторъ этого труда—извѣстный славистъ, издатель журнала «Archiv für Slavische Philologie» академикъ И. В. Ягичъ.

Сохраненіе памятниковъ древности. Въ декабрѣ прошлаго года попечителемъ Виленскаго учебнаго округа былъ разосланъ директорамъ народныхъ училищъ циркуляръ, въ которомъ онъ проситъ послѣднихъ, по мѣрѣ возможности, заняться какъ собираніемъ, такъ и охраненіемъ важныхъ древнихъ вещественныхъ памятниковъ, особенно письменныхъ, которые такъ часто попадаются въ обширной области губерній, входящихъ въ составъ Виленскаго учебнаго округа, прошлое которыхъ имѣетъ большой научный интересъ. Кромѣ того, попечитель проситъ доводить до свѣдѣнія учебнаго округа обо всѣхъ извѣстныхъ или вновь найденныхъ древнихъ памятникахъ, съ помѣщеніемъ въ этихъ сообщеніяхъ возможно полнаго описанія каждаго памятника и соображеній о способахъ его сохраненія или доставленія въ какое либо изъ русскихъ древлехранилищъ.

Вечеръ въ память Т. И. Филиппова. 18 января въ народномъ домѣ Богородицкаго попечительства въ Перми состоялся вечеръ, посвященный памяти Т. И. Филиппова, замѣчательный не только тѣмъ, что Пермь первая помянула Т. И. Филиппова, какъ собирателя народныхъ пѣсенъ, но и тѣмъ, что вечеръ былъ «народный». Послѣ краткой біографіи Т. И. Филиппова народнымъ хоромъ былъ исполненъ духовный стихъ «Да помянетъ Господь», записанный Т. И. Филипповымъ. Затѣмъ, слѣдовало чтеніе всеподданнѣйшей записки Т. И. Филиппова «О русской народной пѣснѣ» и народный гимнъ. Второе отдѣленіе открылось чтеніемъ всеподданнѣйшей записки Т. И. Филиппова «О планѣ гармонизаціи народныхъ пѣсенъ, собранныхъ пѣсенною комиссіей», затѣмъ слѣдовала народная пѣснь «Степь Моздоцкая», записанная Т. И. Филипповымъ, чтеніе «Предисловія» Т. И. Филиппова къ 40 собраннымъ имъ народнымъ пѣснямъ и народныя пѣсни «Что вились-то мои русы кудри» и «Ты взойди, солнце красное», записанныя имъ и положенныя на народный ладъ для хора Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ. Наконецъ, третье отдѣленіе открылось чтеніемъ «Письма» композитора С. М. Ляпунова къ профессору исторіи музыки въ парижской консерваторіи Бурго-Дюкудрэ и отвѣта послѣдняго Ляпунову и было закончено исполненіемъ записанныхъ Т. И. Филипповымъ народныхъ пѣсенъ «Взойди ты солнце, не низко, высоко», «Я вечеръ млада» и «У воротъ, воротъ батюшкиныхъ», положенныхъ на голоса Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ и М. П. Мусоргскимъ.

НЕКРОЛОГИ.

НУЧИНЪ, Д. Г. 17-го января скончался въ С.-Петербургѣ отъ разрыва сердца генералъ-отъ-инфантеріи, первоприсутствующій департамента герольдіи правительствующаго сената, Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Тамбовской губерніи, родился 9-го апрѣля 1833 года, воспитывался въ Тамбовскомъ и Павловскомъ кадетскихъ корпусахъ и въ академіи генеральнаго штаба, службу началъ въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку. Причисленный въ 1855 году къ генеральному штабу, онъ состоялъ въ Кавказскомъ корпусѣ и затѣмъ при графѣ Бергѣ, въ Варшавѣ, гдѣ послѣдніе два года управлялъ департаментомъ полиціи исправительнаго управленія генералъ-полицеймейстера. Въ 1865 году, былъ назначенъ радомскимъ губернаторомъ, а въ 1879 году, по возвращеніи изъ русско-турецкой кампаніи, гдѣ былъ помощникомъ завѣдующаго и затѣмъ завѣдующимъ гражданскими дѣлами въ Болгаріи,— генералъ-губернаторомъ восточной Сибири и командующимъ войсками. Сенаторомъ Д. Г. Анучинъ состоялъ съ 1885 года.

Какъ писателю, Д. Г. Анучину принадлежитъ, во-первыхъ, цѣлый рядъ цѣнныхъ историческихъ изслѣдованій по исторіи Пугачевщины и Кавказскихъ войнъ, печатавшихся въ «Современникѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Военномъ Сборникѣ» и др. Изслѣдованія эти основаны попреимуществу на изученіи архивныхъ матеріаловъ и весьма интересны по своему изложенію; изъ нихъ назовемъ: «Происшествія на Яикѣ въ 1772 году», «Первые успѣхи Пугачева и экспедиція Кара», «Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину», «Участіе Суворова въ усмиреніи Пугачевщины и поимка Пугачева», «Второе появленіе Пугачева и разореніе Рязани», «Графъ Панинъ, усмиритель Пугачевщины», «Кавказскія войны», «Защита укрѣпленія Ахты и Самурскаго округа въ сентябрѣ

1848 года», «Походъ въ Дарго въ 1846 году» (этотъ трудъ, составленный на основаніи архивныхъ и частныхъ матеріаловъ, долгое время служилъ едва ли не единственнымъ источникомъ для даннаго періода кавказской войны), «Очеркъ горскихъ народовъ праваго крыла кавказской линіи», «О началахъ инженернаго искусства у кавказскихъ горцевъ» и др. Затѣмъ покойнымъ изданы слѣдующіе крупные историко-статистическіе труды: «Очерки экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ царства Польскаго», напечатанные по высочайшему повелѣнію и освященные авторомъ императору Александру Николаевичу, и «Сборникъ главнѣйшихъ официальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью», заключающій въ 8-ми томахъ почти всѣ свѣдѣнія касательно Камчатки, Приамурья, Командорскихъ островов, преобразованія общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ Восточной Сибири, вопроса о переселеніяхъ, горной и соляной промышленности и т. п.

Кромѣ того, покойный оставилъ и чисто картографическую работу: «Карту сообщеній Европейской Россіи» (1859 г.) съ объяснительнымъ текстомъ, печатавшуюся потомъ въ теченіе 20 лѣтъ въ «Памятной книжкѣ Главнаго Штаба». Наконецъ, ему принадлежитъ обширный рядъ болѣе мелкихъ статей. Такъ въ «Голосѣ», «Русскомъ Инвалидѣ» за 1863 — 1865 года онъ помѣстилъ около 200 корреспонденцій изъ Варшавы о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ по усмиренію польскаго мятежа, и въ «Военномъ Сборникѣ» любопытный очеркъ изъ того же времени, подъ заглавіемъ: «Двадцать дней въ лѣсу». Въ «Инженерномъ Журналѣ» за 1858 годъ и отдѣльно имъ напечатана любопытная по новизнѣ матеріала статья: «Перевозка войскъ по желѣзнымъ дорогамъ»; тамъ же: «О военныхъ желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи»; наконецъ, въ «Русской Старинѣ» имъ помѣщено много любопытныхъ статей, напримѣръ, обширная біографія графа Ѳ. Ѳ. Берга: «Князь Черкасскій и гражданское управленіе въ Болгаріи» и др. («Нов. Вр.», 1900, №№ 8583, 8584; «Новости», 1900, № 19; «Россія», 1900, № 264; «Сѣв. Кур.», 1900, № 77; «Моск. Вѣд.», 1900, № 21 и 41; «Русск. Вѣд.», 1900, № 24).

† **К. Д. Безмѣнова.** Въ ночь на 24-е января скончалась жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника Клеопатра Дмитріевна Безмѣнова. Покойная родилась въ 1858 году въ г. Путивлѣ, воспитывалась въ московскомъ Маріинскомъ институтѣ и, по окончаніи въ немъ курса, въ теченіе 9-ти лѣтъ занималась педагогической дѣятельностью въ Кіевѣ, гдѣ ею былъ открытъ первый дѣтскій садъ по системѣ Фребеля. Въ 1889 году К. Д. пріѣхала въ Петербургъ и всецѣло отдалась дѣятельности по благотворительности. Она была одной изъ учредительницъ дома трудолюбія для образованныхъ женщинъ и состояла членомъ различныхъ благотворительныхъ учрежденій. Живо интересуясь дѣломъ трудовой помощи, она изучила положеніе его за границею и напечатала нѣсколько статей по этому вопросу въ «Новомъ Времени» и другихъ изданіяхъ. Въ 1898 году ею былъ выпущенъ въ отдѣльномъ изданіи очеркъ «Центральное общество благотворительности въ Парижѣ». («Нов. Вр.», 1900, № 8597; «Сѣв. Кур.», 1900, № 84).

† **А. И. Гаррисонъ.** 25-го января въ С.-Петербургѣ скончался послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни педагогъ и переводчикъ на англійскій языкъ

русскихъ авторовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Ивановичъ Гаррисонъ (I. Henry Harrison). Покойный родился въ 1829 году въ Лондонѣ, образованіе получилъ въ King's College. Въ молодыхъ годахъ онъ прибылъ въ Россію въ качествѣ воспитателя сыновей тогдашняго великобританскаго посла и черезъ нѣсколько лѣтъ началъ преподавать англійскій языкъ въ Морскомъ корпусѣ, а затѣмъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эту дѣятельность Гаррисонъ продолжалъ до 1899 года, когда вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Проведя почти всю свою жизнь среди русскихъ и хорошо изучивъ ихъ нравы и обычаи, А. И. написалъ не мало интересныхъ повѣстей и разсказовъ изъ русской жизни. Кромѣ того, перу его принадлежитъ нѣсколько поэмъ (A Tale of the sea and other poems), очеркъ о графѣ Львѣ Толстомъ «Tolstoy as preacher, his treatment of the Gospels» и цѣлый рядъ этюдовъ по русской литературѣ, а также переводы на англійскій языкъ басенъ Крылова и трагедіи Алексѣя Толстого «Смерть Іоанна Грознаго». («Нов. Вр.», 1900, № 8595).

† **А. К. Гаугеръ.** Скончавшійся въ Спб. 23-го января послѣ продолжительной болѣзни, членъ с.-петербургской судебной палаты дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Карловичъ Гаугеръ былъ извѣстнымъ дѣятелемъ въ судебномъ мірѣ. Покойный высшее образованіе получилъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи курса котораго въ 1862 году былъ зачисленъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи. Вскорѣ затѣмъ назначенъ былъ товарищемъ предсѣдателя смоленской палаты гражданскаго суда, а черезъ годъ—членомъ курскаго окружнаго суда. Въ 1870 г. вышелъ въ отставку и въ теченіе 9 лѣтъ состоялъ присяжнымъ повѣреннымъ округа харьковской смоленской палаты. Избранный въ почетные мировые судьи харьковскаго округа, А. К. вновь вступилъ на государственную службу и въ 1883 г. былъ назначенъ членомъ виленскаго окружнаго суда, а затѣмъ занималъ должности товарища предсѣдателя гродненскаго окружнаго суда, члена виленской судебной палаты и съ 1890 года г.—члена с.-петербургской судебной палаты, исправляя одно время должность предсѣдателя гражданскаго департамента ея. Трудъ покойнаго «Гражданскіе законы» (т. X, ч. 1), снабженный подробными коментаріями, выдержалъ нѣсколько изданій и сдѣлался настольной книгой у юристовъ. (Н. Вр. 1900, № 8589; Новости 1900, № 26; Россія 1900, № 270).

† **К. Д. Головщиковъ.** Въ двадцатыхъ числахъ января въ Ярославлѣ скончался изслѣдователь мѣстнаго края Константинъ Дмитріевичъ Головщиковъ. Покойный родился въ 1839 г. Литературная дѣятельность К. Д. сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», въ неофиціальной части которыхъ онъ помѣстилъ цѣлый рядъ этнографическихъ и историческихъ замѣтокъ. Затѣмъ онъ составилъ историческій очеркъ Демидовскаго юридическаго лицея, гдѣ состоялъ секретаремъ въ 1865 г., издалъ обширную монографію «Родъ дворянъ Демидовыхъ» и былъ сотрудникомъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона (статьи подписывалъ иниціалами К. Д. Г.). Въ послѣдніе годы К. Д. усердно трудился надъ разработкой матеріаловъ ярославской архивной комиссіи. Часть этой работы напечатана въ историческихъ журналахъ, часть же осталась въ рукописи. («Сѣв. Кур.» 1900, № 83).

† **Ѳ. I. Грудзинскій.** Въ Тирасполѣ скончался популярный на юг
Россіи практическій врачъ. Францъ Іосифовичъ Грудзинскій. Покойный п
окончаніи въ 1852 г. курса Кіевскаго университета, служилъ во флотѣ, в
1855 г. получилъ мѣсто бобринецкаго уѣзднаго врача, а въ послѣднее вре
занимался вольною практикою. Помимо докторской диссертаціи: «О пахово-
мошоночныхъ грыжахъ» (1856), Ѳ. I. принадлежитъ нѣсколько статей въ меди
цинскихъ журналахъ. («Сѣв. Кур.» 1900, № 87).

† **Н. Ѳ. Добровольскій.** 31-го января скончался на 63 году жизни та
лантливый художникъ Николай Флоріановичъ Добровольскій. Покойный воспи
тывался въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ окончил
курсъ въ 1856 г. и былъ выпущенъ офицеромъ въ одну изъ артиллерійских
батарей. По окончаніи крымской кампаніи онъ перешелъ въ драгунскій Старо
дубовскій полкъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ Н. Ѳ. вышелъ въ отставку, посе
лился въ Москвѣ и занялся фотографіей. Къ этому времени относятся два е
изданія: «Альбомъ этнографической выставки» и «Атласъ культуры по древ
ней исторіи Греціи, Сиріи, Египта и друг. народовъ», за которыя ему да
было званіе фотографа императорской академіи художествъ. Въ 1874 г. Н. Ѳ
переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ академію художествъ. Здѣсь в
1878 г. за картину «Большая дорога» онъ получилъ званіе классного худо
жника 1-й степени; картина эта, пользовавшаяся большимъ успѣхомъ на все
мірной парижской выставкѣ, была куплена Третьяковымъ для его галлереи.
Изъ другихъ работъ Добровольскаго выдѣляются: «Сельскій пономарь», «Петръ
Великій послѣ первой побѣды надъ шведами при устьяхъ Невы», «Фрегатъ
Олафъ близъ Скагена» и нѣсколько этюдовъ, написанныхъ имъ во время е
путешествія по Сибири. («Нов. Вр.» 1900, № 8600).

† **Д. А. Иконниковъ.** Въ Ирбитѣ скончался предсѣдатель мѣстной уѣздной
земской управы Евгеній Александровичъ Иконниковъ. Покойный родился в
1857 году, слушалъ лекціи въ казанскомъ ветеринарномъ институтѣ, но курс
не окончилъ и былъ затѣмъ учителемъ ирбитскаго городского училища. Со
стоя, вмѣстѣ съ тѣмъ, гласнымъ уѣзднымъ и городской думы, Е. А. много с
дѣйствовалъ разрѣшенію городскихъ и уѣздныхъ вопросовъ, подвѣдомствен
ныхъ компетенціи указанныхъ учрежденій. Избранный членомъ, а затѣмъ
предсѣдателемъ ирбитской уѣздной земской управы, Е. А. занималъ послѣдню
должность вплоть до своей смерти. Покойный принималъ дѣятельное участ
въ провинціальной прессѣ, корреспондировалъ въ столичныя газеты, а за по
слѣдніе годы редактировалъ газету «Ирбитскій Ярмарочный Листокъ». («Сѣв.
Кур.» 1900, № 95).

† **Ѳ. А. Клагесъ.** 21-го января въ Павловскѣ скончался профессоръ
перспективной живописи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳедоръ Андре
вичъ Клагесъ. Покойный родился въ Спб. 22-го января 1814 г. Обучаясь в
училищѣ при петербургской лютеранской церкви св. Екатерины, онъ оказы
валъ большіе успѣхи въ рисованіи и сталъ посѣщать рисовальные классы ака
деміи художествъ въ качествѣ вольноприходящаго ученика. Шестнадцати лѣтъ
Ѳ. А. поступилъ въ ученики профессора К. П. Брюллова и подъ его руковод
ствомъ изучалъ архитектуру. При окончаніи академіи онъ былъ награжденъ

малой золотой медалью за проектъ театральнаго училища. Имя покойнаго связано съ такими замѣчательными архитектурными памятниками, какъ Зимній дворецъ (при возобновленіи послѣ пожара 1837), московскій храмъ Спасителя, Михайловскій дворецъ, Пулковская обсерваторія, дворецъ великой кн. Маріи Николаевны. При постройкахъ всѣхъ этихъ зданій Ѳ. А. принималъ участіе въ качествѣ архитекторскаго помощника. Покойный пользовался также извѣстностью, какъ акварелистъ, и часто исполнялъ заказы перспективныхъ видовъ залъ и комнатъ московскихъ дворцевъ для особъ императорской фамиліи. Въ 1851 г. Ѳ. А. уѣхалъ за границу, въ теченіе 10 лѣтъ посѣтилъ Италію, Германію и Грецію, и за это время исполнилъ нѣсколько рисунковъ и чертежей Аѳонскихъ церквей и обителей. По возвращеніи въ 1861 г. онъ получилъ званіе академика, а съ 1864 г. началъ службу въ академіи—сначала помощникомъ хранителя музея, а затѣмъ библіотекаремъ и преподавателемъ перспективы и начертательной геометріи. Съ 1892 г Ѳ. А. былъ въ отставкѣ. («Н. Вр.» 1900, № 8590; «Новости», 1900, № 23; «Сѣв. Кур.», 1900, № 81).

† **П. Л. Лавровъ.** 25-го января въ Парижѣ скончался извѣстный философъ-позитивистъ Петръ Лавровичъ Лавровъ. Покойный родился въ 1823 г. въ старинной дворянской семьѣ, образованіе получилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и академіи, по окончаніи курса которой выступилъ на военно-педагогическое поприще и болѣе пятнадцати лѣтъ преподавалъ математику въ кадетскихъ корпусахъ. Въ 1860 году П. Л. въ чинѣ полковника вышелъ въ отставку и всецѣло отдался литературной дѣятельности; былъ помощникомъ редактора «Артиллерійскаго Журнала», въ 1861—1864 гг. редакторомъ издававшагося тогда ассоціацией русскихъ ученыхъ и писателей «Энциклопедическаго Словаря», негласнымъ редакторомъ «Заграничнаго Вѣстника». Въ концѣ 60-хъ годовъ покойный эмигрировалъ за границу. Тамъ онъ редактировалъ соціалистическія изданія на русскомъ языкѣ. Въ 1879 г. основалъ въ Парижѣ небольшой философско-ученый кружокъ, въ которомъ состоялъ почетнымъ членомъ И. С. Тургеневъ. Къ числу выдающихся произведеній покойнаго, вышедшихъ въ Россіи, относятся: «Очерки вопросовъ практической философіи» (1860 г.), «Три бесѣды о современномъ значеніи философіи» (1861 г.), «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ» (1866 г., въ «Морск. Сборн.» 1865—1866 гг. напечатано гораздо болѣе, чѣмъ въ отдѣльномъ изданіи); «Историческія письма» (1870 г.; раньше напечатано въ «Недѣлѣ» подъ псевдонимомъ Миртовъ); «L'idée du progrés dans l'anthropologie» (1873 г.); «Опытъ исторіи мысли» (1874 подъ псевдонимомъ Миртовъ и женевское изданіе 1888 г.); «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ» (1876 г.) и многія другія. Почти всѣ статьи Лаврова возбуждали въ журналистикѣ ожесточенную полемику. Въ этой полемикѣ участвовали: М. А. Антоновичъ въ «Современникѣ» 1861 г., Д. И. Писаревъ въ «Русскомъ Словѣ» 1861 г., Н. В. Шелгуновъ въ «Дѣлѣ» 1870 г., П. К. Щебальскій въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1871 г., А. А. Козловъ и С. Южаковъ въ «Знаніи» 1871 и 1873 г. Большинство произведеній П. Л. подписаны псевдонимомъ—Миртовъ. («Нов. Вр.» 1900, № 8593; «Россія» 1900, № 274; «Сѣв. Кур.» 1900, № 86).

† **Н. В. Максимовъ.** 25-го января скончался талантливый журналистъ семидесятыхъ годовъ, инженеръ-механикъ флота, Николай Васильевичъ Максимовъ. Покойный родился въ 1848 г. въ Костромской губерніи и образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Еще плавая на судахъ, онъ печаталъ во «Всемірномъ Путешественникѣ» свои интересные путевые наброски, затѣмъ дебютировалъ подъ псевдонимомъ «Молва» въ качествѣ ежедневнаго хроникера въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» В. А. Полетики. Въ 1876—1877 г. Н. В. примкнулъ къ числу добровольцевъ, участвовалъ въ войнѣ за освобожденіе балканскихъ славянъ и за храбрость получилъ орденъ Такова. Въ первую турецкой войны 1876—1878 гг. Н. В. находился въ отрядѣ М. Д. Скобелева (награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степ. съ мечами) и съ театра войны посылалъ корреспонденціи сначала въ «Голосъ», а затѣмъ въ «Молву» и «Русское Обозрѣніе» Г. К. Градовскаго. Человѣкъ слишкомъ увлекающійся, Максимовъ никакъ не могъ приспособиться къ обыденной обстановкѣ и вслѣдствіе этого всю свою жизнь провелъ скитальчески: онъ служилъ конторщикомъ въ лавкѣ потребительнаго общества; помощникомъ капитана на Черномъ морѣ; занимался цѣлую зиму ловлей трески у Мурманскаго берега и у береговъ Норвегіи; пробылъ около шести лѣтъ въ Америкѣ, перепробовавъ нѣсколько профессій, начиная съ кондитера и кончая секретаремъ въ редакціи «New-York-Herald». Наконецъ, разочаровавшись въ американской жизни, Н. В. вернулся въ Россію. Послѣдніе годы онъ занималъ мѣсто завѣдывающаго землечерпательной машиной на Волгѣ. Изъ отдѣльно изданныхъ произведеній Н. В. укажемъ: «Двѣ войны» (корреспонденціи съ театра сербской и турецкой войны), «Романъ сельской дѣвушки», «Изъ Америки» (сборникъ корреспонденцій изъ Америки) и сборникъ беллетристическихъ сочиненій. («Новости» 1900, № 2; «Нов. Вр.» 1900, № 8592; «Россія» 1900, № 274; «Сѣв. Кур.» 1900, № 8).

† **Мелетій.** Въ началѣ января въ Рязани почилъ преосвященный Мелетій, епископъ рязанскій и зарайскій. Почившій архипастырь (въ мірѣ Михаилъ Кузьмичъ Якимовъ), сынъ священника вятской епархіи, родился въ 1835 г. По окончаніи курса въ Казанской духовной академіи, былъ посланъ въ качествѣ миссіонера на Байкалъ, гдѣ и служилъ болѣе десяти лѣтъ дѣлу распространенія православія и занимался переводами священныхъ книгъ на инородческіе языки. Въ 1878 г. хиротонисанъ во епископа селенгинскаго и назначенъ начальникомъ забайкальской духовной миссіи. Въ 1889 г. назначенъ на якутскую каѳедру, а въ 1896 г. на рязанскую и зарайскую. Перу покойнаго принадлежитъ нѣсколько трудовъ въ области богословской и миссіонерской науки. («Россія» 1900, № 271; «Моск. Вѣд.» 1900, № 34).

† **И. Ѳ. Мельниковъ.** 11-го января, въ больницѣ св. Николая Чудотворца для душевно-больныхъ, скончался петербургскій журналистъ Иванъ Ѳедоровичъ Мельниковъ. Покойный, по окончаніи реальнаго училища, поступилъ въ число добровольцевъ сербской войны противъ турокъ, въ 1876 г. началъ корреспондировать въ издававшуюся въ то время въ Петербургѣ газету «Нашъ Вѣкъ». Послѣ войны онъ недолгое время служилъ въ какомъ-то частномъ учрежденіи, а потомъ, вплоть до болѣзни (октября 1899 г.), работалъ въ отдѣлѣ хроники въ петербургскихъ нѣмецкихъ газетахъ. («Россія» 1900, № 257

† **И. И. Миллеръ.** 24-го января скончался генералъ-майоръ Иванъ Ивановичъ Миллеръ. Покойный по полученіи образованія въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ нѣкоторое время въ саперныхъ войскахъ, а затѣмъ занялъ мѣсто помощника библіотекаря Николаевской инженерной академіи, гдѣ вскорѣ сталъ библіотекаремъ и оставался на этой должности около 30 лѣтъ, т. е. до декабря мѣсяца прошлаго года, когда вслѣдствіе болѣзни подалъ въ отставку. И. И., въ сотрудничествѣ своего сослуживца г.-м. Модрахъ, составилъ извѣстный «Военно-техническій словарь». («Россія» 1900, № 271).

† **Д. Я. Никитинъ.** 19-го января скончался протоіерей, настоятель Сергіевскаго всей артиллеріи собора, въ С.-Петербургѣ, Дмитрій Яковлевичъ Никитинъ. Покойный родился въ 1835 г. и окончательное образованіе получилъ въ С.-Петербургской духовной академіи. Онъ составилъ себѣ имя, какъ талантливый проповѣдникъ. Нѣкоторыя его «слова», какъ, напримѣръ, по случаю тысячелѣтія со дня кончины св. Меѳодія, были напечатаны по опредѣленію святѣйшаго синода и разосланы приходскимъ священникамъ, какъ образецъ церковныхъ проповѣдей. Д. Я. былъ однимъ изъ членовъ-учредителей «Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви», въ которомъ до смерти состоялъ казначеемъ и почетнымъ членомъ. Слишкомъ 25 лѣтъ онъ несъ обязанности товарища предсѣдателя Сергіевскаго братства. Кромѣ напечатанныхъ проповѣдей, онъ составилъ исторію Сергіевскаго всей артиллеріи собора. («Сѣв. Кур.» 1900, № 79; «Нов. Вр.» 1900, № 8585; «Новости» 1900, № 21; «Россія» 1900, № 267).

† **П. И. Погожевъ.** Въ январѣ скончался въ Пятигорскѣ врачъ-бальнеологъ Петръ Ивановичъ Погожевъ. Покойный родился въ 1837 г., образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ. Въ 1862 г. онъ занялъ мѣсто врача на Пятигорскихъ водахъ, гдѣ и продолжалъ работать до самой смерти. Кромѣ докторской диссертаціи «О дѣйствіи и терапевтическомъ значеніи вдыханія углекислаго газа», П. И. напечаталъ нѣсколько статей по вопросамъ бальнеологіи и гимнастики, преимущественно, въ «Запискахъ пятигорскаго общества бальнеологовъ» («Сѣв. Кур.» 1900, № 79).

† **В. М. Пржевальскій.** 26-го января въ Москвѣ скончался извѣстный адвокатъ, бывшій редакторъ «Юридическаго Вѣстника» Владиміръ Михайловичъ Пржевальскій. Покойный родился въ 1840 г. въ селѣ Отрадномъ, Смоленской губерніи, образованіе получилъ въ Смоленской гимназіи и Московскомъ университетѣ; по окончаніи курса сначала занимался педагогической дѣятельностью, потомъ служилъ въ сенатѣ и наконецъ посвятилъ себя всецѣло адвокатурѣ, войдя въ сословіе московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. В. М. былъ выдающимся ораторомъ и создалъ себѣ славу знаменитой защитой Московскаго университета противъ М. Н. Каткова, а также дѣломъ генерала Гартунга обвинявшагося въ похищеніи векселей Занфтлебена, гдѣ покойный былъ представителемъ гражданскаго иска. Дѣятельность Пржевальскаго не ограничивалась однимъ адвокатскимъ поприщемъ: онъ состоялъ въ теченіе 8 лѣтъ членомъ губернскаго и по земскимъ дѣламъ присутствія, редактировалъ «Юридическій Вѣстникъ», былъ товарищемъ предсѣдателя юридическаго общества и членомъ многихъ ученыхъ обществъ. («Россія» 1900, № 274; «Нов. Вр.» 1900, № 8593; «Моск. Вѣд.» 1900, № 26; «Русск. Вѣд. 1900, № 26—27).

† **Е. М. Прилежаевъ.** 6-го февраля въ Спб. скончался знатокъ русской церковной исторіи Евгеній Михайловичъ Прилежаевъ. Покойный происходилъ изъ духовнаго сословія, родился въ 1851 г., образованіе получилъ въ Олонецкой духовной семинаріи и С.-Петербургской духовной академіи. По окончаніи курса въ 1875 г., былъ оставленъ при академіи по каѳедрѣ русской церковной исторіи и читалъ лекціи въ качествѣ приватъ-доцента. За отысканіе въ архивѣ святѣйшаго синода рукописей извѣстнаго И. Т. Посошкова Е. М. былъ награжденъ золотою медалью. Съ 1882 по 1884 г. покойный редактировалъ журналъ «Странникъ» и напечаталъ въ немъ множество статей по разнымъ вопросамъ церковной исторіи. Изъ отдѣльно вышедшихъ трудовъ его извѣстны: «Новгородская Софійская казна», «Историческая записка объ Олонцѣ», «Духовная школа и семинаристы въ исторіи русской науки и образованія». Съ 1884 г. до самой смерти Е. М. занималъ мѣсто дѣлопроизводителя управленія протопресвитера придворнаго духовенства. («Россія» 1900, № 286; «Сѣв. Кур». 1900, № 102).

† **П. В. Тутукинъ.** 26-го января скончался академикъ перспективной живописи Петръ Васильевичъ Тутукинъ. Покойный происходилъ изъ простой семьи придворнаго служителя, родился 1819 г. и до 20-ти-лѣтняго возраста служилъ при дворѣ императора Николая Павловича, сначала въ качествѣ истопника, а затѣмъ помощникомъ кофешенка. Съ самой молодости имѣя страсть къ рисованію, Тутукинъ въ свободное время занимался черченіемъ какихъ нибудь снимковъ. О молодомъ истопникѣ-художникѣ слухъ дошелъ до великой княгини Елены Павловны, и по ея протекціи онъ началъ посѣщать рисовальные классы императорской академіи художествъ. Въ 1848 г., за написанную и поднесенную императору Николаю картину «Танцовальный залъ собственнаго его величества дворца», покойный получилъ золотой съ бриліантами перстень. Въ 1851 г., за успѣхи въ перспективной живописи, П. В. былъ удостоенъ званія неклассмаго художника и награжденъ серебряною медалью, а, спустя пять лѣтъ, за картину «Большой павильонъ императорскаго эрмитажа», былъ признанъ академикомъ. Съ 1886 г., П. В. былъ хранителемъ Императорскаго эрмитажа, а до этого времени былъ помощникомъ.

† **Г. Е. Церетели.** 11-го января въ Тифлисѣ скончался знатокъ грузинской литературы и археологіи Георгій Ефимовичъ Церетели. Покойный родился въ селѣ Гориси, Шорапанскаго уѣзда, Кутаисской губерніи, образованіе получилъ въ Кутаисской гимназіи и въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Литературою Г. Е. началъ заниматься въ молодые годы. Еще будучи студентомъ, онъ помѣщалъ письма изъ Петербурга въ грузинскомъ журналѣ «Цискари». Возвратившись въ 1866 г. на родину, Г. Е. посвятилъ себя всецѣло издательской и редакторской дѣятельности: такъ въ короткій періодъ времени онъ основалъ нѣсколько первыхъ грузинскихъ періодическихъ изданій: газету «Дроэба», народный органъ «Сельскую Газету» и ежемѣсячный журналъ «Кребули». Въ этихъ изданіяхъ, гдѣ сосредоточились лучшія силы тогдашнихъ грузинскихъ публицистовъ, масса статей принадлежала самому Г. Е. Въ 1870-хъ годахъ онъ писалъ военныя корреспонденціи въ «Голосъ» и помѣщалъ статьи по археологіи въ «Запискахъ московскаго археологическаго общества», а въ 1893 г.

вмѣстѣ съ поэтомъ Акакіемъ Церетели и литераторомъ Иваномъ Мачабели, предпринялъ еженедѣльную газету «Квали» и руководилъ ею до 1898 г. («Сѣв. Кур» 1900 г., № 80, «Русск. Вѣд.» 1900 г., № 25).

† **В. А. Шрейберъ.** 27-го января скончался профессоръ архитектуры, дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиміръ Андреевичъ Шрейберъ. В. А. родился 6-го октября 1817 г.; по окончаніи курса въ Петропавловской школѣ, онъ поступилъ въ академію художествъ, гдѣ и окончилъ курсъ по архитектурному отдѣленію въ 1839 г. По выходѣ изъ академіи В. А. принялъ участіе въ нѣсколькихъ постройкахъ: дворца великой княгини Маріи Николаевны, при возобновленіи Зимняго дворца (ему принадлежатъ рисунки плафона малахитовой гостиной), Исаакіевскаго собора и другихъ зданій. Затѣмъ В. А. служилъ въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, откуда нѣсколько разъ былъ командированъ на гранитныя ломки для Исаакіевскаго собора, потомъ въ министерствѣ путей сообщенія—начальникомъ чертежной департамента смѣтъ и проектовъ публичныхъ зданій. Въ 1864 г. покойный получилъ званіе профессора архитектуры и тогда же началъ преподавать въ академіи художествъ архитектуру сначала въ качествѣ адъюнкта, а затѣмъ профессора. Преподавательская дѣятельность его носила серіозный характеръ, и изъ его школы вышло немало выдающихся зодчихъ. Особенное вниманіе В. А. обращалъ на изученіе классическихъ формъ архитектуры. За нѣсколько дней до кончины покойный былъ избранъ въ почетные члены академіи художествъ. («Нов. Вр.» 1900 г., № 8594; «Россія» 1900 г., № 274; «Сѣв. Кур.» 1900 г., № 88).

Г. Д. Щербачевъ. Въ Москвѣ скончался на 77-мъ году жизни одинъ изъ участниковъ Севастопольской обороны, отставной генералъ-майоръ Григорій Дмитріевичъ Щербачевъ. Начавъ службу въ гвардейской конной артиллеріи, покойный въ 1854 году, въ чинѣ поручика, принялъ участіе въ Крымской войнѣ, сперва въ качествѣ адъютанта начальника артиллеріи отряда, собиравшагося на позиціи на рѣкѣ Альмѣ, а затѣмъ командира ракетной батареи, сформированной въ Севастополѣ. Въ 1857 году, онъ былъ произведенъ въ полковники и, по предложенію генералъ-адъютанта Исакова, бывшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, перешелъ на педагогическое поприще и былъ назначенъ сначала начальникомъ Воронежской школы военнаго вѣдомства, а потомъ директоромъ Орловской Бахтина военной гимназіи. По выходѣ въ 1872 г. въ отставку Г. Д. весь отдался службѣ земству и долгое время состоялъ мещовскимъ уѣзднымъ продводителемъ дворянства. Покойнымъ изданы: «Очеркъ теоріи и практики сельскаго хозяйства», «Весѣды о воспитаніи и преподаваніи», «Двѣнадцать лѣтъ молодости», «Любовь и сила воли» и мн. др. («Новое Время» 1900 г., № 8585).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Подвигъ рядового Леонтьева.

Прочитавъ въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 18[illegible] въ статьѣ А. П. Андреева «По дебрямъ Дагестана» описаніе переправы [illegible] скихъ войскъ при Согрытло черезъ рѣку Койсу, я съ сожалѣніемъ [illegible], что имя упомянутаго при переправѣ рядового автору неизвѣстно, и даже [illegible] указана воинская часть, къ которой онъ принадлежалъ.

Къ счастію, какъ одинъ изъ участниковъ этой переправы и имѣвшій [illegible] командовать 1-й ротой 21 стрѣлковаго (нынѣ 4-го Кавказскаго) баталіона [illegible] могу увѣковѣчить фамилію утонувшаго: это былъ молодой рядовой 1-й р[illegible] 21 стрѣлковаго баталіона Леонтьевъ, имя и отчество котораго я, къ сожалѣнію, забылъ. При этомъ считаю не лишнимъ дополнить описаніе переправы и с[illegible] неустрашимаго Леонтьева.

Когда засѣвшіе въ пещеру мюриды увидали, что нашимъ отчаяннымъ [illegible] цамъ не удается переплыть рѣку, они вышли изъ пещеры и въ знакъ [illegible] сдачи сложили оружіе и даже кричали намъ, что помогутъ охотникамъ [illegible] на ихъ берегъ. Въ виду этого, Леонтьеву, вызвавшемуся охотникомъ [illegible] плыть, не только многіе солдаты, но и офицеры совѣтовали направиться [illegible] пещерѣ, тѣмъ болѣе что и рѣка въ этомъ мѣстѣ отъ выступившихъ [illegible] пещерой камней была уже.

Молодецъ Леонтьевъ не ослабъ отъ плаванія (какъ сказано въ статьѣ), [illegible] достигъ уже камней, и мы всѣ считали его задачу выполненной, [illegible] кричали ему поздравленія съ удачей и Георгіемъ, какъ вдругъ неожиданно [illegible] всѣхъ мюриды схватились за оружіе, которое, конечно, мы съ этого берега [illegible] нять не могли, убили или изранили Леонтьева, и его понесла въ Каспій бурная Койсу. Сами же мюриды моментально скрылись въ пещеру, и наши не [illegible] дать по нимъ залпа, такъ какъ не ожидали хитрости и измѣны татаръ, и [illegible] стояли безъ оружія. Эта измѣна послѣ сдачи и была причиною того, что наши охотники перебили въ пещерѣ всѣхъ мюридовъ.

Безъ ихъ измѣны было бы необъяснимо звѣрство нашихъ кавказцевъ, [illegible] торые, какъ и всѣ русскіе солдаты, лежачаго никогда не бьютъ и сдавшагося непріятеля считаютъ равными себѣ молодцами.

Н. В. Рагозинъ.

II.

По поводу „Археологической справки" г. Эварницкаго.

Я только что прочелъ «Археологическую справку» г. Эварницкаго, напечатанную въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ. Она начинается такъ: «Въ 1898 г. вышелъ въ свѣтъ каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго, составленный, какъ значится въ предисловіи, гг. Бѣляшевскимъ и Лазаревскимъ». Но въ этомъ предисловіи, подписанномъ иниціалами В. Т., «значится» не совсѣмъ такъ. Тамъ сказано: «Въ заключеніе считаю долгомъ выразить благодарность Н. Ф. Бѣляшевскому, составившему описаніе предметовъ доисторическаго и великокняжескаго отдѣловъ, и А. М. Лазаревскому, оказавшему благосклонное содѣйствіе при составленіи и печатаніи настоящаго каталога».

Думается, что въ подчеркнутыхъ словахъ вовсе не «значится», чтобы я былъ составителемъ каталога или хотя бы части его...

Каталогъ В. В. Тарновскаго состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: доисторическаго, великокняжескаго и казацкаго. Первые два отдѣла составлены Н. Ф. Бѣляшевскимъ, какъ это и «значится» въ предисловіи, а о составленіи третьяго отдѣла мною—въ предисловіи не «значится», да и не могло значиться, потому что третій отдѣлъ всецѣло составленъ самимъ хозяиномъ [1]) коллекціи украинскихъ древностей, какъ это извѣстно всѣмъ намъ, кіевскимъ друзьямъ покойнаго В. В. Тарновскаго. Мое же «содѣйствіе при составленіи и печатаніи каталога» ограничилось пополненіемъ свѣдѣній о лицахъ, изображенныхъ на портретахъ коллекціи, и «послѣднею корректурою» при печатаніи каталога. И только.

Такимъ образомъ дѣлаемый г. Эварницкимъ далѣе въ его «справкѣ» упрекъ «составителямъ» каталога (т.-е. Н. Ф. Бѣляшевскому и мнѣ), что если бы они, составители, прочли надпись на такомъ-то запорожскомъ крестѣ (изъ третьяго отдѣла каталога), то не сказали бы того-то и того,— ни ко мнѣ, ни даже къ Н. Ф. Бѣляшевскому относиться не можетъ, какъ это ясно видно тѣмъ, кто прочелъ предисловіе къ каталогу. А для не читавшихъ его нахожу нужнымъ огласить эту поправку, не лишнюю и потому, что нынѣ В. В. Тарновскій уже не можетъ самъ отозваться, чтобы сказать: за что же его лишаютъ того, что принадлежитъ ему безспорно... [2]).

30 янв. 1900. Кіевъ. **Ал. Лазаревскій.**

---

[1]) Г. Эварницкій, видимо, не допускаетъ этого, несмотря на предисловіе...

[2]) Сдѣлавъ мнѣ упрекъ за ошибку въ каталогѣ, г. Эварницкій дѣлаетъ тутъ же, попутно, и другой. Прочтя уже не въ каталогѣ В. В. Т—го, а въ одной изъ моихъ статей, напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ», что я предполагаю нѣкоего Антона Тарловскаго отцомъ другого нѣкоего Кирилла Тарловскаго, г. Эварницкій справедливо замѣчаетъ, что первый не могъ быть отцомъ второго, потому что этотъ, второй, по отчеству звался Николаевичемъ. Сообщенный здѣсь г. Эварницкимъ фактъ о томъ, что отецъ Кирилла Тарловскаго былъ не Антонъ, а Николай, мнѣ былъ неизвѣстенъ, и я всецѣло признаю справедливость второго, попутнаго упрека г. Эварницкаго. А. Л.

III.

Къ запискамъ С. М. Загоскина.

Въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника» (стр. 508) говорится о женитьбѣ Николая Михайловича Загоскина на дочери камеръ-юнкера Павла Петровича Савельева—это опечатка: Н. М. Загоскинъ былъ женатъ на дочери Павла Петровича Савелова—Александрѣ Павловнѣ, умершей въ маѣ 1899 г. (погребена въ Сергіевской пустынѣ).

Л. М. Савеловъ.

пріѣзжать къ нему? Что могло мѣшать ей любить своего ребенка? Всѣ эти мысли омрачили его веселое расположеніе духа, и онъ перестать любоваться красотами природы. Наконецъ онъ остановился передъ виллой Флоры. Сердце его все-таки билось.

— Это ты, Францъ,—сказала Марія-Луиза, узнавъ сына, только когда онъ былъ въ двухъ шагахъ отъ нея.

— Да, мама, это я.

И, опустувшись на одно колѣно, онъ поцѣловалъ руку у матери и спросилъ почтительнымъ тономъ:

— Какъ здоровье вашего величества?

— Онъ сталъ очень миленькимъ,—сказала Марія-Луиза, обращаясь къ своей фрейлинѣ,—ну, поцѣлуй же меня, дитя мое,—продолжала она:—какъ ты выросъ! Ты немного худощавъ, ну, и я все болѣю. Что же, тобою довольны?

— Не знаю, мама. А вотъ я сегодня очень счастливъ. Я такъ радъ васъ видѣть.

— Милый Францъ! Ахъ, ты мнѣ напоминаешь прошедшее. Какъ это было давно!

— Оно всегда при мнѣ,—отвѣчалъ просто герцогъ, положивъ руку на свое сердце.

— Да, да! я также все помню, хотя много перенесла горя. Ну, что же, ты теперь на службѣ?

— Нѣтъ еще, мнѣ даютъ чины, но не позволяютъ командовать солдатами.

— Все придетъ въ свое время,—замѣтила Марія-Луиза, и, не желая вмѣшиваться въ то, что ея не касалось, т. е. въ будущность своего сына, она прибавила, обращаясь къ фрейлинѣ:—какой онъ высокій! Какая разница!

Фрейлина поняла, что она намекала на другихъ своихъ дѣтей, и наивно покраснѣла за эту легкомысленную мать.

Герцогъ оставался съ матерью нѣсколько часовъ и все болѣе и болѣе убѣждался, что она для него чужая. Бесѣда между ними какъ-то не вязалась, и наконецъ Марія-Луиза предложила сыну пойти съ ней къ старому доктору, который лѣчилъ ее въ юности. Вмѣсто того, чтобы взять руку сына, она пошла рядомъ со своимъ камергеромъ Бамбелемъ, который недавно замѣнилъ Нейперга и, вѣроятно, прибылъ въ Вѣну за инвеститурой. За ними слѣдовалъ герцогъ Рейхштадтскій, и всѣ, встрѣчавшіе ихъ на единственной улицѣ Бадена, съ удивленіемъ смотрѣли на скандальную группу.

У доктора Марія-Луиза стала восторгаться коллекцій бабочекъ.

— Какъ бы я желала, чтобы мой сынъ интересовался такими предметами!—воскликнула она:—не правда ли, Францъ, ты хотѣлъ бы заниматься энтомологіей?

Онъ, изъ любезности, согласился съ матерью, но не могъ до любоваться на различныхъ бабочекъ и наконецъ воскликнулъ сверкая своими голубыми глазами:

— Позвольте мнѣ, мама, разстаться съ вами, до Шенбрунна далеко, а я не хотѣлъ бы, чтобы графъ Маврикій, любезно отпустившій меня одного, безпокоился обо мнѣ. Прощай, мама!—прибавилъ онъ, цѣлуя у нея руку.

Марія-Луиза нашла отъѣздъ сына совершенно понятнымъ и обернувшись къ доктору, стала говорить о своемъ здоровьѣ.

III.

Одинъ.

Возвращаясь въ Шенбрунъ, герцогъ Рейхштадтскій чувствовалъ что онъ былъ для своей матери отдаленнымъ родственникомъ, которымъ интересуешься только потому, что видѣлъ его ребенкомъ. Въ продолженіе всего дня она ни разу его не поцѣловала, и ея сердце ни разу не ощутило къ нему неожиданнаго порыва, котораго не въ состояніи сдержать даже придворный этикетъ.

Онъ теперь сознавалъ себя еще болѣе сиротой, чѣмъ прежде. «Я одинъ, совершенно одинъ», повторялъ онъ съ отчаяніемъ и даже забывалъ, что эрцгерцогъ Карлъ всегда былъ добръ къ нему; а эрцгерцогиня Софія постоянно доказывала ему свою нѣжную привязанность. Нѣтъ, у него не было ни семьи, ни друзей, такъ какъ родная мать не хотѣла его знать, а единственнаго друга у него отняли. Нѣтъ, онъ былъ одинъ, одинъ.

Но неожиданно глаза его заблистали. Приближаясь къ Мейдлину, онъ увидѣлъ передъ собой коляску, которая быстро катилась по дорогѣ. Онъ пришпорилъ свою лошадь и поскакалъ, догоняя экипажъ. Когда онъ поровнялся съ нимъ, то осадилъ лошадь и почтительно поклонился двумъ дамамъ, сидѣвшимъ въ коляскѣ.

Это были эрцгерцогиня Софія и княгиня Полина Саріа.

— Какъ ты насъ напугалъ своей бѣшеной погоней, Францъ,—сказала первая изъ нихъ нѣжнымъ тономъ.

— Простите, тетя. Я возвращался изъ Бадена, гдѣ былъ у матери, и, узнавъ вашъ экипажъ, хотѣлъ непремѣнно вамъ поклониться.

— Полина,—сказала любезно эрцгерцогиня,—вы знаете герцога Рейхштадтскаго? а ты Францъ знаешь моего друга, княгиню Саріа.

— Я имѣлъ вчера счастье видѣть княгиню у канцлера,—отвѣчалъ юноша,—а теперь еще болѣе счастливъ, что вижу ее въ вашемъ обществѣ.

Полина граціозно улыбнулась, но не промолвила ни слова.

Герцогъ нѣсколько времени ѣхалъ рядомъ съ экипажемъ эрцгерцогини и подробно отвѣчалъ на всѣ ея вопросы относительно его матери. Когда же ему пришлось повернуть въ Шенбрунъ, то онъ поклонился почтительно теткѣ и бросилъ нѣжный, полный благодарности, взглядъ на Полину.

Теперь онъ чувствовалъ себя не столь одинокимъ, какъ прежде.

IV.

Кошмаръ.

Стоя въ этотъ вечеръ у воротъ отеля «Лебедь», Галлони вздрогнулъ, увидѣвъ, подъѣзжавшую придворную коляску, изъ которой вышла княгиня Саріа и дружески распрощалась съ оставшейся въ экипажѣ дамой.

На вопросъ сыщика, кто это такая, швейцаръ отвѣчалъ:

— Развѣ вы не знаете?—Это эрцгерцогиня Софія, жемчужина среди принцессъ, невѣстка императора, только что родившая маленькаго эрцгерцога. И какая она красавица и какая она добрая! Нечего сказать, для нашего отеля большая честь, что она останавливалась у его дверей; хозяинъ будетъ очень доволенъ.

Галлони былъ внѣ себя отъ изумленія. Женщина, которую онъ преслѣдовалъ изъ Милана и выдалъ графу Зедельницкому за сообщницу карбонаріевъ, была въ дружескихъ отношеніяхъ съ эрцгерцогиней. Что было ему теперь дѣлать! Какъ объяснить начальнику полиціи, что онъ ошибся? А въ его ошибкѣ теперь не могло быть сомнѣнія. Нельзя же было обвинять въ похищеніи документовъ особу, которая обращалась дружески съ принцессой крови. Всѣ его надежды на блестящую будущность рушились. Другъ—эрцгерцогини!—кто могъ этого ожидать?

— Такъ нѣтъ же,—воскликнулъ громко Галлони:—я не ошибся. Кто бы она ни была, но бумаги взяты ею и, конечно, не для того, чтобы передать ихъ князю Меттерниху.

Тутъ пришла ему въ голову мысль, не была ли княгиня тайной агенткой полиціи. Подобные примѣры бывали. Что, если дѣйствительно она своей ловкостью заткнула его за поясъ и передала или передастъ бумаги лично Меттерниху? Но, нѣтъ, это было невозможно, въ такомъ случаѣ она не привезла бы двухъ бѣлошвеекъ. Но, можетъ быть, она нарочно это сдѣлала, такъ какъ иначе не могла воспользоваться документами. Однако документы были у нея, и ей не къ чему было ихъ возвращать бѣлошвейкамъ.

Какъ онъ ни думалъ, а дѣло все сводилось къ тому, что бумаги находились у княгини, и что ему необходимо было продолжать борьбу съ этой могущественной противницей. При томъ, онъ

не могъ терять ни минуты времени и долженъ былъ тотчасъ открыть военныя дѣйствія противъ нея.

Спустя нѣсколько часовъ, княгиня спала въ своей комнатѣ въ отелѣ «Лебедь» и видѣла страшный сонъ.

Ей казалось, что неожиданно передъ нею показалась голова съ блѣднымъ лицомъ, злыми черными глазами и чудовищнымъ носомъ. Она знала эти страшныя черты, но не могла вспомнить, гдѣ ихъ видѣла. А голова принялась рыться во всѣхъ ея вещахъ: въ комодахъ, въ шкапахъ, въ столахъ. Полина чувствовала, какъ сильно билось ея сердце, и хотѣла проснуться, кричать, звонить, но все тщетно.

Наконецъ, страшная голова приблизилась къ ея кровати, роковые глаза блеснули рядомъ съ нею, и чья-то рука проникла подъ подушку. Она вскочила, закричала, дернула за колокольчикъ, и его звонъ раздался по всему дому.

Она стала съ ужасомъ смотрѣть вокругъ себя и зажгла свѣчку. Въ комнатѣ никого не было, но струя свѣжаго воздуха доказывала, что была открыта дверь или окно.

Когда явилась горничная, княгиня сказала, что она испугалась какого-то шума въ комнатѣ. Оставшись наединѣ, она серіозно обдумала все, что произошло. Она осмотрѣла всю комнату и убѣдилась, что не только всѣ ящики были открыты, но карманы ея одежды были вывернуты. Тутъ она вспомнила, гдѣ она видѣла страшное лицо, и промолвила громко:

— Какъ я хорошо сдѣлала, что отдала въ вѣрныя руки документы. Галлони ловкій сыщикъ, но его смѣлость выходитъ изо всѣхъ границъ. Надо завтра же принять мѣры къ его удаленію изъ Вѣны.

V.

Смотръ.

Вернувшись въ Шенбрунъ, герцогъ Рейхштадтскій узналъ отъ графа Дитрихштейна цѣлый ворохъ важныхъ извѣстій.

— Ваше высочество,—сказалъ графъ Дитрихштейнъ,—канцлеръ приказалъ мнѣ передать вамъ чрезвычайно пріятное и совершенно новое распоряженіе императора. Во-первыхъ, для васъ создадутъ военную свиту, какъ у всѣхъ эрцгерцоговъ. Во-вторыхъ, вамъ прислали цѣлую кучу новыхъ книгъ, и вамъ разрѣшено требовать какія вамъ угодно сочиненія. Въ-третьихъ, маршалъ Мармонъ прочтетъ вамъ лекцію о походахъ вашего отца; въ-четвертыхъ, завтра утромъ на Пратерѣ соберется вашъ гренадерскій полкъ, и вы можете, если пожелаете, сдѣлать ему смотръ.

Несмотря на всѣ враждебныя чувства, которыя герцогъ питалъ къ канцлеру, онъ теперь все забылъ, и глаза его радостно заблистали. Въ немъ текла кровь перваго воина нашего времени, и онъ жаждалъ доказать, что былъ достоинъ своего высокаго происхожденія, къ тому же ему было 20 лѣтъ, и ему льстила мысль командовать полкомъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ, покраснѣвъ отъ удовольствія.—Я завтра произведу смотръ своему полку и надѣюсь, что императоръ будетъ доволенъ мной. А знаете вы, кому я этимъ обязанъ?

Графъ Дитрихштейнъ такъ выразительно пожалъ плечами, что молодой человѣкъ понялъ всю безполезность ожидать отъ него отвѣта. Онъ повернулъ и пошелъ въ свои комнаты.

Очутившись наединѣ, онъ сталъ мысленно повторять всѣ команды, построенія и всевозможныя тонкости военной тактики.

Произведя такимъ образомъ себѣ экзаменъ, юноша успокоился и пошелъ въ садъ, гдѣ его уже давно ждалъ Францъ. Въ глубинѣ своего сердца онъ чувствовалъ, что обязанъ былъ какъ бы извиниться передъ этимъ ветераномъ арміи своего отца, что онъ произведетъ смотръ австрійскимъ солдатамъ.

Дѣйствительно, сообщая Францу эту новость, герцогъ былъ очень смущенъ, и голосъ его дрожалъ; но старый служака тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и вывелъ изъ затрудненія сына своего императора.

— Такъ смотръ будетъ завтра на Пратерѣ?—переспросилъ просто Францъ.

— Да,—отвѣчалъ герцогъ, и въ голосѣ его звучала печальная нота.

— Хорошо, приду.

Юноша безмолвнымъ взглядомъ поблагодарилъ ветерана войнъ его отца за этотъ деликатный отвѣтъ.

Что касается до Франца, то, возвращаясь въ свое скромное жилище, онъ бормоталъ:

— Это должно было случиться рано или поздно. Но горько думать, что его сынъ будетъ командовать австрійскимъ полкомъ. Все-таки надо посмотрѣть, какъ онъ справится.

На слѣдующее утро старый служака поспѣшилъ на Пратеръ и помѣстился въ первомъ ряду толпы, собравшейся посмотрѣть на первый смотръ, который производилъ своему гренадерскому полку герцогъ Рейхштадтскій.

Скоро раздался конскій топотъ, и новый командиръ подъѣхалъ къ полку. Онъ ловко сидѣлъ на кровномъ конѣ, и блѣдное лицо его отличалось серіознымъ, достойнымъ выраженіемъ. Но не успѣлъ онъ поравняться съ полкомъ, какъ гренадеры огласили воздухъ дружнымъ крикомъ «ура». Эта неожиданная овація, бывшая въ сущности нарушеніемъ дисциплины, очевидно была вызвана не-

обыкновеннымъ волненіемъ, которое ощутили даже нѣмецкіе солдаты, увидавъ сына того, кто всѣми признавался за величайшаго полководца.

Герцогъ Рейхштадтскій былъ видимо смущенъ этимъ неожиданнымъ знакомъ сочувствія и невольно покраснѣлъ, но черезъ секунду онъ насупилъ брови и сталъ производить смотръ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства.

Въ окружавшей толпѣ слышалось:

— Однако молодецъ герцогъ!

— А какъ его встрѣтили солдаты!

— Онъ можетъ смѣло повести ихъ куда угодно. Всѣ за нимъ пойдутъ.

Одинъ изъ присутствовавшихъ обратился къ Францу съ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, этотъ полкъ былъ подъ Ваграамомъ?

— Былъ,—отвѣчалъ старый служака:—поэтому-то онъ такъ и встрѣтилъ восторженно своего новаго командира.

VI.

Роза Гермины.

Послѣ крестинъ эрцгерцога Франца-Іосифа, которыя произошли въ этотъ самый день въ часовнѣ Шенбрунскаго дворца, императоръ принималъ близкихъ ему лицъ въ большихъ аппартаментахъ нижняго этажа, а на террасахъ въ парадной столовой и длинной галереѣ были разставлены роскошно сервированные столы, на которыхъ виднѣлись цѣлыя батареи рейнвейна изъ Іоганисберга, который былъ подаренъ императоромъ канцлеру подъ условіемъ уплаты ему десятины натурой.

Гермина Меттернихъ и Флора Вирби не чувствовали ни малѣйшей тѣни голода, а потому при первой возможности онѣ выбѣжали въ паркъ.

— Пойдемъ, Гермина,—воскликнула Флора:—мы подождемъ твоего отца у статуи Діаны.

— Съ удовольствіемъ, но гдѣ же наши гувернантки?

— Онѣ утоляютъ свой голодъ, а потомъ найдутъ насъ.

Разговаривая такимъ образомъ, молодыя дѣвушки сошли съ нижней террасы и стали съ восхищеніемъ разсматривать цвѣтники.

— Какъ здѣсь хорошо!—произнесла Гермина,—а вотъ и статуя Діаны.

— Это любимый уголокъ юныхъ мечтателей,—отвѣчала Флора.

Дѣйствительно, на скамьѣ у самой статуи лежала книга, и Гермина, не прикасаясь къ ней, прочитала заглавіе «Meditations poëtiques» Ламартина.

— Ты знаешь эту книгу?—спросила Флора.

— Нѣтъ. Но лучше не дотронемся до нея. Можетъ быть, намъ нельзя ее читать.

— Что ты!—воскликнула Флора:—поэтическія размышленія! да это все равно, что молитвы.

— Кто-то ее вѣрно забылъ?

— Конечно! Но посмотри, одна страница въ ней замѣчена травкой.

Флора поспѣшно открыла книжку на этомъ мѣстѣ и воскликнула:

— Стихи!

— Прочтемъ.

Книга была открыта на поэмѣ «Бонапартъ».

Гермина закрыла книжку съ какимъ-то религіознымъ уваженіемъ, какъ будто прикоснулась къ чему-то священному, и снова положила ее на скамейку.

— Пойдемъ отсюда,—сказала она.

Въ эту минуту къ молодымъ дѣвушкамъ подошелъ Францъ и подалъ имъ нѣсколько розъ.

— Простите,—сказалъ онъ,—не желаете ли этихъ розъ? Онѣ очень рѣдки, и ихъ никогда не срываютъ, но я нарочно принесъ вамъ ихъ, думая, что онѣ вамъ понравятся, барыни или барышни, не знаю, какъ васъ назвать.

Послѣднія слова были сказаны въ шутку, потому что Флорѣ Вирба было только 17 лѣтъ, а Герминѣ Меттернихъ минуло только 15 лѣтъ.

— Благодарю, любезный другъ,—сказала Флора со смѣхомъ и, взявъ двѣ розы, приколола къ своему корсажу.

Но Гермина покраснѣвъ промолвила:

— А васъ не будутъ бранить за то, что вы ихъ сорвали?

— Нѣтъ. Съ одной стороны, я здѣсь полный хозяинъ, а съ другой, если бы тотъ, кто здѣсь каждый день гуляетъ, и замѣтилъ исчезновеніе нѣсколькихъ розъ, то былъ бы очень доволенъ, что онѣ понравились такимъ хорошенькимъ барышнямъ, какъ вы.

Гермина взяла оставшіяся двѣ розы, и когда Францъ удалился мѣрными шагами, а Флора побѣжала по дорожкѣ къ дому, она незамѣтно бросила одну изъ розъ на книжку, лежавшую на скамейкѣ.

— Куда ты дѣла другую розу?—спросила Флора, увидѣвъ только одинъ цвѣтокъ на корсажѣ своей подруги.

— Я бросила ее,—отвѣчала покраснѣвъ Гермина.—Онѣ такія большія, что не помѣстились бы вмѣстѣ.

VII.

Начало военныхъ дѣйствій.

— Ваши агенты, любезный графъ, всегда дѣлаютъ глупости,— гнѣвно говорилъ князь Меттернихъ начальнику полиціи, который встрѣтивъ его въ Шенбрунѣ на крестинахъ, отвелъ въ сторону, чтобы доложить о скандальной исторіи съ Галлони.

— Помилуйте, ваша свѣтлость...

— Нечего васъ миловать. Я еще просилъ васъ быть осторожнымъ, а ваши агенты напали и то самымъ грубымъ образомъ на даму, состоящую подъ моимъ покровительствомъ, на друга эрцгерцогини. Главное этотъ скандалъ поднятъ изъ пустяковъ. Нѣтъ, это не простительно.

— Увѣряю васъ, что я приказалъ этому человѣку ничего не дѣлать безъ моего разрѣшенія,—оправдывался графъ Зедельницкій въ большомъ смущеніи.

— Такъ отчего же онъ васъ не послушалъ?

— Вѣроятно, онъ поддался желанію сдѣлать обыскъ въ комнатѣ княгини во время сна.

— Конечно,—иронически замѣтилъ канцлеръ:—и онъ надѣялся, что она не проснется, когда станутъ шарить подъ ея подушкой.

— Княгиня позвонила, и человѣкъ спасся, такъ что, когда люди отеля сбѣжались, то никого не видали,—произнесъ начальникъ полиціи, стараясь стушевать вину своего агента:—всѣ увѣрены, что это былъ ловкій воръ, который убрался во время.

— Хороша полиція, нечего сказать,—воскликнулъ неумолимый канцлеръ:—ей приходится защищать ошибки своихъ агентовъ ловкостью вѣнскихъ воровъ. Наконецъ, скажите прямо, графъ, вы хозяинъ въ полицейскомъ вѣдомствѣ или имъ распоряжается первый встрѣчный.

— Но, ваша свѣтлость, не изволили забыть, какія серіозныя подозрѣнія падали на княгиню Сарія?

— Знайте, графъ, что я считаю, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту княгиню не способной вмѣшаться въ заговоръ. Я имѣю на это причины. Но если бъ я даже заблуждался, то она слишкомъ умна, чтобъ попасться въ сѣти дурака шпіона. Я имѣю полное право это сказать, потому что вашъ Галлони потерпѣлъ фіаско. Увѣряю васъ, что эта исторія очень для меня непріятна. Она путаетъ мои карты. Прекратите тотчасъ всѣ преслѣдованія этихъ трехъ женщинъ, по крайней мѣрѣ, явныя, и, пожалуйста, избавьте меня отъ дальнѣйшихъ глупостей вашихъ агентовъ.

Это формальное приказаніе канцлера снимало всякую отвѣтственность съ начальника полиціи, и онъ почтительно поклонился.

— Однако,—произнесъ онъ:—я не могу не сказать въ послѣдній разъ, что все-таки убѣжденъ въ сообщничествѣ этихъ женщинъ съ миланскими заговорщиками. Но, ваша свѣтлость, конечно, тотчасъ сами въ этомъ убѣдитесь. Вотъ княгиня Саріа направляется въ нашу сторону, вѣроятно, жаловаться на меня.

Дѣйствительно, Полина приближалась къ нимъ. Издали она увидѣла, что канцлеръ очень оживленно разговаривалъ съ начальникомъ полиціи, и поняла, что дѣло идетъ о ней. Она мгновенно рѣшила, что выгоднѣе напасть, чѣмъ защищаться, и потому сама смѣло открыла военныя дѣйствія.

— Я нарочно пріѣхала въ Шенбрунъ, чтобы васъ видѣть,—сказала она Меттерниху, который сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ, и любезно поздоровался:—я очень рада, что вижу въ одно время съ вами и графа Зедельницкаго, такъ какъ дѣло, о которомъ я желаю говорить, также касается его. У меня есть, князь, къ вамъ большая просьба.

— Она заранѣе исполнена, если только возможно,—сказалъ князь со своей обычной учтивостью.

— А если невозможно, то моя просьба будетъ исполнена въ ближайшемъ будущемъ, не такъ ли?—произнесла княгиня съ улыбкой:—но вотъ въ чемъ дѣло. Одинъ бѣдный миланецъ принялъ участіе въ заговорѣ...

Зедельницкій не могъ скрыть своего удивленія.

— Да, онъ дѣйствительно заговорщикъ. Но это происходитъ отъ того, что, благодаря князю Меттерниху, прекратились войны, и молодежи дѣлать нечего, вотъ она и волнуется, а полиція ее забираетъ и сажаетъ въ тюрьму. Такъ случилось и съ моимъ юношей, и онъ сидитъ подъ замкомъ въ Миланѣ или въ другомъ городѣ.

Меттернихъ довелъ до совершенства искусство узнавать мысли своихъ противниковъ. Онъ не разъ имѣлъ дѣло съ Наполеономъ, Талейраномъ, Фуше, лордомъ Кастельрэ, Каподистріей, Нессельроде, Ришелье и всегда читалъ въ ихъ глазахъ то, чего не говорили ихъ уста. Но теперь онъ пристально смотрѣлъ на княгиню и ничего не видѣлъ въ ея прелестныхъ глазахъ, кромѣ веселой улыбки вполнѣ искренней откровенности.

— Чортъ возьми,—воскликнулъ онъ,—дѣло серіознѣе, чѣмъ вы думаете. Однако продолжайте.

— Мой несчастный юноша долженъ былъ привезти сюда какія-то бумаги, вѣроятно, столь же мало значащія, какъ и онъ самъ. Случайно бумаги не оказались у него при обыскѣ. Онѣ у меня.

Графъ Зедельницкій широко открылъ глаза отъ изумленія, а Меттернихъ, умѣвшій лучше его сдерживать себя, спросилъ съ улыбкой:

— У васъ, княгиня?

— Да, у меня. Эти бумаги остроумно замѣшались въ мои кружева. Найдя ихъ на другой день, я подумала, что лучше не отдавать ихъ въ тѣ грязныя руки, которыя хотѣли овладѣть ими наканунѣ. Я подумала, что добрый, снисходительный министръ лучше оцѣнитъ эти документы и придастъ имъ настоящее значеніе. Вотъ я и привезла вамъ эти бумаги.

Слова княгини поразили обоихъ ея собесѣдниковъ.

Графъ Зедельницкій былъ въ одно и то же время обрадованъ и опечаленъ. Полицейское чутье его не обмануло, но княгиня оказалась не врагомъ, а сообщницей полиціи. Конечно, полиція была побита, но честь ея сохранилась незапятнанной. Что касается до канцлера, то онъ видѣлъ дальше, чѣмъ его помощникъ, и произнесъ:

— Понимаю, княгиня, вы предлагаете мнѣ продать документы за помилованіе вашего юноши.

— Фи!—воскликнула гордо княгиня:—за кого вы меня принимаете? Я желаю счастливо поженить моего глупаго заговорщика и мою прекрасную бѣлошвейку, при чемъ обязываюсь отослать ихъ какъ можно дальше отъ австрійской границы. Но я хочу быть обязанной вамъ, князь, за эту милость, и не намѣрена ее покупать никакой цѣною. Что касается до бумагъ, которыхъ не могла достать полиція, то вотъ онѣ. Я добровольно отдаю ихъ.

И она съ гордымъ великодушнымъ жестомъ передала тотъ пакетъ, въ которомъ находились письма Бонапартовской семьи.

Зедельницкій распространился въ извиненіяхъ.

— Я надѣюсь, княгиня,—сказалъ онъ:—что вы простите за тотъ надзоръ, которому я вынужденъ былъ подвергнуть, конечно, не васъ, но тѣхъ подозрительныхъ лицъ, которыя сопровождали васъ въ вашемъ путешествіи.

— А, я была подвергнута полицейскому надзору!—я этого и не замѣтила.

Канцлеръ улыбнулся, смакуя ловкость искуснаго адепта того же искусства, въ которомъ онъ былъ мастеромъ.

— Что вы на это скажете?—произнесъ онъ, обращаясь къ начальнику полиціи.—Вамъ теперь остается только отослать въ Миланъ вашего глупаго агента и дать мнѣ подписать помилованіе молодого человѣка, которымъ интересуется княгиня. Вы отошлите эту бумагу къ бѣлошвейкамъ княгини. Но, можетъ быть, вы не знаете, гдѣ онѣ живутъ, то я могу дать вамъ адресъ,—прибавилъ канцлеръ съ иронической улыбкой:—онѣ остановились въ гостиницѣ «Лебедь» вмѣстѣ съ княгиней.

— Какъ зовутъ вашего кліента, княгиня?

— Фабіо Гандони.

Зедельницкій записалъ это имя и, почтительно поклонившись, удалился.

Полина поняла, что до сихъ поръ была только перестрѣлка, а теперь начнется генеральное сраженіе. Она хорошо знала Меттерниха и по незамѣтной для всякаго другого, но хорошо знакомой ей складкѣ на лбу канцлера отгадала, что онъ готовитъ ей смертельный ударъ. Она спокойно ждала, чтобы онъ открылъ огонь, но на лицѣ ея исчезла веселая улыбка, и оно приняло серіозное выраженіе.

Просто, безъ всякой аффектаціи Меттернихъ взглянулъ на княгиню и пошелъ по террасѣ къ мраморной лѣстницѣ, которая вела въ садъ. Княгиня послѣдовала за нимъ. Удалившись настолько отъ дома, что никто не могъ ни помѣшать ихъ бесѣдѣ, ни подслушать ихъ словъ, Меттернихъ сказалъ, указывая на пакетъ, который онъ держалъ въ рукахъ:

— Излишне спрашивать, знаете ли вы содержаніе этихъ документовъ, не правда ли?

— А вы можете въ этомъ сомнѣваться? Будьте увѣрены, что я не отдала бы вамъ ихъ, если бы они имѣли какую нибудь важность.

— А!

— Конечно. Я просто уничтожила бы ихъ и не просила бы у васъ никакой милости.

— Согласенъ, что вы иначе не могли бы поступить, но признайтесь въ свою очередь, что вы были очень неосторожны, оставляя при себѣ эти бумаги въ отелѣ. Подумайте, какъ осложнилось бы дѣло, если бы полиція нашла ихъ въ вашихъ рукахъ, хотя бы онѣ были и маловажны.

— О, не безпокойтесь! Какъ только я пріѣхала въ Вѣну, то попросила позволенія у эрцгерцогини оставить у нея шкатулку съ моими бриллiантами. Вы понимаете: вѣнскіе отели такъ небезопасны! Сегодня утромъ я взяла у ея высочества свои вещи и поблагодарила за любезность.

— Вы совсѣмъ молодецъ, княгиня!—воскликнулъ съ восторгомъ Меттернихъ:—вотъ бы мнѣ такихъ дипломатовъ!

А мысленно онъ прибавилъ: «и такихъ полицейскихъ».

— Ну, такъ вы говорите, что̀ въ этомъ пакетѣ,—продолжалъ онъ громко, но княгиня его перебила.

— Чистые пустяки. Четыре письма отъ принцевъ Бонапартовской семьи, которые совѣтуютъ своему юному родственнику бѣжать изъ Шенбруна и отправиться во Францію. Вы заранѣе предугадываете, что̀ они могутъ сказать на эту тему.

— Да,—сказалъ серіозно канцлеръ, и Полина тотчасъ поняла, что настоящая борьба между ними наконецъ начинается:—и чтобы заранѣе дать отвѣтъ всѣмъ этимъ принцамъ, я вспомнилъ вашъ совѣтъ, княгиня; со вчерашняго дня я освободилъ герцога Рейхштадтскаго изъ стѣснявшихъ его узъ, я самъ предложилъ ему

собственными руками запрещенный плодъ. Чтобы вы могли имѣть понятіе о моей либеральности въ этомъ отношеніи, я скажу только. что онъ сегодня утромъ дѣлалъ смотръ своему полку и, по словамъ знающихъ офицеровъ, прекрасно исполнилъ обязанность полкового командира. Если бы вы замѣтили сегодня, какъ блестятъ его глаза, то можете приписать себѣ значительную долю его радости.

— Что вы говорите?

— Я хочу быть съ вами столь же откровененъ, какъ вы со мною, и не скрою отъ васъ, что я сообщилъ ему, какой вы мнѣ дали совѣтъ.

Въ глазахъ у Полины почернѣло, и она поняла тайную мысль канцлера. Блѣдная, дрожащая, она безмолвно смотрѣла на него. ожидая болѣе полнаго объясненія.

— Поставьте себя на мое мѣсто,—продолжалъ Меттернихъ добродушно:—я не могъ же дозволить, чтобы онъ объяснилъ неожиданную перемѣну въ моемъ обращеніи съ нимъ впечатлѣніемъ, которое произвела на меня его выходка.

— Но вѣдь были другіе свидѣтели, кромѣ меня.

— Да, при этомъ присутствовалъ эрцгерцогъ Карлъ, но я давно знаю его, и его слова не могутъ вліять на меня. Мои обычные совѣтники неспособны имѣть такого вліянія на меня. Нѣтъ, чтобы открыть мнѣ глаза, необходима была личность новая, съ чарующей силой красоты и ума.

— И вы мнѣ предоставили эту роль?

— Да. Я далъ понять герцогу, что ваши слова, полныя нѣжнаго чувства, поколебали меня. Если когда нибудь въ жизни министръ скажетъ правду, развѣ это большая бѣда? Вы, я надѣюсь, не сердитесь на меня?

— Это просто предательство, князь.

— По крайней мѣрѣ, я не виновенъ въ заговорѣ, такъ какъ сила въ моихъ рукахъ.

Меттернихъ говорилъ очень любезно и мягко, но онъ такъ пристально смотрѣлъ на Полину, что она ясно поняла его намѣреніе. Онъ предупреждалъ ее, чтобы она не разсчитывала на его довѣріе, и прямо объявлялъ ей, что она должна выбрать одно изъ двухъ: быть его союзницей или сдѣлаться его врагомъ. Онъ попрежнему оставался ея другомъ, но еслибъ ей вздумалось добровольно выступить на политическую арену, на которой онъ былъ безусловнымъ повелителемъ, еслибъ она, хоть временно, приняла сторону ненавистнаго ему человѣка, то она должна была ему повиноваться. Въ противномъ случаѣ...

— Вы это сдѣлали, князь,—произнесла Полина въ большомъ смущеніи.—Но какъ же я теперь буду смотрѣть въ глаза герцогу Рейхштадтскому? А если онъ вздумаетъ еще поблагодарить меня?

— Онъ непремѣнно васъ поблагодаритъ.

— Нечего сказать, въ хорошее положеніе вы меня поставили. Я должна играть роль тайнаго совѣтника.

И Полина старалась улыбнуться.

— Не безпокойтесь, герцогъ не ошибается относительно вашей роли. Во все время церемоніи онъ не спускалъ съ васъ глазъ. Правда, вы никогда не были такъ прелестны, какъ сегодня.

Она вздрогнула отъ негодованія, но сумѣла сдержать себя.

— Вы все знаете, князь, значитъ вамъ извѣстно, что женское сердце или отдается или отворачивается, но не признаетъ посредничества.

— Это правда,—отвѣчалъ онъ спокойно:—но вы также должны знать, что я умѣю любить друзей и ненавидѣть враговъ.

Все было высказано. Неумолимый министръ представилъ свой ультиматумъ. Угадалъ ли онъ или нѣтъ тайныя мысли княгини, но онъ поставилъ условіемъ своей дружбы рабское повиновеніе.

Увидавъ невдалекѣ свою дочь съ гувернанткой, Меттернихъ мгновенно превратился въ любезнаго придворнаго кавалера и предложилъ княгинѣ проводить ее въ Вѣну.

— Нѣтъ, благодарю васъ, князь,—отвѣчала она:—эрцгерцогиня обѣщала меня отвезти въ своемъ экипажѣ.

— Такъ до скораго свиданія, милѣйшій другъ, мы, конечно, увидимся у лорда Каули. Вы знаете, что тамъ дебютируетъ въ свѣтской жизни вашъ державный protegè. Не правда ли, странная иронія судьбы? Сынъ Наполеона на балу у англійскаго посланника. Ну, прощайте.

Оставшись одна, Полина почувствовала, что не въ состояніи вернуться во дворецъ. Голова ея кружилась, въ вискахъ билъ пульсъ. Ей казалось, что кто-то смертельно оскорбилъ ее, и она не сумѣла ему отомстить. Лихорадочная дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу, и она машинально ходила по аллеямъ парка, которыя теперь совершенно опустѣли. Наконецъ, ноги ея начали подкашиваться, и она опустилась на каменную скамейку.

Послѣднія слова Меттерниха звучали въ ея ушахъ: «я умѣю любить друзей и ненавидѣть враговъ». Этими словами онъ, очевидно, хотѣлъ сказать: «я избралъ васъ, княгиня Саріа, чтобы занять и увлечь безпокойнаго юношу, который вздумалъ мнѣ мѣшать. Я поручаю вамъ удержать его въ должномъ повиновеніи. Я сказалъ ему, что вы, какъ добрая фея, освободили его отъ узъ, и теперь ваше дѣло превратить его благодарность въ любовь. Сдѣлайте этого претендента своимъ любовникомъ, и я буду смотрѣть сквозь пальцы на все; но если вы вздумаете мнѣ противодѣйствовать на томъ основаніи, что вамъ претитъ такое ремесло, то берегитесь. Во всякомъ случаѣ вы не можете меня упрекать въ циничности за этотъ планъ. Вы сами мнѣ дали подобный совѣтъ».

Полина медленно поднялась и тихо промолвила: —Это правда,

я дала такой совѣтъ! Я тогда шутила и не знала, какое благородное и свѣтлое существо узникъ Меттерниха; теперь мнѣ стыдно за себя, но не время сожалѣть о прошедшемъ, а надо дѣйствовать. Подведемъ итоги. Дѣло Фабіо кончено. Я могу разсчитывать на слово Меттерниха, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту. Шарлотта и ея тетка завтра отправятся въ Миланъ и будутъ вмѣстѣ съ Фабіо внѣ австрійскихъ предѣловъ, когда канцлеръ вздумаетъ снова ихъ преслѣдовать. Отдѣлавшись отъ нихъ, я буду свободна въ своихъ дѣйствіяхъ. Еще сегодня утромъ я колебалась, но, очутившись въ этой лицемѣрной придворной средѣ, гдѣ самыя позорныя преступленія прикрыты блестящей мишурой, я чувствовала, что сердце мое болѣзненно сожмется, а теперь я вижу ясно, что нечего питать уваженіе къ тому, что такъ унижается его вѣрнѣйшими слугами. До сихъ поръ мнѣ все казалось, что я не имѣю права измѣнять судьбы государствъ, но довольно, колебаніямъ наступилъ конецъ. Я не хочу быть соучастницей низкой подлости. Вы бросили мнѣ перчатку, князь Меттернихъ, и я ее поднимаю. Борьба—такъ борьба! Посмотримъ, кто побѣдитъ: моя преданность или вашъ геній? Ну, а если я проиграю, то и заплачу ставку.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ.

Любовь.

I.

У статуи Діаны.

Меттернихъ сказалъ правду. Во все время церемоніи крещенія герцогъ Рейхштадтскій не сводилъ глазъ съ княгини Саріа, которая стояла въ группѣ придворныхъ дамъ эрцгерцогини Софіи. Поверхностный наблюдатель, быть можетъ, увидѣлъ бы въ этомъ обыкновенную и скоропреходящую вспышку юношескаго поклоненія женской красотѣ, но канцлеръ зналъ, что герцогъ отличался рано развившейся впечатлительностью, и потому понялъ, что въ его сердцѣ проснулось серіозное чувство. Не теряя ни минуты и въ отвѣтъ на выраженную герцогомъ благодарность за либеральное измѣненіе условій его жизни, онъ намекнулъ, что въ этомъ отношеніи онъ послушался совѣта одной личности, «умъ и тактъ которой внушалъ

ему полное довѣріе». Затѣмъ онъ прибавилъ еще нѣсколько словъ, изъ которыхъ можно было ясно понять, что онъ говорилъ о княгинѣ Саріа, хотя и не назвалъ ея. Наконецъ, подготовивъ почву для сентиментальнаго романа, онъ перешелъ отъ его героя къ героинѣ.

Сначала объясненія графа Зедельницкаго, а затѣмъ откровенности Полины возбудили въ Меттернихѣ опасенія, чтобъ предназначенная имъ Далила не обратилась въ Эгерію, но, уѣзжая изъ Шенбруна, онъ утѣшалъ себя мыслью, что все устроилъ по-своему. Сознаніе въ своей безграничной силѣ успокоивало его на счетъ повиновенія избранной имъ сообщницы,—и онъ былъ увѣренъ, что стремленія герцога Рейхштадтскаго къ освобожденію изъ неволи стушуются пущенной имъ въ ходъ сложной интригой.

Уже вечерѣло, когда Полина сказала себѣ, что пора вернуться во дворецъ, но не успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтила герцога Рейхштадтскаго, который шелъ по аллеѣ съ цѣлью взять на скамейкѣ подъ статуей Діаны оставленную тамъ утромъ книгу.

Увидавъ Полину, онъ остановился; глаза его засверкали радостью, и онъ быстро подошелъ къ ней.

— Какъ я радъ, что васъ вижу,—произнесъ онъ:—а я уже не надѣялся васъ встрѣтить.

— Развѣ вы желаете сказать мнѣ что нибудь, ваше высочество?

— Да, я долженъ васъ поблагодарить.

— Меня? За что?

— Я знаю, что вы сдѣлали для меня. Въ Шенбрунѣ произошли большія перемѣны, и я обязанъ вамъ за нихъ.

— Мнѣ было бы очень пріятно заслужить вашу благодарность, но одно случайное слово съ моей стороны не могло. такъ сильно повліять на министровъ вашего дѣда. Я только что вернулась въ Вѣну, послѣ долговременнаго отсутствія, когда увидѣла васъ и мимоходомъ высказала свой взглядъ.

— Я также видѣлъ васъ лишь на мгновенье,—отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ юноша:—но съ тѣхъ поръ вашъ прелестный образъ не выходитъ изъ моей головы, съ тѣхъ поръ началась для меня новая жизнь.

Еще болѣе, чѣмъ эти слова, — тонъ, которымъ они были сказаны, обнаруживалъ пламенное чувство, неожиданно возникшее въ сердцѣ юноши. Полина была и счастлива и встревожена. Наивная благодарность двадцатилѣтняго юноши напомнила ей хитрую интригу, придуманную Меттернихомъ, и она могла только отвѣтить:

— Я слышала, что вы произвели сегодня смотръ своему полку, и что солдаты сдѣлали вамъ шумную овацію. Вы, конечно, были очень взволнованы этой сценой.

— Менѣе, чѣмъ теперь, увѣряю васъ. Если будущность открывается передъ мною, то я обязанъ этимъ вашей добротѣ.

— О ваше высочество!

— Не протестуйте. Никто изъ моихъ родственниковъ, которые, однако, могутъ меня любить, открыто никогда не подумалъ исполнить мои желанія. Простите, я не умѣю хорошо выразить моихъ мыслей, но и молчать было бы непростительно. Я не привыкъ къ нѣжному сочувствію и отвѣчаю на него горячей любовью.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, Полина слушала эти слова, произносимыя мелодичнымъ, чарующимъ голосомъ. Но она боялась предаться овладѣвавшему ею чувству и хотѣла побороть его.

— Не можетъ быть, чтобы вы никогда до сихъ поръ не встрѣчали искренней привязанности.

— Конечно, не встрѣчалъ. Вотъ теперь одинъ вашъ сочувственный взглядъ покорилъ мое сердце.

— Ваше высочество!

— И не думайте, чтобы я былъ только благодаренъ вамъ за ту перемѣну въ моемъ положеніи, которая возбуждена вашимъ добрымъ вмѣшательствомъ; нѣтъ, я болѣе тронутъ тѣмъ, что я теперь не одинъ на свѣтѣ.

— А вамъ не кажется страннымъ, что вы встрѣтили меня впервые въ кабинетѣ Меттерниха?—произнесла Полина.—Вы не боитесь сдѣлаться жертвой придворной интриги и недостойной комедіи?

Она сама не понимала, какъ у нея хватило мужества, чтобы произнести эти слова, которыя должны были оттолкнуть навсегда сердце юноши и убить въ ней самой пробуждавшееся къ нему чувство. Но она считала своимъ долгомъ не поддаться коварному плану Меттерниха и не разыграть роли сообщницы.

— О какой комедіи вы говорите?—произнесъ наивно герцогъ.—Развѣ вы можете разыгрывать комедію? Я васъ вижу, и я вамъ всѣмъ обязанъ. Я это знаю и понимаю, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ.

— Ваше высочество!

— Я знаю, что насъ окружаютъ недостойныя интриги, и что вчерашняя жестокость сегодня не вполнѣ обезоружена. Но все это не можетъ имѣть никакого отношенія къ тому, что я теперь чувствую.

— Не говорите о своихъ чувствахъ, герцогъ, вы принадлежите не себѣ, а своему имени и своей будущности.

Но онъ схватилъ ее за обѣ руки и, смотря ей прямо въ глаза, промолвилъ:

— Я принадлежу вамъ,—только вамъ!

— Нѣтъ, не надо, не надо!—отвѣчала Полина, отталкивая его отъ себя:—я не хочу такой любви, я сама люблю, но другого!

Герцогъ блѣдный, взволнованный, могъ произнести только:

— Вы любите другого?

— Да!—воскликнула Полина, не имѣя болѣе силы сдержать себя:—я люблю всѣми силами своей души человѣка такого же, какъ

вы, но думающаго о возстановленіи своихъ правъ, а не о женской красотѣ.

Герцогъ весь вспыхнулъ и бросился на колѣни.

— Нѣтъ, встаньте, тотъ, кого я люблю, не преклоняетъ колѣна, а долженъ повелѣвать людьми. Тотъ, кого я люблю, не можетъ довольствоваться оскорбительнымъ смягченіемъ своихъ узъ и командованіемъ нѣмецкими солдатами на Пратерѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сдѣлаю все, что вы скажете.

— Если вы согласны жить попрежнему узникомъ Меттерниха, то Полина исчезнетъ и будетъ оплакивать гдѣ нибудь далеко свою несбывшуюся мечту. Но если вы хотите вернуться во Францію и сдѣлать счастливымъ ожидающій васъ народъ, то я пойду рука въ руку съ вами и буду васъ любить!

Герцогъ весь преобразился и со свѣтлой улыбкой воскликнулъ:

— Мое сердце говоритъ вашими устами. Вы выражаете мои мысли. Уже давно я хотѣлъ это высказать, но не умѣлъ. Безъ васъ я былъ одинъ, и меня давило иго ненавидящаго меня человѣка.

— А теперь?—спросила Полина, сдерживая свое дыханіе.

— Теперь, благодаря вамъ, я порву свои узы. Я сброшу съ себя этотъ мундиръ, который мнѣ не принадлежитъ. Шпага, которую я ношу въ нѣмецкихъ ножнахъ, нѣкогда блестѣла подъ солнцемъ пирамидъ, и я обнажу ее. Она будетъ также свободна, какъ свободенъ и я.

— Какое счастіе, какая радость!—воскликнула Полина, сверкая глазами.

А онъ продолжалъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь:

— Теперь вы позволяете мнѣ любить васъ? Теперь не Францъ Рейхштадтскій падетъ къ вашимъ ногамъ, а Наполеонъ Бонапартъ открываетъ вамъ свои объятія!

Полина все забыла, и благоразуміе, и осторожность, и страхъ сдѣлаться сообщницей Меттерниха, а чувствовала только, что одна любовь, одна мысль связываетъ навѣки ихъ юныя сердца.

— Вотъ теперь вы тотъ, кого я люблю,—воскликнула она, предаваясь вполнѣ овладѣвшему ею чувству счастья:—я не могла бы васъ любить, если бы вы остались застѣнчивымъ, нерѣшительнымъ юношей, готовымъ все перенести, но я знала, что въ вашей груди бьется мужественное сердце.

А онъ, нѣжно обвивъ ее рукою, тихо лепеталъ:

— Жена, моя милая жена!

— Если бы я думала, что васъ ожидаетъ гибель,—продолжала Полина,—то, быть можетъ, никогда не рѣшилась бы вовлечь васъ въ безысходную борьбу. Но, подумайте, сколько храбрецовъ рискуютъ своей жизнью ради васъ, во сколькихъ хижинахъ вашей родины ждутъ вашего появленія.

— Какъ я счастливъ, какъ я васъ люблю!—шепталъ онъ.

И этотъ странный контрастъ между ихъ словами не омрачалъ ихъ радости. Она гордилась тѣмъ, что онъ забывалъ обо всемъ ради любви къ ней, а онъ былъ счастливъ, что она забывала свою любовь ради его будущности.

— Однако я вижу,—промолвила она наконецъ,—что сегодня я напрасно буду говорить вамъ о серіозныхъ вопросахъ. Вы не слушаете даже меня. Я хочу увѣнчать ваше чело лаврами, а мнѣ попадаются подъ руки розы.

И она показала ему цвѣтокъ, который Гермина Меттернихъ бросила на книжку, лежавшую на скамьѣ.

— Посмотрите, какая это прекрасная роза.

— Оставьте ее, мы не знаемъ, кто ее трогалъ.

— Однако она была свидѣтельницей нашего признанія въ любви.

— Нѣтъ, нѣтъ,—промолвилъ онъ,—эту розу я поднесу богинѣ, а вамъ найду другую получше.

Съ этими словами онъ взялъ изъ рукъ Полины розу и положилъ ее на пьедесталъ статуи Діаны, а самъ, сдѣлавъ два шага по дорожкѣ, сталъ звать своего вѣрнаго Франца.

— Что вы дѣлаете?—сказала съ испугомъ Полина.

— Я зову друга, онъ меня услышалъ и сейчасъ придетъ. Это единственный человѣкъ, который искренно мнѣ здѣсь преданъ. Я не могу скрыть отъ него моей радости и хочу показать ему ту, которой я обязанъ этой радостью. Къ тому же онъ будетъ намъ необходимъ. Другъ мой,—прибавилъ герцогъ, обращаясь къ Францу, который высунулъ свою голову изъ-за кустовъ:—сорви самую лучшую розу и принеси сюда.

Пока старый садовникъ исполнялъ приказаніе юноши, Полина задумалась. Она мысленно спрашивала себя, не былъ ли это тотъ самый Францъ, о которомъ говорилось съ такой похвалой въ миланскихъ инструкціяхъ.

— О чемъ вы думаете?—спросилъ герцогъ, схвативъ обѣ руки Полины и покрывая ихъ страстными поцѣлуями:—теперь не о чемъ думать: мы вскорѣ отправимся съ вами во Францію.

— Я думаю о вашемъ вѣрномъ слугѣ,—отвѣчала княгиня, не освобождая своихъ рукъ:—вы, кажется, назвали его Францемъ. Какой онъ, однако, старикъ!

— Нисколько, онъ только представляется старикомъ, чтобы сбить всѣхъ съ толку, а онъ еще бравый солдатъ.

— Это онъ,—подумала Полина.

Между тѣмъ Францъ вернулся и молча подалъ герцогу прекрасную розу.

— Подойди сюда, милый другъ,—сказалъ юноша:—посмотри хорошенько на эту даму, ее зовутъ княгиня Саріа, ты впредь будешь ей служить такъ же вѣрно, какъ мнѣ. Слышишь?

— Слышу,—отвѣчалъ лаконически старый служака.

— Ты выбралъ хорошую розу, но есть лучше,—сказалъ герцогъ, желая подразнить старика.

— Конечно, есть, но въ Сенъ-Клу,—отвѣчалъ онъ спокойно,—позвольте мнѣ сказать вамъ два слова.

— Говори. Отъ княгини у меня нѣтъ тайнъ.

Осмотрѣвшись по сторонамъ и убѣдившись, что никто не можетъ ихъ подслушать, Францъ сказалъ дрожащимъ голосомъ, которому тщетно хотѣлъ придать твердость:

— Я пришелъ, чтобы проститься съ вами. Я ухожу отсюда.

— Зачѣмъ? Я тебя не отпущу. Что это значитъ?

— Я больше не нуженъ вамъ. Я сталъ старъ, мнѣ надо отдохнуть.

— Пустяки, я тебѣ не вѣрю, ты что-то скрываешь отъ меня?

— И правда скрываю. Я не могу здѣсь оставаться, потому что сегодня въ Шенбрунѣ появилась особа, которая мнѣ не нравится. Я боюсь, что она будетъ часто здѣсь бывать, я этого не вытерплю и наконецъ скажу всю правду въ лицо, а это не хорошо. Вотъ и лучше мнѣ уйти.

Герцогъ заподозрѣлъ, что Францъ не одобряетъ появленія Полины, и рѣзко произнесъ:

— Назови ту особу, благодаря которой ты хочешь уйти изъ Шенбруна. Я желаю знать, кого ты мнѣ дозволяешь принимать и кого нѣтъ.

— Странно вы выражаетесь, ваше высочество,—произнесъ Францъ:—а, кажется, очень просто, что старый солдатъ, какъ я, не хочетъ встрѣчаться со своимъ старымъ генераломъ, который измѣнилъ вашему отцу.

— Ты говориишь о Мармонѣ?

— А о комъ же? Я видѣлъ его сегодня во дворцѣ, и говорятъ, что онъ назначенъ вашимъ профессоромъ. Вотъ только не знаю, чему онъ онъ будетъ васъ учить. Развѣ тому, какъ измѣняютъ своему государю во время его несчастья.

— Францъ!—произнесъ герцогъ Рейхштадтскій.

— Вы, конечно, вольны дѣлать, что хотите, ваше высочество, даже забыть, если можете, его измѣну. Но я сдѣлать этого не могу. Увидавъ его, я покраснѣлъ, и мнѣ впервые въ жизни стало стыдно, что я солдатъ. Нѣтъ, я не хочу его болѣе видѣть.

Полина смотрѣла съ восторгомъ на этого благороднаго, стараго служаку и съ безпокойствомъ спрашивала себя, что скажетъ, что сдѣлаетъ герцогъ.

Онъ тихо подошелъ къ Францу и, инстинктивно слѣдуя привычкѣ своего отца, нѣжно взялъ его рукой за ухо:

— Ты не уйдешь,—сказалъ онъ,—потому что я не хочу. Молчи и слушай. Что бы ты сказалъ, если бы мы съ тобой оставили Мармона одного читать лекціи полицейскимъ агентамъ, переодѣтымъ

въ придворныхъ лакеевъ, а сами отправились бы во Францію, гдѣ насъ ждутъ друзья? Мнѣ надоѣло сидѣть въ клѣткѣ, и я хочу вернуться на родину. Ну, что же? Ты все же хочешь меня бросить?

— Нѣтъ, не такой дуракъ,—отвѣчалъ Францъ, обезумѣвъ отъ радости, и вдругъ широко открылъ ротъ, чтобы воскликнуть: «да здравствуетъ императоръ», но молодые люди поспѣшно зажали ему губы.

Тутъ старый служака посмотрѣлъ пристально на Полину, инстинктивно понимая, какую роль она играла въ неожиданной перемѣнѣ, происшедшей въ герцогѣ. Повидимому, этотъ осмотръ привелъ къ удовлетворительному результату, потому что онъ кивнулъ головой съ довольнымъ видомъ и почтительно поклонился. Полина же протянула ему руку, какъ старому другу.

Удаляясь отъ счастливой парочки, Францъ замѣтилъ розу, которую герцогъ положилъ на пьедесталъ статуи Діаны.

— Это одна изъ тѣхъ розъ, которую я далъ дочери Меттерниха,—сказалъ онъ:—я тогда не зналъ, кто она такая, но Готлибъ сказалъ мнѣ ея имя. На какой чортъ только она положила эту розу на статую?!

Полина вспомнила, что видѣла такую же розу на княжнѣ Меттернихъ, и подумала:

— Это странно!

Еще нѣсколько минутъ молодые люди оставались наединѣ; потомъ Полина сказала, что пора вернуться во дворецъ, а то ихъ начнутъ искать въ саду. Но прежде чѣмъ разстаться съ герцогомъ, который никогда не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ въ эту минуту, она произнесла:

— Этотъ моментъ еще болѣе важный въ вашей жизни, чѣмъ въ моей. Я не беру моихъ словъ назадъ, но я не желаю, чтобы вы связали себя на всю жизнь словомъ, даннымъ въ минуту увлеченія. Вы должны все обдумать на свободѣ. Я не имѣю никакого значенія и не должна играть роли въ вашей судьбѣ, хотя я готова жертвовать всѣмъ для вашего счастья и славы. Вы имѣете всѣ права на меня, а я не имѣю никакихъ правъ на васъ. Подумайте и рѣшите, останетесь ли вы герцогомъ Рейхштадтскимъ, или будете Наполеономъ.

И она быстро удалилась.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Западня.

I

Мины и контрмины.

— Вы сейчасъ вернетесь въ Миланъ, слышите? Можно ли быть такимъ неосторожнымъ? Я вамъ приказалъ ничего не дѣлать безъ моего разрѣшенія, а вы ночью пробрались въ частную квартиру и стали рыться въ ящикахъ, въ сундукахъ, въ чемоданахъ. Наконецъ, вы дошли до такой глупости, что васъ поймали.

— Меня не поймали.

— Во всякомъ случаѣ васъ видѣли, и вы спаслись, какъ воръ. Хороша полиція, которая прикрываетъ свои ошибки славой вѣнскихъ воротъ.

Вотъ какое объясненіе происходило въ этотъ же день между графомъ Зедельницкимъ и Галлони.

— Очевидно, я виноватъ, такъ какъ мой планъ не удался, и вполнѣ достоинъ наказанія,—произнесъ сыщикъ,—но ничто не выбьетъ у меня изъ головы мысли, что эти бумаги у княгини.

— У нея нѣтъ болѣе этихъ бумагъ,—произнесъ торжествующимъ тономъ начальникъ полиціи:—онѣ въ моихъ рукахъ. Вы видите, что мы больше не нуждаемся въ вашихъ услугахъ.

Этотъ послѣдній ударъ совершенно убилъ сыщика. Но онъ такъ страстно былъ преданъ своему ремеслу, что желалъ узнать, кто и какимъ образомъ добился того, чего онъ не могъ достигнуть. Графъ Зедельницкій, однако, не хотѣлъ удовлетворить его празднаго любопытства, и только послѣ нѣсколькихъ почтительныхъ просьбъ сказалъ рѣзко:

— Сама княгиня Capiа передала эти бумаги канцлеру.

— А,—воскликнулъ Галлони,—я, значитъ, не ошибся. Она привезла ихъ изъ Милана. Мои подозрѣнія оправдались. Она похитила эти бумаги, чтобы лично ихъ передать канцлеру.

— Она вовсе не похищала бумагъ, а онѣ оказались въ ея кружевахъ на другой день послѣ вашего неудачнаго обыска въ магазинѣ.

— Ну, ужъ это извините, — сказалъ Галлони, оправляясь отъ своего смущенія.—Она не взяла никакихъ кружевъ изъ магазина.

— Почему вы знаете?

— Потому что кружева и всѣ ея заказы до сихъ поръ лежатъ въ магазинѣ. Я видѣлъ ихъ тамъ послѣ отъѣзда трехъ женщинъ изъ Милана.

— Что вы говорите?

— Правду. Можетъ быть, княгиня добровольно отдала канцлеру всѣ бумаги или часть ихъ, но во всякомъ случаѣ она не нашла ихъ у себя дома въ кружевахъ, такъ какъ эти кружева до сихъ поръ находятся въ магазинѣ.

— Такъ вы все-таки настаиваете, что свѣтская дама, другъ Меттерниха и эрцгерцогини, похитила важныя бумаги, отыскиваемыя полиціей, и которыя ее могли сильно компрометировать? Вы просто сумасшедшій.

— Я ни на чемъ не настаиваю, а думаю и соображаю.

— Вы можете думать и соображать, сколько угодно, только не на моей службѣ. Слышите? Я пригласилъ васъ сюда, чтобы объявить вамъ о вашемъ увольненіи изъ состава вѣнской полиціи и чтобы передать вамъ бумагу на имя начальника миланской полиціи.

— Ради Бога, не губите меня,—произнесъ жалобнымъ голосомъ несчастный сыщикъ.—Если вы написали въ Миланъ дурной обо мнѣ отзывъ, то меня прогонятъ со службы, а вы понимаете, что прогнанный сыщикъ не можетъ найти себѣ куска хлѣба.

— Я васъ не понимаю,—сказалъ Зедельницкій:—я не упоминалъ о васъ въ бумагѣ къ начальнику полиціи, это приказъ объ освобожденіи изъ тюрьмы Фабіо Гандони, котораго канцлеръ помиловалъ.

— Фабіо помиловали!

— Да.

Это извѣстіе, повидимому, должно было окончательно привести въ отчаяніе сыщика; но онъ, напротивъ, просіялъ и, гордо поднявъ голову съ видомъ торжествующаго математика, только что разрѣшившаго трудную задачу, воскликнулъ:

— Теперь я все понимаю.

— Что вы понимаете?

— Я никакъ не могъ понять, какую роль играли бѣлошвейки въ этой исторіи, а теперь все понятно. Я имѣлъ несчастіе не понравиться княгинѣ Саріа во время исполненія своихъ обязанностей, и она спрятала бумаги молодого карбонарія. Бѣлошвейки были въ отчаяніи отъ ареста, и она предложила имъ добиться его помилованія; для этого она передала бумаги канцлеру и получила помилованіе Фабіо. Все разыграно, какъ по нотамъ. Только бы я еще желалъ знать, не оставила ли она у себя какія нибудь бумаги, или не сожгла ли чего нибудь.

— Вы снова возвращаетесь къ своимъ глупостямъ,—воскликнулъ гнѣвно графъ Зедельницкій.

— Да, ваше сіятельство. Кромѣ писемъ представителей Бона-

партовской семьи къ герцогу Рейхштадтскому, въ пакетѣ, переданномъ Фабіо заговорщиками, находились другіе важные документы. Конечно, бѣлошвейки не дозволили бы княгинѣ Саріа выдать эти документы, такъ какъ ихъ любимецъ Фабіо могъ отвѣтить головой за подобное предательство.

— Вы говорите, что вмѣстѣ съ письмами были другіе документы?

— Я увѣренъ въ этомъ. А ваше превосходительство ихъ не видѣли?

Начальникъ вѣнской полиціи задумался. Въ головѣ его родилась мысль, хотя еще смутная, что возможно отомстить княгинѣ Саріа и доказать канцлеру, какую пользу оказывала полиція въ высшей политикѣ, но для того надо было воспользоваться услугами Галлони, который въ сущности былъ искуснымъ, неутомимымъ и любящимъ свое ремесло сыщикомъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Я оставлю васъ на службѣ въ Вѣнѣ и забуду о вашихъ ошибкахъ, но постарайтесь ихъ загладить. Какъ, вы думаете, взяться намъ за дѣло, чтобы открыть интриги княгини Саріа, если ваши подозрѣнія насчетъ ея справедливы?

Видя, что ему снова повезло, Галлони воскликнулъ:

— Я понимаю, ваше превосходительство, что имѣю дѣло съ первокласснымъ соперникомъ, а потому надо вести игру очень хитро и пока оставить княгиню совершенно въ сторонѣ.

— Такъ съ кого же мы начнемъ, съ бѣлошвеекъ?

— Нѣтъ, онѣ совершенно въ рукахъ княгини.

— Такъ съ кого же?

— Съ герцога Рейхштадтскаго. Не угодно ли вамъ выслушать меня?

И Галлони сталъ подробно развивать начальнику полиціи свой новый планъ.

II.

Графиня Камерата.

Съ нѣкоторыхъ поръ жила въ Вѣнѣ женщина очень странная. Дочь Элизы Бонапартъ и графа Бачьоки, а слѣдовательно племянница Наполеона, она была замужемъ за неаполитанскимъ аристократомъ, очень богатымъ и добродушно переносившимъ всѣ ея эксцентричности. Графиня Камерата была прекрасная наѣздница, успѣшно объѣзжала самыхъ горячихъ лошадей, мастерски стрѣляла изъ пистолета и вообще отличалась искусствомъ во всѣхъ атлетическихъ упражненіяхъ, но не любила чтенія и умственныхъ занятій. Все ея знаніе современной исторіи сводилось къ тому, что ея дядя былъ властителемъ Европы, а ея двоюродный братъ нахо-

дился узникомъ въ Шенбрунѣ. На основаніи этихъ свѣдѣній она во что бы то ни стало рѣшилась освободить герцога Рейхштадтскаго.

По несчастію, она имѣла такое лицо, которое выдавало ее на каждомъ шагу. Она была точнымъ портретомъ Наполеона, и всѣ встрѣчавшіе ее были поражены этимъ сходствомъ; поэтому съ первыхъ дней ея появленія въ Вѣнѣ полиція слѣдила за каждымъ ея шагомъ. Къ тому же она не скрывала своего намѣренія войти въ сношенія съ шенбрунскимъ узникомъ.

Однажды ей удалось остановить его на лѣстницѣ въ домѣ барона Обенауса, который давалъ ему уроки исторіи, и бросившись на юношу, она стала цѣловать его руки. Когда сопровождавшій герцога графъ Дитрихштейнъ оттолкнулъ ее, то она гнѣвно объявила, что имѣла право привѣтствовать своего двоюроднаго брата и сына своего государя.

Съ тѣхъ поръ герцогъ Рейхштадтскій болѣе не видѣлъ ея, но полиція перехватила и передала графу Зедельницкому два письма къ нему отъ графини Камерата. А въ то время, когда Галлони объяснялъ графу Зедельницкому свой новый планъ дѣйствія, третье письмо графини одинаковаго содержанія лежало на столѣ начальника полиціи.

— По моему мнѣнію,—говорилъ сыщикъ,—надо намъ подвергнуть герцога искусу, именно предложить ему планъ бѣгства такъ, чтобы онъ, конечно, не догадался о происхожденіи этого плана. Если я не ошибаюсь насчетъ намѣренія княгини Саріа, то она, вѣроятно, уже дала герцогу посланные ему документы. Его отвѣтъ на наше предложеніе дастъ намъ понять его намѣренія, а главное представитъ намъ предлогъ къ обыску въ аппартаментахъ герцога,—произнесъ сыщикъ.

— Ваша мысль прекрасная. Но какъ найти такого ловкаго человѣка, который разыгралъ бы роль заговорщика, не возбудивъ подозрѣній герцога? Погодите...

И, порывшись въ бумагахъ, онъ отыскалъ письмо графини Камерата, подалъ его сыщику и объяснилъ прошедшую исторію безпокойной амазонки.

— Вотъ это отлично, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Галлони:—но позвольте мнѣ прочесть это письмо, чтобы убѣдиться, можетъ ли оно послужить намъ на пользу.

Зедельницкій самъ взялъ письмо и прочелъ его въ слухъ:

«Герцогу Рейхштадтскому.

«Августъ 1820.

«Любезный принцъ, я пишу вамъ въ третій разъ, будьте такъ добры, отвѣчайте мнѣ, желаете ли вы поступить, какъ австрійскій эрцгерцогъ или какъ французскій принцъ. Если вы согласны

воспользоваться моими совѣтами и покинуть наконецъ страну, гдѣ васъ держатъ подъ замкомъ, то вы убѣдитесь, какъ легко можно побороть всѣ преграды силой воли. Вы тогда найдете тысячу средствъ, чтобы переговорить со мной, а я одна ничего не могу сдѣлать. Только ради Бога никому не довѣряйтесь. Подумайте, что вы какъ будто умерли для Франціи и для вашей семьи. Подумайте о тѣхъ ужасныхъ страданіяхъ, которыя вынесъ вашъ отецъ, и о томъ, что онъ умеръ, смотря на вашъ портретъ. Воспользуйтесь этимъ моментомъ, принцъ. Можетъ быть, я высказала слишкомъ много. Моя судьба въ вашихъ рукахъ. Человѣкъ, который вручитъ вамъ это письмо, можетъ доставить мнѣ и вашъ отвѣтъ. Надѣюсь, что вы мнѣ не откажете въ этомъ отвѣтѣ.

«Наполеона Камерата».

— Эта графиня для насъ находка! — воскликнулъ Галлони, когда Зедельницкій окончилъ чтеніе письма: —необходимо, чтобы герцогъ получилъ это письмо, и чтобы человѣкъ, который вручитъ ему посланіе графини, представилъ вамъ его отвѣтъ.

— Это очень просто,—отвѣчалъ графъ.—Но смотрите: никому ни слова. Я доложу канцлеру о нашемъ предпріятіи только вмѣстѣ съ его результатомъ.

Начальникъ полиціи и сыщикъ разстались на этотъ разъ большими пріятелями.

III.

Два отвѣта.

На слѣдующее утро Францъ спокойно работалъ въ Шенбрунскомъ паркѣ. Неожиданно онъ замѣтилъ, что одинъ изъ его помощниковъ, здоровенный, толстой нѣмецъ, по имени Готлибъ, бросилъ лопату и сталъ таинственно разговаривать съ камердинеромъ графа Дитрихштейна. Это продолжалось нѣсколько минутъ, а затѣмъ Готлибъ направился къ нему и вступилъ съ нимъ въ разговоръ, который, однако, не клеился.

— Что съ тобой, Готлибъ?—спросилъ наконецъ старый служака:— ты не въ своей тарелкѣ.

— По прадвѣ сказать, Францъ,—отвѣчалъ молодой нѣмецъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:—я не знаю, какъ исполнить данное мнѣ порученіе. Мнѣ надо передать письмо кое-кому, а вамъ бы это было гораздо удобнѣе сдѣлать, такъ какъ эта личность часто бываетъ здѣсь. Не возьметесь ли вы за это дѣльце?

— Отъ кого письмо и къ кому?

— Отъ кого—не знаю, а отдать его надо маленькому Наполеону.

Францъ съ трудомъ поборолъ овладѣвшее имъ волненіе, но все-таки равнодушно отвѣчалъ:

— Отчего же ты самъ не передашь письма?

— Вамъ ловчѣе это сдѣлать. Герцогъ обыкновенно по вечерамъ ходитъ въ этой части парка. Вѣдь онъ съ вами разговариваетъ? Намъ онъ никогда не говоритъ ни слова.

— Онъ не большой говорунъ, но и не всегда молчитъ.

— Что же онъ вамъ говоритъ?

— Онъ говоритъ, что князь Меттернихъ великій человѣкъ,— добродушно произнесъ Францъ,—а графъ Дитрихштейнъ очень добръ и любезенъ. Онъ всѣмъ очень доволенъ. Жаль, что онъ тебя не знаетъ, Готлибъ, ты, вѣроятно, очень понравился бы ему. Ну, а гдѣ же письмо?

— Вотъ оно. Надо передать письмо, когда онъ будетъ одинъ, и совершенно незамѣтно, а затѣмъ сказать герцогу, что придутъ за отвѣтомъ.

— А придешь ты, толстякъ, за этимъ отвѣтомъ?

— Да.

Францъ догадался, что герцогу Рейхштадтскому разставляютъ западню, и подумалъ, что лучшимъ способомъ спасти его отъ опасности было принять роль въ этомъ дѣлѣ.

— Отчего ты хочешь взвалить на меня порученіе, которое также хорошо могъ бы исполнить и самъ?—произнесъ онъ самымъ равнодушнымъ тономъ:—по крайней мѣрѣ, ты можешь мнѣ поручиться, что если я окажу тебѣ эту услугу, то графъ Дитрихштейнъ не будетъ мною недоволенъ.

— Нѣтъ, его нечего бояться,—отвѣчалъ Готлибъ, хитро подмигивая:—письмо прошло черезъ его руки. Но объ этомъ не надо говорить.

— Хорошо, такъ положи письмо на мою жилетку. Она валяется вонъ тамъ въ аллеѣ. Теперь у меня руки грязныя, и я не хочу брать письма. Ступай, я исполню твое порученіе.

Готлибъ удалился и по дорогѣ положилъ письмо на жилетку, а Францъ, смотря ему въ слѣдъ, подумалъ:

— Графъ Дитрихштейнъ самъ не отдаетъ письма принцу, а посылаетъ его тайнымъ образомъ и велитъ дать отвѣтъ тѣмъ же путемъ. Это что-то подозрительно.

Въ сущности таинственное письмо было посланіемъ графини Камерата, которое начальникъ полиціи переслалъ въ Шенбрунъ черезъ многочисленныхъ агентовъ, кишѣвшихъ вокругъ дворца. Готлибъ солгалъ, говоря Францу, что графъ Дитрихштейнъ зналъ объ этой интригѣ. Начальникъ полиціи и самъ Меттернихъ не имѣли никакого расчета впутывать въ свои комбинаціи слабохарактернаго, но честнаго наставника юноши. По ихъ словамъ, они боялись его неловкости, но въ сущности ихъ пугала его прямота. Принадлежа къ одному изъ почтенныхъ родовъ Австріи, графъ Дитрихштейнъ придавалъ своимъ именемъ и положеніемъ нѣкоторый престижъ

той группѣ старинныхъ личностей, которая окружала внука императора, но онъ не пользовался никакимъ авторитетомъ и не зналъ всѣхъ гадостей, которыя дѣлались вокругъ него. Между прочимъ ему было не извѣстно, что дворецъ кишѣлъ переодѣтыми полицейскими агентами въ лицѣ лакеевъ, рабочихъ, садовниковъ и т. д. Всѣ они находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ графомъ Зедельницкимъ, который такимъ образомъ зналъ и доводилъ до свѣдѣнія канцлера все, что дѣлалось въ Шенбрунѣ.

Францъ передалъ подозрительное письмо герцогу Рейхштадтскому въ тотъ же вечеръ и прибавилъ вполголоса, осматриваясь по сторонамъ, чтобы ихъ никто не подслушалъ:

— Берегитесь, это письмо приманка. Я не знаю, что въ немъ, но оно идетъ изъ очень подозрительнаго источника.

— Ты правъ,—отвѣчалъ юноша, прочитавъ письмо и разговаривая съ Францемъ черезъ раздѣлявшіе ихъ кусты:—негодяи нахально присвоили себѣ имя моей родственницы, которую я однажды видѣлъ въ домѣ барона Обенауса. Впрочемъ, можетъ быть, письмо это и подлинное. Она показалась мнѣ особой очень эксцентричной и въ состояніи написать такое посланіе. Какъ бы то ни было, я не думалъ, чтобы Меттернихъ и его помощники могли придумывать такія глупыя интриги.

Остановившись среди аллеи, герцогъ подозвалъ къ себѣ Франца и сказалъ:

— Подождите меня здѣсь, я сейчасъ пришлю вамъ отвѣтъ.

Потомъ онъ шепотомъ прибавилъ:

— Я самъ принесу его и дамъ тебѣ свои инструкціи.

Спустя нѣсколько минутъ, изъ-за куртины цвѣтовъ показался Готлибъ, который издали слѣдилъ за герцогомъ и поспѣшно спросилъ у Франца:

— Что онъ сказалъ?

— Я, право, не разобралъ, что онъ бормоталъ, читая письмо,— отвѣчалъ старый служака:—но потомъ онъ приказалъ мнѣ ждать здѣсь и сказалъ, что пришлетъ отвѣтъ. Вотъ, благодаря тебѣ, я попалъ въ почтальоны.

— Хорошо, я приду за отвѣтомъ,—сказалъ Готлибъ, снова направляясь къ той куртинѣ, за которой онъ скрывался.

— Не безпокойся, я самъ тебѣ принесу,—произнесъ Францъ.

Спустя нѣсколько времени, герцогъ Рейхштадтскій вернулся и, отдавая письмо Францу, сказалъ:

— Отдай это тому, кто придетъ за отвѣтомъ, а завтра утромъ пойди къ княгинѣ Саріа и разскажи ей о случившемся и спроси ея приказанія.

— Слушаюсь, выше высочество.

— Ты передашь ей вотъ еще письмо,—продолжалъ герцогъ, покраснѣвъ:—скажи, что я писалъ раньше настоящей исторіи, и при-

бавь, что эта исторія только укрѣпила мою рѣшимость. Да еще скажи, что я вполнѣ полагаюсь на нее насчетъ устройства моего отъѣзда и желаю, чтобы онъ совершился, какъ можно скорѣе. Ты вѣдь ей поможешь, не правда ли, Францъ?

— Будьте спокойны, ваше высочество, но не давайте мнѣ второго письма въ руки, а тихонько опустите его вонъ въ тотъ кустъ.

Герцогъ такъ и сдѣлалъ, а Францъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало, подошелъ къ кусту и незамѣтно поднялъ письмо.

Спустя нѣсколько минутъ, Готлибъ съ сіяющимъ лицомъ отдалъ переодѣтому полицейскому агенту письмо Шенбрунскаго узника къ графинѣ Камерата, а Францъ отнесъ домой второе письмо герцога Рейхштадтскаго, за которое ему дорого бы заплатили графъ Зедельницкій и Галлони.

На слѣдующее утро начальникъ полиціи съ любопытствомъ распечаталъ письмо на имя графини Камерата, но, прочитавъ его, презрительно бросилъ. Вотъ что заключалось въ этомъ письмѣ:

«Графиня,

«Я только что получилъ письмо, которое не понятно и по содержанію и по тону. Я получилъ его окольнымъ путемъ и не намѣренъ болѣе получать такимъ образомъ какія бы то ни было письма. Такъ какъ оно написано дамой, то я изъ приличія отвѣчаю. Хотя высказанныя вами чувства меня трогаютъ, и я очень благодаренъ за нихъ, но прошу васъ не писать мнѣ.

«Герцогъ Рейхштадтскій».

Со своей стороны Полина получила отъ Франца и прочла съ глубокимъ чувствомъ давно желанное письмо:

«Княгиня!

«Вы не хотѣли, чтобы я далъ слово, прежде чѣмъ здраво обсужу свое положеніе. Ваше сердце такъ благородно, что оно боялось вашихъ собственныхъ увлеченій и нашло возможнымъ открыть мнѣ путь къ отступленію, если бы я, обдумавъ предстоящее мнѣ дѣло, счелъ его себѣ не по силамъ. Я на это согласился, считая, что я могу быть достойнымъ васъ, только поступая такъ же осторожно и спокойно, какъ вы.

«Я возстановилъ въ моей памяти всѣ событія моей жизни, извѣстныя вамъ, и тѣ, которыхъ вы не знаете. Я мысленно вызвалъ всѣхъ очевидцевъ моей юности и допросилъ ихъ. Наконецъ въ глубинѣ сердца я вызвалъ образъ своего отца, и онъ какъ бы явился передо мной, открывъ свои мертвые глаза. Всѣ мнѣ сказали, что надо ѣхать во Францію, и когда мой умъ вполнѣ подтвердилъ то, что мнѣ совѣтовало сердце, то я почувствовалъ себя

столько же счастливымъ, какъ въ ту благословенную минуту, когда вы вдохнули въ меня новую жизнь.

«Поэтому, княгиня, я теперь могу дать то обѣщаніе, которое вы нашли нужнымъ острочить: я отправляюсь во Францію.

«Я не могу выразить на бумагѣ тѣ чувства, которыя даже мои уста не способны вполнѣ высказать, а только прибавлю пять словъ, въ которыхъ отнынѣ выражается вся моя жизнь: я васъ люблю и надѣюсь.

«Наполеонъ».

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Бѣгство.

I.

Совѣщаніе.

Полина совершенно преобразилась въ то короткое время, которое прошло отъ ея посѣщенія миланскаго магазина «Золотыя ножницы» до полученія письма отъ узника Меттерниха. Прежде она подчинялась всѣмъ безчисленнымъ условіямъ свѣтской жизни, хотя чувствовала себя выше ея мелочныхъ интересовъ и жаждала чего-то новаго, необыкновеннаго, невозможнаго. Теперь неожиданно это новое, необыкновенное и невозможное представилось ей. Ея усталые, полузакрытые отъ скуки глаза вдругъ увидѣли предъ собою лучезарный образъ существа, вполнѣ достойнаго ея любви. Это былъ двадцатилѣтній юноша, прекрасный, благородный, несчастный.

При видѣ его въ ея сердцѣ проснулось все, что въ немъ было нѣжнаго, пламеннаго, преданнаго. Она теперь не думала ни о чемъ, кромѣ своей любви, и не видѣла предъ собою ничего, кромѣ дорогого человѣка, котораго она любила и который ее любилъ. Впрочемъ, она нисколько не измѣнилась въ своемъ внутреннемъ существѣ, а только сбросила съ себя тяготившую ее свѣтскую маску и стала настоящей Полиной.

Нѣсколько разъ перечитала она письмо любимаго человѣка и долго мечтала бы о немъ, объ ихъ счастьи, о первомъ ихъ свиданіи, о лучезарной будущности, открывавшейся передъ ними, но неожиданно въ головѣ ея блеснула мысль:

— Я люблю узника, и мнѣ надо отворить ему темницу.

Она подняла голову. Передъ ней стоялъ Францъ и ждалъ приказаній.

Мгновенно Полина почувствовала въ себѣ жажду дѣятельности и, взявъ за руку стараго служаку, какъ брата, просто сказала:

— Давайте работать для его освобожденія!

Она вынула изъ сохранившагося у нея пакета маршрутъ и списокъ тѣхъ лицъ, которыя могли оказать содѣйствіе бѣгству меттерниховскаго узника. Она показала Францу всѣ эти бумаги и прочла ихъ содержаніе.

— Возьмите ихъ, господинъ Францъ,—сказала она,—онѣ должны отнынѣ оставаться въ вашихъ рукахъ. Впрочемъ онѣ и адресованы вамъ.

И она показала ему инструкцію, данную Фабіо миланскимъ комитетомъ.

— Откуда они знаютъ мое имя,—воскликнулъ старый служака,—и что я нахожусь въ Шенбрунѣ?

— Вы никогда не были въ сношеніяхъ съ карбонаріями?

— Никогда! и, по правдѣ сказать, я до сихъ поръ считаю ихъ за подозрительныхъ революціонеровъ.

— Посмотрите списокъ лицъ, сочувствующихъ освобожденію герцога Рейхштадтскаго, и, можетъ быть, вы найдете какого нибудь пріятеля, который могъ сообщить свѣдѣнія о васъ миланскому комитету.

Францъ взялъ списокъ и, пробѣжавъ нѣсколько строчекъ, воскликнулъ:

— Теперь я понимаю. Тутъ говорится о Карлѣ Грепи, стекольщикѣ, живущемъ близъ Бельведера. Это хорошій человѣкъ и такой же старый солдатъ, какъ я, и одинаково любитъ императора. Онъ продѣлалъ русскую кампанію въ итальянскомъ контингентѣ седьмого корпуса подъ начальствомъ Жюно. Во время отступленія изъ Россіи мнѣ удалось какъ-то спасти ему жизнь. Какой-то казацкій офицеръ занесъ саблю надъ его головой. Но я успѣлъ раньше снести голову этому офицеру. Можете себѣ представить, что я объ этомъ совершенно забылъ, какъ вдругъ въ Вѣнѣ, два года тому назадъ, я встрѣтилъ какого-то господина, который бросился ко мнѣ на шею, потащилъ въ свой стекольный магазинъ и объявилъ женѣ и дочери, что я когда-то спасъ ему жизнь. Съ тѣхъ поръ мы иногда видались съ нимъ, и онъ приходилъ ко мнѣ въ Гицингъ по воскресеньямъ. Конечно, въ нашихъ разговорахъ съ Грепи, я часто упоминалъ о сынѣ императора и клялся, что ребенокъ вполнѣ достоинъ своего отца. Но признаюсь, я не думалъ, что такой благоразумный и осторожный человѣкъ, какъ Грепи, станетъ передавать мои слова, и кому же — карбонаріямъ. Одно только хорошо, что онъ ничего не солгалъ, и я дѣйствительно готовъ отдать жизнь за этого ребенка, какъ онъ увѣряетъ.

— Не сожалѣйте, что вы ему довѣрились, господинъ Францъ,— сказала Полина: — если бы вы не передавали ему всего, что вы знали о герцогѣ, то ваше имя не было бы извѣстно въ Миланѣ, и мы теперь не совѣщались бы съ вами о спасеніи того, кого вы такъ любите.

— Это правда. Онъ молодецъ и оказалъ намъ безсознательно большую услугу.

— Онъ можетъ быть намъ еще болѣе полезенъ. Какъ вы думаете, онъ достаточно богатъ, чтобы нанять для себя экипажъ, не возбудивъ подозрѣнія?

— Не знаю,—отвѣчалъ Францъ, покручивая усы, — но я это узнаю. Впрочемъ не безпокойтесь, мы вдвоемъ все устроимъ.

Тогда Полина объяснила ему свой планъ дѣйствій, который состоялъ въ наймѣ почтоваго экипажа и отправкѣ въ немъ герцога во Францію согласно составленному въ Миланѣ маршруту. Одно только ее удерживало отъ немедленнаго исполненія этого плана, именно неполученіе отъ графа Зедельницкаго приказа объ освобожденіи изъ-подъ ареста Фабіо, а Полина не хотѣла до отъѣзда бѣлошвеекъ ничего предпринимать, что могло бы возбудить гнѣвъ Меттерниха.

— Погодите, — сказала она, — я пошлю за этими дамами, можетъ быть, мы съ ними что нибудь и порѣшимъ.

Пока горничная ходила за бѣлошвейками, Полина разсказала Францу ихъ исторію и предупредила его, что онъ можетъ при нихъ свободно говорить обо всемъ.

Когда въ комнату явилась Шарлотта и ея тетка, то Полина представила имъ Франца Шулера и онѣ обѣ воскликнули съ восторгомъ.

— Это онъ?

Францъ покраснѣлъ и никакъ не могъ понять, почему онъ пользовался такой широкой популярностью.

— Господинъ Шулеръ,—сказала Шарлотта, подходя къ нему:— мой женихъ Фабіо Гандони долженъ былъ отправиться къ вамъ въ Шенбрунъ и предложить вамъ устроить вмѣстѣ съ нимъ бѣгство герцога Рейхштадтскаго. Фабіо арестовали, но его мѣсто заняла княгиня; вы можете себѣ представить, какія чувства мы питаемъ къ ней.

— Да, мы уважаемъ ее столько же, сколько любимъ,—прибавила тетка.

Полина хотѣла протестовать, но Шарлотта не дозволила ей сказать ни слова и быстро произнесла:

— Насъ одно только безпокоитъ, что княгиня изъ великодушія отсрочиваетъ освобожденіе герцога до нашего отъѣзда съ приказомъ о помилованіи Фабіо въ карманѣ. Не правда ли, княгиня?

— Да, мы такъ съ вами согласились.

— Я на это теперь не согласна,—произнесла Шарлотта рѣшительнымъ тономъ:—вы должны, княгиня, не думать о насъ и тотчасъ принять мѣры для освобожденія шенбрунскаго узника. Чѣмъ вы будете дѣйствовать быстрѣе, тѣмъ вы имѣете болѣе шансовъ на успѣхъ. Я увѣрена, что Фабіо будетъ болѣе радъ освобожденію герцога, чѣмъ своему помилованію.

— Я горжусь тѣмъ, что вы француженка,—сказалъ Францъ.

— Хорошо, я согласна, если вы всѣ этого желаете, — произнесла Полина:—но это не помѣшаетъ мнѣ сегодня же ускорить выдачу приказа о помилованіи Фабіо. Значитъ, Францъ,—прибавила она: — вы приготовите экипажъ и почтовыхъ лошадей завтра, вечеромъ, въ 10 часовъ, у дома Клари, въ Бельведерѣ.

II.

Коляска императора.

Старое вѣнское предмѣстье Леопольдштадтъ представляло въ 1820 г. совершенно иное зрѣлище, чѣмъ теперь. Отдѣленное отъ офиціальнаго города и людныхъ кварталовъ Дунайскимъ каналомъ, оно отличалось провинціальнымъ характеромъ, и было немыслимо, чтобъ какой нибудь знатный или богатый вѣнецъ имѣлъ поставщиковъ въ Леопольдштадтѣ.

Отправившись въ тотъ же день на поиски экипажа, Францъ вмѣстѣ съ Карломъ Грепи прошелъ всю главную улицу этого отдаленнаго квартала, и только въ концѣ ея остановились они передъ большимъ дворомъ, гдѣ, очевидно, отпускали лошадей и экипажи въ наемъ, но безъ административнаго патента. Домъ, сараи и вывѣска были самаго скромнаго характера, а среди суетившихся около экипажей людей не видно было офиціальныхъ почтарей съ бляхами.

— Хозяинъ заведенія — венгерецъ Мано, — сказалъ Грепи: — онъ ненавидитъ австрійское правительство и по-своему служитъ своимъ патріотическимъ стремленіямъ. Онъ отдаетъ въ наемъ хорошихъ лошадей и надежные экипажи своимъ соотечественникамъ, преимущественно мелкимъ торговцамъ и поселянамъ, гораздо дешевле, чѣмъ другимъ подданнымъ императора. Мы здѣсь найдемъ то, что намъ надо.

Они вошли въ большую комнату, гдѣ за столомъ сидѣло нѣсколько венгерскихъ рабочихъ, въ одинаковой одеждѣ, состоявшей изъ высокихъ сапогъ, широкихъ полотняныхъ панталонъ, короткой цвѣтной куртки и маленькой круглой фуражки. Передъ каждымъ подлѣ его стакана лежалъ длинный кнутъ съ короткой ручкой.

— Что вамъ нужно?—спросилъ хозяинъ Мано, сѣдой старикъ средняго роста.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ П. П. Суворова «Два сенатора» въ февральской книжкѣ «Ист. Вѣстн.» вкрались слѣдующія опечатки:

Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
страница 629, строка первая, Острожскаго уѣзда	Острогожскаго.
та же страница, снизу строка четвертая, 1869 года	1861 года.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пе-
сылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Но-
ваго Времени**" (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. От-
ленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Сара-**
при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**".

Программа „**Историческаго Вѣстника**": русскія и иностран-
(въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовы
этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очер-
разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи зам-
тельныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, об-
чаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностран-
исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты н-
вости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интере-

Къ „**Историческому Вѣстнику**" прилагаются **портреты** и **ри-
сунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться
адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевич
Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журна-
только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сум-
непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщені-
подробнаго адреса: имя, отечество, фамилія, губернія и уѣздъ, почто-
учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заяв-
леніе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ
противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается
безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго
Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пере-
сылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій**

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

